АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЛЕЩЕЕВЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 24 СЕНТЯБРЯ 1905 Г. СПБ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ CII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ОКТЯБРЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1905 г.

(См. слѣд. стран.).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ВТОРОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1905 года).

5) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1905 г., книга первая. Москва. 1905. м. к. — 6) П. Е. Щеголевъ. А. С. Грибоѣдовъ и декабристы (по архивнымъ матеріаламъ). Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. м. к. — 7) Царь Іоаннъ Грозный. Его царствованіе, его дѣянія, его жизнь, современники и дѣятели въ портретахъ, гравюрахъ, живописи, скульптурѣ, памятникахъ зодчества и пр. и пр. подъ редакціей Н. Головина и Л. М. Вольфа. Спб. 1905. А. Фаресова. — 8) Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1905. Ал. С. — 9) Н. В. Лысогорскій. Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель. Ростовъ на Дону. 1905. Н. Орфеева. — 10) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 35-й. Тифлисъ. 1905. А. Х—ва. — 11) Извѣстія Кавказскаго отдѣленія императорскаго Московскаго археологическаго общества. Вып. I. Тифлисъ. 1905. А. Х—ва. — 12) Лысковъ. А. П. Чеховъ въ пониманіи критики. Матеріалы для характеристики его творчества. Москва. 1905. А. Фомина. — 13) В. Чернышевъ. Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Спб. 1904. Z. — 14) Н. Бѣлозерскій. Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ. Спб. 1905. Б—а. — 15) Князь В. П. Максутовъ. Исторія древняго Востока культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Египетъ и Финикія. Томъ I. Спб. 1905. N. N. — 16) Ч. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Переводъ М. В. Лучицкой подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Изданіе 2-е. Спб. 1904. V. — 17) Г. Еллинекъ Декларація правъ человѣка и гражданина. Переводъ подъ редакціей А. Э. Ворйса. Изданіе «Библіотеки для самообразованія». М. 1905. V. — 18) М. Н. Сперанскій. Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. 1904. А. Я. — 19) Александръ Бенуа. Русская школа живописи. Выпуски VI—X. Изданіе товарищества Р. Голике и А. Вильборга. Спб. 1904—1905. А. И. Яцимирскаго. — 20) В. А. Никольскій. Русская живопись. Историко-критическіе очерки. Съ 4 геліогравюрами на отдѣльныхъ листахъ, 86 портретами художниковъ и 328 фототипогравюрами (?) съ картинъ, акварелей и рисунковъ. Изданіе Н. Д. Мертца. Спб. (годъ не означенъ). А. И. Яцимирскаго. — 21) Эркманъ-Шатріанъ. Исторія крестьянина. Сокр. Ю. Бѣлявская по переводу Марка-Вовчка. Изданіе «Донской Рѣчи». Ростовъ-на-Дону. 1905. А. Фаресова. — 22) Сборникъ молодыхъ писателей. Спб. 1905. А. Фомина. — 23) Н. К. Грунскій. Памятники и вопросы древне-славянской письменности. Томъ I. Юрьевъ. 1904. А. И. Яцимирскаго. — 24) Słowo o połku Igora. Przełożył Bohdan Łepki. Краковъ. 1905. А. И. Яцимирскаго. — 25) Иванъ Пальмовъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи. Чешскіе братья въ своихъ конфессіяхъ до начала сближенія ихъ съ протестантами въ концѣ первой четверти XVI столѣтія. Томъ I. Вып. I. Главнѣйшіе источники и важнѣйшія пособія. Вып. II. Приложенія. Прага. 1904. А. Я. — 26) Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ первый. Полтава. 1905. В. Руданова. — 27) Pohádkoslovné studie. Napsal Siri Polivka. Прага. 1904. А. И. Яцимирскаго. — 28) Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Священника Попова. Съ четырьмя рисунками. Спб. 1905. В. Строева — 29) Музей Подольскаго церковнаго историко-археологическаго общества. I. Опись старопечатныхъ книгъ. Составилъ протоіерей Е. Сѣцинскій. Каменецъ-Подольскъ. 1905. А. Лотоцкаго. — 30) Музыкально-этнографическіе очерки А. Маслова. Калики перехожіе на Руси и ихъ напѣвы. Историческая справка и мелодико-техническій анализъ. Спб. 1905. А. Х—ва. — 31) П. А. Несторовскій. Бессарабскіе русины. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1905. А. И. Яцимирскаго. — 32) Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905. Б. Глинскаго. — 33) E. Baumann. Im Gottesländchen. Aufzeichnungen eines wanderfrohen Studenten aus dem Jahre. 1893. (Съ картою пути). Ревель. 1904. А. Э. Мальмгрена. — 34) Владиславъ Максимовъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Спб. 1905. Гл. — 35) К. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимости. Сборникъ статей. Спб. 1905. Проф. М. Красножена. — 36) Щеголевъ, П. Е. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка. Спб. 1905. М. К. — 37) Къ реформѣ государственнаго строя Россіи. Выпускъ I. Системы избирательнаго права Западной Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Статьи изъ «Handbuch des öffentlichen Rechts» проф. Г. Марквардсена. Переводъ подъ редакціей и со вступительной статьей проф. М. Соболева. Спб. 1905, Б. Г. — 38) Путникъ (Н. Лендеръ). Константинополь, Аѳонъ, Македонія и уголки Россіи. Очерки и картины. Съ рисунками художника А. В. Ганзена. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. Н. Юрьина. — 39) Данте Алигіери. Божественная комедія. Перевелъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника Дмитрій Минъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. Г.

КРУЖКОВЦЫ [1].

V.

ПЛОТНЫЙ, коренастый, съ совершенно круглой, начинающей сѣдѣть, русой головой человѣкъ въ австрійской курткѣ, въ выростковыхъ, такъ называемыхъ болотныхъ сапогахъ, съ фуражкой въ рукѣ, стоялъ на крыльцѣ низенькаго, длиннаго, бревенчатаго одноэтажнаго дома и задумчиво смотрѣлъ впередъ. Некрасивое, нѣсколько топорное лицо его великорусскаго типа дышало энергіей и было не столько умно, сколько смышлено. Небольшіе, яркіе глаза лукаво и самодовольно щурились. Толстыя, нѣсколько оттопыренныя губы складывались въ коварную, не лишенную добродушія улыбку. Нижнее очертаніе лица его скрывала большая и густая борода лопатой, придававшая ему мужицкій видъ.

Было раннее утро, солнца еще не было видно. Горы въ дали всѣ были залиты розовымъ сіяньемъ, а за ними уже чувствовалось присутствіе благодатнаго свѣтила, которое вотъ-вотъ взлетитъ выше и все зальетъ яркимъ, теплымъ и нѣжащимъ свѣтомъ. Въ самой прохладѣ утра ощущалось что-то знойное, обѣщающее роскошный, пышный южный день.

Въ воздухѣ разлита была сладкая истома, и кругомъ стояла ненарушимая, таинственная тишина, которую не хотѣлось спугнуть.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CI, стр. 625.

Картошкинъ, поднимавшійся чѣмъ-свѣтъ, наслаждался и этой тишиной и красотой чуднаго лѣтняго дня. Въ нерѣшимости, весь во власти очарованія, онъ глядѣлъ на развертывающуюся передъ нимъ панораму, и мысли его уносились въ далекое прошлое, къ незабвенной порѣ юности, къ кипучимъ годамъ молодости.

Все это было давно, все это прошло, но почему-то ярко вставало въ воображеніи въ это чудное утро.

Не хотѣлось приниматься за дѣло. Хотѣлось отдаться воспоминаніямъ и мечтамъ.

Картошкинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова бывалый человѣкъ. Чего не видалъ онъ на своемъ вѣку, какихъ профессій не перепробовалъ? Служилъ и въ приказчикахъ по купцамъ, былъ и странствующимъ актеромъ. Немало толкался среди раскольниковъ и даже считался между ними начетчикомъ и однимъ изъ лучшихъ толкователей отъ божественнаго. Былъ и волостнымъ писаремъ, и крючникомъ на волжскихъ пристаняхъ, чуть было не женился въ захолустномъ городкѣ на богатой купеческой вдовѣ, толкался въ разныхъ кружкахъ, слылъ то за консерватора, то за радикала и наконецъ къ тому времени, какъ мы начали нашъ разсказъ, основался на Кавказѣ. Мѣщанинъ по рожденію, учившійся на мѣдныя деньги, онъ сознавалъ, что недостаточно развитъ, и жадно набрасывался на книги и на людей, казавшихся ему умными и образованными.

Съ Головкинымъ онъ столкнулся совершенно случайно. Въ ту пору Орловскій кружокъ находился въ полномъ расцвѣтѣ. Толстовскія идеи просачивались во всѣ слои общества и вездѣ находили болѣе или менѣе рьяныхъ адептовъ. Идеи «непротивленія злу и добраго труда» завоевывали себѣ всевозможныхъ послѣдователей. О нихъ горячо толковали студенты, курсистки; онѣ проникали на заводы, на фабрики, распространялись среди мастеровыхъ, но особенно поразили русскаго интеллигента, человѣка «не у дѣлъ» по преимуществу, носящаго въ груди вѣчно сосущаго его червя недовольства, жаждущаго подвиговъ, угнетаемаго сознаніемъ собственной безполезности и ничтожества окружающихъ. Такого рода интеллигенты ухватились за якобы новыя истины съ тою же стремительностью и надеждой на спасеніе, съ какою утопающій хватается за соломинку. Увы, для многихъ изъ нихъ онѣ и оказались только соломинкой.

Головкинъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до того бросившій военную службу и успѣвшій жениться, пріѣхавъ въ Москву по дѣламъ, уже достаточно наслышавшись о новыхъ вѣяніяхъ, попалъ въ кружокъ орловцевъ. Сближеніе съ молодежью, горячія рѣчи, шумныя сборища, сама личность Орлова-учителя и пророка, разсказы о князѣ Вяземскомъ, поселившемся въ глухомъ лѣсу, въ шалашѣ, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья, въ нѣсколькихъ верстахъ

отъ убогой деревушки, жившемъ подаяніемъ крестьянъ, видѣвшихъ въ немъ блаженненькаго, юродиваго и угоднаго Богу человѣка,—все это произвело на мягкаго, впечатлительнаго фантазера Головкина неотразимое впечатлѣніе. Самыя шероховатости, самые недостатки и пророковъ и учениковъ смягчались красотою ученія, готовностью жертвовать собою, горячимъ желаніемъ искать подвига. Немало повліяла и неудачная женитьба. Всегда одинокій, Головкинъ почувствовалъ себя, женившись, еще болѣе одинокимъ; жена оказалась обыкновенной, пустенькой барынькой, занятой выѣздами, нарядами и прочими пустяками. Къ Головкину она была равнодушна и, выходя за него замужъ, видѣла въ немъ только блестящую партію. Вокругъ нея говорили:

— Богатъ, молодъ и есть связи. Чего же еще?

Она повторяла про себя то же и очень обрадовалась, когда Головкинъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Онъ скоро разглядѣлъ ее и не скрывалъ своего равнодушія. Она относилась къ его идеямъ не только съ презрѣніемъ, а даже съ брезгливостью.

Головкинъ махнулъ рукой на семейную жизнь. Нѣкоторое время это его мучило, но въ Москвѣ онъ сталъ успокаиваться. Ему улыбнулась мысль примкнуть къ общему движенію, помочь созданію новой общины и, если возможно, стать во главѣ ея.

Вотъ тутъ-то и подвернулся Картошкинъ. Головкина онъ совершенно покорилъ своею твердостью, готовностью на какую угодно борьбу, и Головкинъ, не задумываясь, выдѣлилъ ему изъ своего огромнаго помѣстья на Кавказѣ кусокъ земли въ три десятины въ страшномъ захолустьѣ, въ такихъ дебряхъ, куда и добраться было трудно.

Это могло бы испугать кого угодно, только не Картошкина. Онъ уѣхалъ туда съ Юневичемъ и младшимъ Деревянниковымъ, Васей. Оба были подростки, но оба были преданы Картошкину, чуть не молились на Орлова, а главное начитались Густава Эмара и Фенимора Купера, котораго вообще въ кружкѣ читали съ увлеченіемъ, хотя и называли, остря на московскій ладъ, Филимономъ Кучеромъ, и жаждали уѣхать куда нибудь подальше въ Америку, въ Австралію, вообще на край свѣта. Въ воображеніи ихъ рисовались непроходимые, дѣвственные лѣса, страшныя пропасти, быстро текущія рѣки, уходящія въ облака горы. Сами себѣ они представлялись вооруженные топорами и тамагавками, съ мокассинами на ногахъ, со звѣриной шкурой на плечахъ вмѣсто одежды. Могъ ли ихъ испугать Кавказъ? Они были на все готовы, ихъ ылкое, молодое воображеніе всегда шло впереди дѣйствительности, они оказались драгоцѣнными помощниками.

Съ этими двумя мальчиками Картошкинъ сдѣлалъ въ какіе ибудь два года неузнаваемымъ свой участокъ. Былъ выкорчеванъ

дубнякъ, расчищено пастбище, сдѣлана изгородь, посажены шелковичныя деревья, разведенъ небольшой виноградникъ и поставлены двѣ колоды пчелъ.

Головкинъ, обрадованный тѣмъ, что человѣкъ, избранный имъ, оправдалъ такъ скоро его надежды, далъ Картошкину пятьсотъ рублей на устройство образцовой пасѣки и поручилъ ему управленіе частью своихъ земель, за что̀ назначилъ ему пятьдесятъ рублей жалованья. Главноуправляющій Головкина, Вульфъ, жившій въ Сочи, не одинъ разъ писалъ Головкину, что Картошкинъ— личность замѣчательная, и что онъ охотно взялъ бы его въ помощники. Головкинъ предложилъ это Картошкину. Картошкинъ отказался, при чемъ выразилъ желаніе пріобрѣсти данныя ему три десятины въ собственность, если можно въ разсрочку. Головкинъ подарилъ ему эти три десятины и продолжалъ выдавать ему по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ. Хозяйство Картошкина процвѣтало; пасѣка разрослась и начинала давать доходъ; завелся скотъ, явился инвентарь. Между тѣмъ Юневичу пришло время отбывать воинскую повинность, а Вася Деревянниковъ, и безъ того слабогрудый и болѣзненный, изнуренный непосильнымъ трудомъ, схватилъ малярію и былъ отправленъ на поправку въ Москву. Картошкинъ остался совершенно одинъ. Головкинъ продолжалъ лелѣять мысль создать общину вольныхъ землеробовъ. Успѣхъ Картошкина этому способствовалъ: если одинъ Картошкинъ создалъ такъ много, то какіе же результаты должны получиться отъ нѣсколькихъ Картошкиныхъ? Объ этомъ стоило подумать, и Головкинъ готовъ былъ содѣйствовать деньгами, земледѣльческими орудіями, личнымъ участіемъ, всѣмъ, чѣмъ могъ, благому дѣлу. Онъ поручилъ Картошкину самому выбрать подходящій кусокъ земли, гдѣ онъ найдетъ удобнымъ. На это Картошкинъ отвѣтилъ, что землю онъ уже выбралъ и теперь же предлагаетъ Головкину арендную плату, такъ какъ община должна основаться болѣе или менѣе прочно. За охотниками же, по его мнѣнію, дѣло не станетъ. Письма его произвели въ кружкѣ чрезвычайную сенсацію, и кружковцы кинулись къ «дѣдкѣ» за совѣтомъ.

Орловъ, который уже давно страдалъ отъ сознанія безплодности своего учительства, радъ былъ найти практическій выходъ и гналъ своихъ учениковъ на землю. Теперь его теорія получала какъ бы подкрѣпленіе на практикѣ. «Не противься злу и верши добрый трудъ», стало девизомъ кружковцевъ. Если бы большинство молодежи, окружавшей Орлова, обладало бо̀льшими средствами, многіе бросили бы все и уѣхали на Кавказъ. Но его окружали бѣдняки, а Картошкинъ, который управлялъ дѣйствіями Головкина, предчувствуя наплывъ людей, совершенно безполезныхъ дѣлу, категорически заявилъ, что первоначально община должна состоять только изъ немногихъ съ тѣмъ, чтобы эти немногіе могли внести

хотя бы небольшія деньги въ общее дѣло или представляли изъ себя хорошую рабочую силу. Несомнѣнно, что, если бы онъ самъ поѣхалъ въ Москву, онъ бы забраковалъ половину тѣхъ, что̀ подобрались теперь подъ руководствомъ Орлова и Юневича. Но бросить дѣло онъ не могъ и не хотѣлъ, а когда общинники явились, рѣшилъ мириться съ ними до поры, до времени. Головкинъ ему писалъ уже нѣсколько разъ, что все лѣто собирается провести среди землеробовъ, и Картошкинъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ его. Ему хотѣлось показать Головкину, что дѣло налажено, и общинники есть.

Про себя онъ не считалъ этихъ общинниковъ желательнымъ элементомъ, и теперь, оглядываясь кругомъ на разведенное имъ хозяйство, онъ говорилъ себѣ, что все, что онъ видитъ, создано его иниціативой, его энергіей и трудомъ, и община тутъ ни при чемъ. Въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома стояли хозяйственныя постройки; дальше изъ-за невысокой, повидимому, недавно еще поставленной, изъ бѣлаго некрашенаго дерева изгороди поднимались тонкія деревца, густые, точно шапки, кусты и пріютившіяся тамъ и сямъ, между ними пчелиныя колоды. Прямо подъ гору круто спускалась протоптанная тропинка.

На ней вдругъ показалась, точно выросла изъ земли, высокая, стройная женская фигура; въ правой рукѣ она несла ведро съ водой. Поднявшись въ гору, она поставила его на землю и остановилась.

— Марья Николаевна, ты?—крикнулъ Картошкинъ и улыбнулся.

Женщина медленно повернула голову и, какъ бы недовольная тѣмъ, что ее окликнули, холодно и отрывисто проговорила:

— Здравствуйте, Картошкинъ!

Тотъ сошелъ съ крыльца и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней.

— Какая суровость!—заискивающе заглядывая въ глаза Багрецовой, сказалъ Картошкинъ.

— Я васъ просила никогда не говорить мнѣ «ты».

— Вѣдь это противъ нашего устава,—возразилъ Картошкинъ,— и совсѣмъ не по-сестрински. Позвольте, я донесу вамъ ведро.

— Благодарю васъ. Я могу сдѣлать это и сама.

Но Картошкинъ уже ловко нагнулся, поднялъ ведро и направился съ нимъ къ сараю.

— Сколько разъ говорилъ я вамъ, что воду слѣдуетъ носить на коромыслѣ,—наставительно произнесъ Картошкинъ.

— Не умѣю, — коротко возразила Багрецова.

— Надо привыкнуть. И трудъ вдвое сокращается и ловчѣе.

Они подошли къ службамъ. Тамъ нѣсколько человѣкъ мужчинъ въ бѣлыхъ рубахахъ и посконныхъ штанахъ въ сапоги выводили лошадей и запрягали пару строптивыхъ воловъ въ новенькій, только что недавно полученный плугъ.

Двѣ коровы жалобно мычали въ коровникѣ, ожидая, чтобы ихъ напоили.

Картошкинъ съ улыбкой наблюдалъ, какъ Багрецова неумѣло возилась около скотины. Изъ женщинъ еще никто не вставалъ. За коровами смотрѣла Деревянникова, но сегодня и она проспала, и Багрецова, сжалившись надъ бѣдной скотиной, рѣшилась сама напоить и накормить ее.

— Эхъ, вы!—произнесъ Картошкинъ съ привычной ему лукавой усмѣшкой. — Сейчасъ видно бѣлоручку. Право, Марья Николаевна, мнѣ и глядѣть-то на васъ жаль. Такая вы умница и красавица! Охота вамъ тутъ со всѣмъ этимъ дурачьемъ въ грязи валандаться.

Онъ пренебрежительно кивнулъ головой по направленію къ возившейся около плуга группы. Тамъ дѣло тоже не очень ладилось. Волы не слушались и мотали головами, люди суетились и кричали, двѣ лошади оторвались отъ коновязи и убѣжали.

Багрецова напоила скотину, выгнала коровъ на лужокъ, засѣянный люцерной, позади сарая, и пошла къ дому. Картошкинъ постоялъ нѣсколько времени и, не спѣша, отправился за ней.

Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала новая партія землеробовъ, Картошкинъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Сначала, какъ всякій человѣкъ, долго жившій въ глуши, онъ накинулся на гостей съ той жадностью, съ какой голодный накидывается на ѣду, но вскорѣ они стали ему надоѣдать. Они внесли съ собой въ его трудовую и строго размѣренную жизнь тотъ безпорядокъ, ту ненужную суету, тотъ шумъ и сутолоку, которые такъ противны дѣятельнымъ и любящимъ свое дѣло людямъ, и такъ неизбѣжны, когда это дѣло попадаетъ въ руки людей неопытныхъ, неумѣлыхъ и не знающихъ, какъ за него приняться. Домъ свой онъ изъ любезности уступилъ имъ и спалъ въ свѣтлушкѣ на кучѣ соломы. Первое время ему это даже нравилось, онъ называлъ это «жить на бивакахъ» и просилъ общинниковъ не стѣсняться, но, когда они дѣйствительно перестали стѣсняться, Картошкина это начало возмущать.

Пока у него гостили только первые четыре піонера, онъ еще надѣялся на то, что съ общиной можно будетъ, какъ онъ выражался про себя, сварить кашу.

Дѣйствительно первые четверо могли быть прекрасными работниками. Юневичъ былъ беззавѣтно преданъ идеѣ и, будучи убѣжденъ, что въ каждомъ дѣлѣ дорого не только умѣть приказывать, но и умѣть слушаться, безпрекословно исполнялъ всякую работу, предложенную ему Картошкинымъ. Флегонтъ Деревянниковъ оказался человѣкомъ въ высшей степени полезнымъ; хорошій слесарь и опытный монтеръ, онъ живо привелъ весь хозяйственный инвентарь въ блестящій порядокъ. Разживинъ отдыхалъ ду-

шою въ новой обстановкѣ, съ радостью сбросилъ сюртукъ и замѣнилъ его простой рубахой и съ усердіемъ занялся корчеваньемъ на выбранномъ Картошкинымъ участкѣ, который управляющимъ Головкина былъ предоставленъ въ пользованіе общинниковъ. Шалашиковъ былъ лѣнивъ, ко всей этой затѣѣ относился скептически и, хотя и изображалъ изъ себя преданнаго дѣлу идеалиста, на самомъ дѣлѣ былъ себѣ на умѣ и примазался къ общинѣ съ цѣлью извлечь кое-какія выгоды для себя и попробовать, не удастся ли и ему устроиться самостоятельно, какъ Картошкинъ. Но и Шалашиковъ былъ ко двору. Картошкинъ прекрасно понималъ его и видѣлъ его насквозь, но симпатизировалъ ему, какъ человѣку, который ему былъ совершенно понятенъ. Онъ и самъ видѣлъ въ общинѣ только затѣю, порожденную съ одной стороны капризомъ богатаго барина, не знающаго, къ чему приложить руки, съ другой--стремленіемъ кучки такъ называемыхъ интеллигентовъ создать для себя нѣкоторое подобіе дѣла и вмѣстѣ избавиться хоть отчасти отъ гнета нужды и зависимости, неизбѣжныхъ въ жизни болѣе и менѣе развитого пролетарія. Для себя же Картошкинъ раньше видѣлъ въ общинѣ выгодное предпріятіе. Ему улыбалась возможность пользоваться трудомъ развитыхъ людей почти безплатно и избѣгнуть возни съ простонародьемъ, котораго въ этихъ краяхъ было и мало. Притомъ Картошкинъ, играя роль инціатора дѣла, перваго піонера и главнаго винта въ машинѣ, разсчитывалъ, понемногу пріобрѣтая все большее и большее довѣріе Головкина, превратиться изъ мелкаго собственника, которымъ онъ теперь былъ, въ крупнаго землевладѣльца. Прошло недѣли двѣ послѣ прибытія первыхъ кружковцевъ, и явилась партія новыхъ общинниковъ. Пріѣхали: Опулентовъ, сестра Деревянникова—Митродора, Багрецова съ дѣтьми, двѣ сестры Тулумбасовы и два молодыхъ человѣка изъ неудачниковъ, лѣтъ восемнадцати-двадцати, побывавшихъ и въ гимназіи, и въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ, и въ Рязанскихъ мастерскихъ. Тощіе, худые, испитые, отчаянные курильщики, «не дураки выпить», какъ они сами аттестовали себя, они щеголяли единственно умѣньемъ хлестко ругаться, въ чемъ, кажется, видѣли особую заслугу. Оба были совершенно безличны и безцвѣтны; одного звали Ивановымъ, другого Петровымъ, и ихъ постоянно смѣшивали. Очевидно было, что они поѣхали отъ нечего дѣлать, захватили же ихъ потому, что ко времени отъѣзда у нихъ завелись кое-какія деньжонки.

Картошкинъ сразу возненавидѣлъ ихъ.

— За коимъ чортомъ зазвали вы сюда эту падаль?—укорялъ онъ Юневича.—Вѣдь это червяки какіе-то, а не люди! И курятъ такъ, что, того гляди, спалятъ мнѣ домъ.

Юневичъ оправдывался, говорилъ, что даже не зналъ ихъ, видѣлъ ихъ только изрѣдка на сходкахъ, какъ видѣлъ десятки другихъ.

Дѣтей Багрецовой Картошкинъ встрѣтилъ тоже недружелюбно. Но дѣти были такія хорошенькія и милыя, что скоро завоевали его симпатію, да и сама Багрецова слишкомъ импонировала своей красотой и поразила Картошкина своимъ твердымъ и яснымъ умомъ. Ему даже показалось, что изъ всѣхъ землеробовъ, можетъ быть, только она одна имѣетъ передъ собою намѣченную цѣль. Всѣ же остальные сами не знаютъ, чего хотятъ и къ чему стремятся.

Опулентова онъ давно зналъ еще въ Москвѣ и ненавидѣлъ его всѣми силами души, называя про себя пройдохой и бездѣльникомъ, въ либеральные его взгляды совсѣмъ не вѣрилъ и твердо былъ убѣжденъ, что Опулентова всегда можно купить, а, какъ сплетника и переносчика, слѣдуетъ бояться, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ тонкій и смышленый. Младшая Тулумбасова ему очень приглянулась, хотя онъ и рѣшилъ, что она—тарлатановая барышня, глупа, какъ птица, и можетъ только щебетать, а дѣла съ нея не спрашивай. Старшую же, фельдшерицу и акушерку, онъ разсудилъ поэксплуатировать и сразу поставилъ ее такъ, что у нея оказалось множество хлопотъ и заботъ. За кухней и столомъ она должна была наблюдать, за стиркой бѣлья, порядкомъ и чистотой въ хозяйствѣ тоже.

— Это все гигіена, это все до васъ касается,—говорилъ онъ ей.

Какъ ни странно, но некрасивая, глупая и грубоватая Митродора произвела на него самое лучшее впечатлѣніе, и когда Шалашиковъ спросилъ у него, кто изъ новыхъ землеробокъ ему особенно нравится, онъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

— А вотъ эта тупорылая.

Даже Шалашиковъ удивился.

— Да вѣдь это чудо морское!—воскликнулъ онъ:—мы ее всѣ такъ и зовемъ.

— Это и хорошо!—сказалъ Картошкинъ.—А вы думаете, что намъ нужны здѣсь барыни съ бѣлыми ручками и греческимъ профилемъ? Благодарю васъ покорно. Намъ вотъ посконныя рубахи стирать нужно, коровъ доить некому. Ваша Митродора просто золото.

И дѣйствительно какъ-то само собою вышло, что на Митродору взвалили всю черную работу. Она исполняла ее усердно и охотно.

Тѣмъ не менѣе, хотя роли и были въ хозяйствѣ распредѣлены, и, казалось, у каждаго есть свое дѣло, въ общемъ все шло нестройно и кое-какъ. Ничто не дѣлалось вò-время. Вставали, когда хотѣли, обѣдъ поспѣвалъ или слишкомъ рано, или его совсѣмъ не было, или приходилось ждать его безконечно долго. Никто не умѣлъ хорошо дѣлать то, за что брался. Всѣ только учились, но и учились плохо, потому что учить было некому. Картошкинымъ начинало все сильнѣе овладѣвать раздраженіе, и если онъ не выка-

зывалъ его открыто, то только потому, что ожидалъ пріѣзда Головкина, и ему хотѣлось хоть какъ нибудь наладить общину, чтобы не ударить передъ нимъ лицомъ въ грязь.

Шалашиковъ съ пріѣздомъ остальныхъ кружковцевъ совсѣмъ отбился отъ рукъ. Онъ цѣлые дни буквально ничего не дѣлалъ, а только похаживалъ да посмѣивался, подражая Картошкину и разыгрывая, какъ и онъ, хозяина.

Въ это утро Картошкинъ былъ настроенъ особенно враждебно къ общинникамъ и съ величайшимъ презрѣніемъ глядѣлъ на то, какъ у нихъ все не спорилось и не ладилось. Время было самое горячее, пора было уже пахать, а на участкѣ работалъ только одинъ Разживинъ. Ивановъ и Петровъ попробовали было помогать ему, но оказались такъ малосильны, что нечего было съ нихъ и спрашивать. Опулентовъ всюду совался, но ограничивался только указаніями да совѣтами. Женщины не умѣли хозяйничать и падали подъ бременемъ непривычныхъ заботъ.

Вслѣдъ за Багрецовой и Картошкинымъ общинники стали собираться къ утреннему чаю. Изъ маленькихъ темныхъ сѣнецъ дверь вела въ большую, просторную комнату въ три окна.

Эта комната, которую Картошкинъ называлъ своей мастерской, теперь обращена была въ столовую; посрединѣ стоялъ большой бѣлый столъ съ двумя лавками по сторонамъ. На немъ уже кипѣлъ самоваръ, поставленный Митродорой, стояла кринка съ молокомъ, и на деревянной доскѣ нарѣзанъ былъ толстыми ломтями сѣрый хлѣбъ изъ кукурузы. Скатерти на столѣ не было. Разнокалиберныя кружки и стаканы въ безпорядкѣ разставлены были тамъ и сямъ. Картошкинъ припоминалъ первыхъ землеробовъ, съ которыми началъ работать, и ему казалось, что у нихъ все шло разумнѣе и талантливѣе. Тѣ работали, и дѣло у нихъ кипѣло. У этихъ же все не клеилось, зато споровъ и разговоровъ было слишкомъ много.

И теперь, въ столовой, гдѣ собрались вольные землеробы, было по обыкновенію шумно: каждый обѣдъ, каждый чай влекъ за собой горячіе дебаты. Общинники похожи были на рой потревоженныхъ пчелъ. Всѣ они чувствовали нѣкоторую неудовлетворенность, всѣ враждебно относились къ Картошкину, инстинктивно чуя въ немъ эксплуататора.

Багрецова, которая играла роль хозяйки, наливала чай. Опулентовъ, не любившій сложныхъ и трудныхъ дѣлъ, считалъ своей обязанностью одѣлять всѣхъ хлѣбомъ и, посмѣиваясь, называлъ ..бя хлѣбодаромъ. Шалашиковъ и Деревянниковъ, заспорившіе ..це утромъ, продолжали свой споръ и теперь.

Но особенно шумѣли и кричали двѣ Тулумбасовы и Митродора. ..ѣ давно уже точили другъ на друга зубы. Тихая и по натурѣ ..ень покорная Митродора начинала возмущаться и, насколько она

была безмолвна первое время, настолько она теперь не желала оставаться въ долгу.

Старшая Тулумбасова въ качествѣ экономки и кастелянши становилась все строже и строже по отношенію къ Митродорѣ. Та не поддавалась и сегодня на приказаніе послѣдней вымыть въ столовой полъ неожиданно возразила:

— Что вы мною помыкаете? Хочется вамъ полъ мыть, такъ и вымойте сами, а то прикажите своей сестрѣ, она-то цѣлый день бьетъ баклуши.

Тулумбасова старшая была удивлена, но не разсердилась на это замѣчаніе. Въ глубинѣ души она сознавала, что оно справедливо, притомъ же ей очень хотѣлось упорядочить общину, поэтому она кротко сказала сестрѣ:

— Вѣрочка, у Митродоры Александровны, ты знаешь, дѣла очень много. Мнѣ кажется, сегодня ты могла бы вымыть полъ въ столовой.

— Я?—съ величайшимъ удивленіемъ спросила Вѣра.—Это съ какой стати?

— Просто потому, что полъ долженъ быть чистъ.

— Такъ и мой сама, если по-твоему онъ долженъ быть чистъ.

— Я бы и вымыла, но кто же будетъ катать, гладить и чинить бѣлье?

— Если тебѣ нравится возиться съ бѣльемъ, это твое дѣло.

— Хорошо. Тогда помоги мнѣ убрать бѣлье, а я вымою полъ.

— Я тебѣ помогала прошлый разъ и не угодила. Да наконецъ я, право, не понимаю, почему я должна пришивать пуговицы къ рубашкамъ Шалашикова: онъ мнѣ ни братъ, ни сватъ.

— Во-первыхъ, онъ тебѣ братъ,—строго сказала старшая,—мы всѣ составляемъ изъ себя братство, здѣсь всѣ братья и сестры.

— А я со своей стороны,—вмѣшался Шалашиковъ,—желалъ бы спросить Вѣру Петровну, что̀ она скажетъ, когда на столъ подадутъ кашу изъ кукурузы, посѣянной мной и на землѣ, вспаханной мною же. Будетъ ли она ее ѣсть, или нѣтъ?

— Я каши изъ кукурузы не ѣмъ,—отрѣзала Вѣра.

— Ну, это все равно! Вотъ хлѣбъ ѣдите же.

— Кажется, этотъ хлѣбъ не вы сѣяли.

— Сейчасъ не я, но на будущій годъ придется ѣсть и тотъ, который я посѣялъ.

— Ну, братъ, врядъ ли ты много насѣешь, или напашешь,—вмѣшался Деревянниковъ.

— Почему же это?—обидѣлся Шалашиковъ.

— Да потому, что не научился еще землю робить. Вотъ Алексѣй Ивановичъ работаетъ, нечего сказать. Кто вамъ помогалъ сегодня, Алексѣй Ивановичъ?

— Всѣ помогали, — отозвался Разживинъ: — только дѣло туго идетъ, безпрестанно отрываются: то позовутъ за чѣмъ нибудь, то самъ уйдетъ. Юневичъ больше всѣхъ помогаетъ.

— А лежебоковъ нашихъ что не видать?—сказалъ Опулентовъ.

Лежебоками прозвали въ общинѣ Иванова съ Петровымъ.

— Лежебокомъ можно было бы и еще кое-кого назвать,—сказалъ Деревянниковъ.

— Это, позвольте узнать, кого же? — накинулся на него Опулентовъ:—можетъ быть, вы хотите на меня намекнуть?

— А хоть бы и на тебя,—отвѣтилъ Деревянниковъ.

— Такъ я по-вашему лежебокъ?—возмутился Опулентовъ.

— Ну, а какое же такое дѣло ты дѣлаешь?—продолжалъ Деревянниковъ: — правду сказать, вся и община-то держится только на мнѣ да на Разживинѣ.

— Ишь, какъ ты заговорилъ! — съ негодованіемъ воскликнула вдругъ Митродора.—А по-твоему мы ничего не дѣлаемъ?

— Я про бабъ не говорю,—отвѣтилъ Деревянниковъ.—Я знаю, что вамъ по хозяйству дѣла пропасть.

— Такъ вы дайте каждому соотвѣтствующее дѣло, — сказалъ Опулентовъ,—тогда и толкуйте.

— Соотвѣтствующее,—передразнилъ Деревянниковъ.—Какое у тебя можетъ быть соотвѣтствующее дѣло? Кляузы строчить, это ты умѣешь, водку пить тоже умѣешь.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—сказалъ Опулентовъ.—Что же это за братство, и что за община, если безнаказанно можно оскорблять другъ друга?

— Зачѣмъ безнаказанно, ты возьми да и накажи,—усмѣхнулся Шалашиковъ.

— Тише, господа. Нельзя ли поменьше споровъ, — вступилась Багрецова.—Право, грустно смотрѣть на нашу неурядицу. Вмѣсто того, чтобы обсудить самые насущные вопросы, мы препираемся изъ-за пустяковъ. Посмотрите, какая неурядица у насъ въ хозяйствѣ. Надо было бы позаботиться о запасахъ. Вотъ вы, Опулентовъ, могли бы съѣздить въ городъ и купить, что нужно. У насъ нѣтъ ни соли, ни сахару, ни масла, мясо все вышло.

— Можно было бы застрѣлить кабана,—сказалъ Шалашиковъ.

— Такъ что жъ вы не пойдете и не застрѣлите?

— Да я бы пошелъ. Не одному же итти! Пусть еще кто нибудь соберется...

— Пожалуй, и я пойду, — сказалъ Деревянниковъ. — Алексѣй зановичъ, пойдемте и вы.

— Хорошо. Только я—стрѣлокъ плохой.

— Вотъ и прекрасно,—сказала Багрецова,—значитъ, кабанъ у съ будетъ.

— Кабанъ будетъ, — сказала Тулумбасова старшая, — а полы къ и останутся немытыми.

— Господа, я знаю, кто можетъ вымыть полы,—объявила Вѣра Тулумбасова.—Заставьте Иванова и Петрова,—все равно бездѣльничаютъ. Да вотъ и они легки на поминѣ. Вы, Петровъ, и вы, Ивановъ, тотчасъ послѣ нашего чаепитія принимайтесь здѣсь мыть полъ.

— Это съ какой стати?—сказалъ Ивановъ.

— Вотъ еще нашли дѣло!—отозвался Петровъ.

— Безъ разговоровъ!—крикнула Тулумбасова.—Полъ грязенъ, и его слѣдуетъ вымыть, оба вы свободны.

— Это бабье дѣло, а не мужское,—сказалъ Петровъ.

— Извините, — возразила Тулумбасова, — въ общинѣ нѣтъ ни бабьяго, ни мужского дѣла, всякій дѣлаетъ то, что ему по силамъ. Вы отказались корчевать пни и не идете пахать, потому что боитесь воловъ. Вотъ вамъ мирное и легкое занятіе.

— Какое это занятіе?—сказалъ, входя, Картошкинъ.

— Да вотъ Вѣра Петровна предлагаетъ Иванову и Петрову вымыть полъ,—отвѣтилъ Шалашиковъ.

— Ну, такъ что жъ такое? И вымойте, господа!—рѣшилъ Картошкинъ.

— А ты что же будешь дѣлать, Вѣрочка?—сказала Тулумбасова старшая. — Ты такъ ловко уклонилась отъ мытья половъ, — надо думать, что у тебя на примѣтѣ есть другое какое либо занятіе.

— Разумѣется, — сказала та,—пока они будутъ мыть полъ, я согласна имъ читать «Обрывъ» Гончарова для ихъ развитія.

Въ качествѣ самой младшей въ общинѣ Вѣра Тулумбасова усвоила себѣ тонъ балованнаго ребенка, и всѣ, кромѣ сестры, поощряли ее въ этомъ, особенно Картошкинъ.

— Это отлично! — сказалъ онъ, — и выборъ прекрасный. Въ «Обрывѣ» есть нѣкто Маркъ Волоховъ, на котораго оба, и Ивановъ и Петровъ, нѣсколько похожи. Маркъ Волоховъ таскалъ чужіе яблоки, а Ивановъ и Петровъ таскаютъ медъ.

Всѣ расхохотались, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Ивановъ съ Петровымъ забрались на пасѣку и хотѣли утащить меду, но, когда на нихъ налетѣли пчелы, испугались и со страшнымъ крикомъ пустились бѣжать.

— Однако шутки въ сторону, господа! Здѣсь говорятъ о чтеніи «Обрыва», а я собираюсь вамъ тоже предложить ежедневныя чтенія. Въ нашей общинѣ нѣтъ никакого порядка, а порядокъ необходимъ. Какъ вамъ извѣстно, на-дняхъ пріѣзжаетъ Головкинъ; надо показать ему общину съ хорошей стороны. Согласитесь, все благосостояніе общины зиждется на этомъ человѣкѣ. Онъ вамъ даетъ землю за безцѣнокъ, а можетъ и совсѣмъ подаритъ.

— Землю, — сказалъ Деревянниковъ, — мы могли бы снять у кого угодно по дешевой цѣнѣ.

— Положимъ, однако, не сняли. Вы забываете также, что вамъ понадобятся земледѣльческія орудія. Головкинъ вамъ ихъ дастъ,

Вы должны будете купить молодыхъ деревьевъ для посадки,—на это вамъ отпустятъ средства. Да мало ли въ чемъ вы будете нуждаться? Такъ вотъ я вамъ и предлагаю показать товаръ лицомъ. Головкинъ—идеалистъ и мечтатель, большинство изъ васъ, я думаю, тоже идеалисты и мечтатели, но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и люди практическіе, къ какимъ я причисляю себя, не приложили всѣхъ усилій къ тому, чтобы наше дѣло не погибло и оправдалось на практикѣ. Каждая община, если она хочетъ быть самостоятельной, должна быть оригинальной, имѣть свой уставъ.

— Совершенно вѣрно!—поддержалъ Опулентовъ.

— Я вотъ читалъ,—сказалъ Картошкинъ,—объ американскихъ общинахъ; тамъ въ каждой общинѣ своя система, все строго и методически размѣрено, какъ въ школѣ.

— Школа-то намъ и претитъ,—сказалъ Деревянниковъ.

— Это—одинъ изъ недостатковъ русскаго человѣка,—вмѣшалась Багрецова:—русскіе люди любятъ все дѣлать въ разбродъ и коекакъ и ненавидятъ систему.

— Я вотъ тутъ выработалъ маленькій планчикъ, — сказалъ Картошкинъ и досталъ изъ кармана сложенную четвертушку бумаги.

— Ахъ, это интересно!—отозвалась Тулумбасова старшая.

— Я начинаю съ самаго начала,—сказалъ Картошкинъ.—Во-первыхъ, какъ окрестимъ мы общину?

— Колонія интеллигентныхъ рабочихъ,—сказалъ Опулентовъ.

— Колонія землепашцевъ-интеллигентовъ, — сказалъ Деревянниковъ.

— А вы Марья Николаевна?—спросилъ Картошкинъ.

— Право, не знаю: вѣдь дѣло не въ названіи.

— Господа, кто можетъ предложить еще что нибудь?

— Вѣдь мы не противимся злу,—сказалъ Шалашиковъ,—такъ можно назвать «Община землеробовъ-непротивленниковъ».

— Это для людей непосвященныхъ совершенно непонятно,—сказала Багрецова.

— Такъ имъ можно объяснить,—сказалъ Шалашиковъ.

— Помилуйте, да кто же будетъ объяснять?—горячо возразилъ Опулентовъ:—названіе должно говорить само за себя.

— Когда я еще только собирался сѣсть на землю, — сказалъ Картошкинъ, — я думалъ назвать общину «Общиною вольныхъ землеробовъ»,—не оставить ли такъ?

— Ладно, живетъ!—сказалъ Деревянниковъ.

— Итакъ, я записываю, господа: «Община вольныхъ землеробовъ». Всѣ согласны?

— Всѣ, всѣ!

— Ну-съ,—продолжалъ Картошкинъ,—теперь уставъ общины. Во-первыхъ, кто принимается въ общину?

— Я думаю, всѣ желающіе,—сказала Вѣра Тулумбасова.

— Спасибо! — тотчасъ же возразили ей. — Мало ли кто пожелаетъ вступить въ общину?

— Всѣ сочувствующіе ея направленію,—поправилъ Шалашиковъ.

— Эхъ, вы!—оборвалъ его Опулентовъ:—это само собою разумѣется. Кто же, не сочувствуя, будетъ вступать въ члены общины?

— Да вы лучше прямо читайте свой уставъ,—сказала Багрецова.

— И въ самомъ дѣлѣ,—поддержалъ Опулентовъ:—вѣдь у васъ уже все написано тамъ на листочкѣ.

— Въ такомъ случаѣ я буду прямо читать,—сказалъ Картошкинъ.

«Въ «Общину вольныхъ землеробовъ» принимаются люди обоего пола не моложе шестнадцати и не старше сорока лѣтъ, крѣпкіе, здоровые, сильные и работоспособные, безъ различія вѣры и національности».

— Браво, браво, браво!—единодушно одобрили всѣ первый параграфъ.

«Община имѣетъ цѣлью дать возможность интеллигентному труженику имѣть свой кусокъ, разумный трудъ и возможность устроить свою жизнь внѣ зависимости отъ капитала и нанимателя».

— И это хорошо!—сказали общинники.

«Въ «Общинѣ» все должно быть общее, ни денегъ, ни собственности общинникъ не можетъ имѣть отдѣльно отъ остальныхъ членовъ».

— Это какъ же такъ?—послышались возраженія.

— Я долго думалъ надъ этимъ вопросомъ, — сказалъ Картошкинъ,—и пришелъ къ убѣжденію, что иначе невозможно. Согласитесь сами, большинство изъ входящихъ въ общину ничего не имѣетъ, или имѣетъ очень мало. Если каждый вздумаетъ дѣйствовать особнякомъ, община неминуемо распадется, не говоря уже о томъ, что матеріальные интересы здѣсь главное связующее начало.

— А я съ этимъ несогласенъ,—сказалъ Опулентовъ:—связующимъ началомъ въ братствѣ должна быть идея.

— Совершенно вѣрно,—согласился Картошкинъ, — но на одной идеѣ, господа, далеко не уѣдешь. Представьте себѣ: къ намъ поступаетъ новый членъ, вноситъ деньги, или даже, положимъ, только трудится на общую пользу въ продолженіе нѣкотораго времени. Затѣмъ все это ему надоѣло, онъ желаетъ уйти изъ общины и требуетъ назадъ свои деньги или возмѣщеніе за понесенный трудъ.

— Ну, это ужъ дудки! — сказалъ Шалашиковъ. — Понятно, нельзя позволять подобныя вещи.

— Я это имѣлъ въ виду, когда вносилъ этотъ параграфъ,— сказалъ Картошкинъ.

— Позвольте,—перебилъ его Шалашиковъ.—А какъ же вы сами-то? Или вы тоже согласны вступить въ общину на тѣхъ же основаніяхъ, т.-е. предоставите въ общее владѣніе вашъ участокъ земли, пасѣку, орудія, которыя у васъ имѣются, и вашъ трудъ?

— Это было бы несправедливо,—возразилъ Картошкинъ,—все, что вы видите здѣсь, достигнуто исключительно моимъ трудомъ, почти безъ помощниковъ.

— Какъ это безъ помощниковъ?—возразилъ Опулентовъ.—Вы тоже начинали съ общиной.

— Какая же это община, господа? Дѣйствительно я всегда стоялъ за общину и звалъ на землю, но община только теперь начинаетъ налаживаться, да и неизвѣстно, наладится ли еще она.

— Тогда я васъ не понимаю, — сказалъ Шалашиковъ,—сами же вы говорите, что у общинниковъ должно быть все общее, а теперь выходитъ, что вы можете имѣть отдѣльную собственность. Ну, а если бы я себѣ купилъ землю, то эта земля будетъ принадлежать мнѣ или общинѣ?

— Я вижу, что я неясно выразился,—сказалъ Картошкинъ.—Земля, купленная вами и для себя, разумѣется, ваша земля, потому что землю для общины можетъ покупать только община. Но, если, предположимъ, вступая въ общину, вы внесли сто рублей и потомъ проработали на эту общину пять лѣтъ, то, уходя изъ общины, вы не имѣете права требовать ни этихъ ста рублей, ни вознагражденія за свой трудъ. Согласны?

— Конечно, согласны!—отозвались женскіе голоса.

— Согласны-то согласны,—сказалъ Деревянниковъ,—только...

— А я совсѣмъ несогласенъ!—перебилъ его Шалашиковъ.—Чѣмъ же я буду вознагражденъ при такихъ условіяхъ?

— Какъ чѣмъ?—сказалъ Картошкинъ.—Да вѣдь во все время вашего пребыванія въ общинѣ вы—полноправный членъ ея, вы получаете отъ общины все, вы не нуждаетесь ни въ чемъ.

— А буду ли я получать сколько нибудь деньгами?—сказалъ Шалашиковъ.

— Я предвидѣлъ и это,—отвѣтилъ Картошкинъ.—Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ въ общинѣ не можетъ быть никакихъ остатковъ. Но впослѣдствіи, когда дѣло общины пойдетъ лучше, можно будетъ учредить дѣлежку нѣкоторыхъ суммъ между членами, нѣчто въ родѣ монастырской кружки, хотя въ самомъ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ предполагается, что всѣ доходы должны итти на благоустроеніе общины. По мѣрѣ развитія ея, нужны будутъ больница, библіотека, надо будетъ позаботиться о просѣкахъ и дорогахъ, да мало ли какая явится нужда?

— Другими словами, — сказалъ Опулентовъ, — каждый членъ общины ежемѣсячно будетъ получать карманныя деньги. Интересно знать, въ какомъ размѣрѣ.

— Назовите, какъ хотите,—согласился Картошкинъ.—Мнѣ думается, въ размѣрѣ не болѣе трехъ-пяти рублей. Въ этой глуши, при полномъ обезпеченіи и желательной умѣренности въ потребностяхъ среди общинниковъ, это—деньги очень большія. Не надо забывать, что наша община устраивается на особыхъ этическихъ началахъ.

— Да, да, да, да! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Читайте дальше.

«Всѣ поступающіе въ общину, какъ мужчины, такъ и женщины, должны быть трезвенниками и не только не пить сами вина, но вліять въ томъ же направленіи и на всѣхъ окружающихъ».

— Вотъ это неудобно,—сказалъ Опулентовъ. — Кто привыкъ пить, не отвыкнетъ сразу ни за что, если же въ общину не принимать тѣхъ людей, которые пьютъ, несмотря на ихъ искреннее желаніе исправиться и отвыкнуть отъ пьянства, это значило бы дѣлать какъ разъ противъ того, чего требуетъ уставъ общины, потому что вліять очевидно слѣдуетъ на пьющихъ, а кто не пьетъ, на того и вліять не приходится.

— Это онъ о себѣ заботится,—сказалъ Шалашиковъ.

— Да и о насъ съ вами, дружище,—возразилъ Деревянниковъ.

— Во всякомъ случаѣ, господа, — сказалъ Картошкинъ, — поступающій въ общину даетъ обѣтъ трезвости. Затѣмъ, община есть братство, никакихъ иныхъ отношеній, кромѣ брата и сестры, въ общинѣ не допускается. Общинники вступая даютъ обѣтъ безбрачія.

— Почему же это?—воскликнула старшая Тулумбасова. — Это ужъ совсѣмъ будетъ монастырь.

— Мы къ этому и стремимся. Община наша есть свѣтскій или гражданскій монастырь.

— Значитъ, люди, у которыхъ есть семья, не принимаются?

— Если они не порвали съ этой семьей, разумѣется, нѣтъ.

— Значитъ, и мнѣ нѣтъ мѣста въ вашей общинѣ, — сказала Багрецова.

— Отчего же?—сказалъ Картошкинъ.—Мы не желаемъ только брака, находя его помѣхой для такого дѣла, какъ наше. Вы же вступаете въ общину одинокой. Дѣти же ваши должны быть дѣтьми общины. Я продолжаю.

«Братья и сестры относятся другъ къ другу просто, называя другъ друга по именамъ и говоря ты».

— Это хорошо! — одобрилъ Деревянниковъ.—Къ чорту китайскія церемоніи!

— Я съ этимъ не согласна!—сказала Багрецова.—Да это и не серьезно: не все ли равно, ты или вы говорятъ люди другъ другу? И къ чему такая фамильярность?

— Нѣтъ, это отлично,—сказалъ Шалашниковъ. — Люди собрались дѣло дѣлать, преслѣдуютъ важную цѣль и на всѣ эти финтифанты плевать хотятъ.

— Это разумно!—поддержалъ и Опулентовъ.

— Мнѣ кажется, — сказалъ незадолго до того появившійся Юневичъ,—это должно сдѣлаться само собою, по мѣрѣ того, какъ община будетъ превращаться въ большую семью. Члены ея сами невольно, сблизившись, перейдутъ на ты. Но дѣлать это обязательнымъ нѣтъ надобности.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Картошкинъ, — можно исключить этотъ параграфъ.

— Исключить, исключить!—кричали женщины.

— Оставить, оставить!—перебивали ихъ мужчины: — братство такъ братство, чортъ возьми!

— Мы потомъ это еще разъ обсудимъ,—сказалъ Картошкинъ,— теперь дайте дочитать до конца.

«Каждый членъ общины подчиняется заведенному въ ней порядку. Всѣ встаютъ въ пять часовъ и собираются на общую молитву».

— Ну, ужъ молитва-то лишнее,—сказалъ Опулентовъ.

— Что мы сектанты что ли?—отозвался Ивановъ.

— Господа,—сказалъ Картошкинъ,—это только внѣшность, но она необходима. Читаю далѣе: «По воскреснымъ днямъ и по праздникамъ общинники собираются къ восьми часамъ и начинаютъ день, какъ всегда, общей молитвой, а затѣмъ по очереди читаютъ евангеліе. Вечеромъ трудовой день заключается чтеніемъ псалмовъ и пѣніемъ духовныхъ стиховъ. Середина дня въ праздники можетъ быть посвящена совмѣстнымъ бесѣдамъ и чтенію интересныхъ книгъ и газетъ. Кромѣ того, предполагается въ будущемъ устройство при общинѣ зала для игръ, которыя не носятъ характера азарта, библіотеки и сельско-хозяйственнаго музея. Распредѣленіе дневного труда зависитъ среди женщинъ отъ дежурной, назначаемой на каждый день, мужчины же выбираютъ старосту на недѣлю, и отъ него же зависитъ назначеніе работъ и выборъ работниковъ.

«Еженедѣльно происходятъ собранія членовъ-учредителей подъ предсѣдательствомъ выбираемаго общиною на годъ предсѣдателя. Собраніе завѣдуетъ денежными средствами, расходами, заботится о нуждахъ общины, принимаетъ новыхъ членовъ и исключаетъ тѣхъ изъ членовъ, которые не желательны».

— Это все,—сказалъ Картошкинъ.

— А кого же считать членами-учредителями?—спросилъ Шалашниковъ.

— А мы ихъ сейчасъ назовемъ,—сказалъ Картошкинъ. — Поœему, членами-учредителями должны считаться: во-первыхъ, Ор-

ловъ, много лѣтъ тому назадъ подавшій мысль о такой общинѣ, во-вторыхъ, Головкинъ, затѣмъ я и Юневичъ. Шалашиковъ и Деревянниковъ старшій, какъ наиболѣе потрудившіеся надъ осуществленіемъ этой идеи, могутъ быть дѣйствительными членами.

— А остальные какъ же будутъ?—спросилъ Опулентовъ.

— Остальные тоже будутъ дѣйствительными членами и кандидатами.

— Кого же называть дѣйствительными членами? — спросилъ Опулентовъ.

— Дѣйствительными членами могутъ быть всѣ, пробывшіе въ общинѣ не менѣе двухъ лѣтъ и внесшіе за это время въ общину не менѣе двухсотъ рублей.

— Какъ же такъ?—вмѣшался Алексѣй Ивановичъ.—Слѣдовательно, въ общинѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ не будетъ дѣйствительныхъ членовъ, кромѣ Шалашикова и Деревянникова.

— Разумѣется,—сказалъ Картошкинъ.—Откуда же имъ быть, когда община существуетъ безъ году недѣлю?

— А какая разница между дѣйствительнымъ членомъ и кандидатомъ?—освѣдомилась Тулумбасова старшая.

— Въ случаѣ исключенія изъ общины дѣйствительные члены могутъ быть исключены только цѣлой общиной простымъ большинствомъ голосовъ, кандидаты же исключаются по представленію собранія съ предсѣдателемъ во главѣ, — объяснилъ Картошкинъ. — Согласны, господа?

— Нѣтъ, не согласны,—сказалъ Опулентовъ: — этакъ собраніе и будетъ исключать въ продолженіе двухъ лѣтъ, кого ему вздумается.

— Что жъ изъ того?—возразилъ Картошкинъ:—предполагается, что собраніе будетъ преслѣдовать выгоды общины, а слѣдовательно не можетъ исключать лицъ, полезныхъ общинѣ. Но объ этомъ еще поговоримъ. А теперь, господа, я хочу предложить вамъ послать адресъ и просить принять званіе почетнаго члена новообразованной общины нашему первоучителю и наставнику, графу, первому непротивленнику злу.

— Послать, послать!—закричали кругомъ.

— Всѣ желаете подписаться подъ адресомъ?

— Всѣ, всѣ, разумѣется!

— Сегодня же мы сочинимъ адресъ. Я набросаю черновикъ его, а тамъ каждый изъ васъ поправитъ или дополнитъ мою мысль.

— Хорошо, хорошо!

— Итакъ, уставъ въ общемъ одобренъ?

— Да, да!

— Частности можно будетъ потомъ измѣнить, а пока прошу всѣхъ подписаться подъ уставомъ.

Всѣ стали подписываться, и съ особенною готовностью послѣдними расчеркнулись Ивановъ и Петровъ. Багрецова хотѣла было возразить, но ей вдругъ все это показалось такимъ дѣтскимъ и смѣшнымъ, что она махнула рукой и тоже расписалась. Картошкинъ, несмотря на то, что ея обращеніе съ нимъ было холодно, одинъ казался ей человѣкомъ болѣе или менѣе достойнымъ вниманія и серьезнымъ въ этой кучкѣ ничтожныхъ и безцвѣтныхъ людей. Она отлично видѣла, что община становится игрушкой въ его рукахъ, и не хотѣла мѣшать ему, разсудивъ про себя, что такъ будетъ лучше, потому что всѣ общинники нуждаются въ руководителѣ и не способны ни къ какой самостоятельной дѣятельности.

VI.

Лѣто прошло, и стояла ясная и теплая осень. У Картошкина усадьба процвѣтала, и хозяйство разросталось, а община уже успѣла значительно порѣдѣть. Иванова и Петрова постарались удалить еще въ самомъ началѣ. Опулентовъ самъ уѣхалъ, со всѣми перессорившись. Юневичъ получилъ письмо изъ Москвы, что Орловъ тяжело боленъ, немедленно бросилъ все и поспѣшилъ къ «дѣдкѣ», по которомъ у него давно уже болѣла душа. Не было и Разживина. Мать прислала ему грозное письмо, звала его назадъ и клялась, что все состояніе отдастъ брату, если онъ не вернется. Алексѣй Ивановичъ долго колебался. Но сами общинники уговорили его оставить общину и успокоить мать, увѣряя его, что община никуда не уйдетъ, и что онъ успѣетъ еще впослѣдствіи, когда будетъ вполнѣ самостоятельнымъ, снова стать въ ряды ея членовъ. Всѣ остальные, хотя и не изъявляли желанія уѣхать и никуда не собирались, тѣмъ не менѣе чувствовали, что дѣло не клеится. Община, какъ будто, повидимому, и наладилась, но только повидимому. Глухое недовольство бродило въ ней и готово было вырваться наружу.

Оставшись вдвоемъ, Деревянниковъ и Шалашиковъ обратились въ простыхъ рабочихъ Картошкина. Чуть ли не такую же роль играли и женщины. Если бы не Головкинъ, передъ которымъ всѣ стѣснялись и играли комедію, всѣ бы давно перессорились.

Головкинъ видѣлъ, что въ общинѣ творится что-то неладное, но его собственное душевное настроеніе было такъ сложно, и за это время онъ такъ много думалъ и пережилъ, что онъ искалъ причинъ разложенія общины совсѣмъ не тамъ, гдѣ онѣ были. Баринъ и свѣтскій человѣкъ, онъ видѣлъ нѣчто въ родѣ подвига въ непритязательной обстановкѣ, которая его окружала, въ мужицкомъ костюмѣ, который онъ носилъ, въ тяжеломъ трудѣ, за который онъ взялся со всею горячностью уставшаго отъ безцѣльной жизни и жаждущаго найти хоть какой нибудь выходъ изъ

нея человѣка. Уставъ общины онъ соблюдалъ, находилъ его идеальнымъ и совершенно искренно восхищался имъ. Тѣмъ болѣе мучило его то, что онъ явился и первымъ, какъ думалъ онъ, нарушителемъ этого устава. Веселая, искренняя и хорошенькая Тулумбасова совершенно вскружила ему голову. Это его огорчало чрезвычайно, тысячу разъ говорилъ онъ себѣ, что нужно уѣхать, и не имѣлъ силъ. Короткія, фамильярныя отношенія, царившія между общинниками, способствовали тому, что Головкинъ и Вѣра скоро сблизились. Вѣрѣ это льстило, Головкинъ же ужасно страдалъ. Онъ все разбирался въ себѣ, въ своемъ внутреннемъ я, и совершенно не замѣчалъ, что дѣлается вокругъ него. Онъ не видѣлъ, что Картошкинъ открыто ухаживаетъ за Багрецовой, и та поощряетъ его, не замѣчалъ онъ также и того, что Вѣра, которую онъ угнеталъ своимъ слишкомъ серьезнымъ и возвышеннымъ взглядомъ на вещи, отдыхала въ обществѣ Деревянникова и Шалашикова, хохотала и шутила съ ними и находила ихъ гораздо болѣе интересными, чѣмъ Головкина. Старшая Тулумбасова давно уже замѣчала отношенія Головкина къ Вѣрѣ, но не придавала имъ никакого значенія, съ одной стороны, потому, что, зная, что онъ женатъ, не считала его женихомъ, съ другой — отлично видѣла, что Вѣрѣ онъ не слишкомъ нравится. Съ Шалашиковымъ она не разъ заговаривала на ту тему, что въ общинѣ не соблюдаютъ устава, но Шалашиковъ только отшучивался, или оправдывалъ и себя и остальныхъ тѣмъ, что въ общинѣ всѣ братья и сестры, а между братьями и сестрами, что за церемоніи.

Деревянниковъ держался въ сторонѣ.

Послѣ отъѣзда Юневича, съ которымъ ему болѣе всего приходилось работать, онъ очень сталъ скучать. Его тянуло въ Москву, въ кружки рабочихъ и интеллигентовъ; община ему становилась противна и своимъ регламентомъ и тѣмъ, что онъ не видѣлъ никакой пользы для себя въ своемъ трудѣ. Онъ только и ждалъ письма отъ Юневича, который обѣщалъ ему написать, если «дѣдкѣ» придется уже очень плохо.

Одинъ Картошкинъ чувствовалъ себя прекрасно, да развѣ еще Багрецова. Съ нѣкоторыхъ поръ между нею и Картошкинымъ установились очень дружескія отношенія. Извѣстно, что завоевать симпатіи матери легче всего, восхищаясь ея дѣтьми. Картошкинъ это отлично понялъ и изобрѣлъ именно этотъ способъ покорить Багрецову. Она ему очень нравилась. Жить бобылемъ ему уже давно надоѣло. Сколько онъ ни присматривался къ женщинамъ, онъ все не находилъ такой, съ которою стоило бы связать себя на всю жизнь. Можетъ быть, онъ долго не рѣшился бы на послѣдній шагъ, если бы Багрецова не объявила ему, что и она думаетъ бросить общину. За это время она очень отдохнула, дѣти ея поправились и расцвѣли на лонѣ благодатной природы, но она

не чувствовала почвы подъ ногами и, кромѣ того, съ каждымъ днемъ убѣждалась, что община — предпріятіе дутое.

Когда она сказала Картошкину, что уѣдетъ, тому даже стало страшно. Онъ такъ привыкъ къ ней, къ ея дѣтямъ, къ которымъ наконецъ искренно привязался, что понялъ, что отсутствіе ея будетъ для него большимъ лишеніемъ.

— Что вы, что вы, Марья Николаевна? — испуганно сказалъ онъ.—Бога ради, не уѣзжайте.

— Послушайте, — отвѣчала она, — вѣдь мнѣ тутъ дѣлать нечего. Я не такая идеалистка, чтобы работать только ради дѣла. Мнѣ нужно вознагражденіе, я мечтаю устроить дѣтей, насколько возможно обезпечить ихъ, а тутъ, я вѣдь вижу это, я работаю даромъ, а я могу и хочу работать. Правда, здѣсь дѣтишкамъ хорошо, но теперь они малы, а пройдетъ годъ-другой, и надо будетъ заботиться о ихъ воспитаніи. Въ общинѣ же я не могу ничего дать имъ.

— Плюньте вы на эту общину, — сказалъ Картошкинъ, — вы вѣдь видите, что это такое. Всѣ уйдутъ. Останусь одинъ я. Оставайтесь и вы со мною. Я—человѣкъ простой и не стою васъ, но я люблю васъ, люблю вашихъ дѣтей и всю мою жизнь обѣщаю посвятить вамъ.

Багрецова задумалась.

— Знаете ли что, Петръ Игнатьевичъ? То, что вы говорите, вѣдь очень соблазнительно: вы обѣщаете пристань, покой, защиту отъ бурь, а самое главное: дѣти пристроены и обезпечены. Я вѣдь васъ отлично вижу и знаю: за вами не пропадешь. И все-таки я не могу сразу рѣшиться.

— Почему, почему? горестно воскликнулъ Картошкинъ. — Я понимаю, Марья Николаевна, васъ удерживаетъ то, что вы ко мнѣ, можетъ быть, совсѣмъ равнодушны.

— Нѣтъ, нѣтъ!—живо возразила Багрецова.—Не думайте этого. Вы мнѣ очень симпатичны.

— Марья Николаевна, вѣдь я понимаю васъ. Вы именно, какъ вы говорите про себя, честный человѣкъ, и боитесь, какъ бы кого нибудь не обмануть. Но выслушайте меня Бога ради. И я и вы, мы не такъ уже молоды. Я въ васъ вижу все счастье моей жизни, награду за все, что я перенесъ, за всѣ тревоги, испытанія, неудачи. Вы, не знаю, довольны или нѣтъ своимъ прошлымъ, видѣли счастье или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ вѣдь не можете же надѣяться, что оно придетъ, это настоящее полное счастье. Вы живете и должны жить для дѣтей, а я обѣщаю быть вамъ хорошимъ помощникомъ. Я не требую отъ васъ ничего, кромѣ дружбы и довѣрія. Неужели, по-вашему, я недостоинъ ихъ?

— Ахъ, это все не то! — сказала Багрецова. — Вы не знаете, сколько я пережила, сколько перечувствовала, сколько переду-

мала. Я всегда была самостоятельна, всегда дѣлала, что хотѣла, и принадлежала только себѣ. Я дорожила своей самостоятельностью, никогда я не жалѣла, что я одна, и никогда не раскаивалась ни въ чемъ, а вы мнѣ предлагаете рабство, сытое, обезпеченное, счастливое рабство, если рабство можетъ быть счастливымъ, но вѣдь все же рабство. Будь я одна, я бы вамъ прямо отказала. Но дѣти! Единственно мысль о нихъ, желаніе сдѣлать для нихъ жизнь легче и пріятнѣе, исполнить наконецъ свой долгъ по отношенію къ нимъ, насколько это въ моей власти, останавливаетъ меня. Дайте подумать.

— Нѣтъ, не думайте, не думайте, Марья Николаевна! — воскликнулъ Картошкинъ:—я знаю, чѣмъ кончатся эти раздумыванія.

— Вотъ видите.

— Да! Я знаю, если я вамъ дамъ уѣхать отсюда, я васъ никогда больше не увижу, т.-е., можетъ быть, и увижу, только намъ никогда не придется возобновлять этого разговора. Вы вернетесь въ Москву, снова окунетесь въ прежнюю жизнь, снова васъ совратятъ въ какой нибудь толкъ, не орловцы, такъ толстовцы, потому что вы вѣдь не можете безъ борьбы, безъ увлеченія, вы принадлежите къ числу людей, «взыскующихъ града», и тогда прощай всѣ мои надежды.

— Да, Картошкинъ, это правда. Я именно такой человѣкъ, я вѣчно и вѣчно ищу и знаю, что никогда ничего не найду. Я вѣдь отлично сознаю всѣ ошибки, всѣ промахи этихъ кружковъ, я вижу, какъ маломысленны, какъ недалеки и какъ ничтожны, за малыми исключеніями, всѣ эти кружковцы. Но они все-таки не стоятъ на мѣстѣ, они волнуются, они жаждутъ реформъ, они кричатъ и шумятъ, правда, часто, какъ глупыя дѣти, но все-таки ихъ крикъ и шумъ тревожатъ міръ и напоминаютъ ему о его несовершенствѣ и зовутъ его къ лучшему; они бездѣльники и бунтари, но безъ нихъ люди погрязли бы въ тинѣ повседневныхъ, будничныхъ заботъ и закоснѣли бы въ самодовольномъ ничтожествѣ, увѣренные, что все обстоитъ благополучно. Нѣтъ! Я за нихъ! Я люблю ихъ и, несмотря на всѣ ихъ недостатки, я всетаки съ ними. Если бы вы знали, какъ я ненавижу всю эту тину добропорядочности, такъ называемаго приличнаго воспитанія, казеннаго образованія, заученныхъ добродѣтелей, облѣпившую человѣческое стадо! Истины и свѣта жажду я!

— А я?—горячо вырвалось у Картошкина.—Неужели вы думаете, что и я не искалъ ихъ, и я не мечталъ о нихъ? На этотъ клочокъ земли я пришелъ впервые не для себя. Въ то время я не былъ такимъ практикомъ, по крайней мѣрѣ, еще не находилъ, не ощущалъ въ себѣ того практика, который сидитъ во мнѣ. Но жизнь не баловала меня, и изъ безчисленныхъ битвъ, которыя я выдержалъ съ нею, я вынесъ одно: люди не могутъ быть другъ другу

братьями и долго еще не будутъ братьями, до тѣхъ поръ, пока не измѣнится ихъ самая природа. Они чуть-чуть повыше звѣрей. Въ жизни побѣждаютъ только обезпеченные и сытые. Слабые осуждены на гибель. Ихъ терпятъ только до тѣхъ поръ, пока они помогаютъ сильнымъ взбираться наверхъ, и они гибнутъ подъ ногами этихъ сильныхъ, раздавленные и уничтоженные ими. Когда я созналъ это, я рѣшилъ, что буду лучше сильнымъ, чѣмъ слабымъ, и все свое умѣнье, всѣ свои способности отнынѣ обратилъ только на то, чтобы сдѣлаться человѣкомъ независимымъ и обезпеченнымъ, достигнуть возможности жить вдали отъ людей, не нуждаясь въ нихъ, презирая ихъ общество, одинокимъ, безъ друзей, безъ семьи. Я такъ и поступалъ. Теперь я близокъ къ своей цѣли, я своими руками создавалъ свое благополучіе, пока не дошелъ до той ступеньки, на которой могу сложить руки самъ и заставить работать на себя другихъ. Вотъ я весь передъ вами. Я не желаю ни рисоваться, ни казаться лучшимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ васъ, я понялъ, что жизнь моя можетъ быть счастливѣе, что съ вами я не буду осужденъ на полное одиночество, что вокругъ меня будутъ люди, которые мнѣ будутъ сочувствовать не потому, что они раздѣляютъ мои убѣжденія, а потому что я дорогъ имъ. Неужели это мечта? Неужели этому не суждено осуществиться?

— Я понимаю васъ,—сказала Багрецова.—Я почти пришла къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришли и вы. Дѣйствительно, міръ для сытыхъ. Я это давно знала, и я давно бы могла стать въ ряды сытыхъ, но я—женщина, и судьба дала мнѣ только одинъ способъ достигнуть этого—выйти замужъ за богатаго человѣка. Выйти замужъ значитъ отказаться отъ свободы, отъ своего я, сдѣлаться вещью другого, продать себя въ вѣчное рабство. Эта мысль ужасала меня, и я сказала себѣ: нѣтъ! только не этою цѣною. Тогда я смѣло стала въ ряды голодныхъ тружениковъ и, несмотря на безпрестанныя пораженія, несмотря на нужду, я все-таки была счастлива, Картошкинъ, счастлива сознаніемъ того, что поступаю такъ, какъ я хочу, не вхожу ни въ какіе компромиссы, на зло судьбѣ продолжаю бороться. Вы сейчасъ говорили мнѣ, что не хотите ни рисоваться ни скрываться предо мною,—я тоже хотѣла бы, чтобы вы лучше поняли меня. Знаете ли вы, съ кѣмъ имѣете дѣло? Не ошибаетесь ли вы насчетъ меня? Желаете ли вы такую жену, какъ я? Я—врагъ всей той условной добродѣтели, которую навязали женщинѣ. Всѣ качества, такъ восхваляемыя въ женщинѣ, мнѣ противны, и я презираю ихъ, какъ только можетъ презирать человѣкъ то, что посягаетъ на его человѣческое достоинство, является для него источникомъ горя и страданій, покупается имъ цѣною постоянныхъ мелкихъ и крупныхъ униженій и уступокъ. Я не признаю этого кодекса нравственности, обязательнаго для женщины. Онъ связываетъ мнѣ руки и не даетъ мнѣ жить, не даетъ мнѣ

дышать, ничѣмъ не возмѣщая страшныя жертвы, которыхъ онъ отъ меня требуетъ; кромѣ того, онъ является насмѣшкой надъ истинной нравственностью, онъ топчетъ въ грязь любовь, дѣлая ее предметомъ купли и продажи, онъ клеймитъ презрѣніемъ материнство, дѣлая его удѣломъ рабы, онъ кричитъ о семьѣ и добродѣтели и поощряетъ и оправдываетъ самый грубый, самый тупой эгоизмъ!

— Я никогда объ этомъ не думалъ,—сказалъ Картошкинъ,—но, мнѣ кажется, что вы правы, хотя я не вижу, почему это можетъ помѣшать нашему счастью. Ваши мнѣнія я готовъ уважать. Наконецъ, вѣдь понимаю же я, что вы — не похожи на другихъ женщинъ, и это-то и дорого мнѣ въ васъ. Вы не уѣдете, Марья Николаевна?

— Непремѣнно уѣду, теперь болѣе, чѣмъ когда либо! Говорю вамъ, дайте мнѣ подумать. Рѣшиться сразу я не могу. Вы предлагаете мнѣ теплое гнѣздо, отсутствіе всякихъ матеріальныхъ заботъ, жизнь на вашъ счетъ отнынѣ для васъ...

— Не для меня только, — прервалъ Картошкинъ,—но и для дѣтей.

— Вѣдь это все равно,—сказала Багрецова,—разумѣется, и для дѣтей, дѣти тоже одна изъ статей договора. Не могу вдругъ рѣшиться, Картошкинъ! Я вѣдь ужъ закалилась въ борьбѣ и не боюсь ея и люблю ее. Убѣдить меня теперь же вамъ не удастся. Прощайте, или, по крайней мѣрѣ, до свиданія.

— Но вѣдь не сейчасъ же вы уѣзжаете? — воскликнулъ Картошкинъ.

— Я думала прожить здѣсь всю осень и ѣхать въ Москву только зимою, здѣсь такъ хорошо дѣтямъ, но теперь я намѣрена выѣхать на-дняхъ.

— Но почему же? Что случилось? — недоумѣвая воскликнулъ Картошкинъ.

— Ничего не случилось. Но ужъ разъ вы такъ откровенны со мною, Петръ Игнатьевичъ, позвольте и мнѣ быть откровенной съ вами. До сихъ поръ я жила въ общинѣ и съ общиной. Я пріѣхала сюда тоже съ общиной и работала для общины и на правахъ со всѣми. Было ли это умно или глупо,—это другой вопросъ, но я знала, что я — членъ общины и, какъ таковой, имѣю право на все, на что имѣли право и другіе. Вы раскрыли мнѣ глаза. Теперь я вижу, что общины никакой нѣтъ и быть не можетъ. Есть умный, дѣятельный и энергичный человѣкъ, сумѣвшій практически и съ выгодой для себя рѣшить задачу сидѣнія на землѣ, и есть кучка желторотыхъ, смѣшныхъ глупцовъ, которые, не имѣя ни знанія, ни опыта, не умѣя, а, можетъ быть, и не желая даже работать, мечтали создать свое счастье на землѣ подъ эгидою этого человѣка, воспользовавшагося ими, насколько онъ могъ. Оправданіемъ ему

можетъ служить то, что воспользовался онъ немногимъ: мечтатели оказались на практикѣ почти безполезными. Зато, убѣдившись въ ихъ безполезности, онъ разогналъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не захотѣлъ ничего сдѣлать, чтобы помочь юной общинѣ окрѣпнуть и стать на ноги, а онъ, мнѣ кажется, долженъ бы былъ это сдѣлать.

— Неправда!—вскричалъ Картошкинъ:—это клевета! Неужели вы думаете, что я не сдѣлалъ бы все, что въ моихъ силахъ, чтобы помочь этимъ людямъ? Но они несерьезны и легкомысленны, никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленной цѣли, и они погубятъ всякое дѣло, какое бы ни начали.

— Дайте мнѣ кончить,—сказала Багрецова.—Я продолжаю. Мнѣ смѣшна моя недогадливость. Повѣрьте, у меня была своя, опредѣленная цѣль, но я только теперь поняла, что не такими средствами нужно ея добиваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поняла, что оставаться здѣсь больше я не могу. Жить въ общинѣ и на счетъ общины я могла, но жить у Картошкина и на счетъ Картошкина, хотя бы и ради дѣтей, я не нахожу возможнымъ.

Она весело разсмѣялась.

— Вы презираете меня и смѣетесь надо мной! — сказалъ Картошкинъ.

— Увѣряю васъ, нѣтъ, напротивъ я совершенно искренно говорю вамъ, что уважаю васъ. Но жить здѣсь дольше я не могу.

— Я—глупецъ,—сказалъ Картошкинъ:—мнѣ слѣдовало сказать вамъ это позднѣе.

— Вы увѣрены, что я не догадалась бы объ этомъ сама?—съ улыбкой возразила Багрецова.—Но не будемъ сердиться другъ на друга, Петръ Игнатьевичъ, и разстанемся друзьями.

Она протянула ему руку.

— Не останетесь?—спросилъ Картошкинъ.

— Какой вы чудакъ! Разумѣется, нѣтъ! Да я и соскучилась, хочется повидать дѣдку; говорятъ, онъ тяжело боленъ.

— Да, я знаю,—сказалъ Картошкинъ,—этотъ полусумасшедшій старикъ дѣлаетъ съ вами, что хочетъ; я вѣдь и самъ былъ подъ его вліяніемъ и сюда попалъ, благодаря ему. Этотъ человѣкъ обладаетъ даромъ привлекать сердца, но это—идеалистъ и мечтатель, и изъ всѣхъ его ученій ничего не выйдетъ, потому что онъ воображаетъ, что на землѣ возможно царство небесное.

Багрецова ничего не отвѣтила. Она поднялась со своего мѣста и собиралась уже уйти, когда въ комнату вошла Тулумбасова старшая.

— Скажите, пожалуйста, это что же такое?—вскричала она.— Одно изъ двухъ: или мы дѣйствительно составляемъ общину, или мы играемъ комедію, вѣрнѣе, насъ заставляютъ играть комедію. Петръ Игнатьевичъ,—вѣдь вы здѣсь, кажется, первый коноводъ,— что же это такое?

— Да вы хоть скажите, въ чемъ дѣло?—сказалъ Картошкинъ.

— Какъ, въ чемъ дѣло? Точно вы ничего не видите, а еще сами сочиняли уставъ. «Община, община, посестріе, побратимство», а въ концѣ концовъ, чортъ знаетъ, что такое! Какая это община? какое посестріе? О, я теперь вижу, что это за штука!

И не слушая, что ей говорили Багрецова и Картошкинъ, она продолжала кричать и жестикулировать.

— Да-съ, я теперь догадалась, въ чемъ дѣло! Вотъ такъ община! Община, община!.. И я-то дура! Повѣрила и еще сестру-дѣвченку привезла. Вотъ ужъ именно дура!

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Картошкинъ:—что такое случилось?

— А то и случилось,—въ негодованіи кричала Тулумбасова,— что у васъ тутъ не община, а гаремъ! Да-съ, гаремъ! Вы здѣсь съ господиномъ Головкинымъ себѣ гаремъ завели и дуракамъ очки втираете. Община!..

Она презрительно фыркнула.

— Ничего не понимаю,—сказалъ Картошкинъ.—И что за вздоръ? Какой гаремъ?

— Скажите, пожалуйста, вы поглядите на Митродору. Да что я говорю? Вы только притворяетесь, а сами все лучше меня видите и знаете.

— А что такое съ Митродорой?—спросила Багрецова.

— Что?—взвизгнула Тулумбасова.—А вотъ что!

Она сдѣлала выразительный жестъ.

— Не можетъ быть!—воскликнула Багрецова.

— Вотъ вамъ и не можетъ быть. А я знаю, чьи это штуки. И какъ не совѣстно?.. Бѣдная дѣвушка: и полы мой и ведра таскай, хоть бы пожалѣли въ такомъ-то положеніи.

— Чортъ знаетъ, что такое!—воскликнулъ Картошкинъ.

— Да и Головкинъ вашъ тоже хорошъ,—продолжала Тулумбасова:—женатый человѣкъ, и жена-то, говорятъ, красавица, а Вѣрочкѣ проходу не даетъ. Что ему отъ нея нужно? Дѣвченка-дура! Долго ли голову вскружить. А, можетъ, ужъ и вскружилъ.

— Будетъ вамъ придумывать,—сказалъ Картошкинъ.

— Какъ это придумывать? Что жъ, по-вашему, я сочиняю? Что вы мнѣ зубы-то заговариваете? Да, а сами-то вы? Развѣ я слѣпая? Да и не я одна: всѣ видятъ, какъ вы бѣгаете за Марьей Николаевной.

— Я Марьѣ Николаевнѣ дѣлалъ предложеніе и просилъ ее быть моей женой,—сказалъ Картошкинъ.

— А я уѣзжаю въ Москву,—сказала Багрецова.

— Вотъ вамъ и уставъ! — воскликнула Тулумбасова.—Да вы вправду? Ну, такъ и я съ вами ѣду и Вѣрку увезу. Скажите, пожалуйста! Заманили сюда къ чорту на кулички, въ самыя дебри,

какіе турусы на колесахъ развели, а выходитъ дѣло самое простое. Ахъ, вы, безстыдники, безстыдники!

— Да я-то чѣмъ виноватъ?—сказалъ Картошкинъ.

— Какъ же это невиноваты?—негодовала Тулумбасова.—Вѣдь вы же говорили: община, братья и сестры, а на мѣсто братьевъ и сестеръ онъ, видите, предложеніе дѣлаетъ, а Митродору-дуру и безъ предложенія обошли. Хороши голубчики! Нѣтъ, ѣду и Вѣрку увожу. Богъ съ вами и съ вашей общиной! Вотъ погодите: Флегонтъ еще ничего не знаетъ, а ужъ надо бы ему сказать, пусть бы вамъ этотъ медвѣдь ребра пересчиталъ! И стоитъ! Хороши общинники, вольные землеробы!—и она, съ негодованіемъ хлопнувъ дверью, убѣжала.

Багрецова бросилась за ней. Картошкинъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ и безнадежно махнулъ рукой. Община начинала ему не на шутку надоѣдать; онъ убѣдился, что общинники ему не помощники, и что теперь онъ достаточно крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ, чтобы не нуждаться въ нихъ. Присутствіе Головкина только связывало ему руки. Но Головкинъ былъ слишкомъ значительный козырь въ его игрѣ, чтобы можно было пренебрегать имъ. Онъ видѣлъ, что этотъ человѣкъ слѣпо вѣритъ ему, онъ давно уже раскусилъ его, и во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ Головкину онъ билъ навѣрняка. Если бы не главноуправляющій Головкина, нѣсколько сухой и чопорный, въ высшей степени дѣловой, прямолинейный и на рѣдкость честный нѣмецъ, его дѣла были бы еще лучше. Головкинъ принадлежалъ къ числу людей, способныхъ на самое беззавѣтное увлеченіе и подъ вліяніемъ этого увлеченія готовыхъ на всякія жертвы. Кромѣ того, жажда дѣятельности, разочарованіе въ жизни и во всѣхъ прежнихъ его начинаніяхъ заставляли его съ отчаяніемъ держаться за идею, которая уже принесла ему много огорченій и угрожала не осуществиться, какъ и многое другое. Какъ ни былъ онъ наивенъ и благодушно настроенъ, онъ не могъ не замѣтить всей искусственности, всей непрочности затѣянной имъ общины. Онъ не разъ уже говорилъ объ этомъ Картошкину, но не въ цѣляхъ Картошкина было поддерживать въ немъ недовольство общиной, и онъ неизмѣнно отвѣчалъ одно и то же:

— Люди не тѣ! Нужны другіе люди, и мы ихъ найдемъ.

— Вы не отчаиваетесь, вы вѣрите въ свое дѣло?—спрашивалъ Головкинъ.

— Поглядите на меня,—отвѣчалъ Картошкинъ,—вы видите, я окончательно основался на землѣ и не думаю уходить съ нея. На ней я нашелъ удовлетвореніе всѣмъ моимъ желаніямъ.

— Да, — возражалъ Головкинъ, — но вы сильный и исключительный человѣкъ.

— Надо будетъ искать сильныхъ и исключительныхъ людей; не воображаете ли вы, что слабые и ничтожные проводятъ въ жизнь новыя идеи?

— Но пользоваться ими должны слабые,—сказалъ Головкинъ.

— Я съ вами согласенъ; однако не прежде, чѣмъ сильные вызовутъ ихъ къ жизни и приведутъ ихъ къ исполненію на практикѣ.

— Лично я, — говорилъ Головкинъ,—вижу себя неспособнымъ вести жизнь общинника не потому, чтобы она шла слишкомъ въ разрѣзъ съ моими привычками,—хотя, конечно, и это много значитъ, — но еще и потому, что теперь, попробовавъ этой жизни, я пришелъ къ убѣжденію, что она не удовлетворяетъ меня.

— Она и не можетъ васъ удовлетворять,—соглашался Картошкинъ, — вы человѣкъ тепличной культуры, избалованный, а община является прибѣжищемъ для людей обездоленныхъ и способныхъ удовлетворяться грубымъ трудомъ при условіи извѣстной обезпеченности и довольства.

Всѣ такіе разговоры съ Головкинымъ кончались обыкновенно ничѣмъ, но по мѣрѣ того, какъ община распадалась, Картошкинъ все чаще и чаще подумывалъ о томъ, что слѣдуетъ воспользоваться настроеніемъ Головкина и извлечь изъ этого настроенія всѣ возможныя матеріальныя выгоды.

Теперь, когда и Багрецова объявила, что уѣдетъ, онъ рѣшилъ не откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Онъ осѣдлалъ лошадь и верхомъ отправился въ Сочи, куда нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ Головкинъ. Онъ зналъ, что Вульфіуса сейчасъ нѣтъ въ Сочи, да если бы онъ и былъ, Картошкинъ, хорошо изучившій Головкина, увѣренъ былъ, что добьется своего. Ему было извѣстно, что слабые и безхарактерные люди способны въ иныхъ случаяхъ подъ давленіемъ чужой воли проявить чрезвычайное упрямство. На это онъ и разсчитывалъ. Цѣль же у него была одна, совершенно ясно и строго опредѣленная: убѣдить Головкина, если ужъ не подарить ему, что̀, конечно, было бы самое лучшее, то хоть продать, разумѣется, возможно дешевле и съ самой льготной разсрочкой, хорошій участокъ земли десятинъ въ пятьсотъ, а если это не удастся, то взять ихъ у него хоть въ долгосрочную аренду за безцѣнокъ. Картошкинъ и участокъ намѣтилъ, выходившій къ морю, достаточно хорошо орошенный и удобный для культуры.

Какъ дальновидный и практически смѣтливый человѣкъ, Картошкинъ отлично понималъ, что кавказскому побережью предстоитъ прекрасная будущность, и не желалъ упустить случая захватить чуть не даромъ кусокъ земли, который черезъ какія нибудь пять лѣтъ будетъ стоить большихъ денегъ.

Тогда чортъ съ ней, съ этой общиной, и со всѣмъ этимъ вздоромъ!—думалъ онъ, отрываясь отъ своихъ размышленій.

Письмо Шалашикова Юневичу:

Берегъ Чернаго моря, посадъ Сочи, имѣніе Тиръ-Дере. Община вольныхъ землеробовъ, 25-го сентября.

Любезный другъ Юневичъ!

Что же отъ васъ съ дѣдкой нѣтъ никакихъ вѣстей? Мнѣ кажется непростительнымъ такое отношеніе къ общему дѣлу. Община погибаетъ, а вы тамъ въ Москвѣ сидите и въ усъ не дуете. Подлецъ Картошкинъ всѣхъ предалъ и, какъ Пилатъ, руки умылъ. У насъ творится, чортъ знаетъ, что; всѣ мы, братъ, обмишулились! А, впрочемъ, разскажу по порядку. Вотъ въ чемъ вся штука. Послѣ вашего съ Разживинымъ отъѣзда у насъ пошло еще хуже. Работниковъ остались я да Деревянниковъ, и тоже оказался шельма и прохвостъ. Головкинъ ему сто рублей подарилъ, яко бы за то, что онъ хозяйственный инвентарь починилъ, а на мой взглядъ это одно подхалимство и «на чаекъ съ вашей милости пожалуйте». По-моему это просто хамство, а если нѣтъ, то зачѣмъ же другихъ обижать? Я вѣдь не Крезъ, а меньше его что ли работалъ? Бабы наши тоже работаютъ, не покладая рукъ, хотя по-моему изъ-за бабъ-то все и выходитъ; я лично, какъ тебѣ извѣстно, готовъ отстаивать женскую эмансипированность, но, однако, не до того, чтобы черезъ нихъ житья мужчинѣ не стало, а тутъ оно такъ выходитъ. Во-первыхъ, Багрецова всѣмъ тутъ верховодитъ, Картошкинъ въ нее втюрился, да, думается мнѣ, что и Головкинъ-то на нее глаза пялитъ. А, впрочемъ, Головкинъ на всѣхъ глаза пялитъ, онъ и за Вѣрой Тулумбасовой было пріударилъ, да я на нихъ старшую Тулумбасову натравилъ, а почему?—это уже мое дѣло. Однако продолжаю. Вотъ наши обстоятельства: работы стали, и не сдѣлано ничего, потому, что нельзя же считать дѣломъ тѣ сто пней, которые вы выворотили съ Разживинымъ.

Деревянниковъ улетучился въ Сочи и тамъ пьянствуетъ. Звалъ меня, да на какія вши я поѣду? Вѣдь мнѣ никто на чай не давалъ.

Писалъ я Разживину, чтобы онъ изъ сочувствія къ дѣлу общины выслалъ мнѣ двадцать пять рублей, но толстосумъ проклятый ничего не отвѣтилъ. Съ Картошкинымъ тутъ всѣ переругались, кромѣ меня, хотя, кажется, и я съ нимъ скоро поругаюсь,— ужъ больно онъ архиплутъ. Участокъ, что̀ дали для общины, теперь, того и гляди, отберутъ. Общинниковъ, молъ, нѣтъ, работать чекому. А Картошкину Головкинъ отвалилъ пятьсотъ десятинъ а такой землицы, что разлюли малина. Говорятъ, что, будто, Карошкинъ землю эту у него купилъ въ разсрочку. Дураки пусть ѣрятъ, а Шалашиковъ знаетъ, что ему задарма достались. Лов й діаволъ и умный человѣкъ, нельзя отрицать.

Покорнѣйше прошу передать отъ меня Разживину, что безчестно брату-общиннику не только не помочь, но даже не отвѣтить, а Опулентову скажи отъ меня подлеца, самъ знаетъ—за что.

Дѣдкѣ шлю земный поклонъ. Отпиши, каковъ онъ, и, ежели въ состояніи писать, пусть бы хоть написалъ Картошкину и устыдилъ его. Дѣдки онъ посовѣстится. Говорю къ тому, чтобы подѣйствовать на Головкина черезъ Картошкина, и чтобы нашъ участокъ у насъ не отобрали, тогда бы мы съ Деревянниковымъ на немъ остались, а тамъ, смотришь, и общинники набрались бы, а то вдругъ, здорово живешь, такой кусокъ земли оттягать хотятъ, выходитъ, что только по губамъ помазали.

Головкина я теперь разглядѣлъ: сущій, братецъ ты мой, идіотъ. За симъ низко кланяюсь, прошу не забыть про Разживина.

Ахъ, чуть не забылъ! Багрецова приказала тебѣ тоже кланяться, то-есть не то, чтобы кланяться, а въ томъ смыслѣ, что она отъ насъ уѣзжаетъ. Скатертью дорога! кума пѣша—куму легче.

Жму твою честную руку.

Письмо Юневича Шалашикову.

Москва, 19-го октября.

Добрѣйшій Ѳедоръ Савельевичъ!

Письмо ваше я получилъ, но многаго не понялъ. Отъ всѣхъ нашихъ кружковскихъ дѣлъ за это время очень отсталъ, потому что не до того. Дѣдка очень серьезно боленъ. Тутъ къ намъ въ кружокъ студенты-медики затесались, такъ они къ нему своего профессора-знаменитость, Реброва, привозили. Ребровъ мнѣ говорилъ, что лѣчить его безполезно, и что онъ безнадеженъ; діагнозъ поставилъ такой: ракъ желудка. Да я и безъ него вижу, что дѣло идетъ къ концу. Дѣдко исхудалъ и ослабъ страшно. Соборовъ уже давно не собираемъ, потому что ему вредно, онъ очень волнуется и устаетъ. Насчетъ общины говорю съ нимъ мало, потому что положительнаго ничего не зналъ, а вашего письма ему не читалъ, ибо утѣшительнаго ничего въ немъ не нашелъ. Что же касается Опулентова, то хотя и вижу его очень часто, такъ какъ онъ мнѣ помогаетъ ухаживать за дѣдкой, но подлеца вашего ему не передавалъ, не считая себя на то въ правѣ, хотя вы меня на то и уполномочили. Марья Николаевна мнѣ писала, и я ей подыскалъ квартиру, не знаю, понравится ли, впрочемъ объ этомъ напишу ей самъ. Напрасно вы о Головкинѣ такъ выражаетесь, я такъ его очень уважаю; человѣкъ преданъ идеѣ и поступаетъ согласно съ этой идеей. Картошкинъ и умѣлъ воспользоваться этимъ, а главное уже зарекомендовалъ себя и показалъ на дѣлѣ. Мы же ничего еще не сдѣлали. Относительно Разживина долженъ вамъ сообщить, что онъ

женился, и я у него на свадьбѣ былъ шаферомъ и поэтому долженъ былъ надѣть военную форму, хотя не имѣю теперь на это права, потому что и невѣста и барышни хотѣли, чтобы шаферомъ былъ непремѣнно военный, хотя бы только вольноопредѣляющійся, а другихъ знакомыхъ у нихъ нѣтъ. Вы, можетъ быть, и невѣсту его знаете, помните, мы съ вами на балу у Цыпкина были, вы эту барышню тамъ видѣли: бѣлобрысая такая, толстенькая, такъ вотъ это она. Кругъ это самый сѣрый, но богаты ужасно и свадьбу такую закатили, что на все Замоскворѣчье, а между тѣмъ мужчины всѣ въ длиннополыхъ сюртукахъ, а изъ женщинъ кто постарше, такъ и въ повязочкахъ, барышни же одѣты по-модному, и на каждой навѣшана цѣлая ювелирная лавка, а танцовали подъ гармонику. Зато ужинъ былъ великолѣпный отъ московскаго большого трактира и подавали осетра въ добрыхъ два аршина длиною и поросенка подъ хрѣномъ, что твоя свинья. Послѣ же свадьбы я съ Разживинымъ еще ни разу не имѣлъ случая видѣться. Во-первыхъ, дѣдку оставить нельзя, а, во-вторыхъ, и надобности у меня до него не было, а безъ надобности и итти какъ будто неловко: еще за прихлебателя сочтутъ, а не то подумаютъ, что за молодою ухаживаю, вы вѣдь знаете, какая это среда—сводъ комедій Островскаго.

Передайте Деревянникову, что Вася изъ больницы выписался и живетъ теперь у дѣдки. На Кавказъ ѣхать ему доктора отсовѣтовали, опять привяжется малярія, а Тицнеръ, ординаторъ старой Екатерининской больницы, говорилъ мнѣ, что у него чахотка ужъ очень подвинулась, такъ что будущей весной ему, пожалуй, капутъ. Жить ему у насъ съ дѣдкой плохо. Комнаты холодныя, ѣдимъ кое-какъ, а у отца тоже жить не у чего. Съ тѣхъ поръ, какъ Флегонтъ и Митродора уѣхали, старый запьянствовалъ пуще прежняго, квартиру бросилъ, мебелишку, что распродалъ, что за долгъ разобрали, и живетъ въ углу. Такъ вы передайте Деревянникову, что не худо бы ему о братѣ позаботиться, особенно въ виду его болѣзни.

Чуть было не забылъ самаго главнаго: старшій корректоръ Мартыненко у Якушкина умеръ, и послѣ него уже трехъ смѣнили. Вы человѣкъ въ этомъ дѣлѣ опытный, и тамъ васъ знаютъ и, я такъ полагаю, безъ всякихъ разговоровъ примутъ на его мѣсто; жалованье же, какъ извѣстно, онъ получалъ сто рублей, цифра очень почтенная. Пишу вамъ на тотъ конецъ, что въ случаѣ, если вы окончательно разочаруетесь и будете вынуждены отрясти прахъ отъ ногъ, у васъ есть хорошая зацѣпка, а если хотите, такъ я могу туда въ контору навѣдаться и предупредить ихъ, чтобы они васъ подождали. Навѣрное согласятся, чѣмъ безъ толку мѣнять неизвѣстныхъ людей.

О себѣ могу сказать одно: я убѣдился, что мы въ настоящемъ нашемъ составѣ общины не создадимъ, ибо характеры подобрались такіе, что всѣ дѣйствуютъ въ свою голову, не соображаясь съ прочими,

жизнь же наша въ общинѣ ведется не только не по уставу, но есть насмѣшка надъ этимъ уставомъ. Я этого одобрить не могу и даже совершенно противъ этого: взялся за гужъ — не говори, что не дюжъ. Притомъ же, если всѣ и каждый норовитъ поставить себѣ хатку, да удалиться въ нее, плюнувъ на остальныхъ, то мнѣ для этого не нужно ѣхать на Кавказъ, потому что у отца есть домъ и клочокъ земли въ захолустьѣ, и только захоти я — отъ меня ни этотъ клочокъ, ни этотъ домъ не уйдутъ, а служить ближнему, полагаю, можно во всякихъ условіяхъ, и лучше служить ему такъ, чтобы служба эта была ему по душѣ, а не тянуть его въ общину, отъ которой онъ рылю воротитъ. Вотъ и вышло: въ теоріи-то мы всѣ противъ собственности, а какъ до дѣла, — всѣ мы оказались собственниками. Говорю это съ болью въ сердцѣ, потому что разочарованъ ужасно и утѣшаюсь только однимъ дѣдкой: этотъ человѣкъ, какъ былъ идеалистомъ, такъ и умираетъ идеалистомъ, ни одному изъ своихъ убѣжденій не измѣнилъ, никому зла никогда не сдѣлалъ, ни отъ кого ничѣмъ не поживился, нищимъ жилъ, нищимъ и умретъ; пользу же принесъ громадную невѣсомую и невещественную, но вѣчную. Его уважаю глубоко и передъ нимъ преклоняюсь и ставлю его неизмѣримо выше московскаго пророка, ибо тотъ стяжалъ уже и продолжаетъ стяжать себѣ награду за свою проповѣдь, а по проповѣди своей и не поступаетъ, да и скажите: возможно ли непротивленіе злу, и можно ли учить не противиться злу? Всякій, даже учащій непротивленію злу, уже выражаетъ сопротивленіе, ибо противится тѣмъ, кто злу противится, и выходитъ, что онъ ополчается на брань противъ тѣхъ, кому слѣдовало бы помочь и вмѣстѣ, не противясь злу, противиться добру. А это очевидный абсурдъ. Однако довольно! Вижу, что слишкомъ расписался; это потому, что все это время почти ни съ кѣмъ не говорю, а голова работаетъ усиленно, и на душѣ накипѣло.

Еще новость, почему и говорилъ объ этомъ: узнавъ о болѣзни дѣдки, пророкъ былъ у насъ. Съ дѣдкой почти не говорилъ, только посидѣлъ немного и перекинулся нѣсколькими словами со мною. Уходя же, когда я его провожалъ, сказалъ мнѣ: «я забылъ тамъ на столѣ пять рублей, пусть они пойдутъ больному на лѣкарство». Я ничего не отвѣтилъ, а на эти пять рублей, которые онъ «забылъ на лѣкарство», распорядился купить сажень дровъ.

Жму вашу руку. Юневичъ.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА[1]).

VI.

Генералъ Я. П. Баклановъ. — Казни въ Вильнѣ: Колышки, Сѣраковскаго и Ковалевскаго.—Намѣстникъ царства Польскаго, великій князь Константинъ Николаевичъ.—Императоръ Александръ II.—Переѣздъ мой въ Кострому и затѣмъ въ Москву.—Н. Г. Рубинштейнъ.—Московское императорское общество охотниковъ конскаго бѣга.—Братъ Александръ и французское анонимное общество «Société minière et industrielle». — Поѣздка въ Парижъ. — Славянофилы и движеніе во время сербо-турецкой войны.

ИНЦИДЕНТЪ Муравьева съ генераломъ Баклановымъ заключался въ слѣдующемъ.

Яковъ Петровичъ Баклановъ, кавказскій герой, любимецъ императоровъ Николая Павловича и Александра Николаевича, былъ по личному соизволенію государя командированъ въ распоряженіе М. Н. Муравьева, которому это, вѣроятно, не понравилось, и онъ поэтому не давалъ Бакланову никакихъ порученій и никакого назначенія.

Цѣлые мѣсяцы Баклановъ, энергичный, здоровый и бодрый старикъ (ему было тогда около 70-ти лѣтъ), проживалъ въ Вильнѣ, ничего не дѣлая, чѣмъ страшно тяготился. Каждый день онъ по нѣскольку часовъ ѣздилъ верхомъ на своей чудной бѣлой лошади. Совершенно случайно онъ познакомился со мной, очень полюбилъ меня, и вотъ неожиданно завязалась оригинальная и трога-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CI, стр. 672.

тельная дружба между 70-ти-лѣтнимъ старикомъ и 24-хъ-лѣтнимъ юношей. Я часто бывалъ у него на Замковой улицѣ, онъ мнѣ разсказывалъ много интереснаго про свою боевую жизнь; разсказы его почти всегда кончались тѣмъ, что онъ приказывалъ сѣдлать лошадей, и мы верхомъ отправлялись кататься, объѣзжая послѣдовательно всѣ окрестности Вильны, изъ которыхъ многія очень красивы и живописны.

Очень некрасивый собой, съ огромной бородавкой на щекѣ, покрытой длинными, густыми волосами, высокаго роста, хорошо сложенный, Яковъ Петровичъ былъ человѣкъ очень умный, хотя и не получившій образованія, происходилъ изъ простыхъ казаковъ и отличался необыкновенной добротой, простотой и поразительной скромностью. Онъ имѣлъ массу орденовъ и знаковъ отличія, но на его казакинѣ виднѣлся только одинъ Георгій.

Сидимъ разъ мы съ нимъ за самоваромъ и бесѣдуемъ. Онъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Уже приказано было сѣдлать лошадей, чтобы ѣхать въ Вѣрки, имѣніе князя Витгенштейна, какъ вдругъ является ординарецъ отъ Муравьева и проситъ Бакланова немедленно явиться къ намѣстнику. Нечего дѣлать, пришлось отложить нашу поѣздку, но Баклановъ просилъ меня остаться у него и дождаться его возвращенія.

Черезъ часъ онъ вернулся серьезный и, казалось, сердитый; быстро сталъ переодѣваться, и мы все-таки поѣхали въ Вѣрки.

Дорогой онъ сначала молчалъ и ѣхалъ насупившись, казалось, соображая и обдумывая что-то; видимо, у Муравьева произошло для него нѣчто непріятное, но такъ какъ онъ не высказывался, то и я не хотѣлъ надоѣдать ему разспросами.

Такъ доѣхали мы почти до самыхъ Вѣрокъ. Вдругъ Баклановъ повеселѣлъ и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Вотъ, Андрюша,—онъ всегда звалъ меня этимъ ласкательнымъ именемъ:—достигъ я до восьмого десятка, а все нѣтъ-нѣтъ, да и возьметъ меня какой-то мальчишескій задоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то малодушіе!..

— Да въ чемъ дѣло, Яковъ Петровичъ, я вѣдь ничего не знаю?

— Муравьевъ назначилъ меня губернаторомъ въ Августовскую губернію, только-что отдѣленную отъ царства Польскаго и присоединенную къ Сѣверо-Западному краю.

— Ну, и слава Богу, у васъ будетъ дѣятельность, въ которой вы можете принести много пользы,—перебилъ я его.

— А я было отказался, — сказалъ Баклановъ. — Меня вдругъ взяли и мальчишескій задоръ, и малодушіе.

— Да разскажите, какъ было дѣло,—присталъ я къ Бакланову, и онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

— Вхожу. Муравьевъ говоритъ мнѣ: «Я васъ назначаю губернаторомъ въ Сувалки, — такъ назывался губернскій городъ Авгу-

стовской губерніи,—потрудитесь поскорѣе собираться, и не позднѣе, какъ послѣзавтра, получить отъ меня инструкціи и наставленія, какъ вамъ дѣйствовать тамъ и что необходимо тамъ сдѣлать». Вотъ и взялъ меня сначала задоръ: какъ это я вдругъ буду дѣйствовать по чужимъ инструкціямъ? Да тутъ же мелькнула и малодушная мысль: какъ это я вдругъ разстанусь съ тобой? Недолго думая, я отвѣтилъ Муравьеву, что отказываюсь ѣхать въ Сувалки. Тотъ насупился и говоритъ: «Это почему?»—«Потому, графъ, отвѣчаю я, что дѣйствовать по чужимъ инструкціямъ я не привыкъ и не умѣю, только на мѣстѣ само дѣло укажетъ, что и какъ. И я могъ бы согласиться ѣхать губернаторомъ только на тѣхъ же неограниченныхъ правахъ, какими вы пользуетесь отъ государя императора». Муравьевъ, видимо озадаченный, задумался, и такъ нахмурился, что даже мнѣ, всякіе виды видавшему, какъ будто страшно стало. Но тутъ Муравьевъ, видимо переломивъ себя, протягиваетъ мнѣ руку и говоритъ: «Хорошо, генералъ, я согласенъ. Поѣзжайте, и завтра же получите назначеніе и деньги».

— Молодецъ Муравьевъ! — перебилъ я Бакланова. — Понялъ, значитъ, что нашла коса на камень.

— А вѣдь все-таки камень-то крѣпче!—засмѣялся Баклановъ.— Пожалуй, коса-то все-таки разлетится, коли очень сильно ударитъ по камню.

Во все остальное время прогулки Баклановъ былъ очень веселъ, много шутилъ и уговорилъ меня попросить Барыкова, чтобы онъ отпустилъ меня проводить его въ Сувалки. Мнѣ не пришлось особенно просить объ этомъ Барыкова, такъ какъ черезъ два дня Баклановъ отправился къ мѣсту своего новаго назначенія въ экстренномъ поѣздѣ до станціи Вилковишки (отъ которыхъ Сувалки, сколько мнѣ помнится, не болѣе, какъ въ 20-ти верстахъ), и мнѣ было поручено сопровождать этотъ поѣздъ. Такъ какъ со станціи Вилковишки, куда я привезъ Бакланова около 7-ми часовъ утра, поѣздъ этотъ порожнимъ долженъ былъ дойти еще одинъ перегонъ въ 16 верстъ до станціи Вержболово, на прусской границѣ, гдѣ онъ на другой день долженъ былъ принять какую-то важную особу (уже не помню, кого), ѣдущую изъ-за границы, то я имѣлъ достаточно времени, чтобы проводить Бакланова до самыхъ Сувалокъ, откуда меня доставили къ вечеру прямо въ Вержболово на лошадяхъ. Поэтому я имѣлъ возможность и удовольствіе присутствовать въ Сувалкахъ при первыхъ распоряженіяхъ Бакланова.

Онъ посадилъ меня съ собой въ коляску, которая выѣхала за нимъ изъ Сувалокъ на станцію Вилковишки, и въ сопровожденіи какого-то полковника, воинскаго начальника, и исправника, встрѣтившихъ его на станціи, мы на четверкѣ прекрасныхъ лошадей быстро домчались до Сувалокъ.

Баклановъ приказалъ исправнику везти себя прямо въ острогъ. Этого, конечно, никто не ожидалъ.

Острогъ содержался въ ужасномъ видѣ. На высказываемое Баклановымъ при осмотрѣ каждой камеры страшное неудовольствіе по этому поводу исправникъ вздумалъ замѣтить, что здѣсь содержатся преимущественно политическіе преступники.

— А что же они, по-вашему, не люди, что ли? — закричалъ Баклановъ и велѣлъ вести себя въ отхожія мѣста, въ которыхъ была просто адская вонь и нечистота.

Тутъ Баклановъ ужъ окончательно вышелъ изъ себя и сказалъ исправнику:

— Чтобы здѣсь завтра было такъ же чисто, какъ у васъ въ кабинетѣ. Не забывайте, что политическіе такіе же люди, какъ и мы съ вами, что они заблуждающіеся, но вѣдь въ заблужденіяхъ и мы бываемъ грѣшны, а ваше заблужденіе уже доказано вашимъ негуманнымъ и несправедливымъ взглядомъ на этихъ несчастныхъ.

Я провелъ очень пріятный затѣмъ день у Бакланова, а вечеромъ уже былъ въ Вержболовѣ, откуда на другой день съ экстреннымъ поѣздомъ воротился въ Вильну.

Съ отъѣздомъ Бакланова въ Сувалки я совершенно потерялъ его изъ виду и никогда съ нимъ больше не встрѣчался, но слышалъ, что его очень любили въ губерніи, да и Муравьевъ былъ очень доволенъ его дѣятельностью.

Муравьевъ былъ крайне недоволенъ черезчуръ гуманнымъ и даже либеральнымъ намѣстникомъ царства Польскаго, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, который будто бы парализовалъ его рѣшительныя дѣйствія по усмиренію Сѣверо-Западнаго края. Ходили слухи, будто онъ даже настаивалъ у государя объ отозваніи великаго князя изъ Варшавы. Фактъ, однако, тотъ, что когда великій князь, вызванный въ Петербургъ, проѣзжалъ черезъ Вильну, то Муравьевъ не выѣхалъ на вокзалъ повидаться съ нимъ, а послалъ коменданта Вяткина. Когда экстренный поѣздъ подошелъ къ станціи, и великій князь, выйдя изъ вагона, видимо искалъ глазами Муравьева, къ нему приблизился Вяткинъ, который и подалъ ему рапортъ. На вопросъ великаго князя: «а гдѣ же Михаилъ Николаевичъ?» Вяткинъ при всѣхъ во всеуслышаніе произнесъ: «Михаилъ Николаевичъ приказалъ доложить вашему императорскому высочеству, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и поэтому пріѣхать на вокзалъ никакъ не можетъ, а что если вашему высочеству угодно его видѣть, то онъ проситъ осчастливить его посѣщеніемъ вашего императорскаго высочества».

Великій князь, разумѣется, былъ очень недоволенъ этимъ. Когда чрезъ нѣсколько дней состоялось высочайшее повелѣніе объ отозваніи изъ Варшавы великаго князя Константина Николаевича

и о назначеніи на его мѣсто намѣстникомъ царства Польскаго графа Берга, и когда онъ проѣзжалъ въ Варшаву за семействомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, по крайней мѣрѣ, за полчаса до прихода великокняжескаго поѣзда пріѣхалъ на вокзалъ. На вопросы приближенныхъ, какъ онъ рѣшился при его слабомъ здоровьѣ въ такую дурную погоду выѣхать на вокзалъ, онъ сказалъ: «Помилуйте, нельзя, теперь ѣдетъ великій князь, родной братъ моего государя!» и при этомъ онъ довольно язвительно улыбнулся.

Великій князь, однако, не забылъ, что Муравьевъ не выѣхалъ къ нему на вокзалъ, когда онъ проѣзжалъ въ Петербургъ въ качествѣ намѣстника царства Польскаго, и въ этотъ проѣздъ жестоко отомстилъ ему за то.

Поѣздъ долженъ былъ притти въ Вильну около 11 часовъ. По росписанію здѣсь былъ назначенъ вечерній чай, который и былъ приготовленъ въ императорскихъ комнатахъ, для чего остановка была назначена въ 35 или 40 минутъ.

Когда поѣздъ подъѣхалъ, мы всѣ видѣли великаго князя стоящимъ у окна, очень привѣтливо раскланивающагося, но когда онъ поровнялся при остановкѣ съ Муравьевымъ и увидѣлъ его, тотчасъ же отошелъ отъ окна и изъ вагона не вышелъ. Подождавъ нѣсколько минутъ, Муравьевъ просилъ доложить великому князю, что онъ желалъ бы быть принятымъ, но адъютантъ, выйдя изъ вагона, сообщилъ ему, что великій князь почиваетъ и никого принимать не желаетъ. У Муравьева было, однако, настолько твердости и такта, что онъ, проглотивъ эту пилюлю, не уѣхалъ тотчасъ же, оставался и ходилъ по платформѣ, пока поѣздъ не ушелъ.

Въ Вильнѣ я смотрѣлъ еще на три казни; меня интересовало: будутъ ли и другіе итти на казнь такъ же твердо и съ такой же вѣрой въ свою правоту, какъ ксендзъ Ишора? Это были Колышко, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій и мой товарищъ по университету Ковалевскій.

Первый шелъ все-таки молодцомъ, только физіономія у него была до того дерзка и нахальна, что онъ совсѣмъ не произвелъ того впечатлѣнія, на которое видимо билъ и разсчитывалъ, такъ что даже непозволительный и возмутительный инцидентъ,—онъ оборвался и былъ уже руками, лежащій на помостѣ, додушенъ палачемъ,—многихъ не привелъ въ ужасъ, а нѣкоторые даже кричали: «такъ ему и надо за тѣ жестокости, которыя онъ дѣлалъ!». Колышко дѣйствительно отличался необыкновеннымъ звѣрствомъ съ русскими, попадавшимися ему въ руки; не говоря уже про то, что онъ всѣхъ вѣшалъ, но онъ даже приказалъ въ одномъ мѣстѣ выпотрошить женщину на послѣднихъ дняхъ беременности и долженствовавшаго родиться ребенка повѣсить рядомъ съ ней.

Бывшій офицеръ нашего главнаго штаба Сѣраковскій умиралъ ниже всякой критики. Онъ до того сробѣлъ, что итти не могъ, и

его везли на извозчикѣ; когда его привезли на Лупишки, и онъ увидѣлъ эшафотъ,—съ нимъ сдѣлалась холера, а когда ему читали приговоръ,—онъ все время ругался самыми площадными словами; когда же онъ услышалъ резолюцію Муравьева на приговорѣ суда: «Это—не офицеръ, а измѣнникъ; собакѣ—собачья и смерть; не разстрѣлять, а повѣсить!»,—то онъ съ неистовымъ крикомъ и плачемъ разразился такими ругательствами, что комендантъ Вяткинъ приказалъ ударить въ барабаны.

Товарищъ мой по университету, Ковалевскій, очень симпатичный молодой человѣкъ, пріятной, но вовсе не мужественной наружности, шелъ, однако, на казнь твердой походкой, но имѣлъ видъ растерянный. Пока ему читали приговоръ, онъ все время дѣлалъ ни къ чему не ведущія возраженія, все надѣясь, вѣроятно, что они могутъ спасти его.

Пошелъ я было еще смотрѣть, какъ должны были казнить юношу лѣтъ 16—17, нѣкоего Липскаго, но въ послѣднюю минуту, когда приговоръ ему былъ уже прочитанъ, и даже была надѣта рубашка съ капюшономъ, закрывающимъ лицо казнимаго, онъ былъ помилованъ Муравьевымъ. Помилованіе, привезенное, слава Богу, еще во̀-время ординарцемъ Муравьева, гласило слѣдующее: «Принимая во вниманіе молодость и просьбы престарѣлой матери, замѣнить Липскому смертную казнь ссылкой въ Сибирь». Когда съ него сняли рубашку, онъ опять увидѣлъ свѣтъ Божій, и ему прочитали помилованіе, этотъ красивый и стройный юноша, казалось, ничего не понималъ; видъ у него былъ совершенно растерянный и удивленный.

За графа Плятера (кажется, витебскаго предводителя дворянства), принимавшаго дѣятельное участіе въ мятежѣ, пойманнаго и содержавшагося въ Динабургской крѣпости, сильно хлопотали его богатые аристократическіе родственники въ Петербургѣ, чтобы освободить его отъ предстоящей ему смертной казни. Чрезъ тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора, свѣтлѣйшаго князя Суворова-Италійскаго, родственникамъ графа Плятера удалось довести свое ходатайство до государя императора Александра Николаевича, который телеграфировалъ Муравьеву помиловать Плятера. На эту просьбу государя Муравьевъ въ тотъ же день телеграфировалъ государю: «Плятеръ повѣшенъ».

Такимъ образомъ даже ходатайство самого государя не спасло Плятера отъ смертной казни.

Во время службы моей на желѣзной дорогѣ я имѣлъ случай неоднократно убѣдиться въ томъ, что результаты всевозможныхъ несчастныхъ приключеній на желѣзныхъ дорогахъ, при совершенно одинаковыхъ, казалось бы, условіяхъ, бываютъ совершенно различные и зависятъ отъ случайностей, которыхъ предвидѣть и предотвратить невозможно. Поломки осей, выходы изъ рельсъ и т. п.

иногда сходятъ благополучно, а другой разъ крайне несчастливо. Казалось бы, что можетъ быть ужаснѣе полетѣть съ локомотивомъ подъ пятнадцатисаженную насыпь, при ходѣ 60 верстъ въ часъ?! Однако мнѣ пришлось продѣлать такую штуку и сравнительно весьма благополучно: когда мы очутились внизу, подъ насыпью, и локомотивъ, сломавъ трубу, оказался лежащимъ кверху колесами, — мы съ машинистомъ остались невредимы; только машинисту Тишгейзеру присыпало ноги каменнымъ углемъ, почему онъ довольно долго не могъ освободить ихъ, а я только ушибъ себѣ слегка грудь; несчастный же кочегаръ, отъ страха соскочившій, когда мы были еще на насыпи, сломалъ себѣ обѣ ноги.

Или, напримѣръ, поломка оси?!... Разъ какъ-то, когда я возвращался съ порожнимъ экстреннымъ поѣздомъ, отвезя куда-то войско, на станцію Рудришки (вторая отъ Вильны), ротный командиръ просилъ меня довезти до Вильны трехъ кашеваровъ роты, отправляемыхъ за провизіей. Сѣли они въ задній вагонъ, въ которомъ, къ несчастью, на первомъ же перегонѣ до Ландварова сломалась ось, и они всѣ трое были не только искалѣчены, но убиты на смерть, несмотря на то, что они сидѣли, казалось, въ самомъ безопасномъ, заднемъ вагонѣ, и что поѣздъ шелъ всего со скоростью лишь 30 верстъ въ часъ.

Другой тоже поразительный случай былъ, когда я сопровождалъ на паровозѣ экстренный царскій поѣздъ (государь возвращался изъ-за границы), шедшій со скоростью слишкомъ 50 верстъ въ часъ. Не доѣзжая четырехъ верстъ до станціи Калкуны, сломалась ось въ переднемъ багажномъ вагонѣ и настолько счастливо, что никто этого не замѣтилъ, и мы такъ, безъ одной оси въ багажномъ вагонѣ, подлетѣли къ станціи Калкуны, гдѣ уже начальникъ станціи съ ужасомъ замѣтилъ это.

На станціи Калкуны, которая всего только въ 7-ми верстахъ отъ Динабурга, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ, остановка предполагалась не болѣе $^{1}/_{2}$—1 минуты, только для пріема путевой телеграммы, но, благодаря необходимости сдѣлать маневры, чтобы выкинуть поврежденный вагонъ, пришлось простоять нѣсколько дольше. Говорили, что всѣ въ поѣздѣ, въ томъ томъ числѣ и государь, отдыхали передъ предстоящимъ въ Динабургѣ обѣдомъ, никто изъ вагоновъ не выходилъ, и никто не зналъ о случившемся. Но, оказалось, государь не почивалъ и, посмотрѣвъ въ открытое окошко своего вагона-спальни, спросилъ, почему мы стоимъ. Когда я объяснилъ государю, что въ багажномъ вагонѣ случилось поврежденіе, и что поэтому его надо выкинуть, государь, никѣмъ не сопровождаемый (потомъ оказалось, что дѣйствительно всѣ власть имущіе спали), вышелъ изъ вагона и подошелъ къ стоявшей фронтомъ на платформѣ ротѣ солдатъ; чтобы не тревожить сопровождавшихъ его, государь не поздоровался съ ротой,

а сталъ очень привѣтливо и ласково разспрашивать двухъ георгіевскихъ кавалеровъ, когда и за что они получили кресты. Когда я доложилъ государю, что все готово, онъ немедленно же ушелъ въ свой вагонъ и, стоя у открытаго окошка, громко попрощался съ ротой, когда поѣздъ уже началъ двигаться.

— Счастливо оставаться, ваше императорское величество!— заревѣла рота.

Крикъ этотъ надѣлалъ переполохъ, и изъ многихъ оконъ стали высовываться недоумѣвающія лица сопровождавшихъ государя, а государь, какъ мнѣ потомъ разсказывали, въ Динабургѣ потѣшался, какъ вся свита чуть было не проспала своего государя.

Много разъ приходилось мнѣ сопровождать экстренные поѣзда съ государемъ Александромъ Николаевичемъ и всегда только удивляться его необычайной добротѣ, простотѣ и ласковости.

Такъ, однажды, при поѣздкѣ государя за границу, прибывъ въ Эйдкуненъ, пограничную прусскую станцію, гдѣ государь пересаживался изъ своего поѣзда въ таковой же экстренный прусскаго короля, мнѣ довелось видѣть слѣдующій случай: когда государь вышелъ на платформу, чтобы садиться въ поданный уже прусскій поѣздъ, онъ увидѣлъ, какъ въ концѣ платформы прусскіе жандармы не пропускали какую-то женщину съ бумагой въ рукахъ, видимо стремившуюся къ нему. Онъ приказалъ немедленно допустить ее до него. Женщина бросилась передъ нимъ на колѣни, но государь тотчасъ же собственноручно поднялъ ее и сказалъ: «Я здѣсь въ гостяхъ и распоряжаться ничѣмъ не могу, но даю вамъ слово, что въ Берлинѣ буду просить за васъ моего брата и друга, вашего короля, Вильгельма». При этомъ онъ передалъ ея прошеніе одному изъ своихъ приближенныхъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что эта женщина жаловалась нашему государю на притѣсненія, чинимыя ей эйдкуненскими властями, что государь не забылъ своего обѣщанія ходатайствовать за нее у короля Вильгельма, и что она получила полное, желательное ею, удовлетвореніе по ея прошенію, поданному нашему государю.

Послѣ графа М. Н. Муравьева, такъ быстро съ корнемъ подавившаго нелѣпый мятежъ 1863 года, намѣстникомъ Сѣверо-Западнаго края былъ назначенъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ, о дѣятельности котораго говорить подробно я не берусь, такъ какъ вскорѣ по его пріѣздѣ я покинулъ Вильну и переселился въ Кострому, куда меня пригласилъ на службу по государственному контролю нашъ старый другъ, Михаилъ Филипповичъ Головачевъ, бывшій управляющимъ Костромской контрольной палаты. Прослуживъ и проживъ въ Костромѣ почти восемь лѣтъ, сначала въ контролѣ, потомъ нотаріусомъ при окружномъ судѣ, я въ августѣ 1874 года переѣхалъ со всей семьей въ Москву, гдѣ открылъ общую комиссіонную контору по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ.

Какъ большой любитель музыки, я, конечно, не преминулъ записаться въ дѣйствительные члены Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, а, какъ любитель лошадей, я состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго рысистаго общества. Посѣщая постоянно всѣ симфоническія собранія, ученическіе при консерваторіи спектакли и музыкальные вечера, я познакомился съ главнымъ воротилой московскихъ музыкальныхъ дѣлъ, Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ, основавшимъ Московскую консерваторію и бывшимъ тогда ея директоромъ. Николай Григорьевичъ былъ очень популяренъ въ Москвѣ и любимъ дамами; при всей грубости обращенія его съ нѣкоторыми ученицами и учениками консерваторіи, они всѣ все-таки чуть не боготворили его. Онъ былъ дѣйствительно истиннымъ отцомъ и покровителемъ учениковъ, особенно бѣдныхъ, съ которыми онъ всегда былъ готовъ подѣлиться своимъ послѣднимъ рублемъ. У Рубинштейна деньги никогда не залеживались въ карманѣ; какъ только заведутся таковыя (а онъ порядочно зарабатывалъ ихъ и концертами, и уроками), онъ сейчасъ раздастъ ихъ бѣднымъ ученикамъ, прокутитъ и проиграетъ въ карты. Эти двѣ послѣднія страсти очень вредили ему, и онѣ немало способствовали разстройству его здоровья и преждевременно свели его въ могилу. Довольно характеренъ слѣдующій инцидентъ: поклонницы Н. Г. Рубинштейна, узнавъ, что у него набралось около 20-ти тысячъ рублей долговъ, собрали по подпискѣ, съ которой хлопотали что-то долго, около полугода, 27 тысячъ рублей, которые и поднесли ему въ корзинѣ цвѣтовъ на одномъ изъ его концертовъ. Въ тотъ же вечеръ Николай Григорьевичъ послѣ концерта отправился съ пріятелями въ ресторанъ «Эрмитажъ» Оливье, гдѣ прокутилъ и проигралъ ихъ въ карты почти всѣ, оставивъ малую толику для раздачи бѣднымъ ученикамъ.

Московское Императорское общество конскаго бѣга своимъ блестящимъ и первенствующимъ въ Россіи положеніемъ было всецѣло обязано тогдашнему вице-президенту, Александру Васильевичу Колюбакину. Статный, очень красивый, еще не старый, Александръ Васильевичъ представлялъ собой типъ истаго русскаго барина и знатока-коннозаводчика. Его небольшой, но отлично подобранный рысистый конный заводъ составлялъ его славу и гордость, и такіе рысаки, какъ его сѣрая «Боевая» и вороная «Чудная», не имѣли въ свое время между матками соперницъ на дальнія разстоянія. Тогда разыгрывались сравнительно небольшіе призы, но рысистый спортъ былъ дѣйствительно спортомъ-охотой, а не коммерческимъ предпріятіемъ, которымъ онъ сталъ теперь, благодаря тотализатору и совершенно измѣнившимся условіямъ и обстоятельствамъ. Теперь уже не встрѣчаются больше такіе истые охотники, какъ, напримѣръ, Діодоръ Андреевичъ Энгельгардтъ, который, бы-

вало, прячется отъ публики гдѣ нибудь въ темномъ углу бѣговой бесѣдки, когда ѣдетъ его «Правнукъ»; какъ Іосифъ Іосифовичъ Даціаро, съ цвѣточкомъ въ петличкѣ, бѣгущій пѣтушкомъ къ своему выигравшему призъ «Крутому 2-му», цѣлующій его въ морду и дающій ему кусочекъ сахара; какъ мужественный, даже отчаянный старикъ, Михаилъ Ивановичъ Бутовичъ, бѣлый, какъ лунь, который плачетъ горькими слезами, когда во время ѣзды, на знаменитомъ «Кряжѣ» Сахновскаго, тотъ, на поворотѣ споткнувшись, сломалъ себѣ переднюю ногу; какъ здоровенный, огромнаго роста, пожилой уже Густавъ Ѳедоровичъ Тегелеръ, блѣдный, какъ полотно, слѣдитъ за бѣгомъ своего злого «Кролика»: секундомѣръ дрожитъ въ его рукахъ, и губы шепчутъ слова молитвы... Даже барышникъ лошадьми, Григорій Савельевичъ Бардинъ, бывало броситъ свою неизмѣнную трубку и начнетъ креститься, когда ѣдетъ его вороной «Гордый», а банкиръ Гавріилъ Гавріиловичъ Волковъ, чуть не плачущій, крестящійся поминутно и шепчущій какія-то непонятныя слова во время бѣга его «Потѣшнаго»... Да, теперь не встрѣчаются больше такіе исключительно только охотники, теперь преобладающій типъ спортсменовъ-гешефтмахеровъ и игроковъ.

Осенью 1876 года, братъ мой, горный инженеръ Александръ Андреевичъ Ауэрбахъ, долженъ былъ поѣхать по дѣламъ въ Парижъ, въ главное управленіе «Société minière et industrielle» (горнопромышленное общество), каменноугольными копями котораго онъ управлялъ на югѣ Россіи. Братъ предложилъ мнѣ, какъ ихъ комиссіонеру въ Москвѣ, проѣхаться съ нимъ въ Парижъ, на что̀ я съ удовольствіемъ согласился, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ я въ Парижѣ еще не бывалъ.

Парижъ не произвелъ на меня ожидаемаго впечатлѣнія, а большинство громадныхъ домовъ, построенныхъ изъ сѣраго дикаго камня, съ неизбѣжными мансардами, почти всѣ одинаковой архитектуры, просто удручали. Слѣдовъ послѣдней франко-прусской (1870 г.) войны никакихъ уже не было замѣтно. Огромный всемірный городъ кишѣлъ, какъ муравейникъ, особенно по вечерамъ. Пока братъ каждое утро до самаго обѣда бывалъ занятъ въ своемъ управленіи, въ которомъ у меня собственно никакихъ дѣлъ не было, я рыскалъ по всему Парижу и осматривалъ все, что только было возможно, и какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ, даже дикимъ, пожалуй, только ничто меня не поразило, и ничто на меня не производило очень сильнаго впечатлѣнія, ничего я не находилъ особенно оригинальнаго и величественнаго. То ли дѣло московскій Кремль или Василій Блаженный!..

Что мнѣ очень понравилось, это—роскошная улица Елисейскихъ полей (Champs Elysés), Булонскій лѣсъ, мѣстами очень напоминающій Петровскій паркъ, и зданіе Новой оперы, которое находится

только въ столь тѣсно застроенномъ мѣстѣ, что далеко не можетъ произвести такого грандіознаго впечатлѣнія, какъ Московскій Большой театръ. Насколько хороша, красива и изящна Новая опера снаружи и ея роскошный vestibule съ чудной мраморной входной широкой лѣстницей, настолько же этотъ театръ показался мнѣ неудобенъ и даже мизеренъ внутри, какъ и всѣ остальные театры въ Парижѣ, въ которыхъ мнѣ удалось быть.

Нѣтъ, наши театры куда удобнѣе и красивѣе! Желѣзныя дороги наши по удобствамъ, предоставляемымъ пассажирамъ, тоже далеко оставляютъ за собой всѣ заграничныя, особенно французскія. А мы еще ворчимъ и ругаемся: вотъ до чего у насъ развита страсть бранить все свое и восхищаться всѣмъ заграничнымъ! Правда, мы ѣздимъ тише, но зато мы ѣдемъ у насъ гораздо удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ тамъ; даже крушенія поѣздовъ при сравнительно тихой ѣздѣ у насъ никогда не бываютъ такъ ужасны и не уносятъ столько жертвъ, какъ крушенія заграничныхъ Schnelzug'овъ и экспрессовъ.

Бывши первый разъ въ оперѣ въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, съ знаменитымъ Форомъ въ заглавной партіи, и сидѣвъ во 2-мъ или 3-мъ ряду партера, съ его неудобными, узкими и тѣсными подъемными скамейками, я невольно вспомнилъ происшествіе, случившееся въ этомъ же театрѣ, съ моимъ большимъ пріятелемъ и другомъ, П. С. Андруцкимъ, который былъ очень толстъ. Сидитъ онъ въ оперѣ; рядомъ съ нимъ парочка, видимо мужъ и жена, которые при каждомъ выходѣ въ антрактѣ толстяка Андруцкаго дѣлаютъ гримасы и выражаютъ мимикой неудовольствіе, что онъ, пролѣзая мимо нихъ, жметъ ихъ своимъ животомъ. Въ одномъ изъ антрактовъ Андруцкій что-то запоздалъ въ фойэ и пробирался на свое мѣсто, когда дѣйствіе уже началось; дама наконецъ не вытерпѣла и говоритъ своему мужу по-русски: «какъ мнѣ надоѣла эта толстая свинья». Тогда Андруцкій обратился къ ней: «позвольте познакомиться, вѣдь такъ пріятно встрѣтить на чужбинѣ родного человѣка».

Супруги, конечно, страшно сконфузились и сейчасъ же покинули свои мѣста.

Меня вообще часто удивляли русскія дамы, которыя почти всегда въ магазинахъ, ресторанахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ въ Россіи стараются говорить по-французски, воображая, что ихъ никто не понимаетъ, за границей наоборотъ всегда болтаютъ по-русски по той же причинѣ, отчего весьма часто происходятъ преуморительныя qui pro quo. Такъ однажды въ Вѣнѣ мнѣ довелось жестоко сконфузить двухъ моихъ соотечественницъ; пошелъ я завтракать въ ресторанъ-садикъ Hôtel'я Imperial' я и занялъ столикъ рядомъ съ двумя молодыми дамами, повидимому, русскими аристократками, безъ умолку трещавшими по-русски. Сижу, ѣмъ, а самъ внимательно

прислушиваюсь къ ихъ болтовнѣ. Боже! чего-чего только онѣ ни разсказывали другъ другу про свои любовныя похожденія вообще, а про заграничныя въ особенности! Одной изъ нихъ понадобилась соль, не оказавшаяся на ихъ столѣ, и она сказала тоже по-русски: «какъ здѣсь невнимательно прислуживаютъ, даже солонки нѣтъ на столѣ». Я воспользовался этимъ случаемъ и, прежде чѣмъ она успѣла подозвать кельнера, подалъ ей солонку со своего столика и сказалъ: «позвольте услужить вамъ, мнѣ соль не нужна». Надо было видѣть, какъ онѣ были озадачены! Не докушали своего завтрака и сейчасъ же убѣжали. Тогда я крикнулъ имъ вслѣдъ: «Mesdames! теперь ужъ поздно; я все равно все слышалъ, такъ не лишайте себя удовольствія докушать свой завтракъ». Но онѣ все-таки ушли.

Во время нашего пребыванія въ Парижѣ, тамъ много говорили о сербахъ и геройскихъ подвигахъ русскихъ добровольцевъ, такъ храбро подъ начальствомъ Михаила Григорьевича Черняева защищавшихся отъ турокъ и стремившихся освободить Сербію отъ зависимости Турціи. Въ Парижѣ всѣ были убѣждены, что эта борьба маленькой Сербіи и еще болѣе миніатюрной, но мужественной, воинственной и храброй Черногоріи противъ вдесятеро сильнѣйшей ихъ Турціи должна непремѣнно встрѣтить не только поддержку, но и существенную помощь со стороны могущественной Россіи, которая и прежде уже не разъ объявляла войну Турціи въ защиту своихъ единовѣрцевъ; вообще тамъ уже поговаривали о скоро предстоящей войнѣ Россіи съ Турціей.

Въ самомъ началѣ декабря мы съ братомъ Александромъ вернулись въ Россію и застали уже общее воинственное настроеніе, распространенное даже въ народныхъ массахъ. Это воинственное настроеніе было сильно развито агитаціей славянофиловъ, которые уже болѣе года дѣйствовали очень энергично, снаряжали и отправляли добровольцевъ въ Сербію, куда устремились и лучшіе люди Россіи, какъ М. Г. Черняевъ, Н. Н. Кирѣевъ, М. Н. Раевскій и многіе другіе, и куда добровольцы рвались и направлялись тысячами.

Самыя восторженныя, смѣлыя, разжигающія патріотизмъ статьи наполняли столбцы и страницы славянофильскихъ газетъ и журналовъ. Ю. Ф. Самаринъ, В. И. Аристовъ и особенно И. С. Аксаковъ блистали тогда своимъ убѣжденнымъ краснорѣчіемъ и ратовали за необходимость освободить наконецъ совсѣмъ своихъ единовѣрцевъ-славянъ Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига. А тутъ начались еще звѣрства башибузуковъ въ Болгаріи, и чаша терпѣнія оказалась переполненной.

VII.

Манифестъ 12 апрѣля 1877 года о войнѣ съ Турціей. — Общественное недовольство интендантскими и продовольственными порядками въ дѣйствующей арміи. — Командировка меня на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ уполномоченнаго отъ одного московскаго купеческаго общества. — Препятствія въ пути. — Отъ Москвы до Бухареста. — Фратешти, Журжево, Зимница.

Въ январѣ 1877 года начались военныя приготовленія, стягивались войска въ Бессарабію близъ румынской границы, и 12 апрѣля наконецъ былъ объявленъ высочайшій миинифестъ, возвѣщавшій, что русскій народъ не можетъ больше терпѣть страшнаго притѣсненія, угнетенія и мученій своихъ единовѣрцевъ, чинимыхъ надъ ними турками-магометанами, и что поэтому царь, заключивъ оборонительный и наступательный союзъ съ единовѣрной намъ Румыніей, объявляетъ Турціи войну, увѣренный въ доблестной побѣдѣ храброй русской арміи, идущей воевать за вѣру, царя и отечество.

Главнокомандующимъ дѣйствующей арміи государь назначилъ своего брата, великаго князя Николая Николаевича старшаго, который 12 апрѣля, въ день объявленія войны, оказался уже на границѣ, и въ тотъ же день наши войска перешли рѣку Прутъ...

Черными пятнами войны съ Турціей 1877—1878 годовъ были два товарищества—одно, основанное евреемъ Горвицемъ подъ фирмою «Горвицъ, Грегеръ и Коганъ», по снабженію дѣйствующей арміи продовольствіемъ; другое — тоже еврея Варшавскаго, по снабженію арміи подводами (погонцами) для подвоза продовольствія въ мѣста дѣйствій арміи и обратно для эвакуаціи раненыхъ и больныхъ. Агенты компаніи Горвица, по неаккуратности и недобросовѣстности ихъ, а погонцы Варшавскаго, по заморенности лошадей и по неудобству ихъ телѣженокъ для эвакуаціи раненыхъ, и вообще обѣ компаніи, по ихъ дороговизнѣ, сдѣлались притчей во языцѣхъ и возбуждали страшный ропотъ въ войскахъ и всеобщее неудовольствіе общественнаго мнѣнія...

Въ разговорахъ и разсужденіяхъ по этому поводу во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ: въ клубахъ, трактирахъ, и вообще во всѣхъ гостиныхъ даже частныхъ домовъ, встрѣчалось, конечно, много сплетенъ, кривотолковъ, нелѣпостей и небылицъ уже потому, что огромное большинство говорившихъ, разсуждавшихъ и критиковавшихъ не имѣли сами никакого понятія о войнѣ, способахъ ея веденія, путяхъ сообщенія и тѣхъ невозможныхъ, неожиданныхъ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу не только въ передвиженіяхъ войскъ, но еще болѣе всего въ снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ.

Война, сама по себѣ, такое страшное народное бѣдствіе, что особенно много толковать и сокрушаться о единичныхъ личностяхъ и явленіяхъ нельзя, да и не слѣдуетъ, а нужно только

заботиться, чтобы намѣченная цѣль была достигнута какъ можно скорѣе и со сколь возможно меньшими жертвами.

Когда я вращался по своимъ дѣламъ преимущественно въ коммерческомъ обществѣ, въ нашей компаніи тоже очень много судили, рядили и осуждали существующіе въ интендантствѣ и товариществѣ Горвица безпорядки, ругали ихъ и маркитантовъ, что они всѣ страшно наживаются и просто обижають офицерство и солдатъ, заставляя ихъ платить непомѣрныя цѣны за самые необходимые предметы потребленія. Такъ разсказывали, будто за бутылку Поповской или Смирновской водки они брали не менѣе двухъ рублей золотомъ; за фунтъ сахара—по четыре, дешево по три франка; за пару сапоговъ—по двадцати рублей и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Въ концѣ концовъ наша компанія рѣшила отправить на театръ военныхъ дѣйствій, непосредственно къ дѣйствующей арміи, два-три вагона самыхъ необходимыхъ предметовъ, которые и продавать тамъ безъ всякаго барыша по цѣнѣ, въ которую они себѣ обойдутся съ доставкой въ Болгарію. Но для этого надо было ѣхать кому нибудь изъ насъ, а не посылать приказчика, который могъ бы злоупотребить нашимъ довѣріемъ и постараться нажиться за нашъ счетъ, тогда какъ наше побужденіе и цѣль были только прійти на помощь и доставить войскамъ самое необходимое по самой дешевой, по возможности, цѣнѣ и доказать, какъ безсовѣстно разные поставщики и маркитанты эксплуатируютъ ихъ, сами при этомъ значительно наживаясь.

Выборъ палъ на меня, и я, конечно, отъ этой чести не отказался, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно было очень интересно лично убѣдиться въ основательности или лжи всего того, о чемъ такъ много говорили вообще и писалось въ газетахъ.

Послѣ второй неудачной Плевны мы принялись очень энергично за осуществленіе нашей идеи и въ нѣсколько дней сформировали и собрали нашъ отрядъ и самые необходимые, казалось намъ, предметы, въ которые вошли: 10 бочекъ сахара; 500 фунтовъ чая; 30 ящиковъ Поповской и Смирновской водки; 5 ящиковъ крѣпкихъ винъ; 10 ящиковъ папиросъ разныхъ; 5 ящиковъ табаку разнаго; 200 паръ высокихъ сапоговъ; 200 романовскихъ полушубковъ; 15 ящиковъ теплыхъ перчатокъ, рукавичекъ, носковъ, чулокъ, шарфовъ, фуфаекъ и еще разной мелочи.

Рѣшено было взять въ помощь мнѣ артельщика, и для удешевленія провоза раздобыли даже нѣсколько бланковъ Краснаго Креста, которыми я могъ бы воспользоваться въ мѣстахъ, гдѣ встрѣтятся особенныя затрудненія въ дальнѣйшемъ слѣдованіи ввѣренныхъ мнѣ для доставки въ дѣйствующую армію товаровъ, а также везти ихъ съ собой большой скоростью, т.-е. съ пассажирскими поѣздами.

Отъ Москвы до Кишинева вагоны съ нашими товарами прошли безпрепятственно и безостановочно съ тѣми же пассажирскими по-

ѣздами, въ которыхъ ѣхали и мы, то-есть я и артельщикъ Мазуринской артели, Марковъ, но въ Кишиневѣ пришлось прожить дня три, пока наконецъ удалось прицѣпить наши вагоны къ пассажирскому поѣду до Унгенъ.

Въ Унгенахъ, на румынской границѣ, опять задержка, и только, благодаря бланку Краснаго Креста и особенному содѣйствію мѣстнаго жандармскаго капитана Брандта, мнѣ удалось добиться черезъ два дня быть отправленнымъ съ моими вагонами дальше. Такъ какъ въ Унгенахъ пришлось перегружаться изъ нашихъ вагоновъ въ вагоны Румынской желѣзной дороги, то мнѣ удалось, съ помощью капитана Брандта, настоять на отправкѣ ихъ съ пассажирскимъ поѣздомъ, какъ груза Краснаго Креста, прямо до Бухареста.

Благополучно добрались мы лишь до Яссъ, бывшей столицы Валахіи, гдѣ меня, однако, опять задержали, несмотря на то, что мои вагоны бюли направлены изъ Унгенъ прямымъ сообщеніемъ до Бухареста. Никакіе резоны и указываемые мною доводы не помогали. Я говорилъ съ начальникомъ станціи и по-русски, и понѣмецки, и по-французски, но получалъ постоянно только одинъ отвѣтъ по-румынски: «нушти», что̀ означало—«не понимаю». Въ концѣ концовъ на другой день мои вагоны выгрузили въ Яссахъ, безъ всякой церемоніи, прямо на платформу пассажирскаго вокзала и даже не приставили къ вещамъ никакого караула, такъ что мы съ Марковымъ день и ночь, по очереди, сами караулили наши товары. Такъ прожили мы въ Яссахъ два дня, не имѣя никакого представленія о томъ, когда же наконецъ Румынское желѣзнодорожное начальство соблаговолитъ отправить насъ дальше. Отъ скуки я ѣздилъ осматривать этотъ старинный, исторически извѣстный, даже близкій намъ по нашимъ давнишнимъ и многочисленнымъ войнамъ съ Турціей городъ, но ничего выдающагося и особенно интереснаго въ немъ не нашелъ и не видѣлъ.

На мое счастіе, на третій день нашего пребыванія въ Яссахъ, встрѣчаю на платформѣ, во время прибытія пассажирскаго поѣзда изъ Бухареста, выходящимъ изъ вагона I-го класса М. А. Ротчева, моего бывшаго сослуживца на Варшавской желѣзной дорогѣ, завѣдывавшаго во время этой войны перевозкой войскъ и военныхъ грузовъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Разговорились. Когда я повѣдалъ ему свои печали, онъ спросилъ меня:

— Есть у васъ деньги?

— Есть,—отвѣчалъ я.

— Такъ покажите радужную начальнику станціи, и вамъ сейасъ же дадутъ вагоны. Здѣсь, батенька мой,—продолжалъ онъ,—еперь безъ денегъ ничего не подѣлаете.

Я тотчасъ же разыскалъ начальника станціи, и когда показалъ ему радужную бумажку, онъ взялъ меня подъ руку и, прохаживаясь со мной по платформѣ, хотя и на ломанномъ, но все-таки весьма понятномъ русскомъ языкѣ, сталъ торговаться со мной, заломивъ сначала за два вагона пятьсотъ рублей. Поторговались— кончили на трехъ стахъ рубляхъ. Немедленно подали мнѣ подъ нагрузку два вагона и поставили ихъ у платформы около того мѣста, гдѣ былъ сложенъ мой товаръ. Въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ мы наконецъ покинули Яссы.

На разсвѣтѣ пріѣхали въ Романы, гдѣ съ дорогой, идущей отъ русской границы, соединяется таковая же, идущая изъ Черновицъ, города Австрійской Галиціи.

Мои два вагона и здѣсь приказали было отцѣпить, увѣряя, что съ австрійскимъ поѣздомъ пришло очень много вагоновъ съ орудіями и спѣшнымъ военнымъ грузомъ, и потому де отправка моихъ вагоновъ дальше задержится, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. На эти увѣренія начальника станціи я вынулъ бумажникъ и, когда показалъ магическую радужную ассигнацію, сейчасъ же покончилъ на двухъ стахъ рубляхъ—вагоны отцѣплены не были, и я съ тѣмъ же поѣздомъ преблагополучно отправился дальше.

Отъ Романъ до Бухареста я добрался съ моими вагонами уже безъ задержекъ.

Въ Бухарестѣ я долженъ былъ остановиться, чтобы узнать, какимъ путемъ и куда теперь всего цѣлесообразнѣе и удобнѣе направиться мнѣ съ моими товарами. Начальникъ станціи въ Бухарестѣ весьма любезно, не взявъ съ меня ни гроша, согласился оставить мои вагоны запломбированными, то-есть не выгружать ихъ нѣсколько дней, покуда я соберу необходимыя справки. Для наблюденія за вагонами я оставилъ артельщика Маркова на вокзалѣ, а самъ поѣхалъ въ городъ на извозчикѣ (большинство и лучшіе извозчики въ Бухарестѣ русскіе скопцы), который привезъ меня въ гостиницу Метрополь, расположенную на главной, лучшей улицѣ, прямо противъ королевскаго дворца.

Всѣ, какъ русскіе, такъ и румыны, увѣряли меня, что я съ товарами въ дѣйствующую армію никакъ не проберусь, такъ какъ далѣе Фратештъ по желѣзной дорогѣ уѣхать нельзя, а грунтовыя дороги сдѣлались положительно непроѣздными. Всѣ совѣтовали мнѣ распродать товары, хотя бы и съ небольшимъ убыткомъ, здѣсь же въ Бухарестѣ и спокойно возвратиться въ Москву. Но я всю жизнь отличался въ такихъ случаяхъ отчаяннымъ упорствомъ, и чѣмъ болѣе встрѣчалось препятствій къ достиженію намѣченной цѣли, тѣмъ настойчивѣе я всегда стремился къ ней. А въ данномъ случаѣ я даже и представить себѣ не могъ, какъ это я вдругъ вернусь въ Москву, не исполнивъ возложеннаго на меня порученія...

Рѣшено—ѣду по желѣзной дорогѣ до послѣдняго возможнаго пункта, а тамъ видно будетъ.

Фратешты, послѣдняя небольшая станція желѣзной дороги передъ Журжевомъ, до котораго поѣзда желѣзной дороги въ это время не доходили по случаю бомбардировки этого города изъ Рущука расположеннаго противъ него на правомъ турецкомъ берегу Дуная,—превратилась волей-неволей въ конечный пунктъ желѣзной дороги, въ которомъ образовалось чистѣйшее вавилонское столпотвореніе.

Въ виду скопленія въ Фратештахъ воинскихъ, санитарныхъ, эвакуаціонныхъ для раненыхъ и больныхъ и другихъ поѣздовъ, пришлось очень быстро расширить эту маленькую станцію укладкой запасныхъ путей; тамъ же былъ устроенъ и перевязочный пунктъ, гдѣ прибывающіе туда изъ Зимницы на подводахъ раненые перевязывались, получали самую необходимую помощь и оттуда какъ можно скорѣе отправлялись въ эвакуаціонныхъ, санитарныхъ поѣздахъ въ госпитали, распоженные въ Бухарестѣ, Яссахъ и далѣе въ Россіи.

Такъ какъ никакого селенія около самыхъ Фратештъ не было, станціонныя же помѣщенія были настолько малы, что даже не могли вмѣщать всѣхъ служащихъ желѣзной дороги, число которыхъ должно было значительно увеличиться, благодаря обстоятельствамъ, то этотъ временный перевязочный пунктъ былъ устроенъ въ палаткахъ, приблизительно на триста человѣкъ раненыхъ.

Врачебный персоналъ и сестры милосердія помѣщались тоже въ палаткахъ за запасными путями, приблизительно въ одной верстѣ отъ станціи.

Вотъ гдѣ я во-очію убѣдился въ мужествѣ, геройствѣ и самоотверженіи нашего медицинскаго персонала и преимущественно нашихъ сестеръ милосердія, которыя работали тамъ до изнеможенія при невозможно тяжелыхъ условіяхъ, не падали духомъ, а еще находили слова утѣшенія и ободренія каждому раненому. Понятно, что не только офицеры, но и солдаты буквально боготворили сестрицъ, какъ они ихъ называли.

Здѣсь же во Фратештахъ я познакомился съ первыми ужасами войны и собственными глазами видѣлъ такія картины, отъ которыхъ и теперь, при одномъ воспоминаніи о нихъ, морозъ пробѣгаетъ по тѣлу, и волосы готовы стать дыбомъ...

На другой дань моего прибытія во Фратешты съ утра шелъ холодный, пронизывающій до костей, частый, чисто нашъ русскій осенній дождь. Почва раскисла и размякла до того, что трудно было пройти нѣсколько десятковъ шаговъ. Въ такое-то время пришелъ транспортъ раненыхъ изъ-подъ Плевны, въ количествѣ около трехъ тысячъ человѣкъ; тяжело раненые лежали на телѣженкахъ югонцевъ, а сравнительно легко раненые, даже съ оторванными руками и контуженными головами, шли пѣшкомъ. Стоны, доходи-

вшіе у нѣкоторыхъ до криковъ, раздирали душу, а тутъ ихъ еще и размѣстить негдѣ!...

Доктора обходили весь транспортъ и распредѣляли раненыхъ на три категоріи: очень тяжело раненыхъ сейчасъ же на носилкахъ разносили по палаткамъ, въ которыхъ было всего-на-всего только триста кроватей; не такъ тяжело раненыхъ размѣстили по порожнимъ товарнымъ вагонамъ, которые были поставлены на крайній отдѣльный путь, по которому маневрированіе локомотива и другихъ вагоновъ было закрыто; а легко раненымъ было предоставлено оставаться подъ открытымъ небомъ и размѣщаться, для прикрытія себя отъ дождя, подъ вагонами, занятыми ихъ товарищами.

Надо было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ, съ какой любовью и лаской сестрицы шлепали чуть не по колѣно въ грязи, переходя отъ одной группы раненыхъ къ другой, разнося всюду помощь и слова утѣшенія. Съ какимъ мужествомъ онѣ, въ большинствѣ принадлежавшія къ интеллигентнымъ семьямъ, размывали и перевязывали вонючія, кишащія червями, раны и язвы!... Признаюсь, я больше удивлялся мужеству и терпѣнію этихъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, чѣмъ бывшихъ въ бою, раненыхъ и страдающихъ теперь офицеровъ и солдатъ...

Въ довершеніе всего къ вечеру того же дня подошла къ Фратештамъ еще партія въ пять тысячъ слишкомъ плѣнныхъ турокъ, въ числѣ коихъ было тоже порядочное количество раненыхъ, а всѣ они вообще были крайне плохо одѣты. Промокшіе, продрогшіе до костей, голодные, они ужасно страдали, а найти имъ мѣсто, гдѣ бы они могли укрыться отъ дождя, отогрѣться и отдохнуть по-человѣчески, не было никакой возможности.

О прибытіи обѣихъ этихъ партій—русскихъ раненыхъ и плѣнныхъ турокъ—было дано знать заблаговременно; поэтому горячая пища и чай были приготовлены, но подъ длиннымъ навѣсомъ, гдѣ были кухни, могли единовременно приходить и размѣщаться для ѣды, за длинными досчатыми столами, не болѣе ста человѣкъ. Пришлось опять сортировать и турокъ — болѣе утомленные и слабые, по очереди, ходили ѣсть подъ навѣсъ, а остальнымъ щи съ мясомъ и хлѣбъ отпускались въ ихъ манерки, и имъ приходилось питаться подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ кормежка этихъ несчастныхъ турокъ продолжалась почти всю ночь. Всюду горѣли костры, около которыхъ только и могли хоть немного обогрѣваться и обсушиваться всѣ несчастные, обреченные проводить эту ужасную ночь на открытомъ воздухѣ. Къ счастью, около полуночи дождь прекратился. Опять и всю ночь сестры милосердія рыскали и между турками, стараясь помочь имъ, чѣмъ только могли. Умилительно было видѣть, какъ съ вечера легко раненые русскіе тѣснились и тащили къ себѣ подъ вагоны

нѣкоторыхъ особенно промокшихъ турокъ, чтобы дать имъ возможность, хоть не надолго, укрыться отъ дождя. Какъ вѣрно подтвердилось здѣсь, что у русскаго солдата врагъ существуетъ только во время боя—кончился бой, и этого самаго врага, котораго онъ только-что стрѣлялъ и кололъ штыкомъ, русскій солдатъ принимаетъ уже, какъ друга, которому готовъ помочь и съ которымъ радъ подѣлиться послѣднимъ...

Я всю ночь бродилъ между ранеными русскими и плѣнными турками, кого угощая водкой, кого снабжая булкой (къ счастью, на станціи въ буфетѣ ихъ было заготовлено много),—мнѣ просто не спалось и было какъ-то совѣстно пойти развалиться въ вагонѣ I класса, въ которомъ начальникъ станціи любезно предложилъ мнѣ помѣщеніе, за неимѣніемъ другого. Какъ уснуть сравнительно удобно здоровому человѣку, когда такая масса раненыхъ и плѣнныхъ мучениковъ страдала на дождѣ и холодѣ?!...

Бродивши между турками, я удивлялся ихъ адскому терпѣнію и выносливости, ничѣмъ не уступающимъ русскимъ. Не одинъ десятокъ ихъ умерло въ эту ночь въ грязи и мокротѣ, безъ жалобъ и даже безъ стоновъ...

Когда на разсвѣтѣ тысяча съ чѣмъ-то турокъ, болѣе слабыхъ, были разсажены по вагонамъ и отправлены съ поѣздомъ, а остальныхъ погнали опять пѣшкомъ подъ конвоемъ до Бухареста, на мѣстѣ ихъ ночлега было найдено нѣсколько десятковъ труповъ, которые подобрали и похоронили, т.-е. попросту зарыли въ одну общую большую яму, верстахъ въ трехъ отъ Фратештъ.

Еще во время ночи, зайдя въ станціонный буфетъ обогрѣться и выпить чая, я узналъ, что утромъ пойдетъ по направленію къ Журжеву воинскій поѣздъ съ подкрѣпленіями и снарядами для бомбардировки Рущука. Мнѣ не стоило особаго труда пристроиться въ этомъ поѣздѣ, чтобы побывать въ Журжевѣ и рѣшить, куда мнѣ направиться далѣе съ моимъ товаромъ.

Въ десять часовъ утра мы тронулись изъ Фратештъ въ поѣздѣ, состоявшемъ всего изъ пятнадцати вагоновъ — нѣсколько товарныхъ съ патронами и снарядами, остальные съ матросами и офицерами.

Не доѣзжая верстъ пяти до Журжева, поѣздъ остановился въ полѣ, гдѣ уже дожидались подводы для пріема съ него патроновъ и снарядовъ. Матросы и солдаты принялись за выгрузку вагоновъ, а офицеры и я съ ними отправились въ городъ пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги. Когда городъ былъ уже въ виду, мы отъ времени до времени слышали единичные пушечные выстрѣлы, раздававшіеся довольно рѣдко: это взаимно угощали другъ друга русскіе турокъ въ Рущукѣ, а турки русскихъ въ Журжевѣ. Тѣмъ не менѣе, войдя въ городъ, мы сейчасъ же встрѣтили извозчиковъ, изъ которыхъ и я взялъ одного, чтобы поѣхать осмотрѣть городъ.

Городъ Журжево представлялъ изъ себя довольно жалкій видъ: нѣкоторые дома, особенно ближніе къ Дунаю, порядочно-таки пострадали отъ бомбардировки, виднѣлись сквозныя дыры и въ каменныхъ стѣнахъ, и въ крышахъ; нѣкоторые дома были сожжены; на улицахъ встрѣчались преимущественно наши солдаты и матросы, но между ними и жители, не покинувшіе города.

Въ одной изъ улицъ вдругъ слышу: меня кто-то окликаетъ. Удивленно оглядываюсь. Ба! старый костромской хорошій знакомый, С. С. Вороновъ, морякъ. Выскакиваю, конечно, изъ экипажа, бѣгу къ нему. Объятія, поцѣлуи. Онъ — пораженъ видѣть меня въ Журжевѣ, я—крайне радъ встрѣтить знакомаго человѣка, отъ котораго могу собрать свѣдѣнія и узнать, что мнѣ нужно.

Вороновъ сейчасъ же потащилъ меня къ себѣ на квартиру, вѣрнѣе сказать, въ занимаемую имъ комнату въ подвальномъ этажѣ небольшого каменнаго дома на берегу Дуная, сравнительно порядочно уцѣлѣвшаго, хотя и пострадавшаго отъ бомбардировки. Денщикъ сейчасъ же подалъ намъ приличную выпивку и закуску, вскорѣ подошли еще лейтенантъ и мичманъ, и мы вмѣстѣ отлично позавтракали и препорядочно выпили.

Тутъ я узналъ, что капитанъ 2-го ранга Вороновъ съ нѣсколькими офицерами и командой матросовъ командированъ въ Журжево, чтобы немедленно по заключеніи перемирія, о которомъ шелъ уже упорный слухъ, изслѣдовать фарватеръ Дуная, между Журжевомъ и Рущукомъ, для выбора мѣста, гдѣ бы удобнѣе всего было соединить эти два города плавучимъ мостомъ.

Я, съ своей стороны, разсказалъ компаніи, какъ и почему я сюда попалъ, и когда Вороновъ узналъ, что я везу съ собой нѣсколько ящиковъ Смирновской и Поповской водки, онъ пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Мы уже давно не видали хорошей водки,—говорилъ онъ.— Пьемъ все время или вонючій спиртъ, или довольно скверный коньякъ; поэтому, милѣйшій Андрей Андреевичъ, извольте немедленно прислать намъ изъ Фратештъ ящичекъ Поповки, этой живительной для русскаго человѣка влаги.

— Ладно,—отвѣчалъ я,—постараюсь.

— Нѣтъ, братъ, не постараюсь, а непремѣнно!—перебилъ меня Вороновъ.—Такъ какъ вы съ этимъ же поѣздомъ сегодня возвращаетесь въ Фратешты, а дня черезъ два, можетъ быть, даже завтра, оттуда пойдетъ сюда опять поѣздъ съ какими нибудь снадобьями и командами, то съ вами поѣдетъ сегодня матросъ, которому и передайте обѣщанное. Повалишинъ, распорядись!

Черезъ какіе нибудь полчаса предсталъ передъ нами бравый матросъ, которому поручено было сопровождать меня до Фратештъ и получить тамъ отъ меня ящикъ съ патронами (какъ сказали ему), который и доставить начальнику при первой возможности.

Пришло время разставаться; чтобы не опоздать къ отходу поѣзда, послали за извозчикомъ, который вò-время доставилъ меня съ матросомъ къ мѣсту остановки поѣзда, а нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ изъ Рущука какъ будто провожали насъ.

Всѣ военные грузы, войска для пополненія убыли въ дѣйствующей арміи, даже тяжелыя осадныя орудія направлялись изъ Фратештъ гужомъ на Зимницу, мѣстечко, расположенное на лѣвомъ берегу Дуная, противъ города Систова, гдѣ въ іюнѣ наши войска совершили свой доблестный переходъ черезъ Дунай на понтонахъ и лодкахъ.

Изъ этихъ понтоновъ, по занятіи Систова нашими войсками, былъ устроенъ между Зимницей и Систовомъ мостъ, который служилъ единственнымъ путемъ сообщенія всей дѣйствовавшей за Дунаемъ арміи съ ея тыломъ, т.-е. съ Румыніей, служившей ея базисомъ.

Возвратясь въ Фратешты, я рѣшилъ направиться со своими вещами этимъ же военнымъ трактомъ, но для этого надо было прежде съѣздить въ Зимницу одному, чтобы убѣдиться въ возможности отправиться туда съ транспортомъ, требовавшимъ, по крайней мѣрѣ, шестидесяти подводъ, которыхъ раздобыть можно было только тамъ, какъ меня увѣряли во Фратештахъ.

Какъ разъ въ этотъ же вечеръ пріѣхалъ изъ Зимницы во Фратешты какой-то генералъ въ небольшой наемной коляскѣ, на тройкѣ. Несмотря на то, что извозчикъ былъ изъ Систова, и ему во всякомъ случаѣ надо было ѣхать обратно, онъ запросилъ съ меня за эту поѣздку семь полуимперіаловъ. Это за разстояніе всего въ 35 верстъ?!... Какъ я ни торговался съ нимъ, предлагая ему, казалось мнѣ, сумасшедшую цѣну—три золотыхъ, онъ долго не соглашался взять менѣе семи золотыхъ, но когда наконецъ къ ночи, послѣ прихода Бухарестскаго поѣзда, онъ убѣдился, что никого нѣтъ болѣе желающихъ воспользоваться экипажемъ, онъ согласился увезти меня за пять полуимперіаловъ. Дѣлать нечего, пришлось согласиться

На разсвѣтѣ, взявъ съ собой только одну подушку, маленькій. саквояжъ съ чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ и кое-какой закуской, да небольшой погребецъ съ посудой и ромомъ, удобно усѣвшись въ коляскѣ, я отправился въ путь, наивно воображая, что много-много часовъ черезъ пять буду въ Зимницѣ. Но я жестоко ошибся!

Кто не видалъ лично военной грунтовой дороги, по которой передвигаются армія съ ея артиллеріей, безчисленные обозы съ военными грузами, транспорты съ плѣнными и ранеными, да еще въ дождливое время, тотъ не имѣетъ о ней понятія, даже представить себѣ не можетъ, что̀ это такое...

Ямы и рытвины самыхъ огромныхъ размѣровъ безъ конца; благодаря необходимости объѣзжать ихъ, чтобы не завязнуть, дорога образовалась мѣстами въ ширину болѣе десяти верстъ, раз-

бита она страшно; всюду, на каждомъ шагу, встрѣчаешь валяющіеся трупы и скелеты лошадей и буйволовъ, падающихъ и издыхающихъ сотнями, и отъ чрезмѣрныхъ усилій, и отъ безкормицы; почти на каждомъ трупѣ волки, пожирающіе ихъ; мѣстами попадаются и трупы турокъ, павшихъ во время слѣдованія партій плѣнныхъ; отъ разлагающихся труповъ по всему тракту вонь и смрадъ... ужасъ и ужасъ на каждомъ шагу!

Лавируя между ямами и трупами животныхъ съ одного конца дороги до другого, потомъ опять въ обратномъ направленіи, мы еле-еле тащились шагомъ, поминутно останавливаясь, до 12-ти часовъ дня, когда лошади окончательно притомились и не могли двигаться дальше. Въ одномъ мѣстѣ, у края дороги, мы остановились наконецъ около какихъ-то кустовъ. Извозчикъ, спасибо, оказался бывалый—съ нимъ были топоръ, мѣдный чайникъ и даже съ мѣру овса. Вблизи нашелся родничекъ съ прекрасной, чистой водой; извозчикъ отпрягъ лошадей, живо нарубилъ хворосту, запылалъ костеръ, скоро закипѣлъ на немъ мѣдный чайникъ, и мы съ извозчикомъ въ полномъ смыслѣ наслаждались чаепитіемъ съ ромомъ, которымъ я угостилъ и его. Имѣвшіеся у меня сыръ и ветчина съ тремя свѣжими булками утолили нашъ голодъ, а лошади быстро жевали данный имъ овесъ.

Проходившія иногда мимо насъ подводы погонцевъ и большія валахскія арбы, запряженныя двумя и тремя парами черныхъ буйволовъ, обязательно пріостанавливались около нашего становища, проводники ихъ перекидывались нѣсколькими словами съ моимъ возницей и съ завистью смотрѣли, какъ мы съ нимъ уписывали за обѣ щеки нашу снѣдь. Одинъ, еще молодой, погонецъ, видимо истомленный и голодный, проходившій съ двумя подводами, такъ умильно смотрѣлъ на нашу ѣду, что я не вытерпѣлъ и далъ ему выпить рюмку рому да на закуску далъ кусокъ булки съ ветчиной; онъ до того обрадовался, что бухнулся мнѣ въ ноги, а на мое замѣчаніе, что такъ кланяются только Богу, онъ всталъ, но при этомъ заплакалъ. Мнѣ стало жаль его, и я предложилъ ему еще стаканъ чая. Онъ присѣлъ рядомъ, съ жадностью пилъ чай, котораго давно уже не видалъ, и разсказалъ мнѣ о своей горькой участи. Онъ былъ взятъ, въ числѣ около двухъ тысячъ подводъ, агентами Варшавскаго изъ-подъ Кишинева и долженъ былъ за свои двѣ подводы получать по три рубля въ день.

— По началу,—разсказывалъ онъ,—разсчитывали вѣрно каждую недѣлю, и, пока мы шли Россіей, все было ладно, и подножнаго корму было вволю, да и овесъ вездѣ былъ недорогъ. Но чѣмъ дальше мы шли по Румыніи, тѣмъ кормы становились все дороже, а расчеты намъ стали давать все рѣже и неправильнѣе. Когда же попали въ Болгарію къ братушкамъ, гдѣ насъ захватила непогодь, бездорожье, да гдѣ за мѣрку овса пришлось платить по карбованцу,

а въ другой день и по этой цѣнѣ не достанешь, такъ бѣднымъ конямъ приходилось часто довольствоваться только зимнимъ, размоченнымъ дождями, подножнымъ кормомъ, никуда не годнымъ, ну, лошаденки и совсѣмъ перепали, такъ отощали, что еле могли поднять на подводы 10—12 пудовъ или двухъ раненыхъ; мы такъ обносились и оборвались, что хоть помирай. Эхъ! много нашего брата осталось совсѣмъ въ Болгаріи, померли, значитъ, да и лошадокъ нашихъ подохло немало.

— Да куда же ты теперь ѣдешь порожнемъ?—спросилъ я.

— Отказался. Ни у меня, ни у конякъ моихъ нѣтъ болѣе силъ работать. Пробираюсь домой, а доѣду ли и какъ доберусь, и самъ не знаю. Расчета за Дунаемъ не дали, а выдали только квитокъ, по немъ, сказывали, получишь расчетъ въ Бухарестѣ, въ конторѣ Варшавскаго, а дотащусь ли еще до этого самаго Бухареста,—одинъ Господь вѣдаетъ.

Въ это время началъ опять накрапывать дождь, лошаденки погонца какъ-то съежились, стояли, понуря головы, а самъ погонецъ, еще разъ поклонившись мнѣ все-таки въ ноги, благодаря за угощеніе и за два врученныхъ ему цѣлковыхъ, побрелъ къ нимъ, запахиваясь въ свой дырявый и промокшій зипунъ.

Мой возница сводилъ своихъ лошадей на водопой къ роднику, быстро запрягъ ихъ, и мы тоже двинулись въ путь, только въ обратную отъ погонца сторону.

Было уже около пяти часовъ вечера. Съ большимъ трудомъ мы насилу дотащились до Зимницы къ двумъ часамъ ночи, такъ что почти цѣлыя сутки намъ пришлось употребить на переѣздъ всего какихъ нибудь 35 верстъ, по прямому направленію. Въ сущности же мы навѣрное сдѣлали около 80-ти верстъ, постоянно лавируя между ямами и трупами животныхъ.

Не правда ли, красивая картина?!

Въ Зимницѣ ямщикъ привезъ меня въ убійственную гостиницу съ миріадами блохъ и клоповъ, такъ что я даже не рискнулъ лечь на отвратительно грязную, жесткую кровать, а потребовалъ себѣ сейчасъ же самоваръ, за которымъ и скороталъ время до 6-ти часовъ утра, когда отправился бродить по мѣстечку, чтобы собрать нужныя мнѣ свѣдѣнія, поискать подводъ и сдѣлать тогда надлежащія распоряженія.

Оказалось все очень печально. Нужныхъ мнѣ подводъ нельзя было достать ни за какія деньги; дѣйствующая армія, послѣ взятія Плевны, быстро двигалась за Балканы—догонять ее съ транспортомъ не представлялось никакой возможности, да было бы и безцѣльно; въ сѣверной Болгаріи оставалась только вторая, сравнительно меньшая армія, подъ начальствомъ наслѣдника-цесаревича, сосредоточенная около Рущука, гдѣ держала въ осадѣ армію Сулеймана-паши и препятствовала ему ударить въ тылъ нашей арміи, шедшей на Константинополь. Мнѣ ничего больше не оста-

валось, какъ вернуться во Фратешты и стараться проникнуть чрезъ Журжево въ нашъ Рущукскій отрядъ, о которомъ сказано выше.

Привезшій меня въ Зимницу извозчикъ съ удовольствіемъ согласился доставить меня обратно во Фратешты, только предложилъ мнѣ ѣхать другой дорогой — вдоль лѣваго берега Дуная на Журжево, предполагая, что тамъ дорога должна быть гораздо лучше, хотя и значительно дальше. Спѣшить мнѣ было уже некуда, и я согласился дать ему два лишнихъ полуимперіала и ѣхать въ объѣздъ, имѣя въ перспективѣ миновать ужасный во всѣхъ отношеніяхъ и зловонный трактъ.

Запаслись мы въ Зимницѣ: я—по баснословной цѣнѣ плохимъ сыромъ, копченой колбасой и нѣсколькими булками, а возница мой—опять овсомъ, чайникомъ и топоромъ; въ тотъ же день подъ вечеръ мы выѣхали изъ Зимницы. Отъѣхавъ верстъ 20 по сравнительно порядочной дорогѣ, какъ только стемнѣло, мы остановились ночевать въ небольшой румынской деревнюшкѣ, гдѣ нашли весьма сносный ночлегъ; даже на ужинъ намъ дали горячую, вкусную мамалыгу (кукурузную кашу) съ хорошимъ свѣжимъ чухонскимъ масломъ. Послѣ ужина и чая я уснулъ богатырскимъ сномъ и прекрасно отдохнулъ.

Выѣхали рано утромъ; часовъ въ двѣнадцать дня опять останавливались въ полѣ, около встрѣтившагося ручья, кормили лошадей, закусывали и пили чай. Вдали, справа виднѣлось Журжево, но ямщикъ, по разспросамъ въ поселкахъ, сообщилъ мнѣ, что оно останется у насъ въ сторонѣ, и что мы проѣдемъ прямо во Фратешты, не заѣзжая въ Журжево. Онъ видимо совсѣмъ не зналъ дороги, но по разспросамъ у мѣстныхъ жителей прекрасно оріентировался, и дѣйствительно въ шестомъ часу показались Фратешты.

Мой артельщикъ Марковъ очень обрадовался, увидавъ меня здравымъ и невредимымъ. Въ тотъ же вечеръ уходилъ въ Бухарестъ экстренный поѣздъ, съ которымъ я поѣхалъ туда на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть, какъ слѣдуетъ, что̀ во Фратештахъ было положительно невозможно. Тамъ при постоянномъ видѣ раненыхъ, перетаскиванія ихъ въ санитарные поѣзда, суеты и заботъ сестеръ милосердія нервы не могли успокоиться.

Пріѣхалъ я въ Бухарестъ ночью. Остановился опять въ той же гостиницѣ Метрополь, гдѣ хозяинъ мадьяръ, Германъ Хернеръ, встрѣтилъ меня уже, какъ стараго знакомаго. Проживъ въ Бухарестѣ нѣсколько дней, я все время пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ всей семьи хозяина гостиницы, состоявшей изъ него, его жены и взрослой дочери, дѣвушки лѣтъ восемнадцати, красивой наружности. Они меня увѣряли, что я имъ почему-то особенно симпатиченъ, а въ самомъ недалекомъ будущемъ они дѣйствительно на дѣлѣ доказали мнѣ свои симпатіи и самое искреннее расположеніе.

А. Ауэрбахъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I.

Въ ПЕРВЫЕ годы моего пребыванія въ Петербургѣ, когда я, послѣ долгихъ скитаній и блужданій по морю житейскому, нашелъ наконецъ тотъ путь, по которому, по волѣ неисповѣдимаго Промысла, уже четыре десятилѣтія бреду, путь литературный, и, замѣчу кстати, скорбный и трудный (какъ вообще, въ большей или меньшей степени, скорбны всѣ пути жизни),— такъ вотъ тогда, въ тѣ первые годы литературной дѣятельности, со мною познакомился нѣкоторый чиновный господинъ. Воспоминаніе объ этомъ случайномъ знакомствѣ сохранилось у меня до сихъ поръ, и разсказъ о немъ я нахожу не только достойнымъ вниманія читателей, но до нѣкоторой степени даже поучительнымъ и пригоднымъ для того, чтобы онъ былъ принятъ, какъ говорятъ правоправящіе сановники, «къ свѣдѣнію и руководству».

Познакомившійся со мною чиновный господинъ занималъ въ то время какое-то мѣсто на государственной службѣ, видимо, небольшое, такъ что-то въ родѣ начальника отдѣленія или вице-директора, и чинъ имѣлъ тоже небольшой, не то коллежскаго совѣтника, не то надворнаго. Но, несмотря на невысокое служебное положеніе, онъ держалъ себя съ великимъ сознаніемъ собственнаго

достоинства, съ излишнимъ, даже вовсе, повидимому, не соотвѣтствовавшимъ ни чину его, ни должности.

Поступь у него была гордая, сановитая, идетъ—не идетъ, а, такъ сказать, шествуетъ, глазами поводитъ направо и налѣво съ такою выразительностью, точно какой нибудь знаменитый полководецъ, осматривающій орлинымъ взглядомъ состояніе ввѣренной ему арміи, или, по крайней мѣрѣ, градоначальникъ въ родѣ покойнаго Трепова, разъѣзжавшаго по улицамъ Петербурга въ экипажѣ, стоя, положивъ лѣвую руку на плечо кучера, который зычнымъ голосомъ покрикивалъ:

— Бер-регн-ись!.. Держи правѣ-ѣй!..

Все это, кстати сказать, было давно, то-есть и треповскіе разъѣзды по Петербургу, и крики его кучера, и горделивая сановитость моего чиновнаго знакомаго,—все это быльемъ, такъ сказать, заглохло и травою поросло. Теперь, въ наши дни, совѣтники—титулярные, надворные, коллежскіе и иные, такой сановитости, какую проявляли они сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ, уже не проявляютъ, и рѣдко-рѣдко когда какой нибудь титулярный распишется на частномъ письмѣ: «т. совѣтникъ», утѣшая себя завѣтною мыслью, что его подпись могутъ принять за подпись тайнаго совѣтника. И градоначальники въ наши дни уже не разъѣзжаютъ не только по улицамъ первопрестольной столицы, но даже въ отдаленныхъ городахъ Россійскаго государства, стоя въ экипажахъ, и кучера ихъ не пугаютъ мирныхъ обывателей своимъ зычнымъ крикомъ. Всему, стало быть, свое время, время и крику зычному, время и тихому замѣчанію, подобно тому, какъ говоритъ Экклезіастъ: «всему свое время и время всякой вещи подъ небомъ». «И мудраго, по его словамъ, не будутъ помнить вѣчно, какъ глупаго, ибо въ грядущіе дни все будетъ забыто»... Но, извините, я нѣсколько уклонился. Возвращаюсь къ моему чиновному знакомому.

Держался онъ всегда прямо, спину ничуть не сгибалъ, голову носилъ, откинувъ нѣсколько назадъ, и плечами поводилъ такъ, точно на нихъ были густыя эполеты. Роста онъ былъ высокаго, тѣлосложенія статнаго, лицомъ красивъ, «благообразенъ и вельми благолѣпенъ», какъ говорятъ монахи. Высокій лобъ его, впослѣдствіи съ годами расширившійся до предѣловъ огромной, во всю голову, лысины, придавалъ ему, при густыхъ свѣтлорусыхъ бакенбардахъ, большую сановитость.

Для характеристики его нельзя не упомянуть, что въ дни молодости, получивъ по окончаніи курса чинъ титулярнаго совѣтника, онъ частенько подписывался при случаѣ: «т. совѣтникъ», обнаруживая такимъ образомъ завѣтныя мечты относительно будущаго въ своемъ служебномъ положеніи. Подпишетъ, бывало,—разсказывали нѣкоторые изъ бывшихъ его однокашниковъ,—«т.

совѣтникъ», расчеркнется съ завитушками и любуется на свою подпись. Подмѣтитъ кто нибудь изъ товарищей его счастливую при подписи улыбку и засмѣется, угадавъ его завѣтныя мысли, а онъ тотчасъ же пріосанится, наморщитъ брови и величественно погрозитъ пальцемъ.

— Перестань!—внушительно говоритъ:—я не люблю неумѣстныхъ шутокъ.

— Любишь или не любишь, объ этомъ рѣчи нѣтъ...

— Что-о?—строгимъ шепотомъ шипитъ онъ:—что-о? Повтори!..

— Ахъ, отвяжись!.. Вотъ присталъ! Рано, братъ, очень рано задумываешься о высокихъ чинахъ...

— Рано или не рано, это мое дѣло, и прошу замолчать...

Горделиво выпрямившись и заложивъ правую руку за пуговицу наглухо застегнутаго мундира, пародируя манеру императора Николая Перваго, онъ тономъ, не допускающимъ сомнѣнія, и, такъ сказать, пророчески объявляетъ:

— И буду тайнымъ совѣтникомъ! Да!.. И скажу вамъ, глупымъ юнцамъ: «плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ»...

— Самъ-то ты еще не очень далеко отъ насъ, юнцовъ, ушелъ...

— Далеко ли, близко ли, это тоже мое дѣло, и не вамъ о немъ разсуждать!..

Возражать и спорить съ нимъ было неудобно. Товарищи говорили:

— Ну его! Начни—и не отвяжется! Засыплетъ словами, накидаетъ ихъ, какъ изъ шапки пряниковъ...

— А все-таки, надо правду сказать,—замѣчали нѣкоторые изъ его товарищей:—мастеръ онъ говорить. Ораторъ!

II.

Познакомился я съ нимъ отчасти какъ будто и случайно, но, точнѣе говоря, знакомство это онъ самъ устроилъ, можно сказать, злоумышленно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Дѣло въ томъ, что онъ, по своимъ глубокимъ соображеніямъ, призналъ нужнымъ сойтись со мной поближе. Я въ то время работалъ въ журналѣ «Искра», журналѣ, бывшемъ тогда для многихъ подобнаго сорта ораторовъ и дѣльцовъ пугаломъ. И вотъ именно въ силу этого обстоятельства онъ, встрѣтивъ меня у одного сибиряка, сталъ къ нему приходить именно въ тѣ дни, когда я тамъ бывалъ.

Позвольте, два слова о сибирякѣ. Сибирякъ этотъ былъ торговый человѣкъ, купецъ изъ Забайкальской области Восточной Сибири, гдѣ я, по грѣхамъ моимъ, точнѣе говоря, по волѣ покойнаго моего родителя, провелъ немало лѣтъ юношеской жизни. Тамъ я

съ нимъ познакомился, а по переѣздѣ его въ Петербургъ знакомство наше снова возстановилось. Онъ въ Забайкальѣ, именно въ Кяхтѣ, имѣлъ торговыя дѣла съ китайцами, потомъ почему-то переселился въ Петербургъ, завелъ чайные магазины, не два и не три, а болѣе десятка, но потомъ вскорѣ, года черезъ два, закрылъ ихъ, и, какъ выражаются торговые люди, проторговался. Проторговался онъ именно потому, что купеческихъ способностей не имѣлъ и тоже, подобно моему чиновному знакомому, рвался куда-то въ высь и въ сторону отъ настоящаго дѣла, подъ носомъ у него находившагося. Но между нимъ и чиновнымъ моимъ знакомымъ была огромная разница: тотъ мѣтилъ прямо въ цѣль и попадалъ вѣрно, а сибирякъ мой постоянно палилъ, такъ сказать, въ пустое мѣсто и проваливался на каждомъ шагу. Въ Кяхтѣ въ тѣ времена, когда мы съ нимъ тамъ жили, только лѣнивый не наживалъ себѣ состоянія, а онъ едва выбрался оттуда чуть не съ пустыми карманами. Но по пословицѣ: «рыбакъ рыбака видитъ издалека», они, т.-е. мой сибирякъ-купецъ и чиновный знакомый, другъ друга гдѣ-то замѣтили и сдѣлались близкими пріятелями. И тутъ, въ этомъ знакомствѣ, сразу опредѣлилась разница въ положеніи обоихъ. Одинъ извлекалъ изъ знакомства выгоды, другой ничего не извлекалъ, только тратился и жилъ въ ожиданіи будущихъ благъ, а будущее, какъ искони извѣстно, темно и обманчиво. Выгоды извлекалъ мой чиновный знакомый, а сибирякъ-купецъ только, какъ говорится, глазами хлопалъ и раскошеливался. Вотъ именно у этого сибиряка-купца мнѣ и пришлось встрѣтиться съ моимъ чиновнымъ знакомымъ.

Сибирякъ подмѣтилъ, что чиновный знакомый пытливо и съ любопытствомъ присматривается ко мнѣ, подмѣтилъ, что и приходитъ онъ къ нему именно въ такіе дни, въ которые я у него бываю.

— А ты, братъ, того,—замѣчалъ онъ иногда при моемъ приходѣ,—ты, братъ, барометръ.

— Это почему?

— Да, вотъ потому, что такъ по дѣлу выходитъ. Да, вотъ что. Настоящій ты барометръ и предсказываешь нѣкоторымъ образомъ кое-что даже довольно вѣрно.

— Что такое я предсказываю?

— А вотъ догадайся-ка! Ха-ха!.. Смекаешь?

— Ничего не смекаю.

— А ты понатужься—и уразумѣешь. То-то. А я вотъ смекаю и безъ ошибки. Придешь, напримѣръ, ты ко мнѣ, и я знаю впередъ, что еще, стало быть, надо гостя сегодня поджидать.

— Извините. Что общаго между вашими гостями и мною?

— Есть, стало быть, общее, когда я говорю.

— Но какого же гостя приходъ я предсказываю?

— Догадайся самъ.

Я сталъ припоминать, кто посѣщалъ сибиряка въ тѣ вечера, когда я у него бывалъ, и назвалъ фамилію чиновнаго знакомаго.

— А! вспомнилъ! Вотъ то-то! Онъ самый!

— Гм... гм... Странно! Что общаго между нами? Мы идемъ по разнымъ дорогамъ. Я могу сказать, что между лицами, къ которымъ мы съ нимъ принадлежимъ, «пропасть велика утвердися», и, какъ въ притчѣ о Богатомъ и Лазарѣ сказано, «не отъ нихъ къ намъ и ни отъ насъ къ нимъ дороги нѣтъ»...

— Тише, тише, родной! Не говори такъ громко! — возражалъ иногда мой сибирякъ при подобномъ разговорѣ и грозилъ мнѣ пальцемъ, указывая на дверь.

— Тише! Онъ, того и гляди, услышитъ.

— Но его же нѣтъ здѣсь. Не спрятался же онъ за дверями?

— Спрятался, не спрятался, а ввалиться можетъ ежеминутно. Неусыпный человѣкъ,—добавилъ онъ, понизивъ тонъ,—и прозорливый.

— Это еще что? Откуда у него такой даръ?

— Да ужъ тамъ откуда бы ни было, а даръ такой онъ имѣетъ. Это ты помни. Онъ, братъ, на аршинъ въ глубь земли видитъ... О, Никтополіонъ Александровичъ—большая голова, великаго ума человѣкъ и широко шагаетъ. Онъ, братъ, далеко пойдетъ!

— Но позвольте. При чемъ же я тутъ, и какое, наконецъ, мнѣ дѣло до того, какъ онъ шагаетъ и куда идетъ?

— Тише, говорю. За тобой онъ ухаживаетъ! — шепотомъ тихимъ и таинственнымъ проговорилъ купецъ.

— Зачѣмъ я ему понадобился?

— Да ужъ, стало быть, понадобился, если ухаживаетъ. Онъ, братъ, знаетъ, куда мѣтитъ, и промаху не даетъ.

— Ну, что жъ! Посмотримъ, время покажетъ, можетъ, и промахнется.

— Да, да, слѣпой тоже сказалъ: «посмотримъ»,—замѣтилъ сибирякъ,—глухой проговорилъ: «услышимъ», а покойникъ со стола добавилъ: «до всего доживемъ»...

— Смѣйтесь, смѣйтесь!..—возразилъ я,—а все-таки чиновный вашъ Никтополіонъ... Какъ его по отечеству?

— Александровичъ!—подсказалъ сибирякъ.

— Ну, вотъ, — Александровичъ вашъ ничуть мнѣ не опасенъ.

— Не объ опасности, братъ, рѣчь... Дѣло, видишь ли, въ томъ, что онъ—сильный человѣкъ, ловкій человѣкъ, очень дѣятельный может тебѣ пригодиться.

— Не думаю. Повторяю, у насъ разныя дороги.

III.

Фамиліи Никтополіона Александровича не помню. Сказать откровенно, помню, но не буду ее называть, да вѣдь не въ фамиліи дѣло. Положимъ, все разсказываемое мною относится къ давно прошедшимъ временамъ, но все-таки Богъ съ нимъ, и лучше помолчать.

Итакъ, Никтополіонъ Александровичъ встрѣчался со мною у сибиряка-купца. Звали этого купца Иванъ Андреевичъ. Гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ они подружились,—Богъ знаетъ. Сибирякъ былъ простодушный, довѣрчивый и увлекающійся человѣкъ, и Никтополіонъ Александровичъ, какъ мнѣ пришлось впослѣдствіи узнать, съ должнымъ мастерствомъ пользовался его увлеченіями, обѣщалъ ему свое содѣйствіе и въ томъ и въ другомъ, знакомилъ его съ сильными міра сего, обѣщалъ добыть ему званіе коммерціи совѣтника, однако званія этого не добылъ, но впрочемъ кое-что по удовлетворенію его тщеславія все-таки сдѣлалъ... Объ этомъ разскажу ниже.

Никтополіонъ Александровичъ перехватывалъ у сибиряка деньжонки; перехватывалъ и въ видѣ займовъ и въ видѣ потребностей особаго рода, о которыхъ тоже рѣчь впереди. Не могу съ достовѣрностью утверждать, аккуратно ли онъ расплачивался, но имѣю нѣкоторыя основанія замѣтить, что едва ли онъ былъ аккуратенъ въ расплатѣ, ибо любилъ жить открыто, держалъ лошадей, находилъ нужнымъ прикармливать немало такихъ лицъ, къ которымъ имѣлъ по своимъ соображеніямъ надобность.

Ни наслѣдственнаго, ни благопріобрѣтеннаго имущества въ то время у Никтополіона Александровича не было и того годового содержанія со всѣми надбавками, прибавками, наградными, квартирными, разъѣздными и т. п. суммами, которыя съ великимъ искусствомъ умѣютъ вытягивать изъ казны практическіе слуги отечества,—всѣхъ этихъ суммъ Никтополіону Александровичу было достаточно, можетъ быть, на какой нибудь одинъ мѣсяцъ, много на два. Стало быть, умѣя много расходовать, слѣдовало и умѣть много добывать. И онъ умѣлъ. Изъ какихъ источниковъ онъ извлекалъ доходы, объ этомъ точныхъ свѣдѣній не имѣется, но можно догадываться, судя по нѣкоторымъ даннымъ, что немало лицъ, подобныхъ простодушному Ивану Андреевичу, было завлечено Никтополіономъ Александровичемъ въ свои сѣти—и въ нихъ завязло.

Простодушный сибирячекъ однажды въ минуту откровенности сказалъ мнѣ, что Никтополіонъ Александровичъ обѣщаетъ всегда очень много, а дѣлаетъ очень мало, даже иногда и совсѣмъ ничего не дѣлаетъ изъ того, что обѣщаетъ, а ужъ насчетъ займовъ, добавилъ сибирячекъ, почесавъ затылокъ, насчетъ займовъ мастеръ первостатейный и на расплату туговатъ.

Когда я попытался воспользоваться откровенной минутой и сталъ разспрашивать Ивана Андреевича, почему онъ знаетъ объ этомъ, Иванъ Андреевичъ глубоко вздохнулъ, нахмурился и отмахнулся рукой.

— Э-э! ну его!—промычалъ онъ, и смолкъ.

Отвѣтъ, какъ видите, былъ не достаточно ясный.

И не разъ впослѣдствіи, при разговорѣ о Никтополіонѣ Александровичѣ, я пробовалъ заводить рѣчь о его дѣлахъ, но сибирячекъ отмалчивался.

— Почему вы, Иванъ Андреевичъ, уклоняетесь отъ прямыхъ отвѣтовъ?

— А потому, душа моя милая, я уклоняюсь, что не стоитъ разсказывать. Чѣмъ дольше живешь на свѣтѣ, тѣмъ больше убѣждаешься, что міръ не только во злѣ лежитъ, но переполненъ, такъ сказать, отъ самаго дна до верхушки проходимцами и пройдохами всякаго чина и званія.

— О-го!—замѣтилъ я,—какой у васъ мрачный взглядъ на міръ! Кто это вамъ такъ омрачилъ его? Ужъ не благопріятель ли вашъ, Никтополіонъ Александровичъ?

— Ну, вотъ, выдумалъ! Тише!.. Повторяю тебѣ, тише говори: Никтополіонъ Александровичъ большая шишка!

Понизивъ голосъ и оглянувшись не безъ подозрительности на входную дверь изъ передней въ кабинетъ, гдѣ мы разговаривали, Иванъ Андреевичъ таинственно погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Осторожнѣй, дружокъ, осторожнѣй. Не забывай, что Никтополіонъ Александровичъ—сила: онъ къ министрамъ безъ доклада входъ имѣетъ!..

Потомъ, спустя много ли, мало ли времени, положимъ, не скоро, а такъ приблизительно лѣтъ черезъ семь или восемь, я понялъ наконецъ уже съ совершенною ясностью и отвѣтъ землячка, и его таинственныя указанія пальцемъ на дверь, понялъ его мрачные взгляды и задумчивыя почесыванія затылка при разговорѣ о томъ, какая «большая шишка» былъ Никтополіонъ Александровичъ.

IV.

Узналъ я впослѣдствіи, что сибирякъ мой былъ не первый и не послѣдній изъ попавшихся на удочку Никтополіона Александровича. Наживку на свои удочки Никтополіонъ Александровичъ умѣлъ садить очень искусно. И если справедливо мнѣніе сибиряка о томъ, что міръ переполненъ отъ самаго дна до верхушки искателями легкой наживы, то и онъ самъ, мой достопочтенный сибирякъ, сознательно или несознательно, долженъ былъ причислить себя къ числу ихъ, ибо тоже подобно имъ клюнулъ и даже не одинъ разъ удочку съ заманчивой наживкой, клюнулъ—

и поплатился, и не разъ потомъ почесывалъ въ затылкѣ, вспоминая, сколь дорого обошлось ему «ходатайство» Никтополіона Александровича.

— Ну, ловкачъ этотъ самый Никтополіонъ!—вздыхалъ онъ иногда, перебирая свои увлеченія, планы и несбывшіяся надежды,— ловкачъ онъ, можно сказать, первостепенный.

Сибирячка моего, Ивана Андреевича, онъ уловилъ на обѣщаніи добыть ему привилегію на производство чего-то, казавшагося Ивану Андреевичу необычайно выгоднымъ, чего-то въ родѣ выдѣлки варенья изъ еловыхъ шишекъ, матеріала, какъ извѣстно, весьма дешеваго, превращавшагося въ выработкѣ въ большую, будто бы, и необычайной цѣлительности цѣнность. Привилегію Иванъ Андреевичъ не получилъ,—почему, по какому основанію, Богъ знаетъ. Въ привилегіи ему, конечно, и не отказали бы, но суть дѣла въ томъ, что достопочтенный ходатай Никтополіонъ Александровичъ (какъ потомъ разсказывали его враги) вовсе не находилъ нужнымъ ходатайствовать о привилегіи, а заботился прежде всего только о томъ, чтобы удочка дѣйствовала исправно, и чтобы наживка, на ней насаженная, привлекала аппетиты лицъ, склонныхъ къ легкому способу добыванія земныхъ благъ.

О вареньѣ изъ еловыхъ шишекъ я говорю предположительно, въ видѣ только характеристики разныхъ предпринимателей, ищущихъ способа скоро и ловко разбогатѣть. Точно не знаю, на какое именно изобрѣтеніе надѣялся добыть привилегію сибирячекъ, и хотя упоминаю о еловыхъ шишкахъ въ видѣ предположенія, но во всякомъ случаѣ—не фантастическаго, ибо жаждущихъ привилегіи множество, и увлеченіямъ ихъ предѣловъ нѣтъ.

Нужно, однако же, упомянуть, что сибирячекъ мой чрезъ Никтополіона Александровича все-таки кое-что добылъ, положимъ, не званіе коммерціи совѣтника,—этого не удалось добиться,—а орденъ Станислава третьей степени онъ получилъ и очень-очень имъ тщеславился и напоминалъ того горбуновскаго купца, который въ баню ходилъ съ медалью. За какія заслуги былъ пожалованъ Ивану Андреевичу Станиславъ третьей степени,—не знаю, да и не интересно знать. Мало ли за что могъ быть данъ орденъ? Стало быть, заслужилъ, когда награжденъ. И, признаюсь, самъ Иванъ Андреевичъ не разъ смущался, когда ему дѣлали вопросъ, за что̀ онъ награжденъ орденомъ, и отвѣчалъ именно такъ, какъ я сказалъ выше.

— Значитъ, заслужилъ,—отвѣчалъ онъ,—не будетъ же начальство награждать орденомъ, ежели человѣкъ не заслужилъ!..

Положимъ, Станиславъ и всякіе иные ордена всѣхъ степеней и всякіе вообще знаки отличія съ философской точки зрѣнія есть не что иное, какъ дѣтскія игрушки, но для Ивана Андреевича, чуждаго философіи, орденъ, даже такой маленькій, являлъ собою

нѣчто, по его мнѣнію, значительное. И бывало, не разъ я, грѣшный человѣкъ, слыхалъ отъ него при разговорѣ объ орденѣ возраженія.

— Нѣтъ, дружокъ, ты не фыркай, да. Ты сначала заслужи орденъ, да, заслужи, а потомъ ужъ и философствуй. Вотъ что! Смѣяться-то оно того... легко, это всякій можетъ, а ты сначала добудь орденъ-то,—тогда мы и посмотримъ, что ты заговоришь. Да! Когда вотъ въ петличку-то его зацѣпишь, тогда мы и поглядимъ на тебя, послушаемъ, что ты скажешь. Да-а!..

Иванъ Андреевичъ орденомъ своимъ очень кичился, и на вывѣскахъ его чайныхъ магазиновъ было напечатано: «чайный магазинъ потомственнаго почетнаго гражданина и кавалера»... На чайныхъ пакетахъ, фунтовыхъ и полуфунтовыхъ, въ которыхъ продавался въ его магазинахъ чай, было тоже обозначено, что продавецъ его—почетный гражданинъ и кавалеръ. На пакетахъ въ четверть фунта таковой подробной надписи о потомственномъ почетномъ гражданствѣ и кавалерствѣ Ивана Андреевича напечатано не было. Онъ мнѣ съ грустью однажды заявилъ, что мѣста на такихъ, въ четверть фунта, пакетахъ мало, и что если напечатать другимъ шрифтомъ, то очень мелко выходитъ и неясно. Заявлялъ Иванъ Андреевичъ о своемъ почетномъ потомственномъ гражданствѣ и кавалерствѣ, конечно, не для того, чтобы такимъ заявленіемъ увеличить достоинство чая и усилить его сбытъ, но главнымъ образомъ именно только для того, чтобы удовлетворить чувство тщеславія, которымъ онъ былъ боленъ не менѣе Никтополіона Александровича.

V.

Извѣстность Никтополіона Александровича, какъ человѣка, сильнаго связями и доступнаго для всѣхъ, жаждущихъ чрезъ него добиться земныхъ благъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространялась, и если не достигла «до послѣднихъ земли», то во всякомъ случаѣ добралась далеко, до предѣловъ холодныхъ сибирскихъ окраинъ. Простодушные сибиряки, подобные Ивану Андреевичу, перешептывались въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, разговаривая о великихъ талантахъ и связяхъ Никтополіона Александровича, и ѣхали къ нему на личное свиданіе.

Добивались они до свиданія съ нимъ небезуспѣшно и уходили отъ него съ облегченнымъ сердцемъ и съ облегченнымъ карманомъ. Одному онъ обѣщалъ устроить дѣло по какому-то запрещенію, неправильно, будто бы, наложенному пристрастными представителями мѣстной власти, и успокаивалъ просителя короткой фразой:

— Это пустяки! Это мы устроимъ живо!..

И нечего скрывать, нерѣдко онъ помогалъ въ подобныхъ случаяхъ, имѣя многоразличныя связи въ разнообразныхъ сферахъ столичной жизни.

Другому онъ оказывалъ содѣйствіе по ходатайству его объ изданіи журнала, газеты и т. п., третьему—по утвержденію торговаго дома и т. д. и т. д.

— Сильный человѣкъ!—говорили о немъ обитатели медвѣжьихъ угловъ, — можетъ проникнуть куда угодно, даже до самаго верху, «гдѣ правда живетъ», и тамъ онъ имѣетъ значеніе...

— Что говорить!—поддакивали другіе:—въ Питерѣ нельзя безъ такого человѣка, онъ безпремѣнно долженъ быть въ немъ, иначе до правды не доберешься...

Старики сѣдые, длиннобородые, въ сапогахъ голенищами наружу и съ прямымъ проборомъ волосъ по срединѣ головы, припоминали блаженныя времена, когда при нѣкоемъ петербургскомъ графѣ имѣла силу какая-то старушка, бывшая, будто бы, его сожительница, и, сравнивая ея положеніе съ положеніемъ Никтополіона Александровича, находили, что онъ ловчѣе и сильнѣе.

— Та, какъ никакъ—женщина, къ ней добраться все-таки было не такъ легко, а этотъ, нашъ благодѣтель, доступенъ, когда угодно къ нему иди, всякаго приметъ, обласкаетъ и утѣшитъ.

— Что говорить! Золотой человѣкъ!..

Разговоры съ подобными посѣтителями обставлялись у этого золотого человѣка большою таинственностью, продолжались подолгу и шепотомъ и притомъ въ такомъ отдаленномъ уголкѣ его богатаго кабинета, куда посторонній глазъ и ухо проникнуть не могли. Смотря по тому, какого духа былъ проситель, и разговоры съ нимъ велись соотвѣтствующіе его духу. Являлся, напримѣръ, какой нибудь толстосумъ, упитанный, распустившій чрево свое до безобразныхъ размѣровъ, и, крестясь по-старообрядчески, заявлялъ во всеуслышаніе голосомъ громкимъ, какъ труба:

— Наслышаны мы, ваше—ство, что якобы у васъ можемъ найти предстательство и защиту...

— Погоди, погоди, милый человѣкъ,—осаживалъ его Никтополіонъ Александровичъ,—пойдемъ вотъ сюда, въ эту комнату...

И, усадивъ его въ дальній уголъ, шепотомъ начиналъ допросъ.

— Ну, въ чемъ дѣло? Говори, братецъ, поспокойнѣе, не волнуйся...

— Да мы теперича, значитъ, того...—упавшимъ голосомъ продолжалъ бородачъ и пугливо косился по сторонамъ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ предметами роскоши,—мы, ваше—ство, всепокорнѣйше просимъ, окажите содѣйствіе, и ежели, значитъ, какіе по этому дѣлу расходы предстоятъ, мы съ полнымъ, то-есть, удовольствіемъ заплатимъ...

— Ладно, ладно! Объ этомъ разговаривать нечего,—покровительственнымъ тономъ отвѣчалъ Никтополіонъ Александровичъ:—ну, разсказывай все по порядку...

Гдѣ нужно и съ кѣмъ нужно, онъ велъ разговоры съ молитвенными воздыханіями, взглядывалъ при этомъ на образа съ сокрушенными вздохами и не разъ повторялъ во время бесѣды съ просителемъ о томъ, что все на этомъ свѣтѣ—суета и томленіе духа...

— Все, драгоцѣнный мой, пройдетъ, все минуетъ,—шепталъ онъ,—все разсѣется, подобно сонному мечтанію. Да! А относительно дѣла, голубчикъ мой, вотъ что скажу: нельзя! нельзя, такъ! Поспѣшишь, сказано, людей насмѣшишь... Вотъ что! Нужно тихо, смирно и съ великою осторожностію... Да!.. Понимаете, все исподволь, шагъ за шагомъ... А что касается того, что траты предстоятъ,—такъ вѣдь это неизбѣжно, сами знаете, не смажешь телѣги—она заскрипитъ. Такъ вѣдь? Не изумляйтесь. Мы живемъ, опутанные зломъ. Всюду зло: сверху, снизу, съ боковъ, вездѣ оно властвуетъ. И тамъ надо сунуть, и тутъ, и въ другомъ, и въ третьемъ мѣстѣ, и все, сами знаете, немалыя суммы, гдѣ три, а гдѣ пять сотенъ, а въ другомъ мѣстѣ и тысячу надо отвалить. Мнѣ, вѣдь, сами изволите знать, мнѣ лично не нужно. Я, благодареніе Господу Вседержителю (Никтополіонъ Александровичъ при этихъ словахъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и не какъ нибудь наскоро, а съ благоговѣніемъ, кладя персты на чело, на плечи и на самую средину живота), я всѣмъ отъ Создателя моего, Царя Небеснаго, всѣмъ награжденъ, обезпеченъ на всѣ дни моего земного въ тѣлесномъ образѣ скитанія. Я желаю послужить вашему дѣлу именно изъ сознанія его общественной полезности, вотъ вся моя цѣль. Памятую слова святаго апостола Павла: «другъ друга тяготы носите и таково исполните законъ Христовъ»,—и слѣдовать имъ стараюсь. О, Господи, помилуй насъ! Зла много, много зла. Но и то возьмите во вниманіе, гдѣ безъ грѣха. Всѣ пить-ѣсть хотятъ, всѣ желаютъ укрыться отъ непогоды, избавиться отъ лишеній,—ну, вотъ и судите ихъ, давая имъ тайныя вспомоществованія. Какъ судить? Жизнь дорогая, потребностей много, а искушеній и того больше... Охъ, охъ!.. Спаси насъ, Сыне Божій!..

Шепотъ длился долго, благожеланія высказывались горячія, обѣщанія искреннѣйшія, надежды самыя твердыя, непоколебимыя, и все это перемѣшивалось съ сердечными сокрушеніями о грѣхахъ и злѣ міра, и нашептывалось до тѣхъ поръ, пока изъ кармана размякшаго сердцемъ гостя не перемѣщалась въ карманъ Никтополіона Александровича болѣе или менѣе крупная сумма.

— Ну, вотъ и хорошо!—заключалъ онъ, укладывая деньги въ карманъ,—и похлопочемъ и потрудимся, а что Господь дастъ, буди Его Святая воля...

Послѣ перемѣщенія цѣнностей изъ одного кармана въ другой разговоръ дѣлался болѣе свободный и уже безъ всякихъ напоминаній о суетѣ и злѣ міра, и тексты изъ священнаго писанія тоже

отставлялись въ сторону, какъ не идущіе уже къ темѣ разговора. Никтополіонъ Александровичъ поднимался съ кресла, уложивъ деньги въ карманъ, давая понять такимъ движеніемъ гостю, что всему есть мѣра,—поговорилъ, молъ, вволю, отдалъ, что слѣдуетъ—и пора, значитъ, убираться во-свояси.

Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ гостемъ выходилъ въ другія комнаты своей обширной квартиры по направленію къ передней и съ обычнымъ радушіемъ прощался съ нимъ.

И еще разъ, для пущей крѣпости обѣщаній, онъ склонялся къ уху просителя и шепотомъ добавлялъ:

— Терпѣніе, родной, терпѣніе. Помните сказано: «въ терпѣніи стяжите души ваша».

Другому просителю онъ, прощаясь, говорилъ:

— Съ Богомъ, съ Богомъ, дружокъ, поѣзжайте въ вашу родную сторонушку. Все сдѣлаю, за всѣмъ поприсмотрю, приложу старанія... Не для васъ лично, не для васъ, этого вы, пожалуйста, не думайте, для меня всѣ люди равны, всѣ братья во Христѣ. Для дѣла приложу стараніе, ибо ваше дѣло полезное, душеспасительное дѣло!..

Проситель уѣзжалъ, запасался великимъ терпѣніемъ, ждалъ долго и молчалъ, потомъ начиналъ вздыхать, охать, потомъ писалъ напоминанія, но отвѣта на нихъ не получалъ.

— Эхъ, надо бы въ Питеръ, больно бы надо!—тоскуя, думалъ онъ,—а ѣхать нельзя, дѣла задерживаютъ. Другому поручить тоже нѣтъ никакой возможности...

Потомъ, въ концѣ концовъ, послѣ болѣе или менѣе тяжкихъ воздыханій онъ рѣшалъ дѣло однимъ взмахомъ руки и гнѣвнымъ словомъ.

— Ну его къ чорту! Съ возу упало—пропало!

VI.

Вотъ какой фруктъ былъ Никтополіонъ Александровичъ. Онъ выросъ и возмужалъ на петербургской почвѣ, именно на той, на которой всегда въ великомъ изобиліи появлялись и появляются, выростаютъ и погибаютъ разные удачные и неудачные плоды столичной культуры—прожекторы, искатели мѣстъ, строители желѣзныхъ дорогъ, подрядчики на казенныя постройки и т. д. и т. п. Никтополіонъ Александровичъ занималъ въ средѣ подобныхъ дѣятелей, можно сказать, первоклассное мѣсто. И положеніе на государственной службѣ онъ имѣлъ въ это же время, и частныя дѣлишки подъ рукой обдѣлывалъ, и между купцами толстосумами признавалъ небезвыгоднымъ для себя находиться. О, съ ними-то онъ успѣшно справлялся и былъ въ ихъ обществѣ, какъ котъ среди мышей.

Короче сказать, Никтополіонъ Александровичъ былъ въ своемъ родѣ геній и не только подобенъ Кречинскому, но въ высокой степени его превосходящій талантами. Что Кречинскій? такъ—картежникъ, мотъ, и только. По сравненію съ Никтополіономъ Александровичемъ онъ—мальчишка и щенокъ. Никтополіонъ Александровичъ картъ въ руки не бралъ, фальшивыхъ брильянтовъ за настоящіе у ростовщика не закладывалъ и имени своего не только ничѣмъ не запятналъ, но даже до высочайшей степени возвысилъ и пріукрасилъ. Положимъ... гм... гм... нѣчто фальшивое, достойное и осужденія и наказанія, бывало въ его дѣятельности и не разъ и не два... Но позвольте. Гдѣ безъ грѣха? Однако, сравнивать его съ Кречинскимъ невозможно. Это даже обидно и не справедливо. Потому, конечно, и обидно, что несправедливо. Припомните, Кречинскій погибъ безслѣдно, а Никтополіонъ Александровичъ, напротивъ, возсіялъ и достигъ въ земномъ своемъ бытіи именно того высокаго положенія, о которомъ мечталъ со дней юности, по крайней мѣрѣ, ему казалось, что онъ достигъ высокаго положенія. По моему мнѣнію, онъ ошибался, и то высокое положеніе, которое онъ считалъ высокимъ, я таковымъ вовсе не считаю...

Но, можетъ быть, и я ошибаюсь? Кто живетъ, тотъ, конечно, и ошибается, и самая жизнь, по-моему, есть ни болѣе ни менѣе—ошибка, и притомъ ужаснѣйшая, за которую, увы, дорого приходится расплачиваться. Не сегодня сказано: «какъ слѣпцы, мы бродимъ въ этомъ мірѣ». И если съ философской точки зрѣнія смотрѣть на всѣ дѣйствія Никтополіона Александровича, то и онъ, разумѣется, долженъ быть сопричисленъ къ слѣпцамъ. Чѣмъ же онъ отличался отъ слѣпцовъ, если не замѣчалъ, что, забираясь на высокія ступени общественнаго положенія, служитъ предметомъ осужденія и насмѣшекъ со стороны другихъ, болѣе его зрячихъ?..

Но объ этомъ только такъ, между прочимъ.

Такъ вотъ сей достойный вниманія чиновный господинъ и дѣлецъ, Никтополіонъ Александровичъ, познакомился со мною въ квартирѣ сибиряка-купца, Ивана Андреевича N., кавалера изъ Кяхты, какъ, смѣясь, отзывались о немъ нѣкоторые шутники. Фамиліи Ивана Андреевича я тоже не упомяну: «да сохранится смиреніе», какъ говоритъ достопамятный и весьма мною чтимый писатель XV вѣка Ѳома Кемпійскій.

Съ первыхъ же словъ моего разговора съ Никтополіономъ Александровичемъ его духовный образъ показался мнѣ непривлекательнымъ. Было что-то въ его манерѣ говорить, въ выраженіи его лица, въ глазахъ—во всемъ было что-то неискреннее, манерное, и радушность видимо напускная, искусственная, и тонъ рѣчи не въ

мѣру ласковый: говоритъ, точно котъ мурлыкаетъ. Но при всемъ этомъ, при ласковости и мурлыканьѣ, при радушіи и мягкости маверъ видно было, что онъ снисходитъ, такъ сказать, до простоты, умаляетъ свою важность, умаляетъ именно для того, чтобы, такъ сказать, ободрить того собесѣдника, котораго онъ удостоилъ своимъ разговоромъ. Покровительственный тонъ и снисходительная улыбка все-таки прорывались при этомъ, несмотря на его радушіе.

Разговоръ коснулся «Искры», журнала, какъ я сказалъ, служившаго въ тѣ годы пугаломъ для многихъ «дѣятелей», подобныхъ Никтополіону Александровичу. При этомъ разговорѣ онъ почему-то глубоко вздохнулъ и молитвенно посмотрѣлъ на образъ, предъ которымъ въ квартирѣ сибиряка теплилась лампада. Вздохомъ этимъ онъ, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось, обнаружилъ свои тайныя мысли: вонъ, молъ, какіе есть журналисты, приходится, при всей своей безгрѣшности, остерегаться ихъ, а то, того и гляди, облаютъ. «Найдется, молъ, щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ, чина, званія не пощадитъ»... Такъ мнѣ казалось, онъ думалъ, но открытая рѣчь его объ «Искрѣ» была иного содержанія.

— «Искра»—журналъ, достойный вниманія, — говорилъ онъ, медленно растягивая слова и какъ будто процѣживая каждое сквозь зубы.—«Искра», разумѣется, служитъ общественному дѣлу. Да! Но жаль, можно сказать, безмѣрно жаль, что мало у насъ такихъ живыхъ органовъ. Это необходимо, по самому ходу жизни необходимо. Время, сами знаете, время горячее, такъ сказать, эпоха реформацій, и нужно бы, очень нужно, побольше обличительной гласности. Теперь именно такое время, какъ сказано въ святомъ евангеліи: «жатвы много, но дѣлателей мало».. Да!..

Такова была его открытая рѣчь при тайныхъ мысляхъ о журналистахъ,—мысляхъ, справедливо или ошибочно подмѣченныхъ мною. Думаю, что справедливо, ибо впослѣдствіи, положимъ, не скоро, но все-таки предположенія мои оправдались, и духовный образъ Никтополіона Александровича обрисовался предо мною именно въ томъ видѣ, въ какомъ я составилъ о немъ мнѣніе при первомъ съ нимъ свиданіи.

Наговорившись вдоволь на тему о нуждахъ и несовершенствахъ нашей жизни, навздыхавшись тоже вдоволь, взглядывая на образъ покровителя Сибири, святителя Иннокентія, перваго епископа иркутскаго, чтимаго всѣми сибиряками, Никтополіонъ Александровичъ собрался уходить.

Прощаясь со мною, онъ горячо пожалъ мнѣ обѣ руки.

— Очень радъ, очень!.. Прошу пожаловать ко мнѣ,—процѣдилъ онъ, пытливо глядя мнѣ въ глаза,—у меня вы увидите всѣ газеты, всѣ журналы и «Искру» вашу, конечно...

По губамъ его скользнула такая улыбка, не то гнѣва, не то насмѣшки, но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и добавилъ: прошу пожаловать! Всегда буду радъ. У меня и изъ вашей братіи, которые покрупнѣе, бываютъ. Завтракаю въ двѣнадцать, обѣдаю въ семь... Въ праздники, конечно, всего лучше. Да! А то, сами знаете, работы и у меня тоже немало. Нечего Бога гнѣвить, очень даже немало!..

Замѣтно было по всему, и по улыбкамъ и по взглядамъ, что онъ, несмотря на покровительственный тонъ рѣчи, все-таки заигрывалъ со мною и какъ будто побаивается, какъ бы я при случаѣ не задѣлъ его за какое нибудь больное мѣсто.

Однако, несмотря на любезное пожиманіе рукъ и ласковые взгляды, я приглашеніемъ его не воспользовался и о дѣятельности его въ своихъ статьяхъ никакого мнѣнія не высказывалъ. Иногда, случалось, встрѣтясь со мною у сибиряка или такъ гдѣ нибудь на улицѣ во время прогулки, онъ останавливалъ меня съ восклицаніями.

— А-а! Наконецъ-то я васъ поймалъ!.. Очень радъ! очень!.. Но что же это вы, дорогой мой, стѣсняетесь?

— Какъ? Позвольте, чѣмъ я стѣсняюсь?

— Да вотъ тѣмъ и стѣсняетесь, что не заходите ко мнѣ. Ясное дѣло, стѣсняетесь... Пожалуйста, прошу васъ, относитесь ко мнѣ проще: я человѣкъ прямой, именно—рубаха. У меня—просто. Кто бы ни пришелъ,—всѣ гости равные. У меня бываютъ и высокаго положенія лица,—все равно и имъ такой же почетъ, какъ и другимъ... Заходите, прошу васъ...

И однажды, встрѣтясь со мной у сибиряка-купца, онъ ласково потрепалъ меня по плечу и сказалъ:

— Голубчикъ мой! Я васъ цѣню, очень цѣню... Знаю, знаю доподлинно и много о вашемъ прошломъ, о вашихъ отношеніяхъ къ родному очагу.

— Это вы откуда же узнали?

— Ха-ха! Откуда! Я, милый мой, батюшку вашего хорошо знаю, а съ дядюшкой вашимъ, съ которымъ вы носите одно имя,—съ дядюшкой очень близко знакомъ. Да! Сдѣлайте одолженіе, заходите!..

И вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего, онъ наклонился къ моему лицу и поцѣловалъ меня въ губы.

Сибирякъ мой возликовалъ и радостно воскликнулъ.

— Вотъ такъ-то лучше! Стало быть, отцы мои, христосуетесь. Славно, славно!.. Дай Богъ вамъ здоровья!

Чему мой «кавалеръ изъ Кяхты» такъ обрадовался, улыбаясь во весь ротъ, это было мнѣ тогда непонятно, но потомъ, дней пять-шесть спустя, объяснилось. Оказалось, что Никтополіонъ Александровичъ, руководствуясь тайными соображеніями, просилъ сибиряка внушить мнѣ о необходимости быть съ нимъ поближе, какъ съ человѣкомъ, который можетъ «очень и очень пригодиться».

VII.

Знакомство Никтополіона Александровича съ моимъ покойнымъ отцомъ не могло быть для него ни въ какомъ случаѣ полезно, а заводить знакомство ради только одного знакомства, безъ видовъ и выгоды отъ него, Никтополіонъ Александровичъ, конечно, не находилъ нужнымъ. Какое, молъ, мнѣ дѣло до богатаго человѣка, если отъ него, какъ отъ козла, нѣтъ ни шерсти, ни молока? Отца моего онъ, какъ говорится, только пощупалъ и отошелъ отъ него съ пустыми руками.

Отецъ мой, дай ему Богъ прощеніе грѣховъ въ загробной жизни, былъ человѣкъ крутой, прямодушный и откровенный, можно сказать, до смѣшного. Случалось, зайдетъ къ нему какой нибудь ловкачъ, подобный Никтополіону Александровичу, заведетъ съ нимъ разговоръ издалека и съ великою осторожностію о дѣлахъ, разговоръ, повидимому, торговый, не имѣющій въ себѣ и тѣни намека на переходъ къ другому содержанію, а именно къ просьбѣ о займѣ денегъ, но отецъ мой, при удивительной его чуткости и житейской опытности, уже догадывается, въ чемъ суть дѣла, и обрываетъ гостя на половинѣ фразы.

— Погоди, погоди! Ты того... ты погоди! — скороговоркой возражаетъ онъ,—ты, братъ, эти пространныя слова оставь, да, лучше оставь, они ни къ чему...

— Позвольте... Я не понимаю... Извините, я хотѣлъ вамъ изложить...

— Не безпокойся. Излагать не надо, я знаю, знаю,—ты, братъ, денегъ пришелъ просить? Пришелъ просить денегъ, да?..

— Я собственно... имѣлъ намѣреніе... гм... гм...

— Погоди, погоди! Ты не кашляй... Я, братъ, вижу, ясно вижу. Денегъ пришелъ просить... Ну, только это ты напрасно, ничего изъ этого путнаго не выйдетъ: я вѣдь не дамъ, одной копейки не дамъ!

И случалось при подобныхъ посѣщеніяхъ даже такъ, что, прервавъ гостя на полусловѣ, отецъ торопливо поднимался со стула и подавалъ ему на прощанье руку.

— Иди съ Богомъ, иди. Да, съ Богомъ иди, не теряй напрасно времени: я не дамъ! Какая есть мѣдная копейка — и той не дамъ...

— Но позвольте... Сдѣлайте одолженіе, выслушайте...

— И слушать не хочу. Не хочу слушать...

— Я могу вамъ предоставить полнѣйшее обезпеченіе...

— Не надо, не надо. Иди со Христомъ, не разговаривай... Будь здоровъ!..

Не могу утвердительно сказать, но предполагаю, зная характеръ моего покойнаго отца, что если Никтополіонъ Александро-

вичъ попробовалъ завести съ нимъ «дѣловой» разговоръ, то, конечно, отецъ его на первыхъ же словахъ обрѣзалъ.

— Погоди, погоди, молъ, ваше, какъ тебя, высоко ли, какъ ли иначе назвать, ты погоди разговаривать, — вижу, денегъ хочешь просить... Напрасно это. Я не дамъ, одной копейки не дамъ.

Такъ могъ отвѣтить ему отецъ, не смотря на чинъ гостя и его важную осанку, и, можетъ быть, даже дѣйствительно такъ отвѣтилъ и даже руку протянулъ ему на прощанье первый, торопливо сказавъ:

— Иди съ Богомъ, иди. Будь здоровъ. Денегъ я не дамъ, одной копейки не дамъ!..

Другое дѣло—дядя. Дядя былъ человѣкъ иного закала и представлялъ собою совершенную противоположность отцу. Отецъ говорилъ скоро и крикливо, дядя былъ необычайно медлителенъ и въ разговорахъ и въ движеніяхъ. Отецъ всю жизнь куда-то торопился, волновался, размахивалъ руками и билъ себя въ грудь при всякомъ разговорѣ. Дядя напротивъ всегда казался спокойнымъ, говорилъ тихимъ голосомъ и съ необыкновенною медлительностью, такъ сказать, тянулъ слово за словомъ, точно изрекалъ какія-то истины необыкновенно глубокаго значенія, и при этомъ не сводилъ глазъ съ лица собесѣдника, какъ будто намѣревался пробраться въ самую глубь его души и поразузнать, какія сокровенныя думы тамъ таятся.

Однако, къ дядѣ этому, тоже давно уже умершему, Никтополіонъ Александровичъ все-таки подобрался и сумѣлъ занять у него какую-то, положимъ, не очень значительную сумму,—что-то около пятисотъ или четырехсотъ рублей.

Дядя былъ не такъ прямодушенъ и откровененъ, какъ мой отецъ, и не могъ отказать. Отказать, положимъ, онъ сумѣлъ бы, если бы проситель былъ не Никтополіонъ Александровичъ. Лицо, подумалъ онъ, крупное, можетъ и пригодиться при случаѣ, а, можетъ быть, и заплатитъ, — сумма небольшая.

Такъ, вѣроятно, думалъ онъ, обойденный искусствомъ Никтополіона Александровича и его умѣньемъ показать себя съ наилучшей стороны. Однако, при всей своей дальновидности и знаніи людей, онъ въ оцѣнкѣ Никтополіона Александровича ошибся, и уплаты отъ него не дождался и выгоды никакой отъ знакомства съ нимъ не получилъ.

Впослѣдствіи, спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ займа Никтополіона Александровича, дядя при свиданіи со мной завелъ пытливый, по его обыкновенію, разговоръ о Никтополіонѣ Александровичѣ.

— Скажите, пожалуйста... да... Разъясните, если, конечно, имѣете возможность, да, разъясните, — тянулъ онъ, не сводя съ меня

глазъ, — что за лицо тамъ у васъ въ Питерѣ Никтополіонъ Александровичъ,—вы, конечно, знаете, или хотя слыхали о немъ.

— Да, немного знаю и слыхалъ...

— Ну, вотъ, пожалуйста, разъясните. Много о немъ говорятъ, и много въ печати о немъ я вижу... Да!.. Разъясните, что онъ собою представляетъ, правда ли, что онъ вліятельный человѣкъ?

— Этого не знаю, то-есть, насколько вліятельный,—отвѣчалъ я,—но слыхать-слыхалъ, что онъ—большая шишка...

— Какъ это понимать? Что значитъ шишка?

— А это—по-питерски. Вліятельныхъ людей тамъ часто называютъ большими шишками. Въ шутку, разумѣется. Ну, вотъ этотъ самый Никтополіонъ и считается таковою. Одинъ мой знакомый сибирячекъ говорилъ мнѣ, что Никтополіонъ Александровичъ къ министрамъ безъ доклада ходитъ и со многими будто бы даже на дружеской ногѣ.

— Т-а-къ, т-а-къ! Я слыхалъ и не разъ, да-а! — задумчиво проговорилъ дядя.

Потомъ онъ помолчалъ нѣкоторое время, вздохнулъ раза два-три съ сердечнымъ сокрушеніемъ (богомольный былъ человѣкъ), завелъ опять разговоръ о Никтополіонѣ Александровичѣ и на этотъ разъ уже подобрался поближе къ задуманной цѣли.

— Не имѣете ли вы понятіе о томъ... да... о томъ именно, въ какомъ положеніи его дѣла?.. Не служебныя, нѣтъ, — о служебныхъ не спрашиваю, слыхалъ, что онъ въ силѣ, — а вотъ именно денежныя дѣла?..

— Гм... гм... какъ я могу объ этомъ знать? Живетъ онъ широко, а на какія средства, — кто его знаетъ. Вѣроятно, начальство по заслугамъ его награждаетъ...

— Да, да... конечно, трудно объ этомъ знать, то-есть, о денежныхъ дѣлахъ. Даже и про насъ, про купцовъ, есть поговорка, что только смерть открываетъ купеческіе животы. Да-а!.. Но вотъ въ чемъ дѣло...

Дядя кашлянулъ, осторожно прикрывъ ротъ рукой, взглянулъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ на образъ и продолжалъ:

— Дѣло, видите ли, въ томъ, что я желалъ бы поручить вамъ свиданіе съ Никтополіономъ Александровичемъ по одному... обстоятельству...

— По какому именно?

Дядя наконецъ добрался до сути дѣла и предложилъ мнѣ попросить Никтополіона Александровича уплатить ему заемъ по распискѣ.

— Былъ онъ у насъ въ городѣ... проѣздомъ... да-а... и занялъ у меня... Далъ расписочку, обѣщалъ выслать, но вотъ... ужъ Богъ его знаетъ почему—не исполнилъ обѣщанія... Можетъ быть, забылъ... Сумма небольшая. Конечно, возможно при большихъ дѣлахъ и забыть...

Я, имѣя нѣкоторыя понятія объ отношеніяхъ Никтополіона Александровича къ моему сибиряку, «кавалеру изъ Кяхты», высказалъ, что не надѣюсь на благополучный исходъ такого порученія.

— Вы такъ думаете? Да-а?—переспросилъ дядя, пытливо смотря мнѣ прямо въ глаза.

— Да, именно, такъ думаю...

— Жаль, жаль!.. Хорошій онъ человѣкъ, по всему видно, толковый, съ большой головой человѣкъ и такой ласковый, внимательный... очень притомъ и религіозный... Жаль, жаль!... Признаюсь, я писалъ ему объ этомъ долгѣ, но отвѣта не получилъ. Можетъ быть, письмо не дошло... Да-а! очень можетъ быть!...

Такъ говорилъ дядя, вздыхая и взглядывая на образа, но про себя онъ думалъ иначе. Его, какъ и отца моего, я тоже очень хорошо понималъ и читалъ мысль обоихъ по выраженію ихъ глазъ. Такъ говоря, дядя несомнѣнно думалъ о Никтополіонѣ Александровичѣ съ великимъ въ душѣ осужденіемъ и насмѣшкой: вотъ, молъ, чиновный гусь, такой большой и орденами разукрашенный, а поступаетъ, какъ легкомысленный канцелярскій служитель, какъ какой нибудь старшій помощникъ младшаго писаря губернскаго правленія.

Но о дядѣ и объ отцѣ говорить много по содержанію разсказа не приходится.

VIII.

Много ли, мало ли времени продолжалось мое знакомство съ Никтополіономъ Александровичемъ,—точно опредѣлить не могу. Да и заключалось оно собственно только въ томъ, что въ извѣстные дни мы встрѣчались съ нимъ въ квартирѣ сибиряка.

Бывало, Никтополіонъ Александровичъ ораторствовалъ, разсказывая о своей широкой дѣятельности, государственной и общественной; сибирячекъ мой слушалъ, поддакивалъ и умилялся. Онъ самъ имѣлъ великую наклонность къ тому, чтобы ораторствовать, быть на виду, играть роль коновода, но крылья у него были подрѣзаны, и оставалось одно утѣшеніе—любоваться успѣхами другихъ и жить надеждами на лучшее будущее, надеждами, какъ извѣстно, всегда превратными и обманчивыми.

Я, по молодости лѣтъ, помалчивалъ, внимая мудрымъ и краснорѣчивымъ резсужденіямъ Никтополіона Александровича. Сознаюсь, по временамъ, не безъ нѣкотораго усилія надъ собой, я удерживался въ роли молчальника и однажды не выдержалъ, возразилъ Никтополіону Александровичу не безъ нѣкоторой даже рѣзкости. Онъ встрепенулся, заложилъ палецъ правой руки за пуговицу вицмундира, оглянулъ меня высокомѣрнымъ взглядомъ и заговорилъ...

Но позвольте. Надо разсказать, по какому обстоятельству я не удержался отъ возраженій. Дѣло вотъ въ чемъ.

Жилъ въ тѣ годы за Петербургомъ въ огромномъ казенномъ имѣніи нѣкоторый весьма значительный человѣкъ, значительный по силѣ своей власти въ государствѣ. Къ нему на поклоненіе и на полученіе различныхъ отъ него распоряженій ежедневно являлись разные именитые господа, высокихъ чиновъ и званій. Никтополіонъ Александровичъ, по свойственной ему душевной болѣзни, именуемой тщеславіемъ, долго добивался случая попасть на поклонъ къ вышеупомянутому значительному человѣку и наконецъ—попалъ. Вотъ объ этомъ-то посѣщеніи именитаго человѣка онъ и разсказывалъ моему сибиряку-купцу, разсказывалъ съ умиленіемъ, со слезами на глазахъ и даже перекрестился при этомъ раза два, возсылая небесамъ сердечное благодареніе за свое великое счастіе.

— Представьте себѣ,—разсказывалъ онъ Ивану Андреевичу,—нѣтъ, вы только представьте, что это такое! Удивительно!.. Народу тамъ, въ пріемной залѣ собралось видимо-невидимо, всѣ молчатъ, чуть-чуть шушукаются, перебрасываясь короткими, большею частію, односложными словами. Тишина кругомъ такая, что, кажется, муха пролетитъ—услышишь. Всѣ стоятъ, переминаются съ ноги на ногу, ждутъ, всѣ смотрятъ на тѣ двери, чрезъ которыя его—ство долженъ выйти. Наконецъ двери широко раскрываются, на обѣ половинки, и онъ самъ входитъ въ залъ. Представьте, съ его приходомъ въ комнатѣ свѣтлѣе стало. Истинно говорю вамъ—свѣтлѣе. Лучезарная личность! По комнатѣ точно молнія сверкнула и по всѣмъ лицамъ собравшихся пробѣжала, послышалось что-то такое какъ будто въ родѣ подземнаго гула—у-у-у! Это встрепенулись ожидавшіе, передавая одинъ другому, что, смотри, молъ, идетъ,—и все смолкло.

Долго и краснорѣчиво говорилъ Никтополіонъ Александровичъ «о лучезарной личности», о краткомъ его разговорѣ съ каждымъ изъ бывшихъ въ пріемной и перешелъ, наконецъ, къ разговору о томъ, какъ онъ подошелъ къ нему, какъ спросилъ о чемъ-то и какъ при этомъ, дружелюбно и милостиво взглянувъ, подалъ руку.

— И вообразите,—продолжалъ Никтополіонъ Александровичъ, воодушевляясь,—вообразите, всѣмъ, бывшимъ въ залѣ, онъ подалъ руку по одному разу, а мнѣ два раза. Да! И посмотрѣлъ на меня необычайно ласково, съ улыбкой. Да! Всѣмъ подалъ руку по одному разу, а мнѣ два!

Вотъ именно при этихъ словахъ я не выдержалъ молчанія и изумилъ Никтополіона Александровича своимъ вопросомъ.

— Что же въ этомъ такого особеннаго? Два или три, хотя бы даже и четыре раза онъ подалъ вамъ руку,—не все ли равно?

— Что-о?—строго и внушительно протянулъ Никтополіонъ Александровичъ,—что вы сказали? По-вашему, это все равно?

— Да, полагаю, что все равно...

— Ошибаетесь, жестоко ошибаетесь!..

Онъ заложилъ палецъ правой руки за бортъ вицмундира и, поднявшись съ кресла, на которомъ сидѣлъ въ самодовольномъ сознаніи своихъ служебныхъ успѣховъ, строго и даже почти гнѣвнымъ тономъ проговорилъ:

— Нѣ-ѣ-тъ! Не все равно! Это очень, очень много значитъ и очень много обѣщаетъ въ будущемъ. Да-а!..

— И чудесно,—подсказалъ я,—дай Богъ вамъ успѣха, и, пожалуйста, не волнуйтесь. Я все-таки, несмотря на вашъ возвышенный тонъ рѣчи, остаюсь при своемъ мнѣніи и никакимъ пожатіямъ руки значенія не придаю...

Никтополіонъ Александровичъ при моихъ словахъ нѣсколько какъ будто смутился, недовольный, что ему возражаютъ и не цѣнятъ его служебныхъ успѣховъ, но потомъ, спустя минуту-другую, онъ овладѣлъ собой, погладилъ скудные остатки растительности на своей лысой головѣ и медленно опустился въ кресло.

— О-го!..—промычалъ онъ себѣ подъ носъ,—рѣчи весьма либеральныя, весьма... Но... гм... гм... свобода прежде всего!.. Помните, поэтъ говоритъ: «гдѣ только два есть человѣка, тамъ два есть взгляда на предметъ». Я не спорю, я предоставляю вамъ думать по-своему!..

По выраженію его лица было замѣтно, что онъ не доволенъ моимъ замѣчаніемъ, но продолжать разговора о немъ не желаетъ.

Сибирячекъ мой тоже нѣсколько смутился, замѣчая, что Никтополіонъ Александровичъ впалъ въ задумчивое настроеніе, и обратился ко мнѣ съ шутливымъ замѣчаніемъ:

— Ты что же это, любезный другъ, фыркаешь? Нешто это можно? Такой молоденькій и такой задорный! Это, братецъ мой, не похвально и не только одобренія не заслуживаетъ, а, прямо надо сказать, осужденія достойно. Слышишь!

— Слышу—и умолкаю.

— Да, да, умолкни, родной, умолкни. Это гораздо лучше. Такого родителя сынъ, можно сказать, первѣйшаго по всей Сибири торговаго человѣка, а говоришь несообразное!..

Разговоръ принялъ шутливый тонъ. Сибирякъ мой развеселился, довольный всего болѣе тѣмъ, что гость его, Никтополіонъ Александровичъ, тоже посмѣивается, внимая его шутливымъ рѣчамъ.

Д. И. Стахѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О С. Н. ТЕРПИГОРЕВѢ.

(По поводу десятилѣтія со дня его кончины).

Лѣтомъ 1894 года, Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ уѣхалъ на Кавказъ.. Я не получалъ отъ него писемъ. Онъ уѣхалъ больной, а осенью вернулся и какъ будто поправился. Я засталъ его на террасѣ загороднаго дома (графа Строганова, на набережной Невы, у Строгановскаго моста), гдѣ онъ жилъ много лѣтъ круглый годъ. Багровый румянецъ игралъ на его щекахъ. Глаза были юмористически сужены. У него явилось еще болѣе насмѣшливое выраженіе, чѣмъ прежде. Съ Кавказа онъ привезъ бирюзы, хризолитовъ и другихъ дешевыхъ камней и одарялъ ими родственницъ и знакомыхъ дамъ. Еще привезъ какой-то кавказской матеріи, которою восхищались его жена и дочь.

Дня три или четыре онъ чувствовалъ себя хорошо. Погода стояла недурная. Золотились деревья. Въ воздухѣ сверкала паутина. Съ большой Невки тянуло прохладою. Астры цвѣли и расцвѣтали въ клумбахъ передъ окнами дачи.

Но вдругъ Сергѣй Николаевичъ сталъ жаловаться на препротивный насморкъ и на то, что у него заложило грудь. Болѣзнь пустая, но онъ страдалъ отъ нея гораздо сильнѣе, чѣмъ принято. Въ то же время началась одышка. Она и раньше была, но теперь усилилась. Впрочемъ, это не мѣшало ему часто ѣздить въ городъ по дѣламъ. Возвращался онъ нерѣдко съ корзинами, наполненными всевозможными сластями и закусками. Оказывалось, что онъ пригласилъ гостей. Кто же вообще былъ гостепріимнѣе Сергѣя Николаевича? Съѣзжались его друзья-старики, и ему доставляло удовольствіе смотрѣть, какъ они ѣдятъ, а самъ онъ ѣлъ мало и больше

пилъ. Однако, и пилъ онъ меньше, чѣмъ прежде. Онъ выпивалъ, обыкновенно, двѣ бутылки вина въ день. Изъ біографіи Гете извѣстно, что онъ тоже выпивалъ двѣ бутылки вина. Вѣроятно, и у великаго нѣмецкаго поэта къ концу его жизни носъ былъ нѣсколько алаго оттѣнка, но ему никто не ставилъ этого въ преступленіе. Тѣмъ болѣе никто не обращалъ вниманія на нѣсколько тамбовскій носъ Сергѣя Николаевича. Конечно, это былъ недостатокъ, но онъ терялся во множествѣ его достоинствъ. Какъ-то я отъ него самого услышалъ, что ему вредно пить, и что, по крайней мѣрѣ, доктора предлагаютъ ему замѣнить портвейнъ и кахетинское молокомъ. Тѣмъ не менѣе трудно отстать отъ привычекъ, которыя сдѣланы въ теченіе всей жизни. Сергѣй Николаевичъ пилъ немного молока и немного больше вина. Пиво онъ совсѣмъ бросилъ.

Вся осень потрачена имъ была на возню съ своими бумагами. Онъ привелъ въ порядокъ семейный архивъ, расплатился съ нѣкоторыми долгами и вечера посвящалъ игрѣ въ шашки, куренію сигаръ и бесѣдѣ съ пріятелями о прошломъ. Чаще другихъ я бывалъ у Сергѣя Николаевича въ качествѣ сосѣда и еще потому, что онъ мнѣ нравился.

Выпалъ снѣгъ. Сергѣй Николаевичъ сталъ особенно жаловаться на одышку и на слабость. Бывало, придешь къ нему вечеромъ— онъ лежитъ на своей громадной стеганой кровати.

— Худо, батюшка!—говоритъ онъ, и видно, что онъ страшно томится, раскачивая на подушкѣ головой.—Послушайте, какъ бьется у меня сердце, положите руку.

Кладу руку, дѣйствительно сердце бьется неровно: то замретъ, то прыгаетъ, какъ птица въ клѣткѣ. Трепещутъ еще какія-то жилы. Надъ ключицею вздулся пульсъ, съ волошскій орѣхъ, и бьется какъ будто въ разладъ съ сердцемъ. На лбу и на шеѣ проступаетъ потъ.

— Какъ вы думаете, что это означаетъ?

На такіе вопросы что отвѣтить? Обыкновенно отвѣчаютъ, что надо лѣчиться, не слѣдуетъ запускать болѣзнь, но что это, конечно, пройдетъ. Я напиралъ на молоко. Онъ улыбался и выпивалъ нѣсколько глотковъ. Приглашались доктора, что-то прописывали ему. Припадки бывали не часто. Но и когда онъ былъ свободенъ отъ нихъ, онъ жилъ уже вялой жизнью человѣка, чувствующаго, что на него надвигается какая-то туча.

Между тѣмъ молодая жизнь кипѣла въ его домѣ, какъ всегда, по воскресеньямъ. Дочь его пріѣзжала изъ института и привозила съ собой воспитанницъ. Онъ любилъ шутить съ ними, но въ его шуткахъ сталъ сквозить оттѣнокъ худо скрываемой грусти. Доктора требовали отъ него движенія, а ему трудно было подняться съ мѣста. Къ нему надо было приходить и уводить его гулять.

Прошло мѣсяца три, въ теченіе которыхъ я не видался съ нимъ, потому что уѣзжалъ въ Москву. Возвратившись, я нашелъ его все такимъ же: та же вялая жизнь, тѣ же изысканные черезчуръ питательные мясные обѣды, то же душистое старое вино, тѣ же шашки, тѣ же перемежающіяся полосы веселья и мрачнаго расположенія духа, когда казалось, что Сергѣй Николаевичъ ищетъ только предлога, чтобы съ кѣмъ нибудь поссориться.

Усадьбу стали заливать лучи весенняго солнца. Какъ-то сразу наступила весна. Большая Невка тронулась. На старыхъ деревьяхъ, окружавшихъ домъ, вздулись лиловыя почки.

Сергѣй Николаевичъ тосковалъ все больше и больше. У него начали пухнуть ноги. Онъ ждалъ начала лѣта, чтобы опять уѣхать на воды, и говорилъ:

— Только бы вотъ немножко поправиться. А то какъ же ѣхать, когда утомляетъ малѣйшее движеніе? Хотите екатерининской мальвазіи? Славная штука.

— Вредно вамъ.

— И вы туда же! Ну, будемъ играть въ шашки.

Екатерининская мальвазія все-таки раскупоривалась. Это была одна изъ немногихъ его радостей. И онъ расказывалъ, какъ она досталась ему послѣ смерти графа Адлерберга, на аукціонѣ.

Шашки тѣмъ были хороши, что отвлекали больного отъ печальныхъ размышленій. Но было что-то странное въ томъ азартѣ, съ какимъ онъ предавался игрѣ.

Все чаще и чаще появлялись въ его домѣ доктора. Это были очень милые и веселые люди, въ высшей степени увѣренные въ томъ, что жизнь хороша, что медицина прекрасная наука, и что далеко не всѣ болѣзни смертельны. Какая-то даже напускная веселость была у нихъ, когда они изслѣдовали Сергѣя Николаевича. Уединившись въ отдѣльной комнатѣ, они минутъ десять совѣщались между собой. По всей вѣроятности, долго имъ не о чемъ было разговаривать, но они соблюдали приличіе. Къ концу консиліума они приглашали меня къ себѣ и серьезно сообщали о результатѣ своей бесѣды: ничего особеннаго, необходима діэта, ванны и, какъ только больному станетъ лучше, ѣхать на воды. Все окончится благополучно. Я чувствовалъ, что они лгутъ и выбираютъ меня орудіемъ своего обмана. Конечно, нельзя же объявить больному, что онъ безнадеженъ — это правда, но заботливость ихъ о томъ, чтобы вокругъ него была создана атмосфера вѣры въ его выздоровленіе, была доведена до предѣла.

Сергѣй Николаевичъ юмористически подмигивалъ въ ихъ сторону.

— А вѣдь захотятъ—въ самомъ дѣлѣ, поставятъ на ноги.

Ноги до того распухли, что Сергѣй Николаевичъ не могъ уже ходить по комнатамъ. Онъ вставалъ только изрѣдка, большею же

С. Н. Терпигоревъ (Атава) съ П. П. Соколовымъ, знаменитымъ акварелистомъ, написавшимъ его портретъ, что въ музеѣ императора Александра III

частью лежалъ. Наконецъ, онъ внялъ совѣтамъ докторовъ и совсѣмъ не дотрогивался до вина. Жажду испытывалъ страшную, а все-таки не пилъ.

— Странно — не пью, а опухоль не проходитъ и какъ будто подымается выше.

Ему прописаны были ванны, но и ванны не помогали.

Тутъ я долженъ высказать предположеніе, что, разумѣется, не вино разстроило организмъ Сергѣя Николаевича, а наслѣдственное предрасположеніе къ болѣзни. Братъ его умеръ отъ такъ, называе-

маго разрыва сердца. Неправильность біенія сердца у Сергѣя Николаевича всегда была. Онъ всегда подергивалъ головою. Волна крови, бѣжавшей по подъяремнымъ жиламъ, толкала ее. Но мясо и вино, да еще сигары, во всякомъ случаѣ, ускорили наступленіе развязки.

Не было дня, когда я не бывалъ бы у него. Я цѣлые часы проводилъ у его постели. Онъ никогда не былъ такъ говорливъ, какъ въ это время. Все, порежитое имъ, вновь возникало въ его умѣ въ яркихъ краскахъ. Онъ разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ, о студенческихъ годахъ, объ охотахъ съ Некрасовымъ, о Салтыковѣ, о томъ, какъ онъ нажилъ громадныя деньги на раздѣленіи электричества въ компаніи съ однимъ инженеромъ и какъ прогорѣлъ на какомъ-то каменномъ подрядѣ. Жалѣю, что я тогда не записалъ его живыхъ разсказовъ; теперь воспоминаніе о нихъ потускнѣло. И къ тому же въ томъ, какъ умиралъ Сергѣй Николаевичъ, важно отмѣтить не это, а другія черты.

Однажды въ погожій весенній день, когда только что показалась зеленая травка, я пришелъ утромъ къ Сергѣю Николаевичу и увидѣлъ его въ саду. Онъ сидѣлъ въ тепломъ длинномъ пальто на плетеномъ креслѣ, съ сигарой въ зубахъ. Передъ нимъ стоялъ столикъ. На столикѣ ледъ въ чашкѣ, длинная бутылка іоганнесберга и высокій стаканъ на тоненькой ножкѣ. Дочь, жена и еще знакомая дама окружали его. Поодаль стоялъ продавецъ рыбы и раковъ. Въ теплыхъ лучахъ апрѣльскаго солнца радугой переливался ледъ, сверкалъ хрусталь, блестѣла рыба съ оттопыренными жабрами и съ красными перьями на бѣломъ брюхѣ, шевелились темно-зеленые раки.

— А!—весело вскричалъ Сергѣй Николаевичъ.—А у меня дѣло пошло на поправку, и мы будемъ сейчасъ завтракать. Мадамъ,—шутливо обратился онъ къ женѣ:—приготовить немедленно и подать барину счетъ.

Всѣ смѣялись вокругъ него. Всѣмъ хотѣлось, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ здоровъ и жизнерадостенъ. Но лицо у него обрюзгло, словно укусила его оса или пчела. Я подумалъ, и въ глазахъ его домашнихъ я прочелъ ту же самую мысль, что онъ обманываетъ себя и другихъ, и что не надо разрушать этого обмана.

Послѣ завтрака онъ усталъ, но все еще бодрился, а къ вечеру слегъ и много дней потомъ не вставалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ:—дѣйствительно, нельзя пить. Баста! Хотя, правду сказать, іоганнесбергъ былъ превосходный. Какъ вы думаете, не лгутъ врачи, что я поправлюсь? Вамъ ничего никто изъ нихъ не говорилъ?

— Говорили, что поправитесь.

— Если буду вести себя благоразумно.

— Это правда.

— A, si jeunesse savait!—или какъ тамъ говорится. Сыграемъ-ка въ шашки.

Меня чрезвычайно занимало душевное состояніе Сергѣя Николаевича. При всемъ своемъ внѣшнемъ легкомысліи и даже какъ бы ноздревской складкѣ въ характерѣ, онъ былъ на самомъ дѣлѣ человѣкъ не мелкаго калибра. Шестидесятые годы наложили на него яркую печать. Но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые что нибудь принимаютъ безъ критики. Онъ какъ-то ко всему относился отрицательно и насмѣшливо. Что, если насмѣшливо онъ отнесется и къ самому отрицанію? Отъ него всего можно было ожидать.

Но, съ другой стороны, есть вопросы, о которыхъ неловко и тяжело заговаривать съ трудно больными. Случайно пришедшій въ гости священникъ надѣлалъ переполоху среди домашнихъ Сергѣя Николаевича. Не знали, какъ его выпроводить. Какъ же послѣ этого заговорить съ Сергѣемъ Николаевичемъ о томъ, чего не вѣдаетъ никто?

Потомъ ужъ я убѣдился, что это былъ напрасный страхъ. Впрочемъ, жизнью онъ былъ гораздо больше занятъ, чѣмъ какой бы то ни было метафизикой, хотя бы она касалась его лично. Тѣло постоянно напоминало о себѣ. Оно становилось тяжеле, грузнѣе. Оно слишкомъ привязывалось къ землѣ и черезчуръ наклонно было подчиняться грубымъ физическимъ законамъ. О, какъ страшно сказывалось дѣйствіе этихъ законовъ! Какъ мучительно заявляла о себѣ эта земная грубость! И безъ того узенькіе глаза какъ-то воспаленно заплыли, носъ непомѣрно раздулся, щеки, покрытыя рѣденькой сѣдоватой растительностью, набрякали книзу и оплывали. Когда Сергѣй Николаевичъ лежалъ съ открытой грудью, надъ ключицей трепетала сильно раздувшаяся жила. Легко было заключить, что̀ дѣлается глубже, и какъ измѣнилось его сердце.

Встрѣтившись съ однимъ изъ врачей, лѣчившихъ его, я указалъ на безполезность діэты для больного.

Продолжая обманывать и меня, врачъ все-таки согласился, что вино можетъ быть разрѣшено. Но едва только Сергѣй Николаевичъ услыхалъ о разрѣшеніи отъ самого врача, какъ вскричалъ:

— А, вы думаете, что я такъ безнадеженъ! Нѣтъ, господа, я разсчитываю! Нѣтъ, ужъ я покорнѣйше прошу серьезно относиться ко мнѣ. Я чувствую приливъ силъ. У меня мечты самыя сладкія. Я вотъ сейчасъ воображалъ, что вмѣстѣ съ моимъ благороднымъ другомъ мы скоро пойдемъ на тони, поймаемъ этакую лососку, пуда въ три, и она представилась мнѣ даже тутъ, рядомъ со мной, лежитъ на постели и съ восторгомъ на меня смотритъ. Мадамъ,—кричалъ онъ женѣ:—чтобы завтра обѣдъ былъ на славу. Я пожу еще себя. Что они, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ обо мнѣ?!

По случаю какого-то семейнаго торжества на другой день собрась много гостей. Дѣйствительно, Сергѣй Николаевичъ всталъ и

весь день ходилъ. Пріѣхалъ на короткое время человѣкъ, который бывалъ у него рѣже всѣхъ, но котораго Сергѣй Николаевичъ особенно уважалъ (А. С. Суворинъ). Онъ вышелъ къ нему и очень бодрился. Ему хотѣлось дышать здоровьемъ другихъ, наслаждаться ихъ аппетитомъ, радоваться ихъ радостью.

А время летѣло, дни уходили, туча все надвигалась. Послѣдній разъ вставалъ Сергѣй Николаевичъ. Но такъ какъ ему хотѣлось движенія, то было куплено кресло на колесахъ. Онъ сталъ ѣздить по дому. Его возила горничная или мальчикъ, или кто нибудь изъ друзей. Захотѣлось ему проѣхать на террасу, гдѣ обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы совершались его гостепріимныя, старо-помѣщичьи трапезы. Оказывается, что двери узки. Онъ вдругъ вышелъ изъ себя и закричалъ человѣку:

— Руби!

Былъ принесенъ топоръ, изрублены косяки и кресло проѣхало. На террасѣ было пустынно. Сергѣй Николаевичъ посмотрѣлъ и разочаровался.

— Не стоило портить дверей!—сказалъ онъ.

Къ обѣду онъ выѣзжалъ изъ спальни и проводилъ нѣсколько минутъ со всѣми. Когда кресло увозили, онъ балаганилъ и благословлялъ всѣхъ.

Я увѣренъ, что, какъ доктора и всѣ мы рѣшились обманывать его, что болѣзнь его излѣчима, такъ и онъ съ своей стороны обманывалъ насъ и хотѣлъ показать себя веселымъ и безпечнымъ, слегка только больнымъ бонвиваномъ. Оставаясь со мною наединѣ, онъ начиналъ говорить:

— Я вѣдь понимаю, что *имъ* нуженъ хлѣбъ. И, не правда ли, этимъ можно объяснить, что они такъ тянутъ. Вѣдь въ серьезныхъ случаяхъ и они дѣлаются честными людьми. А врачебная наука, надо замѣтить, страшно шагнула впередъ за послѣднее время,—прибавлялъ онъ задумчиво.—Но если?.. А, какъ вы думаете? Но если?..

Однажды послѣ нѣкотораго молчанія, принявъ при помощи моей болѣе удобное положеніе, онъ вдругъ спросилъ:

— Неужели же и вы, батюшка, ломаете комедію?

У меня внутри все похолодѣло. Мы ужъ всѣ согласились съ тѣмъ, что надо непремѣнно скрывать отъ больного опасность.

Онъ хитро прищурилъ глазъ.

— Въ какомъ смыслѣ, Сергѣй Николаевичъ?—сказалъ я.

Я увѣренъ, что у него совсѣмъ другое было въ умѣ. Но ему было такъ же тяжело говорить о смерти, какъ мнѣ. Онъ вышелъ изъ затрудненія:

— Такъ-таки ни капельки не хочется?

— Что, пить?

— Именно пить.

— Нѣтъ.

Онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Съ обѣихъ сторонъ была застѣнчивость. Кончилось тѣмъ, что Сергѣй Николаевичъ пожалъ мнѣ руку и замолчалъ.

А тѣло разрушалось. Ноги распухли больше, чѣмъ когда нибудь. Страшная опухоль дошла до живота. Щеки совсѣмъ оплыли. Что-то страшное проступило въ лицѣ, львиное и свирѣпое въ выраженіи его.

— Хорошо теперь на островахъ, должно быть, — сказалъ Сергѣй Николаевичъ.

Ему хотѣлось смѣяться, шутить, хотѣлось видѣть вокругъ себя веселыхъ людей, дружескія лица, молодыя улыбки.

Институтки пріѣхали съ Варварой Сергѣевной, и слышно было, какъ онѣ щебетали въ саду.

— А попросите ко мнѣ птичекъ.

«Птички» пришли и, какъ только увидѣли его львиное лицо, мигомъ притихли, оробѣли, испугались мрачнаго призрака, который рѣялъ надъ постелью больного, почуяли его своими ангельскими носиками. И какъ ни заговаривалъ съ ними Сергѣй Николаевичъ, повторяя фразы, которыя когда-то ихъ такъ смѣшили, онѣ сторонились его и держались поодаль, бросая на него исподлобья взгляды, полные страха и наивнаго отвращенія. Я тайно упрекалъ себя, что раньше не предупредилъ птичекъ не дѣлать никакихъ гримасъ.

Больному стало какъ-то совѣстно. Онъ понялъ, какое онъ производитъ впечатлѣніе, и послѣ минутнаго молчанія сказалъ:

— Ну, маршъ на воздухъ.

Онѣ торопливо ушли.

Сознаніе и даже увѣренность, что не сегодня—завтра наступитъ конецъ, жила въ домѣ еще въ то время, когда Сергѣй Николаевичъ разъѣзжалъ полчаса или часъ по комнатамъ въ своемъ креслѣ. Но онъ ужъ пересталъ разъѣзжать. Ужъ его трудно было усадить, и тяжело было ему сидѣть. Земля все сильнѣе притягивала его къ себѣ. И все побѣдоноснѣе была борьба тяготѣнія съ его набухающимъ тѣломъ. Бѣдняжкѣ даже и лежать было больно, словно какая-то сила старалась продавить его сквозь матрацъ и вдавить въ землю. Постоянно приходилось его переворачивать. Ему никто не могъ угодить. Только я могъ еще такъ повернуть его, что онъ на секунду испытывалъ облегченіе.

Безчисленное множество партій въ шашки сыгралъ я съ нимъ. Быть можетъ, шашки замѣняли ему вино. Онѣ опьяняли его, занимали собою его умъ и отвлекали вниманіе отъ тѣлесныхъ страданій. Приходилъ еще одинъ партнеръ, Николай Андреевичъ. Какъ ни старались мы обыграть Сергѣя Николаевича, не было никакой возможности. Онъ радовался, какъ ребенокъ.

— Мнѣ кажется, что во мнѣ проснулась наконецъ геніальность,—объявлялъ онъ.—Изъ средняго человѣка я сталъ геніальнымъ. Я не только вижу одну партію впередъ, я вижу ихъ нѣсколько. Вижу всѣ ваши будущія партіи.

Расцвѣтала весна. Все ярче становилась зелень. Въ Строгановскомъ паркѣ пѣлъ соловей. Вечеромъ въ спальнѣ больного слышно было, какъ онъ тіохкаетъ. Кусты сирени покрылись метелками лиловыхъ цвѣтовъ. Сергѣй Николаевичъ самъ сажалъ эту сирень лѣтъ десять тому назадъ. Это была самая роскошная сирень на всей набережной. Громадные букеты сирени приносили въ спальню и ставили въ кувшинахъ.

— Какія души у цвѣтовъ? — спросилъ меня Сергѣй Николаевичъ.—Я думаю, маленькія-маленькія, но нельзя сказать, что поганыя.

— А вамъ приходитъ мысль о душѣ?

Онъ моргнулъ воспаленными вѣками и отвѣчалъ:

— Приходитъ. Иногда даже жалко становится, что я ни во что это не вѣрю.

— А въ дѣтствѣ вѣрилось?

— Нѣтъ, и въ дѣтствѣ тоже. Домъ былъ дворянскій, и каждую субботу пріѣзжалъ священникъ и всенощную служилъ. Но было заведено, что въ самомъ патетическомъ мѣстѣ одинъ изъ дворовыхъ людей всаживалъ булавку въ спину діакону. Несчастный вскрикивалъ, хотя и заранѣе подготовленъ былъ и въ ожиданіи подрагивалъ бедрами. А мы смѣялись. Такова была школа юмора, въ которой я выросъ.

— Но, кромѣ обряда, есть еще религія.

— Ну, религія! Безсмертіе! Намъ совѣстно объ этомъ съ вами говорить.

Я почувствовалъ, что въ самомъ дѣлѣ совѣстно — въ глазахъ Сергѣя Николаевича я могу себя очень и очень уронить, а Сергѣю Николаевичу не хотѣлось, разумѣется, уронить себя въ моихъ глазахъ. Въ то же время я отлично сознавалъ, что это все обманъ другъ друга, и на этотъ разъ, можетъ быть, менѣе простительный. Туча вѣдь надвигалась съ страшной быстротой.

Я всегда бывалъ у Сергѣя Николаевича послѣ обѣда и оставался до полуночи, а иногда и за полночь. Но однажды, въ концѣ мая, я пришелъ къ нему утромъ. Лицо его все раздувалось, щеки точно сползали съ челюстей, за этой страшной маской трудно было видѣть прежняго Сергѣя Николаевича.

— Здравствуйте, сердечный другъ, а я все думаю о васъ,—началъ онъ.—Какой сонъ мнѣ приснился... Приснилась окрошка, но не та, которую ѣдятъ со льдомъ и съ лососиной, а страшная... изъ людей. Подождите-ка разскажу по порядку. Мнѣ вотъ только она мѣшаетъ.

— Кто она?

— Нога. Понимаете, съ утра начала заявлять о своихъ правахъ и видимо норовитъ, что называется, эмансипироваться. Такъ что, когда вы меня поворотите, то предварительно войдите въ какую нибудь сдѣлку съ нею. Вотъ такъ. Такъ-то, сударыня. Есть и на васъ управа. Напрасно артачились... А теперь о снѣ. Вы только слушайте. Иду я будто бы съ горы, и, знаете, такой свѣтъ, какой бываетъ передъ грозою. Сверху огромное черное облако съ бѣлымъ серебристымъ краемъ, а изъ-подъ облака льются желтые лучи, тусклые и печальные, какъ тѣ, которые видятъ утопленники, когда опускаются на одно рѣки. Итакъ, иду я по горѣ и думаю, что надо спѣшить, потому что сейчасъ грянетъ что-то безумное и ужасное... не громъ, нѣтъ, а почище грома. И сталъ я трусить, какъ никогда не трусилъ въ своей жизни. Главное же, что я вовсе не Сергѣй Николаевичъ, а портной Степанычъ, жалкій портняжка, замухрышка, который умѣетъ только перелицовывать старое платье, получаетъ гроши и пьетъ горькую... Просвѣтлѣніе находитъ на него изрѣдка. Вотъ именно теперь нашло просвѣтлѣніе. Только бѣгу я и понимаю, что я мразь и тля, и нѣтъ во мнѣ ни малѣйшей гордости, а одно самоуничиженіе и ужасъ. Я—прибавлять шагу! И вдругъ слышу позади меня: «Степанычъ! Стой! Остановись, Степанычъ! Степанычъ!» Еще я сомнѣвался, что, можетъ быть, я не Степанычъ, а теперь ужъ ясно. Потъ прошибъ меня, согнулся я въ три погибели, скосилъ ротъ отъ страха и на бѣгу оглядываюсь. А по горѣ, освѣщенной этимъ страннымъ желто-зеленымъ свѣтомъ, бѣгутъ куски людей, и ихъ видимо-невидимо. Перерубленные пополамъ, однѣ руки, однѣ ноги, одни туловища—и все это маленькое и презрѣнное, вдрызгъ измельченный человѣческій муравейникъ. И какъ облако само темное, а края серебристые, такъ и эти кусочки людей. Великолѣпное рембрантовское освѣщеніе. Бѣда, думаю, разрубятъ и меня на кусочки. Бѣгу, а голоса все: «Степанычъ! Степанычъ!» Проснулся я и обрадовался. Вовсе я не маленькій, а даже черезчуръ большой, въ особенности со вчерашняго дня меня раздуло. И совсѣмъ, наконецъ, я не Степанычъ.

Кто ни приходилъ въ этотъ день, Сергѣй Николаевичъ всѣмъ разсказывалъ свой сонъ. И правду сказать, это былъ страшный сонъ, изъ тѣхъ, какіе видитъ душа въ минуты своей послѣдней связи съ разрушающимся тѣломъ.

Большое огорченіе для Сергѣя Николаевича было видѣть, какъ стала угасать одновременно съ нимъ его любимая собака Танька. Прежде онъ не разставался съ нею, и на извѣстной картинѣ знаменитаго Петра Соколова, хранящейся въ музеѣ Александра III, онъ нарисованъ вмѣстѣ съ этой красавицей «Танькой». Теперь она раздражала его. Она оглохла и ослѣпла, и когда вбѣгала въ спальню и глупо тыкалась нечующимъ носомъ въ стѣну и мебель, Сергѣй Николаевичъ кричалъ:

— Уберите ее!

Только здоровье радовало его глазъ, все же хилое и умирающее было ему ненавистно. Въ этомъ смыслѣ онъ мнѣ самъ высказался, и тутъ, конечно, обнаруживалась его необыкновенная привязанность къ жизни.

Нѣтъ возможности представить себѣ смерть. Это всякій можетъ провѣрить на собственномъ опытѣ. Личность такъ живуча, что самая мысль о ея небытіи абсолютно чужда ей. Опытъ говоритъ намъ, что мы смертны, потому что всѣ люди умираютъ, и когда мы тяжко больны, шансы умереть для насъ особенно велики. А все же, представляя себя на столѣ или въ гробу, или въ могилѣ, мы не можемъ отрѣшиться отъ себя и присутствуемъ на своихъ похоронахъ въ качествѣ отвлеченнаго, но живого свидѣтеля.

Не можетъ быть, чтобы мысль о смерти не приходила и Сергѣю Николаевичу; но сознаніе цѣльности и безсмертности своей личности было въ немъ велико, какъ и въ каждомъ изъ насъ. И вотъ почему всѣмъ казалось, что онъ не понимаетъ, что сегодня-завтра онъ умретъ. Онъ обманывался, и съ его стороны это былъ болѣе искренній обманъ, чѣмъ съ нашей... А что, если онъ и не обманывался? Кто разрѣшитъ этотъ вопросъ?

Доктора являлись, измѣряли выдѣленіе бѣлка, фельдшера сажали больного въ ванну. Онъ спрашивалъ, долго ли ему еще валяться въ постели. Ему отвѣчали, что, пожалуй, недѣльки двѣ.

— Однако!—озабоченно восклицалъ онъ.

А дышать становилось все труднѣе. Стала отдѣляться мокрота съ кровью. Въ первый разъ кровь встревожила его.

— Помните, въ прошлогоднихъ телеграммахъ о болѣзни Александра Александровича стоялъ инфарктъ? А вѣдь, кажется, и у меня инфарктъ. Что-то скверное.

Но потомъ онъ и къ этому привыкъ, какъ привыкъ къ своимъ опухолямъ и неподвижности. Ему все хотѣлось перемѣнить положеніе, все чаще приходилось его переворачивать.

— Теперь я счастливъ,—говорилъ онъ, когда его укладывали такъ, какъ ему хотѣлось.

Но черезъ минуту ужъ онъ былъ несчастливъ и ужъ опять жаловался на ноги.

Но, несмотря на затрудненность дыханія и тяжесть въ тѣлѣ, онъ не любилъ молчать. Онъ почти безпрерывно говорилъ. Пѣна съ кровью клубилась изъ его рта, а жажда жизни тянула его въ родной Тамбовъ. Онъ описывалъ свое имѣніе, незадолго передъ тѣмъ полученное имъ по наслѣдству отъ брата.

— Представьте себѣ... дорогой другъ.. рѣку... которая... течетъ... черезъ большой садъ... А деревья.. этакія громадныя... а берега... песчаные... И вотъ мы поѣдемъ вмѣстѣ съ вами... и пойдемъ купаться въ жаркій лѣтній день... Засядемъ въ воду и будемъ ѣсть

дыню... Навѣрно Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ дѣлали то же самое.... Ахъ, дыня, блаженство!.. Ахъ, какъ пить хочется!..

— Да вы бы чего нибудь выпили.

— Ну, нѣтъ, теперь нельзя.

Сергѣй Николаевичъ сталъ особенно внимателенъ къ своему режиму. Онъ заставлялъ мѣрять ему температуру, считать пульсъ, напоминалъ, что пора дать ему лѣкарство.

Но хотя онъ отъ времени до времени говорилъ о своей скорой поѣздкѣ въ Тамбовъ и на Кавказъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, я ждалъ, что въ немъ проснется тоска души, и онъ опять заговоритъ о томъ, что «нематеріально».

Такъ и случилось. Его навѣстилъ добрѣйшій графъ ***. Это былъ человѣкъ крайне непрактичный въ своихъ дѣлахъ, служилъ въ иностранной цензурѣ, былъ мистикомъ, занимался спиритизмомъ. Сергѣй Николаевичъ разсказывалъ, какъ горничная, служившая у графа, бросала розы въ темнотѣ на спиритическій столъ и какъ чуть съ ума не свела милаго мистика, принимавшаго эту шутку за матеріализацію. Самъ же Сергѣй Николаевичъ и настроилъ горничную, что̀ не мѣшало ему тратить время за сеансами единственно изъ любви къ графу и изъ любопытства, до чего онъ дойдетъ. Теперь, прослышавъ о его болѣзни, графъ забылъ эти мелочи, а о розахъ въ свое время Сергѣй Николаевичъ раструбилъ цѣлому міру,—и пріѣхалъ посѣтить умирающаго. Съ собой онъ привезъ бутылку воды, которую онъ самъ набралъ изъ Іордана въ бытность свою въ Палестинѣ.

— Совѣтую выпить и посмотрите, какъ станетъ легко, — убѣдительно и таинственно говорилъ графъ. — Она обладаетъ высокими цѣлебными свойствами. Согласитесь сами, это не простая вода, а святая. Если вы не вѣруете, выпейте безъ вѣры.

Графъ уѣхалъ, оставивъ бутылку въ спальнѣ на окнѣ.

— Чудакъ,—проговорилъ Сергѣй Николаевичъ.—Однако, дайте-ка мнѣ эту бутылку, — какимъ-то очень виноватымъ голосомъ заговорилъ Сергѣй Николаевичъ. — Мнѣ нравится, что онъ такъ искренно вѣритъ. Налейте-ка мнѣ стаканчикъ,—продолжалъ онъ, стараясь придать своему искаженному болѣзнью лицу юмористическое выраженіе.—Что, если и въ самомъ дѣлѣ въ этой водѣ благодать?

Я налилъ ему и держалъ воду у его рта.

— Ничего, я самъ еще въ состояніи. Вы знаете, вѣдь до сихъ поръ... не рѣшенъ споръ... что такое вѣра. А что, если?.. А? А что, если вдругъ да поможетъ іорданская вода, а?

Онъ выпилъ маленькими глотками весь стаканъ.

— Вамъ не смѣшно?

— Нисколько. Я надъ такими вещами не смѣюсь.

— А Богъ васъ знаетъ. Можетъ быть, у васъ тамъ гдѣ нибудь внутри уже дрожитъ... Я бы, напримѣръ, непремѣнно осмѣялъ бы васъ, если бы вы были на моемъ мѣстѣ.

Не стану повторять, что я по этому поводу сказалъ Сергѣю Николаевичу. Помню только, что вѣру я сравнилъ съ зеленымъ росткомъ, который пробивается изъ-подъ наноснаго мусора.

— А, вотъ какъ мы стали разсуждать. Назидательно!—проговорилъ онъ.—Но представьте, я самъ какъ будто склоняюсь къ этому. Что значитъ болѣзнь! Я только удивляюсь, какъ можете такъ разсуждать вы, будучи совершенно здоровымъ. Воображаю, что бы запѣлъ теперь покойникъ Николай Семеновичъ Лѣсковъ, нашъ авва преподобный. Итакъ, вы полагаете, что душа безсмертна?

— А вы можете представить себѣ, что душа ваша совершенно погасла, и отъ нея ровнехонько ничего не осталось?

Онъ подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, не могу. Вотъ она въ чемъ штука. Ахъ, люди, люди! Но этакъ, пожалуй, меня и до причастія доведетъ... Впрочемъ, не надо!—рѣшительно сказалъ онъ и закрылъ глаза.

Мнѣ казалось, что онъ заснулъ. Я хотѣлъ выйти на террасу, гдѣ сидѣло дамское общество за чайнымъ столомъ.

— Странно,—вдругъ заговорилъ онъ:—какъ будто въ самомъ дѣлѣ стало легче. На ночь я еще выпью. Но только не говорите докторамъ, потому что они не любятъ конкуренціи.

Двѣнадцатаго іюня Сергѣй Николаевичъ вдругъ похудѣлъ, и лицо его приняло болѣе благообразный видъ. Опухоли опали, исчезла опухоль, доходившая до груди. Ноги, казавшіяся передъ этимъ двумя туловищами, стали нормальны. Но зато у него усилился жаръ, и, подавая мнѣ руку, онъ сказалъ:

— Мнѣ положительно лучше стало. Я иду быстрыми шагами впередъ. А нуте-ка, посчитайте пульсъ. Вы, кажется, умѣете угадывать.

Пульсъ былъ зловѣщій—больше ста ударовъ. На воспаленномъ лицѣ, какъ два огня, горѣли его глаза. Онъ былъ чрезвычайно возбужденъ и говорилъ негромкимъ голосомъ, почти шепотомъ, но торопливо:

— Завтра тринадцатое число. Извѣстно ли вамъ, что тринадцатое число играло всегда роль въ моей жизни? Самое курьезное случилось со мною, лѣтъ двѣнадцать или тринадцать тому назадъ, именно тринадцатаго числа. Былъ іюнь, какъ и теперь. Я шелъ по Мойкѣ къ одному нужному человѣку, который обѣщалъ мнѣ ссудить большія деньги на дѣло, но пріѣхалъ онъ всего на день въ Петербургъ. Свиданіе было назначено въ ресторанѣ Вольфа ровно въ часъ, такъ сказать, въ тринадцать часовъ. На несчастье свое встрѣчаю попа. Чудесный попъ—въ лиловой рясѣ и благоухаетъ ладаномъ. А я ладана никогда не любилъ и по привычкѣ,

усвоенной мною еще въ золотомъ дѣтствѣ, сплюнулъ. А попъ замѣтилъ и давай меня отчитывать. Экое, говоритъ, суевѣріе. И какъ, говоритъ, интеллигентный человѣкъ способенъ на такую низость. А я озлился, и давай тоже отчитывать попа. Такъ шли мы по набережной и ругались. Прихожу къ Вольфу, а денежный человѣкъ мой оставилъ мнѣ записку съ извиненіемъ. Однимъ словомъ, недаромъ я встрѣтилъ попа. Страшная досада! Захожу я послѣ этого въ хрустальный магазинъ Гараха, нужно было купить стакановъ. А у нихъ всегда этакія пирамиды наставлены, въ родѣ ловушекъ для публики. Повернулся я—и вся пирамида какъ рухнетъ! Разбилъ я какое-то драгоцѣнное стекло, тринадцать вазъ и на сто тридцать рублей! Хорошо, говорю, заплачу. Въ карманѣ—ровно тринадцать копеекъ! Давайте, говорю, мальчика, пусть ѣдетъ со мной па квартиру. А жилъ я тогда на Невскомъ. Пріѣзжаю домой—хвать, сюртука, въ которомъ лежали деньги, нѣтъ. Утромъ жена отдала портному вывести пятно. И самой жены нѣтъ, уѣхала къ кому-то на дачу. Ѣду къ портному—все съ мальчикомъ, какъ арестантъ. Смотрю, номеръ его дома тринадцать, и думаю: бѣда. И дѣйствительно портного дома нѣтъ, а жена говоритъ, что нашелъ онъ бумажникъ и поѣхалъ ко мнѣ. Пріѣзжаю домой. Только что былъ портной и опять уѣхалъ. Знаете, исторія стала меня раздражать. Кончилось она, впрочемъ, тѣмъ, что я до сихъ поръ не заплатилъ Гараху.

Онъ усталъ и, тяжело дыша, опрокинулся на подушки. Вдругъ онъ весело вскричалъ:

— Кризисъ начинается, вотъ что! Я все думаю, что когда же кризисъ, а вотъ онъ и пожаловалъ!

Безпокоился онъ страшно. Начиналъ говорить одно, перескакивалъ на другое, принимался играть въ шашки, все мѣрилъ себѣ температуру, все требовалъ, чтобъ я считалъ его пульсъ.

Пріѣхалъ одинъ изъ докторовъ.

— Ну, что, лучше вамъ?

— Положительно лучше.

— Вижу.

Докторъ изслѣдовалъ больного, и на его веселомъ лицѣ ничего нельзя было прочитать.

— Ну, и отлично. Пріѣду завтра.

— Вечеромъ пріѣзжайте.

— Не могу вечеромъ, ѣду на рыбную ловлю.

— А, завидую вамъ.

— Подождите, вмѣстѣ поѣдемъ.

— Да вѣдь вы на лодкѣ. Вы остями бьете. А я воды боюсь, я никогда еще на лодкѣ не ѣздилъ.

Докторъ сталъ описывать, какая прелесть плыть на лодкѣ съ фонаремъ и наблюдать, какъ на днѣ дремлетъ рыба.

— Докторъ, сегодня со мной, какъ видите, дѣлать нечего. У меня, строго говоря, кризисъ.

— Нѣтъ, отчего же. Я вамъ кое-что пропишу. Я вамъ мускусъ пропишу. Вы не пугайтесь, это пустяки, но онъ поможетъ преодолѣть дрянь, которая всосалась.

— А завтра вы непремѣнно пріѣзжайте съ утра. Только смотрите же, Александръ Николаевичъ!—повторилъ онъ и строго повысилъ голосъ.

Докторъ далъ слово, что непремѣнно пріѣдетъ.

Мы остались втроемъ: я, больной и Николай Андреевичъ. Жаръ мучилъ Сергѣя Николаевича. Но онъ ворочался на постели. Но онъ радовался, что къ нему вернулась кое-какая подвижность. Душа въ своемъ пареніи въ неопредѣленную высь увлекала съ собою и тѣло. Онъ сталъ играть съ Николаемъ Андреевичемъ въ шашки и все выигрывалъ. Что-то воспаленное и новое было въ его отрывистыхъ рѣчахъ и въ его дыханіи. Иногда онъ точно забывался минуты на двѣ и ничего не соображалъ, только машинально двигалъ шашками.

Мы оба старались не терять присутствія духа и, какъ умѣли, развлекали его. Мы разсказывали анекдоты, слегка злословили, шутили надъ докторами.

Запахъ мускуса сливался съ ароматомъ цвѣтовъ. Казалось, свѣчи и лампы тускло горѣли въ эту ночь. Или мы такъ устали, или на насъ дѣйствовалъ этотъ ароматъ, и насъ опаляло это пламенное дыханіе больного, но чудилось, что надвигается тѣнь. Въ углахъ спальни она какъ-то особенно была густа. Она стлалась вдоль стѣнъ и сливалась на потолкѣ. Она облекала собою наше сознаніе. Мы просто угорали. Наконецъ, Сергѣй Николаевичъ выбился изъ силъ. Устали и мы. Онъ выигралъ чуть не сотую партію. Жена его смѣнила насъ. Мы простились и вышли. Бѣлая ночь озаряла Большую Невку и чернорѣченскія улицы прозрачнымъ свѣтомъ. Это было наше послѣднее свиданіе.

На другой день ко мнѣ прибѣжалъ человѣкъ Сергѣя Николаевича съ печальнымъ извѣстіемъ. Я засталъ его еще теплымъ. Губы его сложились въ ту блаженную улыбку, которая почти всегда расцвѣтаетъ на лицахъ покойниковъ. Онъ умеръ рано утромъ у окна, выходившаго въ садъ, гдѣ все благоухала весна. Жена приняла его вздохъ. Предъ тѣмъ какъ угаснуть, онъ глубоко вздохнулъ и громко прошепталъ:

— Ахъ, какъ хорошо!

Съ тѣхъ поръ, какъ похоронили Сергѣя Николаевича, прошло уже много лѣтъ. Другіе неизвѣстные люди живутъ въ томъ домѣ, гдѣ жилъ онъ. Многое измѣнилось. Вышли въ свѣтъ его сочиненія, и какой-то критикъ въ какомъ-то журналѣ уже успѣлъ рас-

катать писателя, котораго за границей приравнивали къ Сервантесу. Мы страшно строги, или вѣрнѣе, можетъ быть, страшно невѣжественны и не умѣемъ цѣнить своихъ выдающихся людей.

Но каждый разъ, когда мнѣ приходится проѣзжать мимо знакомой усадьбы, мнѣ чудится, что на балконѣ стоитъ Сергѣй Николаевичъ, машетъ рукой и зазываетъ къ себѣ своимъ пѣвучимъ голоскомъ. Я невольно поворачиваю голову въ ту сторону...

Тяжело и страшно терять друзей.

І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій).

КОННАЯ И ПѢШАЯ БѢДА.

Очерки изъ жизни крестьянъ сѣверныхъ губерній XVIII вѣка.

Тревога [1]).

I.

ВЪ НАЧАЛѢ XVIII вѣка весь сѣверъ Россіи, а въ особенности нынѣшнія губерніи Вологодская, Вятская и Пермская были покрыты густымъ моремъ лѣсовъ. Волнами сосенъ и елей лѣса поднимались на холмы и уходили на болота и долины. Далѣе опять шли безконечныя волны темнозеленыхъ купъ вплоть до береговъ большихъ рѣкъ, Камы и Вятки, и ихъ многочисленныхъ притоковъ. Въ лѣсахъ жило великое множество всякаго дикаго звѣрья: медвѣдей, волковъ, лисицъ. Ихъ было, пожалуй, не меньше, если еще не больше, чѣмъ людей.

Кое-гдѣ въ лѣсахъ виднѣлись, словно островки рѣдкіе, небольшіе города, окруженные земляными валами для защиты отъ набѣговъ черемисъ, татарвы и иныхъ лихихъ людей. Большинство городовъ ушли подальше отъ рѣкъ и прятались въ котловинахъ и низинахъ среди лѣсныхъ прогалинъ. Это была далеко не лишняя предосторожность, потому что по рѣкамъ плавали на своихъ стругахъ ушкуйники, не стѣс-

---

[1]) Обработано и составлено по матеріаламъ, любезно доставленнымъ Е. М. Косаревою.

нявшіеся нападать не только на встрѣчныя суда, но и на прибрежныя селенія.

Города пестрѣли яркою краской расписныхъ домовъ и особенно церквей (церкви зачастую строились изъ дерева и пестро раскрашивались). Кругомъ церквей тѣснились небольшіе рѣдко двухъэтажные дома, по большей части деревянные и почти ничѣмъ не отличавшіеся отъ крестьянскихъ избъ, и глядѣли на кривыя улицы своими подслѣповатыми, затянутыми бычачьимъ пузыремъ окнами.

Кое-гдѣ виднѣлись среди лѣсовъ и по берегамъ рѣкъ монастыри, обнесенные стѣнами и выглядѣвшіе иной разъ и наряднѣе и богаче городовъ. Отъ монастырей и городовъ тянулись изстари проложенныя дороги въ Москву и Сибирь. По этимъ дорогамъ скиталось множество бѣглыхъ, спасавшихся въ просторѣ и глуши лѣсной стороны отъ разныхъ бѣдъ и напастей. Многіе бѣглецы находили пріютъ въ монастыряхъ, которые нуждались въ работникахъ и къ тому же имѣли особыя льготы, дозволявшія имъ принимать бѣглецовъ и бродягъ и заселять ими пустопорожнія мѣста. Льготы эти шли изъ далекихъ, стародавнихъ временъ и вступали теперь уже въ несогласіе съ новыми порядками. При неустройствѣ въ общественной и государственной жизни эти несогласія тяжело отражались на жителяхъ.

Немало бѣглыхъ поступало въ разбойники и пряталось подъ мостами и въ дикихъ лѣсныхъ чащахъ. Темны, страшны были лѣса со своими лукавыми дорогами, рѣками и глубокими оврагами!

Но едва ли не хуже разбойниковъ были для народа разные корыстолюбивые начальники, дьяки, подьячіе и иные плуты-обиралы темнаго люда. Имъ давали взятки, «кормили» ихъ, разорялись на нихъ. Взятки даже и взятками не назывались, а считались чѣмъ-то въ родѣ законнаго вознагражденія. Всего же болѣе народъ боялся военныхъ людей. Тяжелѣе всякихъ взятокъ и поборовъ были для него наѣзды военной команды, которая, нѣтъ-нѣтъ, да и налетала на села и деревни искать дезертировъ и чинить за ихъ укрывательство расправу и великій грабежъ.

Отъ тѣхъ стародавнихъ временъ въ народѣ до сихъ поръ остались разсказы и побасенки, свидѣтельствующіе объ этой боязни военнаго люда.

Приходятъ, напримѣръ, къ мужику нищіе и просятъ хлѣба. Мужику жаль хлѣба: у него остался на всю семью одинъ коровай, и онъ говоритъ нищимъ: «Богъ съ вами!» Но нищіе, не будь плохи, отвѣчаютъ: «Солдатъ съ нами!» Мужикъ такъ испугался, что схватилъ коровай и выбросилъ его нищимъ.

Шла однажды въ зимнее время по дорогѣ старуха. Дорога широкая, а по бокамъ сугробы снѣга. Старуха увидѣла солдата и съ испуга спряталась въ сугробъ и стоитъ тамъ по горло въ снѣгу. Солдатъ подошелъ и спросилъ, чтò она тамъ дѣлаетъ.

— Ладно ли я, батюшка, стою?—спросила перепуганная баба, не зная, что сказать отъ ужаса.

— Ладно, бабушка; стой хоть до вечера!—отвѣчалъ солдатъ.

Старуха чуть не замерзла. Все стояла, покуда не образумилась.

II.

Апрѣль мѣсяцъ на исходѣ... Въ поляхъ зазеленѣли озими; на лѣсныхъ прогалинахъ и за околицей въ деревнѣ зацвѣли одуванчики и ромашки. Крестьяне работаютъ на пашнѣ, сѣютъ жито, выгнали на луга изморенный за зиму скотъ. Наступила веселая, рабочая пора.

Сошниковскій крестьянинъ, Демьянъ Беспалый, раньше другихъ покончилъ съ житомъ, оставилъ дома, въ Сошникахъ, жену съ сыномъ и ушелъ въ лѣсъ, верстъ за пять отъ деревни, гнать смолу.

Онъ поставилъ на горѣ, въ лѣсу, надъ оврагомъ маленькую хибарку, протопталъ въ оврагъ дорожку и копаетъ въ оврагѣ корни, изъ которыхъ гонитъ потомъ смолу... На днѣ оврага журчитъ ручей и вспыхиваетъ огнемъ, когда солнечный лучъ пробьется сквозь шатеръ вѣковыхъ сосенъ и упадетъ на него. Надъ самою водою клубится дымъ изъ покрытой вѣтками ямы. Тихо въ лѣсу; только птицы поютъ, да поетъ самъ Демьянъ, когда ему станетъ скучно безъ людей и захочется послушать человѣческій голосъ. Поэтому онъ и думаетъ здѣсь не про себя, а вслухъ.

— Тихо у насъ нонѣ!—говоритъ онъ самъ съ собой:—ничего по деревнямъ не слыхать. Неча сказать, хорошо у насъ, тихо!

Онъ переворачиваетъ тлѣющіе корни и раздуваетъ огонь, чтобы смола шла шибче.

— Слава Богу, отработались съ полями, никто не помѣшалъ... Разлюбезное дѣло!..

— Эй, Демьянъ, Демка—а!!—крикнулъ кто-то въ лѣсу надъ оврагомъ.

— Кого лѣшій принесъ?—промолвилъ Демьянъ:—кому я занадобился?

Онъ поднялся на верхъ. Тамъ у шалаша, заглядывая въ него, стоялъ мужикъ въ рваномъ полушубкѣ, лаптяхъ и безъ шапки.

— Э, Семенъ-швецъ! А я думаю, какой лѣшій тамъ оретъ. Куда шапку-то дѣвалъ? Пропилъ что ли?

— Не, не пропивалъ. Я шапку медвѣдицѣ кинулъ.

— Ну? Гдѣ?

— Иду это я изъ Пустобаева у широкаго лога; глянь, что-то ворочается въ кустахъ, гляжу—медвѣдица... Матерая такая. Носъ къ носу столкнулся съ нею. Право! Насилу убѣгъ... Шапку ей бросилъ. Она шапку схватила, рветъ ее. Проводи, Демушка, Христа

ради, хоть до поляны. Смерть, боязно одному! Проводи, родной, ужо услужу тебѣ!

— То-то вы, швецы, боязливы!—отвѣчалъ Демьянъ:—и на посулъ тоже легки... Ну, что съ тебя возьмешь? Какая корысть?

— А порты сошью! Хошь?

— Спилъ тоже!

— Ей-Богу!

— Ну, коли не врешь, такъ пойдемъ, провожу. Спасибо медвѣдицѣ... Кабы не она, сидѣлъ бы я безъ портовъ!

Оба мужика пошли по густой чащѣ, ломая вѣтки и увязая по щиколодку въ густомъ мху.

— У насъ прошлый годъ этакой же пришлый швецъ жилъ,— продолжалъ Демьянъ:—такой же трусище. Онъ, вишь ты, изъ вотчины бѣжалъ, такъ по деревнѣ днемъ ходить боялся, а все ночью. Какъ станетъ темно, онъ на улицу и выйдетъ. Убѣжалъ потомъ въ лѣсъ: раскольники сманили. Они богатые, раскольники-то: живутъ ладно!

Бесѣдуя, Демьянъ и Семенъ обрывали молодые побѣги еловыхъ вѣтокъ—сѣверюху, и ѣли ее. Пройдя съ четверть версты, они выбрались на поляну, и Демьянъ, простившись съ швецомъ, пошелъ обратно въ оврагъ.

Но не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, не успѣлъ еще Семенъ уйти изъ вида, какъ вдругъ у него надъ ухомъ изъ-за вѣтвей кто-то крикнулъ:

— Стой!.. Что тебѣ въ лѣсу надо? Что ты за человѣкъ?

Демьянъ вздрогнулъ и оторопѣлъ. Не успѣлъ онъ отвѣтить, ни даже ахнуть, какъ на него выскочили изъ лѣсной чащи человѣкъ десять какихъ-то усатыхъ, безбородыхъ людей въ странныхъ шапкахъ и кафтанахъ и съ ружьями въ рукахъ.

— Солдаты!—пронеслось въ головѣ у бѣдняги.

— Бери, вяжи его! Нечего лясы точить!—говорили они, схвативъ Демьяна. Тотъ взмолился:

— Батюшки! Родимые! Да за что же? Никого я не убивалъ, не грабилъ... За что же вяжете? Соколики?..

— Бѣглый! За то и вяжемъ! Попалась синица... Нечего брыкаться! Отвѣдаешь колодокъ!

— Родные! Какой я бѣглый? Я тутошній крестьянинъ, Сошниковскій... Изъ Сошниковъ, стало быть,—плакалъ Демьянъ:—Демьяномъ Беспалымъ звать. Спросите, кого хотите, никуда я не бѣжалъ. Тутошній, исконный! Вотъ, ей-Богу, тутошній! Лопни мои глаза, разорвись утроба!

— Ну, коли ты взаправду тутошній, такъ веди насъ къ себѣ въ Сошники!

Солдаты стали толкать Демьяна впередъ ружейными прикладами. Онъ пошелъ было, но вдругъ вырвался и побѣжалъ.

Но пробѣжать ему удалось недалеко. Грянулъ выстрѣлъ, вспугивая цѣлую стаю птицъ, и Демьянъ свалился на землю, почувствовавъ рѣзкую боль: солдатская пуля оборвала ему ухо. Онъ закричалъ, что было силы, сталъ звать на помощь, звалъ даже трусливаго Семку-швеца, но солдаты скоро уняли его. Демьяна забили въ колодки и потащили за собой, подбадривая прикладами.

Онъ ревѣлъ отъ боли и отъ страха, а солдатскій старшой — человѣкъ, должно быть, не очень злой, сталъ утѣшать его:

— У насъ, вишь ты, изъ одной команды солдатъ бѣжалъ, такъ вотъ его и ловимъ. А теперь ты замѣсто его будешь. Отъ него и кафтанъ и ружье остались. Подойдутъ къ тебѣ.

И онъ велѣлъ Демьяну вести ихъ въ Сошники—«еще другихъ какихъ бродягъ поискать»...

А Семка-швецъ объ эту пору бѣжалъ, что было мочи, по лѣсной тропинкѣ, самъ не зная куда. Онъ видѣлъ солдатъ, и видѣлъ, какъ они схватили Демьяна.

— Упокой, Господи, его душу!—бормоталъ онъ:—живымъ, чай, не выберется... Спаси насъ, владычица, Матерь Божія, Никола угодникъ! Пришла бѣда— отворяй ворота!

III.

По лѣсу, по дорогѣ въ Сошники быстро ѣхала таратайка, запряженная тройкою крѣпкихъ коней. Въ таратайкѣ сидѣло двое молодыхъ людей, ѣхавшихъ издалека въ Вятку, по торговому дѣлу. Выстрѣлъ, которымъ оторвало ухо у Демьяна, они слышали отчетливо и стали бесѣдовать по этому поводу.

— Стрѣляютъ!—промолвилъ одинъ изъ нихъ:—охотятся, видно.

— Дичи въ этихъ мѣстахъ, должно быть, видимо-невидимо, какъ и не охотиться?

Но ямщикъ, рослый и суровый дѣтина, мрачно возразилъ имъ, настегивая и безъ того быстро бѣжавшихъ лошадей.

— Черемиса да татары съ разбойниками—вотъ кто тутъ охотится!

— Тише ты!—недовольнымъ голосомъ оговорилъ его одинъ изъ пассажировъ: — гонитъ, точно и впрямь разбойники!.. А вѣдь я вѣрно говорилъ, что тутъ много дичи. Смотри-ка, гуси летятъ... Вонъ и еще! Вотъ поохотиться бы!

— Дьячекъ тутъ давеча въ деревнѣ говорилъ, будто въ рѣчкахъ бобры водятся!

— Тутъ и въ оврагѣ бобра найдешь!—возразилъ ямщикъ:—оберутъ тебя бобры-то до ниточки. Попа Матвѣя на противнѣ жарили, едва живъ сталсл... Попъ богатый, а денегъ не нашли!

— Глухая ваша сторона!

— Сторона наша.. одно слово, сторона! Держись, братцы, крѣпче. У того моста худо.

— Мостъ плохой что ли!

— Нѣтъ, самъ-то мостъ ничего... держится, а вотъ подъ мостомъ плохо!

Ямщикъ поднялся, хлестнулъ коней, и тѣ понеслись, какъ бѣшеные, грозя вывернуть экипажъ и тряся его на неровной дорогѣ, такъ что путники должны были держаться обѣими руками, чтобы не вылетѣть.

— Тише ты, чортъ!.. Что вы за трусы-ямщики! Только и разговора у васъ, что о разбойникахъ! — кричалъ старшій изъ путниковъ. Младшій поблѣднѣлъ и, самъ себя успокаивая, произнесъ:

— Ну, у меня кистень есть... У брата тоже!

— Зачѣмъ кистень? Богъ дастъ, лошади вынесутъ! Эхъ, милыя!..

Тройка влетѣла на мостъ, очень дурно сложенный и безъ перилъ. У путниковъ замерло сердце. Вотъ ѣдутъ и по мосту... Вотъ ужъ и снова на землю въѣдутъ... Вдругъ изъ-подъ моста выскочило нѣсколько мужиковъ и съ поднятыми дубинами кинулись на экипажъ. Ямщикъ привсталъ, ахнулъ и ударилъ по лошадямъ. Тѣ рванулись, прибавили еще хода, и невѣдомые люди, уцѣпившіеся было за экипажъ, полетѣли навзничь—кто подъ лошадей, кто въ оврагъ...

Проѣхали!..

Страшное приключеніе промелькнуло, словно сонъ. Вспотѣвшія лошади стали сдавать. Путники сидѣли, словно въ столбнякѣ.

— Стой!.. Курокъ никакъ выскочилъ! — произнесъ ямщикъ:— нѣтъ, цѣлъ! Слава тебѣ, Господи, миновали, отъ грѣха уѣхали! Спасибо лошадкамъ—выручили!..

Онъ перекрестился. Перекрестились, приходя въ себя, и путники.

— Вотъ они, мосты-то, у насъ каковы!—сказалъ ямщикъ.

— Часто у васъ... этакъ-то?

— Почитай, всегда! Озорники, одно слово! Нѣтъ, братцы, шабашъ! Видно, придется заночевать въ Сошникахъ. Лошади замучились, да и, неровенъ часъ, опять наткнешься на экую бѣду!.. Айда, господа, въ Сошники, тамъ у меня сватъ есть: пивомъ напоитъ.

— Ну, ладно, поѣдемъ! — согласились молодые люди, все еще не опомнившіеся отъ пережитой встряски.

Чрезъ полчаса, когда уже стало садиться солнце, тройка встала у постоялаго двора въ Сошникахъ. Изба постоялаго двора была большая, съ рѣзными навѣсами-полотенцами и съ пѣтухомъ на тесовой крышѣ. На воротахъ висѣлъ клокъ сѣна.

Несмотря на раннее время, ворота были заперты. Ямщикъ постучалъ кнутовищемъ въ окно.

— Есть ли кто дома-то? Пустите лошадей покормить.

На его голосъ поднялась половина оконной рамы, въ окно просунулась голова старухи, повязанная синей тряпкой, и скры-

лась, опять опустивъ раму. Чрезъ минуту ворота отворились, и путники въѣхали въ широкой дворъ. Навстрѣчу вышла старуха въ синей повязкѣ, а за нею самъ хозяинъ — рослый мужикъ съ огромной бородою, весь изъѣденный оспой.

Ямщикъ, распрягая лошадей, разсказалъ ему о томъ, что случилось съ ними въ лѣсу. Хозяинъ пригласилъ гостей въ избу; тамъ на столѣ стояла огромная ендова съ пивомъ, къ которой проѣзжіе немедля и присосѣдились. Хозяйка достала и подала гостямъ оловянные стаканы, и молодые люди, довольные, что сидятъ въ покоѣ и безопасности, стали охотно потягивать густой, темный и крѣпкій напитокъ и разсказывать всякія были и небылицы изъ своихъ дорожныхъ приключеній.

IV.

Вмѣстѣ съ проѣзжими въ дворъ вошелъ странникъ — мужикъ лѣтъ сорока, съ холщевымъ мѣшкомъ на спинѣ и съ палкою въ рукахъ. Лицо у него было темное отъ загара, мрачное и нерадостное: худыя щеки и впалые глаза говорили о трудной жизни. Страннику подали хлѣбъ. Онъ перекрестился, взявши кусокъ, и сѣлъ на завалинку. Къ нему подсѣлъ старикъ съ ребенкомъ на рукахъ, подошла молодая хозяйка съ деревянной чашкой съ толокномъ и старуха въ синей тряпкѣ, и странникъ сталъ разсказывать о Соловкахъ и чудотворныхъ иконахъ и мощахъ, о трудномъ пути туда по бурному холодному морю.

— Тамъ у святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ, — говорилъ онъ:—вѣру святую крѣпко хранятъ, щепотью не крестятся, бороды не бреютъ.

— Проходили богомолки, баяли, грѣхъ красные сарафаны носить; въ землю зарывать велѣли. Широкіе рукава тоже грѣхъ!— сказала старуха.

Молодая хозяйка, на которой былъ, какъ разъ, красный сарафанъ, съ досадой отвернулась и сердито промолвила:

— Ну, ужъ и грѣхъ! Зарывай въ землю свой китайникъ, коли такая охота пришла, а у меня и матушка носила красный сарафанъ и мнѣ сшила... Что жъ я матушку обижать буду?..

— Слѣпые идутъ!—закричали на улицѣ ребятишки.

Съ улицы донеслось нестройное, гнусливое пѣніе. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, шли нищіе, держась за конецъ палки. Другой конецъ палки несъ вожакъ «поводырь», хромой парень съ хитрымъ, лукавымъ лицомъ. Нищіе пѣли подъ окнами у каждой избы; имъ выносили милостыню и клали въ подставленныя шапки. Слѣпые подошли и къ постоялому двору и запѣли про Алексѣя, человѣка Божія. Поводырь пошелъ за милостыней и громко попросилъ квасу, а тихонько спросилъ, не продастъ ли хозяинъ вина. Хозяинъ по-

шелъ въ амбаръ и вынесъ маленькій бурачекъ; поводырь отдалъ деньги и понесъ бурачекъ къ слѣпымъ, которые расположились у воротъ.

— Что несешь, Микеша?—спросили они:—не кваску ли?

— Кваску, милые! Малъ бурачекъ-то... Мало кваску далъ хозяинъ... Скупъ зѣло!

— А и впрямь малъ бурачекъ-то!—простодушно замѣтила какая-то баба:—идите, голуби, ко мнѣ: я васъ угощу!

Но слѣпые роспили и остались очень довольны и этимъ. Просидѣли они, впрочемъ, тутъ недолго. Хозяинъ замѣтилъ, что поводырь что-то ужъ очень подозрительно осматриваетъ сараи, гдѣ хранилось имущество, и прогналъ ихъ.

— Что это сегодня все чужой народъ валитъ въ деревню?— замѣтилъ онъ, затворяя ворота. — Демкинъ сынъ, Васька, странницъ опять какихъ-то привелъ изъ лѣсу. Одну чуть не до смерти зарѣзали, а другая спаслась. Да, вонъ и онѣ легки на поминѣ!

Изъ двора вышли на улицу съ хозяиномъ и проѣзжіе люди и увидѣли такую картину.

По дорогѣ валила толпа народа, громко галдя и махая руками. Около старостиной избы толпа остановилась; вышелъ староста, и къ нему подвели двухъ старухъ съ мѣшками за плечами и палками въ рукахъ. У одной изъ нихъ все лицо было въ крови, а шея, странно широкая была перевязана тряпкой, изъ-подъ которой торчала густая, недавно сорванная трава, забрызганная кровью. Старуха глухо стонала и едва держалась на ногахъ.

Обѣ онѣ шли, по ихъ словамъ, въ Соловецкій монастырь, и по дорогѣ, въ лѣсу на нихъ напали черемисы. Одна изъ бабъ успѣла скрыться; а другую черемисы ударили ножемъ въ горло такъ, что она упала замертво. Деньги, хлѣбъ, яица печеныя — все взяли. Слава Богу, что хоть жива осталась!

— А кто вамъ дорогу показывалъ?—спросилъ ихъ староста:— прохожіе листы у васъ есть?

— Нѣтути, родной... Каки-таки прохожіе листы!

— Ну, такъ и проходите съ Богомъ дальше!

— Батюшка!—поклонилась ему въ поясъ здоровая баба:—помоги, оборони насъ!

— Какую я вамъ дамъ оборону? Не ходите однѣ! Подите съ Богомъ!

— Что ты, Абрамъ? Грѣхъ, Абрамъ!—заговорили кругомъ.

Но староста только покачалъ головой.

— Тутъ, ребятушки, себя беречь надо: себя жальче! Воеводу, подьячихъ давно ли накормили? Еле справились... Батоговъ да шелеповъ попробовали... Попадешь въ бѣду съ чужими людьми!

Окружающіе умолкли и стали расходиться. А странницъ пріютила какая-то сердобольная женщина, и онѣ пошли за ней, а за

ними побѣжали любопытные мальчики, которымъ, какъ извѣстно, до всего дѣло...

Странникъ на постояломъ дворѣ, говоря по поводу этихъ бабъ о разбойникахъ, черемисахъ и проч., разсказалъ, кстати, и о томъ, что ему попались сегодня навстрѣчу солдаты. Поймали мужика и ведутъ его, связаннаго и въ колодкахъ. Мужикъ божится, что онъ не бѣглый, реветъ.

— Я боюсь солдатскихъ порядковъ, — повѣствовалъ странникъ:—спрятался за дерево, и какъ будто послышалось мнѣ, мужикъ сказывался изъ Сошниковъ.

— Изъ Сошниковъ? отсюда? Ой, батюшки!..

— А куда идутъ-то?—спросила старуха.

Бородатый хозяинъ, прислушавшись, тоже встрепенулся:

— Солдаты? Вотъ не было печали, такъ черти накачали, Господи прости!

— Кто же это изъ Сошниковъ-то? Пойти узнать. Кого теперь дома нѣтъ? Никакъ всѣ ужъ съ полей пришли.

И старуха побѣжала узнавать по деревнѣ.

Но какъ разъ въ эту минуту раздался громкій крикъ съ улицы. Хозяинъ выглянулъ за ворота и увидалъ Семку-швеца, который безъ шапки бѣжалъ во всю прыть по улицѣ и отчаянно кричалъ.

— Семка-швецъ бѣжитъ!—сказалъ хозяинъ:—остановился у старосты. Что ему надо?

И онъ пошелъ туда же.

Семка, добѣжавъ до дома старосты, схватилъ себя за голову и заревѣлъ во все горло:

— Абрамъ! Батюшка! Идутъ, забираютъ! Демьяна забрали, меня заберутъ. Все заберутъ: и Матренину шубу, и попову рясу заберутъ!

— Кто заберетъ?—спросилъ Абрамъ, оглядываясь по сторонамъ.

— Солдаты!

— Ой ли? Далеко ли?

— Близко! У деревни!..

V.

Поднялась страшная суматоха по всей деревнѣ. Крестьяне словно съ ума сошли, кто толкалъ въ соломы шубы, платки, лучшія вещи, кто гналъ скотину въ луга. Другіе внезапно поглупѣли: прятали старые лапти, онучи, а цѣнныя вещи бросали на видныхъ мѣстахъ. Иные стояли съ опущенными руками и только стонали, или же метались безъ толку изъ угла въ уголъ. Кое-кто скакалъ на лошадяхъ въ лѣсъ. Вся деревня стономъ стонала.

На постояломъ дворѣ было не лучше: хозяева блѣдные, съ искаженными лицами, сновали, какъ угорѣлые, по двору и прятали вещи.

— Братцы, родимые! — взмолился вдругъ хозяинъ, кланяясь

проѣзжимъ въ ноги: — ради Христа не сказывайте, что пили мое пиво! Не погубите! Не велѣно, слышь, пиво дома держать!

Его успокоили.

— Коней, скотину гони на болото! — закричалъ онъ тогда работнику, кидаясь опять на дворъ.

— Господи! Курицъ съѣдятъ у меня! — плакала хозяйка.

— Максимовна! холсты-то подбери! — сказалъ ей ямщикъ, указывая на брошенный въ навозъ свертокъ.

— Охъ, деньги-то я бросила! Помогите, милые, въ навозъ зарыть! — закричала она. Руки у нея тряслись.

Ямщикъ между тѣмъ не терялъ времени напрасно. Покуда хозяева, сбившись съ ногъ, бѣгали по двору, онъ запрягъ на задворкѣ лошадей, вынесъ вещи пассажировъ и позвалъ ихъ:

— Идите-ка, молодцы! — тихонько лугами проѣдемъ въ Кумены. Темнѣетъ теперь, — не увидятъ по дорогѣ.

— Намъ нечего бояться! — отвѣчали тѣ: — у насъ проѣзжіе листы есть!

— Ну, коли не хотите ѣхать, ищите другого ямщика. Я одинъ уѣду. Можетъ, вамъ нравится колодокъ отвѣдать!

— А не то поѣдемъ, Вася? Чего добраго, опять попадемъ въ бѣду? — промолвилъ старшій пассажиръ.

Въ это время съ улицы опять раздались отчаянные крики: «идутъ, идутъ!» Семку-швеца словили.

— Ну-ка, Васька, иди! нечего тутъ! — сердито и безъ малѣйшей учтивости проговорилъ ямщикъ: — что съ тобой, дуракомъ, еще толковать!

Онъ схватилъ Васю въ охапку и потащилъ его изъ избы. Вася не протестовалъ. Крики и гвалтъ на улицѣ все усиливались. Кто-то кричалъ даже: «ой, пожаръ! горимъ!»

— Садись, ребята! Уноси-ка, Господи, подобру, поздорову! Эхъ, вы, родимыя! Запирай, хозяинъ, ворота на задворкѣ! Не видали, чай?

И тройка быстро выкатила и понеслась въ вечернихъ сумеркахъ по другой дорогѣ, на Кумены.

— А вѣдь, чай, и въ этомъ лѣсу есть бѣглые и разбойники? — тревожно спрашивали молодые люди.

— Коли нѣтъ этого звѣря? На то и лѣсъ выросъ! Ну, да ничего! Лошади постояли — Богъ дастъ, вынесутъ. Охъ, пареньки, пареньки! Жалко деревенцевъ! Демьяна, ужъ баютъ, забрали въ некрута — моего свояка. А остальные-прочіе разорятся въ конецъ!

— А зачѣмъ укрываютъ бѣглыхъ?

— Да, можетъ, и никого не укрываютъ, а всѣхъ обвинятъ! Вотъ, еще кабы за этихъ бабенокъ-странницъ старосту не замучили! У бабы горло рѣзаное! А то, скажу вамъ еще, хуже солдатъ пьяницы-подьячіе! шляются при командѣ, вынюхиваютъ

дѣльце! Чернильница, это, у нихъ за поясомъ, перо за ухомъ, а чортъ на языкѣ, прости меня Господи!

Ямщикъ плюнулъ.

— Ну, вотъ вы пужались насчетъ разбойниковъ-то,—промолвилъ онъ:—а, гляди, вонъ и Кумены видно. Вишь, церковь маячитъ. Теперь уже не боязно! Село это большое, монастырское. Сюда солдатамъ ходу нѣтъ, а ежели пожалуютъ, такъ ихъ монастырскіе такъ-то упочтуютъ, что и лучше не надо!

Монастырскій стряпчій.

I.

Куменскій попъ, Кириллъ, приказчикъ Успенскаго монастыря, принималъ сегодня у себя по важному дѣлу стряпчаго судебной монастырской кельи, Ѳеклиста Осиповича Ухорѣзова. Гость пріѣхалъ въ Кумены рано утромъ, и отецъ Кириллъ со своею попадьею сбились съ ногъ, угощая его и всячески ухаживая за нимъ.

Кириллъ въ качествѣ приказчика считался самъ по себѣ тоже немаловажнымъ лицомъ и былъ богатъ.

— Денегъ ему некуда укладывать!—говорили про него другіе попы:—приказчикомъ давно сидитъ: съ пустыми руками къ нему не приходи, поневолѣ дай: черезъ него дѣла ведешь съ монастырскимъ приказомъ.

— Вишь, какой домъ изладилъ!—говорили другіе завистники:—въ Москву съ архимандритомъ ѣздилъ—выучился строить не по-нашему! Толстъ карманъ у Кирилла!

Въ самомъ дѣлѣ домъ у попа Кирилла былъ замѣчательный: двухъэтажный, со свѣтелкой наверху. Рѣзныя окна были ярко раскрашены; рундукъ крыльца былъ украшенъ балясами, а лѣстница была словно опоясана кружевами. Но верхомъ великолѣпія были ворота-широкія, обитыя тесомъ, съ навѣсами. На верху воротъ была излажена узорчатая рѣшетка, а на полотнищахъ вырѣзано солнце съ лучами и раскрашено желтой и красной красками. Этими воротами всего болѣе и корили Кирилла при случаѣ... Ворота, равно какъ и весь домъ, были, поистинѣ, на зависть всѣмъ попамъ другихъ селъ Успенскаго монастыря.

Но куменскій приказчикъ въ свою очередь долженъ былъ щедро платить за свою должность. Онъ давалъ вещи, деньги, поилъ и кормилъ монастырское начальство при каждомъ его пріѣздѣ. А пріѣзды были частые. Много селъ и деревень было пожаловано царями монастырю. Много ему было хлопотъ съ землями и съ людьми...

Ѳеклистъ Осиповичъ пріѣхалъ спозаранку, успѣлъ переговорить съ Кирилломъ, велѣлъ ему собрать сходъ, а пока-что отдыхалъ съ дороги.

Кириллъ захлопотался до того, что весь раскраснѣлся, задохнулся и облился потомъ. Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы созвали мужиковъ, онъ сталъ совѣщаться съ попадьей, какъ бы получше угостить начальника:

— Смотри, попадья, не ударь лицомъ въ грязь: тѣсто сдѣлай помасленѣе, не скупись! Изготовь пирогъ съ рыбой, жареное съ подливкой. Все какъ можно лучше! Пряженниковъ не забудь. Вина я самъ достану изъ подвала, а дьячку скажи, чтобы пива и меду принесъ изъ погреба.

Матушка-попадья тихонько совѣтовала не давать Ѳеклисту денегъ:

— Будетъ съ него угощенія! Что же ему, сытому борову, еще денегъ-то давать? Ужъ ты, батюшка, укрѣпись, не давай!

Но попъ велѣлъ ей прикусить язычекъ и заняться стряпней.

— Лишнее все жъ, оно, конечно, прибери!—прибавилъ онъ:— кубки тамъ серебряные, ложки, куски сукна, пояса. Чтобы на глаза зря не попадались!

— Ужъ ежели очень требовать зачнетъ, аки Фараонъ,—думалъ про себя Кириллъ:—такъ маленечко-то надо дать и денегъ. Надо ублажить начальника.

И онъ оставилъ въ кубышкѣ немного рублевиковъ и мѣдныхъ монетъ и оставилъ кубышку на видномъ мѣстѣ.

— Одними пирогами отъ загребистыхъ рукъ дорогого гостя не отдѣлаешься, ну, а убытокъ пополнится сборомъ руги, да и самъ Кириллъ — начальство. Наверстаю съ избыткомъ! — утѣшалъ онъ себя.

II.

Между тѣмъ во дворъ къ попу стали собираться крестьяне.

Въ нижнемъ этажѣ Кириллина дома была большая комната съ русскою печью. Рядомъ съ ней находилась отгороженная отъ нея досчатой перегородкой «бокоуша», узенькая комнатка съ однимъ окномъ. Въ бокоушѣ стоялъ небольшой столъ, весь залитый чернилами, а на немъ черепокъ съ перьями, чернила въ разбитой бутылкѣ и песокъ въ бумажкѣ. Вмѣсто стула имѣлся небольшой боченокъ. У стѣны была прилажена крытая рванымъ войлокомъ скамейка. Возлѣ бокоуши, рядомъ съ печью находился люкъ въ подполье. Такова была канцелярія монастырскаго приказчика.

— Кто въ избѣ? — спросили снаружи, но въ избѣ было пусто, и спрашивающіе отвѣта не получили. Тогда дверь распахнулась, и въ избу вошли мужики. Они перекрестились, заглянули во всѣ углы, въ бокоушу и даже въ подполье, ища подьячаго. Но его не было здѣсь.

— Нѣтъ его, мошенника!—промолвилъ одинъ изъ вошедшихъ— староста:—ну, братцы, попъ сказывалъ, оборонятся велятъ, стоять

за монастырскихъ. Отписку читать будутъ: Ѳеклиско привезъ изъ монастыря. Солдаты идутъ, ловятъ бѣглыхъ, хорошихъ мужиковъ и парней въ рекрута забираютъ. Схватятъ, бороду сбреютъ и въ колодки сажаютъ. Грабятъ, бьютъ боемъ. Народъ прячется по лѣсамъ, гдѣ попало.

— Прибѣжалъ, это, парнишка изъ Гарей,—промолвилъ густымъ басомъ одинъ изъ мужиковъ, Косая Сажень, по прозвищу:—сказываетъ, у Митрія Гужеѣдова солдаты двери выломали, коробки разбили; денегъ, вишь ты, искали. А Митрію самому зубы выбили... на коняхъ, говоритъ, цѣпи везутъ... бѣглыхъ въ цѣпи забиваютъ... Плачутъ бѣглые-то!

Мужики молчали.

— Куда пойдешь, вездѣ худо!—вздохнулъ другой собесѣдникъ:—на коняхъ ѣдетъ бѣда, и пѣшкомъ идетъ бѣда! Охъ, Господи-батюшка, Николай Чудотворецъ!

— Такъ, братцы, Кирило-то велѣлъ, стало быть, народу обороняться,—продолжалъ староста.

— Постой! Вонъ и строчило тащится,—сказалъ, взглянувъ въ окно, Косая Сажень:—не сюда, небось, идетъ, а къ пирогамъ поповскимъ его тянетъ... Носъ у него собачій!

— Нѣтъ ли обману?—говорилъ староста.—Зачѣмъ сюда команды понаѣхали? Наша земля пожалована царями. Цари грамоту дали. Испоконъ-вѣку податей въ казну не платимъ, а на монастырь работаемъ. Въ грамотахъ тѣхъ велѣно пустыя земли заселять, бѣглецовъ и бродягъ принимать въ работники... А тутъ команда идетъ у насъ бѣглецовъ ловить! Зачѣмъ де бѣглецовъ пущаете? Ладно ли это? Вонъ лѣтось наѣзжалъ къ намъ дьякъ съ подьячими, деньги требовали... А тотъ дьякъ съ подьячими были обманные, не настоящіе. Можетъ, и команда нонѣ обманная... Пускать ли ее?

— Бѣглыхъ, вишь ты, ловятъ. А вѣдь у насъ, ребя, и не слыхать про нихъ... Можетъ, иные и прохожными въ лѣсахъ. Кто ихъ знаетъ?

— Мы не видали... Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!—отозвались крестьяне.

— Въ починкахъ наши же, деревенскіе, живутъ: телѣги, колеса дѣлаютъ, отъ работы кормятся.

— А что, ребята?—спросилъ староста:—дороги-то у насъ не загорожены, знать? Колья надо бы брать. У кого какая оборона? Сказать бы мужичкамъ-то, чтобы припасли!

За дверями раздался стукъ.

— На-те, берите чернильную душу!—сказалъ кто-то.

Въ избу толкнулся и едва не влетѣлъ въ нее низенькій и тощій подьячій, а за нимъ выглядывалъ дьячекъ—красивый, рослый и коренастый мужчина.

— Онъ ухо навелъ, перо въ зубы взялъ, бумагу въ руки—и къ дверямъ, а я его къ вамъ! Получайте!—смѣялся дьячекъ, входя въ избу.

Подьячій, влетѣвъ впереди него, споткнулся и уронилъ перо.

— Перья растеряла ворона!—крикнулъ Косая Сажень.

— Хошь гостинца еще?—спросилъ дьячекъ, подходя къ оторопѣвшему подьячему съ огромнымъ кулачищемъ:—се азъ жалую!

— Ужо заплатишь за безчестье!—прогнусилъ подьячій, потирая шею:—я вотъ взыщу съ тебя!

— Заплачу кулаками!

— А здоровы у тебя, Тихонычъ, кулаки-то! — смѣялись мужики:—ишь, угодье какое!

— На медвѣдя одинъ ходитъ!

— Да что, братцы! Чернильная душа и не съ такими кулаками справится,—возразилъ дьячекъ:—она и медвѣдя душитъ. Въ чернилахъ у нея вô какая оборона! Ну-ко, милый, давай, поборемся,—обратился онъ къ подьячему:—пусть сходъ разсудитъ, кто сильнѣе, ты или я.

Онъ обхватилъ своими ручищами тощаго подьячаго, но тотъ ловко вывернулся и, что-то бормоча, ушелъ въ бокоушу.

— Не нравится!—захохотали мужики.

— Пойдемъ, ребята, къ попову крыльцу!—обратился къ нимъ дьячекъ:—Ѳеклистъ читать будетъ. А чернильницу я ввергну во адъ,—шепнулъ онъ старостѣ:—чтобы не путалась промежъ насъ!

Мужики вышли изъ избы, а дьячекъ покуда остался, спрятавшись за печку. Подьячій вышелъ изъ бокоуши и пошелъ было за мужиками, но Тихонычъ выскочилъ тогда изъ-за печки и предсталъ предъ нимъ съ распростертыми объятіями.

— Ты куда, чернильная душа? Народъ мутить! А во адъ хочешь?

Онъ схватилъ его поперекъ тѣла, поднялъ и отнесъ въ подполье...

— Ключъ въ вертоградѣ, Савва во адѣ!—пѣлъ онъ густымъ басомъ, запирая подземелье:—Саввушка, Савва, гдѣ твоя слава?

— Я те задамъ!—глухо донеслось изъ подполья: —мерзавецъ этакій! Я вотъ ужô взыщу съ тебя!

— Не шуми, не ругайся! Сиди до вечера! Попъ не велѣлъ тебѣ выходить изъ бокоуши; зачѣмъ не слушался? Потому вотъ и погребенъ бысть!

И, прочитавъ это поученіе, дьячекъ вышелъ изъ избы.

III.

— Ну, а теперь за дѣло!—провозгласилъ Ѳеклистъ Осиповичъ, доставая монастырскій приказъ крестьянамъ Успенскаго монастыря.—Угладимъ путь для сыску бѣглыхъ рекрутъ, солдатъ, драгунъ и матросовъ!

— Сначала выкушай медку ковшичекъ!—угощалъ его отецъ Кириллъ.

— Нѣтъ, отче! Медку выкушаемъ во благовременіи. Ты вотъ что слушай-ка: подьячихъ перво-наперво долой! Убери ихъ, припрячь куда нибудь. Переметныя они сумы, кабы не побѣгли къ военной командѣ гонцами. Знаешь, каковы штрафы положены за укрывательство?

— Одинъ такой сидитъ ужъ у меня въ подпольѣ, —серіозно возразилъ Кириллъ:—пока гостей не проводимъ, Тихонычъ не выпуститъ его. А другой боленъ, лежитъ безъ заднихъ ногъ.

— То-то! Пойдемъ читать приказъ.

Выйдя на крыльцо къ собравшимся крестьянамъ, Ѳеклистъ Осиповичъ плотно утвердилъ свою грузную персону на узорчатомъ помостѣ и зычнымъ голосомъ прочиталъ приказъ, написанный неудобопонятнымъ канцелярскимъ слогомъ XVIII вѣка и гласившій о воинскихъ командахъ, о бѣглыхъ, о сыскѣ бродягъ, о о томъ, что воинскія команды при сыскѣ монастырскихъ крестьянъ должны предъявлять «послушный приказъ» отъ стряпчаго судебной кельи и т. д. У крестьянъ, слушавшихъ все это, ничего въ головахъ не укладывалось, и они памятовали твердо и опредѣленно только одно: обороняться отъ командъ, не пускать ихъ... Объ этомъ говорилъ староста, Тихонычъ и самъ Кириллъ. Приказъ же они слушали очень почтительно, но въ него не вникали. Да и Ѳеклистъ, повидимому, не заботился, чтобы они поняли. Онъ лишь исполнялъ возложенную на него формальность и читалъ хотя и зычно, но безтолково...—Что въ чтеніи путнаго?—думалъ онъ:— будемъ дѣло дѣлать!

Прочитавъ приказъ и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, онъ вернулся обратно въ Кириллины горницы.

А тамъ уже былъ накрытъ большой столъ, и на немъ поставлена всякая вкусная снѣдь: пироги, пряженцы, жаркое, вино, пиво, медъ. И началось угощеніе.

Кириллъ усердно упрашивалъ гостя «опробовать» и вина и елея; гость сначала кобенился для порядка, говорилъ, что сытъ, что не время теперь предаваться чревоублаженію, но потомъ смилостивился и опробовалъ. И Кириллъ и Ѳеклистъ выпили .изъ большихъ оловянныхъ стакановъ, а затѣмъ гость напустился на пирогъ. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, отправляя въ свою широкую утробу огромные куски жирнаго масленаго пирога съ рыбой. Онъ

ѣлъ и похваливалъ, а матушка попадья и радовалась и печалилась. Радовалось тому, что стряпня ея нашла достойную оцѣнку, а печалилась тѣмъ, что гость ужъ очень прожорливъ.—«Ишь, лопаетъ!— думала она, молча глядя на его жующій ротъ.— И не подавится, утроба бездонная! Для него непочатый куль муки пшеничной сегодня потревожила! Лежалъ бы себѣ куль-то, кабы не онъ!»—Отецъ Кириллъ кушалъ мало. Его тревожилъ вопросъ, какихъ даяній потребуетъ Ѳеклистъ.

Обѣдъ кончился, гостю предложили отдохнуть:

— Пожалуйте, Ѳеклистъ Осиповичъ, въ покойчикъ. Подушки тамъ, войлочекъ мягонькій. Хорошо тамъ! Ни мухи, ни блохи у насъ не водится... Отдохните, милости просимъ!

Гость не отказался, и двери въ «покой» за нимъ затворились.

— Хорошая рыба!—думалъ онъ, укладываясь на широкую скамью, покрытую войлокомъ:—архимандрита, говоритъ, угощать припасъ... Да, братъ, и Ѳеклистъ Осиповичъ не послѣднее лицо въ судебной кельѣ. Не грѣхъ и его угостить, какъ архимандрита.

Ѳеклистъ Осиповичъ почувствовалъ, что засыпаетъ. Глаза его слипались отъ тяжкой дремоты. Онъ снялъ съ себя клобукъ, ряску и подрясникъ съ огромными карманами и грузно опустился на подушки. И ужъ совсѣмъ было сталъ онъ засыпать, какъ вдругъ увидалъ въ углу большой сундукъ.

— Ишь, какой сундучище!—подумалъ онъ, открывая свои совсѣмъ было слипшіяся, но для такого случая снова раскрывшіяся очи:—накопилъ добра Кирило! Что можетъ быть въ такомъ сундукѣ? Чай, и серебро тамъ есть? Нѣтъ, голубь, пирогомъ не отдѣлаешься! Дуракъ я буду, если не сорву съ тебя серебреца!

Но тутъ маленькія хитрыя очи стряпчаго окончательно слиплись и закатились. Онъ всхрапнулъ и увидѣлъ сонъ: сидитъ онъ въ Москвѣ за столомъ приказнаго дьяка. Переписалъ челобитную и хотѣлъ засыпать ее пескомъ, но залилъ чернилами. Дьякъ бьетъ его палкою. Больно бьетъ.—Должно быть, у него палка съ желѣзомъ,—думаетъ онъ... Потомъ онъ очутился въ чистомъ полѣ— марширует, словно солдатъ съ ружьемъ, а мужикъ рядомъ кланяется: «Батюшка, отслужи молебенъ солнцу праведному отъ пѣшей и конной бѣды».

— Что это, какое неподобное приснилось? — перекрестился Ѳеклистъ проснувшись:—знать, лишнее выпилъ.

Онъ всталъ, оглядѣлся и опять увидѣлъ сундукъ.

— Запертъ... тяжелый... Что въ немъ такое? А вонъ и зеркало!

Стряпчій поглядѣлся въ него и увидѣлъ маленькіе хитрые глаза, толстый красный носъ, большой ротъ съ отвислыми губами и жидкую косичку на круглой головѣ.

— Ликъ, аки жеваный!—подумалъ онъ, усмѣхаясь:—ну, да ничего! Были бы денежки — вотъ ужъ и хорошъ! А вотъ теперь и благолѣпенъ! — сказалъ онъ, надѣвая клобукъ и съ довольнымъ лицомъ отходя отъ зеркала.

IV.

— Да исправится молитва моя! — запѣлъ онъ, похаживая по комнатѣ.

— Каково отдохнули, Θеклистъ Осиповичъ? — спросилъ отецъ Кириллъ, входя въ покойчикъ.

— Отдохнулъ изрядно, а не спалъ. Не такое время, чтобы спать. Надо за работу приниматься.

— Пожалуйте въ столовую, на дорожку подкрѣпиться,—пригласилъ Кириллъ гостя.

Онъ налилъ въ столовой большой стаканъ вина и поднесъ Θеклисту. Тотъ выпилъ.

— Паки!—предложилъ Кириллъ снова.

Гость не отказался и на этотъ разъ.

— Теперь посошекъ пожалуйте! — опять возгласилъ хозяинъ.

Θеклистъ Осиповичъ выпилъ и посошекъ.

— Сумочку!

Θеклистъ выпилъ и сумочку.

— На дорожку горошку вкусите!

Стряпчій вкусилъ и промолвилъ:

— Ну, отче, за твою хлѣбъ-соль надо тебя уважить... Подь-ка сюда въ сторонку... Что я тебѣ скажу-то! На тебя доносы! Попы жалуются: берешь ты, не оглядываешься, за дѣла и безъ дѣлъ.

— Что ты? Напраслину говорятъ!—вскричалъ, подпрыгнувъ съ досады, кумёнскій приказчикъ:—я ихъ, озорниковъ, принимаю по-пріятельски, пою, кормлю, а они экую штуку!..

— Да, другъ Кирило, много въ сей жизни непріятностевъ! — хитро ухмыльнувшись, продолжалъ Θеклистъ:—думаешь, все удача, анъ, глядь, мытарство! На твое, вишь, мѣсто охотниковъ больно много... Отцу архимандриту большіе дары несутъ... Эхъ, Кирило, берешь, а не дѣлишься! Скупенекъ ты, Кирило! А ты бы не скупился: на ряску суконца бы подарилъ, серебреца бы отсыпалъ... Умаслилъ бы, кого нужно, вотъ и мытарства-то не было бы! И не боялся бы ты ничего!

— Охъ, ты, піявка!—думалъ Кириллъ:—высосешь мои кровные рублики!

— Ахъ, хорошъ у тебя подрясникъ!—продолжалъ между тѣмъ Θеклистъ, дотрагиваясь до рукава нанковаго подрясника Кирилла:—у меня этакой и ряски нѣтъ. А знаешь, что̀ въ писаніи-то сказано: рука дающаго не оскудѣваетъ? А?

Кириллъ просвѣтлѣлъ.

— Подарю ему на рясу... Отстанетъ... Нужный человѣкъ!.. Нельзя!

Кириллъ ушелъ въ покойчикъ и стукнулъ крышкой того самаго сундука, о которомъ такъ возмечталъ передъ тѣмъ Ѳеклистъ. А стряпчій тоже юркнулъ за нимъ и въ сундукъ заглядываетъ.

Кириллъ поскорѣе захлопнулъ крышку и заперъ сундукъ.

— Попадья! — крикнулъ онъ женѣ: — ты зачѣмъ въ сундукъ свой тулупъ сложила? Гдѣ сукно на ряску? Неси сюда!

Попадья принесла свертокъ.

— Ну, теперь заткну ему глотку!—подумалъ Кириллъ:—сукно изрядное.

— Примите, Ѳеклистъ Осиповичъ! — промолвилъ онъ, низко кланяясь.

Ѳеклистъ взялъ свертокъ матеріи и, даже не взглянувъ на подарокъ, спряталъ его въ необъятный карманъ своего подрясника, промолвивъ только:—Всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ!

Попу даже обидно стало такое равнодушіе.

— Что стоишь, словно жена Лотова? — съ сердцемъ крикнулъ онъ на попадью: — неси вина!

Попадья явилась съ виномъ, и опять пошло угощеніе. Стряпчій пилъ и не пьянѣлъ, только красное лицо у него пуще прежняго лоснилось, да глазки еще больше сузились.

— Вотъ, мы вино пьемъ въ веселіи!—вдругъ заявилъ онъ: — ибо ты, Кирило, богатъ, и домъ твой полонъ хлѣба, вина и елея... А вотъ иноки наши зѣло бѣдствуютъ. Монастырь у насъ оскудѣлъ, питаться нечѣмъ! Надо бы тебѣ, Кирило, на нашъ монастырь пожертвовать. На построеніе! Азъ, грѣшный инокъ, такожде оскудѣлъ зѣло. По силѣ тружусь, ибо по твоему приходу работишки много: записи, выписи, отписки... Не жалѣй серебреца, Кирило! Рука дающаго не оскудѣваетъ. Грѣхъ тебѣ, Кирило! Не даешь отъ избытка своего, а, между прочимъ, вонъ какія ворота выстроилъ!

— Охъ, милостивецъ!—грустно отвѣчалъ Кириллъ: — сыновей учу... Одеженка истрепалась. Всѣ грошики пораистратилъ!

Но стряпчій хитро прищурился, и жирное лицо его расплылось отъ улыбки.

— Много званыхъ на пиръ! Подумай, голубь! Много званыхъ на твое мѣсто... Трудно удержать его... Ты подумай хорошенько!

Кириллъ вздохнулъ.

— Однако прощай!—сурово промолвилъ Ѳеклистъ:—лошади у крыльца. Время ѣхать!

И онъ пошелъ къ дверямъ, но Кириллъ схватилъ его за руки.

— Гость дорогой! Такъ не ѣздятъ! Умилосердись! Сядь да помолись! Благословясь надо ѣхать въ дорогу, а не борзясь, не скорохватомъ! Сиди, сиди, голубчикъ; вотъ я сейчасъ!

И Кириллъ бѣгомъ побѣжалъ въ свою спальню.

Тамъ подъ образами стоялъ высокій столъ съ церковными книгами. Кириллъ торопливо отперъ въ немъ ящикъ и вынулъ оттуда кубышку. Онъ и не замѣтилъ, что стряпчій подкрался за нимъ и глядѣлъ сейчасъ ему черезъ плечо, удерживая дыханіе.

Въ кубышкѣ лежало нѣсколько рублевиковъ и немного мѣди: все это было заблаговременно отложено на всякій случай, если Ѳеклистъ ужъ очень станетъ притѣснять. Кириллъ взялъ оттуда два рубля и хотѣлъ запереть кубышку въ столикѣ, но стряпчій вдругъ обнялъ его такимъ образомъ, что ему нельзя было запереть стола. Обнявъ Кирилла, Ѳеклистъ схватилъ кубышку и, весело смѣясь, высыпалъ все ея содержимое въ широкій кушакъ подрясника. Туда же онъ отправилъ и только что взятые Кирилломъ два рубля, говоря: — Давай остальные!

Попъ вздрогнулъ. Этого нападенія онъ совсѣмъ ужъ не ожидалъ. У него и руки опустились, и языкъ прилипъ къ гортани.

А стряпчій хохоталъ во все горло.

— Давай, дурачина, еще! У тебя денежки есть... Кубышка еще непочатая стоитъ!

Онъ легонько трясъ Кирилла, говоря:

— Ну-ка, попъ, гдѣ деньги? Мѣсто приказчика дорого: за три рубля его не купишь! Сказывай, куда деньги дѣвалъ?

— Батюшка, нѣтъ у меня! — взмолился Кириллъ, обрѣтя наконецъ даръ слова.

— Врешь! Давай, давай!.. Ворота какія взбодрилъ, да чтобы денегъ не было! Ну-ка, давай!

Попъ, весь красный, съ сердцемъ высвободился и крикнулъ:

— Что ты, Ѳеклистъ, ей-Богу, привязался: давай да давай! Всю кубышку, небось, высыпалъ—гроша не оставилъ... Богъ съ тобой!

И Кириллъ чуть было не заплакалъ, глядя на опустѣвшую кубышку.

— Ну, хорошо, я пошутилъ! Смотри, только къ осени припаси на монастырскія нужды. Мнѣ надо будетъ опять здѣсь побывать... Недѣльку, другую проживу у тебя. А за твою ласку я въ долгу не буду: отписку настрочу, какую тебѣ будетъ надо!

Попъ вздрогнулъ полегче, кланялся и благодарилъ.

Попадья принесла пива, меду и пряженниковъ.

— Пожалуйте, пожалуйте! — угощали и она и Кириллъ дорогого гостя.

— Выпью! Можно!—согласился гость. — А нѣтъ ли бутылочки винца на дорогу? Горло промочить! Пирожка не осталось ли махонькій кусочекъ?

— Приготовлено, Ѳеклистъ Осиповичъ!—заявила попадья, кланяясь:—для вашей милости кулечекъ положенъ въ телѣгу: рыбка, пирогъ, двѣ бутылочки винца!

— Ну, теперь благослови, отче!

Всѣ сѣли. Потомъ Кириллъ пробормоталъ молитву, и всѣ покрестились и положили по земному поклону. Затѣмъ стряпчій подошелъ подъ благословеніе Кирилла, наклонилъ голову и, сложивъ ладони крестъ на крестъ, смиренно поцѣловалъ руку у батюшки.

— Ничего! Сукно мягкое!—думалъ Ѳеклистъ и рублевиковъ съ пятокъ насыпалъ — на продолженіе житія хватитъ!

— Дешево отдѣлался! Ладно припряталъ кубышку! — думалъ въ свою очередь Кириллъ, провожая гостя:—кабы не припряталъ, плакахся бы теперь горько!

— Экій жадный! Экій жадный! Прости меня, Господи!—думала попадья:—и какъ его не разорвало! Полъ-пирога съѣлъ, рыбу чуть не всю слопалъ, да еще и на дорожку припросился... Пьяная рожа!.. Обидчикъ!..

Походъ и сраженіе.

I.

Несмотря на то, что матушка-попадья обозвала Ѳеклиста Осиповича «пьяной рожей», онъ былъ совершенно трезвъ. Онъ легко сбѣжалъ съ лѣстницы и безъ посторонней помощи влѣзъ въ телѣгу.

— А гдѣ развѣдчики?—спросилъ онъ, усаживаясь и нащупывая ногой, тутъ ли кулечекъ съ провизіей, который посулила попадья. Кулечекъ былъ тутъ, и Ѳеклистъ Осиповичъ успокоился.

— За воротами, на вершныхъ коняхъ, — отвѣчалъ на его вопросъ ямщикъ.

— Ну, съ Богомъ! За хлѣбъ, за соль! — поблагодарилъ онъ хозяевъ, кланяясь.

— Не осудите за угощеніе! Обратно пожалуйте, Ѳеклистъ Осиповичъ!—кланялись въ свою очередь хозяева.

— По дорогѣ какъ не заѣхать? Счастливо оставаться!

За воротами къ Ѳеклисту присоединились мужики, вооруженные кольями. Одни изъ нихъ были верхами, другіе пѣшіе.

— Куда поѣдемъ?—спросили они Ѳеклиста Осиповича.

— Мѣста до Кырчана знаете?

— Какъ не знать? Здѣшніе!—гудѣлъ басомъ Косая Сажень.

— А гонцовъ послали по деревнямъ?

— По всей вотчинѣ посланы гонцы,—отвѣтилъ староста.

— Такъ, вотъ что,—распорядился стряпчій:—я поѣду въ Мухину, а вы, конные, скачите въ Кырчанъ и по дорогамъ развѣдайте, въ какія мѣста разослана команда, и дайте мнѣ знать, куда ближе ѣхать изъ Мухиной навстрѣчу гостямъ.

Мужики поскакали и скрылись въ лѣсу, чрезъ который шла дорога въ Кырчанъ, а Ѳеклистъ Осиповичъ проѣхалъ полевыми

воротами въ другую сторону и выѣхалъ на дорогу къ деревнѣ Мухиной.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ, что къ нему навстрѣчу ѣдетъ верховой. Верховой кричалъ:

— Ѳеклистъ! Ѳеклистъ Осиповичъ! Другая артель солдатъ къ Полому идетъ... Мужики бѣгутъ оттуда!

— Не узналъ тебя, Тихонычъ! — промолвилъ Ѳеклистъ, вглядѣвшись.—Скачи, братъ, скажи мужикамъ, чтобы не пускали солдатъ: наша монастырская де земля, начальникъ не велитъ! Я ужо къ нимъ изъ Мухиной пріѣду!

— А что, Ѳеклистъ Осиповичъ, что я тебѣ скажу!... Ты того... не ѣзди! — промолвилъ дьячекъ. — Я съ ними управлюсь самъ! Дозволь!

— Дуракъ ты!—оборвалъ его Ѳеклистъ.—У тебя что ли монастырскій-то приказъ? Ты кто? И думать не моги! Смиряйся!

Тихонычъ поскакалъ обратно.

II.

Часа чрезъ полтора Ѳеклистъ Осиповичъ пріѣхалъ въ Мухину.

Уже издалека его встрѣтилъ вой, крикъ, вопли, словно въ деревнѣ происходилъ пожаръ. Но на вечерѣющемъ небѣ не было ни единаго пятнышка дыма. Солнце ярко сіяло, хлѣба на поляхъ весело зеленѣли, и въ нихъ звонко и тревожно стрекотали кузнечики, словно и къ нимъ тоже нагрянула военная команда; ища бѣглыхъ.

— Ишь, музыку какую развели! — промолвилъ Ѳеклистъ Осиповичъ, глядя на деревню:—настоящая музыка!

— Это все бабы!—усмѣхнулся ямщикъ:—баба воетъ—за пять верстъ слыхать!

Онъ стегнулъ лошадей, и сытые кони быстро доставили стряпчаго въ самую середину деревни.

Народъ безпокойно метался по улицѣ. Увидѣвъ Ѳеклиста, къ нему бросились всѣ, кто былъ вблизи, и особенно бабы съ ребятишками... Онѣ обступили телѣгу, падали на колѣни и такъ громко плакали, что у стряпчаго зазвенѣло въ ушахъ.

— Чего воете?—прикрикнулъ онъ на нихъ.—Эй, староста, гони скорѣе всѣхъ бабъ прочь! Бабамъ тутъ нечего дѣлать!

Бабы, всхлипывая и причитая, отошли подальше.

— Я вотъ и мужиковъ, которые ревущіе, всѣхъ прогоню! — кричалъ Ѳеклистъ:—мужики должны дѣло дѣлать, а не выть зря по-бабьи!

— Ой, батюшка родной! Ой, бѣда пришла! Порадѣй за насъ! Ослобони!—молили его мухинскіе мужики, падая на колѣни.

— То-то, порадѣй, ослобони! Я радѣю... Я за васъ ратую, жизни своей не жалѣю, санъ свой тревожу, а вы что? Кормить,

небось, забыли? Вы — монастырскіе, что припасли для меня? Рублики, деньги—гдѣ? Староста, знаешь свое дѣло?

Староста подошелъ къ Ѳеклисту и, низко кланяясь, подалъ ему кожаный кошель. Ѳеклистъ заглянулъ въ кошель и поморщился:

— Да вы что на смѣхъ, что ли, эстолько дали? Жаль что ли вамъ за мое доброе дѣло побольше дать? Начальства не уважаете? Давайте еще! Я не подьячій по эстольку брать!

— Отецъ родной! Нечего больше дать-то! Нѣтути, родимый! Все собрали, послѣднее наскребли!—вопили мужики и бабы.

— Ну, коли такъ, сейчасъ уѣду назадъ! Только меня и видѣли!... Команда-то близехонько, а я уѣхалъ! Отдадите все, чего и не думаете!

Мужики со страхомъ оглянулись по сторонамъ.

— Давайте, дураки! Только время съ вами даромъ трачу. Ну-ка, давайте что ли! У бабъ гайтаны серебряные, серьги, небось, есть!

— Охъ, охъ, родимый! Все достанемъ, ослобони только, ради Христа!

— Ослобоню! А вы поскорѣе сбирайте! Несите сейчасъ же!

Чрезъ нѣсколько минутъ крестьяне дѣйствительно насбирали порядочную толику деревенскаго серебра, и карманы стряпчаго живо проглотили это серебро. Народъ кланялся ему въ землю.

— Ну, вставайте! — приказалъ Ѳеклистъ.—Готовьте колья, дубины, полѣнья, и ждите солдатъ. Пустите ихъ грабить, а какъ войдутъ они въ избы и начнутъ разбойничать,—выбѣгайте на улицу, чтобы я видѣлъ васъ... потому я и узнаю, что пора мнѣ приняться за нихъ. Я вамъ махну руками, и тогда берите колья, дубины и чѣмъ попало лупите ихъ, разбойниковъ, въ злую голову!

— У нихъ, у солдатъ-то, ружья огненныя! — робко замѣтилъ староста.

— Когда зачнутъ грабить, огненныя ружья поставятъ въ сторону! — возразилъ стряпчій: — ружья помѣшаютъ имъ вынимать добро изъ сундуковъ да изъ коробовъ. Солдаты не догадаются, чтò я съ ними сдѣлаю: ружьишки поставятъ, глядѣть на нихъ не будутъ—глаза-то у нихъ разбѣгутся по коробкамъ да сундукамъ, а вы и не плошайте! Тѣмъ временемъ потихоньку, помаленьку и подкрадьтесь кошечками къ ружьямъ... Хватайте ихъ, да въ солому прячьте, а коли сможете сломать, такъ и сломайте! А я сейчасъ на солдатъ и въ колья!

III.

— Эй! солдаты идутъ!—крикнулъ мужикъ съ крыши.

— По избамъ расходитесь!—скомандовалъ Ѳеклистъ.

Улица опустѣла.

Ѳеклистъ велѣлъ ямщику ѣхать въ переулокъ и остановиться за угломъ, такъ, чтобы не видно было изъ-за избы. Потомъ онъ

послалъ ямщика на крышу. Тотъ ползкомъ пробрался туда, поглядѣлъ, что дѣлается на улицѣ, и вернулся съ докладомъ.

— Много ли ихъ?—спросилъ Ѳеклистъ.

— Человѣкъ двадцать будетъ. Двѣ подводы парами.

— Съ ружьями?

— Должно, что такъ!

Ѳеклистъ сжалъ губы.

— Полѣзай опять! Смотри!

Ямщикъ полѣзъ и вернувшись вторично сообщилъ, что «солдатъ листъ читалъ, кричалъ иа старосту и прибилъ его. Солдаты кинулись по дворамъ, а двое стоятъ у телѣгъ».

— Полѣзай на козлы! Поѣзжай къ телѣгамъ!—живо скомандовалъ Ѳеклистъ. Сердце у него колотилось, ноги тряслись, на лицѣ выступилъ потъ.

Подъѣхали къ телѣгамъ, у которыхъ стояло двое караульныхъ. Ихъ вниманіе было занято происходившимъ предъ ними: они смотрѣли на солдата, который ломалъ около избы коробку, и кричали ему:

— Чуръ, пополамъ!

Ѳеклистъ Осиповичъ подвинулъ свой клобукъ, пріосанился и вычнымъ голосомъ крикнулъ:

— Вы что за люди? Зачѣмъ воруете?

Караульные съ удивленіемъ оглянулись на него.

— Монахъ! что онъ тутъ суется?

— Ты что, жирный боровъ, лѣзешь? Тебя не спросили!

Промолвивъ эти невѣжливыя слова, солдаты отвернулись отъ Ѳеклиста и опять занялись созерцаніемъ грабежа. Но Ѳеклистъ не смутился.

— Покажите послушный приказъ изъ судебной кельи Успенскаго монастыря! Здѣсь монастырская вотчина! — закричалъ онъ на солдатъ.

— Ты не кричи, монастырская крыса, старый хомякъ! Не видишь что ли, что бѣглыхъ ищемъ?

— Вы не смѣете безъ послушнаго приказа ловить монастырскихъ людей!

— У насъ есть приказъ отъ поручика, а тебя, образину толстую, мы и знать не хотимъ!

Ѳеклистъ, однако, насѣдалъ на нихъ все яростнѣе. Лицо его пылало, маленькіе глаза сіяли огнемъ.

— Вы бѣглыхъ-то не въ коробкахъ ли ищете? Въ сундукахъ что ли бѣглые-то прячутся? Чужіе сундуки ломаете!—визгливо кричалъ онъ, указывая на солдата, который только-что вытащилъ платокъ изъ коробки и опоясался имъ.—Разбойники!.. Обманщики!.. Народъ разоряете!..

Мужики, согласно уговору, услыхавъ крикъ Ѳеклиста, стали выбѣгать на улицу и внимательно глядѣли на него.

Солдатъ наконецъ обидѣлся:

— Сбей съ иего шлыкъ, Леушкинъ, что онъ, постылый, ругается?

— Ахъ, вы, каины-братоубійцы!

— Я тебя, сало постное, въ колодки забью!—освирѣпѣлъ солдатъ.—Хватай его!..

— Я вамъ покажу колодки!—взвизгнулъ Ѳеклистъ, размахивая руками и этимъ давая сигналъ мужикамъ.

Ямщикъ ударилъ по лошадямъ, онѣ бросились въ сторону. Мужики кинулись на караульныхъ солдатъ, смяли ихъ и связали тѣми же веревками, которыя лежали въ телѣгахъ и были предназначены для пойманныхъ бѣглыхъ. На улицѣ и во всѣхъ дворахъ поднялся невѣроятный гвалтъ и драка. Мужики били и гнали солдатъ, никакъ не ожидавшихъ такого яростнаго нападенія. Многіе изъ солдатъ не нашли своихъ ружей, другіе нашли ихъ изломанными, у третьихъ мужики выбивали кольями ружья изъ рукъ, такъ что солдаты и стрѣлять не успѣвали. Даже бабы схватили колья, кочерги и ухваты и съ визгомъ кидались бить несчастную команду.

А монастырскій стряпчій разъѣзжалъ въ это время по деревнѣ отъ одной группы дерущихся къ другой во всемъ своемъ величіи: клобукъ у него торчалъ на бокъ, рукава были засучены. Стоя въ телѣгѣ съ арапникомъ въ рукахъ, тяжело дыша, онъ ободрялъ свое войско:

— Такъ, такъ! Молодцы, ребята! Бей ихъ, воровъ-каиновъ! Гони ихъ изъ нашей вотчины! Пусть-ка сунутся въ другой разъ!

А заходящее солнце, между тѣмъ, кротко и ласково обливало своими теплыми весенними лучами эту поистинѣ братоубійственную драку... Гдѣ-то за деревней звонко куковала кукушка и кричали журавли, но дравшимся было не до нихъ!..

IV.

Побѣда мухинцевъ была полная. Солдаты были побиты и опозорены.

— Бери, ребята, этихъ ряженыхъ! — кричалъ во все горло неутомимый Ѳеклистъ, указывая на связанныхъ и брошенныхъ возлѣ телѣгъ караульныхъ солдатъ.—Бросай ихъ въ телѣги! Стегай коней! Вонъ изъ деревни мошенниковъ!

Солдаты были выгнаны за околицу и бѣжали со всѣхъ ногъ отъ освирѣпѣвшей толпы крестьянъ. Телѣги со связанными караульными неслись вскачь по пыльной дорогѣ. Запряженныя въ нихъ лошади были собственноручно нахлестаны самимъ Ѳеклистомъ Осиповичемъ. Стоя фертомъ въ телѣгѣ, онъ ѣхалъ за потерпѣвшей командой и горланилъ:

— Скажите своему поручику: безъ послушнаго приказа отъ стряпчаго судебной монастырской кельи по монастырской вотчинѣ не ходить, бѣглыхъ не ловить, коробокъ не ломать, крестьянскаго добра не воровать! Я, стряпчій, Ѳеклистъ Осиповъ Ухорѣзовъ, по всей вотчинѣ буду колотить васъ въ злую голову!

Одинъ изъ связанныхъ солдатъ обернулся и плюнулъ прямо въ красную физіономію Ѳеклиста.

— Вотъ тебѣ, такой-сякой!

— Придетъ время, расплатимся!—кричали солдаты.

— Ѳеклистъ, поѣдемъ скорѣе къ Полому,—говорилъ Тихонычъ.—Туда поручикъ съ войскомъ идетъ!

— Погоди, дѣло еще есть!—возразилъ Ѳеклистъ Осиповичъ.— Ты впередъ покуда ступай съ Богомъ.

И Тихонычъ погналъ лошадей вскачь.

— Ну-ка, любезные,—обратился къ мужикамъ стряпчій, вытирая лицо и бороду:—чѣмъ поблагодарите?

— Батюшка!—кланялись крестьяне.—Мы тебѣ все уже собрали, ничего больше ужъ и не осталось!

— А вѣдь вы, голуби, бѣглыхъ-то все-таки скрываете, за нихъ штрафы во какіе положены, ие слыхали? Нонѣ не прежнія времена... Указъ есть, чтобы бѣглыхъ ни-ни!.. Строжайше!.. Вотъ и расплачивайтесь!

— Да ужъ все собрали...

— То-то, собрали! Хорошо еще, что сердце-то у меня доброе... Кабы другой, злой стряпчій былъ, что̀ бы онъ съ вами сдѣлалъ? Ну, а ужъ я оченно-то не могу... Сердце-то у меня отходчивое... Ну-ко-сь, развяжите этихъ бѣглыхъ-то!

Онъ указалъ на двухъ мужиковъ, которые были пойманы солдатами, крѣпко связаны и забиты въ колодки.

— Вотъ что, любезные,—обратился онъ къ нимъ:—вы, я вижу, работать на монастырь очень желаете. Проберитесь въ Кырчанъ, къ нашему приказчику, онъ васъ приспособитъ къ работѣ.

— Спасибо, родимый!—обрадовались бѣглые.—Вотъ ужъ спасибо-то!

— Такъ чѣмъ же вы, ребятушки, все-таки отблагодарите меня за мое старанье?—продолжалъ Ѳеклистъ свою рѣчь къ мухинцамъ.—Я за всю вашу деревню потрудился... Теперь вы на свободѣ.

— Чѣмъ тебя благодарить?—кланялись до земли мухинцы.— Нечѣмъ, отецъ родной! Богу за тебя помолимся!

— Ну, Богу-то я самъ помолюсь! А вотъ вы лучше рублишекъ-денежекъ припасите на мою бѣдность и тѣсноту монастырскую: тоже пить-ѣсть хочу... Стараюсь для васъ... Порадѣйте, анъ, глядь, пригожусь еще.

Мужики молча смотрѣли на Ѳеклиста.

— Бабы! Холста, шерсти, нитокъ приготовьте къ осени! Собирать прiѣдемъ!

— Приготовимъ, батюшка! Дай тебѣ, Господи, добра здоровья, великаго счастья!

И, напутствуемый этими пожеланiями, приведя себя въ порядокъ и передохнувъ, Ѳеклистъ поѣхалъ къ Полому принимать новые труды и тягости.

Е. К.

ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ХРОНИКИ.

(Эпизодъ изъ пребыванія въ Москвѣ французовъ въ 1812 г.)[1]).

XIV.

НЕ УСПѢЛИ еще французы водвориться въ столицѣ, какъ въ тотъ же день Москву озарило зарево пожаровъ.

Первопрестольная загорѣлась во многихъ мѣстахъ.

Въ Воспитательномъ Домѣ никто изъ служащихъ не спалъ, всѣ были напуганы громаднымъ заревомъ, залившимъ темное сентябрьское небо.

— Сохрани насъ, Господь!—шепталъ Тутолминъ, испуганно глядя изъ окна:—долго ли до грѣха, какъ бы и къ намъ сюда огонь не перекинулся.

— Не близко еще, это горитъ въ Кремлѣ,—успокаивалъ старшаго надзирателя лѣкарь Оппель.

— Неосторожны съ огнемъ французы-то... замѣтилъ помощникъ эконома Зейнель.—Жалѣть чужого имъ нечего, ну, и оставляютъ горѣть.

— Божья воля!—прошамкалъ инвалидъ-сторожъ:—огонь нынѣ остановить нечѣмъ. Сказываютъ, трубы-то водокачныя графъ Ѳедоръ Васильевичъ съ собою повывезъ.

Странная мысль мелькнула въ головѣ Тутолмина:

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CI, стр. 698.

— Ужъ не подожгли ли это по приказу Ростопчина?—подумалъ Иванъ Акинѳіевичъ.—Нѣтъ, не подымется у него рука на свое, на родное, на святыни московскія!

А, между тѣмъ, пожаръ разгорался все больше и больше, изъ-за стѣнъ виднѣлись уже языки пламени.

— Страсть-то какая, всю ноченьку глазынекъ не сомкнешь!—вздыхали кормилицы.

Вся ночь прошла въ волненіи.

Рано утромъ на другой день къ Тутолмину прибѣжалъ человѣкъ изъ зданій Екатерининскаго и Александровскаго училищъ разбудить немедленно его.

— Случилось у васъ что нибудь неладное?—немедленно спросилъ посланнаго задремавшій немного только къ утру Иванъ Акинѳіевичъ.

Въ обоихъ училищахъ помѣщались оставленные въ Москвѣ русскіе раненые.

— Бѣда у насъ, батюшка, Иванъ Акинѳіевичъ: какъ вчера французъ къ намъ пришелъ, съ тѣхъ поръ и лежатъ наши раненые безъ пищи, все, что мы для нихъ наготовили, все самъ пріѣлъ...

Тутолминъ вздрогнулъ.

— Да неужто въ самомъ дѣлѣ?!

— Присматривающихъ всѣхъ поразогнали, лежатъ наши такъ, безъ призора. Вотъ и просили меня до васъ добѣжать о ихъ горькой участи повѣдать.

Встревоженный старшій надзиратель засуетился.

— Сейчасъ велю имъ отправить, что только найду у насъ готоваго.

— Еще доложу милости вашей: тѣ изъ раненыхъ, кои чрезмѣрно слабы были, ко Господу преставились, хоронить ихъ некому.

Иванъ Анкинѳіевичъ всплеснулъ даже руками.

— Бѣдные! — прошепталъ онъ и набожно перекрестился: — упокой, Господь, ихъ души...

Скоро возъ, наложенный чугунами съ горячей пищей, покатился къ Божедомкѣ; туда же отправился самъ Тутолминъ, захватившій съ собою переводчика Христіани, помощника эконома Зейнеля и двухъ французскихъ жандармовъ.

Возъ счастливо добрался до мѣста назначенія.

Старшій надзиратель позаботился похоронить умершихъ и временно оставилъ раненымъ лѣкаря Оппеля.

Несмотря на день, пожары не прекращались, они принимали все бóльшіе размѣры, огонь властно охватывалъ сосѣдніе дома. Бороться съ нимъ было нелегко. Французы, видя невозможность этого, бросили тушеніе и принялись за грабежъ опустѣлыхъ домовъ и церквей.

Возвратясь домой, Иванъ Акинѳіевичъ засталъ у себя французскаго генерала.

— Я—генералъ-интендантъ Дюмасъ,—объяснилъ послѣдній главному надзирателю,—мнѣ сообщили, что у васъ удобно печь для нашей арміи хлѣбъ, устроены большія печи.

Тутолминъ показалъ французу весь Воспитательный Домъ, но печами послѣдній остался недоволенъ и приказалъ сломать всѣ окружающія деревянныя пристройки.

— Завтра утромъ мои солдаты примутся за работу,—сказалъ онъ Тутолмину при прощаніи и уѣхалъ.

Явившіеся на другой день солдаты сломали всѣ конюшни и сараи, часть стоявшихъ въ нихъ экипажей увезли за собою, другую часть ободрали и бросили среди двора, но предполагаемыхъ печей не сложили.

Повидимому, это намѣреніе французскаго генерала было оставлено.

Весь дворъ Воспитательнаго Дома оказался загроможденъ сломанными строеніями.

— Ишь, какіе-такіе хозяева здѣсь выискались, пришли, насвинячили и прочь!—ворчалъ старикъ сторожъ.

XV.

День ото дня огненное кольцо охватывало столицу все тѣснѣе. Живое пламя разливалось, какъ море; на многихъ улицахъ вмѣсто домовъ торчали только печныя трубы да каменные фундаменты. Горѣло все; огонь не зналъ пощады, вмѣстѣ съ обывательскими домами испепелилъ онъ также немало и храмовъ. Все было жертвою разъяренной стихіи.

Черезъ два дня послѣ вступленія въ Москву непріятеля огонь подошелъ къ Воспитательному Дому.

4-го сентября онъ былъ окруженъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ. Деревянные мосты, суда на рѣкѣ, стоящія противъ него, запылали, какъ свѣчка. Всѣ строенія, стоящія невдалекѣ отъ зданій Дома, были въ пламени. Испуганные служащіе и кормилицы метались посреди двора, не зная, что̀ предпринять.

Тщетно успокаивалъ ихъ Тутолминъ.

— Не бойтесь ничего, пожаръ насъ минуетъ,—говорилъ онъ, стараясь быть спокойнымъ, но въ то же самое время съ ужасомъ глядя, какъ гонимое сильнымъ вѣтромъ море огня съ рокотомъ и трескомъ надвигалось прямо на строенія Дома.

Искры огненнымъ дождемъ сыпались повсюду, опасность была велика, масса дровъ, стоявшихъ на дворахъ, могла каждую минуту загорѣться.

— Дѣти,—обратился старшій надзиратель къ воспитанникамъ,— берите шайки съ водою и вѣники и становитесь на дрова; чуть гдѣ либо затлѣется искра, сейчасъ же заливайте.

Самъ же Тутолминъ вмѣстѣ со служащими разламывалъ деревянные заборы, тушилъ изъ трубъ загоравшіяся оконныя рамы и косяки.

Малолѣтніе воспитанники, собравшись, точно испуганное стадо, въ кучу на одномъ изъ дворовъ, плакали; они боялись приближающагося огня.

— Загорѣлась аптека!—съ отчаяніемъ сказалъ подбѣжавшій къ главному надзирателю сынъ аптекаря Буттеръ.

На горѣвшее зданіе были направлены струи воды изъ трубъ. На короткое время огонь затихалъ, но, немного спустя, разгорался съ новою силою.

— Французъ поджигаетъ самъ!—послышались негодующіе возгласы изъ толпы служителей.

— Да неужто это правда?!—воскликнулъ Тутолминъ и обратился съ вопросомъ къ одному изъ данныхъ ему для караула жандармовъ.

Смущенно взглянулъ бравый французъ на старика.

— Оставьте тушить, все равно приказано зажечь! — сказалъ онъ и отошелъ въ сторону.

Иванъ Акинѳіевичъ не сталъ возражать и печально опустилъ голову...

Аптека, которую теперь уже никто не старался тушить, загоралась сильнѣе. Медикаменты вспыхивали огнями, трещали, взрывались.

Скоро отъ зданія, гдѣ помѣщалась аптека, остался одинъ лишь фундаментъ.

На дворъ Дома, гдѣ все еще стояли воспитанники и служащіе, прокрадывались сосѣдніе погорѣльцы, съ просьбою дать имъ пристанище и кровъ. Между ними оказалось нѣсколько раненыхъ офицеровъ и солдатъ, съ трудомъ приползшихъ въ Воспитательный Домъ. Пользуясь суматохою пожара, Иванъ Акинѳіевичъ незамѣтно отъ жандарма пряталъ ихъ у себя въ квартирѣ. Огонь сталъ стихать.

— Теперь можно будетъ и отдохнуть, Иванъ Акинѳіевичъ,— замѣтилъ Зейнель, немало поработавшій при тушеніи:—опасность миновала.

— Минуетъ она только тогда, когда ни одного непріятеля не останется въ стѣнахъ Москвы, а теперь ни на что нельзя полагаться,—отвѣтилъ Тутолминъ.

Дѣти были вновь водворены въ свои помѣщенія, раненые перевязаны; наступила темная ночь.

Старшій надзиратель, не спавшій уже третью ночь, страшно утомленный, уже хотѣлъ ложиться, какъ къ нему въ комнату по-

стучали. Тутолминъ, уже вставшій на молитву, поспѣшилъ отворить дверь. Въ комнату вошла одна изъ надзирательницъ, она была сильно взволнована.

— Иванъ Акинѳіевичъ, къ намъ на дворъ пришли двѣ женщины, одна изъ нихъ слѣпая, желаетъ говорить съ вами.

— Проведите ихъ сюда, пожалуйста.

Надзирательница ушла и скоро возвратилась съ двумя женщинами. Одна изъ нихъ, молодая, вела другую, согбенную годами и болѣзнями, слѣпую старуху.

— Примите насъ къ себѣ, Иванъ Акинѳіевичъ,— заговорила слабымъ голосомъ вторая,— мы обѣ лишились всего нашего имущества и уже нѣсколько дней ничего не ѣли.

Тутолминъ пристально посмотрѣлъ на говорившую и взволнованно произнесъ:

— Вы ли это, княгиня Екатерина Петровна?

— Да, я, мой батюшка, княгиня Голицына, а это г-жа Бауеръ, дайте намъ пристанище.

— Сейчасъ все вамъ устрою,—успокаивалъ Тутолминъ несчастныхъ.

Обѣ женщины немедленно были помѣщены со вдовами, переведенными въ Воспитательный Домъ изъ богадѣленъ.

Утромъ печальная картина разрушеній, причиненныхъ пожаромъ, стала ясна. Воспитательный Домъ продолжалъ находиться въ большой опасности. Французскіе мародеры думали, что въ немъ скрыты сокровища русскаго правительства, и, съ цѣлью получить ихъ, неоднократно пробовали поджигать снова зданія.

Сами служащіе мужественно отстаивали ихъ отъ пожара.

Стоявшій въ Домѣ жандармскій караулъ очень мало содѣйствовалъ охранѣ Дома, и даже сами жандармы нерѣдко грабили припасы и вещи, говоря, что ихъ начальство это имъ разрѣшило.

Энергичный старикъ, старшій надзиратель, употребилъ чрезвычайно своеобразную защиту отъ мародеровъ: онъ выставилъ у воротъ тѣхъ лицъ изъ служащихъ и прибѣгнувшихъ къ его защитѣ, которые знали французскій языкъ. Они говорили каждой бандѣ грабителей, какое значеніе имѣетъ Воспитательный Домъ. Кромѣ того, были выставлены доски съ французскими надписями объ этомъ.

Послѣ этого внутри стѣнъ его и на дворѣ воцарилась тишина, но нельзя было выйти наружу, чтобы не быть ограбленнымъ.

XVI.

На другой день послѣ большого пожара Наполеонъ отправился обозрѣвать лично городъ.

Блестящая свита маршаловъ и генералы слѣдовали за императоромъ.

Стоялъ свѣжій сентябрьскій полдень, когда Наполеонъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля. Онъ хотѣлъ лично убѣдиться, какъ велики разрушенія, причиненныя столицѣ пожарами.

Путь императора лежалъ вдоль Москвы-рѣки.

Величественное зданіе Воспитательнаго Дома обратило его вниманіе. Онъ остановилъ коня, оборотился и спросилъ ѣхавшаго сзади него генералъ-интенданта Дюмаса.

— Что это за зданіе, генералъ?

— Домъ несчастныхъ и сирыхъ дѣтей, ваше величество,—почтительно наклонившись къ Наполеону, отвѣтилъ Дюмасъ.

— Вотъ какъ, я не зналъ, что русскіе настолько гуманны, чтобы строить подобныя заведенія.

— Еще на-дняхъ, ваше величество, — замѣтилъ графъ Дюротель, находившійся тоже въ свитѣ императора, — директоръ этого Дома обращался ко мнѣ съ просьбою дать ему для охраны жандармовъ...

— И ты назначилъ?—перебилъ его Бонапартъ.

— Двѣнадцать человѣкъ, ваше величество. Директоръ, благодаря своей энергіи и распорядительности, спасъ Домъ отъ огня.

— Ты прекрасно поступилъ, угнетенныхъ и обиженныхъ нужно защищать. Поѣзжай сейчасъ во дворъ этого дома, любезный Дюмасъ, найди директора его и передай ему мой привѣтъ, скажи, что я хочу его лично видѣть. Ступай, ты насъ догонишь!

И съ этими словами Наполеонъ поскакалъ дальше, а за нимъ вся его свита.

Появленіе въ квадратѣ двора французскаго генерала всполошило обывателей Воспитательнаго Дома.

— Гдѣ генералъ?—спросилъ онъ у сторожа.

Сторожа поняли, кто генералъ, и побѣжали доложить о его пріѣздѣ старшему надзирателю. Иванъ Акинѳіевичъ выбѣжалъ сейчасъ же на дворъ, не забывъ кликнуть съ собою Христіани.

При видѣ появившагося на крыльцѣ Тутолмина, Дюмасъ вѣжливо отдалъ ему честь и спросилъ:

— Вы—генералъ-директоръ этого учрежденія?

— Да, я, что вамъ угодно?—отвѣтилъ черезъ переводчика надзиратель.

— Я присланъ къ вашему превосходительству отъ моего повелителя, императора французовъ. Онъ приказалъ благодарить васъ за трудъ и за спасеніе отъ огня вашего Дома. Его величеству угодно съ вами познакомиться.

— Когда я долженъ буду явиться къ нему?

— За вами будетъ прислано...

Послѣ отъѣзда Дюмаса изъ Воспитательнаго Дома, обыватели послѣдняго повеселѣли; доволенъ былъ приглашеніемъ и самъ Иванъ Акинѳіевичъ.

— Хотя я и равнодушно принялъ приглашеніе Бонапарта, но радуюсь очень, что весь Домъ отъ онаго приведенъ въ окуражированіе,—говорилъ онъ лѣкарю Оппелю.

— Передайте ему, батюшка Иванъ Акинѳіевичъ, сколь много терпимъ мы отъ его мародеровъ, какъ искали пищу для злобныхъ и развращенныхъ своихъ сердецъ грабительствомъ и всякаго рода буйствомъ,—сказалъ старикъ-инвалидъ.

— Скажу, Игнатьичъ, не премину сказать, убѣжду его въ жалости къ нашимъ несчастнымъ сиротамъ.

— Упомяните, что каждому изъ насъ выйти за ворота боязно, чтобы сейчасъ не быть ограбленнымъ его мародерами,—замѣтилъ Оппель.

— И объ этомъ будетъ все Наполеону доложено, робѣть передъ врагомъ не стану.

Данные для охраны Воспитательному Дому жандармы, услыша разговоръ Тутолмина съ ихъ генераломъ, стали значительно вѣжливѣе съ русскими: выраженное Наполеономъ желаніе лично видѣть Тутолмина внушило имъ уваженіе къ послѣднему.

Недовольнымъ и раздраженнымъ явился императоръ съ своего объѣзда Москвы. Нахмуривъ густыя брови, онъ молча прошелъ черезъ зало въ Кремлевскомъ дворцѣ прямо въ свой кабинетъ.

— Пошли, или самъ съѣзди, де-Лорнъ, за генералъ-директоромъ Дома сирыхъ дѣтей, чтобы онъ былъ завтра въ полдень здѣсь, мнѣ нужно его видѣть,—приказалъ императоръ своему статсъ-секретарю.

— Исполнено будетъ по приказу вашему, государь,—отвѣтилъ де-Лорнъ.

XVII.

Ровно въ полдень генералъ-интендантъ явился въ Воспитательный Домъ.

— Поѣдемте со мною вмѣстѣ, г. генералъ-директоръ,—обратился онъ къ Тутолмину.

Иванъ Акинѳіевичъ немедленно собрался и отправился вмѣстѣ съ Дюмасомъ на дрожкахъ въ Кремль, къ Наполеону.

Тутолминъ вмѣстѣ съ Дюмасомъ вошли въ гостиную, что подлѣ большой тронной залы. Комната была переполнена народомъ; кромѣ множества военныхъ, одѣтыхъ во всевозможные мундиры великой арміи, тутъ же находилось немало статскихъ,—всѣ они оживленно разговаривали.

Старшій надзиратель ожидалъ недолго. Не прошло и десяти минутъ, какъ дверь въ тронную залу отворилась, оттуда показался де-Лорнъ, уже доложившій Наполеону о Тутолминѣ.

— Пожалуйте къ императору,—обратился секретарь къ послѣднему и, введя его въ комнату, тихо промолвилъ, указывая на Бонапарта:—вотъ императоръ.

Императоръ стоялъ между колоннъ у камина, когда Иванъ Акинѳіевичъ переступилъ порогъ комнаты. Наполеонъ обернулся къ нему и привѣтливо сказалъ:

— Я радъ съ вами познакомиться, господинъ генералъ-директоръ, вы достойный и мужественный человѣкъ.

Христіани, котораго старшій надзиратель захватилъ съ собою, перевелъ слова императора.

— Ваше императорское королевское величество, вы даровали Воспитательному Дому всеавгустѣйшее покровительство; съ твердымъ упованіемъ на оное имѣю дерзновеніе повергнуть къ стопамъ вашимъ униженную просьбу мою о сохраненіи сиротъ, благоденствію которыхъ участвую я, какъ по долгу моему, такъ и по врожденнымъ мнѣ чувствамъ.

Наполеонъ благосклонно выслушалъ и кивнулъ головою говорившему. Онъ произнесъ:

— Дѣти ваши не будутъ обижены; сколько ихъ находится въ вашемъ Домѣ?

— Пятьсотъ восемьдесятъ шесть, ваше величество, — отвѣтилъ Тутолминъ.

— На какое время имѣете вы продовольствіе и откуда полагаете снабдить себя провіантомъ на зиму?

Старшій надзиратель вмѣсто отвѣта подалъ императору вѣдомость, написанную Христіани по-французски.

Просматривая ее, Наполеонъ улыбнулся и шутливо замѣтилъ:

— Я замѣчаю изъ вашей выписки, что вы увезли въ Казань взрослыхъ дѣвицъ, вѣроятно, вы боялись моихъ храбрыхъ воиновъ?

Тутолминъ на это ничего не отвѣтилъ.

Наполеонъ повторилъ свой вопросъ о продовольствіи.

— Воспитательный Домъ, ваше величество, дѣлаетъ подрядъ на цѣлый годъ, но по неимѣнію мѣста запасается только на одинъ мѣсяцъ,—твердо отвѣчалъ Иванъ Акинѳіевичъ. — Подрядчикъ же теперь уѣхалъ изъ Москвы, слѣдовательно я лишенъ всѣхъ способовъ полученія запасовъ.

Наполеонъ задумался.

— Хорошо,—отрывисто сказалъ онъ.—Когда вамъ понадобится продовольствіе, доложите мнѣ. Можетъ быть, вамъ теперь уже надо?

Тутолминъ отвѣчалъ утвердительно.

Наполеонъ обратился къ де-Лорну.

— Передай объ этомъ генералъ-интенданту Дюмасу.

И онъ снова спросилъ старшаго надзирателя:

— Откуда городъ получаетъ съѣстные припасы?

— Хлѣбъ изъ украинскихъ, скотину изъ малороссійскихъ, а мелкую живность изъ ближайшихъ губерній; хлѣбъ доставляется по большей части на баркахъ весною, а часть онаго привозится и сухимъ путемъ зимою.

9*

Императоръ разсѣянно слушалъ, видимо думая о чемъ-то другомъ.

— Скажите мнѣ, кто причиною зажигательства Москвы?—быстро спросилъ онъ Тутолмина.

— Государь! можетъ быть, начально зажигали русскіе, а впослѣдствіи французскія войска... уклончиво отвѣтилъ Иванъ Акинѳіевичъ.

— Неправда,—сердито перебилъ его императоръ,—я ожечасно получаю рапорты: зажигатели русскіе, кои пойманы; на самомъ дѣлѣ доказываетъ это достаточно, откуда происходятъ варварскія повелѣнія чинить таковые ужасы. Намѣреніе мое было сдѣлать для всего города то, что я теперь только могу сдѣлать для одного вашего заведенія. Я бы желалъ поступить съ вашимъ городомъ такъ, какъ поступилъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые и понынѣ не разрушены; но россіяне, оставивши сей городъ почти пустымъ, сдѣлали безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мнѣ временное зло, разрушили созиданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить Москву, и весь вредъ, самимъ себѣ причиненный, останется невозвратнымъ. Внушите о томъ императору Александру, которому, безъ сомнѣнія, неизвѣстны таковыя злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ. Воины мои умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я болѣе ничего не находилъ, какъ пепелъ.

Наполеонъ раздражался все болѣе и болѣе, онъ уже не говорилъ, а кричалъ.

— Извѣстно ли вамъ, генералъ, что въ день вступленія французскаго войска въ столицу выпущены были изъ темницъ колодники, а также увезены изъ столицы всѣ пожарныя трубы?...—и, не давъ ничего отвѣтить Тутолмину, запальчиво сказалъ: — да, да, дѣло это не подлежитъ никакому сомнѣнію, теперь ступайте.

Иванъ Акинѳіевичъ направился къ выходу.

— Постойте, генералъ,—остановилъ его Наполеонъ,—какъ безчеловѣчно поступили русскіе, оставивъ 10.000 раненыхъ солдатъ безъ пищи и призрѣнія! Повторяю еще вамъ, напишите о всѣхъ происшествіяхъ въ Москвѣ своему императору Александру и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника, я дамъ ему пропускъ черезъ свои форпосты. Прощайте!

Иванъ Акинѳіевичъ уѣхалъ изъ Кремля.

XVIII.

— Вотъ и хорошо, батюшка Иванъ Акинѳіевичъ, что вы съ самимъ Бонапартомъ переговорить изволили, все для нашего Дома поспокойнѣе будетъ, — прошамкалъ инвалидъ-сторожъ, когда Тутолминъ разсказалъ обитателямъ Дома о своемъ посѣщеніи Наполеона.

Но обѣщаннаго спокойствія не было. Въ тотъ же день прискакали въ домъ болѣе 300 жандармовъ съ полковникомъ и офицерами и размѣстились во всѣ комнаты корделожей, заняли квартиры нѣкоторыхъ служащихъ и даже самого Тутолмина. Лошадей поставили въ конюшняхъ, сараяхъ, обобрали весь фуражъ, сѣно, а также казенныхъ лошадей. Экипажи повыбросали изъ сараевъ, а тѣ, въ которыхъ развозили кормилицъ, взяли для фуражированія.

Кромѣ того, полковникъ потребовалъ продовольствія для своихъ солдатъ отъ старшаго надзирателя.

— Ну, ужъ и Бонапартъ, — съ негодованіемъ говорили служащіе:—одно говоритъ, а другое дѣлаетъ.

Задумался и самъ Иванъ Акинѳіевичъ. Онъ понялъ, что довѣрять Наполеону едва ли возможно, и оказалось, что онъ былъ правъ.

Немного спустя, въ Воспитательный Домъ явился самъ генералъ-интендантъ Дюмасъ и объявилъ повелѣніе Наполеона допустить его осмотрѣть внутренность всего Воспитательнаго Дома.

— А что вы намѣрены здѣсь дѣлать?—пытливо спросилъ старшій надзиратель генерала.

— Императоръ желаетъ помѣстить у васъ французскихъ раненыхъ и больныхъ, у насъ нѣтъ мѣста, куда ихъ класть, а здѣсь чистый воздухъ, что̀ необходимо для диссентеріи.

Иванъ Акинѳіевичъ поблѣднѣлъ. Ему сейчасъ представилась опасность зараженія дѣтей отъ этихъ больныхъ, нарушеніе порядка и чистоты, о которыхъ онъ такъ тщательно заботился.

— Я буду просить императора объ отмѣнѣ его повелѣнія, — замѣтилъ онъ Дюмасу.

— Едва ли онъ на это согласится, впрочемъ попробуйте.

— Ну, наше горе теперь вдвое,—подумалъ Тутолминъ и собралъ къ себѣ, по отъѣздѣ французскаго генерала, старшихъ служащихъ, чтобы обсудить съ ними вмѣстѣ, что̀ предпринять.

— Противъ рожна не попрешь силою, остается только просить Бонапарта, можетъ, смилостивится, отмѣнитъ свое рѣшеніе,--посовѣтовалъ Оппель.

— Да, не иначе, какъ просить, другого исхода нѣтъ,—въ свою очередь сказали и другіе служащіе.

— Что же, коли такъ, составимъ прошеніе ему, я завтра и подамъ,—согласился Тутолминъ.

«Очистивъ уже все окружное строеніе и перемѣстивъ изъ онаго въ квадратъ всѣхъ тамъ находившихся чиновниковъ и служителей, нахожу теперь квадратъ слишкомъ стѣсненнымъ людьми, тѣмъ паче, что многія несчастныя женщины съ малолѣтними дѣтьми, не имѣвшія дневного пропитанія, нашли себѣ въ ономъ спасеніе отъ пламени, мужчинамъ же не могъ я по тѣснотѣ дать убѣжище»...—писалъ въ прошеніи главный надзиратель.—«Сіи обстоятельства и нездоровый воздухъ, который по худому мѣстоположенію имѣетъ Воспитательный Домъ, заставляютъ меня страшиться заразительныхъ болѣзней, которыя въ осеннее время бываютъ опасными»...

Прошеніе было отправлено къ Наполеону чрезъ посредство его секретаря де-Лорна.

Рано утромъ, на другой день, въ праздникъ Рождества Богородицы, когда обитатели Воспитательнаго Дома сошлись вмѣстѣ, чтобы встрѣтить праздникъ, въ церкви божественной службы не происходило, явился одинъ изъ служителей Кудринскаго вдовьяго дома, призрѣваемыя женщины котораго были переведены сюда, въ Воспитательный Домъ, а тамъ положены русскіе раненые.

Съ перекошеннымъ отъ испуга лицомъ, запыхавшись отъ скораго бѣга, служитель ничего не могъ выговорить, онъ грохнулся на ступени крыльца, пытаясь безпомощно что-то сказать.

Вышедшій изъ комнатъ Иванъ Акинѳіевичъ сразу обратилъ вниманіе на состояніе прибѣжавшаго.

— Что у васъ случилось, говори скорѣе!—тревожно спросилъ Тутолминъ.

— Пожаръ...—еле могъ выговорить сторожъ и передалъ надзирателю пакетъ.

Встревоженный словами посланнаго, Иванъ Акинѳіевичъ порывисто разорвалъ конвертъ и, не скрывая охватившаго его волненія, началъ читать вслухъ письмо.

....«Божіимъ попущеніемъ и злодѣйствомъ поджигателей Кудринскій вдовій домъ со всѣмъ строеніемъ, оставшимся имуществомъ и письменными дѣлами сгорѣлъ, а остальныя казенныя деньги 14 рублей 90 коп. разграблены, съ коими вмѣстѣ сдѣлались жертвою пламени до 700 человѣкъ россійскихъ раненыхъ, оные по слабости силъ не могли избѣжать своей гибели, другіе же во время пожара спаслись»...

— Боже мой! Какое горестное испытаніе!—прервалъ свое чтеніе Тутолминъ. Слезы помимо воли бѣжали изъ глазъ старика.

— Гдѣ же самъ смотритель Мирицкій?—спросилъ онъ пришедшаго уже въ себя посланца.

— Господинъ смотритель съ семействомъ своимъ отъ пожара и грабительства французовъ лишился всего своего имущества... онъ еще остался тамъ помогать спасаться раненымъ, но послѣ сюда тоже придетъ.

Мирицкій явился чуть не въ рубищѣ, жена и дѣти его тоже были одѣты въ лохмотья, Тутолминъ помѣстилъ ихъ въ домѣ.

Письменнаго отвѣта отъ Наполеона на свое прошеніе старшій надзиратель не получилъ, но секретарь императора привезъ его словесный приказъ.

— Императоръ приказалъ пополамъ квадратъ заборомъ перегородить и наполнить одну изъ половинъ французскими ранеными, больныхъ же не класть, а оныхъ приказано помѣщать въ окружномъ строеніи.

XIX.

Въ Павловской больницѣ, явившіеся передовымъ отрядомъ французскаго войска, польскіе офицеры и солдаты произвели немало безчинства.

Они вошли въ зданіе больницы въ два часа ночи съ зажженными толстыми церковными свѣчами.

— Гдѣ живетъ аптекарь?—спросилъ надменно по-русски одинъ изъ офицеровъ дежурнаго фельдшера.

— Онъ теперь спитъ.

— Проводи насъ сейчасъ же къ нему! — приказалъ тотъ же офицеръ.

Испуганнаго аптекаря подняли съ постели.

— Дай намъ чего нибудь выпить! — приказалъ тотъ же офицеръ.

— Да и поѣсть бы не худо было! — поддакнулъ товарищъ перваго.

Пока аптекарь приготовлялъ водку и закуску, солдаты бѣгали, шныряли по всей больницѣ и все, что поцѣннѣе, складывали въ свои мѣшки.

— Господа офицеры, запретите своимъ солдатамъ грабить, — взмолился аптекарь.

Офицеры переглянулись между собою, но все-таки поудержали отъ наглости своихъ солдатъ и, немного спустя, вернулись въ свои занятые ими дома.

Но этимъ днемъ безчинства польскихъ войскъ не окончились. На слѣдующее утро польскій отрядъ снова ворвался на больничный дворъ, посрывалъ замки у кладовыхъ и сараевъ. Солдаты начали грабить и забирать все, что тамъ находилось: лошади, скотъ, птица, экипажи, припасы и даже носильное платье служащихъ—все было унесено мародерами.

— Что вы дѣлаете? Я буду жаловаться начальству!—кричалъ смотритель Носковъ, пытаясь вырвать изъ рукъ грабителей свои вещи.

Уланы грубо отталкивали его и грозили изрубить «москаля».

— Господинъ офицеръ, я буду жаловаться вашему генералу.

— Жалуйся, намъ онъ ничего не можетъ сдѣлать, если хочешь, москаль, мы тебѣ укажемъ, гдѣ онъ живетъ, — со смѣхомъ отвѣчалъ офицеръ.

Носковъ воспользовался указаніемъ и вмѣстѣ съ докторомъ сейчасъ же пошелъ къ генералу Фишеру, жившему недалеко отъ больницы.

— Къ сожалѣнію, они правы,—отвѣтилъ послѣдній,—я ничѣмъ не могу вамъ помочь... развѣ дать вамъ охранительное письмо и часового?

— Не откажите, ваше превосходительство,—взмолились просители.

Мало пользы принесло и это. Часовой ничего не могъ сдѣлать противъ сотни мародеровъ, къ тому же ежедневно мѣнявшихся; надъ охраннымъ письмомъ генерала только смѣялись, и грабежъ продолжался.

Другіе генералы позволяли солдатамъ похищать все, ими найденное.

Къ счастью для больницы, въ нее заѣхалъ адъютантъ герцога Данцигскаго, Боле, съ обозомъ и занялъ помѣщеніе для ночлега маршала, который, однако, проѣхалъ прямо въ Петровскій дворецъ, ночевали же только восемь его адъютантовъ; при нихъ былъ гвардейскій караулъ.

Это временно удержало грабителей; страшное пламя, бушевавшее недалеко отъ больницы, заставило всѣхъ ея обитателей провести ночь въ страхѣ и отчаяніи.

Множество обездоленныхъ пожаромъ и разореніемъ людей бродило по улицамъ, голодные и зачастую почти безъ всякой одежды, отнятой мародерами.

При отъѣздѣ адъютантовъ изъ больницы, смотритель сталъ просить ихъ замолвить слово о тяжеломъ положеніи этого заведенія маршалу.

— Поѣдемте вмѣстѣ съ нами, вы лично попросите герцога, онъ это любитъ, — предложилъ одинъ изъ адъютантовъ, и они поскакали.

Крикъ, раздавшійся на дворѣ, заставилъ Носкова прибѣгнуть къ помощи гренадеровъ; онъ сталъ просить ихъ задержаться отъѣздомъ и вернуться на дворъ.

Шесть польскихъ уланъ ворвались въ хлѣбопекарню и старались ее поджечь, при чемъ одинъ изъ нихъ кинулся съ ножемъ на ключника, а другіе раскидывали патроны, начиненные порохомъ.

При видѣ вернувшихся гренадеръ, негодяи бросились бѣжать, но одного изъ нихъ успѣли схватить, отнять отъ него патроны. Связавъ за спину ему руки, гренадеры повели его съ собою въ лагерь.

Вмѣстѣ съ ними отправились Носковъ и докторъ.

Герцогъ велѣлъ проводить ихъ къ оберъ-гофмаршалу Дюроку въ Петровскій дворецъ и просить послѣдняго именемъ его, герцога.

Презрительно посмотрѣлъ на просителей Дюрокъ и приказалъ имъ выйти вонъ, предупредивъ часовыхъ, никогда не впускать къ нему русскихъ.

Пришлось доктору и смотрителю брести однимъ, безъ конвоя, обратно къ герцогу Данцигскому.

Изумленный поступкомъ Дюрока маршалъ Лефеврь сейчасъ же приказалъ своему адъютанту написать письмо маршалу Мортье, герцогу Тревизскому, прося его оказать защиту больницѣ.

— Несмотря на всѣ строгости, которыя мы примѣняемъ къ зажигателямъ,—обратился онъ къ Носкову,—ихъ все-таки трудно искоренить, я изумляюсь этому очень. Но будьте спокойны, пойманный сегодня полякъ-поджигатель будетъ завтра разстрѣлянъ.

— За позднимъ временемъ намъ опасно возвращаться домой...—замѣтилъ докторъ, говорившій по-французски и служившій переводчикомъ своему товарищу.

— Вы останетесь ночевать здѣсь, при обозѣ,—живо возразилъ маршалъ.—вамъ удобнѣе будетъ найти завтра здѣсь Мортье.

Просители раскланялись и хотѣли уйти, какъ герцогъ остановилъ ихъ.

— Кстати, завтра также будетъ военный судъ надъ другими поджигателями, но на этотъ разъ они ваши, русскіе,— замѣтилъ маршалъ и отпустилъ доктора и смотрителя.

XX.

Русскіе поджигатели, судъ надъ которыми былъ на другой день назначенъ, были: ковачъ Илья Акимовъ, портные Василій Ермолаевъ, Сергѣевъ и ихъ товарищи. Почти всѣхъ ихъ захватили французы, когда они поджигали строенія, гдѣ расположились враги. Участь свою—быть разстрѣлянными—они всѣ отлично сознавали, но, тѣмъ не менѣе, не падали духомъ, нѣкоторые даже могли шутить, хотя древній понамарь, Иванъ Кирьяновъ, схваченный съ ними вмѣстѣ, недовольно замѣтилъ:

— Ну, чего ржете-то? Жить-то меньше дня осталось, о грѣхахъ содѣянныхъ время бы подумать лучше!

— Успѣемъ еще завтра поскучать, дѣдушка,—отозвался живописецъ Левутьевъ, — а сегодня дай передъ смертью душу-то отвести!

Схваченные русскіе, крѣпко связанные, были брошены въ одинъ изъ подваловъ сгорѣвшаго дома.

У толстыхъ дубовыхъ дверей, запертыхъ тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ и замкомъ, стояло двое часовыхъ.

— Хоть бы веревки-то поотпустили,—жаловался старикъ Иванъ Максимовъ,—ажно руки затекли!

— Нѣженка какой выискался, подожди, скоро совсѣмъ развяжутъ!—пошутилъ сидѣлецъ Иванъ Христофоровъ.

Долго копошившемуся въ углу ковачу удалось развязать себѣ руки.

— Стойте, братцы, теперь я вамъ помогу,—самодовольно замѣтилъ молодой парень и принялся за работу съ помощью пальцевъ и крѣпкихъ зубовъ.

Мало-по-малу узники всѣ были развязаны.

— Слава тебѣ, Господи, — обрадовался понамарь, — хотя перекреститься возможно.

Нѣкоторые изъ плѣнниковъ строили планы о побѣгѣ, но они оказались неосуществимыми: толстыя желѣзныя перекладины въ маленькихъ отдушинахъ подвала, памятнаго много-много лѣтъ, не давали возможности и думать о бѣгствѣ.

— Что жъ, умирать, такъ умирать,—философски замѣтилъ Бельшеровъ, попавшій сюда, какъ куръ во щи.

— Инъ правду служащій-то человѣкъ слово молвилъ, — прошамкалъ старикъ Максимовъ, — отъ смерти не уйдешь никуда, рано или поздно, все же она тебя настигнетъ!

Молчаливѣе другихъ плѣнныхъ держали себя поручикъ Игнатьевъ да Стратонъ Багровъ, миніатюрный живописецъ; они оба взвѣсили, обдумали и приготовились встрѣтить спокойно страшную минуту смерти.

— Кое-кто изъ русскихъ могъ еще заснуть, но большинство бодрствовало, скорѣе томилось близостью утра.

— Эхъ, скорѣе бы!—съ удалью проговорилъ Илья.

— Не торопись, успѣешь, парень, не заставятъ ждать, — спокойно замѣтилъ Ермолаевъ.

Ночь еще властно держала въ своихъ объятіяхъ и небо и землю, хотя до разсвѣта и было недалеко, когда тяжелый засовъ подвала былъ отодвинутъ, и въ подвалъ спустилось нѣсколько вооруженныхъ солдатъ.

— Вставать!—крикнулъ капралъ на плѣнныхъ.

Только четверо изъ двадцати шести человѣкъ спали, остальные сейчасъ же послѣдовали приказу.

Солдаты разбудили и четырехъ остальныхъ.

— Здравствуй, матушка-Москва, въ послѣдній разъ,—тоскливо проговорилъ Ловутьевъ, выходя изъ подвала и вдыхая полной грудью холодный ночной воздухъ.

Французскій караулъ плотнымъ кольцомъ окружилъ плѣнныхъ и повелъ ихъ къ дому князя Долгорукова, гдѣ должна была собраться военная комиссія, учрежденная, по приказу Наполеона, для суда надъ поджигателями.

Не стихавшее зарево пожаровъ кровавымъ свѣтомъ освѣтило отрядъ, быстро подвигавшійся за русскими плѣнниками.

Глухо бряцало оружіе солдатъ, лязгали случайно задѣтые одинъ о другой примкнутые штыки. Гдѣ-то на задворкахъ разрушеннаго дома звонко раздалось предразсвѣтное пѣніе забытаго пѣтуха.

— Ишь, утро ужъ настало...— нарушилъ молчаніе ковачъ, но никто не отозвался на его замѣчаніе. Всѣмъ было не легко на душѣ.

Звѣзды тускнѣли, близился разсвѣтъ, когда отрядъ привелъ русскихъ къ дому Долгорукова.

XXI.

Въ большомъ залѣ въ два свѣта, несмотря на ранній часъ, уже собрались члены комиссіи.

Она состояла изъ главнаго судьи арміи, генерала графа Лауэра, генераловъ барона Мишеля, командира 1-й гвардіи пѣхотнаго гренадерскаго полка, барона Соніэ, главнаго судьи 1-го артиллерійскаго корпуса, полковника мушкетерскаго и гренадерскаго полка, барона Боделена, генералъ-адъютанта Тери, коменданта императорскихъ квартиръ, Жаннина, шефа эскадрона жандармовъ, генерала графа Монтіона, заступавшаго мѣсто императорскаго прокурора.

Докладчикомъ былъ шефъ жандармовъ, Веберъ, со своимъ помощникомъ, Жуве Дембертъ, а письмоводителемъ—жандармскій унтеръ-офицеръ.

Еще до прихода обвиняемыхъ члены комиссіи выслушали докладъ объ отысканныхъ виновныхъ, участвовавшихъ въ пожарѣ, который случился въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ Москвѣ 14-го, 15-го, 16-го, 17-го и 18-го числа (то-есть 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го) сего мѣсяца и который послѣ продолжался.

Всѣ документы и бумаги по этому дѣлу были прочитаны, улики на подсудимыхъ выяснены заочно, точно также и обстоятельства, способствующія къ ихъ оправданію, судьи обмѣнялись своими мнѣніями, и предсѣдатель велѣлъ ввести обвиняемыхъ русскихъ въ засѣданіе суда.

Бодро, но молча вошли русскіе и стали въ рядъ подъ конвоемъ караульныхъ передъ столомъ, за которымъ засѣдали судьи.

Суровымъ взглядомъ окинулъ подсудимыхъ графъ Лауэръ и твердымъ голосомъ, не спѣша, прочиталъ имъ всѣ пункты обвиненія, офицеръ-полякъ перевелъ имъ по-русски.

— Вы слышали и поняли?—снова спросилъ предсѣдатель.

— Да,—глухо отозвались русскіе.

— Вы пойманы въ точномъ злодѣяніи, зажигающими разные дома, — началъ говорить прокуроръ, — вотъ этими орудіями и составами.

И онъ велѣлъ поднести и показать обвиняемымъ: фитили, ракеты, фосфоровые замки, сѣру и другіе зажигательные составы.

— По свидѣтельскимъ показаніямъ, всѣ эти вещи были найдены частью при васъ самихъ, частью подложенными нарочно во многихъ домахъ,—продолжалъ графъ Монтіонъ.

Русскіе молча его выслушали.

— «Комиссія удостовѣрилась, что россійское правительство уже три мѣсяца назадъ, предчувствовавъ опасность, въ которую себя повергло, ввязавшись въ войну, равномѣрно какъ и невозможность препятствовать французской арміи вступить въ Москву, рѣшилось употребить въ своемъ защищеніи необыкновенныя средства зажигательства и истребленія, отвергнутыя просвѣщенными народами, что оно посему приняло предложеніе одного доктора-англичанина, именемъ Шмита, хотя онъ себя и нѣмцемъ называетъ, а упражненіемъ онъ механикъ и машинистъ, который былъ призванъ въ Россію, и пріѣхавши въ первыхъ числахъ прошедшаго мѣсяца мая, послѣ нѣкоторыхъ тайныхъ переговоровъ съ начальниками правительства, поселился на дачѣ Воронцова, состоящей въ 6-ти верстахъ отъ горда по Калужской дорогѣ, куда отрядъ, состоящій изъ 160-ти человѣкъ пѣхоты и 12-ти драгунъ, былъ изготовленъ, чтобы обезпечить тайныя дѣянія Шмита и любопытствующихъ къ нему не допускать.

«Что всѣмъ извѣстно, что онъ строилъ воздушный шаръ чрезвычайной величины, въ которомъ имѣла находиться истребительная машина, и которою, по его увѣренію, онъ могъ управлять по своему произволенію.

«Что около двухъ недѣль передъ вступленіемъ французской арміи въ Москву послано въ село Воронцово семь большихъ бочекъ пороху съ фейерверкерами, которые тамъ остались и подъ доктора Шмита начальствомъ работали.

«Что доказано, что приготовленіе великаго шара, только выдуманнаго для того, чтобы скрыть истину, ибо въ ономъ селѣ Воронцовѣ ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ какъ фейерверками и составленіемъ прочихъ зажигательныхъ машинъ.

«Что точно извѣстно, что всѣ издержки на составленіе шара и машинъ были на иждивеніи россійскаго правительства.

«Что московскій военный губернаторъ, графъ Ростопчинъ, послѣ сраженія при Можайскѣ, будучи увѣренъ о скоромъ прибытіи французской арміи, рѣшилъ тогда окончательно планъ сжечь сію столицу всѣми средствами, состоящими въ его власти.

«Что губернаторъ Ростопчинъ для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли прежде своего отъѣзда велѣлъ распустить острогъ и яму, гдѣ находились заключенные преступники и колодники, откуда и вышло около восьми сотъ преступниковъ, которымъ дана свобода съ тѣмъ, чтобы подожгли городъ въ двадцать четыре часа послѣ вступленія въ оный французскихъ войскъ.

«Что разные офицеры, военнослужащіе въ россійской арміи и полицейскіе чиновники получили тайный приказъ оставаться въ

Москвѣ, будучи переодѣты, чтобы распоряжать зажигателей и дать имъ сигналъ къ запаленію.

«Что безсомнительно доказано, что губернаторъ Ростопчинъ для отнятія всѣхъ средствъ тушить пожаръ приказалъ вывезть 2-го—14-го числа сего мѣсяца по утру изъ 20 кварталовъ въ Москвѣ всѣ пожарныя трубы, дроги, крючья, ведра и всѣ прочія пожарныя орудія съ принадлежностями къ онымъ.

«Что разные зажигательные составы, особливо замки или пузыри, наполненные фосфоромъ и обернутые въ холстинѣ, обсыпанною сѣрою, которые были запрятаны и подложены въ разныхъ домахъ, явно доказываютъ, что сей пожаръ произошелъ отъ улаженнаго плана.

«Что фитили и ракеты, найденные у многихъ солдатъ и прочихъ разнаго званія людей, во время захваченія ихъ открыли безъ всякаго противорѣчія подлинныхъ зачинщиковъ пожара, изъ которыхъ большая часть, будучи пойманы при самомъ преступленіи, были тотчасъ съ соизвольнаго движенія негодованія разстрѣляны французскими патрулями или убиты на мѣстѣ самими жителями».

— Что вы скажете въ свое оправданіе? — обратился съ вопросомъ къ обвиняемому главный судья Лауэръ.

Переводчикъ поспѣшилъ перевести его слова.

Русскіе молчали.

— Что вы скажете въ свое оправданіе?—снова спросилъ онъ.

Новое молчаніе со стороны подсудимыхъ было ему отвѣтомъ.

Изумленно посмотрѣлъ онъ на русскихъ и, обратившись къ членамъ комиссіи, спросилъ ихъ:

— Нѣтъ ли у васъ, господа, какихъ либо примѣчаній, которыя вы могли бы сдѣлать?

Отрицательно отвѣтили члены суда.

— Все выяснено, обвиняемые не возражали противъ обвиненія,— сурово замѣтилъ баронъ Соніэ.

— Что жъ, въ такомъ случаѣ приступимъ къ голосованію,—мягко предложилъ генералъ Тери.

— Уведите подсудимыхъ,—приказалъ прокуроръ.

Русскіе вышли изъ залы суда, а члены комиссіи начали совѣщаться при закрытымъ дверяхъ въ присутствіи только императорскаго прокурора.

XXII.

Совѣщаніе продолжалось не особенно долго. Вопросъ былъ поставленъ слѣдующій:

«Виновны ли 26 арестованныхъ русскихъ гражданъ въ подкидываніи огня къ домамъ въ Москвѣ, дабы зажечь городъ?»

Собравъ голоса, начиная отъ нижняго чина, предсѣдатель далъ

свое мнѣніе напослѣдокъ, послѣ чего комиссія единогласно объявила, что нижеслѣдующіе 10 человѣкъ, а именно: Игнатьевъ Петръ, 32-хъ лѣтъ, поручикъ 1-го Московскаго полка, уроженецъ московскій; Багровъ Стратонъ, 29 лѣтъ, миніатюрный живописецъ, уроженецъ города Никольска; Карлумъ Алексѣй, 40 лѣтъ, солдатъ московской полиціи, уроженецъ изъ Вязьмы; Томасъ, Иванъ Христофоровъ, 33 лѣтъ, сидѣлецъ, уроженецъ московскій; Стигневичъ Петръ, 30 лѣтъ, живописецъ, уроженецъ московскій; Акимовъ Илья, 18 лѣтъ, ковачъ, уроженецъ изъ Симбирска; Максимовъ Иванъ, 70 лѣтъ, лакей князя Сибирскаго, уроженецъ города Козлова; Абрамовъ Семенъ; Левутьевъ Николай, 33 лѣтъ, живописецъ, уроженецъ Москвы; Сергѣевъ Θеодоръ, 43 лѣтъ, портной, уроженецъ московскій,—суть виновны.

На это императорскій прокуроръ сдѣлалъ вопросъ, какого они заслуживаютъ наказанія.

Собравъ снова голоса вышесказаннымъ образомъ, комиссія въ отвѣтъ на оный вопросъ осуждаетъ единогласно десять помянутыхъ человѣкъ къ смертной казни.

Остальныхъ 16, между которыми счастливыми оказались лакей Бельшеровъ, портной Ермолаевъ и старый понамарь церкви св. Филиппа и другіе, въ виду того, что они были недовольно изобличены, военная комиссія осудила къ тюремному заключенію для избѣжанія вреда, который бы причинить могли.

Подсудимые были снова введены въ зало суда, и докладчикъ прочелъ имъ приговоръ.

Никто изъ осужденныхъ на смерть не поблѣднѣлъ, всѣ гордо встрѣтили приговоръ суда.

— А попрощаться съ товарищами намъ возможно будетъ?— бойко спросилъ осужденный на смерть Илья, ковачъ.

Предсѣдатель махнулъ утвердительно головой и приказалъ вывести русскихъ.

— Они не трусы,—замѣтилъ Жюве де-Губеръ про осужденныхъ.

— Нужно будетъ напечатать, обнародовать и раздать тысячу экземпляровъ приговора,—замѣтилъ главный судья.

— Когда прикажете приговоръ привести въ исполненіе?—спросилъ шефъ-жандармъ Жаннинъ.

— Въ теченіе 24 часовъ,—холодно отвѣтилъ ему Лауэръ.

Военный судъ былъ закрытъ.

Русскихъ, до приведенія приговора, снова свели въ тотъ же подвалъ, гдѣ они были раньше, и окружили еще болѣе строгимъ конвоемъ.

Давившее настроеніе исчезло, осужденные на смерть готовились къ ней, шепча молитвы. Достать священника нельзя было и думать.

— Исповѣдаемся, братцы, хотя Касьяну, хотя онъ и не носитъ духовный санъ, а все-таки столько лѣтъ понамарствуетъ и самъ человѣкъ не молодой,—предложилъ Стратонъ Багровъ.

— Вѣрно сказано,—подтвердилъ старикъ Максимовъ:—зачѣмъ грѣхи съ собою на тотъ свѣтъ брать, лучше ихъ на землѣ оставить, легче къ Богу итти!

— Что жъ, начинай, дѣдушка, ты самый старшій у насъ,— предложили Максимову приговоренные,—а мы за тобою.

— Торопиться только, братцы, нужно, времени немного осталось.

Старикъ понамарь, сознавая важность минуты, не сталъ противиться общему рѣшенію; плѣнники отодвинулись всѣ въ одинъ уголъ, а въ другомъ углу помѣстился Касьянъ, и къ нему поочередно подходили осужденные, разсказывая понамарю свои грѣхи.

— Причаститься бы передъ смертью,—тоскливо замѣтилъ Сергѣевъ.

— Господь видитъ наши испытанія, не вмѣнитъ намъ въ грѣхъ, что передъ нимъ предстанемъ, не пріявши его святыхъ тѣла и крови,—задумчиво произнесъ старый лакей.

Французы не стали медлить, осужденные не увидѣли слѣдующаго утра. Остальные 16 были оставлены временно въ томъ же подвалѣ, но мало-по-малу вниманіе французовъ было отвлечено отъ плѣнныхъ, и имъ даже забывали приносить пищу. Одинъ изъ узниковъ, солдатъ Ѳедоръ Мнуцовъ, вмѣстѣ съ ковачемъ Василіемъ прорыли подкопъ подъ стѣною, разобрали слежавшіеся кирпичи, и черезъ него всѣ русскіе спаслись бѣгствомъ.

XXIII.

Долго не рѣшались Бельшеровъ и другіе бѣглецы явиться въ Воспитательный Домъ: они боялись расквартированныхъ тамъ французовъ и все время проводили, прячась въ отдаленныхъ улицахъ столицы въ полусожженныхъ строеніяхъ.

Между тѣмъ Воспитательный Домъ былъ переполненъ французскими ранеными, а для нуждъ самого Дома была отведена только меньшая часть его.

Смертность среди раненыхъ французовъ была сильная, ихъ умирало ежедневно отъ 50 до 80 человѣкъ, и ихъ хоронили на пустырѣ, примкнутомъ къ городовой стѣнѣ Китай-города, въ чертѣ того же Воспитательнаго Дома. Врачи приказывали посыпать зарываемыя тѣла известью, но ея не хватало.

Иванъ Акинѳіевичъ тревожно посматривалъ на такое опасное для его воспитанниковъ сосѣдство.

— Какъ бы заразы весной не было,—шепталъ онъ, помогая со своими людьми хоронить умершихъ.

Подобранные французами въ городѣ сироты посылались въ Воспитательный Домъ, при чемъ имъ давалась фамилія по фамиліи французскихъ генераловъ, приславшихъ ихъ сюда. Между ними

были Наполеоновы, Миліевы (по графу де-Миліо), Тревизскіе (по герцогу Тревизскому).

Немало поступало въ домъ и подкидышей, оказавшихся оставленными въ самыхъ коридорахъ зданія и у многихъ дверей.

Не легко было Тутолмину охраннть женское населеніе Воспитательнаго Дома, въ особенности кормилицъ и нянекъ отъ наглыхъ французовъ, и не всегда это ему удавалось.

Недостатокъ припасовъ сталъ сказываться у французовъ, и чтобы они не покусились отобрать заготовленную въ Воспитательномъ Домѣ провизію, или принудить главнаго надзирателя довольствовать ихъ команды пищей, Тутолминъ прибѣгнулъ къ хитрой уловкѣ и сталъ просить у Наполеона разрѣшить ему послать своихъ чиновниковъ по деревнямъ для закупки хлѣба.

— При семъ случаѣ можно будетъ увѣдомить наши войска о непріятелѣ и настоящемъ его положеніи,—думалъ Иванъ Акинѳіевичъ.

Но французы вмѣсто вышесказаннаго разрѣшенія отпустили ему по требованію его пшеницы 100 центнеровъ, крупъ гречневыхъ 20 центнеровъ, предоставивъ ему сыскать для перемолки пшеницы мельницы и донести объ оныхъ, почему Иванъ Акинѳіевичъ отправилъ эконома близъ города осмотрѣть. Послѣ осмотра донесъ послѣдній, что крѣпкія мельницы заняты французскимъ мелевомъ, а порченыя праздны, на чтò было получено ассигнованіе для исправленія; послѣ исправленія была смолота пшеница.

Дней черезъ десять старшій надзиратель вторично обратился съ просьбою разрѣшить ему покупать хлѣбъ внутри форпостовъ, но ближайшія деревни были всѣ опустошены французами.

Новая неудача не обезкуражила Тутолмина.

Герцогъ Тревизскій разрѣшилъ ему посылать по деревнямъ чиновниковъ для отысканія хлѣба, снабдивъ ихъ письменнымъ видомъ отъ имени Воспитательнаго Дома.

— Возьмите у насъ русскихъ ассигнаціонныхъ денегъ для покупки хлѣба,—предложилъ Ивану Акинѳіевичу интендантъ Москвы Лессепсъ.

— Будучи по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію снабженъ отъ опекунскаго совѣта достаточною суммою денегъ, я не терплю въ нихъ существенной нужды,—твердо отвѣтилъ Тутолминъ.

Лессепсъ недовольно повелъ плечами.

— Какъ хотите, но если вамъ понадобятся онѣ, императорская касса къ вашимъ услугамъ,—повторилъ французскій интендантъ.

Тутолминъ вернулся домой и сейчасъ же передалъ этотъ разговоръ Оппелю.

— И хорошо сдѣлали, что не взяли: это была одна лишь зловредность съ ихъ стороны,—отозвался лѣкарь:—они привезли съ

собою большое количество фальшивыхъ нашихъ ассигнацій, кои сбываютъ даже въ жалованье своимъ войскамъ.

— Сколь благодаренъ я Господу Творцу, — воскликнулъ старикъ и перекрестился, — что Онъ избавилъ меня отъ безчестья помогать врагамъ въ ихъ злодѣйскомъ умыслѣ.

Въ правдѣ сказаннаго Оппелемъ Иванъ Акинѳіевичъ убѣдился въ тотъ же вечеръ. Къ нему пришелъ стоявшій въ Воспитательномъ Домѣ съ карауломъ жандармскій полковникъ.

— Господинъ директоръ,—обратился онъ къ старшему надзирателю, вынимая большую пачку русскихъ сторублевыхъ ассигнацій, совершенно новыхъ,—имѣя нужду въ мелкихъ ассигнаціяхъ, прошу васъ размѣнять мнѣ мои крупныя.

— Отказать долженъ я вамъ, господинъ полковникъ, въ вашей просьбѣ, о чемъ сожалѣю, — спокойно возразилъ Тутолминъ: — мелкихъ ассигнацій не имѣется и у меня.

— Ну, хотя не всѣ, часть размѣняйте.

— Божусь вамъ, нѣтъ! — упорно отказывалъ старикъ въ размѣнѣ, замѣчая, что предложенныя для размѣна деньги — фальшивыя. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось размѣнять одну изъ сотенныхъ на двядцатипяти-рублевыя ассигнаціи.

— Эхъ, пошли прахомъ казенныя деньги!—сѣтовалъ по уходѣ француза старикъ.

Утромъ на другой день, одинъ изъ старшихъ служащихъ въ домѣ чиновниковъ, Данилевскій, отправился изъ Москвы съ тремя младшими, переводчикомъ, двумя сторожами, унтеръ-офицерами, и тремя работниками.

Главною задачею его было сообщить первому попавшемуся русскому отряду о значительномъ уходѣ непріятеля съ частью обоза изъ столицы.

— Стойте!—сурово остановили ихъ поѣздъ казаки въ верстахъ двѣнадцати отъ Москвы.

Они оказались казачьимъ отрядомъ подъ командою генер.-майора Иловайскаго, имѣвшаго въ это время перестрѣлку съ французами.

У одного изъ чиновниковъ убили лошадь.

— Не знаю, отпускать ли васъ, господа, обратно въ Москву,— сказалъ командующій корпусомъ генералъ Винцегероде, къ которому доставили ихъ изъ отряда Иловайскаго:—боюсь, какъ бы не пронюхали французы, насколь мы отъ нихъ близко находимся.

— Ваше превосходительство, — взмолился Данилевскій, — въ Воспитательномъ Домѣ ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ, допустить голодать воспитанниковъ онаго и служащихъ было бы безбожно; они и такъ томятся, окруженные злѣйшимъ врагомъ.

— Коли такъ, пусть половина вашихъ ѣдетъ обратно, купивши нужное количество хлѣба, а коли спросятъ французы, гдѣ остальные, скажите, что остались по деревнямъ.

Скупать провизію согласился Винцегероде.

Возвратившихся въ Москву служащихъ старшій надзиратель послалъ вторично въ село Никольское, гдѣ они уже были, но скоро возвратились вмѣстѣ съ оставленными, сообщивъ, что генералъ Винцегероде взятъ въ плѣнъ непріятелемъ.

XXIV.

Въ третій разъ отправились чиновники Дома по деревнямъ для отысканія хлѣба. На этотъ разъ маршалъ Мортье разрѣшилъ имъ эту поѣздку подъ условіемъ, что часть привезеннаго ими хлѣба должна поступить въ пользу французовъ. Запасы арміи Бонапарта изсякали. Невдалекѣ виднѣлась тѣнь надвигавшагося голода. О русскихъ, оставшихся въ городѣ, никто не заботился, имъ приходилось питаться одною мокрою пшеницей, затопленной въ баркѣ во время пожара.

— Придется, Христофоръ Христофоровичъ, и намъ убавить число рабочихъ—нянекъ, прачекъ и кормилицъ,—задумчиво замѣтилъ Тутолминъ.

На лицѣ Оппеля показалось недоумѣніе.

— На кого же останутся малолѣтніе воспитанники?

— Что же дѣлать? Справимся какъ нибудь съ помощью оставшейся прислуги.

2-го октября тридцать семь человѣкъ прислуги были отпущены въ деревню, при чемъ старшій надзиратель наградилъ ихъ по 10 рублей на дорогу.

— Отпустите ужъ и насъ, Иванъ Акинѳіевичъ!—стали просить нѣкоторые изъ оставшихся:—время, сами знаете, какое тяжелое, не знаемъ и не вѣдаемъ, что̀ у насъ въ деревняхъ дѣлается.

— Пустое, ребята, толкуете, — отвѣтилъ Тутолминъ на ихъ просьбу, — оставайтесь-ка здѣсь, а я вамъ за прошлый мѣсяцъ двойное жалованье выдамъ.

Это поколебало рѣшеніе рабочихъ, и они остались.

Положеніе арміи Наполеона въ Москвѣ становилось все хуже и хуже, солдаты видѣли ясно, какъ имъ будетъ трудно выбраться изъ этой громадной могилы, уныніе поселилось въ нихъ. Видъ полуразрушеннаго города, недостатокъ припасовъ, блѣдныя лица голодныхъ нуждающихся русскихъ обывателей, оставшихся въ Москвѣ, еще болѣе удручали великую армію.

Лежащимъ въ Воспитательномъ Домѣ раненымъ французскій директоръ приказалъ уменьшить выдачу хлѣба до того, что «едва только жизнь поддержать больнымъ было возможно».

Русскіе служащіе получали печенаго хлѣба тоже очень мало, и немного испорченной говядины.

— Тяжелое время,—грустно замѣтилъ Тутолминъ, утомленный трудомъ и снѣдаемый печалью, — каждый добросовѣстный служащій долженъ уповать только на Бога, не предвидя себѣ спасенья, а имѣя всегда только передъ глазами одно буйство и слѣды грубаго насилія.

— Что-то будетъ съ нами?—прошепталъ Оппель: — оба лѣкаря, Рожалинъ и Стрѣлецкій, лежатъ больны.

Тутолминъ безпомощно покачалъ головою.

По приказу Наполеона, управляющій городомъ Лессепсъ издалъ слѣдующую прокламацію, которую приказалъ развѣшивать и расклеивать повсюду:

«Жители Москвы!

«Несчастія ваши жестоки, но его величество императоръ и король хочетъ прекратить овыя.

«Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленіе. Строгія мѣры приняты, чтобы прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность. Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ муниципалитетъ, или городское правленіе. Оное будетъ пещись о васъ, о великихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить черезъ плечо, а городскій глава будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но, исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

«Городовая полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшій существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ комиссаровъ, или полицеймейстеровъ, и 20 комиссаровъ, или частныхъ приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки. Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется Божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобъ они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемыя несчастію. Сіи суть средства, которыя правительство употребило, чтобы возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе, но, чтобы достигнуть до того, нужно, чтобы вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобы забыли, если можно, ваши несчастія, которыя перетерпѣли, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжная и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутъ на ваши особы и оставшіяся ваши имущества, а напослѣдокъ и не сомнѣвались, что оныя будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ. Солдаты и жители, какой бы вы націи ни были, возстановите публичное довѣріе, источникъ счастія государства, живите, какъ братья, дайте взаимно другъ

другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобы опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ».

Но воззваніе это не имѣло успѣха.

— Батюшка, Иванъ Акинѳіевичъ, — испуганно сказалъ хлѣбопекарь, прибѣжавшій къ Тутолмину: —французъ-то всѣ наши печки позанялъ, насъ прогналъ прочь, сказываетъ, на всю армію хочетъ печь хлѣба здѣсь-то!

Препятствовать французу Иванъ Акинѳіевичъ не рѣшился.

Два дня спустя, враги стали вывозить изъ Воспитательнаго Дома своихъ легко раненыхъ, направляя изъ Москвы по Можайскому тракту; въ опустѣлыя помѣщенія госпиталей были доставлены новые раненые.

Прошелъ еще день, и вся великая армія выступила изъ города съ самимъ Наполеономъ рано еще до разсвѣта: она пошла по Калужской дорогѣ, тяжелые же обозы потянулись по Смоленской.

Столица опустѣла, въ ней остались только 3.000-ный отрядъ французовъ да множество ихъ раненыхъ и больныхъ, переполнявшихъ всѣ русскіе госпитали и лазареты.

Воспитательный Домъ весь былъ переполненъ французскими ранеными.

7-го октября безпорядки около Дома еще больше увеличились, стрѣльба вокругъ не прекращалась. На другой день рано утромъ черезъ квадратъ проскакалъ казакъ; его замѣтили квартировавшіе здѣсь французы и начали въ него стрѣлять. Казакъ умчался благополучно, а двѣ пули попали въ одного изъ лѣкарей, Деветте.

— Наши войска идутъ,— сообщали съ нескрываемою радостью старшему надзирателю служащіе.

И скоро въ квадратъ Воспитательнаго Дома вихремъ влетѣлъ казацкій отрядъ. За нимъ толпою ворвались мужики и прямо бросились въ помѣщеніе, занимаемое ранеными, и начали грабить послѣднихъ.

— Что вы дѣлаете, безумцы?—закричалъ на нихъ Тутолминъ, но остановить казаковъ и мужиковъ было невозможно.

Они начали расхищать казенное имущество, а также и служителей.

Иванъ Акинѳіевичъ не зналъ, что дѣлать, ему приходилось молчать.

Покончивъ съ грабежомъ и отнявъ у раненыхъ французовъ оружіе, отрядъ казаковъ ускакалъ изъ Дома.

— Вы какъ сюда попали?—строго спросилъ Тутолминъ оставшихся крестьянъ:—какъ смѣли все это дѣлать? За это вы будете строго наказаны!

Крестьяне смущенно посматривали другъ на друга, и одинъ изъ нихъ робко замѣтилъ:

— Вчера заманилъ насъ французъ сюда въ Москву, соли обѣщалъ намъ отпустить, да взамѣсто того лошадишекъ нашихъ себѣ отобралъ, ну, какъ тутъ, батюшка, не озлиться? — животовъ лишились.

Отобравъ отъ нихъ кой-какія захваченныя ими казенныя вещи, Тутолминъ отпустилъ ихъ.

Черезъ четыре дня командующій казаками генералъ-маiоръ Иловайскій явился самъ въ Воспитательный Домъ.

— Прости ты, Иванъ Акинѳіевичъ, моихъ казаковъ, понакуролесили они у тебя, кажется,—обратился онъ къ старшему надзирателю.

— Да, ужъ не должное для воиновъ россійскихъ совершили они, прибывши сюда для установленія порядка и спокойствія, великое безпокойство и безпорядки сдѣлали они въ Домѣ! — недовольно отвѣтилъ Тутолминъ.

— Ну, ну, не сердись, Иванъ Акинѳіевичъ, съ лихвою вознагражу, — миролюбиво проговорилъ Иловайскій.

— Хорошо-то, хорошо, а я все-таки попрошу караулъ форменный, мало ли надумаютъ ваши казачки снова къ намъ пожаловать.

Черезъ нѣсколько дней генералъ Бенкендорфъ прислалъ въ Воспитательный Домъ гусарскій караулъ.

XXV.

Оставленная непріятелями столица представляла собою развалины. Улицы были завалены трупами лошадей, нечистоты лежали повсюду кучами. Выбравшіеся изъ своихъ тайниковъ жители, гдѣ они прятались отъ французовъ, а также многіе возвратившіеся изъ другихъ городовъ въ Москву, бродили грустные по улицамъ столицы, не находя своихъ жилищъ.

«Сколь скорбитъ и печалится сердце всѣхъ этихъ людей, — писалъ Иванъ Акинѳіевичъ въ Петербургъ государынѣ, — когда они видятъ свои дома, обращенные въ пепелъ, или хотя отъ пожара и уцѣлѣвшими, таковыхъ очень немного, но совершенно разграбленными, ищутъ своихъ имуществъ, кои многіе для сохраненія зарывали въ землю, или закладывали въ стѣны или подвалы, но видятъ, что отъ хищной руки непріятеля ничего не укрылось, даже въ храмахъ Божіихъ сокрытыя въ землю достоянія не пощажены отъ расхищенія, и самые храмы обращены были, по безбожію врага, въ конюшни, кухни и скотскія бойни. Чувствуя во всей мѣрѣ, сколь прискорбно вашему человѣколюбивому и благоговѣющему ко святынѣ сердцу слышать таковое описаніе, я не дерзаю далѣе распространять онаго»...

— Иванъ Акинѳіевичъ!—Тутолминъ услышалъ за спиною голосъ инвалида-сторожа, и, положивъ перо, онъ обернулся къ послѣднему, вопросительно на него глядя.

— Бельшеровъ-то нашъ нашелся, и Васька Ермолаевъ съ нимъ пришелъ, живы, похудали только сильно.

— Гдѣ же они?—изумленно спросилъ Тутолминъ.

— Да тутъ за дверьми, ожидаютъ повидать васъ. Коли прикажете, я ихъ покличу.

Отъ Лунинскаго лакея узналъ старшій надзиратель объ участи другихъ пропавшихъ служителей Воспитательнаго Дома.

— Благодареніе Богу, зиждителю всѣхъ благъ, за избавленіе нашей матушки Москвы отъ врага, а пострадавшимъ и поплатившимся смертью за нее—царство небесное,—истово осѣняя себя крестомъ, проговорилъ Тутолминъ.

Отпустивъ явившихся, старикъ снова принялся за донесеніе императрицѣ.

«. . . . дѣти, въ Домѣ находящіяся, а также ихъ воспитательницы, учительницы и помощницы, по ихъ желанію, не отправленныя въ Казань, и всѣ посторонніе молодыя женщины, дѣвицы и мужчины, имѣвшіе прибѣжище у меня все время, благодареніе Всевышнему, пребыли благополучно, такъ что на невинность ихъ не было сдѣлано никакихъ покушеній, хотя же многіе французскіе чиновники пріѣзжали въ Домъ, чтобы видѣть заведеніе онаго»...

Затѣмъ шли сообщенія о заслугахъ остальныхъ служащихъ Дома, и Тутолминъ кончилъ свое донесеніе слѣдующими словами:

«Ваше императорское величество, принесите мое сіе донесеніе, писанное перомъ не краснорѣчивымъ, но исполненное духомъ ревности и усердія 60-ти-лѣтняго старца, къ престолу царскому со свойственнымъ высокой особѣ вашей снисхожденіемъ и простите меня въ простодушіи».

Изъ Данилова монастыря приглашеннымъ священникомъ была отправлена въ церкви литургія и молебенъ.

Оставшіеся еще въ зданіи квадрата французскіе раненые были выведены оттуда и помѣщены въ другія больницы.

Москва понемногу возстановлялась, нанесенныя глубокія раны мало-по-малу исцѣлялись, хотя далеко еще было до того, чтобы привести все въ порядокъ. Тѣмъ не менѣе уже 5-го января 1814 года московскій генералъ-губернаторъ, графъ Ростопчинъ, въ донесеніи своемъ вдовствующей императрицѣ сообщаетъ радостную вѣсть:

«Осмѣливаюсь при семъ повергнуть къ стопамъ вашимъ краткое, но вѣрное описаніе Москвы въ настоящемъ ея положеніи. Пустота незастроенныхъ мѣстъ напоминаетъ варварское появленіе злодѣевъ, впрочемъ торгъ сильнѣе прежняго, лавки всѣ заняты и полны товаровъ. Дворянское собраніе состоитъ изъ 500, Англійскій клубъ—изъ 460 человѣкъ, въ новый годъ въ маскарадѣ было 980 человѣкъ, театръ Позднякова прекрасный, все шумно, весело, и блѣдныя лица видны на однихъ больныхъ и на любителяхъ французовъ».

Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ).

КЪ БІОГРАФІИ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ очеркѣ я не имѣю въ виду критически разбирать произведенія, дѣятельность и значеніе въ русской литературѣ нашего извѣстнаго поэта Алексѣя Николаевича Плещеева. Я лишь хочу сообщить здѣсь кое-какіе еще неизвѣстные матеріалы, относящіеся къ жизни его въ ссылкѣ, собственно къ послѣднему періоду пребыванія его въ Оренбургскомъ краѣ. Матеріалы эти мнѣ удалось извлечь изъ дѣлъ оренбургскихъ архивовъ.

I.

Какъ извѣстно, Алексѣй Николаевичъ въ дни молодости своей вращался въ Петербургѣ въ кружкѣ петрашевцевъ и вмѣстѣ съ ними увлекался «несбыточными мечтами» о пересозданіи строя русской народной жизни по инымъ, отчасти чужеземнымъ, образцамъ. Онъ бывалъ на собраніяхъ этого кружка, происходившихъ въ квартирѣ Буташевича-Петрашевскаго, и принималъ нѣкоторое участіе въ замыслахъ послѣдняго.

Эти увлеченія и прикосновенность къ дѣлу Петрашевскаго привели Алексѣя Николаевича къ облаченію въ сѣрую солдатскую шинель, сопряженному съ ссылкой на службу въ безлюдный и негостепріимный въ то время отдаленный Оренбургскій край. Въ этотъ же періодъ ссылки Плещееву пришлось побывать и про-

жить нѣкоторое, довольно продолжительное время въ дикихъ и пустынныхъ среднѐ-азіатскихъ степяхъ.

Дѣло Буташевича-Петрашевскаго, въ которомъ былъ замѣшанъ Плещеевъ, разслѣдовалось и разсматривалось особой военно-судной комиссіей (смѣшаннымъ судомъ). Предсѣдателемъ этого суда былъ генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій, который съ 1833 по 1842 г. былъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, а въ 1851 году снова назначенъ начальникомъ Оренбургскаго края въ званіи генералъ-губернатора оренбургскаго и самарскаго и командира того же корпуса. Назначеніе В. А. Перовскаго предсѣдателемъ суда по дѣлу Петрашевскаго состоялось по высочайшему повелѣнію 25-го сентября 1849 года, а уже 16-го ноября того же года судъ закончилъ свои обязанности [1]). Судное дѣло было передано въ генералъ-аудиторіатъ. Высочайшая конфирмація приговора по докладу генералъ-аудиторіата послѣдовала 20-го декабря 1849 года. По конфирмаціи дворянинъ Плещеевъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и отданъ въ военную службу рядовымъ [2]) въ пограничный Оренбургскій край.

Первоначально Алексѣй Николаевичъ былъ сосланъ въ городъ Уральскъ и зачисленъ 6-го января 1850 года въ квартировавшій тамъ оренбургскій линейный батальонъ № 1-й; но черезъ два года былъ переведенъ въ 3-й баталіонъ, стоявшій въ г. Оренбургѣ. Приказъ по 23-й пѣхотной дивизіи объ этомъ переводѣ состоялся 25-го марта 1852 года; но когда Плещеевъ прибылъ въ Оренбургъ къ мѣсту новаго служенія, неизвѣстно. Однако, надо полагать, не ранѣе конца апрѣля мѣсяца. Въ мартѣ попасть въ Оренбургъ Плещеевъ, конечно, не могъ. 25-го числа только состоялся приказъ по дивизіи, штабъ которой былъ въ Оренбургѣ. Пока переписали копію съ него, переслали ее изъ Оренбурга въ Уральскъ, въ штабъ 1-го баталіона для исполненія, да пока тамъ исполнили приказъ канцелярскимъ порядкомъ, уже наступилъ и апрѣль. Въ это время обыкновенно въ краѣ—распутица, разливъ рѣкъ, и сообщеніе становится весьма затруднительнымъ; иногда даже прекращается и движеніе почтъ. Плещеевъ могъ перебраться изъ Уральска въ Оренбургъ за 300 верстъ только по спадѣ водъ, не раньше конца апрѣля; а если еще его, какъ нижняго чина и притомъ поднадзорнаго, отправили съ этапной командой, то онъ прибылъ въ Оренбургъ не ранѣе мая [3]).

---

[1]) Формулярный списокъ графа В. А. Перовскаго и Записки барона Корфа въ «Русской Старинѣ», 1900 г., май, стр. 279.

[2]) Аттестатъ Плещеева въ дѣлѣ Тургайскаго областного архива № 35663 и дѣло канцеляріи оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора 1856 г. № 2804; циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ № 91.

[3]) Я нарочно обращаю вниманіе читателя на это обстоятельство, и вотъ почему. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1897 г., май, стр. 402—422, напечатана

Въ г. Оренбургѣ Алексѣй Николаевичъ прожилъ недолго. Въ слѣдующемъ 1853 году, чтобы дать ему возможность принять участіе въ степномъ походѣ, онъ былъ переведенъ въ 4-й оренбургскій линейный баталіонъ приказомъ по 23-й пѣхотной дивизіи, состоявшимся 23-го февраля 1853 г. за № 76. Приказъ этотъ дословно гласилъ слѣдующее:

«Рядовой линейнаго оренбургскаго баталіона № 3-го, Алексѣй Плещеевъ, по волѣ г. корпуснаго командира, изъясненной мнѣ (т.-е. начальнику дивизіи) въ рапортѣ исправляющаго должность начальника корпуснаго штаба отъ 20-го сего февраля за № 753, переводится въ таковой же баталіонъ № 4-й, а потому предписываю отправить его немедленно по назначенію».

Хотя этимъ приказомъ и категорически предписывалось отправить рядового Плещеева къ новому мѣсту служенія немедленно, но на самомъ дѣлѣ, конечно, это распоряженіе вслѣдствіе медленности канцелярской переписки не могло быть выполнено такъ скоро. Въ аттестатѣ А. Н. Плещеева переводъ отмѣченъ подъ 2-мъ марта 1853 года.

статья П. Юдина, подъ заглавіемъ «А. Н. Плещеевъ въ ссылкѣ», въ которой авторъ, описывая тяжелую жизнь и обстановку Плещеева въ Оренбургѣ до похода подъ Акъ-Мечеть и нерасположеніе къ нему оренбургскаго общества, между прочимъ, не вполнѣ послѣдовательно и логично говоритъ, что «долго и терпѣливо сносилъ А Н. невзгоды и никому не жаловался на свою судьбу, но наконецъ не выдержалъ и въ одномъ изъ писемъ написалъ о своемъ тяжеломъ положеніи матери, которая тотчасъ же пріѣхала въ Оренбургъ, и обстоятельства приняли другой оборотъ». Далѣе, по указанію автора, пріѣздъ матери состоялся 26-го іюня 1852 г., и она пробыла въ Оренбургѣ цѣлый мѣсяцъ до 27-го іюля. Если принять во вниманіе, что на проѣздъ изъ Петербурга до Оренбурга частному человѣку надо было употребить около трехъ недѣль, что письмо Плещеева шло въ столицу около двухъ недѣль, что самъ А. Н. появился въ Оренбургѣ только въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, то надо удивляться тому, когда Плещеевъ успѣлъ почувствовать на себѣ всю тяжесть нерасположенія оренбургскаго общества, и когда же это «долго и терпѣливо сносилъ онъ невзгоды жизни въ Оренбургѣ». Этого терпѣнія по расчету времени хватило у него всего лишь на мѣсяцъ, да и того меньше. Въ той же статьѣ авторъ приводитъ апокрифическія подробности изъ жизни А. Н. въ Оренбургѣ, включая сюда и подарокъ золотыхъ часовъ невѣроятному «дядькѣ» и присылку генералъ-губернаторскихъ каретъ. «Дядьки», какъ извѣстно, приставляются къ новобранцамъ для наученія ихъ военному дѣлу, а Плещеевъ въ 1852 г. былъ уже не новобранецъ, не рекрутъ, находился онъ на службѣ третій годъ и успѣлъ уже, вѣроятно, постичь нехитрую солдатскую премудрость. Въ подтвержденіе этихъ подробностей авторъ ссылается на свидѣтельство своего отца, будто бы служившаго въ то время въ 1-мъ оренбургскомъ казачьемъ пѣшемъ батальонѣ. Между тѣмъ въ 1852 году отецъ автора (и мой также) находился въ Самарѣ, а 1-й оренбургскій казачій пѣшій батальонъ сформированъ только лишь въ началѣ 1855 г. (см. рапортъ наказного атамана оренбургскаго казачьяго войска корпусному командиру 8-го февраля 1855 г. № 368), а въ это время Плещеевъ находился въ фортѣ Перовскомъ. М. Ю.

У меня нѣтъ подъ руками точнаго указанія о времени отправленія Плещеева въ свою часть, но, очевидно, онъ не могъ быть отправленъ въ 4-й батальонъ немедленно по отданіи приказа. Къ штабу батальона въ Аральскъ онъ могъ быть отправленъ только весной съ военными транспортами, да съ его отправкой, надо полагать, и не спѣшили, не было особенной въ томъ надобности.

Въ Оренбургѣ и на Оренбургской линіи въ это время шли дѣятельныя и обширныя приготовленія къ предполагаемому на весну степному походу на берега Сыръ-Дарьи и вверхъ по ея теченію. Надо было наказать новыхъ безпокойныхъ сосѣдей кокандцевъ, которые съ начала 1850 года заявили о своемъ существованіи опустошительными набѣгами и грабежами ауловъ нашихъ кочевниковъ-киргизъ. Къ этому времени смежное съ нами Кокандское ханство широко раздвинуло свои предѣлы къ сѣверо-западу въ кипчакскія (киргизскія) степи и вошло въ непосредственное соприкосновеніе съ кочевьями русскихъ подданныхъ. Не довольствуясь подчиненіемъ независимыхъ киргизскихъ родовъ, кокандцы стремились къ распространенію и утвержденію своей власти и надъ подвластными намъ кочевниками. Съ этою цѣлью, для закрѣпленія и поддержанія своего вліянія, они понастроили въ киргизскихъ степяхъ въ качествѣ опорныхъ пунктовъ массу укрѣпленій-кургановъ. Такимъ же точно образомъ кокандцы захватили и нижнее теченіе рѣки Сыръ-Дарьи, гдѣ обыкновенно жили въ зимнее время подвластные намъ киргизскіе роды.

Рядъ возведенныхъ здѣсь кургановъ (укрѣпленій) составлялъ какъ бы нѣчто въ родѣ отдѣльнаго военнаго округа, который былъ подчиненъ особому беку, жившему въ болѣе сильной, по сравненію съ другими, крѣпости Акъ-Мечети. Власти акъ-мечетскаго бека подчинялись и платили налоги всѣ киргизы, кочевавшіе по разливамъ рѣки Сыръ-Дарьи въ окрестностяхъ расположенныхъ здѣсь кургановъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кокандцы посылали своихъ «зякетчи», сборщиковъ податей, и въ аулы нашихъ киргизъ съ требованіемъ уплаты «зякета»—подати. Нецеремонные поборы кокандцевъ весьма тяжело отзывались на благосостояніи киргизъ. Но и этого кокандцамъ показалось мало. Правитель Акъ-Мечети и ея округа, Якубъ-Бекъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи владѣтелемъ Кашгара, началъ систематически собирать и снаряжать шайки и высылать ихъ въ набѣги на грабежъ въ наши предѣлы, въ аулы нашихъ киргизъ. Опустошительные набѣги этихъ шаекъ сопровождались угономъ скота, главнаго богатства кочевниковъ, захватомъ имущества, избіеніемъ людей и увозомъ киргизскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Большую часть награбленнаго Якубъ-Бекъ отбиралъ въ свою пользу. Кокандскія шайки грабили наши аулы даже вблизи самаго Аральскаго укрѣпленія. Все это заставляло насъ подумать о принятіи мѣръ къ огражденію безопасности нашихъ подданныхъ и

обратить вниманіе на наши отношенія къ сосѣднему Коканду. Вмѣстѣ съ тѣмъ было желательно упрочить и обезопасить плаваніе нашихъ пароходовъ по Сыръ-Дарьѣ.

Но непосредственнымъ предлогомъ къ задуманному на весну 1853 года походу было слѣдующее обстоятельство.

Въ 1852 году акъ-мечетскій бекъ не позволилъ нашему съемочному отряду производить обслѣдованіе и съемку праваго берега Сыра. Угрожая употребить противъ этого отряда вооруженную силу, бекъ принудилъ его вернуться въ Аральское укрѣпленіе.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ Перовскій былъ крайне возмущенъ такимъ поступкомъ акъ-мечетскаго бека и немедленно распорядился выслать изъ Аральска отрядъ около 400 человѣкъ съ артиллеріей подъ начальствомъ корпуснаго оберъ-квартирмейстера, полковника Бларамберга, для наказанія кокандцевъ за проявленную дерзость. Отряду было предписано разрушить, какъ Акъ-Мечеть, такъ и всѣ другія кокандскія укрѣпленія на правомъ берегу Сыра. Бларамбергъ, однако, потерпѣлъ неудачу при штурмѣ Акъ-Мечети и принужденъ былъ отступить, хотя на обратномъ пути и разорилъ три укрѣпленія: Кошъ, Чимъ и Кумышъ-Курганы. Неудача подъ Акъ-Мечетью еще болѣе вооружила насъ противъ кокандцевъ. Необходимо было, во что бы то ни стало, изгладить въ кочевникахъ невыгодное для насъ впечатлѣніе, произведенное отраженіемъ нашего штурма, возстановить и возвысить поколебленный неудачей престижъ русской власти, показать силу русскаго оружія. Былъ рѣшенъ походъ.

Для выполненія намѣченной задачи въ экспедицію вверхъ по Сыру подъ Акъ-Мечеть былъ назначенъ разметанный по степнымъ укрѣпленіямъ 4-й оренбургскій линейный батальонъ, въ составъ котораго былъ переведенъ и долженъ былъ поступить въ его ряды Плещеевъ. Батальонъ этотъ рѣшено было укомплектовать до тысячнаго состава людьми изъ другихъ линейныхъ батальоновъ, находившихся на Оренбургской линіи. Такимъ образомъ не было особой надобности отправлять Плещеева къ своей части отдѣльно: онъ могъ отправиться вмѣстѣ съ назначеннымъ для батальона укомплектованіемъ. Да и не одинъ Плещеевъ, изъ числа политическихъ ссыльныхъ, бывшихъ въ то время въ Оренбургѣ, былъ взятъ въ походъ. Было приказано включить въ составъ предпринимаемой экспедиціи и другихъ ссыльныхъ: Мочульскаго, Залѣсскаго, Бржезовскаго, Груневича (бывшаго прежде военнымъ врачомъ) и многихъ другихъ, съ тою цѣлью, чтобы трудами и лишеніями въ походѣ и отличіями въ дѣлѣ противъ непріятеля они могли заслужить улучшеніе своей участи [1]).

---

[1]) Дѣло по генеральному штабу отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса «О нарядѣ войскъ въ составъ экспедиціоннаго отряда и степныя укрѣпленія» 1853 года, № 12. Ч. I. Докладная записка оберъ-квартирмейстера начальнику штаба 11-го марта 1853 года, № 322.

О Плещеевѣ, однако, позаботились пораньше.

Приготовленія къ походу были весьма обширны, но цѣль ихъ старались держать въ большомъ секретѣ. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, а тѣмъ болѣе политическимъ ссыльнымъ, было объявлено, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не сообщали своимъ роднымъ и знакомымъ о приготовленіяхъ къ экспедиціи и въ своихъ письмахъ на родину отнюдь не упоминали бы даже о предполагавшейся экспедиціи вверхъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. При этомъ для вящшей скрытности требованіе это объявлялось не гласно, а каждому порознь, поодиночкѣ, со строгимъ предупрежденіемъ, что «неисполненіе этого можетъ вовлечь неосторожныхъ въ большія непріятности и отвѣтственность» [1]).

Всего на укомплектованіе 4-го батальона до штата военнаго времени было взято около 460 человѣкъ; затѣмъ было наряжено 11 казачьихъ и башкирскихъ конныхъ сотенъ, двѣ башкирскихъ сѣнокосныхъ команды на парныхъ и троечныхъ подводахъ; взято 14 орудій съ прислугой изъ казачьихъ артиллеристовъ, саперныя и ракетныя команды. Начальникомъ экспедиціоннаго отряда на походъ былъ назначенъ наказный атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска, генералъ-майоръ Падуровъ; но общее руководство экспедиціей оставалось за корпуснымъ командиромъ, генералъ-адъютантомъ Перовскимъ.

Наряженныя войска и обозы выступили съ линіи въ степь двумя колоннами: правая изъ Оренбурга 25-го апрѣля подъ начальствомъ подполковника Іоннея; а лѣвая изъ Орска 4-го мая подъ командой майора Баженова; при ней слѣдовалъ и начальникъ отряда, генералъ-майоръ Падуровъ.

Въ какой собственно колоннѣ находился А. Н. Плещеевъ, точныхъ указаній у меня не имѣется, но надо полагать, что въ той, которая вышла изъ Оренбурга, т.-е. въ правой.

Генералъ-адъютантъ Перовскій, съ своей многочисленной свитой и легкимъ казачьимъ конвоемъ, выѣхалъ изъ Оренбурга 15-го мая и прибылъ въ Аральскъ 7-го іюня, пробывъ въ пути 24 дня; войсковыя же колонны вступили въ Аральское укрѣпленіе одна за другой 8-го и 9-го іюня, пройдя лѣвая отъ Орска 687 в. въ 37 дней, а правая отъ Оренбурга 933 в. въ 46 дней [2]).

Въ Аральскѣ былъ окончательно сформированъ экспедиціонный

---

[1]) То же дѣло.

[2]) Дѣло корпуснаго штаба 1853 г. «О назначеніи войска въ составъ экспедиціоннаго отряда», ч. 1-я и 2-я; формулярный списокъ графа В. А. Перовскаго; приказъ по Оренбургскому корпусу 5 декабря 1853 г. № 277. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ». за 1897 г., май въ статьѣ: «А. Н. Плещеевъ въ ссылкѣ» приведены совершенно невѣрныя свѣдѣнія объ этомъ походѣ (стр. 407). Невѣрно также и то, что оренбургскій генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій за взятіе Акъ-Мечети возведенъ 27 декабря 1853 г. въ графское достоинство. Послѣднее совершилось 17 апрѣля 1857 года.

отрядъ для похода вверхъ по Сыру подъ Акъ-Мечеть. Взято было три роты 4-го батальона (1-я, 2-я и 3-я), 8½ казачьихъ и башкирскихъ конныхъ сотенъ, 18 орудій съ прислугой, саперная, ракетная и сѣнокосная команда и около 200 вооруженныхъ киргизъ; всего около 3.000 чел.

Отрядъ выступилъ изъ Аральска четырьмя эшелонами 15, 16, 17 и 18 іюня. Перовскій, по обыкновенію, слѣдовалъ съ своимъ конвоемъ отдѣльно и вышелъ 16-го іюня.

А. Н. Плещеевъ слѣдовалъ во второмъ эшелонѣ подъ начальствомъ генералъ-майора Падурова.

Эшелоны стянулись подъ стѣнами Акъ-Мечети 2—5 іюля. Начались томительныя осадныя работы, а утромъ 28 іюля, послѣ взрыва мины подъ стѣной крѣпости, Акъ-Мечеть была взята штурмомъ. Въ сдѣланный взрывомъ проломъ сначала бросилась охотничья штуцерная команда, но два раза была отбита. Лишь послѣ третьяго натиска она вмѣстѣ съ 1-й ротой и полусотней уральскихъ казаковъ ворвалась въ крѣпость. За первой ротой послѣдовала и вторая съ 50-ью казаками. Въ рядахъ этой роты находился и Плещеевъ. Обѣ роты и казаки, ворвавшись въ крѣпость, завязали бой съ кокандцами, засѣвшими въ сакляхъ. Между тѣмъ подоспѣли часть 3-й роты и сотня оренбургскихъ казаковъ, и крѣпость были въ нашихъ рукахъ [1]). За отличіе въ этомъ дѣлѣ Алексѣй Николаевичъ 27-го декабря 1853 года былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и награжденъ, на ряду съ другими, годовымъ окладомъ жалованья не въ зачетъ [2]).

Послѣ взятія Акъ-Мечети было приступлено къ возведенію на ея мѣстѣ главнаго русскаго укрѣпленія, которое, по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 26-го августа 1853 г., въ «увѣковѣченіе подвига» главнаго руководителя экспедиціи, получило наименованіе: фортъ Перовскій [3]).

Въ составѣ гарнизона форта Перовскаго оставлены были всѣ три роты 4-го батальона, участвовавшія въ осадѣ, и перемѣщенъ и штабъ батальона. Въ спискахъ второй роты числится и Плещеевъ. Между тѣмъ въ примѣчаніи къ вѣдомости о составѣ части экспедиціоннаго отряда, возвратившейся въ Орскую крѣпость 16-го сентября 1853 года подъ начальствомъ полковника Марка, значится: «Въ числѣ нижнихъ чиновъ пѣхоты состоятъ унтеръ-офицеръ Мочульскій и рядовые Бржезовскій и Плещеевъ» [4]).

Изъ этого примѣчанія можно заключить, что А. Н. вернулся въ томъ же году изъ похода на Оренбургскую линію, въ Орскую

---

[1]) Приказъ по Оренбургскому корпусу 1853 г., № 277.

[2]) Аттестатъ А. Н. Плещеева.

[3]) Нынѣ уѣздный городъ Сыръ-Дарьинской области.

[4]) Всѣ изъ числа политическихъ ссыльныхъ. Дѣло корпуснаго штаба 1853 г. № 12, ч. I: «О нарядѣ войскъ въ составъ экспедиціоннаго отряда», листъ 210-й.

крѣпость; но долго ли онъ пробылъ на этой линіи и побывалъ ли въ Оренбургѣ, главномъ центрѣ края, и когда снова вернулся въ фортъ Перовскій, къ сожалѣнію, у меня свѣдѣній не имѣется.

Г. Жакмонъ въ своихъ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ «На царскомъ смотру» [1]), между прочимъ, мимоходомъ упоминаетъ, что однажды зимой, когда онъ служилъ офицеромъ въ 3-мъ оренбургскомъ линейномъ батальонѣ, въ составѣ караула, стоявшаго въ Оренбургскомъ тюремномъ замкѣ, подъ его начальствомъ находился и стоялъ на часахъ рядовой изъ дворянъ, Алексѣй Ник. Плещеевъ. Это могло быть только въ концѣ ноября или въ декабрѣ 1853 года. Самъ г. Жакмонъ произведенъ въ офицеры только въ этомъ году, а 27-го декабря того же года Плещеевъ былъ произведенъ за отличіе подъ Акъ-Мечетью въ унтеръ-офицеры; слѣдовательно, уже не могъ послѣ того нести службу рядовымъ и стоять на часахъ у арестантскихъ помѣщеній. Такимъ образомъ можно заключить, что А. Н. зиму 1853—1854 года провелъ въ Оренбургѣ. Между тѣмъ свѣдѣній о его переводѣ снова изъ 4-го въ 3-й батальонъ нѣтъ, и если бы такой переводъ дѣйствительно состоялся, то объ этомъ было бы обязательно отмѣчено въ его аттестатѣ. Онъ, по всей вѣроятности, просто былъ лишь временно прикомандированъ къ 3-му батальону, въ которомъ и отправлялъ служебныя обязанности. Весной же или лѣтомъ 1854 года съ однимъ изъ транспортовъ, выходившихъ съ линіи въ степь, А. Н. снова былъ отправленъ къ своему батальону въ фортъ Перовскій; такъ какъ въ слѣдующую зиму 1854 — 1855 годовъ мы уже встрѣчаемъ его здѣсь несущимъ гарнизонную службу въ званіи унтеръ-офицера и за офицера. Такъ, въ приказѣ по форту Перовскому на 1-е января 1855 года за № 1-й объявленъ очередной нарядъ по гарнизону, и въ крѣпостной караулъ отъ № 4-го батальона № 2-й роты назначенъ за офицера (т.-е. начальникомъ караула) унтеръ-офицеръ Плещеевъ. Затѣмъ 5-го, 10-го, 15-го, 22-го и 31-го января А. Н. опять наряжается въ такой же нарядъ, на ту же службу, а также и въ послѣдующіе мѣсяцы по четыре раза; но съ іюля фамиліи Плещеева въ нарядъ по гарнизону почему-то уже больше не встрѣчается. Изъ приведенныхъ нарядовъ видно, что А. Н. въ фортѣ Перовскомъ еще задолго до производства въ офицерскій чинъ уже исполнялъ служебныя обязанности за офицера. Въ первый офицерскій чинъ прапорщика Плещеевъ произведенъ 11-го мая 1856 года съ переводомъ въ 3-й Оренбургскій линейный батальонъ, расположенный въ Оренбургѣ [2]). 15-го іюня Алексѣй Николаевичъ покинулъ наконецъ опостылѣвшій ему, заброшенный въ глухихъ пустынныхъ степяхъ, фортъ Перовскій, въ которомъ, однако, онъ

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., сентябрь, стр. 864 и 865.

[2]) Изъ аттестата А. Н. Плещеева.

прокороталъ, если не полныхъ два года, то немногимъ менѣе двухъ лѣтъ. Черезъ мѣсяцъ и десять дней ѣзды по степи прибылъ Плещеевъ 25-го іюля въ Оренбургъ и сталъ уже мечтать о коренномъ измѣненіи своей судьбы и объ устройствѣ своей будущности.

II.

Сбросивъ съ себя такъ долго давившую его сѣрую солдатскую шинель и перебравшись въ Оренбургъ, Плещеевъ могъ вздохнуть посвободнѣе, могъ отдохнуть и физически и нравственно, могъ провести время за чтеніемъ хорошихъ книгъ, отвести душу въ задушевной бодрящей бесѣдѣ съ интеллигентными людьми. Въ то время вокругъ генералъ-губернатора группировался кружокъ даровитыхъ образованныхъ людей, въ который теперь свободно на правахъ полноправнаго члена вошелъ и Алексѣй Николаевичъ. Въ Оренбургѣ выписывалось немало газетъ и журналовъ, положено было начало при канцеляріи генералъ-губернатора городской публичной библіотекѣ, можно было найти и встрѣтить хорошую и умную книгу. Но, тѣмъ не менѣе, такая большая перемѣна въ жизни, однако, не могла удовлетворить Плещеева. Ему мало было избавиться только отъ тягостной казарменной обстановки, въ которой онъ до того томился и задыхался. Онъ всѣмъ существомъ своимъ жаждалъ другой жизни, другого режима съ большимъ просторомъ и съ большей свободой дѣйствій, жаждалъ другой дѣятельности. Въ измѣненіи своего положенія, въ полученіи офицерскаго чина, онъ видѣлъ лишь возможность разстаться навсегда съ несродной его душѣ военной службой, такъ долго и такъ тяжело давившей его своимъ своеобразнымъ, невыносимымъ для него гнетомъ, что отразилось и на состояніи его духа и здоровья. По возвращеніи въ столицу степей А. Н. безповоротно рѣшаетъ оставить поскорѣе военную службу и съ первыхъ же шаговъ своей новой жизни въ Оренбургѣ старается подготовить къ тому почву въ мѣстномъ начальствѣ, чтобы не встрѣтить съ его стороны какихъ либо препятствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всѣми силами стремится къ тому, чтобы, во что бы то ни стало, вырваться и изъ Оренбургскаго края, гдѣ онъ испыталъ и пережилъ столько тяжелыхъ невзгодъ и испытаній. И вотъ уже осенью 1856 года Алексѣй Николаевичъ приступаетъ наконецъ къ осуществленію своихъ предположеній: онъ подаетъ прошеніе на высочайшее имя о дозволеніи ему по разстроенному здоровью перейти въ гражданскую службу и искать должности въ одной изъ столицъ. Прошеніе это было представлено по соотвѣтствующимъ инстанціямъ съ благопріятнымъ заключеніемъ корпуснаго командира, графа В. А. Перовскаго, вообще относившагося къ Плещееву весьма покровительственно. Причина этого покровительства, по всей вѣроятности, кроется въ томъ, что Перовскій, какъ

предсѣдатель военносудной комиссіи по дѣлу Петрашевскаго, былъ хорошо знакомъ съ обстоятельствами преступленія и со степенью вины участниковъ: онъ видѣлъ изъ производства по дѣлу, что Плещеевъ попалъ въ него единственно по увлеченію, по молодости и неопытности, такъ сказать, со стороны, и ничего собственно дурного и преступнаго не совершилъ и не замышлялъ, а пострадалъ за компанію съ другими. Ходатайство графа на этотъ разъ имѣло успѣхъ. Государь императоръ соизволилъ разрѣшить прапорщику Плещееву перейти въ гражданскую службу, не ограничиваясь пребываніемъ въ Оренбургскомъ краѣ, за исключеніемъ, однако, столицъ. Въ отношеніи послѣдняго обстоятельства было повелѣно объявить просителю, что его возвращеніе въ столицу будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго его поведенія въ томъ городѣ, который онъ изберетъ себѣ для жительства [1]).

Такимъ образомъ въ ноябрѣ того же 1856 г. Алексѣй Николаевичъ былъ уволенъ изъ военной службы съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы и съ дозволеніемъ перейти на гражданскую службу, кромѣ столицъ [2]). Вмѣстѣ съ этой перемѣной явилась и надежда рано или поздно выбраться изъ постылыхъ степей и современемъ зажить даже въ столицѣ.

Покинувъ военную службу, А. Н., однако, остался все-таки пока въ Оренбургѣ, имѣя въ виду поступить въ одно изъ правительственныхъ учрежденій чиновникомъ. Здѣсь это было для него легче, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь у него все-таки было уже заведено обширное и весьма полезное въ служебномъ отношеніи знакомство. Къ тому же онъ пользовался, какъ мы уже знаемъ, покровительствомъ самого графа В. А. Перовскаго, а также и другихъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, напримѣръ, предсѣдателя пограничной комиссіи, В. В. Григорьева, извѣстнаго ученаго оріенталиста. На первыхъ порахъ своей гражданской жизни въ Оренбургѣ А. Н. поддерживалъ свое существованіе уроками французскаго, русскаго языковъ и другихъ предметовъ въ лучшихъ домахъ города [3]). Только 15-го марта 1857 года Плещеевъ подалъ прошеніе въ Оренбургскую пограничную комиссію объ опредѣленіи его на службу, а 21-го апрѣля высочайшимъ приказомъ зачисленъ въ штатъ чиновниковъ этой комиссіи. Черезъ мѣсяцъ 20-го мая А. Н. занялъ уже болѣе опредѣленное положеніе въ этомъ учрежденіи, получивъ должность столоначальника вновь открытаго «временаго стола по управленію Внутренней киргизской ордой».

Почему такъ затянулись его хлопоты по опредѣленію на службу,

---

[1]) Дѣло канцеляріи генералъ-губернатора, 1856 г., № 2804, л. 25—26.

[2]) Аттестатъ А. Н. Плещеева.

[3]) Напримѣръ, въ домѣ генерала Середы и друг.

несмотря на сильное покровительство, сказать не могу. Но, по всей вѣроятности, оренбургское начальство сразу хотѣло поставить его въ соотвѣтствующее положеніе и дать ему приличное мѣсто, никого не смѣщая и не обижая изъ старыхъ чиновниковъ. Это и удалось ему съ учрежденіемъ новаго особаго самостоятельнаго стола въ пограничной комиссіи.

Одновременно съ опредѣленіемъ на государственную службу совпало и новое измѣненіе и улучшеніе въ положеніи Алексѣя Николаевича: всемилостивѣйшимъ манифестомъ, обнародованнымъ 17-го апрѣля 1857 года, Плещееву возвращено званіе потомственнаго дворянина со всѣми правами, этому званію присвоенными [1]).

Но ни производство въ офицеры, ни увольненіе изъ военной службы съ переименованіемъ въ гражданскій чинъ, ни новое поступленіе на государственную службу чиновникомъ, наконецъ, ни самое возвращеніе потомственнаго дворянства со всѣми правами и преимуществами еще не сдѣлали А. Н. совершенно свободнымъ, полноправнымъ гражданиномъ земли Русской. На немъ все еще тяготѣло рѣшеніе судебнаго приговора. Ему еще не довѣряли вполнѣ, онъ все еще не освободился отъ тайнаго надзора за своими дѣйствіями, хотя и номинальнаго. Въ томъ же 1857 г. 1-го августа оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ былъ полученъ изъ департамента исполнительной полиціи печатный экземпляръ циркулярнаго предписанія по высочайшему повелѣнію за подписью министра внутреннихъ дѣлъ отъ 8-го іюля за № 91 объ участникахъ преступленія Буташевича-Петрашевскаго: Плещеевѣ, Европеусѣ, Головинскомъ и Шапошниковѣ. Циркуляръ этотъ слѣдующаго содержанія:

«Дворянинъ Плещеевъ, коллежскій секретарь Европеусъ, титулярный совѣтникъ Головинскій и московскій мѣщанинъ Шапошниковъ, за участіе въ замыслахъ государственнаго преступника Буташевича-Петрашевскаго, по высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей 20-го декабря 1849 г. на докладѣ генералъ-аудиторіата, отданы въ военную службу рядовыми: Европеусъ безъ лишенія, а прочіе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

«Впослѣдствіи Европеусъ и Плещеевъ, по высочайшему повелѣнію, за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля произведены въ унтеръ-офицеры и прапорщики, а Головинскій въ унтеръ-офицеры, при чемъ послѣднимъ двумъ возвращено дворянское достоинство, и затѣмъ всѣ они и рядовой Шапошниковъ всемилостивѣйше уволены въ отставку на слѣдующихъ основаніяхъ: Плещеевъ съ дозволеніемъ вступить въ гражданскую службу, кромѣ столицъ, Европеусъ—съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго надзора,

---

[1]) Дѣло канц. генералъ-губернатора, № 2804, л. 25—26.

Головинскій—съ чиномъ коллежскаго регистратора, а рядовому Шапошникову разрѣшено возвратиться въ Москву и воспользоваться правами прежняго состоянія, но съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго надзора.

«Нынѣ государь императоръ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса: слѣдуетъ ли предоставить право жительства въ обѣихъ столицахъ Плещееву, Европеусу и Головинскому, и можно ли дозволить Шапошникову въѣздъ въ С.-Петербургъ и жительство въ немъ,—высочайше повелѣть соизволилъ:

«1) уволеннымъ отъ службы прапорщикамъ: Плещееву, Европеусу, и коллежскому регистратору Головинскому, воспретить въѣздъ въ обѣ столицы и жительство въ нихъ, принявъ правило это въ руководство и на будущее время въ отношеніи прочихъ прикосновенныхъ къ дѣлу преступника Буташевича-Петрашевскаго лицъ, которыя впослѣдствіи, по монаршему милосердію, будутъ освобождены изъ мѣстъ ссылки, или уволены изъ военной службы;

«2) мѣщанину Шапошникову воспретить въѣздъ въ С.-Петербургъ и жительство собственно въ одной этой столицѣ, такъ какъ ему всемилостивѣйше дозволено возвратиться въ Москву, въ томъ уваженіи, что тамъ его родина,

«и 3) за прапорщикомъ Плещеевымъ и коллежскимъ регистраторомъ Головинскимъ учредить секретный надзоръ.

«О таковой высочайшей волѣ, сообщенной мнѣ г. военнымъ министромъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство къ немедленному исполненію» [1]).

Въ заключеніе циркуляра министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ гг. начальниковъ губерній, въ коихъ означенныя лица на жительствѣ, о послѣдующемъ ему донести.

Получивъ такой циркуляръ, оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Катенинъ, заступившій мѣсто графа В. А. Перовскаго, предписалъ оренбургскому полицеймейстеру учредить секретный надзоръ за уволеннымъ изъ военной службы Плещеевымъ. О томъ же было сообщено и оренбургскому гражданскому губернатору и предсѣдателю оренбургской пограничной комиссіи, куда былъ опредѣленъ А. Н. на службу; о всѣхъ этихъ распоряженіяхъ одновременно было послано донесеніе и министру внутреннихъ дѣлъ [2]).

Затѣмъ въ октябрѣ того же года вновь было получено распоряженіе въ видѣ печатнаго же циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу Буташевича-Петрашевскаго, выдачи паспортовъ на въѣздъ въ городъ Варшаву безъ согласія намѣстника царства Польскаго.

---

[1]) Дѣло № 2804, л. 8-й.

[2]) Тамъ же, листы 9—12.

Между тѣмъ пока происходили эти секретныя переписки объ ограниченіи правъ чиновника Плещеева, онъ продолжалъ служить по управленію киргизами и едва ли даже зналъ о томъ, что правительство такъ заинтересовано его личностью. Въ это время онъ успѣлъ даже жениться, осенью того же 1857 года, на дочери надзирателя Илецкаго соляного промысла, Е. А. Рудневой. Послѣ женитьбы А. Н. задумалъ побывать съ молодой женой въ столицахъ, повидаться со старухой-матерью, представить ей жену. Кромѣ того, А. Н. необходимо было устроить свои семейныя и имущественныя дѣла, и послѣднее обстоятельство было главнымъ побужденіемъ къ поѣздкѣ въ С.-Петербургъ. И вотъ 30-го декабря 1857 г. Алексѣй Николаевичъ подаетъ оренбургскому и самарскому губернатору, генералъ-адъютанту Катенину, докладную записку такого содержанія:

«Присланный вслѣдствіе высочайшей конфирмаціи, состоявшейся въ 1849 году, за политическое преступленіе въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ и прослуживъ въ этомъ званіи шесть лѣтъ и четыре мѣсяца, въ маѣ 1856 года я былъ удостоенъ производства въ первый офицерскій чинъ. Осенью того же года имѣлъ я счастіе войти съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ на имя государя императора о дозволеніи мнѣ, по разстроенному здоровью, перейти въ гражданскую службу и искать должности въ одной изъ столицъ. На таковое прошеніе мое его императорское величество, всемилостивѣйше разрѣшая мнѣ переходъ въ гражданскую службу, не ограничиваясь пребываніемъ въ Оренбургскомъ краѣ, въ то же время повелѣть соизволилъ объявить мнѣ, что возвращеніе мое въ столицу будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго моего поведенія въ томъ городѣ, который я изберу жительствомъ. Вслѣдъ за тѣмъ всемилостивѣйшимъ манифестомъ, обнародованнымъ 17-го апрѣля 1857 года, даровано мнѣ возвращеніе потомственнаго дворянства и всѣхъ правъ, этому званію присвоенныхъ. Эта неизреченная милость дала моей матери смѣлость повергнуть къ стопамъ августѣйшаго монарха новое ходатайство о возвращеніи моемъ въ столицы. Тогда г. шефъ жандармскаго корпуса увѣдомилъ ее письмомъ, что такъ какъ мнѣ недавно разрѣшено перейти въ гражданскую службу и возвращены всѣ права состоянія, то на дарованіе мнѣ новой милости пока еще не представляется возможности.

«Преклонныя лѣта моей матери, у которой я единственный сынъ, крайне болѣзненное состояніе ея, не дозволяющее ей пріѣхать въ Оренбургскій край для свиданія со мной, и, наконецъ, домашнія дѣла, по случаю полученнаго мною наслѣдства, требующія моего присутствія въ С.-Петербургѣ,—все это побуждаетъ меня утруждать ваше высокопревосходительство всепокорнѣйшей просьбой объ исходатайствованіи мнѣ дозволенія взять отпускъ на четыре мѣсяца

въ столицы, по истеченіи коего я или возвращусь въ Оренбургскій край или поселюсь въ одной изъ великороссійскихъ губерній. Представляя на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства вышеизложенныя обстоятельства, осмѣливаюсь испрашивать милостиваго вниманія къ моей просьбѣ.

«Коллежскій регистраторъ Алексѣй Плещеевъ».

Эта докладная записка, по приказанію генералъ-адъютанта Катенина, при письмѣ управляющаго генералъ-губернаторской канцеляріей Арцимовича, была препровождена на заключеніе къ предсѣдателю пограничной комиссіи, извѣстному оріенталисту и изслѣдователю Туркестанскаго края, В. В. Григорьеву.

Просвѣщенный начальникъ и покровитель Плещеева возвратилъ ее обратно при секретномъ рапортѣ отъ 9-го января за № 2.

Рапортъ этотъ, рисуя отношенія начальства къ Плещееву, даетъ полную характеристику личности поэта, какъ гражданина, въ разсматриваемый періодъ. А потому я привожу его здѣсь полностію.

«Вчерашняго числа г. управляющій канцеляріею вашего высокопревосходительства препроводилъ на заключеніе ко мнѣ, по приказанію вашему, докладную на имя ваше записку коллежскаго регистратора Плещеева, которою испрашиваетъ онъ ходатайства вашего о дозволеніи ему взять четырехмѣсячный отпускъ въ Москву и С.-Петербургъ.

«Пріемлю честь доложить вашему высокопревосходительству, что я знаю г. Плещеева уже около шести лѣтъ, слѣдовательно могу свидѣтельствовать съ основательностію не только о службѣ его въ пограничной комиссіи за послѣднее время, но и вообще о нравственности его и образѣ мыслей. Что касается до послѣдняго, то можно смѣло поручиться, что опытъ жизни и ближайшее знакомство съ людьми совершенно образумили г. Плещеева насчетъ практической неприложимости и теоретической нелѣпости тѣхъ утопій, которыя девять лѣтъ тому назадъ увлекли его въ преступленіе. Наказанный, сознавшій справедливость понесеннаго имъ наказанія, прощенный монаршею благостію и проникнутый за то чувствомъ искренней благодарности, г. Плещеевъ въ настоящее время можетъ быть названъ человѣкомъ вполнѣ благонадежнымъ и преданнымъ своему государю. Въ нравственномъ отношеніи не знаю я за нимъ ни одного поступка, который бы бросалъ малѣйшую тѣнь на его честность. Въ отношеніи служебномъ онъ ведетъ себя не хуже кого либо изъ своихъ товарищей, обнаруживая посильное усердіе къ дѣлу и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей стараясь заслужить вниманіе и расположеніе начальства. Сверхъ того, мнѣ извѣстно, что основаніемъ просьбы его о дозволеніи побывать въ Москвѣ и С.-Петербургѣ служатъ не какія либо пустыя желанія, а дѣйствительно семейныя обстоятельства, отъ того или отъ другого оборота

которыхъ зависитъ матеріальное обезпеченіе всей его будущности. Поэтому не только считаю долгомъ подкрѣпить просьбу г. Плещеева о четырехмѣсячномъ отпускѣ въ обѣ столицы своимъ свидѣтельствомъ, но полагалъ бы возможнымъ и сообразнымъ съ монаршею благостію даже ходатайство о полномъ разрѣшеніи ему жить тамъ, просить о чемъ ваше высокопревосходительство не рѣшился г. Плещеевъ, вѣроятно, изъ опасенія показаться докучливымъ или недовольно благодарнымъ за излитые уже на него знаки царскаго милосердія».

Такъ отозвалось и такъ аттестовало Ал. Н-ча его ближайшее непосредственное начальство.

Генералъ-адъютантъ Катенинъ, получивъ такой благопріятный отзывъ, возбудилъ чрезъ начальника III отдѣленія собственной его величества канцеляріи ходатайство объ испрошеніи у государя императора повелѣнія на разрѣшеніе Плещееву четырехмѣсячнаго отпуска. При этомъ начальникъ Оренбургскаго края просилъ повергнуть на высочайшее воззрѣніе свидѣтельство непосредственнаго начальства Плещеева, а также и свое собственное о похвальномъ поведеніи этого чиновника. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катенинъ, между прочимъ, добавлялъ, что «хотя и существуетъ запрещеніе въѣзда Плещееву въ обѣ столицы, но онъ (Катенинъ) не счелъ себя въ правѣ отказать ему въ своемъ посредствѣ по настоящей просьбѣ въ томъ убѣжденіи, что всякій новый знакъ снисхожденія къ нему со стороны высшаго правительства будетъ имъ принятъ съ достодолжною признательностью и глубже укоренитъ въ немъ чувства преданности престолу» [1]).

Ходатайство увѣнчалось успѣхомъ.

Князь Долгоруковъ въ началѣ февраля 1858 года сообщилъ оренбургскому генералъ-губернатору о соизволеніи государя императора на увольненіе Плещеева въ четырехмѣсячный отпускъ въ обѣ столицы, а генералъ Катенинъ въ свою очередь далъ знать объ этомъ начальству Плещеева.

Разрѣшеннымъ отпускомъ Алексѣй Николаевичъ, однако, воспользовался не тотчасъ, а лишь весною. 28-го мая изъ пограничной комиссіи былъ выданъ ему билетъ на четырехмѣсячный отпускъ въ Москву и Петербургъ, а на другой день, 29-го числа, Плещеевъ съ своей женой выѣхалъ изъ Оренбурга, предполагая, между прочимъ, по окончаніи срока отпуска поселиться въ одной изъ великороссійскихъ губерній. Но вышло нѣсколько иначе.

Четырехмѣсячный отпускъ затянулся и мало-по-малу обратился въ годовой, но на законномъ основаніи. Въ теченіе отпуска А. Н. подалъ прошеніе о перемѣщеніи его на службу въ г. Уфу, и въ іюнѣ 1859 года онъ былъ зачисленъ въ штатъ канцеляріи

---

[1]) Дѣло № 2804, л. 27—32.

оренбургскаго гражданскаго губернатора, имѣвшаго пребываніе въ Уфѣ.

Продленіе отпуска произошло слѣдующимъ образомъ. Первоначально на просьбу Плещеева ему было высочайше разрѣшено остаться въ Петербургѣ до окончательнаго выздоровленія его жены послѣ родовъ. А затѣмъ въ началѣ февраля 1859 года А. Н. обращается къ правителю генералъ-губернаторской канцеляріи Арцимовичу съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь, Адамъ Антоновичъ!

«Вы позволили мнѣ обращаться къ вамъ непосредственно въ тѣхъ случаяхъ, когда устройство дѣлъ моихъ будетъ зависѣть отъ содѣйствія начальства, и обѣщали мнѣ ваше ходатайство передъ его превосходительствомъ Александромъ Андреевичемъ [1]). Это даетъ мнѣ смѣлость безпокоить васъ въ настоящую минуту покорнѣйшей просьбой. Вотъ въ чемъ она состоитъ. Вамъ извѣстно, что государь императоръ соизволилъ на продолженіе отпуска моего до окончательнаго выздоровленія жены моей послѣ родовъ. Хотя она теперь и поправилась, но ѣхать зимой въ такую дальнюю дорогу, съ ребенкомъ—не только во многихъ отношеніяхъ затруднительно, но и опасно. И потому я бы желалъ получить разрѣшеніе остаться здѣсь до весны. Не откажитесь представить объ этомъ на усмотрѣніе господина начальника Оренбургскаго края, и будьте увѣрены, что я не заставлю васъ раскаиваться въ вашемъ ко мнѣ участіи. Я здѣсь уже болѣе полугода и, кажется, ничѣмъ не подавалъ правительству повода имѣть меня на замѣчаніи. Скажу откровенно, что, если бы мнѣ окончательно дозволенъ былъ безпрепятственный въѣздъ въ столицы, это было бы для меня величайшимъ благодѣяніемъ, потому что, хотя я въ настоящее время и не могу здѣсь поселиться вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, но эти же самыя обстоятельства очень легко могутъ на слѣдующій годъ снова потребовать моего присутствія здѣсь, и тогда увольненіе мое въ отпускъ будетъ снова сопряжено съ большими хлопотами. Но я не смѣю еще просить о таковой милости, полагая, что начальство сочтетъ ее преждевременною. Итакъ, я ограничиваюсь первою моей просьбой. Если она не будетъ оставлена безъ вниманія, я уже и тогда буду несказанно благодаренъ. Въ заключеніе я долженъ прибавить, что при разрѣшеніи отсрочки мнѣ не было дано никакого вида, и потому позвольте просить васъ также о выдачѣ мнѣ его изъ канцеляріи г. оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, вами завѣдуемой, если это возможно. Съ истиннымъ почтеніемъ и глубокой преданностью

«имѣю честь быть, милостивый государь,

«вашъ покорный слуга,

«Алексѣй Плещеевъ».

[1]) Катенинымъ.

На письмѣ нѣтъ помѣтки ни о мѣстѣ, ни о времени его написанія, но, судя по датамъ и помѣткамъ послѣдующихъ бумагъ, а также по времени и мѣсту выдачи Плещееву билета на проживаніе въ столицѣ, можно съ увѣренностью сказать, что письмо это писано въ началѣ февраля 1859 года въ С.-Петербургѣ, во время пребыванія генералъ-адъютанта Катенина съ своей походной канцеляріей въ столицѣ.

5-го февраля 1859 года генералъ Катенинъ написалъ шефу корпуса жандармовъ и начальнику III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, князю Василію Андреевичу Долгорукову, письмо и просилъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о соизволеніи на продленіе Плещееву отпуска и о разрѣшеніи ему остаться въ столицѣ до открытія весною, въ концѣ мая мѣсяца, правильнаго пароходнаго сообщенія, такъ какъ, хотя жена Плещеева и оправилась послѣ болѣзни, но затрудняется пуститься съ груднымъ ребенкомъ въ отдаленный путь, въ суровое время и по дурнымъ зимнимъ дорогамъ. Князь Долгоруковъ не замедлилъ своимъ предстательствомъ и уже 6-го февраля сообщалъ генералъ-адъютанту Катенину о соизволеніи государя на просимую отсрочку.

Изъ походной канцеляріи Плещееву былъ выданъ билетъ на проживаніе въ столицѣ, и объ отсрочкѣ отпуска чиновнику Плещееву сообщено оренбургскому гражданскому губернатору въ Уфу.

Заѣзжалъ ли А. Н. по окончаніи срока отпуска къ своему мѣсту служенія въ Уфу, гдѣ продолжалъ числиться въ штатѣ губернаторской канцеляріи, или нѣтъ, свѣдѣній у меня не имѣется, но, повидимому, онъ прямо изъ столицы проѣхалъ со своей семьей въ Оренбургъ, а оттуда въ Илецкую Защиту къ своему тестю, рѣшивъ, если удастся ему новое ходатайство, искать частной службы. Предъ выѣздомъ изъ столицы Плещеевъ снова подалъ прошеніе на высочайшее имя о разрѣшеніи ему имѣть постоянное мѣстожительство въ Москвѣ. Просьба была уважена. Шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ, сообщая оренбургскому генералъ-губернатору о высочайшемъ соизволеніи на просьбу Плещеева, просилъ объявить ему объ этомъ съ предупрежденіемъ, чтобы онъ велъ себя въ Москвѣ какъ можно осторожнѣе и не входилъ въ сношеніе съ лицами, не пользующимися довѣріемъ правительства, въ противномъ случаѣ онъ подвергнется самой строгой отвѣтственности. Отношеніе князя Долгорукова было получено Катенинымъ во время объѣзда имъ зауральской киргизской степи, и онъ карандашомъ написалъ на немъ слѣдующую резолюцію:

«Я слышалъ, что Плещеевъ въ Илецкой Защитѣ; если это такъ, то предложить ему, не сообщая этой бумаги, пріѣхать ко мнѣ въ Оренбургъ, увѣдомивъ, что я буду тамъ 22-го и 23-го числа сего мѣсяца (іюля)».

А. Н. въ концѣ іюля дѣйствительно представлялся генералъ-адъютанту Катенину и говорилъ о своемъ намѣреніи поступить на частную службу. Катенинъ, повидимому, обѣщалъ ему въ этомъ отношеніи свое содѣйствіе, такъ какъ, спустя нѣсколько дней, Плещеевъ изъ Илецкой Защиты обратился къ начальнику края со слѣдующимъ письмомъ:

«Ваше превосходительство,

«Александръ Андреевичъ!

«Когда я имѣлъ честь являться къ вамъ въ послѣдній разъ въ Оренбургѣ, вы были такъ добры, что изъявили согласіе познакомить меня съ г. Шиповымъ [1]). Хотя я распорядился, чтобы меня увѣдомили о его пріѣздѣ, но, къ сожалѣнію, онъ провелъ въ Оренбургѣ нѣсколько часовъ, и я не могъ поспѣть туда во-время. Вслѣдствіе этого я осмѣливаюсь безпокоить васъ своей покорнѣйшей просьбой.

«Вамъ извѣстно уже, что я намѣренъ искать частной службы, и что мнѣ обѣщано мѣсто у Дмитрія Павловича Шипова, при желѣзной дорогѣ въ Троицкую лавру. Но въ отсутствіе мое Д. П. Шиповъ могъ позабыть свое обѣщаніе, тѣмъ болѣе, что охотниковъ на подобныя мѣста немало. Если бы же я могъ получить нѣсколько рекомендательныхъ строкъ отъ вашего превосходительства, то я убѣжденъ, что отказа бы не послѣдовало. Не могу судить о своихъ способностяхъ, но могу поручиться за одно, что тотъ, у кого я буду служить, найдетъ во мнѣ человѣка честнаго и нелѣниваго.

«Я не рѣшился бы никогда тревожить васъ и отвлекать васъ своимъ письмомъ отъ занятій, если бы не зналъ постоянной готовности вашего превосходительства на доброе дѣло, и если бы не имѣлъ счастія уже нѣсколько разъ испытать ее на себѣ. Ваше участіе ко мнѣ и добро, которое вы мнѣ сдѣлали, ободрили меня и теперь. Простите моей смѣлости, ваше превосходительство, и не оставьте безъ вниманія, — какъ не оставляли до сей поры, — моей покорнѣйшей просьбы.

«Съ чувствомъ глубокаго почтенія и искренней преданности,
«имѣю честь быть

«вашего превосходительства покорный слуга,

«Алексѣй Плещеевъ».

«Илецкая Защита».
«Августа 10-го 1859 года».

---

[1]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Павловичъ Шиповъ производилъ торговлю питіями въ Оренбургской губерніи, братъ его Александръ Павловичъ Шиповъ держалъ винный откупъ въ Пензенской губерніи, а Дмитрій Павловичъ управлялъ желѣзной дорогой отъ Москвы въ Троицко-Сергіевскую лавру.

Въ отвѣтъ на это письмо А. Н. получилъ письмо отъ правителя канцеляріи отъ 29-го августа, въ которомъ г. Арцимовичъ сообщаетъ, что въ бытность здѣсь Ник. Павл. Шипова генералъ Катенинъ говорилъ съ нимъ насчетъ предоставленія должности по коммерческимъ его предпріятіямъ Плещееву, и что Шиповъ далъ свое согласіе и обѣщалъ оказать Плещееву полное содѣйствіе.

На другой день по составленіи этого письма въ генералъ-губернаторской канцеляріи былъ выданъ Плещееву слѣдующій документъ:

«Свидѣтельство № 556.

«По случаю сдѣланнаго служившимъ въ канцеляріи оренбургскаго гражданскаго губернатора коллежскимъ регистраторомъ Плещеевымъ предъявленія о затрудненіи отправиться ему въ Москву, за включеннымъ въ аттестатѣ его объясненіемъ о существовавшемъ прежде высочайшемъ воспрещеніи на въѣздъ ему на жительство въ обѣихъ столицахъ, канцелярія г. оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, съ разрѣшенія его превосходительства, симъ удостовѣряетъ, что въ текущемъ году, какъ увѣдомилъ г. генералъ-губернатора г. главный начальникъ III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи отъ 4-го іюля за № 1305, г. Плещееву по всеподданнѣйшей его просьбѣ высочайше разрѣшено постоянное жительство въ Москвѣ. Дано въ Оренбургѣ, августа 30-го дня 1859 года, съ приложеніемъ казенной печати». Подписалъ управляющій канцеляріею статскій совѣтникъ Арцимовичъ.

Документъ этотъ и, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ предыдущимъ письмомъ Арцимовича получилъ по довѣренности (и, вѣроятно, доставилъ его лично) есаулъ Степанъ Ѳедоровъ.

Заручившись такимъ документомъ, А. Н. Плещеевъ уже могъ свободно выѣхать изъ Оренбургскаго края и поселиться въ Москвѣ. Означеннымъ документомъ и заканчивается дѣло, изъ котораго я дѣлалъ здѣсь выдержки, подъ обширнымъ заглавіемъ: «Объ объявленіи чиновнику Плещееву на всеподданнѣйшую просьбу его о дозволеніи проживать въ одной изъ столицъ. Тутъ же объ учрежденіи за нимъ секретнаго надзора» и т. д.

Выѣхать изъ Оренбурга въ Москву А. Н. могъ не ранѣе сентября 1859 года [1]). Какъ онъ устроился въ Москвѣ и нашелъ ли частную должность, это къ предмету настоящей статьи не относится. **М. Л. Юдинъ.**

---

[1]) Въ статьѣ «А. Н. Плещеевъ въ ссылкѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1887 г., май) неправильно утверждается, что «съ четырехмѣсячнымъ паспортомъ въ карманѣ Плещеевъ выѣхалъ изъ Оренбурга вмѣстѣ съ женой и больше туда не возвращался». Онъ, какъ видимъ, возвращался. М. Ю.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА НАЧАЛА ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

ОКОЛО двадцати трехъ лѣтъ назадъ приказомъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора я былъ назначенъ мировымъ посредникомъ 2-го участка Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи.

Принятыя мною обязанности совершенно отличались, какъ отъ предшествовавшихъ моихъ занятій, такъ и слѣдовавшихъ за оставленіемъ службы въ Юго-Западномъ краѣ. Можетъ быть, поэтому въ моей памяти живо сохранились нѣкоторые эпизоды характернаго порядка, довольно ясно рисующіе положеніе мирового посредника, какъ агента правительства, и той окружающей обстановки и среды, гдѣ онъ долженъ былъ разрѣшать иногда сложныя недоразумѣнія аграрнаго свойства и имѣть ближайшее попеченіе о крестьянскомъ населеніи. То, о чемъ я собираюсь побесѣдовать съ читателемъ, не представляетъ систематическаго изслѣдованія. Я со всею объективностью хочу изложить въ своемъ повѣствованіи только факты, наиболѣе выдающіеся, типичные, такъ сказать, что дастъ возможность оцѣнить, что̀ собственно изображалъ собою мировой посредникъ, что онъ сдѣлалъ для закономѣрнаго приложенія своихъ обязанностей, и какъ смотрѣло и какъ относилось къ нему населеніе смѣшаннаго по національностямъ характера, состоявшее изъ малороссовъ, поляковъ и евреевъ.

Начиная разсказъ объ этомъ прошломъ, было бы несправедливо съ моей стороны не вспомнить добрымъ словомъ кіевскаго генералъ-губернатора, Александра Романовича Дрентельна. Въ разносторонних служебныхъ столкновеніяхъ моихъ, ни прежде, ни послѣ, я не встрѣчалъ администратора съ бо̀льшимъ тактомъ, съ болѣе сильною волею, твердымъ характеромъ, справедливостью и участіемъ къ дѣлу. Всѣ его административныя распоряженія отличались глубокою вдумчивостью и освѣдомленностью, благодаря знаніямъ мѣстныхъ особенностей и условій, среди которыхъ эти распоряженія должны были исполняться тѣми, кто стоялъ къ нему близко. Александру Романовичу каждый, кто завѣдывалъ отдѣльными частями административнаго края, вполнѣ довѣрялъ. Не было примѣра, чтобы отданное разъ распоряженіе когда либо отмѣнялось. Это могутъ свидѣтельствовать всѣ тѣ служившіе подъ его начальствомъ, которые теперь остаются въ живыхъ.

Въ управленіи краемъ была установлена система, отличавшаяся глубокою твердостью, игнорировавшая всякіе скачки: отъ заигрыванія съ мѣстными разнообразными элементами населенія до какихъ либо репрессалій. Нарушеніе нормальнаго теченія жизни возстанавливалось твердою рукою, пренебрежительно относившейся къ какимъ либо компромиссамъ и никогда не останавливавшейся передъ тѣмъ, «что скажутъ», какъ отнесутся тѣ группы изъ вѣчно недовольныхъ, которыхъ и тогда было достаточно. А время было трудное. Разгаръ такъ называемыхъ еврейскихъ безпорядковъ, носившихъ не только эту специфическую вывѣску, но имѣвшихъ и другія болѣе общія причины: неупорядоченность земельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками-поляками, неупорядоченность, имѣвшую въ основаніи примѣненіе различныхъ кодексовъ, опредѣлявшихъ правовыя отношенія тѣхъ и другихъ. Распространенность сервитутнаго права, всегда возбуждавшаго массу недоразумѣній, нерѣдко оканчивавшихся весьма серьезно, а также и стремленіе создать безпорядки ради безпорядковъ. Вся эта совокупность причинъ и условій не могла, конечно, способствовать спокойному, мирному теченію жизни. Административное руководительство не было изъ легкихъ. Нужно было много чисто служебнаго такта, чтобы управлять сложной административной машиной, въ составныхъ частяхъ которой не всегда находился доброкачественный матеріалъ. Лучше всего на всѣ вопросы отвѣтятъ факты, къ которымъ я и перехожу.

Одинъ изъ богатеевъ израильскаго племени имѣлъ нѣсколько сахарныхъ заводовъ въ Кіевской губерніи. У сахарозаводчиковъ существовалъ,—на какихъ основаніяхъ, это трудно объяснить,—весьма оригинальный обычай—уплачивать уѣздному исправнику отъ каждаго завода 500—700 рублей въ годъ. Непредусмотрѣнное закономъ вознагражденіе настолько укрѣпилось въ понятіяхъ мѣст-

ныхъ заводчиковъ, властей и населенія, что расходъ на него имѣлъ характеръ офиціальный, заносился въ отчеты «ключей» и «экономій», а исправники, ничтоже сумняшеся, расписывались въ полученіи жалованья отъ заводовъ въ заводскихъ денежныхъ книгахъ.

Какъ-то вновь назначенный исправникъ категорически отказался получить оригинальную субсидію, что̀ произвело большую сенсацію въ уѣздѣ. Хозяинъ завода, усмотрѣвъ въ графѣ невыполненныхъ расходовъ по отчету оставшіеся невыданными 1.300 рублей, не на шутку удивился и, когда узналъ, что эта сумма принадлежитъ исправнику, что онъ демонстративно не желаетъ ее получать, то тутъ же рѣзко замѣтилъ главноуправляющему: «Этого не можетъ быть. Вѣроятно, онъ сумасшедшій. Призвать его ко мнѣ, когда онъ будетъ здѣсь». Не правда ли, странно: еврей-толстосумъ требовалъ исправника, какъ подчиненнаго ему слугу, къ отвѣту за то, что онъ не беретъ взятки, но разъ исправники у заводчиковъ были на жалованьѣ и лично создали такое къ себѣ отношеніе, то чему же удивляться? Графы и ясновельможные паны Юго-Западнаго края также не церемонились въ обращеніяхъ съ полицейскими чиновниками, но еврейскіе денежные тузы были прямо нахальны, и опять ихъ особенно винить нельзя. Капиталъ всегда былъ въ фаворѣ. Весьма недавно у одного изъ губернаторовъ я встрѣчал ъеврея, иногда благотворившаго на разнаго рода учрежденія. Его принимали, какъ особу, со всѣми знаками особаго вниманія, а когда онъ ѣхалъ по городу, то городовые отдавали ему честь, становясь во фронтъ. Эта картина производила комическое впечатлѣніе: толстый, жирный еврей, развалясь въ коляскѣ, небрежно подымалъ то и дѣло руку къ шляпѣ и награждалъ полицейскихъ начальственными улыбками.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ на заводъ исправникъ, о которомъ я повелъ рѣчь, предсталъ передъ разгнѣваннымъ хозяиномъ. «Правда ли, что вы не хотите брать принадлежащее вамъ вознагражденіе?» — «Не только не хочу, а не возьму, считая такіе поборы незаконными». — «Но я заставлю васъ взять, — запальчиво возразилъ заводчикъ. — Даю вамъ двѣ недѣли на размышленія», — и всесильный богачъ быстро направился во внутренніе апартаменты. Такой пассажъ весьма удивилъ скромнаго и застѣнчиваго по природѣ чиновника, и онъ дѣйствительно началъ недоумѣвать, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ. Съ кѣмъ онъ ни совѣтовался, всѣ въ одинъ голосъ убѣждали бросить это дѣло, увѣряя, что изъ всего получится результатъ, по которому его признаютъ безпокойнымъ человѣкомъ, и только. А въ видахъ охраненія спокойствія куда либо уберутъ. Но исправникъ никакъ въ предсказываемый исходъ повѣрить не могъ, и все его недоумѣніе вылилось въ бумагѣ съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, направленной непосредственно къ генералъ-губернатору.

Правителемъ канцеляріи у Александра Романовича былъ образованный юристъ, служившій до занятія этой должности по судебному вѣдомству и впослѣдствіи сдѣлавшій видную карьеру въ этомъ же вѣдомствѣ. Безусловно честный, прямой и дѣловой человѣкъ, онъ далъ рапорту исправника быстрое движеніе, предварительно собравъ весьма цѣнный матеріалъ, иллюстрировавшій праводу исправника и косвенное указаніе на то, что отчисленіе tentiem'а въ пользу исправниковъ—дѣло совершенно обыкновенное, вошедшее, такъ сказать, въ норму отношенія сахарозаводчиковъ и полицейскихъ чиновниковъ.

Въ одинъ непрекрасный день становой приставъ привезъ предписаніе губернатора, которымъ предлагалось заводчику пожаловать въ Кіевъ къ генералъ-губернатору. Въ назначенное время заводчикъ прибылъ въ пріемную генералъ-губернатора. Необычная картина тутъ ему представилась. Видитъ онъ нѣсколькихъ исправниковъ и нѣсколькихъ заводчиковъ. На всѣхъ лицахъ какая-то растерянность, неосвѣдомленность: зачѣмъ они собраны въ одинъ день и въ одинъ часъ? Переговариваются между собою и только тогда уясняютъ смыслъ и значеніе необыкновеннаго собранія, когда виновникъ его началъ высказывать свои догадки. Безпокойный исправникъ также былъ налицо и отъ волненія, а, можетъ быть, и страха за послѣдствія затѣянной исторіи изображалъ весьма плачевный видъ. Наконецъ отворились двери кабинета, и вышелъ Александръ Романовичъ.—«Господинъ исправникъ такого-то уѣзда, разскажите ваше столкновеніе съ заводчикомъ такимъ-то». Выслушавъ разсказъ, А. Р. обратился къ заводчику: «Такъ ли все это?»—Заводчикъ волнуясь проговорилъ отчетливо: «Да, ваше высокопревосходительство, но»....—«Безъ объясненій»,—рѣзко замѣтилъ А. Р.—«Г. г.,—обратился онъ къ присутствующимъ,—не всѣ обычаи бываютъ удобны для практики, но всѣ должны содѣйствовать правильному и законному ходу жизни ввѣреннаго мнѣ высочайшей властью края, а въ особенности люди образованные, да къ тому же сильные своимъ матеріальнымъ положеніемъ. Субсидіи, раздаваемыя заводчиками уѣздной полиціи, незаконны какъ для тѣхъ, кто ихъ получаетъ, такъ и для тѣхъ, кто ихъ даетъ. Не принимаю тотчасъ рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію вреднаго обычая только потому, что вижу и знаю, что это—старый обычай. Но, если и послѣ настоящаго къ вамъ обращенія вы его не уничтожите личной вашей иниціативой, то, повторяю, буду дѣйствовать рѣшительно. Тогда не прогнѣвайтесь. Знайте, что это взятка,—обращаясь къ полиціи, замѣтилъ генералъ-губернаторъ.—Вамъ, вѣроятно, извѣстна и отвѣтственность за такія преступленія. До свиданія»,—и генералъ-губернаторъ быстро ушелъ въ кабинетъ. Разсказы объ этомъ случаѣ быстро распространились по генералъ-губернаторству и съ разными варіаціями передавались изъ устъ въ уста.

Спустя нѣсколько лѣтъ, уже послѣ смерти Александра Романовича, я встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ безпокойнаго исправника. Разговорившись съ нимъ, я узналъ, что служитъ онъ въ акцизѣ, занимая какую-то низшую должность. Онъ давно ушелъ изъ Кіевской губерніи, а, вспоминая мною здѣсь разсказанное, онъ дополнилъ: «Перестали ли брать исправники съ заводовъ навсегда или на время, мнѣ неизвѣстно, а я все же долженъ былъ оставить службу и, какъ бѣдный человѣкъ, взять то, что тогда случилось».

Еще одинъ характерный эпизодъ. Время служенія А. Р. далеко не проходило спокойно. Это былъ періодъ, какъ я уже говорилъ, антиеврейскаго движенія, разразившагося весьма печальными вспышками толпы. Мнѣ не удавалось читать правдивую исторію этого періода, и потому я не знаю, такъ ли констатированы мотивы ихъ происхожденія, какъ они обозначились для тѣхъ, кто близко знакомился съ еврейской эксплоатаціей мѣстнаго населенія.

Въ Кіевѣ безпорядки повторялись не разъ. Какъ-то они приняли особенно серьезный характеръ. Разгромъ еврейскихъ жилищъ и лавокъ дошелъ до безобразныхъ размѣровъ,—несомнѣнно, что грабежъ товаровъ имѣлъ весьма успѣшное примѣненіе. Подолъ представлялъ полную картину разрушенія. Площадь, какъ снѣгомъ, была усѣяна пухомъ, пухъ носился въ воздухѣ. Обыкновенныя полицейскія мѣры не приводили ни къ чему. Слышенъ былъ трескъ и громъ отъ разрушаемыхъ лавокъ, звонъ отъ разбиваемыхъ стеколъ; опьяненная стадными инстинктами, а также награбленнымъ виномъ толпа неистовствовала до крайнихъ предѣловъ; ничего не оставалось дѣлать, какъ вызвать войска, которыя и прибыли на мѣсто. Но прежде, чѣмъ пустить ихъ въ дѣло, Ал. Ром. выѣхалъ на площадь самъ и тотчасъ принялъ энергичныя мѣры къ усмиренію. Полиція, вооруженная, какъ гласитъ исторія, шашками, въ которыхъ металлическія лезвія отсутствовали, а замѣнялись кусочками дерева, прикрѣпленными къ рукояткѣ, до пріѣзда генералъ-губернатора дѣйствовала боязливо, нерѣшительно. Появленіе Ал. Ром. сразу измѣнило ходъ дѣла. Какъ разъ въ разгарѣ распоряженій объ арестованіи видимыхъ зачинщиковъ, руководившихъ толпой, кто-то въ генералъ-губернатора бросилъ камень, попавшій, къ счастью, въ ногу. Ал. Ром. нисколько не смутился, продолжалъ дѣлать распоряженія, вызвалъ часть пѣхоты, которая постепенно окружала центръ безпорядковъ и, окруживъ кольцомъ, вывела безобразниковъ, другая часть продѣлала то же въ концѣ площади, и такъ постепенно безпорядки были. пріостановлены, и только тогда уѣхалъ, когда главное было сдѣлано и указано, какъ поступать дальше. Въ одномъ только мѣстѣ обезумѣвшіе безобразники въ наступающій отрядъ солдатъ начали бросать каменья и куски поломанной мебели, но хладнокровный капитанъ К. сдержалъ появившееся на мгновеніе возбужденіе солдатъ, оттѣснилъ толпу къ

Днѣпру, окружилъ ее, а затѣмъ съ помощью полиціи арестовалъ зачинщиковъ.

Чтобы не прерывать разсказа объ этомъ эпизодѣ, я нѣсколько забѣгаю впередъ.

Возвратившись послѣ инцидента съ исправникомъ изъ Кіева въ мѣсто своего пребыванія въ мѣстечко Ольшаны, я на другой же день долженъ былъ принять мѣстнаго зажиточнаго еврея Іоселя, почтосодержателя, торговца разными товарами и финансиста. Его длиннѣйшій лапсердакъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы. Кольцомъ завитые пейсы и бархатная ермолка указывали на торжественность визита и офиціальный его характеръ. На мой вопросъ, что нужно Іоселю, онъ, таинственно озираясь во всѣ стороны, глазами спрашивалъ меня, не услышатъ ли насъ посторонніе. Замѣтивъ его краснорѣчивыя движенія, я нарочно открылъ въ сосѣднюю комнату дверь, гдѣ занимался мой письмоводитель, замѣтивъ, что никакихъ секретовъ между нами быть не можетъ. Нѣсколько сконфуженный Іосель переминался съ ноги на ногу, затѣмъ разстегнулъ свой лапсердакъ и, судорожно схватившись рукой за какія-то веревочки, висѣвшія на поясѣ, началъ дрожащимъ голосомъ: «Мы, честные евреи, желаемъ ясновельможному пану посреднику хорошей жизни и покоя, сами хотимъ жить съ начальствомъ въ согласіи. Поэтому мы никакъ не можемъ повѣрить, что г. генералъ-губернаторъ отмѣнилъ сахарный гонораръ, который у насъ установленъ, какъ разсказывалъ сегодня Израиль Файнштейнъ, вернувшійся изъ Кіева. Мы платимъ пану становому, пану старшинѣ и пану писарю ежегодно въ помощь на ихъ жизнь и весьма радуемся, что можемъ имъ дѣлать угодное, а потому живемъ спокойно. Что же то будетъ, если намъ запретятъ благодарить за нашъ покой?» Я прервалъ ехидную рѣчь Іоселя, въ которой такъ нескладно были перепутаны и доносъ, и какъ бы признаніе законности и необходимости особой платы должностнымъ лицамъ, и, позвавъ письмоводителя, приказалъ записать его слова. Надо было видѣть его перепуганную физіономію. Онъ началъ было отказываться, что ничего такого не говорилъ, но когда письмоводитель повторилъ почти дословно его сообщеніе, онъ комично растопырилъ руки и съ какимъ-то дѣланнымъ отчаяніемъ воскликнулъ: «Нехай, будемъ судиться», и гордо вышелъ отъ меня. Я не находилъ нужнымъ оставить сообщенныя свѣдѣнія безъ разслѣдованія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ волостнымъ писарямъ, надзоръ за дѣятельностью которыхъ лежалъ на обязанности мирового посредника, и къ моему крайнему изумленію оказалось, что, дѣйствительно, волостные старшины и писаря, кромѣ вознагражденія изъ волостныхъ суммъ, получали особое ежегодное вознагражденіе отъ евреевъ, населяющихъ во множествѣ мѣстечки и села Юго-Западнаго края.

II.

Прибылъ я на мѣсто службы въ декабрѣ. Зима была, что называется, изъ гнилыхъ. Со станціи Воронцово юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ нужно было ѣхать на лошадяхъ 12 верстъ до мѣстечка Ольшаны, резиденціи мирового посредника 2-го участка Звенигородскаго уѣзда. Шмуль Шиферзонъ былъ первымъ моимъ знакомымъ въ этой мѣстности. Это еврей, промышлявшій извозомъ. Онъ и подрядился свезти меня въ Ольшану. Моя одежда не носила какихъ либо офиціальныхъ отличій. Тѣмъ не менѣе Шмуль величалъ меня паномъ посредникомъ или же титуловалъ меня. На вопросъ, почему онъ меня знаетъ, онъ отвѣтилъ: въ мѣстечкѣ давно извѣстно, что сегодня я пріѣду, что Іосель приготовилъ квартиру ясновельможному пану, что панъ старшина и панъ писарь также ждутъ меня. Тутъ же Шмуль весьма охотно разсказалъ, какими путями въ Ольшану приходятъ извѣстія, явно намекая на то, что чрезъ евреевъ всегда и все можно узнать раньше, чѣмъ изъ газетъ.

На видъ невзрачныя лошаденки, соединенныя, вмѣсто сбруи, какими-то веревочками, быстро бѣжали подъ гору, гдѣ расположилось мѣстечко Ольшана. Вправо отъ дороги видны были экономическія постройки, сахарный заводъ. Влѣво большая площадь, посреди которой стоялъ деревянный сѣраго цвѣта православный храмъ, а невдалекѣ волостное правленіе... На площади книзу расположились бѣлые съ зелеными крышами домики евреевъ, ольшанскихъ аристократовъ. Возница направилъ было лошадей ко двору Іоселя, но я приказалъ подъѣхать къ волостному правленію. На крыльцѣ сидѣлъ косматый мужиченко съ нахлобученной на глаза барашковой шапкой и видимо погруженъ былъ въ дремоту. На окликъ Шмуля онъ быстро вскочилъ; увидѣвъ пріѣзжихъ, онъ снялъ свою барашковую шапку и сбѣжалъ съ крыльца. Я просилъ указать мнѣ квартиру для пріѣзжихъ чиновниковъ, и онъ мнѣ объяснилъ, что таковая находится въ домѣ у еврея Гершки, но, кажется, не топлена: «а, если вы, ваше благородіе, посредственникъ, паняйте до Іоселя, бо винъ принима начальство съ губерніи». Пока мы переговаривались, Іосель уже летѣлъ стремглавъ къ волостному правленію: «Ваша свѣтлость, прошу ко мнѣ, у насъ все приготовлено съ удобствами»,—объявилъ онъ, совершая какія-то присѣданія. Это приглашеніе совершенно расходилось съ моими желаніями. Я зналъ, что разъ я остановлюсь у Іоселя, повидимому, вліятельнаго еврея, онъ тотчасъ извлечетъ какую либо выгоду, и его престижъ еще болѣе упрочится въ глазахъ еврейскаго населенія мѣстечка. Но дѣлать нечего. Оглянувшись на площадь и слѣдя за указательнымъ перстомъ хозяина квартиры для чиновниковъ, я увидѣлъ, что его домъ единственный, въ которомъ можно

было, судя по внѣшности, устроиться хотя временно, но, вѣроятно, сносно. Мой возница нетерпѣливо ждалъ моего рѣшенія, и когда я снова влѣзъ въ таратайку, около меня очутился въ одно мгновеніе Іосель и что-то скомандовалъ на еврейскомъ жаргонѣ. Лошади какъ-то сами повернули къ знакомому двору, и мы черезъ нѣсколько минутъ остановились у крыльца дома Іоселя. Взойдя на крыльцо, я былъ встрѣченъ довольно полной, еще моложавой еврейкой, въ парикѣ, сильно старившемъ ея лицо, съ черными, какъ уголь, глазами, не лишенными блеска. Ривка очень любезно поздоровалась и смѣлымъ пріемомъ подала мнѣ руку: «Пану посреднику наше шанованье», — промолвила она, выставляя рядъ бѣлыхъ зубовъ. Откуда-то взявшійся мальчикъ лѣтъ 14-ти, котораго звали Хая, распахнулъ двери въ предназначенное мнѣ помѣщеніе, и я вошелъ въ комнату, гдѣ стояла кровать съ цѣлою горою подушекъ, на столѣ пыхтѣлъ самоваръ со всѣми принадлежностями къ чаю. Когда я замѣтилъ, что все необходимое у меня есть, то Іосель поспѣшно возразилъ, что не онъ угощаетъ меня, а расходъ по угощенію относится къ мѣстному обществу. Я просилъ все убрать и оставить меня, если возможно, въ покоѣ. Не буду останавливаться на подробностяхъ тѣхъ отношеній, какія мнѣ пришлось встрѣтить со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ, крестьянъ и евреевъ. Скажу одно: землевладѣльцы-поляки отъ насъ сторонились, крестьяне намъ не довѣряли, а евреи ухищрялись установить самыя нелегальныя отношенія. Дальнѣйшее, болѣе близкое мое знакомство съ мѣстными условіями и обстановкой жизни и службы далеко не было изъ пріятныхъ. Вездѣ, на каждомъ шагу чувствовалась та пропасть, которая разъединяетъ здѣсь дѣло и населеніе, для котораго это дѣло дѣлается. Интересна экономическая зависимость крестьянъ отъ созданныхъ здѣсь условій пользованія и владѣнія землей въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, къ чему я и перехожу.

Русскіе помѣщики въ большинствѣ не жили въ своихъ имѣніяхъ. Это были все знатные и сановные люди, получившіе въ видѣ награжденій конфискованныя имѣнія. Этой мѣрой предполагалось насадить русскій элементъ и обрусить край. Но при указанномъ условіи врядъ ли такая мѣра была близка къ цѣли. Не склонные къ активному участію въ земледѣльческой работѣ, сановники и чиновники въ громадномъ большинствѣ сдавали обширныя латифундіи въ аренду евреямъ. Меня спросятъ, какъ же это могло быть, когда евреямъ законъ воспрещалъ быть арендаторами земель въ этой мѣстности? Но законъ оставался закономъ, а для его обхода былъ изобрѣтенъ слѣдующій способъ. Владѣлецъ выдавалъ фактическому арендатору довѣренность на управленіе имѣніемъ безъ отчета. Еврей условленную арендную плату обезпечивалъ владѣльцу векселями на разные впередъ опредѣленные сроки. Преимущественно такихъ сроковъ устанавливалось три въ теченіе

года, при чемъ выдача векселей возобновлялась по истеченіи каждаго года. Обыкновенно зимой евреи ѣхали въ Петербургъ для заключенія сдѣлокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обдѣлывали тамъ другія дѣла. Пользуясь своими сношеніями съ важными людьми, они проживали въ Петербургѣ, сколько имъ нужно было, попутно высматривая разные гешефты, а затѣмъ пристраивали къ нимъ своихъ единовѣрцевъ. Такое паломничество въ Петербургъ всегда заключалось тѣмъ, что какой либо Мордко или Сруль исчезалъ съ мѣста своего жительства и оказывался у какого либо столичнаго предпріятія. Дѣлалось это такимъ путемъ: арендаторъ получалъ отъ проживавшаго въ Петербургѣ владѣльца записку: «Мѣщанина Аарона Минкина не безпокоить». Записка эта предъявлялась, кому слѣдуетъ, и Ааронъ благополучно проживалъ въ столицѣ, якобы на законномъ основаніи. Платежъ по векселямъ, или, что то же, арендная плата производились съ педантичной аккуратностью. Своевременное поступленіе платежей обезпечивалось нелегальностью самаго договора объ арендѣ. Для еврея не было расчета и разумной возможности остаться неисправнымъ плательщикомъ. Его всегда можно было удалить изъ имѣнія даже административнымъ порядкомъ, а при томъ условіи, что срокъ послѣдняго векселя всегда предшествовалъ началу уборки травъ, хлѣбовъ, то неаккуратность въ уплатѣ могла повлечь потерю затратъ, уже сдѣланныхъ на предпріятіе. Я помню, какъ въ с. Ольшанѣ все еврейское населеніе было поставлено на ноги, разыскивая недостающіе 1.500 рублей для уплаты нѣкимъ Барскимъ по сроку одному изъ владѣльцевъ. Какъ же эксплуатировались эти арендныя земли евреями? Разумѣется, они за свой страхъ и рискъ землю не воздѣлывали, отдавая подесятинно въ краткосрочную аренду крестьянамъ на одинъ урожай. При этомъ способѣ земля, за которую уплачивалъ еврей по тогдашнимъ временамъ отъ 1 рубля 50 коп. до 2 р. 50 коп. за десятину, сдавалась по 5—6 рублей, а сѣнокосъ сдавался по 10—15 р. Кромѣ того, существовали почти повсемѣстно и доплаты, напримѣръ, 10 яицъ и курица отъ десятины, или же гусь, или обязанность выслать рабочаго въ страдную пору въ сосѣднюю экономію поляка-владѣльца, куда еврей заранѣе обязывался въ томъ или иномъ количествѣ поставить трудъ крестьянина въ назначенное время. Крестьяне, большею частію, денегъ для уплаты съемочной цѣны не имѣли, а обыкновенно производили окончательный расчетъ съ евреемъ по уборкѣ хлѣба. Задатокъ всегда требовался въ мартѣ мѣсяцѣ, взамѣнъ котораго крестьянинъ закладывалъ что либо изъ своего движимаго имущества: кожухъ, дукаты своей жены или дочери, имѣвшихъ обыкновеніе носить ихъ на шеѣ вмѣстѣ съ монистами. На должную сумму задатка начитывалось не менѣе 2% роста въ мѣсяцъ. Напримѣръ, съ крестьянина слѣдовало задатка 2 рубля за землю; деньги эти

онъ долженъ былъ внести 15-го марта, а весь съемочный платежъ къ 1-му сентября. Слѣдовательно, на эти 2 рубля онъ обязывался уплатить за $5^1/_2$ мѣсяцевъ процентовъ 22 коп. Такимъ образомъ, весь платежъ крестьянина за снятую на одинъ урожай землю слагался изъ слѣдующихъ уплатъ: арендная плата за десятину 6 рублей, доплата натурою 50 коп. по минимальному расчету, проценты на задатокъ 22 коп., а всего 6 р. 72 коп. Сумма платежа увеличивалась въ зависимости отъ своевременности его взноса. Сравнивая же эту плату съ арендымъ платежемъ, уплачиваемымъ евреемъ, т.-е. $1^1/_2$—2 рубл. за десятину, мы видимъ, что еврей, въ худшемъ случаѣ, наживалъ 280%. Но, большею частью, случалось такъ, что крестьянинъ не могъ произвести окончательнаго расчета въ установленный срокъ, тогда еврей-арендаторъ не разрѣшалъ свезти копенъ съ поля до полнаго погашенія съемочнаго платежа или же, оставляя заложенную вещь у себя, продолжалъ насчитывать проценты, да еще начислялъ пеню, въ размѣрѣ 5 коп. на неуплаченный рубль. Приходила зима, являлась необходимость въ заложенной у еврея теплой одеждѣ, а денегъ нѣтъ: хлѣбъ проданъ, уплачены повинности, заштопаны кое-какія прорѣхи въ хозяйствѣ, что дѣлать, какъ не замерзнуть? И тутъ находчивый еврей выручалъ изъ затруднительнаго положенія. «Пиши, Хома, росписку, что ты кожухъ мнѣ продалъ, а я дамъ его тебѣ на зимніе мѣсяцы на прокатъ за 30 коп. въ мѣсяцъ, которыя ты уплатишь изъ того, что заработаешь зимой». И новый договоръ совершался. Хома бралъ изъ амбара еврея собственный кожухъ и уплачивалъ за прокатъ условленную сумму. При такихъ условіяхъ крестьянинъ оказывался опутаннымъ разными росписками, вѣчно за что-то платилъ еврею, и рѣдко кто изъ крестьянъ не оказывался вѣчнымъ неоплатнымъ должникомъ. Примѣчательнѣе всего то, что такія сдѣлки свидѣтельствовались волостнымъ правленіемъ или сельскимъ старостою. За засвидѣтельствованіе была положена особая плата, которая поступала въ личное распоряженіе волостного или сельскаго начальства и ни по какимъ денежнымъ книгамъ не показывалась.

Несомнѣнно, что весь край, все населеніе было въ рукахъ евреевъ, или, лучше сказать, особыхъ кровопійцевъ, выдѣлявшихся своей безсовѣстной эксплуатаціей, такъ какъ и въ самой еврейской средѣ было немало бѣдноты, состоявшей при этихъ кровопійцахъ на мелкихъ порученіяхъ и получавшихъ заплѣсневѣлыя крохи отъ гомерическихъ барышей ихъ единовѣрцевъ за участіе въ общемъ дѣлѣ, въ общей работѣ обезличенія и экономическаго порабощенія крестьянина.

Не лучше обстояло у землевладѣльцевъ-поляковъ, которые вели лично хозяйство. Паны, обладавшіе большими состояніями, не жили въ «краѣ». Имѣнія находились въ рукахъ управляющихъ, разу-

мѣется, поляковъ. Конторы также наполнены были поляками, а при каждой изъ нихъ находились факторы-евреи, какъ посредники между предложеніемъ и спросомъ, и по признанію лицъ, входящихъ въ составъ администраціи «маетностей», безъ нихъ никакъ обойтись нельзя. Мѣстечко Ольшана принадлежало тогда графу Браницкому, я даже точно не зналъ, какому. Этотъ графъ никогда въ имѣніи не появлялся. Управлялъ имъ въ то время нѣкій панъ Ш. Жилъ онъ въ большомъ графскомъ домѣ, имѣлъ массу прислуги, прекрасную конюшню и самые модные экипажи. Это былъ убѣжденный полякъ, не говорившій по-русски, хотя я, какъ не знавшій польскаго языка, никогда, кромѣ какъ по-русски, съ нимъ не объяснялся; впрочемъ, мои служебныя сношенія съ администраціей Ольшаны были весьма незначительны. Экономія избѣгала процессовъ съ крестьянами за различныя правонарушенія. Если случались потравы, порубки лѣса или нарушенія межъ, то мелкія дѣла для окончанія ихъ передавались особымъ «мишурисамъ», а болѣе крупныя велъ «экономическій» юрисконсультъ.

Нечего и говорить, что участіе «мишурисовъ» отзывалось тяжело на крестьянахъ, но, странное дѣло, крестьяне охотнѣе подчинялись частному соглашенію въ удовлетвореніе владѣльца за вредъ и убытки, чѣмъ обращались къ суду или къ мѣстному посреднику.

Такая тактика служила во вредъ крестьянамъ. Они усиливали ею всегда дорогое и убыточное вмѣшательство евреевъ въ ихъ хозяйственную жизнь. Но что жъ дѣлать, а это было такъ.

Въ отношеніи господствующаго вѣроисповѣданія и языка дѣло обстояло также не лучше. Церкви всѣ въ моемъ участкѣ были деревянныя, ветхія, о внутреннемъ благолѣпіи и говорить нечего. Все было бѣдно, убого, запущено, жизнь священника была не изъ завидныхъ. Приходъ составляло населеніе обѣднѣвшее. Самъ священникъ изображалъ, въ силу своего экономическаго оскудѣнія, человѣка, вполнѣ зависѣвшаго отъ окружавшихъ его обстоятельствъ.

Въ первый мой визитъ къ отцу Дмитрію я увидѣлъ жалкую обстановку, среди которой онъ жилъ. Покосившійся домикъ, раздѣленный на двѣ половины коридоромъ, прямо съ улицы, стоялъ посреди неогороженнаго двора. Къ домику прилѣпленъ сарай, обмазка котораго развалилась. Не лучше и внутренняя обстановка. На мой стукъ мнѣ отворила «засовъ» худая невысокая женщина съ землистымъ цвѣтомъ лица и съ растрепавшимися волосами. Рукава грязной кофты были засучены выше локтей, а руки облѣплены приставшимъ тѣстомъ и мукой. Матушка приготовляла хлѣбы.

— Пожалуйте, пожалуйте,—приглашала она, указывая на дверь налѣво,—отецъ Дмитрій дома.

Я вошелъ въ низенькое помѣщеніе, раздѣленное перегородкой на два. Въ первомъ изъ нихъ сидѣлъ пожилой батюшка, при моемъ появленіи поднявшійся, быстро поправившій очки и начавшій суетиться, ища мѣста, гдѣ меня посадить. Задача была нѣсколько трудная. На табуретахъ и стульяхъ были разложены платья и бѣлье, разныя хозяйственныя принадлежности, а на диванѣ съ большой деревянной спинкой былъ складъ газетной бумаги и какихъ-то книгъ. Кое-какъ освободивъ одно изъ сидѣній, отецъ Дмитрій усадилъ меня и повелъ бесѣду весьма невеселаго содержанія.

— Священствую здѣсь,—началъ онъ,—шестой годъ и, какъ видите по моей обстановкѣ, бѣдствую такъ, что не приведи Господи. Самъ рублю дрова, даю коровѣ кормъ, а жена—и матушка, и горничная, и кухарка. Вы застали ее за работой.

— Неужели не хватаетъ средствъ нанять работника или работницу?—спросилъ я.

— Нѣтъ, да и трудно найти. У меня двое дѣтей. Слава Богу, что не больше,—и батюшка истово перекрестился, какъ будто опасаясь, что сказалъ это не въ добрую минуту.—Сынъ въ семинаріи, а дочь въ епархіальномъ въ Кіевѣ. Воспитаніе ихъ дорого стоитъ. Приходъ у меня 1.500 душъ, по числу это считается хорошимъ приходомъ, но народъ бѣдный, задолженный и сосѣднимъ экономіямъ и евреямъ. Вѣдь Ольшана, да и дальше, къ желѣзной дорогѣ, все мѣста сахарнаго производства. Народу рабочаго много требуется. Казалось бы, что тутъ долженъ быть хорошій заработокъ крестьянину, ничуть не бывало. Рабочіе и работницы никогда непосредственно экономіями не нанимаются. Здѣсь есть тѣ же мишурисы, которые даютъ обязательство поставить нужное ихъ число къ тому или иному сроку. Всѣ они находятся въ полномъ подчиненіи богатеевъ изъ евреевъ-арендаторовъ. Арендаторы раздаютъ землю и въ счетъ платы обязываютъ крестьянъ давать рабочихъ. Вознагражденіе за ихъ наемъ получаетъ мишурисъ. Разсчитывается онъ прежде всего съ ареднаторами, а затѣмъ остатки раздаетъ крестьянамъ, предварительно удерживая комиссіонныя за предоставленіе возможности разсчитаться за землю трудомъ. Зимой еще можно имѣть рабочаго, но прямо не имѣю средствъ содержать его и платить ему жалованье. Всѣ мѣстные рабочіе почти исключительно идутъ на полевыя работы. На заводахъ же служатъ, большею частью, безпаспортные бѣглые изъ Сибири. Народъ отчаянный, по цѣнѣ дешевый и, надо сказать правду, къ работѣ спорливый. Ими дорожатъ не потому только, что берутъ они низкую плату и неприхотливы на пищу, а потому, что работаютъ усерднѣе и выгоднѣе для заводчика.

— А какъ же полиція относится къ этому нелегальному рабочему?—На этотъ вопросъ батюшка махнулъ выразительно ру-

кой. Впрочемъ, я замѣтилъ, что и этому жесту, невольно вырвавшемуся, онъ былъ не радъ. Пристально смотрѣлъ въ лицо, а его тревожный взоръ какъ бы упрашивалъ меня не придавать ему особаго значенія.

— Не бойтесь, отецъ Дмитрій, я уже многое слышалъ, и вашею откровенностью я злоупотреблять не буду.

— Вы не повѣрите, что весь мой доходъ и отъ церковной земли, и отъ вознагражденія за требы не превышаетъ 500 рублей. Мнѣ стыдно сознаться, а землю церковную я отдаю въ аренду Іоселю. Самъ ее обрабатывать не могу. Прямо таки не найду рабочихъ. Пробовалъ и долженъ былъ продавать хлѣбъ на корню, а Іосель, чтобы я не портилъ цѣны на аренду земли, уплачиваетъ мнѣ по три рубля за десятину. Дороже, чѣмъ помѣщику, на 1 р. 50 к., да еще даетъ два раза въ годъ: передъ Рождествомъ Господнимъ и Свѣтло-Христовымъ Воскресеніемъ, лошадь съ бричкой для объѣзда прихожанъ съ крестомъ и молитвой.

— Ну, а возница еще чего добраго Хая, его сынъ?—замѣтилъ я.

— Случается, и онъ возитъ. Стыдно немножко, да ничего не подѣлаешь.

Въ это время вошла матушка съ подносомъ, уставленнымъ водкой, рѣдькой, вареньмъ картофелемъ и ржавой селедкой. Отецъ Дмитрій опять засуетился. Налилъ двѣ рюмки и усердно просилъ «откушать для перваго знакомства».

— И я пригублю,—сказала матушка,—что жъ меня-то ты забылъ?

Какъ я ни отказывался, а пришлось уступить настойчивымъ просьбамъ.

— Обидите, обидите,—приговаривала матушка.

— Вотъ такъ и живемъ день до вечера, и слава Богу. А тамъ пріѣдутъ Николай, Таня. Помогутъ намъ скоротать праздники, разскажутъ, что дѣлается на свѣтѣ Божіемъ, а затѣмъ настанетъ та же сѣрая калгота. Только и думай, какъ внести плату за ученіе да сохранить какой рубль на писанку Танечкѣ,—говорила матушка.—Вонъ,—и она указала на диванъ,—газетную бумагу собираю. Придетъ Мордко Пинхусъ. Все же 50 коп. получу. На дворѣ не валяются.

Батюшка меня вышелъ проводить. Онъ ткнулъ по направленію виднѣвшагося вдали красиваго домика, выкрашеннаго палевой краской, подъ желѣзной крышей, и сказалъ:

— Тамъ живетъ ксендзъ Игнацій. Ему хорошо: пара лошадей, экипажъ отъ помѣщика, жалованье до 1.000 рублей и ни о какомъ семействѣ не думаетъ. Ему и крестьяне въ поясъ кланяются. Не обезсудьте на моихъ словахъ,—добавилъ отецъ Дмитрій.

Я попросилъ его благословенія и намѣревался поцѣловать ему руку, но онъ, какъ ужаленный, отскочилъ отъ меня: такъ ему показалось это дико.

— Что вы, что вы, ваше сіятельство, недостоинъ,—и онъ быстро скрылся за дверью.

При такихъ условіяхъ жизни и положеніи мѣстнаго духовенства,—а то же на разные лады я замѣчалъ вездѣ,—разумѣется, нельзя было предполагать духовно-нравственнаго вліянія на паству. Бѣдность, приниженность и безпомощность не могли содѣйствовать занятію достойнаго положенія, которое должно бы принадлежать священнослужителю. Между тѣмъ, никто не станетъ спорить, что отсутствіе указаннаго вліянія церковнаго пастыря въ такихъ мѣстахъ, да еще при тѣхъ особыхъ условіяхъ, въ которыхъ тогда находился Юго-Западный и Сѣверо-Западный край, прямо мѣшало въ выполненіи хотя бы скромныхъ, но настоятельно необходимыхъ къ проведенію въ жизнь государственныхъ русскихъ задачъ. Въ этомъ я лично убѣдился на той маленькой территоріи, гдѣ мнѣ пришлось дѣйствовать.

Князь Михаилъ Шаховской.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.

«Что было, то не будетъ вновь».
А. Пушкинъ.

МНОГО разнообразныхъ видовъ купцовъ вывелъ въ своихъ комедіяхъ и драмахъ А. Н. Островскій; помѣщиковъ описывали въ романахъ и повѣстяхъ всѣ великіе писатели, но въ нашихъ классическихъ комедіяхъ мы мало встрѣчаемъ этихъ типовъ. Освобожденіе крестьянъ рѣзко измѣнило ихъ физіономію, измѣнились ихъ нравы и вся жизнь. Помѣщикъ навсегда сошелъ съ жизненной сцены, и теперь процвѣтаетъ землевладѣлецъ.

Въ мою долгую жизнь какихъ только не встрѣчалъ я экземпляровъ въ початомъ, но далеко не исчерпанномъ углѣ русскихъ помѣщиковъ. Не берусь изображать серіозные типы, а только встряхну калейдоскопъ моей памяти и буду радъ, когда появятся разные камешки, хотя одни типичные осколки.

Вспоминаю игру «кошка и мышки», только не господъ офицеровъ съ уѣздными барышнями, игру не столь радостную, оживленную, но тоже не лишенную интереса. Какъ сейчасъ смотрю на одного отставного ротмистра (я зналъ его уже немолодымъ человѣкомъ, образцовымъ хозяиномъ), любившимъ «посѣчь» и солдата, и мужичка. Хотя ротмистръ во время своей долгой службы имѣлъ много случаевъ удовлетворить эту потребность у себя въ эскадронѣ [1]), который на всѣхъ смотрахъ и ученьяхъ, по его сло-

---

[1]) То-есть творить «Митричей» (изъ «Власти тьмы»).

вамъ, былъ всегда первымъ номеромъ, именно вслѣдствіе наклонности командира къ сему поощрительному, какъ онъ выражался, способу, но и всѣ полковые товарищи, чтобы доставить ему удовольствіе, никогда сами, или въ своемъ эскадронѣ, не распоряжались съ денщиками или съ крѣпостной прислугой, а при запискѣ, гдѣ подробно излагалась степень вины, присылали ихъ къ любителю исправленія своего ближняго.

Встаетъ бывало ротмистръ, освѣженный послѣобѣденнымъ сномъ, а денщикъ ужъ подаетъ записку; онъ не спѣша прочитаетъ ее и спроситъ:

— Посланный ждетъ?

— Ждетъ,—мрачно отвѣчаетъ денщикъ.

— Пусть подождетъ, дай-ка умыться; да пошли вѣстового къ вахмистру, на конюшню розогъ.

Умоется, выйдетъ на крылечко избы чай пить и пошлетъ за подателемъ письма.

— А, здравствуй, Ѳедоровъ. Опять прислали?

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Что такъ скоро? Вчера, вѣрно, баринъ не въ духѣ вернулся?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— При мнѣ вчера проигрался. А дома-то что было?

— Да сегодня утромъ ученье проспали. Не то, чтобъ я не разбудилъ, а крѣпко ужъ оченно спали.

— Какъ крѣпко не спать? До пѣтуховъ, чай, въ карты-то дулся. Да и ты, можетъ быть, проспалъ?

— Былъ грѣхъ, ваше благородіе: съ вечера долго дожидался ихъ благородія, къ утру словно на грудь домовой навалился... давитъ, не могу встать, да и только. И не сплю, самъ вижу, что не сплю, встаю, иду къ барину... а на дѣлѣ вышло, что опоздалъ.

— Это ты во снѣ видѣлъ, что встаешь, идешь къ барину; это бываетъ. Ты не хлебнулъ ли лишняго съ вечера? Вотъ поручикъ пишетъ, едва тебя добудился.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— А все дѣло-то, видно, въ томъ, что баринъ съ вечера проигрался, а утромъ на ученье опоздалъ, полковникъ распекъ; надо на комъ нибудь сердце сорвать. Вотъ и пишетъ: «Вчера каналья опять напился, сегодня не разбудилъ на ученье»... а ты теперь и отвѣчай.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Охъ, охъ, охъ! Вотъ она жизнь-то! Хочешь водки?

— До нея ли теперь, ваше благородіе?

— Ничего, опохмелись со вчерашняго. Подайте ему водки.

Денщикъ приноситъ стаканчикъ, посланный хмурится; выпилъ, крякнулъ: «Здравія желаю вашему благородію».

— Спасибо, — отвѣчаетъ ротмистръ. Затѣмъ идетъ длинный разговоръ вообще о жизни, потомъ душевное поученіе къ настоящему случаю.

— Ежели баринъ отчего нибудь не въ духѣ, тутъ-то и нужно удвоить усердіе, чтобъ угодить ему, еще больше стараться во всемъ быть исправнымъ, а ты проспалъ, на ученье не разбудилъ. Если баринъ и несправедливо взыскиваетъ, что же дѣлать? Вѣдь баринъ тоже человѣкъ, а и въ Писаніи: «человѣкъ слабъ есть»,—сказано.

— Точно такъ, ваше благородіе!—съ размягченнымъ сердцемъ отъ убѣжденій проповѣдника, вздыхая, соглашается преступникъ.

— А жаль мнѣ тебя, Өедоровъ.

— Помилосердуйте, ваше благородіе.

— Да развѣ это я, другъ?... Ну, пойдемъ.

И разложатъ друга и немилосердно сѣкутъ, сѣкутъ до дурноты; дадутъ передохнуть, напиться воды... и опять порютъ. Считались не розги, а трубки, которыя выкуривалъ во время экзекуціи ротмистръ. Подъ отчаянные вопли, при свистѣ розогъ, покуривая трубку, все продолжалъ онъ свои душеспасительныя поученія...

А вѣдь самого проповѣдника еще юношей также немилосердно драли въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ кадетскомъ корпусѣ. Говорятъ, подобныя воспитательныя мѣры ожесточали, а, можетъ быть, тоже и закаляли, подготовляли (какъ Кіевская бурса запорожцевъ) героевъ всѣхъ нашихъ отечественной и иныхъ войнъ.

Да и позже двадцатыхъ годовъ, когда воспитывался ротмистръ, во время и моей молодости, то-есть въ сороковыхъ годахъ, въ кадетскихъ корпусахъ такъ же изъ кадетъ создавали героевъ, достойныхъ древней Спарты, и тогда для этого сильнымъ подспорьемъ были розги. Мой товарищъ по юнкерской школѣ, Барыковъ, начавъ свое образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ перешелъ въ юнкерскую школу и разсказывалъ намъ, что происходило тогда въ Дворянскомъ полку: какъ-то разъ, во время обѣда, ротный командиръ, обходя столы своей роты, замѣтилъ, что его любимецъ, малый лѣтъ слишкомъ двадцати, первый кадетъ по фронту, сидитъ нахмурившись и ничего не кушаетъ. За неуспѣхъ въ наукахъ лишенъ обѣда.

— Что, братъ,—говоритъ кадету ротный командиръ,—опять безъ обѣда?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

— У кого провинился?

— Все за нѣмца, ваше высокоблагородіе.

— А ѣсть хочешь?

У неудачника въ нѣмецкомъ языкѣ отъ волчьяго голода только слюнки текутъ, глядя на кашу, отъ которой разитъ на аршинъ прогорклымъ масломъ. (Это тоже, вѣроятно, входило въ програму спартанскаго воспитанія).

— Хочешь двадцать пять, да горячихъ, а потомъ пообѣдаешь?

— Согласенъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, пойдемъ.

И, гордо поднявъ голову, уходитъ съ ротнымъ командиромъ новый Муцій Сцевола.

Возвращаются послѣ экзекуціи.

— Дать ему двойную порцію,—съ любовью глядя на любимца, приказываетъ отецъ-командиръ.

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе!

— Молодецъ!...—раздается одобрительный шопотъ товарищей... Вотъ какъ пекли въ наше время героевъ.

Знавалъ я другого ротмистра и педагога, пріятеля Костомарова и Шевченка, попавшаго впослѣдствіи въ каторжную работу за мечты объ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи [1]). Казалось, должна была бы быть разница во всемъ: и во взглядахъ на педагогію, и на нравственное воспитаніе солдата и кадета, между южаниномъ (пріятелемъ Костомарова) и воспитателемъ кадетъ сѣверной Пальмиры... И что жъ? Разъ южанинъ, дежуря въ праздничный день, стоялъ у окошка въ пустой камерѣ кадетскаго корпуса, съ досадой барабанилъ пальцами по стеклу, глядя на плацпарадъ, и со вздохомъ сказалъ:

— Экій день-то какой! Погода чудо! А «посѣчь» некого... (по праздникамъ фронтовыхъ ученій не полагается).

Подобные воспитатели будущихъ защитниковъ отечества, отцы-командиры воиновъ, уже призванныхъ охранять родину, были далеко не исключеніемъ изъ общаго уровня ихъ современниковъ. На моей памяти «посѣчь» ближняго служило для нѣкоторыхъ образованныхъ лицъ развлеченіемъ и средствомъ пріятно провести время. Въ мою молодость блестящая военная молодежь забавлялась иначе, хотя не болѣе гуманно или разумно: и въ модномъ петербургскомъ ресторанѣ Дюссо, и въ глухой провинціи, на Лебедянской ярмаркѣ, въ трактирѣ Пивато, играла на билліардѣ съ маркерами. Если выигрывали послѣдніе, то получали условленный кушъ и стаканъ шампанскаго; проигрывалъ маркеръ—отправлялся подъ билліардъ и пролѣзалъ подъ нимъ на четверенькахъ во всѣхъ направленіяхъ, при громкомъ хохотѣ участниковъ и зрите-

---

[1]) Мечты, которыя лелѣялъ ротмистръ, состоя воспитателемъ одного изъ южныхъ кадетскихъ корпусовъ.

лей сихъ веселыхъ партій. Состязаніе продолжалось долго; въ продолженіе игры сыны Марса мѣнялись, а профессіональный артистъ выигрывалъ порядочную сумму. Иногда игра въ трактирѣ Пивато кончалась тѣмъ, что сильно захмелѣвшій маркеръ лѣзъ подъ билліардъ... тамъ и оставался. Тогда побѣдители, вооруженные кіями, вмѣсто погребальныхъ свѣчей, съ привязанными къ салфеткамъ бутылками, изображавшими кадильницы, начинали совершать надъ павшимъ борцомъ тризну, ходили съ хоромъ цыганъ кругомъ билліарда и горланили:

«Покойся, мирный прахъ,
До радостнаго утра!»

Потомъ всѣ участники церемоніи: ремонтеры, коннозаводчики, шулера [1]) и цыганки, садились въ тарантасы и долгуши, спѣшили на скачки или бѣгъ.

«И съ крикомъ и свистомъ несясь»...

только не по песку пустыни, какъ Лермонтовскій арабъ, а по грязи мирной Лебедяни, скакали бѣшеныя тройки, и вслѣдъ за ними долго еще звучала хватавшая за сердце цыганская пѣсня:

«Ахъ, да не вечерняя заря—заря спотухала!»

А сидящіе у своихъ дворовъ степенные лошадиные барышники вставали, снимали шапки, съ улыбкой кланялись и толковали между собой: «Какъ господа-то веселятся!»

Мирныя забавы нѣкоторыхъ отцовъ нашего поколѣнія, въ ихъ зрѣлые годы, были болѣе пикантны. Я еще помню въ Петербургѣ послѣдній отпрыскъ знаменитаго рода князей X.; вотъ какъ этотъ послѣдній въ родѣ проводилъ вмѣсто чтенія газетъ свои утренніе часы до ежедневной гигіенической прогулки по Невскому проспекту. Его камердинеръ разыскивалъ мастеровъ играть въ шашки: въ баняхъ, по трактирамъ, сидѣльцевъ изъ лавокъ, приказныхъ, кучеровъ и тому подобный людъ. Когда по нижеизложеннымъ причинамъ не находилось болѣе охотниковъ играть съ княземъ, камердинеръ добывалъ партнеровъ барину среди нищихъ, золоторотцевъ; послѣднихъ умывали, разували, чтобъ не загрязнить ковровъ и представляли его сіятельству, который всѣмъ объявлялъ условія игры; не менѣе четырехъ партій: разъ въ «крѣпкую», потомъ въ «поддавки и такъ далѣе. Расчетъ производился по окончаніи четырехъ партій.

---

[1]) Всегда до и послѣ Ноздрева присутствовавшіе на всѣхъ ярмаркахъ.

За каждую проигранную партію хозяинъ уплачивалъ «синенькую» (пять рублей), а выиграетъ князь, проигравшаго сѣкутъ «просто». Запретъ его сіятельство шашки противника такъ, что тотъ не можетъ болѣе сдѣлать хода [1]), за это сѣкутъ «на воздусяхъ», то-есть раздѣваютъ проигравшаго догола, подымаютъ подъ мышки на устроенномъ для этого блокѣ и сѣкутъ. Были и другія условія, по которымъ при проигрышѣ хозяина онъ набавлялъ кушъ; но зато при проигрышѣ гостей ихъ сѣкли разно: или по «возгласамъ», или по «словесамъ». Во время экзекуціи, подъ крики истязуемыхъ, князь пѣлъ кантату (которую, можетъ быть, пѣвали по случаю побѣды и его предки):

«Громъ побѣды, раздавайся,
«Веселися, храбрый россъ,
«Магомета ты потрясъ!»

Когда проигравшіе расплачивались «по возгласамъ», князь начиналъ куплетъ и, протяжно пропѣвъ: «Громъ побѣды, раздавайся», говорилъ: разъ. Раздавался не громъ побѣды предка, а побѣду потомка оглашалъ свистъ розги. Его сіятельство продолжалъ пѣть: «Веселися, храбрый россъ», и снова командовалъ: «два», опять слѣдовалъ ударъ и вой храбраго росса; и такъ далѣе до полученія проигравшимъ партнеромъ условнаго количества розогъ. Расплата «по словесамъ» шла быстрѣе; послѣ каждаго пропѣтаго княземѣ слова «громъ» сѣкли; «побѣды»—сѣкли и такъ далѣе. Князь былъ недурной игрокъ, и, чтобъ заручиться партнерами и на будущіе сеансы, приходилось любителю этой оригинальной игры въ шашки иногда нарочно проигрывать; потомъ онъ сталъ возвышать ставки, и все-таки камердинеру труднѣе и труднѣе было доставать порядочныхъ игроковъ; все болѣе его сіятельству приходилось довольствоваться оборванцами, которыхъ во время игры приказывалъ онъ сажать на тубаретку изъ людской, чтобъ не портили мебели. Увы, бывали дни, что приходилось по утрамъ скучать бѣдному князю, не съ кѣмъ было ему поиграть въ шашечки.

Но разъ случилось по пословицѣ: «нашла коса на камень». Привелъ камердинеръ молодого банщика, началась игра обыкновеннымъ кушемъ на синенькую бумажку. Банщикъ выигралъ всѣ четыре партіи, и, несмотря на всѣ уговоры продолжать игру, получивъ двадцать рублей, за недосугомъ ушелъ. На другой день то же самое: «пришелъ, увидѣлъ... побѣдилъ». Потомъ два дня партнеръ не являлся. Князь ждетъ его—не дождется; ни съ кѣмъ не хочетъ играть, подавай ему непобѣдимаго! Посылаетъ за

---

[1]) Спеціальное названіе этой стратегической удачи неудобно для печати.

нимъ, камердинеръ возвращается и докладываетъ: «Некогда ему, ваше сіятельство, работа, говоритъ, большая; много народу ходитъ въ бани-съ». Наконецъ, вечеркомъ какъ-то оторвался банщикъ на часокъ, но заявилъ, что менѣе, какъ на красненькую, играть не будетъ. Князь согласился, и опять проигралъ всѣ партіи.

Назначили реваншъ тоже вечеромъ наканунѣ праздника, когда закроются бани. Долго показалось князю дожидаться кануна праздника, не вытерпѣлъ, самъ пошелъ въ баню. Моетъ его, улыбаясь, соперникъ. Князь пожираетъ его глазами и думаетъ: «Исполосую я тебя, перестанешь тогда улыбаться, какъ заревешь у меня бѣлугой!» При прощаньѣ даетъ цѣлковый на чай и самъ назначаетъ кушъ для будущей партіи, бѣленькую бумажку (двадцать пять рублей)—только расплата сейчасъ, послѣ первой партіи, и чтобы непремѣнно приходилъ завтра утромъ.

Какъ влюбленный ожидаетъ назначеннаго часа свиданія, ждалъ и князь банщика. Вотъ онъ пришелъ, подаютъ ему чай съ сухарями; кончилось угощеніе, сѣли играть. Соперники умолкли, лишь изрѣдка только слышится легкій стукъ передвигаемой шашки и порывистое дыханіе князя; оба игрока углубились въ игру, напряженно смотрятъ на доску, долго обдумываютъ каждый ходъ. Вотъ хозяинъ беретъ шашку противника, другую, еще ходъ и проведетъ свою шашку въ дамки. Камердинеръ, единственный зритель турнира, не сводитъ глазъ съ князя; онъ поблѣднѣлъ; руки трясутся, улыбка исказила лицо; ждетъ онъ той счастливой минуты (и она близка), когда проведетъ шашку въ дамки и, наконецъ, выиграетъ партію. «Эхъ,—мелькаетъ въ головѣ князя:—не посмотрѣлъ я, какія Васька приготовилъ розги»; ужъ мечтаетъ, какъ раздѣнетъ свою жертву, окровянитъ его бѣлое тѣло и, наконецъ, подъ крики непобѣдимаго, воспоетъ «Громъ побѣды, раздавайся!»

Не тутъ-то было! Блаженная минута не наступала. Отъ волненія князь не замѣтилъ, заманивая въ дамки, какъ взялъ дерзкую шашку его противникъ. Князь совсѣмъ растерялся... Банщикъ дѣлаетъ ему даже «фукъ» [1]) и, наконецъ, запираетъ хозяину всѣ ходы.

Постепенно возвышая ставки, дошелъ князь до ста рублей за партію и все-таки ни разу не выигралъ. Взбѣшенный, при послѣдней расплатѣ онъ объявилъ противнику, что ежели ему дорога голова, то чтобы не смѣлъ болѣе являться на глаза его сіятельства; а вмѣсто банщика выпоролъ князь «на воздусяхъ» и «по возгласамъ» камердинера, добывшаго такого непобѣдимаго игрока.

---

[1]) Если игрокъ прозѣваетъ взять шашку противника, то по правиламъ игры послѣдній беретъ шашку прозѣвавшаго и при этомъ обыкновенно дуетъ на плѣненную шашку, приговаривая «фукъ».

Въ 1850 году, на петербургскихъ бѣгахъ познакомился я съ богатымъ конноэаводчикомъ и лучшимъ послѣ Высоцкаго и Сихры виртуозомъ на семиструнной гитарѣ. Разъ съ холостаго ужина, у блестящаго въ то время Сашки Ланского, гитаристъ-помѣщикъ повезъ меня въ три часа ночи къ себѣ въ Серапинскую гостиницу. Спустился онъ съ гитарою, для лучшаго. резонанса, на лѣстницу, а я помѣстился этажемъ выше на площадкѣ у его номера, и онъ началъ играть испанскую мелодію своего сочиненія. Едва ли какой нибудь молодой испанкѣ удалось слышать такой «гитары звонъ» и такую серенаду? Несчетное число разъ повторялъ онъ ее; я слушалъ, слушалъ и не могъ наслушаться!

По слухамъ, этому же дивному музыканту въ трактирномъ бою выбили передній зубъ.

Продавая разъ партію пшеницы на пятьдесятъ тысячъ рублей, онъ разошелся съ купцомъ изъ-за пятисотъ рублей, и черезъ годъ или два потерялъ, продавъ эту же партію, уже десять тысячъ. Мой полковой товарищъ, М. С. А—скій, сосѣдъ гитариста по имѣнію, разсказывалъ мнѣ, что въ ожиданіи ужасовъ послѣ эмансипаціи жутко стало виртуозу въ его большихъ имѣніяхъ; къ этому въ ихъ сосѣдствѣ случившееся убійство было послѣдней каплею, переполнившей фіалъ ожидаемыхъ страданій помѣщика. Онъ поѣхалъ въ губернскій городъ, купилъ домъ противъ мужского монастыря и поневолѣ сдѣлался городскимъ жителемъ. Тутъ начались les petites misères de la vie humaine, которыхъ не приходилось прежде испытывать виртуозу среди его необъятныхъ палестинъ. Непріятно рѣзали ему глаза желтыя стѣны монастыря, и онъ просилъ разрѣшенія архіерея на собственный счетъ перекрасить стѣну. Получивъ на это пастырское благословеніе, помѣщикъ перекрашиваетъ въ цвѣтъ gris perle часть стѣны въ двадцать саженъ противъ своего дома, а остальная часть осталась попрежнему желтая. Послѣдовало неудовольствіе монаховъ и полиціи.

«Канальи! [1]) Не все ли имъ равно, съ испоконъ вѣка, вѣдь, была ихъ стѣна желтая!»—удивлялся онъ. Завязалось дѣло, и не знаю, чѣмъ оно кончилось: заставили ли знаменитаго гитариста выкрасить въ сѣрый цвѣтъ остальную часть стѣны, или монахи вновь обратили въ цвѣтъ ревности и тѣ двадцать сѣренькихъ саженъ.

Въ это время въ губернскомъ городѣ какой-то злодѣй перерѣзалъ цѣлое семейство. Куда теперь переѣзжать бѣдному помѣщику? Въ деревнѣ рѣжутъ, въ городѣ рѣжутъ... въ столицу, ну, тамъ и безъ ножа зарѣжутъ, одна говядина тамъ дороже десяти копеекъ фунтъ. По вечерамъ въ клубѣ трактовалъ онъ объ этомъ убійствѣ съ директоромъ кадетскаго корпуса и рѣшилъ вооружить ружьями отрядъ прислуги и поставить часовыхъ около своего дома.

---

[1]) Любимая поговорка помѣщика.

— Нельзя,—возражаетъ его превосходительство, директоръ корпуса.

— Отчего?

— Парные часовые—это прерогатива высшаго военнаго начальства: генералъ-фельдмаршаловъ, генералъ-губернаторовъ, корпусныхъ командировъ.

— Канальи! — воскликнулъ помѣщикъ.—Ихъ можно охранять, а меня пусть рѣжутъ... и караула выставить не смѣй!

Разъ въ клубѣ же, за ужиномъ уписывалъ онъ буженину съ лукомъ (не глупъ былъ покушать и выпить); входитъ въ столовую А — скій съ газетою въ рукахъ и объявляетъ, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ напечатана конфирмація военнаго суда надъ убійцей. Помѣщикъ пересталъ кушать.

— Прочтите, Михаилъ Степановичъ.

А — скій читаетъ сентенцію суда: «приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе».

— Какъ, только?—удивляется помѣщикъ.

Газета выпала изъ рукъ чтеца.

— Да чего же вамъ еще?

— А «посѣчь»... что ему канальѣ! Все равно, послѣ вѣдь повѣсятъ, а прежде бы «посѣчь».

Въ концѣ сороковыхъ годовъ зналъ я становаго пристава, фигурой, мягкими манерами очень напоминавшаго Павла Ивановича Чичикова; къ довершенію сходства его звали тоже Павломъ Ивановичемъ. Нашъ Павелъ Ивановичъ всегда садился на кончикѣ стула въ полуоборотъ къ собесѣднику, закладывая свою ножку за ножку стула. По круглому, благообразному лицу, кругомъ окаймленному узкими бакенбардами, широко расплывалась привѣтливая улыбка, въ голубыхъ на выкатѣ глазахъ сіяла доброта и должное, каждому лицу разнообразное почтеніе. Бѣлыя, какъ бы созданныя для акушера, руки... но при своихъ операціяхъ Павелъ Ивановичъ былъ неузнаваемъ и неумолимъ. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія, но отецъ его служилъ въ гражданской службѣ и въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ секретаремъ х—ской уголовной палаты. Павелъ Ивановичъ разсказалъ мнѣ слѣдующій фактъ изъ службы своего отца. Въ то время число ударовъ кнута и плетей осужденнымъ преступникамъ не опредѣлялось закономъ, а назначалось по усмотрѣнію присутствія и писалось собственноручно прописью на постановленіи самимъ предсѣдателемъ.

Разъ, наканунѣ троицына дня, принесъ секретарь для подписи предсѣдателю уже подписанное всѣми членами рѣшеніе палаты о наказаніи преступника пятнадцатью ударами кнута. Предсѣдатель внимательно прочелъ постановленіе, и увидѣлъ, что оставлено писцомъ мало мѣста для написанія прописью числа ударовъ.

— Что же это такое, какъ я тутъ впишу «пятнадцать»? Какая скотина писалъ бумагу?—съ гнѣвомъ спросилъ предсѣдатель, кидая ее чуть не въ носъ секретарю.

— Фроловъ, ваше превосходительство.

— Посадить его на три дня подъ арестъ, да снять сапоги [1]).

— Слушаю-съ, а журналъ, ваше превосходительство, онъ перепишетъ, къ вечеру будетъ готовъ.

— Къ вечеру, когда всѣ члены уже разъѣдутся, кто въ деревню, кто въ скитъ ко всенощной. А Иванъ Петровичъ, я знаю, уже уѣхалъ. Экой мерзавецъ, изъ-за поганаго писаришки всѣхъ задерживать!

Послѣдовала пауза.

— Дай постановленіе.

И предсѣдатель вмѣсто слова «пятнадцать» въ оставленномъ писаремъ пробѣлѣ могъ умѣстить только три буквы... и написалъ сто!

И долго еще послѣ этого продолжалъ предсѣдатель спокойно жить и служить. Былъ и «въ вѣрѣ твердъ», какъ гоголевскій городничій, и такъ же, какъ онъ, «каждое воскресенье бывалъ у обѣдни», и не у входа, какъ иногда городничій, для наблюденія за порядкомъ, а въ табельные дни, украшенный лентой, стоялъ рядомъ съ губернаторомъ, со вниманіемъ слушалъ «слово», приличное торжеству, которое говорилъ самъ преосвященный. Продолжалъ пользоваться и семейнымъ счастьемъ; радовался успѣхамъ сперва въ наукахъ, потомъ на службѣ сыновей; сумеречкомъ передъ отъѣздомъ на партію бостона (или пить чай къ близко знакомой портнихѣ) любилъ подпѣвать дочкѣ, съ большимъ чувствомъ распѣвавшей модный того времени романсъ «Черная шаль». Очень любилъ цвѣты и уходу за ними посвящалъ тоже досуги своей полезной государственной службы... и не вспоминалъ онъ, не сжималось у него сердце, что не дрогнула его рука написать «сто» ударовъ кнута вмѣсто пятнадцати, чтобы только не стѣснить товарищей, заставивъ ихъ провести лишній день въ городской ду хотѣ (пока не вернутъ выѣхавшаго уже изъ города Ивана Петровича), а не въ деревнѣ, на лонѣ природы...

Впрочемъ, и простой народъ, который подвергали тѣлесному наказанію, тогда тверже былъ. Мнѣ разсказывалъ старикъ-конторщикъ, бывшій въ началѣ пятидесятыхъ годовъ засѣдателемъ у государственныхъ крестьянъ, тоже случай изъ своей служебной практики.

— Разъ, сударь, за недоимку двѣнадцати рублей присудили къ

[1]) Въ былое время, какъ шпаги арестованныхъ офицеровъ находились въ квартирѣ полкового командира, такъ и сапоги писцовъ гражданскаго вѣдомства были подъ запоромъ, чтобы лишенные свободы не могли удрать изъ мѣста заключенія.

двадцати пяти розгамъ плюгаваго мужиченка. Явился онъ въ расправу, въ стоптанныхъ валенкахъ, въ рваномъ кафтанишкѣ и, обнаживъ худое тѣло, легъ. Казалось, что первая розга перешибетъ его пополамъ. Начали пороть, кричитъ, словно заяцъ, изгибается, какъ вьюнъ, насмѣшилъ всѣхъ! На что важенъ былъ нашъ голова, изо всей губерніи одинъ онъ имѣлъ золотой кафтанъ, и тотъ улыбается. Ну, ужъ и пробрали его; будетъ помнить до новыхъ вѣниковъ. Всталъ, дрожитъ, надѣвая портки.

— Ну, смотри, — говоритъ голова, — черезъ двѣ недѣли чтобъ были деньги, а то пятьдесятъ влѣплю.

— Гдѣ жъ мнѣ ихъ взять, батюшка Андрей Спиридонычъ?

— Гдѣ хочешь, говоритъ, ужъ это твое дѣло.

Черезъ двѣ недѣли опять привели и разложили, дерутъ, воетъ; дивимся мы всѣ, въ чемъ только въ немъ душа держится. Пробираютъ ловко, дали тридцать розогъ; сталъ вырываться, кричитъ:

— Батюшки, перестаньте! Голубчики, пощадите! Деньги отдамъ!

— Да, отдашь, слыхали это, жарь, ребята!

— Ай, ай, ай!.. сейчасъ отдамъ! Ой, батюшки, отдамъ! Отцы родные, перестаньте... со мною онѣ.

Остановили порку.

— Ну, отдавай, коли съ тобой.

— Сейчасъ, батюшка, здѣсь онѣ... сейчасъ, сейчасъ...

И достаетъ дрожащей рукой съ креста мѣшечекъ, зубами развязываетъ узелъ и кладетъ на столъ пятнадцать рублей.

— Они у меня и до первой порки были, — говоритъ.

— Что жъ ты ихъ раньше-то не отдавалъ?

— Не отдавалъ... думалъ, что оттерплюсь; да ужъ мочушки моей, родимые, не стало.

Вообще бывшій засѣдатель былъ противъ пословицы: «не бей мужика дубьемъ, а бей рублемъ».

— Ну, какое теперь взысканіе податей? — выводилъ онъ нравоученіе изъ своего разсказа. Продаютъ ненужные предметы мужицкаго хозяйства. А какіе это, сударь, предметы? Курица, овца, бабьи тряпки... нѣтъ, прежде, какъ станутъ пороть, порютъ, пока кричитъ; замолчитъ — перестанутъ. Не встаетъ, выльютъ на него ушатъ холодной воды, небось вскочитъ. Иной отдаетъ, а нечего отдать, науку помнитъ, къ будущему сбору изыщетъ средствіе [1]).

---

[1]) А, можетъ быть, и до сихъ поръ въ такомъ же родѣ учитъ уму-разуму и нравственности крестьянскій самосудъ, которому еще предоставлено право подвергать своихъ согражданъ тѣлесному наказанію. Теперь не то, что было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ: молодые и среднихъ лѣтъ крестьяне почти всѣ грамотные; и если ихъ не исправляютъ, какъ прежде, доводя до «безчувствія», не помогаютъ имъ вставать послѣ наказанія «ушатомъ холодной воды», то теперь подвергающіеся сѣченію розгами крестьяне, вмѣстѣ съ грамотностью въ школахъ,

Примитивный способъ выколачиванія податей, по мнѣнію старика, былъ лучше и для народа, и для головы, и для самого окружного.

Большинство кошелевскихъ окружныхъ начальниковъ еще въ то время руководствовались, такъ сказать, правиломъ «подоходнаго налога», разработать который десятки лѣтъ хлопочетъ вся Европа.

«Положимъ, — продолжалъ разсказчикъ, — окружной и себя не забывалъ, хорошій былъ у него доходъ, да зналъ онъ хорошо благосостояніе каждаго. Съ богатаго мужика, а тогда, сударь, были еще богатые мужики, возьметъ въ подати и пятьдесятъ рублей и больше возьметъ (всегда находили законныя средства ихъ получить), а съ бѣднаго хоть курицу возьмутъ. А жилось, право, лучше, и кабаковъ меньше было, и дѣлились меньше. Лѣсъ берегли. Продажа его крестьянами, по словамъ старика, была обставлена такими формальностями, что, какъ ни былъ смѣлъ кулакъ, рѣдкій рѣшался купить украденное дерево изъ общественнаго лѣса; а то притянутъ, какъ соучастника въ воровствѣ, и обойдется съ хлопотами дерево вчетверо дороже своей стоимости, а не охлопочетъ— засудятъ.

«Строго было. Не допускалъ окружной и пропажи податей у сборщиковъ, или у головы, вѣдь самъ окружной за пропажу-то отвѣчалъ. А непремѣнному теперь и горя мало, не онъ въ отвѣтѣ. Теперича только чуть прослышишь: сельскій староста изъ податей восемь сотъ хапнулъ; міръ разыскиваетъ, куда дѣвались деньги. Вамъ, старички, на угощеніе вышли, вотъ, молъ, сколько ведеръ [1]) поставилъ тогда-то, тогда-то. И пойдетъ высчитывать. Тамъ, услышишь, у сборщика не хватило трехъ сотъ рублей. Начнутъ ихъ судить

пріобрѣтаютъ въ нѣкоторой степени сознаніе человѣческаго достоинства, и имъ становится понятенъ и тяжелъ позоръ тѣлеснаго наказанія.

Теперь въ кадетскихъ корпусахъ уже давно забыли о розгахъ, и въ военной службѣ больше не сѣкутъ (до перевода солдата по суду въ разрядъ штрафованныхъ). Еще недавно всѣ съ восторгомъ прочли приказъ главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича, въ которомъ сильно осуждается кулачная расправа солдатъ-учителей съ новобранцами. Эти солдаты-учителя прошли и проходятъ въ деревняхъ современную жизненную школу, понятно, что они и сами, сдѣлавшись начальниками, примѣняютъ ее въ возможной степени зуботычинами и оплеухами къ своей учебной дѣятельности. Только что прочли мы тоже въ газетахъ, что «въ виду возникшаго вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ именовать въ увольнительныхъ билетахъ и свидѣтельствахъ объ отбываніи воинской повинности тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые ко времени увольненія въ запасъ флота или въ отставку состояли въ разрядѣ штрафованныхъ, главный морской штабъ объявляетъ, «что состояніе въ разрядѣ штрафованныхъ не должно быть вносимо въ увольнительные билеты и въ свидѣтельства о выполненіи воинской повинности. Въ эти документы не должны включаться свѣдѣнія о бытности подъ судомъ и о понесенныхъ нижними чинами наказаніяхъ».

[1]) Водки.

съ сословными представителями. Самого губернскаго предводителя изъ Орла выпишутъ; а за эти дѣла неразумнаго мужика-то по закону въ Сибирь вѣдь ссылать-то приходится. Ну, какъ предводителю и судьямъ на душу себѣ это брать? Ну, и оправдаютъ по мужицкому неразумѣнію. Воровъ-то, сударь, оправдаютъ... а съ міра украденное (по неразумѣнію) въ другой разъ сдерутъ! Въ мое время у государственныхъ объ этихъ провинностяхъ что-то не слыхать было. Нѣтъ-съ, много лучше тогда народу жилось! Какъ стали о волѣ поговаривать и начали готовить ее, слухъ такой былъ: что отъ господъ крестьянъ съ землей отберутъ, получатъ господа за землю откупъ, а помѣщичьихъ крестьянъ съ ихъ землею въ государственные обратятъ. Говорилъ объ этомъ будто въ ту пору предводитель, Дмитрій Яковличъ покойный. Чего бы лучше? Анъ, вышло-то не такъ: и помѣщичьихъ и государственныхъ въ одну волость съединили. Пошли, сударь, эти мировые посредники, старшины, старосты, писаря. Само... самоуправленіе, такъ, кажется, называется... я вотъ изъ засѣдателей въ конторщики къ вамъ попалъ... а народу хуже стало».

Хуже стало... было лучше, когда по всей пространной Руси раздавался свистъ розогъ и стоны, отъ тѣхъ временъ, когда въ восемнадцатомъ вѣкѣ съ знаменитаго впослѣдствіи графа Румянцева-Задунайскаго, бывшаго тогда полковникомъ, отецъ его снялъ съ него мундиръ и ордена и, положивъ все это въ изголовье, выпоролъ сына.

Ужъ на моей памяти одинъ важный генералъ высѣкъ совершеннолѣтняго сына за карточный долгъ. Послѣ экзекуціи сынъ сталъ умолять заплатить его долгъ чести, говоря, что иначе ему остается пустить себѣ пулю въ лобъ; за эти слова отецъ снова его выпоролъ и снова отказалъ заплатить долгъ. Послѣ вторичнаго отеческаго наказанія розгами сынъ застрѣлился. Этотъ новый Брутъ по служебнымъ и собственнымъ дѣламъ много разъѣзжалъ по Россіи и особенно по Х... губерніи, гдѣ были его имѣнія. Въ этихъ поѣздкахъ онъ такъ нещадно билъ ямщиковъ, что даже ихъ вывелъ изъ терпѣнія. На одной станціи, которую онъ ежегодно проѣзжалъ по нѣскольку разъ, нарочно медленно стали перепрягать лошадей, генералъ принялся за обычную кулачную расправу, ямщики разложили его и посѣкли... Они знали, какому въ то время подвергались наказанію, и все-таки лопнуло наконецъ ихъ долготерпѣніе.

Въ одной губерніи губернаторъ, чтобы бить набатъ во время пожаровъ, приказалъ повѣсить колокола на мечетяхъ въ татарскихъ селеніяхъ; неразумное населеніе воспротивилось сему мудрому распоряженію; произошли бунты, для усмиренія потребовались военныя команды, и пересѣкъ губернаторъ чуть не поголовно большое количество мусульманъ, имѣвшихъ и не имѣвшихъ права быть под-

вергнутыми тѣлесному наказанію: сѣкли муллъ, и почетныхъ гражданъ, и отставныхъ солдатъ георгіевскихъ кавалеровъ и шевронистовъ. Словомъ, всѣмъ попало безъ разбора!

То же разсказывали объ одномъ чѣмъ-то провинившемся евреѣ, будто губернаторъ написалъ полицеймейстеру лаконическую записку: «Влѣпить жиду розогъ, сколько влѣзетъ». Полицеймейстеръ буквально исполнилъ предписаніе, можетъ быть, и пересолилъ въ своемъ рвеніи и разумѣніи, то-есть влѣпилъ болѣе, чѣмъ въ сущности могло влѣзть; только отъ исполненія ли предписанія, или случайно еврей заболѣлъ и умеръ. Родственники подняли дѣло; долго, нѣсколько лѣтъ, за разными проволочками тянулось оно, пока наконецъ не попало въ правительствующій сенатъ, гдѣ въ числѣ «patres conscripti» оказался тогда тоже сенаторомъ и губернаторъ, давшій лаконическое предписаніе.

На военной службѣ сѣкли и водили сквозь строй солдатъ, въ мирной сельской жизни сѣкли крестьянъ всѣхъ сортовъ и мѣщанъ. Въ духовныхъ, военныхъ, и гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ вездѣ и вездѣ пороли, пороли и пороли!

Понятенъ становится современный тому времени анекдотъ, что разъ, послѣ наказанія розгами въ полицейскомъ управленіи, одинъ крестьянинъ, вставъ послѣ экзекуціи, положилъ на скамейку пятьдесятъ копеекъ «за трудъ»; или на разсвѣтѣ въ ночь подъ праздникъ долго плутавшій путникъ былъ наконецъ обрадованъ крикомъ ямщика, слѣзшаго, чтобъ разыскать дорогу: «Кажись, попалъ на трактъ; поворачивайте сюда. Вонъ народъ идетъ». Повернули на трактъ, подходятъ пять мужиковъ:

— Братцы, какъ въ село проѣхать?

— Такъ прямо и ступай; мы тоже туда.

— Что такъ рано поднялись, къ заутрени что ль?

— Мы-то, нѣтъ,—«сѣчься».

— Какъ сѣчься?

— Да насъ въ волости пороть будутъ.

Давно, лѣтъ двадцать пять назадъ, встрѣтился я въ Москвѣ на пожарѣ съ И. Ѳ. Горбуновымъ. Горѣлъ деревянный домъ на Патріаршихъ Прудахъ. Суматоха, крики; сквозь черные клубы дыма виднѣлись освѣщенные пламенемъ пожарные, потоки воды струились изъ трубъ; не совсѣмъ деликатное «асаже», дѣлаемое полиціей толпѣ любителей пожарныхъ зрѣлищъ; вся эта обстановка пробудила у Ивана Ѳедоровича давнія воспоминанія нашей молодости въ пятидесятыхъ годахъ, и разсказалъ Горбуновъ приблизительно слѣдующее.

Блисталъ чудный лѣтній воскресный день; по Кремлю мирно гуляла публика, и вдругъ у подножья Царя-Колокола падаетъ въ корчахъ человѣкъ. Кругомъ его сейчасъ же собирается толпа, пошли толки, предположенія о томъ, что съ нимъ приключилось,

параличъ ли хватилъ, или падучая. Никто, однако же, до него не дотрогивался: «не наше, молъ, это дѣло». Одинъ изъ мимо проходившихъ рѣшился подать помощь страдальцу: закрылъ платкомъ ему лицо, разстегнулъ платье и умѣлою рукой сталъ растирать ему грудь. Неожиданно раздается неистовый ревъ: «пади, пади». Народъ разступается. Несется пара съ пристяжкой, за нею во весь опоръ скачутъ три казака. На дрожкахъ сидитъ оберъ-полицеймейстеръ Б. Видитъ онъ, что лежитъ человѣкъ, надъ нимъ наклонился другой, кругомъ безмолвная толпа... Стало ясно оберъ-полицеймейстеру, что наклонившійся грабитель шаритъ по карманамъ у лежащаго, и все это происходитъ въ сіяньѣ чуднаго лѣтняго дня, предъ изумленными взорами остолбенѣвшаго отъ неожиданности народа. Дрожки остановились. Б. только указалъ казаку на группу у подножья колокола; и дрожки съ оберъ-полицеймейстеромъ, «какъ мимолетное видѣнье», исчезли.

Казакъ спѣшился, схватилъ «добраго прохожаго» и нещадно началъ лупить его нагайкою.

— Что вы, что вы!—завопилъ несчастный:—я докторъ. Вижу, лежитъ человѣкъ, подаю ему помощь!

Казакъ молча продолжалъ работать плетью, влѣпилъ, сколько нашелъ нужнымъ, сѣлъ на коня, и тоже исчезъ...

Что жъ дѣлали во время этого событія зрители? Горя негодованіемъ, вступились ли они за истязуемаго, отняли ли изъ рукъ мучителя?.. Нѣтъ! Когда казакъ ускакалъ, вся публика съ громкимъ смѣхомъ обратилась къ пострадавшему.

— Лѣкарь! Вонъ оно что? Лѣкарь! Что, братъ, вылѣчилъ? Попало тебѣ здорово! Станешь въ другой разъ лѣчить, али не будешь? И дѣтямъ, братъ, закажи не лѣзть не въ свое дѣло... Ха! ха! ха! лѣкарь!...

И долго радостный смѣхъ провожалъ удалявшагося «добраго прохожаго».

Во время послѣдней турецкой войны, разъ я ѣхалъ въ городъ Х. Вагонъ второго класса былъ переполненъ пассажирами. Шелъ оживленный разговоръ о военныхъ дѣйствіяхъ. Отъ Плевны и Шипки попутно перешли къ плѣннымъ туркамъ, присланнымъ въ нашъ губернскій городъ. Осуждали сочувствіе, выказываемое нашимъ врагамъ х...скими дамами, и душой и тѣломъ старавшимися усладить горечь ихъ плѣненія. Раздался общій взрывъ справедливаго негодованія!

Одинъ пассажиръ подробно передалъ, какія мѣры наконецъ принялъ губернаторъ для пересѣченія такихъ антипатріотическихъ скандаловъ. Онъ пригласилъ къ себѣ [1]) одну изъ болѣе скомпро-

[1]) Вспоминаю разсказъ тоже изъ прошлаго столѣтія. Генералъ-губернаторъ пригласилъ къ себѣ одну даму и сталъ уговаривать ее умѣрить свое любве-

метированныхъ покровительницъ турокъ и долго, отечески увѣщевая, старался вразумить ее. Онъ напомнилъ ей объ обязанностяхъ вѣрноподданной, замужней женщины и дворянки... но когда все это не произвело ожидаемаго дѣйствія, губернаторъ позвонилъ. Въ кабинетъ вошла городская акушерка съ розгами и три сидѣлки изъ больницы. Губернаторъ удалился. Въ кабинетѣ раздался крикъ негодованія, который скоро, однако, смѣнили плачъ, стоны и возгласы: «Не буду, не буду... никогда не буду!»

Я горячо старался доказать всю нелѣпость этого анекдота [1]), объясняя, что давно и хорошо знаю губернатора и никогда не повѣрю, чтобъ онъ высѣкъ женщину, а не только даму изъ общества...

Всѣ мои доводы были заглушены общимъ крикомъ восторга!

Полились горячія одобренія тому, что губернаторъ выпоролъ даму.

— Молодецъ его превосходительство!

— Такъ ихъ и нужно! Ай да Константинъ Николаевичъ!

— Всѣхъ бы надо перепороть. На то онъ и губернаторъ, чтобы не допускать подобныхъ скандаловъ.

— Молодчина, право, молодчина!

Мнѣ тутъ вспомнился вышеприведенный разсказъ Горбунова объ инцидентѣ 50-хъ годовъ у подножія Царя-Колокола. Тому прошло тогда около 30-ти лѣтъ, и «строгіе цѣнители и судьи» въ концѣ 70-хъ годовъ были не кремлевская воскресная публика: мастеровые и разночинцы, а въ вагонѣ были землевладѣльцы и чиновники изъ дворянскаго сословія, духовные, купцы, всѣ они съ одинаковымъ жаромъ обсуждали успѣхи русскаго оружія и нелѣпую выдумку о томъ, что губернаторъ «посѣкъ» женщину за неподобающее сочувствіе къ плѣнному турку.

Вспоминаю, какъ разъ по слухамъ очень удачно выпороли покойника. Въ одномъ уѣздѣ Х. губерніи жилъ помѣщикъ, не ладившій съ исправникомъ, и какъ послѣдній ни старался, не могъ найти повода насолить своему непріятелю. Умираетъ у помѣщика скоропостижно поваръ. Похоронили его, какъ водится, въ тотъ же день. Случайно, во время похоронъ, заѣхалъ въ деревню становой приставъ. Его осѣнила блестящая мысль, и онъ

обильное сердце. Выслушавъ проповѣдь, дама отвѣчала: «Графъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ кабинетѣ, мой тесть пригласилъ вашу жену и почти слово въ слово говорилъ ей то, что вы говорите мнѣ. Несмотря на всѣ убѣдительные доводы, ваша супруга и до сихъ поръ не измѣнила своего поведенія, а мой тесть былъ краснорѣчивѣе васъ».

[1]) Хотя разсказчикъ божился, что слышалъ его отъ самой акушерки, развлекавшей симъ разсказомъ жену его послѣ родовъ.

немедленно поскакалъ въ городъ, донесъ о скоропостижной смерти повара исправнику. Потолковали они и порѣшили съ надежными сотскими въ эту же ночь откопать покойника, высѣчь его немилосердно, положить вновь въ гробъ, закопать могилу и начать слѣдствіе о томъ, что поваръ былъ засѣченъ [1]). Является ночью становой съ своей трепещущей командой на кладбище, разрываютъ могилу, вынули гробъ, достаютъ трупъ, порютъ его, порютъ... и вдругъ покойникъ съ крикомъ вскакиваетъ и бѣжитъ во всѣ лопатки! Сотскіе тоже разбѣжались, становой спасается въ тарантасъ. Покойникъ добѣжалъ до людской, стучится въ окно. Ужасъ всего пробудившагося населенія людской!.. Всѣ обитатели повыскакали съ крикомъ вонъ... Скоро вся усадьба была на ногахъ. Только и слышно, что «упокойникъ прибѣгъ, упокойникъ прибѣгъ!» Разбудили приказчика. Тотъ, удостовѣрившись въ справедливости факта, идетъ къ барину, будитъ его и докладываетъ: «Покойникъ поваръ съ кладбища прибѣжалъ, въ людской на печкѣ лежитъ, проситъ водочки». Покойнику дали водки, напоили липовымъ цвѣтомъ, укрыли тулупомъ. Онъ вспотѣлъ, заснулъ, утромъ всталъ живымъ и здоровымъ и передалъ, что съ нимъ произошло. Кинулись на кладбище, могила не тронута, не видно никакихъ слѣдовъ (становой скоро пришелъ въ себя въ тарантасѣ, собралъ разбѣжавшуюся команду и успѣлъ все привести въ должный порядокъ). Поняли наконецъ, что покойникъ не совсѣмъ умиралъ, а только обмиралъ и счастливой случайности обязанъ былъ своимъ спасеніемъ.

Далъ и мнѣ Господь дожить до полной отмѣны тѣлеснаго наказанія въ Россіи.

Слава Богу и царю, довершившему благое начинаніе своего дѣда императора Александра II. Дорого и любовно стало всѣмъ имя государя Наслѣдника Цесаревича, рожденію котораго русскій народъ обязанъ этимъ человѣчнымъ и справедливымъ актомъ.

А. Стаховичъ.

[1]) Въ 40-хъ годахъ чины уѣздной полиціи ни по опыту, ни по научнымъ свѣдѣніямъ не знали, что удары розогъ на трупѣ слѣдовъ не оставляютъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ИНЦИДЕНТЪ ВЪ ГОРОДѢ ПУДОЖѢ.

Въ 1889 ГОДУ мнѣ, не по своей волѣ, а силою злыхъ обстоятельствъ, которыя постигали тогда очень многихъ, пришлось жить въ Пудожѣ, въ глухомъ городишкѣ Олонецкой губерніи.

Пудожъ—крошечный городъ (800—900 мѣстныхъ жителей), обыватели котораго состояли тогда исключительно изъ крестьянъ и мѣстныхъ уѣздныхъ властей. Кромѣ этихъ горожанъ, здѣсь имѣлись еще ссыльные трехъ категорій: во-первыхъ, «уголовные», т.-е. сосланные по суду, люди, въ большинствѣ случаевъ, окончательно спившіеся и погибшіе; во-вторыхъ, человѣкъ 50 католическихъ ксендзовъ, сосланныхъ въ 1863 году, жившихъ совершенно замкнутымъ кружкомъ; въ большинствѣ случаевъ это были все люди пожилые и жившіе тутъ до того тихо, смирно, что о нихъ почти ничего не было слышно, и, въ-третьихъ, мы, «политическіе», которыхъ было человѣкъ 40—50.

Составъ «нашего» населенія, какъ по развитію, такъ и по общественному положенію и состоянію, былъ самый разнообразный. Былъ довольно извѣстный еврейскій поэтъ Гордонъ съ женой-нѣмкой, которая буквально ни слова не говорила по-русски (она тоже была сослана); были четыре барышни, изъ которыхъ одна изъ аристократической фамиліи, дѣвушка образованная и развитая. Были четыре студента (разныхъ университетовъ, факультетовъ и курсовъ, одинъ изъ нихъ пятаго медицинскаго

курса былъ съ женой и ребенкомъ); два народныхъ учителя, человѣкъ до семи заводскихъ рабочихъ, пишущій эти строки, а остальные были только молоды, «опасны», но кто они такіе, и что они собою представляли, трудно было опредѣлить, но еще труднѣе было сказать, какимъ образомъ до этихъ людей могли дойти слухи о какой-то «политикѣ». И я имѣю основаніе полагать, что многіе изъ нихъ получили о ней нѣкоторое представленіе только тогда, когда очутились въ качествѣ ссыльныхъ города Пудожа.

Такъ же разнообразны были и наши преступленія. Гордонъ съ женой были сосланы за то, что лошадь, на которой ускакалъ убійца Мезенцова, какъ выяснилось на слѣдствіи, оказалось, была взята у брата Гордона. Правда, впослѣдствіи только выяснилось, что у сосланнаго Гордона не было никакого брата, но вѣдь кто же могъ это знать заранѣе. Время тогда было горячее, и гдѣ же тутъ возиться со справками и деталями. У пишущаго эти строки преступленіе должно было только обнаружиться со временемъ. Двѣ барышни были сосланы за то, что, когда онѣ были въ библіотекѣ для чтенія Комарова, которая помѣщалась въ С.-Петербургѣ на углу Невскаго и Литейной, какой-то посѣтитель подслушалъ какой-то ихъ разговоръ. Студенты были сосланы за какія-то студенческія исторіи, рабочіе—за какія-то исторіи на заводахъ, а изъ остальныхъ каждый, конечно, имѣлъ свою «исторію», хотя всѣ эти исторіи были въ высшей степени загадочны, и ничего положительнаго о нихъ сказать нельзя было. Тѣмъ не менѣе всѣ мы находились въ одинаковомъ положеніи, т.-е. у кого изъ насъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, которые могли бы присылать имъ на прожитіе, тотъ могъ совершенно свободно умереть съ голоду. Исключеніе составлялъ Гордонъ, человѣкъ лично состоятельный, и двѣ барышни, которымъ присылались средства изъ дома. Судьба каждаго изъ насъ вполнѣ зависѣла отъ администраціи: захочетъ она, еще можно было надѣяться выбраться со временемъ отсюда, а не захочетъ,—очень легко можно было тамъ и состариться. И, понятно, что жили всѣ мы (за исключеніемъ, впрочемъ, Гордона, который водилъ знакомство только со мною) очень дружно между собою и составляли свой отдѣльный кружокъ.

Отношенія наши къ мѣстному населенію были таковы. Для крестьянъ, у которыхъ мы нанимали помѣщеніе и покупали пищевые продукты, мы были источникомъ дохода, и они относились къ намъ съ искреннимъ дружелюбіемъ. Интеллигенція, т.-е. докторъ, мировой, лѣсничій, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, воинскій начальникъ и т. д., можно сказать, за нами просто ухаживали, однако, не думаю, чтобы очень ужъ искренно, въ виду того, что они крайне усердно, вмѣстѣ съ тѣмъ, плясали подъ дудочку исправника. Засимъ, оставалась администрація. Несомнѣнно, что мы всецѣло были въ ея рукахъ, и, если бы она

хотѣла, то могла согнуть насъ въ бараній рогъ, но мы не имѣли, однако, причинъ на нее жаловаться.

Вся пудожская администрація сосредоточивалась въ рукахъ исправника, его помощника, одного квартальнаго и четырехъ городовыхъ.

Исправникъ былъ почтенный старикъ, лѣтъ 65-ти, человѣкъ хотя и не высокаго образованія, но умный и добрѣйшей души. Бѣдный, какъ Іовъ, онъ, однакожъ, долженъ былъ содержать и прокармливать девять душъ дѣтей, двухъ тетушекъ и трехъ какихъ-то другихъ старушекъ. Всѣ легендарные разсказы о взяточничествѣ уѣздной администраціи въ данномъ случаѣ нужно было отнести къ области фантазіи. Я, конечно, не могу поручиться, что если бы кто нибудь ему что далъ, то онъ не взялъ бы, но въ этой мѣстности положительно не находилось охотниковъ давать, потому что нечего было давать, да и не за что. Единственный человѣкъ, который могъ бы что нибудь дать, былъ милліонеръ-тузъ всей этой мѣстности, державшій въ своихъ рукахъ чуть не всю губернію; у него при проѣздахъ останавливались самъ губернаторъ, архіерей, предъ нимъ пассовали въ губерніи: какое ужъ тутъ даванье! За исключеніемъ періодическаго «накатыванія» всей мѣстной интеллигенціи, въ томъ числѣ и исправника, шампанскимъ, онъ не расщедривался на прочіе расходы.

Работы въ томъ уѣздѣ, гдѣ были волости, въ которыя нельзя было попасть ни пѣшкомъ, ни верхомъ, было гибель. Пространство громадное, дороги невозможныя, болота непроходимыя, и разъ только въ годъ объѣхать уѣздъ могло считаться настоящимъ кругосвѣтнымъ путешествіемъ. Бумагъ приходилось написать столько, сколько имѣется въ имперіи учрежденій. Положительно не было въ Россіи такого мѣста и учрежденія, въ которое исправнику не приходилось, если не доносить, то увѣдомлять, докладывать, разъяснять, а то запрашивать. Всѣ эти безчисленныя бумаги, отношенія и представленія долженъ былъ писать самъ старикъ. Были, конечно, у него помощникъ, секретарь и два писца, но, увы, у этихъ господъ мысли всегда были одержимы духомъ мятежа и никогда имъ не повиновались. Хотѣли ли они написать отвѣтъ,—получался запросъ, писали они запросъ,—на бумагѣ выходилъ выговоръ. Нужно было сдѣлать запросъ въ Новгородскую губернію,—они его направляли въ Забайкальскую область. И вотъ, во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній, самъ исправникъ долженъ былъ составлять всякую самую ничтожную бумаженку и растолковать, какъ ее переписать, куда и какъ послать. И при всемъ этомъ, на попеченіи человѣка было до ста всевозможныхъ ссыльныхъ, а съ каждымъ изъ нихъ сколько хлопотъ, сколько недоразумѣній, объясненій, и сколько нужно о немъ написать бумагъ и бумаженокъ! При такихъ условіяхъ и такой администраціи, гдѣ

исправникъ былъ все, а остальное—ничто, о придиркахъ, притѣсненіяхъ, понятно, и говорить не приходилось,—мы ихъ не знали. До чего мы были далеки отъ придирокъ, показываетъ то, что мы по своему положенію не имѣли права выходить за черту города и имѣть при себѣ оружіе. Но все лѣто 1889 года мы почти постоянно проводили въ лѣсу, на рѣкѣ и иногда заходили верстъ за 15—20 отъ города. Болѣе того, нѣкоторые изъ насъ за это лѣто выучились даже довольно сносно стрѣлять и ходили на охоту съ ружьями именно самого исправника. Что же касается переписки, которая дѣйствительно велась все черезъ того же исправника, то это дѣлалось только потому, что никому не было надобности вести ее помимо него, но если бы такая надобность оказалась, то, несомнѣнно, никакихъ затрудненій въ этомъ не встрѣтилось бы. Вообще въ положеніи ссыльныхъ есть много вещей, совершенно лишнихъ, которыя въ сущности никогда ничего не выясняютъ, не предупреждаютъ, а только осложняютъ дѣло, запутываютъ его. Нужно же, въ самомъ дѣлѣ, додуматься до правила не выходить за черту города, величиною въ ладонь, а между тѣмъ читатель дальше увидитъ, что именно вышло у насъ изъ-за этого канцелярскаго мудрствованія. Такова въ общихъ чертахъ была наша администрація, и таковы были наши къ ней отношенія.

Теперь, представьте себѣ насъ, ссыльныхъ, сорокъ-пятьдесятъ человѣкъ молодыхъ, здоровыхъ и полныхъ силъ, изъ которыхъ до этого каждый по-своему что нибудь дѣлалъ, а теперь буквально баклушничалъ. Даже читать нечего было! Газета и та, какъ помнится, на весь городъ получалась только одна, а между нами были люди болѣе или менѣе образованные, развитые, люди со «взглядами», хотя, правда, такихъ было очень мало. Большинство было безъ образованія, развитія и безъ какихъ бы то ни было взглядовъ, но отъ скуки, бездѣлья и «ради кампаніи» готовые на все, не исключая и простого скандала.

Прогулки, катанья на лодкахъ, спугиваніе неудачными выстрѣлами утокъ, тетеревей и рябчиковъ, обученіе грамотѣ рабочихъ, безконечные дебаты и все то, чѣмъ старались убить время,—не могли, однакожъ, насъ удовлетворять, и нѣтъ ничего мудренаго, что у нѣкоторыхъ изъ насъ иногда появлялась охота, такъ себѣ, здорово живешь, и безъ всякаго злого умысла, сошкольничать. Такъ у барышень, очень милыхъ и развитыхъ дѣвушекъ, нѣсколько разъ являлась фантазія «побѣсить» мѣстныхъ «дамъ», которыя замѣтно сторонились отъ ссыльныхъ женщинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, льнули къ ссыльнымъ мужчинамъ. Разодѣнутся наши барышни въ шикарные, невиданные въ той мѣстности, малороссійскіе костюмы и пройдутся по главной улицѣ босикомъ. Конечно, аристократки Пудожа усматривали громадное преступленіе въ такомъ казусѣ и распускали про ссыльныхъ всевозможныя сплетни, но ба-

рышни этимъ не смущались и только хохотали надъ бѣдными дамами, которыя никакъ не могли представить себѣ товарищескихъ отношеній между мужчинами и женщинами безъ чего нибудь «такого». Но я долженъ по совѣсти сказать, что въ данномъ случаѣ положительно не было «ничего такого». Былъ одинъ романъ, который, какъ мнѣ говорили, окончился впослѣдствіи формальнымъ бракомъ, но гдѣ же, если бываютъ мужчины и женщины, не бываетъ романовъ.

Это желаніе чѣмъ нибудь разсѣять скуку и однообразіе доходило до того, что иногда сидитъ какой нибудь «политическій дѣятель», которому очень трудно дается такая премудрость, какъ б-а-ба, а-б-аб,—сидитъ съ опущенной внизъ головой, вдругъ быстро вскочитъ на ноги:

— Нѣтъ, пойду къ исправнику объясняться.

— О чемъ объясняться?—спросишь его.

— Да, помилуйте, что же это такое, взяли, забросили въ какую-то трущобу, тутъ отъ тоски околѣешь. Нѣтъ, пойду, выругаю его.

Идетъ. Чрезъ полчаса возвращается и смѣется.

— Ну, что объяснился?

— Объяснился,—улыбается онъ.—Наговорилъ ему того, чего онъ отъ роду не слыхивалъ.

— А онъ что?

— Да что, баба, махнулъ рукой: за что же, говоритъ, вы меня-то ругаете, при чемъ я-то тутъ? Эхъ, черти, хотя бы въ тюрьму посадили,—все-таки бы веселѣе было.

Не безъ того, конечно, чтобы и между нами не было людей, которые не прочь были воспользоваться общимъ недовольствомъ и затѣять какую нибудь «исторію». Матеріалъ для «исторіи» былъ ужъ очень подходящій. Всѣ были такъ или иначе обижены, поставлены въ невозможныя условія, угнетены скукой, бездѣльемъ; для взрыва нужно было только, чтобы явилась причина дѣйствительная или даже воображаемая. Но, какъ нарочно, все лѣто таковая причина не отыскивалась, и дѣло обходилось безъ всякой исторіи. Но вотъ наконецъ, въ началѣ августа, нужная причина нашлась. Хотя мы и держались по-товарищески съ рабочими, но имъ, какъ людямъ неразвитымъ, было, надо полагать, съ нами не особенно весело, а потому они частенько обособлялись и совершали прогулки «своей» компаніей. И вотъ въ одинъ прекрасный день рабочіе отправились на мельницу, которая была въ семи-восьми верстахъ отъ города, устроили тамъ рыбную ловлю съ выпивкой и закуской. Какъ на грѣхъ, въ это время тамъ случился квартальный, который, конечно, по своему обыкновенію, былъ въ нетрезвомъ видѣ. Это бы ничего, но поднадзорные рабочіе вздумали пригласить «полицейскую затычку» раздѣлить съ ними компанію.

Выпили, закусили и повторили, а потомъ, какъ это водится, и заговорили. Сначала все шло, какъ слѣдуетъ, но потомъ одинъ рабочій счелъ своимъ долгомъ прямо заявить, что всѣ, носящіе полицейскій мундиръ, ужасные скоты и мошенники, которыхъ немедленно и безъ всякихъ разговоровъ слѣдовало бы вздернуть на осину. Такъ какъ на квартальномъ былъ именно полицейскій мундиръ, хотя и старый и даже дырявый, то весьма естественно, что у него явилось желаніе отстоять честь мундира и добиться болѣе снисходительнаго приговора относительно своей персоны. Онъ сталъ доказывать, напротивъ, что всѣ, носящіе полицейскій мундиръ, люди честные и полезные, а что вотъ всѣхъ поднадзорныхъ дѣйствительно слѣдовало бы вздернуть на осину, потому что всѣ они бунтовщики и соціалисты. Такъ какъ каждая изъ сторонъ была убѣждена въ своей правотѣ, то нѣтъ ничего мудренаго, что каждая изъ нихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ съ большей энергіей отстаивала свои доводы и положенія. Дошло до того, что въ пылу спора нечаянно была задѣта кулакомъ багрово окрашенная физіономія квартальнаго. Дальше-больше, и кончилось дѣло тѣмъ, что отъ этой полемики у квартальнаго на физіономіи остались очень существенные признаки, въ видѣ синяковъ, да и въ ребрахъ, какъ потомъ говорили, у него оказался нѣкоторый недочетъ.

А нужно замѣтить, что исправника, который, несомнѣнно, затушилъ бы эту исторію, въ это время въ городѣ не было; замѣнялъ его помощникъ, человѣкъ очень недалекій, любившій выпить и съ нетерпѣніемъ ожидавшій смерти исправника, чтобы занять его мѣсто. Онъ, конечно, обрадовался случаю показать свое усердіе. «Избіеніе» квартальнаго онъ скрылъ, но зато составилъ протоколъ объ отлучкѣ рабочихъ за черту города и этотъ протоколъ направилъ къ мировому судьѣ. И вотъ тутъ и началось волненіе среди ссыльныхъ: «какъ, составлять протоколъ за отлучку изъ черты города?—протестовать!».

Но въ чемъ собственно могъ выразиться протестъ поднадзорныхъ? Единственно въ томъ, что, когда имъ утромъ полицейскій принесетъ книгу для того, чтобы расписаться въ ней, они не захотятъ этого сдѣлать. Конечно, не расписаться можно, но какія отсюда могутъ получиться послѣдствія? Очень простыя: могутъ попросить изъ вольныхъ квартиръ переселиться въ тюрьму, ибо безъ нашихъ расписокъ администрація не можетъ поручиться за нашу цѣлость...

Стали судить, рядить, стоитъ ли игра свѣчей. Вѣдь, въ сущности ничего особеннаго не произошло. Ну, составили протоколъ, что за бѣда? Во-первыхъ, неизвѣстно еще, чѣмъ дѣло кончится у мирового; во-вторыхъ, если дѣло у мирового даже будетъ проиграно, — предстоитъ еще съѣздъ мировыхъ судей; въ-третьихъ, при разборѣ дѣла представляется возможность повести съ полиціей,

такъ сказать, легальную борьбу, ей можно будетъ при этомъ надѣлать массу непріятностей. Къ чему же торопиться, заводить исторіи? Мирная партія, въ составѣ которой былъ и я, одержала, такимъ образомъ, верхъ надъ протестантами. Впрочемъ, одержали мы верхъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я принялъ на себя защиту рабочихъ на судѣ. На этомъ пока и кончили.

Несмотря на то, что я очень хорошо понималъ, что этой защитой я естественно долженъ былъ возстановить противъ себя администрацію, чтò далеко не входило въ мои личные интересы, но, дабы не допустить своихъ товарищей до какой нибудь крайней выходки, не возражалъ противъ этого рѣшенія и внутренно рѣшилъ вести я дѣло на чистоту, то-есть во что бы то ни стало оправдать рабочихъ, если не у мирового, на котораго трудно было разсчитывать, чтобы онъ осмѣлился пойти противъ исправника, то хотя въ съѣздѣ.

И вотъ насталъ день разбора дѣла. Ради такого торжественнаго и небывалаго въ Пудожѣ политическаго, нѣкоторымъ образомъ, дѣла, мировой открылъ свою залу, къ которой примыкала камера. Залу занялъ весь наличный составъ мѣстнаго общества, а камеру ссыльные. На этотъ разъ повылѣзли изъ своихъ конуръ и пришли въ камеру даже ксендзы, которые обыкновенно очень мало интересовались мѣстными событіями; словомъ, очевидно, совершалось событіе очень важное и чрезвычайное. Даже лысина мирового, ужаснаго либерала, который, однакожъ, со спокойной совѣстью нарушилъ бы всѣ статьи уложенія, если бы этого пожелалъ исправникъ, и та лоснилась особеннымъ блескомъ, а самъ онъ смотрѣлъ такъ торжественно, какъ будто священнодѣйствовалъ. Обвинителемъ выступилъ помощникъ исправника. Мое появленіе у судейскаго стола въ роли защитника (это держалось въ секретѣ до послѣдняго момента) произвело въ публикѣ цѣлую сенсацію. Нужно замѣтить, что меня, какъ литератора, мѣстные жители сначала до того боялись, что при одномъ моемъ появленіи на улицѣ барыни и барышни, выглядывавшія изъ оконъ, немедленно исчезали и прятались за занавѣски изъ боязни, чтобы я кого нибудь не описалъ. Со временемъ ко мнѣ, конечно, попривыкли, но все-таки не настолько, чтобы говорить со мною просто, безъ ужимокъ, гримасъ и опасенія угодить въ литературу. Естественно, что мое появленіе предъ мировымъ судьею должно было произвести эффектъ—будетъ говорить сама литература, да еще не простая, а политическая!

Литература, однако, понятія не имѣла о той статьѣ закона, на основаніи которой обвиняемыхъ привлекали къ отвѣтственности, поэтому ей необходимо было вести дѣло осторожно и съ оглядкой. Первое, что она сдѣлала, это покорнѣйше попросить господина мирового судью вызвать по дѣлу свидѣтелями всѣхъ городовыхъ.

Господинъ помощникъ исправника находитъ это совершенно [illegible]нимъ, и [illegible] были очень заняты службой, и [illegible]ратура съ нимъ не [illegible] и [illegible] въ [illegible]. Мировой судья нашелъ возможнымъ удовлетворить ея просьбу, а такъ какъ полицейское управленіе находится тутъ же рядомъ, то туда былъ посланъ сторожъ, и черезъ нѣсколько минутъ предъ нами предстали четыре инвалида, которые именно и несли на себѣ въ данномъ городѣ всю полицейскую службу. Удаливши свидѣтелей въ свидѣтельскую комнату, я предложилъ господину помощнику вопросъ, что подразумѣваетъ онъ подъ чертою города. Онъ, не задумываясь, опредѣлилъ ее рѣкою: «да, до рѣки—городъ, а за рѣкою не городъ».

— Это въ одну сторону, а въ другую?

Послѣдовало указаніе на кустарники.

Такимъ образомъ, мы съ помощникомъ исправника опредѣлили всѣ четыре стороны города. Когда это было сдѣлано, я попросилъ позвать городового. Съ городовымъ я продѣлалъ то же самое, что и съ помощникомъ, но у этого получилась уже совершенно другая черта города. Короче, не прошло и пяти минутъ, какъ получилось пять совершенно разнородныхъ чертъ города. Каждый городовой опредѣлялъ ее по-своему....

Послѣ этого я предложилъ г. помощнику вопросъ, на основаніи какой статьи закона онъ привлекаетъ обвиняемыхъ къ отвѣтственности. Мнѣ была названа статья, какъ помнится, 1600, впрочемъ за достовѣрность не ручаюсь. Послѣ этого, извинившись за свое юридическое невѣжество, я покорнѣйше попросилъ мирового дать мнѣ прочитать эту статью. Начинаю читать и вижу, что она ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу не имѣетъ. Статья говоритъ объ отлучкѣ, т.-е. нѣкоторымъ образомъ, побѣгѣ изъ мѣста ссылки на родину, а такъ какъ тутъ о побѣгѣ не могло быть и рѣчи, то ясно, что эту статью въ данномъ случаѣ никакъ нельзя было примѣнить. Тогда я даю понять г. помощнику, что статью закона нужно не только умѣть читать, но и понимать ея смыслъ, почему покорнѣйше просилъ его указать мнѣ статью, болѣе подходящую къ данному случаю. Г. помощникъ мнется и смущенно заявляетъ, что онъ не знаетъ болѣе подходящей статьи закона, но что имѣется циркуляръ, который ужъ безспорно подойдетъ къ разбираемому случаю.

— Циркуляръ? Въ первый разъ въ жизни слышу, чтобы мировые судьи привлекали къ отвѣтственности на основаніи циркуляровъ,—заявляю я.—Но, если вы говорите, что такой циркуляръ дѣйствительно существуетъ, и на основаніи его можно привлекать къ отвѣтственности, то будьте добры показать намъ этотъ любопытный документъ.

— Циркуляръ показать нельзя,—заявляетъ г. помощникъ,—онъ секретный.

Положеніе помощника становилось довольно таки щекотливымъ. Это понималъ онъ самъ, понималъ мировой судья, понимала и публика. Тогда, доказавъ свидѣтельскими показаніями, что преступленіе, по которому привлекаются мои довѣрители, существуетъ только въ воображеніи мѣстной администраціи, я перешелъ къ статьѣ закона, на основаніи которой они привлекаются къ отвѣтственности за несуществующее преступленіе, и доказалъ, что таковой нѣтъ. Не можетъ же мировой судья руководствоваться какими-то циркулярами, если даже допустить, что таковые и дѣйствительно существуютъ! Мировой судъ, какъ судъ гласный, долженъ мотивировать свои рѣшенія ясными, точными и явными законами, а не тайными.

Я, какъ говорится, былъ въ ударѣ, говорилъ съ жаромъ, не жалѣлъ красокъ, ядовитыхъ стрѣлъ и, откровенно говоря, наговорилъ, конечно, очень много лишняго. Говорилъ я вѣрныхъ часа полтора и вылилъ на голову въ сущности мало повинныхъ людей все то, что въ это время накипѣло на душѣ. Когда я кончилъ, въ публикѣ раздался одобрителеный шепотъ, а ссыльные разразились аплодисментами. Мировой судья былъ блѣденъ и, повидимому, чувствовалъ себя въ ужасномъ затрудненіи, не зная, что же ему дѣлать. Онъ сначала быстро, замѣтно дрожащими руками, принялся что-то писать, а потомъ объявилъ перерывъ засѣданія и удалился. Меня окружили ссыльные и стали поздравлять съ ораторскимъ талантомъ, которымъ, видитъ Богъ, я никогда не обладалъ. По тѣмъ взглядамъ, которые на меня бросали близкіе администраціи люди, я прекрасно понялъ, что мой ораторскій тріумфъ мнѣ будетъ стоить, по крайней мѣрѣ, лишняго года ссылки.

Приблизительно чрезъ полчаса явился мировой судья и объявилъ приговоръ, по которому рабочіе подвергались трехдневному аресту. Послѣ этого либеральный мировой судья счелъ, однако, своимъ долгомъ извиниться предо мною за этотъ приговоръ. При этомъ онъ очень картинно развелъ руками, сдѣлалъ таинственную мину и, оглядываясь по сторонамъ, шепотомъ произнесъ: «Знаете, мое положеніе... попробуй я оправдать, меня сживутъ со свѣта... полиція... но вы въ съѣздъ... Съѣздъ обязательно оправдаетъ, потому что въ сущности никакихъ законныхъ основаній»... Это, разумѣется, я зналъ и безъ него, но если бы онъ постановилъ свой приговоръ на основаніи закона, а не на основаніи разныхъ соображеній, то, несомнѣнно, не произошло бы и дальнѣйшихъ событій. Какъ только ссыльные услышали приговоръ, они шумною толпой, громко отпуская шуточки по адресу мирового, вышли изъ камеры. Я пошелъ домой и въ этотъ день больше ни съ кѣмъ не видѣлся. На завтрашній день утромъ ко мнѣ приходитъ инвалидъ съ книгой расписываться и спрашиваетъ, не знаю ли я, гдѣ барышни.

— Развѣ ихъ нѣтъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, такъ будутъ. Вѣроятно, ушли гулять.

Этимъ дѣло пока кончилось. Но вотъ проходитъ часа два, ко мнѣ снова является инвалидъ съ вопросомъ, не видѣлъ ли я барышень. Я, разумѣется, его прогналъ,—откуда же мнѣ было знать, гдѣ онѣ? Выхожу изъ дома и вижу на улицѣ переполохъ. Городовые бѣгаютъ и спрашиваютъ всѣхъ встрѣчныхъ, не видѣли ли они барышень. Нужно замѣтить, что, какъ на грѣхъ, на этотъ разъ исправника тоже въ городѣ не было, и его замѣнялъ его помощникъ. Зная помощника, сильно натянутыя отношенія, которыя со вчерашняго дня установились между нами и полиціей, я тутъ же сталъ опасаться, что не имѣетъ ли какого нибудь отношенія это отсутствіе барышень къ «политикѣ», и не выйдетъ ли изъ этого какая нибудь исторія. Съ этой цѣлью я кое съ кѣмъ повидался, спросилъ о барышняхъ и сейчасъ же увидѣлъ, что меня «легальнаго» обошли «нелегальные», т.-е. тѣ два-три человѣка, которые во что бы то ни стало добивались какого нибудь протеста противъ власти. Я еще не зналъ, въ чемъ дѣло, что именно затѣвается, но что что-то такое затѣвается, въ этомъ не было сомнѣнія. Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что послѣ обвинительнаго приговора было рѣшено (по секрету отъ меня, изъ боязни, чтобы я какъ нибудь не разстроилъ плана) «побѣсить» полицію, т.-е. чтобы барышни забрали съ собою провизію, рано утромъ поѣхали кататься на лодкѣ и не возвращались домой до поздней ночи. При самомъ исправникѣ изъ этого школьничества, конечно, ничего бы не могло выйти серьезнаго, но при его помощникѣ, человѣкѣ ограниченномъ и безтактномъ, изъ этого могло выйти очень многое, чего никто не могъ даже ожидать.

День клонился къ вечеру, а барышни все не возвращались. Городъ, разумѣется, былъ перевернутъ вверхъ дномъ, но ихъ нигдѣ не оказалось. Помощникъ исправника уже началъ было готовить донесеніе о «побѣгѣ» барышень, какъ пріѣзжаетъ мужичекъ и говоритъ, что барышни разряженныя катаются на лодкѣ, что онъ видѣлъ ихъ недалеко отъ пороговъ, гдѣ онѣ остановились и поютъ пѣсни. Кажется, начальству можно было на этомъ успокоиться. Во-первыхъ, тѣ, которыя «бѣгутъ», пѣсенъ не поютъ; во-вторыхъ, для побѣга не наряжаются; въ-третьихъ, пороговъ барышнямъ на лодкѣ не переѣхать, а если переѣхать, то не переѣхать Онежскаго и Ладожскаго озеръ, а, въ-четвертыхъ, вещи, книги, платья, все было не тронуто и на мѣстѣ. Все это было такъ просто, ясно, что при малѣйшей сообразительности можно было съ увѣренностью сказать, что о побѣгѣ при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. Но, къ несчастью, помощникъ захотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ исправника и «показать себя»,

почему немедленно же снарядилъ весь наличный составъ своей полиціи въ погоню за «бѣглянками».

Полиція пустилась на лодкѣ по рѣкѣ и вскорѣ настигла «бѣглыхъ» барышень, которыя, оказалось, удобно расположились съ самоваромъ на живописномъ берегу рѣки и закусывали. Имъ было приказано именемъ закона немедленно же возвратиться въ городъ. Барышни захохотали и объявили, что назадъ въ городъ, гдѣ живутъ такіе дураки, какъ пудожскіе полицейскіе, не возвратятся, а будутъ жить тутъ. Полиція, конечно, пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе и стала доказывать, что имъ тутъ жить не дозволяется, потому что тутъ не можетъ быть за ними надлежащаго надзора. Словомъ, произошла комическая сцена. Наконецъ, барышни сѣли въ свою лодку, затянули недозволенную цензурою пѣсню и стали грести въ противоположную отъ города сторону. Полиція, разумѣется, тоже не дремала, бросилась въ свою лодку и давай гнаться. Барышни гребутъ, хохочутъ, брызгаютъ водой въ полицію, которая слѣдуетъ за ними по пятамъ. Наконецъ, шалуньи устаютъ, бросаютъ весла и говорятъ: «Ну, чортъ съ вами, если ужъ мы вамъ такъ нужны, то везите насъ сами обратно». Полиція на высотѣ призванія,—беретъ на абордажъ лодку съ барышнями и плѣнницъ торжественно везетъ въ городъ.

Вѣсть о томъ, что ссыльныя барышни бѣжали, облетѣла тѣмъ временемъ весь городъ, и жители, въ ожиданіи результатовъ поисковъ полиціи, всѣ высыпали на улицу, точно на торжественное гулянье.

Передъ самымъ вечеромъ сидимъ мы съ Ф., медикомъ пятаго курса, и пьемъ чай, какъ вдругъ являются ссыльные почти въ полномъ составѣ и въ сильномъ волненіи сообщаютъ, какъ о шаловливой выходкѣ барышень, такъ и о намѣреніи полиціи придать этой выходкѣ серьезный политическій характеръ, грозящій въ конечномъ результатѣ ссылкою проказницъ въ Якутскую область [1]).

Мы начинаемъ успокаивать товарищей, доказывать, что изъ глупости помощника исправника ровно ничего серьезнаго не можетъ выйти, и въ крайнемъ случаѣ будетъ составленъ простой протоколъ. Насъ и слышать не хотятъ.

Затѣмъ ставится вопросъ, что же предпринять, и тутъ же дается и отвѣтъ: отнять барышень у городовыхъ.

— Да позвольте, господа, зачѣмъ же отнимать, когда ихъ привезутъ и такъ отпустятъ?

— Нѣтъ, не отпустятъ.

— Но какъ же отнять?

---

[1]) Отъ поднадзорныхъ бралася подписка, что за попытку къ побѣгу они ссылаются въ Якутскую область.

— Да такъ, просто. Городовыхъ четыре человѣка, а насъ на-лицо человѣкъ тридцать пять.

— Но вы, господа, забываете, что тутъ имѣется и команда въ шестьдесятъ человѣкъ, и что если дойдетъ до дѣла, то этотъ дуракъ, несомнѣнно, ее потребуетъ. Онъ такого случая только и ищетъ.

Но тѣ и слушать не хотятъ.

— Идемъ къ пристани!

— Господа,—начинаю я ихъ упрашивать:—не дѣлайте глупостей, которыя могутъ очень плохо кончиться.

Но никакіе резоны на нихъ не дѣйствуютъ.

— Въ такомъ случаѣ, — заявляю я, — я съ вами не иду. По-моему, эта затѣя не имѣетъ смысла, а я явныхъ глупостей дѣлать не буду.

— Какъ хотите.

Мы вышли вмѣстѣ. Они гурьбой пошли къ рѣкѣ, а я на главную улицу, гдѣ въ это время въ ожиданіи событій собралась вся мѣстная интеллигенція. Нужно замѣтить, что мнѣ необходимо было быть на виду, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

При отсутствіи административнаго такта въ помощникѣ исправника, при горячности и взволнованности моихъ товарищей, я понималъ, что тутъ безъ исторіи не обойдется. А по дошедшимъ до меня слухамъ, послѣ моей защиты, администрація страшно на меня взъѣлась за то, что я «имъ разъяснилъ ихъ права», и стала считать меня очень опаснымъ. И понятно, что если бы вышла исторія, и я былъ бы въ числѣ присутствовавшихъ на пристани, то я, несомнѣнно, попалъ бы въ зачинщики.

Проходитъ съ полчаса. Вдругъ слышимъ, что за полицейскимъ управленіемъ, на пригоркѣ, который примыкаетъ къ рѣкѣ, происходитъ что-то такое чрезвычайное. Слышенъ шумъ, крикъ, видна суета, бѣготня, словомъ, что-то такое тамъ творится. Такъ какъ рѣка отъ полицейскаго управленія всего шагахъ въ полтораста, и съ улицы видно, что дѣлается на пригоркѣ, то, понятно, вся гуляющая публика пріостанавливается у полицейскаго управленія посмотрѣть, что именно тамъ творится, но что собственно тамъ дѣлается, никто хорошо не видитъ, потому что наступили сумерки, видно только, что тамъ цѣлая толпа людей, которая суетится и кричитъ. «Ссыльные бунтуютъ!»—проносится въ толпѣ, и по тону, съ какимъ это говорится, я вижу, что сочувствіе далеко не на сторонѣ ссыльныхъ. Какъ бы тамъ ни было, но съ точки обывательскаго зрѣнія администрація все-таки свои люди, съ которыми приходится и встрѣчаться на именинахъ, и въ картишки поиграть, а «эти» сегодня тутъ, а завтра могутъ очутиться, Богъ вѣсть, гдѣ.

Проходитъ нѣсколько минутъ. Вдругъ вижу преуморительную картину. Воинскій начальникъ, человѣкъ очень грузный, съ ко-

роткими ногами и краснымъ, вѣчно вспотѣвшимъ лицомъ, безъ шапки, въ разстегнутомъ бѣломъ кителѣ, выбѣгаетъ изъ дома и стремглавъ пускается по направленію къ казармамъ. Вслѣдъ за нимъ, въ капотѣ, съ фуражкой въ рукахъ, бѣжитъ его жена и кричитъ: «фуражку!... возьми фуражку!»... Не проходитъ еще и трехъ минутъ, какъ въ безпорядкѣ, не совсѣмъ еще одѣтые, бѣгутъ солдаты, съ ружьями въ рукахъ и на бѣгу, кто какъ можетъ, стараются привести себя въ порядокъ. Какъ ни было скверно у меня на душѣ, но видъ этихъ бѣгущихъ заспанныхъ, надѣвающихъ на ходу штаны и кителя, солдатъ былъ до того комиченъ, что я расхохотался, какъ сумасшедшій. Солдаты, разумѣется, бѣжали по направленію къ тому мѣсту, гдѣ происходила суматоха. Дѣло, повидимому, начинало принимать серьезный оборотъ, и нужно было смотрѣть въ оба, что тамъ дѣлается...

А тамъ дѣлалось вотъ что. Когда на рѣкѣ показалась флотилія съ плѣнными барышнями, комендантъ города вышелъ на берегъ. Немного погодя, подошли туда и ссыльные.

— Вы пришли встрѣчать барышень?—улыбаясь, спросили его ссыльные.—Съ вашей стороны это очень любезно.

Начальникъ города угрюмо молчалъ.

— А то, можетъ быть, вы пошли бы отдохнуть?—сказалъ кто-то изъ нихъ.

— Не ваше это дѣло,—рѣзко отвѣтилъ начальникъ.

— Вы такъ думаете, а мы такъ думаемъ наоборотъ, что вамъ тутъ дѣлать нечего.

— Я знаю свои обязанности.

— Дѣлать каверзы?

— Прошу не грубить!

— Если хотите, чтобы вамъ не грубили, то лучше уходите отсюда.

Въ это время флотилія подошла къ берегу, и не успѣли барышни выйти изъ лодки, какъ онѣ были окружены ссыльными.

— Не дадимъ барышень, если хотите, возьмите насъ всѣхъ!

— Мнѣ нужны только барышни.

— Если онѣ вамъ нужны, то возьмите ихъ.

Ходившая послѣ этого легенда передавала, что тутъ помощникъ исправника хотѣлъ употребить силу, но ему и его четыремъ городовымъ на опытѣ пришлось убѣдиться, что на всякое хотѣнье есть терпѣнье. И вотъ поднятая со сна команда очутилась на мѣстѣ происшествія и окружила «бунтовщиковъ».

Бунтовщики, однакожъ, «войска» не испугались и продолжали стоять на своемъ: берите всѣхъ, однѣхъ барышень не дадимъ. Помощникъ исправника продолжалъ горячиться, кричать, размахивать руками, въ войскѣ начальникъ вытиралъ себѣ лобъ платкомъ, а толка не выходило никакого. «Господа,—доносится

до насъ крикъ помощника исправника,—разойдитесь, а то велю стрѣлять». «Стрѣляйте!»—спокойно отвѣчаютъ ссыльные. Дальше-больше, и до насъ явственно доносится команда солдатамъ воинскаго начальника построиться фронтомъ и готовиться къ стрѣльбѣ. Видно движеніе солдатъ и мельканіе взятыхъ къ стрѣльбѣ ружей. Водворяется зловѣщая тишина, и нервы у всѣхъ напрягаются донельзя.

— Господа,—доносится рѣзкій, крикливый голосъ помощника,—если послѣ трехкратнаго предупрежденія не будетъ исполнено мое приказаніе, я велю стрѣлять. Я начинаю... ра-а-зъ...

На сторонѣ ссыльныхъ гробовое молчаніе и ни одного движенія.

«Два-а-а...» зловѣще проносится въ ночной тишинѣ, а со стороны ссыльныхъ опять гробовое молчаніе и ни одного движенія. Меня охватилъ ужасъ. «Неужели,—думаю я,– изъ такого ничтожнаго и глупаго дѣла, которое выѣденнаго яйца не стоитъ, будетъ пролита человѣческая кровь?»... а между тѣмъ, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, это очень легко могло случиться. «Нѣтъ,—рѣшаю я,—будетъ грѣшно, если я не попытаюсь воспрепятствовать этому безобразію». Сильно взволнованный, я бросился къ тутъ же стоявшему «обществу» и съ жаромъ началъ его стыдить:

— Неужели,—говорилъ я,—вамъ, господа, не стыдно? Неужели вы допустите, чтобы на вашихъ глазахъ совершилось такое вопіющее дѣло? Идите же, разнимите этихъ дураковъ, уговорите ихъ, разъясните имъ, какъ глупо всѣ они поступаютъ. Я самъ бы пошелъ, да меня никто не послушаетъ...

Къ счастью, я былъ услышанъ, и на мѣсто дѣйствія бросаются докторъ, лѣсничій, мировой, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, нѣкоторыя бывшія тутъ дамы и общими силами уламываютъ ссыльныхъ выдать барышень. «Плѣнныхъ» торжественно повели въ полицейское управленіе, гдѣ составили протоколъ о происшествіи, а потомъ засадили ихъ подъ арестъ.

Какъ только «исторія» съ поля битвы перешла въ полицейское управленіе, я вслѣдъ за отступившей «арміей» пошелъ къ себѣ домой спать. На слѣдующій день утромъ городовой является съ книгой, и я, ничего не подозрѣвая, по обыкновенію расписываюсь. Днемъ выхожу на улицу и встрѣчаю исправника, который утромъ возвратился. Еще издали я вижу по его лицу, что онъ мною недоволенъ; ну, думаю себѣ, на всякое чиханье не наздравствуешься, и хочу пройти мимо. Но онъ меня останавливаетъ.

— Ахъ...—начинаетъ онъ жалобнымъ тономъ,—что вы надѣлали, что вы надѣлали? Я васъ такъ уважалъ, считалъ такимъ благоразумнымъ человѣкомъ, а вы затѣяли такое дѣло...

— Какое дѣло я затѣялъ?—спрашиваю я.

— Да какъ же! До вашей защиты все было тихо, жили себѣ ссыльные мирно, спокойно, иногда, правда, грубили, даже оскорб-

ляли, но, это—Господь съ ними, лишь бы не заводили исторій, а тутъ вдругъ вы разъяснили имъ ихъ права, они и вообразили...

Я расхохотался.

— Такъ вы думаете, что безъ меня ничего бы и не было?

— Конечно. Вы постоянно съ ними водились, имѣли на нихъ вліяніе.

— Такъ вотъ что... я вамъ скажу, теперь я могу вамъ это сказать, что если бъ не я, вы имѣли бы уже не одну такую исторію. Вы можете мнѣ вѣрить или не вѣрить, только скажу вамъ, вы плохо знаете своихъ поднадзорныхъ, если считаете меня зачинщикомъ этой дѣтской затѣи. Мой совѣтъ всю эту кашу замять и по-боку.

— Нельзя, милый человѣкъ, никакъ нельзя. Вѣдь, у этого дурака, моего помощника, тамъ въ губерніи кума, сейчасъ все будетъ извѣстно. Никакъ нельзя по-боку. И дернула же меня нелегкая поѣхать въ это время по уѣзду. Ничего бы не было, ничего... Дураки заварили кашу, а теперь поди, расхлебывай. Что-то будетъ, что-то будетъ!—и старикъ съ поникшей головой поплелся въ управленіе.

Прошла недѣля томительнаго ожиданія. Въ атмосферѣ нашего городишка чувствовалось что-то такое тяжелое, гнетущее и нездоровое. Все вдругъ какъ-то натянулось, насторожилось и сдѣлалось ужасно подозрительнымъ и боязливымъ. Либеральная мѣстная интеллигенція отъ насъ отшатнулась. Люди хорошо знакомые, которые раньше при встрѣчахъ были очень рады поговорить, какъ-то съеживались, дѣлались ужасно занятыми, спѣшили и смотрѣли въ сторону. Ссыльные тоже потеряли свой побѣдоносный вызывающій видъ и смотрѣли школьниками, которыхъ только что высѣкли. Они упорствовали, продолжали не расписываться въ явочной книжкѣ, но больше ничего не предпринимали. «Полиція» тоже далеко не имѣла тріумфальнаго вида. Не говоря уже о самомъ исправникѣ, который ходилъ, какъ въ воду опущенный, но и помощникъ имѣлъ видъ собаки съ прищемленнымъ хвостомъ. Ему, несомнѣнно, разъяснили, какую серьезную кашу онъ заварилъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, это напряженіе и томительное ожиданіе сразу разсѣялось извѣстіемъ, что ночью изъ губерніи пріѣхалъ жандармскій полковникъ.

Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ, узнаемъ, что и какъ.

Началось слѣдствіе и допросы. Полковникъ оказался человѣкомъ тонкимъ, изъ тѣхъ, которыхъ на мякинѣ не проведешь, и которые, какъ говорится, умѣютъ сразу брать быка за рога. Когда потребовали меня, и я далъ свое показаніе, я сразу увидѣлъ, что, во-первыхъ, счастливъ мой Богъ, что я вѳ-время догадался запастись доказательствами моего alibi во время бунта, а, во-вторыхъ, что особенно опасаться за участь моихъ храбрыхъ товари-

щей нечего; что дѣло, надо полагать, кончится пустяками, потому что полковникъ, несмотря на всѣ громкія и страшныя слова донесенія, отлично понялъ настоящій смыслъ этого дѣла. Дней пять прожилъ онъ у насъ и все допрашивалъ, какъ поднадзорныхъ, такъ и постороннихъ. Послѣ отъѣзда полковника опять наступила неизвѣстность и томительное ожиданіе. Барышни въ это время продолжали быть подъ арестомъ, а ссыльные одинъ за другимъ стали расписываться въ книгѣ.

Недѣльки приблизительно черезъ двѣ послѣ отъѣзда полковника, меня приглашаютъ къ судебному слѣдователю. Прихожу туда, тамъ почти всѣ наши и священникъ. Насъ приводятъ сначала къ присягѣ, а потомъ начинается уже формальное слѣдствіе, которое тянется недѣли двѣ и все вертится на одномъ и томъ же, т.-е. былъ ли со стороны барышень побѣгъ или прогулка, и было ли тутъ заранѣе обдуманное и правильно организованное сопротивленіе властямъ. Слѣдствіе, надо сказать правду, велось очень неумѣло, слѣдователь, какъ говорится, тянулъ за душу, портилъ очень много бумаги, но, наконецъ, оно кончилось, и все опять затихло.

Проходитъ еще нѣкоторое время, и вотъ въ одно прекрасное утро у полицейскаго управленія останавливаются двѣ-три тройки съ жандармами, которые берутъ барышень и еще двухъ-трехъ ссыльныхъ и увозятъ ихъ въ города, еще болѣе отдаленные, т.-е., другими словами, разбиваютъ «компанію».

Этимъ былъ исчерпанъ весь Пудожскій инцидентъ о противозаконномъ побѣгѣ и сопротивленіи властямъ.

Н. Пружанскій.

БАРОНЪ ФОНЪ-ШТЕЙНЪ.

При русской главной квартирѣ [1]).

(1812—1815).

III.

МОЖНО утверждать,—говоритъ Сенъ-Рене-Тальяндье,—что съ момента Іенской битвы вплоть до битвы при Ватерлоо, т.-е. съ 1806 по 1815 г., Штейнъ игралъ роль не простого министра, но оказался общепризнаннымъ главою оппозиціи, или, вѣрнѣе, душою всей европейской партіи, которая противостояла Наполеону [2]).

По важнѣйшему вопросу, интересовавшему міръ въ моментъ Березинскаго разгрома полчищъ Наполеона, между государемъ Александромъ и его нѣмецкимъ совѣтчикомъ существовало полнѣйшее единодушіе. Оба они стремились съ одинаковымъ рвеніемъ, которое у государя впервые получило мистическую окраску, къ ниспроверженію мірового владычества Наполеона и возстановленію европейскаго равновѣсія; оба они держались того мнѣнія, что устройство заново европейскихъ государствъ отнюдь не можетъ быть сведено къ возстановленію дореволюціонныхъ распорядковъ, но должно опереться на удовлетвореніе народныхъ интересовъ, ибо только дѣятельное участіе

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CI, стр. 862.

[2]) M. Saint-René-Taillandier. Allemagne et Russie: Le baron de Stein et la politique allemande de 1818. Paris, ed. Lévy, 1858.

самихъ народовъ въ борьбѣ съ завоевателемъ можетъ обезпечить полное торжество освободительныхъ начинаній.

Но какая же участь предстояла государствамъ, которыя все еще продолжали добровольно тянуться въ хвостѣ завоевателя и не порывали съ нимъ прежнихъ союзныхъ сношеній? Слѣдовало ли такія государства трактовать по всѣмъ строгостямъ военнаго права завоеванія, или же, если бы они въ послѣднюю минуту отступились отъ Франціи, и на нихъ и въ ихъ пользу слѣдовало распространить начало національнаго самоопредѣленія, которое составляло какъ бы политическое и нравственное обоснованіе антифранцузской коалиціи?

Въ одномъ случаѣ вопросъ уже былъ рѣшенъ въ пользу первой альтернативы: ради обезпеченія союза со Швеціею, царь обязался предоставить ей Норвегію, входившую въ составъ Даніи, а Штейнъ шелъ еще дальше и предлагалъ произвести полный раздѣлъ Даніи въ наказаніе за вѣрность ея Наполеону; иначе ставился вопросъ относительно странъ, въ предѣлы которыхъ русскія войска вступили въ концѣ декабря 1812 года, т.-е. относительно Пруссіи и герцогства Варшавскаго.

Правда, оба эти государства, заодно съ Франціею, вели войну противъ Россіи, съ послѣднею не замирились и въ сущности могли разсматриваться, какъ враги. Но лежала ли такая постановка вопроса въ интересахъ Александра, разъ онъ стремился довести до полнаго уничтоженія великаго своего противника? Проявляя враждебность къ Пруссіи и Польшѣ, Александръ только бы бросилъ оба государства окончательно въ руки Наполеона и этимъ существенно увеличилъ бы его силы.

Съ другой стороны Александръ сознавалъ, что перенесеніе войны за русскіе предѣлы мало отвѣчаетъ интересамъ Россіи.

Противъ перенесенія военныхъ дѣйствій за предѣлы Россіи настойчиво высказывались обѣ императрицы и Константинъ Павловичъ, Румянцевъ и даже безгласный Аракчеевъ. Поэтому для оправданія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій Александру казалось необходимымъ обезпечить за Россіею территоріальныя компенсаціи за счетъ Пруссіи или герцогства Варшавскаго, безразлично.

Съ этой точки зрѣнія въ интересахъ дальнѣйшаго расширенія русскихъ владѣній представлялось, пожалуй, даже желательнымъ, чтобы Пруссія и Варшавское герцогство продолжали пребывать въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи.

Вполнѣ естественно Александру приходилось считаться съ разными возможностями. Онъ предлагалъ и прусскому королю возстановить его королевство въ прежнемъ видѣ и предписывалъ русскимъ войскамъ не относиться къ прусскимъ, какъ къ врагамъ; съ другой стороны, императору Францу внушалось подъ рукою занять прежнія владѣнія, а черезъ Анштетта съ командующимъ

австрійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ заводились переговоры о томъ, чтобы показную войну преобразить въ формальное перемиріе. Хотя Анштеттъ и увѣрялъ, будто «возстановленіе Польши такъ же мало входило въ планы Петербургскаго кабинета, какъ и перемѣна династіи во Франціи», Александръ въ это самое время пребывавшимъ въ Россіи польскимъ патріотамъ, съ Михаиломъ Огинскимъ во главѣ, сулилъ возстановить Польшу, полякамъ русской Польши, перешедшимъ на сторону Наполеона, даровалъ амнистію, а на запросъ Чарторижскаго 13-го января 1813 года отвѣчалъ, будто сердечнымъ его желаніемъ является установленіе между Россіею и Польшею уніи и исправленіе прегрѣшеній раздѣловъ Польши чрезъ объединеніе Польши—«par la réunion de tout ce qui a fait autrefois la Pologne». Чарторижскому государь писалъ тайкомъ, упреждая его, что если лелѣемые государемъ планы насчетъ возстановленія Польши сдѣлаются общественнымъ достояніемъ, то это броситъ Пруссію и Австрію въ объятія Франціи. «Ces difficultés,—прибавлялъ государь,—avec de la sagesse et de la prudence seront vaincues, mais pour y parvenir il faut, que vous et vos compatriotes me secondiez. Ainsi tout, ce que les polonais feront pour aider à ces succès, sera fait en même temps pour réaliser leurs espérances»[1]). Дѣлалось это за спиною у Штейна; тутъ между единомышленниками уже начинали выступать наружу національныя противорѣчія и рознь: Штейнъ, конечно, могъ интересоваться главнымъ образомъ выгодами Германіи, а царь—Россіи.

При такой запутанности отношеній очевидно рѣшающимъ моментомъ было, кто первый: Пруссія или Польша, присоединится къ Россіи въ дѣлѣ освобожденія западно-европейскихъ народовъ. Если бы Пруссія поспѣшила вступить въ союзъ съ царемъ, она предотвратила бы этимъ осуществленіе польскихъ плановъ и могла бы сама поживиться на счетъ Польши территоріями, которыя бы слили воедино Восточную Пруссію съ Силезіей. Поторопись Польша примкнуть къ Александру, возможнымъ оказалось бы для нея расшириться на счетъ польскихъ провинцій Пруссіи. Русскія предложенія, однако же, разбивались о нерѣшительность союзниковъ. Австрія тяготѣла къ Наполеону по завязаннымъ тѣснымъ родственнымъ связямъ между обѣими династіями; поляки колебались, потому что оказаться перебѣжчиками въ недавно еще враждебный лагерь имъ представлялось зазорнымъ, а прусскій король, запуганный прежними опытами, продолжалъ дѣйствовать крайне неопредѣленно и двусмысленно. Штейнъ еще передъ отъѣздомъ го-

---

[1]) Всѣ эти затрудненія съ помощью мудрости и осторожности будутъ побѣждены, но для достиженія этого нужно, чтобы вы и ваши соотечественники оказали мнѣ содѣйствіе. Такимъ образомъ все, что поляки сдѣлаютъ для поддержанія моихъ успѣховъ, послужитъ въ то же время для осуществленія и ихъ надеждъ.

сударя направилъ дипломатическимъ путемъ лично отъ себя письмо къ Фридриху-Вильгельму III, въ которомъ умолялъ короля обратить дарованную ему отъ Бога власть на избавленіе Пруссіи отъ французскихъ цѣпей. «Тогда, государь, уже не станутъ говорить о васъ, будто вы являетесь орудіемъ чужеземной тираніи для подавленія благородныхъ порывовъ у вашего же народа, обрекаемаго на униженіе и развращеніе». Писалъ Александръ королю прусскому и самъ непосредственно изъ Вильны, отъ 25-го декабря 1812 года, вызываясь не складывать оружія, доколѣ Пруссія не будетъ возстановлена въ прежнемъ блескѣ, но прусскій кабинетъ или отмалчивался или отыгрывался увѣреніями, что когда русскія войска переправятся чрезъ Вислу, а король изъ Берлина переѣдетъ въ Силезію, онъ не преминетъ отвѣтить на предложеніе, пока же не можетъ «keine Parthie nehmen».

Въ дѣйствительности Фридрихъ-Вильгельмъ относился съ недовѣріемъ и къ самому себѣ и своему народу, къ австрійцамъ и русскимъ—настолько проникся онъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости, геніальности и энергіи Наполеона; наиболѣе отважный среди ближайшихъ совѣтчиковъ короля, Гарденбергъ, въ лучшемъ случаѣ, допускалъ совмѣстное вооруженное посредничество Пруссіи и Австріи въ цѣляхъ установленія мира между Россіею и Франціею на основѣ Люневильскаго трактата. На дальнѣйшія настоянія дать отвѣтъ на сдѣланныя ему предложенія Фридрихъ-Вильгельмъ III чрезъ генерала фонъ-Натцмера заявилъ ни съ чѣмъ несообразныя требованія: цѣною навязываемаго ему союза онъ ставилъ не только присоединеніе Данцига, но и значительной части Южной Пруссіи, входившей въ составъ Варшавскаго герцогства [1]). Такія претензіи могли казаться тѣмъ болѣе странными, что ни король, ни Гарденбергъ пока не предпринимали ничего такого, что могло бы послужить на благо будущей коалиціи.

Къ чести Германіи и Пруссіи нужно, впрочемъ, сказать, что нѣмецкій народъ не раздѣлялъ малодушной трусости прусскаго короля: если дворянская партія, въ 1807 году вкупѣ съ французами низвергшая Штейна, и продолжала коснѣть на устарѣлыхъ традиціяхъ Фридриха Великаго, то либералы и партія реформъ довольно рѣшительно ставили самое оправданіе дальнѣйшаго существованія прусской монархіи въ зависимость отъ того, захочетъ ли она ополчиться за Германію въ интересахъ освобожденія ея отъ иноземнаго ига.

Подтвержденіе воли императора Александра прійти на помощь Пруссіи для возстановленія прежняго ея значенія, высказанное въ письмѣ къ генералу Паулуччи отъ 6-го декабря 1812 года, объявленномъ во всеобщее свѣдѣніе, окрылило населеніе Пруссіи

---

[1]) Aus dem Leben d. Generals O. von Natzmer. 1876, т. I, стр. 94 и сл.

свѣтлыми надеждами и возымѣло довольно неожиданное послѣдствіе: генералъ Іоркъ, въ сущности нарушивъ присягу прусскому королю и вопреки приказу послѣдняго беспрекословно повиноваться маршалу Макдональду, перешелъ самовольно съ прусскимъ корпусомъ на сторону Россіи, заявивъ готовность дѣйствовать сообща съ русскими войсками противъ Наполеона. 10-го января 1813 года генералъ Іоркъ предложилъ императору Александру заключить съ нимъ по этому предмету конвенцію. Александръ Павловичъ приказалъ было Витгенштейну справиться у генерала Іорка, уполномоченъ ли онъ на эти дѣйствія своимъ государемъ, но, по настояніямъ Штейна, въ это именно время прибывшаго въ главную квартиру, было рѣшено къ предложеніямъ Іорка отнестись проще — Кутузову поручили написать Іорку изъ Лыка 20-го января 1813 года, что императоръ съ удовольствіемъ извѣстился о желаніи прусскаго корпуса примкнуть къ дальнѣйшимъ операціямъ противъ Наполеона, и что императоръ Александръ охотно принимаетъ это предложеніе. Письмо Кутузова было доставлено чрезъ особаго курьера 21-го января къ генералу Іорку, и въ этотъ же день онъ отдалъ приказъ по корпусу о немедленномъ наступленіи въ направленіи къ Вислѣ. Хотя распоряженія мятежнаго генерала 19-го января вызвали королевское повелѣніе о смѣщеніи и заарестованіи Іорка, съ подтвержденіемъ корпусу приказанія вернуться въ распоряженіе французскихъ военныхъ властей, это повелѣніе оказалось мертвою буквою, а прусскіе патріоты въ свою очередь направили къ Штейну депутацію въ лицѣ фонъ-Марвитца, графа Шуленбургъ-Кенерта, Рюле фонъ-Лиліенштерна и Ротерта; депутація, описавъ возбужденное состояніе умовъ въ Берлинѣ, просила ускорить занятіе столицы русскими войсками.

Смѣлый поступокъ Іорка оказалъ немедленное и существенное вліяніе на развитіе военныхъ дѣйствій. Останься прусскія войска вѣрными присягѣ и Наполеону, они могли бы задержать наступленіе русскихъ войскъ, ибо корпусъ Іорка далеко не такъ пострадалъ, какъ великая армія послѣ Березинскаго разгрома; съ переходомъ же Іорка на сторону Россіи весь край вплоть до Вислы очутился безъ выстрѣла въ рукахъ Александра, что̀ открывало и пути къ дальнѣйшему движенію.

Рѣшительность дѣйствій генерала Іорка несомнѣнно была подготовлена закулисными стараніями Штейна. (Объ этомъ мы упоминали уже въ главѣ II-й: см. сентябрьскую книгу «Историческаго Вѣстника», стр. 887—888). «Безъ повелительной вліятельности Штейна,— писалъ и въ эту пору генералъ Пфуль,—мы никогда бы не перешли чрезъ Нѣманъ».

Въ эту пору Штейнъ окончательно завладѣваетъ умомъ императора Александра и въ теченіе послѣдующихъ 18 мѣсяцевъ направляетъ къ общей цѣли самыя трагическія событія исторіи. Въ тотъ

моментъ, подчеркиваетъ Сенъ-Рене-Тальяндье, «когда Россія пріостановилась, а Пруссія и Австрія трусили своихъ замысловъ и не осмѣливались даже въ нихъ признаться, Штейнъ сильною своею рукою объединилъ эти разрозненные элементы. Не неся никакого званія, не имѣя офиціальнаго авторитета, онъ заправляетъ словно обширнымъ министерствомъ; заводитъ своихъ агентовъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ; подготовляетъ дипломатическія негоціаціи, устраняетъ препятствія, умножаетъ рессурсы, обращается непосредственно къ народамъ и общественному мнѣнію Европы, исподтишка разжигаетъ народныя страсти, которыя скоро вспыхнутъ яркимъ пламенемъ, и отъ самыхъ высшихъ до низшихъ его бодрствующая заботливость никого не минуетъ. Со всякимъ ведетъ Штейнъ соотвѣтствующія бесѣды—съ Александромъ онъ пылокъ, великодушенъ и рыцарственъ, съ Румянцевымъ надменнъ и ироничнъ; съ кабинетами прусскимъ и австрійскимъ онъ лукавитъ, какъ заправскій дипломатъ, предъ массами же выступаетъ чуть ли не революціонеромъ. Ко всѣмъ обращается онъ съ кличемъ—пусть разгорятся всѣ страсти, лишь бы Европа ополчилась противъ Наполеона».

Призываетъ онъ на войну даже военныхъ, извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія Германіи, но удалившихся въ отставку послѣ разгрома Пруссіи: Вальмодену, своему шурину, приглашая его встать во главѣ нѣмецкаго легіона, Штейнъ пишетъ: «Венцингероде и Теттенборнъ добываютъ себѣ славу, а вы съ вашими способностями все еще шатаетесь по Европѣ, какъ туристъ», а Гнейзенау, загостившійся по дѣламъ въ Англіи, получилъ отъ Штейна короткую записку: «Усердно и убѣдительно прошу васъ пріѣхать скорѣе. Не зачѣмъ проживаться въ Англіи, когда французы дерутся съ русскими изъ-за Германіи. Настоятельно прошу васъ, пріѣзжайте. Прощайте и пріѣзжайте поскорѣе» [1]).

Общегосударственныя политическія послѣдствія самоволія генерала Іорка сказались также быстро: 18-го января, въ Рачкахъ, Штейнъ уже представилъ государю выработанную имъ же самимъ для себя инструкцію. Въ ней государь заявлялъ: «Nous avons jugé indispensable de prendre provisoirement les mesures de surveillance et de direction pour guider les autorités provinciales et utiliser les ressources du pays en faveur de la bonne cause» [2]). Прусскія провинціи и впредь предполагалось сохранить за законнымъ ихъ государемъ, а потому миссіи Штейна, «вѣрнѣйшаго подданнаго прусскаго короля», придавался временный характеръ. Обосно-

---

[1]) Saint-René Taillandier. Allemagne et Russie. Le baron de Stein et la politique allemande de 1813, стр. 67.

[2]) «Мы признали за благо временно предпринять мѣры для надзора и руководства въ отношеніи дѣйствій мѣстныхъ властей, а равно и для использованія рессурсовъ края въ интересахъ благого дѣла».

вывалась эта миссія тѣмъ, что обѣ провинціи (Восточная и Западная Пруссія) военными событіями отрѣзаны отъ центральнаго своего правительства, а отношенія Россіи къ прусскому двору пока все еще не выяснены. Задачею уполномоченному ставилось озаботиться использованіемъ вспомогательныхъ средствъ страны въ интересахъ общаго благого предпріятія и начатыхъ Россіею военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. Штейну предписывалось имѣть смотрѣніе за правильнымъ поступленіемъ и управленіемъ общественныхъ доходовъ, за наложеніемъ секвестра на имущества, принадлежащія французамъ и ихъ союзникамъ, озабочиваться доставленіемъ для русскихъ войскъ необходимыхъ продовольственныхъ и перевозочныхъ средствъ; что касается мѣстнаго населенія, то Штейну предлагалось призвать его въ скорѣйшемъ времени подъ знамена, частью въ видѣ ландвера, а частью и ландштурма. Для быстраго осуществленія поручаемой ему задачи Штейнъ воленъ былъ принимать мѣры, какія заблагоразсудитъ; онъ уполномочивался обращаться къ содѣйствію чиновниковъ, какихъ призналъ бы для этого удобными, онъ могъ смѣщать и удалять чиновниковъ неспособныхъ и зловредныхъ и подвергать надзору и аресту лицъ неблагонадежныхъ.

Такимъ образомъ, помимо воли Фридриха-Вильгельма, изгнанный изъ Пруссіи всего три года назадъ, Штейнъ вернулся туда полнымъ властелиномъ-диктаторомъ и приступилъ, не дождавшись на то согласія короля, къ осуществленію отважныхъ мѣропріятій, одни помыслы о которыхъ вызвали въ 1809 году противъ него опалу. Прежніе противники теперь трепещутъ предъ Штейномъ, и онъ является героемъ, которому рукоплещетъ весь нѣмецкій народъ [1]).

Выполненіе инструкціи, данной Штейну чужестраннымъ правительствомъ, въ значительной мѣрѣ именно тѣмъ и облегчилось, что настроеніе населенія рѣшительно сказывалось въ пользу Россіи: мѣщанство и крестьянство при мысли объ окончательномъ отторженіи отъ французскихъ интересовъ ликовало повсемѣстно. Большинство разсчитывало, что король наконецъ надумается и вступитъ въ союзъ съ Россіею, меньшинство же счастливый исходъ усматривало въ томъ, чтобы король попалъ въ руки французскихъ войскъ и освободилъ отъ своего присутствія Пруссію, такъ какъ въ этомъ лишь случаѣ и войско, и народъ безпрепятственно использовали бы полностью ту силу дѣятельности, на которую были способны.

Съ другой стороны, благодаря такту Штейна, ему удалось устранить тѣ недоразумѣнія, какія обыкновенно вызываетъ постой иноземныхъ войскъ въ мирной странѣ. Въ главѣ II-й мы уже имѣли

---

[1]) Saint-René Taillandier. Loc. cit., p. 70.

случай указать (на стр. 903), что Штейнъ заблаговременно обращалъ вниманіе государя на то, что довольствованіе русскихъ войскъ въ прусскихъ областяхъ хотя и слѣдуетъ установить реквизиціоннымъ способомъ, но при этомъ надлежитъ избѣгать безобразнаго произвола Наполеона. Штейнъ предложилъ и сумѣлъ провести привлеченіе къ этимъ операціямъ провинціальныхъ властей и установленіе соглашеній на счетъ военныхъ поставокъ, безобидное для обѣихъ сторонъ. Цѣны по поставкамъ припасовъ для русскихъ войскъ въ Пруссіи, а затѣмъ и во всей Германіи, по свидѣтельству Тургенева, нерѣдко даже падали ниже нормальной стоимости продуктовъ, а ликвидація денежныхъ расчетовъ между Россіею и Германіею по произведеннымъ въ теченіе всей войны поставкамъ,—прибавимъ мы здѣсь же, чтобы не возвращаться опять къ этому предмету,—состоялась, не вызвавъ никакихъ недоразумѣній [1]).

Еще 11-го января 1813 года 29 нотаблей Южной и Восточной Пруссіи обратились къ королю съ настойчивою просьбою принять наконецъ рѣшеніе, которое одно только могло спасти страну, а именно: заключить союзъ съ Россіею. Въ свою очередь нѣкій фонъ-деръ-Гро́бенъ отъ имени многочисленныхъ единомышленниковъ приглашалъ всѣ округа тѣхъ же провинцій прислать представителей на общій съѣздъ въ Кенигсбергъ для пріисканія наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ возрожденію униженной отчизны путемъ пробужденія единодушія и обезпеченія странѣ свободы и прочнаго успокоенія, такъ какъ лишь чрезъ это возможно обезпечить личное счастіе и благосостояніе каждому.

Иначе держала себя прусская бюрократія. На предписаніе Штейна созвать ландтагъ (земское провинціальное собраніе) президенты Литвы, Западной и Восточной Пруссіи отмалчивались или уклонялись его исполнить, ссылаясь на полученныя инструкціи и неимѣніе соотвѣтствующихъ приказаній свыше, но Штейнъ заговорилъ повелительнымъ тономъ и, какъ онъ увѣдомилъ государя Александра Павловича: «L'esprit public etait monté, tous les coeurs remplis de sentiments de vengeance et de haine contre l'oppresseur et ses satellites et les régences n'ont pu s'opposer à son élan» [2]). Въ земскомъ собраніи сословій, за отказомъ президентовъ отъ предсѣдательствованія, эту роль на себя принялъ генералъ Іоркъ, и провинціи съ полною предупредительностью пошли навстрѣчу требованіямъ, заявленнымъ со стороны Штейна.

Въ своихъ прокламаціяхъ къ населенію Штейнъ, между прочимъ, писалъ:

---

[1]) N. Tourgueneff. La Russie et les russes. T. I, стр. 67.

[2]) Сказался подъемъ общественнаго сознанія, всѣ сердца преисполнились чувствомъ ненависти и мести противъ угнетателя и его сателлитовъ, и провинціальное управленіе, конечно, такого взрыва народныхъ чувствъ побороть не могло.

«Прусскія власти все еще находятся подъ французскимъ вліяніемъ и неспособны принять свободнаго, самостоятельнаго рѣшенія. Между тѣмъ, мѣра, о которой здѣсь говорится, не можетъ быть предоставлена на вынужденное рѣшеніе властей. Обстоятельства представляются неотложными. Русская армія получаетъ довольствіе и жалованье въ бумажныхъ деньгахъ, которыя служили въ имперіи главнымъ средствомъ обращенія; офицеры и солдаты поэтому должны быть и здѣсь поставлены въ такое положеніе, чтобы найти удовлетвореніе разнообразнѣйшимъ своимъ потребностямъ, поскольку довольствіе имъ производится не натурою отъ русской казны; съ другой стороны, и русскія государственныя кассы нельзя ставить въ затрудненія, которыя бы сдѣлали для Россіи невозможнымъ самое веденіе войны за границею. При всемъ томъ надлежитъ принять во вниманіе и истинную цѣль войны. Дѣло идетъ вѣдь не о защитѣ Россіею ея самостоятельности, ибо минувшія событія таковую вполнѣ обезпечили. Теперешняя война не преслѣдуетъ и завоевательныхъ цѣлей, порукою чему являются какъ манифесты, такъ и благородныя побужденія его величества императора. Война главнымъ образомъ направлена къ возстановленію самостоятельности Германіи и Пруссіи. Поэтому содѣйствовать такимъ начинаніямъ вмѣняется въ прямую обязанность каждому здравому и толковому человѣку, хотя бы для того пришлось жертвовать даже и своею кровью и достаткомъ. По этимъ причинамъ я повторяю свое предписаніе Regierung-Kollegium'у сегодня же объявить во всеобщее свѣдѣніе распоряженіе о допущеніи къ обращенію русскихъ бумажныхъ денегъ».

Въ другой прокламаціи, призывавшей населеніе къ отправленію воинской повинности, Штейнъ говоритъ: «Кто не хочетъ дѣлить съ своимъ народомъ счастія и несчастія, бѣдствій и смерти, тотъ не достоинъ и жить среди насъ и, какъ малодушный негодяй (Bube), подлежитъ изгнанію или истребленію. Съ Божьею помощью ландверъ и ландштурмъ доставятъ нѣмцамъ то, чего они столь страстно добиваются». Въ заключеніе Штейнъ высказываетъ свою военно-политическую программу: «Если нѣмецкіе люди желаютъ въ будущемъ жить въ чести, они должны отвоевать себѣ давнишнія нѣмецкія границы въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ къ Господу Богу возносятся моленія на нѣмецкомъ языкѣ. Рейнъ и чудныя нѣмецкія поселенія по ту его сторону должны быть нами отвоеваны обратно, ибо доколѣ Рейнъ будетъ принадлежать французамъ, этотъ вѣроломный и хищный народъ станетъ держать подъ своею пятою не одну Германію, но и всю Европу».

Прокламаціи Штейна подчасъ угрожали и тяжелою карою: такъ, «чиновники, которые провинятся въ доставленіи непріятелю подводъ, припасовъ, рабочихъ рукъ или денежнаго вспособленія,

либо явятся въ томъ соучастниками, будутъ сочтены за измѣнниковъ отечеству».

Со свойственною ему рѣшительностью Штейнъ пошелъ еще дальше. Онъ собственною властью открылъ прусскіе порты англійскимъ судамъ и отмѣнилъ континентальный таможенный тарифъ. «Закрытіе портовъ, — пояснялъ онъ въ докладѣ императору Александру, представленномъ post factum,—настолько обезцѣнило земельную собственность, что даже состоятельныя и богатыя семьи землевладѣльцевъ не могутъ выплачивать своимъ кредиторамъ хотя бы процентовъ, а ихъ опустошенныя войнами имѣнія лежатъ впустѣ». «Кромѣ того,—говоритъ Штейнъ дальше,—хищенія Наполеона и грабежи, учиненные его маршалами и цѣлымъ сонмищемъ титулованныхъ и нетитулованныхъ проходимцевъ (Gauner), настолько истощили страну, что даже трудно себѣ это и представить». Не менѣе рѣзки въ этомъ же докладѣ нападки Штейна на континентальную систему. «Континентальный тарифъ,—объясняетъ онъ,—былъ построенъ на нелѣпомъ началѣ, во-первыхъ, уничтоженія обмѣна между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, который для обѣихъ сторонъ былъ источникомъ богатства, трудолюбія и наслажденій, а, во-вторыхъ, упразднялись установленныя самою природою вещей торговыя сношенія между Англіею и балтійскими портами, а для послѣднихъ Великобританія составляла если не единственный, то главный рынокъ. Континентальный тарифъ во всей его послѣдовательности не соблюдался даже и самимъ Наполеономъ. Допуская льготы по изъятію изъ-подъ дѣйствія его же злодѣйскихъ законовъ и продавая ихъ подъ названіемъ «лицензій», онъ вводилъ въ разореніе всѣхъ своихъ вассаловъ и ихъ торговлю, а его маршалы, генералы и консулы цѣною золота покрывали контрабандный торгъ».

Возстановивъ въ прусскихъ провинціяхъ, ввѣренныхъ его попеченію, свободу торговли, Штейнъ потребовалъ и получилъ отъ мѣстнаго купечества взносъ авансомъ 300.000 талеровъ, которые и передалъ генералу Іорку для расходовъ по ремонту снаряженія его корпуса.

Отъ земскаго же собранія Штейнъ безъ труда добился того, что провинціи обязались въ короткое время выставить 20.000 человѣкъ ландвера.

Осуществивъ въ какой нибудь мѣсяцъ всѣ эти начинанія, Штейнъ послѣ 7-го февраля 1813 года вернулся уже въ русскую главную квартиру.

Немедленно по прибытіи въ Плоцкъ онъ представилъ государю памятную записку, начинающуюся такъ: «Существенная цѣль, къ которой надлежитъ нынѣ стремиться, это—положить предѣлъ прусскимъ колебаніямъ и занять войсками возможно большую часть Германіи». Причины прусскихъ колебаній Штейнъ оцѣнивалъ безъ прикрасъ. «Положеніе, занятое Пруссіею, объясняется пагубною на-

клонностью короля избѣгать вообще какихъ либо рѣшеній и наклонностью Гарденберга принимать рѣшенія съ медлительностью». Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ проволочкамъ и добиться осуществленія союза съ Пруссіею, Штейнъ вызывался съѣздить въ Бреславль для переговоровъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, такъ какъ туда была перенесена королевская резиденція.

Государь на это изъявилъ согласіе, и Штейнъ вмѣстѣ съ Анштеттомъ отправился въ Бреславль для передачи королю письма Александра Павловича, отъ 24-го февраля, и проекта союзнаго договора, составленныхъ самимъ же Штейномъ.

Въ письмѣ къ королю государь не скрывалъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него заявленнымъ Наполеону отъ Пруссіи предложеніемъ склонить коалицію на перемиріе; государь настаивалъ на томъ, чтобы король принялъ наконецъ рѣшеніе, такъ какъ дальнѣйшія затяжки только послужатъ къ выгодѣ общаго врага. Письмо заканчивалось собственноручною припискою государя, направленной къ устраненію происковъ Гарденберга, Кнезебека и Ансильона, поселявшихъ въ королѣ недовѣріе къ Штейну: «Баронъ фонъ-Штейнъ несомнѣнно одинъ изъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ вашего величества. Онъ теперь почти уже годъ пребываетъ у меня, и за это время я научился цѣнить его только еще выше. Онъ освѣдомленъ о моихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ относительно Германіи и сообщитъ вамъ ближайшія подробности».

Проектъ договора начинался многознаменательнымъ заявленіемъ: «Полное уничтоженіе вторгшихся въ глубь Россіи вражескихъ силъ подготовило настоящую великую эпоху освобожденія для государствъ, которыя захотятъ сбросить ярмо, наложенное на нихъ издавна Франціею... По милости Провидѣнія вскорѣ наступитъ время, когда договоры, не обозначая собою только перемирія, станутъ соблюдаться добросовѣстно, со священною ненарушимостью, обезпечивающею за государствами безопасность, мощь и уваженіе».

Гарантируя своему союзнику неприкосновенность Восточной и Западной Пруссіи, что̀ низводило Таурогенскую конвенцію и рѣшенія, проведенныя на провинціальномъ земскомъ собраніи, къ истинному ихъ смыслу, государь, въ предупрежденіе чрезмѣрныхъ партикуляристическихъ домогательствъ Пруссіи, заранѣе соглашался отдѣлить отъ Варшавскаго герцогства такую территорію, какая въ военномъ и географическомъ отношеніяхъ окажется необходимой для соединенія Старой Пруссіи съ Силезіею. Дальнѣйшія территоріальныя усиленія, которыя бы дали Пруссіи возможность возстановить утраченное могущество, ставились въ зависимость отъ участія Фридриха-Вильгельма въ дѣлѣ освобожденія Германіи. Такимъ образомъ будущая война получала для Пруссіи значеніе борьбы за существованіе и въ то время, какъ Россія обязывалась выставить на ратное поле 150.000 солдатъ, Пруссіи ставилось въ

15*

обязанность сверхъ постоянной 80-ти-тысячной арміи выставить столько запасныхъ и ратниковъ ополченія, сколько она сможетъ.

Въ Бреславлѣ Штейнъ въ дорожномъ экипажѣ подъѣхалъ прямо ко дворцу и имѣлъ продолжительныя бурныя объясненія съ королемъ; тутъ безъ всякихъ околичностей Фридриху-Вильгельму было поставлено на видъ, что если онъ и теперь не захочетъ использовать средствъ обороны, которыя его подданными ставятся въ его распоряженіе по всенародной волѣ, и если онъ еще дальше станетъ уклоняться отъ поддержанія усилій, направляемыхъ Россіею къ возстановленію Прусской монархіи, то королю неминуемо придется считаться съ революціею, и, весьма вѣроятно, первый призывъ къ ней воспослѣдуетъ со стороны арміи [1]. Когда вслѣдъ затѣмъ Анштеттъ предъявилъ свои полномочія и проектъ договора королю, договоръ тутъ же въ присутствіи Гарденберга и Штейна былъ подписанъ 24-го февраля 1813 г. безъ возраженій и измѣненій.

Штейнъ своею откровенною правдивостью въ объясненіяхъ, конечно, навлекъ на себя неудовольствіе короля, и когда тотчасъ же по пріѣздѣ въ Бреславль баронъ занемогъ нервною горячкою, больного его помѣстили на задворкахъ дворца, въ грязной мансардѣ. «Придворные въ Бреславлѣ,—разсказываетъ Арндтъ,—избѣгали Штейна, словно чумы, опасаясь посѣщеніями больного и проявленіемъ къ нему участія навлечь на себя подозрѣнія и немилость свыше. Правда, впрочемъ, когда оберъ-гофмейстеръ князь Витгенштейнъ (прежде постоянно интриговавшій противъ Штейна) прислалъ сказать больному, что предполагаетъ его посѣтить, Штейнъ посланцу князя объявилъ: «Князь, конечно, воленъ ко мнѣ пріѣхать, но пусть онъ не будетъ на меня въ претензіи, если я прикажу его спустить внизъ по лѣстницѣ» [2].

Только по пріѣздѣ въ Бреславль императора Александра Павловича и послѣ личнаго его посѣщенія и вниманія, оказаннаго больному, Штейнъ былъ перемѣщенъ на лучшую квартиру, и Прусскій дворъ противъ воли началъ за нимъ ухаживать. На этотъ эпизодъ намекаетъ и Омптеда въ письмѣ къ гр. Мюнстеру, отъ 14-го марта

---

[1]) Подробности объ этомъ см. въ письмѣ кн. Долгорукова къ Кутузову, датированномъ изъ Кёнигсберга отъ 14-го января 1813 г.; опубликовано оно Т. Тиманомъ въ «Historische Zeitschrift» за 1900 г. кн. 84, стр. 237 и сл.

[2]) Arndt. Meine Wanderungen. Стр. 130. Рѣзкостями, впрочемъ, Штейнъ никогда не стѣснялся: такъ, въ 1805 г. онъ посадилъ нѣкоего барона, служившаго сборщикомъ податей, за казнокрадство въ тюрьму. Баронъ, имѣвшій связи при дворѣ, получилъ помилованіе и имѣлъ дерзость явиться представиться министру, ссылаясь на то, что его величество имѣлъ милость его реабилитировать. Штейнъ, пригрозивъ барону палкою, приказалъ ему немедленно убираться вонъ. «Пусть Господь Богъ и даровалъ королю право помилованія, но никакой король изъ мошенника порядочнаго человѣка не сдѣлаетъ». Тамъ же, стр. 133.

1813 г.: «Stein a été accueilli ici froidement.... Le roi ne lui a pas donné la moindre preuve d' interêt pendant toute sa maladie assez grième»[1]), а Штейнъ въ письмѣ къ женѣ, отъ 10-го марта, признается: «la bassesse des hommes me degoute encore plus que leur méchanceté me blesse»[2]). Передъ царемъ Штейнъ выразился сдержаннѣе: «Король холоденъ; онъ имѣетъ половинчатыя желанія и не питаетъ довѣрія ни къ себѣ, ни къ своему народу; онъ боится, что Россія толкнетъ его въ пропасть, и французы вскорѣ опять подступятъ къ Вислѣ». Истолкованіе пессимистичному настроенію короля Штейнъ усматривалъ, съ одной стороны, въ личныхъ его свойствахъ, а, съ другой стороны, и въ атмосферѣ ничтожества и вѣроломства, какая его окружала (здѣсь Штейнъ имѣетъ въ виду ближайшій антуражъ короля—престарѣлаго фельдмаршала Калькрейта, министра Гольтца, начальника полиціи Бюлова, Кнезебека, Ансильона и князя Витгенштейна).

На самомъ дѣлѣ король, затаивъ обиду, нанесенную его самолюбію бреславльскими объясненіями Штейна, возненавидѣлъ его на всю жизнь такъ же, какъ и генерала Іорка, и этимъ объясняется то недовѣріе и отчужденіе, какое неизмѣнно впослѣдствіи встрѣчалъ нѣмецкій патріотъ отъ прусскаго двора и правительства.

Оставляя въ сторонѣ интриги, съ которыми въ 1812 г. не замедлили выступить король англійскій, въ качествѣ короля Ганноверскаго, и Бернадотъ съ цѣлью выкраиванія себѣ территоріальныхъ прирѣзокъ за счетъ Германіи, достаточно сказать, что Штейнъ сумѣлъ убѣдить государя Александра Павловича не предрѣшать окончательнаго устроенія судебъ Германіи, но отложить этотъ вопросъ, доколѣ Германія не освободится отъ французскаго ига. Впредь до этого момента Штейнъ полагалъ возможнымъ подчинить занимаемыя коалиціонными войсками области Германіи особому «совѣту управленія» съ диктаторскою властью.

Объ этомъ conseil administratif central dictatorial Штейнъ подробно докладывалъ Александру Павловичу еще въ сентябрѣ 1812 года.

Союзники имѣли объявить нѣмецкому народу особою прокламаціею о политическихъ началахъ, которымъ предполагалось слѣдовать въ отношеніи нѣмецкаго населенія, предоставивъ ему политическія вольности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Штейнъ предлагалъ временно учредить такой правительственный органъ, на обязанности котораго лежало бы использовать противъ Наполеона способы, средства и матеріальныя силы областей и странъ, занимаемыхъ союзными войсками (т.-е. на первый разъ Сѣверной Германіи).

---

[1]) «Штейнъ былъ здѣсь принятъ холодно... Король не выразилъ ему ни малѣйшаго знака вниманія въ теченіе всей его довольно тяжелой болѣзни».

[2]) Низость людей мнѣ гораздо болѣе противна, чѣмъ ихъ злоба.

Союзники сочли пока своевременнымъ приступить къ осуществленію лишь второй части задачи, намѣченной Штейномъ: комиссія, въ составъ которой Александромъ были назначены Штейнъ и Нессельроде, а Фридрихомъ-Вильгельмомъ—Гарденбергъ и Шарнгорстъ, въ одномъ засѣданіи, 19-го марта 1813 г., пришла къ заключеніямъ, составлявшимъ перифразъ записки, поданной Штейномъ государю Александру Павловичу въ сентябрѣ 1812 г.; докладъ комиссіи тотчасъ же былъ утвержденъ обоими государями.

Генеральный военный комиссаріатъ, или центральный совѣтъ управленія, облекался неограниченною властью. На первое время представители въ совѣтъ назначались только отъ Россіи и Пруссіи, а остальнымъ державамъ, участницамъ коалиціи, назначеніе представителей въ совѣтъ предоставлялось лишь впослѣдствіи, когда онѣ примутъ фактически участіе въ войнѣ—это ограниченіе было направлено не столько противъ Англіи, сколько противъ Швеціи, такъ какъ Бернадотъ проявлялъ претензіи въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ реальнымъ услугамъ Швеціи на пользу общаго дѣла. Въ устраненіе поліархіи Штейнъ позднѣе настоялъ на томъ, чтобы всѣ мелкіе нѣмецкіе государи, которые примкнули бы къ коалиціи, сообща назначили въ совѣтъ управленія только одного отъ всѣхъ ихъ представителя отъ себя. Въ то же время Штейнъ провелъ въ комиссіи рѣшеніе, согласно коему совѣту было предоставлено факультативное право «d'appeler auprès de lui des personnes, qui jouissent de la confiance de leurs compatriotes» [1]).

Главною задачею совѣта ставилось учреждать въ занимаемыхъ областяхъ временныя правительства, имѣть за мѣстными властями строгое наблюденіе и преподавать имъ къ руководству начала, по которымъ вспомогательные источники занимаемыхъ странъ подлежать будутъ использованію въ интересахъ общаго дѣла.

Кругъ вѣдомства комитета не распространялся на прежнія владѣнія королей прусскаго и ганноверскаго, но остальная Германія подраздѣлялась на 5 районовъ или отдѣловъ, при чемъ во главѣ каждаго ставились военный и гражданскій губернаторъ и необходимое число чиновниковъ для завѣдыванія мѣстными дѣлами.

Комитету предоставлялось право замѣщать эти должности; подъ непосредственнымъ же наблюденіемъ комитета губернаторы каждаго района имѣли производить заготовку военнаго продовольствія и всеобщій призывъ рекрутъ для образованія линейныхъ войскъ, ландвера и ополченія по прусскому образцу; войска эти не подлежали обращенію ни на какую иную цѣль, кромѣ обороны Германіи отъ французскихъ нападеній, а самое образованіе воин-

---

[1]) «Призывать въ свой составъ лицъ, которыя пользуются довѣріемъ соотечественниковъ».

скихъ частей изъ призывныхъ имѣло происходить, вливаясь въ кадры особыхъ корпусовъ союзныхъ войскъ.

Первая часть первоначальной программы Штейна породила при своемъ осуществленіи пререканія между союзными государями. Не вызвало возраженій лишь первое изъ выставленныхъ здѣсь Штейномъ положеній: «въ прокламаціи имѣетъ быть выражена твердая воля возстановить независимость Германіи и упразднить Рейнскій союзъ, приглашая государей и народы къ соучастію въ этомъ предпріятіи».

Не безъ возраженій со стороны Пруссіи прошло второе изъ положеній Штейна, формулированное имъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ свобода и независимость составляютъ неотъемлемое благо всякаго народа, то нѣмецкому народу гарантируется «Wiedergeburt eines ehrwürdigen Reiches».

Зато третье положеніе Штейна, гласившее: «государямъ, которые станутъ колебаться примкнуть къ коалиціи дольше шести недѣль, грозитъ утрата ихъ владѣній», было смягчено союзными государями и низведено на довольно растяжимую фразу: «Союзные государи выражаютъ твердую увѣренность, что среди нѣмецкихъ государей не найдется ни единаго, который бы захотѣлъ измѣнить обще-нѣмецкому дѣлу и навлекъ бы этимъ на себя уничтоженіе силою возмущеннаго общественнаго мнѣнія и военнаго оружія». Четвертое положеніе Штейна гласило: «Союзные государи должны дать нѣмецкому народу торжественныя завѣренія, что по заключеніи мира ему самому предоставлено будетъ, по собственному усмотрѣнію, устроить свои внутреннія дѣла». Государь Александръ Павловичъ, противъ возможности вмѣшательства котораго во внутреннія дѣла Германіи и направлено было это положеніе, нашелъ возможнымъ на него согласиться, заявивъ, что «его роль по отношенію къ возрожденной Германіи и будущему ея государственному устройству и не можетъ быть иною, какъ простереть оберегающую десницу надъ дѣломъ, облеченіе коего въ опредѣленныя формы остается всецѣло достояніемъ государей и народовъ Германіи».

Дальнѣйшее развитіе видоизмѣненныхъ этихъ положеній, первоначально намѣченныхъ Штейномъ, и составило содержаніе знаменитой калишской прокламаціи, съ которою главнокомандующій русско-прусскихъ войскъ кн. Кутузовъ 25-го марта 1813 г. обратился къ населенію Германіи. 26-го марта послѣдовало отъ главнокомандующаго объявленіе объ образованіи въ занимаемыхъ войсками нѣмецкихъ областяхъ центральнаго совѣта управленія, «во главѣ котораго ихъ величествамъ благоугодно поставить барона Карла фонъ-Штейна»; приказаніямъ барона всѣ общественныя власти и населеніе сѣверной Германіи обязывались повиноваться безпрекословно.

Такъ какъ выборъ въ совѣтъ членовъ со стороны Пруссіи уже былъ сдѣланъ (въ лицѣ Шёна и Редигера), то Штейнъ, являясь

председателемъ въ совѣтѣ и представителемъ отъ Россіи, просилъ государя придать ему на помощь Кочубея; на докладѣ Штейна по этому предмету значится помѣта: «Approuvé par S. M. I. le 24 Mars 1813. S.». Штейнъ въ этомъ случаѣ, далеко не полагаясь на дальновидность и твердость Нессельроде, котораго характеризуетъ въ письмѣ къ женѣ, какъ «un pauvre petit chiffon cinq cent mille toises audessous de sa place» [1]), а въ письмѣ къ гр. Мюнстеру, какъ «ein gutmüthiger leerer Schwächling, der immer eines Anlehnungspunktes bedarf» [2]), желалъ пріѣзда Кочубея въ главную военную квартиру, чтобы заручиться содѣйствіемъ единомышленника для воздѣйствія на императора Александра. По этой же причинѣ Штейнъ былъ очень обрадованъ пріѣздомъ въ концѣ марта въ Калишъ графа Поццо-ди-Борго, вызваннаго государемъ изъ Лондона. Въ запискѣ, тогда же представленной Александру Павловичу, графъ удостовѣрялъ императора, что русскія войска при слѣдованіи отъ Нѣмана вплоть до Рейна, на своемъ пути найдутъ только «les cadavres des anciens gouvernements ou incapables d'être rappelés à la vie, ou dans la nécessité d'être ranimés par l'influence de leur libérateur» [3]).

Эта записка Поццо-ди-Борго и многочисленныя бесѣды съ старымъ другомъ вызываютъ въ тогдашней перепискѣ Штейна восторженные отзывы о Поццо-ди-Борго: «Я нахожу его мало постарѣвшимъ, живость ума онъ сохранилъ прежнюю. Это все тотъ же превосходный умъ, все тотъ же чудный характеръ, все та же порывистость».

Желаніе Штейна видѣть царя окруженнымъ людьми бодрыми, чуждыми малодушія и упорно преслѣдующими окончательное низверженіе Наполеона, вполнѣ понятно. Недавно еще въ Бреславлѣ Штейнъ на собственномъ опытѣ извѣдалъ, что мужественное усовѣщеваніе колеблющагося короля можетъ быть имъ и его антуражемъ истолковано, какъ «злонамѣренная узурпація королевскихъ прерогативъ».

Хотя по возвращеніи изъ Бреславля въ Калишъ, послѣ тяжелой, перенесенной имъ болѣзни, Штейнъ могъ убѣдиться, что его интимная близость къ государю Александру Павловичу только увеличилась, онъ дальновидно считался съ возможностью крутого поворота въ отношеніяхъ и тутъ. Какъ ни велики были непрестанно возраставшія заслуги императора Александра предъ дѣломъ осво-

---

[1]) «Какъ жалкую тряпку, на 500.000 аршинъ стоящую ниже того положенія, какое онъ занялъ».

[2]) «Какъ добродушнаго, пустого, слабаго человѣка, всегда ищущаго на кого нибудь опереться».

[3]) «Найдутъ только трупы прежнихъ правительствъ, не способные къ возрожденію вовсе или такіе, жизнь въ кои вдохнетъ только вліяніе ихъ освободителя».

божденія и обновленія западноевропейскихъ народовъ, тѣмъ не менѣе онъ оставался русскимъ и по мѣрѣ того, какъ близилось распаденіе наполеоновской міровой имперіи и неизбѣжность образованія новой системы государствъ, тѣмъ сильнѣе начинали у Александра выступать стремленія, объединявшіяся имъ подчасъ неправильно съ русскими или своими династическими интересами.

Оспаривать и переубѣждать царя иностранцу, завѣдомому нѣмецкому патріоту, являлось дѣломъ тѣмъ болѣе неблагодарнымъ, что его побужденія всегда могли быть истолкованы въ дурную сторону, увѣщанія же со стороны давнишняго друга и, притомъ, человѣка русскаго могли представлять совсѣмъ иной вѣсъ; поэтому-то Штейнъ и хлопоталъ усиленно о вызовѣ Кочубея, который безконечно затягивался.

Серьезныя недоразумѣнія у царя со Штейномъ возникли изъ-за присоединенія къ коалиціи герцога Фридриха-Франца Мекленбургъ-Шверинскаго. Когда столица его владѣній была завоевана Русскимъ оружіемъ, герцогъ поторопился выступить изъ состава Рейнскаго союза и прислалъ къ царю въ Калишъ съ повинною своего искусившагося въ тонкостяхъ дипломатіи любимца, фонъ-Плессена. На вопросъ царя, обращенный къ Штейну, какія условія поставить герцогу для принятія въ ряды коалиціи, Штейнъ предлагалъ обязать герцога выставить стрѣлковый батальонъ, производить въ союзную военную кассу ежемѣсячный взносъ въ размѣрѣ 40.000 талеровъ и періодически опредѣленную поставку на армію скота и жизненныхъ припасовъ, а на время войны предоставить сборъ таможенныхъ портовыхъ пошлинъ въ Ростокѣ и Висмарѣ въ пользу коалиціи. Если герцогъ не пожелалъ бы принять этихъ условій, его владѣнія, по мнѣнію Штейна, слѣдовало разсматривать, какъ доставшіяся коалиціи путемъ завоеванія, и соотвѣтственно этому по замиреніи коалиція съ ними и могла бы распорядиться по собственному усмотрѣнію. Въ глазахъ Штейна такая спасительная строгость являлась первымъ опытомъ разрѣшенія германскаго вопроса по тѣмъ практическимъ послѣдствіямъ, которыя вытекали изъ самого хода борьбы за независимость. Но, какъ и раньше въ Россіи, государь могъ и хотѣлъ слѣдовать совѣтамъ Штейна лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ данномъ случаѣ, потому ли, что, несмотря на весь свой либерализмъ, императоръ, тѣмъ не менѣе, сознавалъ солидарность съ нѣмецкими государями, или потому, что къ герцогу Мекленбургъ-Шверинскому, связанному съ нимъ узами близкаго родства, питалъ особенныя симпатіи, только къ настояніямъ Штейна государь отнесся нетерпѣливо и отрицательно и приказалъ обязать герцога только выставить опредѣленный военный контингентъ.

Точно также разошелся царь со Штейномъ по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ герцогства Варшавскаго. Штейнъ, во избѣжаніе

недовѣрія со стороны коалиціи, убѣждалъ Александра воздержаться отъ территоріальныхъ захватовъ, тѣмъ болѣе, что такіе же аппетиты могли разгорѣться и у остальныхъ союзниковъ, но царь стоялъ за унію съ возстановленнымъ царствомъ Польскимъ и мечталъ о прирѣзкѣ большей части прусско-польскихъ земель, возмѣщеніе за которыя Фридриху-Вильгельму предоставлялось получить за счетъ Саксоніи, продолжавшей тяготѣть къ Наполеону.

Что безсильны были сдѣлать убѣжденія Штейна, предостерегавшаго государя противъ возстановленія Польши, заронивъ въ душу государя недовольство противъ совѣтчика, не стѣснявшагося въ своей аргументаціи, то совершилось само собою подъ вліяніемъ наличныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствъ: прусскія вооруженія замедливались, русскія подкрѣпленія для усиленія дѣйствовавшей въ Германіи арміи подходили изъ Россіи тоже далеко не споро, благодаря дурному состоянію средствъ сообщеній и обширности Русской имперіи; такимъ образомъ коалиціонная армія была очень не многочисленна, и, конечно, всякое новое усиленіе союзныхъ войскъ представлялось желательнымъ, но саксонскимъ контингентомъ, недавно еще сражавшимся у Люнебурга на сторонѣ французовъ, можно было заручиться въ виду его преданности саксонскому королю лишь послѣ присоединенія къ коалиціи Фридриха-Августа; съ своей стороны, и Австрія, союза съ которою Россія и Пруссія настоятельно добивались, рѣшительно высказывалась за мягкость въ отношеніяхъ къ нѣмецкимъ государямъ и избѣжаніе всякихъ рѣзкостей (Brüskierungen). Пока союзники безплодно склоняли на свою сторону саксонскаго короля, тотъ вступилъ съ Австріею въ сепаратное соглашеніе, обезпечившее ему не только наличныя владѣнія, но сулившее еще и ихъ расширеніе въ будущемъ; на настоянія же прусскаго короля предъ саксонскимъ гарнизономъ сдать пріэльбскую крѣпость Торгау послѣдовалъ высокомѣрный отвѣтъ, что если крѣпость и будетъ сдана, то не иначе, какъ по приказу саксонскаго короля и по соглашенію съ императоромъ австрійскимъ. Будь у Штейна развязаны руки, онъ бы съ альбертинскою династіею заговорилъ круче и рѣшительнѣе, но союзные государи держались иного мнѣнія, и хотя Саксонія, занятая союзными войсками, номинально уже состояла подъ управленіемъ центральнаго совѣта, Штейнъ, по силѣ инструкцій, получаемыхъ отъ Александра Павловича и Фридриха-Вильгельма, былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ: страна, имѣвшая 2 милліона населенія и 7 милліоновъ талеровъ доходовъ, уклонялась отъ взноса, затребованнаго Штейномъ въ военный фондъ (500 тысячъ талеровъ), а когда единомышленники Штейна приступили къ нему съ своими недоумѣніями, почему онъ не объявляетъ въ Саксоніи призыва подъ знамена, тотъ раздражительно возразилъ: «придумать такую умную штуку, какъ вы, сумѣлъ бы и я,

но бѣда въ томъ, что я—не король прусскій и не императоръ всероссійскій».

Благодаря всѣмъ этимъ счетамъ, расчетамъ и недочетамъ, успѣхи коалиціи развивались туго. Прими Пруссія благотворное рѣшеніе своевременно, т.-е. въ концѣ 1812 года, война уже къ марту мѣсяцу 1813 года была бы перенесена на лѣвый берегъ Эльбы, ибо союзники для этого обладали бы достаточными боевыми силами, но, благодаря медлительности Фридриха-Вильгельма, единственно въ Восточной и Западной Пруссіи, на короткое время подпавшихъ почину Штейна, мѣстный ландверъ къ концу апрѣля былъ приведенъ въ состояніе боевой готовности, въ остальныхъ же провинціяхъ королевства призывъ ландвера былъ объявленъ только во второй половинѣ марта, а обученіе резервистовъ пока только начиналось. На ряду съ этимъ ни Австрія, ни Данія все еще не рѣшались выйти изъ нейтралитета, наслѣдникъ же шведскаго престола попрежнему сидѣлъ въ Стокгольмѣ и цѣлый уже годъ только хвасталъ предстоящею высадкою на нѣмецкое побережье; саксонскій король лавировалъ между обоими лагерями, и даже съ поляками, отошедшими къ южной окраинѣ герцогства, соглашеніе все еще не налаживалось. Мало того, Калишское «воззваніе» сочувственно было принято и нашло дѣятельные отзвуки на первое время только въ сѣверной Германіи; въ Германіи же западной, составлявшей коренное ядро Рейнскаго союза, иныя княжества и герцогства на «воззваніе» отвѣчали богослуженіями за успѣхъ французскаго оружія, а одинъ изъ королей издалъ приказъ, чтобы къ нарушающимъ установленія Рейнскаго союза и подвергающимся за то суду не допускались даже и адвокаты для защиты ихъ. Французскія газеты въ свою очередь сыпали оскорбительными выходками противъ противниковъ императора, а «Moniteur» возвѣщалъ: «извѣстный Штейнъ служитъ для всѣхъ честныхъ людей предметомъ презрѣнія и заслуживаетъ этого позора. Его планы теперь разгаданы—онъ силится поднять буйную чернь противъ всѣхъ владѣющихъ какою либо собственностью». Навѣты на Штейна, впрочемъ, дѣлалъ не только «Moniteur»,—даже люди, когда-то близкіе Штейну, но малодушные, пытались чернить его отвагу и, по примѣру Нибура, истолковывали его дѣйствія преданностью интересамъ Россіи по самымъ грязнымъ побужденіямъ.

Въ такой неопредѣленности дѣла коалиціи оставались до конца апрѣля, и Наполеонъ со всей энергіею организаціоннаго своего таланта, конечно, сумѣлъ обратить въ свою пользу медлительность соглашеній и дѣйствій союзниковъ: уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ни предъ чѣмъ не останавливавшійся генералъ Вандамъ ознаменовалъ себя грубостью и подвигами жестокости въ сѣверо-западной Германіи, а въ началѣ мая и самъ Наполеонъ, во главѣ арміи, превышавшей силы союзниковъ, набросился на централь-

ную Германію. Въ результатѣ битвы при Гроссъ-Гёршенѣ (2-го мая) большая часть областей, подчиненныхъ центральному совѣту управленія, опять очутилась во французскихъ рукахъ, а самъ Штейнъ принужденъ былъ 7-го мая покинуть Дрезденъ, а 1-го іюня Наполеонъ, принимая депутацію отъ г. Бреславля, обѣщалъ горожанамъ милостивое прощеніе, несмотря на все содѣянное ими для споспѣшествованія духу анархіи, которую тщетно старались вызвать интриги Штейна и Шарнгорста. Въ тревожные дни, наступившіе послѣ Бауценскаго сраженія, союзниковъ обуяли малодушіе и разочарованіе: Пруссія заговорила о томъ, будто изъ-за отсутствія денегъ принуждена пріостановить дальнѣйшія военныя приготовленія, Австрія же не только не выражала готовности пристать къ коалиціи, но интриговала пуще прежняго и навязывала союзникамъ свое посредничество для заключенія плачевнѣйшаго мира съ Наполеономъ.

Положеніе Штейна при особѣ государя Александра Павловича теперь видимо пошатнулось, и отъ него скрывали оживленные переговоры, происходившіе между союзниками, Австріею и Франціею. Желая заручиться лишнею поддержкою, Штейнъ настоятельно уговаривалъ Кочубея, въ письмѣ отъ 31-го мая, поспѣшить пріѣздомъ для совмѣстныхъ занятій въ центральномъ комитетѣ, хотя таковой фактически въ это время почти былъ упраздненъ силою вещей. «Впрочемъ,—прибавлялъ Штейнъ,—имѣется немало и другихъ еще причинъ, по которымъ вашъ пріѣздъ сюда былъ бы желателенъ, но я не рѣшаюсь ввѣрить ихъ перу и бумагѣ».

Вынужденные свои досуги Штейнъ коротал сначала въ Прагѣ, а затѣмъ въ Рейхенбахѣ. Если, благодаря такту и настойчивости, ему и удалось настоять на договорахъ съ Англіею (отъ 14-го и 15-го іюня), по которымъ она обязалась выплачивать Россіи и Пруссіи во время войны денежныя субсидіи (за это Ганноверу было обѣщано увеличеніе владѣній прирѣзкою территоріи съ населеніемъ отъ 250 до 300 тысячъ жителей), тѣмъ не менѣе, Австрія не уставала настаивать на заявленныхъ ею основахъ мира (предполагалось, что Наполеонъ поступится только герцогствомъ Варшавскимъ, Данцигомъ, крѣпостями на Одерѣ, Иллирійскими провинціями, Далмаціею и Ганзейскими городами). Штейнъ по этому поводу только негодовалъ и жаловался: «Теперь затѣваютъ миръ; онъ признаетъ Рейнскій союзъ, т.-е. весь край, лежащій между Рейномъ и Эльбою, французскою провинціею, Германія и Австрія попрежнему останутся ослабленными, великое дѣло освобожденія Испаніи будетъ брошено на произволъ судьбы, а чрезъ ничѣмъ не ограничиваемое веденіе морской войны, таящее въ себѣ зародыши къ дальнѣйшимъ войнамъ, Наполеонъ сохранитъ широкую свободу дѣйствій». Хотя Штейнъ и убѣждалъ Александра Павловича настолько повысить условія ультиматума, чтобы сдѣлать миръ сколько ни-

будь сноснымъ и пріемлемымъ, и разсчитывалъ, что государь своимъ краснорѣчіемъ переубѣдитъ императора Франца, тѣмъ не менѣе, баронъ съ гнѣвною подозрительностью распространяется о «finasseries» Меттерниха и не безъ основанія клеймитъ его измѣнникомъ общему дѣлу. Несмотря на возраженія Штейна противъ условій ультиматума, они-то и послужили основою для договора, состоявшагося 27-го іюня между Пруссіею, Австріею и Россіею, а въ довершеніе ко всему остальному для соглашенія съ Наполеономъ былъ въ Дрезденъ снаряженъ ненавистный Штейну Меттернихъ, который и поспѣшилъ вопреки категоричнымъ обѣщаніямъ, даннымъ прежде союзнымъ государямъ, самовольно продлить срокъ перемирія, уже заключеннаго съ Наполеономъ до 10-го августа.

«Страхъ—всегда плохой совѣтчикъ,—писалъ Штейнъ Александру 18-го іюля,—нѣтъ такихъ нелѣпицъ, которыхъ бы не допустило малодушіе. Я сочту спокойствіе въ Европѣ обезпеченнымъ, если только Германіи будетъ гарантированъ такой порядокъ вещей, который позволитъ ей противостоять чужеземнымъ воздѣйствіямъ. Пруссія одна къ истеченію перемирія уже окажется въ состояніи выставить въ ратное поле 150.000 человѣкъ, не считая 90.000, которые пойдутъ на вооруженіе крѣпостей и блокады». А такъ какъ къ этому же сроку предполагалось удвоеніе численнаго состава и русской арміи, «то воистину мы въ содѣйствіи Австріи не нуждаемся вовсе и прекрасно обойдемся собственными силами». Штейнъ, несмотря на свою прозорливость, совершенно упускалъ изъ вида, что государь Александръ преслѣдовалъ интересы западноевропейскихъ народовъ вообще и Германіи въ частности, лишь поскольку то совпадало съ его отвлеченными идеальными стремленіями; въ качествѣ носителя русской политики, онъ, независимо отъ вліянія австрофила Нессельроде, и самъ нѣсколько тяготѣлъ къ Австріи, нуждаясь въ ея поддержкѣ ради проведенія своихъ политическихъ замысловъ. А такъ какъ императоръ Францъ и Меттернихъ вовсе не были поклонниками идеи національизма, провидя въ ней исчадіе ненавистной революціи и угрозу для многоязычной габсбургской монархіи, то въ ихъ глазахъ разсужденія о Германіи и всемъ германскомъ пріобрѣтали революціонную окраску, а самъ Штейнъ, который неустанно носился съ мыслью объ объединеніи Германіи, рисовался ихъ пугливому воображенію воплощеніемъ якобинства.

Такимъ образомъ, одно уже заигрываніе съ Австріею какъ бы ставило Александра Павловича въ необходимость, если не отдалиться совсѣмъ отъ Штейна, то держать его въ тѣни.

Перемиріе, заключенное съ Наполеономъ, повело за собою собраніе въ Прагѣ конгресса, но послѣдній оказался сущею комедіею, такъ какъ Наполеонъ искалъ только выгадать время для завершенія военныхъ приготовленій. Вѣдь по существу дѣла узур-

паторъ, какимъ былъ французскій императоръ, не имѣя опоры ни въ монархическихъ преданіяхъ, ни въ вѣрности подданныхъ, вѣками роднившихся съ законнымъ правительствомъ, оставался могущественнымъ, только доколѣ все обстояло благополучно, но достаточно было утраты хотя бы доли завоеваній, чтобы эта неудача отразилась не только на потерѣ престижа непобѣдимости «корсиканскаго выскочки», но и ознаменовало бы начало и полнаго крушенія имперіализма.

Поэтому въ ночь 10-го августа съ истеченіемъ срока перемирія огни, зажженные на горныхъ вершинахъ, послужили знакомъ союзнымъ войскамъ о томъ, что нетерпѣливо ожидаемая война возобновляется. Эвентуальныя опредѣленія Рейхенбахскаго договора вступали теперь въ силу: Австрія и Пруссія возстановлялись въ предѣлахъ, какіе имѣли до 1805 и 1806 годовъ; герцогство Варшавское и Рейнскій союзъ подвергались упраздненію, Германія, Голландія и Италія отторгались отъ Франціи, а въ Испаніи возстановлялась исконная династія.

Главною задачею для европейскихъ дипломатовъ теперь представлялось придать Рейхенбахскому соглашенію окончательную форму. Тутъ уже можно было опять выдвинуть Штейна впередъ, и дѣйствительно въ августѣ и сентябрѣ онъ гласно и усиленно настаиваетъ предъ Гарденбергомъ и императоромъ Александромъ на необходимости использовать кризисъ данной минуты и озаботиться утвержденіемъ благосостоянія Германіи на прочныхъ началахъ.

Хотя въ Пруссіи истинно германскій духъ удержался въ большей чистотѣ и свободѣ, чѣмъ въ Австріи, смѣшанной съ славянами и венграми и окруженной турками и славянскими народностями, Штейнъ допускалъ возможнымъ ввѣрить императорскую власть надъ Германіею Австріи, лишь бы прочнѣе связать ея интересы съ Германіею, и по тому соображенію, что подобный строй и раньше былъ освященъ завѣтами старины, и съ этимъ распорядкомъ давно свыклись нѣмецкіе народы. За всѣмъ тѣмъ, Штейнъ въ заключеніи своей записки не скрывалъ, что «въ Германіи поборники гуманности и либеральныхъ идей, а равно и всѣ, для кого слово отечество не является пустымъ звукомъ, лишеннымъ смысла, въ поставленіи Австріи въ челѣ Германской имперіи усматриваютъ лишь пріумноженіе массы, «mais point une augmentation de lumières et de sentiments nobles et élevés». Къ тому же нѣмцы не рѣшаются дарить довѣріемъ австрійскаго министра (Меттерниха), которому не довѣряетъ даже и большинство его соотечественниковъ. «Ils trouvent,—эло поясняетъ Штейнъ,—ses vues politiques rétrécies, calculées sur le moment, sa manière froide et égoiste».

Гарденбергъ, конечно, не видѣлъ причины заинтересоваться предположеніями Штейна, скорѣе направленными къ возвеличенію Ло-

тарингской династіи, чѣмъ Гогенцоллернской, но въ то время ни завзятымъ сторонникамъ, ни честолюбивѣйшимъ министрамъ придавленной Пруссіи и въ помыслы не приходило перенести императорскую власть на особу прусскаго короля, императоръ же Александръ, съ которымъ Штейнъ 9-го сентября 1813 года имѣлъ въ Тёплицѣ продолжительныя объясненія по поводу своей записки, ограничился повтореніемъ завѣреній, что въ дѣлѣ окончательнаго устройства Германіи онъ не предприметъ никакихъ шаговъ помимо Штейна, но пока не желаетъ ближайшимъ выясненіемъ этого щекотливаго дѣла портить только что наладившееся соглашеніе съ Австріею.

Не добившись ничего по общему вопросу, Штейну опять приходилось размѣниваться на злободневные и мелкіе дрязги.

По прекращеніи перемирія, когда силезская армія перешла въ наступленіе, Штейнъ не преминулъ представить государю Александру Павловичу записку, въ которой пояснялъ, что совѣтъ управленія, гдѣ засѣдали представители отъ всѣхъ союзныхъ державъ, становится слишкомъ громоздкимъ и сложнымъ административнымъ аппаратомъ; поэтому баронъ предлагалъ упростить организацію совѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ южную Германію ввѣрить попеченіямъ Австріи, «такъ какъ эти области непосредственно примыкаютъ къ Австріи и наиболѣе доступны ея воздѣйствіямъ, а особенно и по тому еще соображенію, что населеніе тѣхъ краевъ, по своимъ воззрѣніямъ, наиболѣе тяготѣетъ къ Австріи». И эта записка была оставлена безъ послѣдствій.

Попрежнему Штейнъ оставался администраторомъ той войны, на которой неустанно настаивалъ. По мѣрѣ движенія союзныхъ войскъ впередъ, на него ложилось тяжелое бремя задачи все упорядочивать въ занимаемыхъ коалиціею областяхъ, и такимъ образомъ онъ оказывался какъ бы мирнымъ диктаторомъ, завершавшимъ начинанія арміи. Когда саксонскій король попалъ къ союзникамъ въ плѣнъ, на Штейна была возложена миссія преобразовать Саксонское королевство заново (въ октябрѣ 1813 года). Онъ назначаетъ генералъ-губернатора, учреждаетъ совѣтъ управленія и отводитъ въ немъ преобладающее вліяніе русскимъ, а въ губернаторы прочитъ кн. Репнина [1]).

---

[1]) Saint-René Taillandier, p.p. 72, 73. Графу Максиму Алопеусу, раньше занимавшему дома въ Россіи несравненно болѣе видное положеніе, Штейнъ, предлагая постъ «генералъ-интенданта въ Мекленбургѣ и французскомъ департаментѣ устьевъ Эльбы (département des bouches de l'Elbe), писалъ: «При всякихъ иныхъ обстоятельствахъ вы бы, конечно, и не приняли этой должности, но при настоящемъ положеніи вещей такой человѣкъ, какъ вы, движимый благородными патріотическими побужденіями, можетъ руководствоваться одною только мыслью въ предѣлахъ возможнаго споспѣшествовать всемѣрно великому дѣлу освобожденія народовъ».

Штейна въ эту пору заматорѣлые бюрократы особенно заваливали вздорными запросами, жалобами, докладами и проектами; скоплявшіяся груды бумагъ онъ брезгливо передавалъ на просмотръ Арндту. «Взгляните, стоитъ ли вниманія эта дрянь. Эти дураки, вмѣсто того, чтобъ сражаться за отечество, мнятъ залѣчить нѣмецкія раны ворохами своихъ писаній». Также безжалостно относился Штейнъ и къ «матушкинымъ сынкамъ», которыхъ знатные родственники норовили навязать барону въ его походную канцелярію. На просьбы о причисленіи для изученія дипломатической и административной службы подъ руководствомъ столь просвѣщеннаго и авторитетнаго дѣятеля неизмѣнно слѣдовалъ отвѣтъ: «Дипломатическаго приготовительнаго пансіона я не держу. Молодежь теперь имѣетъ случай научиться лучшему, чѣмъ марать бумагу— пусть поучится сражаться и умирать за отечество» [1]).

Штейнъ,—разсказываетъ Арндтъ,—легко раздражался и впадалъ въ необузданный гнѣвъ, но когда вспышка горячности проходила, онъ привѣтливостью старался загладить нанесенную обиду. «Однажды въ Рейхенбахѣ я пришелъ къ нему въ 6 часовъ утра со спѣшными бумагами, хотя и видѣлъ у подъѣзда его запряженный экипажъ.—«Ну, что вы ко мнѣ лѣзете въ такую рань съ дрянью? Я занятъ».—Я, конечно, поспѣшилъ отретироваться, огрызнувшись: «Ваше превосходительство наказывали мнѣ эту дрянь приготовить сколь возможно скорѣе». Черезъ день Штейнъ прислалъ меня просить съ бумагами и встрѣтилъ меня такимъ объясненіемъ: «Вы вѣдь меня знаете: я третьяго дня былъ измученъ подагрою и дрязгами, которыя насъ всѣхъ здѣсь донимаютъ. А въ довершеніе къ прочему въ одно время надо было повидать и императора Александра и короля, Гарденберга и Меттерниха. Не дуйтесь, пожалуйста!»— заключилъ онъ, нѣжно трепля меня рукою по щекѣ, и, притянувъ къ себѣ мою голову, поцѣловалъ меня въ лобъ» [2]).

Возобновленіе войны съ Наполеономъ уняло раздражительность и недовольство Штейна, но вскорѣ возникли новыя недоразумѣнія.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія [3]) Александръ Павловичъ призналъ своевременнымъ дать дальнѣйшій ходъ запискѣ Штейна о преобразованіи совѣта управленія, о которой мы упоминали выше: 21-го октября 1813 года союзныя державы въ лицѣ Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Швеціи постановили учредить «центральный департаментъ для временнаго управленія занятыхъ войсками

---

[1]) Арндтъ, loc. cit., стр. 179.

[2]) Arndt. Meine Wanderungen. Стр. 196.

[3]) На слѣдующій день послѣ сраженія при Лейпцигѣ Штейнъ писалъ женѣ: «Этимъ великимъ результатомъ мы обязаны не вліянію трусливыхъ царедворцевъ и жалкихъ нѣмецкихъ государей, но двумъ кампаніямъ, преисполненнымъ крови, слезъ и лавровъ».

коалиціи областей» (Departement central d'administration temporaire), при чемъ почему-то тщательно умалчивалось о существованіи ранѣе дѣйствовавшаго совѣта управленія. Новый департаментъ этотъ ставился подъ начальство Штейна, но было бы ошибочно предполагать, чтобы его вліяніе здѣсь de jure расширялось противъ прежняго.

Противъ самаго назначенія Штейна императоръ Францъ и австрійскій государственный канцлеръ возстали съ большою рѣшительностью, при молчаливомъ сочувствіи короля Фридриха-Вильгельма, и только категорически заявленная воля Александра Павловича обезпечила за Штейномъ положеніе предсѣдательствующаго въ центральномъ департаментѣ, но австрійцы позаботились обрѣзать крылья прусскому якобинцу.

Доселѣ дѣйствовавшему совѣту управленія ввѣрена была неограниченная власть, въ новомъ же «департаментѣ» Штейну связывала руки не столько инструкція, ему преподанная, сколько подчиненіе распоряженіямъ особаго дипломатическаго совѣта, который учреждался при главной квартирѣ. Предложеніе Штейна ввѣрить главѣ центральнаго департамента голосъ и предсѣдательствованіе въ дипломатическомъ совѣтѣ было отклонено, а предсѣдательствованіе въ совѣтѣ возложено на Гарденберга.

Штейну поручалось подъ контролемъ совѣта управленіе тѣми государствами, которыя окажутся безхозяйными (heerenlos), т.-е. такими, государи коихъ еще не примкнули къ союзу противъ общаго врага; разъ же государи эти присоединялись къ коалиціи, отъ условій новыхъ соглашеній зависѣло опредѣлить, въ какой мѣрѣ допустимо вмѣшательство центральнаго департамента чрезъ его агентовъ въ дѣла управленія даннаго государства. Прежній совѣтъ управленія имѣлъ право назначать для управленія тою или иною областью чиновниковъ по собственному усмотрѣнію, центральный же департаментъ обязательно долженъ былъ обращаться къ услугамъ существующихъ уже органовъ управленія, и только при неотложной необходимости допускались изъятія изъ общаго правила. По проекту Штейна, представленному осенью 1813 г. императору Александру, на ряду съ государями упоминалось и о народахъ; теперь же о послѣднихъ умалчивалось; по проекту Штейна назначаемымъ отъ центральнаго департамента губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность пользоваться услугами земскихъ сословій и поощрять народъ къ дѣятельному содѣйствію въ интересахъ общаго дѣла, въ новой же конвенціи этотъ превратный принципъ тщательно былъ похѣренъ Меттернихомъ.

Впрочемъ «ради вящшаго обезпеченія дѣла призрѣнія раненныхъ и больныхъ воиновъ отъ вопіющаго произвола и небрежности мелкихъ государей» на департаментъ было возложено устройство

и завѣдываніе врачебною частью въ тылу арміи, для чего учреждены были особыя лазаретныя дирекціи.

Въ отношеніи объема области, ввѣренныя завѣдыванію новаго центральнаго управленія, по осени 1813 г. значительно уменьшились противъ прежняго. Территоріи, принадлежавшія Австріи, Пруссіи, Ганноверу, Швеціи и Баваріи, были напередъ изъяты изъ вѣдѣнія центральнаго департамента. Попытка Штейна настоять на томъ, чтобы коалиція, по праву завоевателя, отстранила участниковъ Рейнскаго союза отъ управленія владѣніями и, удаливъ ихъ впредь до заключенія мира, ввѣрила управленіе этими государствами особымъ губернаторамъ, было отклонено. Такимъ образомъ подъ управленіемъ Штейна теперь оказались только Саксонія, великія герцогства Бергское и Франкфуртское, нѣмецкія владѣнія Оранскаго дома и княжества Изенбургское и Лейенское.

Несмотря на уменьшеніе первоначальныхъ полномочій и контроль со стороны дипломатическаго совѣта, требованія практики брали верхъ надъ канцелярскими интригами, и Штейнъ, несмотря на происки Меттерниха и Гарденберга, фактически получилъ ту же чрезвычайную диктатуру, что̀ въ Дрезденѣ, и уже чрезъ нѣсколько недѣль осуществлялъ ее съ такимъ же успѣхомъ во Франкфуртѣ (въ ноябрѣ 1813 года). Эти чрезвычайныя функціи являлись для него какъ бы вполнѣ естественною ролью. Словно неограниченный властелинъ, правилъ онъ надъ большею частью Германіи, назначая высшихъ и низшихъ чиновниковъ, учреждая и реорганизуя правительства. Собирая подати и налоги въ интересахъ нѣмецкой отчизны и коалиціи, онъ дѣйствовалъ столь же рѣшительно, какъ Наполеонъ, хозяйничая въ Германіи въ интересахъ имперіи. Мужественные таланты Штейна, его несокрушимая энергія и почтеніе, вселяемое его авторитетностью и правосудіемъ, были настолько внушительны, что привлекали къ нему симпатіи всѣхъ соотечественниковъ.

Наступилъ такой моментъ, когда подъ начальствомъ Штейна оказалось свыше 13 милліоновъ единоземцевъ, и, несмотря на наборъ 160.000 ратниковъ, выставленныхъ отъ этихъ областей, популярность Штейна оставалась незыблемою, и во всѣхъ городахъ появленіе барона вызывало народныя оваціи, процессіи, академическія рѣчи и увеселенія.

Неудивительно, что во Франкфуртѣ произошелъ даже такой казусъ. Значительная группа нѣмецкихъ и русскихъ офицеровъ всякихъ чиновъ обратилась къ извѣстному профессору государственнаго права, Николаю Фохту, для разъясненія съ правовой и политической точки зрѣнія, можетъ ли встрѣтиться препятствіе со стороны имперскихъ германскихъ законовъ къ избранію барона Штейна въ императоры Священной Великой имперіи (какъ державный «вольный господинъ»-Freiherr и членъ сейма прежней

Римской имперіи, Штейнъ могъ бы, пожалуй, имѣть на это право) [1]).

При управленіи отвоеванными областями, Штейну представлялись частые случаи наблюдать, насколько патріотическимъ духомъ воодушевлены «жалкіе князьки и государики, съ которыми церемонятся не по заслугамъ, предоставляя имъ несравненно болѣе почетное положеніе, чѣмъ какого заслуживаютъ негодные ихъ поступки». На жалобу нѣмецкаго главнокомандующаго Гнейзенау о промедленіяхъ въ укомплектованіи союзныхъ войскъ Штейнъ отвѣчалъ: «Отъ мелкихъ правительствъ и слѣдовало ожидать безучастія. Что они только цѣпляются за свои державныя права, объясняется ихъ надменностью, властолюбіемъ и любовью къ наслажденіямъ. Заручились же они сохраненіемъ за ними державныхъ полномочій дешевою цѣною низкопоклонства и крови, пролитой ихъ подданными».

Что рѣзкость приговора Штейна отвѣчала дѣйствительности, подтверждаетъ и Эйхгорнъ, сотрудникъ Штейна по центральному департаменту. Ганноверское и ольденбургское правительства,—разсказываетъ Эйхгорнъ,—вели себя такъ, словно первому принадлежала заслуга пожертвованій, какія дѣлались Англіею въ пользу общаго дѣла, и словно второе на своихъ плечахъ вынесло всѣ русскія побѣды. Никакое правительство не содѣйствовало столь мало интересамъ коалиціи, какъ ганноверское, а ольденбургскій герцогъ не выставилъ въ поле ни единаго ратника. Брауншвейгское правительство являло собою измѣнчивость себялюбиваго и капризнаго произвола. Курфюрстъ гессенскій проявлялъ своими дѣйствіями безсмысліе и грубость, что̀ въ умахъ его подданныхъ возбуждало недовольство, граничившее съ отчаяніемъ. Дармштадтское правительство, главнымъ образомъ, опасаясь возрожденія могущества Наполеона, обнаруживало чрезвычайную медлительность и колебанія въ своихъ дѣйствіяхъ. Баденское правительство вслѣдствіе произвола, съ которымъ оно трактуетъ всѣ права, вслѣдствіе безжалостнаго выколачиванія налоговъ изъ подданныхъ и своей расточительности и вслѣдствіе наконецъ неустойчивости и перемѣнчивости важнѣйшихъ своихъ государственныхъ установленій, заслуживаетъ особенно рѣзкихъ порицаній. Фридрихъ Виртембергскій, отвратительный своею наружностью, заносчивостью, трусостью и развратною жизнью, въ недовѣріи къ собственному народу пошелъ даже такъ далеко, что вмѣсто призыва страны къ вооруженію поспѣшилъ распорядиться отобраніемъ оружія у всѣхъ подданныхъ. Что касается наконецъ Баваріи, то Эйхгорнъ не устаетъ жаловаться «на притязательность баварскихъ военачальниковъ, чиновниковъ и дипломатическихъ шпіоновъ, которые словно состязаются другъ съ

---

[1]) Saint-René Taillandier, loc. cit., p.p. 73—74.

другомъ въ безтолковой щепетильности, пошломъ лукавствѣ, самомнѣніи и наглости». Особенно преступное равнодушіе проявляли Виртембергскій и Баварскій короли къ судьбѣ и призрѣнію раненныхъ и больныхъ воиновъ, разъ тѣ не принадлежали къ ихъ подданнымъ, а Фридрихъ I не постѣснился даже отдать приказаніе не допускать въ предѣлы своего королевства больныхъ и раненныхъ чужестранцевъ [1]).

Несмотря на препятствія, которыя нѣмецкіе государи чинили центральному управленію, Штейну, тѣмъ не менѣе, удалось болѣе или менѣе успѣшно выполнить возложенную на него задачу. Такому успѣху способствовала возросшая опять въ послѣдніе мѣсяцы авторитетность Штейна у императора Александра и самоотверженные труды его ближайшихъ помощниковъ, а именно делегатовъ: отъ Пруссіи—Эйхгорна и Фризе, отъ Австріи—графа Шпигеля, отъ Россіи—швейцарца Андрея Меріана и Н. И. Тургенева; съ послѣднимъ Штейнъ особенно сблизился, пріятно пораженный обширностью знаній, начитанностью, благонравіемъ и преданностью долгу молодого русскаго чиновника; въ свою очередь и на Тургенева бесѣды со Штейномъ произвели неизгладимое впечатлѣніе.

«Sa tête,—вспоминаетъ Тургеневъ о Штейнѣ,—était trop vaste pour ne penser qu'aux intérêts d'une seule caste; son âme trop grande, trop forte pour ne s'occuper que de destinées d'une fraction, alors qu'elle pouvait embrasser le tout» [2]).

Особенную пользу Тургеневу принесли бесѣды со Штейномъ по крестьянскому вопросу и разрѣшенію его въ Пруссіи.

Несмотря на враждебное отношеніе къ назначенію Штейна предсѣдательствующимъ въ центральномъ управленіи, Меттернихъ примирился съ этою мыслью, разсчитывая, что сложныя обязанности отвлекутъ Штейна отъ главной квартиры, а самъ онъ, Меттернихъ, получитъ возможность склонить императора Александра на свои планы. Это подтверждается, между прочимъ, и письмомъ Кочубея къ Штейну отъ 16—28 ноября 1813 года изъ Петербурга. «On a prétendu,—пишетъ Кочубей своему другу,—que le c-te Metternich avait eu l'idée de vous éloigner par là du quartier général».

Послѣ пережитыхъ въ 1813 г. усиленныхъ напряженій и возбужденія корифеи европейской политики начинали уже испытывать утомленіе, которое не трудно было использовать въ интересахъ замиренія. Цѣль, которую себѣ ставила коалиція, вѣдь была уже болѣе или менѣе достигнута: Рейнскій союзъ былъ расторгнутъ, Пруссія и Австрія

[1]) Die Centralverwaltung der Verbündeten unter dem Freiherrn von Stein. 1814.

[2]) Голова его была слишкомъ мощна, чтобы преслѣдовать интересы только одной касты; онъ обладалъ слишкомъ могучимъ и великимъ умомъ, чтобы пріурочивать его къ заботамъ о судьбахъ одной только категоріи согражданъ, разъ онъ могъ обнимать всю общественность.

возстановлены въ прежнихъ размѣрахъ, въ Италіи паденіе французскаго владычества было обезпечено отпаденіемъ самихъ итальянцевъ отъ Наполеона и успѣхами австрійскаго оружія, изъ Голландіи наконецъ изгнаніе французовъ предстояло въ непродолжительномъ времени. О дальнѣйшемъ ослабленіи и униженіи Франціи въ заключенныхъ договорахъ ничего точно опредѣленнаго постановлено не было. Значитъ, ничто не мѣшало возобновить негоціаціи съ Наполеономъ. Такова была программа дѣйствій, на которую императоръ Францъ и Меттернихъ всемѣрно старались склонить союзныхъ государей, когда во Франкфуртъ прибылъ Штейнъ изъ объѣзда ввѣренныхъ его управленію областей. Принятый Александромъ Павловичемъ особенно благосклонно и привлеченный къ интимнымъ совѣщаніямъ, Штейнъ теперь опять вошелъ въ силу и могъ вліять на политику. Его дѣятельность въ эту эпоху иные сравниваютъ съ значеніемъ, какое Штейнъ пріобрѣлъ въ 1812 году въ Россіи, ободряя государя на борьбу съ Наполеономъ. Въ концѣ 1813 года дѣятельность Штейна, правда, была скромнѣе, но, несомнѣнно, и здѣсь заслуга его велика, такъ какъ онъ въ самое критическое время выпуталъ императора Александра изъ тенетъ Меттерниха, настоялъ на перенесеніи войны въ предѣлы Франціи, пустилъ первый въ оборотъ мысль о возстановленіи династіи Бурбоновъ и т. д.

Въ то время, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ малодушествовалъ больше всѣхъ и возставалъ противъ дальнѣйшаго расширенія театра военныхъ дѣйствій, Австрія, по обыкновенію, двуличничала, и ея тогдашнія отношенія къ Россіи Штейнъ мѣтко охарактеризовалъ одною фразою: «ревнивая подозрительность къ Россіи у Австріи умѣряется трепетомъ передъ Наполеономъ, и первая возрастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе страшенъ дѣлается Наполеонъ». Несмотря на торжественныя обѣщанія императора Александра, подтвержденныя и Меттернихомъ, сохранить за Швейцаріею конституцію, въ свое время выработанную при посредничествѣ Наполеона, и не нарушать нейтралитета Гельветической республики, Меттернихъ воспользовался кратковременнымъ отъѣздомъ царя изъ Франкфурта (въ сопровожденіи Штейна) для посѣщенія родственнаго двора въ Карльсруэ и 20-го декабря самовольно распорядился занять Швейцарію австрійскими войсками. Циничное двоедушіе австрійскаго государственнаго канцлера возмутило Александра, и онъ теперь еще болѣе сблизился со Штейномъ. На этомъ Меттернихъ не успокоился: щадя Наполеона и желая добиться наиболѣе выгоднаго для интересовъ имперіализма миролюбиваго соглашенія, онъ предписывалъ Шварценбергу дѣйствовать противъ Наполеона вяло и нерѣшительно. Въ письмѣ отъ 8-го января 1814 года онъ писалъ австрійскому главнокомандующему: «En attendant, allez, mais prudemment», а отъ 16-го января 1814 года пояснялъ: «Il est

de toute importance, que vous ne poussiez pas vos mouvements militaires audelà du strict nécessaire» [1]). Съ совершенно непонятною наивностью Меттернихъ дѣлалъ даже попытки удалить императора Александра и неудобнаго его совѣтчика съ театра военныхъ дѣйствій, лицемѣрно ссылаясь на заботы о безопасности особы государя, и убѣждалъ его оставаться въ Фрейбургѣ и тамъ терпѣливо ожидать дальнѣйшихъ событій. Александръ это предложеніе отклонилъ, по свидѣтельству Штейна, съ большимъ неудовольствіемъ и поспѣшилъ изъ своего вояжа вернуться въ Базель 13-го января 1814 года почти одновременно со Штейномъ (пріѣхавшимъ 9-го января).

Штейнъ не уставалъ убѣждать государя, что только предоставленіе сколько нибудь совершеннаго государственнаго устройства Германіи можетъ послужить дѣйствительно прочнымъ оплотомъ противъ завоевательныхъ посягательствъ Франціи и развращающаго деспотизма нѣмецкихъ государей. Особенныя противодѣйствія въ этомъ отношеніи Штейнъ предвидѣлъ со стороны Австріи, что̀ и высказалъ государю: «Il y a tout lieu de craindre,—писалъ онъ,— que le comte Metternich portera dans l'arrangement final des affaires de l'Allemagne le même esprit de frivolité, de suffisance, le même manque de respect pour la verité et les principes, qui les a déjà gâtés en partie et qu'il vient de manifester d'une manière si nuisible en Suisse» [2]).

Желая по возможности если не устранить, то парализировать пагубное вліяніе Меттерниха на устройство будущихъ судебъ Германіи, Штейнъ настаивалъ предъ Александромъ Павловичемъ, чтобы тотъ назначилъ теперь же особую комиссію подъ предсѣдательствомъ его, Штейна, въ составѣ представителей: отъ Россіи—Андрея Разумовскаго, отъ Пруссіи—В. фонъ-Гумбольдта и отъ Австріи—графа Стадіона (въ послѣднемъ Штейнъ видѣлъ добраго генія Австріи), и возложилъ-бы на нее ближайшую разработку проекта государственнаго устройства Германіи. Мотивъ, которымъ здѣсь руководствовался Штейнъ, былъ тотъ, что при завѣдомомъ ничтожествѣ остальныхъ главъ коалиціи, Фридриха-Вильгельма и Франца, единственно отъ великодушнаго почина Александра Павловича Германія можетъ ожидать блага, хотя, разумѣется, принципіально противъ вмѣшательства иноземнаго государя во внутреннія дѣла

---

[1]) «Пока что, двигайтесь впередъ, но осторожно», и далѣе: «Въ высшей степени важно, чтобы ваши военныя наступательныя движенія не шли далѣе крайней необходимости».

[2]) «Представляются всѣ основанія бояться, что графъ Меттернихъ въ окончательное устройство нѣмецкихъ дѣлъ внесетъ тотъ духъ суетности, самодовольства и неуваженія къ правдѣ и принципамъ, который уже теперь отчасти неблаготворно отразился на политикѣ и особенно пагубно обнаружился на дѣлахъ Швейцаріи».

посторроннихъ ему государствъ возраженія напрашивались сами собою. Отъ назначенія предлагаемой Штейномъ комиссіи Александръ Павловичъ, однако же, уклонился, признавшись Штейну въ своемъ глубокомъ недовѣріи къ Австріи, но не скрылъ своихъ опасеній предпринять теперь же окончательныя и опредѣленныя рѣшенія по нѣмецкому вопросу, такъ какъ Австрія, пожалуй, станетъ искать сепаратнаго секретнаго соглашенія съ Франціею. Только при дальнѣйшихъ военныхъ успѣхахъ, когда Наполеонъ потерпитъ полное крушеніе, почиталъ государь возможнымъ выступить противъ Австріи съ опредѣленною категоричностью. Во всякомъ случаѣ государь и тутъ обѣщалъ Штейну, что, если бы начались съ Наполеономъ переговоры, онъ сведетъ ихъ лишь на установленіе новыхъ границъ для Франціи, и отнюдь не допуститъ вмѣшательства Наполеона въ дѣла и взаимоотношенія коалиціонныхъ державъ.

Несмотря на неопредѣленность будущаго разрѣшенія нѣмецкаго вопроса, Штейнъ въ Базелѣ утѣшалъ себя мысленно. «Общее дѣло,— похвалялся онъ въ письмѣ домой,—имѣетъ вполнѣ благопріятное теченіе». Подъ этимъ Штейнъ подразумѣвалъ вступленіе коалиціонныхъ войскъ въ пограничныя области Франціи. На югѣ главная армія уже заняла Франшконтэ и Эльзасъ, сѣвернѣе Силезская армія проникла въ лѣвобережный Прирейнскій Пфальцъ и долину р. Мозеля, а еще правѣе генералъ Бюловъ приближался къ бельгійской границѣ. 17-го января 1814 года Штейнъ уже покинулъ Базель и, проѣздомъ чрезъ Монбельяръ, Виллерэксель и Везуль, осмотрѣвъ области, вновь присоединенныя къ его управленію, 22-го января 1814 года съѣхался съ государемъ Александромъ Павловичемъ въ Лангрѣ.

Въ распоряженіе Штейна теперь поступили четыре «генеральныхъ департамента», изъ коихъ три Верхне, Средне и Нижнерейнскій состояли изъ старинныхъ имперскихъ земель, а четвертый образовался изъ округовъ, нѣкогда отторгнутыхъ отъ Швейцаріи, и изъ областей Франціи, теперь занятыхъ союзными войсками. Объ управленіи этими департаментами Штейнъ не замедлилъ представить союзнымъ государямъ свои предположенія, которыя и удостоились одобренія [1]).

Штейнъ предлагалъ въ этихъ департаментахъ отказаться отъ введенія общей воинской повинности, отчасти потому, что послѣдняя для областей, населеніе коихъ говоритъ на французскомъ языкѣ, едва ли цѣлесообразна по соображеніямъ національнымъ, а отчасти и потому, что союзныя войска достаточно многочисленны и не нуждаются въ подкрѣпленіяхъ. Поэтому Штейнъ предпочиталъ въ

---

[1]) Напечатаны въ приложеніи къ V тому Recueil des principaux traités Мартенса (1817 г.) на стр. 638 и сл.

этихъ областяхъ ограничиться взиманіемъ налоговъ, реквизиціею военныхъ припасовъ и принятіемъ мѣръ полицейской безопасности. По мѣрѣ дальнѣйшаго вторженія союзниковъ во Францію въ составъ центральнаго управленія включалось все большее число департаментовъ, и Штейнъ, торжествуя посрамленіе Наполеона, писалъ не безъ чувства самоудовлетворенія: «Несмотря на Наполеона, его полицію, штыки и давнишнее объявленіе меня внѣ закона, я теперь организую управленіе Франціи».

Гораздо труднѣе досталась Штейну другая побѣда: съ самаго начала совмѣстныхъ предпріятій Францъ и Меттернихъ отчасти по династическимъ соображеніямъ, отчасти слѣдуя установившимся вѣками у Габсбурговъ стремленіямъ на почвѣ интригъ и раздоровъ между союзниками строить свое благополучіе, не переставали всячески работать въ пользу Наполеона. Въ противовѣсъ этому Штейнъ, Поццо-ди-Борго и Лагарпъ старались убѣдить Александра въ неизбѣжности низложенія Наполеона. Эта партія, получившая наименованіе военной, нашла особенно дѣятельныхъ единомышленниковъ внѣ главной арміи, въ лицѣ военачальниковъ силезской арміи. Между этими послѣдними и государемъ Александромъ Павловичемъ чрезъ посредство Штейна установились необычайныя отношенія, напоминавшія переговоры съ Іоркомъ, приведшіе къ Таурогенской конвенціи. Штейнъ знакомилъ государя съ письмами, которыя ему писалъ Гнейзенау, и есть основанія полагать, что съ вѣдома государя и по почину Штейна генералу Гнейзенау дѣлались намеки и поощренія ускорить операціи силезской арміи съ цѣлью заставить и Шварценберга перейти въ болѣе рѣшительное наступленіе. Какъ бы то ни было, закулисное участіе въ этомъ дѣлѣ Штейна подтверждается и записью Гарденберга (въ его дневникѣ подъ 27-мъ января 1814 г.): «Intrigue de Stein pour faire aller l'armée droit à Paris, ce que veut l'empereur Alexandre». Въ послѣдніе дни января 1814 года Блюхеръ съ силезскою арміей, неожиданно для союзниковъ, очутился передъ фронтомъ главной арміи, а это доставило коалиціи такой численный перевѣсъ, что уже 1-го февраля Наполеоновская армія была разбита подъ La Rothière, силезская армія двинулась на Парижъ долиною Марны, а главная армія—долиною Сены.

Въ свою очередь уже теперь и Наполеонъ уполномочилъ Коленкура на заключеніе мира подъ условіемъ возстановленія границъ Франціи, предшествовавшихъ 1792 году. Меттернихъ за это предложеніе схватился обѣими руками и поспѣшилъ предписать Шварценбергу австрійскихъ войскъ отнюдь не переправлять чрезъ Сену, но тутъ, благодаря вліянію Поццо-ди-Борго и Штейна, государь Александръ Павловичъ рѣшительно воспротивился переговорамъ о перемиріи. Послѣдовавшія побѣды Наполеона въ бояхъ при Шампоберѣ, Монмирайлѣ, Шато-Тьери и Этожѣ 10-го—17-го февраля настолько перепугали

Фридриха-Вильгельма и Шварценберга, что, уступая давленію последнихъ, и Александръ Павловичъ началъ было склоняться въ пользу перемирія, но тутъ Наполеонъ, опять увѣровавъ въ свою звѣзду, заартачился противъ переговоровъ, ставя для послѣднихъ условіемъ предварительное очищеніе французской территоріи отъ непріятельскихъ войскъ и оставленіе за Франціею Рейна, Бельгіи и Антверпена. Это заставило и убѣжденныхъ сторонниковъ мира одуматься, понявъ, что съ Наполеономъ не столкуешься. Такимъ образомъ союзныя державы послѣ колебаній и продолжительныхъ переговоровъ торжественно возобновили и подтвердили прежнія взаимныя свои соглашенія Шомонскимъ договоромъ отъ 1-го марта 1814 года.

Въ Шомонскій же договоръ, между прочимъ, по настояніямъ Штейна, на основаніи предварительныхъ совѣщаній, происходившихъ въ Труа, была включена секретная статья; здѣсь ихъ императорскія и королевскія величества обязывались «направить усилія къ дѣйствительному установленію такой системы, при которой бы Германія, въ составѣ державныхъ государей, была объединена федеральною связью, что̀ и обезпечило бы за Германіею независимость». Въ этомъ постановленіи Штейнъ провидѣлъ приближеніе къ осуществленію завѣтныхъ своихъ мечтаній. «Теперь я почти увѣренъ,—писалъ онъ къ женѣ изъ Шомона отъ 14-го марта 1814 года,—что наше отечество получитъ наконецъ конституцію, и произволу жалкихъ деспотовъ, угнетающихъ Германію, будетъ положенъ предѣлъ».

Штейнъ хотѣлъ вѣрить въ осуществленіе завѣтной мечты, давно уже высказанной имъ въ такъ называемомъ «политическомъ завѣщаніи», циркулярно обращенномъ къ прусскимъ провинціальнымъ властямъ въ моментъ постигшей министра опалы. Здѣсь онъ писалъ: «Общее народное представительство является необходимостью. Державныя права нашего государя для меня были и останутся священными, но именно въ тѣхъ видахъ, чтобы державныя права эти могли оказывать все чаемое отъ нихъ благо, мнѣ представлялось умѣстнымъ предложить державной власти тотъ способъ, который бы ей позволилъ, знакомясь съ желаніями народными, приводить къ осуществленію свои предначертанія. Народъ, лишенный участія въ дѣлѣ управленія страною, неизбѣжно начинаетъ взводить на правительство нареканія въ томъ, будто оно равнодушно относится къ общественному благу, либо становится съ нимъ въ разладъ. Въ той области, гдѣ у насъ и допускалось общественное представительство, упорядоченіе его оказывалось далеко несовершеннымъ. Поэтому-то я и предполагалъ предоставить право выборовъ всякому дѣятельному гражданину, владѣй онъ сотнею моргеновъ земли или однимъ, занимайся онъ сельскимъ хозяйствомъ или промышленностью, либо ремесломъ, или же будь онъ связанъ съ государствомъ только умственною связью.

«Насчетъ системы выборовъ существуетъ много плановъ. Отъ осуществленія или отверженія любого изъ нихъ зависитъ спасеніе или погибель нашего отечества, ибо этимъ только способомъ возможно пробудить и обновить духъ народа» [1]).

Идеалистъ, вѣрившій въ поддержку императора Александра, не распростившагося еще съ свободомысліемъ, баронъ Штейнъ вслѣдъ за подписаніемъ Шомонскаго договора предложилъ союзнымъ державамъ учредить комиссію для начертанія конституціи для Германскаго союза и представилъ составленный имъ лично планъ союзной конституціи и образецъ конституціи для отдѣльныхъ государствъ. Такъ какъ императоръ всероссійскій рѣшительно всталъ па сторону Штейна, а король прусскій, считаясь съ настроеніемъ силезской арміи, побоялся ему даже и противорѣчить, то совѣтъ министровъ коалиціи въ ближайшія затѣмъ недѣли постановилъ нижеслѣдующія резолюціи:

во-первыхъ, положить конецъ произвольнымъ мѣропріятіямъ, какія доселѣ принимались нѣкоторыми германскими государями въ отношеніи ихъ подданныхъ, медіатизированныхъ князей и графовъ;

во-вторыхъ, точно опредѣлить неотъемлемыя личныя права, которыя слѣдуетъ усвоить за каждымъ изъ нѣмцевъ вообще и за медіатизированными князьями и графами въ частности;

въ-третьихъ, установить минимумъ вольностей, которыя надлежитъ предоставить сословіямъ отдѣльныхъ государствъ;

и, въ-четвертыхъ, огласить во всеобщее свѣдѣніе нормы вышеозначенныхъ правъ и вольностей, какія будутъ временно утверждены дворами коалиціи.

Разработка этихъ резолюцій въ дальнѣйшихъ деталяхъ была возложена на В. фонъ-Гумбольдта, а вмѣстѣ съ тѣмъ было оговорено, что къ 1-му декабря 1814 года «le comité, travaillant au quartier général», закончитъ свои труды по составленію конституціи для Германіи. Мечтанія Штейна, повидимому, близились къ претворенію въ дѣйствительность, но событія, развертывавшіяся съ быстротою и совершенно негаданными измѣненіями вѣяній, обманули и тутъ его надежды. 9-го и 10-го марта силезская армія подъ начальствомъ Гнейзенау одержала подъ Лаономъ надъ Наполеономъ рѣшающую побѣду. Послѣ неудачной попытки отбросить назадъ главную армію коалиціи Наполеонъ принужденъ былъ отступить къ востоку, опираясь на пограничныя крѣпости, обѣ же союзныя арміи, сломивъ наскоро организованную маршалами Наполеона оборону, заняли французскую столицу (30-го марта).

Могучій человѣкъ прямого дѣла, какъ называетъ Штейна профессоръ Стеффенсъ, Штейнъ со времени кампаніи 1812 года былъ глу-

[1]) Tourguéneff, loc. cit., т. I, стр. 428—429.

боко убѣжденъ въ паденіи Наполеона и при всякомъ удобномъ случаѣ старался разубѣдить государя Александра Павловича въ его первоначальныхъ планахъ выставлять кандидатуру на французскій престолъ Бернадотта, а позднѣе—Луи-Филиппа Орлеанскаго.

Сильный поддержкою Поццо-ди-Борго, неизмѣнно державшагося легитимистскихъ убѣжденій, Штейнъ давно уже склонялъ Александра въ пользу Людовика XVIII и его преемника, графа д'Артуа.

Тургеневъ, какъ мы видѣли, близко стоявшій къ Штейну, утверждаетъ, что баронъ задолго до занятія Парижа лелѣялъ мысль о перемѣнѣ французскаго правительства и вліялъ въ этомъ смыслѣ на государя. Позднѣе въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ Поццо-ди-Борго,—по искреннему ли убѣжденію или по другимъ соображеніямъ, позволительно усомниться, такъ какъ Поццо-ди-Борго при реставраціи получилъ отъ Людовика XVIII въ признательность за услуги, оказанныя Бурбонамъ, 2 милліона франковъ, а когда государь Александръ Павловичъ выразилъ Поццо негодованіе по этому поводу, тотъ цинично согласился вернуть Людовику XVIII подарокъ, если Александръ ему подаритъ такую же сумму. Тогда Александръ съ видимымъ неудовольствіемъ согласился, чтобы Поццо оставилъ у себя полученныя отъ короля деньги [1]).

«La maison de Bourbon,—писалъ Штейнъ императору Александру Павловичу,—n'a rien fait pour perdre son droit au trône. Cette révolution, faite par un peuple frivole, bavard, mobile, conduit par des chefs ou phraseurs ou criminels», и т. д.

И далѣе: «Son successeur (Людовика XVI) ne suivra certainement, que les conseils d'un souverain auguste, auquel il devra son trône et il adoptera toutes les idées fondamentales et libérales sur lesquelles V. M. I. désirera voir basée l'organisation de la France» [2]).

Ссылаясь на свои должностныя полномочія, Штейнъ отъ имени 12-ти милліоновъ французскаго населенія, находившихся теперь въ вѣдѣніи центральнаго департамента, убѣждалъ государя предоставить самимъ французамъ высказаться за желанное для нихъ правительство, увѣренный въ томъ, что Франція, истомленная политикою приключеній, выскажется за исконную законную династію. Впрочемъ, Штейнъ совѣтовалъ царю отнюдь не ограничиваться по отношенію къ Бурбонамъ ролью наблюдателя, но настаивать на

---

[1]) Tourgueneff. La Russie et les russes. Paris. Ed. Ledoyen. 1847, t. I, p. p. 31—32.

[2]) «Династія Бурбоновъ ничего не сдѣлала для того, чтобы утратить свои права на престолъ. Революція произведена была народомъ суетнымъ, болтливымъ, подвижнымъ, который на помочахъ водили болтуны и злодѣи», и далѣе: «Преемникъ Людовика XVI, конечно, станетъ слѣдовать только совѣтамъ августѣйшаго государя, которому онъ будетъ обязанъ своимъ престоломъ, и, конечно, онъ приметъ всѣ тѣ основныя либеральныя начала, которыя ваше императорское величество пожелаете заложить въ основу политическаго устройства Франціи».

установленіи во Франціи государственнаго строя, отвѣчающаго интересамъ народнымъ.

Зная нелюбовь и презрѣніе Штейна къ отечественнымъ «государикамъ» и «князькамъ», державныя права которыхъ онъ, не колеблясь, готовъ былъ принести въ жертву интересамъ всеединой могущественной Германіи, можно сказать, что апологія въ пользу французскаго легитимизма въ устахъ Штейна оказывается противорѣчащею всѣмъ его убѣжденіямъ. Апологія эта была навѣяна нѣмецкому патріоту заботами pro domo sua, — онъ былъ озабоченъ однимъ: предѣлы Франціи по возможности урѣзать, дабы кольцо крѣпостей, воздвигнутыхъ еще Вобаномъ противъ Германіи, было упразднено чрезъ присоединеніе къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи и обоихъ береговъ Рейна.

Достиженіе такихъ цѣлей, на его взглядъ, скорѣе было осуществимо при возстановленіи Бурбоновъ, которые легко помирились бы съ территоріальными урѣзками Франціи, чѣмъ при установленіи правительства, озабоченнаго интересами не династическими, но національными; въ сохраненіи же за Франціею подобающаго ей въ европейскомъ концертѣ вѣса и значенія Штейнъ, въ качествѣ нѣмца и галлофоба, былъ, конечно, мало заинтересованъ.

Совѣтамъ Штейна во всемъ объемѣ государь Александръ Павловичъ, конечно, внять не могъ, но мыслью о возстановленіи Бурбоновъ постепенно проникся. Для дальнѣйшаго хода ближайшихъ дѣлъ военныхъ и политическихъ небезразличнымъ оказалось внезапное рѣшеніе, принятое императоромъ Александромъ не безъ участія Штейна.

Когда союзники положили не препятствовать дальнѣйшему отступленію Наполеона къ востоку, военная часть главной квартиры отъ дипломатической части отдѣлилась: первая, съ императоромъ Александромъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ во главѣ, направилась въ Парижъ, дипломатическая же канцелярія со всѣми дипломатами водворена была въ Дижонѣ, къ великому удовольствію Штейна, такъ какъ чрезъ это императору Александру развязывались руки, и онъ хоть на время устранялся изъ-подъ вліянія Меттерниха и его интригъ. «Это самое лучшее, что можно было придумать»,—утѣшалъ Штейнъ Тургенева, сѣтовавшаго въ на то, что ни Штейнъ, ни Тургеневъ не отправятся съ царемъ Парижъ. «Государь, отдѣлавшись отъ австрійцевъ и Меттерниха, будетъ въ Парижѣ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и все дѣло получитъ благополучное завершеніе» [1]).

---

[1]) Женѣ своей Штейнъ отъ 10 апрѣля 1814 г. писалъ: «Par une circonstance assez singulière l'empereur d'Autriche, Metternich et toute la queue diplomatique ont été obligés de s'éloigner et de se rendre le 24 du Mars à Dijon, où ils sont encore, l'empereur Alexandre n'a donc point été entravé».

Находясь въ Дижонѣ съ дипломатическими канцеляріями, Штейнъ имѣлъ случай непосредственно повліять на дальнѣйшія судьбы Франціи, когда графъ д'Артуа, прибывъ въ Нанси,—городъ, входившій въ составъ французскихъ провинцій, поступившихъ подъ управленіе Штейна,—обратился къ нему за разрѣшеніемъ выпустить воззваніе къ французскому населенію, какъ то входило въ программу, предложенную Штейномъ союзнымъ государямъ еще въ Труа. Штейнъ не замедлилъ предписать генералъ-губернатору Лотарингіи, Алопеусу, всемѣрно способствовать распространенію прокламаціи графа д'Артуа, образованію легитимистскаго ополченія и раздачѣ ратникамъ для ношенія бѣлой кокарды; вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Штейнъ тогда же уполномочилъ Алопеуса на выдачу въ распоряженіе королевской военной кассы и нужныхъ суммъ.

Пребываніе самого Штейна въ Дижонѣ было непродолжительно. Когда онъ заявилъ коллегамъ о своемъ отъѣздѣ въ Парижъ, Гарденбергъ и другіе дипломаты, не чая ничего добраго для своихъ интересовъ отъ совмѣстныхъ дѣйствій Александра съ его совѣтчикомъ, старались всемѣрно отговорить послѣдняго отъ поѣздки въ Парижъ. По свидѣтельству Тургенева, при этомъ пускались въ ходъ даже запугиванія, будто Штейна, уѣзжавшаго съ двумя казаками, непремѣнно захватитъ въ плѣнъ генералъ Во со своими партизанами. Штейнъ, однако же, настоялъ на своемъ [1]).

6-го апрѣля онъ былъ уже въ Парижѣ. Здѣсь, еще до вступленія союзныхъ войскъ въ столицу, антибонапартисты, искавшіе завязать съ коалиціею и графомъ д'Артуа сношенія, отрядили къ Штейну Матьё Монморанси и Монтаньяка, которые, ссылаясь на репутацію, пріобрѣтенную барономъ въ дѣлѣ освобожденія Германіи и всей Европы отъ общаго врага, просили теперь Штейна поддержать ихъ и обезпечить Франціи спасеніе.

Заигрываніе антибонапартистскихъ кружковъ, однако же, предубѣжденій Штейна противъ Франціи не измѣнило, и онъ писалъ, между прочимъ, женѣ отъ 17-го апрѣля:

«La légèreté de la nation, sa démoralisation me font craindre de nouvelles agitations, qui troubleront la tranquillité de l'Europe... Je désire que les sentiments qu'on marque aux Bourbons soient aussi constants, que les démonstrations que les expriment, sont bruyantes... Le comte d'Artois m'a reçu avec beaucoup de bonté et de confiance; on est généralement content de sa conduite sage, modérée et remplie de dignité» [2]).

---

[1]) Tourguéneff, loc. cit., t. I, p. 41.

[2]) «Легкомысліе этого народа и его развращенность заставляютъ меня опасаться новыхъ смутъ, которыя станутъ волновать спокойствіе Европы... Я желалъ бы, чтобы чувства любви, показываемыя Бурбонамъ, были столь же постоянны, какъ шумно выражаются проявленія этихъ чувствъ... Графъ д'Артуа принялъ

Въ Парижѣ Штейнъ вершилъ то же, что въ Дрезденѣ и Франкфуртѣ. Администраторъ, облеченный почти диктаторскими полномочіями, онъ отправлялъ самую разнообразную политическую и гражданскую дѣятельность.

«Я видѣлъ Штейна въ Парижѣ,—вспоминаетъ Варнгагенъ фонъ-Энзе,—въ иномъ совсѣмъ положеніи, чѣмъ нѣкогда въ Прагѣ. Онъ находился на вершинѣ счастія, въ сіяніи могущества и славы, и даже пересталъ ненавидѣть столь позорно низверженнаго своего врага Наполеона... Онъ ничего и слышать не хотѣлъ о тревогахъ и недоумѣніяхъ и оставался глухъ къ предостереженіямъ, какія ему, напримѣръ, дѣлалъ его другъ юности, гр. фонъ-Шлабрендорфъ, взиравшій на тогдашнія событія съ противоположной, чѣмъ Штейнъ, точки зрѣнія» [1]).

Уже въ Парижѣ Штейнъ ясно почувствовалъ, что вліяніе его надъ Александромъ значительно упало. Александръ Павловичъ обаятельностью своего обращенія и лукавымъ великодушіемъ обѣщаній старался преклонить въ свою пользу французскую націю, хотя и подвергшуюся безпримѣрному униженію, но все еще сильную, тогда какъ Штейнъ ничего знать не хотѣлъ объ уступчивости и настаивалъ на жесточайшихъ репрессаліяхъ [2]).

Въ области политики та цѣль, на служеніе которой ушло девять послѣднихъ лѣтъ жизни Штейна, теперь, какъ будто бы, и впрямь осуществлялась: Наполеонъ палъ, и Германія могла надѣяться на обновленіе.

«Изъ какой бездны несчастія спасены мы,—писалъ Штейнъ домашнимъ,—благодаря Провидѣнію, императору Александру и его доблестнымъ русскимъ и нѣмецкимъ сподвижникамъ... Когда я сравниваю преисполняющія меня теперь чувствованія съ гнетомъ страданій, подъ которымъ изнемогалъ въ теченіе девяти лѣтъ, это сравненіе только и даетъ мнѣ возможность оцѣнить по достоинству и въ полномъ объемѣ теперешнее мое счастіе и всѣ пережитыя бѣдствія».

Подъ впечатлѣніемъ происходившихъ событій мысль Штейна обращается и къ виновнику тяжелыхъ испытаній, постигшихъ Европу. Въ Парижъ Штейнъ попалъ какъ разъ вὸ-время, чтобы принять закулисное участіе въ переговорахъ съ Наполеономъ, которые 11-го апрѣля завершились, какъ извѣстно тѣмъ, что побѣжденный принялъ предложенія коалиціи, выговоривъ для себя лично владѣніе островомъ Эльбою съ 2 милліонами франковъ годового дохода, а для своей семьи—$2^1/_2$ милліона франковъ дохода.

меня съ большимъ довѣріемъ и добротою; всѣ вообще довольны его мудрымъ и умѣреннымъ образомъ дѣйствій, преисполненнымъ чувства собственнаго достоинства».

[1]) Warngagen. Denkwürdigkeiten. IV ч., стр. 124 (по изд. 1871 г.). Ср. тамъ же стр. 133—134.

[2]) Saint-René Taillandier, loc. cit. p. 75.

Въ глазахъ Штейна такая развязка достойнымъ образомъ вѣнчала это злодѣйское существованіе. «Тиранъ завершилъ свое поприще, словно послѣдній трусъ. Пока дѣло шло о пролитіи чужой крови, Наполеонъ былъ до расточительности предпріимчивъ. Но у него не хватило рѣшимости безстрашно съ собою покончить и умереть; онъ принимаетъ, въ видѣ подачки, пожизненную пенсію, готовъ вернуться въ ничтожество и долго торгуется, лишь бы попрочнѣе обезпечить себѣ продолженіе позорнаго существованія. Увѣряютъ, будто онъ дни теперь проводитъ, вздыхая и плача. Что за чудовище, и какъ все это низко!» Уваровъ усматривалъ въ исторіи Наполеона смѣсь великаго и смѣшного, а въ немъ самомъ воплощеніе Тамерлана и Жильблаза. Эту оцѣнку своего русскаго друга Штейнъ пополняетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Есть еще и третья составная часть въ чудовищномъ объединеніи основныхъ свойствъ характера Наполеона — его пошлость. Она блистательно сказалась въ его бѣгствѣ отъ арміи, брошенной въ Россіи, въ его отношеніяхъ ко всѣмъ, кого онъ давилъ и гналъ, во всѣхъ его повадкахъ и рѣчахъ, и, наконецъ, въ его образѣ дѣйствій въ теперешнюю годину бѣдствій, когда все вырождается въ низкую и трусливую заботливость о своей только особѣ».

Въ своей презрительной ненависти къ посрамленному врагу Штейнъ находилъ, что охранявшія особу Наполеона въ Фонтенбло войска слѣдовало разогнать, а съ нимъ и его семьею надлежало бы распорядиться, какъ того по справедливости заслуживалъ угнетатель человѣческаго рода и «вообще канальи его сорта».

Такой же строгій приговоръ ставитъ Штейнъ и французской націи. «Эта нечистая, безстыдная и развратная французская нація должна быть управляема желѣзнымъ прутомъ. Вѣдь отвратительно видѣть, какъ французы, покрывъ себя злодѣяніями, толкуютъ о своей лояльности, добротѣ и великодушіи, словно не они залили Европу кровью, повергнувъ ее въ печаль, не они умертвили въ теченіе 2-хъ столѣтій троихъ изъ своихъ королей, и не они постоянно обнаруживали чудовищнѣйшую жадность».

Конечно, подобныя нападки вовсе не настраивали ожесточеннаго барона на то, чтобы находить отраду въ развлеченіяхъ, какія предлагалъ побѣдителямъ тогдашній Парижъ: «Я возблагодарю Бога, когда уѣду наконецъ изъ этого Вавилона въ Германію», писалъ онъ женѣ.

Не трудно впрочемъ догадаться, какія заботы угнетали Штейна въ Парижѣ. Согласно переговорамъ, состоявшимся въ Труа, Бурбонамъ предполагалось Францію предоставить въ предѣлахъ границъ, установленныхъ 1-го января 1792 года. Когда же по пріѣздѣ Людовика XVIII открылись переговоры объ окончательномъ мирѣ, Гарденбергъ и Штейнъ, не принимая непосредственнаго участія въ негоціаціяхъ, получили болѣе широкую возможность отстаивать

интересы и права Германіи. Штейнъ стоялъ на томъ, чтобы къ Германіи присоединить Ландау, Страсбургъ и анклавы древне-нѣмецкихъ земель, которыя включены были въ предѣлы Франціи 1792 года. Въ этомъ же смыслѣ высказывался и офиціальный представитель Пруссіи, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, заявившій еще требованіе объ уплатѣ военной контрибуціи, которая для истощенной французскими грабительствами Пруссія являлась настоятельною необходимостью.

Старанія обоихъ нѣмецкихъ патріотовъ успѣхомъ не увѣнчались, и Франція, по Парижскому миру, состоявшемуся 30-го мая 1814 г., получила противъ первоначальныхъ предположеній даже земельныя прирѣзки въ цѣляхъ исправленія границъ.

Когда Штейну не удалось предъ императоромъ Александромъ настоять на присоединеніи къ Германіи укрѣпленныхъ пунктовъ, удержаніе которыхъ Франціею, по увѣреніямъ нѣмецкихъ патріотовъ, станетъ и впредь являться угрозою противъ Германіи, Штейнъ принялся усиленно настаивать на предоставленіи нѣмецкому народу политическихъ правъ, которыя бы дали ему самостоятельность и самоопредѣленіе въ возмѣщеніе великихъ пожертвованій и тяготъ, понесенныхъ въ эпоху освободительной войны, и хоть этимъ бы прочно обезпечили его отъ иноземныхъ вторженій.

Нѣкоторое время Штейнъ питалъ увѣренность, что, въ виду Дижонскаго постановленія совѣта министровъ, судьбы нѣмецкаго народа удовлетворительно разрѣшатся еще въ Парижѣ, и ему будутъ обезпечены вольности, на которыя онъ пріобрѣлъ неотъемлемыя права своимъ самопожертвованіемъ и военными подвигами. Отъ 30-го апрѣля 1814 г. Штейнъ писалъ: «On conviendra sur les bases les plus essentielles des arrondissements et sur les éléments d'une constitution de l'Allemagne; le tout sera terminé vraisemblablement vers le 20 de Mai» [1]).

Но тутъ свершился въ коалиціонной политикѣ поворотъ, который, повидимому, явился неожиданностью даже и для хорошо освѣдомленнаго Штейна. Подробностей этого событія Штейнъ въ своей перепискѣ не касается, но глухо говоритъ о ложной и лукавой политикѣ, построенной на интригахъ. Интересы коалиціонныхъ державъ уже въ Парижѣ настолько обособились, что не позволяли достигнуть немедленнаго соглашенія по существеннѣйшимъ вопросамъ.

По вопросу о конституціи для Германіи Парижскій трактатъ ограничился повтореніемъ соотвѣтствующей статьи Шатильонскаго договора. «Les états de l'Allemagne seront indépendants et unis

---

[1]) Предполагается соглашеніе относительно существенныхъ основъ земельныхъ округленій и конституціи Германіи, и все это, вѣроятно завершено будетъ къ 20-мъ числамъ мая.

par un lieu fédératif» [1]), а чуткій къ поворотамъ политическихъ вѣяній Гумбольдтъ тогда же поспѣшилъ отмѣтить, что принятыя совѣтомъ министровъ коалиціи въ Дижонѣ резолюціи своею дерзновенностью преисполняютъ ихъ самихъ страхомъ, ибо «нельзя же забывать о почтеніи, которое каждая нація должна питать къ своимъ законнымъ государямъ»,—очевидно освободительнымъ вѣяніямъ приходилъ конецъ, и охранители затягивали новыя пѣсни.

Поэтому договоръ, первоначально намѣчавшійся въ Парижѣ на широкихъ и либеральныхъ началахъ, подъ конецъ получилъ характеръ полумѣры. Изъ территоріальныхъ вопросовъ въ Парижѣ были порѣшены лишь тѣ, которые касались объединенія Голландіи и Бельгіи, вознагражденія Австріи итальянскими областями и возсозданія Сардинскаго королевства. О Саксоніи и Варшавскомъ герцогствѣ Парижскій договоръ умолчалъ; объ отдѣленіи отъ Франціи лѣваго побережья Рейна было глухо оговорено, что оно имѣетъ послужить для урегулированія границъ Голландіи и вознагражденія Пруссіи и другихъ Германскихъ государствъ. Разрѣшеніе же наиболѣе существенныхъ и коренныхъ вопросовъ, направленныхъ къ упроченію равновѣсія европейскихъ державъ, откладывалось на полтора мѣсяца, впредь до разсмотрѣнія ихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Соединенные государи, ихъ войска, главная квартира и дипломаты словно спѣшили покинуть Францію.

Разстроенный новою отсрочкою въ осуществленіи завѣтныхъ замысловъ, значительно извѣрившись въ императора Александра и питая омерзѣніе къ низости дипломатовъ, плодившихъ только интриги, Штейнъ покинулъ берега Сены 3-го іюня 1814 г. и чрезъ Мо, Шалонъ и Люксенбургъ направился въ свои Нассаускія родовыя владѣнія, освобожденныя изъ-подъ французскаго секвестра въ 1813 году.

Такъ какъ въ виду возстановленія Бурбоновъ на французскомъ престолѣ французскія генералъ-губернаторства, состоявшія подъ управленіемъ Штейна, были возвращены въ вѣдѣніе національнаго правительства, то въ распоряженіи Штейна оставались теперь лишь Саксонія, Франкфуртъ и Фульда, которыми онъ и продолжалъ править вплоть до возвращенія съ Вѣнскаго конгресса.

На общіе результаты своего двухлѣтняго управленія въ областяхъ, занятыхъ коалиціонными войсками, Штейнъ могъ указывать въ своемъ отчетѣ отъ 14-го мая 1814 года не безъ нѣкоторой гордости: имъ было выставлено 165.384 новобранца, собрано для коалиціонной военной кассы свыше 50 милліоновъ рублей и произведена громадная масса поставокъ для удовлетворенія разно-

---

[1]) «Государства Германіи будутъ независимы и объединены федеративною связью».

образныхъ нуждъ арміи; злые намёки, дѣлаемые Гарденбергомъ на «grandes negligences et défauts dans l'administration de Stein» въ его дневникѣ, подъ 27-мъ января 1814 года, являютъ собою лишь отголосокъ чиновниковъ-взяточниковъ, которыхъ гналъ Штейнъ, и которыхъ прикрывала гарденберговская клика.

Встрѣченный въ Нассау колокольнымъ звономъ, иллюминаціею и выстроеннымъ шпалерами ландштурмомъ, Штейнъ нашелъ свои имѣнія разоренными, часть родового замка разрушенною, а вѣковыя деревья въ саду вырубленными.

Поручивъ управленіе имѣніями своей сестрѣ, аббатиссѣ Маріаннѣ, Штейнъ вскорѣ уѣхалъ во Франкфуртъ.

Начало осени Штейнъ провелъ на дачѣ въ Борнгеймѣ (близъ Франкфурта). Здѣсь за его чайнымъ столомъ собирались званые и незваные, а особенно частымъ его гостемъ былъ Баварскій наслѣдный принцъ, единомышленный великому патріоту. Принцъ, очень привѣтливый и разговорчивый, былъ тугъ на ухо и въ пылу бесѣды нерѣдко возвышалъ голосъ до крика. Штейнъ въ этихъ случаяхъ невозмутимо его усовѣщевалъ: «Ваше высочество! остудите-ка вашъ пылъ чашечкою чая. Вы такъ кричите, что люди на улицѣ останавливаются и вообразятъ себѣ, пожалуй, что я тутъ якобинскій клубъ завелъ» [1]).

Въ сентябрѣ 1814 г. баронъ Штейнъ былъ уже въ Вѣнѣ, куда императоръ Александръ настоятельно приглашалъ его для участія въ занятіяхъ конгресса. В. Ш.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Арндтъ, loc. cit., стр. 217.

ВЪ ХЕРСОНѢ.

I.

Херсонъ.—Основаніе его.—Гимназическій скверъ.—Потемкинскій садъ и памятникъ князю Потемкину.—Театръ.—Публичная библіотека.

ВЪ XVIII СТОЛѢТИИ въ 26 верстахъ отъ устья на Днѣпрѣ стояло жалкое укрѣпленіе Александръ-шанцъ. Устроитель Новороссійскаго края, «великолѣпный князь Тавриды» замѣтилъ, выгодное положеніе укрѣпленія вблизи моря и рѣшилъ построить здѣсь городъ и воздвигнуть крѣпость, подъ защитой которой учредить адмиралтейство. Для осуществленія желаній всесильнаго временщика препятствій не существовало: «рече—и быша, повелѣ—и создашася», и на мѣстѣ ничтожнаго укрѣпленьица въ 1778 году возникъ городъ, названный въ честь Херсонеса Таврическаго Херсонесомъ. Черезъ 8—10 лѣтъ уже были воздвигнуты крѣпость, верфь и административныя учрежденія. Строителями были генералъ-аншефъ Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ, сынъ «Арапа Петра Великаго», и Корсаковъ.

Херсонъ состоитъ изъ военнаго форштадта, крѣпости и наконецъ самаго города, расположеннаго на юго-западъ послѣдней. Съ палубы парохода городъ кажется весьма красивымъ, расположеннымъ амфитеатромъ на склонѣ степей. Отчетливо видны церкви, дома, сады, улицы.

Общій видъ Херсона.

Потемкинскій бульваръ.

Проѣхавъ отъ пристани не болѣе полверсты, вы достигаете уже центра города. Лучшая гостиница—Петербургская; она находится противъ мужской гимназіи и Гимназическаго сквера. Отсюда мы и начнемъ обозрѣніе города.

Гимназическій скверъ, какъ и собратья его, не великъ, но зато даетъ наибольшую тѣнь въ городѣ. Онъ имѣетъ форму квадрата и окаймленъ густыми аллеями. По куртинамъ разсажены молоденькіе кипарисы и елки. Посрединѣ бьетъ фонтанъ.

Изъ сквера мы выходимъ на Потемкинскую улицу, которая, начинаясь у Днѣпра, упирается въ Потемкинскій, или Городской садъ. Бѣлая акація и платаны, довольно рѣдко посаженные, не много даютъ тѣни, столь необходимой на югѣ.

Главное украшеніе сада—памятникъ основателю города, «великолѣпному князю Тавриды». На квадратномъ чугунномъ пьедесталѣ помѣщена фигура князя во весь ростъ, отлитая изъ темной бронзы; князь облеченъ въ броню и мантію, перекинутую черезъ плечо; у ногъ его положенъ шлемъ; въ одной рукѣ онъ держитъ опущенный обнаженный мечъ, а другой рукой указываетъ въ сторону моря, къ которому онъ такъ страстно стремился. Я долго любовался характерной головой князя (обнаженной) и тѣмъ выраженіемъ лица, которое придалъ ему Мартосъ, создавшій этотъ памятникъ: невольно припомнилось и неограниченное честолюбіе, и сатрапство, и женолюбіе этого царедворца и во всякомъ случаѣ недюжиннаго дѣятеля царствованія «Сѣверной Минервы». На лицевой сторонѣ пьедестала изображенъ гербъ князя Потемкина, а на обратной—надпись: «Князю Потемкину Таврическому Новороссійскій край». На третьей сторонѣ помѣщено: «Памятникъ сей воздвигнутъ въ царствованіе государя императора Николая Перваго при новороссійскомъ и бессарабскомъ губернаторѣ, графѣ Воронцовѣ [1]), и при херсонскомъ гражданскомъ губернаторѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Ганскау въ 1836 году». Послѣдняя надпись на памятникѣ гласитъ: «Regnante Nicolao Primo omnium Russiarum Imperatore et Autocratore Michaelo Comite Voroncsov supremo Novae Russiae atque Bessarabiae Gubernatore Iacobo Hanskau Chersonensis provinciae gubernatore Principi Gregorio Potemkin Taurizeskiy Nova Russia grata hoc monumentum anno MDCCCXXXVI erexit». Памятникъ обнесенъ желѣзною цѣпью.

Передъ памятникомъ разбитъ недурной цвѣтникъ и устроенъ фонтанъ, а сзади его отвратительно мозолитъ глаза безобразная лавчонка, въ которой торгуютъ фруктовыми водами.

---

[1]) Князь Потемкинъ и графъ (впослѣдствіи князь) Воронцовъ—истинные создатели Новороссійскаго края и Крыма, «лучшей жемчужины русской короны». Поэтому вышла особенно умѣстною постановка памятника первому въ «правленіе» краемъ второго.

Памятникъ князю Потемкину.

У сада съ сѣверной стороны стоитъ изящное зданіе городской думы, выстроенное въ 1895 году, съ южной же стороны высится воздвигнутый городскимъ обществомъ театръ, слишкомъ роскошный для такого города, какъ Херсонъ. И храмъ Мельпомены здѣсь почти всегда пустуетъ, служа хорошимъ предостереженіемъ «отцамъ города» отъ увлеченій затѣями сосѣдки, у которой все-таки и люди иные, и презрѣннаго металла побольше... Противъ театра устроенъ еще молоденькій скверъ съ хорошенькимъ цвѣтникомъ, но почему-то онъ всегда запертъ.

Въ двухъ шагахъ отъ театра находится молодой, густо засаженный деревцами дѣтскій садикъ, поистинѣ, прекрасное убѣжище для малышей. Въ садикѣ разбито нѣсколько очень милыхъ цвѣточныхъ клумбъ.

Еще нѣсколько шаговъ, и вы въ городской публичной библіотекѣ, помѣщающейся съ 1896 года въ новомъ зданіи. Изъ широкаго вестибюля вы входите въ обширную прекрасную читальную залу, имѣющую массу и свѣта и воздуха. Несмотря на жаркій іюльскій день, когда я былъ въ читальнѣ, тамъ было до тридцати посѣтителей, главнымъ образомъ изъ среды учащейся молодежи. Библіотека содержится на городской счетъ. Чтеніе книгъ на дому оплачивается нѣсколькими копейками, чтеніе же въ залѣ—безплатное. Библіотека довольно усердно посѣщается херсонцами: такъ, за іюнь текущаго года посѣтителей было 3.452; въ зимніе мѣсяцы число посѣщеній почти удвоивается. Періодическихъ изданій библіотека выписываетъ около 70. И только здѣсь вы можете получить петербургскія и московскія газеты: таковыхъ вы не увидите ни въ гостиницахъ, ни въ ресторанахъ, ни въ газетномъ кіоскѣ—тамъ къ вашимъ услугамъ лишь мѣстная газетка «Югъ» и юдофильскій «Одесскій Листокъ». Не любопытный ли городъ!..

II.

Крѣпость. — Екатерининскій соборъ и могила кн. Потемкина. — Могилы очаковскихъ героевъ. — Памятникъ Говарда.

Самый интересный историческій памятникъ и въ то же время главная достопримѣчательность Херсона—его крѣпость, почти примыкающая къ городу съ сѣверной стороны. Стратегическаго значенія, конечно, она уже давно не имѣетъ. Миновавъ съ правой стороны значительныхъ размѣровъ Александровскій (Пестелевскій) бульваръ [1]), а съ лѣвой—изящное зданіе женской гимназіи, вы достигаете полуразрушенныхъ крѣпостныхъ воротъ, окоповъ и стѣнъ. Посреди крѣпости стоитъ главная святыня Херсона—Ека-

[1]) Такъ названъ по имени бывшаго гражданскаго губернатора Пестеля.

Городской театръ.

терининскій соборъ, построенный еще при зарожденіи города. На западномъ фронтонѣ, надъ входомъ въ соборъ, надпись гласитъ: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ». Не отличаясь красотою снаружи, храмъ очень изященъ и благолѣпенъ внутри и содержится въ большомъ порядкѣ и чистотѣ. У праваго клироса главнаго алтаря находится обнесенная рѣшеткой могила кн. Потемкина. Надъ прахомъ основателя Херсона лежитъ изящная мраморная плита. На послѣдней помѣщены бронзовый гербъ князя и семь медальоновъ съ именами городовъ, основанныхъ и завоеванныхъ имъ. Надпись на плитѣ гласитъ: «Фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Родился 30-го сентября 1736 года. Умеръ 5-го октября 1791 года. Здѣсь погребенъ 23-го ноября 1791 года», и ниже: «Основателю Херсона благодарные граждане 5-го октября 1891 года».

У праваго столба, противъ алтаря, подъ балдахиномъ и императорской короной стоитъ кресло Императрицы Екатерины II. Отсюда взоръ императрицы, присутствовавшей въ соборѣ на богослуженіи, при посѣщеніи Херсона, конечно, неоднократно падалъ на то мѣсто, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того было погребено тѣло ея любимца..... На сѣверной сторонѣ этого столба помѣщена мраморная доска съ гербомъ Потемкина и надписью: «Князю Потемкину-Таврическому Херсонское земство—1865».

Въ ризницѣ собора хранятся драгоцѣнныя ризы, пожертвованныя императрицей Екатериною II.

Небольшая площадка отдѣляетъ соборъ отъ трехъярусной колокольни.

Около алтаря, съ южной стороны похороненъ принцъ Александръ Виртембергскій. На его памятникѣ-обелискѣ имѣется надпись: «Праху во цвѣтѣ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ скончавшагося героя».

Вблизи могилы принца похороненъ строитель Херсона, Корсаковъ. На памятникѣ изображены вирши неизвѣстнаго стариннаго піиты:

Здѣсь другъ отечества,
Почтенный мужъ Корсаковъ,
Къ жалѣнію сыновъ Россіи, погребенъ.
Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрый его духъ отъ тѣла отлученъ.

† 24-го августа 1788 года.

Здѣсь же похороненъ и генералъ-майоръ И. М. Синельниковъ, строитель Екатеринослава, первымъ губернаторомъ котораго онъ и былъ, главный составитель маршрута знаменитаго путешествія императрицы Екатерины на югъ, погибшій при осадѣ Очакова.

Крѣпостныя ворота.

На сѣверной сторонѣ отъ собора похороненъ очаковскій герой, И. И. Меллеръ-Закомельскій, убитый въ 1790 году при осадѣ Киліи.

Всѣ эти историческіе памятники уже сильно обветшали и покрылись мохомъ.

Близко отъ крѣпости, за городскими воротами, у большой дороги, соединяющей Николаевъ съ Херсономъ, стоитъ памятникъ человѣку великаго сердца—Джону Говарду, воздвигнутый, по повелѣнію императора Александра I, въ 1819 году. Памятникъ—высокій гранитный обелискъ. На лицевой сторонѣ помѣщены медальонъ филантропа, солнечные часы, отъ которыхъ, впрочемъ, сохранились лишь однѣ стрѣлки, и надпись: «Скончался 20-го генваря 1790 года на 65-мъ году отъ рожденія». На двухъ другихъ сторонахъ обелиска имѣются надписи: «Omnia salvum fecit» и «Propter alios vixit». Памятникъ обнесенъ каменной круглой оградой съ желѣзными рѣшетчатыми воротами. Нѣсколько жалкихъ акацій, выжженная солнцемъ, трава желтый мохъ покрыли памятникъ. Направо—кладбище, налѣво—тюрьма и больница. Неисходною тоскою, смертью вѣетъ кругомъ.......

III.

Привозъ. — Забалки. — Магазины. — Улицы. — Освѣщеніе.

Интересно посѣтить южную часть города, гдѣ находятся такъ называемые Привозъ и Забалки. Привозъ—рынокъ: довольно большая площадь занята сплошь деревянными палатками и лавчонками; въ однѣхъ изъ нихъ цѣлый день бойко идетъ торговля готовыми съѣстными припасами, другія изъ нихъ завалены овощами. На Привозѣ же бѣдный людъ можетъ достать все необходимое для своего незатѣйливаго обихода. Евреи и особенно еврейки--преобладающіе торговцы на рынкѣ.

Черезъ каменный мостъ, перекинутый черезъ оврагъ («балку»), мы переѣзжаемъ въ самую бѣдную часть города—Забалки, гдѣ ютится главнымъ образомъ рабочій людъ. Настоящая деревня! Улицы не мощены, пыль стоитъ страшная, всюду маленькіе домики, или, вѣрнѣе сказать, хатки. Освѣщается эта часть города далеко не вся, и фонари, гдѣ они только есть, поставлены не по бокамъ улицы, а посрединѣ ея. Забалки примыкаютъ къ днѣпровскому притоку рѣки Кошевой, на которой устроена верфь, близостью каковой и объясняется обиліе въ Забалкахъ кузницъ.

Лучшіе магазины Херсона помѣщаются на Суворовской и Потемкинской улицахъ. Бросается въ глаза существованіе въ городѣ значительнаго числа фотографій и аптекарскихъ магазиновъ. Очевидно, херсонцы очень любятъ и лѣчиться, и сниматься. Лучшій книжный магазинъ, издавна существующій, Шаха; тутъ же библіотека для чтенія и продажа письменныхъ принадлежностей. Но не

великъ спросъ въ Херсонѣ на книги! Владѣлецъ магазина говоритъ, что книги у него на полкахъ залеживаются годами, а за послѣднее время «Нива», выдавая подписчикамъ, въ видѣ премій, русскихъ классиковъ, окончательно добила книжную торговлю въ городѣ.

Центральная часть города имѣетъ вполнѣ прилично вымощенныя улицы, поливаемыя водою нѣсколько разъ въ день. И за отсутствіе пыли нужно сказать большое спасибо «отцамъ города». Улицы обсажены бѣлою акаціей, и на тротуарахъ кое-гдѣ у магазиновъ вы увидите, какъ и въ Одессѣ, диванчики. А жизни на улицѣ никакой! Днемъ по улицѣ рѣдко проѣдетъ извозчикъ съ сѣдокомъ, да нѣсколько человѣкъ, не спѣша, пройдутъ по тротуару. Вечеромъ, когда вообще въ южныхъ городахъ закипаетъ на улицахъ жизнь, въ Херсонѣ опять мертво: музыка въ городскомъ саду играетъ всего два раза въ недѣлю; въ другіе дни тамъ бѣгаютъ лишь дѣтишки; въ гимназическомъ скверѣ собирается болѣе всего публики, но что за сосредоточенная, молчаливая толпа кружится тогда по темнымъ аллеямъ!

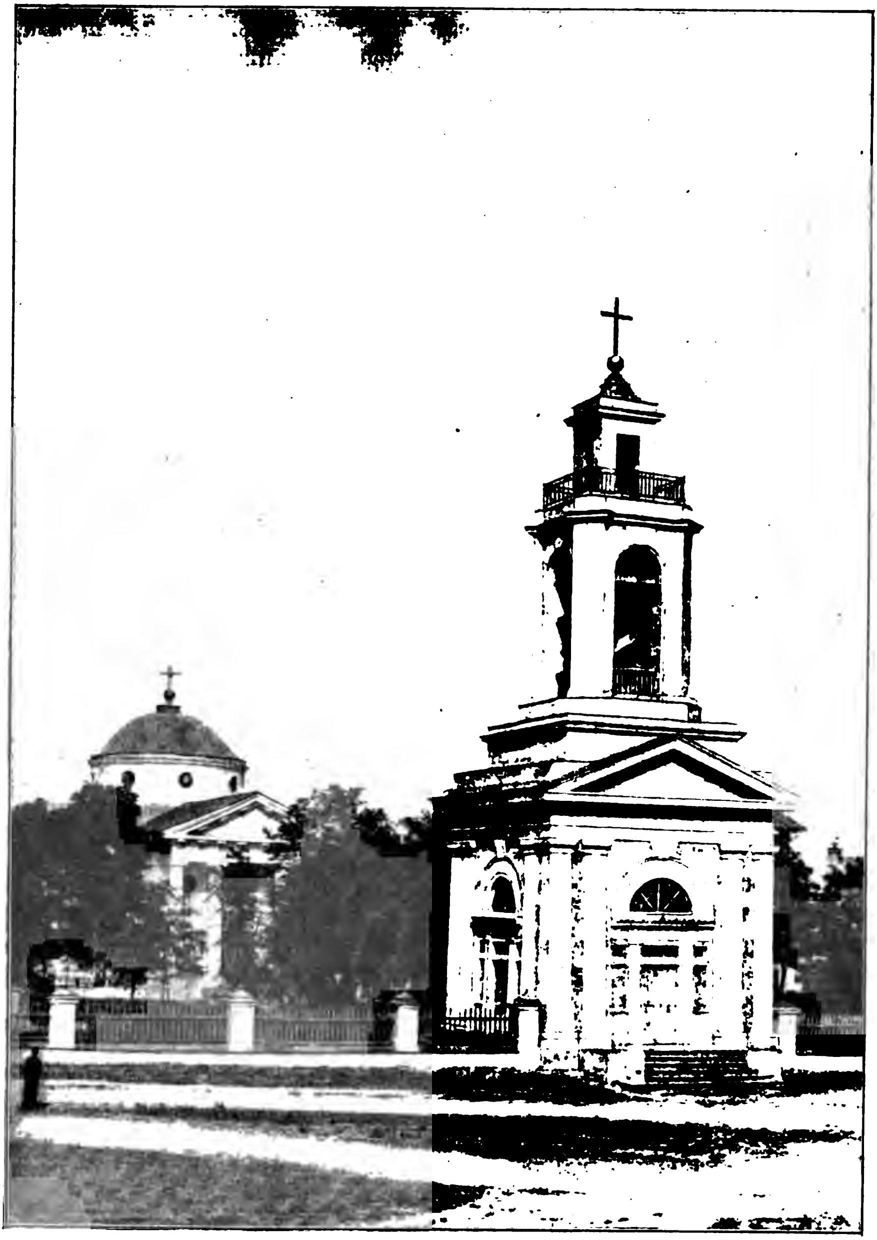
Въ Херсонѣ такъ называемыхъ загородныхъ садовъ или садовъ съ различными увеселеніями не имѣется. Единственный порядочный ресторанчикъ находится при Петербургской гостиницѣ, гдѣ кормятъ вполнѣ удовлетворительно.

Аѳанасьевъ-Чужбинскій, при посѣщеніи Херсона, былъ пораженъ допотопнымъ способомъ освѣщенія города. «Въ фонари вставляются здѣсь,—говоритъ онъ,—обыкновенныя сальныя свѣчи, которыя и мерцаютъ до тѣхъ поръ, пока нагорѣвшая свѣтильня отъ тяжести не наклонится и не стопитъ свѣчу, или пока расчетливый служитель не вынетъ этой свѣчи для частнаго употребленія» [1]). Конечно, теперь сальныхъ свѣчей уже нѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, городское освѣщеніе (керосиновое) и въ настоящее время обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжаго человѣка. Столбы, на которыхъ помѣщены фонари, замѣчательно низки, и послѣдніе зажигаются чрезвычайно рѣдко, что̀ особенно неудобно на югѣ. Впрочемъ, недавно въ городскую управу былъ представленъ инженеромъ Рындзюнскимъ проектъ сооруженія въ городѣ электрическаго трамвая и освѣщенія, который уже и отправленъ для утвержденія въ подлежащія сферы.

Въ Херсонѣ мужская гимназія, мужская 6-ти-классная прогимназія, двѣ женскихъ гимназіи, реальное училище и учительская семинарія.

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Собраніе сочиненій. Спб. 1893. Т. VII, стр. 341.



Екатерининскій соборъ.

Памятникъ Меллеръ-Закомельскому.

IV.

Экономическое значеніе Херсона въ прошломъ и упадокъ таковаго въ настоящее время.—Радужныя надежды на будущее.

Богатую будущность сулилъ Херсону его основатель. Дѣйствительно, положеніе его на большой судоходной рѣкѣ вблизи моря было крайне выгодно. И Херсонъ началъ сразу рости и богатѣть. Но въ 1794 году на мѣстѣ сосѣдней деревушки Хаджи-бея возникаетъ городъ Одесса. Рожденіе ея было роковымъ для Херсона. Но еще большій ударъ послѣднему нанесло проведеніе цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ на югѣ, систематически обходившихъ его. До тѣхъ поръ Херсонъ былъ складочнымъ и передаточнымъ пунктомъ для всѣхъ предметовъ вывоза изъ 13-ти губерній, омываемыхъ Днѣпромъ и его судоходными притоками. Зерно, лѣсъ, шерсть, сало, кожи, растительныя масла, желѣзныя и чугунныя издѣлія сплавлялись по Днѣпру въ Херсонъ и уже здѣсь перегружались на морскіе пароходы. Наплывъ огромнаго количества грузовъ въ Херсонъ далъ толчокъ развитію судостроенія и созиданію значительнаго каботажнаго флота, а равно и возникновенію въ широкихъ размѣрахъ заводской и фабричной промышленности.

На учрежденной на рѣкѣ Кошевой верфи ежегодно строилось значительное количество судовъ.

Въ былое время изъ лѣсистаго Сѣверо-Западнаго края ежегодно сплавлялось въ Херсонъ до 800 плотовъ. Для обработки этого сырого лѣса въ Херсонѣ возникло шесть крупныхъ лѣсопильныхъ заводовъ, производство которыхъ доходило въ годъ до 3-хъ милліоновъ рублей. Лѣсомъ Херсонъ снабжалъ Одессу, Николаевъ, Крымъ и даже Кавказъ.

Очень значительно было развито въ Херсонѣ и шерстомойное дѣло. Когда-то сюда поступало на промывку ежегодно не менѣе 150 тысячъ пудовъ шерсти, а иногда даже и свыше 300 тысячъ пудовъ, на сумму до 4-хъ милліоновъ рублей.

Но все это было до половины 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, т.-е. до развитія желѣзнодорожныхъ путей на югѣ. А затѣмъ торгово-промышленное значеніе Херсона стало быстро падать.

Лѣто 1901 года для Херсона было свѣтлымъ праздникомъ. Первымъ его посѣтилъ министръ путей сообщенія, князь Хилковъ, а затѣмъ 16-го іюня, на пароходѣ «Ледоколъ № 3», конвоируемомъ «Свѣтланой», въ Херсонъ прибылъ великій князь Александръ Михаиловичъ. Оба эти посѣщенія находились въ связи съ устройствомъ въ Херсонѣ морского порта. Наконецъ, 14-го іюля, послѣ 80-ти-лѣтняго перерыва, днѣпровскія воды вновь увидѣли на своей поверхности черноморскую флотилію. Въ этотъ день утромъ въ

Памятникъ Говарду.

Херсонъ пришла подъ флагомъ вице-адмирала Я. А. Гильтебрандта черноморская эскадра, и Херсонъ былъ офиціально объявленъ морскимъ портомъ. На торжественномъ обѣдѣ, которымъ городское общество чествовало нашихъ моряковъ, было высказано много добрыхъ пожеланій Херсону и въ то же время много увѣренности въ богатой будущности города, какъ морского порта, который быстро привлечетъ въ свои воды не только родные, но и заграничные коммерческіе суда и пароходы. Будетъ ли это? Не pium ли это desiderium? Устройство морского порта въ Херсонѣ ко дню его открытія, какъ передавали мнѣ, обошлось министерству путей сообщенія до 2-хъ милліоновъ рублей, включая сюда стоимость землечерпательнаго каравана, постановки маяковъ и технической мастерской въ Херсонѣ. Морской каналъ образованъ изъ днѣпровскаго рукава Рвача, для каковой цѣли послѣдній углубленъ на всемъ протяженіи до 18-ти футовъ, а въ видахъ прохода по каналу морскихъ судовъ съ полной осадкой предполагается его дальнѣйшее углубленіе до 22-хъ футовъ. Но люди, близко знакомые съ положеніемъ Херсона и состояніемъ Днѣпра, съ которыми мнѣ привелось вести бесѣду, относятся довольно скептически и къ мѣропріятіямъ правительства, и къ радужнымъ надеждамъ херсонцевъ на возрожденіе города. «Пропалъ Днѣпръ,— говорятъ они,—лѣса, сберегавшіе ему влагу, уничтожены, Пинскія болота, главная кормилица его, осушены, онъ настолько обмелѣлъ, что пароходы съ осадкой до 3-хъ футовъ съ трудомъ пробираются даже по низовьямъ его, историческая преграда для судоходства, знаменитые пороги, до сихъ поръ не очищены. Нѣтъ, нѣтъ данныхъ для развитія морского порта въ Херсонѣ! Не забудьте при этомъ близость Одессы и отчасти Николаева». Кто же правъ? Поживемъ и увидимъ! Повидимому, Херсону не долго дожидаться и того момента, когда онъ будетъ соединенъ рельсовымъ путемъ со всей Россіей. Князь Хилковъ при посѣщеніи города, между прочимъ, сказалъ: «Я имѣю возможность порадовать васъ пріятной для Херсона вѣстью: мнѣ дано порученіе ознакомиться на мѣстѣ съ условіями проведенія желѣзной дороги отъ Херсона на Перекопъ». Мнѣ думается, что жизненные соки у Херсона отнялъ еще и портъ Скадовскъ, основанный лишь въ 1894 году при прекрасной Джарылгачской бухтѣ. Словомъ, для Херсона возникъ роковой вопросъ: «быть или не быть?»

V.

Отвалъ парохода отъ Херсона.—«Очаровательная» ночь на Днѣпрѣ.

Ровно въ полночь «Скорый» отвалилъ отъ Херсона. За нѣсколько минутъ передъ этимъ луна скрылась, и городъ погрузился въ непроглядную тьму. Лишь фонари у пристаней да нѣ-

Забалки.

сколько электрическихъ шаровъ на какой-то фабрикѣ или заводѣ свидѣтельствовали о близости города. На противоположномъ, лѣвомъ берегу въ разныхъ мѣстахъ ярко вспыхивали костры рыбаковъ...

Стояла пышная, волшебная ночь, когда «Бойкій», залитый электрическими огнями, увозилъ меня изъ Никополя въ Александровскъ. Луна, звѣзды, огоньки сигнальныхъ фонарей красиво купались въ Днѣпрѣ. Верба и осокорь бросали въ тихія воды длинныя тѣни. «Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ. Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еше необъятнѣе, горитъ и дышитъ онъ... Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь, очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя... А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь, очаровательная ночь!» И «пышный» Днѣпръ, и его прекрасные берега, и эта «очаровательная» ночь мнѣ и до сихъ поръ чудятся...

Андрей Фирсовъ.

ИЗЪ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА [1].

(Грецiя и Критъ, уголки Италiи, Австрiя и славянство).

XII.

Русская церковь въ Аѳинахъ.

ВЪ ГРЕЦIИ, какъ и въ Турцiи, сильнѣе всего влiянiе Германiи, затѣмъ играетъ большую роль Англiя. Францiя и Россiя въ настоящее время совсѣмъ не популярны у грековъ. Но все то доброе, что посѣяно нами въ прошломъ, даетъ плоды. Взгляните на прекрасную русскую церковь въ Аѳинахъ, и вы порадуетесь живучести русскаго дѣла въ Грецiи. Когда-то для русской колонiи нанималась въ Аѳинахъ греческая церковь, но мы добились своего: въ шестидесятыхъ годахъ греки принесли въ даръ русскому правительству одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ и древнѣйшихъ своихъ храмовъ—съ землею, и храмъ этотъ былъ передѣланъ въ русскую церковь св. Троицы.

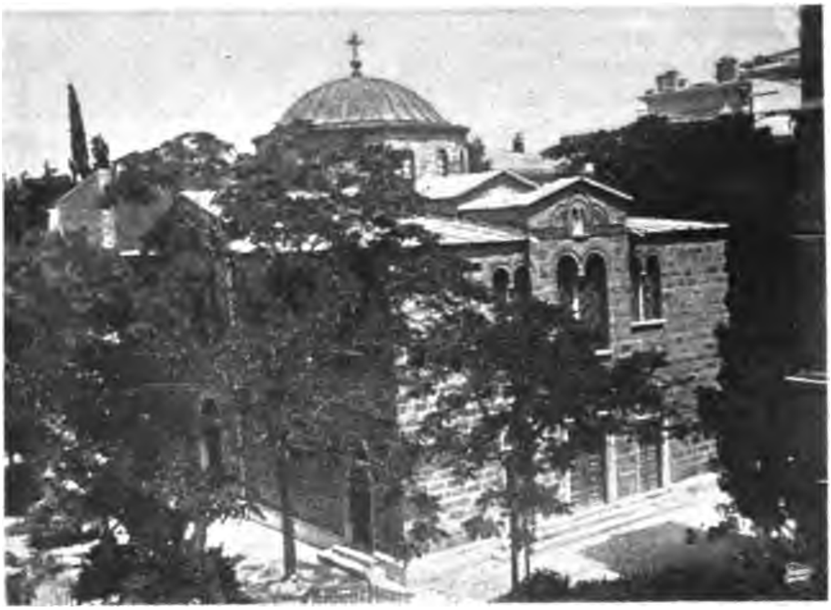
— Это было достигнуто преосвященнымъ Антониномъ, покойнымъ начальникомъ русской духовной миссiи въ Палестинѣ,— говорилъ мнѣ настоятель нашей аѳинской церкви, о. архимандритъ Анатолiй.—Преосвященному Антонину содѣйствовалъ бывшiй русскiй

---

[1]) Окончанiе. См. «Историческiй Вѣстникъ», т. CI, стр. 906.

посланникъ въ Греціи Персіани. Греки впослѣдствіи опомнились и хотѣли было взять уступленный намъ храмъ обратно въ свои руки, но это имъ уже не удалось. Мы отстояли церковь.

Подъ русскимъ храмомъ въ подвалѣ находится множество греческихъ гробницъ, тутъ есть гробницы историческихъ лицъ. Часть



Русская церковь въ Аѳинахъ.

гробницъ отлично уцѣлѣла до сихъ поръ. Изъ подземелья шелъ когда-то потайной ходъ на Акрополь. Онъ существуетъ и теперь, но мѣстами осыпался.

— Не хотите ли посмотрѣть наши катакомбы?—спросилъ меня отецъ Анатолій.—Въ саду есть люкъ, оттуда ведетъ лѣстница въ подземелье. Сторожъ спустится съ вами съ фонаремъ.

Мы со сторожемъ спустились въ узкую яму, въ которой проложена цементированая лѣстница. Проходъ узкій, напоминающій темные ходы кіевскихъ пещеръ. При свѣтѣ фонаря я увидѣлъ катакомбы, но, увы, онѣ были затоплены водой, подойти къ нимъ было невозможно.

Какъ русскій храмъ, церковь св. Троицы существуетъ сорокъ лѣтъ. Преосвященный Антонинъ выстроилъ ее по типу византійскихъ храмовъ и накрылъ ее широкимъ красивымъ куполомъ. Въ составъ новыхъ стѣнъ вошли древнія стѣны греческаго храма. Сохранились старые мраморные жертвенники, мраморный престолъ и

пышный мраморный иконостасъ. При о. Антонинѣ пристроена около церкви высокая колокольня, сооруженная по его собственному рисунку. Площадка съ церковью и колокольней обнесена изящной оградой.

Кромѣ главнаго престола св. Троицы, русская церковь имѣетъ придѣлы св. Николая Чудотворца (правый) и праведнаго Никодима (лѣвый).

— Вы можете замѣтить на стѣнахъ слѣды древне-греческихъ надписей,—сказалъ мнѣ архимандритъ Анатолій.—Посмотрите: на стѣнкѣ правой пилястры, за мѣстомъ королевы, есть надпись. Середина ея вытерта, но можно разобрать имя «Филиппъ младенецъ». Вѣроятно, онъ былъ погребенъ здѣсь.

Въ храмѣ, кромѣ ложи королевы и ея семьи, находятся мѣста россійскаго посланника, секретарей королевы, членовъ русскаго посольства и проч. Иконопись въ церкви новая, свѣжая, русской работы, сверху съ купола смотритъ на васъ поясное изображеніе Спасителя, держащаго Евангеліе. Клиросъ — на верху, на второмъ ярусѣ. Тамъ же, надъ алтаремъ, находится скромная церковная ризница.

Я былъ въ русской церкви во время богослуженія. Это было въ одно изъ послѣднихъ воскресеній передъ закрытіемъ храма на лѣто. Церковныя службы въ іюлѣ обыкновенно пріостанавливаются по причинѣ страшной аѳинской жары. Послѣ содома аѳинскихъ улицъ пріятно очутиться въ тишинѣ родного храма. Шла служба. Богомольцевъ было не много: десять-пятнадцать человѣкъ изъ мѣстной русской колоніи. Литургію совершалъ архимандритъ Анатолій при діаконѣ Юрьевѣ. Слушая русскія слова молитвъ, не вѣрится даже, что находишься во враждебно настроенной къ Россіи Греціи. Какой это уютный и прекрасный русскій храмъ!—думалось мнѣ.

Русская церковь имѣетъ своихъ постоянныхъ пѣвчихъ: русскихъ и грековъ, которые, какъ и весь причтъ, получаютъ за границей весьма приличное содержаніе.

Русскій храмъ часто посѣщаетъ греческая королева, хотя эти посѣщенія и не нравятся грекамъ, которые доходятъ до такого неприличія, что иногда устраиваютъ демонстраціи и свищутъ въ улицахъ, ведущихъ къ русской церкви.

Жалкіе и злые люди! Что имъ сдѣлала Россія, кромѣ добра, и за что они ее такъ яростно ненавидятъ?

Послѣ обѣдни, у отца Анатолія собралось маленькое общество прихожанъ русской церкви. Дьяконъ Порфирій Николаевичъ Юрьевъ оказался старѣйшимъ членомъ русской колоніи въ Аѳинахъ.

— Я въ настоящее время на покоѣ,—говорилъ онъ мнѣ.—Но моя семья живетъ въ Аѳинахъ, и я отъ времени до времени служу обѣдню по приглашенію отца архимандрита.

Мы бесѣдовали маленькимъ кружкомъ, за стаканами чая, о вѣстяхъ, идущихъ изъ Россіи.

— Вотъ жалуются въ Россіи,—замѣтилъ одинъ изъ гостей,— что русскіе монастыри мало жертвовали на нужды войны.

— А могутъ ли они жертвовать?—отвѣтилъ другой:—вѣдь монастыри при теперешнихъ епархіальныхъ порядкахъ обложены сверхъ мѣры, они совсѣмъ не хозяева своимъ деньгамъ. Я вамъ разскажу про нашу епархію,—продолжалъ пріѣзжій гость.—У насъ самый бѣдный монастырь долженъ обезпечить архіерею 500 рублей,

Королевскій дворецъ въ Аѳинахъ.

а съ богатыхъ взимается по тысячѣ и по тысячѣ пятисотъ. Съ монастырей взыскиваются разнообразные сборы: въ пользу эмеритальной кассы бѣлаго духовенства, въ пользу женскихъ епархіальныхъ училищъ, въ пользу консисторскихъ чиновниковъ. Монастыри платятъ и платятъ безъ конца, и дѣло доходитъ до того, что инымъ монастырямъ не на что кормить братію. А попробуйте-ка не уплатить денегъ, и архіерей вамъ не позволитъ ходить съ чудотворной иконой. Вы думаете, мы не жаловались на чрезмѣрное обложеніе? Жаловались, и не разъ, но всѣ официіальные рапорты въ синодъ оставались безъ послѣдствій. Обложеніе остается то же. Могутъ ли послѣ этого монастыри дѣлать крупныя пожертвованія на что либо? Конечно, нѣтъ!

Отцу архимандриту подали свѣжія телеграммы. Всѣхъ насъ поразило извѣстіе о революціи на «Потемкинѣ». Мы полагали въ первую минуту, что все это—злая выдумка враждебно настроенныхъ къ Россіи греческихъ газетъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ,—сказалъ намъ находившійся среди насъ дипломатическій чиновникъ.—Вы еще не знаете всего, у насъ получены подробныя телеграммы.

Архимандритъ Анатолій собирался выѣхать въ Россію съ ближайшимъ пароходомъ. Черезъ день пришли вѣсти, что «Потемкинъ» собирается бомбардировать Одессу, и пароходное сообщеніе съ Одессой временно прекратилось. Тяжело было сознавать несчастіе родины, находясь такъ далеко отъ нея.

— Поѣдемте въ Россію черезъ Италію и Вѣну,—совѣтовалъ я отцу архимандриту.

Тюрьма Сократа въ Аѳинахъ близъ Акрополя.

— Неудобно,—отвѣчалъ онъ:—теперь, видите, у насъ начинается постъ. На русскомъ пароходѣ намъ, монашествующимъ, оказываютъ снисхожденіе, я могу имѣть отдѣльный столъ, а отъ иностранцевъ этого требовать невозможно...

Выхожу изъ дома настоятеля на улицу и вижу быстро двигающуюся процессію греческихъ похоронъ. Впереди идутъ факельщики. По тротуарамъ масса народу, покойника несутъ на рукахъ въ открытомъ гробу; среди вѣнковъ и цвѣтовъ видно характерное лицо стараго грека съ горбатымъ носомъ и сѣдыми усами. Здѣсь покойниковъ носятъ открытыми, а похоронныя процессіи двигаются необычайно быстро: точно покойники спѣшатъ умчаться въ царство вѣчной тишины изъ неимовѣрно шумныхъ Аѳинъ.

XIII.

Возстаніе на Критѣ.

Островъ Критъ издавна является уголкомъ раздора и международныхъ счетовъ. 4.000 лѣтъ тому назадъ критяне воевали съ аѳинянами, а позже Критъ, какъ самый лакомый кусокъ на Среди-

земномъ морѣ, сдѣлался предметомъ искательства разныхъ народовъ, всѣ хотѣли захватить его. Послѣ двадцатипятилѣтней осады Кандіи, безпримѣрной по своей продолжительности, турки въ 1669 году завладѣли островомъ. Съ этого времени начинается мусульманское владычество на Критѣ, временно Критъ переходилъ въ руки Египта, но 64 года тому назадъ (1841 г.) былъ возвращенъ европейскими державами Турціи. Упорная борьба критянъ за освобожденіе изъ-подъ турецкаго ига не прекращалась, возстанія на Критѣ были многочисленны. Присоединеніе Іоническихъ острововъ къ Греціи въ 1863 году породило на Критѣ цѣлую бурю. Россіи всегда принадлежала передовая роль въ разрѣшеніи критскихъ споровъ, и самый контроль европейскихъ державъ на Критѣ возникъ по мысли князя Горчакова въ 1866 году. Къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ были приглашены Россіей Франція и Англія, кн. Горчаковъ имѣлъ въ виду впослѣдствіи присоединеніе Крита къ Греціи. Между критскими возстанцами и турецкими войсками шла постоянно острая борьба. Покойный греческій министръ-президентъ Деліанисъ горячо, но безплодно отстаивалъ присоединеніе Крита къ Греціи. Домогательства критянъ вызвали греко-турецкую войну и оккупацію острова Крита европейскими войсками въ 1898 году. Турція постепенно шла на уступки. Когда въ концѣ 80-хъ годовъ на Критѣ вспыхнулъ первый большой бунтъ христіанъ, султанъ далъ льготы христіанскому населенію острова. По состоявшемуся тогда халеппскому соглашенію (мѣстечко Халеппо близъ Канеи) было введено въ извѣстной мѣрѣ самоуправленіе Крита, но населеніе острова не окончательно успокоилось.

На Критѣ около 200.000 душъ населенія, почти исключительно прирожденныхъ критянъ-грековъ, есть немного негровъ, и теперь не болѣе 30 тысячъ турокъ. При господствѣ турецкаго режима турки составляли около трети населенія Крита, но со времени европейской оккупаціи они выселились въ Турцію.

Послѣднія событія на Критѣ потребовали усиленнаго европейскаго дозора. Греки охвачены возстаніемъ особенно въ западной части острова, въ районѣ Канеи. Вездѣ составляются партіи, агитирующія въ пользу инсургентовъ.

Греція имѣетъ частое сообщеніе съ Критомъ при помощи своихъ пароходовъ, которые ходятъ изъ Пирея на Критъ нѣсколько разъ въ недѣлю. Кромѣ того, изъ Пирея отправляются на Критъ русскіе, итальянскіе и австрійскіе пароходы. Австріецъ посѣщаетъ всѣ прибрежные города Крита. Русскіе пароходы, идя въ Александрію, заходятъ въ Судскую бухту. Пути на Критъ 13—14 часовъ.

Я выѣхалъ на русскомъ пароходѣ «Чихачевъ».

При чудной погодѣ мы шли въ Архипелагѣ. Голубые силуэты острововъ выростали на горизонтѣ. Гребни высокихъ горъ показывались и исчезали.

На Критъ теперь рѣдко кто ѣздитъ. За время возстанія туристовъ, какъ метлой, вымело. На пароходѣ даже удивились, что я ѣду на Критъ, однако, кромѣ меня, оказался еще одинъ пассажиръ, уроженецъ Крита, ѣхавшій въ Канею. Мы съ нимъ разговорились.

— Положеніе Крита тяжелое,—говорилъ онъ.—Семь лѣтъ европейской опеки не успокоили острова. Нѣтъ движенія ни взадъ ни впередъ. Народная жизнь задавлена. Прежде заѣдала насъ турецкая опека—теперь, помимо всего прочаго, тягостенъ экономическій гнетъ. Промышленность въ упадкѣ, торговля зачахла, а расходы непомѣрно велики. Двѣсти тысячъ франковъ Критъ тратитъ только на жалованье верховному комиссару.

— Но все равно,—замѣтилъ я,—вы имѣли бы расходы на содержаніе администраціи острова, если бы Критъ и былъ присоединенъ къ Греціи.

— Не такіе расходы,—отвѣчалъ онъ:—тогда былъ бы простой губернаторъ. Въ цѣлой Греціи шесть министровъ, а на одномъ Критѣ пять совѣтниковъ при принцѣ Георгѣ.

— Теперешнее положеніе имѣетъ и свои выгоды для Крита,— замѣтилъ я:—населеніе не платитъ налоговъ, кромѣ того, европейскія войска и моряки оставляютъ много денегъ на Критѣ.

— Что касается налоговъ, то это справедливо,—отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—но присутствіе европейскихъ войскъ не обогащаетъ населенія. Отъ этого наживается только горсть поставщиковъ европейской арміи и флота. Криту нужны дороги, порты, и ничего не дѣлается теперь, все застыло въ неподвижности. А вѣдь Критъ— довольно богатый островъ, здѣсь разнообразная культура, апельсиновыя рощи, виноградарство, обширный вывозъ маслинъ и деревяннаго масла.

Я простился со своимъ спутникомъ и пошелъ спать.

— Мы еще встрѣтимся завтра въ Канеѣ,—сказалъ онъ.

Была глубокая ночь, когда пароходъ замедленнымъ ходомъ тихо входилъ въ Судскую бухту. Меня разбудили, и я вышелъ на палубу. Было тепло и тихо. Свѣтилъ серпъ луны, горѣли звѣзды. Чернѣли силуэты гористыхъ береговъ. Громадная, просторная и широкая Судская бухта нѣжилась подъ ласкою южной ночи. На водѣ чернѣли европейскіе броненосцы, мелькали огоньки на низко прижавшихся къ водѣ миноносцахъ, нѣсколько огоньковъ свѣтили издали съ берега. Тутъ была цѣлая европейская флотилія: англійскіе стаціонеры, французскіе крейсеръ и канонерская лодка и русскіе: мореходная лодка и миноносцы.

Русскіе почтовые пароходы стоятъ въ Судѣ всего нѣсколько минутъ, сдаютъ почту, выгружаютъ ящики съ припасами для войскъ и быстро уходятъ въ море. Къ спущенному съ «Чихачева» трапу подъѣхали двѣ лодки. Съ одной изъ нихъ поднялся къ намъ на

палубу драгоманъ русскаго консульства въ Канеѣ, г. Булгаридисъ. Мы познакомились, и я въ обществѣ его и его помощника поплылъ на лодкѣ къ берегу. На веслахъ сидѣли двое гребцовъ. Нѣсколько сильныхъ взмаховъ веселъ, и лодка быстро понеслась вдаль.

— Какъ у васъ? не успокоилось? — спрашиваю я г. Булгаридиса по-французски.

Онъ и его помощникъ разсмѣялись.

— Какое тамъ успокоилось! — сказалъ г. Булгаридисъ, каждый день что нибудь новое. Живемъ, какъ на вулканѣ.

Стало свѣтать. Луна склонялась къ заходу, звѣзды блѣднѣли. Свѣжее и тихое утро охватывало насъ своей пріятной прохладой. Бухта была какъ зеркало. Вдали на берегу стояли красивыя зеленыя горы. Наша лодка подплыла къ высокой деревянной пристани, на которую мы съ трудомъ вскарабкались. Я простился съ моими спутниками и сошелъ на берегъ.

Суда — маленькій жалкій поселокъ, всего изъ нѣсколькихъ невзрачныхъ жалкихъ домишекъ, пріютившихся у подножія горъ. На берегу я засталъ экипажъ и высланнаго мнѣ изъ Канеи проводника-гида мѣстной гостиницы «Hôtel de France». Тихое утро улыбалось уже широкой улыбкой, когда мы ѣхали въ Канею. Вдоль дороги тянулись чудныя мѣста, изящныя дачи. Цвѣтущая зелень, агавы, кактусы красовались направо и налѣво. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ полей. Мы нагоняли нагруженныхъ кладью осликовъ, которые трусили веселой рысцой. За ними шли критяне въ ихъ оригинальныхъ горскихъ шапочкахъ, необычайно широкихъ штанахъ и характерныхъ курткахъ, образующихъ подобіе фрака. Затылокъ критянина покрытъ широкой фатой на подобіе дамской вуали. Встрѣчались и негры. Экипажъ мягко катился по чудному шоссе, которое идетъ до самой Канеи.

Когда я въѣзжалъ въ Канею, городъ еще спалъ, но на базарахъ появились первые ранніе покупатели. Мой гидъ, оказавшійся французомъ, по имени Александромъ, проводилъ меня въ «Hôtel de France». Гостиница находится на площади среди лавокъ, которыя были еще закрыты. Покривившаяся грязная каменная лѣстница гостиницы вела на верхъ и упиралась въ такой же грязный коридоръ съ каменнымъ поломъ и со свѣтовымъ люкомъ въ потолкѣ. Я сначала удивился, что это за трущоба, но комната оказалась очень чистой, уютной и вдобавокъ съ прекраснымъ видомъ на канейскую бухту и на морскія дали. На набережной подъ моимъ балкономъ были магазины, пароходныя агентства, справа стояла другая гостиница «Hôtel d'Angleterre». Подальше красовалась турецкая мечеть съ минаретомъ, возлѣ котораго пріютилась турецкая кофейня. На открытомъ рейдѣ стояли итальянскія военныя суда: броненосецъ «Сардинія» и два крейсера «Минерва» и «Бозанъ». Длинное укрѣ-

иленіе, по всей вѣроятности, венеціанской постройки живописно вдавалось въ море впереди городскихъ построекъ.

Въ уютномъ номерѣ на хорошей постели я отлично проспалъ до восьми часовъ утра, когда можно было отправиться въ городъ.

XIV.

Канея и Халеппо.

Хотя Канея въ настоящее время и исключительно греческій городъ, но она носитъ на себѣ слѣды турецкой старины, присущей всѣмъ городамъ Востока. Массы лавокъ образуютъ въ центрѣ города сплошной восточный базаръ. Мясо, зелень, фрукты, платья, обувь, галантерея—все перемѣшалось здѣсь. На площади Монтенегрини около моей гостиницы оказался европейскій магазинъ съ богатымъ выборомъ видовъ Крита, cartes postales и греческихъ и французскихъ газетъ. Многіе торговцы Канеи говорятъ по-французски, въ лучшихъ магазинахъ часто видятъ европейцевъ, греческія деньги здѣсь въ ходу, но больше всего имѣетъ обращеніе мѣстная монета: франки англійской чеканки съ изображеніемъ королевича Георга. Критъ имѣетъ собственный банкъ, составляющій самостоятельное предпріятіе греческаго аѳинскаго банка.

Въ Канеѣ 20 тысячъ жителей.

Въ сторонѣ отъ базара тянется благовидная главная улица. Здѣсь высятся чистенькіе двухъэтажные дома—особняки зажиточныхъ гражданъ. Здѣсь же въ одномъ изъ особняковъ пріютился критскій банкъ. Мой спутникъ, съ которымъ я бесѣдовалъ на пароходѣ, встрѣтилъ меня и сдѣлалъ со мной небольшую прогулку.

— Городъ привѣтливый, — замѣтилъ я ему.

— Главное, здѣсь нравы хорошіе, — отвѣчалъ онъ. — Вѣдь на Критѣ полная безопасность, воровства нѣтъ, преступленія наказываются строго. За насиліе полагается смертная казнь. Чистота нравовъ полнѣйшая. И прибавьте ко всему этому всеобщую грамотность...

Я видѣлъ дворецъ Канеи. Двухъэтажное зданіе съ широкимъ балкономъ стоитъ на набережной и теперь пустуетъ. Королевичъ Георгъ имѣетъ свою резиденцію въ Халеппо въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Канеи.

Очень милъ и уютенъ городской садъ въ Канеѣ. Здѣсь днемъ жарко, а по вечерамъ собирается публика послушать недурной оркестръ изъ критянъ, которые не только воюютъ съ Европой, но и совершенствуются въ музыкальномъ искусствѣ. Садъ съ его красивыми аллеями особенно хорошъ въ лунныя ночи.

Въ полдень я завтракалъ въ своей гостиницѣ. За табльдотомъ сидѣла многолюдная, шумная компанія европейцевъ. За отдѣльнымъ столомъ завтракали итальянскіе морскіе офицеры въ бѣлыхъ фор-

менныхъ костюмахъ. За другими столиками были штатскіе: французъ, фабрикантъ мыла въ Канеѣ, и какіе-то старцы. Ни дамъ ни беззаботныхъ туристовъ не было видно. Шли громкіе политическіе разговоры. Намъ подавались странныя блюда: сначала дали какихъ-то мохнатыхъ устрицъ съ иглами, какъ у ёжа, внутри ихъ оказались красные морскіе червячки соленаго вкуса. Я не могъ ѣсть этого блюда, хотя мои сосѣди выѣдали червяковъ съ большимъ наслажденіемъ. Не обычны были и остальныя мѣстныя блюда. «Ну,— думалъ я,—придется сидѣть на Критѣ на пищѣ святого Антонія», но оказалось потомъ, что мой отель умѣлъ готовить и европейскія блюда.

Халеппо находится въ горахъ. Дорога вьется вдоль берега моря. Въ Халеппо—дворецъ принца Георга и дворцовая церковь. Тутъ же живутъ консулы, русскій А. Н. Броневскій, австрійскій, французскій, англійскій, германскій и итальянскій. Русскій консулъ занимаетъ двухъэтажный домъ въ саду на вершинѣ холма.

— Положеніе не улучшается,—говорилъ мнѣ А. Н. Броневскій:— возстанцы ведутъ себя вызывающе. Турецкое вліяніе, какъ вы знаете, здѣсь окончательно изсякло. Отъ всего прежняго турецкаго режима остался только турецкій флагъ на Судскомъ островѣ, и больше ничего. Возстанцы вооружены и противъ европейцевъ, намъ трудно поддерживать спокойствіе. Прежде, когда Критъ былъ раздѣленъ на секторы, было гораздо лучше, каждый секторъ находился въ рукахъ европейскаго довора, теперь европейскія войска разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ, стычки и перестрѣлки съ нашими отрядами постоянны.

Какъ разъ во время нашего разговора въ открытыя окна консульскаго кабинета донеслись отдаленные выстрѣлы.

— Вотъ начинается уже,—сказалъ А. Н. Броневскій.

Мы вышли на балконъ консульскаго дома. Отсюда виднѣлась вдали Канея, ея окрестности, извивы берега и морскія дали.

— Видите,—говорилъ мнѣ консулъ, указывая по направленію выстрѣловъ, — на-дняхъ тамъ было столкновеніе инсургентовъ съ французскимъ отрядомъ. Теперь русскій отрядъ обходитъ тѣ же мѣстности, и очевидно опять неладно.

Вдали загремѣлъ второй выстрѣлъ, и, повидимому, изъ крупнаго орудія. Показался вдали дымъ надъ берегомъ.

Какъ потомъ оказалось, въ это время происходило слѣдующее. Русскій отрядъ подходилъ къ деревнѣ Платаніи, параллельно ему шли вдоль берега моря русская канонерка «Храбрый» и французская лодка. Платанія была уже занята инсургентами. Навстрѣчу русскому отряду вышли вожди бандъ. Русскіе объявили, что пройдутъ мимо Платаніи до слѣдующей деревни Колимбаро, и предупредили, что въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій со стороны инсургентовъ идущее невдалекѣ военное судно будетъ стрѣлять. Когда

русскій отрядъ поровнялся съ деревней, инсургентами былъ открытъ огонь. Лодка «Храбрый» отвѣтила сначала холостымъ выстрѣломъ, но инсургенты начали учащенную пальбу по отряду. Тогда «Храбрый» отвѣтилъ изъ шестидюймоваго орудія. Французская лодка тоже стрѣляла. На выстрѣлы изъ Аликино подоспѣла часть стоящаго тамъ русскаго отряда, тогда перестрѣлка прекратилась, и инсургенты очистили деревню. У инсургентовъ были по-

Набережная въ Канеѣ на островѣ Критѣ.

тери. Подъ вліяніемъ этого столкновенія началось броженіе въ Канеѣ.

Такія стычки и перестрѣлки на Критѣ постоянны, и чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ болѣе обостряются. Недавно произошло въ Ретимо сраженіе между русскими и возстанцами, длившееся нѣсколько часовъ, а въ Кандіи возстанцы воевали съ англійскими войсками. Въ сраженіяхъ бываетъ немало убитыхъ и раненыхъ. Раньше происходили стычки между возстанцами и итальянскими войсками.

Въ Канеѣ мнѣ говорили про Кандію:

— Посмотрѣли бы вы, какіе порядки тамъ завели англичане, тамъ строгости, суровый режимъ...

Но, очевидно, и англійскіе порядки не помогли.

XV.

Инсургенты Крита и королевичъ Георгъ.

Кто вожди нынѣшняго возстанія на Критѣ? Это прежде всего интеллигентные люди, представители критской аристократіи, если допустить таковую въ безсословномъ греческомъ народѣ. Главный

вождь востанія—критянинъ Венизелосъ, человѣкъ очень популярный на островѣ. Онъ—бывшій министръ Крита при королевичѣ Георгѣ, избранный населеніемъ. Надо замѣтить, что часть совѣтниковъ королевича назначается имъ самимъ по своему желанію, часть избирается народомъ. Въ самомъ началѣ правленія королевича Георга, въ 1898 году, Венизелосъ былъ въ полной силѣ и игралъ видную роль при верховномъ комиссарѣ. Но затѣмъ отношенія ихъ совершенно разстроились. Тогда начался сказавшійся теперь во всей силѣ разладъ греческой національной партіи съ партіей придворной, во главѣ которой стоялъ и стоитъ совѣтникъ принца и его личный секретарь Пападіамантопуло. Говорятъ, что Пападіамантопуло три года тому назадъ «выжилъ Венизелоса», а два года уже, какъ Венизелосъ, пользуясь своей популярностью, сталъ во главѣ возстанническаго движенія и образовалъ преданныя ему инсургентскія партіи. Общая масса населенія неизмѣнно сочувствуетъ возстанническому движенію на Критѣ, въ то время какъ политика придворной партіи, опирающейся всецѣло на поддержку Европы, не пользуется симпатіями.

— Мы хотѣли быть свободны,—говорятъ возстанцы,—а вовсе не имѣли желанія перейти отъ одного хозяина къ другому.

Подъ однимъ хозяиномъ возстанцы подразумѣваютъ прежнюю власть Турціи, подъ другимъ—нынѣшнюю опеку Европы.

Венизелосъ оставилъ свой домъ въ Канеѣ, семью и ушелъ въ горы. Главный лагерь инсургентовъ находится въ Террисо, въ трехъ часахъ ѣзды отъ Канеи по трудной дорогѣ, куда можно ѣхать только верхомъ на ослѣ или на лошади. Лагерь инсургентовъ объявилъ свое правительство на Критѣ, упразднилъ подати королевичу и разсылаетъ свои зажигательныя воззванія жителямъ и европейскимъ консуламъ. Инсургенты объявили окончательно, что тогда только бросятъ оружіе, когда всѣ державы признаютъ Критъ присоединеннымъ къ Греціи.

Среди инсургентовъ есть врачи, адвокаты и проч. Кромѣ Венизелоса, во главѣ возстанія стоятъ Маносъ, бывшій городской голова въ Канеѣ, Фумисъ, бывшій совѣтникъ королевича Георга, врачъ Свакеанаки и проч.

Сила повстанческаго лагеря въ его неприступности. Европейскимъ войскамъ мало знакомы горы Крита, а инсургенты знаютъ всѣ горныя тропинки, всѣ проходы. Войска на горы не полѣзутъ, они могутъ занять только долины, да и европейскихъ войскъ на Критѣ очень мало для серьезной войны. Террисо—богатая и плодороднѣйшая долина. Лагерь инсургентовъ не нуждается въ подвозахъ провіанта. Онъ имѣетъ свои стада, свои пастбища. Съ городами, въ которыхъ остались семьи инсургентовъ, послѣдніе поддерживаютъ сношенія черезъ пастуховъ. Иногда семьи инсургентовъ пріѣзжаютъ къ нимъ въ горы. Сельское населеніе, со-

чувствующее возстанцамъ, всячески помогаетъ имъ. Не особенно препятствуютъ этому и критскіе жандармы. При прежнихъ возстаніяхъ на Критѣ инсургентамъ также принадлежало господствующее положеніе. Всѣхъ инсургентовъ въ настоящее время не менѣе трехъ тысячъ человѣкъ, а тайно или явно сочувствующихъ имъ критянъ десятки тысячъ. Критское населеніе немедленно бы примкнуло къ возстанцамъ, если бы не европейскія войска.

Типъ женщины-христіанки острова Крита.

Хотя королевичъ Георгъ и одушевленъ лучшими намѣреніями которыя въ сущности совпадаютъ съ домогательствами критянъ, но положеніе его на островѣ крайне тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ. Даже и жить ему невесело въ нынѣшней обстановкѣ, среди массы неудобствъ.

— Королевичъ Георгъ принесъ себя въ жертву долгу, — говорили мнѣ въ Аѳинахъ. — Онъ и его приближенные живутъ въ Халеппо, какъ въ монастырѣ, безъ женщинъ, безъ семей. Всѣ оставили семьи въ Греціи, потому что жизнь ихъ тревожная, невыносимая.

При верховномъ комиссарѣ Крита, кромѣ Пападіамантопуло, находятся личные адъютанты королевича: греческой службы капитанъ II ранга Лимбесисъ и мичманъ Меласъ. Начальникомъ эскорта принца состоитъ полевой жандармскій подполковникъ Отфиновскій (русскій). Эскортъ, охрана королевича, сформирована изъ 24 человѣкъ: 6 русскихъ, 6 французовъ, 6 итальянцевъ и 6 критскихъ жандармовъ. Караулъ при дворцѣ несутъ поочередно части войскъ, стоящихъ въ Канеѣ. На каждый постъ назначаются по три, по четыре часовыхъ, ежедневно несутъ эту службу 12 человѣкъ.

Всѣхъ международныхъ войскъ на Критѣ находится теперь свыше 2.500 человѣкъ, въ томъ числѣ русскихъ 630 человѣкъ. Въ Канеѣ стоитъ французскій батальонъ въ 550 нижнихъ чиновъ, 300 итальянскихъ солдатъ, русская рота въ 120 человѣкъ и двѣ роты критскихъ жандармовъ. Войскъ въ Канеѣ до 1.500 человѣкъ, не считая матросовъ на стерегущихъ Канею военныхъ судахъ.

Въ Канеѣ находятся также двѣ роты критскихъ жандармовъ, одна изъ нихъ имѣетъ своимъ назначеніемъ внутреннюю службу въ самой Канеѣ, другая полицейскую службу въ окрестностяхъ. Эти критскіе жандармы въ числѣ 1.200 замѣнили прежнюю турецкую милицію, они набраны изъ критянъ-добровольцевъ и несутъ службу подъ контролемъ итальянскихъ офицеровъ. Критская милиція въ ея теперешнемъ видѣ почти не достигаетъ цѣли. Возстанцы не совсѣмъ дружелюбно относятся къ ней и послѣ провозглашеннаго ими присоединенія Крита къ Греціи не признаютъ ея, какъ подчиненной европейцамъ. Жители относятся къ жандармеріи болѣе мягко, да и сами жандармы, какъ соплеменники критянъ, втайнѣ преслѣдуютъ тѣ же идеалы возстанія. Не такъ давно 45 жандармовъ подъ давленіемъ инсургентовъ открыто передались на ихъ сторону. Европейскіе жандармы были бы не мыслимы въ обстановкѣ Крита по незнанію языка, но несомнѣнно они болѣе бы достигали цѣли.

Послѣ Канеи второй по значенію центръ на Критѣ—Кандія. Туда изъ Канеи—три часа морского пути. Этотъ городъ вдвое меньше Канеи и насчитываетъ всего 10.000 жителей, въ немъ находится резиденція духовнаго главы острова, критскаго митрополита. Кандія составляетъ одинъ изъ центровъ возстанія, хотя въ сосѣднихъ съ нею областяхъ восточнаго Крита совершенно спокойно. Кандію заняли англичане. Тамъ стоитъ англійскій батальонъ въ 500 человѣкъ (въ послѣднее время численность англійскихъ войскъ на Критѣ увеличилась почти до 1.000 человѣкъ) и рота критскихъ жандармовъ въ 200 человѣкъ подъ начальствомъ итальянскаго поручика.

Англійскія военныя суда не стоятъ въ Кандіи, гдѣ рейдъ открытый, а находятся въ спокойной Судской бухтѣ, вмѣстѣ съ

судами другихъ державъ. Ретимо, гдѣ стоитъ русскій батальонъ Виленскаго полка въ 400 человѣкъ подъ командой полковника Урбановича,—деревушка сравнительно съ Кандіей и Канеей: тамъ всего 5.000 жителей.

XVI.

Критъ и державы.

Расположенныя на Критѣ международныя войска и флотъ въ настоящее время не имѣютъ одного объединяющаго начальства, какъ это было прежде. Каждый батальонъ состоитъ подъ командой только своего баталіоннаго командира. Между войсками и критскими возстанцами существовали до недавнихъ стычекъ добрыя сосѣдскія отношенія. Особенно хорошо относились критяне къ русскимъ и французамъ. Русскіе офицеры и даже солдаты вели миролюбивыя бесѣды съ возстанцами, и тѣ посвящали ихъ въ свои планы, при чемъ среди возстанцевъ обнаруживалось иногда разномысліе по вопросамъ Крита. Въ то время какъ одни горячо говорили о присоединеніи къ Греціи, другіе восклицали:

— Греція, да это—главный нашъ врагъ: она высасываетъ всѣ наши соки.

Но все-таки возстанцы тяготѣютъ къ Греціи, опасаясь возможности господства на Критѣ какой нибудь другой иноплеменной державы.

Не совсѣмъ дружелюбно относятся критскіе возстанцы къ англичанамъ и особенно къ итальянцамъ. Мѣсяца четыре назадъ итальянскій солдатъ застрѣлилъ одного инсургента. Съ этого начались мелкіе раздоры. Затѣмъ случилось особое непріятное происшествіе, подлившее масла въ огонь. Умеръ при загадочныхъ обстоятельствахъ старшій итальянскій консулъ на Критѣ, графъ Негри, говорили, что онъ скончался отъ разрыва сердца, но этому никто здѣсь не вѣрилъ. Утверждали, что онъ былъ отравленъ инсургентами, которые его не любили и грозили ему насильственной смертью послѣ происшедшаго недоразумѣнія на похоронахъ одного именитаго критянина, которому покойный консулъ не пожелалъ отдать почестей.

Охлажденіе между критянами и русскими началось послѣ недавнихъ столкновеній изъ-за провоза оружія. Дѣло въ томъ, что богатые критяне снабжаютъ оружіемъ инсургентовъ и дѣятельно поддерживаютъ возстаніе. Подвозъ оружія на сотни и тысячи человѣкъ совершается если не на греческихъ пароходахъ, то на парусныхъ судахъ. Первое столкновеніе произошло недалеко отъ Ретимо, гдѣ группа инсургентовъ человѣкъ въ тридцать собралась на берегу въ ожиданіи подвоза транспорта оружія. Прибывшіе изъ Ретимо въ гораздо меньшемъ числѣ наши солдаты должны были помѣшать инсургентамъ получить оружіе и оттѣснили ихъ.

Тѣ дали залпъ изъ ружей. Наши отвѣтили залпомъ. Хотя критяне мѣткіе стрѣлки, но для насъ этотъ случай обошелся счастливо. Прострѣлили только шапку солдату да солдатскій ранецъ, а у инсургентовъ одинъ былъ убитъ, другой раненъ. Инсургенты разсѣялись, но они не простили намъ этихъ жертвъ и затаили злобу противъ русскихъ. Самоуправныя дѣйствія инсургентовъ русскіе наблюдали въ Изединѣ, гдѣ инсургенты пытались освободить содержавшихся въ тюрьмѣ 300 преступниковъ, но затѣя эта не удалась.

Въ чемъ же сущность критскаго вопроса, и какой выходъ изъ положенія?

— Вы, конечно, знаете,—говорилъ мнѣ молодой русскій дипломатъ, хорошо знающій дѣла Греціи и Крита,—что Критъ—главное богатство Средиземнаго моря. Судская бухта—лучшая, какую только можетъ желать нація, старающаяся укрѣпиться на Средиземномъ морѣ. Англія успѣла разочароваться въ захваченномъ ею островѣ Кипрѣ, она ищетъ новаго лучшаго угла на Средиземномъ морѣ. Она, положимъ, облюбовала одну гавань у береговъ Анатоліи, но можно ли отрицать, что англичане желали бы захватить Судскую бухту? Вѣдь Судская бухта — завидное богатство. Англія можетъ создать тамъ второй Гибралтаръ. Намъ говорятъ: надо отдать Критъ Греціи. Конечно, это лучше, чѣмъ уступить его Англіи, но греки не въ состояніи дать отпора англичанамъ, и нельзя поручиться, что Критъ не очутится фактически во власти Англіи. Владѣя Судской бухтой, она займетъ господствующее положеніе на Средиземномъ морѣ. Италія внесла предложеніе объ уступкѣ Крита грекамъ, но Италіи вѣрить трудно: она и въ Египтѣ была союзницей и единомышленницей Англіи. А возможно ли намъ мириться съ перспективой господства Англіи на Критѣ? Никакъ нельзя. Уйти намъ съ Крита недолго. Уйдемъ мы, тотчасъ уйдетъ Франція, но уйдутъ ли англичане, къ которымъ такъ льнетъ Греція? Они воспользуются ея стѣсненнымъ финансовымъ положеніемъ и захватятъ Суду. Что же будетъ тогда? И Египетъ и Суда — все въ однѣхъ рукахъ, а другимъ не станетъ мѣста на Средиземномъ морѣ.

— Да это такъ,—замѣтилъ я,—но вѣроятны и хорошія стороны присоединенія. Съ уступкой Крита Греціи мы безусловно выиграемъ въ Македоніи. Турція, оскорбленная Греціей, станетъ на сторону Россіи. Прекратится теперешнее греко-турецкое преслѣдованіе македонскихъ славянъ.

— Все же терять намъ свое положеніе на Средиземномъ морѣ нельзя,—отвѣчалъ дипломатъ.—Условіемъ своего ухода съ Крита мы можемъ поставить развѣ—что пріобрѣтеніе нами правъ въ другомъ пунктѣ, хотя бы въ Салоникахъ, которыя намъ такъ важны, какъ опорный пунктъ для нашей морской торговли и мореходства.

Греческая печать раздуваетъ критскія дѣла и съ пристрастіемъ

освѣщаетъ событія. Въ силу ненависти къ Россіи, она рисуетъ русскія войска какими-то тиранами и варварами, нападающими на критскія селенія, опустошающими жилища, убивающими женщинъ и дѣтей. Все это, конечно, тенденціозная, злонамѣренная ложь. Русскія войска, находясь на Критѣ, служатъ только вѣрными сторожами и ревнителями не только русскаго, но и общеевропейскаго дѣла.

XVII.

Вокругъ Пелопонеса.

Между Греціей и Италіей громадное пассажирское движеніе. Находящееся въ Аѳинахъ агентство Ѳомы Кука, этого всесвѣтнаго благодѣтеля плавающихъ и путешествующихъ, цѣлые дни осаждается туристами, и Кукъ торгуетъ во-всю. Сюда обращаются и русскіе путешественники, лишенные благодѣяній Кука въ Россіи. Они бросаются въ его гостепріимныя объятія съ особенной страстью: запретный плодъ сладокъ. Путешественники, направляющіеся въ Италію, ѣдутъ изъ Аѳинъ по греческой желѣзной дорогѣ въ Патрасъ (въ западной Греціи), куда 8 часовъ пути, въ Патрасѣ они садятся на итальянскіе или австрійскіе пароходы, отходящіе два раза въ недѣлю въ порты Адріатическаго моря. Итальянцы идутъ черезъ Бриндизи и Бари въ Венецію, австрійцы черезъ Бриндизи въ Тріестъ Пароходы всегда переполнены, и доставать мѣста приходится съ трудомъ. Я избѣгалъ торныхъ желѣзнодорожныхъ путей и выѣхалъ изъ Пирея въ Патрасъ моремъ на итальянскомъ пароходѣ, идущемъ вокругъ Пелопонеса. Тряска въ лѣтнюю жару въ желѣзнодорожномъ вагонѣ—не особенно пріятна, морской путь куда заманчивѣе.

Мнѣ говорили объ удобствахъ, которыя я найду на итальянскомъ пароходѣ, но послѣ русскихъ пароходовъ особенныхъ удобствъ я тамъ не нашелъ. Каюта перваго класса, въ которой я помѣстился, была невѣроятно тѣсна и прилегала къ салону второго класса, въ которомъ всегда было шумно и безпокойно, особенно при наплывѣ пестрой итальянской и еврейской публики. Послѣдней вездѣ много, испанскіе и итальянскіе евреи наводняютъ Востокъ и южную Европу. Они вносятъ въ пароходный бытъ специфическую суету, крикливость и неряшливость.

Пароходъ, на которомъ я помѣстился, назывался «Боснія». Онъ пришелъ наканунѣ изъ Браилы на Дунаѣ. Ровно въ полдень «Боснія» отошла въ путь. Вокругъ насъ разстилалось синее, какъ синька, море; такого цвѣта воды не бываетъ въ сѣверныхъ моряхъ; вдали показывались острова, выглядывалъ на горизонтѣ историческій Олимпъ. День былъ жаркій, всѣхъ одолѣвала истома. Обычныя въ морскихъ путешествіяхъ длинныя кресла стояли на палубѣ, въ нихъ покоились старыя дѣвы съ жел-

тыми лицами, искавшія въ пути разнообразія отъ застоявшейся жизни, равнодушные англичане съ Бедекерами въ рукахъ, и влюбленныя парочки, совершающія свадебное турнэ и никого и ничего не замѣчающія за изобиліемъ собственныхъ впечатлѣній. Типичные итальянскіе слуги, маленькіе и суетливые, бѣгали изъ конца въ конецъ, разнося по палубѣ прохладительные напитки. За табльдотомъ я очутился въ лонѣ какого-то греческаго семейства, предпринявшаго путешествіе изъ Аѳинъ въ Италію. Греческая пожилая мамаша изъ среды аѳинскихъ богачей везла въ лѣтній вояжъ свою горбатую дочь, очень симпатичную особу, и элегантнаго солиднаго сына, вѣроятно, будущаго министра Греціи. Семейство говорило по-французски, и это было большимъ утѣшеніемъ для меня послѣ невѣжества Греціи, въ которой французскій языкъ столь же популяренъ, какъ и китайскій. Я разсказалъ семейству, какъ я бѣдствовалъ въ Греціи, гдѣ даже слуги отелей не примѣнились ни къ какому языку. Напримѣръ, я говорилъ слугѣ по словарю: «кесарисе му та руха», что̀ обозначало: «почистите платье». Слуга становился въ позу и отвѣчалъ:

— Не кесарисе, а ке-ѳ-с-арисе.

Онъ высовывалъ изо рта согнутый трубочкой языкъ, и только тогда ему удавалось произнести «кесарисе», похожее на «кеѳсарисе». Безъ привычки этого сдѣлать нельзя.

Греческое семейство разспрашивало меня о своихъ соотечественникахъ, живущихъ въ Россіи. Они всѣхъ знали, хотя въ Россіи никогда не были.

— Одесскій Маразли навѣщаетъ Аѳины,—говорили они:—онъ издалъ библіотеку русскихъ писателей въ переводѣ на греческій языкъ.

Насупротивъ меня сидѣли за табльдотомъ двѣ пожилыя, тощія и блѣдныя дѣвицы. Лица у нихъ были совсѣмъ русскія, но говорили онѣ неизмѣнно по-французски. Я заподозрѣлъ, что онѣ скрываютъ свою національность, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлали иные русскіе туристы, чтобы избѣжать непріятныхъ разговоровъ съ иностранцами о Японіи.

— Откуда вы, mesdemoiselles?—спросилъ я барышень.

— Изъ Константинополя,—отвѣчали онѣ по-французски.

Оказалось, обѣ дѣвицы — левантинки. Одна изъ нихъ курила громадныя константинопольскія папиросы.

— Вы курите такія большія папиросы? — спросилъ я ее съ удивленіемъ.

— Comme toutes les levantines! — отвѣчала она со смѣхомъ и задорно выпустила изъ своего дѣвичьяго ротика такое облако табачнаго дыма, которому позавидовалъ бы старый гусаръ.

Во главѣ стола, какъ это принято на морскихъ пароходахъ, сидѣлъ капитанъ «Босніи»—пожилой, но очень живой и бодрый мо-

рякъ. Онъ училъ свою сосѣдку-пассажирку итальянскому разговору, и оба они спрягали «cantare» и «amore». Не зная ни одного языка, кромѣ итальянскаго, капитанъ обнаруживалъ умѣнье поддерживать разговоръ на всѣхъ языкахъ, все понималъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ удачно. Это—особая способность моряковъ, плавающихъ на международныхъ линіяхъ. У насъ съ капитаномъ оказались общіе знакомые, онъ вручилъ мнѣ свою карточку, на которой значилось: Antonino Anatra. Palermo. Въ его морской каютѣ за стаканомъ чая или за рюмкой мастики мы потомъ бесѣдовали съ нимъ объ Италіи и о Россіи.

Послѣ однообразія морской глади, въ семь часовъ вечера выросъ передъ нами гористый мысъ. На уступѣ пустыннаго обрыва виднѣлась церковь.

— Это—мысъ св. Ангела,—сказалъ мнѣ капитанъ.—Онъ необитаемый, здѣсь только церковь и два сторожевыхъ домика. Мысъ этотъ пользуется печальной извѣстностью. Здѣсь часто бываютъ кораблекрушенія, и моряки отдаютъ себя подъ покровительство св. Ангела, оттого и выстроена здѣсь церковь. Вечеромъ въ одиннадцатомъ часу,—добавилъ онъ,—мы будемъ проходить мысъ Матапанъ, самую южную оконечность Европы.

На итальянскихъ пароходахъ кормятъ не хуже, чѣмъ на русскихъ. Столъ обильный, сытный. Даютъ закуску, но водки не полагается. Всѣхъ блюдъ не перечесть, супъ обыкновенно отсутствуетъ, вмѣсто него подаютъ итальянскія макароны. Путешественники ѣдятъ много и въ изобиліи пьютъ неважное красное вино, очень терпкое, съ охлажденной водой. Бѣлаго вина на пароходѣ не даютъ, а любителямъ пива приходится плохо: бутылка австрійскаго пива стоитъ полтинникъ. Позднимъ обѣдомъ на итальянскомъ пароходѣ заканчивается день. Чая по вечерамъ не полагается (его даютъ передъ обѣдомъ). Путешественникамъ послѣ обѣда предоставляется ложиться спать, но греки и итальянцы спятъ мало. Путешественники расхаживаютъ по палубѣ до глубокой ночи, иногда до утренней зари.

— Вотъ Матапанъ,—указалъ мнѣ капитанъ г. Анатра, когда темная ночь играла уже брильянтами звѣздъ. Впереди въ одной точкѣ вспыхивалъ бѣлый и красный огонь, мѣняясь ежеминутно.

— Это маякъ Матапана, — продолжалъ капитанъ, — онъ свѣтитъ за 18 миль. Здѣсь тоже пустынныя мѣста, а въ 47 миляхъ отсюда мысъ Сапіенца на островѣ. Тамъ есть жилье. За Сапіенцой—знаменитый Наваринъ.

Мысъ Матапанъ долго провожалъ насъ, смотря намъ вслѣдъ одинокимъ огненнымъ глазомъ.

Пароходъ углублялся въ черноту ночи. Было вѣтрено. Море играло крупною зыбью, вѣтеръ теребилъ занавѣски на иллюминаторахъ каютъ, въ которыхъ даже и ночью было невыносимо жарко и душно; пароходъ немного покачивало.

Наваринъ, памятный по морскимъ подвигамъ Лазарева и Нахимова, мы прошли ночью. Къ утру мы обогнули Пелопонесъ. Показались острова Занте и Кефалонія.

Утромъ погода стихла. Въ полдень мы входили въ Патрасскій заливъ, кругомъ обставленный высокими горами. Патрасъ растянулся вдоль берега бухты. Это—сѣрый и невзрачный городъ съ высокими домами, съ фабриками и съ упирающейся въ берегъ желѣзной дорогой. Въ Патрасѣ—45 тысячъ жителей. Гавань Патраса устроена лѣтъ десять назадъ главнымъ образомъ для парусныхъ судовъ. Она—небольшая, съ загражденіями изъ насыпанныхъ камней. Посрединѣ гавани красуется высокій маякъ. Пароходовъ сюда приходитъ мало. Кромѣ нашей «Босніи», тутъ стоялъ только одинъ греческій грузовикъ. Пароходы останавливаются недалеко отъ берега, сообщеніе производится на шлюпкахъ.

Интереснаго въ Патрасѣ мало. Только на горахъ уцѣлѣли развалины старыхъ генуэзскихъ укрѣпленій.

День нашей стоянки тянулся тоскливо.

Вечеромъ начался концертъ на водѣ. Въ кофейнѣ, на островкѣ около маяка играла музыка, раздавалось пѣніе. Вся площадка около кофейни была переполнена публикой. Часть публики слушала концертъ, катаясь на лодкахъ, цѣлой стаей окружившихъ кофейню. Эти концерты—единственное удовольствіе въ такомъ захолустьѣ.

Съ пришедшими изъ Аѳинъ поѣздами прибыла на нашъ пароходъ масса публики. Въ каютахъ, въ столовой все было загромождено чемоданами и картонками. Цѣлая гора ихъ стояла у двери моей каюты, въ которую долго попасть было невозможно. Благодѣтель Кукъ отпустилъ такую порцію пассажировъ, что инымъ и спать было негдѣ. Пассажиры разлеглись на диванахъ въ столовой. Были и такіе счастливцы, что всю ночь должны были сидѣть на стульяхъ.

Среди прибывшей публики я услышалъ русскій разговоръ.

— Неужели здѣсь русскіе?—невольно воскликнулъ я.

— Да, да!—отозвались они.—Мы только-что пріѣхали изъ Аѳинъ, а недѣлю назадъ еще были въ Кіевѣ.

Оказалось, это—учителя изъ Кіева, предпринявшіе путешествіе цѣлой группой. Въ средѣ ихъ былъ одинъ грекъ—должно быть, учитель греческаго языка въ кіевской гимназіи. Онъ былъ руководителемъ экскурсіи.

— Достали ли вы себѣ мѣста?—спросилъ я ихъ.—Многимъ и спать не придется.

— Достали,—отвѣчалъ маленькій грекъ-руководитель,—но мѣста незавидныя. Окно нашей каюты выходитъ въ третій классъ, и мы должны вдыхать въ себя всѣ демократическіе ароматы. Пожалуй, что на ночь придется примоститься гдѣ нибудь на палубѣ.

Длинныя нити огней смотрѣли съ берега, и звуки музыки замирали вдали, когда пароходъ «Боснія» неслышнымъ ходомъ сталъ удаляться въ море. Впереди свѣтились огни австрійскаго парохода, шедшаго навстрѣчу намъ въ Патрасъ.

Утромъ на взволнованномъ морѣ открылись горныя дали. Линія горъ обѣщала скорое прибытіе на островъ Корфу—въ этотъ земной рай Греціи.

XVIII.

Корфу.—Штормъ.

Корфу не производитъ вблизи особеннаго впечатлѣнія. Небольшіе темно-зеленые холмы высятся съ обѣихъ сторонъ пролива. Слѣва расположенъ на островѣ дворецъ и красивый паркъ со множествомъ кипарисовъ и нѣжной южной зелени, дальше смотритъ на васъ генуэзская крѣпость.

Въ лѣтнюю жару въ Корфу пыльно, неуютно. Раскаленные солнцемъ дома стоятъ узкими пяти и четырехъэтажными громадами, точно коробки, поставленныя бокомъ. На противоположномъ берегу среди пустырей красуются постройки карантина. Въ городѣ Корфу 18 тыс. жителей, это—климатическая станція и курортъ Греціи, курортъ главнымъ образомъ осенній и зимній. Въ прежніе годы въ здѣшнемъ дворцѣ жила австрійская императрица Евгенія, убитая въ 1897 году анархистомъ.

Островъ Корфу славится производствомъ оливковаго масла.

Изъ Корфу на смѣну выбывшимъ пассажирамъ сѣли къ намъ новые, болѣе многочисленные, которыхъ уже рѣшительно дѣвать было некуда. Они заняли всѣ проходы. Стало безобразно тѣсно, а судьба готовила намъ ужасную ночь.

Пароходъ уходитъ изъ Корфу въ «16 часу». Итальянцы ведутъ счетъ времени круглыя сутки, и 16 часовъ соотвѣтствуютъ нашимъ четыремъ часамъ пополудни. Пѣніемъ серенадъ и музыкой провожали насъ изъ Корфу. Какая-то «пиккола итальяна», малютка лѣтъ семи, чудно пѣла романсы, игралъ квартетъ мандолинистовъ. Но какъ только мы вышли въ море, такъ началась другая музыка. Вѣтеръ засвистѣлъ, навстрѣчу пароходу катились крупныя волны. Мы входили въ Отрантскій проливъ, отдѣляющій Турцію отъ Италіи. На берегу стояли снѣжныя горы, показался скалистый островокъ съ маякомъ. Во время обѣда началась чувствительная качка. Табльдотъ былъ сначала переполненъ публикой, но дамы за вторымъ блюдомъ поспѣшили уйти въ каюты. Другіе краснѣли и блѣднѣли, но еще сидѣли на мѣстахъ, когда же пароходъ сталъ стремительно подниматься на волнахъ, то всеобщее бѣгство разомъ освободило столы отъ пассажировъ.

Я вышелъ на палубу. Темнѣло, сильный восточный вѣтеръ несъ соленые брызги и водяную пыль. Нельзя было стоять на ногахъ,

не держась за перила. Пароходъ круто поднимался вверхъ, замиралъ на одно мгновеніе въ этой позѣ и затѣмъ грузно падалъ въ шумѣвшую массу вспѣненныхъ волнъ, которыя, борясь и плескаясь, быстро неслись на западъ. Съ одной стороны глядѣла на палубу чернота ночи, съ другой кокетливо свѣтилъ серпъ луны, но, обойдя небольшой кругъ, луна въ полночь кувырнулась за линію моря. Въ темнотѣ море стонало и кипѣло; цѣлыя площади бушующихъ волнъ неистовствовали около насъ, вѣтеръ налеталъ бурными сумасшедшими порывами.

Пассажиры сначала пробовали лежать на палубѣ на своихъ longues chaises, но при взмахахъ парохода они падали на полъ и сердито ворчали.

— Не легко дается намъ увидѣть Италію!—говоритъ мнѣ кіевскій учитель, балансируя на ходу, чтобы не упасть.—Такая качка, что только держись.

Пароходъ шелъ полнымъ ходомъ. Среди плеска волнъ слышна была мѣрная, настойчивая работа пароходнаго винта, который боролся во-всю съ капризами моря.

— Свѣжо!—говорили моряки,—очень свѣжо,—и, дежуря на вахтѣ, они ждали, когда откроются огни ближайшихъ итальянскихъ маяковъ. Спать было невозможно изъ-за сильной качки. Я тоже смотрѣлъ въ черную даль моря, но ничего, кромѣ нѣсколькихъ робкихъ звѣздъ на небѣ, не видѣлъ.

Часа въ два ночи показался огонекъ маяка Санпатольдо на восточной оконечности Италіи. Онъ ласково, но безпомощно глядѣлъ на насъ, заливаемыхъ сердитыми волнами и жаждущихъ твердой земли. Подъ утро я услышалъ сквозь сонъ, какъ прозвонили въ машину: пароходъ уменьшалъ ходъ. Ужасный переходъ былъ конченъ—мы подходили къ Бриндизи. А тамъ дальше была цѣль моего путешествія—городъ Бари.

Бриндизи—невзрачный, нищенскій городъ. Масса народа ѣдетъ сюда только потому, что это—первый пунктъ Италіи, откуда можно пробраться по желѣзнымъ дорогамъ въ Неаполь, въ Римъ, въ Генную, въ Венецію. Путешественники не задерживаются въ Бриндизи долѣе отхода ближайшаго поѣзда. На набережной Бриндизи лежатъ бочки мѣстнаго вина, вывозимаго моремъ въ Венецію, это вино—грубое, но крайне дешевое, почему оно и имѣетъ сбытъ. Въ домахъ на набережной помѣщаются пароходныя агентства, видна невзрачная массивная гостиница. Около пристани «Австрійскаго Ллойда» пріютилась грузовая станція желѣзной дороги, въ противоположномъ концѣ города — пассажирскій вокзалъ. На возвышенной площадкѣ близъ порта красуются мѣстныя древности, такъ называемыя Романскія колонны. Одна изъ нихъ обветшала и скрѣплена желѣзными обручами. Другая колонна, ея сосѣдка, совсѣмъ развалилась, уцѣлѣлъ только пьедесталъ. Удивительно отно-

шеніе мѣстныхъ жителей, къ своимъ древностямъ: возлѣ колоннъ и на лѣстницѣ, ведущей къ нимъ, демонстративно лежатъ цѣлыя кучи нечистотъ.

Въ сторонѣ отъ этихъ развалинъ находятся другія достопримѣчательности Бриндизи: древній замокъ Фридриха Барбарусы, обращенный нынѣ въ тюрьму, и Castello Alfonsino, старый замокъ, куда ѣздятъ на лодкѣ. Неуклюжіе каменные дома и гостиницы тѣсной грудой столпились вдоль главной улицы Бриндизи—корсо Гарибальди. Остальная часть города состоитъ изъ узкихъ переулковъ совершенно безлюдныхъ. Днемъ во время жары здѣсь мертво: на тротуарахъ лежатъ фигуры спящихъ чернорабочихъ и пролетаріевъ. Ободранныя дѣти ходятъ по пустымъ улицамъ и просятъ подаянія.

Бухта Бриндизи—небольшая, узкая. На другомъ берегу противъ города видны загородныя виллы и дачи, расположенныя среди веселой зелени.

Лодочники Бриндизи приходятъ на пароходъ и настойчиво предлагаютъ туристамъ прогулки въ окрестности. Публика гонитъ ихъ. Тогда огорченный неудачею лодочникъ откровенно говоритъ:

— Пожалуйста, ужъ дайте мнѣ 20 чентисимо, я хоть выпью за ваше здоровье!

XIX.

Паломническій городъ.

Бари—совершенная противоположность Бриндизи, это—столица восточной Италіи (Калабрія). Обширный благоустроенный портъ далеко вдается въ море стройными волнорѣзами. Вокругъ бухты раскинулся полукругомъ городъ—громадный, благовидный. Въ Бари—сто тысячъ жителей. Ближе къ порту—старый городъ, дальше—новый, щеголяющій домами изящной архитектуры, широкими улицами, большими площадями. Старый городъ — преимущественно торговая часть, въ узкихъ переулкахъ пріютились не совсѣмъ опрятные базары, но дальше картина мѣняется. Въ новомъ городѣ особенно выдѣляются зданія почты, театръ, есть очень изящные частные дома. На улицахъ большое движеніе, нарядная европейская толпа. Въ кофейняхъ и магазинахъ масса публики. Бари имѣетъ фабрики и производитъ машинное масло и мыло.

Богомольцы всего христіанскаго міра—православные и католики, хорошо знаютъ Бари по его святынямъ. Изъ разныхъ мѣстъ Россіи направляются сюда русскіе богомольцы на поклоненіе мощамъ св. Николая Чудотворца. Въ недавнемъ прошломъ наше Палестинское общество поддерживало эти поѣздки удешевленными паломническими тарифами на подобіе существующихъ тарифовъ въ Іерусалимъ и на Аѳонъ.

— Въ нынѣшнемъ году совсѣмъ не видимъ русскихъ богомольцевъ,—говорилъ мнѣ по-русски смотритель Николаевскаго собора въ Бари, грекъ.—Не знаю, война ли тому причиной (разговоръ происходилъ въ іюлѣ), или что другое, но только православные богомольцы совсѣмъ исчезли. А въ прежнее время,—прибавилъ онъ,—сюда стекались сотни народа изъ Россіи. Теперь видимъ только католиковъ, да и тѣхъ не особенно много.

Древній храмъ св. Николая Чудотворца (ему 850 лѣтъ) находится недалеко отъ гавани Бари, онъ виденъ съ моря. Вы идете по набережной, затѣмъ попадаете въ сѣть узкихъ торговыхъ переулковъ, и наконецъ на небольшой площади передъ вами выростаетъ массивный древній храмъ съ очертаніями католическихъ костеловъ. На фасадъ его наложила свою неумолимую печать рука всеразрушающаго времени.

Мнѣ сопутствовали въ посѣщеніи храма путешественники-кіевляне.

Когда мы вошли въ церковь, шла католическая месса, подъ высокими сводами храма разливались звуки мощнаго полногласнаго органа. Высота церкви чрезвычайная, потолокъ ея покрытъ дорогими вызолоченными бордюрами. Въ соборѣ много древностей и христіанскихъ реликвій. Возлѣ алтаря верхняго собора показываютъ особое помѣщеніе, гдѣ католическое священство хранитъ и дѣйствительныя сокровища древности и воображаемыя.

— Вотъ клочекъ рубашки Спасителя,—говорили намъ католическіе ксендзы, показывая нѣсколько ниточекъ ткани, заключенныхъ въ стеклянномъ футлярѣ.—Вотъ волосы Божіей Матери.

Ризница была заставлена драгоцѣнными ларцами и сосудами съ безчисленными реликвіями. Тутъ же помѣщались древнія священныя книги и евангелія. Я видѣлъ потемнѣвшіе образа, насчитывавшіе тысячелѣтнюю древность.

Въ соборѣ, возлѣ иконостаса, есть православныя иконы, тутъ же стоятъ католическія рельефныя изображенія святыхъ. Подобныя изображенія имѣлись прежде и въ нашихъ православныхъ церквахъ, какъ, напримѣръ, въ старыхъ монастыряхъ и церквахъ Поволжья. Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ въ Ярославлѣ они существуютъ и теперь, хотя православная церковь давно отказалась отъ рельефныхъ священныхъ изображеній.

Мощи св. Николая Чудотворца находятся въ нижней церкви собора.

Изъ верхней церкви ведетъ туда широкая каменная лѣстница. Спустившись по ней, вы входите въ полутемную церковь. Надъ вами тяжелые массивные своды. У алтаря горитъ много свѣчей. Въ сумракѣ подземелья видны многочисленныя фигуры молящихся. Надъ гробницей св. Николая Чудотворца въ минуту нашего прихода совершалось богослуженіе. Слѣва отъ алтаря церкви находятся

остатки досокъ первоначальнаго гроба св. Николая Чудотворца, справа помѣщается колонка древняго происхожденія.

— Гробница св. Николая, — говорилъ мнѣ смотритель, — помѣщается подъ самымъ престоломъ. Когда священникъ откроетъ дверцу престола, то богомольцы подползаютъ въ отверстіе и прикладываются. Во время мессы престола у насъ не открываютъ, а въ

Русская церковь въ Вѣнѣ.

десять часовъ, когда месса окончится, дверца будетъ открыта, и вы можете поклониться мощамъ.

Месса скоро окончилась. Священникъ, прежде чѣмъ допустить поклонниковъ, прочиталъ молитву, затѣмъ открылъ серебряную дверцу и, ставъ на колѣна, пригнулся къ землѣ; головой и плечами онъ влѣзъ въ отверстіе до пояса; онъ тамъ молился надъ гробницей. Послѣ священника подползали въ эту дверь богомольцы. Подъ престоломъ находится узкое отверстіе. При свѣтѣ спущенной въ него маленькой лампады вы видите кости св. Николая Чудотворца. Около отверстія лежитъ круглая икона, къ которой прикладываются молящіеся.

Когда богомольцы поднимутся на ноги, священникъ мажетъ имъ лобъ миромъ, даетъ испить святой воды и съ молитвой закрываетъ серебряную дверцу престола.

Я былъ въ другой церкви стараго города. Эта церковь—святого Собина, нѣсколько похожа своими очертаніями на соборъ св. Николая Чудотворца. Она тоже древняя: ей тысяча лѣтъ; внутри церковь величественна, но она все-таки меньше Николаевскаго собора.

Въ томъ же старомъ городѣ есть интересный памятникъ венеціанской старины—мѣстная фортеція-цитадель съ внушительными стѣнами, башнями и бойницами; мѣстами она хорошо сохранилась.

XX.

Въ Австрійскіе предѣлы.

Черезъ Анкону и Венецію я проѣхалъ въ Австрію и славянскія земли. Что сказать объ этомъ пути? Лучшей частью его были, конечно, морскія впечатлѣнія. Изъ Бари мы неслись въ Анкону по бирюзовой глади Адріатическаго моря мимо Манфредоніи и Гарганіо, хранящаго древнія укрѣпленія и показывавшаго намъ зубчатые верхи своихъ зелено-голубыхъ горъ,—мимо живописныхъ группъ рыболововъ, какъ бы застывшихъ въ морѣ на своихъ уронившихъ крылья парусныхъ судахъ. Въ 54 миляхъ отъ Бари, вечеромъ, въ лучахъ заката показался чудный амфитеатръ горъ около малолюднаго городка Вести (15.000 жителей), съ его древними башнями и мачтами безпроволочнаго телеграфа. Телеграфъ приноровленъ для нуждъ мореходства и сигнализируетъ также съ противоположнымъ берегомъ Далмаціи. Долго тянется чудный мысъ Гарганіо, который потомъ сразу исчезаетъ, какъ промелькнувшее видѣнье. Анкона стоитъ на высокихъ обрывистыхъ горахъ съ зелеными скатами, немного напоминающихъ общимъ своимъ рисункомъ красоты нашего Крыма. У ея береговъ—полукруглая обширная гавань. Городъ раскинулся амфитеатромъ. Вершину горы вѣнчаетъ древній каѳедральный соборъ. Туда я поднимался по винтообразнымъ дорожкамъ, видѣлъ тамъ знаменитую въ католическомъ мірѣ чудотворную икону Пресвятой Богородицы, видѣлъ въ нижнемъ соборѣ безчисленныя мраморныя гробницы отошедшихъ въ вѣчность духовныхъ дѣятелей и монаховъ Италіи, ящики и урны съ сожженнымъ человѣческомъ прахомъ. Цѣлое кладбище заключалось въ стѣнахъ этого шестисотлѣтняго собора. На крутыхъ горахъ расположена современная крѣпость Анконы, а ниже въ гавани находятся древнія укрѣпленія. Въ Анконѣ обширные сахарные заводы, отправляющіе сахаръ въ разные концы Италіи на пароходахъ.

Впечатлѣнія смѣнялись одни другими. Послѣ Анконы на слѣдующее утро пароходъ шелъ по безконечнымъ лагунамъ Вене-

ціи. Всю ночь намъ не дали спать итальянскіе евреи, галдѣвшіе и расхаживавшіе по пароходу. Еврейки флиртировали, мальчишки свистѣли и бѣгали, малыя ребята ревѣли. Чудный воздухъ ранняго утра, напоенный влагой безконечной водной равнины, открылъ

Внутренность русской посольской церкви въ Вѣнѣ.

въ прозрачномъ далекѣ веселые островки Венеціи и зеленѣющіе берега Лиды, купальнаго курорта Италіи. Изъ сумасшедшихъ домовъ, стоящихъ на островахъ, къ намъ безпомощно протягивались руки, что-то кричали, о чемъ-то просили... Въ Венеціи я любовался на живописный палаццо Дуккало, на католическіе соборы,

съ высоты которыхъ неслся тонкій мелодическій звонъ. Изъ шумнаго коммерческаго порта, обставленнаго доками, заводами и фабричными трубами, я попадаю въ поэтическую тишь площади св. Марка со знаменитымъ соборомъ, у котораго только мягкій шелестъ крыльевъ тысячъ голубей, питаемыхъ подачками путешественниковъ, да жужжаніе толпы, входящей и выходящей изъ величественно-изящнаго храма, выводятъ васъ изъ сладкаго оцѣпенѣнія тишины и созерцательности. Безшумно скользящія гондолы, мѣрные всплески воды подъ взмахами веселъ сливаются кругомъ въ одно цѣлое съ нѣжными серенадами, которыя оглашаютъ по вечерамъ покоящіяся въ лунномъ свѣтѣ водяныя улицы. Эти серенады напомнили мнѣ тѣ безчисленныя серенады, которыя я слушалъ на бирюзовой зыби Адріатическаго моря.

Европейскій экспрессъ мчитъ васъ изъ Венеціи въ Вѣну въ тѣсныхъ раскачиваемыхъ на всѣ стороны вагонахъ по одной изъ красивѣйшихъ въ Европѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ Венеціи было жарко; по мѣрѣ подъема въ горы становится все холоднѣе. Ливень стучитъ въ крышу вагона, снѣговыя горы, скалы, обрывы обступили дорогу живописнымъ, но суровымъ кольцомъ. Горныя рѣки послѣ пронесшагося дождя падаютъ внизъ бурными каскадами и водопадами и образуютъ въ долинахъ цѣлыя озера. Два паровоза, гремя и стуча, втаскиваютъ поѣздъ въ темноту безчисленныхъ тоннелей, и потомъ сразу открываются передъ вами полосы свѣта; передъ вами пріютившіеся въ горныхъ тѣснинахъ и на скалахъ маленькіе поселки съ церквами, одинокіе горные домики. Ярусы страшныхъ скалъ висятъ надъ вами на неприступной высотѣ. На границѣ надоѣдливой въ своихъ формальностяхъ Австріи васъ безпокоятъ двукратнымъ таможеннымъ осмотромъ. И вотъ, наконецъ, вы въ Вѣнѣ, въ этой казарменно-холодной послѣ мягкаго изящества и теплоты Италіи столицѣ Австріи, среди ея большихъ палатъ, среди величавыхъ музеевъ, изящныхъ контуровъ колосса св. Стефана, громадныхъ памятниковъ и вползающей каждому въ душу ледяной холодности и чванливости этого неуютнаго, непривѣтливаго и непомѣрно дорогого города.

— Вѣна—это сплошная фальшь, чопорность и натянутость,—говорилъ мнѣ въ дорогѣ молодой румынъ, основательно проигравшійся въ Монако и возвращавшійся въ Бухарестъ подъ чадолюбивую сѣнь родительскаго очага.—Тамъ наружный блескъ, показная роскошь, но никто не живетъ тамъ, какъ слѣдуетъ: все дорого, все недоступно. Рестораны, увеселенія, гулянья—одинъ сплошной грабежъ. Отель—20 франковъ въ сутки за пустыя стѣны, простой обѣдъ—5—6 кронъ (почти два рубля съ полтиной). Безспорно, въ Вѣнѣ можно жить съ награбленными и несчитанными деньгами, но вѣнцы ежатся и хитрятъ, и не могутъ выскочить изъ своего тѣснаго бюджета. Вѣнецъ не позволитъ себѣ ничего,

кромѣ кружки пива въ дорогомъ ресторанѣ, онъ обѣдаетъ дома, онъ на всю жизнь отказался отъ извозчиковъ и ѣздитъ только по конкамъ, безъ которыхъ экономному вѣнцу прямо погибель.

Кто же пиршествуетъ въ Вѣнѣ, кто здѣсь играетъ роль? Бережливые нѣмцы попрятались по своимъ норамъ за исключеніемъ кичливой финансовой аристократіи. Пиршествуютъ еврейскіе банкиры да разные международные пройдохи, которымъ посчастливилось хорошо урвать отъ щедротъ фортуны. Но такихъ счастливчиковъ немного.

Въ вѣнскихъ ресторанахъ принято только завтракать, въ обѣденные же часы они пусты, и на каждаго пришедшаго обѣдать сами рестораторы смотрятъ подозрительно: «Ужъ не казнокрадъ ли какой или фальшивомонетчикъ?»

Громадное славянское населеніе Вѣны, живущее честнымъ трудомъ и не отличающееся достатками, бѣдствуетъ. Бѣдствуетъ оно и въ житейскомъ, и въ политическомъ смыслѣ.

— Вѣдь здѣсь не горсть славянъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ славянскихъ дѣятелей въ Вѣнѣ, д-ръ Щавинскій,—а цѣлое море славянства, играющаго историческую роль въ странѣ, тѣсно связаннаго съ внутренними областями Австро-Венгріи... А развѣ вы видите славянскую жизнь въ Вѣнѣ, гдѣ она? Все порабощено австрійскимъ режимомъ, все придавлено. Маленькіе кружки славянъ еле влачатъ существованіе.

Я вспомнилъ о новомъ русско-славянскомъ кружкѣ любителей русскаго языка, открытомъ въ Вѣнѣ при славянской «Буковинѣ», о которомъ говорилъ мнѣ священникъ, отецъ Говядовскій, къ Константинополѣ. Не легко было найти этотъ затерявшійся въ шумной и громадной Вѣнѣ симпатичный кружокъ. Я ѣздилъ по улицамъ и переулкамъ города, разыскивалъ его, но никто не могъ мнѣ указать мѣста его нахожденія.

— Видите ли,—объяснилъ мнѣ д-ръ Щавинскій,—лѣтомъ жизнь нашего кружка замираетъ. Наши собранія, лекціи, бесѣды начнутся осенью, зимой у насъ собираются по 15—20 человѣкъ. Славяне охотно посѣщаютъ этотъ русскій уголъ и подъ руководствомъ русскихъ сочленовъ изучаютъ русскій языкъ.

Но деспотическое господство австрійцевъ надъ разноплеменными народами теперь уже не такъ прочно, какъ это было раньше. Отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи произвело громадное впечатлѣніе въ чуткой Венгріи, которая давно не прочь отдѣлиться отъ Австріи. Связь между этими государствами поддерживается искусственно, единственно деспотическимъ натискомъ австрійскаго давленія. Венгерцы чуждаются австрійцевъ и теперь уже не хотятъ говорить по-нѣмецки. Эти государства, различныя по духу и составу, въ сущности необъединимы. Связь между ними настолько слаба, что она должна быть возобновляема черезъ каждыя десять

лѣтъ. При наступленіи срока между представителями той и другой стороны происходятъ обыкновенно ожесточенные дебаты, которые оканчиваются лишь путемъ особыхъ уступокъ, дѣлаемыхъ Австріей. Въ основной законъ Австрійской имперіи 1867 года вошли предложенія Венгріи, ограничивающія общность ихъ интересовъ самыми опредѣленными рамками—только сферою иностранныхъ и военныхъ дѣлъ, во всемъ остальномъ между ними—рознь. По государственному долгу Венгрія точно указала степень своего участія. Таможенный и торговый союзъ государствъ по прошествіи десяти лѣтъ возобновляется при условіи, если того пожелаетъ Венгрія. Самое важное и характерное, что въ текстѣ соглашеній Австріи съ Венгріей происходятъ съ годами измѣненія не въ смыслѣ объединенія, а скорѣе въ смыслѣ разъединенія. То же самое наблюдается и въ торговлѣ обѣихъ странъ. Венгрія отказалась отъ участія въ многомилліонномъ морскомъ предпріятіи Австріи—«Австрійскомъ Ллойдѣ», и учредила собственное пароходство—«Адріа». То же случилось и съ пароходствами по Дунаю. Въ 1880 году венгерцы установили особый сборъ съ товаровъ, ввозимыхъ изъ Австріи въ Венгрію, хотя Австрія сильно протестовала противъ этого. При казенныхъ поставкахъ въ Венгріи старательно исключаются австрійскія произведенія и почти не допускаются австрійскіе поставщики. Прямыя сношенія Венгріи съ иностранными государствами усиливаются гораздо больше, чѣмъ ввозъ Австріи въ Венгрію. Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ обоихъ государствъ идетъ ожесточенная тарифная борьба, ясно выражающаяся въ рельсовыхъ путяхъ, имѣющихъ значеніе для экспорта.

XXI.

Русское дѣло въ Вѣнѣ.

Я интересовался русской колоніей Вѣны и положеніемъ торговли съ Россіей.

— Русская колонія здѣсь ничтожна,—говорилъ мнѣ нашъ генеральный консулъ въ Вѣнѣ, камергеръ А. Н. Кудрявцевъ,—ея почти нѣтъ, но торговля Австріи съ Востокомъ и съ Россіей довольно значительная. Вѣна — крупная потребительница русскихъ нефтяныхъ продуктовъ. Несмотря на богатство галиційскихъ нефтяныхъ промысловъ, Вѣна и Австро-Венгрія не могутъ обойтись безъ русскаго керосина, и нашъ Батумъ дѣятельно поставляетъ его сюда.

Консулъ познакомилъ меня съ русскими дѣлами и начинаніями въ Вѣнѣ.

— При посольствѣ, — говорилъ онъ, — учрежденъ комитетъ для помощи больнымъ и бѣднымъ русско-поданнымъ, и этотъ комитетъ имѣетъ уже порядочный капиталъ: у насъ 40.000 кронъ.

Мы оказываемъ помощь, конечно, не туристамъ, а возвращающимся въ Россію бѣднякамъ, находящимся въ крайнемъ положеніи. Благодаря добрымъ отношеніямъ, существующимъ у насъ съ правящими сферами, мы устраиваемъ также этихъ бѣдняковъ, когда есть необходимость, въ вѣнскихъ госпиталяхъ. Теперь мы имѣемъ въ виду устройство въ Вѣнѣ «русскаго дома» для русско-подданныхъ, нуждающихся въ убѣжищѣ. Вы,—продолжалъ онъ,—несомнѣнно посѣтите здѣшнюю русскую церковь. Она недалеко отъ консульства, тутъ же. Сегодня будетъ всенощная. Настоятель церкви, протоіерей Николаевскій, принимаетъ близкое участіе во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ на пользу русскихъ бѣдняковъ. Кромѣ посольской церкви, здѣсь есть русское кладбище, и при немъ кладбищенская церковь. Тамъ временная могила нашего посла, графа Капниста, который позже будетъ перевезенъ въ Россію, въ свое имѣніе. На кладбищѣ имѣются также могилы тридцати человѣкъ русскихъ.

Русская церковь въ Вѣнѣ—очень изящная, она выстроена въ стилѣ древне-русскихъ храмовъ и издали сіяетъ своими золотыми главами, напоминая въ миніатюрѣ соборъ св. Василія Блаженнаго въ Москвѣ и другіе храмы изящной, легкой архитектуры. Крытая лѣстница узорчатымъ крыльцомъ вдается въ переулокъ, напоминая затѣйливыя крылечки, которыя въ старину вели въ княжескіе и боярскіе хоромы. Церковь стоитъ на окраинѣ Вѣны въ хорошенькомъ, чистомъ уголкѣ, примыкающемъ съ одной стороны къ Райснерштрассе, гдѣ находится консульство, а съ другой—къ полотну желѣзной дороги, огибающей Вѣну въ полутоннелѣ. Вокругъ церкви разбитъ садъ. Русская церковь построена въ 1899 году по инипіативѣ протоіерея Александра Васильевича Николаевскаго, при послѣ князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, на землѣ, принадлежащей русскому посольству. Церковь обошлась въ 400 тысячъ рублей. Она строилась вѣнскимъ архитекторомъ Джакомелли по плану академика Котова. Постройка шла шесть лѣтъ, и въ 1893 году при покойномъ послѣ, графѣ Капнистѣ, церковь была окончена.

Я былъ въ церкви у всенощной, которая совершалась въ нижнемъ храмѣ, нѣсколько мрачномъ сравнительно съ великолѣпною высокою и просторною верхнею церковью, въ которой на другой день, въ воскресенье, служилась обѣдня. Нижній храмъ—во имя св. Александра Невскаго, верхній—во имя св. Николая. Живопись церкви—не новая, но изящная. Всѣ иконы перенесены сюда изъ прежней домовой церкви посольства. Русскихъ богомольцевъ въ церкви бываетъ немного, но въ стѣны этой русской святыни стекается всегда много славянъ, для которыхъ созданный русскій уголъ служитъ очагомъ единенія съ Россіей въ холодной обстановкѣ негостепріимной, надменной и чванливой въ отношеніи славянства Вѣны. Я засталъ въ церкви небольшую группу богомольцевъ. Тутъ былъ престарѣлый русскій сановникъ, прибывшій въ Вѣну для лѣченія у мѣст-

ныхъ медицинскихъ свѣтилъ, были три-четыре представителя крошечной русской колоніи, и было десять-пятнадцать человѣкъ болгаръ, набожно молившихся въ родномъ имъ по духу храмѣ.

Послѣ обѣдни я бесѣдовалъ съ настоятелемъ церкви, отцомъ Николаевскимъ, старожиломъ Вѣны, старикомъ суроваго вида, совершенно сѣдымъ. Несмотря на преклонные годы, онъ очень бодръ. Мы говорили о Россіи, о длившейся въ то время войнѣ, и перешли потомъ на дѣла нашей вѣнской колоніи. Протоіерей сказалъ мнѣ:

— Благодаря войнѣ, у насъ затормозилось важное и хорошее дѣло: учрежденіе при церкви попечительства. Мы имѣемъ въ виду создать это попечительство, во-первыхъ, для заботъ о построенной на вѣнскомъ центральномъ кладбищѣ нашей церкви; затѣмъ хотимъ помогать нуждающимся православнымъ, и, наконецъ, мы должны современемъ учредить при посольской церкви убѣжище для соотечественниковъ, пріѣзжающихъ въ Вѣну за совѣтами врачей или для операцій. Наше благотворительное учрежденіе мы посвящаемъ памяти императора Александра III-го, давшаго отъ себя половину средствъ на постройку нынѣшней посольской церкви. Попечительство мы организовали по образцу русскихъ приходскихъ попечительствъ. Намъ покровительствуетъ императорское россійское посольство. Я состою предсѣдателемъ попечительства, членами состоятъ здѣшній росссійскій военный агентъ, полковникъ генеральнаго штаба В. Х. Роопъ, первый секретарь посольства, камергеръ двора С. Н. Свербеевъ, генеральный консулъ, камергеръ А. Н. Кудрявцевъ, дьяконъ церкви Преображенскій и представитель русской чайной торговли въ Вѣнѣ, Г. Г. Громовъ, нынѣ выбывшій отсюда. Мы начали это дѣло въ 1903 году, и начали удачно, стали поступать пожертвованія, затѣмъ по случаю войны все затормозилось. Неудобно было отвлекать пожертвованія на спеціальное дѣло отъ нуждъ войны...

Я пожелалъ успѣха доброму русскому начинанію и, прощаясь съ настоятелемъ, думалъ: слава Богу, несмотря на всѣ тяготы войны, несмотря на всѣ тернія и невзгоды для Россіи и славянства, невидимо зрѣетъ и на нерасположенной къ намъ чужбинѣ— на Востокѣ и на Западѣ, великое русское дѣло. Дай Богъ намъ увидать счастливые всходы посѣяннаго!

Путникъ (Н. Н. Лендеръ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. И. Яцимирскій. Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ. Изданіе императорской академіи наукъ. Съ 42 автотипическими снимками. Спб. 1905.

СЛАВЯНСКІЯ рукописи, хранящіяся въ богатыхъ книгохранилищахъ Россіи, мало-по-малу описываются. Не проходитъ года, чтобы не вышло нѣсколько большихъ или малыхъ книгъ, содержащихъ описаніе той или другой библіотеки. Но рукописи, хранящіяся внѣ предѣловъ Россіи, или совсѣмъ не описаны, или же описаны плохо. Балканскія земли въ этомъ отношеніи стоятъ на первомъ мѣстѣ. Даже о богатѣйшихъ собраніяхъ Аѳонской горы, ея лавръ, монастырей и келій мы знаемъ гораздо меньше, чѣмъ о немногихъ славянскихъ рукописяхъ Ватикана, придворной Вѣнской библіотеки, лондонскихъ библіотекъ, Парижской національной и т. д. Вотъ почему славянская наука должна съ величайшею радостью встрѣтить капитальный трудъ г. Яцимирскаго.

О румынскихъ библіотекахъ до сихъ поръ ничего не было извѣстно. Немногіе даже могли предполагать, что въ Румыніи хранятся славянскія рукописи, и что среди нихъ много замѣчательныхъ. Теперь эти рукописи описаны подробно, по всѣмъ правиламъ «рукописной библіографіи», съ массой интересныхъ выписокъ литературнаго и лингвистическаго характера, замѣчаній по исторіи, археологіи, палеографіи, этнографіи и т. д. Огромный томъ, содержащій болѣе тысячи страницъ,—цѣнный вкладъ въ славянскую науку. Внимательность къ предпринятому дѣлу и опытность автора, которыя видны въ любой строкѣ, дѣлаютъ честь неутомимому славису, соединяющему славянскія знанія вмѣстѣ съ румынскими. Теперь каждый, кто занимается древней литературой славянской или русской, прежде чѣмъ приступить къ изуче-

нію избраннаго предмета, долженъ будетъ ознакомиться съ трудомъ г. Яцимирскаго, во многихъ отношеніяхъ нисколько не уступающимъ аналогичнымъ трудамъ Калайдовича, Строева, Востокова, Горскаго и Невоструева, архимандрита Леонида, Викторова, Бычкова и другихъ ученыхъ. Приложенные къ книгѣ шесть указателей даютъ возможность очень быстро оріентироваться среди богатыхъ литературныхъ и историческихъ матеріаловъ, разсѣянныхъ въ ней. Кромѣ пяти крупныхъ библіотекъ (монастырь Агапія въ Молдавіи, Румынская академія, Національный музей древностей въ Бухарестѣ, библіотека Паисія Величковскаго, Нямецкій монастырь), г. Яцимирскій описалъ еще нѣсколько десятковъ не менѣе важныхъ рукописей и ляпидарныхъ памятниковъ, хранящихся въ менѣе извѣстныхъ пунктахъ—библіотекахъ общественныхъ и частныхъ, въ церквахъ, бѣдныхъ монастыряхъ и т. д.

Въ заключеніе замѣтимъ, что рецензируемая книга даетъ матеріалъ не для одной библіографіи и древней славянской литературы. Почти при каждомъ описаніи рукописи читатель найдетъ «экскурсъ». Это — совершенно законченныя и самостоятельныя статьи, а иногда небольшія изслѣдованія по дипломатикѣ и палеографіи у румынъ, по исторіи и этнографіи румынскихъ княжествъ, краткія біографіи святителей и свѣтскихъ лицъ, которые имѣли отношеніе къ описанной рукописи, и т. д. Если бы все это собрать вмѣстѣ, то получилась бы цѣлая монографія, настоящее изслѣдованіе на основаніи первоисточниковъ. Авторъ никогда не пользуется готовыми сочиненіями, а обращается всегда къ рукописямъ, лѣтописямъ, надписямъ и тому подобному сырому матеріалу. П. П.

Профессоръ А. А. Дмитріевскій. Пріѣздъ въ Астрахань восточныхъ патріарховъ: Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, и связанное съ нимъ учрежденіе здѣсь митрополіи. Кіевъ. 1904.

Въ брошюрѣ кіевскаго профессора А. А. Дмитріевскаго разсказывается о пребываніи въ Астрахани извѣстнаго своими историческими о Грузіи и Россіи трудами антіохійскаго патріарха Макарія вмѣстѣ съ александрійскимъ патріархомъ Паисіемъ и объ основаніи здѣсь митрополіи въ 1667 году. Восточные патріархи оказались въ Астрахани на пути въ Москву, куда пригласилъ ихъ государь Алексѣй Михайловичъ для суда надъ патріархомъ Никономъ. Непродолжительное пребываніе рѣдкихъ гостей въ Астрахани (въ іюлѣ 1666 года) дало поводъ мѣстному архіепископу Іосифу и воеводѣ Одоевскому показать имъ истинно русское гостепріимство: встрѣча и проводы патріарховъ были обставлены большою торжественностью. Путь отъ Астрахани до Москвы они совершили въ сопровожденіи архіепископа Іосифа. Въ Москвѣ патріархи возбудили вопросъ о возведеніи Іосифа въ санъ митрополита, его каѳедры — на степень митрополіи въ правомъ занимать третье мѣсто въ ряду другихъ русскихъ митрополій (послѣ Новгородской и Казанской). Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ вполнѣ сочувственно отнесся къ этому предложенію. 17-го марта 1667 года Іосифъ былъ возведенъ въ санъ митрополита, при чемъ полу-

чилъ право носить саккосъ и совершать обрядъ хожденія на осляти. Выясняя мотивы церковнаго возвышенія Астрахани, профессоръ А. А. Дмитріевскій справедливо усматриваетъ ихъ въ выдающихся личныхъ достоинствахъ перваго астраханскаго митрополита Іосифа.

Антіохійскій патріархъ Макарій и еще разъ посѣтилъ Астрахань — въ 1668 году, на обратномъ пути изъ Москвы въ Дамаскъ. Здѣсь опять ему была оказана торжественная встрѣча. Но по выѣздѣ изъ Астрахани и во время путешествія по Кавказу патріархъ Макарій испыталъ тяжелыя огорченія и лишенія—матеріальныя и нравственныя, о чемъ разсказывается въ его письмахъ, отправленныхъ въ 1669 году изъ Тифлиса къ московскому патріарху Іоасафу. Такъ, ханъ Шемахи ограбилъ его, сынъ патріарха алеппскаго, архидіаконъ Павелъ, скончался, патріарху и его свитѣ пришлось даже голодать... Съ большимъ трудомъ Макарій добрался до своей резиденціи, Дамаска.

Брошюра профессора А. А. Дмитріевскаго (стр. 1—42) читается съ интересомъ. Почтенный авторъ, большой знатокъ рукописнаго инвентаря библіотекъ отечественныхъ и заграничныхъ, воспользовался еще не опубликованными матеріалами и для настоящаго небольшого своего труда. Его брошюра любопытна и въ томъ отношеніи, что проливаетъ новый свѣтъ на дѣятельность въ Россіи восточныхъ патріарховъ. Изслѣдователи сношеній православнаго востока съ Россіей обыкновенно ограничиваются разсказами о матеріальной помощи русскихъ тѣмъ или инымъ выходцамъ изъ Палестины, Сиріи, Синая и т. д., но ничего не говорятъ о культурно-просвѣтительномъ вліяніи восточныхъ іерарховъ на русское духовенство и народъ. Разсматриваемая брошюра тѣмъ и отличается отъ аналогичныхъ изслѣдованій, что разносторонне освѣщаетъ одинъ фактъ изъ исторіи сношеній православнаго востока и нашего отечества. Σ.

Флетчеръ. О государствѣ Русскомъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905.

Среди иностранныхъ источниковъ о Россіи сочиненіе Флетчера занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ какъ по обилію свѣдѣній, такъ и по правдивости и важности сообщеній, чѣмъ далеко не можетъ похвастаться другая какая либо книга иностраннаго происхожденія, описывающая бытъ Московскаго государства XVI—XVII вѣка. Въ нашей литературѣ есть даже цѣлое изслѣдованіе (С. М. Середонина), въ которомъ подробно и обстоятельно разбирается значеніе книги Флетчера.

У насъ болѣе 50 лѣтъ сочиненіе Флетчера (въ русскомъ переводѣ) находилось подъ запретомъ. Исторія этой книги настолько интересна и поучительна, что я считаю нужнымъ вкратцѣ ее передать.

Флетчеръ, докторъ гражданскихъ правъ, пріѣхалъ въ Россію въ 1588 году въ качествѣ посланника отъ англійской королевы къ царю Θеодору Іоанновичу для заключенія дружественнаго союза и возстановленія торговыхъ сношеній съ Москвой.

По возвращеніи въ Лондонъ, въ 1591 году, онъ издалъ свою книгу о Русскомъ государствѣ. Но вскорѣ же по выходѣ въ свѣтъ это изданіе по просьбѣ англійскихъ купцовъ, опасавшихся, какъ бы неблагопріятные отзывы автора о Россіи не повредили ихъ торговлѣ, было запрещено: почти всѣ экземпляры были уничтожены, сохранились же — весьма немногіе, составляющіе теперь величайшую библіографическію рѣдкость. Впослѣдствіи сочиненіе Флетчера издавалось много разъ, но всегда съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями.

Попытка изданія сочиненія Флетчера у насъ была произведена Московскимъ обществомъ исторія и древностей россійскихъ (секретаремъ общества, московскимъ профессоромъ Бодянскимъ). Къ счастію, въ библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ оказался одинъ драгоцѣнный экземпляръ перваго изданія сочиненія Флетчера. Послѣднее было переведено и напечатано въ первой книжкѣ «Чтеній» вышеуказаннаго общества за 1848 годъ. Но этому изданію не суждено было распространиться среди читателей. Весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за личной вражды министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, съ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, графомъ Строгановымъ, который былъ въ то же время и предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ, и подъ отвѣтственностью котораго было издано сочиненіе Флетчера. Уваровъ и Строгановъ изъ-за личныхъ счетовъ на каждомъ шагу подкапывались другъ подъ друга, а попутно не щадили ничего и никого, лишь бы только насолить другому. Только что вышла книга Флетчера, и нѣсколько экземпляровъ ея уже было роздано на собраніи членамъ общества, на другой же день Уваровъ, узнавъ, что книга, въ которой невыгодно говорится о нѣкоторыхъ сторонахъ русской жизни XVI вѣка (что, слѣдуетъ замѣтить, было уже извѣстно по запискамъ Бера и примѣчаніямъ Карамзина), издана по распоряженію Строганова, немедленно же приказалъ пріостановить изданіе и доложилъ объ этомъ государю, Николаю Павловичу. Расправа была скорая и рѣшительная: розданные экземпляры были отобраны, все изданіе опечатано, «Чтенія» запрещены, Строганову (генералъ-адъютанту) былъ объявленъ строжайшій выговоръ, Бодянскій былъ смѣщенъ и переведенъ въ видѣ наказанія профессоромъ въ Казанскій университетъ (онъ не поѣхалъ и на время вышелъ въ отставку). Разумѣется, вопросъ о зловредности сочиненія Флетчера во всемъ этомъ дѣлѣ былъ ни при чемъ. Однако ссора двухъ сановниковъ печально отразилась на дальнѣйшей судьбѣ изданія. Книга продолжала жить въ подвалахъ, и Флетчеръ, несмотря на хлопоты Бодянскаго, оставался въ силу какой-то непонятной традиціи подъ строгимъ запретомъ. Только теперь, черезъ 57 лѣтъ, когда все прежнее быльемъ поросло, книгѣ Флетчера удалось увидѣть свѣтъ и стать доступной для болѣе широкой читающей публики.

Новое изданіе Флетчера перепечатано безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій съ текста, помѣщеннаго въ конфискованной книгѣ «Чтеній», съ приложеніемъ «Исторія перваго перевода сочиненія Флетчера» А. А. Титова, написанной на основаніи переписки Бодянскаго со Строгановымъ, и предисловіемъ князя Оболенскаго объ изданіяхъ подлинника. Издана книга въ типографскомъ и корректурномъ отношеніяхъ — прекрасно. **М. К.**

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ первый, выпускъ третій. Спб. 1905.

Каждый новый выпускъ замѣчательнаго изданія великаго князя Николая Михайловича вноситъ новый, цѣнный вкладъ въ отечественную иконографію. Третій выпускъ перваго тома «Русскихъ портретовъ XVIII и XIX столѣтій» заключаетъ въ себѣ 48 портретовъ превосходно исполненныхъ фототипіей и геліогравюрой въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Всѣ портреты воспроизведены, по обыкновенію, съ рѣдкихъ, мало извѣстныхъ оригиналовъ. Особенно любопытны въ этомъ выпускѣ портреты: графа Петра Александровича Толстого (до сихъ поръ былъ извѣстенъ только его гравированный портретъ, находившійся въ единственномъ экземплярѣ въ собраніи покойнаго Д. А. Ровинскаго), рис. Боровиковскимъ; графа Никиты Петровича Панина, рис. Вуалемъ; графа Аркадія Ивановича Моркова, рис. Изабе; графа Литта, рис. Ламни; князей Михаила, Владиміра и Петра Петровичей Долгорукихъ, съ миніатюръ, принадлежащихъ великому князю.

Вообще, и всѣ остальные портреты представляютъ большой интересъ. Мы перечислимъ ихъ для любителей: императоръ Павелъ I; императрица Марія Θеодоровна; князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ; графиня Е. О. Литта; графиня С. В. Панина; Алексѣй Николаевичъ Оленинъ; графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ; графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ; графиня В. С. Васильева; великія княжны: Екатерина (2 портрета), Александра (2 портрета) и Елена Павловны; графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ; графиня А. И. Коновницына; графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій; графиня А. В. Бобринская; графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій; графиня Е. О. Разумовская; графы Никита и Ираклій Ивановичи Морковы; князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій; Николай Дмитріевичъ Олсуфьевъ; Петръ Васильевичъ Неклюдовъ; Е. И. Неклюдова; великій князь Константинъ Павловичъ; великая княжна Марія Павловна; князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ; графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ; графиня Г. А. Мордвинова; принцесса Амалія Баденская; Н. Θ. Плещеевъ; княжна Т. Б. Куракина; княжна Н. И. Куракина; М. А. Львовъ; князь Викторъ Павловичъ Кочубей; княгиня М. Д. Кочубей; князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ; Степанъ Степановичъ Апраксинъ и Е. В. Апраксина.

Біографіи на русскомъ и французскомъ языкахъ сопровождаютъ каждый портретъ и, несмотря на краткость, составлены обстоятельно и даютъ довольно полную характеристику описываемаго лица въ связи съ его дѣятельностью.

О. Ш.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1905 г., книга первая. Москва. 1905.

Въ началѣ вышеуказанной книги помѣщенъ «Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора» (1—68 стр.) съ предисловіемъ А. П. Голубцова. Памятникъ этотъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка и, кромѣ мѣстно-историческаго значенія, имѣетъ еще обще-археологическую цѣнность. Въ немъ на ряду съ указаніями на бытовыя стороны современной ему церковной жизни

изслѣдователь, по словамъ А. П. Голубцова, найдетъ множество «остатковъ и слѣдовъ отъ старыхъ богослужебныхъ порядковъ», которые выступаютъ здѣсь съ болѣе ясными археологическими подробностями, чѣмъ въ другихъ источникахъ. Въ отдѣлѣ матеріаловъ историко-литературныхъ напечатаны: «Болгарскія народныя пѣсни, собранныя Любеномъ Каравеловымъ» (1 — 80); всего предполагается издать 199 пѣсенъ, въ этой же книгѣ ихъ пока — 91. Въ болгарскихъ пѣсняхъ, по мнѣнію собирателя, передъ читателемъ откроется новая народность, какъ единый цѣльный организмъ, «откроется болгарскій народъ, растерявшій на своемъ историческомъ пути царей, князей и бояръ, но сохранившій во всей первоначальной чистотѣ свою природную народность»; въ его пѣсняхъ цѣлый міръ, въ которомъ дошло «до нашихъ временъ много понятій и преданій глубокой древности». Изъ пѣсенъ можно видѣть, какъ удивительно близка по своимъ преданіямъ, обычаямъ, слову и образу жизни болгарская народность къ народности южно-русской. Затѣмъ помѣщено «Показаніе польскаго шляхтича Криштофа Граевскаго о своей поѣздкѣ въ Москву» (1574 — 1575 гг.) передъ литовскими вельможами, подозрѣвавшими Граевскаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ Грознымъ по поводу кандидатуры послѣдняго на польскій престолъ. Въ отдѣлѣ изслѣдованій продолжаетъ печататься работа М. Н. Сперанскаго: «Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности».

Въ концѣ помѣщенъ рядъ небольшихъ документовъ различнаго содержанія. Сюда вошли: 1) Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг.; 2) Опись дѣлъ приказа Новгородской четверти, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 г., 3) Ставропигіальный Бизюковъ монастырь и смоленскіе епископы; 4) О пустошахъ въ Рузскомъ у., принадлежавшихъ Звенигородскому Саввы-Сторожевскому монастырю (1505 — 1695 г.г.); 5) Новый списокъ хронографа Дороѳея Монемвасійскаго; 6) Къ біографіи К. Ѳ. Калайдовича; 7) Жалованныя грамоты стрѣльцамъ 6 іюня 1682 г.; 8) Лѣтопись въ концѣ одной рукописи Печерскаго Патерика 1464 г. и 9) Отчетъ о 8 присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова. Разборъ изслѣдованія И. И. Лаппо: «Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569 — 1586 гг.)», составленный С. М. Середонинымъ.

М. К.

П. Е. Щеголевъ. А. С. Грибоѣдовъ и декабристы (по архивнымъ матеріаламъ). Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1905.

До послѣдняго времени въ біографіи Грибоѣдова далеко не былъ выясненъ одинъ важный моментъ изъ жизни этого писателя, именно отношеніе его къ декабристамъ и привлеченіе къ слѣдствію о заговорѣ 14-го декабря. Этотъ пробѣлъ восполняетъ указанная книга П. Е. Щеголева. Въ ней съ высочайшаго разрѣшенія напечатано «Дѣло о Грибоѣдовѣ», извлеченное изъ государственнаго архива, гдѣ хранятся документы учрежденнаго 17-го декабря 1825 года комитета по изысканію о злоумышленныхъ обществахъ. «Дѣло о Грибоѣдовѣ» воспроизведено и фотографически: «только факсимиле, по словамъ предисловія, можетъ дать непосредственное знакомство съ порядкомъ

дѣлопроизводства», единообразнымъ для всѣхъ дѣлъ о декабристахъ; фотографія—«единственный способъ сохранить тотъ колоритъ эпохи, который вѣетъ со страницъ подлиннаго дѣла, и который исчезаетъ въ печатномъ воспроизведеніи»; кромѣ того, этимъ путемъ даются «снимки съ почерка лицъ, автографы которыхъ до сихъ поръ не были извѣстны».

Въ изданныхъ документахъ помѣщены: извлеченія изъ показаній о Грибоѣдовѣ и вопросные пункты комитета съ отвѣтами многихъ декабристовъ (относительно принадлежности Грибоѣдова къ тайному обществу), письмо Грибоѣдова къ государю, вопросные пункты и отвѣты самого Грибоѣдова, записка съ указаніемъ на заключеніе комитета и на резолюцію государя (всего 18 номеровъ, составляющихъ въ подлинникѣ 24 пронумерованныхъ листа).

Офиціальныя данныя сообщаютъ слѣдующее (передаю вкратцѣ). Поводомъ къ аресту Грибоѣдова послужили показанія князя Трубецкого и Рылѣева, сообщавшихъ, что Грибоѣдовъ былъ принятъ (могъ быть принятъ — Рылѣевъ) въ члены общества. 22-го января 1826 года онъ былъ арестованъ на Кавказѣ, въ крѣпости Грозной и съ фельдъегеремъ 11-го февраля доставленъ въ Петербургъ, гдѣ, повидимому, тотчасъ же съ него былъ снятъ допросъ. Послѣднее обстоятельство, какъ указываетъ г. Щеголевъ, рѣшительно опровергаетъ извѣстную въ литературѣ легенду о томъ, что Грибоѣдовъ при первомъ допросѣ сначала хотѣлъ было сознаться во всемъ, но потомъ, по внушенію полковника Любимова (по другой версіи—какого-то важнаго лица), въ показаніяхъ примѣнилъ обычный русскій отвѣтъ: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». 15-го февраля Грибоѣдовъ послалъ государю письмо, въ которомъ просилъ даровать ему свободу, такъ какъ онъ взятъ «по неосновательному подозрѣнію, силою величайшей несправедливости»; но письмо было оставлено безъ послѣдствій. 14-го и 19-го февраля комитетъ собиралъ показанія о Грибоѣдовѣ отъ тѣхъ лицъ, на знакомство съ которыми указалъ Грибоѣдовъ при первомъ допросѣ. Показанія были благопріятны для Грибоѣдова: опрошенные декабристы отрицали участіе его въ тайныхъ обществахъ; только показаніе князя Оболенскаго было не въ его пользу, но оно отличалось значительной неясностью. 24-го февраля Грибоѣдовъ былъ вызванъ въ комитетъ, давалъ тамъ устныя показанія, а вечеромъ написалъ отвѣты на присланные ему вопросные пункты. Комитетъ удовлетворился его объясненіями, призналъ, что Грибоѣдовъ «не принадлежалъ къ обществу и о существованіи онаго не зналъ», и представилъ государю журнальное постановленіе объ освобожденіи Грибоѣдова. Но Николай Павловичъ съ мнѣніемъ комитета почему-то не согласился и приказалъ Грибоѣдова попрежнему держать подъ стражей. Грибоѣдовъ снова былъ допрошенъ 15-го марта; новаго ничего обнаружено не было, но комитетъ не рѣшался вторично доложить государю объ освобожденіи. Только заканчивая свои занятія, комитетъ 31-го мая возобновилъ свое представленіе, на что воспослѣдовало милостивое утвержденіе. 4-го іюня Грибоѣдовъ былъ освобожденъ съ полученіемъ очистительнаго аттестата, и вскорѣ же снова уѣхалъ на Кавказъ.

Документальныя данныя г. Щеголевъ сопровождаетъ удачными обстоятельными комментаріями, умѣло пользуясь разнообразными литературными

свѣдѣніями. Такъ, напримѣръ, удачно освѣщена имъ дальновидная политика, предпринятая съ первыхъ же шаговъ слѣдствія Грибоѣдовымъ, въ отвѣтахъ и дѣйствіяхъ котораго всюду сквозилъ тонко-обдуманный расчетъ. Въ заключеніи г. Щеголевъ приходитъ къ слѣдующему выводу. «Напрашивается выводъ,—говоритъ онъ,—какъ разъ прямо противоположный сдѣланному комитетомъ. Надо думать, что Грибоѣдовъ не только идейно былъ близокъ къ декабристамъ, но и былъ избранъ ими въ члены тайнаго общества». М. К.

Царь Іоаннъ Грозный. Его царствованіе, его дѣянія, его жизнь, современники и дѣятели въ портретахъ, гравюрахъ, живописи, скульптурѣ, памятникахъ зодчества и пр. и пр. подъ редакціей Н. Головина и Л. М. Вольфа. Спб. 1905.

Существуетъ немало и прекрасно составленныхъ краткихъ, общедоступныхъ текстовъ политической и соціальной исторіи Россіи (хотя бы, напримѣръ, изданіе «Школьнаго и Библіотечнаго Дѣла»: «Общедоступные разсказы изъ русской исторіи для школы и самообразованія»), но имъ недостаетъ иллюстрацій. Между тѣмъ, наглядность обученія помогаетъ усвоенію знанія и проникаетъ за послѣднее время все болѣе и болѣе въ историческую науку.

Весьма удачнымъ является изданіе историческаго атласа къ царствованію царя Іоанна Грознаго подъ редакціей Н. Головина и Л. Вольфа. Совершенно справедливо замѣчаютъ издатели, что «въ богатой литературѣ объ Іоаннѣ Грозномъ не существовало сочиненія, въ которомъ были бы сгруппированы и размѣщены въ извѣстной системѣ копіи со всѣхъ выдающихся произведеній искусства, относящихся къ Грозному, снимки характерныхъ грамотъ его времени, виды Москвы, московскихъ храмовъ и дворцовъ его эпохи и пр. и пр.—вообще сочиненія, въ которомъ былъ бы собранъ такъ называемый иконографическій матеріалъ, имѣющій громадное значеніе, какъ наглядная иллюстрація эпохи и царствованія этого загадочнаго царя».

Въ названномъ атласѣ дѣйствительно получилась полная картина царствованія Іоанна въ гравюрахъ, портретахъ, произведеніяхъ живописи, памятникахъ зодчества и т. д. Текстъ, сопровождающій помѣщенныя въ изданіи иллюстраціи, имѣетъ цѣлью очертить какъ исторію жизни и царствованія Грознаго на основаніи новѣйшей о немъ литературы, такъ и пояснить самыя иллюстраціи.

Правда, нѣкоторые снимки съ художественныхъ оригиналовъ воспроизведены въ атласѣ не совсѣмъ удовлетворительно, но по содержанію они отвѣчаютъ самымъ серьезнымъ изслѣдованіямъ о царствованіи Іоанна Грознаго. Оригиналы для снимковъ принадлежатъ знаменитымъ художникамъ и скульпторамъ, прекрасно изучившимъ эпоху и личность царя Ивана Васильевича Грознаго. Въ атласѣ находятся копіи съ знаменитыхъ произведеній В. Васнецова и М. Антокольскаго, изображающихъ фигуру Грознаго; Н. Неврева (Іоаннъ Грозный у постели своей жены), Т. Сѣдова (Грозный любуется спящей Василисой Мелентьевой), И. Дмитріева-Оренбургскаго («Псари, по приказанію

Іоанна, хватаютъ кн. Андрея Шуйскаго», «Русскія войска вламываются въ Казань»), К. Брюлова (Осада Пскова Ст. Баторіемъ), В. Сурикова («Покореніе Сибири»), В. Шварца («Морозовъ въ шутовскомъ нарядѣ»), М. Пескова («Кулачный бой»), И. Сверчкова («Единоборство съ медвѣдемъ»), А. Новоскольцева («Опричники въ домѣ у земскаго», «Послѣднія минуты митрополита Филиппа») и Рѣпина («Убіеніе Грознымъ собственнаго сына») и т. д. Взяты весьма характерные рисунки для царствованія Іоанна Грознаго, вполнѣ соотвѣтствующіе и тексту къ нимъ.

Подобные атласы, несомнѣнно, окажуть значительную помощь при изученіи исторіи, именно со стороны наглядности, и было бы желательно имѣтъ ихъ для всей русской исторіи, а не одного ея періода, по доступной для публики цѣнѣ. **А. Фаресовъ.**

Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1905.

Очерки г. Петрищева даютъ полную и безпристрастную картину нашихъ школьныхъ порядковъ. Плачевное состояніе школы г. Петрищевъ объясняетъ тѣми принципами, которые со временъ Николая I клались въ основаніе школьнаго дѣла. Г. Петрищевъ разсматриваетъ школьные вопросы въ связи съ общимъ направленіемъ внутренней политики, и это придаетъ книгѣ большой принципіальный интересъ.

Въ первой части рѣчь идетъ о подготовкѣ учителей. Авторъ задается вопросомъ: почему у насъ нѣтъ до сихъ поръ профессіональнаго педагогическаго образованія, несмотря на то, что необходимость его давно сознана? Онъ приходитъ къ такому заключенію: «Педагогическая наука—прикладная. Цѣль ея практическая. Чтобы дѣйствительно подготовить учителей къ ихъ будущему труду, она неминуемо должна затронуть и критически взвѣсить всю совокупнусть правовыхъ и бытовыхъ условій, отъ организаціи школьныхъ библіотекъ до распечатыванія ученическихъ писемъ включительно». Но очевидно, что касаться такихъ щекотливыхъ предметовъ преподавателю педагогики рискованно, да оно и безполезно: какъ справедливо замѣчаетъ г. Петрищевъ, подобная критика едва ли можетъ возбудить въ молодыхъ людяхъ энергію и охоту къ учительской дѣятельности. Поэтому у насъ возможна только видимость педагогическаго образованія. Задача существующихъ педагогическихъ школъ: учительскихъ институтовъ и семинарій, сводится къ тому, чтобы воспитать будущихъ учителей въ духѣ строжайшей благонамѣренности. Прежде всего ихъ тщательно оберегаютъ отъ всякихъ тлетворныхъ вліяній. «Институты (учительскіе) возникли,—говоритъ г. Петрищевъ,—закрытыми учебными заведеніями и кое-гдѣ какъ бы въ намѣренномъ удаленіи отъ центровъ умственной жизни: въ Глуховѣ, а не въ Кіевѣ, въ Бѣлгородѣ, а не въ Харьковѣ, въ Ѳеодосіи, а не въ Одессѣ. Семинаріи и понынѣ считается болѣе цѣлесообразнымъ укрывать въ захолустье: вмѣсто Екатеринослава—въ Новомосковскъ, гдѣ желѣзной дороги нѣтъ; вмѣсто Орла—въ Карачевъ и т. д.».

Въ главѣ о школьной наукѣ сгруппированы взгляды руководителей нашей внутренней политики на просвѣщеніе. Нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ откро-

венны до цинизма. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ извѣстный П. И. Леонтьевъ, сыгравшій столь важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія: «необходимо всѣми силами бороться противъ народнаго образованія. Если Россія сопротивлялась еще сколько нибудь успѣшно духу времени, то этимъ мы обязаны до извѣстной степени безграмотности русскаго народа». Въ томъ же родѣ высказался въ 1896 году К. П. Побѣдоносцевъ: «безусловно вредно распространеніе народнаго образованія, ибо оно не воспитываетъ людей, не сообщаетъ умѣнія, а даетъ лишь (!) знанія и привычку логически мыслить», привычку, далеко не безполезную, добавимъ отъ себя. Любопытна эволюція правительственныхъ взглядовъ на просвѣщеніе за послѣднее столѣтіе. Въ Екатерининское время господствовали идеи Руссо, и просвѣщеніе объявлялось безсословнымъ; «несвободные люди (крѣпостные) должны имѣть право быть въ университетѣ,—говорилъ уставъ 1787 года,—такъ какъ науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобы сіе право предоставлялось только свободнымъ». Но скоро всѣ эти разсужденія были оставлены, и высшія власти начинаютъ хлопотать о томъ, чтобы сдѣлать образованіе монополіей дворянъ. Эта тенденція до того усилилась въ Николаевское время, что чуть было не загасила совсѣмъ просвѣщенія въ Россіи. Въ высшей степени характерны документальныя данныя изъ этой эпохи, приводимыя г. Петрищевымъ. Въ 1845 году Уваровъ подалъ императору докладъ о необходимости повысить плату за ученіе. «Предположенія доклада,—говоритъ г. Петрищевъ,—были значительно измѣнены покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Министръ полагалъ со столичныхъ студентовъ взимать 40 рублей въ годъ; государь назначилъ 50 рублей. Съ гимназистовъ столичныхъ государь указывалъ, вмѣсто 20 рублей, брать 30 рублей». Далѣе исторія становится еще пикантнѣе. Государь велѣлъ «сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ». Въ отвѣтъ Уваровъ пишетъ, что «по этому предмету приняты уже министерствомъ народнаго просвѣщенія мѣры рѣшительныя». Въ то же время Уваровъ выражаетъ опасеніе, какъ бы внезапное повышеніе платы за ученіе не произвело черезчуръ большого эффекта и не отпугнуло всѣхъ вообще отъ государственныхъ школъ; въ такомъ случаѣ министерство упустило бы изъ рукъ надзоръ за просвѣщеніемъ. Поэтому министръ предложилъ отсрочить увеличеніе платы на 5 лѣтъ. Государь согласился на 3 года. Черезъ 3 года это увеличеніе дѣйствительно состоялось. Гасительныя тенденціи господствовали въ министерствѣ «просвѣщенія» до самаго недавняго времени. Просвѣтительное вѣдомство питало, напримѣръ, непримиримую вражду къ «кухаркинымъ дѣтямъ». Г. Петрищевъ приводитъ характерный циркуляръ Делянова, въ которомъ гимназіямъ предлагается «освободиться отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, прачекъ, поваровъ, мелкихъ лавочниковъ и т. п. людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ».

Очень интересна въ книгѣ г. Петрищева критика пресловутой толстовской реформы. «Толстовская школа,—говоритъ г. Петрищевъ,—ввела новый и совершенно отличный отъ общепринятаго взглядъ на умственную зрѣлость.

Общепринято считать человѣка умственно зрѣлымъ и образованнымъ, если онъ вполнѣ понимаетъ методы науки и схемы современной ему мысли, и знаетъ, гдѣ ту или иную частность можно найти, и какъ этою частностью надо пользоваться. По школьному же воззрѣнію, образованъ и умственно зрѣлъ тотъ, кто схемъ современной мысли не понимаетъ, но безошибочно разсказываетъ о частностяхъ, или вѣрнѣе: хорошо и бойко повторяетъ слова, какими написанъ учебникъ». Все въ школѣ направлено къ тому, чтобы задавить въ мальчикѣ всякую самодѣятельность ума, искоренить въ немъ «привычку логически мыслить», отъ которой г. Побѣдоносцевъ ждетъ столькихъ бѣдъ. Г. Петрищевъ кратко и ясно излагаетъ зловѣщій смыслъ реформы Д. Толстого. «Обиліе не столько фактическаго, сколько словеснаго матеріала,—говоритъ г. Петрищевъ,—ставитъ работу ученика въ строго опредѣленныя рамки. Разъ попалъ въ школу, заняться «посторонними дѣлами» или унестись «въ заоблачныя мечтанія о предметахъ соціальныхъ»—некогда». Далѣе (и это самое главное), «мысль, прикованная ко множеству частностей, «куда-зря» не летитъ. И чѣмъ больше ее держатъ подъ давленіемъ мелочей, тѣмъ тѣснѣе суживается ея кругозоръ, тѣмъ значительнѣе утрачиваетъ она перспективы. Въ концѣ концовъ наступаетъ то особенное состояніе психической близорукости, о которомъ говорятъ: изъ-за деревьевъ человѣкъ пересталъ видѣть лѣсъ». Наконецъ, «программа, составленная сплошь изъ частностей, очень удобна для контроля».

Въ дальнѣйшихъ главахъ описываются современные школьные нравы: говорится объ отношеніяхъ учителя къ начальству и къ ученикамъ, о націонализмѣ въ школѣ, о дисциплинѣ. Свои положенія г. Петрищевъ иллюстрируетъ примѣрами изъ собственной практики и изъ слышаннаго отъ коллегъ за время болѣе чѣмъ двадцатилѣтней педагогической дѣятельности. Все это ярко, живо, интересно и весьма поучительно. **Ал. О.**

Н. В. Лысогорскій. Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель. Ростовъ на Дону. 1905.

Несмотря на то, что митрополитъ Платонъ, какъ выдающаяся и даровитая личность, приковывалъ къ себѣ вниманіе многихъ историковъ, однако наша церковно-историческая наука до настоящаго времени не имѣла спеціальнаго изслѣдованія о противораскольничьей его дѣятельности. Вся наличная литература, касающаяся прямымъ и косвеннымъ путемъ дѣятельности митрополита Платона противъ раскола, настолько незначительна и безцвѣтна, что далеко не можетъ удовлетворить читателя, интересующагося противораскольничьей дѣятельностью такого знаменитаго іерарха русской церкви, какъ митрополитъ Платонъ. Между тѣмъ дѣятельность митрополита Платона по данному вопросу заслуживаетъ по своимъ основнымъ принципамъ особеннаго вниманія, а тѣмъ болѣе въ данное время, когда (17-го апрѣля 1905 г.) послѣдовалъ высочайшій указъ о дарованіи раскольникамъ религіозной свободы. Такимъ образомъ появленіе въ свѣтъ книги Н. Лысогорскаго кстати и желательно. Отличаясь серьезно научнымъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ, она пред-

ставляетъ капитальный трудъ, для составленія котораго авторъ съ большой затратой времени воспользовался въ широкомъ видѣ главнымъ образомъ разбросанными по разнымъ архивамъ нетронутыми рукописями. Нельзя не признать достоинства труда и въ томъ, что авторъ, стараясь придать ему документальный характеръ, снабдилъ его не всякому доступными выписками изъ первоисточниковъ (въ количествѣ 114), на основаніи которыхъ читатель имѣетъ возможность провѣрить выводы и заключенія Н. Лысогорскаго. Весь матеріалъ, почерпнутый изъ первоисточниковъ, авторъ освѣтилъ и отдѣлилъ существенное отъ ненужнаго, можно сказать, вполнѣ удачно, проявивъ при этомъ широкую самостоятельность и критическій тактъ. Благодаря живому и занимательному изложенію предмета, книга читается легко и съ увлеченіемъ.

Вообще, трудъ Н. Лысогорскаго, по совокупности всѣхъ достоинствъ, долженъ занять въ церковно-исторической наукѣ заслуженное мѣсто, а по данному вопросу — первенствующее. Онъ можетъ быть рекомендованъ, какъ православному, такъ и раскольнику, интересующемуся предложеннымъ вопросомъ, такъ какъ въ немъ тотъ и другой найдутъ для себя много интересныхъ свѣдѣній примирительнаго характера православія съ расколомъ на евангельской и исторической почвѣ.

Внѣшняя сторона книги вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству: бумага прекрасная, печать крупная и отчетливая. Рисунки воспроизведены безукоризненно, что слѣдуетъ тѣмъ болѣе принять во вниманіе, что книга печаталась въ провинціальномъ городѣ. **Н. Орфеевъ.**

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 35-й. Тифлисъ. 1905.

«Едва ли есть такая область науки,—говорилъ проф. В. Ѳ. Миллеръ по поводу первыхъ выпусковъ «Сборника матеріаловъ»,—по отношенію къ которой Кавказъ не представлялъ бы высокаго интереса... Но,—прибавляетъ онъ,—безъ энергическаго содѣйствія мѣстнаго общества никакія ученыя временныя экспедиціи не въ состояніи достигнуть большихъ результатовъ. То, что заѣзжимъ ученымъ дается съ крайнимъ трудомъ, можетъ быть сравнительно легко достигнуто дѣятельностью мѣстныхъ жителей. Необходимо только, чтобы «добровольцы» науки знали, что для нея пригодно, и какъ слѣдуетъ приняться за дѣло; нужно, чтобы они сознавали, что все, что ихъ окружаетъ, что они видятъ повседневно, можетъ быть интереснымъ матеріаломъ, если его собрать умѣючи и изложить, только не мудрствуя лукаво и не уклоняясь въ область личныхъ догадокъ и скороспѣлыхъ заключеній»...

Слѣдуетъ помнить эту точку зрѣнія проф. Миллера. Вышедшій 35-й выпускъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ историко-археологическіе труды г.г. Такайшвили и Джанашвили.

Первому изъ нихъ принадлежатъ три статьи по археологіи. Въ первой изъ нихъ («Зарзмскій монастырь, его реставрація и фрески») авторъ даетъ описа-

ніе замѣчательнаго памятника церковной грузинской архитектуры, со снимками надписей и нѣкоторыхъ фресковыхъ изображеній, знакомитъ съ его исторіей и съ ходомъ нынѣшней реставраціи; опредѣляетъ эпоху первоначальной постройки монастыря (X в.); приводитъ описаніе стѣнной росписи. Вторая и третья статьи посвящены описанію монастырей: Сафарскаго и Дчулеби. Г-ну Джанашвили принадлежитъ обширная статья, посвященная изслѣдованію лѣтописи «Картлисъ Цховреба» («Жизнь Грузіи»). Авторъ даетъ сначала общія свѣдѣнія о «Картлисъ Цховреба», затѣмъ указываетъ ея источники, разсматриваетъ вошедшія въ «Картлисъ Цховреба» легенды и преданія о начальномъ періодѣ грузинской исторіи, наконецъ изслѣдуетъ языкъ памятника, указывая замѣчаемыя въ немъ различныя искаженія и упущенія «Картлисъ Цховреба» состоитъ изъ двухъ частей: въ первой заключаются свѣдѣнія о событіяхъ грузинской исторіи до 1469 года, во второй—съ 1469 г. по 1800 годъ. Обѣ эти части и по языку изложенія и по составу вошедшихъ въ нихъ монографій и хроникъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. Языкъ первой части въ общемъ древне-книжный, мѣстами архаическій, а языкъ второй части—литературно-народный. Авторы хроникъ первой части, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, неизвѣстны намъ, такъ какъ они скрываютъ свои имена; объ авторахъ же второй части мы имѣемъ достаточныя біографическія свѣдѣнія. Въ «Сборникѣ» напечатанъ еще большой трудъ г Дирра: «Грамматическій очеркъ табассаранскаго языка». Языкомъ этимъ говоритъ небольшое племя, приблизительно въ 27.000 душъ, живущее въ восточномъ Дагестанѣ, на западъ отъ г. Дербента, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Рубасъ-чая. Среди работъ, имѣющихъ характеръ научнаго матеріала, въ 35-мъ выпускѣ «Сборника» помѣщены и двѣ статьи туристовъ: г. Гана и г. Дѣвицкаго. Г. Дѣвицкій, не вдаваясь въ археологическія изысканія, даетъ внѣшнее описаніе нѣкоторыхъ памятниковъ (развалины церквей и крѣпостей), разбросанныхъ въ Посховскомъ участкѣ (въ сѣверной части Ардаганскаго округа). Хотя грузинскіе памятники этого участка были уже ранѣе описаны графиней П. С. Уваровой, тѣмъ не менѣе и статья г. Дѣвицкаго не лишена интереса: у него, напримѣръ, мы встрѣчаемъ болѣе подробное описаніе развалинъ крѣпости Мере и церкви, о которыхъ кратко упоминаетъ графиня Уварова.

Интересъ статьи г. Гана: «Поѣздка къ верховьямъ Большой Ліахвы и Ксанки», заключается въ описаніи природы мало еще изслѣдованнаго другими путешественниками интереснаго уголка Кавказа. Въ статьѣ собранъ небольшой матеріалъ, касающійся осетинъ, ихъ языка и быта, который не представляетъ ничего новаго, сравнительно съ уже извѣстными свѣдѣніями объ этомъ народѣ. Резюмируя немногочисленныя данныя своего краткаго этнографическаго очерка, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «У осетинъ, хотя въ ихъ языкѣ и обычаяхъ есть много общаго съ индо-германскими народами, мы находимъ также много элементовъ чуждыхъ индо-германскимъ народамъ,—такихъ элементовъ въ которыхъ сказывается соприкосновеніе съ другими не индо-германскими народами, и которые нужно объяснить вліяніемъ послѣднихъ».

Второй отдѣлъ «Сборника» посвященъ фольклору Кавказа. Здѣсь мы находимъ нѣсколько интересныхъ сказокъ, записанныхъ въ Темиргоевскомъ аулѣ

Кубанской области, нѣсколько татарскихъ дѣтскихъ сказокъ, записанныхъ въ городѣ Нухѣ, и три произведенія грузинской народной словесности. Этому отдѣлу предпослана небольшая руководящая статья редактора отдѣла, г. Богоявленскаго.

А. Х—въ.

Извѣстія Кавказскаго отдѣленія императорскаго Московскаго археологическаго общества. Вып. I. Тифлисъ. 1905.

Книжка дѣлится на два отдѣла. Въ первомъ помѣщены отдѣльныя статьи по археологіи Кавказа, во второмъ — протоколы засѣданій отдѣленія, рѣчи, некрологи и замѣтки. Изъ 10 статей перваго отдѣла 8 принадлежатъ Е. С. Такайшвили. Въ первой статьѣ: «Грузинскіе памятники окрестностей Бѣлаго Ключа», авторъ даетъ подробныя описанія церквей Бѣлаго Ключа — амливской, мацеванской, чхикатскихъ, абелійской, теръ-гебульской, гударехскихъ и самшвильдскихъ.

Статья «Мемуары Захарія Акулисскаго» принадлежитъ А. А. Калантару, который приводитъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ мемуаровъ и даетъ выдержки, къ сожалѣнію, весьма краткія, изъ этого интереснаго дневника. Захарій родился въ 1630 г., умеръ въ 1690 г. Мемуары начинаются съ путешествія Захарія за границу въ 1647 г. Дневникъ Захарія имѣетъ значеніе не только для кавказской, но и для русской и персидской исторіи. Такъ, напримѣръ, Захарій упоминаетъ о нападеніи казаковъ на囘ештъ, указываетъ на распоряженія персидскихъ царей, на путешествіе въ Персію грузинскаго царя Шахъ-Наваза I.

Статья М. Е Сагателова: «Археологическія находки въ ур. Джелалъ-Оглы», заключаетъ въ себѣ описаніе шести могилъ въ видѣ ящиковъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ, въ которыхъ были найдены бронзовыя вещи: сѣкира, браслеты, наконечники стрѣлъ, кольца и бусы. Къ статьѣ приложены и рисунки сохранившихся находокъ.

Слѣдующая статья Е. Такайшвили: «Грузинскія надписи на археологическихъ предметахъ, хранящихся въ Кавказскомъ музеѣ въ Тифлисѣ», заключаетъ въ себѣ описаніе 12 предметовъ и разборъ ихъ надписей. Къ этимъ предметамъ относятся: барельефъ Ашота Великаго († 826) изъ Опизы, надписи на камняхъ изъ развалинъ монастыря Порты, камень съ изображеніемъ Іоанна Крестителя, обломокъ камня изъ Армаза, обломокъ камня изъ Хунзаха, два камня изъ Абастумана, мѣдный левъ изъ Хевсуретіи, надпись фаянсовой чаши царя Ираклія II, три обломка позолоченной серебряной обшивки отъ образа св. Андрея, мѣдный крестъ и глиняный кувшинъ изъ Абастумана. Почти всѣ эти описанія сопровождаются рисунками. Барельефъ изъ Опизы относится къ началу IX вѣка и представляетъ изображенія Багратида Ашота Великаго, Спасителя и царя-пророка Давида.

Во второмъ отдѣлѣ книжки, кромѣ протоколовъ засѣданій отдѣла, помѣмѣщены: рѣчь графини П. С. Уваровой предъ открытіемъ кавказскаго отдѣленія императорскаго Московскаго археологическаго общества, 21-го октября 1901 года, съ подробнымъ изложеніемъ задачъ, которыми должно заняться

отдѣленіе; 2) краткій некрологъ извѣстнаго кавказовѣда Александра Давидовича Ерицова, составленный бывшимъ секретаремъ отдѣленія, Б. А. Навасардіаномъ; 3) извлеченіе изъ статьи С. Н. Шульгина о Шамилѣ; 4) замѣтка насчетъ раскопокъ въ Сусѣ (по Вильзе, изъ журнала «Globus», № 19, 1903 г.) Л. Л.; 5) «Ванскія клинообразныя надписи» (выдержки изъ статьи профессора Сейса, переведенной въ армянскомъ журналѣ «Банасеръ», №№ 8—9, Парижъ, 1902 г.) А. И. Туманова. А. Х—въ.

Лысковъ. А. П. Чеховъ въ пониманіи критики. Матеріалы для характеристики его творчества. М. 1905.

За послѣднее время особенное распространеніе получаютъ сборники критическихъ статей о томъ или другомъ писателѣ. Читатель теперь значительно выросъ: онъ не довольствуется личнымъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ чтенія того или иного произведенія, а стремится познакомиться съ критической литературой, съ тѣми взглядами, которые существуютъ въ ней на писателя, на его творчество, и этимъ путемъ выработать свой личный взглядъ. Авторъ этой книги, идя на встрѣчу этой потребности, поставилъ себѣ задачею—дать экстрактъ различныхъ критическихъ статей о Чеховѣ. Самая мысль заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, вниманія: Чеховъ представлялъ наиболѣе яркую, самобытную величину среди нашихъ молодыхъ писателей. Но работа выполнена Лысковымъ настолько небрежно, что дѣлаетъ его трудъ совершенно непригоднымъ для той цѣли, для которой онъ предназначенъ.

Составленіе подобныхъ сборниковъ совсѣмъ не такое легкое дѣло, какъ представлялъ его себѣ Лысковъ; оно требуетъ извѣстнаго знанія и навыка. На изданіе такихъ сборниковъ существуютъ самые разнообразные взгляды. Одни требуютъ, чтобы статьи помѣщались всѣ безъ исключенія, другіе, чтобы—только наиболѣе цѣнныя и имѣющія извѣстное значеніе. Противоположно смотрятъ и на вопросъ, какъ должны быть помѣщены статьи—цѣликомъ или съ выпусками, или же только экстрактъ ихъ. Также спорнымъ является вопросъ, долженъ ли составитель сборника путемъ примѣчаній разъяснять противорѣчія критическихъ взглядовъ, давать оцѣнку помѣщенныхъ имъ критическихъ статей, и тѣмъ руководить читателемъ, или же онъ долженъ давать только матеріалъ, предоставляя читателю самому разобраться въ немъ.

Лысковъ, очевидно совершенно, не знакомый съ дѣломъ, за которое онъ принялся, съ тѣми взглядами, которые существуютъ на изданіе подобныхъ трудовъ, взялся за составленіе его безъ всякаго опредѣленнаго плана. Заявляя довольно наивно для человѣка, литературно образованнаго, какимъ, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя авторъ, что у насъ совсѣмъ нѣтъ библіографическихъ обзоровъ (упоминается лишь одна работа Острогорскаго о Пушкинѣ), Лысковъ совершенно выпускаетъ изъ виду извѣстные сборники, составленные Зелинскимъ, а между тѣмъ даже поверхностное знакомство съ ними удержало бы составителя отъ тѣхъ промаховъ, которые онъ сдѣлалъ. Сборники Зелинскаго составлены по строго намѣченной программѣ. Здѣсь мы можемъ гово-

рить и порицать самую систему, выбранную составителемъ, но не самые сборники. Къ сожалѣнію, того же мы не можемъ сказать о трудѣ Лыскова. Помимо того, что составитель не придерживается совершенно никакой системы, самый его трудъ составленъ небрежно, обнаруживаетъ въ авторѣ полнѣйшее незнакомство съ самыми элементарными требованіями библіографіи.

Поставивъ цѣлью—дать въ своей книгѣ рядъ тезисовъ, заботясь о полнотѣ и правдивости ихъ изложенія, стараясь удержать въ передачѣ даже и второстепенныя мысли, авторъ, какъ замѣчено раньше, даетъ экстрактъ статей. Уже не говоря о томъ, что часто бываетъ очень трудно точно передать со всѣми оттѣнками мысль автора, отдѣлить важное отъ второстепеннаго, подобная работа уже тѣмъ несовершенна, что рядъ положеній не позволяетъ послѣдовательно слѣдить за мыслью критика, опредѣлить тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ смотритъ на писателя, не даетъ цѣльности, которая получается при чтеніи самой статьи. Что же касается выполненія работы, то опять таки приходится указать, что отсутствіе опредѣленной системы служитъ причиной недостатковъ труда Лыскова. Составитель долженъ дать или всѣ статьи или въ выборѣ ихъ руководиться какимъ либо опредѣленнымъ планомъ, какъ, напримѣръ, давать статьи, которыя являются выразителями того или иного взгляда на писателя, или цѣнныя по какимъ либо другимъ соображеніямъ. Но послѣдняго совершенно незамѣтно въ трудѣ Лыскова. Наряду со статьями, не имѣющими никакого значенія, или же касающимися слишкомъ спеціальнаго вопроса, какъ, напримѣръ: Задера—«Медицинскіе дѣятели въ произведеніяхъ А. П. Чехова», Сумцова—«О типѣ ученаго въ разсказѣ «Скучная исторія», не помѣщены статьи, которыя имѣютъ широкое значеніе. Такъ, совершенно не упомянута такъ нашумѣвшая статья Евг. Ляцкаго въ «Вѣстникѣ Европы» (1904, I), въ которой критикъ пытался подвести итогъ литературной дѣятельности Чехова, опредѣлить его историко-литературную роль. Зато преисправно приведены всѣ мелкія замѣтки Сементковскаго изъ «Литературныхъ приложеній» къ «Нивѣ». На статьи, появившіяся послѣ смерти Чехова, необходимо было обратить больше всего вниманія, такъ какъ въ нихъ даются представителями самыхъ разнообразныхъ литературныхъ взглядовъ, критическихъ школъ попытки подвести итогъ дѣятельности Чехова, указать ему мѣсто на ряду съ предшественниками, выяснить его историко-литературное значеніе. Между тѣмъ, статьи, относящіяся къ этому времени, выбраны совершенно случайно, отсутствуютъ такія цѣнныя, какъ, напримѣръ, статья профессора Овсянико-Куликовскаго — отъ «Мертвыхъ душъ» до «Вишневаго сада» («Южн. Зап.», 1904, № 39).

Кромѣ этихъ большихъ недостатковъ, въ трудѣ Лыскова масса мелкихъ, обнаруживающихъ поразительную небрежность составителя. Такъ, напримѣръ, при отдѣльныхъ брошюрахъ и книгахъ не указано мѣсто ихъ изданія и даже годъ, что̀ имѣетъ большое значеніе (стр. 74, 118, 130, 139, 170, 207, 210, 215); нѣкоторыя статьи не указаны, гдѣ помѣщены (стр. 95 и 144). Подобные недостатки и недосмотры были бы совершенно немыслимы, если бы составитель болѣе серьезно отнесся къ своей работѣ, былъ бы знакомъ съ требованіями отъ библіографической работы.

Не говоря уже о томъ, что этотъ сборникъ не имѣетъ никакого научнаго значенія, неминуемо связаннаго со всякимъ добросовѣстно составленнымъ трудомъ по библіографіи, онъ совершенно не выполняетъ своей прямой задачи—путемъ знакомства съ критическими статьями помочь читателю уяснить сущность и историко-литературное значеніе творчества Чехова.

А. Фоминъ.

В. Чернышевъ. Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Спб. 1904.

Эпоха гоненій на христіанъ въ Римской имперіи разносторонне обслѣдована въ церковно-исторической литературѣ не только иностранной, но и русской. Изъ русскихъ трудовъ достаточно упомянуть историческіе очерки о гоненіи, принадлежащіе московскому профессору А. П. Лебедеву и составляющіе истинное украшеніе полнаго собранія церковно-историческихъ сочиненій почтеннаго автора. Но эпоха гоненій имѣетъ такой захватывающій интересъ, что и варіація старыхъ свѣдѣній на новый ладъ можетъ оказаться не безполезной, особенно въ виду спеціальнаго назначенія. Въ этомъ и можно усматривать мотивъ появленія въ свѣтъ отмѣченныхъ очерковъ г. Чернышева, имѣющихъ «общедоступный» характеръ. Дѣйствительно, очерки г. Чернышева написаны просто, легко и складно, поэтому представляются пригодными для распространенія среди невзыскательныхъ читателей. Но напрасно было бы искать здѣсь полнаго соотвѣтствія новѣйшимъ научнымъ даннымъ или широкаго знакомства съ литературой предмета. Въ изданіи всего шесть очерковъ слѣдующаго содержанія: «Первое распространеніе христіанства, Римское государство и римскій народъ», «Гоненіе на христіанъ при Неронѣ», «Римъ и римское населеніе около перваго гоненія, жизнь язычниковъ и христіанъ», «Послѣдующія гоненія», «Христіанскіе мученики», «Дѣятельность церкви, Константинъ Великій и торжество православія». Очерки не безъ интереса могутъ читаться и въ элементарныхъ школахъ. **Z.**

Н. Бѣлозерскій. Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ. Спб. 1905.

Въ началѣ (на 5—12 стр.) данъ краткій біографическій очеркъ А. П. Щапова и затѣмъ статья (на 15—32 стр.): «А. П. Щаповъ, какъ педагогъ», напечатанная ранѣе въ журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія» за 1900 годъ.

Въ этой статьѣ идетъ рѣчь не о дѣятельности А. П. Щапова, какъ педагога, а о его педагогическихъ идеалахъ, какъ историка-публициста.

Надо думать, брошюра г. Бѣлозерскаго о забытомъ публицистѣ и историкѣ прочтется съ пользой и интересомъ, хотя она не заключаетъ въ себѣ ничего новаго.

Къ книжкѣ приложенъ плохой по исполненію портретъ А. П. Щапова.

В—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОТКРЫТІЕ **викингова корабля въ Норвегіи.** Въ норвежской исторіи видное мѣсто занимаетъ старинное графство Вестфольдъ на западномъ берегу фіорда Христіаніи. Соединенный съ древнѣйшими традиціями страны, Вестфольдъ игралъ значительную роль въ драматическихъ событіяхъ эпохи сагъ, но впослѣдствіи въ теченіе четырехъ столѣтій, протекшихъ въ то время, когда Норвегія была присоединена къ Даніи, онъ даже по имени совершенно исчезъ. Когда послѣ введенія конституціи 1814 года проявился громадный интересъ къ норвежскимъ древностямъ, то Вестфольдъ оказался во главѣ всей страны, и въ 1880 году найдено было замѣчательное сокровище среди норвежскихъ древностей, именно знаменитый Гокстадскій корабль викинговъ. Однако Вестфольдъ хранилъ еще поразительнѣе подарокъ: въ 1903 году открытъ въ Осбергѣ такой же, а, по мнѣнію экспертовъ, еще болѣе замѣчательный остовъ викингова корабля. Норвежскіе археологи С. Гаммеръ и Гааконъ Нигусъ описываютъ[1]) въ сентябрьской книжкѣ «Century Magazine» это открытіе, имѣющее романическій характеръ. Много лѣтъ тому назадъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ полагали, что Осбергскій холмъ заключаетъ въ себѣ историческія древности, но эти толки такъ и замерли, потому что никто не произвелъ необходимыхъ изслѣдованій. Позднѣе одинъ фермеръ, вскапывая землю, нашелъ торчавшій остроконечный кусокъ дубоваго дерева. Этого фермера звали Іоганесъ Хермансенъ; онъ очень пристрастился къ своей раскопкѣ и увѣрялъ

---

[1]) The viking ship found at Osberg; by Haakon Nyhuss. «Century Magazine». September. 1905.

сосѣдей, что тутъ должно быть скрыто что нибудь замѣчательное. Лѣтъ черезъ пять послѣ этого ему случилось поѣхать въ Америку и пробыть тамъ цѣлую зиму. Возвратившись въ Норвегію, онъ разсказалъ сосѣдямъ странную исторію объ одной цыганкѣ, живущей въ Бруклинѣ, близъ Нью-Іорка. Она была извѣстна всѣмъ норвежскимъ колонистамъ, и однажды Іоганнъ просилъ ее предсказать ему будущее. «Чего ты добиваешься въ Америкѣ?»—спросила цыганка. «Того же, что всѣ—денегъ»,—отвѣчалъ Іоганнъ.—«Такъ тебѣ незачѣмъ оставаться здѣсь. У тебя дома скрывается множество сокровищъ: стоитъ тебѣ только раскопать курганъ, который находится близъ твоей фермы. Хотѣлъ бы ты видѣть этотъ курганъ?» На его утвердительный отвѣтъ цыганка принесла сосудъ, полный воды, и велѣла ему пристально смотрѣть въ нее. Дѣйствительно, ему представился въ водѣ его домъ и древній курганъ. Этотъ разсказъ заставилъ сосѣдей заподозрѣть въ Іоганнѣ сумасшедшаго, но онъ принялся немедленно за дальнѣйшія раскопки. Однако, вскорѣ онъ прекратилъ свою работу и взялся за раскопку сосѣдняго кургана, увѣряя, что онъ ночью видѣлъ какой-то призракъ, который указывалъ ему именно на этотъ курганъ. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, и Осбергская ферма со стариннымъ курганомъ перешла къ теперешнему ея владѣльцу за 1.600 долларовъ. Онъ былъ сосѣдомъ Іоганна и часто отъ него слышалъ разсказы о курганѣ, поэтому онъ немедленно принялся за раскопку и добрался до боковой части корабля, скрытаго въ землѣ. Тутъ онъ нашелъ неудобнымъ рыть далѣе курганъ за свой счетъ и донесъ о находкѣ университету въ Христіаніи, который послалъ туда профессора Г. Густавсона. Это было въ августѣ 1903 года. Послѣ предварительныхъ изслѣдованій было удостовѣрено, что открытіе имѣло глубокій научный интересъ, но въ этомъ году оказалось поздно продолжать работы, и курганъ снова засыпали. Слѣдующей весной было приступлено къ раскопкѣ, и къ декабрю корабль былъ окончательно отрытъ. На рождественскихъ праздникахъ корабль, или, лучше сказать, многочисленныя его части были привезены въ Христіанію и временно помѣщены въ арсеналъ, находящійся въ старинномъ замкѣ Акергусѣ. На основаніи предварительныхъ изслѣдованій 1903 года профессоръ Густавсонъ предполагалъ, что величина этого корабля была не болѣе того, который найденъ въ Гокстадѣ, именно: сто три фута длины и десять футовъ ширины. Впослѣдствіи оказалось, что длина корабля меньше, а ширина болѣе, такъ что между ними было значительное несоотвѣтствіе. На днѣ корабля было нѣсколько значительныхъ проломовъ, и по этой причинѣ не представлялось возможности вынуть корабль цѣликомъ; его достали изъ земли частями, которыя придется сложить вмѣстѣ. Конечно, не достанетъ нѣкоторыхъ кусковъ, и весь корабль не будетъ въ столь хорошо сохраненномъ видѣ, какъ гокстадскій, но, съ другой стороны, онъ безспорно превосходитъ его во внѣшнихъ украшеніяхъ. Вообще, наибольшій интересъ новой находки представляется въ различныхъ предметахъ, найденныхъ на кораблѣ, замѣчательныхъ по своему богатству и разнообразію. Между прочимъ, найденъ цѣлый ткацкій станокъ съ тканью, похожей по своимъ рисункамъ на знаменитую ткань Байё, сани съ изящными украшеніями, всякаго рода орудія и, наконецъ, экипажъ, представляющій образецъ рѣдкаго искусства. На немъ не находится ни одного оружія,

что можетъ быть объяснено неоднократнымъ воровствомъ. Профессоръ Густавсонъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ развилъ очень вѣроятную теорію, что въ этомъ кораблѣ похоронена женщина, и потому ясно, отчего въ немъ нѣтъ никакого оружія. Среди различныхъ остатковъ, найденныхъ на кораблѣ, оказались человѣческія кости, и, судя по ихъ конструкціи, онѣ принадлежали женщинѣ. Съ археологической точки зрѣнія, самая естественная гипотеза заключается въ томъ, что этотъ корабль былъ гробницей мужчины и женщины. Что двое лицъ было похоронено въ этомъ кораблѣ, доказывается найденными двумя черепами и двумя нижними скулами. Въ этомъ же курганѣ отысканъ еще скелетъ лошади и даже внутренности вола, въ которыхъ еще сохранилась трава. Присутствіе возлѣ мужскихъ костей и женскихъ поддерживаетъ предположеніе, что въ доисторическую эпоху въ Норвегіи сжигали или приносили въ жертву вдовъ. Очевидецъ Ибнъ-Фоцланъ, посланникъ калифа багдадскаго къ могущественному владѣтелю, именуемому царемъ болгарскимъ, графически описываетъ похороны скандинавскаго вождя на берегу Волги въ 920 году послѣ Р. Х., и это любопытное описаніе дошло до насъ. Судя по найденнымъ въ Осбергѣ различнымъ предметамъ, можно возстановить похороны, описанныя багдадскимъ посланникомъ. Самъ корабль, со всѣмъ, что въ немъ заключается, совершенно подтвердилъ бы свою старинную исторію, если бы было окончательно доказано, что отысканныя кости дѣйствительно принадлежатъ мужчинѣ и женщинѣ. Найденный корабль еще тѣмъ замѣчателенъ, что онъ совершенно подходитъ къ кораблямъ, описаннымъ въ Одиссеѣ, а что подобныя суда могли плавать по океану, доказано тѣмъ, что въ 1893 году точная копія съ Гокстадскаго корабля благополучно переплыла черезъ Атлантическій океанъ и была одной изъ рѣдкостей всемірной выставки въ Чикаго. Надо еще прибавить, что археологи всѣхъ странъ ожидаютъ съ живѣйшимъ любопытствомъ конечнаго результата раскопокъ въ Осбергѣ.

— **Бѣлый терроръ Иннокентія III.** Ученый французскій историкъ, Ашиль Люшэръ, написалъ о папѣ Иннокентіи III блестящую книгу, въ которой онъ прэдставилъ этого знаменитаго папу, какъ итальянскаго государя и какъ свѣтскаго римскаго первосвященника, организатора римской куріи и правителя христіанскаго міра. Въ этомъ любопытномъ, основательномъ и документальномъ сочиненіи Иннокентій III казался настоящимъ великимъ человѣкомъ, но читатель невольно думалъ, закрывая этотъ ученый трудъ: «Хорошо, очень хорошо, но вѣдь Иннокентій III былъ въ то же время папой крестоваго похода противъ альбигойцевъ; неужели Люшэръ хочетъ отъ насъ скрыть самую несимпатичную сторону его героя?» Авторъ этого совсѣмъ не хотѣлъ, въ доказательство чего онъ недавно издалъ второй и окончательный томъ исторіи своего любимаго папы, подъ особымъ названіемъ: «Иннокентій III и крестовый походъ на альбигойцевъ» [1]). Теперь фигура Иннокентія III является не симпатичной и, надо признаться, далеко не столь разумной. Авторъ пишетъ его характеристику, какъ проповѣдника крестоваго похода на альбигойцевъ, совершенно безпристрастно, и въ этомъ отношеніи Люшэръ, по справедливому за-

---

[1]) Innocent III et la croisade des Albigeois, par Achille Luchaire. Paris. 1905.

мѣчанію одного изъ лучшихъ современныхъ критиковъ, Эмиля Фагэ, «является не историкомъ, а олицетвореніемъ исторіи». Положеніе южной Франціи въ концѣ XII вѣка представлялось довольно оригинальнымъ и своеобразнымъ: князья и высшіе феодалы были легкомыслены и преданы исключительно искусству и литературѣ; духовенство было глубоко развращено расточительностью и роскошью; народъ отличался веселостью, беззаботностью и необыкновенной вѣротерпимостью, такъ что рядомъ съ католической церковью существовали различныя секты. Главною изъ нихъ была альбигойская, получившая свое названіе отъ жителей города Альби. Эта секта приняла свое ученіе отъ другихъ еретиковъ, носившихъ названіе катаровъ и имѣвшихъ большое сходство съ болгарскими богомилами. Главное основаніе ученія альбигойцевъ такъ же, какъ катаровъ и богомиловъ, заключалось въ томъ, что міръ управлялся двумя началами: добрымъ и злымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они отвергали всѣ внѣшніе церковные догматы, обряды, таинства и іерархію; при этомъ они проповѣдывали воздержаніе, нестяжаніе и нищету. Вообще эта секта придерживалась первоначальныхъ христіанскихъ принциповъ, а отчасти стремилась къ коммунизму и заключала въ себѣ зачатки протестантизма. Не удивительно, что это ученіе сильно не нравилось католической церкви и большинству феодаловъ, такъ какъ альбигойцы держались строгой нравственности. Противъ нихъ-то папа Иннокентій III установилъ инквизицію, проповѣдывалъ крестовый походъ и напустилъ на нихъ бароновъ сѣверной Европы: нѣмецкихъ и французскихъ. Его идеи не были варварскія, и онъ понималъ простую, смиренную религіозность такъ называемыхъ еретиковъ, а потому онъ писалъ одному архіепископу: «Конечно, нельзя терпѣть ереси, но не надо также не поощрять религіознаго духа въ людяхъ смиренныхъ; если чрезмѣрная терпимость можетъ усилить смѣлость еретиковъ, берегитесь также отчудить отъ насъ нетерпимостью души простыхъ людей, согрѣшившихъ по незнанію. Изъ простыхъ, наивныхъ умовъ мы преслѣдованіями можемъ сдѣлать еретиковъ. Просвѣщайте ихъ, учите ихъ, старайтесь подѣйствовать аргументами и увѣщаніями, чтобы они оставили свои заблужденія». Такимъ образомъ, программа папы сначала носила, по выраженію Люшэра, полумирный характеръ. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ старался съ одной стороны черезъ лангедокскихъ бароновъ поддержать церковь и уничтожить ересь, а съ другой—вліять на развратныхъ и скандальныхъ слугъ церкви, умножавшихъ только своимъ дурнымъ примѣромъ нравственныхъ еретиковъ. Но, наконецъ, не видя результата мирной пропаганды, онъ сталъ проповѣдывать крестовый походъ съ сѣвера на югъ, и точно такъ же, какъ во время крестовыхъ походовъ на востокѣ, основалъ свою проповѣдь на индульгенціяхъ. Только теперь отпущеніе грѣховъ обѣщалось за дикій грабежъ и истребленіе сосѣдей въ богатыхъ провинціяхъ, подъ бокомъ у кровожадныхъ бароновъ. Когда Иннокентій III вполнѣ разошелся въ своемъ жестокомъ преслѣдованіи альбигойцевъ, то, въ сущности, онъ преслѣдовалъ въ еретикахъ южной Франціи итальянскія ереси. Къ тому же онъ шелъ гораздо далѣе, чѣмъ этого желалъ, благодаря безграничной жестокости Симона Монфора и его товарищей. Въ книгѣ Люшэра мы находимъ прекрасную характеристику этого хладнокровнаго губителя людей. Симонъ Монфоръ былъ человѣкомъ честолюбивымъ, рѣши-

тельнымъ и упорнымъ въ достиженіи своей цѣли, а эта цѣль была: завладѣть Лангедокомъ и утвердить тамъ самое правовѣрное католичество. Кромѣ того, онъ отличался строгой нравственностью и былъ человѣкомъ добрымъ, милосерднымъ, что, однако, не мѣшало ему быть самымъ жестокимъ гонителемъ и истребителемъ не только людей, но и цѣлыхъ національностей. Преданный слуга папы, онъ шелъ далѣе его въ крестовомъ походѣ на альбигойцевъ: папа хотѣлъ уничтожить только ересь, а Симонъ Монфоръ стремился уничтожить своего соперника по владѣнію Лангедокомъ, графа Тулузскаго, и всѣхъ альбигойцевъ. Папа, хотя воевалъ съ Раймундомъ VII, графомъ Тулузскимъ, но хотѣлъ послѣ пораженія его примириться съ нимъ, не признавая его виновнымъ въ убійствѣ своего легата Кастельно, изъ-за котораго загорѣлся весь сыръ-боръ. Въ 1213 году онъ даже объявилъ альбигойскій крестовый походъ оконченнымъ и созвалъ генеральные штаты Лангедока для правильной организаціи этой провинціи, но Симонъ Монфоръ опередилъ его соборомъ въ Ливорно, пораженіемъ при Мюрэ и итальянскимъ соборомъ въ самомъ Римѣ, подъ названіемъ Латеранскаго. Несмотря на очевидное покровительство графу Тулузскому, папа принужденъ былъ признать его низверженіе съ престола и замѣстить его Симономъ Монфоромъ, котораго онъ считалъ узурпаторомъ. Однако послѣдній простеръ до того свою жестокость, что все населеніе возстало противъ него, и сынъ Раймунда VI, Раймундъ VII, овладѣлъ Тулузой. Симонъ, желая возвратить себѣ этотъ городъ, былъ убитъ во время его осады. За два года передъ тѣмъ неожиданно умеръ Иннокентій III, еще молодымъ человѣкомъ. Собственно, истребленіе альбигойцевъ не прекратилось; съ ними сталъ бороться французскій король Людовикъ VIII, по просьбѣ папской власти. Его сторону принялъ сынъ Симона Монфора, а противъ французовъ долго сопротивлялся Раймундъ VIII, который, наконецъ, принужденъ былъ покориться въ 1229 году, и по Парижскому миру Тулузское графство было присоединено къ Франціи. Такимъ образомъ, оказалось, что Иннокентій III работалъ не для пользы церкви, а для пользы французовъ. Несчастныхъ альбигойцевъ уже тогда почти не существовало, потому что ихъ истребляли огуломъ; напримѣръ, въ одной церкви въ Бесьерѣ ихъ умертвили 7.000 человѣкъ. По вѣрному замѣчанію Мишлэ, альбигойскій крестовый походъ «былъ первымъ бѣлымъ терроромъ и девяносто третьимъ годомъ католической церкви».

— **Шутиха англійской королевы Маріи Кровавой.** Въ исторіи осталось много слѣдовъ о придворныхъ шутахъ еще со времени Александра Великаго, Діонисія Сиракузскаго, императора Августа и его преемниковъ. Въ позднѣйшія эпохи въ качествѣ шутовъ славились: Трибулэ — при французскомъ королѣ Францискѣ I, Клаусъ Нарръ — при прусскомъ курфюрстѣ Фридрихѣ, Скоганъ — при англійскомъ королѣ Эдуардѣ IV. Замѣчательно, что при европейскихъ дворахъ существовало много шутовъ, но о шутихахъ вовсе ничего не извѣстно, кромѣ одной шутихи, по имени Матюринь, при дворѣ французскаго короля Генриха IV. Напротивъ, при дворцовомъ штатѣ русскихъ царей и царицъ существовали въ большомъ количествѣ не только дураки-шуты, но и дурки-шутихи. О послѣднихъ мы узнаемъ изъ записей царицыныхъ расходовъ; такъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича были

дурки: Катерина, Манька, Аринка, одна «дурка баба слѣпая», Палагейка и т. д. Имъ отпускались деньги на различные предметы туалета и вещи натурой. Это продолжалось до Петра I, Екатерины I и Анны Іоанновны; во времена Петра славился шутъ Балакиревъ, а «въ бытовомъ порядкѣ» императрицы Екатерины упомянуто, что «взято въ Казани ко двору ея величества для увеселенія ихъ величествъ дворянская жена, Авдотья Истлепьева, дурочка, которая изъ Астрахани отпущена обратно и дано ей на дорогу 10 рублей». О послѣднихъ шутахъ упоминается при Аннѣ Іоанновнѣ, но о шутихахъ или дуркахъ не говорится ни слова, а только обращается вниманіе на карлицъ и калмычекъ; такъ, въ знаменитой исторіи о ледяномъ домѣ разсказывается о свадьбѣ шута князя Голицына на придворной калмычкѣ Буженниновой. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ англійскаго критическаго журнала «Atheneum»'а помѣщена небольшая, но любопытная статья [1]) Шарлотты Стопсъ о единственной въ англійской исторіи шутихѣ, по имени Джэнъ. Она состояла при королевѣ Маріи Кровавой, дочери Генриха VIII и сестры Елисаветы, но біографическихъ данныхъ о ней не имѣется; даже неизвѣстна ея фамилія, хотя въ одномъ мѣстѣ придворныхъ счетовъ этой королевы говорится, что отпущено «означенной шутихѣ, Веденъ, шелковой матеріи на платье». По всей вѣроятности, Джэнъ съ молодыхъ лѣтъ была при дворѣ у Маріи и вмѣстѣ съ нею перешла во дворецъ при ея восшествіи на престолъ въ 1558 году. Повидимому, она была очень тихой и смирной дѣвушкой, по крайней мѣрѣ, не сохранилось никакихъ ея острыхъ словечекъ или ловкихъ замѣчаній, какъ ея современника, Вилльяма Соммерса, который находился въ званіи шута при Генрихѣ VIII и Маріи. Теперь мистриссъ Стопсъ отыскала въ придворныхъ счетахъ королевы Маріи, хранящихся въ британскомъ музеѣ, въ Гамптонскомъ дворцѣ и Бодлеянской библіотекѣ Оксфордскаго университета, подробный списокъ всѣхъ пожалованныхъ ей царственной покровительницей дорогихъ нарядовъ. Такимъ образомъ, благодаря ея туалетамъ, мы знакомимся съ личностью шутихи и съ любопытными придворными обычаями того времени. Королева Марія очень любила роскошно наряжать свою шутиху, и трудно повѣрить, чтобы она могла одна износить столько платьевъ, различныхъ костюмовъ, башмаковъ и прочихъ предметовъ гардероба, если не дѣлилась съ своими родственницами или пріятельницами. Въ придворныхъ счетахъ все записано до самыхъ мелочей, и рядомъ съ богатымъ платьемъ изъ шелковой матеріи упомянуты иголки, на одинъ пенсъ, и плата за бритье головы шутихѣ Джэнъ. Насколько заботилась королева о своей любимицѣ, доказываетъ слѣдующая запись: «Отпущено три аршина чернаго атласу на одежду мистеру Герту, Валентину нашей шутихи Джэнъ». Подъ именемъ Валентина по обычаю, существующему до сихъ поръ въ Англіи, называется мужчина, который по жребію достанется молодой дѣвушкѣ въ праздникъ св. Валентина 14-го февраля. Этотъ фактъ доказываетъ, что шутиха Джэнъ, вѣроятно, стояла на ровной ногѣ съ другими придворными дамами и кавалерами, потому что принимала участіе въ избраніи кавалера на весь годъ. Тѣмъ замѣчательнѣе добрыя отношенія королевы къ

---

[1]) «Jane, the queen's fool». By Charlotte Stopes. «The Atheteum», 12 Aug., 1905.

своей шутихѣ, что ея положеніе было самое критическое въ послѣдніе годы ея жизни. Вообще, Марія царствовала недолго, и сначала она не выказывала особаго духа жестокости и католическаго изувѣрства. но со времени выхода ея замужъ за Филиппа II испанскаго, она совершенно остервенѣла и вполнѣ заслужила свое роковое прозвище «Кровавой». Домашняя ея жизнь была самая несчастная. Филиппъ, котораго она любила съ какой-то патологической страстью, былъ бездушнымъ, лицемѣрнымъ, себялюбивымъ и грубымъ ханжей. У Маріи не было дѣтей, и это сильно вліяло на ея упрямый, угрюмый характеръ и побудило ее окончательно принять кровавую политику реакціонныхъ епископовъ. По счастью для Англіи, Марія занемогла водянкой и умерла 17-го ноября 1558 году, оплакиваемая только своимъ шутомъ и шутихой, съ которыми одними она обращалась добродушно. Что сдѣлалось послѣ смерти королевы съ Джэнъ,—неизвѣстно, достовѣрно лишь одно, что ея не взяли ко двору Елисаветы. О ея смерти и погребеніи нигдѣ не упоминается, тогда какъ, напротивъ, извѣстно, что ея товарищъ Соммерсъ былъ погребенъ въ лондонскомъ кварталѣ Шордичъ въ 1560 году.

— Вокругъ и около французской революціи. Книги и журнальныя статьи объ эпохѣ первой французской революціи продолжаютъ появляться съ непостижимой быстротой и трактуютъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Такъ недавно вышла книга Г. Ленотра: «Варенская драма» [1]), отрывокъ изъ которой былъ напечатанъ въ прошедшемъ году въ «Revue des deux Mondes», и въ сокращенномъ видѣ сообщенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника». Конечно, въ отдѣльномъ изданіи Варенское событіе разсказано историкомъ и археологомъ гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе: характеристики главныхъ героевъ: Людовика XIII, Маріи-Антуанеты и Ферзена, представлены со всѣми мелочными, но рельефными подробностями. Что касается до одной изъ замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ видныхъ личностей, Леонара, по прозванію Отье, парикмахера королевы, то Ленотръ отзывается о немъ очень несочувственно. Сначала герцогъ Шуазель поручилъ ему значительную роль въ этомъ знаменитомъ бѣгствѣ и на его отвѣтственность отдалъ шкатулку съ королевскими брильянтами. Но, когда королевская семья была задержана въ Варенѣ, то шкатулка исчезла, и Ленотръ увѣряетъ,что парикмахеръ оказался не только ложнымъ героемъ, но и ложнымъ мученикомъ. Онъ, по словамъ Ленотра, не былъ преданъ казни въ 1794 г., а разбогатѣвъ, скрывался въ различныхъ странахъ, между прочимъ въ Россіи, явился въ Парижъ въ 1814 г. «и на самомъ дѣлѣ умеръ въ 1819 году». Этотъ разсказъ о Леонарѣ возбудилъ цѣлую полемику: ему возражалъ Гюставъ Боръ въ «Correspondant», въ въ статьѣ, озаглавленной «Леонаръ Отье, парикмахеръ Маріи-Антуанеты» [2]). Онъ увѣряетъ, что Ленотръ смѣшалъ историческаго Леонара съ его братомъ, и что настоящій Леонаръ дѣйствительно былъ героемъ и мученикомъ, такъ какъ его казнили въ 1794 году. Но Ленотръ не такой историкъ, котораго

---

[1]) La drame de Varennes, par Lenotre. Paris. 1905.

[2]) Léonard Autié, coiffeur de Marie-Antoinette. Par Gustave Bord. «Correspondant», 25 Juillet 1905.

легко побѣдить, и потому онъ напечаталъ отвѣтъ въ газетѣ «Le Temps», гдѣ вполнѣ побѣдоносно доказалъ свою правоту. По его словамъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Леонаръ, парикмахеръ королевы, былъ офиціально казненъ 7-го Термидора 2-го года республики, но о его воскресеніи въ 1814 году первый упомянулъ въ газетѣ «Quotidienne» 16 марта 1838 года его племянникъ, Жозефъ Отье, также парикмахеръ. Онъ вмѣшался въ дѣло по слѣдующему обстоятельству: извѣстный въ то время поддѣлыватель различныхъ историческихъ мемуаровъ, Ламоттъ-Лангонъ, издалъ «Воспоминанія Леонара, парикмахера Маріи-Антуанеты». Конечно, оказалось, что они были не чѣмъ инымъ, какъ апокрифомъ, и племянникъ Жана-Франсуа-Отье, по прозвищу Леонаръ, заступился за своего дядю въ слѣдующихъ словахъ: «Я не покидалъ дяди съ 1814 года; когда онъ явился изъ Россіи, до 1819 года—эпохи его смерти, и могу засвидѣтельствовать, что онъ никогда не писалъ никакихъ воспоминаній». Теперь важенъ вопросъ не о томъ, писалъ ли онъ воспоминанія, но воскресъ ли онъ, что не подлежитъ сомнѣнію въ виду свидѣтельства племянника. Предположеніе Гюстава Бора о томъ, что пріѣхалъ изъ Россій въ 1814 году не парикмахеръ, а одинъ изъ его двухъ братьевъ,— невозможно, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ отцомъ того позднѣйшаго парикмахера, который заступился за своего дядю, а другой его дядя, директоръ театра, не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ событіемъ, о которомъ идетъ дѣло. Такимъ образомъ совершенно ясно, что парикмахеръ королевы Маріи-Антуанеты, благодаря украденной имъ во время путешествія въ Вареннъ королевиной шкатулкѣ съ драгоцѣнностями, подкупилъ тюремщиковъ и бѣжалъ въ Россію, откуда и вернулся въ 1814 году. По выраженію Ленотра, «не одинъ подобный эпизодъ разыгрался вокругъ гильотины».

Хотя исторія этой роковой машины для обезглавленія и біографія ея псевдоизобрѣтателя, доктора Гильотэна, уже давно извѣстна, благодаря двумъ французскимъ сочиненіямъ: «Etude biographique sur Guilliotin»,—Ревелье-Париса и «Guilliotin et la guilliotine»—А. Шеруана, а также нѣмецкой докторской диссертаціи Корна, подъ заглавіемъ «Joseph-Ignace Guilliotin», но немногіе знаютъ подлинную правду о происхожденіи гильотины [1]). Поэтому французскій писатель, Пьеръ Кэнтенъ Бошаръ, взялся написать въ «Nouvelle Revue» обстоятельную біографію скромнаго, гуманнаго доктора Гильотэна и исторію ложно названнаго его именемъ орудія смерти. Еще въ моментъ его рожденія судьба какъ будто связала его съ вопросомъ о казни: 28-го мая 1738 года жена Александра Гильотена, адвоката въ городѣ Сэнтѣ, находившаяся въ послѣднемъ періодѣ беременности, медленно шла домой чрезъ городскую площадь, на которой собралась большая толпа. Она остановилась посмотрѣть, въ чемъ дѣло, и съ ужасомъ увидала, что четвертовали преступника. Она такъ была поражена этимъ зрѣлищемъ, что упала въ обморокъ и чрезъ нѣсколько часовъ родила сына, Іосифа, которому суждено было уничтожить во Франціи подобныя казни, но въ то же время невольно дать свое имя замѣнившему эти

---

[1]) Guilliotin et la Guilliotine par Pierre Quentin-Bauchart. «La Nouvelle Revue», 15 Juin—1 Juillet 1905.

ужасныя казни орудію смерти. Въ малолѣтствѣ Гильотэнъ прекрасно учился, и родители помѣстили его въ школу къ іезуитамъ, откуда онъ вышелъ съ младшей богословской степенью, не обязывающей принять духовнаго званія. Не чувствуя призванія быть практическимъ іезуитомъ, онъ добился степени магистра въ Бордоскомъ университетѣ, а потомъ пять лѣтъ учился медицинѣ въ Парижѣ. Въ 1758 году Реймскій факультетъ призналъ его докторомъ, а затѣмъ чрезъ два года его утвердилъ въ томъ же званіи парижскій университетъ. Послѣ того онъ былъ профессоромъ анатоміи, патологіи и физіологіи, а также ректоромъ медицинскаго факультета въ Парижѣ. Вообще, при Людовикѣ XVI онъ считался очень замѣчательнымъ человѣкомъ въ ученомъ мірѣ, и вмѣстѣ съ Франклиномъ и Лавуазье подвергнулъ разсмотрѣнію магнетическіе опыты Месмера и призналъ ихъ недостойными науки. Въ 1787 году онъ женился на дочери Согрена, извѣстнаго книгопродавца, и около этого же времени принялъ участіе въ политической дѣятельности. Онъ сталъ извѣстенъ, какъ энергичный либералъ, и напечаталъ брошюру «Петиція гражданъ, живущихъ въ Парижѣ», которая надѣлала большой шумъ до собранія генеральныхъ штатовъ. Несмотря на ея умѣренно-либеральный характеръ, брошюру запретили, но Гильотэнъ сдѣлался очень популярнымъ въ Парижѣ и былъ избранъ въ депутаты генеральныхъ штатовъ отъ средняго сословія. Сначала почтенный докторъ занималъ видное мѣсто въ національномъ собраніи и сдѣлалъ нѣсколько важныхъ предложеній, между прочимъ, онъ одинъ изъ первыхъ предложилъ создать народную милицію, и ему принадлежали многія полезныя замѣчанія по поводу перехода въ Парижъ національнаго собранія. Наконецъ 10-го октября 1789 года съ филантропической цѣлью онъ предложилъ законъ о смертной казни. Желая съ одной стороны уничтожить варварскія казни, а съ другой ввести въ смертную казнь принципъ равенства, онъ предложилъ въ первой статьѣ своего закона слѣдующее правило: «однородныя преступленія, наказуемыя однородной карой, какого бы ни было положеніе или чинъ преступника». Обсужденіе этой статьи началось съ рѣчи Гильотэна, который нарисовалъ картину страшныхъ наказаній, изобрѣтенныхъ феодальнымъ варварствомъ, и объяснилъ, что для преступника довольно было и смертной казни безъ всякаго усугубленія кары. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возставалъ противъ неравенства наказаній, такъ какъ до тѣхъ поръ дворянина подвергали обезглавленію, а человѣка простого—повѣшенію, и предлагалъ казнить всѣхъ одинаково равной, быстрой и наименѣе страшной смертью. Для смягченія ужаса казни, Гильотэнъ предложилъ ввести машину, которая дѣйствовала бы съ необыкновенной быстротой. Въ пылу увлеченія своими словами, гуманный докторъ зашелъ слишкомъ далеко и позволилъ себѣ сказать: «Изобрѣтенной мною машиной я въ одно мгновеніе снощу голову и не причиняю ни малѣйшаго страданія. Казнь, которую я изобрѣлъ, до того легка, что если бы преступникъ не зналъ, что его ожидаетъ смерть, онъ почувствовалъ бы на шеѣ только легкую прохладу». Собственно въ предложенномъ Гильотэномъ законѣ говорилось только, что преступникъ будетъ обезглавленъ посредствомъ простой машины. Національное собраніе встрѣтило его предложеніе дружными рукоплесканіями и единогласно приняло первую статью за-

кона, остальныя же отложило до слѣдующаго засѣданія. Между тѣмъ Парижъ, по своему обыкновенію подымать все на смѣхъ, сталъ издѣваться надъ закономъ Гильотэна и въ шутку прозвалъ еще не существовавшее орудіе смерти гильотиной; при этомъ первымъ изобрѣтателемъ этой шутки была роялистская газета «Les Actes des Apôtres», помѣстившая на своихъ столбцахъ уморительный куплетъ, въ которомъ рифмовали слова Guilliotin и Guilliotine. Съ легкой руки враговъ бѣднаго доктора, на него напали друзья, такъ что даже прежде утвержденія національнымъ собраніемъ закона Гильотэна его имя навѣки было заклеймено. Впрочемъ, у него не было недостатка и въ защитникахъ; такъ, газеты «Gazette de Paris», «Journal de Paris» и «Chronique de Paris» хвалили его за выраженныя человѣчныя чувства и великіе принципы права. Самъ Гильотэнъ былъ до того пораженъ сыпавшимися на него издѣвательствами, что съ своей обычной скромностью не принялъ участія въ дальнѣйшихъ преніяхъ по поводу предложеннаго имъ закона. Послѣ долгихъ разсужденій, національное собраніе приняло остальныя статьи закона, кромѣ послѣдней, касавшейся практической мѣры наказанія; она была передана въ коммиссію. Послѣ безконечныхъ проволочекъ въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, комиссія представила свое заключеніе въ пользу принятія обезглавленія, какъ самой удобной и человѣчной казни. Національное собраніе съ этимъ согласилось, хотя и незначительнымъ большинствомъ, но вопросъ былъ разрѣшенъ лишь въ принципѣ и оставалось только найти практическую форму обезглавленія. Хотя Гильотэнъ и говорилъ, что онъ изобрѣлъ особую для этого машину, но теперь въ виду шума, поднятаго изъ-за его гильотины, онъ отказался отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ. Комиссія національнаго собранія обратилась къ постоянному секретарю медицинской академіи, доктору Луи, съ просьбою изобрѣсть машину для удобнѣйшаго и человѣчнаго обезглавленія. Луи въ теоріи разрѣшилъ эту задачу, такъ что дѣйствительный изобрѣтатель гильотины—онъ, и подъ его руководствомъ фортепіанщикъ Тобіасъ Шмитъ сдѣлалъ первую гильотину. Она была испробована на преступникѣ Пелетье 25 апрѣля 1792 года, и результатъ этого опыта былъ вполнѣ удовлетворительный. Съ тѣхъ поръ машину еще усовершенствовали архитекторъ Жиро и самъ докторъ Луи. Затѣмъ началось кровавое царствованіе гильотины, въ устройствѣ которой не принималъ никакого участія Гильотэнъ, хотя его имя совершенно несправедливо было дано роковому орудію смерти. Что касается до Гильотэна, то онъ какъ въ національномъ собраніи, такъ и въ учредительномъ почти не принималъ никакого участія. Во время же террора онъ совершенно стушевался и глубоко сожалѣлъ, что его имя приняло столь роковое значеніе. «Я знаю, что ты принадлежишь къ партіи жирондистовъ,—сказалъ ему одинъ изъ пріятелей,—но твоя дочка состоитъ въ клубѣ якобинцевъ». Подобныя выраженія оскорбляли добраго и гуманнаго доктора, у котораго, по его выраженію, сердце было полно человѣколюбія. Онъ съ ужасомъ видѣлъ казнь семидесяти шести товарищей докторовъ, и наконецъ самъ былъ арестованъ, но, по счастію, термидорскій переворотъ спасъ его отъ гильотины. Во время имперіи онъ былъ назначенъ директоромъ медицинской академіи, а 26-го марта 1814 года онъ умеръ въ Парижѣ 76 лѣтъ.

— **Возстаніе фламандскихъ крестьянъ въ 1813—1814 годахъ.** Въ одной изъ недавно появившихся въ Парижѣ книгъ, именно «Une chouannerie flamande au temps de l'Empire», Поля Фошилля, описывается крестьянскій мятежъ 1813—1814 годовъ, руководимый Луи Фрюшаромъ [1]). Этотъ фламандскій крестьянинъ отличался, какъ и вся его семья, такой преданностью Бурбонамъ, что неизмѣнно носилъ на шляпѣ бѣлую кокарду и надпись: «Я сражаюсь за Людовика XVII». Послѣднее обстоятельство повело къ тому, что его прозвали Людовикомъ XVII. Въ 1813 году, когда Европа соединила всѣ свои силы противъ Наполеона, во Франціи производился усиленный наборъ рекрутовъ. Съ каждымъ годомъ число призываемыхъ увеличивалось, и одинъ только департаментъ Па-де-Калэ представилъ въ одинъ мѣсяцъ 10.200 человѣкъ. Наконецъ, рекрута перестали являться къ призыву, то умышленно уродуя себя, то женясь на старухахъ, лишь бы получить право женатаго человѣка не являться на призывъ. Правительство увеличило строгость кары противъ ослушниковъ и даженачало преслѣдовать ихъ родныхъ, но все было тщетно: крестьяне упорно не хотѣли поступать на военную службу. Тѣмъ временемъ налоги все увеличивались, нищета росла, поля были заброшены, мастерскія опустѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственно народъ волновался: антирелигіозная политика Наполеона тревожила совѣсть католиковъ, и повсюду проявлялось возмущеніе. Особенно сильно оно было въ сѣверной части Франціи, гдѣ народъ занимался исключительно хлѣбопашествомъ, и былъ противникомъ милитаризма и ярымъ поклонникомъ католицизма. Когда 22 ноября 1813 года помощникъ префекта города Газбрука объявилъ, что будетъ призывъ, то народъ забросалъ его камнями. Помощникъ префекта кинулся въ свою квартиру за мундиромъ и шпагой, надѣясь, что при видѣ этихъ знаковъ власти толпа опомнится, и тогда разсчитывалъ обратиться къ ней съ рѣчью, но его опять побили камнями. Разъяренный народъ выломалъ двери дома, ворвался въ комнаты, поломалъ мебель, разбилъ фарфоръ, истребилъ архивъ и побилъ кастрюлями жену помощника префекта. Самъ же злополучный чиновникъ, преслѣдуемый мятежниками, бросился на чердакъ и спасся, только благодаря обнаженной шпагѣ. Народъ, увидя оружіе, обѣщалъ не трогать префекта, если онъ его броситъ. Тотъ согласился; потомъ, перепрыгнувъ чрезъ заборъ, скрылся, прячась то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. Наконецъ, переодѣвшись, ему удалось бѣжать въ Лиль, гдѣ онъ разсказалъ свои злоключенія префекту Сѣвернаго департамента. Послѣ его бѣгства мятежники поспѣшили распространить вѣсть о своей побѣдѣ надъ нимъ, и мятежъ вспыхнулъ далѣе: въ Брюгенѣ, Ипрѣ и Аррасѣ. Повсюду составлялись шайки изъ недовольныхъ и дезертировъ. Этихъ шаекъ собралось такое множество, и онѣ были такъ правильно организованы, что одна изъ нихъ, предводительствуемая унтеръ-офицеромъ, даже была принята за отрядъ регулярнаго войска, и ей приготовили квартирныя свидѣтельства. Однако, военной комиссіи удалось захватить подстрекателей; ихъ судили, и произнесли надъ

[1]) Une chouannerie flamande au temps de l'Empire (1813 — 1814), par Paul Fauchille. Paris.

ними строгій приговоръ. Остальныхъ ослушниковъ приказано было разыскать, и съ этой цѣлью власти отрядили нѣсколько подвижныхъ командъ. Но мятежники разбѣжались по лѣсамъ и оврагамъ; той же военной силы, какую власти отрядили, было недостаточно, чтобы овладѣть бандами. Это еще болѣе придало смѣлости непокорнымъ, и они стали собираться по кабакамъ, грабить дома и угрожать смертью императорскимъ чиновникамъ. Такимъ образомъ они повели крестьянскую войну. Въ это время префектомъ Сѣвернаго департамента былъ баронъ Дюплантье, неспособный, тщеславный чиновникъ, кутила и пьяница, заботившійся лишь объ этикетѣ и о своемъ первенствѣ; къ тому же онъ отличался еще необыкновенной жестокостью. Онъ все время приставалъ къ военному министру съ просьбою прислать ему пушки, которыми хотѣлъ украсить дворъ префектуры, и при этомъ писалъ: «Господа военные узнаютъ, что префектъ что нибудь значитъ въ военномъ городѣ». А возстаніе все усиливалось, благодаря подстрекательству Луи Фрюшара, воспитаннаго съ чувствомъ ненависти къ «корсиканскому людоѣду». Его мать во время революціи отказалась надѣть трехцвѣтную кокарду и растоптала ее ногами, несмотря на то, что революціонеры угрожали привязать ее къ дереву Свободы. Отправляясь на столь опасное предпріятіе, въ которомъ онъ рисковалъ своей головой, Луи Фрюшаръ предварительно попросилъ благословенія своихъ родителей. Въ это время ему было двадцать два года. Онъ былъ здоровый дѣтина, крѣпкаго сложенія, съ свѣтлыми глазами и густыми бровями. Фанатикъ и фатъ, отважный и смѣлый, съ виду онъ походилъ на мальчишку, играющаго въ генералы. Вооруженный громадной саблей, съ пистолетами за поясомъ, въ своей знаменитой шляпѣ съ надписью, онъ верхомъ предводительствовалъ отрядомъ мятежниковъ въ шестьсотъ человѣкъ, среди которыхъ находились женщины и дѣти. Вся эта шайка переходила изъ деревни въ деревню и била въ набатъ. Высланный противъ мятежниковъ отрядъ обратился въ бѣгство. Въ деревняхъ грабежъ ограничивался опустошеніемъ табачныхъ лавокъ. Фрюшару удалось присоединить къ бандѣ и крестьянъ сосѣдняго департамента, но генералъ Анри разсѣялъ ихъ и захватилъ предводительствовавшаго ими Декинжика. Однако, мятежъ вспыхнулъ и въ противоположной сторонѣ, въ департаментѣ Па-де-Калэ, и префектъ письменно докладывалъ военному министру, что только съ тремя или четырьмя тысячами солдатъ можно что нибудь подѣлать съ мятежниками. Теперь банды состояли не изъ однихъ призывныхъ; къ нимъ присоединились женщины, дѣти, всѣ контрабандисты и дезертиры, «однимъ словомъ всѣ разбойники, всѣ враги общественнаго порядка, составлявшіе адское скопище, которое говорило только о поджогахъ и убійствахъ». Но военный министръ не располагалъ даже однимъ лишнимъ солдатомъ, такъ какъ въ это время Наполеонъ сражался съ союзными войсками въ Шампани, поэтому мятежники продолжали спокойно хозяйничать въ департаментахъ Па-де-Калэ и Сѣверномъ, гдѣ Фрюшаръ попрежнему вербовалъ крестьянъ. Онъ принудилъ общины дать помѣщеніе своему отряду, отбиралъ у жителей охотничьи ружья, раздавалъ водку и приказывалъ патерамъ служить мессы по мятежникахъ, убитыхъ жандармами. Въ свою очередь союзники много способствовали мятежамъ и помогали Фрюшару, разбрасывая написанныя по-фламанд-

ски пасквили съ цѣлью усилить дезертирство. Англійскіе моряки складывали ихъ цѣлыми кипами на берегу или подбрасывали въ лодки французскихъ рыбаковъ, которыя останавливали подъ предлогомъ осмотра. Повсюду распространялись газеты, переполненныя ложными извѣстіями о военныхъ событіяхъ. Эмиссары графа Прованскаго разбрасывали прокламаціи, въ которыхъ обѣщали окончаніе бѣдственнаго положенія крестьянъ и возвращеніе Бурбоновъ. Англичане, кромѣ того, раздавали деньги инсургентамъ, а Бельгія работала въ пользу принца Оранскаго. Въ такомъ положеніи находилась Франція, когда въ 1814 году союзники вступили въ ея предѣлы. Русскому полковнику, барону Гейсмару, адъютанту герцога Саксенъ-Веймарскаго, было поручено съ его летучимъ отрядомъ изъ казаковъ и саксонскихъ гусаръ направиться черезъ департаменты Сѣвера въ Нормандію. По дорогѣ онъ разбрасывалъ прокламаціи, въ которыхъ говорилось, что жителямъ «облегчатъ бѣдствія войны, и что для нихъ заблеститъ заря прекраснаго дня». Союзники такимъ образомъ являлись ихъ освободителями. Къ этой прокламаціи было присоединено приложеніе, въ которомъ говорилось, что всѣ рекруты и прочіе, желающіе сражаться за Бурбоновъ, будутъ предводительствуемы Луи Фрюшаромъ, прозваннымъ Людовикомъ XVII, который идетъ съ отрядомъ союзниковъ, подъ командой «нижеподписавшагося подъ этой прокламаціей, то-есть барона Гейсмара, гвардейскаго полковника императора всероссійскаго, кавалера многихъ орденовъ и командующаго отрядомъ легкой кавалеріи». При этомъ было обѣщано, что присоединившихся будутъ хорошо кормить, а также имъ будутъ платить. Фрюшаръ согласился присоединиться къ союзникамъ, и между нимъ и Гейсмаромъ состоялось свиданіе въ Газбрукѣ. Фрюшаръ не торопился на это свиданіе, и русскій полковникъ въ ожиданіи приготовилъ для него въ домѣ мэра хорошую постель, досталъ самаго лучшаго сукна для его одежды и заказалъ въ честь его обѣдъ. Фрюшаръ явился туда съ отцемъ, который хотѣлъ руководить своимъ сыномъ въ этихъ переговорахъ. Отужинавъ втроемъ, старикъ отправился на свою ферму, сынъ же остался въ качествѣ проводника союзныхъ войскъ. Кромѣ того, ему предстояло вербовать сторонниковъ, которыми онъ долженъ былъ командовать. Между Гейсмаромъ и Фрюшаромъ состоялось соглашеніе не вести войны, а только освободиться отъ тираніи Наполеона, не притѣснять народъ, а работать для его счастія. «Къ сожалѣнію, — говоритъ авторъ, — казаки иначе взглянули на это дѣло, и принялись грабить, пьянствовать, насиловать дѣвушекъ и учинять расправу надъ жителями съ помощью кнута». Такое поведеніе казаковъ, не возмущало любившаго подобнаго рода похожденія Фрюшара; онъ велъ съ ними дружбу, лично участвовалъ въ грабежахъ и помогъ имъ ворваться въ домъ помощника префекта. Тамъ, нарядившись въ его парадный мундиръ и ордена, онъ разгуливалъ передъ зеркалами, любуясь собою. Потомъ въ экипажѣ сбѣжавшаго помощника префекта разъѣзжалъ по городу и разбрасывать прокламаціи; при этомъ онъ кричалъ, что если помощникъ префекта возвратится въ свой домъ, то его распнутъ на входныхъ дверяхъ. По словамъ автора, императорскіе чиновники вели себя, какъ низкіе трусы, и, узнавъ о вступленіи въ городъ непріятеля, многіе изъ нихъ спасались бѣгствомъ. Фрюшаръ все время находился съ барономъ Гейс-

маромъ и вообще оказывалъ союзнымъ войскамъ драгоцѣнныя услуги, но во время капитуляціи Парижа онъ разстался съ русскимъ полковникомъ и возвратился въ Сѣверный департаментъ, гдѣ царствовала полная анархія. Вооруженныя банды грабили дома, опустошали поля и сжигали лѣса. Здѣсь Фрюшару было полное раздолье, и онъ основалъ свою «главную квартиру» сначала въ Газбрукѣ, а потомъ въ Касселѣ. Онъ перенялъ манеры русскаго полковника и вездѣ въ деревняхъ производилъ реквизиціи и требовалъ ключи отъ канцеляріи мэра. Онъ выдавалъ себя за генерала рекрутовъ, а на его шляпѣ появилась надпись: «Людовикъ XVII, покровитель Бурбоновъ». Одинъ кассельскій чиновникъ писалъ главному секретарю сѣверной префектуры, что этотъ «новый монархъ возражаетъ на все угрозами и самовольно помѣстилъ своихъ солдатъ на квартиры. Съ наступленіемъ ночи онъ ударилъ въ набатъ и въ присутствіи своего войска объявилъ на фламандскомъ и французскомъ языкахъ, что явился не съ дурнымъ намѣреніемъ, и жители могутъ быть спокойны». По мнѣнію этого чиновника, Фрюшаръ съ виду не былъ «опаснымъ и воинственнымъ человѣкомъ, а представлялъ изъ себя просто деревенскаго болвана, за которымъ слѣдовали еще болѣе глупые люди, и всѣхъ ихъ легко можно было разсѣять, если бы Франція не оказалась въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ». Когда Фрюшаръ узналъ, что Людовикъ XVIII въ Парижѣ, то немедленно сдался, надѣясь на вознагражденіе. Дѣйствительно, онъ его добился и получилъ орденъ Лиліи, послѣ чего опять вернулся на отцовскую ферму. По возвращеніи Наполеона, онъ предложилъ услуги Бурбонамъ. Сначала на его предложеніе отзывались не очень охотно, но, затѣмъ, Людовикъ XVIII призвалъ его въ Гентъ. Онъ отправился какъ разъ во время, такъ какъ къ нему явились жандармы съ цѣлью его арестовать. Послѣ свиданія съ королемъ онъ снова составилъ банду вмѣстѣ съ двумя братьями и произвелъ правильную атаку на Бетюнь, во время которой за отсутствіемъ артиллеріи положилъ на двухколесную телѣжку деревянную пушку, чтобы испугать непріятеля. Послѣ Ватерлоо нѣкоторое время онъ былъ кумиромъ роялистовъ, и они даже посвящали ему стихи. Но это не могло удовлетворить Фрюшара, и онъ началъ домогаться болѣе вещественнаго вознагражденія. Съ этою цѣлью появилась брошюра, которою онъ разсчитывалъ привлечь на себя вниманіе короля. Она оканчивалась словами: «Король не оставитъ такого вѣрнаго подданнаго безъ вознагражденія», и въ ней было названо имя Фрюшара. Цѣль была достигнута: король назначилъ ему ежегодную пенсію въ 900 франковъ или единовременный капиталъ въ 24.000 франковъ. Кромѣ того, его произвели въ подпоручики и пожаловали орденомъ Почетнаго Легіона, какъ бы по ироніи судьбы созданнаго самимъ же Бонапартомъ. Въ 1822 году Фрюшаръ состоялъ въ охранѣ брата короля. Онъ слѣдовалъ за Карломъ X въ Шербургъ, но іюльское правительство отказало ему въ уплатѣ ежегодной пенсіи, которую, по своей непредусмотрительности, онъ предпочелъ единовременной выдачѣ капитала. Фрюшару въ концѣ концовъ пришлось опять возвратиться къ родной сохѣ и оставаться въ деревнѣ до самой своей смерти, то-есть до 1851 года.

— Всѣ ли англичане ненавидѣли Наполеона. Нѣмецкій писатель Паулъ Гольцгауэнъ, уже писавшій о Наполеонѣ, напечаталъ о немъ но-

вый трудъ [1]), въ которомъ разъясняетъ, почему англичане такъ сильно его ненавидѣли, когда зародилась эта ненависть, чѣмъ она была вызвана, и всѣ ли поголовно англичане раздѣляли ее. Лишь только Наполеонъ показался на политической сценѣ, англичане сразу поняли, что появился «человѣкъ революціи», представитель новыхъ идей, враждебныхъ однимъ и наоборотъ давно ожидаемыхъ другими. «Революція,—писалъ лордъ Кокборнъ,— все воспламенила. Даже въ Англіи двѣ партіи поглотили всѣ остальныя, и съ тѣхъ поръ существовали лишь друзья и враги революціи». Такимъ образомъ, первое проявленіе ненависти къ Наполеону столькихъ милліоновъ англичанъ во главѣ съ Питтомъ было какъ бы продолженіемъ вообще ихъ непріязни къ революціи. Наполеонъ являлся для нихъ ея символомъ. Англія не всегда отличалась свободолюбіемъ, и въ ту эпоху ею управляла дюжина знатныхъ семействъ, а знаменитое право народнаго голосованія существовало лишь по названію. Такъ, напримѣръ, въ Шотландіи въ 1825 г. число подающихъ голоса въ пользу сорока пяти депутатовъ было всего три тысячи. Вмѣстѣ съ тѣмъ правосудіе отличалось жестокостью, а католиковъ и сектантовъ страшно притѣсняли. Поэтому неудивительно, что консервативной Англіи не могъ нравиться Наполеонъ. Вообще англичане боялись, какъ бы «дурной примѣръ» французовъ не возымѣлъ дѣйствія на другія націи, и изо всѣхъ силъ старались помѣшать, чтобы, по выраженію Питта, «англійскую конституцію демагогія не замѣнила мятежными мечтами». Для англійскихъ либераловъ и радикаловъ Наполеонъ являлся также «человѣкомъ революціи», и сначала они радостно, его привѣтствовали, какъ символъ «народной зари». Пока они видѣли въ немъ освободителя Италіи, говорившаго: «Итальянскій народъ, французская армія порветъ ваши цѣпи... Мы будемъ воевать только съ тиранами, которые держатъ васъ въ рабствѣ!»—ихъ симпатія были на его сторонѣ, и англійскія либеральныя газеты не переставали его выхвалять. Двадцать лѣтъ спустя, только одинъ англійскій поэтъ еще печаталъ, что Бонапартъ въ самомъ разгарѣ своей славы «изъ низкаго честолюбія не осквернитъ своихъ лавръ». Но уже съ 1799 г. многіе англійскіе либералы разочаровались въ немъ: слишкомъ было ясно, что миръ въ Кампо-Форміо не могъ быть заключенъ истиннымъ освободителемъ народовъ, а принятое имъ на себя командованіе «англійской арміей», его планы относительно Англіи и экспедиція въ Египетъ раскрыли имъ глаза, хотя «Morning Herald» все еще находился подъ его обаяніемъ. Окончательнымъ разочарованіемъ англійскихъ либераловъ было консульство Наполеона, возбудившее въ нихъ даже отвращеніе къ нему, не только потому, что онъ «осквернилъ лавры», но еще оттого, что для англичанъ, вѣками привычныхъ къ преніямъ въ палатѣ общинъ, было чѣмъ-то чудовищнымъ такое безцеремонное обхожденіе съ конституціей. Даже поэтъ Кольриджъ, до тѣхъ поръ не терявшій вѣры въ Наполеона, писалъ Саути 18 февраля 1800 г.: «Какая гнусная подлость новая конституція!» На это Саути отвѣчалъ: «Хотѣлъ бы я, чтобы Наполеонъ остался въ Египтѣ, а Робеспьеръ гильотинировалъ Сіеса». Амьенскій миръ произвелъ реакцію, и единственный разъ въ Лон-

---

[1]) Bonaparte, Byron und die Briten, von Paul Holzhausen. Francfurt. 1905.

донѣ выразились симпатіи къ Бонапарту, когда генералъ Лористонъ привезъ туда предварительныя статьи договора. Увидя генерала въ окнѣ гостиницы, англичане привѣтствовали его громкими криками: «Да здравствуетъ Бонапартъ!» Молодежь даже побила окна въ редакціи консервативной газеты «Porc-Epic» за то, что та осмѣяла Наполеона. Однако эти симпатіи были кратковременныя, и вскорѣ снова вспыхнула газетная травля между обѣими странами. Правда, было нѣсколько англичанъ, которые ни за что на свѣтѣ не хотѣли забыть, что «Императоръ императоровъ», какъ его окрестилъ Байронъ, несмотря на всѣ его самыя преступныя въ ихъ глазахъ дѣйствія, ни на его ожесточеніе противъ Англіи, не переставалъ быть «человѣкомъ революціи». Либералы и радикалы чувствовали, что, благодаря Наполеону, многія злоупотребленія и несправедливости уже были невозможны, а многія идеи даже совершенно умерли. «Если онъ и былъ тираномъ,—говоритъ Газлиттъ,—то онъ не могъ быть или сдѣлаться тираномъ божественнаго права. Его тиранія не была миропомазанной, она не составляла части ассоціаціи деспотическихъ правительствъ и не была освящена «всѣми религіозными и нравственными законами». Его тиранія была одна изъ тѣхъ бурь, которыя все опустошаютъ, но скоро проходятъ, оставляя послѣ себя воздухъ очищеннымъ». Послѣ Ватерлоо англійскіе либералы и радикалы не питали къ Наполеону злобы, хотя, какъ вѣрные англійскіе подданные, они желали Наполеону неудачи и пораженія; ихъ газеты даже взяли на себя защиту узника св. Елены отъ клеветъ и оскорбленій. Но менѣе всѣхъ либеральныхъ англичанъ могъ возненавидѣть «корсиканскаго людоѣда» Байронъ, который всегда имъ восторгался, хотя тоже жаждалъ его пораженія. Узнавъ о сраженіи подъ Лейпцигомъ, онъ вписалъ въ свой дневникъ: «Какое странное извѣстіе о гигантскомъ сынѣ анархіи—Буонапарте! Со времени моего школьнаго возраста, когда я защищалъ его бюстъ отъ унизительныхъ оскорбленій въ началѣ войны 1803 г., онъ всегда былъ для меня героемъ романа». Но тутъ же спѣшилъ оговориться: «На континентѣ,—здѣсь я его не хочу!» 11-го февраля послѣ битвы при Монтеро онъ записалъ: «Его судьба рѣшится на этой недѣлѣ. Повидимому, все противъ него, но я думаю, надѣюсь, что онъ восторжествуетъ, или, по крайней мѣрѣ, отразитъ враговъ. Какое мы имѣемъ право навязывать Франціи короля!» Когда союзники вступили въ Парижъ, Байронъ говорилъ: «Шесть дней меня не было въ Лондонѣ. По возвращеніи я нашелъ моего бѣднаго кумира свергнутымъ съ пьедестала. Разбойники въ Парижѣ». Отреченіе Наполеона вывело Байрона изъ себя. По его мнѣнію, «Наполеонъ бросилъ карты, прежде чѣмъ сыгралъ свои послѣдніе козыри». Онъ бранилъ Наполеона и въ прозѣ и въ стихахъ и начерталъ въ заключеніе въ своемъ дневникѣ: «Въ концѣ концовъ корона не стоитъ того, чтобы за нее умирали! Но горько пережить сраженіе при Лоди!»

— Смерть Руже де Лиля. Во второмъ іюльскомъ нумерѣ «Revue Bleue» Эдмонъ Пилонъ картинно описываетъ [1]) смерть творца Марсельезы, Руже де

[1]) La mort de Rouget de Lisle, par Edmond Pilon. «Revue Bleue». 8 Juillet. 1905.

Лиля, для котораго она явилась единственнымъ «jour de gloire» въ его долгой, невеселой жизни. Вдохновитель и воспламенитель французскаго народа не пользовался отъ жизни никакими благами, и только за нѣсколько времени до его смерти судьба побаловала его, давъ возможность спокойно пожить среди друзей, которые и закрыли ему глаза навѣки. Сначала Руже поселился въ Шуази-ле-Руа у генерала Блена, а послѣ смерти его жены и матери создателю Марсельезы пришлось переѣхать къ другому старому товарищу по оружію, г. Войару. Въ 1836 году Руже былъ маленькимъ, худымъ, робкимъ, немного сгорбленнымъ, старикомъ. Нрава онъ былъ тихаго и спокойнаго и, вопреки безконечнымъ разочарованіямъ, не выказывалъ ни горечи, ни печали. Несмотря на семьдесятъ шесть лѣтъ, его видѣли прогуливавшимся съ палкою въ рукѣ, по-военному затянутымъ въ узкій, длинный сюртукъ. Рабочіе и горожане при встрѣчѣ съ нимъ снимали шляпы. Любимой для него прогулкой была сосѣдняя деревня, и онъ часто посѣщалъ ее. Это было героическое время, когда крестьяне носили трехцвѣтныя кокарды, а въ ихъ домахъ красовались іюльскія ружья. Поэтому, когда Руже останавливался предъ фермами, то дѣти собирались вокругъ него, притащивъ съ собою отцовскія старыя сабли, барабаны и пистолеты. Затѣмъ къ Руже подходилъ крестьянинъ, съ лопатой въ рукѣ, протягивалъ ему руку и здоровался. Въ отвѣтъ творецъ Марсельезы говорилъ: «Здравствуйте, гражданинъ; красивыя у васъ дѣти!» Затѣмъ дрожащей рукой ласкалъ бѣлокурыя головки мальчиковъ, приговаривая: «Красавцы военные выйдутъ изъ нихъ!» Въ это время къ нему приближались два старика, старше самого Руже, и говорили: «Скажите-ка имъ, г. Руже, Марсельезу; это воспламенитъ ихъ сердца и сдѣлаетъ ихъ храбрыми»... Иногда его зазывали къ себѣ, и молодыя дѣвушки подавали ему самаго свѣжаго вина и лучшій стаканъ, какой только могли найти въ домѣ. Вскорѣ всѣ знали, кто этотъ гость, и вокругъ него собирались старухи и молодыя женщины. Матери, указывая на него, говорили дѣтямъ: «Смотрите, это Руже де Лиль». Но скоро ему пришлось отказаться отъ удовольствія посѣщать деревню и бесѣдовать съ крестьянами: время не щадило его, а холодная зима 1835 года была для него роковой, и хотя наступила весна 1836 года, но его кашель не проходилъ, и докторъ предписалъ ему отдыхъ. Руже немного скучалъ, что не видитъ болѣе своихъ деревенскихъ пріятелей, но утѣшался посѣщеніями друзей. Наступилъ іюнь, но улучшенія въ здоровьѣ Руже не произошло; ясно было, что роковой конецъ приближается. Развязка ускорилась его неосторожностью: съ 23 на 24 іюня онъ засидѣлся слишкомъ поздно въ саду, и въ субботу съ утра лихорадка усилилась, такъ что пришлось оставить старика въ постели. Вечеромъ наступилъ кризисъ. Сначала Руже мучилъ сухой кашель, и онъ принужденъ былъ сидѣть въ постели. Наступила ночь, и больной просилъ унести лампу, такъ какъ свѣтъ причинялъ ему страданія. Взглянувъ на висѣвшіе возлѣ него шпагу и орденъ Почетнаго Легіона, онъ произнесъ: «Я заставлялъ пѣть другихъ, а теперь я умру»... Его лицо измѣнилось: по лбу струились капли пота, глаза горѣли какъ-то неестественно, въ то же время его руки конвульсивно сжимали руки успокаивавшей его г-жи Войаръ. Поднеся ея руки къ своимъ губамъ и заливаясь слезами, Руже сказалъ: «Вотъ... вотъ... надо вамъ

сказать... вы были такъ добры, нѣжны... Войаръ и вы... Беранже... генералъ, а я былъ такъ несчастенъ». Г-жа Войаръ хотѣла его успокоить, но Руже надо было излить всю горечь, накопившуюся за его долгую жизнь, и онъ продолжалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, вамъ надо знать, какъ я несчастливъ... Сначала, во время имперіи... я былъ двоюродный братъ генерала Малле... я долженъ былъ бѣжать... шпіоны Фушэ неотступно преслѣдовали меня... затѣмъ мой братъ, вы знаете его, генералъ Руже, который былъ такъ жестокъ со мною, велъ противъ меня процессъ... наконецъ нищета... нищета»... Онъ долженъ былъ остановиться. Однако, его губы отрывисто произносили нѣкоторыя имена: Мегюля, Гретри и Давида изъ Анжера. Потомъ онъ опять заговорилъ: «Я жилъ тогда въ Парижѣ, въ улицѣ Баттуаръ, № 28, въ первомъ этажѣ... въ темной и гадкой комнатѣ... Ахъ, моя бѣдная Элиза... туда явился ко мнѣ Давидъ... Я лежалъ... боленъ... искалѣченный, разбитый параличомъ, одѣтый въ рубище... Вошла старая женщина и сказала: «Это Руже де Лиль»... Онъ съ удивленіемъ произнесъ: «Какъ, это авторъ Марсельезы?»... Онъ нашелъ меня очень несчастнымъ». Напрасно г-жа Войаръ успокаивала умирающаго и просила не волноваться, но ужъ слишкомъ много горя давило ему грудь, и онъ продолжалъ: «Я долженъ былъ работать, переписывать ноты... я получилъ немного денегъ отъ Монтэгю и потратилъ ихъ во время болѣзни... наконецъ я надѣлалъ долговъ и не могъ ихъ заплатить. Меня посадили въ тюрьму, вы знаете, въ Сентъ-Пелажи. Тамъ былъ страшный холодъ, и теперь я отъ него страдаю... Ахъ! моя родина... я былъ такъ бѣденъ, что хотѣлъ умереть... но вотъ... мнѣ не на что было купить пистолета»... Г-жа Войаръ склонилась къ нему со слезами и сказала: «Не вспоминайте, все это прошлое, мой другъ, надо отдохнуть, уснуть, и къ тому же всѣ васъ теперь любятъ... Беранже, генералъ Бленъ, мой мужъ, моя дочь, наконецъ, я сама... Руже, мы ваши друзья»... На это Руже отвѣтилъ: «Это правда, моя смерть будетъ слаще, чѣмъ моя жизнь». На другое утро докторъ объявилъ, что положеніе Руже очень серьезно, и онъ лежалъ, не открывая глазъ. Навѣстить больного пріѣхали Бленъ и Жандръ, который хотѣлъ, чтобы Руже зналъ о его присутствіи, и потому взялъ его за руку, но умирающій не открылъ глазъ. Тогда г-жа Войаръ наклонилась къ поэту и шепнула, что это пріѣхалъ Жандръ. Руже едва пожалъ ему руку, показывая этимъ, что его узналъ; но онъ уже былъ почти безжизненный трупъ. Между тѣмъ слухъ о безнадежномъ положеніи Руже распространился въ Шуази, и у дома собралась толпа. Тутъ были дѣти, рабочіе, національная гвардія, горожане и прохожіе. Сыпались разспросы: «Правда ли, что онъ умретъ?» и «Какъ онъ спалъ ночь?» Но мэръ Шуази, Буавенъ, просилъ не шумѣть, ссылаясь на усталость больного. У дверей поставили двухъ солдатъ,—и все смолкло: народъ разошелся. Въ это время было 10 часовъ. День прошелъ хорошо; больной лежалъ молча. У камина разговаривали докторъ и генералъ Бленъ. Онъ вспоминалъ о прошедшемъ: «Помните, шесть лѣтъ назадъ, когда онъ узналъ, что произошло въ Парижѣ... онъ тогда жилъ у меня... Ну, онъ хотѣлъ одѣться, взялъ шпагу, кокарду и сказалъ: «Это—революція, я отправлюсь посмотрѣть»... Но іюльскіе дни были жаркіе, и ему не хватило силъ; онъ недалеко ушелъ: онъ былъ уже

старъ. Вечеромъ молодежь Шуази расхаживала по городу съ трехцвѣтнымъ знаменемъ и распѣвала: «Aux armes, citoyens!»—и онъ пошелъ по улицамъ. Одни говорили: «Это Руже де Лиль!», другіе кричали: «Да здравствуетъ Марсельеза!» Я никогда не видѣлъ ничего трогательнѣе... я думаю, это и придало ему тѣ шесть лѣтъ молодости, которыя онъ прожилъ съ тѣхъ поръ». Въ это время г-жа Войаръ позвала доктора. Было 11 часовъ вечера. Докторъ приблизился къ постели и сталъ прислушиваться, затѣмъ онъ потребовалъ лампу. При свѣтѣ видно было, что вокругъ глазъ Руже легла синеватая тѣнь, его грудь вздымалась, виски усиленно бились. Докторъ велѣлъ отворить окна, чтобы облегчить больному дыханіе. Однако, это еще не была агонія. Она началась позже 11 часовъ. Вдругъ раздалось отдаленное пѣніе множества молодыхъ голосовъ всѣхъ возрастовъ. Они пѣли:

«Liberté, liberté chérie,
«Combats avec tes defenseurs!»

Всѣ переглянулись съ удивленіемъ: умирающій сдѣлалъ легкое, слабое движеніе, и его глаза открылись. Голоса приблизились и хоромъ пѣли:

«Aux armes, citoyens! formez vos bataillons!»

Затѣмъ они постепенно удалились, но глаза Руже оставались открытыми: Казалось, поэтъ еще прислушивался къ удалявшимся голосамъ. Вскорѣ его зрачки приняли какое-то странное, пристальное выраженіе. Повидимому, онъ всматривался въ событія отдаленнаго прошлаго. Затѣмъ минутами съ его губъ безсвязно срывались отрывистыя слова: «Родина... Страсбургъ... Революція»... Очевидно, онъ переживалъ ночь 19-го апрѣля. Марсельеза напомнила ему многое; она сопровождала его вездѣ; онъ слышалъ ее повсюду, даже въ тюрьмѣ, и теперь, въ его смертный часъ, она звучитъ, какъ бы убаюкивая его. Она дѣйствительно его убаюкала, и въ 12 часовъ онъ умеръ. Кто-то зажегъ восковую свѣчу, изъ сада были принесены цвѣты. Въ комнатѣ слышались рыданія друзей, скрасившихъ своей любовью и заботой послѣдніе дни его жизни. Чрезъ день, во вторникъ, ровно въ 12 часовъ, состоялся выносъ тѣла. Національная гвардія была разставлена шпалерами; барабаны, обернутые трауромъ, били походъ. Гробъ сопровождала громадная толпа рабочихъ, гражданъ и крестьянъ, собравшихся со всѣхъ концовъ проститься съ поэтомъ революціи. Когда опустили гробъ и бросили первую лопату земли, весь народъ запѣлъ:

«Allons, enfans de la patrie!
«Le jour de gloire est arrivé!»...

Не принимавшіе участія въ пѣніи плакали. «Бѣдный Руже де-Лиль,—говоритъ въ заключеніе авторъ статьи,—бѣдный, несчастливый старикъ! Твоя жизнь была такая сумрачная и печальная, и наконецъ, наступилъ для тебя день славы»: вся Франція объ этомъ возвѣстила.

— Письма Шопена. Весь музыкальный и вообще образованный міръ долженъ быть обрадованъ появленіемъ въ печати писемъ знаменитаго композитора и музыканта, Фридриха-Франсуа Шопэна, тѣмъ болѣе, что они считались навѣки исчезнувшими. Шелъ слухъ, что многіе документы, равно переписка Шопена съ родными, друзьями и знакомыми погибли во время разграбленія въ Варшавѣ дворца графовъ Замойскихъ, гдѣ жила сестра музыканта, г-жа Изабелла Барчинская. Будто бы не въ мѣру разъяренные русскіе солдаты ворвались во дворецъ и принялись все уничтожать, выбрасывая на площадь мебель, картины и прочіе цѣнные предметы, чтобы устроить громадный костеръ. Фортепіано, на которомъ въ молодости игралъ Шопенъ, а также его портретъ—все сдѣлалось жертвой пламени. По странной и необъяснимой причинѣ родные Шопена до сихъ поръ не отрицали этого факта, хотя съ тѣхъ поръ прошло болѣе сорока лѣтъ (дѣло было 19-го сентября 1863 г.), и только теперь вдругъ появились эти воскресшія изъ пламени письма. Они напечатаны въ Парижѣ во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ г-жей Дювьеръ, а привелъ ихъ въ порядокъ и напечаталъ Мечиславъ Карловичъ, получивъ эти интересные документы изъ рукъ внучки Шопена, Маріи Чепомской, почему-то скрывавшей ихъ такъ долго. Полностью напечатать всѣ документы не представлялось возможнымъ, такъ какъ для этого потребовалось бы громадное мѣсто. Потому г. Карловичъ помѣстилъ цѣликомъ только письма Шопена, его родныхъ, его невѣсты, г-жи Воджинской, и различныхъ знаменитостей, а также сборникъ вопросовъ Листа относительно Шопена, біографію котораго онъ писалъ. Другія письма, напримѣръ, его учениковъ и прочихъ личностей, Карловичъ представилъ въ видѣ извлеченій. Самые же интересные документы представляетъ переписка Жоржъ-Сандъ съ сестрой Шопена, Элизой Еджеевичъ, и письма дочери писательницы, Соланжъ Клесингеръ, и ея мужа къ Шопену, но во Франціи они не появятся вслѣдствіе протеста родныхъ Жоржъ-Сандъ. Впрочемъ они находятся въ польскомъ изданіи и напечатаны по-французски. Какъ извѣстно, любовный дуэтъ Шопена съ Жоржъ-Сандъ, длившійся десять лѣтъ, начался въ 1837 году, годъ спустя послѣ того, какъ онъ провелъ съ семьею сезонъ въ Маріенбадѣ и сдѣлался женихомъ Маріи Воджинской, которой измѣнилъ ради Жоржъ-Сандъ и съ тѣхъ поръ болѣе ее не видѣлъ. Молодая дѣвушка, не предчувствуя, что ее ожидаетъ, писала въ октябрѣ 1836 года: «Какъ я рада увидѣть вашу семью, а въ слѣдующемъ году васъ!» Но слѣдующій годъ не принесъ ей этой радости: Шопенъ увлекся Жоржъ-Сандъ, которая черезъ десять лѣтъ также внезапно прервала этотъ любовный дуэтъ подъ предлогомъ несогласія во мнѣніяхъ относительно брака своей дочери Соланжъ Дюдеванъ съ скульпторомъ Клесингеръ. Впрочемъ, болѣе достовѣрная причина крылась въ томъ, что пылкая писательница начала тяготиться связью съ больнымъ человѣкомъ, дни котораго были сочтены. Первые серьезные признаки болѣзни Шопена проявились на другой день встрѣчи съ Жоржъ-Сандъ, и его пребываніе съ нею на Майоркѣ принесло ему лишь временное облегченіе. Разрывъ съ Жоржъ-Сандъ былъ для него неожиданнымъ громовымъ ударомъ. Тридцативосьми-лѣтній Шопенъ, уже угасавшій, долженъ былъ бросить всѣ уроки и отправиться по необходимости въ Англію и Шотландію для концертовъ. Эта

поѣздка была для него роковой, и 17-го октября 1849 года онъ скончался въ Парижѣ. Къ этой эпохѣ относится одно изъ его полныхъ отчаянія писемъ къ сестрѣ, Луизѣ Еджеевичъ, съ просьбою какъ можно скорѣе пріѣхать съ мужемъ и дочерью. «Если можете, пріѣзжайте—писалъ Шопенъ.—Я боленъ, и не одинъ докторъ мнѣ такъ не поможетъ, какъ вы. Если у васъ не хватитъ денегъ, займите; когда мнѣ будетъ лучше, я легко заработаю и возвращу ихъ тому, кто вамъ одолжилъ; но теперь я безъ гроша и не могу ничего вамъ прислать... Мои друзья и всѣ лица, желающія мнѣ добра, находятъ, что лучшее лѣкарство для меня будетъ пріѣздъ Луизы... Итакъ, племянница Луиза и сестра Луиза привозите съ собою иголки и наперстки, я дамъ вамъ мѣтить платки, вязать носки, и вы проведете нѣсколько мѣсяцевъ на чистомъ воздухѣ съ вашимъ старымъ братомъ и дядей. Путешествовать теперь легче, вамъ не надо брать много багажа. Мы постараемся довольствоваться здѣсь малымъ... Я самъ не знаю, почему мнѣ такъ хочется видѣть Луизу. Это какъ желаніе беременной женщины. Клянусь вамъ, что для нея будетъ это хорошо... Займитесь немного паспортами и деньгами, но дѣлайте это скорѣе. Напишите мнѣ тотчасъ же хоть слово. Вы знаете, что кипарисъ имѣетъ свой капризъ; мой капризъ теперь—видѣть васъ у меня. Богъ дастъ, можетъ быть, все пойдетъ хорошо; но если Богу этого не угодно, то дѣйствуйте, по крайней мѣрѣ, какъ будто Онъ позволилъ»... Это было послѣднее письмо Шопена къ роднымъ, такъ какъ, немного время спустя, его сестра пріѣхала въ Парижъ, гдѣ оставалась три мѣсяца, до самой смерти брата. Напечатанныя письма большею частью относятся къ эпохѣ, когда Шопенъ распѣвалъ сладкій дуэтъ съ Жоржъ-Сандъ, и касаются подробностей его жизни, но въ нихъ мало говорится о музыкѣ. Онъ упоминаетъ болѣе всего о композиторѣ Фелисьенѣ Давидѣ. Но самыя интересныя письма—это два, касающіяся его разрыва съ Жоржъ-Сандъ; онъ писалъ ихъ два мѣсяца спустя послѣ разлуки: «Она будетъ думать, что права,—говорилъ онъ въ одномъ изъ нихъ,—и объявитъ меня своимъ врагомъ, потому что я взялъ сторону ея зятя, котораго она не терпитъ единственно потому, что онъ женился на ея дочери, между тѣмъ какъ я противился этому браку, насколько могъ. Странное созданіе съ ея умомъ? Ее беретъ бѣшенство, и она взбаламучиваетъ свою жизнь, она взбаламучиваетъ существованіе своей дочери. Она также дурно кончитъ съ сыномъ, я это ей предсказалъ и подтверждаю. Она хотѣла бы въ свое оправданіе найти несправедливости другихъ, которые ей желаютъ добра, вѣрятъ въ нее, и никогда не дѣлали ей грубостей; она не можетъ выносить ихъ возлѣ себя, потому что они зеркало ея совѣсти... Когда впослѣдствіи она углубится въ свое прошлое, г-жа Сандъ ничего не найдетъ въ своей душѣ, кромѣ доброй памяти обо мнѣ. Въ данный моментъ она находится въ самомъ странномъ припадкѣ материнства, разыгрывая роль матери вѣрнѣе и совершеннѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, и противъ этой лихорадки— нѣтъ лѣкарства, въ особенности когда она овладѣваетъ экзальтированной головой, которая увлекается на шаткой почвѣ». Чрезъ два мѣсяца, въ февралѣ 1848 года Шопенъ писалъ о г-жѣ Сандъ. «Г-жа Сандъ все еще въ деревнѣ... Она не писала мнѣ болѣе ни слова, я также не писалъ ей. Она велѣла хозяину дома сдавать ея квартиру въ Парижѣ... Она разыгры-

ваетъ комедію въ деревнѣ, въ брачной комнатѣ своей дочери: она забывается, развлекается, какъ только можетъ, и приходитъ въ себя, когда ея сердце слишкомъ даетъ о себѣ чувствовать,—сердце, которое въ настоящій моментъ подавлено головою. Я ставлю на все крестъ. Да покровительствуетъ ей Богъ, если она не умѣетъ отличить истинной привязанности отъ лести. Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ одному другіе кажутся льстецами, между тѣмъ какъ ея счастье на самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ я его не замѣчаю. Ея друзья и сосѣди долго не могли понять, что произошло тамъ въ эти послѣдніе дни, но, вѣроятно, они къ этому уже привыкли. Никто никогда не въ состояніи прослѣдить впечатлѣнія такой капризной души. Восемь лѣтъ правильной жизни для нея это слишкомъ. Богъ допустилъ, что это были годы, когда дѣти росли, и если бы это былъ не я, то давно бы дѣти были съ ихъ отцомъ, а не съ нею. Морисъ же при первомъ удобномъ случаѣ сбѣжитъ къ отцу. Но, можетъ быть, для ея существованія, таланта писателя и ея счастія нужны именно такія условія. Это нимало меня не волнуетъ; все это уже такъ далеко. Время—великій врачъ. До сихъ поръ я еще не оправился, вотъ почему я не писалъ вамъ. Все, что я начинаю писать,—сжигаю. Надо писать! А зачѣмъ? Не лучше ли совсѣмъ не писать?»

— **Окончаніе воспоминаній графини Потоцкой.** Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже говорилось о перепискѣ графини Потоцкой съ графиней Воджицкой; теперь въ іюльской книжкѣ «Revue Bleue» помѣщено [1]) окончаніе этихъ писемъ. Какъ и въ первыхъ своихъ письмахъ, графиня Потоцкая остается все той же остроумной, изящной женщиной, искренней патріоткой. Въ одномъ изъ писемъ она описываетъ свою жизнь въ замкѣ «Наталинъ», гдѣ она провела часть 1845 г. въ кругу своихъ дѣтей. Пріѣхавъ туда 26 іюля, въ день св. Анны, она была пріятно поражена устроеннымъ въ честь ея именинъ грандіознымъ празднествомъ, какія часто давались въ старой Польшѣ. Фестиваль былъ настолько блестящій, что графиня, видѣвшая на своемъ вѣку немало королевскихъ пировъ, пришла въ совершенный восторгъ. «Три недѣли, проведенныя съ моими дѣтьми,—писала она графинѣ Воджицкой,—прошли очень быстро, какъ всегда бываетъ съ счастливыми минутами. Они приняли меня, какъ королеву-мать, и устроили мнѣ въ день св. Анны такое блестящее празднество, какого я никакъ не могла ожидать. Не буду говорить ни о иллюминаціи парка, ни о бенгальскихъ огняхъ, ни о собравшихся нѣсколькихъ тысячахъ человѣкъ, которые танцовали и прогуливались среди волшебнаго освѣщенія. Но невозможно удержаться, чтобы не разсказать вамъ, какъ личности способной понять всю эту поэзію, что имъ пришла мысль спустить на воду расцвѣченныя флагами, иллюминованныя и разукрашенныя гондолы, гдѣ находились музыканты, которые такъ же и пѣли подъ едва уловимый акомпаниментъ арфы. Мелодичные голоса, лѣтняя ночь, иллюминація—все это производило на меня впечатлѣніе, не поддающееся описанію. Это была Венеція. И странное дѣло, какой непреодолимой силой обладаетъ музыка, когда она дѣйствительно прекрасна: всѣ эти распѣвавшіе и танцовавшіе крестьяне,

---

[1]) Les dernières années de la comtesse Potocka. Par Casimir Strienski. «Revue Bleue», 1 Juillet 1905.

всѣ зрители, толпами явившіеся изъ Варшавы, хранили такое молчаніе, что слышны были только хоръ и мѣрный плескъ веселъ. Я много видѣла въ жизни празднествъ, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться своей поэзіей съ этимъ; я видѣла великолѣпнѣе, я видѣла королевскія празднества, и всѣ ихъ я много или мало позабыла, но это останется въ моей памяти, какъ все, что видѣла только разъ». Въ слѣдующемъ году графиня Воджицкая отправилась въ Италію, и отвѣтныя письма графини Потоцкой были наполнены совѣтами и наставленіями. «У васъ есть двѣ вещи, необходимыя путешествующимъ по этой прекрасной странѣ: познанія и воображеніе. Безъ этихъ двухъ богатствъ безполезно видѣть Италію, въ которой надо жить прошедшимъ. Я, какъ и вы, обожаю Венецію: изъ всей Италіи эта мѣстность, можетъ быть, болѣе всего говоритъ воображенію. Римляне слишкомъ далеки отъ насъ; современные же съ такимъ ожесточеніемъ уничтожаютъ слѣды своего величія, что часто его тщетно ищешь. Вы увидите, какъ Капитолій обманетъ ваши надежды, какой смѣшной стала Тарпейская скала, какъ ничтожны развалины дворцовъ Цезарей, и какъ вы будете разочарованы, если захотите, какъ я, во что бы то ни стало, блуждать по античному Риму. Правда, что Колизей и тріумфальныя арки васъ немного ободрятъ, но надо съ закрытыми глазами добираться до нихъ. Теперь прекрасный Римъ это — Римъ католическій, настоящая божественная роскошь! Но для бѣдной грѣшницы, которая долго жила въ обществѣ нечестивцевъ язычниковъ, которая бредитъ Августомъ и Меценатомъ и не лишена слабости къ Юліи и Ливіи—предстоитъ тысячи разочарованій. Совѣтую вамъ осмотрѣть дворецъ Фарнезе; по моему мнѣнію, это—самый красивый изъ всѣхъ римскихъ дворцовъ, которыми такъ хвастаются. Но если вы захотѣли бы помечтать и покинуть свѣтъ или скорѣе обыденную жизнь,—бѣгите въ Неаполь и посмотрите Помпею; послѣ Венеціи она болѣе всего привела меня въ восторгъ. Именно тамъ прошедшее представляется фактически. Но я всегда совѣтую совершать это паломничество въ одиночествѣ и тишинѣ; я нахожу неприличнымъ отправляться въ Помпею, какъ на увеселительную прогулку. Это было бы неуваженіемъ къ мертвымъ, почти святотатствомъ. Когда я вамъ это пишу, то чувствую себя далеко отсюда и говорю вамъ объ Италіи по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ мною оттуда, такъ какъ есть воспоминанія, которыя—какъ духи: бездѣлица можетъ ихъ оживить въ вашемъ воображеніи». Графиня Воджицкая въ своемъ письмѣ изъ Рима разсказываетъ о встрѣченномъ ею тамъ обществѣ, и графиня Потоцкая съ остроумной язвительностью высказываетъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ личностяхъ. «Ахъ,—пишетъ она,—г-нъ Кюстинъ въ Римѣ! Постарайтесь, ради Бога, познакомиться съ нимъ, чтобы удостовѣриться, видится ли онъ съ г-жею Северинъ, по ходитъ ли она его постарому. Въ такомъ случаѣ, дорогая, постарайтесь взять надъ нею перевѣсъ. Эта женщина способна заставить его раскаяться, что онъ описалъ свое чудное путешествіе. По этимъ двумъ личностямъ я вижу, что Римъ тотъ же, какимъ я его оставила. Я видѣла тамъ г-жу Менэнъ, уже бабушкой, танцовавшей кадриль въ вѣнкѣ изъ мака и свѣжихъ колосьевъ. Telle qu'une bergère au plus beaux jours des fête... Римскій климатъ благопріятенъ для развалинъ». Графиня любила хорошо воспитанныхъ дѣтей

и съ благодарностью вспоминала о Руссо. «Я завидую вамъ, что вы ѣдете въ Шарметтъ, писала она графинѣ. Если бы даже Руссо имѣлъ, одну только заслугу побуждать матерей заниматься воспитаніемъ дѣтей, и за то онъ заслужилъ бы благодарность четырехъ поколѣній. Мода управляетъ міромъ; это—такая сила, которой подчиняешься, не подозрѣвая того. Со времени Руссо стало очень мало дурныхъ матерей; впрочемъ надо отдать ему справедливость, что онъ никогда не былъ матеріалистомъ и въ такой вѣкъ, когда всѣ выхваляются своимъ невѣріемъ». Въ польскомъ замкѣ графиня изощряла свой изящный, тонкій вкусъ и богатое воображеніе надъ его украшеніемъ. Она очень справедливо и мѣтко говоритъ въ письмѣ къ графинѣ, что не слѣдуетъ приглашать обойщиковъ для изящнаго убранства комнатъ: «Не зовите обойщиковъ,—писала она,—у этихъ людей дурной вкусъ; мы никогда не позволяемъ въ Варшавѣ касаться ихъ невѣжественнымъ рукамъ до убранства нашихъ комнатъ. Нужна картинность, художественный безпорядокъ,—обойщики ничего не понимаютъ въ этомъ». Варшава, приведенная наружно въ порядокъ и съ виду сдѣлавшаяся похожей на столицу послѣ безпорядковъ, не возбудила въ графинѣ восторга, напротивъ ее это опечалило. «Варшава совершенно опустѣла,—писала она въ августѣ 1849 г.,—нѣтъ ни одной души изъ общества, но экипажи катятся по улицамъ до трехъ, четырехъ часовъ утра. Со всѣхъ сторонъ идутъ постройки, цѣны на квартиры необычайныя. Это меня печалитъ! Я предпочитала бы видѣть мертвый городъ, но далеко отъ этого: онъ возродился». Вообще графиня, добрая патріотка, возмущалась беззаботностью и легкомысліемъ своихъ соотечественниковъ. Она считала эти черты ихъ характера почти преступными въ виду печальныхъ событій, переживаемыхъ въ то время Польшей: «Если у васъ есть извѣстія изъ Волыни, то вы должны знать, что тамъ веселятся, какъ во времена королевскихъ празднествъ. Только и устраиваются скачки, балы, всякаго рода собранія; франтихи посылаютъ казаковъ въ Варшаву за новыми туалетами. Если, по несчастію, Польши не будетъ болѣе существовать, національный характеръ останется тотъ же, и ничего не помѣшаетъ, чтобы тамъ веселились болѣе, чѣмъ надо, и тратили болѣе, чѣмъ имѣютъ». Остроумная графиня совѣтовала женщинамъ «обладать небольшой долей хитрости, такъ какъ она—защитникъ женщинъ». «Для нихъ,—писала она,—хитрость безусловно нужна, онѣ не сумѣютъ безъ нея обойтись; того требуетъ первенство сильнаго пола, почти всегда слабаго». Какъ большинство стариковъ, она выхваляла людей своего времени, своей молодости и критиковала молодежь, «состарившуюся раньше времени». «Никто изъ нихъ не могъ сказать числа, когда была битва при Мальплаке! Развѣ не унизительно для человѣчества, что все это поколѣніе жалуется на отсутствіе памяти!» Съ 1820 г. мемуары графини Потоцкой оканчиваются, но изъ отрывковъ различныхъ писемъ кое-что извѣстно изъ послѣднихъ дней ея жизни. Въ девяносто лѣтъ она уже не писала болѣе писемъ, а только диктовала коротенькія меланхоличныя записки въ родѣ слѣдующей: «Я не знаю болѣе ни дней, ни чиселъ, все для меня стушевалось, и я ожидаю... Вотъ мое состояніе. Вы видите, что о прогулкахъ и развлеченіяхъ нѣтъ болѣе вопроса, и если еще остается во мнѣ что нибудь

живое, то лишь содроганіе сердца, и только одно возможное путешествіе для меня»... Послѣ смерти своего сына, Августа, она писала той же графинѣ Воджицкой: «Пожалѣйте меня, дорогая, что я еще на этомъ свѣтѣ, когда я испытываю самое большое и невыразимое горе. Видѣть себя на краю могилы въ девяносто лѣтъ и дать тамъ мѣсто своему ребенку!» Это было написано 15-го августа 1867 г., а 16-го августа графиня Потоцкая умерла въ Парижѣ въ улицѣ Асторъ.

СМѢСЬ.

Присужденіе премій митрополита Макарія. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 19-го сентября, въ часъ дня, состоялось публичное засѣданіе, на которомъ непремѣннымъ секретаремъ академіи, С. Ѳ. Ольденбургомъ, былъ прочитанъ отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи премій митрополита Макарія. Предсѣдательствовалъ вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ; присутствовали академики: баронъ В. Р. Розенъ, Ф. Б. Шмидтъ, А. П. Карпинскій, Ф. В. Овсянниковъ и публика. На соисканіе этихъ премій было представлено 32 сочиненія, которыя были разсмотрѣны особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Ольденбурга. Комиссія послѣ баллотировки остановилась на слѣдующихъ рѣшеніяхъ. Неполная премія въ 1.000 р. присуждена профессору Э. Е. Лейсту за его трудъ: «О географическомъ распредѣленіи нормальнаго и анормальнаго геомагнетизма». Разборъ этого сочиненія былъ произведенъ академикомъ М. А. Рыкачевымъ. Трудъ профессора Лейста,—говоритъ рецензентъ,—заключаетъ въ себѣ рѣшеніе трудной и важной задачи земного магнетизма, и задача эта выполнена имъ успѣшно. Въ трудѣ дана столь полная и ясная картина распредѣленія нормальнаго и анормальнаго магнетизма на земномъ шарѣ, какого мы до него не имѣли. Онъ связалъ между собою и выяснилъ точное значеніе всѣхъ прежнихъ системъ изаномалъ, представилъ новыя, указалъ достоинства и недостатки трудовъ лучшихъ авторитетовъ по этой части. Другую неполную премію комиссія присудила приватъ-доценту С.-Петербургскаго университета А. Н. Булгакову за слѣдующія работы: 1) «Распредѣленіе электрическаго заряда на кольцѣ и электрическаго потенціала въ окружающемъ полѣ»; 2) «Рѣшеніе задачи о намагничиваніи кольца въ однородномъ магнит-

номъ полѣ»; 3) «Рѣшеніе задачи о намагничиваніи эллиптическаго слоя въ однородномъ магнитномъ полѣ»; 4) «Намагничиваніе трехоснаго эллипсоида и эллиптическаго слоя въ заданномъ магнитномъ полѣ»; 5) «Подсчетъ электроемкости для вибратора А. С. Попова»; 6) «Къ теоріи плоскаго конденсатора» и 7) «Къ теоріи плоскаго конденсатора. Статья вторая». Оцѣнку этихъ трудовъ принялъ на себя академикъ, князь Б. Б. Голицынъ. Представленныя сочиненія, по словамъ рецензента, относятся къ математической теоріи электричества и магнетизма и содержатъ нѣкоторыя новыя и интересныя изслѣдованія. Авторъ много потрудился въ этой области математической физики и внесъ въ нее кое-что новое и интересное. За неимѣніемъ премій комиссія присудила почетные отзывы слѣдующимъ авторамъ: 1) Инженеръ-технологъ А. Г. Разуваевъ: «Изслѣдованія сопротивленія волокнистыхъ веществъ». Москва 1904 г. Разборъ этого сочиненія принялъ на себя адъюнктъ-професоръ С. А. Ганешинъ. Авторъ, по словамъ рецензента, производилъ свои изслѣдованія, руководясь исключительно научнымъ интересомъ и любовью къ предмету, и, несмотря на нѣкоторые второстепенные промахи, далъ существенныя и достовѣрные результаты своихъ опытовъ, обогатившіе соотвѣтственную отрасль технологіи. 2) Н. И. Адамовъ: «Факторы плодородія русскаго чернозема. Ч. I. Климатъ и физическія свойства, Спб. 1904 г.». Оцѣнку этого труда принялъ на себя академикъ М. А. Рыкачевъ, при чемъ о тѣхъ частяхъ книги, которая относились къ почвовѣдѣнію, отзывъ данъ докторомъ геологіи, Н. А. Богословскимъ. Трудъ автора,—говоритъ первый рецензентъ,—есть плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій и опытовъ, организованныхъ и произведенныхъ большею частью самимъ авторомъ или другими лицами подъ его руководствомъ, отчасти другими авторами. Хотя книга эта составляетъ лишь первую часть всего задуманнаго труда, но она заключаетъ въ себѣ вполнѣ самостоятельную работу съ опредѣленными выводами и вноситъ существенный вкладъ въ науку, независимо отъ другихъ частей. Дѣлаемые авторомъ выводы изъ таблицъ,—говоритъ второй рецензентъ,—подтверждаютъ то, что было высказано раньше разными изслѣдователями, частью же вносятъ новыя детали. Наиболѣе новаго даетъ глава о температурѣ чернозема при разномъ состояніи поверхности почвы. 3) С. П. Алфераки. «Гуси Россіи». Москва. 1904 г. Разборъ этой работы принялъ на себя ординарный профессоръ Московскаго университета, М. А. Мензбиръ. «Трудъ этотъ,—говоритъ рецензентъ,—обнимаетъ собою не всѣ виды извѣстнаго рода, а только найденные въ опредѣленной области, при чемъ въ данномъ случаѣ взятая для изученія область опредѣляется политическими границами. Книга состоитъ изъ 27 монографій отдѣльныхъ видовъ. Всѣ монографіи написаны по одной программѣ; степень полноты каждой изъ нихъ, конечно, различна въ зависимости отъ имѣвшагося въ рукахъ автора матеріала, но въ большинствѣ случаевъ эти монографіи довольно полны. Принимая во вниманіе любовь автора къ предмету, добросовѣстное изученіе избранной группы, только, къ сожалѣнію, ограниченной искусственно, относительно большую затрату времени и труда, несомнѣнно положительные результаты, вытекающіе изъ систематическаго изученія хотя и небольшого числа видовъ, для русской орнитологіи и наконецъ тщательное изданіе монографіи съ хорошими оригинальными

рисунками, я полагалъ бы справедливымъ признать этотъ трудъ достойнымъ преміи въ половинномъ размѣрѣ». По присужденіи премій комиссія постановила выразить глубокую признательность академіи постороннимъ ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, и назначить золотыя медали заслуженному профессору Казанскаго университета К. А. Арнштейну, доктору геологіи Н. А. Богословскому, адъюнктъ-профессору технологическаго института С. А. Ганешину, профессору Московского университета М. А. Мензбиру, Ѳ. Л. Радлову и профессору военно-медицинской академіи Г. Г. Скариченко.

XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ былъ открытъ 15-го августа въ залѣ стариннаго Потемкинскаго дворца херсонскимъ губернаторомъ, произнесшимъ соотвѣтственную рѣчь. Затѣмъ произнесли рѣчи губернскій предводитель дворянства, М. И. Миклашевскій, указавшій на богатство края археологическими памятниками, и предсѣдатель губернской земской управы М. В. Родзянко, выразившій мысль, что послѣдовавшій 6-го августа призывъ русскаго народа къ работѣ въ области законодательства вызываетъ необходимость согласовать и развивать въ будущемъ наши правоотношенія въ соотвѣтствіи съ ходомъ историческаго развитія и съ постепеннымъ самоусовершенствованіемъ уклада народной жизни, и что предстоящая работа потребуетъ въ близкомъ будущемъ отъ русскаго общества энергіи и гражданскаго мужества, образцы которыхъ представляли нѣкогда въ южномъ Поднѣпровьѣ запорожцы. Далѣе, говорили городской голова, попечитель учебнаго округа и другія лица. Въ этотъ же день, вечеромъ, начались засѣданія по отдѣленіямъ. Всего въ съѣздѣ приняли участіе до 200 человѣкъ. Время съѣзда сокращено въ виду экскурсіи членовъ на днѣпровскіе пороги и затѣмъ въ Севастополь для ознакомленія съ древностями Херсонеса.

Пятидесятилѣтіе педагогической дѣятельности К. П. Петрова. 17-го августа въ Озеркахъ, дачной мѣстности близъ С.-Петербурга, происходило чествованіе труженика-педагога, Константина Петровича Петрова, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія служенія его на преподавательскомъ поприщѣ. К. П. Петровъ, сынъ священника, родился 3-го сентября 1830 года. К. П. сначала учился въ теченіе двухъ лѣтъ въ Александроневскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ — въ С.-Петербургской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой, въ августѣ 1851 года, поступилъ въ число студентовъ бывшаго тогда Главнаго Педагогическаго института на историко-филологическое отдѣленіе. По окончаніи курса этого института въ маѣ 1855 года, съ награжденіемъ серебряною медалью, К. П. Петровъ былъ опредѣленъ со званіемъ старшаго учителя въ Симбирскую гимназію, гдѣ и пробылъ три учебныхъ года. Въ 1858 году К. П. переселился въ С.-Петербургъ и сталъ давать уроки русскаго языка и словесности въ Маріинской женской гимназіи, затѣмъ состоялъ преподавателемъ и въ другихъ женскихъ гимназіяхъ—Литейной, Василеостровской и Петровской. Въ то же время въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался преподаваніемъ въ кадетскихъ корпусахъ—Первомъ и Павловскомъ. Въ августѣ 1867 года К. П. былъ назначенъ на должность преподавателя русскаго языка въ Ларинскую гимназію въ С.-Петербургѣ. Въ 1869 году, по семейнымъ обстоятельствамъ, К. П. перешелъ на службу

въ г. Гродно, въ тамошнюю гимназію, но оставался въ этомъ городѣ только одинъ годъ. К. П. опять возвратился въ С.-Петербургъ и въ 1870 году опредѣлился преподавателемъ въ с.-петербургскую шестую гимназію, гдѣ безъ перерыва дѣятельно трудился до выхода въ отставку въ 1898 году. Въ этотъ же долгій періодъ времени, съ 1872 года, К. П. состоялъ преподавателемъ въ С.-Петербургской консерваторіи, въ научныхъ ея классахъ, гдѣ продолжаетъ съ прежней энергіей свои педагогическія занятія до настоящаго времени. Рядомъ съ чисто практической дѣятельностью по преподаванію К. П. находилъ время и для своихъ различныхъ трудовъ по учебной и ученой литературѣ, имѣющей прямое отношеніе къ излюбленной имъ спеціальности (русскій языкъ и словесность). К. П. напечаталъ нѣсколько статей въ «Филологическихъ Запискахъ», издаваемыхъ въ г. Воронежѣ (редакціи покойнаго Хованскаго), и въ «Журналѣ для воспит.», издававшемся Чумиковымъ. Затѣмъ К. П—мъ въ разное время были составлены и изданы слѣдующіе литературные труды: «Учебникъ русской грамматики», «Опытъ краткаго изложенія теоріи словесности» (пять изданій), «Указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго и Добролюбова», «Темы и планы по русской словесности», «Русская историческая хрестоматія» (семь изданій), «Словарь къ сочиненіямъ и переводамъ Фонвизина» (кромѣ этого, имъ также составлены словари къ сочиненіямъ Сумарокова и Ломоносова, но еще не изданы), «Курсъ исторіи русской литературы» (восемь изданій). Послѣднее изданіе этого труда (1892 г.) авторъ подвергъ полной переработкѣ и издалъ въ 1904 году подъ заглавіемъ: «Курсъ исторіи русской литературы, учебное пособіе». Эта книга имѣла успѣхъ и разошлась въ теченіе года; на-дняхъ она вышла новымъ изданіемъ, въ которомъ обозрѣніе русской литературы доведено до 1904 года. Чествованіе юбиляра происходило въ скромномъ помѣщеніи его дачи въ Озеркахъ. Къ 3-мъ часамъ дня 17-го августа въ квартирѣ К. П. Петрова собрались его друзья, почитатели и нѣкоторые изъ его бывшихъ учениковъ и ученицъ. Къ этому же времени прибыли туда изъ С.-Петербурга двѣ депутаціи: отъ управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа и отъ с.-петербургской шестой гимназіи, гдѣ юбиляръ состоялъ преподавателемъ долгое время (около 30-ти лѣтъ); въ составѣ этой депутаціи были инспекторъ гимназіи, И. М. Бако, и два преподавателя— І. И. Кабеле и А. В. Оксеновъ. Затѣмъ послѣдовало принесеніе поздравленій и чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ отъ разныхъ лицъ. Окружной инспекторъ, А. Д. Мохначевъ, въ своемъ привѣтствіи отъ учебнаго округа назвалъ К. П. Петрова «образцовымъ педагогомъ». Въ адресѣ отъ с.-петербургской шестой гимназіи, прочитанномъ преподавателемъ этой гимназіи, А. В. Оксеновымъ, юбиляръ привѣтствованъ, какъ «рѣдкій труженикъ-педагогъ и въ то же время прекрасный русскій человѣкъ». Въ телеграммахъ — отъ С.-Петербургской консерваторіи, гдѣ въ настоящее время юбиляръ состоитъ преподавателемъ, отъ начальницы Петровской женской гимназіи, г-жи Васильевой, отъ академика В. И. Ламанскаго, отъ бывшихъ учениковъ юбиляра: присяжныхъ повѣренныхъ Петрашевскаго и Шпаковскаго, отъ писателей и профессоровъ: К. Я. Грота, В. Л. Дѣдлова (Кигнъ), В. В. Ламанскаго, А. А. Лихачева, и отъ многихъ другихъ лицъ,—во всѣхъ этихъ привѣтственныхъ

обращеніяхъ отмѣчена рѣдкая любовь юбиляра къ предмету преподаванія — родной литературѣ, и умѣнье вызывать такую же любовь въ учащихся; кромѣ того, тутъ же указывается чисто русское, національно-патріотическое направленіе въ изложеніи фактовъ родной словесности, нисколько не нарушавшее, однако, по словамъ одной изъ телеграммъ, «всегда ровнаго, справедливаго отношенія преподавателя ко всѣмъ ученикамъ безъ различія религіи и національности». Такое отношеніе К. П—ча къ ученикамъ-инородцамъ вызывало въ нихъ искреннее расположеніе къ преподавателю и рядомъ съ этимъ любовь къ его предмету—русской литературѣ, а также и вообще ко всей Россіи и всему русскому. Конечно, не случайно образовались всѣ эти перечисленныя выдающіяся качества, отличающія К. П. Петрова, какъ замѣчательнаго педагога-практика и какъ твердаго, сильнаго русскаго человѣка. Многое объясняется тѣмъ, что юбиляру пришлось въ свое время пройти серьезную школу въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, который далъ намъ, во главѣ съ питомцемъ его, покойнымъ критикомъ Добролюбовымъ,— многихъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ, въ томъ числѣ и немало хорошихъ педагоговъ и профессоровъ: припомнимъ хотя бы Менделѣева, Краевича, Вейсмана, А. М. Груздева, А. И. Чистякова, Филонова и др. Юбиляру въ періодъ пребыванія его въ институтѣ посчастливилось, можно сказать, пользоваться наставленіями и лекціями слависта И. И. Срезневскаго, русскаго историка И. Г. Устрялова, профессора всеобщей исторіи Фридриха Лоренца, профессора педагогики Н. А. Вышнеградскаго (впослѣдствіи устроителя нашихъ женскихъ гимназій или даже ихъ основателя), профессора римской словесности Н. М. Благовѣщенскаго. Всѣ эти имена принадлежатъ дѣятелямъ, занявшимъ почетныя мѣста въ исторіи нашего все еще молодого просвѣщенія, и, конечно, вліяніе этихъ лицъ должно было оставить въ высшей степени благотворные слѣды въ духовномъ строѣ ихъ воспитанниковъ на всю ихъ жизнь. Къ такимъ воспитанникамъ бывшаго Главнаго Педагогическаго института принадлежитъ и К. П. Петровъ.

НЕКРОЛОГИ.

Глаголевъ, Д. М. 3-го сентября въ Москвѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, умеръ весьма популярный дѣтскій врачъ, Дмитрій Матвѣевичъ Глаголевъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ, сынъ священника села Березовки (Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда), свое среднее образованіе получилъ въ Тульской духовной семинаріи, послѣ чего былъ принятъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 году со званіемъ лѣкаря. Покойный не былъ чуждъ литературной дѣятельности. Его перу, между прочимъ, принадлежалъ обширный превосходный трудъ, подъ заглавіемъ: «Извлеченія изъ иностранныхъ врачебныхъ журналовъ» («Медицинскій Вѣстникъ» 1873—1874 гг., кн. 1, 5, 10, 11 и 16). Но особенною популярностью пользовался Д. М., какъ опытный и искусный врачъ по дѣтскимъ болѣзнямъ. Обладая очень большою практикой, онъ, тѣмъ не менѣе, всегда отличался самымъ внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Своею обходительностью и рѣдкимъ безкорыстіемъ покойный производилъ обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, кому только приходилось съ нимъ встрѣчаться. Скончался Д. М. еще далеко не старымъ—на 58-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 243).

† **Костинъ, С. И.** Въ Харьковѣ 2-го сентября умеръ послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни приватъ-доцентъ и прозекторъ при каѳедрѣ физіологіи Новороссійскаго университета, докторъ медицины, Сергѣй Ивановичъ Костинъ. Покойному исполнилось только 36 лѣтъ, и смерть застала его въ полномъ расцвѣтѣ духовныхъ силъ. С. И., уроженецъ г. Харькова, воспитывался въ первой классической гимназіи, а затѣмъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1894 году онъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ и остался при уни-

верситетѣ въ качествѣ помощника прозектора при каѳедрѣ физіологіи. Еще будучи студентомъ, онъ обнаружилъ, вмѣстѣ съ недюжинными дарованіями, любовь къ научнымъ занятіямъ и необыкновенную работоспособность. За свою студенческую работу, произведенную въ физіологической лабораторіи, онъ былъ удостоенъ медицинскимъ факультетомъ золотой медали. По окончаніи курса С. И. дѣятельно продолжалъ работать въ томъ же направленіи и всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Въ 1898 году онъ написалъ и защитилъ диссертацію для полученія степени доктора медицины и вскорѣ послѣ того былъ командированъ медицинскимъ факультетомъ за границу съ научною цѣлью. Результатомъ этой командировки были двѣ новыхъ ученыхъ работы. По возвращеніи въ Россію С. И. получилъ званіе приватъ-доцента по каѳедрѣ физіологіи. Въ 1901 году онъ переведенъ въ Новороссійскій университетъ, гдѣ получилъ мѣсто прозектора и приватъ-доцента тоже при каѳедрѣ физіологіи формировавшагося въ то время медицинскаго факультета. Здѣсь, на новомъ мѣстѣ, С. И. еще съ большимъ увлеченіемъ отдался научнымъ изслѣдованіямъ въ излюбленной области; между прочимъ, онъ началъ большую и солидную экспериментальную работу по вопросу о механизмѣ и иннерваціи дыханія, первую часть которой, вполнѣ обработанную, онъ успѣлъ напечатать незадолго до смерти. Планъ работы былъ задуманъ широко; изслѣдованіе, судя по первой его части, обѣщало быть выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ, но, къ сожалѣнію, неожиданная смерть такъ некстати оборвала талантливый трудъ. Безвременную кончину всегда тяжело видѣть, но еще болѣе грустно и тяжелѣе видѣть такую кончину человѣка, который хотѣлъ и могъ многое сказать и сдѣлать, но долженъ былъ замолчать на полусловѣ и унести съ собой недосказанное и недодѣланное. Отечественная наука потеряла въ немъ скромнаго, но многообѣщавшаго ученаго, работавшаго для нея не за страхъ, а за совѣсть. За свою одиннадцатилѣтнюю научную дѣятельность покойный напечаталъ слѣдующія сочиненія: 1) «Вліяніе мускульной дѣятельности на содержаніе гемоглобина и красныхъ тѣлецъ въ крови», Харьковъ, 1893 г.; 2) «Къ ученію о физіологическомъ дѣйствіи электрическаго тока на двигательный нервъ» (диссертація), Харьковъ, 1898; 3) «О физіологическомъ дѣйствіи электричества на разстояніи», 1899; 4) «Спектрофотометрія и газы крови», 1901; 5) «Поглощеніе кровью минимальныхъ количествъ окиси углерода и новый способъ опредѣленія ихъ въ воздухѣ», 1901; 6) «Современныя теоріи наркоза», 1902; 7) «Изслѣдованія по механизму и иннерваціи дыханія», выпускъ 1: «Рефлекторное происхожденіе правильной ритмики дыханія», 1903; 8) «Zur Frage nach Entstehen des normalen Athemrhythmus»; 9) «Zur Frage nach dem Zwerchfelltonus», 1904. Болѣлъ покойный около года туберкулезомъ, не подозрѣвая своей болѣзни, которая весною обострилась и вынудила его ѣхать въ Харьковъ, чтобы оттуда отправиться на кумысное лѣченіе. Затѣмъ врачи предложили ему ѣхать въ Крымъ, но ничто не помогло, и талантливая молодая жизнь скошена. (Некрологи его: «Харьковскій Листокъ», 1906 г., № 1878; «Одесскія Новости», 1905 г., № 6735, и «Одесскій Листокъ», 1905 г., № 216).

† **Кублицкій, П. С.** 19-го августа въ С.-Петербургѣ на 61-мъ году жизни скончался заслуженный профессоръ и почетный членъ конференціи Николаев-

ской академіи генеральнаго штаба, генералъ отъ инфантеріи Петръ Софроновичъ Кублицкій. Онъ родился въ 1845 г. и принадлежалъ къ старинному дворянскому роду Кіевской губерніи. Образованіе получилъ въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, курсъ которой окончилъ по первому разряду. Въ 1864 году произведенъ въ офицеры въ 30-ю артиллерійскую бригаду. По окончаніи курса академіи генеральнаго штаба, въ 1874 году перешелъ на службу генеральнаго штаба и занималъ послѣдовательно должности: старшаго адъютанта штаба 12-й пѣхотной дивизіи, помощника завѣдующаго азіатскою частью главнаго штаба, начальника штаба 4-й кавалерійской дивизіи, штабъ-офицера, завѣдующаго обучающимися въ академіи генеральнаго штаба офицерами. Въ 1879 году назначенъ адъюнктъ-профессоромъ этой академіи, затѣмъ ординарнымъ профессоромъ ея, а въ 1892 году утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. Профессоръ П. С. Кублицкій читалъ въ академіи тактику и исторію франко-прусской войны 1870 — 1871 г.г. Это былъ талантливый лекторъ, обладавшій краткою, образною и убѣдительною рѣчью. По лекціямъ его слушателями были составлены и напечатаны записки тактики и исторіи франко-прусской войны; самъ профессоръ своихъ лекцій не издавалъ (впрочемъ были составленныя имъ же литографированныя записки по франко-прусской войнѣ). Въ 1898 году П. С. Кублицкій оставилъ службу въ академіи и профессорскую дѣятельность и былъ назначенъ членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба, съ сохраненіемъ званія заслуженнаго профессора. Въ томъ же году избранъ и назначенъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ 1901 году назначенъ начальникомъ 31-й пѣх. дивизіи, съ оставленіемъ въ спискахъ генеральнаго штаба. Въ 1903 году оставилъ командованіе дивизіею и назначенъ въ распоряженіе военнаго министра. Въ 1905 году по болѣзни уволенъ въ отставку съ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи. (Некрологи его: «Русскій Инвалидъ», 1905 г., № 183; «Новое Время», 1905 г., № 10586 «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8989; «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 230, и «Кіевлянинъ», 1905 г., № 233).

† **Лохвицкая, М. А.** Неожиданно во цвѣтѣ лѣтъ и блескѣ поэтическаго таланта, 27-го августа скончалась въ С.-Петербургѣ извѣстная писательница, Марія Александровна Лохвицкая, по мужу Жиберъ. Дочь профессора-юриста А. В. Лохвицкаго, М. А. родилась 19-го ноября 1871 года въ Петербургѣ и, послѣ домашней подготовки, воспитывалась въ Московскомъ Алексадровскомъ институтѣ. По природной даровитости еще воспитанницей старшихъ классовъ она обратила на себя вниманіе первыми проблесками своего поэтическаго огонька: такъ, на урокахъ русской словесности эта живая, любознательная ученица большею частію писала свои «школьныя сочиненія» то въ стихотворной формѣ, то яркимъ, образнымъ стилемъ, напоминавшимъ тургеневскія «стихотворенія въ прозѣ». Эти удачныя пробы таланта даже побудили, съ разрѣшенія начальства, незадолго до выпуска М. А. Лохвицкой, издать въ небольшой брошюрѣ два образцовыя ея стихотворенія: «Сила вѣры» и «День и ночь» (М., 1888 г., 4 стр.). Послѣ окончанія институтскаго курса (28-го мая 1888

года), М. А. Лохвицкая переселилась въ Петербургъ и тамъ, руководимая на первыхъ порахъ извѣстнымъ покойнымъ поэтомъ А. Н. Майковымъ, выступила на литературное поприще съ вереницей стихотвореній сначала въ «Сѣверѣ» (1889—1892 гг.), затѣмъ въ «Художникѣ» (1891—1892 гг.), «Всемірной Иллюстраціи», «Русскомъ Обозрѣніи», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ. Собранные вмѣстѣ эти плоды молодой русской музы были напечатаны подъ простымъ заглавіемъ: «Стихотворенія М. А. Лохвицкой-Жиберъ» (М., 1896 г., томъ первый; М., 1898 г., томъ второй; Спб., 1900 г., томъ третій; Спб., 1903 г., томъ четвертый; Спб., 1904 г., томъ пятый, при чемъ первые два тома въ 1900 году вышли вторымъ изданіемъ). Это собраніе «Стихотвореній» вызвало большею частію одобрительные отзывы въ русской критикѣ, а первый томъ, представленный въ императорскую академію наукъ, былъ увѣнчанъ одною изъ Пушкинскихъ премій въ 1897 году по рецензіи гр. А. А. Голенищева-Кутузова. «Въ поэзіи г-жи Лохвицкой,—писалъ этотъ рецензентъ,—сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безыскусственно простъ, читается легко и также легко запоминается—несомнѣнный признакъ правильности и красоты». М. А. выдѣлялась изъ среды современныхъ писательницъ крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Ея лирическія произведенія отличаются красотой, блескомъ и звучностью формы и стиха. М. А. пробовала также писать драматическія вещи, въ которыхъ, однако, отражалось болѣе всего ея субъективное лирическое настроеніе. Сюжеты ея стиховъ и пьесъ по большей части экзотическаго характера. Хотя ее нельзя всецѣло причислить къ декадентской школѣ, такъ какъ ея стихотворенія по своему содержанію всегда осмысленны, тѣмъ не менѣе новыя теченія въ поэзіи въ извѣстной степени отразились и на ея поэтическомъ творчествѣ, такъ что по своему таланту она отчасти примыкаетъ къ нашимъ «парнасцамъ», отчасти къ современнымъ символистамъ. (Некрологи ея: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 237; «Новое Время», 1905 г., № 10594; «Сынъ Отечества», 1905 г., № 169; «Русскія Вѣдомости», 1905 г., № 239; «Наша Жизнь», 1905 г., № 238; «Новости Дня», 1905 г., № 7987; «Кіевскіе Отклики», 1905 г., № 240; «Южное Обозрѣніе», 1905 г., № 2913; «Елисаветградскія Новости», 1905 г., № 585; «Финляндская Газета», 1905 г., № 131 и др.).

† **Однеръ, В. Т.** 2-го сентября скончался въ С.-Петербургѣ Витольдъ Теофиловичъ Однеръ, пользовавшійся популярностью въ Европѣ и Америкѣ, какъ изобрѣтатель ариѳмометра и нумераціонной машины. Онъ родился въ 1845 г. въ гор. Карлстадѣ въ Швеціи, откуда въ 1869 году прибылъ въ Петербургъ со званіемъ инженеръ-технолога. Начавъ работу въ частныхъ предпріятіяхъ, онъ вскорѣ былъ приглашенъ въ экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ учредилъ нумераціонный отдѣлъ для кредитныхъ билетовъ. До него нумерація производилась примитивнымъ ручнымъ способомъ, онъ же ввелъ изобрѣтенную имъ же нумераціонную машину. Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ его изобрѣтеній, получившихъ широкое распространеніе въ Россіи и за границей. Его турникеты на пароходныхъ пристаняхъ примѣняются до сихъ поръ; его механическіе ящики для закрытыхъ баллотировокъ предполо-

жено ввести въ государственной думѣ. Ариѳмометры же, дающіе возможность производить быстрымъ механическимъ способомъ всѣ четыре дѣйствія ариѳметики, получили міровую извѣстность. Эти аппараты въ числѣ немногихъ русскихъ изобрѣтеній имѣютъ большой вывозъ во всѣ государства Европы. Кромѣ своихъ изобрѣтеній, покойный оставилъ о себѣ память, какъ добрый, отзывчивый, готовый всегда прійти на помощь человѣкъ. Когда для эксплуатаціи изобрѣтеній пришлось открыть заводъ, онъ принялъ къ себѣ преимущественно русскихъ рабочихъ и старался ограничиваться русскими матеріалами, говоря, что онъ живетъ въ Россіи, а потому долженъ и заботиться объ ея процвѣтаніи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10559).

† **Педашенко, А. Д.** 12-го августа скончался отъ чахотки на 35 году жизни въ санаторіи Каррика, Оренбургской губерніи, хранитель астрономической обсерваторіи С.-Петербургскаго университета, Алексѣй Дмитріевичъ Педашенко. Коротка была жизнь этого честнаго труженика науки, но полна духовнаго интереса. Окончивъ С.-Петербургскій университетъ въ 1894 году, А. Д. былъ оставленъ при немъ для приготовленія къ профессурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ въ главную нашу обсерваторію въ Пулковѣ сверхштатнымъ астрономомъ. На этой должности, ревностно работая на пользу науки, какъ искусный вычислитель и наблюдатель, долженъ онъ былъ пробыть до 1902 г., когда наконецъ получилъ мѣсто вычислителя обсерваторіи. За это время А. Д. побывалъ въ тяжелыхъ командировкамъ для производства градуснаго измѣренія на полярномъ архипелагѣ Шпицбергена, куда обсерваторія посылала его три лѣта кряду, съ 1899 по 1901 годъ Въ 1902 г. А. Д. принялъ участіе въ изслѣдованіи волока между рѣками Ангарой и Витимомъ, которое производилось экспедиціей морского вѣдомства. Вскорѣ по возвращеніи изъ этой трудной командировки А. Д. перешелъ на службу въ С.-Петербургскій университетъ, рѣшивъ посвятить себя всецѣло подготовкѣ къ профессорской дѣятельности. Къ несчастью, вспыхнувшая война вновь оторвала его отъ научной дѣятельности. Какъ прапорщикъ запаса, онъ долженъ былъ вступить въ ряды войскъ. Однако слабое и безъ того здоровье не выдержало, и къ веснѣ нынѣшняго года военное начальство должно было дать А. Д. отпускъ для лѣченія. Онъ поѣхалъ на кумысъ, но, какъ видно, было поздно. (Некрологи его: «Наша Жизнь», 1905 г., № 224, и «Новое Время», 1905 г., № 10586).

† **Пономаревъ, И. М.** Въ концѣ августа скончался одинъ изъ выдающихся дѣятелей русской науки—Иванъ Михайловичъ Пономаревъ, директоръ и профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, занимавшій послѣднюю должность около восемнадцати лѣтъ. Онъ родился 10 января 1848 года и высшее образованіе получилъ на физико-математическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета, куда поступилъ на правахъ вольнослушателя. Затѣмъ, избравъ химію своей спеціальностью, онъ отправился за границу, гдѣ работалъ подъ руководствомъ преимущественно германскихъ профессоровъ и въ Геттингенскомъ университетѣ получилъ степень доктора. Вернувшись на родину, И. М. Пономаревъ, спустя нѣсколько лѣтъ, получилъ должность завѣдывающаго химической лабораторіей Новороссій-

скаго университета, которую занялъ съ ноября 1876 года. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ утвержденъ исправляющимъ должность лаборанта, а въ 1877 году выдержалъ экзаменъ на магистра химіи. Въ концѣ 1878 года онъ защитилъ въ томъ же университетѣ свою магистерскую диссертацію: «Къ исторіи производныхъ группы мочевой кислоты», помѣщенную затѣмъ въ «Запискахъ Новороссійскаго университета», и оставался лаборантомъ до 1884 года, когда, по ходатайству физико-математическаго факультета, назначенъ былъ приватъ-доцентомъ, а въ слѣдующемъ году, въ маѣ, защитилъ диссертацію: «О строеніи ціануровой кислоты», и удостоенъ былъ за нее степени доктора. Преподаваніе химіи онъ началъ съ ноября 1884 года и читалъ аналитическую и теоретическую химію до начала 1887 года, когда назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ химіи въ Харьковскій технологическій институтъ. Получивъ званіе ординарнаго профессора, И. М. Пономаревъ былъ назначенъ въ 1891 году помощникомъ директора того же института и занималъ эту должность около пятнадцати лѣтъ, а весною прошлаго года сталъ исполнять обязанности директора. Большая часть трудовъ И. М. Пономарева напечатана въ спеціальныхъ изданіяхъ за границей, въ «Berichte der chemischen Gesellschaft zu Berlin» и другихъ. (Некрологи его: «Слово», 1905 г., № 251, и «Одесскія Новости», 1905 г., № 6729).

† **Псалти, М. Н.** 25-го августа въ г. Таганрогѣ скончался, послѣ многолѣтнихъ страданій Михаилъ Николаевичъ Псалти. Тяжело и мучительно сложилась жизнь этого безусловно талантливаго человѣка. Получивъ прекрасное всестороннее образованіе, онъ, по окончаніи университета, служилъ первоначально по министерству финансовъ, затѣмъ по министерству юстиціи и вскорѣ по болѣзни оставилъ службу, отдавшись всецѣло публицистикѣ. Онъ писалъ во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, корреспондировалъ въ столичныя; писалъ научныя обозрѣнія, бойкіе фельетоны на мѣстныя злобы дня, всегда живо и ѣдко и остроумно составляемые. Писалъ М. Н. также стихи, повѣсти и разсказы. Одно время завѣдывалъ редакціей «Таганрогскаго Вѣстника», потомъ завѣдывалъ отдѣленіемъ редакціи «Пріазовскаго Края» со дня его основанія первыя пять лѣтъ. Какъ фельетонистъ, М. Н. имѣлъ несомнѣнный и большой успѣхъ. Но тяжелая болѣзнь, однако, продолжала свое разрушительное, мрачное дѣло. М. Н. былъ прикованъ къ постели и мучительно страдалъ. Такъ продолжалось очень долго. Однако, не взирая на муки, покойный продолжалъ писать, но уже черпалъ свои свѣдѣнія не изъ личныхъ наблюденій, а лишь по разсказамъ знакомыхъ да газетнымъ сообщеніямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ М. Н. ослѣпъ. Но и это роковое обстоятельство не помѣщало ему работать въ мѣстныхъ газетахъ. Нѣкоторыя замѣтки онъ самъ писалъ, нѣкоторыя диктовалъ. Такъ продолжалось почти до послѣднихъ дней его жизни. Скончался М. Н. 40 лѣтъ отъ роду, изъ коихъ проболѣлъ почти 15 лѣтъ. (Некрологи его; «Новости Дня», 1905 г., № 7991 и «Таганрогскій Вѣстникъ», 1905 г., № 208).

† **Репяховъ, В. М.** 13-го сентября въ Одессѣ скончался ординарный профессоръ физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета,

докторъ зоологіи, Василій Михайловичъ Репяховъ. Покойный родился въ Симбирскѣ 30 января 1852 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ одесской Ришельевской гимназіи. По окончаніи гимназическаго курса, какъ не достигнувшій 17-лѣтняго возраста, онъ не былъ принятъ въ число студентовъ Новороссійскаго университета, и въ качествѣ посторонняго слушателя занимался математикой, физикой и химіей. Въ 1869 г. вступилъ въ число студентовъ отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета, а въ 1873 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата. Будучи студентомъ, слушалъ въ числѣ другихъ лекціи профессоровъ Мечникова, Сѣченова и Ценковскаго. Подъ руководствомъ проф. Сѣченова изслѣдовалъ дѣйствіе N. Vagi и Sympathici на сердце лягушки и черепахи (Emys europea) и дѣйствіе Vagi на лимфатическія сердца лягушки. 19 января 1874 года В. М. по представленію проф. Вальца и Мечникова оставленъ былъ на 2 года при университетѣ. Съ 1876 г. избранъ былъ хранителемъ зоотомическаго кабинета Новороссійскаго университета, при чемъ исполнялъ обязанности ассистента при практическихъ занятіяхъ со студентами у проф. Мечникова и Ковалевскаго; 23 ноября 1881 г. защитилъ диссертацію на магистра зоологіи и сталъ приватъ-доцентомъ. 16 сентября 1882 г. избранъ былъ штатнымъ доцентомъ по анатоміи, при чемъ онъ читалъ въ 1883—1884 г. курсы сравнительной остеологіи, общей гистологіи и анатоміи человѣка и велъ практическія занятія. Уставъ 1884 г., отмѣнившій званіе штатныхъ доцентовъ, оставилъ В. М. Репяхова приватъ-доцентомъ. Проведя 1884—1885 гг. въ заграничной командировкѣ, онъ по возвращеніи продолжалъ читать общую (сравнительную) гистологію и анатомію человѣка. Въ началѣ 1886 г. В. М. получилъ въ Новороссійскомъ университетѣ степень доктора зоологіи и 1-го мая того же года назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ зоологіи. 1-го января 1896 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ при той же каѳедрѣ. Первыя зоологическія работы В. М. сдѣлалъ отчасти въ Одессѣ, отчасти въ Крыму. Въ послѣднюю мѣстность онъ былъ командированъ новороссійскимъ обществомъ естествоиспытателей. Во время командировокъ занимался, главнымъ образомъ, на Севастопольской біологической станціи, которою временно завѣдывалъ въ 1874 и 1878 годахъ. В. М. работалъ на зоологическихъ станціяхъ въ Тріестѣ, Виллафранкѣ и Неаполѣ, а также въ Марсели, и посѣщалъ зоологическіе институты въ Вѣнѣ, Страсбургѣ и Бреславлѣ. В. М. написалъ много научныхъ трудовъ. Списокъ работъ его по его спеціальности даетъ нѣсколько десятковъ названій на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Помѣщались онѣ въ «Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей», въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie» и др. изданіяхъ. Кончина проф. В. М. Репяхова явилась неожиданностью. Правда, онъ давно страдалъ ракомъ въ горлѣ, но ничто не предвѣщало такого быстраго конца. В. М. принималъ дѣятельное участіе въ вопросахъ, касающихся реформъ университетскаго строя, и еще за нѣсколько дней до кончины участвовалъ въ засѣданіи совѣта для выборовъ ректора. В. М., какъ членъ академическаго союза, надѣялся видѣть плоды трудовъ прогрессивной партіи на пользу родного университета. Судьба

рѣшила иначе. Послѣ удачной операціи, совершенной профессоромъ К. М. Сапѣжко, В. М. почувствовалъ значительное облегченіе. Но это продолжалось недолго. Болѣзнь осложнилась. В. М. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и это послужило причиной преждевременной его кончины. Дѣятельность В. М. была двоякаго рода: во-первыхъ, какъ ученаго изслѣдователя въ области зоологіи, а, во-вторыхъ, какъ профессора-преподавателя зоологіи. Чтобы сразу очертить личность В. М., какъ ученаго, достаточно сказать, что В. М. вышелъ изъ той школы зоологовъ, которая создана у насъ Ковалевскимъ и Мечниковымъ. Отличительная особенность названной школы та, что во всякомъ зоологическомъ вопросѣ нужно прежде всего сдѣлать точное наблюденіе и затѣмъ сдѣлать изъ такого наблюденія теоретическій выводъ, имѣющій возможно большее общее значеніе. В. М., усвоивъ все лучшее этой школы, не остановился на этомъ, онъ сдѣлалъ свой самостоятельный шагъ впередъ. Онъ безошибочно, можно сказать, отдавалъ предпочтеніе общимъ разсужденіямъ въ зоологическомъ изслѣдованіи, оставляя на второмъ планѣ наблюденія. Онъ отдавалъ предпочтеніе теоріи передъ фактами, исходя изъ того положенія, что факты остаются фактами, объясненіе ихъ дано въ нашемъ умѣ, объясненіе приводитъ къ теоріямъ, безъ которыхъ наука была бы мертвой буквой. Экспериментальное изслѣдованіе свое или чужое служило для В. М. Репяхова лишь предметомъ, поводомъ, чтобы вступить въ общія разсужденія, и отъ общихъ разсужденій перейти прямо въ область чистой философіи. Въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ, касающихся общихъ вопросовъ зоологіи, В. М. поднимается на высоту чисто философскаго анализа и вводитъ насъ въ философію естествознанія. Другой отличительной чертой дарованія В. М. было умѣніе его критически относиться къ изслѣдованіямъ въ области зоологіи и въ особенности къ зоологическимъ теоріямъ. Заинтересовавшись какимъ нибудь изслѣдованіемъ и перечитывая его, В. М. съ первыхъ страницъ опредѣлялъ уже значеніе изслѣдованія. Анализируя самый сложный вопросъ, В. М. сразу же отдѣлитъ существенное отъ второстепеннаго и дастъ ему всестороннюю оцѣнку, связавъ при этомъ его съ общими теоретическими воззрѣніями, которыхъ авторъ наблюденія не могъ даже подозрѣвать. Обращаясь къ другой сторонѣ дѣятельности В. М., какъ профессора, преподавателя зоологіи, слѣдуетъ указать, что В. М. былъ убѣжденный дарвинистъ и притомъ поклонникъ Геккеля, котораго онъ въ своихъ сочиненіяхъ называетъ отчаяннымъ дарвинистомъ. Излагая курсъ зоологіи, В. М. первой задачей ставилъ для себя провести идею дарвинизма во всей ея полнотѣ и ясности. Для этой цѣли онъ преднамѣренно избѣгалъ сообщать возможно больше фактовъ, наоборотъ, онъ старался сообщить ихъ возможно меньше, но всегда избиралъ такіе факты и такую матерію, которые нагляднѣе и убѣдительнѣе другихъ освѣщали и подтверждали мысль, ученіе объ эволюціи животнаго міра путемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Ведя преподаваніе зоологіи въ такой формѣ, В. М. Репяховъ не только сообщалъ своей аудиторіи свѣдѣнія, обогащалъ ее знаніями, но способствовалъ также установленію опредѣленнаго міросозерцанія. Его заключительныя лекціи, въ особенности, были полны интерсса и собирали переполненную аудиторію. В. М. обладалъ глубо-

кими и разносторонними познаніями, онъ представлялъ собой сильный критическій умъ философскаго склада. Какъ преподаватель, В. М. не только талантливо сообщалъ знанія своимъ слушателямъ, но воспитывалъ ихъ, направляя ихъ на опредѣленное міросозерцаніе. Нельзя не прибавить еще, что В. М., какъ психологическая индивидуальность, принадлежалъ къ той категоріи человѣческихъ личностей, которыя остаются способными къ развитію и совершенствованію до послѣдняго дня жизни, хотя бы онъ наступилъ въ самой глубокой старости. Въ лицѣ В. М. Репяхова Новороссійскій университетъ потерялъ крупное и оригинальное дарованіе. (Некрологи его: «Одесскія Новости», 1905 г., № 6741; «Одесскій Листокъ», 1905 г., № 221, и «Южное Обозрѣніе», 1905 г., № 2922).

† **Соловьевъ, Е. А.** 25-го августа въ Шуваловѣ скончался отъ разрыва сердца талантливый публицистъ и критикъ Евгеній Андреевичъ Соловьевъ, извѣстный подъ именемъ «Андреевичъ». Широко и разносторонне образованный, съ широкимъ кругомъ интересовъ, покойный Е. А., формировавшійся въ сумеречное время 80-хъ годовъ, сумѣлъ не дать этимъ сумеркамъ овладѣть его душой, притупить его энергію. Сразу же искренно примкнувъ къ марксизму, Е. А. продолжалъ работу до послѣдней своей минуты, не сбиваясь въ сторону и не допуская никакихъ компромиссовъ. «Преклоняться нечего, — говорилъ онъ, — учиться надо многому». Это былъ его девизъ, и онъ дѣйствительно осуществлялъ его въ своей личной жизни. Марксизмъ, ницшеанство, идеализмъ, рабочій вопросъ—все это имъ было изучено, продумано, обо всемъ у него было свое собственное мнѣніе, свое слово, и всегда яркое, самобытное слово. Литературная дѣятельность, то, что онъ написалъ за время своей почти 15-ти-лѣтней работы (онъ писалъ въ «Новостяхъ», велъ постоянный отдѣлъ критики въ журналѣ «Жизнь», издавалъ отдѣльныя монографіи), все это носитъ на себѣ слѣды многолѣтняго самостоятельнаго и вдумчиваго труда. Критикъ, даже историкъ литературы по преимуществу, Е. А. оставилъ намъ рядъ весьма цѣнныхъ статей и монографій. Работы эти пока разсѣяны по разнымъ изданіямъ, и только кое-что появилось отдѣльно. Со временемъ онѣ, навѣрно, будутъ собраны, и такое собраніе будетъ весьма цѣннымъ, такъ какъ дастъ намъ весьма яркую картину новой, молодой, вскипающей умомъ и смѣлостью русской литературы. Е. А. Соловьевъ безспорно,—и въ томъ его большая заслуга,—былъ истолкователемъ нашей новѣйшей литературы. Онъ одинъ изъ первыхъ понялъ и хорошо истолковалъ Максима Горькаго, искренно говорилъ о геніи этого писателя, въ то время какъ старая критика брюзжала и всячески старалась его дискредитировать. Онъ же далъ прекрасную работу о Чеховѣ. Ему принадлежатъ монографіи о Писаревѣ, Бѣлинскомъ, Толстомъ и др. нашихъ писателяхъ. На всѣ эти работы, однако, онъ никогда не смотрѣлъ, какъ на нѣчто самодовлѣющее. Это были лишь этюды, лишь подготовка общей картины, которую онъ счелъ возможнымъ дать только теперь въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Опытъ философіи русской литературы». Красиво, художественно написанная, полная блестящихъ характеристикъ и тонкихъ обобщеній, книга эта займетъ видное мѣсто въ нашей очень скудной общими трудами литературѣ. «Высшимъ благомъ для

человѣка,—говоритъ въ этой книгѣ Е. А.,—я считаю его творчество». Самъ онъ постоянно стремился къ достиженію этого блага, глубоко вѣрилъ въ значеніе человѣческой личности, въ индивидуализмъ, но не мѣщанскій, метафизическій индивидуализмъ нашихъ дней. Е. А. Соловьевъ вѣрилъ въ нарожденіе индивидуализма пролетарскаго, индивидуализма, который признаетъ полную независимость интимной стороны человѣческой личности и полное подчиненіе интересамъ міроваго товарищескаго производства, общественной справедливости. Съ этой вѣрой онъ умеръ, сдѣлавъ немало для проведенія этой вѣры въ жизнь, но далеко не все то, что могъ бы и что хотѣлъ бы сдѣлать. Въ переживаемый нами тяжелый кризисъ общественной жизни эта смерть особенно тяжела. Мы, русское общество, потеряли очень полезнаго работника, а ихъ у насъ далеко не много. Е. А. родился въ 1863 году, въ Петербургѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ 3-й с.-петербургской гимназіи, затѣмъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Еще студентомъ Е. А. началъ свою литературную дѣятельность въ газетѣ «Эхо». По окончаніи университетскаго курса Е. А. отправляется учителемъ гимназіи въ одинъ изъ сибирскихъ городовъ. Результатомъ сибирскихъ впечатлѣній явилась впослѣдствіи изданная Ф. Ф. Павленковымъ книга «Сборникъ разсказовъ» Соловьева. По возвращеніи изъ Сибири въ началѣ 90-хъ годовъ Е. А. начинаетъ дѣятельное сотрудничество въ столичныхъ органахъ печати. Его критическіе фельетоны и живые, бойкіе очерки за подписью «Скриба» появляются въ «Русской Жизни». Затѣмъ Е. А. принимаетъ дѣятельное участіе въ «Новостяхъ», гдѣ каждую недѣлю въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ печатаетъ свои литературные фельетоны. Въ концѣ 90-хъ годовъ Е. А. примыкаетъ къ группѣ писателей, собравшихся въ обновленной редакціи «Жизни», гдѣ за подписью «Андреевича» появляется рядъ этюдовъ, посвященныхъ современной литературѣ. Почти одновременно выходитъ его книга «О Чеховѣ и Горькомъ», и затѣмъ капитальный трудъ «Очерки по исторіи русской литературы». Наконецъ, въ текущемъ году появляется въ изданіи товарищества «Знаніе» интересная работа «Опытъ философіи русской литературы». Кромѣ того, покойный принималъ дѣятельное участіе въ газетѣ «Русь» (псевдонимъ «Андъ и Анъ»). Работалъ онъ также много въ издательствѣ Павленкова. Совсѣмъ на-дняхъ вышла его монографія о Л. Н. Толстомъ. (Некрологи его: «Слово», 1905 г., № 240; «Новое Время», 1905 г., № 10595; «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 9001; «Русь», 1905 г., № 210; «Русскія Вѣдомости», 1905 г., № 235; «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 243; «Кіевскіе Отклики», 1905 г., № 240; «Пріазовскій Край», 1905 г., № 208; «Приднѣпровскій Край», 1905 г., № 2591; «Одесскія Новости», 1905 г., № 6729; «Кіевская Газета», 1905 г., № 239; «Южное Обозрѣніе», 1905 г., № 2910; «Харьковскій Листокъ», 1905 г.; «Курскій Листокъ», 1905 г., № 238 и др.).

† **Ставровскій, Ѳ. П.** 21-го августа скончался на 67 году жизни одинъ изъ выдающихся представителей столичнаго духовенства, протоіерей почтамтской церкви Ѳедоръ Павловичъ Ставровскій. Уроженецъ Тверской губерніи, покойный, по окончаніи курса въ Петербургской духовной академіи, удостоен-

ный ученой степени магистра богословія, принялъ въ 1866 году священство и былъ опредѣленъ законоучителемъ и настоятелемъ церкви Технологическаго института; на этомъ мѣстѣ служенія Ѳ. П. пробылъ около 30-ти лѣтъ, все время неизмѣнно пользуясь расположеніемъ профессорской корпораціи и уваженіемъ своихъ слушателей. Одновременно съ этимъ онъ преподавалъ Законъ Божій въ женскихъ гимназіяхъ: Василеостровской, Рождественской (теперь принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской) и А. А. Макалютиной, и былъ членомъ-экзаменаторомъ испытательнаго комитета при управленіи учебнаго округа. Оставивъ службу въ институтѣ, онъ въ 1895 году занялъ мѣсто настоятеля почтамтской церкви. Человѣкъ сильнаго и свѣтлаго ума, онъ съ живой вѣрой соединялъ широту умственныхъ интересовъ, чуткость къ движенію жизни, силу и жизненность слова съ учительской и церковной каѳедры, привлекательность обращенія въ личныхъ отношеніяхъ съ людьми. Покойному принадлежитъ русскій переводъ извѣстной въ свое время книги Шаффа: «Іисусъ Христосъ—чудо исторіи», Спб., 1875 г. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10589).

† **Сушинъ, К. Д.** 22-го августа, въ 2 часа утра, скончался въ лѣчебницѣ доктора Коносевича бывшій профессоръ Горнаго института по каѳедрѣ неорганической химіи, Константинъ Дмитріевичъ Сушинъ. Въ сущности, для активной дѣятельности Константинъ Дмитріевичъ умеръ уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и за эти пятнадцать лѣтъ его общеніе съ людьми ограничивалось чтеніемъ массы газетъ и журналовъ и рѣдкими посѣщеніями его бывшими учениками. Имя К. Д. памятно всѣмъ горнымъ инженерамъ выпусковъ 70—80 годовъ, т.-е. того періода его существованія, когда во главѣ института стояли такіе авторитеты науки, какъ Гельмерсонъ и Кокшаровъ, и когда среди профессоровъ института числились, нынѣ уже покойные, Еремѣевъ, Лисенко, Барботъ-де-Марни. Уроженецъ Екатеринбурга, Константинъ Дмитріевичъ окончилъ курсъ въ Горномъ корпусѣ въ 1865 году съ золотою медалью и послѣ кратковременнаго пребыванія на службѣ въ Богословскомъ округѣ былъ прикомандированъ къ лабораторіи горнаго департамента въ Петербургѣ. По защитѣ въ 1868 году диссертаціи «О взаимодѣйствіи солей», посвященной животрепещущему въ то время вопросу о законахъ соляного обмѣна въ однородной средѣ, К. Д. получилъ званіе адъюнкта Горнаго института, а въ 1876 году — ординарнаго профессора по каѳедрѣ неорганической химіи. Слабый и нервный отъ природы К. Д. всѣ силы свои посвятилъ дѣлу преподаванія и его нѣсколько, быть можетъ, сухое, но въ то же время чрезвычайно живое и нервное изложеніе, славившееся въ особенности необыкновеннымъ обиліемъ блестяще поставленныхъ опытовъ, иллюстрировавшихъ излагаемое, привлекало всегда массу слушателей, и аудиторія его была всегда полна. Сердечная отзывчивость и неизмѣнное доброжелательство К. Д., несмотря на нѣкоторую шероховатость характера, несмотря на то, что онъ являлся грозою студентовъ на экзаменѣ, привлекали къ неми симпатіи слушателей, и онъ пользовался ихъ почти безграничнымъ довѣріемъ. Въ этомъ они не ошибались—это былъ рѣдкой души человѣкъ, отдававшій себя преподавательскому дѣлу и аудиторіи. Надорванное здоровье и желаніе уступить дорогу болѣе молодымъ и свѣжимъ силамъ по-

будили его въ 1890 году подать въ отставку. Ни просьбы совѣта института, ни просьбы депутацій студентовъ не могли заставить его измѣнить свое рѣшеніе. Отказавшись отъ активнаго участія въ жизни института, онъ, тѣмъ не менѣе, живо до конца своей жизни интересовался жизнью его. Послѣдніе годы службы К. Д. Сушина въ Горномъ институтѣ были годами, когда началось систематическое разрушеніе этого, въ оное время замѣчательнаго учебнаго заведенія; ломка института, гоненіе на науку глубоко его возмущали, и, оставивъ институтъ, онъ никогда послѣ въ него не заглядывалъ. Въ послѣдніе годы нѣкоторыя надежды на обновленіе научныхъ силъ института какъ будто давали надежду на его съ нимъ примиреніе; но новый, окончательный разгромъ рѣшительно разрушилъ всѣ его надежды. Живо реагировала чуткая натура К. Д. Сушина и на факты общественной жизни, и это реагированіе не могло остаться безъ вліянія на слабый его организмъ. (Некрологи его: «Разсвѣтъ», 1905 г., № 154; «Новое Время», 1905 г., № 10589).

† **Чаплинъ, Е. Н.** Въ часъ ночи на 30-е августа въ Бологомъ скоропостижно скончался Ермолай Николаевичъ Чаплинъ, петербургскій почтъ-директоръ. Во главѣ почтамта покойный сталъ всего съ 22-го марта 1903 года, занимая раньше мѣсто управляющаго сухопутной таможней. Благодаря своей доступности, доброжелательности и любезности, Чаплинъ пользовался въ Петербургѣ большой популярностью. Вступивъ въ почтовое вѣдомство, онъ ретиво принялся за преобразованіе почтовыхъ учрежденій въ С.-Петербургѣ, обративъ вниманіе прежде всего на внутренній механизмъ почты, какъ-то: ускореніе доставки корреспонденціи, газетъ и на упрощеніе способовъ пріема писемъ и газетъ. Онъ ввелъ много новыхъ правилъ, урегулировалъ время пріема корреспонденціи, издалъ цѣлый рядъ справочныхъ брошюръ для публики и пр. Е. Н. Чаплинъ пропагандировалъ и добился внѣшняго улучшенія почты, а именно: при немъ упразднены знаменитыя телѣги для перенозки тюковъ на вокзалы, запрягавшіяся въ четыре лошади и пугавшія публику на улицахъ. Онъ замѣнилъ ихъ красивыми экипажами съ шорной упряжью и съ сытыми лошадьми. При Чаплинѣ появились почтовые автомобили и выстроено, наконецъ, новое грандіозное зданіе почтамта. Е. Н. Чаплинъ лично организовалъ почтовое дѣло въ новомъ зданіи, установивъ образцовый порядокъ. Немалой заслугой Ермолая Николаевича надо признать его инициативу привлечь на службу женщинъ, замѣщая ими многія должности чиновниковъ. Имъ принято въ почтовое вѣдомство 211 женщинъ, занимающихся въ разныхъ отдѣленіяхъ. Дѣятельность Чаплина въ таможнѣ извѣстна большинству петербуржцевъ, имѣвшихъ дѣло съ полученіемъ заграничныхъ товаровъ. Его вниманіе къ просьбамъ и жалобамъ было безграничное: онъ самъ заботился объ ускореніи выдачи посылокъ и товаровъ, провѣрялъ заявленія и всѣми силами способствовалъ быстрому движенію ввѣреннаго ему дѣла. Какъ человѣкъ энергичный, онъ подбодрялъ служащихъ чиновниковъ, выдѣляя и поощряя людей способныхъ и такихъ же энергичныхъ, какъ онъ самъ. Когда онъ покинулъ таможню, несмотря на сдѣланное ему предложеніе управлять одновременно и морской, служащіе поднесли ему благодарственный адресъ. Вообще и въ таможнѣ и въ почтамтѣ онъ сумѣлъ заслужить общую любовь и уваженіе. Служба въ таможнѣ убѣдила Чап-

лина въ необходимости упростить полученіе заграничныхъ посылокъ чрезъ почтамтъ, гдѣ былъ введенъ досмотръ этихъ посылокъ. Е. Н. Чаплинъ страдалъ болѣзнью сердца, и врачи предписывали ему полный покой, но онъ слабо придерживался этого режима, работая безъ устали. Чаплинъ, дворянинъ Тверской губерніи, началъ служилъ офицеромъ въ Сумскомъ гусарскомъ и лейбъ-гвардіи Уланскомъ полкахъ. За участіе въ прошлой турецкой кампаніи имѣлъ знаки отличія съ мечами за храбрость. Въ С.-Петербургѣ Чаплина знали еще, какъ театрала, любителя искусствъ, находившаго время присутствовать на всѣхъ выдающихся спектакляхъ и выставкахъ. Знавшіе его,—а такихъ очень много,—пожалѣютъ о немъ искренно. Про него можно сказать, что онъ, служа на казенной службѣ, стремился всегда къ упраздненію бюрократической волокиты и по возможности достигалъ этого. Пріемныхъ часовъ у него въ дѣйствительности не было, и всѣ обращались къ нему когда угодно, встрѣчая широкую предупредительность. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10595; «Слово», 1905 г., 241).

новенный энтузіазмъ овладѣли всѣми. Горожане и военные братались, смѣясь и обнимаясь.

Солнце, наконецъ выглянувшее изъ-за тучъ, бросило свои лучи на снѣгъ, покрывавшій крыши, на оружіе солдатъ и на золоченнаго орла, котораго несъ Жербэ, отъ гордости дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ.

XVIII.

Какъ извѣстно, Персиньи облекся въ полную форму капитана главнаго штаба, она шла къ нему, какъ нельзя болѣе, и онъ чувствовалъ себя въ ней совершенно свободно. Для бывшаго юнкера Сомюрской военной школы, только-что вышедшаго изъ арміи, ничего не было стѣснительнаго въ этой одеждѣ.

Его костлявая фигура, небольшіе усы, блестящіе глаза—все сохраняло тотъ военный отпечатокъ, который никогда совершенно не изглаживается у людей, находившихся на военной службѣ.

Въ сопровожденіи своихъ двадцати канонировъ, онъ быстро направился чрезъ улицу Орфелэнъ, мостъ Гильома и улицы верхняго города къ префектурѣ, находившейся въ улицѣ Брюлэ, въ старинномъ еврейскомъ кварталѣ, противъ площади Брольи.

Хотя пришлось пройти весь городъ, но еще было не болѣе половины седьмого, когда онъ остановилъ свой маленькій отрядъ предъ высокимъ порталомъ великолѣпнаго зданія, выстроеннаго въ восемнадцатомъ вѣкѣ королевскимъ заимодавцемъ, Францемъ-Іосифомъ Клинглиномъ.

Здѣсь обитала самая высшая власть департамента, префектъ Шоппэнъ д'Арнувилль, извѣстный своей преданностью іюльской монархіи. Персиньи предстояло захватить этого высшаго администратора въ постели, прежде чѣмъ онъ узнаетъ о совершившемся. Эта мѣра была необходима, чтобы парализировать всякое съ его стороны дѣйствіе, напримѣръ, дѣйствія для защиты правительства, примѣненіе имъ телеграфа Шаппа, еще находившагося въ употребленіи въ ту эпоху.

Персиньи съ минуту разсматривалъ высокія половинки дверей.

Онъ сдѣлалъ знакъ солдатамъ встать у стѣны, чтобы ихъ не замѣтили, когда отворятъ дверь. Затѣмъ онъ поднялъ стукальце и герметически закрытыя ставнями окна и убѣдился, что всѣ еще спали въ домѣ префекта.

Онъ осторожно постучалъ, стараясь уменьшить силу удара.

Ему отвѣтили только на третій стукъ.

Чрезъ слуховое окошко возлѣ двери раздался голосъ человѣка въ дурномъ настроеніи:

— Кто тамъ? Чего вамъ?

— Офицеръ главнаго штаба, — отвѣтилъ Персиньи: — крайне важное сообщеніе отъ генералъ-лейтенанта, командующаго войсками въ департаментѣ.

— Хорошо, иду,—проворчалъ голосъ.

Проходившіе рабочіе останавливались и съ любопытствомъ разсматривали артиллеристовъ, стоявшихъ шпалерами у стѣны дома префекта.

Вскорѣ собралась порядочная толпа.

Чрезъ нѣсколько минутъ дверь пріотворилась, и показался полуодѣтый придверникъ.

Персиньи сильно толкнулъ половинку двери и, сопровождаемый солдатами, ворвался въ сѣни. Тотчасъ же дверь захлопнулась предъ носами зѣвакъ, количество которыхъ все увеличивалось.

Изумленный придверникъ не думалъ сопротивляться вторженію.

Это былъ громадный рыжеволосый дѣтина, шести футовъ роста, съ большими наивными глазами; онъ былъ эльзасецъ, и его звали, какъ мы уже сказали, Христіанъ-Алоизій Вольтцъ.

— Что?.. что вы хотите?..—только и могъ пробормотать онъ.

Персиньи своимъ отрывистымъ, властнымъ голосомъ произнесъ:

— Проведите насъ въ покои префекта.

— Но...—нерѣшительно возразилъ придверникъ.

— Если ты будешь колебаться или звать на помощь, то я покончу съ тобою.

Надо полагать, что взглядъ ложнаго капитана главнаго штаба былъ слишкомъ выразителенъ, потому что несчастный Христіанъ-Алоизій поспѣшно повиновался.

Онъ глубоко вздохнулъ и съ замѣтнымъ эльзасскимъ произношеніемъ сказалъ:

— Слѣдуйте за мною.

Затѣмъ, подумавъ, онъ съ комическимъ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Ключи! у меня нѣтъ ключей!

— Гдѣ они?—спросилъ Персиньи.

— У Антида Канделя.

— Что это за Антидъ Кандель?

— Слуга г. префекта.

— Позовите его сюда, или скорѣе...

— Вотъ онъ,—прохрипѣлъ несчастный придверникъ.

Къ группѣ подбѣжалъ изумленный слуга въ утренней одеждѣ: въ жилетѣ и передникѣ съ нагрудникомъ.

— Что случилось, Боже мой?—спросилъ онъ.

— Ахъ, г. Антидъ,—отвѣтилъ уныло придверникъ:—мы оба лишимся мѣста... эти господа хотятъ...

Персиньи прервалъ его:

— У васъ ключи?

— Какіе ключи?—спросилъ слуга.

— Отъ покоевъ префекта.

— Да, но...

— Дайте ихъ.

Антидъ Кандель взглянулъ на Персиньи, на придверника, на двадцать канонировъ, смотрѣвшихъ на него насмѣшливо, и увидѣлъ, что надо повиноваться.

— Ахъ, Боже мой!—сказалъ онъ, вынимая связку ключей,—г. префектъ мнѣ очень наказывалъ не будить его ранѣе девяти часовъ.

Персиньи началъ терять терпѣніе.

— Давайте же!—проворчалъ онъ, вырывая ключи изъ рукъ слуги.

Затѣмъ, обернувшись къ канонирамъ, прибавилъ:

— Двое солдатъ пусть сторожатъ этого болвана; остальные слѣдуйте за мною.

И, обратясь къ придвернику, прибавилъ:

— Проведите насъ.

Вольтцъ толкнулъ широкую стеклянную дверь, отворявшуюся въ сѣни, изъ которыхъ вела величественная лѣстница въ покои префекта.

Великолѣпный коверъ покрывалъ ступени; воздухъ былъ тяжелый отъ тепла, исходящаго изъ калорифера.

— Здѣсь лучше, чѣмъ на казарменномъ дворѣ, — замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Навѣрно,—подтвердили другіе.

Двѣ или три сабли задѣли за перила.

— Тише,—приказалъ Персиньи.

Достигнувъ второго этажа, они очутились предъ двумя запертыми дверьми.

— Которая?—спросилъ Персиньи.

— Эта,—отвѣтилъ слабымъ голосомъ придверникъ.

Они попробовали многіе ключи, прежде чѣмъ найти подходящій.

Наконецъ дверь растворилась; имъ представился цѣлый рядъ гостиныхъ.

Персиньи взглядомъ спросилъ слугу, которая комната префекта.

— Въ глубинѣ,—указалъ Вольтцъ покорно.

Вся эта небольшая толпа быстро прошла чрезъ громадныя комнаты, мутно освѣщенныя блѣднымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь щели ставней.

Вскорѣ они должны были остановиться предъ послѣдней дверью, запертой на двойной замокъ.

«Этотъ префектъ,—раздумывалъ Персиньи:—не очень-то храбръ. Онъ запирается на ночь, какъ боязливая женщина... А вотъ и ключъ».

Онъ съ предосторожностью повернулъ замокъ и вмѣстѣ съ солдатами вошелъ въ комнату.

Префектъ спалъ глубокимъ сномъ. Ночникъ, стоявшій возлѣ кровати, освѣщалъ его суровое лицо съ сѣдыми усами; его голова была повязана фуляромъ.

Шаги вошедшихъ заглушалъ толстый коверъ, и префектъ не проснулся. Персиньи пришлось его окликнуть и дернуть за руку.

На лицѣ префекта выразилось изумленіе, смѣшанное съ ужасомъ.

Полуприподнявшись на локтѣ, онъ вытаращилъ глаза, какъ безумный. Увидя окружившихъ его кровать солдатъ съ обнаженными саблями, онъ сдѣлался какъ бы парализованъ.

Съ минуту онъ думалъ, что еще спитъ и находится подъ вліяніемъ кошмара. Но скоро онъ почувствовалъ всю реальность положенія. Онъ былъ дѣйствительно разбуженъ угрожавшей ему вооруженной шайкой.

Однако ему показалось, что онъ узналъ французскіе мундиры, и тогда онъ болѣе ничего не понималъ.

Онъ попробовалъ говорить, но у него пересохло горло, и какая-то горечь обложила его языкъ. Два конца его фуляра свѣсились ему на лобъ.

Это разсмѣшило артиллеристовъ, и они втихомолку расхохотались.

Персиньи положилъ конецъ этой сценѣ.

— Полноте, г. префектъ, — сказалъ онъ мягко,—вамъ надо встать и послѣдовать за нами.

— Гм?..—съ трудомъ удалось выговорить бѣднягѣ.

Персиньи повторилъ свое приглашеніе.

— Послѣдовать за вами? Куда это? Кто вы такой?

Персиньи учтиво поклонился и произнесъ:

— Виконтъ Персиньи, адъютантъ его высочества, принца Наполеона.

— Принца! какого принца?... Ахъ, да, сына г-жи Сенъ-Лё!... Но онъ въ Лондонѣ,—попробовалъ возразить чиновникъ.

— Его высочество въ Страсбургѣ.

— Въ Страсбургѣ?...

— Да, г. префектъ, и въ данной моментъ, когда я съ вами говорю, онъ уже хозяинъ города.

— Это невозможно,—возразилъ несчастный префектъ, — мои свѣдѣнія точны, и увѣряю васъ...

— Я самъ васъ увѣряю,—отвѣтилъ Персиньи, уже начиная терять терпѣніе,—что принцъ здѣсь. Войска гарнизона только что провозгласили его императоромъ французовъ.

— Ахъ! Боже мой! тогда я погибъ! Что скажетъ король? Что скажетъ Молэ?

И не заботясь, что выставляетъ наготу своихъ сухопарыхъ икръ, префектъ спустилъ на коверъ ноги; на его лицѣ выразился полнѣйшій ужасъ.

— Полно, сударь, одѣвайтесь, я тороплюсь,—произнесъ Персиньи учтиво, но твердо. — Меня ожидаютъ друзья, мнѣ надо съ вами покончить.

— Покончить со мною!.. Что вы подъ этимъ подразумѣваете?— спросилъ онъ смущенно.

— Э! не дрожите такъ! Васъ не хотятъ убить. Мнѣ отданъ приказъ оградить себя относительно вашей личности и не дать вамъ невозможности создавать преграды нашимъ планамъ. Вотъ и все. Итакъ, одѣвайтесь скорѣе. Возьмите съ собою бѣлье и всѣ мелкія принадлежности, какія хотите, и отправимся.

— Куда же?

— Въ тюрьму.

— Въ тюрьму?!..

— Да.

— Въ тюрьму? меня?... Но вы хотите поставить меня въ смѣшное положеніе, заставить меня лишиться мѣста. Самое малое, что можетъ со мною случиться,—отрѣшеніе отъ должности... Ахъ, сударь, а я еще утверждалъ, два дня тому назадъ, предъ президентомъ совѣта, что нечего опасаться со стороны... Такъ этотъ болванъ Корнильонъ былъ правъ. Какъ! Этотъ тихій, хорошо воспитанный, молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ въ Баденѣ, занимавшагося единственно волокитствомъ!.. Возможно ли?...

Несчастный префектъ принялся такъ горевать, что забылъ одѣться.

— Откройте окно! — воскликнулъ раздраженный Персиньи:— холодъ заставитъ его одѣться!

Два артиллериста исполнили приказъ. Порывъ леденящаго воздуха ворвался въ комнату. Префектъ вздрогнулъ отъ холода и рѣшился надѣть носки.

Одѣваніе длилось долго. Надо было безостановочно тормошить префекта. Онъ не переставалъ жаловаться и, казалось, этимъ хотѣлъ выиграть время.

Онъ попытался заставить Персиньи разговориться, чтобы узнать, какъ все это устроилось, и дѣйствительно ли дѣло зашло такъ далеко, какъ утверждалъ тотъ.

Мало-по-малу онъ овладѣлъ своимъ хладнокровіемъ и исподтишка сталъ наблюдать за Персиньи; проницательный и хитрый префектъ обдумывалъ, какъ бы извлечь изъ своего положенія наибольшую выгоду.

Но Персиньи былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно было исповѣдывать. При каждомъ прямомъ вопросѣ онъ отвѣчалъ все угрюмѣе и сдержаннѣе.

— Поторопитесь, меня ожидаютъ. Вамъ совсѣмъ не требуется знать болѣе этого.

Однако на вопросъ, заданный ему коварно: «что вы сдѣлали съ генераломъ Вуаролемъ?» Персиньи сухо, съ увѣренностью отвѣтилъ:

— Онъ съ нами!

Префектъ подскочилъ.

Слышно было, какъ онъ прошепталъ:

— Чортъ возьми! Дѣло серіозное.

Однако, какъ онъ ни оттягивалъ, но надо было окончить одѣваніе.

— Вы готовы?—спросилъ Персиньи.

— Да.

— Тогда подпишите это.

Онъ протянулъ ему бумагу. Это была прокламація къ жителямъ департамента Нижняго Рейна, извѣщавшая о революціи въ Парижѣ, паденіи Луи-Филиппа, провозглашеніи Наполеона II императоромъ французовъ и заключавшая воззваніе къ эльзасцамъ, въ которомъ они приглашались признать новое правительство.

— Если вы это подпишете,—сказалъ Персиньи, пока префектъ читалъ,—то мы васъ утвердимъ въ вашей должности префекта. Вы будете государственнымъ совѣтникомъ, и въ ожиданіи лучшаго вамъ дадутъ орденъ Почетнаго Легіона степенью выше.

Шоппэнъ д'Арнувилль возвратилъ бумагу.

— Дѣлайте со мною, что хотите, но я ничего не подпишу,—отвѣтилъ онъ съ твердостью, вновь овладѣвъ собою.

Пока онъ медленно читалъ, то успѣлъ обдумать, что «разъ обращаются къ моему содѣйствію, значитъ, дѣло не такъ подвинулось, какъ говорятъ. Останемся стойки и подождемъ, что будетъ».

— Даю вамъ двѣ минуты на рѣшеніе,—сказалъ сухо Персиньи.

— Безполезно,—я не подпишу.

У молодого человѣка вырвалось гнѣвное движеніе: онъ положилъ руку на рукоятку шпаги.

Затѣмъ, видя, что рѣшеніе префекта было непоколебимо, Персиньи рѣзко произнесъ:

— Тогда, въ дорогу! слѣдуйте за нами!

Но префектъ уже пришелъ въ себя отъ волненія, теперь рѣшился сопротивляться:

— По какому праву вы меня арестуете?

— Я арестую васъ именемъ императора Наполеона.

— Я не признаю другого государя, какъ Луи-Филиппа I, французскаго короля, и отказываюсь слѣдовать за вами.

Это было сказано съ нѣкоторымъ достоинствомъ, совершенно противоположно его прежнему поведенію.

Персиньи сдѣлалъ знакъ солдатамъ схватить префекта.

Онъ сопротивлялся изо всѣхъ силъ, цѣпляясь за мебель и занавѣси, и солдатамъ пришлось его тащить.

Съ лѣстницы его повели подъ руки.

На улицѣ толпа любопытныхъ все увеличивалась. Улица Брюлэ была переполнена народомъ, и, чтобы проложить себѣ путь, приходилось расталкивать толпу.

Префектъ голосилъ, звалъ на помощь, кричалъ: «Да здравствуетъ король!» и отказывался двигаться впередъ. Артиллеристы награждали его ударами кулаковъ и пинками, но онъ не переставалъ сопротивляться и отбиваться; его наконецъ понесли солдаты.

Толпу это забавляло, и она сопровождала ихъ со смѣхомъ.

Всѣ признали въ немъ представителя Луи-Филиппа. Его осмѣивали, непочтительно относясь къ мужеству, которое онъ вообще выказывалъ: іюльская закваска еще тлѣлась въ сердцѣ страсбуржцевъ.

Персиньи и его солдаты, не переставая, кричали: «Да здравствуетъ императоръ!» «Долой Луи-Филиппа!» «Долой измѣнниковъ!» Ихъ крики нашли себѣ живой отголосокъ въ народѣ, жаждавшемъ славы, народѣ Рейнской границы, убитомъ пораженіемъ подъ Ватерлоо и постыднымъ трактатомъ 1815 года.

Среди этого оглушительнаго шума совершилось героическо-комическое шествіе на Голгоѳу несчастнаго Шоппэна д'Арнувилля.

Потребовалось три четверти часа, чтобы дойти до Аустерлицкихъ казармъ, гдѣ должно было совершиться взятіе подъ стражу префекта.

Центръ города былъ возбужденъ. Слухъ о прибытіи Наполеона II распространился повсюду. Лавки только что открылись, и на порогахъ дверей велись оживленные разговоры. Въ окнахъ виднѣлись люди. Энтузіазмъ увеличивался. Легко было угадать, что большинство стояло за принца. Однако, всѣ привѣтствовали имя Наполеона, а не личность, носившую это имя: хорошо не знали, о комъ шла рѣчь. Многимъ даже еще не было извѣстно о недавней смерти сына Маріи-Луизы. Наполеономъ II могъ быть только герцогъ Рейхштадтскій. Впрочемъ, въ то время существовало сліяніе извѣстныхъ мнѣній: Наполеонъ и свобода смѣшивались въ одинъ культъ. Противъ буржуазной монархіи вооружились республика и бонапартизмъ.

Какъ бы то ни было, но Персиньи и узникъ кончили тѣмъ, что достигли Аустерлицкихъ казармъ.

На дворѣ было пусто. Адъютантъ Жакэ, будучи дежурнымъ, не послѣдовалъ за батареей и охранялъ казармы вмѣстѣ съ карауломъ.

Когда толпа вторгнулась на площадь, Жакэ расхаживалъ взадъ и впередъ за рѣшеткой, размышляя о непредвидѣнныхъ, внезап-

ныхъ перемѣнахъ, при которыхъ ему приходилось присутствовать. Онъ остановился, увидя канонировъ, расталкивающихъ толпу, чтобы достичь казармъ.

Персиньи, его солдаты и узникъ проскользнули во дворъ сквозь полуотворенную рѣшетку.

Только теперь Жакэ призналъ капитана главнаго штаба, котораго онъ видѣлъ предъ тѣмъ возлѣ своего полковника; въ то же время онъ замѣтилъ «статскаго», въ черномъ сюртукѣ съ красной ленточкой въ петлицѣ; его удерживали за руки два канонира.

Персиньи направился къ нему.

— Адъютантъ, я привелъ къ вамъ узника,—сказалъ онъ.

— Кого? Этого господина?—спросилъ Жакэ.

— Да, это городской префектъ. Помѣстите его въ арестантскую.

Это показалось нѣсколько смѣло храброму офицеру, и онъ отвѣтилъ почтительно, но твердо:

— Извините, капитанъ, я не нахожусь въ распоряженіи всѣхъ офицеровъ арміи; какъ дежурный адъютантъ, я имѣю дѣло только съ моимъ адъютантомъ главнаго штаба.

— Я вамъ даю формальный приказъ помѣстить этого человѣка въ тюрьму и покрѣпче его запереть. Вы отвѣчаете мнѣ за него своею головою.

— Однако, капитанъ...

— Повинуйтесь, это приказъ вашего полковника.

Адъютантъ ничего болѣе не возражалъ. Узника потащили по направленію къ карцеру.

Стойкость префекта пошатнулась съ той минуты, какъ они вошли въ казармы. Утомился ли онъ отъ сопротивленія во время пути или по другой причинѣ, но онъ упалъ духомъ. Онъ былъ печаленъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ передавалъ впослѣдствіи адъютантъ Жакэ на допросѣ предъ судомъ присяжныхъ нижняго Рейна.

Жакэ отворилъ карцеръ, который въ это время былъ занятъ четырьмя унтеръ-офицерами, наказанными тюремнымъ заключеніемъ и поэтому не участвовавшими въ возстаніи.

— Войдите туда,—приказалъ Жакэ.

Несчастный префектъ хотѣлъ повиноваться, но уже на порогѣ онъ пришелъ въ ужасъ отъ распространявшагося зловонія.

Онъ сдѣлалъ такой скачокъ назадъ, и на его обыкновенно спокойномъ, полномъ достоинства лицѣ показалась такая гримаса, такое комическое отчаяніе, что всѣ расхохотались, въ томъ числѣ и заключенные унтеръ-офицеры, которыми овладѣло безумное веселіе при видѣ неожиданно выпавшаго имъ на долю товарища.

Жакэ снова сталъ колебаться и взглядомъ спрашивалъ Персиньи:

— Надо ли?

— Да,—отвѣтилъ повелительно глазами ложный адъютантъ.

Тогда сильнымъ ударомъ приклада префекта втолкнули въ зловонное помѣщеніе. Громкій звукъ запирающагося замка извѣстилъ объ окончательномъ вступленіи Шоппэна д'Арнувиля въ число мучениковъ.

Глухой стонъ и взрывы смѣха проникли сквозь обитую желѣзомъ дверь тюрьмы.

Отдавъ послѣднее приказаніе, Персиньи удалился изъ казармъ и, попрежнему сопровождаемый своимъ отрядомъ канонировъ, скорыми шагами пошелъ по улицамъ верхняго города.

XIX.

Пробило четыре часа, когда Патернэ покинулъ улицу Фонтэнь, оставивъ заговорщиковъ за ихъ приготовленіями. Неутомимый сыщикъ, не поддающійся годамъ и перемѣнѣ погоды, снова принялся за свои настойчивыя и таинственныя подготовленія, которымъ онъ посвятилъ эту ночь.

Въ то время въ улицѣ Нюэ-Блё находился кабачекъ, подъ вывѣской «Комета»; въ базарные дни его ставни отворялись задолго до зари.

Тамъ въ ожиданіи колокола, извѣщающаго объ открытіи базара, находили себѣ пристанище огородники, пріѣзжіе, мясники, представители пригороднаго или кочующаго люда, составляющаго классъ ярмарочиыхъ торговцевъ.

Этотъ незатѣйливый кабачекъ содержали двое старыхъ супруговъ, многочисленные образцы какихъ еще встрѣчались въ года, слѣдовавшіе за періодомъ войнъ республики и имперіи.

Оба супруга служили въ арміи Наполеона: мужъ—трубачемъ, а жена—маркитанткой въ одномъ и томъ же полку.

Ихъ звали Жозефъ и Катринъ Ручманъ. Выйдя въ отставку послѣ 1813 года, они отправились на свою родную сторону, Эльзасъ, продали доставшуюся имъ тамъ небольшую землю, и, чтобы дополнить свою скудную пенсію, пріобрѣли и торговое дѣло, которое они достаточно развили, чтобы окончить свою жизнь не въ крайней нищетѣ.

Всю сущность ихъ существованія составляли заботы о своемъ дѣлѣ и культъ къ «Другому», кого они называли не иначе, какъ petit tondu. Его изображенія во всевозможномъ возрастѣ и различныхъ позахъ украшали стѣны кабачка. Даже надъ прилавкомъ красовалось громадное эпинальское изображеніе, которымъ они гордились. Оно представляло воина въ римскомъ одѣяніи, въ латахъ, съ мечомъ, со щитомъ и въ шлемѣ; его обросшее наполовину гро-

мадной рыжей бородою лицо было раскрашено киноварью; надъ нимъ была надпись «св. Наполеонъ».

Это заведеніе находилось въ нижнемъ этажѣ стараго дома съ выдающимся фасадомъ, возвышавшимся надъ выставочнымъ окномъ; чрезъ стекла маленькой рамы въ этотъ часъ проникалъ блѣдный, тусклый свѣтъ; туда вели три ступени внизъ.

Патернэ направился въ этотъ кабачекъ. Онъ толкнулъ дверь, и морозный воздухъ внезапно ворвался извнѣ въ разгоряченную атмосферу: жаръ отъ натопленной печи смѣшивался съ человѣческимъ потомъ, табачнымъ дымомъ, затхлымъ запахомъ спирта и кислаго пива.

Нечувствительный къ этому ѣдкому испаренію, Патернэ прошелъ въ скудно освѣщенную низкую, узкую и глубокую комнату, гдѣ тѣснились многочисленные посѣтители. Чтобы добраться до прилавка, помѣщавшагося въ глубинѣ комнаты, онъ долженъ былъ пройти чрезъ тѣсные ряды потребителей. Тамъ возсѣдалъ маленькаго роста человѣкъ съ лицомъ охроваго цвѣта, сморщеннымъ, какъ старое яблоко, и въ военной фуражкѣ на головѣ.

Когда Патернэ вошелъ въ эту трущобу, тамъ громко горланили. На этотъ разъ традиціонное расовое спокойствіе перешло въ какую-то лихорадку, выражавшуюся въ жестикуляціяхъ и ударахъ кулаками по столамъ съ безпорядочно разставленными стаканами; все это служило признакомъ страстнаго интереса къ предмету разговора.

Каждый столъ представлялъ группу, и въ каждой группѣ, повидимому, имѣлся свой ораторъ, которому поручено было вести споръ и довести его до заранѣе опредѣленной цѣли. Имя Наполеона встрѣчалось въ каждомъ отрывкѣ фразы съ такимъ постоянствомъ, какъ будто у всѣхъ присутствующихъ была одна единственная мысль, одна единственная забота: ожиданіе какого-то событія, которое своей необычайиою внезапностью вызывало въ нихъ изумленіе и энтузіазмъ.

Однако, когда всѣ увидѣли похожаго на стараго нотаріуса, хорошо одѣтаго горожанина въ золотыхъ очкахъ, прокладывавшаго себѣ путь среди табуретовъ,—голоса понизились, и восклицанія перешли въ шопотъ. По дорогѣ онъ извинялся за безпокойство и воспользовался моментомъ, чтобы обмѣняться знаменательными взглядами съ ораторами, начальниками группъ: повидимому онъ зналъ ихъ. Они же съ своей стороны выразительно ему подмигивали, подтверждая, что дѣло идетъ хорошо.

Наконецъ онъ достигъ цинковаго прилавка, надъ которымъ парилъ ликъ св. Наполеона съ рыжей бородой.

— Добрый вечеръ, г. Ручманъ,—произнесъ Патернэ:—или, скорѣе, добрый день, такъ какъ ночь кончается.

Мужчина въ военной фуражкѣ всталъ и, поднеся руку ко лбу, по-военному отдалъ честь.

Патернэ, окинувъ взглядомъ комнату, слегка воскликнулъ:

— Какъ, вы одинъ? Развѣ г-жа Ручманъ уже по дорогѣ въ Финкматтъ?

Катрину Ручманъ прозвали мамашей Ваграмъ вслѣдствіе одного довольно темнаго приключенія, въ которомъ она играла роль. Оно случилось во время сраженія Ваграмскаго, помрачившаго счастіе австрійскаго дома, того знаменитаго австрійскаго дома, что̀ солдаты Удино принимали за недвижимость, и одинъ изъ нихъ сказалъ, вступая въ Вѣну: «Наконецъ-то мы увидимъ этотъ австрійскій домъ, которымъ намъ прожужжали всѣ уши». Желая сохранить иллюзію о своемъ прежнемъ ремеслѣ маркитантки, а также извлечь добавочный заработокъ, Катринъ Ручманъ съ разрѣшенія властей стала торговать кофе на открытомъ воздухѣ у Финкматтскихъ казармъ, гдѣ былъ расположенъ 46-й линейный полкъ. Каждое утро «мамаша Ваграмъ», несмотря на непогоду, отправлялась туда, катя предъ собою тачку. Еще не били зорю, а Катринъ со своей камфоркой, грѣлкой у кофейни, ножомъ и корзиной съ пирожками уже располагалась на самомъ проходѣ. Тамъ, усѣвшись на тумбѣ и помѣстивъ грѣлку подъ ноги, она сбывала своимъ «большимъ дѣтямъ» «черный кофеекъ» и горячія молочныя булки. Они собирались вокругъ нея, и которые несовсѣмъ еще проснулись, оканчивали свое пробужденіе, слушая ея прибаутки и неприличныя шутки, которыя она «отсыпала» своимъ грубымъ голосомъ охрипшаго тамбуръ-мажора.

Ее очень любили, благодаря ея материнской заботливости, легкому кредиту, расторопности, мѣткимъ отвѣтамъ, знанію старыхъ исторій, забавлявшихъ бывалыхъ солдатъ, и грубо-нѣжнымъ словамъ, ободряющимъ новичковъ.

Поэтому, безъ сомнѣнія, появленіе Патернэ въ этомъ непривлекательномъ мѣстѣ относилось скорѣе къ ней, чѣмъ къ ея мужу, огрубѣвшему отъ слишкомъ продолжительнаго пребыванія въ полку.

Когда почтенный представитель парижской полиціи убѣдился въ отсутствіи той, которую онъ искалъ, то сильно разочаровался. На его вопросъ, не отправилась ли она уже въ Финкматтскія казармы,—Жозефъ Ручманъ съ замѣтнымъ эльзасскимъ произношеніемъ, сохранившимся у него, несмотря на долгіе переходы по Европѣ, отвѣтилъ:

— Моя жена больна.

— Больна!—воскликнулъ съ смущеніемъ Патернэ.

— Да, больна. Г-жа Ручманъ лежитъ больна.

— Опасно?—спросилъ Патернэ, который казалось, питалъ громадный интересъ къ здоровью г-жи Ручманъ.

— Не могу сказать, г. Патернэ; врачъ еще не пришелъ.

— А! вы послали за врачемъ?

— Да.

— Чортъ возьми! такъ, значитъ, то, на что мы согласились вчера, сегодня—невозможно.

— Не знаю,—отвѣтилъ Ручманъ.

— Вамъ жена ничего не говорила?

— Меня не касаются дѣла г-жи Ручманъ.

И онъ сѣлъ, повидимому совершенно равнодушно.

Патернэ, казалось, овладѣло смущеніе.

Послѣ короткаго колебанія онъ спросилъ:

— Могу ли я ее видѣть?

— Кого это, мою жену?

— Да, я хочу съ нею поговорить. Не проведете ли вы меня къ ней въ комнату?

И такъ какъ тотъ смотрѣлъ на него, остолбенѣвъ, то Патернэ прибавилъ, смѣясь:

— Вы не ревнивы, папаша Ручманъ?

Маленькіе желтые глаза прежняго трубача весело сверкнули, и онъ отвѣчалъ:

— Ревнивъ! Ахъ, если бы я былъ ревнивъ, я не женился бы на г-жѣ Ручманъ; вѣдь она забавляла всю великую армію.

Его лицо исказилось нѣмымъ смѣхомъ, обнаруживъ почернѣвшіе обломки зубовъ, обуглившіеся отъ носогрѣйки.

Затѣмъ, выйдя изъ-за прилавка, онъ сдѣлалъ знакъ Патернэ слѣдовать за нимъ.

Вокругъ нихъ снова возобновились разговоры.

Поднявшись нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ, Ручманъ толкнулъ дверь, и Патернэ замѣтилъ плохую походную кровать, на которой виднѣлась какая-то неопредѣленная груда человѣческаго тѣла и лохмотьевъ. Оттуда выступало изъ-подъ сѣдыхъ космъ жирное мужское лицо съ усами; это лицо озаряли два великолѣпные черные глаза, кроткіе и ясные, какъ у ребенка.

Это была мамаша Ваграмъ.

На половину сгорѣвшая свѣча наполняла удушливымъ чадомъ антресоль.

Изъ кучи раздался жалобный, кроткій стонъ какъ бы раненаго ягненка:

— Ахъ, муженекъ, какъ я страдаю!

Старуха замѣтила Патернэ и своимъ естественнымъ голосомъ пробрюзжала:

— Какъ, это вы?

Голосъ былъ такой хриплый и сиплый, что, казалось, выходилъ изъ горла, сожженнаго тѣмъ спиртомъ, который въ продолженіе двадцати лѣтъ эта бивачная Гебея вливала въ глотки Наполеоновскимъ ворчунамъ.

Ручманъ собрался уходить къ звавшимъ его посѣтителямъ и сказалъ:

— Оставляю васъ вмѣстѣ. Вы знаете, г. Патернэ, я не ревнивъ: не стѣсняйтесь...

И ступени лѣстницы застонали подъ его хромыми шагами.

Патернэ тотчасъ же подошелъ къ старухѣ.

— Ну, мамаша Ваграмъ, развѣ вы это мнѣ обѣщали?

— Что дѣлать, г. Патернэ, я не виновата. Мои проклятыя прежнія боли одолѣли меня сегодня ночью. Это какое-то несчастіе, я не могу поставить ноги на землю. У меня распухли обѣ ноги, словно у утопленника. Я не видѣла подобныхъ со времени купанья въ Эльстерѣ и Березинѣ.

Родиной Катрины Ручманъ такъ же, какъ и ея мужа, былъ Эльзасъ, но, по странной случайности, въ противоположность мужу она совершенно утратила свой эльзасскій выговоръ, во время продолжительнаго отсутствія съ родины.

— Какъ же намъ быть? — спросилъ Патернэ, лицо котораго, обыкновенно улыбавшееся, на этотъ разъ выказывало большое безпокойство.

— Право, не знаю, сударь,—отвѣтила маркитантка,—но на меня нечего разсчитывать.

— Э! да я это, чортъ возьми, вижу! — отвѣтилъ полицейскій, выказывая нѣкоторую досаду.

Старуха хотѣла повернуться въ его сторону и не могла удержаться отъ стона.

— Это тѣмъ досаднѣе,—охала она,—что я заранѣе радовалась увидѣть племянника нашего императора. Похожъ ли онъ на него?

— Да... нѣтъ... это не важно. Что намъ теперь дѣлать? У меня точныя свѣдѣнія: офицеры 46-го полка—филипписты; что до солдатъ...

— То это все новобранцы,—окончила его мысль мамаша Ваграмъ,—и эти дѣти ровно ничего не знаютъ. Императоръ имъ не извѣстенъ, имя Наполеона имъ ничего не говоритъ! Все-таки, если бы я могла быть тамъ и поговорить въ хорошую минуту!..

— Именно.

— Что же дѣлать! Нѣтъ возможности. Все это отъ снѣга. Приходилось слишкомъ часто на немъ спать, знаете, мы...

— Вы увѣрены, мамаша Ваграмъ, что съ небольшими усиліями вы не сможете?...

— Даже, если бы меня понесли, сударь, я была бы сама не своя, это было бы слишкомъ больно. Я буду въ состояніи только стонать и ныть, а ужъ никакъ не это воодушевитъ моихъ молодчиковъ.

— Тогда все пропало, — произнесъ старый полицейскій: — мы сѣли на мель у самой пристани.

— Ахъ, нѣтъ, не говорите мнѣ такъ, это было бы слишкомъ непріятно. Какъ! племянникъ «Другого» будетъ тамъ, готовый за-

нять свой престолъ, отмстить за насъ казакамъ и карлистамъ, всей проклятой шайкѣ адвокатовъ, Бурбоновъ, Орлеановъ, измѣнниковъ и т. д., и все потому, что мамаша Ваграмъ не можетъ подняться, ему приходится отказаться отъ этой прекрасной мечты! Ахъ, нѣтъ! Слушайте, г. Патернэ, только подумать объ этомъ, такъ меня всю переворачиваетъ.

И по жирнымъ морщинамъ ея стараго лица скатились двѣ крупныя слезы и затерялись въ ея усахъ. Она протянула руку и схватила находившуюся у нея подъ руками флягу съ водкой, и слышно было, какъ жидкость булькая проходила чрезъ ея горло въ широкую грудь.

Подкрѣпившись виномъ, она положила флягу на прежнее мѣсто, отерла губы обшлагомъ рукава и сказала:

— Надо, чтобы кто нибудь меня замѣнилъ.

— Да, но кто?—спросилъ нервно Патернэ.

— Ахъ, вотъ, въ этомъ-то и вопросъ.

— Нѣтъ ли среди унтеръ-офицеровъ 46-го полка какого нибудь прежняго, съ нашивкой, оставшагося преданнымъ памяти императора, и голосъ котораго будетъ достаточно вліятеленъ?..

— Можетъ быть... Да, вы напомнили мнѣ; есть такой, Регулъ.

— Кто—этотъ Регулъ?

— Кто, Регулъ? Прежній служака въ дивизіи Морана изъ корпуса Даву, вамъ хорошо извѣстно.

— Что же онъ такое, вашъ Регулъ, сержантъ, офицеръ, или что?

— Сержанта Регула Дебарра всѣ знаютъ, онъ состоитъ въ полковой швальнѣ.

— И вы думаете, что сержантъ Дебарръ можетъ?...

Внезапно лицо доброй женщины опечалилось.

— Ахъ, нѣтъ,—прошептала она,—теперь я раздумала: это не годится; напротивъ, его даже надо опасаться; чрезъ двѣ недѣли онъ выходитъ въ отставку, и правительство даетъ ему мѣсто... Ахъ! Боже мой, Боже, какая проклятая напасть быть пригвожденной на мѣстѣ, какъ инвалиду, которому отрѣзали обѣ ноги!.. А этотъ несчастный молодой человѣкъ разсчитывалъ чрезъ меня возстановить славу своихъ отцовъ!..

Но Патернэ болѣе ея не слушалъ. Онъ шагалъ по узкому пространству комнаты, нахмуривъ лобъ, подъ властью какой-то давнишней мысли.

Онъ безсвязно бормоталъ различные слова и вопросы, которые оставлялъ безъ отвѣта. Вдругъ онъ остановился и, обратясь къ старухѣ, произнесъ:

— Скажите-ка, мамаша Ваграмъ, не одолжите ли вы мнѣ вашихъ принадлежностей?

— Моихъ принадлежностей?—спросила старуха, широко вытаращивъ глаза:—зачѣмъ?

— Э, да чтобы воспользоваться ими, чортъ возьми!

— Вамъ воспользоваться ими?...

— Да.

— Не объясните ли мнѣ?.. Это значитъ, вы хотите занять мое мѣсто?

Несмотря на всю важность обстоятельствъ, Катринъ Ручманъ не могла удержаться отъ смѣха при мысли о Патернэ, одѣтомъ старой торговкой кофе.

Старый полицейскій выразилъ нетерпѣніе.

— Мы не можемъ терять время на объясненія, мамаша Ваграмъ. Именемъ императора прошу васъ одолжить мнѣ вашу грѣлку кипятильникъ и тачку,—однимъ словомъ, всѣ принадлежности вашей маленькой торговли.

— Охотно, г. Патернэ, но я не понимаю...

— Безполезно вамъ понимать.

И тономъ дружескаго убѣжденія онъ прибавилъ:

— Предоставьте мнѣ дѣйствовать, мамаша Ручманъ, это для добраго дѣла, а если вамъ испортятъ ваши принадлежности, то вотъ возьмите, вы ничего не потеряете.

Онъ вынулъ изъ бумажника двѣ бумажки по сту франковъ и положилъ ихъ на столъ возлѣ кровати.

Но старуха нахмурила свои густыя, какъ кустарникъ, брови и проворчала:

— Не нужно вашихъ денегъ, г. Патернэ; такъ какъ это для императора, то можно все портить: я не нуждаюсь въ вознагражденіи.

Патернэ пропустилъ мимо ушей это возраженіе и сказалъ:

— Гдѣ я найду всѣ эти принадлежности?

— Тачка внизу, на дворѣ; грѣлка, кипятильникъ и стаканы въ кухнѣ. Впрочемъ, мой мужъ вамъ ихъ дастъ.

— Хорошо. Благодарю, мамаша Ваграмъ, постарайтесь вылѣчиться, и, надѣюсь, до скораго свиданія.

— Да, до скораго. Счастливаго успѣха! и «да здравствуетъ императоръ!»

Этотъ крикъ слился съ болѣзненнымъ стономъ. Добрая женщина корчилась на своей постели отъ боли...

Но Патернэ былъ уже внизу. Онъ сказалъ нѣсколько словъ кабатчику, беззаботнымъ жестомъ выразившему свое согласіе.

Патернэ знакомъ подозвалъ одного изъ тѣхъ мужчинъ, съ которыми только что обмѣнивался знаменательными взглядами.

Мужчина поспѣшно подошелъ,—и всѣ трое прошли въ заднюю комнату лавочки.

Нѣсколько минутъ спустя, Патернэ вышелъ изъ кабачка «Комета» чрезъ задній ходъ.

Мужчина, котораго онъ только что подозвалъ, слѣдовалъ за нимъ, подталкивая предъ собою тачку съ принадлежностями мамаши Ваграмъ.

XX.

Что же стало съ Элеонорой?

Увидя принца, довѣрчиво спящаго въ маленькой комнатѣ Браунера, она была потрясена.

Человѣкъ, котораго она любила незнакомой ей до того дня, истинной, возвышенной, почти мистической любовью,—былъ предъ нею. Этотъ смѣлый и прямой наслѣдникъ орловъ, равнодушный къ окружавшимъ его опасностямъ, довѣрчиво спалъ здѣсь, увѣренный, что преданность близкихъ къ нему лицъ составляетъ преграду между нимъ и опасностью.

Изо всей окружающей его преданности одна только оскудѣла— ея, Элеоноры.

— Возможно ли это? вѣроятно ли это?—спрашивала она себя.

Она живо рѣшилась.

Пользуясь темнотою, произведенной Персиньи во время прохода патруля, Элеонора бросилась на лѣстницу. У наружной двери она съ минуту подождала; склонивъ голову и насторожив уши, она прислушивалась, удалился ли ночной обходъ, и затѣмъ направилась къ жилищу Водрэя.

Она бѣжала по снѣгу, потерявъ голову, съ бьющимися висками, нервно дрожа и стиснувъ зубы до боли. Вѣтеръ хлесталъ ее по лицу, и тысячи игольчатыхъ точекъ кололи ей щеки, не успокаивая, однако, ея лихорадки.

Между тѣмъ она сама съ собой разсуждала, стараясь побѣдить въ себѣ отвращеніе и ужасъ.

— Отдаться?—думала она.—Важное дѣло!—какъ замѣтилъ съ усмѣшкой Персиньи. И онъ былъ правъ. Дѣйствительно, для нея это не велика важность въ сравненіи съ цѣлью, которую предстоитъ ей достичь. Развѣ она не изъ тѣхъ, которыя отдаются? не то пошлое тѣло, на которое разрѣшено зариться всякому? Если она отдавалась стольким другимъ, ничего нѣтъ необыкновеннаго въ томъ, что она отдастся и этому? Да, но тогда она не любила, въ настоящемъ смыслѣ слова; она не знала этого новаго чувства, измѣнившаго ея душу въ настоящій моментъ и вызвавшаго въ ней отвращеніе къ прежнимъ безуміямъ. Не все ли равно? Это необходимо. Разъ ее отговаривали, и она вмѣшалась въ эту авантюру, разъ она такъ долго требовала своего участія въ общей работѣ и опасностяхъ и приняла долю въ общемъ дѣлѣ, развѣ она будетъ избѣгать его, оставитъ его, измѣнитъ ему? Какъ, другіе въ этой игрѣ отдаютъ свои головы въ видѣ ставки и ожидаютъ удара, не ослабѣвая, а одна она хочетъ утаить свою ставку! И какую ставку? По правдѣ сказать, довольно скудную: отдать на часъ свое тѣло, свою личность, уже порядочно изношенную отъ стольких поцѣлуевъ. Въ этомъ банкетѣ, который, можетъ быть, окажется похороннымъ бан-

кетомъ для ,ъхѣэя - была и ея доля... Прекрасная доля, достойная стольких заботъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ роковая доля, но обѣщанная, по крайней мѣрѣ, безмолвно.

И затѣмъ, къ чему ведутъ эти разсужденія? Неизбѣжность сжимаетъ ее, давитъ своими неумолимыми когтями; если она ослабѣетъ,—другіе пропадутъ, дѣло сорвется, принца арестуютъ, будутъ судить и... Это трагическое видѣніе заставило ее бѣжать впередъ, спотыкаться въ снѣгу отъ охватившей ее тревоги. А если она не застанетъ Водрэя? А если, уставъ отъ ея грубыхъ отказовъ, онъ теперь не захочетъ ея!

Затѣмъ предъ ней представились планы будущаго. Исполнивъ жертву и обезпечивъ успѣхъ дѣлу, она исчезнетъ и не увидитъ болѣе ни принца, ни Водрэя. Она уже мысленно устраивала свое бѣгство сначала въ Лондонъ, затѣмъ въ Америку. А если бремя будетъ слишкомъ тяжело, печальная ноша слишкомъ трудна, если она не сможетъ болѣе пѣть, не сможетъ болѣе жить? Ну, такъ что же! пусть будетъ такъ, скорѣе послѣдуетъ развязка, скорѣе она перестанетъ жить, страдать и, окутанная въ свою любовь, какъ въ саванъ, умретъ.

Наконецъ она достигла ненавистнаго для нея порога. Дверь была заперта, и она принялась вопросительно разсматривать фасадъ дома. Одно окно еще было освѣщено, и по временамъ высокая фигура Водрэя обрисовывалась на занавѣскахъ. Полковникъ еще не спалъ и большими шагами ходилъ по комнатѣ.

Тогда, стараясь заглушить свой голосъ, она позвала Водрэя. Полковникъ отдернулъ занавѣску и, узнавъ при лунномъ свѣтѣ обожаемую женщину, быстро бросился открывать дверь, задыхаясь отъ счастія.

Не произнеся ни слова, не смотря на него, она прошла предъ нимъ и, какъ лунатикъ, стала подниматься по ступенькамъ. Затѣмъ, когда за ними затворилась дверь, она далеко отбросила свою шляпу и плащъ и дрожавшими пальцами стала срывать одежду. Блѣдная, съ широко открытыми отъ лихорадки глазами, она бросила Водрэю слѣдующія слова, произнесенныя шипящимъ голосомъ:

— Вотъ и я, это я. Ну,. покончимъ же, берите меня!...

...Утромъ Водрэй, прежде чѣмъ уйти, наклонился къ ней, чтобы попрощаться. Увидя, что она лежитъ неподвижно, съ закрытыми глазами, блѣдная, онъ подумалъ, что она заснула, и не хотѣлъ ее будить.

Она лежала безъ чувствъ.

. . . .

Заря уже начала бѣлить занавѣси, когда Элеонора пришла въ себя. Она открыла глаза, но не сразу опомнилась. Туманъ, окутавшій ея мозгъ, еще не разсѣялся.

Она съ изумленіемъ смотрѣла вокругъ себя, увидя эту комнату, лампу, постель. Затѣмъ внезапно вспомнила обо всемъ происшедшемъ. Въ одну секунду она была на ногахъ. Ею овладѣло страшное отчаяніе, и у нея была одна мысль—бѣжать, не медля. Все вокругъ нея въ этой пошлой казарменной квартирѣ напоминало ей ужасную минуту и возмущало ея сердце.

У нея было пристанище недалеко отъ этой квартиры, и она стала торопиться уйти туда.

Во время своего перваго путешествія по Эльзасу, за нѣсколько недѣль до отъѣзда въ Баденъ, она была принята такъ ласково страсбургскимъ обществомъ, восхищеннымъ ея щедрымъ пожертвованіемъ въ тяжелое для него время, что это дало ей мысль сдѣлать Страсбургъ въ ожиданіи ангажемента своимъ мѣстопребываніемъ.

Съ этой цѣлью она наняла въ предмѣстьѣ Пьерръ квартиру, гдѣ помѣстила свои сундуки, театральные наряды и партитуры. Отправляясь въ Арененбергъ, она отослала изъ Бадена свою горничную для приведенія въ порядокъ квартиры, предвидя, что это убѣжище можетъ ей пригодиться, когда совершатся задуманные планы.

Въ это утро ее тамъ ожидали, получивъ извѣстіе объ ея пріѣздѣ.

Она спѣшила къ своей горничной, преданной и смышленой дѣвушкѣ, до мелочей внимательной къ красотѣ своей хозяйки. Ей казалось, что ея опытныя руки отмоютъ всю эту грязь, и если ея умъ и сердце приговорены носить неизгладимую печать, то, по крайней мѣрѣ, ея тѣло очистится, выйдя изъ воды какъ бы окрещеннымъ.

Она уже отворяла дверь, чтобы выйти, когда шумъ шаговъ на лѣстницѣ заставилъ ее попятиться. Въ ту же минуту ей послышался вдали звукъ трубы. Это произвело на нее неожиданное впечатлѣніе. Она подняла голову и стала прислушиваться; въ ея глазахъ внезапно вспыхнуло странное пламя. Повидимому, съ минуту или двѣ новая мысль стала господствовать надъ тѣми, которыя только что ее такъ жестоко давили.

Но шумъ на лѣстницѣ усиливался, и чей-то голосъ закричалъ:

— Полковникъ Водрэй, вы здѣсь?

Элеонора узнала этотъ голосъ.

Въ то же время звуки трубъ, теперь ясно раздававшіеся, прозвучали въ ея ушахъ, какъ призывъ къ битвѣ.

Она отворила дверь и очутилась лицомъ къ лицу съ Патернэ. Онъ почтительно снялъ предъ нею шляпу. Опытный въ человѣческихъ страданіяхъ, онъ съ перваго взгляда прочиталъ на ея скорбномъ лицѣ всю драму, происходившую въ ея душѣ.

— Гдѣ полковникъ?—спросилъ онъ.

— Отправился,—отвѣтила Элеонора.

— Туда?

— Да.

— Вы увѣрены?

— Развѣ вы не слышите звуки трубъ?

— Это правда: такъ какъ еще половина шестого, то слишкомъ рано бить зорю, слѣдовательно, наши начали дѣйствовать.

Онъ потеръ руки и сказалъ весело:

— Дѣло идетъ на ладъ!... Теперь за нами очередь выступить на сцену.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Пойдемте со мною, вы увидите.

— Мнѣ предстоитъ еще играть роль?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ отеческой нѣжностью, на которую этотъ жестокій скептикъ, казалось не былъ способенъ, и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Да, но успокойтесь, не такую, которая могла бы васъ оскорбить или запятнать.

Онъ снова улыбнулся и прибавилъ:

— Эта роль совершенно для васъ подходящая: нѣчто въ родѣ театральной...

Молодая женщина сдѣлала жестъ удивленія.

— Вы увидите, вы увидите,—сказалъ онъ:—но поспѣшимъ, мы не можемъ терять времени. Пойдемте.

— Однако,—попробовала возражать Элеонора,—я хотѣла бы знать...

— Полно, довѣрьтесь мнѣ еще на минуту, и вы не пожалѣете. Въ вашихъ прекрасныхъ глазахъ видна печаль, а я вамъ доставлю развлеченіе.

— Развлеченіе?

— Да, и средство пренебречь опасностью.

— Опасностью? О, тогда идемъ!

Старый психологъ нашелъ брешь, чрезъ которую можно было проникнуть въ чувствительную и любящую приключенія, героически-мальчишескую душу. Онъ зналъ, что Элеонорѣ необходимо въ это утро сильное, отвлекающее средство.

На лѣстницѣ пѣвица попробовала снова колебаться.

— Дѣло въ томъ,—сказала она, немного стѣсняясь,—я очень хотѣла бы зайти къ себѣ и успокоить кое-кого, кто меня ожидаетъ.

— Мы именно туда и отправимся сначала,—сказалъ Патернэ, улыбаясь.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Пусть будетъ по-вашему! Отправимся!—сказала она, продолжая спускаться по лѣстницѣ.

Внизу ихъ ожидалъ наемный, старинный, экипажъ, который Патернэ удалось неизвѣстно гдѣ отыскать.

Старый полицейскій усадилъ г-жу Гордонъ, сказалъ кучеру адресъ и въ свою очередь забрался въ этотъ старый рыдванъ, который съ трудомъ потащился по направленію къ предмѣстью Пьерръ.

XXI.

Уходя спать, генералъ Вуароль сказалъ своей тещѣ:

— Мнѣ снилось, что меня сдѣлали пэромъ Франціи.

И онъ въ очень хорошемъ настроеніи духа пошелъ къ себѣ, безъ сомнѣнія, потому что онъ надѣялся снова увидѣть лестный для него сонъ, прерванный наступленіемъ дня.

Дѣйствительно, въ эту ночь, историческую ночь съ 29-го на 30-е октября 1836 года, онъ вторично видѣлъ сонъ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Прежде всего онъ спалъ тѣмъ хорошимъ, глубокимъ и спокойнымъ сномъ, какимъ спятъ люди состоятельные, люди съ достаточными доходами, въ то время, когда на улицѣ морозъ, снѣгъ, вѣтеръ, и бѣдняки дрожатъ на своихъ плохихъ койкахъ, а они, богатые, довольные, изнѣженно утопаютъ въ пуховикахъ и подъ теплыми одѣялами.

Но къ утру таинственный волшебникъ, надѣляющій человѣчество мечтами, явился и прикоснулся къ нему своимъ жезломъ; храбрый воинъ тотчасъ былъ перенесенъ въ область иллюзій.

И вотъ что снилось генералу.

По приказу короля, врученному военнымъ министромъ, генералъ-лейтенантомъ Бернаромъ, онъ былъ вызванъ въ Парижъ.

Не помня, какой дорогой, какъ онъ попалъ туда, и кто его привелъ къ королю, онъ только видѣлъ себя неподвижно, почтительно стоявшимъ въ Тюильрійскомъ кабинетѣ, занимаемомъ послѣдовательно съ начала того вѣка Наполеономъ, Людовикомъ XVIII, Карломъ X и, наконецъ, Луи-Филиппомъ I.

Противъ него, за широкимъ бюро, стоялъ мужчина высокаго роста, толстый, уже старый, въ парикѣ на сѣдыхъ волосахъ, широколицый, добродушный, но съ хитрымъ взглядомъ, съ улыбающимся, хорошо очерченнымъ ртомъ, со сжатыми губами, какія у расчетливыхъ людей. Осанка у него была вельможи, но по наружности онъ походилъ на буржуа; его черты выражали смѣсь доброты и хитрости, высокомѣрія и вульгарности; по замашкамъ онъ напоминалъ солдата, а еще болѣе стряпчаго. Онъ былъ въ каштановаго цвѣта домашнемъ сюртукѣ, но въ лентѣ Почетнаго Легі-

она. Въ общемъ привѣтливый, любезный, вѣжливый, онъ старался всѣмъ нравиться. Это былъ французскій король.

Онъ заговорилъ немного глухимъ, неувѣреннымъ, безличнымъ голосомъ, какъ человѣкъ сновидѣнія:

— Милости прошу, баронъ Вуароль.

— Государь...

— Я просилъ васъ прійти потолковать со мною: обстоятельства серіозны, и я знаю, что могу разсчитывать на васъ.

— Конечно, государь, я вполнѣ вамъ преданъ, но я не знаю, о какихъ обстоятельствахъ король желаетъ со мною говорить.

— Баронъ Вуароль, вы служили императору и заслужили всѣ ваши чины на полѣ сраженія, которое такъ любилъ этотъ великій военный человѣкъ?

— Да, государь,—отвѣтилъ генералъ-лейтенантъ, гордо выпрямляясь.

— Баронъ Вуароль, вы сохранили въ сердцѣ культъ къ вашему герою, память о немъ для васъ свята, и нѣтъ ничего, на что бы вы не были готовы для славы его имени?

— Конечно, государь, но...—пролепеталъ генералъ-лейтенантъ, задававшій себѣ вопросъ, чего его коронованный допросчикъ хочетъ добиться отъ него.

— Ну, такъ, баронъ Вуароль, отвѣтьте мнѣ честно и прямо на вопросъ, который я хочу вамъ задать.

— Я слушаю, государь.

— Если какія нибудь необыкновенныя событія поставятъ васъ между вашими воспоминаніями и присягой, принятой вами въ вѣрности моей коронѣ, что вы станете дѣлать?

— Государь, не сомнѣвайтесь, что я буду помнить о моей клятвѣ. Но я не понимаю...

— Вы поймете. Доклады моей полиціи сообщаютъ мнѣ о приготовляющемся заговорѣ. Одинъ безумный молодой человѣкъ вообразилъ, потому что носитъ имя Наполеона, будто унаслѣдовалъ его геній, и мечтаетъ согнать меня съ трона...

— Васъ, государь?—воскликнулъ съ негодованіемъ Вуароль.

— И онъ готовится, — продолжалъ король,—возбудить мятежъ среди того самаго войска, которымъ вы баронъ Вуароль съ такимъ достоинствомъ командуете. Онъ намѣренъ въ Страсбургѣ...

-- Въ Страсбургѣ?.. Пусть-ка придетъ, и я его привезу къ вамъ въ желѣзной клѣткѣ!—воскликнулъ старый генералъ, не замѣчая, что повторяетъ хвастовство маршала Нея.

— Благодарю, баронъ Вуароль. Я не ожидалъ отъ васъ меньшей преданности къ младшей линіи Бурбоновъ, но, не доводя дѣла до желѣзной клѣтки,—прибавилъ король съ улыбкой:—я разсчитываю, что вы охладите пылъ этого молодого человѣка. Взамѣнъ будьте увѣрены въ моей благодарности: маршальскій жезлъ и званіе пэра едва ли будетъ достаточной для васъ наградой.

— О, государь!—воскликнулъ съ сердечными изліяніями генералъ, склоняясь къ королевской рукѣ, какъ бы желая поцѣловать ее.—Это слишкомъ! Клянусь, государь... это...

Но рука, которую онъ думалъ взять, исчезла, и его обѣ ладони замкнулись въ пустомъ пространствѣ. Вуароль съ изумленіемъ поднялъ голову. Онъ отскочилъ назадъ и отъ испуга разинулъ ротъ.

То, что онъ увидѣлъ, появилось предъ нимъ сначала въ какомъ-то туманѣ, въ родѣ легкихъ полупрозрачныхъ облачковъ, какія въ театрѣ на минуту скрываютъ быструю перемѣну декораціи. Но вскорѣ этотъ туманъ разсѣялся, и несчастный генералъ остался пригвожденнымъ къ мѣсту отъ изумленія и ужаса.

Обстановка не измѣнилась: это былъ все тотъ же королевскій кабинетъ, неизмѣнный свидѣтель династическихъ перемѣнъ, глухой и безстрастный свидѣтель государственныхъ тайнъ: только исчезъ Луи-Филиппъ.

На его мѣстѣ, между этимъ самымъ кресломъ и бюро, передъ которымъ только что стоялъ сынъ Филиппа-Эгалите, теперь находился другой человѣкъ, но нѣсколько иной, чѣмъ тотъ, что былъ тутъ недавно.

Человѣкъ, занявшій его мѣсто, былъ менѣе его ростомъ, также очень тучный, но отяжелѣвшій болѣе отъ бѣдствій и болѣзни, чѣмъ отъ лѣтъ, такъ какъ онъ, повидимому, былъ на двѣнадцать лѣтъ моложе перваго.

Его печальное, пожелтѣвшее безъ растительности лицо, на которомъ блестѣли, какъ два угля, глаза, окаймленные широкими, темными кругами, было какъ бы окаменѣлое, подобно мрамору. Можно было сказать, что это маска изъ музея, нумизматическое изображеніе Цезаря или Тиверія, состарившагося подъ ударами судьбы. На этой головѣ была надѣта черная треуголка съ маленькой кокардой. На призракѣ былъ сѣрый, поношенный сюртукъ, который, распахиваясь, обнаруживалъ зеленый мундиръ и низъ бѣлаго жилета; тонкая кроваваго цвѣта полоса пересѣкала жилетъ: это былъ бортъ красной муаровой ленты,—ордена Почетнаго Легіона, такая же, какъ была на другомъ, но болѣе скромная.

— Онъ!..—ужаснулся Вуароль.

Дѣйствительно это былъ онъ, Наполеонъ I, или, по крайней мѣрѣ, его тѣнь, появившаяся предъ испуганными глазами несчастнаго командира 5-й военной дивизіи.

Призракъ спокойно вынулъ изъ кармана табакерку и, прежде чѣмъ заговорить, продолжительно втянулъ щепотку табаку, три четверти которой разсыпалъ на отвороты своего мундира; затѣмъ онъ сказалъ:

— Такъ это ты, мой бѣдный Вуароль? Какъ ты дрожишь! Можно сказать, что ты обдумываешь какія нибудь преступныя

намѣренія. Полно, оправься, чортъ возьми! Развѣ я тебя пугаю? Что съ тобою? Я знавалъ тебя не такимъ трусомъ. Развѣ ты не такой храбрецъ, какъ прежде? Вспомни, съ самаго Маренго мы не разставались съ тобою. Ты за мною слѣдовалъ повсюду. Развѣ ты не былъ въ послѣднемъ карре́? Что до меня, то я ничего не забылъ—ты знаешь мою память. Я сдѣлалъ тебя капитаномъ въ Аустерлицѣ, майоромъ—при Іенѣ, кавалеромъ Почетнаго Легіона—въ Эльшингенѣ, полковникомъ степенью выше—въ Бауценѣ, бригаднымъ генераломъ—въ Линьи... Ну, проснись же, посмотри на меня... Ты былъ моимъ другомъ, однимъ изъ моихъ самыхъ любимыхъ товарищей. Помнишь, однажды, когда ты былъ дежурнымъ здѣсь, въ этомъ самомъ Тюильри, гдѣ мы теперь находимся, ты носилъ Римскаго короля на рукахъ? Ты плакалъ, убаюкивая его...

На лицѣ призрака отразилась горькая печаль.

— Онъ умеръ, мой крошка, они его тамъ убили!... Но у него есть замѣститель, преемникъ: мой племянникъ Шарль-Луи, ты его хорошо знаешь; онъ сынъ моего брата Луи и моей дочери Гортензіи. Что это мнѣ сказали, будто ты его врагъ, что ты обнажишь свою шпагу противъ него вмѣсто того, чтобы помочь ему изгнать адвокатовъ и банкировъ, обезчещивающихъ нашу страну? Ну, отвѣчай же, вѣдь это неправда? Ты не измѣнникъ? Ты не зовешься ни Ожеро, ни Мармономъ?.. Скажи, мой старый товарищъ!..

И Наполеонъ, отодвинувъ бюро, отдѣлявшее ихъ, подошелъ къ Вуаролю и нѣжно взялъ его за ухо, какъ обыкновенно онъ дѣлалъ съ своими ворчунами.

Въ эту минуту до Тюильри донеслись крики «ура», военная музыка, лошадиный галопъ, шумъ оружія,—веселая оживленная сумятица.

— Да здравствуетъ императоръ!

— Да здравствуетъ Наполеонъ!

— Долой Луи-Филиппа!

Генералъ-лейтенантъ Вуароль проснулся.

Находясь еще подъ впечатлѣніемъ блестящаго видѣнія, онъ полуоткрылъ глаза и замѣтилъ дневной лучъ, пробравшійся между полураздвинутыми занавѣсами.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Раздались крики, какіе онъ слышалъ во снѣ; онъ ихъ слышалъ и теперь,—дѣствительность продолжила сонъ.

— Долой Луи-Филиппа!

— Да здравствуетъ Наполеонъ!

— Да здравствуетъ императоръ!

Тамъ, подъ окнами, предъ дверью его дома, на улицахъ, всюду раздавались восклицанія.

И та же сумятица, то же бряцанье оружія, тотъ же топотъ войска, какъ и во снѣ.

Музыка играла арію королевы Гортензіи.

Баронъ Вуароль соскочилъ съ постели, босыми ногами побѣжалъ къ окну и отдернулъ занавѣсъ.

Улица была полна солдатъ и волновавшагося народа.

Вуароль подошелъ къ другому окну, потомъ еще къ слѣдующему и повсюду увидѣлъ солдатъ.

— Я окруженъ!..—пробормоталъ онъ.

Въ эту минуту вошелъ молодой двадцатилѣтній человѣкъ, по имени Пьеръ, сынъ придверника дома, кучеръ Вуароля.

— Генералъ, генералъ!..

— Ну, что? Что случилось?

— Вы ничего не слышали?

— Какъ же, животное, даже слишкомъ. Что такое творится?

— Императоръ, генералъ, императоръ!..

— Какой императоръ?

— Наполеонъ!..

— Гдѣ же твой императоръ, болванъ?

И генералъ, обезумѣвъ, сталъ повсюду искать свою одежду, но никакъ не могъ ее найти.

— Слышите, генералъ? Онъ тамъ, говорю вамъ!

Въ это время отворилась дверь, и пока баронъ Вуароль надѣвалъ штаны, которые наконецъ ему удалось найти, въ комнату вошелъ мужчина.

Это былъ Паркэнъ. Пока между ними происходило объясненіе, внезапно въ комнату вбѣжали двѣ заплаканныя женщины въ ночныхъ одеждахъ.

Это были жена и теща генералъ-лейтенанта.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнули онѣ.—Что случилось?

И онѣ обхватили руками генерала, какъ бы защищая его.

Паркэнъ вышелъ и позвалъ солдатъ.

— Кто этотъ генералъ?—спросили онѣ.

— Я не знаю его,—отвѣтилъ онъ.

Въ это время около двадцати канонировъ, повинуясь знаку Паркэна, вошли въ комнату.

Обѣ женщины отъ ужаса зарыдали и еще тѣснѣе прижались къ Вуаролю.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ.—Дайте же мнѣ одѣться!

И въ то время, какъ Паркэнъ успокаивалъ сильно возбужденныхъ солдатъ и разставлялъ у дверей караулъ, баронъ Вуароль надѣвалъ свой парадный мундиръ, шляпу съ перьями, шпагу и ордена.

Когда Паркэнъ возвратился къ нему, то онъ былъ готовъ. Подойдя къ нему, онъ спросилъ вызывающимъ тономъ:

— Кто изъ насъ двоихъ здѣсь генералъ?

— Прежде всего, кто вы такой? Вы—г. генералъ-майоръ?

Читатель помнить, что Паркэнъ былъ въ полной формѣ бригаднаго генерала (генералъ-майора во время монархіи).

Онъ отвѣтилъ:

— Мое имя не имѣетъ для васъ значенія. Здѣсь я представляю принца Наполеона, а вы... вы ничего болѣе не значите!

Вуароль обернулся къ канонирамъ:

— Слышали вы, какъ обращаются съ вашимъ генераломъ?..

Канониры принялись смѣяться и воскликнули:

— Да здравствуетъ императоръ!

— Такъ я арестованъ?—спросилъ Вуароль, скрещивая руки и пристально смотря на Паркэна.

— Отчего? Развѣ вы не изъ нашихъ?—спросилъ ложный генералъ-майоръ.—Гарнизонъ съ нами, завтра мы пойдемъ на Парижъ,— и имперія готова.

— Вы ошибаетесь, сударь, гарнизонъ не съ вами. Онъ признаетъ свою ошибку, и кто не подчинится, будетъ разстрѣлянъ. Пропустите меня!

Онъ вынулъ свою шпагу и представился, что хочетъ броситься на группу артиллеристовъ, но послѣдніе скрестили сабли.

Борьба готова была завязаться. Крики женщинъ усилились. Теща генерала ухватилась за полы его мундира и изо всей силы тянула назадъ.

— Мой другъ, они васъ убьютъ!—воскликнула она.

Въ эту минуту на лѣстницѣ поднялась суматоха.

Прибѣжали офицеры. Во главѣ ихъ былъ Петигранъ, капитанъ главнаго штаба. Генералъ Вуароль узналъ его голосъ. Онъ хотѣлъ броситься къ нему, но его оттолкнули, и такъ какъ онъ былъ слабъ на одну ногу, то едва не упалъ.

Отворилась дверь, и появились офицеры. Нѣкоторые канониры, поддаваясь увѣщаніямъ, какъ будто защищали генерала; остальные оставались вѣрны Паркэну.

Могла произойти кровавая схватка, но Паркэнъ этого не хотѣлъ. Убѣжденный, что Луи-Наполеонъ и его войско одержали побѣду, онъ приказалъ своимъ солдатамъ снова вложить въ ножны оружіе и слѣдовать за нимъ, чтобы присоединиться къ принцу.

Что касается генерала Вуароля, то онъ сѣлъ верхомъ и поспѣшилъ съ своими ординарцами въ цитадель, чтобы образовать сопротивленіе.

Обѣ женщины въ слезахъ остались однѣ, охваченныя самыми зловѣщими предчувствіями.

Между тѣмъ принцъ и его спутники въ сопровожденіи 4-й артиллерійской баттареи двигались къ Финкматту.

XXII.

Финкматтскія казармы, занятыя 46-мъ линейнымъ полкомъ, находились противъ сѣвернаго вала, въ концѣ предмѣстья Пьерръ. Достичь ихъ можно было двумя путями: чрезъ узкій переулокъ, врѣзывавшійся въ главную артерію предмѣстья, или чрезъ самый валъ, контръ-эскарпъ котораго спускался во дворъ казармы.

Уже съ минуту тому назадъ, какъ били зорю, и обширный человѣческій улей оживился. Чрезъ окна, широко растворенныя при первыхъ звукахъ трубы, какъ это предписывалось правилами, вырывалось жужжанье проснувшихся солдатъ. На дворѣ въ утреннихъ одеждахъ солдаты выколачивали одѣяла. Оконечности ихъ пальцевъ коченѣли отъ холода, а глаза слезились отъ дувшаго рѣзкаго вѣтра. Въ воздухѣ носились облака пыли. Вокругъ происходила суматоха сонливая и ворчливая проснувшейся казармы.

Въ одной изъ группъ, какой-то солдатъ размахивая длинный камышевкой пѣлъ куплетъ, бывшій въ то время въ большомъ ходу во французскихъ деревняхъ; онъ относился къ послѣднему насильственному набору во время имперіи.

Пѣвца звали Калью; онъ пѣлъ жалобнымъ голосомъ.

Парижанинъ по имени Ферранъ, державшій одинъ уголъ выколачиваемаго одѣяла, смотрѣлъ на пѣвца съ притворной жалостью, произнеся лѣнивымъ, картавымъ тономъ парижскаго весельчака.

— Ну, что, бѣдный старина, тебѣ что-то нездоровится сегодня утромъ?

Калью отвѣтилъ плачущимъ тономъ:

— У меня брюхо зябнетъ.

Потомъ онъ прибавилъ, жалобно вздыхая:

— Еще шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ придется тянуть лямку!

— Таковъ ужъ курсъ ученья!—шутилъ Ферранъ.

— Ты насмѣхаешься, потому что у тебя нѣтъ родины,—перебилъ его бургундецъ Мушю:—и затѣмъ—ты доброволецъ; у тебя безъ сомнѣнія, нѣтъ тамъ хлѣба?

— Нѣтъ родины! — возразилъ Ферранъ. — Что же Парижъ не родина, что ли?

— Это не одно и то же,—возразилъ Мушю.—Въ Парижѣ нѣтъ земли, нѣтъ коровъ, нѣтъ полей, нѣтъ виноградниковъ...

— И нѣтъ невѣстъ,—прибавилъ въ заключеніе Калью.

Мушю ударилъ себя по ляшкамъ и со смѣхомъ спросилъ:

— У тебя есть невѣста Калью?

— Еще бы.

— Эй, вы, смотрите-ка: оказывается, у Калью есть невѣста.

— Но, должно быть, невѣсты въ лядункѣ!—сказалъ кто-то.

И всѣ захохотали хоромъ. Но Калью угомонилъ ихъ смѣхъ своимъ вторымъ куплетомъ.

Когда онъ замолкъ, Мушю возвратился къ своей мысли:

— Твой Парижъ, — сказалъ онъ Феррану, — не то, что другія страны. Въ немъ только большіе дома, какъ эта казарма. Сегодня вы въ ней, завтра—въ другомъ мѣстѣ. Вы не у себя; ваши старики не родились тамъ.

— Это правда,—согласился Ферранъ,—мои были пикардійцы.

— Вотъ видишь! Я изъ окрестностей Бона, Калью—съ Луары.

И, показывая на другихъ товарищей, продолжалъ:

— Онъ—изъ Нормандіи; онъ—изъ Берри; тотъ—изъ Шампаньи.

Одинъ изъ солдатъ, бывшій съ Оазы, сказалъ меланхолично:

— Въ настоящее время у насъ рубятъ лѣсъ, женщины въ этотъ часъ собираютъ буковые орѣшки; затѣмъ, вечеромъ, когда всѣ возвратятся, подается сытный супъ, изготовленный матерью.

— По вечерамъ бываютъ бесѣды,—прибавилъ другой.—Всѣ садятся въ кружокъ со свѣчей позади стекляннаго шара, чтобы сильнѣе свѣтила. Мужчины плетутъ корзины, женщины прядутъ, старики вспоминаютъ о старинѣ, а скотъ поворачиваетъ головы, чтобы послушать...

— По угламъ щиплютъ дѣвушекъ!

Хотя казалось не вѣроятнымъ, но всѣ удостовѣрились, что это игривое замѣчаніе исходило отъ невиннаго Калью.

— Это правда,—сказалъ Мушю, на котораго эти воспоминанія произвели сильное впечатлѣніе: — также правда, что тамъ лучше, чѣмъ здѣсь стоять на вытяжкѣ... Ахъ, чортъ побери этотъ жребій.

И всѣ, топая ногами, повторили за нимъ:

— Ахъ, проклятый жребій!

— Что же вы думаете,—вмѣшался Ферранъ, взволнованный въ душѣ болѣе, чѣмъ казался:—развѣ мнѣ тоже не жаль моего марсельскаго предмѣстья и моихъ слесарныхъ тисковъ? Полно, Калью, передай мнѣ твоего императора!

— Какого императора?

— Да твою камышевку.

Калью передалъ ему свою палку.

— Отчего ты ее называешь императоромъ?

— Это такъ говорится въ казармахъ по случаю «Другого», который вздулъ австрійцевъ и распоряжался королями по своему усмотрѣнію.

— Кто это «Другой»?—спросилъ Мушю, состроивъ ротъ, какъ прописной буквой О.

— Наполеонъ, чортъ возьми!

— Вотъ былъ молодецъ!—произнесъ Мушю.—Онъ не стрѣлялъ въ гренадера, какъ Филиппаръ.

— Тише!.. Регулъ идетъ,—сказалъ кто-то.

Они принялись съ ожесточеніемъ выколачивать свои коричневыя изъ грубой шерсти одѣяла.

Къ группѣ приближался старый, маленькаго роста, желтый и худой сержантъ. На немъ была греческая феска, и вышитыя туфли.

— Эй, вы,—ворчалъ онъ, вращая глазами съ необыкновенной подвижностью,—не похоже, чтобы вы очень поворачивались. Постарайтесь пошевеливаться, иначе берегитесь.

И, пристально взглянувъ на Мушю, сказалъ:

— Что ты тутъ говорилъ сейчасъ?

Мушю смутился.

— Я—ничего, сержантъ.

— Слѣдуетъ уважать авторитетъ королевскій и иной, гм... новичекъ!.. Не выворачивайся, я знаю, что говорю.

И онъ прошелъ, мотнувъ своимъ тонкимъ черепомъ подъ вышитой феской, кисточки которой прикрывали ему плечи.

— Не изъ очень-то покладистыхъ Андрэ-Регулъ Дебарръ,—заключилъ Ферранъ.

— Какая у него красивая фуражка! — сказалъ Калью съ восторгомъ.

— Это не фуражка, это греческая феска.

— Это ему вышивала его добрая подруга такъ же, какъ и туфли, и онъ съ нею скоро повѣнчается, потому что беретъ отпускъ, и правительство ему даетъ мѣсто,—сказалъ Мушю.

— Вотъ почему онъ защищаетъ Людовика-Филиппа, эту старую бабу.

— Господа, какъ у меня холодно на брюхѣ,—снова принялся жаловаться Калью.

— Ступай, спроси себѣ горячаго кофе у мамаши Ваграмъ,—сказалъ Ферранъ, указывая на группу, собравшуюся вокругъ торговки.

Всѣ посмотрѣли въ ту сторону.

— Каково!—произнесъ Мушю:—такъ, она болѣе не больна, мамаша Ваграмъ?

— Надо думать, потому что она здѣсь.

— Чортъ возьми!—сказалъ Ферранъ:—Калью заплатитъ намъ за кофеекъ.

— У меня нѣтъ болѣе ни су,—поспѣшно заявилъ новобранецъ.

— Не требуется,—замѣтилъ одинъ пѣхотинецъ, проходившій мимо, вытирая рукавомъ губы:—сегодня даромъ.

Всѣ побросали свои одѣяла и съ изумленіемъ переглядывались.

— Даромъ? — спросилъ Ферранъ, не вѣрившій своимъ ушамъ.

— Говорятъ тебѣ!.. И водку при этомъ даютъ.

— Водку!

Второй подошедшій пѣхотинецъ прибавилъ:

— Кажется, за это платитъ какой-то принцъ.

— Какой принцъ?—спросили всѣ хоромъ.

— Навѣрно, это не Пуло; Орлеаны слишкомъ бережливы.

— Я не знаю, — возразилъ сообщавшій: — говорятъ, что онъ родственникъ «Другому».

— Наполеону?

— Да.

— Вздоръ! Наполеона болѣе нѣтъ.

Разговаривая такимъ образомъ, группа подошла къ торговкѣ кофе.

При словахъ: «Наполеоновъ болѣе нѣтъ», она рѣзко обернулась, выпрямилась, скрестила руки, закинула гордо голову и нахмурила брови.

— Наполеоновъ болѣе нѣтъ! Кто это сказалъ? — спросила она, сверкая глазами.

— Э, да это не мамаша Ваграмъ, — сказалъ съ удивленіемъ Мушю.

Дѣйствительно это была молодая женщина въ плохой покрытой заплатами юбкѣ, въ деревянныхъ башмакахъ, въ грязномъ платкѣ изъ грубой шерстяной ткани, покрывавшемъ ей голову и лифъ. Ея блѣдное, въ высшей степени красивое лицо, лихорадочно зарумянилось, а голосъ принялъ металлическій оттѣнокъ. Всѣ съ любопытствомъ окружили ее.

Она снова спросила:

— Посмотримъ, кто это сказалъ, что Наполеоновъ болѣе нѣтъ? Это ты Никодимъ?

Никодимомъ она назвала Калью. Торговка схватила его за руку и стала нервно трясти.

— Я не Никодимъ, меня зовутъ Калью,—возразилъ новобранецъ:—и потомъ это сказалъ не я, а парижанинъ.

Онъ указалъ на Феррана.

Торговка оставила Калью и принялась допрашивать париженина.

— Ну, такъ, молодецъ, для парижанина ты не силенъ... Наполеоновъ болѣе нѣтъ,—сказала она дрожа.

Она и употребляла народныя словца, и жесты; и въ ея триівіальномъ голосѣ, однако, по временамъ неожиданно слышались глубокія пріятныя, гармоничныя ноты.

— Ну, конечно, разъ римскій король умеръ!—отважился произнесть Ферранъ.

Она съ состраданіемъ посмотрѣла на него и отвѣтила:

— Такъ, ты думаешь, что Наполеоны это семья, какъ Баб-тисты, Николя и Жаны.

Она взяла чашку кофе съ камфорки и протянула ее Феррану, говоря:

— Выпей-ка, это просвѣтитъ тебѣ мысли.

Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ, воскликнула:

— Видите ли, ребята, Наполеонъ это прозвище революціи. Безъ него ничего не дѣлается!

Она направилась къ Мушю и, схвативъ его за пуговицу мундира, произнесла:

— Ты любишь свое поле, не правда ли? Ты только что ты это сказалъ,—я тебя слышала, полно, несмотря на то, что стояла къ тебѣ спиною. Твой дѣдъ купилъ его во время продажи національныхъ земель: оно часть имѣнья дворянъ или духовенства? Ну, такъ, малый, безъ Наполеона вернется король, все отнимутъ, твоего дѣда запрячутъ въ тюрьму, и все начнется, какъ прежде: ты крестьянинъ— у тебя не будетъ болѣе земли; человѣкъ—у тебя нѣтъ болѣе правъ; гражданинъ—у тебя нѣтъ болѣе націи, у тебя есть права только молчать, жевать табакъ, притвориться мертвымъ и сдохнуть съ голода!.. Не хочешь ли еще водки?.. Пока живъ былъ Наполеонъ, солдаты утоляли свою жажду и ѣли досыта, такъ какъ было чего. Теперь поставщики жирѣютъ за счетъ твоей шкуры; паролемъ служитъ: «обогащайтесь и миръ во что бы то ни стало». Эти бездѣльники, проклятые болтуны, адвокаты въ своихъ болтальныхъ казармахъ, пользуясь вашей нищетой, занимаются вами не болѣе, какъ Великимъ Туркомъ. И въ то время, какъ они съ банкирами мошенничаютъ, наполняя себѣ брюха и кошельки, народъ—безъ хлѣба, солдаты—безъ лавръ... А ты, парижанецъ, ты хорошо знаешь, что если ничтожные люди могли достигнуть всего, если самые ловкіе изъ его маршаловъ были бочары, трактирщики, клерки нотаріусовъ и имѣли троны, то только благодаря этому худышкѣ, безъ гроша за душею, съ безконечнымъ количествомъ родныхъ, которыхъ онъ долженъ былъ всѣхъ опредѣлить и для которыхъ долженъ былъ выкроить столько государствъ и герцогствъ въ монархической Европѣ!.. За твое здоровье, сынокъ!.. А затѣмъ, ребята, что вы тутъ дѣлаете? Если васъ оторвали отъ сохи, изъ мастерскихъ, изъ лавки, если вы одѣты иначе, чѣмъ другіе, если вы собраны здѣсь вмѣстѣ и вооружены, то для того, чтобы дѣлать что нибудь,—не правда ли?—не для того же вы здѣсь, чтобы грѣть на солнцѣ свои буркала.

Раздался грубый поощрительный, звонкій, смѣхъ, сопровождаемый возгласами:

— Вѣрно!

— Это правда!

Торговка воспользовалась этимъ и принялась опять раздавать кофе и водку, подходя отъ одного къ другому съ вольными шуточками, подталкивая солдатъ локтемъ и поощрительно радушно подмигивая имъ. Даже если двое или трое изъ нихъ стискивали ее, когда она проходила, то торговка не сердилась, а только добродушно отстраняла слишкомъ смѣлыя руки. Затѣмъ, когда всѣ поуспокоились, она сказала:

— Ну, такъ, это все для вида. Васъ переодѣваютъ солдатами не для того, чтобы вздуть непріятеля нашей прекрасной страны,

а чтобы охранять кассы, изъ которыхъ ничего не очистится вашему брату. Во времена «Другого» Парижъ, Франція, Европа—все это было для васъ. Вы отправлялись собирать столицы, какъ розы для землячки въ весенній день. Онъ говорилъ: «Хочу Вѣну». Ему давали Вѣну. Онъ говорилъ: «Хочу Берлинъ». Ему давали Берлинъ. Онъ игралъ, будто шапками, Пирамидами, Капитоліемъ, Кремлемъ: столько было у него игрушекъ... Такимъ образомъ солдаты были счастливы, горды и на хорошемъ счету у каждаго. Ахъ, да, я хорошо знаю, случалась и ломка... ну, такъ что же, а затѣмъ? Не лучше ли умереть такъ, чѣмъ сдохнуть отъ ревматизма и истощенія послѣ стольких годовъ работы для другихъ? Ну, а оставшіеся въ живыхъ счастливчики, чего только имъ не хватало: ихъ лелѣяли, какъ любовницъ. Когда гренадеръ проходилъ по улицѣ, на него смотрѣли, какъ на реликвію; всѣ тѣснили другъ друга, чтобы дать ему на выпивку, и заставляли его прочитать послѣдній бюллетень великой арміи. Нѣтъ болѣе Наполеоновъ!.. Каждый пущенный выстрѣлъ изъ ружья представляетъ какъ бы взмахъ кадильницы въ его память. Только съ нимъ брали Египетъ и не дали бы себя вздуть во рвѣ Константина!.. Наполеоновъ болѣе нѣтъ! но за неимѣніемъ его сына, котораго уморили австрійцы, онъ развѣ не оставилъ послѣ себя расы? Тотъ, который идетъ и говоритъ: «я—Наполеонъ», говоритъ просто: «я—народъ, я—всѣ, съ золотомъ въ карманѣ, лаврами на челѣ и руками, полными сноповъ славы!.. Знаешь ли ты это, новобранецъ? Папаша Луи-Филиппъ можетъ производить сколько ему угодно эполетъ, но это никогда не будетъ тѣмъ же самымъ... Крестьянинъ, будь за Наполеона!.. Житель предмѣстья, будь за Наполеона!.. Будьте всѣ за Наполеона!.. Сегодня онъ васъ угощаетъ, завтра чрезъ него вы будете хозяевами...

Она переходила отъ одного къ другому, лихорадочно воодушевленная; она подливала имъ вина, толкая застѣнчивыхъ, возбуждая развязныхъ, шутя со всѣми и улыбаясь всѣмъ. И всѣ, которые сначала оторопѣли, потомъ закусили удила, разгорячились и были готовы слѣдовать за нею, куда ей угодно.

Однако внезапно всѣ умолкли. Въ ихъ взглядахъ показалась боязнь: они только что замѣтили сержанта Андрэ-Регула Дебарра, который уже съ минуту былъ здѣсь и слушалъ.

Онъ подошелъ, взглянулъ прямо въ лицо женщинѣ и угрожающимъ тономъ сказалъ:

— Ну-ка, скажите, что вы тамъ напѣвали этимъ молокососамъ? Эта сказка можетъ васъ далеко завести, мамочка! Да, прежде всего я васъ не знаю. Кто васъ сюда провелъ?

— Не сердитесь, сержантъ,—сказала молодая женщина, пробуя приручить Цербера:—я племянница мамаши Ваграмъ, и такъ какъ она больна...

— Тара-та-та! Меня не проведешь, красавица! Съ такими руками, какъ ваши, и глазами, какъ у дочери вашей матери, ничего нѣтъ общаго съ этой старой лядункой, обращенной въ мамашу Ваграмъ. Тутъ что-то нечисто.

И, обернувшись къ солдатамъ, онъ прибавилъ:

— Эй, вы! не угодно ли вамъ прекратить все и отправиться туда посмотрѣть, тамъ ли я! Дадутъ вамъ тамъ кофе на молокѣ, сластей, столько пирожковъ, что хватитъ полакомиться цѣлому полку.

Затѣмъ, обращаясь къ торговкѣ, онъ продолжалъ:

— Что до васъ, мамочка, подождите только пять минутъ, когда явится дежурный адъютантъ штаба. Ваше дѣло выведутъ на свѣтъ и, если въ немъ найдутся неясности, васъ засадятъ въ тюрьму.

— Какъ, сержантъ, вы, старый служака, вы, знававшій Наполеона, вы?!.

— Наполеона! Мнѣ на него наплевать... — отрѣзалъ онъ.

Въ эту минуту они оба повернули головы по направленію къ городу.

Издалека доносились волны музыки и отрывки Марсельезы.

Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ маркитантки.

— Вотъ они!—шептала она.

Пѣніе, трубные звуки и крики приближались.

— Что тамъ такое случилось?—громко спросилъ Регулъ Дебарръ.

— Сейчасъ вы перемѣните мнѣніе, сержантъ. Слушайте!

Теперь съ каждой секундой все яснѣе и яснѣе слышалась суматоха и наконецъ достигала стѣнъ казармъ. Все предмѣстье огласилось сплошными радостными кликами.

Со всѣхъ сторонъ бѣжали солдаты. Окна различныхъ зданій, казармы пѣхотинцевъ украсились головами любопытныхъ.

Посрединѣ двора жестикулировала торговка.

— Послушайте! послушайте!.. Товарищи, это онъ!..

— Кто онъ?—спросили удивленные голоса.

— Наполеонъ, племянникъ «Другого».

Регулъ разразился хохотомъ.

— Хорошо... очень хорошо... издѣвался онъ.

Между тѣмъ его увѣренность нѣсколько ослабла, когда онъ услышалъ военную музыку, которая играла арію королевы Гортензіи. Онъ бросился къ валу, взобрался на него и сталъ внимательно смотрѣть по направленію къ городу.

Вскорѣ онъ спустился съ вала. Его лицо выражало большое изумленіе, къ которому примѣшивалось нѣкоторое безпокойство.

— Что это такое?—спросилъ онъ съ тревогою.

Затѣмъ онъ внезапно бросился къ рѣшеткѣ казармы со словами:

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

НОЯБРЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1905 г.

(См. слѣд. стран.).

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1906 году

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1906 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать шесть лѣтъ (1880—1905).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ УСПЕНСКІЙ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 25 ОКТЯБРЯ 1903 Г. СПБ.

КРУЖКОВЦЫ [1].

VII.

Сѣрыя, ноябрьскія сумерки нависли надъ опустѣвшими, мертвыми Выселками. Пустыя улицы съ вытянувшимися въ рядъ деревянными дачами съ забитыми ставнями были совершенно безлюдны.

Домъ наслѣдниковъ Стрекаловой глядѣлъ мрачно и казался еще болѣе разрушеннымъ и ветхимъ. Нигдѣ не видно было огня, не слышно человѣческаго голоса, и даже собаки, лѣтомъ обыкновенно оглашавшія Выселки громкимъ лаемъ и возбуждавшія общее негодованіе дачниковъ, куда-то попрятались и ничѣмъ не выдавали своего присутствія.

Въ маленькой, тѣсной знакомой намъ комнатѣ, носившей названіе кабинета Орлова, тускло горѣла свѣча подъ зеленымъ абажуромъ. У стола сидѣлъ Юневичъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ съ накинутымъ на плечи пальто и разсѣянно перелистывалъ книжку толстаго московскаго журнала.

Онъ уже нѣсколько ночей не спалъ и какъ-то пересталъ отличать день отъ ночи. На душѣ у него было тяжело, а голова тупо болѣла.

Орлову было очень худо. Онъ лежалъ на диванѣ лицомъ къ окну, совершенно недвижный и безмолвный и умиралъ. Онъ умиралъ такъ уже двѣ недѣли.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 5.

Юневичъ не отходилъ отъ него.

Тѣло Орлова высохло, кожа липла къ костямъ, лицо его страшно заострилось, глаза и щеки провалились; тому, кто давно не видалъ его, было бы трудно узнать его.

Изрѣдка Юневичъ подходилъ къ нему и подносилъ къ его губамъ ложку съ морсомъ. Больной машинально глоталъ жидкость. Казалось, онъ уже не принадлежалъ землѣ и не думалъ ни о чемъ земномъ. За послѣднее время около него оставался одинъ Юневичъ, который рѣшилъ не покидать его до конца и почти не выходилъ изъ дома. Еще нѣсколько дней тому назадъ Орловъ обмѣнивался съ нимъ время отъ времени двумъ-тремя словами, но теперь онъ почти не говорилъ, и Юневичъ окруженъ былъ постоянной, ничѣмъ ненарушимой тишиной. Даже дыханія больного не было слышно.

Днемъ кое-кто иногда заглядывалъ къ дѣдкѣ, большею частью Опулентовъ, но потомъ и онъ пересталъ приходить, видя, что присутствіе его совершенно безполезно. Вася Деревянниковъ сначала, когда только что водворился у дѣдки, сгоряча очень помогалъ Юневичу и, несмотря на то, что самъ былъ боленъ, съ величайшей готовностью дѣлалъ все, что могъ, для него и для Орлова. Онъ топилъ печи, ставилъ самоваръ, исполнялъ порученія. Но мало-по-малу имъ начала овладѣвать тоска, и въ послѣднее время онъ съ утра уходилъ въ Москву. Этотъ слабый, тщедушный, несложившійся молодой человѣкъ, почти мальчикъ на видъ, съ глубоко запавшими, горящими лихорадочнымъ огнемъ, темными глазами, острымъ носомъ и подбородкомъ и съ провалившимися щеками съ характернымъ чахоточнымъ румянцемъ производилъ тягостное впечатлѣніе. Большею частію онъ не ночевалъ дома, жилъ же вообще, какъ птица небесная, ничего не дѣлая, ни о чемъ не заботясь. Въ Москвѣ у него было множество знакомыхъ и молодыхъ и пожилыхъ людей, все отщепенцевъ и отбросовъ общества, нищихъ интеллигентовъ, спившихся заводскихъ рабочихъ, исключенныхъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній. Онъ шатался по Москвѣ изъ одного притона въ другой и чувствовалъ себя хорошо только въ этомъ обществѣ. Были у него довольно состоятельные родственники, которые пробовали его пристроить къ какому нибудь дѣлу и не прочь были позаботиться о немъ, но натура у него была безпорядочная и дикая, и онъ совершенно неспособенъ былъ къ строго размѣренному, аккуратному труду. Онъ выросъ сиротой подъ ферулой отца-алкоголика, который рано овдовѣлъ, всегда былъ предоставленъ самому себѣ и чуть ли не съ восьми лѣтъ началъ пить водку. Теперь, когда Картошкинъ прогналъ его отъ себя, онъ превратился опять въ бездомнаго бродяжку. Время отъ времени ему перепадали деньжонки, которыми онъ тотчасъ же дѣлился со своими знакомыми.

Юневичъ пробовалъ было удерживать его дома, но потомъ махнулъ на него рукой. Васѣ очевидно оставалось жить очень недолго, и стараться измѣнить его было дѣло безполезное.

Юневичъ, прежде разыскивавшій его и водворявшій послѣ многихъ трудовъ на Выселкахъ, теперь предоставлялъ ему дѣлать, что угодно. Все равно пропадетъ, рѣшилъ онъ про себя.

Самъ онъ давно уже не посѣщалъ кружковцевъ, хотя они и продолжали собираться. Теперь орловцы не представляли для него никакого интереса. Его привлекала всегда личность ихъ руководителя Орлова. Пока въ кружкѣ viталъ его духъ, этотъ кружокъ былъ ему дорогъ, но теперь духъ этотъ покинулъ кружокъ и готовъ былъ покинуть землю, и Юневича даже не тянуло итти къ нимъ.

Ночь надвигалась все темнѣе и темнѣе. Въ пустыхъ обширныхъ комнатахъ Стрекаловскаго дома стоялъ таинственный холодный мракъ. Казалось, въ нихъ незримо и неслышно присутствовала смерть.

Юневичъ чувствовалъ себя утомленнымъ и разбитымъ, но ложиться спать не хотѣлъ. Онъ уже давно отвыкъ отъ постели и, если отдыхалъ, то сидя въ креслѣ и очень недолгое время. Прежде, когда Вася по вечерамъ бывалъ дома, онъ имѣлъ обыкновеніе пить съ нимъ чай, но теперь Юневичъ не пилъ и чая. Въ его одиночествѣ старый, угрюмый домъ пугалъ его, и когда ему приходилось выходить изъ комнаты дѣдки въ другія комнаты, у него всегда являлось смутное непріятное мистическое ощущеніе. За послѣднее время нервы его были ужасно напряжены, онъ каждую минуту ожидалъ конца, и это ожиданіе становилось наконецъ невыносимымъ.

Онъ взглянулъ на часы, было еще не очень поздно: всего девять часовъ вечера. Но Выселки рано укладывались спать, и къ девяти часамъ точно все вымирало.

Онъ всталъ и подошелъ къ умирающему. Тотъ открылъ глаза и устремилъ на него ясный и сознательный взглядъ.

— Не нужно ли вамъ чего нибудь, дѣдка?—спросилъ онъ.

— Ничего,—прошепталъ Орловъ и прибавилъ едва слышно:— долго... пора... зажился...

Юневичъ поправилъ на немъ одѣяло и хотѣлъ уже итти на свое мѣсто, какъ вдругъ рѣзкій звонокъ у дверей поразилъ его. Въ первую минуту онъ подумалъ, что ему это только показалось, и прислушался. Слышно было, что кто-то, стоя у дверей, нетерпѣливо дергаетъ заржавленный прутъ звонка. Затѣмъ снова послышался звонокъ. Юневичъ бросился къ двери. Онъ былъ изумленъ. Уже съ мѣсяцъ никто не звонилъ въ эту квартиру: между кружковцами было условлено не звонить, чтобы не тревожить дѣдку, и всѣ завсегдатаи обыкновенно проходили

въ палисадникъ и стучали въ окно дѣдкиной комнаты. Очевидно, что звонилъ кто нибудь чужой.

— Кто тутъ?—спросилъ Юневичъ.

— Здѣсь живетъ Иванъ Евлампіевичъ Орловъ?

— Здѣсь. Кто вы?

— Это я, мы!—отвѣтилъ женскій незнакомый голосъ:—пожалуйста, отворите. Дѣти замерзли, мы долго искали.

Юневичъ, недоумѣвая, поднялъ крюкъ и отворилъ дверь. Онъ впустилъ темную женскую фигуру и за нею еще маленькія фигурки. Было темно, и нельзя было разглядѣть ни лицъ ни платья. Когда же Юневичъ затворилъ наружную дверь, всѣ очутились въ черномъ мракѣ. Тутъ только Юневичъ сообразилъ, что напрасно не захватилъ съ собою свѣчи, и что люди, не знакомые съ расположеніемъ комнатъ, не могутъ ступить и шагу, не наткнувшись на что нибудь. Онъ пошарилъ въ карманахъ пальто и, найдя спички, зажегъ одну изъ нихъ и пошелъ впередъ. Спичка скоро погасла, онъ зажегъ другую, и при ея трепетномъ свѣтѣ разглядѣлъ высокую стройную даму, довольно хорошо одѣтую, съ блѣднымъ, усталымъ и, какъ показалось ему, красивымъ лицомъ. Къ ней жались двѣ дѣвочки лѣтъ десяти-двѣнадцати и мальчикъ лѣтъ девяти.

Юневичъ провелъ ее въ залъ и тутъ остановился. Въ домѣ была только одна жилая комната, та, въ которой лежалъ умирающій. Онъ прошелъ въ нее, принесъ оттуда свѣчу, поставилъ ее на подоконникъ и сказалъ:

— Иванъ Евлампіевичъ тамъ, онъ очень боленъ.

Дама оглядѣлась. Лицо ея приняло недоумѣвающее, почти испуганное выраженіе, тѣмъ не менѣе она быстро сдвинула три вѣнскихъ стула и усадила на нихъ дѣтей. Юневичъ догадался подвинуть ей стулъ, она тотчасъ же опустилась на него и, оглядывая Юневича, спросила:

— Вы кто?

Юневичъ запахнулъ пальто,—только теперь вспомнилъ онъ, въ какомъ онъ нарядѣ.

— Я,—въ смущеніи отвѣтилъ онъ,—я, ученикъ Ивана Евлампіевича, теперь хожу за нимъ; около него только я, онъ совсѣмъ одинокъ.

— Я—жена его,—сказала дама.

Юневичъ, какъ и многіе изъ кружковцевъ, совсѣмъ не зналъ біографіи Орлова и очень удивился.

— Какъ же быть? — сказалъ онъ. — Мнѣ кажется, теперь къ нему лучше не входить. Пока не снимайте шубы. Я сейчасъ все устрою, перетащу сюда столъ изъ той комнаты и печи затоплю, потому что тутъ холодно, а потомъ схожу въ лавочку и принесу хлѣба и еще чего нибудь.

Онъ засуетился.

— Хорошо!—покорно сказала дама.—Дѣйствительно здѣсь холодно.

Юневичъ побѣжалъ за дровами. Онъ принесъ ихъ цѣлую охапку и, усѣвшись на корточкахъ передъ печкой, принялся растапливать ее.

Дама молчала. Молчали и дѣти. Юневичъ мелькомъ взглянулъ на нихъ, и его поразили ихъ серьезныя блѣдныя личики, особенно лицо старшей дѣвочки. На немъ была написана тяжелая и скорбная дума. Печка скоро запылала.

— А вы гдѣ хотите ночевать?—спросилъ Юневичъ.—Неужели здѣсь? Гдѣ же уложить дѣтей? Тамъ комната очень мала и постели нѣтъ. И потомъ, онъ такъ тяжело боленъ.

— Какъ нибудь устроимся,—сказала дама,—дѣти очень устали; мы вѣдь прямо съ желѣзной дороги.

— Не лучше ли вамъ поѣхать въ гостиницу? — сказалъ Юневичъ:—я бы проводилъ васъ. Тутъ можно найти гдѣ нибудь поближе къ заставѣ номера.

— Въ гостиницу? — переспросила дама. — Нѣтъ, въ гостиницу я не могу, у меня вѣдь совершенно нѣтъ денегъ. Въ гостиницу невозможно.

— Тогда дѣлать нечего,—сказалъ Юневичъ: — я какъ нибудь васъ устрою. Вы посидите пока здѣсь одни, я только сбѣгаю въ лавочку, дверь за мною можно не запирать, никто не придетъ.

— Хорошо, — сказала дама, — благодарю васъ. Будьте добры, возвращайтесь поскорѣе.

— Да, да, сію минуту!—сказалъ Юневичъ,—только вы не безпокойтесь: некому прійти.

Онъ на минуту завернулъ въ комнату Орлова, чтобы одѣться, но, когда онъ вошелъ, Орловъ явственно проговорилъ:

— Кто пришелъ?

— Ваша жена пріѣхала,—отвѣтилъ Юневичъ.

— Жена?—переспросилъ Орловъ.

Лицо его оживилось, онъ приподнялся на локтѣ и вопросительно взглянулъ на Юневича. Того испугало тревожное выраженіе его глазъ, испугало его также и то, что въ умирающемъ вдругъ ярко вспыхнула таившаяся еще въ немъ жизнь.

— Лежите спокойно, — сказалъ онъ,—я сію минуту вернусь. Она здѣсь останется ночевать и дѣти тоже.

— И дѣти,—повторилъ больной.

— Я ухожу не надолго, — повторилъ опять Юневичъ, — подождите меня, лежите спокойно.

Онъ вышелъ въ залу.

— Я сказалъ ему, что вы пріѣхали,—сказалъ онъ дамѣ:—онъ, кажется, очень взволнованъ. Вы не войдете къ нему? Подождите лучше меня; я боюсь за него; вѣдь онъ очень слабъ: можетъ быть, его потрясетъ свиданіе съ вами.

— Я безъ васъ не пойду,—поспѣшила успокоить его дама.

Юневичъ ушелъ.

— Мамочка, мы раздѣнемся и подойдемъ къ печкѣ,—сказалъ мальчикъ.

— Хорошо,—сказала мать.

Дѣти сняли свои пальто и шапочки и сложили на стулъ, потомъ они всѣ сѣли прямо на полъ около раскрытой печки, которая весело потрескивала. По мѣрѣ того, какъ они согрѣвались, личики ихъ прояснялись, и они шопотомъ вели между собою бесѣду. Мать продолжала сидѣть въ отдаленіи, одѣтая и задумчивая. Она съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія Юневича; ей казалось, что онъ долго не приходитъ.

Она наконецъ рѣшилась встать и пройтись по комнатѣ; у двери Орлова она остановилась въ нерѣшимости, нѣсколько времени колебалась, наконецъ робко пріотворила ее и заглянула въ комнату.

— Это ты?—донесся до нея едва слышный глухой, незнакомый ей голосъ. Она повернула голову въ ту сторону. Уходя, Юневичъ зажегъ на письменномъ столѣ свѣчу; трепетный свѣтъ ея слабо освѣщалъ комнату, старый широкій оттоманъ, лежавшую на немъ бѣлую подушку и на ней чужое, страшное, съ обозначившимися костями лба и висковъ, обрамленное клоками сѣдыхъ волосъ, желтое, какъ воскъ, лицо.

Въ ужасѣ она отступила назадъ, не рѣшаясь войти.

Тутъ она вспомнила, что еще не раздѣвалась, и принялась развязывать ленты у шляпы. Пока она снимала шубу, вернулся Юневичъ. Онъ принесъ изъ мелочной лавки полъ-фунта колбасы, три фунта ситнаго хлѣба, пятокъ печеныхъ яицъ, щепотку чая и полъфунта сахара, на что̀ истратилъ всѣ бывшія у него деньги. Мальчишка изъ лавки ввалился вслѣдъ за нимъ съ огромнымъ холщевымъ мѣшкомъ, набитымъ соломой, и бросилъ его прямо на полъ. Юневичъ отпустилъ его.

— Солому я велѣлъ принести,—сказалъ онъ,—чтобы сдѣлать постель. Можно будетъ хотя дѣтей положить.

Пріѣзжая кивнула головой.

— Вы были у него? — спросилъ Юневичъ, — я нарочно тамъ оставилъ свѣчу.

— Я хотѣла войти, но не рѣшилась, я только взглянула на него изъ-за двери. Неужели это Иванъ Евлампіевичъ? Онъ ужасенъ.

— Погодите!—сказалъ Юневичъ:—онъ, кажется, зоветъ.

Черезъ минуту онъ вернулся.

— Онъ хочетъ васъ видѣть.

Она пошла за нимъ. Орловъ открылъ глаза и пристально смотрѣлъ на это когда-то милое ему лицо. Она тоже измѣнилась, постарѣла, похудѣла, стала серьезнѣе, но ее сразу можно было узнать. Умирающій съ усиліемъ протянулъ ей руку.

— Здравствуй, Лиза,—сказалъ онъ, и на лицѣ его, изможденномъ болѣзнью и страданіями, скользнулъ свѣтлый лучъ радости.— Подойди поближе.

Она взяла его руку, и вдругъ щемящая жалость сдавила ея сердце. Въ ея воображеніи всталъ прежній образъ этого человѣка, здороваго, цвѣтущаго, полнаго силъ и готоваго на всѣ жертвы для нея. Она хотѣла сѣсть около него, но стула поблизости не было, и она машинально опустилась на колѣни у его изголовья, все держа его за руку.

— Иванъ Евлампіевичъ,—проговорила она, и слезы заблистали у нея на глазахъ,—Жанъ, неужели это ты? Какъ давно я тебя не видала! Если бы ты зналъ, сколько я вынесла!...

— Не плачь, Лиза, —сказалъ Орловъ:—значитъ, такъ нужно. Такъ и ты была несчастна, бѣдная!...

— И ты еще жалѣешь меня! Ты всегда былъ благороденъ, Жанъ, но я не умѣла цѣнить тебя. Я была такъ глупа. Что мы женщины понимаемъ въ жизни? Насъ воспитываютъ, какъ куколъ, мы воображаемъ, что созданы только для того, чтобы кружить головы мужчинамъ. А потомъ, когда настаетъ настоящая жизнь, сколько разочарованій, какая тяжелая расплата! Жанъ, простишь ли ты меня?

Больной кивнулъ головой и посмотрѣлъ на нее съ неизъяснимой добротой. Ея волненіе усиливалось, слезы продолжали струиться по ея щекамъ, и, забывъ о присутствіи Юневича, она разрыдалась, спрятавъ лицо въ его подушкѣ.

— Не плачь, Лиза!—повторилъ больной.—Ты говоришь, съ тобою дѣти?

— Да!—сказала она.—Развѣ ты хочешь ихъ видѣть?

— Пусть войдутъ.

— Не лучше ли послѣ, дѣдка?—вмѣшался Юневичъ.

Онъ съ изумленіемъ наблюдалъ, какъ оживился и насколько сталъ бодрѣе лежавшій передъ тѣмъ, какъ трупъ, Орловъ, но и понималъ, что это можетъ ускорить его конецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, — сказалъ Орловъ, — я чувствую себя очень хорошо.

Юневичъ сходилъ за дѣтьми и привелъ ихъ. Дѣвочки и мальчикъ съ недоумѣніемъ и страхомъ вглядывались въ незнакомое, обезображенное страданіями лицо.

— Это его дѣти?—спросилъ Орловъ.

— Они Орловы,—отвѣтила жена.—Ты не разсердишься на меня за это? Я знала, какъ ты добръ, и рѣшилась на это.

— Это хорошо,—сказалъ Орловъ,—я радъ. Какіе уже большіе, и всѣ трое похожи на тебя.

— Да. Была еще дѣвочка, та была похожа на него.

— Дѣти, подойдите сюда ближе.

Орловъ ласково улыбнулся и поманилъ къ себѣ дѣтей. Мальчикъ, какъ болѣе рѣшительный, подалъ ему руку и, обращаясь къ матери, спросилъ:

— Это твой папа, мама?

— А вѣдь это вѣрно,—сказалъ Орловъ:—я дѣйствительно гожусь имъ только въ дѣдушки.

— Дѣти, — сказала мать, — поцѣлуйте у дѣдушки руку и скажите ему покойной ночи. Пусть они лучше пойдутъ туда, — сказала она Орлову:—они безпокоятъ тебя, да и имъ не по себѣ.

Дѣти одинъ за другимъ наклонились къ рукѣ умирающаго.

— Да благословитъ васъ Богъ!—сказалъ онъ.—Жаль, что я раньше не зналъ васъ.

Юневичъ вышелъ вслѣдъ за дѣтьми. Мужъ и жена остались одни.

— Жанъ, простишь ли ты мнѣ?

— Давно простилъ, Лиза. А гдѣ же онъ?

— Мы разстались уже нѣсколько лѣтъ. Ахъ, Жанъ, я была страшно наказана. Какъ могла я промѣнять тебя, такого добраго, такого благороднаго, на этого человѣка сухого, эгоистичнаго, думающаго только о себѣ? Наша совмѣстная жизнь была рядъ взаимныхъ оскорбленій, сценъ и попрековъ, и я удивляюсь, какъ могли мы прожить нѣсколько лѣтъ. Но меня удерживали около него дѣти. Въ первый же годъ родилась покойная дѣвочка, и я сказала себѣ, что для нея буду со всѣмъ мириться; потомъ явились другія дѣти, во мнѣ проснулась мать, я стала большой домосѣдкой, да и жизнь сложилась такъ, что въ провинціальномъ городѣ, гдѣ мы жили, мнѣ приходилось жить затворницей. Первое время онъ, кажется, любилъ меня, но потомъ я замѣтила, что просто надоѣла ему. Присутствіе же дѣтей угнетало и раздражало его. Я видѣла, что онъ тяготится семьей. Мало-по-малу мы стали чужими другъ другу. Въ одинъ прекрасный день онъ нанялъ себѣ отдѣльную квартиру подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣти мѣшаютъ ему заниматься. Изрѣдка онъ навѣщалъ насъ, и посѣщенія эти всегда были недолги и тяжелы для насъ обоихъ. Потомъ они стали все рѣже и рѣже, и наконецъ онъ уѣхалъ совсѣмъ въ другой городъ и пересталъ даже писать мнѣ. Я осталась одна безъ всякихъ средствъ съ тремя дѣтьми на рукахъ.

— Когда же это случилось?—спросилъ Орловъ.

— Шесть лѣтъ тому назадъ. Я не знаю, что было бы съ нами. Но его мать приняла участіе въ дѣтяхъ и каждый мѣсяцъ высылала намъ пятьдесятъ рублей, на нихъ мы и жили. Полгода тому назадъ старушка умерла. Я пробовала трудиться, давать уроки, шить, но все это едва-едва приносило кое-какіе гроши. Въ отчаяніи я вспомнила про тебя. Слухи о тебѣ доходили до меня, да я и сама мало-по-малу поняла, оцѣнила тебя. Я рѣшилась вернуться къ тебѣ.

— Поздно!—вырвалось у Орлова.

Она съ испугомъ взглянула на него.

Поздно!—откликнулось въ ея сердцѣ.—Да, поздно! Она смотрѣла на это вытянувшееся, страшно исхудалое, какъ скелетъ, неподвижное тѣло, на это лицо, уже осѣненное смертною тѣнью, и видѣла, что надежды нѣтъ. Да, онъ умиралъ, это было очевидно, только въ однихъ глазахъ его еще теплилась жизнь. Волненіе, внезапное потрясеніе, неожиданная встрѣча раздули свѣтильникъ жизни. Ярко вспыхнулъ онъ, но трепетный свѣтъ его могъ каждую минуту погаснуть.

— Поздно!—съ рыданіемъ вырвалось у нея, и, охваченная отчаяніемъ, въ порывѣ неудержимаго горя, она прильнула къ его груди, обнимая его, точно желая вырвать изъ объятій смерти.

— Живи, живи, живи!—лепетали ея губы.

Вся ея жизнь необычайно быстро и ярко, въ какія нибудь нѣсколько мгновеній, какъ въ кинематографѣ, промелькнула передъ ея мысленными очами. Одинъ только разъ на ея жизненномъ пути судьба улыбнулась ей и поставила передъ ней этого человѣка, и какого человѣка! Лучше, честнѣе его, добрѣе его не могло быть на свѣтѣ! А она отвернулась отъ этого человѣка, и съ нимъ вмѣстѣ и отъ своего счастья, а его бѣдное сердце растоптала ногами.

И она вся унеслась въ прошлое, забывъ, гдѣ она, не чувствуя, какъ крупныя, жгучія слезы катились изъ ея глазъ и падали на изсохшую грудь умирающаго.

Вдругъ ее поразило ощущеніе страшной необыкновенной тишины въ комнатѣ. Она приподняла голову, и взоръ ея упалъ на лежавшее на подушкѣ лицо. Глаза были закрыты, лобъ бѣлѣлъ въ сумракѣ полуосвѣщенной комнаты, носъ, казалось, еще болѣе заострился, губы были крѣпко сжаты, и всѣ черты проникнуты были выраженіемъ величаваго спокойствія. Холодная дрожь пробѣжала у нея по спинѣ, съ необыкновенной ясностью она сознала присутствіе смерти вотъ тутъ около нея. Она вскочила съ колѣнъ, еще разъ кинула взглядъ на преображенное, точно отдохнувшее отъ страданій лицо и бросилась въ комнату рядомъ.

Тамъ Юневичъ сидѣлъ на полу съ дѣтьми около потухающей печки. Мальчикъ взобрался къ нему на колѣни и, обвивъ руками его шею, прижался къ груди его лицомъ, дѣвочки съ обѣихъ сторонъ тоже жались къ нему. Онъ шопотомъ разсказывалъ имъ сказку.

— Онъ умеръ,—прошептала она Юневичу.

Тотъ вскочилъ, не вѣря ея словамъ, и бросился въ комнату Орлова, пораженный извѣстіемъ о смерти, которой онъ такъ давно ждалъ. Да, все было кончено! Учитель перешелъ въ другой лучшій міръ. Гдѣ былъ его духъ? Можетъ быть, онъ виталъ еще здѣсь надъ этимъ земнымъ, изношеннымъ кокономъ въ бѣдной,

холодной и грязной комнатѣ? Можетъ быть, уже унесся въ недосягаемую высоту, въ другой невидимый и прекрасный міръ? Гдѣ онъ? Что онъ? Вотъ она, эта бренная оболочка, ничтожная, никому ненужная, лишняя. Кажется, она цѣла. Ничто, повидимому, не измѣнилось въ ней, исчезло только что-то невѣсомое, не поддающееся наблюденію, незримое и неслышное, исчезла жизнь,—и тѣло превратилось въ простую падаль. Да, жизнь исчезла. Какъ понять это? Что это значитъ? Что такое эта жизнь? Гдѣ она теперь? Освобожденная отъ земныхъ путъ, свободная и легкая, какъ воздухъ, она унеслась въ пространство и будетъ продолжать жить тамъ, тамъ, въ новой неосязаемой для человѣческихъ органовъ формѣ для новой чудесной, недоступной человѣческому оку цѣли. Оглянется ли оно на землю, это одухотворенное я, сохранитъ ли воспоминаніе о земныхъ радостяхъ и страданіяхъ? Или и для него такъ же теперь далека и непонятна земля, какъ для земли далеко и непонятно небо. Не думаетъ ли бабочка, впервые расправляя подъ лучами солнца свои нѣжныя крылья, что она только-что родилась на свѣтъ Божій, забывъ того червя, въ которомъ жила она, и чья мертвая оболочка теперь колышится пустая и обмотанная паутиной, на зеленомъ листкѣ? Что думаютъ личинки комара, глядя на одну изъ своихъ умершихъ подругъ? Они думаютъ, что она умерла, и твердо знаютъ это, но знаютъ ли онѣ, что то живое начало, которое было заключено въ этой плавающей теперь среди сора и наносной пыли мертвой личинкѣ, преобразилось въ легкаго крылатаго комара, и изъ нѣдръ болотной тины новое существо устремилось на встрѣчу солнцу въ голубой прозрачный воздухъ? Что знаетъ комаръ о личинкѣ? Ничего. Міръ личинки закрытъ для него. Что знаетъ личинка о комарѣ? Тоже ничего. Міра комара для нея не существуетъ. Она не можетъ его наблюдать, не можетъ себѣ его представить. Не то же ли самое отношеніе существуетъ между душой и тѣломъ?

И долго еще преданный ученикъ дѣдки стоялъ надъ его охладѣвшимъ трупомъ, вглядываясь въ его лицо, какъ бы стараясь запечатлѣть его въ своемъ сердцѣ. Наконецъ, онъ вышелъ въ залу.

Елизавета Дмитріевна сидѣла у окна и тихо плакала, и самой ей были странны эти слезы. Онѣ лились такія жгучія и такія горькія теперь надъ безжизненнымъ тѣломъ человѣка, къ которому всю жизнь она относилась такъ равнодушно. Дѣти, испуганныя присутствіемъ смерти и тронутыя печалью матери, не произнося ни слова, ласкали ее. Всѣмъ тремъ хотѣлось спать, глазки ихъ затуманились, и головки поникали.

Юневичъ первый замѣтилъ это. Онъ раструсилъ въ углу около печи солому, прикрылъ ее старымъ одѣяломъ и пледомъ и, обращаясь къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ, сказалъ:

— Печка жарко натоплена, я сейчасъ закрою трубу, но къ утру все-таки выдуетъ. Пусть дѣти ложатся, не раздѣваясь, а сверху ихъ можно прикрыть шубками.

Она только кивнула головой.

— Вотъ васъ какъ мнѣ устроить?—сказалъ Юневичъ:—не перенести ли изъ той комнаты желѣзную койку? Тамъ и подушка есть.

— Не надо!—сказала Елизавета Дмитріевна:—я не лягу...

— Устанете, захотите спать,—сказалъ Юневичъ.

— Ну, тогда прикурну къ дѣтямъ,—отвѣтила она, укладывая дѣтей и прикрывая ихъ шубами и платками.

Дѣти немедленно заснули.

— Выпейте чаю,—сказалъ Юневичъ, показывая на остывавшій на подоконникѣ самоваръ,—я дѣтей напоилъ, они съѣли всю колбасу и хлѣба оставили только этотъ кусочекъ. Вы закусите, вамъ надо подкрѣпиться.

— Благодарю васъ, вы очень добры.

— Право, я лучше принесу вамъ койку.

— Не трудитесь, я не могу спать. Такъ тяжело! Какъ ужасна вообще жизнь! Гдѣ же вы ляжете?

— А я думалъ посидѣть немного съ вами, а потомъ уйти. Пойду оповѣщать кружковцевъ, такъ на всю ночь и закачусь. Да и вы не будете стѣсняться.

— Нѣтъ, Бога ради!—съ живостью возразила она,—прошу васъ не уходите надолго. Мнѣ одной будетъ слишкомъ страшно.

— Разстояніе-то большое. Не вернуться скоро,—сказалъ Юневичъ.—Придется пѣшкомъ итти, а концы-то вѣдь ужасные, такъ ужъ я тогда пойду сейчасъ.

— Не уходите лучше,—проговорила она,—я съ ума сойду, пока васъ не будетъ! Боже мой, какъ тутъ жутко! какая необыкновенная зловѣщая обстановка.

— Какъ же быть!—сказалъ Юневичъ.—Ну, да ладно, я тогда завтра утромъ, чѣмъ свѣтъ, пойду, а то позднѣе разойдутся, и никого съ собаками не сыщешь.

— Боже мой, Боже мой!—простонала она.—Что же это будетъ? Что дѣлать? Если бы я была еще одна, но дѣти! Безъ нихъ я могла бы взять мѣсто гувернантки и уѣхать, а теперь?.. И на что мы будемъ хоронить его?

— Вы о деньгахъ очень не сокрушайтесь,—сказалъ Юневичъ,—деньги найдутся. Я тоже теперь не въ авантажѣ обрѣтаюсь, у меня буквально гроша теперь нѣтъ. Мнѣ, видите ли, отецъ еще три мѣсяца тому назадъ приказалъ непремѣнно домой возвращаться, а ежели, пишетъ, черезъ двѣ недѣли тебя не будетъ дома, я прекращаю высылку денегъ. Ну, и прекратилъ. Только меня вѣдь этимъ не испугаешь, да и уѣхать для меня физически было не-

возможно; бросить дѣдку въ такомъ положеніи я не могъ. Только вы все-таки не безпокойтесь, деньги завтра же будутъ.

— Откуда же онѣ могутъ быть?—недовѣрчиво спросила она.

— Ну, какъ откуда? Во-первыхъ, я сейчасъ же у кружковцевъ малую толику перехвачу, а потомъ здѣсь у дѣдки среди почитателей такіе тузы есть, что вы себѣ и представить не можете. Я вотъ завтра часовъ такъ въ одиннадцать зайду на Мясницкую къ Кузьмѣ Терентьичу, такъ онъ сто рублей навѣрное дастъ.

— Сто рублей?—переспросила она.—Почему? За что онъ вамъ ихъ дастъ?

— Какъ вы странно разсуждаете! Не за что и не почему. Дѣдку онъ знаетъ и почитаетъ, богатъ, какъ чортъ, что ему сто рублей? Меньше, чѣмъ для меня пятачокъ. Я ужъ осенью разъ у него былъ. Онъ доступенъ, всѣхъ принималъ. Вышелъ ко мнѣ и спросилъ, что нужно, а я ему такъ сразу и бухнулъ: «сто рублей». И ему, кажется, это понравилось. Много не разспрашивалъ. Я ему, впрочемъ, сказалъ, что дѣдка очень боленъ, и что денегъ ни у меня, ни у него совсѣмъ нѣтъ. Далъ радужную, да еще приказалъ, въ случаѣ явится надобность, опять прійти къ нему, только я больше не ходилъ. Намъ съ дѣдкой вѣдь немного нужно. Да онъ мнѣ дастъ, я знаю. Онъ, знаете, такой человѣкъ, что на свой взглядъ больше полагается. Худенькій, сѣдой такой старичишка, бородка клиномъ, ястребкомъ смотритъ и дѣйствительно хорошо людей понимаетъ. Въ прошломъ году къ нему Шалашиковъ было толкнулся, просилъ вспомоществованія, а онъ и спрашиваетъ:

— Женаты?

— Нѣтъ.

— Занятія какія нибудь имѣете?

— Служу,—говоритъ Шалашиковъ,—тамъ-то, получаю столько-то.

— «Такъ чего же вамъ еще надо?—говоритъ Кузьма-то Терентьевичъ:—я въ ваши годы, молодой человѣкъ, такія деньги за цѣлое бы богатство счелъ. Ничего, говоритъ, я вамъ не дамъ и, не будь у васъ занятія, ничего бы не далъ. Ишь у васъ плечи-то богатырскія, съ этакими плечами бояться нужды нечего»,—и засмѣялся. Жиденькій у него такой смѣхъ, язвительный. Все это самъ Шалашиковъ тогда разсказывалъ. А мнѣ онъ дастъ, и дѣдку мы похоронимъ съ честью. Все, какъ вы захотите, такъ и будетъ.

— Даже если онъ дастъ сто рублей,—заговорила Елизавета Дмитріевна,—это очень мало. Подумайте, какіе расходы.

— Такъ вѣдь не онъ одинъ. Я и къ Сергѣю Михайловичу толкнусь, дома не застану, такъ въ думу пойду, этотъ тоже не откажетъ. Да, говорю вамъ, не безпокойтесь. Главное: на какомъ кладбищѣ мы его класть будемъ? Говорилъ онъ какъ-то, что хотѣлось бы ему лежать въ Донскомъ монастырѣ. Надо бы было испол-

нить его желаніе. Съѣздили бы туда къ настоятелю да поговорили, можетъ быть, монахи къ вамъ бы подобрѣе были. А то вѣдь это тоже народъ—не промахъ: заломятъ за могилу рублей пятьсотъ, такъ вѣдь это намъ съ вами не по карману. Да и ихъ баловать нечего!

— Я, пожалуй, съѣзжу,—сказала Елизавета Дмитріевна,—только вѣдь тутъ я ничего не знаю. Лучше попробовали бы вы. Вѣдь и вы можете объяснить, что средствъ у него не осталось.

— Ну, это мы увидимъ,—сказалъ Юневичъ,—а вотъ мнѣ сейчасъ въ голову одна идея, плодотворнѣйшая влетѣла.

— Какая?

— Нѣтъ, не теперь, ужъ это я вамъ послѣ скажу, чтобы не мѣшать одно съ другимъ. Устроимъ все не хуже кого другого. Я завтра мимоходомъ и къ гробовщику забѣгу, онъ придетъ сюда и покойника обрядитъ.

— Голо здѣсь очень и пусто,—сказала она,—даже какъ-то неловко.

— Да вы кого стѣсняетесь?—возразилъ Юневичъ.—Это и хорошо, что голо и пусто. Всѣ знали, какъ жилъ дѣдка, и соберутся вѣдь не какіе нибудь свѣтскіе люди, а все друзья и почитатели. Головкину,—баринъ тутъ тоже одинъ богатый,—я недѣли двѣ назадъ писалъ, что дѣдка безнадеженъ, такъ онъ мнѣ отвѣтилъ, что самъ скоро думаетъ выѣхать въ Москву, можетъ быть, еще и онъ подъѣдетъ. Ну, а похоронное-то благообразіе вамъ гробовщикъ устроитъ.

— И прислуги нѣтъ,—сказала она.—хоть бы вымыть полъ.

— Вымыть полъ?—переспросилъ онъ:—да вѣдь онъ паркетный. Что его мыть? Онъ и такъ хорошъ.

— Грязенъ невѣроятно,—сказала она:—посмотрите, сколько въ углахъ паутины, окна, я думаю, мѣсяцъ не протирали.

— Да вы спросите, когда ихъ протирали?—сказалъ Юневичъ.— Никогда и никто ихъ не протиралъ уже много лѣтъ.

— И солому здѣсь нужно убрать. Ужасно много возни,—сокрушалась она.

— Вотъ видите!—сказалъ Юневичъ.—А мнѣ бы все это и въ голову не пришло. Ну, когда такъ, такъ я вамъ завтра, чѣмъ свѣтъ, приведу Митревну, тутъ одну старуху; она давно дѣдку знаетъ и вамъ все тутъ оборудуетъ. Такъ вы находите, тутъ грязно? А мы съ дѣдкой жили и не замѣчали. Холодно дѣйствительно. Вотъ что значитъ дамскій взглядъ на вещи! Можетъ быть, и хорошо, что вы пріѣхали. Все будетъ теперь торжественнѣе и приличнѣе. Только и удивили же вы меня своимъ пріѣздомъ: вѣдь изъ насъ никто и не подозрѣвалъ, что вы существуете. Положимъ, я знаю дѣдку всего какія нибудь пять лѣтъ, а вотъ Опулентовъ, напримѣръ, давнишній его знакомый, да и многіе тутъ

на Выселкахъ сколько времени знаютъ его, и никто не думалъ, что онъ женатъ, и что у него могутъ быть дѣти. Какъ это я никогда не слыхалъ отъ него о дѣтяхъ? Если бы вы знали, какъ онъ любилъ дѣтей. Онъ былъ благодѣтелемъ всей здѣшней, выселковской дѣтворы и никогда ни слова о своихъ дѣтяхъ: это для меня совершенно новая сторона личности и жизни дѣдки.

— Эти дѣти не его,—сказала Елизавета Дмитріевна,—и онъ раньше и не зналъ о ихъ существованіи. Этотъ человѣкъ былъ именно такимъ, какъ вы себѣ его всегда представляли, и я не хочу, чтобы это представленіе измѣнилось. Во всемъ виновата я, только одна я.

И Елизавета Дмитріевна принялась разсказывать Юневичу грустную повѣсть своей жизни.

Начало свѣтать, а они все сидѣли въ огромной, пустой неуютной комнатѣ. Юневичъ не остался въ долгу, ему тоже было, что поразсказать. Какъ жилъ Орловъ, что дѣлалъ, чему училъ, кто ходилъ къ нему, что за люди кружковцы, обо всемъ разсказывалъ онъ Елизаветѣ Дмитріевнѣ, и та съ изумленіемъ видѣла, что совсѣмъ не знала, не понимала того человѣка, котораго называла своимъ мужемъ.

Было около шести часовъ утра, когда Юневичъ ушелъ, пообѣщавъ прислать женщину и гробовщика.

Дѣти спали крѣпкимъ сномъ, утомленныя дорогой и новыми впечатлѣніями. Кругомъ стояла мертвая тишина. Холодныя сѣрыя сумерки зарождающагося зимняго дня ползли въ тусклыя окна огромной неуютной комнаты. Елизавета Дмитріевна задула нагорѣвшій огарокъ и принялась будить дѣтей. Ей хотѣлось насколько возможно сдѣлать благообразнѣе окружающую обстановку.

Дѣти поднялись, заспанныя, не успѣвъ отдохнуть. Она оправила на нихъ платьица и велѣла имъ надѣть шубки, потому что въ комнатѣ опять стало холодно. Митревна не заставила себя ждать. Сухая, бодрая, добродушная старуха понравилась Елизаветѣ Дмитріевнѣ. Она называла ее барыней, каждому изъ дѣтей поцѣловала ручку и объявила, что сейчасъ примется за работу, только прежде поклонится покойнику.

— Это васъ и зовутъ Митревной?—спросила ее Орлова.

— Митревной меня зовутъ, матушка барыня, Митревиой. На Выселкахъ всѣ знаютъ Митревну.

И она вошла въ комнату Орлова.

— Свѣчку я тамъ загасила,—возвращаясь, сказала она,—почитай вся сгорѣла. Поклонилась ему, голубчику. Господи! высохъ-то какъ весь, царство ему небесное! Давно знаю покойничка съ самаго спервоначалу, какъ только онъ на Выселкахъ объявился, у меня и присталъ тогда, всѣхъ моихъ дѣтокъ грамотѣ обучилъ; святой, можно сказать, жизни былъ человѣкъ. Подивилась я, какъ

молодой-то баринъ сказалъ мнѣ, что вы съ дѣтками пріѣхали. А тому, что онъ померъ, ничуть не подивилась: плохъ онъ былъ, голубчикъ, послѣднее-то время не жилецъ былъ, ему бы ужъ давно пора на небѣ быть.

Но видя, что барыня не выражаетъ желанія поддерживать разговоръ, Митревна умолкла и принялась за работу. Она натаскала воды, унесла всю солому въ кухню и набила ею плиту и, вооружившись щеткой, обмотанной тряпкой, принялась сметать паутину.

Елизавета Дмитріевна одѣлась и позвала дѣтей гулять. Обстановка, и до того гнетуще дѣйствовавшая на нее, теперь показалась ей невыносимой. Давно слежавшаяся, много лѣтъ никѣмъ не тревожимая, тучей поднялась пыль. Плита, которой никогда не топили, наполнила ѣдкимъ дымомъ комнаты.

Хотѣлось уйти куда нибудь подальше отъ этого безпорядка, отъ этихъ давящихъ мертвыхъ стѣнъ, отъ холоднаго мертваго тѣла. Дѣти весело выбѣжали на улицу, безжизненную, занесенную сугробами, съ узенькими обледенѣвшими тропинками, протоптанными рѣдкими прохожими. На воздухѣ съ нихъ слетѣла тотчасъ же вся молчаливость и серіозность, навѣянная на нихъ тяжелыми впечатлѣніями. Они весело смѣялись и болтали, а Елизавета Дмитріевна шла сзади, съ головой уйдя въ самыя мрачныя, самыя тяжелыя думы. Денегъ у нея не было, дѣти ничего не ѣли, и ей не на что даже купить имъ булокъ и хотя бы молока. Юневичъ когда еще придетъ; она была увѣрена, что онъ явится съ деньгами, но вѣдь это будетъ, можетъ быть, часа въ четыре, въ пять, а до тѣхъ поръ...

День былъ морозный, но тихій. Блѣдное, похожее на блинъ, солнце скупо проливало свои лучи на застывшіе, пустые, погруженные въ дремоту Выселки. Мало-по-малу мысли Елизаветы Дмитріевны приняли менѣе мрачный характеръ, но сердце ея продолжало болѣзненно ныть, и ее пугала мысль о томъ, что нужно возвращаться опять въ большой заброшенный домъ, куда она такъ стремилась, и гдѣ она нашла только трупъ того, о свиданіи съ кѣмъ такъ много передумала, на которое съ такимъ трудомъ могла рѣшиться.

Они обошли почти всѣ Выселки, пока дѣти наконецъ, озябнувъ, не стали проситься домой.—Если бы ихъ можно было напоить хоть чаемъ,—думала Елизавета Дмитріевна, переступая порогъ крыльца.

Уже въ передней она замѣтила, что въ домѣ тепло. Она сняла съ дѣтей шубки и повѣсила ихъ на торчавшіе въ стѣнахъ тамъ и сямъ гвозди, раздѣлась и сама. Старый домъ, казалось, преобразился. Въ кухнѣ жарко топилась плита, наконецъ переставшая дымить, всѣ печи были затоплены, вымытыя окна ярко блестѣли. Въ залу еще нельзя было войти, по полу текли ручьи грязной воды, и Митревна только что принялась за него.

Увидавъ Елизавету Дмитріевну съ дѣтьми, она бросила тряпку и сказала имъ:

— Пожалуйте въ кухню, я тамъ прибрала, кипятокъ готовъ, и чай заваренъ. Мнѣ баринъ-то Александръ Петровичъ говорилъ, чтобы я чаю съ сахаромъ захватила, а молока дѣвченка моя сейчасъ принесетъ, какъ коровъ подоитъ, такъ и принесетъ. Хлѣба тамъ мальчишка изъ лавки принесъ, тутъ и бѣлый и черный и ситный, дѣтки-то, чай, покушать захотѣли.

Дѣти дѣйствительно были голодны. Они усѣлись на принесенные Митревной изъ залы стулья вокругъ стараго, покосившагося, ничѣмъ непокрытаго, но чисто вымытаго стола.

Елизавета Дмитріевна принялась ихъ одѣлять чаемъ. Сама она не могла ни пить, ни ѣсть и не садилась. На ея слабыя нервы всѣ впечатлѣнія дѣйствовали особенно сильно.

Она была до того растрогана, что глаза ея были влажны.

— Какая заботливая эта женщина!—думала она про Митревну,— и какіе добрые люди здѣсь, въ Москвѣ!

Пришла дочка Митревны и принесла кринку съ молокомъ.

— Мама, что же ты не кушаешь?—говорили дѣти.

Они чувствовали себя прекрасно. Щеки ихъ ярко пылали, глаза блестѣли, молоко было такое вкусное, плита такъ весело трещала, а главное все было ново, необыкновенно, удивительно и не такъ ужъ страшно. Жизнь развертывала передъ ними одну за другой страницы той всегда занимательной, всегда полной захватывающаго интереса книги, которая называется дѣйствительностью, и дѣти съ безотчетнымъ, но жаднымъ любопытствомъ внимали ей.

Не успѣла Митревна домыть полъ въ залѣ, какъ явился гробовщикъ; онъ снялъ мѣрку съ тѣла и уходя сказалъ, что сейчасъ пришлетъ старуху, которая обмоетъ покойника, и подручнаго, чтобы перенести его въ залъ. Елизавета Дмитріевна соглашалась со всѣмъ тѣмъ, что онъ говорилъ, и все просила дѣлать, какъ онъ находитъ нужнымъ, но гробовщикъ приставалъ къ ней съ мельчайшими подробностями и долго и обстоятельно обсуждалъ каждую. Это былъ сухой, блѣдный, съ свинцовымъ оттѣнкомъ человѣкъ, съ тощей рыжеватой бородкой, въ картузѣ, чуйкѣ и сапогахъ бутылками. Онъ ушелъ наконецъ, и очень скоро послѣ его ухода явилась старуха-мѣщанка въ черномъ съ бѣлыми крапинками платьѣ, съ бѣлой полубатистовой косынкой на плечахъ и въ черномъ платочкѣ, заколотомъ подъ подбородкомъ мѣдной булавкой и отдѣланномъ бѣлымъ коленкоровымъ рюшемъ, на головѣ. Маленькое, сухонькое, все въ мелкихъ морщинкахъ лицо ея съ темными мѣшками подъ глазами, съ острымъ взглядомъ бѣгающихъ, сѣрыхъ съ желтизной глазокъ, поджатыми тонкими и блѣдными губами, дышало хитростью, пронырствомъ и ханжествомъ. Съ появленіемъ ея всѣ заботы, повидимому, относительно покой-

ника снимались съ Елизаветы Дмитріевны; видно было, что старуха въ своей сферѣ. Она принялась распоряжаться подручнымъ и мальчикомъ, и не прошло и часу, какъ письменный столъ изъ кабинета Орлова былъ выдвинутъ на середину зала, задрапированъ черной бязью и бѣлымъ тарлатаномъ, и на немъ уложенъ былъ усопшій со сложенными на груди крестомъ руками. Полы устлали веревочными половиками, изъ ближайшей церкви принесли подсвѣчники и на нихъ надѣли банты изъ чернаго флера, въ углу поставили маленькій столикъ, собрали по всему дому стулья и разставили ихъ по стѣнамъ. И подручный и обмывальщица очень были поражены тѣмъ, что въ домѣ нѣтъ ни одной иконы.

— Какъ же такъ, матушка барыня?—приставала къ Орловой старуха:—у васъ никакого образка нѣтъ. Слыханное ли дѣло, чтобы люди безъ иконы этакъ-то жили? Обязательно нужно въ уголъ икону повѣсить большую, и въ головахъ у покойника иконку, хоть какую ни на есть, поставить, и въ ручки ему, голубчику, образокъ вложить.

— У меня нѣтъ иконъ,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— Ах-ти, ахти, какъ же быть-то? Развѣ мальчишку гробовщикова къ нимъ въ лавку послать? У нихъ иконы-то, чай, на такой случай найдутся, и за прокатъ недорого возьмутъ, а то, можетъ, и даромъ отпустятъ со всѣмъ приборомъ. Вы какъ насчетъ прибора-то уговорились, или нѣтъ?

— Какой тамъ приборъ?—съ раздраженіемъ отвѣтила Елизавета Дмитріевна:—я васъ не понимаю. Что вы хотите этимъ сказать?

— Господи, ты, Боже мой, Создатель, Царь Небесный! Извѣстно, какой приборъ для покойниковъ полагается: вѣнчикъ, саванъ, покровъ, халатъ тоже отъ гробовщика потребуется.

— Зачѣмъ же халатъ?—недоумѣвала Елизавета Дмитріевна.

— А въ чемъ же ему, сударыня, на судъ Божій явиться? Надо же ему въ приличномъ видѣ предстать. Платье, что тамъ въ шкафчикѣ виситъ, я все пересмотрѣла, все неподходящее: сѣраго да пыльнаго цвѣта, да и заношенное. Блузы тоже какія-то, да рубашки, а трухмальнаго бѣлья я и совсѣмъ не примѣтила, такъ въ одной сорочкѣ его голубчика и обрядила. Придется отъ гробовщика халатъ брать, не нагишомъ же его на тотъ свѣтъ отправить. А ужъ лучше бы всего, барыня, на нихъ пару приличную надѣть.

— Да кому и зачѣмъ это нужно? — сказала Елизавета Дмитріевна.

— Ахъ, матушка, да какъ же человѣка въ этакую дорогу не снарядить? Положеніе ужъ извѣстное: статскаго ежели человѣка,— его въ сюртучной черной парѣ хоронятъ, рубашка трухмальная,

галстукъ черный; военнаго въ парадной формѣ кладутъ. А ужъ, ежели случай какой — раздуетъ очень покойника, либо платья не найдется соотвѣтственнаго,—такъ халатъ у гробовщика берутъ. Да и халатъ ничего, особливо если подороже дать. И люстриновый, али альпака, бываетъ, даютъ, а кто хочетъ, такъ и подороже: шелковый, атласный, либо стаметовый, голубого али малиноваго цвѣта, тамъ ужъ гробовщикъ знаетъ какой.

— Ну, халатъ, такъ халатъ,—сказала Елизавета Дмитріевна,— вы распорядитесь, пожалуйста, чтобы все было прилично.

— Будетъ, матушка, прилично! Ужъ такъ-то будетъ прилично, что генералу впору, это дѣло намъ знакомое. Всякихъ покойниковъ обряжали. Всегда намъ все и предоставляли. Извѣстно, они у васъ стареньки были, а вы еще женщина молодая, можно сказать, красавица въ самой порѣ, ну, вы и не очень огорчаетесь, въ своемъ умѣ-разумѣ состоите, до всего сами дойти можете. А вѣдь иная вдова этакъ останется послѣ мужа,—сразу ума рѣшится. Плачетъ, плачетъ моя голубушка, ничего не понимаетъ, сидитъ моя сердешная, да только слезки батистовымъ платочкомъ утираетъ да денежки изъ кошелечка вынимаетъ: туда дай, тому заплати, этому на чаекъ, другому благодарность, такъ всю ее, бѣдную, и ощиплютъ, какъ курочку. Дѣло такое, сударыня, всѣмъ нужно дать, чтобы всякій покойничка ублаготворилъ, чтобы и люди-то плохого не сказали, да и къ Богу-то на судъ чтобы онъ въ аккуратѣ предстать могъ; ну, все и дѣлаешь по чистой совѣсти, какъ слѣдуетъ, не зря, какъ нибудь, а съ молитвою работаешь, да еще и Богу за него молишься, грѣшную душеньку его въ царствіе небесное напутствуешь. А какъ видишь, что труды твои цѣнятъ,—оно и пріятно. Дѣло, сударыня, житейское: кто заплатитъ потароватѣе, тому и сдѣлаютъ все соотвѣтственно. Вотъ купцы на этотъ счетъ народъ хорошій, благодарный, чувствительный, можно сказать, народъ. Иные отца либо дѣда хоронятъ, такого, прости Господи, Перца Иваныча, тиранта, можно сказать, дохнуть при немъ не смѣли, а ужъ дошло дѣло до похоронъ, все честь честью, и всякій-то тебѣ въ руку сунетъ: на тебѣ за труды твои, Евстифеевна. И сама и чайкомъ побалуетъ съ вареньицемъ либо съ медомъ, и платочекъ шелковый подаритъ, на платье какой ни на есть остаточекъ соблаговолитъ, и сынокъ-то рублевочку дастъ, да которые и сродственники ближайшіе не забудутъ. У купцовъ хорошо. А я, сударыня, заболталась съ вами, а про дѣло-то и забыла. Босовиковъ-то тоже у насъ нѣтъ.

— Что это такое босовики?—спросила Елизавета Дмитріевна.

— А обувка, матушка, такая обувка легкая, ничего, можно сказать, нестоющая, а чтобъ только прилично и новая чтобы была. Не ношеная упокойничку полагается.

— Я просила гробовщика сдѣлать все, что нужно.

— Ну, и хорошо, сударыня! Ужъ ежели гробовщику заказано, они все сдѣлать по чести обязаны. А присмотрѣть за ними все-таки слѣдоваетъ, безпремѣнно слѣдоваетъ, потому гробовщикъ, матушка, тоже живой человѣкъ, можно сказать, отъ покойниковъ питается. Что на покойничкѣ урветъ, то и его. Обязательно слѣдоваетъ присмотрѣть. Я присмотрю, матушка, вы не безпокойтесь ужъ, ничего не забуду. Дѣло это ужъ вотъ какъ знаю. Вотъ еще бы, матушка, читальщика надо бы позвать. Ужъ чего бы лучше изъ Страстного монастыря монашекъ взять; ужъ такъ-то хорошо страстныя монашки читаютъ, что сердце радуется, двухъ бы ихъ, голубушекъ, и пригласить: онѣ бы тутъ гдѣ нибудь въ комнаткѣ на половичкѣ постлались и читали бы, знай себѣ, по очереди; и аналойчикъ и книжку все бы съ собой принесли. Можно бы было гробовщикова мальчишку послать, гривенникъ только ему на конку дать, онъ бы и слеталъ.

— Право, я не знаю,—сказала Елизавета Дмитріевна,—я не могу ничѣмъ этимъ распоряжаться. Все, что нужно сдѣлать, сдѣлаютъ: съ гробовщикомъ говорили.

— Ну, хорошо, хорошо, сударыня! А забыла я васъ еще вотъ что спросить: гробовщикъ приказалъ мальченкѣ, безпремѣнно ему отвѣтъ дать надо; гробъ-то къ завтрему поспѣетъ, къ утру, къ положенію во гробъ: такъ тропическія растенія къ завтрему прикажете доставить или сегодня къ первой панихидѣ?

— Зачѣмъ же тропическія растенія?—удивилась Елизавета Дмитріевна.

— Какъ же, сударыня? Тропическія растенія ужъ это обязательно, ужъ это такое обнакновеніе; чуть человѣкъ мало-мальски стоющій, обязательно, чтобы у гроба были тропическія растенія. Для красоты, значитъ, и опять, чтобы люди видѣли, что родные по покойнику сокрушаются. Да и покойнику пріятнѣе, душенька-то его надъ гробомъ витаетъ и радуется.

— Ничего я не знаю,—сказала Елизавета Дмитріевна,—оставьте вы меня, пожалуйста, въ покоѣ.

— Ахъ, матушка, да вѣдь надо же спросить у кого нибудь, что это право! На иныхъ похоронахъ ужъ ежели некому, такъ кто либо изъ сродственниковъ распоряжается, а сродственниковъ нѣтъ, такъ по закону душеприказчикъ полагается: обязательно долженъ быть. А тутъ и спросить не знаешь у кого.

Наконецъ старуха отстала отъ Елизаветы Дмитріевны и отправилась на кухню бесѣдовать съ Митревной. Ушли и подручный съ мальчикомъ.

Орлова осталась одна и вздохнула свободно. Дѣваться ей было положительно некуда. Она попробовала было заглянуть въ комнату покойника, но тамъ все было въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ. Вещи были раскиданы по полу, постель, на которой умеръ Орловъ,

оставалась неубранной, и на подушкѣ виднѣлось углубленіе, въ которомъ покоилась его голова, на полу стоялъ тазъ съ водой, валялись грязныя тряпки, и все производило такое непріятное и тяжелое впечатлѣніе, что Елизавета Дмитріевна поспѣшила выйти. Въ залѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, тоже тяжело было оставаться. Елизавета Дмитріевна не рѣшалась позвать изъ кухни дѣтей, не зная, гдѣ пріютить ихъ. Она ходила большими шагами по прибранной, выглядѣвшей даже нарядно сравнительно съ прежнимъ убожествомъ и грязью залѣ, мимо задрапированнаго стола съ лежавшимъ на немъ трупомъ и тяжело думала о будущемъ своемъ и дѣтей. Рядомъ съ этими думами въ ней росло нетерпѣливое желаніе поскорѣе увидѣть Юневича, и она поминутно взглядывала на маленькіе, серебряные часики въ кожаномъ браслетѣ и считала минуты. Юневичъ представлялся ей теперь единственнымъ прибѣжищемъ, единственной опорой. Безъ него она чувствовала себя безпомощнѣе и несчастнѣе.

А дѣти сидѣли въ кухнѣ и слушали болтовню Митревны и Евстифеевны. Евстифеевна возмущалась и негодовала, Митревна оправдывала и снисходительно извиняла. Много наслушались дѣти отъ этихъ двухъ собесѣдницъ. Они узнали всю біографію Орлова изъ устъ Митревны, съ изумленіемъ замѣтили, что обѣ женщины упорно называютъ его ихъ отцомъ, и поняли, хотя и не совсѣмъ ясно, что мать ихъ въ глазахъ обѣихъ женщинъ нуждается въ оправданіи. Наконецъ имъ самимъ захотѣлось видѣть мать, и они, несмотря на увѣщанія обѣихъ старухъ, убѣжали изъ кухни. Елизавета Дмитріевна сѣла съ ними въ уголку залы и, позвавъ Митревну, попросила прибрать комнату покойнаго. Она думала было перейти въ какую нибудь другую, но всѣ остальныя комнаты были такъ неуютны и представляли такую «мерзость запустѣнія», что она отказалась отъ этой мысли.

— Мама, что же не идетъ дядя Саша? — сказала ей старшая дѣвочка.

— Кто это дядя Саша?—удивилась Елизавета Дмитріевна.

— Какъ развѣ ты не знаешь? — вмѣшался мальчикъ: — дядя Саша это тотъ, который поилъ насъ вчера чаемъ? Его зовутъ Александръ Петровичъ, а намъ онъ позволилъ звать его дядей Сашей.

— Мы хотимъ, чтобы онъ былъ нашъ дядя,—сказала младшая дѣвочка,—потому что онъ очень добрый.

— И я жду его, дѣти, погодите, онъ скоро пріѣдетъ,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— А ты не хочешь ѣсть, мамочка?—спросилъ мальчикъ.

— Я не хочу, вѣдь и вы, я думаю, еще сыты?

— Нѣтъ, мы голодны, мама!—сказала старшая дѣвочка.

— Отчего же вы не кушали досыта?

— Мы выпили все молоко, съѣли весь бѣлый хлѣбъ и насытились,—отвѣтила дѣвочка,—а потомъ вдругъ ужасно захотѣли ѣсть.

— А развѣ здѣсь не даютъ обѣдать?—спросилъ мальчикъ.

— Сегодня не до обѣда, — сказала Елизавета Дмитріевна.—Ты видишь,—она указала на покойника,—дѣдушка умеръ.

— Но вѣдь я говорилъ же имъ, что это дѣдушка! — воскликнулъ мальчикъ: — а онѣ, мама, говорятъ, что это будто бы нашъ папа.

— Кто это онѣ?—спросила Елизавета Дмитріевна.

— А тѣ двѣ бабы въ кухнѣ.

Елизавета Дмитріевна промолчала.

— А, мама?—спросила старшая дѣвочка.

— Что тебѣ?—отрываясь отъ своихъ размышленій, спросила Елизавета Дмитріевна.

— Такъ эти бабы врутъ?

— Онѣ ничего не знаютъ, — сказала Елизавета Дмитріевна съ досадой.

— Я имъ такъ и сказала,—продолжала старшая дѣвочка, — а онѣ говорятъ, что мы сами ничего не знаемъ, потому что мы глупы.

— Ну, и пусть ихъ говорятъ,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— А еще онѣ говорили про тебя...—вмѣшалась маленькая дѣвочка.

— Да, мама,—подхватила старшая,—онѣ говорятъ: гдѣ ты была, пока дѣдушка былъ живъ, и зачѣмъ ты пріѣхала, когда онъ уже на столѣ.

— А вѣдь ты пріѣхала, когда онъ еще и не былъ на столѣ,— резонерски произнесъ мальчикъ.

— А потомъ онѣ еще говорили...—сказала старшая дѣвочка.

Но тутъ Елизавету Дмитріевну оторвали отъ разговора съ дѣтьми. Гробовщикъ прислалъ читальщика, очень высокаго, сутуловатаго, черноволосаго съ просѣдью человѣка въ длиннополомъ сюртукѣ, отрепавшихся внизу брюкахъ, хотя и очень длинныхъ, но не настолько, чтобы наблюдательный глазъ не разглядѣлъ надѣтыхъ на его ногахъ опорокъ, въ красномъ шейномъ платкѣ, концы котораго болтались у него на груди, съ бумажнымъ сверткомъ и книгой въ темномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками, подъ мышкой. Худое и испитое лицо его, мутно блуждающій взглядъ, красный, какъ малина, носъ, трясущаяся нижняя челюсть, дрожащія руки и колеблющаяся невѣрная походка обличали въ немъ закоренѣлаго, безнадежнаго пьяницу. Вещи, принесенныя имъ, онъ положилъ на окно, потомъ изъ передней принесъ маленькій складной аналойчикъ и установилъ его въ ногахъ покойнаго. Изъ кармана своего длиннополаго сюртука вынулъ онъ цѣлую горсть разнокалиберныхъ желтыхъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ и почти совсѣмъ черныхъ

восковыхъ огарковъ, долго разбиралъ ихъ, наконецъ выбралъ три поменьше и потолще и положилъ ихъ на край аналойчика.

— Къ батюшкѣ изволили посылать? — гнусавымъ голосомъ освѣдомился онъ.

Елизавета Дмитріевна только вопросительно посмотрѣла на него.

— Насчетъ первой панафиды,—пояснилъ онъ.

— Я ничего не знаю,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— А какъ же? Пора бы ужъ панафиду. Да позвольте-съ: гробовщиковъ мальчишка со мною приходилъ, такъ, чай, не ушелъ еще. Я его къ батюшкѣ и пошлю-съ. Вы сродственниковъ къ какому часу изволили звать?

— Я сама не знаю, какъ и кто соберется,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— А вотъ я сейчасъ... только за мальчишкой,—сказалъ читальщикъ и скрылся.

Очень скоро онъ вернулся назадъ.

— Онъ, барыня, здѣсь и сейчасъ сходитъ,—сказалъ онъ. — Я такъ полагаю, что батюшка непремѣнно послѣ вечерни назначитъ, ужъ это обыкновенное дѣло, что послѣ вечерни. Либо послѣ вечерни сейчасъ, либо передъ самой всеночной.

— Ну, послѣ вечерни, такъ послѣ вечерни, — сказала Елизавета Дмитріевна.

— Такъ я такъ-съ и распоряжусь.

И онъ снова скрылся.

Митревна между тѣмъ вымыла и прибрала въ комнатѣ покойнаго. Елизавета Дмитріевна перешла туда съ дѣтьми, раскрыла тамъ форточку и попросила Митревну раскрыть и трубу. Дѣти стали просить позволенія растопить печку и сами сбѣгали въ кухню за дровами. Они усѣлись на корточки на желѣзномъ листѣ и принялись за работу. Затопивъ печь, они всѣ втроемъ съ ногами забрались на старый продавленный оттоманъ, на которомъ нѣсколько часовъ тому назадъ лежало мертвое тѣло, и принялись болтать между собою. Огонь ярко горѣлъ и смягчалъ неприглядную обстановку комнаты. Въ форточку врывалась свѣжая струя морознаго воздуха. Елизаветѣ Дмитріевнѣ не хотѣлось закрывать ее. Ей казалось, что вся комната пропитана какимъ-то специфическимъ, тяжелымъ и вреднымъ запахомъ.

Дѣтямъ надоѣло сидѣть и разговаривать, и они принялись возиться на диванѣ, толкая другъ друга, хохоча и визжа, совершенно забывъ о комнатѣ рядомъ съ лежавшимъ въ ней мертвецомъ. Елизавета Дмитріевна не мѣшала имъ; она вся ушла въ свои думы.

— Что дѣлать, какъ быть, чѣмъ жить?—повторяла она на всѣ лады.—Ничего и никого.

Сколько времени она такъ сидѣла, отрѣшившись отъ дѣйствительности, она не могла дать себѣ отчета. Дѣти, навозившись, на-

конецъ затихли, сообразивъ, что матери очень тяжело и не до нихъ, и разсѣлись по разнымъ угламъ. Въ печкѣ огонь продолжалъ тихо потрескивать, изъ залы доносилось чтеніе псалтыря.

Елизавета Дмитріевна прислушалась:

— «Живый въ помощи вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится»,—читалъ гнусаво и скороговоркой читальщикъ.

Елизавета Дмитріевна продолжала слушать, стараясь вникнуть въ смыслъ читаемаго и не понимая его, особенно не понимая, какое отношеніе имѣетъ именно это чтеніе къ настоящимъ обстоятельствамъ.

— «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи помилуй!»— выкрикивалъ читальщикъ, какъ ей показалось, безконечное число разъ еще большею скороговоркой и проглатывая слоги, такъ что всѣ слова сливались въ какую-то безсмыслицу.

— Что это такое?—спрашивала себя Елизавета Дмитріевна.— «Помидосподи, помидосподи, помидосподи», что это такое? Зачѣмъ это нужно?

Мальчикъ, убаюканный монотоннымъ чтеніемъ, заснулъ въ углу дивана, дѣвочки сидѣли, не шевелясь. Читальщикъ протяжно и громко произнесъ «аминь» и умолкъ.

Слышно было, какъ онъ ходилъ по залѣ, откашливаясь и сморкаясь.

Потомъ онъ просунулъ голову въ дверь къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ и сказалъ:

— Барыня, священники придутъ сейчасъ послѣ вечерни.

Елизавета Дмитріевна кивнула головой. Только теперь она замѣтила, какъ быстро пролетѣло время. Она взглянула на часы: былъ пятый часъ.

— Это звонили къ вечернѣ,—подумала она:—значитъ, попы скоро придутъ. А его все нѣтъ,—подумала она о Юневичѣ.—Дѣти голодны, за панихиду, быть можетъ, надо платить, эта женщина тоже придетъ за расчетомъ. И зачѣмъ я пріѣхала?—вдругъ съ необыкновенной ясностью всталъ этотъ вопросъ въ ея мозгу.—Я ѣхала сюда, чтобы найти пріютъ и отдыхъ, чтобы вернуть дружбу человѣка, который одинъ относился ко мнѣ всегда безкорыстно и искренно, и не только не нашла того, чего искала, напротивъ явились еще новыя заботы и хлопоты. Сколько тяжелыхъ впечатлѣній!

— Зато,—обрывала она сама себя,—хоть видѣла его въ послѣдній разъ, успѣла попросить у него прощенія, узнала, какъ высокъ, какъ благороденъ этотъ человѣкъ, и какъ много я теряю съ нимъ. Ахъ, лучше бы я не видѣла его!—возражала она опять,— было бы тогда спокойнѣе. Нужда вѣдь была бы все та же, но зато не было бы этого жгучаго горя, этого гнетущаго чувства сознанія своей неправоты, которое терзаетъ мою душу упреками за мое неспра-

ведливое и безсовѣстное отношеніе къ этому человѣку. Я даже не знала его, не разглядѣла его, и это послѣднее свиданіе съ нимъ— новая тяжесть, новое ненужное горе, лишняя страница въ моей жизни. Стоило ли такъ стремиться, такъ летѣть сюда для того, чтобы очутиться лицомъ къ лицу съ этимъ ужасомъ, съ этой нищетой и страданіями, видѣть его одно мгновеніе и потомъ всю остальную жизнь упрекать себя и мучиться?

И тутъ же рядомъ съ этимъ соображеніями являлась мысль о завтрашнемъ днѣ. Куда дѣваться? кто поможетъ? И во всемъ виновата одна она. Она обрекла себя на жизнь авантюристки, она обрекла и этого человѣка на жизнь, которую онъ велъ. Если бы она захотѣла, все было бы другое, и не было бы ни этого ужаса, ни этого горя, ни страшнаго призрака голода и холода передъ нею и передъ ея дѣтьми. Не будь она такъ легкомысленна и тщеславна, не играй она такъ безпечно своей и чужой жизнью, у нея можетъ быть, теперь былъ бы родной, уютный уголъ, любимая семья, нѣжный, заботливый мужъ, и онъ навѣрное былъ бы живъ. Онъ былъ бы бодръ, здоровъ и крѣпокъ. Это она его убила.

— Елизавета Дмитріевна, сейчасъ начнется панихида,—услышала она и, поднявъ голову, увидѣла Юневича.

— У васъ форточка открыта,—сказалъ онъ, затворяя ее,—вы выйдете въ залъ?

— Я думаю, надо итти,—сказала она.

Она слышала, что въ залѣ раздавались шаги входившихъ людей, слышались сдержанные голоса, и читальщикъ продолжалъ еще читать, но тихо, почти шопотомъ.

— Я пойду, распоряжусь тамъ,—сказалъ Юневичъ,—а вы съ дѣтьми отворите дверь и станьте къ дверямъ во время панихиды, тамъ наберется народу много.

— А какъ же деньги? За панихиду надо платить, — проговорила она, мучительно ожидая разрѣшенія не дававшаго ей покоя вопроса.

— Ахъ, вы все о деньгахъ!—сказалъ Юневичъ.—Заплачено будетъ за все.

И, взглянувъ на ея лицо и прочитавъ на немъ, какъ она страдаетъ, воскликнулъ:

— Да неужели это васъ деньги такъ мучатъ?

— Да вѣдь безъ денегъ жить нельзя,—съ тоской отвѣтила она.—Я удивляюсь. Неужели вы всѣ всегда такъ живете, какъ птицы небесныя?

Юневичъ усмѣхнулся.

— А вѣдь дѣйствительно,—сказалъ онъ,—мы, орловцы, именно, какъ птицы небесныя; я не въ счетъ,—мнѣ отецъ цѣлыхъ четыре красненькихъ отваливалъ, пока не разсердился, такъ что я у нихъ за большую шишку почитаюсь,—ну, есть и такіе, которые слу-

жать, только все бѣдняки больше, а больше все такихъ, что нигдѣ не служатъ и ничѣмъ положительнымъ не занимаются, и ничего живутъ себѣ. Да знаете ли, въ Москвѣ всегда деньги достать можно? Онѣ, положимъ, и здѣсь на землѣ не валяются, но ужъ здѣсь въ Москвѣ много богатаго человѣка; у иного карманъ такъ толстъ и такъ набитъ деньгами, что онѣ ужъ въ немъ сами собою не держатся и высыпаются, такъ что и заслуги его, собственно говоря, никакой нѣтъ, и деньги это, разумѣется, не Богъ знаетъ, какія крупныя, такъ какая нибудь мелочишка, но вѣдь мелкій человѣкъ и мелочишкѣ радъ, живетъ ею. Богатый человѣкъ идетъ, а онъ за нимъ и подбираетъ малую толику.

Елизавета Дмитріевна улыбнулась.

— Вотъ видите, и вамъ смѣшно стало, а мнѣ именно хотѣлось васъ развеселить, ужъ очень вы духомъ упали. Однако, я слышу, попы, кажется, пришли.

И онъ торопливо вышелъ, оставивъ дверь полуотворенною. Сквозь нее донесся шорохъ шелковыхъ рясъ и пахучій дымъ ладана. Началась панихида. Елизавета Дмитріевна встала, какъ совѣтовалъ ей Юневичъ, въ дверяхъ, поставивъ дѣтей передъ собою. Здѣсь ея почти не было видно, и она была рада этому.

Комната была полна народомъ, и люди все продолжали и продолжали прибывать. Были люди всякаго званія, преимущественно мужчины. Среди нихъ Елизавета Дмитріевна замѣтила нѣсколько очень хорошо одѣтыхъ господъ, повидимому, людей богатыхъ, но особенно поразила ее широкоплечая, нѣсколько сутуловатая фигура въ тонкаго синяго сукна полушубкѣ и въ валенкахъ, съ бородой лопатой, съ русскимъ мужицкимъ лицомъ, дышащимъ умомъ и энергіей. На этого человѣка окружающіе глядѣли съ любопытствомъ, и многіе изъ заднихъ рядовъ даже старались протѣсниться къ нему поближе.

«Слава Богу, меня никто не замѣчаетъ»,—подумала Елизавета Дмитріевна. Но ея радость была преждевременна. Псаломщикъ, человѣкъ, знающій свое дѣло и пунктуальный до крайности, первымъ долгомъ разузналъ, гдѣ вдова, и когда ему указали Елизавету Дмитріевну, онъ на подносѣ съ глубокимъ поклономъ поднесъ ей толстую, перевитую золотою канителью свѣчку. Діаконъ, молодой еще, очевидно, недавно рукоположенный, зажегъ цѣлый пукъ трехкопеечныхъ свѣчей отъ подсвѣчника и, отдѣляя по свѣчкѣ, неловко сталъ раздавать ихъ присутствующимъ. Елизавета Дмитріевна видѣла, какъ всѣ оглядывали ее и шопотомъ сообщали что-то на ея счетъ другъ другу, ей становилось неловко, и она съ нетерпѣніемъ ожидала конца панихиды. Но вотъ уже пропѣли «со святыми упокой», комната наполнилась синимъ и горькимъ чадомъ отъ потушенныхъ свѣчей, причетникъ съ блюдомъ сталъ обходить присутствующихъ. Елизавета Дмитріевна вздохнула съ

облегченіемъ и хотѣла уже уйти, когда Юневичъ подвелъ къ ней очень виднаго, какъ ей показалось, и прекрасно одѣтаго господина.

— Это Алексѣй Ивановичъ Разживинъ,—отрекомендовалъ ей его Юневичъ,—тоже нашъ орловецъ, желаетъ вамъ выразить свое соболѣзнованіе.

Алексѣй Ивановичъ расшаркался передъ вдовой.

— Я покойнаго Ивана Евлампіевича отъ всего сердца уважалъ,—сказалъ онъ,—и очень прошу васъ вспомнить обо мнѣ, если вамъ что нибудь понадобится. Чѣмъ могу, я всегда готовъ помочь вамъ...

Вслѣдъ за Разживинымъ стали подходить и другіе, но ихъ уже никто не представлялъ. Нѣкоторые просто молча раскланивались, иные называли себя только по фамиліямъ, скажетъ: Семеновъ или Сергѣевъ, мотнетъ головой и отойдетъ, другіе называли себя по имени, отчеству и фамиліи и протягивали руку.

«Лѣзли съ рукой», какъ про себя подумала Елизавета Дмитріевна.

Среди послѣднихъ къ удивленію Юневича очутился и Шалашиковъ.

— Я къ вамъ сюда замѣсто предтечи,—развязно говорилъ онъ Елизаветѣ Дмитріевнѣ и Юневичу, когда толпа почти вся уже схлынула, и они остались одни.—Иларіонъ Ильичъ ѣдетъ сюда, а меня выслалъ впередъ.

— А Петръ Игнатьичъ?—спросилъ Юневичъ.

— Захотѣлъ ты, голубчикъ!—возразилъ Шалашиковъ.—Нашъ Картошкинъ теперь въ бароны попалъ. Теперь не время,—послѣ какъ нибудь забѣгу, а то я поразсказалъ бы вамъ.

И Шалашиковъ распрощался, но, уходя, еще вернулся изъ передней и крикнулъ Юневичу:

— Багрецову видѣлъ?

— Видѣлъ, — отвѣтилъ Юневичъ, — даже сегодня заходилъ къ ней.

— Ну, какъ она послѣ кавказскаго сидѣнія? Я, братъ, кавказскимъ сидѣньемъ теперь наше пребываніе въ общинѣ называю.

— Говорить было некогда,—сказалъ Юневичъ,—только, кажется, очень нуждается.

— Ну, не пропадетъ,—сказалъ Шалашиковъ:—не таковская. А Деревянниковъ-то Флегошка совсѣмъ распротобестія оказался: съ нѣмцемъ управляющимъ тамъ снюхался, тотъ ему въ экономіи мѣсто далъ, полтораста рублей въ мѣсяцъ будетъ получать. Вотъ вамъ и обманщикъ. Да я вамъ еще не то разскажу.

Елизавета Дмитріевна, проводивъ его, перешла опять въ кабинетъ Орлова.

— Знаете что?—сказалъ Юневичъ:—я по дорогѣ купилъ кое-что изъ съѣстного, самоваръ Митревна намъ сейчасъ подастъ. Будемъ пить чай и закусывать. Я думаю, дѣти проголодались.

— Они давно уже пристаютъ ко мнѣ,—сказала Елизавета Дмитріевна:—хорошо еще, что утромъ ихъ накормили; эта ваша Митревна оказалась доброй и распорядительной женщиной: и чаю, и хлѣба, и молока намъ достала.

— Да вѣдь я, уходя, распорядился, чтобы все было сдѣлано,—сказалъ Юневичъ. — А вотъ и самоваръ. Ставьте его сюда, Митревна, на подоконникъ.

Митревна поставила тяжелый, давно нечищенный, позеленѣвшій самоваръ, принесла нѣсколько разнокалиберныхъ кружекъ и фарфоровыхъ чашекъ, двѣ мѣдныя ложки и кринку молока.

Юневичъ притащилъ изъ передней корзинку и принялся распаковывать закуски.

Дѣти, увидя самоваръ и соблазнительныя вкусныя вещи, подошли къ окну. Елизавета Дмитріевна усадила ихъ и стала поить чаемъ.

— Однако какъ много и какихъ прекрасныхъ вещей вы купили!—сказала она Юневичу.—Вы много денегъ истратили.

— А вотъ я вамъ сейчасъ разскажу, что я сегодня сдѣлалъ: во-первыхъ, вотъ на-те вамъ пятьдесятъ рублей, это мнѣ Разживинъ далъ для васъ. Хотѣлъ было вамъ самой дать, да сконфузился. Онъ бы и больше далъ и могъ бы дать, потому что очень богатъ, да ужъ это такой человѣкъ: пока не женатъ былъ, у матери въ кулакѣ былъ, а теперь, какъ женился, къ тестю въ лапы попалъ.

Елизавета Дмитріевна нерѣшительно взяла въ руки пятидесятирублевую серію и произнесла:

— Право, мнѣ неловко, съ какой стати я буду брать у него деньги.

— Пустяки!—сказалъ Юневичъ.—Вотъ нашли время антимонію разводить! Что ему пятьдесятъ рублей? А вамъ деньги нужны вотъ какъ: кладите себѣ въ карманъ, и больше никакихъ.

— Неловко,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— Ничего ни неловко, самое простое и вѣрное разрѣшеніе соціальнаго вопроса,—успокоилъ ее Юневичъ.—А вотъ и еще сто рублей. Только эти ужъ я себѣ оставлю; похоронныхъ дѣлъ мастеру и попамъ надо будетъ заплатить, такъ мнѣ необходимо при деньгахъ быть.

— А эти еще откуда?—удивилась Елизавета Дмитріевна.

— А это, я же вамъ говорилъ, Кузьма Терентьичъ далъ.

— Неужели далъ?

— Безъ всякихъ разговоровъ. Ну-съ, и еще малую толику я съ нашихъ пособралъ: въ «Кружало» забѣжалъ.

— Это что такое? — переходя отъ изумленія къ изумленію, спросила Елизавета Дмитріевна.

— «Кружало-то»? Да вѣдь вы не москвичка и никого изъ нашихъ не знаете. «Кружало»—это такая гостиница на Тверской за Тріумфальными воротами. Дрянь номеришки! Это недалеко, видите ли, отъ Брестской желѣзной дороги, такъ тамъ разная мелкая служащая шушера ютится, и все либо орловцы, либо толстовцы, однимъ словомъ, непротивленники.

— Ну, я опять не понимаю, что вы говорите,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— Да это и не важно! Вамъ вѣдь это не интересно. Я только къ тому, что въ «Кружалѣ» тоже собралъ рублей семь; они было хотѣли вѣнокъ, я отговорилъ ихъ. Ну васъ, говорю, съ вашимъ вѣнкомъ! Кому онъ нуженъ? Вы лучше вдову съ дѣтьми поддержите. Да во много мѣстъ забѣгалъ, въ «Лисаты» заглянулъ, тамъ курсистки обѣщали мнѣ собрать что нибудь и тоже про вѣнокъ было заговорили. Дались имъ эти вѣнки!

— Меня безъ васъ тутъ спрашивали, — сказала Елизавета Дмитріевна:—нужно ли поставить тропическія растенія вокругъ гроба, вы мнѣ сейчасъ напомнили своими вѣнками.

— Разумѣется, нужно,—сказалъ Юневичъ:—я вѣдь говорилъ этой козлиной бородѣ гробовщику, чтобы онъ все сдѣлалъ въ лучшемъ видѣ.

— Я сказала, что ни во что не вмѣшиваюсь, а тропическія растенія, правду сказать, меня и напугали: не будетъ ли это очень дорого?

— Ну, и пусть будетъ дорого! Что-жъ такого? Вѣдь не вы будете платить, а публика, а это ея обязанность. Э! да вы не знаете еще, какія похороны засвѣтимъ мы учителю! Тропическія растенія! Вечеромъ у насъ сходка назначена въ Запасномъ дворцѣ у одного тамъ душевнаго человѣчка, такъ я тамъ прямо буду стоять на томъ, чтобы похороны были демонстративныя. Вы, однако, кушайте и дѣтей получше кормите!—оборвалъ самъ себя Юневичъ, жадно глотая чай и съ апетитомъ закусывая: — а то, хотите, я дѣтвору кормить буду.

И онъ принялся дѣлить на порціи закуски и хлѣбъ. Дѣти обступили его.

— Мнѣ, дядя Саша, мнѣ!—кричали они.

— Кто хочетъ ветчины?—говорилъ Юневичъ:—кому дать еще сыру съ масломъ? а ты молоко уже выпилъ? налить тебѣ еще молока?

— Зачѣмъ вы имъ рѣжете такіе огромные куски?—смущенно останавливала его Елизавета Дмитріевна.

— А пусть ихъ ѣдятъ, если хочется. Что, дѣтвора, попали въ передѣлку?—шутилъ онъ.—Московскій пролетаріатъ и весь такъ живетъ; завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ не полагается, а чай и къ нему что придется, судя по карману и обстоятельствамъ. Въ

«Кружалѣ», напримѣръ, все больше ржавыми селедками пробавляются; оно и понятно: народъ въ совершенствѣ пьющій. А вотъ въ «Лисатахъ» колбаса больше въ ходу. Положимъ, кружальщики еще и вегетаріанцы: убоины не ѣдятъ, хотя я имъ сколько разъ доказывалъ, что селедка та же убоина. Впрочемъ имъ тогда уже ѣсть нечего будетъ. Ахъ, и забылъ совсѣмъ! Вамъ вѣдь придется ненадолго поѣхать въ городъ. Вы меня простите великодушно: вамъ трауръ необходимъ.

— У меня есть черное платье,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— Да что черное платье!—возразилъ Юневичъ.—Я вотъ вамъ тутъ адресокъ привезъ одной мадамы, у нея магазинъ на Петровкѣ. Вы туда поѣзжайте и все, что вамъ нужно, купите. Всѣ пятьдесятъ рублей, что я вамъ далъ, на это и тратьте, чтобы все было, какъ слѣдуетъ. Я еще вчера объ этомъ думалъ, да все равно, оно, пожалуй, и лучше будетъ, если не спѣша. Вотъ теперь же и поѣзжайте послѣ чая.

— А дѣти какъ же?—спросила Елизавета Дмитріевна.

— А дѣти со мной останутся, я имъ сказки разсказывать буду.

— Вѣдь вы говорили, что должны итти на сходку?

— Такъ я и уйду. Вѣдъ у насъ сходка къ часу ночи соберется, я поспѣю. Да скажите мнѣ еще, пожалуйста, съ вами никакихъ вещей нѣтъ?

— Какъ же! Есть вещи,—отвѣтила Елизавета Дмитріевна: — корзина и чемоданъ. Я ихъ на вокзалѣ артельщику оставила.

— Что жъ вы не сказали?—сказалъ Юневичъ.—Я ихъ вамъ завтра, если будетъ время, привезу, или вмѣстѣ съ вами съѣзжу: пожалуй, мнѣ одному не выдадутъ. Вы тутъ и живите пока. Тутъ долго можно прожить, васъ никто не тронетъ, и платить не нужно.

— Какъ не нужно платить? — недоумѣвала Елизавета Дмитріевна.

— Очень просто. Дѣдка тутъ сколько лѣтъ прожилъ и никогда не платилъ, да и платить не за что; старая развалина гдѣ-то на задворкахъ. Спасибо скажите, если нашлись люди, которые живутъ.

Елизавета Дмитріевна пожала плечами.

— Удивительная ваша Москва! — сказала она. — У васъ есть квартиры, за которыя не платятъ, и люди, которые или, молча и не разспрашивая, даютъ деньги, или вотъ такіе, какъ вы, добрые, преданные и безкорыстные.

Юневичъ засмѣялся.

— Я Москву еще мало знаю,—сказалъ онъ,—а вотъ Деревянниковъ, напримѣръ, или Шалашиковъ тѣ исконные москвичи. Они вамъ могутъ много интереснаго сообщить. Народъ дошлый. Однако

собирайтесь и старайтесь возвращаться скорѣе. Пожалуйста, деньгами не стѣсняйтесь. Можетъ быть, мало вамъ пятьдесятъ рублей, такъ возьмите у меня еще двадцать пять.

— Что вы, что вы!—сказала Елизавета Дмитріевна:—я и пятидесяти не рѣшусь истратить.

— А я вамъ серьезно говорю: не жалѣйте! А деньги будутъ, объ этомъ не безпокойтесь. Я думаю, Кузьма Терентьичъ завтра пріѣдетъ на панихиду. Хотѣлъ я вчера еще къ Сергѣю Михайловичу заглянуть, да опоздалъ, а надо будетъ заглянуть и къ нему, этотъ непремѣнно дастъ. Такъ вотъ на случай, если Кузьма Терентьичъ на панихидѣ будетъ, вы должны на него непремѣнно хорошее впечатлѣніе произвести, большая польза для васъ можетъ выйти; я ему уже закинулъ словечко, что, молъ, вдова и дѣти остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Онъ удивился и брови поднялъ, однако ничего не сказалъ.

Елизавета Дмитріевна стала собираться.

Маркъ Басанинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА [1].

VIII.

Посѣщеніе Рущука, еще занятаго турками.—Пароходъ «Катарина» грека Катчигеры.—Браиловъ.—Покупка угля у «Австрійскаго Ллойда».—Молодой Катчигера и аренда мною его парохода.—Занятіе Рущука нашими войсками.

ВЪ БУХАРЕСТѢ я узналъ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ объявлено о предварительномъ перемиріи, а въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ заключенъ и окончательный миръ. Я тотчасъ же уѣхалъ изъ Бухареста во Фратешты и Журжево. Пріѣзжаю въ Журжево прямо къ пріятелю, моряку С. С. Воронову, который совѣтуетъ мнѣ озаботиться скорѣйшей доставкой моего груза въ Журжево, такъ какъ по объявленіи перемирія завяжутся, вѣроятно, сношенія съ тѣмъ берегомъ Дуная, и на мои товары навѣрное появится большой спросъ.

Возвращаюсь немедленно во Фратешты и вхожу съ начальникомъ станціи въ соглашеніе, чтобы вагоны съ моими товарами и артельщикомъ Марковымъ были доставлены въ Журжево сейчасъ по объявленіи перемирія, а самъ уѣзжаю опять въ Журжево, гдѣ помѣщаюсь у милѣйшаго Сергѣя Сергѣевича Воронова. Отъ него я узналъ, что онъ уже получилъ секретное предписаніе произвести рекогносцировку Дуная, въ цѣ-

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 37.

ляхъ выбора удобнаго мѣста для устройства плавучаго моста черезъ Дунай между Журжевомъ и Рущукомъ, и что для этого инженеры заготовляютъ уже лѣсной матеріалъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е января 1878 года, на главномъ руслѣ Дуная начался ледоходъ; нужно сказать, что между Рущукомъ и Журжевомъ, прямо противъ послѣдняго, лежитъ на Дунаѣ большой, въ нѣсколько верстъ, продолговатый поросшій лѣсомъ островъ, съ котораго какъ турки изъ Рущука, такъ и русскіе изъ Журжева снабжали себя топливомъ. Нерѣдко случалось, что рабочія партіи враждующихъ сторонъ встрѣчались на островѣ, и тогда болѣе сильный прогонялъ слабѣйшаго; случалось и такъ, что обѣ партіи рубили лѣсъ на островѣ одновременно—русскіе и румыны въ ближайшей къ Журжеву восточной, а турки въ ближайшей къ Рущуку западной части острова. Главное русло Дуная шло по ту сторону острова, мимо Рущука, а Журжево было расположено собственно на сравнительно узкой и мелководной протокѣ. Главное теченіе Дуная очистилось ото льда черезъ два дня послѣ начала ледохода, тогда какъ протока еще сравнительно довольно долго оставалась подо льдомъ, и настолько крѣпкимъ, что по немъ свободно ходили и ѣздили, благодаря тому, что въ 1878 году вода была очень не высока и не подняла льда въ протокѣ.

— Съ завтрашняго дня будетъ объявлено перемиріе,—сказалъ Вороновъ 18-го января, возвратившись изъ штаба,—и завтра же ночью я произведу первую рекогносцировку Дуная.

— Да какъ же вы будете дѣлать рекогносцировку, когда протока еще не прошла?—спросилъ я.

— О, это пустяки! Черезъ протоку и островъ мои молодцы протащатъ шлюпки на рукахъ, а за островомъ спустимъ ихъ на воду, ледоходъ уже самый незначительный на самомъ Дунаѣ, и онъ не помѣшаетъ намъ дѣлать промѣры.

— Интересно! да вѣдь турки все-таки васъ не подпустятъ къ своему берегу? Слѣдовательно вы не въ состояніи будете точно измѣрить ширину Дуная въ разныхъ мѣстахъ?

— Ну, тамъ увидимъ,—закончилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—А теперь надо выпить и закусить.

— Ковалевъ, водки!—приказалъ онъ своему денщику.

Подошли, по обыкновенію, товарищи-моряки Воронова, и завязался оживленный разговоръ о предстоящей экспедиціи для промѣровъ Дуная.

Рѣшено было отправиться на двухъ шлюпкахъ въ слѣдующемъ составѣ: на одной С. С. Вороновъ и морской врачъ Брандтъ, при шести матросахъ; на другой—мичмана Повалишинъ и N. (не помню теперь его фамиліи—кажется, Нефедьевъ), тоже при шести матросахъ.

— А я-то съ кѣмъ же?—спросилъ я.

Юные мичманы начали было протестовать, но мой старый пріятель С. С. Вороновъ вступился за меня и положилъ свое veto, что онъ беретъ меня съ собой въ свою шлюпку.

— Съ уговоромъ только,—рѣшилъ онъ смѣясь,—помогать тащить шлюпку по льду и снѣгу до самаго Дуная и отъ коньяка не отказываться!

Я съ удовольствіемъ согласился на эти условія — ужъ очень меня интересовала эта ночная экспедиція, а молодость, здоровье и энергія не допускали и мысли о какой либо опасности.

На утро появились всюду объявленія о заключеніи на мѣсяцъ перемирія и объ условіяхъ его; матросы Воронова весь день были заняты приведеніемъ въ должный порядокъ и изготовленіемъ къ плаванію двухъ прекрасныхъ, вмѣстительныхъ шлюпокъ, и послѣ обѣда, вечеромъ, въ самыя сумерки, наша экспедиція, въ въ намѣченномъ наканунѣ составѣ, отправилась въ походъ.

Я, бывъ въ легкомъ песцовомъ полушубкѣ и мѣховой изъ каракуля шапкѣ, просто изнемогалъ, таща съ матросами нашу шлюпку, въ которую, кромѣ веселъ, сложили еще порядочный запасъ коньяка и закусокъ. Движеніе наше было настолько медленно, что, покинувъ Журжево около восьми часовъ вечера, мы только къ одиннадцати добрались до главнаго теченія Дуная, тащившись какія нибудь 2—3 версты болѣе 3-хъ часовъ.

Вышли наконецъ къ Дунаю—встрѣтили большое препятствіе для спуска шлюпокъ на воду въ видѣ огромныхъ ледяныхъ глыбъ, вывороченныхъ ледоходомъ на берегъ, благодаря малой водѣ. Но молодцы-матросы живо нашли сравнительно удобное мѣсто, подняли шлюпки на ледяную глыбу и на веревкахъ спустили ихъ на воду съ отвѣсной высоты въ два аршина съ небольшимъ; затѣмъ быстро сами вскочили въ шлюпки, одни изъ нихъ крѣпко держали лодки баграми, цѣпляясь за льдины на берегу, а другіе ловко подхватывали насъ, тоже прыгавшихъ по ихъ примѣру.

Какъ только всѣ заняли свои мѣста, посмотрѣли на часы — оказалось безъ четверти одиннадцать. Вороновъ скомандовалъ прежде всего коньяку. Выпили сами и поднесли матросамъ. Когда отвалили, нанесло еще тучи, и стало совершенно темно. Ѣдемъ наобумъ; точныхъ промѣровъ дѣлать при такихъ условіяхъ оказалось невозможнымъ. Въ пути роспили еще бутылку коньяку; вѣрнѣе сказать, ее почти всю выпилъ одинъ Сергѣй Сергѣевичъ, и порядочно-таки захмелѣлъ. Видимъ берегъ, приближаемся. Наконецъ различаемъ, что прямо противъ насъ крутой, довольно высокій берегъ--значитъ, попали вѣрно на Рущукскую сторону Дуная. Подымаемся противъ теченія, придерживаясь берега; на горѣ показываются зданія. (Потомъ оказалось, это былъ вокзалъ желѣзной дороги Рущукъ-Разградъ). Противъ этого зданія Вороновъ приказалъ шлюпкѣ съ мичманами остановиться у самаго берега, при-

ткнувшись къ нему носомъ, и дожидаться насъ здѣсь, а самъ сталъ подыматься вверхъ по теченію, приказавъ при этомъ не шумѣть веслами и не говорить громко. Прошли, должно быть, саженъ сотню, не больше, какъ Сергѣй Сергѣевичъ приказалъ причалить къ берегу, на который и вышелъ.

— Дожидаться меня здѣсь,—тихо приказалъ онъ матросамъ.—Я скоро вернусь.

Докторъ Брандтъ и я не вытерпѣли и говоримъ ему тоже почти шопотомъ, что онъ совершаетъ сумасбродство и, здорово живешь, безъ всякой цѣли рискуетъ не только своей собственной шкурой, но и служебной карьерой и т. д. и т. д. Ничего не помогаетъ—Вороновъ уперся, да и только.

— Мнѣ поручено произвести рекогносцировку Дуная, вотъ я и произвожу ее; а разъ я благополучно и безпрепятственно достигъ Рущукскаго берега, то я безусловно долженъ воспользоваться случаемъ и тщательно обслѣдовать и его.

И съ этими словами онъ сталъ удаляться отъ лодки.

Брандъ и я, зная Воронова вообще за отчаяннаго человѣка и невоздержнаго нрава, а чуть выпивши—ему и море по колѣно, выскочили изъ лодки и живо догнали его.

— И мы съ вами, Сергѣй Сергѣевичъ,—сказали мы въ одинъ голосъ.

— Ну, и молодцы! На людяхъ и смерть красна,—отвѣтилъ Вороновъ и зашагалъ дальше.

Мы слѣдовали за нимъ, рѣшительно не понимая, чего онъ хочетъ, и куда онъ лѣзетъ. Удержать его силой и потащить обратно къ лодкѣ было невозможно; онъ нашумѣлъ бы такъ, что мертвые проснулись бы; турки навѣрное подняли бы тревогу и, по меньшей мѣрѣ, забрали бы насъ всѣхъ.

Мы все шли въ гору, подымаясь по довольно отлогому спуску къ Дунаю. Дошли до какой-то широкой, глубокой канавы, перешагнуть чрезъ которую не рискнули, благодаря ея ширинѣ; пошли направо вдоль ея, по мягкому, грязному, очень скользкому грунту. Пройдя нѣсколько шаговъ, видимъ—черезъ канаву положены двѣ широкія доски; едва Вороновъ первый ступилъ на доски, чтобы перейти на другую сторону канавы, какъ слѣва отъ него показался штыкъ и послышался звукъ, какъ будто солдатъ взялъ на караулъ или на плечо, но никакого оклика, никакого опроса. Оказалось, тѣмъ не менѣе, что это былъ одинъ изъ ложементовъ вдоль берега. Мы безпрепятственно перешли на другую сторону ложемента, скоро почувствовали мостовую подъ ногами, по которой и зашагали по довольно крутому, мощеному подъему. Вышли на довольно ровную поверхность, направо увидали домикъ, у воротъ котораго стоялъ часовой. Вороновъ, какъ ни въ чемъ не бывало, проходитъ мимо часового; тотъ, принявъ, вѣроятно, въ

темнотѣ Воронова и Брандта, бывшихъ въ формѣ, за своихъ офицеровъ, а меня за братушку, опять таки безъ всякаго оклика пропустилъ насъ, да еще отдалъ честь, и мы очутились въ одной изъ улицъ Рущука.

Тутъ мы рѣшительно остановили Воронова и стали требовать, чтобы онъ шелъ обратно; но милѣйшій Сергѣй Сергѣевичъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, выпитаго на рѣкѣ коньяка, закусилъ удила и знать ничего не хотѣлъ.

— Если ужъ пришли въ городъ, такъ надо хоть выпить мѣстнаго вина, а безъ этого я отсюда не уйду.

Проговоривъ эти слова, онъ зашагалъ дальше, а за нимъ и мы.

Пройдя немного, попадаемъ на другую улицу, на углу которой довольно большой домъ, посреди котораго надъ открытой дверью горитъ фонарь. Входимъ. Оказалось нѣчто въ родѣ таверны, за столами которой сидятъ турецкіе солдаты, греки и братушки,—даже двухъ нашихъ максимычей, т.-е. донскихъ казаковъ, увидали мы между ними,—всѣ пьютъ вино, братаются, празднуютъ, такъ сказать, объявленное перемиріе. Шумъ, говоръ на разныхъ языкахъ, смѣхъ, даже поцѣлуи раздаются со всѣхъ сторонъ, и хаосъ стоитъ невообразимый.

Вороновъ, нисколько не смущаясь, пробирается между столами, направляясь къ полуотворенной, внутренней двери, ведущей въ другую комнату, изъ которой тоже раздаются громкій говоръ и смѣхъ. Отворивъ дверь, мы увидѣли кутящую компанію турецкихъ офицеровъ, видимо страшно озадаченныхъ появленіемъ передъ ними русскихъ офицеровъ. Одинъ изъ турокъ хватается за шашку; Вороновъ за свой кортикъ, а другой молодой и очень благообразной наружности офицеръ вскакиваетъ съ своего мѣста, подходитъ къ намъ, отодвигаетъ очень вѣжливо Воронова назадъ за дверь и начинаетъ на довольно сносномъ французскомъ языкѣ усовѣщивать насъ удалиться, во избѣжаніе могущаго произойти крупнаго скандала.

Какъ мы ни уговаривали Воронова, но онъ и слышать ничего не хотѣлъ, увѣряя, что теперь перемиріе, и что онъ хочетъ также выпить по этому случаю. Тогда молодой турецкій офицеръ предложилъ проводить насъ въ другой кабачокъ, въ болгарскомъ кварталѣ, гдѣ насъ никто не обезпокоитъ, и гдѣ намъ дадутъ гораздо лучшаго вина. Вороновъ наконецъ согласился, и мы вышли.

Дорогой нашъ проводникъ разсказалъ намъ, что онъ военный докторъ, по происхожденію нѣмецъ, служащій въ турецкой арміи, что онъ въ Брандтѣ сейчасъ же узналъ русскаго коллегу и поэтому поспѣшилъ не допускать дѣло до скандала, который непремѣнно затѣяли бы порядочно подпившіе уже эфенди (капитанъ) и бимбаши (штабъ-офицеръ); когда уже онъ узналъ въ

Брандтѣ и во мнѣ тоже нѣмцевъ и могъ перейти въ разговорѣ съ нами на родной ему нѣмецкій языкъ, то онъ пришелъ въ совершенный восторгъ и обѣщалъ не покидать насъ до самаго выхода нашего изъ Рущука и охранять насъ все время отъ всякихъ случайностей.

Привелъ онъ насъ весьма скоро къ одинокому домику въ саду, надъ входной дверью котораго тоже горѣлъ фонарь, служившій кабачку вывѣской. Слава Богу, мы никого тамъ не застали и очень удобно расположились въ просторной, чистой комнатѣ и потребовали лучшаго мѣстнаго вина, которое намъ сейчасъ же подали въ кувшинѣ огромнаго размѣра и которое, розоватаго цвѣта, оказалось весьма сноснымъ и вкуснымъ.

Не прошло и четверти часа нашего спокойнаго пребыванія здѣсь, не успѣли мы еще разсказать нашему любезному доктору-проводнику, какимъ образомъ мы вдругъ ночью очутились въ Рущукѣ, какъ входная дверь съ шумомъ отворилась, и появились разыскивавшіе насъ бимбаши и эфенди, въ сопровожденіи двухъ братушекъ. Бимбаши опять схватился было за свою кривую саблю, но у Воронова давно уже прошла всякая горячка, онъ былъ уже въ самомъ благодушномъ расположеніи духа, почему онъ всталъ, подошелъ къ свирѣпому, казалось, бимбаши, обнялъ его одной рукой вокругъ таліи и сказалъ:

— Перестань, не надо. Выпьемъ-ка лучше, какъ слѣдуетъ!

Когда нашъ проводникъ-докторъ перевелъ ему слова Воронова, бимбаши махнулъ рукой, ничего не сказалъ, положилъ свою руку на плечо Воронова и усѣлся рядомъ съ нимъ.

Мы потребовали еще вина и принялись угощать нашихъ непрошенныхъ турецкихъ гостей, хотя надо сознаться, что въ сущности появились мы въ Рущукѣ уже поистинѣ не прошенными.

Эфенди почему-то облюбовалъ меня; нѣсколько разъ обмѣнивался со мной головными сборами, т.-е. надѣвалъ на меня свою феску, а я долженъ былъ нахлобучивать на его голову мою каракулевую шапку—это, какъ объяснилъ мнѣ переводчикъ, будто бы обозначаетъ увѣреніе въ дружбѣ, покровительствѣ и защитѣ на жизнь и смерть.

Немного было нужно, чтобы весьма скоро бимбаши и эфенди совсѣмъ охмелѣли и тутъ же, положивъ свои буйныя головы на столъ, захрапѣли богатырскимъ сномъ, чѣмъ нашъ милѣйшій проводникъ посовѣтовалъ намъ все-таки воспользоваться, чтобы подобру—поздорову убраться изъ Рущука. Да и пора была; скоро должно было начать свѣтать, и воображаю, какъ безпокоились о насъ ожидавшіе насъ на Дунаѣ матросы и мичманы...

Нашъ милый проводникъ остался до конца любезенъ къ намъ; узнавъ, что мы изъ Журжева переѣхали на лодкахъ, онъ повелъ

насъ ближайшей дорогой прямо къ Дунаю, такъ какъ мы никакъ не могли ему объяснить, въ какой мѣстности собственно мы оставили наши шлюпки. Проводивъ насъ до ложемента, проложеннаго, какъ оказалось, вдоль всего Рущукскаго берега, онъ дружески пожалъ наши руки и пошелъ обратно въ городъ, а мы, подойдя къ самому Дунаю, взяли направленіе внизъ по теченію, такъ какъ шли вверхъ.

Пройдя нѣсколько саженъ, мы увидѣли стоящій у берега пароходъ, на который съ берега былъ положенъ трапъ. Я подъ предлогомъ справиться, вѣрно ли мы взяли направленіе, взбѣжалъ по трапу на пароходъ, а Вороновъ, не твердо державшійся на ногахъ, и Брандтъ остались дожидаться меня на берегу. На пароходѣ я сейчасъ же увидѣлъ мрачную фигуру, шагающую по палубѣ; подхожу къ ней и узнаю, что это самъ капитанъ парохода; вижу его не въ фескѣ и спрашиваю по-французски: «чей это пароходъ?» Онъ отвѣчаетъ мнѣ на ломаномъ французскомъ языкѣ:

— Греческій.

— Какъ же вы сюда попали?

— Еще въ апрѣлѣ прошлаго года шли мы изъ Галаца въ Турнъ-Северинъ съ грузомъ кукурузы, на трехъ баржахъ. Здѣсь насъ турки остановили 28-го апрѣля, забрали нашу кукурузу, и никуда насъ не отпустили, такъ сказать, конфисковали насъ.

— И съ тѣхъ поръ вы стоите здѣсь? Какъ васъ не затерло ледоходомъ? Гдѣ же вашъ хозяинъ?

— Зимовали мы вмѣстѣ съ двумя турецкими броненосцами, подъ ихъ карауломъ, въ имѣющемся небольшомъ затонѣ на островѣ, противъ Рущука и вышли оттуда только сегодня подъ вечеръ. Повыше насъ стоитъ одинъ броненосецъ, а другой—ниже насъ. А бѣдный мой хозяинъ, грекъ Катчигера, живетъ постоянно въ Браиловѣ, имѣетъ тамъ свой домъ, вѣроятно, оплакиваетъ насъ, считая погибшими, такъ какъ вотъ уже почти годъ не имѣетъ объ насъ никакихъ извѣстій.

— Что же дальше съ вами будетъ?

— Война, вѣроятно, скоро кончится. Послѣ перемирія заключатъ миръ; придутъ русскіе, вѣроятно, тогда они конфискуютъ насъ, потому что будутъ нуждаться въ перевозочныхъ средствахъ, а наша «Катарина»—прекрасный работникъ.

— Хотите, я дамъ знать о васъ вашему хозяину?

— О милый господинъ! вы окажете этимъ большое одолженіе и намъ, и нашему хозяину.

Мы крѣпко пожали другъ другу руки и разстались—я побѣжалъ на берегъ, а капитанъ направился въ свою каюту.

Во время этого разговора меня внезапно осѣнила счастливая мысль, которую я и привелъ въ исполненіе въ самомъ непродол-

жительномъ времени. Но объ этомъ буду говорить дальше. Когда я увѣрилъ моихъ спутниковъ, что мы идемъ вѣрно, отправились дальше по тому же направленію; вскорѣ прошли мимо турецкаго броненосца, стоявшаго на якорѣ, повидимому, на самой серединѣ Дуная, а саженъ черезъ двѣсти добрели благополучно и до своей шлюпки. Бѣдные матросики, боясь шумѣть и бѣгать, чтобы согрѣваться, перезябли порядочно и сильно безпокоились за насъ. Мы, конечно, тотчасъ же угостили ихъ хорошей порціей коньяку и поплыли «внизъ по батюшкѣ Дунаю». Противъ вокзала, гдѣ тоже въ большомъ безпокойствѣ дожидалась насъ другая шлюпка съ мичманами, мы соединились и вмѣстѣ дружно понеслись внизъ по теченію, миновали Журжево и пристали къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ главное русло Дуная переходитъ къ лѣвому берегу, и гдѣ въ мирное время расположены пристань Журжево и угольный складъ пароходства «Австрійскаго Ллойда».

Въ это время, конечно, никакой пароходной пристани тамъ не было, но складъ угля-брикета былъ еще весьма значительный, хотя его во время войны порядочно-таки растаскивали румынскіе и русскіе солдаты да оставшіеся въ Журжевѣ жители.

Только около шести часовъ утра мы добрались уже пѣшкомъ отъ того мѣста, гдѣ мы причалили, до квартиры Воронова. Мичманы и докторъ ушли къ себѣ, Вороновъ завалился спать, а я, наскоро собравшись, велѣлъ позвать себѣ извозчика и поѣхалъ на желѣзную дорогу къ поѣзду, отходившему въ Бухарестъ въ 8 часовъ утра.

Когда я пріѣхалъ во Фратешты и подсчиталъ съ моимъ артельщикомъ Марковымъ всѣ расходы и накладные расходы по доставкѣ моихъ злосчастныхъ вагоновъ отъ Москвы до Фратештъ, не считая еще предстоящихъ расходовъ по дальнѣйшей доставкѣ въ Болгарію, оказалось, что всѣ товары намъ обошлись самимъ настолько дорого, что, продавъ ихъ даже по баснословнымъ маркитантскимъ цѣнамъ, намъ пришлось бы все-таки взять значительный убытокъ, совсѣмъ не достигнувъ намѣченной цѣли—по возможности удешевить войскамъ предметы первой необходимости. Такъ, напримѣръ, бутылка Поповской или Смирновской водки, стоившая въ Москвѣ 45 коп. кредитными, обходилась намъ уже во Фратештахъ по 1 рублю 50 коп. золотомъ; фунтъ сахару, купленный въ Москвѣ по 14 коп. кредитными, стоилъ намъ во Фратештахъ уже почти по 2 франка, и т. д., все въ той же пропорціи.

Озадаченный произведеннымъ подсчетомъ, убѣдившись въ невозможности достигнуть при такихъ условіяхъ намѣченной цѣли, не желая ввести себя и моихъ товарищей по отправкѣ этихъ товаровъ въ значительные убытки, наконецъ задѣтый за живое въ своемъ самолюбіи, что де я не сумѣлъ исполнить взятое на себя порученіе, я рѣшилъ пуститься въ предпріятіе, мысль о которомъ

осѣнила меня при посѣщеніи греческаго парохода въ Рущукѣ, которое дало бы мнѣ возможность дешево продать войскамъ привезенные мною товары, покрыть всѣ убытки и даже доставить хорошій дивидендъ, никого не обижая.

Вообразивъ, что пароходъ, въ которомъ, конечно, сразу будетъ величайшая потребность, хотя бы для одного сообщенія лицъ и перевозки грузовъ между Журжевомъ и Рущукомъ (когда-то еще выстроятъ плавучій мостъ?), можетъ оказать мнѣ въ этомъ отношеніи большую услугу, я рѣшилъ взять эту самую греческую «Катарину» въ аренду, для чего немедленно отправился изъ Фратештъ въ Браиловъ, гдѣ, по словамъ капитана, проживалъ ея хозяинъ.

Пріѣхалъ я въ Браиловъ около трехъ часовъ дня; скоро нашелъ грека, старика Катчигеру, который довольно сносно объяснялся по-французски.

Есть поговорка: «не тотъ жидъ—кто еврей, а тотъ жидъ—кто жидъ», а продолженіе этой поговорки слѣдующее: «но хуже жида—армянинъ, а еще хуже армянина—грекъ». Руководствуясь этимъ правиломъ, надо было вести дѣло умненько и осторожно.

Прежде всего, отрекомендовавшись греку русскимъ, я повелъ дѣло такъ:

— Есть у васъ пароходъ «Катарина»?

— И есть, и нѣтъ,—грустно отвѣчалъ старикъ.—Вотъ уже болѣе девяти мѣсяцевъ онъ пропалъ у насъ безъ вѣсти, и мы никакъ не можемъ найти его.

— Отдайте мнѣ его въ аренду,—озадачилъ я грека.

— Что-о-о?!—удивился онъ.—Какъ же я отдамъ вамъ въ аренду то, чѣмъ я сейчасъ не владѣю?

— Это ужъ мое дѣло. Вамъ же лучше получать хоть что-нибудь за то, чего у васъ нѣтъ, а я постараюсь найти вашу «Катарину», чтобы воспользоваться ею и ея тремя баржами и не даромъ платить вамъ аренду.

— Какъ? вы знаете, что при ней были три баржи?

— Да, только ужъ безъ кукурузы,—посмѣялся я.

— Значитъ, вы знаете, гдѣ она? Цѣла она и невредима? И баржи тоже? Ради Бога говорите скорѣе!—заволновался старикъ.

Само собой разумѣется, что открыть греку карты было бы глупо.

— Гдѣ собственно ваши пароходъ и баржи, я не знаю, но надѣюсь найти ихъ за время объявленнаго перемирія и тогда начать работать ими. Ну, а если мнѣ не удастся, найти ихъ и воспользоваться ими, то мои арендныя денежки пропадутъ, а вамъ онѣ свалятся съ неба,—сказалъ я хладнокровно.

Старый грекъ видимо не могъ понять, какъ это вдругъ человѣкъ хочетъ платить аренду за несуществующее въ настоящее

время имущество. Видимо, онъ сталъ подозрѣвать, уже не съ сумасшедшимъ ли онъ имѣетъ дѣло, да и жадность-то въ немъ тоже заговорила, какъ бы не продешевить. Долго, внимательно и подозрительно смотрѣлъ онъ на меня молча и наконецъ проговорилъ:

— Видите, пароходъ «Катарину» и три баржи я два года тому назадъ подарилъ моему старшему сыну Николѣ, съ которымъ вамъ и придется имѣть дѣло. Но его сейчасъ нѣтъ дома: онъ въ Галацѣ, все ищетъ свою «Катарину» и наводитъ о ней справки.

— Когда же вашъ сынъ будетъ въ Браиловѣ?

— Ожидаемъ его завтра вечеромъ.

— Такъ передайте ему, что меня можно видѣть въ Бухарестѣ въ гостиницѣ «Метрополь» Хёрнера, куда я ѣду сегодня же вечеромъ и гдѣ пробуду дней пять. Отъ своихъ словъ и обѣщаній я никогда не отказываюсь и не отпираюсь.

На этомъ мы распрощались, и въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ въ Бухарестъ.

Черезъ два дня пріѣхалъ ко мнѣ молодой грекъ, Николай Катчигера, прекрасно одѣтый и весьма представительной наружности. Онъ такъ же, какъ и отецъ его, видимо, принялъ меня за полоумнаго, но такъ же не прочь былъ проэксплоатировать меня и хлопоталъ только объ одномъ, какъ бы слупить съ меня, сколько возможно больше. Послѣ почти трехдневныхъ переговоровъ, все время страшно интриговавшихъ Катчигеру, мы наконецъ пришли къ соглашенію и отправились къ нотаріусу для заключенія формальнаго контракта. По этому контракту я принималъ на себя всѣ хлопоты по разысканію мѣста нахожденія принадлежащаго Катчигерѣ парохода «Катарина», съ тремя при немъ баржами, по освобожденію ихъ отъ секвестра, и въ случаѣ удачи я бралъ на себя управленіе работой и движеніемъ ихъ въ теченіе навигаціи 1878 года, а Катчигера, соглашаясь отдать мнѣ пароходъ и баржи въ мое распоряженіе и пользованіе въ случаѣ нахожденія мною ихъ въ исправномъ видѣ, имѣетъ получать съ меня арендную плату, въ размѣрѣ половины чистой прибыли отъ предпріятія; срокъ, въ который я долженъ былъ разыскать пароходъ и баржи, объявить ему о мѣстѣ ихъ нахожденія и состояніи и принять ихъ въ мое завѣдываніе, опредѣленъ былъ двухнедѣльный, по минованіи коего, если бы я ихъ не нашелъ или отказался принять ихъ, контрактъ этотъ теряетъ силу и считается уничтоженнымъ.

Довольные, казалось, другъ другомъ, мы разстались, и я сейчасъ же уѣхалъ въ Журжево. Тамъ я немедленно отправился къ австрійскому консулу и агенту «Австрійскаго Ллойда» и, къ великому его удивленію, предложилъ ему продать мнѣ оптомъ весь сохранившійся еще на складѣ брикетъ; онъ съ удовольствіемъ продалъ мнѣ его за безцѣнокъ, считая его давно уже пропавшимъ,

а, получая съ меня деньги, даже пожалѣлъ меня, что я выбросилъ деньги въ окошко, такъ какъ охранить брикетъ отъ безнаказаннаго расхищенія его войсками и жителями нѣтъ никакой возможности.

С. С. Вороновъ, узнавъ обо всемъ, содѣянномъ мною за время моего отсутствія изъ Журжева, пришелъ въ совершеннѣйшій восторгъ и находилъ всѣ мои мысли и соображенія геніальными.

— Только уговоръ дороже денегъ,—говорилъ онъ:—когда придутъ мои паровые катера изъ Зимницы, то безпрепятственно, за приличную, конечно, цѣну отпускать имъ уголь изъ вашего теперь склада.

— Хорошо; только въ такомъ случаѣ и я поставлю вамъ условіе,—обрадовался я возможности охранить мой брикетъ.

— Какое?

— Вы должны сейчасъ же поставить караулъ на складѣ, для охраны его отъ расхищенія, а я за это буду отпускать брикетъ вашимъ катерамъ на 5 коп. въ пудѣ дешевле, чѣмъ другимъ пароходамъ и лицамъ.

— Abgemacht!—хлопнувъ меня по рукѣ, сказалъ Вороновъ и сейчасъ же сдѣлалъ должное распоряженіе.

Между нами было также условлено пока помалкивать обо всемъ.

Теперь, обезпечивъ себя и топливомъ, мнѣ оставалось только ждать, когда же наконецъ будетъ заключенъ предварительный миръ. Останется ли «Катарина» въ Рущукѣ? и какъ мнѣ завладѣть ею и баржами? А вдругъ турки, очищая Рущукъ, заберутъ ее съ собой и повезутъ на ней своихъ людей и припасы?... и тому подобныя мысли не давали мнѣ покоя.

Было извѣстно, что въ Санъ-Стефано ведутся переговоры о мирѣ, но когда, что и какъ,—никто ничего не зналъ, а срокъ моего контракта съ Катчигерой приходилъ къ концу.

За два дня до срока я пріѣхалъ въ Бухарестъ, куда не преминулъ явиться и Николай Катчигера. Когда я ему сообщилъ, что я его пароходъ и баржи нашелъ, но отказался сообщить ему, гдѣ они находятся, онъ сначала какъ будто не повѣрилъ мнѣ, но затѣмъ жадность все-таки заговорила въ немъ, и онъ началъ приставать ко мнѣ, чтобы я начиналъ сейчасъ же работать ими, чтобы я какъ можно скорѣе шелъ съ ними въ Галацъ, гдѣ онъ сейчасъ же добудетъ грузъ и т. д., не принимая во вниманіе всѣхъ доводовъ, приводимыхъ мною въ доказательство невозможности исполненія его плановъ.

Тогда я рѣшился совершенно перемѣнить съ нимъ тактику и сразу буквально огорошилъ его вопросомъ:

— А гдѣ же взять каменный уголь, чтобы итти въ Галацъ?

Катчигера задумался.

— А на чемъ же вы думали работать?—спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— Для работы у меня есть уголь здѣсь,—отвѣчалъ я,—и по моимъ расчетамъ его хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

— Гдѣ же вы его взяли?—удивился Катчигера.

— Я купилъ у австрійскаго консула въ Журжевѣ весь тамошній складъ угля «Австрійскаго Ллойда».

— Значитъ, вы будете уже за свой счетъ снабжать пароходъ углемъ?

— Непремѣнно, и буду брать за него хорошую цѣну, потому что отъ нашего компанейскаго съ вами пароходнаго дѣла, еще одному Богу только извѣстно, что̀ выйдетъ. Ну, а на углѣ-то я лично во всякомъ случаѣ хорошо наживу.

Катчигера пришелъ въ уныніе, но недовѣріе ко мнѣ, незнакомому ему человѣку, и присущая грекамъ жадность къ деньгамъ заставили его быстро прійти въ себя и попробовать сдѣлать мнѣ, казалось, отчаянное предложеніе:

— Такъ не согласитесь ли вы взять у меня пароходъ и баржи въ аренду за опредѣленную ежедневную плату, а заключенный нами компанейскій контрактъ уничтожить?—спросилъ онъ.

Этотъ вопросъ Катчигеры, въ свою очередь, слегка озадачилъ меня, хотя я ничего не имѣлъ противъ него, потому что для насъ обоихъ, совсѣмъ не знавшихъ другъ друга, компанейское дѣло не могло быть особенно заманчивымъ, но послѣ покупки угля у меня оставалось въ карманѣ только нѣсколько десятковъ золотыхъ, да и Господь знаетъ, когда еще придется воспользоваться пароходомъ, да, можетъ быть, и совсѣмъ не придется, а греку надо будетъ все-таки платить, и это ставило меня въ затрудненіе. Быстро сообразивъ все и подумавъ: «qui ne risque rien, ne gagne rien», я спросилъ грека:

— А на какихъ условіяхъ вы желали бы привести ваше предложеніе въ исполненіе?

— О, объ этомъ надо подумать,—отвѣтилъ Катчигера.

— Конечно,—сказалъ я.—Такъ до завтра, до двѣнадцати часовъ. Будемъ вмѣстѣ завтракать и постараемся договориться до чего нибудь.

Катчигера ушелъ, а я очень и очень задумался.

«Куда я лѣзу? Не знаю ни мѣстныхъ условій, ни цѣнъ... Съ пароходнымъ дѣломъ знакомъ сравнительно очень мало... Господь еще знаетъ, что будетъ»... Но какой-то инстинктъ подсказывалъ мнѣ не упускать случая поправить дѣла и выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія... На утро я совершенно успокоился, рѣшивъ предоставить все волѣ Божіей, а тамъ видно будетъ.

Ровно въ 12 часовъ мы сошлись въ условленномъ ресторанѣ и заняли отдѣльный кабинетъ. Ѣли прекрасную дунайскую голу-

бую форель, запивали ее рейнвейномъ и за кофе только начали разговоръ объ интересовавшемъ насъ дѣлѣ.

Катчигера запросилъ съ меня аренды 5.000 франковъ, что̀ выходило по курсу почти по 2.000 рублей въ день, при чемъ онъ, не желая оставлять свое имущество безъ извѣстнаго ему надзора, принималъ на себя расходы по содержанію капитана, служащихъ и матросовъ, а также по снабженію парохода и баржей всѣми необходимыми матеріалами, такелажемъ и топливомъ, при чемъ я за свой уголь въ Журжевѣ долженъ былъ брать не дороже одного франка за пудъ, обязывался платить аренду за мѣсяцъ впередъ, и мнѣ предоставлялось распоряжаться пароходомъ и баржами уже по единоличному моему усмотрѣнію; наконецъ срокъ аренды онъ назначалъ по 1-е октября 1878 года.

Вижу, что грекъ думаетъ меня околпачить, что онъ назначаетъ какую-то совсѣмъ несуразную цѣну, но, зная и русскую поговорку: «запросъ кармана не деретъ», я не палъ духомъ, однако имѣлъ неосторожность предложить ему любую половину.

Катчигера, убѣдившись въ моемъ невѣдѣніи мѣстныхъ цѣнъ и условій и неопытности въ этомъ дѣлѣ, уперся и не шелъ ни на какія уступки, опираясь на войну, которая де баснословно подняла цѣны на все. Тогда я предложилъ ему или остаться при нашемъ контрактѣ, чего ему, видимо, страшно не хотѣлось, или предоставить мнѣ право подумать и сообразиться. На это онъ сейчасъ же согласился, и мы опять разстались съ нимъ до 12 часовъ слѣдующаго дня, назначивъ свиданіе опять въ томъ же ресторанѣ.

Придя домой, я рѣшился посовѣтоваться съ хозяиномъ моей гостиницы, для чего и попросилъ его къ себѣ въ номеръ. Онъ очень внимательно выслушалъ меня, вполнѣ одобрилъ мои планы, отнесся ко мнѣ очень сочувственно, но и онъ (мадьярскій еврей) удивился алчности и безсовѣстности грека Катчигеры. По подробномъ обсужденіи всѣхъ предложенныхъ грекомъ условій, принимая во вниманіе военное время, когда дѣйствительно все вздорожало, онъ находилъ возможнымъ предложить ему за все по 2.000 франковъ въ день, съ уплатой этой аренды не болѣе, какъ за двѣ недѣли впередъ. Когда же я ему объяснилъ, что у меня денегъ осталось ужъ мало, онъ очень любезно сказалъ мнѣ:

— Это пустяки! Можете разсчитывать, что сорокъ—пятьдесятъ тысячъ франковъ, которыми вы можете воспользоваться во всякій моментъ и располагать ими два-три мѣсяца, всегда найдутся у меня.

— А за какіе проценты?—спросилъ я.

— О! это пустяки, о которыхъ и разговаривать не стоитъ,— успокоилъ онъ меня.—Не упускайте только этого очень хорошаго дѣла.

Такъ-то подтвердилось на дѣлѣ упомянутое мною выше искреннее расположеніе ко мнѣ Г. Хёрнера, еврея-венгерца, который, не требуя отъ меня никакого обезпеченія, не зная меня коротко, а только изъ одной ко мнѣ симпатіи, предоставлялъ мнѣ «pour mes beaux yeux», такъ сказать, весьма значительную сумму—цѣлый капиталъ.

На другой день переговоры съ Катчигерой, весьма скоро убѣдившимся, что совсѣмъ обойти меня вовсе не такъ легко, продолжались недолго, и мы пришли къ соглашенію на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: онъ отдаетъ мнѣ свой пароходъ «Катарина» съ тремя баржами въ аренду на срокъ до минованія моей въ немъ надобности, но не менѣе какъ, на 3 мѣсяца, съ платою по 2.500 фр. за каждыя сутки, при чемъ онъ принимаетъ на себя всѣ расходы, какъ было говорено наканунѣ; я обязываюсь отпускать ему уголь изъ своего склада въ Журжевѣ по одному франку за пудъ и уплачивать аренду по прошествіи каждыхъ семи дней, начиная со дня заключенія контракта у нотаріуса, за вычетомъ стоимости забраннаго пароходомъ въ теченіе этого времени угля; если по какимъ либо причинамъ, которыхъ сейчасъ предусмотрѣть невозможно, мнѣ совсѣмъ не удалось бы воспользоваться его пароходомъ и баржами, то контрактъ уничтожается, а заплаченныхъ мною уже арендныхъ денегъ онъ ни въ какомъ случаѣ мнѣ не возвращаетъ.

Запили мы наше соглашеніе замороженной бутылкой «вдовы Клико», отправились къ нотаріусу, у котораго уничтожили старый контрактъ, заключили новый и въ тотъ же день вечеромъ разъѣхались: онъ—въ Браиловъ, я—въ Журжево, заручившись отъ него письмомъ къ капитану «Катарины», которымъ онъ предписывалъ ему поступить въ мое распоряженіе.

Недѣля подходила къ концу, надо было платить Катчигерѣ первую аренду, а объ окончаніи военныхъ дѣйствій и помину еще не было. Пришлось къ сроку пріѣхать въ Бухарестъ и обратиться за помощью къ моему хозяину, Г. Хёрнеру. Черезъ часъ съ небольшимъ на моемъ столѣ уже красовались стопочками двѣ тысячи двадцати-франковыхъ наполеоновъ, въ полученіи коихъ Х рнеръ взялъ съ меня расписку на простой бумагѣ, съ обязательствомъ уплачивать ему по расчету 3% въ мѣсяцъ, по мѣрѣ уплаты капитальнаго долга, т.-е. только за то время и съ той суммы, которая будетъ мною возвращаться ему, если уплату долга я буду производить по частямъ. Проценты эти, конечно, не маленькіе, но по тѣмъ временамъ и въ моемъ положеніи Г. Хёрнеръ поистинѣ лишь выручалъ меня и дѣлалъ мнѣ огромное одолженіе.

Внесъ я деньги нотаріусу еще за день до срока, поспѣшилъ возвратиться въ Журжево и къ величайшей радости уже 15-го фев-

раля узналъ отъ Воронова, что 19-го февраля будетъ объявленъ предварительный миръ, по которому де турецкія войска обязаны очистить Болгарію и съ 19-го февраля передать всѣ крѣпости русскимъ войскамъ. Такимъ образомъ и г. Рущукъ съ его грозной «Арабъ-Табіей» долженъ былъ быть занятъ нашими войсками 19-го числа.

На другой же день вѣрность сообщенныхъ мнѣ С. С. Вороновымъ свѣдѣній начала подтверждаться—на томъ берегу Дуная было замѣтно и ясно видимо въ бинокль большое движеніе. По Разградскому шоссе потянулись изъ Рущука турецкія войска всѣхъ родовъ оружія, ушелъ также внизъ по Дунаю одинъ изъ мониторовъ; въ послѣдующіе дни это удаленіе турецкихъ войскъ продолжалось безостановочно, и 18-го февраля утромъ ушелъ и второй мониторъ, а въ Журжевѣ были всюду вывѣшены офиціальныя объявленія о заключеніи мира и о занятіи 19-го февраля Рущука нашими войсками.

Теперь мнѣ надо было позаботиться попасть на пароходъ «Катарина» непремѣнно раньше занятія Рущука нашими войсками.

Милѣйшій Сергѣй Сергѣевичъ Вороновъ помогъ мнѣ въ этомъ, предоставивъ въ мое распоряженіе шлюпку съ четырьмя матросами, которые въ ночь съ 18-го на 19-е февраля тихо доставили меня благополучно до борта заарендованнаго мною парохода и, получивъ приличное вознагражденіе, такъ же тихо, не производя ни малѣйшаго шума веслами, отплыли тотчасъ же обратно въ Журжево, чтобы добраться до него, пока еще не начало свѣтать.

Разбудили капитана парохода, который, благодаря моему характерному полушубку, сейчасъ же призналъ меня и очень обрадовался, когда я предъявилъ ему контрактъ и письмо къ нему отъ Катчигеры. Обрадовался онъ уже потому, что избавился отъ турокъ и пугавшаго его весьма вѣроятнаго секвестра парохода и баржей русскими. Онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ турецкаго чернаго кофе, но я отъ него отказался, чувствуя себя страшно утомленнымъ, и предпочелъ завалиться въ каютѣ, передавъ капитану русскій коммерческій флагъ и приказавъ поднять его съ разсвѣтомъ.

Въ 6 часовъ утра меня разбудили сообщеніемъ, что меня желаетъ видѣть русскій офицеръ, которому сказали, что пароходъ этотъ русскій, и самъ хозяинъ его отдыхаетъ въ каютѣ. По его строгому приказанію «немедленно разбудить хозяина» прибѣжали будить меня.

Я быстро вскочилъ и вышелъ на верхнюю палубу, гдѣ нетерпѣливо шагалъ русскій офицеръ, штабсъ-капитанъ въ адъютантской формѣ. Онъ сейчасъ же направился ко мнѣ и довольно сурово спросилъ:

— Vous êtes le maître de ce bateau à vapeur? C'est à vous qu'il appartient?

— Да, пароходъ мой,—отвѣчалъ я ему по-русски.—Честь имѣю представиться—московскій 1-ой гильдіи купецъ Андрей Андреевичъ Ауэрбахъ.

— Какъ вы сюда попали?—удивился адъютантъ.—Увидавъ русскій флагъ на пароходѣ, грѣшный человѣкъ, я не повѣрилъ ему и подумалъ, что насъ хотятъ обмануть какъ нибудь.

— Но теперь вы убѣдились, что сами обманулись.

— Но какъ вы-то сюда попали?

— Разсказывать объ этомъ, капитанъ, будетъ довольно долго, а вѣдь вамъ, вѣроятно, нужно что нибудь?

— И очень нужно, конечно. Мнѣ приказано было временно-командующимъ сейчасъ Рущукскимъ отрядомъ, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, забрать какъ можно скорѣе всѣ могущія только найтись здѣсь на Дунаѣ перевозочныя средства, до мельчайшихъ лодченокъ включительно. Я такъ обрадовался, когда нашелъ у берега пароходъ, да еще съ тремя баржами, а тутъ вдругъ забрать его и нельзя! Обидно, если онъ въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ русскому подданному?!...

— Это дѣйствительно существуетъ, г. капитанъ, и я во всякое время могу доказать это документами, но имѣйте въ виду, что я москвичъ и всегда готовъ быть полезнымъ русскимъ войскамъ и своимъ землякамъ, чѣмъ только могу.

Капитанъ взялъ подъ козырекъ и ушелъ, а я спустился въ каюту досыпать.

Не прошло и часа, какъ меня опять разбудили, и тотъ же адъютантъ передалъ мнѣ, что временно-командующій Рущукскимъ отрядомъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ (впослѣдствіи главноначальствующій на Кавказѣ), проситъ меня немедленно пожаловать къ нему. Извинившись, что у меня здѣсь нѣтъ другого платья, кромѣ полушубка, на мнѣ надѣтаго, я вмѣстѣ съ адъютантомъ отправился къ князю, который сейчасъ же принялъ меня и спросилъ: «какъ вы сюда попали?»

Послѣ того, какъ я вкратцѣ сообщилъ ему всю правду, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Можете ли вы взять на себя наискорѣйшую доставку намъ сюда по Дунаю провіанта изъ Батинскаго склада?

— Могу, ваше сіятельство. Въ моемъ распоряженіи восьмидесятисильный пароходъ съ тремя баржами въ шестьдесятъ тысячъ пудовъ емкости каждая.

— Видите ли,—продолжалъ князь,—мы полагали, что у турокъ здѣсь должны быть большіе запасы, но оказывается, что они успѣли вывезти почти все. Скоро ли вы можете доставить намъ..... ну, хоть одну баржу съ самыми необходимыми продуктами и потомъ перевезти сюда весь Батинскій складъ?

— А далеко ли отсюда этотъ самый Батинскій складъ, ваше сіятельство?

— Около тридцати верстъ сухимъ путемъ, а водой—не знаю.

— Въ такомъ случаѣ, если только не будетъ задержки въ нагрузкѣ, одну баржу съ самыми необходимыми продуктами можно будетъ доставить завтра же; что же касается времени, потребнаго для перевозки сюда всего склада, то это зависитъ отъ количества грузовъ, имѣющихся въ немъ.

— А почемъ возьмете вы съ пуда?

— На это, ваше сіятельство, я вамъ сразу отвѣтить не могу, не зная точно ни разстоянія, ни мѣстныхъ условій, ни времени, которое придется потратить на это пароходу и баржамъ.

— А когда же вы можете дать отвѣтъ?

— Весьма скоро, князь, только позвольте сходить мнѣ посовѣтоваться съ командиромъ парохода, который отлично знаетъ рѣку и всѣ мѣстныя условія; не болѣе какъ черезъ часъ я могу опять быть у васъ.

— И прекрасно. Идите и возвращайтесь скорѣе, а я тѣмъ временемъ вытребую къ себѣ интенданта отряда, который сообщитъ намъ о количествѣ всѣхъ грузовъ въ Батинѣ,—и князь очень любезно распрощался со мной.

Отъ капитана Павла я узналъ, что до Батина всего 30 километровъ, что подниматься до него по Дунаю съ тремя порожними баржами надо часовъ отъ 4-хъ до 6-ти, смотря по погодѣ, а спускаться съ гружеными баржами—часа 2—3; что же касается цѣны, то она много зависитъ отъ того, во сколько обойдется нагрузка баржей въ Батинѣ и выгрузка ихъ въ Рущукѣ, но что, во всякомъ случаѣ, по одному франку съ пуда будетъ цѣна хорошая.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ я возвратился къ князю Дондукову-Корсакову, который очень обрадовался, увидѣвъ меня такъ скоро. Черезъ нѣсколько минутъ доложили и о приходѣ отряднаго интенданта, къ которому князь сейчасъ же и обратился при мнѣ со слѣдующими вопросами:

— Далеко ли отсюда до Батина?

— Верстъ 30, ваше сіятельство.

— Сколько у насъ всего грузовъ на складѣ въ Батинѣ?

— Около трехсотъ тысячъ пудовъ, ваше сіятельство.

— Какіе продукты намъ сейчасъ крайне необходимы?

— Мука, крупы, овесъ и ячмень, ваше сіятельство.

— Такъ вотъ, г. Ауэрбахъ, что вы теперь скажете намъ?—обратился князь ко мнѣ.

— Позвольте и мнѣ, ваше сіятельство, предложить нѣсколько вопросовъ г. полковнику.

— Пожалуйста.

— Скажите, пожалуйста, полковникъ,—обратился я къ интенданту:—какими иными средствами могли бы вы доставлять продукты изъ Батинскаго склада въ Рущукъ, если бы не появились мои баржи съ пароходомъ?

— Единственно только погонцами,—отвѣчалъ интендантъ.

— А сколько пудовъ можетъ поднимать каждая подвода?

— При настоящей распутицѣ—не болѣе 10—15 пудовъ.

— Такъ что вамъ потребовалось бы до тридцати тысячъ подводъ, чтобы поднять Батинскій складъ?

— Да, не меньше.

— А сколько же погонцевъ вы можете имѣть для этого въ вашемъ распоряженіи, и сколько времени нужно погонцу на каждый оборотъ?

— Отъ двухъ до трехъ сотъ погонцевъ. Обернуться же, при страшной заморенности ихъ лошадей, каждый погонецъ сможетъ не скорѣе 4—5 дней туда и обратно.

— Слѣдовательно, вамъ потребовалось бы болѣе пяти мѣсяцевъ, чтобы доставить сюда весь Батинскій складъ?

— Совершенно вѣрно.

— Такъ во сколько же вамъ обошлась бы доставка каждаго пуда?

— Да по три франка съ небольшимъ.

Князь все время внимательно слушалъ.

— Теперь я могу, ваше сіятельство, — обратился я къ князю Дондукову-Корсакову,—сообщить вамъ свои соображенія и условія, на которыхъ я могу взяться доставить своими пароходомъ и баржами весь Батинскій складъ въ Рущукъ.

— Говорите,—коротко сказалъ князь.

— По наведеннымъ мною справкамъ, рабочихъ для нагрузки въ Батинѣ достать невозможно. Но такъ какъ тамъ есть войска, то нагрузка въ Батинѣ должна безъ задержки производиться казенными средствами и рабочими.

— Тамъ цѣлый Херсонскій пѣхотный полкъ можетъ нагружать,—перебилъ меня князь,—да и здѣсь въ Рущукѣ выгрузка можетъ тоже производиться войсками, и на васъ не будутъ возложены ни нагрузка, ни выгрузка—это будетъ забота наша.

— Очень радъ, ваше сіятельство. Въ такомъ случаѣ я могу взять по одному франку съ пуда, а не по три слишкомъ, какъ это обошлось бы казнѣ при доставкѣ погонцами, и обязаться доставить въ Рущукъ всѣ продукты изъ Батина, если ихъ тамъ не больше трехсотъ тысячъ пудовъ, въ три пріема, и если не будетъ ни малѣйшей задержки въ нагрузкѣ и выгрузкѣ, считая на то и другое по двое сутокъ, то не въ пять мѣсяцевъ, а менѣе, чѣмъ въ три недѣли, весь Батинскій складъ будетъ перевезенъ въ Рущукъ.

— Да это для насъ просто кладъ,—сказалъ князь весело.— А когда же вы можете приступить къ работѣ?

— Если меня не задержатъ необходимыми предписаніями къ смотрителю Батинскаго склада объ отпускѣ продуктовъ на мои баржи и Херсонскому полку о нагрузкѣ, то я сегодня же къ

вечеру могу быть въ Батинѣ, а завтра къ вечеру, при успѣшной тамъ нагрузкѣ, первая баржа съ самыми необходимыми продуктами будетъ уже въ Рущукѣ.

— Превосходно! Такъ начинайте же съ Богомъ,— протянулъ мнѣ князь руку.—Всѣ предписанія и распоряженія будутъ готовы къ тремъ часамъ, и васъ мы попросимъ доставить ихъ въ Батинъ съ вашимъ пароходомъ.

— Очень радъ, что я могу быть полезенъ вамъ, князь, да и самъ надѣюсь заработать за свои труды,— раскланялся я съ княземъ.

Когда, придя на пароходъ, я все разсказалъ моему капитану Павлу, онъ пришелъ въ восторгъ и сулилъ мнѣ громадные барыши. Да мнѣ и самому казалось, когда я подсчиталъ все, приблизительно вѣрно, что я покрою убытки на товарахъ, да еще и самъ заработаю порядочно, но я жестоко ошибся, какъ оказалось впослѣдствіи, потому что не принялъ въ расчетъ, что̀ значитъ имѣть дѣло съ интендантствомъ, да еще во время войны, и имѣлъ неосторожность довѣриться и начать дѣло на словѣ—мнѣ какъ-то и въ голову не пришло, что прежде всего надо было заключить контрактъ съ командующимъ Рущукскимъ отрядомъ.

IX.

Интендантъ Рущукскаго отряда, М. К. Пріоровъ.—Доставка мною грузовъ товарищества «Грегеръ, Горвицъ и Коганъ» изъ Журжева и Зимницы и провіанта изъ Батинскаго казеннаго склада въ Рущукъ.—Торпеды на Дунаѣ.—Зимница и Систово.—Другой греческій пароходъ «Геркулесъ».—Доставка Волховского пѣхотнаго полка изъ Рущука въ Виддинъ.— Начальникъ Рущукскаго отряда, П. С. Ванновскій.

Пары на пароходѣ были разведены; взяли мы одну баржу, чтобы перевезти мои товары изъ Журжева въ Рущукъ, и съ тріумфомъ подошли въ Журжево къ мѣсту моего склада каменнаго угля, гдѣ на берегу, еще издали увидѣвши пароходъ съ баржей подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ, уже ожидала насъ масса публики, въ числѣ которой были и наши моряки, Вороновъ, Повалишинъ и другіе.

Ко мнѣ тотчасъ же явился нѣкто Мироновъ, агентъ товарищества по продовольствію дѣйствующей арміи, съ просьбой переправить немедленно въ Рущукъ изъ Журжева нѣсколько сотъ бочекъ спирта и нѣсколько тысячъ пудовъ прессованнаго сѣна, а также взяться перевезти весь ихъ складъ изъ Зимницы въ Рущукъ. Явились и другіе коммерсанты, маркитанты съ такими же просьбами и предложеніями, соглашаясь безъ всякихъ возраженій на назначаемыя мною цѣны за перевозку и доставку ихъ грузовъ въ Рущукъ. Не болѣе, какъ часа черезъ четыре, вся баржа была у

меня полностью загружена прессованнымъ сѣномъ, спиртомъ и другими частными грузами, такъ что моего артельщика Маркова съ нашими товарами пришлось уже взять на самый пароходъ.

Однимъ словомъ, дѣло закипѣло, и мы съ капитаномъ Павломъ порѣшили одну баржу, такъ какъ предложеній было очень много, оставить для работы спеціально между Журжевомъ и Рущукомъ, а съ двумя остальными баржами работать по перевозкѣ Батинскаго склада.

Въ пятомъ часу того же дня мы уже пристали къ Рущуку съ первой баржей, наполненной всевозможными продуктами провіанта. Предписаніе и документы къ командиру Херсонскаго полка и къ смотрителю Батинскаго склада были уже готовы; выгрузивъ съ парохода свои товары и поручивъ Маркову озаботиться доставкой ихъ въ помѣщеніе, которое я успѣлъ нанять для нихъ, оставивъ баржу подъ разгрузкой въ Рущукѣ, я на пароходѣ съ двумя другими баржами на буксирѣ около 8-ми часовъ вечера двинулся вверхъ по Дунаю, по направленію къ Батину.

Капитанъ Павелъ вздумалъ было запротестовать, ссылаясь на то, что ему доподлинно извѣстно о загражденіяхъ Дуная выше Рущука торпедами, почему де итти туда ночью крайне опасно, но я ему сказалъ:

— Полноте, капитанъ Павелъ! Почти десять мѣсяцевъ прожили въ Рущукѣ между жизнью и смертью, и, слава Богу,—ничего! Нечего бояться: «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать!»

Мой командиръ сразу повеселѣлъ и вопроса объ этомъ болѣе не поднималъ.

Ночью, однако, небо стало заволакивать тучами, и мы за совершенной темнотой должны были все-таки простоять на якорѣ часа четыре, въ которые, впрочемъ, прекрасно заснули и набрались силъ для предстоящей назавтра работы. Около 5 часовъ утра мы пришли въ Батинъ и произвели своимъ появленіемъ страшный переполохъ.

Я сошелъ на берегъ и пошелъ отыскивать полковника, командира Херсонскаго полка, и смотрителя склада, капитана Конькова. Хотя полкового командира и не оказалось въ Батинѣ, тѣмъ не менѣе старшій послѣ него штабъ-офицеръ сейчасъ же распорядился о командированіи двухъ ротъ для нагрузки, и въ 7 часовъ утра работа закипѣла.

Чтобы не терять времени даромъ на стоянкѣ парохода, пока будутъ грузиться баржи, я попросилъ офицера, наблюдавшаго за нагрузкой, поторапливать солдатиковъ въ нагрузкѣ, обѣщавъ имъ хорошее «на водку», а самъ съ порожнимъ пароходомъ пошелъ до Зимницы, гдѣ мнѣ надо было узнать о количествѣ грузовъ товарищества и выбрать мѣсто, удобное для постановки баржей подъ нагрузку.

Разстояніе отъ Батина до Зимницы около 35 верстъ, вверхъ по Дунаю, которыя мы, однако, безъ буксира прошли менѣе, чѣмъ въ 3 часа времени. Дорогой мы встрѣтили плывущій буекъ, который я приказалъ подхватить багромъ, застопоривъ машину; каково же было наше удивленіе, когда вслѣдъ за буйкомъ мы вытащили на палубу парохода какую-то совершенно незнакомую намъ длинную штуку, съ прикрѣпленными къ ней проволоками, оказавшуюся (какъ намъ объяснили въ Зимницѣ наши моряки) торпедой, сорванной, вѣроятно, ледоходомъ или чѣмъ инымъ.

Длинный свистокъ, данный пароходомъ, задолго еще не доходя до Зимницы, сдѣлалъ въ мѣстечкѣ тоже огромный переполохъ—жители повыскакали изъ домовъ и высыпали на берегъ. Когда мы подвалили къ тому мѣсту, гдѣ увидѣли группу нашихъ русскихъ моряковъ, мы отдали чалки; русскіе матросы ловко подхватили ихъ, быстро закрѣпили, и вотъ чрезъ нѣсколько минутъ я уже на берегу, обнимаюсь и цѣлуюсь съ совсѣмъ незнакомымъ мнѣ лейтенантомъ Ушаковымъ и другими. Потащили меня офицеры къ себѣ на квартиру. Разспросамъ и радости о скоромъ окончаніи войны конца не было! Провелъ я очень пріятно часа два въ компаніи нашихъ милыхъ моряковъ, видѣлся съ агентомъ товарищества «Грегеръ, Горвицъ и Коганъ», собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія о количествѣ грузовъ, предстоящихъ къ перевозкѣ, къ двумъ часамъ былъ уже опять на пароходѣ, и мы сейчасъ же отчалили. Очень скоро долетѣли мы до Батина внизъ по быстрому теченію Дуная и застали одну баржу готовой къ отправкѣ, а другую только-что начали грузить. Рѣшивъ не дожидаться окончанія погрузки другой баржи и прійти за ней черезъ нѣсколько дней, взявъ готовую баржу на буксиръ и посадивъ на пароходъ нѣсколькихъ офицеровъ Херсонскаго полка и капитана Конькова, попросившихъ довезти ихъ до Рущука, мы сейчасъ же отвалили, и я былъ очень доволенъ и счастливъ, что мнѣ удалось исполнить данное князю Дондукову-Корсакову обѣщаніе и доставить первую баржу съ необходимѣйшими продуктами на другой же день.

По приходѣ въ Рущукъ, я сейчасъ же отправился доложить князю о доставкѣ первой баржи и былъ крайне удивленъ и огорченъ, узнавъ, что князь еще вчера поздно вечеромъ выѣхалъ изъ Рущука, вызванный телеграммой въ Петербургъ. Съ кѣмъ же и какъ я буду имѣть дѣло по договоренной перевозкѣ Батинскаго склада? Тутъ только пришло мнѣ первый разъ въ голову, что я не позаботился о заключеніи письменнаго условія.

Опечаленный зашелъ я поѣсть въ гостиницу «Исла-Ханè». Спросилъ себѣ бифштексъ и чернаго кофе; сижу и раздумываю: «какъ же теперь быть?» и не обратилъ вниманія, какъ въ ресторанъ вошелъ штабъ-офицеръ, съ Владимиромъ съ бантомъ и мечами въ петличкѣ. Нѣсколько разъ онъ проходилъ мимо меня,

видимо отыскивая кого-то; наконецъ, онъ остановился около моего столика и спросилъ:

— Вы—г. Ауэрбахъ?

— Я,—что вамъ угодно?

— Вы, кажется, взялись по порученію князя Дондукова-Корсакова перевозить Батинскій складъ въ Рущукъ вашими пароходомъ и баржами и сегодня уже доставили первую баржу, какъ доложилъ мнѣ смотритель Батинскаго склада Коньковъ, пріѣхавшій сюда на вашемъ пароходѣ.

— Да. Но вамъ-то что же угодно? — продолжалъ я, не узнавая его.

— Вы меня не узнаете?.. Подполковникъ Пріоровъ, интендантъ Рущукскаго отряда. Мы видѣлись съ вами вчера у князя.

— Теперь вспоминаю. Чѣмъ же могу служить вамъ?

Онъ оглянулся кругомъ и, убѣдившись, что насъ никто услышать не можетъ, сказалъ:

— А что мнѣ за это будетъ?

— Я васъ не понимаю, полковникъ.

— У насъ принято за правило: кто у насъ наживаетъ, долженъ дѣлиться съ нами, — продолжалъ не стѣсняясь подполковникъ Пріоровъ.—Вы по моимъ расчетамъ должны нажить на этой операціи очень много; поэтому у меня назначено получить съ васъ за нее двадцать тысячъ рублей.

— А я вамъ ничего не дамъ,—отвѣчалъ я, возмущенный безцеремонностью и нахальствомъ Пріорова.—У меня при предложеніи кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ взять на себя наискорѣйшую доставку въ Рущукъ продуктовъ Батинскаго склада и при полученіи его согласія на назначенную мною, весьма выгодную для казны цѣну, не было въ виду подобныхъ платежей и такихъ непредвидѣнныхъ расходовъ.

— Да вѣдь князь-то уѣхалъ! Ищите его! А дѣло-то по пріемкѣ и по расчетамъ вы будете имѣть со мной!..

— И все-таки я вамъ ничего не дамъ, потому что это не входило въ мои расчеты, да, наконецъ, и давать-то не за что.

— Ну, какъ знаете! Только смотрите — будете раскаиваться. Честь имѣю кланяться.

И подполковникъ ушелъ изъ ресторана.

Допивъ свой кофе, я пошелъ на пароходъ. Взявъ на буксиръ освободившуюся, оставленную наканунѣ подъ выгрузку баржу съ грузами изъ Журжева, мы отправились туда. На берегу было уже очень много грузовъ, подвезенныхъ за день, для погрузки въ мою баржу, почему я приказалъ командиру парохода на другой день, какъ только кончатъ нагрузку баржи, отвести ее въ Рущукъ и затѣмъ итти порожнемъ въ Батинъ за оставленной тамъ баржей, которую и привести въ Рущукъ, а самъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ

по желѣзной дорогѣ въ Бухарестъ, гдѣ надо было платить арендныя деньги за пароходъ.

Катчигера уже дожидался меня въ Бухарестѣ и, получивъ слѣдуемыя ему съ меня деньги, вмѣстѣ со мной поѣхалъ въ Журжево, чтобы осмотрѣть свой пароходъ съ баржами, сдѣлать необходимыя распоряженія по возможному на ходу ремонту, повидаться съ капитаномъ Павломъ и разспросить обо всѣхъ подробностяхъ ихъ плѣна у турокъ.

Каково же было мое удивленіе, когда, пріѣхавъ въ Рущукъ, я засталъ тамъ обѣ баржи съ батинскими продуктами невыгруженными, что̀ лишало меня возможности продолжать безостановочную работу ими и наносило большіе убытки, такъ какъ тысячу рублей ежедневной аренды приходилось все-таки платить аккуратно.

Оказалось, интендантъ Пріоровъ приказалъ не принимать грузовъ впредь до полученія большихъ вѣсовъ, которыхъ въ Рущукѣ не оказалось.

Нечего дѣлать, пришлось итти къ интенданту Пріорову.

Между нами послѣдовалъ слѣдующій діалогъ:

— Чѣмъ могу служить?—какъ бы подсмѣиваясь, спросилъ меня Пріоровъ.

— На какомъ основаніи, полковникъ, приказали вы пріостановиться пріемкой продуктовъ, доставленныхъ мною изъ Батинскаго склада?—спросилъ я сухо.

— По самой простой причинѣ—вѣсовъ нѣтъ казенныхъ, а съ частныхъ я принимать не намѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ я прикажу выгрузить баржи, свалить всѣ продукты на берегу и брошу дѣло,—загорячился я.

— Перестаньте говорить несуразности,—возразилъ Пріоровъ.—Грузы казенные, вы ихъ приняли и отвѣчаете за нихъ, «пока не получите отъ меня» квитанціи въ пріемѣ ихъ отъ васъ въ Рущукскій складъ.

Слова «пока не получите отъ меня» онъ особенно подчеркнулъ, а я только удивлялся его цинизму.

— Покоритесь лучше. Давайте двадцать тысячъ рубликовъ,—продолжалъ не стѣсняясь интендантъ,—и все пойдетъ, какъ по маслу, и вамъ будетъ хорошо, да и мнѣ не накладно.

— Во-первыхъ, у меня двадцати тысячъ нѣтъ, а, во-вторыхъ, это совершенно противъ моихъ принциповъ.

— Двадцати тысячъ я у васъ сейчасъ и не потребую,—вы только должны дать мнѣ честное слово русскаго дворянина, что вы мнѣ ихъ заплатите изъ перваго полученія. Что же касается принциповъ, то бросьте ихъ—иначе всю жизнь останетесь нищимъ. Вотъ вы, напримѣръ, повѣрили на слово князю Дондукову-Корсакову и не позаботились заключить съ нимъ письменнаго условія, а онъ уѣхалъ,—вотъ и купайтесь теперь.

— Да вѣдь вы же были свидѣтелемъ нашихъ условій съ княземъ?

— Былъ, и къ счастью моему, я единственный свидѣтель и, въ случаѣ спроса, такъ какъ работа вами уже начата, и совсѣмъ отрицать даннаго вамъ княземъ порученія нельзя, то я вѣдь не врагъ себѣ и покажу, что вы условились съ княземъ перевезти Батинскій складъ въ Рущукъ по 25 сантимовъ, т.-е. по 1/4 франка, съ пуда.

— Да вы вѣдь отлично знаете, что мы условились по одному франку съ пуда, и вы же сами подтвердили, что цѣна эта для казны очень выгодна?

— Нѣтъ, я слышалъ только о 1/4 франка съ пуда,—невозмутимо сказалъ Пріоровъ.

Я былъ прижатъ къ стѣнѣ и поставленъ въ безвыходное положеніе.

— Ну, положимъ, я соглашусь заплатить вамъ 20 тысячъ рублей,—заговорилъ я.—Какъ же тогда будетъ съ вѣсами и пріемкой?

— Никакихъ вѣсовъ намъ не надо,—обрадовался Пріоровъ, чувствуя, что онъ сломилъ меня.—Подсчитаемъ количество мѣстъ, т.-е. мѣшковъ, кулей и ящиковъ, опредѣлимъ вѣсъ по опредѣленному для каждаго мѣста вѣсу, какъ вы разсчитываетесь и съ товариществомъ, и завтра же обѣ ваши баржи будутъ выгружены, всѣ продукты отъ васъ приняты. Послѣзавтра вашъ пароходъ поведетъ баржи въ Батинъ опять за нашими продуктами, а вы съ квитанціей отъ меня въ карманѣ поѣдете въ Бухарестъ и по ассигновкѣ, которую вамъ выдадутъ по моей квитанціи изъ интендантства тыла дѣйствующей арміи, вы получите денежки изъ полевого казначейства въ Бухарестѣ. А получать-то вамъ приходится уже, должно быть, за 140 тысячъ пудовъ, по франку съ пуда. О, го, го! Вѣдь это по курсу-то выйдетъ почти 56 тысячъ рублей! Порядочно!

— Ну, что вамъ стоитъ отдать изъ нихъ 20 тысячъ мнѣ?—продолжалъ соблазнять меня Пріоровъ:—и затѣмъ, уже безо всякой задержки и остановки, доканчивать перевозку и, по мѣрѣ каждой доставленной баржи, немедленно же получать отъ меня квитанцію и по ней деньги?

— Хорошо, 20 тысячъ вамъ отдай, а васъ завтра переведутъ куда нибудь, и я опять остаюсь въ такихъ же дуракахъ, какъ и съ княземъ?

— Нѣтъ, батюшка, мы такія дѣла чисто дѣлаемъ. Мы сейчасъ составимъ съ вами письменное условіе на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ вами заключенъ договоръ съ товариществомъ, который заключимъ и подпишемъ, когда вы привезете мнѣ 20 тысячъ рублей, а пока я вамъ повѣрю на честное слово,—вѣдь это тоже нѣкоторый рискъ съ моей стороны?—выдамъ вамъ квитанцію и буду ожидать исполненія обѣщаннаго вами.

Волей-неволей, а пришлось соглашаться.

— Хорошо, я согласенъ,—проговорилъ я, тѣмъ не менѣе страшно сконфузившись.

— Такъ по рукамъ?!—обрадовался Пріоровъ. Затѣмъ онъ позвалъ писаря и приказалъ заготовить письменное условіе между нами.

При этомъ писарь доложилъ интенданту, что въ канцеляріи его дожидается еврей Шмуль.

— Пошли его сюда,—приказалъ Пріоровъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ, чрезъ полуотворенную дверь, какъ-то бочкомъ, крадучись, пролѣзъ типичный еврей среднихъ лѣтъ, въ пейсахъ и лапсердакѣ.

— А! Шмуль, здравствуй. Что скажешь?—спросилъ его Пріоровъ.

— Да, вотъ просьба къ вамъ, полковникъ,—заговорилъ будто робко еврей.—Ужъ вы хлѣбопеченіе-то оставьте за мной.

— Сказалъ уже тебѣ, что не могу,—возвысилъ голосъ интендантъ.

Еврей покосился на меня, видимо сейчасъ же призналъ во мнѣ тоже стригомую овцу и, уже не стѣсняясь, обратился къ интенданту:

— Ну, что вамъ дастъ этотъ хохолъ Николенко?—пятьсотъ рублей? А я, Михаилъ Капитоновичъ, съ удовольствіемъ дамъ тысячу.

— Ахъ, ты, жидъ пархатый!—началъ ругаться Пріоровъ.—Еще смѣетъ торговаться?! Вонъ, мерзавецъ!

— Ну, полторы,—смиренно началъ еврей пятиться къ двери.

Но Пріоровъ, разсвирѣпѣвъ повидимому, наскочилъ на него и буквально вытолкалъ его въ шею.

Еврей исчезъ, но чрезъ нѣсколько секундъ голова его и протянутая рука съ двумя пачками радужныхъ просунулись въ дверь.

— Двѣ тысячи наличными впередъ, Михаилъ Капитоновичъ.

— Вонъ, мерзавецъ!

Жидъ исчезъ за дверью, но сейчасъ же опять просунулся—въ рукѣ у него было уже три пачки.

— Три тысячи, Михаилъ Капитоновичъ,—послѣднее слово.

— Да ты что? смѣешься надо мной, негодяй, что ли? Вотъ я тебя!..—кричалъ интендантъ и бросился къ жиду съ кулаками.

Но дверь захлопнулась, чтобы чрезъ минуту опять открыться.

Еврей вошелъ уже увѣренной походкой и подалъ Пріорову четыре пачки радужныхъ кредитокъ.

— Видно, васъ, Михаилъ Капитоновичъ, не пересилить. Получайте.

Пріоровъ взялъ деньги, внимательно пересчиталъ ихъ и, убравъ въ свой объемистый бумажникъ, обратился ко мнѣ:

— Вотъ съ этими мерзавцами ничего нельзя дѣлать на честномъ словѣ, какъ съ вами. Надуетъ непремѣнно. Такъ, видите, какъ мы вынуждены поступать съ ними—денежки впередъ.

— Ступай, Шмуль, къ писарю,—обратился Пріоровъ къ еврею:—скажи, чтобы заготовлялъ условіе.

Не правда ли, характерная по своему цинизму картинка?!.

И такой интендантъ-подполковникъ, съ орденомъ Владимира съ бантомъ и мечами, осмѣливается еще говорить о честномъ словѣ и называть другихъ мерзавцами и негодяями?!.

Въ тотъ же день баржи были выгружены и уведены опять въ Батинъ, а мнѣ выдана квитанція въ пріемѣ доставленныхъ мною 146.000 пудовъ, по одному франку съ каждаго пуда, для представленія ея въ интендантство тыла дѣйствующей арміи, находившагося въ Бухарестѣ.

Долженъ я былъ въ этотъ разъ пробыть въ Рущукѣ дня два, чтобы подсчитать артельщика Маркова въ продажѣ привезенныхъ нами изъ Москвы товаровъ. Оказалось, что водка Поповская и Смирновская да вся обувь были расхватаны въ первые же два дня; чай, сахаръ, папиросы и гильзы требовались тоже хорошо, но табакъ, теплыя перчатки, фуфайки и въ особенности полушубки совсѣмъ не спрашивались.

Приказавъ Маркову стараться какъ можно скорѣе сбыть всѣ остатки, хотя бы и со значительнымъ убыткомъ, я собрался было отправиться въ Журжево и далѣе въ Бухарестъ, какъ въ лавку явился офицеръ въ адъютантской формѣ и передалъ мнѣ, что начальникъ отряда просилъ меня сейчасъ же пожаловать къ нему. Иду въ сопровожденіи адъютанта, который и привелъ меня къ генералу П. С. Ванновскому, бывшему начальнику штаба въ отрядѣ наслѣдника-цесаревича.

Въ довольно большой комнатѣ, за просторнымъ столомъ сидѣли посрединѣ генералъ Ванновскій, по лѣвую руку отъ него—контръ-адмиралъ Дм. Зах. Головачовъ, давно мнѣ знакомый, и съ правой стороны еще какой-то морякъ въ формѣ гвардейскаго экипажа (впослѣдствіи я узналъ, что это былъ капитанъ 2-го ранга Тудеръ). Поздоровались. П. С. Ванновскій обратился ко мнѣ.

— Въ виду нѣкоторыхъ политическихъ соображеній, намъ нужно, какъ можно скорѣе, доставить въ крѣпость Виддинъ пѣхотный полкъ, чтобы, занявъ крѣпость русскими войсками, положить конецъ пререканіямъ между румынами и сербами за право владѣнія этимъ пунктомъ. Такъ вотъ можете ли вы взяться немедленно за доставку туда Болховского пѣхотнаго полка, съ его тяжестями и обозомъ, на вашемъ пароходѣ и баржахъ?

— Не зная, ваше превосходительство, количества людей, лошадей и грузовъ, предстоящихъ къ перевозкѣ, я не могу дать вамъ отвѣта.

— Трехъ вашихъ баржъ и парохода совершенно достаточно, чтобы поднять всѣхъ и все,—вмѣшался Дм. Зах. Головачовъ.

— А далеко ли до Виддина водой?—спросилъ я.

— Должно быть, верстъ отъ пяти до шести сотъ, — отвѣчалъ опять контръ-адмиралъ Головачовъ.—Виддинъ расположенъ на правомъ берегу Дуная, противъ самаго Турнъ-Северина, и вашъ пароходъ съ тремя не особенно тяжело гружеными баржами свободно дойдетъ туда на пятыя сутки.

— Можно ли разсчитывать, Дмитрій Захаровичъ,—спросилъ я,—что пароходъ съ баржами можетъ вернуться въ Рущукъ черезъ десять дней?

— Безспорно,—отвѣчалъ г. Тудеръ.—Если вы туда, вверхъ по Дунаю, пройдете съ гружеными баржами не болѣе пяти сутокъ, то обратно внизъ и съ порожними баржами вы, конечно, пройдете далеко менѣе.

— А нагрузка и выгрузка? Надо и на нихъ положить хоть три дня? Во всякомъ случаѣ, при расчетѣ оборота въ 10 дней,—обратился я къ генералу Ванновскому, — я могу взяться за доставку въ Виддинъ Болховского пѣхотнаго полка.

— Сколько же вы съ насъ за это возьмете? — спросилъ генералъ.

— Тридцать тысячъ франковъ, ваше превосходительство, — быстро сообразилъ я стоимость такого рейса себѣ въ 25 тысячъ франковъ, при десятидневной работѣ и платѣ по 2.500 франковъ въ день аренды за пароходъ и баржи.

— Это живодерство! — закричалъ генералъ Ванновскій и даже вскочилъ со стула.

— Передъ вами, ваше превосходительство, не живодеръ, а такой же русскій дворянинъ, какъ и вы!—взорвало меня. — Мнѣ здѣсь дѣлать нечего, честь имѣю кланяться.

И съ этими словами я вышелъ и отправился прямо въ Журжево, гдѣ еще поспѣлъ на поѣздъ, съ которымъ и уѣхалъ въ Бухарестъ.

Въ интендантствѣ тыла дѣйствующей арміи меня не задержали. Представивъ квитанцію Пріорова, я на другой же день получилъ талонъ къ ассигновкѣ, по которой мнѣ причиталось, по курсу дня, получить въ рубляхъ около 56 тысячъ рублей кредитныхъ. Стоило мнѣ это удовольствіе всего десять полуимперіаловъ, данныхъ столоначальнику.

Въ этотъ же день я встрѣтилъ въ Бухарестѣ и самого подполковника Пріорова, сообщившаго мнѣ, что онъ остановился въ Европейской гостиницѣ и будетъ ожидать меня завтра къ себѣ до часу дня.

Видимо онъ пріѣхалъ въ Бухарестъ, чтобы воздѣйствовать въ канцеляріи интендантства тыла на скорѣйшую уплату слѣдова-

вшихъ мнѣ денегъ, прослѣдить за мной и самому поскорѣе получить выговоренные себѣ 20 тысячъ рублей.

Въ полевомъ казначействѣ съ меня ничего не взяли и безъ всякой задержки выдали причитающуюся мнѣ сумму все новенькими, запечатанными по сто штукъ въ пачкѣ, кредитными сторублевыми бумажками.

Никогда въ жизни, ни до, ни послѣ этого, мнѣ не было такъ жаль денегъ, какъ этихъ злосчастныхъ 20 тысячъ рублей, которыя я долженъ былъ отдать подполковнику Пріорову.

Едва я возвратился въ свою гостиницу «Метрополь» и успѣлъ отдать половину моего долга милѣйшему хозяину Хёрнеру, какъ явился ко мнѣ адъютантъ и сообщилъ, что главнокомандующій тыломъ дѣйствующей арміи, Александръ Романовичъ Дрентельнъ, проситъ меня немедленно явиться къ нему.

Что такое?!...

Бросаю все. Ѣду. Александръ Романовичъ, знавшій меня еще со временъ польскаго возстанія, когда онъ командовалъ лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ, встрѣчаетъ меня съ телеграммой въ рукахъ и смѣется. Читаю переданную имъ мнѣ телеграмму:

«Прошу немедленно выслать Ауэрбаха ко мнѣ въ Рущукъ. Ванновскій».

— Что это значитъ?—спрашиваетъ Дрентельнъ.

Я подробно разсказалъ ему о столкновеніи моемъ съ генераломъ Ванновскимъ дня три тому назадъ. Александръ Романовичъ внимательно выслушалъ и сказалъ:

— Положимъ, вы не багажъ и не военный грузъ, вы-сы-лать васъ я не могу, но, тѣмъ не менѣе, Болховской-то полкъ не-об-хо-ди-мо, какъ можно скорѣе, доставить въ Виддинъ, и вы, какъ русскій патріотъ, какимъ я васъ давно знаю, должны это сдѣлать и помочь въ этомъ.

— Я ничего противъ этого не имѣю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, — и даже рисковалъ проработать въ убытокъ, если бы пароходу и баржамъ пришлось на это потратить болѣе десяти дней, а генералъ Ванновскій, ничего не разобравши, обозвалъ меня живодеромъ, и уже по одному этому я не желаю имѣть съ нимъ никакого дѣла.

— И вы совершенно правы, — сказалъ Дрентельнъ. — Но сдѣлайте это въ особое одолженіе мнѣ, я васъ прошу объ этомъ.

— Я могу исполнить вашу просьбу, Александръ Романовичъ,— проговорилъ я,—только при одномъ условіи, чтобы я не имѣлъ никакого дѣла съ генераломъ Ванновскимъ.

— Извольте, вы будете имѣть дѣло только со мной. На какихъ условіяхъ соглашались вы принять на себя перевозку Болховского полка?

— За тридцать тысячъ франковъ, съ тѣмъ, однако, чтобы нагрузка полка въ Рущукѣ была окончена въ одинъ день, выгрузка

въ Виддинѣ точно также, и полкъ со всѣми своими тяжестями и обозомъ долженъ размѣститься въ трехъ баржахъ, такъ какъ бо̀льшаго количества баржъ у меня нѣтъ.

— Хорошо. Я согласенъ. Можете вы сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ выѣхать въ Рущукъ?

— Могу.

— Думаю, намъ не для чего задерживаться заключеніемъ контракта? Надѣюсь, вы можете удовольствоваться официальной отъ меня бумагой на ваше имя о данномъ вамъ мною порученіи перевезти вашимъ пароходомъ и тремя баржами Болховской пѣхотный полкъ изъ Рущука въ Виддинъ, съ обязательствомъ заплатить вамъ за это 30 тысячъ франковъ здѣсь, въ Бухарестѣ, немедленно по представленіи вами записки отъ полкового командира о благополучномъ прибытіи полка къ мѣсту назначенія. Можете?

— Конечно, могу, ваше превосходительство.

— Въ такомъ случаѣ, съ Богомъ! А Ванновскаго я сейчасъ извѣщу телеграммой, чтобъ онъ сдѣлалъ немедленно распоряженія о погрузкѣ полка завтра же съ ранняго утра.

— Сдѣлайте одолженіе,—баржи у меня готовы.

Часа черезъ полтора адъютантъ привезъ мнѣ обѣщанную бумагу, и въ 5 часовъ я уже выѣхалъ въ Рущукъ.

Въ тотъ же вечеръ я былъ у генерала Ванновскаго. Доложили ему обо мнѣ. Онъ вышелъ въ пріемную и спрашиваетъ меня:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ, ваше превосходительство,—отвѣчаю я,—ничего не угодно отъ васъ, а полагалъ, что я вамъ нуженъ. Но такъ какъ Александръ Романовичъ ввелъ меня въ заблужденіе, то честь имѣю кланяться.

И съ этими словами я поворачиваюсь и выхожу. Тогда Ванновскій догоняетъ меня, хватаетъ за рукавъ и раздраженно говоритъ:

— Такъ нельзя. Вѣдь вы же взялись перевезти Болховской полкъ въ Виддинъ?

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство. Александръ Романовичъ очень просилъ меня объ этомъ, и я согласился на это, только благодаря его просьбѣ, и полагалъ, что вамъ объ этомъ извѣстно.

— Да, Дрентельнъ телеграфировалъ мнѣ. Когда же вы можете приступить къ перевозкѣ?

— Немедленно, ваше превосходительство, если только Болховской полкъ совершенно готовъ къ выступленію.

— Да, готовъ. Значитъ, завтра утромъ ему можно садиться на баржи?

— Я просилъ бы ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы завтра, съ самаго ранняго утра, начали грузить тя-

жести, обозъ и лошадей; а людей мы посадимъ, когда уже окончится вся эта погрузка, которую желательно окончить завтра къ вечеру, чтобы успѣть отвалить послѣ завтра съ разсвѣтомъ. Господъ же офицеровъ я попрошу къ себѣ на пароходъ, гдѣ въ ихъ распоряженіе можетъ быть предоставлена кухня.

— Прекрасно. Такъ сообщите сейчасъ же въ штабъ, въ какомъ мѣстѣ будутъ поставлены баржи къ нагрузкѣ, чтобы безошибочно направить туда всѣ грузы.

— Слушаю, ваше превосходительство,—откланялся я.

«Голенькій—охъ, а за голенькимъ—Богъ», говоритъ русская пословица, которая въ этотъ день вполнѣ оправдалась на мнѣ. Зашелъ я въ штабъ, пришелъ на пароходъ, и мы съ моимъ капитаномъ Павломъ уже тужили, что въ десять дней не вернуться, почему, вѣроятно, придется взять на этой работѣ убытокъ, какъ на рѣкѣ раздался длинный пароходный свистокъ. Мы выскочили на палубу и увидали, что пароходъ съ тремя желѣзными баржами, въ которомъ капитанъ Павелъ сейчасъ же узналъ «Геркулеса» (тоже греческій пароходъ), дѣлаетъ уже оборотъ и заявляетъ желаніе причалить къ нашей «Катаринѣ». Черезъ нѣсколько минутъ чалки его были уже закрѣплены, положенъ трапъ, и владѣлецъ его, грекъ, весьма недурно и свободно говорившій по-французски, сидѣлъ уже въ нашей рубкѣ и съ наслажденіемъ попивалъ съ нами русскій чаекъ за имѣвшимся у меня самоварчикомъ. Оказалось, что онъ зимовалъ въ Австрійскомъ Турнъ-Северинѣ (какъ разъ противъ самаго Виддина) и, узнавъ о заключеніи предварительнаго мира, отправился внизъ по Дунаю, въ надеждѣ найти работу, но таковой по пути нигдѣ еще не нашелъ. Мнѣ это было, какъ нельзя болѣе, на руку, и я сейчасъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, не возьмется ли онъ отъ меня уже перевезти пѣхотный полкъ изъ Рущука въ Виддинъ, и сколько онъ за это возьметъ съ меня... Онъ очень обрадовался моему предложенію, и въ два-три слова мы пришли къ соглашенію, что онъ берется перевезти пѣхотный полкъ съ его тяжестями, если только все размѣстится на его сравнительно небольшихъ трехъ баржахъ, за десять тысячъ франковъ, а въ случаѣ, если бы ему пришлось взять и тащить еще четвертую баржу, то тогда за нее я долженъ прибавить ему двѣ тысячи франковъ. Для меня же это было весьма выгодно во всѣхъ отношеніяхъ—давало мнѣ заработокъ на самой цѣнѣ до 20 тысячъ франковъ и не лишало меня возможности безостановочно продолжать работу по перевозкѣ продовольственныхъ складовъ: Батинскаго — казеннаго и Зимницкаго — товарищества. Сговорившись также молчать и отнюдь не разглашать нашихъ договорныхъ условій, мы всѣ легли спать, чтобы отдохнуть и съ разсвѣтомъ приняться за работу по нагрузкѣ полка.

Пѣхотные солдаты оказались, однако, настолько неловки въ подобной работѣ, что она шла страшно медленно; это вынудило

меня обратиться за помощью къ моимъ пріятелямъ-морякамъ, которые сейчасъ же командировали для этого нѣсколько человѣкъ, и когда пришли матросы, то работа буквально закипѣла.

Часа въ 2 дня пріѣзжалъ на берегъ П. С. Ванновскій, чтобы посмотрѣть, какъ идетъ нагрузка, и при этомъ обратился ко мнѣ:

— Когда же вы думаете кончить нагрузку и отправиться въ путь?

— Нагрузка лошадей, обоза и тяжестей должна окончиться къ вечеру, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я увѣренно.—Людей посадимъ уже послѣ вечерней зари и ужина, а на разсвѣтѣ, Богъ дастъ, и отвалимъ.

— Смотрите же!—пригрозилъ генералъ.

Полкъ, не зная, насколько времени онъ отправляется въ Виддинъ, и придется ли ему еще возвратиться въ Рущукъ, тащилъ съ собой и всѣ офицерскія повозки и такую массу грузовъ, не желая ничего оставлять, что къ пяти часамъ ясно обнаружилась невозможность погрузить и размѣстить все на трехъ баржахъ, и пришлось подать къ нагрузкѣ еще четвертую баржу. Все это отняло, конечно, много лишняго времени, и, когда во время солнечнаго заката П. С. Ванновскій опять пріѣхалъ на берегъ и увидалъ цѣлую массу еще не погруженныхъ тяжестей, онъ, не принимая во вниманіе, что грузятся по условію для меня не обязательныя четвертая баржа и масса лишняго груза,—разгорячился и буквально раскричался на меня самымъ грубымъ образомъ.

— Эй, вы, московскій хвастунъ, что жъ вы меня увѣряли, что къ вечеру кончите погрузку?! Да вамъ и завтра ея не окончить еще!

— Вы понапрасну горячитесь, ваше превосходительство,—старался я сдержать себя и говорить хладнокровно.—Я принималъ на себя обязательство перевозить Болховской полкъ, при непремѣнномъ условіи размѣщенія его со всѣми тяжестями на трехъ баржахъ; изъ чувства патріотизма я, увидавъ, что полкъ не можетъ размѣститься въ трехъ баржахъ, безъ всякихъ требованій лишняго вознагражденія, далъ четвертую баржу, принимаю массу лишняго, противъ условія, груза тоже даромъ. Работаю сегодня весь день, какъ волъ, и не думалъ заслужить за это отъ васъ только крики да брань.

— Да васъ еще не такъ надо ругать за ваше хвастовство,—продолжалъ кричать разсвирѣпѣвшій начальникъ отряда.—Въ бараній рогъ васъ согнуть надо!

— Опять изволите горячиться зря, ваше превосходительство, и, во всякомъ случаѣ, преждевременно.

— Молчать!—закричалъ опять генералъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, молчать я не буду и признаю, что вы, пожалуй, имѣли бы еще право обозвать меня хва-

ступомъ, если бы завтра съ разсвѣтомъ мой пароходъ и баржи съ Болховскимъ полкомъ не отошли отъ Рущука.

— Хорошо-съ! Увидимъ-съ! Я пріѣду на разсвѣтѣ къ обѣщаемому вами отходу парохода, и тогда, повѣрьте, вы дешево со мной не раздѣлаетесь,—все грозился Ванновскій.

— Повторяю въ послѣдній разъ, ваше превосходительство, если только не послѣдуетъ ночью остановки по причинамъ, не зависящимъ отъ меня, въ посадкѣ гг. офицеровъ на пароходъ и людей на баржи, то пароходъ отойдетъ въ пять часовъ утра. А теперь мнѣ некогда разговаривать съ вами, надо кончать погрузку,—закончилъ я и пошелъ на баржу, а генералъ далъ шпоры своему коню и поскакалъ съ адъютантомъ на гору, въ городъ.

Работали мы настойчиво и не покладая рукъ. Я охрипъ и потерялъ голосъ отъ постояннаго крика и громкихъ распоряженій, но къ 12 часамъ ночи погрузку всѣхъ тяжестей кончили, и я послалъ сказать полковому командиру (милѣйшему полковнику, фамилію котораго теперь забылъ), какъ было условлено между нами, чтобы вели людей, а самъ пошелъ на пароходъ чай пить и закусить.

Пароходъ «Геркулесъ» былъ гораздо больше «Катарины», съ большими, свѣтлыми каютами, и офицеры размѣстились въ нихъ довольно удобно, даже съ комфортомъ. Хозяину его я выдалъ авансомъ 2.000 франковъ; остальные онъ имѣлъ получить съ меня по представленіи квитанціи полкового командира въ благополучной доставкѣ полка въ Виддинъ. Въ четыре часа ночи все было готово— нижніе чины на баржахъ и офицеры съ полковымъ командиромъ во главѣ и съ денщиками на пароходѣ; «Геркулесъ» отвалилъ отъ борта «Катарины», чтобы сдѣлать маневры по взятію баржъ на буксиръ и скрѣпленію ихъ между собою; а я пошелъ на берегъ къ стоявшимъ у него баржамъ, чтобы по окончаніи маневровъ, какъ мы условились съ командиромъ «Геркулеса», подать ему маханіемъ платка, ровно въ пять часовъ, сигналъ къ отправленію. Маневры длились немного менѣе часа; совсѣмъ уже разсвѣло, но я, сидя на высокомъ камнѣ, выжидалъ, пока выйдетъ назначенное мною начальнику отряда время. Ровно въ пять часовъ утра я трижды махнулъ платкомъ, и «Геркулесъ», напрягаясь и пыхтя, двинулся въ путь, таща за собой выравненныя гуськомъ четыре баржи.

Я, усталый до изнеможенія, остался сидѣть на камнѣ и выжидалъ, пока пароходъ съ баржами скроется за большой горой, выходившей уступомъ въ довольно крутомъ поворотѣ Дуная, сейчасъ же повыше Рущука. Только что послѣдняя баржа ушла за гору, и я собирался итти отдыхать на свой пароходъ «Катарина», и при восходящемъ солнцѣ увидѣлъ генерала Ванновскаго, спускающагося къ самой рѣкѣ верхомъ, въ сопровожденіи контръ-

адмирала Дм. Зах. Головачова. Я остался сидѣть на камнѣ. Генералы подъѣзжаютъ ко мнѣ вплотную.

— Ну-съ, господинъ хвастунъ! — иронически и сердито обращается ко мнѣ Ванновскій.—Вашъ пароходъ стоитъ вонъ у берега и не думаетъ еще отваливать, а вѣдь, кажется, ужъ разсвѣло?!.

Я до того былъ уставши и совершенно безъ голоса, что не въ состояніи былъ уже ни вспылить, ни разсердиться и только елееле прохрипѣлъ:

— Это стоитъ другой мой пароходъ, а тотъ съ Болховскимъ полкомъ уже далеко,— показалъ я рукой на дымъ, густой струей поднимавшійся надъ горой.

— Да какъ вы смѣли отправить пароходъ,— заревѣлъ опять на меня генералъ:—когда я сказалъ вамъ, что пріѣду къ отвалу?

— А я вчера докладывалъ вамъ, что пароходъ отойдетъ въ 5 часовъ,—продолжалъ я хрипѣть.—И не моя вина, что вы не пріѣхали во время.

Ванновскій собирался было опять ругать меня, да тутъ вступился за меня уважаемый Дмитрій Захаровичъ:

— Теперь, Петръ Семеновичъ, когда вода пошла уже на убыль, каждый часъ дорогъ, и Андрей Андреевичъ совершенно правъ, отправивъ пароходъ въ назначенное время.

Ванновскій, не сказавшій больше ни слова, и Головачовъ ускакали, а я поплелся спать на пароходъ, гдѣ и повалился, какъ убитый, не раздѣваясь.

А. Ауэрбахъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРСКІЙ ПРОКУРОРЪ.

I.

ПОСТОЯЛЫЙ дворъ Карташова въ посадѣ Млынцахъ славился своими свѣтлыми и чистыми комнатами, обширными конюшнями и солеными огурчиками.

Онъ похожъ былъ на деревянную крѣпость добраго стараго времени. Высокій бревенчатый заборъ съ тесовою крышею, которая служила внутри двора навѣсомъ, обнесенъ былъ въ видѣ прямоугольника вокругъ большого и вмѣстѣ уютнаго дома.

Этотъ домъ состоялъ изъ цѣлаго ряда клѣтушекъ, свѣтелокъ, сѣней, кладовыхъ и вышекъ.

Дубовыя, съ желѣзными скобами, крѣпкія ворота отдѣляли внѣшній міръ отъ постоялаго двора.

Стоялъ онъ на самой глухой улицѣ посада. Надъ нимъ всегда носилась туча голубей, и подъ его навѣсами день и ночь стояли экипажи, и изъ яслей ѣли овесъ сѣрыя, бѣлыя, караковыя, гнѣдыя и вороныя лошади.

Самъ Карташовъ былъ еще не старый мужикъ съ сѣрыми глазами, остро смотрѣвшими изъ-подъ рыжихъ бровей, и съ длинной свѣтлой бородой. Короткіе усы не скрывали его слегка язвительной, хотя въ общемъ добродушной и тонкой, совсѣмъ немужицкой улыбки. Дома онъ ходилъ въ розовой рубашкѣ и въ пестрядиныхъ штанахъ и башмакахъ на босу ногу. Затылокъ подбривалъ, «кстился» двумя перстами и исправно ходилъ по праздникамъ въ старообрядческую церковь.

Впрочемъ, Карташовъ особаго религіознаго усердія не проявлялъ, ѣлъ и пилъ съ никоніанами и дочь свою выдалъ замужъ за православнаго «щепотника».

Постоянное общеніе съ людьми всякаго званія и всяческихъ убѣжденій,—даже съ евреями,—воспитало въ немъ терпимость и сознаніе, что отъ грѣха никуда не уйдешь, и что лучше другихъ людей никакъ не сдѣлаешься.

II.

Зимній путь еще не испортился, но уже вѣяло весною. Уже второй день таяло. Стоялъ конецъ февраля; начинались пригрѣвы; небо по утрамъ было синее и какъ-то поднялось, стало выше.

Въ постоялый дворъ въѣхалъ уже третій возокъ.

Первая пріѣхала Пелагея Николаевна Мокѣева съ обѣими дочерьми и съ управляющимъ. Она заняла комнату съ перегородкой. Второй возокъ принадлежалъ помѣщику Черноусову, старому вдовцу. Съ нимъ была экономка, дѣвка и казачекъ. Наконецъ, въ третьемъ возкѣ притащился восьмидесятилѣтній генералъ Ендерскій съ пожилою внучкой.

Самовары кипѣли въ сѣняхъ. На кухнѣ усердно стучали ножами. Въ свѣтелкахъ постоялаго двора пахло одеколономъ, жуковымъ табакомъ и вообще господами.

Мокѣева проголодалась и уничтожала поросенка; ея грузное тѣло дрожало, какъ тѣсто, тройной подбородокъ и щеки упирались въ толстую шею, а шея въ громадную грудь, которая покоилась на необъятномъ животѣ.

Управляющій посматривалъ на поросенка и ждалъ, когда можно будетъ приступить къ куренью; черешневый чубукъ онъ держалъ въ пальцахъ правой руки. «Дѣвочки» — Александринъ двадцати пяти лѣтъ и Катишь двадцати трехъ, обѣ въ папильоткахъ,—тараторили за перегородкой, и слышалось:

— Какъ интересно, вотъ интересно, ахъ, какъ интересно!

Черноусовъ чувствовалъ себя разбитымъ послѣ дороги, и экономка съ казачкомъ взбивала перины, на которыхъ онъ и растянулся съ блаженной улыбкой на бритомъ лицѣ. Казачекъ подалъ было ему трубку, и онъ дотронулся до огромнаго янтаря, но уже не могъ затянуться и томно закрылъ вѣки.

Одинъ генералъ не думалъ ни о снѣ, ни объ ѣдѣ. Точно колючки терновника, покрытыя только-что выпавшимъ снѣгомъ, торчали его брови, глаза сверкали, какъ два уголька, нижняя вставная челюсть страшно выдавалась впередъ, и александровскіе бакены его были неестественно выкрашены въ оранжевый цвѣтъ. Онъ былъ худъ и тонокъ, и не успѣлъ пріѣхать, какъ поднялъ возню. Внучка должна была переодѣться, а самъ онъ велѣлъ за-

тянуть на себѣ корсетъ и расправлялъ новенькій мундиръ съ фалдочками и со звѣздой.

Ворота отворились, и Карташовъ впустилъ во дворъ четвертый возокъ. Пріѣхали Малокуцкіе и привезли съ собой всѣхъ семерыхъ дѣтей. Такого съѣзда давно не было на постояломъ дворѣ Карташова.

III.

На двухъ площадяхъ посада шла необычная дѣятельность. Тамъ и здѣсь работали плотники. Стучали топоры, долбились ямы желѣзными ломами въ мерзлой почвѣ и вкапывались столбы. Народъ съ любопытствомъ слѣдилъ за работами.

На Косой площади горячился и кричалъ на рабочихъ высокій господинъ въ короткомъ казакинѣ, подбитомъ сѣрой мерлушкой, и въ такой же шапочкѣ съ позументнымъ верхомъ. У него было желтое, бритое, слегка подергивающееся лицо. И, отставивъ ногу, протянувъ руку подъ прямымъ угломъ къ туловищу и прищуривъ глазъ, онъ трагически кричалъ:

— Уморите вы меня, скоты, не будетъ готовъ фасадъ! А когда же мы успѣемъ полотно натянуть? Злокозненные хамы, вамъ ли я говорю, или горохомъ о стѣнку стучу!

— Эхъ, господинъ баринъ, горячъ ты! — возражалъ старшій плотникъ.—Чего паръ пущаешь? Неужли же работа не спорится? Кончимъ, не опасайся, милый человѣкъ.

— Столбъ отъ столба на версту! Перекопать столбы! Прибить доски! По отвѣсу, а не на глазъ! Косоглазые!

Накричавшись въ волю, господинъ въ казакинѣ вошелъ стремительнымъ шагомъ внутрь зданія.

Это былъ каменный двухэтажный корпусъ, который стоялъ пустой уже нѣсколько лѣтъ. Купецъ построилъ фабрику, но не могъ получить разрѣшенія, или у него денегъ не хватило на машины; онъ бросилъ затѣю и волею Божіею умеръ. Наслѣдники отдавали зданіе въ аренду казнѣ, и въ немъ былъ полковой вещевой складъ. Но полкъ ушелъ воевать съ турками,—дѣло происходило въ пятидесятыхъ годахъ,—а каменный корпусъ уныло стоялъ на краю площади, одинокій и мрачный.

Но странное оживленіе царило въ немъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней. Воздвигнута была эстрада и украшена кумачемъ. Повѣшенъ былъ занавѣсъ. Когда онъ опускался, на немъ можно было видѣть изображеніе Петропавловской крѣпости. Желѣзныя печи по четыремъ угламъ нагрѣвали каменное зданіе. Выбитыя окна были заклеены бумагой. Потолка не было. Со стропилъ спускались золоченые обручи, долженствующіе замѣнить люстры. Въ простѣнкахъ сгруппированы были знамена, наскоро сработанныя все изъ того же кумача, предоставленнаго во временное пользо-

ваніе за плату или безвозмездно—деньги, во всякомъ случаѣ, не были уплочены—купцомъ Тяпунинымъ. Четыре еврейчика изъ Жидовской Буды, прилегавшей къ посаду (а въ самомъ посадѣ евреямъ нельзя было жить), искали и доставляли въ бывшій цейхгаузъ стулья, столы, ковры и разный другой реквизитъ. На подмосткахъ расхаживали дамы въ салопахъ, бритыя фигуры въ цилиндрахъ и въ кургузыхъ шубкахъ, и, потирая руки, вполголоса произносили стихи. Маленькій горбунъ сидѣлъ у самаго края эстрады спиной ко входу, слѣдилъ по тетрадкѣ и подсказывалъ.

Работы внутри тоже еще не были закончены, и два плотника прикрѣпляли къ полу перила, за которыми должны были сидѣть музыканты.

Стукъ молотковъ глухо отдавался подъ сводами.

— Я—императоръ Фридрихъ Барбаросса, и я готовъ отдать за чай полміра!—вскричалъ господинъ въ мерлушчатомъ казакинѣ.

Пожилая дама съ блѣднымъ лицомъ и слезящимися глазами тотчасъ же нагнулась и налила стаканъ чая.

— Чертовски холодно,—прохрипѣлъ молодой человѣкъ, съ модной муфтой на рукахъ.—Какъ бы мы не заморозили публику!

— На дворѣ гораздо теплѣе, а тутъ совсѣмъ ледникъ,—сказала дѣвушка, стоявшая въ глубинѣ сцены и кутавшаяся въ чужой длинный салопъ.

— Мои вассалы вѣрные, бароны и курфюрсты, курфюрстины и прочія принцессы!—проговорилъ мерлушчатый господинъ, отставляя ногу и протягивая руку, а пожилая дама держала передъ нимъ чай:—я вамъ скажу, что публика нужна намъ, но только для того, чтобъ съ деньгами намъ быть и чтобы выѣхать отсюда невозбранно честному братству нашему. А холодъ пускай уморитъ всѣхъ туземцевъ дикихъ, къ искусству царственному равнодушныхъ, о, повѣрьте!

— То-есть, чортъ его знаетъ, такъ и лупитъ размѣрами! Дьявольское ухо!—закричалъ охрипшій молодой человѣкъ.—Мамочка, тебѣ бы поэтомъ быть, а не антрепренеромъ.

— Вѣдь и поэты тоже умираютъ голодной смертью—и какая лучше смерть, объ этомъ ты, бургграфъ, судить не воленъ.

Антрепренеръ взялъ чай и жадно проглотилъ его.

— Ну, какъ, Офелія?—спросилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ въ длинномъ салопѣ.—Сейчасъ жидовскій оркестръ пріѣдетъ. Эй, ты, іерусалимскій дворянинъ!—позвалъ онъ фактора Менделя, который выглянулъ изъ-за кулисы:—расклеены афиши?

— Уже, слава Богу, расклеиваются.

— Онѣ сами расклеиваются?

— А ежели и сами?—съ нервной улыбкой сказалъ Мендель:—не вше ли вамъ равно? Афиши расклеиваютъ на воротахъ становой квартиры, на всѣхъ бакалейныхъ лавкахъ, на фабрикахъ и

сданы будутъ на благородныя руки пріѣзжимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ. Ахъ, сколько хорошихъ господъ пріѣхало! Ахъ, какіе славные и великолѣпные господа собрались!

Антрепренеръ самодовольно усмѣхнулся и, протянувъ руку къ Менделю, какъ бы магнетизируя его, рокочущимъ басомъ прокричалъ:

— Іудей, тебя ожидаютъ великіе барыши!

IV.

Это происходило на Косой площади, а на Круглой строился страшный помостъ изъ черныхъ досокъ. Бревна, столбы, доски, перила были уже пригнаны другъ къ другу заранѣе и теперь только соединялись. Поэтому работа шла гораздо успѣшнѣе, чѣмъ на Косой площади. Помощникъ пристава пріѣхалъ въ козырькѣ на гнѣдой лошадкѣ, осмотрѣлъ постройку и направился съ докладомъ къ становому.

Становой жилъ въ каменномъ домикѣ, охраняемомъ сотскимъ и десятскимъ при мѣдныхъ нагрудныхъ знакахъ. Онъ стоялъ на верхней площадкѣ крутой лѣсенки, которая вела во второй этажъ, и, откинувъ полы медвѣжьей шубы и держа руки за спиной, билъ ногой, въ лакированномъ сапогѣ, прямо въ лицо человѣка, стоявшаго нѣсколькими ступеньками ниже. Молчалъ человѣкъ, и молчалъ становой. Только постукивалъ сапожокъ.

Помощникъ, недавно поступившій на службу, остановился поодаль и смотрѣлъ съ недоумѣніемъ и видимымъ отвращеніемъ на эту расправу.

Становой увидѣлъ его и пересталъ бить человѣка.

— А, здравствуйте!—весело закричалъ онъ.

— Простите, я, кажется, помѣшалъ?

— О, помилуйте! Я съ нимъ послѣ раздѣлаюсь. За мною не пропадетъ. Пожалуйте.

Полицейскіе чиновники вошли въ переднюю, гдѣ сидѣли разсыльные, сбросили имъ на руки шубы и очутились въ большой комнатѣ, служившей приставу канцеляріей и въ экстренныхъ случаяхъ танцовальной залой.

— Радъ васъ видѣть.

— Я къ вамъ съ докладомъ.

И, стараясь быть офиціальнылъ и не садясь, придерживая шпагу опущенной рукой, помощникъ доложилъ, что эшафотъ сооруженъ на Круглой площади посада, и что онъ ждетъ указаній и дальнѣйшихъ распоряженій начальства.

— Церемоніалъ вамъ долженъ быть извѣстенъ, — началъ становой. — Но извольте-съ. Завтра утромъ въ одиннадцать часовъ вы явитесь въ тюрьму, и подъ вашимъ наблюденіемъ преступника

посадять на кобылу и повезутъ по главной улицѣ посада къ эшафоту. Не забудьте покрѣпче привязать его къ кобылѣ, потому что онъ однажды уже спрыгнулъ съ почетнаго экипажа и пропадалъ пять лѣтъ. Чернь къ нему расположена, — надо имѣть въ виду. Майоръ съ двадцатью четырьмя человѣками инвалидной команды будетъ охранять порядокъ. Десятскимъ раздайте трещотки, и пусть они шумятъ; надо помѣшать преступнику говорить. На эшафотѣ будетъ прочитанъ приговоръ, и вамъ надо присутствовать.

— Тяжелая обязанность.

— Что дѣлать! На то служба. А такое мѣсто, какъ ваше, несмотря на то, что вы косвенно подчинены мнѣ, я бы охотно самъ занялъ; предмѣстникъ вашъ за четыре года службы составилъ капиталъ въ десять тысячъ.

— Можетъ ли быть?

— Увѣряю васъ.

— Но, значитъ, онъ былъ взяточникъ?

— Младенецъ вы! Онъ не былъ взяточникъ,—возразилъ становой.—Онъ ни разу не покривилъ душою, но бралъ только то, что давали.

Помощникъ пристава задумчиво посмотрѣлъ въ уголъ.

— Полицейская служба, — наставительно продолжалъ становой:—да садитесь, будьте безъ чиновъ! — похожа на карточную игру; есть мѣста, на которыхъ везетъ, какъ незаконнорожденному, а есть и такія, на которыхъ и свои прикладываешь, напримѣръ, мое мѣсто.

— Вы не имѣете доходовъ?

— Ни гроша. А къ вамъ, скажите, пожалуйста, являлись уже млынцовскіе купцы?

— Ни одинъ.

Становой недовѣрчиво покосился на гостя и подумалъ: «о, столичная штучка».

-- Но это въ сторону. Я теперь долженъ вамъ передать полученные мною изъ губерніи предметы.

V.

Ключъ въ рукахъ станового со звономъ повернулся въ подкіотникѣ, и онъ вынулъ оттуда длинный футляръ.

Но раздался громкій, шамкающій голосъ:

— Да будетъ вамъ хорошо! Милостивый государь, я и внучку свою захватилъ на тотъ конецъ, чтобъ доставить ей какое нибудь развлеченіе и не оставлять одну въ деревнѣ на жертву зубастой скукѣ!

Генералъ разсмѣялся и показалъ страшные вставные зубы.

— Любаша, позволь тебѣ представить нашего милаго станового, котораго мы всѣ любимъ и считаемъ своимъ, поелику онъ изъ дворянъ нашего уѣзда.

Становой приложилъ руку къ сердцу и сталъ раскланиваться, округляя поклоны и шаркая ногами.

Любаша уже начинала сѣдѣть; ей было не меньше тридцати-пяти лѣтъ. Высокая и черная, съ землистымъ лицомъ, она сохранила всѣ обычаи и манеры старинныхъ институтокъ. Повидимому, она считала себя еще дѣвочкой и старалась невинно улыбаться. Глаза ея были полны необыкновеннаго довѣрія къ людямъ и даже любви.

— Я давно хотѣла познакомиться съ вами,—начала она:—говорятъ, правда, вы такой милый.

Становой былъ еще молодъ, хотя съ изрядной лысиной, и постарался очаровательно улыбнуться въ отвѣтъ на улыбку генеральской внучки. Онъ поблагодарилъ ее за лестное мнѣніе и раскрылъ футляръ.

— Позвольте познакомить съ вами моего сослуживца, имѣющаго хорошія связи въ Петербургѣ, господина Распопова. Онъ два мѣсяца, какъ пріѣхалъ въ посадъ, и для него счастье заключить такое знакомство.

— Распоповъ, Распоповъ?!.—началъ генералъ, погружаясь въ воспоминанія «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма».—У насъ былъ бригадиръ Распоповъ и вышелъ въ отставку... Вы ему не родня ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, всѣ мои предки были партикулярные.

Генералъ пожевалъ губы и прошамкалъ:

— А вы женаты?

— Обзавелся семьей.

Генералъ живо повернулся къ нему спиной и спросилъ у станового:

— А что вы держите?

— А то, чѣмъ, ваше превосходительство, наказываютъ.

— Развѣ наказываютъ визигой?—вскричала Любаша.

— Сударыня, вы видите предъ собою плеть установленнаго образца.

Любаша посмотрѣла на плеть и дотронулась до нея своими желтенькими пальчиками.

— А я думала, что визига!—повторила она.

Генералъ разсмѣялся, и его смѣху сталъ вторить становой; помощникъ почтительно молчалъ.

— Кстати, мой милый, на счетъ плети... значитъ, вѣрно, что его поймали?

— Ястребова? Сашку? Я же его и поймалъ!—съ торжествомъ сказалъ становой.

Генералъ протянулъ обѣ руки становому.

— Позвольте васъ привѣтствовать. Поймать разбойника—великая заслуга предъ царемъ и отечествомъ. Самъ батюшка Суворовъ поймалъ однажды Пугачева.

— Я представленъ за свой подвигъ къ ордену,— похвасталъ становой.

— Признаться, мы съ Любашей нарочно пріѣхали. Когда будутъ его наказывать?

Становой сказалъ—когда.

— Устройте, пожалуйста, намъ съ Любашей окошечко!—сталъ просить генералъ.

— Распоряжаюсь не я... Господинъ Распоповъ—хозяинъ посада.

— Будьте добры, господинъ Распоповъ,— начальственно сказалъ онъ:—займите у купца Тяпунина окошко для его превосходительства, а такъ какъ за окнами ко мнѣ еще, можетъ статься, будутъ обращаться и другіе дворяне, то я попросилъ бы васъ занять нѣсколько оконъ. На Круглой площади немало домовъ.

— Его будутъ при всѣхъ бить?—освѣдомилась пожилая институтка.

— Эфтой визигой, да-съ,—пошутилъ генералъ.

— Но, кажется, не очень больно?

— А какъ вамъ сказать?—отвѣчалъ становой:—ловкій палачъ можетъ съ одного удара прикончить; все зависитъ отъ силы удара. Но, конечно, сто плетей выдерживаютъ, хотя не всѣ.

— И что же бьютъ, по чемъ попало?—любопытствовала Любаша.

— Нѣтъ, по спинѣ. Обратите вниманіе на кончики.

Становой махнулъ плетью.

— Куски мяса летятъ!—сказалъ онъ съ гордостью.

Генеральская внучка посмотрѣла и сдѣлала гримаску.

— Ну, Любаша, мы свое получили и можемъ успокоиться. Хе-хе-хе! До пріятнаго свиданія! Да будетъ вамъ хорошо!

— А не желаете ли взглянуть еще на клейма?

— А они для чего?

Становой досталъ печать съ буквами, состоявшими изъ иголокъ, и приложилъ ихъ къ своимъ щекамъ и лбу.

— Иголки, изволите ли видѣть, входятъ въ кожу, и потомъ уколы натираютъ порохомъ, вслѣдствіе чего знаки остаются на всю жизнь.

— Весьма любопытно,— прошамкалъ генералъ.— Любаша, ты смотришь?

— Смотрю, дѣдушка.

Становой проводилъ превосходительныхъ гостей до передней.

VI.

Сашка Ястребовъ получилъ барское домашнее воспитаніе. Онъ говорилъ по-французски и по-нѣмецки и въ молодости писалъ стихи.

Отцомъ его былъ одинъ изъ Потемкинскихъ вельможъ, сосланный императоромъ Павломъ I въ деревню и на старости лѣтъ влюбившійся въ свою крѣпостную танцовщицу. Александра Поліэктовича Холубинскаго знала вся губернія.

Онъ былъ богатъ и умудрялся жить сверхъ состоянія. Когда онъ умеръ, отдаленный наслѣдникъ его, гусарскій корнетъ Летаевъ, получилъ совершенно разоренное имѣніе, обремененное долгами, и едва спасъ усадьбу и триста душъ. При жизни же у Холубинскаго насчитывалось до четырехъ тысячъ крестьянъ.

Ни въ чемъ не отказывалъ себѣ покойный вельможа. Библіотека его была одна изъ замѣчательнѣйшихъ: Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты и Кребильонъ не только покоились на полкахъ богатыхъ шкафовъ, но и прочитывались Холубинскимъ. У него были свои крѣпостные чтицы и чтецы, свой музыкальный оркестръ, свой хоръ пѣсенниковъ, свои актеры и актрисы.

Съ крестьянами онъ обращался мягко и любилъ видѣть въ своемъ лицѣ какъ бы феодальнаго государя, милостиво приближающаго къ себѣ подданныхъ.

До пятнадцати лѣтъ Сашу окружали гувернеры и гувернантки. Онъ росъ, какъ барское дитя, ходилъ въ бархатныхъ курточкахъ и въ батистовомъ бѣльѣ. Его золотистыми кудрями любовались, и вся дворня превозносила его красоту. Знаменитый художникъ Боровиковскій пріѣзжалъ и написалъ его портретъ. У него былъ свой штатъ слугъ.

Старый отецъ все чаще проводилъ съ нимъ время вдвоемъ, бесѣдовалъ съ нимъ и восхищался его острымъ умомъ. Саша проглотилъ половину библіотеки и однажды въ спорѣ съ деревенскимъ священникомъ, о. Василіемъ, разбилъ всѣ семинарскіе доводы попа и доказалъ, какъ дважды два, что душа—матеріальный механизмъ. Холубинскій расцѣловалъ Сашу и подарилъ ему золотые часы съ эмалевой дамой, завязывающей ленту надъ колѣномъ.

Несмотря на раннее развращеніе, у Саши было много нѣжности въ натурѣ, и онъ любилъ и боготворилъ старика. Дѣтство его и отрочество протекли въ красивомъ и пышномъ домѣ, какъ сплошной и свѣтлый праздникъ, посвященный умственнымъ наслажденіямъ и экстазамъ утонченной чувственности.

Саша научился танцовать; онъ фехтовалъ, стрѣлялъ, охотился, ѣздилъ верхомъ, завѣдывалъ въ домѣ всей перепиской и, если не превосходилъ, то ни въ чемъ и не уступалъ молодымъ дворянамъ избраннаго общества того времени.

Держалъ онъ себя не по-дѣтски, гордо и независимо.

Атмосфера просвѣщеннаго абсолютизма, которымъ былъ проникнутъ XVIII вѣкъ, чуждалась обычныхъ помѣщичьихъ жестокостей, совершавшихся, главнымъ образомъ, разными выскочками и новыми людьми въ тогдашней порабощенной Малороссіи.

Крестьяне жили почти, какъ вольные. Помѣщикъ разорялся, а среди крестьянъ все больше становилось зажиточныхъ хозяевъ.

Старый вольтерьянецъ былъ того мнѣнія, что религія нужна для простого народа, и для поддержанія ея престижа онъ по праздникамъ совершалъ вмѣстѣ съ Сашей торжественные выѣзды въ церковь, гдѣ отецъ и сынъ становились за золоченой рѣшеткой и принимали отъ священника по просфорѣ въ концѣ службы.

Холубинскій не вѣрилъ въ безсмертіе души; но самъ жилъ такъ, какъ будто допускалъ безсмертіе своей личности. Румянился, любилъ поѣсть и попить, окружалъ себя молоденькими балеринами и нимфами и еще наканунѣ смерти придумывалъ, чѣмъ бы особеннымъ ознаменовать совершеннолѣтіе Саши. Онъ лукаво подзывалъ къ себѣ крѣпостныхъ фей и шепталъ имъ на ухо... Онѣ улыбались и краснѣли...

Но во время торжества, когда собрались гости, была поднята крышка громаднаго пирога, и оттуда выскочила дѣвочка въ шапочкѣ, въ видѣ клубники, и стала декламировать французскій мадригалъ, Холубинскій внезапно раскрылъ беззубый ротъ, какъ-то смѣшно простоналъ, точно котенокъ, и закатилъ глаза подъ лобъ.

Оказалось, что, разсчитывая жить вѣчно, онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно Саши и даже не освободилъ его отъ крѣпостной зависимости. Если бы жива была мать Саши, она настояла бы, и самому Холубинскому мысль о томъ, что сынъ его рабъ, должна была бы показаться чудовищной. Его изящный, умный, благородный и великодушный Саша!

Но танцовщица умерла еще въ родахъ.

Саша точно сорвался съ какой-то золотой башни въ бездну и сталъ Сашкой.

VII.

Холубинскій жилъ въ такомъ отдаленіи отъ сосѣдей и такой особой жизнью, что послѣ его смерти всѣ разочаровались, когда узнали, что онъ не такъ богатъ, какъ казался, и многіе обрадовались, когда до нихъ дошли вѣсти о превращеніи Саши въ Сашку.

Сочувствія и помощи ему неоткуда было ждать.

Корнетъ Летаевъ прискакалъ на курьерскихъ. Погруженный въ хлопоты, Летаевъ не сразу принялся за молодого человѣка. Одно время онъ былъ убѣжденъ, что покойникъ сдѣлалъ что нибудь

для Саши, и боялся этого. Онъ не возбуждалъ вопроса, чтобы не всплыло наружу какое нибудь домашнее завѣщаніе, которое пуститъ его по міру. И безъ того обязательства Холубинскаго были чрезмѣрны.

Саша оставался пока въ неопредѣленномъ положеніи и тосковалъ. Часть дня проводилъ у могилы отца.

Въ первый разъ передъ нимъ возставала дѣйствительность, не прикрашенная красивой ложью. Онъ грустилъ о потерѣ дорогого человѣка и думалъ о будущемъ. Всей неприглядности своего положенія онъ еще, впрочемъ, не сознавалъ вполнѣ.

Въ домѣ поселился Летаевъ. Все завѣтное стало его собственностью: портреты, книги, бумаги, весь арсеналъ чувственности ушедшаго къ праотцамъ вольнодумца. Было какъ-то странно и страшно видѣть Летаева, очутившагося въ незнакомой обстановкѣ и враждебно относившагося къ ней, потому что она стоила безумныхъ денегъ, и онъ ея не понималъ.

Еще онъ возился съ подьячими и вводился во владѣніе, какъ уже началъ передѣлывать порядки въ усадьбѣ по-своему. Вырвалъ бороду у бурмистра и побилъ зубы двумъ приказчикамъ; отпустилъ оркестръ на оброкъ въ губернскій городъ. Капризныхъ и изнѣженныхъ нимфъ обратилъ въ первобытное состояніе—приказалъ имъ быть скотницами и птичницами. Къ хорошенькимъ личикамъ онъ былъ убійственно ровнодушенъ, несмотря на то, что былъ молодъ. Упразднилъ театръ. Закрылъ школы, такъ какъ твердо вѣрилъ, что крѣпостному народу не нужна грамотность. Картины Буше, за которыя были заплачены большія суммы, сжегъ, найдя ихъ неприличными. И собственноручно отбилъ у мраморныхъ статуй нѣкоторыя части по той же причинѣ. Дворню сократилъ. Охоту оставилъ самую маленькую, впору только мелкопомѣстному панку. Вмѣшивался во все—ходилъ даже на кухню. Изъ всего старался извлечь какой нибудь доходъ. Отъ скуки, которая охватывала его по вечерамъ, потому что онъ былъ одинокъ и холоденъ и сухъ душою, онъ напивался.

Когда онъ узналъ наконецъ, что никакой бумаги, касающейся Саши, старикъ не оставилъ, онъ велѣлъ позвать къ себѣ молодого человѣка, жившаго со времени его водворенія въ усадьбѣ въ садовомъ павильонѣ.

— На какомъ основаніи ты считаешь себя сыномъ моего дядюшки?

— Отецъ иначе не называлъ меня,—отвѣчалъ Саша.—Такъ обращаются только съ сыновьями, какъ онъ обращался со мной.

Саша былъ одѣтъ по модѣ, на немъ былъ фракъ и высокій бѣлый галстукъ, тонкое бѣлье съ плоеными манжетками. Надъ лбомъ его вился кокъ. Его красивое, сильно исхудавшее лицо и его открытыя манеры возмутили новаго помѣщика.

— Ты не умѣешь себя вести, братецъ,—сказалъ онъ ему.— Вотъ что, выкинь изъ головы, что ты баринъ. Ты—мой крѣпостной человѣкъ. Я что захочу, то съ тобой и сдѣлаю. Если не будешь держать рукъ по швамъ, я отошлю тебя на конюшню. Всѣ вещи, которыя у тебя имѣются, перепиши и списокъ подай мнѣ. Тебѣ будетъ сшита ливрея—мнѣ нуженъ камердинеръ... Ты какъ смѣешь такъ смотрѣть на меня, негодяй!—закричалъ Летаевъ и ударилъ по щекѣ Сашу.

Саша былъ силенъ и ловокъ. Пощечина свела его съ ума, и было мгновеніе, когда онъ хотѣлъ броситься на Летаева, смять его и избить. Но горе и постоянная мысль о своей судьбѣ научили его владѣть собою.

Онъ опустилъ руки «по швамъ» и проговорилъ:

— Я буду вамъ служить.

— Такъ-то лучше,—сказалъ Летаевъ.—Знаю я, какъ надо съ вами обращаться, холопы. У меня, чтобы не было никакихъ фантазій. Засѣку на смерть.

На другой день Летаевъ получилъ списокъ вещей, которыя были у Саши. Въ числѣ ихъ находились несесеры, серебряный и фарфоровый сервизы, болѣе десяти паръ платья и множество бѣлья.

— Записокъ у тебя никакихъ нѣтъ? Покойный тебѣ не писалъ?—прищурившись, спросилъ Летаевъ.

— Я никуда не уѣзжалъ, и ему незачѣмъ было писать мнѣ,— отвѣчалъ Саша.

На груди своей онъ скрылъ медальонъ съ миніатюрнымъ портретомъ Холубинскаго и съ его собственноручною надписью, которую старикъ сдѣлалъ на портретѣ: «моему милому и дорогому сыну Сашѣ». Юноша разсчитывалъ, что медальонъ пригодится ему современемъ. Въ пылкомъ воображеніи его уже рисовалась столица и дворъ съ великодушнымъ монархомъ во главѣ. Онъ упадетъ къ ногамъ государя, покажетъ медальонъ, и ему будетъ дарована, по крайней мѣрѣ, личная свобода.

Летаевъ сдѣлалъ Сашу камердинеромъ, но не могъ его видѣть и выносить. Какъ только Саша входилъ, ненависть поднималась и клокотала въ душѣ Летаева.

Черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ ему:

— Изъ конторы тебѣ выдадутъ свидѣтельство, и ты можешь уѣзжать, куда глаза глядятъ. Оброка я тебѣ не назначаю. Тебѣ даже будетъ выдана приличная сумма, и изъ своихъ вещей ты можешь взять, что для тебя нужнѣе.

Саша молча поклонился. Вечеромъ его уже не было въ усадьбѣ. Изъ конторской бумаги онъ узналъ, что настоящая фамилія его— Ястребовъ.

VIII.

Саша пробрался въ Москву и въ Петербургъ.

Государя ему удалось видѣть только издали. Средствъ у него не осталось никакихъ. Въ столицахъ онъ велъ темное существованіе. Сдѣлался маркеромъ въ гостиницѣ и могъ бы кое-какъ «честно» просуществовать, если бы не острая тоска, которая привязывала его къ погасшимъ снамъ прошлаго. Онъ все надѣялся, мечталъ, ждалъ чуда, а годы шли, прошло десять лѣтъ.

Саша испробовалъ свои силы на литературномъ поприщѣ. Въ журналахъ появились его стихотворенія, подписанныя буквой—ъ. Но цензура нашла въ нихъ вольный духъ, и сами редакторы испугались мрачнаго настроенія молодого стихотворца. Онъ не говорилъ ни о любви, ни объ отечествѣ, ни о небесахъ. Стихотворенія его были проникнуты гордыней, и онъ воспѣвалъ месть. Ихъ перестали печатать. Впрочемъ, онъ не придавалъ имъ большого значенія, хотя Ястребовскія пѣсни, искаженныя и приноровленныя къ обстоятельствамъ, до сихъ поръ распѣваются арестантами на всемъ пространствѣ нашего отечества.

Между тѣмъ Летаевъ подумалъ, что времени прошло достаточно, раны зажили въ душѣ молодого человѣка, онъ образумился, свыкся, покорился судьбѣ,—и жадность подсказала ему потребовать къ себѣ Сашу, или же наложить на него оброкъ.

Квартальный далъ знать Сашѣ о волѣ помѣщика, и Саша тотчасъ же выѣхалъ изъ столицы.

Было раннее утро, и Летаевъ лежалъ въ постели. Онъ почти проснулся, но еще дремалъ; дѣйствительность сливалась съ грезами.

Большой старый домъ Холубинскаго былъ уже опустошенъ, и окна забиты досками. Летаевъ построилъ для себя на другомъ концѣ усадьбы, тамъ, гдѣ кончался паркъ и примыкалъ къ деревнѣ, хозяйственный домикъ въ десять комнатъ. Онъ высмотрѣлъ богатую невѣсту и собирался жениться. Отъ прежняго великолѣпія Холубинскаго остались только руины.

Летаевъ лежалъ и никакъ не могъ окончательно проснуться, хотя его сильно тревожилъ свѣтъ, лившійся изъ окна, раскрытаго настежь. «Кто посмѣлъ оторвать ставень?»—думалъ онъ, на мгновенье просыпался и снова впадалъ въ забытье. Не даромъ наканунѣ онъ выпилъ бутылку наливки.

Ему представилось, хотя потомъ онъ былъ убѣжденъ, что онъ видѣлъ воочію и наяву этого человѣка, какъ Сашка Ястребовъ подошелъ къ нему и, замахнувшись на него, отчетливо, негромко проговорилъ:

— Я бы могъ смыть пощечину пощечиной, но брезгую бить соннаго. Помни только, что близокъ часъ, когда я потребую тебя къ отвѣту и за себя и за крестьянъ, которыхъ ты тиранишь.

Летаевъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, встрепенулся, но въ комнатѣ никого уже не было. Призракъ исчезъ и растаялъ, какъ туманъ, въ яркихъ лучахъ солнца, смотрѣвшаго сквозь нѣжную зелень весеннихъ деревьевъ въ раскрытое окно спальни.

IX.

Сороковые и пятидесятые годы прошлаго столѣтія особенно были богаты самозванцами всякаго рода. Они присваивали себѣ титулы и званія великихъ князей, министерскихъ ревизоровъ, генералъ-адъютантовъ, императорскихъ прокуроровъ, а въ болѣе невинныхъ случаяхъ становились городничими, совѣтниками губернскаго правленія, окружными начальниками; женились иногда на барышняхъ изъ хорошей фамиліи, и между ними были нерѣдко каторжники.

Мѣстныя провинціальныя лѣтописи, которыя велись досужими священниками, а иногда и помѣщиками, и захолустныя преданія полны еще разсказами о самозванцахъ. И до нашихъ дней самозванецъ не перевелся на Руси, и его подвиги часто комичны и ужасны, мрачны и вмѣстѣ смѣшны.

Не было телеграфовъ, и отъ какого нибудь уѣзднаго города до Петербурга надо было скакать чуть не цѣлый годъ; въ старину случались поэтому прямо невѣроятныя исторіи.

Когда изъ разныхъ концовъ Россіи стали доходить до Петербурга слухи о томъ, что по имперіи разъѣзжаетъ какая-то таинственная личность, снабженная широкими полномочіями отъ правительства «для изученія крестьянскаго быта и насажденія справедливости въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ», и предъ нею трепещутъ уѣздныя начальства, это никого не удивило,—такая наглость была въ порядкѣ вещей.

Таинственная личность появлялась внезапно и ревизовала уѣздные и земскіе суды. Ревизію она производила тоже самымъ внезапнымъ и, главное, таинственнымъ образомъ.

Рано утромъ, когда въ присутствіи еще никого не было, кромѣ сторожей да какого нибудь мелкаго подьячаго, спавшаго на столѣ подъ канцелярскимъ зеленымъ сукномъ, входилъ въ судъ молодой человѣкъ съ красной лентой подъ вицмундиромъ и съ одной скромной звѣздой, съ лицомъ холоднымъ и повелительнымъ, сопровождаемый двумя жандармами, и во мгновеніе ока перерывалъ вверхъ дномъ всѣ дѣла. Составлялся списокъ господскихъ неправдъ и судейскихъ кривдъ, и онъ удалялся изъ города, прежде чѣмъ просыпались чиновники. Это навѣвало ужасъ.

Потомъ также внезапно таинственная красная лента со звѣздой и съ двумя жандармами появлялась въ богатыхъ помѣстьяхъ. Мужики толпой слѣдовали за ней, оцѣплялась контора, требовались виновные въ неправдахъ и насиліяхъ, допрашивались, и тутъ же

«полевымъ судомъ», отъ имени высшей власти, чинилась надъ ними «отеческая» расправа.

Ревизоръ, или императорскій прокуроръ, во все время быстраго суда сохранялъ каменное безстрастіе и плѣнялъ крестьянъ, какъ олицетвореніе идеала законности и силы. Если, случалось, крестьяне оказывались неправыми, онъ дѣлалъ имъ выговоры, но это было рѣдко. Онъ жестоко каралъ за неисполненіе Павловскаго закона о томъ, чтобы крестьяне работали на помѣщика только три дня въ недѣлю, и громко говорилъ, что государю пріятно было бы видѣть русскій народъ совсѣмъ вольнымъ.

Послѣ суда онъ удостаивалъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ и помѣщицъ своимъ посѣщеніемъ, молча и сурово ѣлъ и пилъ, и уѣзжалъ, напутствуемый тайными проклятіями господъ и восторженными благословеніями народа.

Очень многіе всю жизнь остались въ убѣжденіи, что они претерпѣли по праву: какъ они расправлялись со своими крестьянами, такъ расправились и съ ними. Были счастливцы, къ которымъ таинственная личность не заглядывала совсѣмъ—или на нихъ не было жалобъ, или къ нимъ было не по пути, или они были опасны.

Кромѣ наказаній личныхъ, «императорскій прокуроръ», какъ часто называла себя таинственная личность, подвергалъ помѣщиковъ денежнымъ штрафамъ—«на предметъ упорядоченія законодательства о крестьянахъ», при чемъ виновнымъ выдавалась расписка на гербовой бумагѣ.

Чтеніе приговоровъ, постановленныхъ «административно-полевымъ порядкомъ», жандармы, быстрая процедура, строжайшая во всемъ формальность, непреклонность, неумолимость и чисто правительственная важность обращенія не внушали никому сомнѣній. И не мудрено, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кочевалъ по Россіи мрачный «императорскій прокуроръ».

Онъ по временамъ затихалъ на мѣсяцъ, на полгода. Однажды два года о немъ не было ни слуху ни духу. Въ Петербургѣ о немъ уже забыли. А онъ женился на хорошенькой дѣвушкѣ, и на его свадьбѣ пировало полъ-уѣзда.

Въ приданое онъ получилъ деревню и самъ сталъ помѣщикомъ, но скоро вооружилъ противъ себя тестя и дворянъ, заставивши жену отпустить крестьянъ на волю. Лично онъ располагалъ большими суммами, такъ какъ не имѣлъ еще случая представить въ распоряженіе казны собранные имъ съ помѣщиковъ штрафы.

Какой-то червь грызъ «императорскаго прокурора». Жена разспрашивала его напрасно. Наконецъ онъ объявилъ ей, что бездѣятельность можетъ навлечь на него гнѣвъ высшаго правительства. Въ сопровожденіи обоихъ своихъ жандармовъ онъ направился въ Петербургъ. До Петербурга онъ не доѣхалъ. Но съ тѣхъ поръ жена не видѣла его.

Онъ вынырнулъ въ деревнѣ отставного корнета Детаева,

X.

Гласности не было, и въ газетахъ ни разу даже намека не проскользнуло о продѣлкахъ императорскаго прокурора. О немъ только переписывались между собою губернскія власти, и, кажется, плохо вѣрили въ самое его существованіе. Слѣдствіе, и то не подробное, начало производиться уже послѣ того, какъ былъ онъ пойманъ и посаженъ въ острогъ вмѣстѣ съ мнимыми жандармами.

Если бы несчастная потребность мести за свое разореніе и за личную обиду не привела его въ усадьбу Летаева, онъ, надо полагать, безнаказанно прокурорствовалъ бы въ крѣпостной Руси до самаго освобожденія крестьянъ.

Какъ всегда, онъ примчался въ господскую контору чуть свѣтъ, и бурмистръ, по его приказанію, уже собралъ толпу народа, которая запрудила барскій дворъ.

— Позвать ко мнѣ отставного корнета Летаева!—приказалъ «царскій чиновникъ» и самъ поблѣднѣлъ, а глаза его сверкнули, какъ молнія.

Мужики притихли. Впрочемъ, при немъ всегда было тихо, и онъ не допускалъ галдѣнія и крика.

Летаевъ уже былъ женатъ. На барыню мужики не жаловались.

Онъ пришелъ испуганный и недоумѣвающій.

— Имѣю честь представиться... началъ онъ и, воззрившись въ императорскаго прокурора, увидѣлъ предъ собою тотъ самый призракъ, который посѣтилъ его однажды на зарѣ.

— Сашка Ястребовъ! — закричалъ онъ несвоимъ голосомъ.

Ястребовъ остановилъ на немъ большіе, свѣтлые, тяжелые глаза и спокойно сказалъ:

— Вы обвиняетесь въ цѣломъ рядѣ преступленій. Кто бы я ни былъ, но я облеченъ властью, въ которой не даю никому отчета, кромѣ Бога и государя. До Бога высоко, до царя далеко, и если бы не было меня, злоупотребленія помѣщиковъ дошли бы до крайней степени. Я тотъ, кто останавливаетъ звѣрства маленькихъ тирановъ и кровопійцъ. Я стражъ!—громко и грозно проговорилъ онъ и выпрямился во весь ростъ: — быть можетъ, найдется еще кто нибудь среди здѣсь присутствующихъ, которые вспомнили меня и признали. Я—сынъ Холубинскаго и на основаніи собственноручной записи покойнаго,— тутъ онъ разстегнулъ кафтанъ и показалъ медальонъ,—возстановленъ въ моихъ правахъ, чѣмъ и доказано было мнѣ, что у насъ страна законная, и живемъ мы подъ твердой, великой и справедливой властью!

Онъ обнажилъ голову, жандармы крикнули: «ура», народъ подхватилъ. Громовымъ эхомъ раскатилось «ура» въ деревнѣ Щербиновцы.

— Облеченный довѣріемъ великаго монарха,—продолжалъ Ястребовъ, когда все успокоилось, — я разрѣшилъ болѣе ста вѣковѣчныхъ тяжбъ крестьянъ съ помѣщиками. Судъ мой быстрый, и еще никто не смѣлъ на меня пожаловаться за пристрастіе и лицепріятность. Я хотѣлъ проѣхать мимо мѣстъ, гдѣ протекла моя золотая юность, и гдѣ поселился человѣкъ, чуть было не погубившій меня. Но стоны его подданныхъ донеслись до меня, и я долженъ былъ остаться вѣренъ своему долгу и своему высшему призванію. Оправданій слушать я не намѣренъ—отрицать фактовъ нельзя. А именно...

— Читай!..

Онъ кивнулъ подбородкомъ писарю, захваченному имъ изъ ближайшаго волостного правленія. Писарь взялъ со столика, поставленнаго на землѣ, бумагу и прочиталъ болѣе двухсотъ пунктовъ, которые обвиняли Летаева въ насиліяхъ надъ человѣческою личностью и въ жестокосердіи. О винахъ Летаева противъ Саши не было упомянуто ни слова.

— Братцы,—сказалъ по окончаніи чтенія Ястребовъ, обращаясь къ народу:—отведите барина на конюшню.

— Меня?!.—закричалъ Летаевъ и съ кулаками бросился на Ястребова.

Но двумя сильными пощечинами Ястребовъ сшибъ его съ ногъ.

На крыльцѣ барскаго дома появилась плачущая Летаева; она ломала руки и кричала:

— Ваше высокопревосходительство, пощадите мужа!

Судья отвѣчалъ:

— Сударыня, власть, которою я облеченъ, выше меня.

Послышался голосъ Летаева. Тогда жена его стала проклинать «законъ» и его суроваго исполнителя. Ястребовъ указалъ глазами жандармамъ на молодую женщину, и они подхватили ее подъ руки и увели въ домъ.

Все трепетало въ груди у Сашки Ястребова. Месть доставляла наслажденіе. Онъ пошелъ туда, гдѣ наказывали Летаева, и ему до ужаса сладко было видѣть его униженіе. Чтобы продлить минуты, которыя уже никогда не повторятся, онъ останавливалъ экзекуцію и произносилъ яснымъ вразумительнымъ голосомъ увѣщанія:

— Ближняго своего надо любить и жалѣть, и горе тому, кто вырываетъ у Прошки клокъ волосъ, а Машкѣ выбиваетъ зубы и засѣкаетъ на смерть кучера, продаетъ дѣтей отдѣльно отъ отцовъ и матерей и обираетъ мужиковъ, какъ сидоровыхъ козъ; ибо какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ воздастся.

Разъ двадцать увѣщевалъ онъ помѣщика, и, наконецъ, Летаевъ пересталъ кричать. Потребовали изъ дома простыню, облили его водой и унесли, отдавъ на попеченіе барыни.

Крестьянамъ были прощены недоимки, оброки, отмѣнена тяжелая барщина, изъ заповѣдной рощи разрѣшено было возить лѣсъ

на постройку, а въ рѣкѣ ловить рыбу. Въ конторѣ было найдено нѣсколько сотъ рублей. Императорскій прокуроръ не взялъ ихъ себѣ, а разбросалъ крестьянамъ. Изъ стариннаго погреба онъ велѣлъ выкопать извѣстную только ему одному Екатерининскую мальвазію — сто двадцать приземистыхъ бутылочекъ—и тоже роздалъ мужикамъ.

Престарѣлому о. Василію было приказано отслужить панихиду на могилѣ Холубинскаго. Между тѣмъ подана была тройка. Малиновымъ звономъ залились колокольчики, и «императорскій прокуроръ» исчезъ.

Послѣ его отъѣзда крестьяне «сошли съ ума». Перестали слушаться бурмистровъ и приказчиковъ, и отказались отъ всякой службы помѣщику.

Летаевъ былъ между жизнью и смертью. Едва оправившись, онъ поѣхалъ къ предводителю дворянства и, по его совѣту, къ губернатору.

Такимъ образомъ, разоблачена была таинственная личность, и оставалось только поймать Сашку Ястребова.

XI.

Въ жизни и дѣятельности императорскаго прокурора начался переломъ.

Онъ словно потерялъ почву подъ собою. Его обычная смѣлость и хладнокровіе стали ему измѣнять. Удовлетворенная месть дала ему звѣрскіе восторги, но вмѣстѣ внесла въ его душу разладъ. Быть самозваннымъ пророкомъ правды уже не представлялось для него заманчивымъ; онъ искалъ острыхъ ощущеній. Въ набѣгахъ его на помѣщичьи усадьбы не было уже ничего торжественнаго. Съ нимъ стала ѣздить цѣлая шайка, подлымъ наклонностямъ которой онъ долженъ былъ потворствовать. Сашка Ястребовъ какъ-то быстро скользилъ по наклонной плоскости; изъ самозванца онъ сталъ разбойникомъ. Онъ еще произносилъ рѣчи о правдѣ, но уже самъ сознавалъ, что нѣтъ особой правды въ его поступкахъ. Налеталъ на имѣнія, грабилъ, жегъ и насиловалъ.

Тамъ и здѣсь найдены были въ лѣсу разграбленные экипажи. Былъ убитъ богатый купецъ.

Сашка зналъ, что за нимъ гонятся, и путь его шайки все чаще орошался кровью. Зная, что уѣздъ оцѣпленъ на границѣ кордономъ, разбойникъ кружилъ по деревнямъ, скрывался на уединенныхъ постоялыхъ дворахъ, а одно время жилъ въ посадѣ Млынцахъ у Карташова, шуллерничалъ и обыгрывалъ мѣстныхъ фабрикантовъ.

Летаевъ, покинувшій имѣніе и искавшій на него покупателя, пріѣхалъ и остановился тоже у Карташова. На этотъ разъ онъ

узналъ врага издали и немедленно сообщилъ полиціи. Сашка не успѣлъ бѣжать, былъ арестованъ, его судили и приговорили къ плетямъ и къ каторжнымъ работамъ.

Но когда его везли на страшной кобылѣ къ черному помосту, онъ сорвался, бросился въ толпу, и его скрыли.

Онъ, какъ въ воду, канулъ. Шайка спасла своего атамана.

Послѣ того долго искали его, а онъ дразнилъ полицію и неожиданно появлялся тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали.

Цѣлымъ рядомъ мелкихъ и крупныхъ кровавыхъ дѣлъ ознаменованъ былъ его путь въ уѣздѣ.

Все же пробилъ и для него часъ возмездія—и на этотъ разъ, повидимому, безъ отсрочки.

Его все тянуло въ Щербиновцы, бывшее имѣніе Холубинскаго, и отецъ Василій нѣсколько разъ уже служилъ въ его присутствіи панихиду надъ прахомъ его отца. Крестьяне, чтившіе его, какъ императорскаго прокурора, потеряли къ нему довѣріе, когда онъ сталъ разбойникомъ. Обманъ его открылся, на немъ была кровь, и въ особенности всѣмъ насолила его шайка, которую онъ то распускалъ, то вербовалъ изъ разнаго сброда.

За нимъ стали охотиться.

Послѣдній разъ къ становому, остановившемуся въ сельской расправѣ въ Щербиновцахъ, пришелъ ночью мужикъ и объявилъ, что онъ знаетъ, гдѣ скрывается Сашка Ястребовъ.

— Гдѣ же?

— Въ часовнѣ.

Становой взялъ понятыхъ, сотскихъ и десятскихъ и окружилъ часовню.

Ястребовъ даже не сопротивлялся. Онъ лежалъ на полу у надгробія Холубинскаго въ припадкѣ нестерпимаго отчаянія и тоски.

I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

(Изъ личныхъ воспоминаній)[1].

IX.

Въ «ИСКРѢ» я велъ такъ называемый провинціальный отдѣлъ. Всѣ письма, статьи и замѣтки изъ провинціи проходили чрезъ мои руки, я ихъ разсматривалъ, выбиралъ изъ нихъ то, что годилось для печати, и изъ выбраннаго матеріала составлялъ еженедѣльныя статьи подъ заглавіемъ: «Провинціальныя диковинки». Въ грудахъ присылаемыхъ писемъ не разъ попадались сообщенія и о Никтополіонѣ Александровичѣ, именно о его поѣздкѣ по Волгѣ до Перми, о его сношеніяхъ съ мѣстными земскими дѣятелями и частными лицами, о его краснорѣчивыхъ разговорахъ на тему о великой будущности, ожидающей Сибирь съ проведеніемъ туда желѣзной дороги, попадались сообщенія и о сношеніяхъ его съ купцами,—сношеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ говорилъ мнѣ дядя, т.-е. о займахъ денегъ, оставшихся неоплаченными. Въ сообщеніяхъ этихъ не было ничего такого, что могло быть достойнымъ общественнаго вниманія, и я бросалъ ихъ въ корзину. Но какъ-то однажды пришлось натолкнуться на такое сообщеніе, которое нельзя было оставить безъ вниманія. Дѣло касалось въ немъ нѣкоего изъ тѣхъ обществъ, ко-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 61.

торыя покойный Горбуновъ называлъ «Обществомъ прикосновенія къ чужой собственности». Въ одномъ изъ подобныхъ обществъ Никтополіонъ Александровичъ оказался дѣйствующимъ лицомъ, и мнѣ на основаніи провинціальныхъ сообщеній пришлось упомянуть о немъ въ «Провинціальныхъ диковинкахъ», не называя, положимъ, его имени, упомянуть, какъ о человѣкѣ, примазавшемся къ обществу съ своекорыстными цѣлями. Онъ, однако, узналъ себя и пріѣхалъ ко мнѣ объясняться.

— Послушайте, послушайте! Зачѣмъ такъ? Для чего? Какая надобность?—заговорилъ онъ, предварительно расцѣловавшись со мной.—Я понимаю, я догадываюсь... Зачѣмъ вышучивать?... Ваша точка зрѣнія ошибочная, вамъ и сообщили невѣрно, не въ томъ духѣ, вообще говорю, остерегайтесь: вамъ могутъ Богъ знаетъ что наговорить... Такъ нельзя. Не увлекайтесь... Конечно, гласность—дѣло великой важности, но согласитесь, осторожность вездѣ нужна. Нельзя же такъ смаху... Послушайте, сядемъ, я вамъ съ должною точностью объясню, въ чемъ тутъ ошибка... Я знаю, вы—разумный молодой человѣкъ, вы искренній и откровенный, вы поймете меня...

— Но позвольте,—возразилъ я,—къ чему вы такъ волнуетесь? Я же о васъ лично ни однимъ словомъ не обмолвился...

— Ахъ!—отмахнулся онъ обѣими руками,—кто же не пойметъ, что рѣчь идетъ именно обо мнѣ. Подумайте, поймите, пріятно ли это мнѣ. Наконецъ, что скажетъ мое начальство, если до него дойдетъ подобное сообщеніе?

Онъ долго и горячо оправдывался по поводу своего участія въ дѣлахъ «прикосновенія къ чужой собственности», убѣдительно прижималъ при этомъ руки къ сердцу, закатывалъ глаза подъ лобъ, заявляя о своихъ неусыпныхъ трудахъ на пользу государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Той важности и сознанія собственнаго достоинства, съ какимъ онъ обыкновенно держался по отношенію ко мнѣ, въ эти минуты въ немъ и тѣни не было. Точно виноватый, онъ сидѣлъ, понуривъ голову, и ждалъ рѣшенія своей участи.

— Такъ ужъ вы, дорогой мой, сдѣлайте мнѣ одолженіе, исправьте вашу ошибку,—заключилъ онъ шепотомъ свою оправдательную рѣчь.

— Какую же ошибку? И какъ, наконецъ, чѣмъ исправить и что исправить?

— Да вотъ именно замѣтку вашу. Напишите, голубчикъ, объясните. Да? Вы напишете?—спросилъ онъ, пытливо смотря на меня.

Я отговорился неловкостью и для меня и для него возвращаться къ предмету, о которомъ разъ сказано все, что нужно было сказать. Онъ задумчиво помолчалъ нѣсколько времени и потомъ, видимо согласившись съ моими доводами, не сталъ настаивать и съ усиленною любезностью пожалъ мнѣ обѣ руки.

— Надѣюсь, голубчикъ, мы понимаемъ другъ друга... Повѣрьте, жизнь—дѣло большое. Кто знаетъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ мы можемъ съ вами встрѣтиться и толкнуть другъ друга или помочь одинъ другому въ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Сохранимъ лучше добрыя отношенія! Повѣрьте, — прошепталъ онъ,—я не безъ чувствъ, я умѣю цѣнить добрыя отношенія... Я съ своей стороны готовъ оказать вамъ всевозможныя услуги. Сдѣлайте одолженіе, приказывайте... Я имѣю большія связи...

— Помилуйте! — смутился я: — какія могутъ быть услуги и за что?

— Мало ли что можетъ быть? Повторяю, жизнь—дѣло мудреное... Всякое бываетъ!... И, ради Бога, имѣйте въ виду, что я всегда, всегда готовъ оказать вамъ и содѣйствіе, и участіе, и защиту,—все, все сдѣлаю, только слово скажите!... Да зайдите же ко мнѣ! Что вы стѣсняетесь?

— Извините. Ничуть я не стѣсняюсь...

— Отчего же въ такомъ случаѣ избѣгаете меня?

— И не избѣгаю... Просто времени свободнаго нѣтъ... Постараюсь воспользоваться удобной минутой и зайду.

— Зайдите. Непремѣнно зайдите. Очень буду радъ!...

Уходя, онъ опять троекратно поцѣловался со мной, и разстались мы въ родѣ того, какъ бы друзьями. Онъ даже послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй въ то время, когда вышелъ уже изъ дверей квартиры на парадную лѣстницу.

X.

Близкихъ отношеній между нами все-таки не возстановилось. Способствовалъ этому главнымъ образомъ самъ Никтополіонъ Александровичъ, на личность и дѣятельность котораго я не переставалъ смотрѣть съ подозрительнымъ недовѣріемъ.

Поспособствовалъ этому отчасти и мой знакомый сибирякъ-купецъ, у котораго я встрѣчался съ Никтополіономъ Александровичемъ. Этотъ сибирякъ, Иванъ Андреевичъ NN., сталъ прихварывать, свиданія наши, по случаю его болѣзни, пріостановились, а потомъ, спустя нѣкоторое время, и совсѣмъ прекратились, такъ какъ Иванъ Андреевичъ освободился, наконецъ, отъ земныхъ путъ и отправился въ ту дальную страну, гдѣ никакихъ чайныхъ магазиновъ нѣтъ, и никакихъ привилегій на выдѣлку варенья изъ еловыхъ шишекъ никому не нужно. Позволяю себѣ помянуть въ этомъ моемъ писаніи покойнаго сибиряка добрымъ словомъ. Всю жизнь онъ хлопоталъ объ общественныхъ дѣлахъ, забывая о своихъ, хлопоталъ, положимъ, изъ чувства тщеславія, изъ желанія играть въ своемъ муравейникѣ видную роль, но хлопоталъ все-таки безвозмездно и умеръ бѣднякомъ. Въ той далекой сто-

ронѣ, на границѣ Китая, въ знаменитой торговой слободѣ Кяхтѣ, въ тѣ времена (пятьдесятъ лѣтъ назадъ) только лѣнивый и глупый не наживалъ капиталовъ, а Иванъ Андреевичъ, не будучи ни лѣнивымъ, ни глупымъ, ничего не скопилъ себѣ на старость лѣтъ, и въ этомъ, по моему разумѣнію, большая его заслуга, какъ человѣка нестяжательнаго, добраго, отзывчиваго къ чужому горю. Дай ему Богъ вѣчный покой.

Итакъ, послѣ смерти этого сибиряка мои свиданія съ Никтополіономъ Александровичемъ прекратились. Прекратилось вскорѣ послѣ этого и изданіе «Искры», я началъ работать въ ежемѣсячныхъ изданіяхъ, въ «Русскомъ Словѣ», въ «Дѣлѣ», и въ работахъ моихъ, не касавшихся уже текущей жизни и имѣвшихъ этнографическій характеръ, не было для Никтополіона Александровича уже ничего пугающаго, и онъ ухаживать за мной пересталъ.

Шли года за годами, и прошло ихъ такъ много, что воспоминанія о встрѣчахъ и знакомствѣ съ нимъ стали забываться, листочки той записной книжки, въ которой я имѣлъ обыкновеніе дѣлать наброски о встрѣчахъ и знакомствахъ, листочки эти пожелтѣли, помялись, записи потускнѣли, да и самъ я отъ бурь и житейскихъ непогодъ тоже значительно помялся и постарѣлъ. И, можетъ быть, воспоминанія мои о встрѣчахъ съ Никтополіономъ Александровичемъ утонули бы въ пропасти забвенья, если бы онъ самъ не помогъ имъ спастись отъ этого.

Именно онъ самъ, своими непрерывными заботами о суетныхъ благахъ міра сего, своими напоминаніями о собственной персонѣ и въ газетахъ и въ рѣчахъ, произносимыхъ имъ въ разныхъ нарочитыхъ собраніяхъ, неустанно напоминалъ о себѣ. Именно онъ самъ заставилъ меня бережно относиться къ моей записной книжкѣ и хранить ее, какъ дорогой матеріалъ, могущій оказаться большимъ подспорьемъ для воспоминаній о немъ. Таковымъ теперь записная книжка и оказалась.

Подобно Пушкинскому старцу Пимену, я могу сказать: «На старости я сызнова живу, минувшее проходитъ предо мною... Давно ль оно неслось, событій полно, волнуяся, какъ море-океанъ?»...

XI.

Въ газетахъ, какъ я сказалъ выше, замѣтки о Никтополіонѣ Александровичѣ и его дѣятельности не переставали время отъ времени появляться. То печаталось сообщеніе, что онъ куда-то выѣхалъ, то откуда-то благополучно возвратился. Сообщались рѣчи, произносимыя имъ на нарочитыхъ собраніяхъ, на обѣдахъ и засѣданіяхъ, мнѣнія, высказанныя имъ о дѣятельности вышеупомянутыхъ обществъ «прикосновенія къ чужой собственности», телеграммы изъ разныхъ градовъ и весей Россійской имперіи такого,

напримѣръ, содержанія: «Сегодня, такого-то мѣсяца и числа, многоуважаемый почетный гражданинъ нашего города посѣтилъ общественное собраніе, сказалъ теплую рѣчь, вызвавшую дружныя рукоплесканія», и т. д. Или, напримѣръ, печаталось извѣстіе, начинавшееся слѣдующими словами: «Мы слышали и поставлены въ возможность сообщить, что нашъ достопочтенный и неусыпный патріотъ, съ похвальнымъ постоянствомъ продолжающій, не щадя силъ и матеріальныхъ издержекъ, работать на пользу русскаго просвѣщенія, задумалъ осуществить давно имъ взлелѣянную мысль о томъ, что...» и т. д.

Читалъ я такія сообщенія и извѣстія о дѣятельности Никтополіона Александровича и дивился, откуда, думаю, берется такое ихъ обиліе, кто именно съ такою неусыпною дѣятельностью продолжаетъ неусыпно о немъ звонить во всѣ, такъ сказать, колокола. Потомъ сталъ раздражаться непрерывающимся теченіемъ хвалебныхъ извѣстій о немъ, не разъ вспоминалъ о совѣтѣ Кузьмы Пруткова, что и фонтанъ, выбрасывающій непрерывно воду, слѣдуетъ по временамъ затыкать, дабы дать ему возможность отдохнуть. Потомъ уже явилось и сомнѣніе: откуда, думаю, такая, съ позволенія сказать, прорва похвальныхъ извѣстій о Никтополіонѣ Александровичѣ, не самъ ли ужъ онъ такъ настойчиво о себѣ трубитъ?

И откровенно скажу, не я одинъ такъ думалъ.

Не разъ въ средѣ знакомыхъ бывали разговоры о немъ, высказывались отзывы о его дѣятельности, общественномъ положеніи, о коронной его службѣ и т. д. Отзывы эти были столь разнообразны, что не было возможности составить изъ нихъ какой либо болѣе или менѣе опредѣленный выводъ. Одни говорили, что онъ богатый человѣкъ и имѣетъ полную возможность жить на широкую ногу, другіе, напротивъ, утверждали, что не только никакого богатства у него нѣтъ, а наоборотъ—одни долги, и притомъ такіе многочисленные, что едва ли онъ самъ, при всей своей геніальной сообразительности, въ состояніи перечислить, сколько и кому именно долженъ.

— Есть при немъ,—разсказывали лица, знавшія его поближе,—есть при немъ нѣкоторый человѣкъ, весьма изворотливый и юркій, онъ завѣдуетъ его долгами: въ одномъ мѣстѣ занимаетъ, въ другомъ уплачиваетъ. Этотъ особый человѣкъ состоитъ при немъ на частной службѣ и получаетъ немаленькое жалованье. Да и нельзя дешево цѣнить его службу, потому что хлопотъ у него, какъ говорится, всегда полный ротъ, а соображенія, изворотливости, умѣнья втереть очки въ глаза кредитора ему нужно столько, сколько не нужно иному главнокомандующему.

По разсказамъ свѣдущихъ людей, онъ цѣлые дни съ утра до вечера носится по городу изъ одного конца въ другой, вынюхи-

вая и прислушиваясь, гдѣ, въ какомъ домѣ, у какого именно простоватаго человѣка есть деньги, и при томъ такія, которыя можно занять подъ вексель. Онъ, не довольствуясь этимъ, печаталъ время отъ времени въ газетахъ извѣщенія о томъ, что «есть прекрасный случай помѣстить деньги подъ вѣрное обезпеченіе», и сообщалъ свой адресъ. Простодушнымъ и довѣрчивымъ кредиторамъ онъ вмѣсто просроченныхъ векселей выдавалъ другіе, новые, на бо̀льшую, конечно, чѣмъ раньше, сумму, неспокойнымъ уплачивалъ наличныя деньги изъ новыхъ займовъ. До самого Никтополіона Александровича, какъ до нѣкоторой святыни, простому смертному недоступной, этотъ управляющій долгами допускалъ кредиторовъ только въ крайнихъ случаяхъ, именно только тогда, когда они выражали сомнѣніе насчетъ того, имъ ли самимъ лично подписанъ новый вексель. Никтополіонъ Александровичъ съ высоты своего величія выражалъ подобнымъ господамъ свое высокомѣрное пренебреженіе, подписывалъ въ ихъ присутствіи векселя и, не подавая руки векселедержателю, милостиво кивалъ ему головой, давая знать такими кивками: «получилъ, молъ, вексель и, значитъ, убирайся къ чортовой матери».

Такимъ образомъ долги мало-по-малу увеличивались, и все въ дѣлахъ Никтополіона Александровича было всегда шито и крыто, все въ вожделѣнномъ благополучіи.

Спустя нѣсколько лѣтъ, мнѣ, по случайному обстоятельству, пришлось убѣдиться, что газетные отзывы о его дѣятельности, телеграммы и сообщенія о томъ, что онъ то пріѣхалъ, то уѣхалъ, то уѣзжаетъ, то возвращается,—доставлялись въ газеты имъ же самимъ и его агентами, тоже, разумѣется, не безплатными. Пришлось притомъ узнать, что онъ, продолжая жить на широкую ногу, преуспѣваетъ и по службѣ государственной.

Годъ или два спустя послѣ смерти сибиряка, я прочиталъ въ газетахъ извѣстіе, уже не подлежащее никакому сомнѣнію, извѣстіе о томъ, что Никтополіонъ Александровичъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ назначеніе быть членомъ въ какомъ-то совѣтѣ, т.-е. попалъ онъ, какъ говорятъ чиновники, примѣняя къ подобному назначенію слова писанія: «въ мѣсто свѣтло, въ мѣсто злачно, въ мѣсто покойно, идѣже праведніи пребываютъ».

XII.

Достигнувъ до такого «злачнаго и покойнаго мѣста, гдѣ праведники пребываютъ», Никтополіонъ Александровичъ, казалось, долженъ былъ угомониться, прекратить всѣ заботы о самовосхваленіи и начать мирно пользоваться покоемъ бытія. Но не таковъ онъ былъ.

Получивъ превосходительный чинъ и злачное мѣсто, онъ не только не успокоился въ сознаніи достигнутой цѣли, напротивъ еще оживленнѣе заметался во всѣ стороны, отыскивая новые пути для удовлетворенія томившей его жажды тщеславія. О расходахъ, превышающихъ доходы, о долгахъ, неустанно увеличивавшихся, онъ нимало не заботился—это, молъ, все «суета и томленіе духа», главное—быть на виду, играть видную роль.

Съ этого времени, т.-е. со времени полученія превосходительнаго чина, я его рѣдко встрѣчалъ, такъ иногда издали замѣчалъ кое-гдѣ, иногда на улицахъ видалъ и намѣренно переходилъ на противоположную сторону тротуара, чтобы не раскланиваться и не возобновлять прерваннаго знакомства, иногда видалъ его на общественныхъ засѣданіяхъ, слыхалъ его патріотическія рѣчи и тоже старался быть отъ него подальше. Въ превосходительномъ чинѣ онъ сталъ, казалось, выше ростомъ, стройная его фигура приняла еще болѣе величественную осанку, блестящая во всю голову лысина блестѣла еще ярче, и когда онъ, говоря рѣчь, раскрывалъ свои превосходительныя уста, въ глазахъ его появлялось выраженіе высокаго положенія и гордаго самодовольствія.

Чиновники того вѣдомства, гдѣ онъ служилъ, говорили о немъ:

— Мечтаетъ о слѣдующемъ чинѣ. Знаемъ, во снѣ бредитъ «высокопревосходительствомъ». Ну, однако, подождетъ. Это не всякому дано...

— Достукается! Погодите, непремѣнно достукается,—замѣчали другіе,—человѣкъ съ энергіей.

— Что говорить! Разумный человѣкъ, знаетъ, когда, гдѣ и по какимъ дорожкамъ слѣдуетъ пробираться впередъ.

И когда кто нибудь изъ лицъ, слыхавшихъ о его денежныхъ затрудненіяхъ, замѣчалъ, что у него долговъ много, товарищи, искушенные жизнью, возражали.

— Вотъ еще! Есть о чемъ думать. Долги—сущій пустякъ. Онъ вездѣ и всегда кредитъ найдетъ, да и какъ не найти такому человѣку? Любой купецъ, въ особенности изъ ветхозавѣтныхъ, раскроетъ бумажникъ при первомъ его словѣ о займѣ.

Маловѣры, неудачники, конечно, выражали сомнѣнія насчетъ легкости кредита для Никтополіона Александровича, однако ничего не могли возразить противъ факта. Вопросъ ставился прямо: «Есть у него долги?»—«Есть»,—получался отвѣтъ.—«Много?»—«Говорятъ, много».—«Стало быть, есть лица, вѣрящія ему?»—и отвѣтъ гласилъ: «есть», и въ заключеніе споровъ ставился рѣшительный выводъ.

— Никтополіонъ Александровичъ — Юпитеръ! Кто откажетъ Юпитеру въ займѣ? Кто поколеблется кредитовать такого человѣка, который не только съ министрами, но даже съ лицами, стоящими на служебной лѣстницѣ выше министровъ, находится на короткой ногѣ.

Къ слову сказать, за сорокъ лѣтъ моей трудовой жизни въ Петербургѣ многое множество моихъ знакомыхъ изъ чиновнаго міра несказанно измѣнились именно съ того времени, когда достигли злачныхъ мѣстъ, т.-е. получили высшіе чины и крупные оклады. Съ этого времени головы они начали откидывать нѣсколько назадъ, при встрѣчѣ стали вмѣсто всей руки подавать только два пальца, походка ихъ сдѣлалась медлительной, и та сторона корпуса, на которой у нихъ красовалась на подобающемъ мѣстѣ звѣзда ордена первой степени, стала выступать при движеніи нѣсколько впередъ, такъ что казалось, будто они ходятъ бокомъ. Даже ростомъ они сдѣлались какъ будто выше, представляя такимъ образомъ собою совершенную противоположность евангельскому изреченію о томъ, что не можетъ человѣкъ прибавить себѣ росту, хотя бы на одинъ волосъ.

Живя иногда въ лѣтніе мѣсяцы въ деревнѣ, я не разъ съ любопытствомъ наблюдалъ за индѣйскими пѣтухами, смотря, какъ они расхаживаютъ, важничаютъ и пыжатся. Въ чемъ заключается причина такой невообразимой напыщенности? Почему, для чего и для кого, наконецъ, это постоянное раздуваніе крыльевъ, приподниманіе головы, какое-то изумительное во всей фигурѣ самодовольство и шипѣніе? И не разъ шутливая мысль приходила при этомъ въ голову, мысль о томъ, нѣтъ ли въ царствѣ пернатыхъ тоже, какъ и въ чиновномъ мірѣ у насъ, какихъ нибудь особыхъ положеній, въ родѣ, напримѣръ, чиновъ, орденовъ и тому подобныхъ отличій, вызывающихъ въ нихъ чувства самодовольной гордости и тщеславія. Орденовъ, посмотришь, и не видать, а важности хоть отбавляй.

Замѣчаю объ этомъ только такъ, между прочимъ, и именно только на томъ основаніи, что ужъ очень мнѣ бывало удивительно замѣчать въ близкихъ мнѣ лицахъ перемѣны, при производствѣ ихъ въ высшіе чины, и очень—не скрою—казалось обидно за человѣка, носящаго образъ Божій и впадающаго въ такое предосудительное чванство.

Припоминаю слова Шекспира: «Что жизнь? Тѣнь мимолетная! Фигляръ, неистово шумящій на помостѣ и черезъ часъ забытый всѣми. Сказка въ устахъ глупца, богатая словами и звономъ фразъ, но низкая значеньемъ». И стоитъ посмотрѣть на жизнь съ другой стороны, а именно, на ея скорби, страданія и лишенія, чтобы уразумѣть, что такое жизнь, и уныло поникнуть головой при сознаніи ея тяжести и ничтожности всѣхъ человѣческихъ дѣяній. Мы—въ изгнаніи и несемъ крестъ за вину своего рожденія. «Самая большая вина человѣка,—говоритъ Кальдеронъ,—та, что онъ родился, и какъ же это не вина, если за нее назначена смертная казнь!» При чемъ же тутъ важничанье...

Но извиняюсь, я уклонился въ сторону отъ главной задачи моего повѣствованія.

XIII.

Никтополіонъ Александровичъ на значеніе жизни такъ не смотрѣлъ, напротивъ — упивался ею, гонялся за успѣхами, какъ бы они ни были ничтожны и скоропреходящи, гонялся, само собою разумѣется, и за поисками презрѣннаго металла, конечно, не съ цѣлію его накопленія, а именно для того только, чтобы при помощи его пользоваться радостями жизни, радостями, заключавшимися для него главнымъ образомъ въ удовлетвореніи чувства тщеславія.

Бывали, конечно, и не разъ тяжелыя минуты, когда онъ и его управляющій долгами оба теряли головы, не зная, какъ вывернуться изъ того положенія, въ которое ставили ихъ жестокосердные кредиторы.

— Не отсрачиваетъ?—мрачно спрашивалъ Никтополіонъ Александровичъ.

— Нѣтъ! Не соглашается ни за какіе проценты...

— Ищите у другого.

— Ищу и не нахожу. А завтра срокъ: хочетъ протестовать...

— Ну, Богъ съ нимъ!..

Никтополіонъ Александровичъ тяжело вздыхалъ, крестился, смотря на образъ, прося помощи свыше. И какъ это зачастую бываетъ въ жизни, въ трудную, повидимому, безвыходную минуту, являлся Богъ вѣсть откуда счастливый случай и спасалъ отъ опасности.

— А вѣдь я думалъ,—таинственнымъ шепотомъ сообщалъ Никтополіонъ Александровичъ своему управляющему долгами, — думалъ ѣхать туда... понимаете! Думаю, все равно, откроюсь въ своихъ крайностяхъ, можетъ быть, онъ и выручилъ бы...

— Да, да... конечно, возможно,—задумчиво отвѣчалъ управляющій долгами,—лицо крупное, разумѣется, можетъ выручить...

Кто этотъ «онъ» подразумѣвался подъ крупнымъ лицомъ, знали только самъ Никтополіонъ Александровичъ и его вѣрный управитель.

И скрывать нечего, бывали случаи, когда Никтополіонъ Александровичъ въ видѣ кающагося грѣшника являлся въ апартаменты этого лица и со слезами на глазахъ изливалъ предъ нимъ свои скорби. Крупное лицо молча выслушивало его скорбныя повѣствованія, задумчиво покачивало при этомъ головой и въ концѣ концовъ бралось за звонокъ, стоявшій на письменномъ столѣ. Въ кабинетѣ появлялся, точно изъ земли вынырнувъ, безмолвный вицъ-мундиръ, молча выслушивалъ приказаніе крупнаго лица и молча исполнялъ его, явившись чрезъ пять-шесть минутъ съ казенной ассигновкой.

— Ваше высокопревосходительство!—слезнымъ шепотомъ произносилъ Никтополіонъ Александровичъ,—сколь много вы для меня дѣлаете! Вѣкъ не забуду!...

Крупное лицо молча протягивало руку, давая знать, что разговоръ конченъ, и пора просителю убираться во-свояси.

Въ теченіе десятилѣтія, прошедшаго со дня смерти сибиряка, «кавалера изъ Кяхты», я не встрѣчался съ Никтополіономъ Александровичемъ нигдѣ. У насъ были разныя дороги, онъ шелъ по одной, я—по другой. Случалось, видалъ я его иногда ѣдущимъ, развалясь, въ коляскѣ, видалъ въ большихъ петербургскихъ храмахъ, когда онъ выходилъ оттуда, сопровождаемый церковнымъ служителемъ, почтительно забѣгавшимъ впередъ при его выходѣ на церковный подъѣздъ и услужливо открывавшимъ ему дверцу кареты.

Не скрою, меня удивляло, за что такой почетъ оказываютъ ему церковные сторожа. Разговаривая иногда съ знакомыми о Никтополіонѣ Александровичѣ, я узналъ, почему такъ подобострастно ухаживаютъ за нимъ вездѣ и швейцары, и лакеи, и дворники, и всякій иной подобный людъ, поставленный волею судебъ въ необходимость добывать средства существованія мелкими услугами.

— Любитъ онъ почетъ,—объяснили мнѣ,—и расплачивается за него щедро. Подастъ ему лакей шубу,—получаетъ награду, выбѣжитъ церковный сторожъ, откроетъ дверцу кареты и возвращается въ церковь уже не съ пустыми руками, а съ пятиалтынничкомъ или съ двугривеннымъ. Онъ такъ прикормилъ вездѣ, гдѣ только ему приходится бывать, и лакеевъ, и швейцаровъ, и сторожей, что они наперерывъ одинъ передъ другимъ бросаются къ нему на встрѣчу съ услугами.

Въ этомъ мнѣ представился случай лично убѣдиться.

XIV.

Однажды, дѣлая обычную послѣ кабинетныхъ занятій прогулку, я зашелъ въ церковь, не помню, въ какую, не то въ Казанскій соборъ, не то въ Исаакіевскій. Дѣло было давно, пожалуй, уже двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, но не въ томъ суть, т.-е. не во времени и не въ названіи церкви. Войдя въ церковь, я издали замѣтилъ въ ней высокую фигуру Никтополіона Александровича и сразу узналъ его, несмотря на то, что онъ и поседѣлъ еще болѣе и посѣдѣлъ до снѣжной бѣлизны волосъ.

Въ церкви служба кончилась, и не было уже въ ней ни священника, ни дьякона, оставался только у свѣчной стойки прода

вецъ свѣчей и кой-гдѣ по угламъ и около колоннъ замѣтны были унылыя фигуры церковныхъ завсегдатаевъ: двѣ-три монахини съ книжками въ рукахъ, низко кланявшіяся проходящимъ мимо богомольцамъ и писклывыми, чуть слышными голосами обращавшіяся къ нимъ съ просьбами о пожертвованіи «Царицѣ Небесной», нѣсколько старушекъ-нищенокъ стояли невдалекѣ отъ нихъ и молча протягивали тощія, морщинистыя руки къ прохожимъ въ ожиданіи милостыни; какая-то барыня среднихъ лѣтъ, одѣтая въ богатую ротонду, стояла на колѣняхъ предъ однимъ изъ образовъ, заливаясь слезами и горячо прижимая къ груди обѣ руки, не сводя глазъ съ образа. Словомъ, обычная картина, обычно повторяющаяся ежедневно, хотя и не въ одинаковыхъ формахъ, во всемъ мірѣ Божіемъ, гдѣ, по словамъ апостола, «вся живая тварь стенаетъ».

Никтополіона Александровича я замѣтилъ впереди у иконостаса, гдѣ онъ переходилъ отъ одного образа къ другому, имѣя въ рукахъ большую пачку восковыхъ свѣчей. Переходя отъ образа къ образу, онъ крестился, положимъ, не особенно усердно, вѣрнѣе, величественно, по-генеральски, съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Крестился онъ передъ тѣмъ, какъ ставилъ свѣчу, потомъ, поставивъ, опять помахивалъ нѣсколько разъ правой рукой надъ своимъ животомъ, но дѣло однимъ помахиваньемъ не оканчивалось. Послѣ этого помахиванья, замѣнявшаго, видимо, крестное знаменіе, онъ прикладывался къ образу сначала устами, а потомъ лысиной и подолгу стоялъ въ такой наклонной позѣ, не поднимая головы отъ образа, и о чемъ-то во все это время бормоталъ и шепталъ.

Тишина въ церкви была, что называется, мертвая. Я прошелъ въ переднюю часть церкви поближе къ иконостасу, интересуясь видѣть, какъ ставитъ свѣчи Никтополіонъ Александровичъ, и даже слышалъ отчасти его глухой говоръ предъ образами, говоръ, положимъ, не ясный, но понятный по своему значенію. Онъ очевидно о чемъ-то «ходатайствовалъ».

Израсходовавъ свѣчи и вдоволь наговорившись предъ каждымъ изъ образовъ, даже постукавшись о нѣкоторые изъ нихъ головой, онъ помахалъ еще раза три-четыре правой рукой надъ своимъ животомъ, тоже изображая этимъ маханьемъ, по его мнѣнію, крестное знаменіе, и пошелъ къ выходу изъ церкви.

Меня онъ намѣренно или ненамѣренно не замѣтилъ, вѣрнѣе — ненамѣренно: очень ужъ былъ углубленъ въ свои думы о чемъ-то, видимо, глубоко его интересовавшемъ. Да и то сказать, не встрѣчались мы много лѣтъ, и если онъ посѣдѣлъ и облысѣлъ, то и я тоже за это время не помолодѣлъ.

Онъ пошелъ отъ иконостаса къ выходнымъ дверямъ, я, издали слѣдуя, тоже пошелъ за нимъ.

Ни на монахинь, ни на нищенокъ, ни на барыню въ богатой ротондѣ, стоявшую на колѣняхъ передъ образомъ, онъ не обратилъ никакого вниманія и только кивнулъ головой служителю, снимавшему огарки восковыхъ свѣчей съ лампадъ, висѣвшихъ передъ стѣнными образами, и поманилъ къ себѣ пальцемъ. Когда служитель торопливо подошелъ къ нему, вѣрнѣе—подбѣжалъ, онъ сунулъ ему въ руку серебряную монету (Богъ знаетъ, за какія услуги). Служитель догадался, что ему слѣдуетъ дѣлать, кинулся къ выходнымъ дверямъ, забѣжалъ впередъ Никтополіона Александровича, растворилъ дверь и, придерживая ее рукой, открылъ ему выходъ на церковный подъѣздъ, потомъ, когда онъ прошелъ въ двери, служитель снова кинулся впередъ, обогналъ его и услужливо открылъ дверцу кареты, ожидавшей его у церковнаго подъѣзда.

Видимо, служитель зналъ, кому услуживаетъ и что̀ за эту услугу получитъ.

Съ какими цѣлями и по какому именно дѣлу «предстательствовалъ» Никтополіонъ Александровичъ предъ святыми иконами, за кого или о чемъ молясь, осѣнялъ себя по-генеральски крестнымъ знаменіемъ,—узнать объ этомъ мнѣ было невозможно, такъ какъ всякія сношенія мои съ нимъ, какъ я сказалъ выше, давнымъ давно прекратились. Имѣя, по слухамъ, иногда доходившимъ до меня, свѣдѣнія о томъ, что Никтополіонъ Александровичъ переживаетъ иногда тяжелыя минуты, по жестокосердію своихъ кредиторовъ, я по поводу описанной встрѣчи въ церкви думалъ, что онъ «предстательствуетъ» по причинѣ переживаемаго имъ въ это время финансоваго кризиса. Оказалось, что думы мои были ошибочны.

Случай, или, вѣрнѣе сказать, роковой ходъ событій, всего чаще совершающихся въ жизни помимо нашей воли, раскрылъ мнѣ сокровенныя намѣренія Никтополіона Александровича, относившіяся къ тому молитвенному посѣщенію храма, котораго мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ.

Не далѣе, какъ въ тотъ же вечеръ, въ который я видѣлъ его въ церкви, зашелъ ко мнѣ молодой человѣкъ, искавшій какой нибудь работы по части переписки, уроковъ, корректуры и т. п., и просилъ рекомендаціи.

— Но позвольте, возразилъ я,—какъ же мнѣ васъ рекомендовать, когда я не знаю, насколько вы способны на ту или другую работу.

— Я могу вамъ представить о себѣ отзывъ. Я у многихъ работалъ, и мнѣ не откажутъ въ хорошемъ отзывѣ. Въ послѣднее время у меня работа была,—объяснилъ онъ,—очень большая и долго продолжалась, положимъ, весьма за малое вознагражденіе, даже очень за малое, но теперь она уже окончена и сдана. Я могу до-

ставить о ней отзывъ. Я человѣкъ аккуратный, и моей работой заказчики довольны.

— Какая работа? Уроки, вы говорили?

— Да, и уроки я могу и другую работу могу. Могу дѣлать смѣты, чертежи, рисовать планы... Я работалъ въ послѣднее время у генерала NN.

Онъ назвалъ фамилію Никтополіона Александровича и заинтересовалъ меня разсказомъ о работахъ. Оказалось, что Никтополіонъ Александровичъ составилъ проектъ по устройству какого-то большого казеннаго дома, обѣщавшаго, по его выводамъ, огромные барыши казнѣ.

— Такъ вотъ о чемъ онъ «предстательствовалъ» предъ святыми иконами,—сообразилъ я.

Но дѣло его, какъ видно, не выгорѣло. О его проектѣ потомъ не было никакихъ извѣстій ни въ частныхъ разговорахъ, ни въ газетныхъ сообщеніяхъ. Изъ этого являлся неизбѣжный выводъ, что проектъ провалился. Имѣй онъ успѣхъ, то, само собою разумѣется, протрубилъ бы онъ о немъ на всю Россію.

XV.

Послѣ описанной встрѣчи въ церкви прошло еще немало лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я о Никтополіонѣ Александровичѣ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ о себѣ сообщалъ въ газетахъ. Свѣдѣнія эти были не новостію и, признаться, уже не раздражали своимъ тономъ, вѣрнѣе, смѣшили. Читаешь, бывало: «мы слышали и поставлены въ возможность сообщить, что»... и догадываешься, кто этотъ слышавшій и поставленный въ возможность сообщить. Смѣю сказать, что не я одинъ понималъ истинный смыслъ и значеніе тѣхъ сообщеній, которыя распространялъ о своей дѣятельности Никтополіонъ Александровичъ.

«Искры» въ то время уже не было, она давнымъ давно погасла, и справедливость требуетъ сказать, что погасла она ничуть не отъ равнодушія публики, а по винѣ самого издателя, Василія Степановича Курочкина. Дай Богъ ему вѣчный покой на томъ свѣтѣ, человѣкъ онъ былъ добрый, талантливый и честный, но не хозяинъ, не умѣлъ обращаться съ деньгами и любилъ пожить широко. Дѣло провалилось, такъ сказать, само отъ себя, отъ неумѣнья хозяина согласовать приходы съ расходами. Но объ «Искрѣ», Богъ дастъ, разскажу когда нибудь подробнѣе.

Итакъ, «Искра» погасла, а новыхъ не вспыхивало, да и вспыхивать не могло, ибо отъ той свободы слова, какая проявилась въ русской печати въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, — въ половинѣ семидесятыхъ не осталось и тѣни.

Появись безцеремонныя самовосхваленія Никтополіона Александровича въ шестидесятыхъ годахъ,—не сдобровать бы ему: и пародіи на его самовосхваленія посыпались бы одна за другой, и въ стихахъ и въ прозѣ его бы высмѣяли, и портретъ его въ карикатурномъ видѣ красовался бы на страницахъ сатирическаго журнала. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ этого уже не могло быть: сатира изъ литературы исчезла, и оставшееся послѣ ея исчезновенія мѣсто заняла прелюбодѣйная печать, со «Стрекозою» во главѣ, и вмѣсто обличенія общественныхъ золъ началось размазыванье и смакованіе пикантныхъ сюжетовъ, увы, продолжающееся даже и теперь, въ наши дни, съ большимъ успѣхомъ. Такой литературы Никтополіону Александровичу нечего было бояться: онъ былъ примѣрный семьянинъ, примѣрный христіанинъ, вѣрный сынъ церкви, и никакая «Стрекоза» со всѣми подобными ей подражателями не могла ни съ какой стороны ущипнуть его. Наоборотъ, онъ могъ ущипнуть подобные журналы, могъ, при его краснорѣчіи, нагнать на нихъ такого страху, что они прижали бы хвостъ, зная, какую силу у начальства имѣетъ Никтополіонъ Александровичъ.

Но ничего подобнаго не было: Никтополіонъ Александровичъ ничуть не интересовался тѣмъ, что дѣлается въ печати, а заботился лишь о томъ, чтобы его самовосхваленія непрерывно въ ней появлялись, удовлетворяя тщеславіе, эту, по словамъ Шопенгауэра, «изъ всѣхъ человѣческихъ склонностей несокрушимѣйшую, наидѣятельнѣйшую и наибезумнѣйшую».

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ я былъ назначенъ редакторомъ газеты «Русскій Міръ». Покойный Черняевъ, уѣзжая въ Сербію, оставилъ редакторомъ Ѳ. Берга, но не прошло недѣли послѣ его назначенія въ редакторы, какъ покойный Тимашевъ, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, потребовалъ его къ себѣ, изумленный какимъ-то промахомъ Ѳ. Берга въ редактированіи газеты, и рѣшительно заявилъ ему, что завтра же закроетъ газету, если онъ не представитъ за себя другого редактора. Ѳ. Бергъ кинулся ко мнѣ (я тогда велъ въ «Русскомъ Мірѣ» отдѣлъ «Мнѣнія и отзывы») и сказалъ до сихъ поръ памятную мнѣ фразу.

— Д. И., не дѣлайте мнѣ зла, я самъ себѣ во сто разъ больше зла сдѣлаю.

— Что такое? Что такое?—изумился я, когда выяснилось, чего онъ отъ меня добивается, я смутился. Дѣло въ томъ, что въ то время я редактировалъ журналъ «Ниву», и взвалить на свои плечи еще новую редакцію ежедневной газеты, и притомъ въ такое время, когда разгоралась уже Восточная война, было не легко. Однако, согласившись въ распредѣленіи занятій по газетѣ (Бергъ принялъ дневныя, такъ сказать, подготовительныя работы по составу номера газеты, я принялъ вечернія, отвѣтственныя въ цензурномъ отношеніи),—согласившись, я на другой день послѣ произведенной

распеканціи Тимашева былъ утвержденъ редакторомъ «Русскаго Міра».

Никтополіонъ Александровичъ, уже много лѣтъ со мной не встрѣчавшійся, какъ только прочиталъ объ утвержденіи меня редакторомъ «Русскаго Міра», такъ тотчасъ же возымѣлъ желаніе возстановить наше прервавшееся знакомство. Онъ прикатилъ ко мнѣ, и не на квартиру и не въ редакцію газеты, а прямо въ типографію, гдѣ печатался «Русскій Міръ». Прикатилъ онъ именно въ такой часъ, когда разговаривать съ нимъ не представлялось возможности,—дѣла, какъ говорится, было по горло: и съ военной цензурой были хлопоты, и съ передовыми статьями, составлявшимися ночью по полученіи послѣднихъ телеграммъ, и съ газетными корреспонденціями «съ театра войны», которыя тоже нужно было съ большою тщательностію просматривать и въ то же время спѣшить съ ними, заботиться, чтобы не опоздать спустить номеръ въ машину въ свое время, дабы онъ не опоздалъ отпечататься и быть сданнымъ на почту въ опредѣленный часъ.

И вотъ въ такое-то горячее время Никтополіонъ Александровичъ нежданно-негаданно ввалился въ типографію. Дежурный разсыльный, на котораго онъ наткнулся у дверей редакторской комнаты, смутился, изумленный тѣмъ, что онъ хочетъ войти безъ доклада.

— Не могу, ваше превосходительство...—залепеталъ онъ,—дозвольте узнать фамилію...

— Почему не можешь?

— Очень заняты. Такъ, ваше превосходительство, что самый, значитъ, горячій часъ... дѣловъ много, номеръ готовятъ спускать въ машину...

— А-а! Хорошо, хорошо. Доложи въ такомъ случаѣ, скажи, что вотъ такой-то...

— Слушаю, ваше превосходительство...

Минуту, другую спустя, дверь растворилась, и раздался громкій голосъ Никтополіона Александровича.

— Голубчикъ! Дорогой мой!.. Извините... На одну только минуту!... Знаю, очень хорошо знаю, что заняты... Повѣрьте, не задержу. Самъ я человѣкъ, такъ сказать, прикосновенный къ печати—и понимаю. Я только поздороваться, поздравить васъ. Слышалъ, слышалъ,—въ одинъ день состоялось и предложеніе и утвержденіе. Очень хорошо! Поздравляю. Чудесно! Такъ... слѣдовало... По заслугамъ, по заслугамъ воздаяніе!...

Я сталъ извиняться, заявилъ, что нѣтъ одной свободной минуты, что очень радъ, но что лучше всего было бы переждать часъ времени, если онъ имѣетъ ко мнѣ какое либо дѣло.

Онъ замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Ничего спѣшнаго... Не извиняйтесь. Понимаю безъ извиненій. Я только взглянуть на васъ, полюбоваться... Да,

только полюбоваться... Я потомъ зайду въ редакцію... На Морской, кажется, да? Зайду, зайду! Священнымъ долгомъ почту... О молодецъ!... Помилуйте! Двѣ редакціи одновременно! Какую силу надо для этого!... Однако и у васъ, я смотрю, сѣдина появилась... Ничего, ничего! Это хорошо. Это, говорятъ, пѣна послѣ бури. По-моему, это аттестатъ зрѣлости. Да-а! Зрѣлость именно только съ сѣдиной приходитъ, а не съ университетскимъ аттестатомъ. О-о!.. Эти университетскіе аттестаты—нелѣпость. Величайшая нелѣпость!... Но извиняюсь. Ухожу, сейчасъ ухожу... Дай Богъ успѣха!... Господи! Въ какое время мы живемъ! Въ какое время!... Спаси насъ, Сыне Божій!.. Кровь льется на Востокѣ, можно сказать, черезъ край!... О Боже мой!... Боже мой!...

Онъ набожно перекрестился, возвелъ очи къ небесамъ и потомъ, троекратно поцѣловавшись со мною, вышелъ изъ комнаты.

— Слава Богу!—вздохнулъ я наконецъ съ облегченнымъ сердцемъ и принялся за работу.

XVI.

Чрезъ нѣсколько дней является въ редакцію посланный съ письмомъ отъ Никтополіона Александровича.

«Дорогой и присноnамятный дружественникъ и собесѣдникъ,— писалъ онъ,—посѣтите меня, въ немощи сущаго. И самъ бы непремѣнно заѣхалъ, но, по совѣту врачевателя тѣлесныхъ недуговъ, сижу дома. Повидаться съ вами очень и очень желаю, чувствъ моихъ ради, но и по дѣлу, очень нужному, имѣю къ вамъ неотложную надобность. Удѣлите полчасика, у меня и позавтракаете,— благо, здѣсь недалеко. Искренно васъ помнящій и сердечно любящій».

Лѣтъ десять, подумалъ я, мы не встрѣчались, а пишетъ, что помнитъ и даже любитъ. Однако, несмотря на извѣстную сыздавна его искусственную ласковость и заискиванье съ эгоистическими цѣлями, я все-таки поддался искушенію,—посмотрю, подумалъ, по крайней мѣрѣ, самъ увижу, въ какой обстановкѣ онъ обитаетъ.

Уловивъ свободные полчаса, я отправился.

Оказалось, у него гостей полная столовая. Два звѣздоносца, предсѣдатели какихъ-то совѣтовъ, «тѣхъ злачныхъ и покойныхъ мѣстъ, гдѣ праведніи пребываютъ», два директора обществъ «прикосновенія къ чужой собственности», не звѣздоносцы, но державшіеся не менѣе ихъ важно и имѣвшіе на жирныхъ пальцахъ рукъ кольца съ крупными брильянтами, трое тучныхъ монаховъ съ шарообразными животами и постнымъ выраженіемъ лицъ, жирныхъ и лоснящихся, монаховъ, судя по виду, тоже чиновныхъ и сановитыхъ, имѣющихъ значеніе въ своемъ муравейникѣ, вѣроятно, ка-

кихъ нибудь отцовъ настоятелей, титуловавшихся высокопреподобіями, можетъ быть, даже игуменовъ или архимандритовъ. Они во все время завтрака не проронили ни одного слова и непрерывно, во все продолженіе его, съ похвальнымъ усердіемъ истребляли, съ подобающею кротостью и смиренномудріемъ, подаваемыя имъ яства и питія.

Никтополіонъ Александровичъ, предупредительно обращавшійся къ звѣздоносцамъ и директорамъ съ покорнѣйшею просьбой оказать должное вниманіе подаваемымъ блюдамъ съ яствами, не оставлялъ безъ вниманія и преподобныхъ отцовъ.

— Ваше высокопреподобіе, покорно прошу, пожалуйте, возьмите еще рыбки, рыбка недурная, положите еще кусочекъ...

— Спаси васъ, Господи!—слышался тихій отвѣтъ, и объемистый кусочекъ недурной рыбки перекладывался съ блюда на тарелку его высокопреподобія.

— А вы, ваше высокопреподобіе, что же это?.. Пожалуйста, окажите вниманіе...

— Предлагаемое да пріемлемъ!—слышался отвѣтъ.—Спаси васъ, Господи!...

— А вы-то, вы-то что же, честнѣйшій и преподобнѣйшій отецъ?—обращался онъ къ третьему.—Такъ нельзя, вы ничего не кушаете... Прошу васъ!

— Я, ваше превосходительство, стараюсь... по мѣрѣ силъ...

— И постарайтесь еще...

— Охъ... Господи, помилуй!...

Третій преподобный отецъ глубоко вздыхалъ и, какъ бы не хотя, противъ желанія, тянулся за новымъ кускомъ рыбы.

Какія отношенія были у Никтополіона Александровича къ этимъ тучнымъ отцамъ, я не зналъ, но по заискивающимъ его улыбкамъ и рѣчамъ догадывался, что отношенія его къ нимъ построены тоже, какъ и всякія иныя отношенія его къ людямъ, на исканіи выгодъ—какихъ, Богъ его знаетъ, вѣроятно, матеріальныхъ,—какихъ же другихъ онъ могъ отъ нихъ искать? Но матеріальныя выгоды отъ монаховъ тоже какія могли быть?—подумалъ я. Однако, онъ за ними ухаживалъ, стало быть, на что-то надѣялся, можетъ быть, чрезъ нихъ искалъ «предстательства», положимъ, не предъ святыми иконами, а хотя бы предъ архіереемъ какимъ нибудь или митрополитомъ.

За завтракомъ было еще два-три лица тоже съ постными физіономіями и тоже великіе молчальники, но, видимо, молчальники не по обѣту молчанія, а по другимъ обстоятельствамъ, чуть ли именно не по тѣмъ самымъ, по которымъ неопытныя птицы попадаютъ въ сѣти охотника и предаются потомъ унынію, не имѣя силы вырваться изъ ловушки на волю.

Эти два-три лица показались мнѣ именно легкомысленными птичками, привлеченными заманчивымъ верномъ подъ сѣтку, разставленную имъ хитростію Никтополіона Александровича. Теперь, сидя за обильнымъ завтракомъ, они видимо получили уже даръ прозрѣнія и сознанія своихъ заблужденій.

Ихъ Никтополіонъ Александровичъ тоже радушно угощалъ, но они не произносили, какъ монахи, благодарственныхъ словъ: «спаси васъ, Господи», и уныло смотрѣли на обильныя яства, думая, вѣроятно, о томъ, возвратятся ли въ ихъ карманы тѣ денежки, которыя вытянулъ отъ нихъ, въ видѣ займа или въ видѣ предстоящаго расхода «на ходатайства», радушно угощающій ихъ теперь хозяинъ.

Кромѣ этихъ двухъ-трехъ лицъ, попавшихся, какъ видно, въ сѣти, остальные гости были всѣ народъ крупный и по росту, и по осанкѣ, и по общественному положенію, важный по сознанію своихъ собственныхъ достоинствъ и чуждый мнѣ по всему, всего болѣе— по необыкновенной своей важности: держатся гордо, смотрятъ свысока, не сидятъ, а засѣдаютъ, не говорятъ, а изрекаютъ, подобно древнимъ оракуламъ,—ѣдятъ—не ѣдятъ, а, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ священнодѣйствуютъ.

XVII.

Я едва досидѣлъ до окончанія завтрака и подъ предлогомъ неотложныхъ занятій сталъ прощаться, не ожидая выхода изъ-за стола остальныхъ гостей.

— Куда? куда?—озабоченно заговорилъ Никтополіонъ Александровичъ,—не спѣшите, дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ...

— Уйдетъ. Дѣло наше, знаете, хуже медвѣдя... Извините, господа, всѣмъ кланяюсь и предъ всѣми извиняюсь...

Тучные монахи вопросительно посмотрѣли на меня, видимо изумляясь, какъ можетъ человѣкъ выходить изъ-за стола, когда онъ обильно заставленъ яствами и питіями. Въ отвѣтъ на мой поклонъ звѣздоносцы величественно кивнули головами, предсѣдатели обществъ «прикосновенія къ чужой собственности» тоже не безъ сознанія собственнаго достоинства пошевелили бровями. Я хотѣлъ уже итти къ выходу въ переднюю, но въ это время Никтополіонъ Александровичъ взялъ меня подъ руку и шепнулъ:

— Погодите... На одну минуту... Зайдите вотъ сюда, въ эту сторону. На одну самую маленькую минуту: у меня есть къ вамъ важное дѣло.

Волей-неволей я пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Сядьте, прошу васъ...

— Никтополіонъ Александровичъ, знаете, время—деньги...

— Знаю, знаю. Я сейчасъ все разскажу и отпущу васъ!..

Въ кабинетѣ на письменномъ столѣ лежалъ пакетъ, довольно объемистый и, какъ оказалось, намѣренно положенный на видномъ мѣстѣ для того, чтобы не забыть о немъ при свиданіи со мной.

— Вотъ, голубчикъ мой, какое дѣло,—зашепталъ Никтополіонъ Александровичъ,—небольшое, положимъ, дѣло, но значенія все-таки очень немалаго...

Онъ взялъ пакетъ со стола и передалъ мнѣ.

— Это, изволите видѣть, статья, очень дѣльная статья, и написана хорошо и правдивая... Напечатайте. Совѣтую, отъ всего сердца совѣтую,—прекрасная статья!

— Но позвольте. Въ чемъ дѣло? О чемъ статья?

— О дѣятельности нашего достоуважаемаго NN... Повѣрьте, знаете, я—человѣкъ прямой, откровенный, люблю рѣзать правду-матку въ глаза и смѣло говорю — напечатайте: и для газеты это будетъ полезно и для васъ самихъ лично можетъ быть очень и очень не вредно. Сами знаете, конечно, нечего вамъ объяснять, какая сила NN. Ну, словомъ, печатайте, «ничтоже сумняся», въ убыткѣ не будете...

— Извините. Статью я возьму, но слова вамъ не даю, можетъ быть, она и не будетъ помѣщена.

— Какъ не будетъ? Будетъ! Увѣряю васъ, будетъ. Прочитайте и сами увидите,—прекрасная статья. Помните только, что NN. будетъ очень доволенъ, а это, повѣрьте, важно и для васъ и для газеты...

Разсуждать и объясниться было некогда. Никтополіонъ Александровичъ вышелъ проводить меня въ переднюю.

— Надѣюсь, голубчикъ, очень надѣюсь...

Онъ еще нѣсколько разъ повторилъ, что статья прекрасная, и поцѣловался со мной на прощанье.

Лакей, видимо знающій свое дѣло, уже снялъ съ вѣшалки мое верхнее платье, готовый накинуть его мнѣ на плечи.

— Спасибо, голубчикъ, за посѣщеніе,—зашепталъ Никтополіонъ Александровичъ,—извините, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не забывайте старика. Ахъ,—вдругъ Богъ знаетъ почему заволновался онъ, горячо пожимая мнѣ руки,—ахъ, какъ бы я желалъ съ вами по душѣ побесѣдовать!.. Какъ много, много нужно бы переговорить, обсудить... Зайдите, дорогой мой, умоляю, зайдите какъ нибудь, удѣлите мнѣ свободную минуту. Поговоримъ по душѣ!..

Статья о служебной дѣятельности господина NN. оказалась для печати неудобной, никакого общественнаго значенія она не имѣла и, кромѣ льстивыхъ похвалъ, расточаемыхъ по адресу господина NN. за его служебную дѣятельность, въ ней ничего не было. Какъ Кочкаревъ въ «Женитьбѣ» Гоголя расхваливаетъ же-

ника, утверждая, что онъ «усовершенствовалъ свою часть», такъ въ статьѣ о господинѣ NN. нѣсколько разъ повторялось одно и то же о томъ, что «заслуги его неисчислимы». Я отправилъ статью обратно, и не прошло получаса со времени ея отправки, какъ самъ Никтополіонъ Александровичъ прилетѣлъ ко мнѣ въ редакцію и молитвеннымъ тономъ зашепталъ.

— Голубчикъ! Что вы дѣлаете? Помилосердуйте! Прекрасная статья!.. Вы, вѣроятно, не читали... Я понимаю, дѣла у васъ множество, но увѣряю васъ, что не прогадаете. Пошлите немедленно въ наборъ, въ наборѣ прочтете... Я привезъ ее съ собой... Вотъ она.

И когда я наотрѣзъ заявилъ, что статью читалъ и печатать не буду, Никтополіонъ Александровичъ выпрямился во весь ростъ, заложилъ палецъ правой руки за пуговицу и напомнилъ мнѣ прежняго Никтополіона Александровича, когда, бывало, въ квартирѣ сибиряка-купца онъ величественно ораторствовалъ о своихъ заслугахъ...

— Такъ вы отказываетесь? Вы отказываетесь?—трагическимъ шепотомъ спросилъ онъ.

— Да, отказываюсь.

— Я такъ и зналъ. Я давно, давно именно съ этой стороны зналъ васъ... Да! Упорный вы человѣкъ, неукладистый, и нечего съ вами время терять!..

Словомъ, онъ не выдержалъ высокомѣрной роли, не доигралъ и роли ласковаго собесѣдника, и, порывисто поднявшись съ кресла, пошелъ къ дверямъ, не подавая мнѣ руки.

— Не обижайтесь, ваше превосходительство! — сказалъ я ему вслѣдъ.

Онъ остановился, презрительно оглянулъ меня съ ногъ до головы и прошепталъ, брезгливо скрививъ ротъ.

— Ну вотъ еще,—отвѣтилъ онъ,—что выдумали! Не хотите,— какъ хотите. Вы—хозяинъ, я—гость! Мое почтеніе!..

На этомъ мы разстались и больше никогда нигдѣ не встрѣчались.

XVIII.

Но слухи о дѣятельности Никтополіона Александровича не переставали доходить до меня. И въ газетахъ попрежнему, время отъ времени появлялись извѣстія о немъ и не только краткія сообщенія, что «онъ уѣхалъ», или что «онъ возвратился», но и весьма пространныя, столбца два, а то и въ три, именно о томъ, «какъ много онъ трудится на пользу просвѣщенія народа, съ какою заботою, усердіемъ и, можно сказать, даже съ самоотверженіемъ идетъ по избранному имъ пути, руководствуясь единою, разъ поставленною имъ для себя цѣлію быть полезнымъ народу». Грѣхъ судить ближняго, но невозможно удержаться, чтобы не сказать правды,

а правда въ данномъ случаѣ была неоспоримая и сама себя, такъ сказать, обнаруживала. По тону хвалебныхъ статей о немъ, по содержанію телеграммъ, по отзывамъ о его изданіяхъ для народа,— вездѣ проглядывалъ онъ самъ, его слогъ, его манера излагать свои мысли. Словомъ, онъ трудился и дѣйствительно съ несказанною настойчивостію шелъ впередъ по намѣченной имъ для себя дорожкѣ. Есть выраженіе въ баснѣ, что кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку. Никтополіонъ Александровичъ одинъ дѣйствовалъ и за пѣтуха и за кукушку.

Доходили до меня слухи о немъ и изъ другихъ источниковъ, даже и изъ такихъ, изъ которыхъ, повидимому, и ожидать ихъ было нельзя.

Такъ однажды, проходя чрезъ кухню моей квартиры, я услыхалъ плаксивый разговоръ какой-то старушки, разсказывавшей моей прислугѣ о своихъ огорченіяхъ.

— И было у него, мать моя, состояньице,—разсказывала старушка,—и хорошенькое состояньице, тысячъ, надо быть, около восьми чистыми денежками, да! И что бы ты думала, голубушка, все теперича пропадаетъ.

— Какъ пропадаетъ? Почему пропадаетъ?—спросила изумленная прислуга.

— Да вотъ, пойди ты, такъ и пропадаетъ. Всё зацапалъ себѣ этотъ самый чиновный баринъ, какъ его, дай Богъ память, мудреное такое имя...

Я остановился, вслушиваясь въ разсказъ старушки, и когда она, вспомнивъ фамилію чиновнаго барина, назвала его имя, я уже не могъ уйти, не дослушавъ разговора. Оказалось, что она разсказывала о Никтополіонѣ Александровичѣ, о его «общественной дѣятельности».

— Но скажите, старушка,—спросилъ я,—какъ же онъ могъ «зацапать» чужія деньги?

— Ахъ, дорогой мой,—объяснила старушка,—дѣло это очень мудреное. И разобраться въ немъ теперича мы не знаемъ какъ. Извѣстно намъ, доподлинно извѣстно, что у покойника были деньги, и очень онъ ихъ берегъ, а замѣсто того оказались теперь только однѣ пустыя расписки, такъ—клочки кой-какіе на простой бумагѣ. Этотъ самый, значитъ, баринъ, Никтополіонъ, или, какъ его иначе назвать, очень мудреное имя, Наполеонъ что ли,—не знаю, не знаю... ну, вотъ онъ самый и выманилъ у нашего старика всѣ денежки.

— Позвольте. Какъ выманилъ? Почему вы знаете, что выманилъ?

— Да расписки-то, батюшка мой, расписки-то всѣ его, за его подписью всѣ онѣ. Такъ въ нихъ и обозначено: получилъ такую-то вотъ сумму и обязываюсь ее возвратить. Такъ и обозначено: обя-

зываюсь возвратить, а какъ теперича онъ возвратитъ, кому?.. Господи, помилуй! Какъ онъ сумѣлъ обойти нашего покойника, гдѣ его отыскалъ, какими такими волшебными чарами приворожилъ къ себѣ,—одинъ Господь знаетъ. Повѣрите ли, покойникъ нашъ былъ скромнѣйшій, благочестивѣйшій человѣкъ, бывало, въ праздникъ ни утренней, ни вечерней службы не пропуститъ, и служилъ онъ у купца у гостинодворскаго немного-немало, а цѣлыхъ тридцать годовъ, жалованье свое рубликъ къ рублику прикладывалъ, копилъ, и для кого же? Матерь Пресвятая! Копилъ для того, чтобы все разомъ ухнуло!.. Ахъ, ахъ!.. И удивительно, дорогой баринъ, кто ему, грѣховоднику, этому самому Наполеону, или, какъ его по-русски звать, этому, прости его Господи, хищному звѣрю, шепнулъ о немъ...

— Но позвольте, старушка. Не преждевременно ли вы скорбите такъ о деньгахъ? Вѣдь расписки-то цѣлы, и по нимъ можно взыскать съ заемщика.

— Цѣлы, цѣлы!.. Мы повѣренному показывали. Какъ же, какъ же, бережемъ ихъ теперича пуще глазу. И повѣренный сказываетъ, что можно бы, да нельзя, видишь ли.

— То-есть, какъ это вы говорите? И можно, и нельзя?

— Да такъ, значитъ, и нельзя. Повѣренный говоритъ, что спервоначала надо законныхъ наслѣдниковъ найти, въ правахъ, стало быть, ихъ утвердить, тогда, говоритъ, и взыскивать, предъявить, значитъ, въ судъ. А наслѣдниковъ-то, слышь ты, близкихъ у него нѣту, бобылекъ онъ былъ одинокій... охъ, охъ!.. И не знаемъ, не вѣдаемъ, чѣмъ эта наша скорбь разрѣшится и когда разрѣшится. Племянница, сказываютъ, внучатная, будто бы, какая-то племянница есть у него гдѣ-то въ Новгородскомъ уѣздѣ, ну, вотъ ей отписывали, чтобы, значитъ, пріѣзжала искать своихъ правовъ... А Богъ ее знаетъ, не ѣдетъ что-то. Пріѣдетъ ли, нѣтъ ли,—не вѣдаемъ... О Господи! Да на какія средства пріѣхать-то бѣдная, сказываютъ, женщина!.. Охъ!.. Вотъ какія наши скорбныя дѣла!.. Думали, надѣялись, жили сколько годовъ въ ожиданіи, что старичекъ насъ передъ смертью не забудетъ, анъ, гляди, что вышло!..

XIX.

Спустя нѣкоторое время, до меня дошелъ и опять-таки случайно разговоръ о Никтополіонѣ Александровичѣ, дополнявшій черты его духовнаго образа.

Въ обычный часъ вечера или, вѣрнѣе, ночи въ типографію, гдѣ печаталась газета «Русскій Міръ», являлся посыльный изъ телеграфнаго агентства и передавалъ телеграммы. Случилось какъ-то, что онъ запоздалъ почти на цѣлый часъ. Номеръ уже весь былъ въ наборѣ, и готовились спустить его въ машину, только

остановка за тѣмъ и была, чтобы получить телеграммы, набрать ихъ и поставить на приготовленное для нихъ въ номерѣ мѣсто. Для этого всегда въ наборѣ имѣлось нѣсколько коротенькихъ замѣтокъ, которыя ставились «на затычку»: мало будетъ телеграммъ, тогда замѣтки войдутъ въ номеръ, много—отложатся до другого раза. Время близилось уже къ часу ночи, а телеграммъ все еще не приносили. Я вышелъ изъ своей комнаты, узнать, не пришелъ ли разсыльный.

— Нѣтъ!—уныло отвѣтилъ старшій корректоръ, тоже не безъ унынія расхаживавшій по наборной и томясь думами о томъ, скоро ли ему придется вырваться на покой.

— Что жъ будемъ дѣлать? Посылайте немедленно разсыльнаго въ агентство узнать, можетъ быть, сегодня телеграммъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! Этого невозможно допустить. Время горячее, и телеграммы непремѣнно должны быть...

При этихъ словахъ дверь наборной распахнулась, и посыльный съ телеграммами явился.

— Вотъ онѣ!—радостно крикнулъ старшій корректоръ.

Посыльный, передавая телеграммы, сталъ извиняться.

— Телеграммы, дѣйствительно, запоздали сегодня, — сказалъ онъ,—но отчасти и я замедлилъ. Виноватъ, простите, но, ей-Богу, не по своей винѣ...

— Что такое? Почему вы замедлили?

— Попалъ я въ лапы господина Никтополіона Александровича. Изволите его знать?

— Кто же его не знаетъ?.. Но какъ, почему вы попали, какъ говорите, въ его лапы? Что это значитъ?

— Ахъ, и не спрашивайте!.. И смѣхъ и грѣхъ съ нимъ, — заговорилъ посыльный,—задержалъ, не пускаетъ: погоди, погоди, я сейчасъ... Они вѣдь, изволите видѣть, тоже получаютъ телеграммы, и прямо отъ агентства, потому, какъ они очень великіе патріоты и желаютъ имѣть свѣдѣнія немедленно помимо газетъ. Ну, вотъ, я къ нимъ зашелъ съ телеграммой, они и задержали, и даже довольно порядочно. Говорю, извините, ваше — ство, дѣло спѣшное, а они свое: погоди, погоди, я сейчасъ. Что такое, думаю, можетъ быть, на чай желаютъ дать,—это у нихъ бываетъ, иной разъ расщедрятся, цѣльный полтинникъ отвалятъ. Ну, я и остановился въ передней, чтобы, то-есть, ожидать.—Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, иди сюда, иди за мной въ кабинетъ.—Я хочу телеграмму передать, а они обѣими руками замахали и повторяютъ: погоди, погоди, я сейчасъ! Я остановился у дверей, не знаю, какъ мнѣ быть, главное—телеграммы не беретъ.—Ваше — ство, говорю, извольте получить телеграмму.—Сейчасъ! сейчасъ!—отвѣчаютъ, и шепотомъ, тревожнымъ такимъ и торопливымъ. Сами, между тѣмъ, подошли къ образамъ; образовъ у нихъ въ кабинетѣ много, цѣлый, можно сказать, ико-

ностасъ, — подошли это къ образамъ, взяли съ полки стоявшую подъ ними какую-то кадильницу, зажгли въ ней что-то, ладанъ, надо быть, ладанъ, не иначе, и говорятъ: Ну, теперь давай, братецъ, телеграмму. Господи, помилуй!—шепчутъ. И представьте, удивительно! Взяли это телеграмму въ руки, развернули, окурили ладаномъ, а потомъ развернутую приподняли предъ образами и подержали ее передъ ними, точно предлагая на ихъ просмотръ содержаніе телеграммы. Потомъ, перекрестившись, сами стали читать. Удивительно мнѣ это показалось, и никакъ я, грѣшный человѣкъ, не могу понять, зачѣмъ это все они предо мной продѣлывали. Прочитали телеграмму и опять стали креститься. — Слава Богу! Слава Господу Всещедрому!—говорятъ,—перекрестись, говорятъ, и ты, милый человѣкъ.—Я стою, глаза вытаращилъ, не понимаю, для чего, по какому случаю они мнѣ предлагаютъ перекреститься.—Перекрестись, повторяютъ, важное извѣстіе сообщается въ телеграммѣ, очень важное. Ардаганъ наши побѣдоносныя войска взяли. Ардаганъ!.. Я, признаться, грѣшный человѣкъ, и не знаю, что такое—Ардаганъ, городъ ли какой, али земля турецкая.— Это, говорятъ, крѣпость, большая крѣпость, и очень хорошо, что мы наконецъ ее взяли. На, вотъ, говорятъ, тебѣ по этому радостному случаю на чаекъ,—и полтинничекъ мнѣ подали.—Выпей, говорятъ, милый человѣкъ, за успѣхъ русскаго оружія!—Само собой, я полтинничекъ взялъ, спасибо имъ, а все-таки сознаюсь, виноватъ, запоздалъ, проваландался долго съ ними. Положимъ, патріотъ они значительный, этого кто же не знаетъ? Про нихъ и въ газетахъ часто въ такомъ родѣ сообщаютъ; ну, только, извините, мнѣ не вдомекъ, зачѣмъ они телеграмму ладаномъ окуривали и къ святымъ иконамъ подносили.

Такъ разсказывалъ разсыльный.

Ему, по простотѣ души, было непонятно, что продѣлывалъ при немъ Никтополіонъ Александровичъ. Искренній человѣкъ, онъ ни на минуту не усомнился, что «великій патріотъ» дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. У него, у этого великаго «патріота своего отечества», былъ свой планъ дѣйствій,—пусть, молъ, разсыльный видитъ, каковы мои патріотическія и религіозныя чувства, каковы мои отношенія къ святымъ иконамъ, и пусть разноситъ по стогнамъ града вѣсти объ этомъ.

Практикъ былъ Никтополіонъ Александровичъ, хорошо зналъ человѣческое сердце и умѣлъ на него дѣйствовать, гдѣ нужно, съ успѣхомъ. Да, великій былъ онъ практикъ и даже въ послѣднія минуты жизни не забылъ о томъ, что ему необходимо исполнить для того, чтобы, такъ сказать, съ честію завершить свое земное странствіе.

XX.

Сенека въ письмахъ къ Люцилію говоритъ, что «нѣтъ ничего на свѣтѣ достойнаго вниманія, кромѣ души человѣческой, а для ея величія ничто не достаточно велико». Поправки и дополненія къ такому писателю были бы съ моей стороны большою смѣлостью, и я не дѣлаю ни поправокъ, ни дополненій. Смѣю высказать только мысль о томъ, что душа человѣческая, при всемъ ея величіи, проявляетъ иногда въ земномъ своемъ существованіи большія пакости.

Грѣшный человѣкъ, я болѣе склоненъ раздѣлить мнѣніе Шопенгауэра о земномъ нашемъ скитаніи. «Міръ,—говоритъ онъ,—съ эстетической стороны — музей карикатуръ, съ умственной — сумасшедшій домъ, а съ нравственной—мошенническій притонъ». Конечно, можно дѣлать поправки и дополненія и къ Шопенгауэру, но въ общемъ все-таки его мнѣніе о мірѣ и яже въ мірѣ, при всей своей рѣзкости, болѣе правдиво, чѣмъ мнѣніе Сенеки.

О свойствахъ души человѣческой я дѣлаю замѣтку, припоминая дѣянія Никтополіона Александровича, послѣднія его дѣянія въ послѣдніе дни его земного бытія.

Завершилъ онъ свое земное странствіе спокойно и мирно, какъ и подобаетъ истинному сыну церкви. Будучи въ лѣтахъ весьма почтенныхъ и перешагнувъ уже за восьмой десятокъ лѣтъ, онъ своевременно, не спѣша, съ должною аккуратностью и съ соблюденіемъ всякихъ нотаріальныхъ и иныхъ законами установленныхъ правилъ, перевелъ на имя жены все свое имущество, движимое и недвижимое, словомъ, все, что имѣлъ. Положимъ, движимаго и недвижимаго у него было немного (въ особенности недвижимаго), а все-таки кое-что было, и онъ благоразумно рѣшилъ, что пусть лучше оно достанется женѣ, чѣмъ кредиторамъ, которые, во-первыхъ, обезцѣнятъ его до послѣдней крайности, а, во-вторыхъ, растаскаютъ по мелочамъ и будутъ только браниться, что мало имъ досталось. Разсудительный былъ человѣкъ Никтополіонъ Александровичъ. Онъ дальновидно сообразилъ, что какъ ни мало было его имущество, но, будучи въ однѣхъ рукахъ, все-таки оно могло быть продано за наличныя деньги, всегда, разумѣется, не лишнія никому, а тѣмъ болѣе вдовѣ, остающейся на половинной пенсіи.

Адвокатъ, приглашенный имъ на совѣщаніе по устройству его дѣлъ, будучи уже весьма искушеннымъ въ юридическихъ тонкостяхъ, только руками разводилъ, слушая его вопросы и указанія насчетъ устройства дѣлъ.

— Голова,—разсказывалъ онъ потомъ, послѣ смерти Никтополіона Александровича, — министромъ нужно было ему быть, да! Вотъ какъ у насъ пропадаютъ талантливые люди. Именно, Россія страна великая, а порядка въ ней нѣтъ.

Адвокатскіе отзывы о Россіи, конечно, не новы, слыхали мы ихъ немало, но по отношенію къ Никтополіону Александровичу они достойны вниманія. Помилуйте! Законовѣды, искушенные великимъ опытомъ въ своихъ юридическихъ дѣлахъ, выражали изумленіе, насколько мудрѣе и опытнѣе ихъ являлъ себя въ этомъ отношеніи Никтополіонъ Александровичъ, высказывая глубокія соображенія о томъ, какъ охранить имущество отъ кредиторовъ.

Разсказъ о его послѣднихъ минутахъ жизни мнѣ пришлось слышать отъ священника, стараго моего знакомаго. Жилъ онъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ церковномъ домѣ, и, каюсь, иногда, даже и весьма нерѣдко, я проводилъ у него зимніе вечера, играя въ преферансъ «по старой вѣрѣ», съ мизерами и по самой дешевой цѣнѣ. Это было, уже спустя нѣсколько лѣтъ по закрытіи газеты «Русскій Міръ». Да, прошло уже со времени ея закрытія, пожалуй, лѣтъ съ десятокъ. Восточная война уже основательно была забыта, и мы, русскіе, уже примирились съ тѣми хитрыми и коварными дѣйствіями просвѣщеннаго Запада, которыми онъ насъ угостилъ на Берлинскомъ конгрессѣ, мы, побѣдители, покорно подчинились его лукавымъ совѣтамъ, поставили у Троицкаго собора въ Петербургѣ памятникъ «Славы» и стали снова понемногу засыпать, и, увы, основательно заснули, и спали бы долго, долго, если бы не разбудила насъ Японія... Но виноватъ. Я нѣсколько увлекаюсь, невольно подчиняюсь вліянію событій, совершающихся на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ теперь гремятъ пушки, стонутъ и умираютъ тысячи воиновъ и падаетъ столь долго и самоотверженно защищавшійся Портъ-Артуръ.

Возвращаюсь къ продолженію моего повѣствованія.

XXI.

Итакъ, я часто посѣщалъ квартиру священника. Въ тотъ вечеръ, когда скончался Никтополіонъ Александровичъ, я зашелъ въ гости къ священнику — и не засталъ его дома. Вечеръ былъ нашъ, то-есть карточный, и я немало удивился, не заставъ священника дома.

— Онъ ушелъ съ требой,—объяснила матушка.

— Куда, къ кому?

— Точно не знаю. Признаться, его мало приглашаютъ, и такой случай сегодня даже, можно сказать, рѣдкій. Онъ у меня, знаете, не искательный и не любитъ ни за кѣмъ ухаживать. Другіе, точно, есть изъ нашей братіи, которые очень ревностно наблюдаютъ, чтобы не потерять выгоднаго больного, въ особенности такого, который побогаче. Есть такіе заботливые и предусмотрительные, съ швей-

царами и дворниками очень ласковые, на чаи имъ даютъ и нашептываютъ: «Смотри, молъ, ежели что,—ко мнѣ бѣги или посылай кого. Я не замедлю». Ну, и доходы имѣютъ, само собой, значительные. Мой-то не таковъ, охъ, не таковъ. Много я, признаться, прежде спорила съ нимъ, говорила, что съ такой политикой далеко не уѣдешь,—сопитъ себѣ подъ носъ и отмалчивается.

Такъ разсказывала матушка. Не успѣла она договорить своихъ отзывовъ о безпечномъ отношеніи ея мужа къ доходамъ, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Ну, вотъ онъ, стало быть, и самъ вваливается. Слышите, пыхтитъ на всю переднюю.

— А-а, многолюбезный благопріятель! — радостно возгласилъ священникъ,—очень радъ васъ видѣть, очень! Ну, только сегодня у насъ картежнаго сраженія, предполагаю, не выйдетъ. Давеча, изволите видѣть, заглянулъ ко мнѣ нашъ партнеръ съ Васильевскаго отъ Андреевскаго собора, а я, какъ на грѣхъ, въ ту самую минуту былъ приглашенъ напутствовать. Теперь, стало быть, такъ побесѣдуемъ безъ карточнаго метанія.

— Гдѣ вы были, кого напутствовали?—спросилъ я.

— Да вотъ кого — Никтополіона Александровича снаряжалъ въ путь.

— Что вы говорите! Боленъ онъ, слѣдовательно, да?

— И не только боленъ, а даже и совсѣмъ уже преставился.

— А-а! Вотъ какое извѣстіе. Упокой, Господи, его душу!..

— Да, преставился. Недавно, вотъ полчаса какихъ нибудь тому назадъ.

— Тихо скончался, безъ мученій?

— Да, да, очень спокойно... Не молодой уже, сами знаете, и прихварывалъ, сказывали, довольно порядочно времени...

— Удивительная кончина,—разсказывалъ священникъ, снимая рясу и наперсный крестъ,—удивительная, истинно достойная вниманія и размышленія!

Матушка, бывшая въ это время въ комнатѣ, тревожно всплеснула руками.

— Отецъ, отецъ!—зашептала она, обращаясь къ нему: — какъ тебѣ не совѣстно!...

— Что такое? Въ чемъ я провинился?

— Да, помилуй! Взгляни на себя: вѣдь подрясникъ твой весь въ восковыхъ пятнахъ.

— Это не составляетъ важности. Дмитрій Ивановичъ человѣкъ разсудительный и лучше тебя понимаетъ, что важно, что не важно. Эти восковыя пятна, надо вамъ объяснить,—обратился онъ ко мнѣ,—эти пятна отъ вечернихъ молитвъ. Да-а!.. Я, по обычаю,

читаю вечернія молитвы со свѣчею въ рукѣ,—глаза плохо уже видять,—ну, вотъ и закапалъ себѣ подрясникъ, и даже очень изрядно. Признаться, служитъ онъ мнѣ съ давнихъ временъ... Но все сіе не суть важно. Милости прошу сюда, вотъ въ эту обитель, къ самоварчику. Мать! — позвалъ онъ удалявшуюся старушку, — мать, слышишь?..

— Что еще тамъ тебѣ понадобилось?—раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты.

— Какъ что? Сама, предполагаю, вѣдаешь, что потребность теперь въ самоварѣ. Въ дѣйствіи ли онъ обрѣтается?

— Иди, иди ужъ, не ворчи. Давно готовъ самоваръ!

— Превосходно! Это превосходно!... Пожалуйте, прошу, пожалуйте, дорогой гость, къ самоварчику.

— Да-съ, кончина Никтополіона Александровича достойна вниманія,—продолжалъ батюшка, когда мы съ нимъ присѣли къ самовару въ столовой.—Давеча, около вечеренъ я былъ освѣдомленъ, что Никтополіонъ Александровичъ желаетъ причаститься, но времени точно не опредѣлили. Ея превосходительство сами изволили мнѣ написать записочку объ этомъ, сообщили, что больной въ большомъ томленіи находится, и, такъ сказать, заблаговременно предупредили, чтобы я далеко не отлучался и чтобы на всякій случай, ежели куда отлучусь, оставилъ бы дома свѣдѣніе о себѣ, то-есть, въ томъ смыслѣ, гдѣ меня искать. Написала ея превосходительство, что самолично не осмѣливаются больного тревожить вопросами, а ждутъ, когда онъ изъявитъ самъ желаніе. Вотъ въ такихъ предположеніяхъ и написали мнѣ, такъ сказать, предварительное извѣщеніе: бодрствуй, молъ, іерей, и будь наготовѣ. Ну, вотъ, вскорѣ послѣ вечеренъ, такъ, надо быть, около шести меня и потребовали, да! И преферансъ нашъ разстроили. Ну, что дѣлать! Важность невеликая, наиграемся еще, Богъ дастъ, и отца Виктора изъ Андреевскаго собора еще не разъ обыграемъ и безъ пяти въ червяхъ оставимъ. Да-а! О Господи, помилуй!—вздохнулъ батюшка, задумчиво помѣшивая чайной ложечкой въ стаканѣ, налитомъ и поставленномъ передъ нимъ матушкой.

— Что скупишься, мать? — спросилъ онъ, прихлебнувъ изъ стакана.

— Что еще такое?—спросила матушка.

— А вотъ то самое, значитъ, что не сладко. Понимаешь? Да! Не скупись мать, не скупись. Умремъ, — все останется, и чай, и сахаръ, ничего на тотъ свѣтъ съ собою не возьмемъ. Вотъ Никтополіонъ Александровичъ все оставилъ... Хе, хе!.. вдругъ засмѣялся онъ, прервавъ собственную рѣчь: — оставилъ, сказываютъ, очень разстроенныя дѣла. Да-а!.. Ну, жилъ, какъ вельможа!.. Конечно, что нибудь одно, либо наслѣдство оставлять родственникамъ, либо жить широко. Средній путь—самый трудный: будешь беречь—въ

скупость ударишься, будешь роскошествовать—въ долги войдешь!.. Да!... Трудно жить на свѣтѣ!... Спаси, Господи! Искушеній много, и врагъ не дремлетъ!...—батюшка набожно перекрестился и замолчалъ.

— Что же это вы замолчали, — замѣтилъ я,—и не договариваете?..

— О чемъ же договаривать?

— А о кончинѣ Никтополіона Александровича.

— Да, да, это точно. Вспомнилъ, что не договорилъ. Признаться сказать, не надлежало бы разсказывать, ибо, какъ вамъ извѣстно, осуждать грѣхъ.

— А вы разскажите не въ осужденіе, а въ назиданіе.

— Можно, можно! Я не въ осужденіе и даже не въ назиданіе разскажу, а ради только опредѣленія нѣкоторыхъ душевныхъ свойствъ скончавшагося. Только ради этого, и сіе весьма назидательно! Удивилъ онъ меня даже до чрезвычайности. Представьте, вхожу къ нему въ комнату, лежитъ на кровати, одѣяломъ прикрытый, а на одѣялѣ предъ нимъ разложены, смотрю, какія-то вещи. Я, сами знаете, зрѣніемъ уже значительно ослабѣлъ, смотрю и не могу понять, что это такое предъ нимъ разложено. Всматриваюсь и вижу,—что бы вы думали,—ордена предъ нимъ разложены, и довольно таки порядочное ихъ количество, разные ордена, и первой степени, и второй, и третьей, — всѣхъ, признаться, не разглядѣлъ. Нечего грѣха таить, покойничекъ тщеславенъ былъ и очень гонялся за всѣми знаками отличій. Ну, что объ этомъ говорить, слыхали, чай, и вы, насколько онъ приложилъ въ жизни старанія, чтобы возвеличить себя. Надо правду сказать, дѣйствительно возвеличилъ, достигъ высокаго положенія. Да, это—истинно: въ большихъ чинахъ скончался. Оно, конечно, и чины и ордена,—все преходяще, и я объ этомъ только, такъ сказать, между прочимъ... Ну, вотъ, приблизился я къ одру его болѣзни, а онъ точно не видитъ меня, можно сказать, вниманія на меня не обращаетъ, будучи углубленъ въ разсматриваніе орденовъ. Посматриваетъ на нихъ, перебираетъ тощими руками, то одинъ возьметъ, то другой, и гляжу: замши кусочекъ у него въ рукѣ.

— Что это, спрашиваю, ваше превосходительство, изволите дѣлать?

— А чищу, отвѣчаетъ, чищу свои регаліи.

— Порядочное, говорю, количество у васъ регалій.

— Да, да, слава Богу, есть...

— А позвольте, говорю, освѣдомиться, для какой такой надобности изволите ихъ чистить?

— А это, говоритъ, все-таки для порядка нужно, все-таки, когда почище ордена,—лучше.

— Такъ, такъ, отвѣчаю, это вы, ваше превосходительство, правильно изволите разсуждать.

А онъ вдругъ точно встрепенулся, сверкнулъ на меня истомленными и значительно уже потускнѣвшими очами и съ видимымъ даже неудовольствіемъ, вѣрнѣе, даже какъ будто обиженно проговорилъ.

— Зачѣмъ же, говоритъ, я буду неправильно разсуждать?...

Потомъ, смотрю, онъ приложился губами къ одному изъ орденовъ,—тоже, извините, не запримѣтилъ, къ какому именно, да и то сказать, не очень-то большой я мастеръ разбирать ихъ,—приложился губами и тихо прошепталъ: «много, много было приложено усердія»... Къ чему именно было много приложено усердія,—объ этомъ не договорилъ. Такъ предполагаю, что на счетъ ходатайствъ и предстательства сильныхъ намѣревался онъ упомянуть. Не иначе. Потомъ, изволите видѣть, помолчалъ, помолчалъ, поводилъ нѣкоторое время очами направо и налѣво, и на полъ, и на потолокъ и проговорилъ:

— Вотъ,—говорилъ тихо такъ, чуть слушнымъ шепотомъ,—когда я отправлюсь въ дальній путь, ордена эти понесутъ впереди на бархатныхъ подушкахъ...

Проговорилъ такъ и опять замолчалъ. А я, признаться, грѣшный человѣкъ, мысленно даже возроптaлъ, этакая напасть, думаю, задерживаетъ онъ меня и совсѣмъ, такъ сказать, безпричинно, и объ отцѣ Викторѣ вспомнилъ, приходилъ, думаю, напрасно и будетъ весь вечеръ дома болтаться, и о васъ тоже вспомнилъ,—пропадаетъ, скорблю, вечеръ зря.

Наконецъ того, не выдержалъ и спрашиваю его супругу, какъ, молъ, прикажете въ данномъ случаѣ поступить, предложить ли его превосходительству исповѣдаться и причаститься, или прикажете потерпѣть въ ожиданіи, пока они сами пожелаютъ. Смотрю, ея превосходительство тихонько отерла себѣ глаза, видимо крадучись, чтобы онъ не замѣтилъ ея слезъ, и, наклонившись къ его лицу, спросила:

— Что же, другъ мой, желаешь исповѣдаться?

— О, да-а...—прошепталъ онъ,—очень желаю.

Она убрала съ одѣяла всѣ ордена въ одну кучу, подобно тому, какъ убираютъ у дѣтей игрушки, когда они наиграются, и переложила на близъ стоявшій столикъ.

Я попросилъ ея превосходительство удалиться, притворилъ двери и приступилъ къ исповѣди. Спрашиваю, какъ подобаетъ, по порядку, сознаетъ ли онъ значеніе таинства, искренно ли желаетъ къ нему приступить,—ну, словомъ, говорю, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ, а онъ только шепчетъ: «грѣшенъ я, грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ, многимъ прельщался въ суетномъ моемъ бытіи»... Наконецъ того, кончилъ я исповѣдь, пріобщилъ его святыхъ таинъ и говорю:

— Итакъ, говорю, ваше превосходительство, извольте теперь поуспокоиться. Поздравляю васъ съ принятіемъ святыхъ таинъ

во здравіе душевное и тѣлесное. Надѣюсь, говорю, что Господь, по вѣрѣ вашей и по молитвамъ, пошлетъ вамъ облегченіе въ немощи!..

— Да-а!.. протянулъ онъ слабымъ шепотомъ.

Я свернулъ епитрахиль, уложилъ въ ней ящичекъ съ запасными дарами и хотѣлъ было уже уходить, какъ вдругъ вижу, онъ манитъ меня къ себѣ пальцемъ. Палецъ тощій такой, желтоватый, одна, можно сказать, косточка. Я подошелъ поближе.

— Что, говорю, желаете, ваше превосходительство?

— Чита-айте, шепчетъ, отходную... Часъ мой приближается...

Я сталъ читать и не смотрю на него, думаю, пусть душа его спокойнѣе оставляетъ свою тѣлесную оболочку. Оно дѣйствительно замѣчено уже многими изъ нашей братіи, да и медицина тоже утверждаетъ, что въ послѣднія смертныя минуты не подобаетъ умирающему мѣшать съ вопросами и взглядами. Надлежитъ всѣмъ присутствующимъ въ это время оставаться въ полномъ безмолвіи и ждать совершенія таинственнаго явленія, именно того изумительнаго, въ трепетъ приводящаго явленія, когда душа умирающаго оставляетъ тлѣнную свою оболочку. Прочиталъ я, какъ надлежало, молитву и хотѣлъ уже выйти изъ комнаты, пожелавъ ему мысленно тихой и безмятежной кончины, а онъ, представьте, взялъ меня за руку и шепчетъ чуть слышно.

— Ближе! Ближе!..

— Что, спрашиваю, желаете сказать, ваше превосходительство?..

Наклонился я, изволите видѣть, наклонился къ самому его лицу и слышу:

— Скажите, говоритъ, имъ, нашимъ, то-есть, понимаете, стало быть, супругѣ и родственникамъ, — скажите, говоритъ, чтобы на памятникѣ вырѣзали: «Дѣйствительный тайный совѣтникъ», я уже представленъ.

Понимаете? Какой человѣкъ, а! Даже во время разлученія души съ тлѣнной земной оболочкой не забылъ о своихъ чинахъ. Прости его Господи! Высокаго былъ о себѣ мнѣнія. И въ этомъ его великая ошибка, непростительное заблужденіе. Да! Сказано: «тотъ великъ, кто самъ въ себѣ малъ и ни во что вмѣняетъ почести»...

И я тоже скажу въ заключеніе моего повѣствованія: прости его, Господи, и даруй вѣчный покой его душѣ, ибо покоя онъ въ суетной жизни сей не имѣлъ.

Да и то сказать: кто имѣетъ покой въ этой жизни? Не тѣ ли только истинные отверженники міра, которые яснѣе видятъ, какъ міръ заблуждается и какъ многообразно обольщается?

Д. И. Стахѣевъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ УСПЕНСКІЙ.

ПЯТНАДЦАТЬ лѣтъ прошло со времени кончины Николая Васильевича Успенскаго, однако біографическая литература о немъ слишкомъ скудна.

Если не говорить о многочисленныхъ и малосодержательныхъ газетныхъ замѣткахъ, то біографическія данныя о покойномъ мы находимъ только въ краткомъ очеркѣ П. Юдина: «Къ біографіи Н. В. Успенскаго», напечатанномъ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1896 годъ, въ воспоминаніяхъ Я. Полонскаго, помѣщенныхъ въ апрѣльской книжкѣ того же журнала за 1898 годъ, и въ «Воспоминаніяхъ писателей-самородковъ», появившихся въ 1902 году, въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли», при чемъ всѣ эти воспоминанія слишкомъ отрывочны и касаются единичныхъ, случайныхъ знакомствъ съ Николаемъ Васильевичемъ и преимущественно за послѣдній періодъ его жизни.

Главнымъ матеріаломъ для біографіи Николая Васильевича остаются его сочиненія и въ частности его очерки «Изъ прошлаго», появившіеся въ печати въ годъ его смерти.

Въ настоящей статьѣ мы сообщаемъ новыя данныя о жизни Николая Васильевича, на основаніи разсказовъ и писемъ близко знавшихъ его лицъ: его матери, брата, сестеръ и другихъ родныхъ и знакомыхъ.

Родился Николай Васильевичъ въ 1837 году въ селѣ Ступинѣ Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи.

Дѣдушка Николая Васильевича—понамарь с. Богоявленскаго Чернскаго уѣзда, Яковъ Дмитріевичъ Успенскій [1]).

По отзывамъ внуковъ, это былъ человѣкъ тихій, скромный, трезвый, образцовый хозяинъ, прекрасный отецъ, хорошій разсказчикъ.

У него было пять сыновей. Одинъ изъ нихъ—Василій Яковлевичъ, священникъ села Ступина, а затѣмъ села Шипова Ефремовскаго уѣзда, былъ отцомъ Николая Васильевича, а другой—Иванъ Яковлевичъ, секретарь тульской палаты государственныхъ имуществъ, былъ отцомъ извѣстнаго Глѣба Ивановича Успенскаго [2]).

Василій Яковлевичъ походилъ на своего отца внѣшнимъ видомъ, своею маленькою фигуркой, но рѣзко отличался своимъ характеромъ.

Насколько отецъ былъ строгопорядоченъ, настолько былъ неуравновѣшенъ сынъ: безпокойный, горячій, увлекающійся.

Страстный охотникъ до быстроногихъ лошадей, до пѣвчихъ птицъ, но плохой хозяинъ, предпочитавшій заниматься дѣланіемъ клѣтокъ, чемодановъ, шитьемъ какого либо платья или починкою часовъ, которые онъ бралъ для исправленія даже отъ постороннихъ лицъ. Какъ остроумный собесѣдникъ, знатокъ различныхъ охотъ, понимавшій толкъ въ лошадяхъ, собакахъ, любитель выпить, онъ былъ желаннымъ гостемъ въ кругу мѣстнаго дворянства, но былъ тяжелъ и деспотиченъ въ семьѣ, а также въ приходѣ среди крестьянъ, гдѣ онъ подъ вліяніемъ водки дѣлался вздорнымъ и придирчивымъ, «неугомоннымъ говоруномъ».

Въ семьѣ о. Василія называли «Шумомъ»; проводивъ его куда либо изъ дома, говорили:

— Ну, Шумъ уѣхалъ...

Родные, разсказывая про семейную жизнь о. Василія, обыкновенно вспоминаютъ, что еще на свадьбѣ его какой-то юроди-

---

[1]) Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, познакомившись съ Николаемъ Васильевичемъ, вспоминалъ о его дѣдушкѣ: «Я его знаю: «такой маленькій лысенькій старичокъ... Разъ какъ-то по пути изъ с. Тургенова, гдѣ живетъ мой братъ Николай, я съ своимъ охотникомъ Аѳанасьемъ зашелъ къ вашему дѣдушкѣ, и онъ мнѣ много интереснаго сообщилъ объ одномъ однодворцѣ, котораго я въ своемъ разсказѣ назвалъ «Овсянниковъ».—«Изъ прошлаго», Москва, 1889 г., стр. 19.

[2]) Василій Яковлевичъ и Иванъ Яковлевичъ кончили курсъ Тульской духовной семинаріи; два другіе брата: Григорій и Амвросій—въ духовной академіи, и только одному изъ братьевъ, Семену Яковлевичу, не удалось кончить гдѣ либо курса. О Семенѣ Яковлевичѣ, по воспоминаніямъ Николая Васильевича, Василій Яковлевичъ отзывался такъ: «дуракъ у меня есть братъ, по имени Семенъ»...

вый предсказалъ о молодыхъ: «одинъ будетъ въ сараѣ, другой въ амбарѣ»...

Дѣйствительно, жизнь супруговъ сложилась неладно...

Жена о. Василія, Марья Михайловна, была женщина болѣзненная, нервная. Ссоры и непріятности съ мужемъ у нея были почти безпрерывныя.

Когда былъ живъ Яковъ Димитріевичъ, то онъ имѣлъ благотворное вліяніе на Василія Яковлевича. Достаточно было отцу обратиться съ увѣщаніемъ къ сыну, тотъ на колѣняхъ просилъ у него прощенія, и миръ въ семьѣ водворялся...

Впослѣдствіи посредникомъ между супругами являлся мѣстный благочинный [1]).

Въ дѣтствѣ на Николая Васильевича имѣла сильное вліяніе его бабушка, по матери, Екатерина Ивановна, которая очень любила своего внука.

У Екатерины Ивановны для внука, бывало, всегда найдутся какіе либо «гостинцы»: «сама не съѣстъ, а его накормитъ».

Но привязанность ея къ Николаю Васильевичу не выражалась только въ надѣленіи его сладкими кусками: бабушка передавала ему свои свѣдѣнія про волковъ, разбойниковъ, духовъ... И у бабушки съ внукомъ была своя жизнь, совершенно отдѣльная отъ жизни прочей семьи.

— Бывало, днемъ выспятся, а ночью у нихъ дѣятельность, разговоры...—вспоминалъ старшій братъ Николая Васильевича, Михаилъ Васильевичъ.

Смерть Екатерины Ивановны сильно поразила привязавшагося къ ней внука: онъ «очень тосковалъ и плакалъ», «кричалъ по ней»...

Направленіе, данное Екатериной Ивановной, имѣло большое вліяніе на складъ характера Николая Васильевича. Послѣ смерти бабушки внукъ продолжаетъ жить въ семьѣ особнякомъ, не подчиняясь вліянію своихъ родителей, братьевъ и сестеръ. У него были свои забавы, свои товарищи, свои интересы...

По отзывамъ родныхъ, Николай Васильевичъ въ дѣтствѣ былъ болѣзненнымъ, нервнымъ ребенкомъ: во время сна онъ часто вскакивалъ, расхаживалъ по дому, выходилъ вонъ, выскакивалъ изъ оконъ... Обыкновенно его соннаго караулили: съ нимъ ложился

---

[1]) Дѣтей у Василія Яковлевича было восемь: три сына и пять дочерей. Изъ братьевъ Николай Васильевичъ былъ младшимъ. Старшіе братья Николая Васильевича—Михаилъ Васильевичъ, докторъ медицины, и Иванъ Васильевичъ, священникъ. Сестры Николая Васильевича—Александра, Елизавета, Анна, Серафима и Марія. Михаилъ Васильевичъ и Александра, Анна, Серафима и Марья Васильевны живы до настоящаго времени; Иванъ Васильевичъ и Елизавета Васильевна умерли лѣтъ пять-шесть назадъ.

кто нибудь изъ родителей или изъ старшихъ братьевъ. Но въ то же время онъ былъ «характеренъ», «упрямъ и шаловливъ»...

Учиться Николай Васильевичъ началъ подъ руководствомъ матери. Вспоминая обученіе сына азбукѣ, Марья Михайловна сама сознавала свое безсиліе.

— Какое ученье было!?. Задамъ ему урокъ и говорю: «выучи, тогда и ступай гулять». А онъ броситъ азбуку, да въ окошко. Я кричу: «Николка, Николка!»... Да развѣ его уговоришь?.. А побить боюсь: по ночамъ вскакивалъ; бывало дверь—въ дверь, окошко—въ окошко. Я, бывало, скажу: «отецъ, ляжь ты съ нимъ».

Изъ дѣтскихъ его продѣлокъ разсказываютъ, напримѣръ, что онъ сплелъ себѣ лапти длиной въ аршинъ и въ нихъ разгуливалъ по деревнѣ; сдѣлалъ себѣ телѣжку съ кибиткой и катался въ ней на запряженныхъ собакахъ.

Общество, въ которомъ онъ главнымъ образомъ проводилъ время, были крестьяне.

Михаилъ Васильевичъ Успенскій вспоминалъ, какъ однажды Николай Васильевичъ явился домой хмурый, угрюмый...

— Что съ тобой?—спрашиваютъ его домашніе.

— Кузнецъ Мишка мнѣ отъ дома отказалъ...

Оказалось, что Николай Васильевичъ, вздумавъ учиться стрѣльбѣ изъ ружья въ цѣль, избралъ такой цѣлью дверь своего пріятеля, «кузнеца Мишки»... Кузнецъ, конечно, вознегодовалъ и запретилъ баловнику-поповичу на будущее время посѣщать его домъ...

— Мы съ братомъ Иваномъ жили баричами, и отецъ тоже... разсказывалъ Михаилъ Васильевичъ,—но Николай не то: онъ косилъ, пахалъ, сѣялъ, въ ночное съ лошадьми ѣздилъ...

Какое было вліяніе на Николая Васильевича его родителей? Да и было ли оно, если понимать его въ смыслѣ благодѣтельнаго воздѣйствія на ребенка?..

Мать Николая Васильевича разсказывала:

— Отецъ, бывало, какъ только пріѣдетъ изъ прихода выпивши, такъ привязывается къ Николаю... «Собачей!» кричитъ... А трезвый отецъ,—вмѣстѣ клѣтки для птицъ строятъ, садки для перепеловъ...

О себѣ Марья Михайловна вспоминала, какъ она потихоньку отъ мужа кормила Николая Васильевича въ посты скоромнымъ, какъ впослѣдствіи потихоньку удовлетворяла его просьбу о винѣ.

— Любилъ винцо съ самыхъ молодыхъ лѣтъ... Бывало, скажетъ: «мамочка, одолжите вѣди!»...

«Вѣди» было условнымъ названіемъ вина...

При отправленіи Николая Васильевича въ училище, въ Тулу, родителей безпокоилъ вопросъ о его болѣзненности. Марья Михайловна разсказывала:

— Я говорю мужу: «куда ты везешь его такого въ семинарію?»—«Тамъ, говоритъ, его братья».—«На братьевъ надежда пло-

хая, заморятся, заснутъ, и мало ли что можетъ случиться, избави Богъ!»...

Въ Тулѣ на болѣзнь Николая Васильевича обратилъ вниманіе Иванъ Яковлевичъ, отецъ Глѣба Ивановича. Благодаря ему, при помощи докторовъ болѣзнь была излѣчена.

Во время своего ученія въ семинаріи Николай Васильевичъ не разъ проявлялъ свой непокорный, не признававшій никакихъ авторитетовъ характеръ [1]).

Какъ-то Иванъ Яковлевичъ подарилъ Николаю Васильевичу свою старую чиновничью шинель. Николай Васильевичъ принялъ ее, походилъ въ ней нѣкоторое время, смѣша своихъ товарищей, а затѣмъ сдѣлалъ на шинели какую-то юмористическую, далеко не лестную для Ивана Яковлевича, надпись и возвратилъ подарокъ обратно.

Однажды передъ Рождествомъ онъ нагрубилъ одному изъ преподавателей семинаріи. Въ наказаніе его не пустили на праздникъ домой.

— Узналъ отецъ,—разсказывала Марья Михайловна,—разсердился и поѣхалъ въ Тулу, хотѣлъ выдрать Николая... Только въ это время случился у Николая въ Тулѣ знакомый офицеръ: онъ его и спряталъ... Такъ отецъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ... А въ слѣдующій свой пріѣздъ къ намъ, на Пасху, Николай, прежде чѣмъ показаться къ отцу, остановился на селѣ и спрашиваетъ: «есть ли кто у нашихъ?»—«Управляющій», говорятъ...«Ну, говоритъ, при постороннихъ драться не будетъ»... И правда: отецъ поругалъ, поругалъ,—тѣмъ дѣло и кончилось.

Писательскій талантъ Николай Васильевичъ обнаружилъ въ семинаріи; здѣсь имъ написаны очерки «Брусиловъ» и «Декаловъ» [2]).

Въ «Брусиловѣ» былъ осмѣянъ одинъ изъ семинарскихъ преподавателей [3]).

---

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ, касаясь школьной своей жизни, Николай Васильевичъ пишетъ, что имя его «было синонимомъ упорной лѣности, не поддающейся никакимъ мѣрамъ, въ числѣ которыхъ первенствующее мѣсто занимала экзекуція» («Изъ прошлаго», стр. 135).

[2]) Есть, впрочемъ, основаніе предполагать, что первоначальная редакція этихъ очерковъ была измѣнена впослѣдствіи.

[3]) О немъ герой разсказа, Брусиловъ, пишетъ: «Говорятъ, нашъ географъ недавно сочинилъ слѣдующіе стихи:

> «О, какъ пріятно съ дѣвой въ ночи
> Сидѣть въ саду, когда садъ пустъ,
> Лобзать ее, глядѣться въ очи,
> И вдругъ рвануться въ дальній кустъ»...

Въ памятной книжкѣ этого преподавателя находились педагогическіе рецепты: «Ученикамъ для лучшаго удержанія въ памяти: Маркъ Катонъ Цензоръ имѣлъ

Очеркъ сдѣлался извѣстнымъ самому преподавателю, но последній, говорятъ, отнесся къ автору вполнѣ разумно...

— Можетъ быть, писатель будетъ,—заявилъ онъ.

Изъ пятаго класса семинаріи Николай Васильевичъ перешелъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію [1]), затѣмъ слушалъ лекціи въ университетѣ на нѣсколькихъ факультетахъ, но курса нигдѣ не окончилъ.

Оставленіе Николаемъ Васильевичемъ академіи сопровождалось совершенно непонятнымъ съ его стороны поступкомъ.

Ему пришлось препарировать руку трупа. Онъ изрѣзалъ эту руку, изломалъ выданные ему инструменты и, бросивъ все въ полномъ безпорядкѣ, ушелъ...

Профессоръ академіи Груберъ былъ крайне возмущенъ поступкомъ своего ученика.

— Это святотатство!—заявилъ онъ.

Было собрано экстренное совѣщаніе профессоровъ академіи. Профессоръ химіи, успѣвшій полюбить Николая Васильевича, уговаривалъ его извиниться передъ Груберомъ, но увѣщанія его остались безуспѣшными [2]).

Признаки печальной наслѣдственности ярко выступали въ родѣ Успенскихъ...

У дѣда Николая Васильевича и Глѣба Ивановича изъ пяти сыновей одинъ Амвросій принялъ монашество, Василій Яковлевичъ и Иванъ Яковлевичъ страдали «пристрастіемъ съ спиртнымъ напиткамъ», Григорій Яковлевичъ и Семенъ Яковлевичъ сошли съ ума...

Кромѣ того, дѣдъ Николая Васильевича по матери, священникъ о. Михаилъ Моригеровскій, умеръ сумасшедшимъ.

Какая-то странная душевная неуравновѣшенность, какая-то психическая ненормальность замѣчалась и въ Николаѣ Васильевичѣ, въ теченіе всей его жизни. Вѣчно возбужденный: то веселый, жизнерадостный, остроумный собесѣдникъ, то въ высшей степени раздраженный, негодующій, ссорящійся, то крайне общительный и откровенный, то угрюмый и молчаливый. Вся жизнь Николая

рыжіе волосы и сѣрые глаза. Агезилай на одну ногу хромалъ. Самые воинственные полководцы, отличавшіеся силою ума, какъ-то: Антигонъ, Серторій, Ганнибалъ, Филиппъ,—были кривоглазые. Въ Аравіи водятся овцы съ предлинными хвостами, такъ что пастухъ подвязываетъ имъ къ хвосту телѣжку», и т. д.— Разсказы Н. В. Успенскаго. Спб. 1864 г., ч. 2, стр. 154—156.

[1]) Въ послужномъ спискѣ Николая Васильевича мы читаемъ, что «изъ высшаго отдѣленія» Тульской духовной семинаріи онъ былъ уволенъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію и опредѣленіемъ святѣйшаго синода отъ 27-го марта 1856 года исключенъ изъ духовнаго званія».

[2]) Учебные занятія Николая Васильевича въ С.-Петербургѣ закончились лишь тѣмъ, что онъ выдержалъ при университетѣ «испытаніе на званіе учителя русскаго языка уѣзднаго училища» и испытательнымъ комитетомъ, 20-го ноября 1861 года, удостоенъ этого званія «съ полученіемъ узаконеннаго свидѣтельства».

Васильевича—цѣлый рядъ всевозможныхъ недоразумѣній, протестовъ, странныхъ чудачествъ...

Изъ перваго періода жизни Николая Васильевича разсказываютъ немало характерныхъ фактовъ.

Однажды въ Петербургѣ Николай Васильевичъ попалъ на вечеръ къ одному священнику, знакомому съ его старшимъ братомъ-докторомъ, Михаиломъ Васильевичемъ. Хозяева и три ихъ дочери невѣсты встрѣтили молодого человѣка очень радушно, и вечеръ прошелъ оживленно, весело.

На пути домой Николай Васильевичъ говоритъ брату:

— Знаешь ли, я предложеніе сдѣлалъ?

— Ты?! кому?..

— Младшей дочери батюшки...

— Какъ?! въ первый разъ въ домѣ, и уже предложеніе?!

На утро Николай Васильевичъ собралъ свои вещи и заявляетъ:

— Прощай. Ѣду въ Тулу.

— А невѣста?

— А мнѣ какое дѣло?..

Также въ Петербургѣ, познакомившись въ одномъ домѣ съ понравившеюся ему красивой замужнею женщиной и ея довольно безобразнымъ мужемъ, онъ при первомъ знакомствѣ сказалъ ей:

— Я не понимаю, какъ вы могли за такое страшилище выйти?!.

На родинѣ, въ домѣ мѣстнаго знакомаго помѣщика, Николай Васильевичъ сдѣлалъ ревнивую сцену его пятнадцатилѣтней дочери, обвиняя ее во всеуслышаніе «въ вѣроломствѣ»; дочери приказчика, очень красивой, но крайне флегматичной дѣвушкѣ, мало обращавшей вниманія на ухаживанія Николая Васильевича, онъ написалъ въ альбомъ:

> Твоя краса меня сгубила,
> А ты того не знаешь,
> Носъ табакомъ набила
> И головой качаешь...

Какъ извѣстно, на литературное поприще Николай Васильевичъ выступилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и былъ встрѣченъ сочувственно какъ публикой, такъ и критикой. Первый обратилъ на него вниманіе Н. А. Некрасовъ [1]).

---

[1]) Н. В. Успенскій такъ разсказываетъ о первомъ своемъ знакомствѣ съ Некрасовымъ, къ которому онъ пришелъ справиться о судьбѣ двухъ разсказовъ: «Поросенокъ» и «Хорошее житье».—«Я съ удовольствіемъ прочиталъ ихъ,—сказалъ Николай Алексѣевичъ.—Особенно мнѣ понравился вашъ «Поросенокъ»... Прелестная вещь... А вотъ на вашемъ разсказѣ «Хорошее житье», кажется, была какая-то надпись».—«Да. Въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» мнѣ написали, что языкъ слишкомъ народенъ и непонятенъ для публики... Я стеръ эту замѣтку»...—«Ха-ха-ха! Слишкомъ народенъ!.. Это превосходно. Вы, что же, учитесь

Въ 1861 году разсказы Николая Васильевича вышли первый разъ отдѣльнымъ изданіемъ и были встрѣчены очень сочувственно какъ публикой, такъ и литературой. Авторъ статей «Гоголевскій періодъ въ русской литературѣ» посвятилъ этимъ разсказамъ статью въ «Современникѣ»: «Не начало ли перемѣны?» [1]).

Николай Васильевичъ знакомится съ лучшими представителями тогдашней литературы и, между прочимъ, съ И. С. Тургеневымъ и Л. Н. Толстымъ, которые высоко цѣнили его талантъ и знаніе народа. Нѣкоторые изъ литераторовъ прибѣгали къ нему за совѣтами [2])...

Начало литературной дѣятельности Николая Васильевича было лучшей порой во всей его жизни. Къ сожалѣнію, обстоятельства скоро рѣзко измѣнились... Н. А. Некрасовъ, сочувственно относившійся къ таланту Николая Васильевича, далъ молодому писателю средства на поѣздку за границу, за право перваго изданія его сочиненій. Возвратившись въ Петербургъ, Николай Васильевичъ, будто бы «изъ достовѣрнаго источника», узналъ, что Некрасовъ «вмѣсто одного завода, какъ обѣщалъ», напечаталъ его разсказы въ количествѣ 6.000 экземпляровъ.

гдѣ нибудь?»—«Въ медицинской академіи, но мнѣ хотѣлось бы перейти въ университетъ по историко-филологическому факультету»...—«Напрасно. Кого вы будете тамъ слушать? Все это бездарность страшная. Ужъ если вы пишете такіе прелестные очерки, то вы умнѣе всякаго профессора»...—«Что же мнѣ дѣлать?»—»Да просто плывите по теченію... Читайте Диккенса, Теккерея и пишите». («Изъ прошлаго», стр. 1—3).

[1]) По словамъ критика, до Н. Успенскаго народные писатели, въ томъ числѣ Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Писемскій, писали о народѣ только съ тѣмъ, чтобы возбудить къ нему симпатію: «ни одного слова жестокаго или порицающаго. Всѣ недостатки прячутся, затушевываются. Налегается только на то, что онъ несчастенъ. Только какая же польза изъ этого народу?»—спрашиваетъ критикъ. По его словамъ, Н. В. Успенскій первый сталъ писать «о народѣ правду, безъ всякихъ прикрасъ», изображалъ его такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Особенность таланта Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ о крестьянахъ говоритъ безъ церемоніи, какъ о людяхъ, которыхъ онъ самъ считаетъ и читатель его долженъ считать за людей, одинаковыхъ съ собою, — за людей, о которыхъ можно говорить откровенно все, что замѣчаешь о нихъ... Въ своемъ разсказѣ «Обозъ» ему удалось такъ глубоко заглянуть въ народную жизнь и такъ ярко выставить коренную причину ея тяжелаго хода, какъ никому изъ другихъ беллетристовъ... Сдѣлавъ длинную выписку изъ «Обоза», критикъ говоритъ: «Только немногіе, очень горячо и не бестолково любящіе народъ поймутъ, какъ достало у г. Успенскаго рѣшимости выставить предъ нами эту черту народа безъ всякаго смягченія. Да понималъ ли онъ, что дѣлаетъ? Только въ томъ случаѣ, если не понималъ онъ, и могутъ простить ему этотъ отрывокъ квасные патріоты»... «Современникъ», 1861 г., стр. 79—107.

[2]) Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «Я вѣрилъ въ его литературный вкусъ, въ его смекалку, что хорошо, что дурно, и, помню, бросилъ одну начатую мною комедію подъ заглавіемъ «Воры» только потому, что Успенскій,—не успѣлъ я и одной страницы прочитать,—замахалъ руками и воскликнулъ: «Не такъ, не такъ!»... «Историческій Вѣстникъ», 1898 г., апрѣль, стр. 150—151.

По словамъ М. В. Успенскаго, Николай Васильевичъ, считая себя обиженнымъ, сталъ разсказывать въ обществѣ о поступкѣ съ нимъ Некрасова. Будто бы за это Некрасовъ вызвалъ Николая Васильевича на дуэль. Николай Васильевичъ, зная Некрасова за отличнаго стрѣлка, пронизывавшаго на извѣстномъ разстояніи пулей туза, крайне струсилъ... Дуэль не состоялась, лишь благодаря вмѣшательству Чернышевскаго.

Насколько были вѣрны свѣдѣнія, почерпнутыя Николаемъ Васильевичемъ изъ «достовѣрнаго источника», сказать трудно, но возможно, что эти свѣдѣнія получили «достовѣрность» вслѣдствіе подозрительности и недовѣрчивости самого Николая Васильевича...

Исторіей съ Некрасовымъ Николай Васильевичъ былъ потрясенъ чрезвычайно. Послѣ нея онъ пріѣхалъ изъ Петербурга на родину совершенно больнымъ, затосковалъ... Родные были поражены происшедшей съ нимъ перемѣной, приписывая ее вліянію заграничной поѣздки, и даже опасались за его разсудокъ...

Несомнѣнно, разрывъ съ Некрасовымъ былъ крайне гибеленъ для молодого, еще не упрочившаго своего положенія писателя.

Послѣ разрыва съ Некрасовымъ Николай Васильевичъ живетъ преимущественно въ деревнѣ, продолжая изучать жизнь въ первоисточникѣ.

Онъ пріобрѣтаетъ землю у Ив. С. Тургенева [1]) и пробуетъ за-

---

[1]) Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Н. В. будто бы «упросилъ» Ивана Сергѣевича дать въ полное его владѣніе нѣсколько десятинъ земли, увѣряя, что ему тяжело шляться и ничего не дѣлать, что на землѣ, уступленной ему Тургеневымъ, онъ построитъ избушку, будетъ въ ней жить и обработывать поле, что онъ разведетъ огородъ, будетъ продавать овощи и какъ нибудь проживетъ безъ особенной нужды... Черезъ годъ или два Тургеневъ сталъ получать отъ своего управляющаго извѣстія, что Успенскій съ своей племянницей поселился у него въ домѣ, что для него готовятъ обѣдъ, что онъ часто пьянъ, и что на своихъ десятинахъ онъ ровно ничего не дѣлаетъ. Кончилась эта исторія тѣмъ, что Тургеневъ взялъ у него эту землю обратно, и Успенскій выѣхалъ изъ его усадьбы, ругая Тургенова на всѣ корки...

Разсказъ Полонскаго представляется явно неправдоподобнымъ. Н. В. по своему характеру не былъ способенъ къ выпрашиваніямъ, да еще къ такимъ жалкимъ, какъ изображаетъ Полонскій. Кромѣ того, и Тургеневъ не былъ такъ мелоченъ, чтобы собирать свѣдѣнія о Н. В. отъ своего «управляющаго», чтобы, выдѣливъ, подъ какимъ бы то ни было условіемъ, участокъ земли Успенскому, слѣдить за поведеніемъ послѣдняго и за его дѣятельностью. Гораздо правдивѣе разсказъ самого Н. В. въ его воспоминаніяхъ (см. «Изъ прошлаго», стр. 23, 24, 25, 29 и 30), при чемъ отъ разныхъ лицъ намъ пришлось слышать отзывы, вполнѣ подтверждающіе воспоминанія Н. В. Чтобы Н. В. «ругалъ» или вообще неодобрительно относился о Тургеневѣ, ничего побобнаго намъ не пришлось слышать. Да и самъ Н. В. въ своихъ воспоминаніяхъ отзывается о Тургеневѣ, какъ о человѣкѣ, въ высшей степени симпатичномъ, и свое мнѣніе о немъ подтверждаетъ словами Панаева: «если Тургенева поставить на подоконникъ противъ солнца, то онъ будетъ свѣтиться насквозь». Никакой «племянницы» или какой либо родственницы Н. В. при себѣ не держалъ...

няться сельскимъ хозяйствомъ: производитъ разнаго рода химическіе опыты удобренія земли различными солями, нѣсколько разъ перестраиваетъ свою избушку и т. д. Однако новый образъ жизни Николаю Васильевичу пришелся не по душѣ: его «одолѣла скука»...

Поэтому онъ отказывается отъ Тургеневской земли и строитъ себѣ маленькій, шестиаршинный домикъ въ Тульскомъ уѣздѣ, въ селѣ Веневѣ-Монастырѣ, гдѣ жилъ его зять священникъ.

Здѣсь онъ живетъ общей жизнью съ церковнымъ причтомъ: поетъ въ церкви на клиросѣ, читаетъ апостола, звонитъ на колокольнѣ, ходитъ по приходу, ѣздитъ съ крестьянскими парнями въ ночное, принимаетъ участіе во всѣхъ крестьянскихъ празднествахъ, въ деревенскихъ хороводахъ.

Бывало, на клиросѣ Николай Васильевичъ стоитъ съ самымъ серьезнымъ, строгимъ видомъ. Если пѣніе стройно, то и Николай Васильевичъ поетъ прекрасно; но если кто либо начиналъ фальшивить, то онъ дружно подхватывалъ полутонъ, сохраняя при этомъ на своемъ лицѣ самое невинное выраженіе... Въ хорѣ на долгое время водворялись разладъ и замѣшательство.

Во время хожденія по приходу Николай Васильевичъ любилъ принимать на себя завѣдываніе доходами причта: деньгами, пирогами, яицами.

На вечеринкахъ и въ хороводахъ онъ производилъ большое впечатлѣніе игрой на флютъ-гармоніи, привезенной имъ изъ-за границы.

Въ Веневѣ-Монастырѣ у Николая Васильевича была какого-то «розоваго» цвѣта лошадь, которая ѣла мясо; была панорама и «подручный» мужикъ, въ родѣ работника, ходившій въ шапоклякъ... На своей «розовой» лошади, съ своимъ подручнымъ и панорамой онъ разъѣзжалъ по ярмаркамъ.

Николай Васильевичъ очень любилъ крестьянскихъ дѣтей. Лѣтомъ для нихъ онъ устраивалъ бѣга, выдавая имъ «призы» конфетами; ходилъ съ ними съ ружьемъ за голубями, рисовалъ акварелью съ натуры...

Въ концѣ 1863 года вышло новое изданіе сочиненій Николая Васильевича, но встрѣчено оно было критикой уже болѣе холодно, нежели первое [1])...

---

[1]) П. В. Анненковъ, посвятившій свою статью новому изданію сочиненій Н. В., заявлялъ, что Успенскій «всегда будетъ заслуживать нашу благодарность за употребленіе своего увлекательнаго юмористическаго таланта на возсозданіе будничной, ежедневной стороны народа, со всѣми ея странностями и комическими элементами, свойственными, впрочемъ, въ разныхъ видахъ и формахъ всѣмъ будничнымъ сторонамъ каждаго общества. Въ нашей исторіи онъ занимаетъ почти такое же мѣсто, какъ въ исторіи живописи Теньеръ, Остадъ и другіе имъ подобные мастера, а это весьма почетное мѣсто». Но уже въ этомъ отзывѣ Анненкова объ Успенскомъ звучатъ иныя ноты, болѣе строгія и суровыя. Аннен-

Кажется, начавшіяся литературныя неудачи заставили Николая Васильевича задуматься надъ своей судьбой, и съ 1864 года онъ посвящаетъ себя педагогической дѣятельности: опредѣляется учителемъ русскаго языка въ чернскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ состоитъ учителемъ въ болховскомъ уѣздномъ училищѣ; держитъ испытаніе на званіе учителя русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ учрежденій императрицы Маріи, поступаетъ учителемъ въ дѣтскій пріютъ принца Ольденбургскаго, переводится въ Оренбургскую неплюевскую высшую гимназію и, наконецъ, въ первую московскую военную гимназію [1]).

При опредѣленіи въ Оренбургъ, Николай Васильевичъ получилъ довольно значительную сумму прогонныхъ денегъ. Вслѣдствіе оставленія здѣсь службы ранѣе установленнаго срока, съ него въ московской гимназіи производился вычетъ этихъ денегъ. Разсказываютъ, что, нуждаясь въ деньгахъ, онъ обратился къ директору гимназіи съ просьбой объ увеличеніи своего содержанія.

— Возьмите больше уроковъ,—предложилъ директоръ.

— Это все равно то же, какъ, если бы лошадь просила ѣсть, а на нее болѣе и болѣе накладывали груза,—отвѣчалъ Николай Васильевичъ [2])...

При министрѣ народнаго просвѣщенія Головинѣ, Николаю Васильевичу, по рекомендаціи знавшихъ его лицъ, была поручена интересная работа: ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ деревни и выработать программу для правильной постановки сельскаго школьнаго образованія.

ковъ говоритъ, что «бѣдность замысла и исполненія все растетъ у г. Успенскаго съ каждымъ новымъ его произведеніемъ до того, что послѣднее изъ нихъ всегда бываетъ безцвѣтнѣе и слабѣе предыдущаго». Отзывъ Анненкова былъ, однако, еще не такъ строгъ, какъ отзывъ Аполлона Головачева, помѣстившаго разборъ сочиненій Н. Успенскаго въ «Современникѣ» и окончательно «развѣнчивавшаго» молодого писателя... Между тѣмъ это новое изданіе было почти повтореніемъ перваго,—было включено лишь двѣнадцать маленькихъ разсказиковъ.

[1]) Какъ видно изъ послужного списка Н. В. Успенскаго, онъ изъ чернскаго уѣзднаго училища уволился въ отставку 18-го мая 1866 года, въ Болховѣ учительствовалъ съ 13-го сентября 1868 года по 29-е января 1869 года, экзаменъ на преподавателя въ учебныхъ заведеніяхъ императрицы Маріи выдержалъ въ мартѣ 1869 года, въ Оренбургъ переведенъ отъ 5-го марта 1872 года, въ Москву—отъ 16-го ноября 1873 года.

[2]) Выбылъ изъ московской гимназіи Н. В. довольно оригинально. Весною 1874 года, еще до окончанія классныхъ занятій, представивъ директору программу пройденнаго съ учениками курса, но не испросивъ себѣ отпуска, Н. В. уѣхалъ изъ Москвы въ Тульскій уѣздъ, въ с. Веневъ-Монастырь. Начальствомъ гимназіи было послано къ нему требованіе о явкѣ на службу, но онъ не явился. Директоръ гимназіи сообщилъ о случившемся въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. Началось слѣдствіе, въ поступкѣ увидѣли «побѣгъ», за что онъ подлежалъ по 133 и 135 статьямъ свода военныхъ постановленій 1869 г. судебному преслѣдованію... Дѣло, впрочемъ, кончилось сравнительно благополучно: въ концѣ 1874 г. Н. В. уволился изъ московской гимназіи «по прошенію».

Николай Васильевичъ совершилъ поѣздку въ разныя мѣстности Россіи и чрезъ нѣкоторое время составилъ записку о плачевномъ положеніи деревни и о необходимости прежде всего поднять ея экономическій бытъ, представляющій собою первое условіе успѣшнаго распространенія образованія.

Николай Васильевичъ представилъ записку Головину. Тотъ просилъ его притти черезъ нѣсколько дней для переговоровъ. Но въ назначенное время Николай Васильевичъ не явился, а отбылъ изъ Петербурга, пославъ министру извѣщеніе, что по семейнымъ обстоятельствамъ прибыть для объясненій по своему докладу не можетъ...

Записка Николая Васильевича была встрѣчена неодобрительно. Министръ говорилъ лицу, рекомендовавшему Николая Васильевича:

— Кого это вы мнѣ рекомендовали?... Онъ говоритъ, что я совсѣмъ ненуженъ въ Россіи!..

Періодъ педагогической дѣятельности Николая Васильевича вмѣстѣ съ тѣмъ является временемъ его наиболѣе усиленной литературной дѣятельности. Разсказы и очерки его выходятъ отдѣльными изданіями въ 1867, 1875, 1876 годахъ.

Однако критика уже не привѣтствовала этихъ изданій сочиненій Николая Васильевича. Послышались голоса, что авторъ говоритъ «о народѣ Богъ знаетъ что, жестоко оскорбляющее нашу сентиментальную симпатію къ нему»... Особенно обрушивался на Николая Васильевича «Современникъ» [1]).

Послѣ многократныхъ попытокъ, отказавшись отъ мысли пристроиться къ педагогическому міру, Николай Васильевичъ ведетъ вполнѣ кочевую жизнь, безъ опредѣленнаго мѣстожительства и безъ

---

[1]) См., напримѣръ, «Современникъ» 1866 г., февраль, стр. 270 и 271.—«Отечеств. Записки», отмѣчая происшедшую перемѣну въ отзывахъ о Николаѣ Васильевичѣ со стороны «Современника», писали: «Чей, преимущественно, писатель г. Н. Успенскій?—«Современника».—Кто первый вывелъ его на свѣтъ и ревниво оберегалъ потомъ отъ поступленія въ другіе журналы?—«Современникъ».—Кто прославилъ его, или старался прославить до самой невозможности?—«Современникъ».—Какимъ образомъ «Современникъ» дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ?—Поручая дѣло прославленія г. Н. Успенскаго своимъ первѣйшимъ критикамъ.—Прославлялъ ли «Современникъ» г. Н. Успенскаго только въ частности или за все вообще?—Болѣе за все вообще, хотя похваливалъ и въ частности... Теперь этотъ самый «Современникъ» позволилъ унизить до самой невозможности этого самаго г. Н. Успенскаго самому послѣднему изъ своихъ сочинителей»...

Сравнивая отзывы «Современника» о Н. В. Успенскомъ за прежнее и за послѣдующее время, «Отечественныя Записки» въ заключеніе говорятъ: «Словомъ «Современникъ» все вышесказанное, насколько оно относится къ г. Успенскому, какъ его сотруднику, утверждаетъ. Но въ то же время «Современникъ» все вышесказанное, насколько оно относится къ г. Успенскому, какъ сотруднику «Отечественныхъ Записокъ», отрицаетъ». (См. «Отеч. Зап.» 1866 г., т. 165, «Курьезы по части литературныхъ нравовъ», стр. 165—166).

Если въ молодости Николай Васильевичъ отличался многими странностями, то въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ почти невмѣняемъ...

Онъ ютится по ночлежнымъ домамъ, по кабакамъ и трактирамъ, ходитъ въ какой-то арестантской овчинной бекешѣ, разсказываетъ за извѣстную плату свои воспоминанія о литературныхъ знаменитостяхъ, пишетъ мужикамъ и бабамъ прошенія и письма, съ своей дочерью поетъ и играетъ на гармоникахъ, зарабатывая себѣ на хлѣбъ и на водку, безъ которой онъ уже не можетъ жить...

— Публика спитъ, а мы будимъ, — говорилъ онъ... — Разбудишь—благодарны: кто три, кто пять, кто двадцать копеекъ жалуетъ... Однажды даже жидъ восемь копеекъ далъ!.. Поймите: вѣдь, самъ жидъ далъ!..

Однажды Николаю Васильевичу удалось пріобрѣсти мертваго крокодила.

— «Жилъ я въ Тулѣ,—разсказывалъ Николай Васильевичъ.— Утромъ чай пить ходилъ въ трактиръ. Люблю я ходить по трактирамъ: въ одно ухо говорятъ глупость, въ другое заразъ нѣсколько... Какъ-то на первой недѣлѣ великаго поста сижу и слышу:

— «Гадину притащилъ? — говоритъ сидѣлецъ новому «гостю».

— «Африканскій звѣрь... рѣдкая штука...

— «Что же тебѣ нужно?

— «Полбутылочки пожалуйте...

— «Ха-ха! — смѣется сидѣлецъ... Тащи скорѣй этого рѣдкаго звѣря... Только помѣщеніе мое опоганилъ!..

«Глянулъ я: крокодильчикъ!.. Я сразу сообразилъ... Подхожу и говорю:

— «Позвольте посмотрѣть... Что же вы желаете за вашу вещь получить?

— «На полбутылку,— говоритъ...

— «Пять копеекъ,—говорю,—могу вамъ дать...

«Тотъ подумалъ, подумалъ,—согласился.

— «Главное, — говорю я, — у меня семья велика, дѣтей орава цѣлая... Все позабавятся!»...[1])

Изъ крокодила Николай Васильевичъ набилъ чучело, которое онъ сталъ показывать съ разными присказками въ вагонахъ, въ пивныхъ, трактирахъ.

— Господамъ честнымъ крокодиламъ долгаго здравія и многолѣтняго спокойствія! — бывало начинаетъ Николай Васильевичъ,

---

[1]) Нѣкоторымъ Николай Васильевичъ говорилъ, что крокодилъ ему подаренъ знакомымъ пріятелемъ-естественникомъ; но приведенный разсказъ, кажется, правдивѣе... Говорятъ, что крокодилъ этотъ ранѣе показывался въ одномъ странствующемъ звѣринцѣ, бывшемъ на масленой въ Тулѣ, но околѣлъ и потому былъ выкинутъ на площадь, въ различные отбросы. Однако на него обратилъ свое вниманіе сообразительный посѣтитель трактира...

держа въ рукахъ за переднія лапки чучело и выставляя впередъ его выпуклый животъ...

И около него быстро образуется большая толпа любопытныхъ.

Обыкновенно подъ видомъ крокодила Николай Васильевичъ изображалъ какого либо мѣстнаго дѣятеля [1]...

Судьба дочери страшно безпокоила Николая Васильевича. Въ минуты отчаянья онъ говорилъ, что смерть для нея лучшій исходъ... Съ другой стороны заявлялъ, что онъ самъ потому только и живетъ, что его держитъ дочь...

Когда ему совѣтовали отдать ее въ какой нибудь пансіонъ, онъ говорилъ, что это все равно, что отдать въ домъ терпимости...

Еще худшимъ казалось ему отдать дочь на воспитаніе къ дѣду, въ село Лобаново...

Какъ-то приходитъ Николай Васильевичъ къ своей племянницѣ, женѣ священника, Е. И. Н—ой. У нея дѣти малъ-мала меньше. Для дяди племянница принялась хлопотать въ кухнѣ. Дѣти, оставленныя одни съ какимъ-то страннымъ человѣкомъ, плачутъ...

Николай Васильевичъ глядѣлъ-глядѣлъ на бѣдную обстановку, на дѣтей, и говоритъ дочери:

— Вотъ посмотри на ихъ житье... Отецъ съ матерью тоже рвались, хлопотали, думали, что устроили дочку... А она, какъ въ котлѣ, цѣлый день кипитъ...

Услыхала племянница, удивилась...

— Ахъ, дядя! А жизнь Олечки-то неужели лучше? По кабакамъ да по трактирамъ съ вами ходитъ... Чего не натерпится, не наслушается?!.

— Сквернословія она не понимаетъ; слышитъ только: «мать», «мать»... А улицу пусть изучаетъ: въ ней ярче выступаютъ всѣ прелести нашей жизни...

Весною 1888 года Николай Васильевичъ загостился въ селѣ Веневѣ-Монастырѣ. Дочь его успѣла привыкнуть къ осѣдлой жизни, подружилась съ двоюродными сестрами. Между тѣмъ тетка совѣтовала ей подумать о своей судьбѣ, говорила о вредѣ ея кочевой жизни, о необходимости перейти на попеченіе дѣда...

— Братецъ, оставьте Олечку у насъ пожить,—заявила сестра Николая Васильевича, когда тотъ началъ свои сборы въ дорогу.

---

[1]) Н. П. Мельниковъ, разсказывая про свою встрѣчу съ Николаемъ Васильевичемъ въ 1887 году въ одной изъ тульскихъ пивныхъ, между прочимъ передаетъ, что Николаю Васильевичу былъ предложенъ вопросъ, почему онъ не пишетъ. Онъ отвѣчалъ: «Писать? что? для чего? На пикантности я не мастеръ, романовъ съ ногъ сшибательныхъ, отъ которыхъ морозъ по кожѣ деретъ, и волосы дыбомъ становятся,—миловалъ Богъ,—не писалъ, а правду простую, правду тихую, народную, не кричащую, имъ не надо, не любятъ! Подавай имъ коли горе, такъ чтобы и съ голодомъ, да съ холодомъ, и со смертями, и чортъ знаетъ еще съ чѣмъ... Ну, ихъ!»... (См. «Историческій Вѣстникъ» 1896 года, книга 12 статья г. Юдина: «Къ біографіи Н. В. Успенскаго»).

— Я неволить дочери не желаю: если хочетъ, пусть остается... Оля, ты хочешь?

— Да, папа, я желаю...

— Но имѣй въ виду, Оля: тебя, вѣдь, тутъ держать не станутъ, а отправятъ къ дѣду съ бабкой,—заявилъ онъ.—Чтобы тебя здѣсь оставить, я согласенъ, но не могу допустить, чтобы тебя отправили къ лобановскимъ крокодиламъ...

— Николай Васильевичъ,—предложилъ зять,—конечно, мы не можемъ принять на себя отвѣтственности въ воспитаніи вашей дочери, но если вы будете жить у насъ, то пусть она остается и воспитывается вмѣстѣ съ нашими дѣтьми... А вы живите себѣ — пишите. Намъ ничего, кромѣ удовольствія, своимъ пребываніемъ не доставите...

Предложеніе зятя Николай Васильевичъ отклонилъ и сталъ собираться уходить, требуя съ собою дочь. Не смѣя ослушаться, она отправилась съ отцомъ.

Николай Васильевичъ перешелъ въ сосѣднюю деревню: посѣтилъ кабакъ и дома знакомыхъ ему крестьянъ, и затѣмъ, совершенно пьяный, выбрался на «большую» тульскую дорогу и здѣсь заснулъ... Дочь, воспользовавшись сномъ отца, ушла въ домъ тетки...

Николай Васильевичъ возвратился въ Веневъ-Монастырь. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ пьянствуетъ въ селѣ, приходитъ къ дому зятя и требуетъ возвращенія дочери... Его приглашаютъ въ домъ, но онъ остается на улицѣ и кричитъ на все село, что зять и сестра похитили у него дочь...

Дочь смотрѣла на отца, плакала, но итти къ нему не рѣшалась...

Еще болѣе страдала сестра Николая Васильевича, глядя на своего несчастнаго брата.

— Слезъ-то, слезъ-то сколько пролила я въ ту пору! — вспоминала покойная Елизавета Васильевна.—Вѣдь, какой онъ въ молодости былъ красивый, добрый, умный .. А тутъ сядетъ и сидитъ на канавѣ противъ нашего дома... Помню: пекла я лепешки, выслала ему. Гляжу: взялъ онъ, ѣстъ, а самъ старый, сѣдой, страшный...

Николай Васильевичъ, отправившись изъ Венева-Монастыря, заходилъ къ своимъ знакомымъ, которыхъ въ Тульской губерніи было у него много, и вездѣ разсказывалъ о хищеніи у него дочери и о томъ скандалѣ, который онъ произвелъ, выражаясь, что онъ «двухтесными гвоздями прибилъ позоръ къ дому зятя»... Но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что теперь, слава Богу, онъ свободенъ, что идетъ къ Тихону Калужскому, куда его «трижды звалъ таинственный голосъ»...

Для того, чтобы объяснить причину непріязни, которую чувствовалъ Николай Васильевичъ къ своему тестю, конечно, необхо-

димо знать обстоятельно всѣ подробности ихъ взаимныхъ отношеній. Къ сожалѣнію, такими свѣдѣніями мы не располагаемъ, но въ нашемъ распоряженіи имѣется письмо тестя Николая Васильевича къ одному изъ родственниковъ, достаточно въ общемъ характеризующее какъ личность автора этого письма, такъ и отношенія его къ зятю. Письмо помѣчено 5 іюня 1888 года; такимъ образомъ оно относится ко времени, когда дочь уже оставила Николая Васильевича.

«Ты не знаешь всѣхъ ужасовъ и всѣхъ страданій, какія мы [1]), Лиза и Оля перенесли по милости Николая Васильевича,—пишетъ священникъ с. Лобанова, А. Ив. Успенскій... Онъ Олюшку еще двухнедѣльнымъ ребенкомъ мышами едва не стравилъ: заперъ въ квартирѣ, гдѣ стадо крысъ, и ушелъ въ лѣсъ часа на три. Ори, кричи, вертись, задыхайся!.. А мать, Лиза, трепетала его, какъ раба у башибузука... Ее втопталъ онъ въ могилу, и мы радовались, что Господь прекратилъ ея страданія, ибо жизнь съ такимъ человѣкомъ хуже всякой смерти, хуже всякой каторги и могилы. «Я боюсь его», шептала она мнѣ, кончаясь, и завовѣдала: «не покиньте мою дѣвочку» [2]). Мы, безъ всякой заповѣди матери убитой, никогда и не думали покидать Олю. Просили оставить ее у насъ въ день погребенія Лизы,—умоляли, но отецъ, облеченный властію надъ дочерью по закону, посадилъ дитя на колѣна и увезъ. Шесть лѣтъ мы умоляли не мучить Олю, не тиранить, волоча по трактирамъ и кабакамъ, не развращать ее съ младенчества. Посылали деньги, не разъ, не два обували, одѣвали ее, стараясь облегчить ея положеніе... Я навзрыдъ плакалъ въ Алексинѣ, въ домѣ К. Рожнова, зная, что Оля на той сторонѣ Оки страдаетъ, и я не могу видѣть ее. Далъ Рожнову денегъ обуть, одѣть ее,—и все это снесено въ кабаки!... Сто разъ просилъ отдать намъ Олю, и онъ не отдаетъ...

«Въ ноябрѣ прошлаго года я нарочно спеціально позволилъ ему пріѣхать въ мой домъ съ Олей именно для того, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о передачѣ намъ Оли на законномъ основаніи, т.-е. съ отказомъ отъ правъ родительскихъ... Выстрадали мы всю тяготу его присутствія въ нашемъ домѣ, чтобы какъ нибудь взять Олю. И оказалось: ни подъ какимъ видомъ даже и думать объ этомъ не хочетъ. Я написалъ ему ультиматумъ, просьбу оставить Олю у насъ, съ изложеніемъ условій... Николай Васильевичъ собрался, нагрузилъ дорогихъ книгъ изъ моей библіотеки,—узлы и сзади и спереди и по бо-

---

[1]) Т.-е. самъ А. И. Успенскій и жена его, Павла Михайловна, оба въ настоящее время умершіе.

[2]) Мы ничего не слыхали про суровое отношеніе Николая Васильевича къ своей женѣ. Слышали только, что жена сильно любила Николая Васильевича.

камъ, и въ моментъ, когда я крестилъ въ передней приходскаго ребенка, протискался въ картузѣ и ушелъ. Узнаю: ушелъ совсѣмъ. Посылаю догнать и возвратить книги. Онъ далъ гривенникъ моему работнику, который тайкомъ носилъ ему водку изъ шинковъ, и работникъ доложилъ: «приказалъ сказать, что у него книгъ нѣтъ»... Хотѣлъ я догонять, дѣлать обыскъ, но... пусть злодѣй и зло утекаютъ изъ моего прихода, гдѣ онъ нанималъ подводу... Слышалъ послѣ, какъ онъ таскалъ Олю по Ефремову, самъ мертвецки пьяный, какъ продавалъ то, что мы ей сшили (вполнѣ обули и одѣли, и княгиня подарила хорошее платье), какъ давалъ ей затрещины: пой!... И она визжала, слушаясь затрещинъ отца, на морозѣ... Да всего и пересказать нельзя, не только написать... На-дняхъ онъ безобразилъ и пьянствовалъ въ окрестностяхъ Лобанова и цѣлый день проспалъ въ оврагѣ, на пути къ городу, разувшись... Заходилъ къ намъ. Павла Михайловна спросила: «Что вамъ угодно?»—«Я... ничего»...—«А ничего, такъ зачѣмъ же заходить?»... И онъ исчезъ, какъ духъ... Меня Господь избавилъ видѣть Каина (?!)»...

Николай Васильевичъ долго не могъ примириться съ оставленіемъ его дочерью. Онъ обрушивается на семью сестры, содѣйствовавшей переходу его дочери на попеченіе дѣда... Два сына этой сестры, обучавшіеся въ Московской духовной академіи, то и дѣло получаютъ отъ своего дяди открытыя письма, полныя негодованія по поводу противозаконнаго, будто бы, поступка ихъ матери. Вотъ что писалъ Николай Васильевичъ:

«Похищать чужихъ малолѣтнихъ дѣтей незаконно и безбожно; еще болѣе преступно учить ребенка: «не чти твоего отца»... Моя дочка и такъ была сирота, лишившись двухъ лѣтъ отъ роду матери, а ваша мамаша сдѣлала ее совсѣмъ круглой сиротой, лишивши ее и отца... Она должна по принадлежности возвратить похищенное, если желаетъ остаться въ покоѣ...

«Почтовый вагонъ. 29-го августа 1888 года».

«Великій грѣхъ похищать чужихъ дѣтей, а тѣмъ болѣе развращать ихъ, внушая имъ нарушеніе V заповѣди Господней...

«Москва. 6-го сентября 1888 года».

«Милые мои племяннички... хотя одинъ изъ васъ исповѣдуетъ политеизмъ, а другой деизмъ, но все-таки, во имя св. чудотворца и угодника Божія Сергія, вразумите вашу мать, что красть и продавать чужихъ малолѣтнихъ дѣтей, какъ это она сдѣлала съ моею десятилѣтнею дочерью, и внушать имъ: «не чти отца твоего»,—есть великій грѣхъ... «Аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ»... Впрочемъ, вы знаете сами заповѣдь Господа нашего Іисуса Христа... Постарайтесь сдѣлать, чтобы я не писалъ вамъ

подобныхъ писемъ. Подумайте: вѣдь, ваша мать сдѣлала мою дочь круглой сиротой! Какова должна быть натура вашей матери... Продолженіе впредь.

«Москва. 20-го сентября 1888 года».

«Внушите своей мамашѣ, похитившей мою законную дочь, что она должна отвѣчать за судьбу несчастнаго ребенка, оставшагося по ея милости круглой сиротой... Вообще не держитесь ни политеизма, ни деизма, ни дарвинизма, а держитесь правды, за которую пострадалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

«Москва. 2-го ноября 1888 года».

«Вновь напоминаю вамъ о злодѣяніи вашихъ родителей, лишившихъ меня родной дочери, которую сдѣлали круглой сиротой, въ чаяніи получить мзду отъ евангельскаго богача [1]). Не знаю, воспослѣдуетъ ли означенная мзда. Во всякомъ случаѣ я не сомнѣваюсь въ томъ, что Младенецъ Христосъ, котораго мы въ эти дни прославляемъ, не замедлитъ ниспослать свой праведный гнѣвъ на вашихъ родителей, которые всѣми силами старались и стараются внушить моей малюткѣ-дочери нарушеніе V заповѣди Божіей, формулируя свои внушенія такъ: «не чти отца твоего», ибо Христосъ своимъ божественнымъ примѣромъ освятилъ исполненіе V заповѣди, «будучи, по словамъ Апостола, послушливъ даже до смерти» (своему Отцу),—не говоря уже о ветхозавѣтномъ примѣрѣ Хама, смѣявшагося надъ своимъ отцомъ. Да разразится же небесная кара и Божій гнѣвъ надъ вашими беззаконными и нечестивыми родителями!...

«Петербургъ. 24-го декабря 1888 года».

Пьяный, безпокойный Николай Васильевичъ былъ мало желаннымъ гостемъ даже для большинства своихъ родныхъ... Онъ сознавалъ это, и тѣмъ тяжелѣе было его положеніе...

— Однажды передъ Пасхой,—разсказывалъ М. В. Успенскій,— Николай прибылъ въ Москву и остановился въ гостиницѣ. Получаю отъ него письмо. Пишетъ: «Ваше высокородіе! не имѣю ни одежды, ни пищи, ни денегъ... Не можете ли оказать помощи ради приближающагося свѣтлаго Христова Воскресенья»... Собралъ ему изъ своихъ вещей кое-что, везу... На дорогѣ встрѣтились, поздоровались...—«Больше пить не буду, не буду»... говоритъ...

Какъ-то Михаилъ Васильевичъ Успенскій взялъ къ себѣ Николая Васильевича «на исправленіе»...

---

[1]) Николай Васильевичъ о «хищеніи» у него дочери между прочимъ упоминаетъ и въ своихъ воспоминаніяхъ («Изъ прошлаго», стр. 155).—«У васъ дочь украли?»—спросилъ его Л. Н. Толстой.—«Такъ точно, ваше сіятельство!»—отвѣчалъ Н. В.—«Кто же?» — «Власть земли» и «Власть тьмы»... Но это дѣло, какъ говорится, домашнее»...

Въ квартирѣ Михаила Васильевича царилъ всегда строгій порядокъ и тишина. Водка выдавалась Николаю Васильевичу по порціямъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ... Не привыкшій къ такому образу жизни Николай Васильевичъ страдалъ.

— Тоска!—жаловался онъ матери...

Съ другой стороны, недоволенъ былъ Николаемъ Васильевичемъ и его братъ, не замѣчая въ немъ перемѣны къ лучшему.

— Трачусь на него, а все попусту,—говорилъ матери старшій сынъ...

Мать, любившая болѣе старшаго сына, не преминула сказать Николаю Васильевичу, что онъ зажился у брата, что онъ ему въ тягость...

Конечно, Николай Васильевичъ удалился...

— Вотъ послѣдній разъ,—вспоминала про Николая Васильевича его мать,—жилъ онъ въ Тулѣ, у сестры.—«Колюшка! говорю я ему... живутъ, живутъ, да и пойдутъ... Пора и тебѣ въ ходъ»... — «Я пойду, я пойду»...—«Да куда жъ ты пойдешь-то? Ты бы въ Веневъ-Монастырь»...—«Не пойду туда ни за что»...

Въ Веневѣ-Монастырѣ болѣе, чѣмъ гдѣ еще, продолжали относиться къ Николаю Васильевичу сочувственно и радушно... Поэтому, несмотря на свой зарокъ не посѣщать Венева-Монастыря, онъ продолжалъ бывать тамъ попрежнему...

Бывало, придетъ и разскажетъ немало интереснаго о жизни другихъ родственниковъ, которыхъ онъ посѣтилъ, о своихъ собственныхъ приключеніяхъ...

Говорятъ, комично разсказывалъ Николай Васильевичъ о своихъ пребываніяхъ въ Тулѣ, у одной своей бѣдной родственницы, жившей въ небольшомъ домикѣ среди многочисленныхъ, еще болѣе бѣдныхъ жилицъ... Здѣсь каждый велъ свое хозяйство, каждый готовилъ себѣ пищу, стиралъ свое бѣлье... На всѣхъ приходилась одна маленькая кухонька съ маленькой печкой. Николай Васильевичъ, по его словамъ, являясь въ этотъ домъ, также принимался за свое хозяйство: обзаводился горшечкомъ, начиналъ покупать провизію... Когда, при топкѣ печи, содержимое въ горшечкахъ и сковородкахъ начинало кипѣть и шипѣть, и когда обитатели дома сталпливались около печи, боясь, чтобы ихъ кушанье не «подгорѣло», не «ушло» или не «перешло»,—Николай Васильевичъ, будто бы пользуясь царившей суматохой, выуживалъ изъ печи вмѣсто своей пустой «похлебки» чью нибудь «ушицу», вмѣсто гречневой каши какое либо жаркое.

Въ Тулѣ же, поселившись на квартирѣ у одного оружейника, онъ надѣлалъ переполоха, когда «для освѣженія воздуха» въ своей комнатѣ выставилъ раму... Дѣло было среди зимы.

Въ бесѣдахъ съ своими племянниками, студентами духовной академіи, онъ нерѣдко возбуждалъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли существуетъ загробная жизнь...

Изъ характерныхъ чертъ Николая Васильевича за последніе годы должно отметить обыкновеніе его при встрече съ крестьянами, въ деревне или поле, снимать предъ ними свою фуражку и приветствовать ихъ низкимъ поклономъ...

Въ последній годъ жизни Николай Васильевичъ былъ очень заинтересованъ выпускомъ въ светъ своихъ воспоминаній. Четвертаго августа 1889 года онъ, между прочимъ, писалъ въ Тулу къ знакомому книготорговцу, П. И. Протасову:

«Милый другъ Павелъ Ильичъ! Надеюсь, что изъ уваженія и любви ко мне ты не замедлишь выписать 200 экземпляровъ моего новаго произведенія подъ названіемъ «Изъ прошлаго», где фигурируютъ писатели: Некрасовъ, Левитовъ, Слепцовъ, Тургеневъ, графъ Л. Н. Толстой, Григоровичъ и проч. Уступка 30%. Цена 1 рубль. Въ Москве эта книга на расхватъ, а Тула встретитъ ее съ энтузіазмомъ. Душевно любящій тебя Н. Успенскій.—Адресъ: Тверская, домъ Комиссарова, «Русскій книжный магазинъ» [1]).

За день или за два до смерти Николай Васильевичъ былъ у своихъ дальнихъ родственниковъ въ Москве, у К—хъ, съ просьбою о деньгахъ.

---

[1]) Но если публика охотно раскупала воспоминанія Н. В., то за нихъ жестоко досталось ему въ литературномъ міре: заподозрели правдивость сообщаемаго Н. В., удивлялись тому «самовосхваленію», которому онъ предавался, обратили вниманіе на воспоминанія другихъ лицъ, почему-то действительно странно попавшія въ книгу... Трудно, конечно, установить, насколько соответствуютъ действительности литературныя воспоминанія Н. В., но содержащіяся въ книге воспоминанія его о родственникахъ очень правдивы и жизненны, и вообще въ очеркахъ «Изъ прошлаго» немало яркихъ, художественныхъ страницъ... По поводу этихъ очерковъ Глебъ Ивановичъ говорилъ Николаю Васильевичу: «Чемъ ты откровеннее будешь писать, темъ лучше»... Левъ Николаевичъ Толстой, всегда сочувственно относившійся къ Н. В., не изменилъ своего расположенія къ нему и после появленія въ печати его воспоминаній... «Да разве вашъ кузенъ здесь? Покажите мне его, пожалуйста»... просилъ Л. Н. Толстой Г. И. Успенскаго, узнавъ, что Н. В. ехалъ съ ними въ одномъ поезде изъ Петербурга въ Москву.—«Онъ боится своихъ «Воспоминаній»...—«Вздоръ какой! Я ихъ читалъ съ удовольствіемъ... Жалею, что они на некоторое время прекратились»... Захвативъ подъ мышки укутанную въ шарфъ гармонію, Н. В. приблизился къ графу... «Вы? — радостно улыбаясь и пожимая Н. В. руку, сказалъ Л. Н. — Я, графъ... вашъ старый знакомый»... («Изъ прошлаго», стр. 147, 153 и 154). Крайне характерною чертою воспоминаній Н. В. является отсутствіе въ нихъ какихъ либо сетованій или жалобъ на свою плачевную жизнь... Везде, даже когда ему приходилось касаться довольно щекотливыхъ сторонъ своего положенія, сквозитъ непринужденный живой юморъ... Оригинально, напримеръ, описаніе переезда въ Москве, совершеннаго Н. В. въ обществе Г. И. Успенскаго и Л. Н. Толстого съ вокзала въ Хамовники.—«Власть земли» и «Власть тьмы» уселись въ широкихъ, покрытыхъ ковромъ саняхъ, а «Воспоминанія» приладились на запяткахъ.—Да вы садитесь съ кучеромъ-то...—Пожалуй...—Я знаю, вы любите лошадей. А гармонія ваша не пропала?...—Цела...—Я уселся съ кучеромъ и сказавъ: «Эй! миловидныя!» заигралъ «Выйду-ль я на реченьку». Кучеръ подхватилъ: «унеси ты мое горе, быстра реченька, съ собой!» (стр. 161—162).

— Послѣдняя просьба,—говорилъ онъ.—Хочу умереть смертью Сенеки.

Къ словамъ его отнеслись шутя и въ просьбѣ отказали...

— Мы знаемъ,—отвѣчали ему:—деньги вамъ нужны на водку.

Какъ извѣстно, сообщеніе о смерти Николая Васильевича появилось въ московскихъ газетахъ, въ отдѣлѣ городскихъ происшествій. Двадцать перваго октября, въ семь часовъ утра, у дома Щенкова, около Смоленскаго рынка, найденъ былъ легковымъ извозчикомъ трупъ Николая Васильевича... Около трупа были двѣ большихъ лужи крови, и тутъ же лежалъ перочинный ножикъ... По осмотру доктора, у покойнаго оказались на обѣихъ сторонахъ шеи двѣ глубокія раны [1]...

Одинъ изъ племянниковъ Николая Васильевича, извѣщая о смерти дяди своихъ родныхъ, писалъ:

«Николай Васильевичъ зарѣзался... Вѣсть въ самомъ дѣлѣ съ перваго раза потрясающая... Я когда только узналъ о трагической смерти дяди, то, что было со мной, трудно передать... Въ тотъ же день, какъ я узналъ о его смерти, я пошелъ въ церковь и отслужилъ панихиду по іереѣ Василіи и бояринѣ Николаѣ. Іерея Василія я сюда приплелъ въ той мысли, что Николай Васильевичъ только къ нему, кажется, чувствовалъ хотя искорку любви, а то ко всѣмъ питалъ недружелюбное чувство. Это былъ «человѣконенавидецъ»... «Болярина» я прибавилъ къ его имени на томъ основаніи, что въ душѣ своей онъ былъ баринъ и ломалъ себя, спускаясь въ демократическій низъ, облекаясь въ рубище оборванца... И вотъ не могъ стерпѣть этого насилія самого надъ собою... Кромѣ того, онъ все-таки числился и былъ учителемъ кадетскихъ корпусовъ. Когда онъ уходилъ отъ насъ въ Веневъ, и мы провожали до лѣсу, то онъ очень хотѣлъ, чтобы его подвезъ кто нибудь изъ проѣзжихъ...

— «Походатайствуй!—выражался онъ рабскимъ языкомъ, когда просилъ меня, чтобы я уговорилъ К. взять его съ собою...

— «Походатайствуй!—вспомнилось мнѣ это слово въ то время, какъ я служилъ панихиду по немъ, и когда среди полумрака раздавались «Непорочніи въ путь... аллилуія». Служили большую все-

---

[1]) Хоронили Н. В. 25-го октября. Отпѣваніе тѣла покойнаго было совершено въ храмѣ св. Георгія, на Моховой улицѣ, около университета, въ присутствіи небольшого кружка лицъ, знавшихъ покойнаго. Во все время долгаго пути, до Ваганьковскаго кладбища, гробъ несли на рукахъ студенты университета. Стройное пѣніе студенческаго хора «Святый Боже» не прекращалось во всю дорогу. Похороненъ Н. В. недалеко отъ кладбищенскаго храма, у могилъ Левитова, Орфанова и Воронова. На могильномъ холмѣ былъ поставленъ металлическій крестъ съ вѣнкомъ и надписью: «Николай Васильевичъ Успенскій, скончался 21-го октября 1889 года».

ленскую панихиду и іерея Василія съ бояриномъ Николаемъ поминали въ числѣ первыхъ...

«Послѣ смерти Николая Васильевича его тесть обратился съ просьбою въ литературный фондъ, чтобы послѣдній взялъ на себя половину издержекъ за воспитаніе Оли (т.-е. дочери Николая Васильевича) въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, именно 150 рублей ежегодно, на что фондъ согласился. Веліе чудо и благолѣпное! Не успѣлъ Николай Васильевичъ сомкнуть очей, а евангельскій богачъ, владѣлецъ крахмальныхъ заводовъ и сотенъ десятинъ земли, воздѣваетъ руки за помощью во имя литературныхъ заслугъ оплеваннаго имъ и оскорбленнаго Николая Васильевича!.. Онъ думалъ, что это будетъ неизвѣстно, потому что фондъ обычно никогда не печатаетъ, кому именно онъ помогаетъ...

«Николай Васильевичъ издалъ свои воспоминанія и продалъ собраніе своихъ сочиненій, такъ что выйдетъ скоро посмертное изданіе. Вотъ такъ дѣлецъ! Постарался свести счеты съ жизнью до точности, и такъ какъ въ итогѣ, въ концѣ концовъ, оказался нуль, то... Николая Васильевича мнѣ, право, не жаль: вѣдь это, буквально, сумасшедшій человѣкъ, страдавшій, да и страдавшій ли?—за пьянство своихъ предковъ»...

Родная мать Николая Васильевича, вспоминая о немъ, говорила:

— Похороны, говорятъ, какія устроили ему его пріятели [1])... По временамъ мнѣ иногда жалко станетъ его, а пособить не могу... Вотъ одни священники говорятъ, что его можно поминать, а другіе—нѣтъ, нельзя...

Въ поминальныхъ запискахъ Маріи Михайловны раба Николая долгое время не значилось [2])...

Въ прошломъ году намъ пришлось быть на могилѣ Н. В. Успенскаго. Могильная насыпь обвалилась, небольшой жестяной крестъ смялся и покосился... Кѣмъ-то на могилѣ были поставлены двѣ маленькихъ баночки съ дешевыми цвѣтами; на крестѣ чья-то карандашная надпись: «бѣдный».

---

[1]) Какъ мы слышали, похороны Н. В. были приняты на свой счетъ редакторомъ-издателемъ «Московскаго Листка», Пастуховымъ.

[2]) По поводу смерти Н. В. много писали въ газетахъ. Одними смерть была встрѣчена, какъ нѣчто неизбѣжное, почти желательное; другіе очень сожалѣли о немъ... Между прочимъ, одна изъ газетъ заявляла: «Тысячу разъ оскорбляемое самолюбіе, глубокое разочарованіе въ тѣхъ, кого онъ такъ искренно считалъ «своими», чьи «хорошія слова» въ наивной искренности принималъ не за «пустые звуки», все это, вмѣстѣ взятое, загнало Н. В. въ омутъ всесокрушающаго поклоненія Бахусу, довело до отчаянія, до полнаго во всѣхъ, не исключая и себя самого, безвѣрія, до самой безграничной нищеты и, наконецъ, до своевольной, воистину трагической, смерти на тротуарѣ».

Сочиненія Николая Васильевича можно найти только у рѣдкихъ книготорговцевъ.

Такимъ образомъ, память о Н. В. Успенскомъ постепенно исчезаетъ. Между тѣмъ этотъ писатель, несомнѣнно, заслуживаетъ полнаго вниманія русскаго общества: онъ первый заговорилъ «правду о народѣ» въ художественныхъ очеркахъ; первый формой своихъ произведеній избралъ небольшіе разсказики.

Не наша задача входить въ оцѣнку произведеній Н. В. Успенскаго, но мы не можемъ не сказать, что большинство этихъ произведеній—не случайно видѣнныя сцены, а картины, близко знакомыя ихъ автору, живая лѣтопись имъ видѣннаго и пережитаго; дѣйствующія лица его разсказовъ—дѣйствительно живые люди.

Въ памяти знакомыхъ и родныхъ Николая Васильевича сохранилось очень много воспоминаній, соединенныхъ съ его различными разсказами.

Напримѣръ, передаютъ, что въ статьѣ «Деревенская газета» Николай Васильевичъ изобразилъ знакомое ему въ Ефремовскомъ уѣздѣ дворянское общество. Одинъ изъ дворянъ, попавшій въ очеркъ, г. Кочетовъ, былъ крайне возмущенъ противъ Николая Васильевича. Опасаясь возможности появленія подобныхъ очерковъ въ будущемъ, онъ обратился къ отцу Василію:

— Если вы не остановите сына, то я буду жаловаться...

— Сынъ онъ мой, а умъ у него свой, — отвѣчалъ отецъ Василій.

Кочетовъ, конечно, не былъ удовлетворенъ такимъ отвѣтомъ и еще болѣе волновался. Въ свою очередь разгорячился и отецъ Василій, никогда не робѣвшій ни передъ кѣмъ...

— Кочетовъ,—сказалъ отецъ Василій,—что ты орешь? вѣдь я не холопъ твой!

Николай Васильевичъ нерѣдко вспоминалъ этотъ отвѣтъ отца впослѣдствіи.

Въ разсказѣ «Саша» въ живыхъ, художественныхъ образахъ встаетъ дѣвичья доля. Отецъ и мать крайне обезпокоены судьбою «сидящей на шеѣ ихъ» дочери...

— Просто жениховъ нѣтъ совсѣмъ,—говоритъ мать.—А муженекъ-то мой какъ выпьетъ, такъ оретъ на Сашу-то: «когда жъ ты съ отцовскихъ хлѣбовъ долой? Я тебя за перваго мѣщанина выдамъ!»

Въ минуты горькаго раздумья отецъ говоритъ: «мнѣ остается завязать глаза да бѣжать изъ дома; продавайте меня, ведите на базаръ! Авось какой нибудь прасолъ купитъ... что нибудь дадутъ авось и за меня»...

Когда братъ Саши возбуждаетъ вопросъ о внѣшнемъ безобразіи жениха, мать отвѣчаетъ:

— Если бы ты зналъ дѣвичью долю, Петенька! Ты посмотри: ужъ нынче никто не спрашиваетъ, какой женихъ, какъ да что, а прямо выдаютъ на удалую...

И дѣвушка была выдана по ея «добровольному согласію»...

Родные Николая Васильевича хорошо знали несчастную Сашу. Говорятъ, оставшись вдовой, она, старая, больная, полусумасшедшая, писала письма «предмету» своей юной привязанности: «Милый, мой мужъ умеръ, я свободна... Теперь можетъ состояться наша свадьба... Пріѣзжай скорѣй»...

Въ разсказѣ «Кондратій Ивановичъ» описывается одинокій зажиточный хозяинъ, но скупой, не вѣрившій «ни въ родство, ни въ дружбу, ни въ любовь». Однажды, въ надеждѣ на какую нибудь помощь, пріѣхалъ къ нему бѣдный родственникъ семинаристъ, жилъ вмѣстѣ съ работниками, исправно работалъ, ходилъ въ худыхъ сапогахъ. Хозяинъ свое сочувствіе къ бѣдному родственнику выразилъ въ томъ, что «при наступленіи зимы рѣшился ему подкинуть новыя подошвы». Когда обманувшійся въ своихъ надеждахъ семинаристъ сказалъ богатому родственнику:

— Кажется, я работалъ у васъ изъ послѣднихъ силъ, и что я заслужилъ?

— Послушай,—отвѣчалъ Кондратій Ивановичъ,—кто же тебя просилъ пріѣзжать ко мнѣ?

Когда умеръ Кондратій Ивановичъ, со всѣхъ сторонъ наѣхали къ нему родственники и мигомъ растащили все его имѣніе; домъ опустѣлъ, даже ворота сняли съ крючьевъ.

Кондратій Ивановичъ былъ одинъ священникъ Крапивенскаго уѣзда. Его родственникъ-семинаристъ живъ. Онъ передаетъ, что Николай Васильевичъ еще смягчилъ нѣсколько характеристику Кондратія Ивановича: до того онъ былъ «неправдоподобенъ» на самомъ дѣлѣ, въ самой жизни. При проводахъ семинариста онъ велѣлъ даже оторвать «подкинутыя ему подметки». Этой подробности въ разсказѣ Николая Васильевича не содержится.

Многіе еще, очень многіе, дѣйствующіе въ разсказахъ Н. В. Успенскаго, живы до настоящаго времени.

Въ своихъ очеркахъ «Изъ прошлаго» Николай Васильевичъ мелькомъ упоминаетъ о своемъ вліяніи на Глѣба Ивановича Успенскаго.

— Жаль одно,—говоритъ о. Василій своему сослуживцу діакону,—что Николай сбиваетъ Глѣбушку съ пути истиннаго. Помилуй, братъ Иванъ пріуготовилъ заранѣе своему сыну, т.-е. Глѣбушкѣ, мѣсто секретаря въ палатѣ,—мѣсто самое доходное, съ отличнымъ жалованьемъ, такъ нѣтъ: надо молодого человѣка сбивать съ толку, поджигать въ какой-то университетъ... Да на что онъ нуженъ, этотъ университетъ, скажи ради Бога! Сытъ себѣ—и слава Богу!

По разсказамъ вполнѣ достовѣрныхъ лицъ, Николай Васильевичъ первый замѣтилъ талантъ Глѣба Ивановича, первый сталъ его руководителемъ и побудилъ выступить его въ литературѣ. Многіе родные винили Николая Васильевича, зачѣмъ онъ Глѣба Ивановича «поставилъ на свою дорогу»...

Конечно, немало было въ Николаѣ Васильевичѣ слабостей, недостатковъ, но кто безъ нихъ? Н. А. Некрасовъ, имѣвшій свои недостатки и хорошо сознававшій ихъ, въ одномъ изъ стихотвореній говорилъ:

Зачѣмъ меня на части рвете,
Клеймите именемъ раба?!
Я отъ костей твоихъ и плоти,
Остервенѣлая толпа!..

Почти то же должно сказать и о покойномъ Николаѣ Васильевичѣ: онъ былъ сыномъ своего времени.

Д. И. Успенскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА НАЧАЛА ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ [1].

III.

Въ ОДНО изъ ближайшихъ воскресеній я присутствовалъ на волостномъ сходѣ въ мѣстечкѣ Ольшанѣ. Въ шесть часовъ утра въ февралѣ еще темно. Народъ уже двигался къ мѣстечку. Вскорѣ раздался благовѣстъ. Тоненькіе, хриплые звуки церковнаго колокола призывали къ обѣднѣ. Наскоро одѣвшись, я отправился въ церковь. Тѣсная, она могла вмѣстить не болѣе 200 душъ. Должно быть, кто либо изъ евреевъ угадалъ мои мысли. Подходя къ воротамъ церковной ограды, я увидѣлъ сотскихъ, усердно расталкивающихъ крестьянъ, чтобы дать возможность пройти. Все мѣсто вокругъ церкви между оградой было наполнено народомъ. Гдѣ-то слышался веселый говоръ и какія-то вскрикиванія, совсѣмъ не подходившія ни къ мѣсту, ни ко времени. Я подозвалъ одного изъ сотскихъ и приказалъ водворить порядокъ. Въ церкви духота была нестерпимая. Всѣ стояли вплотную, едва имѣя возможность освободить руку для крестнаго знаменія. По стѣнамъ отъ дыханія людей бѣжали водяныя струйки. Единственный псаломщикъ замѣнялъ хоръ пѣвчихъ,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 170.

чтеца и церковнаго прислужника. На ходу онъ читалъ и распѣвалъ положенныя по требнику молитвы, прислуживалъ отцу Димитрію, снималъ догоравшія свѣчи, отбиралъ у молящихся копейки и просфоры и даже водворялъ порядокъ. «Иже на всякое время, на всякій часъ», дребезжалъ его тоненькій старческій голосъ; «заткни глотку, щобъ воно не орало», замѣчалъ онъ на ходу женщинѣ, никакъ не могущей успокоить грудного ребенка, котораго она трясла, испуская какіе-то звуки, на подобіе «тс», и продолжалъ: «на небеси и на земли поклоняемый и славимый».—«Не лѣзьте на клиросъ».—«Господи, помилуй, Господи, помилуй».

Но и при такой обстановкѣ вся скученная толпа была погружена въ какое-то оцѣпенѣніе. Умиленные взоры всѣхъ были обращены къ алтарю, уста шептали молитвы. И вотъ въ такія минуты мнѣ думалось, если бы не Назарычъ, какъ звали псаломщика, переругивавшійся съ молящимися, то здѣсь, въ этомъ бѣдномъ, тѣсномъ храмѣ, при самой упрощенной обстановкѣ, при отсутствіи даже намека на благолѣпіе богослуженія, все же стояли передо мной дѣйствительно религіозные люди, далеко не тѣ, какихъ мы встрѣчаемъ въ городскихъ церквахъ. Эта бѣдность и убожество православнаго храма, когда рядомъ въ просторномъ, свѣтломъ костелѣ раздавались мелодичные звуки органа, ксендзъ, выхоленный и важный, торжественно совершалъ мессу, а молящіеся почти всѣ сидѣли съ молитвенниками, не нарушая ни звукомъ святости богослуженія, возбуждала въ душѣ какія-то досадливыя чувства. Какъ-то становилось не по себѣ быть свидѣтелемъ этого контраста, да еще тамъ, гдѣ православная вѣра должна была завоевать господствующее положеніе.

Толпа человѣкъ въ двѣсти собралась на волостномъ дворѣ. Февральскій день былъ изъ ненастныхъ. Сѣрое свинцовое небо обложило кругомъ, пронизывающій вѣтеръ дополнялъ совсѣмъ не зимнюю картину. Было часовъ около 10 утра. Несмотря на относительно ранній часъ, нѣкоторые изъ крестьянъ уже были навеселѣ. Одни развалились на кучѣ бревенъ, лежавшихъ во дворѣ, другіе сидѣли на завалинкѣ, на крыльцѣ. У всѣхъ, кто постарше, въ рукахъ были палки, на которыя опираясь, склонивъ голову, они что-то раздумывали. Между этой толпой шныряли еврейчики, о чемъ-то энергично говорили, жестикулируя, очевидно, присоглашая на какое-то дѣло. Это и былъ волостной сходъ. Когда я подошелъ, волостной старшина, еще не старый человѣкъ, довольно представительный, одѣтый въ какой-то польскій кунтушъ, крикнулъ: «Цихо». Населеніе моего участка были сплошь малороссы, и мнѣ показалось страннымъ въ разговорахъ съ крестьянами слышать хохлацкую рѣчь, перемѣшанную польскими словами. Вездѣ польскій акцентъ ярко выдѣлялся. Вслѣдъ за мною начали входить въ волостное правленіе крестьяне. Довольно большое помѣщеніе не

могло вмѣстить всѣхъ участниковъ схода, многіе остались на дворѣ. Стоялъ какой-то гомонъ. Среди крестьянъ я замѣтилъ двухъ евреевъ. Когда я поинтересовавался узнать, зачѣмъ они здѣсь, волостной старшина объяснилъ, что сегодня будетъ «распологъ»[1]) выгонной земли, а такъ какъ общества хуторовъ и селъ, входящихъ въ составъ Ольшанской волости, всѣ безъ исключенія состоятъ въ долгу евреямъ, а по условіямъ займовъ каждое изъ нихъ взамѣнъ процентовъ отводитъ то или иное количество десятинъ выгона подъ попасъ принадлежащаго евреямъ скота, то евреи весьма заинтересованы этимъ дѣломъ. Въ каждомъ сельскомъ обществѣ составляется на этотъ предметъ приговоръ. Уполномоченные отъ евреевъ просматриваютъ эти приговоры, объяснилъ далѣе старшина, и если они отвѣчаютъ предварительному соглашенію съ тѣми, кто давалъ деньги взаймы, то волостной сходъ ихъ утверждаетъ, или же, въ случаѣ споровъ съ чьей либо стороны, избираетъ особыхъ уполномоченныхъ для новыхъ переговоровъ и соглашенія съ евреями. Не говоря уже о полнѣйшемъ беззаконіи отъ начала до конца всѣхъ этихъ дѣяній, меня поразила оригинальность самыхъ сдѣлокъ. Всѣмъ извѣстно, что уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ крестьянское населеніе нуждалось въ выгонной землѣ, а въ Юго-Западномъ краѣ въ особенности. Рѣдко въ какихъ мѣстахъ былъ выгонъ въ настоящемъ смыслѣ этого понятія. Попасъ для скота на основахъ сервитутнаго права отводился на помѣщичьихъ сѣнокосахъ въ опредѣленные періоды, которые обусловливались временемъ, согласованнымъ съ естественнымъ ростомъ травъ и слѣдующимъ за уборкою сѣнокоса. Отъ этого крестьянскаго права участія частнаго во владѣніи другого лица землевладѣльцы откупались или же вели нескончаемые процессы, а иногда, и даже нерѣдко, происходили крестьянскія волненія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Несомнѣнно одно, что такое хозяйственное положеніе крестьянъ придавало особую цѣнность выгонной землѣ. И вотъ эта земля, настоятельно необходимая крестьянству, частью отдавалась взамѣнъ уплаты процентовъ евреямъ, несомнѣнно обезсиливала крестьянство, которое не могло держать даже весьма ограниченнаго количества скота, какъ рабочаго, такъ и пользовательнаго.

Ольшанское сельское общество, которое я беру для примѣра, въ 1877 году заняло у еврея Стицкаго 2.500 р. на 5 лѣтъ, съ разсрочкой платежа по 500 р. въ годъ и съ уплатою 12% годовыхъ для уплаты недоимки государственнаго земскаго сбора. Кромѣ того, оно обязалось во время уборки хлѣбовъ по требованію Марка Стицкаго высылать на недѣлю въ указанныя имъ экономіи на каждые пять дворовъ по одному рабочему съ работницей, съ платою отъ экономіи 50 к. въ день обоимъ вмѣстѣ на ихъ харчахъ.

---

[1]) Распредѣленіе.

Платежъ процентовъ по условію долженъ былъ производиться такъ: 200 рублей вносить впередъ за каждый годъ наличными деньгами, а взамѣнъ платы 100 р. отводить въ теченіе всего срока договора ежегодно 50 десятинъ выгона изъ 170 десятинъ, принадлежавшихъ Ольшанскому сельскому обществу. На этотъ участокъ выгонялись на попасъ еврейскія коровы и козы. Могли имъ пользоваться желающіе крестьяне, но не иначе, какъ съ уплатою отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за каждую штуку, смотря по возрасту скота и по принадлежности къ той или другой категоріи животныхъ. При этомъ крестьяне обязывались нанимать пастуха или пастуховъ, которые смотрѣли, разумѣется, не за однимъ крестьянскимъ, но и за еврейскимъ скотомъ. Все это я узналъ изъ прочитанныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ, изъ объясненія волостного старшины, пересыпавшаго свою рѣчь такими выраженіями, какъ «кеды», «получилалъ», «пазваляете», «досканале», «шпепрашелъ» и т. п. Бесѣду мы вели въ канцеляріи волостного правленія. Это безцеремонное обираніе крестьянъ для меня прямо оставалось непонятнымъ. Я крайне имъ возмутился и рѣшилъ самыми радикальными и неотлагательными мѣрами его уничтожить.

Войдя въ волостное правленіе, я прежде всего приказалъ немедленно удалить евреевъ. Имъ мое распоряженіе такъ не понравилось, что они попробовали возражать. Одинъ изъ нихъ вышелъ и съ непремѣнными присѣданіями и комичными поклонами заявилъ мнѣ:

— Пану посреднику, вѣроятно, неизвѣстно, что уполномоченные отъ лицъ, дававшихъ взаймы сельскимъ обществамъ деньги, всегда присутствовали въ такихъ случаяхъ на сельскихъ и волостныхъ сходкахъ. Самъ господинъ гибирнаторъ знаютъ объ этомъ. Спросите «дядькивъ»,—сказалъ онъ, указывая на крестьянъ.

— Дѣйствительно воны тутечки завсегды вештаются,—отвѣчалъ какъ бы за всѣхъ старикъ съ сѣдой длинной бородой.

— Какъ это было прежде, я не знаю, а теперь прошу постороннихъ немедленно уйти. На волостномъ сходѣ никто изъ лицъ, не имѣющихъ права въ немъ участвовать, присутствовать не можетъ.

Евреи, видимо недовольные, ушли.

Свою бесѣду съ крестьянами я началъ съ разъясненія о незаконности разсмотрѣнія приговоровъ сельскихъ сходовъ о распредѣленіи общинной земли на волостномъ сходѣ. Кромѣ того, я указалъ, что въ приговорѣ Ольшанскаго общества 50 десятинъ выгона исключаются изъ разверстки между членами общины, якобы «на общественныя надобности», тогда какъ для удовлетворенія этихъ послѣднихъ существуетъ мірской сборъ, суммы котораго и должны служить этой именно цѣли. Но обо всемъ этомъ я буду говорить съ крестьянами на сельскихъ сходахъ.

— Я думаю, что каждый изъ васъ понимаетъ всю невыгоду сдѣлокъ съ евреями на отдачу выгонной земли вообще, въ то

время, когда вы такъ въ ней нуждаетесь, да еще на условіяхъ, которыя прямо можно назвать грабительскими. А потому непремѣнно нужно какъ нибудь отдѣлаться отъ этихъ приговоровъ и производить уплату занятой суммы деньгами.

Крестьяне молчали. По временамъ кто-то вздыхалъ. Одинъ волостной писарь видимо волновался и очевидно имѣлъ сильное желаніе что-то сказать.

— Ваше сіятельство,—наконецъ разразился онъ,—на основаніи 2 п. 51 ст. Общ. Пол. распоряженіе общинной землей принадлежитъ сельскимъ сходамъ, а если мы собрали волостной сходъ, то только для совѣта крестьянъ между собою.

— Да треба порадитися, якъ воно було и якъ буде,—послышались голоса.

Въ это время изъ канцеляріи полуоткрылась дверь, и кто-то довольно пронзительнымъ шепотомъ вызывалъ, какъ оказалось, волостного писаря. Иванъ Кондратьевичъ, такъ его звали, быстро юркнулъ и быстро же возвратился, неся въ рукахъ книгу.

— Кто васъ звалъ?

— Это г. Янкель Рафильзонъ, онъ говоритъ, что рѣшеніемъ правительствующаго сената...

Я прервалъ писаря замѣчаніемъ, чтобы во время исполненія служебныхъ обязанностей не сносился съ евреями, а всѣ заявленія, которыя могутъ быть сдѣланы крестьянами, должны исходить отъ нихъ. Затѣмъ, обратясь къ волостному старшинѣ, спросилъ:

— Какія еще дѣла подлежатъ обсужденію?

— Коды не можно радыться о распологѣ, то иншихъ дѣловъ нема,—отвѣчалъ старшина.

— Значитъ, можно расходиться по домамъ. Приговоръ объ отдачѣ въ аренду 50-ти десятинъ выгона мы вновь разсмотримъ на Ольшанскомъ сельскомъ сходѣ. Такъ я поступлю и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Крестьяне начали выходить, и я слышалъ такія замѣчанія:

— Отъ тоби и на, могарычъ пропавъ!

Все же нѣкоторые никакъ не хотѣли помириться съ исчезновеніемъ возможности попьянствовать и приставали къ Янкелю. Но онъ раздраженно отругивался, показывалъ имъ символическое изображеніе отказа и бѣжалъ къ кучкѣ своихъ единовѣрцевъ, ожидавшихъ исхода совѣщанія «о распологѣ».

Весь этотъ инцидентъ произвелъ въ мѣстечкѣ цѣлый переполохъ. Евреи и еврейки собирались группами, энергично обсуждали, какія принять мѣры въ будущемъ, и только къ вечеру настала настоящая деревенская тишина, нарушаемая лаемъ собакъ или отчаянными криками, долженствовавшими изображать русскую пѣсню.

Я сидѣлъ одинъ въ маленькой непривѣтливой комнатѣ, тоска была невыносимая. Передо мной проходили воспоминанія недавняго прошлаго, которое никакъ не гармонировало съ положеніемъ, въ которое я попалъ. Чувствовалось, что я начинаю борьбу съ мельницами, что край живетъ еще по-старому. Не люди тутъ виноваты, кто бы они ни были, евреи, поляки, хохлы, а укоренившійся обычай, для уничтоженія котораго не только нужны силы, но и время. Нить моихъ размышленій была прервана оживленнымъ разговоромъ, доходившимъ изъ кухни, находившейся по сосѣдству съ моимъ такъ называемымъ кабинетомъ. Войдя туда, я былъ немало удивленъ, увидѣвъ жену Іоселя. Она сконфузилась, но сейчасъ же оправилась, бросая на меня кокіе-то особо испытующіе взгляды.

— Я пришла къ вамъ по дѣлу. Извините, что въ такой поздній часъ. — Ривка приняла смущенный видъ. — Прислуга ваша меня не пускаетъ. Можетъ быть, вы для меня сдѣлаете исключеніе и позволите поговорить по «шекрету», — проговорила она, томно потупивъ взоры.

— Ни для кого я исключеній дѣлать не могу, а тѣмъ менѣе въ томъ случаѣ, когда вы обставляете свой визитъ такой таинственностью и въ такой неурочный часъ. Всѣмъ объявлено время, когда я принимаю по дѣламъ службы, а потому я прошу оставить меня въ покоѣ.

— Но, г. князь, мое дѣло...

Я не дослушалъ, хлопнулъ дверью и вышелъ.

Во дворѣ послышались шаги по замерзшей землѣ нѣсколькихъ удалявшихся человѣческихъ ногъ. Оказалось, что Іосель сидѣлъ гдѣ-то въ засадѣ, и по выходѣ, своей жены отправился съ нею домой. Объяснить значеніе этого случая въ точности я не могъ, но почему-то казалось, что тутъ подстраивали мнѣ какую-то пакость.

Вскорѣ я побывалъ на сельскихъ сходахъ, гдѣ на основаніи 51 ст. Общ. Полож. о крестьянахъ и рѣшенія сената 7 ноября 1876 года всѣ приговоры по погашенію займа были измѣнены по существу. Крестьяне рѣшили уплачивать долгъ деньгами, что̀ было легко устроить, когда, ближе ознакомившись съ расходами мірского сбора, я нашелъ возможнымъ сократить нѣкоторые изъ нихъ, а полученной экономіей разсчитываться съ евреемъ. Нечего и говорить, что еврейское населеніе противъ меня начало строить мины и контрмины. Первые шаги были таковы, какіе обыкновенно предпринимались по отношенію чиновниковъ того времени, и характеръ которыхъ опредѣляется сказаннымъ выше. Но я всѣми силами старался держать себя вдали отъ еврейскаго населенія, не пользоваться его услугами ни въ какомъ случаѣ, несмотря на назойливость, которую ни перомъ описать, ни въ сказкахъ разска-

зать нельзя. Первымъ дѣломъ черезъ три-четыре дня я оставилъ излишне гостепріимный домъ Іоселя и нанялъ у графа Браницкаго маленькій флигель, но и тутъ отношенія къ чиновнику были не лучшія. Прежде всего мнѣ стоило большихъ усилій настоять на полученіи платы за квартиру. Управляющій черезъ своего конторщика убѣждалъ меня пользоваться ею даромъ, ссылаясь на обычай, вездѣ въ краѣ практикуемый. Мало этого, въ одинъ прекрасный день тотъ же конторщикъ обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ:

— Г. главноуправляющій просилъ меня узнать, не воспользуетесь ли вы безвозмездно отводимымъ для мирового посредника участкомъ земли въ 15 десятинъ.

— Зачѣмъ же онъ мнѣ?—спросилъ я.

— Вы, ваше с — тво, можете часть засѣять экономичсскими сѣменами, овсомъ, часть кормовыми травами, а часть огородными овощами.

— Мнѣ этого ничего не нужно; я—одинъ. Лошадей и другихъ животныхъ держать не буду. Нѣтъ, пожалуйста, скажите г. Ш., что я въ этомъ не нуждаюсь.

— Но если вы не желаете сами заниматься отводимымъ участкомъ, можно отдать его въ аренду евреямъ; они дадутъ хорошія деньги,—настаивалъ конторщикъ.

— Какъ вы не понимаете, что то, о чемъ вы говорите, самая безцеремонная взятка? Вы меня совсѣмъ не знаете. Повода къ такого рода услугамъ я не подалъ. Неужели г. Ш. не пришло въ голову, что его предложенія должны оскорблять всякаго служащаго, всякаго человѣка? Ваше мѣстное правило закупать чиновника — грубо, неделикатно и нахально. Потрудитесь все это передать главноуправляющему.

Конторщикъ пожалъ какъ-то презрительно плечами и вышелъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось жить и исполнять новыя для меня обязанности. Вся неприглядная сторона такой жизни усложнялась многими другими казусами.

Подходы и подвохи, чинимые мѣстными дѣятелями разныхъ группъ, при настойчивости и при извѣстномъ тактѣ были бы ничто, и дѣло все же можно было бы постепенно наладить. Надежда эта находила поддержку въ крестьянствѣ, которое не могло же не сознавать, что дѣйствія мои направлены къ возможности принести пользу. Въ этомъ мнѣ скоро пришлось убѣдиться, когда разныя договорныя отношенія и торговыя сношенія съ евреями выходили за предѣлы нормы, когда крестьянинъ доказательно считалъ себя обиженнымъ, онъ не переносилъ молча обиды, не подчинялся ей, не удовлетворялся все примиряющимъ могарычемъ, а порывался, впрочемъ, въ единичныхъ случаяхъ искать защиты. Многія изъ махинацій переставали совершаться подъ покровомъ тьмы, опас-

ность свѣта уменьшилась, явился нѣкоторый страхъ отвѣтственности, матеріальнаго убытка при раскрытіи разныхъ сдѣлокъ, явно клонившихся къ нарушенію интересовъ слабой и беззащитной стороны. Понятно, недовольные не успокоивались. Потерявъ возможность сойтись съ посредникомъ на почвѣ разныхъ подкуповъ, начали приносить на него жалобы или же устраивать такія непріятности, преслѣдованіе которыхъ было бы слишкомъ мелочнымъ, но въ то же время удовольствія не составляло. Вспоминаю о нихъ только для иллюстраціи и беззастѣнчивости самыхъ пріемовъ. Мнѣ предстояло ѣхать на съѣздъ въ уѣздный городъ Звенигородку, на разстояніи отъ Ольшаны, если не ошибаюсь, 30-ти верстъ. Другого способа передвиженія, какъ на почтовыхъ лошадяхъ, содержимыхъ Іоселемъ, не было. Въ назначенный для выѣзда моего день я какъ-то замѣшкался, такъ что могъ двинуться въ путь часовъ около 4-хъ дня. Еще было свѣтло, когда я, уложивъ свой скромный багажъ въ маленькій почтовый фургончикъ, выѣхалъ на парѣ тощихъ лошадокъ съ весьма непрезентабельнымъ возницей. Колесный путь былъ покрытъ льдомъ, слегка прикрытымъ снѣгомъ. Фургонъ ѣздилъ изъ стороны въ сторону. Лошади скользили. Но все шло благополучно, пока не стемнѣло: лошади пошли какъ-то неувѣренно; при встрѣчѣ съ ѣдущими нашъ фургонъ то и дѣло задѣвалъ за телѣги и возы, а ямщикъ довольно равнодушно выслушивалъ ругательства встрѣчныхъ. Я началъ слѣдить за ямщикомъ, и мнѣ бросилась въ глаза совершенная его безпомощность: онъ, видимо, не управлялъ лошадьми; вожжи то и дѣло вываливались изъ рукъ, онъ ощупью ихъ отыскивалъ, едва удерживая равновѣсіе. Мнѣ пришло въ голову, что ямщикъ пьянъ, хотя при отъѣздѣ никакихъ признаковъ къ тому не было.

— Что ты, вѣрно, лишнее хватилъ?—спросилъ я.

— Ни, николы у роти не було. У мене куричья слипота,— безпомощно, съ дрожаніемъ въ голосѣ проговорилъ мой возница.

— Зачѣмъ же ты, на ночь глядя, поѣхалъ? Что же мы будемъ дѣлать? Дороги не знаю, вижу самъ плохо,—началъ я возмущаться.

— Я казавъ Іоселю, шо не хочу ихаты. Винъ знавъ, что ничью не бачу ничого. Звиливъ ихаты, та ще похвалявся до морды достаты.

Положеніе мое было не изъ завидныхъ. Единственно, что оставалось дѣлать — положиться на лошадей, взять вожжи самому, а ямщика посадить рядомъ съ собою, что̀ я и сдѣлалъ. Ѣхали мы шагомъ; время тянулось безконечно. Наконецъ, впереди насъ замелькали огненныя точки, послышался лай собакъ, очевидно это было человѣческое жилье. Мы подъѣхали къ хутору. Около первой избы я остановилъ лошадей и, рискуя быть разорваннымъ выбѣжавшими озвѣрѣвшими псами, отбиваясь отъ нихъ взятымъ у ямщика кнутомъ, подошелъ къ избѣ и началъ стучать кнутомъ

въ окно. Скрипнули двери, и чей-то громовый голосъ вскрикнулъ:

— Кого тамъ черти носятъ?

— Пожалуйста, разрѣшите войти въ избу, я тамъ объясню, что мнѣ нужно,—старался я перекричать собачій лай.—Это мировой посредникъ,—для вящшей убѣдительности добавилъ я.

Послѣ долгихъ переговоровъ меня впустили въ избу. Хозяинъ отыскалъ мѣстную власть—десятскаго, который нарядилъ одного изъ крестьянъ замѣнить ямщика, и я только къ разсвѣту попалъ въ Звенигородку.

Непривѣтливый заѣзжій дворъ еврея Фрумкина былъ единственный, гдѣ можно было найти помѣщеніе для пріѣзжающихъ. Тамъ уже находились мои коллеги, мировые посредники Звенигородскаго и Уманскаго уѣздовъ. Съѣздъ для этихъ двухъ уѣздовъ былъ одинъ, а засѣданія его происходили поочереди, то въ томъ, то въ другомъ городѣ. На другой день я познакомился съ товарищами и секретаремъ. Занятія наши были открыты въ этомъ же заѣзжемъ дворѣ, въ общей залѣ, которая на время съѣзда превращалась въ залъ судебно-административныхъ засѣданій. Всѣхъ, прибывшихъ со мною вмѣстѣ, присутствовало 5 мировыхъ посредниковъ. Дѣла разсматривались по-домашнему, перерываясь частными разговорами о мѣстныхъ кіевскихъ новостяхъ, о цѣнахъ на жизненные продукты. Одинъ у другого освѣдомлялись о домашнихъ, объ ихъ здоровьѣ, о разныхъ предполагавшихся развлеченіяхъ и тому под. Товарищи были все народъ пожилой, такъ что по подсчету, сдѣланному предсѣдателемъ, намъ, пяти членамъ нашего ареопага, въ суммѣ оказалось 272 года. Мнѣ было тогда 32 года, и я оказался самымъ молодымъ. Порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ былъ весьма оригинальный: секретарь объявлялъ номеръ дѣла, мы смотрѣли на лежавшій передъ нами списокъ и знакомились съ его заглавіемъ, а секретарь тотчасъ объявлялъ резолюцію въ окончательной формѣ. Листъ съ резолюціей передавался младшему изъ членовъ съѣзда, онъ, а за нимъ остальные ставили подъ резолюціей свою подпись, и тѣмъ обсужденіе и разсмотрѣніе заканчивалось. Мнѣ такой процессъ показался нѣсколько страннымъ тѣмъ болѣе, что каждое рѣшеніе начиналось такъ: «По указу Его Императорскаго Величества уманско-звенигородскій съѣздъ мировыхъ посредниковъ, разсмотрѣвъ жалобу крестьянки или крестьянина (имя рекъ) на такой-то волостной судъ и тщательно обсудивъ доводы, въ оной представленные, а такъ же руководствуясь (шло перечисленіе множества статей), постановилъ»... Когда я на первомъ же № дѣла попробовалъ заявить, что никакого разсмотрѣнія и обсужденія не было, то предсѣдатель замѣтилъ мнѣ, какъ новичку, что членамъ съѣзда не возбраняется знакомиться съ содержаніемъ дѣла до засѣданія. «Если же по каждому дѣлу входить въ обмѣнъ мнѣній,

сирѣчь въ обсужденіе, то не достанетъ времени для рѣшенія назначенныхъ къ слушанію дѣлъ». Дѣйствительно, число ихъ на два дня занятій всегда было не менѣе ста. Монотонное выкрикиваніе номеровъ рѣдко разнообразилось объявленіемъ секретаря: «особо важное дѣло». Подъ этимъ названіемъ обыкновенно скрывалось какое либо незаконное дѣяніе волостной администраціи или же жалоба на нарушеніе 2 п. 51 ст. Общ. Пол. при составленіи приговора объ удаленіи изъ среды сельскихъ обществъ порочныхъ членовъ.

IV.

Дѣла такого характера дѣйствительно имѣли важное значеніе, а потому на нихъ остановлюсь подробнѣе. Намъ было предложено, чтобы при разрѣшеніи вопроса о высылкѣ порочныхъ людей мировые посредники обязательно присутствовали на сходахъ и провѣряли законность составляемыхъ приговоровъ. Уже одно это обстоятельство указывало, что дѣла подобнаго рода требуютъ особаго контроля, такъ какъ нерѣдко крестьяне злоупотребляли даннымъ имъ правомъ высылки порочныхъ односельцевъ. Населеніе всегда относилось съ открытой враждой къ тѣмъ изъ однообщественниковъ, которые посягали на цѣлость и неприкосновенность крестьянскаго имущества. Въ особенности преслѣдовались конокрады. А это искусство было слишкомъ распространено, примѣнялось съ замѣчательнымъ умѣніемъ, такъ что раскрывать преступленія и обнаруживать виновныхъ представлялось весьма затруднительнымъ. Пустивъ глубокіе корни, конокрадство имѣло свою организацію. Роли конокрадовъ были строго распредѣлены между разными отдѣльными группами воровъ. Одни назывались «рвачами», на ихъ обязанности было красть лошадей съ попасовъ, изъ сараевъ, загородокъ, вообще изъ дворовъ. Другая группа именовалась «пристанодержателями». Они изощрялись въ способахъ сокрытія краденаго. При поимкѣ одной шайки конокрадовъ, открыто было нѣсколько вырытыхъ въ землѣ конюшенъ, гдѣ и укрывалось награбленное добро. Наконецъ, существовали «сбытчики», на обязанности которыхъ было полученный товаръ провести въ отдаленныя отъ совершенной кражи мѣста, преимущественно на границу Каменецъ-Подольской губерніи и тамъ сбывать австрійскимъ евреямъ. «Сбытчики» были народъ опытный, юркій, дѣлали дѣло чисто и рѣдко когда попадались. Крестьяне ожесточенно боролись, собственно говоря, съ «рвачами». Они и составляли наибольшій контингентъ высылаемыхъ по приговорамъ за счетъ общества. Съ пристанодержателями и сбытчиками борьба была трудная. Народъ въ большинствѣ состоятельный, не стѣснявшійся въ средствахъ, имѣвшій возможность «смазать», гдѣ нужно, они сумѣли поставить себя внѣ закона. Между тѣмъ они же служили главнымъ средствомъ къ уси-

ленію и развитію конокрадства, этого дѣйствительнаго бича населенія. Воры попавшіеся не только подлежали самосуду, нерѣдко кончавшемуся убійствами, но безпощадно высылались обществомъ, хотя бы имѣлись незначительныя улики. Не одно конокрадство служило основаніемъ къ исключенію изъ общественной среды. Иногда мѣстныя интриги кого либо изъ деревенскихъ эксплоататоровъ, направляемыя противъ тѣхъ, кто мѣшалъ спокойному ограбленію населенія, съ помощью нѣсколькихъ ведеръ водки, къ тому же тогда дешевой, способствовали къ составленію сельскихъ приговоровъ объ удаленіи безпокойнаго элемента. Вотъ тутъ-то мировому посреднику и надлежало быть насторожѣ. Я помню такой возмутительный фактъ. Въ м. Лысянкѣ проживалъ крестьянинъ Иванъ Снигирь, по профессіи кузнецъ. Ему было лѣтъ 40, когда онъ взялъ за себя дѣвушку 20 лѣтъ изъ семьи крестьянина Плахоти, Елену. Отецъ Елены былъ многосемейный, къ тому же безъ надѣла. Однѣхъ дочерей имѣлъ пять. Жизнь Ивана съ Еленой была не изъ красныхъ. Безъ просыпу пьянствовавшій Иванъ нерѣдко «училъ» Елену по домострою. Были случаи, когда Елену прямо силою вырывали изъ мозолистыхъ лапъ Ивана, украшенную синяками. Однимъ словомъ происходила та обычная семейная драма, которая такъ часто наблюдалась въ крестьянской средѣ, да и живетъ по настоящее время. За короткіе промежутки трезвой жизни Ивана Елена приходила въ себя, оправлялась отъ побоевъ. Ея прекрасные голубые глаза томно смотрѣли изъ-подъ громадныхъ черныхъ, какъ смоль, рѣсницъ. Въ воскресный день она надѣвала свою черную плисовую кофту, украшала шею дешевымъ намистомъ и въ кокетливо надѣтомъ «очипкѣ» отправлялась въ церковь. Деревенская молодежь и заглядывалась на нее и трунила надъ ней, когда замѣчала слѣды уроковъ мужа на ея лицѣ. Такое отношеніе къ ней односельчанъ возмущало ее, раздражало, принижало оскорбленіями, жгуче отзывавшимися въ простой безхитростной душѣ. Какъ-то разъ ее облюбовалъ мѣстный кулакъ, Яковъ Евстигнеевичъ Каверзневъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ кучу дѣтей, но не пропускалъ удобнаго случая похороводиться съ случайными женщинами. Приставанья Каверзнева къ Еленѣ по началу не имѣли никакихъ результатовъ. Но, должно быть, Елена задѣла за живое настойчиваго въ такихъ случаяхъ Якова Евстигнеевича, и онъ мысленно рѣшилъ: «шалишь, баба, будешь моею».

Въ одинъ изъ вечеровъ Каверзневъ зашелъ къ содержателю питейнаго заведенія, Боруху Шематульскому.

— Послушай, Борухъ, — сказалъ Каверзневъ, — отпускай въ мою голову Снигирю вотъ этого зелья, сколько влѣзетъ, пусть пуще разопьется, а тамъ посмотримъ, что дѣлать.

Борухъ очень низко перегнулъ свой тонкій станъ, и, разумѣется совершилъ данное ему порученіе успѣшно. Снигирь отбился отъ

работы, отъ дома, а Яковъ Евстигнеевичъ тѣмъ временемъ черезъ разныхъ лицъ старался склонить боровшуюся за свою честь Елену и въ концѣ концовъ ему уступившую. Какъ ни пьянствовалъ Снигирь, а отъ его глаза не укрылось, что его Елена что-то часто отлучается изъ дому и, какъ узналъ, на водяную мельницу Каверзнева, находившуюся въ верстахъ двухъ отъ м. Лысянки. Насмѣшки собутыльниковъ Ивана, а иногда и совершенно опредѣленныя указанія на связь Елены съ кровопивцемъ Янкой, ожесточали и озлобляли кузнеца, и онъ безцеремонно отводилъ свою злобу и ревность издѣвательствами надъ несчастной женой. Яковъ Евстигнеевичъ, недолго думая, подъ предлогомъ найма, переселилъ Елену на мельницу въ качествѣ прислуги. Но Иванъ еще пуще озлобился и продолжалъ истязать жену, являясь во владѣнія неумолимаго соперника. Какъ-то ночью послѣ того, когда рабочіе Каверзнева, по его приказанію выгоняя Ивана съ мельничной усадьбы, сильно избили его и прогнали въ мѣстечко,—на усадьбѣ Каверзнева загорѣлся сарай, и, благодаря вѣтреной погодѣ, пожаръ уничтожилъ до 20 крестьянскихъ хатъ. Народная молва въ одинъ голосъ утверждала, что несчастье — дѣло рукъ Ивана, кузнеца. Произведенное по этому происшествію слѣдствіе никакихъ уликъ не установило, и дѣло по обвиненію Снигиря, по обвиненію въ поджогѣ, было прекращено.

Каверзневу и его пособникамъ только этого и нужно было. Начались усиленныя увѣщеванія удалить Ивана Снигиря, какъ порочнаго члена изъ общества. Шематульскій и другіе еврейчики стали подговаривать горлановъ схода требовать такого постановленія. Нужно ли объяснять, что водка и тутъ была главнымъ дѣйствующимъ средствомъ? Когда все было устроено, и желательный приговоръ, казалось, обезпеченъ, я получилъ извѣщеніе, что сельскій сходъ порѣшилъ обсудить заявленіе нѣкоторыхъ изъ его участниковъ объ удаленіи Ивана Снигиря изъ общества. Для того, чтобы правильнѣе поставить этотъ вопросъ, я предложилъ сельскому обществу измѣнить срокъ созыва схода, отложивъ его на недѣлю, а самъ за два дня до схода отправился въ мѣстечко Лысянку разузнать, въ чемъ дѣло, что натворилъ Иванъ Снигирь. Пріѣхавъ туда, я прежде всего обратился къ мѣстному священнику. Онъ отказался дать какія либо объясненія, уклоняясь отъ нихъ подъ предлогомъ неимѣнія точныхъ данныхъ и нежеланія повторять слухи, которыхъ онъ не провѣрилъ. «Знаю одно, что Иванъ, кузнецъ,—горьчайшій пьяница, позовите стариковъ, отъ нихъ и узнаете, что вамъ нужно»,—добавилъ отецъ Николай. Но я счелъ преждевременнымъ прибѣгать къ этому способу, рѣшивъ предварительно побесѣдовать на эту тему съ всезнающимъ ксендзомъ, Ипполитомъ Клембовскимъ. Онъ и разсказалъ всю исторію Ивана Снигиря, которую я и передалъ выше. Волостной старшина, ста-

роста и вообще крестьянскіе «начальники» въ одинъ голосъ утверждали, что кузнецъ—пьяница, неуживчиваго характера, жестоко обращался съ женою, и по всѣмъ видимостямъ «онъ спалилъ деревню», такъ они называли сгорѣвшіе дворы. Самъ Иванъ представлялъ собою весьма жалкій видъ. Опухшее лицо, оловянные глаза, дрожащіе руки, все изобличало въ немъ типъ настоящаго алкоголика. На мои вопросы, «какъ дожилъ онъ до жизни такой», онъ, повидимому, искренно разсказалъ драму его жизни. Вспоминая о любви своей къ Еленѣ, не иначе говорилъ, какъ со слезами. «Дѣло прошлое,—объяснялъ Иванъ,—а у меня и въ мысляхъ не было подпаливать Каверзнева. Сошлась жена съ этимъ аспидомъ полюбовно. Я плюнулъ на нее, и теперь она мнѣ и за деньги не нужна. Обидно, баринъ, что общество высылать хочетъ, да ничего не подѣлаешь, и тамъ люди живутъ», — и Снигирь какъ-то отчаянно махнулъ рукой.

Шематульскій и другіе евреи также единодушно осуждали Ивана, прибавляя, что страшно жить стало въ Лысянкѣ, что онъ вездѣ похваляется подпустить пѣтуха шинкарю, подговариваетъ «бить нехристей» и т. д.

Все, что мнѣ удалось слышать по поводу этой исторіи, казалось мнѣ искусственно созданнымъ. Волостные заправилы и евреи представлялись мнѣ заранѣе спѣвшимися въ угоду Каверзневу, какъ видно, не пожалѣвшему денегъ и водки, чтобы избавиться отъ безпокойнаго человѣка, нарушавшаго безпечальное теченіе романа на мельницѣ. Вечеромъ, наканунѣ дня, въ который долженъ былъ собраться сходъ, жена Каверзнева, пользуясь его отсутствіемъ, явилась ко мнѣ, и передо мною раскрылась одна изъ обыденныхъ случайностей, полныхъ драматизма, какими такъ часто сопровождается жизнь женщины, отданной въ неволю кулаку, передъ которымъ никто не смѣлъ прекословить.

Екатерина Каверзнева была худая, измученная женщина, съ кроткими глазами. Вся ея фигура изображала безпомощность и приниженіе. Разсказывая увлеченіе ея мужа Еленой, она не только защищала Снигиря, но ничего дурного не промолвила объ Еленѣ. Просила объ одномъ, чтобы эта обидная исторія не была предметомъ обсужденія схода. «Вѣдь тогда нельзя будетъ выйти на улицу, нельзя взглянуть никому прямо въ глаза. Засмѣютъ, заплюютъ»,— съ отчаяніемъ въ голосѣ повѣствовала несчастная женщина. «Узнаютъ дѣти, вѣдь старшему сыну уже двѣнадцать лѣтъ. Ему отъ мальчишекъ-товарищей проходу не будетъ»,—и слезы самыя искреннія и тяжелыя лились у оскорбленной и боявшейся срама матери.

Я успокоилъ Екатерину Спиридоновну, обѣщая, что обо всей этой непріятной исторіи не можетъ быть рѣчи на сходѣ. Общество намѣревается удалить Снигиря, какъ вреднаго его члена. Поведе-

ніе его жены не можетъ быть предметомъ обсужденія уже потому, что о немъ толкуютъ по слухамъ, да и никакихъ указаній нѣтъ на то, что поджогъ сарая въ усадьбѣ Каверзнева и послѣдствія его могли быть отнесены къ его отношеніямъ къ женѣ Ивана Снигиря. Елена ко мнѣ не являлась, да и разспрашивать ее я считалъ себя не въ правѣ.

Насталъ день схода. Рано утромъ ко мнѣ пришелъ Борухъ и, говоря отъ имени еврейскаго общества, доказывалъ необходимость удаленія Снигиря.

— Вы, господинъ посредникъ, знаете, что у Шполи грабятъ и разоряютъ евреевъ, а Иванъ Снигирь—такой нехорошій человѣкъ, что его нужно выслать изъ мѣстечка. Онъ на все способенъ, онъ можетъ подбить такихъ же, какъ онъ, и у насъ будетъ бѣда,—стращалъ Борухъ.

Я терпѣливо выслушивалъ всѣ эти разговоры и затѣмъ сказалъ, что мнѣ пора итти. На сходѣ сельскій писарь прочелъ заявленіе, подписанное крестьянами, гдѣ особымъ писарскимъ слогомъ Иванъ Снигирь изображенъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Онъ оказывался и воръ, и пьяница, и развратникъ, и поджигатель.

«Для нашего спокоя его нужно опредѣлить на высылку»,—это выраженіе въ заявленіи повторялось нѣсколько разъ. Писарь окончилъ чтеніе, представилъ списокъ домохозяевъ, удостовѣрявшихъ, что число ихъ соотвѣтствуетъ законному составу. Староста обратился къ собравшимся съ такимъ вопросомъ: «Якъ панове мыслятъ?»

— Оно, дѣйствительно, нужно Ивана, кузнеца, выслать для спокоя,—сказалъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

— Треба на высылку, — еще подтвердило нѣсколько голосовъ.

— За что же? Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ я.—Поджогъ не доказанъ. Онъ не воръ, на это никто не указываетъ. Съ такимъ дѣломъ нужно быть осторожнымъ и помнить, что съ каждымъ можетъ стрястись бѣда, и безъ разбора исключать изъ общества нельзя, грѣшно. Правда, Иванъ, кузнецъ, пьянствуетъ и этимъ приноситъ зло только себѣ. Говорятъ, онъ бьетъ жену, это гадко, но все же его дурная семейная жизнь не можетъ служить основаніемъ къ удаленію изъ вашей среды, какъ порочнаго, приносящаго вредъ всему обществу и черезъ то опаснаго для всѣхъ. Напротивъ, многіе и изъ крестьянъ и изъ другихъ жителей считаютъ Снигиря только несчастнымъ. Нужно также подумать и о томъ, что вѣдь высылка должна быть произведена на вашъ счетъ,—объяснялъ я крестьянамъ.

— Ни, за наши гроши мы не хочемо, намъ казали, что зъ насъ ничого брать не будутъ,—послышалось нѣсколько голосовъ.

— А кто же будетъ платить деньги?—спросилъ я.

Крестьяне переминались, поглядывали выразительно одинъ на другого, но никто не рѣшался сказать правду. Признаться, мнѣ не хотѣлось ихъ допытывать. Безъ этого сыска было ясно, гдѣ источникъ для необходимаго расхода.

Виновникъ всего этого происшествія былъ во дворѣ «сельской расправы».

Одинъ изъ крестьянъ, съ типичнымъ сизо-краснымъ носомъ, обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить Ивану, кузнецу, «повиниться передъ міромъ». Я разрѣшилъ. Снигирь, на этотъ разъ не пьяный, вошелъ и сразу повалился на колѣни. «Помилуйте, православные. Не дѣлайте нехорошаго дѣла. Не берите на душу грѣха. Не виноватъ я передъ вами. Никому зла я не дѣлалъ. Самъ себя сгубилъ водкой. Всего лишился»,—и онъ заплакалъ.

— Встань, Иванъ,—сказалъ я,—иди съ Богомъ, міръ по правдѣ разсудитъ твое дѣло.

Писарь по списку началъ вызывать участниковъ схода. На одномъ листѣ онъ долженъ былъ отмѣчать фамиліи тѣхъ домохозяевъ, которые находили нужнымъ удалить Ивана изъ общества, а на другомъ тѣхъ, кто это отрицалъ. Первый подошелъ къ столу сѣдовласый старикъ и твердымъ голосомъ сказалъ: «не треба, неправильно». За нимъ начали подходить другіе. Почти всѣ заявляли: «Пишить туды, дѣ Андрей росписався», и только три человѣка оказались за высылку, но они были кругомъ должны евреямъ и Каверзневу, такъ что, разумѣется, одинъ страхъ передъ неумолимостью вынуждалъ ихъ неправедное рѣшеніе. Признаюсь, я былъ очень радъ такому исходу дѣла. Мнѣ внутренно что-то подсказывало, что это рѣшеніе справедливо. Пересталъ ли пьянствовать Снигирь, что сталось съ его женой, я не знаю.

Описанный случай, съ такими благопріятными послѣдствіями, къ сожалѣнію, былъ исключительный. Общій голосъ мировыхъ посредниковъ, да и мѣстныхъ землевладѣльцевъ-поляковъ, удостовѣрялъ, что большая часть приговоровъ сельскихъ обществъ о высылкѣ порочныхъ членовъ произносилась при усиленномъ содѣйствіи деревенской интриги, несомнѣннаго участія въ ней мѣстечковыхъ евреевъ и тѣхъ кулаковъ изъ мѣстнаго крестьянства, которые въ каждомъ крестьянинѣ, протестовавшемъ противъ кулацко-еврейскаго насилія, видѣли препятствія къ осуществленію хищническихъ цѣлей. Время было неспокойное. А это давало широкое поле для сыска виновныхъ, ложныхъ доносовъ; иногда мало доказательныхъ преслѣдованій ни въ чемъ неповинныхъ людей и только не выдерживавшихъ этой кулаческо-еврейской кабалы, которая закрѣпощала недавно освобожденнаго крестьянина въ самыя мучительныя и тягостныя путы, еще сильнѣе и чувствительнѣе крѣпостного права.

V.

Я уже упоминалъ о недоразумѣніяхъ, порождавшихся широкимъ распространеніемъ сервитутнаго права, нерѣдко вызывавшихъ крестьянскія волненія. Не всегда дѣло улаживалось благополучно. Когда же это случалось, временное успокоеніе крестьянъ никакъ не могло быть принято за ослабленіе, тѣмъ паче за уничтоженіе причинъ, ихъ вызвавшихъ. Недовольство накоплялось, почему достаточно было малѣйшаго повода, чтобы нормальное теченіе жизни нарушалось. Тогда обыкновенные мирные способы оказывались недѣйствительными, приходилось прибѣгать къ репрессаліямъ, всегда нежелательнымъ и врядъ ли полезнымъ. Иллюстраціей къ этому заключенію можетъ служить случай, который я разскажу сейчасъ. Мѣстечко Лысянка принадлежало бывшему наказному атаману Донского казачьяго войска, генералъ-лейтенанту Краснокутскому. Владѣлецъ никогда въ мѣстечкѣ не жилъ, хозяйства лично не велъ, а всѣми его отраслями завѣдывали евреи. Они арендовали землю по способу, который мною уже разсказанъ, завѣдывали большою площадью лѣса, однимъ словомъ, хозяйничали во всю, и мѣстное крестьянское населеніе находилось въ полнѣйшей отъ нихъ экономической зависимости. Споры изъ-за права пользованія лѣсомъ и прилегавшимъ къ нему участкомъ составляли главный источникъ взаимныхъ пререканій, закончившихся серьезной грозой. Дѣло въ томъ, что въ періодъ составленія люстраціонныхъ актовъ къ лѣсу прилегалъ участокъ луга, на которомъ изрѣдка росъ кустарникъ и кое-гдѣ деревья. Право на попасъ и на часть покоса принадлежало совмѣстно крестьянамъ и помѣщику. Кромѣ того, въ лѣсу были мѣстами куртины фруктовыхъ деревьевъ, принадлежавшихъ крестьянамъ. Всѣ попытки вывести чрезполосныя владѣнія, съ одной стороны, а, съ другой, урегулировать право пользованія лугомъ были тщетны. Взаимнаго соглашенія не достигалось, и каждый случай нарушенія правъ той и другой стороны возбуждалъ недоразумѣнія и обострялъ отношенія. Такъ, помѣщикъ, въ силу предоставленнаго ему права, запрещалъ крестьянамъ производить покосы тамъ, гдѣ лугъ былъ болѣе или менѣе покрытъ зарослью или же искусственными насажденіями, не позволялъ пасти скотъ, предохраняя тѣ же насажденія отъ порчи. Между тѣмъ лѣсная поросль разросталась. Насажденія производились усердно еще прежнимъ владѣльцемъ, графомъ Потоцкимъ, и пользовательная площадь луга постепенно сокращалась. Крестьяне никакъ не могли, да и не хотѣли понять такого неопредѣленнаго владѣнія землею и, считая свои права нарушенными, въ свою очередь нисколько не уважали правъ владѣльца. Воровство лѣса практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Никакое число лѣсниковъ уберечь его не могло. Бо-

лѣе энергичные изъ нихъ подвергались жестокимъ побоямъ. Иногда дѣло оканчивалось и убійствомъ. Участокъ лѣса на лугу крестьяне считали своимъ, и на немъ порубокъ не было. Крестьяне даже какъ бы охраняли его.

Такъ прошло лѣтъ около двадцати. Поросль обратилась въ лѣсъ. Внушить и разъяснить крестьянамъ, что они не имѣютъ никакихъ правъ на этотъ лѣсъ, никто не старался. Правда, одинъ изъ мировыхъ посредниковъ возбудилъ вопросъ о вознагражденіи крестьянъ за фактически утраченное право пользованія попасомъ и сѣнокосомъ на этомъ участкѣ, но началъ дѣло не съ того конца. Онъ вступилъ въ переговоры съ арендаторомъ-евреемъ, имѣвшимъ довѣренность отъ владѣльца. Евреи вообще на такіе вопросы не умѣютъ отвѣчать прямо. Самое предположеніе о возможности вознагражденія крестьянъ отрѣзкой имъ изъ владѣнія Краснокутскаго соотвѣтственнаго количества десятинъ земли имъ не понравилось. Неимѣніе лугового покоса въ достаточныхъ размѣрахъ, очевидно, стѣсняло крестьянъ, а такое положеніе всегда было на руку тѣмъ, кто изъ него извлекалъ выгоды. Кромѣ того, тутъ дѣйствовали и другія причины. Повторяю, время было тревожное и главнымъ образомъ по отношенію къ евреямъ.

Не только въ Кіевѣ, но и вездѣ въ чертѣ еврейской осѣдлости появлялись какіе-то неизвѣстные субъекты, проповѣдывавшіе избіеніе евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе и разграбленіе помѣщиковъ. Прокламаціи, или, какъ ихъ называли, «манифесты», «царскія грамоты», проникали и въ крестьянскую среду.

Въ Васильковскомъ уѣздѣ было даже установлено, что разбрасывалъ и тайно снабжалъ этими воззваніями къ безпорядкамъ еврей, поймавшійся весьма оригинально. Нахожу нужнымъ описать этотъ казусъ. Одинъ крестьянинъ, пріѣхавшій на базаръ въ Васильковъ, увидѣлъ, какъ молодой еврейчикъ далъ его сосѣду по торговлѣ овсомъ на базарѣ какой-то исписанный листъ бумаги «на цыгарки». Онъ обратился къ этому же еврею съ тою же просьбою и, будучи грамотнымъ, полюбопытствовалъ прочесть. Ему показалось страннымъ содержаніе бумаги, и онъ показалъ ее одному изъ своихъ грамотныхъ односельцевъ, а затѣмъ, посовѣтовавшись, оба рѣшили разыскать еврейчика и сорвать съ него могарычъ, такъ какъ догадались, въ чемъ тутъ дѣло. Всѣ ихъ поиски оказались безуспѣшными. Разспрашивали эти два парня встрѣчныхъ крестьянъ, лавочниковъ, но никто не далъ какихъ либо указаній. Еврейчикъ канулъ, какъ въ воду. Отчаявшись найти, парни пришли обратно къ своимъ возамъ, гдѣ получили хорошую нахлобучку отъ оставленныхъ ими родичей и собрались «посидати оселедцемъ» безъ выпивки. Какъ разъ въ это время подошелъ къ нимъ Хаимъ, занимавшійся наймомъ подводъ для доставки хлѣба изъ сосѣднихъ экономій на станцію желѣзной дороги.

— Что же вы насухо сидаете?—спросилъ онъ крестьянина.— Пойдемъ, угощу шкаликомъ.

— Родичи уговаривали оставаться, «скоро до дому нхаты», но, не устоявъ отъ такого соблазна, одинъ изъ нихъ отправился съ Хаимомъ. Ждали, ждали домашніе, а его все нѣтъ. Пошли искать и случайно узнали, что ихъ Ефимъ въ полицейскомъ участкѣ. Взятъ «до вытрезвленія». Кое-какъ съ помощью обычной благодарности «выратовали» Ефима и отвезли охмелѣвшаго домой. Тамъ онъ только пришелъ въ себя и первымъ дѣломъ хватился царской бумаги, но ея не оказалось. Онъ разсказалъ у себя въ семьѣ все, что съ нимъ случилось, какъ онъ получилъ эту бумагу, какъ потчевалъ его Хаимъ, какъ они пошли на городское кладбище, гдѣ онъ упалъ, и затѣмъ не помнитъ ничего до того момента, когда его взяли родичи. «Це Хаимъ укравъ царьску грамоту»,—закончилъ онъ. Этотъ разсказъ со всевозможными варіаціями распространился по деревнѣ и дошелъ до волости. О распространеніи прокламацій знали и исправникъ и становые, но никакъ не могли изловить виновныхъ. Разсказъ же Ефима далъ вполнѣ достаточный матеріалъ, чтобы ихъ обнаружить. Начали дознаніе, привлекли Хаима, предварительно сдѣлавъ обыскъ у него, ничего, впрочемъ, не давшій. Но Хаимъ перетрусилъ и сознался, что онъ подпоилъ Ефима, выкралъ «царскую бумагу» у него и отдалъ Зусю Пикерману, котораго задержали въ Хотинѣ Бессарабской губерніи, найдя у него и самыя прокламаціи. Разумѣется, онъ понесъ должное наказаніе. Останавливаясь на этомъ случаѣ, я только желалъ отмѣтить, что евреи, какъ это ни странно, сами не гнушались поселять смуту среди крестьянъ, несмотря даже на то, что эта смута грозила прежде всего имъ самимъ. Но разъ за распространеніе воззваній, какъ выяснило дознаніе, платились деньги, то евреи не отказывались отъ ихъ распространенія и отъ такой во всѣхъ отношеніяхъ неблаговидной роли.

Нечего и говорить, когда дѣло шло о возбужденіи аграрныхъ волненій, евреи принимали самое охотное участіе. За безпорядками слѣдовали репрессивныя мѣры, усиливался полицейскій дозоръ, а потому въ значительной степени осложнялась возможность еврейскихъ погромовъ. Но я отвлекся отъ главной темы своего разсказа, отъ исторіи съ крестьянами мѣстечка Лысянки. Главный заправила всей хозяйственной организаціи мѣстечка Лысянки, еврей Б., отправился въ Петербургъ къ владѣльцу и убѣдилъ его въ необходимости продать лѣсъ на срубъ. Въ числѣ доводовъ представлялся и тотъ, что настало время покончить съ неудовольствіями крестьянъ. Лѣсъ, молъ, срубятъ, а по срубу крестьяне будутъ пасти скотъ. Входить въ подробности предлагаемаго мѣропріятія, совершенно не зная мѣстныхъ условій, да и мало ими интересуясь, вла-

дѣлецъ не могъ, а, можетъ быть, и не имѣлъ къ тому охоты и времени. Б. получилъ право на продажу лѣса. Тотчасъ составилась компанія изъ евреевъ, совершила договоръ на срубъ лѣса, и именно того участка, который былъ расположенъ на лугу, находившемся въ общемъ пользованіи. Предварительные переговоры держались въ строжайшемъ секретѣ. Въ одно прекрасное утро явились нанятые за двадцать верстъ отъ мѣстечка Лысянки рубщики, устроили временное помѣщеніе для евреевъ, завѣдывавшихъ этой операціей, и сводъ лѣса начался. Въ первый же день проѣзжавшіе мимо лѣса два крестьянина, заслышавъ подозрительные стуки въ лѣсу, полюбопытствовали узнать, въ чемъ дѣло. Увидѣвъ, что идетъ генеральная рубка лѣса, они разыскали еврейскихъ приказчиковъ и потребовали объясненія. Тѣ отказывались незнаніемъ. Объясняли, что они люди подневольные, дѣлаютъ, что приказано, и что все можетъ объяснить имъ хозяинъ дѣла. Крестьяне не удовлетворились разсказами евреевъ и, видя, что они достаточно перетрусили, начали храбрѣе наступать. Евреи не знали, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Рѣшили ихъ подкупить, предложивъ крестьянамъ набрать на возы хворосту и получить по пяти рублей за молчаніе до слѣдующаго дня. «Пріѣдетъ на другой день главный хозяинъ и тогда все объяснитъ, а вы подождите и не смущайте мѣстечко»,—закончили они. Крестьяне согласились на это предложеніе, но, пріѣхавъ въ мѣстечко, тотчасъ оповѣстили о случившемся однообщественниковъ. Уже къ вечеру все мѣстечко знало и говорило, что ихъ лѣсъ рубятъ, и что нужно выгнать изъ него евреевъ. На другой день, посовѣтовавшись между собою, они рѣшили, что выгнать будетъ трудно, а что лучше самимъ приступить къ рубкѣ лѣса, и съ ранняго утра слѣдующаго дня вереницы такъ называемыхъ роспусковъ, сопровождаемыхъ крестьянами, вооруженными топорами, направились въ лѣсъ, и рубка его началась. Съ одной стороны рубили евреи, а съ другой крестьяне. Волостной старшина разослалъ немедленно извѣщенія о происшествіи становому приставу, исправнику.

Исправникъ собралъ урядниковъ человѣкъ до двѣнадцати и вмѣстѣ съ становымъ приставомъ прибылъ къ мѣсту происшествія на третій день рубки, когда уже во дворахъ крестьянъ лежалъ свезенный съ мѣста рубки лѣсъ. Остановившись на опушкѣ лѣса, исправникъ отрядилъ свой эскортъ подъ начальствомъ станового пристава, предложивъ ему принять энергичныя мѣры къ прекращенію самоуправства. Весь отрядъ верхами на рысяхъ направился къ мѣсту рубки и, встрѣтивъ нѣсколько подводъ, нагруженныхъ лѣсомъ, вывозившихъ его по довольно узкой лѣсной дорожкѣ, по направленію къ мѣстечку, приказалъ остановиться. Затѣмъ, спѣшилъ свою команду и, ни слова не сказавъ крестьянамъ, приказалъ переворачивать роспуски и сбрасывать лѣсъ. Но крестьяне

загалдѣли, начали кричать «караулъ», «ратуйте», «не дамо», приняли угрожающее положеніе, а на ихъ крики сбѣгались товарищи, образовавъ порядочную толпу вооруженныхъ топорами людей, рѣшившихся во что бы то ни стало защищать свое дѣло. Становой разразился ругательствами и приказалъ силою разогнать толпу, но это было не такъ легко. Какъ только урядники сѣли на лошадей и перешли въ наступленіе, крестьяне начали хватать лошадей подъ уздцы и приняли угрожающее положеніе. Пришлось отступать; а когда отрядъ повернулъ вспять, то въ него полетѣли топоры. Къ счастью, дѣло обошлось пораненіемъ двухъ лошадей, а исправникъ, узнавъ все происшедшее, быстро исчезъ въ Звенигородку для соотвѣтствующихъ донесеній, какъ онъ впослѣдствіи объяснялся. Получилъ и я увѣдомленіе отъ исправника о происходящихъ безпорядкахъ въ мѣстечкѣ Лысянкѣ, съ просьбой оказать содѣйствіе къ ихъ прекращенію. Признаюсь, что я много недоумѣвалъ о формѣ того содѣйствія, какое можетъ быть оказано мировымъ посредникомъ въ данномъ случаѣ. Открытое сопротивленіе, при томъ вооруженное, требовало немедленнаго прекращенія только силою. Мнѣ казалось, что увѣщанія въ настоящемъ положеніи дѣла врядъ ли могутъ оказать какое либо воздѣйствіе на крестьянъ, а если и могутъ, то дѣло такъ зашло далеко, что ограничиться ими нельзя, но, принимая въ расчетъ, что крестьяне послѣ грубаго насилія, ими произведеннаго, можетъ быть, вызваннаго не въ мѣру рѣшительными дѣйствіями полиціи, опомнились, я рѣшилъ немедленно ѣхать въ мѣстечко, захвативъ съ собою все то, что могло служить разъясненіемъ беззаконія ихъ дѣйствій. Пріѣхавъ часа въ четыре дня въ волостное правленіе, я увидѣлъ тамъ растеряннаго волостного старшину, который прежде всего старался внушить мнѣ, что онъ былъ совершенно безпомощенъ предупредить печальную исторію. Изъ разговора съ нимъ мнѣ стало извѣстно, что далеко не вдругъ, не внезапно все это произошло. Толки о продажѣ лѣса на срубъ ходили еще при моемъ предшественникѣ, что крестьяне желали подать прошеніе губернатору о запрещеніи предполагавшейся сдѣлки, но что ихъ усиленно отговаривали угрозами, что подписавшіе будутъ привлечены къ отвѣту, и могарычами, которые всегда слѣдовали за происходившими совѣщаніями. Вѣсть о безпорядкахъ и оказанномъ сопротивленіи съ нагромоздившимися варіаціями ходила вездѣ по окрестностямъ, возбуждая непричастныхъ къ исторіи лицъ. Всполошились прежде всего евреи. Торговцы старались вывозить подъ прикрытіемъ ночи товаръ въ сосѣднія села, отправляли свои семьи. Православные выставляли иконы на окнахъ или намазывали сажей кресты на воротахъ. Мѣстный ксендзъ украдкой принималъ драгоцѣнности евреевъ для временнаго храненія. Священникъ также не отказывалъ въ подобныхъ просьбахъ. Всѣ были увѣрены, что въ случаѣ, если силою прекратятъ рубку лѣса, разразится погромъ еврейскаго имущества.

Бесѣду мою съ волостнымъ старшиной прервалъ вошедшій ксендзъ, а затѣмъ и православный священникъ. Они мнѣ разсказали въ сущности то же, что и волостной старшина. Ихъ разсказъ меня убѣдилъ, что, если бы во-время были приняты мѣры, ничего подобнаго не случилось бы, что тутъ виновата прежде всего полиція, въ лицѣ мѣстнаго станового пристава, а затѣмъ и волостной старшина, которые палецъ о палецъ не ударили для предупрежденія волненій крестьянъ. Прежде всего ни тотъ, ни другой, зная деревенскіе толки о лѣсѣ, не сообщили мировому посреднику о ихъ существованіи. Сдѣлалъ ли бы что мировой посредникъ, или нѣтъ, это другой вопросъ, но знать онъ долженъ былъ, другого способа, какъ сообщеніе властей, жившихъ о бокъ съ крестьянствомъ, онъ не могъ имѣть. Послѣ становой приставъ указывалъ даже на статьи закона, которыя оправдывали его образъ дѣйствій. Онъ говорилъ, что на основаніи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій на его обязанности лежитъ доносить только о совершившемся фактѣ, происшествіи, какъ онъ выражался, но безпокоить подлежащія власти донесеніями, основанными на слухахъ, онъ будто бы не имѣетъ права. Можетъ быть, это такъ съ формальной стороны, но согласна ли рутинная формалистика съ пользою для дѣла, это врядъ ли.

Узнавъ о крестьянскихъ толкахъ и разговорахъ, власти, стоявшія вблизи крестьянскаго населенія, могли бы разъяснить многое, могли вступить въ непосредственное сношеніе съ владѣльцемъ, который, съ увѣренностью можно сказать, не захотѣлъ бы настаивать на продажѣ лѣса евреямъ,— въ этомъ онъ не имѣлъ никакой нужды. Наконецъ, можно было узнать тѣхъ, кто явился въ лицѣ главныхъ подстрекателей къ открытому протесту и слѣдующему за нимъ самоуправству. Но, какъ я замѣтилъ, все оставалось, если не неизвѣстнымъ, то якобы не стоящимъ серьезнаго къ себѣ отношенія; не только въ этомъ случаѣ, но и въ другихъ подобныхъ не принималось предупреждающихъ мѣръ, и власть проявлялась тогда, когда приготовленія къ проступкамъ и преступленіямъ уже сдѣланы, и начинались самыя насилія, самоуправства и т. п. Разумѣется, обѣимъ сторонамъ приходилось плохо. Приказавъ запрягать лошадей, я рѣшилъ отправиться въ лѣсъ. Тріумвиратъ изъ священника, ксендза и старшины представлялъ мнѣ резоны относительно рискованности моего рѣшенія. Всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что народъ отчаянный, что онъ можетъ надѣлать Богъ вѣсть что, что лучше собрать на слѣдующій день сходъ и на сходѣ постараться подѣйствовать на крестьянъ въ примирительномъ духѣ. Ксендзъ мою поѣздку въ лѣсъ относилъ къ моей молодости и горячности. Но я думалъ иначе. Необходимость совмѣстнаго обсужденія происходившихъ событій я призналъ такъ же, какъ и мои совѣтчики, но я предполагалъ, что если я на мѣстѣ

сумѣю разъяснить незаконность дѣйствій крестьянъ, и если они пожелаютъ меня слушать, а, можетъ быть, хотя отчасти согласятся съ моими требованіями, то на сходѣ я уже буду имѣть больше шансовъ направить дѣло къ прекращенію самоуправства. Насилій со стороны толпы, по моему убѣжденію, не слѣдовало опасаться. Я ѣхалъ не приказывать, предписывать и требовать, а единственно съ цѣлью лично переговорить съ крестьянами, дать имъ совѣтъ, нисколько не предполагая на случай отказа дѣлать изъ моей бесѣды еще лишній поводъ къ обвиненію крестьянъ въ неповиновеніи властямъ установленнымъ. Съ такими намѣреніями я выѣхалъ изъ мѣстечка. Подымаясь въ гору, я встрѣтилъ спускавшіяся крестьянскія подводы со срубленными деревьями. Когда мой фургончикъ поравнялся съ первой изъ нихъ, я вылѣзъ изъ экипажа и просилъ перваго подводчика остановиться, что̀ и было исполнено безпрекословно. Подводы стали, а крестьяне начали собираться вокругъ меня и недоумѣвающе оглядывали меня со всѣхъ сторонъ. Я далъ возможность собраться наибольшему числу и, когда, вѣроятно, ихъ скучилось человѣкъ двѣсти, обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Знаете ли вы, кто я такой?..

Крестьяне отвѣтили:

— Посредникъ.

Затѣмъ я спросилъ:

— Кто и почему разрѣшилъ вамъ рубить лѣсъ?

Изъ толпы неслись энергичные отвѣты:

— Лисъ нашъ, свое добро зводимо. Никто не запретитъ, це наше. Мы его ростили, берегли, попасъ свой отдали и ничѣмъ не пользуемся.

Шумъ увеличивался. На мою просьбу не говорить всѣмъ вмѣстѣ крестьяне притихли. На вопросъ, кто изъ крестьянъ присутствующихъ знаетъ грамотѣ, вышелъ бѣлокурый парень и подбоченившись отвѣчалъ:

— Я.

— Вотъ у меня есть ваша уставная грамота и люстраціонный актъ, пусть вашъ грамотей прочтетъ изъ нихъ то, что говорится о попасѣ на лугу въ урочищѣ Петельномъ, а вы обсудите, и тогда мы поговоримъ между собою.

Грамотей началъ читать громко, внятно и довольно порядочно. Самъ я отошелъ въ сторону. Когда чтеніе окончилось, парень передалъ мнѣ документы, а затѣмъ снова крестьяне окружили меня. Посыпались вопросы, почему разрѣшено пасти скотъ, пользоваться сѣнокосомъ на полянахъ, не покрытыхъ деревьями, а ни того, ни другого дѣлать нельзя, такъ какъ вездѣ лѣсъ.

— Когда мы оберегали лѣсъ отъ порубки, потравы, намъ никто не говорилъ, что мы бережемъ не свое, а чужое: пусть заплатятъ за сторожу.

Другіе старались доказать, что лѣсъ ихъ собственность, и помѣщикъ на него не имѣетъ никакихъ правъ. Переговоры происходили весьма долго и въ сущности безпорядочно. Больше галдѣли крестьяне, а мнѣ рѣдко приходилось вставлять слово. Начинало вечерѣть. Тогда я порѣшилъ дать имъ такой совѣтъ:

— Вы утверждаете, что лѣсъ вашъ, что помѣщикъ продалъ евреямъ ваше добро, силою ничего сдѣлать нельзя для рѣшенія, на чьей сторонѣ правда. Прочитанныя вамъ бумаги, не мною сочиненныя, какъ это и вы знаете, говорятъ, что лѣсъ помѣщика. Не лучше ли просить судъ, чтобы онъ обсудилъ ваше дѣло и сказалъ бы, имѣете ли вы право рубить лѣсъ, или же это право имѣетъ помѣщикъ? Вѣдь, если вы не прекратите рубку, придутъ не нынче, завтра войска, выгонятъ силою васъ изъ лѣса, отберутъ все то, что вырублено и лежитъ во дворахъ, виновныхъ строго накажутъ и заставятъ уплатить помѣщику за нанесенный убытокъ. Кто же ото всего этого выиграетъ?

Крестьяне молчали.

— Вотъ что, братцы, совѣтую вамъ свезти лѣсъ во дворъ волостного правленія, тамъ его сложить, а завтра на сходѣ мы обсудимъ, какъ намъ поступить дальше.

На мое предложеніе начали возражать и, главнымъ образомъ, по поводу того, что многіе домохозяева уже за два дня успѣли воспользоваться порубленнымъ лѣсомъ, что онъ лежитъ уже въ ихъ дворахъ, и что не справедливо ихъ заставлять везти лѣсъ во дворъ волостного правленія, когда другіе взяли его себѣ. На это я замѣтилъ, что всѣ, кто свезъ себѣ во дворы лѣсъ, будутъ переписаны, а также переписано и количество срубленныхъ деревъ, и всѣмъ имъ будетъ предложено сложить ихъ тамъ же, а кто ослушается,—того накажутъ еще строже, чѣмъ тѣхъ, кто это распоряженіе исполнитъ по доброй волѣ.

— Если я обращаюсь къ вамъ съ такимъ совѣтомъ, то только потому, что желаю вамъ добра. Не послушаете меня, дѣлайте, какъ хотите, но знайте, что будете отвѣчать по закону и очень строгое понесете наказаніе. Прощайте, завтра на сходъ приходите.

Я сѣлъ въ таратайку и уѣхалъ въ мѣстечко.

Когда я возвратился въ Лысянку, мною было сдѣлано распоряженіе о созывѣ схода, а также и о томъ, чтобы старшина немедленно распорядился отводить мѣста для склада лѣса, если его привезутъ крестьяне, а затѣмъ отправился къ о. Виктору пить чай по его приглашенію. Во время нашей бесѣды вбѣжалъ весьма взволнованный и запыхавшійся Берко, мѣстный «репортеръ» всѣхъ чрезвычайныхъ извѣстій, и сообщилъ, что крестьяне везутъ лѣсъ во дворъ волостного правленія, но что нѣкоторые, пользуясь темнотой, уклонились исполнить мое предложеніе. Тутъ онъ началъ перечислять имена и фамиліи крестьянъ и даже количество деревьевъ. Но я

остановилъ его быструю и рѣжущую гортанными звуками рѣчь, послѣ чего Берко куда-то исчезъ.

Прекрасное раннее утро стояло надъ мѣстечкомъ Лысянкой и его окрестностями. Мѣстечко проснулось. Къ волости по разнымъ направленіямъ одинъ за однимъ и группами тянулись крестьяне. Народу собралось много. Среди мужчинъ находились и женщины, нѣкоторыя съ грудными ребятами. Зная, что въ такихъ, да и другихъ случаяхъ, «бабы» могутъ производить только безпорядки, я просилъ удалить ихъ. Пришлось, въ виду многолюдства схода, начать обсужденіе дѣла на дворѣ. Евреи очень интересовались исходомъ дѣла, невдалекѣ также составили довольно значительную группу, но во дворъ никто не рѣшался войти, зная уже по слухамъ, что я запретилъ имъ принимать хотя бы безмолвное участіе на сходахъ.

Волостной старшина и здѣсь крикнулъ «цихо», и толпа притихла.

Всѣми силами я старался обыкновенною доступною крестьянскому пониманію рѣчью объяснить суть дѣла. Но чувствовалъ, какъ это мнѣ не дается. Выходило какъ-то такъ, будто я говорю въ земскомъ собраніи, да еще того времени. Вѣдь, еще въ семидесятыхъ годахъ многіе земскіе дѣятели выдвигались умѣньемъ произносить рѣчи, даже по самымъ обыкновеннымъ вопросамъ, и самое стремленіе къ ораторству имѣло чисто инфекціонный характеръ. Для крестьянина и его разумѣнія ничего подобнаго не требовалось. Нужно было простое, ясное, безхитростное слово. Вотъ этого-то у меня недоставало. Объяснивъ имъ подробно, что представляетъ собою то право, которымъ они надѣлены въ пользованіи бывшимъ луговымъ участкомъ земли, сообщивъ все то, что мнѣ извѣстно было изъ исторіи вопроса, а также разсказавъ, въ чемъ заключается нарушеніе, допущенное крестьянами, я сказалъ: «Никто изъ васъ и никому не позволитъ взять у себя корову, лошадь и другое что изъ хозяйства или одежды, такъ точно и помѣщикъ не позволитъ самовольно расхищать и портить его имущество. Если у васъ между собою выходитъ споръ изъ-за потравы, изъ-за захвата чужой полосы земли, то вы обращаетесь къ волостному суду, къ мировому посреднику, съѣзду мировыхъ посредниковъ, наконецъ въ губернское присутствіе и тамъ отыскиваете, кто правъ, кто виноватъ, кто завладѣлъ имуществомъ неправильно и кто долженъ заплатить за причиненный убытокъ, такъ и здѣсь. Вы считаете лѣсъ своимъ, но помѣщикъ не будетъ продавать вашего добра, и если продалъ лѣсъ евреямъ, то потому, что имѣлъ на то право. Если же вы думаете, или вамъ говорятъ, что лѣсъ вашъ, то идите въ судъ, просите, чтобы онъ васъ разсудилъ; я предлагаю вамъ избрать уполномоченныхъ, пусть они явятся ко мнѣ, и мы потолкуемъ. Если нужно будетъ, отыщемъ знающаго

добросовѣстнаго человѣка, которому вы дадите довѣренность, и который за васъ походатайствуетъ. Какъ рѣшитъ судъ, такъ и будетъ. Не согласитесь поступать по моему совѣту, придутъ войска, не позволятъ самоуправничать силою, а виновныхъ въ этомъ судъ накажетъ строго». Изъ толпы послышался чей-то возгласъ: «войска мы бачили». Остальные молчали. Я потребовалъ указать, кто это сказалъ, и когда виновный былъ обнаруженъ, немедленно распорядился посадить его подъ арестъ. Долго переговаривались крестьяне со мной, и я видѣлъ, что большинство уже поняло, что въ этомъ дѣлѣ они зашли далеко, что насталъ моментъ, когда благоразуміе начало брать верхъ. Послѣ нескончаемыхъ переговоровъ мы рѣшили отыскать повѣреннаго для веденія дѣла о лѣсѣ, а также избрать уполномоченныхъ для переговоровъ съ владѣльцемъ о замѣнѣ права пользованія попасомъ и сѣнокосомъ въ лѣсу, а также фруктовыми деревьями, отрѣзкой крестьянамъ того или иного количества десятинъ распашной земли, по соглашенію съ владѣльцемъ или его довѣреннымъ, котораго долженъ былъ избрать генералъ Краснокутскій, но только не изъ евреевъ. Лѣсъ, находящійся въ дворахъ крестьянъ, переписать, обозначить ему цѣну и перевезти во дворъ волостного правленія и на площадь вблизи этого правленія. Такъ мы окончили наше обсужденіе и начали расходиться. По дорогѣ отъ станціи Воронцово послышалась солдатская пѣсня, и вскорѣ на верху спуска въ Лысянку показался эскадронъ кавалеріи. Скоро заслышались колокольчики нѣсколькихъ троекъ, а за ними и карета губернатора. Я встрѣтилъ властей и тутъ же въ волостномъ правленіи объяснилъ, чѣмъ, повидимому, заканчивается «бунтъ крестьянъ м. Лысянки», какъ было сказано въ бумагѣ командиру эскадрона отъ своего начальства. Крестьяне вновь окружили волостное правленіе. Послѣ бесѣды со мной вышелъ губернаторъ, сказалъ крестьянамъ рѣчь, ни въ чемъ почти не расходившуюся съ моей бесѣдой, приказалъ исправнику остаться въ мѣстечкѣ и наблюсти за свозкой лѣса по указанію мирового, а въ «дальнѣйшемъ поступить по закону», какъ онъ выразился. Эскадронъ все же вступилъ въ мѣстечко Лысянку и долженъ былъ остаться тамъ на ночлегъ. Я просилъ губернатора не примѣнять для даннаго случая реквизиціи съ населенія, а если возможно уплатить за продовольствіе солдатъ крестьянамъ. Всѣ эти реквизиціи производили всегда тяжкое впечатлѣніе на крестьянъ, да и обездоливали ихъ въ большей или меньшей степени. Эскадронный командиръ пошелъ навстрѣчу этому желанію, и, кажется, съ этой стороны все обошлось благополучно. Въ дальнѣйшемъ это дѣло получило такой исходъ. Генералъ-лейтенантъ Краснокутскій прежде всего уничтожилъ договоръ о рубкѣ лѣса и евреи прекратили ее сначала по распоряженію администраціи, а, затѣмъ въ силу прекращенія договора. Крестьянамъ была произ-

ведена замѣна права пользованія покосами, пастьбой и фруктовыми деревьями въ лѣсу отводомъ въ счетъ надѣльной земли ста двадцати десятинъ пахоти, а срубленный лѣсъ владѣлецъ подарилъ крестьянамъ. Виновные въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ были преданы военному суду, но въ виду многихъ смягчающихъ обстоятельствъ, по резолюціи генералъ-губернатора, отбыли тюремное заключеніе на разные сроки. Вскорѣ послѣ этой исторіи я былъ у генералъ-губернатора. Александръ Романовичъ очень сочувственно отозвался о дѣятельности моей по Лысянскому дѣлу и былъ весьма удивленъ, когда я просилъ уволить меня въ отставку. Давалъ А. Р. мнѣ сроки и на размышленія и уговаривалъ не дѣлать этого, но я не могъ помириться со «всей обстановкой своей дѣятельности», настоялъ на моемъ увольненіи и вновь началъ земскую дѣятельность, о которой у меня также сохранилось много характерныхъ воспоминаній.

Князь Михаилъ Шаховской.

НЕОБЫЧАЙНОЕ НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

Къ характеристикѣ высокопреосвященнаго Меѳодія, архіепископа тверского.

Въ НАЧАЛѢ прошлаго столѣтія въ Бѣжецкѣ, уѣздномъ городкѣ Тверской губерніи, проживала вдова помѣщица, Марья Ивановна Н. Владѣлица имѣнія, извѣстнаго въ то время по уѣзду и своей обширностью и своею благоустроенностью, при большомъ количествѣ крестьянскихъ крѣпостныхъ душъ, имѣвшая связи въ обѣихъ столицахъ, красивая, представительная, усвоившая себѣ манеры высшаго столичнаго общества, Марья Ивановна Н. представляла собою въ Бѣжецкѣ извѣстнаго рода особу, съ которой небольшому уѣздному городку приходилось считаться. На поклонъ къ ней являлась вся мѣстная знать— и родовая, и чиновная, и вообще обывательская. Имя помѣщицы Н. хорошо было извѣстно и губерніи. Домъ ея на одной изъ видныхъ бѣжецкихъ городскихъ площадей былъ тогда постоянной почетной квартирой для всѣхъ высшихъ губернскихъ властей на время ихъ наѣздовъ въ Бѣжецкъ по дѣламъ службы. Хлѣбосольная хазяйка умѣла принять важныхъ гостей и сдѣлать это такъ, чтобы потомъ ея не забыли. Въ ея же домѣ всегда имѣлъ временное пребываніе и тогдашній владыка тверской, высокопреосвященный архіепископъ Меѳодій, когда случалось ему проѣзжать черезъ Бѣжецкъ при обозрѣніи епархіи. При всѣхъ другихъ своихъ достоинствахъ Марья Ивановна славилась искреннимъ благочестіемъ, любовью къ церковности, религіозно-нравственному чтенію и къ душеспасительнымъ разговорамъ. И владыка Меѳодій цѣнилъ ее за эти качества, любилъ бе-

слѣдовать съ нею и бывать у нея. Какъ характерную для того времени особенность, мѣстное преданіе сохранило между прочимъ извѣстіе, что во время пребыванія владыки у Н. звона въ ближайшихъ городскихъ церквахъ къ утреннимъ богослуженіямъ, чтобы владыки не безпокоить, не было и не полагалось.

И вотъ съ этой-то Марьей Ивановною Н. произошелъ случай,— случай, настолько изъ ряда вонъ выходящій, не бывалый, что онъ взволновалъ все населеніе небольшого городка отъ мала до велика, особенно смутилъ мѣстное духовенство, а именитую барыню Марью Ивановну Н. довелъ до крайнихъ предѣловъ негодованія и отчаянія. 5-го ноября 1810 года въ пятомъ часу утра отъ помѣщицы Н. прибѣжала къ бѣжецкому соборному протоіерею Андрею Іоаннову ея «дворовая женка», блѣдная, перепуганная, и, путаясь отъ страха и волненія въ словахъ, второпяхъ сообщила такую необычайную вѣсть, которая и маститаго протоіерея при всей опытности его и видномъ положеніи привела въ смущеніе. По принесенному дворовой женкой извѣстію оказалось, что этою ночью у ея госпожи пропала дочь, красавица-барышня, Марья Сергѣевна, выкралъ будто бы ее изъ дома соборный дьячекъ Иванъ Александровъ и, какъ слышно, съ ней повѣнчался въ одной изъ городскихъ церквей. Извѣстіе это казалось невѣроятнымъ. Молоденькая барышня, Марья Сергѣевна, на всю округу славилась своей красотой, выдающеюся по тому времени образованностью, кроткимъ характеромъ, ласковыми, обаятельными пріемами обращенія. Дочь-любимица богатой и знатной барыни помѣщицы, она была завидной невѣстой, и къ ней засылалъ сватовъ не одинъ уже женихъ изъ тогдашней золотой молодежи. Протоіерею все это прекрасно было извѣстно. Извѣстенъ былъ ему и дьячекъ Иванъ Александровъ, какъ сослуживецъ его по собору. Исполнительный, умный, скромный, онъ давно уже пользовался особеннымъ расположеніемъ соборнаго настоятеля. И теперь протоіерей недоумѣвалъ, какъ этотъ скромникъ дьячекъ могъ рѣшиться на такой продерзостный проступокъ. Не вѣрилось, но не вѣрить было нельзя: извѣстіе принесъ посолъ отъ самой барыни Марьи Ивановны. Обдумывая положеніе, протоіерей приходилъ въ смущеніе все большее и большее. Знатность, богатство помѣщицы Н., связи ея, уваженіе къ ней самого владыки Меѳодія, съ одной стороны, и, съ другой, болѣе чѣмъ скромное положеніе Ивана Александрова, и особенно при общемъ тогдашнемъ невысокомъ взглядѣ дворянъ помѣщиковъ на духовенство, осложняли и безъ того дерзкій проступокъ соборнаго дьячка настолько, что протоіерей даже и представить себѣ страшился, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ все это должно привести. Начато было сейчасъ же по горячимъ слѣдамъ разслѣдованіе. По нему выяснилось, что дѣйствительно этою злополучною ночью соборный дьячекъ, Иванъ Александровъ,

съ барышнею Марьей Сергѣевною Н. повѣнчанъ былъ, и что вѣнчаніе совершено было въ городской Крестовоздвиженской церкви временно исправлявшимъ при этой церкви священнослужителемъ Бѣжецкаго уѣзда села Купалина, уволеннымъ отъ должности священникомъ, Іаковомъ Кононовымъ. Протоіерей наскоро составилъ объ этомъ рапортъ духовному правленію, и въ седьмомъ часу утра въ экстренномъ засѣданіи послѣдняго дѣло это уже обсуждалось. По приказу правленія доставленъ былъ къ засѣданію и самъ новобрачный. Смущенное не менѣе протоіерея духовное правленіе, не долго думая, рѣшило прежде всего дьячка Ивана Александрова и вѣнчавшаго его священника, Іакова Кононова, «яко учинившихъ беззаконный и соблазнительный поступокъ, съ сего числа отъ прохожденія своихъ должностей до резолюціи его высокопреосвященства удалить и о поступкѣ семъ произвести законное изслѣдованіе». Составленъ, подписанъ и тутъ же отосланъ былъ о необычайномъ происшествіи и о рѣшеніи правленія рапортъ архіепископу Меѳодію. Вслѣдъ за отсылкою рапорта тѣмъ же раннимъ утромъ правленіе начало допросъ виновныхъ. Первымъ допрошенъ былъ дьячекъ Иванъ Александровъ.

По показанію его, дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ. Съ дочерью помѣщицы Н. онъ, Иванъ Александровъ, познакомился «назадъ тому съ годъ, а котораго именно мѣсяца и числа, показать того не упомнитъ». Вслѣдъ за первымъ знакомствомъ начались между молодыми людьми невинныя свиданія «въ собственномъ домѣ Н., по большей части, въ ночное время и всегда наединѣ. Изъ домашнихъ ея зналъ ли кто о его хожденіи, онъ, дьячекъ, не извѣстенъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, а числа показать не упомнитъ, оная поручицкая дочь, дѣвица Марья, изъявя ему, дьячку, наединѣ свое желаніе выйти за него, дьячка Ивана, въ замужество, просила его къ тому не открытымъ образомъ надлежащія распоряженія сдѣлать и ее увѣдомить, дабы и она, дѣвица Марья, могла къ тому заблаговременно жъ расположиться. Оное ея велѣніе вступить съ нимъ, дьячкомъ, въ бракъ принялъ онъ, дьячекъ, съ особеннымъ удовольствіемъ». Думалъ было Иванъ Александровъ подѣлиться своей радостью съ матерью, вдовой, попадьей села Теблешъ Бѣжецкаго уѣзда, Агриппиной Никитиной, попросить ея благословенія, но во избѣжаніе огласки побоялся сдѣлать это и рѣшилъ открыться пока исключительно священнику Крестовоздвиженской церкви, Іакову Кононову, съ расчетомъ добиться отъ него согласія на повѣнчаніе его. Почему выборъ палъ именно на священника Кононова, Иванъ Александровъ въ своемъ показаніи духовному правленію объясняетъ тѣмъ, что въ Крестовоздвиженской церкви, при которой служилъ Кононовъ, самъ онъ, Иванъ Александровъ, отправлялъ въ то время очередную дьяческую службу, и что тамъ «по немногому въ ту церковь народа собранію пред-

пріятіе его о бракѣ не могло сдѣлаться по всему граду гласнымъ». Но, вѣрнѣе, къ священнику Кононову Иванъ Александровъ обратился потому, что онъ казался человѣкомъ, наиболѣе подходящимъ для задуманнаго рискованнаго предпріятія, какъ священникъ заштатный, при Крестовоздвиженской церкви исправлявшій священнослуженіе временно и положеніемъ своимъ неособенно дорожившій. Какъ бы то ни было, расчетъ оказался правильнымъ. Священникъ Іаковъ Кононовъ согласился повѣнчать бракъ. По указанію его, Иваномъ Александровымъ написаны были «разными числами» въ церковной книгѣ троекратныя извѣщенія о бракѣ. «Но читалъ ли оныя священникъ Іаковъ въ церкви при народномъ собраніи, въ какіе именно дни, и кто подъ оными подписался, онъ, дьячекъ Иванъ, по небытію въ церкви показать ничего не знаетъ». Впослѣдствіи самъ священникъ Кононовъ при допросѣ показалъ, что «тѣ написанныя извѣщенія въ церкви бывшимъ при служеніи людямъ въ разныя числа, а какія именно—показать не упомнитъ, самъ онъ вслухъ не читалъ, а предлагалъ самимъ имъ читать, коими по прочтеніи они и зарукоприкладствованы». Заручившись согласіемъ священника Кононова, Иванъ Александровъ долженъ былъ переговорить съ барышней Марьей Сергѣевной, что̀ имъ дальше дѣлать. Но случая къ этому долго не представлялось. Между тѣмъ барышня мучилась неизвѣстностью. «Октября 29-го дня по наступленіи вечера и по засвѣченіи уже огней пріѣхавъ она, дѣвица Марья, къ его, дьячка, квартирѣ съ дворовымъ своимъ человѣкомъ Ефремомъ и вызвавъ его изъ оной квартиры на улицу, спрашивала, что̀ у него дѣлается, на каковой вопросъ онъ, дьячекъ, ей, дѣвицѣ Марьѣ, объявилъ, что крестовоздвиженскій священникъ Іаковъ вѣнчать ихъ соглашается. Надобно только назначить къ браку ихъ время. Выбравъ для того сего ноября 4-е число, она, дѣвица Марья, велѣла ему въ ночное время за нею пріѣзжать и сама поѣхала отъ его квартиры прочь». Иванъ Александровъ озаботился на другой же день пріисканіемъ особой «нарочитой» квартиры, «такъ какъ на прежней его, дьячка, квартирѣ у мѣщанина Якова Полозова, его бъ, дьячка, съ обвѣнчанною невѣстою не приняли и въ домъ свой не впустили бы, потому что они о его въ разсужденіи женитьбы намѣреніи ничего не знали». Какъ видно, мѣщанинъ Полозовъ помѣщицы Марьи Ивановны сильно побаивался. Послѣ долгихъ поисковъ квартира снята была у одного чиновника, канцеляриста мѣстнаго уѣзднаго суда, Добрынина. 4-го ноября, въ день, назначенный для вѣнчанія, Иванъ Александровъ «послѣ отправленія въ соборной церкви вечерняго пѣнія, открывшись онаго собора дьячку, Григорію Стефанову, и понамарю Ивану Иванову, просилъ ихъ ему, дьячку, сдѣлать по товариществу пособіе и быть при брачной церемоніи». Кромѣ нихъ, потомъ приглашены были по

знакомству еще два лица: коллежскій регистраторъ Синицынъ и отставной подканцеляристъ Павловъ. Къ 9-ти часамъ вечера всѣ эти приглашенныя къ брачной церемоніи лица и вмѣстѣ съ ними священникъ Кононовъ собрались въ «нарочитой квартирѣ» у канцеляриста Добрынина для установленія плана дѣйствій, порѣшили дѣло и къ 10-ти часамъ разошлись. Священникъ съ понамаремъ Иваномъ и регистраторомъ Синицынымъ пошли въ Крестовоздвиженскую церковь, «дабы все нужное къ обвѣнчанію брака пріуготовить». А Иванъ Александровъ съ дьячкомъ Григоріемъ и подканцеляристомъ Павловымъ отправились на лошади за невѣстой. Остановились «въ разстояніи неблизкомъ» отъ дома Н. Дьячекъ Григорій и Павловъ остались у лошади. Иванъ Александровъ направился къ дому и «тихимъ образомъ постучался у того покоя, въ коемъ находилась госпожи Н. дочь Марья. И она, услыша его, дьячка, стукъ, тихимъ же образомъ окошко открыла (всѣ уже въ томъ домѣ спали) и, въ оное вылѣзши, поѣхала вмѣстѣ съ ними прямо къ Крестовоздвиженской церкви, въ которой по примѣру часу въ 12-мъ по полудни его, дьячка, съ нею, дѣвицей Марьей, священникъ Іаковъ Кононовъ съ соборнымъ понамаремъ Иваномъ Ивановымъ и повѣнчалъ». Дьячекъ Григорій оставался съ лошадью близъ церкви на улицѣ и «смотрѣлъ, чтобы кто изъ стороннихъ не могъ воспрепятствовать въ вѣнчаніи сего брака», и потому публики посторонней въ церкви при вѣнчаніи не было. По окончаніи брачной церемоніи всѣ участники ея направились къ «нарочитой квартирѣ» молодыхъ, отужинали тамъ, при чемъ «подносимаго вина выпито было не болѣе, какъ рюмки по четыре», и затѣмъ мирно разошлись по своимъ мѣстамъ. «А онъ, дьячекъ, съ женою своею остался въ томъ канцеляриста Добрынина домѣ». Такъ обстояло дѣло. На дальнѣйшіе вопросы правленія Иванъ Александровъ показалъ, что жена его, отправляясь этою ночью изъ дома матери къ вѣнцу, «захватила съ собой три платья свои, одну шубу и четыре платка, а болѣе ничего не привезла». Соборному протоіерею о предположеніи брака онъ, Иванъ Александровъ, заблаговременно не могъ сообщить. «Поелику желаніе его теперешней жены выйти за его, дьячка, въ замужество было отъ ея матери, вдовы-поручицы Марьи Ивановны Н., скрытно, которая если бы объ ономъ узнала прежде, ни подъ какимъ бы видомъ не дала позволенія ей на выходъ за его, дьячка, въ замужество, то и онъ, дьячекъ, по поводу тому жъ къ нему, протоіерею, не отнесся, дабы положеніе ихъ въ разсужденіи брака не могло разрушиться... Онъ бы, протоіерей, не допустилъ ихъ браку совершиться». О вознагражденіи священника Кононова за повѣнчаніе Иванъ Александровъ на допросъ правленія отозвался такъ: «За вѣнчаніе жъ онъ, дьячекъ, священнику Іакову съ своей стороны ничего не давалъ, и жена его, Марья Сергѣева, что либо дала ли, о томъ онъ, дьячекъ,

не извѣстенъ». На этомъ показаніе Ивана Александрова оканчивается.

Допрошенные вслѣдъ за нимъ священникъ Кононовъ, дьячекъ Григорій и понамарь Иванъ Ивановъ въ своихъ отвѣтахъ духовному правленію сообщаютъ по дѣлу то же, что извѣстно уже намъ изъ объясненія самого Ивана Александрова. Нѣкоторый интересъ въ ихъ показаніяхъ представляютъ мотивы къ участію въ необычайномъ происшествіи. Священникъ Іаковъ Кононовъ свое участіе въ немъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ, священникъ Іаковъ, къ обвѣнчанію вышеозначеннаго беззаконнаго брака въ ночное время приступилъ не изъ взятковъ, а единственно по убѣдительной просьбѣ жениха, дьячка Ивана Александрова, яко съ невѣстою добровольно согласившихся на сочетаніе онымъ. Отношенія съ своей стороны къ соборному протоіерею объ ономъ не сдѣлалъ потому, дабы онъ, протоіерей, ихъ скрываемаго отъ всѣхъ намѣренія не огласилъ и согласію ихъ не воспретилъ, а чрезъ то бы предпріемлемый ихъ бракъ не расторгнулся. А, сверхъ того, въ умѣ своемъ ко оправданію содержалъ и то, что обвѣнчанной невѣсты мать, госпожа поручица Марья Ивановна Н., по своему добродушію не пожелавъ дочери своей особеннаго несчастія, тайный ея въ замужество выходъ проститъ, и тѣмъ проступокъ его въ разсужденіи обвѣнчанія онаго брака облегчится». Понамаря Ивана Иванова во всей этой исторіи болѣе всего смущало то обстоятельство, что бракъ совершенъ безъ вѣдома матери невѣсты, барыни Марьи Ивановны. «Предъ вѣнчаніемъ же того брака,—говоритъ онъ на допросѣ,—хотя и долженствовало съ жениховой и невѣстиной стороны родителей привесть къ узаконенной присягѣ, но поелику ни самихъ ихъ, ниже заступавшихъ ихъ мѣсто другихъ никого при томъ не было, и бракъ совершался не явно, а по ночному времени тихо и отъ стороннихъ людей скрытно, то и оставлено было сіе безъ особаго вниманія, тѣмъ паче, что уже былъ на тотъ бракъ написанъ и зарукоприкладствованъ обыскъ». Интереснѣе всѣхъ объясненіе дьячка Григорія. «Къ прописанному выше сего, въ ночное время чинимому, происшествію онъ, дьячекъ Григорій, приступилъ не почему либо другому, а единственно по товариществу и убѣдительной просьбѣ дьячка Александрова, и объ ономъ ни соборному протоіерею, ниже прочимъ того собора священноцерковнослужителямъ по узнаніи отъ дьячка Александрова не объявлялъ по причинѣ младости своихъ лѣтъ и неопытности, такъ какъ онъ находится еще дьячкомъ первый годъ, и чтобъ таковыхъ беззаконныхъ браковъ не въ своей соборной церкви не вѣнчать, не зналъ».

Допросомъ этихъ главныхъ участниковъ «ночного соблазнительнаго происшествія» духовное правленіе пока и закончило свое разслѣдованіе дѣла. Выработка вопросныхъ пунктовъ для другихъ

участниковъ брачной церемоніи отложена была на слѣдующій день. Утомленные работой члены правленія разошлись по домамъ. На дворѣ была уже ночь. Иванъ Александровъ оставленъ былъ на ночлегъ при духовномъ правленіи въ такъ называемой «холодной».

II.

Между тѣмъ въ домѣ Марьи Ивановны, какъ только обнаружился побѣгъ ея дочери, началась такая сумятица, которая надолго потомъ осталась памятна городу и особенно крѣпостнымъ людямъ Н. Обыкновенно добродушная, ласковая барыня была теперь не узнаваема. Гнѣвъ на дочь въ его первыхъ горячихъ порывахъ, жгучіе припадки казавшихся безысходными материнскаго горя и отчаянія, досада на себя и на дворовыхъ, не сумѣвшихъ предотвратить бѣду,—все это превратило ее на время въ одну изъ тѣхъ суровыхъ барынь-крѣпостницъ, память о жестокости которыхъ и доселѣ жива въ народѣ. Въ большомъ залѣ богатаго барскаго дома собрана была дворня. Начались разспросы. Выяснилось, что о сношеніяхъ Марьи Сергѣевны съ соборнымъ дьячкомъ зналъ кучеръ Ефремъ, знала барышнина наперсница, дворовая дѣвушка Таня, знала старуха-мамка Ульяна, да зналъ и еще кое-кто изъ дворни. И жестока же была барынина расправа со всѣмъ этимъ подневольнымъ людомъ, и правымъ и виноватымъ. Сосѣдямъ Марьи Ивановны долго потомъ мерещились по утрамъ стоны и вопли ея дворовыхъ людей. Одновременно съ крутой расправой надъ дворней летѣли отъ Марьи Ивановны оторопѣлые гонцы въ духовное правленіе, къ благочинному, къ городничему, въ полицію, словомъ ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, въ городѣ власть имѣвшимъ. Разгнѣванная Марья Ивановна всюду и отъ всѣхъ настоятельно требовала, чтобы преступный «зять» ея сейчасъ же засаженъ былъ, куда слѣдуетъ, и наказанъ по всей строгости закона, а по мѣрѣ возможности и уваженія къ матушкѣ барынѣ и сверхъ закона. Власти городскія въ свою очередь спѣшно шли и ѣхали къ Марьѣ Ивановнѣ съ выраженіемъ соболѣзнованія и готовности все уладить и устроить такъ, какъ только Марьѣ Ивановнѣ угодно будетъ, и какъ она приказать изволитъ. Такимъ необычнымъ для ранняго утра движеніемъ разбужено было городское населеніе, и къ разсвѣту волновался уже весь городъ, обсуждая событіе на всѣ лады. Стоустая молва по обычаю разукрасила происшествіе. Скромный увозъ невѣсты принялъ по ней характеръ вооруженнаго, кроваваго нападенія, цѣлаго погрома. У дома помѣщицы, у квартиры молодыхъ, у духовнаго правленія, гдѣ тѣмъ временемъ шелъ допросъ дьячка Ивана Александрова, собрались возбужденныя толпы любопытныхъ. Потребовалось вмѣшательство полиціи. Толпу успокоили. И она покорно разошлась, унося съ улицы свои думы

и чувства по обывательскимъ домамъ, лавкамъ, мастерскимъ, гдѣ еще долго, не одинъ мѣсяцъ, имъ суждено было служить самой жгучей темой для разговоровъ.

Сорвавъ свой первый гнѣвъ на дворовыхъ и за бесѣдами со властями и разными посѣтителями, поуспокоилась нѣсколько и сама барыня. Пріемъ былъ прекращенъ. Марья Ивановна заперлась въ своей опочивальнѣ и тамъ отдалась невеселымъ думамъ наединѣ. Сколько материнской любви, сколько хлопотъ, сколько трудовъ положено было ею на дочь! И все направлено было къ тому, чтобы воспитать ее въ строгихъ дворянскихъ традиціяхъ, выработать изъ нея дворянку высшаго круга, которая вездѣ бы и всегда сумѣла поддержать свой родъ, свое имя. И успѣхами своими въ этомъ отношеніи Марья Ивановна могла гордиться. Всюду, гдѣ ни появлялась ея красавица-дочь, въ тѣсномъ ли дворянскомъ кругу, въ общественныхъ ли собраніяхъ, вездѣ скромная, образованная, съ изысканными манерами, съ изящной простотой въ обращеніи, съ умѣньемъ и пошутить и вести серьезный разговоръ, она захватывала сразу общія симпатіи. Но съ особеннымъ удовольствіемъ Марья Ивановна наблюдала свою дочь въ высшемъ столичномъ обществѣ, куда время отъ времени возила ее по зимамъ, чтобы не отстать отъ свѣта. Тамъ барышня Марья Сергѣевна всегда окружена была цѣлой толпой почтительныхъ поклонниковъ изъ знатныхъ столичныхъ фамилій. Наблюдая дочь въ эти минуты, счастливая Марья Ивановна любила помечтать и потолковать со своими пріятельницами о будущности своей дочери. Выдастъ она ее за графа или князя, богатаго, съ виднымъ положеніемъ и съ еще болѣе видной карьерой впереди, и будетъ радоваться на ея счастье. А сама спокойно станетъ доживать свой вѣкъ, въ почетѣ, съ сознаніемъ свято исполненнаго долга и по отношенію къ дочери и по отношенію къ своему роду дворянскому. И счастье казалось такъ близкимъ. У Марьи Сергѣевны были уже женихи, и женихи хорошіе, именитые. А на-дняхъ ожидался и еще сватъ, особенно желанный, отъ жениха, вполнѣ подходившаго подъ вкусы и требованія Марьи Ивановны. И вотъ теперь, послѣ этой злополучной ночи, всѣ тѣ розовыя мечты, всѣ расчеты, всѣ надежды, всѣ ожиданія,—все рухнуло, и рухнуло безвозвратно. Какъ могло случиться это несчастіе,—Марья Ивановна недоумѣвала. Правда, за послѣднее время она замѣчала за дочерью нѣкоторыя странности: непонятную задумчивость цѣлыми часами, иногда какое-то неестественное безпричинное веселье, иногда, наоборотъ, слезы и раздражительность. Но Марья Ивановна объясняла все это исключительно нервами, умывала дочь въ такихъ случаяхъ по своему благочестивому обычаю богоявленской водицей, окуривала ладанкомъ и успокоивалась. Чтобы странности въ поведеніи Марьи Сергѣевны были слѣдствіемъ какой либо сердечной тайны, матери и въ голову не

приходило. А тѣмъ болѣе не могло прійти, что тутъ замѣшанъ соборный дьячекъ. Если бы кто-нибудь раньше сказалъ Марьѣ Ивановнѣ объ этомъ, она бы съ негодованіемъ отвернулась, и только. И что такое этотъ дьячекъ? Что въ немъ могла найти хорошаго дочь? Марья Ивановна нѣсколько знавала его; видала въ соборѣ, гдѣ имѣла обыкновеніе бывать въ высокоторжественные дни на молебнахъ (во всѣхъ другихъ случаяхъ она ходила къ службамъ въ свою приходскую церковь). Бывалъ дьячекъ и въ домѣ у нея—съ молебствіями, въ составѣ соборнаго причта, а иногда и въ качествѣ посла отъ своего соборнаго отца настоятеля. По наружности онъ, дѣйствительно, очень строенъ, красивъ. Кажется, скроменъ. Но это только и могла о немъ знать Марья Ивановна. Разговаривать съ нимъ ей, понятно, не приходилось. Къ разговорамъ въ барскихъ домахъ допускались въ то время при случаяхъ только старшіе члены причта. Протоіерея, священниковъ Марья Ивановна всегда послѣ молебновъ въ своемъ домѣ приглашала и закусить и побесѣдовать. Меньшей братіи—дьячкамъ и понамарямъ—этого не полагалось. Имъ въ такихъ случаяхъ угощеніе дѣлалось обычно въ людской. Занимать дьячковъ и понамарей ходила туда по своей охотѣ барышня Марья Сергѣевна. Тамъ, въ людской, и состоялось ея первое, оказавшееся роковымъ, знакомство съ Иваномъ Александровымъ. Красавецъ дьячекъ зачастилъ съ тѣхъ поръ ходить въ барскій домъ: то принесетъ просфору въ праздникъ Марьѣ Ивановнѣ отъ соборнаго протоіерея, то явится отъ него посломъ засвидѣтельствовать почтеніе и справиться о здоровьѣ. Именитая барыня принимала это, какъ обычную, должную дань; высылала иногда дьячку въ людскую чашку чая или долю пирога и сейчасъ же о немъ забывала. Между тѣмъ барышня Марья Сергѣевна всѣми этими посѣщеніями очень искусно пользовалась, чтобы поближе узнать своего суженаго и оцѣнить по достоинству его дѣйствительно рѣдкія душевныя качества. При пособіи мамки и наперсницы, дворовой дѣвушки, начались потомъ тайныя отъ матери ночныя свиданія. Съ каждымъ разомъ симпатіи Марьи Сергѣевны къ соборному дьячку все росли и росли, и наконецъ разрѣшились для именитой барыни Марьи Иановны такъ неожиданно и печально. Что же теперь дѣлать, что предпринять? Примириться съ постыднымъ бракомъ дочери Марьѣ Ивановнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ. Тогда отвернется отъ нея вся ея знатная родня, обязательно порвутъ съ нею всякое знакомство всѣ ея пріятели и друзья изъ высшихъ круговъ. И станетъ она посмѣшищемъ для всѣхъ, притчей во языцѣхъ. А Марья Ивановна всегда такъ гордилась своей родовитостью, такъ болѣзненно чутка была къ своимъ связямъ. Нѣтъ, примириться съ созданнымъ дочерью положеніемъ «дьячихи» ни въ какомъ случаѣ нельзя. Послѣ долгихъ мучительныхъ размышленій Марья Ивановна пришла наконецъ къ такому

рѣшенію, казавшемуся ей единственнымъ болѣе или менѣе сноснымъ исходомъ. Дочь пока ни подъ какимъ видомъ не принимать къ себѣ, добиться во что бы то ни стало развода этому ненавистному браку, зятя-дьячка упечь въ солдаты и тѣмъ разъ навсегда преградить ему всѣ ходы и выходы, и затѣмъ уже, когда все нѣсколько поутихнетъ, поуляжется, что нибудь придумать для дочери, для устроенія ея дальнѣйшей судьбы, а что именно — покажутъ то время и обстоятельства. Порѣшивъ на этомъ, Марья Ивановна вышла изъ своего затвора. Встревоженная, трепетавшая дворня ждала новой грозы. Но, къ общему удивленію и радости, матушка-барыня была спокойна и даже ласкова. Только утомленный видъ да блѣдность на обычно румяномъ красивомъ лицѣ выдавали пережитую передъ тѣмъ тяжелую душевную бурю. Ободренная покойнымъ видомъ барыни, дворовая дѣвушка, накрывавшая въ то время на столъ къ вечернему чаю, осмѣлилась доложить, что раза уже четыре навѣдывалась барышня Марья Сергѣевна, но доложить о ней барынѣ не смѣли, и она уходила. Марья Ивановна отнеслась къ этому совершенно равнодушно. Не поинтересовалась даже узнать, какъ выглядитъ дочь, что она говорила, какъ вела себя. Чрезвычайно спокойно она отдала свой приказъ: если придетъ еще Марья Сергѣевна, сказать ей отъ ея, барыни, имени, что ходить ей, Марьѣ Сергѣевнѣ, сюда больше не зачѣмъ, пусть де она живетъ, гдѣ хочетъ и какъ хочетъ, и что она, Марья Ивановна, отселѣ не мать ей и черезъ порогъ дома своего ни въ какомъ случаѣ и никогда ея не пуститъ. Вскорѣ явившаяся было еще разъ къ матери съ своею повинной Марья Сергѣевна выслушала этотъ суровый приговоръ, плакала, молила впустить ее къ матери. Но все было напрасно. И пошла она отъ дома родительскаго къ своей нарочитой квартирѣ, подавленная горемъ, убитая, чтобы тамъ въ новой для нея, скудной обстановкѣ биться всю ночь въ истерикѣ, биться безъ помощи, безъ теплаго слова утѣшенія. Иванъ Александровъ одиноко томился въ своемъ заточеніи—въ правленской холодной. Въ ту же ночь именитая барыня Марья Ивановна спѣшно выѣзжала изъ города—съ людскихъ глазъ долой, отъ стыда прочь—въ одно изъ своихъ самыхъ дальнихъ имѣній въ уѣздѣ.

III.

Для всѣхъ прикосновенныхъ «къ соблазнительному происшествію» лицъ потянулись затѣмъ длинные, мучительные дни, полные горя, тревогъ и сомнѣній. Дьячекъ Иванъ Александровъ въ своемъ заключеніи близокъ былъ, какъ передавалось это потомъ навѣщавшимъ его не разъ протоіереемъ, къ помѣшательству. Марья Сергѣевна была серьезно больна и не вставала съ постели. Дошедшіе до нея слухи о рѣшеніи матери хлопотать о разводѣ и

о сдачѣ ея мужа въ солдаты довели ее чуть не до нервной горячки. Съ горя и отъ болѣзни она такъ измѣнилась, что трудно въ ней даже узнать было прежнюю барышню Н. Опечалились и другія прикосновенныя къ дѣлу лица. Священникъ Іаковъ Кононовъ пріунылъ. Расчетъ его на добродушіе Марьи Ивановны, которое онъ «въ умѣ своемъ къ оправданію содержалъ» съ такою увѣренностью,— не оправдался. Предстояло поплатиться за храбрость, и поплатиться при извѣстномъ могуществѣ Н. довольно серіозно. Ждалъ себѣ грозы за недосмотръ и попустительство и маститый соборный протоіерей, Андрей Іоанновъ: вотъ-вотъ разразится она надъ его старой, сѣдой, до сихъ поръ ничѣмъ еще не запятнанной головой. Но особенно тяжело было смотрѣть на дьячка Ивана Иванова. Засѣвшая въ его мозгу гвоздемъ мысль о громадности преступленія и надвигавшейся отвѣтственности за него не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью, принимала въ разстроенномъ воображеніи формы грознаго призрака, и призракъ этотъ, напоминавшій своими очертаніями имениту помѣщицу Марью Ивановну, поминутно вставалъ предъ глазами несчастнаго понамаря, готовый въ конецъ сразить его. А у него, Ивана Иванова, за спиной была жена, да чуть не дюжина ребятишекъ малъ-мала меньше. Было надъ чѣмъ призадуматься. Меньше всѣхъ растерялся дьячекъ Григорій Степановъ. При своемъ чистосердечіи, отъ природы открытомъ, беззаботномъ, веселомъ характерѣ онъ не боялся за себя. «По причинѣ младости своихъ лѣтъ и неопытности онъ и не зналъ, — какъ заявилъ духовному правленію при допросѣ, — чтобъ таковыхъ беззаконныхъ браковъ въ своей соборной церкви не вѣнчать». Не тревожась лично за себя, дьячекъ Григорій все вниманіе свое сосредоточилъ теперь на своемъ страждущемъ пріятелѣ и его женѣ. Какъ только выяснилось, что ночное происшествіе принимаетъ зловѣщій оборотъ для его участниковъ, онъ рѣшилъ, и рѣшилъ твердо, взять молодую чету супружескую подъ свою особую охрану. Прежде всего онъ постарался проникнуть къ своему пріятелю въ правленскую холодную. Добился этого всѣми правдами и неправдами. Сослуживца своего поуспокоилъ, утѣшилъ нѣсколько и отъ него перешелъ къ его женѣ. Найдя Марью Сергѣевну больною, безпомощною, дьячекъ Григорій сталъ для нея и докторомъ, и заботливой сидѣлкой, и самымъ вѣрнымъ, преданнымъ слугой. И столько вообще за это тяжелое время проявлено было имъ по отношенію къ товарищу своему и его женѣ дружескаго горячаго сочувствія, искренней задушевной доброты, столько трогательной любви и заботливости, что безъ него, какъ говорила потомъ Марья Сергѣевна, врядъ ли пережили бы они свое горе. Пробовалъ даже дьячекъ Григорій попытать счастіе и у самой барыни Марьи Ивановны, поуговорить, усовѣстить ее. Съ этою цѣлью совершилъ онъ путешествіе

въ усадьбу Марьи Ивановны, далекое и по осенней распутицѣ очень не легкое для пѣшехода. Какой изъ этого вышелъ результатъ, дьячекъ Григорій не любилъ потомъ вспоминать. Марья Ивановна въ минуты гнѣва не ласкова была.

Сама она, именитая помѣщица, въ своей усадьбѣ между тѣмъ съ нетерпѣніемъ ждала изъ города вѣстей о сдачѣ дьячка Ивана Александрова въ солдаты. Въ полученіи ихъ она не сомнѣвалась. Но нужны онѣ были ей, какъ можно скорѣе. По полученіи извѣстія, что зять сданъ уже въ солдаты, она не медля намѣревалась ѣхать въ Петербургъ, чтобы начать тамъ хлопоты о разводѣ. Все уже и приготовлено было къ поѣздкѣ: подобраны нужныя бумаги, дорожная карета смазана, вещи уложены. А вѣстей изъ города все не было и не было. Марья Ивановна недоумѣвала, что бы это значило, негодовала на бѣжецкихъ властей, собирала на ихъ головы громы и молніи, но просить ихъ объ ускореніи не хотѣла. Это именитой барынѣ не пристало. Наконецъ, 25-го уже ноября въ ночь гонецъ изъ города прискакалъ, но вѣсти онъ привезъ не тѣ, какихъ желала и такъ нетерпѣливо ждала Марья Ивановна. Это былъ официіальный запросъ отъ духовнаго правленія. Правленіе запрашивало помѣщицу Н.: «Прежде онаго времени чтобъ та ея дочь имѣла намѣреніе съ дьячкомъ Александровымъ совокупиться бракомъ, она, госпожа Н., не знала ли? Если точно о предпринятомъ дочерью ея намѣреніи тайно за того дьячка выйти въ замужество не знала, то нынѣ таковой ея въ замужество выходъ она, госпожа поручица Н., прощаетъ ли или не прощаетъ, и почему именно — объяснить». Вмѣстѣ съ этимъ запросомъ гонецъ привезъ еще частное письмо отъ соборнаго протоіерея, Андрея Іоаннова. Протоіерей писалъ, что по первому рапорту о дѣлѣ въ правленіи получена слѣдующая резолюція архіепископа Меѳодія: «Если отъ означенной поручицы поступитъ въ сіе правленіе письменная жалоба, то представить съ обстоятельствомъ. А между тѣмъ съ вѣнчавшихъ прописанный бракъ взять обстоятельные отвѣты и прислать оные ко мнѣ». Во исполненіе сей резолюціи,— писалъ протоіерей,—сегодня уже и отосланы владыкѣ тѣ показанія виновныхъ, которыя взяты были отъ нихъ правленіемъ 5-го ноября, и вмѣстѣ донесено, что отъ самой Марьи Ивановны письменной жалобы въ правленіе не подано. Письмо заканчивалось увѣреніями, что и имъ, протоіереемъ, лично, и правленіемъ духовнымъ все было сдѣлано къ исполненію ея, барыни, желанія. Но во всемъ— воля архипастырская. Гонецъ городской, къ общему удивленію дворни, не получилъ въ барскомъ домѣ ни отдыха, ни ночлега, ни установленной чарки водки, не говоря уже о другомъ какомъ либо угощеніи. По одному уже этому можно было заключить, насколько раздражена именитая барыня. Къ разсвѣту она выѣзжала изъ своей усадьбы въ Тверь.

IV.

27-го ноября 1810 года архіепископъ Меѳодій совершалъ литургію въ одной изъ тверскихъ градскихъ церквей ради храмового ея праздника—во славу смоленской иконы Божіей Матери. За послѣднее время владыка чувствовалъ нѣкоторое недомоганье и потому отъ обычной праздничной трапезы въ приходѣ отказался и изъ церкви проѣхалъ прямо къ себѣ, въ Тресвятское. Здѣсь, по обыкновенію, ждала его масса лицъ, съѣхавшихся по своимъ дѣламъ къ нему изъ разныхъ мѣстъ обширной Тверской епархіи, и цѣлая кипа полученныхъ въ его отсутствіе бумагъ. Посѣтители были выслушаны, удовлетворены каждый по-своему и съ миромъ отпущены. Просматривая дѣла, архипастырь остановился на пакетѣ изъ Бѣжецкаго духовнаго правленія. То были извѣстныя намъ показанія виновниковъ ночного происшествія. Дѣло это по необычайности своей и по близкому знакомству съ семействомъ помѣщицы Н. до извѣстной степени тревожило владыку со времени полученія еще перваго о немъ правленскаго рапорта. Дня три тому назадъ онъ получилъ письмо отъ самой Марьи Сергѣевны, содержавшее въ себѣ исповѣдь наболѣвшей души и горячія мольбы о прощеніи и содѣйствіи къ примиренію съ матерью. Архипастырь ждалъ офиціальныхъ показаній виновниковъ. И теперь съ особеннымъ интересомъ углубился въ ихъ чтеніе, отмѣчая карандашомъ тѣ мѣста, которыя почему либо обращали на себя особое его вниманіе. Чтеніе было окончено. Закрывъ со вздохомъ правленскую тетрадь показаній, владыка задумался. Изъ этой задумчивости его вывелъ келейникъ своимъ докладомъ:

— Желаетъ васъ видѣть, ваше высокопреосвященство, бѣжецкая помѣщица Н. по личному дѣлу. Прикажете принять?

— Проси.

Черезъ нѣсколько минутъ Марья Ивановна входила въ гостиную. Послѣ обычныхъ привѣтствій и приглашенія садиться, архіепископъ первый началъ разговоръ о дѣлѣ.

— Сейчасъ только изъ донесеній правленія я ознакомился съ вашимъ семейнымъ происшествіемъ. Какъ это вышло неожиданно! Такъ недавно я былъ у васъ. Въ семьѣ вашей полный миръ былъ. Божіе благословеніе за благочестіе ваше почиваетъ на ней. И тутъ, въ этомъ происшествіи, воля Божія. Во всемъ она, безконечно премудрая, всеблагая.

— Спасибо, ваше высокопреосвященство, за утѣшеніе. Да, тяжело, владыка, очень тяжело. Вѣдь вы знаете, какъ я любила дочь. И вотъ что сдѣлала она со мной, но Богъ съ ней. Я готова ее простить. Лишь бы только поправить бѣду. Съ этимъ я и пріѣхала къ вамъ за совѣтомъ, за помощью. Нужно непремѣнно удалить отъ дочери этого несчастнаго Ивана Александрова. Тогда дѣло

поправимо. Лучше всего сдать бы его за дерзкій его проступокъ въ солдаты. Въ Бѣжецкѣ чиновники говорили мнѣ, что такъ и должно быть, и что это легко устроить. Все дѣло за вашимъ духовнымъ правленіемъ, а оно, очевидно, потакаетъ преступнику, тянетъ дѣло, разсылаетъ какіе-то запросы. Представьте, даже мнѣ такой запросъ прислало.

— Правленіе не виновато, Марья Ивановна: оно поступаетъ по закону. Помните изъ Евангелія слова тайнаго ученика Христова Никодима къ фарисеямъ: «Еда законъ нашъ судитъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде и разумѣетъ, что творитъ»? Такъ было у іудеевъ. Для насъ, христіанъ, личность человѣка должна быть еще болѣе священна. По отношенію къ ней произволу не можетъ быть мѣста. Все должно быть законно и ясно. А въ вашемъ дѣлѣ именно этой-то ясности и недостаетъ.

— Что же именно, владыка, видите вы въ немъ неяснаго? Наоборотъ, въ немъ все ясно до очевидности. Преступленіе совершено на виду у всѣхъ, преступленіе возмутительное. Преступникъ подлежитъ строгому наказанію. Что же тутъ еще нужно выяснять?

— Такъ кажется вамъ только, и потому такъ кажется, что именно не хотите вы по-христіански отнестись къ личности человѣка. Во всемъ этомъ дѣлѣ вамъ не нравится исключительно сословное и служебное положеніе мужа вашей дочери. Вашъ зять— не дворянинъ, не генералъ. Вотъ что вамъ обидно. А о душѣ его, да и душѣ дочери вашей врядъ ли вы въ этомъ дѣлѣ когда подумали? А потому, я увѣренъ, вы и до сихъ поръ не уяснили себѣ, какъ и почему случилось все это происшествіе. Суть его, причина— именно въ душѣ. И, по правдѣ сказать, вы же сами и создали то положеніе, которымъ теперь такъ возмущаетесь. Вы сами виноваты.

— Боже мой! Подумайте, владыка, что вы говорите! Я ли не желала счастія моей дочери? Нѣтъ, это слишкомъ уже жестоко— меня же обвинять во всей этой несчастной исторіи.

— И, тѣмъ не менѣе, виноваты вы именно, Марья Ивановна. Вѣдь дочь ваша, какъ видно изъ дѣла, сама первая выразила желаніе выйти замужъ за дьячка Ивана Александрова. И это не было простымъ, легкомысленнымъ, необдуманнымъ увлеченіемъ съ ея стороны. Къ рѣшенію своему Марья Сергѣевна пришла цѣлымъ годомъ знакомства со своимъ суженымъ, годомъ, несомнѣнно, нелегкимъ для нея, годомъ тяжелой душевной борьбы. И вы, мать дѣвушки, вы эту борьбу проглядѣли. И я вамъ скажу, почему именно вы ее проглядѣли. Воспитывая свою дочь въ страхѣ Божіемъ, развивая въ ней христіанскіе понятія и вкусы, вы тѣмъ самымъ пріучили ее и въ другихъ людяхъ цѣнить именно христіанскія качества. А потомъ, когда дошло дѣло до выбора мужа ей, вы захотѣли, чтобы она предъявляла требованія къ женихамъ совсѣмъ

съ другой стороны, со стороны родовитости, положенія, знатности, богатства и т. п. Дочь ваша не хотѣла и не могла измѣнить своихъ взглядовъ. Вотъ и вышло, что въ то время, какъ вы принимали у себя такъ называемую золотую молодежь и разныхъ сватовъ отъ нея, Марья Сергѣевна нашла человѣка по своей душѣ и отъ васъ это скрыла. Кто же, скажите, виноватъ въ этомъ? Да и лучше, что дочь ваша сберегла отъ васъ свою тайну. Своимъ вмѣшательствомъ въ нее при вашихъ сословныхъ предразсудкахъ ничего бы вы, кромѣ вреда, своей дочери не принесли.

Долго еще говорилъ владыка на эту тему, говорилъ затѣмъ о личности человѣка вообще по ученію христіанскому, о вредѣ сословныхъ предразсудковъ, о сущности и святости христіанскаго брака, о высотѣ пастырскаго служенія, къ которому готовился дьячекъ Иванъ Александровъ, и въ заключеніе всего о томъ тяжеломъ положеніи, въ какое поставила дочь Марья Ивановна своимъ гнѣвомъ, и отвѣтственности за это предъ нелицепріятнымъ Судіей.

По мѣрѣ рѣчи архипастырской,—рѣчи, исполненной апостольской мудрости и отеческой любви, мрачная окраска «ночного происшествія» постепенно стушевывалась, и оно принимало въ глазахъ Марьи Ивановны совсѣмъ иной, новый колоритъ. Сердце ея смягчалось. Это была уже не гнѣвная, раздраженная, суровая барыня, какою входила она въ покои архипастыря, а была женщина-христіанка и попрежнему любящая мать.

— Что же дѣлать мнѣ? Научите, владыка, и пусть будетъ по слову вашему.

— Простите и благословите вашихъ дѣтей.

— А мои родные, мои знакомые? Вѣдь тогда съ ними порвать придется.

— Полноте, Марья Ивановна. Счастіе дочери должно быть дороже для васъ того, что скажутъ ваши родные и знакомые. Да и чѣмъ бы вы собственно помогли дѣлу, если бы и удалось сдать вашего зятя въ солдаты? Дочь ваша была бы солдатка, и притомъ солдатка, озлобленная противъ родной матери, горемычная. Было ли бы это утѣшеніемъ для васъ и удовлетвореніемъ для вашихъ знатныхъ родныхъ и знакомыхъ? А примиритесь съ положеніемъ, и зять вашъ будетъ священникомъ, постояннымъ молитвенникомъ за васъ предъ престоломъ Господнимъ. Постепенно примирятся и родные ваши. Господь не оставитъ васъ своею милостію.

Въ это время въ домовой церкви архіерейскаго дома ударили къ вечернѣ. Владыка истово перекрестился. Марья Ивановна съ особымъ чувствомъ благоговѣнія, со слезами на глазахъ и со словами благодарности приняла архипастырское благословеніе и напутствіе, отстояла вечерню въ архіерейской церкви и тѣмъ же вечеромъ выѣзжала изъ Твери, торопясь внести миръ въ душу дочери.

V.

По прiѣздѣ въ Бѣжецкъ, на другой день къ вечеру, Марья Ивановна побывала прежде всего въ своемъ городскомъ домѣ, но пробыла тамъ очень недолго. Черезъ 5—10 минутъ она снова уже садилась въ свою дорожную карету. Дворовая дѣвушка впереди ея несла снятый со стѣны барской опочивальни старинный родовой образъ. Приказано было ѣхать къ дому канцеляриста Добрынина. Здѣсь, въ квартирѣ незадолго передъ тѣмъ выпущеннаго изъ заключенiя дьячка Ивана Александрова, произошла трогательная сцена примиренiя Марьи Ивановны съ дочерью и зятемъ, пролито немало было радостныхъ слезъ, немало высказано было съ той и съ другой стороны. Затѣмъ состоялось торжественное благословенiе молодыхъ образомъ и отслуженъ приглашеннымъ по желанiю Марьи Ивановны священникомъ Кононовымъ съ дьячкомъ Григорiемъ и понамаремъ Иваномъ Ивановымъ молебенъ. Подошли потомъ и, также по приглашенiю Марьи Ивановны, регистраторъ Синицынъ съ подканцеляристомъ Павловымъ. Въ «нарочитой квартирѣ» снова, такимъ образомъ, собралась та компанiя участниковъ ночного происшествiя, которая засѣдала въ ней за брачною трапезой въ памятную ночь на 5-е ноября. Но во главѣ ея у стола, съ наскоро приготовленной барынинымъ поваромъ закуской, заняла теперь уже почетное мѣсто сама именитая барыня. Марья Ивановна была весела, много шутила. Лица молодыхъ сiяли отъ счастiя. Стѣснявшаяся сначала въ присутствiи именитой помѣщицы, остальная компанiя, глядя на добродушiе Марьи Ивановны, почувствовала себя свободнѣе. И разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся, дѣлаясь общимъ и непринужденнымъ. Трехъ недѣль горя, тревогъ и сомнѣнiй какъ не бывало. Но особенно на радости разошелся дьячекъ Григорiй Степановъ. Съ присущимъ ему юморомъ онъ передавалъ свои воспоминанiя объ участiи въ ночномъ происшествiи, объ увозѣ невѣсты, о своемъ дежурствѣ при церкви во время совершенiя брака, которое не обошлось безъ инцидентовъ, о переполохѣ, какой произвело происшествiе въ городѣ, о своихъ замысловатыхъ продѣлкахъ, съ цѣлью проникнуть въ правленскую холодную, и т. д. И больше всѣхъ смѣялась отъ души его шуткамъ и остротамъ сама именитая барыня. Не коснулся только дьячекъ Григорiй въ своихъ воспоминанiяхъ, по причинѣ ему одному да барынѣ Марьѣ Ивановнѣ извѣстной, путешествiя своего въ ея усадьбу. Но не всякое лыко въ строку. Дьячекъ Григорiй Степановъ не былъ злопамятенъ. Попробовала было Марья Сергѣевна заговорить о личныхъ самоотверженныхъ и большихъ услугахъ его ей и ея мужу въ тяжелое для нихъ время, но дьячекъ Григорiй по скромности своей не далъ ходу этой попыткѣ и остановилъ ее въ самомъ началѣ, хотя и шуточками, но очень

энергично. Къ двѣнадцати часамъ гости расходились по домамъ спокойные, радостные, довольные. Каждый изъ нихъ прославлялъ въ душѣ своей мудрость своего благостнаго архипастыря, тверского владыки Меѳодія.

Черезъ недѣлю въ духовномъ правленіи полученъ былъ слѣдующій приказъ архіепископа: «Какъ по дѣлу о вступленіи въ бракъ Бѣжецкаго Воскресенскаго собора дьячка Ивана Александрова съ поручицкою дочерью, Марьею Сергѣевою Н., открылось, что дьячекъ Александровъ и вѣнчавшій его, дьячка, съ попомянутою дѣвицей Крестовоздвиженской церкви священникъ Яковъ Кононовъ удалены отъ прохожденія должностей ихъ, то оному правленію, по полученіи сего, нынѣ же допустить какъ дьячка Александрова, такъ и вѣнчавшаго его, дьячка, бракъ священника Кононова къ исправленію должностей ихъ, да и удалять отъ должностей ихъ совсѣмъ бы не слѣдовало, какъ развѣ по резолюціи нашей. А потому оному правленію впредь самому собою отнюдь того не дѣлать. Что же по сему учинено будетъ, отрепортовать намъ». Приказъ этотъ былъ исполненъ. Тѣмъ и закончилось дѣло духовнаго правленія о ночномъ происшествіи.

Въ началѣ 1811 года дьячекъ Иванъ Александровъ вызванъ былъ въ Тверь для посвященія во діакона къ Бѣжецкому собору. А черезъ мѣсяцъ послѣ того назначенъ былъ членомъ бѣжецкаго духовнаго правленія. Это былъ первый и единственный въ правленіи, да, кажется, и во всей Тверской епархіи случай назначенія членомъ правленія не кого либо изъ священниковъ, а діакона.

VI.

Прошло послѣ того пять-шесть лѣтъ. За это время Иванъ Александровъ переведенъ былъ на священническое мѣсто къ одной изъ церквей города Вышняго Волочка. Примѣрная жизнь, кроткій характеръ, живая отзывчивость на чужую радость и горе, щедрая благотворительность и горячее задушевное отношеніе къ обязанностямъ приходскаго священника скоро же создали молодому пастырю на новомъ мѣстѣ служенія его широкую извѣстность. Происхожденіе его жены изъ старинной дворянской семьи и выработанное воспитаніемъ и средой умѣнье Марьи Сергѣевны не ударить лицомъ въ грязь, въ какое бы высокое общество она ни попала,—все это въ связи съ личными достоинствами Ивана Александрова открыло ему свободный доступъ во всѣ мѣстныя аристократическія семьи,—въ тѣ семьи, куда при иныхъ условіяхъ только что начинающему священнику попасть мудрено было тогда. Благодаря этому, поле пастырской дѣятельности расширялось. Являлись и бо́льшая возможность, и бо́льшія средства и силы для разныхъ благихъ начинаній по долгу пастырства и для ихъ осуществле-

нія. Христіански воспитанная, обожавшая мужа, его взгляды, его святое служеніе церкви и обществу, счастливая въ своей семейной жизни, Марья Сергѣевна являлась неоцѣненной для него помощницей. При такихъ условіяхъ изъ молодого священника, подъ покровительствомъ и непосредственнымъ руководствомъ мудраго и благостнаго архіепископа тверского, выработался постепенно видный церковный и общественный дѣятель, память о которомъ долго послѣ смерти его жила въ краѣ.

Именитая бѣжецкая помѣщица, Марья Ивановна Н., часто наѣзжавшая въ Волочекъ къ дѣтямъ, чѣмъ больше узнавала зятя и присматривалась къ его жизни и дѣятельности, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ нему, души, какъ говорится, въ немъ не чаяла. Былыя мечты ея о счастіи дочери осуществились, хотя и не въ той совсѣмъ формѣ, въ какой ждала она. Теперь, когда сравнивала она дѣйствительность со своими старыми грезами счастье Марьи Сергѣевны куда казалось ей и полнѣе и чище., Страхи ея предъ разрывомъ со знатными родными и знакомыми миновали. Сначала дѣйствительно этотъ близкій Марьѣ Ивановнѣ аристократическій кружокъ пошумѣлъ, поволновался. Немало на первыхъ порахъ было съ этой стороны и уколовъ ея самолюбію. Но потомъ все улеглось и улеглось довольно скоро. Много помогло тому и слѣдующее обстоятельство. Въ Петербургѣ быстро подвигался по службѣ и въ то время бывалъ уже и при дворѣ родной братъ Ивана Александрова, ректоръ С.-Петербургскаго университета, знаменитый критикъ пушкинской эпохи, издатель «Современника», П. А. Плетневъ. Это обстоятельство окончательно примирило родныхъ и знакомыхъ Марьи Ивановны съ «неравнымъ» бракомъ ея дочери. Марья Ивановна всюду опять была принята попрежнему, если не лучше. Умерла она дряхлой старушкой. Самымъ любимымъ и свѣтлымъ ея воспоминаніемъ до самаго конца жизни оставалась ея бесѣда съ владыкою тверскимъ Меѳодіемъ въ знаменательный день 27-го ноября 1810 года. Слова владыки она считала пророческими. Благоговѣла предъ нимъ, видя въ немъ именно главнаго виновника и счастія дочери и своего покоя. Предъ смертію завѣщала дѣтямъ и внукамъ своимъ свято чтить его память.

Остается досказать еще объ одномъ участникѣ ночного происшествія, дьячкѣ Григоріи Степановѣ. Удаль его и горячая готовность прійти всегда, когда нужно, на помощь нашли себѣ широкое примѣненіе въ нашу отечественную войну. Чрезъ годъ послѣ ночного происшествія дьячекъ Григорій зачислился въ ряды ополченцевъ, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и во взятіи Парижа. Въ семьѣ его сына и посейчасъ хранятся двѣ медали, какъ памятникъ его доблести,—одна съ извѣстною надписью: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему», и другая «за взятіе Парижа». По

окончаніи войны Григорій Степановъ вернулся къ оставшейся за нимъ должности соборнаго дьячка. Возникъ вопросъ, можетъ ли онъ, какъ «сынъ крови», принять священный санъ. Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ времени и по особому личному ходатайству великой княгини Елены Павловны вопросъ этотъ рѣшенъ былъ положительно. «Сынъ крови» былъ потомъ нѣкоторое время діакономъ и затѣмъ долго священствовалъ въ одномъ селѣ, верстахъ въ двадцати отъ Бѣжецка. Умеръ онъ въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія. И замѣчательно, человѣкъ этотъ, вынесшій Бородино, преслѣдованіе французовъ, походъ подъ Парижъ, словомъ, видавшій виды на своемъ вѣку, ни о чемъ такъ не любилъ поговорить даже и на склонѣ уже дней своихъ, какъ именно о «необычайномъ ночномъ происшествіи».

Священникъ І. Постниковъ.

«ВЪ ДЕРЕВНѢ».

(Изъ недавняго прошлаго).

Посвящается М. А. Козыреву.

I.

МАТВѢЙ КОЗЛОВЪ приподнялся на локтѣ и сталъ чутко прислушиваться. Въ длинномъ сараѣ для сушки сырцеваго кирпича, гдѣ онъ лежалъ, было темно и тихо, какъ въ могилѣ; только сладко всхрапывалъ спавшій рядомъ его сынъ, Митька, да тявкала собака вдалекѣ.

«Митька спитъ,—косясь въ сторону сына, подумалъ Матвѣй,—а эти,—повернулъ онъ голову въ другую сторону,—кажись, и не дышатъ. Неужто-жъ не дрыхнутъ?»

Онъ досталъ изъ кармана коробокъ спичекъ, присѣлъ на корточки и, посидѣвъ въ нерѣшительности, осторожно окликнулъ: «Будаковъ!»—Никто не отозвался.—«Будаковъ, а Будаковъ! Спишь что ли?»—повторилъ онъ погромче. На этотъ разъ въ темнотѣ кто-то заворочался и простоналъ.—«Будаковъ!»—снова шопотомъ позвалъ Матвѣй, и снова никто ему не отвѣтилъ. Матвѣй досталъ спичку и чиркнулъ. Свѣтъ вспыхнувшей спички озарилъ лежавшаго съ запрокинутыми на голову руками и открытымъ ртомъ Митьку, двухъ человѣкъ, спавшихъ по другую сторону Матвѣя, спугнулъ съ гнѣзда подъ стропиломъ ласточку, заметавшуюся по сараю,—озарилъ, спугнулъ и погасъ.

Убѣдившись, что всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ послѣ трудового дня, и никто не помѣшаетъ задуманному имъ предпріятію, онъ наклонился къ храпѣвшему Митькѣ и, тормоша его за плечи, принялся будить.

— Митька, вставай!.. Пора!..

Митька, которому снился въ это время веселый хороводъ, пѣсни, новые смазные сапоги и часы съ цѣпочкой,—вскочилъ и, ослѣпленный мракомъ ночи, ничего не понимая, замычалъ неосторожно.

— Тише, пострѣлъ этакій!.. Чего рычишь?—сердито зыкнулъ на него Матвѣй.

— Что?! никакъ вставать пора?—отозвался все еще не пришедшій въ себя Митька.

— Знамо, пора... Вставай, да не ворочайся, какъ вѣдмедь...

— Ну, и знатно заснулъ!..—позѣвывая и потягиваясь произнесъ Митька.—И чего ты, тятька, будишь? Еще и свѣту не видно. Чай, и пѣтухи ни разу не пѣли...

— Вотъ дурень! право, дурень!.. Очумѣлъ, какъ есть, съ просонья-то!—сердито прошепталъ Матвѣй.—Вставай скорѣй да собирай пожитки... Аль позабылъ, про что вчера было говорено?

Митька, затаивъ въ душѣ досаду и стараясь припомнить вчерашній разговоръ, сталъ натягивать на плечи сермяжную поддевку и принялся шарить въ изголовьѣ, сгребая въ кучу разный хламъ. Наконецъ онъ припомнилъ всё и, въ свою очередь, шопотомъ спросилъ у отца:

— Спятъ, тятька?

— Спятъ...—отозвался тотъ.

— И въ домѣ спятъ?

— Собака тявкаетъ, а свѣту не видать; надо полагать, что спятъ. Ты иди туда, а въ случаѣ чего, если окликнутъ, скажешь, что я прислалъ... Котомку, молъ, велѣлъ взять. Рубаху перемѣнить хочетъ... Сапоги мои тамъ подъ лавкой, какъ войдешь, а шапки съ ручникомъ на стѣнкѣ, у печки, висятъ. Покладешь въ котомку да живѣй къ палильной печи и жарь... Я тебя тамъ буду дожидать. Понялъ? Ну, съ Богомъ!

Забравъ свои пожитки, они крадучись вышли изъ сарая и разошлись: Матвѣй пошелъ направо къ палильной печи, а Митька зашагалъ прямо, къ чернѣвшему невдалекѣ, небольшому домику.

Добравшись до печи, Матвѣй бросилъ на землю котомку, присѣлъ на нее и задумался въ ожиданіи сына.

Ночь была тихая, тёплая. Звѣзды мерцали въ бездонной глубинѣ небесъ; воздухъ былъ напоёнъ пріятнымъ ароматомъ степныхъ травъ и цвѣтовъ; неугомонные кузнечики въ перебой свистали, какъ бы въ серебряные свисточки. Голоса ночи благоухающей и ликующей не разливались въ ширь, а подымались въ

высь, къ невѣдомымъ мірамъ, горѣвшимъ разноцвѣтными огнями, словно желая достигнуть ихъ и повѣдать, что кипитъ жизнь на землѣ, что весна ея не отцвѣла и не поблёкла.

Погруженный въ тяжелое раздумье Матвѣй былъ чуждъ обаянію южной ночи и не обращалъ вниманія ни на таинственные узоры звѣздъ ни на ликующій свистъ кузнечиковъ. То, о чемъ онъ думалъ, было для него значительнѣе невнятныхъ голосовъ майской ночи и больше звѣздъ, сіявшихъ въ недосягаемой выси небесной. Онъ зналъ, что звѣзды должны сіять, а кузнечики должны насвистывать свои монотонныя пѣсни, потому что это имъ такъ опредѣлено, но то, что онъ дѣлалъ, и что съ нимъ сдѣлали, было внѣ опредѣленія и потому томило его.

— Пачпортъ бы надо вызволить,—размышлялъ Матвѣй, усиленно царапая заскорузлыми пальцами зудѣвшій затылокъ.—Пачпортъ—самое главное... Безъ пачпорта—все равно, что безъ глазъ... Да какъ его вызволишь? Онъ, небось, всѣ пачпорта при себѣ носитъ, ни въ жизнь не разстанется: знаетъ, что все равно, какъ на привязи, человѣка держитъ.

Размышленія его были прерваны появленіемъ возвратившагося Митьки; онъ былъ взволнованъ и отъ быстрой ходьбы тяжело дышалъ.

— Ну, какъ?—тревожно освѣдомился Матвѣй.

— Забралъ... все, какъ есть, забралъ... Сгрёбъ, да въ торбу, да драла... Только учуялъ все-таки Парѳёнъ... Поднялся, окликнулъ: «кто тутъ?» А я молчкомъ выкатился за дверь, и поминай, какъ звали,—прерывающимся отъ волненія голосомъ прошепталъ Митька.

— Плохо дѣло! Надо удирать скорѣй... Ёнъ этого такъ не оставитъ,—гнаться будетъ... Айда, Митька, лупи балкой... У ставки сховаемся, переждемъ... Ёнъ этого такъ не оставитъ,—безпокойно озираясь, прошепталъ Матвѣй, навьючивая котомку на спину, и рысью, спотыкаясь на груды битаго недопаленнаго и перепаленнаго кирпича, пустился съ Митькой въ бѣгъ. Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, въ домикѣ засвѣтился огонь, затѣмъ растворилась дверь, и послышался сердитый окликъ.—«Кричитъ!»—боязливо шепнулъ Митька, молодыми прыжками опережая отца. Они спустились къ запруженному ручью и берегомъ его, шурша влажной травой и брызгая грязью, побѣжали дальше. Скрытые отлогими, но глубокими берегами извилистаго ручья, они были въ полной безопасности, и даже въ лунную ночь самый зоркій глазъ не могъ бы открыть ихъ пути, но, преувеличивая опасность, они мчались впередъ, напрягая всѣ свои силы, полные животнаго страха и отчаянія.

Въ двухъ верстахъ отъ кирпичнаго завода былъ большой ставокъ съ массивной, обсаженной густо разросшимися ветлами, греб-

лей; днемъ сюда пригоняли стадо на водопой, а ночью слетались утки, цапли и чибисы.

Добравшись до этого укромнаго мѣстечка и не безъ труда вскарабкавшись на крутую греблю, Матвѣй съ Митькой въ изнеможеніи опустились на влажную траву подъ вѣтвями развѣсистой ветлы. Сердца ихъ учащенно бились, и слухъ тревожно ловилъ малѣйшій шорохъ. Страхъ погони, боязнь быть настигнутыми, нелѣпая, безразсудная боязнь, пронизывали ихъ лихорадочной дрожью. А ночь была тиха и безмятежна. Неподвиженъ былъ теплый воздухъ, молчаливы печальныя ветлы. Темнымъ зеркаломъ, усыпаннымъ золотыми блестками, сверкалъ ставокъ, казавшійся клочкомъ неба, упавшимъ на землю. И лишь одни степные кузнечики задорно посвистывали въ серебряные свисточки, да лѣниво шлепали по грязи, въ устьѣ ставки, жалобно просившіе «пи-и-ть» глупые чибисы.

— Ну, теперь, кажись бы, и все ладно, ежели бъ только не пачпорта... Вынесъ Господь-батюшка цѣлыхъ и невредимыхъ...—немного успокоившись, проговорилъ Матвѣй.—Передохнемъ здѣсь, Митюха, да и айда дальше. Видно, ужъ въ этихъ краяхъ толку не будетъ, станемъ лучше къ домамъ ближе подаваться...

— А ежели бъ заявить, батюшка?!—спросилъ Митька.

— Что заявить?

— Да насчетъ пачпортовъ, потому—какая это есть справедливость пачпорта задерживать?

— Заявишь тутъ! какъ разъ! Заявить не штука, а тамъ и возись по-пустому мѣсяцъ, а то и два... да тамъ, гляди, и толку никакого не будетъ... Намъ, братъ Митька, про заявку и думать нечего... не выходитъ дѣло...

— Да вѣдь дѣло наше, если его понять въ точности,—чистое, безъ всякой фальши. Это каждый судъ разсудить долженъ,—не унимался Митька.

— А что Никитка Кривозубъ взялъ? Судился, судился, а какой толкъ вышелъ? Тоже такимъ-то манеромъ пачпортъ требовалъ, а на мѣсто того попалъ на высидки... Въ судѣ, Митька, на все есть законъ: ты думаешь свое сыскать, а какъ раскинутъ по статьямъ, глядь, самъ и обвиноватился. Вонъ оно какъ.

— Значитъ, и денежки наши ухнули? Значитъ, и кровнымъ нашимъ аминь?—простодушно освѣдомился Митька.

Матвѣй только тяжело вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Куда мы теперь безъ пачпортовъ и безъ денегъ двинемся?—продолжалъ сокрушаться Митька, искоса поглядывая на отца.—Самое, что ни на есть, пропащее дѣло. Работали дурно, почитай, цѣлый годъ, а дошло до того, что и пачпортовъ рѣшились.

— Про деньги и вспоминать не для чего... Денежки наши пропадомъ пропали... Подавай въ какой хочешь судъ — ничто не

поможетъ. Значитъ, ужъ наша линія такая вышла... Сами виноваты. Нужно было еще лѣтось удирать... Все-таки хоть что нибудь въ другомъ мѣстѣ сколотили бы. А пачпорта не пропадутъ!.. Пачпорта, братъ, съ царскимъ орломъ, съ казенными печатями, ихъ не замотаешь... Представятъ по начальству...

Матвѣй говорилъ это только для того, чтобы не молчать. Въ сущности онъ не менѣе Митьки сокрушался объ утратѣ паспортовъ и жалѣлъ ихъ болѣе замотанныхъ хозяиномъ денегъ. Въ его головѣ назойливо зудилъ вопросъ: какъ быть теперь безъ паспортовъ на чужой сторонѣ, и что дѣлать безъ гроша? И не могъ онъ разрѣшить этого вопроса.

А Митька твердилъ свое:

— Заявить, первымъ дѣломъ, слѣдуетъ... Потому по этапу представить могутъ... На чужой сторонѣ это какъ разъ стрясется... Насчетъ пачпортовъ тутъ строгость большая.

— А ежели—въ холодную?

— Какъ такъ—въ холодную? За какую это провинность?

— Онъ найдетъ... Онъ представитъ... Съ нимъ не забалуешься... Ему это все равно, что плюнуть... безнадежно проронилъ Матвѣй.

— Въ холодную — не могитъ... Мы пачпорта по совѣсти требуемъ... Чтобы за пачпортъ, за свой собственный, да въ холодную, такого и закона не должно быть...—храбрился Митька.—А Никита? Тоже за пачпортъ... Заявлялъ...

Землякъ его Никита, отсидѣвшій десять сутокъ подъ арестомъ по приговору волостного суда за самовольный уходъ съ работы, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ, не шелъ изъ головы.

— Никита намъ не примѣръ... Никитѣ не надо было удовольствія суду заявлять, а слѣдовало подать пиляцію. На это пиляція образована. Подалъ бы Никита пиляцію,—другой бы оборотъ вышелъ... Такъ и писарь Нехаевскій сказывалъ... Не пожалѣй только Никита трешницы на пиляцію, не ему, а толстопузому сидѣть бы въ холодной.

— Нехаевскій-писарекъ такъ сказывалъ, а кривой аблакатъ иное балакалъ. Кривой говорилъ, что Никитку могли и розгами всполоснуть... Потому—свидѣтелей нѣтъ, и выходитъ, что одинъ Никитка во всемъ виноватъ... Ну, да зря языкомъ болтать нечего,—послѣ нѣкотораго молчанія произнесъ Матвѣй, подымаясь съ земли.

— Пойдемъ-ка дальше.

Митька взялъ котомку и покорно зашагалъ за отцомъ.

II.

У волостного старшины, Николая Петровича Потурнаева, шелъ пиръ горой. Въ небольшой, но чистой и прилично обставленной комнатѣ, у стола, уставленнаго водкой, пивомъ и закусками, воз-

сѣдала вся сельская интеллигенція. Былъ тутъ и волостной писарь, и урядникъ, и фельдшеръ съ женой, присутствовалъ даже отецъ дьяконъ. Компанія только-что собралась, и бесѣда шла какъ-то вяло и неохотно. Урядникъ, плотный, квадратный человѣкъ, съ окладистой бородой и выпученными глазами, желая развязать языкъ, дернулъ уже раза три не въ очередь, но ничего изъ этого не вышло, и онъ никакъ не могъ попасть въ тактъ бесѣды. Старшина, грузный, но юркій мужчина, желая расшевелить гостей, усердно бѣгалъ вокругъ стола, наполняя рюмки и нѣжно упрашивая:

— Пожалуйста! Сдѣлайте милость!.. Откушайте!..

И гости дѣлали ему «милость», опрокидывали рюмки въ ротъ, крякали, потирали усы и заѣдали горечь водки домашними соленьями и печеньями. Всѣ они собрались сюда съ единственною цѣлью—какъ нибудь убить свободное отъ службы время, и всѣмъ было не ловко и досадно, потому что это свободное время убивалось такъ плохо и медленно. Но всѣ знали, что всегда въ такихъ случаяхъ имъ бываетъ сначала не ловко и досадно, а затѣмъ, по мѣрѣ опустошенія бутылокъ, наполняются теплыми чувствами ихъ сердца, развязываются уста, шумнымъ потокомъ льются пріятельскія рѣчи, и одуряющимъ весельемъ безшабашнаго разгула окутывается ихъ жизнь, скучная и безтолковая. И, зная это, они терпѣливо и усердно позвякивали рюмками, становясь все милостивѣе и милостивѣе къ упрашиваніямъ хозяина. Появленіе новаго гостя окончательно встряхнуло и расшевелило компанію.

Это былъ мѣстный торговецъ, пожилой уже человѣкъ, съ румянымъ, какъ зацѣлованное лѣтнимъ солнцемъ яблочко, лицомъ масляными, заискивающими глазками и красивой сѣдиной въ аккуратно подстриженныхъ волосахъ. Звали его Денисомъ Денисовичемъ

Онъ вошелъ въ комнату, ласково улыбаясь, потирая руки отъ удовольствія, и, какъ бы извиняясь за свое существованіе, лепеталъ просительно:

— А я это, знаете, на огонекъ... на огонекъ!.. Вижу, огонекъ свѣтится—дай, думаю, загляну, авось, и старичку мѣсто найдется... Ужъ извиняйте; знаю, что не званый гость хуже татарина.

— Денисъ Денисычъ, да что это вы?! да мы... да я... съ великимъ нашимъ удовольствіемъ, милости просимъ, пожалуйста!.. Сдѣлайте честь!—засуетился хозяинъ, одной рукой подставляя стулъ новому гостью, а другой захватывая графинъ и принимаясь доливать и безъ того уже полныя рюмки.

— Къ нашему шалашу, хоть не покрытъ, да тепелъ,—пробасилъ урядникъ, чокаясь съ Денисомъ Денисовичемъ.

— За ваше здравіе!

Старшина держалъ рюмку въ лѣвой рукѣ, графинъ—въ правой, а глазами ѣлъ гостя, и когда тотъ, махнувъ головой, осушилъ свою рюмку и хотѣлъ поставить ее, онъ локтемъ придержалъ его руку и замѣтилъ:

— Нѣть-съ, позвольте-съ! У насъ послѣ первой не дышать!

Вторую онъ тоже не далъ поставить, замѣтивъ, что послѣ второй не разговариваютъ, а затѣмъ заявилъ, что послѣ третьей не закусываютъ, четвертую не ставятъ и только пятую дозволилъ выпустить изъ рукъ и взяться за закуски. Самому ему закусывать было некогда, и онъ поспѣшилъ наполнить всѣмъ рюмки, пояснивъ, что это пополняется недоимка прежнихъ лѣтъ. Форсированная выпивка по пяти безъ передышки сдѣлала свое дѣло, и урядникъ обрѣлъ даръ слова.

— Четвертую не ставятъ, а шестую въ руки не берутъ,—громогласно заявилъ онъ и, заложивъ руки за спину, зацѣпилъ налитую до краевъ рюмку губами и взмахнулъ головой, но поперхнулся къ великому удовольствію фельдшера и чуть не раскусилъ рюмку.

Казусъ съ урядникомъ послужилъ толчкомъ для оживленной бесѣды.

Отецъ дьяконъ сталъ подробно и скучно разсказывать, какъ когда-то и гдѣ-то одинъ псаломщикъ, отчасти даже дальній его родственникъ, будучи въ изрядномъ подпитіи, хотѣлъ продѣлать точно такую же штуку, но поперхнувшись раскусилъ рюмку и осколкомъ стекла, проскочившимъ въ горло, разрѣзалъ желудочную артерію.

— И, представьте себѣ, человѣкъ былъ ужаснаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, но умеръ моментально...—закончилъ свой разсказъ о. дьяконъ.

— Глупъ былъ вашъ родственникъ...—буркнулъ фельдшеръ.

— Что вы изволили сказать?—какъ бы не разслышавъ, переспросилъ дьяконъ.

— Я говорю, глупъ былъ вашъ родственникъ, — повторилъ фельдшеръ.

— То-есть, какъ это такъ—глупъ?—обидѣлся дьяконъ.

— Во всѣхъ отношеніяхъ... Если хотите знать, то скажу, что, будучи на военной службѣ, знавалъ я одного солдатика и, слѣдуетъ замѣтить, изъ разряда штрафованныхъ, который не только водку токимъ манеромъ лопалъ, но и рюмками закусывалъ, дернетъ, подлецъ, да и хрясь, рюмку зубами хрясь... хрясь... словно огурцы крошитъ.

— Это противоестественно!.. усомнился дьяконъ.

— Ничего противоестественнаго, а просто натура такая... Даже господа офицеры удивлялись и немалое количество водки для опыта влили въ утробу мошеннику. А посуды что перевелъ—самъ того не стоитъ.

— И живъ остался?—освѣдомился дьяконъ.

— Этого не могу сказать, потому что въ госпиталь, въ фельдшерскіе ученики былъ взятъ, и его въ дисциплинарный баталіонъ перевели и тамъ, какъ слышалъ, задрали, какъ сидорову козу.

— Ну, вотъ видите?!—обрадовался отецъ дьяконъ.

— Что же тутъ видѣть? задрали человѣка, и баста... — невозмутимо проронилъ фельдшеръ и закурилъ папиросу.

— А все-таки!..—не унимался дьяконъ.

— Скажите, пожалуйста, къ чему вы этотъ разговоръ завели. Какое въ немъ нравоученіе хотѣли выразить? — вдругъ, какъ-то съ наскоку, ни съ того ни съ сего вызывающе, воззрился урядникъ на фельдшера.

— Какъ это такъ—къ чему?—опѣшилъ тотъ.

— Такъ... Къ чему вы этотъ глупый разсказъ намъ разсказали? Что вы насъ за набитыхъ дураковъ что ли считаете?

Фельдшеръ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами и, оглянувъ всѣхъ, презрительно усмѣхнулся, словно желая сказать этимъ, что онъ не считаетъ нужнымъ оскорбляться дикой выходкой подвыпившаго человѣка.

— Да вы не ухмыляйтесь, пожалуйста... Что вы рожи-то строите? Я вѣдь не обезьяна... будьте поделикатнѣй.

— Что вы ко мнѣ пристали?!—не выдержалъ фельдшеръ.—Прошу соблюдать приличія... Я васъ не трогаю и даже говорить съ вами не желаю.

— И не говорите... сдѣлайте одолженіе, не говорите. А дурачить меня я никому не позволю... Да-съ, этого не забывайте...

— Болванъ!..—прошепталъ фельдшеръ, свирѣпо косясь на напиравшаго урядника.

— Что-съ!? Что вы сказали?—не отставалъ тотъ, надвигаясь все ближе и ближе.

— Да брось ты... оставь... Что ты? опять скандалъ заводишь? Замолчи...—накинулась на фельдшера жена и, схвативъ мужа за руку, оттащила въ сторону.

— Да, нѣтъ, душечка, помилуй, какъ же это такъ? Вѣдь это ни на что не похоже... Вѣдь я не пьянъ...—слабо протестовалъ и оправдывался фельдшеръ.

— А я? по-твоему я пьянъ?—не унимался урядникъ.

— Пожалуйста, не тыкайте!..

— Я тыкну! я!..—пѣтушился урядникъ.

— Господа! Богъ съ вами! что вы это? не надо! Лучше всего безъ шкандала... Пошутили, и ладно... Зачѣмъ шкандалъ?—ласково принялся уговаривать хозяинъ, вставая между ссорившимися, какъ бы на барьерѣ.—Сейчасъ пропустимъ еще по чарочкѣ да и въ картишки. Чудесная вещь!—любезилъ онъ, то нѣжно потрепывая по плечу урядника, то умильно взглядывая на фельдшера.

— Я на все согласенъ... Я и въ карты могу, и выпью, и разговаривать буду. Сдѣлайте милость, не безпокойтесь — скандала отъ меня не увидите. А если находятся такіе люди...

— Да будетъ вамъ!.. Что тутъ! Всѣ мы свои люди: и вы, и Тимоѳей Савичъ... къ чему непріятности?

— Лучше всего въ карты... Для нашего брата служащаго это самое безобидное удовольствіе... поддержалъ писарь... Вотъ и отецъ дьяконъ не откажется раздѣлить компанію.

Николай Петровичъ сдѣлалъ женѣ знакъ, чтобы приготовила столъ для картежной игры, а самъ тѣмъ временемъ снова взялся за графинъ и принялся звенѣть рюмками.

— Петровичъ!—позвала его жена изъ другой комнаты.

— Сейчасъ... сейчасъ,—откликнулся тотъ...—дай еще по чарочкѣ опрокинуть,—и, осушивъ рюмку, бросился на зовъ.

— Побойся ты Бога, Петровичъ!—встрѣтила его сердитымъ шопотомъ жена.—Чего ты ихъ наливаешь? Гляди, что отъ четверти-то осталось? Всѣхъ не ублаготворишь. Неужто другую бутыль начинать? Занёсся! Ишь, богатырь!...

— Ну, ты у меня тише!—гнѣвно прошипѣлъ Потурнаевъ.— Меня не учи, самъ себя понимаю... Коли нужно будетъ, и другую бутыль начну, а не хватитъ—третью достану. Это не твоего ума дѣло.

— Мнѣ что? Мнѣ Богъ съ тобой, хоть опейся. Только добра жаль, вѣдь денегъ стоитъ...

— Для денегъ и дѣлается... Я бы самъ имъ въ харю всѣмъ наплевалъ, а сокращаюсь, потому люди нужные. Выпоишь бутылочку, анъ у тебя на четверть и набѣжало... Понимаешь ты тоже... Тутъ надо политику соблюдать.

Николай Петровичъ говорилъ это твердо и убѣжденно. Каменный домъ подъ желѣзомъ, вѣтрякъ и кирпичный заводъ служили лучшимъ доказательствомъ успѣшнаго выполненія намѣченной имъ политической программы.

Смиривъ жену, Николай Петровичъ съ самымъ непринужденнымъ видомъ возвратился къ гостямъ и, овладѣвъ графиномъ, принялся орудовать рюмками.

— Еще по одной... Передъ началомъ игры... на счастье... а тамъ что кому угодно...—лебезилъ онъ.

Дьяконъ, фельдшеръ, писарь и письмоводитель земскаго начальника рѣзались уже въ стуколку по маленькой, но съ большимъ азартомъ, и только урядникъ, опечаленный мирнымъ исходомъ затушенной ссоры, мрачно сидѣлъ въ углу у стола въ выпивкой и глоталъ рюмку за рюмкой.

— Алексѣй Гавриловичъ, чайку не угодно ли?—обратился къ нему старшина.

— И даже очень, если Марья Николаевна изъ своихъ рукъ угоститъ соблаговолитъ,—отозвался урядникъ, охорашиваясь и выразительно посматривая на дверь, за которой, по его мнѣнію, скрывалась хозяйская дочь.

— А вотъ мы сейчасъ распорядимся... Маша, дай-ка намъ съ Алексѣемъ Гавриловичемъ по стаканчику горячаго! — крикнулъ Потурнаевъ.

Черезъ минуту въ комнату вошла съ подносомъ, уставленнымъ стаканами, застыдившаяся молодая и миловидная дѣвушка.

Урядникъ сорвался съ мѣста и, подскочивъ къ ней, галантно раскланялся.

— Па-азвольте-сь! Зачѣмъ же вамъ свои ручки утруждать?.. Вы ужъ лучше присядьте съ нами, а я обнесу...—ухватился онъ за подносъ и, принявъ его изъ рукъ смущенной дѣвушки, позабывъ недавнюю вражду, двинулся съ чаемъ прямо къ фельдшеру.

Затѣмъ, съ тою же галантностью бывшаго военнаго писаря, придерживая одной рукой шашку, какъ-то на носкахъ, въ присочку, подлетѣлъ къ Машѣ и, рухнувъ на одно колѣно, подалъ ей пустой подносъ со словами:

— Вообразите, что здѣсь мое сердце въ натурѣ трепещетъ.

— Ну, ты ужъ скажешь!—снисходительно пробурчалъ Николай Петровичъ.—Ишь, дѣвку застыдилъ: зардѣлась, какъ огонь... Да куда ты?... куда? Чего сорвалась? Сиди!..

— Я что жъ, Николай Петровичъ... Я, поистинѣ, отъ души,— отозвался съ виноватой улыбкой урядникъ, умильно взглядывая на потупившую взоръ Машу.

Онъ давно уже мѣтилъ въ зятья старшинѣ. Но все какъ-то не рѣшался сдѣлать послѣдній шагъ. Теперь ему казалось, что благопріятная минута настала, и онъ продолжалъ:

— Я, Николай Петровичъ, безъ всякой задней мысли, на чистоту... Вотъ видите,—досталъ онъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ,—а какъ? Въ одинъ день. Тоже умѣніе надобно, сноровку... Обезпечить можемъ.

— Гдѣ жъ это зацѣпилъ?—съ поощрительной улыбкой спросилъ Потурнаевъ.

— А Миловидова знаете?

— Да вѣдь его завтра хоронить будутъ. Развѣ ты ужъ и съ мертвыхъ драть началъ?

— За вскрытіе... Отъ вскрытія уберегалъ. Смерть скоропостижная, подозрительная, такъ чтобъ не потрошили, значитъ... Люди съ предразсудками, за грѣхъ это почитаютъ, ну, и стараются... А мнѣ что? Богъ съ ними! Учителя тамъ философію разводятъ, разныя тонкости, ученость барышнямъ показываютъ, а я—человѣкъ простой, безъ всякой философіи, но за свое усердіе могу и въ надзиратели назначеніе получить...

Дальнѣйшія его изліянія были прерваны появленіемъ взволнованнаго Пареена. Тотъ вошелъ въ комнату и, не здороваясь ни съ кѣмъ, торопливо заговорилъ, обращаясь къ отцу:

— Батюшка, на заводѣ у насъ не ладно...

— Что такое? Что еще тамъ стряслось?—тревожно спросилъ Потурнаевъ.

— Лобогрѣевы... Матвѣй съ Митькой, удрали, и жилетъ мой со стѣны пропалъ... въ карманѣ сорокъ рублей было... Задатокъ съ Лычкова получилъ.

— Ну, вотъ и исторія! — хлопнулъ себя по бедрамъ Потурнаевъ.—Вотъ и исторія! Ахъ, народецъ! Ахъ, дьяволы! Что жъ это теперь дѣлать? Неужтожъ пропадать денежкамъ? Алексѣй Гаврилычъ... какъ хочешь, а вали въ погоню... выручай!.. Могорычъ хорошій будетъ...

— За мной дѣло не станетъ—живо обработаю. Разыщу и представлю. Будьте покойны!—отозвался урядникъ.—Собственно для Марьи Николаевны постараюсь. Вся остановка за лошадью. Ну-ка, Пареенъ Николаевичъ, вотъ возьми-ка свистокъ. Выйди на крыльцо да свистни десятскаго. Скажи, чтобъ сію минуту лошадь для меня велъ. А я, пока что, для храбрости хлопну дорожную,

Игроки, пользуясь удобнымъ случаемъ, бросили карты, загремѣли стульями и дружно двинулись къ выпивкѣ.

— Что такое? въ чемъ дѣло? — спрашивали они, разбирая рюмки.

Взволнованный Потурнаевъ плачущимъ голосомъ принялся разсказывать гостямъ исторію съ ограбившими его рабочими, сѣтуя на полную разнузданность и безнаказанность разорявшихъ его людей.

— Разбаловался народъ... Окончательно разбаловался,—замѣтилъ Денисъ Денисычъ.--Стыдъ и страхъ потерялъ... А почему? Большое послабленіе дѣлаютъ... Строгости настоящей нѣтъ. Гуманностью щеголяютъ. Въ газетахъ то и дѣло читаешь: собранія тамъ разныя и комитеты резолюціи принимаютъ, съ ходатайствами входятъ, чтобы порку отмѣнить. Не въ духѣ, молъ, времени и все такое. Имъ хорошо разводить философію въ кабинетахъ, потому что всѣ эти писатели суесловіемъ, легкимъ трудомъ свой хлѣбъ добываютъ и о нашемъ сельскомъ положеніи никакого понятія не имѣютъ. Посадить бы ихъ на наше мѣсто, небось, не то бы запѣли!...

— Пусть ихъ тамъ пишутъ, что угодно, а мы вотъ вспрыснемъ хорошенько, лишь бы поймать удалось...—заявилъ писарь.

— Будьте покойны, отъ меня не уйдутъ! Изъ земли вытяну...—похвасталъ урядникъ.

Его лошадь уже весело ржала на дворѣ, и, выпивъ чуть ли не пятую дорожную, онъ, пошатываясь, раскланялся съ гостями, крѣпко пожалъ руку хозяину и, блаженно улыбнувшись Марьѣ Николаевнѣ, вышелъ, провожаемый пожеланіями полнаго успѣха. Вслѣдъ за урядникомъ стали расходиться и остальные.

III.

Рано утромъ, на другой день сторожъ принесъ Николаю Петровичу записку изъ волостного правленія отъ урядника. Онъ извѣщалъ, что все обстоитъ, какъ нельзя лучше: онъ поймалъ воровъ, посадилъ ихъ въ кутузку и отобралъ похищенныя деньги, за полученіемъ которыхъ и просилъ Потурнаева пожаловать.

Выходя изъ дома и встрѣтивъ въ сѣняхъ жену, Потурнаевъ снисходительно подѣлился съ ней вѣстью о розыскѣ денегъ и назидательно замѣтилъ:

— Ну, что? Развѣ не по-моему вышло? То-то и есть! Съ людьми надо жить по-человѣчески... Въ убыткѣ не будешь...

Сказалъ и, довольный собой, расправляя на ходу пушистую рыжую бороду, степенно зашагалъ по улицѣ.

Было воскресенье. Въ церкви звонили къ ранней. До полученія извѣстія о поимкѣ воровъ Николай Петровичъ ждалъ этого звона, думая облегчить свою душу вознощеніемъ Богу жалобъ на обидчиковъ, но теперь слушалъ этотъ звонъ разсѣянно, поглощенный мыслью о примѣрной расправѣ съ виновными. Онъ хотя и зналъ, что причиной бѣгства Матвѣя и Митьки съ завода было неполученіе ими отъ него расчета, даже за прошлый годъ, хотя и догадывался, что кража совершена ими, по всему вѣроятію, безъ умысла, а случайно, по ошибкѣ, но старался увѣрить себя въ томъ, что онъ тутъ ни причемъ, и Матвѣй съ Митькой заслужили предстоящее имъ строгое наказаніе.

— И по дѣломъ... Подлецовъ учить надо, чтобы примѣръ другимъ былъ... острастка... дай имъ только поблажку, всѣ побѣгутъ, а ты хоть волкомъ вой... Вотъ вспрыснутъ ижицу-то, небось и другимъ закажутъ, какъ со службы самоправно бѣгать... разсуждалъ онъ, поднимаясь на крыльцо волостного правленія и съ сознаніемъ собственнаго достоинства отвѣчая на низкіе поклоны десятскимъ.

Урядникъ сидѣлъ въ засѣдательской и строчилъ «протоколъ». Передъ нимъ стояли смущенные «преступники», тревожно слѣдившіе за размашисто летавшимъ по бумагѣ перомъ, живописавшимъ ихъ преступленія. Они взглянули на вошедшаго Потурнаева и, встрѣтившись съ его строгимъ, безпощаднымъ взоромъ, еще болѣе съежились и смутились, а онъ, признательно пожимая руку побѣдоносно улыбавшемуся уряднику, такъ же безпощадно строго взглянулъ на нихъ и произнесъ:

— Вы что же за мою хлѣбъ-соль такъ-то?... Воровать по ночамъ?

Митька не выдержалъ и, всхлипывая, зашепталъ:

— Дяденька! Напрасно! Вотъ-те Христосъ, напрасно! и въ мысляхъ не было!..

— Что тутъ говорить! Не надо намъ ничего. Дай ты намъ пачпорта. Да и Богъ съ тобой... не держи... Мы къ тебѣ никакой обиды не имѣемъ... торопливо заговорилъ Матвѣй.

Урядникъ положилъ перо и взглянулъ на Потурнаева, а Матвѣй продолжалъ:

— Намъ твоего не нужно... Возьми свое... получай... мы по-божески дѣлаемъ... чтобы никому, значитъ,—ни тебѣ, ни намъ... Дай ты намъ пачпорта, Христа ради!..

— Дать имъ по шеѣ, да и дѣлу конецъ...—посовѣтовалъ урядникъ...—Что вамъ съ ними возиться? Деньги цѣлы, вотъ... и онъ хлопнулъ ладонью по кучкѣ золотыхъ монетъ.

— Пиши, пиши! Самъ знаю, что дѣлать...—угрюмо отозвался старшина, грузно опускаясь на лавку.—Пусть ихъ судъ по закону, какъ законъ повелѣваетъ...

Перо опять заскрипѣло и запорхало по бумагѣ, выводя кудрявые гіероглифы, приковывавшіе взгляды подавленныхъ предчувствіемъ чего-то недобраго случайныхъ преступниковъ. Сдѣлавъ размашистый росчеркъ, урядникъ откинулся на спинку стула и потягиваясь, глотая долгій зѣвокъ, произнесъ:

— Ну, готово! Можете получить свои денежки.

Николай Петровичъ загребъ золотую кучку и, опуская деньги въ объемистый кошелекъ, замѣтилъ:

— Вотъ и ладно... Спасибо за трудъ, а протоколъ гони въ судъ... Сегодня же и порѣшатъ...

— А насчетъ пачпортовъ какъ будетъ? Ты ужъ намъ дай пачпорта, Николай Петровичъ, да и Богъ съ тобой...—снова взмолился Матвѣй, переминаясь съ ноги на ногу.

— Паспорта! Вамъ паспорта вотъ гдѣ надо писать,—шлепнулъ себя ниже поясницы старшина, — писать да въ каждой волости прописывать. Тогда вы будете знать!

— Какъ же это понимать, Николай Петровичъ? Вѣдь грѣхъ, обида большая... работали, работали, ни пачпортовъ, ни денегъ... вѣдь это ужъ какъ выходитъ? Силомъ развѣ можно?... ты разсуди, раздроби по частямъ...—растерянно и несвязно бормоталъ Матвѣй.

Но Николай Петровичъ только угрюмо взглянулъ на говорившаго и, нахлобучивъ картузъ, молча вышелъ вонъ.

Затѣмъ онъ вернулся и сказалъ уряднику:

— Ты, Алексѣй Гаврилычъ, здѣсь побудешь что ли? Я зайду послѣ обѣдни. Пусть наше дѣло первымъ разберутъ, а тамъ ко мнѣ, поправимся.

Въ одиннадцать часовъ открылось засѣданіе волостного суда. Первымъ слушалось дѣло о кражѣ Матвѣемъ и Дмитріемъ Лобогрѣевыми 43 рублей у Николая Потурнаева. Предсѣдатель, мѣстный лавочникъ, грузный и рыжій мужикъ, съ заплывшими смѣющимися глазами, зычно выкликнулъ фамилію обвинителя, обви-

няемаго и потерпѣвшаго. Урядникъ, сидѣвшій тутъ же, чуть не за самымъ судейскимъ столомъ, поднялся, молодцевато звякнулъ прицѣпленными ради форса шпорами и снова сѣлъ; привели изъ холодной смущенныхъ обвиняемыхъ; подошелъ къ судилищу и Потурнаевъ.

Волостной писарь, вяло и нехотя, сталъ читать пространный протоколъ. Матвѣй съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ чтеніе и при каждой остановкѣ чтеца глубоко вздыхалъ, какъ бы сознавая тяжесть висѣвшаго надъ его склоненной головой обвиненія, а Митька, не придавая значенія происшедшему, глазѣлъ по сторонамъ, съ любопытствомъ разсматривая развѣшанные по стѣнамъ портреты титулованныхъ особъ, двухглаваго орла на зерцалѣ и связки бумагъ, громоздившихся въ одномъ углу до потолка.

«А по сему и на основаніи... передается настоящее дѣло въ волостной судъ для наложенія на виновныхъ наказанія по 170 ст. Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями»...—закончилъ чтеніе писарь.

— Ну, что, признаете себя виновными?—обратился къ Матвѣю предсѣдатель.

Тотъ встрепенулся, сдѣлалъ шагъ впередъ и безсвязно заговорилъ:

— Это—точно... дѣйствительно вышелъ такой грѣхъ... Что тутъ подѣлаешь!.. Стряслось... Только къ примѣру скажемъ, и мы не довольны имъ, господа судьи... Пусть онъ намъ покажетъ правила... Намъ его денегъ не надобно, а онъ намъ кровныхъ нашихъ не отдаетъ, и потомъ—пачпорта. Вѣдь онъ насъ голодомъ морилъ, чтобъ, значитъ, отъ своихъ кровныхъ отступились. Какъ тутъ жить? По-божески слѣдуетъ, по совѣсти, чтобы, значитъ, всѣмъ безъ обиды. Вы судите, какъ тамъ по закону слѣдуетъ... Мы что... мы къ нему зла не имѣемъ. Богъ съ нимъ!.. Пусть намъ пачпорта выдастъ. Что судиться? До хорошаго суда не дойдешь... Судите по закону...

Писарь привыкъ уже къ такого рода объясненіямъ и въ переводѣ на судейскій языкъ записалъ въ протоколъ, что «обвиняемые въ проступкѣ признались».

Матвѣй намѣревался еще что-то сказать, вертѣвшееся у него на языкѣ, не облекаясь въ слова, но Потурнаевъ перебилъ его:

— Вы, господа судьи, подумайте: какъ тутъ жить съ этимъ самымъ народомъ? Какъ тутъ умъ и разсужденіе содержать? Вѣдь сладу никакого нѣтъ, возможности никакой нѣтъ... Со своими никакого сладу нѣтъ, а тутъ еще пришлые, чужаки, бунтовство заводятъ... Я ихъ всю зиму харчевалъ и пріучалъ къ работѣ. Соблюдалъ всячески. А они не токмо што работу бросили, но и ограбовали меня, ночнымъ разбоемъ ограбовали... Вы возьмите это во вниманіе, господа судьи... Прошу васъ по присягѣ, по-божески на-

казать, по всей строгости законовъ, значитъ, чтобы чувствовали свою вину и сокрушались,—горячился онъ, размахивая руками.

— Дѣйствительно слѣдуетъ примѣръ показать, чтобы и другимъ острастка была,— поддержалъ его урядникъ,—только хлопоты дѣлаютъ. Всю ночь за ними гонялся, насилу накрылъ...

Онъ не могъ удержаться, чтобы не выставить на видъ своей энергіи, расторопности, хотя наткнулся спьяна на спавшаго въ степи Матвѣя съ Митькой совершенно случайно.

— А вотъ мы посмотримъ,—замѣтилъ предсѣдатель и махнулъ обвиняемымъ, чтобы отошли отъ стола подальше на время совѣщанія.

— Ну, какъ?—обратился онъ къ судьямъ.—Двадцать ударовъ?

— Двадцать, такъ двадцать,—отозвался его сосѣдъ справа.

— Не много ли будетъ?—не смѣло замѣтилъ, косясь на старшину, одинъ изъ судей.

— Чего тутъ много? Въ самой плепорціи, безъ обиды...—перебилъ его предсѣдатель.—А ты, Кузьма Лукичъ, справься, какъ тамъ по закону-то подлежатъ, или нѣтъ.

Писарь, Кузьма Лукичъ, хотя и не сомнѣвался, что обвиняемые «подлежатъ» тѣлесному наказанію, но для проформы осѣдлалъ очками сизый носъ, раскрылъ книгу и началъ читать въ слухъ:

«Отъ наказаній тѣлесныхъ изъяты: дворяне потомственные, дворяне личные, священослужители, церковнопричетники, монашествующіе, султаны киргизовъ, почетные граждане и лица, извѣстныя подъ названіемъ «литератовъ и экземповъ» (напечатано было: литераторовъ и экземпляровъ»), но писарь по слабости зрѣнія произнесъ болѣе знакомыя ему слова.

— Ну, буде, буде! Довольно!..—остановилъ его предсѣдатель.— Какіе они иквимпляры!.. Пиши—двадцать...

Черезъ десять минутъ писарь прочиталъ рѣшеніе волостного суда, коимъ Матвѣй Ивановъ Лобогрѣевъ 49 лѣтъ и Дмитрій Матвѣевъ Лобогрѣевъ 19 лѣтъ приговаривались за кражу 43 рублей, совершенную ночью у Николая Потурнаева, къ наказанію розгами по 20 ударовъ каждый.

Обвиняемые выслушали приговоръ суда молча и, казалось, все еще не могли понять совершившагося.

— Какъ же это теперь, значитъ, вышло?—рѣшился наконецъ спросить Матвѣй.

— Драть васъ будутъ... По двадцать ударовъ... Понялъ?—пояснилъ предсѣдатель...—Изъявляешь свое удовольствіе?...

Но Матвѣй ничего не понялъ и никакого удовольствія не чувствовалъ. Онъ былъ ошеломленъ неожиданностью и только растерянно бормоталъ:

— А насчетъ пачпортовъ какъ же, господа судьи? Слѣдовало бы и насчетъ пачпортовъ прописать... Вѣдь намъ дальше

нужно... изъ деревни отписываютъ—деньги, значитъ, требовають... подати, оброкъ... За нимъ прошлогоднихъ пять красненькихъ, да теперь два мѣсяца безъ гроша жили... Какъ же это такъ?

— Ты намъ лишняго не болтай, а скажи толкомъ,—перебилъ его предсѣдатель:— изъявляешь свое удовольствіе, или нѣтъ? Намъ писать нужно. Ежели доволенъ, — рѣшеніе произведутъ въ дѣйствіе, а не доволенъ и уйдешь—съ полиціей сюда предоставятъ, потому что ты здѣсь долженъ свое получить, а не въ другомъ какомъ мѣстѣ...

— О, Господи, Господи! какія дѣла!—вздохнулъ Матвѣй и въ отвѣтъ на предложеніе предсѣдателя расписаться попросилъ сдѣлать это за него писаря.

— Благодарствую! Вы, Ефимъ Саввичъ, ко мнѣ сегодня вечеркомъ. Протянемъ по маленькой по-пріятельски,—наклонясь къ предсѣдателю, прошепталъ старшина и, сопровождаемый урядникомъ, вышелъ изъ зала засѣданія, отдавъ по пути приказанія сторожу запереть дозавтра обвиняемыхъ въ холодную, а утромъ приготовить розги.

Предсѣдатель вызывалъ другихъ обвиняемыхъ: разбиралось новое дѣло.

Послѣ обѣда разрумянившійся и довольный своею судьбой Николай Петровичъ зашелъ въ волостное правленіе, взялъ дѣло о кражѣ у него Лобогрѣевыми денегъ и отправился къ земскому начальнику за разрѣшеніемъ привести въ исполненіе приговоръ волостного суда. Земскій начальникъ былъ сильно разстроенъ уходомъ со службы работника, а потому, не слушая разглагольствованій Потурнаева о необходимости пристращать озорниковъ розгами и о безуспѣшности иныхъ мѣръ взысканія, размашисто и нервно начерталъ на представленіи—«разрѣшаю», и при этомъ только спросилъ:

— Когда исполненіе?

— Завтра, ваше благородіе... Можно бы и сегодня управиться, да праздникъ. Завтра утречкомъ... Хоть и виноваты... а всё-таки народъ рабочій: что ихъ задерживать? Отдѣлаемся—и съ Богомъ! Пусть идутъ; обидно только, что на школу кирпичъ готовилъ... Тысячу штукъ отъ своего достатка прожертвовалъ. Вотъ какъ спѣшилъ! А они... зарѣзали, ваше благородіе, какъ есть, зарѣзали... Вѣдь самое рабочее время...

— Ну, ладно, ладно... иди... да смотри у меня! Чтобы все было въ порядкѣ!—строго посмотрѣлъ ему вслѣдъ земскій...

IV.

На другой день у земскаго начальника собрались гости: пріѣхалъ съ женой двоюродный братъ, лѣсничій, мимоходомъ завернулъ надзиратель за казенными землями, на звонъ колокольцевъ, почуявъ винтъ, притащился ставшій своимъ человѣкомъ въ домѣ ветеринарный врачъ. Обѣдъ только что кончился, и всѣ вышли на террасу покурить и побесѣдовать передъ неизбѣжнымъ сраженіемъ на зеленомъ полѣ. За обѣдомъ всѣ успѣли обмѣняться родственными чувствами, и теперь бесѣда приняла болѣе общій характеръ. Земскій скучно и вяло сталъ жаловаться на многосложную, утомительную дѣятельность свою, лѣсничій и надзиратель принялись утѣшать надеждою на лучшую будущность, совѣтуя не принимать близко къ сердцу всю эту безтолочь деревенской жизни, а врачъ, подсмѣиваясь надъ всѣми, принялся острить, доказывая, что лучше всего имѣть дѣло съ безсловесными скотами.

— Нѣтъ, вы только обратите вниманіе,—съ напускной горячностью возглашалъ земскій:—что они дѣлаютъ? За кого они принимаютъ земскаго начальника? Вѣдь, не машины же мы въ самомъ дѣлѣ. Всё, все, всё на насъ валятъ. А теперь и надзоръ за правильнымъ поступленіемъ окладныхъ сборовъ...Да-съ... извольте-ка съ нашихъ мужичковъ собрать и представить полностью весь окладъ... Вѣдь нищій на нищемъ сидитъ и нищаго погоняетъ. Что съ нихъ возьмешь? Шкуру, да и та ничего не стоитъ. Вотъ и крутись. Исправникамъ... тѣмъ какъ-то это еще съ руки было, и къ тому же иныя права имѣли... Пріѣдетъ, бывало, смажетъ старшину по зубамъ въ первую упряжку, вэбрызнетъ десятка два голоштанныхъ, глядь, и выколотилъ... Умудрялись выколачивать и даже денежное поощреніе за исправное поступленіе получали... А теперь, вѣроятно, и этотъ вопросъ останется открытымъ... А все идеи... да-съ...

— Ну, я полагаю, что денежное поощреніе за исправный взносъ сборовъ и вамъ будетъ,—убѣжденно отрѣзалъ лѣсничій, выпуская цѣлое облако табачнаго дыма.

— Подлежитъ сомнѣнію,—скептически проронилъ земскій... да и трудно выколотить что нибудь. Плоха надежда на исправность.

— А вы, батенька, для исправности этакъ по-исправнически: чикъ-чикъ! — пошутилъ врачъ.

— Ну, объ этомъ и думать не приходится... Мнѣ это чиканье и безъ того во снѣ снится. Просто газетъ открыть нельзя: все про розги. Словно ихъ чортъ прорвалъ... И чего бѣснуются съ пѣной у рта? Какъ будто ихъ драть собираются...

— Повѣтріе!... То объ артеляхъ кричатъ, то всесословную волость проповѣдуютъ, то розгу казнятъ,—сквозь зѣвокъ процѣдилъ

лѣсничій... Откроютъ Америку, и пошло... надо же о чемъ нибудь визжать, вѣдь за это съ нашего брата подписныя загребаютъ.

— И главное,—что меня особенно раздражаетъ,—все это говорится людьми, чуждыми народу, не знающими сельской жизни и не понимающими, что народъ самъ себя порetъ... Хлопочутъ объ отмѣнѣ порки, а что тутъ отмѣнять? Порютъ вѣдь по приговору волостного суда, а въ судѣ кто сидитъ? Мужики... Не захотятъ другъ друга драть и не будутъ, а пока порютъ и находятъ пользу... нервно проговорилъ земскій.

— Представьте, что это такъ!—перебилъ его ветеринаръ.—Мнѣ, такъ сказать, изъ устъ самого потерпѣвшаго пришлось выслушать похвальное слово розгѣ. Прошлый годъ ѣздилъ я въ Москву, и, возвращаясь ночью отъ пріятеля, подъ впечатлѣніемъ порціонной бесѣды разговорился о розгахъ съ возницей. Парень дюжій, съ лица, какъ говорится, кровь съ молокомъ, въ плечахъ—косая сажень. Однимъ словомъ—старорусскій былинный богатырь. То да сё... разговорились...—«А тебя, братецъ, парывали?»—спрашиваю. «Былъ грѣхъ»,—отзывается.—«Ну, какъ?—освѣдомляюсь:—что же ты?»—«Да ничего, на пользу, ваша милость, пошло. Сначала, какъ отстегали, совѣстно было людямъ въ глаза смотрѣть, словно я другой человѣкъ, мѣченый, что ли, сталъ, а потомъ пообошлось, заросла это моя дура-то жиромъ, и образумился... Въ сознаніе произошелъ».—«А за что тебя взбрызнули?»—любопытствую.—«Извѣстно,—отвѣчаетъ,—за дѣло... У насъ—старики... По пустякамъ драть не будутъ... Надо вамъ сказать, что я съ малыхъ лѣтъ въ столицѣ извозомъ промышляю... Ну, и набаловался здѣсь, отъ рукъ отбился, домъ позабылъ... Въ хозяйство гроша мѣднаго отъ меня въ помочь не шло. Думалъ меня отецъ женитьбой образумить: женилъ,—еще хуже. Водка, табакъ, въ карты задурилъ. Господа тамъ, которые, въ винты разные, въ припиранцы, въ банковку дуются, а мы—въ три листика, въ подкаретную, по-мужицки, значитъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ на мои безобразія батюшка, вытребовалъ въ деревню да и говоритъ: что же ты, мухинъ сынъ, дѣлаешь? а? Предъявилъ старикамъ: такъ и такъ, молъ, вотъ онъ, франтъ, налицо, какъ есть въ натурѣ... Ну, присудили и взбрызнули. Да такъ взбрызнули, что послѣ этого всю дурь у меня изъ головы вышибло. Теперь рюмки и ко рту не подношу, а табакомъ только фабрики «чужого» забавляюсь»... Попросилъ у меня, мошенникъ, покурить, обернулся, да и говоритъ: «Небось, баринъ, если бы и вамъ штукъ двадцать влѣпить, и вы бы восчувствовали... И понимаете ли»?..

Въ это время на террасу нетвердыми шагами поднялся урядникъ и, вытянувшись во фрунтъ передъ земскимъ, отрапортовалъ:

— Смѣю доложить вашему высокоблагородію, что у насъ въ участкѣ неблагополучно: произошелъ несчаственный случай —

крестьянинъ Матвѣй Козловъ лишилъ себя жизни черезъ повѣшеніе въ кордегардіи.

— Ну, вотъ и исторія!... вотъ и исторія!—всплеснулъ руками земскій.—Какой Козловъ? Почему въ кордегардіи?

— Вчера его судили, ваше благородіе, и къ розгамъ приговоренъ, а сегодня производили въ исполненіе... двадцать ударовъ. Пошелъ отлеживаться въ холодокъ, въ кордегардію, а зашли туда—виситъ. Безъ всякихъ признаковъ жизни...

— Какъ же это вы такъ? Это все недосмотръ. Надо было отобрать отъ него все такое...— заволновался земскій.—Вотъ видите, что выходитъ черезъ ваше небреженіе... нужно пристава извѣстить... протоколъ.

— Сейчасъ буду писать, ваше благородіе.

— Ну, только ты тамъ не размазывай... У тебя привычка жевать и многословить... тоже литераторъ... намелешь чепухи, а потомъ и пятерымъ не расхлебать. Про розги можешь и не упоминать. Это не существенное... Понялъ? Вѣдь знаковъ насильственной смерти нѣтъ?

Урядникъ, словно обдумывая важный отвѣтъ, глубокомысленно склонилъ голову, а земскій нетерпѣливо продолжалъ:

-- Протоколъ пришли. Я просмотрю... можешь итти.

— Слушаю-съ!—отозвался урядникъ и, пристукнувъ каблуками, не отводя руки отъ козырька, сталъ спускаться по лѣстницѣ, рискуя потерять равновѣсіе.

— Вотъ видите?—съ тоской и отчаяніемъ, словно жалуясь на кого-то, проговорилъ земскій, обращаясь къ смущеннымъ собесѣдникамъ.

Ему никто ничего не отвѣтилъ. Дамы въ залѣ сѣли за рояль, ударили въ четыре руки, и душистыя сумерки вздрогнули отъ торжественныхъ звуковъ марша изъ «Аиды»...

Всю дорогу отъ земскаго до кордегардіи урядникъ обдумывалъ форму протокола. Онъ далъ слово превзойти самого себя и заслужить вниманіе начальства и, пользуясь счастливымъ случаемъ, проскочить въ полицейскіе надзиратели. Подойдя къ кордегардіи, онъ, занятый завѣтными думами, разсѣянно спросилъ сторожа Семеныча:

— Ну, что, виситъ?...

— А, знамо, виситъ... отозвался тотъ.

— То-то!—строго замѣтилъ урядникъ, входя въ кордегардію и зажигая спичку.—У меня—не снимать! нельзя... пускай виситъ... Я вотъ осмотрю, въ какомъ положеніи, и пускай виситъ... тамъ, пріѣдутъ—разберутъ.

— Кто его будетъ снимать!—проворчалъ Семенычъ и, сосредоточенно связывая изъ обшмыганныхъ пучковъ розогъ метлу, процѣдилъ сквозь зубы съ досадой:—ну, и пакостники! Всю растительность вблизи перевели! Эвона куда теперь приходится за лозанами ходить: почитай, три версты будетъ.

А Митька, сидя на корточкахъ сзади холодной, истерически всхлипывалъ и вылъ надрывающимъ сердце голосомъ. Издали, отъ земскаго неслись величественные, потрясающіе душу звуки Бетховенскаго похороннаго марша, и луна изъ-за темной тучи печально взглядывала на засыпавшую деревню.

Василій Чужой.

ВИНОВНИКЪ «ШЕНЬЕВСКОЙ» ИСТОРІИ.

(По бумагамъ и письмамъ А. Ф. Леопольдова).

Въ СВОЕ время надѣлавшая большой переполохъ въ административныхъ сферахъ исторія, возникшая изъ-за элегіи А. С. Пушкина «Андрей Шенье», несмотря на рядъ опубликованныхъ о ней статей и документовъ, до сихъ поръ еще достаточно не изслѣдована. Нѣкоторые участники ея остаются въ тѣни, о другихъ въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ встрѣчаются свѣдѣнія, и неполныя и невѣрныя.

Главнымъ виновникомъ этой исторіи, изъ-за котораго загорѣлся весь сыръ-боръ, считается кандидатъ Московскаго университета, Андрей Филипповичъ Леопольдовъ. Но замѣчательная судьба его почему-то игнорировалась прежними изслѣдователями при описаніи этого событія. Должно быть, потому, что не было подъ руками болѣе подробныхъ о немъ данныхъ.

Въ Саратовской ученой архивной комиссіи сохранилась его автобіографія, озаглавленная имъ «Несудьба и судьба»; біографія, написанная его двоюроднымъ братомъ, А. Я. Леопольдовымъ, и, повидимому, нигдѣ не напечатанная, и переписка его съ извѣстнымъ противникомъ мистицизма начала XIX столѣтія и авторомъ въ свое время надѣлавшей въ Петербургѣ много шума «Бесѣды надъ гробомъ младенца», Евстаѳіемъ Ивановичемъ Станевичемъ (позднѣе директоромъ Курской гимназіи).

Въ нихъ немало подробностей о дѣлѣ съ элегіей «Шенье». Къ тому же виновникъ дѣла представляется личностью незаурядною;

имя Леопольдова небезызвѣстно въ литературѣ, въ Поволжьѣ же пользуется популярностью, ибо для изслѣдованія послѣдняго въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ онъ немало потрудился. Намѣреваясь, по добытымъ даннымъ, разсказать объ этой исторіи, мы считаемъ нелишнимъ сообщить и мало кому извѣстныя біографическія свѣдѣнія о главномъ виновникѣ ея, жизнь коего, полная всевозможныхъ пертурбацій и невзгодъ, очень интересна и поучительна. Дѣло съ элегіей перевернуло вверхъ дномъ его карьеру и на всю жизнь оставило неизгладимый отпечатокъ.

I.

А. Ф. Леопольдовъ былъ происхожденія «невысокаго». Родился онъ, по его словамъ, «въ незавидной и завидной долѣ». Отецъ его, Филиппъ Петровичъ, прозывавшійся по-уличному Гречушкинымъ, состоялъ дьячкомъ при Ртищевской церкви Сердобскаго уѣзда, былъ человѣкъ добрый, кроткій, тихій. Мать была женщина съ характеромъ, строгая, умная. «Оба они простою, чистою нравственностью сильно дѣйствовали» на своихъ дѣтей: трехъ сыновей и четырехъ дочерей.

Семья жила въ постоянной нуждѣ, благодаря чему старшій сынъ (имя его не сохранилось въ бумагахъ) не получилъ образованія, хотя впослѣдствіи достигъ священническаго сана. По той же причинѣ былъ «отстраненъ отъ наукъ родителями» младшій сынъ, дьяконъ Яковъ, моложе А. Ф-ча на шесть лѣтъ, его любимецъ [1]). И только среднему посчастливилось окончить университетъ, что̀ въ то время было величайшей рѣдкостью для дѣтей сельскаго духовенства.

Когда въ 1800 году [2]) появился онъ на свѣтъ Божій, отцу его шелъ 23-й годъ, но въ семьѣ уже насчитывалась куча ребятъ. Андрея поэтому пришлось отдать въ люди.

«Богатая помѣщица того села,—разсказываетъ Леопольдовъ въ своей автобіографіи,—воспринимала меня отъ купели. Она любила мою мать, временами посѣщала нашъ домъ, временами приглашала мать мою къ себѣ въ гости и всегда ласкала меня, какъ крестнаго сына. Мать иногда жаловалась ей:

— «Вотъ пошли дѣти, съ ними куча заботъ и хлопотъ: надо воспитать и пристроить ихъ къ дѣлу и къ жизни.

---

[1]) Изъ письма Леопольдова Станевичу 31-го февраля 1831 г.

[2]) За неимѣніемъ метрикъ, тогда еще не существовавшихъ, и ревизскихъ сказокъ, которыя, при отдѣленіи Саратовской епархіи отъ Пензенской, не были высланы послѣдней въ Саратовъ, трудно съ точностью опредѣлить годъ рожденія А. Ф-ча. На томъ основаніи, что онъ считаетъ себя ровесникомъ XIX вѣка, можно признать годомъ его рожденія 1800-й.

— «И, кума, кума!—обыкновенно отвѣчала крестная,—все Богъ да добрые люди: все уладится и будетъ хорошо.

«Глядя на меня играющаго и любуясь мною, помѣщица разъ сказала матери: «Вотъ мы бездѣтны; возьмемъ у васъ моего крестника къ себѣ, воспитаемъ, обучимъ и выведемъ въ люди. А онъ, какъ сынъ, призритъ и утѣшитъ насъ въ старости. Не забудемъ мы и васъ: слава Богу, богаты.

— «Благодарю, кумушка, на добромъ словѣ,—отвѣчала мать.— Сбудется или нѣтъ рѣчь ваша, а все она пріятна.

«Проходили годы, настала мнѣ пора учиться. И вотъ въ это самое горячее время сдѣлался «переломъ» въ домѣ моей крестной. Помѣщикъ зачѣмъ-то поѣхалъ въ Саратовъ. Въ его отсутствіе жена внезапно умерла, какъ говорили, отъ отравы, подмѣшанной прислугой въ кушанье. Тоскуя «въ мучительномъ припадкѣ», она все просила позвать мою мать и громко взывала: «Не идетъ мой другъ!» Посланные съ намѣреніемъ не сказывали о томъ матери, и скончалась крестная, не успѣвъ завѣщать послѣднюю волю. Мужъ не засталъ ея въ живыхъ и горько оплакивалъ любимую жену, дружески раздѣлявшую съ нимъ радости и горести жизни. Слѣдствія не было, но злодѣи были потомъ дознаны и получили достойное возмездіе [1]).

«Смерть крестной измѣнила мою жизнь. Видно, несудьба была мнѣ наслѣдовать огромное богатство. Немного спустя, и мужъ ея скоропостижно умеръ отъ апоплексіи, «которая уложила его, какъ говоритъ безсмертный Грибоѣдовъ, въ тотъ тѣсный ящикъ, гдѣ ни встать, ни сѣсть».

«У него была дочь отъ первой жены, рожденная еще въ убогой долѣ, которой онъ не любилъ, и которую еще при его жизни, несмотря на ея безобразіе, дурное воспитаніе и поведеніе, увезъ тихонько одинъ «ярыга» и женился на ней, въ надеждѣ со временемъ воспользоваться имѣніемъ для своей разгульной жизни. Эта чета прижила дочку. По смерти отца, подьячіе, какъ говорятъ, «зубомъ втянули» дочь помѣщика въ запутанное чѣмъ-то наслѣдство. Съ дурнымъ мужемъ она разошлась. Дочка росла при ней, зрѣла и близилась къ порѣ невѣсты. Въ то время я учился въ Московскомъ университетѣ. На родинѣ моей опять «склеилась» мысль о судьбѣ моей. Меня придумали женить на богатой дочкѣ неуклюжей матери и во время вакацій вызвали изъ Москвы подъ предлогомъ давать ей уроки (на самомъ же дѣлѣ «посмотрѣть на

---

[1]) Въ письмѣ къ Станевичу, отъ 29-го ноября 1880 г., Леопольдовъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что одна изъ соучастницъ въ отравленіи его крестной, «женщина поведенія позорнаго», сдѣлалась потомъ одной изъ первыхъ жертвъ свирѣпствовавшей въ Саратовской губерніи въ 1880 — 1831 годахъ холеры. «Смерть ея была лютая и ужасная!»

меня»). Въ пору пылкой юности, разряженный въ пухъ и прахъ, какъ говорится, «сбрызгу», ибо столица мнѣ сильно благопріятствовала и какъ бы ставила «на пьедесталъ счастья»,—по зову родителей ѣду я на родину и нахожу невѣсту совершеннымъ уродомъ, неотесанною, глупою, какъ ея мать, причудливою и вдобавокъ злою, какъ змѣя.

— «Худо!—думаю про себя: — въ ней не найдешь нѣжной подруги жизни; тутъ черезъ золото потекутъ слезы; тогда не смилуется и богатство. — Словомъ, я донельзя разочаровался въ богатой невѣстѣ. Но надо было вынести эту своего рода пытку. За уроки мнѣ заплатили, какъ я и не ожидалъ. Я понималъ эту щедрость...

«До окончанія курса мнѣ оставался еще годъ. Я уѣхалъ въ Москву и замолкъ. Къ счастью, въ этотъ промежутокъ моего молчанія навернулся отставной 50-ти-лѣтній гусаръ и предвосхитилъ мою дульцинею. Я нисколько не жалѣлъ, что изъ этой затѣи вышла моя несудьба».

II.

Какъ большинство дѣтей духовенства того времени, А. Ф. началъ образованіе съ духовнаго училища [1]). По окончаніи курса въ послѣднемъ, когда юноша переходилъ въ Пензенскую семинарію, родные хотѣли взять его, чтобы помѣстить на «опроставшееся» мѣсто дьячка въ сосѣднемъ селѣ, и просили случайно проѣзжавшаго чрезъ Ртищево члена пензенской консисторіи, протоіерея Ѳедора Ивановича Ливанова, помочь имъ «исключить сына изъ ученья», предлагая послѣднему за то даже денегъ. Отецъ Ѳедоръ едва могъ убѣдить стариковъ не препятствовать «выйти сыну въ люди».

Въ то время семинарія Пензенская въ научномъ и воспитательномъ отношеніи считалась одной изъ лучшихъ въ провинціи. Ректоромъ ея былъ извѣстный лингвистъ, архимандритъ Ааронъ, человѣкъ рѣдкой доброты и привѣтливости. Вмѣстѣ съ учителемъ Василіемъ Сергѣевичемъ Воронцовымъ онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ въ заведеніи и имѣлъ громадное, благотворное вліяніе на воспитанниковъ, благодаря чему учащіеся жили дружно. «Несмотря на крайнюю бѣдность, на полное отчужденіе отъ общества, на суровые спартанскіе нравы съ спартанской же гороховой похлебкой и... березовой кашей,—разсказывается въ біографіи Лео-

[1]) Въ рукописной біографіи его, между прочимъ, указывается, будто фамилія «Леопольдовъ» дана ему ректоромъ при поступленіи его въ пензенское духовное училище, а до того онъ носилъ другую, не извѣстно только, какую. На самомъ дѣлѣ, если бы это было такъ, то братья А. Ф. носили бы ту «другую фамилію». Однако, они также писались «Леопольдовыми».

польдова,—пензенскіе бурсаки, какъ запорожскіе казаки, умѣли жить иногда весело, припѣваючи, съ романическими похожденіями и рыцарскими подвигами»...

А. Ф—чъ съ своимъ кроткимъ и тихимъ нравомъ сразу сталъ въ исключительное положеніе и заслужилъ всеобщія симпатіи какъ со стороны семинарскаго начальства, такъ и товарищей.

«Владѣя живыми, огненными способностями», учился онъ хорошо, но почему-то, не докончивъ курса, вышелъ изъ философскаго класса и чуть ли не пѣшкомъ отправился въ Петербургъ, чтобы поступить въ медицинскую академію. Послѣдняя, однако, не могла дать того, чего жаждалъ пылкій юноша, воспитанный въ строго-религіозномъ духѣ. «Физіологическіе чертежи, анатомическіе анализы, аппараты, препараты, препарированія» произвели на него «возмущающее, гнетущее дѣйствіе». Его манила своей заманчивостью исторія и влекла высокими идеалами христіанская философія. Поэтому онъ поспѣшилъ покинуть «храмъ врачебной науки» и перешелъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ, кажется, нашелъ успокоеніе своей мятущейся душѣ. Тамъ онъ вскорѣ близко сошелся съ извѣстнымъ впослѣдствіи В. Б. Бажановымъ и іеромонахомъ Ѳеодотіемъ, позднѣе епископомъ симбирскимъ, человѣкомъ добрѣйшей души, который за время своего архипастырства простотой, доступностью и благотворительностью сумѣлъ привлечь симпатіи не только духовенства, но и всего мѣстнаго общества, а особенно простого люда. Къ А. Ф. благоволилъ и борецъ православія, докторъ богословія, архимандритъ Иннокентій, бывшій при немъ профессоромъ академіи, не рѣдко удостаивая его своихъ разумныхъ бесѣдъ.

Къ несчастью, въ ту пору въ столицѣ сильно развилось массонство. Мистицизмъ охватилъ всѣ слои общества, начиная съ высшихъ сферъ до простыхъ чиновниковъ и студентовъ. Подъ покровительствомъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія и исповѣданій, князя А. Н. Голицына, мистики усиленно агитировали противъ православія и духовенства. «Борьба велась и словомъ, и перомъ, и служебными отношеніями». Какъ можно судить по письмамъ Станевича, пылкій Леопольдовъ не замедлилъ принять доступное для него участіе въ религіозномъ спорѣ, сдѣлавшись горячимъ сторонникомъ архимандрита Иннокентія, стоявшаго во главѣ партіи православныхъ.

Въ это время членъ «Бесѣды любителей русскаго слова», указанный Е. И. Станевичъ, написалъ въ защиту православія свою «Бесѣду надъ гробомъ младенца», которую одобрилъ къ печати цензоръ духовныхъ книгъ Иннокентій [1]). Изданная въ 1818 году,

---

[1]) Въ то же время онъ состоялъ членомъ правленія училищъ и ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

съ рѣзкими порицаніями по адресу князя Голицына и другихъ властей, покровительствовавшихъ мистицизму, книга эта вызвала цѣлую бурю въ столичномъ мірѣ [1]). Министръ не могъ снести нанесенной ему обиды. Какъ главный начальникъ цензуры, не допускавшей никакихъ нападокъ на мистицизмъ, онъ обрушился и на цензора, и на автора. По его настоянію, архимандрита Иннокентія назначили епископомъ оренбургскимъ въ отдаленную Уфу, только заступничество митрополита петербургскаго Михаила (Дженицкаго) избавило послѣдняго отъ почетной ссылки. Провинившемуся цензору, человѣку больному, дали болѣе благопріятную по климату епархію — Пензенскую и Саратовскую. Выпущенные экземпляры книги конфисковали, а самого автора выслали изъ Петербурга въ мѣстечко Желѣзнякъ [2]) нынѣшней Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда. Ссылкѣ подверглись и всѣ тѣ, кто такъ или иначе проявлялъ сочувствіе къ взглядамъ составителя «Бесѣды». Въ числѣ прочихъ не избѣжалъ той же участи и Леопольдовъ. За какія-то «рѣзкія замѣчанія на книгѣ массонскаго направленія» его выслали изъ академіи на родину.

А. Ф. направился въ Пензу въ надеждѣ, видимо, получить тамъ какую либо должность при содѣйствіи епископа Иннокентія, но, увы, не засталъ въ живыхъ своего покровителя. При обозрѣніи обширной епархіи, ревностный поборникъ православія простудился, схватилъ сильную лихорадку и 10-го октября 1819 года скончался на 36-мъ году многотрудной жизни.

Назначенный вмѣсто него на пензенскую каѳедру епископъ Амвросій [3]), человѣкъ строгій и суровый, крайне недоброжелательно принялъ Леопольдова. Послѣ испытанныхъ въ Петербургѣ неудачъ, 20-ти-лѣтній юноша хотѣлъ было итти по тому же пути, какой указывало ему его происхожденіе. Какъ разъ къ его пріѣзду въ Пензу, въ тамошнемъ каѳедральномъ соборѣ открылось мѣсто священника. А. Ф. просилъ владыку опредѣлить его туда. Но преосвященный отказалъ ему, будто бы по молодости лѣтъ, хотя тутъ была иная подкладка. «Возмущенный такой несправедливостью», Леопольдовъ принесъ въ синодъ жалобу. Завязалась длинная переписка. Ожидать въ Пензѣ результата своей просьбы юношѣ было не по средствамъ, такъ какъ къ тому же ему надо было помогать своимъ бѣднымъ родственникамъ. И онъ, чтобы «не оставаться празднымъ», по приглашенію помѣщиковъ Симоновыхъ, уѣхалъ въ Сердобскъ, гдѣ открылъ нѣчто въ родѣ пансіона для обученія

[1]) По письмамъ Станевича видно, что книга была составлена по указаніямъ самого цензора, о чемъ будетъ разсказано въ особой статьѣ.

[2]) Изъ письма Станевича Леопольдову 3-го ноября 1825 года.

[3]) Епископъ Амвросій Орнатскій оставался на пензенской каѳедрѣ до 1825 года, когда, по собственному желанію, былъ уволенъ на покой.

дворянскихъ дѣтей. Когда же синодъ предписалъ епископу Амвросію исполнить, по его просьбѣ, желаніе, А. Ф. самъ отказался отъ священства. Сердобскіе помѣщики уговорили его не ѣздить въ Пензу, представляя ему въ резонъ то, что преосвященный не проститъ ему жалобы и, недовольный рѣшеніемъ синода, будетъ его тѣснить, а такая служба—уже не служба.

Леопольдовъ поѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ въ судьбѣ его, между прочимъ, принялъ участіе губернаторъ, А. Д. Панчулидзевъ [1]), который, «причисливъ» его къ своей канцеляріи, сдѣлалъ домашнимъ учителемъ своихъ дѣтей.

Подготовивъ послѣднихъ къ поступленію въ университетъ, юноша, томимый жаждой просвѣщенія, сколотивши уроками нѣсколько деньжонокъ, и самъ рѣшился снова попытать счастья поступить въ какое либо высшее учебное заведеніе. Панчулидзевъ не только не удерживалъ его отъ этого шага, но, напротивъ, по словамъ Леопольдова, первый натолкнулъ его на эту мысль и «благословилъ учиться».

Слѣдомъ за своими учениками А. Ф. отправился въ Петербургъ. «Судьба» на этотъ разъ ему благопріятствовала. По пути онъ остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ. Сильно задумавшись, идетъ онъ разъ по коридору гостиницы. Навстрѣчу ему шелъ какой-то прилично одѣтый господинъ. Замѣтивъ грустно настроеннаго «красиваго молодого человѣка, невольно вызывавшаго къ себѣ симпатію» [2]), послѣдній заинтересовался имъ.

— Съ вами, молодой человѣкъ, должно быть, случилось большое несчастіе, что вы такъ разстроены? — остановилъ онъ его. — Скажите откровенно, въ чемъ ваше горе, и вамъ будетъ легче. Можетъ быть, еще возможно помочь вамъ.

Леопольдовъ сначала стѣснялся и не хотѣлъ говорить, но потомъ подъ ласковыми убѣжденіями привѣтливаго незнакомца [3]) разговорился и повѣдалъ ему о своемъ горѣ.

— Сколько ужъ разъ я стремлюсь попасть въ высшее учебное заведеніе, и все мнѣ не удается,—разсказалъ онъ о своихъ прежнихъ неудачахъ и тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Вотъ и теперь собралъ послѣдніе гроши; хотѣлось бы мнѣ поступить въ

---

[1]) Дѣйств. статскій совѣтникъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ былъ саратовскимъ губернаторомъ съ 1808 по 1826 годъ.

[2]) По словамъ современниковъ, Леопольдовъ въ молодости былъ очень красивъ: «его живость, смышленость, веселость и энергія располагали къ нему и вызывали симпатію каждаго» (изъ неизданной біографіи его).

[3]) Какъ указывается въ его біографіи, это былъ графъ Гурьевъ, впослѣдствіи министръ финансовъ. По статьѣ г. Слевскинскаго («Русская Старина», 1899, VIII, 318), Леопольдовъ былъ въ сношеніяхъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ подполковницы Гурьевой. Судя по письмамъ А. Ф., лѣтомъ 1825 года онъ жилъ въ подмосковномъ имѣніи Гурьевыхъ, с. Успенскомъ.

С.-Петербургскій университетъ, но, думаю, не хватитъ у меня денегъ на дорогу, а больше всего боюсь пропустить время для поступленія. Тогда самъ не знаю, что будетъ со мной...

Незнакомецъ, по фамиліи Гурьевъ, внимательно выслушалъ исповѣдь юноши и, узнавъ о его происхожденіи и бѣдности, съ участіемъ отнесся къ его стремленіямъ.

— Вамъ совсѣмъ не нужно ѣздить въ Петербургъ,—замѣтилъ онъ ему.—Оставайтесь въ Москвѣ и поступайте въ здѣшній университетъ. Въ этомъ я берусь вамъ помочь и буду просить ректора о пріемѣ васъ туда.

Леопольдовъ былъ внѣ себя отъ радости; сейчасъ же настрочилъ прошеніе и вмѣстѣ съ документами передалъ своему новому покровителю. Прошеніе приняли; онъ отлично сдалъ экзаменъ и поступилъ на филологическій факультетъ.

III.

Настала, наконецъ, для А. Ф. счастливая пора послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мытарства по разнымъ учебнымъ заведеніямъ. Одаренный блестящими способностями и наученный житейскимъ опытомъ и опытностью незауряднаго педагога, въ Москвѣ онъ быстро пошелъ въ гору. Университетское начальство очень благоволило къ нему, такъ что даже на другой годъ, какъ благомыслящаго человѣка и хорошаго воспитателя, назначило его надзирателемъ университетскаго благороднаго пансіона на Тверской улицѣ [1]). Благодаря частнымъ урокамъ, «онъ имѣлъ случай бывать не послѣднимъ гостемъ въ нѣкоторыхъ московскихъ аристократическихъ домахъ, которые сохранили лестное воспоминаніе о немъ до конца его жизни» [2]). Сочиненія его печатались въ эту пору въ разныхъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ былъ принятъ въ кругу московскихъ литераторовъ, какъ молодой писатель, подававшій большія надежды. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что впослѣдствіи Леопольдовъ выдвинулся бы сильнѣе на литературномъ или иномъ какомъ либо поприщѣ, но «судьба» судила иначе.

«Видно, Богу угодно было,—говорилъ онъ въ письмѣ къ Станевичу, отъ 21-го февраля 1830 года,—дать мнѣ почувствовать, наказать мою гордость, какъ я думаю; ибо, когда я былъ въ Москвѣ, когда все мнѣ благопріятствовало, все льстило, когда мои наставники въ университетѣ—старцы, въявь, при сверстникахъ, указывали мнѣ дорогу за собою,—тогда я сдѣлался заносчивъ, не сталъ уважать старцевъ, сталъ искать славы, словомъ, скло-

---

[1]) Какъ можно судить по письмамъ Станевича, эту обязанность несъ Леопольдовъ съ 1824 года до окончанія университетскаго курса въ 1826 году.

[2]) Изъ его рукописной біографіи.

нился къ міру, охладѣвъ къ Богу»... «Не могу постичь, какъ это со мною случилось. Когда я служилъ въ пансіонѣ и находилъ у дѣтей зловредныя сочиненія, тогда я отнималъ оныя у нихъ, рвалъ и жегъ, даже тайно отыскивалъ и истреблялъ, стараясь разувѣрить ихъ юные умы не обольщаться призраками и ужасными неправдами и дерзостями. Впослѣдствіи самъ поступилъ вопреки обязанностямъ христіанина, человѣка, учителя и надзирателя».

Въ то время «по Москвѣ ходили стихи, переведенные изъ французскаго писателя Андрея (тезки моего) Шенье, намекавшіе на булгу во Франціи и приноравливаемые будто бы къ нашему бывшему безпорядку 14-го декабря 1825 года. Они достались и мнѣ отъ одного гвардейскаго офицера изъ юношеской любознательности и любопытства. Я понималъ духъ ихъ и безъ всякаго умысла и цѣли сообщилъ товарищу, а у него, увидавъ ихъ, придумали: «щука съѣдена, остались зубы». Эти другіе люди возбудили вопросъ: «не остатокъ ли это духа недавно у насъ погашенной булги?» Донесено, и загорѣлось дѣло. Я самъ понималъ, что надобно же это темное обстоятельство развѣдать и разслѣдовать. Добрались до источника и до всѣхъ военныхъ и статскихъ, имѣвшихъ ихъ. Вотъ такимъ-то путемъ дошла очередь и до меня» [1]).

По окончаніи трехгодичнаго курса, въ августѣ 1826 г., Леопольдовъ уѣхалъ изъ Москвы на родину. Надо ли говорить, какой фуроръ произвелъ онъ тамъ среди родныхъ и знакомыхъ, удостоенный званіемъ «кандидата словесныхъ наукъ»? Молодого человѣка всюду принимали, какъ желаннаго гостя. Самъ кандидатъ не зналъ мѣры своему веселью, дѣлая визиты то однимъ, то другимъ роднымъ и знакомымъ; принималъ дѣятельное участіе въ мѣстныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ, охотился съ ружьемъ за плечами по окрестнымъ полямъ и лугамъ, не предвидя надвигавшейся бѣды, которая стояла не за горами, а за плечами.

---

[1]) Такъ разсказываетъ Леопольдовъ о Шеньевской исторіи въ своей автобіографіи, въ письмѣ же Станевичу, 29-го декабря 1829 г., онъ пишетъ: «Случайно попались мнѣ въ Москвѣ, во время коронаціи, дерзкіе насчетъ правительства стихи. Я показалъ ихъ одному знакомцу, сожалѣя о несчастномъ образѣ мыслей сочинителя (?). Но сей знакомецъ мой былъ шпіонъ, который для выслуги своей открылъ объ нихъ нач. Г. П. (что значатъ эти иниціалы, намъ не удалось открыть). Дѣло загорѣлось: разысканы всѣ, у кого оные стихи были, отъ кого и какъ перешли. Въ другое время эта бездѣлка не могла бы обратить на себя вниманіе правительства. Но недавняя 14-го декабря печальная исторія заставила правительство разыскать, не кроется ли и тутъ чего нибудь зловреднаго, не остатокъ ли то скопища людей, затѣявшихъ дѣло, противное Богу, гибельное для государства. Скрытность и подозрѣніе меня и прочихъ якобы въ связи съ заговорщиками придали еще болѣе важности сему дѣлу».

Въ одинъ несчастный сентябрьскій день въ Ртищево является нѣкто Алексѣевъ съ извѣстіемъ, что его брата, штабсъ-капитана лейбъ-гвардіи конноегерскаго полка, и другихъ его знакомыхъ арестовали и посадили въ крѣпость; вѣроятно, та же участь ожидаетъ и Леопольдова, и просилъ въ защиту брата написать письмо графу Бенкендорфу.

«Какъ громомъ среди безоблачнаго неба, поразило А. Ф—ча это неожиданное извѣстіе. Онъ пишетъ изъ Ртищева шефу жандармовъ письмо, въ которомъ съ полной откровенностью разсказываетъ о томъ, что можетъ найти въ его квартирѣ тайная полиція: какія вещи, книги, рукописи и т. д., и объясняетъ, что нѣкоторые безцензурные стихи держалъ у себя единственно изъ юношеской любознательности, такъ свойственной любителямъ словесности, а отнюдь не изъ видовъ антигосударственныхъ» [1]).

Вслѣдъ за Алексѣевымъ, кое-какъ собравшись съ деньжонками, онъ и самъ поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ же по пріѣздѣ представился графу Бенкендорфу. Послѣдній, уже располагая благопріятными о немъ свѣдѣніями изъ Москвы и университета, встрѣтилъ его съ видимымъ расположеніемъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ и принялъ самое живое участіе въ его столь богатой разными событіями жизни.

— Я бы не совѣтовалъ вамъ итти въ учителя или писатели, куда обыкновенно поступаютъ всѣ филологи,—между прочимъ сказалъ ему графъ,—а не лучше ли поступить вамъ на государственную службу по гражданскому вѣдомству?

— Ваше сіятельство, — смѣло заявилъ Леопольдовъ, — тутъ нужна протекція, а у меня ея нѣтъ.

Бенкендорфъ успокоилъ его и обѣщалъ, что, во имя его дарованій и познаній, онъ самъ готовъ ему протежировать, и, дѣйствительно, сдержалъ свое слово.

«Такимъ образомъ,—говоритъ А. Ф. въ автобіографіи,—моя ладья причалила къ Петербургу, гдѣ, увидѣвъ хорошій выданный заведеніемъ дипломъ, немедля удостоили меня на первый разъ лестнымъ вниманіемъ, говоря: «намъ такихъ-то и надо», хотѣли пріютить меня въ громкое и важное мѣсто, близъ замѣчательной

---

[1]) Изъ его рукописной біографіи. Что дѣйствительно въ сентябрѣ 1826 г. онъ писалъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу «партикулярное письмо изъ дома родителей», это подтверждается еще указомъ сената по его дѣлу («Русская Старина», 1874 г., X, 691—694). Между тѣмъ по статьѣ г. Слевскинскаго («Русская Старина», 1899 г., VIII, 314) выходитъ такъ: «въ августѣ калужскій помѣщикъ Коноплевъ, служившій по секретной части у генерала Скобелева», доставилъ ему стихи преступнаго характера, списанные имъ у Леопольдова. «Конечно, послѣдній былъ немедленно разысканъ и подвергнутъ допросу», на самомъ же дѣлѣ онъ спокойно жилъ дома.

арки, вблизи будущей знаменитой колонны, воздвигнутой въ память побѣдъ Миротворца Европы».

Его опредѣлили въ канцелярію государственнаго совѣта. «Когда я,—часто потомъ вспоминалъ онъ,—вошелъ туда, я почувствовалъ себя, какъ бы вознесеннымъ на небо, столь много являлось и было тамъ чиновниковъ со звѣздами, что у меня потемнѣло въ глазахъ. Но когда я осмотрѣлся нѣсколько на своемъ мѣстѣ и узналъ многихъ на дѣлѣ, то какой рой радужныхъ мечтаній и розовыхъ надеждъ зароился въ моемъ молодомъ и пылкомъ воображеніи относительно собственной блестящей карьеры».

«Ну,—мечтаю про себя,—выберусь на дорогу и не умру безъ вожделѣннаго превосходительства. Жду и работаю, какъ говорится, «съ плеча», ожидая, что вотъ-вотъ кончится искусъ, и опредѣлятъ... И вообразите: чрезъ нѣсколько недѣль службы мнѣ предлагаютъ выбрать, какую награду я желаю получить къ новому году—орденъ или деньги. Я, конечно, попросилъ денегъ, потому что хотѣлъ построить себѣ лучшій костюмъ... Но человѣкъ мечтаетъ, а Богъ располагаетъ... Провидѣніе наперекоръ мнѣ устроило не то. «Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ» [1]).

«Опять мнѣ, бѣдняку, новый искусъ, опять испытаніе, но другого рода—тяжелое, горькое и безвинное. Я хорошо понималъ его, несъ и, слава Богу, безропотно и безъ страха вынесъ, ибо въ душѣ былъ совершенно убѣжденъ въ своей невинности, увѣренъ былъ и въ томъ, что для блага общаго надо было терпѣть, хотя и не легко было. Я свыкся съ бѣдами: въ нихъ, думаю себѣ, не заржавѣетъ жизнь, она очищается въ этой ретортѣ, такъ сказать, перетопляется, изгарь отъ нея отстаетъ и улетучивается. И въ природѣ штромъ очищаетъ атмосферу.

«Въ то мѣсто, гдѣ я былъ на искусѣ, приходитъ адъютантъ и зоветъ меня къ одному высокопоставленному лицу [2]). Прихожу. Лицо говоритъ мнѣ:

— «Вамъ надобно ненадолго побывать въ Новгородѣ, гдѣ при квартирующемъ лейбъ-гвардіи конноегерскомъ полку учреждена комиссія, и дать ей объясненія [3]).

---

[1]) Награды ему не пришлось получить, ибо «наканунѣ Рождества Христова, какъ разсказываетъ г. Слезскинскій («Русская Старина», VIII, 320), Леопольдовъ внезапно былъ взятъ пріѣхавшимъ фельдъегеремъ».

[2]) Очевидно, къ Бенкендорфу.

[3]) Объ этомъ въ неизданной біографіи А. Ф—чъ разсказываетъ такъ: «Вскорѣ меня потребовали въ верховную слѣдственную комиссію, бывшую подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, къ допросу о моихъ арестованныхъ вещахъ и отношеніяхъ къ нѣкоторымъ подозрѣваемымъ въ государственныхъ преступленіяхъ лицамъ. Главными обвинительными пунктами противъ меня были неценэурные стихи Пушкина и моя надпись на одномъ изъ нихъ: «На 14-е декабря 1825 г.».

— «Я готовъ,—говорю.

— «И лошади готовы,—отвѣчаетъ Бенкендорфъ.—Вотъ этотъ офицеръ (т.-е. фельдъегерь) проводитъ васъ.

«Въ открытыхъ саняхъ, на удалой тройкѣ, подъ хлопьями падающаго снѣга, въ полсутки мы перепорхнули 180 верстъ и пріѣхали туда въ полночь, прямо къ губернатору.

«Его превосходительства не было дома: онъ былъ въ гостяхъ. Долго мы ждали его. Наконецъ, я рѣшился чрезъ прислугу попросить его домой и сказать: «фельдъегерь пріѣхалъ,—и не одинъ. Я же весь день ничего не ѣлъ, измокъ, и сонъ клонилъ». Онъ тотчасъ пріѣзжаетъ, принялъ пакетъ и фельдъегеря отпустилъ. Меня напоили чаемъ, накормили, и долго, долго мы разговаривали. Потомъ въ гостинной (онъ былъ безъ семейства) уложили подъ тайнымъ надзоромъ. По утру я былъ переданъ полицеймейстеру съ одной деревянной ногой, который свезъ меня на казенную квартиру [1]) къ одному купцу, впрочемъ, на свободѣ, не вовсе свободной: за мной присматривала полиція, навѣдываясь будто о моемъ здоровьѣ. Я понималъ все и не роптал на это.

«У меня по высочайшему повелѣнію взято все — до послѣдней нитки, до послѣдняго клочка бумаги. Искали и ничего зловреднаго не нашли, ибо ничего такого не было; напротивъ, что было, особенно ваши письма, все то послужило къ моей чести и обнаруженію невинности. При всемъ томъ я страдалъ болѣе всѣхъ: другимъ помогали могущественныя связи, знатное родство и... деньги, а у меня заступникомъ былъ одинъ Богъ. У меня все расхищено [2]).

«Итакъ, снова померкла звѣзда моего счастья, снова закатилось для меня солнце красное. Послѣднее—почти въ буквальномъ смыслѣ: пока производилось дѣло, меня держали болѣе года въ каменномъ мѣшкѣ, въ одиночномъ заключеніи. Тяжело, грустно, стыдно вспоминать объ этомъ времени! Можно сказать, «за мухой гонялись съ обухомъ». Но тогда было время такое, такъ нужно было поступить, чтобы предостеречь молодежь отъ увлеченій.

«На первыхъ порахъ заключенія, мнѣ не давали ничего ни читать, ни писать, и я, привыкши работать головою, испытывалъ страшныя муки духовнаго голода. Я начиналъ дичать, лишился волосъ, чуть совсѣмъ не лишился зрѣнія. Какъ я радъ былъ, что мнѣ наконецъ, по добротѣ смотрителя тюремнаго замка, дали

---

[1]) «Рядомъ съ домомъ Мареы Посадницы, гдѣ я много разъ бывалъ. Онъ архитектурой похожъ на Угличскій дворецъ, въ которомъ убитъ св. Димитрій царевичъ, каменный, двухъэтажный, вездѣ со сводами и скрѣпленный желѣзными связями. Простой народъ называлъ это древнее зданіе теремомъ».

Замѣтка Леопольдова.

[2]) Изъ письма Станевичу отъ 23-го декабря 1829 года.

библію, молитвенникъ и нѣсколько бумаги съ чернилами и перомъ для изложенія своихъ мыслей. Боже мой, съ какимъ страстнымъ порывомъ я спѣшилъ излить на бумагу свои накопившіяся думы и чувства. Разумѣется, все это отъ меня отбиралось, читалось, перечитывалось и зачитывалось безъ возврата. Но это меня не затрудняло и не останавливало, писать хотѣлось всѣми силами души, безъ отдыха и конца; душа много передумала, сердце страшно наболѣло. Разлука съ волею, съ воздухомъ, со свѣтомъ, съ подобными себѣ; жизнь безъ дѣла, безъ цѣли и пользы,—да это такая для развитого человѣка каторга, которая хуже во сто разъ каторги сибирской.

«Дѣло шло законнымъ порядкомъ, т.-е. комиссія производила слѣдствіе. Въ самый разгаръ его изъ Москвы прислали мой огромный чемоданъ съ книгами и разнымъ имуществомъ; въ немъ оказалось 10-ти-фунтовое чугунное ядро. Оно изумило комиссію! При видѣ его, я нисколько не смутился, былъ совершенно равнодушенъ. Спрашиваютъ, какъ оно попало ко мнѣ. Съ улыбкой отвѣчаю:

— «Въ теченіе университетскаго курса, въ вакацію, я съ однимъ семействомъ [1]) ѣздилъ изъ Москвы въ деревню Гжатскаго уѣзда; на пути остановились въ исторически извѣстномъ селѣ Бородинѣ, Можайскаго уѣзда, ходили по полю, и на мѣстѣ знаменитой битвы, подлѣ памятника, гдѣ убитъ князь Багратіонъ, на пашнѣ, я нашелъ это ядро, взялъ его себѣ на память и хранилъ въ чемоданѣ. Вотъ вся исторія ядра, у меня оказавшагося. Справились,—оказалась правда [2]).

«Когда мнѣ разрѣшили читать и писать, я перечиталъ множество книгъ, перевелъ почти всѣ творенія Тацита съ латинскаго языка [3]), приспособляясь ко взгляду его на Римъ и духъ его, изучилъ всѣ Новгородскія древности, хранящіяся въ Софійскомъ соборѣ, дворъ и башню Ярославову, церкви, монастыри, крѣпость, валы, окрестности и проч. [4]). «Нѣтъ худа безъ добра!» Нетепличная моя натура все выносила и вынесла. Въ столицѣ Рюрика я

---

[1]) Должно быть, или съ семействомъ Гурьевыхъ, или Вадковскихъ, въ домѣ коихъ въ Москвѣ Леопольдовъ былъ хорошо принятъ.

[2]) Въ статьѣ г. Слезскинскаго это обстоятельство разсказывается нѣсколько иначе. «Въ чемоданѣ найдены чугунное ядро въ 8 фунтовъ, 3 пули величиною съ каленый орѣхъ и два свинцовые слитка по 1 фунту. Леопольдовъ на допросѣ показалъ, что чугунное ядро купилъ въ 1825 г. у неизвѣстнаго поселянина для подвѣшиванія къ часамъ вмѣсто гири, а самыя гири разсѣкалъ и изъ кусковъ приготовлялъ пульки... Послѣднія будто нужны ему были для охоты на крупную дичь и звѣря» («Русская Старина», 1899, VIII, 319).

[3]) Всѣ эти переводы сохранились въ рукописномъ отдѣлѣ Саратовской ученой архивной комиссіи.

[4]) «Кремль Новгорода» описанъ имъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1830 г., ч. 169. № 3, стр. 228.

прожилъ годъ и 4 мѣсяца. Вотъ сколько времени продолжалось мое «нёнадолго», сказанное мнѣ въ столицѣ. Чего не испытаешь на бѣломъ свѣтѣ? И малыя причины производятъ крупныя послѣдствія. Москва сгорѣла отъ грошевой свѣчи. Такъ, «наказуя, наказалъ меня Господь, но не предалъ смерти». И за дѣло наказалъ: я сталъ было гордъ, заносчивъ, высокомѣренъ при попутномъ вѣтрѣ. Богъ смирилъ меня...

«По дѣлу послѣднее слово сказано и мнѣ объявлено. Я выслушалъ его. Важнаго ничего не оказалось, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ко мнѣ. Права не потеряны, но честь запятнана—на нее легла тѣнь [1]).

«Скучая на чужой сторонѣ, я усталъ, утомился жизнью, еще не живя, какъ бы мнѣ хотѣлось. Теперь куда мнѣ преклонить голову? И запали въ душу крѣпкія думы!

«Въ столицѣ, одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, къ которому я прежде писалъ [2]), говорило мнѣ еще до отъѣзда изъ нея: «гдѣ бы ты ни былъ, что бы съ тобой ни было, не забывай меня: мнѣ велѣно имѣть тебя въ виду до случая». Думаю: «это—казенныя фразы!» Два дня томили меня эти думы. Сколько я тогда перечувствовалъ и пережилъ, бродя какъ тѣнь, по новгородскимъ улицамъ, нечувствительно упираясь въ Славянскій конецъ; доходилъ даже до Рюрикова городища, и бушевалъ духомъ. Воротиться ли мнѣ въ столицу? Но... найду ли тамъ прежній привѣтъ и ласку магнатовъ? Стыдно и совѣстно. И рѣшилъ я мучившій меня вопросъ: «Нѣтъ, лучше поѣду я въ свои родныя степи, на широкую и привольную Волгу, въ Саратовъ. Тамъ жизнь простѣе, просторнѣе, спокойнѣе,—тамъ жизнь патріархальная; люди просты, откровенны». Успокоившись отъ бурныхъ въ душѣ волненій, я иду въ Знаменскій соборъ, отслужилъ молебенъ Божіей Матери, а въ Софійскомъ приложившись къ мощамъ, я отослалъ багажъ въ Москву, простился съ добрыми людьми, мнѣ сочувствовавшими, и съ какой-то наивною радостью пустился въ путь верхомъ на конѣ, очень смышленомъ, купленномъ мною у одного кавалерійскаго офицера.

---

[1]) Указомъ 12-го августа 1828 г. Леопольдову вмѣнено въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ, съ подтвержденіемъ, чтобы впредь въ поступкахъ своихъ былъ основательнѣе; съ симъ вмѣстѣ государственный совѣтъ положилъ: «поручить начальству, въ вѣдомствѣ котораго Леопольдовъ будетъ служить, чтобы оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе».

«Дѣло длилось около двухъ лѣтъ,—разсказываетъ А. Ф. въ письмѣ Становичу 28-го декабря 1829 г.,—по рѣшенію, иныхъ выключили изъ гвардіи, другихъ сослали въ Грузію; мнѣ возвращена свобода съ оставленіемъ права служить, гдѣ угодно, но зато мой аттестатъ замаранъ, какъ усмотрите изъ приложенной при семъ копіи онаго».

[2]) Должно быть, графъ Бенкендорфъ.

«Послѣ двухгодичной разлуки я неожиданно прибылъ въ домъ родителей, которые, считая меня неживымъ, встрѣтили съ невыразимой радостью. Я свободно вздохнулъ подъ кровомъ роднымъ»...

IV.

Въ домѣ своихъ родныхъ Леопольдовъ, конечно, не могъ пробыть долго. Какъ человѣку интеллигентному, привыкшему къ труду, ему тяжело было жить безъ опредѣленнаго дѣла, а съ другой стороны—онъ сознавалъ, что являлся лишнимъ ртомъ въ родной семьѣ.

«Живя полгода подъ кровомъ родительскимъ, я видѣлъ во всей силѣ бѣдность моихъ родныхъ; самая хижина ихъ клонится къ разрушенію. Прежде я имѣлъ счастье помогать имъ; но уже минуло три года, какъ я не могъ имъ удѣлить ни одной копейки, ибо самъ былъ близокъ къ крайности. Это меня чрезвычайно тревожило»,—писалъ онъ Станевичу въ первомъ послѣ невольнаго перерыва письмѣ.

Надо было что нибудь предпринять. Мужчинѣ въ 30 лѣтъ «пора думать и объ осѣдлой жизни. Образованіе сулило мнѣ что-то повыше настоящей доли». Но какъ и куда пристроиться, если кругомъ не было ни души знакомыхъ, которые могли бы помочь?

«Уже минулъ годъ, какъ кончилось дѣло,—жаловался онъ въ концѣ декабря 1829 года.—Я доселѣ отдыхалъ, занимаясь науками. Пятно сдѣлало мнѣ большую помѣху по службѣ; самый университетъ сколь ни сильно покровительствовалъ и благоволилъ мнѣ, сталъ смотрѣть на меня другими глазами... Я увѣренъ, что Богъ прогнѣвался на меня не до конца, зная, что Онъ кого любитъ, того и наказуетъ, и что время все передѣлаетъ». Былъ ему случай опредѣлиться на статскую службу, но онъ не хотѣлъ «насиловать душу притязаніями другимъ», считая это для себя «низкимъ», а безъ того въ службѣ той, по его мнѣнію, «жить было нельзя».

А. Ф. мечталъ составить карьеру «по ученой части», гдѣ служба казалась ему «благороднѣе всякой другой», потому что «въ ней все добывается честностью и трудомъ праведнымъ». Послѣдняя манила его еще тѣмъ, что лучше оплачивалась, въ сравненіи съ чиновниками губернскихъ учрежденій, гдѣ, напримѣръ, исправникъ получалъ 260 рублей жалованья, секретарь—150 рублей, стряпчій 200 рублей въ годъ. «Какъ тутъ не войти въ соблазнъ и не протянуть руку», особенно людямъ семейнымъ?!

23-го декабря 1829 года онъ обратился «къ первому своему благодѣтелю» съ просьбой дать ему какую нибудь должность «при гимназіи или гдѣ нибудь подъ вѣдомствомъ» Евстаѳія Ивановича, «хотя до времени партикулярно, дабы имѣть насущный кусокъ

хлѣба»... «Именемъ самого Бога умоляю васъ увѣдомить меня о семъ; по отвѣту вашему на сіе письмо я долженъ принять какія нибудь рѣшительныя мѣры къ устроенію своей участи».

Письмо изъ Саратова до Курска шло 20 дней и около того же—обратно. Цѣлыхъ полтора мѣсяца ждалъ Леопольдовъ отвѣта, истомился. Нужда въ семьѣ росла съ каждымъ днемъ все больше и больше. Не выдержалъ бѣдняга нравственныхъ терзаній и «по убѣжденію родныхъ» «принялъ должность учителя въ домѣ помѣщика К. въ селѣ Еланкѣ», въ 35 верстахъ отъ родного Ртищева, съ платой по 50 рублей въ мѣсяцъ. Такъ «любовь къ родителямъ пріостановила» его «близъ родины».

Станевичъ былъ очень обрадованъ, получивъ отъ своего друга извѣстіе, и сочувственно отнесся къ его просьбѣ. Какъ разъ въ гимназіи «очищалось мѣсто старшаго учителя историческихъ наукъ». Но не успѣлъ онъ 21-го января отправить отвѣтное письмо Леопольдову, какъ изъ Харькова отъ попечителя округа получилось предписаніе, что преподавателемъ исторіи въ Курскую гимназію назначается кандидатъ словесныхъ наукъ, Иванъ Ивановичъ Боровиковскій, впослѣдствіи извѣстный малороссійскій писатель и этнографъ [1]).

Такимъ образомъ «сыну дьячка» опять не посчастливилось въ его стремленіяхъ, точно его преслѣдовалъ какой-то злой рокъ.

Внѣ себя отъ горя былъ А. Ф., почувствовавъ сильнѣе, какъ никогда, всю тяжесть запятнаннаго имени. «Я не страшусь пятна,—писалъ онъ Станевичу (21-го февраля 1830 года),—я могу и долженъ служить отечеству, ибо люблю трудъ, люблю отечество... Я хочу служить и усердной службой изгладить оное пятно. Пусть за мной будетъ присмотръ, хотя во сто глазъ; этого я не боюсь, я долженъ быть хорошъ по поведенію не для другихъ, но для себя».

Онъ просилъ своего друга научить его, къ кому обратиться, кого просить, чтобы добиться должности, чтобы смыть это тягостное пятно. «Низшее начальство,—говорилъ онъ,—усомнится, увидя его на моемъ аттестатѣ. Полагаю, мнѣ надо начать съ министра. Власть его и обширнѣе и могущественнѣе. Если онъ разрѣшитъ,—дѣло кончено. Если же и онъ не рѣшится, то просить самого государя». «Ужели и царь не окажетъ мнѣ милость?»—вопіяло въ немъ скорбное сердце, измученное тяжелыми невзгодами.

---

[1]) Въ бумагахъ Леопольдова сохранилось письмо къ нему Боровиковскаго отъ 23-го декабря 1830 года изъ Курска, по которому можно судить, что онъ прибылъ въ тамошнюю гимназію въ концѣ августа. Назначеніе же его туда учителемъ состоялось въ январѣ этого года. Изъ этого явствуетъ, что кончилъ онъ курсъ Харьковскаго университета въ 1829 году, а не въ 1830 году, какъ указывается въ словарѣ Брокгауза, въ VII полутомѣ, стр. 428. Тамъ почему-то онъ величается «Никитичемъ».

Онъ былъ твердо увѣренъ, что Станевичъ, благодаря своей литературной извѣстности и связямъ, поможетъ ему. «У васъ есть знакомые въ Петербургѣ,—люди сильные, какъ А. С. Шишковъ [1]), Петръ А. Кикинъ, вашего округа попечитель. Думаю, что при вашемъ ходатайствѣ это не трудно будетъ сдѣлать... Ради Бога вразумите меня, какъ поступить лучше, васъ Богъ самихъ не оставитъ»...

Онъ, между прочимъ, предлагалъ Евстаѳію Ивановичу «выпросить позволеніе у начальства издавать при Курской гимназіи журналъ». «Вы имѣете вѣсъ, познанія ваши извѣстны свѣту. Слѣдовательно, это уже достаточное поручительство къ тому, чтобы предоставить вамъ право быть и частнымъ цензоромъ и редакторомъ онаго. Общество учителей, при гимназіи занимающихся каждый своей частью, будетъ содѣйствовать къ составленію изданія своими сочиненіями и переводами. Я также готовъ содѣйствовать и трудиться для общеполезной цѣли. У меня уже много кое-чего готоваго. Печатать можно въ губернской типографіи. Въ матеріалахъ, кажется, не будетъ недостатка: мѣстное положеніе въ различныхъ отношеніяхъ, библіотека ваша и гимназическая, политическія происшествія въ губерніи и, наконецъ, умъ человѣческій представляютъ изъ себя неистощимые рудники для онаго. Потребна только рѣшимость и неутомимость работниковъ. А за этимъ, кажется, дѣло не станетъ. Въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ иностранцевъ. Наши столичные журналисты—такіе же люди! Отчего же не сдѣлать подобнаго опыта въ провинціи? Сіе дѣло не будетъ безполезно: гимназія обратитъ на себя особенное вниманіе начальства и будетъ указателемъ и мѣрою отечественнаго просвѣщенія» [2]).

Однако, Станевичъ, умудренный житейской опытностью (ему было 55 лѣтъ) и «искушенный многими горестями», далеко не раздѣлялъ мнѣній пылкаго идеалиста, жаждавшаго такъ или иначе выбиться на дорогу. Изданіе гимназическаго журнала въ то время въ провинціи было «кругомъ невозможной вещью». Преподаватели «совсѣмъ не помышляли о дальнѣйшемъ усовершенствованіи себя въ знаніяхъ, и свой предметъ не забывали только потому, что принуждены проходить его въ классѣ». Всѣ ихъ помыслы были направлены «къ пропитанію себя и своего семейства». Притомъ же какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ училищахъ не было согласія среди учащихъ. «Между ними достойна примѣчанія та

---

[1]) Министръ народнаго просвѣщенія послѣ князя Голицына съ 1825 года.

[2]) Изъ письма Леопольдова 21-го февраля 1831 года. Эти мысли высказывались имъ тогда, когда въ провинціи даже не было «Губернскихъ Вѣдомостей», первымъ редакторомъ коихъ въ Саратовѣ (въ 1838 году), а потомъ въ Самарѣ (съ 1851 года), какъ ни странно, пришлось быть А. Ф—чу.

только черта,—говорилъ Евст. Ив.,—что они, будучи между собой въ вѣчной разладицѣ, во всякую пору готовы содружиться противу мѣстнаго своего начальства». Аккуратный періодическій выходъ журнала затормозился еще тѣмъ, что губернская типографія въ Курскѣ едва только успѣвала печатать указы судебныхъ мѣстъ. Наконецъ, очень трудно, почти невозможно было получить разрѣшеніе на гимназическое изданіе.

По собственнымъ словамъ Станевича [1]), его имя совсѣмъ не пользовалось тѣмъ вліяніемъ, какое ему приписывалъ Леопольдовъ. «Въ службѣ,—разсказывалъ онъ,—не смотрятъ ни на умъ, ни на сердце, ни на вѣру, ни иа пользу, какую кто приносить можетъ, но на однѣ связи и на то, способствуетъ ли начальника лицо видамъ другихъ или нѣтъ»... Евст. Ив. «не былъ увѣренъ» и въ своихъ петербургскихъ знакомыхъ. «А. С. Шишковъ очень устарѣлъ для подобныхъ дѣйствій и ни во что не входитъ. Сверхъ того, женитьба его такъ его уронила, какъ вы себѣ представить не можете. П. А. Кикинъ—не при мѣстѣ, живетъ въ деревнѣ, и онъ ко мнѣ не тотъ, что былъ, изъ-за одного запальчиваго православнаго. Письмоводитель попечителя нашего округа смотритъ на меня косо за одну правду мою; а вамъ небезызвѣстно, что не рѣдко письмоводитель есть правое око своего начальника. Словомъ: болѣе трехъ лѣтъ я не имѣю никакой переписки съ Петербургомъ и имѣть оной не желаю. Я усталъ ото всего»...

При такомъ положеніи, понятно, трудно было надѣяться на протекцію курскаго благодѣтеля, а еще того менѣе можно было получить чрезъ его посредство благопріятный результатъ отъ Шишкова. «Опасаюсь я,—писалъ Евст. Ив.,—что ежели онъ почему либо вамъ откажетъ, то для васъ все тогда потеряно будетъ: затруднится входъ не только по учебной службѣ, но и по всякой другой».

Онъ совѣтовалъ А. Ф-чу бросить мысль о службѣ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, которая сопряжена со многими непріятностями. «Лучше скопите деньжонокъ и отправляйтесь сами въ Москву или Петербургъ хлопотать о мѣстѣ».

Но такой совѣтъ, конечно, мало подходилъ къ бѣдняку Леопольдову. «Какъ накопить денегъ, когда источники скудны, а нужды велики?» [2]). Правда, онъ съ рвеніемъ цѣлыми днями занимался съ четырьмя дѣтьми помѣщика, но трудъ его оплачивался плохо: послѣдній «почти не платилъ» ему жалованья.

Послѣ отвѣта Станевича А. Ф. махнулъ на все рукой. «Мысль прибѣгать къ покровительству сильныхъ касательно устроенія себя къ мѣсту» теперь онъ выбросилъ изъ головы; «я жилъ безъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го марта 1830 года.

[2]) Изъ письма Леопольдова отъ 22-го мая 1830 года.

этого, можетъ быть, и буду жить, какъ мнѣ Богъ велитъ... Жду отъ Него Единаго, не вложитъ ли Онъ благой мысли, какъ и куда мнѣ преклонить мою голову»...

Можно судить поэтому, каково было его душевное состояніе. Жизнь тянулась грустно, уныло, однообразно, безъ проблеска свѣта впереди. Сердобскій уѣздъ, несмотря на обиліе въ немъ помѣщиковъ, представлялъ въ то время непроходимую глушь. «Я живу въ степи,—жаловался онъ Евст. И-чу.—Нельзя ничего хорошаго достать почитать; даже не съ кѣмъ промолвить слова. Читаю, что попадется въ руки. Меня лишили всего: изъ 300 экземпляровъ осталось только 10 книгъ завѣтныхъ: библія, ваша «Бесѣда», «Тацитъ» и проч. Недавно случайно попались записки г-жи Сталь о Германіи»...

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ въ іюнѣ этого года Саратовскую губернію посѣтила злая гостья — холера... «Паника въ населеніи была страшная. Народъ волновался, ослабѣлъ въ работахъ, пришелъ въ уныніе». Помѣщики покидали свои имѣнія и уѣзжали, «куда глаза глядятъ». На Леопольдовѣ бѣдствіе это отозвалось сильнѣе, чѣмъ на другихъ. Хозяинъ его бросилъ все и ускакалъ въ Тамбовъ, оставивъ его одного съ четырьмя малютками охранять помѣстье. Ихъ Богъ помиловалъ. «Но какая скорбь запала въ мою душу,—разсказываетъ А. Ф.,—когда зараза лютствовала въ родинѣ моей. Гонцы часто летали къ карантину оной, освѣдомлялись о здоровьѣ родителей и родныхъ моихъ; сердце ни на минуту не было покойно. Мнѣ нельзя было дѣлить съ ними опасность—все было заперто. Но, слава Богу, и они уцѣлѣли».

Какъ ни крѣпился Леопольдовъ, въ угоду своихъ близкихъ, но не могъ долѣе вынести однообразной, безпросвѣтной деревенской жизни. 26-го декабря онъ наконецъ разстался съ родными и поѣхалъ въ свой «любимый Саратовъ», гдѣ нашелъ большія перемѣны. «Прежній патронъ мой, губернаторъ П. (Панчулидзевъ), благословившій меня учиться, былъ въ отставкѣ и жилъ въ своей деревнѣ; общество измѣнилось, наплыли люди все новые, но простота и гостепріимство остались еще прежнія. Попрежнему всего было вдоволь и все дешево. Обращаюсь я на службу. Правившій должность начальника губерніи [1]) охотно принялъ меня и прямо помѣстилъ на классную должность съ хорошимъ жалованьемъ».

Его опредѣлили столоначальникомъ камерныхъ дѣлъ въ отдѣленіе питейныхъ сборовъ съ окладомъ въ 800 рублей [2]). Кромѣ

---

[1]) Въ то время исправлялъ должность губернатора (1831—1832) ст. с. Викторъ Яковлевичъ Рославецъ, человѣкъ добрый и гуманный.

[2]) И. Ф. Хованскій въ своихъ «Очеркахъ по исторіи г. Саратова», (1884 г., стр. 64) указываетъ, что Леопольдовъ сначала (въ январѣ 1831 года) поступилъ въ штатъ городской полиціи. Это не вѣрно. Въ письмѣ отъ 20-го февраля этого года Станевичу Леопольдовъ пишетъ: «Я перемѣняю образъ жизни, оставляю домъ помѣщика и поступаю въ Саратовскую казенную палату... окладъ даютъ порядочный,—800 рублей»,—и просилъ у него на обзаведеніе одолжить 100 рублей, которые Станевичъ охотно ссудилъ ему 13-го марта.

того, губернаторъ «приблизилъ его къ себѣ и къ своему семейству, поручивъ давать уроки сыну и дочери въ послѣобѣденные свободные отъ службы часы, по 5 рублей за каждый урокъ». А. Ф. поправился, воспрянулъ духомъ...

Первое время жутко было служить А. Ф-чу въ Саратовѣ. Мѣстное общество, въ большинствѣ необразованное и невѣжественное, смотрѣло на него косо и недовѣрчиво. Нѣкоторые даже считали его измѣнникомъ государства за то, что онъ гдѣ-то и когда-то сидѣлъ въ каменномъ мѣшкѣ. Сослуживцы избѣгали съ нимъ общенія еще потому, что онъ часто зло потѣшался надъ ними.

Очутившись съ своими идеальными взглядами среди самаго многообразнаго сброда, Леопольдовъ, разумѣется, долженъ былъ почувствовать себя не особенно хорошо... По своей прямой натурѣ онъ не могъ равнодушно смотрѣть на царившую въ тогдашнихъ управленіяхъ канцелярскую закваску. Духъ его возмущался въѣвшимся въ плоть и кровь чиновниковъ хапужничествомъ. И, по природѣ веселый и живой, онъ пустился вскорѣ «пробирать» своихъ товарищей. То напишетъ, бывало, на одного эпиграмму, на другого—элегію, третьему—эпитафію, четвертому — карикатуру, и незамѣтно подложитъ въ ихъ бумаги. Тѣ найдутъ на другой день его произведенія, и пойдетъ потѣха, доходившая иногда далеко не до «смѣха». Особенно любилъ онъ подсовывать канцеляристамъ извѣстную элегію Акима Нахимова, написанную послѣднимъ по случаю указа, требовавшаго отъ чиновниковъ образованія и экзамена для полученія чина коллежскаго ассесора, дававшаго нѣкогда потомственное дворянство и право на покупку земель и деревень.

Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь,
Надсмотрщикъ; возрыдай, и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите...

Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ—должно ли ворамъ теперь дремать?..

Шутки эти, однако, благополучно сходили ему съ рукъ, вслѣдствіе покровительства сильныхъ лицъ въ городѣ, у которыхъ онъ былъ домашнимъ учителемъ. Въ то время людей съ университетскимъ образованіемъ въ Саратовѣ было не много, и Леопольдовымъ дорожили. По его словамъ, уроками онъ зарабатывалъ больше, чѣмъ получалъ по службѣ жалованья.

Въ эту пору,—разсказываетъ онъ,—«голодъ постигъ здѣшній край: во все лѣто (1831 г.) почти не капнуло ни капли дождя, не

уродилось ни хлѣба, ни травы; народъ совершенно истощился въ силахъ... А я, слава Богу, не испыталъ бѣдствій голода и съ нимъ соединенныхъ ужасовъ, началъ заводиться домомъ и хозяйствомъ... Когда у меня отстраивался домъ, я, несмотря на свою молодость, уцѣпился за мысль: «человѣку не добро быти одному».

Черезъ два года службы въ Саратовѣ онъ женился на дворянкѣ, Аннѣ Тихоновнѣ Ищекиной, найдя въ женѣ своей добрую подругу, которая въ продолженіе 28 лѣтъ раздѣляла съ нимъ «радости жизни».

Такъ Леопольдову улыбнулось счастье. Губернаторы: д. с. с. Ф. Л. Переверзевъ (1831—1835) и д. с. с. А. П. Степановъ (1835—1837), очень благоволили къ нему. Послѣдній—«толстякъ, вдовецъ, лѣтъ 60, человѣкъ умный, пріятный, но далеко не губернаторъ» [1]), былъ самъ литераторомъ [2]). Поэтому неудивительно, что онъ обратилъ вниманіе на А. Ф—ча, у котораго также билась писательская жилка. Алексѣй Петровичъ принялъ въ немъ участіе, пригласивъ учителемъ своихъ дѣтей [3]), и поощрялъ къ занятіямъ литературнымъ.

А. Ф—чу былъ разрѣшенъ доступъ въ архивы мѣстныхъ учрежденій, откуда онъ, подъ руководствомъ Степанова, старался извлекать все болѣе или менѣе интересное, касающееся мѣстнаго края. Результатомъ этихъ изысканій было появленіе едва ли не перваго «Статистическаго описанія Саратовской губерніи», обратившаго на себя вниманіе печати [4]) и правительства. Губернаторъ представилъ сочиненіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, давъ самый благопріятный отзывъ объ авторѣ. Вслѣдствіе этого, статистическое отдѣленіе министерства 6-го ноября 1836 года избрало Леопольдова членомъ-корреспондентомъ, «въ уваженіе, какъ говорилось въ бумагѣ, его трудовъ и въ надеждѣ, что, по дознанному усердію къ пользѣ общественной, не оставитъ онъ принять участіе въ статистическихъ занятіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ и тѣмъ способствовать къ достиженію благой цѣли, указанной государемъ императоромъ».

Изданная въ 1839 г. книга, при содѣйствіи губернатора Бибикова [5]) и преосвященнаго Іакова, быстро разошлась по губерніи,

---

[1]) «Русская Старина», 1878, XII, 689.

[2]) Изъ романовъ Степанова извѣстны: «Постоялый дворъ», «Чортовы салазки». Только что, за годъ до назначенія своего въ Саратовъ, онъ издалъ въ двухъ частяхъ описаніе Енисейской губерніи, въ которой нѣсколько лѣтъ губернаторствовалъ.

[3]) Одинъ изъ учениковъ Леопольдова, Н. А. Степановъ, былъ потомъ издателемъ «Искры», другой, П. А., сохранилъ и обнародовалъ въ «Русской Старинѣ» (1874 г., X, 691—694) рѣшеніе дѣла по поводу элегіи «Андрей Шенье».

[4]) Благопріятные отзывы объ этомъ сочиненіи дали Сеньковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1839, XXXV, отд. V, 27—78) и «Отечественныя Записки» (т. IV, 62—60).

[5]) Генералъ-майоръ Иларіонъ Михайловичъ Бибиковъ былъ саратовскимъ губернаторомъ съ 1837 по 1839 годъ.

сдѣлавъ имя Леопольдова «славнымъ и извѣстнымъ». Репутація его упрочилась. Мнѣніе общества круто измѣнилось. А. Ф. «сталъ человѣкомъ популярнымъ въ городѣ». Послѣ такого успѣха онъ сталъ работать перомъ усерднѣе, завязавъ сношенія съ столичными изданіями. Помѣщаетъ статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Земледѣльческой Газетѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Телескопѣ», «Маякѣ» и словарѣ Плюшара.

Чтобы, видимо, еще болѣе обезпечить его благосостояніе, при открытіи въ январѣ этого года въ Саратовѣ палаты государственныхъ имуществъ, по настоянію Бибикова, ему дали доходную должность окружного начальника въ Новоузенскомъ уѣздѣ [1]), хотя пробылъ онъ на ней лишь до ноября 1840 года. Мѣсто оказалось не по немъ, потому что, какъ говоритъ онъ самъ, «тамъ нужно было умѣть брать и умѣть давать, а я этого предмета нигдѣ не изучалъ».

Леопольдовъ зачислился въ штатъ саратовскаго губернскаго правленія, и его назначили редакторомъ «Губернскихъ Вѣдомостей» [2]).

До него эту должность исполнялъ одинъ изъ сторожей, такъ какъ дѣло было не трудное: сторожъ только относилъ изъ присутственныхъ мѣстъ бумаги и передавалъ приказаніе «печатать». А. Ф. значительно возвысилъ единственный въ краѣ органъ, писалъ много самъ изъ исторіи, этнографіи, статистики, собиралъ разные разсказы, преданія, легенды о мѣстныхъ событіяхъ, свѣдѣнія о фаунѣ и флорѣ, дѣлалъ метеорологическія наблюденія, удѣлялъ время обзору сельскаго хозяйства, торговли, промышленности, касался въ «неофиціальной части» и политической жизни края и другихъ областей Россіи, всячески стараясь расширить изданіе, дабы оно служило отраженіемъ всѣхъ явленій общественной жизни. Привлекъ много корреспондентовъ изъ уѣздовъ, вызвавъ къ писательской дѣятельности священниковъ и учителей. Губернаторы, особенно извѣстный А. М. Ѳадѣевъ (1841—1846) и М. Л. Кожевниковъ (1846—1854), содѣйствовали ему своимъ вліяніемъ для собиранія нужныхъ редакціи свѣдѣній. По нимъ онъ составилъ и издалъ въ 1848 г. въ Москвѣ другой свой трудъ «Историческій очеркъ Саратовскаго края», составляющій теперь библіографическую рѣдкость.

Періодъ редакторства былъ лучшимъ временемъ литературной дѣятельности Леопольдова. Имя его, правда, не гремѣло, но было извѣстно многимъ далеко за предѣлами Саратовской губерніи. Пріѣзжавшіе въ Саратовъ путешественники, ученые, литераторы считали своимъ долгомъ посѣтить его, побесѣдовать съ нимъ. Къ

---

[1]) До 1851 г. Новоузенскій уѣздъ входилъ въ составъ Саратовской губерніи.
[2]) «Саратовскія Губернскія Вѣдомости» издаются съ 1838 года.

сожалѣнію, А. Ф., не соображаясь съ своими силами, брался за все и входилъ въ полемику съ такими свѣтилами науки, какъ Мурчисонъ, Гебель и другіе. Впослѣдствіи, къ концу своей жизни онъ этимъ настолько подорвалъ свой авторитетъ, что даже захудалыя мѣстныя газеты отказывались помѣщать у себя его статьи, въ которыхъ иногда онъ выражался въ слишкомъ рѣзкихъ фразахъ, бичуя мѣстные пороки.

Трудъ редактора «Губернскихъ Вѣдомостей» оплачивался скудно, между тѣмъ семья Леопольдова съ каждымъ годомъ прибавлялась. Это вынудило его въ 1847 г. покинуть любимое дѣло[1]) и перейти на должность управляющаго Дубовской конножелѣзной дорогой, только что въ томъ году открытой, хотя, вслѣдствіе своей правдивости и честности, онъ не ужился тамъ и съ 4-го ноября 1850 г. вновь взялъ на себя обязанности начальника газетнаго стола въ саратовскомъ губернскомъ правленіи. Потомъ семь лѣтъ прослужилъ въ Самарѣ, сначала чиновникомъ особыхъ порученій, послѣ совѣтникомъ губернскаго правленія и одновременно завѣдующимъ типографіей и редакціей тамошнихъ «Губернскихъ Вѣдомостей», первый нумеръ коихъ вышелъ 5 января 1852 г., гдѣ издалъ «Историческій очеркъ Самарскаго края». Оттуда въ губернаторство К. К. Грота въ 1858 г. А. Ф. перешелъ совѣтникомъ въ Тамбовъ, ради воспитанія двухъ своихъ дочерей, и, наконецъ, чрезъ три года занялъ должность старшаго совѣтника въ Саратовѣ.

Несчастья преслѣдовали его за несчастьями. При переѣздѣ изъ Тамбова въ Саратовъ въ 1861 г. скончалась горячо любимая жена, оставивъ ему на попеченіе семерыхъ дѣтей. «Двадцать лѣтъ жизни моей унесла она смертью своей,—говоритъ онъ.—Тяжело и горестно было мое одиночество». Вскорѣ въ Петербургѣ умеръ старшій сынъ его Павелъ. По службѣ пошли нелады. Онъ не сошелся съ назначеннымъ въ 1862 г. саратовскимъ губернаторомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Михайловичемъ Муравьевымъ, сыномъ героя Карса, человѣкомъ крайне суровымъ и, какъ и батюшка его, не любившимъ противорѣчій. За какую-то непрошенную правду Леопольдовъ былъ уволенъ въ отставку «по прошенію» съ чиномъ статскаго совѣтника и весьма ограниченной пенсіей—въ 300 рублей. Такъ сынъ дьячка и не дотянулъ до «вожделѣннаго превосходительства».

«Въ видахъ дешеваго содержанія» А. Ф. поселился было въ Аткарскѣ, но жизнь въ глуши скоро ему наскучила. Онъ возвратился въ Саратовъ, гдѣ, несмотря на предписанія врачей, совѣтовавшихъ ему полный покой, не переставалъ заниматься архивными изысканіями, полемизируя съ Орловымъ, Блюммеромъ, Д. Л. Мордовцевымъ, противъ сочиненія котораго: «Пугачевъ и русскіе госу-

[1]) Послѣ него съ 1848 по 1850 г. редакторомъ былъ Н. И. Костомаровъ.

дарственные люди», выпустилъ въ 1873 г. свой послѣдній трудъ— «Очерки Пугачевщины и Саратова».

Надломленный житейскими невзгодáми послѣднихъ лѣтъ, старческій организмъ не выдержалъ непосильной борьбы съ нуждой. На Пасху 13-го апрѣля 1875 г. Леопольдовъ скончался въ домѣ своего зятя, В. Д. Вакурова, оплакиваемый дѣтьми и знакомыми. Его похоронили на Пичугиномъ кладбищѣ.

Такъ человѣкъ съ дарованіями, стремившійся къ высшему образованію и достигшій его, изъ за-одной ошибки, затерялся въ провинціальной глуши, погребя тамъ свои таланты, которые при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, дали бы болѣе обильные всходы.

М. Юдинъ.

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ.

(Некрологъ).

СОБЫТІЯ современной русской жизни чередуются съ поразительной быстротой, предоставляя въ распоряженіе будущаго историка отечественной дѣйствительности громадный матеріалъ чрезвычайной исторической важности. Какъ нѣкогда великая отечественная война 12-го года, а затѣмъ Севастопольскій погромъ поставили Россію на міровой историческій экзаменъ, который она по существу вопросовъ не въ состояніи была выдержать, такъ нынѣ и позорно-несчастная японская война снова зоветъ насъ къ рѣшенію вопросовъ, на которые мы при наличности стараго опыта и обветшалыхъ методовъ знанія не можемъ благополучно отвѣтить. Двѣнадцатый годъ разбудилъ дремавшія дотолѣ русскія интеллигентныя силы, и вотъ передъ нами явился рядъ дѣятелей, преисполненныхъ великою любовью къ родинѣ, которые въ 1825 г. заявили громко и смѣло о несостоятельности нашего внутренняго строя жизни. Декабристы первые вполнѣ сознательно отмѣтили отсталость русскаго государственнаго строя и въ практической программѣ намѣтили пути къ его усовершенствованію. Ихъ начинаніе, благое по замыслу, оказалось исторически-несвоевременнымъ, и они пали въ неравномъ бою. Но завѣты ихъ не прошли безслѣдно—ихъ работа была подъята на плечи слѣдующихъ поколѣній, которыя постепенно, пользуясь для того благопріятными моментами отечественной жизни, выполняли разныя стороны завѣщанной программы. Такъ была осуществлена въ 1861 году великая соціально-экономическая реформа по освобожденію крестьянъ, гдѣ главную роль сыграли именно передовые дѣятели русской интеллигенціи, по справедливости разсматриваемые, какъ непосред-

ственные послѣдователи освободительной политической программы декабристовъ. Севастопольскій погромъ раскрылъ воочію наши язвы и создалъ ту благопріятствующую обстановку и атмосферу, которыя помогли провести освободительную реформу по раскрѣпощенію крестьянъ. Государственный корабль получилъ сильный толчокъ, его бѣгъ былъ предопредѣленъ, но руководители этого корабля не сумѣли воспользоваться бывшими въ ихъ распоряженіи силами, и вотъ въ русской жизни наступаетъ тотъ зловѣщій штиль, который по всѣмъ признакамъ неминуемо предвѣщаетъ страшную бурю. И эта историческая буря нынѣ разыгрывается на нашихъ глазахъ, снося на своемъ пути все то повидимости твердое и крѣпкое, что мы привыкли разсматривать и считать, какъ оплотъ противъ всякихъ бурь и непогодъ. Мукденскія, Цусимскія и прочія катастрофы взбудоражили русскую стихію, и ея разъяренныя волны залили мутью и пѣной всю Русскую землю. Кровь Дальняго Востока выступила на поверхности и внутренней Россіи... Раны разверзлись, и вопль ужаса и крикъ боли пронесся по лицу всей родной земли.

И вотъ, какъ въ былые указанные выше историческіе моменты, появляются передъ нами граждане-патріоты, которые спѣшатъ съ словомъ обличенія и мудраго совѣта. Они указываютъ громко и убѣдительно, что спокойный и плавный бѣгъ государственнаго корабля былъ въ свое время неумѣстно остановленъ, изъясняютъ послѣдствія такой остановки и намѣчаютъ средства и пути къ тому, чтобы выйти изъ безвыходнаго и ужаснаго положенія. Эти граждане — прямые потомки тѣхъ былыхъ дѣятелей, которые въ свое время практически разрабатывали программу политическаго и соціально-экономическаго обновленія Россіи, и которые не щадили ни своей жизни, ни своихъ силъ, чтобы Россія стала какъ можно скорѣе правовымъ государствомъ на основѣ общеевропейской христіанской культуры.

Среди такихъ гражданъ послѣдней новѣйшей формаціи исторія отведетъ почетное мѣсто только-что скончавшемуся князю Сергѣю Николаевичу Трубецкому, имя котораго нынѣ стало въ настоящемъ смыслѣ слова историческимъ. Политическая бурная волна выхватила его изъ тиши ученаго кабинета и создала изъ него то знамя, вокругъ котораго стали группироваться многочисленные прогрессивные элементы нашего общества. Князь Трубецкой сдѣлался одно время центромъ нашего освободительнаго движенія, около него образовался своего рода ореолъ, его извѣстная рѣчь къ Государю Императору получила характеръ и значеніе реальной программы, исторически и преемственно связанной со всѣми нашими движеніями къ простору политической свободы и соціально-экономическаго равенства. И вотъ въ моментъ расцвѣта славы и извѣстности, когда его силы и трудъ сдѣлались столь необходимы родинѣ,

внезапно пробилъ его послѣдній часъ. Совершилось что-то роковое и трагическое, поразившее общественное воображеніе и влившее въ современную горечь жизни еще новую чашу. И наука, и жизнь въ самомъ широкомъ смыслѣ слова понесли невознаградимую утрату, значеніе которой даже трудно въ настоящее смутное время опредѣлить въ полной мѣрѣ. Прекрасная жизнь оборвалась, и какъ-то невольно мысль бьется въ тискахъ неразрѣшимой загадки: что сталось бы съ почившимъ дѣятелемъ, оставься онъ живъ въ наши дни, когда воочію осуществилось то, о чемъ князь отъ имени Россіи просилъ царя? Какое бы положеніе онъ занялъ при новомъ порядкѣ вещей, въ какіе партійные ряды гражданъ-работниковъ и борцовъ онъ бы сталъ, и въ какое отношеніе стала бы къ нему суетная и измѣнчивая толпа, столь легко создающая себѣ кумировъ и съ неменьшею легкостью ихъ ниспровергающая? Эту тайну бытія онъ унесъ съ собою въ иной невѣдомый міръ и, почемъ знать, быть можетъ, какъ это ни жестоко и ни парадоксально вымолвить, смерть наложила на него свою холодную печать въ нѣкоторомъ отношеніи и своевременно: онъ ушелъ отъ насъ чистый и прекрасный, и имени его не коснулась та «пыль земли», которая густыми и непроницаемыми столбами и вихрями заволокла все окружающее, и въ волнахъ которой несомнѣнно придется задохнуться многимъ родственнымъ по облику и духу кн. Трубецкому.

Разные представители рода князей Трубецкихъ часто играли въ жизни Россіи выдающіяся политическія и общественныя роли. Смутное время, преобразованія Петра, царствованіе Елизаветы, отечественная война, движеніе декабристовъ — всѣ эти историческіе моменты тѣсно связаны съ родомъ кн. Трубецкихъ, выдвигая этотъ родъ на первенствующее значеніе въ жизни страны. Послѣднія событія отечественной дѣйствительности приковали взоры современниковъ къ имени и личности профессора кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого.

Родившись въ 1862 г., онъ прошелъ сначала Калужскую гимназію, затѣмъ кончилъ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, съ которымъ навсегда и связалъ свое имя, сначала въ качествѣ молодого ученаго философа школы покойнаго Владиміра Соловьева, затѣмъ въ качествѣ редактора ученаго журнала «Вопросы философіи», гдѣ сосредоточивались работы выдающихся теоретиковъ отвлеченной мысли, и, наконецъ, въ роли перваго выбраннаго ректора, послѣ данной текущимъ лѣтомъ университету автономіи. На послѣднемъ общественномъ посту покойный ученый пробылъ всего, можно сказать, нѣсколько недѣль, успѣвъ, однако, за это время выдвинуться среди современниковъ,

Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой.

какъ выдающійся борецъ за гражданскую свободу, какъ защитникъ автономныхъ правъ порученнаго ему довѣріемъ товарищей высшаго храма науки, какъ послѣдовательный и неукоснительный представитель законности въ жизни, противникъ нарушителей этой законности, откуда бы эти противники ни исходили, и подъ какимъ бы знаменемъ они ни шествовали.

Смерть кн. Трубецкого явилась такъ неожиданно, такъ еще свѣжи слѣды похоронной процессіи, шествовавшей за его гробомъ, что печать еще не успѣла въ достаточной полнотѣ собрать біографическій матеріалъ о покойномъ ученомъ, а его пріятели и знакомые не успѣли еще опубликовать своихъ мемуаровъ о жизни почившаго и его обширной корреспонденціи по самымъ животрепещущимъ вопросамъ современности. Вотъ почему и составителю настоящаго очерка приходится удовольствоваться въ своей работѣ лишь тѣми немногими фактическими данными біографическаго свойства, которыя приведены выше. Поэтому, восполняя недостатокъ этого матеріала, постараемся ознакомиться, по крайней мѣрѣ, съ духовнымъ обликомъ нашего ученаго, который такъ наглядно и рельефно вырисовывается изъ завѣщаннаго имъ потомству его ученаго богатства и изъ тѣхъ рѣчей, которыя были имъ произнесены незадолго до кончины.

Выше было сказано, что кн. Трубецкой вышелъ изъ школы, созданной извѣстнымъ философомъ и публицистомъ В. С. Соловьевымъ, въ которой философія и богословіе были тѣснѣйшимъ образомъ между собою связаны и гармонически переплетены. Вѣра Соловьева, которой онъ такъ пламенно служилъ и которую такъ громко исповѣдывалъ, не была слѣпою вѣрою, а проникнутою философскою рефлексіей, научно аргументированною и приведенною въ опредѣленное соотношеніе съ человѣческимъ бытіемъ. Отсюда нѣкоторый поэтическій налетъ на всемъ томъ, что писалъ покойный философъ, относилось ли это писаніе къ области отвлеченныхъ вопросовъ, къ области ли злободневной, или къ области критико-историческаго изслѣдованія. Свобода духа, свобода мысли и слова, которыми вѣетъ отъ произведеній Соловьева, были реальными проявленіями религіозно-философскаго пониманія и міросозерцанія, положенныхъ въ уголъ и основу всей его жизни. Владиміръ Сергѣевичъ былъ явленіемъ необычайнымъ въ нашей современности: въ то время, когда она мутилась мутью матеріализма, позитивизма и отрицанія всего и вся, für sich und an sich, онъ смѣло выступилъ съ религіозно-философскою проповѣдью во имя высшихъ идеаловъ просвѣщенной правды и справедливости, которымъ и подчинялъ всѣ формы и проявленія человѣческой жизни, освѣщая и очищая ихъ лучами свободы политической, соціальной и экономической. Понятно, что всякому, становившемуся въ ряды послѣдователей Владиміра Сергѣевича, оставалось только слѣдовать тѣмъ началамъ, которыя такъ блестяще и убѣдительно развивалъ учитель. И дѣйствительно, князь С. Н. Трубецкой, явившись на зарѣ своей жизни послѣдователемъ Соловьева, принялъ отъ послѣдняго его религіозно-философскіе завѣты, проникся интересами именно къ религіозно-философскому знанію, которое и сдѣлалъ предметомъ своихъ научныхъ изслѣдованій. Впослѣдствіи,

когда, слѣдуя примѣру учителя, онъ обращалъ свою мысль на злободневные вопросы, то и въ развитіи этихъ вопросовъ, въ ихъ освѣщеніи и истолкованіи, имъ послѣдовательно проводились тѣ взгляды, которые онъ воспріялъ именно изъ школы Соловьева.

Первый трудъ кн. Трубецкого, представленный имъ университету для получения магистерскаго званія, носитъ названіе «Метафизика въ древней Греціи», и уже здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми хотя и не совсѣмъ еще опредѣлившимися чертами его облика, которыя создали изъ него впослѣдствіи опредѣленное общественное знамя. Заканчивая введеніе къ своему труду, онъ говоритъ, что «всякій историческій моментъ въ познаніи истины разуменъ, выражаетъ по-своему истину положительнымъ образомъ и постольку исторически и логически необходимъ. Но этого мало: выражая идеалъ, каждая историческая философія свободна, какъ продуктъ свободнаго творчества. И если нѣтъ умозрѣнія безусловнаго, вполнѣ идеальнаго и свободнаго, если нѣтъ философіи безусловно положительной или безусловно раціональной, то самый путь къ истинѣ, къ абсолютному положительному идеалу есть путь свободы. Постепенное развитіе мысли въ сознаніи этого идеала есть ея прогрессивное освобожденіе».

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ своей ученой дѣятельности молодой Трубецкой сразу становится подъ знамя «прогрессивнаго освобожденія», и этому знамени онъ отнынѣ остается вѣренъ до послѣднихъ дней, сдѣлавшись послѣ смерти своего учителя однимъ изъ наиболѣе яркихъ выразителей въ литературѣ и практической жизни научнаго вѣроученія Владимира Соловьева. Въ 1900 году появляется его докторская диссертація: «Ученіе о Логосѣ въ его исторіи, философское историческое изслѣдованіе», написанное чрезвычайно красиво, общедоступно и съ изложеніемъ здѣсь все тѣхъ же религіозно-философскихъ положеній, которыя не оставляютъ въ читателѣ сомнѣнія, что въ авторѣ понятія объ этическомъ прогрессѣ и свободѣ являются органическими частями всего его мышленія и чувствованія. Названной кардинальной его ученой работѣ предшествовалъ, впрочемъ, рядъ статей, напечатанныхъ въ редактируемомъ имъ въ тотъ періодъ журналѣ «Вопросы философіи». Къ числу главнѣйшихъ статей надлежитъ отнести «Основанія идеализма», «О природѣ человѣческаго сознанія», «Детерминизмъ и нравственная свобода» и др. Кромѣ поля спеціально-научнаго, онъ появлялся, хотя и не очень часто, и на поприщѣ публицистики, работая по преимуществу въ «Вѣстникѣ Европы» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» кн. Э. Э. Ухтомскаго.

Изъ всѣхъ этихъ статей на читателей глядитъ образъ философа-идеалиста, горячо вѣрующаго въ «конкретный идеализмъ», приводящій человѣчество къ Богу, который мыслится и познается, какъ единая любовь. Въ обширномъ сочиненіи о «Ло-

госѣ» мысль изслѣдователя поглощается идеей о Богѣ, при чемъ истинное воплощеніе слова Божія имъ усматривается въ христіанствѣ, которое никоимъ образомъ, по его ученію, не можетъ считаться ни продуктомъ отвлеченныхъ эллинскихъ идей, ни конкретнымъ прошлымъ іудейскаго народа. Христосъ для него былъ реальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнымъ фактомъ, въ которомъ личное самосознаніе соединилось съ богосознаніемъ. «Ни до, ни послѣ него,—по словамъ князя Трубецкого,—не было человѣка, который сознавалъ бы себя истиннымъ, единороднымъ Сыномъ Божіимъ, и въ которомъ бы такое сознаніе имѣло значеніе универсальнаго начала жизни, и при томъ начала дѣятельнаго, засвидѣтельствовавшаго себя въ словѣ и подвигѣ самого Христа и въ духовно-нравственной исторіи человѣчества». Трудъ о Логосѣ не можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ полнаго, законченнаго труда, какъ то слагалось по замыслу автора. Онъ не успѣлъ разсмотрѣть еще ученія апостольской церкви и развитія христіанской мысли первыхъ вѣковъ, хотя къ этой работѣ и дѣятельно готовился, въ каковыхъ видахъ и провелъ 1903 годъ за границей. По возвращеніи на родину, имъ была напечатана въ московскомъ сборникѣ «Проблемы идеализма» удивительно изящная и по изложенію и по ходу развитія мысли статья: «Чему учитъ исторія философіи», гдѣ онъ рельефно обрисовывается передъ нами, и какъ философъ-историкъ и какъ философъ-общественный дѣятель. Въ этой статьѣ онъ даетъ объясненіе о соотношеніи самой философіи къ исторіи философіи, и отсюда какъ бы почерпается для читателя указаніе о гармоніи его умственнаго склада съ его практической дѣятельностью. Онъ говоритъ: «...Дѣйствіе философіи не ограничивалось одною теоретическою областью. Исторія показываетъ намъ ее въ качествѣ великой и могущественной духовной силы, въ качествѣ одного изъ факторовъ всемірно-историческаго процесса. И тѣмъ самымъ она учитъ насъ тому, что тотъ идеалъ истины, которому служитъ философія, есть реальная образующая сила. Греческая философія создала ту «эллинскую образованность», которая стала всемірной образованностью; греческая философія сообщила этой «образованности» ея запасъ общихъ идей, сдѣлавшихъ ее универсальной; и она впервые формулировала тотъ идеалъ человѣчества, всечеловѣческаго братства и всечеловѣческаго единства, которому впослѣдствіи христіанство дало религіозную, реально-мистическую основу, а Римъ попытался дать практическое осуществленіе въ всемірномъ государствѣ. Такимъ образомъ, «безполезнѣйшая изъ всѣхъ наукъ» не только открыла человѣчеству новый міръ духовныхъ цѣнностей, но создала новый міръ общечеловѣческаго просвѣщенія; она возбудила самосознаніе человѣчества и послужила его духовному объединенію. И естественно, что въ высшемъ ея началѣ, въ началѣ Разума, Слова, христіан-

ство обрѣло формулу для выраженія своего универсальнаго принципа. Исторія показываетъ намъ, что̀ дала философія христіанской мысли, какъ послужила она школой мысли средневѣковой, какъ возродила и обновила она духовныя силы европейскаго человѣчества, освободивъ его мысль отъ догматическихъ путъ, послѣ того, какъ средневѣковое христіанство уклонилось отъ первоначальныхъ чистыхъ нормъ и застыло въ временныхъ, полуязыческихъ формахъ. Великое духовное движеніе, начавшееся съ эпохи возрожденія, не остановилось до нашихъ дней и не остановится, пока человѣчество будетъ жить и мыслить, пока идеалъ истины будетъ стоять передъ нимъ. И мы видимъ, какъ свѣтлая и образующая сила этого идеала, дѣйствующая черезъ собирательную мысль человѣчества, проникаетъ все шире и глубже, освѣщая человѣку путь изслѣдованія и познанія и путь разумно-нравственной дѣятельности въ области личнаго и общественнаго дѣланія».

Итакъ, наука съ ея конечнымъ стремленіемъ къ христіанскому идеалу ставитъ какъ бы обязательствомъ для человѣка «путь разумно-нравственной дѣятельности въ области личнаго и общественнаго дѣланія». Вотъ это-то самое «дѣланіе» покойный философъ и старался всѣми своими силами осуществить, выдвинутый общественной волной на роль посланца отъ народа къ царю и на роль руководителя молодежи по обязанностямъ ректора въ автономномъ университетѣ.

Несчастная японская война, какъ извѣстно, поставила нашему отечеству на первую очередь задачу реорганизаціи всего общественнаго и государственнаго строя, и на эту задачу неминуемымъ ходомъ вещей въ первую голову отозвались представители земской и городской Россіи, въ переднихъ рядахъ которой естественно выдвинулся князь Сергѣй Николаевичъ, какъ землевладѣлецъ Московской губерніи.

Появился 6-го августа манифестъ о государственной думѣ, и вотъ упомянутые дѣятели предстали передъ Государемъ съ откровеннымъ словомъ, гдѣ постарались изложить свое credo, свои сомнѣнія и свое мнѣніе о настоящемъ Россіи и о тѣхъ средствахъ, которыя требуются для уврачеванія зіяющихъ ранъ родной земли. Отъ имени представлявшейся депутаціи говорилъ именно князь Трубецкой, и рѣчь его должна быть отнынѣ признана историческимъ документомъ, обрисовывающимъ и личность говорившаго и настроеніе той группы лицъ, которая явилась выразительницею широкихъ круговъ русскаго общества. Вотъ эта рѣчь, которую приводимъ здѣсь полностью.

«Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую искреннюю признательность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ—общественныхъ и земскихъ дѣятелей—чуть ли не измѣн-

никами престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство—любовь къ отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

«Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то повѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь.

«Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу, онъ чувствуетъ себя обманутымъ, и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ царя. И когда народъ видитъ, что царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ—и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплоатируется. Одни направляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе — на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и ростетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что вначалѣ облекается въ патріотическія формы, — тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она заражаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи, и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь,—созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія, и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ итти по намѣченному Вами пути.

«Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправ-

ныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое отечество, въ Васъ— своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій царь—не царь дворянъ, не царь крестьянъ или купцовъ, не царь сословій, а царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

«Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу «преобразованія государственнаго». Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винимъ не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

«Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго обсужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

«Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи».

Рѣчь князя Трубецкого съ благопріятнымъ на нее отвѣтомъ Государя Императора получила самую широкую огласку и, какъ моментъ историческій, сыграла въ нашемъ освободительномъ движеніи несомнѣнно крупную роль. Въ новѣйшей русской исторіи это былъ первый случай, когда выразитель мнѣнія широкаго круга русскихъ людей громко сказалъ свое откровенное слово верховной власти, безъ лести, безъ боязни и безъ всякой утайки фактовъ. Въ своемъ родѣ это былъ подвижническій долгъ гражданина, который, забывъ личное я, вылилъ открыто къ подножію престола свою боль за родину, принесъ сюда свое горячее сердце, свою мучительную думу. Послѣдовавшая за нимъ рѣчь М. П. Ѳедорова

въ сущности была практическимъ комментаріемъ къ словамъ князя Трубецкого. Къ сказанному она ничего не прибавила и отъ него ничего не убавила и, пожалуй, даже нѣсколько расхолодила впечатлѣніе отъ рельефа картины «встрѣчи царя съ народомъ», внеся въ общее настроеніе струю повседневной скуки.

Популярность князя Трубецкого съ того историческаго момента страшно возросла, какъ гражданина и практическаго дѣятеля; онъ для весьма многихъ сталъ своего рода кумиромъ, почему и вполнѣ понятно, что когда университетамъ была дарована академическая автономія, то коллегія профессоровъ старѣйшаго русскаго университета избрала его своимъ ректоромъ. На него выпала, такимъ образомъ, очень отвѣтственная обязанность—явить примѣръ приложенія своего духовнаго credo къ суетѣ жизни, дать направленіе этой жизни и подчинить ее опредѣленнымъ этическимъ и общественнымъ началамъ. Съ этого момента Сергѣй Николаевичъ попадаетъ въ своего рода трагическую коллизію съ этой повседневной жизнью и съ выразителями этой жизни. Еще вчерашній кумиръ начинаетъ чувствовать неустойчивость тѣхъ общественныхъ силъ, которыя онъ «путемъ свободы» звалъ къ «абсолютному положительному идеалу». Толпа и ея инспираторы обратили свободу въ своевластіе, а обсолютный идеалъ, о которомъ мечталъ и въ который вѣрилъ идеалистъ-профессоръ, замѣнили тираніей во имя политическаго партійнаго катихизиса. Совершилось то, что совершалось тысячи разъ въ жизни людей, что неминуемо должно было совершиться, и что, можно думать, будетъ вѣчно совершаться, пока люди состоятъ изъ страстей и инстинктовъ, и когда эти страсти и инстинкты всецѣло доминируютъ въ опредѣленный моментъ: идеалъ разошелся съ дѣйствительностью, и она стала къ нему въ воинствующее, враждебное положеніе.

Событія свѣжи въ памяти, и ихъ не стоитъ воспроизводить въ подробностяхъ: университетъ, какъ храмъ науки и идеальнаго знанія, пересталъ существовать и обратился въ тотъ центръ, куда изстрадавшаяся въ тискахъ повседневной жизни толпа понесла свои задушевныя муки, свою страстную рѣчь и свои пылкія мечты, и весь университетъ обратился, благодаря своимъ открытымъ дверямъ, въ сплошной народный бурный политическій митингъ. Идеалистъ-философъ, представитель абсолютнаго идеала съ такой постановкой ввѣреннаго ему академическаго дѣла помириться не могъ, и подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ профессоровъ постановилъ запереть передъ толпою двери и временно закрыть университетъ. Такое дѣйствіе въ глазахъ многихъ, односторонне мыслящихъ, явилось актомъ насилія, и вотъ между ректоромъ и студентами произошло объясненіе, гдѣ онъ изложилъ передъ слушателями еще разъ свое общественное profession de foi, которое и явилось его прощальною лебединою пѣснью. Онъ сказалъ собравшимся къ нему студентамъ:

«Теперь мы были вынуждены закрыть университетъ на нѣсколько дней, но если явленія, подобныя вчерашнему, будутъ повторяться,—это приведетъ къ неизбѣжному закрытію университета на продолжительный срокъ, а при теперешнихъ условіяхъ это будетъ разгромомъ университета, разгромомъ русскаго просвѣщенія, и это будетъ вызвано не только дѣйствіями, направленными противъ университета, но самымъ отсутствіемъ поддержки съ вашей стороны, и вы отвѣтите за это передъ русскимъ обществомъ. Я призываю васъ исполнить здѣсь вашъ первый и прямой гражданскій долгъ въ качествѣ студентовъ. Сплотитесь, соединитесь дружно, организуйтесь свободно, чтобы отстоять университетъ и создать тѣ условія, безъ которыхъ университетъ не можетъ существовать. Помните, что отнынѣ совѣтъ автономенъ. Въ прежнее время отъ насъ требовалось иногда, чтобы мы читали вамъ лекціи при всякихъ условіяхъ, и вы первые протестовали противъ такихъ требованій. Теперь, надѣюсь, и вы намъ такихъ требованій предъявлять не будете. Во всякомъ случаѣ, господа, помните, что если вы нарушеніемъ совѣтскихъ постановленій можете привести къ закрытію университета, вы не можете заставить автономный совѣтъ открыть его и читать вамъ лекціи при такихъ условіяхъ, которыхъ онъ не считаетъ совмѣстимыми съ достоинствомъ университета, и при которыхъ не существуетъ никакого обезпеченія внутренняго порядка и самой внѣшней безопасности университета. Какъ общественный дѣятель, я подвергался многимъ нареканіямъ и при томъ съ противоположныхъ сторонъ, но одно вы знаете, что за безусловную свободу общественныхъ политическихъ собраній я стоялъ всегда и вездѣ: въ печати, въ постановленіяхъ той партіи, къ которой я имѣю честь принадлежать, и передъ лицомъ самого Государя, и тѣмъ не менѣе я скажу вамъ здѣсь, не только какъ ректоръ и профессоръ, но какъ общественный дѣятель, что университетъ не есть мѣсто для политическихъ собраній, что университетъ не можетъ и не долженъ быть народной площадью, какъ народная площадь не можетъ быть университетомъ, и всякая попытка превратить университетъ въ такую площадь или превратить его въ мѣсто народныхъ митинговъ неизбѣжно уничтожитъ университетъ, какъ таковой. Я взываю ко всему вашему здравому смыслу. Подумайте, какъ много даетъ вамъ университетъ, и не требуйте отъ насъ невозможнаго. Еще разъ, господа, прошу васъ—поддержите университетъ и помните, что онъ принадлежитъ русскому обществу, что вы дадите отвѣтъ за него».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой рѣчи кн. Трубецкой, съ наболѣвшею душею за университетъ, за студенчество, за русскую жизнь и за русскихъ людей вообще, пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы здѣсь подать свой голосъ по нѣкоторымъ насущнѣйшимъ вопросамъ академическаго строя и главнымъ образомъ по вопросу о студенческихъ организаціяхъ. Онъ явился на засѣданіе 29 сентября подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія и вначалѣ чувствовалъ себя, повидимому, довольно хорошо, вполнѣ спокойно обсуждалъ положенія новаго проекта и заявилъ полную солидарность со всѣми его основаніями. Подъ конецъ,

однако, засѣданія, около семи часовъ вечера, Сергѣй Николаевичъ началъ говорить, какъ-то несвязно, замѣтно блѣднѣлъ и скоро впалъ въ тяжелый обморокъ, послѣ котораго вскорѣ наступила и смерть—«смерть отъ сердца», которая сводитъ такъ часто въ могилу лучшихъ представителей русской передовой интеллигенціи.

Бездыханный трупъ перваго московскаго автономнаго ректора покоился въ Еленинскомъ институтѣ, и въ дни 1-го и 2-го октября это былъ тотъ центръ столичной жизни, куда стекались въ полномъ смыслѣ слова волны народа. 1-го октября у тѣла князя Трубецкого совершено было нѣсколько панихидъ, на которыхъ перебывали тысячи народа. Дубовый гробъ съ прахомъ Сергѣя Николаевича покоился среди зелени, живыхъ цвѣтовъ и множества вѣнковъ, которые висѣли даже по стѣнамъ церкви. Среди нихъ: «Борцу за свѣтъ и свободу»—отъ учащихъ городскихъ начальныхъ училищъ, «Борцу за свободную конституціонную Россію»—отъ членовъ управленія дѣлами мелкаго кредита, «Защитнику правъ безправныхъ»—отъ города Москвы, «Глубокоубѣжденному и стойкому борцу за свободу»—отъ бюро академическаго союза, «Борцу за свободу, редактору загубленной московской «Недѣли»—отъ союза сотрудниковъ періодическихъ изданій, «Незабвенному общественному дѣятелю»—отъ Еленинскаго института, «Борцу за академическую и гражданскую свободу»—отъ учащихся академіи художествъ, отъ центральнаго бюро союза союзовъ, отъ студентовъ историко-филологическаго факультета, отъ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей, отъ совѣта женскаго медицинскаго института, отъ служащихъ государственнаго банка, отъ совѣта и студентовъ политехническаго института, отъ общеобразовательныхъ курсовъ, отъ «лѣвой» института гражданскихъ инженеровъ, отъ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, редакцій газетъ и множество другихъ.

Похороны князя Сергѣя Николаевича отличались удивительной, небывалой у насъ торжественностью. Всѣ помнящіе похороны Достоевскаго и Тургенева не могутъ не признать, что и по количеству участниковъ въ церемоніи, по характеру процессіи, ея внѣшнему виду и значенію похороны князя Трубецкого превзошли все то, чему мы были свидѣтелями въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Это, можно сказать, были, не боясь этого слова, первыя у насъ гражданскія похороны въ ихъ спеціальномъ политическомъ освѣщеніи, почему и помѣщаемъ здѣсь ихъ описаніе полностью, согласно показаніямъ освѣдомленнаго репортажа.

Въ воскресенье, 2-го октября, съ восьми часовъ утра потянулся длинной вереницей народъ по направленію къ Кирочной улицѣ, въ церковь клиническаго института великой княгини Елены Павловны, гдѣ находилось тѣло покойнаго. Несмотря на такой ранній часъ, пробраться въ церковь было невозможно, ибо на заупо-

койную литургію пропускали только по билетамъ. Къ девяти часамъ утра начали съѣзжаться современные общественные дѣятели и пріѣхала вдова покойнаго, княгиня Трубецкая, въ сопровожденіи родственниковъ: московскаго губернатора Г. И. Кристи, князя А. Н. Оболенскаго, сестры княгини Трубецкой, и дѣтей покойнаго князя.

Къ началу заупокойной литургіи собралась громадная толпа народа, стоявшая на улицѣ передъ церковью клиническаго института, въ ожиданіи выноса останковъ почившаго. Съ каждой минутой толпа все росла и росла. Изъ всѣхъ прилегающихъ къ клиникѣ улицъ вливалась ручейками публика на Кирочную улицу, образовавъ передъ церковью море головъ. Проѣздъ для экипажей былъ закрытъ. Пробраться ближе къ клиникѣ было невозможно, и эта масса народа растянулась отъ Парадной улицы до Суворовскаго проспекта. Руководили порядкомъ студенты, главнымъ образомъ С.-Петербургскаго университета, и порядокъ былъ идеальный. Всѣ студенты и курсистки выстроились шпалерами въ цѣпь по обѣ стороны улицъ, начиная отъ клинической церкви до Суворовскаго проспекта, черезъ Таврическую улицу. Въ свободное между шпалерами пространство изъ посторонней публики никого не пропускали; здѣсь только тянулись ряды несшихъ на рукахъ многочисленные вѣнки, по большей части обвитые красными лентами.

По окончаніи заупокойной литургіи, въ одиннадцать часовъ утра, гробъ съ останками почившаго князя С. Н. былъ вынесенъ изъ церкви на рукахъ студентами, установленъ на печальную колесницу и отвезенъ на Николаевскій вокзалъ. За гробомъ слѣдовали: вдова покойнаго, княгиня Трубецкая, московскій губернаторъ Г. И. Кристи, князь А. Н. Оболенскій, депутація отъ профессоровъ Московскаго университета, въ числѣ которыхъ находились: гг. Ключевскій, Зерновъ, Умовъ, Алексѣевъ и четыре студента Московскаго университета, несшіе впереди роскошный вѣнокъ изъ зелени, съ надписью: «отъ Московскаго университета—своему излюбленному и славному гражданину».

Кромѣ того, за гробомъ шли члены земско-городскихъ съѣздовъ В. Д. Набоковъ, Ф. П. Родичевъ, графъ В. В. Гудовичъ, А. А. Стаховичъ, Н. А. Оппель, К. К. Арсеньевъ, ректоръ С.-Петербургскаго университета И. И. Боргманъ, графъ А. Ѳ. Гейденъ, княгиня М. Д. Гагарина, А. И. Венцковскій, художникъ-профессоръ В. А. Беклемишевъ, присяжный повѣренный И. С. Маргуліесъ, группа адвокатовъ-поляковъ, возложившая на гробъ С. Н. чудный вѣнокъ съ надписями на польскомъ и русскомъ языкѣ: «Rzecznikowi wolności—koło adwokatów polaków w Petersburgu»—«Борцу за свободу—группы адвокатовъ поляковъ въ Петербургѣ». Въ составъ этой группы вошли присяжные повѣренные: гг. Валевскій, Лашкевичъ, Клечковскій, Недзвѣцкій, Осецкій, Хрисановскій, Сеневичъ и другіе.

Помимо этого здѣсь были представители: отъ бюро союза союзовъ, отъ петербургскаго академическаго союза, отъ союза сотрудниковъ періодическихъ изданій, отъ крестьянъ, отъ рабочихъ, союза учителей, отъ чиновниковъ мелкаго кредита, отъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, отъ петербургскихъ священниковъ, отъ управленія сберегательными кассами, отъ государственнаго банка въ Петербургѣ, отъ артистовъ императорскихъ петербургскихъ театровъ, отъ всероссійскаго делегатскаго съѣзда желѣзнодорожныхъ служащихъ, отъ многихъ газетъ и журналовъ, отъ мусульманъ, отъ гражданскихъ инженеровъ, отъ путейцевъ, отъ купцовъ, отъ приказчиковъ и масса другихъ.

Когда гробъ былъ привезенъ къ перрону Николаевскаго вокзала, гдѣ стоялъ вагонъ, обтянутый трауромъ, онъ былъ снятъ съ колесницы и на рукахъ студентовъ перенесенъ и установленъ въ вагонѣ. Студенты хоромъ пропѣли послѣдній разъ «Вѣчную память». Послѣ этого одинъ изъ студентовъ сказалъ рѣчь, часто упоминая о великомъ борцѣ за свободу науки и права всѣхъ народностей Россіи.

Для вѣнковъ потребовался спеціальный вагонъ, ибо вмѣстить около полутораста вѣнковъ въ одинъ вагонъ съ покойникомъ было невозможно.

2-го октября начальникъ военно-походной Его Величества канцеляріи, графъ А. Θ. Гейденъ, возложилъ на гробъ вѣнокъ отъ имени Его Величества Государя Императора.

Крестьяне Рыбацкой волости С.-Петербургскаго уѣзда, узнавъ о смерти князя С. Н. Трубецкого, рѣшили собрать по подписному листу необходимую сумму, отслужить панихиду и возложить на гробъ умершаго вѣнокъ съ надписью: «Борцу за права народа отъ крестьянъ Рыбацкой волости С.-Петербургскаго уѣзда». На панихидѣ присутствовало до 1.000 человѣкъ. Возложеніе вѣнка состоялось 1-го октября.

Вотъ дополнительный перечень главнѣйшихъ вѣнковъ, какъ символовъ выраженія настроенія многочисленныхъ общественныхъ группъ: серебряный вѣнокъ «отъ петербургскаго русскаго купеческаго собранія — лучшему представителю современной русской интеллигенціи», «отъ союза учителей—гражданину Русской земли», на красной лентѣ—«отъ бакинскихъ мусульманъ—борцу за равноправность всѣхъ народностей Россіи», «отъ членовъ императорской академіи наукъ—ректору Московскаго университета», «отъ Петербургскаго технологическаго института», «отъ студентовъ С.-Петербургской духовной академіи—философу-идеалисту и защитнику правъ гражданства», «отъ приватъ-доцентовъ и лаборантовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — славному гражданину и ректору обновленнаго университета», «отъ профессоровъ и преподавателей горнаго института», «отъ магистрантовъ-юристовъ С.-Пе-

тербургскаго университета — профессору-гражданину», «отъ медичекъ — безвременно почившему святому борцу гражданину, не дождавшемуся свѣтлыхъ дней», «отъ профессоровъ академіи художествъ — достойнѣйшему гражданину», «отъ бюро съѣзда промышленниковъ и торговцевъ—борцу за правду», отъ служащихъ Николаевской желѣзной дороги,—серебряный вѣнокъ—«борцу гражданину русскаго народа», «отъ redakcyi «Kraju»—szlachetnemu Rosjaninowi», «отъ «Права»—идеалисту-борцу», «отъ С.-Петербургскаго философскаго общества», «отъ общества гражданскихъ инженеровъ» «отъ гимназіи императорскаго человѣколюбиваго общества», «отъ учениковъ Тенишевскаго училища—борцу за лучшее будущее», «отъ учащихъ восьмиклассная коммерческаго училища въ Лѣсномъ» и масса другихъ.

Когда вѣнки были положены въ вагонъ, княгиня Трубецкая благодарила черезъ одного изъ студентовъ всѣхъ сопровождавшихъ гробъ покойнаго князя С. Н. за вниманіе, сочувствіе и проводы, оказанныя петербуржцами ея покойному супругу.

За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда гласный Петербургской думы Г. А. Фальборкъ, произнесъ приблизительно слѣдующую рѣчь: Сейчасъ поѣздъ унесетъ отъ насъ дорогой прахъ С. Н. Трубецкого. Позволю себѣ сказать ему послѣднее «прости». Пусть этотъ переѣздъ изъ Петербурга до Москвы привлечетъ выраженіе той же скорби, которая охватила всѣ слои Петербурга. За скорбью же Москвы загорится скорбь всей Россіи, которая отдала новую жертву приказному строю. Не будетъ уже среди насъ этого рыцаря свободы. Но сомкнемся же здѣсь, безъ различія взглядовъ, въ одну боевую дружину за тѣ права гражданина и человѣка, за которыя боролся С. Н. Пусть семья покойнаго найдетъ утѣшеніе въ общей скорби Россіи. Часъ освобожденія родины уже не за горами. Позвольте же къ сотнямъ вѣнковъ возложить еще одинъ—вѣнокъ нашей готовности вести эту борьбу за свободу, и съ этимъ послѣднее: «прости».

Не менѣе Петербурга трогательно отнеслась и первопрестольная Москва къ печальному событію. Москва проводила тѣло князя Трубецкого на мѣсто вѣчнаго упокоенія въ оградѣ Донского монастыря со всею тою широкою и серьезною сердечностью, на которую способны русскіе люди въ высшіе печальные дни нашей жизни. Десятки и десятки тысячъ людей стеклись по пути печальнаго шествія, и не одна слеза упала на путь слѣдованія траурной колесницы. У свѣжей могилы было сказано нѣсколько рѣчей, посвященныхъ памяти философа-гражданина; профессоры А. А. Мануйловъ, Л. М. Лопатинъ, г. Чубинскій и студентъ г. Закъ въ болѣе или менѣе пространныхъ рѣчахъ обрисовали образъ почившаго, какъ ученаго, какъ общественнаго дѣятеля и какъ человѣка въ его индивидуальной обыденной жизни. Его личный другъ,

проф. Л. М. Лопатинъ, такъ характеризовалъ князя Трубецкого со стороны «стильности его личности».

«Рѣдко встрѣчаются въ жизни люди съ такой цѣльной, съ такой стильной личностью, если можно такъ выразиться, высокимъ душевнымъ благородствомъ, для которой было недоступно ничто мелочное, пошлое, низкое или грязное,—сказалъ онъ.—Въ этомъ была основная стихія его существа, и притомъ въ его натурѣ соединились страшныя противоположности яснаго, могучаго, оригинальнаго ума, твердой, ничѣмъ неподкупной вѣры, а съ другой стороны—женская мягкость сердца и, рѣшусь сказать, какая-то дѣтская простота, жизнерадостность, неисчерпаемый юморъ, чисто юношеская воспріимчивость ко всему забавному. Въ послѣдніе дни на нашихъ университетскихъ совѣтахъ, измученный болѣзнью, истерзанный нравственными страданіями, своей службой, съ лицомъ умирающаго, онъ обманывалъ всѣхъ насъ ясною красотою своего душевнаго настроенія. О добротѣ его говорить не стану, она слишкомъ всѣмъ ясна. Сколько народу онъ спасъ, скольким помогъ, о скольких хлопоталъ! Укажу еще на полное отсутствіе у него какого нибудь тщеславія и какого нибудь озлобленія. Онъ былъ одинаково простъ, одинаково сердеченъ и тогда, когда былъ увлекающимся студентомъ, мало кому извѣстнымъ, и когда достигъ высокой славы и всеобщаго признанія. Свѣтлымъ онъ прошелъ среди насъ и свѣтлымъ ушелъ въ тотъ міръ, въ который онъ такъ непоколебимо, такъ ясно, такъ живо вѣрилъ».

Князю С. Н. Трубецкому не суждено было дожить до нашихъ дней, когда мы впервые нервно вдыхаемъ въ себя вешнія волны гражданской свободы; нить его жизни оборвалась на зарѣ этой свободы, къ которой онъ такъ горячо призывалъ во всю свою короткую жизнь, и необходимость которой имъ обосновывалась не только соображеніями практическаго свойства, но и теоретическими построеніями, служившими коренными началами всей его ученой дѣятельности, какъ философа-метафизика и апологета созидательной работы на началахъ христіанскаго міропониманія. Поэтому, если признательные соотечественники когда нибудь воздвигнутъ князю Сергѣю Николаевичу Трубецкому рукотворный памятникъ съ надписью на немъ: «мирному борцу за гражданскую свободу», то пусть они не забудутъ помѣстить тутъ же и его философское изреченіе, характеризующее его, какъ ученаго философа: «философія, будучи идеальной образующей силой, является вмѣстѣ съ тѣмъ величайшей освобождающей силой человѣчества, снимающей съ него оковы духовнаго рабства, указывающей ему путь истинной свободы».

Б. Глинскій.

ФРАНЦЪ ПРЕШИРНЪ.

Санктъ-Петербургъ 27-го августа привѣтствовалъ телеграммой г. Любляну (Лайбахъ) по случаю открытія тамъ памятника крупнѣйшему изъ словинскихъ поэтовъ, Францу Прешириу (или Прешерну) [1]), панславист у, создавшему стихотворную форму и литературный языкъ словинцевъ,—теперь полуторамилліоннаго народа, мечтающаго уже о собственномъ университетѣ.

Европа единодушно откликнулась на это національное торжество, приславъ делегатовъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и представителей южно-славянскихъ народностей. Только обширная Русь ограничалась телеграммой петербургскаго городского управленія... О Прешириѣ слѣдуетъ напомнить хотя въ нѣсколькихъ словахъ. Сынъ неособенно зажиточныхъ крестьянъ Верхней Крайны, онъ приготовлялся сначала для поступленія въ священническій санъ, но вскорѣ отказался отъ этой мысли и сталъ изучать правовѣдѣніе; сдѣлавшись впослѣдствіи ярымъ противникомъ клерикализма, поэтъ-юристъ вступилъ въ открытую борьбу съ католическимъ духовенствомъ.

Духовные отцы невольно отмстили ему потомъ за свои обиды въ лицѣ душеприказчика Прешириа, отчаяннаго фанатика, священника-ультрамонтана, который сжегъ большинство лучшихъ стихотвореній, оставшихся въ бумагахъ поэта, очевидно, по-маккіавель-

---

[1]) На русскомъ языкѣ стихотворные переводы изъ него см. въ сборникахъ: «Поэзія славянъ» Гербеля, «Славянская муза» В. Уманова-Каплуновскаго, «Стихотворенія Прешириа» Ѳ. Корша и «Словинскіе поэты» Н. Новича.

ски, ни предъ чѣмъ не останавливаясь для достиженія намѣченной цѣли.

Постоянная нужда, служебныя неудачи, профессія адвоката, не вполнѣ отвѣчавшая идеаламъ поэтической души (кстати замѣчу, что и здѣсь Прешпрнъ заявилъ себя гуманистомъ), любовь безъ взаимности, наконецъ, равнодушіе современниковъ, предпочитавшихъ ему другихъ поэтовъ (они оцѣнили Прешпрна только послѣ его смерти),—все это омрачало его, выработало изъ него пессимиста, налагало на него печать несчастливца въ теченіе всей, правда, непродолжительной жизни (1800—1848 гг.).

Поэтъ въ правѣ былъ говорить о себѣ:

Я мчусь, отчаяньемъ гонимъ,
И нѣтъ на свѣтѣ уголка,
Гдѣ бъ унялась моя тоска.

(Пер. Ѳ. Коршъ).

Или въ другомъ мѣстѣ:

Хотя не вѣдалъ я, что̀ значитъ жизни цвѣтъ,—
Такъ лепестки его мгновенно осыпа̀лись,
Хоть рѣдко мнѣ мерцалъ надежды кроткій свѣтъ
Изъ тучъ, что̀ надо мной широко разстилались,
Но дороги душѣ, о юность, эти дни!
Ихъ сердцу не забыть! Господь тебя храни!
Отъ горькаго плода познанья я вкусилъ—
И жгучій ядъ его терзалъ мой умъ довольно;
Я о любви мечталъ, одной любви просилъ,—
Съ разсвѣтомъ дня мечты разсѣялись невольно...

(Пер. М. Петровскій).

Жизнь, по его мнѣнію, — тюрьма, смерть — другъ, «кто бѣднякомъ родился—не выплыветъ».

Въ вѣкъ Прешпрна господствовали двѣ идеи: идея иллиризма (хорватское общекультурное объединеніе славянъ) и нѣмецкое вліяніе, стремившееся онѣмечить славянъ.

Прешпрнъ не увлекался ни той, ни другой и проводилъ въ жизнь собственную національную словинскую идею, одухотворивъ ее своими глубокопрочувствованными стихотвореніями.

Прешпрнъ очень разнообразенъ по формѣ: народныя пѣсни, сонеты, газали, мадригалы нашли въ немъ искуснаго техника; при этомъ—удивительная пластичность, задушевность, изумительное проникновеніе въ красоты природы, умѣнье владѣть простой, сжатой рѣчью.

Въ настоящее время языкъ Прешпрна хотя нѣсколько и устарѣлъ, но произведенія его все еще широко обращаются въ народныхъ кругахъ и, слѣдовательно, пока не перешли въ отжившую область исторіи. Къ лучшимъ изъ нихъ принадлежатъ: лириче-

ская поэма «Krst pri Savici» («Крещеніе при Савицѣ»), знакомящая насъ съ эпохой принятія словинцами христіанства, баллада «Розамунда», элегическое стихотвореніе «Неповѣнчанная», заключающее въ себѣ трогательное обращеніе матери къ «незаконному» ребенку:

Ахъ, зачѣмъ на свѣтъ явилося
Ты, дитя мое прекрасное?
Ты зачѣмъ мнѣ, красной дѣвицѣ,
Неповѣнчанной, досталося?
Проклиналъ меня, билъ батюшка;
Мать рыдала, дочь жалѣючи,
И родные-то стыдилися,
Насмѣхалися знакомые.
Да и тотъ, что̀ милъ и любъ-то мнѣ,
Твой родитель, ненаглядный мой,
Богъ вѣсть гдѣ, скитаясь по міру,
Позабылъ насъ и чурается...

(Изъ «Славянской музы»).

«Неповѣнчанная», — стихотвореніе, такъ сказать, «крестьянское», какъ по содержанію, такъ и по формѣ,—весьма характерно для Прешириа, какъ истиннаго народнаго поэта.

Открытіе памятника ему въ Люблянѣ—отрадное явленіе, свидѣтельствующее о культурномъ ростѣ маленькаго народа, не оказавшагося неблагодарнымъ по отношенію къ своему учителю и вѣщему пророку, завѣщавшему каждому словинскому поэту «познать свое призванье и покорно страдать».

Словинцы послѣ Прешириа могутъ гордиться уже цѣлымъ рядомъ славныхъ поэтическихъ именъ: Лавра Томана, Веселя-Косескаго, Цегнаря, Левстика, Грегорчича, Ашкерца и другихъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

БАРОНЪ ФОНЪ-ШТЕЙНЪ

при русской главной квартирѣ [1]).

(1812—1815).

IV.

Въ БОРЬБѢ между Наполеономъ и его противниками съ самаго начала сказались двѣ противоположныя тенденціи.

Идя по слѣдамъ якобинцевъ и опираясь на національно объединенную Францію, Наполеонъ задавался перекройкою по-своему покоившейся на основѣ Вестфальскаго трактата системы европейскихъ государствъ.

Въ свою очередь, законныя династіи возстали въ защиту освященнаго преданіями старины общественнаго строя, но Наполеонъ иныя смелъ совсѣмъ, другія же, хотя и продолжали съ нимъ бороться, успѣха не имѣли, доколѣ руководились способами и средствами государственнаго искусства, завѣщанными стариною XVIII вѣка. Лишь когда европейскія династіи сознательно или безсознательно начали добиваться и достигать поддержки самихъ націй, сказался поворотъ въ ихъ пользу.

Испанская война, русскіе партизаны и пробужденіе въ Москвѣ національнаго самосознанія, преобразованіе въ Пруссіи военнаго уклада на началѣ всеобщей воинской повинности и позднѣйшее

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 217.

присоединеніе къ коалиціоннымъ войскамъ нѣмецкихъ ополченій—все это обезпечило побѣду за сплотившимися противъ Наполеона европейскими династіями.

Но если задать себѣ вопросъ, какіе же коалиціонные элементы, по ниспроверженіи Наполеона, заручились львиною долею цѣны за одержанныя побѣды, то несомнѣнный отвѣтъ гласитъ—почти исключительно царственныя династіи; тѣ изъ династій, которыя были сметены революціоннымъ выскочкою, возвратились въ свои владѣнія вспять, другія же вступили въ покойное и невозбранное обладаніе прежними правами и доходами. Единственно только въ Испаніи, согласно конституціи 1812 г., нація сумѣла удержать за собою существенное участіе въ управленіи общественными дѣлами, да на Скандинавскомъ сѣверѣ норвежскій народъ, несмотря на попытки кабинетской политики жаднаго до территоріальныхъ захватовъ Бернадотта обратить массу въ безправное стадо, упорно добивался закрѣпленія своихъ неотъемлемыхъ правъ въ конституціонномъ актѣ.

Та же нація, которая понесла особенно много жертвъ въ эпоху освободительныхъ войнъ, вышла изъ нихъ попрежнему совершенно обездоленною. Единство, къ которому нѣмецкій народъ стремился и котораго добился на поляхъ битвъ, по замиреніи не было закрѣплено государственными установленіями, и ни одна изъ династій, между которыми распредѣлилось властвованіе надъ нѣмцами, и не подумала предоставить своимъ подданнымъ сколько нибудь опредѣленныхъ правъ на соучастіе въ государственномъ управленіи. Мало того, по сравненію съ распорядками, существовавшими до начала борьбы противъ революціи, положеніе нѣмцевъ даже ухудшилось, ибо, несмотря на несовершенство павшей Германской имперіи, въ ней имѣлись налицо и слабо организованная центральная власть и въ большей части областей сословія, правда, имѣвшія устарѣлый строй. Эти послѣдніе слѣды единства и вольностей были сметены прочь Рейнскимъ союзомъ, но державные его соучастники, благодаря одному присутствію среди нихъ грубаго протектора, стѣснялись проявлять чрезмѣрныя державныя притязанія, но теперь, по насмѣшкѣ судьбы, оружіе борцовъ за освобожденіе только развязало въ этомъ отношеніи руки нѣмецкимъ государямъ. Особенную остроту въ сознаніе политической безправности у нѣмецкаго народа вносилъ тотъ фактъ, что даже побѣжденные французы въ 1814 г. вступили въ обладаніе правами, значительно превысившими тѣ вольности, какія свергнутый императоръ предоставлялъ своимъ подданнымъ, въ видѣ результата освободительныхъ революціонныхъ вѣяній.

Въ письмѣ къ государю Александру Павловичу, отъ 9-го іюля 1814 г., Штейнъ описываетъ отчаяніе, охватившее всю Германію и сказавшееся далеко недвусмысленно. Народъ, пишетъ Штейнъ,

сознаетъ за собою силу и сравниваетъ положеніе, на которое его обрекли, съ тѣмъ, на что онъ въ правѣ былъ бы разсчитывать, и что ему сулили цѣлыхъ два года. Народу дали въ руки оружіе для обороны отъ вторженія иноземцевъ, и онъ повсемѣстно проявилъ въ этомъ отношеніи полную благонадежность, но этимъ же оружіемъ онъ можетъ, пожалуй, отплатить и своимъ притѣснителямъ-деспотамъ, какъ называетъ Штейнъ нѣмецкихъ государей; послѣдніе держатся особнякомъ отъ массы населенія, которую чинимыя надъ нею злоупотребленія и насилія возстановляютъ противъ временщиковъ и министровъ, далеко не вселяющихъ къ себѣ почтенія. «Единственно только нѣмцы подчинены столь же унизительной, какъ и смѣшной тираніи. Неужели и впрямь можно думать, что на ихъ перья, руки и языки наложены несокрушимыя путы?»

Никто столь ясно не сознавалъ всей тягостности безправія, какъ великій патріотъ, страстно и настойчиво боровшійся за благо своей родины. То, чего Штейну не удалось достигнуть въ Парижѣ, онъ разсчитывалъ осуществить въ Вѣнѣ, но конгрессъ откладывался, мелкіе нѣмецкіе государи къ планамъ Штейна сочувствія не питали, а главы коалиціи, до императора Александра включительно, относились къ этимъ планамъ съ большою вялостью. Штейнъ не могъ не сознавать, что отношенія къ нему государя охладѣли. Въ мартѣ 1812 г., русскаго императора и нѣмецкаго патріота тѣсно объединила общая цѣль—низверженіе Наполеона, но чѣмъ болѣе близилось это событіе, тѣмъ сильнѣе выступала между ними рознь, ибо государь по побужденіямъ націоналистическимъ то тѣсно сближался съ Меттернихомъ, то усиленно поддерживалъ Францію. Правда, для того, чтобы порвать тѣсную связь, установившуюся въ годину бѣдствій, требовалось время, а зрѣлое размышленіе убѣждало Штейна, что Александръ—единственный изъ государей, на благожелательности котораго еще можно строить надежды. Поэтому, когда, въ іюлѣ 1814 г., государь возвратился изъ путешествія въ Лондонъ, Штейнъ поспѣшилъ въ Брухзаль, гдѣ императоръ гостилъ у родственнаго ему великаго герцога Баденскаго, и сумѣлъ найти случай ознакомить Александра Павловича съ желаніями нѣмецкихъ патріотовъ. Съ обычною ему прямотою и рѣзкостью Штейнъ очертилъ предъ государемъ нѣмецкихъ деспотовъ-насильниковъ: полное ничтожество одного, лѣнь, лукавство и скупость другого, гаремныя наклонности и султанскую испорченность третьяго; они не уважаютъ ни общественнаго мнѣнія, ни обычаевъ, ни священнѣйшихъ обязанностей, завѣщанныхъ имъ предками, они унижаютъ и давятъ средніе классы, а народную массу обременяютъ налогами и повинностями; пощаду у нихъ находятъ лишь тѣ, кто мирволитъ ихъ слабостямъ: такъ, въ Дармштадтѣ милости изливаются на актеровъ и музыкантовъ,

а въ Штутгартѣ—на любимцевъ и на всячески оберегаемыхъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ дикихъ звѣрей. Штейнъ не преминулъ оттѣнить, насколько въ разрѣзъ съ такимъ произволомъ идетъ политика самого царя, который подтвердилъ за финнами исконныя ихъ вольности и озабоченъ даже съ мятежными поляками установить дружелюбное соглашеніе. «Такъ какъ личное положеніе государя устраняетъ всякія подозрѣнія въ предубѣжденіи въ пользу единичныхъ народностей и въ тяготѣніи къ однѣмъ общественнымъ кастамъ въ ущербъ другихъ», то Штейнъ умолялъ государя повліять на то, чтобы за Германіею были наконецъ обезпечены сносный общественный порядокъ и національное благоденствіе. Штейнъ провелъ въ Брухзалѣ въ тѣсномъ общеніи и бесѣдахъ съ государемъ почти недѣлю, съ 9-го по 14-е іюля, но и на сей разъ не добился никакихъ положительныхъ обѣщаній отъ Александра—на нетерпѣливыя недоумѣнія Штейна ему только дѣлались посулы разрѣшить нѣмецкія дѣла къ полному его удовольствію на предстоящемъ Вѣнскомъ конгрессѣ.

Казалось бы, что въ этомъ случаѣ за всѣ услуги, оказанныя коалиціи, Штейнъ могъ бы разсчитывать хоть на Вѣнскомъ конгрессѣ занять подобающее и опредѣленное положеніе, тѣмъ болѣе, что его друзья и поклонники не уставали твердить, будто его знанія и опытность на совѣщаніяхъ конгресса окажутся не замѣнимыми. Онъ дѣйствительно и былъ приглашенъ на конгрессъ, только безъ всякихъ точныхъ полномочій.

Съ тѣхъ поръ какъ Штейнъ покинулъ Пруссію, онъ на королевской службѣ не считался и могъ бы принять тамъ постъ только перваго министра, но Фридрихъ-Вильгельмъ, конечно, и не помышлялъ промѣнять покладливаго Гарденберга на Штейна, заподозрѣннаго «въ злонамѣренной узурпаціи королевскихъ прерогативъ». Хотя на Вѣнскій конгрессъ Штейна усиленно приглашалъ Александръ Павловичъ, но и онъ не имѣлъ въ виду назначать Штейна уполномоченнымъ отъ Россіи. Приглашался Штейнъ въ рангѣ какого-то наперсника—довѣреннаго совѣтчика и друга императора. Государь разсчитывалъ, что самолюбіе Штейна будетъ достаточно польщено наружными знаками довѣренности, а это дастъ возможность использовать его знанія и опытъ въ томъ направленіи, какое отвѣчало сокровеннымъ интересамъ и стремленіямъ самого Александра. Такимъ образомъ фактически Штейнъ лишался самостоятельности и возможности направлять какія либо дѣла помимо того русла, какое признавалось желательнымъ верховнымъ рѣшителямъ судебъ Европы.

На взглядъ поверхностныхъ цѣнителей вліяніе Штейна на Вѣнскомъ конгрессѣ должно было оказаться огромнымъ, на самомъ же дѣлѣ ему отмежевана была неблагодарная роль изрекать совѣты, подавать меморандумы и ноты, дѣлать словесныя увѣщанія, но ими

или не пользовались вовсе, или же предложенія Штейна перeиначивались до неузнаваемости.

А между тѣмъ, по общему отзыву почитателей Штейна, на Вѣнскомъ конгрессѣ не было дѣятеля, болѣе твердаго по убѣжденіямъ и болѣе вдумчиваго и трезваго въ отношеніи предлагаемыхъ имъ совѣтовъ, и даже далеко не тароватый на похвалы Михайловскій-Данилевскій, сопровождавшій императора Александра на Вѣнскій конгрессъ, въ своемъ дневникѣ, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» за 1899 г., отмѣчая огромныя познанія Штейна, его необычайную память, ораторскій талантъ и несокрушимую энергію, признается, что въ глазахъ ближайшаго антуража императора баронъ слылъ за непререкаемаго оракула, къ которому охотно обращались во всѣхъ чрезвычайныхъ и сомнительныхъ случаяхъ и затрудненіяхъ. Несмотря на неопредѣленность положенія Штейна, общественное мнѣніе видѣло въ немъ истиннаго выразителя народныхъ пожеланій и героя, и сильный только своимъ именемъ нѣмецкій патріотъ осаждался безчисленными просьбами и домогательствами. Владѣтели мелкихъ княжествъ хлопотали предъ нимъ о прирѣзкахъ къ своимъ владѣніямъ, медіатизированные князья и графы искали чрезъ него компенсацій за утраченныя державныя права, лица, области, города и корпораціи, ссылаясь на свои заслуги дѣлу освобожденія, домогались привилегій, а памятуя о недавнемъ еще времени, когда Штейнъ, въ качествѣ главы центральнаго управленія, вершилъ судьбы Германіи, каждый нѣмецъ обращался къ бывшему правителю, словно онъ и въ Вѣнѣ судьбами міра распоряжался всевластно [1]).

Всѣ восторженныя надежды, какія возлагались на Вѣнскій конгрессъ, являлись, однако же, болѣе чѣмъ сомнительными; по крайней мѣрѣ, Штейнъ и къ самой идеѣ конгресса и къ вѣнскимъ ея проявленіямъ относился скептически.

Понятіе о полной равноправности участниковъ, составлявшее одинъ изъ интегральныхъ элементовъ идеи конгресса, на самомъ дѣлѣ въ Вѣнѣ признавалось скорѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ: хотя исконная династія Франціи, теперь возстановленная, и признавалась главами коалиціи имъ дружественной, и Франція была допущена къ участію въ занятіяхъ конгресса, тѣмъ не менѣе установившаяся на сотнѣ боевыхъ полей національная рознь не подлежала устраненію на конгрессѣ по мановенію ока; къ тому же въ самый текстъ Парижскаго договора была включена статья, прозрачно намекавшая на желаніе побѣдителей и впредь, по важнѣйшимъ дѣламъ, совѣщаться только между собою и дѣйствовать сообща.

---

[1]) Saint-René Taillandier, loc. cit., стр. 78.

Опираясь на эту именно статью, Штейнъ настаивалъ на томъ, чтобы нѣмецкія дѣла на конгрессѣ были отдѣлены отъ прочихъ, дабы Франція не имѣла поводовъ ко вмѣшательству въ эту область.

Исторія, внушалъ Штейнъ Александру, въ теченіе уже цѣлыхъ пяти столѣтій являетъ неизмѣнныя доказательства тому, что политика Франціи всегда клонилась къ поддержанію раздоровъ и броженія. «Къ сожалѣнію, эта политика питалась на счетъ эгоизма и вѣроломства княжескихъ дворовъ Германіи, и послѣдніе лишь въ недавнее время были вынуждены военными успѣхами союзниковъ примкнуть къ благому дѣлу». Поэтому Штейнъ и предлагалъ разрѣшеніе вопросовъ, касающихся территоріальныхъ расширеній и государственнаго устройства нѣмецкихъ государствъ, передать на разсмотрѣніе и разрѣшеніе тѣхъ великихъ державъ, которыя имѣютъ владѣнія въ самой Германіи, т.-е. Австріи, Пруссіи и Англіи-Ганновера. Въ общей же совокупности коалиціонныя державы (т.-е. тѣ же Австрія, Пруссія и Англія-Ганноверъ, со включеніемъ сюда и Россіи) имѣли образовать какъ бы высшую инстанцію для окончательнаго обсужденія вопросовъ, подготовленныхъ и разработанныхъ въ нѣмецкой комиссіи, въ цѣляхъ согласованія ихъ съ интересами европейскаго равновѣсія.

Со свойственною ему прямотою Штейнъ какъ до открытія Вѣнскаго конгресса, такъ и въ засѣданіяхъ нѣмецкой комиссіи на конгрессѣ выступилъ поборникомъ за вольности «сословій».

Гостя въ Брухзалѣ, Штейнъ безъ всякихъ околичностей съ рѣзкостью выговаривалъ герцогу Баденскому за произволъ и небрежность его правительства, и тотъ благодушно извинялся предъ барономъ въ своихъ провинностяхъ; съ такими же рѣзкими обличеніями дѣйствій Баденскаго правительства Штейнъ выступалъ въ Вѣнѣ предъ русскою императрицею Наталіею Алексѣевною, урожденной принцессою Баденской, настаивая на сословномъ представительствѣ и отвѣтственности перваго министра. Въ конституціонномъ же смыслѣ высказывался Штейнъ предъ наслѣдными принцами королевствъ Виртембергскаго и Баварскаго, и встрѣтилъ въ нихъ полное сочувствіе.

Но такіе успѣхи были слишкомъ ничтожны и для общаго успѣха германскихъ плановъ Штейна рѣшающаго значенія имѣть не могли. Штейнъ прекрасно понималъ скрытыя пружины дѣйствій главъ коалиціи и не скрывалъ своихъ опасеній предъ близкими ему людьми.

«Двоедушный императоръ Францъ, прикрывающій итальянское свое лукавство тирольскимъ добродушіемъ, легкомысленный, но дальновидный и дѣятельный «византіецъ», императоръ Александръ, и эгоистичные англичане,—всѣ они прекрасно столковались и выторговали себѣ каждый все имъ нужное, и соглашенія эти, пожалуй, даже закрѣпили на бумагѣ; одна только Пруссія на кон-

грессъ пожаловала съ туманными пожеланіями и предположеніями, но король Фридрихъ-Вильгельмъ слишкомъ робокъ и слабоуменъ (blöd), чтобы добиться отъ своихъ любезныхъ братьевъ, Александра и Франца, желанныхъ ему выгодъ»,—признавался Штейнъ Арндту [1]).

При такихъ условіяхъ пытаться согласить путемъ личныхъ убѣжденій всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлахъ Германіи государей и ихъ уполномоченныхъ Штейнъ и разсчитывать не могъ; поэтому онъ предпочелъ дѣйствовать на конгрессѣ и въ нѣмецкой комиссіи въ открытую, настойчиво домогаясь признанія за «земскими сословіями» коренныхъ правъ закономѣрной общественности, а именно дачи сословіями согласія на податное обложеніе, участія въ надзорѣ за расходованіемъ принимаемыхъ сословіями налоговъ и податей, права голоса въ законодательствѣ и права возбужденія преслѣдованія противъ министровъ и высшихъ государственныхъ чиновниковъ въ случаѣ неправомѣрности ихъ дѣйствій и злоупотребленія властью. «Если мы этого не добьемся на конгрессѣ, то все, что бы мы ни сдѣлали, ни къ чему не послужитъ»,—утверждалъ Штейнъ.

Въ сущности Штейнъ взывалъ къ коалиціоннымъ державамъ только о подтвержденіи и развитіи тѣхъ самыхъ началъ, которыя были закрѣплены резолюціями совѣта коалиціонныхъ министровъ и даже утверждены высочайшею властью непосредственно вслѣдъ за заключеніемъ Шомонскаго договора [2]).

Хотя противники Штейна (какъ, напримѣръ, гр. Мюнстеръ) и утверждали на конференціяхъ, будто только «жажда отличиться» двигаетъ нѣмецкими демагогами, и будто ихъ стараніями вмѣсто свободы въ Германіи расплодятся только распри и всякія напасти, Штейнъ своимъ оппонентамъ возражалъ: «Благодаря долголѣтней эмиграціи изъ Германіи, вы послѣднюю совсѣмъ не знаете; поэтому въ 1812 и 1813 годахъ вы мало довѣряли энергіи нѣмцевъ, а теперь выдумали какихъ-то нѣмецкихъ демагоговъ и демократовъ». Свести дѣло народнаго представительства на совѣщательное право и заявленіе ходатайствъ о народныхъ нуждахъ представлялось Штейну дѣломъ вопіющимъ.

Въ этомъ случаѣ весь институтъ народнаго представительства, по мнѣнію Штейна, превратился бы въ нескладную самодѣльщину (Machwerk), къ которой никакой разумный человѣкъ и рукъ своихъ прикладывать не захотѣлъ бы, ибо такія преобразованія не только не поднимаютъ духа націи, но только еще болѣе ее принижаютъ. Тутъ графъ Мюнстеръ довольно неожиданно перешелъ на сторону

---

[1]) Arndt. Meine Wanderungen, стр. 248.

[2]) См. выше главу III—въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», стр. 250.

Штейна и рѣшительно высказался за четыре пункта, заявленные Штейномъ, какъ минимумъ правъ, имѣющихъ быть усвоенными за земскими сословіями Германіи. Не только Гарденбергъ, но и Меттернихъ на это возраженій не представили, и заявленіе графа Мюнстера было введено въ постановленіе нѣмецкой комиссіи, безпрекословно подписанное всѣми сочленами 21-го октября. Несмотря на достигнутый въ этомъ засѣданіи успѣхъ, Штейнъ относился, и не безъ основанія, съ полнымъ и нескрываемымъ недовѣріемъ къ главнымъ уполномоченнымъ Австріи и Пруссіи въ нѣмецкой комиссіи. Личинѣ сочувствія справедливымъ домогательствамъ сословій, надѣтой на себя Меттернихомъ, Штейнъ вѣрить не могъ, такъ какъ давно уже разгадалъ въ австрійскомъ канцлерѣ «личность двусмысленную и суетную»; равнымъ образомъ давно Штейнъ извѣрился и въ Гарденберга и, говоря о засѣданіи 21-го октября, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что прусскій государственный канцлеръ всегда предпочитаетъ ставить латки и заплаты тамъ, гдѣ надо прибѣгать къ радикальнымъ средствамъ исцѣленія, и что, конечно, и въ этомъ дѣлѣ Гарденбергъ, пожалуй, даже самъ того не сознавая, явится только бюрократическимъ приспѣшникомъ деспотизма.

Желая обезпечить болѣе прочный успѣхъ «вольностямъ сословій», Штейнъ счелъ нужнымъ обратиться къ общественному мнѣнію Германіи путемъ печати; одновременно съ этимъ онъ снова и неоднократно пытается привлечь на сторону своихъ домогательствъ императора Александра. Въ письмѣ къ государю, отъ 4-го ноября 1814 года, Штейнъ особенно останавливается на честолюбивыхъ стремленіяхъ Виртембергскаго и Баварскаго правительствъ, преслѣдующихъ лишь партикуляристическія и деспотическія цѣли, и распространяется на ту тему, что въ интересахъ Европы лежитъ вывести Германію изъ положенія нестройнаго скопища угнетателей и угнетаемыхъ. Поэтому Штейнъ убѣждалъ государя поощрить Пруссію и Австрію къ болѣе искреннему проведенію тѣхъ общественныхъ преобразованій, какія имъ обѣщались подданнымъ, когда тѣхъ призывали дружно возстать противъ Наполеона.

Къ своему письму Штейнъ не преминулъ приложить проектъ ноты, которую государь, однако же, нашелъ слишкомъ рѣзкой, и преподалъ Штейну самоличныя указанія на счетъ ея смягченія. Русская нота, смягченная и уже 11-го ноября 1814 года врученная королю Фридриху-Вильгельму и императору Францу [1]), не скрываетъ недовѣрія къ Гарденбергу и Меттерниху и высказывается весьма сочувственно въ пользу домогательствъ сословій, но

---

[1]) Она напечатана цѣликомъ у Клюбера, т. I, стр. 61 и сл. и у Пертца т. IV, стр. 150 и сл.

Меттернихъ во избѣжаніе болѣе ясной постановки конституціоннаго вопроса поспѣшилъ успокоить государя увѣреніями, будто нѣмецкія дѣла въ комиссіи уже получили наилучшее направленіе.

Въ теченіе свыше двадцати лѣтъ Штейнъ мечталъ о возрожденіи Германіи и объединеніи ея въ духѣ національномъ и либеральномъ. И вотъ теперь въ Вѣнѣ, когда дѣло дошло до окончательнаго рѣшенія судебъ Германіи, Штейну, какъ и прежде, приходилось всѣ расчеты строить только на благожелательной поддержкѣ Александра, расположеніе котораго къ нему уже было поколеблено. Штейнъ Александра долженъ былъ склонять на свои проекты, отъ Александра должно было исходить одобреніе на возрожденіе германскаго единства—положеніе, по меньшей мѣрѣ, странное и для Штейна и для Германіи!

Идеалами, какіе преслѣдовалъ Штейнъ, вѣнскіе дипломаты въ сущности мало интересовались, и это одиночество было тѣмъ несноснѣе, что къ Штейну участники конгресса постоянно обращались за справками и разъясненіями относительно наличнаго положенія и управленія тѣхъ или другихъ областей, которыя за послѣдніе годы находились въ завѣдываніи Штейна и были ему знакомы лучше, чѣмъ всякому другому. Очутившись въ роли эксперта-консультанта, всѣмъ нужнаго, но не пользующагося ни кредитомъ, ни вліяніемъ, Штейнъ часто раздражался, и, по свойственной ему необузданности нрава, этимъ именно настроеніемъ и объясняются многочисленныя его вспышки и рѣзкости, занесенныя въ лѣтописи Вѣнскаго конгресса. Такъ, когда уполномоченный отъ Дессау президентъ фонъ-Вольфрамсдорфъ вздумалъ настойчиво докучать Штейну своими ходатайствами и проникъ къ нему непрошенный въ кабинетъ, Штейнъ вскочилъ и, схвативъ гостя за плечи, вытолкалъ его за двери. Въ другой разъ, на балу у графа Штакельберга, на бестактную выходку наслѣднаго принца Виртембергскаго, вздумавшаго обвинять Штейна въ томъ, будто онъ анонимно отозвался въ «Рейнскомъ Меркуріи» о принцѣ, что тотъ давно уже пересталъ быть добропорядочнымъ нѣмцемъ, Штейнъ, грозя кулакомъ предъ лицомъ принца, закричалъ на весь залъ: «C'est le propos le plus indécent et gare, qui le répétera» [1]).

Раздражительность Штейна въ эту пору объясняется еще и тѣмъ, что онъ сознавалъ, насколько у его заступника и опоры, императора Александра, интересъ къ нѣмецкимъ дѣламъ блѣднѣетъ предъ тѣми польскими интересами, которые онъ довольно произвольно отождествлялъ съ русскими.

Тогда, какъ еще по Калишскому договору за Пруссіею, а по Рейхенбахскому — за Австріею было подробно оговорено право на

---

[1]) «Это совершенно неприличный намекъ, и горе тому, кто его повторитъ». Varnhagen v. Ense, Denkwürdigkeiten, часть IV, стр. 189, 260 passim.

возстановленіе такого объема территорій и населенія, какія этимъ государствамъ принадлежали до пораженій 1805 и 1806 г., а съ 1814 г. фактически Австрія уже достигла въ общемъ осуществленія своихъ надеждъ путемъ оккупаціи итальянскихъ областей, для Пруссіи же болѣе или менѣе обезпечивались виды на вознагражденіе за счетъ Саксоніи,—императоръ Александръ упорно воздерживался отъ точнаго формулированія своихъ желаній. Впрочемъ, при посѣщеніи Чарторижскаго въ Пулавахъ предъ отъѣздомъ въ Вѣну, въ сентябрѣ 1814 г., Александръ высказывался предъ своимъ другомъ совершенно категорично: «Въ 1812 году я не могъ сдержать могущественнаго вражескаго напора, но рѣшилъ бороться. Морозъ и голодъ мнѣ помогли, и Господь Богъ покаралъ Наполеона. Теперь Польша занимаетъ меня больше всего остального. Я отправляюсь на конгрессъ, чтобы поработать именно въ интересахъ Польши, но дѣло это придется вести медленно, шагъ за шагомъ. Польша имѣетъ трехъ враговъ: Пруссію, Австрію и Россію, и одного единственнаго доброжелателя въ моемъ лицѣ. Вздумай я добиваться присоединенія Галиціи къ Польшѣ, вспыхнетъ война. Пруссія же согласится на возстановленіе Польши, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пруссакамъ уступили часть Великой Польши. Я же постараюсь добиться того, чтобы наши польскія провинціи увеличены было присоединеніемъ около 12 милліоновъ населенія» [1]).

Только въ Вѣнѣ, непосредственно предъ открытіемъ конгресса, выступилъ наконецъ Александръ съ опредѣленнымъ и яснымъ заявленіемъ о своихъ домогательствахъ. Изъ владѣній великаго герцогства Варшавскаго Александръ поступался обѣщанною Пруссіи по Калишскому договору сравнительно незначительною территоріею, которая отдѣляла Старо-Прусскія земли отъ Силезіи, а Австріи уступалъ соляныя копи въ Величкѣ съ территоріею въ 6 кв. миль съ 16-тю тысячами жителей. Остальныя владѣнія великаго герцогства Варшавскаго государь желалъ возстановить въ видѣ конституціоннаго королевства Польскаго, объединивъ его съ Русскою имперіею на правѣ личной уніи [2]).

Въ конференціи 19-го сентября Нессельроде сдѣлалъ державамъ сообщеніе лишь о планахъ государя на счетъ территоріальныхъ расширеній; дальнѣйшія же объясненія Нессельроде о возстановленіи Польши, въ формѣ конституціоннаго королевства, послѣдовали только въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Домогательства свои Александръ обосновывалъ тѣмъ, что герцогство Варшавское имъ было завоевано правомѣрными военными дѣйствіями въ ту еще пору, когда ни Пруссія, ни Австрія не поступались

---

[1]) Шильдеръ, т. III, стр. 267. Dębicki. Pulawy, II, стр. 220.

[2]) Инструкція государя Нессельроде отъ августа 1814 г. См. Шильдеръ: Александръ I, т. III, стр. 536 и сл.

союзомъ съ Франціею; что Россія въ 1812 году своимъ героическимъ сопротивленіемъ привела великую армію Наполеона къ катастрофѣ, а двумя послѣдовавшими затѣмъ походами и понесенными жертвами существенно способствовала паденію узурпатора; что наконецъ самъ государь въ критическіе моменты, пережитые коалиціею, неизмѣнно являлся наиболѣе настойчивымъ поборникомъ общаго святого дѣла, и что наконецъ государь принужденъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи, которая, будто бы, настаиваетъ на возмѣщеніи многочисленныхъ и тягостныхъ жертвъ, понесенныхъ ею безропотно.

Польскіе планы государя были встрѣчены союзниками далеко не сочувственно.

Австрійцы указывали на то, что Александръ уже получилъ достаточное вознагражденіе за участіе въ коалиціи въ видѣ присоединенія Финляндіи и Бессарабіи. Присоединеніе Польши къ Россіи для Меттерниха было ножемъ острымъ, такъ какъ австрійскій императоръ, породнившись съ Наполеономъ, сдѣлался ярымъ руссофобомъ, да и Меттернихъ носился съ излюбленною мечтою какимъ нибудь способомъ оттереть Россію назадъ, въ глубь азіатскихъ степей; поэтому-то Австрія и вступала съ такими колебаніями въ коалицію, да и всѣ интриги Меттерниха въ теченіе войнъ 1813 и 1814 года направлялись къ тому, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему росту русскаго могущества.

Хотя Англія и выступала противъ Россіи съ большею сдержанностью, обезпечивъ себѣ тамъ широкій рынокъ для сбыта мануфактуръ, тѣмъ не менѣе озабоченная расширеніемъ колоніальныхъ владѣній въ Индіи Англія роковымъ образомъ сталкивалась съ Россіею, при ея медленномъ, но непрестанномъ поступательномъ движеніи на Азіатскій востокъ. Поэтому видѣть усиленіе восточной своей соперницы еще и на западѣ, конечно, не могло входить въ виды Англіи. По этой причинѣ, желая парализировать аннексіонные планы Александра, Великобританія и Австрія выставили въ видѣ угрозы мысль о возстановленіи Польши, какъ самостоятельнаго государства, хотя ни Австрія, ни Пруссія, въ качествѣ участницъ въ прежнихъ польскихъ раздѣлахъ, помышлять объ этомъ серьезно, конечно, не могли.

Настойчивость Александра и требованіе (подсказанное государю Штейномъ) поставить на разрѣшеніе вопросъ о судьбахъ герцогства Варшавскаго, Саксоніи и Майнца одновременно обезпечили успѣхъ за территоріальными домогательствами Александра. Теперь пререканія сосредоточились на вопросѣ о предоставленіи царству Польскому конституціи; послѣдняя представлялась не желательной ни Пруссіи, ни Австріи, такъ какъ польскіе подданные обоихъ этихъ государствъ могли почувствовать себя обездоленными, разъ конституція была бы обезпечена только за Русскою Польшею. Поэтому на

Вѣнскомъ конгрессѣ немало усилій и краснорѣчія было потрачено союзными державами на попытки убѣдить Александра отречься отъ польской конституціи.

Но Александръ, связанный обѣщаніями, данными Чарторижскому и Огинскому [1]), упорно стоялъ на своемъ, но въ этой затѣѣ встрѣтилъ въ Вѣнѣ рѣшительнаго оппонента въ лицѣ барона Штейна, продолжавшаго и въ 1814 и въ 1815 г. относиться къ польскому вопросу такъ же отрицательно, какъ въ 1812 году.

Воздавая должное государю, что онъ воодушевляется благороднѣйшими и чистѣйшими побужденіями обезпечить польскому народу благоденствіе, Штейнъ не счелъ себя въ правѣ скрывать предъ государемъ, что не одобряетъ ни территоріальныхъ, ни конституціонныхъ его плановъ.

Домогательство о территоріальныхъ расширеніяхъ возбудитъ въ союзникахъ лишь недовѣріе къ Александру, тогда какъ роль избавителя Европы, чуждаго стяжательности, по справедливости, вознесетъ Александра на недосягаемую высоту. Предоставленіе же Польшѣ конституціи породитъ только зависть къ облагодѣтельствованнымъ не по заслугамъ полякамъ со стороны коренныхъ русскихъ, управляемыхъ деспотически. Зависть эта несомнѣнно явится для русскихъ побужденіемъ настаивать на преобразованіи уніи въ инкорпорированіе и обрусѣніе Польши, а поляки, въ свою очередь, станутъ настаивать на сохраненіи предоставленныхъ имъ вольностей и не простятъ ихъ отмѣны. Далѣе Штейнъ распространился о чуждомъ законности и склонномъ къ насильственнымъ переворотамъ національномъ характерѣ поляковъ, объ испорченности польской знати и о винѣ, которая лежитъ на послѣдней въ погибели самостоятельности польской державы. Мало того, Штейнъ рѣшительно отрицалъ у тогдашнихъ поляковъ возможность и умѣніе справиться съ построеніемъ конституціи на здравыхъ началахъ. «Un tiers état lui manque,—писалъ Штейнъ государю о Польшѣ 6-го октября 1814 года,—qui est dans tous les pays civilisés le dépositaire des lumières des moeurs et des richesses d'une nation» [2]). По этому же поводу Штейнъ не преминулъ напомнить государю о давнишнихъ его жалобахъ на безуспѣшность всѣхъ попытокъ къ государственнымъ преобразованіямъ коренной Россіи: «C'est ce manque d'un tiers état, qui vous arrête dans vos plans d'organisation en Russie» [3]).

---

[1]) См. выше главу III, въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» стр. 219, 233—234.

[2]) «Въ Польшѣ отсутствуетъ то среднее сословіе, которое во всѣхъ культурныхъ странахъ является носителемъ просвѣщенія, нравственности и богатства націи».

[3]) «Это же отсутствіе третьяго сословія является преградою и для всѣхъ нашихъ плановъ внутренняго преобразованія Россіи».

По этой причинѣ Штейнъ внушалъ государю вмѣсто конституціи ограничиться предоставленіемъ полякамъ,—и не только въ Русской Польшѣ, но и зарубежнымъ,—правъ широкаго самоуправленія общиннаго, земскаго и городского. Такимъ только образомъ поляки вступятъ въ обладаніе свободою личности и имущества и соучастіемъ въ дѣлахъ внутренняго самоуправленія [1]).

Не лишено любопытства то, что совѣты Штейна въ данномъ случаѣ совпадали съ убѣжденіями и русскихъ людей. Такъ Гречъ въ «Запискахъ» о своей жизни высказывается еще жестче и рѣшительнѣе. «Русскій императоръ домогался пріобрѣтенія ненужнаго, тяжелаго и вреднаго, какъ ему предсказывали и друзья и враги, и какъ доказали послѣдствія... Въ Вѣнѣ окружали его поляки: Чарторижскій, Костюшко, Огинскій и другіе, напомнили ему прежнія его обѣщанія и исторгли у него честное слово, что онъ употребитъ всѣ свои силы, чтобы возстановить Польшу и дать ей конституцію... Александръ таки настоялъ на своемъ и, получивъ герцогство съ небольшими уступками сосѣдямъ, назвалъ его королевствомъ въ Европѣ и царствомъ въ Россіи. Поляки негодовали за это наименованіе тѣмъ болѣе, что въ полномъ титулѣ «царь польскій» постоянно былъ подлѣ «сибирскаго»; русскіе же были огорчены дарованіемъ исконнымъ врагамъ нашимъ правъ, которыхъ мы сами не имѣли. Награждены были люди, лѣзшіе на стѣны Смоленска и грабившіе Москву, а защитники Россіи, вѣрные сыны ея, оставлены были безъ вниманія: имъ заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова... А какъ бы Александръ былъ великъ, если бы по окончаніи войны не взялъ себѣ ничего! Какъ ничего? А слава безкорыстія, великодушія, а успокоеніе Европы насчетъ властолюбія и жадности Россіи? Онъ выигралъ бы этимъ во сто разъ болѣе, нежели пріобрѣтеніемъ Польши... Произнесеніе рѣчи въ Варшавѣ было высшею точкою восхожденія либеральныхъ идей Александра. Онъ забылъ русскую пословицу: «соловья баснями не кормятъ», полагая, что поляки удовольствуются его краснорѣчивыми фразами... Александръ только и успѣлъ произнести знаменитую либеральную рѣчь при открытіи сейма, а потомъ вскорѣ нашелся вынужденнымъ прекратить публичность и гласность преній и ограничилъ свободу тисненія... Правда, въ Польшѣ свобода тисненія и рѣчи употреблена была на хулы и насмѣшки надъ новымъ правительствомъ» [2])...

Штейнъ съ большою прозорливостью a priori, а Гречъ post festum дали вполнѣ вѣрную оцѣнку польскимъ затѣямъ императора Александра. Уже изъ Вѣны государь $^{13}/_{25}$ мая 1815 года распорядился выпустить прокламацію къ полякамъ, окрылившую ихъ

---

[1]) Steins Tagebuch, стр. 392.

[2]) Гречъ. Записки. Изданіе А. С. Суворина. Спб. Стр. 282—284 passim.

самыми радужными упованіями. Затѣмъ 27-го ноября 1815 года въ Варшавѣ государь подписалъ «конституціонную хартію», гдѣ окончательно были формулированы вольности, даруемыя польскимъ подданнымъ, при чемъ, по свидѣтельству профессора Шимана [1]), эта конституція оказалась наиболѣе либеральною изъ всѣхъ существовавшихъ тогда въ Европѣ.

Но и предоставляя Польшѣ конституцію, Александръ здѣсь, какъ и въ иныхъ своихъ преобразовательныхъ начинаніяхъ, не могъ отдѣлаться отъ внутреннихъ противорѣчій. Уже въ августѣ 1817 года помощнику намѣстника царства Польскаго, генералу Зайончеку, по высочайшему повелѣнію дано было весьма характерное разъясненіе: «Его величество почитаетъ, что благодѣянія, излитыя на польскій народъ, далеко не неотмѣнимы. Государь полагаетъ, что сохраненіе учрежденій, имъ милостиво дарованныхъ полякамъ, вовсе для него не обязательно, хотя онъ и даровалъ конституцію подданнымъ, но сознаетъ себя верховнымъ судьею и рѣшителемъ ихъ судебъ и станетъ соблюдать принятыя на себя по конституціи обязательства такъ долго и постольку, поскольку въ своей мудрости найдетъ эту конституцію отвѣчающею благу народному».

Такой крутой поворотъ въ воззрѣніяхъ государя былъ вызванъ тѣмъ роковымъ обстоятельствомъ, что, и заручившись конституціею, поляки не успокоились на томъ minimum'ѣ вольностей, которыя имъ незаслуженно достались, но, какъ азартные игроки, стали добиваться maximum'а въ своихъ вожделѣніяхъ къ возстановленію полной политической независимости и отторженію отъ Россіи, Пруссіи и Австріи всѣхъ областей, какія нѣкогда входили въ составъ Рѣчи Посполитой. Если фактически и имѣли мѣсто приписываемые Александру произволъ и нарушенія конституціи, то во всякомъ случаѣ польскія жалобы на этотъ счетъ крайне преувеличивались и ужъ, конечно, не могли оправдать широкаго распространенія тайныхъ обществъ и заговоровъ, какое наблюдалось въ царствѣ въ эпоху 20-хъ годовъ. Впрочемъ историкъ польской революціи 1831 года Мохнацкій совершенно правильно замѣчаетъ, что и до 1795 года и послѣ 1795 года въ Польшѣ патріотическія общества, инсуррекціи и эмиграціи повторяются съ типичнымъ постоянствомъ, словно припѣвъ въ пѣснѣ. «При мягкомъ правительствѣ поляки бунтуютъ, потому что могутъ это дѣлать безнаказанно, а при правительствѣ суровомъ потому, что правительство само де вызываетъ ихъ на мятежъ».

Борьба съ подпольною агитаціею и съ все болѣе возраставшею притязательностью поляковъ, которая начала находить себѣ недвусмысленное выраженіе и на сеймѣ, заставила Александра I 1-го (13-го)

---

[1]) Pr. Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. B. I, стр. 121.

февраля 1825 года ограничить публичность преній на сеймѣ, допустивъ гласность лишь для засѣданій, коими открывался и завершался сеймъ. Колачковскій [1]) по этому поводу замѣчаетъ: «И я по началу былъ возмущенъ этимъ указомъ и усмотрѣлъ въ немъ существенное попраніе конституціи, но позднѣе, когда я лучше ознакомился съ дѣйствительнымъ сцѣпленіемъ событій и истиннымъ характеромъ моихъ соотечественниковъ, я пришелъ къ иному заключенію: ограниченіе публичности преній на сеймѣ и печати было дѣйствительно необходимою и спасительною мѣрою для обузданія оппозиціи, которая, во что бы то ни стало, силилась разыгрывать такую же видную роль въ Варшавѣ, какъ въ англійскомъ парламентѣ». Другой польскій патріотъ, генералъ Дверницкій, произнесъ своимъ соотечественникамъ еще болѣе ироническій приговоръ: «Кто хочетъ отъ поляковъ заручиться благосклонностью, долженъ прикидываться глупѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, чтобы любой полякъ вообразилъ себѣ, будто можетъ глупца водить за носъ. Тогда полякамъ и въ помыселъ не приходитъ спорить и оппонировать, и ославленный имъ глупецъ легко использует ихъ къ своей выгодѣ, нисколько ужъ не церемонясь и обращаясь съ ними, точно съ пуделями» [2]).

Если въ концѣ концовъ Александръ утратилъ довѣріе къ польскимъ своимъ подданнымъ и разочаровался въ осуществимости примиренія польской національности съ русскою, то вина за это по справедливости падетъ на польскихъ изувѣровъ, которые, кичась своимъ изощреннымъ патріотизмомъ, плодили подпольныя интриги и извратили въ конецъ политическое здравомысліе польскаго населенія [3]).

Возвращаясь назадъ къ оцѣнкѣ польскихъ плановъ Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ, сдѣланной Штейномъ, слѣдуетъ отмѣтить, что откровенность барона очень не понравилась Александру, и уже въ ноябрѣ 1814 года онъ «совершенно лишилъ довѣрія» прежняго своего совѣтчика [4]).

Такой поворотъ въ чувствованіяхъ Александра, вѣчно искавшаго друзей и разочаровывавшагося въ нихъ потому будто бы, что они не обнаруживали къ нему достаточнаго довѣрія, тогда какъ самъ онъ никому не довѣрялъ, — повторялся въ отношеніяхъ государя къ его любимцамъ довольно постоянно.

Попытка разубѣдить государя въ нецѣлесообразности его польскихъ затѣй была со стороны Штейна, впрочемъ, далеко не единствен-

---

[1]) Wspomnenia generala Klemensa Kolaczkowskiego. Краковъ. 1900. (Напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1902 г.).

[2]) См. записки Чайковскаго: «Русская Старина» за 1896 г., I, гл. VI.

[3]) Pr. Th. Schiemann, loc. cit., стр. 169, 158.

[4]) Steins Tagebuch, стр. 404.

ною безтактностью. На томъ же Вѣнскомъ конгрессѣ, настаивая на присоединеніи Саксоніи къ Пруссіи, Штейнъ оговаривался, что вовсе не ослѣпляется любовью къ Пруссіи и желаніемъ видѣть ее сильною, но убѣжденъ въ томъ, что расчлененіе на мелкія государства, ослабляя Германію, заставитъ ее утратить національное самосознаніе, помѣшаетъ устройству ея управленія на здравыхъ экономическихъ началахъ и не позволитъ укрѣпиться истинному патріотизму, этому существенно морализующему началу [1]). Нисколько поэтому не удивительно, что Штейнъ, разыгрывая роль «enfant terrible» коалиціи, отвратилъ отъ себя и Александра и Фридриха-Вильгельма, а потому и всѣ дальнѣйшія его предположенія объ учрежденіи Германской имперіи на новыхъ началахъ, объ отмѣнѣ въ Германіи крѣпостного состоянія и о выкупѣ барщинныхъ правъ были встрѣчены на конгрессѣ весьма холодно. Штейнъ не могъ не чувствовать фальши своего положенія — въ сущности министерскаго поста онъ не занималъ, а отправлялъ довольно двусмысленную роль совѣтчика при государѣ, который незаслуженно лишилъ его довѣрія. Вполнѣ понятно, что такое положеніе чѣмъ дальше, тѣмъ больше тяготило Штейна. «Странныя отношенія, въ которыхъ я очутился,—пишетъ Штейнъ въ своемъ дневникѣ,—могли только порождать недовольство жизнью. Я пользовался вліяніемъ, но никакой руководящей роли не имѣлъ, да и самое вліяніе могъ я оказывать на крайне несовершенныхъ людей, которыхъ приходится насильственно обращать въ орудія для достиженія великихъ цѣлей».

«Мое терпѣніе,—писалъ онъ женѣ,—подвергается здѣсь немалымъ испытаніямъ, благодаря всевозможнымъ искательствамъ, перебѣжкамъ (Ueberlauf) и измѣнамъ убѣжденіямъ. Я истинно возблагодарю Господа Бога, когда наконецъ удастся отсюда уѣхать».

Характеризуя слабости и прорухи участниковъ Вѣнскаго конгресса, Штейнъ однихъ обвиняетъ въ суетности, поверхностности и погонѣ за наслажденіями, другихъ въ тупости и немощномъ одряхлѣніи, третьихъ въ безсердечіи, пошлости и преклоненіи предъ Меттернихомъ. Приговоры эти не далеки отъ истины и совпадаютъ съ позднѣйшими неблагопріятными оцѣнками европейскихъ дипломатовъ, которые среди пиршествъ и разсѣяній свѣтской вѣнской жизни занимались по преимуществу мелкими интригами и отстаиваніемъ узкихъ династическихъ интересовъ. Штейнъ негодуетъ, что на конгрессѣ ни въ чемъ не проявляется сколько нибудь великой и благотворной идеи, и замѣчаетъ:

«Нужно наконецъ рѣшиться выбраться изъ тисковъ этихъ несчастнѣйшихъ отношеній. Это рѣшеніе слѣдуетъ принять возможно скорѣе—раньше, чѣмъ скажется истинная ничтожность всей затѣи;

---

[1]) Tourgueneff, loc. cit., т. I, стр. 58.

надо же наконецъ съ себя сбросить всѣ мучительства настоящаго положенія и отклонить отъ себя всякую за него отвѣтственность» [1]).

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ дипломаты беззаботно судили и рядили на совѣщаніяхъ, которыя медленно подвигались впередъ, такъ какъ занятія сводились не столько къ писанію нотъ, сколько къ пиршествамъ и разгулу, 7-го марта пришла негаданная вѣсть, что Наполеонъ покинулъ Эльбу и, высадившись въ Провансѣ, двинулся на Парижъ. Этого одного оказалось достаточнымъ, чтобы руководящая роль опять вернулась къ Штейну, какъ къ тому дѣятелю, который всего болѣе способствовалъ низверженію «ненавистнаго тирана». Уже 8-го марта Штейнъ на конгрессѣ заявилъ, что нарушителя мира Европа должна объявить внѣ закона, а 13-го марта состоялось торжественное воззваніе соединенныхъ державъ о томъ, что Наполеонъ Бонапарте, какъ нарушитель мира, ставится внѣ покровительства законовъ и подлежитъ общественной карѣ.

Теперь и въ области нѣмецкихъ дѣлъ Штейнъ отъ недавнихъ противниковъ встрѣтилъ чрезмѣрную податливость и безконечную предупредительность. Меттернихъ, Гарденбергъ и Мюнстеръ наперерывъ другъ передъ другомъ «для успокоенія умовъ народовъ» торжественнѣйшимъ образомъ обѣщали ввести во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ новый строй, опирающійся на сословія (landständische Verfassung) [2]). Но всѣ посулы Меттерниха и Гарденберга попрежнему не шли дальше общихъ фразъ, и конгрессъ даже въ эту тревожную пору не столько хлопоталъ объ удовлетвореніи народныхъ требованій, сколько объ устройствѣ судьбы и вознагражденіи медіатизированныхъ князей.

Штейну настолько опротивѣли двусмысленныя дѣйствія его коллегъ по конгрессу, и настолько онъ извѣрился въ новыя восторженныя увѣренія Александра въ сочувствіи его планамъ и предположеніямъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ рѣшительно заявилъ о желаніи покинуть Вѣну, но и тутъ Александръ Павловичъ настоятельно сталъ убѣждать своего совѣтчика не покидать общаго дѣла, и Штейнъ, увѣдомивъ жену о томъ, что «l'empereur Alexandre me donna des assurances si positives, que les affaires de l'Allemagne se termineraient, que j'ai cru devoir abandonner mes idées de départ pour éviter les reproches qu'on n'aurait manqué de me faire de m'être éloigné dans un moment aussi important et décisif pour notre patrie» [3]).

---

[1]) Steins Tagebuch. Запись подъ 4-мъ марта 1815 г., стр. 437 и сл.

[2]) Steins Tagebuch, стр. 440.

[3]) «Императоръ Александръ далъ мнѣ положительнѣйшія увѣренія въ томъ, что нѣмецкія дѣла будутъ порѣшены, и я счелъ себя вынужденнымъ отказаться отъ мысли объ отъѣздѣ во избѣжаніе упрековъ, которые мнѣ непремѣнно стали бы дѣлать за то, что я удалился въ столь важную и рѣшительную для нашего отечества минуту».

Обѣщаніями урегулированія нѣмецкихъ дѣлъ Александръ удерживалъ Штейна до 28-го мая въ Вѣнѣ, а потомъ заставилъ его пріѣхать въ Гейдельбергъ, куда вскорѣ перенесена была главная квартира, и наконецъ въ іюлѣ, опять же по вызову государя и вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій Каподистріи, Штейнъ явился въ Парижъ—все ради того же окончательнаго разрѣшенія нѣмецкихъ дѣлъ.

Побѣдному шествію Наполеона былъ скоро положенъ конецъ, такъ какъ прусскія войска не замедлили взять Парижъ, но исходъ дальнѣйшихъ дѣйствій зависѣлъ отъ соглашенія между союзниками. На слѣдующій же день по занятіи Парижа пруссаками въ столицу въѣзжалъ и Людовикъ XVIII, новоявленное могущество котораго столь позорно закатилось въ эпоху ста дней. Королю при слѣдованіи въ резиденцію пришлось проѣзжать мимо стоянки прусскихъ войскъ, расположившихся на дворѣ Тюильрійскаго дворца. Здѣсь сидѣли многочисленными группами обвѣтренные, покрытые пылью нѣмецкіе ополченцы, отдыхая отъ напряженій послѣднихъ недѣль,—они сидѣли и не обращали ни малѣйшаго вниманія на короля. Въ теченіе всей войны за освобожденіе, пожалуй, никогда еще столь рѣзко не ознаменовывалось противорѣчіе между легитимистскимъ принципомъ и народными стремленіями, какъ въ этомъ случаѣ, обостренномъ еще и національною враждою.

Тѣмъ не менѣе Людовикъ XVIII въѣзжалъ въ Парижъ, какъ король, торжественно признанный и своими измѣнчивыми подданными и соратникомъ пруссаковъ при Бель-Альянсѣ, герцогомъ Веллингтономъ, который, какъ и вся партія торіевъ, чувствовалъ себя подъ угрозою демократическихъ стремленій эпохи и, въ силу общей солидарности между державными государями, преклонялся предъ легитимистскою французскою монархіею. Впрочемъ теперь съ воззрѣніями торіевъ охотно примирялась и либеральная Англія. Создавъ Нидерландское королевство и утвердивъ прусское владычество надъ Прирейнскою провинціею, Великобританія находила, что Франція достаточно уже ослаблена, и что дальнѣйшій ея разгромъ вовсе даже и не желателенъ, въ виду тѣхъ политическихъ осложненій, какими можетъ оказаться чревато будущее.

Въ этомъ случаѣ на сторону Англіи стала и та держава, которая недавно еще на Вѣнскомъ конгрессѣ оспаривала всѣ англійскіе виды, т.-е. Россія. Александръ Павловичъ, пріѣздъ котораго въ Парижъ ускоренъ былъ вѣстью о Ватерлооскомъ сраженіи, по обыкновенію находился подъ вліяніемъ самыхъ противорѣчивыхъ общихъ и частныхъ побужденій.

Со времени Божьяго суда, сказавшагося въ 1812 г. на судьбѣ его и его противника Наполеона, мистически-религіозные порывы забирали надъ Александромъ все большую силу.

Въ 1815 г. въ Парижѣ, еще до провозглашенія Священнаго союза Александръ Павловичъ проникся убѣжденіемъ въ то, будто христіанскіе народы и ихъ правители представляютъ одну дружную семью, а это устраняетъ всякіе помыслы о какихъ либо реваншахъ и завоевательныхъ вожделѣніяхъ. При оцѣнкѣ вещей по такому мѣрилу, рѣзко національныя стремленія прусской главной квартиры и прусскаго войска представлялись Александру уже какимъ-то якобинствомъ, отъ котораго государь чувствовалъ себя призваннымъ оберечь своихъ сосѣдей. Къ тому же въ тайникахъ его души, лишь на половину удовлетворенной освобожденіемъ Западной Европы отъ темныхъ силъ сатанинскаго воителя, смутно мерещился новый величественный планъ, имѣвшій упорядочить судьбы Востока, въ интересахъ цивилизаціи и славы Божьей [1]). Александръ мечталъ объ освобожденіи единовѣрцевъ и вообще христіанской райи изъ-подъ владычества мусульманъ, и чѣмъ менѣе онъ въ этомъ случаѣ могъ разсчитывать на поддержку Австріи, всегда враждебной русскимъ видамъ на Востокѣ, тѣмъ важнѣе было въ интересахъ будущаго заручиться дружбою Франціи, а для этого, конечно, прежде всего надлежало оберечь монархію Бурбоновъ отъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ посягательствъ ея сосѣдей.

Совершенно въ разрѣзъ съ англо-русскимъ соглашеніемъ на счетъ дальнѣйшаго положенія Франціи шли планы союзниковъ-нѣмцевъ. Нѣмцы подъ предлогомъ испытаній и пожертвованій, пережитыхъ въ эпоху крушенія Наполеона, требовали исправленія французскихъ границъ, въ цѣляхъ якобы лучшей обороны отъ властолюбиваго сосѣда. Главная прусская квартира, въ лицѣ Гнейзенау, заявляла о необходимости отобрать отъ Франціи въ пользу Нидерландовъ весь поясъ пограничныхъ крѣпостей, а въ пользу Германіи отрѣзать Эльзасъ и Лотарингію, а равно всю область, рѣки которой изливаются въ Маасъ. За осуществленіе этихъ требованій стояли Гарденбергъ и Гумбольдтъ, и даже Меттернихъ соглашался съ желательностью либо отчудить отъ Франціи крѣпостной поясъ, либо срыть пограничныя крѣпости. Несмотря на единодушіе сво-

---

[1]) Въ совмѣстной запискѣ, представленной 7 іюля 1814 г., Лагарпъ и Поццо-ди-Борго внушали государю; «Thorn, Zamosc et Sandomir doivent appartenir à la Russie. Ces points fortifiés, reunis à Modlin, constituent une frontière militaire et lui donnent le pouvoir, si elle veut en user, d'aller chanter le Te Deum à Constantinople, en dépit de qui que ce soit, comme elle l'a célébré à Paris».

А отъ 18 марта 1816 г. уже и самъ государь писалъ гр. Ливену: «Ce n'est que par l'ascendant de l'exemple et la séduction pacifique du bonheur dont jouiront les nations chrétiennes sous les auspices titulaires de leur réligion, que l'on peut espérer de voir sa lumière consolante se répandre indistinctement sur toutes les nations».

Шильдеръ, loc. cit, t. III, приложенія XXIV и XXIX.

ихъ desiderata, нѣмецкая партія, однако же, сознавала свое безсиліе и понимала, что осуществленіе ея программы возможно провести только при поддержкѣ Александра. Развѣ во всѣхъ предшествующихъ кризисахъ войны за освобожденіе Александръ Павловичъ не становился на сторону антифранцузской партіи? Правда, теперь въ Парижѣ онъ и тяготѣетъ къ инымъ замысламъ, но развѣ не удастся склонить его въ пользу благого дѣла при помощи Штейна? Въ этомъ случаѣ на вліяніе Штейна Гарденбергъ сильно разсчитывалъ и отъ 26-го іюля писалъ Штейну изъ Парижа: «Liebste Excellenz! Убѣдительно прошу васъ, пріѣзжайте сюда, какъ можно скорѣе. Вы намъ здѣсь чрезвычайно необходимы».

По пріѣздѣ въ Парижъ Штейнъ изъ бесѣдъ съ государемъ и гр. Каподистріей вынесъ скоро совершенно правильное впечатлѣніе, что на осуществленіе программы Гнейзенау разсчитывать нельзя. Государь Александръ Павловичъ, опираясь на Веллингтона, рѣшительно возсталъ противъ отторженія отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, но, въ виду ненадежности французскаго правительства и военнаго превосходства французской границы, государь допускалъ, ради вящшей гарантіи будущаго умиротворенія, необходимость продлить временную оккупацію Франціи союзными войсками и обратить часть контрибуціи, имѣвшей поступить отъ Франціи, въ пользу Германіи и Нидерландовъ для постройки пограничныхъ крѣпостей.

Штейнъ, ознакомившись съ запискою Каподистріи, посвященной вышеозначеннымъ предположеніямъ, согласиться съ нею не могъ. Штейнъ находилъ, что продолжительная оккупація будетъ только раздражать французовъ; что же касается обращенія контрибуціи на постройку нидерландскихъ и германскихъ крѣпостей, то оно казалось Штейну неумѣстнымъ, ибо контрибуція, по его мнѣнію, подлежала обращенію на удовлетвореніе сдѣланныхъ по войнѣ долговъ, на покрытіе убытковъ, причиненныхъ войною, и на награды войскамъ.

Видя, однако же, невозможность настоять на присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи, Штейнъ съ большею настойчивостью убѣждалъ государя Александра Павловича, сохранивъ за Франціею пограничные пункты, которые ей могутъ быть нужны въ цѣляхъ обороны, выдѣлить въ пользу сосѣдей такія мѣстности, которыя могутъ служить для цѣлей наступательныхъ (rein offensiv). За время пребыванія въ Парижѣ, съ 14-го августа по 10-е сентября 1815 года, Штейну удалось убѣдить государя въ правильности своей точки зрѣнія, и это отразилось на территоріальныхъ уступкахъ, потребованныхъ отъ Франціи по второму Парижскому миру, заключенному 20-го ноября 1815 года: Франція принуждена была поступиться въ пользу Нидерландовъ крѣпостями Филиппвилемъ, Маріенбургомъ и вообще герцогствомъ Бульонскимъ, въ пользу

Пруссіи крѣпостями Саарлуи и Саарбрюкеномъ, въ пользу Австріи— крѣпостью Ландау и полосою земли до Лаутера и т. д.

Участіемъ въ подготовленіи условій Парижскаго договора и завершилась видная политическая роль Штейна.

Надежды нѣмецкихъ патріотовъ на полное обезпеченіе Германіи отъ военной опасности съ запада чрезъ присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи не могли осуществиться, такъ какъ на настойчивые призывы Штейна къ тому, чтобы Германія самостоятельно въ 1808 году ополчилась и только на себя надѣялась для освобожденія отъ чужеземнаго ига, его соотечественники остались глухи. Поэтому-то въ 1815 году цѣною за союзъ съ Великобританіею и Россіею и явилась необходимостѣ отказаться отъ притязаній на Эльзасъ и Лотарингію.

Несмотря на свое французо-ненавистничество, Штейнъ достаточно искусился въ таинствахъ политики и дипломатіи, чтобы здраво оцѣнивать наличное положеніе вещей и, словно одаренный пророческимъ предвидѣніемъ, въ 1815 году писалъ: «Германія столь же мало можетъ разсчитывать на Англію, какъ на Россію или Францію. Всѣ надежды она должна полагать только на самое себя. Въ тотъ только день, когда никакой нѣмецъ не будетъ служить подъ чужестранными знаменами, а мелочныя страсти и второстепенныя соображенія оттѣснены будутъ прочь національнымъ самосознаніемъ, и чья нибудь твердая воля, опираясь на единогласное согласіе нѣмецкаго народа, станетъ управлять нашими судьбами,— только тогда къ Германіи вернется былое могущество, и она сдѣлается грозною для Европы».

Какъ Штейнъ ни былъ разочарованъ равнодушіемъ императора Александра къ судьбамъ Германіи, онъ слишкомъ хорошо былъ освѣдомленъ въ таинствахъ политики, чтобы не понять и не оцѣнить по достоинству того положенія, въ которомъ находился Александръ.

Въ эпоху войны за освобожденіе Александръ игралъ неоспоримо главенствующую роль среди европейскихъ государей, и пока особные интересы народа и правителей оттѣснялись на задній планъ передъ борьбою съ Франціею, никто изъ участниковъ коалиціи не видѣлъ никакой неумѣстности въ вмѣшательствѣ общепризнаннаго ея главы во внутреннія дѣла Германіи. Поэтому Александръ съ полною наивностью извлекалъ выгоды изъ тогдашней своей роли и могъ bona fide обѣщать барону Штейну направить судьбы его отечества въ конституціонномъ духѣ, къ которому и самъ государь, по крайней мѣрѣ, теоретически тяготѣлъ не менѣе Штейна.

Въ послѣдующіе годы, однако же, опасенія русскаго давленія на судьбы Германіи стали проявляться довольно откровенно, особенно въ средѣ прусской военной партіи, и Александръ не могъ не

почувствовать себя обиженнымъ за то, что по минованіи острой надобности неблагодарные нѣмцы уже заподазриваютъ десницу русскаго царя, силившуюся совершенно безкорыстно оберечь дѣло внутренняго устроенія возрожденной Германіи [1]).

Это чувство обиды, какъ и собственный интересъ заставили Александра сойтись съ Австріею на томъ политическомъ принципѣ, что въ видахъ европейскаго равновѣсія отнюдь не слѣдуетъ поощрять объединеніе и усиленіе Германіи, но предпочтительнѣе создать искусственную систему нѣмецкихъ государствъ, гдѣ сѣверная и южная половины ихъ взаимно бы другъ друга нейтрализировали.

На ряду съ этимъ Александръ I совершенно искренно сознавалъ, что духъ эпохи, развившійся подъ революціонными вѣяніями, неотразимо влечетъ всѣ народныя стремленія къ установленію правомѣрной государственности. Поэтому на взглядъ Александра наиболѣе существенною задачею Вѣнскаго конгресса въ цѣляхъ достиженія истиннаго равновѣсія было бы добиться повсемѣстнаго введенія въ Европѣ народнаго представительства. Въ противовѣсъ такимъ конституціоннымъ воззрѣніямъ Александра, ясно сказавшимся въ желаніи отстоять введеніе конституціи въ Польшѣ, и состоялся 3-го января 1815 года сепаратный союзъ между Франціею, Англіею, Австріею и Баваріею. Александръ, конечно, воленъ былъ, и впредь болѣе рѣшительно вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Европейскихъ государствъ, съ оружіемъ въ рукахъ настоять на введеніи конституцій, но такое непрошенное вмѣшательство было бы очевидною нелѣпостью, противною всѣмъ русскимъ интересамъ. Поэтому Александръ совершенно правильно предпочелъ ограничиться дружескими увѣщаніями и совѣтами европейскимъ государямъ щадить права и интересы ихъ народовъ, которые понесенными за войну безчисленными жертвами стяжали неотъемлемое право на гражданское благоденствіе.

Прекрасно понимая ту сдержанность, которая силою обстоятельствъ навязана была Александру въ европейскомъ концертѣ, Штейнъ, несмотря на «византійскія» склонности Александра, сохранилъ къ нему неизмѣнное и искреннее расположеніе даже и тогда, когда жизненные пути прежнихъ друзей совершенно разошлись.

V.

Если въ качествѣ патріота своего отечества Штейнъ оказался далеко неудовлетвореннымъ результатами, какіе дала коалиція для возрожденія политическаго могущества Германіи при окончательномъ замиреніи, то еще менѣе могъ онъ быть удовлетворенъ,

---

[1]) См. выше стр. 231 въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

какъ гражданинъ, убѣжденно настаивавшій на широкихъ гражданскихъ и политическихъ вольностяхъ для благоденствія соотечественниковъ и самой отчизны.

Въ политическомъ отношеніи эпоха Вѣнскаго конгресса вообще отразилась на европейской жизни крайне неблагопріятно. Акты Вѣнскаго конгресса чисто формально, внѣшнимъ образомъ размежевали Европу, создавъ искусственную систему государствъ, построенную по началамъ «легитимности», слегка подправленнымъ соображеніями политическаго равновѣсія.

Въ интересахъ якобы мира и успокоенія на сѣверной границѣ Франціи созданъ былъ оплотъ въ видѣ Голландіи и Бельгіи, соединенныхъ въ одно государство, чѣмъ подготовлялась почва для бельгійской революціи. Ради того же мира Австрія прибрала къ рукамъ лучшія провинціи Италіи, подѣлила среднюю часть Апеннинскаго полуострова между родственными ей династіями и возстановила неаполитанскихъ Бурбоновъ, а этимъ былъ созданъ неугасаемый очагъ революціонно-національнаго движенія въ Италіи.

Въ интересахъ же успокоенія на Испанскомъ престолѣ былъ возстановленъ Фердинандъ VII безъ истребованія отъ него гарантій въ томъ, что онъ станетъ управлять страною хоть теперь сколько нибудь сносно—этимъ на дѣлѣ Вѣнскій конгрессъ посѣялъ въ Испаніи не только революцію, но и анархію, раздиравшія страну цѣлыхъ полстолѣтія.

Наконецъ, въ видахъ того же пресловутаго замиренія изъ 38 мелкихъ нѣмецкихъ государствъ наскоро и безтолково состряпана была федерація съ безсильнымъ сеймомъ изъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ правительствъ, который не замедлилъ разочаровать патріотовъ, а позднѣе сдѣлался предметомъ презрительнаго равнодушія; такимъ образомъ, и здѣсь въ дѣйствительности были посѣяны сѣмена грознаго и глухого недовольства, выбросившаго наконецъ Австрію изъ Германіи [1].

Результатами окончательнаго замиренія были разочарованы всѣ. Наслѣдный прусскій принцъ Вильгельмъ (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I) признавался генералу фонъ-Натцмеру, въ письмѣ отъ 31-го марта 1824 года: «Зналъ нѣмецкій народъ въ 1813 году, что чрезъ какихъ нибудь 11 лѣтъ послѣ всего того блеска и славы, къ которымъ онъ стремился и сумѣлъ достичь, ничего не останется, кромѣ воспоминанія, конечно, онъ не сталъ бы всѣмъ жертвовать ради подобнаго результата».

Дѣйствительно, результатъ, порожденный войною за освобожденіе и безпримѣрнымъ подъемомъ патріотизма, оказался позорнымъ.

Штейнъ былъ, однако же, слишкомъ энергиченъ и безъ крайней нужды не хотѣлъ и не могъ отказаться отъ дѣятельности на пользу

---

[1] А. Градовскій. Система Меттерниха.

Германіи, а по всему прошлому наиболѣе его могло интересовать заручиться положеніемъ въ области новаго имперскаго центральнаго управленія.

Хотя утвержденный коалиціонными правительствами 8-го іюня 1815 года Германскій союзный актъ, создавшій сеймъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ, и мало отвѣчалъ выставленнымъ самимъ Штейномъ идеаламъ, ибо Bundes Act обходилъ молчаніемъ и учрежденіе союзнаго трибунала и соучастіе въ занятіяхъ сейма представителей, непосредственно избираемыхъ отъ населенія, тѣмъ не менѣе то политическое положеніе, которое создавалось для Германіи по союзному акту 1815 года, во всякомъ случаѣ составляло существенный шагъ впередъ по сравненію и съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ Германія стояла до 1802 года и въ 1812 году. Въ 1812 году большая часть нѣмецкихъ областей находилась, въ видѣ Рейнскаго союза, въ полномъ порабощеніи у Наполеона, настолько, что офиціальнымъ языкомъ въ этихъ областяхъ признавался языкъ не нѣмецкій, но французскій; теперь все это миновало, и Германія опять принадлежала нѣмцамъ. По сравненію же государственнаго строя Германіи до 1803 года съ распорядками, провозглашенными союзнымъ актомъ, преимущества послѣднихъ сказывались еще разительнѣе: число мелкихъ княжествъ противъ прежняго сильно уменьшилось; духовные государи, въ видѣ державныхъ епископовъ, аббатовъ и т. п., совершенно исчезли; устранено было вмѣшательство папской власти въ германское государственное право; ограничено было право союзныхъ государствъ вчинать войны и вступать сепаратно въ союзы съ иноземными государствами; равнымъ образомъ воспрещалось отдѣльнымъ членамъ союза, въ случаѣ объявленія войны союзомъ, вступать въ частныя соглашенія съ непріятелемъ относительно мира или перемирія.

Такимъ образомъ, союзный актъ идею національнаго обще-нѣмецкаго государства намѣчалъ гораздо опредѣлительнѣе, чѣмъ тотъ параграфъ, который глухо оговаривалъ обязательность введенія во всѣхъ государствахъ, принадлежащихъ къ союзу, государственныхъ преобразованій, основанныхъ на привлеченіи земскихъ сословныхъ представителей (landständische Verfassung). Смотря, однако же, на дѣло объективно, баронъ Штейнъ оптимистически находилъ, что не слѣдуетъ терять бодрости, такъ какъ грядущія преобразованія въ государственномъ строѣ Германіи всецѣло будутъ зависѣть отъ дальнѣйшаго прогресса, сопутствующаго всѣмъ вообще дѣяніямъ человѣческаго разума. Штейнъ признавалъ новый государственный строй, несмотря на всѣ его недостатки, жизненнымъ и способнымъ къ дальнѣйшему развитію и не прочь былъ послужить дѣлу государственнаго обновленія родины и самолично. Въ это именно время Штейну были сдѣланы съ двухъ сторонъ предложенія, а именно

отъ Австріи и Пруссіи. Первая предлагала ему постъ президента союзнаго сейма, а Пруссія—постъ ея представителя въ томъ же союзномъ сеймѣ. Болѣе почетное австрійское предложеніе Штейнъ отклонилъ по этическимъ соображеніямъ, отнюдь не желая проводить политическихъ видовъ Меттерниха въ германскомъ сеймѣ; что же касается прусскаго предложенія, то Штейнъ соглашался его принять подъ двумя условіями: чтобы ему разрѣшено было, по его усмотрѣнію, покидать сеймъ, не испрашивая на то отпусковъ, такъ какъ онъ никакого вознагражденія за службу не ищетъ, и чтобы вторымъ уполномоченнымъ отъ Пруссіи была назначена личность, къ которой бы самъ Штейнъ могъ питать довѣріе.

Такія условія показались прусскому министерству неслыханнымъ и непріемлемымъ нарушеніемъ бюрократическихъ преданій, а потому Штейнъ, въ письмѣ на имя канцлера Гарденберга, отъ 5-го іюня 1815 года, вынужденъ былъ отказаться отъ чести представительства Пруссіи и въ сеймъ не вступилъ вовсе.

Особенно, впрочемъ, жалѣть объ этомъ и не пришлось, такъ какъ въ области политической наступило теченіе, которому Штейнъ ужъ, конечно, сочувствовать не могъ, ибо уже въ 1817 году Меттернихъ похвалялся по поводу посѣщенія имъ германскаго союзнаго сейма: «Мое пребываніе здѣсь увѣнчалось величайшими успѣхами. Я прибылъ во Франкфуртъ, какъ Мессія для избавленія грѣшниковъ. Сеймъ обновился, какъ только я вмѣшался въ дѣло».

На самомъ же дѣлѣ, признаки недовольства въ Германіи стали обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ въ дѣяніяхъ Вѣнскаго конгресса и союзнаго сейма начали сказываться черты политики, усвоенной Священнымъ союзомъ въ отношеніи внутреннихъ дѣлъ Германіи. Уже въ 1817 году, по случаю празднованія трехсотлѣтія реформаціи, нѣмецкій буршеншафтъ устроилъ демонстрацію, при чемъ сжигались реакціонныя сочиненія и иные «символы» реакціи.

Хотя Меттернихъ и сознавалъ, что нѣмецкій буршъ, самъ по себѣ взятый,—ребенокъ, а буршеншафтъ—кукольная забава, но въ качествѣ источника грядущаго зла были заподозрѣны профессора и печать, которые будто бы задаются планомѣрнымъ воспитаніемъ будущихъ поколѣній къ революціи. Послѣдовавшее въ 1819 году убійство Зандомъ драматурга Коцебу, слывшаго за агента русскаго двора, доставило Меттерниху даже радость: онъ поспѣшилъ увѣдомить Генца, что постарается дать этому дѣлу наилучшій оборотъ и извлечетъ изъ него возможно лучшее, такъ какъ мангеймская катастрофа вызоветъ рѣшенія и посодѣйствуетъ мѣропріятіямъ, которыя бы безъ нея были приняты гораздо позже, а, пожалуй, и вовсе бы не осуществились.

Столпы европейской реакціи принялись изыскивать способы къ обузданію отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ, якобы потворствовавшихъ вольномыслію, а для этого прежде всего надлежало

придать подходящее толкованіе статьѣ XIII союзнаго акта, посулившей было введеніе въ германскихъ государствахъ земскаго представительства.

Меттернихъ услужливо довелъ до свѣдѣнія Фридриха-Вильгельма, будто совѣты, которыми онъ руководствовался въ прусскихъ государственныхъ дѣлахъ, неблагонамѣренны или неправильно осуществляются. «Заговоръ (Занда), нынѣ открытый, имѣетъ свое начало и пребываніе въ Пруссіи. Низшіе заговорщики (т.-е., вѣрнѣе, облыжно обнесенные, какъ, напримѣръ, безобиднѣйшій Арндтъ) открыты, но болѣе вліятельные еще невѣдомы, а они, несомнѣнно, находятся въ высшихъ разрядахъ вашихъ слугъ».

Убѣдивъ Фридриха-Вильгельма сойти съ «дурной дороги», Меттернихъ добился проведенія на карлсбадской конференціи въ августѣ 1819 года четырехъ предложеній относительно: 1) введенія временныхъ правилъ объ экзекуціяхъ противъ государствъ, не исполняющихъ своихъ обязанностей по отношенію къ союзу; 2) введенія чрезвычайныхъ правилъ о печати; 3) то же объ университетахъ и 4) объ учрежденіи центральной слѣдственной комиссіи въ Майнцѣ для разслѣдованія демагогическихъ происковъ.

Хотя участіе Штейна въ дѣятельности Tugendbund'а упорно отрицается его біографами, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что программа національнаго обновленія Германіи, которую Штейнъ пытался проводить въ высшихъ сферахъ, близко совпадала съ идеалами, какіе ставилъ себѣ и Tugendbund. Точно такъ же Штейнъ не могъ не сочувствовать и тому, что національная идея въ эпоху реакціи попрежнему воодушевляла всѣ вдумчивые творческіе умы Германіи и чрезъ замкнутые кружки ученыхъ, писателей и поэтовъ проникала въ ряды учащейся молодежи, подготовляя новое поколѣніе къ болѣе возвышеннымъ идеаламъ.

Народившійся въ эпоху французскаго ига, вдохновленный національною идеею и питаемый нѣмецкимъ идеализмомъ и романтизмомъ, буршеншафтъ, по признанію самого же Меттерниха, представлялъ только «странную и дикую филантропическую безсмыслицу», въ существѣ дѣла невинную.

Но и національный патріотизмъ и національное объединеніе студенчества оказались въ реакціонную эпоху не ко двору, и отдѣльныя правительства принялись усиленно преслѣдовать все, что такъ или иначе связывалось съ тайными обществами, дѣйствіями скопомъ и т. д. Правительственныя придирки и репрессіи, въ свою очередь, вызывали все новыя вспышки среди молодежи и либераловъ и обосновывали еще болѣе рѣшительныя наступательныя дѣйствія со стороны реакціи.

Подъ вліяніемъ набатнаго боя, которымъ услужливые не по разуму нѣмецкіе охранители злоупотребляли превыше мѣры, въ чаяніи милостей и одобренія отъ Меттерниха, правительства, ссы-

лаясь на голосъ благонамѣреннаго общественнаго мнѣнія, плодили все чаще полицейскія преслѣдованія, а такъ какъ связь между національно-филантропическими стремленіями, противъ которыхъ воздвигались гоненія, и идеалами, воодушевлявшими борцовъ въ войну за освобожденіе, не подлежала сомнѣнію, то зачинщиками всѣхъ бѣдъ ославлялись прежніе патріоты.

Хотя исключительность положенія и популярность гарантировали Штейна отъ преслѣдованій, это не мѣшало недругамъ клеветать на него и выступать противъ него даже съ форменными доносами. Такъ, нассаускій министръ обличалъ Штейна предъ Меттернихомъ въ качествѣ «демагога-смутьяна», а Майнцская слѣдственная комиссія, назначенная германскимъ сеймомъ, взвела противъ Штейна, въ числѣ другихъ лицъ, обвиненіе въ томъ, будто онъ «особенно способствовалъ и потворствовалъ возбужденію демагогическихъ происковъ». Гарденбергъ и Меттернихъ только и нашлись сказать противъ доклада слѣдственной комиссіи, «что она, вѣроятно, имѣетъ вѣскіе поводы для неблагопріятной оцѣнки дѣятельности г. министра фонъ-Штейна, но ей, пожалуй, слѣдовало бы отозваться о немъ въ болѣе осторожныхъ и мягкихъ выраженіяхъ». И въ то же время этого «смутьяна-демагога» король виртембергскій настойчиво звалъ къ себѣ въ Штутгартъ, а императоръ Александръ Павловичъ усиленно приглашалъ къ Ахенъ для участія въ занятіяхъ конгресса.

Добившись приведенія въ дѣйствіе постановленій карлсбадской и вѣнской конференцій, Меттернихъ ликовалъ и писалъ: «Наконецъ-то впервые явилась совокупность правильныхъ и рѣшительныхъ антиреволюціонныхъ мѣръ. То, чего я добивался еще въ 1813 году, и что этотъ ужасный императоръ Александръ всегда портилъ, мною теперь достигнуто, потому что его въ Карлсбадѣ не было». «Всѣ правительства, — писалъ позднѣе тотъ же Меттернихъ,—теперь больны, и каждое по своей винѣ; со времени карлсбадскихъ и вѣнскихъ конференцій они во мнѣ видятъ высшаго законодателя, а съ 1821 года—искоренителя революціонеровъ».

Въ эпоху же Троппаускаго конгресса, когда разыгралась извѣстная исторія въ Семеновскомъ полку, Меттерниху удалось наконецъ и императора Александра нѣсколько исцѣлить отъ тлетворнаго свободомыслія.

Слишкомъ прямодушный и либеральный, чтобы подлаживаться къ реакціоннымъ вѣяніямъ, баронъ Штейнъ окончательно удалился въ частную жизнь. Поселившись въ своемъ имѣніи Каппенбергѣ, баронъ посвятилъ немало труда и денегъ для осуществленія цѣннаго научнаго предпріятія: «Monumenta Germaniae historica», въ которомъ, подъ редакціею привлеченнаго имъ къ занятіямъ д-ра Пертца, было напечатано, по лучшимъ архивнымъ источникамъ, собраніе драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ средневѣковой исто-

ріи и права Германіи. Желая обезпечить бо́льшую научную авторитетность за этимъ изданіемъ, Штейнъ ближайшій надзоръ за нимъ передалъ въ вѣдѣніе учрежденнаго его же стараніями, 20-го января 1819 года, въ Франкфуртѣ «Общества для изученія древнѣйшей исторіи Германіи», въ которомъ дѣятельно сотрудничали лучшіе представители германскаго союзнаго сейма.

Поддерживая широкія связи съ лучшими людьми Германіи разнообразнѣйшихъ общественныхъ положеній, Штейнъ, въ качествѣ частнаго лица, могъ не стѣсняться въ оцѣнкахъ безотрадной современности и приписывалъ главную вину въ этомъ нѣмецкимъ государямъ и ихъ правительствамъ. «Вотъ они-то и являются настоящими якобинцами, такъ какъ поддерживаютъ неправомѣрное состояніе (rechtlose Zustand), въ которомъ мы изнемогаемъ съ 1806 года. Они только возбуждаютъ и питаютъ общее недовольство и раздраженіе. Они только ставятъ преграды развитію и прогрессу человѣческаго разума»,—жаловался онъ. Дѣянія и политику современныхъ правителей Штейнъ признавалъ совершенно недостойными и предрекалъ отсюда неисчислимыя бѣдствія. «Относись я равнодушнѣе къ судьбамъ Германіи вообще и Прусскаго королевства въ частности, я бы взиралъ на это покойно, но у меня сердце болитъ, когда я вижу, что дѣлается кругомъ». Когда призрачныя и трусливыя опасенія предъ пресловутыми «демагогическими происками» заставили Фридриха-Вильгельма и его совѣтчиковъ, Гарденберга и кн. Витгенштейна, отречься отъ введенія въ Пруссіи конституціи, и король, по дипломатическому соглашенію съ Австріею, обязался не вводить обще-государственнаго представительства (Reichsstände), а счелъ нужнымъ ограничиться лишь допущеніемъ провинціальныхъ земскихъ собраній (Provincialstände), проектъ учрежденія которыхъ былъ разработанъ В. фонъ-Гумбольдтомъ, Штейнъ выступилъ въ печати съ критикою этого проекта. Указывая на патріотическое самопожертвованіе всѣхъ сословій прусскаго народа въ годину бѣдствій, Штейнъ проводитъ ту мысль, что предоставленіе правъ народнаго представительства вѣрноподданнымъ не только государя не ограничитъ, но усилитъ, обезпечивъ ему драгоцѣннѣйшее содѣйствіе точнаго познанія истинныхъ потребностей страны, а это необходимо потому уже, что «сравнительная съ сосѣдними державами слабость Прусской монархіи можетъ найти себѣ возмѣщеніе только въ нравственной и умственной силѣ».

Поэтому Штейнъ отнесся отрицательно къ провинціальнымъ собраніямъ земскихъ чиновъ, сѣтуя на то, что имъ предоставленъ только совѣщательный голосъ. «Такія учрежденія по существу лишены самостоятельности и вліятельности, и принести правительству серьезной поддержки не могутъ, ибо роковымъ образомъ превращаются либо въ инертную массу, либо въ скопище

болтуновъ, отторгающихся отъ дѣйствительности. Подозрительность никогда не породитъ ни уваженія, ни довѣрія къ правительству. Отсюда вытекаетъ необходимость ввести обще-государственное представительство, предоставивъ ему право предлагать и отвергать законы, ежегодно утверждать смѣту государственныхъ расходовъ и возбуждать противъ министровъ преслѣдованія». Наконецъ, обращаясь къ общей воинской повинности, какъ къ установленію, окончательно утвердившемуся въ Пруссіи, Штейнъ выставляетъ совершенно правильное положеніе и въ устахъ его особенно многознаменательное: «единственно конституціонная свобода порождаетъ сознаніе общности интересовъ, изъ коего естественно вытекаетъ готовность къ самоотверженію и самопожертвованію» [1]).

На запросъ прусскаго правительства о его личномъ мнѣніи на счетъ проекта провинціальныхъ собраній земскихъ чиновъ Штейнъ повторилъ уже высказанный имъ взглядъ и выставилъ необходимость широкаго привлеченія земскихъ чиновъ къ дѣлу государственнаго управленія въ цѣляхъ ограниченія и упраздненія бюрократіи. Ставить избирательныя права въ исключительную зависимость отъ землевладѣнія на его взглядъ представлялось несправедливостью какъ въ отношеніи промышленности, такъ и церкви, интересы которыхъ Штейнъ хотѣлъ видѣть представленными.

Хотя отзывъ Штейна взялся передать королю самъ наслѣдный принцъ Вильгельмъ, пріѣзжавшій для этого нарочно въ Каппенбергъ, совѣты Штейна при окончательной разработкѣ соотвѣтствующаго законопроекта, конечно, въ соображеніе приняты не были.

Комиссія, занимавшаяся составленіемъ закона о провинціальныхъ собраніяхъ земскихъ чиновъ, была озабочена только однимъ, чтобы новое законодательство, отнюдь не сглаживая различій между сословіями, наоборотъ, придало бы имъ еще бо́льшую прочность и самостоятельность.

На это Штейнъ замѣчалъ: «Раздѣленіе политическихъ партій на либераловъ, конституціоналистовъ и монархистовъ съ разными подвидами и оттѣнками несравненно менѣе вредно, чѣмъ распредѣленіе по сословіямъ, гдѣ дворянская спесь, зависимость мѣщанства и крестьянская тупость въ ожесточенныхъ столкновеніяхъ и ослѣпленіи задѣваемыхъ самолюбій постараются только тѣснить и давить другъ друга, вовсе не заботясь объ общественномъ благѣ, и станутъ только добиваться для себя поддержки со стороны бюрократіи, которая воздвигаетъ препоны умственному развитію и способствуетъ оцѣпенѣнію общества, тогда какъ конституціонный правопорядокъ оживляетъ, развиваетъ и вырываетъ людей изъ лѣниваго себялюбиваго прозябанія».

[1]) «F. v. Stein. Bemerkungen zu dem Aufsatz des H. Staats-Ministers v. Humboldt über ständische Verfassung». Frankfurt. 1819.

Было бы, однако же, ошибочно думать, чтобы Штейнъ являлся поборникомъ радикальнаго нивеллированія общественныхъ классовъ. Напротивъ, онъ утверждалъ, что аристократія никогда не сгибнетъ, такъ какъ понятіе о родовитости коренится въ человѣческомъ сознаніи. Но истинное дворянство, какъ оно рисовалось Штейну, отнюдь не должно только упражняться въ искусствѣ тунеядства, не должно сводить своихъ занятій къ куренію, охотѣ и инымъ безпутствамъ, не должно коснѣть въ себялюбіи и односторонности, отнюдь не должно искать освобожденія отъ налоговъ, добиваясь привилегій, но, наоборотъ, должно воспитывать въ себѣ готовность жертвовать своимъ достояніемъ на благо общее; вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство должно обновлять свой составъ притокомъ новыхъ достойнѣйшихъ элементовъ, отличившихся особенными доблестями на поприщѣ общественнаго служенія. Такимъ образомъ дворянство явится достижимымъ для всѣхъ и сдѣлается цѣлью стремленія всѣхъ политическихъ талантовъ.

По свидѣтельству Тургенева [1]), на Штейна облыжно взводились обвиненія въ аристократическихъ замашкахъ и мирволеніи своей кастѣ. А между тѣмъ всѣ помыслы Штейна всегда направлялись только къ общему благу отечества. Именно любовь къ народной массѣ особенно цѣнная въ государственномъ человѣкѣ, присуща была барону Штейну въ высшей степени. По его убѣжденіямъ, долгъ всякаго дворянина—служить дѣломъ и совѣтомъ какъ государю, такъ и всей странѣ. Каждый государь, по мнѣнію Штейна, долженъ являться только первымъ крестьяниномъ своей страны, подавая примѣръ подданнымъ своею простотою, порядливостью, экономностью и нравственностью. Связующимъ и примиряющимъ сословную рознь началомъ въ глазахъ Штейна являлось сознаніе необходимости дружнаго взаимодѣйствія, благотворныхъ взаимныхъ услугъ и совѣтовъ, ибо и самое государство отнюдь не является случайнымъ конгломератомъ сельскихъ хозяйствъ, промысловъ и фабрикъ, но задается цѣлями религіозно-нравственнаго, умственнаго и физическаго преуспѣянія, а всѣ его установленія должны быть направляемы исключительно къ тому, чтобы создавать не смышленыхъ только трудолюбцевъ, но бодрый, доблестный, нравственный и преисполненный ума народъ.

Широкая популярность, которою Штейнъ пользовался среди земляковъ, заставила прусскаго короля, какъ послѣднему ни былъ антипатиченъ «смутьянъ-демагогъ», предложить Штейну почетную должность ландмаршала провинціи Вестфаліи.

Первыя двѣ сессіи вестфальскаго земскаго собранія, на которыхъ предсѣдательствовалъ Штейнъ (1826 и 1828 гг.), хотя и прошли болѣе или менѣе благополучно, но уже обнаружили про-

---

[1]) Tourguéneff, loc. cit., т. I, стр. 127.

тиворѣчія между взглядами ландмаршала и правительства. При разсмотрѣніи на собраніяхъ вопроса объ устройствѣ сельскихъ общинъ, окружного управленія и отмѣнѣ поземельныхъ повинностей между медіатизированными князьями и рыцарствомъ, съ одной стороны, и бюргерами, соединившимися съ крестьянами, съ другой, возникали частыя столкновенія и пререканія, которыя особенно обострились при производствѣ выборовъ на должности ландратовъ. Правительство не прочь было въ этомъ случаѣ предоставить особыя льготы и преимущества въ пользу владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, но ландмаршалъ рѣшительно сталъ на сторону оппозиціи третьяго и четвертаго сословій (то-есть бюргеровъ и крестьянства), доказывая, что при замѣщеніи общественныхъ должностей прежде всего въ соображеніе слѣдуетъ принимать личныя дарованія, а не происхожденіе.

Гораздо знаменательнѣе оказалась третья сессія вестфальскаго ландтага, на которой Штейну довелось въ послѣдній разъ предсѣдательствовать (въ декабрѣ 1830 года). Одинъ очевидецъ подробно описываетъ тѣ чувства почтенія, какія личность Штейна внушала собранію. Когда онъ, опираясь на трость, вошелъ въ залъ, гдѣ толпились земскіе представители пестрыми группами, всѣ поспѣшили на свои мѣста, и воцарилась безмолвная тишина безъ особыхъ призывовъ къ порядку. Ландмаршалъ былъ далеко не склоненъ къ мягкости, и въ этомъ засѣданіи не разъ вылетали изъ его устъ рѣзкости и колкія отповѣди.

Первымъ очереднымъ вопросомъ, подлежавшимъ обсужденію, была отмѣна изъятій отъ общей подсудности, которыя были усвоены за дворянствомъ, духовенствомъ и чиновничествомъ. Всякія изъятія изъ общей подсудности были ландтагомъ отмѣнены единогласно. Второй предметъ обсужденія оказался еще болѣе щекотливымъ: князь Фюрстенбергъ и адвокатъ Брахтъ внесли предложеніе о томъ, не найдетъ ли ландтагъ умѣстнымъ возбудить предъ королемъ ходатайство о введеніи общегосударственнаго представительства (Reichsstände). Хотя самъ Штейнъ издавна былъ убѣжденнымъ сторонникомъ народнаго представительства, но въ виду недавнихъ политическихъ потрясеній въ Западной Европѣ усомнился въ своевременности и успѣхѣ ходатайства. Штейнъ высказался предъ собраніемъ откровенно, что, благодаря недавней парижской революціи, ни король, ни его министры не захотятъ приступать къ конституціоннымъ преобразованіямъ государственнаго строя. Тѣмъ не менѣе, по дружнымъ настояніямъ представителей всѣхъ сословій, собраніе постановило просить ландмаршала довести о вышеозначенномъ ходатайствѣ ландтага до свѣдѣнія намѣстника обѣихъ рейнскихъ провинцій Пруссіи, принца Вильгельма, и убѣдить его предстательствовать предъ королемъ о введеніи народнаго представительства.

Штейнъ не счелъ возможнымъ уклониться отъ выполненія заявленнаго ландтагомъ желанія и довелъ о немъ до свѣдѣнія принца Вильгельма (будущаго императора Вильгельма I), съ которымъ у него установились тѣсныя дружескія отношенія; при этомъ Штейнъ не преминулъ высказать принцу и свои давнишнія убѣжденія насчетъ желательности реформъ.

Штейнъ вскорѣ освѣдомился,—читаемъ мы у Арндта,—что намѣстникъ Вестфаліи и прирейнской Пруссіи (то-есть принцъ Вильгельмъ) вмѣсто того, чтобы поддержать ходатайство ландтага обстоятельнымъ докладомъ королю, ограничился чисто формальнымъ объ этомъ ходатайствѣ донесеніемъ.

Вскорѣ послѣ этого принцъ, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, пріѣхалъ къ Штейну въ Каппенбергъ погостить. Прежде, чѣмъ сѣсть за обѣдъ, Штейнъ увелъ принца и сопутствовавшаго ему графа Антона Штольберга въ сосѣднюю комнату и обрушился на обоихъ гнѣвною рѣчью. «Времена теперь наступили тяжелыя, и на такое серьезное и важное дѣло, какъ ходатайство земскаго собранія, отыгрываться слащавыми и смягченными донесеніями его величеству, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно,—гремѣлъ Штейнъ. — Королю слѣдовало дѣло это представить съ полною откровенностью выставивъ въ надлежащемъ свѣтѣ всю серьезность настоящаго положенія и неизбѣжность уврачеванія его энергичными и героическими способами». Штейнъ такъ гнѣвно и громко распекалъ принца, что принцесса Луиза и другіе гости, уже собравшіеся въ столовой, стояли, какъ потерянные, но вскорѣ гнѣвъ барона упалъ, и онъ заключилъ свою филиппику слѣдующею фразою: «Ну, а теперь, ваше высочество, когда я вамъ высказалъ, что у меня на сердцѣ накопилось, пожалуйте и выпьемте, въ знакъ примиренія, стаканъ вина» [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Берлинѣ вѣсть о постановленіи Вестфальскаго ландтага была принята крайне недружелюбно. Король былъ болѣе, чѣмъ когда либо, далекъ отъ мысли о введеніи народнаго представительства, самое слово это при дворѣ не терпѣлось и признавалось равнозначащимъ необузданнѣйшимъ проявленіямъ демагогіи. Поэтому принцъ Вильгельмъ не замедлилъ получить конфиденціальное приказаніе отклонить принятіе ходатайства ландтага подъ тѣмъ предлогомъ, будто «ходатайства провинціальныхъ сословій могутъ вытекать исключительно изъ мѣстныхъ интересовъ провинціи или отдѣльныхъ ея частей».

Если не по формѣ, то по существу кабинетскій приказъ короля заключалъ въ себѣ щелчокъ по адресу Штейна: если ходатайство было противно закону, то очевидно ландмаршалу не слѣдовало и допускать обсужденія его въ ландтагѣ, но самъ Штейнъ

---

[1]) Арндтъ, loc. cit., стр. 260.

за толкованіемъ короля не признавалъ основательности и находилъ, что «вестфальскимъ сословіямъ, конечно, не пристало бы хлопотать объ интересахъ Силезіи, но вообще права у сословій на предъявленіе ходатайствъ, касающихся ихъ кровныхъ и неотъемлемыхъ интересовъ столь же непосредственно, какъ и интересовъ всей совокупности гражданъ, никто отнять и возбранить имъ не можетъ».

Задѣтый за живое, Штейнъ не ограничился этимъ только заявленіемъ принцу Вильгельму.

Штейнъ не замедлилъ, отъ 18-го февраля 1831 года, обратиться съ письмомъ къ давнишнему своему другу, фельдмаршалу Гнейзенау, пользовавшемуся большимъ вліяніемъ на короля. Штейнъ убѣждалъ Гнейзенау настоять предъ королемъ о созывѣ государственныхъ чиновъ, выборы которыхъ были бы произведены всѣмъ народомъ, а не провинціальными сословіями.

На первый взглядъ поступокъ Штейна можетъ показаться какъ будто непослѣдовательнымъ: въ 1830 году самъ же онъ предостерегалъ ландтагъ насчетъ несвоевременности ходатайства о созывѣ государственныхъ чиновъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ уже упорно настаиваетъ на созывѣ народныхъ представителей сначала предъ принцемъ Вильгельмомъ, а позднѣе предъ фельдмаршаломъ Гнейзенау.

Но не слѣдуетъ забывать, что осуществленіе народнаго представительства было любимою мечтою Штейна, и онъ, не скрываясь, заявлялъ оберъ-президенту Вестфаліи Винке: «Мнѣ уже довелось быть свидѣтелемъ паденія одной неодухотворенной машины—военной, 14-го октября 1806 года, такъ, можетъ быть, и для бюрократической машины (Schreibmachinerie) теперь наступитъ 14-е октября».

Дѣйствительно въ началѣ 1831 года острый періодъ революцій на Пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи, Бельгіи и Польшѣ уже миновалъ, и Штейнъ могъ предполагать, что голосъ благоразумія возьметъ верхъ даже и надъ предубѣжденіями короля Фридриха-Вильгельма.

Аргументація Штейна въ письмѣ къ Гнейзенау такова.

Эдиктъ 22-го мая 1815 года возвѣстилъ, что представительство отъ народа будетъ образовано; поэтому король не въ правѣ уклоняться отъ выполненія этого обѣщанія.

Наполовину предостерегая и пророчествуя, Штейнъ продолжаетъ: «Пока приходится еще имѣть дѣло съ поколѣніемъ, которое пріучено къ монархически-бюрократическимъ формамъ. Но постепенно выростаютъ новыя поколѣнія и проникаютъ на всѣ поприща общественной жизни. Эти поколѣнія развиваются подъ вліяніемъ новѣйшихъ историческихъ событій, газетъ, политическихъ брошюръ. Эти поколѣнія ощущаютъ въ себѣ юношескую бодрость; стремленіе къ дѣятельности, честолюбіе, корыстолюбіе и

сословная зависть руководятъ молодежью; религіозныя начала постепенно вытѣсняются націонализмомъ. Что искры политическаго пожара тлѣютъ повсюду, то достаточно уже сказалось въ Европѣ. Такъ, не повелѣваетъ ли благоразуміе взять руководительство надъ пожаромъ, прежде чѣмъ онъ разгорится и сокрушитъ все?»

Увѣщанія Штейна остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и, только 13 лѣтъ спустя, Фридрихъ-Вильгельмъ IV теоретически согласился на созывъ народныхъ представителей, но фактически рейхстагъ собрался значительно позднѣе по понужденію «новаго поколѣнія».

Разбросанность поземельныхъ владѣній барона Штейна заставляла его кочевать между герцогствомъ Нассаускимъ и Вестфаліею, а частые наѣзды во Франкфуртъ, по справедливости, обезпечили ему поднесенное отъ городского магистрата званіе почетнаго гражданина этого города.

Давно отставъ отъ сельскаго хозяйства, Штейнъ предпочиталъ и не приниматься за агрономическіе эксперименты, сдавая большую часть своихъ земель въ аренду, но съ любовью самъ занимался лѣсоводствомъ и садоводствомъ, выписывая чрезъ Гагерна розы, красныя акаціи и другія диковинныя растенія. По временамъ предпринимая для развлеченія поѣздки по Германіи, Швейцаріи и Италіи, Штейнъ всюду встрѣчалъ друзей и близкихъ знакомыхъ, которые, подобно Гнейзенау, дивились его моложавости, подвижности, остроумію и свойственной барону охотѣ къ спорамъ и парадоксамъ. Въ Вестфаліи Штейнъ, какъ мы уже говорили, особенно сблизился съ наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ. «Серьезность, съ которою принцъ относится къ дѣламъ,—писалъ Штейнъ Гагерну 2-го августа 1826 года,—его вѣрныя, благожелательныя, справедливыя сужденія, его любовь къ народу и религіозность, все это позволяетъ возлагать на принца величайшія надежды»,—прозорливость и тутъ не обманула Штейна, хотя, конечно, онъ и не подозрѣвалъ той роли, которая выпадетъ на долю скромному и исполнительному принцу.

Хлѣбосольный хозяинъ, Штейнъ и въ Нассау и въ Каппенбергѣ держалъ открытый столъ, за которымъ съ одинаковымъ радушіемъ принимались заѣзжіе дипломаты и вельможи, мѣстный пасторъ и бургомистръ, казначей и лѣсничій, шёффены, а порою даже и мѣстные ремесленники.

Чуждый всякой пышности и чванства, Штейнъ искренно радовался, принимая у себя симпатичныхъ ему людей, но никогда не стѣснялся рѣзко осадить и воздать по заслугамъ тѣмъ, кого имѣлъ основаніе презирать. Такъ, напримѣръ, однажды въ Франкфуртѣ Штейнъ обѣдалъ у своего банкира Метцлера, и когда гости вечеромъ расположились за кофе, Штейнъ увидѣлъ, что къ дому подъ-

ѣзжаетъ баварскій фельдмаршалъ, графъ Вреде, прославившійся жестокими реквизиціями во время похода по сѣверной Германіи. Штейнъ вскочилъ отъ стола и приказалъ подавать свой экипажъ. На вопросъ хозяина, недоумѣвавшаго, въ чемъ дѣло, баронъ, кивнувъ на входившаго въ комнату Вреде, сурово промолвилъ на прощаніе: «Съ негодяемъ и грабителемъ сидѣть за однимъ столомъ я не желаю» [1]).

Такимъ образомъ шелъ годъ за годомъ, вскорѣ послѣ 1815 года баронъ ослѣпъ на одинъ глазъ, въ 1819 году похоронилъ жену, а позднѣе, когда обѣ его дочери вышли замужъ [2]), Штейнъ оказался и совсѣмъ одинокимъ, а старость брала свое, и подчасъ приступы наслѣдственной подагры и ревматизмъ причиняли ему немало страданій.

Неудивительно, что подъ конецъ жизни Штейнъ порою впадалъ въ уныніе, и въ одномъ изъ писемъ къ Шлоссеру на вопросъ, заданный самому себѣ, слѣдуетъ ли желать старику долголѣтія, отвѣчаетъ на это отрицательно. «Съ каждымъ днемъ,—пишетъ онъ, вспоминая о смерти жены и императора Александра,—земныя узы порываются, и давнишніе друзья отъ насъ уходятъ. Вокругъ насъ становится все пустыннѣе. Силы падаютъ, а съ ними и возможность принимать бодрое участіе въ общественной дѣятельности. Новое же поколѣніе, конечно, оказывается намъ чуждымъ. Поэтому, по чистой совѣсти признаюсь, я не прочь умереть. Смерть вѣдь нашъ другъ, утѣшительница во всѣхъ скорбяхъ, прибѣжище во всѣхъ бѣдствіяхъ, такъ какъ снимаетъ съ насъ всякій гнетъ и, при томъ, навѣки».

Вступивъ въ 74-й годъ жизни, баронъ Штейнъ въ Каппенбергѣ почувствовалъ, по осложнившимся приступамъ подагры, приближеніе смерти и въ полномъ сознаніи, безъ всякаго страха предъ смертью, распростился со всѣми домашними, найдя для каждаго привѣтливое слово.

Умеръ онъ очень покойно 29-го іюня 1831 года.

Въ сущности жизненный путь Штейна былъ не изъ счастливыхъ: на обоихъ поприщахъ дѣятельности, которымъ Штейнъ посвятилъ всю свою энергію и дарованія, имъ успѣхъ былъ достигнутъ лишь наполовину. Въ Пруссіи онъ стремился преобразовать бюрократически-сословное государство, умѣряя монархическій абсолютизмъ, а для цѣлокупной Германіи жаждалъ подавленія узкаго партикуляризма мелкихъ государствъ и созданія на прочныхъ началахъ союзнаго національнаго государства. И тамъ

---

[1]) Арндтъ, loco cit., стр. 218.

[2]) Старшая дочь, Генріетта, вышла замужъ за франконскаго графа фонъ Гиха, а младшая, Тереза, за владѣльца майората въ герцогствѣ Лауэнбургскомъ графа фонъ-Кильманнсэгге.

и здѣсь Штейнъ натолкнулся на непреоборимыя преграды исторически сложившихся общественныхъ силъ — въ Пруссіи его ожесточенными противниками выступили дворянство, вліятельная часть бюрократіи, а временами даже и самъ король; въ Германіи же противъ его начинаній ополчились мелкія княжества и узкій партикуляризмъ населенія, въ которомъ лишь медленно и гораздо позднѣе стало пробуждаться широко-національное самосознаніе.

Великій патріотъ Германіи и провозвѣстникъ тѣхъ идеаловъ, которые довелось претворить въ дѣйствительность чрезъ полстолѣтіе лишь императору Вильгельму и князю Бисмарку, Штейнъ для своихъ соотечественниковъ былъ понятенъ только въ эпоху подъема всенароднаго патріотическаго воодушевленія, въ эпоху же, предшествовавшую войнамъ за освобожденіе, и въ эпоху послѣдовавшей за войнами реакціи онъ оказывался фантазеромъ, а въ глазахъ охранителей первой четверти XIX вѣка вся его дѣятельность заслуживала не лучшаго аттестата, чѣмъ тотъ, какимъ его удостоилъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ 3-го января 1807 г. за самоотверженное служеніе интересамъ Пруссіи. «Вы—слуга непослушный, надменный и упрямый; гордясь только собственною геніальностью, вы вмѣсто того, чтобы руководствоваться благомъ государства, слушаетесь лишь велѣній собственныхъ страстей и капризовъ».

Позднѣйшія поколѣнія болѣе вѣрно оцѣнили заслуги Штейна. Благодаря его плодотворной дѣятельности, Пруссія послѣ Наполеоновскаго погрома легко встала на ноги и крѣпла непрестанно, благодаря реформамъ, внесеннымъ Штейномъ же въ государственный укладъ страны. Поэтому далеко не по простой случайности произошло послѣ объединенія Германіи подъ властью Пруссіи посмертное чествованіе его заслугъ предъ Германіею: Штейну въ 1872 году была воздвигнута статуя въ г. Нассау (работы Пфуля), а въ 1874 году въ Берлинѣ (работы Шифельбейна и Гагена).

Возродившаяся заново національная Германская имперія воздала долгъ признательности своему не понятому современниками поборнику и провозвѣстнику.

В. Ш.

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ.

(Путевые наброски).

> Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
> Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
> Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
> Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
> И сладостно шумятъ полуденныя волны.
>
> Пушкинъ.

I.

Скорый поѣздъ между Петербургомъ и Севастополемъ, пробѣгающій въ какіе нибудь сорокъ восемь часовъ чуть не всю Россію, отъ хладныхъ финскихъ скалъ до лазурной глади Чернаго моря, представляетъ собою одно изъ рѣдкихъ удобствъ, особенно для русскаго путешественника, не избалованнаго быстротою передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ.

Быстрѣе всего мчится онъ на первыхъ порахъ, между нашимъ финскимъ парадизомъ и Москвою.

Помню, какъ крутились въ воздухѣ пожелтѣвшіе листья, вздымаемые вихремъ поѣзда. Помню испуганно вытаращенные глаза и разинутый ротъ какого-то молодого парня, когда мы проносились мимо него.

Дѣло было въ началѣ сентября, и нашъ сѣверный лѣсокъ, мелькавшій въ окнахъ, стоялъ уже на половину обнаженный отъ своего лѣтняго наряда. Осыпавшіеся желтые и красные листья покрывали землю. Задумчивѣе и печальнѣе другихъ деревьевъ казались березы. Онѣ тихо покачивали своими почти голыми вѣтками, а съ вѣтокъ, точно слезы, падали на землю капли моросившаго дождя. Небо было пасмурно и плотно затянуто сѣрою, безпросвѣтною пеленою.

Поѣздъ мчался.

Мимо неслись сторожевыя будки, шлагбаумы, тощіе стоги сѣна, изгороди, опустѣлыя поля, насыпи, овраги. Все это, пронизанное мелкою изморосью, окутанное однообразнымъ сѣрымъ цвѣтомъ, безъ свѣта, безъ тѣней, представляло до того унылую картину, что въ окна и смотрѣть не хотѣлось.

За станціей Бологое дождь пересталъ, и пейзажъ нѣсколько оживился. То тамъ, то тутъ, между деревьями и кустарникомъ стала мелькать стальная, блестящая гладь небольшихъ озеръ. Мѣстность сдѣлалась возвышеннѣе, лѣса—гуще и зеленѣе.

Начинало смеркаться. Кондукторъ зажегъ газъ.

— А вотъ на слѣдующую, на курско-харьковской,—улыбнулся онъ:—тамъ ужъ вамъ зажгутъ свѣчечку.

— Что же такъ?

— А такъ, что имъ не полагается. Если нашего газа останется, попользуются, а потомъ и со стеаринчикомъ. По крайней мѣрѣ, объ насъ вспомните,—засмѣялся онъ уходя.

Слова его оправдались. Вообще, за Москвою тотъ же поѣздъ принимаетъ иной, болѣе провинціальный характеръ. Идетъ онъ замѣтно тише, чаще останавливается на станціяхъ; поѣздная прислуга становится менѣе вѣжливою, и все дѣло ведется какъ-то халатнѣе, чѣмъ на Николаевской линіи.

Волгу мы переѣхали уже затемно. Въ это время года, вслѣдствіе мелководья, она кажется какою-то узкою и невзрачною: совсѣмъ не то, что весною, въ полую воду.

Впереди засверкали огоньки тверского фабричнаго городка, расположеннаго у самой станціи, и минутъ черезъ пять мы были уже въ вокзалѣ.

Здѣсь, какъ и въ прежніе годы, на особомъ прилавкѣ были выставлены пряничныя сласти тверского издѣлія: тотъ же тверской горошекъ, тѣ же свернутыя кольцомъ стерлядки, тѣ же генералы въ ботфортахъ и треугольныхъ шляпахъ съ плюмажами, тѣ же дамы въ костюмахъ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Древніе изображали время въ видѣ крылатаго старика, поѣдающаго собственныхъ дѣтей, но при видѣ этихъ достопочтенныхъ кавалеровъ и дамъ, чуть не сотню лѣтъ подъ рядъ появляющихся все въ одномъ и томъ же видѣ изъ своихъ старинныхъ, незатѣйливыхъ формъ, можно усомниться во всепоглощающей силѣ времени. Все на свѣтѣ грызетъ его неумолимый зубъ, но передъ тверскими пряничными формами и оно пасуетъ. Впрочемъ, въ виду измѣнчивости дамскихъ костюмовъ, платья тверскихъ пряничныхъ красавицъ, быть можетъ, въ непродолжительномъ времени окажутся послѣднимъ словомъ моды. Если тверскіе фабриканты разсчитываютъ на это, то они, пожалуй, и правы.

За Тверью небо стало проясняться. Показались звѣзды, и тихій свѣтъ ихъ былъ какъ-то особенно пріятенъ послѣ холоднаго, ненастнаго дня.

Въ Москвѣ на насъ пахнуло уже болѣе теплымъ воздухомъ.

Почти не останавливаясь на Николаевскомъ вокзалѣ, поѣздъ направился по соединительной вѣтви къ Курскому.

Какъ-то странно было очутиться въ желѣзнодорожномъ вагонѣ посреди освѣщенной электрическимъ свѣтомъ городской площади, по которой неслись кареты, ѣхали извозчики, сновали пѣшеходы. Но это продолжалось недолго.

Вскорѣ мы углубились въ темныя земляныя выемки, имѣвшія подобіе узкихъ коридоровъ. Огни въ домахъ мелькали уже высоко надъ нами, и черезъ насъ, то и дѣло, протягивались широкіе, мрачные мосты, по которымъ пролегали московскія улицы и кипѣла обычная городская жизнь.

Наконецъ, поѣздъ остановился у каменнаго крытаго перрона, принадлежавшаго къ курскому вокзалу, виднѣвшемуся въ глубинѣ. На перронѣ царила суматоха: московскіе пассажиры волновались, бѣгали и суетились, стараясь поскорѣе занять мѣста въ поѣздѣ. Черезъ четверть часа мы тронулись далѣе.

Вскорѣ погасли вдали огоньки московскихъ домовъ, и окрестность погрузилась въ глубокую тьму. Больше ничего не оставалось дѣлать, какъ лечь спать.

Я проснулся около семи часовъ утра, уже за Орломъ.

Погода—гораздо лучше вчерашней, но еще не совсѣмъ ясная,—облачная. Тепло, вѣтра нѣтъ. Кругомъ разстилается ровное, степное пространство; на горизонтѣ мелькаютъ дальніе хутора и деревни. На первомъ планѣ мѣстами зеленѣютъ озими съ расхаживающими по нимъ воронами. Множество мельницъ въ деревняхъ указываетъ на обиліе хлѣба, и, дѣйствительно, огромныя, крутобокія скирды, точно дома, желтѣютъ чуть ли не подлѣ каждой хаты. И скирды и дома одинаково покрыты соломою. Хаты всѣ въ зелени; дворики обнесены плетнями. Постройки, по большей части, еще бревенчатыя, но уже начинаютъ попадаться и мазанки. На зелени лужаекъ около деревень бѣлѣютъ крупные, длинноногіе гуси. На паровыхъ поляхъ пасутся большія стада коровъ и овецъ.

Признаковъ осени еще не замѣтно. Все зеленѣетъ, даже березы.

Дороги здѣсь гораздо оживленнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Лошади у крестьянъ крупнѣе и лучше. Вообще замѣчается гораздо болѣе зажиточности и довольства. Да оно и понятно: куда ни взглянешь, во всѣ стороны одинъ сплошной черноземъ, толщиною, судя по прорытымъ мѣстами канавамъ, не менѣе четырехъ или пяти четвертей.

Мысъ Фіолентъ у Георгіевскаго монастыря.

Мы приближались къ Курску.

Направо, на высокомъ холмѣ, расположенномъ надъ рѣкою Тускарью и покрытомъ сочною, густою зеленью, показались бѣлыя зданія большого монастыря съ пятиглавымъ храмомъ и высокою колокольнею.

Обитель эта была Коренная пустынь (въ 27 верстахъ отъ Курска), извѣстная по своей ярмаркѣ, имя которой, наравнѣ съ Нижегородской Макарьевской, гремѣло во время оно на всю Россію.

Мѣстность эта сдѣлалась извѣстною еще въ концѣ XIII вѣка.

Въ 1295 году одинъ изъ жителей Рыльска, отправясь на звѣриную ловлю, добрался до пустынныхъ тогда береговъ Тускари. Однажды, бродя въ дремучемъ лѣсу со своимъ охотничьимъ снарядомъ, онъ замѣтилъ у корня одного стараго вяза небольшую дощечку, которая оказалась иконою, обращенною ликомъ къ землѣ. На иконѣ было изображено Знаменіе Богоматери. Когда рыльчанинъ поднялъ икону, на мѣстѣ, гдѣ она лежала, оказался источникъ ключевой воды. Вѣсть объ обрѣтенной на Тускари иконѣ донеслась до Рыльска, и рыльскій князь сдѣлалъ распоряженіе о перенесеніи ея въ городъ, но самъ, — какъ повѣствуетъ преданіе,—не пошелъ съ народомъ навстрѣчу святыни и за это былъ пораженъ слѣпотою. Раскаявшись въ своемъ маловѣріи, онъ послѣ горячей молитвы передъ иконою получилъ исцѣленіе и соорудилъ для нея въ городѣ особую церковь. Но черезъ нѣсколько времени чудотворная икона, названная по мѣсту обрѣтенія Коренскою, или Коренною, опять возвратилась на берегъ Тускари, и здѣсь для нея подлѣ источника была построена часовня. Въ одинъ изъ своихъ набѣговъ на Русь татары ограбили и сожгли часовню, а икону разрубили пополамъ. Преданіе повѣствуетъ, что, когда жившій при часовнѣ и захваченный татарами священникъ вернулся изъ плѣна и, разыскавъ разрубленныя части иконы, сложилъ ихъ вмѣстѣ, онѣ срослись. Слава о Коренной чудотворной иконѣ, привлекавшей на Тускарь толпы богомольцевъ, распространялась все далѣе и далѣе и, наконецъ, достигла Москвы.

Въ концѣ XVI вѣка икона уже пользовалась такимъ уваженіемъ, что ей пожелалъ поклониться самъ государь Θеодоръ Іоанновичъ, и святыня, по его желанію, была принесена въ столицу. Здѣсь иждивеніемъ государя ее вставили въ особую кипарисовую доску съ изображеніемъ Бога Саваоθа и пророковъ и обложили серебрянымъ вызолоченнымъ окладомъ. Царица Ирина Θеодоровна пожертвовала къ иконѣ богатую пелену. Но этимъ царское усердіе не ограничилось. Отпустивъ святыню обратно на берега Тускари, Θеодоръ Іоанновичъ, въ 1597 году, основалъ тамъ иноческую обитель, сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ Коренной пустыни. Борисъ Годуновъ также глубоко почиталъ курскую

святыню. Первый Самозванецъ, захвативъ Путивль, распорядился привезти ее къ себѣ и оставилъ въ своемъ станѣ. Съ иконою онъ дошелъ до Москвы и поставилъ ее въ царскихъ палатахъ, гдѣ она оставалась въ продолженіе всего Смутнаго времени и лишь въ 1615 году отпущена царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ по просьбѣ жителей Курска.

Слѣдуетъ замѣтить, что еще ранѣе того икона изъ боязни татарскихъ набѣговъ хранилась, большею частію, въ Курскѣ, а не въ пустыни, гдѣ имѣлась лишь точная съ нея копія.

Такъ и теперь, получивъ икону изъ Москвы, куряне оставили ее у себя въ городѣ и въ 1618 году построили для нея Знаменскій монастырь, гдѣ икона находится до настоящаго времени и не далѣе, какъ весною 1898 года, была ознаменована чудомъ. Подъ чугунную сѣнь, въ которой она помѣщается, какимъ-то злоумышленникомъ былъ заложенъ разрывной снарядъ съ часовымъ механизмомъ. Отъ послѣдовавшаго взрыва сѣнь была совершенно разрушена, разбита ступень, исковерканъ подсвѣчникъ, въ окнахъ выбиты стекла, сосѣдняя стѣна дала трещину, сама же икона осталась невредимою.

Впрочемъ, святыня не все время остается въ Курскѣ.

Въ томъ же 1618 году, когда построенъ Знаменскій монастырь, куряне постановили переносить ее на лѣтнее время въ Коренную пустынь, и съ тѣхъ поръ ежегодно въ пятницу на девятой недѣлѣ послѣ Пасхи святыня съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ переносится къ мѣсту своего обрѣтенія и остается тамъ до 12-го сентября. Это церковное торжество искони превлекало десятки тысячъ богомольцевъ, и такимъ стеченіемъ народа не замедлилъ воспользоваться сначала мѣстный, а потомъ и болѣе отдаленный торговый людъ. Мало-по-малу подъ монастыремъ, во время перенесенія иконы, образовался торгъ, превратившійся со временемъ въ большую ярмарку, которая и получила отъ обители названіе Коренной.

Мѣсто, занимаемое ярмаркою, охватывало пространство около пятидесяти десятинъ и было съ трехъ сторонъ обведено валомъ и рвомъ. Для торговли устроенъ обширный гостиный дворъ съ лавками и амбарами, сначала деревянный, а потомъ (со временъ Екатерины II) — каменный. Торговали самыми разнообразными товарами: тутъ были матеріи шелковыя, шерстяныя, бумажныя, полотна, чай, сахаръ, ювелирныя издѣлія, издѣлія металлическія, мѣха, пряники, бакалея, москотельный товаръ, кожи, рыба, воскъ, вина и лошади.

До половины истекшаго столѣтія Коренная ярмарка была главнымъ центромъ торговыхъ оборотовъ всей средней Россіи. Стоимость привозимыхъ на нее товаровъ достигала до шести и семи милліоновъ рублей. Но съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, повліяв-

шимъ на нашу торговую и экономическую жизнь и создавшимъ иные коммерческіе пріемы и обороты, значеніе Коренной ярмарки начало быстро клониться къ упадку.

«Москва стала ближе, — говорилъ въ шестидесятыхъ годахъ одинъ мѣстный старикъ П. И. Якушкину. — Въ старину-то, кому что надо купить, пріѣзжали въ Коренную, а господа-то на цѣлый годъ въ Коренной запасались: вино, чай, сахаръ, на платье что надо, все въ Коренной покупали; больше и взять было негдѣ. А теперь уже эти порядки перевелись: годовыхъ запасовъ и не дѣлаютъ; что ни есть самые большіе господа, и тѣ крылья-то пообшибли, а объ гольтинѣ какой ныньче и не спрашивай... прежнихъ запасовъ не дѣлаютъ, а въ Москву часто ѣздятъ, что надо, въ Москвѣ и купятъ... Купецъ тоже въ Москвѣ товаръ закупаетъ, а въ Коренной развѣ какой плохонькой!.. Вотъ оттого-то Коренная и пропадаетъ».

Теперь ярмарка перенесена въ Курскъ и представляетъ собою лишь слабую тѣнь когда-то шумнаго, оживленнаго, кипучаго прошлаго.

Но вотъ и Курскъ, весело раскинувшійся по вершинамъ и скатамъ холмовъ надъ тихою Тускарью. Среди его многочисленныхъ церквей замѣтно выдѣляется полукруглый, серебристый куполъ соборнаго храма въ Знаменскомъ монастырѣ. Пестрая, волнообразная линія города съ его небольшими домиками, окруженными густою зеленью садовъ, производитъ издали очень пріятное впечатлѣніе.

За Курскомъ мы переѣхали и черезъ самую Тускарь, точно въ зеркалѣ, отражавшую въ своихъ покойныхъ водахъ темную зелень обрамливающихъ ее деревьевъ и кустарника. Чѣмъ-то далекимъ, безвозвратно минувшимъ повѣяло отъ этой спокойной, какъ бы застывшей въ раздумьѣ, рѣки, и мысль невольно понеслась въ сѣдую глубь вѣковъ, когда на берегахъ Тускари жили люди иного склада и закала.

«А мои ти куряне свѣдоми кмети»,—припоминались слова Буй-Тура Всеволода изъ «Слова о полку Игоревѣ»:

«Подъ трубами повиты,
«Подъ шеломы взлелѣяны,
«Конецъ копія вскормлены;
«Пути имъ вѣдомы,
«Яруги имъ знаемы,
«Луци у нихъ напряжени,
«Тули отворени,
«Сабли изострени».

Вотъ каковы были куряне въ XII столѣтіи, когда, подъ предводительствомъ своихъ князей, громили вѣжи половецкія.

Кузнецовская церковь близъ Байдарскихъ воротъ.

Съ половцами южная Русь справлялась безъ особаго труда. Но вскорѣ явились татары, и все пало подъ натискомъ ихъ дикихъ, несмѣтныхъ полчищъ. Подобно лютому Змѣю Горынычу, налегла на Русь татарская Золотая орда, и двѣсти лѣтъ держала ее подъ своимъ игомъ, плодя въ то же время ядовитыхъ змѣенышей и въ Казани, и въ Астрахани, и въ Крыму. Время шло. Москвѣ удалось, наконецъ, справиться съ ордою. Одолѣла она татаръ и въ Казани и въ Астрахани, но съ третьимъ отпрыскомъ Золотой орды, съ татарами Крымскими, она такъ и не могла справиться. И уже не два столѣтія, а вплоть до самаго царствованія Екатерины II иго вѣчнаго страха татарскихъ набѣговъ тяготѣло не только надъ южною, но частію даже и надъ среднею Россіей.

Несясь теперь въ удобномъ вагонѣ вдоль этихъ необозримыхъ полей бывшей Московской украины, мы и представить себѣ не можемъ, сколько во время оно пролито здѣсь крови, сколько сожжено починковъ, селъ, деревень, сколько совершено здѣсь самыхъ варварскихъ, гнусныхъ насилій опозорено женщинъ, убито дѣтей, сколько тысячъ людей оторвано навсегда отъ дома, отъ семьи и уведено въ тяжкую неволю.

До насъ дошли описанія этихъ страшныхъ крымскихъ набѣговъ, сдѣланныя современниками,—описанія, настолько точныя и подробныя, что по нимъ можно воспроизвести всю картину бѣдствій, постигавшихъ чуть не ежегодно Русскую землю и сосѣднюю съ нею Польшу. Бѣдствія эти, судя по размѣрамъ подвергавшагося имъ района, можно подраздѣлить на болѣе и менѣе тяжкія. Небольшіе, такъ сказать, частные набѣги, производились обыкновенно шайками въ нѣсколько сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ отдѣльныхъ мурзъ и беевъ. Иногда дѣйствовали одновременно нѣсколько шаекъ, и, пока ратные люди гонялись за одною изъ нихъ, остальныя безнаказанно производили въ краѣ всевозможныя опустошенія. Когда же набѣгъ рѣшался на ханскомъ совѣтѣ, и въ походъ выступалъ самъ ханъ, число грабителей возростало до семидесяти и восьмидесяти тысячъ.

Отправляясь въ походъ, каждый татаринъ бралъ съ собою двѣ, три и даже четыре лошади, чтобы, въ случаѣ бѣгства, имѣть подъ рукою нѣсколько свѣжихъ, неутомленныхъ животныхъ. Несясь во весь опоръ, они съ удивительной ловкостью умѣли перескакивать съ усталаго коня на заводного, при чемъ облегченный отъ тяжести всадника конь самъ сворачивалъ въ правую сторону и продолжалъ скакать рядомъ съ хозяиномъ, отдыхая на ходу. Лошаденки ихъ, несмотря на свой малый ростъ, славились неутомимостью.

Къ назначенному ханомъ времени хищники со всѣхъ сторонъ Крымскаго полуострова собиралась въ Перекопъ, бывшій обычнымъ ихъ сборнымъ пунктомъ передъ выступленіемъ въ походъ. Одѣ-

тые въ короткіе, доходившіе только до пояса овчинные тулупы, лѣтомъ и въ ненастную погоду, вывернутые шерстью вверхъ, сидя скорчившись, съ высокоподнятыми стременами, на своихъ маленькихъ крѣпконогихъ коняхъ, они сами представлялись какими-то полулюдьми, полузвѣрями, одинъ видъ которыхъ наводилъ ужасъ на мирнаго землепашца.

Вооруженіе ихъ состояло изъ лука, длинныхъ стрѣлъ, копья и острой, кривой сабли. Лучшія сабли выдѣлывались въ Бахчисараѣ, при чемъ особенно цѣнились тѣ, которыя были сдѣланы изъ стоптанныхъ конскихъ подковъ. Но въ помощь саблѣ большинство изъ нихъ носило за поясомъ нѣсколько кинжаловъ и ятагановъ. На многихъ можно было увидѣть металлическіе доспѣхи и желѣзные шеломы, большею частію награбленные въ той же Московской украйнѣ или Польшѣ.

Зъ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія, луки и стрѣлы замѣнялись ружьями. Ознакомившись съ этимъ новымъ оружіемъ, нѣкоторые изъ татаръ изобрѣли способъ усиливать причиняемый вредъ. Они заряжали ружье двумя пулями, скрѣпленными между собою спиральною проволокою. На полетѣ проволока растягивалась и, врѣзаясь въ тѣло, дѣлала, кромѣ двойной раны отъ пуль, еще разрѣзъ въ три-четыре вершка длиною. А что они были вообще хорошими стрѣлками, можно видѣть изъ сохранившихся у нихъ преданій, согласно которымъ лучшимъ стрѣлкомъ признавался только тотъ, кто па разстояніи не менѣе сорока шаговъ могъ пропустить пулю сквозь перстень.

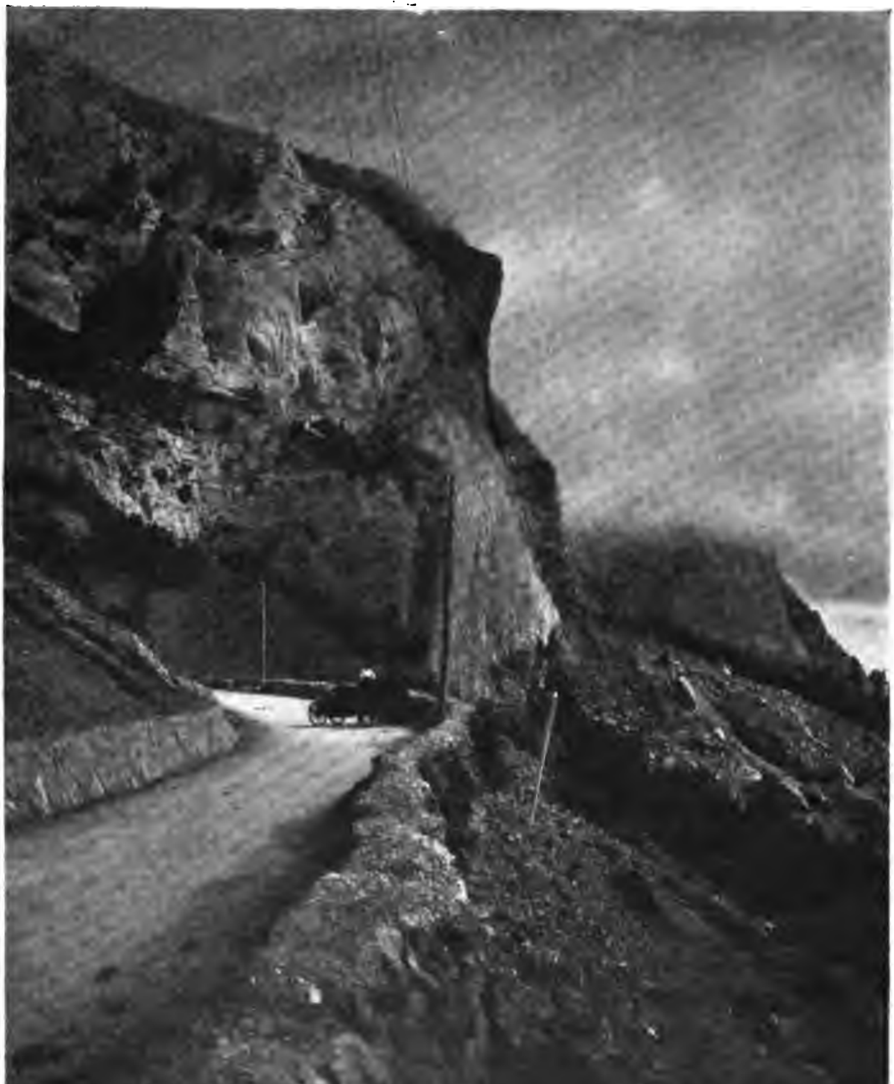
Но болѣе, чѣмъ всякимъ оружіемъ, хищники запасались длинными ремнями и арканами для ловли и скручиванья плѣнниковъ. Собравшись въ Перекопѣ и получивъ благословеніе отъ главнаго муллы, орда, подобно саранчѣ, снималась съ мѣста и вступала въ степь.

Здѣсь они большею частію пробирались впередъ вдоль степныхъ овраговъ и балокъ, крадучись, точно волки, не разводя огней и принимая всевозможныя предосторожности, чтобы не надѣлать преждевременной тревоги въ намѣченной для грабежа мѣстности. Всякій, кто въ это время встрѣчался съ ними, былъ убиваемъ безъ всякой пощады.

Прокравшись въ глубь непріятельской страны, татары принимались за опустошеніе, которое производилось методично, по ловко обдуманному заранѣе плану. Начальники дѣлили всѣ наличныя силы на три части: на центръ, заключавшій въ себѣ двѣ трети всего войска, и на два крыла, содержавшія при ханскихъ походахъ отъ восьми до десяти тысячъ каждое. Эти-то крылья и предназначались собственно для грабежа. Они разсыпались направо и налѣво по окрестности, а центръ въ это время начиналъ медленное отступленіе. Когда хищники, ограбивъ все, что встрѣтилось имъ

по дорогѣ, нагруженные добромъ, гоня передъ собою толпы плѣнниковъ возвращались къ главному войску, оно уже успѣвало продвинуться назадъ и вступить въ мѣстность, еще не ограбленную. Насытившіяся грабежомъ крылья переводились въ центръ, и изъ него для новаго грабежа выдѣлялись два новыхъ, свѣжихъ крыла, а центръ опять начиналъ свое медленное отступленіе. Такъ продолжалось, пока беззащитная страна не бывала ограблена и опустошена въ конецъ, или пока татаръ не настигало собранное противъ нихъ войско. Тогда отступленіе совершалось уже не шагомъ, а во всю конскую прыть, такъ какъ отъ правильной битвы съ войсками разбойники старались по возможности уклоняться.

Отправляясь на грабежъ, каждое крыло раздѣлялось на нѣсколько отрядовъ, по пяти или шести сотъ человѣкъ въ каждомъ, и каждый отрядъ дѣйствовалъ самостоятельно. Завидѣвъ впереди селеніе, татары съ крикомъ бросались къ нему и разомъ охватывали его со всѣхъ сторонъ, чтобы никто изъ жителей не могъ спастись бѣгствомъ. Ночью они для этой же цѣли раскладывали вокругъ селенія большіе сторожевые огни. Принявъ эти мѣры, они врывались въ селеніе, хватали мужчинъ, женщинъ, дѣтей, рѣзали сопротивлявшихся, грабили имущество, забирали лошадей, коровъ, овецъ, словомъ, весь домашній скотъ, кромѣ только свиней, которыхъ мусульмане считаютъ нечистыми. Свиней они сгоняли вмѣстѣ въ какой нибудь овинъ и зажигали его съ четырехъ угловъ. Окончивъ грабежъ въ одномъ мѣстѣ, хищники отправлялись на поиски новаго жилья, оставляя позади себя однѣ обугленныя развалины, пока, наконецъ, обремененные награбленнымъ добромъ, гоня передъ собою скотъ и плѣнниковъ, они не возвращались къ главному войску. Менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли, они успѣвали иногда захватить тысячъ до пятидесяти плѣнниковъ. Наконецъ, насытившись во всю, хищники возвращались въ степь и нѣсколько дней отдыхали въ безопасномъ мѣстѣ. Здѣсь происходилъ раздѣлъ плѣнныхъ, сопровождавшійся ужасными сценами. «И безчеловѣчное сердце,—говоритъ Бопланъ,—тронется при прощаніи мужа съ женою, матери съ дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; звѣрскіе мусульмане безчестятъ женъ и дѣвицъ на глазахъ мужей и отцовъ; обрѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей, однимъ словомъ, совершаютъ тысячи неистовствъ. Крики и пѣсни буйныхъ татаръ, стоны и вопли несчастныхъ русскихъ приведутъ въ трепетъ и звѣрскую душу!» Плѣнныхъ гнали затѣмъ въ прибрежныя крымскія гавани и продавали купцамъ въ Малую Азію и Турцію; много ихъ шло въ Константинополь. Изъ Малой Азіи приходили въ Крымъ корабли съ оружіемъ, тканями, одеждами, конями, а уходили почти исключительно нагруженные живымъ человѣческимъ товаромъ. Главнымъ мѣстомъ торговли невольниками была генуэзская факторія, Кафа, нынѣшняя Ѳеодосія. Въ XVII



Шоссе близъ Байдарскихъ воротъ.

вѣкѣ она служила резиденціею турецкому губернатору и была самымъ большимъ городомъ Крыма. Ее называли Ярымъ-Истамбулъ, т.-е. полъ-Константинополя, а также Кучукъ-Истамбулъ, или Малый Константинополь. Здѣсь-то по временамъ накапливалось до 30.000 плѣнниковъ голодныхъ, избитыхъ, изуродованныхъ, съ клеймами на лбу и щекахъ, еле двигающихъ ноги отъ изнеможенія, потому что татары берегли только красивыхъ женщинъ и мальчиковъ, какъ товаръ болѣе выгодный, съ остальными же обращались бозчеловѣчно. Съ городского рынка несчастныхъ гнали прямо на корабли, увозившіе ихъ въ вѣчную неволю. Михалонъ Литвинъ, путешественникъ XVI вѣка, видѣлъ въ Кафѣ сцену отправленія этихъ бѣдняковъ. Скованные цѣпью по десяти человѣкъ вмѣстѣ, они стояли на берегу передъ кораблемъ въ ожиданіи очереди. Одинъ изъ нихъ оказался землякомъ и давнимъ знакомымъ Михалона. Вотъ какія рѣчи говорилъ онъ ему на прощанье: «Нечего уже, любезный другъ, горевать о насъ, отходящихъ изгнанникахъ. Хотя въ печальный и горькій путь отправляемся мы, оставивъ милое отечество, переселяясь туда, откуда никогда не возвратимся, но спокойнѣе можно намъ переносить эту неизбѣжную участь, потому что немало насъ отправляется вмѣстѣ, и не въ лучшемъ положеніи оставляемъ мы здѣсь въ Тавридѣ нашихъ товарищей, заклейменныхъ, обезображенныхъ; да и въ отечествѣ не лучшій конецъ испытали близкіе наши, которыхъ мы видѣли убиваемыхъ, обезглавленныхъ, влачимыхъ съ оторванными членами и головами; видѣли трепещущія сердца ихъ, бросаемыя въ огонь, и вынимаемыя у нихъ легкія, когда жестокій врагъ, выворотя ихъ утробу, вырывалъ изъ теплаго еще тѣла внутренности для гаданій, а желчь для мази. Правда, что и намъ было бы лучше претерпѣть эти и другія жестокости въ виду родныхъ пенатовъ и умереть тамъ, гдѣ лежатъ наши отцы; тѣла наши, хотя и изуродованныя, были бы растерзаны тамъ дикими звѣрями, все же были бы счастливѣе, нежели теперь. Но ненавистная судьба сохранила насъ для большихъ еще оскорбленій; надобно уступить ей, и эта горесть ваша и сожалѣніе не помогутъ намъ. Скорѣе мы должны опасаться, чтобы не постигла и васъ та же участь, чтобы и вы такъ же когда нибудь не взошли на эти корабли, насъ уносящіе, и чтобы наконецъ все племя наше не погибло, теряя такъ часто свою кровь».

II.

Рельсовый путь, соединяющій Крымъ съ Россіею, проложенъ восточнѣе стараго историческаго пути на Перекопскій перешеекъ, по которому переправлялись къ намъ крымскія шайки. Вести дорогу отъ станціи Лозовой (отъ которой беретъ начало крымская вѣтвь) на Перекопъ было бы значительно дальше, а между тѣмъ

Часть Южнаго берега со стороны Яйлы.

часть Азовскаго моря, называемая Сивашемъ, которая отдѣляетъ Крымъ отъ материка, настолько мелководна и изобилуетъ отмелями, что мѣстомъ переправы на полуостровъ была избрана длинная коса близъ городка Геническа, и желѣзнодорожный путь проложенъ прямо черезъ море при помощи искусственныхъ дамбъ и соединяющаго ихъ моста.

На слѣдующее утро мы проснулись уже въ Крыму.

На небѣ ни облачка. Вокругъ разстилалось то же широкое степное пространство, которое мы видѣли вчера на материкѣ, и только направо вдали тянулась довольно высокая цѣпь холмовъ. Передъ нею почти безъ перерыва мелькали веселые далекіе хутора. Среди окружавшей ихъ зелени стройными рядами возвышались пирамидальные тополи.

По дорогамъ, проложеннымъ часто вдоль полотна, то и дѣло попадались люди, главнымъ образомъ колонисты—мужчины и женщины. Ихъ крѣпкія телѣги и брички, хорошія лошади, опрятные, почти щеголеватые костюмы и бодрый, здоровый видъ показывали, что живется имъ здѣсь не худо.

Первыми крымскими колонистами были выходцы изъ Виртемберга, Бадена и Цюрихскаго кантона въ Швейцаріи, переселившіеся сюда по приглашенію нашего правительства въ 1804 и 1805 годахъ. Часть ихъ поселилась на востокѣ полуострова, въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, другая же часть основалась въ центрѣ около Симферополя. Въ Симферопольскомъ же уѣздѣ находится нѣсколько эстонскихъ колоній, водворенныхъ въ Крыму послѣ Севастопольской кампаніи.

На поляхъ по сторонамъ дороги паслись стада овецъ съ одиноко торчавшими типичными фигурами пастуховъ. Эти стада очень оживляли общую картину мѣстности, которая, будучи освѣщена яркими лучами солнцами, если и не отличалась особенною красотою, то, во всякомъ случаѣ, производила очень пріятное впечатлѣніе.

Разведеніе овецъ и барановъ искони составляло одно изъ главныхъ занятій крымцевъ. Стадо, по-здѣшнему «отара» (отъ татарскихъ словъ: «отъ»—трава и «арамакъ»—искать), состояло обыкновенно не менѣе, чѣмъ изъ тысячи головъ. Чтобы собрать воедино такое количество, нѣсколько владѣльцевъ соединялись вмѣстѣ, составляя какъ бы союзъ, въ которомъ главный голосъ принадлежалъ лицу, имѣвшему наибольшее число овецъ въ стадѣ. Принадлежавшіе къ союзу владѣльцы и ихъ семьи кочевали всегда вмѣстѣ, передвигаясь вслѣдъ за своимъ коллективнымъ имуществомъ. Но иногда основателями такихъ союзовъ являлись люди богатые, извѣстные своимъ умѣніемъ размножать скотъ; къ такимъ лицамъ мелкіе вкладчики присоединялись очень охотно, и подъ ихъ главенствомъ составлялись огромныя стада. Стадо, соединенное изъ десяти ты-

сячныхъ стадъ, называлось «кхошемъ» (припомнимъ запорожское— кошъ). Но, разумѣется, пасти такой десятитысячный кхошъ въ одномъ мѣстѣ было невозможно, и онъ раздѣлялся на нѣсколько меньшихъ стадъ, подчиненныхъ, однако, одному центральному управленію, гдѣ находилась и главная кибитка союза. При каждомъ отдѣльномъ стадѣ полагалось три предводителя-пастуха (они идутъ обыкновенно впереди овецъ), называвшихся «чабанами». Начальникъ чабановъ своднаго стада носилъ названіе «одамана», которое оставалось за нимъ въ видѣ почетнаго званія и послѣ службы. Каждый кхошъ имѣлъ свое клеймо, которымъ клеймилъ, какъ животныхъ, такъ и неодушевленные предметы, составлявшіе его собственность. Въ такомъ видѣ еще застали мы крымское овцеводство въ XVIII столѣтіи; теперь оно давно уже пришло въ упадокъ и едва ли когда либо возродится въ своемъ прежнемъ видѣ.

На вокзалѣ въ Симферополѣ я хотѣлъ пріобрѣсти коллекцію видовъ города и его окрестностей. Мнѣ подали цѣлую кипу открытыхъ писемъ съ видами всевозможныхъ мѣстностей, и преимущественно города Тюмени, симферопольскихъ же не оказалось ни одного.

Поѣздъ тронулся далѣе. Впереди, покрытая синеватою дымкою уже возвышалась горная цѣпь Яйлы, охваченная предгорьями. Послѣ странствія по необозримымъ степнымъ равнинамъ глазъ съ удовольствіемъ останавливался на этихъ высоко поднявшихся къ небу горныхъ громадахъ, которыя тянулись въ нѣсколько рядовъ и какъ бы преграждали собою всякій дальнѣйшій путь.

Мы приближались къ грозной когда-то столицѣ Крымскаго ханства, которая, подобно каждому разбойничьему гнѣзду, такъ искусно скрыта въ глубокомъ ущельѣ, что, не зная мѣстности, можно было бы проѣхать въ полуверстѣ отъ нея, не подозрѣвая о ея существованіи.

Въ продолженіе трехъ столѣтій Бахчисарай былъ резиденціею повелителей Крыма, носившихъ фамильное прозвище Гиреевъ, родоначальникомъ которыхъ можно считать Девлета, избравшаго этотъ «городъ садовъ» для своего мѣстопребыванія.

До перенесенія столицы въ Бахчисарай ханы проживали въ городѣ Крымѣ, давшемъ названіе всему полуострову. Послѣ перенесенія резиденціи Крымъ сталъ именоваться Эски-Крымомъ, т.-е. Старымъ Крымомъ,—онъ существуетъ и въ настоящее время. Самое слово Крымъ,—которое татары произносятъ: Кырымъ,—заимствовано вмѣстѣ съ другими словами, выражающими отвлеченныя понятія, изъ арабскаго языка и означаетъ: «благодать». Замѣтимъ при этомъ, что главною-то благодатью Крыма, его южнымъ берегомъ, татары не владѣли. Тамъ еще ранѣе ихъ поселились и устроили свои торговыя факторіи предпріимчивые генуэзцы.

Сынъ Девлета, извѣстный Менгли-Гирей, восемь лѣтъ воспитывался и, можно сказать, выросъ среди генуэзцевъ, но въ душѣ

остался дикимъ и вѣроломнымъ предводителемъ жадной разбойничьей шайки.

Насколько страшна была Крымская орда Московскому государству, можно видѣть изъ наказа Іоанна III отправленному имъ къ Менгли-Гирею послу Никитѣ Беклемишеву. Представъ предъ очи татарина, Беклемишевъ долженъ былъ отъ имени московскаго самодержца говорить такую рѣчь: «Князь великій Иванъ «челомъ бьетъ». Посолъ твой говорилъ мнѣ, что хочешь меня «жаловать», въ братствѣ, дружбѣ и любви держать, какъ короля Казимира. И я, слышавъ твое жалованье, послалъ къ тебѣ бить челомъ боярина своего Никиту, чтобы ты пожаловалъ, какъ началъ меня жаловать, такъ бы и до конца жаловалъ». Правда, что, не скупясь на слово «жаловать» въ посольской рѣчи, Іоаннъ не хотѣлъ видѣть этого унизительнаго слова въ ханской грамотѣ, и Беклемишеву велѣно было отговаривать хана отъ употребленія его въ письмѣ. Но дипломатическія уловки посла не имѣли успѣха, и Менгли-Гирей «пожаловалъ» Іоанна своимъ братствомъ и дружбою.

«Государь еси великой, справедливой и премудрой, межъ бесерменскими государи прехвальный государь, братъ мой»,—такъ титуловалъ Іоаннъ Менгли-Гирея; но это не мѣшало «справедливому и премудрому» царскому брату писать ему въ отвѣтъ: «Нынѣ братству примѣта то: кречеты, соболи, рыбій зубъ».

Приближенные хана были еще безцеремоннѣе: «Я нынче женился и сына женилъ,—писалъ одинъ изъ нихъ,—такъ бы великій князь пожаловалъ: прислалъ шубу соболью, да шубу горностаевую, да шубу рысью. Да великій князь пожаловалъ, прислалъ мнѣ третьяго года панцырь; я ходилъ на недруговъ и панцырь истерялъ, такъ великій князь пожаловалъ бы, новый панцырь прислалъ».

И всѣ эти требованія, скрѣпя сердце, приходилось исполнять, такъ какъ въ противномъ случаѣ «друзья» тотчасъ же превращались во враговъ, и тогда набѣги и грабежи, происходившіе подъ шумокъ и въ мирное время, становились какъ бы непремѣннымъ долгомъ и обязанностью.

Татары иначе и не понимали мирныхъ отношеній съ сосѣдями, какъ въ видѣ полученія богатыхъ и обильныхъ подарковъ. Ежегодно отправляемое въ Москву посольство отъ крымскаго юрта тѣмъ только и разнилось отъ набѣга, что грабежъ совершался мирнымъ путемъ, безъ оружія въ рукахъ. Чтобы получить на свою долю поболѣе подарковъ, ханъ посылалъ отъ себя не одного, а разомъ пять пословъ и еще множество гонцовъ. Первый наслѣдникъ хана, называвшійся Калгою, и второй наслѣдникъ—Нуреддинъ, посылали по три посла каждый; посылали пословъ и остальные ханскіе сыновья, именовавшіеся султанами. Кромѣ того, въ посольствѣ находились послы и гонцы отъ матери хана и отъ

Алупка. Прибой во время бури.

другихъ женъ его отца, отъ женъ хана, отъ женъ Калги, Нуреддина и каждаго изъ царевичей, отъ ихъ сыновей и женъ ихъ, если таковыя имѣлись, отъ дочерей хана и вдовъ царевичей, уже умершихъ. За послами отъ ханскаго рода слѣдовали послы отъ беевъ пяти первыхъ знатныхъ родовъ, отъ беевъ второстепенныхъ родовъ, отъ мурзъ и отъ ханскихъ придворныхъ чиновъ до садовника и начальника музыкантовъ включительно. Всѣ эти послы и гонцы, получивъ грамоты къ московскому государю съ увѣреніями въ дружбѣ и требованіями подарковъ, какъ стадо волковъ, длинною вереницей тянулись по Муравскому шляху въ Москву. Всѣхъ ихъ надо было кормить и одаривать.

Въ отвѣтъ на это посѣщеніе московское правительство должно было снаряжать не менѣе раза въ годъ,—а иногда и гораздо чаще,—свое торжественное посольство съ условленными дарами, при подробной росписи, кому и что назначается. Но, несмотря на вынужденную щедрость, съ которою московское правительство задаривало татаръ, ханы то и дѣло выражали недовольство. Самъ Менгли-Гирей не стыдился писать Василію Ивановичу: «Изъ моихъ мурзъ и князей двадцати человѣкамъ поминка не досталось, такъ ты бы имъ прислалъ по сукну, а если не пришлешь, то они скажутъ: шерть (клятву) съ насъ долой,—и сильно намъ станутъ объ этомъ докучать; такъ бы намъ докуки не было».

Несмотря на свой высокій санъ окольничьихъ и бояръ, московскіе послы—Заболоцкій, Морозовъ, Мамоновъ, подвергались отъ приближенныхъ хана тяжкимъ оскорбленіямъ. Морозова какой-то мурза Кудояръ-ханъ обругалъ «холопомъ» и вырвалъ у его подьячаго, несшаго подарки хану, бѣличью шубу; когда же Морозовъ пожаловался Мангли-Гирею на насиліе Кудояра, ханъ началъ «по немъ покрапивать», т.-е. выгораживать своего мурзу, говоря: «мы его этимъ пожаловали». Съ Мамоновымъ, пріѣхавшимъ въ Крымъ уже при сынѣ Менгли-Гирея, Махметъ-Гиреѣ, было поступлено еще безцеремоннѣе. У него, именемъ хана, насильно отобрали 30 шубъ и столько же однорядокъ. Но этого мало. Явился къ нему на дворъ какой-то татаринъ верхомъ и сталъ требовать подарка, а, получивъ отказъ, началъ съ плетью гоняться за посломъ и топтать его лошадью, въ заключеніе же ворвался съ ножемъ въ посольскую избу. Ограбленіе посла Махметъ въ письмѣ Василію Ивановичу мотивировалъ такъ: «Ты моимъ людямъ не прислалъ подарковъ, и намъ отъ нихъ много докуки было, и вотъ я для того, чтобы между нами дружбы и братства прибывало, неволею взялъ у твоего посла, да и роздалъ—кому шубу, кому однорядку». Коротко и ясно! Таковы были дипломатическія сношенія крымцевъ.

Въ Москвѣ волею-неволею приходилось мириться съ подобными безобразіями. Крымцевъ боялись, и не напрасно. Тотъ же самый

Алупка. Татарскія сакли.

Махметъ-Гирей доходилъ съ своею ордою почти до самыхъ стѣнъ Москвы, а одинъ изъ преемниковъ его, Девлетъ-Гирей,—при Іоаннѣ Грозномъ,—не задумался зажечь ее, какъ простую степную деревню.

Но по мѣрѣ того, какъ Русь крѣпла, крымцамъ поневолѣ приходилось сокращать свои аппетиты. Хотя воровскіе набѣги на Украйну и продолжались, но, съ своей стороны, и охранители нашихъ окраинъ, донскіе и запорожскіе казаки, уже начали сами навѣдываться въ Крымъ—«поискать зипуновъ».

Петръ I отмѣнилъ посылку поминковъ хану. Впрочемъ, уничтожить это ядовитое змѣиное гнѣздо, которое еще съ 1475 года считалось подвластнымъ Турціи, было не легко даже и въ XVIII столѣтіи. Во время турецкой войны Минихъ и Ласси два раза опустошили Крымъ, разрушили Перекопъ и сожгли Бахчисарай. Но въ 1769 году ханъ съ 70.000 человѣкъ снова вторгся въ русскіе предѣлы, сжегъ множество селеній и увелъ около двухъ тысячъ плѣнниковъ. Черезъ два года князь В. М. Долгорукій снова овладѣлъ полуостровомъ, а по Кучукъ-Кайнарджійскому миру Крымъ признанъ независимымъ отъ Турціи. Теперь дни ханства были сочтены. Послѣдній ханъ, Шагинъ-Гирей, началъ было вводить реформы по европейскому образцу, но вооружилъ противъ себя духовенство, а народъ ненавидѣлъ его за то, что сборы государственныхъ податей были переданы имъ въ руки притѣснителей откупщиковъ (въ числѣ которыхъ былъ даже и русскій калужскій купецъ Хохловъ). Несчастному реформатору пришлось бѣжать отъ своихъ подданныхъ въ горы, и здѣсь къ нему явился генералъ Игельстромъ съ конвоемъ и предложеніемъ «отдаться милостямъ монархини». 8-го апрѣля 1783 года Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи.

Въ Бахчисараѣ мы не останавливались, такъ какъ я былъ въ немъ уже ранѣе, лѣтъ около двадцати назадъ. Городъ находится верстахъ въ двухъ отъ желѣзной дороги. Помню его длинную, узкую главную улицу, на которой съ трудомъ могутъ разъѣхаться два экипажа, состоящую сплошь изъ разныхъ открытыхъ, повосточному, лавокъ, въ которыхъ шьютъ сапоги, жарятъ шашлыки, пекутъ хлѣбы, куютъ желѣзо, продаютъ фрукты, посуду, женскія чадры и пр. и пр. Помню и дворецъ, сожженный въ 1736 году Минихомъ и послѣ возобновленія безсовѣстно ограбленный уѣзжавшимъ на житье въ Воронежъ Шагинъ-Гиреемъ, который обобралъ въ немъ все, даже двери, карнизы и облицовку. Позднѣйшія реставраціи были настолько неумѣлы и неуклюжи, что вызвали негодованіе даже такой сдержанной личности, какъ Александръ I. Правда, намъ совершенно серьезно показывали и «залъ совѣта», и «гаремъ», и «фонтанъ слезъ» (приткнутый гдѣ-то въ углу подлѣ лѣстницы), но увлечься этою «стариною» было трудно.

Находящаяся на примыкающемъ къ дворцу кладбищѣ усыпальница Гиреевъ пострадала, повидимому, менѣе остального. Переведенныя учеными надписи на гробницахъ показываютъ, насколько философскія воззрѣнія хановъ расходились съ практикою. Проведя всю жизнь въ дикихъ насиліяхъ, грабежахъ и хищеніяхъ съ цѣлью самой мелкой матеріальной наживы, они на гробницахъ своихъ помѣщали сентенціи въ родѣ слѣдующей: «О сердце! Не вѣрь суетному міру: рано или поздно ты раскаешься и увидишь, что этотъ міръ вѣроломенъ» и т. д. Раскаяніе для подобныхъ головорѣзовъ было бы дѣйствительно очень полезно; жаль только, что рѣчь о немъ заводилась лишь на надгробной плитѣ.

При въѣздѣ въ Бахчисарай сохранилась старинная арка ханскихъ временъ, на которой выставлена цифра 1787—годъ посѣщенія Бахчисарая Екатериною II. Въ сторонѣ отъ главной улицы намъ показывали уединенную мечеть, по поводу которой сложилось слѣдующее преданіе: когда императрица въѣзжала въ городъ, фанатикъ-муэдзинъ, стоявшій на минаретѣ, неожиданнымъ рѣзкимъ крикомъ такъ испугалъ лошадей въ экипажѣ государыни, что онѣ понесли подъ гору и чуть не разбили экипажа, а одинъ изъ находящихся при этомъ солдатъ ружейнымъ выстрѣломъ уложилъ муэдзина на мѣстѣ.

За Бахчисараемъ съ обѣихъ сторонъ потянулись фруктовые сады и цѣлыя рощи стройныхъ, высоко уходящихъ въ небо, тополей. Мы начинали подниматься въ горы. Холмы, раскинутые по краямъ дороги, имѣли полукруглую, иногда очень правильную форму. На одномъ изъ такихъ холмовъ, еще не доѣзжая Бахчисарая, мы видѣли одно изъ многихъ такъ называемыхъ братскихъ кладбищъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ Севастополя. На нихъ покоятся тѣ безвѣстные міру скромные герои, которые безъ шума, безъ громкихъ фразъ, спокойно и просто встрѣчали смерть и тяжкія смертельныя увѣчья на севастопольскихъ бастіонахъ. Имена ихъ забыты, но память объ ихъ беззавѣтной храбрости жива понынѣ и долго еще будетъ жить въ сердцахъ благодарнаго потомства.

Мы проѣзжали Бельбекскою долиною, которая славится своими фруктовыми и въ особенности яблочными садами.

Вотъ и Камышловскій віадукъ, перекинутый черезъ узкую глубокую балку. На днѣ ея—сплошной зеленый садъ, усѣянный сотнями краснѣющихъ въ зелени яблоковъ. Впереди Мекензіевы горы. Вдали синею полосою на минуту показалось море и опять скрылось за окружающими дорогу скалами. Начались тоннели. При выѣздѣ изъ одного изъ нихъ, влѣво, подлѣ самаго полотна, притиснутыя къ отвѣсной скалѣ, промелькнули постройки Инкерманскаго монастыря. Поѣздъ описалъ большой полукругъ близъ мѣста знаменитаго Инкерманскаго боя и направился къ морю вдоль бе-

рега Сѣверной бухты. Еще нѣсколько тоннелей. Поворотъ налѣво и—передъ нами, во всей красѣ, сверкая на солнцѣ яркою бѣлизною, развернулась панорама Севастополя.

III.

Не стану описывать посѣщенія обагренныхъ русскою кровью священныхъ твердынь. О Севастополѣ надо говорить или очень много или ничего не говорить. Легкая форма бѣглыхъ путевыхъ набросковъ не соотвѣтствуетъ серьезности предмета, да къ тому же и самый городъ и его достопамятная осада уже неоднократно описаны во многихъ спеціальныхъ, прекрасныхъ трудахъ.

Перехожу къ описанію дальнѣйшаго путешествія.

Послѣ осмотра Севастополя мы побывали и въ замѣчательныхъ его окрестностяхъ... Побродили по улицамъ древняго византійскаго Херсонеса, благодаря неутомимымъ раскопкамъ, вызваннаго, подобно римской Помпеѣ, на свѣтъ Божій, насладились въ Георгіевскомъ монастырѣ единственною по своему величію картиною, которая мгновенно, точно въ волшебной сказкѣ, открывается передъ вами, сжимая грудь неожиданностью и грандіозностью зрѣлища, раскинутаго у вашихъ ногъ; полюбовались издали на мысъ Фіолентъ, бывшій, по мнѣнію большинства, мѣстомъ служенія дочери Агамемнона; побывали на сѣверной сторонѣ, гдѣ покоится цвѣтъ геройскихъ защитниковъ Севастополя, и, посѣтивъ, по возможности, все, что было достойно вниманія, стали готовиться въ дальнѣйшій путь на Южный берегъ.

Рано утромъ нанятая нами коляска подкатила четверней къ гостиницѣ, и мы, взглянувъ въ послѣдній разъ на бѣлыя колонны портика Графской пристани и возвышающійся противъ нея памятникъ Нахимову, тронулись въ путь.

Зазвенѣли колокольчики пристяжныхъ, загремѣли о мостовую колеса, и мимо насъ, подобно движущейся декораціи, потянулись уже знакомыя зданія. Вотъ морская библіотека съ ея мраморнымъ барельефомъ, вотъ гостиница Ветцеля, бывшая прежде частнымъ домомъ, въ которомъ во время осады проживалъ П. С. Нахимовъ; сюда принесли его съ Малахова кургана, здѣсь онъ и скончался. Вотъ красивое зданіе Музея Севастопольской Обороны; вотъ маленькая Михайловская церковь, въ которой заглушаемое плачемъ солдатъ происходило отпѣваніе незабвеннаго Павла Степановича; вотъ и историческій бульваръ на мѣстѣ четвертаго бастіона съ воздвигаемымъ на немъ памятникомъ Тотлебену. На окраинѣ города мы миновали обширныя зданія казармъ и выѣхали на сѣрое, пустынное поле, по которому длинною бѣловатою лентою тянется ялтинское шоссе. Отъ Севастополя до Ялты считаютъ 82 версты.

Симеизъ. Ай-Панда.

Ближайшія окрестности Севастополя, гдѣ во время осады были расположены союзныя войска, представляютъ очень мало привлекательнаго. Громадныя, пустыя, слегка волнистыя пространства, лишенныя зелени, покрытыя, точно пылью, однообразнымъ сѣровато бурымъ цвѣтомъ, наводятъ на душу скуку и уныніе.

Верстахъ въ пяти отъ города направо отъ шоссе показалась впереди небольшая роща, окруженная каменною стѣною. Это было французское кладбище. Мы свернули къ нему. Несмотря не раннее время, сторожъ уже былъ на мѣстѣ, и ворота кладбища открыты. Въ планѣ оно представляетъ обнесенный оградою правильный прямоугольникъ, на трехъ сторонахъ котораго въ равныхъ разстояніяхъ устроены 17 общихъ памятниковъ, похожихъ на небольшіе домики съ двускатными крышами. На стѣнахъ помѣщены надписи съ наименованіями частей войскъ, къ которымъ принадлежали люди, погребенные здѣсь въ общихъ могилахъ. Всего подъ этими памятниками покоится 2.000 офицеровъ и 88.000 нижнихъ чиновъ. Въ срединѣ кладбища возвышается особый мавзолей надъ могилами 80 генераловъ, павшихъ въ бою и умершихъ во время осады: Брюне, Бретона, Майрана и другихъ. Внутри мавзолея устроенъ небольшой католическій алтарь, къ которому ведетъ довольно узкая лѣстница; направо и налѣво отъ алтаря— спуски въ склепъ къ могиламъ.

Провожая насъ по широкимъ дорожкамъ кладбища, сторожъ разсказалъ, что оно содержится на французскія деньги, и что завѣдуетъ имъ французскій консулъ, который лѣтомъ проживаетъ въ домикѣ подлѣ входа на кладбище. Мѣстность, гдѣ оно находится, носитъ названіе Куликова поля.

Несмотря на яркое южное солнце, несмотря на сочную зелень, осѣняющую могилы храбрецовъ, эти глухіе каменные домики съ кое-гдѣ обветшавшими надписями, этотъ грустный мавзолей съ тѣсною лѣсенкой и слѣдами сырости на стѣнахъ, произвели на насъ унылое впечатлѣніе.

Простившись со сторожемъ, мы снова выѣхали на шоссе. Мѣстность, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, становилась холмистѣе и разнообразнѣе. Шоссе то поднималось въ гору, то опускалось. Стала кое-гдѣ показываться зелень; въ сторонѣ виднѣлись отдѣльные хутора. Такъ мы проѣхали еще верстъ шесть. Впереди давно уже бѣлѣла какая-то точка, оказавшаяся по приближеніи къ ней небольшимъ пирамидальнымъ столбомъ на кубическомъ постаментѣ.

— Это что за столбъ?—спросили мы ямщика.

— А это англійскій памятникъ. Битва тутъ что ли была.

— Такъ, значитъ, и Балаклава недалеко?

— А вотъ тамъ внизу; отсюда только за горой не видать.

Мы были на мѣстѣ боя 13-го октября 1854 года, извѣстнаго блестящею кавалерійскою атакою англичанъ подъ начальствомъ лорда Кардигана, о которой смотрѣвшій на нее съ Сапунъ-горы Боске выразился: «C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre». Англичане, правда, опрокинули нашу кавалерію, но боя рѣшить не могли, а сами изъ отряда въ 700 человѣкъ потеряли около пятисотъ. Надпись на памятникѣ: «Въ память тѣхъ, которые пали въ Балаклавскомъ сраженіи» (оно же называется, по мѣстности, Кадыкіойскимъ),—подразумѣваетъ, повидимому, не однихъ англичанъ, но и всѣхъ участниковъ боя. Памятникъ находится направо отъ дороги вблизи занятаго нами въ тотъ день 3-го редута. Правую сторону картины занимала голая вершина огромнаго холма съ бѣлѣвшимъ на солнцѣ памятникомъ, слѣва виднѣлись вдали Инкерманскія горы и Ѳедюхины высоты, впереди возвышалась Гасфортова гора.

Мы тронулись далѣе, и вскорѣ глазамъ нашимъ предстала расположенная далеко внизу у самаго моря Балаклава. Она лежитъ въ глубокой котловинѣ, отдѣляемой отъ моря высокимъ каменнымъ кряжемъ, на вершинѣ котораго уцѣлѣли остатки массивныхъ крѣпостныхъ сооруженій. Самъ городокъ раскинутъ по берегу небольшой круглой бухты, болѣе похожей на тихое, укромное озерко, такъ какъ съ моремъ она соединяется только посредствомъ узкаго прохода, почти незамѣтнаго съ моря. Здѣсь была база англичанъ, и въ бухтѣ свободню и покойно помѣщались многіе ихъ корабли.

Но не таковы окрестные берега, непосредственно примыкающіе къ морю. Они почти сплошь состоятъ изъ отвѣсныхъ скалъ, и въ одну изъ бурныхъ ноябрьскихъ ночей 1854 года здѣсь погибло нѣсколько десятковъ англійскихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ у входа въ бухту. Въ числѣ ихъ затонулъ и адмиральскій пароходъ «Принцъ Регентъ», только что привезшій изъ Англіи кругленькую сумму въ 200.000 фунтовъ стерлинговъ. По слухамъ, этотъ капиталъ и по сіе время будто бы лежитъ передъ Балаклавою на 28-мисаженной глубинѣ.

Тихая бухта скромнаго городка, такъ уютно расположившагося на ея берегу, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, удостоилась чести принять на свое гостепріимное лоно даже самого хитроумнаго повелителя Итаки.

Вотъ что говоритъ онъ устами Гомера въ Одиссеѣ о своемъ посѣщеніи страны лестригоновъ:

«Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы,
Круто съ обѣихъ сторонъ поднимаясь и сдвинувшись подлѣ
Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.

Люди мои, съ кораблями въ просторную пристань проникнувъ,
Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у берега тѣсныхъ
Рядомъ поставивъ: тамъ волнъ никогда ни великихъ, ни малыхъ
Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ».

Въ XIV столѣтіи здѣсь поселились генуэзцы, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, и построили возвышающуюся на горѣ крѣпость, а поселеніе свое назвали Чембало; но въ 1475 году Крымомъ овладѣли турки и переименовали Чембало въ. Балаклаву (балыкъ—рыба, лова—гнѣздо).

Нынѣшній городокъ обязанъ своимъ происхожденіемъ такъ называемымъ архипелажскимъ грекамъ, сражавшимся въ турецкой войнѣ 1769 года подъ начальствомъ Орлова и потомъ, согласно ихъ просьбѣ, поселеннымъ въ Россіи, сначала въ Керчи, а въ 1784 г. переведеннымъ въ Балаклаву. Они составляли особый военный отрядъ, называвшійся греческимъ батальономъ.

Когда, послѣ Альминскаго сраженія, англо-французскія силы, окружая Севастополь, подошли къ Балаклавѣ, онѣ были озадачены неожиданнымъ ружейнымъ огнемъ и пальбою изъ четырехъ маленькихъ мортирокъ. Это была засѣвшая въ развалинахъ крѣпости рота греческаго батальона изъ 80 строевыхъ и 30 отставныхъ солдатъ. Непріятель построился въ боевой порядокъ, выдвинулъ артиллерію и началъ канонаду. Въ то же время до двадцати непріятельскихъ судовъ принялись громить крѣпость съ моря. Но командовавшій батарейкою поручикъ Марковъ продолжалъ храбро отстрѣливаться изъ своихъ мортирокъ и замолкъ только тогда, когда выпустилъ послѣдній снарядъ. Союзныя войска кинулись на штурмъ, и городокъ былъ взятъ. Когда недоумѣвающіе побѣдители спрашивали защитниковъ, неужели они съ своей горстью думали задержать цѣлую армію, тѣ отвѣчали, что исполнили свой долгъ, и теперь совѣсть ихъ спокойна. Въ этомъ дѣлѣ союзники потеряли до 200 человѣкъ убитыми и ранеными.

Турки не даромъ дали городку прозваніе: «рыбьяго гнѣзда»; его бухта, укрытая отъ всякихъ морскихъ бѣдъ, давно уже извѣстна мелкой черноморской рыбкѣ, которая спасается сюда отъ преслѣдованія крупныхъ хищниковъ. Въ 1869 году бухта наполнилась миріадами анчоусовъ укрывшихся въ нее отъ большой стаи дельфиновъ. Обрадованные балаклавцы еле успѣвали наполнять рыбками свои суда и лодки. Но рыба все прибывала и прибывала, такъ что, наконецъ, образовала собою подобіе твердой массы, которая мѣстами поднималась даже надъ поверхностью воды. Рыба умирала и начинала гнить. Обрадовавшее жителей баснословное изобиліе рыбы начинало грозить бѣдствіемъ. Воздухъ пропитывался міазмами гніющихъ труповъ, и жизнь въ городкѣ сдѣлалась положительно невыносимою. Цѣлые отряды людей,

Ночь въ Симеизѣ.

высланными изъ Севастополя на помощь жителямъ, безустанно работали надъ очищеніемъ береговъ. Но дельфины продолжали блокировать выходъ изъ бухты, пугая остававшуюся еще живую мелкую рыбу, и противъ нихъ пришлось пустить въ дѣло даже артиллерію. Воздухъ оставался зараженнымъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ что многіе жители не выдерживали и уѣзжали изъ города. Къ счастію, главная масса уснувшей рыбы мало-по-малу превратилась въ какое-то бѣлое, жирное вещество, которое постепенно отложилось на берега въ видѣ особаго пласта, и бѣдствіе прекратилось.

Лѣвѣе и выше Балаклавы на пологомъ склонѣ горы расположено селеніе Комары, въ которомъ, равно какъ и въ предмѣстьѣ Балаклавы Кадыкіоѣ (по-нынѣшнему Кадыковка), были похоронены павшіе во время осадъ итальянцы. Останки ихъ были впослѣдствіи перенесены на возвышавшуюся передъ нами Гасфортову гору. На кладбищѣ, расположенномъ на вершинѣ горы и окруженномъ оградою, виднѣлась каменная капелла довольно изящной архитектуры. Нельзя не сознаться, что мѣсто для своего кладбища выбрано итальянцами прекрасное. Его видно отовсюду, и долго, долго эта гладкая вершина, увѣнчанная капеллою, провожаетъ ѣдущаго по шоссе путника.

Миновавъ Гасфортову гору и переѣхавъ небольшую рѣчку Куру-Узень, мы начали подниматься въ горы. Дорога пошла зигзагами, взбираясь все выше и выше. Пейзажъ совершенно измѣнился. Подъ нами и надъ нами и на окрестныхъ обрывистыхъ холмахъ, которые уже начинали принимать характеръ горъ, всюду зеленѣла кругомъ богатая растительность. Мы двигались по краю крутого обрыва, отдѣленные отъ него невысокою каменною стѣнкой. Внизу, среди зелени, выдѣлялись красивыя группы скалъ. Гасфортова гора, все еще виднѣвшаяся вдали, скрылась за поворотомъ, а вмѣстѣ съ нею остались позади и воспоминанія кровавой севастопольской эпопеи. Насъ окружало мирное зеленое царство природы, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ.

Навстрѣчу попадались татары на своихъ длинныхъ, скрипучихъ мажарахъ, запряженныхъ парою, воловъ довольно мелкой породы. Вскорѣ мы миновали бѣлое зданіе Чаталкайской «вольно-почтовой» станціи, въ 21 верстѣ отъ Севастополя. Изъ надписи на одномъ изъ мостиковъ мы увидѣли, что шоссе успѣло подняться надъ уровнемъ моря болѣе, чѣмъ на сто саженъ.

Вскорѣ начался спускъ въ зеленѣющую долину, въ глубинѣ которой ямщикъ указалъ намъ деревню Варнутку. Справа и слѣва тянулись холмы. Мажары встрѣчались безпрестанно; на нѣкоторыхъ были навалены мѣстныя дрова въ видѣ толстыхъ, кривыхъ стволовъ сѣраго цвѣта. Въ сторонѣ отъ дороги мы замѣтили красивую группу татаръ, расположившихся подъ деревьями на отдыхъ съ

Горный пейзажъ близъ Ай-Петри.

женами и дѣтьми. Подлѣ распряженныхъ мажаръ паслись волы. Женщины приготовляли обѣдъ.

Мы снова стали подниматься въ гору по извилистой линіи шоссе.

— Это вотъ Перовскій перевалъ называется, а тамъ внизу пойдетъ ужъ Байдарская долина, графа Мордвинова,—сообщилъ ямщикъ.

Когда-то долина эта была густо заселена татарами и считалась однимъ изъ богатѣйшихъ уголковъ Крыма, но теперь, по причинѣ, частыхъ эмиграцій она значительно опустѣла, хотя, благодаря обилію сочной, разнообразной зелени, представляетъ очень веселый привлекательный видъ.

Вскорѣ мы въѣхали въ деревню Байдары, широко раскинувшуюся по обѣимъ сторонамъ шоссе. Судя по надписи на столбѣ при въѣздѣ, въ деревнѣ болѣе ста сорока дворовъ. На одномъ домѣ мы прочли вывѣску: «Земская лѣчебница». Селеніе украшаютъ разбросанныя тамъ и сямъ высокія вѣтвистыя дерева; кругомъ расположены табачныя плантаціи. Мы миновали небольшую мѣстную мечеть съ досчатымъ минаретомъ и нѣсколько гостиницъ для пріѣзжающихъ, въ которыхъ многіе туристы останавливаются на ночлегъ, въ надеждѣ рано утромъ полюбоваться отъ Байдарскихъ воротъ на восходъ солнца. Надежда эта большею частію не сбывается, такъ какъ восходъ солнца отъ воротъ бываетъ виденъ только зимою, въ остальное же время его закрываютъ сосѣднія горы.

За деревнею опять начался красивый подъемъ зигзагами. Мы приближались къ скалистой массѣ горы, которая сплошною громадой возвышалась надъ нами, загораживая дорогу. Съ высшей точки подъема открылся прекрасный видъ на всю Байдарскую долину, живописно раскинувшуюся между горами на протяженіи болѣе десяти верстъ.

Мы были уже у самаго горнаго кряжа, и въ одномъ мѣстѣ намъ показалось, что шоссе прямо уперлось въ стѣну. Послѣдовало нѣсколько крутыхъ изгибовъ. Мимо насъ промелькнули три-четыре татарскихъ трактирчика. Экипажъ въѣхалъ въ какое-то темное отверстіе. Колеса громко загрохотали подъ каменнымъ сводомъ, и черезъ секунду предъ нами зіяла бездонная пропасть. Но не успѣли мы опомниться, какъ ямщикъ круто повернулъ лошадей и подкатилъ къ небольшой гостиницѣ, построенной надъ самымъ обрывомъ.

— Байдарскія ворота,—заявилъ онъ, слѣзая съ козелъ:—здѣсь часокъ покормимъ.

На дворѣ уже стояло нѣсколько экипажей, и изъ гостиницы несся оживленный говоръ, стукъ посуды, звяканье приборовъ. Прислуга бѣгала и суетилась, стараясь удовлетворить заказы и требованія проѣзжающихъ.

Мы вышли на узенькій балкончикъ-галлерейку и заняли мѣсто за отдѣльнымъ столикомъ. Видъ внизъ на море и раскинутую подъ ногами пропасть представлялъ собою нѣчто невѣроятное и дѣйствительно могъ, по выраженію Е. Маркова, отбросить назадъ отъ внезапности и изумленія. Такіе виды описывать невозможно, — ихъ надо видѣть. Духъ захватывало отъ этой зіяющей глубины, отъ этого поразительнаго величія! Далеко, далеко внизу, на одномъ изъ каменныхъ выступовъ, виднѣлась крохотная церковочка, отъ которой, точно бѣлыя тропинки, вились въ разныхъ направленіяхъ линіи спускавшагося шоссе, а еще ниже, у самаго моря, выглядывали изъ-за зелени крыши имѣнія покойнаго Кузнецова, который построилъ и упомянутую церковь. Впереди во всю ширь разстилалась необъятная даль моря. Грандіозную раму этой величественной картины составляли громадныя, обрывающіяся уступами внизъ, сѣрыя, поросшія кустарникомъ скалы. Единственнымъ соперникомъ этому виду могъ быть развѣ только видъ отъ Георгіевскаго монастыря.

Деревянныя перила и столбы галлереи покрыты сплошь автографами путешественниковъ, изреченіями и стихотвореніями, но ни одно изъ нихъ, къ сожалѣнію, не выказываетъ ни подъема духа, ни вдохновенія при видѣ столь дивной, поразительной картины. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ поэтовъ, вѣроятно, уже на обратномъ пути изъ Крыма, снисходительно начерталъ слѣдующее:

Кто видѣлъ Лондонъ и Парижъ,
Венецію и Римъ,
Того ты блескомъ не прельстишь,
Но былъ ты мной любимъ.

Другой, сидя на балконѣ надъ этою страшною безднюю, при видѣ чарующаго его душу голубого простора, не придумалъ ничего лучшаго, какъ воспѣть свою родину «съ сугробами бѣлоснѣжными». У нѣкоторыхъ этотъ видъ вызвалъ разныя остроумныя изреченія, въ родѣ слѣдующаго: «Ѣлъ телячью котлету и подавился кускомъ, чего и вамъ желаю». Очень жаль, что хозяинъ, повидимому, не имѣетъ обыкновенія, какъ можно чаще, обмывать столбы и перила своего балкона.

Подкрѣпивъ свои силы обѣдомъ, котораго описывать лучше не стану, мы отправились побродить по окрестностямъ и первымъ долгомъ взобрались на площадку, устроенную надъ тоннелемъ воротъ. Внизу изъ-подъ воротъ то и дѣло показывались проѣзжавшіе возы съ сѣномъ. Находившійся безотлучно подлѣ выѣзда сторожъ, въ старой засаленной фуражкѣ, бралъ съ каждаго воза законную, по его мнѣнію, дань, регулярно вытаскивая сзади по три клочка сѣна, которые и уносилъ въ сторожку.

Побродивъ затѣмъ по шоссе и полюбовавшись видами, открывавшимися съ разныхъ его точекъ, мы вернулись къ ресторан-

чику, расположенному противъ гостиницы по другую сторону воротъ, и спросили чая.

На краю шоссе противъ насъ остановился татаринъ съ мажарою, въ которой были положены арбузы. Сторожъ, недовольный такою остановкою по близости воротъ, немедленно направился къ мажарѣ.

— Айда, айда! (ступай, ступай!) — добродушно обратился онъ къ татарину.

Но старикъ, вѣроятно, въ надеждѣ продать нѣсколько арбузовъ «господамъ», которые уже заглядывали въ мажару, не трогался съ мѣста, несмотря на увѣщанія сторожа.

Этотъ послѣдній наконецъ разсердился. Онъ на минуту исчезъ въ сторожкѣ и вдругъ появился изъ нея, но уже въ новенькой съ иголочки форменной фуражкѣ съ значкомъ министерства путей сообщенія.

— Айда! — закричалъ онъ такимъ властнымъ, не допускающимъ возраженія тономъ, что татаринъ тотчасъ же бросился къ своимъ воламъ и потащилъ ихъ по шоссе подъ гору.

Сторожъ снялъ фуражку, надѣлъ опять старую и успокоился.

Лошади отдохнули, и вскорѣ мы уже снова катились по шоссе, спускаясь зигзагами въ бездну. При каждомъ поворотѣ спуска виднѣвшаяся сверху въ глубинѣ церковочка все болѣе и болѣе выростала передъ нами, превращаясь въ большой пятиглавый храмъ очень изящной архитектуры. Она построена по проекту талантливаго архитектора Чагина и, по слухамъ, обошлась г. Кузнецову въ 250 тысячъ. Нельзя не отнестись съ чувствомъ глубокой признательности къ покойному, возымѣвшему счастливую мысль увѣнчать вершину дикаго утеса такимъ красивымъ зданіемъ и умѣвшему найти достойнаго для нея исполнителя. При видѣ такого величія природы душа невольно проникается благоговѣніемъ къ Творцу вселенной, и этотъ изящный храмъ здѣсь, какъ нельзя болѣе, у мѣста.

Вскорѣ мы были съ нимъ уже на одномъ уровнѣ. Байдарскія ворота виднѣлись высоко, высоко надъ нами. Но спускъ продолжался, и по мѣрѣ того, какъ мы опускались, росъ и поднимался громадный утесъ, на которомъ построена церковь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже заслонилъ своею массою ворота и раскинутую передъ ними бездну. Высоко возносясь надъ нашими головами, царилъ теперь надъ всѣмъ, на фонѣ голубого неба, сверкая бѣлизною Божій храмъ. Мы въѣхали въ тоннель, и его сводчатое отверстіе прекрасно обрамило эту чудную картину.

Дорога повернула къ Южному берегу, который уже виднѣлся вдали со своими весело сбѣгающими къ морю мысками. Но вокругъ насъ разстилался еще суровый горный пейзажъ съ нависшими надъ дорогою каменными громадами скалъ, покрытыхъ кое-

Алупка съ западной стороны.

гдѣ жидкимъ кустарникомъ. Грозный хребетъ Яйлы здѣсь еще почти вплотную примыкалъ къ морю.

Справа внизу виднѣлось принадлежавшее когда-то графу Алексѣю Толстому имѣніе Меласъ съ домомъ, увѣнчаннымъ четырьмя башнями, а, проѣхавъ версты двѣ далѣе, ямщикъ показалъ намъ налѣво между скалами остатки Шайтанъ-Мердвена, или Чортовой лѣстницы, горнаго подъема, почти вертикально вздымающагося на вершину горы. Подъемъ этотъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ и до устройства почтоваго тракта (въ 1838 году) служилъ для мѣстныхъ жителей единственнымъ путемъ сообщенія съ Байдарскою долиною. По словамъ татаръ, этотъ путь въ скалахъ случайно открытъ первобытными обитателями здѣшнихъ мѣстъ во время погони за злымъ духомъ, похитившимъ красавицу, дочь Байдарскаго бея.

Вскорѣ путь нашъ по ровному, гладкому и, повидимому, вполнѣ безопасному шоссе былъ прерванъ довольно неожиданнымъ образомъ.

Ямщикъ, уже нѣсколько времени приглядывавшійся къ дорогѣ, вдругъ всталъ на козлахъ и остановилъ лошадей.

— Что такое?

— Обвалъ.

— Какъ обвалъ?

— А вотъ впереди, посмотрите. Это у насъ случается,—прибавилъ онъ и, соскочивъ на землю, пошелъ впередъ по дорогѣ.

Шоссе, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ, было завалено огромными каменными глыбами, которыя обрушились, судя по всему, очень недавно. Тѣмъ не менѣе около нихъ уже копошились люди. Рабочіе поспѣшно разбивали камень ломами, стараясь пробить хоть узенькую дорожку для провода экипажей.

Пришлось ждать.

Между тѣмъ отъ Байдарскихъ воротъ все прибывали новые и новые путешественники. Въ короткое время набралось пять экипажей, длинною вереницей стоявшихъ другъ за другомъ. Ямщики отпрягали пристяжныхъ. Публика, выйдя на дорогу, толпилась на мѣстѣ обвала.

Впрочемъ работа уже подходила къ концу, и вскорѣ ямщики съ помощью рабочихъ могли кое-какъ переправить коляски на ту сторону. Ширина обвала не превышала двадцати саженъ. Лошадей вели подъ уздцы; за ними, подскакивая по каменьямъ и раскачиваясь во всѣ стороны, тащились экипажи, задѣвая въ узкихъ мѣстахъ колесами за глыбы. Публика, перебравшаяся пѣшкомъ, ожидала по ту сторону, стоя на невысокомъ пригоркѣ. Наконецъ экипажи одинъ за другимъ были переправлены, пристяжныя запряжены, и мы тронулись далѣе. Инцидентъ былъ не только исчерпанъ, но даже и забытъ при видѣ мало-по-малу развертывавшейся передъ нами панорамы Южнаго берега.

Вокругъ шоссе еще торчали дикіе утесы, валялись обломки скалъ и громадныя неуклюжія глыбы, а тамъ внизу, по скатамъ и у самаго моря, окруженныя виноградниками и мягкою бархатистою зеленью садовъ и парковъ, виднѣлись деревеньки, дачи, виллы, соединенныя между собою прекрасными шоссейными дорогами. Все это, защищенное съ сѣвера отвѣсными громадами Яйлы, грѣлось и нѣжилось на солнышкѣ подъ убаюкивающій плескъ тихаго морского прибоя, окаймлявшаго берегъ узкою полоскою бѣлой пѣны, въ то время, какъ необъятная водная даль переливалась нѣжными оттѣнками синевы, переходившей мѣстами то въ лиловый, то въ серебристый, то въ зеленый цвѣтъ.

Впослѣдствіи, неоднократно сидя на морскомъ берегу, я убѣдился, до какой степени эта широкая, безпредѣльная гладь способна измѣнять свой внѣшній видъ и окраску. Сверкая въ полдень подъ отвѣсными лучами солнца, она искрилась и переливалась, точно расплавленное золото, вечеромъ подергивалась яркими багряными цвѣтами заката, а въ непогоду, когда небо покрывалось тучами, она принимала зловѣщую сизую окраску. Обезпокоенное вѣтромъ море вздымалось и точно гнѣвалось, покрываясь сѣдыми гривами волнъ, которыя съ шумомъ разбивались, о прибрежные камни и, разлетаясь на тысячи брызгъ, обдавали зрителя холодною солоноватою влагой.

Спокойное лѣтомъ Черное море въ зимніе мѣсяцы бываетъ очень бурно. Не даромъ у татаръ сложилось повѣрье, будто бы на днѣ его схороненъ грозный Дуль-факаръ, мечъ-пронзитель, ниспосланный Магомету самимъ Аллахомъ. Они разсказываютъ, что мечъ этотъ, по смерти пророка, достался зятю его Али, который, опасаясь, чтобы преемники не стали злоупотреблять этимъ небеснымъ оружіемъ, велѣлъ передъ кончиною погрузить его на дно Чернаго моря. Съ тѣхъ поръ,—прибавляютъ разсказчики,—море бушуетъ и волнуется, тщетно пытаясь выбросить страшный мечъ обратно на берегъ.

Между тѣмъ экипажъ нашъ продолжалъ катиться, то поднимаясь, то опускаясь по волнообразной линіи шоссе. Мы приближались къ татарскому селенію Кикинеизъ. Дорога начала спускаться къ морю. Горы постепенно отступали въ глубь, и берегъ становился все шире и шире.

Кикинеизъ памятенъ мнѣ еще по прежнему путешествію.

Подъѣхавъ тогда къ почтовой станціи, гдѣ рѣшено было сдѣлать привалъ, мы съ товарищемъ попросили смотрителя распорядиться самоварчикомъ и дать намъ яицъ.

— Яицъ нѣтъ,—отвѣчалъ смотритель.

— Ну, молока.

— И молока нѣтъ.

— Такъ что же есть?

— Ничего нѣтъ.

— Дайте хоть хлѣба.

— И хлѣба нѣтъ.

— Какъ?! И хлѣба нѣтъ?

— И хлѣба нѣтъ. Вчера послѣдній доѣли; сегодня привезутъ.

Таково было наше первое знакомство съ комфортомъ Южнаго берега.

Мы припомнили, что у насъ гдѣ-то есть остатокъ колбасы, купленной на случай въ Севастополѣ. Но лишь только колбаса появилась на столѣ, какъ въ нее вцѣпилась взявшаяся откуда-то голодная кошка и моментально исчезла съ нею на крышѣ.

Пришлось ограничиться однимъ чаемъ.

Это было, правда, лѣтъ двадцать назадъ, теперь, повидимому, дѣло измѣнилось къ лучшему, и туристамъ голодать среди селенія не приходится. Проѣзжая на этотъ разъ Кикинеизомъ, мы замѣтили на одномъ зданіи даже вывѣску: «гостиница».

Жилища татаръ зачастую, благодаря неровностямъ почвы, лѣпящіяся этажами другъ надъ другомъ, построены изъ камня и имѣютъ плоскія крыши, служащія жителямъ для сушки фруктовъ, временнаго склада припасовъ и разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Передъ входами во многіе дома имѣются особые навѣсы довольно примитивнаго устройства, дающіе тѣнь въ жаркіе лѣтніе дни. Дворы обнесены невысокими оградами изъ мелкаго камня. Какъ самые дома внутри, такъ и дворъ содержатся, сравнительно, довольно чисто.

За Кикинеизомъ внизу у моря и вверхъ по подъемамъ къ шоссе расположились красивыя Лимены. Мѣстность здѣсь снова усѣяна огромными скалами и каменными глыбами, которыя разбросаны въ безпорядкѣ отъ самой Яйлы до морского берега и свидѣтельствуютъ о бывшемъ здѣсь когда-то страшномъ геологическомъ переворотѣ. Одна изъ этихъ громадъ, высящаяся надъ моремъ въ видѣ отдѣльнаго горбатаго кряжа, носитъ почему-то названіе Кошки и отдѣляетъ Лимены отъ ближайшаго сосѣда Алупки-Симеиза, принадлежащаго къ числу любимѣйшихъ курортовъ Южнаго берега. Нижняя береговая полоса Симеиза носитъ особое названіе: Ай-Панды, и знаменита своею грандіозною скалою Дива, упавшею въ море, вѣроятно, во время выше упомянутой геологической пертурбаціи.

За красивою, остроконечною массою Дивы, выдѣлялась небольшая скала—Монахъ, имѣющая въ верхней части подобіе склоненной головы, покрытой монашескимъ капишономъ. Позади Монаха, какъ бы припадая къ морю, высился изогнутый хребетъ Кошки. Вся эта группа была очень красива издали.

Мы приближались къ Алупкѣ, цѣли нашего путешествія, гдѣ намѣревались провести болѣе продолжительное время.

Впереди, надъ сплошною каменною стѣною Яйлы, подобно грозному замку, возвышалась зубчатая вершина Ай-Петри, красиво выдѣляясь своимъ сѣровато-желтоватымъ тономъ на голубомъ фонѣ неба. Передъ нею, какъ передовые крѣпостные валы, тянулись острые каменистые кряжи, поросшіе цѣлыми лѣсами крымскихъ сосенъ и другихъ мѣстныхъ деревьевъ.

По мѣрѣ нашего приближенія громада Ай-Петри все болѣе и болѣе выростала надъ окружающимъ хребтомъ, и все яснѣе и яснѣе вырѣзались на небѣ ея красивыя остроконечныя линіи. А подъ нею внизу, на фонѣ голубого моря развертывалась панорама нѣкогда бѣдной татарской деревушки, теперь же, благодаря попеченіямъ М. С. Воронцова, одной изъ главныхъ жемчужинъ Южнаго побережья—красавицы Алупки.

Вдали, утопая въ зелени парка, виднѣлись у самаго моря готическія очертанія Воронцовскаго дворца; нѣсколько ближе къ намъ бѣлѣла башня, принадлежащая къ зданію прежняго жилища князя. Лѣвѣе раскидывались по скатамъ красивыя дачи и дома татарскаго селенія, среди которыхъ выдѣлялось зданіе мечети. Мысокъ, острою стрѣлкою выдававшійся въ море, былъ нижній Мисхоръ, ближайшій сосѣдъ Алупки съ востока (какъ Симеизъ съ запада), а выступавшая въ море, почти на горизонтѣ, высокая скала Ай-Тодора красиво заканчивала общую картину.

Ямщикъ свернулъ съ шоссе и направилъ экипажъ по довольно крутому спуску зигзагами. Коляска быстро катилась подъ гору, и черезъ нѣсколько минутъ мы были въ Алупкѣ, гдѣ на другой же день безъ труда отыскали себѣ удобную квартиру въ домѣ одного купца-татарина. Устроившись на житье, мы тотчасъ же принялись знакомиться съ этимъ роскошнымъ уголкомъ, заслуживающимъ, по мнѣнію многихъ туристовъ, названія «земного рая».

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Воспоминанія полковника Веллеслэя о Россіи во время мира и войны (1871—1877 г.г.).

Въ НЫНѢШНЕМЪ году уже вторымъ изданіемъ вышла любопытная книга полковника Веллеслэя, бывшаго въ продолженіе шести лѣтъ англійскимъ военнымъ агентомъ въ Петербургѣ при Александрѣ II [1]). Онъ самъ въ предисловіи къ своей книгѣ не придаетъ ей особой важности, а говоритъ только, что въ ней находится «много различныхъ анекдотовъ о Россіи въ мирное и военное время». Дѣйствительно, Веллеслэй не сообщаетъ серіозныхъ, основательныхъ свѣдѣній о странѣ, обществѣ и народѣ, съ которыми онъ, повидимому, не былъ близко знакомъ, а только поверхностно черпалъ о нихъ анекдотическія данныя. Вообще, иностранные посланники, а тѣмъ болѣе военные агенты, въ сущности говоря, привилегированные политическіе шпіоны, а потому Веллеслэй хорошо изучилъ только то, что касалось его спеціальности, именно военнаго дѣла, и въ этомъ отношеніи все, сообщаемое имъ, не только болѣе или менѣе справедливо, но вселяетъ къ себѣ сравнительное довѣріе. На этомъ основаніи свѣдѣнія въ его книгѣ относительно русскаго военнаго быта чрезвычайно интересны и основаны на болѣе или менѣе точныхъ, закулисныхъ данныхъ. Напротивъ, треть книги, относящаяся до столичной и провинціальной жизни, далеко не вселяетъ такого довѣрія и не возбуждаетъ большого интереса. Поэтому мы преимущественно остановимся на военныхъ замѣткахъ,

[1]) With the Russians in peace and war, by F. Wellesley. London. 1905.

относящихся до времени, предшествовавшаго восточной войнѣ, и на воспоминаніяхъ англичанина о первой половинѣ этой войны, когда онъ лично сопровождалъ русскую армію.

Отецъ Веллеслэя былъ много лѣтъ англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и потому сынъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія о томъ, въ чемъ состояла должность военнаго агента при посольствѣ. Находясь адъютантомъ при 1-мъ гвардейскомъ батальонѣ въ Лондонѣ, онъ постоянно желалъ получить подобное мѣсто въ одной изъ европейскихъ столицъ. Лѣтомъ 1871 г. Лондонъ посѣтилъ великій князь Владиміръ Александровичъ и завтракалъ съ своей свитой у офицеровъ 1-го батальона; сидѣвшій рядомъ съ Веллеслэемъ русскій офицеръ спросилъ его, бывалъ ли онъ въ Россіи. Услышавъ отъ него, что нѣтъ, и что онъ очень желалъ бы побывать тамъ, офицеръ, смѣясь, сказалъ: «Отчего же вы не поѣдете къ намъ военнымъ агентомъ? Полковникъ Блэнъ только что умеръ, и его мѣсто еще не занято». Это извѣстіе такъ подѣйствовало на Веллеслэя, что тотчасъ послѣ завтрака онъ отправился за справкой въ штабъ тогдашняго главнокомандующаго арміей, герцога Кембриджскаго. Но тамъ ему объявили, что онъ слишкомъ молодъ на этотъ постъ, уже предложенный одному генералу, который, однако, отказался. Веллеслэй былъ разочарованъ, но чрезъ нѣсколько дней узналъ, что герцогъ Кембриджскій, переговоривъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Гренвилемъ, о желаемомъ Веллеслэемъ назначеніи, былъ на это согласенъ. Такимъ образомъ состоялась его поѣздка въ Россію.

Прибывъ въ С.-Петербургъ во время маневровъ, Веллеслэй представился императору Александру II въ Ропшѣ и былъ принятъ чрезвычайно любезно. «Я долженъ сказать, — пишетъ онъ, — что всѣ иностранные военные агенты пользуются въ Петербургѣ самымъ широкимъ гостепріимствомъ при дворѣ, а во время пребыванія гвардіи въ Красномъ Селѣ ихъ принимаютъ, какъ личныхъ гостей императора. Каждый изъ нихъ имѣетъ нѣсколько комнатъ со всѣми удобствами, и ему прислуживаетъ придворный лакей. Въ продолженіе пребыванія въ лагерѣ, отъ четырехъ до шести недѣль, въ его распоряженіе предоставляется придворный экипажъ парою, а по утрамъ ему присылаютъ верховую лошадь изъ императорской конюшни. Въ 12½ час. всѣ возвращаются съ ученія, и въ большой деревянной постройкѣ происходитъ завтракъ. Послѣ этого лагерь обращается въ мертвый городъ, такъ какъ, позавтракавъ, русскіе имѣютъ обыкновеніе отдыхать. Около пяти часовъ снова отправляются на военное ученіе, послѣ котораго происходитъ въ томъ же общемъ зданіи обѣдъ. Позднѣе подаютъ чай и кофе, а затѣмъ отправляются спать». Первый дебютъ Веллеслэя въ русскомъ обществѣ былъ не изъ очень пріятныхъ. Въ честь его офицеры конногвардейскаго полка дали обѣдъ въ

Красномъ Селѣ. Все время Веллеслей было выпилъ безконечное число бокаловъ шампанскаго, почти съ каждымъ изъ сорока офицеровъ, а послѣ десерта была устроена жженка. Празднество кончилось торжественнымъ качаніемъ англичанина, что ему очень не понравилось, такъ какъ это произошло послѣ сытнаго обѣда и значительной попойки. Онъ подробно описываетъ, какъ русскіе дѣлали жженку и какъ его качали; но, очевидно, онъ былъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, ибо увѣряетъ, что его качали пѣсенники, тогда какъ, въ сущности, всегда качаютъ сами офицеры.

Съ перваго же времени своего пребыванія въ Россіи, Веллеслэй нашелъ необходимымъ научиться русскому языку: безъ знанія его, онъ не могъ ознакомиться съ безконечными томами офиціальныхъ военныхъ бумагъ и не былъ въ состояніи разговаривать съ большинствомъ офицеровъ или генераловъ. Принявъ къ этому мѣры, онъ въ короткое время добился своей цѣли и отлично говорилъ по-русски. Это помогло ему вполнѣ узнать русскую армію, отъ которой, особенно отъ гвардейскихъ полковъ, онъ былъ въ восторгѣ. «Такъ какъ, только благодаря нынѣшней войнѣ на Дальнемъ Востокѣ,—говоритъ онъ,—японцы были узнаны въ настоящемъ свѣтѣ, то я полагалъ тогда, что турки и русскіе представляли лучшій военный матеріалъ, и что они способны на maximum труда и на minimum пищи; кромѣ того, я убѣжденъ, что, когда напишутъ исторію русско-японской войны, то выяснится, что русскій солдатъ былъ такимъ же отличнымъ солдатомъ, какъ во всѣ времена». Что касается гвардейскихъ офицеровъ, то Веллеслэй увѣряетъ, что они отличались не только блестящей выправкой на парадѣ, но и знаніемъ своего дѣла согласно тогдашнему уровню. Конечно, въ армейскихъ полкахъ дѣло обстояло иначе, и бѣдные армейскіе офицеры, плохо оплаченные и расквартированные въ отдаленныхъ деревняхъ, «не имѣли другихъ занятій, особенно зимой, какъ игра въ карты и пьянство, даже съ солдатами». Во время пребыванія въ Россіи Веллеслэя была введена всеобщая воинская повинность, и онъ полагаетъ, какъ это ни странно, что для Россіи эта мѣра была не нужна и не разумна. «Старая рекрутская система давала арміи такое же количество солдатъ, и такъ какъ рекрута набирались всецѣло изъ крестьянъ, то не было никакого понятія о нигилизмѣ; но русскіе сочли необходимымъ рабски слѣдовать примѣру Германіи, и эта военная система не только ввела въ армію недовольство, но развила въ ней революціонный духъ и поколебала дисциплину».

Вообще, по мнѣнію Веллеслэя, въ то время дисциплина въ русскихъ войскахъ, особенно въ гвардіи, была очень странная, и въ ней часто наказывались такіе проступки, которые въ англійской арміи оставались бы безъ вниманія. Напримѣръ, во время свадьбы вели-

кой княжны Маріи Александровны и герцога Эдинбургскаго, въ Москвѣ, на балу у генералъ-губернатора, князя Долгорукова, гдѣ присутствовала вся царская семья, во время котильона, когда кавалеры должны были достать себѣ и своимъ дамамъ стулья, одинъ офицеръ Преображенскаго полка, отличавшійся близорукостью, не замѣтилъ государя и толкнулъ его стульями, которые несъ. Въ ту же минуту это замѣтилъ одинъ изъ начальствующихъ генераловъ и отправилъ офицера подъ арестъ. Точно также подвергнутъ былъ тяжелому наказанію эскадронный командиръ, въ эскадронѣ котораго неожиданно занемогла лошадь, которую не могли замѣнить запасной, благодаря нераспорядительности. Еще болѣе поразительный примѣръ, случившійся съ генералъ-адъютантомъ во время осады Плевны, пришлось видѣть Веллеслэю. Какъ-то однажды утромъ государь далъ этому генералу порученіе въ Бухарестъ, но на почтѣ не было лошадей, и приготовить ихъ не могли ранѣе двухъ часовъ; поэтому, пользуясь свободнымъ временемъ, онъ вернулся къ завтраку. Замѣтивъ его, государь громко спросилъ: «Я думалъ, что ты посланъ въ Бухарестъ; зачѣмъ ты здѣсь?»... Генералъ отвѣчалъ, что не было лошадей. Но государь не принялъ этого въ уваженіе и сердито крикнулъ: «Вонъ!» Несчастный генералъ, молча, удалился.

Рядомъ со строгостью дисциплины въ русской гвардіи, по словамъ Веллеслэя, существовала удивительная снисходительность. Такъ однажды, при немъ какой-то гвардейскій офицеръ, приглашенный на завтракъ по близости Краснаго Села, отправился туда, хотя былъ въ этотъ день дежурнымъ. Подъѣхавъ къ дому, гдѣ его ожидали, онъ съ ужасомъ узналъ, что тамъ находился какой-то генералъ, и потому рѣшился, какъ можно скорѣе, улепетнуть. Но генералъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, позвалъ офицера и обѣщалъ ему ничего не говорить о нарушеніи дисциплины. Подобный примѣръ, по словамъ Веллеслэя, немыслимъ въ англійскомъ гвардейскомъ полку. О другомъ любопытномъ фактѣ снисхожденія къ поразительному нарушенію дисциплины онъ слышалъ отъ надежныхъ людей. Когда въ 1881 г. вышелъ знаменитый манифестъ о подкрѣпленіи автократіи, то тридцать офицеровъ одного изъ гвардейскихъ полковъ были имъ очень недовольны и собрались къ своему полковнику съ просьбой объяснить имъ, что означалъ манифестъ. Полковникъ старался ихъ успокоить, говоря, что это только слова, и дѣло пойдетъ по-старому. Однако, когда офицеры ушли, онъ немедленно телеграфировалъ военному министру о происшедшемъ, предоставляя ему довести это до свѣдѣнія императора, хотя, по его совѣту, лучше было оставить дѣло безъ офиціальнаго заявленія и удовольствоваться строгимъ выговоромъ. Министръ съ этимъ согласился.

Что касается описанія Петербурга, то Веллеслэй не находитъ нужнымъ дѣлать его, находя, что онъ не отличается отъ другихъ

европейскихъ столицъ ничѣмъ особеннымъ и своеобразнымъ. Если же онъ чѣмъ и разнится отъ другихъ европейскихъ городовъ, то лишь климатомъ, лѣнью всѣхъ слоевъ общества, невозможной мостовой, ненавистными дрожками и болѣзненнымъ видомъ большинства петербургскихъ дамъ, благодаря недостатку тѣлесныхъ упражненій на чистомъ воздухѣ и привычкѣ курить. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Веллеслэя, который еще прибавляетъ, что русскіе—большіе пьяницы и картежники. Только въ этомъ отношеніи онъ равняетъ между собою обѣ русскія столицы, а во всемъ другомъ онѣ рѣзко разнятся другъ отъ друга. Петербургъ—офиціальное средоточіе Россіи, а Москва—національное. Она, по увѣренію англичанина, болѣе русская, чѣмъ Лондонъ—англійскій и Парижъ—французскій. «Поэтому,—говоритъ онъ,—Москва презираетъ Петербургъ и все петербургское. Москвичи считаютъ этотъ городъ нѣмецкимъ, съ нѣмецкимъ именемъ и нѣмецкими обычаями; онъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлался столицей только по нелѣпому капризу тирана, остановившаго, естественное развитіе страны своими преступными попытками навязать западную цивилизацію своимъ подданнымъ». По справедливости, москвичи называютъ Петербургъ «побочнымъ городомъ», такъ какъ въ немъ не имѣется ничего оригинальнаго, русскаго, и во всѣхъ отношеніяхъ,—иностранный, космополитный. Напротивъ, всѣ черты Москвы—оригинальныя, русскія, и Веллеслэй подробно описываетъ ее и довольно вѣрно: только въ одномъ отношеніи ошибается, говоря, что главныя улицы и лучшіе магазины находятся въ стѣнахъ Кремля. Особенно онъ приходитъ въ восторгъ отъ «Эрмитажа», находя, что это—«первый и лучшій въ Европѣ ресторанъ, какъ по изяществу, такъ и по чистотѣ».

Кромѣ столицъ, Веллеслэй посѣтилъ Нижній Новгородъ и мѣтко характеризуетъ его ярмарку. Потомъ онъ спустился въ Самару по Волгѣ, которая привела его въ восхищеніе своими стерлядями, а по дорогѣ въ Оренбургъ заѣхалъ въ Казань. Что касается Оренбурга, то это, по его словамъ, смѣсь Москвы и Петербурга, запада и востока, при чемъ все красивое имѣло отблескъ первой, а все уродливое—второго. Въ Оренбургѣ его радушно принималъ князь Долгорукій, которому принадлежало близъ города большое помѣстье съ обширнымъ коннымъ заводомъ. Отъ конноводства Веллеслэй переходитъ къ охотѣ и замѣчаетъ, что русскіе не спортсмэны въ томъ смыслѣ, какъ англичане и австрійцы; конечно, есть исключенія, но, по общему правилу, русскіе охотятся обыкновенно за глухарями и мелкой птицей; самую же національную и интересную для иностранцевъ охоту въ Россіи составляетъ медвѣжья. Веллеслэй часто отправлялся на эту охоту въ окрестности Петербурга съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ, при чемъ они обыкновенно выѣзжали съ вечера по желѣзной дорогѣ и на раз-

свѣтѣ оказывались на мѣстѣ, гдѣ былъ приготовленъ медвѣдь. Однажды, они долго провозились, отыскивая звѣря, именно медвѣдицу съ медвѣжатами, такъ что весь день прошелъ въ поискахъ, и только къ ночи была достигнута цѣль. Такимъ образомъ приходилось отложить охоту до другого утра, такъ какъ въ Россіи, по увѣренію Веллеслэя, никогда не охотятся по ночамъ вслѣдствіе чрезмѣрной опасности, какою грозитъ подобная охота. Голицыну необходимо было на другой день явиться на дежурство, а потому онъ предоставилъ англичанину воспользоваться этимъ случаемъ и застрѣлить медвѣдицу. Веллеслэй предложилъ Голицыну заняться охотой ночью, такъ чтобы онъ поспѣлъ къ утру въ Петербургъ. Голицынъ согласился; охота была счастливая, и Веллеслэй всадилъ пулю въ лобъ звѣрю и убилъ его наповалъ. Затѣмъ охотники захватили нѣсколькихъ медвѣжатъ и благополучно возвратились въ Петербургъ. Спустя нѣсколько времени на балу въ Зимнемъ дворцѣ, императоръ Александръ подошелъ къ англійскому военному агенту и сказалъ: «Я слышалъ, что вы съ Голицынымъ на-дняхъ были на охотѣ. Впервые въ моей странѣ убитъ медвѣдь ночью, и это будетъ въ послѣдній разъ; во всякомъ случаѣ вашъ поступокъ чрезвычайно смѣлый и отважный, и я поздравляю васъ; но, должно быть, вы испытали сильное ощущеніе». Къ описанію русской охоты Веллеслэй прибавляетъ очеркъ національнаго спорта на волковъ съ борзыми, которыя въ послѣдніе годы обратили на себя вниманіе въ Англіи.

Послѣдній изъ очерковъ Веллеслэя во время мира касается его путешествія въ Николаевъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ для спуска одной изъ пресловутыхъ «поповокъ»— «Новгорода». Англичанинъ приходитъ въ восторгъ отъ торжественной церемоніи, но саркастически отзывается о самихъ «круглыхъ, вертящихся судахъ». «Адмиралъ Поповъ, — говоритъ онъ, — въ то время герой минуты, былъ средняго роста, коренастый, цвѣтущаго сложенія, непобѣдимой энергіи, и слылъ величайшимъ свѣтиломъ русскаго флота. Хотя онъ очень преклонялся предъ всѣмъ англійскимъ, но я увѣренъ, что онъ мечталъ о побѣдоносномъ вступленіи съ русскимъ флотомъ въ Лондонъ по рѣкѣ Темзѣ, что̀ ему казалось совершенно возможнымъ». Изъ Николаева великій князь поѣхалъ въ Крымъ и лично показалъ Веллеслэю всѣ достопримѣчательности Севастополя. Его великолѣпная дача—(Оріанда) чрезвычайно понравилась Веллеслею, и ему было отведено прекрасное помѣщеніе; но, несмотря на чрезвычайную его роскошь, англичанинъ увѣряетъ, что, въ отвѣтъ на его просьбу о ваннѣ, лакей принесъ ему фарфоровый чайникъ съ горячей водой и полотенце. Этотъ анекдотъ тѣмъ невѣроятнѣе, что тотъ же авторъ увѣряетъ, будто русскіе—самый чистоплотный народъ, потому что каждую недѣлю моются въ паровой банѣ. Ис-

ключеніемъ онъ считаетъ аристократовъ и приводитъ въ примѣръ одного изъ министровъ, имени котораго онъ не называетъ, который увѣрялъ, что разрѣшилъ вопросъ о чистоплотности, приказавъ своему слугѣ обтирать себя мокрой губкой разъ въ двѣ недѣли. Вообще, въ высшей русской сферѣ, не исключая и придворной, по мнѣнію англичанина, замѣчается смѣсь между великолѣпіемъ и дикостью. «Я не могу забыть, — разсказываетъ онъ, — представленія «gala» въ Большомъ московскомъ театрѣ во время свадьбы герцога Эдинбургскаго. Позади императорской ложи была устроена большая парадная комната, и я случайно оказался тамъ въ то время, когда ливрейные лакеи приготовляли чайный столъ. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ, что они вынимали изъ заднихъ кармановъ фраковъ золотые вилки, ножики и ложки, завернутые въ грязную газетную бумагу, и это дѣлалось въ то самое время, когда императоръ каждую минуту могъ войти въ комнату». Вообще, по словамъ Веллеслэя, онъ замѣчалъ въ Москвѣ и Петербургѣ чрезвычайную недисциплинированность среди придворной прислуги: она послѣ обѣдовъ и ужиновъ набрасывалась на столы, пила оставшееся вино, хватала конфеты, когда гости еще не вышли изъ зала.

Великаго князя сопровождалъ въ Оріанду, между прочимъ, адмиралъ Грейгъ, будущій министръ финансовъ, который, въ сущности, никогда не былъ морякомъ, а конногвардейскимъ офицеромъ и служилъ адъютантомъ при князѣ Меньшиковѣ во время Крымской кампаніи. Замѣчательнымъ событіемъ въ это время была его посылка Меньшиковымъ къ императору Николаю I-му съ извѣстіемъ объ Альмскомъ сраженіи, о чемъ онъ впослѣдствіи подробно разсказывалъ Веллеслэю. «Много было писано,—говоритъ англичанинъ,—по поводу этого факта, и даже увѣряли, что императоръ былъ такъ взбѣшенъ пораженіемъ, что наплевалъ въ лицо офицеру, доставившему это извѣстіе, и избилъ его. Но Грейгъ, бывшій именно этимъ посланнымъ, разсказывалъ мнѣ подробно, какъ все случилось. Когда онъ пріѣхалъ во дворецъ и вошелъ въ кабинетъ императора, то послѣдній подошелъ къ нему съ цѣлью его обнять, согласно русскому обычаю при полученіи счастливыхъ извѣстій, но офицеръ поднялъ руку въ знакъ того, что извѣстіе привезено имъ дурное. Когда онъ передалъ на словахъ порученіе Меньшикова о пораженіи русской арміи, то императоръ строго сказалъ: «Я полагаю, что впервые въ лѣтописяхъ военной исторіи главнокомандующій арміей въ походъ осмѣливается сообщать своему государю извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ не на письмѣ». Этимъ, по увѣренію Грейга, и окончилось событіе.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію своего участія въ восточной войнѣ, которая занимаетъ болѣе двухъ третей его книги, Веллеслэй представляетъ очеркъ хищенія и невѣдѣній, составлявшихъ

главныя черты бюрократическаго зла въ Россіи. Цѣлый рядъ любопытныхъ, уже извѣстныхъ, а также невѣдомыхъ въ русской печати анекдотовъ проходитъ, какъ въ живомъ калейдоскопѣ, передъ читателемъ «Воспоминаній» англійскаго военнаго агента. Прежде всего онъ разсказываетъ о знаменитомъ Овсянниковскомъ дѣлѣ, въ которомъ оказалось замѣшаннымъ значительное число комиссаріатскихъ чиновниковъ военнаго министерства, получавшихъ отъ Овсянникова жалованье значительнѣе, чѣмъ отъ казны. Отъ военнаго министерства Веллеслэй переходитъ къ морскому и характеризуетъ постройку пресловутаго броненосца «Петръ Великій», который строился такъ долго, что государю надоѣло справляться о томъ, когда онъ будетъ готовъ. Въ концѣ концовъ Александру II, настойчиво обратившемуся къ управляющему морскимъ министерствомъ съ обычной фразой: «когда же, наконецъ, выйдетъ въ море «Петръ Великій?»—тотъ, потерявъ голову, отвѣчалъ: «чрезъ три недѣли!» Но дѣло было въ томъ, что даже брони еще не получили изъ Англіи, а императору уже дано слово, которое слѣдовало сдержать. Тотчасъ сотни людей принялись за работу: покрыли корабль поддѣльной броней, воздвигли на немъ вращающіяся деревянныя башни, подъ видомъ стальныхъ и такъ далѣе. Въ назначенный день приготовленія были окончены; изъ трубъ валилъ дымъ, хотя машины не были готовы, но въ трубы наложили пучки соломы и подожгли ее. Когда въ Россію пріѣхалъ принцъ Эдинбургскій, и Веллеслэй разсказалъ ему о совершившемся крупномъ скандалѣ, такъ какъ ловкіе шпіоны доносили ему обо всемъ, что творилось въ Петербургѣ, герцогъ Эдинбургскій сначала не повѣрилъ этой сказкѣ, но на дѣлѣ убѣдился, что вращавшіяся башни хотя не были деревянныя, но ихъ сдѣлали изъ выкрашеннаго полотна, натянутаго на рамки, по мнѣнію Веллеслэя, и несмотря на все хвастовство русскихъ, «Петръ Великій» оказался очень слабой конструкціи, въ значительной степени давалъ течь при быстротѣ восьми узловъ, и тяжелыя орудія были до того неудовлетворительны, что отлетали головки заклепокъ.

Насколько распространена была система взятокъ во время пребыванія въ Россіи Веллеслэя, доказываютъ нѣсколько приводимыхъ имъ анекдотовъ. Пріятель англичанина, иностранецъ по происхожденію, жаловался одному изъ сильныхъ міра сего, что ему не давали казеннаго подряда на очень полезное изобрѣтеніе, и просилъ позволенія показать его. Сильный міра сего согласился и пришелъ въ восторгъ отъ изобрѣтенія, но замѣтилъ, что ему объяснили, почему казна не дѣлаетъ заказовъ изобрѣтателю; причиной была чрезмѣрная дороговизна. Иностранецъ отвѣчалъ: «Если вы обезпечите заказъ мнѣ безъ платежа взятокъ всѣмъ служащимъ въ этомъ вѣдомствѣ, съ высшихъ до низшихъ, то я согласенъ взять вдвое меньше». Великій міра сего громко расхохотался

и произнесъ: «Я заводчикъ въ Сибири и, продавая свои произведенія правительству, самъ плачу взятки чиновникамъ, такъ отчего вы, иностранецъ, считаете себя въ правѣ быть освобожденнымъ отъ подобнаго налога? Мнѣ казалось, что вы уже давно находитесь въ Россіи и понимаете обычаи страны». Съ самимъ Веллеслэемъ случился аналогичный примѣръ. Онъ слышалъ отъ одного крупнаго чиновника, служившаго при дворѣ, о невозможности искоренить обычай хищенія и спросилъ изъ любопытства, сколько ставятъ на счетъ казнѣ бутылокъ вина и водки отпускаемыхъ ему во время лагерей. Чиновникъ навелъ справку и объявилъ, что ему отпускаютъ ежедневно 5 бутылокъ вина, въ томъ числѣ 1 бутылку шампанскаго. На самомъ же дѣлѣ Веллеслей требовалъ себѣ ежедневно 1 бутылку бургундскаго вина и 1 бутылку водки въ недѣлю. Подобное воровство, по словамъ Веллеслэя, было до того обыкновенно, что въ модныхъ лавкахъ продавалось вино съ ярлыками «Cave impériale». Очевидно, англичанинъ перепуталъ ярлыкъ съ надписью «поставщикъ двора»; впрочемъ, въ тѣ времена въ Петербургѣ разносчики продавали придворное вино по квартирамъ. Въ старину, при Николаѣ Павловичѣ, по словамъ Веллеслэя, давались гвардейскіе полки командирамъ для поправленія разстроенныхъ денежныхъ дѣлъ. Когда же министръ Милютинъ для уничтоженія взятокъ полковыхъ командировъ учредилъ комитеты для хозяйственныхъ дѣлъ изъ старшихъ полковыхъ офицеровъ, то извѣстный генералъ Черняевъ сказалъ Веллеслэю: «Теперь будетъ пять воровъ вмѣсто одного». Однажды иностранный поставщикъ по инженерной части жаловался русскому своему пріятелю, что ему не даютъ отъ казны какой-то поставки, и тотъ отвѣчалъ: «Вы не такъ обратились съ вашей просьбой; личность эта дѣйствительно подходящая, и отъ нея зависитъ заказъ, но съ взяткой надо было обратиться къ госпожѣ ***, и она устроила бы дѣло. Впрочемъ, и теперь еще не поздно». Иностранецъ послѣдовалъ этому совѣту, и означенная дама опредѣлила сумму взятки и получила ее, а чрезъ нѣсколько дней условіе о поставкѣ было заключено.

По увѣренію Веллеслэя, даже въ судахъ и въ самомъ сенатѣ водились взятки: одинъ изъ судебныхъ приставовъ сената по болѣзни вышелъ въ отставку и торговалъ взятками, то-есть установилъ опредѣленную таксу для взятокъ, которыя брали извѣстные судьи и сенаторы. Относительно судебныхъ злоупотребленій англичанинъ разсказываетъ любопытный анекдотъ, переданный ему извѣстнымъ Скайлеромъ, бывшимъ первымъ секретаремъ американскаго посольства въ Петербургѣ. Онъ зналъ въ Оренбургѣ одного русскаго, который тамъ постоянно жилъ, благодаря совершенно оригинальному случаю. Однажды его арестовали въ Петербургѣ, судили по какому-то политическому дѣлу и приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь, хотя онъ совсѣмъ не былъ за-

мѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Черезъ два съ половиной года нашелся настоящій обвиняемый, и первый былъ освобожденъ. По дорогѣ изъ Сибири онъ заѣхалъ въ Оренбургъ, гдѣ его пріятель былъ губернаторомъ, и рѣшился тамъ остаться навсегда, изъ боязни, чтобы въ столицѣ съ нимъ не случилась новая напасть. Одинъ изъ жителей, дававшихъ уроки русскаго языка Веллеслэю, какъ-то разъ пришелъ на урокъ въ ужасномъ смущеніи: оказалось, что его племянника студента потребовали въ извѣстный домъ у Цѣпного моста, посадили на стулъ, опустившійся подъ полъ, и подвергли тѣлесному наказанію, послѣ чего посовѣтовали ему не вмѣшиваться другой разъ въ политику. «Вотъ почему, — сказалъ учитель англичанина, — я въ ужасномъ положеніи; неужели возможно, чтобы восемнадцатилѣтняго молодого человѣка, хорошаго семейства, добраго поведенія, работящаго, продвергли подобному позору безъ всякаго разслѣдованія». «Что касается вообще до тѣлеснаго наказанія, то оно хотя и было уничтожено въ Россіи, но подъ различными видами, — говоритъ англичанинъ, — сохранилось до 1881 года, когда онъ былъ въ Россіи уже не военнымъ агентомъ, а частнымъ человѣкомъ. Ему тогда случалось не разъ слышать о самомъ жестокомъ обращеніи съ подсудимыми; такъ, одного солдата, обвиняемаго въ убійствѣ, подвергли пыткѣ на слѣдствіи, а именно: поджигали ему пятки, чтобы заставить его признаться.

Для увѣнчанія своихъ разсказовъ о бюрократическомъ хищеніи и всякаго рода злоупотребленіяхъ въ Россіи до турецкой войны, Веллеслэй приводитъ два анекдота уже изъ ея начала. Въ петербургскомъ арсеналѣ былъ тогда полученъ приказъ послать на мѣсто войны значительное количество орудій для рѣчныхъ судовъ, предназначенныхъ дѣйствовать на Дунаѣ. Оказалось, что на хранившихся въ арсеналѣ пушкахъ не хватало всѣхъ металлическихъ заклепокъ. Начальство, не желая въ этомъ сознаться, отослало въ такомъ видѣ пушки, хотя твердо было увѣрено, что онѣ ни на что не годились. Въ Бухарестѣ, по дорогѣ въ армію, Веллеслэй случайно увидалъ знакомаго петербургскаго купца, иностраннаго происхожденія, и удивился, какъ онъ туда попалъ, тѣмъ болѣе, что при немъ находился большой мѣшокъ, повидимому, съ деньгами. Вскорѣ дѣло объяснилось очень просто: онъ пріѣхалъ къ полковнику З., чтобы устроить выгодный подрядъ для арміи. Впослѣдствіи онъ подробно разсказалъ англичанину, чѣмъ окончилось это дѣло. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія полковикъ принесъ къ купцу готовый подрядный контрактъ для подписи. Но купецъ, прочитавъ его, нашелъ, что никто на свѣтѣ не согласился бы подписать подобнаго контракта, потому что неустойка была упомянута чрезмѣрная. На это полковникъ замѣтилъ: «Вы забываете, что вы не единственный, желающій получить этотъ под-

рядъ; напугавшее васъ условіе нарочно подписано, чтобы заставить отказаться другихъ конкурентовъ и такимъ образомъ предоставить дѣло вамъ. Если вы подпишете этотъ контрактъ, то это условіе сдѣлается вопросомъ чести между вами и мною. Вы заплатите мнѣ условленную сумму, и, конечно, означенное условіе никогда не получитъ силу». Разумѣется, купецъ согласился, подписалъ контрактъ, и его мѣшокъ съ деньгами перешелъ къ полковнику. Въ доказательство, что взяточничество составляло отличительный характеръ русской бюрократіи, Веллеслэй приводитъ слѣдующій случай. Встрѣтивъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ восточной войны одного своего русскаго знакомаго, занимающаго теперь высокій дипломатическій постъ, Веллеслей разговорился о событіяхъ 1877 года и упомянулъ имя извѣстнаго русскаго чиновника. «Вотъ онъ былъ честный человѣкъ», — сказалъ его собесѣдникъ. «Эти слова, по выраженію Веллеслэя, вполнѣ доказываютъ, въ какомъ положеніи находились въ Россіи дѣла, именно, что честный человѣкъ былъ въ ней исключеніемъ».

Подобное распространеніе лихоимства и хищеній во всѣхъ слояхъ петербургской бюрократіи происходило, по мнѣнію Веллеслэя, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостаточнаго жалованья, получаемаго чиновниками, и того факта, что пятеро неоплаченныхъ чиновниковъ исполняли дѣло одного, поселяя этимъ во всемъ развратъ и злоупотребленія. Но не однѣ взятки были причиною зла въ Россіи: оно, по словамъ Веллеслэя, происходило также отъ бюрократическаго невѣдѣнія. Онъ особенно близко знакомъ былъ съ положеніемъ флота, потому что въ это время въ Россію пріѣзжалъ герцогъ Эдинбургскій и уѣхалъ изъ Кронштадта съ своей молодой женой на императорской яхтѣ «Держава». Одинъ изъ сопровождавшихъ герцогскую чету англійскихъ офицеровъ наканунѣ отплытія написалъ изъ Кронштадта Веллеслэю, предостерегавшему его отъ неудовлетворительности русскихъ судовъ, что онъ никогда не видалъ такого совершенства, какъ русская императорская яхта, что на ней все было въ высшей степени комфортабельно, и всѣ путешественники ожидали самаго пріятнаго плаванія. Но чрезъ нѣсколько времени Веллеслэй получилъ изъ Англіи отъ того же лица совершенно иное письмо. «Повидимому,—разсказываетъ Веллеслэй,— на яхтѣ было нѣсколько адмираловъ, какъ всегда бываетъ, когда на кораблѣ находятся лица изъ царской семьи. Во время плаванія была сильная буря, и яхта вела себя очень нехорошо; особенно въ каютахъ всѣ предметы качались, падали со стѣнъ и угрожали большой опасностью. Никто изъ служащихъ на яхтѣ не былъ въ состояніи привести все въ порядокъ, и только англійскіе матросы, прислуживавшіе своимъ офицерамъ, могли наконецъ укрѣпить предметы на своихъ мѣстахъ. Однажды утромъ мой корреспондентъ былъ разбуженъ тѣмъ, что машина неожиданно дала задній ходъ;

онъ въ испугѣ выскочилъ на палубу и увидалъ на мостикѣ адмирала Попова. Тотъ сказалъ ему, что совершенно случайно оказался на палубѣ и увидалъ предъ носомъ яхты грозныя волны, доказывавшія близость рифовъ у Норфолькскаго берега, а потому онъ приказалъ дать задній ходъ. Послѣ этого императорская яхта очутилась въ Гревзендѣ, а не въ Дуврѣ, а бѣдный «Олафъ», маленькая яхта, сопровождавшая «Державу», пропала на цѣлую недѣлю и, наконецъ, прибыла въ Гулль».

И въ арміи царило невѣдѣніе и незнаніе. Оно доходило до такой степени, что Веллеслэй разсказываетъ, будто подъ Плевной императоръ сталъ сомнѣваться, дѣйствительно ли русскія войска основательно оцѣпили кругомъ весь турецкій укрѣпленный лагерь. Поэтому онъ приказалъ одному изъ своихъ генералъ-адъютантовъ лично убѣдиться въ дѣйствительности русской осадной цѣпи. Послѣдній вскорѣ увидѣлъ, что въ одномъ мѣстѣ Плевна вовсе не была блокирована, и при немъ прошелъ въ городъ турецкій обозъ, при чемъ эскортъ находился въ такомъ беззаботномъ настроеніи, что солдаты курили папиросы. Не успѣлъ пройти этотъ обозъ, какъ показался другой. «Это было тѣмъ непонятнѣе,— говорилъ Веллеслэю русскій генералъ-адъютантъ,—что невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ проходили обозы, находилась громадная масса кавалеріи въ распоряженіи главнокомандующаго». Въ виду такого положенія русской арміи и флота, Веллеслэй не раздѣлялъ всеобщаго мнѣнія насчетъ благопріятнаго для Россіи окончанія восточной войны. Всѣ тяжелые уроки, данные русскимъ Крымской кампаніей, не привели ни къ чему. Тотъ же недостатокъ инициіативы, та же неподготовленность, тотъ же общій хаосъ, которые ознаменовали начало первой кампаніи, оказались и при началѣ турецкой войны. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, и такая же аналогія существуетъ, по словамъ Веллеслэя, между обстоятельствами, свидѣтельствовавшими, что въ началѣ японской войны было то же самое. «Какъ въ 1877 году, такъ и 1904 году,—говоритъ онъ,—насъ увѣряли, что мобилизація русской арміи совершена самымъ удовлетворительнымъ образомъ, а въ сущности, поддерживая аналогію съ 1877 годомъ, Россія начала войну съ вполнѣ неудовлетворительнымъ планомъ войны, точно такъ же, какъ въ прошедшемъ году она оказалась въ неудовлетворительномъ положеніи относительно численности арміи. Было еще другое сходство между обѣими войнами: несправедливое увѣреніе официіальнымъ извѣстій о первоначальныхъ столкновеніяхъ, при чемъ всегда были убиты только одинъ или два казака, а также система рокового раздвоенія въ распоряженіяхъ, отъ которыхъ были гибельныя послѣдствія, какъ въ той, такъ и въ другой войнѣ. Тутъ оканчивается аналогія: русская эскадра, находившаяся въ Средиземномъ морѣ, въ 1877 году ушла въ Америку, тогда какъ судьба нынѣшняго русскаго флота

всѣмъ извѣстна; конечный исходъ былъ тогда побѣдоносный для Россіи, а теперешній грозитъ великой для нея опасностью. Если въ турецкую войну, Россія одержала верхъ, то очевидно болѣе отъ ошибокъ своихъ противниковъ, чѣмъ отъ достоинства ея арміи, за исключеніемъ личной храбрости солдатъ».

Переходя къ мобилизаціи русской арміи предъ восточной войной, Веллеслэй разсказываетъ много любопытнаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ передаваемыхъ имъ событій касались его лично. Хотя война казалась неизбѣжной еще въ предыдущемъ году, но въ сущности ничего не было готово. Военные склады находились въ самомъ плачевномъ положеніи: завѣдывавшіе ими офицеры потеряли голову и посылали въ армію снаряды не того калибра, котораго слѣдовало. Къ тому же оказалось, что большое количество пуль и ядеръ, заготовленныхъ въ арсеналахъ, ни на что не годилось Хотя въ газетахъ увѣряли, что дѣло мобилизаціи шло съ успѣхомъ, въ сущности же съ первыхъ дней произошелъ во всемъ страшный безпорядокъ. Несмотря на пріостановленіе движенія пасажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ, такая царствовала сумятица, что въ иныхъ мѣстахъ не могли приготовить двухъ военныхъ поѣздовъ въ день; случалось также, что поѣзда были готовы въ одномъ мѣстѣ, а топливо для нихъ доставлялось въ другое. На многихъ станціяхъ не было достаточной провизіи для солдатъ, почему возникали волненія. Неудивительно, что мобилизація не возбуждала восторга, а всѣ были не довольны, и многіе изъ родныхъ, провожавшихъ отъѣзжающихъ воиновъ, плакали на взрыдъ столько же отъ ожидаемыхъ опасностей, какъ и отъ грозившихъ имъ лишеній. Веллеслэй увѣряетъ, что число выступавшей въ Турцію арміи, долженствовавшее достичь 400.000, не равнялось болѣе ста-восьмидесяти тысячамъ. Притомъ персоналъ офицеровъ былъ недостаточенъ, комиссаріатская часть въ плохомъ состояніи, а санитарная оставляла многаго желать. На нѣкоторыхъ станціяхъ были нагромождены сотни локомотивовъ, когда ихъ надо было десять и vice verso; общая путаница и неурядица достигали необычайныхъ размѣровъ.

Главнокомандующій арміей, великій князь Николай Николаевичъ, при началѣ объявленія войны отправился на театръ военныхъ дѣйствій, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, французскимъ военнымъ агентомъ. «Хотя я не присутствовалъ при мобилизаціи,— говоритъ Веллеслэй,—но имѣлъ подлинныя свѣдѣнія обо всемъ, и, конечно, моей обязанностью было доложить англійскому правительству о томъ несчастномъ положеніи, въ какомъ находилась русская армія относительно военной организаціи. Но вскорѣ я замѣтилъ, что содержаніе моихъ донесеній было извѣстно въ Россіи. Прежде всего произошла очевидная холодность въ обращеніи русскихъ со мною, какъ въ обществѣ, такъ и въ клубахъ. Даже импе-

раторъ на воскресныхъ разводахъ сталъ меня не замѣчать или, молча, кланяться мнѣ». Англичанинъ рѣшился разъяснить, въ чемъ дѣло, и обратился къ Валуеву, находившемуся въ чрезвычайно дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Онъ принялъ его очень любезно и обѣщалъ разъяснить, въ чемъ дѣло, но совѣтовалъ пока быть очень осторожнымъ. Въ тотъ же день Веллеслэй обѣдалъ съ Грейгомъ, очень благоволившимъ къ нему, и въ разговорѣ по секрету адмиралъ объяснилъ ему, что все русское общество было недовольно поведеніемъ англичанина относительно сообщеній англійскому правительству дурныхъ извѣстій о мобилизаціи. Онъ отвѣчалъ, что содержаніе его депешъ своему правительству ни до кого не касается, такъ же точно, какъ содержаніе депешъ русскаго военнаго агента въ Лондонѣ. Грейгъ съ нимъ согласился, но просилъ его воздержаться на время отъ посѣщенія общественныхъ мѣстъ и клубовъ.

Вскорѣ все это непріятное дѣло выяснилось. У французскаго посланника, Лефло, былъ балъ, и хотя, по словамъ Веллеслэя, посланникъ былъ добрый, правдивый человѣкъ, но болѣе русскій, чѣмъ сами русскіе, и для него въ Россіи все было хорошо: русская армія—первая въ свѣтѣ, русскій главный штабъ—превосходный, русскій флотъ—первый въ мірѣ. Увидѣвъ Веллеслэя, онъ подошелъ къ нему и спросилъ, каково его мнѣніе о политическихъ дѣлахъ. Тотъ отвѣчалъ: «На горизонтѣ очень мрачно!» На это Лефло воскликнулъ: «Помилуйте, у русскихъ 400.000 мобилизованныхъ солдатъ, готовыхъ итти на Константинополь по первому мановенію руки».—«Вы такъ думаете,—отвѣчалъ англичанинъ,—а, по моему мнѣнію, у нихъ нѣтъ и половины этого количества солдатъ и большой дефицитъ въ офицерахъ». Конечно, этотъ разговоръ происходилъ вполголоса, но тутъ старый генералъ въ большомъ волненіи громко воскликнулъ: «Я вамъ повторяю, что русскихъ, готовыхъ итти въ Константинополь, — 400.000 человѣкъ, и вѣрьте мнѣ, мой молодой другъ, кто донесетъ своему правительству иначе, возьметъ на себя большую отвѣтственность». Эти слова естественно были услышаны многими лицами, стоявшими подлѣ, и чрезъ нѣсколько дней въ петербургскихъ газетахъ было напечатано, что французскій посланникъ далъ публичный выговоръ молодому англійскому военному агенту, который этого вполнѣ заслуживалъ.

«Я тотчасъ отправился къ генералу Лефло, который собирался писать строгое письмо въ газету, — разсказываетъ Веллеслэй.—Я упросилъ его этого не дѣлать; онъ согласился и дружески спросилъ меня, на чемъ я основывалъ свое противоположное мнѣніе, тогда какъ французскій агентъ, полковникъ Гальяръ, такъ же былъ убѣжденъ, что въ Россіи готово 400.000 солдатъ. Я въ свою очередь спросилъ его, откуда онъ узналъ о содержаніи моихъ

депешъ англійскому правительству, и онъ объяснилъ мнѣ, что одинъ англійскій министръ, имени котораго онъ не назвалъ, сказалъ объ этомъ французскому посланнику въ Лондонѣ, а тотъ, конечно, сообщилъ въ Парижъ своему министру иностранныхъ дѣлъ. Этотъ послѣдній написалъ Лефло: «Кто же правъ? полковникъ Гальяръ или англійскій военный агентъ?» И Лефло прочелъ мнѣ полученную имъ по этому вопросу депешу. Я спокойно его выслушалъ и потомъ спросилъ, говорилъ ли онъ объ этомъ кому нибудь въ Петербургѣ.—«Нѣтъ, честью клянусь, я не говорилъ ни одной душѣ, конечно, кромѣ членовъ моего посольства». Однако послѣ этого онъ задумался, потеръ себѣ лобъ и воскликнулъ: «Ахъ! нѣтъ, теперь я припоминаю причину всего зла; я отвезъ эту депешу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и прочелъ ее Жомини. Да, я хорошо помню, что я прочелъ ему эту бумагу; теперь все понятно; но это совершенно ускользнуло изъ моей памяти». Бѣдный старый посланникъ былъ этимъ убитъ и разсыпался въ извиненіяхъ, въ виду чего я поспѣшилъ распрощаться съ нимъ, такъ какъ очевидно онъ искренно сожалѣлъ о совершившемся. Дѣло въ томъ, что Жомини былъ главнымъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, умнѣйшимъ человѣкомъ послѣ князя Горчакова и ненавидѣвшимъ изо всѣхъ силъ Англію; поэтому неудивительно, что онъ поспѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что ему сообщилъ по неосторожности французскій посланникъ. Чрезъ нѣсколько дней я заѣхалъ къ Валуеву, и тотъ разсказалъ мнѣ то же самое, что адмиралъ Грейгъ».

Вскорѣ послѣ этого императоръ уѣхалъ въ армію съ цѣлью проститься съ нею и проводить ее на войну. Онъ взялъ съ собою австрійскаго и германскаго военныхъ агентовъ, но Веллеслэю не было послано никакого приглашенія. Онъ немедленно сообщилъ объ этомъ своему правительству, которое снеслось съ русскимъ дворомъ. Графъ Адлербергъ, министръ двора, «правая рука государя», объявилъ Веллеслэю, что напрасно онъ обижался, такъ какъ оба нѣмца были флигель-адъютантами своего государя, а слѣдовательно находились въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ англичанинъ. На это послѣдній отвѣчалъ, что французскій военный агентъ, полковникъ Гальяръ, взятый съ собою великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, состоялъ при такомъ правительствѣ, которое не имѣло даже государя, а слѣдовательно онъ не могъ быть флигель-адъютантомъ. Адлербергъ разсмѣялся и сказалъ, что во всякомъ случаѣ дѣло уладилось, и такъ какъ императоръ уже уѣхалъ, то съ дороги приглашаетъ его въ свою главную квартиру въ Плоэшти, въ Румыніи. Веллеслэй былъ очень доволенъ и поскакалъ въ Бухарестъ. По прибытіи туда онъ снова представился графу Адлербергу, который объявилъ ему, что государь назначилъ его состоять при главнокомандующемъ, великомъ князѣ.

Онъ очень этому обрадовался, потому что Николай Николаевичъ былъ всегда съ нимъ очень милостивъ, но теперь оказалось совершенно противоположное. Великій князь встрѣтилъ его такъ холодно, что даже не протянулъ ему руки, привѣтствуя его слѣдующимъ образомъ: «Полковникъ Веллеслэй, я получилъ приказаніе моего брата, императора, принять васъ въ мою главную квартиру; я обязанъ исполнить это приказаніе, какія бы ни были мои личныя чувства. Позвольте мнѣ, однако, вамъ сказать, что я узналъ о вашей депешѣ къ вашему правительству по поводу мобилизаціи нашей арміи; вы отозвались о ней самымъ неодобрительнымъ образомъ, хотя вы при мобилизаціи лично не присутствовали и рѣшительно ничего не знали объ ея подробностяхъ. Какъ я уже сказалъ, я обязанъ повиноваться приказаніямъ императора, и потому приму васъ въ своей главной квартирѣ, но предупреждаю васъ, что за вами будутъ строго слѣдить, и если вы выскажете, сдѣлаете или напишете, что мнѣ не понравится, то я прогоню васъ изъ моей арміи». Произнося эти послѣднія слова, онъ прищелкнулъ пальцами въ воздухѣ и чрезъ минуту прибавилъ: «Я вамъ это говорю, полковникъ Веллеслей, предъ всѣми моими приближенными, такъ какъ они знаютъ, что я обязанъ принять васъ въ свою главную квартиру, а я желаю, чтобы они также знали, на какихъ условіяхъ я это дѣлаю. Вы меня понимаете?»—«Слишкомъ хорошо, ваше императорское высочество,—отвѣтилъ Веллеслэй,—вы выразились болѣе, чѣмъ ясно». Великій князь протянулъ ему руку, но англичанинъ почтительно отказался ее принять и вышелъ изъ комнаты.

Хотя при этой оскорбительной сценѣ находился только одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, Скалонъ, а не вся его свита, какъ полагалъ великій князь, все-таки слова главнокомандующаго глубоко оскорбили Веллеслэя, и, понимая, что необходимо молчать, иначе скандалъ могъ дойти до крайности, онъ тотчасъ обо всемъ увѣдомилъ по телеграфу свое правительство, надѣлъ статскую одежду и уѣхалъ въ Бухарестъ. На слѣдующее утро великій князь одумался, и къ Веллеслэю былъ присланъ чиновникъ графа Адлерберга, прося отъ имени послѣдняго забыть все дѣло, такъ какъ великій князь согласенъ его принять. Потомъ явился генералъ Галлъ, лично отъ Николая Николаевича, и объяснилъ, что великій князь готовъ забыть слова, сказанныя въ порывѣ гнѣва, если только Веллеслэй, согласится ихъ забыть. Веллеслэй отвѣчалъ, что главнокомандующій въ мундирѣ оскорбилъ офицера тоже въ мундирѣ, да еще чужестранной арміи, а потому это дѣло касается уже не его, а британскаго правительства. Пока обмѣнивались телеграммами оба правительства, въ Бухарестъ пріѣхалъ князь Горчаковъ; онъ пригласилъ Веллеслэя къ себѣ, и такъ тепло его принялъ, что едва не расплакался. Онъ сказалъ, что ничего на свѣтѣ его такъ не огор-

чило, какъ происшествіе, случившееся между нимъ и великимъ княземъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ выразилъ самую глубокую благодарность за то, что тотъ сдержался и не далъ воли своему характеру, иначе дѣло могло повести къ войнѣ между двумя странами. «А у насъ,—прибавилъ онъ,—у насъ и безъ этого много заботы!» Наконецъ, Горчаковъ объявилъ, что государь приглашаетъ Веллеслэя состоять при главной квартирѣ и также выражаетъ ему свою признательность за его поведеніе во время свиданія съ братомъ. «Хотя князь Горчаковъ самый хитрый изъ дипломатовъ,— замѣчаетъ Веллеслэй, — но, какъ человѣкъ, онъ простодушный и добрый, имѣющій въ виду только всѣхъ помирить».

Тотчасъ Веллеслэй отправился въ главную императорскую квартиру, которая находилась близъ Зимницы, на сѣверномъ берегу Дуная, хотя русская армія перешла уже на другую сторону рѣки. По пріѣздѣ туда къ нему явился генералъ съ привѣтствіемъ отъ императора и увѣдомилъ, что государь ожидаетъ его на другой день къ завтраку. Когда онъ исполнилъ это приказаніе, то узналъ, что императоръ будетъ завтракать у себя, а потому проситъ его пожаловать послѣ. Дѣлать было нечего, и Веллеслэй пошелъ въ палатку, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ для всей императорской свиты. Хотя въ числѣ присутствующихъ было много знакомыхъ, но они отъ него отворачивались и даже ему не кланялись. Только одинъ генералъ-адъютантъ подошелъ къ нему протянулъ руку и сказалъ: «Вы меня не знаете, полковникъ Веллеслэй?» Послѣдній отвѣчалъ: «Я полагаю, вы генералъ Игнатьевъ; я не имѣю удовольствія васъ знать, но узналъ васъ по вашимъ фотографіямъ. «Онъ немедленно взялъ Веллеслэя подъ руку и посадилъ рядомъ съ собою за столъ. «Я долженъ здѣсь прибавить,—говоритъ Воллеслэй,—что у меня не было во время турецкой войны лучшаго друга, какъ генералъ Игнатьевъ, хотя онъ извѣстенъ былъ своими анти-англійскими мнѣніями». Едва только начался завтракъ, какъ въ палатку вошелъ Николай Николаевичъ, и, отыскавъ Веллеслэя глазами, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ подошелъ къ нему. Когда онъ повиновался, то главнокомандующій произнесъ: «Ну, ужъ задали вы мнѣ славную исторію съ императоромъ, королевой и вашимъ правительствомъ. Вы придали уже слишкомъ серьезное значеніе словамъ, которыя я произнесъ, быть можетъ, слишкомъ необдуманно». Веллеслэй отвѣчалъ, что, вѣроятно, великій князь былъ бы недоволенъ, если бы русскому офицеру, приглашенному въ англійскій лагерь, сказали такія слова, съ какими къ нему обратился его высочество.—«Ну, да,—произнесъ онъ:—вы, вѣроятно, правы; во всякомъ случаѣ я сожалѣю о происшедшемъ. Дайте мнѣ руку, и забудемъ объ этомъ». Они пожали взаимно руку, и великій князь прибавилъ: «Пусть прошедшее будетъ забыто, и если когда нибудь, во время этой кампаніи, я вамъ понадоблюсь, то обратитесь ко мнѣ: я готовъ вамъ служить»,

«Послѣ завтрака меня позвали къ императору,—разсказываетъ Веллеслэй.—Въ комнатѣ, куда я вошелъ, стояли два сына императора, и я разговаривалъ съ ними, когда онъ вышелъ изъ внутренняго покоя. Первыми его словами было: «Вы видѣли моего брата, и все уладилось?» На мой утвердительный отвѣтъ, онъ повелъ меня въ сосѣднюю маленькую комнату и затворилъ за собою дверь. Въ углу этой комнаты стоялъ карточный столъ, служившій его величеству письменнымъ столомъ во время похода, и два стула; на одинъ онъ сѣлъ, а другой предложилъ мнѣ, сказавъ, что онъ былъ очень опечаленъ, услыхавъ о происшествіи, случившемся между мною и его братомъ. Государь выразилъ надежду, что я не разсержусь на него за нѣсколько словъ, которыя онъ скажетъ по этому предмету. Послѣ этого онъ замѣтилъ, что я отозвался въ неодобрительныхъ выраженіяхъ о мобилизаціи русской арміи, а меня всегда принимали въ Россіи съ большой добротой, и онъ самъ обращался со мною съ очевиднымъ расположеніемъ. Государь прибавилъ еще нѣсколько лестныхъ выраженій относительно меня и произнесъ, что онъ никогда не повѣрилъ бы подобнымъ недоброжелательнымъ выраженіямъ съ моей стороны. Когда его величество кончилъ говорить, то я просилъ позволенія выразить, что правильность или неправильность моихъ депешъ англійскому правительству не касается русскаго. Если мое правительство будетъ ими недовольно, то оно меня и отзоветъ. «У васъ, государь,—прибавилъ я,—есть такой же военный агентъ, какъ и я; не думаю, чтобы вы были довольны, если бы этотъ офицеръ только выхваливалъ вамъ англійскую армію; напротивъ, ваше величество требовали бы отъ него одной правды». Императоръ улыбнулся и отвѣчалъ: «Да, это правда! Но все-таки я былъ возмущенъ, узнавъ о вашихъ депешахъ, и, конечно, вы замѣтили, что мое обращеніе съ вами совершенно измѣнилось въ послѣднія недѣли моего пребыванія въ Петербургѣ». Я возразилъ, что не могъ этого не замѣтить, и это глубоко меня опечалило. «Теперь все прошло,—сказалъ государь,—и мы никогда не будемъ объ этомъ болѣе думать».

Затѣмъ государь, положивъ руку на плечо англичанина, принялся объяснять ему, какъ русскіе переправились чрезъ Дунай, а по окончаніи этого разговора онъ любезно распрощался съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, по словамъ Воллеслэя, до отъѣзда съ войны императоръ обращался съ нимъ самымъ радушнымъ образомъ, хотя, конечно, положеніе англичанина въ главной квартирѣ было не очень пріятно. Большинство русскихъ обращалось съ нимъ далеко не любезно, и даже самъ императоръ иногда проговаривался. Такъ однажды онъ показалъ ему двухъ болгарскихъ поселянъ, изуродованныхъ турками, и сказалъ: «Voilà ce que font messieurs, vos protegées, les turcs». Когда императорская квартира

была переведена въ Бѣлу, государь придумалъ наполнить скучные послѣобѣденные часы тѣмъ, что онъ называлъ «la lecture». Дѣло было въ томъ, что вся свита оставалась за столомъ вмѣстѣ съ государемъ, и графъ Адлербергъ, по распоряженію императора, читалъ въ переводѣ на французскій языкъ отрывки изъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ. Такъ какъ большинство отзывовъ о Россіи было далеко не благопріятное, то все общество саркастически смѣялось, слѣдуя въ этомъ примѣру самого императора. Очевидно, Веллеслэю были чрезвычайно непріятны подобныя выходки, тѣмъ болѣе, что при каждой оскорбительной тирадѣ изъ англійскихъ газетъ государь обращался къ нему съ словами: «Je vous remercie». Кромѣ этихъ непріятностей, на каждомъ шагу русскіе старались чѣмъ нибудь ему досадить. Такъ, однажды къ нему явился какой-то генералъ, который объявилъ, что квартира Веллеслэя понадобилась дону-Карлосу, а потому неугодно ли ее освободить. По счастью, въ это время у Веллеслэя находился въ гостяхъ князь Витгенштейнъ, русскій генералъ-адъютантъ, который пришелъ въ сильное негодованіе, узнавъ, что такъ оскорбляютъ гостя императора, и разразился такими оскорбительными выраженіями, что генералъ поспѣшилъ удалиться. По русскому обычаю слуги лицъ, состоящихъ при дворѣ, получаютъ извѣстное жалованье, и въ военное время очень значительное, именно десять франковъ въ день. Русскій лакей Веллеслэя, Егоръ, долгое время не получалъ этихъ денегъ, и англичанинъ, узнавъ, что слуги другихъ военныхъ агентовъ правильно получаютъ это жалованье, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Егоръ отправился въ полевое казначейство, но онъ нѣсколько разъ ходилъ туда безуспѣшно и наконецъ получилъ въ отвѣтъ, что ему не выдадутъ никакихъ денегъ. Тогда Веллеслэй вышелъ изъ себя и приказалъ Егору сказать казначею, что если онъ не выдастъ денегъ, то англичанинъ лично доложитъ объ этомъ императору. Это магически подѣйствовало, и Егоръ вернулся съ мѣшкомъ золота. Точно также, когда онъ неожиданно заболѣлъ лихорадкой, то Веллеслэй былъ принужденъ просить, чтобы ему назначили одного или двухъ казаковъ для ухода за нимъ, его помѣщеніемъ и лошадью. Но ему на отрѣзъ отказали, и онъ снова вынужденъ былъ пригрозить докладомъ императору. Вслѣдъ за этой угрозой ему прислана была цѣлая дюжина казаковъ, изъ которыхъ онъ, конечно, оставилъ у себя только двоихъ. Даже близкіе друзья Веллеслэя среди выдающихся русскихъ людей преслѣдовали его, хотя и шутками, но очень непріятными. Такъ Черевинъ, бывшій тогда полковникомъ и очень дружески относившійся къ нему, называлъ его въ шутку «коварнымъ Альбіономъ» и, завидѣвъ его издали, всегда восклицалъ: «Voici la perfide Albion, qui arrive».

Однако, несмотря на все это, самъ императоръ оказалъ ему неожиданное и драгоцѣнное довѣріе. 29-го іюля 1877 года, ему

пришлось случайно разговаривать послѣ обѣда съ генераломъ Милютинымъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ, не любившимъ разговаривать о военныхъ дѣлахъ, и потому англичанинъ былъ очень изумленъ, что онъ упомянулъ объ ужасахъ войны, неудачахъ русскаго войска и чрезвычайной своевременности предложенія какой нибудь иностранной державы своего посредничества. Веллеслэй отвѣчалъ, что, конечно, Англія была бы очень довольна, если бы какое нибудь дѣйствіе съ ея стороны послужило поводомъ къ скорѣйшему окончанію войны. Милютинъ спросилъ, чѣмъ Веллеслэй могъ бы доказать подобное настроеніе англійскаго правительства. Англичанинъ замѣтилъ, что онъ готовъ былъ взять на себя отвѣтственность за поѣздку въ Англію, если бы императоръ пожелалъ что нибудь лично сообщить правительству королевы. На этомъ кончился ихъ знаменательный разговоръ, и онъ не остался безъ послѣдствій. На слѣдующее утро Милютинъ объявилъ, что государь желаетъ его видѣть. «Я послѣдовалъ за нимъ,—разсказываетъ Веллеслэй,—и засталъ императора въ той самой комнатѣ и за тѣмъ самымъ столомъ, какъ въ предыдущее мое посѣщеніе. Онъ поздоровался со мной, предложилъ мнѣ папиросу, пригласилъ сѣсть и сказалъ: «Военный министръ увѣдомилъ меня, будто вы готовы поѣхать въ Англію, чтобы убѣдиться, согласно ли ваше правительство содѣйствовать заключенію мира. Дѣйствительно ли, любезный Веллеслэй, вы считаете возможнымъ поѣхать безъ разрѣшенія вашего правительства?» Я отвѣчалъ, что совершенно убѣжденъ въ согласіи Биконсфильда на подобную поѣздку. Вѣроятно, государь уже переговорилъ обо всемъ съ Милютинымъ и, быть можетъ, съ Игнатьевымъ, потому что продолжалъ безъ малѣйшаго колебанія: «Я готовъ заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ». И его величество медленно и внятно произнесъ свои условія. Потомъ онъ очень любезно поблагодарилъ меня за мою услугу, и я, записавъ его слова, насколько могъ, точно объявилъ, что мнѣ необходимо пойти домой и переписать ихъ, чтобы государь могъ прочесть этотъ важный документъ. На прощанье онъ произнесъ: «Въ двѣнадцать часовъ мой экипажъ съ эскортомъ будетъ ожидать васъ».

Еще не успѣлъ Веллеслэй кончить своей работы, какъ къ нему явился графъ Игнатьевъ, которому императоръ поручилъ узнать, когда будетъ готовъ документъ, и въ опредѣленное время зайти за нимъ. Чрезъ часъ онъ вторично зашелъ и отнесъ бумагу къ императору, отъ котораго вернулся съ лестнымъ порученіемъ сказать Веллеслэю, что государь самъ не могъ бы такъ хорошо выразить свои мысли. Затѣмъ Веллеслэй отправилъ въ Лондонъ депешу съ извѣстіемъ, что онъ ѣдетъ по особому порученію русскаго императора. Чрезъ десять дней онъ былъ уже въ Лондонѣ и, встрѣченный на станціи товарищемъ министра иностранныхъ

дѣлъ Буркомъ, былъ прямо отвезенъ въ Вайтголъ къ лорду Биконсфильду. Не имѣя съ собою своихъ бумагъ, Веллеслэй объяснилъ на словахъ, какія условія допускаетъ русскій императоръ для заключенія мира съ Турціей. Лордъ Биконсфильдъ сказалъ, что это дѣло очень важное, и что ея величество, королева, была бы очень рада оказать содѣйствіе къ заключенію мира; но онъ прибавилъ, что послѣ отъѣзда Веллеслэя изъ императорской квартиры русскіе понесли новое пораженіе отъ турокъ, и потому Биконсфильдъ боялся, что они не согласятся на эти условія. Чрезъ три недѣли Веллеслэй получилъ отвѣтную депешу отъ англійскаго правительства въ томъ же духѣ, и по этому поводу онъ замѣчаетъ: «Послѣдующія событія доказали, что турки сдѣлали бы хорошо, если бы приняли тогдашнія русскія условія, которыя были гораздо менѣе тяжки, чѣмъ тѣ, на которыя они принуждены были согласиться на Берлинскомъ конгрессѣ».

Возвратился Веллеслэй на войну въ началѣ сентября. Онъ засталъ тамъ попрежнему императора, который сначала намѣревался только проводить свою армію и пожелать ей успѣха, но обстоятельства заставили его остаться въ арміи до паденія Плевны, и, по мнѣнію англичанина, «успѣхомъ похода Россія одолжена вполнѣ императору», который, хотя не былъ Наполеономъ, но отличался спокойнымъ умомъ и здравымъ смысломъ, дозволявшими ему благоразумно рѣшать спорный вопросъ и поддерживать эту рѣшимость съ твердостью. Въ доказательство своего мнѣнія Веллеслэй разсказываетъ любопытный анекдотъ, который случился во время его отсутствія и переданный ему товарищемъ, иностраннымъ военнымъ агентомъ, присутствовавшимъ при этомъ обстоятельствѣ. Императорская квартира перемѣняла свое мѣстопребываніе и переходила изъ Зимницы въ Павло, селеніе, расположенное въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Дуная. Перебравшись чрезъ рѣку, она не успѣла отойти далеко, какъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что турки двигались на Систово. Хотя подобное движеніе со стороны турокъ было невѣроятно, но въ свитѣ распространилось опасеніе за императора, тѣмъ болѣе, что главная квартира располагала немногочисленными военными средствами. Поэтому между генералами и офицерами возникла сильная паника, но императоръ, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, спокойно сошелъ съ лошади и послѣ непродолжительнаго размышленія отдалъ приказаніе собрать разсѣянныя части эскорта и рѣшилъ, насколько возможно, противостоять непріятельской атакѣ. Единственнымъ доказательствомъ, что государь встревоженъ, было нервное постукиваніе ногой о саблю. Чрезъ нѣсколько времени пришло другое извѣстіе, что телеграфистъ въ Систовѣ ошибся, введенный въ заблужденіе ложными слухами. Передавая этотъ разсказъ, Веллеслэй прибавляетъ: «Возможность того, что русскій

императоръ могъ въ этомъ случаѣ попасться въ плѣнъ къ туркамъ, была въ состояніи взволновать всякаго на его мѣстѣ, но Александръ II доказалъ, что въ такихъ случаяхъ онъ вполнѣ способенъ сохранить хладнокровіе».

Относительно доброты государя къ солдатамъ Веллеслэй приводитъ два случая, при которыхъ онъ самъ присутствовалъ. Въ Зимницѣ государь доказалъ, какое вниманіе оказывалъ онъ раненымъ солдатамъ своими частыми посѣщеніями военнополевыхъ лазаретовъ, которые по этой причинѣ были «образцовыми». Государь особенно интересовался однимъ раненымъ, который при переходѣ черезъ Дунай получилъ пять пуль: въ шею и плечи. Несчастный пролежалъ на берегу четыре дня безъ пищи, поддерживая себя лишь водою изъ Дуная, и только на пятый день товарищи нашли его въ страшномъ положеніи. Перенесенный въ лазаретъ, онъ долгое время находился между жизнью и смертью; государь съ большимъ сочувствіемъ справлялся о немъ и, наконецъ, когда онъ сталъ поправляться, то лично надѣлъ ему на грудь георгіевскій крестъ. По несчастью, черезъ нѣсколько дней ему стало хуже, и онъ скончался. Въ этомъ же лазаретѣ императоръ увидѣлъ другого раненаго солдата, который разсказалъ ему, что убилъ шесть турокъ, и, по его словамъ, одинъ изъ нихъ былъ англичанинъ. Самъ Александръ II разсказалъ Веллеслэю въ видѣ шутки это хвастовство солдата. Гуманное вниманіе императоръ оказывалъ не менѣе, чѣмъ русскимъ, турецкимъ плѣннымъ, раздавая имъ папиросы. Наконецъ, въ доказательство, насколько государь былъ человѣченъ, Веллеслэй приводитъ одинъ фактъ, случившійся при немъ. «4-го іюля въ Зимницѣ,—говоритъ онъ,—мы всѣ обѣдали, когда по дорогѣ прошла похоронная процессія съ тѣломъ одного молодого офицера, утонувшаго во время перехода черезъ Дунай и найденнаго на берегу черезъ нѣсколько дней. Императоръ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ сопровожденіи всѣхъ насъ въ маленькую церковь, находившуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главной квартиры. Онъ простоялъ всю церемонію и, узнавъ, что нашли саблю и фуражку покойника, приказалъ отправить ихъ его матери».

6-го сентября началась бомбардировка Плевны и продолжалась пять дней, но русскимъ она не принесла никакой пользы. Веллеслэй 7-го числа просилъ у императора разрѣшенія поѣхать осмотрѣть поле битвы, долженствовавшей произойти на другой день. Государь отвѣчалъ очень добродушно: «Вы можете ѣхать, куда хотите, только, смотрите, чтобы васъ не убили».

Взявъ товарищемъ румынскаго полковника Катарджи, англичанинъ отправился прежде всего на русскую осадную батарею. Оказалось, что, несмотря на сильный турецкій огонь, не было нанесено ни малѣйшаго вреда ни ей, ни людямъ. Отправившись

далѣе, Веллеслэй случайно набрелъ на главную квартиру 9-го армейскаго корпуса, которымъ командовалъ генералъ Крюденеръ. Онъ принялъ англичанина очень любезно и, увидавъ его изнуренное отъ голода лицо, предложилъ ему чаю и чернаго хлѣба, на что тотъ съ удовольствіемъ согласился. Было уже темно, и онъ легъ спать на сѣнѣ. Около одиннадцати часовъ его разбудилъ ружейный огонь турокъ, неожиданно наступавшихъ на главную квартиру Крюденера. Онъ мгновенно исчезъ со своей свитой и казаками, составлявшими эскортъ, оставивъ Веллеслэя, который очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Но огонь также неожиданно прекратился, какъ начался. Вскорѣ возвратился генералъ со своей свитой, но не надолго: снова въ долинѣ раздалась пальба, и попрежнему старикъ Крюденеръ исчезъ со своей свитой и казаками. На этотъ разъ огонь казался дальше и черезъ короткое время прекратился. Встрѣтившись на слѣдующій разъ съ генераломъ, Веллеслэй спросилъ, въ чемъ было дѣло въ памятную ночь, но онъ отвѣчалъ уклончиво, и только впослѣдствіи англичанинъ узналъ, что въ русской линіи отъ случайнаго выстрѣла произошла паника, и они стрѣляли другъ въ друга, причиняя при этомъ большую потерю въ людяхъ.

Третій штурмъ Плевны состоялся не на другой день, а на пятый день бомбардировки, 11-го сентября. Веллеслэй, стоя на холмѣ Радисова, прекрасно видѣлъ все побоище. Плевна находилась на южной оконечности подковообразнаго горнаго кряжа, откуда многочисленные небольшіе овраги спускались съ горныхъ высотъ въ долину. У турокъ не было достаточно войска, чтобы занять всѣ высоты, а потому они довольствовались тѣмъ, что расположили свои укрѣпленія на западной и сѣверной сторонахъ горъ. Атака не могла начаться рано, потому что густой туманъ скрывалъ Плевну, и только къ двѣнадцати часамъ онъ разсѣялся, «и проглянуло солнце», но, несмотря на то, не было видно ни малѣйшаго признака жизни въ турецкихъ редутахъ, которые устроилъ на горахъ Османъ-паша съ такимъ трудомъ и такой энергіей. Въ 3 часа русскія войска наконецъ двинулись впередъ, сойдя съ холмовъ въ долину. Но они не замѣтили, что тамъ тянулись траншеи, откуда открылся убійственный огонь. Храбро одолѣвъ три или четыре траншеи, они бросились на штурмъ возвышавшагося предъ ними редута, и адскій пушечный и ружейный огонь встрѣтилъ штурмующія колонны. Изъ Плевны поспѣшили на помощь туркамъ громадныя силы, и русскіе принуждены были отступить или бѣжать, какъ выражается англичанинъ. Однако, онъ замѣчаетъ, что это нисколько не говоритъ противъ храбрости русскихъ солдатъ, и «если кто нибудь виноватъ въ этой катастрофѣ, то неспособные начальники». Послѣ неудачи первой атаки русскихъ послѣдовала вторая и третья. Вслѣдъ за окончательнымъ

пораженіемъ все было кончено, и къ позору турокъ надо прибавить, что они соскочили съ парапета своего укрѣпленія и стали избивать раненыхъ, валявшихся повсюду. Точно такъ же, какъ въ этой мѣстности, такъ и на всей линіи русскіе потерпѣли пораженіе. Имъ только удалось удержать за собою взятый ими Гривицкій редутъ.

На слѣдующее утро Веллеслэй поѣхалъ осматривать этотъ редутъ, который былъ первымъ турецкимъ укрѣпленіемъ, взятымъ русскими въ Плевнѣ. Это пришлось ему сдѣлать съ нѣкоторой опасностью, потому что, добравшись до внутренности редута, ему надо было ради безопасности низко нагибаться отъ дождя военныхъ снарядовъ. Пристально осмотрѣвшись вокругъ себя, англичанинъ убѣдился, что внутренность редута была наполнена мертвыми и ранеными. «Такого зрѣлища,—говоритъ онъ,—я никогда не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Это было что-то ужасное, отвратительное, страшное. Я могъ бы наполнить безконечныя страницы описаніемъ того, что я здѣсь видѣлъ, но это не поддается описанію». Мертвые были счастливѣе, но положеніе раненыхъ, о которыхъ никто не заботился, которымъ никто не давалъ ни куска хлѣба, ни капли воды, было сверхъ всякаго описанія, кромѣ того, во всемъ редутѣ стояло удушливое зловоніе. На слѣдующіе дни Веллеслэю случилось видѣть безконечное количество раненыхъ, которые тянулись по сосѣднимъ дорогамъ; они находились въ самомъ ужасномъ положеніи, но, несмотря на то, что они были русскіе, никто изъ начальства не обращалъ на нихъ вниманія. Англичанинъ разсказываетъ, что онъ былъ сильно пораженъ ужаснымъ положеніемъ, въ которомъ находился одинъ раненый, лежавшій на краю дороги съ сильно раздробленной рукой, и предложилъ ему взобраться, если онъ въ силахъ, на мою лошадь. Когда тотъ на это согласился, то Веллеслэй посадилъ его, и одной рукой управлялъ лошадью, а другой поддерживалъ раненаго. «Мы не прошли и двухъ шаговъ,—разсказываетъ онъ,—какъ насъ нагналъ въ коляскѣ одинъ генералъ съ интендантскимъ офицеромъ. Онъ остановился и, заговоривъ со мною,—такъ какъ я его зналъ, — замѣтилъ, что напрасно я такъ заботился о солдатѣ. Видя, что я нимало не хотѣлъ оставить несчастнаго, онъ предложилъ мнѣ взять его въ свой экипажъ, но очевидно дѣлалъ это безъ малѣйшаго сочувствія. Я отвѣчалъ сердитымъ тономъ, что по дорогѣ было много раненыхъ, которымъ слѣдовало помочь. Генералъ пожалъ плечами и поѣхалъ далѣе. Черезъ нѣсколько минутъ меня нагналъ другой генералъ съ адъютантомъ: это былъ отецъ знаменитаго Скобелева. Они, напротивъ, остановились и съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ несчастному, немедленно взявъ его въ свой экипажъ, чему я очень былъ радъ, такъ какъ раненый очевидно изнемогалъ. Впослѣдствіи я узналъ, что несчастный умеръ, достигнувъ лазарета».

Послѣ рокового пораженія русскихъ 13-го сентября, императоръ собралъ военный совѣтъ на маленькомъ холмѣ противъ Гривицскаго редута. Тамъ присутствовали великій князь Николай, румынскій князь, командовавшій войсками, расположенными вокругъ Плевны, военный министръ Милютинъ, начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ Непокойчицкій, его помощникъ, Левицкій, и начальникъ штаба румынскаго князя, Зотовъ. Веллеслэя при этомъ не было, но обо всемъ происходившемъ ему разсказалъ присутствовавшій при этомъ офицеръ. Государь прямо поставилъ вопросъ, что дѣлать и какъ дѣйствовать послѣ понесенной неудачи. Прежде всѣхъ говорилъ великій князь Николай, и, по его мнѣнію, слѣдовало отступить къ Дунаю, гдѣ соорудить tête-de-pont для обороны отъ турецкой атаки и тамъ оставаться до полученія подкрѣпленія изъ Россіи. Тогда императоръ обратился къ военному министру и спросилъ его: «А ты что думаешь, Милютинъ?» Онъ отвѣчалъ: «Я долженъ не согласиться съ его императорскимъ высочествомъ, хотя я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что мы понесли тяжелое пораженіе, но я полагаю, что Османъ-паша не достаточно силенъ и предпріимчивъ, чтобы напасть на насъ, и даже, если бы я ошибся, то нахожу недостойнымъ для чести русской арміи отступить, какъ предлагаетъ великій князь. Мой совѣтъ—послать за подкрѣпленіями, но ждать ихъ на теперешней позиціи». Великій князь возразилъ: «Если таково ваше мнѣніе, генералъ Милютинъ, то лучше вамъ самому взять командованіе арміей». Тутъ въ разговоръ вмѣшался императоръ: «Нѣтъ, вы останетесь главнокомандующимъ, но планъ, предложенный военнымъ министромъ, будетъ исполненъ».

Этотъ эпизодъ вполнѣ былъ подтвержденъ другимъ, при которомъ лично присутствовалъ Веллеслэй. Въ тотъ день, когда пала Плевна, утромъ государь съ своей свитой стоялъ на парапетѣ редута, съ котораго открывался видъ на долину, гдѣ находилась Плевна. Великій князь Николай виднѣлся внизу съ своимъ эскортомъ. Государь съ нетерпѣніемъ ждалъ подтвержденія извѣстія о сдачѣ Османа-паши и, когда оно было доставлено, то схватилъ за руку военнаго министра и сказалъ ему: «Милютинъ, я жалую тебѣ орденъ св. Георгія первой степени». На это министръ отвѣчалъ: «Ваше величество, я не достоинъ этого, потому что я самъ не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а только состоялъ при вашемъ величествѣ». Тогда императоръ указалъ рукой на тотъ холмъ, гдѣ происходилъ совѣтъ 13-го сентября, и произнесъ: «Я обязанъ Плевной вамъ. Неужели вы думаете, что я когда нибудь забуду тотъ совѣтъ, который вы мнѣ дали на томъ холмѣ, и если бы онъ (при этомъ государь указалъ на своего брата, виднѣвшагося вдали) былъ здѣсь, то теперь, въ моемъ присутствіи, поблагодарилъ бы васъ за данный вами совѣтъ».

Долго Великій князь Николай Николаевичъ упорно сопротивлялся вызову на войну Тотлебена по причинѣ того, какъ увѣряетъ Веллеслэй, что у него былъ зубъ противъ него еще по инженернымъ дѣламъ въ Петербургѣ, потому что Тотлебенъ старался истребить хищенія въ инженерномъ вѣдомствѣ, что̀ было не по нутру любимцамъ великаго князя. Однако неудача подъ Плевной заставила императора настоять на порученіи Тотлебену правильной осады турецкой твердыни. 28-го сентября севастопольскій герой прибылъ въ армію, и, по словамъ Веллеслэя, въ короткое время произошла удивительная перемѣна въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ возростаніи общаго уваженія, справедливо заслуженнаго Тотлебеномъ, и въ неудовольствіи противъ прежнихъ начальниковъ, напрасно тратившихъ время на неудачныя дѣйствія. Въ то время императорская квартира была переведена въ Горный-Студень, и однажды англичанину понадобилось съѣздить въ Боготъ, гдѣ была расположена квартира великаго князя Николая.

Его подвезти взялся ѣхавшій туда генералъ-адъютантъ, графъ Мейндорфъ. По дорогѣ они встрѣтили Тотлебена, который тогда былъ, въ сущности, начальникомъ всѣхъ военныхъ дѣйствій подъ Плевной. Оба экипажа остановились, и всѣ вышли. Тотлебенъ, всегда имѣвшій пристрастіе къ Англіи и англичанамъ, любезно пожалъ руку Веллеслэю. Потомъ онъ отошелъ съ Мейндорфомъ на нѣсколько шаговъ и заговорилъ съ нимъ по-русски, не подозрѣвая, что англичанинъ зналъ этотъ языкъ. На вопросъ Мейндорфа, долго ли выдержитъ Плевна,—Тотлебенъ отвѣчалъ: «Согласно свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ болгарскими шпіонами, я не полагаю, чтобы у Османа-паши было продовольствія болѣе, чѣмъ на три недѣли».—«Что же онъ тогда сдѣлаетъ?»—спросилъ его собесѣдникъ.—«Вылазку или прикажетъ туркамъ искать спасенія, какъ кто можетъ, бросившись стремглавъ въ Балканы,—отвѣчалъ Тотлебенъ. — Я даже не могу предположить, что̀ онъ сдѣлаетъ, но я только знаю, что если онъ рѣшится итти на проломъ, то я встрѣчу его съ шестидесяти-тысячной арміей». Запомнивъ этотъ знаменательный разговоръ, Веллеслэй въ тотъ же вечеръ телеграфировалъ въ Лондонъ, что Плевна не выдержитъ долѣе мѣсяца. Его предсказаніе или подслушанное имъ замѣчаніе Тотлебена оправдалось.

Дѣйствительно, 10-го декабря, на разсвѣтѣ турки сдѣлали смѣлую вылазку по направленію къ Виду. Сначала она имѣла полный успѣхъ, но только временный, и русскіе, стянувъ свои силы, опрокинули непріятеля. Около двѣнадцати часовъ дня въ Плевнѣ былъ поднятъ бѣлый флагъ, означавшій, что Османъ-паша сдается со всей арміей. На другой же день въ редутѣ Османа былъ отслуженъ молебенъ въ присутствіи императора, великаго князя Николая, ихъ свитъ и представителей всей арміи. По окон-

чаніи религіозной церемоніи, всѣ отправились вслѣдъ за императоромъ въ Плевну, гдѣ былъ накрытъ на свѣжемъ воздухѣ роскошный завтракъ; который, по словамъ Веллеслэя, можно приготовить только на императорской кухнѣ. Во время завтрака явился Османъ-паша; онъ вышелъ изъ коляски, опираясь раненной рукой на турецкую слугу, а другой—на казака. Въ толпѣ русскихъ, какъ увѣряетъ англичанинъ, раздались возгласы: «Браво, Османъ!» и на ихъ лицахъ показались слезы. Едва двигаясь, онъ прошелъ въ домъ, отведенный императору, и тамъ получилъ отъ него свою саблю, въ доказательство императорскаго уваженія къ его храбрости.

Этимъ кончилось присутствіе Веллеслэя при военныхъ дѣйствіяхъ въ Турціи, такъ какъ вскорѣ императоръ уѣхалъ въ Россію, и безъ него англійскія власти не признали удобнымъ дальнѣйшее пребываніе Веллеслэя въ арміи. Онъ немедленно собрался въ путь и отправился въ Англію. Болѣе Веллеслэй не возвращался въ Россію съ офиціальнымъ порученіемъ, но бывалъ нѣсколько разъ частнымъ человѣкомъ. Его отношенія къ восточной войнѣ, однако, не прекратились по его возвращеніи въ Англію. Лордъ Биконсфильдъ потребовалъ его къ себѣ въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о переходѣ русскихъ зимою черезъ Балканы. Англійскій первый министръ спросилъ своего бывшаго военнаго агента, можетъ ли онъ поручиться, что русская армія не достигнетъ Адріанополя раньше шести недѣль. Веллеслэй отвѣчалъ, что, по его соображеніямъ, это событіе могло совершиться гораздо скорѣе, именно въ теченіе мѣсяца. Лордъ Биконсфильдъ былъ очень опечаленъ этими словами и произнесъ съ мрачнымъ выраженіемъ: «Если бы вы могли мнѣ гарантировать шесть недѣль, то мнѣ ясно было бы, что дѣлать». Веллеслэй увѣряетъ, что лордъ Биконсфильдъ намекалъ на посылку англійскихъ войскъ съ Мальты въ Константинополь, чего нельзя было сдѣлать ранѣе шести недѣль. При этомъ онъ прибавляетъ, что впослѣдствіи онъ узналъ, будто его телеграмма о паденіи Плевны съ прибавленіемъ, что русскіе могутъ зимою перейти черезъ Балканы, была сообщена лорду Биконсфильду, съ надписью военнаго министерства: «Полковникъ Веллеслэй, очевидно, не знаетъ того, о чемъ онъ говоритъ; Балканы никогда не были и не могутъ быть перейдены зимою». Къ этому Веллеслэй самонадѣянно прибавляетъ: «Если это справедливо, то первый министръ, повѣривъ военному министерству о невозможности перейти Балканы зимою, отложилъ движеніе англійскихъ войскъ съ Мальты до тѣхъ поръ, пока было поздно».

Одну изъ послѣднихъ главъ своей книги Валлеслэй посвящаетъ характеристикѣ передовыхъ государственныхъ людей Россіи того времени: Милютина, Игнатьева и Шувалова. О первомъ онъ отзывается съ величайшемъ уваженіемъ и необыкновенной похвалой.

Милютинъ, по его словамъ, вполнѣ заслужилъ глубокую благодарность Россіи не только за его услуги во время восточной войны, но и за безконечныя реформы, введенныя имъ въ военномъ вѣдомствѣ во время его управленія министерствомъ. Кромѣ того, онъ отличался вообще либеральнымъ настроеніемъ и былъ чрезвычайно гуманнымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ Лорисъ-Меликовымъ и Абазой онъ находился во главѣ либеральной группы русскихъ государственныхъ людей. Что касается Игнатьева, то лично ихъ сношенія были самыя дружественныя, но нельзя сказать, чтобы Веллеслэй лестно его рисовалъ, какъ дипломата и министра. Онъ приводитъ о немъ между прочимъ два характеристичные анекдота, которые оба относятся къ восточной войнѣ. Во-первыхъ, онъ однажды, послѣ обѣда гулялъ по берегу Дуная съ двумя подозрительными личностями. Замѣтивъ невдалекѣ присутствіе Веллеслэя, онъ быстро подошелъ къ нему и спросилъ: «Вы знаете, кто эти два человѣка, съ которыми я разговаривалъ?» Англичанинъ отвѣчалъ, что онъ нимало не подозрѣвалъ ихъ происхожденія или національности.—«Это два греческихъ купца,—продолжалъ онъ:—ихъ выселили изъ Константинополя по подозрѣнію въ шпіонствѣ въ пользу русскихъ, и, узнавъ о моемъ пребываніи здѣсь, они пріѣхали сюда, чтобы выпросить мое покровительство для возвращенія въ Константинополь. Вотъ такъ мысль, что они русскіе шпіоны! Да они не знаютъ ни одного слова по-русски». Не успѣлъ генералъ вымолвить этой фразы, какъ обѣ подозрительныя личности догнали его и спросили на прекрасномъ русскомъ языкѣ, что онъ прикажетъ имъ дѣлать. «Я не могъ удержаться отъ удивленія, какъ скоро греческіе купцы выучились по-русски,—замѣчаетъ Веллеслэй.— Графъ громко разсмѣялся, но, нимало не смутясь, что онъ былъ пойманъ съ поличнымъ, перемѣнилъ разговоръ, продолжая бесѣдовать со мною, точно ничего не случилось». Въ другой разъ, словно забывъ о своихъ близкихъ отношеніяхъ къ шпіонамъ, онъ увѣрялъ Веллеслэя, что однажды въ Константинополѣ, гдѣ онъ былъ посланникомъ, одинъ турецкій паша предложилъ ему продать планъ защиты Стамбула, составленный англійскими инженерами.—«Это было слишкомъ!—воскликнулъ Игнатьевъ,—предложить мнѣ такой недружественный поступокъ относительно моего друга Солсбэри! Какъ можно было полагать, что я соглашусь на такое подлое предложеніе? Я, конечно, съ презрѣніемъ отказался и сказалъ Солсбэри, чтобы онъ въ другой разъ довѣрялъ болѣе надежнымъ лицамъ».

Веллеслэй считаетъ замѣчательнымъ, что Игнатьевъ, ненавидя Англію, всегда только и мечталъ о своемъ назначеніи посломъ въ Лондонъ, а съ другой стороны графъ Шуваловъ, получившій этотъ постъ, нимало этого не желалъ. «Исторія этого назначенія почти не извѣстна,—разсказываетъ онъ:—въ продолженіе нѣсколькихъ

лѣтъ Шуваловъ занималъ постъ шефа жандармовъ и, несмотря на всю внѣшнюю очаровательность своихъ манеръ, управлялъ такой желѣзной рукой, что пугалъ всѣхъ, имѣвшихъ до него дѣло. Но онъ имѣлъ огромное вліяніе на императора и поддерживалъ свою силу постоянными предложеніями подать въ отставку. Наконецъ, терпѣніе государя лопнуло, и однажды утромъ въ Эмсѣ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ Шуваловымъ; императоръ сказалъ: «Поздравляю тебя, Шуваловъ, съ назначеніемъ на постъ посла въ Лондонъ!» Дѣлать было нечего, и Шувалову пришлось разсыпаться въ благодарностяхъ за новыя милости. Апоѳеозомъ его дипломатической силы, а въ то же время и концомъ его славы былъ Берлинскій конгрессъ, о которомъ Веллеслэй приводитъ любопытный анекдотъ. На одномъ изъ засѣданій конгресса Горчаковъ неожиданно шепнулъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Шувалову: «Что это—измѣна?» Шуваловъ съ изумленіемъ взглянулъ на канцлера, а тотъ, указавъ на карту, лежавшую предъ лордомъ Биконсфильдомъ, промолвилъ: «Посмотрите, у него наша тайная карта!» На русской тайной картѣ, по словамъ Веллеслэя, бывшей только въ одномъ экземплярѣ, было три черты: одна красная, означавшая границу, желаемую Россіей, вторая синяя, показывавшая, насколько она уступитъ, и третья, выражавшая крайнее ея согласіе въ случаѣ неуспѣха. Графъ Шуваловъ вздрогнулъ и съ отчаяніемъ взглянулъ на столъ: предъ Горчаковымъ лежала тайная англійская карта. Оказалось, что наканунѣ престарѣлые дипломаты случайно перепутали ихъ.

Послѣ этого Веллеслэй по обычаю всѣхъ англійскихъ писателей о Россіи посвящаетъ нѣсколько страницъ индійскому вопросу. Онъ полагаетъ, что, хотя многіе русскіе разсчитываютъ на возможность русскаго похода въ Индію, англичанамъ нечего этого бояться, если они будутъ держаться твердой и непреклонной политики, а не попрежнему дѣйствовать нерѣшительно и слабо. Вообще онъ говоритъ, что Англіи было бы полезно заключить съ Россіей тѣсный союзъ, «конечно, если послѣдняя отказалась бы отъ своей политики относительно Польши, Финляндіи, евреевъ и армянъ». Наконецъ, въ небольшомъ заключеніи своей книги Веллеслэй увѣряетъ, что одинъ его пріятель русскій говорилъ ему по поводу восточной войны: «Я желаю, чтобы Россія потерпѣла пораженіе; вы сочтете это за непатріотическое чувство съ моей стороны. Напротивъ, я люблю мое отечество и желаю ему военнаго униженія, потому что отъ этого произойдетъ неминуемое воскресеніе моей родины. Ничто, кромѣ ужасной катастрофы, не можетъ до очевидности доказать всю гнилость бюрократіи, которая довела правительство до невозможности дальнѣйшаго существованія». Эти слова Веллеслэй вполнѣ примѣняетъ къ современному состоянію Россіи, но онъ совершенно ошибается, увѣряя, что ни одинъ просвѣщенный и здравомыслящій русскій не полагаетъ, что Россія дозрѣла до желаемой нѣко-

торыми безумцами реформы—введенія представительнаго правительства. Онъ считаетъ, что единственная возможная для Россіи реформа заключается въ медленномъ, осторожномъ, постепенномъ введеніи различныхъ улучшеній общественной жизни. И это онъ говорилъ въ концѣ декабря прошедшаго года, а черезъ полгода дѣйствительно осуществилась великая реформа—введеніе въ Россіи русской конституціи въ большей или меньшей степени.

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Князь В. П. Максутовъ. Исторія древняго Востока культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Египетъ и Финикія. Томъ I. Спб. 1905.

Лежащему передъ нами труду князя В. П. Максутова предпослано обширное предисловіе, на которомъ стоитъ остановиться нѣсколько подольше. Прежде всего необходимо отмѣтить, что авторъ придаетъ своему творенію чрезвычайно большое значеніе. Вотъ почему онъ и заявляетъ: «читатели даже не подозрѣваютъ, сколько времени и усилій потрачено нами, чтобы разобраться въ тѣхъ подчасъ существеннѣйшихъ вопросахъ, матеріалъ для которыхъ» и т. д. А времени и усилій потрачено было авторомъ, дѣйствительно, много. Во-первыхъ, ему пришлось поработать цѣлыхъ 8-мь лѣтъ (стр. XXVIII). Во-вторыхъ, разбирался онъ въ «источникахъ и пособіяхъ», количествомъ болѣе 130-ти (стр. XIX—XXIV), и въ ихъ числѣ даже въ произведеніяхъ Геродота, Кнезія, Страбона, Діодора и т. д. и т. д. Въ-третьихъ, «независимо отъ пользованія печатными источниками» автору «приходилось много работать по источникамъ рукописнымъ, разбирать іероглифическіе тексты и клинообразныя надписи». Въ-четвертыхъ, авторъ предпринялъ вѣдь «первый опытъ оригинальной исторіи древняго Востока при извѣстномъ равновѣсіи культурно-политическихъ и военныхъ началъ» (стр. XXV). Можно, однако, смѣло сказать, что напрасно князь В. П. Максутовъ тратилъ такъ много времени и усилій. Написать свою «Исторію древняго Востока» онъ могъ и въ менѣе продолжительный срокъ и при

меньшей затратѣ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, было совершенно излишне читать ему Геродота, Страбона и т. д., такъ какъ все, что написано имъ, онъ могъ написать и безъ знакомства съ ними: ничего новаго и существеннаго найти въ нихъ онъ не сумѣлъ, а все, что нашелъ, давнымъ давно использовано тѣми новѣйшими историками, которыми онъ самъ пользовался, какъ «источниками». Равнымъ образомъ совершенно напрасно авторъ тратилъ время на іероглифическія и клинообразныя письмена, а также и на чтеніе другихъ «рукописныхъ источниковъ», такъ какъ опять-таки въ трудѣ его нѣтъ рѣшительно ничего существеннаго и важнаго, чего бы нельзя было найти безъ всякихъ «рукописныхъ источниковъ» въ самыхъ распространенныхъ пособіяхъ по исторіи древняго Востока. Наконецъ, совсѣмъ напрасно авторъ считалъ необходимымъ прочитать то количество книгъ, которое онъ указываетъ, такъ какъ если бы изъ этого количества онъ взялъ всего лишь только книгъ 15 — 20, то работа его вышла бы нисколько не хуже, а самъ бы онъ не былъ принужденъ дѣлать меланхолическое замѣчаніе, что «читатели даже не подозрѣваютъ, сколько времени и усилій» и т. д. Достаточно назвать труды такихъ знатоковъ древности, какъ Э. Мейеръ, Масперо, Дюмихенъ, Эрманъ, Бругшъ, Перро и Шипье, Тураевъ и т. д., чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости нашего утвержденія. Къ этому при извѣстной строгости требованій, которыя можно было бы предъявить къ лежащему передъ нами «труду», не рискованно было бы, пожалуй, прибавить, что князь В. П. Максутовъ могъ бы найти все нужное для его книги въ пособіяхъ, существующихъ на одномъ лишь русскомъ языкѣ, не прибѣгая къ помощи «такъ равно и иностранныхъ». Теперь приглашаемъ читателя взглянуть на самый списокъ «главнѣйшихъ источниковъ и пособій, какъ русскихъ, такъ равно и иностранныхъ» (стр. XIX — XXIV). Опытному глазу нетрудно замѣтить сразу, что этотъ списокъ составленъ съ величайшими претензіями. Къ чему было нашему автору называть, напримѣръ, такія сочиненія, какъ Андерсена, Адамантова, Гюнтера, Гелльвальда, Дюкудре, Кольба, Корелина, Ковнера, Мензиса, Мармери и т. д. и т. д.? Неужели авторъ такъ наивенъ, что въ этихъ элементарныхъ популярныхъ книгахъ видитъ «главнѣйшіе источники и пособія», или считаетъ своихъ читателей столь невѣжественными, что они не увидятъ сразу, на какіе пустяки тратилъ время «ученый оріенталистъ», и какую, наоборотъ, массу капитальнѣйшихъ вещей по тѣмъ самымъ вопросамъ, которымъ посвящены книги названныхъ авторовъ, оставилъ безъ вниманія, если только, конечно, онъ даже подозрѣваетъ о существованіи ихъ? Въ этомъ можно убѣдиться даже по такой популярной, всего только въ 184 стр., книжкѣ, какъ «Geschichte Aegyptens» Bissing'a (Berlin, 1904), въ примѣчаніяхъ къ которой можно найти рядъ указаній на очень важные «источники и пособія», оставшіеся нашему «историку» неизвѣстными. Не говоримъ уже о такихъ изданіяхъ, какъ «Orientalische Bibliographie» (Berlin, 1887 и далѣе), «Jahresbericht des Geschichtwissenschaft» (Berlin, 1880 и далѣе) и другія. Обратимся къ предисловію. Остановимся на нѣкоторыхъ мѣстахъ его, особенно ярко иллюстрирующихъ, насколько авторъ разбираемой книги оказывается подготовленнымъ для осуществленія поставленной имъ себѣ задачи.

На стр. V читаемъ: «Археологія есть прислужница исторіи, и съ этой точки зрѣнія имѣетъ право на существованіе лишь постольку, посколеку она занимаетъ мѣсто въ свитѣ исторіи, иначе же названная наука, составляя пищу археологическихъ червячковъ и перезубрившихъ диллентантовъ, становится просто-на-просто предметомъ празднаго любопытства. То же самое относится и до остальныхъ спутницъ исторіи—филологіи и нумизматики обязанныхъ своимъ научнымъ характеромъ, благодаря связи ихъ съ исторіей». Спрашивается, почему археологія можетъ или не можетъ имѣть «право»? О какомъ такомъ «правѣ» можетъ быть тутъ разговоръ? О какой такой «свитѣ» исторіи говоритъ авторъ? Почему въ число «остальныхъ» попали только филологія и нумизматика? Подозрѣваетъ ли авторъ, что никакой «свиты» у исторіи нѣтъ и не было? Знаетъ ли онъ, въ чемъ особенности исторической науки, что такое исторія? Вотъ онъ и трудъ свой считаетъ «исторіей» и думаетъ, что она «не пища археологическихъ червячковъ и перезубрившихъ диллетантовъ», что она не плодъ и не «предметъ празднаго любопытства». А между тѣмъ, что можетъ быть болѣе мертвенно и праздно, чѣмъ эта его «исторія»? Что можетъ быть столь чуждо исторіи, столь далеко отъ исторіи, какъ науки, какъ она? Знаетъ ли авторъ, что такое филологія, которую считаетъ «спутницей» исторіи? Филологія — спутница исторіи! Филологія «обязана своимъ научнымъ характеромъ» «связи съ исторію»! А что такое научный характеръ? Научнаго ли характера кипа нашего «оріенталиста», или нѣтъ? Авторъ, конечно, не сомнѣвается въ научности ея характера. Мы же не только сомнѣваемся, но ясно видимъ, что въ ней никакой науки нѣтъ и малѣйшаго слѣда.

На той же V стр. авторъ пишетъ: «Почерпая руководящія данныя и суммируя результаты, достигнутые археологическими и филологическими изысканіями, мы въ то же время придерживались строго историческего метода, избѣгая всякой спеціализаціи и лишь опираясь на матеріалъ, добытый путемъ раскопокъ и подлежащій соотвѣтственной научной комбинаціи, вытекающей изъ итога научныхъ изслѣдованій, насколько послѣднія оказались въ состояніи привести къ тѣмъ или другимъ выводамъ». Можно смѣло сказать, что въ книгѣ, написанный по какому бы то ни было научному методу, подобной тирады—этого хаоса понятій и словъ—встрѣтить нельзя было бы. Авторъ придерживался «строго историческаго метода»! Любопытно бы знать, въ чемъ онъ этотъ методъ видитъ? Что такое, по его представленіямъ, историческій методъ? Книга его на этотъ вопросъ никакого рѣшительно отвѣта не даетъ, кромѣ того, что подобное произведеніе съ успѣхомъ можно было бы написать не только безъ историческаго, но и всякаго другого метода. Едва ли можно признать такой отвѣтъ хоть сколько нибудь удовлетворительнымъ даже для «оріенталиста», особенно въ наше время, когда въ области теоретическихъ вопросовъ исторической науки идетъ такая оживленная разработка какъ разъ вопроса о методахъ познанія и изслѣдованія прошлыхъ судебъ человѣчества.

На стр. VI: «Нельзя упускать изъ виду, что обоснованное знаніе состоитъ не въ томъ только, чтобы познать, какова данная вещь, но и въ томъ, чтобы знать, почему она не можетъ быть иной. Вотъ объ это-то «почему» нерѣдко спотыкается историкъ-изслѣдователь даже ближайшей къ нашему времени

эпохи, что же можно сказать про оріенталиста, зашедшаго въ полурасчищенныя восточныя дебри?» Но самъ-то князь В. П. Максутовъ спотыкается не только объ это кажущееся ему столь фатальнымъ «почему» (во всей его книгѣ нѣтъ ни одного факта, относительно котораго нельзя было бы сказать, что «вѣдь можетъ быть иной», и что даже онъ можетъ не быть и вовсе), но и «неумѣніе» свое, гораздо въ большей степени для него фатальное, чѣмъ всякое «почему»: доказательство — каждая страница его книги. Но и помимо всего этого выписанныя слова производятъ комическое впечатлѣніе еще и тѣмъ, что въ нихъ вылилось довольно опредѣленнымъ образомъ непониманіе не только того, что такое вообще обоснованное знаніе, но и того, въ чемъ заключается историческое познаніе: «какова данная вещь», «почему она не можетъ быть иной» —все это сплошное недоразумѣніе для историка.

Минуя глубокомысленныя замѣчанія автора о значеніи въ исторіи и цивилизаціи военнаго искусства, отличающіяся удивительною архаичностью [1]), и столь замѣчательныя откровенія, какъ «ходъ исторической жизни народовъ не можетъ развиваться тамъ систематически, какъ какое нибудь сочиненіе» (въ этомъ смыслѣ съ даннымъ афоризмомъ соперничаютъ другія изреченія автора, касающіяся генеральнаго штаба, — напримѣръ, «академія не фабрикуетъ военныхъ талантовъ» и т. п., см. стр. 313), остановимся еще на двухъ-трехъ болѣе замѣчательныхъ мѣстахъ «предисловія».

На стр. XIV—XVI авторъ съ величайшимъ апломбомъ говоритъ объ общихъ вопросахъ исторической науки. Онъ заявляетъ, что «стричь историческіе факты подъ одну гребенку» нельзя. Но главнымъ образомъ оказывается тогда, когда мы натыкаемся «на безчисленныя противорѣчія, разобраться въ которыхъ не такъ-то легко». Только «стриженіемъ фактовъ» (вотъ стиль-то!) и достигается «цѣльность и послѣдовательность», которыя, конечно, «качества весьма почтенныя», но едва ли, по авторитетному мнѣнію оріенталиста, необходимыя: вѣдь де «стричь нельзя». И далѣе: «Конечно, немало попадалось и попадается тенденціозныхъ историковъ (стоитъ только вспомнить Ланфре), которые гнули и гнутъ историческую истину съ полнымъ произволомъ, играя фактами и прячась подъ каскадъ заученныхъ словечекъ, но слѣдовать примѣру подобныхъ историковъ едва ли для кого назидательно». «Что стричь фактовъ нельзя» ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ—это тезисъ, дѣлающій безспорно большую честь глубокомыслію и научности автора: возраженій эта мысль не вызываетъ. Но едва ли нашъ «оріенталистъ» правъ въ своихъ замѣчаніяхъ насчетъ «цѣльности и послѣдовательности». Спорить въ данномъ случаѣ, впрочемъ, даже и не приходится, такъ какъ тутъ возможно лишь поученіе, что̀ мы и дѣлаемъ. 1) Цѣльность и послѣдовательность, г. оріенталистъ, достигаются далеко не тѣмъ, что рѣшаются «стричь» и т. д.

---

[1]) Князь В. П. Максутовъ при этомъ и ссылается-то, какъ на авторитетъ, на г. В. Заболотнаго, написавшаго нѣсколько претенціозныхъ книжекъ въ родѣ «Что такое война». Глубокое и безпредѣльное невѣжество — научное и философское, крайнее непониманіе исторіи, поразительная ограниченность знаній—вотъ общая характеристика произведеній этого столь типичнаго въ наше время «философа» въ предѣлахъ своей касты.

Можно и не «стричь» и достигать цѣльности и послѣдовательности. 2) «Послѣдовательность и цѣльность», г. оріенталистъ, качества необходимыя даже для школьника. Запомните: много сочиненій—цѣльныхъ, послѣдовательныхъ и тенденціозныхъ и тѣмъ не менѣе классическихъ, и немало всякой дребени безъ всякой тенденціи, послѣдовательности и цѣльности. Что такое, напримѣръ, трудъ князя В. П. Максутова? тенденціозное, послѣдовательное и цѣльное произведеніе, или нѣтъ? Но напомнимъ, что относительно всякой книги прежде этого вопроса возникаетъ всегда другой болѣе простой и естественный вопросъ: «дребедень это или нѣтъ?» Если дребедень, то не все ли равно тенденціозна, цѣльна, послѣдовательна она, или нѣтъ? И тенденціозная и нетенденціозная дребедень прежде всего и всего только есть дребедень. Какое же намъ дѣло до того, что авторъ не играетъ фактами, разъ факты играютъ имъ, что у него нѣтъ «каскада заученныхъ словечекъ», разъ у него и ничего нѣтъ, кромѣ оригинальныхъ словечекъ? И въ этомъ случаѣ можно ли еще говорить о назидательности или неназидательности Ланфре? Неужели этому «тенденціозному» историку предпочесть нетенденціознаго автора разбираемой книги? И у нашего «оріенталиста» хватило мужества своими презрительными замѣчаніями о «каскадѣ словечекъ» возбуждать столь рискованные для него вопросы! Поистинѣ мужество!

На стр. XV—XVI читаемъ: «Не прикладывая къ исторіи колыбели человѣческой цивилизаціи экономическаго и соціальнаго масштаба (что за масштабъ?) и не выводя произвольныхъ заключеній о рѣшающемъ значеніи указанныхъ факторовъ (масштабъ оказывается факторами!) на судьбу вымершихъ націй, мы полагаемъ, что разъ задача исторіи сводится къ изображенію прошлой жизни общества, охватывая всѣ стороны его быта, то единственно правильной точкой зрѣнія на дѣятельность и развитіе этого общества не можетъ не явиться только одна точка зрѣнія—всемірно-историческая!» Что за «каскадъ», какой хаосъ! Экономическій и соціальный «масштабъ» — съ одной стороны, всемірно-историческая точка зрѣнія—съ другой! Два якобы взаимно исключающихъ другъ друга полюса! И это мы слышимъ изъ устъ столь строгаго судьи Ланфре и «тенденціозности!» Какъ будто бы соціальный и экономическій «масштабъ» не совмѣстимъ съ всемірно-исторической точкой зрѣнія! Какъ будто бы антитезой къ всемірно-исторической точкѣ зрѣнія является этотъ «масштабъ»! Все это не только странно, но едва ли даже не невѣжество. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно того, что, по мнѣнію автора, только при одной всемірно-исторической точкѣ зрѣнія можно «охватить» всѣ стороны общества. Какъ жаль, что авторъ, прежде чѣмъ говорить «каскадъ словечекъ», не познакомился съ одной очень популярной среди гимназистовъ старшихъ классовъ книжкой, въ которой онъ нашелъ бы вполнѣ ясное и доступное объясненіе и «масштаба» и «всемірно-исторической точки зрѣнія»! И послѣ этого у автора поворачивается языкъ сказать: «Руководствуясь высказанными соображеніями, мотивированными, надѣемся, въ достаточной степени». и т. д. Онъ высказалъ соображенія! Онъ ихъ достаточно мотивировалъ!

Хотя много любопытнаго можно бы было сказать еще по поводу «предисловія», но мы остановимся еще лишь на одномъ только мѣстѣ его, именно на

стр. XXVI, гдѣ можно найти слѣдующія слова, полныя комизма, приводящія читателя въ веселое настроеніе и не оставляющія никакого сомнѣнія насчетъ того, что авторъ просто хотѣлъ пошутить: «Помнится,—пишетъ онъ,—покойный А. П. Агапѣевъ, безвременно погибшій геройской смертью на «Петропавловскѣ», ознакомившись въ рукописи съ одной изъ главъ настоящаго сочиненія, выразилъ свое мнѣніе о нашей манерѣ писать въ слѣдующихъ словахъ: «Между нами говоря, у тебя слишкомъ много перцу и претенціозности, но все же для твоей работы это гораздо лучше, нежели сухія и безжизненныя разглагольствованія, дѣйствующія на читателей, какъ снотворный гипнозъ». Нисколько не прячась за авторитетъ даровитаго профессора и лихого офицера генеральнаго штаба, орлиный взоръ котораго вдумчиво всматривался въ глубь жизни, мы не можемъ не подчеркнуть, что въ вышеприведенной фразѣ заключается все, что намъ необходимо высказать по поводу слога, принятаго въ предлагаемомъ сочиненіи, во всякомъ случаѣ вполнѣ корректнаго и допустимаго въ исторической литературѣ». Комментаріи, какъ говорится, излишни,—тѣмъ болѣе, что нельзя же думать, что авторъ, столь серьезно настроенный и столь авторитетно говорящій о «масштабѣ», «точкахъ зрѣніяхъ», «каскадѣ» и т. д., не шутилъ въ данномъ случаѣ. Онъ шутилъ, шутилъ, конечно,—не болѣе [1])!

Обращаемся къ содержанію книги. При первомъ даже самомъ поверхностномъ просмотрѣ книги поражаетъ прежде всего одно обстоятельство. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что стремленіе удешевить изданіе побудило его ограничить, по возможности, количество ссылокъ (стр. XXIV). Казалось бы поэтому, что онѣ будутъ сдѣланы лишь въ случаяхъ чрезвычайныхъ и особенно спорныхъ. Но въ такихъ именно случаяхъ нѣтъ почти никакихъ ссылокъ, а въ случаяхъ маловажныхъ и совсѣмъ неважныхъ, наоборотъ, встрѣчаются въ изобиліи, и при томъ на сочиненія большею частью элементарнаго характера. Правда, въ предисловіи авторъ говоритъ, что въ списокъ вошли только «главнѣйшіе матеріалы», но «что же касается болѣе мелкихъ», то «на нихъ сдѣланы ссылки въ соотвѣтственныхъ выноскахъ» (стр. XXIV). Такимъ образомъ слѣдовало бы думать, что если авторъ дѣлаетъ ссылки на «мелкія пособія», то только потому, что ихъ нѣтъ въ спискѣ. На самомъ же дѣлѣ въ немъ встрѣчаются почти всѣ «пособія», на которыя сдѣланы ссылки. Возьмемъ на удачу

---

[1]) Образцы «принятаго» слога, въ которыхъ «покойный А. П. Агапѣевъ, орлиный взоръ котораго» и т. д. видѣлъ «перецъ». Стр. 70: «отлично умѣя скрывать свои волчьи мысли подъ овечьими шкурами и фабрикуя для массы елейно-археологическіе идеалы, жрецы (египетскіе)» и т. д. «Ихъ (жрецовъ) зачерствѣлое, постное сердце»: Стр. 95: «Египетъ былъ зараженъ какимъ-то чиновничьимъ сифилисомъ, который разъѣдалъ истерзанное и помятое жизнью государство». Стр. 97: «чиновниковъ, пропитанныхъ испареніями хамства, низостей и карьеризма», и др. Есть и образцы «оріенталистическаго» юмора. Такъ, на стр. 101: «Законодатель имѣлъ въ виду подобнымъ физическимъ уродствомъ лишить адюльтрису вѣроятной возможности обольщать сильную половину рода человѣческаго, основательно разсуждая, что безносая женщина для мужчины «совсѣмъ не находка» и др. «Перецъ» все въ такомъ родѣ. Однако какой дешевый и недоброкачественный «перецъ»!

примѣры. На стр. 3-й находимъ: «Времена года въ странѣ регулируются Ниломъ, безчисленныя поколѣнія существуютъ и живутъ своей исторической жизнью только потому, что Нилу изъ года въ годъ угодно повторять свою великую творческую работу». И къ этой тирадѣ подъ текстомъ сноска: Мечниковъ, стр. 193. Представляла ли эта тирада какую либо особенную важность, что понадобилось ея оправданіе, хотя авторъ и рѣшилъ «удешевить» свою книгу? Почему оказалось необходимымъ указать въ данномъ случаѣ на книгу Мечникова, а не на учебникъ, напримѣръ, г. Иловайскаго, гдѣ также можно найти оправданіе авторскаго тезиса о Нилѣ? Тезисъ отъ этого, право же, ничего бы не проигралъ въ своей «научной» достовѣрности. На стр. 45-й: «Двѣ породы животныхъ, живущихъ теперь на берегахъ Нила, именно лошадь и верблюдъ, совсѣмъ не встрѣчаются на памятникахъ древнѣйшей эпохи и составляютъ какъ бы пріобрѣтеніе позднѣйшихъ временъ», и—никакой ссылки, хотя у Масперо читаемъ: «Двѣ, по крайней мѣрѣ, породы животныхъ, живущихъ на берегахъ Нила, именно лошадь и верблюдъ, не встрѣчаются на памятникахъ древнѣйшихъ династій и, вѣроятно, появились, спустя долгое время послѣ основанія государства» (см. Масперо: «Древняя исторія», русскій переводъ, М., 1895, стр. 8). На стр. 48-й нашъ авторъ дѣлаетъ предположеніе чрезвычайно авторитетное, что «крокодилы, преслѣдуемые огнестрѣльнымъ оружіемъ и прогрессивно увеличивающимся развитіемъ пароходства, надо полагать, въ близкомъ будущемъ должны будутъ совсѣмъ скрыться за второй водопадъ». Между тѣмъ это предположеніе принадлежитъ Марьетту, какъ и мотивировка почти въ т ѣ х ъ ж е с а м ы х ъ с л о в а х ъ. Ссылки никакой! Въ спискѣ на соотвѣтствующую работу Марьетта указанія также никакого! А у Масперо можно найти и эту ссылку, и это указаніе, и выписку. Но и на Масперо никакихъ ссылокъ! Въ этомъ отношеніи типична для книги и 12-я стр., гдѣ, говоря о Лабиринтѣ, авторъ ссылается на Страбона, тогда какъ слово въ слово все сказанное имъ можно найти у Масперо (указанное сочиненіе, стр. 109-я) съ ссылкой на того же самаго Страбона. Къ чему же было утруждать себя Страбономъ? И все въ такомъ родѣ и все въ случаяхъ, передъ которыми въ недоумѣніи останавливаешься съ вопросомъ: «почему именно здѣсь ссылка, а не въ другомъ мѣстѣ?» И встаетъ этотъ вопросъ тѣмъ настоятельнѣе, что въ случаяхъ, положительно требующихъ подтвержденія, нашъ авторъ «удешевляетъ» книгу. Напримѣръ, на стр. 90: «приводимъ составленную нами таблицу номовъ». Составленную нами! По какимъ источникамъ?! Вотъ тутъ бы ссылку, тѣмъ болѣе, что въ той же книгѣ Масперо, на стр. 17-й—23-й можно найти безъ особеннаго труда и «метода» почти весь списокъ номовъ (см. также Дюмихенъ «Gesch. d. Alt. Aegypt.», т. I). Можно было бы эти примѣры увеличить до безконечности, если бы и приведенныхъ было не слишкомъ достаточно для характеристики книги. Впрочемъ, все это можно было бы не ставить въ счетъ автору, если бы его трудъ отличался какими либо другими внутренними достоинствами. Но въ томъ-то и дѣло, что это какое-то уродливое нагроможденіе фактовъ, грубо аляповатая компиляція, разбивающаяся на отдѣльныя главы безъ всякой связи, вытекающей изъ какой либо опредѣленной идеи или какого бы то ни было опредѣленнаго научнаго интереса. Авторъ

претендуетъ дать работу общаго характера — «изображеніе прошлой исторической жизни Востока и процесса развитія его культуры». Но никакого «процесса» въ его книгѣ нѣтъ. Есть въ ней лишь факты, которые можно найти и въ другихъ пособіяхъ, написанныхъ къ тому же людьми, болѣе вооруженными научно. Авторъ не сумѣлъ обработать имѣвшагося у него матеріала. Онъ громоздитъ никому ненужныя мелочи, не умѣетъ отдѣлить важнаго отъ пустяковъ. Правда, авторъ думаетъ, что его книга—«первый опытъ оригинальной исторіи древняго Востока». Но неужели она потому оригинальна, что написана на русскомъ языкѣ? Что намъ до такой оригинальности, если она ничѣмъ не лучше и гораздо хуже существующихъ переводныхъ сочиненій, если нисколько не болѣе содѣйствуетъ пониманію исторіи древняго Востока, чѣмъ, напримѣръ, даже такія популярныя сочиненія, какъ Икономова, Ганнушкина и др., при неизмѣримо меньшемъ объемѣ и меньшихъ претензіяхъ дающія гораздо болѣе «историческаго», чѣмъ дѣтище оріенталиста князя В. П. Максутова? Впрочемъ, авторъ оригинальность своей исторіи видитъ въ «равновѣсіи» культурныхъ, политическихъ и военныхъ «началъ» (?). Но что значитъ это равновѣсіе? Судя по книгѣ, оно заключается въ томъ, что къ нѣсколькимъ традиціоннымъ рубрикамъ прибавлена еще одна—«военное искусство». И это «оригинальность»! и въ этомъ «равновѣсіе»! Вѣдь можно взять пять разныхъ сочиненій по разнымъ вопросамъ, сшить ихъ вмѣстѣ въ одинъ томъ и думать, что это «равновѣсіе». Это — механическая, а не творческая работа. Не говоримъ уже о томъ, что философія автора относительно войны, культуры и т. п.—какая-то путаница понятій и словъ. Авторъ силится доказать, что военное искусство очень важно и т. п., а выходитъ у него нѣчто прямо-таки ужасное. Въ этомъ смыслѣ стр. 310—317 представляютъ собою нѣчто поразительное по сумбуру. Что же сказать объ отдѣлахъ книги, которые не такъ «спеціально» изучались авторомъ, объ этой пустынѣ, объ оазисахъ, по отсутствію въ нихъ какой бы то ни было живой мысли? Если ко всему этому прибавить, что изложеніе и по формѣ нѣчто ужасное, именно ужасное, то книгѣ такимъ образомъ будетъ сдѣлана полная характеристика. На этомъ мы и покончимъ, хотя и любопытно было бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, что книга нашего автора читалась въ рукописи и рецензировалась въ рукописи же профессоромъ академіи генеральнаго штаба, П. А. Гейсманомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, что сочиненіе было представлено на разсмотрѣніе генеральнаго штаба, и что, наконецъ, князю Максутову было штабомъ «ассигновано небольшое пособіе» для напечатанія его книги. Любопытно было-бы по этому поводу поставить рядъ любопытнѣйшихъ вопросовъ, но мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ для этого мѣста и можемъ лишь воскликнуть: «такъ вотъ что одобряется въ наше время! о времена, о нравы!»—воскликнуть безъ особеннаго негодованія, ибо не ново все это, тѣмъ болѣе безъ негодованія, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, и что публика-то, не имѣющая голоса при назначеніи субсидій и прочихъ благъ, отлично оцѣнитъ одобренныя въ рукописи сочиненія, а судьба послѣднихъ — тихая смерть въ пыли авторской библіотеки.

N. N.

Ч. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Переводъ М. В. Лучицкой подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Изданіе 2-е. Спб. 1904.

Книга Файфа, появившаяся въ русскомъ переводѣ въ концѣ 1880-хъ гг., давно уже была распродана, и г. Пирожковъ удовлетворилъ насущной потребности, выпустивъ теперь въ свѣтъ второе ея изданіе. Конечно, сочиненіе Файфа не можетъ въ данный моментъ возбудить къ себѣ въ русской читающей публикѣ такой же интересъ, какъ при первомъ изданіи. Въ концѣ 1880-хъ, въ началѣ 1890-хъ гг. исторія Файфа являлась первымъ серьезнымъ научнымъ трудомъ по исторіи XIX вѣка. Съ тѣхъ поръ наша литература по этой эпохѣ обогатилась нѣсколькими очень цѣнными трудами: были переведены сочиненія Сеньобоса, Эндрьюса и Марешаля, и появился далеко превосходящій ихъ по своимъ научнымъ достоинствамъ оригинальный трудъ—IV и V томы «Исторіи Западной Европы» профессора Н. И. Карѣева, посвященные событіямъ съ 1799 по 1870 годъ. Тѣмъ не менѣе и теперь Файфъ съ честью выполнитъ задачу—познакомить читателя съ выдающимися явленіями новѣйшей исторіи. Файфъ начинаетъ изложеніе съ 1792 г., съ перваго столкновенія революціонной Франціи съ Европой, и доводитъ его до Берлинскаго конгресса 1878 года. Сочиненіе свое онъ дѣлитъ на три части: съ 1792 до 1814 г., съ 1814 до 1848 г. и съ 1848 г. до 1878 г. (Въ первомъ изданіи Солдатенкова каждая часть составляла отдѣльную книгу; въ изданіи г. Пирожкова всѣ три части соединены въ одинъ компактный томъ). Авторъ основывается въ изложеніи событій не только на сочиненіяхъ, посвященныхъ различнымъ явленіямъ исторіи XIX вѣка, но и на богатомъ матеріалѣ архивовъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Это даетъ книгѣ Файфа особую цѣнность: она является одновременно и обобщающимъ трудомъ, и самостоятельнымъ изслѣдованіемъ во многихъ отношеніяхъ. Хотя автора и нельзя упрекнуть въ недостаткѣ остроты взгляда на свою задачу, и его исторія несомнѣнно является не совокупностью исторій отдѣльныхъ странъ, а исторіей всей Европы, какъ единаго цѣлаго, тѣмъ не менѣе читатель въ нѣкоторыхъ вопросахъ остается неудовлетвореннымъ. Какъ и громадное большинство сочиненій по исторіи XIX вѣка, появляющихся за границей, книга Файфа посвящена только политической исторіи. Явленія культурной и соціальной исторіи совсѣмъ не занимаютъ автора, и, если онъ ихъ затрагиваетъ, то только вскользь. Вдобавокъ, самый матеріалъ, надъ которымъ оперировалъ Файфъ, до извѣстной степени опредѣлилъ характеръ изложенія. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на дипломатическихъ переговорахъ и международныхъ вопросахъ, на войнахъ и трактатахъ, внутреннему же развитію государствъ посвящаетъ сравнительно мало мѣста. Одинъ изъ самыхъ яркихъ дефектовъ въ этомъ отношеніи представляетъ изложеніе исторіи родины самого Файфа. Мы узнаемъ подробно о роли, которую играла Англія въ XIX вѣкѣ въ Европѣ, но во всей книгѣ находимъ только одну страницу, посвященную внутренней исторіи Англіи и излагающую вопросъ о парламентской реформѣ 1832 года. Зато въ той области, которая наиболѣе интересуетъ Файфа, онъ является большимъ масте-

ромъ. Главы, посвященныя описанію сложныхъ дипломатическихъ вопросовъ такъ же, какъ и изложенію важнѣйшихъ международныхъ столкновеній, читаются съ живымъ интересомъ. Характеристики главныхъ дѣятелей ярки и удачны, ненужныя подробности отдѣльныхъ событій оставлены въ сторонѣ, и вниманіе сосредоточено только на главныхъ моментахъ описываемыхъ явленій. Особенно удались автору главы, посвященныя Крымской войнѣ 1853—1856 годовъ и русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ. Но самымъ лучшимъ мѣстомъ всей книги является исторія объединенія Италіи, гдѣ разсказъ, оставаясь строго научнымъ, достигаетъ драматической выпуклости. За достоинства перевода ручается уже имя редактора перевода. V.

Г. Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина. Переводъ подъ редакціей А. Э. Вормса. Изданіе «Библіотеки для самообразованія». М. 1905.

Брошюра извѣстнаго нѣмецкаго государствовѣда Еллинека представляетъ собой небольшое изслѣдованіе о происхожденіи знаменитой французской деклараціи правъ человѣка и гражданина 1789 года. Обычное мнѣніе, установившееся по этому поводу, гласитъ такъ: дѣятели учредительнаго собранія, будучи идеалистами чистой воды, убѣжденные, что торжественное провозглашеніе правъ человѣка способствуетъ побѣдѣ свободы человѣка надъ произволомъ старыхъ порядковъ, изложили въ короткихъ статьяхъ деклараціи принципы, заимствованные изъ наиболѣе популярныхъ политическихъ сочиненій второй половины XVIII вѣка. Еллинекъ не согласенъ съ такимъ мнѣніемъ. Сличеніе текста французской деклараціи съ евангеліемъ французской революціи—«Общественнымъ договоромъ» Руссо, показываетъ, какъ мало связи между ними. Еллинекъ обращается тогда къ Деклараціи независимости Сѣверо-Американскихъ Штатовъ 1776 г. и къ биллямъ и деклараціямъ правъ, поставленнымъ во главѣ конституцій отдѣльныхъ штатовъ и изданнымъ за время съ 1779 по 1784 годъ. На этотъ разъ сравненіе текстовъ даетъ результаты противоположные: американскія деклараціи именно и являются источникомъ французской. Добившись такого вывода, Еллинекъ старается объяснить происхожденіе такихъ декларацій. Провозглашеніе общихъ правъ является попыткой ограниченія верховной власти государства, отмежеванія такой области, въ которую государство вмѣшиваться не смѣетъ. Источникомъ американскихъ конституцій, конечно, служитъ англійское законодательство. Между тѣмъ англійскіе законы никогда не признавали какихъ бы то ни было общихъ правъ и основныхъ началъ. Всѣ права личности основываются въ Англіи только на положеніи, что права свободы сводятся къ господству закона. Понятіе о субъективныхъ правахъ развилось уже на американской почвѣ въ колоніяхъ, основанныхъ пуританами въ XVII вѣкѣ. Первое право личности, провозглашенное стоящимъ выше всякихъ законовъ, было право свободы вѣроисповѣданія. Это обусловливалось религіозными преслѣдованіями XVII вѣка, которыя и служили главной причиной эмиграціи въ Америку. На ученіе объ остальныхъ неотъемлемыхъ

правахъ личности оказала сильное вліяніе теорія естественнаго права, пользовавшаяся общимъ признаніемъ юристовъ XVII и XVIII вѣковъ. XVII вѣкъ былъ временемъ религіозной борьбы. Въ эту эпоху для личности особенно дорогимъ являлось право религіознаго самоопредѣленія. Въ XVIII вѣкѣ при ростѣ общественнаго самосознанія и гнетѣ стараго порядка личности не менѣе интенсивно ощущали необходимость гарантій другихъ правъ — обезпеченія свободы мысли, слова, собраній, личной безопасности и участія народныхъ представителей въ пользованіи верховными правами. Эти политическія потребности вмѣстѣ съ ученіемъ о естественномъ правѣ и явились источниками декларацій конца XVIII вѣка. Въ Америкѣ, издавая свои билли и деклараціи, американцы только торжественно провозглашали тѣ права, которыми они издавна пользовались. Въ отличіе отъ нихъ французы хотѣли создать то, чего у нихъ еще не было, учрежденія, которыя соотвѣтствовали бы воспринятымъ основнымъ положеніямъ. Извѣстно, какъ мало дальнѣйшая дѣйствительность соотвѣтствовала высокимъ началамъ деклараціи 1789 г., и какъ сначала деспотизмъ якобинцевъ, а затѣмъ желѣзная рука Наполеона возстановили на практикѣ всемогущее государство, не признающее никакихъ границъ своей власти во имя общественнаго блага. «И все-таки несомнѣнно,— говоритъ Еллинекъ,—что эти начала не получили бы признанія внѣ Америки, если бы Франція не восприняла и не распространила ихъ. Нынѣ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ за индивидомъ закономъ обезпеченъ опредѣленный кругъ правъ, и общественныя учрежденія всюду проникнуты убѣжденіемъ, что у отдѣльной личности есть права даже по отношенію къ столь могущественной государственной власти,—всему этому Франція оказала огромное содѣйствіе независимо отъ того, каковы были непосредственныя практическія послѣдствія французской деклараціи правъ въ самые дни революціи» (74—75).

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе брошюры Еллинека. Ясный, сжатый языкъ, строгая научность изложенія и прекрасный русскій переводъ заставляютъ особенно рекомендовать его книгу, какъ всѣмъ, изучающимъ исторію французской революціи, такъ и всѣмъ, интересующимся вообще вопросомъ о неотъемлемыхъ правахъ личности въ современномъ всемогущемъ государствѣ. V.

М. Н. Сперанскій. Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. 1904.

Въ старой славянской и русской письменности замѣтной популярностью пользовались сборники изреченій, афоризмовъ, пословицъ, назидательныхъ сентенцій и т. д., иногда взятыхъ цѣликомъ изъ морали священныхъ книгъ, изъ сочиненій античныхъ «философовъ», изъ аскетическихъ твореній церковныхъ писателей; иногда же составленныхъ изъ юмористическихъ народныхъ поговорокъ. Такіе альманахи носили обыкновенно цвѣтистыя названія въ родѣ «Пчелы», «Премудрости философской», «Разумѣній единострочныхъ», «Рѣчей избран-

ныхъ», «Стословцевъ», «Разумовъ», «Цвѣтовъ дарованій» и другихъ. Въ большинствѣ случаевъ эти сборники приписывались извѣстнымъ авторитетамъ христіанской или классической древности; иногда были анонимны, при чемъ изреченія шли въ альфавитномъ порядкѣ начальныхъ буквъ изреченій или же распредѣлялись по содержанію. Значеніе этихъ сборниковъ опредѣляется не только тѣмъ, что старинный книжникъ имѣлъ подъ руками готовыя изреченія на любую тему—интересный матеріалъ для назидательнаго чтенія. Очень часто онъ пользовался ими для своихъ самостоятельныхъ работъ и импонировалъ фиктивнымъ знакомствомъ съ греческой литературой. Отсюда и происходили крупныя ошибки нашихъ изслѣдователей, которые довѣряли ссылкамъ русскихъ или славянскихъ авторовъ на Гомера, Аристотеля, Діогена, Сократа, Плутарха и т. д., и рѣшали, что данный авторъ былъ начитанъ въ классической литературѣ. На самомъ дѣлѣ авторы брали эти изреченія изъ указанныхъ сборниковъ уже въ готовомъ видѣ. Такихъ ошибокъ можно указать много. Иногда старые писатели комбинировали изреченія въ томъ порядкѣ и съ тѣмъ подборомъ, какой имъ представлялся лучшимъ въ назидательныхъ или литературныхъ цѣляхъ,—и получались полубеллетристическія, полушутливыя произведенія, самостоятельныя только по замыслу и основному настроенію. Припомнимъ хотя бы «Моленіе» Даніила Заточника. Но въ большинствѣ случаевъ сборники изреченій были переводные съ греческаго, возникшіе на славянскомъ югѣ или на Руси.

Библіографическій обзоръ этихъ сборниковъ, изданіе нѣкоторыхъ текстовъ по рукописямъ, опредѣленіе греческихъ оригиналовъ и редакцій, предположеніе о времени переводовъ и дальнѣйшихъ измѣненій уже на славянской почвѣ мы находимъ въ капитальномъ трудѣ профессора М. Сперанскаго, извѣстнаго работника въ области старой славяно-русской письменности. Въ огромномъ томѣ изслѣдователь разсматриваетъ внѣшнюю исторію сборниковъ изреченій, ограничившись пока лишь тѣми, которые носятъ свѣтскій характеръ, даютъ, житейскую мораль, а не отвлеченную христіанско-церковную. Какъ матеріалъ, книга г. Сперанскаго заслуживаетъ полнаго вниманія, и ея научный интересъ не подлежитъ сомнѣнію; конечно, для неспеціалистовъ она даетъ мало. Авторъ не говоритъ о содержаніи изреченій, о характерѣ всего сборника, не указываетъ идеи, которою руководствовался тотъ или иной собиратель, не объясняетъ пропуска тѣхъ или иныхъ изреченій въ извѣстной редакціи или спискѣ и т. д., однимъ словомъ, умалчиваетъ какъ разъ о томъ, что больше всего интересно для общихъ выводовъ. Было бы желательно, чтобы кто нибудь взялъ на себя трудъ продѣлать эту именно работу. Она показала бы, какими интересами жило старинное общество, какой кругъ знаній былъ у книжниковъ, насколько жизненны или мертвы были книжныя сокровища, взятыя нами изъ Византіи, что̀ новаго давали они нашей самостоятельной письменности и т. д. Все это послужило бы популяризаціи нашей древней литературы, которую широкая публика слишкомъ мало знаетъ, а иногда и совсѣмъ не признаетъ. **А. Я.**

Александръ Бенуа. Русская школа живописи. Выпуски VI—X. Изданіе товарищества Р. Голике и А. Вильборга. Спб. 1904—1905.

Исторія русскаго искусства давно нуждается въ подобномъ изданіи, и мы могли бы привѣтствовать первые выпуски, если бы не знали credo Александра Бенуа и наиболѣе слабыхъ сторонъ его «Исторіи русской живописи въ XIX вѣкѣ», изданной два года тому назадъ. Авторъ подводитъ итогъ прошлому вѣку и произноситъ суровой приговоръ всему, что было отмѣчено такъ или иначе идеей, хотя и обладало чисто живописными достоинствами. При такомъ условіи, конечно, трудно оглядываться на пройденный путь, почти нельзя безпристрастно оцѣнить событія за извѣстный промежутокъ времени, такъ какъ область изученій еще не принадлежитъ исторіи, не сдѣлалась ея достояніемъ. Правда, не легко опредѣлить хотя бы самый приблизительный «срокъ давности» въ сферѣ изученія литературы или искусства. При обозрѣніи же «столѣтій» мы должны говорить о времени, слишкомъ близкомъ, говорить о томъ прошломъ, результатами котораго живемъ еще сами, отъ котораго еще не отрѣшились. Мы хотимъ быть судьями того наслѣдія, которое добыто для насъ же предшествующимъ поколѣніемъ, и которымъ мы продолжаемъ широко пользоваться. Однимъ словомъ, писать «исторію» недавняго прошлаго, не порвавъ связи съ нимъ, почти невозможно.

Вотъ почему, повторяемъ, нелегко судить о тѣхъ направленіяхъ нашей живописи, которыя слишкомъ дороги намъ по своимъ задачамъ и вполнѣ познаны по результатамъ: мы разумѣемъ живопись освободительной эпохи и ея мастеровъ. Нужно обладать даромъ предвѣдѣнія, чтобы приговоръ оказался безпристрастнымъ. Но г. Бенуа не задумался взять на себя эту роль и называетъ «плодами мертвенной школьной рутины» произведенія того направленія, которое являлось идейнымъ, прогрессивнымъ, которое связано съ шестидесятыми годами и возвѣщало зарю новаго самобытнаго и національнаго искусства, хотя бы по содержанію. Критикъ обращаетъ свои восторженные взоры къ искусству новѣйшему, «самодовлѣющему», «вѣчно юному» и «отмѣченному печатью откровенія». Въ этомъ и заключается ошибка его,—ошибка крупная и несправедливая. Свой храмъ славы онъ предназначаетъ главнымъ образомъ для «настоящаго» искусства, независимаго отъ литературы и ея школьной указки, хотя и самъ долженъ былъ нѣсколько разъ признаться, что мы, какъ современники, лишены возможности судить о немъ правильно, вполнѣ объективно. «До полной и настоящей оцѣнки этого молодого мастера, — писалъ онъ о Нестеровѣ (стр. 132), — время еще не пришло, такъ какъ онъ далеко не высказался вполнѣ». «Сѣровъ теперь во цвѣтѣ силъ и таланта,—замѣчаетъ Бенуа въ другомъ мѣстѣ,—и положительно мучительно говорить о художникѣ, все главнѣйшее творчество котораго еще впереди» (стр. 236). За похвалами въ честь «Геркулеса живописи», «самого» Малявина, слѣдовала оговорка: «онъ находится еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности, и потому говорить о немъ слишкомъ рано» (стр. 250), хотя это нисколько не помѣшало ему посвятить молодому генію нѣсколько страницъ.

«Очень возможно,—съ грустью размышляетъ Бенуа,—что современемъ и на нашъ періодъ будетъ указано, какъ на новый банкротъ русскаго искусства» (стр. 223).

Такимъ образомъ, остаются серьезныя опасенія, что редакторъ «Русской школы живописи» не сумѣетъ сохранить равновѣсія между «своими» и «чужими», когда будетъ говорить о близкой къ нашему времени эпохѣ,—и подборъ картинъ окажется тенденціознымъ. Что касается исполненія снимковъ, то они превосходны и передаютъ особенность оригиналовъ. Видно, издатели не жалѣютъ затратъ. Возьмемъ снимки хотя бы шестого выпуска, гдѣ рѣчь идетъ о мастерахъ религіозной живописи — А. Ивановѣ, Ге, Крамскомъ и Васнецовѣ. Мягко исполнена геліогравюра съ картины М. Нестерова «Видѣніе отрока Вареоломея»; до полной иллюзіи хорошо воспроизведены рисунки тушью на шероховатой бумагѣ Н. Щедровскаго «Петербургскіе типы»; удаченъ желто-коричневый тонъ въ фототипіи Л. Пастернака «Группа московскихъ художниковъ», и синій тонъ фототипіи съ картины А. Куинджи «Гроза». Такъ же хороши геліогравюры съ картинъ В. Сурикова «Покореніе Сибири» и В. Сѣрова «Портретъ кн. З. Н. Юсуповой». Два снимка воспроизведены автотипіей; это—«Московскій дворикъ» В. Полѣнова и деталь картины П. Ѳедотова «Сватовство майора». Менѣе удачны трехцвѣтныя автотипіи М. Нестерова «Пустынникъ» и К. Сомова «Радуга». Первая вышла грубо, вторая слабо и не передаетъ характера оригинала. Рисунки въ текстѣ всегда выходятъ великолѣпно — «Этюдъ дерева» А. Иванова, «Совѣсть» Н. Ге, «Русалки» Н. Крамскаго и «Св. Никита Новгородскій» В. Васнецова. **А. И. Яцимирскій.**

В. А. Никольскій. Русская живопись. Историко-критическіе очерки. Съ 4 геліогравюрами на отдѣльныхъ листахъ, 86 портретами художниковъ и 328 фототипогравюрами (?) съ картинъ, акварелей и рисунковъ. Изданіе Н. Д. Мертца. Спб. (годъ не означенъ).

Въ альбомѣ большого формата текстъ занимаетъ второстепенное мѣсто, написанъ неряшливо, во вкусѣ фельетона. Снимки съ картинъ исполнены не ровно: на ряду съ хорошими автотипіями встрѣчаются посредственныя и совсѣмъ слабыя. Это портитъ общее, довольно благопріятное впечатлѣніе отъ внѣшности книги. Обозрѣніе мастеровъ и ихъ картинъ В. Никольскій распредѣляетъ по жанрамъ: живопись религіозная, историческая, батальная, жанровая (бытовая?), портретная и пейзажная. Такой порядокъ, конечно, лучше, чѣмъ «исторія генераловъ и ихъ подвиговъ», т.-е. біографіи художниковъ и перечень ихъ произведеній; тѣмъ не менѣе, послѣдняя глава, «Акварелисты и рисовальщики», вызываетъ недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, почему авторъ сначала дѣлитъ произведенія живописи по содержанію, а въ послѣдней главѣ принялъ новый принципъ—технику? Развѣ акварелью или перомъ нельзя нарисовать на бумагѣ такой же сюжетъ и съ такой же трактовкой содержанія, какъ масляными красками на холстѣ? Какъ художественный критикъ, г. Ни-

кольскій не имѣетъ опредѣленной физіономіи. Онъ эклектикъ, и въ этомъ главное его достоинство. Но на ряду съ удачными характеристиками, вѣрными замѣчаніями и правдоподобными мыслями, у г. Никольскаго встрѣчается много такого, съ чѣмъ согласиться нельзя. Прежде всего—его общіе взгляды на старинную русскую живопись. Почему начало русскаго, національнаго и самобытнаго искусства онъ относитъ только къ XIX вѣку? Это—старая ошибка всѣхъ, кто не знаетъ русскаго искусства допетровской эпохи, кто не принимаетъ во вниманіе раннихъ проблесковъ простонароднаго, совершенно «самобытнаго» искусства, кто не понимаетъ духа религіозной византійской живописи.

Новѣйшія разысканія въ этой области—особенно послѣ изученія Аѳона и изданія Подлинниковъ—показали совершенно иное, и на Византію вмѣстѣ съ ея подражателями перестали смотрѣть, какъ на нѣчто мертвое и застывшее. Византія мало похожа на Китай или Египетъ; наконецъ, и они не были неподвижны и мертворожденны. Живопись Византіи всегда жила, но «своей» жизнью, и прежде всего была строго національной. Такая же національзація замѣчается и въ старой религіозной живописи у насъ всякій разъ, когда русскій мастеръ былъ талантливъ. Авторъ говоритъ, что «у современной русской поэзіи была прародительница—русская былина (только?), у музыки—русская пѣсня (свѣтская или церковная?), тогда какъ прародительницей русской живописи была иноземная византійская иконопись—трупъ искусства, а не живая его вѣтвь». Еще большее недоразумѣніе вызываютъ слѣдующія строки. Авторъ какъ будто совсѣмъ не признаетъ эволюціи въ культурной жизни. «Безъ долгаго и старательнаго изученія русской исторіи и русской культуры,—говоритъ В. Никольскій,—трудно представить себѣ, какимъ путемъ изъ этого условнаго, чрезвычайно похожаго на ремесло искусства Византіи и не менѣе условнаго и мертваго ложноклассицизма нашей художественной академіи появилась вдругъ (?) самобытная, нисколько не схожая съ ними русская школа живописи; что собственно создало ее; откуда набралась она такого умѣнья говорить кистью, какое слѣпящимъ глазъ потокомъ внезапно (?) полилось съ холстовъ русскихъ художниковъ въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, послѣ того, какъ разорвалась цѣпь великая»... Что и говорить: отъ Византіи и ложноклассицизма до 60-хъ годовъ—дѣйствительно дистанція огромнаго размѣра, но авторъ почему-то забываетъ всѣ промежуточныя стадіи и не обращается за параллелями хотя бы къ русской литературѣ. Тамъ онъ нашелъ бы нѣчто похожее на исторію живописи, и въ то же время вполнѣ закономѣрное, такъ какъ каждое новое теченіе всегда вытекало изъ стараго и никогда не являлось «вдругъ» и «внезапно». Это первый законъ эволюціи. **А. И. Яцимирскій.**

Эркманъ-Шатріанъ. Исторія крестьянина. Сокр. Ю. Бѣлявская по переводу Марка-Вовчка. Изданіе «Донской Рѣчи». Ростовъ-на-Дону. 1905.

Исторія французскаго крестьянина 1789—1792 гг. представляетъ собою одно изъ выдающихся произведеній Эркмана и Шатріана, переведенное въ семидесятыхъ годахъ г-жею Марко-Вовчокъ на русскій языкъ и сыгравшее

значительную роль въ исторіи политическаго развитія русскаго общества. Наши «семидесятники» зачитывались исторической хроникой французскаго крестьянина и его борьбой съ Людовикомъ XVI, съ братомъ его д'Артуа и королевой Маріей-Антуанетой, поддерживаемыми дворянствомъ, монахами и своего рода «черными сотнями» изъ Вандеи и Бретани. Русскую молодежь увлекалъ энергичный образъ тайнаго заговорщика Шовеля, распространявшаго въ народѣ революціонныя брошюры и подготовлявшаго возстаніе среди крестьянъ, опутанныхъ церковными десятинами, налогами на соль (gabelle), дорожными повинностями (corvée), барщиной, феодальными правами и т. д. Въ равной степени «кающихся» русскихъ дворянъ увлекала и роль Мирабо въ собраніи нотаблей и учредительнаго собранія. Конечно, не романъ Эркмана-Шатріана изъ исторіи монархіи Людовиковъ породилъ въ Россіи движеніе среди молодежи, извѣстное подъ именемъ сліянія съ народомъ, но онъ значительно разъяснилъ задачи и цѣли этого сліянія. Въ то время романъ этотъ не только былъ переведенъ на русскій языкъ, но и передѣланъ въ краткомъ видѣ примѣнительно къ русской исторіи. Шовель сталъ называться Шовелевымъ, исторія французскаго народа—исторіей русскаго крестьянства.

Пересказъ своими словами знаменитаго произведенія и переложеніе его на русскіе нравы производили очень сильное впечатлѣніе на лицъ, желавшихъ пробужденія собственной страны и измѣненія существующаго порядка. Передѣланная повѣсть, конечно, явилась въ свѣтъ нелегально, и лица, распространявшія ее, подвергались преслѣдованію и тяжкому обвиненію въ политическомъ преступленіи. Такъ называемый въ семидесятыхъ годахъ процессъ «193-хъ» возникъ, между прочимъ, изъ-за распространенія означенной повѣсти въ народѣ и подражанія русскаго юношества французскому пропагандисту Шовелю и его дочкѣ Маргаритѣ... Въ настоящее время подобная повѣсть, но взятая изъ первыхъ рукъ, т.-е. изъ дѣйствительной жизни русскаго крестьянина и разсказанная имъ самимъ, вполнѣ была бы допустима. Сюжетъ изъ жизни порабощенныхъ массъ ихъ передовыми сословіями вовсе не новость въ русской литературѣ. Достаточно указать на «Пугачевцевъ» графа Саліаса или на нѣкоторые романы Данилевскаго. Еще болѣе мы найдемъ у себя переводныхъ произведеній изъ жизни западно-европейскихъ революціонныхъ массъ: «Записки Лоренцо Бенони», «Исповѣдь старика» Ньево, «Эмма» и «Люцинда» Швейцера и т. д.

Но, тѣмъ не менѣе, тридцать лѣтъ тому назадъ, передѣлка изъ Эркмана-Шатріана Шовеля въ Шовелева каралась за распространеніе каторгой. А въ настоящее время мы имѣемъ того же Шовеля въ прекрасной передѣлкѣ Ю. Бѣляевской по переводу Марка-Вовчка, продаваемаго свободно на книжномъ рынкѣ за двадцать копеекъ...

Такова историческая справка о знаменитомъ романѣ Эркмана-Шатріана и передѣлокъ его на русскомъ книжномъ рынкѣ. **А. Фаресовъ.**

Сборникъ молодыхъ писателей. Спб. 1905.

Въ настоящее время зарождается новый видъ изданій — сборники. Писатели, не желая подчиняться редакторской указкѣ, тѣмъ требованіямъ и традиціямъ, которыя связаны съ физіономіей того или другого журнала, издаютъ сообща сборники. Послѣдніе обыкновенно являются выразителями той или другой общей идеи, литературной школы. Такими являются хотя бы извѣстные сборники товарищества «Знаніе». Здѣсь все подобрано по опредѣленному плану, все соединено одной общей идеей; самихъ же авторовъ соединяетъ общая задача — дать, какъ можно полнѣе, воспроизведеніе современной жизни, уловить всѣ вновь нарождающіяся черты въ психологіи общества. Послѣдняго условія выступившіе въ этомъ сборникѣ молодые писатели не придерживаются. Объявляя, что «мыслью, объединяющей собранный въ сборникѣ матеріалъ, является лишь одно, не стѣсняемое въ творческомъ процессѣ исканіе правды жизни, чистой красоты и вѣчнаго добра», они представляютъ на судъ критики произведенія, въ которыхъ мы не найдемъ какой либо одной общей идеи, — произведенія, различныя по замыслу, по писательской манерѣ. Такимъ образомъ, однимъ лишь звеномъ, соединяющимъ всѣ произведенія сборника, являются стремленія отыскать новые пути, новыя формы.

Приверженность къ старымъ образцамъ, традиціямъ, отживающимъ условностямъ, конечно, является тормозящимъ рычагомъ въ развитіи искусства. Жизнь идетъ впередъ, вмѣстѣ съ этимъ измѣняются и запросы человѣческаго духа, предъ человѣчествомъ открываются все новые горизонты, новыя перспективы. Одно изъ проявленій человѣческаго духа — искусство, также не можетъ стоять на мертвой точкѣ. Оно должно итти впередъ, искать новыхъ путей, какъ человѣческій духъ постоянно требуетъ новыхъ запросовъ, новыхъ идеаловъ. Въ виду этого всякое стремленіе отыскать новыя дороги, расширить перспективы искусства заслуживаетъ вниманія. Но бѣда въ томъ, что это исканіе часто приводитъ къ крайности, уродливости. Такъ было съ романтизмомъ, такъ было и съ натурализмомъ. Нужно много художественнаго чутья, чтобы удержаться отъ болѣзненнаго уклоненія, не впасть въ аномалію. Забывая это, многіе молодые писатели, ища новыхъ путей, впадаютъ въ крайность. Утрировка всѣмъ старымъ, умышленное стремленіе къ концентрированности, желаніе придать образамъ неестественное очертаніе часто обращаетъ ихъ произведенія въ продуктъ болѣзненнаго воображенія. Отъ этого выступившіе въ сборникѣ молодые писатели сумѣли удержаться. Исканіе новыхъ формъ не привело ихъ къ уродливости, крайности. Наоборотъ, ихъ этюды очень оригинально задуманы облечены въ своеобразную, не лишенную поэтической прелести, форму. Нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ въ ихъ авторахъ задатки дарованія, пониманіе послѣдними тончайшихъ изгибовъ человѣческой души, поражаютъ вѣрностью психологической подкладки. Такими являются этюды: Л. Ануфріева — «Роза», Леонида Билинскаго — «Рага» и Нелли — «Любовь».

Особенно выдѣляется послѣднее произведеніе какъ оригинальностью замысла, такъ и его выполненіемъ; въ этомъ произведеніи авторъ затрагиваетъ

интересныя черты женской психологіи. Также нельзя не указать на произведеніе Леонида Билинскаго — «Женщина». Здѣсь дается попытка освѣтить правовое положеніе женщины, разобраться въ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ этимъ.

А. Фоминъ.

Н. К. Грунскій. Памятники и вопросы древне-славянской письменности. Томъ I. Юрьевъ. 1904.

Н. К. Грунскій пересмотрѣлъ всю научную литературу о двухъ памятникахъ старо-славянской письменности: о такъ называемыхъ глаголическихъ Кіевскихъ и Пражскихъ отрывкахъ,—литературу обширную и почти не дающую опредѣленныхъ выводовъ. Въ то же время эти рукописи интересны для палеографіи, исторіи церковно-славянскаго языка и для исторіи литургіи у славянъ. Ихъ одиночество среди остальныхъ памятниковъ одной и той же приблизительно эпохи, западно-славянскія черты въ языкѣ, архаичныя палеографическія особенности, позволяющія видѣть въ письмѣ глаголическій уставъ, наконецъ, очевидная ошибочность общепринятой теоріи о происхожденіи глаголицы отъ греческаго курсива — все это даетъ возможность новому изслѣдователю смотрѣть на Кіевскіе листки-отрывки латинскаго миссала въ славянскомъ переводѣ, не какъ на копію съ древнѣйшаго оригинала, а скорѣе на подлинникъ, но возникшій въ эпоху послѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ совершенно новой школѣ письма и перевода. Таковы выводы необыкновенно тщательнаго и внимательнаго изслѣдованія Н. К. Грунскаго.

Между прочимъ, авторъ поднимаетъ совершенно новый вопросъ — о времени составленія извѣстнаго Сказанія черноризца Храбра о славянскихъ письменахъ. До сихъ поръ никто не сомнѣвался въ томъ, что Сказаніе написано сравнительно скоро послѣ смерти славянскихъ первоучителей—въ началѣ X или концѣ IX вѣка, и это мнѣніе основывалось на фразѣ: «суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ». Н. К. Грунскій первый заподозрѣлъ древность Сказанія. Въ самомъ дѣлѣ, оно дошло до насъ въ большомъ числѣ списковъ, но ни одинъ изъ нихъ не старше XIV вѣка (самый ранній—болгарскій сборникъ 1348 года). Далѣе, все Сказаніе дышитъ полемикой и защищаетъ «божественность», такъ сказать, каноничность славянской азбуки предъ хулителями ея, очевидно, греческими книжниками. Послѣдніе говорятъ о плохой пригодности азбуки, о ея небожественномъ происхожденіи и т. д. Такимъ образомъ, въ каждомъ словѣ Храбра замѣтна національная тенденція. Теперь является вопросъ: въ какую эпоху славянская письменность встрѣчала болѣе сильныя противодѣйствія со стороны грековъ? когда славянская азбука болѣе всего нуждалась въ такой апологіи? Если остановиться на X вѣкѣ, то время болгарскаго царя Симеона, время расцвѣта болгарской письменности, какъ будто не представляло необходимости въ подобной защитѣ. Если взять конецъ IX или начало X вѣка, то ссылка автора Сказанія на «времена царя греческаго Михаила», при которомъ составлена славянская азбука, является по меньшей мѣрѣ странной: едва ли здѣсь былъ живой источникъ, а не письменный. Въ-третьихъ, Храбръ имѣетъ въ виду одну азбуку, а не двѣ, что опять можно было ожидать для X вѣка;

скорѣе всего, одна изъ азбукъ во время составленія Сказанія была забыта. Наконецъ, самое главное соображеніе противъ древности Сказанія, это то, что фраза о свидѣтеляхъ, видѣвшихъ Кирилла и Меѳодія, находится только въ одномъ и притомъ позднемъ спискѣ. Все это, вмѣстѣ съ другими соображеніями, даетъ г. Грунскому основаніе относить спорный памятникъ къ XIII—XIV вѣкамъ. Предположеніе остроумное, смѣлое и очень правдоподобное: побольше бы такой смѣлости при разрушеніи старыхъ научныхъ зданій...

А. И. Яцимирскій.

Słowo o pułku Igora. Przełożył Bohdan Łepki. Краковъ. 1905.

Могучая и прекрасная пѣсня объ Игоревомъ походѣ продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и поэтовъ. Интересоваться ею стали поляки вмѣстѣ съ началомъ романтизма въ польской поэзіи. О «Словѣ полку Игоревѣ» писали Раковецкій, Линде, Мицкевичъ, Лукашевичъ, Вишневскій, Войцицкій, Кондратовичъ и другіе; до сихъ поръ о немъ читаютъ въ университетахъ. Существуетъ нѣсколько переводовъ Слова на польскій языкъ—Годебскаго (1821 г.), Бѣловскаго (1833) и кн. А. Красинскаго (1856), но ни одинъ изъ нихъ не удовлетворителенъ, тѣмъ болѣе, что первый сдѣланъ съ французскаго перевода. Новый переводъ стихами разныхъ размѣровъ сдѣланъ Богданомъ Лэпки, воспитанникомъ львовскаго университета. Іосифа Третьяка. Польскому переводчику извѣстно начало работы надъ Словомъ Е. Барсова, и въ темныхъ мѣстахъ онъ принимаетъ чтенія послѣдняго, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ лучшаго. Повидимому, Мусинъ-Пушкинское изданіе или одно изъ переизданій его (проф. Владимирова, А. Суворина) ему также неизвѣстно.

Въ предисловіи къ своему переводу г. Лэпки поэтически рисуетъ то впечатлѣніе, которое произвело Слово, когда русское общество конца XVIII в. впервые познакомилось съ красотами его. «Съ удивленіемъ слушали эту стародавнюю пѣснь тамъ, гдѣ никто ея не ожидалъ, и оглядывались на всѣ стороны—откуда она плыветъ: отъ вѣковѣчныхъ ли источниковъ Ирана, или отъ лютни скандинавскихъ бардовъ, или изъ-подъ перстовъ романскихъ пѣвцовъ, или съ береговъ Чернаго моря, надъ которымъ еще носились послѣдніе отголоски Гомеровыхъ пѣсенъ. Только въ душѣ народа, создавшаго ее, долго не искали ея. А она неслась какъ разъ оттуда: какъ выраженіе скорби по поводу несчастья князей, какъ крикъ боли по минувшей славѣ, какъ пророческое напоминаніе предъ татарскимъ нашествіемъ, какъ тихая и унылая жалоба женской души, лишенной своей радости и своей любви—мужа и господина. Эта ошибка была причиной того, что текстъ пѣсни, и безъ того искаженный рукой переписчика и, быть можетъ, издателя, оставался темнымъ. Эта ошибка повела къ возникновенію разнообразныхъ вопросовъ, теорій, научныхъ споровъ, иногда самыхъ разнообразныхъ толкованій и разъясненій такъ называемыхъ темныхъ мѣстъ въ Словѣ о полку Игоревѣ». Переводчикъ знаетъ, что и теперь многое остается неяснымъ, а потому въ примѣчаніяхъ къ переводу даетъ филологическіе экскурсы.

Какъ поэтическій переводъ, работа г. Лэпки исполнена довольно удачно но разрѣшеніе многихъ спорныхъ мѣстъ текста не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Мы не будемъ останавливаться на замѣченныхъ ошибкахъ, потому что журнальная замѣтка легко превратилась бы въ цѣлую статью. Намъ кажется, что теперь нельзя уже ограничиваться началомъ изслѣдованія Барсова: съ 1887 года появилась масса мелкихъ работъ о Словѣ, оставшихся польскому переводчику совершенно неизвѣстными.

А. И. Яцимирскій.

Иванъ Пальмовъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи. Чешскіе братья въ своихъ конфессіяхъ до начала сближенія ихъ съ протестантами въ концѣ первой четверти XVI столѣтія. Томъ I. Вып. I. Главнѣйшіе источники и важнѣйшія пособія. Вып. II. Приложенія. Прага. 1904.

Несмотря на то, что чешскіе ученые болѣе ста лѣтъ интересуются Яномъ Гусомъ и связаннымъ съ послѣднимъ религіозно-національнымъ движеніемъ; несмотря на существованіе обширной литературы о чешскомъ апостолѣ-мученикѣ, его послѣдователяхъ и врагахъ,—оказывается, что многіе матеріалы до сихъ поръ не изданы и не изслѣдованы. На долю русскаго слависта выпала честь прекраснаго изданія и научнаго объясненія цѣлаго ряда новыхъ матеріаловъ, касающихся «чешскихъ братьевъ»—наиболѣе замѣчательной и устойчивой общины въ чешской реформаціи XV и слѣдующихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ таборитами, утраквистами и «сиротками» чешскіе братья представляютъ особую фракцію во всемъ гуситскомъ движеніи. Литературная сторона этого движенія выразилась главнымъ образомъ въ догматическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ, а потому изслѣдованіе И. С. Пальмова представляетъ прежде всего богословскій интересъ. Историческая и бытовая стороны въ этой литературѣ сравнительно бѣдны. Изданные во второмъ выпускѣ матеріалы напечатаны по старымъ или пражскимъ копіямъ съ «Конфессій», оригиналы которыхъ хранятся въ «Братскомъ архивѣ» города Гернгута (Охранова) въ Саксоніи. Кромѣ того, использованы матеріалы изъ архивовъ Праги, Вѣны, Брна, Оломуца и Петербурга.

Новая работа проф. И. С. Пальмова, его докторская диссертація, составляетъ въ извѣстной степени продолженіе ранней работы его же—«Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи» (Спб., 1881). Она посвящена выясненію историческаго происхожденія и развитія религіозной доктрины чешскихъ братьевъ и основана на изданныхъ во второмъ выпускѣ первоисточникахъ. Къ ихъ освѣщенію прибавленъ обзоръ обширной литературы предмета. Въ первой главѣ разсматриваются общіе документальные источники—нѣсколько фоліантовъ упомянутаго «Братскаго архива», во второй—спеціальные документальные источники и сочиненія братьевъ-современниковъ разсматриваемой эпохи; въ третьей—современныя свидѣтельства утраквистовъ и римско-католиковъ о братьяхъ и ихъ доктринѣ; въ послѣдней главѣ — свидѣтельства и

сочиненія позднѣйшихъ писателей о братской общинѣ, начиная съ XVI вѣка и кончая новѣйшими изслѣдованіями и изданіями. Несмотря на скромную форму обзора матеріаловъ и оцѣнки трудовъ предшественниковъ, работа И. С. Пальмова на всемъ своемъ протяженіи носитъ характеръ изслѣдованія. Благодаря богатству источниковъ, критическому отношенію къ нимъ, правильному пониманію всѣхъ оттѣнковъ богословской мысли общины, спокойному тону и многимъ другимъ академическимъ достоинствамъ, капитальное изслѣдованіе проф. Пальмова не только даетъ много новаго для русскихъ славистовъ и богослововъ, но во многихъ отношеніяхъ должно послужить образцомъ для чешскихъ. Мы не можемъ согласиться съ тѣми чешскими учеными, которые въ бесѣдахъ съ нами во время поѣздки въ Прагу нынѣшнимъ лѣтомъ отдавали предпочтеніе только изданію текстовъ, т.-е. второму выпуску «Чешскихъ братьевъ»: русская славистика должна безусловно гордиться подобными трудами. **А. Я.**

Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ первый. Полтава. 1905.

Открытая 26-го октября 1903 г. въ Полтавѣ ученая архивная комиссія къ концу слѣдующаго года выпустила въ свѣтъ и первый выпускъ своихъ «Трудовъ», въ который вошли далеко не всѣ читанные и заслушанные на засѣданіяхъ комиссіи рефераты. Нѣкоторые изъ нихъ своевременно печатались въ «Кіевской Старинѣ» («Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія», И. Ф. Павловскаго; «О призрѣніи слѣпыхъ и другихъ нищихъ», В. И. Василенка), «Русской Старинѣ» («Къ исторіи шведской могилы. I. С. Судіенко и его духовное завѣщаніе», И. Ф. Павловскаго) и въ «Вѣстникѣ Екатеринославскаго земства» (о раскопкахъ, произведенныхъ Д. Н. Эварницкимъ въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ). Редакціонная комиссія по изданію «Трудовъ», состоящая изъ гг. В. И. Василенка, Л. В. Падалки и И. Ф. Павловскаго, повидимому, располагаетъ значительнымъ матеріаломъ и рѣшила печатать въ своихъ «Трудахъ» лишь наиболѣе цѣнное.

Лежащій передъ нами первый выпускъ «Трудовъ» комиссіи открывается статьею В. И. Василенка: «Къ исторіи размежеванія земель въ Полтавской губерніи». В. И. Василенко—извѣстный земскій статистикъ. Онъ написалъ цѣлый рядъ изслѣдованій и статей по кустарнымъ промысламъ, по этнографическимъ, экономическимъ и другимъ вопросамъ, по преимуществу изъ быта «меньшого брата» Полтавской губерніи. Въ настоящей своей статьѣ онъ коснулся очень важнаго вопроса—«размежеванія земель», которое продолжалось въ Полтавской губерніи 26 лѣтъ и которое «кореннымъ образомъ измѣнило многовѣковую традиціонную систему землевладѣнія и землепользованія и повело къ грандіознымъ преобразованіямъ территоріи въ геотопографическомъ отношеніи». Матеріаломъ для нея послужили, главнымъ образомъ, личныя наблюденія и воспоминанія В. И. Василенка, такъ какъ онъ былъ очень близкимъ зрителемъ и даже участникомъ въ этомъ размежеваніи, а также сообщенія и другихъ болѣе заинтересованныхъ лицъ. Хотя сравнительно приво-

дится и немного данныхъ, но и эти данныя представляютъ намъ живую и весьма непригляднную картину отношеній къ «меньшому брату», какъ со стороны землемѣровъ, такъ и со стороны высшей власти, напримѣръ, межевой комиссіи, межевой палаты, очень часто отказывавшей безграмотнымъ крестьянамъ въ ихъ справедливыхъ жалобахъ на основаніи лишь пропуска ими установленнаго закономъ мѣсячнаго срока къ обжалованію, крупныхъ землевладѣльцевъ и др. Въ заключеніе авторъ настаиваетъ на необходимости собрать возможно большое количество подобнаго матеріала и предлагаетъ даже для этого свою программу, приложенную въ концѣ статьи, справедливо завѣряя, что чѣмъ больше будетъ собрано данныхъ отъ живыхъ источниковъ, тѣмъ легче будетъ на ряду съ письменными и печатными матеріалами охарактеризовать «какъ исторію землевладѣнія, такъ и нравовъ межевыхъ землемѣровъ, сословныхъ представителей, а равно и землевладѣльцевъ, начиная отъ великопомѣстныхъ дворянъ до послѣдняго крестьянина».

Далѣе, за очень небольшимъ сообщеніемъ Н. Г. Максимова о «Церкви въ селѣ Заисельѣ», которая замѣчательна тѣмъ, что уцѣлѣла «во всей своей неприкосновенности» съ 1759 г. по настоящее время, мы находимъ любопытную, основанную на новыхъ архивныхъ данныхъ статью А. Ф. Мальцева: «Св. Ефремъ Переяславскій—строитель первыхъ больницъ въ Россіи». Сообщая въ началѣ статьи нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о св. Ефремѣ до 1072 г., когда послѣдній былъ вызванъ изъ Константинополя по желанію великаго князя Всеволода Ярославича и поставленъ епископомъ въ Переяславской епархіи, обнимавшей тогда всю нынѣшнюю Полтавскую губернію, югозападный уголъ Курской, сѣверозападную половину Харьковской, южную часть Черниговской и даже княжество Смоленское, авторъ останавливается изъ дѣятельности епископа, главнымъ образомъ, на устройствѣ имъ «первыхъ больницъ въ Россіи, въ которыхъ врачи (изъ Византіи) лѣчили всѣхъ приходящихъ безплатно». Руководясь Студійскимъ уставомъ (послѣдній еще въ 1063 году былъ написанъ св. Ефремомъ въ бытность его въ Византіи и посланъ преп. Ѳеодосію Печерскому) по рукописи конца XII или начала XIII вѣковъ, хранящейся въ Московской синодальной библіотекѣ, А. Ф. Мальцевъ даетъ и цѣлую картину состоянія и устройства этихъ больницъ, разсѣянныхъ во множествѣ по селамъ и городамъ при церквахъ и послужившихъ прототипомъ для послѣдующихъ церковно-благотворительныхъ учрежденій южной Россіи. Къ статьѣ приложенъ и портретъ св. Ефрема.

Вслѣдъ за этой статьей помѣщена статья И. Ф. Павловскаго: «Къ исторіи Малороссіи во время генералъ-губернаторства князя Н. Г. Репнина». Она наиболѣе обширная (болѣе 100 стр.), богата многочисленными новыми матеріалами и потому заслуживаетъ болѣе подробнаго ознакомленія съ ея содержаніемъ. На основаніи главнымъ образомъ «партикулярной переписки генералъ-губернатора» и архивныхъ данныхъ Полтавскаго губернскаго правленія, въ ней сообщается, послѣ краткаго изложенія біографіи князя Н. Г. Репнина, о «заботахъ князя Репнина о составленіи исторіи Малороссіи», порученномъ Д. Н. Бантышъ-Каменскому; о декабристѣ И. М. Муравьевѣ-Апостолѣ; масонской ложѣ, ея участникахъ и арестѣ ихъ; отдѣленіи Библейскаго общества въ

Малороссіи; о заботахъ князя Репнина о крѣпостныхъ (доселѣ неизвѣстныя данныя), о полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ Щепкина (помѣщенная по поводу выкупа «Партикулярная переписка» князя Репнина съ графиней А. А. Волкенштейнъ и др. также доселѣ была неизвѣстна); «о школѣ чистописцевъ въ Полтавѣ», просуществовавшей съ 1823 до начала 1860-хъ годовъ; «объ устройствѣ въ Полтавѣ заведенія для спасенія утопающихъ; объ извѣстномъ математикѣ М. В. Остроградскомъ, подпавшемъ подъ надзоръ полиціи (приводится впервые письмо графа П. Толстого къ князю Репнину по поводу М. В. Остроградскаго отъ 1828 года); «объ устройствѣ старообрядцами Черниговской губерніи часовенъ и отношеніи къ нимъ высшаго начальства»; объ отношеніяхъ князя Репнина къ должностнымъ лицамъ и проч. Въ концѣ приведена переписка князя Репнина съ В. В. Капнистомъ, В. Г. Полетикой, В. С. Поповымъ, Н. С. Мордвиновымъ и др.

Заканчивается отдѣлъ изслѣдованій разсматриваемаго нами перваго выпуска «Трудовъ» Полтавской комиссіи тоже довольно обширною работою Л. В. Падалки: «О древнихъ городкахъ, городищахъ и насыпныхъ валахъ на территоріи нынѣшней Полтавской губерніи». Хотя авторъ исчерпываетъ и всѣ извѣстія объ этихъ древнихъ сооруженіяхъ изъ начальной лѣтописи и другихъ печатныхъ источниковъ, но главнымъ содержаніемъ для его статьи послужили сообщенія «мѣстныхъ корреспондентовъ, любителей старины», свыше 190 человѣкъ, «обнявшихъ своими свѣдѣніями около половины волостей губерніи». «Настоящее обозрѣніе,—заключаетъ свою статью г. Падалка,—древнихъ земляныхъ огражденій въ Полтавщинѣ, обнимающее въ значительной мѣрѣ случайный матеріалъ, представляетъ, можно сказать, рекогносцировочный экскурсъ въ работѣ по обслѣдованію совокупными мѣстными силами полныхъ глубокаго интереса мѣстныхъ историческихъ памятниковъ». Къ статьѣ приложены 12 схематическихъ чертежей городковъ, «огражденій», городищъ и проч.

Въ отдѣлѣ «Приложеній» находимъ: «Отчетъ по межеванію Полтавской губерніи»; «Положеніе о размежеваніи Черниговской и Полтавской губерній», «Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка» и «Къ родословной Гоголей-Яновскихъ». Послѣднія два сообщенія принадлежатъ В. Л. Модзалевскому.

Уже изъ этого краткаго обзора содержанія перваго выпуска «Трудовъ» Полтавской архивной комиссіи видно, что послѣдняя для своей главной задачи—«изученія прошлаго Полтавщины», обладаетъ довольно значительнымъ и содержательнымъ матеріаломъ, и намъ остается только пожелать, чтобы она наравнѣ съ другими архивными комиссіями, напримѣръ, Владимирской, поскорѣе вывела на свѣтъ Божій свои архивныя сокровища, хотя бы даже въ видѣ подробныхъ описаній архивовъ, которыя въ научномъ отношеніи могутъ оказаться цѣннѣе нѣкоторыхъ и рефератовъ. **В. Рудаковъ.**

Pohádkoslovné studie. Napsal Jiří Polívka. Прага. 1904.

Сравнительнаго изученія славянскихъ, въ томъ числѣ и русскихъ сказокъ, можно сказать, еще не существуетъ. Матеріалъ собранъ богатый, есть отдѣльныя статьи о сказочныхъ сюжетахъ, объ отраженіи ихъ въ другихъ литературныхъ жанрахъ, объ изобразительныхъ пріемахъ и т. д., но ничего цѣль-

наго въ этой области славянскаго фольклора до сихъ поръ не создано. Упрекъ славянскимъ и русскимъ ученымъ будетъ еще сильнѣе, если мы припомнимъ, что около десяти лѣтъ тому назадъ вышло огромное и довольно серьезное изслѣдованіе, больше тысячи страницъ, о румынскихъ сказкахъ Л. Шаиняну. Только въ прошломъ году появилась на чешскомъ языкѣ работа проф. Пражскаго университета, Юрія Поливки, посвященная сравнительному обзору нѣсколькихъ сказокъ и легендъ, извѣстныхъ въ русскихъ, западно и юго-славянскихъ, европейскихъ и восточныхъ версіяхъ. Это—сказки о «храбромъ портномъ», «несмѣющейся принцессѣ» (царевна Несмѣяна) и «истанцованныхъ башмакахъ»; легенды о чортовомъ зятѣ, о мстительномъ святомъ, о справедливой смерти. Въ предисловіи г. Поливка говоритъ о тѣхъ научныхъ методахъ, которые въ последнее время приняты въ наукѣ при изслѣдованіи сказокъ, ихъ происхожденія, сходства сюжетовъ и подробностей у разныхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга временемъ и пространствомъ, наконецъ, объ отношеніи устной литературы къ книжной и т. д. Авторъ примиряетъ двѣ теоріи—миграціонную, т.-е. теорію о странствованіи однихъ и тѣхъ же сюжетовъ и заимствованіи ихъ однимъ народомъ у другого, и теорію антропологическую (правильнѣе было бы—психологическую) о самостоятельномъ зарожденіи сюжетовъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя эпохи, но при одинаковыхъ соціальныхъ и моральныхъ условіяхъ. Вполнѣ естественно, что основные мотивы сказокъ зарождались въ наиболѣе культурныхъ центрахъ. Послѣднее наблюденіе можетъ быть цѣнно еще въ слѣдующемъ отношеніи. Недавно В. Чернышевъ высказалъ предположеніе, что русскія пѣсни создавались не въ селахъ, не въ крестьянской средѣ, а въ городахъ или же въ помѣщичьихъ дворахъ. Объ этомъ мы имѣли случай говорить въ рецензіи на книгу г. Чернышева на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Теперь остается продолжить эту теорію—примирить зарожденіе самаго сюжета съ его формой; если бы это удалось, то теорія о городскомъ происхожденіи русской пѣсни, пожалуй, получила бы новое подкрѣпленіе.

При изслѣдованіи вопроса о распространеніи сказокъ Ю. Поливка сдѣлалъ въ нѣкоторомъ родѣ открытіе, а именно обозначилъ тѣ предѣлы, въ которыхъ замыкается устное распространеніе извѣстной сказки въ зависимости отъ культуры и языка создавшаго ихъ центра, а иногда и отъ политическихъ границъ. Получились три области: западно и средне-европейская, восточно-европейская и юго-восточно-европейская. Къ первой относятся Германія, Италія и западъ Европы, ко второй—Россія, къ третьей—Балканскія земли, Турція, Кавказъ, конечно, съ переходными мѣстностями, иногда очень спорными. Особенно трудно поддаются опредѣленію этапы между средней и восточной Европой. Если же между этими областями и замѣчается взаимодѣйствіе, то его приходится относить къ вліянію уже книжной литературы. Поэтому жаль, что чешскій ученый не имѣлъ возможности ввести въ кругъ своихъ изученій, напримѣръ, русскія лубочныя изданія, въ которыхъ, какъ извѣстно, переводы занимали далеко не послѣднее мѣсто. Правда, изданія эти рѣдки и у насъ, а въ Прагѣ ихъ совсѣмъ не достать.

А. И. Яцимирскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Госпожа **Рекамье и ея друзья.** Эдуардъ Эрріо заинтересовалъ парижанъ изданіемъ своего громаднаго двухтомнаго труда, озаглавленнаго: «Madame Récamier et ses amis» [1]). Невольно возникаетъ вопросъ, откуда автору удалось добыть столько интересныхъ свѣдѣній о г-жѣ Рекамье, въ сущности, по его же собственнымъ словамъ, «не сдѣлавшей лично ничего замѣчательнаго и важнаго и даже не отличавшейся особеннымъ умомъ, судя по ея немногочисленнымъ письмамъ». Но дѣло объясняется очень просто: не было другой женщины, обладавшей такимъ большимъ количествомъ друзей, какъ г-жа Рекамье, поэтому, говоря о ней, невольно приходится касаться и ея друзей, на которыхъ авторъ обратилъ едва ли не болѣе вниманія, чѣмъ на нее. Впрочемъ, въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, имѣя въ виду, что ея друзьями были г-жа Сталь, Бенжамэнъ Констанъ, Шатобріанъ и т. д. Въ первомъ томѣ г. Эрріо слишкомъ распространяется объ обоихъ супругахъ Рекамье, повторяя почти все то, что уже всѣмъ извѣстно; но во второмъ томѣ начинается болѣе интересная часть жизни г-жи Рекамье, когда она, послѣ смерти г-жи Сталь, стала играть первенствующую роль. О личности г-жи Рекамье такъ много писали, что Эрріо ничего не могъ прибавить новаго. По его словамъ, г-жа Рекамье не отличалась ни аристократическими чертами лица, ни благороднымъ изяществомъ; она была очень хорошенькая и привлекательная, но, главное, очаровывала всѣхъ своей женственной, «нѣжной сострадательностью», какъ говорилъ Сенъ-Бёвъ. Не было человѣка, который избѣжалъ бы ея обаянія, и у нея было безчисленное количество поклонниковъ отъ двадцатилѣтняго до шестидесятилѣтняго возраста. Уже сорокалѣтняя Рекамье не

---

[1]) Madame Récamier et ses amis, par E. Herriot. Paris. 1905.

переставала всѣхъ очаровывать и даже впослѣдствіи, старая и слѣпая, она была окружена друзьями. Слѣдовательно секретъ ея обаянія крылся еще въ ея умѣ и сердцѣ, а не въ одной физической красотѣ и не въ женственной нѣжной прелести, которую Сенъ-Бевъ обрисовалъ слѣдующимъ образомъ: «Пріятно было страдать возлѣ нея и для нея, чтобы добиться ласки ея нѣжной руки». Но, какъ извѣстно, всѣ ея поклонники ухаживали за нею безнадежно и не упрекали ея, а были счастливы, пользуясь ея дружбой. Она была прекрасна для прекраснаго, но не для земного наслажденія и хотя ее упрекали въ кокетствѣ, но она нисколько не была кокеткой. Эрріо отвергаетъ предположеніе, будто ея равнодушное отношеніе къ поклонникамъ происходило отъ ея болѣзненнаго состоянія, совершенно не упоминая объ ея анатомическомъ недостаткѣ, о которомъ такъ много писали. Впрочемъ, ея сердце заговорило, когда наступилъ тридцатилѣтній возрастъ. Это было въ 1807 году, когда она находилась въ Коппэ у г-жи Сталь. Конецъ 1806 года и начало 1807 года были для нея роковыми; въ эту эпоху она лишилась нѣжно любимой матери и потеряла все состояніе вслѣдствіе краха банка ея мужа. Друзья отнеслись къ ней очень сочувственно, а г-жа Сталь предложила ей пріѣхать въ Коппэ. Она приняла приглашеніе, но по дорогѣ ее ожидала еще одна невзгода: сломался экипажъ, и она вывихнула себѣ ногу. Ее перевезли въ Коппэ, гдѣ въ это время разыгрывалась цѣлая буря между хозяйкою дома и Бенжамэномъ Констаномъ, уже тяготившимся любовью пылкой г-жи Сталь. Г-жа Рекамье по пріѣздѣ въ Коппэ извѣстила о своей болѣзни прусскаго принца Августа, съ которымъ она была знакома. Г-жа Сталь, служившая ей секретаремъ, прибавила отъ себя приглашеніе пріѣхать въ Коппэ. Она это сдѣлала изъ состраданія къ г-жѣ Рекамье, переживавшей, по ея мнѣнію, такую пору жизни, когда женщинѣ нуженъ утѣшитель. Въ это время принцъ Прусскій только что освободился изъ плѣна Наполеона, и былъ не прочь немного развлечься, прежде чѣмъ пріѣхать въ Берлинъ. Двадцативосьмилѣтній принцъ былъ красивымъ мужчиной, высокимъ, статнымъ, съ курчавыми, свѣтлыми волосами и голубыми глазами. Бенжамэнъ Констанъ, непріязненно относившійся къ нему находилъ его неловкимъ болтливымъ и заносчивымъ. Принцъ до безумія влюбился въ г-жу Рекамье, и на этотъ разъ мраморная красавица оживилась, почувствовала, что у нея тоже есть сердце, и, по ея собственнымъ словамъ, была такъ счастлива тѣ двѣ недѣли, проведенныя въ Коппэ съ принцемъ, какъ никогда въ жизни, не считая два первыхъ года въ l'Abbaye aux Bois. «Мы катались въ лодкѣ,—писала г-жа Рекамье,—принцъ гребъ,—и мы были въ восторгѣ. Я была убѣждена, что мы женимся, и наши отношенія были самыя интимныя». 28-го октября 1807 года, наканунѣ отъѣзда принца они обмѣнялись клятвами; онъ произнесъ: «Клянусь своею честью и любовью сохранить во всей чистотѣ чувства привязанности къ Жюльетѣ Рекамье, всячески попытаться связать себя съ нею брачными узами и не обладать ни одной женщиной, пока у меня есть надежда связать свою судьбу съ ея судьбою». Г-жа Рекамье со своей стороны дала слѣдующее обѣщаніе: «Клянусь спасеніемъ моей души сохранить во всей чистотѣ чувства привязанности къ принцу Августу Прусскому и сдѣлать все, что позволяетъ мнѣ честь, для расторженія моего брака, клянусь никого не любить, не кокетничать ни съ какимъ мужчиной, увидѣться

съ принцемъ, какъ можно скорѣе, и, какое бы ни было будущее, ввѣрить мою судьбу его чести и любви». На прощанье г-жа Рекамье получила отъ принца въ подарокъ кольцо съ надписью: «Je le reverrai», браслетъ и цѣпочку съ рубиновымъ сердцемъ, а ему дала, какъ залогъ вѣрности, кольцо. На другой день принцъ, вызванный королемъ для командованія артиллерійской бригадой, уѣхалъ въ Берлинъ. Оттуда онъ переписывался съ нею и не переставалъ ее обожать, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, это не мѣшало ему развлекаться съ другими женщинами. Въ то время, когда онъ писалъ ей: «Не доводите меня до отчаянія, вы не знаете, что я способенъ сдѣлать!»—у него была любовная связь съ графиней Вальденбергъ. Впрочемъ, въ своихъ письмахъ онъ продолжалъ настаивать на хлопотахъ о разводѣ г-жи Рекамье съ мужемъ, и сначала Жюльета рѣшилась на этотъ шагъ, который въ сущности былъ для нея совсѣмъ не труднымъ, такъ какъ ея отношенія съ мужемъ были чисто дружескія, и церковь легко расторгнула бы ихъ бракъ. Мужъ отвѣтилъ ей, что она свободна дѣйствовать по своему желанію, но онъ сожалѣетъ, что, уважая ея отвращеніе къ супружескимъ отношеніямъ, онъ не сдѣлалъ ихъ узы болѣе тѣсными, что помѣшало бы осуществиться такой роковой развязкѣ. Г-жа Рекамье задумалась и, поразмысливъ, рѣшила не разводиться изъ боязни упрековъ со стороны общества за ея безсердечное отношеніе къ разорившемуся и уже состарившемуся мужу. Когда она объяснила принцу причину нежеланія разводиться съ мужемъ, то онъ улыбнулся и сказалъ: «Ваше нѣжное безпокойство о г. Рекамье меня забавляетъ. Счастье мое, что онъ не умѣлъ оцѣнить блаженства, которымъ могъ воспользоваться и вполнѣ насладиться». Говоря это, принцъ намекалъ, что г. Рекамье, несмотря на свой возрастъ и невзгоды, преспокойно продолжалъ кутить въ Парижѣ. «Вы говорите,—упрекалъ принцъ г-жу Рекамье,—что связаны узами приличія, похожаго на долгъ, и вы не колеблетесь пожертвовать моимъ счастьемъ ради подобныхъ соображеній». Онъ умолялъ ее прислать свой портретъ, и она исполнила его просьбу. Получивъ портретъ, принцъ писалъ ей: «Цѣлыми часами я смотрю на вашъ очаровательный портретъ и мечтаю о счастьѣ, которое должно превысить все, что воображеніе можетъ дать самаго восхитительнаго». Онъ просилъ ее пріѣхать на Рейнскій водопадъ, но г-жа Рекамье не пріѣхала; она рѣшилась освободить его отъ клятвеннаго обѣщанія, и принцъ обвинилъ ее въ измѣнѣ. Ею овладѣло полное отчаяніе, и она рѣшилась на самоубійство. «Рѣшивъ разстаться съ жизнью,—писала она мужу,—я должна сказать вамъ, что сохранила до послѣдняго біенія сердца воспоминаніе о вашей добротѣ и сожалѣніе, что не была для васъ всѣмъ, чѣмъ должна быть». Она хотѣла отравиться опіумомъ, но ея двоюродный братъ, Брилья Саварэнъ, помѣшалъ ей въ этомъ. Тѣмъ и окончился первый романъ г-жи Рекамье, и хотя она продолжала вести съ принцемъ переписку, но уже въ менѣе страстномъ тонѣ, перешедшемъ впослѣдствіи въ дружескій. Они видѣлись одинъ разъ въ Сенъ-Лё у королевы Гортензіи, потомъ въ Ахенѣ въ 1818 году и въ l'Abbaye aux Bois, но ихъ свиданія были далеко не романическія, какъ прежде. Принцъ умеръ въ 1843 году, завѣщавъ возвратить г-жѣ Рекамье ея письма и портретъ. Второй ея романъ былъ страстнѣе перваго и привелъ ея поклонниковъ въ негодованіе. Героемъ его явился Шатобріанъ,

съ которымъ она познакомилась на обѣдѣ у г-жи Сталь, уже въ то время умирающей. Г-жѣ Рекамье было сорокъ лѣтъ, а ему пятьдесятъ. По ея словамъ, она такъ въ него влюбилась, что совершенно «потеряла голову», къ огорченію всѣхъ ея обожателей, и отодвинула на задній планъ ихъ спокойную дружбу. Ея друзья одинъ за другимъ хотѣли уйти, и нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Монморанси, исчезли, другіе же не скрывали своей безумной ревности. Шатобріанъ внесъ въ эту связь весь свой упрямый, авторитетный, эгоистическій, до крайности тщеславный, пристрастный, вѣчно недовольный характеръ. Но они глубоко любили другъ друга до самой смерти. Ея жизнь сложилась по-новому. Неудачныя финансовыя операціи мужа заставили г-жу Рекамье перебраться въ скромное помѣщеніе, но когда ихъ дѣла случайно поправились, они опять заняли красивую квартиру и возобновили пріемы. Шатобріанъ, отдавшись политикѣ и считая себя чуть не геніемъ-спасителемъ, интриговалъ, спорилъ и добился сначала поста посланника, а въ 1823 году даже министра иностранныхъ дѣлъ. Г-жа Рекамье въ то время была личностью вліятельной и могущественной; всѣ обращались къ ней съ просьбами: приговоренный къ тюремному заключенію Бенжамэнъ Констанъ взывалъ къ ней о помощи, генералъ Ламаркъ и Іосифъ Бонапартъ, всѣ прибѣгали къ ней съ просьбами. Опьяненный удачей, Шатобріанъ сталъ ей измѣнять съ другими и настолько зазнался, что писалъ ей: «Слава и благоденствіе моей родины начались съ моего вступленія въ министерство». Поведеніе Шатобріана относительно ея такъ огорчило г-жу Рекамье, что она въ отчаяніи уѣхала въ Италію. Вѣтреный другъ совсѣмъ ей туда не писалъ до тѣхъ поръ, пока по приказу короля его не отрѣшили отъ власти въ 1820 году. Г-жа Рекамье возвратилась въ Abbaye и Шатобріанъ пріѣхалъ туда; теперь ихъ дружба сдѣлалась трогательной и продолжалась до самой смерти. Посѣтители салона г-жи Рекамье стали иные— изъ литературнаго міра, и вечера, устраиваемые ею, посвящались чтенію. Подъ конецъ жизнь обоихъ влюбленныхъ была невеселой. Шатобріанъ устарѣлъ и все время жаловался на недуги; сама г-жа Рекамье, хотя сохранила свою обычную привѣтливость, но физически тоже страдала. Она постепенно теряла зрѣніе, и сдѣланныя ей двѣ операціи оказались безуспѣшными. Ея прежніе оставшіеся друзья одинъ за другимъ умерли. Паденіе іюльской монархіи не произвело на Рекамье и ея друга особеннаго впечатлѣнія. 4-го іюня Шатобріанъ умеръ у своей подруги, не желавшей его покинуть. Его смерть страшно ее поразила, но она не долго пережила его и черезъ десять мѣсяцевъ внезапно умерла отъ холеры 11 мая 1849 года, въ домѣ своей племянницы, г-жи Ленорманъ. Ей было въ это время семьдесятъ лѣтъ.

— Барра въ Люксембургѣ. Эдмонъ Пилонъ помѣстилъ въ «Nouvelle Revue» очень живую характеристику [1]) французскаго общества послѣ термидора, когда парижане во главѣ съ членомъ директоріи, знаменитымъ своей алчностью и развратомъ, Барра, казалось, совершенно опьянѣли отъ развлеченій. Животная радость французовъ, уцѣлѣвшихъ во время террора, доходила до полнаго экстаза, и повсюду устраивались празднества, пиры, а главное,

[1]) Barras au Luxembourg, par Pilon. «La Nouvelle Revue», 15 août, 1905.

танцы. Танцовали въ Куртилѣ, посѣщаемомъ гусарами и дѣвицами легкаго поведенія, въ Фельянѣ, въ Воксалѣ, въ Енисейскихъ Поляхъ, въ Пале-Роялѣ, въ Ранеля, въ Багателѣ и въ Тиволи, гдѣ происходили самыя циничныя пляски. Въ дворцовомъ саду уже не запирали рѣшетки, и подъ деревьями устраивались танцы. Директорія помѣстилась въ большихъ залахъ разореннаго дворца. Сначала членами директоріи были Ла-Ревельеръ, Ляпо, прежній военный инженеръ, Летурнеръ, Ревбель, Сьесъ и Барра; потомъ Сьеса замѣнилъ Карно. Прибывшихъ во дворецъ членовъ встрѣтилъ на порогѣ консьержъ съ ключами и подалъ имъ въ одинъ изъ менѣе опустошенныхъ залъ, съ уцѣлѣвшими нѣсколькими оконныя стеклами, сломанный столъ и пять съ распатавшимися ножками стульевъ. Но скоро Люксембургскій дворецъ преобразился: Барра съ перваго шага повелъ дѣло на широкую ногу, и въ то время, какъ остальные члены директоріи скромно помѣстились въ маленькомъ Люксембургскомъ дворцѣ и вели самую буржуазную жизнь, онъ потребовалъ себѣ весь бывшій Люксембургскій дворецъ и сто пятьдесятъ тысячъ содержанія на каждаго члена. Съ этого момента началось его расточительное преобразованіе дворца. Цѣлыя толпы рабочихъ принялись украшать комнаты дорогими тканями, картинами, фарфоромъ, бронзой и цвѣтами. Мало того, онъ придумалъ для членовъ директоріи богатый расшитый золотомъ мундиръ, круглую шляпу съ трехцвѣтнымъ султаномъ, а также приказалъ, чтобы на дворѣ Люксембургскаго дворца всегда находились сто сорокъ конныхъ и сто сорокъ пѣшихъ гвардейцевъ. Мирная жизнь въ маленькомъ Люксембургскомъ дворцѣ разнообразилась домашними концертами и ужинами, приготовляемыми собственноручно г-жею Ла-Ревельеръ. Совершенно иначе было во дворцѣ Барра; тамъ царствовала настоящая вакханалія, вѣчное опьяняющее веселье, и Пилонъ, описывая эти пиры, представляетъ цѣлую галлерею мужчинъ и красивыхъ женщинъ, во главѣ съ г-жею Тальенъ. Тутъ появляется Талейранъ въ своемъ широкомъ, слегка напудренномъ парикѣ, гражданинъ Эгильонъ, прежній герцогъ Ришелье, Дюплесси, пэръ Франціи, посѣщавшій Барра ради г-жи Тальенъ, художникъ Грезъ, хромой, рѣчистый Ломерсье съ поэтомъ Шенье, Доно, Вольней, герцогъ Фритцъ-Джемсъ, Буолли, Гюберъ-Роберъ, Коллэнъ д'Арлевилль, Гара, Лапла и много другихъ. Ламетъ, Феликсъ Лепелетье и Сенъ-Фаржо бывали тамъ, чтобы увидѣть г-жу Тальенъ. Сама царица директоріи, г-жа Тальенъ, играла главную роль въ салонѣ Барра. Она появлялась въ греческой туникѣ, прекрасно обрисовывающей волнистыя линіи ея красивой фигуры. Г-жа Тальенъ походила на испанку, и ея правильныя черты лица оживлялись черными, живыми глазами. Она всегда ходила въ сопровожденіи своей наперсницы, не менѣе ея очаровательной, г-жи Шато-Реньо. За ними слѣдовало цѣлое шествіе молодыхъ женщинъ, между которыми выдѣлялись г-жа Сталь и г-жа Рекамье, какъ болѣе близкіе друзья г-жи Тальенъ. Всѣ расточали похвалы царицѣ директоріи, съ цѣлью добиться ея любви. Самъ Барра въ вышитомъ золотомъ мундирѣ и въ блестящемъ плащѣ директоріи невозмутимо и спокойно шествовалъ, окруженный цѣлымъ штатомъ льстецовъ мужского и женскаго пола, заискивавшихъ его вниманія. Ему везло счастье у женщинъ, начиная съ актрисы Ланжъ, обожавшей его, и г-жи Тальенъ, кото-

рая его любила. Тальенъ ходилъ, поднявъ высоко голову, гордясь своей красавицей женой, которую онъ любилъ спокойной любовью. Директоръ Гойе тоже тамъ бывалъ въ сопровожденіи гражданъ Камбасересса и Савари. Барра важно расхаживалъ между гостями, улыбаясь всѣмъ, разговаривая съ мужчинами, раскланиваясь съ женщинами и выражая безпокойство о неявившихся гостяхъ. Въ дверяхъ «вводители гостей» громко докладывали о вновь прибывавшихъ, какъ это бывало, когда во дворцѣ жилъ братъ короля. Хрустальныя рюмки то и дѣло наполнялись дорогими винами и ликерами. Послѣ ужина садились за игорные столы; одни играли въ вистъ, другіе въ «двадцать одинъ». За однимъ столомъ находились Талейранъ, г-жа Сталь возлѣ Мирандо, г-жа Шато-Реньо и Фушэ. Г-жа Шато-Реньо и генералъ Шавембургъ устраивали азартныя игры, въ которыхъ много проигрывали самъ Барра, красавица Тереза и дерзкая Кабаррю. Въ театральныхъ представленіяхъ участвовали г-жа Конта и г-жа Рокуръ. Салонъ Барра былъ самымъ порочнымъ мѣстомъ во время республики, здѣсь больше, чѣмъ гдѣ нибудь, прожигалась жизнь, выставлялась на показъ роскошь и устраивались оргіи. Весь Парижъ стремился туда, и Ла-Ревельеръ писалъ своему товарищу: «Барра окружаетъ себя самыми подлыми главарями анархіи, самыми порочными аристократами, падшими женщинами, разорившимися людьми, мэтрессами и миньонами. Въ его домѣ совершается самый безстыдный развратъ; онъ поддерживаетъ всѣхъ грабителей—генераловъ, администраторовъ-взяточниковъ, безчестныхъ поставщиковъ и мошенниковъ-чиновниковъ. Онъ окружаетъ директорію самыми крупными разбойниками». Дворецъ Барра служилъ средоточіемъ интриги и скандальныхъ заговоровъ, и даже въ самые развратные моменты регентства не было столько распутства. Газеты занимались всѣмъ, что касалось Барра: описывали его празднества и пиршества, сообщали мельчайшія приключенія, какъ будто это были событія большой важности. Однако ему однажды едва не пришлось поплатиться за одного издателя газеты, аббата Пуанселена, выразившаго въ своемъ «Journal de France» негодованіе относительно произнесенной на празднествѣ 21-го января 1797 г. рѣчи по случаю годовщины смерти Людовика XVI. Барра произнесъ эту якобинскую рѣчь, желая уничтожить тяготѣвшее надъ нимъ подозрѣніе въ роялизмѣ, а когда узналъ о порицаніи Пуанселена, то приказалъ арестовать его и привезти въ Люксембургъ. Тамъ пятнадцать сильныхъ лакеевъ схватили его, связали ему руки и, повѣсивъ за ноги, высѣкли его кнутомъ. Возмущенный такимъ поступкомъ, молодой редакторъ его журнала осмѣлился подать на Барра жалобу судьѣ Люксембургскаго округа. Барра струсилъ, сталъ оправдываться и предложилъ Пуанселену пріѣхать въ Люксембургъ указать мѣсто, гдѣ его схватили, и какіе люди его били. Вѣроятно, Барра его подкупилъ, и онъ впослѣдствіи совершенно отрекся отъ обвиненія. Этимъ возмутилась газета «Grondeur» и напала на Пуанселена и Барра. Золотая молодежь заволновалась и на стѣнахъ дворца появились оскорбительныя надписи относительно Барра, а въ обоихъ совѣтахъ увеличилось количество недовольныхъ. Якобинцы преріаля и роялисты 13-го вендемьера задумали снова двинуться на Люксембургъ. По счастью для Барра его выручилъ пріѣздъ посланника султана Селима III, Эссеида-Али-Эффенди, благодаря чему удалось отвлечь вниманіе публики отъ

дѣла Пуанселена. Устроенныя въ честь посланника празднества были такъ блестящи, что общество забыло о скандалѣ. Всѣ стремились увидать посланника, а обѣ г-жи Барра—актриса Ланжъ и Тальенъ—наперерывъ, одна предъ другою, кокетничали и строили глазки посланнику, приводя въ восторгъ публику. Успѣхъ оказался на сторонѣ г-жи Ланжъ, и она ликовала. Напротивъ г-жа Тальенъ съ досады рыдала и обѣщалась отплатить соперницѣ. Ей это удалось, когда она появилась въ роскошномъ турецкомъ нарядѣ въ Елисейскомъ дворцѣ. Съ этого времени всѣ парижанки начали носить турецкіе наряды, тюрбаны и прически Баязетъ. Эта мода держалась очень долго, а г-жа Сталь не разставалась съ тюрбаномъ нѣсколько лѣтъ. За турецкимъ посланникомъ ухаживали всѣ хорошенькія женщины, а онъ раздавалъ имъ душистыя лепешки и розовую эссенцію. Барра смекнулъ, что надо какъ можно болѣе устраивать для народа развлеченій, чтобы удержать за собою власть, и пользовался всякимъ случаемъ для празднествъ: даже походъ въ Италію послужилъ для того предлогомъ и ежедневно въ Люксембургъ являлись курьеры и гонцы со знаменами. Еще прежде блестящаго пріема турецкаго посланника былъ устроенъ торжественный пріемъ Ожеро, тому Ожеро, что явился 19-го фруктидора съ 12.000 солдатъ ко дворцу, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, и благодаря чему Барра, Ревбель и Ла-Ревельеръ захватили власть въ свои руки. Тогда арестовали многихъ роялистовъ, между прочимъ генерала Пишегрю. Имѣя на своей сторонѣ Ожеро, Барра мечталъ привлечь и Бонапарта, и фримэра VI года онъ торжественно принялъ его. Весь Парижъ собрался на это торжество, и вечеромъ въ Люксембургскомъ саду парижане танцовали и пили. Но царству Барра наступилъ конецъ. Члены клуба «Manege» громко привѣтствовали Наполеона и требовали его возвращенія. 13-го вендемьера на празднествѣ, устроенномъ въ его честь, Сьесъ предложилъ ему свои услуги. За него же былъ Ожеро, Люсьенъ Бонапартъ, генералъ Моро, Макдональдъ, Бертье, Бернувиль, Мюратъ, Асвеберъ и множество офицеровъ. Въ то время какъ онъ самъ направился къ Сенъ-Клу въ совѣтъ Пятисотъ, Ланнъ пошелъ на Тюильри, а генералъ Моро во главѣ пятисотъ солдатъ окружилъ Люксембургскій садъ. Въ это время Барра сидѣлъ въ ваннѣ, не ожидая, что Наполеонъ будетъ дѣйствовать такъ быстро. Когда ему доложили, что дворецъ окруженъ, онъ поспѣшилъ кое-какъ одѣться, еще не давая себѣ отчета въ совершившемся: такъ онъ былъ увѣренъ, что его царству не будетъ конца. Теперь ему приходилось удалиться въ имѣніе Гробуа, куда онъ отправлялъ всѣ наворованныя сокровища. Онъ позвалъ своего секретаря Ботто и поручилъ ему написать Бонапарту ловкое, но въ то же время пошлое письмо, въ которомъ онъ выражалъ свою покорность. Г-жа Тальенъ слезами и просьбами добилась у генерала Моро разрѣшенія видѣть Барра. «Ну, что же ты дѣлаешь?—спросила она:—Бонапартъ побѣдитель, и народъ обожавшій тебя, когда ты могъ устраивать для него празднества, сегодня утромъ кричалъ и требовалъ твоей головы. Бонапартъ тебя защищаетъ противъ него. Что ты будешь дѣлать? Потерявъ власть, позаботься, по крайней мѣрѣ, о своей славѣ»... Барра пожалъ плечами и отвѣтилъ: «Что же мнѣ дѣлать, какъ не жить мирно и попросить у Бонапарта разрѣшенія жить спо-

койно въ Парижѣ? Я буду ходить въ оперу». «Это было,—говоритъ Пилонъ,—послѣднимъ политическимъ словомъ Барра». Но отвѣтъ Наполеона не являлся, и Барра провелъ ночь въ смертельномъ страхѣ; попытки его товарищей Гойе и Мулэна ни къ чему не привели, и они возвратились въ Люксембургъ, гдѣ генералъ Моро удержалъ ихъ, какъ плѣнныхъ. Наконецъ отвѣтъ пришелъ 19-го брюмера. Барра предписывалось отправиться въ Гробуа. Послѣдній разъ онъ взглянулъ на богато и роскошно украшенныя Люксембургскія залы, и отправился въ изгнаніе. Внизу ожидала карета и отрядъ драгунъ. Нѣсколько времени спустя, предъ Люксембургомъ собрались всѣ полки парижскаго гарнизона съ Ланномъ, Бессьеромъ и Мюратомъ во главѣ. Во дворцовый дворъ въѣхала коляска, запряженная шестью великолѣпными бѣлыми лошадьми; изъ нея вышелъ Бонапартъ.

— Забытый юбилей. 29-го іюля настоящаго года минуло столѣтіе со дня рожденія нѣкогда знаменитаго Алексиса де-Токвилля, но даже во Франціи торжественно не помянули его и никакимъ образомъ не прославили того, кого считали однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей новѣйшей исторіографіи. Только англійская еженедѣльная критическая газета «The Academy» сказала о немъ нѣсколько словъ, да французскій клерикальный журналъ «Le Correspondant» напечаталъ біографическій очеркъ Токвилля, назвавъ его «человѣкомъ слова и дѣла». Его имя, какъ мыслителя и ученаго, сохранилось въ академическихъ кружкахъ всей Европы, Америки и даже Россіи, гдѣ главнѣйшія его сочиненія извѣстны въ оригиналѣ и переводѣ. Въ печатающейся на столбцахъ «Вѣстника и Библіотеки Самообразованія» «серіи выдающихся новѣйшихъ историковъ» первымъ помѣщенъ очеркъ о Токвиллѣ—профессора П. Ардашева, отзывающагося о немъ съ величайшемъ сочувствіемъ. Сынъ графа Токвилля, пэра Франціи, онъ провелъ дѣтство въ родительскомъ помѣстьѣ близъ Манта, а восемнадцати лѣтъ поступилъ на юридическій факультетъ Парижскаго университета. Окончивъ курсъ, Токвилль практически посвятилъ себя гражданской службѣ, а теоретически—политической философіи. Описаніе путешествія по Италіи и Сициліи было первымъ его литературнымъ произведеніемъ, а затѣмъ на двадцать пятомъ году жизни онъ получилъ отъ правительства Орлеановъ назначеніе изучить на мѣстѣ тюрьмы и пенитенціарныя учрежденія въ Америкѣ, что̀ онъ и исполнилъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Впослѣдствіи онъ представилъ блестящій офиціальный отчетъ о своихъ американскихъ трудахъ въ двухъ томахъ, но это былъ не единственный плодъ его изслѣдованій въ Соединенныхъ Штатахъ; онъ также написалъ свое знаменитое сочиненіе въ четырехъ томахъ «О демократіи въ Америкѣ», пріобрѣтшее необыкновенную популярность во всѣхъ странахъ. Несмотря на свои основательныя, научныя достоинства, Токвилль выказалъ себя въ этомъ классическомъ трудѣ совершеннымъ доктринеромъ, и даже во дни наибольшей славы о немъ говорили: «il a l'air de savoir de toute éternité ce qu'il venait d'apprendre». Особенно большимъ успѣхомъ пользовалась его «Демократія» въ Англіи, и Гладстонъ въ разговорѣ съ Джономъ Морлеемъ называлъ автора этой книги «французомъ, ближайшимъ къ Борку». На это его собесѣдникъ прибавилъ: «Но это Боркъ блѣдный и безъ страсти; о немъ кто-то справедливо сказалъ: «Это аристократъ, хладнокровно

принявшій свое пораженіе. Онъ зналъ, что демократія восторжествовала, но сомнѣвался, принесетъ ли это пользу». На это Гладстонъ отвѣчалъ: «Я не очень-то вѣрю въ мнѣніе Токвилля; нельзя быть увѣреннымъ, говоритъ ли онъ въ пользу или противъ прогресса». Въ своей практической государственной дѣятельности онъ еще болѣе выказался доктринеромъ, хотя въ палатѣ депутатовъ при Людовикѣ-Филиппѣ и въ первое время второй республики онъ придерживался партіи умѣренныхъ либераловъ, но въ 1849 г. Токвилль перешелъ на сторону бонапартистовъ и сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Одиллона Барро. Эта политическая измѣна лучше всего доказываетъ теоретически и практически, что это былъ за человѣкъ, и Герценъ въ своихъ мемуарахъ: «Былое и Думы», прекрасно рисуетъ его нравственный портретъ. Въ іюньскіе дни 1848 г. Герценъ былъ захваченъ на баррикадахъ и отправленъ солдатами въ полицію. «Первый встрѣтившійся мнѣ человѣкъ,—разсказываетъ онъ,—былъ представитель народа, съ глупой воронкой въ петлицѣ: это былъ Токвилль, писавшій объ Америкѣ. Я обратился къ нему и разсказалъ, въ чемъ дѣло; шутить было нечего, они безъ всякаго суда держали людей въ тюрьмѣ, бросали въ Тюильрійскіе подвалы, разстрѣливали. Токвилль даже не спросилъ, кто я; онъ весьма учтиво раскланялся и произнесъ нижеслѣдующую пошлость: «Законодательная власть не имѣетъ никакого права вступать въ распоряженія исполнительной». Какъ же ему было не быть министромъ при Бонапартѣ! Но не долго оставался онъ министромъ: въ немъ заговорила совѣсть, и въ 1850 г. онъ разстался съ властью, а 2-го декабря былъ насильственно удаленъ съ политической арены, даже временно посаженъ въ Венсенскій замокъ. Послѣдніе годы его непродолжительной жизни онъ провелъ въ Англіи и Италіи, гдѣ написалъ первый томъ своего второго извѣстнаго сочиненія «Старый режимъ и революція», которое, хотя пользовалась довольно значительной популярностью, но еще болѣе служило доказательствомъ его доктринерства и рѣзкаго предубѣжденія противъ революціи. Поэтому ясно, по какой причинѣ, при всемъ классическомъ значеніи его книгъ, Токвилль въ первое свое столѣтіе уже пережилъ свою славу и не заслужилъ торжественнаго юбилея. Даже его товарищи, французскіе безсмертные, не помянули сорокапятилѣтія его смерти.

— Еще воспоминанія г-жи Аданъ. Г-жа Аданъ напечатала въ Парижѣ третій томъ своихъ «Воспоминаній», относящійся исключительно къ концу имперіи[1]) Какъ и въ первыхъ томахъ, г-жа Аданъ видитъ всѣхъ въ розовомъ свѣтѣ и такъ же разбрасывается въ своихъ воспоминаніяхъ, но внутреннюю и внѣшнюю исторію имперіи приводитъ почти день за день. О возникновеніи своего салона она разсказываетъ слѣдующимъ образомъ. Тьеръ упрекалъ г. Аданъ въ недостаточной дѣятельности: «Милѣйшій г. Аданъ, надо изо всѣхъ силъ работать противъ имперіи, такъ какъ возможна только республика». Аданъ передалъ разговоръ женѣ и прибавилъ: «Я хочу работать для республики лучше и больше, чѣмъ это дѣлаю, но что могутъ подѣлать такіе умѣренные республиканцы, какъ мы?»—«Устроить салонъ»,—отвѣтила г-жа Аданъ. Умѣренные республиканцы должны остаться умѣренными республиканцами и

---

[1]) Mes sentiments et nos idées avant 1870, par Juliette Adan. Paris. 1905.

своимъ нравственнымъ авторитетомъ сгруппировать разсѣянные элементы будущей республики. Одинъ ты съ твоимъ безкорыстіемъ можешь это сдѣлать. Если мы будемъ хорошо работать, нашъ салонъ сдѣлается центромъ этой необходимой группировки. У Тьера по вечерамъ собираются старики, у Лорана Пиша—молодежь, а у насъ надо собрать и тѣхъ и другихъ».—«Невозможно!»—отвѣтилъ Аданъ.—«Попробуемъ»,—сказала г-жа Аданъ. Они попробовали, и въ ихъ салонъ стали собираться люди всевозможныхъ мнѣній, не состоявшіе друзьями имперіи. Г-жа Аданъ хотѣла видѣть въ своемъ салонѣ молодого Гамбетту, посѣщавшаго салонъ Пишо, но ея мужъ отвѣтилъ: «Этотъ студентъ не сдержанъ, какъ на словахъ, такъ и въ обращеніи. У него до крайности южный выговоръ; онъ споритъ нагло; онъ изъ «богемы», вульгаренъ и грубъ». «Пригласимъ его!»—настаивала г-жа Аданъ.—Она наконецъ спросила о Гамбеттѣ своего пріятеля Гетцеля и услышала тотъ же отвѣтъ, что его пригласить невозможно. «Послушали бы вы, какъ о немъ отзывается Альфонсъ Додэ, который, впрочемъ, бонапартистъ,—сказалъ Гетцель: — послушали бы вы, какъ онъ рисуетъ южный кланъ Гамбетты, кланъ, состоящій изъ крикливыхъ мальчишекъ, провансальскихъ болтуновъ и шумихъ. Онъ нѣчто въ родѣ commis vayageur'а политическихъ товаровъ, оглушительный, легкомысленно вѣрящій въ себя, провинціалъ до мозга костей, къ тому же одноглазый и одѣтый, какъ попало». Но, хотя ея пріятель сказалъ, что нельзя принять Гамбетту, г-жа Аданъ все-таки, написавъ на карточкѣ приглашеніе на обѣдъ, послала его Гамбеттѣ. Ея мужъ предупредилъ Жюля Лестери объ ожидаемомъ присутствіи на обѣдѣ Гамбетты. «Я разскажу объ обѣдѣ Тьеру,—сказалъ Лестери:—я знаю, онъ интересуется этимъ молодымъ чудовищемъ». Гамбетта пріѣхалъ, по словамъ г-жи Аданъ, въ чемъ-то среднемъ между пальто и рединготомъ, какіе носятъ нѣкоторыя лица, не перемѣняющія своей одежды ни утромъ, ни днемъ, ни вечеромъ. Брюки на немъ какъ-то висѣли, жилетъ, застегнутый до верху, не соединялся плотно съ приставнымъ воротникомъ, и оттуда выглядывала фланелевая рубашка. Остальные приглашенные, также и мужъ г-жи Аданъ были во фракахъ, а сама она въ платьѣ съ открытымъ воротомъ. Хотя Гамбетту нельзя было ничѣмъ поразить, но все-таки при видѣ параднаго платья г-жи Аданъ онъ принялся извиняться, повторяя: «Если бы я зналъ, если бы я зналъ!..»—«То не пришли бы сюда,—договорила за него г-жа Аданъ:—это было бы не любезно». Впослѣдствіи онъ признался, что ожидалъ встрѣтить въ хозяйкѣ дома «синій чулокъ». Сначала Гамбетта упорно молчалъ. Лестери, разыгрывавшій въ ея салонѣ аристократа, сказалъ ей: «Пусть онъ былъ бы одѣтъ, какъ попало, свободно, по парадному, я допускаю но... это»... Г-жа Аданъ взяла его подъ руку и отвѣтила: «И все-таки, дорогой другъ, единственное средство, чтобъ обѣлить его—это дать ему первое мѣсто».—«Я похищаю его у васъ, и вы меня одобрите».—«Вы правы,—отвѣтилъ онъ,—слуги ему будутъ дурно подавать. Мы, впрочемъ, поэтому увидимъ, понимаетъ ли онъ приличіе». Г-жа Аданъ взяла Гамбетту подъ руку и посадила справа отъ себя. «Сударыня,—сказалъ онъ ей на ухо,—я никогда не забуду урока, даннаго мнѣ вами».—Г-жа Аданъ, однако, не говоритъ, какое впечатлѣніе произвелъ на ея гостей будущій диктаторъ, на нее же онъ произвелъ съ первой встрѣчи сильное впеча-

тлѣніе. Между прочимъ она приводитъ одинъ анекдотъ о Гамбеттѣ, въ которомъ знаменитая фраза: «Vive la Pologne, monsieur,—произнесенная Флокэ при пріемѣ Александра II въ судѣ во время его пріѣзда въ Парижъ, приписывается Гамбеттѣ. «Ты не можешь отрицать,—говорилъ ему Флокэ,—что ты закричалъ: «Да здравствуетъ Польша, сударь!»—«Ну, такъ что же... а потомъ? Хотя бы ты двадцать разъ повторялъ одно и то же, хотя бы у тебя было сто свидѣтелей, ты не уничтожишь легенды, и все-таки ты останешься тѣмъ господиномъ, который закричалъ императору Александру II: «Да здравствуетъ Польша, сударь!». Такъ къ чему же тогда твои вѣчные протесты? Вѣдь этотъ знаменательный возгласъ сдѣлалъ теперь изъ тебя фигуру, твое политическое счастье, и ты долженъ разъ навсегда взвалить на себя отвѣтственность за него». Г-жа Аданъ представляетъ предъ читателемъ цѣлое поколѣніе политиковъ, артистовъ, мыслителей. Отличительной чертой этого поколѣнія молодыхъ республиканцевъ, противодѣйствовавшихъ имперіи, былъ недостатокъ непрерывной связи между ихъ главными идеями относительно внѣшней и внутренней политики Франціи. Только въ одномъ они были согласны—въ безусловномъ, систематическомъ и непоколебимомъ сопротивленіи имперіи. Внѣ этого сопротивленія между ними существовало необыкновенное разномысліе. Небольшая часть этого поколѣнія, болѣе дальновидная, ясно предвидѣла судьбу политики имперіалистовъ; большинство же было слѣпо или отъ рожденія, или внезапно были ослѣплены ненавистью къ «декабрьскому человѣку». Вслѣдствіе этого случалось очень часто, что тѣ, которые всего яростнѣе нападали на союзы, войны и внѣшнія интриги имперіи, менѣе всего дѣлали это потому, что признавали ихъ напрасными или ошибочными; вѣрнѣе они дѣйствовали такъ оттого, что интриги, войны и союзы были дѣломъ Наполеона III, «его» политикой, «его» войной, «его» дипломатіей. Къ этому еще примѣшивалось необыкновенное отсутствіе наблюдательности. Тщетно нѣкоторые рѣдкіе умы, какъ Эдгаръ Кинэ, изъ своего изгнанія Эрвэ, Нефцеръ, Жирарденъ обращали вниманіе всѣхъ на происки Бисмарка, на опасность, угрожавшую всей Европѣ и особенно Франціи—ихъ голоса оставались одиноки. Самаго прозорливѣйшаго изъ нихъ, Нефцера, считали зловѣщимъ предвѣщателемъ. Среди молодыхъ революціонеровъ былъ даже злѣйшій врагъ Австріи, а слѣдовательно защитникъ прусской системы: это былъ Флокэ. Г-жа Аданъ вполнѣ раздѣляла всѣ иллюзіи и ошибки своихъ товарищей по оружію, и ея девизомъ было: «избавимтесь отъ этого правительства, и затѣмъ мы увидимъ!» Руководимая Нефцеромъ, она мало-по-малу поняла всѣ интриги Бисмарка относительно Франціи и инстинктивно стремилась къ людямъ, которые ей казались способными спасти Францію. Вѣря, что Гамбетта можетъ спасти Францію, она все-таки боялась, предчувствуя, что надъ страной разразится гроза. Эти опасенія раздѣляла съ нею Жоржъ-Зандъ, съ которой она была особенно дружна послѣ разрыва съ г-жею Д'Агу и посвятила немало страницъ воспоминаніямъ о ней. Между прочимъ Жоржъ-Зандъ такъ говорила о писателяхъ своего поколѣнія: «Всю мою молодость я жила въ искусственномъ свѣтѣ, гдѣ каждая личность была отголоскомъ другой, гдѣ всѣ хотѣли чувствовать, любить, думать иначе, чѣмъ буржуа, и чѣмъ презрѣнная толпа. Мы не доставали дна каждый моментъ, пренебрегая берегомъ, же-

лали плыть въ открытомъ морѣ надъ неизмѣримой глубиной, вдали отъ толпы далеко отъ берега, все далѣе и далѣе. Сколько изъ насъ погибло!—тѣ, которые страдали, отказывались тонуть, боролись, были выброшены на берегъ, но вставали на ноги и становились такими же людьми, какъ другіе, чрезъ соприкосновеніе съ землею и особенно съ людьми здравомыслящими или скромными. Сколько разъ я приходила въ себя среди крестьянъ! Сколько разъ они спасали и излѣчивали меня отъ Парижа! Въ настоящее время, мое дитя, жизнь, какой жила я и люди моего поколѣнія, моей среды,—не возможна. Не осталось болѣе слѣдовъ этой искусственной касты, которая предшествовала военной и слѣдовала за аристократической. Франція исчезла. Теперь болѣе не пишутъ, не думаютъ, не рисуютъ и не думаютъ иначе, какъ для численности... Артисты менѣе принадлежатъ себѣ, живутъ болѣе общей жизнью... У нихъ менѣе безумны страсти къ идеалу и больше пошлыхъ желаній; они придерживаются болѣе мѣщанской добродѣтели». Не менѣе интересный разговоръ приведенъ и г-жею Аданъ съ Меримэ: «Морни,—сказалъ онъ,—былъ убѣжденъ и передалъ это убѣжденіе императору, что Соединенные Штаты — большая угроза для Европы. Онъ хотѣлъ, чтобы въ Мексикѣ была создана большая имперія, которая покровительствовала бы и поддерживала большія и маленькія латинскія республики и составила бы изъ нихъ государство, способное сопротивляться Соединеннымъ Штатамъ». Горячая патріотка, г-жа Аданъ жаждала спасенія Франціи во что бы то ни стало, и предъ объявленіемъ войны говорила: «Говорятъ, что принцъ Орлеанскій со вчерашняго дня въ Парижѣ. Что для нихъ или для республики сегодняшній день?.. Не все ли равно, кто заберетъ власть, только бы Франція была спасена!»

— **Бѣгство императрицы Евгеніи изъ Парижа.** Американскій докторъ Томасъ Эвансъ, жившій долго въ Парижѣ во время второй имперіи, напечатаетъ на-дняхъ свои мемуары, а пока въ октябрьской книжкѣ «Century Magazine» уже помѣстилъ изъ нихъ отрывокъ[1]), относящійся къ бѣгству императрицы Евгеніи изъ Парижа въ Лондонъ, подъ покровительствомъ двухъ докторовъ—Эванса и Крэна. Прежде чѣмъ напечатать свои воспоминанія, онъ просилъ императрицу прочесть ихъ изъ боязни, чтобы въ текстъ не попало маленькихъ нескромностей. Она немедленно отвѣчала: «Напечатайте обо мнѣ все, что хотите, подъ условіемъ, чтобы это была правда». На этомъ основаніи Эвансъ разсказываетъ откровенно и чистосердечно событіе 4-го сентября. Въ день народнаго возстанія вооруженная толпа захватила Тюильрійскій дворецъ, и императрица должна была оттуда бѣжать. Между тремя и четырьмя часами австрійскій и итальянскій посланники, герцогъ Меттернихъ и синьоръ Нигра проводили ее, ея компаньонку г-жу Лебретонъ чрезъ Луврскія галлереи на площадь Сенъ-Жермэнъ Л'Оксерруа. Тутъ они нашли простой фіакръ, и обѣ дамы поѣхали однѣ на бульваръ Гаусманъ. Не заставъ означенныхъ лицъ дома, онѣ не знали, куда дѣваться, такъ какъ ихъ покинули всѣ друзья и придворные. Наконецъ императрица вспомнила о своемъ старомъ пріятелѣ,

---

[1]) The Empress Eugénie's flight from Paris. By Thomas Evans. The Century Magazine. October 1905.

зубномъ врачѣ Эвансѣ, и бѣглянки отправились къ нему на квартиру, но его также не оказалось дома, и имъ пришлось ожидать его до шести часовъ. Пріѣхавъ домой, онъ съ изумленіемъ увидалъ неожиданныхъ гостей. «Можетъ быть, вы удивлены, видя меня здѣсь,—сказала императрица,—но вы знаете, что случилось сегодня, и что правительство въ рукахъ революціонеровъ». Разсказавъ въ двухъ словахъ о своемъ бѣгствѣ, она прибавила: «Я пріѣхала къ вамъ за помощью и покровительствомъ, потому что увѣрена въ вашей преданности моему семейству. Услугу, которую я прошу у васъ для себя и для г-жи Лебретонъ, будетъ большимъ доказательствомъ вашей дружбы ко мнѣ». «Я,—разсказываетъ Эвансъ,—отвѣчалъ ея величеству, что сочту за счастье оказать ей покровительство, что я вполнѣ къ ея услугамъ и съ удовольствіемъ сдѣлаю все, зависящее отъ меня, чтобы ей помочь». Она горячо поблагодарила меня и замѣтила: «Вы видите, мнѣ измѣнило счастье, дурные дни наступили, и я осталась одна». Ея глаза наполнились слезами. Вскорѣ къ доктору Эвансу зашелъ англійскій докторъ Крэнъ, которому онъ предложилъ быть помощникомъ въ предполагаемомъ предпріятіи. Предвидѣлась большая опасность, тѣмъ болѣе, что императрица пользовалась сильной непопулярностью и рисковала быть арестованной. Послѣ продолжительнаго совѣщанія доктора рѣшили, что лучше всего имъ ѣхать вмѣстѣ съ императрицей и г-жей Лебретонъ въ четырехмѣстной каретѣ Эванса въ Довиль, близъ Трувиля, гдѣ въ это время жила жена доктора. Оттуда было недалеко добраться до Гавра, а оттуда въ Англію чрезъ Ламаншъ. Изъ Парижа слѣдовало отправиться на другое утро чрезъ города Мантъ, Эврё и Лизьё. По счастью, императрица захватила съ собою иностранный паспортъ, который оказался подписаннымъ англійскимъ посланникомъ Лаенсомъ и засвидѣтельствованъ парижскимъ префектомъ. Онъ былъ выданъ на имя англійскаго доктора, К., ѣхавшаго въ сопровожденіи паціентки, также англичанки, мистриссъ Го, брата доктора и сидѣлки. Означенныя роли были, какъ нельзя лучше, распредѣлены между четырьмя дѣйствующими лицами. Этотъ паспортъ Меттернихъ далъ императрицѣ на случай необходимости. Когда все было рѣшено, то заговорщики пообѣдали, а затѣмъ императрица удалилась въ спальню Эванса, чтобы отдохнуть, такъ какъ отъѣздъ былъ назначенъ на другое утро въ половинѣ пятаго. Что же касается докторовъ, то они всю ночь не спали и сторожили императрицу. На другой день, въ назначенный часъ они отправились въ путь. На императрицѣ было тоже черное кашемировое платье, которое, по ея словамъ, она не снимала ни днемъ, ни ночью почти съ недѣлю, такъ какъ въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ она постоянно была на ногахъ. Сверху на нее накинутъ былъ темный плащъ, и ея костюмъ дополняли узкій бѣлый воротничекъ, темныя перчатки и черная шляпа Дерби съ вуалемъ. Лицо императрицы рѣшительно ничѣмъ не было маскировано. Уѣзжая изъ дворца, она второпяхъ не взяла съ собою ни драгоцѣнностей, ни денегъ, даже никакихъ вещей, кромѣ двухъ платковъ въ небольшомъ редикюлѣ. Вся ея свита также ничего не взяла съ собою. Первое затрудненіе, которое они встрѣтили въ пути, было при выѣздѣ изъ города у городскихъ воротъ. У нихъ спросили, куда они ѣдутъ, и Эвансъ, высунувшись въ окно, отвѣчалъ, что онъ американецъ, живетъ въ Парижѣ и ѣдетъ съ друзьями за городъ.

У него даже не спросили имени и отпустили. Когда такимъ образомъ императрица очутилась за городомъ, то она видимо успокоилась и начала совершенно спокойно разговаривать о своемъ положеніи: «Мнѣ предлагали отречься отъ регентства,—говорила она,—но какъ я могла это сдѣлать? Я—делегатъ, а не самодержавное лицо. Лично я не имѣла бы ничего противъ врученія своей власти регентши представителю, но мнѣ казалось, что регентство должно быть сохранено въ интересахъ Франціи. Я полагала, что главнымъ дѣломъ былъ военный вопросъ, а потому была готова, какъ регентша, содѣйствовать кому бы то ни было, кто имѣлъ довѣріе страны. Я могла бы быть полезна во многихъ отношеніяхъ и представила бы примѣръ преданности націи. Я могла бы посѣщать лазареты, ѣздить по передовымъ позиціямъ и моимъ присутствіемъ въ опасные моменты возбуждать храбрость въ войскахъ. О, зачѣмъ мнѣ недозволили умереть на стѣнахъ Парижа!» Перейдя къ защитѣ себя отъ обвиненія въ возбужденіи войны, Евгенія такъ характеризировала французскій народъ: «У него много великихъ и блестящихъ достоинствъ, но онъ не отличается твердыми убѣжденіями и стойкостью, при этомъ онъ непостояненъ, легкомысленъ, любитъ славу, блескъ и нетвердъ въ бѣдѣ. Успѣхъ для него—мѣрило права. Во Франціи насъ сегодня уважаютъ, а завтра изгоняютъ; героевъ ставятъ на соляные пьедесталы, которые при первой грозѣ падаютъ въ грязь. Ни въ одной странѣ величественное не приближается такъ къ смѣшному, какъ во Франціи. Французская исторія постоянно повторяется. Каждое правительство послѣднія сто лѣтъ, за исключеніемъ одного, кончалось революціей или борьбой. Только нѣсколько дней тому назадъ я говорила одному изъ моихъ приближенныхъ, что никогда не выѣду изъ Тюильри въ фіакрѣ, какъ Карлъ X и Луи-Филиппъ, а сама именно это и сдѣлала». Сказавъ это, императрица громко разсмѣялась. Но чрезъ минуту она расплакалась и прибавила: «Во всякомъ случаѣ это ужасно: императоръ въ плѣну, а я бѣглянка. Все это страшный кошмаръ». Вскорѣ они проѣхали чрезъ Сенъ-Жерменъ безъ малѣйшей остановки и на большой дорогѣ, въ двѣнадцати миляхъ отъ Манта, остановились у небольшого кабачка, чтобы позавтракать и покормить лошадей. Императрица и г-жа Лебретонъ остались въ экипажѣ, а доктора вошли въ кабачекъ и купили бутылку вина, стаканы, два хлѣба, три или четыре куска сыра, толстую болонскую колбасу и ножъ. Все это они завернули въ бумагу и отнесли въ карету, гдѣ императрица отвѣдала закуску и нашла ее очень вкусной, но г-жа Лебретонъ была такъ взволнована, что совсѣмъ не имѣла апетита. Отдохнувъ путники отправились далѣе и достигли Манта въ 11 часовъ утра. Видя, что лошади совершенно утомились и не могли продолжать путь, Эвансъ рѣшилъ остановиться предъ городомъ и отправиться на поиски другого экипажа и лошадей. «Очутившись въ красивомъ Агантѣ,—разсказываетъ онъ,—я первымъ дѣломъ купилъ только что полученные «Journal Officiel» и «Figaro», въ которыхъ не было упомянуто ни слова объ императрицѣ, точно о ней всѣ забыли. Это меня значительно успокоило. Затѣмъ я подошелъ къ одному скромному на взглядъ человѣку, читавшему газеты въ дверяхъ маленькой лавочки, и спросилъ его, что новаго; онъ отвѣчалъ, что въ Парижѣ объявлена республика. Затѣмъ я спросилъ у моего со-

бесѣдника, гдѣ мнѣ найти четырехмѣстный экипажъ, чтобы поѣхать съ моими друзьями къ маркизу Р..., жившему въ своемъ помѣстьѣ близъ Манта. Онъ проводилъ меня на почту, и я долженъ былъ съ полчаса дожидаться тамъ содержателя омнибусовъ. Когда онъ вернулся, то на мой вопросъ, могу ли я нанять у него ландо въ Эвре, такъ какъ мой экипажъ и лошади не могутъ болѣе служить и находятся на большой дорогѣ, близъ города, онъ отвѣчалъ: «Я могу вамъ предложить ландо и пару лошадей только до Пасси, такъ какъ до Эвре слишкомъ далеко; но вы, конечно, можете найти тамъ такой же экипажъ». Эвансъ сторговалъ экипажъ за тридцать франковъ, и вскорѣ совершилась перемѣна экипажа, который оказался не менѣе приличнымъ, чѣмъ собственный. Путники отправились въ дорогу, и, минуя Мантъ, ландо быстро покатилось по дорогѣ къ Пасси. Едва успѣлъ Эвансъ разсказать императрицѣ о новомъ революціонномъ правительствѣ съ Трошю во главѣ, какъ она воскликнула: «Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно; онъ не могъ перейти на сторону революціи послѣ данной мнѣ торжественной присяги и клятвы въ своей преданности всему моему семейству». Порывисто вырвавъ изъ рукъ доктора «Journal Officiel», она прочитала о назначеніи правительства національной обороны и прибавила съ негодованіемъ: «Какъ могъ онъ мнѣ измѣнить? Только вчера утромъ онъ самъ добровольно клялся мнѣ честью солдата, католика и бретонца, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не покинетъ меня, пока будетъ живъ. Эти слова были сказаны съ такимъ видимымъ волненіемъ, что я не могла сомнѣваться въ его искренности. Съ того дня, какъ Трошю назначенъ былъ губернаторомъ Парижа, онъ съ гордостью кичился своей преданностью. На одномъ совѣтѣ министровъ я сказала ему: «Въ случаѣ мятежа не думайте обо мнѣ, но озаботьтесь оградить законодательный корпусъ». На это онъ отвѣчалъ съ кажущейся рѣшимостью: «Клянусь честью, что я защищу васъ, ваше величество, и палату депутатовъ». Кому же я могла довѣриться, какъ не ему, послѣ всѣхъ этихъ клятвъ и въ виду того факта, что самъ императоръ избралъ его моимъ защитникомъ?» При этихъ словахъ голосъ императрицы задрожалъ, и на глазахъ показались слезы. Ее нимало не удивляло назначеніе революціонными министрами такихъ людей, какъ Жюль Фавръ и Гамбетта, и она даже улыбалась при этомъ извѣстіи, но измѣна Трошю казалась ей чѣмъ-то невозможнымъ, чѣмъ-то подлымъ. Всѣ послѣдующіе дни она не могла забыть объ этой измѣнѣ, хотя вообще утѣшилась въ потерѣ императорской власти.—«Я скоро буду въ Англіи, — говорила она:—и увижусь съ моимъ мужемъ и съ императорскимъ принцемъ. Быть можетъ, императоръ сумѣетъ уничтожить слѣды нашего горя, и мы снова будемъ счастливы». Вообще императрица не считала дѣла императора погибшимъ и полагала, что республика была лишь временнымъ событіемъ, и война окончится миромъ между императоромъ и Пруссіей. Достигнувъ благополучно Пасси, путешественники перемѣнили экипажъ и лошадей и на слѣдующій день въ двѣнадцать часовъ наконецъ были въ Довилѣ. Войдя въ отведенную ей комнату, императрица, усталая, изнеможенная упала въ кресла и тихо прошептала: «Merci Dieu! Sauvé!» Затѣмъ она перешла въ спальню и легла въ постель, приготовленную для нея мистриссъ Эвансъ. Подушки пока-

зались императрицѣ слишкомъ раскошны и она замѣтила: «Какъ здѣсь мило; это даже слишкомъ хорошо для меня!» Этимъ оканчивается разсказъ доктора Эванса, но къ нему прибавленъ маленькій очеркъ полковника, сэра Джона Бургойна, подъ заглавіемъ: «Какъ императрица переправилась чрезъ Ламаншъ». Авторъ былъ въ 1870 году владѣльцемъ маленькой яхты «Газель» и случайно находился въ Трувилѣ, во время бѣгства французской императрицы. Докторъ Эвансъ отыскалъ его 6-го сентября и просилъ англійскаго полковника взять императрицу въ Англію на своей яхтѣ. Бургойнъ сначала не повѣрилъ его словамъ, но, убѣдившись въ пребываніи императрицы въ Довилѣ, изъявилъ согласіе способствовать ея спасенію. Вечеромъ яхта зашла въ Довиль съ Бургойномъ и его женой, а императрица съ докторомъ и госпожей Лебретонъ вышла на берегъ, словно гуляя. Бургойнъ тоже спустился на берегъ, и императрица привѣтствовала его словами: «Вы—англійскій джентльмэнъ, который берется доставить меня въ Англію?» «Я, ваше величество»,—отвѣчалъ онъ и проводилъ ее на яхту, гдѣ ее встрѣтила лэди Бургойнъ. На слѣдующій день, рано утромъ «Газель» пустилась въ путь, но ея переходъ былъ неудаченъ вслѣдствіе поднявшейся сильной бури. Однако императрица выказала необыкновенное мужество и хладнокровіе, тогда какъ докторъ Эвансъ и г-жа Лебретонъ чрезвычайно страдали отъ морской болѣзни. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что маленькой яхтѣ пришлось цѣлый день и двѣ ночи бороться съ волнами, и только на слѣдующее утро 9-го сентября она благополучно вошла въ рѣку Солентъ. Такъ была опасна эта буря, что во время ея въ Бискайскомъ заливѣ погибло большое англійское военное судно «Капитанъ». Едва высадясь на берегъ, императрица узнала, что ея сынъ въ Англіи, и черезъ нѣсколько часовъ увидѣлась съ нимъ. Нѣсколько дней спустя, она поселилась въ Чизельгурстѣ, гдѣ нашла для своего семейства удобную виллу. Въ благодарность за свое спасеніе она впослѣдствіи подарила Бургойну великолѣпные серебряный вызолоченный чайный и кофейный сервизъ. Чѣмъ же она или императоръ отблагодарили доктора Эванса за его хлопоты,—остается неизвѣстнымъ, и онъ объ этомъ ничего не говоритъ.

— **Памятникъ чешскому королю во Франціи.** По сообщенію чешскихъ газетъ 1-го октября (н. с.) на рынкѣ французскаго городка Кресси (Crésy) въ департаментѣ Somme, въ присутствіи президента города Праги, д-ра Србa, какъ представителя столицы Чехіи, и депутата въ австрійскій парламентъ д-ра Герольда, какъ представителя чешскаго народа, открытъ памятникъ чешскому королю Яну Люксембурскому. Почтенный столь необычнымъ способомъ чужимъ народомъ, король чешскій Янъ палъ геройскою смертію на полѣ битвѣ при Креси во время 100-лѣтней войны между Франціей и Англіей, 26-го августа 1346 года Не будучи ни союзникомъ, ни ленникомъ Франціи и при томъ находясь въ преклонномъ возрастѣ и потерявъ зрѣніе, Янъ съ 5.000 рыцарей поспѣшилъ на помощь тѣснимой врагами Франціи. Это былъ типъ средневѣковаго рыцаря въ лучшемъ значеніи этого слова. Знаменитый французскій лѣтописецъ Фруассаръ такъ описываетъ смерть короля Яна.

«Окружавшіе короля, видя, что битва проиграна, хотѣли увезти его съ поля. Король понялъ ихъ намѣреніе. «Что вы, Богъ съ вами, чешскій король не бѣгаетъ съ поля сраженія. Я прошу васъ и приказываю указать мнѣ, въ какомъ мѣстѣ идетъ наиболѣе ожесточенный бой, дабы я могъ еще поработать своимъ мечомъ». «Хорошо,—сказали окружавшіе короля рыцари,—мы проводимъ нашего короля въ такое мѣсто, откуда ни онъ, ни мы живыми не выйдемъ»... Сказавши это, рыцари привязали королевскаго коня къ своимъ конямъ и съ крикомъ: «Прага! Прага!»—ринулись въ водоворотъ битвы. На утро нашли 500 рыцарей, распростертыхъ на землѣ около своего короля. Король Эдуардъ, побѣдитель подъ Креси, узнавъ о смерти Яна, заплакалъ надъ останками и устроилъ торжественныя похороны маститому королю».

Четыре года тому назадъ знаменитый славистъ, французъ Луи Лежэ, возстановилъ въ памяти соотечественниковъ трогательный разсказъ Фруассара и предложилъ, путемъ сбора добровольныхъ пожертвованій, почтить память короля-богатыря, погибшаго за Францію. Призывъ г. Лежэ нашелъ, какъ видимъ, откликъ въ сердцахъ его соотечественниковъ, и на землѣ республиканской Франціи стоитъ памятникъ монарху.

— Смерть Жюля Опперта и графа Брацца. Въ концѣ августа скончался въ Парижѣ знаменитый оріенталистъ Жюль Оппертъ. Онъ родился въ Гамбургѣ 9-го іюля 1825 г. и принадлежалъ къ еврейскому семейству. Получивъ образованіе въ Гейдельбергскомъ университетѣ, по юридическому факультету, Оппертъ, однако, еще въ юные годы выразилъ наклонность къ филологіи и, перейдя въ Бонскій университетъ, изучалъ арабскій языкъ у Фридриха Фрейтага, а санскритскій—у Лассена. Кромѣ того, онъ научился зендскому и персидскому языкамъ и въ 1847 г. напечаталъ въ Берлинѣ первое свое сочиненіе: «Соціальная система древнихъ персовъ». Въ эту эпоху евреи не пользовались въ Германіи гражданскими правами, и поэтому Оппертъ не могъ занять профессорской каѳедры, и отправился во Францію съ рекомендательными письмами къ Бюрнуфу, Летранну и Молю. Благодаря дружбѣ этихъ необыкновенныхъ людей науки, онъ получилъ сначала мѣсто профессора въ Лавалѣ, а потомъ въ Реймсѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ мемуаръ о персидскомъ языкѣ, клинообразныхъ надписяхъ и т. д. въ «Journal Asiatique» и «Revue Archeologique». Въ 1851 г. Оппертъ былъ назначенъ представителемъ института въ ученой экспедиціи, отправленной французскимъ правительствомъ въ Месопотамію. Три года онъ провелъ въ Ниневіи, Вавилонѣ и на развалинахъ древнихъ городовъ Нижняго Евфрата; при этомъ онъ выказалъ глубокія знанія и, по возвращеніи въ Парижъ, получилъ права натурализаціи. Въ 1855 г. министръ народнаго просвѣщенія отправилъ его въ англійскіе и германскіе музеи съ цѣлью изучать ассирійскіе надписи и памятники, послѣ чего онъ былъ назначенъ профессоромъ санскритскаго языка при Національной Библіотекѣ и получилъ орденъ почетнаго Лагіона. Въ 1874 г. Оппертъ вступилъ въ Французскую Коллегію и преподавалъ тамъ ассирійскую филологію и археологію. Наконецъ, въ 1881 г. онъ былъ избранъ членомъ академіи надписей и беллетристики. «Всѣ посѣтители академическихъ засѣданій и торжествъ,—говоритъ Масперо

въ своемъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ Опперту въ «Journal des Debats»,—знали этого маленькаго, худенькаго человѣчка, худощаваго, подвижнаго, съ длинными сѣдыми волосами, блестящими глазами, умнымъ ртомъ и вѣчно движущимися руками. Когда онъ слѣдилъ съ живѣйшимъ вниманіемъ за чтеніями и лекціями ученыхъ сотоварищей, то на его лицѣ отражались всѣ впечатлѣнія. Онъ постоянно двигался на своемъ мѣстѣ и вполголоса выражалъ свое одобреніе или несогласіе. Любя разсужденія, Оппертъ постоянно вступалъ въ горячую полемику. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался большой добротой, замѣчательной терпѣливостью, прямотой характера и любовью къ правдѣ и наукѣ. Онъ провелъ полъ-жизни, занимаясь научными открытіями и ихъ описаніемъ, а остальную половину—критикой ученыхъ и другихъ изслѣдованій. Въ послѣднюю академическую «пятницу», которую Оппертъ по обыкновенію посѣтилъ, съ нимъ сдѣлалось дурно, и всѣ его собратія съ глубокимъ сожалѣніемъ проводили знаменитаго восьмидесятилѣтняго старца до дверей института. Чрезъ десять дней онъ умеръ».

Почти чрезъ мѣсяцъ умеръ и другой ученый изслѣдователь, графъ Чирнево-Саворньянъ де-Брацца, и хотя Франція совершенно его усыновила, но по происхожденію онъ былъ итальянскимъ славяниномъ изъ сѣверной области Венеціи. Его семейство выселилось со своей родины при Наполеонѣ, когда ихъ отечество было уступлено Австріей, и поселилось прежде въ Римѣ, а потомъ во Франціи. Молодой Пьеръ родился на рейдѣ Ріо-Жанейро 26-го января 1852 года, а воспитывался сначала въ іезуитской коллегіи въ Парижѣ, а потомъ во французскомъ морскомъ училищѣ. По выходѣ отсюда съ чиномъ офицера, онъ плавалъ съ эскадрой адмирала Кильо, который посѣтилъ Сенегалъ и Гамбію, гдѣ впервые обнаружился талантъ Брацца къ изслѣдованію невѣдомыхъ странъ. Въ 1875 году онъ добился отъ правительства отпуска и субсидіи для изслѣдованія верхняго Огуэ, по которому поднялся на 680 километровъ. Ему тогда было двадцать три года, и онъ уже предчувствовалъ, какое значеніе будетъ имѣть центральная Африка, поэтому, не жалѣя своего собственнаго состоянія, принялся подробно изучать Конго и прилегавшія къ нему рѣки. Результатомъ его путешествія было основаніе «Международной африканской ассоціаціи» и города Франквилля. Въ это же время онъ вступилъ въ сношенія съ Макокой, царемъ страны Батековъ, и заключилъ съ нимъ въ 1880 году трактатъ, по которому Франція получила протекторатъ надъ громадной территоріей, среди которой онъ основалъ второй городъ, названный въ честь его Браццавиллемъ.

По возвращеніи во Францію правительство и академія осыпали его наградами, а на слѣдующій годъ онъ снова отправился въ Африку. На этотъ разъ онъ получилъ болѣе обширную субсидію въ два милліона франковъ, и его сопровождала большая свита ученыхъ и предпріимчивыхъ людей. Съ ихъ помощью онъ увеличилъ французскія владѣнія и окончательно основалъ страну, названную французскимъ Конго. Онъ пробылъ тамъ болѣе четырехъ лѣтъ и, наконецъ, отъ усталости и перенесенныхъ опасностей занемогъ, вслѣдствіе этого ему пришлось вернуться во Францію и выйти въ отставку. Съ тѣхъ

поръ онъ жилъ спокойно и женился. Однако въ началѣ нынѣшняго года во французскомъ Конго произошли значительные безпорядки, и правительство послало туда морскую и дипломатическую экспедицію, подъ начальствомъ Браццы. Въ короткое время онъ усмирилъ непокорныхъ начальниковъ и уже возвращался во Францію, когда смерть постигла его въ Дакарѣ. Хотя, сравнительно, онъ былъ молодъ,—ему было всего пятьдесятъ три года,—но онъ уже заслужилъ громкую славу изслѣдователя далекихъ странъ, администратора колоній и ловкаго дипломата. При этомъ главнымъ его достоинствомъ было доброе и человѣколюбивое обращеніе съ туземцами.

СМѢСЬ.

Шестнадцатое присужденіе Пушкинскихъ премій. На 16-е соисканіе премій имени А. С. Пушкина поступило 26 сочиненій. Въ это число входятъ сборники оригинальныхъ, а также переводныхъ стихотвореній, романъ въ стихахъ, нѣсколько белетристическихъ произведеній, переводы Данте, Шекспира, Шиллера и нѣкоторыхъ славянскихъ авторовъ. Устранено отъ конкурса было одно и снято 5 сочиненій, кромѣ того, 16 сочиненій были не допущены къ конкурсу, какъ не отвѣчающія его условіямъ. Въ занятіяхъ комиссіи приняли участіе члены отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности академіи наукъ, — почетные академики и особо приглашенный въ комиссію приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, Д. К. Петровъ. Сужденію комиссіи подлежали слѣдующіе труды: М. А. Лохвицкая (Жиберъ): «Стихотворенія», т. V, 1902—1904 гг.; О. Н. Чюмина (Михайлова): «Божественная комедія», поэма Данте Алигіери въ новомъ стихотворномъ переводѣ, 1900 г., В. С. Лихачовъ: «Эдуардъ III», историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру; Е. Милицына: Разсказы, 1903 года. Выслушавъ отзывы гг. рецензентовъ о сочиненіяхъ, комиссія не нашла возможнымъ присудить никому изъ соискателей полной преміи А. С. Пушкина (въ тысячу рублей). Въ виду этого ей подлежало рѣшить вопросъ, не заслуживаетъ ли кто нибудь изъ соискателей половинной Пушкинской преміи, и послѣ закрытой баллотировки шарами обнаружилось, что большинствомъ голосовъ собраніе присудило по половинной Пушкинской преміи (въ 500 рублей каждая) двумъ соискательницамъ: 1) г-жѣ М. А. Лохвицкой (Жиберъ) за представленный ею сборникъ стихотвореній и драматическихъ произведеній въ стихахъ и 2) г-жѣ О. Н. Михайловой (Чюминой) за

стихотворный переводъ «Божественной комедіи» Данте Алигіери. [illegible] особенно іллюстрированное изданіе справедливымъ признать почетные отзывы В. С. [illegible] и г-жѣ Е. [illegible]. Гг. рецензентамъ за исполненные ими критическіе разборы постановлено выдать установленныя Пушкинскія золотыя медали—гг. почетнымъ академикамъ К. Р., А. А. [illegible], А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньеву, Л. Н. [illegible] и профессору университета св. Владиміра въ Кіевѣ А. И. [illegible] и приватъ-доценту С.-Петербургскаго университета Д. К. Петрову. Слѣдующій Пушкинскій конкурсъ состоится въ 1[illegible] году, срокъ для представленія сочиненій на этотъ конкурсъ назначается 29-е января 1[illegible] года.

Пятнадцатилѣтіе историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. 24-го февраля 18[illegible] года состоялось первое засѣданіе историко-филологическаго общества, и въ засѣданіи 3-го ноября 1904 года оно торжественно праздновало свое пятнадцатилѣтіе. Изъ прочитанной въ засѣданіи исторической записки секретаря общества мы заимствуемъ слѣдующія почтительныя данныя. Общество возникло по иниціативѣ 10 профессоровъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета. Ихъ цѣлью было, съ одной стороны, взаимное объединеніе на научной почвѣ, а съ другой—распространеніе въ публикѣ знаній по ихъ спеціальностямъ. Научная дѣятельность общества можетъ быть охарактеризована его засѣданіями, которыхъ было за 15 лѣтъ 189[illegible]; на нихъ было прочитано 275 докладовъ 80 лицами. Доклады касались исторіи, классической филологіи и филологіи славяно-русской и византійской. Въ области классической филологіи доклады были посвящены исторіи, эпиграфикѣ, исторіи искусства, литературы и лингвистикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Изъ докладчиковъ слѣдуетъ упомянуть профессоровъ фонъ-Штерна, Мандеса, Селиванова, Никитскаго, Павловскаго, Деревицкаго, Баршера, Корша и Мадестова. Изъ докладовъ историческаго характера большая часть посвящена была всеобщей исторіи, а изъ исторіи русской преимущественно затрогивались судьбы южной Россіи. Докладчиками въ этой области были, напримѣръ, профессора Надлеръ, Режабекъ, Аѳанасьевъ, Ардашевъ, Линниченко, Маркевичъ, Бѣлоговъ, Щепкинъ и др. Но преобладающимъ значеніемъ всегда пользовались рефераты по славяно-русской и византійской филологіи. Это повело къ образованію особаго византійскаго отдѣленія, преобразованнаго послѣ въ византійско-славянское. Иниціаторами этой мысли были профессора Ѳ. И. Успенскій, Кирпичниковъ, Коршъ, Кочубинскій, Красносельцевъ и Леонтовичъ, пріурочившіе въ 1891 г. основаніе отдѣленія къ тысячелѣтію со дня смерти патріарха Фотія. Докладчиками, кромѣ учредителей, выступали гг. Павловскій, Пападимитріу, Мочульскій, Яковлевъ, Лонгиновъ и др. Въ 1898 году состоялось преобразованіе отдѣленія, и къ новому періоду расширенной его работы относятся доклады прежнихъ сочленовъ, а на ряду съ ними и чтенія профессоровъ Истрина, Алмазова, Томсона, Лаврова и др. Наконецъ, на ряду съ чисто научными преслѣдуя и практическія цѣли, общество образовало въ 1900 году особый педагогическій отдѣлъ. Изъ его дѣятельности особенно слѣдуетъ отмѣтить живое участіе въ вопросѣ о преобразованіи русскаго правописанія. Что касается, за-

симъ, популяризаціи историко-филологическихъ знаній, то нельзя не помянуть публичныхъ лекцій, читанныхъ въ разное время профессорами Успенскимъ, Кирпичниковымъ, Базинеромъ, Нечаевымъ, Надлеромъ, Маркевичемъ, Ланге, Деревицкимъ, Истринымъ и др. Далѣе, общество отмѣчало публичными засѣданіями различные знаменательные юбилеи. Первое изъ нихъ было посвящено патріарху Фотію въ день тысячелѣтія его смерти въ 1891 году. Второе состоялось по случаю 300-лѣтія рожденія Яна-Амоса Коменскаго въ 1892 году. Третье происходило въ Елисаветградѣ въ 1892 году при открытіи памятника профессору В. И. Григоровичу, сооруженнаго по инипіативѣ общества. Четвертое публичное засѣданіе ознаменовало въ 1898 г. чествованіемъ 50-ти-лѣтія со дня смерти Бѣлинскаго, а пятое было посвящено памяти герцога де-Ришелье. Особенно же памятнымъ остается празднованіе обществомъ столѣтія со дня рожденія Пушкина. Наряду съ тѣмъ общество отмѣчало и другія литературныя годовщины и утраты спеціальными засѣданіями. Теперь скажемъ о наиболѣе, можетъ быть, цѣнной дѣятельности общества — о его издательствѣ. Оно выпустило по сей день 11 томовъ своего журнала — «Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ»,— содержащихъ массу драгоцѣннѣйшаго научнаго и литературнаго матеріала. Предсѣдателями общества за 15 лѣтъ были профессора: Некрасовъ, Успенскій, Кочубинскій, Деревицкій, Ланге; товарищами предсѣдателя — Кирпичниковъ, фонъ-Штернъ; членами правленія—Маркевичъ, Красносельцевъ, Павловскій, Истринъ; секретарями — Перетятковичъ, Никитскій, Режабекъ, Селивановъ, Щепкинъ. Въ обществѣ числится дѣйствительныхъ членовъ (съ почетными) 143, членовъ-корреспондентовъ—2, членовъ педагогическаго отдѣла—35. Привѣтствуя общество съ блистательными результатами его пятнадцатилѣтняго существованія, мы желаемъ ему дальнѣйшаго процвѣтанія на почвѣ русской науки.

Русское археологическое общество. На состоявшемся первомъ въ текущемъ академическомъ году засѣданіи классическаго отдѣленія общества, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи наукъ П. В. Никитина, секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ сдѣлалъ докладъ о научно-археологическомъ значеніи интересной находки, сдѣланной въ 1904 г. при раскопкахъ Шульца въ Кубанской области. Находка эта представляетъ образчикъ употреблявшихся въ глубокой древности металлическихъ зеркалъ. Одна сторона (блестящая) зеркала — серебряная, другая — золотая, съ цѣлымъ рядомъ любопытныхъ рельефныхъ изображеній: дикихъ звѣрей, домашнихъ животныхъ и различныхъ фантастическихъ фигуръ: гриффоновъ сфинксовъ, фигуръ, нѣсколько сходныхъ съ человѣческими, но покрытыхъ волосами, и т. д. Путемъ тщательнаго и детальнаго изученія изображеній на зеркалѣ докладчикъ пришелъ къ заключенію, что любопытная и рѣдкая находка принадлежитъ къ числу произведеній іоническаго художественнаго ремесла и занесена въ Кубанскую область, какъ можно предположить, изъ мастерскихъ Милета. По времени изготовленія она относится къ VII—VI столѣтіямъ до христіанской эры.

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 9-го октября въ залѣ географическаго общества состоялось чрезвычайное общее собраніе членовъ

кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ подъ предсѣдательствомъ Я. Н. Колубовскаго. Основнымъ предметомъ занятій собранія былъ вопросъ, какъ поступить съ пожертвованіемъ Н. А. Фирсова, завѣщавшаго кассѣ 138.885 рублей, безъ опредѣленнаго для нихъ назначенія. Ораторы предлагали использовать деньги на помѣщеніе для кассы, библіотеку, читальню, на освобожденіе членовъ отъ обязательныхъ платежей и др. Собраніе рѣшило: 1) образовать изъ капитала Н. А. Фирсова особый фондъ, которому и вести отдѣльный счетъ; 2) изъ % съ этого капитала расходовать ежегодно до 1.000 рублей на освобожденіе членовъ кассы отъ обязательныхъ платежей согласно особымъ утвержденнымъ правиламъ; 3) остальные проценты обращать на выдачу пенсій по существующимъ на этотъ предметъ правиламъ и 4) остатокъ обращать на нужды кассы по указанію общаго собранія. Далѣе собраніе утвердило проектъ представленныхъ правленіемъ правилъ для освобожденія членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ отъ обязательныхъ платежей. Собраніе почтило вставаніемъ Е. Н. Братолюбову, завѣщавшую часть своего капитала въ 5.000 рублей кассѣ на благотворительныя цѣли; рѣшено проценты съ этихъ денегъ использовать для выдачи пенсіи, при чемъ 30 рублей ежегодно идутъ на украшеніе могилы завѣщательницы. Изъ текущихъ дѣлъ было доложено о дѣятельности правленія съ цѣлью получить безплатное постоянное помѣщеніе для собраній членовъ кассы. Подъ конецъ засѣданія одною изъ участницъ кассы было сдѣлано заявленіе о желательности полнаго отдѣленія кассы отъ литературнаго фонда въ виду различныхъ мотивовъ ихъ дѣятельности и въ виду того, что касса теперь достаточно окрѣпла для самостоятельнаго существованія.

НЕКРОЛОГИ.

Кидошенковъ, Н. В. На-дняхъ въ С.-Петербургѣ скончался одинъ изъ престарѣлыхъ сенаторовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Васильевичъ Кидошенковъ, присутствовавшій въ 1-мъ общемъ собраніи правительствующаго сената. Большая часть полувѣковой службы покойнаго (онъ началъ ее съ 1852 г.), прошла по вѣдомству министерства финансовъ. Свои далеко не заурядныя способности покойный въ особенности проявлялъ, занявъ должность главнаго казначея, когда по вѣдомству финансовъ производились коренныя реформы. Н. В. Кидошенковъ состоялъ тогда однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ комиссіи по проведенію въ жизнь реформы и единства кассъ въ имперіи, а въ связи съ этимъ и по измѣненію порядка дѣлопроизводства и счетоводства въ казначействахъ. Во время турецкой кампаніи въ 1876 г. онъ былъ назначенъ главнымъ казначеемъ дѣйствующей арміи, а затѣмъ формировалъ казначейства въ Болгаріи, все время принимая участіе въ ревизіяхъ различныхъ управленій и учрежденій, функціонировавшихъ во время войны. Дальнѣйшая дѣятельность покойнаго въ мирное время сосредоточилась, до назначенія въ 1898 г. сенаторомъ, въ опекунскомъ совѣтѣ. За это время Н. В. предсѣдательствовалъ въ комиссіи по измѣненію уставовъ благотворительныхъ учрежденій, по введенію единства кассъ въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи и послѣдовательно управлялъ С.-Петербургской Маріинской и Александровской больницами для бѣдныхъ и воспитательнымъ домомъ. Въ послѣдніе годы своей служебной дѣятельности Н. В. пришлось принимать участіе въ ревизіяхъ многихъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ. Много поработалъ покойный для императорскаго русскаго географическаго общества, Маріинскаго общества о слѣпыхъ, общества Краснаго Креста, общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ.

Его энергія, не покидавшая его до послѣднихъ лѣтъ службы, и рѣдкая честность заслужили ему общее уваженіе всѣхъ знавшихъ его. Въ знакъ особой признательности къ нему чиновъ выкупного учрежденія ими учреждена въ родномъ городѣ покойнаго, Владимирѣ, въ мѣстной гимназіи стипендія его имени. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10616).

Куперникъ, Л. А. 29-го сентября въ Кіевѣ, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, скончался присяжный повѣренный Левъ Абрамовичъ Куперникъ. Покойный родился въ Вильнѣ 30-го сентября 1845 года. Окончивъ въ Кіевѣ гимназію, Л. А. поступилъ въ Кіевскій университетъ св. Владимира, откуда перешелъ въ Московскій университетъ. Будучи еще студентомъ Кіевскаго университета, онъ написалъ сочиненіе, за которое, собственно, онъ и принужденъ былъ оставить этотъ университетъ. Московскій университетъ Л. А. окончилъ 19-ти лѣтъ. По окончаніи университета онъ былъ зачисленъ кандидатомъ на судебныя должности съ перваго момента возникновенія новыхъ судебныхъ учрежденій. Свою адвокатскую дѣятельность въ Москвѣ онъ началъ совмѣстно съ княземъ Урусовымъ и сразу же занялъ видное мѣсто въ ряду русскихъ адвокатовъ. Ни одинъ громкій процессъ въ Москвѣ не обходился безъ участія Льва Абрамовича. Онъ выступалъ въ банковскомъ дѣлѣ Струсберга; также на его долю выпала защита Ковнера по дѣлу о банковскихъ хищеніяхъ, гдѣ противникомъ его выступалъ Муравьевъ, тогда еще товарищъ прокурора окружного суда. Онъ также участвовалъ въ крупныхъ политическихъ процессахъ того времени, какъ-то въ одной изъ группъ Нечаевскаго процесса и процесса 63-хъ, гдѣ занялъ выдающееся положеніе. Изъ его раннихъ уголовныхъ защитъ нужно отмѣтить процессъ кантониста Каумана, обвинявшагося въ отпаденіи отъ православія. По этому дѣлу послѣдовало сенатское разъясненіе, сущность котораго сводилась къ тому, что отпаденіе возможно, если присоединеніе къ православію сопровождалось насильственными мѣрами. Въ 1877 г. Л. А. переселился въ Кіевъ, гдѣ его дѣятельность началась еще въ прежней соединенной палатѣ. Въ 1879 г. Л. А. выступилъ общественнымъ дѣятелемъ г. Кіева въ качествѣ гласнаго Кіевской думы. Нельзя не упомянуть объ участіи Льва Абрамовича въ такихъ крупныхъ процессахъ, какъ въ кутаисскомъ о ритуальномъ убійствѣ, въ кишиневскомъ и позднѣе гомельскомъ. Вообще нѣтъ ни одного окружного суда въ Россіи, гдѣ бы не выступалъ покойный. Онъ былъ и въ Омскѣ, когда тамъ были открыты судебныя учрежденія. Живя въ Кіевѣ, Л. А. создалъ драматическое общество и былъ его предсѣдателемъ въ періодъ блестящаго развитія этого общества, когда по его приглашенію въ обществѣ участвовали Лешковская и Потоцкая. Независимо отъ участія въ спеціальной научной литературѣ («Юридическій Вѣстникъ» и др.), Л. А. немало поработалъ на научно-публицистическомъ и журнальномъ поприщахъ. Такъ, покойный былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ выходившей въ Кіевѣ въ 80-хъ годахъ газеты «Заря», съ редакторомъ которой, извѣстнымъ въ свое время присяжнымъ повѣреннымъ П. А. Андріевскимъ, былъ очень друженъ. Съ прекращеніемъ изданія «Зари» и возникновеніемъ на ея развалинахъ «Кіевскаго Слова», Л. А. первое время работалъ въ этой газетѣ. Въ послѣдніе годы Л. А. принималъ дѣятельное участіе въ кіевскихъ газетахъ:

«Жизнь и Искусство», «Кіевская Газета» и «Кіевскіе Отклики». Въ «Кіевской Газетѣ» покойный написалъ цѣлый рядъ фельетоновъ, подъ общимъ заглавіемъ «Еврейское царство», вышедшихъ затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Работалъ Л. А. и въ одесской прессѣ. Кромѣ того, помѣщалъ и въ заграничныхъ изданіяхъ нѣкоторыя статьи, которыя не могли появиться въ Россіи по независящимъ обстоятельствамъ. Л. А. готовилъ себя къ профессорской дѣятельности. Онъ еще въ 1876 году выдержалъ экзаменъ на магистра и только въ 1886 г. имѣлъ возможность въ Москвѣ прочесть въ университетѣ двѣ пробныя лекціи: «О положеніи женщины по угловному уложенію» и «О дуэляхъ». Пробныя лекціи были блестящи, но занять каѳедру ему не удалось по чисто административнымъ препятствіямъ. Популярность Л. А. была настолько велика, что на съѣздахъ криминалистовъ—въ С.-Петербургѣ и послѣднемъ кіевскомъ, онъ избирался почетнымъ предсѣдателемъ. За свою общественную дѣятельность незадолго до смерти онъ однимъ изъ первыхъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 126 ст. уг. ул. за участіе въ союзѣ адвокатовъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе неутомимая дѣятельность покойнаго за послѣдніе два года. Не было почти ни одного крупнаго политическаго процесса, въ которомъ онъ не являлся бы защитникомъ. Всѣ дѣла въ военныхъ, морскихъ и другихъ судахъ не проходили безъ его участія. Несмотря на свои 60 лѣтъ, онъ послѣдніе два года буквально провелъ въ вагонѣ и на судѣ. Послѣднимъ крупнымъ процессомъ, въ которомъ выступалъ покойный, былъ глуховской, одесскій въ военно-окружномъ судѣ и въ Звенигородѣ. Еще въ Глуховѣ онъ захворалъ, но все-таки поѣхалъ въ Одессу, послѣ чего почувствовалъ себя еще хуже, и однако отправился въ Звенигородку, откуда уже возвратился совершенно больнымъ, слегъ въ постель, и, пролежавъ двѣ недѣли, скончался отъ воспаленія легкихъ. (Некрологи его: «Кіевское Слово», 1905 г., № 6374; «Кіевская Газета», 1905 г., № 270; «Кіевскіе Отклики», 1905 г., № 270; «Одесскія Новости», 1905 г., № 6755, и «Сынъ Отечества», 1905 г., № 200).

Мартюшевъ, В. К. 12-го сентября скончался одинъ изъ героевъ послѣдней русско-турецкой войны, генералъ отъ артиллеріи въ отставкѣ, Владиміръ Константиновичъ Мартюшевъ. Дворянинъ С.-Петербургской губерніи, онъ родился въ 1836 г.; образованіе получилъ въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1855 году прапорщикомъ въ 16-ю артиллерійскую бригаду. Во время войны 1877—1878 гг., будучи въ чинѣ полковника и командуя 5-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, покойный отправился на театръ военныхъ дѣйствій и съ октября 1877 г. до февраля 1878 г. находился въ Западномъ отрядѣ генералъ-адъютанта Гурко. За это время В. К. участвовалъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ при Горномъ Дубнякѣ и взятіи въ плѣнъ всего непріятельскаго отряда, въ блокадѣ Плевны, въ артиллерійскомъ бою противъ Арабъ-Конака и Шандорника, въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ и въ другихъ сраженіяхъ. За боевыя отличія онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами, золотою саблею съ надписью «за храбрость» и высочайшимъ государя императора благоволеніемъ. Въ 1885 г. покойный произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады; въ 1895 г. былъ назна-

ченъ и. д. начальника артиллеріи Виленскаго военнаго округа и, по производствѣ въ генералъ-лейтенанты, утвержденъ въ должности, а въ 1901 году вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генералы отъ артиллеріи. Послѣднею его наградой былъ орденъ Бѣлаго Орла. В. К. сотрудничалъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», гдѣ помѣстилъ нѣсколько статей по артиллерійскимъ вопросамъ. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 200, и «Новое Время», 1905 г., № 10813).

† **Михилевичъ, А. М.** Въ Кременчугѣ скончался сотрудникъ «Южной Россіи», А. М. Михилевичъ. Покойный умеръ молодымъ, но успѣлъ поработать на газетномъ поприщѣ больше десяти лѣтъ. Какими либо особенно выдающимися внѣшними талантами покойный не обладалъ; но въ немъ былъ заложенъ высшій талантъ, какой только можетъ быть данъ человѣку: чуткая, отзывчивая, честная натура. Всѣ его корреспонденціи и «Картинки» изображали передъ читателями то людскую неправду, то ростъ общественнаго самосознанія. Новаго ничего онъ не говорилъ, но при оцѣнкѣ повседневныхъ фактовъ умѣло пользовался установившимися въ прогрессивной части общества обобщеніями. Онъ занимался преимущественно конкретной мѣстной жизнью, которую освѣщалъ въ фельетонахъ и корреспонденціяхъ. Слѣдовательно, вкушалъ всю горечь, всѣ треволненія, выпадающія на долю тѣхъ, кто «по долгу службы»—не частной, а общественной службы—обязанъ называть вещи и людей ихъ собственными именами. Тутъ и личныя обиды задѣтыхъ самолюбій, и порча отношеній, и ненависть людская, подчасъ и угрозы, и месть клеветою и иными средствами. Покойный Михилевичъ, конечно, все это извѣдалъ, но могъ утѣшиться тѣмъ, что въ своихъ писаніяхъ онъ руководствовался исключительно общественными мотивами. Онъ всегда отстаивалъ интересы слабыхъ, обиженныхъ судьбою и людьми, униженныхъ и оскорбленныхъ. И если задѣвалъ при этомъ насильниковъ и обидчиковъ, то онъ въ этомъ такъ же мало виновенъ, какъ зеркало—въ безобразіи кривой рожи. Всѣ пережитыя злоключенія онъ унесъ съ собою, но на землѣ оставилъ незапятнанное доброе имя. Уже давно злой недугъ сторожилъ свою жертву. Съ пораженными легкими онъ продолжалъ, выбиваясь изъ силъ, работать, и лишь не надолго отдыхалъ, на южномъ берегу Крыма. И теперь онъ собирался туда, но рокъ рѣшилъ иначе. (Некрологъ его: «Южная Россія», 1905 г., № 226).

† **Осиповъ, А. П.** Скончавшійся 29-го сентября членъ Кіевскаго окружного суда, Александръ Петровичъ Осиповъ, родился въ 1841 году. Окончилъ курсъ въ лицеѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ въ 1872 году. По окончаніи курса въ лицеѣ былъ зачисленъ кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ Курскаго окружного суда и въ томъ же году зачисленъ былъ на ту же должность при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, въ каковой должности находился до 1874 года, въ томъ же году былъ причисленъ къ главному управленію Восточной Сибири и въ 1875 году былъ командированъ въ распоряженіе главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири для занятій въ мужской Иркутской гимназіи. Въ 1878 году А. П. Осиповъ по болѣзни оставилъ свою должность и въ томъ же году былъ назначенъ исправляющимъ должность судебнаго слѣдователя Трокскаго уѣзда Виленской губерніи и въ послѣдующемъ

году былъ назначенъ на ту же должность въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Въ 1880 году переведенъ былъ на ту же должность въ 7-й участокъ города Кіева. Въ 1884 году назначенъ судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ при Кіевскомъ окружномъ судѣ. Въ 1887 году покойный былъ назначенъ членомъ Кіевскаго окружного суда и въ 1905 году пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. А. П. Осиповъ пользовался широкой извѣстностью знатока садоводства, которое онъ изучилъ теоретически и практически. Свои познанія по садоводству онъ примѣнялъ въ своей усадьбѣ на Куреневкѣ, гдѣ имъ разведенъ былъ прекрасный садъ. По вопросамъ садоводства покойнымъ былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей въ спеціальныхъ журналахъ. А. П. Осиповъ принималъ самое дѣятельное участіе въ Кіевскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, а затѣмъ въ отдѣлѣ общества садоводства, въ которомъ онъ состоялъ предсѣдателемъ. Въ засѣданіяхъ общества покойный неоднократно дѣлалъ доклады, устраивалъ выставки и вообще всѣми силами старался распространить раціональныя свѣдѣнія въ области садоводства. Въ послѣднее время здоровье А. П. Осипова сильно пошатнулось вслѣдствіе болѣзни почекъ и сопряженной съ ней сахарной болѣзни. Съ цѣлью поправленія здоровья онъ отправился на Кавказъ, гдѣ занозилъ ногу. Образовалась рана, которая по пріѣздѣ въ Кіевъ приняла злокачественный характеръ и повлекла за собою омертвѣніе части ноги. Въ виду серьезнаго теченія болѣзни, А. П. Осиповъ былъ перевезенъ въ больницу для чернорабочихъ, гдѣ ему была произведена ампутація ноги. Однако, медицинская помощь оказалась безсильной спасти больного, и черезъ нѣсколько дней послѣ операціи А. П. Осиповъ скончался. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 271).

† **Писаревъ, М. И.** Скончался Модестъ Ивановичъ Писаревъ. Покойный родился въ 1844 году, образованіе получилъ въ первой московской гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ же университетѣ, по окончаніи котораго поступилъ (въ 1867 году) на сцену. Значительная часть его артистической карьеры протекла въ трудныхъ условіяхъ провинціальной сцены, и только въ 1885 году онъ былъ приглашенъ въ Александринскій театръ, гдѣ и оставался до самой своей кончины. Послѣдніе четыре года онъ, правда, только числился въ спискахъ, такъ какъ болѣзнь, грудная жаба, препятствовала ему выступать на сценѣ. Послѣдній разъ онъ появился передъ публикой 2-го мая 1901 года въ роли Ревякина въ драмѣ «Кручина», и его удаленіе отъ дѣятельности явилось для публики совершеннѣйшимъ сюрпризомъ, такъ какъ ничто не говорило за невозможность для артиста принимать участіе въ спектакляхъ: даже въ этотъ послѣдній сезонъ 1900—1901 года М. И. Писаревъ сыгралъ въ 14-ти пьесахъ 60 разъ. А слѣдующей осенью появилось извѣщеніе объ устройствѣ въ Александринскомъ театрѣ спектакля въ пользу больного товарища, и скоро всѣмъ стало извѣстно, что этотъ больной товарищъ не кто иной, какъ Писаревъ. М. И. обладалъ крупнымъ талантомъ, отличавшимся къ тому же большой гибкостью. Драгоцѣннымъ свойствомъ его артистической индивидуальности была присущая ему несомнѣнная искра трагическаго, и это обстоятельство дѣлало Писарева незамѣнимымъ, особенно для нашего Александринскаго театра, такъ какъ позволяло ставить пьесы классическаго репертуара, въ ко-

торомъ Писаревъ и былъ всегда очень хорошъ, благодаря своей прекрасной сценической фигурѣ, великолѣпному голосу, способности вдохновляться переживаемымъ моментомъ и этимъ увлекать публику. Большой красотой, печатью истиннаго художественнаго вкуса были всегда отмѣчены сценическія созданія Писарева. А гибкость таланта дѣлала то, что если, съ одной стороны, онъ являлся наилучшимъ изобразителемъ Шекспировскихъ типовъ, какъ, напримѣръ, короля Лира, и, вообще, въ послѣднее время не имѣлъ соперниковъ въ области трагедіи, то, съ другой стороны, бытовой русскій репертуаръ находилъ себѣ въ Писаревѣ надежнаго выразителя. Нѣтъ ни одной мало-мальски выдающейся роли въ пьесахъ Островскаго, которой бы не игралъ Писаревъ, и такіе типы, какъ, напримѣръ, Титъ Титычъ Брусковъ («Тяжелые дни»), Безсудный («На бойкомъ мѣстѣ») и особенно Несчастливцевъ въ «Лѣсѣ» получали, освѣщенные творчествомъ артиста, яркое, удивительно жизненное и правдивое воплощеніе на сценѣ. М. И. состоялъ преподавателемъ сценической практики въ императорскомъ театральномъ училищѣ и членомъ литературно-театральнаго комитета. Послѣдніе два года М. И., чувствуя себя нездоровымъ, не игралъ на сценѣ, но занялся редактированіемъ уже вышедшаго въ настоящее время изъ печати полнаго собранія сочиненій А. Н. Островскаго. М. И. помѣщалъ статьи о театрѣ въ «Московскомъ Обозрѣніи», «Театр. и Иск.» и другихъ журналахъ и газетахъ. (Некрологи его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1905 г., № 237; «Новое Время», 1905 г., № 10628; «Петербургскій Листокъ», 1905 г., № 261; «Кіевская Газета», 1905 г., № 274, и «Харьковскій Листокъ», 1905 г., № 1904).

† **Рудченко, И. Я.** 18-го сентября, на дачѣ въ Куокколѣ, въ Финляндіи, скончался извѣстный малорусскій этнографъ, членъ совѣта министра финансовъ, тайный совѣтникъ Иванъ Яковлевичъ Рудченко. Усердный и чрезвычайно свѣдущій собиратель произведеній малорусскаго народнаго творчества, онъ съ юношескихъ лѣтъ полюбилъ свой родной народъ, постоянно находился съ нимъ въ тѣсномъ общеніи и изъѣздилъ весь югъ Россіи, записывая пѣсни, сказки, загадки, пословицы, прибаутки; часть собраннаго имъ «изъ народныхъ устъ» матеріала вошла въ его «Народныя южно-русссія сказки» (Кіевъ, 1869—1870), представляющія собой первое по времени собраніе малороссійскихъ сказокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ записаны непосредственно со словъ сказочниковъ и разныхъ лицъ, обитателей Украйны и Новороссіи. Этотъ сборникъ очень цѣнится въ нашей этнографической литературѣ, но еще болѣе цѣннымъ вкладомъ въ малорусскую этнографію является его сборникъ «Чумацкія народныя пѣсни» (Кіевъ, 1874), въ которомъ сведены варіанты всѣхъ до сихъ поръ сколько нибудь извѣстныхъ пѣсенъ, распѣвавшихся запорожскими и позднѣйшими чумаками. Кромѣ предисловія, къ этой книгѣ приложенъ большой этнографическій очеркъ: «Чумакъ въ народныхъ пѣсняхъ», предварительно напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» 1872 года. «Чумакція народныя пѣсни» обратили на себя вниманіе и за границей, благодаря статьѣ о нихъ извѣстнаго французскаго историка Альфреда Рамбо, напечатанной въ «Revue des Deux Mondes» (1875). Должную оцѣнку далъ этому сборнику И. Я. Рудченка нашъ

незабвенный ученый А. Н. Пыпинъ въ своемъ большомъ изслѣдованіи «Исторія русской этнографіи». Сборникъ «Чумацкія народныя пѣсни» пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность потому, что къ нему приложены ноты напѣвовъ и словарь менѣе употребительныхъ словъ малороссійскаго языка. И. Я. Рудченко скончался на 60-мъ году жизни. Еще студентомъ сотрудничалъ онъ въ малороссійскомъ журналѣ «Основа», а затѣмъ помѣстилъ рядъ статей въ южно-русскихъ изданіяхъ. Безвременно скончавшійся И. Я. Рудченко принадлежалъ къ числу рѣдкихъ у насъ людей, совмѣщающихъ природную даровитость съ огромною трудовою энергіей. Много поработавъ надъ крестьянскимъ дѣломъ въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, И. Я. перешелъ на службу въ министерство финансовъ и, управляя нѣсколькими наиболѣе крупными казенными палатами, выдвинулся въ качествѣ просвѣщеннаго и энергичнаго знатока податного дѣла. Многократно И. Я. вызываемъ былъ въ Петербургъ для разработки податныхъ реформъ. Между прочимъ все преобразованіе нашихъ допотопныхъ торговыхъ пошлинъ въ промысловый налогъ было, главнымъ образомъ, трудомъ И. Я., издавшаго въ теченіе этой работы два самостоятельныя изслѣдованія—по исторіи промыслового обложенія въ Россіи и современному европейскому законодательству о налогахъ съ торговли и промышленности. За огромный трудъ, понесенный И. Я. по этой реформѣ, онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ, съ возложеніемъ на него высшаго надзора за проведеніемъ на практикѣ новаго промыслового обложенія. Широкое просвѣщеніе, живой интересъ къ научному знанію, страстное отношеніе ко всякому дѣлу, съ которымъ онъ соприкасался,—все это рѣзко выдѣляло. И. Я. изъ общаго тона нашего чиновничества—инертнаго, бездарнаго и нелюбознательнаго. Такіе люди являются только рѣдкими гостями въ чиновной средѣ, будучи по натурѣ своей созданы для свободной общественной дѣятельности, увы, почти отсутствовавшей у насъ при прежнемъ режимѣ. Въ другой средѣ, въ другихъ условіяхъ дѣятельности И. Я. несомнѣнно выдвинулся бы въ качествѣ крупной величины, и неистощимая энергія его выразилась бы въ болѣе рельефныхъ формахъ. Во всякомъ случаѣ, для эпохи «безвременья» онъ проявилъ достаточную силу сопротивленія въ борьбѣ съ рутинною силою нашего приказнаго строя, ненавидящаго всякій «духъ живъ», все, что дышитъ энергіей, талантомъ, просвѣщенностью. (Некрологи его: «Кіевскія Новости», 1905 г., № 251; «Слово», 1905 г., № 263, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 207).

† **Туръ, Н. А.** Въ ночь на 7-е октября скончался сенаторъ, тайн. сов. Николай Андреевичъ Туръ, присутствовавшій въ 4-мъ департаментѣ правительствующаго сената. Покойному было отъ роду 66 лѣтъ. По окончаніи въ 1855 году курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ Н. А. былъ назначенъ на службу въ контору сенатской типографіи, а затѣмъ секретаремъ въ канцелярію общаго собранія сената, послѣ чего состоялъ сначала товарищемъ предсѣдателя петербургскаго коммерческаго суда въ качествѣ чиновника отъ правительства и въ 1872 году — предсѣдателемъ того же суда. Въ 1877 году Н. А. назначенъ былъ членомъ консультаціи при

министерствѣ юстиціи, каковую должность занималъ до 1880 г., когда получилъ назначеніе оберъ-прокурора 4-го департамента сената и черезъ годъ— оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента. Въ 1893 году Н. А. высочайше повелѣно присутствовать въ сенатѣ. Н. А. Туру принадлежитъ рядъ трудовъ по торговому законодательству и судопроизводству. Покойный имѣлъ знаки отличія до ордена Бѣлаго орла включительно. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10632).

— Пойду предупредить офицеровъ.

И онъ исчезъ.

Въ то же мгновеніе на валу появился старый Браунеръ въ сопровожденіи народа. Одной рукой онъ приподнималъ трехцвѣтное знамя, а другой махалъ своей старинной военной фуражкой и кричалъ громкимъ голосомъ:

— Къ оружію!

Вокругъ него толпа подтягивала припѣвъ Марсельезы; она сильно махала руками, призывая солдатъ 46-го полка.

Почти одновременно голова колонны 4-й артиллерійской баттареи появилась на Финкматтскомъ дворѣ.

Здѣсь были принцъ, Водрэй и весь главный штабъ: Грикуръ, Керель, Жербэ, который несъ орла; Шаллеръ, Поджи, Дюпенхоё, Петри, офицеры 3-й артиллерійской баттареи; Паркэнъ, Ломбаръ и Лэти, которые, исполнивъ данныя имъ порученія, явились пополнить возмутившіяся военныя силы.

Только одинъ Персиньи еще не присоединился.

— Къ оружію!—продолжалъ горланить Браунеръ.

— Къ оружію!—повторялъ принцъ и его друзья.

XXIII

Вскорѣ крики сдѣлались единодушны. Окна опустѣли. Въ казармахъ, на лѣстницахъ раздался топотъ, и вскорѣ обширный дворъ наполнился солдатами, прибѣжавшими съ ружьями въ рукахъ; они были, какъ въ лихорадкѣ, отъ представившагося имъ неожиданнаго и волшебнаго зрѣлища.

Увидя принца, Элеонора (такъ какъ торговка кофе была г-жа Гордонъ) пробралась среди группъ и прислонилась къ стѣнѣ. Она старалась, чтобы ея не замѣтилъ тотъ, отъ кого она хотѣла убѣжать, и никогда болѣе ему не попадаться, подъ угрозой умереть отъ стыда и горя, но все-таки она хотѣла защищать его до конца.

Она ожидала неподвижно, какъ бы застывъ, цѣпляясь руками за стѣну. На минуту ея глаза случайно поднялись, и она замѣтила Патернэ, который слѣдилъ за происходившимъ изъ окна ея комнаты. Они обмѣнялись знаками, выражавшими надежду; ихъ взгляды снова устремились на мѣсто дѣйствія.

Принцъ остановился посреди двора.

Солдаты 46-го полка, безъ начальства и большинство въ рабочей одеждѣ, не встали въ ряды. Безпорядочной толпой они окружили группу взбунтовавшихся офицеровъ.

Паркэнъ въ генеральской формѣ и Водрэй въ полной парадной формѣ выдѣлялись среди всѣхъ, благодаря своему высокому росту.

Указывая на принца, Водрэй объявилъ:

— Признайте племянника Наполеона: онъ принесетъ вамъ славу и свободу!

Солдаты съ удивленіемъ переглядывались между собою.

Только что кричавшіе громче всѣхъ: «да здравствуетъ императоръ!»—теперь молчали.

Надъ всѣми тяготѣлъ какой-то столбнякъ: ожидаемаго чуда не совершилось. Всѣ спрашивали себя, гдѣ былъ Наполеонъ, тотъ маленькій сѣдой человѣчекъ въ бѣлыхъ штанахъ и въ шляпѣ, какъ онъ изображенъ на картинкахъ въ ихъ хижинахъ, тамъ, дома,—единственный настоящій Наполеонъ, какимъ его знали по Эпинальскимъ изданіямъ, весь почернѣвшій отъ копоти, съ поникшимъ отъ тяжести генія и судьбы челомъ.

Наконецъ Водрэй сдѣлалъ знакъ своимъ артиллеристамъ, и они во все горло закричали: «да здравствуетъ императоръ!»

На этотъ разъ крики остались безъ отклика.

Принцъ взялъ знамя изъ рукъ адъютанта Жербэ и, приподнявъ, воскликнулъ:

— Солдаты, вотъ орелъ!

Пѣхотинцы подняли глаза и, увидѣли золоченую птицу, но остались нѣмы.

Принцъ опять произнесъ:

— Солдаты 46-го линейнаго полка, представляюсь вамъ съ завѣщаніемъ императора въ одной рукѣ и аустерлицкой шпагой въ другой.

Молчаніе.

Принцъ, по обыкновенію непроницаемый и хладнокровно справлявшійся съ своими впечатлѣніями, нѣсколько смутился. Однако, онъ вскорѣ оправился, и его голосъ, въ которомъ проглядывали досада и гнѣвъ, сдѣлался твердымъ.

— Солдаты,—воскликнулъ онъ:—развѣ вы останетесь глухи къ прежнимъ побѣдамъ? Вспомните Риволи...

— Три тысячи убитыхъ!—перебилъ его затерявшійся въ толпѣ голосъ.

— Маренго!—продолжалъ принцъ.

— Двѣнадцать тысячъ убитыхъ!—повторилъ голосъ.

Вѣки принца Наполеона слегка заморгали, но онъ упорно продолжалъ:

— Лучъ аустерлицкаго солнца!..

— И Березинскую луну!—издѣвался новый голосъ.

— Іену! Эйлау!

— Девятнадцать тысячъ мертвыхъ!

— Фридландъ! Экмюль! Эсслингъ!

— Въ общемъ девяносто девять тысячъ мертвыхъ!—глумясь перечислялъ зловѣщій голосъ.

Блѣдный, какъ смерть, принцъ, казалось, терялъ чувства.

— Трусы, вы считаете мертвыхъ!—вмѣшался Водрэй.—При одномъ имени Ваграмъ васъ должна бить лихорадка воодушевленія.

— Да, мы дрожимъ!—глумился зловѣщій голосъ.

— А Лютценъ! А Бауценъ!—произнесъ Водрэй.

— Для окончанія Ватерлоо!—раздался еще новый голосъ.

При этомъ словѣ по всѣмъ присутствующимъ пробѣжала дрожь. Всѣ прошептали глухимъ голосомъ, зловѣще и продолжительно:

— Ватерлоо!

Водрэй гнѣвно воскликнулъ:

— Вы забыли, что подъ предводительствомъ Наполеона вы вошли въ Берлинъ?

— А пруссаки съ Блюхеромъ въ Парижъ!—продолжалъ голосъ.

— Въ пятнадцать лѣтъ три милліона убитыхъ!—воскликнули въ толпѣ.

— Вотъ вамъ и имперія!—заключилъ первый голосъ.

— Намъ надо республику, великую, честную и сильную,—попробовалъ вмѣшаться Лэти.—Мы вамъ принесемъ ее въ складкахъ этого знамени.

— Ты намъ несешь тиранію,—возразилъ одинъ изъ голосовъ, можетъ быть, Феррана.

Толпа, стоя на валѣ, присутствуя при этихъ спорахъ издали и не улавливая подробностей, теряла терпѣніе и уже начинала сознавать, что этимъ дѣло не кончится. Марсельеза умолкла, мальчишки принялись подбирать камни.

Элеонора дрожала, но понимала, что въ данный моментъ ей не придется разыгрывать никакой роли; ее снѣдалъ ужасъ, и она царапала ногтями стѣну.

Артиллеристы Водрэя, удивленные равнодушіемъ своихъ товарищей 46-го полка, уже не издавали радостныхъ кликовъ и на всякій случай приблизились къ своему начальнику и товарищамъ для ихъ защиты, если бы это понадобилось.

Положеніе становилось затруднительнымъ. Обѣ стороны колебались; никто не зналъ, чего держаться. Однако выяснилось сопротивленіе, и оно, казалось, брало верхъ.

Въ это время прибѣжалъ подпоручикъ, по имени Пленьо, котораго призвалъ сюда Регулъ Дебарръ. Онъ силой проложилъ себѣ путь между артиллеристами и, выскочивъ въ средину главной группы, воскликнулъ съ жаромъ:

— Солдаты, васъ обманываютъ! Тотъ, кого вамъ представляютъ за племянника императора,—переодѣтый самозванецъ!

— Это—племянникъ полковника Водрэя!—воскликнулъ Регулъ, слѣдовавшій за своимъ начальникомъ.

На Пленьо и Регула набросилась толпа и хотѣла ихъ тащить, однако они были освобождены солдатами 46-го полка.

Тогда поднялась общая свалка, но мало оживленная какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Казалось, это была простая игра:

нападали съ холоднымъ оружіемъ, но удары, тотчасъ отраженные, не наносили большого вреда.

Въ это время стали прибывать офицеры 46-го полка. Прежде всего явился майоръ Салье. Водрэй быстро подошелъ къ нему.

— Майоръ, мы провозглашаемъ Наполеона II. Будьте нашимъ, кричите: «да здравствуетъ императоръ!»

— Да здравствуетъ король!—отвѣтилъ Салье.

Это было сигналомъ. Перевѣсъ остался на сторонѣ филиппистовъ.

Большинство солдатъ 46-го полка повторило крикъ.

Группу друзей Луи-Наполеона силой разсѣяли.

Грикуръ и Керель попали въ плѣнъ, Лэти также, но не безъ сопротивленія. Зачинщикамъ наносили удары оружіемъ, но плашмя. Если бы заговорщики не побоялись пролить кровь, то были бы побѣдителями, потому что артиллеристы жаждали битвы.

Высокій Паркэнъ отбивался, стоя среди толпы, которую онъ держалъ на дистанціи, когда явился громадный дѣтина, тамбуръ-мажоръ Кернъ, и, спокойно взявъ его подъ мышку, унесъ.

На 46-й полкъ стала нападать толпа съ вала, продолжая распѣвать Марсельезу.

Одни только Водрэй и принцъ Луи-Наполеонъ, основательно окруженные своими канонирами, оставались неприкосновенны.

Внезапно произошло большое движеніе, и отдѣльная борьба пріостановилась.

Появился подполковникъ Талландье.

Безъ всякой команды, безъ всякаго приказа обѣ партіи заняли позицію другъ противъ друга, выстроившись, какъ предъ битвой.

Водворилось глубокое молчаніе; каждый чувствовалъ себя охваченнымъ ужасомъ. Что произойдетъ? Прольется ли французская кровь отъ французской же руки?

Талландье явился уже обо всемъ освѣдомленнымъ; адъютантъ Эгремонъ, посланный генераломъ Вуаролемъ, объяснилъ ему все.

— Сдавайтесь!—кричалъ онъ принцу и Водрэю.

— Сдавайтесь сами!—возражалъ Водрэй:—мы—хозяева города.

— Это ложь,—вопилъ Талландье:—сдавайтесь, или я прикажу стрѣлять.

— А мы будемъ отвѣчать,—произнесъ Водрэй.

Канониры 4-го полка зарядили свои винтовки.

Элеонора, обезумѣвъ отъ ужаса, шептала про себя:

— Они убьютъ его...

Она отошла отъ стѣны и стала приближаться къ принцу.

— Заряжай!—скомандовалъ Талландье.

Въ то время, какъ солдаты 46-го полка заряжали оружіе, на нихъ посыпался градъ камней.

Взбѣшенный Талландье кричалъ, указывая на народъ:

— Стрѣляйте! Сметите мнѣ всю эту дрянь!

Ружейный залпъ разсѣкъ воздухъ.

Толпа со страха разбѣжалась, но никто не былъ убитъ: солдаты выстрѣлили въ воздухъ.

Только одинъ старый Браунеръ, казавшійся еще выше, благодаря тому, что стоялъ на откосѣ, составлявшемъ для него какъ бы подножіе, остался на мѣстѣ. Онъ безпорядочно жестикулировалъ и широко открывалъ ротъ, произнося проклятія, которыхъ никто не слышалъ.

— Снова заряжай!—скомандовалъ Талландье.

Пройдя свободное пространство, онъ направился къ противникамъ и произнесъ:

— Полковникъ Водрэй, даю вамъ двѣ минуты, чтобы сдаться, иначе васъ убьютъ,—васъ и «господина».

И онъ указалъ на принца.

Вмѣсто отвѣта Водрэй обернулся къ своимъ солдатамъ и сказалъ:

— Канониры, къ оружію!

Когда его приказаніе было исполнено, онъ прибавилъ, обращаясь къ Талландье:

— Отойдите, я прикажу стрѣлять.

И, поднявъ свою саблю, онъ громовымъ голосомъ закричалъ:

— Канониры!

Въ это время Элеонора приблизилась къ Луи-Наполеону, готовясь прикрыть его своимъ тѣломъ.

— Какъ!—воскликнулъ Талландье:—вы отдаете приказъ стрѣлять въ французовъ!

— Вы только что сами сдѣлали то же,—возразилъ Водрэй.

Артиллеристы прицѣлились изъ винтовокъ.

— Изъ-за женщины, — продолжалъ Талландье, указывая на г-жу Гордонъ.

И, охваченный внезапнымъ вдохновеніемъ, онъ прибавилъ менѣе громко:

— Изъ-за любовницы принца!..

Элеонора услышала его слова. У нея вырвался рѣзкій жестъ протеста.

Водрэй задрожалъ. Его взглядъ перебѣгалъ съ г-жи Гордонъ на принца, къ которому она прижалась въ ожиданіи ружейнаго залпа.

Блѣдный, какъ смерть, Водрэй съ минуту колебался, затѣмъ, поднявъ высоко саблю, повторилъ:

— Канониры!..

Всѣ думали, что онъ прибавитъ: «стрѣлять!»—но послѣдовало трагическое молчаніе; его рука опустилась, и хриплымъ, мрачнымъ голосомъ онъ произнесъ:

— Смирно!

Ружейные приклады ударились объ оледенѣвшую землю.

Къ принцу подбѣжалъ Талландье со словами:

— Принцъ, вы—мой плѣнникъ!

Элеонора бросилась къ Водрэю и своими гибкими руками схватила этого великана и стала трясти. Обезумѣвъ отъ стыда, опьяненная отчаяніемъ и бѣшенствомъ, она крикнула ему въ лицо:

— Подлецъ! подлецъ!.. воръ!..

XXIV.

Вечеромъ того же 30-го октября 1836 года, въ первые часы котораго висѣла гроза надъ Іюльской монархіей, королевская семья по обыкновенію собралась въ Тюильри, на половинѣ, предназначенной для патріархальныхъ, семейныхъ бесѣдъ.

Этотъ интимный уголокъ былъ расположенъ въ первомъ этажѣ между павильономъ Часовъ и павильономъ Флоры. Онъ состоялъ изъ гостиной и билліарда, откуда дверь всегда была открытой, оставляя свободнымъ сообщеніе между двумя комнатами.

Въ гостиной стоялъ большой круглый столъ, освѣщенный двумя подсвѣчниками съ рефлекторами. Около этого стола сидѣла королева Марія-Амалія, склонясь надъ пяльцами съ вышивкой. Возлѣ нея сестра короля, принцесса Аделаида, объясняла своей молоденькой племянницѣ, принцессѣ Клементинѣ, новый вышивочный шовъ. Немного поодаль принцесса Марія давала урокъ рисованія своему младшему брату, герцогу Монпансье, которому минуло двѣнадцать лѣтъ.

Хрупкая, бѣлокурая, съ большими нѣжными глазами на худенькомъ лицѣ, принцесса Марія считалась въ семьѣ артистомъ. Она была живописцемъ, скульпторомъ и поэтомъ, она обладала томной граціей и прелестью того недолговѣчнаго цвѣтка, который увядаетъ, какъ только отдастъ весь свой ароматъ. Быть можетъ, и въ этотъ вечеръ у нея уже былъ зародышъ той болѣзни, которая унесла ее, три года спустя. Это была одна изъ тѣхъ избранныхъ душъ, являющихся среди простыхъ смертныхъ слишкомъ мимолетно и безплотно, оставляя послѣ себя сіяющій и благотворный свѣтъ.

Королевскій принцъ, Фердинандъ Орлеанскій, или, какъ его называли близкіе, Пуало, болталъ возлѣ камина съ своимъ младшимъ братомъ, герцогомъ Омальскимъ, четырнадцатилѣтнимъ, страннымъ, бѣлокурымъ юношей, сухощавость котораго вслѣдствіе быстраго роста еще болѣе выдѣлялъ мундиръ съ желтымъ воротникомъ 17-го полка легкой кавалеріи.

Молодой генералъ-лейтенантъ, недавно возвратившійся съ поля сраженія въ Африкѣ, слушалъ послѣднія сплетни парижскихъ ку-

лисъ, передаваемыя смѣлымъ и скороспѣлымъ будущимъ героемъ битвы при Смалѣ.

Королевская семья не вся была въ сборѣ. Изъ восьми дѣтей Луи-Филиппа и Маріи-Амаліи трое отсутствовали. Старшая изъ нихъ, принцесса Луиза, сдѣлавшаяся бельгійской королевой, была въ Брюсселѣ при мужѣ Леопольдѣ I; герцогъ Немуръ въ то время кочевалъ въ грязяхъ Дрехана-ель-Мизана, направляясь съ Клозелемъ къ пораженію при Константинѣ; Жуанвиль, отплывшій на «Ифигеніи», посѣщалъ Іерусалимъ и Сирію, совершенствуясь въ морскомъ ремеслѣ, подъ руководствомъ Бодэна и Брюо.

За игорнымъ столомъ играли въ вистъ два молодые, но серьезные воспитателя—Троньинъ и Кювелье-Флёри. Они составляли партію генералу Аталэну, придворному кавалеру принцессы Аделаиды. Какая-то туманная атмосфера окутывала этихъ личностей. Слова, будто капли изъ капельника, падали съ ихъ губъ сдержанно, размѣренно, навѣвая сонъ. По временамъ изъ сосѣдней комнаты доносились удары билліардныхъ шаровъ.

Въ этомъ залѣ, на банкеткѣ, предъ билліардомъ сидѣлъ король, углубившись въ чтеніе многочисленныхъ громадныхъ листовъ «Times»'а, единственной газеты, которую онъ читалъ съ начала до конца.

На билліардѣ играли три свояка: Делессеръ, Бошэ и Одье, мужья трехъ сестеръ Лабордъ.

Когда Габріелю Делессеру, префекту полиціи, удалось сдѣлать великолѣпный карамбо̀ль, отворилась дверь, и появился старый баронъ Фэнъ. Онъ занималъ ту же должность начальника кабинета при Луи-Филиппѣ, какъ занималъ ее и при Наполеонѣ. Быстро подойдя къ королю, баронъ сказалъ ему что-то на ухо.

— Гм?... — отвѣтилъ Луи-Филиппъ, плохо разслышавшій, что̀ сообщилъ ему Фэнъ, такъ какъ былъ весь поглощенъ прочитанными извѣстіями изъ Лондона.

Баронъ Фенъ повторилъ:

— Альфонсъ Фуа, директоръ телеграфовъ, настойчиво требуетъ сообщить вашему величеству важную депешу.

— Пусть войдетъ,—отвѣтилъ король.

Черезъ двѣ секунды баронъ Фуа низко раскланивался предъ королемъ и подалъ бумагу.

Луи-Филиппъ медленно дважды разобралъ этотъ офиціальный документъ, и его удивленіе возростало.

— А это что означаетъ?—наконецъ спросилъ онъ.

— Государь, туманъ прервалъ сообщеніе; мы даже не очень увѣрены и въ этихъ подчеркнутыхъ словахъ.

— Делессеръ, — позвалъ король, — подойдите сюда: это васъ очень касается.

Игра прервалась, и Делессеръ подошелъ къ королю; оба его свояка, облокотясь на кіи, внимательно прислушивались. Делессеръ взялъ бумагу.

Это была копія съ депеши слѣдующаго содержанія:

«Страсбургъ. 30 октября 1836 года.

«8½ час. утра.

«Командующій дивизіей къ военному министру.

«Сегодня около 6-ти часовъ утра Луи-Наполеонъ, сынъ графини Сенъ-Лё, со своимъ приближеннымъ артиллерійскимъ полковникомъ Водрэемъ прошли по улицамъ Страсбурга съ частью...

«Вѣрно съ подлинникомъ: администраторъ телеграфной линіи. Альфонсъ Фуа».

Излишне напоминать читателю, что въ 1836 году электрическій телеграфъ Морзе былъ еще въ мечтахъ, а въ употребленіи находился единственный аппаратъ Хаппа, знаки котораго въ туманные дни становились невидимы.

Делессеръ принялся громко читать бумагу. На всѣхъ лицахъ выразилось сильное удивленіе.

— Ну, что-то скажетъ объ этомъ начальникъ полиціи?

— Государь, этотъ отрывокъ депеши мало выясняетъ дѣло. Во всякомъ случаѣ король позволитъ напомнить ему, что мое вѣдомство не простирается за границы департамента Сены и нѣкоторыхъ общинъ Сены и Оазы. Это дѣло, если дѣйствительно оно существуетъ, касается общественной безопасности королевства, то-есть министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Это справедливо,—призналъ король.—Попросите дежурнаго чиновника отыскать Гаспарена, гдѣ бы онъ ни былъ.

— А это въ моемъ вѣдѣніи,—сказалъ улыбаясь Габріель Делессеръ: — префектъ полиціи не теряетъ изъ вида министровъ, въ особенности своего. Графъ Гаспаренъ въ данный моментъ оканчиваетъ обѣдъ въ домѣ министерства народнаго просвѣщенія съ г. Гизо; онъ, по обыкновенію, даетъ ему отчетъ въ государственныхъ дѣлахъ, изъ которыхъ ни одно не ускользнетъ отъ вниманія министра внутреннихъ дѣлъ.

Хотя король былъ озабоченъ, но не могъ удержаться отъ улыбки: эпиграмма была мѣткая. Хотя Луи-Филиппъ и не доказывалъ, но онъ искренно ненавидѣлъ тиранническую педагогію Тьера и Гизо, и послѣ паденія министерства Тьера, случившагося за нѣсколько недѣль до этого дня, онъ такъ маневрировалъ, что ни тотъ, ни другой не могли захватить власти въ свои руки. Съ помощью уловки, достойной ученика г-жи Жанлисъ, королю удалось провести въ президенты совѣта графа Молэ. Луи-Филиппу легко

было внушить свою волю и идеи старому государственному человѣку, котораго Наполеонъ сдѣлалъ податливымъ.

Гизо, взбѣшенный, что его не назначили первымъ министромъ отказался отъ портфеля министерства внутреннихъ дѣлъ, но подсунулъ свою креатуру, Гаспарена, чрезъ котораго онъ тайно управлялъ этимъ важнымъ департаментомъ. Самъ же гордый глава доктринеровъ замкнулся не въ политическое министерство, а народнаго просвѣщенія, выразивъ этимъ свое презрѣніе къ общей политикѣ кабинета 6-го сентября.

Отдавъ приказъ отыскать Гаспарена, король опять занялся загадочной депешей.

— По всѣмъ признакамъ, дѣло идетъ опять о покушеніи, — сказалъ король.—Но какъ это случилось?.. Графъ Молэ сказалъ мнѣ, что за принцемъ наблюдаетъ агентъ.

— Да, — подтвердилъ Делессеръ,— нѣкій Патернэ, старшій полицейскій служака, очень ловкій и надежный; онъ у меня служилъ...

— Бошэ,—перебилъ его король, лицо котораго сдѣлалось озабоченнымъ:—ступайте и попросите сестру прійти сюда поговорить со мной... Только скажите потихоньку, чтобы не тревожить королевы.

Бошэ поклонился и пошелъ въ сосѣдній залъ.

Вскорѣ онъ возвратился, сопровождая принцессу Аделаиду, которая слыла за самаго надежнаго совѣтчика своего брата, за его Эгерію. Принцессѣ въ это время исполнилось пятьдесятъ девять лѣтъ, слѣдовательно она была младше Луи-Филиппа. Воспитанная вмѣстѣ съ братомъ г-жею Жанлисъ, согласно философскимъ идеямъ второй половины XVIII вѣка, по евангелію Жанъ-Жака Руссо, она вышла умной и разсудительной женщиной, въ то же время очень доброй.

— Что случилось, государь? — спросила она, немного встревоженная, находясь всегда настороже въ той атмосферѣ заговоровъ и покушеній, въ какой жила въ продолженіе шести лѣтъ королевская семья.

— Возьми и прочитай,—сказалъ король.

Она прочитала и, возвращая депешу, произнесла:

— Возможно ли? Это—тотъ молодой человѣкъ, который намъ казался такимъ незначительнымъ, когда явился къ намъ 31-го со своей матерью послѣ своего безразсуднаго предпріятія въ Италіи... Это, должно быть, не больше, какъ шалость школьника.

— Очень возможно, — сказалъ король. — Но все-таки что же намъ дѣлать? Что ты посовѣтуешь?

— Надо подождать, сначала надо узнать подробности... Если это серіозно, то придется послать Пуло.

— Пуло?

— Да. Предположимъ, что молодому Луи удалось вскружить тамъ нѣкоторыя головы, а потому молодости надо противопоставить молодость, королевскаго принца — принцу-узурпатору. Пуло красивъ, отваженъ и изященъ. Вы знаете, государь, какъ обаятельно онъ дѣйствуетъ на толпу.

— Ты, какъ всегда, совершенно права, моя добрая Аделаида. Вернись къ королевѣ, которую можетъ встревожить эта тайная бесѣда, и пришли ко мнѣ Пуло.

Въ это время вошелъ президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Молэ. За нимъ слѣдовали министры военный и внутреннихъ дѣлъ. Всѣ они и посланный теткой герцогъ Орлеанскій по знаку Луи-Филиппа прошли въ кабинетъ короля, гдѣ заперлись для переговоровъ.

Трое свояковъ—Делессеръ, Бошэ и Одье, возобновили свою партію на билліардѣ.

XXV.

Освобожденный нѣсколькими офицерами изъ зловонной тюрьмы, префектъ Шоппенъ д'Арнувиль водворился попрежнему въ своемъ домѣ. Съ самаго момента своего освобожденія онъ не переставалъ прославлять зятя стараго Браунера, называя его геніальнымъ человѣкомъ, который только одинъ видѣлъ ясно, и сожалѣя, что его слушали...

Такимъ образомъ Корнильонъ торжествовалъ.

Наконецъ префектъ потребовалъ его къ себѣ и помѣстилъ въ собственномъ кабинетѣ въ качествѣ чрезвычайнаго конфиденціальнаго секретаря, на котораго возложилъ обязанность распутать вмѣстѣ съ собою всѣ нити этого безразсуднаго заговора.

Въ этомъ самомъ кабинетѣ, украшенномъ со строгой роскошью темной великолѣпной тканью, мы находимъ ихъ обоихъ въ тотъ именно часъ, когда баронъ Фэнъ вводилъ Альфонса Фуа съ отрывками его депеши въ билліардную Тюльирійскаго дворца.

Шоппэнъ д'Арнувиль сидѣлъ предъ громаднымъ бюро и оканчивалъ, исправляя знаки препинанія, чтеніе доклада объ утреннихъ событіяхъ, который только что продиктовалъ Корнильону.

Предъ бюро почтительно стоялъ Мишель Летцъ, комиссаръ центральной полиціи Страсбурга, ожидая, когда начальникъ заговоритъ съ нимъ.

Въ другомъ концѣ комнаты сидѣлъ за маленькимъ столомъ Корнильонъ и принималъ офиціальныя бумаги изъ рукъ курьера.

Этотъ курьеръ только что сошелъ съ лошади, и на его грубыхъ сапогахъ оставались слѣды снѣга. На немъ была кожаная на барашковомъ мѣху куртка и плоская фуражка съ золотымъ галуномъ, надвинутая на самыя уши. Изъ-подъ нея виднѣлась

лишь нижняя часть краснаго бритаго лица, окаймленнаго громадными сѣдыми бакенбардами.

По мѣрѣ того, какъ курьеръ выгружалъ свою сумку, Корнильонъ пробѣгалъ глазами содержаніе депешъ и отмѣчалъ карандашомъ на углу каждой административной бумаги указанія: «Въ бюро паспортовъ»... «Въ первое отдѣленіе»... «Личныя дѣла»... «Частная полиція дворца, конфиденціально»...

На этомъ своякъ Максъ Финка прервалъ свое перечитываніе и вполголоса произнесъ:

— О, о! теперь я понимаю, почему посланъ спеціальный курьеръ.

Онъ всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ префекту и положилъ передъ нимъ пакетъ.

Затѣмъ, возвратившись къ курьеру, спросилъ его:

— Это все? болѣе ничего нѣтъ?

Курьеръ сдѣлалъ знакъ, обозначающій, что его сумка пуста.

— Ну, такъ, молодецъ, вы можете располагать вашимъ временемъ. Васъ позовутъ, когда депеши г. префекта будутъ готовы.

Курьеръ, ни слова не говоря, вышелъ.

Перечитавъ докладъ, Шоппэнъ д'Арнувиль оттолкнулъ едва высохшіе листы и обратился къ комиссару центральной полиціи съ вопросомъ:

— Итакъ, г. Летцъ, Персиньи исчезъ?

— До сихъ поръ всѣ поиски оказались безплодными, — отвѣчалъ Летцъ. — Но я вполнѣ увѣренъ, что онъ не могъ покинуть Страсбурга: генералъ-лейтенантъ заперъ всѣ выходы съ площади еще прежде окончанія мятежа.

— Когда вы потеряли слѣдъ негодяя, который осмѣлился арестовать меня въ моей квартирѣ и заключить въ зловонную тюрьму?

— Во время безпорядковъ, въ концѣ борьбы; его видѣли, какъ онъ старался пробраться въ Финкматтскія казармы на помощь къ товарищамъ, но рѣшетка была заперта, и онъ тщетно пробовалъ ее расшатать. Когда онъ увидѣлъ, что все было кончено, и что принцъ съ своими сообщниками арестованъ, то распустилъ канонировъ, которые сопровождали его съ утра...

— Это тѣхъ, что такъ намяли мнѣ ребра,—прервалъ префектъ съ злопамятствомъ.

— Затѣмъ онъ исчезъ, убѣгая; его видѣли входящимъ въ домъ, гдѣ женщина Гордонъ имѣла квартиру.

— И его не схватили тотчасъ же?—спросилъ префектъ грубымъ голосомъ.

— Это было не возможно, г. префектъ. Я явился въ Финкматтъ съ небольшимъ отрядомъ агентовъ, которыхъ едва хватило, чтобы сопровождать инсургентовъ въ Новую тюрьму. Когда они были водворены туда, я тотчасъ же отправился на квартиру г-жи Гордонъ, которую нашелъ занимавшеюся сжиганіемъ бумагъ въ печкѣ.

— Что это были за бумаги? Вы ихъ захватили?

— Онѣ были почти всѣ уничтожены. Я могъ захватить только нѣсколько біографій принца Наполеона и мѣшечекъ съ сотнею золотыхъ дукатовъ. Все это я вручилъ королевскому прокурору.

— Г-жа Гордонъ была одна?

— Нѣтъ, съ нею былъ агентъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Патернэ...

— Патернэ? Что же онъ тамъ дѣлалъ?

— Онъ сказалъ мнѣ, что захватилъ главныя бумаги и самъ ими займется.

— Видѣлъ ли кто Патернэ? — спросилъ живо префектъ Корнильона.

При имени стараго агента Корнильонъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Патернэ?—повторилъ онъ, казалось, припоминая это имя.— Ахъ, да, парижскій полицейскій... Я не знаю, куда онъ дѣвался, онъ съ утра не показывался. Не очень-то онъ долженъ гордиться въ данное время; онъ ничего не вѣдалъ о заговорѣ.

— А Персиньи?—спросилъ префектъ, не теряя изъ вида своей злобы къ нему.

— Улетѣлъ!—отвѣтилъ комиссаръ.—Но я замѣтилъ на диванѣ одежду офицера главнаго штаба, которая, очевидно, была тамъ оставлена, и я понялъ, что г. Персиньи исчезъ переодѣтый, пока я водворялъ его сообщниковъ въ тюрьму.

— Ахъ, разбойникъ, его-то мнѣ и надо!—гнѣвно воскликнулъ префектъ, и такъ сильно ударилъ кулакомъ по бюро, что всѣ находившіеся на немъ предметы закачались.

Комиссаръ центральной полиціи далъ префекту излить свой гнѣвъ. Затѣмъ онъ съ робостью доложилъ:

— Королевскій прокуроръ требуетъ всѣхъ виновныхъ... Какъ я долженъ поступить съ г-жею Гордонъ?

— Какъ? вы ея не заключили еще въ тюрьму?

— Я думалъ, г. префектъ, что вы пожелаете ее лично допросить; можетъ быть, чрезъ нее узнается...

— Гдѣ она?

— Здѣсь, г. префектъ. Я оставилъ ее внизу у вашего привратника.

— Неосторожный человѣкъ, а если она убѣжитъ.

Комиссаръ отважился улыбнуться и прибавилъ:

— Она подъ строгимъ присмотромъ.

Префектъ съ минуту раздумывалъ.

— Хорошо, сударь, сейчасъ я велю ввести эту женщину. Что касается васъ, то вы можете удалиться. Даю вамъ двадцать четыре часа для отысканія Персиньи. Если вамъ это не удастся, то васъ отрѣшатъ отъ должности.

Полицейскій комиссаръ понурился и, низко кланяясь, вышелъ. Префектъ принялся шагать по кабинету.

— Ахъ, Корнильонъ, я васъ не цѣнилъ. Вы одинъ были правы. Но васъ вознаградятъ за вашу проницательность и стараніе. Въ ожиданіи, я васъ взялъ изъ бюро и возвысилъ до званія моего частнаго секретаря.

Корнильонъ казался тронутымъ, но въ то же время съ едва уловимой ироніей отвѣчалъ:

— Конечно, г. префектъ, я очень вамъ благодаренъ за вашу доброту; но я долженъ замѣтить, что, какъ обыкновенный чиновникъ, я получалъ двѣ тысячи четыреста франковъ, тогда какъ секретарь—только тысячу восемьсотъ франковъ...

— А честь, г. Корнильонъ?—возразилъ префектъ.—Король будетъ извѣщенъ о вашемъ поведеніи, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ...

— Король!..—прошепталъ обольщенный Корнильонъ.

Онъ больше не настаивалъ.

— Вотъ и мой докладъ,—сказалъ Шоппэнъ д'Арнувиль.—Вы сложите его и адресуйте графу Гаспарену, министру внутреннихъ дѣлъ. Курьеръ все тамъ?

— Да, г. префектъ.

— Онъ можетъ отправиться сегодня вечеромъ.

— Я думаю.

— Вы пошлите его, какъ можно скорѣе. Ахъ, однако, не ранѣе, чѣмъ я прикажу его позвать къ себѣ. У меня есть другія порученія въ Парижъ. Скажите, чтобы ввели пѣвицу. Я оставлю ее подъ вашимъ надзоромъ. Меня ожидаютъ въ залѣ всѣ городскіе чиновники; они явились ко мнѣ съ поздравленіями. Хорошенько слѣдите за этой женщиной. Я недолго тамъ останусь.

И онъ вышелъ.

XXVI.

Пять минутъ спустя, Элеонору ввели въ святая святыхъ префектуры.

Когда за нею затворилась дверь, то въ прихожей раздалось бряцанье ружейныхъ прикладовъ.

— Брр!...—воскликнула весело пѣвица, все еще страшно блѣдная, но съ сверкавшими отъ мужества глазами.—Вотъ замѣчательно исполненное tutti. А все-таки слишкомъ много ружей для одной женщины.

Она взглянула вокругъ себя и увидѣла только Корнильона, который смотрѣлъ на нее съ наивнымъ восторгомъ; онъ никогда еще не видалъ такой красивой женщины и такой нарядной.

Само собой разумѣется, что г-жа Гордонъ, очутившись дома, замѣнила лохмотья торговки кофе подходящимъ къ ея положенію нарядомъ, который носилъ всѣ признаки ея обычнаго изящества.

— Сударь,—сказала она секретарю,—не будете ли вы столь добры сказать мнѣ, гдѣ я нахожусь?

— Въ кабинетѣ префекта Нижняго Рейна,—отвѣтилъ Корнильонъ съ обычной торжественностью.

— Ахъ, очень хорошо. А гдѣ же вашъ префектъ? Я не прочь возобновить съ нимъ знакомство. Мнѣ его представили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ у генерала Вуароля.

— Г-на префекта нѣтъ, но не угодно ли вамъ, сударыня, сѣсть. Г. префектъ не замедлитъ явиться.

Корнильонъ учтиво подвинулъ арестованной кресло.

— Благодарю васъ, сударь, — отвѣтила она, награждая его улыбкой,—вы первая хорошо воспитанная личность, съ которой я имѣю дѣло со времени моего ареста.

Корнильонъ скромно отвѣтилъ:

— Я королевскій чиновникъ, сударыня.

На это замѣчаніе не послѣдовало отвѣта.

Воцарилось молчаніе.

Прекрасное лицо Элеоноры снова сдѣлалось задумчивымъ и огорченнымъ. Корнильонъ поднялъ глаза, чтобъ разсмотрѣть ее, и не могъ удержаться, чтобы мысленно не воскликнуть:

— Чортъ возьми! Какая она хорошенькая!

Вдругъ г-жа Гордонъ спросила его:

— Могу ли я написать, сударь, одно слово?

Новый секретарь вытаращилъ глаза, какъ онъ это дѣлалъ всегда, обдумывая трудную задачу.

— Написать?... Чортъ возьми, не знаю, долженъ ли я...

Но онъ недолго колебался.

Онъ всталъ еще предупредительнѣе и учтивѣе, чѣмъ прежде, и, указывая на свое мѣсто, произнесъ:

— Отчего же, сударыня, сколько вамъ угодно. Не желаете ли присѣсть сюда?

— Ба! чѣмъ мы рискуемъ?—разсуждалъ онъ самъ съ собою.— Можетъ быть, это послужитъ средствомъ многое узнать.

Элеонора сняла перчатки и принялась писать, обернувшись спиною къ входной двери.

Корнильонъ, ни въ чемъ болѣе не сомнѣваясь, чувствовалъ себя прекрасно на высотѣ своего величія, спокойно усѣлся за бюро префекта и принялся переписывать докладъ префекта. Занимаясь этимъ дѣломъ, онъ вполголоса говорилъ:

— Патернэ! Патернэ! вотъ чья репутація преувеличена! Если бы меня слушали съ перваго дня, то Франція избѣжала бы печальнаго зрѣлища военнаго возмущенія... Чортъ его знаетъ, что съ нимъ стало?... Ахъ, если бы г. префектъ вмѣсто того, чтобы заставлять меня снимать копіи съ докладовъ, поручилъ мнѣ отыскать Персиньи, этого Манюэля, который имѣлъ нахальство поселиться

у меня... у меня, подъ моимъ кровомъ!—я живо отыскалъ бы его... Безъ сомнѣнія, эта старая лиса разыскиваетъ его.

Онъ остановился и поднялъ глаза.

На его бумагѣ отразилась чья-то тѣнь.

Это былъ курьеръ, безъ шума вошедшій въ ожиданіи приказаній; на его сѣдомъ черепѣ попрежнему красовалась фуражка.

— Ахъ, вотъ и вы? Ну, что же вы не много отдохнули? Знаете, надо отправиться сегодня вечеромъ... Послушайте-ка, вы могли бы снять фуражку!

Курьеръ не шевельнулся.

— Вы не слышите! Ну, снимайте же, чортъ возьми! Вы здѣсь не въ конюшнѣ.

Курьеръ стоялъ невозмутимо.

— Фуражку!--кричалъ Корнильонъ,—фуражку! А, да вы глухой?

Курьеръ попрежнему не шевелился.

— Точно чугунный!—воскликнулъ Корнильонъ и еще громче закричалъ:

— Готовы ли вы къ отъѣзду?

Курьеръ два раза кивнулъ головой.

Секретарь обрадовался и произнесъ:

— Онъ говоритъ знаками: это глухонѣмой.

Курьеръ исполнилъ цѣлую серію жестовъ, указывая послѣдовательно на бумаги, лежавшія на бюро, и на свою сумку, которую онъ широко открылъ.

— Да, да,—отвѣтилъ Корнильонъ, до безумія развеселившійся,— докладъ, сумка, министръ... Ступайте въ прихожую, васъ позовутъ... Въ прихожую!

Курьеръ стоялъ, какъ мраморный.

— Чортъ возьми! пусть остается, если ему это нравится. Хорошо же правительство, которое посылаетъ къ намъ глухонѣмого.

И онъ снова принялся за свою переписку.

Когда онъ выводилъ послѣдній штрихъ, въ дверяхъ показался сторожъ и сказалъ:

— Г. секретарь, васъ просятъ на телеграфъ.

— На телеграфъ, чортъ возьми! Безъ сомнѣнія, это министръ... Иду.

Онъ поднялся, но внезапно остановился въ раздумьѣ и, посмотрѣлъ на Элеонору, которая продолжала писать, совершенно углубившись, не слыша, не видя, что вокругъ нея происходило.

— Не могу же я оставить ее одну... Ахъ, вотъ мысль!.. онъ вернулся къ бюро префекта и написалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги.

Курьеръ, обернувшись спиною, внимательно разсматривалъ картины, украшавшія кабинетъ министра.

Корнильонъ подошелъ къ нему и сунулъ ему подъ самый носъ квадратный листочекъ бумаги.

Курьеръ, прочитавъ написанное на листочкѣ, два, три раза кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Тогда Корнильонъ вышелъ, оставивъ его слѣдить за пѣвицей.

Послѣдняя, не замѣтившая пантомимы, происходившей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, продолжала оканчивать свое письмо.

Она перечитывала, и на ея блѣдномъ, страдальческомъ лицѣ отражалось страстное выраженіе.

«Г. Персиньи,—читала она,—могъ бѣжать. Я осталась, чтобы прикрыть его бѣгство, а также позвольте мнѣ вамъ это сказать, чтобы раздѣлить вашу участь. Моя радость велика: чрезъ нѣсколько минутъ я буду жить въ сосѣдней съ вашей тюрьмѣ»...

Она сложила письмо и спрятала его у себя на груди.

— Я найду любезнаго тюремщика, который передастъ его принцу. Ахъ, если бы Патернэ былъ тамъ!...—прибавила она, вставая.

Въ эту минуту она услышала позади себя легкій шумъ.

— Пст!... Пст!...

Она обернулась и впервые замѣтила курьера.

Онъ подходилъ къ ней, заглушая свои шаги и насторожившъ уши.

— Молчите!—сказалъ онъ тихо,—не шумите и не кричите!

При звукѣ этого голоса она вздрогнула, взглянула внимательно на курьера, потомъ внезапно произнесла:

— Персиньи!

— Да, это я, молчите!

— Какъ!... Здѣсь!... Я думала, что вы...

— Дѣйствительно, я долженъ бы находиться далеко отсюда, но городскія ворота были уже заперты... Тогда Патернэ пришла мысль, и онъ предложилъ мнѣ переодѣться. Я вспомнилъ объ урокахъ гримировки, которые я видѣлъ въ вашей ложѣ, и вотъ я явился министерскимъ курьеромъ.

— Какъ вы за это взялись? А если васъ узнаютъ? Этотъ префектъ, котораго вы арестовали, оскорбляли...

— Патернэ, благодаря своей должности, получилъ на почтѣ административные конверты. Это дало мнѣ доступъ. Что касается префекта, онъ меня не увидитъ. Чрезъ четверть часа я буду скакать по большой дорогѣ, захвативъ съ собою къ правительству офиціальный отчетъ о нашемъ необдуманномъ предпріятіи.

— Въ Парижѣ васъ узнаютъ.

— Нѣтъ, я такъ загримируюсь, что не узнаютъ. Да, впрочемъ, не все ли равно! Надо же чѣмъ нибудь рискнуть. Не думаете ли вы, что я признаю себя побѣжденнымъ? Я отправляюсь въ Парижъ подготовить побѣгъ принца и вашъ.

— О, вы его спасете? не правда ли?—спросила она, сложивъ руки съ мольбою.

— Я васъ всѣхъ спасу или оставлю тамъ свою шкуру!— отвѣтилъ Персиньи, въ глазахъ котораго сверкнула отвага и рѣшимость. — Какъ ты его любишь! — прибавилъ онъ съ нѣжной шуткой.

— Я его люблю еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ несчастенъ,—сказала, вздохнувъ, красавица-пѣвица трогательнымъ голосомъ.

Онъ долго на нее смотрѣлъ, и въ его взглядѣ можно было прочитать сожалѣніе.

Вдругъ они отошли другъ отъ друга: въ сосѣдней комнатѣ кто-то шелъ.

Это былъ Патернэ.

— Неосторожные!... Префектъ и Корнильонъ идутъ за мною. Г. Персиньи, вы не можете оставаться въ этомъ кабинетѣ. Если васъ увидитъ префектъ, онъ ни на минуту не ошибется.

— Мнѣ поручили слѣдить за г-жею Гордонъ,—сказалъ улыбаясь ложный курьеръ.

— Чортъ возьми! тогда не надо дозволить ей исчезнуть... Ну, такъ, я васъ смѣню и возьму на себя обязанность караулить ее. Ступайте!

Персиньи приблизился къ Элеонорѣ.

Они оба были очень взволнованы и, протянувъ другъ другу руки, произнесли:

— Прощайте!...

— Прощайте!...

— Счастливаго успѣха!

— Мнѣ немного стыдно уѣзжать, оставивъ васъ узницей.

— Отчего же?... Развѣ это не требуется для того, о чемъ вы только что сказали? Вы—мозгъ, душа дѣла: вы должны остаться свободны.

— Я не могу привыкнуть къ мысли, что вы съ вашими привычками къ изящному, съ вашей страстью къ независимости будете заключены въ тюрьму.

— Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я сдѣлала,—сказала молодая женщина, печально вздыхая.—Я дала принцу самое большое доказательство преданности, какое только можетъ дать влюбленная женщина: я принадлежала другому, чтобы оказать ему услугу.

Персиньи вздрогнулъ. Онъ поблѣднѣлъ подъ румянами, покрывавшими его лицо, но, какъ всегда, скоро овладѣлъ собою и произнесъ:

— Онъ никогда этого не узнаетъ.

— Да я-то знаю.

— Живо, вотъ они!—вмѣшался Патернэ.

Онъ толкнулъ Персиньи въ прихожую, гдѣ попрежнему ожидали жандармы Элеоноры.

Въ комнату быстро вошелъ префектъ въ сопровожденіи Корнильона.

— Ахъ, г. Патернэ, наконецъ-то мы узнаемъ новости... Персиньи...

Патернэ хотѣлъ отвѣтить, но префектъ замѣтилъ Элеонору.

— Сейчасъ, сударь,—сказалъ онъ жестомъ, отпуская его:—я васъ позову.

И, обращаясь къ Корнильону, онъ прибавилъ:

— Удалитесь и ожидайте моихъ распоряженій.

— Хорошо, г. префектъ, но прежде...

Онъ протянулъ бумагу.

— Что это?

— Это пропускъ для курьера.

Префектъ взялъ перо и подписалъ.

Патернэ и Корнильонъ исчезли.

XXVII.

Префектъ жестомъ пригласилъ Элеонору сѣсть. Въ его движеніи была смѣсь любезности свѣтскаго человѣка и важности чиновника, находившагося въ присутствіи личности, возставшей противъ существующаго порядка. Самъ онъ помѣстился за письменнымъ столомъ.

Потомъ, небрежно играя карандашемъ, онъ произнесъ:

— Вотъ вы и моя узница, сударыня. Можно ли было предсказать подобное событіе три мѣсяца тому назадъ, на вечерѣ у Вуароля, когда вы очаровали весь Страсбургъ?...

Элеонора перебила его съ обычной непринужденностью и улыбаясь:

— Все случается, сударь.

— Какъ мы съ женою были поражены, когда узнали, что вы замѣшаны въ этомъ дерзкомъ предпріятіи!—продолжалъ префектъ тѣмъ же тономъ.

— Какъ поживаетъ ваша жена?—спросила необыкновенно спокойно г-жа Гордонъ.

Префектъ сдѣлалъ испуганное движеніе и машинально отвѣтилъ:

— Недурно.

Но сейчасъ же, измѣнивъ тонъ и стараясь быть строгимъ, произнесъ:

— Прежде чѣмъ передать васъ въ руки правосудія, я обязанъ приступить къ первому допросу, предназначенному для представленія министру внутреннихъ дѣлъ.

Затѣмъ, немного повременивъ, онъ спросилъ ее тономъ судьи:

— Ваше имя и фамилія?

Элеонора улыбнулась и съ кошачьей шаловливостью начала заигрывать съ правительственной мыслью.

— О, г. префектъ, — сказала она: — развѣ я произвела на васъ такое ничтожное впечатлѣніе, что вы ихъ даже забыли?

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ префектъ.—Ваши годы?

— Этотъ вопросъ совершенно безполезенъ для политики.

— Скажемъ... двадцать пять лѣтъ.

Онъ это записалъ и спросилъ:

— Ваше мѣстожительство?

— Но... оно у васъ, г. префектъ.

Чиновникъ выпрямился.

— У меня?

— Да въ ожиданіи того, какое вы мнѣ назначите.

— Ваши сообщники?

— Никого, потому что мы не имѣли успѣха.

Префектъ поднялъ глаза и, увидѣвъ прелестную ироническую улыбку на лицѣ г-жи Гордонъ, подумалъ: «Чортъ возьми, она изъ ловкихъ. Придется держать ухо востро!»

— Такъ вы ничего не хотите говорить?—снова принялся онъ допрашивать.

— Я?—воскликнула Элеонора чистосердечнымъ тономъ.—Напротивъ, г. префектъ, я только этого и прошу. Со времени Ароненберга, гдѣ, какъ вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, я только что провела нѣсколько дней, мнѣ не пришлось бывать въ такомъ историческомъ помѣщеніи...

Она встала, осмотрѣла комнату и, шагая по ковру своей волнистой походкой, продолжала:

— У васъ очень хорошо, но, къ несчастію, здѣсь нѣсколько картинъ... Я могу о нихъ говорить, не опасаясь оскорбить васъ: вѣдь это не вашъ выборъ, а вкусъ «центра». Ба! портретъ короля!...

Она остановилась и долго разсматривала его въ лорнетъ, затѣмъ произнесла:

— Очевидно, вы не можете раздѣлять со мною мнѣнія, а, главное, не рѣшитесь высказать его; но, по-моему, въ этомъ бѣдномъ монархѣ ничего нѣтъ королевскаго.

— Сударыня...—попробовалъ возразить префектъ.

Но Элеонора невозмутимо продолжала:

— Я не знаю, какимъ будетъ принцъ Луи-Наполеонъ, когда сдѣлается императоромъ,—а онъ непремѣнно достигнетъ этого,—но я знаю, что онъ не будетъ такимъ... Напрасно у васъ этотъ портретъ, г. префектъ: онъ служитъ оправданіемъ всѣхъ заговоровъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, я не могу дозволить подобныхъ сарказмовъ относительно его величества даже женщинѣ, какъ бы

она ни была красива и остроумна,—возразилъ префектъ.—Вернемся къ серіознымъ предметамъ.

— Но то, что я говорю, очень серіозно,—отвѣтила г-жа Гордонъ:—это служитъ всему объясненіемъ. Я—артистка, и меня возмущаетъ все уродливое: Луи-Филиппъ—король, и я составляю противъ него заговоръ. Если это достойно казни, то, г. префектъ, прикажите воздвигнуть для меня гильотину.

И Элеонора обворожительно захохотала, обнаруживъ свои прелестные зубы.

Префектъ былъ покоренъ и не нашелся, что отвѣтить. Однако, наполовину стряхнувъ съ себя иго этой хорошенькой женщины, онъ возражалъ попрежнему веселымъ тономъ.

— Вамъ не предстоитъ такая трагическая развязка, но все-таки вы отвѣтите предъ правосудіемъ за вашъ достойный порицанія поступокъ...

— Достойный порицанія?—перебила его г-жа Гордонъ, широко открывъ глаза.

— По меньшей мѣрѣ, вы участвовали въ подготовленіяхъ мятежа.

— А я думала, что соблюдаю самыя чистыя традиціи Орлеановъ,—съ удивленіемъ перебила его Элеонора.

— Гм?.. Какъ? Какимъ образомъ?—спросилъ префектъ, подскочивъ отъ испуга.

— Не доходя до Филиппа-Эгалитэ, мнѣ кажется...

Она подмигнула по направленію къ портрету короля.

— Мнѣ кажется...

— Сударыня,—воскликнулъ префектъ,—давность пріобрѣтена исторіей.

Но Элеонора была неумолима и продолжала упорствовать.

— Мнѣ кажется, что его знаменитый предшественникъ, другой герцогъ Орлеанскій, не отговаривалъ мятежниковъ. Вы видите, что примѣръ идетъ свыше, и предъ судьями я не буду нуждаться въ сказкахъ.

— Полноте, сударыня, вы, разумѣется, безконечно умны, но перестаньте шутить; подумайте, насколько это важно.

— Не очень-то. Прежде всего это—исторія, а исторія становится серіозной только, когда въ нее вмѣшиваются историки. До тѣхъ поръ это лишь «дневникъ приключеній».

— Съ вами трудно бороться, сударыня,—сказалъ префектъ опечаленнымъ тономъ.—Однако надо возвратиться...

И, желая поймать свою противницу врасплохъ, онъ внезапно ее спросилъ:

— А гдѣ Персиньи?

— Вамъ очень хочется его арестовать?—спросила пѣвица, не выдавая себя.

— Конечно! Онъ меня осрамилъ... При томъ это—самый опасный агентъ банапартистскаго заговора.

— Это—правда,—отвѣтила г-жа Гордонъ:—Персиньи—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей нашего времени. Онъ настолько уменъ, что все постигаетъ, настолько хладнокровенъ, что все предвидитъ, и смѣлъ, чтобы исполнить все задуманное,—у него все есть, и онъ будетъ первымъ министромъ.

— Первымъ министромъ! Еще бы!

— Какъ! вы еще не удовлетворены совершенными арестами, которые покроютъ васъ славою? Посчитаемъ: вы захватили племянника императора, полковника Водрэя, Лэти, Паркэна, Кереля, Гринура, Берка, котораго, несмотря на всю его осторожность, вы тоже арестовали,—наконецъ, меня... цѣлыхъ восемь фигуръ картины, восемь крупныхъ фигуръ, а вамъ еще нуженъ Персиньи.

— Сударыня, мой долгъ...

— Г. префектъ, въ данный моментъ, когда происходитъ нашъ разговоръ, въ Парижѣ, въ роскошномъ и знаменитомъ многими событіями домѣ улицы Сенъ-Флорентэнъ, медленно угасаетъ одинъ старикъ, среди непрерывнаго ряда успѣховъ. Этотъ старикъ самымъ разумнымъ образомъ руководилъ своей жизнью, и его карьера была самая удачная, какую только можно видѣть. Онъ былъ, какъ и вы, г. префектъ, догадливымъ и осторожнымъ государственнымъ мужемъ и сумѣлъ удержаться,—что я говорю удержаться?—сумѣлъ быть посредникомъ партій, во время цѣлыхъ пяти послѣдовательныхъ правительствъ. Онъ всѣмъ имъ служилъ и самъ пользовался ими одинаково ловко. Ну, такъ, если бы этотъ знаменитый старикъ, дивный образецъ чиновниковъ прежнихъ, настоящихъ и будущихъ,—князь Шарль-Морисъ Талейранъ-Перигоръ былъ здѣсь, то съ обычнымъ лукавымъ добродушіемъ онъ повторилъ бы вамъ свое правило: «Поменьше усердія, г. префектъ, поменьше усердія!»

— Сударыня...—попытался возразить ей Шоппенъ д'Арнувиль, осчастливенный сравненіемъ съ Талейраномъ.

Но Элеонора не дала ему себя перебить и продолжала:

— Онъ вамъ также сказалъ бы, что непрочность престоловъ внушаетъ всѣмъ, окружающимъ тронъ, быть осторожными, и что вѣрность королю не исключаетъ преданности своей должности.

— Сударыня...

— Кокетничать, только кокетничать съ противникомъ царствующаго правительства — это почти навѣрняка сдѣлаться пріятнымъ правительству, которое наслѣдуетъ первому. Одна попытка не удалась—другая можетъ имѣть успѣхъ.

Префектъ поднялъ голову.

— И на другой день побѣды побѣдители, составляя перечень новыхъ сановниковъ, спросятъ себя: «Кто этотъ префектъ, кото-

рый былъ съ нами когда-то учтивъ, догадливъ и остороженъ?» И когда они вспомнятъ его имя, то, повѣрьте, за ними ничего не пропадетъ даромъ.

Префектъ былъ почти ошеломленъ. По его лбу струился потъ; онъ раздумывалъ: «Что это за женщина? Какое странное захватывающее существо, какое прелестное чудовище! вмѣстѣ съ тѣмъ какой голосъ, сколько души, какая виртуозность!» А Шоппенъ д'Арнувиль могъ быть судьею: онъ въ этомъ понималъ толкъ и былъ почтеннымъ меломаномъ, первокласснымъ исполнителемъ камерной музыки, которымъ очень дорожили въ іюльскихъ салонахъ.

Совершенно очарованный, префектъ не зналъ, какъ себя держать: строгій и усердный чиновникъ былъ въ немъ сильно поколебленъ дилетантомъ, поддавшимся артистическому очарованію. Однако, надо же ему что нибудь сказать! Обладая такимъ же количествомъ ума, какъ и мужества, выказаннаго имъ утромъ, онъ вышелъ изъ затрудненія очень игриво:

— Меня болѣе не удивляетъ, сударыня, что можно осмѣлиться такъ рисковать съ подобной партнершей, какъ вы въ вашей игрѣ; но для меня совершенная неожиданность, чтобы изъ такихъ хорошенькихъ устъ могли раздаваться столь мудрые совѣты. Я не обѣщаю вамъ слѣдовать имъ, но увѣренъ, что никогда ихъ не забуду.

Элеонора, продолжая улыбаться, поклонилась ему и ожидала, что̀ будетъ далѣе.

Префектъ хотѣлъ продолжать разговоръ, какъ внезапно отворилась дверь, и вошелъ Патернэ.

— Еще что? Зачѣмъ меня безпокоятъ? Ахъ, это вы, г. Патернэ! Ну, что же Персиньи?

Патернэ прикинулся огорченнымъ и отвѣчалъ:

— Попрежнему ничего, г. префектъ... Я принесъ подписать вашъ докладъ.

— Дайте мнѣ его. Ахъ, я забылъ вамъ сказать, — произнесъ онъ, подписывая бумагу:—этотъ курьеръ долженъ возвратиться въ Страсбургъ съ слѣдующей почтой.

— «Ты его не дождешься!»—подумала Элеонора.

— Я хотѣлъ бы съ нимъ поговорить,—сказалъ префектъ, передавая докладъ.

Онъ принялся рыться въ бумагахъ, что-то разыскивая.

— Поговорить съ нимъ?—спросилъ полицейскій:—это трудно: вѣдь онъ глухонѣмой.

— Глухонѣмой? Министерскій курьеръ?

— Это служитъ гарантіей его скромности, — произнесла г-жа Гордонъ, поправляя складки своей юбки.

— Странная мысль—взять курьеромъ глухонѣмого!—продолжалъ префектъ, шаря во всѣхъ своихъ карманахъ.—Ну, такъ я дамъ ему всѣ мои приказанія письменно. Ахъ, чортъ возьми, куда я сунулъ списокъ, который мнѣ дала жена? Ахъ, вотъ онъ! Велите войти курьеру.

Патернэ и Элеонора обмѣнялись испуганными взглядами.

— Можетъ быть,—попробовалъ протестовать Патернэ,—г. префектъ окажетъ мнѣ... довѣритъ мнѣ... я передамъ...

Старый полицейскій, по обыкновенію, увѣренный въ себѣ и всегда вооруженный противъ всякихъ нечаянностей, теперь буквально обезумѣлъ при мысли, что Персиньи появится предъ глазами префекта, который неминуемо разоблачитъ его переряженіе.

— Ну, что же? — сказалъ д'Арнувиль, — чего же вы ждете? Позовите этого человѣка, я хочу съ нимъ самъ объясниться.

И пока Патернэ ему повиновался, онъ читалъ вполголоса записку жены:

«У Леонтины, въ Пале-Роялѣ взять корсетъ-шаль, если готовъ, и привезти. У Антуанетъ, на бульварѣ Тампль—ботинки изъ gros de naples, по имѣющейся у нихъ мѣркѣ. У Сандоза узнать, готовы ли серьги, которыя дала въ починку. У Биротто, въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре, спросить шелковую фанзу, такіе же пантолоны» и т. д.

Далѣе префектъ продолжалъ читать только глазами.

Тѣмъ временемъ въ комнату вошли Персиньи, Патернэ и Корнильонъ.

Персиньи, снявъ фуражку и высоко поднявъ голову, какъ бы готовясь лицомъ къ лицу встрѣтить опасность, направился прямо къ префекту.

Патернэ стоялъ, положивъ руку на ручку двери, приготовясь ко всякимъ случайностямъ. Корнильонъ сѣлъ на прежнее мѣсто и принялся внимательно разсматривать курьера.

Элеонора, поблѣднѣвъ, встала со своего мѣста и, не удаляясь отъ своего любовника, съ ужасомъ ожидала, что̀ будетъ; ея нервы были натянуты.

Префектъ, опустивъ вѣки, читалъ, а, быть можетъ, о чемъ нибудь раздумывалъ.

Въ комнатѣ водворилось тягостное молчаніе.

Наконецъ д'Арнувиль поднялъ глаза и, увидѣвъ курьера, долго и пристально разглядывалъ его.

Во время этого осмотра, показавшагося нѣкоторымъ изъ присутствующихъ нескончаемымъ, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ префекта. Быть можетъ, въ его глазахъ вспыхнуло легкое пламя, но оно тотчасъ же потухло, прежде чѣмъ его замѣтили присутствующіе.

Курьеръ столь же невозмутимо, какъ его vis-à-vis, ожидалъ, что̀ будетъ. Онъ будто застылъ въ своей неуклюжей позѣ стараго на-

ѣздника и съ угрюмымъ равнодушіемъ относился къ окружающимъ.

Всѣ затаили дыханіе.

Но вотъ префектъ положилъ конецъ этой гнетущей сценѣ. Онъ протянулъ курьеру конвертъ, который тотъ долженъ былъ отвезти въ Парижъ, и, указавъ пальцемъ на списокъ порученій жены, сдѣлалъ знакъ, что онъ можетъ отправляться.

Курьеръ, не торопясь, спряталъ конвертъ въ свою сумку, поклонился и медленно вышелъ, тяжелыми, спокойными шагами.

За нимъ послѣдовали и Патернэ и Корнильонъ.

Префектъ подошелъ къ окну, отдернулъ занавѣску и посмотрѣлъ на улицу.

Прошло двѣ минуты, и на дворѣ раздался топотъ четырехъ копытъ.

Элеонора упала въ кресло съ глубокимъ вздохомъ облегченія.

Префектъ опустилъ занавѣску и возвратился на свое мѣсто.

— Вы очень умно сейчасъ поступили,—произнесла она, минуту спустя.

— Я, сударыня?—спросилъ префектъ, и на его лицѣ выразилось искреннее удивленіе.—Я не понимаю... Во всякомъ случаѣ, если съ этихъ поръ, быть можетъ, мною сказано или сдѣлано что нибудь умное, то лишь потому, что есть такія заразы, которыхъ не избѣжишь.

Въ это время внезапно растворилась дверь, и въ комнату вбѣжалъ Корнильонъ.

— Г. префектъ, г. префектъ!—кричалъ онъ.

— Что означаетъ ваше шумное появленіе? Вы забываетесь!—произнесъ гнѣвно префектъ.

— Я его узналъ, когда онъ вскочилъ на лошадь.

Элеонора вздрогнула.

— Это онъ, — продолжалъ секретарь: — этотъ курьеръ не кто иной, какъ Манюэль, т.-е. Персиньи. Ахъ, г. префектъ, надо послать въ погоню за нимъ жандармовъ!

— Положительно, г. Корнильонъ, вы неисправимы! — гнѣвно отвѣтилъ префектъ:—ступайте!

Несчастный секретарь съ отчаяніемъ стиснулъ руки и повиновался.

— Вотъ вамъ еще доказательство справедливости моихъ словъ,—произнесла молодая женщина, когда вышелъ Корнильонъ.

— Еще разъ, сударыня, я не знаю, что вы хотите этимъ сказать.

И, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ:

— Увы! теперь на мнѣ лежитъ тяжелый долгъ заключить васъ въ тюрьму. Я дамъ распоряженіе, чтобы съ вами обращались, какъ можно лучше; разсчитывайте на меня: я сдѣлаю всѣ возможныя попытки и вырву васъ изъ дурного положенія.

— Наоборотъ, г. префектъ, я прошу, чтобы моя участь была не раздѣльна съ судьбою принца: только я одна позабочусь о немъ и утѣшу его...

Префектъ отворилъ дверь въ прихожую, откуда блеснуло оружіе стражи, предназначенной наблюдать за пѣвицей. По его знаку командующій стражей унтеръ-офицеръ поспѣшно подошелъ къ нему.

— Отведите эту даму въ Новую тюрьму,—приказалъ префектъ, раскланявшись съ пѣвицей, и онъ исчезъ во внутреннихъ комнатахъ.

Къ Элеонорѣ подошелъ, улыбаясь, молодой унтеръ-офицеръ, съ открытымъ и рѣшительнымъ лицомъ.

— Я слѣдую за вами,—сказала ему г-жа Гордонъ. Когда она проходила мимо него, то онъ шепнулъ ей на ухо:

— Когда возобновится мятежъ?

— Тише,—прошептала Элеонора, приложивъ палецъ къ губамъ, и сама добровольно встала въ ряды своей стражи.

XXVIII.

Тѣмъ временемъ Персиньи скакалъ въ Парижъ.

Теперь ничто не могло препятствовать его бѣгству. Освобожденный на нѣкоторое время отъ всякихъ опасностей для его личности, онъ мчался во весь опоръ, разгоряченный морознымъ вѣтромъ.

Его курьерская форма, пропускъ, данный префектомъ Нижняго Рейна, лежавшіе въ сумкѣ офиціальные конверты — все дѣлало его личность неприкосновенною.

Неутомимый, благодаря своему стойкому, какъ желѣзо, худощавому тѣлосложенію, нечувствительный къ недостатку сна и голоду, который терзалъ ему внутренности, Персиньи все скакалъ и скакалъ, останавливаясь на почтовыхъ станціяхъ только для того, чтобы прыгнуть съ одной лошади на другую. Его силы поддерживались лихорадочнымъ желаніемъ, какъ можно скорѣе, найти въ Парижѣ элементы для отмщенія, уже обдуманнаго имъ.

Впрочемъ въ Нанси онъ залпомъ выпилъ полбутылки вина и потребовалъ ломоть хлѣба, который онъ съѣлъ на скаку.

1-го ноября, въ девять часовъ утра, тридцать восемь часовъ спустя послѣ того, какъ онъ покинулъ Страсбургъ, Персиньи наконецъ достигъ Парижа.

На почтовой станціи Ланьи онъ засталъ почтовую карету, отправившуюся изъ Страсбурга семь часовъ ранѣе его, и узналъ сидящаго въ ней начальника эскадрона Франквиля, отправлявшагося къ королю съ докладомъ Вуароля о совершившихся наканунѣ событіяхъ.

Персиньи поспѣшилъ въ улицу Вареннь, въ министерство внутреннихъ дѣлъ и, назвавъ себя чрезвычайнымъ курьеромъ префекта Нижняго Рейна, отдалъ депеши. Онъ торопился оттуда уйти во избѣжаніе вопросовъ, благодаря которымъ могъ попасть впросакъ.

Теперь при немъ остался только списокъ порученій жены префекта, которыя онъ хотѣлъ добросовѣстно исполнить и доставить ей, какъ учтивый заговорщикъ.

Затѣмъ, сдавъ на почтовую станцію лошадь, онъ вскочилъ въ фіакръ и отправился въ баню, находившуюся въ улицѣ Тэтбу. Тамъ, разоблачившись и связавъ въ узелъ старую одежду почтальона, онъ съ удовольствіемъ окунулся въ душистую воду, и его усталые мускулы и переутомленные нервы наконецъ немного отдохнули.

Потомъ онъ потребовалъ всѣ принадлежности для письма и написалъ цѣлый листъ требованій различныхъ предметовъ, необходимыхъ для привычекъ свѣтскаго человѣка. Эту записку онъ отправилъ на свою парижскую квартиру въ улицу Сенъ-Жоржъ, гдѣ не показывался цѣлые мѣсяцы.

Около часу проспавъ въ теплѣ, онъ проснулся ровно въ 12 часовъ и приказалъ вытереть себя съ ногъ до головы одеколономъ. Затѣмъ выбритый, причесанный, подвитой и щегольски одѣтый, какъ самый изящный бульварный левъ, онъ поднялся по тремъ ступенькамъ въ Café de Paris, находившееся въ то время въ улицѣ Тэтбу, гдѣ и Тортони, только на противоположномъ углу.

Тамъ онъ прошелъ въ ротонду, предназначенную для завсегдатаевъ этого самаго изящнаго парижскаго ресторана.

Нельзя сказать, что Персиньи былъ спокоенъ: его тревожила мысль, достаточно ли онъ измѣнилъ свое лицо, и не узнають ли его знакомые, даже выбритаго, безъ усовъ и бакенбардовъ, которыми онъ пожертвовалъ, чтобы походить на почтальона.

Вскорѣ, однако, онъ успокоился, увидя, что его появленіе не произвело впечатлѣнія: сначала на него взглянули равнодушно, какъ на незнакомца, а затѣмъ отвернулись, не обращая на него вниманія, между тѣмъ большинство посѣтителей знало его, по крайней мѣрѣ, съ виду.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ поискахъ жизненной колеи, Персиньи велъ шумную жизнь, сначала редакторомъ «Temps»'а, потомъ основателемъ бонапартистскаго журнала «Occident Français», выпустившаго только одинъ нумеръ, затѣмъ любовникомъ знаменитой пѣвицы. Онъ вращался въ политическомъ, финансовомъ и театральномъ обществѣ, составлявшемъ ту большую деревню, которая называется «парижскимъ бульваромъ».

Нѣсколько дней не садясь за обѣденный столъ, нашъ заговорщикъ почувствовалъ блаженное настроеніе, когда очутился предъ

изящнымъ приборомъ, въ согрѣтой ресторанной атмосферѣ, наполненной запахомъ утонченной кухни.

Онъ совершенно убѣдился, что его не узнали, когда хозяинъ ресторана, Анжильберъ, подошелъ къ нему съ тою поспѣшностью, какая обыкновенно относится исключительно къ новымъ посѣтителямъ. Его приняли за багатаго иностранца или зажиточнаго провинціала, хотя онъ столько разъ обѣдалъ въ долгъ.

Улыбаясь въ душѣ, онъ составилъ карточку завтрака, медленно и важно обдумывая каждое блюдо.

Затѣмъ, пока приготовляли заказанныя имъ кушанья, онъ осмотрѣлъ окружавшихъ его посѣтителей и увидѣлъ почти исключительно знакомыя лица.

За сосѣднимъ столомъ сидѣли знаменитости по уму или таланту; всѣ они откровенно, даже слишкомъ громко разговаривали и порою черезчуръ шумно смѣялись надъ шутками и анекдотами, разсказываемыми съ воодушевленіемъ и веселостью тѣхъ счастливыхъ смертныхъ, для которыхъ успѣхъ—родной братъ, родившійся съ ними въ одинъ день.

Вдругъ Персиньи насторожилъ уши: среди отрывочныхъ фразъ до него достигло имя принца Луи и его матери.

Именно за этимъ явился онъ сюда; ему необходимо было знать, каковы отголоски страсбургскихъ событій, какое они произвели впечатлѣніе на умъ парижанъ и насколько взволновали ихъ.

Къ сожалѣнію, еще не было получено другого извѣстія, кромѣ отрывка телеграммы, прерванной туманомъ, которую наканунѣ напечатали въ «Moniteur»'ѣ. Поэтому, не зная никакихъ подробностей, всѣ терялись въ предположеніяхъ относительно Бонапарта и его плана. Въ ожиданіи болѣе подробныхъ свѣдѣній, довольствовались анекдотами относительно оставшихся въ живыхъ различныхъ членовъ семьи Наполеона. Главнымъ основаніемъ болтовни служили любовные анекдоты, старинныя клеветы и игривыя воспоминанія, касавшіяся королевы Гортензіи.

Однако, было очевидно, что имя Наполеона производило нѣкоторое волненіе среди парижской публики и будило въ ней воспоминанія о временахъ имперіи.

— А! быть можетъ, мы узнаемъ подробности,—сказалъ вдругъ одинъ изъ собесѣдниковъ, прежній директоръ оперы и будущій редакторъ «Constitutionnel»'а, докторъ Веронъ, увидя входящаго посѣтителя.

Замѣтивъ, что онъ затрудняется найти свободное мѣсто въ переполненномъ залѣ, Веронъ сдѣлалъ ему знакъ, указывая на свободный стулъ за своимъ столомъ и любезно приглашая его глазами.

Новопришедшій былъ чрезвычайно изящный мужчина, и его манеры отличались изысканностью аристократическаго воспитанія.

Очень высокаго роста, тонкій, стройный, съ мечтательными молодыми глазами, съ остроумнымъ выраженіемъ рта, онъ казался не болѣе сорока лѣтъ, хотя современники знали, что ему, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ болѣе.

— Чортъ возьми, графъ,—сказалъ докторъ Веронъ, когда онъ сѣлъ за столъ,—не можете ли вы дать намъ какія нибудь свѣдѣнія? Что за исторія въ Страсбургѣ?

— Разумѣется: я только что вышелъ изъ замка (т.-е. Тюильри), гдѣ теперь узнали обо всемъ, — отвѣтилъ графъ. — Это дерзкое, отчаянное предпріятіе... Я вамъ разскажу все.

Графъ Шарль де-Флао, генералъ-лейтенантъ и пэръ Франціи, считался въ королевской семьѣ своимъ человѣкомъ. Онъ былъ сыномъ благороднаго графа Флао, того самаго, который бѣжалъ во время террора, но потомъ, чтобы не подозрѣвали его адвоката въ укрывательствѣ, добровольно сдался и былъ гильотинированъ. Онъ не хотѣлъ заставить другого расплачиваться за себя и самъ отдался въ руки террористовъ. Его вдова бѣжала въ Лондонъ и тамъ воспитывала своего сына, котораго мы видѣли вошедшимъ въ Café de Paris. Возвратясь во Францію, она вышла замужъ за португальскаго посланника, барона Суза-Ботело, написала романы, которые ее прославили, стала появляться при дворѣ Наполеона и разрѣшила сыну служить узурпатору.

Шарль Флао двадцатитрехлѣтнимъ полковникомъ, вмѣстѣ съ Бракомъ, Канувилемъ и Лавестиномъ, составлялъ часть блестящей плеяды молодыхъ адъютантовъ, которые въ свободное отъ походовъ время наслаждались всѣми прелестями жизни и были любимцами парижскихъ гостиныхъ.

Флао былъ страстнымъ и ярымъ поклонникомъ королевы Гортензіи. Въ данный моментъ, т.-е. въ началѣ ноября 1836 года, въ главномъ штабѣ Константинской экспедиціи находился одинъ молодой уланскій поручикъ, по имени Морни, котораго связывали съ Флао тѣсные узы родства.

Флао, принявшись за завтракъ, приступилъ къ разсказу:

— Переполохъ былъ большой. Извѣстій не получалось. Отрывки депеши, появившейся въ «Moniteur»'ѣ, скорѣе тревожили, чѣмъ успокаивали публику. Сорокъ восемь часовъ королевская семья не спала. Король всю ночь держалъ совѣтъ. Сначала предполагали послать Удето, чтобы положить конецъ мятежу, но сегодня утромъ тревога увеличилась, и герцогъ Орлеанскій объявилъ, что онъ самъ отправится въ Страсбургъ. Вамъ извѣстны идеи королевскаго принца относительно бунтовъ: его принципъ итти къ цѣли основательно и скоро, стремиться впередъ, во что бы то ни стало, рискуя, что за нимъ никто не послѣдуетъ. Но съ прибывшей изъ Страсбурга почтой явился эскадронный командиръ Франквиль съ докладомъ отъ Вуароля, оружіемъ и эполетами, которыя были надѣты

на принцѣ Луи. Едва онъ вошелъ въ кабинетъ короля, какъ туда явились графъ Молэ и Гаспаренъ съ докладомъ префекта, присланнымъ съ курьеромъ. Сличивъ эти документы и составивъ точное мнѣніе, король рѣшилъ собрать военный совѣтъ для суда надъ виновными. Однако встрѣтилось юридическое затрудненіе: между обвиняемыми находятся гражданскіе подсудимые, и спрашивается, можно ли ихъ судить военнымъ судомъ, или слѣдуетъ отдѣлить ихъ дѣло.

Персиньи, сидѣвшій за сосѣднимъ столомъ, насторожилъ уши.

— Вообще,—сказалъ въ заключеніе Флао,—дѣло очень серьезное. Подозрѣваются такіе сообщники, которыхъ лучше бы не обнаруживать, чтобы въ то же время не разоблачать настроенія умовъ въ арміи. Я, со своей стороны, сдѣлаю все, чтобы затушить это дѣло и возбудить въ королѣ снисхожденіе. Воображаю, въ какомъ отчаяніи должна быть несчастная королева Гортензія.

На эти слова популярный романистъ, Эжень Сю, который уже давно раздѣлялъ республиканскія идеи и не стѣснялся насмѣхаться надъ буржуазной монархіей, замѣтилъ:

— Какое царствованіе! Какое царствованіе! Никто не стоитъ на сторонѣ короля: ни иностранные государи, ни народныя массы, ни доктринеры, ни армія, ни даже роялисты, и, несмотря ни на что, онъ питаетъ такое пристрастіе къ этому пустому призраку—власти!

— Быть игрушкой своихъ министровъ, — добавилъ докторъ Веронъ, — которые за спиною короля борются и спорятъ между собою о лоскутьяхъ власти, управляютъ государствомъ подъ самымъ носомъ монарха, не имѣющаго власти даже назначить лѣсного стража, — какой позоръ!

— Послѣ апрѣльскаго дѣла, — произнесъ творецъ «Жидовки», композиторъ Галеви, — послѣ Фіески, послѣ Алибо, теперь послѣ Луи Бонапарта дѣйствительно надо любить призраки, тѣни...

— И деньги,—добавилъ Адольфъ Аданъ, только что написавшій оперу «Postillon de Longpumeau».

— Всему служитъ оправданіемъ королевское содержаніе, — съ усмѣшкой сказалъ Веронъ.

— Бѣдный король!—произнесъ Флао, искренно любившій Луи-Филиппа.—Король прекрасно сознаетъ слабость своего царствованія и все время находится въ тревогѣ и нерѣшительности: онъ не чувствуетъ себя королемъ.

Послѣ этихъ словъ, однимъ штрихомъ обрисовавшихъ физіономію царствованія Луи-Филиппа, послѣдовало молчаніе.

Затѣмъ докторъ Веронъ спросилъ:

— А власти хорошо вели себя въ Страсбургѣ?

— Да,—отвѣтилъ Флао,—Вуароль, уже плѣнникомъ, очистилъ себѣ путь со шпагой въ рукѣ. Префектъ велъ себя честно, но

немного глуповато. Не обошлось безъ смѣшныхъ приключеній: кажется, его посадили въ кутузку.

— Какъ простого рядового?

— Онъ утѣшится коммандорской степенью Почетнаго Легіона, который ему привезетъ Франквиль.

— А Вуароль?

— Онъ будетъ пэромъ Франціи и сдѣлается моимъ сотоварищемъ; завтра его назначеніе помѣстятъ въ «Moniteur»'ѣ.

— Что же сдѣлаютъ съ принцемъ Луи-Наполеономъ? — спросилъ Эженъ Сю.

— Министры рѣшили сегодня утромъ собрать военный совѣтъ въ самомъ Страсбургѣ.

— О, о! ужъ не разстрѣляютъ ли его, какъ герцога Энгіенскаго?

— Для Бурбоновъ это было бы хорошимъ возмездіемъ, но для Орлеановъ... — произнесъ Веронъ.

— Тѣмъ болѣе, что не пресѣки Наполеонъ наслѣдія герцоговъ Конде, оно не досталось бы юному герцогу Омальскому, — замѣтилъ Эженъ Сю.

Но парижане недолго останавливаются на серьезныхъ мысляхъ, а потому чрезъ нѣсколько минутъ уже не было разговора о страсбургскомъ событіи. Всѣ съ удовольствіемъ перешли къ игривымъ анекдотамъ, закулиснымъ сплетнямъ и бульварной болтовнѣ.

Между тѣмъ, Персиньи, окончивъ завтракъ, покинулъ ресторанъ.

Когда графъ Флао въ свою очередь вышелъ, то увидѣлъ у дверцы своей кареты какого-то бритаго господина, который, низко кланяясь ему, сказалъ вполголоса:

— Извините, генералъ, не окажете ли мнѣ милость поговорить со мною нѣсколько минутъ?

— Сударь...

— Я—виконтъ Персиньи и пріѣхалъ изъ Страсбурга, гдѣ былъ при его высочествѣ Луи-Наполеонѣ во время недавнихъ событій.

Флао отъ страха подскочилъ и, бросивъ тревожный взглядъ вокругъ себя, съ минуту колебался, разсматривая незнакомца; затѣмъ, быстро рѣшившись, произнесъ:

— Садитесь, сударь.

И онъ слегка втолкнулъ его въ карету, которая быстро помчалась.

XXIX.

Карета катилась по направленію къ церкви св. Магдалины.

Нѣсколько минутъ оба спутника наблюдали другъ за другомъ, не произнося ни слова.

На лицѣ Персиньи, обыкновенно безстрастномъ, появилась между бровями серьезная, рѣшительная морщинка, какъ у человѣка, который знаетъ, чего онъ хочетъ и куда идетъ.

Напротивъ, Флао, изнѣженный, потерявшій привычку къ дѣятельности и отдавшійся спокойнымъ интимнымъ приключеніямъ въ будуарахъ и при дворѣ, выдавалъ свою тревогу. Вообще, онъ боялся всякихъ неожиданностей, а на этотъ разъ предчувствовалъ, что его прекрасно и изящно организованной порядокъ жизни, которой онъ такъ осторожно руководилъ, будетъ случайно нарушенъ.

Персиньи все молчалъ, и Флао учтиво, но нѣсколько сухо, произнесъ:

— Сударь, я—къ вашимъ услугамъ.

Уже съ минуту Персиньи шарилъ что-то рукою на груди подъ одеждой. Наконецъ онъ вынулъ руку, держа на тонкой золотой цѣпочкѣ нѣчто въ родѣ круглаго плоскаго футляра изъ русской кожи.

— Прежде всего, генералъ,—сказалъ молодой человѣкъ, — необходимо, чтобы вы точно знали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Потрудитесь посмотрѣть на этотъ предметъ.

Онъ нажалъ скрытую въ обрѣзѣ пружину, и футляръ открылся.

Графъ Флао взялъ въ руки этотъ предметъ и принялся внимательно его разсматривать въ восхитительный лорнетъ художественной работы, унаслѣдованной нами отъ XVIII столѣтія.

Въ футлярѣ заключался портретъ Наполеона, работы Изабеи. Эта миніатюра, въ рамкѣ стиля Людовика XVI, прекрасно сохранила колоритъ красокъ и всѣ мелкія подробности, но ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ множества другихъ подобнаго рода изображеній знаменитаго художника періода имперіи. Именно это и подумалъ Флао.

Персиньи угадалъ его мысль и, вынувъ портретъ изъ футляра, перевернулъ его и приподнялъ легкую подвижную пластинку, служившую подпоркой для рамки. Флао увидѣлъ бумажку, вставленную въ тонкій ободокъ изъ выцвѣтшихъ отъ времени волосъ. На ней были написаны старательнымъ почеркомъ слѣдующія строки:

«Эта миніатюра дана мною, Гортензіей Богарне, голландской королевой, герцогиней Сенъ-Лё, въ знакъ благодарности самому надежному и преданному другу моего сына, Жану-Жильберу-Виктору-Фіалэну виконту Персиньи.

«Гортензія».

«Арененбергъ. Сентябрь 1836 года».

Внизу было написано:

«Удостовѣряю, что маленькая прядь волосъ, заключенная въ этомъ медальонѣ, составляетъ часть большой пряди волосъ императора, которую мнѣ вручилъ Маршанъ, по его возвращеніи съ острова св. Елены».

Увидѣвъ этотъ почеркъ, Флао вздрогнулъ и медленно сталъ перечитывать двойную записку Гортензіи. Отъ наплыва прежнихъ воспоминаній къ его щекамъ прилила кровь, и вѣки слегка порозовѣли.

Онъ возвратилъ портретъ Персиньи и учтиво поклонился въ знакъ того, что считаетъ своего собесѣдника достаточно аккредитованнымъ.

Персиньи хотѣлъ говорить, но Флао остановилъ его жестомъ.

Въ это время карета въѣзжала въ улицу Сенъ-Флорентэнъ и уже сворачивала къ подъѣзду дома Суза, который наслѣдовалъ Флао отъ своей матери. Прежній другъ королевы Гортензіи опустилъ стекло и приказалъ кучеру направиться къ Тріумфальнымъ воротамъ.

Въ то время Елисейскія Поля были не тѣмъ, что теперь. Они представляли просто большую дорогу, обсаженную густыми, непроходимыми кустарниками, отдѣлявшими ее направо отъ аллеи Габріэль, налѣво отъ Cours la Reine. Квартала Марбёфъ еще тогда не существовало, а въ улицѣ Жанъ-Гужонъ находилось только два дома, въ одномъ изъ нихъ жилъ Викторъ Гюго.

Флао остановилъ карету на углу этой улицы и аллеи Вдовъ и вышелъ изъ экипажа вмѣстѣ съ Персиньи. Они пошли по пустыннымъ, только что устраивавшимся улицамъ, гдѣ были совершенно одни.

Флао осторожно ступалъ кончикомъ своихъ лакированныхъ сапогъ по менѣе грязнымъ мѣстамъ.

— Сударь, я васъ слушаю, — произнесъ онъ, продолжая путь.

Персиньи остановился и заставилъ то же сдѣлать Флао. Затѣмъ, устремивъ на него свой проницательный взглядъ, произнесъ:

— Генералъ, вамъ надо спасти принца Луи.

— Да, я очень хотѣлъ бы, но какими средствами?

— Дорогою я вамъ наскоро передалъ въ общемъ о событіяхъ 30-го октября, вамъ достаточно все извѣстно, и вы признаете, что только одинъ путь къ спасенію принца—бѣгство.

— Я полагаю, вы не разсчитываете на мою помощь для осуществленія этого плана. Ужъ и то я дѣлаю черезмѣрно, слушая эти признанія. Вы забываете, что я генералъ-лейтенантъ на дѣйствительной службѣ, пэръ Франціи, адъютантъ короля, и болѣе того, другъ и застольникъ королевской семьи.

— Именно въ виду вашего положенія и связаннаго съ нимъ авторитета, я обращаюсь къ вашей помощи.

— Она всегда къ услугамъ принца Луи, не сомнѣвайтесь въ этомъ. Съ сегодняшняго дня я сдѣлаю необходимыя попытки для смягченія его участи. Король добръ и окажетъ снисхожденіе.

— Быть можетъ, король и снисходителенъ, но его министры? Вы лучше меня знаете, генералъ, что при нашемъ прекрасномъ

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ДЕКАБРЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1905 г.

(См. слѣд. стран.).

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1906 году

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1906 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать шесть лѣтъ (1880—1905).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1906 года, въ **„Историческомъ Вѣстникѣ"** будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени"**.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ

(Съ фотографіи, снятой въ Саратовѣ, въ 1889 г.).

КРУЖКОВЦЫ [1].

VIII.

НА ТРЕТІЙ день Орлова хоронили.

Юневичъ правду сказалъ, обѣщая, что похороны будутъ «демонстративныя». Кружковцы не ударили лицомъ въ грязь и сдѣлали все доступное имъ, чтобы почтить усопшаго учителя достойнымъ образомъ.

Уже къ выносу на Выселкахъ собралась такая большая толпа, какой, казалось, здѣсь въ глуши невозможно было ожидать.

Прежде всего сами выселковцы, и старые и малые, явились почтить и проводить усопшаго.

Помимо ихъ изъ города нашло и наѣхало множество самыхъ разнообразныхъ, всякихъ званій, состояній и возрастовъ почитателей. Многіе стояли по дорогѣ въ ожиданіи процессіи.

Золотой парчи балдахинъ со страусовыми перьями, запряженный четверкой лошадей въ черныхъ попонахъ, окруженъ былъ любопытными. Но вотъ гробъ вынесли и поставили на дроги, и густая толпа двинулась за нимъ.

Въ первый разъ за много лѣтъ выселковцы были свидѣтелями такихъ торжественныхъ и пышныхъ похоронъ въ ихъ скромныхъ палестинахъ. Какъ ни уважали они своего учителя, они все-таки были поражены этимъ обстоятельствомъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 369.

— Хорошо хоронятъ! — говорили пожилые выселковцы, кивая головами.

— На что ужъ лучше? — поглаживая бороду, разсуждалъ лавочникъ.

По мѣрѣ того, какъ процессія подвигалась, толпа все увеличивалась; когда же вступила она въ городъ, стеченіе народа сдѣлалось огромное; помимо ожидавшихъ, всевозможныя депутаціи кружковъ и обществъ, множество любопытныхъ, привлеченныхъ чрезвычайной обстановкой похоронъ, приставали къ хвосту провожатыхъ. Двѣ кареты, присланныя гробовщикомъ, совершенно потонули въ толпѣ. Экипажей совсѣмъ не было видно, всѣ шли пѣшкомъ. На Малой Дмитровкѣ пришлось прекратить коночное движеніе.

Елизавета Дмитріевна подъ руку съ Юневичемъ шла сейчасъ за гробомъ. Её съ дѣтьми уговаривали сѣсть въ карету, но дѣти не захотѣли, потому что имъ итти было веселѣе, а Елизавета Дмитріевна, которая сначала шла пѣшкомъ изъ приличія, потомъ охваченная торжественнымъ и возвышеннымъ чувствомъ, ощутила приливъ бодрости и рѣшила, пока не устанетъ, не садиться въ карету. Она была поражена и растрогана; ей казалось все это похожимъ на какой-то фантастическій сонъ. Да полно, ея ли мужа хоронятъ? Неужели смертные останки этого скромнаго, невиднаго бѣдняка ѣдутъ тамъ подъ складками золотой парчи и провожаются съ такимъ почетомъ? Откуда эти толпы народа? эти мѣщане и лавочники въ чуйкахъ и сапогахъ бутылками, эти фабричные въ блузахъ, и оборванцы, и люди безъ опредѣленныхъ занятій, и тутъ же воспитанники учебныхъ заведеній, всѣ дельвиговцы, все Брестское желѣзнодорожное училище и Комиссаровское и другія? А вотъ и петровцы, и студенты, и техники, и курсистки, и богатые купцы, и важные баре, и представители прессы, и, наконецъ, онъ, этотъ широкоплечій человѣкъ въ полушубкѣ, который поразилъ её на первой панихидѣ.

Что созвало ихъ сюда? Что соединило ихъ всѣхъ у этого гроба?

А толпа все прибывала и прибывала. Все время раздавалось пѣніе. Помимо хора пѣвчихъ, провожавшихъ гробъ, пѣли студенты, курсистки и дельвиговцы; возбужденіе росло, все болѣе и болѣе голосовъ присоединялось къ общему хору, который выросъ наконецъ до грандіозныхъ размѣровъ. Казалось, пѣла вся огромная тысячеголовая, черной гигантской змѣей ползущая по улицѣ, толпа, а высокій золотой балдахинъ впереди казался головой этой чудовищной змѣи. Настроеніе было приподнятое, волненіе охватило всѣхъ и сообщилось лицамъ даже совсѣмъ постороннимъ, только изъ любопытства останавливавшимся на тротуарѣ или выбѣгавшимъ къ воротамъ и къ дверямъ лавокъ и магазиновъ посмотрѣть на богатыя похороны.

— Кого хоронять-то, милый человѣкъ?—крикнулъ съ дрожекъ толстый купецъ, поневолѣ задержанный процессіей, обращаясь къ стоявшему на тротуарѣ полотеру съ половой щеткой въ рукахъ и зеленымъ сверткомъ подъ мышкой.

— Учителя, говорять, ваше степенство!

— Учителя?!—недовѣрчиво произнесъ купецъ.—Генерала, поди, оно, пожалуй, вѣрнѣе будетъ.

— Можетъ, и генерала, — поддержалъ разговоръ полотеръ: — штатскаго, надо полагать, за военнымъ-то музыка бы шла.

— А ты бы спросилъ кого, — любопытствовалъ купецъ. — Эй, малый! малецъ! — крикнулъ онъ стоявшему на ступенькахъ мучного лабаза мальчишкѣ въ сѣрой сибиркѣ и бѣломъ холщевомъ фартукѣ и, широко разинувъ ротъ, глазѣвшему на толпу.

Услышавъ этотъ возгласъ, мальчишка кубаремъ скатился подъ колеса дрожекъ.

— Ты вотъ что, — сказалъ купецъ: — проберись поближе къ гробу да поспрошай: кого, молъ, хоронятъ? Великатно спроси: молъ, кого это, дяденька, хоронятъ? Не одного человѣка, а двухъ-трехъ.

Мальчишка улыбнулся во все лицо, очень довольный такимъ порученіемъ, и, работая локтями, пустился по тротуару.

— Любопытенъ я знать,—когда посланный юркнулъ въ толпу и смѣшался съ нею, сказалъ купецъ, ни къ кому собственно не обращаясь, но, повидимому, увѣренный, что всѣ, кто тутъ находится, съ величайшимъ вниманіемъ готовы его выслушать:—кого бы это такъ по нонѣшнимъ временамъ хоронили? Ежели барина, такъ какъ будто непохоже, больно бѣднаго народу много, опять же, ежели баринъ...

— Никакъ, ваше степенство, невозможно, чтобы баринъ былъ,— бойко вмѣшался въ разговоръ поднявшійся изъ низочка портерщикъ, молодой человѣкъ въ пиджакѣ, въ брюкахъ въ сапоги, съ цѣпочкой французскаго золота, болтавшейся по жилеткѣ, къ краснымъ одутловатымъ лицомъ и подстриженными въ кружокъ русыми волосами:—потому что, ежели баринъ, полагается услужающимъ цвѣтной бантъ имѣть на плечѣ, а цвѣтного банта не было, это я голову на отсѣченіе дамъ, потому, можно сказать, я весь этотъ похоронный маршрутъ съ самаго, можно сказать, спервоначалу надзираю.

Купецъ выслушалъ его съ большимъ вниманіемъ, повернулся въ его сторону и, обращаясь уже только къ нему одному, сказалъ:

— Таперича, если предположить, что какое нибудь духовное лицо,—тоже не похоже: духовенства совсѣмъ не видно, ни тебѣ бѣлаго, ни тебѣ чернаго; ежели бы протопопъ какой былъ—поповъ было бы много, а нѣтъ — такъ монашествующей братіи набралось бы видимо-невидимо.

— Опять таки и не купеческія, ваше степенство,—сказалъ портерщикъ.

— Не купеческія, нѣтъ! —немедленно согласился купецъ: —сразу видать. Нешто купцы такъ хоронятся? За купцомъ, ежели который купецъ настоящій, однѣхъ каретъ что̀ бы ѣхало, линеекъ штукъ десять, опять-таки обязательно и поповъ и монаховъ тоже набралось бы достаточно, опять пѣвчіе бы шли настоящіе.

— Задача!—сказалъ портерщикъ.—На иностранца тоже непохоже.

— Сказалъ!—возразилъ купецъ:—сразу видно, что русскій, ишь все нашъ братъ русакъ претъ. И попы тоже наши.

Но тутъ, расталкивая толпу, задыхаясь и обливаясь потомъ, явился мальчишка и громогласно объявилъ:

— Такъ и есть; учитель, дяденька! Учителемъ, значитъ, былъ, грамотѣ, значитъ, училъ: я у всѣхъ спрашивалъ.

— Дивны дѣла Твои, Господи!—сказалъ купецъ.— Вѣдь какъ хоронятъ-то?—министру впору.

— Должно быть, хорошій учитель былъ, — сказалъ портерщикъ. — Я такъ полагаю, — прибавилъ онъ, желая щегольнуть своими познаніями:—что это либо изъ емназіи, либо изъ ниверситета.

— Да ужъ откуда бы то ни былъ,—сказалъ купецъ,—а видимое дѣло, что по своему дѣлу первосортный былъ человѣкъ! Ну, и царство ему небесное.

Онъ приподнялъ картузъ и перекрестился.

— А ты, Провъ, помаленечку продвинься-ка впередъ, — обратился онъ къ кучеру,—да и сверни налѣво въ переулочекъ, а то тутъ до второго пришествія застрянешь.

А процессія медленно двигалась впередъ, дивя своею необычайностію любопытную Москву. Разстояніе было огромное, и путь шелъ съ одного конца города на другой. Хвостъ провожавшихъ тянулся болѣе, чѣмъ на полторы версты, все разростаясь и разростаясь, подбирая на пути новыя толпы, невольно увлекаемыя мощнымъ живымъ потокомъ и, наконецъ, когда гробъ достигъ монастырскихъ воротъ, народъ хлынулъ въ нихъ неудержимой волной. Въ узкія ворота съ трудомъ могли пройти только немногіе. Монахи, испугавшись такого стеченія провожатыхъ въ своихъ стѣнахъ, распорядились, пропустивъ за гробомъ толпу человѣкъ въ пятьсотъ, запереть ворота, и на улицѣ передъ монастырской оградой столпилось море человѣческихъ головъ.

Толпа волновалась и негодовала. Почти всѣ знавшіе покойника и желавшіе почтить его память, шедшіе тотчасъ за гробомъ съ самыхъ еще Выселокъ, или приставшія на Малой Дмитровкѣ депутаціи отъ учебныхъ заведеній и кружковъ успѣли проникнуть въ монастырь. Оставшіеся представляли собою одну смѣшанную

толпу, которая неожиданно для себя самой очутилась передъ этими запертыми воротами и теперь шумѣла и бушевала, недовольная исходомъ, внезапно заключившимъ столь продолжительное слѣдованіе за гробомъ. Она чувствовала себя какъ бы обманутой и обиженной. Обѣщали что-то показать и ничего не показали, да еще и дверь передъ носомъ захлопнули. А сзади виднѣлся еще безконечный хвостъ, напиравшій на стоящихъ у ограды, не желавшихъ расходиться и даже громко требовавшихъ, чтобы отперли.

— Гдѣ это видано, чтобы покойника нельзя было проводить?— роптали недовольные.— Можетъ, сколько верстъ шли, провожали его, а тутъ на-кось!

— А еще монахи, — укоряли другіе.—Вотъ и пожаловаться на нихъ игумену, чтобы народъ не смущали. Ты помолиться хочешь, а они тебя изъ церкви въ шею. Да чего смотрѣть? Напирай, ребята, на ворота!

— Чего толку напирать-то? Видишь, заперты.

— А высадимъ.

— Высадилъ одинъ такой-то. Ты что-ль высадишь-то?

— Зачѣмъ я? Мало нешто народу? Эй, налегай, братцы, дружнѣй! Что, правда, на нихъ на черныхъ клобуковъ смотрѣть? Наваливайся, братцы! У-ухъ!...

Недостатка въ охотникахъ не было, находившіеся у самыхъ воротъ стучали въ нихъ, дергали за скобки, нѣсколько человѣкъ пытались сломать ихъ, задніе напирали на переднихъ,—слышались крики и стоны.

— Батюшки, давятъ! раздавили совсѣмъ!

Безпорядокъ все увеличивался и начиналъ принимать грозные размѣры. Наконецъ на него обратилъ вниманіе кто-то изъ чиновъ полиціи и полетѣлъ съ докладомъ къ полицеймейстеру. Но только черезъ полтора часа прибылъ отрядъ городовыхъ въ двадцать человѣкъ и взводъ жандармовъ. Не безъ труда удалось имъ оттѣснить толпу и разогнать ее по прилегающимъ улицамъ и переулкамъ, при чемъ не обошлось безъ потерпѣвшихъ и раненыхъ.

Когда же пространство передъ монастыремъ было очищено, взорамъ мирнаго обывателя являлась картина, подобная той, какая бываетъ послѣ непріятельскаго погрома. Стекла въ домахъ и магазинахъ были выбиты, разбиты были и уличные фонари, изъ которыхъ одинъ былъ даже совсѣмъ вывороченъ. Всюду валялись растерянныя шапки, рукавицы, обрывки одежды.

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ буйствовавшей улицы, отдѣленной каменной оградой, въ высокомъ благолѣпномъ храмѣ шло торжественное богослуженіе, пѣлъ прекрасный монашескій хоръ, славящійся на всю Москву, и переполнявшая храмъ толпа чинно и благоговѣйно присутствовала на богослуженіи, провожая новопреставленнаго раба Божія Іоанна въ вѣчную жизнь.

Гробъ вынесли наконецъ на рукахъ и понесли черезъ все кладбище въ отдаленный конецъ его, гдѣ была вырыта могила. Кружковцы тѣсной толпой жались къ глубокой черной ямѣ, на днѣ которой блистала золотая крышка.

— Говорятъ, рѣчь приготовлена, господа! Не знаете, кто будетъ говорить?—разговаривали они между собой.

— Обязательно надо, чтобы кто нибудь рѣчь сказалъ.

Изъ заднихъ рядовъ протолкнулся молодой человѣкъ въ такъ называемомъ партикулярномъ платьѣ, бѣлобрысый, какъ бы подслѣповатый, съ нѣжно розовымъ дѣвичьимъ лицомъ. Онъ забрался на песчаный бугорокъ и нѣкоторое время раздумывалъ; сзади поощряли его, наконецъ онъ заговорилъ:

— Милостивые государи и государыни,—выкрикнулъ онъ молодымъ звонкимъ голосомъ.—Кого мы хоронимъ? Мы хоронимъ того самаго дѣдку, того самаго Ивана Евлампіевича Орлова, который въ продолженіе многихъ лѣтъ жилъ здѣсь среди насъ, не отказывая ни одному изъ насъ въ утѣшеніи, совѣтѣ и помощи. Покойный не имѣлъ ничего, или имѣлъ очень мало, но этимъ малымъ онъ готовъ былъ дѣлиться всегда съ каждымъ изъ насъ. Онъ былъ идеалистомъ и проповѣдывалъ служеніе идеалу; его жизнь и была этой проповѣдью. Скажемъ же ему теперь надъ его могилой великое идущее отъ сердца спасибо. Онъ былъ воистину учитель и наставникъ людей. Вся молодежь, знавшая его,—а кто изъ молодежи не зналъ его?—я увѣренъ, скажетъ вмѣстѣ со мною: прощай, нашъ добрый, нашъ незабвенный учитель! Клянемся хранить твои завѣты!..

Ораторъ умолкъ. Его шумно одобряли, жали ему руку и наконецъ увлекли въ толпу, гдѣ онъ такъ же скоро потонулъ, какъ и появился.

А на его мѣстѣ очутился Шалашиковъ. Онъ по обыкновенію откашлялся въ руку, внушительно гамкнулъ и затѣмъ вѣско и раздѣльно заговорилъ:

— Говорить я, господа, не мастеръ! Но... община вольныхъ землеробовъ,—эти слова онъ произнесъ особенно внушительно,—возложила на меня миссію передать ея послѣднее прости тому, кто вызвалъ ее къ жизни, и безъ кого самая идея о ней никому бы, можетъ быть, не пришла въ голову. Привѣтъ тебѣ, дѣдка, отъ вольныхъ землеробовъ-общинниковъ! Мы, ставленники твои, надъ твоей могилой даемъ обѣтъ не забывать тебя и не бросать общаго дѣла. Больше я ничего не имѣю сказать.

Рѣчь Шалашикова тоже вызвала гулъ одобренія. Повидимому, никто не рѣшался еще говорить, но вдругъ кругомъ зашумѣли:

— Трубниковъ! Трубниковъ!

— Какъ? А гдѣ онъ? Покажите мнѣ его!

— Да вотъ онъ! Вонъ идетъ! Неужели онъ будетъ говорить?

— Ахъ, этотъ человѣкъ большой талантъ!
— Пьяница!
— Всѣ великіе русскіе люди пьяницы.
— Что-то онъ скажетъ?

Раздвигая толпу могучими плечами, къ могилѣ приближался человѣкъ, возбуждавшій всѣ эти толки. Наконецъ онъ выдвинулся и сталъ впереди всѣхъ на возвышеніи. Это была богатырская монументальная фигура. Въ самой большой толпѣ человѣкъ этотъ производилъ неизгладимое впечатлѣніе. Этому способствовали и его огромный ростъ, и та мощь, которой вѣяло отъ него, и большая красивая голова съ гривой косматыхъ сѣдыхъ волосъ, съ вдохновеннымъ смѣлымъ и умнымъ лицомъ, съ орлинымъ носомъ, черными полными огня глазами подъ черными же, подернутыми сѣдиной, густыми, клочковатыми бровями, съ сѣдыми висящими внизъ усами, изъ-подъ которыхъ видны были яркія губы, а за ними бѣлые блестящіе зубы. Въ немъ было что-то картинно-красивое и нарядное. Этому впечатлѣнію картинности, красивости и нарядности страннымъ образомъ способствовала не только небрежная, но даже поношенная, очевидно видавшая всякіе виды одежда его. Черное суконное пальто его порыжѣло, и бархатный воротникъ вылѣзъ. На разстегнутой груди виднѣлась скорѣе желтая, чѣмъ бѣлая, плохо выглаженная, крахмальная сорочка съ завязаннымъ по воротнику кое-какъ лиловымъ шейнымъ платкомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ старую, черную, фетровую шляпу на голубой шелковой подкладкѣ, свидѣтельствовавшей о томъ, что шляпа эта видала когда-то лучшіе дни.

По наслышкѣ Трубникова знала почти вся Москва. Въ дни своей бурной молодости онъ за участіе въ «исторіи» былъ исключенъ съ послѣдняго курса университета. Потомъ его можно было видѣть въ пресловутой «Секретаревкѣ», гдѣ онъ подвизался съ необыкновеннымъ успѣхомъ на полулюбительской сценѣ этого маленькаго, но очень популярнаго московскаго театрика, скромные подмостки котораго послужили первой ступенькой многимъ въ свое время знаменитымъ актерамъ и актрисамъ, поднимавшимся по лѣстницѣ артистической карьеры. Позднѣе онъ перешелъ въ Артистическій кружокъ; здѣсь его репутація утвердилась уже прочно. Несомнѣнно, что у него былъ недюжинный талантъ; въ большомъ количествѣ надѣлила его природа и такъ называемымъ «нутромъ», качествомъ, столь любимымъ москвичами, безъ котораго они даже не понимаютъ и не признаютъ никакого дарованія. Можетъ быть, они и правы. Извѣстно только то, что Трубниковъ могъ по своему желанію заставить свою публику и хохотать до слезъ и плакать настоящими слезами. Въ бытовыхъ роляхъ онъ былъ незамѣнимъ; хлыщи купеческой складки, купцы-самодуры выходили у него, какъ живые.

Затѣмъ въ Москвѣ его на нѣкоторое время позабыли. Знали только, что онъ уѣхалъ въ провинцію и тамъ пожинаетъ лавры. Къ тому времени, какъ его засталъ нашъ разсказъ, Трубниковъ уже вышелъ изъ рядовъ актерствующей братіи, на сценѣ перестал работать, но, будучи человѣкомъ способнымъ, онъ время отъ времени помѣщалъ въ московскихъ изданіяхъ статейки, повѣсти и разсказы, всегда очень живо и интересно написанные, большею частью, на злобы дня. У него была своя публика, которая его читала съ наслажденіемъ и, можетъ быть, не безъ основанія видѣла въ немъ погибшій талантъ. Этимъ сотрудничествомъ онъ и жилъ, постепенно опускаясь все ниже и ниже.

Съ кружковцами онъ одно время былъ очень близокъ, но посѣщалъ собранія рѣдко, да и вообще не любилъ бывать среди людей. Постоянное пьянство развило въ немъ нѣкоторую мрачность, отчужденность и подозрительность.

Въ рѣдкіе только моменты, благодаря какому нибудь чрезвычайному событію или внѣшнему толчку, несчастный, спившійся и обносившійся нелюдимъ-Трубниковъ на мгновеніе перерождался и превращался въ того человѣка, какимъ могъ бы быть. Тогда лицо его, озаренное внутреннимъ огнемъ, загоралось умомъ и энергіей, глаза метали молніи, вся фигура пріобрѣтала прежнюю гордую и благородную осанку, и съ устъ его слетали краснорѣчивыя слова, облекавшія иногда высокую и сильную мысль. Давно уже никто не видѣлъ Трубникова при такихъ обстоятельствахъ, и теперь всѣ съ величайшимъ интересомъ, и знавшіе его и только слышавшіе о немъ, надвигались на него со всѣхъ сторонъ, чтобы посмотрѣть на него и послушать, что онъ скажетъ.

Многіе помнили еще его успѣхи на сценѣ, другіе уважали въ немъ писателя, или, какъ любитъ выражаться москвичъ, сочинителя, и почти всѣ сочувствовали ему, какъ неудачнику, душѣ-человѣку и таланту, который показалъ бы себя, если бы не водка.

— Господа! — началъ Трубниковъ.—Я не собирался говорить надъ этой могилой, я пришелъ только поклониться въ послѣдній разъ тому, кого въ нее только-что опустили. Но, послушавъ, что здѣсь говорилось, и я надумалъ сказать отъ себя коротенькое слово. Надъ свѣжей могилой не мѣсто счетамъ и пересудамъ, но мнѣ хочется указать на одно свойство покойнаго, которымъ онъ отличался отъ другихъ учащихъ, и которое должно быть дорого для всѣхъ, чтущихъ его память. Это свойство—искренность, та искренность, съ которой онъ ничего не проповѣдывалъ, чего бы не дѣлалъ самъ. Онъ былъ пророкъ и учитель и то, чему училъ, проводилъ, по мѣрѣ силъ, въ жизнь. Въ этомъ и была его главная и великая заслуга. Если бы онъ былъ писатель, онъ могъ бы написать много книгъ, которыя учили бы человѣчество добру и правдѣ. Единственная книга, оставленная имъ,—жизнь его и память о немъ; книга

прекрасная и которая, надѣюсь, нескоро забудется тѣми, кто читалъ ее. Въ сердцахъ тѣхъ, кто зналъ этого человѣка, надолго будетъ живъ его образъ и живо его ученіе, потому что онъ и ученіе его—одно. Скольких знаемъ мы руководителей и геніевъ человѣчества, съ высоты знанія и талантовъ читавшихъ ему проповѣди и звавшихъ его къ истинѣ. Эти истины были ясны, какъ Божій день, проповѣди краснорѣчивы, убѣдительны и грозны, какъ громъ гремящій, и только одно нарушало ихъ очарованіе и понижало ихъ цѣнность: учителя не дѣлали того, чему учили, вожди звали туда, куда сами не шли, проповѣдники ставили идеаломъ то, отъ чего сами отвертывались. Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва есть, такъ и мертво безъ примѣровъ и ученіе. Мнѣ скажутъ, что чѣмъ выше ученіе, тѣмъ труднѣе ему слѣдовать. Согласенъ: пусть такъ! Но тѣмъ-то и дорогъ Орловъ, что онъ являетъ собою среди учителей и наставниковъ обратный примѣръ. Мнѣ хотѣлось напомнить объ этомъ орловцамъ, которые могутъ гордиться такимъ учителемъ. Этотъ человѣкъ не говорилъ праздныхъ рѣчей; если онъ и поучалъ, то поучалъ не столько словомъ, сколько дѣломъ. Ни славы, ни извѣстности онъ не имѣлъ, но знавшіе его никогда уже не забудутъ его, и всякій, приходившій съ нимъ въ столкновеніе, могъ вынести только одно впечатлѣніе: рядомъ съ Орловымъ онъ становился лучше.

Я вижу надъ его бѣдной могилой огромную, отовсюду нахлынувшую толпу. Ее привело сюда доброе, святое чувство: желаніе почтить истинно-добродѣтельнаго человѣка, въ лицѣ его поклониться правдѣ и любви на землѣ. Тотъ, кто сумѣлъ вызвать такое желаніе и въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, несомнѣнно представлялъ великую силу, и сила эта заключалась въ добрѣ и искренномъ служеніи его добру. День его смерти—день торжества его и великій праздникъ для насъ, орловцевъ. Я знаю здѣсь много людей, принадлежащихъ къ другому толку, къ разнымъ кружкамъ и къ разнымъ направленіямъ, и всѣмъ имъ мы можемъ сегодня сказать, указывая на эту могилу: вотъ нашъ учитель! онъ жилъ такъ, какъ училъ жить, онъ проповѣдывалъ любовь и первый показывалъ примѣръ этой любви. Лучшаго, болѣе высокаго примѣра быть не можетъ. Можетъ быть, и ваши учителя хороши, но отъ нихъ мы пока слышали только прекрасныя рѣчи. А онъ мало говорилъ, но воистину любилъ людей, страдалъ вмѣстѣ съ ними и намъ, ученикамъ его, завѣщалъ тоже любить человѣчество и страдать вмѣстѣ съ этимъ человѣчествомъ.

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Умывающихъ руки въ крови,
Онъ насъ велъ за собой
Въ станъ, страдающихъ
За великое дѣло любви.

Трубниковъ кончилъ.

— Вѣрно!—кричали кругомъ орловцы и, стѣснившись въ кучу, съ торжествомъ поглядывали на окружающихъ.

— Браво, Трубниковъ!—кричали въ толпѣ.

Послѣ него никто уже не рѣшился говорить. Разговаривали между собою, собирались по нѣскольку человѣкъ и обсуждали разныя дѣла. Но долго еще не расходилась толпа. И только тогда, когда наконецъ могила была засыпана, и на ней выросъ песчаный бугоръ, который тутъ же завалили множествомъ вѣнковъ, все простыхъ и дешевыхъ, но, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствовавшихъ о чувствахъ тѣхъ бѣдняковъ, которые принесли ихъ, кладбище опустѣло.

Было уже около четырехъ часовъ пополудни, когда цѣлая толпа почитателей и учениковъ покойнаго Орлова добралась съ кладбища до Тріумфальныхъ воротъ и съ шумомъ и гамомъ ввалилась въ «Кружало».

Шалашиковъ и Юневичъ были тутъ же. Они шли нѣкоторое время вдвоемъ и разговаривали о вольныхъ землеробахъ.

— Боюсь я, что на все это дѣло придется плюнуть,—говорилъ Шалашиковъ,—теперь судите сами: Картошкинъ не въ счетъ, землевладѣльцемъ сталъ, про Деревянникова я вамъ говорилъ. У бабъ тамъ цѣлая исторія вышла. Головкинъ всерьезъ пріударилъ за Вѣркой Тулумбасовой, а Картошкинъ за Багрецовой. Митродора, дурында, шуры-муры съ кѣмъ-то завела: ужъ не знаю, кто на такое мурло польстился, и теперь, говорятъ, того и очень того. Вотъ вамъ и общинники! Община! община! побратимство! А подразни только бабой, либо похрусти радужной,—да что радужной, синицей, такъ всякій, ни думая, ни гадая, общину продастъ за милую душу!

— Вы что же думаете дѣлать?—спросилъ Юневичъ.

— Да самъ еще не знаю, — отвѣтилъ Шалашиковъ.—У меня передъ отъѣздомъ разговоръ интересный съ Иларіономъ Ильичемъ вышелъ: есть у него одна идея. Хочется ему издавать книжки для народа, и нуженъ такой человѣкъ, который бы самъ былъ изъ народа и понималъ бы этотъ народъ, ну, и чтобъ практическая смѣтка была.

— Такъ вы и думаете быть такимъ человѣкомъ?—освѣдомился Юневичъ.

— А отчего бы и нѣтъ? Дѣло это немудрое. Я вѣдь, знаете, въ типографіи служа, къ кое-чему присмотрѣлся. Дѣло можетъ быть очень выгодное. Изданьица пустимъ по двѣ и по три копейки; бумагу сквернѣйшую,—для народа она сойдетъ, былъ бы только шрифтъ жирный,—а матеріалъ весь даромъ, потому для народа всякій писатель съ великимъ удовольствіемъ позволитъ дѣлать перепечатки,—это изъ новыхъ, а въ старыхъ-то черпай, сколько желаешь.

— Сами же вы говорили,—сказалъ Юневичъ,—что Головкинъ—идіотъ.

— Такъ это для умнаго человѣка еще и лучше. Денегъ у него достаточно, а умишко-то у насъ и свой найдется.

Но тутъ къ нимъ присоединились еще кое-кто изъ кружковцевъ, и разговоръ сталъ общимъ.

Вся эта собравшаяся здѣсь компанія рѣшила устроить въ «Кружалѣ» поминки покойному.

«Кружало» представляло собою единственную въ своемъ родѣ гостиницу, если только можно было подобное учрежденіе назвать гостиницей. Оно помѣщалось въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ, выкрашенномъ въ краску цвѣта синьки, со слѣпыми окнами, благодаря ихъ маленькимъ размѣрамъ и совершенному незнакомству съ водой и мыломъ, и подъ зеленой крышей; домъ былъ самаго московскаго типа: неопрятный, грязный, выстроенный неряшливо, но необыкновенно прочно, толстый, приземистый,—настоящій московскій купецъ изъ лавочниковъ, уже успѣвшій отростить брюхо и твердо стать на ноги. Украшеніемъ этому дому служили всевозможныя, довольно интересныя для наблюдателя вывѣски. Весь его нижній этажъ разбитъ былъ на лавчонки и магазинчики; тутъ былъ и цырюльникъ, о чемъ свидѣтельствовалъ портретъ жгучаго брюнета съ торчащими въ видѣ двухъ штопоровъ усами, съ салфеткой, подвязанной подъ подбородкомъ, съ покрытой на подобіе кусковъ ваты мыломъ щекой, къ которой тянулась, неизвѣстно кому принадлежащая, рука, вооруженная бритвой. Тутъ же внизу изображено было нѣчто въ родѣ стеклянной суповой миски съ крышкой, а въ ней въ видѣ гигантскихъ запятыхъ плавали піявки. Были и другія иллюстраціи. У сапожника изображенъ былъ огромный военный сапогъ со шпорой, нарисованный на стеклѣ его единственнаго окна, на которомъ внизу было написано бѣлыми съ красными буквами: «Авходъ къ Нему со двора». Окно рядомъ принадлежало портному, о чемъ краснорѣчиво говорили раскрытыя ножницы и надпись «И перьшиваютъ старье». Надъ лавченкой рядомъ виднѣлась черная вывѣска, и на ней желтой охрой значилось: «Покупка тряпья». Дальше помѣщалась закусочная съ двумя дверками въ видѣ ставней съ красными, цвѣта сурика, какъ оно уже издавна принято для такого рода закусочныхъ, вывѣсками, на которыхъ были изображены: блюдо съ ветчиной, миска, надо полагать, съ супомъ и деревянной плавающей въ ней ложкой, черный хлѣбъ, нарѣзанный ломтями горой на синей тарелкѣ, и самоваръ, подъ которымъ лежала связка баранокъ такъ, что можно было подумать, что этотъ самоваръ стоялъ именно на баранкахъ, а вверху у самыхъ ручекъ самовара—двѣ чайныхъ чашки, которыя почему-то всегда производятъ такое впечатлѣніе, будто онѣ висятъ на воздухѣ. На самомъ верху, надъ домомъ, почти во всю длину

его прибита была вывѣска: «Трактиръ купца Синебрюхова. Онъ же Тула». Въ этотъ трактиръ вела дверь, занявшая самую середину, съ каменными ступеньками, сливавшимися съ тротуаромъ, такимъ же неровнымъ и вѣчно,—несмотря ни на какое время года,—почему-то мокрымъ и осклизлымъ. Таковы же были и эти ступеньки, по счастію, огражденныя деревянными перилами, безъ которыхъ невозможно было бы, кажется, ни сойти внизъ, ни подняться наверхъ безъ риску сломать себѣ шею.

Каменныя ступеньки упирались въ крутую и узкую, залитую и грязную лѣстницу, которая устремлялась въ трактиръ.

Но собственно трактиръ занималъ только одну половину верхняго этажа вправо; влѣво же помѣщались номера, которые извѣстны были во всемъ околоткѣ подъ названіемъ «Кружала».

Номера были тѣсны и занимали столь небольшое помѣщеніе, что, казалось бы, и народу въ нихъ не могло быть много. Но тотъ, кто такъ думалъ, ошибался: «Кружало» было биткомъ набито, и менѣе сорока человѣкъ постоянныхъ жильцовъ тамъ никогда не бывало. Обыкновенно же пребывало въ немъ болѣе ста обитателей, такъ какъ у завсегдатаевъ «Кружала» было обыкновеніе, придя въ гости къ товарищу, засидѣться до разсвѣта, когда уже не стоило итти ночевать къ себѣ домой, и самое простое благоразуміе требовало провести остатокъ ночи тутъ же. Точно также въ извѣстномъ обществѣ очень было принято являться ночевать въ «Кружало», если просто негдѣ было ночевать. Особенностью «Кружала» было то, что никогда ни при какихъ обстоятельствахъ двери его не запирались и не закрывались; все всегда стояло настежь, начиная съ наружной двери на улицу, черезъ которую постоянно шмыгали туда и сюда разныя на аристократическій или полицейскій взглядъ, «подозрительныя личности». Въ «Кружало» безпрестанно входили прямо съ улицы разные мелкіе торговцы, мастеровые. Бритый татаринъ въ ермолкѣ съ гигантскимъ узломъ на спинѣ поднимался по лѣстницѣ, таща на себѣ всю свою лавку, и, очутившись въ «Кружалѣ», останавливался въ дверяхъ каждой комнаты и вопрошалъ:

— Баринъ, халатъ, пакупаишь?—или: купи танжалъ, баринъ!—при чемъ показывалъ и продаваемый кинжалъ, роль котораго иногда игралъ обыкновенный столовый ножъ или долото, а то такъ и еще какой нибудь острый инструментъ.

Въ «Кружалѣ» цѣлый день не прекращалась бойкая лихорадочная жизнь, несмотря на то, что большинство его постоянныхъ жильцовъ были рабочіе на ближайшихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ мастерскихъ. Тамъ вѣчно толпился народъ. Въ «Кружало» шелъ всякій, разумѣется, изъ «знакомцевъ». Когда ему нечего было дѣлать, когда голова трещала съ похмелья, когда надо было обсудить какое нибудь важное дѣло и посовѣтоваться съ умными и знаю-

щими людьми, когда хотѣлось передернуть въ картишки, наконецъ просто на даровщинку выпить, а главное, въ чемъ особенно такъ нуждается русскій человѣкъ,—отвести душу, поговорить по душамъ, объясниться на чистоту, и все это въ обществѣ хорошихъ и умныхъ людей, которыхъ въ «Кружалѣ» было, что называется, хоть отбавляй.

Что сказать объ обстановкѣ «Кружала»? Справедливость требуетъ сознаться, что ея почти не было, если не считать колченогихъ табуретовъ, съ продавленнымъ сидѣньемъ разнокалиберныхъ стульевъ—въ очень впрочемъ ограниченномъ количествѣ — деревянныхъ простыхъ, почему-то лишенныхъ ящиковъ столовъ и набитыхъ соломой тюфяковъ. Но сказать, кто, какъ и когда позаботился объ этой обстановкѣ, являлось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Весь этотъ хламъ какъ-то самъ собою накопился тутъ, не представляя собою никакой цѣнности внѣ стѣнъ «Кружала» и являясь въ стѣнахъ его предметомъ первой необходимости. Приходившіе въ «Кружало» пользовались всѣмъ, что только могло оно имъ предоставить, но уходя не брали съ собою ничего, а, при счастливыхъ перемѣнахъ судьбы, еще обыкновенно и надѣляли «Кружало» чѣмъ нибудь. Случалось, что человѣкъ, поселившись въ «Кружалѣ», купитъ, напримѣръ, за гривенникъ табуретъ у хожалаго, разорится на оборудованіе соломеннаго тюфяка, а потомъ выйдетъ ему мѣсто, или покажется, что изъ «Кружала» далеко ходить на службу, или, наконецъ, просто выйдетъ въ «Кружалѣ» общая горячая перепалка, и его спустятъ съ лѣстницы прямо на улицу сожители и товарищи, — все это добро остается кружальщикамъ. Несмотря на свой нѣсколько буйный характеръ, кружальщики пользовались хорошей репутаціей. Правда, случалось, что въ подпитіи, особенно въ праздничный день, имъ доводилось расшибать камнями окна сосѣднихъ заведеній и вступать въ не всегда кончавшіяся благополучно пререканія съ публикой, но все это были вещи извинительныя и на обывательскій взглядъ весьма понятныя. Въ праздникъ рабочему человѣку отчего и не выпить, а выпивъ отчего не высадить окна, или, не удержавшись, какъ не «съѣздить по сусаламъ»,—по московскому выраженію,—кого нибудь, кто некстати подвернулся подъ руку? За то ни воровства, ни какихъ нибудь еще темныхъ дѣлъ за кружальщиками не водилось; безпаспортныхъ между ними тоже не было, и съ полиціей они отлично ладили, даже въ иныхъ случаяхъ являлись ея пособниками. Съ величайшимъ удовольствіемъ кружальщики вызывались быть понятыми, когда это требовалось при составленіи протоколовъ, они же являлись драгоцѣнными свидѣтелями, они же съ удовольствіемъ протягивали руки помощи городовымъ и околоточнымъ во всѣхъ, довольно часто возникающихъ въ этой мѣстности, скандалахъ, и съ этой стороны, такъ сказать, даже зарекомендовали себя.

И, однако, большинство кружальщиковъ были либералами и не только кружальщиками, но и кружковцами. Какъ уживались въ ихъ широкихъ московскихъ натурахъ эти два, казалось бы, противоположныхъ направленія, — пусть рѣшаютъ, какъ хотятъ, съ свойственнымъ имъ остроуміемъ присяжные мудрецы и спеціалисты, дѣло же беллетриста только констатировать фактъ.

Такъ вотъ въ это-то «Кружало», куда въ любое время можно было прійти, никого не спрашиваясь, не стучась и не звонясь, и уйти, когда вздумается, не обративъ на себя ничьего вниманія, и на этотъ разъ собрались всѣ желавшіе почтить память Орлова.

Лучше «Кружала» для этого трудно было придумать мѣсто. Внѣшній блескъ никого тутъ не прельщалъ, но зато нигдѣ свободнѣе нельзя было держать себя, какъ въ «Кружалѣ», трудно было въ другомъ мѣстѣ напиться пьянѣе и поговорить гдѣ нибудь болѣе откровенно и искренно.

Такъ какъ компанія была очень многочисленна, то она разсыпалась по всѣмъ комнатамъ «Кружала», но настежь открытыя двери и здоровыя глотки и легкія собравшихся сюда людей позволяли вести общую бесѣду, перебрасываясь словами изъ комнаты въ комнату. Однако такой способъ разговора, даже и кружальщикамъ показался наконецъ неловкимъ, и они всѣ скучились въ самой большой комнатѣ, кто сидя, кто стоя, продолжая горячіе дебаты, начатые еще на кладбищѣ.

Дѣло въ томъ, что у орловцевъ съ другими кружками давно были счеты, и сегодня у нихъ у всѣхъ кипѣли сердца, и хотѣлось разъ навсегда покончить эти счеты, да такъ, чтобы ужъ не было сомнѣній въ ихъ правотѣ.

Другіе же кружки тоже чувствовали желаніе сразиться и разъ навсегда утереть носъ зазнавшимся орловцамъ, благо, теперь выдался подходящій моментъ.

Эти чувства, однако, хранились въ глубинѣ сердецъ и той и другой партіи и только еще закипали въ самыхъ нѣдрахъ ихъ сознаній. На самомъ же дѣлѣ всѣ они прежде всего горѣли желаніемъ съ трескомъ справить поминки по дѣдкѣ.

Предвѣстникомъ такого треска былъ гармоничный звонъ стеклянной посуды, наполненной водкой и пивомъ. О доставкѣ и того и другого еще наканунѣ позаботились кружальщики.

Кто-то выразилъ мысль, что не мѣшало бы соорудить и закуску. Окружающіе поддержали ее; близость съѣстной и мелочной лавки дѣлали эту затѣю вполнѣ возможной и доступной карману кружальщиковъ. Тотчасъ же образовалась складчина, загремѣли мѣдяки, зазвенѣли гривенники и пятиалтынные. На непокрытомъ стоявшемъ тутъ же столѣ появилось нѣсколько большихъ селедокъ, такъ называемыхъ «тесаковъ», тарелка съ мелко нарѣзанной на кусочки, сухой, лежалой ветчиной, другая такая же тарелка

съ колбасой, судокъ съ солеными огурцами, банка съ извѣстной русской горчицей и въ изобиліи черный и полубѣлый хлѣбъ.

— Приступимъ, господа,—пригласилъ Опулентовъ, считавшійся въ «Кружалѣ» старожиломъ и бывшій за хозяина.

Всѣ проголодались и, съ удовольствіемъ пропустивъ по первой рюмкѣ, принялись ѣсть. Первое время всѣ заняты были только ѣдой, всѣ усердно чавкали и обмѣнивались только самыми незначительными и немногосложными фразами. Мало-по-малу, однако, когда голодъ утолился, а живительная влага возбуждающимъ образомъ подѣйствовала на общее настроеніе, присутствовавшіе вспомнили цѣль, для которой они собрались сюда.

Опулентовъ поднялъ стаканъ зеленаго стекла, наполненный пивомъ, и громогласно возгласилъ:

— Господа, сегодня мы проводили въ вѣчность нашего незабвеннаго великаго наставника, Ивана Евлампіевича Орлова. Вѣчная память ему! Ура!

Ура было дружно подхвачено и гулко отозвалось въ пустыхъ коридорахъ и каморкахъ «Кружала».

Къ столу протиснулся знакомый намъ вольный землеробъ Ивановъ и, наливая себѣ пива, торжественно возгласилъ:

— Выпьемъ, господа, за новопреставленнаго Ивана Евлампіевича Орлова!

Кругомъ засмѣялись.

— Эхъ, ты, — укорялъ товарища неразлучный съ нимъ Петровъ: — туда же съ тостомъ за новопреставленнаго!

— Ну, ты скажи лучше, ежели умѣешь,—огрызнулся Ивановъ.

— И скажу.

— Ну, и скажи.

— А вотъ и скажу...

И, держа въ обѣихъ рукахъ стаканъ водки и поднимая его надъ головой, онъ выкрикнулъ, что было мочи:

— Вѣчная память основателю общины вольныхъ землеробовъ и первоучителю непротивленія...

Сгоряча всѣ подхватили этотъ тостъ и выпили, но потомъ послышались возраженія.

— Ну, Орловъ ли основалъ общину вольныхъ землеробовъ, это еще вилами на водѣ писано, — проговорилъ одинъ изъ кружальщиковъ, человѣкъ уже лѣтъ подъ сорокъ, мелкій желѣзнодорожный служащій.

— А что касается первоучителя непротивленниковъ,—поддержалъ его молодой мастеровой,—это ужъ, ахъ, оставьте, по другому адресу послать надобно.

— Вѣрно! — подхватило нѣсколько голосовъ: — что другое, а непротивленіе злу придумалъ кто нибудь другой, а не вашъ Орловъ.

— Да и не вашъ тоже! — послышалось тотчасъ же изъ среды орловцевъ, которые моментально сбились въ одну кучу.

— Какъ такъ не нашъ? — грозно наступила противная партія. — Ужъ не нашему ли у вашего учиться было?

— И учился, — отпарировали орловцы.

— Очень онъ въ вашемъ Орловѣ нуждался. Такихъ-то, какъ вашъ Орловъ, на каждой тумбѣ по клумбѣ, а нашъ-то не то, что на всю Россію, на всю заграницу извѣстенъ. Ну-ка, скажите: что вашъ написалъ?

— Ему не надо было писать! — горячо выкрикнулъ Юневичъ: — онъ дѣлалъ.

— Это вѣрно, — поддержалъ Опулентовъ: — онъ училъ дѣломъ, а не словомъ.

— Да что онъ сдѣлалъ, вашъ-то? — кричали противники.

— Ну, а вашъ, что такое сдѣлалъ? — отвѣчали вопросомъ на вопросъ орловцы.

— Нашъ-то? Онъ однѣхъ книгъ столько написалъ, сколько вашему Орлову и не прочесть.

— Такъ это совсѣмъ другой разговоръ, — кричали орловцы, — книги пишетъ, значитъ, писатель, а вѣдь вы его учителемъ зовете.

— Эка сморозилъ! — послышалось презрительное возраженіе: — писатель и, значитъ, учитель. А ежели онъ только писать умѣетъ, а въ учителя не годится, такъ на кой лядъ его и писанье?!

— Вѣрно, вѣрно! — послышались одобрительные голоса.

— Учитель! — презрительно отозвались въ кучкѣ орловцевъ. — Ежели бы онъ дѣлалъ то, чему училъ, вотъ онъ и былъ бы учителемъ. А то нѣтъ: другихъ поучаетъ, а самъ наоборотъ своему ученію поступаетъ.

— А ты видалъ?

— И видалъ, а то такъ и слыхалъ.

— Ну, вотъ, развѣ что слыхалъ, а ужъ видать: нѣтъ, братъ, дудки! Пустили туда одного такого, какъ же!

— И пустятъ!

— Сунься!

— А что-жъ и пойду!

— Ну, тебя лакеи съ лѣстницы и спустятъ.

— Вотъ вамъ вашъ и учитель! — выкрикнулъ Опулентовъ: — что ужъ это за учитель, къ которому и доступу нѣтъ! А къ нашему, кто хотѣлъ, тотъ и шелъ.

— Сказалъ тоже! Что-жъ, что шелъ? Еще бы къ нему-то не итти? Не Богъ знаетъ, какая персона. Иное дѣло нашъ: на нашего-то и изъ-за границы смотрѣть пріѣзжаютъ, а вашего-то, дай Богъ, если полъ-Москвы знаетъ, да знаетъ ли еще?

— Зато ужъ кто знаетъ, — возражали орловцы, — тотъ и почитаетъ.

-- Было бы за что!

— А вотъ за то и почитаетъ, что какъ училъ, такъ и жилъ, а вашъ-то только разговоры разговариваетъ, а какъ, небось, до дѣла коснется, такъ и на попятный. Насмѣшникъ онъ, вашъ-то, больше ничего! А ты не пиши, а примѣръ покажи.

— Ежели такому не писать, такъ и писать некому будетъ.

— Знаемъ мы, что онъ пишетъ!

— А ты, небось, читалъ?

— А то нѣтъ?

— Много ты поймешь!

— Ужъ не ты ли больше понимаешь?

— Ужъ не у орловцевъ ли намъ учиться? — загалдѣли оппоненты.— Наше ученіе и за границей извѣстно, и самые умные и образованные люди къ нашему толку принадлежатъ, а въ вашемъ толкѣ кто? Такъ, мелочь всякая, сбродъ!

— Такъ вы вотъ какъ, голубчики, заговорили!—зашумѣли въ отвѣтъ орловцы.

Въ пылу горячаго спора и тѣ и другіе выпивали стаканъ за стаканомъ, и скоро всѣ были болѣе или менѣе пьяны. Это обстоятельство значительно содѣйствовало готовности споривших постоять за своихъ.

— Да что на нихъ смотрѣть, господа? — крикнули орловцы, обмѣнявшись еще нѣсколькими любезностями съ противниками.— Ежели они нашего дѣдку не уважаютъ, за коимъ чортомъ ихъ сюда принесло?

— Разумѣется, вонъ отсюда! Къ чорту! — шумѣли орловцы.

— Проваливай, ребята, — кричалъ, выступая впередъ, сильно охмелѣвшій Шалашиковъ: — мы вамъ покажемъ дѣдку!

— А ну, попробуй! – послышалось изъ противной партіи, и, засучивая рукава, на Шалашикова сталъ наступать тотъ мастеровой, который первый выразилъ сомнѣніе въ правѣ Орлова на названіе перваго непротивленца.

— Не робѣй, Шалашиковъ!—крикнулъ, совершенно не помня себя и едва держась на ногахъ, Опулентовъ.

— Стыдно, стыдно, господа!—закричалъ, что было мочи, болѣе другихъ трезвый Юневичъ, до глубины сердца пораженный исходомъ полемики.—Мы собрались не для того, чтобы сводить старые счеты, а для того, чтобы почтить прекраснаго и добраго человѣка, учившаго насъ добру!

Но его уже никто не слушалъ. Всѣ смѣшались, всѣ кричали, размахивали руками. Шалашиковъ уже вступилъ въ единоборство со своимъ противникомъ. Опулентовъ подоспѣлъ къ нему на помощь, но тотчасъ же получилъ тумака и принужденъ былъ отступить. Его бросился защищать съ поднятыми кулаками Ивановъ.

Началась общая свалка и потасовка. Столъ съ закусками и бутылками былъ опрокинутъ, звенѣла разбитая посуда, хрустѣли подъ ногами осколки стекла; многіе, поднявъ съ полу бутылки, вооружились ими и, держа ихъ за горлышко, размахивали ими, какъ булавой. Поминки грозили превратиться въ настоящее побоище.

Тщетно нѣсколько человѣкъ благоразумныхъ съ Юневичемъ во главѣ старались убѣдить и разъединить сражающихся.

На нихъ никто не обращалъ вниманія. Всѣ были точно въ какомъ-то чаду, всѣ работали, что было силы и умѣнья, ногами, руками, бутылками, и изрѣдка слышались только возгласы:

— Вотъ тебѣ за дѣдку!

— Получай за нашего!

— Вотъ вамъ за вашего!

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончились эти безобразныя поминки, устроенныя тому, кто училъ добру, смиренію и непротивленію злу, если бы имъ внезапно не положило конца неожиданное и трагическое происшествіе.

Въ самый разгаръ свалки въ дверяхъ той комнаты, гдѣ она происходила, вдругъ появилось новое лицо. Это былъ молодой человѣкъ, подростокъ, почти мальчикъ. Несмотря на холодное время года, онъ былъ въ одномъ старомъ сюртукѣ, очевидно съ чужого плеча; бѣлая коленкоровая рубашка была разстегнута на его груди, рваная барашковая шапка слетѣла съ головы, когда онъ остановился, и валялась около него на полу. Нѣсколько времени онъ внимательно всматривался въ присутствующихъ. Блѣдное, съ горящими широко раскрытыми глазами, съ яркими пятнами на щекахъ, все вздрагивающее отъ волненія лицо его изображало необычайное нервное возбужденіе. Правой рукой онъ все шарилъ въ карманѣ брюкъ, точно искалъ чего-то и не находилъ. Вдругъ онъ ринулся впередъ. Что-то блеснуло въ его рукѣ, кто-то крикнулъ, и потомъ мгновенно всѣ смолкли, бросились за нимъ и остановились пораженные: на полу лежалъ опрокинутый Опулентовъ, и въ груди его торчалъ ножъ, а молодой человѣкъ стоялъ надъ нимъ и растерянно улыбался, несвязно что-то бормоча побѣлѣвшими, вздрагивающими губами.

— Вася, что ты сдѣлалъ!—внѣ себя вскрикнулъ Юневичъ.

Тотъ обернулся, но тутъ же поблѣднѣлъ, зашатался и упалъ къ нему на руки.

Всего его била судорога, и онъ, казалось, потерялъ сознаніе. Вдругъ онъ захрипѣлъ, и изъ горла его хлынула кровь.

Хмель живо слетѣлъ со всѣхъ присутствующихъ; кто-то пошелъ за полиціей, другіе стали помогать Юневичу, третьи столпились вокругъ Опулентова. Но послѣдній не нуждался уже въ ничьей заботѣ: онъ былъ убитъ наповалъ.

— Господа,—сказалъ Шалашиковъ,—а вѣдь это онъ его за Митродору доѣхалъ.

— А вѣдь и вправду, господа! Намедни въ «Кружалѣ» Васька пьяный грозился: убью, говоритъ, подлеца Опулентова, какъ собаку зарѣжу.

— Да какъ это его никто не видѣлъ? Его на похоронахъ не было.

— А про поминки онъ зналъ, и что Опулентовъ тутъ будетъ, зналъ навѣрное.

Всѣмъ этимъ разговорамъ положилъ конецъ приходъ полиціи. Принялись за составленіе протокола. Но еще до того приставъ распорядился отправить Васю съ Юневичемъ и съ городовымъ въ больницу. Убійца былъ въ безсознательномъ состояніи, и кровь, не унимаясь, шла у него горломъ.

Поздно вечеромъ Юневичъ явился на Выселки въ домъ наслѣдниковъ Стрекаловой.

— Боже, что съ вами!—вскричала Елизавета Дмитріевна, глядя на его измученное, усталое лицо.—Неужели вы такъ устали?

Онъ махнулъ рукой, не раздѣваясь опустился на стулъ и принялся разсказывать ей все, что произошло въ «Кружалѣ».

— Вася не выживетъ,—заключилъ онъ,—докторъ тамъ въ больницѣ сказалъ, что это послѣднее: можетъ быть, къ утру умретъ. Просидѣлъ у него до послѣдняго докторскаго обхода—въ девять часовъ вечера, кажется, а потомъ поѣхалъ къ Деревянниковымъ... И я женюсь,—неожиданно добавилъ онъ.

— Что такое?—удивилась Елизавета Дмитріевна:—какъ такъ женитесь? на комъ?

— На Деревянниковой, на Митродорѣ.

— Да вѣдь вы мнѣ сами разсказывали, что это—некрасивая и недалекая дѣвушка.

— Это все равно,—сказалъ Юневичъ,—я уже рѣшилъ и предложеніе ей сдѣлалъ. Женюсь на ней, и баста.

— Подумайте, Юневичъ, какая жертва,—заговорила Елизавета Дмитріевна:—вы еще такъ молоды, вы можете встрѣтить женщину, которую вы полюбите.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Юневичъ.—Я уже встрѣтилъ такую женщину. Она меня не любитъ и никогда не полюбитъ. Я показывалъ вамъ ее на похоронахъ.

— Это та красивая брюнетка?

— Да, Багрецова. Я для нея слишкомъ ничтоженъ, я это понимаю. А Митродора со мною будетъ счастлива: я ее обижать не буду и ребенка ея буду любить. Я дѣтей вообще люблю. А она добрая.

— Это ужасно!—сказала Елизавета Дмитріевна.—И, можетъ быть, это совсѣмъ ненужная жертва.

— Этого не можетъ быть,—сказалъ Юневичъ.—Ненужныхъ жертвъ не бываетъ, и тотъ, кто жертвуетъ, всегда поступаетъ хорошо.

— Мнѣ жаль васъ,—сказала Елизавета Дмитріевна.

— Не жалѣйте,—сказалъ Юневичъ,—это все очень хорошо, и мнѣ нравится. Я, знаете, уже давно думаю и все говорилъ себѣ: ну, что же изъ того, что я слушаю дѣдку и помню завѣты его? Вотъ теперь онъ умеръ,—чѣмъ же я могу доказать, что я воистину ученикъ его? Я вѣдь знаю, что я—ничтожество и, значитъ, разсчитывать на громкіе подвиги и великія дѣла не могу, не по плечу они мнѣ, и на мою долю судьба мнѣ ихъ и не заготовила. Буду дѣлать то малое добро, какое могу, и вотъ я начинаю. Я даже на все это происшествіе сегодня, какъ на указаніе свыше, гляжу. Я такъ мучился и, когда шелъ съ кладбища, все объ этомъ думалъ, и вдругъ вся эта исторія. А тутъ бѣднякъ Вася, который завтра умретъ, точно завѣщалъ мнѣ сестру свою. Онъ мнѣ сказалъ: позаботься о сестрѣ,—и я обѣщалъ ему. А потомъ, какъ поѣхалъ туда, увидѣлъ эту бѣдную Митродору, такую загнанную, такую тихую и робкую, съ пьяницей-отцемъ въ ужасномъ углу, я и понялъ вдругъ, сразу,—точно меня что̀ осѣнило,—что̀ слѣдуетъ дѣлать. Нѣтъ, вы, пожалуйста, не жалѣйте меня; мнѣ напротивъ очень хорошо.

И съ этими словами Юневичъ всталъ, простился и ушелъ. Елизавета Дмитріевна не стала его удерживать. Ея часики въ кожаномъ браслетѣ показывали безъ четверти три.

IX.

Послѣ похоронъ Орлова прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Елизавета Дмитріевна съ дѣтьми продолжала жить въ квартирѣ, принадлежавшей когда-то дѣдкѣ. Какъ и прежде, она занимала въ ней только двѣ комнаты и ничего не платила хозяевамъ дома. Наслѣдники Стрекаловой, узнавъ о смерти Орлова, не рѣшились выгнать на улицу его вдову и дѣтей. Елизавета Дмитріевна осталась сначала только пока, но время шло, и хотя дѣла ея приняли довольно счастливый оборотъ, она все еще не рѣшалась разстаться съ этимъ даровымъ убѣжищемъ, дававшимъ ей возможность сохранить нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ.

На другой же день послѣ похоронъ къ ней явился артельщикъ и на словахъ передалъ ей, что Кузьма Терентьевичъ, въ уваженіе къ заслугамъ ея мужа, назначилъ ей пенсію по сту рублей въ мѣсяцъ и теперь же присылаетъ ей сто рублей за истекшій мѣсяцъ и другіе сто за слѣдующій мѣсяцъ впередъ. Деньги она можетъ получать, какъ ей угодно, или лично являясь въ контору, или ей будутъ приносить ихъ. Юневича не было дома, и Елизавета Дмитріевна ужасно растерялась. Не зная, съ кѣмъ посовѣтоваться, она обратилась къ посланному, пожилому солидному человѣку:

— Какъ же мнѣ быть?—спросила она.

— Да вы только распишитесь, сударыня, — учтиво произнесъ тотъ, вынимая изъ бокового кармана толстую въ осьмушку листа шнуровую книгу, — получила, молъ, имя и фамилію, и все-съ. Больше ничего и не требуется. Да адресокъ свой тоже пропишите, на тотъ конецъ, ежели пожелаете, чтобы вамъ доставлялись деньги на домъ.

— А если я отсюда уѣду куда нибудь въ другой городъ?— спросила Елизавета Дмитріевна.

— Все равно-съ, хоть за границу. По почтѣ получать будете либо черезъ банкъ.

И, замѣтивъ растерянность Елизаветы Дмитріевны, онъ конфиденціально прибавилъ:

— Это, сударыня, ужъ дѣло вѣрное-съ: по гробъ жизни Кузьмы Терентьича денежки получать аккуратнѣйшимъ манеромъ будете, а помрутъ они, придетъ часъ воли Божьей, надо думать, эту статью безъ распоряженія не оставятъ.

— Я думаю, я должна поѣхать поблагодарить Кузьму Терентьича,—вслухъ размышляла Елизавета Дмитріевна.

— Не требуется,—сказалъ посланный,—да они и не примутъ, пожалуй, Кузьма Терентьичъ этого не любитъ-съ, да и гдѣ же всѣхъ принимать?

— А развѣ многіе получаютъ?—полюбопытствовала Елизавета Дмитріевна.

— У насъ-то?—не безъ гордости отвѣчалъ посланный.—У насъ это, можно сказать, обширная статья. Два конторщика этимъ дѣломъ завѣдываютъ. Кузьма Терентьевичъ образованность очень почитаетъ, книгъ тоже что издаютъ, все для общественной пользы-съ, наживой пренебрегаютъ, да при такомъ состояніи имъ и можно.

— Такъ хоть передайте Кузьмѣ Терентьичу, что я очень ему благодарна,—сказала Елизавета Дмитріевна.

Посланный ухмыльнулся.

— Передать ему это, сударыня, я никакъ не могу, по той простой причинѣ, что лично я ихъ никогда не вижу, потому что при нихъ не состою-съ, а управляющему могу эти ваши слова передать, но опять-таки только для блезиру, потому что и имъ это все единственно, и у нихъ этихъ суммъ тоже что между рукъ пройдетъ.

Елизавета Дмитріевна расписалась въ полученіи. Ей казалось неловкимъ отпустить отъ себя разсыльнаго, не давъ ему на чай, и она смущенно протянула ему два двугривенныхъ, которые случайно нашлись у нея въ карманѣ. Послѣдній взялъ эти два двугривенныхъ, аккуратно сложилъ ихъ одинъ къ другому, положилъ на подоконникъ и съ достоинствомъ сказалъ:

— Намъ, сударыня, по нашему мѣсту получать благодарность не приходится. Покорнѣйше васъ благодарю, но принять не могу-съ.

Насъ Кузьма Терентьичъ не обижаетъ. Слава Богу, живемъ хорошо-съ.

Начиная съ этого времени, Орлова дѣйствительно аккуратнѣйшимъ образомъ получала свои сто рублей. На Выселкахъ этихъ небольшихъ денегъ ей вполнѣ хватало, тѣмъ болѣе, что за квартиру платить не приходилось.

Первое время, подъ впечатлѣніемъ только что пережитаго, замкнутая жизнь въ глуши, вдали отъ всѣхъ, въ обществѣ почти исключительно дѣтей да Митревны, которая ежедневно являлась убирать комнаты и готовить обѣдъ, ее удовлетворяла. Кое-кто изъ кружковцевъ изрѣдка навѣщалъ ее. Послѣ отъѣзда изъ Москвы Юневича, который женился на Митродорѣ и вмѣстѣ съ ней уѣхалъ къ отцу, къ ней чаще всего заглядывалъ Шалашиковъ. Его дѣла приняли довольно счастливый оборотъ. Головкинъ нашелъ нужнымъ поддержать его и далъ ему средства на открытіе книжнаго склада и на изданіе книгъ для народа. Благодаря знакомству съ типографскимъ дѣломъ и московскими издателями, Шалашиковъ сразу устроился недурно и чувствовалъ, что за барышами дѣло не станетъ. Этого рода дѣятельность какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала его способностямъ.

Теперь онъ и одѣвался приличнѣе. На немъ всегда было все новое, правда, купленное въ магазинѣ готоваго платья, но, сравнительно съ прежнимъ его одѣяніемъ, онъ и въ немъ очень выигрывалъ.

Насколько прежде онъ напоминалъ посыльнаго или молодца изъ лавки, настолько теперь онъ приближался къ джентльмэну купеческой складки. Бороду онъ себѣ отпустилъ вѣеромъ, волосы на затылкѣ стригъ вгладкую, а на лобъ спускалъ капулемъ; завелъ онъ себѣ также серебряные часы, такъ называемую луковицу, на платиновой цѣпочкѣ такихъ внушительныхъ размѣровъ, что на ней смѣло можно было удержать добраго пса, и папиросы носилъ уже не въ бумажныхъ коробкахъ, а въ портсигарѣ изъ британскаго металла. Но особенное пристрастіе выказалъ онъ къ галстукамъ. Онъ ихъ завелъ цѣлую коллекцію самыхъ яркихъ цвѣтовъ и постоянно щеголялъ обновками. Галстуки были пока единственнымъ предметомъ, который онъ рѣшался покупать въ большихъ магазинахъ на Кузнецкомъ мосту, у Буиса или у Морэ. Но по всему было видно, что въ этомъ направленіи Шалашиковъ способенъ постоянно прогрессировать и въ будущемъ по мѣрѣ того, какъ дѣла его достигнутъ процвѣтанія, можно было ожидать, что онъ совершенно превратится въ одного изъ тѣхъ московскихъ щеголеватыхъ купцовъ, которые шьютъ себѣ платье у Айе, носятъ ботинки отъ Пироне, стригутся у Теодора, на купеческихъ свадьбахъ фигурируютъ въ качествѣ шаферовъ, а иногда и распорядителей танцевъ, и для такого торжественнаго случая обязательно

завиваются и распространяютъ отъ себя на далекое разстояніе запахъ резедовой помады и тѣхъ, кажется, спеціально московскихъ духовъ, которые почему-то называются «Букетомъ императрицы».

Годамъ къ сорока, будучи, что называется, въ самой порѣ, такіе господа, уже успѣвъ нѣсколько утвердиться въ купеческой средѣ, а иногда и скопить маленькій капиталецъ, обыкновенно женятся на купеческой дочкѣ съ баснословнымъ приданымъ, при чемъ оказываются очень снисходительными къ какому нибудь изъяну невѣсты, почти неразлучному съ даваемымъ за ней крупнымъ награжденіемъ, въ родѣ того, что она горбата, или кривобока, или, будучи испугана въ дѣтствѣ нянькой, коситъ глазами и подвержена столбняку, но еще чаще на вдовушкахъ подъ непремѣннымъ условіемъ обладанія большимъ капиталомъ.

Все это Шалашиковъ уже предвидѣлъ, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, и, говоря съ Елизаветой Дмитріевной, развивалъ свои житейскіе планы именно въ эту сторону.

На ряду съ его пристрастіемъ къ галстукамъ и щегольскому платью, у него явилась великая жажда самообразованія.

— Образованность—великое дѣло,—говорилъ онъ Елизаветѣ Дмитріевнѣ.—Что этотъ нашъ кружокъ? Я съ нимъ и знаться теперь, можно сказать, не хочу. Я теперь все больше читаю, чтобы отъ вѣка не отстать. Безъ образованности въ наше время нельзя. Будь я образованный человѣкъ, да меня бы всѣ, разинувъ рты, слушали, потому что образованный человѣкъ все равно, что хорошій календарь или справочная книга. Онъ тебѣ все разскажетъ: и кто былъ Гарибальди, и какой главный городъ тамъ, гдѣ нибудь, у чорта на куличкахъ, въ Австріи, и кто былъ Наполеонъ I, и какая разница между нимъ и Наполеономъ III. А кстати,—обратился онъ разъ къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ, оборвавъ самого себя,— вы вѣдь барыня образованная и гувернанткой, говорите, были, не скажете ли вы мнѣ, куда же Наполеонъ-то II дѣвался? Вотъ я у многихъ спрашивалъ и въ иностранныхъ разныхъ исторіяхъ читалъ, про Наполеона I много разсказано и про третьяго тоже, а о Наполеонѣ II ни слова, точно сквозь землю провалился.

— Не знаю,—отвѣтила Елизавета Дмитріевна,—я ужъ многое перезабыла изъ того, что учила.

Заходила къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ какъ-то и Багрецова, но онѣ другъ другу не понравились. Слишкомъ ужъ было мало между ними общаго. Елизаветѣ Дмитріевнѣ Багрецова показалась высокомѣрной и самонадѣянной, а тонъ ея снисходительнымъ и покровительственнымъ.

А Багрецова видѣла въ Елизаветѣ Дмитріевнѣ пустенькую бабенку и про себя опредѣлила ее такъ: «самая обыкновенная, что называется дура-баба, и, какъ всѣ онѣ, жена плохая, мать глупая и работница никуда негодная».

— Вы бы хоть дѣло какое начали,—приставала Багрецова къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ,—чѣмъ сидѣть, сложа руки.

— Безъ денегъ никакого дѣла не заведешь,—оправдывалась Елизавета Дмитріевна, — да и на дѣтей много времени уходитъ. Надо ихъ накормить, позаботиться о ихъ туалетѣ, кромѣ того, я каждый день съ ними занимаюсь. Пора подумать о томъ, чтобы отдать ихъ въ какія нибудь учебныя заведенія.

— У нашихъ отцовъ и матерей,—возражала Багрецова,—только и свѣту въ окошкѣ, что учебное заведеніе. Вы—женщина образованная, вы сами можете заниматься съ ними. Главное, чтобы они какъ можно позднѣе попали въ учебное заведеніе, гдѣ съ нихъ всѣми силами будутъ стараться стереть личность и пригнать ихъ къ извѣстному шаблону.

— Что вы? Гдѣ же мнѣ?—отмахивалась Елизавета Дмитріевна.— Я уже многое забыла.

— Учитесь сами: вы еще молоды.

— Это легко только говорить, — оспаривала Елизавета Дмитріевна.—Потомъ дома воспитаніе стоитъ такъ дорого. Я жалѣю, что Иванъ Евлампіевичъ не служилъ: я могла бы тогда пристроить ихъ куда нибудь на казенный счетъ.

— Я по своимъ принципамъ, — говорила Багрецова, — совершенно противъ этого казеннаго счета. Мать должна разсчитывать на себя, а не на другихъ во всемъ, что касается дѣтей.

— Да какъ это вы такъ разсуждаете? — говорила Елизавета Дмитріевна. — Вѣдь у васъ тоже есть дѣти. Вы сами понимаете, какъ трудно съ дѣтьми.

— Кому трудно, тотъ можетъ не имѣть дѣтей,—говорила Багрецова.—Увѣряю васъ, что если бы я не хотѣла имѣть дѣтей, у меня ихъ бы не было.

— Да что же вы будете дѣлать, когда они подростутъ? Вѣдь надо же ихъ учить.

— Ну, мои еще пока малы, и до того, пока они подростутъ, много воды утечетъ. Да я, вѣроятно, и не останусь въ Россіи, уѣду за границу.

— Какъ это рѣшиться покинуть родину?—говорила Елизавета Дмитріевна.

— Да зачѣмъ же мнѣ эта родина, когда она ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ ничего не даетъ?

— Нѣтъ, въ Россіи жить хорошо,—говорила Елизавета Дмитріевна.

— Вамъ хорошо, а мнѣ плохо,—стояла на своемъ Багрецова,— вы довольствуетесь тѣмъ, что вамъ даютъ, а я изъ тѣхъ, что берутъ сами и еще выбираютъ, а если нечего брать и не изъ чего выбирать, идутъ въ другое мѣсто.

Такъ и прожила всю зиму Орлова въ Стрекаловскомъ домѣ. Подъ конецъ ее стала тяготить неприглядная обстановка, почти

вѣчное одиночество и отсутствіе какихъ бы то ни было интересовъ. Но тутъ подошла весна, а за нею лѣто. Выселки ожили, зазеленѣли. Запущенный садъ-пустырь, окружавшій Стрекаловскій домъ, явился источникомъ цѣлаго ряда наслажденій и удовольствій для дѣтей, а у Елизаветы Дмитріевны завелись знакомства, въ ней приняли участіе, совѣтовали ей переѣхать въ Москву, гдѣ и дѣтей можно отдать въ учебныя заведенія и себѣ найти какое нибудь занятіе или мѣсто.

Совершенно неожиданно для нея къ концу лѣта она получила письмо отъ Головкина, который вспомнилъ о вдовѣ Орлова и ея дѣтяхъ. Онъ писалъ, что извиняется, если такъ долго не подумалъ о ней, оправдывался тѣмъ, что ему было извѣстно, что она получаетъ пособіе отъ московскаго богача и мецената, а также и тѣмъ, что не зналъ, въ какой формѣ предложить ей помощь. Теперь же онъ извѣщаетъ ее, что въ память покойнаго Орлова онъ готовъ платить за ея дѣтей въ тѣ учебныя заведенія, въ какія ей угодно будетъ помѣстить ихъ, а пока на-дняхъ высылаетъ ей триста рублей, чтобы она могла устроиться, какъ найдетъ для себя лучше.

Елизавета Дмитріевна начала подыскивать себѣ квартиру въ Москвѣ. Она очень отдохнула и поздоровѣла за послѣднее время. Возможность хорошо устроить дѣтей и самой жить, «какъ всѣ порядочные люди», какъ говорила она про себя, наполняла ее бодростью и энергіей, и она вся была занята мыслью, какъ бы получше и поуютнѣе устроить свое новое гнѣздо.

Однажды, когда она стала садиться въ конку у Страстного монастыря, чтобы ѣхать домой послѣ того, какъ она провела въ городѣ все утро, осматривая квартиры, она вдругъ увидѣла идущаго къ ней Шалашикова. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ съ ней. Видъ у него по обыкновенію былъ самый сіяющій, борода вѣеромъ развѣвалась, онъ потолстѣлъ, и щеки у него такъ и лоснились. На немъ было пальто на распашку на пестрой шелковой подкладкѣ, на головѣ модный свѣтлый котелокъ, а на рукахъ сѣрыя перчатки. Перчатки на Шалашиковѣ такъ странно было видѣть, что Елизавета Дмитріевна удивилась и воскликнула:

— Боже мой, какимъ вы щеголемъ, даже въ перчаткахъ!

— Знай нашихъ-съ,—самодовольно отвѣтилъ Шалашиковъ,— и мы-съ не сапогами щи хлебаемъ, не лаптемъ утираемся. А одѣтъ я такъ потому, что сейчасъ качу на Курскій вокзалъ провожать своего патрона за границу.

— Какого это патрона?—удивилась Елизавета Дмитріевна.

— А господина Головкина, Иларіона Ильича.

— Такъ какой же онъ вамъ патронъ?

— А какъ же-съ! Что бы я былъ безъ него? А теперь Шалашиковъ въ гору пойдетъ.

И вдругъ съ необычайнымъ оживленіемъ, какъ человѣкъ, которому хочется высказаться, и который радъ случаю поговорить, онъ началъ развивать свои планы передъ Орловой.

— У меня народныя изданія шибко идутъ, Елизавета Дмитріевна, а я теперь еще одну штучку придумалъ. Вотъ ужъ тутъ настоящіе барыши пойдутъ. Народныя изданія народными, а я еще теперь въ медицину ударился.

— Развѣ это такъ выгодно? — сказала Елизавета Дмитріевна.

— Выгодно! — подхватилъ Шалашиковъ: — вы спрашиваете, выгодно ли издавать медицинскія книги? Это все зависитъ отъ того, какая медицина. Я вѣдь на серьезные ученые труды не претендую, а на популярность и на извѣстные вкусы публики бью. У меня уже намѣченъ цѣлый рядъ такихъ медицинскихъ сочиненьицъ, все больше переводовъ, напримѣръ: «Бракъ и безбрачіе», «Грѣхи молодости», «Женщины и мужчины», и все, знаете, съ анатоміей и съ иллюстраціями. Оно все какъ будто и научно, а въ сущности съ грязцой, на пороки и дурныя страсти разсчитано.

— Что жъ тутъ хорошаго?—сказала Елизавета Дмитріевна: — вы—идейный человѣкъ и хотите заняться такимъ дѣломъ.

— Матушка Елизавета Дмитріевна, пощадите! — воскликнулъ Шалашиковъ. — Идеи идеями, да вѣдь и ѣсть, пить тоже надо. Нынче вонъ калачъ и тотъ въ Москвѣ вздорожалъ; пять копеекъ пару ужъ въ рѣдкой булочной купите, все норовятъ три копейки за штуку содрать.

— Вы говорите, все больше переводныя?—спросила Елизавета Дмитріевна.

— Да-съ, переводныя, довѣрія къ нимъ какъ-то больше, да и наши въ этомъ родѣ что-то плохо пишутъ.

— Кто же у васъ переводитъ?—сказала Елизавета Дмитріевна.

— А разный народъ, все больше студенты, а то такъ и люди съ воли заходятъ, барышенъ много приходитъ, все переводовъ просятъ.

— Вотъ бы вы мнѣ и дали какой нибудь переводъ, — сказала Елизавета Дмитріевна.

— Ахъ, я дуракъ! — воскликнулъ Шалашиковъ: — какъ это я про васъ позабылъ, вы—барыня образованная, вамъ это дѣло отлично довѣрить можно, а то вѣдь у меня есть такіе переводчики, что еле-еле изъ пятаго въ десятое понимаютъ то, что переводятъ.

— Такъ какъ же они переводятъ? — изумилась Елизавета Дмитріевна.

— А очень просто: валяетъ отсебятину.

— Такъ вѣдь такой переводъ никуда не годится!—даже огорчилась Елизавета Дмитріевна.

— А отчего не годится? Все зависитъ отъ того, какой человѣкъ. У иного эта отсебятина такая, что пальчики поцѣлуешь. Вѣдь свѣ-

рять никто не станетъ, да нашъ читатель и языковъ-то совсѣмъ не знаетъ, а было бы хлестко и интересно. У меня есть одинъ студентъ, такой мастакъ, что отдай все и того мало; рубль и съ четвертью лишнихъ ему съ листа плачу. Ему только толчокъ дай, заглавіе чтобы было интересное, и содержаніе чтобы подходило къ его спеціальности,—медикъ онъ,—а тамъ ужъ онъ пойдетъ валять.

— Я васъ не понимаю,—сказала Елизавета Дмитріевна.— Какой же это переводъ тогда? Наконецъ, если вашъ читатель не догадается, случайно можетъ попасться книга образованному человѣку, и тогда у васъ можетъ выйти большая непріятность, еще въ газетахъ пропечатаютъ.

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а мы до тѣхъ поръ книжечку и распродать успѣемъ. Такъ-то-съ, Елизавета Дмитріевна. У меня дѣлишки хорошо поставлены. Лавочка на Никольской торгуетъ чудесно, теперь на Ильинкѣ еще лавчонку снялъ. Товару много, набить есть чѣмъ, и мѣсто бойкое: захожій человѣкъ купитъ. Да еще думаю въ Третьяковскомъ проѣздѣ лавченочку снять, спеціально подержанныя книги продавать, безъ этого, знаете, нельзя. Оно дѣло, какъ будто, мелкое, а барышъ вѣрный: и безъ хлопотъ и шику никакого не нужно, ни шкафовъ, ни прилавковъ никакихъ; вали себѣ въ кучу. Мальченку какого ни на есть полуграмотнаго туда поставь, онъ тебѣ столько выручитъ, что доброму приказчику впору. Богатѣть хочу.—Шалашниковъ погладилъ бороду.—Пролетаріатъ-то этотъ, по правдѣ сказать, мнѣ вотъ какъ надоѣлъ, и надоѣло мнѣ въ немъ состоять-то. А сочувствовать всегда могу. Отчего не посочувствовать? Однако мнѣ пора. Честь имѣю кланяться. Извозчикъ! На Курскій вокзалъ!—и Шалашиковъ скрылся такъ же скоро, какъ и появился.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, Курскій вокзалъ въ Москвѣ не представлялъ ничего похожаго на теперешнее великолѣпное и обширное бѣлое зданіе, увѣнчанное куполомъ, съ внушительнымъ подъѣздомъ, важно выходящимъ на обширную освѣщенную электричествомъ площадь. Нѣтъ, тогда Курскій вокзалъ былъ не что иное, какъ деревянный двухъэтажный домъ, выкрашенный въ свѣтло-коричневую краску, и велъ къ этому зданію узенькій, грязный съ тротуарцемъ въ одну плиту не болѣе полуаршина шириной, скверно вымощенный, весь въ колдобинахъ и выбоинахъ переулочекъ, застроенный низенькими, невзрачными, большею частью деревянными домишками.

Въ залѣ перваго класса, куда вошелъ Шалашиковъ, у окна, въ углу, за круглымъ дубовымъ столомъ, на диванахъ, обитыхъ краснымъ трипомъ, уже сидѣли Головкинъ, обѣ Тулумбасовы и Багрецова. На столѣ стояли фрукты, закуски и бутылки съ виномъ.

Тулумбасова старшая нисколько не измѣнилась, но Вѣра очень похорошѣла за послѣднее время и только отчасти напоминала преж-

нюю Тулумбасову младшую. Она была прекрасно одѣта въ модное дорожное платье изъ легкаго сукна гри-де-перль, которое чрезвычайно шло къ ея пышнымъ бѣлокурымъ съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосамъ. Красивая широкополая фетровая шляпа со страусовымъ перомъ выгодно оттѣняла ея розовое, пухленькое, смѣющееся личико. Длинныя желтыя перчатки ея валялись тутъ же на столѣ, и она, смѣясь, чистила костянымъ ножичкомъ огромную дюшессу, звеня браслетами и сверкая кольцами.

— Мнѣ ужасно весело,—говорила она.—Я никогда даже не думала, что попаду за границу, и вдругъ я туда ѣду, и не какъ нибудь, а такой важной барыней и въ купе перваго класса.

— Какія ты глупости говоришь, Вѣра,— сказала Тулумбасова старшая, лицо которой было нѣсколько озабочено.—Ты ведешь себя, какъ дѣвченка, и удивляюсь, зачѣмъ навѣшала ты на себя такую кучу всѣхъ этихъ бездѣлушекъ. А еще курсистка!

— Какая же я курсистка?—расхохоталась Вѣра.—Это ты, матушка, курсистка, а я еще ни на какихъ и курсахъ не была. Впрочемъ нѣтъ,— она расхохоталась еще веселѣе: — я и забыла, что вѣдь я состояла членомъ общества вольныхъ землеробовъ. Это тоже своего рода курсы. Вотъ потѣха-то!

— Никакой потѣхи нѣтъ,—строго возразила Тулумбасова старшая,—и хохотать надъ тѣмъ, что я курсистка, нечего. Да, я, слава Богу, курсистка и горжусь этимъ, и вотъ Марья Николаевна, которая тоже курсистка, навѣрное поддержитъ меня.

— Съ удовольствіемъ,— сказала Багрецова,— хотя я и не горжусь этимъ.

— Что вы на меня напали?—вскричала Вѣра.—Я говорю, что мнѣ весело, а вы мнѣ читаете нотаціи и хотите довести меня до слезъ. Онъ,—она кивнула на Головкина,—требуетъ, чтобы я была прекрасно одѣта, и таскаетъ меня по портнихамъ и магазинамъ, а ты,— обратилась она къ сестрѣ, — пристаешь ко мнѣ, отчего я не хожу попрежнему замарашкой. На васъ не угодишь! И наконецъ я не хочу быть больше замарашкой.

— Вотъ съ этого и нужно было начать,—сказала Тулумбасова старшая.

— А я собираюсь и этимъ кончить,—возразила Вѣра,—и вотъ увидите, когда я буду мадамъ Головкиной.

— Ну, когда еще ты будешь мадамъ Головкиной!—строго остановила ее сестра.

— Вѣрочка!—сказалъ Головкинъ,—тутъ все-таки есть посторонніе люди.

Вѣра недоумѣвающимъ взоромъ обвела сидящую съ нею компанію.

— Это они-то посторонніе люди? Полно, пожалуйста. Кружковцы— и вдругъ посторонніе люди. Марья Николаевна меня еще ребен-

комъ знала. Шалашиковъ тоже почти свой человѣкъ,—я такъ на него и смотрю. Мы точно дѣти одной семьи. Ты не забудь, вѣдь я—орловка, а орловцы—всѣ братья. Дѣдка намъ всѣмъ былъ за родного. Не правда ли, Шалашиковъ? Посмотрите на него; вѣдь это просто прелесть. Это онъ вѣдь и всполошилъ всѣхъ землеробовъ. Я Шалашикова обожаю! Полюбуйтесь, какой на немъ галстукъ! Ха, ха, ха, ха! Шалашиковъ, поѣдемте съ нами за границу, вы будете насъ всюду сопровождать. А когда мнѣ Иларіонъ Ильичъ надоѣстъ, я убѣгу отъ него съ вами.

Шалашиковъ скосилъ глаза и скромно потупился въ свою пышную бороду. Лицо Головкина начинало принимать скучающее выраженіе. Всѣ эти разговоры нѣсколько тяготили его, и онъ бы предпочелъ уѣхать съ Вѣрой безъ всякихъ проводовъ.

— Вѣра, ты говоришь вздоръ!—шепнула Тулумбасова старшая и даже дернула Вѣру за платье.

— Отстань, пожалуйста!—громко крикнула Вѣра.—Я сама не маленькая, говорю, что хочу. И что вы смотрите всѣ на меня, какъ на пьяную? Я и выпила-то всего какія нибудь двѣ рюмки. Просто вамъ всѣмъ завидно, что мнѣ весело.

— Никто тебѣ не завидуетъ, увѣряю тебя,—строго сказала сестра,—а ведешь ты себя неприлично.

— Да что такое прилично и неприлично? Очень нужны мнѣ ваши приличія! Укоряешь меня, что я не курсистка, а сама лѣзетъ съ приличіями, съ законнымъ бракомъ и съ разнымъ вздоромъ! Какая же ты сама послѣ того курсистка? Хороша курсистка, да еще непротивленка! Зачѣмъ красивое платье? зачѣмъ дорогая модная шляпа? зачѣмъ духи? зачѣмъ перчатки? зачѣмъ я на его счетъ живу?—кивнула она на Головкина.—Дошло до дѣла, и вышла самая простая мѣщанка. Ну, что ты тутъ поешь мнѣ о приличіяхъ? Ничего этого мнѣ не нужно! И зачѣмъ у васъ у всѣхъ такія постныя физіономіи, точно вы меня хороните? Шалашиковъ, вы какъ опустили изъ скромности глаза, такъ и сидите. Какой Іосифъ прекрасный, подумаешь! Налейте, пожалуйста, мнѣ вина, и себѣ налейте, и Марьѣ Николаевнѣ. И давайте, всѣ выпьемъ... Ну, господа, за что бы намъ выпить?

— Выпьемъ за возрожденіе общины вольныхъ землеробовъ,—провозгласилъ Шалашиковъ.

— Какъ кстати!—насмѣшливо воскликнула Вѣра,—ужъ молчали бы лучше. Ну, какіе мы землеробы? Курамъ на смѣхъ! Не могли придумать тоста, болѣе подходящаго къ случаю. Выпьемъ за свободную любовь, господа! Марья Николаевна, чокнемтесь!

Марья Николаевна охотно удовлетворила ея желаніе. Потянулся, было и Шалашиковъ со своимъ стаканомъ, но Тулумбасова старшая вдругъ отодвинула свою рюмку и съ негодованіемъ вскричала:

— Ну, а я пить за свободную любовь не желаю!

— Вотъ тебѣ и курсистка!— поддразнила Вѣра.— Вотъ тебѣ и непротивленка!

— Да вотъ курсистка, а за свободную любовь пить не буду,— стояла на своемъ старшая Тулумбасова: — и не непротивленка я. Я зла терпѣть не могу и всегда буду бороться съ нимъ. Да!

— Вотъ видишь, ты меня всегда огорчаешь. А вы ужъ струсили и хвостъ поджали, Шалашиковъ? Извольте сейчасъ же со мной чокнуться!

Шалашиковъ привсталъ и чокнулся съ ней черезъ столъ.

— Желаю вамъ всего самаго лучшаго, Вѣра Петровна!—пожелалъ онъ.

— Благодарю. Ну, чокнись же, пожалуйста, и ты со мной,— обратилась она къ Головкину.

— Изволь,—отвѣтилъ Головкинъ:—только я несогласенъ пить съ тобой за свободную любовь.

— Какъ и ты!—съ горемъ воскликнула Вѣра.

Она не на шутку чувствовала себя обиженной.

— Не огорчайся, Вѣрочка, — утѣшалъ ее Головкинъ, — давай, чокнемся за искреннее свободное чувство, за прочный союзъ двухъ сердецъ.

— Ну, и вышла та же свободная любовь!—съ торжествомъ воскликнула Вѣра, поднося къ губамъ рюмку.

— Нѣтъ! — серьезно перебилъ Головкинъ, отпивая изъ своего стакана.—Прошу всѣхъ выслушать меня, господа! Въ данномъ случаѣ я совершенно противъ свободной любви. Я гляжу на свои отношенія къ Вѣрѣ Петровнѣ очень серьезно, я благодаренъ ей за довѣріе ко мнѣ и ни въ какомъ случаѣ не позволю себѣ обмануть его. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я веду съ женой моей переговоры о разводѣ. Я поручилъ свое дѣло опытному и извѣстному адвокату, и на-дняхъ онъ увѣдомилъ меня, что по всѣмъ даннымъ мы можемъ надѣяться въ самомъ непродолжительномъ времени на благопріятный исходъ, такъ что вѣрнѣе всего мы возвратимся изъ нашей заграничной поѣздки мужемъ и женой.

— Ну, для такого случая слѣдуетъ выпить! — сказалъ Шалашиковъ.—Надо бы шампанскаго, Иларіонъ Ильичъ.

— Шампанскаго, шампанскаго! — закричала Вѣра.—Я ужасно хочу шампанскаго.

— Распорядитесь,—сказалъ Головкинъ.

Шалашиковъ съ величайшей готовностью вскочилъ и бросился къ буфету.

— Не опоздать бы вамъ съ этими проводами на поѣздъ,—сказала Тулумбасова старшая.

— Ну, вотъ еще,—оборвала ее Вѣра.—Какъ мы можемъ опоздать, когда сидимъ на вокзалѣ? Нѣтъ, давайте пить шампанское, да вотъ его уже несутъ.

Шалашиковъ дѣйствительно возвращался. Лакей принесъ бутылку въ серебряномъ ведрѣ со льдомъ и откупорилъ ее.

— И вышло все-таки по-моему,—кричала Вѣра, поднимая свой бокалъ,—что бы онъ тутъ ни пѣлъ,—она указала на Головкина,—мы пьемъ сейчасъ-то, въ настоящій-то моментъ за свободную любовь.

Но ея уже никто не слушалъ. Къ платформѣ подавали поѣздъ. Захлопали двери, публика зашумѣла и заволновалась. Провожавшіе Головкина торопливо допивали свои бокалы. Всеобщее волненіе невольно отозвалось и на нихъ.

— Не суетитесь, господа, — сказалъ имъ Головкинъ:—у насъ добрыхъ четверть часа времени впереди.

— Прощай, Вѣрочка,—говорила Тулумбасова, обнимая сестру:—смотри же, возвращайся изъ-за границы мадамъ Головкиной.

— Точно это отъ меня зависитъ, — пожала плечами Вѣра.—И вы, Марья Николаевна, пожалуй, скажете то же? — цѣлуясь съ Багрецовой, говорила она.

— Нѣтъ, я скажу вамъ только: будьте счастливы, — отвѣчала та.

— Ну, Ѳедоръ Савельевичъ—прощаясь съ Шалашиковымъ, говорилъ Головкинъ:—желаю вамъ успѣха. Я вижу, вы нашли дѣло по себѣ.

— Все благодаря вамъ-съ, Иларіонъ Ильичъ, — скромно отвѣтилъ Шалашиковъ.

— Ну, полноте,—сказалъ Головкинъ,—я очень радъ, что могъ вамъ оказать маленькую поддержку, и я уже почти вознагражденъ. Думается мнѣ, что вы сумѣете это дѣло широко и должнымъ образомъ поставить у насъ на Руси. Если бы вамъ понадобилась помощь,—пожалуйста, разсчитывайте на меня.

— Право, мнѣ совѣстно, Иларіонъ Ильичъ,—сказалъ Шалашиковъ:—вы сами понимаете, что дѣло, которое мы съ вами затѣяли, прежде всего торговое, оно только тогда и можетъ быть твердо поставлено, когда мы поведемъ его по-коммерчески. Матеріальный успѣхъ идетъ тутъ объ руку съ успѣхомъ нравственнымъ. Согласны вы со мной?

— Разумѣется, разумѣется, — отвѣтилъ Головкинъ. — Мнѣ въ васъ то и понравилось, что вы, будучи человѣкомъ практическимъ, сумѣете осуществить идею, воплотить ее, такъ сказать. Вѣдь вотъ и Картошкинъ, посмотрите: онъ одинъ сумѣлъ извлечь выгоды изъ всей этой затѣи интеллигентнаго сидѣнія на землѣ.

— Безъ васъ, Иларіонъ Ильичъ, врядъ ли бы и Картошкинъ много сдѣлалъ,—вставилъ Шалашиковъ.

— Нѣтъ, не говорите, это человѣкъ хорошаго твердаго ума и съ большой энергіей. Мнѣ даже жаль, что у него нѣтъ возможности достаточнымъ образомъ развернуть ее.

— А безъ васъ у него и того бы не было,—сказалъ Шалашиковъ.—Такъ позвольте-съ, Иларіонъ Ильичъ, мы съ вами отвлеклись отъ разговора. Я все къ тому, что у насъ съ вами дѣло коммерческое, а въ коммерческомъ дѣлѣ, вы сами знаете, копейка рубль бережетъ. Во-время затраченная иной разъ сотня рублей приноситъ тысячи, да что!—десятки тысячъ, у настоящаго человѣка въ рукахъ. Вотъ если бы намъ теперь съ вами затратить самую пустяшную сумму: тысченку, полторы, именно вотъ теперь, — мы могли бы отлично обернуться, а я такую штуку придумалъ: библіотечку для земскихъ школъ, чтобы и научное было и интересное. Только бы намъ земства пріохотить, отъ насъ бы всѣ эти библіотечки выписывать стали. На первый разъ комплектецъ можно пустить жиденькій, самый дешевенькій, а потомъ постепенно и расширить программу. И въ такую библіотечку многое можно втиснуть: и огородничество, и садоводство, и уходъ за скотомъ, и подачу первой помощи, да мало ли что!

— Это—прекрасная мысль,—сказалъ Головкинъ.—Вы говорите, что нужно не болѣе полутора тысячъ? Когда же бы вы хотѣли имѣть эти деньги?

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—отвѣтилъ Шалашиковъ.

— Прекрасно. Такъ если хотите, у насъ еще есть время. Я телеграфирую въ Петербургъ, и вамъ переведутъ ихъ изъ конторы.

— Ахъ, Иларіонъ Ильичъ! — воскликнулъ, весь просіявъ, Шалашиковъ,—ужъ чего жъ бы лучше!

Они направились къ телеграфу. Идя по флатформѣ, Шалашиковъ разсуждалъ самъ съ собой:

— Полторы тысячи мнѣ теперь вотъ какъ кстати, нельзя лучше. Молодецъ Шалашиковъ! Помни одиннадцатую заповѣдь: не зѣвай. А ловко я умѣю моментъ ловить. Вижу: человѣкъ въ растрепанныхъ чувствахъ, я тутъ какъ тутъ. А главное хорошо то, что все дѣло на честь веду, по-коммерчески, но благородно. Не шаромыжникъ я какой нибудь, не плутъ. Деньги его даромъ не пропадутъ, захочетъ—еще ему же барышъ будетъ. Да-съ! Такъ вотъ что значитъ человѣку на линію встать! Что былъ Шалашиковъ? Можно сказать: Голь, Ноль, Шмоль и компанія, а теперь? Оно, положимъ, еще ничего въ волнахъ не видно, но Шалашиковъ свое дѣло знаетъ. Его только на рельсы поставь, а тамъ ужъ самъ поѣдетъ, не удержишь.

Головкинъ, успѣвшій написать телеграмму, началъ расплачиваться, и Шалашиковъ оторвался отъ своихъ размышленій, привлеченный видомъ его туго набитаго бумажника.

Внезапно новая идея осѣнила его.

— Что ему стоитъ изъ этого бумажника вынуть сотни двѣ-три? — мелькнуло въ его головѣ. — Вѣдь все равно, что плюнуть. Услужу-ка я въ память дѣдки Елизаветѣ Дмитріевнѣ. Въ память

дѣдки можно поусердствовать. Самъ я при такихъ капиталахъ нэ состою, чтобы сотнями кидать, ну, а чужими деньгами отчего не помочь, оно и благородно. Все-таки доброе дѣло.

И тотчасъ же онъ съ живостью обратился къ Головкину:

— Иларіонъ Ильичъ!—и лицо его мгновенно приняло то открытое, такъ называемое хорошее русское выраженіе, которое такъ подкупающе дѣйствуетъ обыкновенно на людей, и которое очень шло къ мужиковатому Шалашникову съ его бородой вѣеромъ.— Гляжу я на вашъ бумажникъ, больно туго онъ у васъ набитъ. Для себя не сталъ бы просить, а для другихъ не совѣстно. Дали бы вы сотенки двѣ-три вдовѣ Орлова, дѣтишкамъ на молочишко...

— Хотите передать?—спросилъ Головкинъ.

— Да сама-то вѣдь она не попроситъ, постѣсняется, а ежели потомъ нужда и заставитъ просить, такъ гдѣ васъ искать? За границей будете. Сто рублей, какъ извѣстно вамъ, она получаетъ, да вѣдь на сто рублей съ семьей развѣ проживешь? Что сто рублей? Вотъ я въ буфетѣ сейчасъ мало не двадцать пять отдалъ.

— Конечно, конечно,—прервалъ Головкинъ и передалъ ему три сторублевки.

— Чудесное дѣло! — не скрывая своей радости, и даже съ оттѣнкомъ простодушія, сказалъ Шалашниковъ.—Крѣпкое вамъ спасибо за сиротъ. Вотъ ужъ, можно сказать, утѣшили. А я вамъ расписочку отъ вдовы за границу перешлю.

— Полноте,—остановилъ его Головкинъ,—я вамъ вѣрю.

— Вѣра вещь хорошая, а документикъ все-таки не мѣшаетъ: денежки счетъ любятъ. Я вамъ полнѣйшій счетикъ и на тѣ полторы тысячки предоставлю.

Когда они вышли на платформу, они увидѣли, что дамы машутъ имъ руками и очевидно ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ.

— Ну, куда вы пропали? — ворчала Тулумбасова старшая:— второй звонокъ былъ.

— Неужели ужъ былъ? — сказалъ Головкинъ.—Вѣрочка, надо садиться. Артельщикъ приходилъ?

— Все уже здѣсь, вотъ наше купе.

— Надо садиться. До свиданія, господа! Ѳедоръ Савельичъ, будете писать,—поклонитесь отъ меня Картошкину. До свиданія, сударыня,—и онъ подалъ руку Багрецовой.

Вѣра бросилась къ ней на шею и крѣпко обняла ее.

— Марья Николаевна, душка! поѣдемте съ нами за границу, я такъ люблю васъ.

Багрецова смѣялась.

— Ну, за границу я не такъ скоро еще выберусь, — говорила она, освобождаясь отъ объятій Вѣры.

Головкинъ торопилъ послѣднюю войти поскорѣе въ вагонъ. Послышался третій звонокъ. Вѣра порхнула на площадку.

Поѣздъ медленно двинулся вдоль платформы. Шалашиковъ и Тулумбасова старшая шли около вагона.

— Вѣрочка, пиши мой ангелъ!—кричала Тулумбасова старшая.— Иларіонъ Ильичъ, помните, что вы мнѣ обѣщали!

— Я вамъ далъ честное слово,—серьезно и внушительно проговорилъ Головкинъ.

— Прощайте! Прощайте! Будьте счастливы!—кричала Тулумбасова старшая, не замѣчая, что по лицу ея катятся слезы.

Поѣздъ задвигался быстрѣе, и она осталась назади.

Но Шалашиковъ все еще бѣжалъ, махая шляпой, выкрикивая всякія добрыя пожеланія, охваченный приливомъ чувствительности, растроганный, довольный и счастливый.

Лицо его сіяло и улыбалось, и Вѣра, стоя на площадкѣ, махала ему бѣлымъ платкомъ и ласково кивала ему.

— Славный этотъ Шалашиковъ!—вырвалось у нея, между тѣмъ какъ фигура Шалашикова тонула въ дали.

— Настоящая русская душа! — искренно откликнулся на эти слова Головкинъ.

Маркъ Басанинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА [1].

X.

Пловучій мостъ черезъ Дунай между Журжевомъ и Рущукомъ.—Главнокомандующій тыломъ дѣйствующей арміи А. Р. Дрентельнъ.—Интендантъ тыла арміи А. М. Тиньковъ.—Поставка сапоговъ и мѣшковъ.—Лѣтніе увеселительные сады въ Бухарестѣ.—Расчеты.—Отъѣздъ мой изъ Румыніи.—Поѣздка въ Одессу въ 1879 году для окончательнаго расчета съ интендантами.—Н. Н. Фигнеръ.

РАБОТА парохода «Катарина» шла безостановочно и очень успѣшно по перевозкамъ грузовъ изъ Зимницы, Батина и Журжева. Изъ послѣдняго работа, впрочемъ, прекратилась съ наводкой между нимъ и Рущукомъ превосходнаго пловучаго моста плотовой на якоряхъ системы, по которому было установлено постоянное сообщеніе между обоими берегами Дуная. Мостъ этотъ, длиною больше версты, удивлялъ всѣхъ проѣзжавшихъ по немъ многочисленныхъ иностранцевъ своей простотой и практичностью примѣненія его системы на такой исключительной по своей быстротѣ рѣкѣ, какъ Дунай. Для пропуска судовъ два раза въ сутки онъ очень легко и свободно разводился близъ Рущукскаго берега выпускомъ по теченію нѣсколькихъ плотовъ; объ этомъ извѣщалось для всеобщаго свѣдѣнія вывѣшиваніемъ на обоихъ берегахъ флаговъ на высокихъ мачтахъ. Вторичная наводка

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 399.

на мѣсто выпущенныхъ плотовъ не представляла никакихъ затрудненій и производилась тоже очень быстро.

Задержекъ въ выдачѣ интендантомъ отряда Пріоровымъ квитанцій въ исправной доставкѣ Батинскихъ продуктовъ больше не встрѣчалось, и я безъ всякихъ задержекъ получалъ по нимъ деньги въ интендантствѣ тыла арміи въ Бухарестѣ, правильное сообщеніе съ которымъ было возстановлено отходомъ ежедневно двухъ пассажирскихъ поѣздовъ отъ самаго Журжева.

На двѣнадцатый день послѣ отхода вернулся въ Рущукъ пароходъ «Геркулесъ» и привезъ мнѣ квитанцію полкового командира въ благополучной доставкѣ въ Виддинъ Болховского пѣхотнаго полка. Поэтому пришлось ѣхать въ Бухарестъ, чтобы получить деньги отъ А. Р. Дрентельна и разсчитаться съ хозяиномъ «Геркулеса», да кстати заключить съ нимъ контрактъ на аренду мною на мѣсяцъ его парохода съ баржами, на что я рѣшился, желая ускорить окончаніе принятыхъ мною на себя доставокъ грузовъ.

Когда я явился къ А. Р. Дрентельну, онъ сейчасъ же сдѣлалъ на квитанціи помѣтку «выдать» и, вспомнивъ, что я тверской уроженецъ, постоянно живущій въ Москвѣ, спросилъ меня:

— Не возьметесь ли вы поставить намъ изъ Кимры или изъ Москвы семьдесятъ тысячъ паръ сапоговъ? Они намъ экстренно нужны; австрійскій же подрядчикъ ставитъ намъ никуда негодную дрянь, чуть не съ картонными подошвами, хотя на видъ сапоги весьма приличные.

— Никогда не занимавшись спеціально такими товарами, ваше высокопревосходительство, я не могу дать вамъ сейчасъ рѣшительный отвѣтъ,—отвѣчалъ я,—но если желаете, могу сейчасъ же запросить объ этомъ въ Москву по телеграфу?

— А какъ скоро можетъ быть отвѣтъ?

— Да, полагаю, дней черезъ пять; во всякомъ случаѣ не больше недѣли.

— Пожалуйста, справьтесь кстати и о цѣнѣ.

Черезъ пять дней я получилъ изъ Москвы слѣдующую телеграмму: «Срокъ поставки мѣсяцъ, пріемка Москвѣ, первый сортъ цѣна шесть съ полтиной».

Везу телеграмму къ Александру Романовичу.

— Ахъ, они мошенники!—обрадовался Дрентельнъ.—Берутъ за такую дрянь по двадцати франковъ, а вѣдь это по курсу выходитъ по 7 рублей 50 коп.! Такъ беритесь же за этотъ подрядъ.

— Позвольте, ваше высокопревосходительство, тутъ является масса вопросовъ, которые прежде надо выяснить.

— Какіе?

— Прежде всего—совершенная невозможность срочной доставки грузовъ отъ Москвы до Бухареста.

— Вамъ выдадутъ свидѣтельство, что это—военный грузъ, и онъ пройдетъ безъ всякой задержки вплоть до Бухареста и всего только съ одной перегрузкой въ Яссахъ.

— Затѣмъ, уплата денегъ за товаръ въ Москвѣ при пріемкѣ?

— Я прикажу выдать вамъ авансъ.

— Наконецъ провозъ и накладные расходы?

— Какъ за военный грузъ, вамъ не придется платить за провозъ.

— А накладные расходы?

— Что вы подразумѣваете подъ накладными расходами?—спросилъ, въ свою очередь, Дрентельнъ.

— Придется, все-таки, платить кое-гдѣ начальникамъ станцій, да и пріемщикамъ здѣсь; потомъ—приказчики, подвозъ въ Москвѣ на желѣзную дорогу, доставка здѣсь съ вокзала въ складъ. Наконецъ и мнѣ надо же заработать сколько нибудь за мои хлопоты.

— Неужели же на все это мало одного рубля на каждую пару?—удивился было Александръ Романовичъ.

— Да! Вы, значитъ, предлагаете мнѣ взять подрядъ за ту же цѣну, какая теперь платится австрійскому подрядчику, т.-е. по 7 рублей 50 коп. за пару?—догадался я.

— Само собой разумѣется,—отвѣчалъ Дрентельнъ.—У насъ будетъ уже громадная выгода въ доброкачественности сапоговъ.

Александръ Романовичъ Дрентельнъ подалъ мнѣ свою карточку, попросивъ меня при этомъ сейчасъ же отправиться съ ней къ интенданту тыла арміи, полковнику Александру Михайловичу Тинькову, и сказать ему, что онъ рекомендуетъ меня для поставки 70 тысячъ паръ сапоговъ.

Являюсь къ Тинькову. Милѣйшій, добродушнѣйшій и честнѣйшій, какъ оказалось потомъ, Александръ Михайловичъ принялъ меня очень любезно, предложилъ мнѣ сейчасъ же познакомиться съ кондиціями этой поставки и подать, какъ можно скорѣе, письменное заявленіе, пожалуй, и въ запечатанномъ пакетѣ, если пожелаю.

Когда я объяснилъ Тинькову, что я вовсе не желаю принимать участія въ торгахъ и что берусь за это дѣло только по самостоятельному, личному предложенію г. главнокомандующаго тыломъ арміи, съ обязательствомъ, на совершенно особыхъ условіяхъ, поставить сапоги лучшаго качества, непремѣнно Кимрскаго и Московскаго производства, по той же цѣнѣ, 7 р. 50 коп. за пару, какъ и австрійскіе плохіе сапоги,—то онъ отвѣтилъ мнѣ, что теперь уже поздно устроить дѣло такъ, потому что торги уже объявлены, и обойти ихъ теперь уже нельзя. При этомъ онъ посовѣтовалъ мнѣ сбавить немного цѣну, хоть на самые пустяки—копеекъ 10 или 15 на пару, и тогда, навѣрное, поставка останется за мной, такъ какъ, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, австрійскіе подрядчики не намѣрены и не могутъ будто бы взять дешевле 20 франковъ, т.-е. семи съ полтиной за пару.

Придя домой, сдѣлавъ всѣ подсчеты и соображенія и рѣшивъ, что накладныхъ расходовъ ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ болѣе 50 коп. на пару, я на другой день въ запечатанномъ пакетѣ подалъ свое заявленіе, назначивъ цѣну по 7 рублей 25 коп., такъ какъ находилъ, что мнѣ совершенно достаточно нажить за мои труды и хлопоты по 25 коп. на каждой парѣ; сейчасъ же я вступилъ и съ Москвой въ телеграфную переписку, чтобы выработать подробности условій.

Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ», говоритъ пословица, которая, однако, съ успѣхомъ могла бы быть переиначена для интендантства арміи въ 1878 году такъ: «начальство предполагаетъ, а интенданты располагаютъ». Такъ она вполнѣ оправдалась, по крайней мѣрѣ, на мнѣ съ кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ и Пріоровымъ, и дважды потомъ еще съ А. Р. Дрентельномъ и интендантствомъ тыла арміи.

Разные тамъ начальники отдѣленій да столоначальники не пожелали имѣть дѣло съ лицомъ, рекомендованнымъ самимъ главнокомандующимъ, не надѣясь получить съ него должную мзду, и потому, знавъ приблизительно мои условія, шепнули знакомымъ уже имъ австрійскимъ евреямъ-контрагентамъ и устроили такъ, что на торгахъ низшая цѣна (по 7 рублей) осталась за ними. Торги, совершенные по всѣмъ правиламъ формалистики и на всѣхъ самыхъ законныхъ основаніяхъ, должны были быть утверждены А. Р. Дрентельномъ, и остались мы только при одномъ желаніи и предположеніи поставить хорошіе сапоги, а интендантство получило и приняло опять еврейско-австрійскую гниль, но зато всѣ были сыты—только солдатъ-герой получилъ никуда негодный сапогъ!

Второй аналогичный случай въ интендантствѣ тыла арміи былъ со мной же, по поводу поставки мѣшковъ.

Пришлось мнѣ отъ одного неисправнаго плательщика за перевезенные ему пароходомъ грузы получить вмѣсто наличныхъ денегъ холщевыми мѣшками. Прихожу я какъ-то въ интендантство за полученіемъ талона къ ассигновкѣ и въ кабинетѣ интенданта вижу на окнѣ нѣсколько джутовыхъ мѣшковъ. Спрашиваю, что это за мѣшки. Узнаю, что это образцы, по каковымъ назначены на-дняхъ торги на поставку 130 тысячъ мѣшковъ. Справляюсь о цѣнѣ образцовъ; оказывается цѣна довольно дорогая—отъ 29 до 35 коп. за мѣшокъ, смотря по качеству.

Говорю интенданту А. М. Тинькову, что у меня есть мѣшки, только не джутовые, а холщевые, которые во всякомъ случаѣ гораздо прочнѣе и лучше; онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ принять участіе въ торгахъ, что̀ дастъ мнѣ возможность сбыть мѣшки безъ убытка.

Наученный уже опытомъ съ сапогами, я, конечно, не сказалъ ни Тинькову, ни кому другому ни слова о томъ, по какой цѣнѣ

я могъ бы безубыточно поставить мѣшки, а, придя домой и сообразивъ, что образцу самаго низшаго сорта джутоваго мѣшка цѣна была въ 29 коп. за штуку, тогда какъ мой холщевый мѣшокъ былъ даже за долгъ взятъ мною лишь по 26 коп., я сейчасъ же написалъ заявленіе съ предложеніемъ поставить 60 тысячъ мѣшковъ по 26 коп. за мѣшокъ всего на сумму 15.600 рублей и, приложивъ на другой день къ заявленію требовавшійся залогъ, въ размѣрѣ 5% съ объявленной суммы, всего 780 рублей, подалъ въ интендантство запечатанный пакетъ къ торгамъ на мѣшки.

Наступилъ день торговъ. По окончаніи устныхъ торговъ, на которыхъ низшая цѣна по 28 коп. осталась за какимъ-то евреемъ, приступили къ вскрытію конвертовъ. Низшая цѣна по 26 коп. оказалась моя, и я, совершенно успокоенный удачной развязкой со случайно попавшими мнѣ мѣшками, ушелъ домой.

Черезъ нѣсколько дней узнаю, что назначены новые торги, такъ какъ эти не утверждены за мной, по несоблюденію мною установленныхъ закономъ формальностей, а именно: написаніемъ въ заявленіи количества мѣшковъ (60.000) и цѣны (28 коп.) не прописью, а цифрами, и потому еще, что я предлагалъ поставить не все требовавшееся (130.000) количество мѣшковъ, а только 60 тысячъ. Между тѣмъ, мѣшки нужны были, какъ говорится, до зарѣзу, и каждый день промедленія въ поставкѣ ихъ наносилъ казнѣ значительный ущербъ. Ловко вывернулись интендантскіе чиновники, чтобы только подрядъ не попалъ въ мои руки. Меня это взорвало, и я рѣшилъ отмстить за это, во что бы то ни стало.

Новые торги были назначены черезъ двѣ недѣли. Приготовилъ я опять заявленіе, четко, прописью и въ скобкахъ цифрами проставилъ все количество сто тридцать тысячъ (130.000) штукъ мѣшковъ и цѣну по три (3) копейки за каждый, приложилъ требующійся по закону пятипроцентный залогъ въ размѣрѣ ста девяноста пяти (195 р.) рублей и подалъ свой запечатанный пакетъ въ самый послѣдній моментъ, т.-е. передъ самымъ началомъ устныхъ торговъ. Такъ какъ по предыдущимъ торгамъ моя цѣна въ 26 коп. была уже извѣстна, то на устныхъ торгахъ низшая цѣна состоялась по $25^3/_4$ коп. за мѣшокъ; при вскрытіи по окончаніи устныхъ торговъ и чтеніи заявленій изъ запечатанныхъ пакетовъ, попалась даже цѣна и въ $25^1/_2$ коп., но мой пакетъ, вскрытый по очереди послѣднимъ, произвелъ необычайный эффектъ, и А. М. Тиньковъ, прочтя его, удивленно обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы не ошиблись, Андрей Андреевичъ?

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ я.

— Какъ? все количество и по три копейки за штуку? — продолжалъ удивляться интендантъ.

— Вы удивляете меня вопросами, полковникъ. Если прежніе торги не были утверждены за мною по причинѣ допущенныхъ

мною по невѣдѣнію ошибокъ, то теперь о таковыхъ и рѣчи быть не можетъ.

— Да вы же возьмете большой убытокъ?

— А вамъ какое дѣло? Можетъ быть, я пожелаю и совсѣмъ пожертвовать мѣшки казнѣ?

Ничего мнѣ возражать больше не могли. Оставалось только утвердить торги за мной, чтò и было сдѣлано черезъ нѣсколько дней, когда я получилъ изъ интендантства повѣстку, вызывающую меня для подписанія контракта.

Являюсь. Подаютъ мнѣ къ подписи контрактъ. Конечно, я отказываюсь отъ подписи его и объявляю, что я раздумалъ и отказываюсь отъ этой поставки, оставляя представленный мною залогъ въ пользу казны. Картина! Дѣлать нечего, пришлось опять назначать торги черезъ двѣ недѣли. А время все идетъ и дѣлаетъ казнѣ все болѣе убытка, только благодаря любостяжанію интендантскихъ чиновниковъ. Иначе зачѣмъ же было доводить до этого?

Не проще ли было не придираться къ формальностямъ, а если это уже рѣшительно неизбѣжно, то попросить меня переписать лишь мое заявленіе по формѣ, утвердить первоначальные торги въ количествѣ 60 тысячъ мѣшковъ за мной, а въ остальныхъ 70 тысячахъ за слѣдующей наименьшей цѣной?!...

Когда я распродалъ кое-какъ въ Рущукѣ большинство привезенныхъ мною изъ Москвы товаровъ, раздарилъ всѣ теплыя вещи, оказавшіяся уже совершенно не нужными по случаю наступившаго тепла, братушкамъ-болгарамъ и частью туркамъ, покрывъ убытки этой операціи пользой отъ пароходной работы,—меня окончательно потянуло домой, въ Россію; но меня задерживали неоконченные еще расчеты съ интендантомъ Пріоровымъ и товариществомъ Грегеръ, Горвицъ и Коганъ, затянувшіеся, казалось мнѣ, до безконечности.

По утрамъ и днемъ приходилось хлопотать по разнымъ мѣстамъ и учрежденіямъ, а вечера коротать въ безчисленнихъ садахъ Бухареста, гдѣ процвѣтала въ то время шансонетка, и куда послѣ дневной жары устремлялись рѣшительно всѣ дѣловые люди, чиновники и военные. Кто шелъ туда дѣйствительно отдохнуть за чашкой шоколада или кружкой пива въ вечерней прохладѣ, кто—флирта ради, кто—покутить во всю, въ компаніи шансонетныхъ пѣвицъ и женщинъ всевозможныхъ національностей, изъ которыхъ француженки и румынки были въ самомъ большомъ фаворѣ; первыя—по своему шику и веселости, вторыя—по своей сохранившейся еще античной красотѣ и страстности. Вообще, румынскія женщины и дамы, даже высшаго общества, придерживаются весьма легкихъ и свободныхъ нравовъ, а во время войны 1877—1878 годовъ, съ появленіемъ массы молодцовъ, сорванцовъ-красавцевъ

русскихъ, легкость и свобода нравовъ превратились въ совершенную разнузданность и распущенность, и, безъ сомнѣнія, въ слѣдующемъ румынскомъ поколѣніи появилось немало русыхъ и блондиновъ.

Съ агентами товарищества Горвицъ и К° расчеты были окончены мною, сравнительно, скоро и безъ всякихъ недоразумѣній; съ нѣсколькими случайными отдѣльными кладчиками и говорить нечего — тоже, но съ интендантствомъ дѣло пошло въ затяжку: подполковникъ Пріоровъ подъ всевозможными предлогами все задерживалъ выдачу мнѣ послѣдней квитанціи по окончательному расчету.

Въ концѣ концовъ онъ буквально выклянчилъ, чтобы я возвратилъ ему экземпляръ письменнаго договора, заключеннаго со мной и подписаннаго имъ, на перевозку Батинскаго склада, за который онъ же взялъ съ меня 20 тысячъ рублей. Не подозрѣвая даже, чтобы этотъ договоръ могъ еще понадобиться мнѣ по окончаніи расчета, и чтобы могли при этомъ послѣдовать какія либо недоразумѣнія въ будущемъ, когда этотъ договоръ мнѣ будетъ необходимъ, какъ оправдательный документъ, я только удивлялся, зачѣмъ Пріоровъ такъ настойчиво добивался его возвращенія, и я обѣщалъ ему возвратить его, какъ только онъ выдастъ мнѣ окончательную квитанцію, по которой мнѣ причиталось получить еще около семи тысячъ рублей, терять которыя я совсѣмъ не намѣревался.

Тогда Пріоровъ не находилъ болѣе препятствія къ выдачѣ мнѣ окончательной квитанціи, но вручилъ мнѣ ее лишь тогда, когда получилъ отъ меня столь важный, какъ оказалось впослѣдствіи, документъ.

Къ несчастью, за это время Пріоровскихъ проволочекъ, интендантство тыла арміи было упразднено, и была образована особая расчетная комиссія, мѣстопребываніе коей было назначено въ Одессѣ, куда и перевозились всѣ дѣла и документы интендантства тыла, и куда должны были обращаться всѣ лица, не успѣвшія окончить своихъ расчетовъ съ казною въ Бухарестѣ.

Я лично объ этомъ особенно не тужилъ, а, напротивъ, обрадовался: наконецъ-то вырвусь изъ этого ада кромѣшнаго! и сейчасъ же уѣхалъ въ Москву, не особенно много горюя о томъ, что, вмѣсто денегъ, у меня была лишь квитанція г. Пріорова въ карманѣ.

Въ августѣ 1878 года я вернулся въ Москву, и у меня сейчасъ же началась переписка съ расчетной комиссіей въ Одесс объ уплатѣ послѣднихъ причитающихся мнѣ денегъ по перевозкѣ Батинскаго продовольственнаго склада въ Рущукѣ. Долго не могъ я добиться толку: то дѣла еще не привезены изъ Бухареста, то дѣла еще не разобраны, и т. п. безконечныя оттяжки. Терпѣніе мое наконецъ лопнуло отъ такой безрезультатной переписки, и въ августѣ 1879 года я самъ поѣхалъ въ Одессу.

Подмазавъ слегка маленькихъ чиновниковъ, я въ теченіе нѣсколькихъ дней добился, что дѣло по расчету со мной было наконецъ найдено; я представилъ при прошеніи мою окончательную квитанцію. Жду недѣлю, почти каждый день хожу въ комиссію за справкой; жду другую недѣлю, а результата все никакого. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день мнѣ одинъ изъ секретарей передалъ, что мнѣ слѣдуетъ повидаться на дому съ начальнинникомъ отдѣленія, у котораго мое дѣло. Иду. Тотъ принимаетъ меня очень любезно и говоритъ не стѣсняясь, что я могу быть удовлетворенъ очень скоро, такъ какъ мое дѣло безспорное, но все-таки надо получить съ меня за это что нибудь.

— Сколько же надо?—спросилъ я съ негодованіемъ.

— Да тысячи двѣ, не меньше,—невозмутимо отвѣчалъ начальникъ отдѣленія.

— Помилуйте, мнѣ получить-то приходится всего какихъ нибудь семь тысячъ? Вы же сами говорите, что дѣло безспорное, и вдругъ, здорово живешь, дать вамъ за это двѣ тысячи рублей!? За что же?

— А за то, что не задержимъ.

— Это черезчуръ много.

— Ну, извольте. Полторы тысячи, для васъ только.

Я наотрѣзъ отказалъ и былъ за это жестоко наказанъ. Дня черезъ два, придя опять въ комиссію за справкой, я узналъ, что по моему дѣлу состоялся уже докладъ, по которому постановлено: «въ виду возбужденныхъ въ уголовномъ порядкѣ уже нѣсколькихъ дѣлъ по обвиненію подполковника Пріорова, интенданта Рущукскаго отряда, въ злоупотребленіяхъ и подлогахъ по службѣ, передать и дѣло по расчету съ подрядчикомъ Ауэрбахомъ въ высочайше утвержденную слѣдственную комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Глинки-Маврина».

Въ этой слѣдственной комиссіи, которая какъ разъ въ то время переводилась изъ Одессы въ Петербургъ, я тоже ничего добиться не могъ и такъ ни съ чѣмъ принужденъ былъ уѣхать изъ Одессы, о которой у меня сохранились, тѣмъ не менѣе, самыя пріятныя воспоминанія, благодаря прекрасной въ тотъ годъ осени на югѣ, продолжительному морскому купанію и частому посѣщенію мною двухъ очень симпатичныхъ семействъ, въ которыхъ я былъ принятъ, какъ свой человѣкъ.

Семейство генералъ-лейтенанта Николая Семеновича Гора, начальника коммерческаго порта въ Одессѣ, состояло тогда только изъ него, супруги его Маріи Семеновны и ея сестры Елизаветы Семеновны Юрьевой, которая, съ дѣтства бывъ очень дружна съ моей женой, перенесла свои симпатіи и на меня. Н. С. Гора былъ безукоризненной честности военный инженеръ, и вмѣстѣ со мной возмущался безцеремонностью и лихоимствомъ интендантскихъ чиновниковъ.

Въ другомъ семействѣ, приходившемся мнѣ немного сродни и состоявшемъ изъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павла Ивановича Циммермана, его жены Александры Ѳедоровны и дочерей Лидіи, Вѣры, Софьи и Александры, я бывалъ очень часто и проводилъ тамъ время очень пріятно и весело. Тамъ же я познакомился и съ знаменитымъ въ настоящее время пѣвцомъ, теноромъ Николаемъ Николаевичемъ Фигнеромъ, служившимъ тогда, еще совсѣмъ юнымъ мичманомъ, на пароходѣ «Россія» Добровольнаго русскаго флота. У него былъ тогда очень маленькій голосокъ, правда, пріятнаго тембра, но не допускавшій и мысли объ извѣстной артистической карьерѣ въ недалекомъ будущемъ. Помню, какъ мы съ кузинами подтрунивали надъ нимъ, когда онъ увѣрялъ, что непремѣнно броситъ морскую службу, поѣдетъ учиться въ Италію, посвятитъ себя артистической карьерѣ и во что бы то ни стало добьется и будетъ извѣстнымъ пѣвцомъ. Врожденный талантъ подсказывалъ ему правду и толкалъ его на истинный путь. И какъ блестяще оправдалась его, какъ казалось тогда, ни на чемъ не основанная увѣренность!

XI.

Смерть императора Александра II.—Большая московская промышленная выставка 1882 года. — Коронація императора Александра III. — Переѣздъ мой въ Сибирь.—Томскій губернаторъ И. И. Красовскій.—Интеллигентные ссыльные.—Поступленіе на службу Богословскаго горнаго округа.—Поѣздка по рр. Оби и Иртышу для закупки хлѣба округу.—Недоразумѣнія съ томскимъ губернаторомъ Л. П. Вулюбашемъ.—Полицеймейстеръ Л. Н. Некрасовъ.

Какъ громомъ, поразило Москву событіе 1-го марта 1881 года и извѣстіе о мученической смерти обожаемаго народомъ монарха, императора Александра II. Городъ убрался траурными флагами; всѣ церкви переполнялись молящимися на панихидахъ по убіенномъ государѣ, и всюду слышались самыя искреннія стенанія и рыданія. Да и нельзя было не приходить въ ужасъ отъ такого адскаго злодѣянія, учинённаго, въ довершеніе несчастія, русскими злоумышленниками, которыхъ можно назвать и признать только самыми злыми людьми и врагами Россіи, да и вся Россія какъ бы замерла отъ ужаса и стыда.

Но неумолимое время все сглаживаетъ, и вскорѣ послѣ этого ужаснаго событія Москва уже готовилась въ самой кипучей дѣятельности къ большой россійской промышленной выставкѣ и къ коронаціи императора Александра III.

Выставка открылась въ маѣ 1882 года, а коронація государя Александра Александровича состоялась въ московскомъ Успенскомъ соборѣ 15-го мая 1883 года.

Въ тѣ времена я проживалъ въ Москвѣ. Выставку я посѣщалъ каждый день и могу сказать съ полной патріотической гордостью,

что большая выставка 1882 года была богата, роскошна экспонатами и велика экспонентами, показавшими товаръ лицомъ и ясно доказавшими, что Россія въ промышленномъ отношеніи идетъ впередъ гигантскими шагами.

Къ несчастью, благодаря гнуснѣйшему преступленію 1-го марта 1881 года, коронація Александра III, на которой должны были прибѣгать къ разнымъ предохранительнымъ мѣрамъ, производила какое-то удручающее впечатлѣніе и не имѣла ничего общаго съ тѣмъ энтузіазмомъ и торжествомъ народнымъ, которыми отличались дни коронаціи Александра II въ августѣ 1856 года.

Въ дни коронаціи Александра III въ маѣ 1883 года я имѣлъ честь состоять въ числѣ охраны, учрежденной на это время изъ благонадежныхъ обывателей, и по случайному совпаденію, въ день традиціоннаго торжественнаго въѣзда въ Московскій Кремль изъ загороднаго Петровскаго дворца, былъ въ охранѣ на Тверской улицѣ, близъ часовни Иверской Божіей Матери и Лоскутной гостиницы, на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и въ памятные августовскіе дни 1856 года. Та же торжественность, тотъ же парадъ, тѣ же шпалеры войскъ, тѣ же золотые фаэтоны и кареты, та же огромная блестящая свита, окружавшая императора Александра III, какъ и при Александрѣ II, но государь ѣхалъ серьезный, хмурый, не раскланиваясь съ привѣтливой улыбкой на обѣ стороны народу, который не былъ свободно допущенъ на улицы, а оттѣсненъ на перекресткахъ за перетянутые черезъ нихъ канаты, не было народа на крышахъ всѣхъ зданій и домовъ, не было той массы публики на всѣхъ балконахъ и въ окнахъ домовъ по Тверской, а поэтому и не могло быть тѣхъ громовыхъ восторговъ и криковъ ура, которыми, какъ могучей волной, встрѣчалось и провожалось затѣмъ вплоть до Большого Кремлевскаго дворца торжественное шествіе Александра II, начиная съ момента выхода его изъ Петровскаго дворца.

Какая-то особая печать грусти и тоски лежала на всѣхъ коронаціонныхъ торжествахъ 1883 года.

Въ концѣ мая 1884 года судьба забросила меня въ Сибирь, гдѣ я поселился въ Томскѣ, и гдѣ мнѣ пришлось прожить, прослужить и примѣнять мою музыкальную дѣятельность въ теченіе болѣе 16 лѣтъ.

Тогда въ Томскѣ былъ губернаторомъ Иванъ Ивановичъ Красовскій, бывшій передъ этимъ московскимъ вице-губернаторомъ, а еще раньше инспекторомъ студентовъ Московскаго университета. Я знавалъ его еще въ Москвѣ, какъ большого bon-vivant'a, вѣчно ухаживающаго за кѣмъ нибудь, посѣщающаго чуть не каждый день оба казенные театра, всѣ концерты, балы и маскарады; поэтому мнѣ было очень интересно встрѣтиться съ нимъ въ Томскѣ, какъ съ самостоятельнымъ администраторомъ.

По пріѣздѣ туда, я немедленно же явился къ нему. Принялъ и встрѣтилъ онъ меня очень любезно и радушно.

— Очень радъ видѣть васъ. Помню, помню—вы, кажется, еще такой большой музыкантъ.

— Не заправскій музыкантъ, ваше превосходительство, а большой и серьезный любитель музыки.

— Ну, батенька, у насъ въ этой глуши и такихъ мало. Вотъ вы и поможете мнѣ оживить дѣятельность здѣшняго отдѣленія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, а то дирекція наша совсѣмъ заснула и затѣяла было даже закрывать отдѣленіе, да я не позволилъ.

— Очень радъ буду, если могу быть полезенъ вамъ.

— Ко мнѣ еще пріѣхалъ на-дняхъ изъ Петербурга новый чиновникъ особыхъ порученій, Николай Семеновичъ Горкуша, прекрасный баритонъ. Я хоть и не слыхалъ его, но всѣ говорятъ—хорошій пѣвецъ. Вотъ я и ему прикажу оживлять томскую музыкальную дѣятельность.

Довольно характерно—губернаторъ приказываетъ своему чиновнику особыхъ порученій пѣть публично?!..

Впрочемъ Ив. Ив. Красовскій, старый холостякъ, еще хорошо сохранившійся, самъ по себѣ очень добрый человѣкъ, но крайне горячій и вспыльчивый, не способный никому сдѣлать зла умышленно, причинялъ много непріятностей даже самымъ близкимъ къ нему людямъ своимъ самодурствомъ.

Такъ, однажды, часа въ два ночи, онъ вдругъ потребовалъ къ себѣ полицеймейстера, а таковымъ тогда былъ въ Томскѣ, въ одинаковыхъ съ губернаторомъ чинахъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ Архангельскій — милѣйшая, добродушнѣйшая и честнѣйшая личность, весьма любимая и чтимая всѣми горожанами. Дѣлать нечего, пришлось почтенному Михаилу Андреевичу, только недавно легшему спать послѣ ночного объѣзда города, вставать, одѣваться и ѣхать къ губернатору. Красовскій принимаетъ его, лежа въ постели, и говоритъ:

— Когда я легъ спать, мнѣ пришло въ голову... ну, помните, мы еще говорили съ вами утромъ?...

— О частномъ приставѣ Линскомъ?—спросилъ полицеймейстеръ.

— Да, да, о немъ. Такъ вотъ я, чтобы не забыть до утра, и послалъ сейчасъ же за вами.

— Такъ вамъ, Иванъ Ивановичъ, чѣмъ безпокоить себя, дожидаясь моего пріѣзда, было бы проще, кажется, записать карандашикомъ на клочкѣ бумаги, что собственно вамъ желательно было сказать мнѣ по этому поводу.

— Ну, извините, не догадался. Спокойной ночи.

Другой, почти аналогичный случай былъ лично со мной. Сижу я какъ-то у знакомыхъ; играемъ въ винтъ. Входитъ прислуга и

говоритъ мнѣ, что пріѣхалъ казакъ отъ губернатора и спрашиваетъ меня. Выхожу въ переднюю, тамъ дѣйствительно казакъ. Спрашиваю:

— Что надо?

— Пожалуйте немедленно къ губернатору.

— Да ты съ ума сошелъ?... Уже двѣнадцатый часъ ночи.

— Такъ точно. Послали меня за вами съ часъ тому назадъ. Васъ дома не засталъ, вернулся и докладываю: «ихъ дома нѣтъ, ваше превосходительство».

— Ну?—перебилъ я казака.

— А ихъ превосходительство какъ зыкнетъ на меня: «болванъ! пошелъ, разыщи и предоставь живого или мертваго!» Такъ ужъ пожалуйте къ начальнику губерніи.

Бросилъ карты, ѣду къ губернатору. Застаю въ халатѣ, неистово шагающимъ по залу.

— Что это васъ собаками не сыщешь!—чуть не кричитъ на меня раздраженный Красовскій.

— Да не обязанъ же я, ваше превосходительство, сидѣть постоянно дома и ожидать, не понадоблюсь ли я вамъ?!—удивился я.

— Видите, меня за ужиномъ разсердили. Я разволновался и никакъ уснуть не могъ; ваша же игра на рояли дѣйствуетъ на меня всегда такъ успокоительно...

И съ этими словами губернаторъ подошелъ къ рояли, самъ открылъ крышку и, указывая мнѣ на стулъ, сказалъ совсѣмъ уже мягкимъ голосомъ:

— Сыграйте мнѣ, пожалуйста, что нибудь нѣжное.

Досадно, но разсердиться на него серьезно, право же, не было никакой возможности. Я сѣлъ за рояль и сыгралъ ему Valse mélancholique (A mol) Шопэна.

— Вотъ спасибо, такъ спасибо! Теперь я усну спокойно,—пожалъ мнѣ руку губернаторъ.

Отличительной, симпатичной и очень хорошей чертой характера Ив. Ив. Красовскаго, надо признать, было то, что онъ относился крайне сочувственно къ интеллигентнымъ уголовнымъ ссыльнымъ, которымъ всегда помогалъ стать на ноги, не смотрѣлъ на нихъ, какъ на отверженцевъ общества, а какъ на несчастныхъ, которые за свои былыя ошибки и проступки и безъ того уже несутъ непосильное, часто черезчуръ суровое наказаніе, не говоря уже про то, что между ними нерѣдко встрѣчаются и невинно пострадавшіе.

Зато онъ не переносилъ политическихъ, административно-ссыльныхъ, въ которыхъ онъ искренно видѣлъ враговъ престола и отечества. Въ то время въ Томскѣ издавалась «Сибирская Газета», издателемъ и редакторомъ которой былъ мѣстный содержа-

тель книжной торговли и библіотеки для чтенія, человѣкъ умный, ловко эксплуатировавшій своихъ служащихъ, но корчившій изъ себя либерала; поэтому почти всѣ его сотрудники состояли изъ политическихъ ссыльныхъ, которые, служа какъ будто идеѣ, порицали всегда всѣхъ общественныхъ дѣятелей, администрацію и т. д., все, конечно, въ предѣлахъ, возможныхъ для подцензурнаго изданія, и такимъ образомъ давали издателю трудъ свой чуть не даромъ.

Ив. Ив. Красовскій нѣсколько разъ порывался прекратить это вредное по направленію издаиіе, но ему это не удавалось, потому что дѣло велось умно, осторожно, и серьезно привязаться къ нему не было возможности. Поэтому губернаторъ очень обрадовался, когда явился желающій издавать другую мѣстную газету, съ цѣлью именно противодѣйствовать направленію «Сибирской Газеты». Онъ очень скоро исходатайствовалъ разрѣшеніе на изданіе новой газеты «Сибирскій Вѣстникъ» и на утвержденіе редакторомъ-издателемъ ея, дворянина, кандидата правъ, В. П. Картамышева, который, однако, довольно долго былъ только какъ бы фиктивнымъ редакторомъ, а главными руководителями новаго изданія были хорошо извѣстные губернатору, очень любимые имъ уголовные ссыльные Е. В. К* и П. М. П*—люди умные, отлично образованные, знакомые съ прежнихъ еще временъ съ веденіемъ газетнаго дѣла.

Какъ ни странно, можетъ быть, но надо отдать справедливость интеллигентнымъ ссыльнымъ разныхъ категорій, что именно и исключительно имъ Сибирь обязана своимъ культурнымъ развитіемъ.

Первый камень въ этомъ направленіи положили декабристы; потомъ политическіе ссыльные нѣсколько иной категоріи, какъ Достоевскій, Чернышевскій и другіе; съ появленіемъ, послѣ польскихъ возстаній въ 1831 и 1863 годахъ, ссыльныхъ поляковъ, въ Сибири начали создаваться первые заводы и промышленныя заведенія, въ организаціи и управленіи коихъ поляки принимали самое дѣятельное и живое участіе; этому же, а также развитію искусствъ и мысли, содѣйствовали очень много и уголовные интеллигентные ссыльные, между которыми часто встрѣчались люди энергичные, дѣятельные, всесторонне образованные, истинно хорошіе и вполнѣ честные.

Въ противоположность вышепомянутымъ симпатичнымъ категоріямъ ссыльныхъ, Сибирь кишѣла еще и категоріей антипатичныхъ ссыльныхъ, къ которымъ принадлежали изъ политическихъ—ударившіеся въ анархизмъ, кричащіе, что въ Россіи все скверно и все надо уничтожить, преимущественно изъ молодыхъ, ратующихъ противъ власти, а сами стремящіеся только къ власти, не терпящіе чужихъ мнѣній и убѣжденій, считающіе только свои взгляды вѣрными и непреложными; а изъ уголовныхъ—отъявлен-

ные и отпѣтые мошенники, взяточники и любостяжатели, хотя, къ несчастію, и между ними встрѣчались люди очень умные, образованные и даже хорошо воспитанные.

Почти за совершеннымъ отсутствіемъ въ Сибири свободныхъ, не занятыхъ службой или своими торговыми дѣлами развитыхъ и образованныхъ людей, большинство сотрудниковъ въ новой газетѣ «Сибирскій Вѣстникъ» составилось, въ противоположность «Сибирской Газетѣ», въ которой фигурировали исключительно политическіе ссыльные, изъ ссыльныхъ уголовныхъ. Нужно сказать еще, что политическіе ссыльные были страшными антагонистами и врагами уголовныхъ ссыльныхъ (за самыми рѣдкими исключеніями— только если они и въ уголовномъ ссыльномъ видѣли соціалиста и анархиста), считая ихъ преступниками, осужденными судомъ, а себя—героями, борцами за идею и противъ власти, которая, опасаясь ихъ огромнаго будто бы вліянія на народныя массы, безъ всякаго суда и расправы сослала ихъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ. Въ свою очередь, уголовные ссыльные недолюбливали политическихъ за ихъ высокомѣрное, заносчивое къ нимъ отношеніе. Поэтому весьма естественно и понятно, что обѣ газеты сразу стали во враждебныя между собой отношенія, что, въ сущности, было губернатору на руку; но какъ бы то ни было, а фактъ налицо, что обѣ газеты существовали исключительно трудомъ и работой ссыльныхъ, только разныхъ лагерей и категорій.

Въ результатѣ получилось, что черезъ два-три года «Сибирскій Вѣстникъ», поддерживая закономъ установленную власть, отвѣчавшій всегда умно и сдержанно на заносчивые нападки «Сибирской Газеты», такъ сказать, похоронилъ послѣднюю, такъ какъ она зарапортовалась до такой степени, что ее закрыли распоряженіемъ министерства непосредственно, безъ всякаго ходатайства о томъ со стороны мѣстнаго губернатора.

Довольно долго «Сибирскій Вѣстникъ» существовалъ внѣ конкуренціи, и пока онъ находился въ рукахъ умныхъ, опытныхъ и вполнѣ порядочныхъ людей, какъ Е. В. К* и П. М. П*, онъ издавался весьма интересно, полно и добросовѣстно. Но вскорѣ, когда Е. В. К* и П. М. П* были помилованы и совсѣмъ уѣхали изъ Томска, эта газета стала падать; а когда бывшему издателю «Сибирской Газеты», Петру Ивановичу Макушину, человѣку умному и очень ловкому, удалось опять исходатайствовать разрѣшеніе на изданіе сначала справочнаго «Томскаго Листка», весьма скоро переименованнаго въ ежедневную газету «Сибирская Жизнь», онъ сталъ сильно конкурировать съ «Сибирскимъ Вѣстникомъ» и мстить ему за его бывшія отношенія къ прежней «Сибирской Газетѣ». И появились въ Томскѣ снова двѣ враждующія между собой мѣстныя газеты; «Сибирскій Вѣстникъ», попавъ въ еврейскія руки и потерявъ окончательно свой приличный обликъ, не

могъ выдержать конкуренціи ловко веденной «Сибирской Жизни», началъ падать все больше и больше, и въ настоящее время еле-еле влачитъ свое жалкое существованіе, тогда какъ «Сибирская Жизнь» г. Макушина процвѣтаетъ.

Я забѣжалъ, однако, нѣсколько впередъ, а надо сказать еще нѣсколько словъ о губернаторѣ Ив. Ив. Красовскомъ. Онъ любилъ и поощрялъ общественную жизнь, тѣмъ болѣе, что, какъ старый холостякъ, онъ не могъ устраивать у себя большихъ пріемовъ и вечеровъ, хотя бы уже потому, что провинціальный monde вообще страшно щепетиленъ, завистливъ, отъ скуки однообразной жизни въ глухой, страшно отдаленной отъ всѣхъ культурныхъ и цивилизованныхъ центровъ губерніи, полонъ всевозможныхъ сплетенъ, злословія и клеветы. Такъ, напримѣръ, съ Ив. Ив. Красовскимъ жила его племянница, Ольга Өедоровна (за таковую онъ, по крайней мѣрѣ, офиціально выдавалъ ее), дѣвушка не самой ужъ ранней юности, хорошо образованная и прекрасно воспитанная, а злые дамскіе языки всегда трещали, что это его любовница, и потому никто изъ дамъ monde'а, за самыми ничтожными исключеніями, не бывалъ у губернатора, котораго даже бомбардировали по этому поводу анонимными письмами. Однажды я попалъ къ нему какъ разъ въ моментъ полученія имъ анонимнаго письма, самаго пасквильнаго и возмутительнаго содержанія. Не знавъ, въ чемъ дѣло, я спросилъ его:

— Вы, кажется, очень разстроены чѣмъ-то, ваше превосходительство?..

— Возьмите, прочтите, — подалъ онъ мнѣ письмо; и когда я пробѣжалъ письмо, у него буквально со слезами на глазахъ и въ голосѣ вырвалось невольное признаніе:

— Вѣдь вотъ подлецы какіе! А вѣдь Оля мнѣ то же, что для васъ ваша Настя!

А Настя была моя дочь, которая очень нравилась Красовскому и своей миловидностью, и своей воспитанностью; разница была только въ томъ, что Настя была моя законная дочь, а Ольга Өедоровна—незаконная дочь Ивана Ивановича, чего она, конечно, и сама не знала, привыкнувъ съ дѣтства знать и видѣть въ немъ своего дядю.

Какъ я упомянулъ уже раньше, губернаторъ выразилъ свое желаніе, чтобы его чиновникъ особыхъ порученій, Н. С. Горкуша, и я приняли участіе въ дѣятельности мѣстнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, но привелъ свое желаніе въ исполненіе какъ-то дико. Несмотря на то, что это учрежденіе частное и совершенно самостоятельное, ему слѣдовало бы: или переговорить объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ членовъ дирекціи, или написать частное письмо къ предсѣдателю отдѣленія, а онъ, не долго думая, закатилъ въ дирекцію формальную бумагу, на

губернаторскомъ бланкѣ и за №, въ формѣ предложенія пригласить на долженствовавшее вскорѣ быть общее собраніе членовъ вновь прибывшія музыкальныя силы: Н. С. Горкушу и А. А. Ауэрбаха. Дирекція, вѣроятно, обидѣлась, но, тѣмъ не менѣе, все-таки прислала намъ приглашенія на общее собраніе, на которомъ, однако, заявила, что она въ полномъ составѣ отказывается отъ своихъ званій и слагаетъ съ себя дальнѣйшее завѣдываніе дѣлами общества. На мое заявленіе, что мы приглашены сюда лишь въ качествѣ лицъ, могущихъ содѣйствовать оживленію дѣятельности общества, что мы даже еще и не дѣйствительные члены, поэтому де не имѣемъ права голоса, и намъ не можетъ быть еще никакого дѣла до того, что министерство выходитъ въ отставку,—мнѣ отвѣчали, что существующая дирекція пришла къ заключенію о невозможности продолжать веденіе дѣла въ Томскѣ, почему и выходитъ, а если мы—другого мнѣнія, то намъ и книги въ руки. Поэтому я счелъ своимъ долгомъ, чтобы не дать повода думать и говорить, что мы стремимся занять званія директоровъ, отказаться отъ баллотировки. Когда же приступили къ закрытой баллотировкѣ записками, и я оказался избраннымъ, я все-таки рѣшительно отказался отъ почетнаго званія директора отдѣленія, обѣщавъ при этомъ помогать дирекціи, чѣмъ только могу, для развитія музыкальной дѣятельности отдѣленія. И могу съ гордостью сказать, что добросовѣстно держалъ свое слово и высоко держалъ музыкальное знамя въ продолженіе болѣе четырнадцати лѣтъ, посвятивъ Томскому отдѣленію Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества всѣ свои музыкальныя знанія и способности, всю свою энергію и вложивъ туда массу труда. Впрочемъ о дѣятельности музыкальнаго общества будетъ рѣчь еще впереди.

Состоя въ 188⁶/₇ годахъ инспекторомъ страхового общества, я былъ командированъ въ Восточную Сибирь, но, къ несчастію, успѣлъ побывать только въ городахъ Енисейскѣ и Красноярскѣ, гдѣ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ въ очень тяжелой формѣ. Пролежавъ въ Красноярской почтовой гостиницѣ болѣе шести недѣль, я не могъ продолжать путь далѣе на востокъ, потому что очень ослабѣлъ, и долженъ былъ вернуться въ Томскъ.

Осенью 1888 года братъ мой, горный инженеръ Александръ Андреевичъ Ауэрбахъ, бывшій тогда главноуправляющимъ Богословскаго горнаго округа на Уралѣ, предложилъ мнѣ мѣсто ихъ коммерческаго агента по закупкѣ въ Западной Сибири пшеницы, ржи и овса, требовавшихся для Богословскихъ заводовъ въ огромныхъ размѣрахъ. Я принялъ это предложеніе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что, кромѣ приличнаго заработка, такое порученіе, сопряженное съ большими разъѣздами по обширнымъ пространствамъ Западной Сибири, давало мнѣ еще возможность близко ознакомиться съ этимъ богатымъ краемъ и съ бытомъ его населенія.

Намѣреніе и желаніе главноуправляющаго Богословскимъ горнымъ округомъ покупать потребный для заводовъ хлѣбъ хозяйственнымъ способомъ были вызваны тѣмъ, что въ навигацію 1888 года подрядчики, по случаю повышенія цѣнъ, не доставили всего принятаго на себя количества хлѣба, что̀ ставило управленіе въ весьма затруднительное положеніе, благодаря въ тотъ годъ полному неурожаю въ Пермской и западныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи. Поэтому управленіе Богословскихъ заводовъ, озабоченное прокормленіемъ своего рабочаго населенія и служебнаго персонала, достигавшаго 20 тысячъ, самымъ вѣрнымъ и по возможности самымъ дешевымъ способомъ, рѣшило впредь покупать хлѣбъ, масло, свѣчи и другіе предметы первой необходимости хозяйственнымъ способомъ, непосредственно изъ первыхъ рукъ, пріобрѣсти свои пароходы, баржи и доставлять ими до Филькинской пристани на рѣкѣ Сосьвѣ всѣ пріобрѣтаемые по рѣкамъ Иртышу и Оби хлѣбные грузы и продукты. Въ виду неурожая мѣстнаго и необходимости, поэтому, обратиться въ мѣста болѣе отдаленныя, и принимая во вниманіе, что надо было воспользоваться воднымъ путемъ, какъ наидешевѣйшимъ для доставки купленныхъ грузовъ, мнѣ пришлось въ ту же осень, для отысканія хлѣбныхъ запасовъ на мѣстахъ ихъ производства, объѣхать довольно значительный районъ Тарскаго уѣзда Тобольской губерніи, Акмолинской и Семипалатинской областей, въ бассейнѣ рѣки Оби, но, къ несчастью, и во всѣхъ этихъ округахъ былъ въ 1888 году, если и не совершенный неурожай, то, во всякомъ случаѣ, порядочный противъ обыкновеннаго недородъ, почему цѣны вездѣ держались сравнительно довольно высокія.

По Иртышу оказалось вообще запасовъ меньше, и поэтому цѣны тамъ стояли выше, чѣмъ по Оби, въ Томской губерніи, которая издавна не безъ основанія считается житницей Сибири, гдѣ и оказались, несмотря на недородъ текущаго года, довольно значительные запасы всѣхъ сортовъ хлѣбовъ отъ прежнихъ лѣтъ. Я выше сказалъ, что цѣны, «сравнительно, стояли довольно высокія», сравнительно потому собственно, что въ Томской губерніи, до проведенія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, когда за дальностью разстоянія хлѣбъ вывозить было некуда, а при богатѣйшей почвѣ глубокаго чернозема и хорошихъ климатическихъ условіяхъ почти всегда бывали баснословные урожаи, то нерѣдко цѣны на всѣ хлѣба бывали крайне дешевы. Мнѣ, напримѣръ, не разъ случалось покупать въ Томскѣ, на базарѣ губернскаго города, пшеничную муку по 30 коп. за пудъ, ржаную—по 20 коп. за пудъ, овесъ—по 12 до 15 коп. за пудъ и т. д., въ томъ же родѣ за всевозможныя крупы, горохъ и прочее,—насколько же еще дешевле цѣны бывали въ деревнѣ, на мѣстѣ производства хлѣба!..

Но въ 1888 году, когда хлѣбъ могъ выносить даже дорогую гужевую перевозку на дальнія разстоянія, и его повезли въ пораженные неурожаемъ уѣзды Тобольской губерніи, цѣны на всѣ хлѣба поднялись и въ Томской губерніи, что̀, конечно, благопріятно отразилось на экономическомъ положеніи крестьянъ Томской губерніи. То же самое повторилось и въ 1892 году, только при еще болѣе благопріятныхъ для томскихъ крестьянъ условіяхъ, когда уже большинство уѣздовъ Тобольской губерніи было опять поражено совершеннымъ неурожаемъ, а въ Томской губерніи, напротивъ, былъ баснословный урожай.

Богословскій горный округъ снабдилъ меня въ 1888 году обильными средствами, прикомандировалъ ко мнѣ приказчика и артельщика-кассира, что̀ дало мнѣ возможность въ короткое время скупить все заказанное округомъ количество пшеницы, ржи и овса, съ обязательствомъ сдачи ихъ продавцами въ навигацію 1889 года на пристаняхъ по рѣкѣ Оби; дней за десять до Рождества, мы всѣ трое, окончивъ нашу операцію закупки, были уже въ Томскѣ.

На другой же день моего возвращенія въ Томскъ, бывшій тогда полицеймейстеръ, Л. Н. Некрасовъ, прислалъ мнѣ записку, что губернаторъ требуетъ меня явиться къ нему завтра, въ 10 часовъ утра; а губернаторомъ томскимъ былъ тогда Александръ Петровичъ Булюбашъ, извѣстный по всей Россіи, вмѣстѣ со своимъ братомъ, предводителемъ одной изъ южныхъ губерній Россіи, подъ названіемъ «доносчики», благодаря существовавшей нѣсколько мѣсяцевъ, по поводу ихъ, полемикѣ между «Вѣстникомъ Европы» и Катковскими «Московскими Вѣдомостями».

А. П. Булюбашъ былъ человѣкъ желчный, раздражительный и при томъ мнящій себя неограниченно всесильной властью; поэтому желаніе видѣть меня, выраженное въ формѣ требованія чрезъ полицеймейстера, нисколько не удивило меня, хотя до тѣхъ поръ я не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ и даже ни разу съ нимъ не встрѣчался.

На другой день, ровно въ 10 часовъ утра, я былъ у губернатора, который жилъ тогда, такъ какъ казенный губернаторскій домъ только еще строился, на частной квартирѣ, гдѣ у него не было отдѣльной пріемной. Въ кабинетъ къ нему или въ сосѣдній залъ меня не пригласили, и потому пришлось дожидаться его въ передней[1]). Наконецъ, ихъ превосходительство изволили выйти въ

---

[1]) Отличительная черта почти всѣхъ губернаторовъ отдаленныхъ губерній— это странная манера показывать свою власть, заставляя непремѣнно всюду ожидать себя: пароходъ не отваливаетъ во́-время, ожидая губернатора, долженствующаго ѣхать на немъ; концертъ, спектакль въ театрѣ не начинаются въ объявленное время, потому что губернаторъ прислалъ сказать, что онъ будетъ, и т. д. Изъ семи губернаторовъ, пережитыхъ мною въ Томскѣ съ 1884 по 1901

переднюю, съ телеграммой въ рукахъ и, не стѣсняясь ни прислуги, ни дежурнаго полицейскаго чина, изволили прямо съ крикомъ обратиться ко мнѣ, даже не здороваясь:

— Какъ вы смѣете скупать хлѣбъ въ моей губерніи?

— Не понимаю замѣчанія вашего превосходительства, — удивился я.

— Не понимаете... а это что?—и губернаторъ сунулъ мнѣ телеграмму, бывшую у него въ рукахъ.

Читаю: «Изъ Колывани. Томскъ—губернатору. Весь хлѣбъ, намѣченный мною для поставки Томскому тюремному замку, скупленъ Ауэрбахомъ для Богословскихъ заводовъ. Рубановичъ».

— Все-таки ничего не понимаю, ваше превосходительство,—возвратилъ я телеграмму губернатору.—Почему это жидъ, Рубановичъ, можетъ покупать хлѣбъ въ вашей губерніи, а мнѣ это какъ будто бы возбраняется?

— Очень просто,—продолжалъ кричать губернаторъ.—Рубановичу купить хлѣбъ для тюремнаго замка поручилъ я. Въ моей губерніи голодъ; хлѣбъ и безъ того страшно поднялся въ цѣнѣ, а вы вдругъ являетесь и начинаете со спекулятивными цѣлями скупать хлѣбъ, чѣмъ искусственно подымаете цѣну на него еще больше.

— Еще болѣе не понимаю васъ, ваше превосходительство,— отвѣчалъ я.—Изъ телеграммы жида Рубановича даже вы могли усмотрѣть, что я хлѣбъ купилъ для Богословскихъ заводовъ, а не съ личными спекулятивными цѣлями.

— Все равно,—перебилъ меня губернаторъ,—этотъ хлѣбъ нуженъ для Томскаго тюремнаго комитета, а вы перехватили его силой.

— Не силой, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я увѣренно,— а справедливостью по отношенію крестьянъ вашей губерніи, которые получили отъ меня по 10 коп. на пудъ дороже, чѣмъ предлагалъ имъ за ихъ хлѣбъ подрядчикъ вашъ, Рубановичъ, торговавшійся съ ними болѣе двухъ недѣль изъ-за этихъ важныхъ для мужика 10 коп. въ пудѣ, конечно, не съ цѣлью съэкономить ихъ для казны, а въ собственныхъ единоличныхъ, именно спекулятивныхъ только интересахъ. Теперь же изъ партій, всего до четырехъ сотъ тысячъ пудовъ, купленныхъ мною, эти 10 коп. съ пуда, то-есть сорокъ тысячъ рублей, достались крестьянамъ Томской губерніи, а не попали въ карманъ вашего подрядчика Рубановича.

годъ, только одинъ, Г. А. Тобизенъ (впослѣдствіи харьковскій губернаторъ), составлялъ счастливое исключеніе и никогда, ни при какихъ условіяхъ, нигдѣ не заставлялъ себя ждать, чѣмъ справедливо доказывалъ, что онъ, — человѣкъ, получившій превосходное воспитаніе—pour être grand, il faut être exacte.

— Помилуйте,—загорячился опять губернаторъ.—У меня голодъ въ губерніи, гдѣ скоро самимъ крестьянамъ ѣсть будетъ нечего, а вы скупили вдругъ такую массу хлѣба! Нѣтъ, я не могу допустить этого.

— Въ такомъ случаѣ вашему превосходительству слѣдовало бы заблаговременно сдѣлать распоряженіе о воспрещеніи крестьянамъ ввѣренной вамъ губерніи продавать хлѣбъ. Но могу васъ увѣрить,—продолжалъ я,—что вы освѣдомлены объ этомъ неправильно, потому что...

— О чемъ это я освѣдомленъ невѣрно?—перебилъ меня губернаторъ.

— О неурожаѣ въ Томской губерніи и о грозящемъ будто бы въ ней голодѣ. Я только что объѣхалъ Каинскій, Барнаульскій и Бійскій уѣзды, считающіеся самыми плодородными и о неурожаѣ въ которыхъ именно распространился слухъ, и лично, воочію убѣдился, что о голодѣ тамъ и рѣчи быть не можетъ. Тамъ въ нынѣшнемъ году былъ дѣйствительно довольно значительный недородъ противъ прежнихъ баснословно урожайныхъ лѣтъ, но запасы отъ этихъ прежнихъ лѣтъ у крестьянъ такъ велики, что они смѣло могутъ разсчитывать прожить ими не одинъ еще, даже совсѣмъ неурожайный годъ, и все-таки о голодѣ и помину еще не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ уступите Рубановичу не сотни тысячъ пудовъ, которые вы покупаете, а только нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ, нужныхъ ему для поставки тюремному комитету,—сказалъ губернаторъ уже болѣе мягко.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ расчеты Богословскихъ заводовъ совсѣмъ не входитъ поощрять еврейскія спекуляціи, да и я лично не желаю играть роль комиссіонера г. Рубановича, который можетъ купить подальше отъ рѣки Оби сколько угодно хлѣба—ему придется только подороже платить за гужевую перевозку и поэтому поменьше нажить. А въ случаѣ, если бы онъ отказался, то извольте, я уступлю по своей покупной цѣнѣ, сколько нужно, ржаной муки самому тюремному комитету, но не г. Рубановичу,—предложилъ я губернатору.

Но видимо такое мое предложеніе совсѣмъ не входило въ расчеты губернатора, А. П. Булюбаша, потому что онъ, крайне недовольный, повернулся и, опять не поклонившись мнѣ, ушелъ изъ передней.

Для характеристики помпадурства этого губернатора (всегда со смѣхомъ вспоминаю объ этомъ) могу еще сказать, что даже его супруга по городу иначе не ѣздила, какъ—впереди, на парѣ съ пристяжкой, стоя въ пролеткѣ, толстякъ-полицеймейстеръ Некрасовъ, потомъ карета съ губернаторшей и позади кареты—два конныхъ полицейскихъ стражника, называемыхъ въ Томскѣ казаками.

Долженъ еще сказать, хоть нѣсколько словъ, о полицеймейстерѣ Л. Н. Некрасовѣ, потому что это былъ человѣкъ, въ своемъ родѣ, весьма интересный и напоминающій Гоголевскаго «Держиморду». Онъ былъ высокаго роста и необычайно толстъ; рожа невозможно нахальная; кулачище пудовый, ноги какъ у слона. Бралъ онъ со всего и со всѣхъ и всѣмъ, чѣмъ только возможно и угодно; изобрѣтателенъ былъ во взяткахъ до невѣроятности, прямо до геніальности.

Такъ извѣстна много надѣлавшая шума, даже и въ столичныхъ газетахъ, исторія о Томской винной стачкѣ, по которой были преданы суду и приговорены къ тюремному заключенію, между прочими, и богатые, вліятельные въ думѣ водочные заводчики: Евг. Ив. Королевъ, Анд. Ник. Пастуховъ и Вас. Никиф. Вытновъ. Когда рѣшеніе Томскаго губернскаго суда, пройдя всѣ инстанціи до кассаціоннаго департамента сената включительно, вступило наконецъ въ законную силу, и полицеймейстеру Некрасову было предписано привести его въ исполненіе, то онъ, конечно, не преминулъ широко воспользоваться этимъ счастливымъ для него случаемъ, чтобы содрать въ свою пользу порядочный купъ. Получивъ это предписаніе изъ губернскаго правленія въ конвертѣ «секретно», онъ не отдалъ его въ регистратуру, а положилъ его въ свой карманъ тайкомъ даже отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Дѣло въ томъ, что дня черезъ два долженъ былъ быть именинникомъ В. Н. Вытновъ, когда у него пировать собирался почти весь городъ. Вотъ, во второмъ часу дня, когда у Вытнова за пирогомъ домъ уже былъ полонъ гостей, пріѣзжаетъ къ нему въ парадной формѣ и полицеймейстеръ Некрасовъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, поздравляетъ онъ хозяина дома съ ангеломъ, и подъ говоръ и шумъ гостей шепчетъ ему на ухо, чтобы онъ прошелъ съ нимъ въ кабинетъ на пару словъ, по нужному дѣлу. Старикъ Вытновъ, ничего не подозрѣвая, идетъ съ нимъ въ кабинетъ, гдѣ Некрасовъ, доставъ изъ кармана, предъявляетъ ему предписаніе о его арестѣ и говоритъ съ улыбкой:

— Такъ вотъ пожалуйте въ каменный мѣшочекъ, да собирайтесь поскорѣе, пожалуйста.

— Да ты, Леонидъ Николаевичъ, съ ума сошелъ!—взмолился Вытновъ.—Полонъ домъ гостей, а онъ вдругъ въ тюрьму? Ну, завтра утромъ, что ли, только не теперь же?!

— Никакъ не могу,—издѣвался Некрасовъ.—Самъ читалъ строжайшее предписаніе: «исполнить въ 24 часа по полученіи».

Въ результатѣ—старикъ Вытновъ, поторговавшись, какъ подобаетъ хорошему купцу, при чемъ Некрасовъ все-таки одну тысченку уступилъ, открылъ денежный сундукъ, досталъ должную мзду, вручилъ ее Некрасову, и направились они подъ руку, какъ ни въ чемъ не бывало, въ залъ пировать. Нагрузившись, какъ

слѣдуетъ, Некрасовъ уѣхалъ, чтобы приводить предписаніе въ исполненіе надъ Пастуховымъ и Королевымъ въ тотъ же день, а Вытновъ поѣхалъ въ тюрьму уже на слѣдующій день.

XII.

Поѣздки въ Ирбитскую ярмарку. — Служба моя по пароходству Богословскаго горнаго округа.—Томскій губернаторъ Г. А. Тобизенъ.—Проѣздъ чрезъ Томскъ нынѣ благополучно царствующаго императора Николая II въ 1891 году, въ бытность его наслѣдникомъ цесаревичемъ. — Супруги К. И. и Г. С. Томашинскіе.—Поѣздка моя въ Петербургъ. — Хлопоты о субсидіи отъ правительства Томскимъ музыкальнымъ классамъ. — Вицепрезидентъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества Н. И. Стояновскій.—А. Г. Рубинштейнъ.—Заключеніе.

Сибирь сама по себѣ, съ ея громадными пространствами самаго плодороднаго тучнаго чернозема, дѣвственныхъ лѣсовъ и никогда не оттаивающей почвы сѣверной тайги, съ ея безконечными тундрами, колоссальными горами на югѣ, съ ея гигантскими, вполнѣ судоходными рѣками и огромнѣйшими озерами, съ ея золотомъ и неисчерпаемыми минеральными и металлическими богатствами—представляла и понынѣ представляетъ довольно странное явленіе. Не то—это одно цѣлое съ огромной тоже, но все-таки далеко меньшей, чѣмъ она, Европейской Россіей; не то—это какъ будто совершенно отдѣльное государство въ государствѣ, относящееся, какъ будто колонія къ метрополіи: такъ велика и существенна во всемъ разница Сибири съ Европейской Россіей.

Сибирь никогда не имѣла дворянства, никогда не знала крѣпостного права, поэтому всегда служила приманкой для бѣглой изъ Европейской Россіи вольницы, которую манили и рѣки молочныя, и берега кисельные... Земли, воды—сколько хочешь; урожаи—баснословные; рыбы въ рѣкахъ, звѣря и дичи въ лѣсахъ—изобиліе, лѣсовъ, луговъ, пастбищъ — непочатый край, золота — дѣвать некуда!.. Все это заставляло вольницу стремиться въ Сибирь... Только народу все мало... И вотъ государство Россійское стало населять Сибирь—сначала преступниками, приговоренными въ каторжныя работы, руками коихъ устраивало и обстраивало огромныя поселенія, чуть не цѣлые города, гдѣ на пріискахъ добывалось много золота; потомъ—опять-таки преступниками, приговоренными на поселеніе, которымъ отпускалась казенная земля безъ мѣры... работай только, добывай свой хлѣбъ и живи съ Богомъ; и наконецъ повезли въ Сибирь декабристовъ, бунтующихъ поляковъ, политическихъ и интеллигентныхъ людей, приговариваемыхъ судами за менѣе тяжкіе проступки, просто къ ссылкѣ на житье, и уложеніе о наказаніяхъ свода законовъ пополнилось цѣлымъ рядомъ статей о ссылкѣ въ Сибирь по разнымъ категоріямъ и степенямъ.

Насколько этотъ преступный ссыльный элементъ изъ простого темнаго люда тормозилъ культурное развитіе Сибири, на-

столько же, пожалуй, она ссыльному же элементу изъ декабристовъ, поляковъ, политическихъ и интеллигентныхъ людей обязана и началомъ своего культурнаго и промышленнаго пробужденія. Инородцы, какъ камчадалы, якуты, буряты, самоѣды, остяки, киргизы, калмыки, башкиры и татары, составлявшіе исконное, коренное населеніе, преимущественно кочующіе, по своей дикости, небогатымъ умственнымъ способностямъ и по своимъ ничтожнѣйшимъ житейскимъ потребностямъ—не только туго поддаются культурѣ, но, гдѣ только могутъ, всегда противодѣйствуютъ ей, отстаивая свою свободу и полную независимость, прежде всего не желая признавать никакихъ властей.

Между простымъ людомъ, т.-е. крестьянами, простыми ремесленниками и рабочими, ссылавшимися при старомъ крѣпостномъ правѣ помѣщиками иногда за ничтожныя провинности, и другими, бѣжавшими отъ произвола и деспотизма своихъ тирановъ-господъ, было много прекрасныхъ работниковъ, и изъ нихъ составлялся полезный элементъ въ заселеніи Сибири такъ же, какъ изъ бѣжавшихъ изъ Европейской Россіи отъ преслѣдованій всевозможныхъ старовѣровъ и сектантовъ. Первые селились на вольныхъ земляхъ, преимущественно на открытыхъ мѣстахъ, по большому Сибирскому тракту, запахивали вездѣ цѣлину, разводили массу скота и скоро богатѣли, образовывая громаднѣйшія села; послѣдніе забирались преимущественно въ глубь страны—въ дикую тайгу или въ горы, гдѣ устраивали сначала скиты и обители, потомъ отдѣльныя тоже поселенія, члены коихъ занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ тоже въ достаточной степени, разводили еще большія пасѣки и занимались преимущественно торговлей.

Какъ по большому Сибирскому тракту на всемъ его пространствѣ встрѣчаются постоянно громаднѣйшія, прекрасно обстроенныя села, по нѣскольку верстъ въ длину, такъ и понынѣ есть еще масса никому невѣдомыхъ поселковъ, обителей и скитовъ разныхъ сектантовъ въ глубокой сѣверной тайгѣ и въ дикихъ южныхъ горахъ Алтая.

Я мало знакомъ съ народнымъ бытомъ Восточной Сибири, но, поступивъ на службу по пароходству Богословскаго горнаго округа и завѣдывавъ покупкой хлѣба, мнѣ пришлось объѣзжать огромныя пространства Западной Сибири, какъ на пароходахъ по рѣкамъ Томи, Чулыму, Оби, Иртышу, Тоболу, Тавдѣ, Сосьвѣ и Турѣ, такъ и на лошадяхъ по районамъ закупки хлѣба и по большому Московскому почтовому тракту, при ежегодныхъ въ февралѣ мѣсяцѣ поѣздкахъ въ Ирбить на ярмарку, и потому я хорошо ознакомился съ народонаселеніемъ и бытомъ его именно въ этихъ самыхъ бойкихъ мѣстахъ Западной Сибири. Не задаваясь спеціальными этнографическими, географическими и бытовыми изслѣдованіями края, мнѣ все-таки приходилось невольно наблю-

дать нѣкоторыя общеинтересныя стороны жизни и быта мѣстныхъ жителей, которыя и постараюсь передать вкратцѣ.

До проведенія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, подвинувшаго, конечно, Сибирь и въ горно-промышленномъ отношеніи впередъ, она была исключительно страной золота — для промышленнаго сословія и страной хлѣба и скотоводства—для крестьянъ. Сибирь производила только сырье: съ одной стороны—шлиховое золото, все сдаваемое въ казну; съ другой — хлѣбъ, потребляемый на мѣстѣ очень дешево вслѣдствіе его обилія и шедшій изъ Томской губерніи, напримѣръ, благодаря дешевымъ водянымъ путямъ по р.р. Оби и Иртышу, все-таки не далѣе уральскихъ мельницъ и заводовъ, а продукты скотоводства, какъ кожи, волосъ, сало, масло коровье и проч., обмѣнивались на европейскіе фабричные товары на Ирбитской ярмаркѣ, имѣвшей до Сибирской желѣзной дороги, по дѣлаемымъ на ней оборотамъ и сдѣлкамъ, не меньшее значеніе, чѣмъ Нижегородская ярмарка.

Семь лѣтъ кряду мнѣ приходилось по дѣламъ Богославскаго горнаго округа ѣздить ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ изъ Томска въ Ирбить; этотъ длинный, въ 1.707 верстъ, путь идетъ по самымъ населеннымъ мѣстностямъ Томскаго и Каинскаго уѣздовъ Томской губерніи, чрезъ Барабинскую степь, и Тюкалинскаго, Ишимскаго, Ялуторовскаго, Тюменскаго и Туринскаго уѣздовъ Тобольской губерніи и наконецъ Ирбитскаго уѣзда Пермской губерніи.

Движеніе проѣзжающаго въ это время торговаго люда изъ всей Западной и Восточной Сибири, включительно до якутовъ, жителей Пріамурскаго края и даже Камчатки, было такъ велико, что почтовыя лошади никакъ не могли удовлетворить потребности; ими пользовались только почта и чиновники, ѣдущіе по казенной надобности, весь же торговый міръ, дорожа временемъ и не желая понапрасну тратить его на вѣчное ожиданіе лошадей на почтовыхъ станціяхъ, предпочиталъ ѣздить на вольныхъ, у которыхъ задержки въ лошадяхъ никогда не бывало, а возили они всегда за тѣ же казенные прогоны, т.-е. по три копейки съ лошади въ Восточной Сибири и по полторы копейки въ Западной.

Всѣ села по этому большому тракту прекрасно обстроены, почти сплошь, двухъэтажными домами; въ нижнемъ этажѣ обыкновенно помѣщаются хозяева, работники и стряпухи, въ верхнемъ тричетыре чистыхъ комнаты, весьма прилично меблированныхъ, гдѣ пируютъ по большимъ праздникамъ и гдѣ принимаютъ знакомыхъ проѣзжающихъ; даже въ одноэтажныхъ, большихъ домахъ, не менѣе пяти оконъ на улицу, всегда есть одна-двѣ комнаты для проѣзжающихъ. Бросается также въ глаза, что всѣ окна, въ каждой избѣ положительно, всегда уставлены горшками съ цвѣтами, изъ коихъ преобладаютъ почти постоянно цвѣтущіе герань,

бальзамины и геліотропъ, и что всѣ полы въ чистомъ отдѣленіи избъ всегда застланы полазами (мѣстное ручное крестьянское производство ковровъ изъ коровьей шерсти), обыкновенно затканными тоже цвѣточными узорами, иногда съ изображеніемъ собакъ, иногда турецкимъ рисункомъ.

Живутъ сибирскіе крестьяне, особенно поселившіеся по тракту (а это большинство), хорошо и сытно, благодаря обилію и дешевизнѣ хлѣба и мяса; всѣ безъ исключенія пьютъ чай, и въ каждомъ домѣ всегда есть нѣсколько самоваровъ. Благодаря обилію пастбищъ и дешевизнѣ кормовъ, крестьяне держатъ массу лошадей, овецъ, козъ и рогатаго скота, который въ изобиліи снабжаетъ ихъ дешевымъ мясомъ и даетъ доходъ шерстью и кожами; насколько много лошадей у сибирскаго крестьянина, можно судить по одному тому, что нерѣдко, во время большого разгона по случаю Ирбитской ярмарки, на одномъ дворѣ сразу запрягаютъ по двадцати троекъ одного хозяина, и тогда самъ хозяинъ, сыновья, работники и даже бабы садятся на козлы ямщиками.

Такая ѣзда на вольныхъ, когда ямщики передаютъ проѣзжающихъ на слѣдующей станціи своимъ родственникамъ, пріятелямъ и непремѣнно знакомымъ имъ другимъ ямщикамъ, называется— ѣхать по веревочкѣ, въ отличіе отъ ѣзды на почтовыхъ. Такихъ веревочекъ на этомъ бойкомъ трактѣ много, и ямщикъ одной веревочки никогда не привезетъ васъ къ слѣдующей перепряжкѣ на другую веревочку, а непремѣнно на свою. Это представляетъ своего рода удобство, потому что, если вы проѣдете раза два-три по одной и той же веревочкѣ, всѣ сейчасъ же запримѣтятъ васъ, особенно, если вы не скупитесь давать на водку, васъ везутъ отлично, да и вамъ пріятно заѣзжать чайничать при перепряжкахъ лошадей всегда къ однимъ и тѣмъ же уже знакомымъ вамъ домохозяевамъ-ямщикамъ. У меня, напримѣръ, была такая прекрасная пріятельская веревочка, что я выѣзжалъ эти 1.700 верстъ всегда въ пять сутокъ и два-три часа, а въ одну малоснѣжную зиму, когда было очень мало ухабовъ (по-сибирски—нырковъ), мнѣ довелось проѣхать изъ Ирбити въ Томскъ въ четверо сутокъ шестнадцать часовъ, при чемъ въ однѣ сутки въ Барабинской степи я пролетѣлъ четыреста двадцать верстъ, сдѣлавъ кругомъ, за вычетомъ 3-хъ часовъ, потраченныхъ на перепряжку лошадей на 18-ти станціяхъ, по 20-ти верстъ въ часъ. Поразительно хорошо и быстро!

Когда при Богословскихъ заводахъ былъ выстроенъ еще и рельсопрокатный заводъ, съ котораго рельсы доставлялись для средне-сибирской желѣзной дороги, управленіе коей было въ Томскѣ, и была уже организована постоянная закупка въ Томской губерніи хлѣба для заводовъ, Богословскому горному округу пришлось увеличить свое пароходство до шести пароходовъ, которые всю навигацію рейсировали безостановочно, доставляя съ

[illegible]

[illegible]

[illegible] русскія, населяющія преимущественно южныя степныя и равнинныя части Томской губерніи, здоровый, рослый, красивый и зажиточный народъ, настолько въ совершенную противоположность имъ, остяки [illegible] всѣ [illegible] заражены самымъ злокачественнымъ сифилисомъ, малорослы, уродливы и бѣдны. Это племя сохранилось до сихъ поръ въ своей первобытной дикости, не поддающейся никакой культурѣ; занимая тундры, мѣстности, въ которыхъ хлѣбъ не родится, остяки ни хлѣбопашествомъ, ни скотоводствомъ не занимаются, а промышляютъ только рыбой, охотой на птицу и звѣря и пушниной, которые и составляютъ главные продукты ихъ продовольствія и даютъ имъ средства на пріобрѣтеніе необходимѣйшаго въ ихъ скудномъ домашнемъ обиходѣ. Въ р. Оби, не отравленной еще ни мазутомъ, котораго въ Сибири еще не знаютъ, ни отбросами разныхъ фабрикъ, которыхъ также еще нѣтъ, есть еще масса красной и бѣлой рыбы, служащей вмѣстѣ съ дикими уткой и гусемъ, въ огромныхъ массахъ гнѣздящихся въ этихъ дикихъ, не заселенныхъ мѣстахъ,—главнымъ продуктомъ продовольствія остяковъ. Рыбу они ловятъ различными способами круглый годъ и ѣдятъ ее: стерлядь, напримѣръ, охотнѣе всего живую, въ сыромъ видѣ; осетра—вяленаго, иногда слегка прокопченнаго; нельму, моксуна, тайменя и налима—свѣжими, солеными и вареными; сига, язя и другую мелкую рыбу сушатъ и вялятъ; лѣтомъ, во время навигаціи, они снабжаютъ проходящіе пароходы живыми осетрами, стерлядями и нельмой, которыхъ покупаютъ у нихъ, сравнительно, еще очень дешево. Весной, во время пролета и прилета мѣстныхъ породъ, остяки ловятъ и бьютъ массу дикихъ утокъ и гусей, которыхъ солятъ и заготовляютъ себѣ на зиму, какъ главную мясную пищу, такъ же, какъ и мясо лебедей, съ которыхъ сдираютъ шкурки и продаютъ ихъ всегда имѣющимся на каждомъ проходя-

щемъ пароходѣ скупщикамъ, забирающимъ отъ нихъ тоже пушнину (соболя, куницу, горностая, бѣлку, лисицу, выдру и колонка) и медвѣжьи, оленьи и волчьи шкуры. Эти же скупщики, въ свою очередь, продаютъ остякамъ: свинецъ, порохъ, винтовки, дешевую мануфактуру, соль, муку ржаную, кое-какія крупы и строжайше запрещенную водку, до которой остяки ужасно падки, и весьма часто остякъ, долго торгуясь и не уступая ни гроша деньгами, партію крупной живой стерляди, напримѣръ, въ нѣсколько десятковъ штукъ, за которую онъ просилъ съ пароходнаго буфетчика 5—6 рублей, или шкуру лисицы вдругъ отдаетъ за одну бутылку водки. Остяцкое нарѣчіе своеобразное, съ преобладаніемъ мычащихъ звуковъ, а въ общеніи съ русскими они говорятъ по-русски, но плохо.

Живутъ остяки небольшими поселками въ двѣ, три семьи по берегамъ р. Оби—зимой въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, въ виду весенняго половодья, а лѣтомъ непремѣнно переселяются въ шалаши изъ бересты. Какъ въ избушкахъ, такъ и въ шалашахъ грязь невообразимая, и кишатъ они всевозможными, самыми нечистоплотными насѣкомыми, какъ клопы, вши и блохи; всюду валяются рыбьи внутренности, кости и чешуя, никогда не убираемыя, издающія страшное зловоніе. Однимъ словомъ гигіеническія условія жизни этого племени ужасны, прямо таки невозможны, и ничего нѣтъ удивительнаго, что оно быстро вымираетъ и въ самомъ близкомъ будущемъ, конечно, совершенно исчезнетъ, о чемъ, впрочемъ, сожалѣть не приходится, потому что оно никакой пользы человѣчеству не приноситъ, и можно только приходить въ ужасъ, что въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка есть еще на землѣ люди, все-таки люди, живущіе и существующіе при такихъ страшныхъ условіяхъ и обстановкѣ жизни...

Въ 1891 году, въ маѣ и іюнѣ, Сибирь была осчастливлена проѣздомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, возвращавшагося изъ своего кругосвѣтнаго путешествія чрезъ Сибирь, которую онъ проѣхалъ на лошадяхъ всю, начиная отъ Владивостока.

Въ Томскѣ въ то время губернаторомъ былъ камергеръ Германъ Августовичъ Тобизенъ, нынѣ гофмейстеръ и харьковскій губернаторъ, которому Сибирь обязана тѣмъ, что она была спасена имъ отъ всемірнаго посрамленія. Дѣло въ томъ, что очень незадолго до проѣзда Наслѣдника-Цесаревича чрезъ Томскую губернію, Г. А. Тобизенъ узналъ, что сибирскій окружный жандармскій начальникъ, генералъ-майоръ Ник. Ив. Александровъ, проживавшій въ Томскѣ, но выѣхавшій встрѣчать высокаго путешественника въ Восточную Сибирь, настаиваетъ на томъ, чтобы Наслѣдникъ не заѣзжалъ въ Томскъ на сутки съ чѣмъ-то, какъ это предполагалось по маршруту, а миновалъ бы его, мотивируя это тѣмъ,

что студенты недавно открытаго Томскаго уневерситета очень неблагонадежны и, по имѣющимся будто бы у жандармовъ свѣдѣніямъ, затѣваютъ даже покушеніе на жизнь Цесаревича. Губернаторъ, возмущенный до глубины души такимъ неосновательнымъ образомъ дѣйствій жандармскаго генерала, убѣжденный и вполнѣ увѣренный въ полной благонадежности своей губерніи, города и даже студенчества, не могъ примириться съ мыслью допустить Наслѣдника русскаго престола миновать единственный университетскій городъ въ Сибири и не посѣтить самаго университета, открытаго всего три года тому назадъ; поэтому губернаторъ выѣхалъ встрѣчать Наслѣдника-Цесаревича далеко за предѣлы своей губерніи и въ г. Ачинскѣ, Енисейской губерніи, убѣдилъ князя Барятинскаго, сопровождавшаго Наслѣдника, не срамить на весь образованный міръ Томскій университетъ, да и всю Сибирь, миновавъ г. Томскъ, единственный университетскій городъ въ этой громадной странѣ, завѣривъ князя Барятинскаго въ полной безопасности высокаго гостя и принявъ на себя лично всю отвѣтственность.

Князь Барятинскій внялъ основательнымъ доводамъ Г. А. Тобизена, и Наслѣдникъ Цесаревичъ останавливался въ Томскѣ болѣе сутокъ, ночевалъ тамъ, посѣтилъ университетъ и его замѣчательную библіотеку, принялъ обѣдъ отъ города и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ завтракъ у губернатора. Погода все время вполнѣ благопріятствовала торжеству пріема г. Томскомъ Наслѣдника престола, народъ собирался огромными массами и всюду привѣтствовалъ его самымъ восторженнымъ ура, а мѣстные татары даже составили изъ себя конный эскортъ, всюду сопровождавшій его.

На обѣдѣ отъ города и на завтракѣ у губернатора я имѣлъ счастье дирижировать оркестромъ, при чемъ исполненіе одной изъ пьесъ особенно понравилось Государю Наслѣднику, и я съ оркестромъ были осчастливлены просьбой повторить ее.

Нужно отдать полную справедливость губернатору Герману Августовичу Тобизену, что онъ не только сумѣлъ должнымъ образомъ принять Наслѣдника престола, но и вообще сдѣлалъ очень много для Томска, который обязанъ ему и телефономъ, и электрическимъ освѣщеніемъ, и новымъ мостомъ чрезъ р. Ушайку, и замощеніемъ базарной площади, и новыми на ней лавками, и прекрасной пожарной командой. А его доступность и для всѣхъ одинаково ласковый и любезный пріемъ заставили всѣхъ искренно сожалѣть о его отъѣздѣ изъ Томска въ 1895 году, такъ какъ оставайся онъ еще, хоть нѣсколько лѣтъ, и Томскъ навѣрное былъ бы весь замощенъ, да и водопроводъ былъ бы устроенъ, а и то и другое такъ необходимы городу.. Съ отъѣздомъ же Г. А. Тобизена и назначеніемъ на его мѣсто генералъ-майора А. А.

Ломачевскаго, эти двѣ насущныя потребности благоустроеннаго города канули въ вѣчность...

Въ предыдущей главѣ я уже упомнналъ, что губернаторъ И. И. Красовскій привлекъ меня къ дѣятельности при Томскомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, что я посвящалъ всѣ свои досуги служенію этому благороднѣйшему и столь любимому мною музыкальному искусству и теперь долженъ сказать, хоть вкратцѣ, къ чему была направлена и стремилась наша дѣятельность. Говорю—наша, потому что давно извѣстно, что «одинъ въ полѣ не воинъ», и потому, съ пріѣздомъ въ Томскъ, въ 1885 году, новыхъ музыкальныхъ силъ, въ лицѣ правителя канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа, молодого Григорія Севериновича Томашинскаго, и его юной супруги, Камиллы Ивановны, мы втроемъ, одинаково одушевленные любовью къ музыкѣ, дружно сплотились и принялись со всей энергіей и настойчивостью пропагандировать хорошую музыку и развивать вкусъ и любовь къ ней въ этой далекой окраинѣ, про которую не даромъ говорятъ: «куда Макаръ телятъ не загонялъ», и «куда воронъ костей не заносилъ».

Молодые супруги Томашинскіе были, конечно, выбраны въ дирекцію Томскаго отдѣленія, и вотъ, подъ предсѣдательствомъ очаровательной Камиллы Ивановны, плѣнившей всѣхъ своимъ свѣжимъ, сильнымъ голосомъ, жизнерадостностью и привѣтливостью, при отдѣленіи сейчасъ же сформировался значительный хоръ любителей, который очень охотно и аккуратно собирался на спѣвки и, подъ руководствомъ нашимъ, довольно быстро подготовлялся къ публичному исполненію; я принялъ на себя устройство и руководительство оркестромъ, съ которымъ дѣло шло гораздо упорнѣе, такъ какъ онъ собранъ былъ, что называется, «съ борку да сосенки» и состоявшій исключительно изъ евреевъ самоучекъ; добиться съ нимъ исполненія мало-мальски порядочнаго и сноснаго было очень трудно. Тѣмъ не менѣе мы не унывали, работали много, работали настойчиво и приступили къ правильнымъ симфоническимъ собраніямъ и даже устраивали оперные спектакли; но довольствоваться одной публичной, концертной дѣятельностью мы не могли, и всѣ наши заботы сводились главнымъ образомъ къ созданію средствъ, необходимыхъ для осуществленія нашей мечты и самой существенной задачи общества — открытія музыкальной школы, которая дала бы возможность желающимъ получить правильное и серьезное музыкальное образованіе.

И въ этомъ направленіи наша настойчивая дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ; благодаря собраннымъ исключительно нами троими, особенно Григ. Сев. Томашинскимъ, частнымъ пожертвованіямъ, достигшимъ болѣе десятка тысячъ рублей, намъ удалось 7-го февраля 1893 года открыть Томскіе музыкальные классы,

сначала при одномъ классѣ игры на скрипкѣ, всего при 8-ми ученикахъ, а въ мартѣ еще и при классѣ игры на рояли при 11-ти ученикахъ и ученицахъ; я же былъ единогласно избранъ первымъ директоромъ классовъ. Насколько была велика потребность въ музыкальной школѣ въ Томскѣ, и насколько она сразу заслужила симпатіи и довѣріе къ себѣ не только мѣстнаго, но и иногородняго общества, ясно видно изъ того быстраго и постояннаго роста и развитія ея, какъ въ количествѣ учениковъ, прибывавшихъ въ томскіе музыкальные классы даже изъ Тобольска, Омска, Красноярска и Иркутска, такъ и въ увеличеніи числа преподавателей. Открытые въ февралѣ 1893 года при 8-ми всего ученикахъ и одномъ преподавателѣ, Томскіе музыкальные классы къ 1-му января 1898 года насчитывали уже 120 учениковъ и ученицъ, при 6-ти преподавателяхъ, обладавшихъ музыкально-образовательными цензами.

Конечно, супругамъ Томашинскимъ и мнѣ пришлось перенесть и пережить много непріятностей, инсинуацій, клеветы и сплетенъ, столь присущихъ провинціальному обществу, но мы не унывали, твердо и увѣренно шли къ намѣченной цѣли, и если намъ, по независящимъ отъ насъ причинамъ, и пришлось оставить Томскіе музыкальные классы, если они по уходѣ и отъѣздѣ нашемъ и пришли теперь въ упадокъ, то у насъ есть все-таки утѣшеніе въ томъ, что мы добросовѣстно исполнили свой долгъ по отношенію къ нимъ и настолько крѣпко привили ихъ въ Томскѣ, что развалить ихъ совсѣмъ нѣтъ уже никакой возможности, и что явятся же опять достойные, любящіе это дѣло, энергичные дѣятели, которые опять поднимутъ ихъ на должную высоту, такъ что современемъ изъ скромныхъ Томскихъ музыкальныхъ классовъ образуется все-таки Сибирская консерваторія...

Еще въ 1892 году дирекція Томскаго отдѣленія начала чрезъ главную дирекцію въ Петербургѣ хлопотать объ усиленіи средствъ для проектируемыхъ музыкальныхъ классовъ правительственной субсидіей, но до 1894 года ходатайство это успѣха не имѣло и удовлетворено не было. Только въ январѣ 1894 года мнѣ удалось въ бытность мою въ Петербургѣ по дѣламъ пароходства Богословскаго горнаго округа лично возобновить это ходатайство и добиться должнаго результата. Вице-президентомъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества былъ тогда членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Ивановичъ Стояновскій, который принялъ меня очень любезно и обѣщалъ на другой же день представить ходатайство дирекціи Томскаго отдѣленія на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ и для дальнѣйшаго представленія его на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Желая воспользоваться помощью и содѣйствіемъ для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ пребываніемъ въ Петербургѣ и томскаго

губернатора Г. А. Тобизена, я черезъ день отправился къ Н. И. Стояновскому за справкой, послано ли представленіе министру внутреннихъ дѣлъ. Оказалось, что добрѣйшій Николай Ивановичъ забылъ о данномъ имъ обѣщаніи и подтвердилъ, что назавтра непремѣнно это сдѣлаетъ; и я имѣлъ терпѣніе и нахальство десять дней къ ряду, аккуратно въ 11 часовъ утра являться къ его высокопревосходительству за справкой. Вѣроятно, ему страшно надоѣло принимать меня каждый день, но это имѣло все-таки должное дѣйствіе и, когда на одиннадцатый день утромъ Н. И. Стояновскому вновь доложили о моемъ приходѣ, онъ вошелъ ко мнѣ съ клочкомъ бумаги въ рукахъ и, не приглашая меня больше къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ:

— Вотъ вамъ справка, за какимъ нумеромъ представленіе о ежегодной субсидіи Томскимъ музыкальнымъ классамъ послано вчера министру внутреннихъ дѣлъ.

— Очень благодаренъ вашему высокопревосходительству,—обрадовался я.—Осмѣливаюсь успокоить васъ, что больше вы не увидите моей столь докучившей вамъ персоны.

Съ полученной справкой въ карманѣ я полетѣлъ сейчасъ же къ нашему губернатору, любезно принявшему на себя дальнѣйшія хлопоты у министра внутреннихъ дѣлъ, который отнесся къ дѣлу очень сочувственно, не задержалъ его, и оно въ весеннюю еще сессію попало на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Въ результатѣ Томскіе музыкальные классы Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества получаютъ съ 1894 года ежегодную правительственную субсидію въ размѣрѣ двухъ тысячъ рублей; этимъ само правительство какъ бы признало ихъ заслуживающими такой поддержки и поощренія, и съ тѣхъ поръ они поставлены нами, т.-е. супругами Томашинскими и мною, на твердую и прочную почву.

Въ этотъ же мой пріѣздъ въ Петербургъ я имѣлъ счастье 1-го января 1894 года посѣтить Антона Григорьевича Рубинштейна и на другой день (2-го января) присутствовать на его благотворительномъ концертѣ, бывшемъ, къ великому несчастью, и его послѣднимъ концертомъ въ Россіи, такъ какъ 3-го января онъ выѣхалъ за границу, а 8-го ноября того же 1894 г., вскорѣ по возвращеніи въ Петергофъ, этого геніальнаго піаниста не стало.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я это послѣднее посѣщеніе мною Антона Григорьевича и то отрадное впечатлѣніе, которое я вынесъ отъ него. Когда я вошелъ въ занятый Рубинштейномъ довольно обширный номеръ Европейской гостиницы, я засталъ тамъ уже много лицъ изъ петербургскаго музыкальнаго міра, пріѣхавшихъ тоже поздравить его съ новымъ годомъ. Антонъ Григорьевичъ, съ которымъ я лично былъ мало знакомъ, зная, что я пропагандирую хорошую музыку въ отдаленной Сибири,

гдѣ устроилъ и первую правильно организованную музыкальную школу, принялъ меня буквально съ распростертыми объятіями; усадилъ сейчасъ же рядомъ съ собой и, не обращая никакого вниманія на остальныхъ присутствовавшихъ (какъ будто это и ихъ всѣхъ должно было непремѣнно интересовать), сталъ подробнѣйше разспрашивать меня о Сибири вообще и о Томскѣ въ частности.

Когда, между прочимъ, говоря о тамошнемъ очень маломъ музыкальнымъ развитіи, о трудности устройства тамъ симфоническихъ собраній, я сказалъ ему:

— А знаете, Антонъ Григорьевичъ, я, можетъ быть, профанирую искусство, можетъ быть, совершаю даже музыкальное преступленіе, но успѣхъ мое преступленіе имѣетъ безспорный.

— Что такое?—съ интересомъ перебилъ меня Рубинштейнъ.

— Для болѣе удобнаго и легкаго пониманія и ознакомленія публики съ геніемъ Бетховена, когда симфоніи его еще трудны для исполненія мѣстнымъ миверным ъ оркестромъ и для пониманія ихъ мѣстной мало образованной музыкально публикой, я оркеструю его фортепіанныя сонаты, изъ которыхъ многія, право же, такъ и просятся въ оркестръ, и исполняю ихъ въ симфоническихъ собраніяхъ, а публика ихъ слушаетъ охотно, потому что онѣ короче симфоній, болѣе знакомы и понятнѣе ей...

— А какія сонаты оркестровали вы и дерзали исполнять публично?—спросилъ меня Рубинштейнъ какъ будто строго, но улыбаясь при этомъ своей привѣтливой улыбкой.

— Въ первую голову исполнялась C—mol соната-патетикъ,—отвѣчалъ я воодушевляясь.—И представьте себѣ—начали биссировать съ перваго же Grave?!...

Антонъ Григорьевичъ молчитъ и начинаетъ хмуриться.

Но я не унываю и продолжаю, воодушевляясь все больше.

— Въ слѣдующемъ симфоническомъ собраніи игралъ F—mol сонату № 1; финалъ prestissimo, съ его совершенно русской темой, напоминающей пѣсню: «ты ступай, коровушка, домой», вызвалъ просто громъ рукоплесканій!...

Антонъ Григорьевичъ бросился обнимать и цѣловать меня:

— Да вы просто геніальный человѣкъ!.. И какъ только мнѣ, старому дураку, никогда такая счастливая мысль въ голову не приходила?! Нѣтъ, вы—молодчина!.. Вотъ Сонечка,—обратился Рубинштейнъ къ С. А. Малоземовой,—ты все плачешь, что нѣтъ поля для полезной дѣятельности?!.. Ступай работать въ школу вотъ къ этому піонеру, который работаетъ, трудится у чорта на куличкахъ, да еще на невоздѣланной почвѣ, такъ туго поддающейся музыкальному плугу!.. Нѣтъ, вы—положительно настоящій піонеръ-молодчина!..—и Антонъ Григорьевичъ опять обнялъ и поцѣловалъ меня.

Упомянулъ я объ этомъ лестномъ для меня эпизодѣ, какъ весьма характерномъ для такой выдающейся, крупной личности,

какъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, такъ и потому еще, что указаніе на оркестровое исполненіе фортепіанныхъ сонатъ Бетховена можетъ вызвать подражателей и принести большую пользу тѣмъ музыкальнымъ дѣятелямъ, которымъ волею судебъ приходится работать и пропагандировать хорошую музыку въ отдаленныхъ отъ музыкальныхъ центровъ мѣстностяхъ, среди публики, еще не образованной и мало развитой музыкально и со слабыми оркестровыми силами. Весьма многія изъ фортепіанныхъ сонатъ и другихъ произведеній Гайдна, Моцарта и въ особенности Бетховена такъ и просятся въ оркестръ, въ исполненіи коего онѣ могутъ только выиграть и производить во всякомъ случаѣ болѣе сильное впечатлѣніе на слушателя, чѣмъ незавидное брянчаніе ихъ на рояли любителями-диллетантами.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ сонатъ Бетховена, могу еще указать на сонату-фантазію (C—mol, № 18) Моцарта, на Rondo-Cappricioso (E—mol)—Мендельсона-Бартольди, которыя при маломальски умѣлой оркестровкѣ звучатъ въ оркестрѣ превосходно, не трудны къ исполненію и производятъ очень сильное впечатлѣніе; а сонаты Бетховена—да онѣ почти всѣ легко поддаются оркестровкѣ и должны, конечно, поражать слушателя своей геніальностью...

Въ 1900 году осенью мнѣ пришлось совсѣмъ уѣхать изъ Томска и переселиться опять въ Европейскую Россію. Много горя и страданій, волненій и незаслуженной клеветы пришлось мнѣ пережить въ Сибири и ея Москвѣ—Томскѣ (сибиряки называютъ Иркутскъ—Сибирскимъ Петербургомъ, а Томскъ—Сибирской Москвой), за шестнадцатилѣтнее пребываніе мое тамъ; но тамъ же я пережилъ и перечувствовалъ такъ много пріятнаго и возвышающаго душу человѣческую и человѣческое достоинство, что сознаніе принесенной мною пользы музыкальному искусству и пароходству Богословскаго горнаго округа заставляетъ меня забывать непріятности и невзгоды, а воспоминанія объ искренно бывшихъ расположенными ко мнѣ ученицахъ, ученикахъ и преподавателяхъ созданной мною музыкальной школы и о многочисленныхъ моихъ бывшихъ сослуживцахъ и подчиненныхъ по пароходству всегда будутъ для меня самыми отрадными и пріятными въ моей жизни.

На этомъ кончаю пока свои воспоминанія.

Андрей Ауэрбахъ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ПРОКУРОРЪ [1].

XII.

ФАКТОРЪ Мендель затрясся отъ радости, возвращаясь бѣгомъ изъ театра. По улицамъ все тянулись возки и сани съ помѣщиками. Дворъ Карташова былъ переполненъ. Мендель бросился, поднявъ фалды своего лапсердака, къ господамъ и кричалъ:

— Есть превосходная квартира за очень дешево!

— Пошелъ прочь, мы остановимся у Карташова.

— Когда же у Карташова все занято!?

Ему удалось пристроить нѣсколько семействъ. Самъ онъ не зналъ, гдѣ отдаются квартиры на такое короткое время. Но смѣло указывалъ на первый домъ, вбѣгалъ въ него впопыхахъ, предлагалъ большія деньги, и, если не соглашались, онъ лѣзъ въ другой домъ. Полтинники летѣли въ его карманъ. Онъ сбѣгалъ въ Жидовскую Буду и привлекъ къ дѣлу сына и племянника. Вмѣстѣ съ ними онъ караулилъ у воротъ Карташовскаго двора и подъѣзжавшимъ экипажамъ навязывалъ свои услуги и размѣщалъ пріѣзжихъ.

Помѣщики говорили:

— Однако, что бы мы дѣлали безъ жида?.

Мендель, весь вспотѣвшій, но широко улыбающійся, пришелъ къ актерамъ. Они тоже были утомлены и всей труппой собрались за позднимъ обѣдомъ. Имъ пришлось стѣсниться въ одной комнатѣ съ перегородкой: у Карташова были заняты постояльцами даже кухни, а прислуга принуждена была спать въ возкахъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 432.

— Не хочешь ли съѣсть ушко поросенка? — предложилъ Менделю хриплый трагикъ.

— Благодарю васъ, я не кушаю.

— Ну, такъ я самъ съѣмъ.

— Кушайте себѣ на здоровье.

— А знаете ли, высокоуважаемый господинъ Звѣздичъ, какой глупый думка пришелъ мнѣ въ голову?!

Антрепренеръ оторвалъ взглядъ отъ головы поросенка, которую онъ хотѣлъ взять.

— Глупая думка?

— Высокоуважаемый и милостивый господинъ, построимъ огромадныя мѣста для публики на Круглой площади, а?

— Для чего?

— Для того, чтобы сіятельные господа сидѣли на нихъ.

— И?

— И смотрѣли бы себѣ.

— На что?

— На то, какъ будутъ катовать Сашку Ястребова.

— Во-первыхъ, уже вечеръ.

— Что же изъ того, что вечеръ? Можно дать плотникамъ двойную плату, а лѣсу сколько угодно на Круглой площади на дворѣ у купца Тарантулова.

— Во-вторыхъ, кто тебѣ разрѣшитъ?

— Объ этомъ не безпокойтесь—чего не сдѣлаютъ деньги!

— Въ-третьихъ, стоитъ ли шкурка выдѣлки?

— Какъ же не стоитъ: за шкурку Сашки Ястребова, вы думаете, никто не дастъ двадцати пяти рублей?

— Въ-четвертыхъ и въ-тринадцатыхъ, ты христопродавецъ, и тебѣ можно смѣшивать святое искусство съ гнуснымъ предпріятіемъ, но, пархъ, счастливъ твой Богъ, что я обѣдаю!

— Успокойся, Саша,—сказала комическая старуха.

— Не хотите?

— Вонъ!

— Хорошо, я пойду вонъ.

Мендель выскочилъ, какъ угорѣлый.

Глупая думка такъ захватила его, что онъ немедленно побѣжалъ въ канцелярію помощника пристава и въ нѣсколько минутъ поладилъ съ письмоводителемъ. Тарантуловъ отпустилъ въ кредитъ досокъ и столбовъ. Всю ночь работала артель, и къ утру былъ готовъ амфитеатръ, невиданный еще въ посадѣ. Онъ былъ не великъ, всего въ два ряда и въ двадцать ложъ. Ковры, взятые у помѣщиковъ, разобравшихъ по высокой цѣнѣ почти всѣ ложи, украшали амфитеатръ, хитро воздвигнутый Менделемъ такимъ образомъ, что загорожены были окна въ двухъ лучшихъ домахъ, ближайшихъ къ эшафоту. Кто разсчитывалъ смотрѣть изъ оконъ, долженъ былъ взять оставшіяся свободными ложи.

Мендель потиралъ руки.

Но и Звѣздичъ не унывалъ. Онъ не сомнѣвался, что драма Виктора Гюго «Бургравы» привлечетъ всю съѣхавшуюся въ посадъ избранную публику.

XIII.

Становой любилъ весело пожить. Онъ уговорилъ двухъ богатыхъ купцовъ сложиться, и на скорую руку въ его залѣ былъ устроенъ вечеръ съ танцами и съ ужиномъ. Приглашены были пріѣзжіе помѣщики съ семействами; дѣлать имъ было нечего. Становому было пріятно и полезно поддерживать добрыя отношенія съ помѣщиками, а купцы-фабриканты тѣмъ болѣе нуждались въ нихъ: помѣщики поставляли на фабрики рабочихъ.

Гостей собралось къ становому множество. Были зажжены стѣнники изъ штампованной бронзы и такая же люстра. Въ спальнѣ стали играть въ карты. Пришли жидки съ инструментами, и начались польки и вальсы.

Генералъ Ендерскій все подводилъ къ внучкѣ кавалеровъ. Онъ самъ съ удовольствіемъ пустился бы въ плясъ, если бы у него не была вставлена пробка въ правое бедро. Его стѣсняла также челюсть, которая могла отвалиться. Но голосъ его не умолкалъ, и онъ старался перекричать обѣ скрипки, кларнетъ и контрабасъ.

— Жалѣю, государи мои,—говорилъ генералъ:—что Сашка Ястребовъ не нарвался на меня. Положимъ, я для крестьянъ, что отецъ родной! Моя дворня поваживала вотъ какія морды, чуть не лопаются отъ жира. Негодяй былъ справедливъ... Но если бы онъ забрался ко мнѣ,—живымъ не ушелъ бы. Я, государи мои, османовъ колотилъ, я съ магометанами дрался, я съ турками воевалъ. Они моего одного вида трепетали. Бывало, я только выѣду на конѣ,—а они удирать. Говорятъ, они моихъ глазъ не выносили. Я двадцать семь побѣдъ одержалъ. Помню, засѣли мы въ траншеяхъ. Сидимъ, а дождь, какъ изъ ведра. Того глядимъ, поплывемъ. Только я и говорю своему ординарцу: «что это, братецъ, такія крупныя капли падаютъ? Никогда отродясь такихъ крупныхъ капель раньше не видывалъ».—«А эсто, говоритъ, ваше псство, пули». И дѣйствительно, смотрю—пуля... Суворовъ же блаженныя памяти всегда говаривалъ: пуля дура... хе-хе-хе...

— Ваше превосходительство, позвольте вамъ разсказать о Сашкѣ Ястребовѣ,—томно началъ полный, мучнистый съ жирной женской грудью помѣщикъ Черноусовъ, весь обвѣшанный сердоликовыми печатками и въ бѣлыхъ воротничкахъ, выступавшихъ изъ-за высокой черной косынки, какъ два полулунія.—Вы говорите, ваше—превосходительство, что жаль, а я наоборотъ жалѣю, что имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ нимъ. Да-съ. Вотъ, какъ и теперь, собрались мы у Малокуцкихъ. Я съ покойной женой пріѣхалъ. Домъ

у нихъ старинный, низенькій и подъ соломенной крышей. Хорошо. Прекрасно. Помню, ну, вотъ именно, какъ теперь, подавали оршадъ. Я взялъ и пью-съ, потому что меня всегда жажда томитъ,—нѣжно пояснилъ онъ и сладко улыбнулся.—Глянулъ я въ окно, а за окномъ физіономія, упаси Боже какая! Глазища, усища и ручища. Ну, и бородища. Думаю, мужикъ любопытствуетъ на господъ. Нарочно подошелъ къ другому окну-съ: допиваю оршадъ. Глядь,—а и тамъ физіономія. Я къ третьему окну—двѣ физіономіи-съ. Не успѣлъ я сообразить, что̀ бы это означало, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ физіономіяхъ одинаковыя барашковыя шапки, какъ на ополченцахъ,—какъ самъ Малокуцкій, бѣлый, вотъ какъ именно оршадъ, подходитъ ко мнѣ, беретъ подъ руку и шепчетъ: не хотѣлъ бы, говоритъ, огорчать гостей и нарушать ихъ мирное веселье, но, кажется, говоритъ, сейчасъ войдетъ Сашка Ястребовъ.

— Сашка Ястребовъ?—вскричали гости, окружившіе разсказчика.

— А надо вамъ замѣтить,—продолжалъ Черноусовъ:—что передъ тѣмъ у графа Лунковскаго разбойники перерыли весь домъ въ поискахъ за деньгами и ничего, разумѣется, не нашли-съ, потому что деньги, которыя надо было везти въ опекунскій совѣтъ, графъ отдалъ мнѣ на сохраненіе. Ну-съ, когда Малокуцкій сказалъ мнѣ про Сашку Ястребова, у меня руки и опустились. Узналъ, думаю, плутъ, и теперь онъ мнѣ задастъ. Ради Бога, говорю, моя жена въ интересномъ положеніи. Спрячь насъ куда нибудь, пока не поздно. А онъ шутитъ: «въ картофельную яму я тебя спрячу, что ли?»—Я хоть стаканъ въ рукѣ держу и оршадъ пью, но стекло такъ по зубамъ и колотитъ. Хорошо. Отлично. Подзываю къ себѣ покойницу. Между тѣмъ она не понимаетъ моихъ знаковъ и, полагая, что я потчую ее оршадомъ, отрицаетъ головой. Признаться, не любила она оршада, и кое въ чемъ мы не сходились съ нею вкусомъ, Господь ей судья. Какъ разъ подлетѣлъ къ ней ротмистръ Яропко и сталъ говорить какой-то вздоръ. Я къ Малокуцкому, а его и слѣдъ простылъ. Я въ лакейскую, и вотъ, какъ именно теперь, сталкиваюсь лицомъ къ лицу съ самимъ Сашкой.

— А вы его знавали раньше?—спросилъ генералъ.

— Избави Богъ. Но глазища, и носище, и плечища вотъ! Я какъ взглянулъ на него—и бацъ на полъ. Сознаніе потерялъ. Потомъ ужъ мнѣ покойница разсказала, что было. Да-съ.

— А что же дѣлалъ онъ у Малокуцкихъ?

— Представьте, ничего особеннаго. Былъ даже галантереенъ. Взялъ только у Малокуцкаго сто рублей да приказалъ накормить свою шайку. Былъ недоволенъ, что его испугались. Совсѣмъ какъ губернаторъ. Такъ-то такъ. Но у меня голова потомъ долго тряс-

лась. Разъ пѣтухъ взлетѣлъ на подоконникъ, и я тоже брякнулъ въ обморокъ—до того разстроился. Человѣкъ, дай-ка мнѣ еще стаканчикъ оршаду.

— Это что же?—началъ помѣщикъ въ коричневомъ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ, лѣтъ пятидесяти съ громадной лысиной.—А вотъ какъ Сашка Ястребовъ ко мнѣ на свѣтлый праздникъ пріѣхалъ разговляться, такъ я вамъ скажу мое почтеніе! Сдѣлали мы, какъ водится, пасхальный столъ, напекли разныхъ этихъ бабъ и ждемъ, что пріѣдетъ священникъ по обычаю. У меня дочь институтка, которая теперь замужъ вышла за старшаго графа Лунковскаго, и два сына—пажъ и кавалергардъ, только что изъ Петербурга. Гостили у насъ еще двѣ барышни. Ну, само собою разумѣется, молодые люди веселы, и отъ того, что у поросенка хрѣнъ въ зубахъ, и отъ того, что на дворѣ дождикъ, и отъ того, что отецъ зѣваетъ. Время летѣло незамѣтно, а заведенъ такой порядокъ въ нашемъ домѣ еще отцомъ, что сейчасъ послѣ заутрени попъ пріѣзжаетъ пасху святить къ намъ первымъ, а затѣмъ уже святить мужицкія пасхи. Посматриваю я на часы: что, думаю, такъ долго нѣтъ попа? Часъ прошелъ—нѣтъ. Ужъ не случилось ли чего съ попомъ? Хотѣлъ послать человѣка, какъ вдругъ залаяли собаки, и во дворъ въѣхала поповская нетычанка. Слава Богу! Хотѣлъ я все-таки наброситься на попа, а онъ ужъ и самъ какъ въ воду опущенный, и лица на немъ нѣтъ. Голосъ дрожитъ. Извините, говоритъ, Корнилій Исаичъ, что я пріѣхалъ не одинъ, а съ гостемъ—проѣздомъ и онъ пожелалъ разговѣться. А гость ужъ раздѣлся въ передней и стоитъ на порогѣ. Высокій такой и прямой. Глаза сѣрые, а горятъ, какъ фонари. Одѣтъ скромно и вмѣстѣ богато, и руки у подлеца бѣлыя и холеныя. Дворянинъ, положительно дворянинъ. Очень пріятно, говорю. А гдѣ же ваши лошади и люди, и куда изволите путь держать? А лошади, говоритъ, мои и люди сейчасъ сюда придутъ, а я впередъ съ отцомъ Дорофеемъ... Путь же я держу въ Щербиновцы... Позвольте представиться: Ястребовъ. Но какое затменіе на меня нашло! Онъ ясно сказалъ—Ястребовъ, а я и подумать не посмѣлъ, что предо мною извѣстный разбойникъ. Что жъ, Ястребовъ можетъ быть дворянская фамилія; есть же дворяне: Коршуновы, Вороновы, Воробьевы, и отчего не быть Ястребовымъ? Познакомилъ его съ сыновьями, представилъ дочери, вышла моя старуха. Попъ сотворилъ молитву и окропилъ столъ. Похристосовались мы и стали разговляться. «А вы,—говоритъ,—не сердитесь на меня Корнилій Саичъ, что я задержалъ вашего попика».—Какъ такъ, спрашиваю?—«А я,—говоритъ,—отмѣнилъ вашъ стѣснительный обычай сначала ѣхать къ помѣщику, а потомъ святить крестьянскія пасхи, тѣмъ болѣе, что дождь идетъ».—Но какъ же, говорю, по какому праву?—спрашиваю съ удивленіемъ. А онъ смотритъ мнѣ въ лицо и этакъ улыбается. Развѣ, говоритъ, я не на-

звалъ вамъ себя? Наконецъ, меня осѣнило. Неужели говорю? Честное слово, отвѣчаетъ.— Не безпокойтесь, говоритъ, я вамъ никакого вреда не сдѣлаю, если вы не станете шумѣть и рисковать своимъ милымъ семействомъ. Сыновья—ваша надежда, а дочь такая прелесть, что мнѣ было бы жаль, если бы мои дикари обидѣли ее».— Что же, говорю, вамъ нужно?

— Немного, пятьсотъ рублей,—отвѣчаетъ.

Ну, я поторговался съ нимъ и далъ триста. Онъ повѣрилъ, что у меня больше нѣтъ. Сыновьямъ я ужъ разсказалъ, когда онъ уѣхалъ. И они вотъ какъ храбрились. Но мнѣ кажется, ваше превосходительство, что я поступилъ бла-а-агоразумно.

— Вы поступили, какъ штатскій, да будетъ вамъ хорошо!—вскричалъ генералъ и поправилъ челюсть.

Музыка гудѣла и завывала. Пыль столбомъ поднимали дамы, стучали каблуки кавалеровъ. Александринъ и Катишъ одержали нѣсколько «побѣдъ». А въ углу, гдѣ стояла кучка мужчинъ, все продолжались разсказы о Сашкѣ Ястребовѣ. Никто не похвастался, однако, болѣе близкимъ съ нимъ знакомствомъ.

Разбойникъ бывалъ великодушенъ и бывалъ несправедливъ.

Онъ врывался въ усадьбы и разстраивалъ насильственные браки.

Хоть Бороздневичъ и увѣряетъ, что онъ самъ отпустилъ на волю своего Юрка—извѣстнаго художника, проживающаго теперь въ губернскомъ городѣ и дѣлающаго портреты дворянъ, но разсказъ о вмѣшательствѣ въ эту исторію Сашки Ястребова гораздо вѣрнѣе. Онъ пріѣхалъ подъ видомъ купца, торгующаго лѣсомъ, заперся съ бариномъ въ боковой комнаткѣ, долго говорилъ съ нимъ и, наконецъ, тотъ вышелъ, позвалъ къ себѣ Юрка и объявилъ ему, чтобы онъ сейчасъ же ѣхалъ въ уѣздный судъ за полученіемъ формальной отпускной.

Такое вмѣшательство разбойника въ помѣщичьи дѣла многихъ возмутило. Хорошо—среди присутствующихъ нѣтъ лично пострадавшихъ отъ разбойника. Но стоитъ вспомнить Каницкаго, котораго Сашка опозорилъ на всю жизнь и отнялъ у него жену; Варваренковыхъ, которые были утоплены по его приказанію, по жалобѣ дворовой дѣвчонки; священника о. Серафима, котораго онъ запрягъ вмѣстѣ съ дьякономъ, дьячкомъ и понамаремъ и каталъ на нихъ по селу Рогожному крестьянскихъ ребятъ... Мало ли другихъ ужасовъ!

— Вы изволите, ваше превосходительство, какъ бы скорбѣть о томъ, что Сашка Ястребовъ не попался вамъ живымъ въ руки,— началъ помѣщикъ, до тѣхъ поръ хранившій молчаніе и весьма ехидно улыбавшійся своимъ желтымъ длинноносымъ лицомъ, дѣлавшимъ его похожимъ на какую-то птицу (кстати, онъ былъ въ круглыхъ темно-зеленыхъ очкахъ),—и я васъ понимаю, и сердечно сочувствую вамъ.

— Да, ужъ я бы...

— Точно такъ, ваше превосходительство: у васъ даже двѣ пушечки имѣются у воротъ усадьбы, для отстрѣливанія отъ непріятеля. Вы, безъ сомнѣнія, что называется, содрали бы съ него шкуру. Но, вѣдь, замѣтьте, онъ къ вамъ и не посмѣлъ явиться. Онъ ни разу къ вамъ не заглянулъ. Конечно, вы, какъ и многіе изъ насъ, полагаю даже, что всѣ, обращаетесь и всегда обращались съ вашими подданными человѣколюбиво... Для этого негодяя было рѣшительно все равно, какъ вы обращаетесь съ крестьянами, и если не было предлога, онъ выдумывалъ и изобрѣталъ... Важнѣе всего была для него справка о слабости и беззащитности помѣщика... Прошу прислушать: на усадьбы такихъ магнатовъ, какъ Гудовичи, или графъ Завадовскій, или князь Волхонскій, онъ и покушенія не дѣлалъ. Въ открытый бой онъ ни разу не вступалъ, а все исподтишка съ подлымъ расчетомъ на безнаказанность... Ахъ, слушалъ я похвалы великодушію разбойника... Помилуйте! Имъ руководило одно желаніе показать себя да сорвать злость на благородной крови, къ которой у него проявлялась врожденная ненависть зазнавшагося холопа!

— Правы-съ,—томно прознесъ Черноусовъ и томно очистилъ носъ фуляровымъ платкомъ.—Вамъ живое доказательство, что не слѣдуетъ давать воспитанія такимъ дѣтямъ. У моего кузена Бороздневича,—захихикавъ, добавилъ онъ:—полъ-деревни обратилось бы въ разбойниковъ, если бы онъ вздумалъ сельско-хозяйственныя цѣли свои принести въ жертву родительскимъ сентиментамъ.

— Но вѣдь и у васъ этихъ разбойниковъ чуть не цѣлый полкъ,—съ страшной и вмѣстѣ веселой улыбкой на мертвомъ лицѣ промолвилъ суворовскій генералъ и локтемъ толкнулъ въ бокъ Черноусова.

Томный помѣщикъ не нашелъ нужнымъ подтвердить предположенія генерала и, втянувъ въ себя воздухъ, чуть слышно только произнесъ съ искренней набожностью:

— «О Господи, буди милостивъ мнѣ, грѣшному!» — зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

Публика разступилась. Становой въ пятой фигурѣ кадрили выдѣлывалъ замысловатыя па. Онъ прыгалъ на одной ногѣ, а другою махалъ, вдругъ присѣлъ, завертѣлся, какъ волчекъ, и началъ трепака.

Всѣмъ была извѣстна слабость станового къ пятой фигурѣ, когда онъ съ радостнымъ крикомъ: соло!—принимался выкидывать руками и ногами эквилибристическія штуки, которыя считалъ свѣтскими и граціозными тѣлодвиженіями.

Разговоры притихли, и на станового смотрѣли со всѣхъ сторонъ.

Къ тому же онъ былъ героемъ минуты вдвойнѣ: и какъ танцоръ, и какъ полицейскій, которому удалось поймать Сашку Ястребова.

Онъ самъ происходилъ изъ мѣстныхъ дворянъ, чувствовалъ свою связь съ уѣздомъ, сознавалъ значеніе услуги, которую оказалъ родинѣ, и ему казалось необходимымъ продлить танецъ и выкинуть какое нибудь еще небывалое колѣно.

Но когда общее вниманіе напряглось, и слышался только стукъ лакированныхъ сапожекъ станового, да какой-то плутовской звонъ струнъ въ союзѣ съ острой трелью кларнета,—съ громкимъ стукомъ упалъ на землю изразецъ печки, а на противоположной стѣнѣ брякнулъ и завертѣлся штампованный стѣнникъ. Изъ окна внезапно подуло рѣзкимъ холодомъ.

— Что случилось?

— Пуля ударила въ окно.

Всѣ замерли.

Теперь послышался выстрѣлъ, была послана другая пуля, но она ужъ не угодила въ танцовальную залу.

Потомъ она была найдена въ штукатуркѣ наружной стѣны.

XIV.

Гости разъѣхались. На постояломъ дворѣ Карташова всю ночь ходили лакеи и кучера съ фонарями и колотили въ доски. У Пелагеи Николаевны стала болѣть голова, и въ порывѣ отчаянія она дала слово Александринѣ и Катишь пересѣчь всѣхъ комнатныхъ дѣвченокъ, какъ только возвратится домой. Управляющій выглянулъ изъ-за перегородки съ самымъ скорбнымъ выраженіемъ. Были причины, по которымъ Пелагея Николаевна никогда не разставалась съ Никандромъ Яковлевичемъ, а онъ считалъ своей обязанностью выражать ей сочувствіе и любовную преданность. Но увидѣвъ его, Пелагея Николаевна прибавила: «А Никандру Яковлевичу первому всыплю!» Управляющій сейчасъ же скрылся на цыпочкахъ. Было ясно, что здоровье Пелагеи Николаевны требуетъ жертвъ.

Спалъ только и грозно храпѣлъ суворовскій генералъ. Храпъ его былъ густой и слышенъ былъ за двѣ перегородки.

Черноусовъ пробовалъ заснуть при содѣйствіи дѣвки, прозванной «неусыпущей» и замѣчательно умѣвшей чесать пятки. Но пальцы ея съ возрастомъ огрубѣли—помѣщикъ толкнулъ ее пяткой и прогналъ прочь. Его томили дурныя предчувствія.

Актеры проклинали колотушки и отъ скуки играли въ карты на шереметевскій счетъ. Трагикъ выигралъ у комика тридцать тысячъ, а суфлеръ у Офеліи два поцѣлуя, оцѣненные въ десять тысячъ. Догорѣла сальная свѣча, и всѣ остались въ темнотѣ. Долги были погашены.

Безпокойнѣе всѣхъ было становому. Ясно было, что стрѣляли въ него. Но откуда?—спрашивалъ онъ себя послѣ того, какъ на-

ряженный имъ обходъ вернулся ни съ чѣмъ. Повидимому, надо было взгромоздиться на заборъ, чтобы выстрѣлить и попасть въ печку, но заборъ былъ утыканъ гвоздями, и снѣгъ на немъ не тронутъ. Неужели пущены были шальныя пули какимъ нибудь верховымъ?

Становой составилъ уже донесеніе по начальству о происшествіи, но мало принесло это ему отрады. Онъ легъ спать, окруживъ себя смертоноснымъ оружіемъ. Поставилъ у кровати двустволку, а надъ кроватью повѣсилъ турецкую саблю; подъ подушку положилъ пистолетъ.

— Кому нужна моя жизнь?—съ негодованіемъ спрашивалъ становой.

Около него никого не было, и никто не отвѣчалъ.

Страшно нагорѣлъ сальный огарокъ, и фитиль казался какимъ-то краснымъ гвоздикомъ съ расплющенной шляпкой.

— Я честно исполняю свои обязанности!—продолжалъ говорить становой.—Никого напрасно не обидѣлъ, безъ причины пальцемъ никого не тронулъ, человѣкъ я добрый и недурно танцую. Я терпѣть не могу грубаго бѣлья, и у меня маленькая нога. Въ прошломъ году графъ Гудовичъ покачалъ головою и даже сказалъ: «однако, какая у васъ маленькая нога!» Взятокъ, можно сказать, не беру. И, несмотря на холостое состояніе, извѣстенъ своею нравственностью. Когда проѣзжаю черезъ какую нибудь деревню и слышу, что мужики поютъ, разгоняю, потому что не люблю безпорядка. Хотѣлъ бы знать, кто можетъ ненавидѣть меня и желать мнѣ смерти?

Онъ раздѣлся и легъ. Вокругъ его квартиры тоже съ колотушками ходили сторожа. Подъ стукъ, отдававшійся въ ушахъ, коекакъ все-таки забылся становой. И ему приснилось, что онъ пѣвецъ и такъ хорошо поетъ, что всѣ помѣщики его слушаютъ, какъ соловья, и никто не можетъ запретить ему пѣть, потому что онъ остается становымъ. Онъ поетъ самымъ тоненькимъ голоскомъ, какой только можно себѣ вообразить. У него настоящій комариный голосъ. Всѣ отъ восторга млѣютъ, а генеральская внучка плачетъ, протягиваетъ къ нему руки и шепчетъ: merci. Вдругъ входитъ новый помощникъ пристава, вынимаетъ изъ бокового кармана пистолетъ и цѣлитъ. Становой начинаетъ метаться, чтобы избѣжать выстрѣла, а въ головѣ его складывается убѣжденіе, что пріѣхавшій изъ Петербурга молодой чиновникъ съ хорошими связями просто-напросто самозванецъ и сообщникъ Сашки Ястребова. Хорошо, что онъ не можетъ выносить комаринаго пѣнія, а иначе нельзя было бы узнать его тайну... Арестовать его, арестовать! Въ колодки его, забить ноги въ колодки! Все тускнѣетъ, помощникъ пристава спускаетъ курокъ...

Становой проснулся, весь обливаясь холоднымъ потомъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло!—прошепталъ онъ.—Ларчикъ просто открывался. Я окруженъ цѣлой шайкой разбойниковъ, и съ нею въ тайной связи Распоповъ... Господинъ Распоповъ!—повторилъ онъ.—Задамъ же голубчику перцу!

По мѣрѣ того, какъ сознаніе возвращалось къ нему, новыя дикія мысли смѣняли старыя.

— Какой Распоповъ самозванецъ!.. Конечно, арестовать его нельзя, и онъ совсѣмъ не сообщникъ Сашки Ястребова... А жаль! Чужая душа потемки, и становой не долженъ вѣрить отцу родному. Напримѣръ, съ какой цѣлью пріѣхали актеры въ посадъ? Что если они и есть?.. Кто нибудь же стрѣлялъ въ меня? Вотъ бы переловить голубчиковъ... Ахъ, какъ бы хорошо!..

Онъ вскочилъ, внезапно укрѣпившись въ мысли, что странствующая труппа могла быть разбойничьей шайкой, и что «пощупать» ее не мѣшаетъ.

Онъ направился въ переднюю, чтобы разбудить дежурнаго писца, но, пока дошелъ, раздумалъ. Нѣсколько разъ прошелся по комнатамъ, погруженнымъ въ сумракъ. Посмотрѣлъ на окно, уже заклеенное бумагой. Положилъ рядомъ съ собой двустволку, какъ жену, и уже на разсвѣтѣ заснулъ болѣе крѣпкимъ сномъ.

XV.

Утро было пасмурное, и падалъ мокрый снѣгъ крупными хлопьями, но вскорѣ погода разъяснилась, и снѣгъ сталъ таять.

Мендель торжествовалъ. Денегъ онъ не получилъ, но всѣ его мѣста были разобраны, а это было главное. Деньги не пропадутъ. Эстрада вышла на удивленье, не даромъ Мендель не спалъ всю ночь. На бѣломъ фонѣ теплаго зимняго дня эстрада выступала, какъ ярмарочный балаганъ, выдѣляясь своими яркими коврами. Видъ на эшафотъ съ его чернымъ помостомъ и чернымъ столбомъ приводилъ Менделя въ восторгъ.

Толпы народа уже наполняли улицы посада.

Когда актеры, напившись чая, вздумали пройти на Косую площадь, ихъ поразило оживленіе, которымъ кипѣли улицы.

Изъ ближайшихъ деревень шли и ѣхали на дровняхъ крестьяне и везли съ собою нарядныхъ бабъ и дѣвокъ. Мальчишки бѣжали толпами. Закопченные рабочіе шли смотрѣть на казнь. На нѣкоторыхъ фабрикахъ остановились работы.

На Круглой площади актеры затерты были народомъ, имъ трудно было двинуться дальше.

Мендель увидѣлъ ихъ, радостно закивалъ головой и пригласилъ на свою эстраду.

— Все это создано въ одну ночь? — вскричалъ Звѣздичъ. — Исконный врагъ Христа, а нашъ театръ?

— Театръ вашъ готовъ, какъ съ иголочки,—отвѣчалъ Мендель, прижимая голову къ лѣвому плечу и выворачивая ладонь руки, какъ бы собираясь поддержать бороду на всякій случай.—Вашъ театръ готовъ такъ же, какъ и мой. Но если бы только вамъ хоть середка на половинку столько зрителей!

— Въ Россіи преступники привлекаютъ къ себѣ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ служители святого искусства,—трагическимъ басомъ изрекъ Звѣздичъ, прищурилъ лѣвый глазъ и протянулъ руку къ шевелившейся внизу толпѣ.

Становой не распространялъ своей власти на посадъ, но все же считалъ своею обязанностью заботиться о порядкѣ. Въ головѣ его не разсѣялись туманныя мысли, поднятыя двумя пулями.

Онъ увидѣлъ пеструю, высокую эстраду, и на ней Звѣздича съ труппою—и обомлѣлъ.

— Кто построилъ?—громовымъ голосомъ закричалъ онъ, пробиваясь сквозь народъ и подъѣзжая къ эстрадѣ.

Мендель поблѣднѣлъ, какъ бумага, стащилъ съ себя рыжій картузъ и отвѣчалъ:

— Съ разрѣшенія господина помощника и по желанію господъ съѣхавшихся помѣщиковъ, я построилъ, ваше высокоблагородіе.

— А! А гдѣ же помѣщики?

— Они, ваше благородіе, еще кушаютъ кофе и яичницу.

— А, яичницу кушаютъ!

Становой взошелъ на эстраду и поздоровался съ Звѣздичемъ.

— Ваша труппа?—спросилъ онъ.—Паспорты въ порядкѣ?

— Господинъ становой,—началъ Звѣздичъ съ веселымъ выраженіемъ въ глазахъ:—очистка паспортовъ можетъ быть произведена не раньше, какъ послѣ очистки кассы.

— Вы—въ этомъ смыслѣ?

— Я—въ этомъ смыслѣ.

— Въ этомъ смыслѣ меня не касается,—пояснилъ становой.—Посадъ находится въ вѣдѣніи помощника. А преслѣдовать зло и пресѣкать его въ корнѣ — моя прямая обязанность, — заключилъ онъ и разсѣянно посмотрѣлъ на хорошенькую, молоденькую первую любовницу, которая опустила глазки.

— Едва ли трагедія въ пяти актахъ «Гамлетъ» есть такое зло, или «Бургравы» Виктора Гюго? — сказалъ Звѣздичъ.

— Вы отлично понимаете, что дѣло не въ «Бургравахъ»,—многозначительно замѣтилъ становой.

— Потрудитесь изъясниться.

Становой не терпѣлъ такого тона. Его взорвало, но онъ сдержалъ себя и спросилъ:

— А вы знаете, что вчера вечеромъ какіе-то пріѣзжіе люди покушались на мою жизнь, и двѣ пули одна за другой влетѣли въ комнату, гдѣ было многочисленное собраніе гостей?

— Первый разъ слышу... Господа, вотъ новость!

— Гдѣ вы стоите? — спросилъ становой.

— У Карташова.

— И вы не слышали?

— Ни единаго слова.

Становой пожалъ плечами.

Молоденькая «любовница» опять потупила глаза подъ взглядомъ становаго и отвернулась.

— Нельзя ли мнѣ, однако, милостивые государи, сейчасъ взглянуть на ваши паспорты?

— Сейчасъ никакъ нельзя,—спокойно возразилъ Звѣздичъ.

— Пахнетъ, — подумалъ становой, — пахнетъ.

И, обратившись къ Менделю, сказалъ съ угрозой:

— А тебѣ даромъ не пройдетъ. Вымотаю я изъ тебя душу, если только она у тебя есть. Вытяну я изъ тебя жилы!

Поднялась на эстраду, которая страшно заскрипѣла, помѣщица Мокѣева, поддерживаемая Никандромъ Яковлевичемъ. Александринъ и Катишь улыбались, какъ два весеннихъ призрака, изъ-за объемистыхъ фигуръ мамаши и ея друга. Становой мгновенно измѣнилъ свое обращеніе. Еще одна половина его лица пророчила бѣду злополучному Менделю, а та, которая была ближе къ Мокѣевой и ея дочерямъ, уже старалась распуститься въ улыбку. За Мокѣевыми поднялись Малокуцкіе. И графъ Гудовичъ пріѣхалъ. Становой опять былъ польщенъ, когда графъ, проходя, какъ бы невзначай, поглядѣлъ на его ноги. Взглядъ его такъ и выражалъ: «положительно, маленькая нога у этого становаго».

— Прочна ли, пархъ, твоя эстрада? — спросилъ становой тономъ человѣка, на обязанности котораго лежитъ забота объ общественной безопасности.

Мендель безпомощно присѣлъ и жалобно улыбнулся, приложивъ руку къ сердцу.

Между тѣмъ Звѣздичъ съ труппой уже сошелъ съ эстрады и протискался въ толпу. Становой вспомнилъ о немъ, началъ искать глазами и не нашелъ.

XVI.

Торговки продавали сайки, баранки, сѣмечки, гречевики, мороженныя яблоки, квасъ и сбитень. Онѣ выкликали свой товаръ, народъ шумѣлъ, становилось весело, какъ на ярмаркѣ. Мужики шутили съ бабами.

Въ разныхъ мѣстахъ запруженной площади вдругъ поднимался смѣхъ.

Порядокъ охранялся взводомъ солдатъ. Въ воздухѣ чувствовалось напряженіе, словно передъ грозой; но солнце стало свѣтить изъ-за разорванныхъ бѣлыхъ облаковъ, и передъ ужасомъ гряду-

щей казни люди торопились освободиться отъ всего запаса своего веселья.

Такъ бываетъ еще на похоронахъ.

На эстрадѣ слышалась французская рѣчь. Посмѣивались надъ тѣмъ, что становой поставилъ у эстрады двухъ будочниковъ въ сѣрыхъ доспѣхахъ и въ киверахъ, но внутренно были благодарны ему.

Александринъ и Катишь жадно посматривали на улицу, откуда долженъ былъ появиться Сашка Ястребовъ.

Вдругъ, вся тысячная толпа какъ-то шарахнулась, метнулась впередъ и застыла. Она внезапно смолкла, и у всѣхъ раскрылись рты.

Откуда-то издали, изъ-за фабрикъ, изъ-за того далекаго темносиняго кольца, которое опоясываетъ міръ, раздался мелкій дрянной трескъ.

Онъ медленно росъ и приближался, словно безчисленное множество мальчишекъ бѣжало и проводило гибкими палками по ребрамъ палисадниковъ.

Трескъ сталъ ясенъ, онъ былъ уже близокъ, и было въ немъ что-то злое, безчувственное, не признающее ничего человѣческаго и божескаго.

Изъ-за угла выступили десятскіе съ мѣдными знаками на груди; въ рукахъ они держали ужасныя, оглушительныя трещетки, которыми вертѣли, какъ дѣти игрушками.

На эшафотъ взошелъ человѣкъ въ новомъ овчинномъ полушубкѣ, сбросилъ его движеньемъ широкихъ плечъ и остался въ красной рубахѣ. Рядомъ съ нимъ появились еще люди въ треуголкахъ и при шпагахъ. Палачъ постегивалъ по воздуху плетью и прохаживался взадъ и впередъ по эшафоту хвастливой медвѣжьей походкой, съ торжествомъ оглядывая толпу.

Со всѣхъ сторонъ, какъ градъ, на эшафотъ стали летѣть мѣдныя деньги и со звономъ падали на разостланный платокъ.

Палачу платилъ народъ за то, чтобы онъ билъ милосерднѣе.

А народъ былъ вездѣ. Имъ были наполнены уже крыши сосѣднихъ домовъ. Зрители лежали, упираясь локтями въ водосточныя трубы, въ невозможныхъ и самоотверженныхъ положеніяхъ.

Всѣ глаза были устремлены туда, гдѣ трещали дьявольскія игрушки, и откуда мучительно медленно выплывали угрюмо ступавшія тяжелыя, черныя лошади, тащившія за собой телѣгу, на которой спиной впередъ сидѣлъ разбойникъ въ сѣромъ халатѣ и съ обритой до половины головой.

Его бѣлый, какъ мраморъ, огромный профиль вырисовывался въ свѣжемъ воздухѣ веселаго дня.

Онъ ни на кого не смотрѣлъ и не кланялся по сторонамъ.

На груди его была привѣшена бѣлая дощечка, на которой черными буквами было написано: «воръ и убійца».

На мгновенье тишина водворилась мертвая.

Сашка Ястребовъ подвигался къ эшафоту спиной, и палачъ, которому нужна была его спина, успокоился, пересталъ ходить и ждалъ его, разставивъ ноги и схватившись за плеть обѣими руками.

Трещетки тоже замерли, погасъ ихъ несносный крикъ. Но, какъ залпъ выстрѣловъ, зарокотала барабанная дробь, и въ воздухѣ словно стали носиться и разрываться и вспыхивать какіе-то незримые патроны.

— Сейчасъ начнутъ, — сказала Пелагея Николаевна дочерямъ и раскрыла лорнетку.

Черноусовъ приложилъ къ губамъ янтарь. Малокуцкая понюхала флаконъ съ солью. Какая-то баба заголосила въ толпѣ, но ее сейчасъ же уняли. Мендель спрятался за эстраду.

Нагло и повелительно трещали барабаны.

XVII.

Сашка Ястребовъ былъ подвезенъ къ эшафоту.

Его отвязали съ кобылы, и онъ сталъ восходить по ступенькамъ; шелъ онъ твердо, но медленно.

Когда же онъ всталъ на верхъ, высокій, стройный, плечистый и съ такимъ бѣлымъ и безкровнымъ лицомъ, какое бываетъ только у мраморныхъ статуй, при чемъ бѣлизна распространялась и на всю половину бритой головы и на открытую высокую шею, явилось опасеніе, что онъ скажетъ что-то странное народу. Барабаны поэтому затрещали съ удвоенной силой, и къ нимъ присоединились трещетки.

Сашка Ястребовъ стоялъ, а большіе глаза его безстрастно смотрѣли на эстраду въ отвѣтъ на жадные взгляды, устремленные съ нея на разбойника.

Уже чиновникъ въ трехуголкѣ и при шпагѣ взялъ приговоръ, чтобы вслухъ прочитать, какому наказанію сейчасъ будетъ подвергнутъ дерзкій нарушитель закона. Но раскатился выстрѣлъ— и съ высокаго лба преступника внезапно побѣжала красная струйка. Всѣ видѣли, какъ не больше мгновенья онъ стоялъ шатаясь и вдругъ упалъ, сраженный чьей-то невидимой и, конечно, дружеской рукой.

Бывшій императорскій прокуроръ и гроза дореформенныхъ рабовладѣльцевъ такъ же своеобразно сыгралъ конецъ своей житейской трагедіи, какъ исключительны были многочисленныя его похожденія на свободѣ.

Всѣ ахнули, народъ зашумѣлъ. Сначала немногіе поняли, въ чемъ дѣло. Помощникъ Распоповъ перетрусилъ до того, что губы его не могли выговорить ни слова въ отвѣтъ на окрикъ стано-

вого. Эстрада, толкаемая народомъ, стала грозить паденіемъ, и привилегированные зрители, частью перепуганные и частью разочарованные, но возбужденные и облегченные, поспѣшили по квартирамъ или къ знакомымъ.

Черезъ какихъ нибудь полчаса площадь совершенно опустѣла; только торчалъ еще безобразный и ненужный эшафотъ, точно какое-то злобное допотопное животное съ коренастымъ квадратнымъ тѣломъ и узенькой, тоненькой, пряменькой шейкой.

Было назначено строжайшее слѣдствіе. Становой потребовалъ къ себѣ Распопова и два битыхъ часа толковалъ съ нимъ и что-то доказывалъ.

— Кромѣ того, я увѣренъ,—доносился его голосъ въ канцелярію,—что эта дѣвчонка у нихъ чья нибудь бѣглая крѣпостная и, всего вѣроятнѣе, Скородина.—Потомъ голосъ его то умолкалъ — писцы ничего не могли разобрать—то вдругъ поднимался до высокихъ нотъ: — а я вамъ говорю, что въ превосходной степени возможно, и ихъ теперь же слѣдуетъ арестовать.

— Я просилъ бы дать мнѣ офиціальное предписаніе,— послышался голосъ Распопова.

Но становой сталъ горячиться и кричалъ:

— Я васъ самого арестую! Вы что за личность? Я имѣю основаніе подозрѣвать, что вы изъ ихъ шайки! По какому документу вы служите?

Тутъ Распоповъ выскочилъ въ канцелярію со словами: «да онъ у васъ сумасшедшій!»

А за помощникомъ выскочилъ становой съ крикомъ:

— Лошадей! Я поѣду жаловаться губернатору. Перепороть! Перепороть!

Онъ сбилъ съ ногъ письмоводителя. Лицо у него было красное и какое-то озаренное. Не только онъ былъ убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ и поступковъ, но и внутренно страдалъ отъ ихъ глубины и справедливости.

Писцы переглянулись, а становой, отдавъ приказаніе людямъ, возвратился и тщательно одѣлся. Онъ уѣхалъ, потрясенный всѣмъ происшедшимъ, и уже больше въ посадъ не возвращался. Впослѣдствіи разсказывали, что губернаторъ даже выслушать его не захотѣлъ, а велѣлъ ему отправиться въ губернское правленіе, гдѣ его освидѣтельствовали и тотчасъ же посадили въ желтый домъ.

Впрочемъ, онъ скоро выздоровѣлъ и впослѣдствіи гдѣ-то служилъ и, кажется, дослужился до статскаго совѣтника.

XVIII.

Мендель явился ни живъ, ни мертвъ на фабрику къ Звѣздичу. Начинало уже смеркаться.

— Вашихъ афишей я расклеивалъ и раздавалъ,—началъ онъ.

— Что же, будетъ у насъ публика?—мрачно спросилъ антрепренеръ, выглядывая изъ дощатой кассы, гдѣ горѣла свѣчка.

— Немножко будетъ.

— Убить тебя мало.

— Ахъ, а-я-яй! Я не виноватъ, что мой театръ больше понравился... Такого благороднаго представленья я самъ уфъ первый разъ увидѣлъ. А изъ посада выѣзжаютъ, и первый покатилъ становой.

— Ну, чортъ съ нимъ! А много ли билетовъ роздалъ, вотъ вопросъ!

— Билетовъ десять...

— Давай твое горло, я задушу тебя собственными руками!

— Подождемъ душить меня, можетъ быть, не всѣ разъѣхались. Большое было сборище, и въ окнахъ сидѣли и на трубахъ. Генералъ умираетъ.

— Какой генералъ?

— Ендерскій. Ослабѣлъ, а то бы онъ тоже былъ. Его повезли въ каретѣ домой! Ну, да онъ уже пять разъ умиралъ, сколько мнѣ помнится.

— Ты мнѣ, анаѳема, зубовъ не заговаривай, а чтобъ сборъ былъ, потому что чѣмъ я заплачу тебѣ?

— Чѣмъ? У васъ, слава Богу, нѣсколько шубъ есть, а теперь уже теплые мѣсяцы .. И зачѣмъ актерамъ шубы?

— А тебѣ жизнь дорога, или нѣтъ?—загремѣлъ Звѣздичъ.

Когда стемнѣло, у подъѣзда были зажжены два фонаря съ рефлекторами. Какой-то мѣщанинъ робко вошелъ и купилъ въ кассѣ мѣсто за четвертакъ. Хотя его предварили, что спектакль начнется черезъ часъ, онъ пошелъ и сѣлъ въ полумракѣ.

Къ началу спектакля было продано еще нѣсколько мѣстъ и даже одна ложа. Но вообще зрительная зала поражала своимъ уныніемъ и пустотой. Тѣ самые еврейчики, которые играли вчера у станового, расположились передъ рампой и тоскливо настраивали свои инструменты. Слѣпой еврей въ мягкомъ желтоватомъ воротникѣ и въ черномъ длинномъ кафтанѣ пилилъ на контрабасѣ двѣ ноты: у-у!—какъ болотная птица.

Спектакль былъ отсроченъ еще на полчаса. Наконецъ, поданъ былъ звонокъ, и «взвился» занавѣсъ.

— Я, Фридрихъ Барбаросса, императоръ,—странно прищуривая лѣвый глазъ и вытягивая руку въ одномъ направленіи съ далеко отставленной ногой, трагически басилъ Звѣздичъ, и въ

то же время душа его болѣла отъ сознанія, что въ кассѣ не наберется и двадцати пяти рублей. — Ахъ, святое искусство не въ почетѣ тамъ, гдѣ народъ развлекаютъ уголовными зрѣлищами!

Онъ гремѣлъ, шипѣлъ, мрачно отступалъ назадъ, или бросался впередъ съ кулаками, при видѣ безчисленныхъ пустыхъ мѣстъ въ театрѣ, который дорого стоило обставить и натопить.

За кулисами все время торчалъ Мендель съ скорбно нахмуреннымъ лицомъ и высчитывалъ, что ему ничего не перепадетъ отъ Звѣздича. Онъ вздыхалъ и чуть не плакалъ, когда Звѣздичъ уходилъ со сцены. Но Звѣздичъ не обращалъ на него вниманія. Актеры и актрисы тоже были мрачны.

Дѣла антрепренера и извѣстнаго въ то время провинціальнаго трагика были таковы, что онъ, по его словамъ, съ удовольствіемъ палъ бы на своемъ эшафотѣ, какъ утромъ Сашка Ястребовъ отъ невѣдомой пули. Но, увы, въ него никто не выстрѣлилъ.

Скуденъ, угрюмъ и молчаливъ былъ ужинъ актеровъ, когда они собрались опять на постояломъ дворѣ Карташова. Къ довершенію всего, несмотря на поздній часъ, къ нимъ вошелъ Распоповъ съ понятыми.

— Что угодно вамъ? — горделиво закинувъ голову, спросилъ Звѣздичъ.

— По долгу службы и исполняя приказаніе, данное мнѣ становымъ приставомъ,—отвѣчалъ Распоповъ.—Позвольте взглянуть на ваши паспорты.

Звѣздичъ сухо засмѣялся.

— У насъ утромъ было уже объясненіе съ господиномъ становымъ. Онъ, кажется, воображаетъ, что у артистовъ денегъ куры не клюютъ. Но, клянусь вамъ, у насъ нѣтъ ни обола, и мы не знаемъ, съ чѣмъ выѣхать изъ посада.

— Ошибаетесь, милостивый государь, если вы въ моемъ поступкѣ усматриваете хоть тѣнь вымогательства.

Звѣздичъ пожалъ плечами.

— Такъ вы, значитъ, серьезно подозрѣваете насъ? Правда, становой тоже что-то болталъ. Не угодно ли?

Онъ передалъ паспорты помощнику.

— А что, если бы намъ и въ самомъ дѣлѣ образовать бродячую шайку удальцовъ, дающихъ представленія въ барскихъ усадьбахъ по хорошей таксѣ? — сказалъ онъ своимъ перетрусившимъ товарищамъ.

Помощникъ возвратилъ бумаги и извинился.

— Что дѣлать,—учтиво поклонившись, сказалъ Звѣздичъ.— А если вы порядочный малый, то будьте съ нами безъ чиновъ теперь, когда вы успокоились на нашъ счетъ. Вамъ бы слѣдовало не паспорты наши смотрѣть, а скудость нашего ужина... У Карташова такіе порядки, что за все надо платить наличными. Со-

гласитесь сами, что у сообщниковъ нынѣ покойнаго Сашки Ястребова на столѣ былъ бы, во-первыхъ, жареный окорокъ, бутылка добраго вина... Были бы румяныя, веселыя и счастливыя лица! Нельзя ли хоть съ вами войти въ сообщество, такъ какъ ваше пребываніе въ нашей средѣ сейчасъ же открыло бы намъ кредитъ?... А я знаю укромное мѣсто, гдѣ у Карташова хранится превосходнѣйшее винцо. Снимайте-ка вашу шпажонку и присаживайтесь къ намъ. Служители святого искусства бываютъ, кѣмъ хотите, даже императорами, и ихъ компаніи не стыдятся самые взыскательные господа. Наденька, подвинься. У насъ гость, и мы сейчасъ будемъ его поить мадерой и кормить баснями и солеными огурчиками.

Распоповъ засмѣялся, велѣлъ понятымъ уходить, поставилъ на окно шпагу и остался посидѣть съ актерами. Онъ пилъ съ ними, чокался, хвалилъ ихъ рѣдкіе таланты и утѣшалъ надеждами на свѣтлое будущее.

І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій).

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ ВЪ САРАТОВѢ.

I.

СРЕДИ областей Поволжья Саратовская губернія—едва ли не самая счастливая по числу вышедшихъ изъ нея выдающихся общественныхъ, административныхъ и литературныхъ дѣятелей, составляющихъ не только гордость своей родины, но и всей Россіи; имена нѣкоторыхъ даже извѣстны за границей, какъ, напримѣръ, А. Н. Радищевъ, І. Х. Гамель (изобрѣтатель), А. М. Княжевичъ (министръ), С. П. Шевыревъ (профессоръ), Н. П. Слѣпцовъ (герой Кавказа), И. И. Введенскій (педагогъ), Э. И. Губеръ (поэтъ), Н. П. Яблочковъ, Г. Е. Благосвѣтловъ (издатель «Дѣла»), Г. Н. Минхъ, Г. А. Захарьинъ (знаменитый врачъ и профессоръ Московскаго университета), А. Н. Пыпинъ и друг. Къ сожалѣнію, всѣ эти дѣятели работали и кончили свои дни внѣ предѣловъ родного края, и ничто (за исключеніемъ Радищевскаго музея) не напоминаетъ намъ потомкамъ о ихъ заслугахъ. Только одинъ, пользующійся широкой популярностью на родинѣ и внѣ предѣловъ ея, извѣстный публицистъ, Николай Гавриловичъ Чернышевскій, родившійся, учившійся и начавшій свою служебную и литературную карьеру въ Саратовѣ, нашелъ и мѣсто вѣчнаго покоя среди близкихъ могилъ, чтобы напоминать грядущимъ поколѣніямъ согражданъ о своемъ земномъ существованіи.

На долю его выпало рѣдкое счастіе: поклоненіе современниковъ и восторженная память потомковъ. Немало писалось о немъ при

жизни. Еще того больше, несмотря на нѣкоторыя ограниченія, разсказывается послѣ его кончины. Особенно много появилось разсказовъ и статей по случаю исполнившейся въ 1904 году пятнадцатилѣтней годовщины его смерти.

Писали о Чернышевскомъ многіе, даже тѣ, которые знали его лишь понаслышкѣ. Благодаря этому, получилось много несообразностей и явныхъ противорѣчій. Всего страннѣе то, что даже въ разсказахъ его двоюроднаго брата, А. Н. Пыпина, чуть не съ пеленокъ воспитывавшагося съ нимъ вмѣстѣ и до конца его жизни имѣвшаго съ Н. Г—чемъ тѣсную связь, немало фактовъ, легко опровергаемыхъ архивными документами.

Не задаваясь мыслью писать полную біографію этого недюжиннаго писателя, оставившаго большой слѣдъ и въ литературѣ и въ политическомъ движеніи Россіи 1860-хъ годовъ, ибо для этого потребовалось бы слишкомъ много архивнаго и неархивнаго матеріала, что̀ немыслимо сдѣлать провинціальному жителю, — я хочу подѣлиться здѣсь собранными мною документальными данными о его житьѣ въ Саратовѣ, съ первыхъ дней его земного бытія, исправляя попутно въ прежнихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ неточности.

Извѣстно, что Н. Г. происходилъ изъ духовнаго званія. Предки его, однако, не были аристократами своего сословія. Дѣдъ Н. Г—ча, Иванъ Васильевичъ, — «изъ великороссіянъ Чамбарскаго округа, Пензенской губерніи»,—былъ простой дьяконъ Архангельской церкви села Чернышева. По названію этого селенія, сынъ послѣдняго, Гавріилъ Ивановичъ, и получилъ при поступленіи въ пензенскую семинарію фамилію «Чернышевскій».

Не красна была жизнь отца Н. Г—ча въ молодыхъ годахъ. Десятилѣтнимъ сиротой [1]) былъ опредѣленъ онъ (9-го мая 1803 года) въ семинарію на «казенный коштъ». А въ то время въ духовныхъ училищахъ «коштъ» этотъ былъ очень горекъ. Часто приходилось не допивать и не доѣдать, слушая попреки въ кускѣ хлѣба семинарскаго начальства. Можетъ быть, поэтому, такъ какъ въ родной семьѣ ему не на что было надѣяться, мальчикъ прилежно учился, велъ себя хорошо, аттестовался тихимъ, скромнымъ, какимъ остался и на всю жизнь.

Духовно-учебныя заведенія того времени не выпускали изъ стѣнъ своихъ питомцевъ съ такими многосторонними знаніями, какъ въ настоящее время, но зато, что знали они,—знали осно-

---

[1]) Какъ видно изъ надгробной надписи на могилѣ и послужного списка, Гавріилъ Ивановичъ родился 5-го іюля 1793 года. Между тѣмъ въ біографическихъ замѣткахъ о немъ (Хованскій: «Очерки по исторіи г. Саратова», 1884 г., стр. 55, и въ «Русской Старинѣ» 1890 г., т. V, стр. 449) годъ рожденія его указывается 1795-й.

вательно. Девять лѣтъ пробылъ Гавріилъ Ивановичъ въ семинаріи, «обучаясь въ низшихъ классахъ россійской и латинской грамматикамъ, ариѳметикѣ, священной и всеобщей исторіи и географіи, а въ высшихъ—миѳологіи, россійской и латинской поэзіямъ, реторикѣ, философіи и богословіи», кромѣ того, французскому и греческому языкамъ.

До 1840 года три главныхъ семинарскихъ науки — реторика, философія и богословіе—преподавались исключительно на латинскомъ языкѣ. Поэтому семинаристы по необходимости должны были основательно изучать латынь. И Гавріилъ Ивановичъ не только свободно читалъ классиковъ и творенія св. отцевъ, но и легко писалъ и говорилъ на этомъ языкѣ. Зналъ также основательно и греческій языкъ. Благодаря, очевидно, этимъ познаніямъ, еще «въ теченіе богословскаго курса» преосвященный пензенскій Аѳанасій назначилъ его въ той же семинаріи сначала (17-го апрѣля 1812 года) учителемъ «низшаго греческаго класса», а потомъ (18-го декабря 1815 года) «утвердилъ» учителемъ піитическаго» класса. 11-го марта 1817 года онъ былъ опредѣленъ семинарскимъ библіотекаремъ. Видимо, духовныя власти готовили ему ученую карьеру. Но обстоятельства вскорѣ сложились иначе.

21-го апрѣля 1818 года умеръ въ Саратовѣ настоятель Сергіевской церкви, протоіерей Георгій Ивановичъ Голубевъ [1]), «человѣкъ честный, ученый и любимый многими; умѣлъ очень хорошо вкрадываться въ людей, отчего многіе звали его «русскимъ іезуитомъ»; домъ имѣлъ онъ каменный и оставилъ много денегъ» [2]).

Губернаторъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ, у котораго въ Сергіевскомъ приходѣ былъ домъ (что̀ нынѣ 1-я мужская гимназія), обратился къ преосвященному Аѳанасію съ письмомъ, прося его прислать на мѣсто покойнаго изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ человѣка достойнаго и ученаго, но не богатаго, дабы онъ училъ губернаторскихъ дѣтей и женился на дочери протоіерея. Чтобы услужить саратовскому другу, владыка остановилъ свой

---

1) Изъ клировыхъ вѣдомостей Сергіевской церкви за 1818 годъ. Однако, Духовниковъ увѣряетъ («Русская Старина», 1890 г., т. IX, стр. 532), безъ указанія источника, что Голубевъ скончался въ 1820 году.

2) Дневники протоіерея Н. Г. Скопина, 1892 г., стр. 543. Между тѣмъ, въ своихъ «Замѣткахъ» («Вѣстникъ Европы», 1905 г., т. II, стр. 470) А. Н. Пыпинъ говоритъ: «Наслѣдствомъ отъ него (о. Голубева) остался довольно большой участокъ земли, спускающійся отъ Сергіевской улицы внизъ къ Волгѣ, гдѣ было два небольшихъ дома и нѣсколько флигелей и домиковъ: одни были заняты двумя нашими семьями, другіе отдавались въ наймы». По словамъ же его сестры Евгеніи Николаевны (и понынѣ здравствующей въ Саратовѣ), на мѣстѣ, купленномъ у Трембицкихъ, послѣ протоіерея, остался одинъ только домъ вчернѣ (имъ нынѣ владѣютъ Пыпины), достроить который помогъ его вдовѣ Панчулидзевъ. Прочіе дома и флигеля возникли въ позднѣйшее время.

выборъ на Чернышевскомъ, который «поведенія былъ отличнаго, въ чтеніи и служеніи хорошъ и по нотамъ пѣть умѣлъ» [1]).

Сергіевская церковь, въ которую немедленно былъ опредѣленъ Гавріилъ Ивановичъ, считавшаяся одной изъ старѣйшихъ въ Саратовѣ, «хорошо украшенная» [2]), находилась въ самой богатой части города, на большой Сергіевской улицѣ, близъ рѣки Волги, гдѣ жили преимущественно купцы, судовладѣльцы и рыбопромышленники. Въ приходѣ значилось 180 дворовъ, съ 736 душами мужского и 818 душами женскаго пола. По штату было положено при ней два священника и дьяконъ.

7-го іюня состоялась свадьба Гавріила Ивановича съ пятнадцатилѣтней дочерью Голубева, Евгеніей, а 24-го числа того же мѣсяца онъ рукоположенъ въ іереи, съ назначеніемъ его къ «Сергію» старшимъ священникомъ, хотя ему было всего 25 лѣтъ, а находившійся тамъ второй священникъ съ семинарскимъ же образованіемъ, Логгинъ Косьминъ, имѣлъ 49 лѣтъ отъ роду.

Чернышевскій поселился въ домѣ своего тестя [3]), гдѣ жила его теща и другая дочь ея, Александра Егоровна, вышедшая потомъ замужъ за офицера Котляревскаго, а послѣ его смерти вторымъ бракомъ за небогатаго помѣщика Саратовской губерніи, Николая Дмитріевича Пыпина, отца недавно скончавшагося академика Александра Николаевича. Впослѣдствіи, рядомъ съ тестевымъ дворомъ, на углу Большой Сергіевской и Гимназической улицъ, онъ выстроилъ себѣ новый деревянный домъ, гдѣ у него 12-го іюля 1828 года родился единственный сынъ Николай. Радости счастливаго отца не было предѣловъ. Гавріилъ Ивановичъ задалъ пиръ на весь городъ. На крестины младенца собралась чуть не вся мѣстная знать, такъ какъ за десять лѣтъ своей службы въ Саратовѣ о. Чернышевскій успѣлъ снискать любовь и расположеніе не только

---

[1]) Изъ послужного списка Ч—го. Но А. Н. Пыпинъ («Вѣстникъ Европы», 1905 г., т. II, стр. 476) увѣряетъ, что Г. Ив. кончилъ курсъ семинаріи въ то время, когда пензенскимъ губернаторомъ былъ Сперанскій. Когда послѣдній былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, онъ хотѣлъ взять съ собой въ качествѣ ближайшихъ чиновниковъ между прочимъ Чернышевскаго. Въ дѣйствительности же этого не могло быть потому, что Сперанскій былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ 30-го августа 1816 г. (то есть слишкомъ черезъ три года послѣ окончанія Ч—мъ семинарскаго курса), а назначеніе его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ состоялось 22-го марта 1819 г., когда Г. Ив. былъ уже въ Саратовѣ.

[2]) Изъ клировыхъ вѣдомостей за 1818 года. Церковь преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, съ придѣломъ во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радостей, построена въ 1767 г. купцомъ Иваномъ Суздальцевымъ. Въ издаваемыхъ же мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ «Памятныхъ книжкахъ Саратовской губерніи» изъ года въ годъ повторяется, что она основана въ 1828 году.

[3]) Домъ этотъ—въ $1^1/_2$ этажа—на Гимназической улицѣ, близъ Волги, принадлежитъ нынѣ наслѣдникамъ Пыпиныхъ. О семействѣ послѣднихъ и о самомъ писателѣ мы надѣемся дать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія въ особой статьѣ.

своихъ прихожанъ, но и другихъ горожанъ и мѣстнаго духовнаго и гражданскаго начальства. Въ это время онъ былъ уже протоіереемъ (съ 11-го октября 1825 года), присутствующимъ въ Саратовскомъ духовномъ училищѣ (съ 12-го іюня 1826 года) и благочиннымъ саратовскихъ городскихъ церквей (съ 26-го мая 1828 года).

Въ началѣ прошлаго столѣтія даровитыхъ и образованныхъ пастырей въ Саратовѣ насчитывалось не много [1]). Благодаря этому, а съ другой стороны — вслѣдствіе покровительства, оказываемаго Панчулидзевымъ [2]) семьѣ Голубева, и съ ней вмѣстѣ Г. Ив—чу, послѣднему вскорѣ пришлось взять на себя нѣсколько постороннихъ обязанностей, изъ коихъ нѣкоторыя добавляли средства къ скромнымъ рессурсамъ приходскаго священника. Такъ, 1-го апрѣля 1819 года онъ былъ опредѣленъ, по его желанію, увѣщателемъ подсудимыхъ по саратовскимъ присутственнымъ мѣстамъ; черезъ годъ (20-го января) занялъ въ саратовскомъ духовномъ училищѣ должность учителя «высшаго отдѣленія по классу греческаго языка», потомъ (10-го ноября) законоучителя въ пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ, а 19-го февраля 1822 года его назначили инспекторомъ саратовскихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ [3]). Одновременно (съ 28-го октября) онъ состоитъ «довѣреннымъ лицомъ со стороны духовнаго начальства при ежемѣсячныхъ испытаніяхъ въ Законѣ Божіемъ и священной исторіи въ Саратовскомъ народномъ училищѣ» (что̀ теперь 1-я гимназія) и, наконецъ, съ мая 1824 года въ продолженіе четырехъ лѣтъ нѣсколько разъ исполнялъ онъ обязанности ректора духовнаго училища. Когда же въ 1828 году открылась саратовско-царицынская епархія, епископъ Моисей предложилъ ему мѣсто члена вновь организованной консисторіи [4]).

Г. И. былъ человѣкомъ высокой нравственности и глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. «Едва ли когда нибудь эта олицетворенная кротость,—говоритъ Палимсестовъ [5]),—вызвысила голосъ или наморщила чело, видя проступки своихъ подчиненныхъ». Сама

---

[1]) Единственной свѣтлой и даровитой личностью среди мѣстнаго духовенства былъ протоіерей Н. Г. Скопинъ, занимавшій одновременно должности ректора духовнаго училища, члена духовнаго правленія и благочиннаго городскихъ церквей до 1826 года.

[2]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ былъ саратовскимъ губернаторомъ съ 1808 по 1826 годъ.

[3]) Исправлялъ эти должности до 29-го августа 1830 года. Палимсестовъ неправильно указываетъ (въ «Русскомъ Архивѣ», 1890, IV, 554), что Г. Ив. былъ инспекторомъ саратовскаго духовнаго училища.

[4]) Назначенъ 30-го декабря 1828 года. Въ то же время (съ 24-го іюня 1832 г.) онъ состоялъ членомъ строительной комиссіи по сооруженію архіерейскаго дома, нынѣ занимающаго цѣлый корпусъ по Никольской улицѣ, близъ Нѣмецкой. Помѣщающіеся въ немъ квартиры и магазины приносятъ около 50 тысячъ рублей дохода.

[5]) «Русскій Архивъ», 1890, I, 554.

природа, казалось, помогла ему быть такимъ: онъ имѣлъ осанку, невольно внушающую уваженіе, тихій, отзывающійся какой-то задушевностью голосъ; необыкновенная плавность и логичность рѣчи и дышавшіе неподдѣльной добротой глаза невольно привлекали къ нему всякаго, кто съ нимъ бесѣдовалъ. Очи его точно говорили: «смотри на меня, сердце мое открыто». Особенно испытывали это обаяніе учащіеся. «Намъ легче было переносить бранныя укоризны и бичеваніе розгами,—разсказываютъ бывшіе его ученики,—чѣмъ выслушать кроткое, со слезами на глазахъ, увѣщаніе о. Гавріила». Къ тѣлесному наказанію онъ никогда не прибѣгалъ, находя эту мѣру вразумленія неблагоразумной. Онъ держался убѣжденія, что разъ у человѣка нѣтъ сознанія въ содѣянномъ проступкѣ, то не помогутъ никакія наказанія, а лишь только озлобятъ его. Сознанія можно добиться только вразумленіемъ.

Зная это, епархіальное начальство не разъ давало ему такія порученія, гдѣ нужно было дѣйствовать только мѣрами кротости и любви. Отецъ Гавріилъ увѣщевалъ и раскольниковъ (такъ какъ въ то время особыхъ для того миссіонеровъ еще не существовало), за что́ награжденъ 12-го октября 1828 года бархатной скуфьей; былъ командированъ въ февралѣ 1837 года, по высочайшему повелѣнію, «для присоединенія Иргизскаго Средне-Никольскаго старообрядческаго монастыря къ единовѣрію» (получивъ въ награду наперсный крестъ); наконецъ, въ ноябрѣ 1844 года онъ совершилъ поѣздку въ г. Вольскъ для обращенія жившихъ тамъ евреевъ въ христіанство.

Еще теперь въ Саратовской губерніи есть немало крестьянъ, мѣщанъ и даже интеллигентныхъ лицъ, носящихъ фамилію Чернышевскаго. Все это или крестники, или усыновленныя дѣти Гавріила Ивановича. Онъ давалъ свое прозвище и крещенымъ инородцамъ, одѣляя ихъ одеждами и деньгами; принималъ на свое попеченіе незаконнорожденныхъ, подкидышей, сиротъ и заботился о нихъ, какъ о своихъ дѣтяхъ. Евгенія Егоровна, также воспитанная въ строго религіозномъ духѣ, женщина добрая и сердобольная, вполнѣ раздѣляла убѣжденія своего мужа.

Конечно, у такихъ родителей трудно было ожидать худо воспитаннаго сына. Николай Гавриловичъ росъ всецѣло подъ наблюденіемъ отца, который души въ немъ не чаялъ. Для него весь міръ заключался въ сынѣ, церкви, книгахъ и отправленіи служебныхъ обязанностей. Хотя Гавріилъ Ивановичъ былъ человѣкъ общительный, но чуждался собраній, особенно соединенныхъ съ пиршествами (такъ какъ къ тому же никакихъ спиртныхъ напитковъ не употреблялъ), далеко держалъ себя отъ лицъ подозрительной нравственности и боялся, какъ бы въ драгоцѣнную зѣницу его ока, въ дѣтскую душу его единственнаго сына не попала какая нибудь

соринка[1]). Мать—женщина болѣзненная (говорятъ, она страдала меланхоліей), кажется, не имѣла вліянія на воспитаніе сына. Она только нѣжно его любила.

Въ кругу семьи Н. Г. ни въ чемъ не имѣлъ отказа, хотя нельзя сказать, чтобы это былъ избалованный ребенокъ. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ въ него вливали доброе, его лелѣяли и берегли, какъ красную дѣвушку, какъ рѣдкостный цвѣтокъ. Товарищей дѣтскихъ игръ, кромѣ двоюроднаго брата А. Н. Пыпина, у него не было. Гавріилъ Ивановичъ, видимо, боялся, чтобы сынъ не познакомился съ дурнымъ обществомъ и не пріобрѣлъ дурныхъ наклонностей. Этимъ, пожалуй, и объясняется то, что онъ постоянно бралъ малютку съ собой при прогулкахъ на Волгу (которая находилась всего въ какихъ нибудь 50—60 шагахъ отъ ихъ дома), или, идя въ церковь, уводилъ его съ собой и во время службы ставилъ въ алтарѣ, дабы всегда видѣть сына передъ глазами, а не тѣми задачами, какими, по словамъ И. У. Палимсестова[2]), руководствовался «набожный отецъ», отдававшій «первое мѣсто вѣрѣ», для укрѣпленія въ сынѣ религіознаго чувства, имѣя полное убѣжденіе, что «начало премудрости есть страхъ Божій», а это будто бы «послужило, въ свою очередь, къ развитію въ Ч—мъ замкнутости въ самомъ себѣ, робкой застѣнчивости и къ устраненію рѣзвости, столь свойственной этому возрасту».

Трудно повѣрить, однако, чтобы Г. И., человѣкъ здравомыслящій, рѣшился такимъ путемъ развивать въ сынѣ трепетъ божественный и подобострастіе къ духовенству и религіи. Застѣнчивость Н. Г—ча, на которую указываютъ и другіе старожилы, была результатомъ того, что въ молодости онъ совсѣмъ не посѣщалъ общества, былъ постоянно дома, среди своихъ родныхъ: бабушекъ, тетушекъ и двоюроднаго брата Пыпина, на четыре года моложе его. Такъ какъ дворы ихъ соединялись калиткой, то они часто видѣлись, вмѣстѣ играли лѣтомъ въ саду, на дворѣ, откуда открывался роскошный видъ на Волгу, расцвѣченную парусами торговыхъ судовъ и рыбацкихъ лодокъ; на рѣку отпускали ихъ не иначе, какъ подъ надзоромъ кого либо изъ родныхъ; зимой же братья катались въ свободное время на салазкахъ по Гимназическому взвозу, который спускался прямо къ рѣкѣ. Сравнительно со своимъ возрастомъ, рѣзвились и играли они мало не потому, что имъ это запрещали родные, а потому, что имъ было некогда. Н. Г. съ малыхъ лѣтъ имѣлъ особенное пристрастіе къ книгамъ и читалъ все, что имѣлось въ библіотекѣ отца, не исключая и свѣтскихъ сочиненій. Онъ былъ «первымъ другомъ, руководителемъ и воспитателемъ» Александра Николаевича Пыпина. «Должно

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, IV, 556.

[2]) Тамъ же, стр. 557.

сказать,—говоритъ И. Ф. Хованскій [1]),—что обоихъ молодыхъ друзей никто не училъ въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно понимаютъ, но они учились сами; имъ только внушили любовь къ наукѣ».

Всегда занятый, всегда за книгами, мало имѣя воздуха и движенія, Н. Г. и въ молодыхъ лѣтахъ не отличался здоровьемъ,—худой, слабенькій, чтó особенно выдѣляло, при среднемъ ростѣ, его маленькую, тщедушную фигуру. Онъ былъ такъ близорукъ и въ юности, что безъ очковъ не могъ прочитать ни одной строчки даже на близкомъ разстояніи.

Какъ большинство дѣтей духовнаго званія, Н. Г. началъ свое образованіе съ духовнаго училища, куда поступилъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ 5-го сентября 1836 года [2]). Въ то время зданіе этого училища въ Саратовѣ, грязное, мрачное, съ полуоблѣзшими стѣнами, находилось недалеко отъ Волги, на площади, противъ Троицкаго собора и Стараго Гостинаго двора, гдѣ нынѣ помѣщается второе реальное училище имени наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Зданіе это было трехъэтажное. Верхній и нижній этажи занимало духовное училище: въ верхнемъ—дортуары, въ нижнемъ—классы. Въ среднемъ же этажѣ находились классы семинарскіе, воспитанники коихъ жили въ другомъ громадномъ каменномъ домѣ черезъ улицу, гдѣ было общежитіе и имѣли квартиры ректоръ, инспекторъ и нѣкоторые изъ преподавателей, называвшіеся въ то время «профессорами». Духовнаго училища, гдѣ ректоромъ состоялъ архимандритъ Гавріилъ, зѣло любившій выпить, часто изъ экономіи не топили въ холодные зимніе дни, и ученикамъ приходилось за-

---

[1]) См. его «Очерки по исторіи г. Саратова», 1884, стр. 152.

[2]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ дѣла саратовской духовной семинаріи за 1845 г., № 139. Между тѣмъ въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ указывается, что Н. Г. былъ такъ хорошо подготовленъ отцомъ, что поступилъ прямо въ семинарію, въ которой, по словамъ протоіерея А. И. Розанова («Русская Старина», 1889, XI, 501), онъ пробылъ три года: два въ низшемъ отдѣленіи и одинъ—въ среднемъ. Покойный академикъ А. Н. Пыпинъ въ слѣдующей книжкѣ «Русской Старины», стр. 830, сдѣлалъ поправку: Ч—скій учился въ семинаріи два года: второй годъ курса «реторики» и первый годъ курса «философіи». А въ своихъ «Замѣткахъ» («Вѣстникъ Европы», 1905, II, 480) говоритъ: «Не помню съ точностью, сколько времени Н. Г. пробылъ въ семинаріи—года полтора или два». То же повторяетъ Смирновъ («Русская Старина», 1890, V, 450). Духовниковъ же (тамъ же, IX, 561) прибавляетъ еще полгода къ пребыванію Ч—го въ семинаріи—съ 1842 г. по декабрь 1844 года. Наконецъ, въ словарѣ Брокгауза (XXXVIII, 672) г. Венгеровъ приводитъ уже явную несообразность, будто Ч—кій «миновалъ ужасную бурсу дореформенной эпохи и низшіе классы семинаріи, прямо поступивъ въ старшіе (какіе?) классы». Становится нѣсколько страннымъ, къ чему нужно было преувеличивать способности и ученость Ч—го? Вѣдь достоинство его, какъ писателя, отъ того не умалилось бы, а, напротивъ, увеличивается. Ниже будетъ видно, что ни одна изъ приведенныхъ датъ не имѣетъ и тѣни дѣйствительности.

ниматься въ шубахъ. Но семинарскіе классы содержались въ сравнительной чистотѣ и постоянно отапливались.

Конечно, Н. Г. въ духовномъ училищѣ не жилъ, а былъ приходящимъ ученикомъ. Возможно даже допустить, что, благодаря извѣстности и общественному положенію отца, онъ, какъ говоритъ Е. Н. Пыпина, и совсѣмъ не посѣщалъ училищныхъ классовъ и, слѣдовательно, не видѣлъ тяжелаго бурсацкаго режима, гдѣ за малѣйшій поступокъ и неуспѣхи училищный сторожъ производилъ, по приказу ректора и наставниковъ, нещадную сѣкуцію малышей. Но держать экзамены для перехода изъ класса въ классъ Н. Г. въ училище являлся.

Въ сентябрѣ 1842 года Чернышевскій перешелъ въ семинарію. Ректоромъ послѣдней былъ архимандритъ Спиридонъ (Граціановъ), читавшій на второмъ курсѣ философію, человѣкъ простой, благодушный, умница. Никто изъ семинаристовъ не могъ пожаловаться на то, чтобы онъ кого либо наказалъ за что нибудь.

Рѣзкую противоположность ему составлялъ инспекторъ, іеромонахъ Тихонъ (Солнцевъ), «изъ хохловъ Кіевской академіи»[1]), впослѣдствіи ректоръ Кишиневской семинаріи. Это былъ настоящій іезуитъ, строгій, мнительный, любилъ шпіонство. Въ семинаріи всѣ его боялись. При немъ карцеръ былъ вполнѣ обитаемымъ мѣстомъ: лишь выходилъ изъ него одинъ ученикъ, какъ на его мѣсто былъ готовъ другой. Инспекторъ строго слѣдилъ за этимъ и имѣлъ обыкновеніе присматривать, находятся ли виновные въ карцерѣ. При такихъ дозорахъ не обходилось и безъ курьезовъ. Однажды посаженный подъ арестъ воспитанникъ, заслышавъ шаги инспектора, запѣлъ при его приближеніи: «Изведи изъ темницы душу мою». Отецъ Тихонъ не смутился и строго сказалъ: «Мене ждутъ праведницы, а ты, дуракъ, посиди еще!»

Преподавалъ онъ церковную и библейскую исторію и требовалъ отъ воспитанниковъ буквальнаго знанія урока. Если же кто старался передать прочитанное своими словами, инспекторъ сейчасъ же перебивалъ того:

— Развѣ ты лучше скажешь, чѣмъ въ книгѣ написано? — и ставилъ ученику единицу.

Греческій языкъ при Н. Г. преподавалъ извѣстный составитель греческаго словаря И. О. Синайскій, риторику и латинскій языкъ — Г. С. Воскресенскій, прозванный учениками «Зоткой», словесность и французскій языкъ—К. М. Сокольскій, гражданскую исторію и еврейскій языкъ — Г. С. Саблуковъ, впослѣдствіи профессоръ Казанской духовной академіи. Послѣдній, кромѣ того,

---

[1]) Свѣдѣнія о семинарской жизни, учащихъ и воспитанникахъ сообщилъ намъ и понынѣ здравствующій въ Саратовѣ Ѳ. В. Альбокриновъ, нѣкоторое время учившійся вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ.

Домъ наслѣдниковъ Чернышевскихъ въ Саратовѣ (на углу Большой Сергіевской и Гимназической улицъ), гдѣ родился Н. Г. Чернышевскій.

давалъ желающимъ два раза въ недѣлю (по четвергамъ и субботамъ въ послѣобѣденные часы) уроки татарскаго языка.

Н. Г. имѣлъ особенную страсть къ языкамъ. Еще до поступленія въ семинарію онъ основательно зналъ языки французскій, нѣмецкій и еврейскій [1]) и свободно читалъ классиковъ и творенія святыхъ отцовъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Разсказываютъ, что Чернышевскій хотѣлъ учиться и персидскому языку. Къ сожалѣнію, образованнаго учителя этого предмета въ Саратовѣ отыскать было нельзя. Тогда онъ нашелъ какого-то торговца апельсинами, перса, и уговорилъ его учиться у него русскому языку, съ тѣмъ, чтобы торговецъ обучалъ его по-персидски. По окончаніи торговли персъ приходилъ въ домъ къ Чернышевскимъ, снималъ на порогѣ туфли и залѣзалъ съ ногами на диванъ, — начинались уроки, которымъ Н. Г. отдавалъ все свое вниманіе къ удивленію домашнихъ [2]).

Пользуясь тѣмъ, что въ семинаріи открылись уроки татарскаго языка, онъ сталъ обучаться и этому предмету, перещеголявши вскорѣ своего наставника. Бывало, часто случалось, остановитъ онъ на улицѣ проходящаго татарина и начнетъ съ нимъ разговоръ на его родномъ языкѣ [3]). Такъ какъ уроки эти были общіе для всѣхъ воспитанниковъ, то въ классѣ Саблукова встрѣчались и ритористы, и философы, и богословы. Тутъ Н. Г. имѣлъ возможность познакомиться съ извѣстнымъ впослѣдствіи издателемъ журнала «Дѣло», Григоріемъ Евлампіевичемъ Благосвѣтловымъ [4]), бывшимъ на четыре года старше его и обучавшимся на второмъ курсѣ философіи въ то время, какъ Н. Г. учился въ классѣ риторики [5]). Къ сожалѣнію, Г. Ев. не кончилъ курса и за безуспѣшность былъ исключенъ изъ семинаріи [6]).

---

[1]) Въ семинаріи эти языки были необязательны.

[2]) Хованскій: «Очерки города Саратова», стр. 158. Но А. Н. Пыпинъ («Вѣстникъ Европы», 1905 г., т. II, стр. 481) разсказываетъ о томъ нѣсколько иначе. По его словамъ, Чернышевскій бралъ уроки у проѣзжавшихъ чрезъ Саратовъ на Нижегородскую ярмарку персидскихъ купцовъ. Ѣздили они будто бы «компаніями на почтовыхъ тройкахъ по нашей (т.-е. Б. Сергіевской) улицѣ», въ которую вступала Астраханская дорога. Считаемъ долгомъ замѣтить, что эта дорога проходила позади города по нынѣшней Астраханской улицѣ, доставляли персы товары на ярмарку не на тройкахъ, а гужевымъ путемъ до 1843 г., когда съ открытіемъ пароходства по Волгѣ стали перевозить ихъ на баржахъ и буксирныхъ пароходахъ. Можетъ быть, персіяне заѣзжали ненадолго въ домъ къ Чернышевскимъ, и Н. Г., пользуясь случаемъ, старался пополнить свои знанія въ этомъ языкѣ, но, чтобы брать у нихъ уроки,—это врядъ ли было возможно.

[3]) Какъ видно изъ дѣла семинарскаго архива за 1844 г., № 58, Чернышевскій обучался татарскому языку въ теченіе 1842—1844 гг. и имѣлъ «прилежаніе и успѣхи отлично хорошіе».

[4]) Въ томъ же дѣлѣ указывается и на изученіе этого языка Благосвѣтловымъ, при прилежаніи и успѣхахъ «нехудыхъ».

[5]) Въ 1844 г. Н. Г. числился «въ низшемъ отдѣленіи 2-го класса».

[6]) Изъ дѣла семинарскаго архива за 1844 г., № 65. Между тѣмъ г. Хованскій («Очерки Саратова», стр. 182) увѣряетъ, что какъ Чернышевскій, такъ и

Чернышевскій учился «очень хорошо» [1]). Семинарское начальство отъ мала до велика благоволило къ нему. Вслѣдствіе этихъ его необычайныхъ способностей и развитія, а еще больше, пожалуй, изъ уваженія къ его почтенному отцу, который въ тѣ поры въ саратовскомъ духовномъ мірѣ составлялъ громадную силу, какъ членъ консисторіи, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ преосвященнаго Іакова [2]), который, зная хорошо «обширный умъ и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу Гавріила Ивановича», часто обращался къ нему за совѣтомъ и «посылалъ на заключеніе его массу консисторскихъ дѣлъ» [3]). Н. Г. велъ себя въ семинаріи примѣрно, никогда и ничѣмъ не вызывая неудовольствій преподавателей или жалобъ со стороны товарищей. Несмотря на его молодыя лѣта, учителя относились къ нему, говоритъ Альбокриновъ, какъ къ равному, такъ какъ «онъ зналъ не меньше ихъ». Воспитанники его боготворили, потому что никогда и никому не отказывалъ онъ оказать услугу или помочь, чѣмъ было возможно. Къ нему за совѣтомъ и указаніями по части рѣшенія задачъ, переводовъ и сочиненій обращались не только товарищи его класса, но и ученики другихъ отдѣленій. Для всѣхъ онъ былъ первымъ руководителемъ и помощникомъ. Достойно замѣчанія, что соста-

---

Благосвѣтловъ «настолько выдавались изъ среды остальныхъ учениковъ, что начальство (семинарское) смотрѣло на нихъ, какъ бы на отдѣльный высшій классъ». А нѣкто Закхеевъ («Волжскій Листокъ», 1904 г., № 46) сообщаетъ, «со словъ якобы родного брата Благосвѣтлова, служившаго въ 1860-хъ годахъ въ Саратовѣ фельдшеромъ», будто ректоръ семинаріи, архимандритъ Спиридонъ, совѣтовалъ Благосвѣтлову и Чернышевскому, «въ виду ихъ выдающихся дарованій, не переходить въ богословское отдѣленіе, гдѣ имъ нечего дѣлать, а итти въ университетъ». На самомъ же дѣлѣ у Г. Е. и брата-то не было. Такъ у насъ пишется исторія!...

[1]) К. М. Ѳедоровъ въ своей брошюрѣ: «Н. Г. Чернышевскій» (Асхабадъ, 1905 г., стр. 10), говоритъ, что «въ 1843 году семинарскимъ начальствомъ Чернышевскій былъ аттестованъ такъ: «Способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго». Откуда позаимствованы эти свѣдѣнія, авторъ не указываетъ. Въ архивныхъ же документахъ, какъ увидимъ ниже, объ этомъ иныя данныя.

[2]) Былъ саратовскимъ епископомъ съ 19-го марта 1832 г. по 15-е января 1847 г. Это былъ одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ іерарховъ по своей учености и благотворной дѣятельности. Въ саратовской ученой архивной комиссіи хранится біографія владыки, составленная А. Ф. Леопольдовымъ, до сихъ поръ, кажется, нигдѣ не напечатанная.

[3]) Въ это время Г. Ив. состоялъ еще попечителемъ и казначеемъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (съ 16-го іюня 1829 г.) и благочиннымъ саратовскаго Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря (съ 16-го декабря 1833 г.) и Спасопреображенскаго мужского (съ 30-го сентября 1842 г. по 25-е сентября 1843 г.); онъ не чуждъ былъ и литературныхъ занятій. Въ архивѣ духовной консисторіи хранится составленное имъ «Церковно-историческое и статистическое описаніе Саратовской епархіи», до сихъ поръ не изданное. Епархіальное начальство намѣревалось также издать его біографію, но и это намѣреніе не приведено въ исполненіе.

влялъ онъ сочиненія товарищамъ сообразно съ силами, способностями, даже оборотами рѣчи и воззрѣніями каждаго. Для этого, конечно, нужно было имѣть особенный умъ, необычайную память и вдумчивость. Онъ нарочито приходилъ раньше въ классъ, чтобы передъ началомъ занятій показать или разъяснить малоуспѣвающимъ заданные наканунѣ уроки. Съ воспитанниками онъ былъ «общительный» и нерѣдко принималъ участіе въ ихъ играхъ [1]), хотя, повидимому, онѣ мало доставляли ему удовольствія. Онъ былъ такъ друженъ съ своими одноклассниками, что, будучи уже въ университетѣ, часто присылалъ изъ Петербурга письма, то одному, то другому, то третьему и каждому старался сообщить что-либо пріятное, а, пріѣзжая домой на вакаты, весь классъ приглашалъ къ себѣ въ гости.

Выдѣлялся Н. Г. изъ среды семинарскихъ воспитанниковъ не одними только способностями и характеромъ. Какъ сынъ богатыхъ родителей (сравнительно съ сельскимъ духовенствомъ), онъ казался какимъ-то барченкомъ, всегда былъ одѣтъ чисто, хотя скромно. Обыкновенно въ то время семинаристы класса риторики одѣвались въ желтые нанковые сюртуки съ полосатыми брюками, въ философскомъ отдѣленіи носили сюртуки суконные, а богословы разгуливали въ обыкновенныхъ синяго сукна сюртукахъ, въ сѣрыхъ фризовыхъ шинеляхъ, съ цилиндромъ (или шляпой) на головѣ и съ тросточкой въ рукѣ.

Чернышевскій состоялъ въ семинаріи «приходящимъ» (или, какъ тогда назывались, «квартирнымъ», въ отличіе отъ жившихъ въ семинарскомъ общежитіи воспитанниковъ, которые именовались «корпусными»). Поэтому онъ нѣсколько отступалъ отъ общепринятаго костюма; ходилъ постоянно въ темносинемъ не слишкомъ длинномъ сюртукѣ (длиннополые и черные сюртуки преслѣдовались), такихъ же брюкахъ, иногда, когда нужно, надѣвалъ шинель, а «пушкинская» шляпа прикрывала свѣтло-русые, всегда примазанные и причесанные волосы [2]).

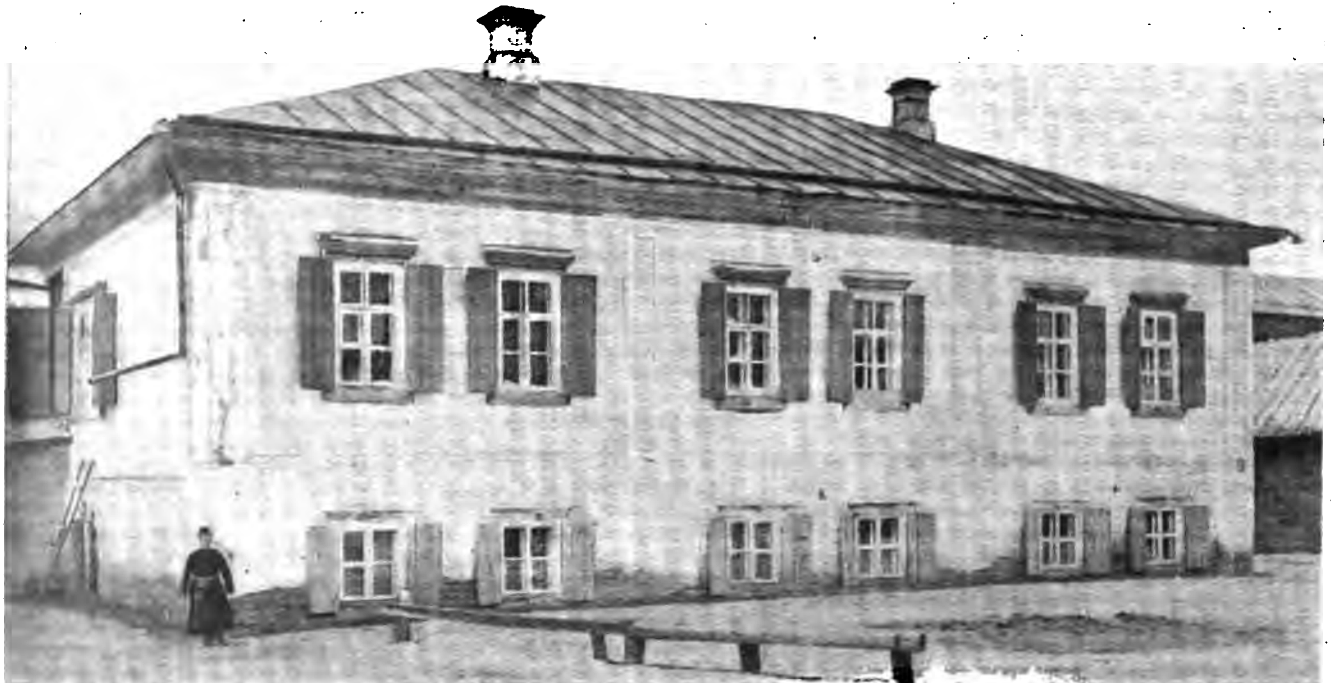
Каждый праздникъ корпусныхъ воспитанниковъ водили ко всенощной и литургіи въ старый (Троицкій) соборъ. Н. Г., какъ своекоштный, могъ бы туда не ходить, однако онъ не пропускалъ ни одной службы и вмѣстѣ съ другими посѣщалъ эту церковь, а не свою (Сергіевскую), гдѣ настоятельствовалъ его отецъ.

Во время пребыванія его въ семинаріи съ отцомъ случилось несчастіе, измѣнившее всю его карьеру. Сильно благоволившій до

---

[1]) Это подтверждаетъ и покойный протоіерей А. П. Розановъ («Русская Старина», 1889 г., т. XI, стр. 501), но Н. У. Палимсестовъ увѣряетъ («Русскій Архивъ», 1890 г., т. IV, стр. 556), что Н. Г. чуждался своихъ товарищей.

[2]) Палимсестовъ же (стр. 555) говоритъ, что у него были «рыжеватыя кудерки».



Домъ А. Н. Никольскаго въ Саратовѣ (противъ сада «Липки»), гдѣ умеръ Н. Г. Чернышевскій.

того къ Гавр. Ив. преосвященный Іаковъ вдругъ почему-то обрушился на него и за неумышленно допущенную имъ незначительную ошибку при записи въ метрическую книгу незаконнорожденнаго сына майора Протопопова сначала (25-го сентября 1843 г.) смѣнилъ его изъ благочинныхъ, а затѣмъ вскорѣ (18-го ноября) уволилъ изъ членовъ консисторіи [1]).

Это обстоятельство сильно повліяло на здоровье о. Гавріила и на отношенія къ нему мѣстнаго духовенства. Даже на сына перемѣнились взгляды семинарскаго начальства. Должно быть, возмущенный такой несправедливостью и не желая, чтобы сынъ терпѣлъ изъ-за него непріятности въ жизни, онъ взялъ Н. Г—ча домой, рѣшивъ опредѣлить въ гражданскую школу, какъ желалъ того и сынъ, врядъ ли, однако, въ то время рѣшившійся бы выйти изъ воли родительской. По крайней мѣрѣ, въ поданномъ имъ 29-го декабря 1845 года прошеніи ректору семинаріи онъ писалъ, что «съ согласія и позволенія родителя моего, протоіерея церкви Нерукотвореннаго Спаса [2]), Гавріила Чернышевскаго, имѣю я желаніе продолжать ученье въ одномъ изъ Императорскихъ русскихъ университетовъ», и просилъ о своемъ увольненіи. На прошеніи была сдѣлана отцомъ собственноручная приписка о его на то согласіи. Желаніе было исполнено, и «9-го января 1846 года» семинарское начальство выдало семнадцатилѣтнему Чернышевскому увольнительное свидѣтельство съ слѣдующими отмѣтками: по философіи, словесности, гражданской, церковно-библейской и россійской исторіи—отлично хорошо; по православному исповѣданію, священному писанію, математикѣ, латинскому, греческому и татарскому языкамъ—очень хорошо, при способностяхъ отличныхъ, прилежаніи неутомимомъ и поведеніи очень хорошемъ [3]).

По выходѣ [4]) изъ семинаріи, Н. Г. сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Нѣмецкому языку училъ его колонистъ Грефъ, по другимъ предметамъ давали ему уроки частію самъ отецъ, частію учителя гимназіи. Въ маѣ 1846 года Евгенія Его-

---

[1]) Изъ послужного списка Г. Ив—ча.

[2]) Такъ называлась, по офиціальнымъ документамъ, Сергіевская церковь.

[3]) Дѣло семинарскаго архива за 1845 г., № 139. Поэтому К. А. Скальковскій въ своей книгѣ: «Наши государственные и общественные дѣятели», 1891, стр. 311, невѣрно говоритъ, что Ч—скій, «по окончаніи курса (?) въ мѣстной семинаріи, перешелъ въ Петербургскій университетъ противъ желанія отца». А. Г. Ѳедоровъ, ни на чемъ не основываясь, разсказываетъ (въ книгѣ «Жизнь русскихъ великихъ людей», 1905, стр. 11), будто Н. Г. «сначала мечталъ поѣхать въ духовную академію и окончить тамъ курсъ со степенью баккалавра, но потомъ, по совѣту одного изъ своихъ родственниковъ, рѣшилъ поступить въ С.-Петербургскій университетъ».

[4]) Онъ вышелъ изъ 2-го класса средняго (философскаго) отдѣленія, не окончивъ послѣдняго.

ровна сама отвезла его въ Петербургъ, гдѣ онъ блестяще сдалъ экзаменъ въ первое отдѣленіе философскаго факультета по разряду общей словесности.

Такимъ образомъ, благодаря незначительному случаю, Н. Г., вмѣсто духовной каѳедры, избралъ свѣтскую, гдѣ прославилъ свое имя. Впослѣдствіи мѣстные духовные дѣятели очень сожалѣли о томъ, что лишились такого избранника. Разсказываютъ, на одномъ какомъ-то званомъ обѣдѣ инспекторъ семинаріи, о. Тихонъ, сказалъ его матери:

— Очень жаль, Евгенія Егоровна, что вы отнимаете у насъ вашего сына, который былъ бы великимъ свѣтильникомъ въ православномъ духовенствѣ.

По словамъ Духовникова [1]), преосвященный Іаковъ оставилъ 300 рублей для изданія ученическихъ сочиненій Ч—го (къ сожалѣнію, нынѣ неизвѣстно куда исчезнувшихъ).

II.

Кончивъ въ 1850 году курсъ со степенью кандидата, Н. Г. былъ оставленъ для занятій при университетѣ. Но родные и особенно горячо любимая мать просили его перевестись на службу поближе къ нимъ, успокоить ихъ на старость. Какъ разъ къ концу года въ саратовской гимназіи освободилось мѣсто старшаго учителя русской словесности. Вслѣдствіе прошенія, высочайшимъ приказомъ 6-го января 1851 года «состоящій въ IX классѣ Н. Г. Чернышевскій» былъ опредѣленъ на эту должность, «съ выдачею ему не въ зачетъ третнаго жалованія (изъ оклада 393 р. 15 к. въ годъ) и прогоновъ отъ С.-Петербурга до Саратова на двѣ лошади» [2]). 4-го февраля онъ прибылъ въ родныя палестины и «вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей».

---

[1]) «Русская Старина», 1890, IX, 560. А. Н. Пыпинъ («Вѣстникъ Европы», 1905, II, 480) увѣряетъ, что во время пребыванія въ Саратовѣ А. В. Терещенко, по порученію преосвященнаго Іакова, Ч—скимъ была исполнена работа, находящаяся въ связи съ изслѣдованіемъ древней ордынской столицы Сарая. И будто потомъ эта объемистая тетрадь была передана епископу. Насколько это вѣрно, не беремся судить. Правда, Терещенко производилъ раскопки Царевскихъ кургановъ въ августѣ и сентябрѣ 1843 года и лѣтомъ 1844 года (см. «Саратовскія Губ. Вѣдом.», 1843 г., №№ 50—52, 1844 г., №№ 40 и 53, и 1845 г., №№ 1—4). Но врядъ ли эти раскопки имѣли какую связь съ порученіемъ преосвященнаго, ибо Царевскій уѣздъ входилъ въ составъ Астраханской епархіи. Не смѣшалъ ли почтенный академикъ тожественную работу Г. С. Саблукова подъ названіемъ: «О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой орды» и «Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства»,—работу, напечатанную послѣднимъ въ «Саратовск. Губ. Вѣдомостяхъ», за 1843 г., № 48, за 1844 г., №№ 26—36, и 1845 г., №№ 13—21? Такъ какъ Саблуковъ былъ частымъ гостемъ и даже родственникомъ Ч—скаго, то возможно, что Н. Г. помогалъ ему отыскивать по картѣ и переводить татарскія названія.

[2]) Изъ его формулярнаго списка. Въ словарѣ Брокгауза, полут. 76, стр. 673, неправильно указано это назначеніе въ 1850 г. А у г. Скальковскаго въ «На-

Въ то время саратовская гимназія считалась одной изъ лучшихъ въ Казанскомъ округѣ. Кончавшіе въ ней курсъ воспитанники пользовались правомъ безъ экзамена поступать въ тамошній университетъ. Однако, учебно-воспитательный режимъ въ ней далеко не отличался гуманностью. Главные руководители ея, два нѣмца: директоръ А. А. Мейеръ и инспекторъ Э. Х. Ангерманнъ, оба кандидаты Казанскаго университета, кажется, «блаженной памяти» попечительства Магницкаго, унаслѣдовали тѣ же пріемы «вычучки», какіе «во времена оны» испытали сами. Шпіонство и розги были на первомъ планѣ воспитанія. Нерѣдко и самъ директоръ дралъ учениковъ за уши и толкалъ ихъ въ шею. Въ тѣ годы сложилось убѣжденіе, что лишь нѣмцы да французы могутъ быть хорошими воспитателями, всецѣло вѣря, что только побоями можно вогнать въ ребенка науку. И нѣмцы зѣло усердствовали въ этомъ отношеніи. За двѣнадцать лѣтъ своего директорства Мейеръ довелъ учениковъ до того, что въ маѣ 1862 года одинъ изъ нихъ, Катинъ-Ярцевъ, нанесъ ему ударъ въ лицо. По произведенному слѣдствію, открылось много случаевъ тяжелаго гнета, который испытывали воспитанники [1]).

Конечно, двадцатитрехлѣтнему Чернышевскому, воспитанному въ правилахъ человѣколюбія, со свѣтлыми идеалами, было тяжело учительствовать при такомъ режимѣ. Онъ не могъ, по своему безобидному характеру, ему сочувствовать. Н. Г. сталъ относиться къ воспитанникамъ иначе: никогда никого не наказывалъ и ни на кого не жаловался. Неизвѣстно, насколько учащіеся успѣвали по его предмету, но «несомнѣнно, говоритъ М. А. Лакомте [2]), ученики его любили и уважали». «Будучи преподавателемъ словесности, онъ иногда, по просьбѣ учениковъ, дѣлалъ отступленія отъ своего предмета и давалъ учащимся объясненія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ. Но при этомъ не былъ тенденціозенъ, не имѣлъ въ виду никакой агитаціи».

Гимназическое начальство, видимо, къ нему благоволило. «Отъ директора Мейера и инспектора Ангерманна,—пишетъ Лакомте,—я слышалъ о Чернышевскомъ немного, но всегда съ большимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ даровитомъ». Достаточно уже отмѣтить

шихъ дѣятеляхъ», стр. 311, помѣщены (безъ указанія источниковъ) такія свѣдѣнія: «По окончаніи въ 1851 году курса, Ч—скій былъ нѣкоторое время учителемъ русской словесности въ родномъ городѣ, затѣмъ въ 1851 году (?), подъ покровительствомъ Введенскаго, попалъ въ преподаватели кадетскихъ корпусовъ, а съ 1853 года сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Современника». Какъ увидимъ ниже, ни одно изъ этихъ указаній не имѣетъ исторической достовѣрности.

[1]) Дѣло саратовскаго губернскаго архива за 1864 г., № 199. Благодаря этому случаю, Мейеръ былъ смѣненъ изъ директоровъ, съ причисленіемъ къ министерству.

[2]) Въ письмѣ ко мнѣ отъ 5 декабря 1904 г.

Памятникъ надъ могилой Н. Г. Чернышевскаго.

то, что черезъ годъ по пріѣздѣ въ Саратовъ ему было поручено (13-го января 1852 г.) завѣдываніе «продажной» (ученической) библіотекой (вмѣсто учителя Колесникова), и эту должность онъ добросовѣстно исполнялъ до окончанія службы въ гимназіи. Фактъ этотъ лучше всего опровергаетъ до сихъ поръ сложившееся убѣжденіе, будто Н. Г. развивалъ предъ учениками гимназіи зловредныя политическія идеи [1]).

Саратовъ въ ту пору, несмотря на свою отдаленность отъ центра просвѣщенія и русской государственной жизни, считавшійся глушью и бывшій мѣстомъ ссылки политическихъ и уголовныхъ преступниковъ, въ научномъ и умственномъ развитіи значительно опередилъ другіе города Поволжья. Въ немъ, и помимо Чернышевскаго, развивались идеи политическаго характера и замѣчалось стремленіе къ прогрессивному движенію. Большая часть дворянства, чиновниковъ и лицъ свободныхъ профессій посвящала свои досуги обсужденію текущихъ событій. Самъ губернаторъ М. Л. Кожевниковъ, человѣкъ добрый, гуманный, просвѣщенный, сочувствовалъ расширенію печатнаго слова и свободѣ мнѣній. Даже «среди учителей было направленіе, свойственное духу того времени» [2]).

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Саратовъ Н. Г. познакомился съ сосланнымъ туда въ 1848 г. извѣстнымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ [3]). Потомъ онъ близко сошелся съ переведеннымъ въ 1852 г. въ Саратовскую гимназію изъ Пензенскаго дворянскаго института учителемъ географіи, также небезызвѣстнымъ впослѣдствіи историкомъ Евгеніемъ Александровичемъ Бѣловымъ. По словамъ г. Лакомте, «Е. А. предоставилъ Чернышевскому переводъ на русскій языкъ «Исторіи XVIII столѣтія Шлоссера». Послѣ кончины Н. Г., Бѣловъ намѣревался написать статью «о преподаваніи Чернышевскаго въ гимназіи». Но работа эта осталась ненапечатанной по независящимъ отъ него обстоятельствамъ такъ же, какъ и труды Евгенія Александровича: «Исторія древней Греціи» и «Исторія древняго Рима», составленные на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій [4]). Въ числѣ другихъ близкихъ знакомыхъ Н. Г. въ Саратовѣ были еще начальникъ отдѣленія мѣстной казен-

---

[1]) Протоіерей Розановъ («Русская Старина», 1889 г., XI, 502), между прочимъ, увѣряетъ, что «много повредила Чернышевскому въ главахъ гимназическаго начальства дружба съ Костомаровымъ, который слылъ въ Саратовѣ за человѣка крайнихъ политическихъ убѣжденій». Но и это невѣрно.

[2]) «Воспоминанія М. А. Лакомте» въ «Трудахъ Сарат. учен. арх. коммиссіи», вып. 23, стр. 15.

[3]) Подробности знакомства Чернышевскаго съ Николаемъ Ивановичемъ см. въ моей статьѣ: «Костомаровъ въ ссылкѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1905 г., кн. IV).

[4]) По письму М. А. Лакомте, 15 декабря 1904 г.

ной палаты Вознесенскій, учитель гимназіи В. Г. Валенцовъ и врачъ С. О. Стефани. Они составляли отдѣльный кружокъ людей «съ либеральнымъ направленіемъ» (въ который другихъ не допускали), вмѣстѣ читали, спорили, обсуждали [1]).

По словамъ архиваріуса Саратовскаго окружнаго суда, В. А. Никольскаго, всѣ они нерѣдко собирались у помѣщицы Чечелевой-Галицкой, на Дворянской (что нынѣ Кострижная) улицѣ [2]), между Никольской и Александровской, гдѣ у нея былъ свой домъ, въ которомъ она проживала въ зимніе мѣсяцы. Во главѣ съ Н. И. Костомаровымъ, занимавшимся въ то время изслѣдованіями мѣстной старины, устраивались литературные вечера, на которыхъ друзья читали вновь вышедшія беллетристическія и историческія произведенія, а иногда прочитывали отрывки изъ своихъ сочиненій или дѣлились добытыми свѣдѣніями по археологіи, исторіи и этнографіи мѣстнаго края. Велись тутъ, говорятъ, и политическіе разговоры.

К. А. Скальковскій называетъ [3]) Чернышевскаго «человѣкомъ, не знавшимъ, что такое развлеченіе, общество женщинъ». Дѣйствительно Н. Г. былъ человѣкъ высокой нравственности. Но, какъ и всѣ, отдалъ дань молодости, и въ пору юности не избѣгалъ свойственныхъ его духу развлеченій и дамскаго общества.

На указанныхъ вечеринкахъ былъ допущенъ и женскій элементъ. Едва ли не тамъ познакомился онъ съ своей будущей женой, Ольгой Сократовной, урожденной Васильевой, дочерью мѣстнаго врача, пользовавшагося большой популярностью въ городѣ. Сократъ Евгеніевичъ занималъ обширную квартиру въ домѣ Ростовцева, по Армянской улицѣ, противъ нынѣшняго сада «Липки» и Александро-Невскаго собора, рядомъ съ архіерейскимъ подворьемъ. У него было три дочери, которымъ онъ далъ гимназическое образованіе.

Всѣ онѣ (какъ и самъ докторъ) отличались нѣкоторыми странностями и большой эксцентричностью. Одѣвались отличительно отъ прочихъ интеллигентныхъ дѣвушекъ, держали себя развязно, либеральничали, принимали участіе въ ученыхъ спорахъ, словомъ—

---

[1]) Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, полут. 76, стр. 673, указывается, что въ Саратовѣ Чернышевскій «сблизился съ нѣкоторыми ссыльными поляками». Между тѣмъ въ мѣстномъ губернскомъ архивѣ не значится по описямъ, алфавитамъ и настольнымъ реестрамъ ни одного дѣла о ссыльныхъ полякахъ за время пребыванія Н. Г. въ Саратовѣ. Если же были сосланы въ Саратовскую губернію поляки, то лишь въ 1831 году. А съ этого времени до 1851 г., когда туда пріѣхалъ Чернышевскій,—«дистанція огромнаго размѣра».

[2]) Улица эта потому именовалась «Дворянской», что на ней исключительно были дома помѣщиковъ и дворянъ.

[3]) См. «Наши государственн. и обществ. дѣятели», стр. 320.

были барышнями «эманципацированными» и въ довершеніе всего «стриглись». Въ обществѣ ихъ считали «отпѣтыми...» [1]).

Домъ ихъ всегда былъ открытъ для молодыхъ людей. Н. Г. считался тамъ едва ли не самымъ почетнымъ гостемъ. Такъ какъ онъ былъ сынъ богатыхъ родителей, занималъ извѣстное положеніе въ обществѣ, и будущность его казалась заманчивой, то за нимъ Васильевы сильно ухаживали. И въ началѣ 1853 г. его «скрутили». Онъ былъ объявленъ женихомъ средней изъ дочерей доктора.

Это сватовство поселило въ семьѣ Н. Г. разладъ, такъ какъ О. С. не соотвѣтствовала его роднымъ ни по характеру, ни по своимъ воззрѣніямъ и жизни. Особенно сильно повліялъ поступокъ сына на мать Евгенію Егоровну, державшуюся иныхъ убѣжденій на обязанности и задачи женщины. Съ горя она опасно занемогла и 19-го апрѣля того же 1853 г., на Пасху, скончалась, горько оплакиваемая осиротѣвшимъ мужемъ.

Черезъ три дня происходили ея похороны, — разсказываетъ В. А. Никольскій.—Народу провожало много. Н. Г. почти до самаго кладбища несъ съ прочими родственниками гробъ дорогой усопшей. Въ числѣ провожавшихъ была и его невѣста. Ч—скій не проронилъ ни одной слезинки надъ трупомъ любимой матери. Напротивъ, когда гробъ опустили въ могилу и зарыли землей, онъ, будто ни въ чемъ не бывало, закурилъ папиросу, взялъ подъ руку О. С., и оба пѣшкомъ отправились домой. Многимъ такой поступокъ показался страннымъ. Къ еще большему прискорбію родныхъ, онъ, какъ нарочно, опоздалъ на поминальный обѣдъ.

Кончина матери развязала Н. Г. руки. Теперь его ничто не задерживало въ Саратовѣ, гдѣ онъ томился бездѣятельностью [2]). Его давно тянуло въ столицу на просторъ умственной работы. Отпраздновавъ на «Красной горкѣ» свадьбу, Ч—скій въ маѣ того же года взялъ двадцативосьмидневный отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о своемъ переводѣ изъ саратовской гимназіи [3]). Въ судьбѣ его принялъ участіе извѣстный педагогъ И. И. Введенскій, тоже уроженецъ Саратовской губерніи, съ которымъ Н. Г. познакомился, еще будучи въ университетѣ. Въ ту пору Иринархъ

---

[1]) Какъ разсказываетъ старушка Сусанна Васильевна Тикунова, служившая нѣсколько времени у Чернышевскихъ въ прислугахъ и нынѣ здравствующая (въ домѣ А. М. Никольскаго, противъ сада «Липки»).

[2]) Въ теченіе своего трехлѣтняго пребыванія въ Саратовѣ онъ успѣлъ напечатать въ «Отечеств. Запискахъ», 1853 г., VII, стр. 16—24, рецензію на сочиненіе Гильфердинга: «О сродствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ», если не считать помѣщеннаго въ томъ же году въ «Прибавленіи къ Извѣстіямъ II отдѣл. Императ. Академіи Наукъ» «Опыта словаря къ Ипатьевской лѣтописи», написаннаго имъ, однако, еще во время пребыванія въ университетѣ.

[3]) Изъ его послужного списка.

Ивановичъ занималъ вліятельное положеніе въ педагогическомъ персоналѣ военно-учебныхъ заведеній. Поэтому ему не составило большого труда пристроить Чернышевскаго въ Петербургѣ. «Вслѣдствіе ходатайства главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній государя наслѣдника цесаревича,—какъ значится въ формулярномъ спискѣ Н. Г., — высочайшимъ приказомъ 24-го января 1854 года за № 5» онъ былъ «перемѣщенъ во второй кадетскій корпусъ на должность учителя третьяго рода».

Въ Саратовѣ объ этомъ переводѣ узнали только въ концѣ слѣдующаго мѣсяца [1]). По этому поводу директоръ гимназіи обратился съ запросомъ къ попечителю Казанскаго учебнаго округа. 24-го марта былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ генералъ Молоствовъ, дѣлая распоряженіе объ отчисленіи Чернышевскаго, сообщалъ одновременно о назначеніи на его мѣсто младшаго учителя пензенской гимназіи, Масальскаго. 28-го марта Н. Г. былъ «уволенъ отъ занимаемой должности», и въ апрѣлѣ вмѣстѣ съ женой уѣхалъ изъ Саратова.

Онъ такъ торопился отъѣздомъ, что не успѣлъ получить причитающагося ему за эти 28 дней жалованья—по расчету 29 рублей 96 коп. Въ сентябрѣ гимназическое начальство выслало ему эти деньги прямо въ кадетскій корпусъ, удержавъ изъ нихъ 14 рублей 10 коп. за взятыя имъ изъ фундаментальной библіотеки книги и при отъѣздѣ не возвращенныя [2]).

Н. Г., однако, не прервалъ окончательно связи съ роднымъ городомъ, часто писалъ туда роднымъ и знакомымъ, съ возраставщимъ интересомъ слѣдившимъ за его литературными успѣхами въ «Современникѣ», гдѣ онъ почти съ первыхъ дней пріѣзда въ Петербургъ занялъ исключительное положеніе. Саратовцамъ, пріѣзжавшимъ въ столицу для поступленія въ высшія учебныя заведенія, квартира Чернышевскаго была всегда привѣтливо открыта. Особенною ласкою, какъ говорятъ, пользовались саратовцы отъ его супруги, Ольги Сократовны.

Каждый годъ лѣтомъ Чернышевскій пріѣзжалъ въ Саратовъ навѣстить старика отца, за послѣднее время, послѣ смерти жены, часто прихварывавшаго.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Н. Г. изъ Саратова, преосвященный Іоанникій назначилъ (29-го августа 1856 года) его отца штатнымъ протоіереемъ въ Александро-Невскій каѳедральный соборъ. Гавріилъ Ивановичъ былъ еще бодрый старикъ, но въ послѣдніе годы у

---

[1]) Изъ «Сенатскихъ Вѣдомостей», отъ 5-го февраля, № 11.

[2]) Вотъ эти книги: «Извѣстія Академіи Наукъ», 1852 г.—3 р., «Стихотворенія Кольцова»—6 р., «Москвитянинъ» за 1852 г., томы 9—10—2 р. 50 к. и «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»—2 р. 60 к. По этому до нѣкоторой степени можно судить, чѣмъ въ то время интересовался Чернышевскій.

него начала развиваться болѣзнь сердца, замѣченная пользовавшимъ его врачемъ, хотя самъ больной едва ли подозрѣвалъ въ себѣ эту болѣзнь. Однако, замѣтивъ дурное вліяніе на себя крѣпкаго чая, онъ, дотолѣ любитель его, сталъ въ этомъ отношеніи болѣе воздерженъ. Докторъ старался успокоить встревоженнаго слухами о болѣзни отца сына, что больной при условіи спокойной жизни можетъ прожить до глубокой старости. Окружающіе также не предвидѣли скорой его кончины. Но вдругъ 23-го октября 1861 года, въ 9 часовъ утра, о. протоіерей внезапно скончался, сидя въ креслѣ и, повидимому, спокойно разговаривая съ Н. Д. Пыпинымъ о своихъ служебныхъ дѣлахъ. Съ нимъ сдѣлался ударъ на 68 году жизни [1]).

Похороны его, 25-го октября, прошли при громадномъ стеченіи разношерстнаго люда. Любимаго пастыря провожалъ чуть не весь городъ. Самъ преосвященный со всѣмъ городскимъ духовенствомъ совершалъ погребеніе. Г. И. похороненъ на Воскресенскомъ (Пичуженскомъ) кладбищѣ, около церкви, въ одномъ склепѣ съ женой.

III.

Благодаря появившимся за послѣднее время въ печати воспоминаніямъ и разсказамъ современниковъ, извѣстный процессъ Н. Г. Ч—скаго начинаетъ мало-по-малу выясняться, хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ можно было бы ожидать, если бы были опубликованы подлинные архивные документы о его преступленіи. Дѣло въ томъ, что въ изданныхъ разсказахъ трудно доискаться истины. Напримѣръ, какъ ни странно, въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ даже неодинаково указывается время его ареста и заключенія въ Петропавловскую крѣпость. Такъ, въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1889 г., XII, стр. 646, «Русской Старинѣ», 1890 г.,

[1]) Свѣдѣнія взяты изъ метрической книги Александро-Невскаго собора. Между тѣмъ Хованскій («Очерки Саратова», 56) увѣряетъ, что онъ скончался 22-го октября. Видимо, слѣдуя этому указанію, и г. Палимсестовъ («Русскій Архивъ», 1890, IV, 562) пріурочиваетъ его кончину ко дню праздника Казанской Божіей Матери, когда Г. И. будто бы готовился къ архіерейской литургіи въ Казанской церкви и, въ ожиданіи благовѣста, сидѣлъ въ креслѣ. Въ это де время получилъ вѣсть объ арестѣ сына. Ту же сказку сообщаетъ и протоіерей Розановъ («Русская Старина», 1889, XI, 502), будто на одномъ многолюдномъ обѣдѣ о. Гавріила спросилъ ректоръ семинаріи: «правда ли, что Н. Г. посаженъ въ крѣпость?» Въ дѣйствительности же ничего подобнаго не могло быть, такъ какъ арестъ Н. Г. произошелъ въ 1862 г. Мнѣ, впрочемъ, разсказывали въ Саратовѣ, что извѣстный издатель «Домашней Бесѣды» Аскоченскій, завидуя успѣху «Современника», сообщилъ Гавріилу Ивановичу, что его сынъ сотрудничаетъ въ столь «пакостномъ» журналѣ, распространяетъ зловредныя политическія идеи и участвуетъ въ политическихъ кружкахъ. И это извѣстіе якобы такъ повліяло на отца, что съ нимъ сдѣлался смертельный ударъ. Однако, нельзя довѣрять и этому разсказу, хотя болѣе достовѣрному.

V, 452, и книгѣ г. Скальковскаго «Наши государственные и общественные дѣятели», изд. 2-е, стр. 315, это событіе пріурочено къ 7-му іюля 1862 года, тогда какъ въ словарѣ Брокгауза (76 полут., стр. 675)—къ 12-му іюня того же года. Послѣдняя справка принадлежитъ перу извѣстнаго біографа г. Венгерова, а ему, казалось бы, и книги въ руки.

По словамъ издателя «Закаспійскаго Обозрѣнія» г. Ѳедорова [1]), осужденіе Ч—скаго на каторгу основывалось на обвиненіи его: 1) въ преступныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, 2) участіи въ составленіи и напечатаніи прокламаціи къ крестьянамъ и 3) въ составленіи письма преступнаго содержанія къ поэту Плещееву. Первый пунктъ обвиненія сводился къ нулю, такъ какъ «сношенія» заключались въ отказѣ Чернышевскаго перенести изданіе «Современника» за границу, какъ то предлагалъ Герценъ; по второму обвиненію былъ де обнаруженъ подкупъ лжесвидѣтеля со стороны единственнаго обвинителя, и, наконецъ, третій пунктъ былъ основанъ на подложномъ документѣ.

Какъ не повѣрить всему этому, разъ мы знаемъ, что г. Ѳедоровъ состоялъ личнымъ секретаремъ Н. Г. во время пребыванія послѣдняго въ Саратовѣ?! Нашелся еще одинъ писатель, г. Захарьинъ (Якунинъ), смѣло удостовѣряющій [2]) по слухамъ (!), что указанное подложное письмо было предъявлено Чернышевскому на судѣ: «Подсудимый, взявъ письмо, прочелъ его; затѣмъ, разглядывая на свѣтъ, указалъ превусу военно-судной комиссіи на водяные знаки почтоваго листа», которые удостовѣряли, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 г., а подъ письмомъ поддѣльной рукой Чернышевскаго выставленъ годъ 1863-й.

Къ сожалѣнію, въ своихъ ни на чемъ неоснованныхъ писаніяхъ авторы не обратили вниманія на одно забытое ими обстоятельство, которое самымъ положительнымъ образомъ опровергаетъ сообщенныя ими даты. Ни въ 1863-мъ, ни въ 1864-мъ годахъ Чернышевскій, сидя въ крѣпости, не могъ написать подобнаго письма, а если бы судьи захотѣли обосновать свои обвиненія хотя бы на подложномъ документѣ, то во всякомъ случаѣ таковой былъ бы сфабрикованъ съ датой болѣе ранняго періода.

Въ данномъ случаѣ заслуживаетъ болѣе вѣроятія мнѣніе г. Скальковскаго [3]), что Чернышевскій «пострадалъ скорѣе за свою подцензурную дѣятельность въ печати, признанную опасною для существующаго порядка». Нельзя только согласиться съ данными того же автора, будто Н. Г. «окончилъ романъ «Что дѣлать» пред-

---

[1]) См. его книгу: «Н. Г. Чернышевскій», 1905, стр. 84—85.

[2]) «Новое Время», 1904 г., № 10321.

[3]) Тамъ же, № 10303. Это доказываетъ и г. Рейнгардтъ («Русская Старина», 1905 г., II, 464).

сказаніемъ, что случится нѣчто радостное черезъ четыре года, и помѣтилъ романъ 4-мъ апрѣля», почему, «когда случилось злодѣйское покушеніе Каракозова, Чернышевскаго допрашивали спеціально, не разумѣлъ ли онъ это покушеніе въ своемъ романѣ».

Въ дѣйствительности ничего подобнаго быть не могло. Чернышевскій писалъ романъ въ казематѣ [1]). Напечатанъ же былъ онъ въ «Современникѣ» 1863 г., № 3, стр. 5—142, № 4, стр. 373—526, и № 5, стр. 55—197 (т.-е. мартъ, апрѣль, май). При существовавшихъ въ то время техническихъ условіяхъ печатанія, послѣднія главы романа должны были быть сданы въ типографію не позднѣе конца марта. Если же добавить къ этому, что романъ предварительно отдавался на просмотръ начальника III отдѣленія генерала Потапова [2]), то Чернышевскій обязанъ былъ окончить его значительно раньше. Допуская, однако, окончаніе его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, все-таки между 1863 г. и 1866 годомъ (временемъ покушенія Каракозова) не выйдетъ указанныхъ г. Скальковскимъ четырехъ лѣтъ.

Подобные разсказы смахиваютъ на легенды, какихъ о Чернышевскомъ въ свое время распространялось много. Еще не такъ давно (въ «Нашихъ Дняхъ» за 1905 г., № 30) сообщилъ одну легенду В. Г. Короленко. Разсказывали и мнѣ нѣчто подобное, будто послѣ его осужденія, передъ ссылкой въ Сибирь, императоръ Александръ II призывалъ Чернышевскаго къ себѣ и предлагалъ ему отказаться отъ своихъ теорій и убѣжденій; тогда де онъ будетъ прощенъ, его не станутъ преслѣдовать и даже дадутъ ему соотвѣтствующую должность. Но Чернышевскій былъ не преклоненъ.

— Я пишу и говорю сознательно, и твердо убѣжденъ въ своихъ идеяхъ,—отвѣчалъ онъ.

Какъ можно судить по архивнымъ документамъ, Чернышевскаго (уже сосланнаго въ каторгу) допрашивали по поводу событія 4-го апрѣля, вслѣдствіе того, что Каракозовъ былъ нѣкоторое время ученикомъ саратовской гимназіи. Изъ этого незначительнаго факта вывели заключеніе, что преступныя идеи послѣднему вложены Н. Г. Такого убѣжденія держался и назначенный 14-го апрѣля 1866 г. министромъ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой, какъ это высказалъ онъ, при посѣщеніи 23-го августа того же года Саратова, преподавателямъ тамошней гимназіи [3]). Въ своей рѣчи

---

[1]) Это обстоятельство подтверждаетъ и самъ г. Скальковскій въ «Нашихъ госуд. и обществ. дѣятел.», стр. 316.

[2]) По словамъ г. Скальковскаго; но г. Рейнгардтъ увѣряетъ (въ «Русской Старинѣ», 1905 г., II, 464), что романъ Чернышевскаго разрѣшилъ къ печатанію министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ.

[3]) См. о томъ въ моей статьѣ «Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ годовъ» («Русская Старина», 1905 г., III, стр. 690—691).

графъ прямо заявилъ, что въ саратовской гимназіи находились ранѣе «личности, которыя не должны были бы выступать на учительское поприще: онѣ принимали на себя эту обязанность не для пользы юношества, а ко вреду для него, для распространенія разрушительныхъ идей».

На самомъ же дѣлѣ и этого не было. При тогдашней строгости и чуть ли не іезуитскомъ надзорѣ за учениками съ шпіонствомъ и доносами, Н. Г. не могъ, если бы даже и хотѣлъ, развивать предъ учащимися «зловредныя теоріи и идеи» въ классахъ на урокахъ, а еще того менѣе на такъ называемыхъ «литературныхъ бесѣдахъ», душою и руководителемъ коихъ онъ былъ съ самаго пріѣзда въ Саратовъ (хотя, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, бесѣды эти съ учащимися и ранѣе велись въ гимназіи преподавателями). Темы для бесѣдъ въ большинствѣ случаевъ указывались округомъ, а написанныя учащимися сочиненія просматривались, помимо учителей, инспекторомъ и иногда директоромъ гимназіи. На самыхъ же бесѣдахъ присутствовали не только другіе преподаватели, но и часто гимназическое начальство. Наконецъ, если бы что либо зловредное, въ смыслѣ воспитанія, было замѣчено за Чернышевскимъ, то начальство гимназіи не назначило бы его, какъ указано выше, завѣдующимъ «продажной» (ученической) библіотекой.

По своей скромности, Чернышевскій не открывалъ никому своихъ завѣтныхъ думъ. И онъ мало что писалъ изъ этого захолустья, начавъ помѣщать публицистическія статьи въ «Современникѣ» уже послѣ отъѣзда изъ Саратова. Такимъ образомъ и съ этой стороны онъ былъ неповиннымъ «въ развращеніи юношества», не уронивъ, по тогдашнимъ взглядамъ, «священной обязанности учителя».

Судя по приведенной рѣчи, трудно допустить даже мысль, чтобы графъ Толстой, ставшій позднѣе министромъ внутреннихъ дѣлъ, отрѣшился отъ своихъ взглядовъ на Чернышевскаго и сталъ хлопотать о возвращеніи его изъ ссылки. Вѣрнѣе всего, переселеніе въ 1883 г. писателя изъ Вилюйска въ Астрахань произошло подъ давленіемъ болѣе сочувствующихъ его положенію лицъ [1]).

IV.

Двадцать лѣтъ ссылки сильно надломили здоровье Н. Г. Уѣхалъ онъ туда въ 1864 г. цвѣтущимъ мужчиной (36 лѣтъ), а возвратился въ Астрахань уже старикомъ съ тяжелымъ недугомъ, нажитымъ въ дебряхъ сѣверной тайги. Рѣзкая перемѣна климата— съ далекаго сѣвера на жаркій югъ, и перемѣна пищи еще болѣе

[1]) Какъ пишетъ о томъ г-жа Глинка въ «Нашей Жизни» отъ 16-го ноября 1904 года.

способствовали развитію катарральнаго состоянія его желудка. Въ послѣдніе годы ссылки въ Вилюйскѣ ему, говорятъ, часто приходилось довольствоваться только зеленью, ягодами да чернымъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ древесной корой, а въ Астрахани на скромномъ столѣ писателя преобладала рыба, какъ самый дешевый продуктъ этого города.

Въ послѣднемъ Чернышевскій поселился съ женой. Отпускаемыхъ ему литературнымъ фондомъ средствъ было вполнѣ достаточно при его скромныхъ требованіяхъ и при тамошней дешевизнѣ жизни.

Прибылъ онъ туда во время губернаторства генералъ-майора Евгенія Осиповича Янковскаго, человѣка образованнаго и мягкосердечнаго. На первыхъ же порахъ приняли тамъ въ немъ близкое участіе небезызвѣстный общественный дѣятель В. М. Лазаревскій, сначала заступающій мѣсто городского головы (съ 10-го декабря 1880 г.), а потомъ (съ 12-го декабря 1886 г.) городской голова, и редакторъ-издатель мѣстнаго «Справочнаго Листка», Л. Т. Росляковъ (скончавшійся 8-го ноября 1887 г.). Среди друзей Н. Г. не разъ возникали попытки объ исходатайствованіи ему полной свободы, съ переселеніемъ его, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, въ болѣе умѣренный климатъ. Къ сожалѣнію, благодаря нѣкоторымъ перемѣнамъ въ мѣстномъ административномъ управленіи, первое время сдѣлать этого было нельзя. Губернаторъ Янковскій, по своему характеру, можетъ быть, и согласился бы возбудить о томъ ходатайство предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но онъ пробылъ въ Астрахани только до 24-го августа 1883 г. Назначенный же на его мѣсто генералъ-майоръ Н. И. Петровъ[1]) въ Астрахань не пріѣзжалъ и лишь числился на должности до 18-го января 1884 года. А слѣдующій губернаторъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ Н. М. Цеймернъ (съ 1-го февраля 1884 г.), далеко не сочувствовалъ Чернышевскому и вообще политическимъ ссыльнымъ. Явилась возможность облегчить участь Н. Г. только съ пріѣздомъ (6-го сентября 1888 г.) въ Астрахань губернатора князя Л. Д. Вяземскаго[2]), человѣка гуманнаго, просвѣщеннаго и при томъ имѣвшаго въ Петербургѣ большія связи. Благодаря хлопотамъ послѣдняго, въ маѣ 1889 г. Чернышевскому было разрѣшено переѣхать на родину.

Сначала въ Саратовъ недѣли за двѣ впередъ отправилась Ольга Сократовна, чтобы пріискать для мужа подходящую квартиру, такъ какъ отцовскій домъ былъ не свободенъ. Въ немъ жилъ присяжный повѣренный Александръ Ардаліоновичъ Токарскій (сдѣлавшійся потомъ самымъ близкимъ человѣкомъ Н. Г—ча).

---

[1]) Впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

[2]) Генералъ-майоръ, кн. Леонидъ Дмитріевичъ, былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ астраханскаго казачьяго войска 31-го іюля 1888 г., а 19-го апрѣля 1890 г. переведенъ п. д. управляющаго департаментомъ удѣловъ.

Заботясь объ удобствахъ и спокойствіи мужа, О. С. наняла (за 600 рублей въ годъ) второй этажъ дома чиновника А. М. Никольскаго въ самой лучшей и центральной части города, на Соборной площади, противъ сада «Липки», рядомъ съ домомъ Шмидта. Домъ этотъ, сохранившійся почти въ томъ же видѣ, когда въ немъ жилъ Чернышевскій, находится въ глубинѣ двора; высокій заплотъ и тесовыя (покосившіяся теперь) ворота совершенно закрывали его отъ любопытныхъ взоровъ съ улицы. Правѣе воротъ былъ небольшой садикъ, огороженный рѣшеткой, гдѣ могъ погулять и отдохнуть Н. Г. въ часы досуга. На дворѣ, отъ самыхъ воротъ, росла густая трава (хозяйственныя постройки находились позади дома). Изъ оконъ квартиры Чернышевскихъ было видно каждаго, проходившаго въ ворота.

О. С—на, должно быть, нарочно сняла такое помѣщеніе въ татарскомъ вкусѣ, чтобы никто изъ проходящихъ мимо не могъ видѣть Н. Г—ча. Она, говорятъ, ревниво оберегала покой мужа и, елико возможно, старалась не допускать къ нему постороннихъ. Послѣднее распоряженіе, впрочемъ, по словамъ А. А. Токарскаго, было сдѣлано самимъ Н. Г—чемъ для того, чтобы избѣжать лишнихъ разспросовъ и безполезныхъ разговоровъ. Послѣ возвращенія его изъ ссылки, во время пребыванія его въ Астрахани, да и въ Саратовѣ также, къ нему съ докучливыми допросами и сообщеніями иногда пріѣзжали такіе посѣтители, которыхъ онъ никогда не видалъ и даже не слышалъ объ ихъ существованіи. Нѣкоторые изъ нихъ считали за какую-то великую обязанность проѣздомъ по Волгѣ остановиться въ Саратовѣ и явиться къ Н. Г—чу, чтобы «отвѣсить ему поклонъ». Многіе надоѣдали ему письмами, развивая въ нихъ свои идеи, отъ которыхъ былъ далекъ Чернышевскій. Велъ онъ жизнь замкнутую, уединенную, хотя въ обществѣ своихъ близкихъ знакомыхъ отличался рѣдкимъ одушевленіемъ и говорливостью.

«Бывало, — разсказываетъ г. Токарскій, — зайдешь къ нему вечеркомъ, какъ смеркнется, когда работать при дневномъ свѣтѣ уже нельзя, а огонь зажигать еще рано. Сядетъ онъ на диванѣ въ уголокъ, и польются нескончаемыя рѣчи. Говорилъ онъ много, говорилъ обо всемъ, вспоминалъ свою трудовую, печальную жизнь, разсказывалъ о своей ссылкѣ, о Сибири, но не жаловался на свою судьбу, не обвинялъ никого. А то начнетъ развивать философскія воззрѣнія или соціальныя теоріи. Заслушаешься, и не хочется уходить. Обыкновенно наши бесѣды прерывала Ольга Сократовна. Придетъ часовъ въ девять въ кабинетъ и гонитъ меня:

— «Пора расходиться: уходите, уходите!..

— «Мы сейчасъ,—скажетъ Н. Г. и продолжаетъ начатый разговоръ.

«Раза два, три напомнитъ ему О. С., надоѣстъ; тогда онъ затворяетъ дверь кабинета.

— «Ну, матушка, у насъ было условіе—не переступать этого порога,—и спокойно снова сядетъ на прежнее мѣсто.

«О. С. нѣкоторое время побранится изъ-за двери.

— «Ну, такъ я уйду спать,—крикнетъ она напослѣдокъ, когда всѣ ея резоны иссякнутъ.

— «Уходи!

«И продолжается наша бесѣда далеко за полночь».

Н. Г. рѣдко выходилъ изъ дома. Тѣмъ не менѣе, О. С. подрядила для его разъѣздовъ по городу особаго извозчика за 50 рублей въ мѣсяцъ и, конечно, пользовалась имъ только одна.

Прибылъ Н. Г. въ Саратовъ 28-го іюня 1889 года, уже тогда, когда квартира была вполнѣ ему приготовлена. Онъ совсѣмъ погрузился въ литературныя занятія; всѣ дни проводилъ за переводомъ «Исторіи» Вебера, диктуя своему секретарю [1]) иногда до полутора печатныхъ листовъ въ день. Онъ работалъ лихорадочно, чувствуя, видимо, приближеніе конца своего земного существованія. Мало того, по настоянію близкихъ къ нему, онъ составлялъ записки о своей жизни, о пребываніи въ Сибири, литературной дѣятельности. Часть этихъ записокъ захватилъ его секретарь, а нѣсколько тетрадокъ, находившихся въ его письменномъ столѣ, успѣлъ спасти А. А. Токарскій и, послѣ смерти Н. Г—ча, переслалъ въ Петербургъ А. Н. Пыпину [2]).

Въ Саратовѣ Чернышевскій пользовался полной свободой; благодаря гуманности и распоряженіямъ губернатора ген.-лейт. А. И. Косича [3]), полиція его не преслѣдовала, и никакого надзора за нимъ не было. Въ средствахъ, видимо, онъ не нуждался. Ему помогалъ литературный фондъ, да зарабатывалъ онъ отъ издателя «Исторіи» Вебера, К. Т. Солдатенкова.

Разъ случился такой курьезъ, разсказываетъ хозяинъ его квартиры, А. М. Никольскій. Н. Г—чу изъ Петербурга прислали

---

[1]) Какъ указано выше, секретаремъ у него былъ нынѣшній редакторъ-издатель «Закаспійскаго Обозрѣнія», К. М. Ѳедоровъ, которому онъ платилъ 25 рублей въ мѣсяцъ. Между тѣмъ, В. Г. Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ о Чернышевскомъ («Русское Богатство», 1904 г., XI) называетъ секретаремъ его племянницу, хотя не означаетъ ни имени ея, ни фамиліи. Намъ извѣстно, что у Ч—го не было «племянницъ». Въ своей книжкѣ: «Н. Г. Чернышевскій», стр. 17, г. Ѳедоровъ говоритъ больше о себѣ, чѣмъ о писателѣ. Напримѣръ, подъ диктовку его онъ «до того набилъ руку, что ежедневно ухитрялся писать въ среднемъ по 16 страницъ печатнаго текста». Для публики же было бы болѣе интересно знать, сколько Ч—скій «ухитрялся» переводить въ день «Исторіи» Вебера.

[2]) По словамъ А. В. Смирнова («Русская Старина», 1890 г., V, 465), послѣ Н. Г—ча осталось нѣсколько начатыхъ имъ, но не доконченныхъ статей. Между прочимъ, повѣсть «Вечера у княгини Старобѣльской» и «Отвѣтъ стараго трансформиста автору помѣщенной въ 1888 г. въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» критики на «Теорію благотворности борьбы за жизнь». Можетъ быть, это и вѣрно, только находившійся при послѣднихъ дняхъ Н. Г—ча. г. Токарскій не могъ подтвердить этого.

[3]) Нынѣ командующій войсками Казанскаго военнаго округа.

деньги, адресованныя на его имя. Чернышевскій самъ отправился на почту получить ихъ. Приходитъ въ контору на Большой Сергіевской улицѣ и подаетъ завѣдующему денежной корреспонденціей чиновнику повѣстку, не засвидѣтельствованную, однако, въ полиціи, такъ какъ Н. Г. былъ увѣренъ, что и безъ удостовѣренія можно получить деньги, если есть въ рукахъ повѣстка. «Вѣдь таковую, — разсуждалъ онъ, — въ чужую квартиру не принесетъ почтальонъ».

— Я не могу выдать деньги,—заявилъ чиновникъ.

— Почему?

— Нужно удостовѣреніе вашей личности.

— Фу, какая формальность! Вѣдь меня же здѣсь знаютъ: я—Чернышевскій.

— Этого не достаточно.

Дальше, больше. Н. Г. сталъ горячиться. На шумъ прибѣжалъ помощникъ начальника конторы Бековъ. Съ помощью послѣдняго, хорошо знавшаго писателя, удалось наконецъ уладить размолвку, и Н. Г—чу былъ выданъ денежный пакетъ подъ расписку въ книгѣ. Послѣ этого случая онъ пересталъ ходить на почту, предоставивъ полученіе корреспонденціи своей женѣ.

Здоровье его въ Саратовѣ сильно пошатнулось. Онъ часто прихварывалъ, чему отчасти былъ самъ причиной. Любилъ онъ очень молоко, разсказываетъ старушка Тикунова[1]). Въ Астрахани этого продукта трудно было найти въ неподмѣшанномъ видѣ. Ну, а въ Саратовѣ въ то время молоко было дешевле и безъ примѣсей. И онъ налегъ на него, но желудокъ плохо переваривалъ эту пищу. Выпьетъ молока, а пилъ онъ его много, надѣясь поправить здоровье,—сейчасъ разстройство. Мучится, бѣдняга, цѣлыя сутки. На другой день ему варятъ только одну гречневую кашицу...

Окружающіе уже привыкли къ такимъ явленіямъ, и никто не ожидалъ его близкой кончины. Напротивъ, всѣ были увѣрены, что онъ еще долго «проскрипитъ». Замышляли даже въ зиму 1889 г. избрать его членомъ общественнаго клуба (который находился всего въ какихъ нибудь 20—30 шагахъ отъ его квартиры, въ Гимназическомъ переулкѣ). Тамъ, за буфетомъ, была намѣчена одна, отдѣленная отъ прочихъ и малозамѣтная комната, гдѣ предполагалось устроить нѣчто въ родѣ аудиторіи, чтобы Н. Г. могъ отвести душу съ избранными друзьями и подѣлиться съ ними своими знаніями. Но судьба судила иначе.

Наканунѣ рокового дня, послѣ усиленной работы, у Чернышевскаго открылась инфлюенція въ легкой формѣ. «Вечеромъ,— говоритъ А. А. Токарскій, — я былъ у него, и онъ на особенную боль не жаловался. Разстались мы часовъ въ десять, пожелавъ

[1]) Бывшая прислуга Чернышевскихъ.

другъ другу покойной ночи, и я ушелъ домой. Часа въ три утра вдругъ меня будятъ:

— «Николай Гавриловичъ приказалъ вамъ долго жить».

Ночью же съ нимъ сдѣлался припадокъ, и въ 12-ть часовъ 37 минутъ съ 16-го на 17-е октября писателя не стало, онъ скончался отъ кровоизліянія въ мозговую область, не приходя въ сознаніе. Черезъ четыре дня происходили его похороны. До отпѣванія, по настоянію О. С., два раза въ день служили въ домѣ панихиды.

Мѣстный фотографъ-любитель Ольденбургъ сдѣлалъ снимокъ съ покойнаго на смертномъ одрѣ.

При кончинѣ Н. Г. находился младшій сынъ, Михаилъ Николаевичъ [1]). Ожидали пріѣзда изъ-за границы старшаго сына Александра, но онъ прислалъ только чудный серебряный вѣнокъ на могилу отца. Были присланы еще вѣнки отъ редакцій нѣкоторыхъ журналовъ, отъ общества московскихъ и петербургскихъ литераторовъ, Саратовской губернской земской управы, и, между прочимъ, отъ студентовъ, кажется, варшавскихъ университета и ветеринарнаго института, съ характерной надписью: «Автору «Что дѣлать», вызвавшею нѣкоторое недоразумѣніе.

Ольга Сократовна почему-то нашла неудобной эту надпись и велѣла срѣзать у вѣнка ленты. Послѣ этого одинъ вѣнокъ среди другихъ съ лентами казался «куцымъ». Чтобы не возбуждать подозрѣнія, знакомые Н. Г. настояли срѣзать ленты и у всѣхъ прочихъ вѣнковъ [2]). Это незначительное обстоятельство повело къ тому, что часть публики, незнакомая съ дѣломъ, распустила по городу слухъ, будто ленты были срѣзаны по распоряженію прокурора Саратовскаго окружного суда, Сахарова.

Вслѣдствіе приказа губернатора, при совершеніи погребальнаго обряда, не вмѣшивались ни судебныя, ни полицейскія власти. Лишь на случай могущей быть манифестаціи среди молящихся (какъ въ домѣ на панихидахъ, такъ и въ церкви на отпѣваніи) были командированы переодѣтые агенты сыскного отдѣленія.

21-го октября въ девять часовъ утра гробъ съ бренными останками Н. Г. былъ перенесенъ на рукахъ изъ квартиры въ Сергіевскую церковь. Народу собралось столь много, что, какъ говорится, «негдѣ было яблочку упасть». Литургію и отпѣваніе совершалъ преклонныхъ лѣтъ протоіерей Лаврентій Ив. Нечаевъ [3]).

Изъ церкви погребальная процессія, сопровождаемая многочисленной толпой, направилась по Большой Сергіевской улицѣ

---

[1]) Нынѣ служитъ въ Петербургѣ въ министерствѣ финансовъ.

[2]) Вышеприведенныя свѣдѣнія сообщены мнѣ А. А. Токарскимъ.

[3]) Впослѣдствіи, говорятъ, онъ все опасался и вздыхалъ, какъ бы ему чего не было за то, что онъ хоронилъ Чернышевскаго...

мимо дома Чернышевскихъ, гдѣ была совершена краткая литія, повернувъ отсюда по Гимназической улицѣ на Соборную площадь. Литіи были отслужены еще противъ зданій 1-й мужской гимназіи и у квартиры Н. Г. Далѣе процессія прошла по Соборной и Московской улицамъ. Горожане до самаго кладбища несли гробъ на рукахъ.

Н. Г. похороненъ въ одномъ склепѣ съ отцомъ и матерью. Могила находится по правую сторону Воскресенской церкви, огороженная навѣсомъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, увѣшаннымъ по стѣнамъ вѣнками. На задней внутренней сторонѣ придѣланъ подъ стекломъ фотографическій портретъ писателя, снятый во время пребыванія его въ Астрахани. На передней наружной—вверху прибита металлическая доска съ начертанной на ней надписью:

Николай Гавриловичъ
Чернышевскій
р. 12 іюля 1828 г.
† 17 октября 1889 г.

Внутри ограды на бѣломъ надгробномъ памятникѣ, въ видѣ пирамидки, осѣненной позолоченнымъ крестомъ, имѣются еще надписи—одна изъ нихъ спереди:

Николай
Гаврило-
вичъ Чер-
нышевскій,
1828 іюля 11,
1889 октя-
бря 17 д.

Съ правой стороны въ такомъ же видѣ написано: «Здѣсь погребенъ протоіерей Саратовскаго каѳедральнаго собора Гавріилъ Ивановичъ Чернышевскій, родился 1793 г. 5 іюля, скончался 1861 г. 23 октября, въ 9 час. утра». Надпись тыловой стороны гласитъ: «Здѣсь почиваетъ тѣломъ скончавшаяся о Господѣ 19 апрѣля 1853 года раба Божія Евгенія Георгіевна Чернышевская». Наконецъ на лѣвой сторонѣ выписанъ цѣликомъ весь пасхальный тропарь: «Христосъ воскресе»...

Гробницу Чернышевскаго окружаютъ могилы семейства Пыпиныхъ: справа—дяди академика, коллежскаго ассесора Василія Дмитріевича, далѣе Василія Ѳедоровича Курбатова и купеческой жены Варвары Васильевны Самойловой, урожденной Курбатовой, а позади покоятся Александра Георгіевна (1806—1884) и Николай Дмитріевичъ Пыпины (1808—1893).

За послѣднее время могила Чернышевскаго посѣщается довольно часто саратовскими интеллигентами (преимущественно учащимися), особенно лѣтомъ. Одна близкая къ Н. Г. особа почти еженедѣльно служитъ по немъ панихиды—да простятся ему всѣ прегрѣшенія, вольныя и невольныя, хотя едва ли передъ кѣмъ нибудь и чѣмъ либо согрѣшилъ онъ во время своей многострадальной жизни...

П. Юдинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Е. П. КАДМИНОЙ.

ЭТО БЫЛА дѣвушка лѣтъ 19-ти, высокая, нѣсколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа; глаза небольшіе, черные, подъ густыми, почти сросшимися бровями; носъ прямой, слегка вздернутый; тонкія губы съ красивымъ, но рѣзкимъ выгибомъ; громадная, черная коса, тяжелая даже на видъ; низкій, неподвижный, точно каменный лобъ; крошечныя уши... все лицо задумчивое, почти суровое. Натура страстная, своевольная, и едва ли добрая, едва ли очень умная, но даровитая—сказывалась во всемъ. Она нѣкоторое время не поднимала глазъ, но вдругъ встрепенулась и провела по рядамъ зрителей свой пристальный, но невнимательный, словно въ себя углубленный взглядъ... Голосъ у нея былъ звучный и мягкій — контральто—слова она выговаривала отчетливо и вѣско, пѣла однообразно, безъ оттѣнковъ, но съ сильнымъ выраженіемъ... Во все время пѣнія Ардатовъ наблюдалъ лицо Клары. Его въ особенности поразила неподвижность этого лица, лба, бровей,—и только при ея страстномъ вскрикѣ онъ замѣтилъ, какъ сквозь едва раскрытыя губы тепло сверкнулъ рядъ бѣлыхъ, тѣсно поставленныхъ зубовъ».

Приведенныя строки, конечно, хорошо знакомы читателямъ. Онѣ взяты мной изъ четвертой главы повѣсти И. С. Тургенева: «Клара Миличъ», въ лицѣ которой, какъ, вѣроятно, тоже многіе не забыли, знаменитый романистъ отчасти изобразилъ безвременно погибшую пѣвицу и драматическую артистку, Евлалію Павловну Кадмину, успѣвшую, однако, несмотря на раннюю смерть, заслужить широкую извѣстность.

Портретъ, набросанный художественной кистью Тургенева, можетъ быть, не вполнѣ точенъ, такъ какъ авторъ, повидимому, умышленно хотѣлъ слегка стушевать сходство своей героини съ только что умершей артисткой (Кадмина скончалась въ 1881 г., а повѣсть была написана въ 1882 г.), но, при чтеніи приведеннаго отрывка, какъ-то невольно вспоминается трагическій, прекрасный образъ молодой женщины, безжалостно покончившей съ жизнью, «столь много обѣщавшей». Она совмѣщала въ себѣ талантъ Рашели съ искусствомъ Віардо, и хотя въ недалекомъ будущемъ (осенью 1906 года) исполнится двадцатипятилѣтняя годовщина со дня ея кончины, до сихъ поръ, особенно въ провинціи,—въ Одессѣ и Харьковѣ, имя покойной Евлаліи Павловны пользуется легендарной славой, какъ бы служа предметомъ все еще неостывшаго поклоненія, когда-то почти граничившаго съ культомъ.

Біографическія свѣдѣнія о Кадминой весьма скудныя.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона удѣляетъ ей 8 сухихъ строкъ, мало говорящихъ сердцу: «Пѣвица-сопрано (?); музыкальное образованіе получила въ Московской консерваторіи; пѣла съ успѣхомъ въ С.-Петербургѣ на маріинской сценѣ (въ 1875—1876 г.), въ Кіевѣ, Харьковѣ; незадолго передъ смертью перешла на драматическую сцену (въ Одессѣ и Харьковѣ); кончила жизнь, отравившись на сценѣ».

Этой мертвой и не вполнѣ точной протокольной справкой исчерпывается жизнеописаніе выдающейся артистки, умѣвшей однимъ взглядомъ, однимъ словомъ зажигать тысячную толпу... Между тѣмъ промчавшаяся вихремъ бурная молодая жизнь, пришедшая къ такой роковой развязкѣ, вдохновила самого Тургенева и заронила въ его чуткую душу поэтическую искру, была воспѣта въ глубокопрочувствованныхъ стихахъ С. А. Андреевскимъ и, наконецъ, даже проникла на сцену въ драмѣ А. С. Суворина: «Татьяна Рѣпина»,—ходовой пьесѣ 1880—1890-хъ годовъ, да и понынѣ еще не снятой съ репертуара.

Стихотвореніе С. А. Андреевскаго: «Пѣвица», посвященное памяти Евлаліи Павловны, даетъ чудный внѣшній и внутренній обликъ артистки. Привожу его цѣликомъ.

Смугла, какъ Руѳь, съ огнистымъ взоромъ
И чистымъ профилемъ камей,
Она жила однимъ задоромъ,—
Однѣми бурями страстей.
Таился въ ней тотъ голосъ дивный,
Который за сердце беретъ
Своею гибкостью отзывной
И дрожью задушевныхъ нотъ.
Но въ нашемъ небѣ мутно-сѣромъ
Зажглась на мигъ ея звѣзда:

Простилась дива навсегда
Съ холоднымъ сѣвернымъ партеромъ.
Она укрылась въ той глуши,
Въ той сторонѣ гостепріимной,
Гдѣ чаще грѣетъ пылъ взаимный
Томленье любящей души...
И тамъ разсыпались тѣ звуки,—
Богатство груди молодой!
Тамъ, передъ южною толпой,
Пѣвица выплакала муки
Души горячей и больной!
И, какъ блестящая природа
Сама казнитъ свои плоды,—
Она сама, не ждавъ захода,
Затмила лучъ своей звѣзды!...
Умолкла муза молодая,
Покинувъ кругъ своихъ сестеръ,
Разстроивъ ихъ негромкій хоръ
Среди пустынь родного края.
Въ оградѣ дальней, между плитъ,
Ужъ холмъ невѣдомый забытъ,
Гдѣ скрыта жертва злой отравы,
И нѣтъ на немъ вѣнка отъ славы.

***

Зато черты ея лица,
Храня значенье образца
Для живописнаго этюда,
Еще намъ памятны покуда:
Въ высокой кичкѣ, въ жемчугахъ,
Въ нарядѣ праздничномъ царицы,
И съ гордой смѣлостью въ очахъ—
Мы знаемъ всѣ портретъ пѣвицы.
Но имя сглажено подъ нимъ;
Онъ сталъ безвѣстною картиной:
Онъ вслѣдъ за пѣснью лебединой
Артисткѣ сдѣлался чужимъ...

***

И мимо насъ прошла пѣвица,
Промчался образъ красоты,
Какъ огненосная зарница
Въ застоѣ душной темноты.

Мои отрывочныя воспоминанія о Кадминой относятся ко времени ея пребыванія въ Харьковѣ, т.-е. къ самому послѣднему году ея жизни.

Объ оставленіи ею сцены Маріинскаго театра бродили смутные толки, выставлявшіе причиной безуспѣшныя ухаживанья одного вельможи, которому не удавалось побѣдить гордую холодность неприступной артистки, привыкшей слушаться только голоса соб-

ственнаго сердца. Кадмина рѣшила лучше совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга, чѣмъ подчиниться настойчивому поклоннику.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, въ сезонъ 1880—1881 г., она сначала выступила въ качествѣ оперной пѣвицы, сразу завоевавъ симпатіи мѣстнаго общества. «Аида», «Африканка», «Гугеноты», «Жизнь за царя» (партія Вани), «Жидовка», «Пророкъ», «Рогнѣда», «Русалка», «Трубадуръ», «Фаустъ» (партія Зибеля)—вотъ приблизительный перечень тѣхъ оперъ, въ которыхъ она появлялась передъ харьковцами.

Публика дѣлилась тогда на двѣ враждующія партіи—на фридеричистовъ (сторонниковъ нѣкоей г-жи Фридеричи, довольно престарѣлой, но недурной солистки) и кадминистовъ (поклонниковъ Кадминой), составлявшихъ подавляющее большинство; къ нимъ принадлежали какъ люди почтеннаго возраста, такъ и учащаяся молодежь — студенты, «ветеринары», «реалисты», гимназистки и «классики» (къ числу ихъ присоединялся и я).

Кадмину боготворили, какъ только можетъ боготворить пылкая юность. Красота артистки—какая-то загадочная, мистическая, молодость, рѣдкій драматическій талантъ, — гибкій, виртуозный, съ южнымъ темпераментомъ, сочный и богатый голосъ (контральто) грудного регистра, не столько обработанный, сколько поражавшій особенными задушевными нотами, таинственное прошлое и романическое настоящее — все это окружало пѣвицу въ нашихъ глазахъ ореоломъ поэзіи.

Ея харьковская жизнь на поприщѣ оперной дивы была побѣднымъ шествіемъ богини.

Каждый вечеръ, когда Кадмина должна была выступить на сценѣ, у ея подъѣзда въ Европейской гостиницѣ собиралась на площади шумная толпа, человѣкъ въ сто, преимущественно учащихся, для встрѣчныхъ овацій въ честь любимой артистки.

Бывало, стоишь, мерзнешь полчаса, часъ, и вдругъ точно электрическій ударъ пробѣжитъ по всему тѣлу,—это показалась Кадмина, и ея огненный, полный трагизма, гипнотизирующій взоръ случайно столкнулся на мгновенье съ вашими глазами, и вы уже счастливы и готовы сдѣлать бездну глупостей, лишь бы заслужить еще такой же взглядъ или мимолетную улыбку.

Безконечные вызовы и подношенія (цвѣточныя и различныя драгоцѣнности) во время антрактовъ и среди дѣйствія, негодующіе протесты фридеричистовъ и отвѣтные демонстративные крики кадминистовъ, тріумфальныя шествія, несеніе на рукахъ или везеніе въ каретѣ, запряженной гимназистами и студентами вмѣсто лошадей,--все это стало обычнымъ явленіемъ.

Поклоненіе артисткѣ въ особенности ярко выразилось 20-го января въ ея бенефисный спектакль, и дня черезъ два послѣ торжества въ газетѣ «Южный Край» совершенно неожиданно былъ

выброшенъ взрывчатый снарядъ въ формѣ полемической передовицы подъ заглавіемъ: «Двѣ картинки на одномъ фонѣ». Анонимный авторъ (теперь уже давно покойный),—впослѣдствіи въ немъ узнали магистранта юридическаго факультета, Л. А. Соколовскаго,—упрекалъ молодыхъ и старыхъ энтузіастовъ въ томъ, что они создали

Артистка Е. П. Кадмина.

себѣ кумиръ и воскресили въ храмѣ искусства «фантастическій міръ дикихъ языческихъ жертвоприношеній». Въ статьѣ указывалось, между прочимъ, на то, что артистка, принимающая цѣнныя бенефисныя подношенія, совершаетъ безнравственный поступокъ, и что ея прямой долгъ — отказаться отъ этихъ подарковъ въ пользу голодающихъ, если само общество настолько очерствѣло, что не гнушается сорить деньгами въ то время, когда въ сосѣднихъ уѣздахъ разгуливаетъ нищета. Въ статьѣ, заключавшей въ себѣ сгущенные мелодраматическіе эффекты, очевидно, таился злой

умыселъ — подорвать въ глазахъ молодежи престижъ ни въ чемъ неповинной артистки. Но это, впрочемъ, не вполнѣ удалось; лишь прибавилась лишняя капля горечи въ ея отзывчивой душѣ.

Слава пѣвицы, видимо, не удовлетворяла Кадминой; увлекающаяся и страстная, она искала другой болѣе широкой арены для своей стихійной, даровитой натуры и вотъ, въ видѣ пробы, выступила, какъ драматическая артистка, въ одномъ благотворительномъ и въ двухъ бенефисныхъ спектакляхъ, именно въ Офеліи («Гамлетъ»), въ Керѣ («Преступленіе и наказаніе», перев. съ французскаго) и въ Разсадиной («Друзья-пріятели»). Необыкновенно удаченъ былъ первый выходъ въ свѣтломъ обаятельномъ образѣ гордой и властной шекспировской героини. Нѣкоторая неровность игры скрашивалась оригинальностью творческаго замысла. Успѣхъ, вѣроятно, окончательно разсѣялъ всякія сомнѣнія Евлаліи Павловны относительно ея артистическихъ способностей, и вотъ, послѣ закрытія зимняго сезона, она усердно принялась работать надъ читкой, стараясь освободиться отъ привычекъ профессіональной пѣвицы, а съ осени 1881 г. дирекція драматическаго театра анонсировала Кадмину уже, какъ свою постоянную актрису.

Евлалія Павловна навсегда распрощалась съ прежней дѣятельностью и съ 10-го сентября по 4-е ноября принимала участіе въ цѣломъ рядѣ пьесъ, къ сожалѣнію, нерѣдко черезчуръ ничтожныхъ для ея крупнаго таланта,—въ пьесахъ зачастую ремесленнаго производства, бьющихъ на дешевый блескъ. Впрочемъ артистка съ одинаковымъ стараніемъ относилась ко всякой роли.

Перечисляю ея репертуаръ, въ которомъ Шекспиръ, Островскій и Дюма, Скрибъ и Легуве странно соединялись съ именами, не имѣющими ничего общаго съ литературой: «Адріэнна Лекувреръ», «Блестящая партія», «Василиса Мелентьева», «Въ забытой усадьбѣ», «Гроза», «Дочь вѣка», «Какъ поживешь — такъ и прослывешь», «Ложь до правды стоитъ», «Месть женщины», «Мертвая петля», «На новыхъ началахъ», «Ошибки молодости», «Правые и виноватые», «Поздній расцвѣтъ», «Юдиѳь» (драма), и того съ названными выше—18 пьесъ.

Толпа никогда не знаетъ чувства мѣры, и рѣдко кому удается разгадать ея замыслы и вкусы. Сегодня она приходитъ въ неистовый восторгъ, завтра глумится и втаптываетъ въ грязь вчерашніе идеалы. Кадмину-пѣвицу толпа носила на рукахъ; Кадмину-артистку, которая безусловно превосходила первую, встрѣчала недоброжелательно, сухо, какъ бы съ примѣсью полупрезрительнаго, недовѣрчиваго снисхожденія, только иногда прерывавшагося взрывомъ одобренія.

Одновременно съ этимъ неожиданнымъ охлажденіемъ публики, болѣзненно уязвлявшимъ самолюбіе артистки, привыкшей къ блеску славы, въ душѣ Кадминой разыгрывалась тяжелая драма.

Евлалію Павловну окружало нѣсколько богачей, представителей интеллигентной и родовитой знати, готовыхъ броситься за нее въ огонь и въ воду. Среди этихъ завсегдатаевъ находился также человѣкъ совсѣмъ иного склада, который интересовался ею, какъ обыкновенной актрисой, безъ любви, ради забавы, ради тщеславнаго эгоизма. Онъ не былъ ни уменъ, ни красивъ; онъ могъ развѣ только гордиться не особенно древними фамильными гербами предковъ да нарядным военнымъ мундиромъ... И этотъ самодовольный свѣтскій жуиръ сталъ ей дороже всего на свѣтѣ, дороже самой жизни... Иронія судьбы иногда отличается безмѣрной жестокостью, и среди розъ и лавровъ такъ часто мелькаетъ черная, отвратительная гримаса смерти.

Кадмина любила; жуиръ не любилъ, да и не умѣлъ любить; онъ умѣлъ лишь хвастать со смѣхомъ чудной побѣдой надъ женщиной, которая выдѣлялась въ сумеркахъ мишурной жизни такимъ яркимъ свѣтомъ таланта и красоты. Ловеласъ не подозрѣвалъ, что съ неуходившимся сердцемъ опасно шутить.

Оскорбленная, непонятая, побѣжденная отчаяньемъ, не вынесшая житейской лжи и пошлости, злого недоброжелательства, встрѣтившаго ея первоначальные шаги на новомъ поприщѣ драматической артистки, Кадмина не осилила «позора мелочныхъ обидъ» и сама сказала себѣ: «къ чему жить!»...

2-го ноября въ оперномъ театрѣ состоялся ея бенефисъ, а 4-го (1881 года) онъ былъ повторенъ по желанію публики. Шла драма Островскаго: «Василиса Мелентьева».

Загадочное чудовище-толпа опять какъ будто вернула артисткѣ прежнюю благосклонность, и залъ стоналъ отъ бурныхъ вызововъ и рукоплесканій. Кадмина никогда не достигала такого художественнаго совершенства, такой экспрессіи, отдѣлки и законченности деталей. Не было сомнѣнья, что ея страстная натура таила въ себѣ зачатки будущаго могучаго дарованія.

Зрители, конечно, не подозрѣвали, что въ этотъ памятный вечеръ они прощаются съ нею навѣки.

За часъ до послѣдняго акта Кадмина-царица, властвовавшая надъ сердцами столькихъ людей, и вмѣстѣ Кадмина-раба, скованная цѣпями неизлѣчимаго горя, отравилась въ уборной фосфоромъ.

Въ 3-мъ дѣйствіи она почувствовала себя дурно, такъ что пришлось опустить занавѣсъ раньше срока. Одинъ изъ присутствовавшихъ въ театрѣ друзей Кадминой отвезъ ее домой, въ Европейскую гостиницу. Сначала былъ приглашенъ театральный врачъ (Моравскій), затѣмъ профессоръ В. Т. Лашкевичъ (покойный), наконецъ, созвали консиліумъ, но все оказалось напраснымъ, и 7-го ноября въ 7½ часовъ вечера артистка умерла въ тяжкихъ мученіяхъ отъ паралича сердца.

Разсказывали маленькую подробность, будто больная отказалась принимать какія бы то ни было лѣкарства, а когда все-таки

удалось ее убѣдить, и ей стало немного лучше, она, уловивъ минуту, вновь приняла ядъ, разъ навсегда рѣшившись покончить съ собой.

Въ городѣ лихорадочно говорили объ Евлаліи Павловнѣ и ея квартиру буквально осаждали съ утра до глубокой ночи, стараясь узнать радостную вѣсть о возможности спасенія. Извѣстіе о смерти было равносильно громовому удару. Въ газетахъ высказывались огульныя обвиненія и наставительныя тирады по адресу молодежи: «Побольше мягкости, побольше снисхожденія и уваженія къ личности»... и т. п.

Профессоръ Харьковскаго университета, Ярошъ, помѣстилъ въ «Южномъ Краѣ» некрологъ, согрѣтый искренней печалью о погибшемъ талантѣ. По его справедливому выводу, артистка воплощала въ своей игрѣ и граціозную безпечность веселаго, чистаго сердца, и мрачную скорбь разбитаго чувства, и благородный обликъ добра, и лживую маску зла, и тяжелыя душевныя состоянія человѣка, въ которомъ меркнетъ разсудокъ подъ бременемъ совершеннаго проступка или недосягаемости другого идеала. Характеризуя Кадмину, какъ артистку, Ярошъ пришелъ къ заключенію, что она была исключительная, чуткая натура, въ самомъ опредѣленіи которой уже можно было заранѣе подслушать угрозу, предостереженіе и косвенное осужденіе на гибель. Помню, какъ теперь, заключительныя слова некролога, обращенныя къ умершей: «Прости, что мы, умѣя любоваться твоимъ талантомъ, не сумѣли тебя уберечь!»

По почину городского головы, было печатно предложено (въ «Южномъ Краѣ») учредить стипендію имени Кадминой въ Московской консерваторіи, гдѣ воспитывалась Евлалія Павловна, какъ стипендіатка покойнаго Николая Григорьевича Рубинштейна, которому и принадлежала честь открытія и дальнѣйшаго развитія крупнаго дарованія артистки.

Изъ Европейской гостиницы тѣло усопшей перевезли въ каѳедральный соборъ, роскошно убранный цвѣтами; выносъ былъ назначенъ на 12-е (ожидали пріѣзда мужа, съ которымъ Кадмина не жила), а погребеніе на большомъ городскомъ кладбищѣ состоялось 13-го ноября.

Гробъ и крышку несли отъ собора до кладбища (версты четыре) артисты и артистки, студенты, гимназисты и вообще почитатели таланта. Вѣнки, хоругви, знамена, волнующаяся, какъ море, пестрая многотысячная толпа народа, нервные крики, шумъ экипажей, чьи-то стоны и плачъ, серебряный гробъ съ тяжелыми кистями, тонущій въ рядахъ головъ, и надъ всей этой феэрической картиной «народныхъ» похоронъ тусклое осеннее небо съ свинцовыми бликами...

Передъ выносомъ сказалъ надгробную проповѣдь, оставившую глубокое впечатлѣніе, соборный священникъ, отецъ Симеонъ Ила-

ріоновъ, а на могилѣ говорили студенты, представители прессы и многіе другіе; какой-то артистъ прочелъ стихотвореніе воспитанника 3-й гимназіи, Василія Иванова (теперь извѣстнаго харьковскаго журналиста).

Казалось, хоронили Офелію, и чудилось каждую минуту, что вотъ-вотъ раздастся голосъ удрученнаго потерей Лаэрта:

«Спустите гробъ. Изъ дѣвственнаго праха
Фіалки выростутъ»...

И бросались «цвѣты цвѣтку»...

Спустя нѣкоторое время, у памятника, воздвигнутаго на могилѣ Кадминой, появился большой образъ св. Евлаліи, въ ликѣ которой замѣчалось сходство съ чертами лица артистки, и одна высокопоставленная духовная особа зачастую пріѣзжала сюда молиться у этой иконы... Впослѣдствіи образъ св. Евлаліи былъ снятъ. Чья-то неизвѣстная рука еще долго потомъ украшала могилу живыми цвѣтами.

Недавно, перебирая свой архивъ, я отыскалъ двѣ фотографическія карточки Евлаліи Павловны. Онѣ вызвали во мнѣ рой воскресшихъ воспоминаній, вернули къ далекому прошлому, къ зеленой юности, и подъ вліяніемъ ихъ я набросалъ эту бѣглую, отрывочную замѣтку.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ЦАДИКЪ МЕНДЕЛЬ ИЗЪ ЛЮБАВИЧЪ.

Этотъ цадикъ былъ если не историческою, то во всякомъ случаѣ легендарною личностью, извѣстною во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. Много чудесныхъ разсказовъ ходило о немъ: о его святости, благодаря которой онъ могъ подниматься на цѣлый аршинъ отъ полу; о разныхъ исцѣленіяхъ неизлѣчимо больныхъ и въ особенности о предсказаніяхъ будущаго. Губернатору Гамалѣѣ онъ предсказалъ скорое удаленіе, а такъ какъ Гамалѣя былъ братомъ товарища министра, то это казалось невѣроятнымъ, однако же исполнилось. Грозный могилевскій помпадуръ внезапно улетучился... Наиболѣе любопытнымъ кажется разсказъ о томъ, какъ Мендель былъ вызванъ въ Петербургъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Въ этомъ разсказѣ столько наивной искренности, характерной для того времени, что я прежде, чѣмъ опишу подробности моего личнаго знакомства со святымъ цадикомъ, передамъ этотъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ его слышалъ.

Грозный царь былъ одно время занятъ мыслью обратить евреевъ къ земледѣлію. Разумѣется, тысячелѣтняго кочевника и по традиціи народа-торгаша мудрено было обратить въ поселянина одними административными воздѣйствіями, но въ 1840-хъ годахъ смотрѣли иначе на вопросы. Государю кто-то передалъ о существованіи въ Любавичахъ святого цадика, который, если благословитъ евреевъ на земледѣліе, то они не дерзнутъ его ослушаться и начнутъ пахать.

Положено: вызвать цадика Менделя въ Петербургъ.

Фельдъегерь прискакалъ внезапно, привелъ въ ужасъ все еврейское гнѣздо въ Любавичахъ, подхватилъ и увезъ стараго Менделя отъ его поклонниковъ, отъ книгъ талмуда и кабалы и доставилъ прямо въ Петербургъ. Можно себѣ вообразить, что творилось со старикомъ, когда онъ трясся на перекладной по-фельдъегерски, то-есть безъ отдыха, и очутился въ Петербургѣ послѣ тихихъ Любавичъ, спящихъ мирнымъ сномъ среди своихъ лѣсовъ и болотъ.

Менделю сказали, что самъ государь желаетъ его видѣть, и чтобы онъ подготовился.

Необходимо пояснить, что старый цадикъ почти не понималъ по-русски; по-польски зналъ нѣсколько словъ и объяснялся на древне-еврейскомъ языкѣ, а въ общежитіи—на жаргонѣ. Какъ онъ могъ подготовиться для объясненій съ императоромъ, не отличавшимся терпѣливою снисходительностію, на это власти, распоряжавшіяся Менделемъ, не обратили надлежащаго вниманія.

Въ назначенный для пріема день цадика привезли во дворецъ и ввели въ кабинетъ императора.

По легендѣ, источникомъ которой несомнѣнно былъ пересказъ самого Менделя о его аудіенціи у государя, Николай Павловичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ. Въ комнатѣ царила мертвая тишина, что̀ еще болѣе подавляло перепуганнаго еврея. Наконецъ, императоръ повернулъ голову и спросилъ:

— Раввинъ?

Взглядъ Николая Павловича, какъ извѣстно, былъ тяжелый, пронзительный, голосъ грозный... Подъ такимъ вліяніемъ, какъ передавали испытавшіе его, терялись люди, даже болѣе крѣпкіе нервами, чѣмъ одичавшій на своей кабалѣ и талмудѣ робкій еврейскій ученый.

Онъ не нашелъ ни единаго слова въ отвѣтъ, стоялъ у двери и трепеталъ.

— Ты раввинъ?—еще громче и уже сердито повторилъ императоръ.

То же молчаніе. Только слышалось усиленное дыханіе до полусмерти перепуганнаго еврея.

— Да ты раввинъ что ли? и...

Тутъ Николай Павловичъ добавилъ внушительное крѣпкое слово, съ произнесеніемъ каковыхъ онъ не стѣснялся.

Мендель въ этой крайности наконецъ вспомнилъ выраженіе, которое онъ считалъ русскимъ, и жалобнымъ голосомъ произнесъ:

— Мусицъ!

Въ переводѣ съ жаргона это должно было означать: такъ точно! я—раввинъ!

— Дуракъ! пошелъ вонъ!—разсердился императоръ, очевидно сознавшій безполезность какихъ либо конференцій съ этимъ, по всей видимости, совершенно глупымъ старикомъ.

Менделя убрали.

Старый цадикъ благополучно вернулся въ свое гнѣздо, и вліяніе его еще увеличилось на темную и всякимъ нелѣпостямъ готовую повѣрить толпу евреевъ-хесидитовъ [1]).

Одинъ изъ извѣстныхъ въ наши дни богачей евреевъ-желѣзнодорожниковъ тогда (въ началѣ 1860-хъ годовъ), разсказывая мнѣ легенду о поѣздкѣ цадика Менделя къ императору Николаю Павловичу въ Петербургъ, съ наивнымъ простосердечіемъ добавлялъ:

— О, нашъ великій цадикъ—очень мудрый человѣкъ и очень смѣлый. Страшенъ царь Николай. Я былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ. Царь, въ открытой коляскѣ съ генераломъ Орловымъ, въ Могилевѣ, долженъ былъ переправляться на паромѣ черезъ Днѣпръ. Насъ, еврейчиковъ, собралось много, и всѣ мы усердно кричали грозному царю «ура». Обезпокоили, должно быть... Онъ такъ сердито посмотрѣлъ на насъ и громко сказалъ Орлову:

— Какъ ихъ тутъ много! Что ихъ не берутъ въ солдаты?

Ну, мы всѣ разбѣжались въ такомъ страхѣ, въ такомъ страхѣ, что и сказать трудно. Поховались (попрятались) кто куда. Меня цѣлыхъ два дня лихорадка трясла съ перепугу. А цадикъ Мендель нашъ ничего—царя тогда въ Питерѣ не испугался. Онъ знаетъ прошлое и будущее. Чего ему пугаться? Когда его свезли въ Петербургъ, грозный царь много съ нимъ говорилъ, о многомъ разспрашивалъ. Особенно остался доволенъ государь однимъ словомъ нашего реббе.

— Какое же это слово?—задалъ я вопросъ.

— А какъ мнѣ про то знать? Только покойный императоръ и нашъ цадикъ Мендель знали, какое это слово. Великой силы слово это должно быть,—и, поцмокавъ по еврейской привычкѣ губами, разсказчикъ добавилъ:

— Вотъ вы теперь поѣдете въ Любавичи; можетъ быть, и увидите святого нашего цадика или услышите о немъ и сами согласитесь, какой онъ мудрый и великій человѣкъ. Ну, вы знайте: когда святой нашъ скажетъ слово, по всей комнатѣ «пахъ» идетъ. Не вѣрите?

— Не вѣрю, чтобы отъ слова шелъ ароматъ. Не вѣрю и тому, чтобы онъ подымался на аршинъ отъ земли. Невозможно это.

— И я не вѣрилъ. А какъ онъ мнѣ сказалъ, что я буду очень, очень богатъ и буду жить въ Петербургѣ, а тогда евреямъ жить въ Петербургѣ не позволялось, и званіе такое буду носить, что мнѣ тогда даже стало и смѣшно и страшно. А вышла правда. Я теперь очень богатъ и живу въ столицѣ, и мнѣ пишутъ ваше превосходительство. Все исполнилось по его слову. Какъ же тутъ не вѣрить?!

---

[1]) Хесидиты признаютъ цадиковъ; секта миснигидовъ отвергаетъ ихъ святость и считаетъ ихъ только учеными толкователями талмуда.

Мнѣ по дѣламъ службы предстояло ѣхать въ Любавичи, и разсказы о цадикѣ Менделѣ очень заинтересовали меня. Въ то время я служилъ въ акцизномъ вѣдомствѣ. Подходила еврейская пасха. Въ Любавичахъ сынъ цадика, Залманъ, устроилъ заводъ для выдѣлки пейсаховки, и надо было чаны измѣрить и пустить заводъ въ ходъ. Во дни своей пасхи евреи не могутъ употреблять обыкновеннаго хлѣбнаго вина, а для этого праздника выдѣлываютъ изъ изюма или изъ виноградныхъ остатковъ такъ называемую пейсаховку. Даже одна хлѣбная крошка (хамца), попавшая въ пейсаховое вино, дѣлаетъ его трефнымъ, негоднымъ. По тогдашнимъ акцизнымъ правиламъ я долженъ былъ измѣрить ёмкость чановъ сперва геометрически шнуркомъ, а потомъ—водою. Для геометрическаго измѣренія надо было влѣзть въ чанъ, прикрѣпить шнурокъ и опредѣлить высоту и ширину чана, а потомъ вычислить. Но въ карманахъ моихъ могли быть хлѣбныя крошки, лацканы сюртука моего несомнѣнно были подклеены хлѣбнымъ клейстеромъ, и наконецъ самъ я былъ трефной.

— О вей миръ! какъ же вы это будете влѣзать въ чанъ и мѣрить?—съ неподдѣльнымъ ужасомъ спрашивалъ меня мой факторъ, рыжій Шмуль.

— Такъ же и буду мѣрить. Влѣзу въ чанъ и шнуркомъ...

— Не можно. Вы стрефите все вино. Его приготовляетъ Залманъ, сынъ нашего святого цадика. Какъ же можно, чтобы у него пейсаховка вышла трефною? Вы, господинъ, не должны влѣзать въ чанъ. Пусть самъ реббе Залманъ лѣзетъ и мѣритъ.

Увы, этого не допускалъ законъ. Мѣрить по правиламъ инструкціи долженъ былъ непремѣнно чиновникъ. Въ Любавичи я отправился по старой Бабиновицкой дорогѣ, невозможнѣе и хуже которой, кажется, не найти во всемъ мірѣ. Довольно сказать, что цѣлыхъ двадцать верстъ она идетъ по накатнику, полусгнившимъ круглякамъ, вѣроятно, помнящимъ еще эпоху, когда по этой мѣстности двигалась армія Наполеона. Справа и слѣва дороги лежитъ большею частью непроходимая топь. Мѣстами болото не держитъ даже собаки. Вы видите въ пролѣскахъ какъ бы зеленый лужокъ. Не довѣряйтесь: это окно — бездонная прорва. Сросшіеся корни травъ затянули предательское окно слабой плетенкою. Скотъ, попадающій въ подобную прорву, неизбѣжно погибаетъ. Увязнувъ въ жидкомъ илѣ, онъ чѣмъ больше бьется, тѣмъ скорѣе выроетъ себѣ могилу. Попавшая скотина исчезаетъ, засасывается иломъ, и предательское окно снова затягивается зеленою плетенкою. Ни слѣда не остается.

— Вотъ тутъ въ запрошломъ году пропалъ Лейзеръ и съ конемъ пропалъ,—сказалъ мнѣ ямщикъ, указывая кнутовищемъ на зеленѣвшую по сосѣдству поляну.

— Какъ же онъ попалъ въ болото?

— А такъ же. Ѣхалъ, заснулъ. Лошадь молодая, чего-то испугалась, сорвалась съ накатника да въ сторону. Что дальше, то глубже вязнетъ. А Лейзеръ съ просонокъ еще ее кнутомъ. Ну, и загналъ въ самое окно. Побились, побились, и засосалъ ихъ илъ. Дна въ этомъ болотѣ, баринъ, нѣтъ.

— А кто же видѣлъ, какъ погибалъ Лейзеръ?

— Сынъ видѣлъ. Позади малость ѣхалъ... И кричалъ и плакалъ, разсказывалъ послѣ намъ, а помочь батькѣ не могъ.

— Вотъ это такъ драма,—подумалъ я, стараясь усѣсться поудобнѣе въ телѣгѣ, которая и подскакивала и судорожно встряхивалась на проклятомъ накатникѣ.

Невеселая дорога. Чахлый еловый лѣсокъ, непригодный даже на дрова, растянулся по болотинамъ на десятки верстъ. Попадались, впрочемъ, и сухія мѣста; тамъ выросъ уже настоящій боръ. Очень много видно было гарей — выгорѣвшихъ лѣсныхъ пространствъ. Безотраденъ ихъ видъ. Точно мертвецы, поднявшіеся изъ могилъ, стоятъ обгорѣлые лѣсные гиганты, простирая къ небу оголенныя вѣтки, словно жалуясь на свою горькую участь. По этимъ боровымъ гарямъ обыкновенно появляется молодяжникъ, непремѣнно лиственный лѣсокъ, желтѣютъ лишаи, мхи и, гдѣ ближе къ водѣ,—темнѣетъ лознякъ, пріютъ главныхъ обитателей этой пустыни — волковъ. Селенья рѣдки на всемъ пространствѣ отъ Орши до Любавичъ. Попадаются только хуторки мелкопомѣстныхъ дворянъ, но и они въ тѣ поры стояли пустками, такъ какъ только что была объявлена «воля», и дворяне предпочли на время переселиться въ города. Ждали мужичьяго бунта.

Весна только что начиналась. Былъ теплый, свѣтлый вечеръ. Лѣса казались живыми, столько неслось оттуда птичьихъ голосовъ и разныхъ звуковъ; съ такимъ серебристымъ, веселымъ журчаньемъ бѣжали гдѣ-то поблизости невидимые ручейки. Надъ головою синѣла бездонная глубина вешняго неба, и по немъ мелкія, бѣлыя облачка тихо подвигались къ закату, полупрозрачныя, точно бѣлыя крылья гигантскихъ птицъ.

— Хороша весна въ нашемъ краю, въ верховьяхъ Двины и Днѣпра, — подумалъ я и крикнулъ ямщику: надо было потарапливаться, иначе мы рисковали къ ночи не поспѣть въ Любавичи, а ночью еще, того и гляди, могли попасть въ проклятое болотное окно.

Взошла луна; зажглись миріады звѣздъ; дорога пошла горой — сухая, и мы послѣднія десять верстъ проѣхали довольно скоро.

Но вотъ и Любавичи—имѣніе князей Любомирскихъ, нестройная куча еврейскихъ домиковъ, разбросанныхъ по склону отлогаго холма. Въ тѣ дни Любавичи буквально жили своимъ цадикомъ:

на поклоненіе ему съѣзжались сотни евреевъ. Добиться аудіенціи у святого было не легко. И многіе пріѣзжіе жили въ мѣстечкѣ недѣли и даже мѣсяцы, чѣмъ и пользовались мѣстечковые еврейчики. Они-то и были главные и самые усердные распространители слуховъ и цѣлыхъ легендъ о мудрости и даже чудотворности цадика Менделя. Темная еврейская масса всему охотно вѣрила, но... приходило мнѣ въ голову: было же что нибудь особенное въ этомъ человѣкѣ, который десятки лѣтъ заставлялъ себѣ вѣрить? Онъ рисковалъ не только учить,—это не мудреная задача,—но и лѣчить и пророчествовать. Какъ ни легковѣрна толпа, но одно шарлатанство, одно стремленіе эксплоатировать темныхъ глупцовъ, не могло бы такъ долго продержаться?

Домъ цадика стоялъ на мѣстечковомъ базарѣ, двухъэтажный, большой. У Менделя было нѣсколько женатыхъ сыновей и даже внуковъ. Огромная семья жила и ютилась около и за счетъ своего чудотворца-главы. Вообще все населеніе мѣстечка составляло какъ бы его собственность, его гвардію и придворный штатъ. Мѣстный становой и тотъ былъ до извѣстной степени къ его услугамъ. Вліяніе еврейскихъ крезовъ въ губерніи было велико, и не становому по силамъ было противостоять ему. Акцизное вѣдомство было въ тѣ поры вновѣ, и мнѣ приходилось дѣйствовать противъ евреевъ, да еще и въ ритуальномъ вопросѣ.

Сопротивляться открыто евреи, конечно, не смѣли, но противодѣйствія я непремѣнно ждалъ. Я зналъ, напримѣръ, что въ Шкловѣ, этомъ застарѣломъ гнѣздѣ контрабанды, фальшивыхъ денегъ и т. п., одинъ очень усердный чиновникъ особыхъ порученій пріѣхалъ здоровый, переночевалъ и на другой день умеръ отъ какой-то таинственной болѣзни. Отъ какой?—этого не могъ добиться даже губернаторъ Гамалѣя, несмотря на всю свою энергію.

— А въ самомъ дѣлѣ: лазить ли мнѣ въ чанъ самому и трефить ихъ пейсаховку, или не дѣлать этого? — приходило мнѣ въ голову, когда я проѣзжалъ по базару и смотрѣлъ на ярко освѣщенныя окна палатъ цадика и на темную, большую толпу евреевъ, толпившуюся у крыльца.—Вѣдь это же сила, и съ нею придется считаться. А ради чего? Вопросъ, какъ и кому чаны мѣрить,—почти не затрагиваетъ интересовъ казны.

— Да вы какъ нибудь уладьте, — говорилъ окружный надзиратель, поручая мнѣ это дѣло. — Не очень ворошите это осиное гнѣздо—этихъ любавицкихъ цадикистовъ. Ну, конечно, мы не имѣемъ права отступать отъ правилъ, а посему...

Посему логически слѣдовало мнѣ игнорировать ритуальную сторону дѣла и придержаться чисто формальной. Начальство всегда было и остается сфинксомъ. Угадывай! Теперь, пятьдесятъ лѣтъ спустя, многимъ, вѣроятно, покажется смѣшнымъ мое колебаніе. Но тогда время было иное.

Не успѣлъ я остановиться на постояломъ дворѣ, какъ дверь моего номера отворилась, и вошелъ толстый еврей, въ чулкахъ и пантуфляхъ, въ длиннополомъ черномъ кафтанѣ, въ бархатной ермолкѣ, изъ которой поэтично вились великолѣпные локоны-пейсы. У него былъ большой носъ, осѣдланный серебряными очками, маленькіе проницательные глаза и манеры осторожной кошки, пробирающейся къ сливкамъ.

— Повѣренный Залмана Рабиновича и управляющій его заводомъ пейсаховки,—отрекомендовался мнѣ пришедшій.

Я предложилъ ему сѣсть. Еврей сѣлъ, поправилъ очки и почему-то вздохнулъ.

— Вы пріѣхали мѣрить чаны?

— Пріѣхалъ.

— И будете мѣрить сами?

— Разумѣется, самъ.

— И влѣзете въ чанъ?

— И влѣзу въ чанъ.

— Пхе!—произнесъ еврей и вздохнулъ на этотъ разъ очень глубоко.

Помолчавъ немного, онъ досталъ изъ-за пазухи сторублевый кредитный билетъ, расправилъ его и положилъ на столъ, слегка прижавъ тяжелымъ подсвѣчникомъ.

— Это что? Зачѣмъ вы кладете мнѣ на столъ деньги?—спросилъ я.

— Зачѣмъ? Ну, а вы зачѣмъ хотите влѣзть въ чанъ и стрефить нашу пейсаховку?

— Я долженъ такъ поступить.

— И я долженъ положить вамъ деньги на столъ, — невозмутимо продолжалъ еврей.

— Вонъ! — закричалъ я. — Берите ваши деньги и убирайтесь, или...—рука моя протянулась къ шандалу.

Повѣренный Залмана Рабиновича торопливо схватилъ свои сто рублей и исчезъ за дверью.

Я заходилъ въ волненіи по комнатѣ: попытка подкупа была груба, дерзка и оскорбительна. Какъ низко они насъ ставятъ, эти евреи,—думалъ я.

Увы, съ чиновниками тогда не церемонились, и оцѣнка ихъ совѣсти до наивности была проста. Но я былъ очень молодъ и посулилъ толстому еврею въ серебряныхъ очкахъ въ догонку дюжину чертей и прочаго.

Черезъ десять минутъ дверь номера снова осторожно пріотворилась, показались серебряные очки, толстый носъ и пейсы еврея.

— Ну, теперь можно вамъ сказать?

— Говори.

— Можетъ, вамъ показалось мало, господинъ акцизный. Я могу прибавить еще пятьдесятъ рублей.

На этотъ разъ попавшаяся мнѣ подъ руку калоша полетѣла по адресу повѣреннаго и управляющаго заводомъ пейсаховки. Онъ укрылся за дверью, и я отчетливо слышалъ, какъ онъ съ клятвами увѣрялъ, что онъ больше дать не можетъ, что дѣло и этого не стоитъ. И какая же выгода гнать пейсаховку, если такъ платить? Пусть реббе Залманъ самъ идетъ! Пусть самъ говоритъ съ гашпадиномъ акцизнымъ, а я больше дать не могу... Произнося эти сѣтованія, еще больше меня разсердившія, еврей съ серебряными очками и черными пейсами ушелъ.

Онъ никакъ не могъ допустить рѣшительнаго отказа взять взятку въ 150 р., а только волновался, приписывая мой отказъ жадности и желанію содрать побольше.

Тогда съ евреевъ—и съ однихъ ли евреевъ!—драли всѣ и за все; драли маленькіе и очень большіе чиновники. Даже архіерею въ Могилевѣ одинъ трактирщикъ пожертвовалъ нѣсколько сотъ рублей на бѣдныхъ, и только тогда закономъ указанное разстояніе между его питейнымъ заведеніемъ и соборомъ оказалось достаточнымъ.

Я распорядился, чтобы на утро все было готово къ измѣренію завода, написалъ отношеніе къ приставу и собрался лечь спать. Но лечь такъ скоро мнѣ не удалось. Становой въ полночь явился самъ ко мнѣ и помѣшалъ.

Мы были знакомы. Сѣденькій, дохленькій, маленькаго роста, подслѣповатый старичекъ началъ безъ предисловія, съ оника:

— У васъ былъ этотъ дуракъ Хаимъ? И предлагалъ деньги?

— Былъ и предлагалъ.

— И вы запустили въ него калошей?

— Запустилъ.

— У него подбитъ глазъ. Жаловаться хочетъ. Знаете: ваше вѣдомство новѣ, подборъ служащихъ рѣдкостный.

Становой поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ для выраженія, какъ хорошъ подборъ акцизныхъ чиновниковъ.

— И вдругъ побои. Согласитесь: не хорошо. Къ вамъ явился управляющій заводомъ спросить, когда приступите къ измѣренію, а вы его калошей. Это, конечно, вздоръ. Его не мѣшаетъ и палкой, этотъ Хаимъ такая дерзкая скотина. Но послушайтесь меня, старика: дѣло надо уладить.

— Уступить безсмысленному требованію евреевъ, или взять взятку? Такъ что ли по-вашему?

— Зачѣмъ вамъ брать взятку, коли не желаете? Деньги не пропадутъ, ихъ возьмутъ и безъ васъ.

Становой курилъ трубочку-носогрѣйку, улыбался очень добродушно и напустилъ такое облако дыму, что за нимъ, какъ за занавѣской, скрылась его лисья мордочка.

Онъ продолжалъ:

— Завтра у васъ будетъ самъ реббе Залманъ Рабиновичъ.

— Скажите ему, чтобы онъ лучше не приходилъ, если думаетъ предлагать мнѣ деньги.

— Будьте покойны. Онъ денегъ не предложитъ. Я уже объяснилъ, что господа акцизные чиновники получаютъ такое большое содержаніе, что денегъ не берутъ.

— Только по этому одному и не берутъ?

— Ужъ я тамъ не знаю, почему еще не берутъ. Но Залманъ хочетъ съ вами переговорить, выяснить вопросъ. А Хаима онъ ругалъ и за этого дурака извинится.

Залманъ Рабиновичъ оказался очень порядочнымъ человѣкомъ. Пейсы у него были, но маленькіе; на ногахъ не пантуфли, а сапоги, и кафтанъ больше походилъ на кафтанъ русскихъ купцовъ, чѣмъ на еврейскій лапсердакъ. Прежде всего онъ извинился за Хаима, прибавивъ:

— Онъ дуракъ, но, господинъ, какъ же иначе: съ насъ всѣ и за все берутъ. Каждый свой шагъ мы оплачиваемъ. Вотъ мой отецъ живетъ въ Любавичахъ. Старый, ученый онъ человѣкъ, святой жизни, а сколько приходится платить, чтобы его не тревожили. Исправникъ получаетъ, становой получаетъ, въ Могилевъ посылаемъ. Недавно оршанскій докторъ потребовалъ, чтобы и ему платили, иначе говоритъ: «донесу, что Мендель лѣчитъ, не имѣя права». А какъ онъ лѣчитъ? Развѣ онъ даетъ лѣкарства? Пхе! онъ только помолится и руки кладетъ на голову болящихъ.

— И помогаетъ?—не утерпѣлъ я спросить.

Залманъ затруднился отвѣтомъ.

— Кто вѣруетъ, тому помогаетъ. По вѣрѣ твоей будетъ тебѣ. Такъ, кажется, у васъ въ писаніи сказано?

— Именно такъ. Но вы, Залманъ, развѣ знакомы съ Евангеліемъ?

— Читать не читалъ, а слыхалъ.

Скоро мы перешли къ главной темѣ, обоихъ насъ занимавшей: къ измѣренію чановъ. Залманъ поставилъ вопросъ прямо: будетъ ли нанесенъ убытокъ казнѣ, если чаны вымѣритъ еврей въ моемъ присутствіи и по моимъ указаніямъ? Я долженъ былъ сознаться, что никакого тутъ злоупотребленія и отъ сего убытку казнѣ произойти не можетъ.

— Тогда зачѣмъ вы, господинъ, хотите испортить пейсаховку и влѣзть въ чанъ сами?

— Правила этого требуютъ. Наконецъ это же вздоръ! Чѣмъ пейсаховка испортится, если я влѣзу?

— Вы сапоги не снимите; не дозволите перетрясти ваши карманы: не осталось ли въ нихъ хлѣбныхъ крошекъ?

— Конечно, нѣтъ, не дозволю,—возразилъ я.

— Вотъ видите; какъ же быть?

Залманъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и, наклонясь, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Ну, чего вы хотите? Я согласенъ съ вами, что все это вздоръ. Но народъ нашъ... Какъ съ нимъ быть? Развѣ ему втолкуешь?

— Вы, просвѣщенные евреи, должны бы ему объяснять, что̀ въ законѣ важно и что̀ неважно.

— Все въ законѣ важно, господинъ. Все важно, или нѣтъ закона. Сегодня одно, завтра другое найдутъ неважнымъ; сегодня одинъ, завтра—другой что нибудь отброситъ, и зданіе всякаго закона начнетъ разрушаться. Вы не обидитесь?

— Говорите, пожалуйста.

— Ну, вотъ ваши умные люди говорятъ, что въ вашихъ церковныхъ обрядахъ то и другое устарѣло, можно не исполнять, постовъ не держать, въ церкви образованные у васъ не ходятъ, или если ходятъ, то не молятся. Вѣра слабѣетъ... Стали ли ваши отъ этого лучше? Хуже стали. Мы должны охранять отъ этого наше еврейство. Наше отечество, крѣпость нашего племени—нашъ законъ. Зачѣмъ его ослаблять? Отбрасывать сегодня одно, положимъ, пустое вздорное; завтра—другое, послѣзавтра—третье, и весь законъ поколеблется. Думаете ли вы, что евреи станутъ лучшими, когда свой законъ перестанутъ исполнять, станутъ жить безъ закона?

Въ свою очередь я затруднился отвѣтить.

— Ну, вотъ видите, господинъ,—сказалъ Залманъ, замѣтивъ мое колебаніе.—Позвольте же мѣрить чаны подрабинку. Онъ ужъ знаетъ, какъ надо это дѣлать.

Въ умѣ моемъ родилась идея: не удастся ли мнѣ, воспользовавшись случаемъ, добиться аудіенціи у цадика Менделя? Любопытная личность. Видѣть стоитъ. Года три назадъ пріѣзжавшій въ Любавичи вице-губернаторъ Буцковскій хлопоталъ, да такъ и не увидѣлъ цадика, удовольствовавшись, какъ разсказывали, какимъ-то подношеніемъ. На мою просьбу взамѣнъ уступки при измѣреніи чановъ устроить мнѣ свиданіе съ его отцомъ Залманъ сперва рѣшительно отказалъ: «реббе Мендель—столѣтній старецъ, больной, въ постели, по-русски не говоритъ. Зачѣмъ вамъ его видѣть?» Но когда я далъ слово, что никакого глумленья или удовлетворенія празднаго любопытства не имѣю въ виду, а просто заинтересованъ личностію знаменитаго раввина, Залманъ обѣщалъ поговорить съ отцомъ. Собираясь уходить, очень обрадованный улаженіемъ дѣла съ измѣреніемъ чановъ, онъ послѣ разныхъ оговорокъ и колебаній сказалъ:

— Мнѣ надо сказать отцу, зачѣмъ вы хотите его видѣть. Такъ только, чтобы посмотрѣть, это не годится. Старикъ заупрямится.

Я скажу ему, вы дозволите? Скажу, что вы хотите знать вашу судьбу.

— Скажите и такъ. Но я не вѣрю, чтобы для человѣка существовало предопредѣленіе, а потому и предсказать будущее невозможно.

На губахъ Залмана промелькнула улыбка.

— Многіе не вѣрили, и однако пришлось повѣрить, когда предсказанное сбылось. Въ исторіи записаны сбывшіяся предсказанія, и въ Библіи объ этомъ упоминается.

Противъ этихъ аргументовъ спорить я, конечно, не могъ.

По окончаніи измѣреній на заводѣ Залманъ заѣхалъ за мною и повезъ меня къ отцу. У крыльца дома цадика толпилась громадная толпа евреевъ. Если бы меня не сопровождалъ реббе Залманъ, пробиться сквозь эту толпу мрачныхъ и озлобленныхъ фанатиковъ явилось бы дѣломъ очень рискованнымъ. Виднѣлись возбужденныя лица и гнѣвно блестящіе глаза.

Даже тѣни насилія надъ личностью ихъ святого цадика евреи не оставили бы безъ отмщенія. Много лѣтъ спустя, подобнаго же настроенія толпу я видѣлъ въ Кронштадтѣ вокругъ отца Іоанна. Въ обоихъ случаяхъ изувѣры ничего не брали въ расчетъ, всему вѣрили и готовы были на все изъ-за своего идола. Толпа въ Кронштадтѣ состояла изъ христіанъ, но она, пожалуй, была еще страшнѣе и свирѣпѣе толпы любавицкихъ хесидитовъ, волновавшихся у дверей цадика Менделя.

Залманъ провелъ меня черезъ нѣсколько комнатъ, переполненныхъ сборной мебелью. Тутъ были зеркала ампиръ и еще болѣе древнія венеціанской работы; мебель, обитая странной, давно вышедшей изъ употребленія волосяной матеріей; тяжелыя кресла краснаго дерева съ жесткимъ, какъ камень, сидѣніемъ и новомодныя кушетки и лежаки — и все это было не поставлено, а наставлено. Съ потолка спускались бронзовыя люстры работы мастеровъ давно минувшихъ эпохъ; стояли по угламъ канделябры, коимъ по ихъ рѣдкости цѣны не было, съ воткнутыми въ нихъ грошовыми шабашовыми свѣчками. Не только статуй, которыхъ благочестивые евреи не допускаютъ, какъ идоловъ, не было на стѣнахъ даже картинъ. На всѣхъ косякахъ дверей приколочены были бумажные сверточки съ завернутыми въ нихъ заповѣдями. Къ каждому сверточку, проходя, Залманъ прикасался пальцами. За нами шло нѣсколько евреевъ, старыхъ и молодыхъ... подрабинковъ, учениковъ, какъ я узналъ послѣ. Они переговаривались очень тихо. Шли мы по тяжелой ковровой дорожкѣ такъ, что шаговъ совсѣмъ не было слышно.

У послѣднихъ дверей, попросивъ меня подождать, Залманъ, пріотворивъ ихъ, не прошелъ, а осторожно проскользнулъ въ слѣдующую комнату. Ждать пришлось сравнительно долго.

— Нашъ цадикъ молится, — сказалъ мнѣ одинъ подрабинокъ съ длинною, сѣдою библейскою бородою, на мой вопросъ, долго ли ждать.

— А если я попробую войти?

— Охъ, какъ можно! — заволновались евреи.—Пока святой человѣкъ не дозволитъ, мы васъ, господинъ, не пустимъ. Какъ можно!

Другой подрабинокъ, черный, низкаго роста, съ черными злыми глазами, добавилъ:

— Не говорите громко. Нельзя. Въ прошломъ году пріѣзжалъ въ Любавичи изъ Могилева Гирша Цукерманъ. Знаете: очень большой богачъ, пурицъ (баринъ) и хотѣлъ, вотъ какъ вы, войти, не дожидаясь позволенія. Ну, и знаете, что случилось?

— Что же случилось? Вы не пустили?

— Зачѣмъ мы не пустили? Онъ отворилъ дверь, а нашъ святой раввинъ, какъ увидѣлъ его, махнулъ на него рукою, и точно вѣтромъ сильнымъ оттолкнуло Гиршу Цукермана отъ двери. Не устоялъ даже на ногахъ, а онъ—такой здоровый, большой. Мы его вывели подъ руки на крыльцо, отдышался насилу. Такъ и уѣхалъ, не видавъ реббе Менделя, а двѣ тысячи на бѣдныхъ пожертвовалъ. Какъ будете въ Могилевѣ, сами спросите Гиршу Цукермана, онъ вамъ скажетъ.

Но Гиршу Цукермана мнѣ спросить не пришлось: точно ли его за дерзость оттолкнула отъ дверей комнаты цадика сила, похожая на сильный вѣтеръ?

Изъ полуоткрывшихся дверей показалась голова Залмана Рабиновича, и онъ вполголоса сказалъ мнѣ:

— Пожалуйте. Отецъ васъ готовъ принять.

Ни одинъ изъ сопровождавшихъ наше шествіе подрабинковъ вслѣдъ за мною не вошелъ.

Комната — кабинетъ раввина Менделя, въ которой я очутился, была большая, четырехугольная, очень свѣтлая: по двумъ сторонамъ ея было прорѣзано по три окна. Меблировки почти не оказывалось. Стояли только вдоль одной стѣны простые шкафы съ полками, заставленными фоліантами: Пятикнижіемъ, написаннымъ на телячьей кожѣ, собраніемъ талмуда и т. п. Между двумя окнами стоялъ большой диванъ. На немъ, обложенный бебехами (подушками), въ не совсѣмъ чистыхъ наволочкахъ, сидѣлъ маленькій старичекъ. Онъ былъ весь въ бѣломъ, гладкій черепъ прикрывала шапочка; пейсы были жиденькіе, пожелтѣвшіе отъ лѣтъ, но лицо не казалось пергаментнымъ, какъ обычно у стариковъ, оно только было очень блѣдно, какъ бумага, безъ кровинки. Глаза, когда рав-

винъ ихъ устремилъ на меня, удивили меня: это были не только зоркіе, но и молодые глаза.

Въ противность легендѣ, что цадикъ Мендель, при помощи своей святости, поднимается на цѣлый аршинъ отъ пола, онъ очевидно не могъ даже самъ подняться съ подушекъ. Два подрабинка, безмолвно и почтительно стоявшіе у окна, подхватили и приподняли старика. Раввинъ протянулъ мнѣ руку—маленькую, высохшую, похожую на руку ребенка. Прикоснувшись для рукопожатія, я хотѣлъ свою отнять прочь. Но цадикъ удержалъ ее, повернулъ ладонью кверху, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и что-то проговорилъ.

Одинъ изъ подрабинковъ сейчасъ же перевелъ мнѣ сказанное:

— Нашъ святой равви говоритъ, что вы будете долголѣтни на землѣ.

Цадикъ продолжалъ разсматривать мою руку, по временамъ всматриваясь въ мое лицо. Затѣмъ заговорилъ отрывистыми, короткими фразами на древне-еврейскомъ языкѣ, какъ я узналъ послѣ.

Подрабинки переводили, торопясь и перебивая другъ друга.

Я услышалъ слѣдующее:

— Вы скоро уѣдете далеко, далеко на сѣверъ, перемѣните родъ занятій; сначала подвергнетесь большой опасности, но счастливо избѣгнете несчастія. Не женитесь здѣсь, какъ предполагаете, а женитесь тамъ, и будете жить счастливо и въ согласіи, у васъ родится двое дѣтей, добьетесь богатства и потеряете его, сдѣлаетесь извѣстнымъ человѣкомъ. Идите съ миромъ...

Цадикъ Мендель умолкъ, выпустилъ мою руку, опустился на подушки и закрылъ глаза. Если бы не легкое колебаніе груди, можно было бы предположить, что на подушкахъ лежитъ мертвый ребенокъ или, вѣрнѣе, восковая кукла.

— Отецъ очень утомился. Онъ старъ и слабъ,—шепнулъ мнѣ Залманъ и, взявъ меня подъ руку, вывелъ изъ кабинета цадика.

Въ столовой мнѣ предложенъ былъ завтракъ. Мнѣ очень хотѣлось ѣсть, но воспользоваться предложенными яствами не было возможности: стояло блюдо щуки, приготовленной съ шафраномъ и перцомъ, цимесъ (брюква, тоже съ перцомъ и лукомъ), кугель (запеченная лапша); стояли бутылки винъ съ золоченными ярлыками, но съ содержимымъ, нимало не напоминавшимъ виноградный сокъ, а скорѣе спиртъ и тотъ ромъ, который никогда не видалъ Ямайки. Было много вареній, и между ними рѣдька, варенная на меду... Довольно противное лакомство.

Теперешніе «цивилизованные» евреи ничего подобнаго на столъ не подаютъ и не ѣдятъ. Но тогда, полстолѣтія назадъ, это было какъ бы обязательно.

Вечеромъ я уѣхалъ изъ Любавичъ и, признаюсь, сейчасъ же забылъ предсказанія стараго цадика. Зачѣмъ мнѣ было мѣнять

мое обезпеченное положеніе въ акцизномъ вѣдомствѣ? Управляющимъ акцизомъ въ Могилевской губерніи былъ мой близкій родственникъ Т. Т. Глу—ій; я былъ почти женихъ, влюбленъ, молодъ...

Свѣтло и отрадно развертывалась жизнь. Сѣверъ вовсе меня не манилъ.

— Нагородилъ старый цадикъ вздору, которому могли повѣрить развѣ невѣжественные, темные хесидиты,—рѣшилъ я.

И, однако же, странныя предсказанія начали сбываться.

Наступилъ 1863 годъ. Я точно подвергся большой опасности и счастливо избѣгнулъ ея, но не избѣгнулъ разрыва съ тою, которую любилъ... Муравьева въ Вильнѣ смѣнилъ далеко не равный ему по уму и административнымъ способностямъ К. П. Кауфманъ, и приказано было всѣхъ чиновниковъ римско-католиковъ уволить.

Я очутился въ отставкѣ и волею-неволею уѣхалъ на сѣверъ. Въ Вильнѣ познакомился съ Ад. Карл. Киркоромъ, основателемъ газеты «Новое Время», переѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался русскимъ литераторомъ. Я былъ первымъ, по времени, секретаремъ редакціи «Новаго Времени».

Добился ли я состоянія, какъ предсказывалъ цадикъ Мендель?

Да, добился. У меня было три дома въ Петербургѣ: на Николаевской ул., № 41, на Кирочной, № 37, и на Мѣщанской; было изданіе («Лучъ») съ 20.000 подписчиковъ. Но когда разразилась катастрофа въ Кредитномъ обществѣ, и воцарился въ немъ директоръ Шауманъ (нынѣ покойный), господинъ съ почти еврейской бородой и еврейской физіономіей, какъ я писалъ о немъ, мои дома исчезли въ томъ шаумановскомъ водоворотѣ, который похоронилъ состоянія многихъ петербургскихъ домовладѣльцевъ, державшихся старо-кредитной партіи. Журналъ «Лучъ» очень ловкимъ маневромъ вырвалъ у меня г. Шендеръ-Вольфъ. Состояніе мое улетучилось, какъ дымъ. Я женился и очень согласно живу уже десятки лѣтъ. Здоровъ и сохранилъ голову, хотя мнѣ идетъ уже восьмой десятокъ лѣтъ. До сихъ поръ всѣ предсказанія цадика Менделя изъ Любавичъ исполнились.

Скажутъ: случайное совпаденіе. Можетъ быть. Но совпаденіе, согласитесь, очень странное, и приходится повторить стихъ Шекспира:

Есть многое на свѣтѣ, о чемъ не снилось нашимъ мудрецамъ.

Вотъ еще небольшое добавленіе къ моему разсказу.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ пришлось платить проценты и мѣнять вексель въ банкѣ того самаго еврея изъ Орши, которому цадикъ Мендель предсказалъ, что онъ не только будетъ богатъ, но и титулъ получитъ весьма почтенный.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ предсказывать еврею, что онъ будетъ «превосходительствомъ», конечно, было болѣе чѣмъ смѣло.

Предсказаніе сбылось, однако. Когда я встрѣтилъ въ Петербургѣ въ «собственномъ банкѣ» моего оршанскаго знакомца, въ пышномъ кабинетѣ, гдѣ все было бархатъ, палисандръ и бронза, мы разговорились о старинѣ. А не видались мы лѣтъ двадцать пять. Вспомнили цадика Менделя и его предсказанія.

— На мнѣ исполнилось все, что онъ предсказалъ, — заявилъ мой знакомый и обвелъ глазами кабинетъ.

Ему въ эту минуту поднесли на серебряномъ подносѣ письма. Очень солидный господинъ, котораго титуловали барономъ, стоя, почтительно докладывалъ ему какія-то бумаги.

— На мнѣ тоже почти исполнились предсказанія любавичскаго прозорливца,—возразилъ я. — Но замѣтьте—почти, а не совсѣмъ: онъ мнѣ предсказалъ, что у меня будетъ двое дѣтей. Дѣтей у меня не было и навѣрное не будетъ. Прорѣха есть, какъ видите, и въ предсказаніяхъ мудраго Менделя.

Директоръ банка, si-devant, мой оршанскій знакомый, подумавъ минуту, съ свойственною евреямъ находчивостью замѣтилъ:

— Ну, вы ошибаетесь: предсказанія исполнились всѣ. У васъ отъ жены нѣтъ дѣтей, но Мендель и не предсказывалъ, что они у васъ будутъ непремѣнно отъ жены. Можете ли ручаться, что у васъ не было побочныхъ? А, какъ скажете?

Я разсмѣялся: евреи вообще мастера на софизмы и на объясненія, если и остроумныя, то очень часто рискованныя.

Впрочемъ, я долженъ повторить: предсказанія мудраго Менделя изъ Любавичъ на удивленіе сбылись. Судите, какъ хотите, но они сбылись...

С. С. Окрейцъ.

АМУРСКІЙ СПОЛОХЪ.

(Воспоминанія).

ЛЮБИМАЯ тема нашего крестьянина—земля.

На базарахъ, при возвращеніи изъ церкви, на постоялыхъ дворахъ, всюду говорятъ про землю-кормилицу, связь съ которой составляетъ самую чувствительную струну мужицкой души.

И чѣмъ тѣснѣе становится жить, чѣмъ меньше земли остается въ рукахъ селянина, тѣмъ легче онъ поддается слухамъ о передѣлѣ земель или о вызовѣ переселенцевъ на новыя, привольныя мѣста, тѣмъ страстнѣе воспринимаетъ онъ эти вѣсти...

Крестьянство, довольно равнодушное къ другимъ явленіямъ общественной жизни, отличается удивительною впечатлительностью и довѣрчивостью ко всему, касающемуся земли, и часто самый нелѣпый слухъ, пущенный краснобаемъ-прохожимъ, жадно подхватывается и разносится по окрестности съ быстротою молніи.

Происходитъ самогипнозъ толпы, и черезъ нѣсколько времени вздорная выдумка, переработанная ея мышленіемъ, выростаетъ въ дорогую сердцу крестьянина, высокую истину, за которую онъ держится съ фанатическимъ упорствомъ.

Этой чертѣ характера Россія обязана многими бурями, потрясавшими ея народныя массы, а въ частности многочисленными, внезапно возникавшими среди жителей обширныхъ районовъ, попытками къ переселенію въ какіе-то невѣдомые благодатные края.

Въ дѣтствѣ мнѣ пришлось наблюдать такую переселенческую лихорадку, охватившую Константиноградскій уѣздъ Полтавской губерніи и смежныя съ нимъ харьковскія и екатеринославскія

села, жители которыхъ весною 1883 года вдругъ рѣшили двинуться на мало извѣстный еще тогда Амуръ.

Этотъ округъ Малороссіи, лежащій большею своею частью внѣ укрѣпленной Украинской линіи, законченной Минихомъ около 1740 года, былъ заселенъ сравнительно недавно и до эманципаціи представлялъ почти сплошную ковылистую степь, распаханную только вблизи селеній. Здѣсь еще были свѣжи преданія о дикомъ просторѣ Запорожскихъ степей!... Старики еще помнили, какъ край заселялся бѣглыми, и рабочіе свободно переходили отъ одного пана къ другому. Они разсказывали молодежи про дикихъ лошадей, козъ и кабановъ, плодившихся въ дни ихъ юности среди этихъ полей... По ихъ словамъ, тогда травы были высотой въ сажень... Стоило тогда только поцарапать землю, чтобъ на ней росъ такой густой и мощный хлѣбъ, что каждый взмахъ косы валилъ цѣлый снопъ... И солнце тогда грѣло равномѣрнѣе и дожди шли чаще... Ягода была сочнѣе, зерно крупнѣе... А главное—душу радовала безконечная широта, необъятный просторъ!

— Тоди куды ни глянь, степъ бувъ якъ мѣсто!—заканчивали они свои разсказы и съ грустью говорили, что теперь съ каждымъ днемъ жить становится тѣснѣе и хуже...

Эти рѣчи, волнуя души молодежи, возбуждали въ ней восхищеніе передъ былымъ укладомъ степной жизни, и мало-по-малу среди нея создавался полный тоски культъ прежняго приволья...

Разсказы косарей, ходившихъ на заработки въ Донскія и Черноморскія степи, еще рельефнѣе подчеркивали темныя стороны европейской жизни...

Между тѣмъ экономическія условія края быстро измѣнялись къ худшему, все болѣе и болѣе стѣсняя крестьянъ. Эманципація вызвала строгое отграниченіе помѣщичьихъ полей отъ крестьянскихъ, надѣлы которыхъ были далеко не вездѣ нарѣзаны добросовѣстно и въ достаточномъ количествѣ. У многихъ крестьянъ участки были черезполосны или приходились въ крутыхъ ярахъ, мѣстами неудобныхъ для земледѣлія.

Въ иныхъ деревняхъ помѣщичьи межи прошли подъ самыми окнами крестьянскихъ хатъ, и крестьянамъ некуда было выгнать скотъ... Но пока помѣщики занимались излюбленнымъ испоконъ вѣка дѣломъ: овцеводствомъ и скотоводствомъ, жить еще можно было. Помѣщики охотно принимали скотъ на выпасъ и отдавали покосы за недорогую цѣну... Бѣда крестьянина шла съ другой стороны. Конкуренція Америки и Австраліи понизила цѣны на русскую шерсть...

Большинство коннозаводчиковъ, лишившись исполнительныхъ и даровыхъ конюховъ, не сочло возможнымъ ввѣрить лошадей дорогимъ и не берегущимъ хозяйскаго добра вольнонаемнымъ и распродало заводы. Между тѣмъ цѣна на пшеницу стояла хорошая;

сбытъ ея облегчился, благодаря проведенію къ черноморскимъ портамъ желѣзныхъ дорогъ.

И вотъ вся украинская степь покрылась пшеницей!

Это былъ тяжелый ударъ для крестьянства...

Помѣщики стали дорожить землей, и цѣна на нее поднялась. Параллельно этому поднимался и спросъ на нее: съ сѣвера, изъ густо населенныхъ уѣздовъ Полтавской, Кіевской и Черниговской губерній, стали появляться переселенцы-казаки и такъ называемые «рулеты»[1]) и «куркули»[2]). Съ юга надвигались нѣмцы и тавричане... Они покупали помѣщичьи имѣнья, и скоро вмѣсто одиноко стоящихъ среди ковыля овчарень въ каждой балкѣ появились переселенческіе хутора, окруженные чернымъ кольцомъ пахоти...

— Куда ни плюнь, тамъ и куркуль!—говорили мѣстные степняки, безпомощно глядя на захватъ пришлецами окрестныхъ полей. Цѣны на землю поднимались съ поразительной быстротой, и къ восьмидесятымъ годамъ онѣ достигли восьмидесяти рублей за десятину вмѣсто двадцати пяти, считавшихся еще недавно красной цѣной.

Съ увеличеніемъ запашки, земли истощались и требовали тщательной обработки и удобренія.

Мѣстнымъ жителямъ, избалованнымъ обиліемъ тучной, первобытной нови, трудно было свыкаться съ условіями новой жизни. Между ними начало замѣчаться стремленіе къ переселенію въ мало заселенныя черноморскія и донскія степи, о которыхъ имъ говорили вернувшіеся съ заработковъ.

На дорогахъ все чаще стали появляться группами или въ одиночку полотняныя кибитки переселенцевъ. Внутри сваленъ скарбъ и сидятъ маленькія дѣти, а подростки весело бѣгутъ за кибиткой. Мужики идутъ сумрачно и, встрѣтивъ знакомаго, отвѣшиваютъ ему три поясныхъ поклона...

На вопросъ, куда они идутъ, слѣдовалъ неизмѣнно лаконическій и имъ самимъ ничего не объясняющій отвѣтъ: «на степы».

Въ деревняхъ жадно читались письма этихъ піонеровъ, рѣдко сознававшихся въ неудачахъ, а большею частью ярко расписывавшихъ свое путешествіе и богатство новыхъ мѣстъ, и въ безпокойныхъ головахъ пробуждалась страсть къ приключеніямъ... При такихъ условіяхъ недоставало только искры, чтобы воспламенить уже давно возбужденные умы.

Явилась и эта искра...

---

[1]) «Рулетами» называютъ выходцевъ изъ сѣверной части Харьковской и нѣкоторыхъ уѣздовъ Черниговской губерній отъ того, что слово «риллья» (пахоть) они произносятъ «руллья».

[2]) «Куркулями» въ степяхъ называютъ выходцевъ изъ лѣсной части Малороссіи.

Верстахъ въ двадцати отъ Константинограда, на берегахъ Орчика раскинулось село Карловка, окруженное огромными владѣніями великой княгини Екатерины Михайловны. Здѣсь были различные заводы, мастерскія, школы... Словомъ Карловка всегда была однимъ изъ промышленныхъ и умственныхъ центровъ края, гдѣ постоянно попадались личности, вышедшія изъ крестьянской среды, полуинтеллигенты, жаждущіе жизни и ищущіе средствъ для удовлетворенія своихъ страстей.

Таковъ былъ одинъ изъ служившихъ въ экономіи фельдшеръ Бѣланъ. Вслѣдствіе какихъ-то непріятностей ему отказали отъ мѣста. Тогда Бѣланъ, обладавшій большою предпріимчивостью и прекрасно знавшій крестьянскій бытъ, рѣшилъ использовать возбужденное настроеніе умовъ, сообразно своимъ цѣлямъ. Въ то время у насъ только что начали обращать вниманіе на укрѣпленіе Владивостока и заселеніе Пріамурья, о чемъ уже поговаривали въ народѣ.

Стакнувшись съ какимъ-то писаремъ, Бѣланъ раздобылъ казенную печать и сфабриковалъ нѣсколько указовъ о переселеніи крестьянъ на Амуръ на казенный счетъ, при чемъ переселенцамъ сулились золотыя горы.

Нѣсколько вѣрныхъ друзей Бѣлана передали изъ-подъ полы эти бумаги знакомымъ крестьянамъ, приказавъ имъ соблюдать все въ строжайшей тайнѣ, въ виду того, что помѣщики, опасаясь остаться безъ рабочихъ, будутъ всѣми силами противиться переселенію. При этомъ съ каждаго, желавшаго перебраться на Амуръ, взимался рубль за запись его имени въ списокъ.

Скоро вѣсть объ этихъ бумагахъ разнеслась по деревнямъ, и крестьянскіе рубли потекли въ карманы предпріимчиваго Бѣлана. Вся окрестность заволновалась.

Въ это время я былъ подросткомъ и, какъ большинство помѣщичьихъ дѣтей, постоянно толкался среди рабочихъ. Они не стѣснялись моимъ присутствіемъ, и на моихъ глазахъ происходили характерныя сцены, врѣзавшіяся мнѣ въ память.

Какъ теперь помню мрачную кухню для чернорабочихъ—застольную. Вкругъ стараго некрашеннаго стола сидитъ до десятка мужчинъ; подростки-хлопцы размѣстились на лавкахъ, жадно прислушиваясь къ рѣчамъ старшихъ.

Собесѣдники дѣлятся собранными съ разныхъ сторонъ свѣдѣніями объ Амурѣ и сообщаютъ другъ другу самые невѣроятные слухи.

— Гдѣ же этотъ Амуръ?—озабоченно спрашиваетъ кто-то.

— Возлѣ восточнаго моря...

— А гдѣ это море?

Общее недоумѣніе.

— Спросимъ панича,—рѣшаетъ одинъ:—онъ учился у губернантки и долженъ знать.

— Да онъ сбрешетъ?

— Нѣтъ, не сбрешетъ и никому не скажетъ, — опровергаютъ всѣ скептика и подзываютъ меня къ столу: — паничъ, вы не знаете, гдѣ Амуръ?

— Знаю, — отвѣчаю я съ важностью, достойной ученѣйшаго педагога:—это по ту сторону Сибири.

— А далеко туда?

— Тысячъ десять верстъ...

— Брешетъ! брешетъ!—слышится недовольный ропотъ: — писарь въ расправѣ сказывалъ, что не болѣе тысячи!

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю правду! А если не вѣрите, такъ я вамъ покажу карту...

Всѣ съ радостью хватаются за эту мысль.

Я бѣгу домой и украдкой приношу географическій атласъ Сѣмашки.

Рабочіе тѣснятся вкругъ меня. Я раскладываю атласъ на столѣ и читаю краткую лекцію по географіи, объясняю значеніе градусовъ и наконецъ разворачиваю карту Россійской имперіи. Зрители разсматриваютъ карту, сравниваютъ пространство Сибири съ другими государствами, мѣрятъ разстояніе спичками и грустно опускаютъ головы, испуганные огромностью предстоящаго пути.

На минуту мой авторитетъ достигаетъ апогея.

— Не вѣрьте ему, братцы!—вмѣшивается прежній скептикъ:— эта книжка не вѣрная! Ее печатали паны, чтобъ обмануть насъ!

— Да зачѣмъ имъ обманывать насъ?

— А затѣмъ, что уйди мы — кто будетъ убирать имъ хлѣбъ, смотрѣть за скотомъ, пахать землю? Безъ насъ они, какъ безъ рукъ!

Этотъ аргументъ всѣмъ кажется неопровержимымъ; я моментально слетаю съ высоты величія непогрѣшимаго оракула, и ко мнѣ начинаютъ относиться подозрительно. Но такъ какъ, кромѣ меня, не отъ кого больше добыть свѣдѣній объ интересующемъ всѣхъ вопросѣ, то въ концѣ концовъ опять обращаются ко мнѣ. Всѣхъ интересуетъ знать, холодно ли тамъ, какъ родитъ хлѣбъ, и вообще каковы условія жизни. Я только что прочелъ книжку подполковника генеральнаго штаба Надарова, нынѣ генералъ-лейтенанта и начальника тыла маньчжурской арміи, прекрасно описавшаго берега Амура, и могъ довольно подробно отвѣтить на большинство вопросовъ. Всѣ жадно слушаютъ мой разсказъ, но онъ видимо не соотвѣтствуетъ ихъ мнѣнію о дивныхъ богатствахъ Пріамурья. У многихъ появляется грустное, разочарованное выраженіе лицъ. Но чѣмъ болѣе я говорю, тѣмъ болѣе въ вопросахъ ихъ начинаетъ сквозить недовѣріе.

— Паничъ брешетъ, или его самого обманули! — прорывается кто-то:—всѣ говорятъ, что хлѣбъ родитъ тамъ два раза въ годъ!

Напрасно я привожу имъ точныя климатическія данныя и увѣряю, что большинство земель тамъ занято лѣсомъ, и ихъ еще надо расчистить. Нить довѣрія между мной и аудиторіей порвана.

Ей слишкомъ трудно глядѣть, какъ меркнетъ очаровавшій ее блестящій призракъ, и она вдругъ начинаетъ видѣть во мнѣ не давешняго мальчишку-пріятеля, а представителя враждебнаго панства. Всѣмъ кажется, что я подосланъ обманывать ихъ, и даже взгляды моихъ лучшихъ друзей полны вражды и дикаго, тупого упорства.

— Брехня! Все это брехня!—говорятъ всѣ и на перебой начинаютъ сообщать слухи, тѣшащіе ихъ мечты.

Вдругъ влетаетъ кухарка.

— Не вѣрьте ничему! Ничему не вѣрьте!—визжитъ она, вся раскраснѣвшись и съ горящими глазами:—паны хотятъ во всемъ насъ обмануть! Къ намъ только что пріѣхали гости съ лакеемъ. Онъ божится, клянется, что ѣздилъ со своимъ паномъ въ Полтаву къ губернатору. Тамъ было пропасть мужиковъ, и губернаторъ всѣмъ говорилъ, что ихъ повезутъ на Амуръ на казенный счетъ. Панъ, услыхавъ это, вызвалъ губернатора въ другую комнату и сталъ ему говорить что-то. Тогда губернаторъ вернулся къ мужикамъ и сказалъ, что земли на Амурѣ уже нѣтъ, и что казна не будетъ везти ихъ туда!

Нѣсколько минутъ въ застольной царитъ невообразимый шумъ, наконецъ всѣ, накричавшись вдоволь, приступаютъ къ кухаркѣ съ разспросами.

— Все, что я говорю,—правда! Ей же Богу! Вотъ крестъ святой!—визжитъ она, колотя себя въ грудь: — лакей разсказывалъ, что на Амурѣ паровые плуги уже три года пашутъ для насъ землю. А когда я носила барынѣ показывать хлѣбъ, такъ паны читали телеграмму; по ней пришли съ Амура два колоска тамошняго хлѣба: пшеницы—вотъ такой... а жита — такой!..

И она показываетъ величину колосьевъ чуть не въ полъ-аршина.

Но тутъ ее подымаютъ на смѣхъ... многіе изъ дворни настолько цивилизованы, что не вѣрятъ возможности присылки по телеграфу хлѣбныхъ колосьевъ. Баба стушевывается, но впечатлѣніе, произведенное ея разсказомъ, не уменьшается, страсти разгораются, всѣ шумно спорятъ и не замѣчаютъ, какъ я сконфуженно удаляюсь, унося подъ мышкой оскандалившагося Сѣмашку.

Описанная мною сцена происходила въ серединѣ или концѣ января 1883 года, и черезъ нѣсколько дней крестьяне настолько увѣровали въ вызовъ ихъ правительствомъ на Амуръ, что перестали скрываться отъ помѣщиковъ и даже начали приходить къ инымъ изъ нихъ за совѣтомъ.

Мои родители купили въ этой мѣстности имѣніе въ семидесятыхъ годахъ, и между ними и крестьянами не вставали мрачнымъ

призракомъ воспоминанія крѣпостного права. Отношенія между нами и населеніемъ были самыя лучшія, и отецъ, какъ отставной военный, пользовался его особымъ довѣріемъ. Мужики со всѣхъ сторонъ стали приходить къ нему съ разспросами про Амуръ и переселеніе. Отецъ всѣми силами убѣждалъ ихъ не вѣрить слухамъ, доказывая, что начальству нѣтъ никакого расчета обманывать ихъ, и что такое серьезное дѣло не можетъ быть организовано безъ того, чтобъ въ волость не прислали официіальныхъ бумагъ. Крестьяне внимательно слушали, разсматривали карты, прочитывали вырѣзки изъ газетъ и, выйдя за двери, говорили:

— Это все брехня: баринъ обманываетъ насъ и показываетъ неправильныя книги и газеты!

Бывали случаи, что пришедшій за совѣтомъ, получивъ отъ отца неутѣшительныя свѣдѣнія, вдругъ нахлобучивалъ шапку и уходилъ, не дослушавъ его и злобно молвивъ:

— Да что съ панами разговаривать! Все равно правды не скажутъ!

Вскорѣ вся окрестность рѣшила итти на Амуръ, и только немногіе, и то больше старики, хотѣли выжидать полученія официіальной бумаги о вызовѣ переселенцевъ. На нихъ насѣдала молодежь, наэлектризованная разсказами о прелести новаго края, и нерѣдко насильно заставляла ихъ присоединиться къ своему лагерю. Въ деревняхъ на каждомъ шагу приходилось наталкиваться на тяжелыя картины. У насъ служила шестидесятилѣтняя швея, выросшая въ помѣщичьемъ домѣ. Болѣе развитая, чѣмъ ея односельчане, и лучше ихъ знающая пановъ, она не вѣрила слухамъ и ни за что не соглашалась покинуть насиженное мѣстечко и наобумъ итти въ глушь тайги.

Какъ-то, гуляя по деревнѣ, я проходилъ мимо ея хаты.

Вижу—старуха сидитъ на заваленкѣ и горько плачетъ. Сыновья настойчиво уговариваютъ ее распродать имущество и переселяться, вокругъ столпились сосѣди, громко вставляя по временамъ свои замѣчанія.

— Охъ, горе мое! горечко!—причитаетъ старуха:—дѣточки мои, голубчики! Куда жъ мы поѣдемъ? Тамъ дичь, глушь! Насъ дикіе звѣри съѣдятъ или зарѣжутъ разбойники!

Два старшіе ея сына стоятъ въ нерѣшительности, печально понуривъ головы, но младшій, семнадцатилѣтній юноша, полонъ отваги и рѣшимости. Его глаза сверкаютъ... Онъ весь дрожитъ отъ волненія и вдругъ бросается на шею старухи съ непривычной для хохла страстностью.

— Мамочка, серденько! — молитъ онъ прерывающимся голосомъ:—ѣдемъ отсюда! Ѣдемъ! Мы заживемъ въ дремучемъ лѣсу! Тамъ всякій звѣрь и птица! Тамъ безъ числа ягоды! Вы будете

варить намъ обѣдъ, а мы будемъ таскать на себѣ деревья и выстроимъ вамъ хату, хорошую, просторную!..

— Дурень!—рыдаетъ мать:—тебя тамъ медвѣди задушатъ!

— У насъ будутъ ружья за плечами!—вдохновенно кричитъ онъ:—тамъ воля, просторъ! Тамъ и умереть хорошо! А здѣсь что? Бѣдность! Тѣснота! На что перелетная птица—чайка? И та перестала плодиться здѣсь, ушла на широкія степи! А мы жъ лучше чайки! Мы—люди!...

Это сравненіе, видимо, пришлось по сердцу слушателямъ, они одобрительно смѣются и начинаютъ уламывать старуху.

— Ѣзжай, ѣзжай, тетка! Не бойся! — говоритъ ей сосѣдъ. — У тебя тутъ что? На семь душъ три десятины? А тамъ на душу даютъ по сто!

— И по десять штукъ быковъ и коровъ!.. Всего... всего по десять штукъ!—вмѣшивается проходившая баба: — куръ, утокъ и тѣхъ даже по десяти!

— Ну, это враки!—сомнѣвается сосѣдъ.—По десяти быковъ и лошадей не дадутъ, хорошо бы получить даромъ и по одной!

— Бери по одной, дурень, если тебѣ по десяти много!—парируетъ бойкая баба.—А я всего по десяти возьму... всего... Да хорошее буду выбирать, хорошее! Плохого ничего не возьму! А что мнѣ дадутъ нехорошее, такъ назадъ въ морду и брошу!

— Что жъ тамъ будешь барыней что ли, что такъ храбришься?—смѣются надъ ней.

— Конечно, барыней! Сто десятинъ земли дадутъ мнѣ и на мужа и на каждаго изъ дѣтей! Скота у меня будетъ пропасть, денегъ тоже! Вѣдь тамъ съ насъ десять лѣтъ не будутъ требовать подать и десять лѣтъ не будутъ брать отъ насъ солдатъ!

— Это вѣрно: тамъ отъ всего освобождаютъ на десять лѣтъ!—одобрительно поддерживаютъ ее.

— Все, что я говорю, вѣрно!—кричитъ расходившаяся женщина.—Ничего я не совру, хоть на куски меня разрѣжьте! Тамъ намъ дадутъ еще сѣмена, денегъ на хозяйство. А перевозъ даромъ, только чтобъ у каждаго было сто пудовъ клади. У кого не хватитъ—не возьмутъ! У кого больше—тоже! Свѣсьте же, добрые люди, добро! У кого лишнее, давайте тому, у кого нѣтъ, или жгите, чтобъ ничего не доставалось панамъ и запорожцу.

— Какому запорожцу?

— Такому, что въ туречинѣ живетъ! Его туда загнали за разбой. А когда мы уйдемъ, такъ ему отдадутъ всю его прежнюю землю, и онъ всѣхъ пановъ и тѣхъ изъ насъ, кто остается, поразгоняетъ. А кого онъ не тронетъ, такъ тѣхъ все равно опять отдадутъ помѣщикамъ въ крѣпостные!...

Слушателей потѣшаетъ нарисованная бабой картина расправы запорожца съ помѣщиками, и ихъ иронія обрушивается на меня, какъ на ближайшаго представителя падающаго сословія.

— А что, паничъ? — смѣется одинъ: — будешь ты насъ наказывать розгами, когда насъ опять закрѣпостятъ?

— Онъ насъ всѣхъ заставитъ вязать чулки,—язвитъ старикъ, бывшій казачокъ.

Я молчу.

— Ага, молчишь? Боишься запорожца?—кричатъ изъ толпы.— Теперь, братъ, тебѣ край! Теперь паны намъ по колѣно!

— Вѣрно, братцы! — подхватываетъ тотъ же старикъ. — Были прежде паны—сила, богачи! А теперь такіе будутъ паны, что на двухъ одни штаны: кто раньше встаетъ, тотъ и штаны беретъ!

Я не выдерживаю и удаляюсь, провожаемый насмѣшками, дальше которыхъ, впрочемъ, и не шло проявленіе враждебности къ помѣщикамъ. Однако многіе наши сосѣди не довѣряли незлобивому настроенію крестьянства; они ожидали чуть не террора и собирались даже выѣзжать изъ имѣній и просить защиты у властей. Но мужикамъ было не до нихъ.

Всѣ ладили телѣги, заготовляли плотничій инструментъ, сколачивали ящики для скарба... Всюду закипѣла лихорадочная дѣятельность, мало-по-малу перешедшая въ полный разгромъ крестьянскихъ имуществъ...

Во всѣхъ деревняхъ, на каждомъ шагу образовывались толкучіе базары, куда мужики и бабы несли свое добро, отдавая его за безцѣнокъ. Изъ городовъ появилась масса предпріимчивыхъ личностей, горѣвшихъ жаждой сдѣлать блестящую карьеру, пользуясь одурью, царившей въ деревнѣ.

Курица шла за пятакъ. Гусь за 15—20 копеекъ. Теленка отдавали за рубль, а корову за десять... Болѣе смышленые изъ мужиковъ начали подъ шумокъ скупать надѣлы и хаты переселенцевъ... Тутъ уже всполошились и мѣстныя власти: полетѣли во всѣ стороны донесенія, отношенія, предписанія...

Полиція, земство, городское купечество, опасавшееся лишиться сбыта для своихъ товаровъ, принялись убѣждать мужиковъ.

Все было тщетно.

Они продолжали свято вѣрить, что правительство повезетъ ихъ всѣхъ на Амуръ, и ждали только теплыхъ дней, чтобъ тронуться въ путь... Съ приближеніемъ рокового дня они окончательно потеряли головы... Желая же поскорѣе развязаться съ родиной и уничтожить послѣднюю связь съ ней, чтобы не имѣть уже возврата назадъ или просто для того, чтобы ихъ вещи не доставались другимъ, они начали уничтожать все, чего не могли захватить съ собой. Тотъ рубилъ телѣгу, тотъ сани, тотъ выращенныя его отцами деревья въ саду. Иные ломали двери хатъ, выбивали окна, рѣзали не проданную скотину и птицу. Бабы выли, собаки лаяли, пьяные мужики орали.

Всегда тихія украинскія деревни имѣли теперь грустный и страшный видъ!

Администрація выбилась изъ силъ, и, вѣроятно, пришлось бы прибѣгнуть къ помощи войска, если бъ не произошло психологическаго явленія, часто наблюдаемаго на поляхъ сраженій, гдѣ нерѣдко масса людей, рѣшительно идущая въ бой, вдругъ теряетъ энергію и бросается назадъ. То же произошло съ злосчастными «амурцами».

Въ послѣднюю минуту, когда уже у многихъ возы были уложены, а иные двинулись даже на избранные заранѣе сборные пункты, въ ихъ настроеніи произошелъ рѣзкій переломъ. Они ужаснулись, когда имъ дѣйствительно приходилось вступить на страшный путь, опасности котораго они тщательно скрывали отъ самихъ себя. Разъ оробѣвъ, масса лишилась своего упорства и покорно возвратилась въ свои разоренные дома.

Тогда повсюду поднялся еще горшій плачъ и вой. Во многихъ хатахъ уже сидѣли новые владѣльцы, не хотѣвшіе пускать въ нихъ прежнихъ хозяевъ.

Поднялись крики... споры... Тотъ требовалъ назадъ свою лошадь, тотъ корову. У иной хаты съ плачемъ тѣснилась семья ея стараго владѣльца. Начались тяжбы изъ-за неправильно уступленныхъ надѣловъ. Но главный кризисъ уже миновалъ, а домашніе дрязги кое-какъ уладили при помощи отступного и при посредничествѣ полиціи.

Переселенцы, еще за нѣсколько дней назадъ гордо подымавшіе головы и питавшіе самые смѣлые замыслы, теперь робко впряглись въ старую лямку и влекли ее, полуразоренные, упавшіе духомъ.

Однако нашлись и неубѣдимые, нестрашившіеся ничего. Ихъ набралось нѣсколько десятковъ семействъ. Они тронулись въ путь, и Богъ вѣсть, какими судьбами очутились въ Москвѣ. Захваченныя ими изъ дому деньги скоро вышли. Они распродали свои вещи и, оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, начали шумѣть...

Тогда какъ разъ ждали пріѣзда императора Александра III для коронованія. Буяновъ живо засадили въ кутузку и по этапу разослали на мѣста родины. Самъ же иниціаторъ мошеннической продѣлки, разорившей множество крестьянъ, предпріимчивый Бѣланъ, былъ арестованъ и судимъ.

Не знаю, къ чему его присудили, но знаю, что по отбытіи наказанія его выслали на жительство въ Курскую губернію, гдѣ онъ служилъ у помѣщиковъ.

Такъ кончилась печально бурная попытка крестьянъ обширнаго района раздвинуть рамки современной тѣсной и убогой жизни и вырваться вновь на былой, дѣдовскій просторъ.

Эта попытка была едва ли не первымъ толчкомъ къ возникновенію впослѣдствіи болѣе сознательнаго и методическаго переселенія крестьянскихъ семействъ на побережья Тихаго океана.

Она была горькимъ урокомъ, образумившимъ многихъ и излѣчившимъ ихъ отъ наслѣдственной страсти къ приключеніямъ, и до сихъ поръ извѣстна въ той мѣстности подъ названіемъ «Амурскаго сполоха».

Иванъ Сѣчевиковъ.

ПАМЯТНИКИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

«...И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ».

А. Апухтинъ.

I.

ОДНООБРАЗНАЯ и выжженная южнымъ солнцемъ равнина крымскаго плоскогорія понемногу смѣняется болѣе привлекательными видами по мѣрѣ того, какъ поѣздъ, миновавъ Бахчисарай, приближается къ Севастополю. Далекія синеватыя горы мало-по-малу охватываютъ весь горизонтъ своими мягкими волнообразными линіями, а вдоль рельсоваго пути начинаетъ зеленѣть южная, непривычная глазу сѣверянина растительность: стройные тополи, табачныя плантаціи, виноградники.

Быстро проносится предъ нами живописная зеленая Бельбекская долина; поѣздъ гремитъ по мосту чрезъ рѣку Качу, у которой есть и русло, и дно, и берега, но нѣтъ самаго главнаго—воды; затѣмъ мы ныряемъ въ нѣсколько туннелей, и вотъ, наконецъ, въ окнахъ вагона начинаетъ развертываться чудная панорама Севастопольской бухты, съ ея броненосцами, миноносками и иными военными судами, словно висящими въ прочной зеленой водѣ, озаренной жгучимъ радостнымъ солнцемъ.

Вотъ онъ—Севастополь!

Я не знаю другого города въ Россіи, который былъ бы окруженъ такимъ трогательно-поэтическимъ ореоломъ, какъ Севасто-

поль. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ немъ лились рѣки русской и инородной крови, и совершался актъ великаго человѣческаго и національнаго страданія. Но пятьдесятъ лѣтъ—срокъ немалый. Съ той поры залѣчились старыя національныя раны, изъ развалинъ выросли красивые, сіяющіе своею бѣлизной на солнцѣ дома, музеи и церкви. А главное, съ тѣхъ поръ мы успѣли пережить новыя, гораздо болѣе сильныя національныя страданія и видѣли новое, гораздо болѣе страшное море слезъ и крови... Почему же эти новыя впечатлѣнія не застилаютъ предъ нами преданій севастопольской обороны, и ореолъ многострадальнаго города не тускнѣетъ предъ тѣмъ неслыханнымъ пожаромъ, который недавно охватилъ нашъ Дальній Востокъ?

Не потому ли, что мы еще съ дѣтства, когда все героическое особенно рѣзко запечатлѣвается въ душѣ, помнимъ и любимъ севастопольскую эпопею? Не потому ли, быть можетъ, что севастопольскій разгромъ не принесъ съ собою разгрома нашей военной славы, но наоборотъ укрѣпилъ ее?

Во всякомъ случаѣ, преданія этой героической эпопеи такъ живы въ насъ, что, вступая на землю этого красиваго солнечнаго города, чувствуешь невольное благоговѣніе.

«Здѣсь совершилось великое»...

Слѣдовало бы воздвигнуть при въѣздѣ въ Севастополь особый памятникъ съ такою надписью.

Но въ Севастополѣ и безъ того немало памятниковъ и памятныхъ досокъ съ соотвѣтствующими надписями. Эпоха 1854—1855 годовъ сказывается въ немъ на каждомъ шагу. Не говоря уже о такихъ памятникахъ, какъ монументы Нахимова и Корнилова, не говоря о тѣхъ спеціальныхъ памятникахъ севастопольской обороны, которые воздвигнуты нарочито къ 50-тилѣтію осады, въ Севастополѣ очень много мелкихъ напоминаній о ней. Идя по улицамъ, вы, то и дѣло, встрѣчаете доски съ указаніемъ, что въ этомъ домѣ жилъ Нахимовъ, въ томъ—Тотлебенъ, тамъ находился перевязочный пунктъ и т. д. Севастополь весь проникнутъ воспоминаніями объ осадѣ и, въ сущности, представляетъ самъ по себѣ, во всемъ своемъ цѣломъ, огромный и прекрасный памятникъ героическаго прошлаго.

Памятники севастопольской обороны можно раздѣлить на двѣ категоріи: памятники, воздвигнутые еще въ прежнее время, и памятники, спеціально изготовленные къ полувѣковому юбилею обороны.

Къ числу первыхъ относятся извѣстные и уже много разъ описанные монументы Нахимова и Корнилова, памятники Лазарева и Казарскаго, церковь на Братскомъ кладбищѣ, «Музей севастопольской обороны» и проч.

Къ числу вторыхъ слѣдуетъ отнести великолѣпную «панораму севастопольской обороны», затѣмъ реставрированныя укрѣпленія

4-го бастіона, реставрированное «военное подземелье» на Малаховомъ курганѣ, памятникъ Тотлебену и цѣлый рядъ небольшихъ памятниковъ, указывающихъ мѣста, гдѣ находились тѣ или другія батареи, редуты, люнеты и мѣста боевыхъ столкновеній.

Въ октябрѣ 1904 года предполагалось торжественно отпраздновать пятидесятилѣтіе обороны; но, какъ извѣстно, празднованіе это сначала было отложено въ виду войны съ Японіей, а потомъ и совсѣмъ отмѣнено. Вмѣсто юбилейныхъ празднествъ, 27-го сентября состоялось лишь весьма скромное торжество открытія и освященія упомянутыхъ «спеціальныхъ» памятниковъ.

Эти послѣдніе составляютъ еще новинку для Севастополя и, естественно, возбуждаютъ особое любопытство въ каждомъ пріѣзжемъ. И надо сознаться, въ нихъ вложено много идейности и художественнаго труда.

Идея созданія этихъ спеціальныхъ памятниковъ возникла уже давно.

Еще въ 1874 году, по проекту академика Микѣшина, предполагалась постановка **одного** грандіознаго памятника въ память пятидесятилѣтія обороны. Но потомъ этотъ проектъ былъ отвергнутъ, и возникъ новый планъ увѣковѣченія обороны; идея его заключалась въ томъ, чтобы дать возможность каждому посѣтителю найти и отличить ту грань, ту линію, которая послужила мѣстомъ столкновенія севастопольцевъ съ союзниками, и за которую они въ теченіе 11 мѣсяцевъ не пускали послѣднихъ.

Вдоль оборонительной линіи, согласно этому плану, должны были быть проведены аллеи, а на мѣстахъ бастіоновъ разбиты скверы, и вездѣ должны были находиться указательныя и памятныя доски съ обозначеніемъ батарей, редутовъ и проч. Однимъ словомъ, предполагалось возстановить **схему укрѣпленій**; это — во-первыхъ. А, во-вторыхъ, было предположено дать **картину осады**, избравъ какой либо моментъ ея для художественнаго изображенія.

Планъ этотъ въ общихъ чертахъ можно считать выполненнымъ. Въ общемъ возстановлена вся схематическая линія отъ перваго до четвертаго бастіоновъ. На Большомъ рейдѣ обозначено мѣстонахожденіе моста, соединявшаго во время осады Севастополь съ Сѣверной стороной, и указаны линіи затопленія кораблей. Возстановлена часть укрѣпленій 4-го бастіона, и на томъ холмѣ, гдѣ онъ въ свое время находился, разбитъ большой «Историческій бульваръ» съ указаніями отдѣльныхъ батарей и позицій. На Малаховомъ курганѣ возстановлено существовавшее во время осады подземелье съ часовней, а близъ кургана отмѣчены каменными стѣнками и пирамидою мѣста Волынскаго редута и Камчатскаго люнета и мѣсто смерти адмирала Истомина.

Что касается картины осады, то она воспроизведена въ великолѣпной «панорамѣ севастопольской обороны», принадлежащей

кисти извѣстнаго баталиста Рубо. Панорама помѣщается въ отдѣльномъ зданіи, которое само по себѣ представляетъ прекрасный памятникъ. Находится она на «Историческомъ бульварѣ», иначе говоря на 4-мъ бастіонѣ.

II.

Что такое 4-й бастіонъ въ исторіи севастопольской осады?

Вспомнимъ знаменитые «Севастопольскіе разсказы» графа Л. Н. Толстого. Эти разсказы, замѣтимъ кстати, должны служить путеводителемъ для каждаго посѣтителя Севастополя; они должны непремѣнно находиться въ его рукахъ, потому что сами по себѣ являются прекраснѣйшимъ памятникомъ севастопольской обороны. Картина Рубо, чудесная въ своей яркой реальности и жизненной правдѣ, еще болѣе выигрываетъ въ сочетаніи съ художественно-правдивою лѣтописью Л. Н. Толстого.

Итакъ, вспомнимъ, что говоритъ о 4-мъ бастіонѣ нашъ великій писатель, лично участвовавшій въ эпической оборонѣ.

«Когда кто нибудь говоритъ, что онъ былъ на 4-мъ бастіонѣ, онъ говоритъ это съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью; когда кто говоритъ: «я иду на 4-й бастіонъ», непремѣнно замѣтны въ немъ маленькое волненіе или слишкомъ большое равнодушіе. Когда хотятъ подшутить надъ кѣмъ нибудь, говорятъ: «тебя бы поставить на 4-й бастіонъ». Когда встрѣчаютъ носилки и спрашиваютъ:—откуда?—большею частью отвѣчаютъ: «съ 4-го бастіона».

«Вы поднимаетесь вверхъ по Большой улицѣ, — говоритъ далѣе Толстой, описывая самый бастіонъ.—Домà по обѣимъ сторонамъ улицы необитаемы, вывѣсокъ нѣтъ, двери закрыты досками. Окна выбиты; гдѣ отбитъ уголъ стѣны; гдѣ пробита крыша. По дорогѣ спотыкаетесь вы на валяющіяся ядра и въ ямы съ водой, вырытыя въ каменномъ грунтѣ бомбами. Проходя дальше по улицѣ и спустясь подъ маленькій изволокъ, вы замѣчаете вокругъ себя уже не домà, а какія-то странныя груды развалинъ камней, досокъ, глины, бревенъ. Впереди себя, на крутой горѣ, видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами—и это-то впереди и есть 4-й бастіонъ.

«Только что вы немного выбрались въ гору, справа и слѣва васъ начинаютъ жужжать штуцерныя пули... Пройдя шаговъ двѣсти, вы выходите въ изрытое грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ турами, насыпями, погребами, платформами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія и правильными кучами лежатъ ядра. Все это кажется вамъ нагороженнымъ безъ всякой цѣли, связи и порядка».

Такъ описываетъ Л. Н. Толстой этотъ важнѣйшій и опаснѣйшій послѣ Малахова кургана пунктъ обороны, находившійся всего въ 30—40 саженяхъ отъ непріятельской линіи, отъ того «бѣлаго

каменистаго вала», на которомъ, по словамъ Л. Н. Толстого, «вспыхивали бѣлые дымки», и къ которому русскіе подбирались глубокими минными ходами, ведя подземную войну.

Какая разница того, что было тогда, съ тѣмъ, что стало теперь!

Чистенькій электрическій трамвай быстро бѣжитъ по Большой Морской улицѣ мимо красивыхъ, обсаженныхъ деревьями домовъ и блестящихъ магазиновъ и подвозитъ васъ къ высокой, но съ пологимъ спускомъ горѣ, на которую устроенъ удобный входъ. Это и есть 4-й бастіонъ, а нынѣ «Историческій бульваръ».

Ни разрушенныхъ крышъ, ни, тѣмъ болѣе, жужжащихъ пуль— и въ поминѣ нѣтъ. Нѣтъ и всего того, что казалось Толстому «нагороженнымъ безъ всякой цѣли и порядка». На вершинѣ горы разбитъ садъ съ длинными и широкими аллеями, и среди нихъ, нѣсколько лѣвѣе, возвышается эффектное, сразу бросающееся въ глаза зданіе панорамы. Ближе ко входу на бульваръ, посреди тѣхъ же широкихъ и чистенькихъ аллей стоитъ высокій памятникъ Тотлебену, вполнѣ готовый, но до сихъ поръ почему-то еще не открытый и заколоченный въ видѣ пирамиды досками.

При входѣ на бульваръ, не доходя панорамы, останавливаетъ на себѣ вниманіе большой каменный крестъ съ многозначительною надписью: «Язоновскій редутъ, 1854,—1855». Далѣе, за панорамой высится гранитный обелискъ съ еще болѣе многозначительною надписью:

«4-й бастіонъ».

Здѣсь находился центръ знаменитой «пещи огненной», о которой такъ картинно разсказываетъ Л. Н. Толстой. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, смерть косила славныхъ защитниковъ Севастополя!

За этимъ обелискомъ, на противоположной ко входу сторонѣ, на самомъ обрывѣ, чернѣютъ массивныя груды туръ, т.-е. плетенокъ, изъ которыхъ строились во время осады укрѣпленія. Подойдя ближе, мы видимъ, что это—дѣйствительно укрѣпленія: предъ нами цѣлая батарея, воспроизведенная въ такомъ видѣ, въ какомъ она нѣкогда стояла здѣсь среди другихъ батарей.

Плетеночныя укрѣпленія образуютъ широкій полукругъ, раздѣленный на нѣсколько отдѣленій. Въ каждомъ изъ нихъ стоитъ на деревянной платформѣ старинное орудіе и выглядываетъ изъ узенькой амбразуры внизъ на зеленую бухту съ миноносками и броненосцами и на далекія, бѣлесоватыя горы.

Такихъ орудій, неуклюжихъ, съ раструбами въ концѣ дула, лежащихъ на такихъ же неуклюжихъ лафетахъ, поставлено здѣсь 14 штукъ.

Близъ батареи вырытъ и устроенъ по соотвѣтствующему типу и блиндажъ, т.-е. землянка, укрѣпленная толстыми накатами.

При нѣкоторомъ усиліи воображенія можно создать картину былого боевого времени, когда въ этомъ блиндажѣ обитали живые

Памятникъ адмиралу П. С. Нахимову.

защитники Севастополя, а предъ блиндажемъ, гдѣ теплилась снаружи предъ иконою свѣча, мирно покоились ихъ усопшіе товарищи... Можно представить пальбу изъ этихъ тупоносыхъ старинныхъ пушекъ и суматоху сраженія, происходившаго снаружи, за этими плетеночными укрѣпленіями... Возможно, наконецъ, предста-

вить на фонѣ бѣлесоватыхъ окрестныхъ горъ тотъ «бѣлый каменистый валъ», на которомъ вспыхивали непріятельскіе дымки... Но чрезвычайно трудно возсоздать въ своемъ воображеніи ту грязь и безпорядокъ лагерной жизни, о которомъ говоритъ Л. Н. Толстой. Слишкомъ ужъ чистенько и нарядно все на этой возсозданной по случаю юбилея батареѣ. Слишкомъ чисто, мирно и парадно все въ окружающемъ ее саду.

И мысль обратить это боевое, изрытое французскими ядрами мѣсто въ нарядный бульваръ и въ игрушечную батарею кажется не совсѣмъ удачной. А между тѣмъ сама по себѣ идея возстановленія боевыхъ укрѣпленій въ ихъ прежнемъ устройствѣ и видѣ— безусловно прекрасная и удачная идея.

Но было бы гораздо лучше, если бы возстановили не одну только батарею, но весь бастіонъ, и притомъ въ такомъ приблизительно видѣ, въ какомъ онъ изображенъ у Л. Н. Толстого и на многихъ гравюрахъ того времени. (Кстати, гравюръ этихъ немало хранится въ «Музеѣ Севастопольской обороны»). А именно въ боевомъ, будничномъ видѣ, съ присущимъ такому виду безпорядкомъ, съ массой необходимыхъ аттрибутовъ, въ родѣ ядеръ, разбитыхъ лафетовъ и т. п.

III.

Въ этомъ отношеніи несравненно болѣе яркое и сильное впечатлѣніе производитъ «панорама севастопольской обороны». Если въ возсозданіи укрѣпленій 4-го бастіона виденъ недостатокъ художественнаго замысла, и отсутствуетъ рука художника, то, наоборотъ, въ возсозданіи общей картины обороны чувствуется творческій талантъ, положительно, охватывающій необъятное и сразу переносящій современнаго зрителя въ былую героическую эпоху. Картина Рубо даетъ гораздо болѣе, чѣмъ этого ожидаешь и думаешь, входя въ «панораму».

Но прежде, чѣмъ говорить о самой картинѣ, скажемъ нѣсколько словъ о зданіи панорамы.

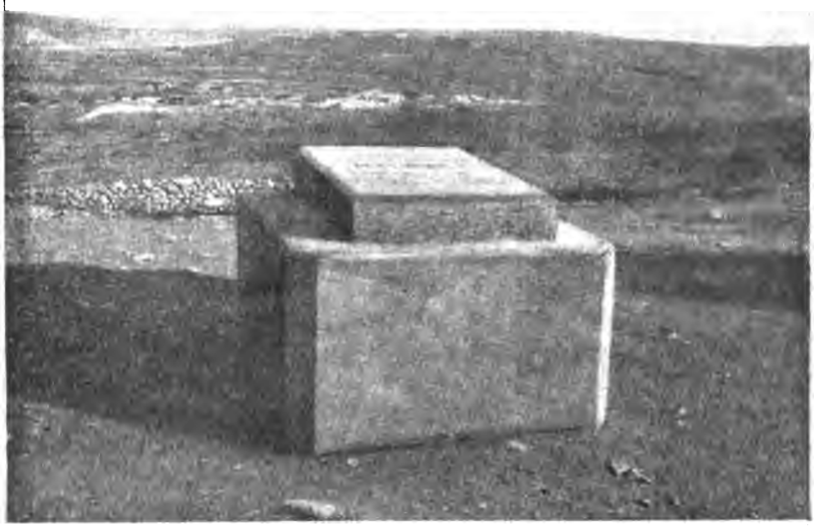
Оно имѣетъ очень величественный видъ и, положительно, доминируетъ надъ окрестностями. Бѣлая круглая башня панорамы видна отовсюду: и со стороны Малахова кургана, и съ моря, и съ пыльной бѣлой дороги въ Ялту.

Такое доминирующее положеніе объясняется не только тѣмъ, что панорама стоитъ на одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ города, но также и ея обширными размѣрами. Зданіе имѣетъ въ вышину 15 саженъ, а внутри по діаметру — около 18 саженъ, т.-е. равняется по величинѣ среднихъ размѣровъ церкви.

На фронтонѣ выдѣляется рельефный георгіевскій крестъ съ развѣвающейся лентой и рельефная надпись: «Панорама Севастопольской обороны». Вокругъ зданія, въ нишахъ помѣщены 13 бю-

стовъ главныхъ защитниковъ и героевъ обороны съ соотвѣтствующими подписями. Начиная отъ входа, зданіе окружено широкой и красивой террасой, съ которой открывается дивный видъ на Севастополь и его окрестности.

Въ самомъ дѣлѣ, прійти сюда, на 4-й бастіонъ и посидѣть на этой террасѣ—рѣдкостное удовольствіе. Весь Севастополь виденъ отсюда, какъ на ладони. Предъ зрителемъ открывается во всемъ



Мѣсто, гдѣ смертельно раненъ адмиралъ П. С. Нахимовъ

своемъ блескѣ этотъ бѣлый, осѣненный тополями и акаціями городъ, окаймленный далекимъ моремъ, то мутно-зеленымъ, то лазурнымъ, то темно-синимъ, почти чернымъ. Далеко внизу лежитъ узкая, замкнутая высокими берегами Южная бухта. Надъ нею лѣзутъ въ гору домики Корабельной слободки, а за ними возвышается желтѣющій холмъ Малахова кургана. Немного далѣе и лѣвѣе свѣтлѣетъ Большой рейдъ, протягивающійся узкимъ рукавомъ къ далекому Инкерману.

И опять невольно вспоминаются строки Л. Н. Толстого.

«Предъ ними (братьями Козельцовыми) открылась бухта съ мачтами кораблей, море, бѣлыя приморскія батареи, казармы, водопроводы, доки и строенія города, и бѣлыя, лиловыя облака дыма, безпрестанно поднимавшіяся по желтымъ горамъ, окружающимъ городъ, и стоявшія въ синемъ небѣ, при розоватыхъ лучахъ солнца,

уже съ блескомъ отражавшагося и спускавшагося къ горизонту темнаго моря».

Теперь не видно только облаковъ дыма. Горы и морской горизонтъ ясны и чисты. И если мы хотимъ видѣть Севастополь и его окрестности, окруженныя пороховымъ дымомъ и грознымъ ореоломъ войны, то для этого стоитъ только зайти внутрь красиваго зданія панорамы.

Мы поднимаемся куда-то наверхъ по полутемной, узкой, витой лѣстницѣ. Еще нѣсколько шаговъ по ней—и мы на высокомъ кругломъ балконѣ. По обѣимъ сторонамъ его, куда ни взглянешь, дымящійся, тонущій въ лиловыхъ и розовыхъ тонахъ Севастополь. А на переднемъ планѣ группы людей въ желто-сѣрыхъ шинеляхъ съ бѣлыми—крестъ на крестъ—ремнями на груди... Огонь, дымъ, какіе-то обломки, какія-то плетенки, мѣшки... А затѣмъ опять люди въ шинеляхъ, лежащіе на землѣ въ странныхъ, несвойственныхъ человѣку позахъ.

Первое впечатлѣніе отъ этой картины неописуемое! До такой степени реальна она; огонь пушечныхъ выстрѣловъ и разрывающихся снарядовъ такъ ярокъ, что невольно по спинѣ пробѣгаетъ холодокъ ужаса. Но гдѣ же находимся мы, зрители, по отношенію къ тому, что изображено на картинѣ, и что она изображаетъ?

Вглядѣвшись въ подробности пейзажа, мы прежде всего видимъ свѣтлыя полоски воды: и можемъ различить Большой рейдъ, Южную бухту, а затѣмъ самый городъ, тонущій въ лиловой дымкѣ ранняго утра. Все это, т.-е. рейдъ и городъ, отстоитъ довольно далеко отъ мѣста дѣйствія, и по нѣкоторымъ причинамъ можно догадаться, что дѣйствіе происходитъ за Корабельной слободкой, т.-е. какъ разъ напротивъ 4-го бастіона, гдѣ мы по-настоящему находимся сейчасъ.

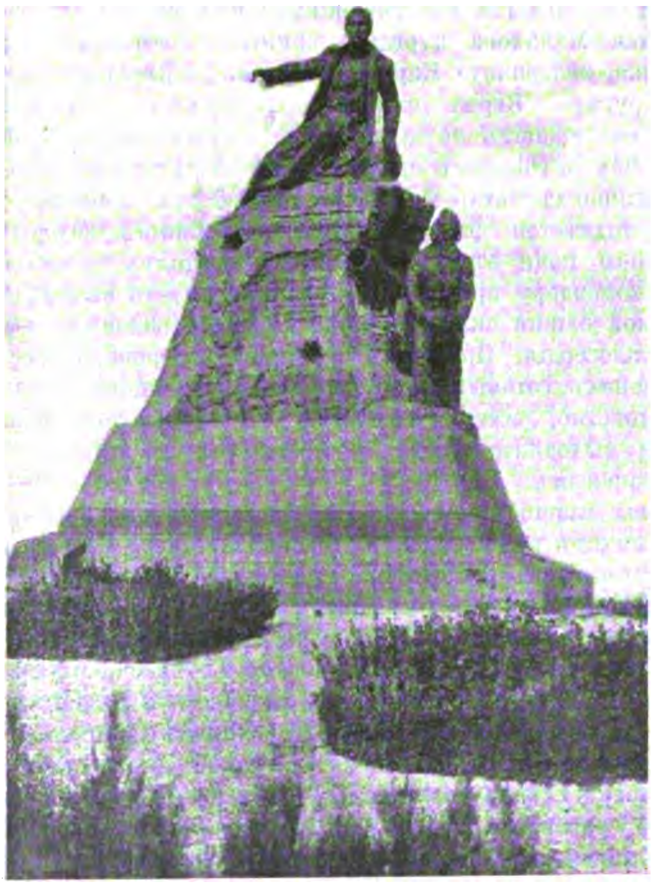
— Это Малаховъ курганъ, — говоритъ, подтверждая нашу догадку, подошедшій сторожъ старикъ-севастополецъ:—вонъ и башня евоная, откуда монахъ-то выходитъ. А вотъ это—флотскій блиндажъ, что̀ на Малаховомъ курганѣ былъ.

И сторожъ-старикъ съ увлеченіемъ и толко̀во все разъяснитъ и покажетъ вамъ. И его слова, его манера относиться къ тому, что нарисовано, какъ къ «заправдашному», еще болѣе усиливаютъ реализмъ этой замѣчательной панорамы. Сторожъ самъ видѣлъ все это, въ натурѣ, своими глазами. Онъ былъ тогда 18-лѣтнимъ юношей... И оттого, быть можетъ, онъ говоритъ обо всемъ нарисованномъ такимъ тономъ, какъ будто бы все это было живое...

Итакъ, панорама изображаетъ въ своемъ центрѣ Малаховъ курганъ. Вѣрнѣе говоря, она изображаетъ штурмъ Севастополя 6-го іюня 1855 года, при чемъ исходной точкой для зрителя взятъ Малаховъ курганъ.

Зритель видитъ штурмъ Севастополя, какъ бы находясь на возвышенности Малахова кургана, или, точнѣе, на нѣкоторой воз-

душной точкѣ надъ курганомъ, такъ какъ центральный и наиболѣе возвышенный пунктъ его, а именно башня, находится нѣсколько въ сторонѣ и нѣсколько ниже отъ зрителя. Такая постановка центра панорамы дала художнику возможность изобразить



Памятникъ адмиралу В. А. Корнилову.

самое «пекло» кургана—его башню, и все происходящее около нея и подъ ней.

Все то, что изображено на панорамѣ, разумѣется, исторически вѣрно. Вѣренъ самый моментъ штурма, вѣрны дѣйствія изображенныхъ историческихъ лицъ.

Моментъ этотъ—одно изъ мгновеній тяжкаго, но славнаго дня 6-го іюня 1855 года. Художникъ взялъ для изображенія именно этотъ день на томъ основаніи, что онъ былъ удаченъ для севастопольцевъ: штурмъ 6-го іюня былъ отраженъ съ большими потерями для непріятеля и съ великою славою дла защитниковъ Севастополя. Это былъ одинъ изъ отрадныхъ дней въ печальной по своему концу эпопеѣ осады, и художникъ счелъ за необходимое избрать для воспроизведенія именно этотъ штурмъ, какъ наиболѣе говорящій нашему національному чувству.

Среди отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ мы видимъ на картинѣ начальника Малахова кургана, капитана 1-го ранга, Керна, его помощника, лейтенанта Карпова, генерала Юферова, генерала Хрулева и другихъ. Кернъ вмѣстѣ съ Карповымъ стоятъ на верху башни и наблюдаютъ за ходомъ боя. Хрулевъ въ черной папахѣ ѣдетъ внизу за окопами среди своихъ солдатъ выбивать французовъ, занявшихъ батарею Жерве. Вправо отъ башни на одной изъ батарей виднѣется фигура лейтенанта Гейкинга, который командовалъ 6-го іюня этою батареей. Онъ стоитъ среди солдатъ и отдаетъ комендору приказанія, куда направлять выстрѣлы.

У самой башни склонилась надъ тяжело раненымъ офицеромъ сестра милосердія, Прасковья Ивановна Графова, и къ ней подходитъ монахъ, готовый напутствовать умирающаго. Монахъ этотъ, какъ извѣстно, всегда находился въ подземельѣ Малаховской башни и выходилъ оттуда во время боя съ крестомъ къ смертельно раненымъ.

Таковы главные эпизоды, изображенные на панорамѣ. Далѣе зритель видитъ ряды солдатъ, то склонившихся за брустверъ батареи, стрѣляя въ непріятеля, то идущихъ маршемъ по взрытой ядрами землѣ, по окутанному дымомъ бастіону. А вдали виднѣются ряды красныхъ англичанъ, синіе капюшоны французовъ и бѣлыя палатки ихъ лагерей. А на горахъ стоятъ бѣлыя и лиловыя облака дыма, и вся картина тонетъ въ лиловыхъ и розовыхъ тонахъ, какъ будто озаренная кровавымъ багрянцемъ войны.

Картина панорамы дополнена кое-какою nature morte: у самой линіи картины, какъ бы сливаясь съ нею, помѣщены различные предметы: разбитые лафеты, ядра, носилки съ ранеными (манекенъ) и манекены убитыхъ. Сильное и трогательное впечатлѣніе производитъ край блиндажа съ иконой и лежащими около нея убитыми. На каждой батареѣ, какъ извѣстно изъ исторіи осады, былъ свой образъ, и возлѣ него складывали мертвецовъ. Около иконы теплится... да теплится—таковъ обманъ зрѣнія, произведенный художникомъ,—тонкая свѣча, въ фитиль которой вкраплена яркая краска.

Полотно картины имѣетъ 54 сажени въ окружности и 7 саженъ высоты. Вся художественная часть панорамы исполнена Рубо въ

Мюнхенѣ. Для того, чтобы написать такую грандіозную картину, Рубо былъ принужденъ построить на одной изъ мюнхенскихъ площадей особый круглый сарай соотвѣтствующихъ размѣровъ. Сарай этотъ послужилъ какъ бы прототипомъ описаннаго зданія панорамы. Подлинное же зданіе выстроено по проекту инженера Энберга.

Отъ искусственнаго Малахова кургана, созданнаго Рубо,—отъ Малахова кургана, окутаннаго ореоломъ исторіи и пороховымъ дымомъ штурма 6-го іюня 1855 года, слѣдуетъ направиться теперь къ Малахову кургану подлинному, мирно почившему въ будничной современности.

IV.

Нарядный и шикарный севастопольскій извозчикъ въ просторномъ фаэтонѣ, запряженномъ парою лошадей, везетъ васъ по набережной бухты, огибаетъ ее, проѣзжаетъ по мосту надъ вокзаломъ и желѣзнодорожнымъ путемъ и начинаетъ медленно взбираться куда-то въ гору въ Корабельной слободкѣ.

Избитая глинистая дорога идетъ мимо казармъ, мимо бѣлыхъ домиковъ съ черепичными крышами по унылой, выжженной горѣ. Тщетно вы ищете «курганъ», онъ прячется на верху этой горы, и когда извозчикъ останавливается у какой-то изгороди и предлагаетъ вамъ итти дальше пѣшкомъ, вы никакъ не хотите повѣрить, что Малаховъ курганъ, это знаменитое мѣсто, на которомъ, кажется, нѣтъ ни единой пяди земли, не политой русской кровью, уже предъ вами.

За изгородью — сторожка, изъ которой немедленно появляется проводникъ и предлагаетъ вамъ свои услуги.

— Сначала я вамъ покажу Братскую могилу,—говоритъ онъ, проведя васъ по поднимающейся вверхъ тропинкѣ къ огороженному прекрасной мраморной рѣшеткой памятнику. Памятникъ этотъ—просто большой бѣлый мраморный крестъ. Онъ поставленъ французами послѣ удачнаго для нихъ послѣдняго штурма Малахова кургана надъ могилой, въ которой они похоронили всѣхъ убитыхъ на курганѣ—и русскихъ, и французовъ. На крестѣ высѣчена трогательная и прекрасная въ своей простотѣ надпись:

«3 septembre
«1855.
«Unis pour la victoire,
«Reunis par la mort.
«Du soldat c'est la gloire,
«Des braves c'est le sort».

По выходѣ отсюда сторожъ предлагаетъ купить на память старинныя пули, выкопанныя здѣсь на курганѣ. Пули эти—четырехъ національностей: русскія — круглыя, какъ орѣхъ, французскія—

коническія, огромныя, затѣмъ англійскія и турецкія—нѣсколько поменьше размѣрами. Много ихъ улеглось на курганѣ и въ его окрестностяхъ.

Курганъ весь поросъ мелкой растительностью, пыльной и выжженной южнымъ солнцемъ. Изъ старыхъ укрѣпленій на немъ остались лишь неглубокіе рвы, остатки вала и стѣнка знаменитой башни съ иконою на ней, у входа въ подземелье внутри башни.

Всѣ эти укрѣпленія и остатки обнаруживаются предъ посѣтителемъ постепенно по мѣрѣ того, какъ онъ взбирается по узенькой тропинкѣ на пологій скатъ кургана. Одновременно съ этимъ открывается обширный видъ на море, на Севастополь и его окрестности. И наконецъ когда стоишь на самомъ верху кургана, то становится ясно, почему онъ считался ключемъ къ городу, и почему французы такъ упорно стремились овладѣть имъ.

Отсюда дѣйствительно виденъ не только весь Севастополь, но и вся линія укрѣпленій, и съ кургана можно, что называется, командовать окрестностью. И становится наконецъ очевиднымъ, что Малаховъ курганъ есть дѣйствительно курганъ, т.-е. рѣзко обособленная возвышенность, а не безконечная и неопредѣленная дорога въ гору, какъ это казалось снизу.

Но таковъ ли онъ, какъ мы его видѣли въ панорамѣ?

Видъ съ него на окрестности, конечно, тотъ же самый. Мы узнаемъ его, хотя городъ уже не таковъ, какимъ онъ изображенъ на картинѣ, и вмѣсто высокихъ парусныхъ кораблей съ полосатыми бортами теперь виднѣются на рейдѣ низкобортные броненосцы и многотрубные крейсера.

Но обстановка самого кургана уже не та.

Нѣтъ батарей, нѣтъ туръ и мѣшковъ съ землей, образовавшихъ укрѣпленія кургана. Отсюда не видно остатковъ вала и рва, и только стѣна башни видна и напоминаетъ такую же стѣну тамъ на картинѣ.

Стѣна эта, представляющая собою остатки нижняго этажа башни, увѣнчиваетъ круглое, довольно обширное подземелье, въ которомъ во время осады находилась часовня и помѣщался штабъ мѣстнаго начальства. Надъ входомъ въ подземелье (посрединѣ стѣны) была вдѣлана въ стѣну икона, и вотъ отсюда-то и выходилъ монахъ напутствовать умирающихъ защитниковъ кургана.

Подземелье теперь реставрировано. Внутри его возобновлена часовня, отдѣланная бѣлымъ мраморомъ, въ узкія бойницы вставлены деревянныя рамы, и вдѣлана въ стѣну мраморная доска съ надписью: «Здѣсь стояла кроватъ со смертельно раненымъ адмираломъ Истоминымъ».

Башня Малахова кургана въ старыя времена состояла изъ двухъ ярусовъ и служила маякомъ. Верхній деревянный этажъ, гдѣ находился фонарь, былъ снятъ предъ осадою, чтобы устра-

нить удобную для непріятеля точку прицѣла. Нижній каменный этажъ много пострадалъ отъ бомбардировокъ. На стѣнѣ до сихъ поръ сохранилось много выбоинъ, причиненныхъ непріятельскими ядрами, а ея верхушка совершенно исковеркана и полуразрушена.

Близъ башни на землѣ находится плита изъ темнаго мрамора съ надписью: «Здѣсь смертельно раненъ адмиралъ Нахимовъ 28-го іюня 1855 года».

Эта плита, это мѣсто — великая святыня Малахова кургана, а день 28-го іюня 1855 года достоинъ того, чтобы его отмѣтить

Внутренній видъ башни на Малаховомъ курганѣ, гдѣ помѣщался штабъ, и гдѣ лежалъ смертельно раненный адмиралъ Истоминъ.

этимъ чернымъ камнемъ: онъ унесъ отъ севастопольцевъ ихъ любимѣйшаго героя.

Въ этотъ день непріятель производилъ усиленную канонаду противъ 3-го бастіона. Нахимовъ, отдавъ тамъ нужныя приказанія, поѣхалъ на курганъ. По пути матросы, которымъ онъ запрещалъ отдавать ему честь, посылали вслѣдъ ему крестныя знаменія, чтобы оградить его отъ опасности. На одномъ изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ Нахимовъ сошелъ съ лошади и сталъ разсматривать непріятельскія укрѣпленія, служа своею бѣлой фуражкой прекрасною мишенью вражескимъ стрѣлкамъ. Видя это, начальникъ кургана, капитанъ 1-го ранга Кернъ, сказалъ адмиралу:

— Предъ образомъ идетъ служба. Не угодно ли будетъ вашему превосходительству послушать?

— Я васъ не держу-съ! — отвѣчалъ адмиралъ.

Но Кернъ остался при Нахимовѣ, волнуемый предчувствіемъ. Спустя нѣсколько минутъ, Нахимовъ хотѣлъ уже итти далѣе и отошелъ отъ бруствера, какъ вдругъ упавшею туда бомбой поразило нѣсколько людей. Онъ захотѣлъ поглядѣть на нихъ и вернулся къ брустверу. На дальнѣйшія предостереженія адмиралъ отвѣтилъ своей обычной поговоркой: «Не всякая пуля въ лобъ-съ», и сталъ смотрѣть въ зрительную трубу.

Въ это время непріятельская пуля попала въ земляной мѣшокъ около того мѣста, гдѣ онъ стоялъ.

— Мѣтко стрѣляютъ канальи! — сказалъ онъ.

И въ ту самую минуту, когда лейтенантъ Колтовской замѣтилъ ему, что въ него нарочно цѣлятъ, — пуля поразила адмирала въ високъ, и онъ упалъ, потерявъ сознаніе. Спустя два дня, онъ скончался.

Въ «Музеѣ Севастопольской обороны» хранится фуражка Нахимова, разорванная роковою пулею, и маленькій Георгіевскій крестикъ, сдѣланный изъ его черепной кости, вынутой во время операціи...

О памятникѣ, воздвигнутомъ на Малаховомъ курганѣ въ честь другого знаменитаго севастопольскаго героя, адмирала Корнилова, въ свое время говорилось и писалось очень много, и памятникъ этотъ хорошо извѣстенъ, благодаря многочисленнымъ гравюрамъ въ журналахъ, фотографіямъ и проч., и потому распространяться о немъ нечего. Крестъ изъ ядеръ, отмѣчающій мѣсто, на которомъ Корниловъ былъ раненъ, лежавшій прежде прямо на землѣ, теперь вставленъ въ мраморную плиту, близъ памятника. Самый же памятникъ дѣйствительно прекрасенъ и по замыслу и по исполненію и настолько грандіозенъ, что виденъ издалека, даже съ моря.

Но зато памятникъ, воздвигнутый въ честь третьяго героя — адмирала Истомина, отличается необычайной скромностью. Адмиралъ Истоминъ, какъ извѣстно, былъ смертельно раненъ на пути между Камчатскимъ люнетомъ и Малаховымъ курганомъ—и вотъ на мѣстѣ его раненія, недалеко отъ кургана, поставлена въ чистомъ полѣ небольшая усѣченная гранитная пирамида—и больше ничего.

Впрочемъ, кромѣ того, въ стѣну подземелья Малаховой башни вдѣлана упомянутая выше памятка о томъ, что тутъ стояла кровать со смертельно раненнымъ Истоминымъ.

V.

Съ Малахова кургана можно видѣть всю линію укрѣпленій въ ихъ постепенномъ удаленіи одно отъ другого. Не говоря уже о 4-мъ бастіонѣ, который ясно отмѣченъ бѣлою башнею панорамы, отсюда виденъ и 3-й бастіонъ, находящійся близъ 4-го, непода-

Мраморный крестъ на Малаховомъ курганѣ въ память павшихъ русскихъ и французскихъ воиновъ.

леку отъ вокзала желѣзной дороги. А по другую сторону кургана, ближе къ Сѣверной сторонѣ можно найти 1-й, 2-й и другіе бастіоны, и, наконецъ, у самаго кургана—Камчатскій люнетъ и Селенгинскій редутъ.

Послѣднія два укрѣпленія отмѣчены особыми памятниками, изъ которыхъ особенно замѣтна чугунная колонна въ 8 саженъ вы-

соты съ бронзовымъ шаромъ наверху, стоящая на мѣстѣ Камчатскаго люнета. Обращаетъ на себя вниманіе также оригинальная синяя стѣнка, находящаяся между Малаховымъ курганомъ и Камчатскимъ люнетомъ; она воздвигнута въ память происшедшаго на этомъ мѣстѣ кроваваго столкновенія русскихъ съ французами.

3-й бастіонъ отмѣченъ высокимъ, виднымъ издалека бѣлымъ обелискомъ. Мѣстонахожденіе остальныхъ укрѣпленій можно кое-гдѣ опредѣлить по невысокимъ бѣлымъ стѣнкамъ, которыя виднѣются среди желтизны окрестныхъ горъ, протягиваясь то здѣсь, то тамъ короткою, ломаною линіей.

Глядя на эту схематическую линію нашихъ укрѣпленій, невольно ищешь, гдѣ же были укрѣпленія непріятеля. Услужливый сторожъ помогаетъ вамъ опредѣлить и это, и мало-по-малу вы ясно видите, что Севастополь тогда дѣйствительно былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ, не исключая и моря, на горизонтѣ котораго все время крейсировалъ тогда англо-французскій флотъ. Въ рукахъ у насъ оставалась лишь узкая коммуникаціонная линія, соединявшая Севастополь съ остальною Россіей и начинавшаяся въ Севастополѣ на Сѣверной сторонѣ, по ту сторону рейда. Сѣверная сторона поэтому и считалась наиболѣе безопаснымъ въ Севастополѣ мѣстомъ. Туда былъ проведенъ чрезъ бухту длинный понтонный мостъ, по нему переправлялись въ Севастополь пріѣзжіе защитники, и по нему же ежедневно тянулись на «Сѣверную» неуклюжія «маджары», т.-е. телѣги, до верху наполненныя окровавленными тѣлами убитыхъ севастопольцевъ. Тамъ, на Сѣверной сторонѣ, ихъ и хоронили на Братскомъ кладбищѣ, въ наиболѣе отдаленномъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ мѣстѣ.

Но Сѣверная сторона находится совсѣмъ близко у морского побережья, и поэтому становятся вполнѣ понятны слова приказа, написаннаго Корниловымъ въ началѣ осады:

«Будемъ драться до послѣдняго,—говоритъ онъ въ этомъ приказѣ:—отступать намъ некуда—сзади насъ море!

Да, сзади, за Сѣверной стороной было уже море—суровое, измѣнчивое Черное море, колыхавшее на своихъ волнахъ непріятельскіе корабли, которые уже не разъ громили Севастополь и сдѣлали немало отмѣтинъ на башнѣ Малахова кургана.

Непріятель высадился въ Евпаторіи, то-есть налѣво отъ Севастополя, если смотрѣть на него съ моря. Затѣмъ, послѣ неудачнаго для насъ Альминскаго сраженія онъ продвинулся правѣе и занялъ сухопутныя позиціи напротивъ города. Главная же квартира англичанъ была, какъ извѣстно, въ Балаклавѣ, то-есть уже совершенно съ правой стороны Севастополя. И такимъ образомъ, несчастный городъ оказался окруженъ «союзниками» и спереди, и сзади, и съ боковъ, и только, повторяемъ, Сѣверная сторона, притиснутая одною стороною къ морю, была въ нашихъ рукахъ и

Часовня-склепъ на французскомъ кладбищѣ въ Севастополѣ.

соединяла Севастополь чрезъ Бахчисарай, Дуванку и Симферополь съ остальною Россіею.

Возстановленная къ юбилею схема укрѣпленій, съ ея бѣлыми обелисками, колоннами и стѣнками, разбросанными то здѣсь, то тамъ по желтой пустынѣ окружающихъ Севастополь холмовъ, не

имѣетъ такого импозантнаго вида, какъ бульваръ и укрѣпленія 4-го бастіона или, тѣмъ паче, великолѣпная панорама, но сдѣлана обдуманно и въ общемъ даетъ понятіе о томъ, гдѣ что̀ было въ эпоху обороны.

Теперь остается упомянуть еще объ одномъ памятникѣ, недавно возсозданномъ и освященномъ 27-го сентября вмѣстѣ съ другими новыми памятниками обороны.

Этотъ памятникъ имѣетъ отношеніе не только къ оборонѣ Севастополя, но и къ эпохѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Мы говоримъ о новомъ пещерномъ храмѣ въ Инкерманѣ.

Во время Инкерманскаго сраженія часть нашихъ войскъ, отступая вдоль крутого каменнаго обрыва, была атакована непріятелемъ и прижата къ самому обрыву. Многіе сражавшіеся упали внизъ съ страшной кручи и разбились. Послѣ войны одинъ изъ участниковъ Инкерманскаго боя, унтеръ-офицеръ Никита Андреевъ, нашелъ въ этомъ мѣстѣ много костей, собралъ ихъ и похоронилъ въ общей братской могилѣ.

Въ 1860-хъ годахъ художникъ Струковъ открылъ вблизи этого мѣста высѣченный въ скалѣ древній пещерный храмъ, въ которомъ замѣтны были слѣды живописи и надписей. По иниціативѣ упомянутаго Андреева былъ открытъ сборъ пожертвованій для возстановленія этого храма въ память погибшихъ на Инкерманѣ севастопольцевъ. Но Андреевъ умеръ, не докончивъ задуманнаго дѣла, и на собранныя имъ деньги была сооружена лишь часовня.

Въ настоящее же время храмъ, открытый Струковымъ, возстановленъ и освященъ и соединяетъ теперь въ себѣ боевой памятникъ въ честь погибшихъ инкерманцевъ съ рѣдкимъ памятникомъ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ храмѣ находятся копіи съ боевыхъ образовъ тѣхъ частей войскъ, которыя принимали участіе въ Инкерманской битвѣ.

VI.

Вотъ и все, что создано и возстановлено къ пятидесятилѣтію Севастопольской обороны.

Остальные памятники осады возникли значительно раньше и уже не разъ были «описаны и воспѣты». Каждый впервые пріѣзжающій въ Севастополь русскій человѣкъ долженъ непремѣнно посѣтитить Владимирскій соборъ, въ которомъ покоится прахъ Нахимова, Лазарева, Корнилова и Истомина, и Музей Севастопольской обороны, въ которомъ хранится много любопытныхъ реликвій (картины, гравюры, планы осады, старинное оружіе, вещи Нахимова и Корнилова и проч.). Онъ долженъ посѣтить памятникъ Корнилова на Малаховомъ курганѣ и непремѣнно обратитъ вниманіе на огромную великолѣпную статую Нахимова, возвышающуюся на самомъ видномъ мѣстѣ города—на Екатерининской пло-

щади близъ Приморскаго бульвара. Всѣ эти памятники должны быть посѣщены въ самую первую очередь. А подъ самый конецъ, когда всѣ реликвіи знаменитаго города будутъ изучены и осмотрѣны, нужно резюмировать общее впечатлѣніе поѣздкой на Братское кладбище.

Тамъ—логическій финалъ всѣхъ этихъ трогательныхъ и грозныхъ впечатлѣній. Тамъ—послѣдній ихъ аккордъ, полный кроткаго примиренія и успокоенія.

Кладбище лежитъ довольно далеко отъ города среди пустыннаго ровнаго поля, по которому тянется, начиная отъ строеній Сѣверной стороны, широкая и ровная дорога. Дорога эта ведетъ къ высокому, покрытому растительностью холму, обнесенному высокой бѣлой стѣной съ двумя пирамидами у воротъ.

Это и есть кладбище. И когда идешь къ нему, не торопясь, подъ знойнымъ солнцемъ, по этой бѣлой и ровной дорогѣ, то невольно ищешь на ея бѣлой пыли кровавыхъ пятенъ, оставшихся послѣ тѣхъ страшныхъ маджаръ, которыя подвозили сюда каждый день въ теченіе всей осады цѣлыя груды покойниковъ. А такихъ дней было 349!

Но дорога чиста и бѣла, и уже давнымъ давно стерлась съ нея кровь тѣхъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ бойцовъ, которые мирно спятъ теперь тамъ, за бѣлой оградой на высокомъ, покрытомъ зеленью холмѣ, на самомъ верху котораго возвышается огромный храмъ въ видѣ увѣнчанной крестомъ пирамиды.

Братское кладбище служитъ могилой 127.587 павшихъ на полѣ брани севастопольцевъ. Въ братскія могилы клалось по 50, по 100 и болѣе покойниковъ, и въ теченіе 349 дней осады на пустынномъ холмѣ выросъ цѣлый городъ мертвыхъ, осѣненный каштанами, сиренью, акаціей и миндальными деревьями.

Здѣсь улеглись на вѣчный сонъ всѣ тѣ Праскухины, Нефердовы, Козельцовы и другіе герои, воспѣтые Л. Н. Толстымъ, жизнь которыхъ была такъ разнообразна и не сходна одна съ другой, но которые навѣки объединены общею геройской смертью. Здѣсь же лежатъ и извѣстные историческіе герои: одни изъ нихъ умерли въ самомъ Севастополѣ, другіе же пережили осаду, скончались на покоѣ въ другомъ мѣстѣ, но завѣщали похоронить свой прахъ все-таки здѣсь, среди своихъ товарищей лучшаго въ ихъ жизни боевого времени.

Такъ, здѣсь похоронены Хрулевъ, Тотлебенъ и кн. Горчаковъ, скончавшіеся много лѣтъ спустя послѣ осады Севастополя.

Памятникъ Тотлебену украшенъ рельефными картами Севастополя и Плевны, имена которыхъ тѣсно связаны съ именемъ и дѣятельностью знаменитаго инженера. На памятникѣ кн. Горчакова высѣчена трогательная и красивая надпись: «Тѣло покойнаго по его желанію погребено среди воиновъ, не допустившихъ вра-

говъ отечества перейти за рубежъ того мѣста, гдѣ находятся ихъ могилы».

Еще трогательнѣе надпись на памятникѣ Хрулева, которая кончается такими словами: «Сомкните же тѣснѣе ряды свои, храбрецы безпримѣрные, и героя севастопольской битвы окружите дружнѣе въ вашей семейной могилѣ».

И когда шагъ за шагомъ пробираешься по тѣнистымъ аллеямъ въ глубь кладбища мимо этихъ памятниковъ—то художественныхъ по идеѣ и выполненію мавзолеевъ, то простыхъ каменныхъ плитъ, въ душѣ все громче и настоятельнѣе раздаются стихи А. А. Фета, посвященные Братскому кладбищу:

«Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна
Средь кипарисовъ, миртъ и каменныхъ гробовъ!
Рукою набожной сложила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.
Они и подъ землей отвагой прежней дышатъ...
Боюсь, мои стопы покой ихъ возмутятъ.
И мнится: всѣ они шаги живого слышатъ,
Но лишь молитвенно молчатъ.
Счастливцы! Высшею пылали вы любовью!
Тутъ, что ни мавзолей, ни подпись—все боецъ!
И рядомъ улеглись, своей залитый кровью,
И дѣдъ со внукомъ и отецъ.
Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ,
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено.
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно!»

Нельзя ярче и лучше выразить то настроеніе, которое охватываетъ васъ на кладбищѣ, чѣмъ это сдѣлалъ Фетъ. Это стихотвореніе—лучшая эпитафія къ севастопольской эпопеѣ. Мало того, оно передаетъ все вообще впечатлѣніе, оставляемое Севастополемъ, этимъ своеобразнымъ городомъ, въ которомъ наполняющее всего его мертвое прошлое такъ странно сочетается съ цвѣтущей современной жизнью и такъ ярко воскресаетъ въ ней.

Здѣсь, въ Севастополѣ, «рукою набожной сложила отчизна священный прахъ своихъ сыновъ». Здѣсь, не только на Братскомъ кладбищѣ, но и въ самомъ городѣ повсюду видны и мавзолеи и подписи, увѣковѣчивающіе великихъ людей и великія дѣла. Весь Севастополь во всемъ его цѣломъ, при всей его яркой и бодрой жизни на каждомъ шагу напоминаетъ о великой «тризнѣ славы», «средь кипарисовъ, миртъ и каменныхъ гробовъ». И отголоски этой тризны сопровождаютъ васъ всюду, куда бы вы ни пошли по нарядныиъ, красивымъ улицамъ этого бѣлаго, залитаго солнцемъ и оживленнаго города, на горизонтѣ котораго синѣетъ и зеленѣетъ вѣчно прекрасное и вѣчно измѣнчивое море. И красивые, сердечные стихи Фета все время возникаютъ у васъ въ памяти, словно поднимаясь изъ нѣдръ этой священной земли вмѣстѣ съ вѣчно живымъ голосомъ великихъ севастопольскихъ покойниковъ.

Б. П. Никоновъ.

КОНСТИТУЦІОННЫЯ ВѢЯНІЯ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

(Историческія параллели).

Въ ОЧЕРКАХЪ, посвященныхъ «Годамъ смуты и борьбы» [1]), была представлена въ главнѣйшихъ чертахъ исторія народныхъ волненій, дворцовыхъ заговоровъ и борьбы за престолъ, относящаяся къ XVII и XVIII вѣкамъ. Новое XIX столѣтіе вводитъ насъ въ кругъ событій иного порядка, гдѣ на первый планъ выступаютъ не столько личности, сколько идеи, около которыхъ группируются разныя партіи, преслѣдующія вполнѣ опредѣленныя политическія задачи, съ конечною цѣлью установленія въ Россіи того или иного государственнаго порядка вещей. Борьба за этотъ порядокъ проходитъ яркою красною нитью черезъ царствованія Александра I, Николая I, Александра II и Александра III и переходитъ въ наслѣдіе двадцатому вѣку, который и приступаетъ уже въ наши дни къ разрѣшенію этой борьбы въ потокахъ крови, при крикахъ ужаса и стенаніяхъ всей земли, замутившейся въ хаосѣ безпорядка, безначалія, человѣконенавистничества и братоубійства.

I.

Екатерина II передала своему сыну обширную державу, гдѣ хотя въ разныхъ захолустныхъ весяхъ еще и дымились костры отъ кровью затушеннаго пугачевскаго пожара, но гдѣ ею, тѣмъ не менѣе, уста-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1905 г., кн. 3, 4 и 5.

новлены были твердо слѣдующіе устои государственной власти: вполнѣ уже отшлифовавшееся бюрократическое самодержавіе съ опорою въ войскѣ, въ бюрократіи и въ привилегированномъ дворянскомъ сословіи; прославленная и побѣдоносная армія, хотя и распущенная и недисциплинированная; привилегированное дворянское сословіе съ рабовладѣльческими безконтрольными правами и съ обязанностями полицейскаго воздѣйствія по отношенію милліоновъ рабовъ; униженное духовенство, безгласное, чиновное и вполнѣ зависимое отъ гражданскаго начальства, и, наконецъ, вполнѣ уже закрѣпощенное и въ крови крещенное крестьянство, безъ всякихъ гражданскихъ правъ, но съ непосильными и тягостными обязанностями рабьяго труда. Вотъ тѣ главныя опоры, на которыхъ покоилась Екатерининская Россія, и которыя умная и даровитая бывшая Ангальтъ-Цербтская принцесса умѣла держать въ извѣстномъ порядкѣ и равновѣсіи. Отъ времени до времени съ далекихъ западныхъ границъ до нея долетали отзвуки тамошнихъ политическихъ бурь и непогодъ, она начинала чувствовать, что какъ будто ступенькамъ ея трона грозитъ опасность, что ей самой въ лицо уже начинаетъ дышать знойная атмосфера невѣдомой дотолѣ соціальной и политической свободы, но, милостивъ Богъ! она дряхлѣющей рукой все же умѣло управляла силою захваченными ею россійскимъ скиптромъ и державою и, вступая въ компромиссъ съ своею совѣстью и былыми идеалами, болѣе или менѣе спокойно доживала на престолѣ Романовыхъ свой длинный старческій вѣкъ.

Порою ея опущенный взоръ разсѣянно скользилъ по ступенькамъ этого трона и останавливался на тѣхъ потемнѣвшихъ пятнахъ крови, которыя напоминали о судьбахъ несчастныхъ узниковъ Ропши и Шлиссельбургской крѣпости, но не видѣнія былого обрисовывались въ тѣ моменты передъ практическимъ тевтонскимъ умомъ «россійской Семирамиды», ея вниманіе останавливало на себѣ будущее, то будущее, передъ которымъ она несла обязанности, какъ представительница русской верховной власти, какъ мать и какъ бабушка. Если она при сильномъ, гибкомъ характерѣ и большомъ умѣ съ трудомъ справлялась съ своей задачей, какъ правительницы, то для нея было ясно, что ея наслѣднику такая задача будетъ не подъ силу. Его уже обнаруживавшееся все чаще и чаще безуміе, его прямолинейность и полное администраторское банкротство были для нея внѣ сомнѣнія. Она съ гнѣвомъ ему твердила: «Vous êtes une bête féroce, или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то недолго продлится твое царствованіе». Но не пророчество интересовало въ данномъ случаѣ говорившую,—она съ дальновидностью умной правительницы подписывала суровый и рѣшительный приговоръ системѣ и политикѣ пушекъ, послѣдователемъ которой былъ ея сынъ, и тѣмъ самымъ подписывала приговоръ и ему, какъ своему наслѣднику и преемнику верховныхъ правъ.

Приговоръ этотъ, однако, ей не удалось выполнить, и Павелъ Петровичъ сталъ вершителемъ судебъ многомилліоннаго народа, которымъ во всей его совокупности именно и рѣшилъ управлять системою пушекъ и по голштинской программѣ капральской выправки. Екатеринѣ хотѣлось имѣть преемникомъ человѣка, который могъ бы продолжить общій политическій и государственный курсъ, съ такими усиліями ею установленный, и такимъ именно подходящимъ преемникомъ она считала старшаго своего внука Александра, воспитаннаго подъ ея высшимъ наблюденіемъ республиканцемъ Лагарпомъ. Отсюда ея мечтаніе объ устраненіи отъ престола Павла Петровича и о передачѣ власти его старшему сыну, Александру Павловичу. Но Екатерина хорошо знала и по опыту исторіи и по опыту личному, что разрѣшеніе такого вопроса и въ такомъ именно направленіи—вещь не легкая, отвѣтственная и чреватая послѣдствіями, которыя легко могли бы обернуться и на голову ея любимца-внука. И вотъ въ ея дѣйствіяхъ наблюдаются крайняя нерѣшительность, колебанія и медлительность, которыя въ концѣ концовъ разрѣшаются, такъ сказать, естественнымъ порядкомъ: она скоропостижно умираетъ и изъ Гатчинскаго дворца вихремъ прилетаетъ въ столицу ея опальный сынъ, быстрою нервною походкою вбѣгаетъ по ступенямъ престола матери, торопясь скорѣе, пока еще не народилась какая либо опасная ему оппозиція въ войскѣ и бюрократіи, вооружиться всѣми аттрибутами самодержавной власти.

Павелъ сталъ императоромъ на горе себѣ и на горе Россіи, и наша отечественная исторія обогатилась нѣсколькими страницами, являющимися какъ бы естественнымъ продолженіемъ главы, которая оборвалась на трагической кровавой кончинѣ Петра III. Царствованія Павла I и Екатерины II не связаны между собою единствомъ внутренняго содержанія, и новый императоръ внесъ и въ существо своей власти и въ начала, на коихъ она базировалась, новые элементы, которые и перешли отъ него въ наслѣдіе послѣдующимъ русскимъ самодержцамъ.

Павелъ, памятуя ту опасность, которая ему лично грозила со стороны матери, окончательно измѣнилъ петровскій законъ о престолонаслѣдіи, подчинивъ его не усмотрѣнію монарха, а наслѣдственнымъ интересамъ династіи, которая при немъ уже была вполнѣ упрочена представителями мужского пола. Очевидно, длинному періоду женскаго правленія былъ положенъ конецъ, и, кромѣ того, имѣлась наличность опредѣленнаго царствующаго дома, который въ смѣнѣ поколѣній сохранялъ за собою право преемства власти. Эту преемственность власти Павелъ и узаконилъ при коронаціи фамильнымъ актомъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, составленнымъ имъ вмѣстѣ съ супругою въ 1788 году. Этимъ актомъ потенціальный вопросъ о претендентахъ

на русскій престолъ былъ совершенно выброшенъ изъ недавняго еще историческаго обихода, и престолъ московскаго рода Романовыхъ внѣ всякой формальной санкціи народа былъ укрѣпленъ за семействомъ Павла Петровича, сына былого голштинскаго принца и ангальтъ-цербской принцессы. Былой московскій принципъ русскаго самодержавія потерялъ уже навсегда своихъ естественныхъ историческихъ спутниковъ, приданныхъ ему по договору съ народомъ перваго вѣнценоснаго представителя дома Романовыхъ: свою національность и свою народность. Самодержавіе Павла теряетъ всякую органическую связь съ русскою жизнью и русскимъ народомъ и обращается въ ту типичную военно-бюрократическую монархическую власть, противъ которой идетъ интенсивная борьба со стороны передовыхъ слоевъ русскаго общества въ теченіе XIX вѣка, и которая можетъ быть въ общихъ чертахъ наименована «борьбою за конституцію».

Павелъ I, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ своего несчастнаго характера, даже не сумѣлъ поддержать тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу верховной власти его предшественниками и имъ самимъ съ идейной стороны укрѣплены. Онъ оскорблялъ своимъ личнымъ поведеніемъ, своими дикими распоряженіями и беззаконіемъ войско, ближайшимъ образомъ окружавшее его престолъ, онъ оттолкнулъ отъ себя бюрократію и духовенство и такимъ образомъ остался совершенно одинокимъ, безъ поддержки въ народѣ, въ войскѣ и чиновныхъ установленіяхъ. Его власть какъ бы повисла въ воздухѣ и, конечно, рано или поздно должна была рухнуть въ пропасть, которую онъ на пагубу себѣ вырылъ собственными же руками. Финалъ былъ печаленъ: кровавая ночь съ 11-го на 12-го марта 1801 года была отмщеніемъ вѣнценосцу со стороны послѣднихъ двухъ категорій русскаго общества, которыя взяли на себя роль вершителей судебъ всего русскаго народа, при пассивномъ отношеніи этого народа къ совершившемуся. Въ Михайловскомъ замкѣ произошла отвратительная и жестокая сцена, гдѣ группа представителей военнаго сословія совершила дворцовый переворотъ, поливъ его кровью беззащитнаго человѣка и изливъ на несчастную голову послѣдняго всю ту злобу и ненависть, которыя въ теченіе четырехъ лѣтъ скопились противъ него среди интеллигентныхъ главнымъ образомъ круговъ русскаго общества. Самъ по себѣ этотъ дворцовый переворотъ былъ санкціонированъ тѣмъ, во имя кого онъ производился, но пролитая кровь явилась результатомъ разгулявшихся инстинктовъ и несдержанной полупьяной страсти заговорщиковъ. Эта кровь не прошла, однако, даромъ въ исторіи — она наложила нѣкоторую тѣнь на царствованіе Александра I и внесла въ его дѣятельность, какъ правителя и человѣка, элементъ подавленности, недовѣрія къ окружающимъ и страха личной отвѣтственности монарха передъ народомъ и исторіей.

Обрисовывая царствованіе Павла, Карамзинъ дѣлаетъ ему въ своей запискѣ «О древней и новой Россіи» слѣдующую мѣткую характеристику: «Павелъ,—говоритъ онъ, — восшелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излѣчили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства, но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россіяне уже имѣли Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ со степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому удивленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей присяги; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршированію, отвратилъ дворянъ отъ воинской службы; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, Россія даже не боялась и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицѣ; общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности».

Карамзинъ въ этихъ словахъ очень вѣрно отмѣтилъ то главнѣйшее, что̀ внесло въ русскую жизнь царствованіе Павла: законъ былъ замѣненъ неограниченнымъ произволомъ, сознательное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей и служенію родинѣ— слѣпымъ и бездушнымъ повиновеніемъ. Деспотически требуя отъ окружающихъ выполненія своихъ предначертаній, Петръ I вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнялъ своимъ сподвижникамъ въ обязанность понима-

ніе своихъ велѣній, сознательное отношеніе къ труду и службѣ. Таковы же были методы и система управленія и Екатерины II, искавшей въ дѣлѣ сознательность и разумность со стороны своихъ сотрудниковъ. Иначе ставитъ вопросъ Павелъ: именно все сознательное имъ выкидывается изъ государственнаго механизма, и все подчиняется принципу: «исполняй безъ разсужденій!» Закона нѣтъ, а есть только наличность велѣнія императора и произволъ власти его именемъ со стороны исполнителей этихъ велѣній. Эта власть становится какимъ-то божествомъ, и ей приносятся обильныя жертвы внѣ всякаго закона и вопреки интересамъ не только того, кто эти жертвы приноситъ, но и именемъ кого онѣ требуются. Въ результатѣ—созданіе въ Россіи такого бездушнаго приказнаго строя, гдѣ самодержавіе тонетъ въ путахъ этого строя, становится у него въ кабалѣ и теряетъ свое первоначальное значеніе, какъ высшаго проявленія народной воли и народныхъ идеаловъ. Столѣтній рядъ годовъ составляетъ хронологію этого приказнаго строя, начавшагося при Павлѣ I, обнаружившаго впервые всю свою гнилостность и вредоносность въ Севастопольскую кампанію и окончательно обанкротившагося въ наши дни—на окровавленныхъ поляхъ Ляояна и Мукдена и въ бездонной пучинѣ Цусимы. Эти кровавыя историческія гекатомбы во славу безправія и произвола имѣютъ, такимъ образомъ, столѣтнюю давность, и именно въ эпоху Павла онѣ получили родоначаліе и освященіе.

Царствованіе Павла Петровича пронеслось ураганомъ надъ Россіей и, если, по свидѣтельству Карамзина, несмотря на царившій терроръ, всѣ громко говорили противъ произвола и осуждали узаконенный режимъ, то какого либо идейнаго движенія къ ниспроверженію этого произвола и режима мы въ болѣе или менѣе широкихъ слояхъ общества не встрѣчаемъ. Дворцовый coup d'état былъ осуществленъ небольшою кучкою военныхъ царедворцевъ, былъ направленъ почти исключительно противъ личности государя, но не касался, при составленіи заговора, формы правленія, а также не содержалъ въ себѣ началъ идейнаго политическаго движенія. Монархическій ураганъ несся такъ быстро, что конституціоннымъ мирнымъ вѣяніямъ не нашлось въ тѣ дни мѣста, и ураганъ завершился трагическою катастрофою внѣ всякаго прямого соотношенія съ такого рода вѣаніями. Послѣднія родились съ первыхъ же почти дней новаго царствованія, получили тутъ широкое развитіе и нашли себѣ впервые реальный выходъ въ знаменитомъ бунтѣ декабристовъ 14-го декабря 1825 года. Если изслѣдователь павловской эпохи не можетъ въ ней отмѣтить правильно выраженнаго конституціоннаго теченія и активной агитаціи въ этомъ направленіи, какъ это мы видѣли, напримѣръ, въ царствованіе Анны Іоанновны, то не болѣе мы богаты и матеріаломъ для картины широкихъ народныхъ движеній, въ духѣ возмущенія Стеньки Разина или Пугачева.

Пугачевскій бунтъ надорвалъ силы народныя, государственность окрѣпла и массовыя объединенныя движенія народа стали почти на сто лѣтъ слишкомъ не мыслимы, пока уже въ наши дни мы не видимъ снова ихъ возникновенія и развитія въ новомъ ихъ освѣщеніи и при наличности новой соціальной и исторической обстановки.

Хотя въ царствованіе Павла и не повторилось кровавой эпопеи пугачевщины, но спеціально крестьянскими возмущеніями оно было чрезвычайно богато; возмущенія эти вспыхивали въ разныхъ мѣстахъ имперіи, независимо другъ отъ друга, хотя исходная точка ихъ отправленія и побудительная къ нимъ причина были почти во всѣхъ случаяхъ одинаковы. Несмотря на всю свою неорганизованность, эти крестьянскіе бунты обняли собою цѣлыхъ 30 тогдашнихъ губерній, вспыхивали въ разныхъ мѣстностяхъ чрезвычайно быстро и проносились въ захваченныхъ ими районахъ бурными и стремительными вихрями. Особенно остро разразилось волненіе крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, гдѣ въ движеніи, руководимомъ Емельяномъ Чернодыровымъ, приняло участіе до 13.000 человѣкъ. Нельзя не отмѣтить, что, хотя всѣ эти возмущенія подавлялись вооруженною силою и регулярными войсками, при чемъ во многихъ случаяхъ, какъ это обычно встрѣчается въ подобныхъ обстоятельствахъ, съ обѣихъ сторонъ было немало пострадавшихъ съ пролитіемъ крови, тѣмъ не менѣе, наученная опытомъ прошлаго администрація на сей разъ избѣгала, по мѣрѣ возможности, слишкомъ крупныхъ кровавыхъ мѣръ, предпочитая безполезному убійству мѣры увѣщанія, переговоровъ и убѣжденій. Пугачевщина подсказала правительству Екатерины необходимость широкихъ соціально-экономическихъ реформъ общегосударственнаго порядка, но урокъ именно въ этомъ отношеніи пропалъ даромъ и не научилъ ничему серьезному ни правительственныхъ дѣятелей, ни представителей крупнаго хозяйства, капиталистовъ-помѣщиковъ, противъ которыхъ и возставало утѣсненное и обездоленное крѣпостнымъ правомъ крестьянство. Именно, въ концѣ царствованія Екатерины и вообще къ началу XIX в. наблюдается интенсивное развитіе крѣпостничества съ крайними проявленіями рабовладѣльческихъ инстинктовъ и разгуломъ тиранической власти. Е. П. Трефильевъ въ своемъ недавно вышедшемъ трудѣ: «Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе императора Павла I»,—даетъ рядъ потрясающихъ картинъ помѣщичьяго самоуправства за тотъ періодъ и обрисовываетъ бурныя вспышки народнаго гнѣва и протеста противъ этого самоуправства, выражавшихся въ крестьянскихъ бунтахъ и челобитныхъ, подаваемыхъ верховной власти, гдѣ обрисовывалось въ мрачныхъ краскахъ экономическое угнетенное состояніе порабощеннаго сословія. Какъ выясняется изъ работы г. Трефильева, главный толчокъ крестьянскимъ волненіямъ былъ

данъ перемѣною царствованія, при чемъ крестьяне въ особѣ новаго государя мнили себѣ найти заступника ихъ интересовъ, который обязательно долженъ облегчить тяжкій гнетъ крѣпостного права. И дѣйствительно, по первому началу стало казаться, что Павелъ Петровичъ какъ будто оправдываетъ ихъ ожиданія: мы видимъ требованіе приводить крѣпостныхъ къ присягѣ наравнѣ съ прочими вѣрноподданными сословіями, а также указъ отъ 12-го декабря 1798 г. о разрѣшеніи имъ подавать на его имя жалобы на помѣщиковъ. Эти явленія новаго государственнаго порядка послужили источникомъ для легендъ о волѣ и обезпеченномъ матеріальномъ житьѣ, котораго такъ страстно и съ такими жертвами добивались въ эпоху пугачевщины и они сами и ихъ отцы. Эти легенды, эти чаянія и напряженное ожиданіе улучшенія быта были, конечно, только и только поводами; причины же лежали много глубже—во всемъ тяжеломъ экономическомъ строѣ жизни, гдѣ крестьяне изнемогали отъ тяжести оброковъ и повинностей и въ ненавистныхъ соціальныхъ условіяхъ жизни, гдѣ безгранично царили произволъ и безправіе. Но Павелъ ни малѣйшимъ образомъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, какъ не оправдали ихъ и его оба сына—Александръ и Николай Павловичи, которые, хотя до извѣстной степени и были руководимы въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ добрыми побужденіями, но не были въ состояніи или, правильнѣе, не находили въ себѣ рѣшимости выйти изъ того полицейско-бюрократическаго круга, въ который замкнулась и ихъ личность и ихъ верховная власть.

II.

Царствованіе Александра I, начиная чуть ли не съ слѣдующаго утра послѣ кровавой ночи въ Михайловскомъ замкѣ, вводитъ насъ въ реальный потокъ конституціонныхъ теченій, который, претерпѣвъ рядъ эволюцій на протяженіи ста лѣтъ съ небольшимъ, заключился нынѣшнимъ законодательнымъ актомъ отъ 17-го октября 1905 года, объ осуществленіи коего мечтало, болѣло и хлопотало такое громадное количество разныхъ представителей русской интеллигенціи, поливая подчасъ свои дѣйствія въ кругу даннаго вопроса кровью и слезами страданій.

Самъ Александръ I, будучи простымъ великимъ княземъ и свидѣтелемъ той трагедіи, которая разыгрывалась на его глазахъ между бабушкою и отцомъ, въ душѣ и въ своихъ юныхъ мечтаніяхъ не только не становился на точку зрѣнія, противную отцу въ вопросѣ о государственномъ управленіи, но шелъ гораздо далѣе своей знаменитой бабки, откровенно исповѣдуя конституціонный образъ мыслей и конституціонный катихизисъ. По своимъ общественнымъ взглядамъ и гражданскимъ симпатіямъ его, пожалуй, въ тотъ періодъ времени можно даже считать единомышлен-

никомъ извѣстнаго Радищева, перваго русскаго гражданина, громко заявившаго въ печати о необходимости обновленія нашего государственнаго и общественнаго строя, о негодности современныхъ ему соціальныхъ основъ жизни и настоятельности ихъ реформированія во имя справедливости и правды. Ученикъ Руссо и Мабли, Радищевъ имѣлъ гражданское мужество выступить открыто на защиту своего общественнаго credo и мукой и страданіями заплатилъ за свою любовь къ отчизнѣ и народу. Ученица и другъ Вольтера, Екатерина II, не могла вынести критики своего подданнаго и жестоко отмстила въ лицѣ Радищева тому кругу идей, который она сама лично еще не такъ давно высказывала частію въ своемъ «Наказѣ», частію въ своихъ придворныхъ бесѣдахъ, а того больше въ своихъ письмахъ къ заграничнымъ друзьямъ. Она была сторонницей красивой мысли и слова, насколько имъ надлежало оставаться именно словами и мыслями, но становилась ихъ гонительницей, какъ только этимъ мыслямъ и словамъ суждено было сталкиваться съ фактами современности, становиться ихъ руководителями и двигателями. Въ лицѣ Радищева [1]) русская литература впервые становится въ оппозицію офиціальной бюрократической Россіи, вступаетъ впервые въ кругъ ожесточенной и упорной борьбы за конституцію, начавшейся, какъ то было видно изъ предыдущихъ очерковъ: «Годы смуты и борьбы», еще много раньше до того, вноситъ въ эту борьбу облагораживающій элементъ идейности и, развиваясь въ этомъ направленіи, беретъ руководительство всей этой борьбой въ свои руки, давая ей въ разные моменты нашей общественности тотъ или иной темпъ, то или иное направленіе и даже выраженіе реальности. Радищевъ былъ предтечею тѣхъ многочисленныхъ узниковъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей, сибирскихъ рудниковъ и тюремъ, со многими изъ которыхъ читателю придется встрѣтиться не одинъ разъ на протяженіи нашихъ историческихъ очерковъ, посвященныхъ отечественной исторіи въ томъ ея фазисѣ, который обнимаетъ собою конституціонныя и революціонныя теченія въ XIX и XX столѣтіяхъ.

Радищевъ былъ глашатаемъ необходимости соціально-экономической эволюціи; вопросовъ политическихъ въ прямомъ смыслѣ этого слова онъ не касался, но тотъ общій порядокъ идей, котораго онъ явился послѣдователемъ, былъ сродни и ученику Лагарпа, этого типичнаго республиканца при Екатерининскомъ дворѣ.

---

[1]) О Радищевѣ см. очеркъ В. Мякотина «На зарѣ русской общественности» въ его книгѣ: «Изъ исторіи русскаго общества», а также предисловія Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Е. Щеголева въ только что вышедшей книжкѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева», являющейся первымъ полнымъ и обработаннымъ воспроизведеніемъ знаменитаго сочиненія, бывшаго такъ долго подъ запретомъ нашей цензуры.

Но какъ Екатерина, такъ и Александръ предпочитали мечтанія дѣйствительности и не были склонны реализовать своего политическаго романтизма конкретными фактами, который у нихъ обоихъ всегда особенно расцвѣталъ подъ воздѣйствіемъ разныхъ обстоятельствъ личной жизни. Такъ, будучи вообще настроенъ своимъ учителемъ на либеральный ладъ, Александръ Павловичъ, тѣмъ не менѣе, тяготѣлъ своими личными симпатіями и склонностями скорѣе къ режиму и тенденціямъ Гатчинскаго дворца, нежели дворца своей бабушки. Но вотъ наступаетъ безумное царствованіе его отца, онъ на себѣ лично испытываетъ всю опасность установившагося режима, и въ результатѣ мы имѣемъ его корреспонденцію съ наставникомъ, гдѣ между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующія многообѣщающія строки:... «Если когда либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ея сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ либо безумцевъ,—писалъ Александръ Лагарпу.—Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація избрала бы своихъ представителей... Когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно, образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы». Въ другомъ еще болѣе раннемъ письмѣ великій князь писалъ своему другу, князю Чарторыйскому:.. «Неужели вы думаете, что я раздѣляю взгляды и убѣжденія правительства государыни? Неужели вы думаете, что я одобряю ея внѣшнюю политику и не осуждаю ея принциповъ? Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь въ такомъ случаѣ. Я глубоко сожалѣю о Польшѣ и преклоняюсь передъ ея борьбой за независимость. Костюшко—великій человѣкъ по своей добродѣтели и справедливости дѣла, которое онъ защищалъ,—дѣла, полнаго гуманности и высшей правды. Я ненавижу деспотизмъ и преклоняюсь передъ свободой, которая есть достояніе всѣхъ людей безъ различія. Я съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ французской революціи, и хотя осуждаю ея крайности, но отъ души желаю успѣха республикѣ».

Таковы были мечтанія великаго князя, его политико-романтическія изліянія передъ друзьями и знакомыми. Но вотъ пробилъ часъ его царствованія; въ Михайловскомъ замкѣ еще лежало неприбранное окровавленное тѣло его отца; Марія Ѳеодоровна тщетно въ истерическомъ порывѣ пыталась поставить свою кандидатуру на роль второй сѣверной Семирамиды и, не найдя въ своемъ тщеславномъ замыслѣ ни въ комъ поддержки, оказалась въ сто-

ронѣ отъ хода текущихъ событій и безъ всякаго вліянія на царственнаго сына; общество предалось радости передъ закатомъ померкшаго солнца и было объято нервнымъ ожиданіемъ новыхъ лучей восходящаго свѣтила; народъ еще не сумѣлъ въ своей массѣ реагировать на событія дня, а опытные царедворцы уже спѣшили предложить молодому царю къ уплатѣ конституціонный чекъ за подаренный такъ неожиданно и быстро престолъ и корону, которые чуть не ускользнули отъ него по капризу больного и подозрительнаго отца. Хотя, какъ уже говорено было выше, дворцовый переворотъ въ пользу Александра Павловича и былъ совершенъ внѣ вопроса о государственной формѣ правленія, и среди заговорщиковъ по сему предмету не было соглашенія, тѣмъ не менѣе главные руководители заговора, Панинъ и Паленъ, сдѣлали попытку склонить новаго правителя къ подписанію конституціоннаго «акта» [1]), каковая попытка, однако, не удалась и была Александромъ отклонена, благодаря предупрежденіямъ и воздѣйствію на него Талызина. По словамъ Фонвизина, «Талызинъ предупредилъ его, что въ рѣшительную минуту отъ него потребуютъ принятія и утвержденія конституціоннаго акта, и убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать на то согласія, обѣщая ему, что гвардія, на которую Талызинъ имѣлъ большое вліяніе, сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина и устоялъ противъ настоятельныхъ требованій Палена и Панина. Они тотчасъ догадались, что это было дѣло Талызина, и Паленъ въ отмщеніе ему нашелъ способъ отравить его. Это происходило на третій или четвертый день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ императора испустилъ духъ. Это и было главною причиною удаленія отъ двора Палена и Панина, которымъ воспрещенъ въѣздъ въ столицы и велѣно жить въ деревнѣ. Большая часть заговорщиковъ не знала о намѣреніи ограничить самодержавіе. Но восторженная любовь къ отечеству и свободѣ побуждала ихъ рѣшиться на преступленіе, но по опасенію за себя, страху, наведенному на всѣхъ тиранствомъ Павла, а нѣкоторые, лично имъ оскорбленные,—по чувству мести (напримѣръ, князь Яшвиль). А что и сами вожди заговора мало заботились объ упраздненіи въ Россіи самодержавія и о ея благѣ, свидѣтельствуетъ характеристическая продѣлка Платона Зубова. Вскорѣ послѣ катастрофы далъ онъ банкетъ заговорщикамъ, перешедшій въ оргію. Послѣ обѣда самъ Зубовъ явился въ круглой шляпѣ, во фракѣ, жилетѣ и проч., велѣлъ поставить

---

[1]) «Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка», т. 1, ст. «Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи М. А. Фонвизина».

столъ съ картами, заложилъ банкъ и прометалъ нѣсколько. Это была манифестація, что злодѣяніе совершено только для того, чтобы носить фраки, жилеты, круглыя шляпы и безнаказанно играть въ банкъ (все это было строго запрещено при Павлѣ), словомъ, чтобы возвратиться къ своевольному и безнравственному образу жизни временъ Екатерины, которому предавалось тогда все высшее сословіе».

Итакъ, первые дни XIX вѣка оказались для конституціонализма неудачными, и тотъ, кто еще нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ исповѣдывался своимъ друзьямъ чуть ли не въ республиканскихъ убѣжденіяхъ, съ полученіемъ власти въ руки, не спѣшитъ ее ограничить, а довольствуется лишь ослабленіемъ того общественнаго режима, который былъ созданъ его отцомъ, съ обѣщаніемъ «царствовать по духу и сердцу великой бабки своей». Но извѣстныя освободительныя идеи уже достаточно насыщали собою тогдашній воздухъ, и если Паленъ и Панинъ, какъ представители высшей бюрократіи, лелѣяли мысль, что верховная власть подѣлится съ этой бюрократіей своими прерогативами и не столько въ интересахъ народныхъ, сколько аристократически-сословныхъ, то рядомъ съ ними начинаютъ уже раздаваться голоса изъ общества, ставящіе вопросъ и шире, и глубже. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра, во дворцѣ была найдена прокламація, составленная В. Каразинымъ, гдѣ выражалось пожеланіе, чтобы новый государь далъ странѣ непреложные законы, составилъ коренное учрежденіе, избралъ бы ему блюстителей и оградилъ ихъ личною безопасностью, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, и удѣлилъ бы имъ «избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества». Такимъ образомъ, одинъ представитель русской общественности, А. Н. Радищевъ, предъявляетъ требованіе соціально-экономической реформы, а другой, В. Н. Каразинъ, беретъ вопросъ еще шире и указываетъ на необходимость политической реформы на основѣ раздѣленія власти между монархомъ и народомъ. Вотъ двѣ задачи, которыя передовые представители свободной мысли ставятъ къ осуществленію русской власти и русскому обществу, не предрѣшая, однако, вопроса о способахъ осуществленія этихъ задачъ, но подразумѣвая, что самое осуществленіе совершится мирнымъ путемъ, и что починъ въ данномъ случаѣ возьметъ на себя само же верховное правительство.

Хотя домогательства Панина и Палена фактическаго успѣха не имѣли и не получили ни малѣйшаго осуществленія, но самая идея дарованія Россіи конституціи въ той или иной ея формѣ сильно занимала государя и его ближайшихъ молодыхъ сотрудниковъ: Новосильцева, Кочубея, гр. Строганова, Ад. Чарторыйскаго, къ коимъ въ идейномъ отношеніи принципіально примыкали гр. Воронцовъ и Н. С. Мордвиновъ, явившіеся поклонниками англійскаго

конституціоннаго образа правленія. Положеніе конституціональнаго вопроса въ дни, относящіеся къ началу царствованія Александра I, рисуется въ общихъ и главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Сотрудники государя по большей части являются идеологами вопроса, почерпающими свои главнѣйшія теоретическія положенія изъ иностранныхъ литературныхъ источниковъ, относящихся къ XVIII вѣку, но проявляющими чрезвычайно слабое знаніе русской жизни во всей ея совокупности со стороны государственно-бюрократическаго, соціальнаго и экономическаго строя. Они занимаются разработкой вопроса о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, на основаніи нормъ государственнаго права западно европейскихъ державъ, но слабо заботятся объ органической и реальной связи этихъ учрежденій съ бытовой Россіей. Наибольшее знаніе дѣла и широту взгляда проявилъ въ данномъ случаѣ, какъ видно будетъ далѣе, Сперанскій, но и тотъ, въ сущности, не сумѣлъ или почему либо не былъ въ состояніи оформить свое государственное построеніе Россіи по плану единства архитектуры съ правильно заложеннымъ фундаментомъ и конечнымъ вѣнцомъ проектируемаго зданія. Что касается самого вдохновителя и верховнаго руководителя конституціонныхъ теченій того времени, державнаго ученика Лагарпа, то въ его дѣйствіяхъ по сему предмету наблюдается явная неискренность и стремленіе соединить несоединимое: просвѣщенный абсолютизмъ бабки, романтическіе порывы юности и крайнюю нерѣшительность въ дѣйствіяхъ съ отрицательной тенденціей и къ этому абсолютизму, и къ этимъ порывамъ. Онъ ничего не отрицаетъ, на все какъ будто принципіально соглашается, санкціонируетъ всѣ предложенія, и въ результатѣ ничего не реализуетъ въ видѣ какихъ нибудь опредѣленныхъ конкретныхъ фактовъ государственнаго порядка. Съ теченіемъ времени онъ даже не скрываетъ своей скуки отъ конституціонной игры, старается освободиться отъ надоѣвшихъ партнеровъ и, оборвавъ неоконченную роль политическаго новатора, скидываетъ взятое на прокатъ мишурное одѣяніе, отдавъ предпочтеніе передъ всѣмъ и вся голштинскому гатчинскому мундиру своего покойнаго родителя. Онъ оставляетъ за собою декорумъ власти въ ея свѣтлыхъ проявленіяхъ, а все темное и мрачное слагаетъ на своихъ сотрудниковъ, въ сущности являясь не столько орудіемъ въ ихъ рукахъ, сколько дѣйствительнымъ вдохновителемъ ихъ дѣйствій. Если мрачная фигура Аракчеева наводитъ на насъ ужасъ сама по себѣ, то, присматриваясь къ ней ближе и изучая ее детальнѣе, мы должны признать несомнѣннымъ тотъ фактъ, что она была ни болѣе, ни менѣе, какъ закономѣрною тѣнью того, кого она отражала, и кто при искусственно поставленномъ освѣщеніи всего фона картины сумѣлъ стать передъ зрителями въ выгодную позицію, оставивъ для своей тѣни широкое мѣсто на авансценѣ. Въ сущности гатчин-

скія традиціи наложили на Александра гораздо болѣе неизгладимый слѣдъ и имѣли на него болѣе сильное вліяніе, нежели обстановка Зимняго дворца бабки и прекраснодушныя бесѣды съ Лагарпомъ и Чарторыйскимъ. Послѣдніе элементы были наносными, существо же осталось вѣрно отцовской наслѣдственности, но только съ тою разницею, что гдѣ отецъ въ припадкѣ безумія не умѣлъ, не могъ и не старался себя сдерживать, тамъ его сынъ становился въ сторонѣ, прикрывался исполнительною властью своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, которые и несли на себѣ всю ненависть и злобу современниковъ, оставляя на его долю общую любовь и поклоненіе.

III.

Конституціонныя теченія при восшествіи на престолъ Александра I практически выразились въ желаніи обнародовать «всемилостивѣйшую грамоту россійскому народу», составленіе которой поручено было Трощинскому и Воронцову [1]). Въ проектѣ грамоты самымъ существеннымъ было то мѣсто, гдѣ говорилось о вольностяхъ каждаго россійскаго гражданина: «да пользуется (онъ) невозбранно свободою мысли, вѣры или исповѣданія, богослуженія, слова и рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому неоскорбительны», а также обѣщалось, что гражданскіе законы не будутъ впредь перемѣняться иначе, какъ докладами, подносимыми отъ сената, по общему совѣщанію съ коллегіями. Однако «грамота» въ томъ видѣ, какъ она была проектирована съ ея вольностями, издана не была; получила осуществленіе иная редакція, гдѣ были впрочемъ отмѣнены существенныя стѣсненія прошлаго царствованія. Но такая программа новаго режима была далека отъ намѣченныхъ «вольностей», которыя явились предметомъ упорной борьбы на протяженіи послѣдующихъ ста лѣтъ и получаютъ болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе лишь въ наши дни манифестомъ отъ 17-го октября. Равнымъ образомъ неосуществленными остались замыслы и проекты по реформѣ сената съ отвѣтственностью передъ нимъ министровъ и съ внесеніемъ въ его составъ выборныхъ депутатовъ отъ дворянства.

По словамъ В. И. Семевскаго въ его статьѣ «Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» [2]), сенату былъ данъ 5-го іюня 1881 года именной указъ, чтобы онъ составилъ доклады о своихъ правахъ и обязанностяхъ. «Это возбудило въ сенатѣ бурныя пренія, при чемъ особенно выдѣлились мнѣнія Державина, гр. Завадовскаго и гр. Воронцова,— говоритъ изслѣдователь. — Гр. Завадовскій между прочимъ желалъ, чтобы сенату было предоставлено право ходатайствовать

---

[1]) Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Александръ I», т. I.

[2]) «Историческое Обозрѣніе», томъ IX.

объ установленіи новыхъ налоговъ и податей. Кн. Чарторыйскій замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что сенатъ составлялъ idée fixe братьевъ Воронцовыхъ, «въ чемъ они видѣли средство, основу и источникъ всѣхъ безопасныхъ улучшеній». Записка Воронцова не понравилась государю, и онъ съ грустью замѣтилъ, что это ни на шагъ не подвигаетъ его къ столь желанной имъ цѣли—обузданію деспотизма нашего правленія. Упомянемъ о запискѣ неизвѣстнаго лица, присланной А. Р. Воронцову по прочтеніи его «Примѣчаній о правахъ и преимуществахъ сената». Неизвѣстный авторъ записки желалъ, чтобы сенатъ сталъ не только хранилищемъ законовъ, но и, такъ сказать, посредствующею властію между государемъ и народомъ. Кромѣ того, авторъ считалъ необходимымъ установленіе коренныхъ законовъ, которые совѣтуетъ заимствовать, примѣнивъ къ нашимъ условіямъ, изъ англійской великой хартіи и habeas corpus акта, «коими личная безопасность каждаго столь ограждена была бы». Существовалъ еще проектъ Зубова, о которомъ есть извѣстіе, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе».

Новосильцеву было поручено составленіе доклада о правахъ сената, который и былъ прочитанъ въ неофиціальномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Александра Павловича, составленномъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ. Основною мыслью доклада, по свидѣтельству г. Семевскаго, было то, что не слѣдуетъ предоставлять власти законодательной учрежденію, которое, по самому своему составу, не можетъ пользоваться довѣріемъ народа, и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, не даетъ возможности обществу участвовать въ составленіи законовъ, выходящихъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, давъ сенату значительныя права, императоръ связалъ бы себѣ руки и не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на общую пользу, потому что въ невѣжествѣ этихъ людей встрѣтилъ бы себѣ помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властію и правительственными учрежденіями. По мнѣнію Новосильцова, слѣдовало предоставить сенату лишь судебную власть, но въ широкомъ размѣрѣ, съ полною независимостью отъ опеки генералъ-прокурора. Когда нѣсколько позднѣе государь выразилъ желаніе предоставить сенату «охранительную власть», то члены неофиціальнаго комитета замѣтили ему, что такая охранительная власть будетъ призрачною, что истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи. Но когда Новосильцовымъ былъ составленъ проектъ указа о правахъ сената, то государю не понравилась статья, предоставляющая сенату право повѣрять дѣйствія министровъ и, если бы они ввели въ заблужденіе государя, представлять ему о томъ даже и по утвержденіи доклада министра

высочайшею подписью. Чарторыйскій и Строгановъ полагали, что права сената будутъ мнимы безъ отвѣтственности министровъ; къ этому мнѣнію присоединился и Кочубей. Наконецъ, и государь изъявилъ на это согласіе. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ отвѣтственности министровъ предъ сенатомъ вновь возникъ въ неофиціальномъ комитетѣ при обсужденіи проекта объ учрежденіи министерства, такъ какъ государь нашелъ, что «такихъ правъ никогда не было предоставлено сенату».

Вопросъ о расширеніи правъ сената и объ отвѣтственности министровъ, сколько къ нему ни возвращались, въ концѣ концовъ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и дебютъ конституціоналистовъ успѣха не имѣлъ: государь не принялъ по вопросу никакого рѣшенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не сдалъ его окончательно въ архивъ. Въ 1803 г. Сперанскому поручается составленіе плана устройства судебныхъ и правительственныхъ учрежденій, и вотъ на сцену снова выступаетъ конституціонная идея, облеченная довольно плотно реальной плотью. Планъ этотъ изложенъ былъ «въ черновой редакціи составителемъ въ слѣдующей идейной послѣдовательности [1]): «1) Всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной. 2) Власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное дѣйствіе. 3) Есть общее мнѣніе, оберегающее законъ въ исполненіи его. 4) Есть независимое сословіе народа, коему исполнители отвѣтствуютъ. 5) Существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ. 6) Судъ не лицами государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены не могутъ. 7) Всѣ дѣянія управленія публичныя, исключая нѣкоторое число случаевъ опредѣленныхъ. 8) Существуетъ свобода тисненія въ извѣстныхъ, съ точностію опредѣленныхъ, границахъ. 9) Существуетъ въ народѣ довольная степень просвѣщенія и обиліе во всѣхъ способахъ исполненія законовъ».

Такъ слагался въ головѣ Сперанскаго планъ государственнаго устройства Россіи, но онъ не рѣшился выступить открыто въ роли заправскаго конституціоналиста, и даже въ его черновой запискѣ, которую впервые изложилъ г. Семевскій, мы видимъ колебанія и нерѣшительность, какъ въ самомъ порядкѣ идей, такъ и въ номенклатурѣ того, о чемъ онъ говоритъ и что подразумѣваетъ. Предлагая сохранить настоящую «самодержавную конституцію государства», авторъ записки считалъ необходимымъ ввести разныя установленія, которыя бы, постепенно развиваясь, приготовляли «истинное монархическое управленіе» и приспособляли бы къ нему духъ

---

[1]) В. И. Семевскій, «Историческое Обозрѣніе», т. IX.

порядка: таковыми учрежденіями долженствовали быть сенатъ законодательный и сенатъ исполнительный. Первый составляется изъ сенаторовъ по назначенію государя, второй дѣлится до времени на двѣ части—судную и управленія. Судная часть состоитъ изъ двухъ департаментовъ — гражданскаго и уголовнаго, и временно остается на тѣхъ правахъ, на которыхъ уже существовала; часть управленія и сенатъ управляющій состоятъ изъ министровъ.

Въ законодательномъ сенатѣ министры присутствуютъ только съ совѣщательнымъ голосомъ, при чемъ, по мнѣнію Сперанскаго, власть самодержавная остается недѣлимою, и ни сенатъ законодательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ надежду, что реформа въ такомъ видѣ послужитъ переходною ступенью къ болѣе серьезнымъ измѣненіямъ въ государственномъ строѣ. «Сей образъ правленія,—говоритъ онъ,—со временемъ можетъ удобно превратиться въ совершенную монархическую систему, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи: онъ воспитаетъ духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то-есть когда разлитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основаніи. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить на другой лучшей системѣ, переименовать сенатъ судный высшимъ судомъ и, основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ ними въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему».

Подготовительнымъ шагомъ къ болѣе совершенному государственному устройству Сперанскій считалъ гласность дѣяній сената: это, по его мнѣнію, есть «черта не обряда, но монархической конституціи, которую нынѣ же принять можно. Пользы отъ сего установленія неисчислимы. Оно знакомитъ народъ съ правительствомъ, родитъ общее мнѣніе, просвѣтитъ низшихъ исполнителей, пріуготовитъ людей къ дѣламъ, поставитъ министровъ подъ судомъ общаго разума... Можно быть удостовѣреннымъ, что Россія скоро пожелаетъ знать, что дѣлаетъ для него правительство».

По предположенію г. Семевскаго, записка Сперанскаго могла и не быть представлена государю, но во всякомъ случаѣ она была извѣстна Кочубею и можетъ быть разсматриваема, какъ болѣе или менѣе рельефное выраженіе взглядовъ, циркулировавшихъ

среди высшей тогдашней передовой бюрократіи, окружавшей Александра Павловича въ началѣ его царствованія.

Общія положенія, которыя были набросаны Сперанскимъ въ его черновой запискѣ, легли въ основаніе и проекта той общей конституціи, который имъ былъ разработанъ по личному порученію Александра I. И покойный Н. К. Шильдеръ и В. И. Семевскій даютъ довольно вѣрное понятіе объ этой конституціи, но впервые она въ подробностяхъ изложена въ трудѣ нѣмецкаго ученаго Th. Schieman'а: «Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I», на основаніи коей составлена статья г. В. Штейна «Иностранцы о Россіи» въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Во избѣжаніе повторенія, отсылаемъ читателей къ сказанному очерку, добавивъ лишь, что Сперанскій предполагалъ осуществить свой планъ въ годичный срокъ, въ извѣстной постепенности и съ такимъ расчетомъ, чтобы къ началу 1811 г. Россія воспріяла «новое бытіе» и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразилась.

Извѣстно, что планамъ чиновнаго реформатора-конституціоналиста не суждено было осуществиться, и въ 1812 г. онъ былъ отправленъ въ почетную ссылку. Второй разъ въ теченіе 10 лѣтъ своего царствованія Александръ I какъ будто подходилъ къ реальному осуществленію своихъ либеральныхъ открыто высказываемыхъ взглядовъ на государственное управленіе, и оба раза представляемые ему проекты въ ихъ органической идейной полнотѣ сводились къ нулю. Вмѣсто нихъ на сцену выступаютъ компромиссы бюрократическаго свойства, которые никоимъ образомъ не задѣваютъ неограниченности его власти, не даютъ народу проектированныхъ свободъ, но лишь создаютъ на государственномъ тѣлѣ Россіи чиновныя установленія, органически не связанныя крѣпкимъ цементомъ съ жизнью страны. Такими чиновными установленіями должно считать и учрежденныя министерства, и государственный совѣтъ, не приведенныя въ сущности въ тѣсную связь съ нуждами и запросами народной жизни, и за которыми личность самодержца еще болѣе скрывалась отъ взоровъ подданныхъ, а его воля парализовалась и сводилась часто на нѣтъ.

Такая тактика примѣнялась Александромъ Павловичемъ спеціально къ русской жизни, при чемъ въ отношеніи окраинъ, а также по внѣшней видимости въ глазахъ передового русскаго общества онъ продолжалъ являть собою типъ конституціоннаго монарха, твердо и неизмѣнно держащагося принципа народнаго представительства и законности во всѣхъ формахъ жизни и отношеніяхъ подданныхъ къ власти. Такъ, послѣ завоеванія и присоединенія Финляндіи къ Россіи, Александръ I въ своемъ манифестѣ говорилъ: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь

утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи». Въ томъ же духѣ говорилъ государь и при открытіи финляндскаго сейма и при закрытіи его, и тѣ же элементы опредѣленнаго порядка мыслей видимъ мы и въ его словахъ на польскомъ сеймѣ 1818 г., при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ то мѣсто въ его рѣчи, гдѣ онъ даетъ обѣщаніе распространить спасительное вліяніе законосвободныхъ учрежденій на всѣ страны, которыя Провидѣніе ввѣрило его попеченію. Такими странами оказались, однако, лишь окраинныя—Польша и Финляндія, уже въ своемъ историческомъ развитіи, внѣ зависимости и вліянія тѣхъ или иныхъ вѣяній русской общественности, выработавшія для себя формы государственности, которыя Александръ I лишь санкціонировалъ и укрѣпилъ, но въ разработкѣ и усовершенствованіи коихъ онъ не принималъ участія ни косвенно, ни непосредственно. Россія же, которая наслѣдственно именно была ввѣрена его попеченію, осталась безъ законосвободныхъ учрежденій, хотя къ созданію таковыхъ какъ будто стремился государь, и надъ чѣмъ работали его приближенные, по его личной инииціативѣ и порученію.

Если изъ трудовъ по сему предмету Сперанскаго ничего не вышло, то такая же участь постигла и Новосильцева, и тоже дважды: въ 1801 году при составленіи ко дню коронаціи грамоты россійскому народу и въ 1819 году при составленіи «государственной уставной грамоты Россійской имперіи», на что онъ имѣлъ непосредственное порученіе отъ Александра I. Послѣдняя грамота была разрабатываема французскимъ юристомъ Deschamps, а переложеніе этой работы съ французскаго языка на русскій и окончательная ея редакція были поручены кн. Вяземскому. Въ статьѣ г. Штейна «Иностранцы о Россіи» читатели найдутъ изложеніе и конституціоннаго проекта Новосильцева-Deschamps, заимствованнаго имъ изъ работы Шимана, почерпнувшаго свой впервые обнародуемый матеріалъ изъ нѣдръ петербургскихъ архивовъ. Какъ можно усмотрѣть изъ сопоставленія конституціоннаго проекта Сперанскаго и Новосильцева, послѣдній носитъ болѣе аристократическій характеръ и является своего рода нѣкоторымъ общественнымъ регрессомъ, стоящимъ въ прямой связи съ настроеніями самого виновника этихъ конституціонныхъ проектовъ—при своемъ воцареніи и послѣ сладостей Вѣнскаго конгресса, а также въ связи съ явной близостью къ неизмѣнному выполнителю его предначертаній въ кругу вопросовъ управленія—Аракчееву.

Кромѣ Сперанскаго и Новосильцева, конституціонныя вѣянія въ эпоху Александра I изъ числа офиціальныхъ лицъ связаны и

съ именемъ Мордвинова, который являлся въ ту эпоху виднымъ и вліятельнымъ представителемъ аристократическаго начала, мечтавшимъ, чтобы сенатъ сдѣлался тѣломъ политическимъ, и чтобы права политическія были основаны на знатномъ сословіи, «дабы тѣмъ самымъ и права эти восприяли такое же уваженіе».

Названными лицами,—Новосильцевымъ, Сперанскимъ и Мордвиновымъ,—болѣе или менѣе исчерпывается то вліятельное и активное въ бюрократическомъ и придворномъ кругахъ, что̀ отражало на себѣ конституціонныя вѣянія александровскаго царствованія, и съ чѣмъ такъ или иначе приходилось считаться правительству преемника Павла I. Эти придворно-бюрократическіе круги въ сущности входили въ составъ самого правительства, были именно тѣмъ, что называется само правительство, а потому, естественно, отсюда не могла исходить оппозиція, стремящаяся тѣмъ или инымъ путемъ, но непремѣнно съ характеромъ насильственнаго дѣйствованія, упразднить старый государственный строй съ замѣной его новымъ, находящимся въ противорѣчіи съ ихъ интересами, ихъ благополучіемъ и соціальнымъ положеніемъ. Элементовъ борьбы даже той категоріи и характера, которую мы видѣли при воцареніи, напримѣръ, Анны Іоанновны, здѣсь не было никакихъ, а потому и эти теченія должны быть отнесены къ области платоническихъ и прекраснодушныхъ мечтаній, пользовавшихся также исключительно платоническою симпатіей самого самодержца. Они замыкались и реагировали исключительно въ бюрократической средѣ и за ея предѣлы проникали въ общественную среду въ очень слабой степени, не оказывали на нее должнаго воспитательнаго воздѣйствія и не пріуготовляли ея къ восприятію какихъ либо новыхъ усовершенствованныхъ формъ политической и соціальной жизни.

IV.

Просвѣщенный абсолютизмъ сыгралъ до конца свою роль въ екатерининскую эпоху, и общество, уже вышедшее изъ пеленокъ, начинаетъ все чаще и чаще подымать свой самостоятельный голосъ, правда, въ началѣ нѣсколько робкій и неувѣренный, по разнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Зарождаются кружки, въ средѣ которыхъ начинаютъ преобладать либеральныя тенденціи, университетская наука отзывается при удобномъ случаѣ на злободневныя темы, литература уже явно въ лицѣ видныхъ своихъ представителей подчеркиваетъ несовершенство нашего гражданскаго строя и освѣщаетъ эти недостатки, согласно альтруистическимъ завѣтамъ Радищева и Каразина[1]). На первое

[1]) Картина общественнаго оживленія того періода хорошо изложена въ работѣ А. Н. Пыпина: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», и другихъ его трудахъ изъ того же времени, а также въ работахъ В. И. Семевскаго по крестьянскому вопросу и въ жизнеописаніи Александра I, составленномъ Н. К. Шильдеромъ.

время эта литература, какъ публицистическая, такъ и изящная, беретъ мишенью для своихъ нападокъ почти исключительно крестьянскій вопросъ и ставитъ уничтоженіе крѣпостного права въ уголъ всѣхъ вопросовъ, полагая, что въ странѣ, которая живетъ на основахъ рабства, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо болѣе широкихъ и болѣе насущныхъ реформахъ, полагая, что и при наличности существующаго политическаго строя возможна и быстро осуществима соціально-экономическая реформа по раскрѣпощенію многомилліоннаго крестьянства. Правда, были лица, и иначе думавшія и настаивавшія на томъ, что дарованіе свободы крестьянамъ и установленіе конституціонной формы правленія должны итти параллельно, рука объ руку. Такого рода убѣжденіе царило среди многихъ декабристовъ, которые, впитавъ въ себя наиболѣе передовыя вѣянія тогдашней современности, русской и въ особенности западно-европейской, явились на аренѣ русской жизни піонерами активной борьбы съ консервативнымъ и бюрократическимъ правительствомъ,—борьбы, которая до извѣстной степени была разсчитана на поддержку народа, войска и разныхъ элементовъ интеллигентнаго общества. Царствованіе Александра I, особенно во второй его половинѣ, являетъ намъ впервые въ Россіи зрѣлище явной и скрытой мобилизаціи общественныхъ силъ, которыя рано или поздно, сплотившись, неминуемо должны были оказать на правительство давленіе въ пользу реформъ. Вопросъ могъ быть сведенъ лишь къ моменту начала дѣйствій, въ зависимости отъ качественной наличности этихъ силъ и ихъ организованности, а также отъ настроенія, силы или слабости правящихъ сферъ, равно какъ и въ соотвѣтствіи съ общими условіями тогдашней исторической жизни.

Кружки военной молодежи, объединившись въ тайныя общества, явили собою ту политическую организацію, которая, будучи извѣстна подъ общимъ наименованіемъ «декабристовъ», впервые оказала правительству активную оппозицію и съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлала попытку въ 1825 году осуществить тѣ вольности, которыя въ свое время проектировалъ Сперанскій и Новосильцевъ, о коихъ писали Радищевъ и Каразинъ, и которыя стали уже въ къ тому времени идейнымъ достояніемъ всего передового русскаго общества. Но декабристы не разсчитали своихъ силъ, хотя моментъ для активныхъ дѣйствій съ формальной стороны и избранъ былъ довольно удачно, не имѣли для своихъ начинаній достаточной опоры въ обществѣ и народѣ и пали жертвою своего благороднаго, но безумнаго плана. Колоссъ во образѣ бюрократическо-монархическаго строя еще не успѣлъ подгнить въ своемъ основаніи, не успѣлъ расшататься въ своихъ составныхъ частяхъ и сумѣлъ легко и быстро одолѣть тѣ слабо организованныя общественныя силы, въ которыхъ декабристы, эти политическіе романтики, мнили найти

пособности къ активной и побѣдоносной борьбѣ. Декабристы собственною кровью запечатлѣли свой безумный подвигъ, а колоссъ со всею военно-бюрократическою мощью наступилъ на раздавленное общество, которое подъ его неумолимою грозною пятою оказалось распростертымъ въ теченіе свыше цѣлыхъ трехъ четвертей вѣка. Правда, за этотъ долгій періодъ обществу удалось вырвать у правительства крупную побѣду—раскрѣпощеніе крестьянъ, и притомъ съ сравнительно небольшими жертвами, которыя пришлось принести, но для того благопріятствовала историческая обстановка: Севастопольскій погромъ пошатнулъ весь бюрократическо-полицейскій строй, обнаружилъ его внутреннюю слабость и полную неспособность къ государственному и политическому творчеству, безъ наличности каковой способности немыслимо руководительство и управленіе народомъ и страною въ цѣляхъ ихъ спокойнаго и довольнаго бытія—съ одной стороны, и собственной цѣлостности и безопасности—съ другой. Правительство Александра II осуществило реформу, необходимость которой еще первый провозгласилъ Радищевъ, прекрасно понимая, что если оно само не проведетъ этой реформы сверху, по собственному почину, то его заставятъ это сдѣлать снизу, силою, и въ такомъ случаѣ, пожалуй, кромѣ отмѣны крѣпостного права, къ нему предъявятъ и своего рода политическій искъ конституціоннаго порядка, который, хочешь—не хочешь, а придется удовлетворить. Поэтому реформа 1861 года была очень мудрымъ государственнымъ шагомъ тактическаго порядка, которымъ, во-первыхъ, осуществлялось требованіе высшей соціальной правды и, во-вторыхъ, вносилось перемиріе въ борьбу съ обществомъ за его политическія права. Военно-полицейскій и бюрократическій строй выхлопоталъ отсрочку своей ликвидаціи на цѣлыхъ полстолѣтія...

Конституціонныя вѣянія въ эпоху Александра I были реализованы правительствомъ въ видѣ организаціи серіи бюрократическихъ учрежденій, а обществомъ—въ видѣ мобилизаціи интеллигентныхъ боевыхъ силъ, которыя, однако, слишкомъ быстро и необдуманно развернулись, вслѣдствіе чего потерпѣли 14-го декабря 1825 года на Сенатской площади пораженіе и испытали страшный разгромъ. Но это 14-е декабря было первымъ актомъ длинной и кровавой трагедіи подъ наименованіемъ «борьбы за конституцію», со сложными въ ней многочисленными дѣйствіями, съ участіемъ здѣсь массы лицъ, проходящихъ передъ зрителями длинною вереницею въ разнообразныхъ роляхъ и въ разнообразныхъ костюмахъ, начиная съ сановнаго и гвардейскаго мундира, мундира студенческаго и гимназическаго, духовной рясы, сермяжнаго мужичьяго кафтана, рабочей блузы и арестантскаго халата, выданнаго изъ цейхгаузовъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей, изъ сибирскихъ тюремъ и казенныхъ рудниковъ. Для составленія и написанія таковой исторической трагедіи нынѣ на-

ступило уже благопріятное время: свобода печати, дарованная обществу манифестомъ 17-го октября, «снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны... которыя по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала»,—такъ сказано редакторомъ «Историческаго Вѣстника» въ объявленіи о подпискѣ на журналъ для наступающаго 1906 года. Слѣдуя этому указанію и въ соотвѣтствіи съ очерками «Годы смуты и борьбы» и настоящимъ очеркомъ—«Конституціонныя вѣянія», постараемся въ предѣлахъ нашихъ силъ и возможности дать въ теченіе 1906 года хоть нѣкоторыя главы и части намѣченной выше драматической эпопеи «Борьба за конституцію», располагая работу по главнѣйшимъ историческимъ моментамъ этой борьбы, придерживаясь, какъ и прежде, хронологическаго метода изображенія событій, но съ подчеркиваніемъ главнымъ образомъ идейной стороны вопроса и его общественно-историческаго значенія.

Полагая ея начало въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года, мы съ нихъ и начнемъ наше изложеніе, посвятивъ имъ первый нашъ очеркъ. Въ дальнѣйшемъ ходъ событій рисуется намъ въ слѣдующей постепенности: Николаевское царствованіе, въ теченіе котораго военно-бюрократическое правительство начинаетъ разлагаться, что̀ его приводитъ къ севастопольскому погрому; вмѣстѣ съ тѣмъ общественныя силы группируются, и на сцену выступаютъ уже, хотя пока одиночные, но уже убѣжденные и готовые борцы за свободу (напримѣръ, Петрашевцы). Тутъ же мы знакомимся съ первыми піонерами русской эмиграціи и ея зарубежной литературой; передъ нами выступаютъ въ своей кипучей дѣятельности Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ, Нечаевъ съ ихъ органами—«Полярная Звѣзда», «Колоколъ», «Набатъ», и другими. Крестьянская и земская реформа Александра II создаютъ также вполнѣ опредѣленное общественное движеніе оппозиціоннаго характера въ земствѣ, дворянствѣ и подцензурной прессѣ, гдѣ слышится, съ одной стороны, неудовлетворенность этими реформами, а съ другой—настойчивое требованіе продолженія реформъ въ интересахъ политическаго обновленія Россіи на основахъ правового порядка. Объ руку съ этой легальной оппозиціей продолжаетъ развиваться и революціонное движеніе—появляется рядъ политическихъ процессовъ: Михайлова, Каракозова, Нечаева, «193-хъ», и другіе, нарождается серія крупныхъ и энергичныхъ политическихъ кружковъ—«Земли и Воли», «Чернаго передѣла», «Народной Воли», изъ которыхъ нѣкоторые переходятъ отъ слова къ террору и послѣ ряда покушеній на личность императора Александра II кончаютъ его убіеніемъ 1-го марта 1881 года, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда государь уже склоненъ былъ расширить ряды правительства пригла-

шеніемъ сюда представителей отъ народа. Мрачные 1880-е годы являются въ русской жизни зловѣщимъ штилемъ, гдѣ, хотя по-видимости правительство окрѣпло и нанесло революціоннымъ и либеральнымъ тенденціямъ общества значительный уронъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по существу оно получило характеръ еще болѣе полицейско-бюрократическій съ тенденціей подчиненія народной жизни вліянію привилегированныхъ сословій и регламентаціи всякаго проявленія этой жизни.

За этотъ періодъ развивается и усиливается дѣятельность русской эмиграціи, а также происходитъ интензивная группировка общественныхъ легальныхъ силъ, при чемъ постепенно на авансцену выступаетъ грозный рабочій вопросъ, искусственно у насъ вскормленный въ интересахъ быстраго развитія заводско-фабричной промышленности, который подкрѣпляетъ собою теченіе соціально-демократическое и соціально-революціонное; въ общемъ активно-оппозиціонномъ движеніи получаетъ большое значеніе дѣятельность учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые являются самыми энергичными и страстными исполнителями революціонной программы, а также проводителями въ рабочую массу демократическихъ идей въ ихъ крайнихъ выраженіяхъ, до вооруженнаго возстанія включительно. Слѣдующіе полтора десятилѣтія должны привести читателей въ конечномъ результатѣ къ нашимъ смутнымъ днямъ, когда въ броженіи принимаетъ участіе вся русская общественная и народная наличность, и гдѣ на глазахъ читателей падаетъ уже занавѣсъ, скрывая отъ его испуганнаго взора таинственное будущее съ его невѣдомымъ и загадочнымъ горемъ или счастіемъ.

Таковы главные standpunkt'ы въ эпопеѣ борьбы за конституцію. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ не можетъ взять на себя обѣщанія выполнить всю программу и тѣмъ болѣе въ короткій срокъ полностію — онъ постарается сдѣлать, что въ его силахъ, въ надеждѣ, что среди сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» найдутся такіе, кто внесетъ и свою посильную и, быть можетъ, богатую и авторитетную лепту въ дѣло ознакомленія читателей журнала съ фактами новѣйшей русской исторіи, разработка которыхъ такъ долго находилась для литературныхъ работниковъ подъ цензурнымъ спудомъ и запретомъ. Только теперь мы получили возможность открыто пользоваться той богатой литературой, которая такъ долго считалась нелегальною, и обнародованіе которой ставилось въ политическое преступленіе, какъ актъ совращенія въ революцію. Эта литература почти единственная у насъ сейчасъ, дающая именно необходимый матеріалъ для новѣйшей русской исторіи по той общей программѣ, которая намѣчена выше. Она очень колоритна, богата, разнообразна и по счастію для историка довольно систематизирована трудами тѣхъ эмигрантовъ-истори-

ковъ, которые въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, въ дали отъ родины, претерпѣвая массу лишеній, подчасъ даже голодъ, находили въ себѣ, однако, достаточно силъ, чтобы позаботиться о научно-литературныхъ интересахъ будущихъ поколѣній и о сохраненіи историческихъ слѣдовъ кипучей работы на родинѣ и за предѣлами ея своихъ товарищей по оппозиціонной и революціонной дѣятельности. Перечислить всю литературу предмета не представляется возможнымъ; достаточно, если здѣсь будетъ указано то главнѣйшее, что на первую очередь, минуя изданія Герцена, какъ уже получившія или въ недалекомъ будущемъ получающія полное право у насъ на распространеніе, должно быть пущено въ оборотъ литературнаго пользованія. Къ числу такихъ главнѣйшихъ историческихъ работъ должны быть отнесены: «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи А. Туна. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ Г. Плеханова», «А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Э. Шишко» [1]), «За сто лѣтъ (1880—1896). Сборникъ по исторіи политическаго и общественнаго движенія въ Россіи, въ 2-хъ частяхъ. Составилъ Вл. Бурцевъ», «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Сборникъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго Томъ I. 1825—1876 гг.; томъ II, вып. первый; т. III, вторая половина», «Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ. Первое приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи», «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ. Второе приложеніе», «Литература партіи народной воли». Третье приложеніе къ «Сборнику»; Г. А. Куклинъ: «Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за сорокъ лѣтъ (1862—1902 гг.). Сборникъ программъ, программныхъ статей русскихъ революціонныхъ партій и группъ и краткихъ очерковъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія»; его же «Матеріалы къ изученію исторіи революціоннаго движенія въ Россіи»; «Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1880). Историческіе очерки, 1905 г. Изданіе редакціи «Освобожденіе», «Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи» въ изданіи III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», «Календарь народной воли» на 1883 и 1889 годы», «Соціалъ-демократическій календарь на 1902 годъ».

Вотъ главнѣйшія сводныя работы, которыя даютъ матеріалъ для исторіи революціоннаго и освободительнаго движенія въ Рос-

[1]) Обоими изданіями надлежитъ пользоваться съ одинаковою пользою для дѣла, главнымъ образомъ благодаря тѣмъ поправкамъ, дополненіямъ и примѣчаніямъ, которыя сдѣланы переводчиками и редакторами, какъ представителями «лиги революціонной соціалъ-демократіи» и «партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

сіи. Для болѣе еще подробнаго ознакомленія съ вопросомъ необходимо также ознакомиться съ записками и воспоминаніями нѣкоторыхъ дѣятелей этого движенія. Сюда относятся: «С. Степнякъ— Подпольная Россія», «П. А. Крапоткинъ—Записки революціонера», «Дейчъ Левъ—16 лѣтъ въ Сибири. Воспоминанія. (1884—1901)»; «Михайловъ—А. Д. Воспоминанія. Изд. Г. Куклина»; «Л. А. Волкенштейнъ—13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости»; «Біографія П. Л. Лаврова», изд. «Рабочаго Знамени»; «Всходы. Изъ жизни политическихъ сссыльныхъ». «Воспоминанія русскихъ революціонеровъ (Гартмана, Холтурина и др.)», Воспоминанія Вл. Дебогорія Мокріевича и др., изданія и работы Кравчинскаго (Степняка), Куклина, Штейница, «Фонда русской вольной прессы въ Лондонѣ», а также серія разныхъ «библіотекъ»—соціальнодемократическихъ, соціалистовъ-революціонеровъ, русскаго пролетарія, народно-революціонной партіи, и др., гдѣ изложены программы партій, даются свѣдѣнія объ арестахъ въ Россіи, о побѣгахъ изъ мѣстъ заключенія, о жизни эмигрантовъ, біографіи лицъ, преданныхъ казни, и т. п. Всѣ эти изданія также немало помогаютъ разъясненію и освѣщенію многихъ явленій отечественной жизни за вторую половину XIX вѣка и начало текущаго.

Всѣ эти источники, столь еще недавно считавшіеся «страшными» и запрещенными, нынѣ становятся тѣмъ историческимъ матеріаломъ, которымъ литературному работнику при его историко-публицистическихъ занятіяхъ въ области лѣтописей XIX и XX вѣковъ нельзя уже не пользоваться, и безъ использованія котораго его труды не будутъ имѣть общественнаго значенія. Конечно, какъ и во всѣхъ случаяхъ обращенія съ литературными источниками, особенно исходящими отъ людей, дѣйствіями которыхъ по большей части руководили чувства «печали и гнѣва», и къ указанному матеріалу надлежитъ подходить съ осторожностью и съ мѣркою строгой исторической критики. Но какъ ни какъ, а уже одна возможность пользованія этимъ матеріаломъ является для исторической литературы громаднымъ завоеваніемъ, которое ее значительно обогащаетъ, расширяетъ предѣлы ея работы и привлекаетъ къ ней вниманіе широкихъ круговъ читателей, давая ей вмѣстѣ съ тѣмъ средства къ проведенію въ массу правильныхъ понятій и взглядовъ на событія, надъ которыми до тѣхъ поръ висѣлъ занавѣсъ таинственности, ненужнаго запрета и прелести соблазна.

Б. Глинскій.

ЗАКУЛИСНАЯ ЖИЗНЬ М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

I.

НОВАЯ КНИГА, объемомъ болѣе тысячи страницъ, В. В. Стасова, посвященная жизни и твореніямъ извѣстнаго художника Марка Матвѣевича Антокольскаго, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытныя его письма къ гг. Стасову, Крамскому, Мамонтову, Гинцбургу, Рѣпину, графу И. И. Толстому, Боткину, Антокольской, Тургеневу и пр. лицамъ; а также его статьи, помѣщенныя въ разныхъ газетахъ и журналахъ, о собственной жизни, объ искусствѣ, о Л. Н. Толстомъ, о Дрейфусѣ, о декадентахъ и т. д. Помимо автобіографическихъ свѣдѣній объ Антокольскомъ, книга о немъ имѣетъ живой интересъ какъ для характеристики художественнаго міра Россіи и Западной Европы, такъ и для политическаго представленія о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ, волновавшихъ Европу за послѣднюю четверть вѣка.

Множество новыхъ данныхъ о закулисной жизни не только даровитаго скульптура, но и недюжиннаго публициста полны захватывающаго интереса.

Родился Антокольскій въ шинкѣ виленскаго еврея, 21-го октября 1843 года, и провелъ дѣтство самое безотрадное. Его первый ребяческій опытъ художественнаго творчества, проявившійся въ разрисовкѣ отцовской печки изображеніемъ водовоза съ лошадью, былъ оплаченъ побоями. Не менѣе тяжелыя впечатлѣнія вынесены Антокольскимъ въ юные годы и изъ общественной

вать и отъ матеріальныхъ недостатковъ, и отъ недовольства академическимъ преподаваніемъ. Онъ пробовалъ даже, лѣтомъ 1868 года, поѣхать въ чужіе края, въ Берлинъ, всего болѣе для избѣжанія экзамена по научнымъ предметамъ, котораго требовало академическое начальство».

По адресу академіи Антокольскій изъ Рима отъ 17-го апрѣля 1872 года писалъ Стасову: «Я телеграфировалъ въ академію, чтобы выставили «Ивана» на премію (неловкаго я тутъ ничего не вижу). Академія всегда старается обходить меня. Но, какъ на зло, въ тотъ же день получаю изъ академіи письмо, гдѣ извѣщаютъ меня, что «Иванъ» посланъ на лондонскую выставку. Эта новость непріятно подѣйствовала на меня: во-первыхъ, потому, что это совершенно противъ моего желанія (такъ какъ я думалъ собрать свои работы и послать ихъ на вѣнскую выставку). Во-вторыхъ, странно, въ первый разъ слышу, чтобы произведенія посланы были, не спросивъ художника, и, наконецъ, очень обидно было, отчего до сихъ поръ никто объ этомъ ни слова мнѣ не писалъ». Въ другихъ мѣстахъ къ тому же лицу онъ пишетъ: «вы думаете, что я падаю духомъ, что меня огорчаетъ то, что я не получаю парадныхъ наградъ и фейерверочныхъ успѣховъ. Ахъ, дядя, какъ вы ошибаетесь. Вѣдь мы хорошо знаемъ, кто большею частью ихъ получаетъ. Слѣдовательно, и завидовать имъ нечего. Хорошо также знаемъ, кто со злостью лаетъ на всякую самостоятельность. На нихъ я никогда не обращалъ вниманія, и если люди успѣвали раздражить меня, то отъ этого только выигрывалъ ходъ моего искусства. Помню, когда я работалъ «Ивана Грознаго» при крайне трудныхъ обстоятельствахъ (какъ это хорошо вамъ извѣстно), я тогда сказалъ, кажется, Крамскому: «Хорошо, чѣмъ больше они бѣсятъ меня, тѣмъ лучше выйдетъ «Иванъ Грозный». То же самое, только съ нѣкоторыми измѣненіями, я бы могъ и теперь сказать».

Дѣйствительно, замѣчаетъ Стасовъ, «Петербургская академія художествъ рѣшилась возвести его въ санъ русскаго профессора лишь въ 1880 году, т.-е. послѣ того, какъ онъ давно уже былъ «членомъ института» въ Парижѣ и профессоромъ академіи художествъ въ Берлинѣ, а между тѣмъ наша академія успѣла произвести множество другихъ русскихъ художниковъ въ профессора, забывая Антокольскаго, и въ то же время почти вся русская критика взапуски вела атаки противъ него».

По поводу этихъ «атакъ» Антокольскій писалъ Стасову изъ Біаррица отъ 27-го августа 1892 года слѣдующее: «Лишне напоминать вамъ, какъ часто газеты въ послѣдніе годы клевещутъ на меня и глумятся надо мною. Я бы могъ ихъ документально опрокинуть, какъ карточный домикъ, но съ клеветниками по ремеслу правды не добьешься; напротивъ, плюнешь имъ въ глаза, а они еще станутъ всѣхъ увѣрять, что это—Божія роса. Мимо, мимо нихъ!

Пусть они займутся своимъ гнуснымъ ремесломъ, а я своимъ дѣломъ».

Антокольскій прикрывалъ свои страданія презрительнымъ равнодушіемъ къ русской прессѣ, но въ душѣ ждалъ, рано или поздно, ея справедливой къ себѣ оцѣнки. «Я жилъ немного лучше, чѣмъ отшельникъ,—писалъ онъ изъ Парижа:—никуда не ходилъ, никого не видалъ, и все, что вынесъ въ душѣ, я вносилъ въ мастерскую. Но поймутъ ли меня? Поймутъ ли, что рядомъ съ моими идеалами, мучениками за идею, я воспѣвалъ будущность Россіи въ лицахъ «Петра I», «Ярослава», «Ермака» и «Нестора»? Поймутъ, въ этомъ вѣра моя крѣпка»... И это онъ говорилъ въ то время, замѣчаетъ Стасовъ, когда происходила въ Парижѣ его выставка, одна изъ самыхъ блестящихъ, какія у него бывали на всемъ его вѣку.

Конечно, Антокольскому не безъ душевныхъ мукъ далось торжество и въ Парижѣ. Но все-таки въ 1891 году, за годъ до смерти, онъ не избѣгъ аукціона...

Такимъ образомъ, жизнь его, исполненная въ концѣ концовъ славы, прошла не безъ терзаній о матеріальныхъ средствахъ и жалобъ на профессіональныхъ клеветниковъ...

Въ 1883 году онъ писалъ Стасову: «Скажу вамъ по секрету, что жизнь начинаетъ меня тяготить, я спасаюсь только въ студіи, стоя около работы. Тогда думаешь, что дѣйствительно я дѣлаю что-то такое, что можетъ облегчить или улучшить человѣчество и меня самого, а, въ сущности, ничего я подобнаго не дѣлаю. Мало меня понимаютъ, и никому особенно я не нуженъ. Работу свою долженъ продавать съ поклономъ, съ протекціей, и, однако, не настолько, чтобы могъ спокойно работать, да и умереть». Тѣ же мысли онъ повторилъ тому же лицу за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти: «Напрасно упрекаютъ меня также въ томъ, что я не даю въ Публичную библіотеку фотографій съ моихъ работъ. Къ чему ихъ давать? Вы все еще считаете меня чѣмъ-то, а я давно уже думаю, что я лишній: теперь на искренность, на истинное искусство плохой спросъ. Искусство стало прихотью, а не потребностью; оно зависитъ отъ богатыхъ. Хорошо еще, если отъ умныхъ, а много ли таковыхъ? А поэтому часто, очень часто художникъ дѣлаетъ то, что долженъ, а не то, что хочетъ. И чтобы достигнуть второго, онъ поневолѣ подчиняется первому; а разъ искусство находится въ такихъ тискахъ, художники часто становятся рабами. Повторяю, наше время удивительное: куда ни кинь—всюду клинъ. Съ одной стороны—неврастенія, декадентство, съ другой—биржа и грубый матеріализмъ, а въ серединѣ такъ называемый—прогрессъ. Прогрессъ создалъ матеріализмъ, матеріализмъ убилъ идеализмъ. Что же касается до меня, то я сознаю, что я въ жизни слабохарактеренъ, или, вѣрнѣе, мало практиченъ, но я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы стать независимымъ художникомъ и работать—раньше

всего для самого себя, а тамъ, можетъ быть, современемъ, время станетъ лучше».

Грустью вѣетъ отъ этихъ словъ знаменитаго художника... Видимо жизнь не была ему красна, но присущій ему идеализмъ и вѣра въ лучшее будущее не покидали его до самой кончины, послѣдовавшей въ 1892 году.

II.

Какъ скульпторъ, Антокольскій имѣетъ любопытныя особенности. Переживъ въ дѣтскіе годы рекрутскіе наборы изъ «пойманниковъ», а впослѣдствіи—еврейскіе погромы, Антокольскій естественно внесъ въ свое творчество значительную долю еврейскаго націонализма и патріотизма. Его первыя произведенія: «Еврей-портной», «Скупой», «Торговка», «Споръ о талмудѣ» и т. д., взяты изъ еврейской жизни. Но наиболѣе юдофильская работа—это не вполнѣ додѣланная имъ «Инквизиція», которую В. В. Стасовъ, въ день похоронъ Антокольскаго, охарактеризовалъ словами: «жирный, отъѣвшійся, самодовольный, тупой испанецъ-кардиналъ, инквизиторъ, спускается въ подвалъ, гдѣ евреи празднуютъ свою Пасху. Всѣ перепугались, всѣ бѣгутъ спрятаться, выскочить вонъ. Но тутъ поднялся среди нихъ, среди обезумѣвшей толпы, опрокинутаго стола, сдернутой скатерти, сыплющейся на полъ посуды,—поднялся мужъ силы, благородства и величія, по красотѣ и энергіи словно воскресшій пророкъ и вождь древности, и говоритъ имъ: «Стойте, куда бѣжите? И зачѣмъ бѣжать? Что, испугались тѣхъ цѣпей, что̀ вотъ тѣ несутъ, бряцая мечами и алебардами своими? Не надо! Остановитесь! Спасенія, все равно, не будетъ». И этотъ великій моментъ, это великое чувство и силу Антокольскій выразилъ такъ, какъ только великіе умы и таланты дѣлаютъ это въ мгновенныхъ, мимолетныхъ наброскахъ и эскизахъ. Злая судьба послала ему смерть, оттолкнула Антокольскаго отъ его глины и уложила его въ мрачную могилу въ тѣ минуты, когда онъ принялся доканчивать и почти докончилъ мысль и эскизъ своихъ молодыхъ годовъ».

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о націонализмѣ Антокольскаго въ его твореніяхъ, Стасовъ замѣчаетъ: «Переходя отъ сюжетовъ еврейскихъ къ сюжетамъ русскимъ, Антокольскій вовсе не отказался навсегда отъ сюжетовъ еврейскихъ. Это была только временная остановка. Еврейству и еврейскимъ задачамъ онъ никогда не измѣнялъ. Онѣ всегда занимали громадное мѣсто въ его мысли, въ его чувствѣ, но только внѣшнія обстоятельства и отношенія становились иногда передъ нимъ, словно ширма. Судьбы еврейства и евреевъ постоянно наполняли его душу, могущественно заботили и мучительно тревожили его. Многіе значительные факты доказываютъ это, и болѣе всего письма, которыя онъ написалъ въ 1881 году

И. С. Тургеневу. Много разъ на своемъ вѣку Антокольскій выражалъ въ письмахъ и разговорахъ стремленіе свое быть художникомъ-космополитомъ, свое убѣжденіе, что это и есть настоящее призваніе каждаго настоящаго художника. Но его натура и его дѣятельность всегда и во всемъ противорѣчили этому. Никогда онъ самъ не сдѣлался тѣмъ, что признавалъ превосходнымъ для другихъ. Его попытки создавать произведенія на задачи чуждыхъ народовъ никогда не оказывались у него счастливыми. «Офелія», «Сестра милосердія, помогающая раненому въ бою военному германскаго войска», «Христіанская мученица-римлянка», даже и превосходная (по фактурѣ) статуя его «Умирающій Сократъ» и другія ничуть не принадлежатъ къ особенно значительнымъ, истинно выражающимъ его натуру и талантъ произведеніямъ. Они вялы, малохарактерны и безцвѣтны. Настоящія, характеризующія его оригинальное и великое творчество произведенія—это тѣ, которыя создались на задачи либо еврейскія, либо русскія: «Еврей-портной», «Скупой», «Споръ о талмудѣ», «Христосъ передъ народомъ», «Инквизиція», «Иванъ Грозный», «Иванъ III», «Владиміръ Мономахъ», «Петръ I», «Несторъ-лѣтописецъ», «Ермакъ».

Какъ ни силенъ Антокольскій въ воспроизведеніи еврейскихъ сюжетовъ, слава его, однако, началась съ «Ивана Грознаго» и крѣпла съ каждымъ произведеніемъ изъ русской жизни. Неудивительно поэтому, что онъ любилъ Россію. Претерпѣвъ въ ней немало горя, онъ все-таки писалъ изъ-за границы Стасову: «Я не перестаю вѣрить въ силу души Россіи; всѣ мои работы, всѣ мои чувства, думы, вся радость и горе, которыми мой духъ питается,—все это отъ Россіи и для Россіи. Не я ли всю свою жизнь преслѣдовалъ одну мысль? Не я ли воспѣвалъ и воспѣваю русскихъ героевъ?»

Несмотря на то, что художникъ силенъ только тѣмъ, что онъ хорошо знаетъ, и съ чѣмъ сроднилась его душа, Антокольскій понималъ и другой законъ художественнаго могущества и вліянія на общество. Именно необходимость художнику постоянно справляться о томъ, въ какой мѣрѣ его призваніе и работы интересны не только соотечественникамъ, но и всему міру. Антокольскому хотѣлось отрѣшиться отъ болѣе сродныхъ ему національныхъ сюжетовъ, и В. В. Стасовъ приписалъ это «общеевропейскому вліянію». Въ «Вѣстникѣ Европы» онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что Антокольскій во многомъ покидаетъ прежнюю свою дорогу, вступаетъ на новую, не попрежнему своеобразную, и не русскую, и не еврейскую, а на какую-то чуждую ему самому, его натурѣ и таланту. Стасовъ радуется тому, что въ послѣдній періодъ своей жизни Антокольскій, однако, сталъ явственно отдаляться отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ чуждыхъ вліяній, онъ словно стряхнулъ съ себя Италію, обратился снова къ наиболѣе свойственнымъ ему задачамъ, русскимъ и еврей-

скимъ, и снова сталъ создавать такіе здоровые, могучіе, глубоко-національные, глубоко-талантливые и глубоко-оригинальные chefs d'oeuvres, какъ «Несторъ» и «Ермакъ» (1889—1891). «Инквизиціей» же своей онъ въ это самое время сталъ снова глубоко интересоваться, и до послѣдняго дня жизни все болѣе и болѣе приготовлялся выполнить ее въ полномъ и достойномъ видѣ. Съ своей стороны, намъ кажется, что національные сюжеты у Антокольскаго, конечно, выполнены «глубоко-талантливо», но и такъ называемое г. Стасовымъ «итальянское» направленіе, по нашему разумѣнію, внесло чудные лавры въ вѣнокъ Антокольскаго и свидѣтельствовало о дальнѣйшемъ его умственномъ развитіи. Большому кораблю—большое плаваніе... Онъ самъ о себѣ писалъ (отъ 17-го декабря 1891 года) тому же г. Стасову, незадолго до своей смерти: «Вамъ извѣстно, что я индивидуалистъ и страстный поклонникъ индивидуальныхъ личностей, которыя не идутъ по увлеченію толпы, а идутъ самостоятельно туда, куда ясное сознаніе влечетъ ихъ. Эти сильные люди знаютъ, откуда, куда и зачѣмъ стремиться. Часто они становятся мучениками, жертвой безразсудной толпы, но, въ концѣ концовъ, ихъ духъ, идея восторжествуютъ. Ихъ-то я почти всю свою жизнь и воспѣвалъ. Вотъ три мыслителя, три мученика трехъ различныхъ культовъ: «Сократъ», «Христосъ» и «Спиноза». Прибавлю къ этому и типъ первыхъ христіанъ, а среди нихъ вѣчно измученнаго отъ своей злобы «Мефистофеля»... Наконецъ, вотъ и страданіе, и смерть успокаиваетъ всѣхъ... Поймите меня, мой другъ, имъ я отдалъ мои лучшіе годы, почти полъ-жизни». Такимъ образомъ, космополитическіе образы идейнаго искусства, начиная съ мучениковъ за идею и кончая страдальцами за личную любовь,—все болѣе и болѣе притягивали къ себѣ художника. Онъ пишетъ отъ 12-го февраля 1884 года: «Я работалъ «Офелію». Дѣло шло къ концу, но вдругъ я разлюбилъ ее. Всѣ говорятъ, что я создалъ новый типъ, но, по-моему, это личный характеръ, который страдаетъ за свою собственную любовь, вообще мелкую. Можетъ быть, окончу ее, а скорѣе, что нѣтъ. Я теперь работаю нѣчто болѣе серьезное, а главное свое, не чужое, что было уже разъ создано. Это изъ первыхъ временъ христіанства: «Святая мученица», или же «Христово дитя». Молодая дѣвушка сидитъ гдѣ-то въ углу Рима. У нея глаза ослѣплены. Значитъ, она пострадала за свои убѣжденія, и, однако же, не оробѣла, осталась вѣрна самой себѣ. Она сидитъ, устремивъ глаза къ нему, точно бесѣдуетъ съ нимъ. Въ лѣвой рукѣ она держитъ дощечку, на которой написано: «Миръ вамъ», а проходящіе набросали у ногъ ея пальмы, вѣнки, ожерелья, монеты, около нея пріютилось множество голубей. Все это вмѣстѣ своеобразно и поэтично, и, если нравится мой памятникъ княжны М. А. Оболенской, находящійся въ Римѣ, то эта вещь въ сто разъ важнѣе, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ».

Это стремленіе Антокольскаго къ наибольшей содержательности своихъ твореній, къ идейности ихъ, должно поставить въ примѣръ прочимъ художникамъ. Даже г. Рѣпинъ погрѣшилъ своей картиной «Николай угодникъ, останавливающій казнь невинноосужденныхъ» тѣмъ, что за техникой въ картинѣ ничего не осталось для ума. Она ничего не говоритъ собою вообще противъ смертной казни, такъ какъ сатрапъ, останавливающій казнь, испугался крайне популярнаго въ народѣ Николая угодника, вступившагося за «невинноосужденныхъ»...

Вспоминаются мнѣ по этому поводу слова нынѣ покойнаго художника Н. Н. Ге: «Заступничество за невинноосужденнаго присуще всему человѣчеству, и г. Рѣпинъ по вопросу о казни виновныхъ не прибавилъ ни одной смягчающей насъ мысли. Между тѣмъ, болѣе глубокіе художники умѣли по этому предмету сказать свое слово. У Габріэля Макса есть картина «Ein Grüss» («Привѣтъ»): молодая христіанка въ циркѣ стоитъ передъ свирѣпымъ тигромъ, и въ тотъ же моментъ ей брошена съ верхняго яруса бѣлая роза. Она подымаетъ радостно свой взглядъ кверху, чтобы поблагодарить за привѣтствіе, за то, что она не забыта и кому-то еще дорога. Чувство состраданія растетъ къ ней по мѣрѣ того, какъ тигръ готовится сдѣлать прыжокъ и разорвать ее. Она осуждена за новую вѣру, но художникъ всѣми силами своего таланта протестуетъ противъ ея казни». Антокольскому была близка идея отмѣны смертной казни, и его замученные христіане свидѣтельствуютъ собою о томъ, что полотно или мраморъ подъ рукой художника должны всегда отвѣчать и на духовные запросы человѣчества.

III.

Антокольскій принадлежалъ къ числу немногихъ русскихъ художниковъ, которые не довольствуются объективнымъ жанромъ и совершенствомъ техники. Имъ нужно имѣть на публику нравственно-воспитательное вліяніе. Красота техники и національные сюжеты уже не удовлетворяли Антокольскаго, и онъ мечталъ объ исполненіи болѣе широкихъ и общечеловѣческихъ сюжетовъ. Онъ сильно нападаетъ на красивое, но чисто декоративное искусство французовъ и настаиваетъ на строгомъ различіи этого рода искусства отъ духовнаго и идеальнаго. «Въ то время, — пишетъ онъ, — какъ Италія, Германія, Голландія стояли высоко по части духовнаго или идеальнаго искусства, когда у нихъ гремѣли такія имена, какъ Тиціанъ, Рафаэль, Микель-Анджело, Рембрандтъ, Веласкезъ,— Франція не можетъ выставить ни одного подобнаго. Между тѣмъ, именно въ это время въ декоративномъ искусствѣ было наоборотъ, т.-е. Франція стояла выше всѣхъ. Только теперь, послѣ 1840-хъ годовъ, Франція стала высоко въ живописномъ и

скульптурой въ искусствѣ. Но, насколько ея родъ творчества дѣйствительно соотвѣтствуетъ духовному, или душевному, или идеальному искусству (называйте, какъ хотите), это покажетъ только будущность. Покуда же я могу сказать, что современное искусство, въ сравненіи со средневѣковымъ, стоитъ очень низко». Въ другомъ мѣстѣ Антокольскій спрашиваетъ: «каковы же новѣйшіе идеалы въ искусствѣ, чего мы требуемъ отъ него, и что оно намъ даетъ? Отвѣты, къ сожалѣнію, получаются весьма печальные. Идеала никакого, или почти никакого... Требуютъ отъ искусства милаго, игриваго, красиваго—всего того, что можетъ веселить людей, но не печалить ихъ, что ласкаетъ глазъ, но не трогаетъ чувства. И требуютъ этого люди съ утонченнымъ вкусомъ, люди, главнымъ образомъ, со средствами,—тѣ, которые могли бы поддерживать искусство болѣе серьезнымъ образомъ. А искусство волей-неволей дастъ то, чего требуютъ, тѣмъ болѣе, что большинству художниковъ легче развивать свои руки и глаза, чѣмъ мысль и чувство. Да, легче имъ и работается... И если чувство у художника беретъ верхъ, если онъ изобразитъ то, чѣмъ онъ былъ пораженъ, что онъ полюбилъ, если онъ хоть на-волосъ подниметъ голосъ во имя человѣчности,—то будьте увѣрены, что его произведеніе останется непроданнымъ. Такія произведенія никому не нужны».

По поводу книги Л. Н. Толстого объ искусствѣ Антокольскій подробно писалъ о томъ, какъ «искусство въ нашъ вѣкъ сдѣлало только своеобразную эволюцію: начало оно съ псевдоклассицизма, скоро перешло затѣмъ къ романтизму, потомъ къ реализму, далѣе къ натурализму, импрессіонизму... и вдругъ сдѣлало крутой поворотъ къ псевдомистицизму... и ко всевозможнѣйшимъ псевдо... Такимъ образомъ оно съ чего начало, тѣмъ и кончило: начало съ псевдо и кончило имъ же. Правда, были прекрасныя попытки проникнуть глубже въ душу человѣка, но попытки остались попытками, начало осталось безъ конца, не успѣвши расцвѣсть, уже отцвѣло...». Онъ съ негодованіемъ говоритъ объ эпикуреизмѣ въ искусствѣ, воспѣвающемъ только наслажденіе, красоту, солнце и жизнерадостность. Онъ надѣется, что его, какъ скульптора, не будутъ подозрѣвать въ отрицаніи формы и красоты, но, говоритъ онъ,—«однѣ формы, одна красота, безъ внутренняго содержанія, для меня то же, что красивый фасадъ безъ дома. Я глубоко чту греческое искусство, любуюсь его величавостью, его совершенствомъ. Но оно-то именно и учитъ насъ понимать высокое значеніе искусства, не дѣлать ничего для ничего. Каждая греческая статуя имѣла глубокій смыслъ и глубокое содержаніе—содержаніе бога, въ котораго вѣрили и котораго любили всей душой. Но это были греческіе боги, греческіе идеалы, а не наши. Мы же должны любить свои идеалы, какъ греки любили свои, быть совершенными, какъ были они, и дѣлать такъ, какъ они дѣлали, но не то, что они

дѣлали». Чуткость къ нравственнымъ основамъ нашей жизни такъ велика въ Антокольскомъ, что только ими, этими основами, онъ и обусловливаетъ безсмертіе искусства. «Посредствомъ искусства мы выражаемъ свои чувства любви, горести и радости, подъ звуки музыки мы смѣлѣе идемъ къ побѣдѣ, подъ тѣ же звуки оплакиваемъ падшихъ героевъ. Искусство украшаетъ храмы, оно учитъ насъ лучше молиться, сильнѣе любить Бога и чувствовать чувства другихъ. Искусство это—выразитель и толкователь человѣческой души, посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Искусство говоритъ яснѣе, конкретнѣе, красивѣе то, что каждый хотѣлъ бы сказать, но не можетъ. Искусство подобно путевой звѣздѣ, освѣщающей путь тѣмъ, кто стремится впередъ, къ свѣту, хочетъ быть лучше, совершеннѣе. Таковъ истинный смыслъ искусства, таковъ былъ онъ у древнихъ грековъ и въ средніе вѣка. Увы, не такъ мы видимъ его теперь. Тогда искусство вытекало изъ внутренней потребности, а теперь изъ избытка».

Это святое назначеніе искусства и его современное паденіе Антокольскій поясняетъ кратко тѣмъ, что «если нѣтъ идеала въ жизни, то откуда же быть ему въ искусствѣ? Искусство можетъ дать только лучше того, что есть, но не можетъ дать того, чего нѣтъ». Онъ горячо привѣтствуетъ трактатъ Л. Н. Толстого объ искусствѣ, замѣчая, что такъ должны отнестись къ Толстому всѣ тѣ, «кто любитъ искусство, какъ человѣка»... Дѣйствительно, если мы знаемъ, что нужно дорогому намъ человѣку, то мы знаемъ и цѣли, которымъ служитъ искусство. «Мое внутреннее «я»,—говоритъ Антокольскій,—хочетъ видѣть въ искусствѣ всего человѣка, какъ Богъ его создалъ, со всѣми фибрами его души». Онъ хочетъ не только глазами упиваться произведеніями искусства, но чтобы они вызывали въ немъ благородныя чувства и великія мысли. «Мы, старые художники, воспитанные на русской почвѣ, русскомъ духѣ, смотримъ на задачу искусства, какъ на активную, а не пассивную; чтобы оно насъ будило, а не усыпляло; мы хотимъ отъ него всего того, что оно можетъ и должно дать; мы хотимъ видѣть въ искусствѣ былины, сказки, эпосъ, драму, исторію прошлаго и событій настоящаго; мы хотимъ, чтобы наши собратья творили не одними руками и глазами, но и мыслью, воображеніемъ. Можетъ быть, у насъ еще нѣтъ совершенства техники, вкуса, для достиженія нашихъ желаній, и именно потому-то эти формы, техника, вкусъ такъ поражаютъ насъ у другихъ. Скажу больше: мы завидуемъ имъ; но мѣнять содержаніе на формы мыслимо ли это? Когда-то искусство было выразителемъ божественнаго идеала, — теперь каковъ нашъ идеалъ? Когда-то искусство въ самомъ дѣлѣ было посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ, а теперь купецъ сталъ посредникомъ между покупателемъ и художникомъ. Когда-то искусство украшало храмы,—теперь украшаетъ главнымъ образомъ

богатые дома. Когда-то художники творили святыхъ или идеалы, любимые народомъ, — теперь творятъ портреты самодовольныхъ хозяевъ».

Мысли Антокольскаго въ минуту разочарованія русскимъ искусствомъ о томъ, что послѣднее плохо служитъ высшимъ интересамъ человѣка, не воплощаетъ «идеалы, любимые народомъ», и походитъ исключительно внѣшнимъ совершенствомъ на «землю безъ росы»,— особенно знаменательны при сопоставленіи со взглядами на искусство не менѣе знаменитаго художника И. Е. Рѣпина, высказанными имъ въ тѣ же минуты разочарованія русскимъ искусствомъ. Въ воспоминаніяхъ о Н. Н. Ге Рѣпинъ жалуется на тиранію литературы надъ художниками.

«У насъ, по его словамъ, художникъ не смѣетъ (?!) быть самимъ собою, не смѣетъ углубляться въ тайники искусства; не смѣетъ совершенствоваться до идеальной высоты пониманія формъ и гармоніи природы. Его, еще не окрѣпшаго, уже толкаютъ на дѣятельность публициста; его признаютъ только иллюстраторомъ либеральныхъ идей. Отъ него требуютъ литературы».

Совершенно произвольно полагая, что литераторы отвергаютъ «предварительные этюды, разработку композицій, работы съ моделей», Рѣпинъ выражаетъ свои собственные взгляды на искусство въ слѣдующихъ словахъ:

«А искусство, само по себѣ будучи даже совсѣмъ безсодержательнымъ, помимо всякаго вліянія, личнаго впечатлѣнія, общественнаго значенія, въ лучшихъ образцахъ представляетъ необыкновенное явленіе, рѣдкость, диковину. У насъ же царитъ еще литература въ живописи... У насъ еще немыслимы такіе художники, какъ Мейсонье, Фортуни, художники жизни и формы,—самихъ по себѣ, — работавшіе всю жизнь въ чистѣйшей сферѣ искусства для искусства. Но равнодѣйствующая всей жизни идетъ своимъ путемъ и цѣнитъ дороже всего (?) эти безполезныя совершенства. Всѣ замѣчательные музеи Европы, въ самыхъ лучшихъ образцахъ, представляютъ только эти безъидейныя драгоцѣнности, и хранятъ ихъ, какъ перлы, бриллiанты и пр. драгоцѣнные каменья, вставленные въ золотые, тончайшей работы, сосуды, короны, вазы и прочія ненужныя рѣдкости. «Венера Милосская» (статуя побѣды) что̀ представляетъ намъ, кромѣ чисто пластической высоты? Торсъ Тезея изъ фронтона Пареенонскаго храма; двѣ задрапированныя женскія фигуры оттуда же; голова лошади; бронзовый Силенъ изъ Помпеи (въ Неаполитанскомъ музеѣ), взмахнувшій змѣей; Венера Капитолійская; недоконченный согнувшійся мальчикъ Микель-Анджело (въ нашемъ Эрмитажѣ)? Все это только пластическія созданія. Картины Мурильо, Поля Веронеза, Тиціана, картины, портреты, этюды и гравюры Рембрандта, Веласкеца, Фортуни—всѣ имѣютъ значеніе только, какъ

искусство для искусства, и представляютъ высочайшіе образцы живописи».

Нужно ли говорить, насколько взгляды Антокольскаго на искусство глубже Рѣпинскихъ, и какъ означенный нравственный переломъ въ художественномъ міросозерцаніи Рѣпина противорѣчитъ его собственной дѣятельности, всего менѣе преслѣдовавшей эстетическія цѣли въ сферѣ «безполезныхъ совершенствъ»? Антокольскій смотрѣлъ на художниковъ, какъ на «носителей нравственныхъ принциповъ». Онъ говоритъ о нихъ: «мы воспѣваемъ природу, душевные идеалы; мы, художники,—толкователи между Богомъ и человѣкомъ, мы заставляемъ людей умиляться, плакать и радоваться, мы же будимъ въ нихъ и лучшее чувство, чувство добра»...

Но, имѣя широкіе горизонты на искусство, Антокольскій понималъ, что не каждый человѣкъ, даже со вкусомъ, годенъ для служенія идейному искусству. Въ этомъ случаѣ, онъ предпочиталъ бы видѣть его скорѣе прекраснымъ ремесленникомъ, чѣмъ дурнымъ художникомъ. Онъ пишетъ изъ Сорренто Стасову въ 1875 году: «Я думаю, что хорошо было бы сдѣлать попытку — сгруппировать еврейскихъ художниковъ для того, чтобы имъ развивать свою самостоятельность. Главное, хотѣлось мнѣ, обратить вниманіе на развитіе у евреевъ индустріальныхъ издѣлій, которыя имѣютъ очень тѣсную связь съ искусствомъ, а главное, свою самостоятельную силу». По прошествіи семи лѣтъ, онъ вновь напоминаетъ Стасову о своемъ намѣреніи создать въ Парижѣ для евреевъ, вмѣсто художественныхъ школъ, художественныя мастерскія, чтобы «внести художество въ ремесло». Онъ пишетъ: «Уставъ уже готовъ, и есть очень много сочувствующихъ этому среди самихъ ремесленниковъ, желающихъ усовершенствоваться. Но я желалъ бы, чтобы сами евреи, даже зажиточные, сознавали всю важность художественнаго ремесла—это можетъ имъ дать вездѣ обезпеченіе въ жизни, сократить разорительность въ случаѣ преслѣдованія и, наконецъ, дать имъ возможность примѣнять свои интеллектуальныя способности къ болѣе раціональному дѣлу. Я даже думаю, что это одно изъ главныхъ условій, которыя могутъ современемъ разрѣшить еврейскій вопросъ. Я говорю про свободный частный интеллектуальный трудъ. А кто не хочетъ быть самостоятельнымъ, тотъ долженъ быть рабомъ».

Мысль о художественной промышленности невольно возникаетъ при видѣ массы неудачниковъ въ области художественнаго творчества. Къ истинному творчеству, возвышающему и судящему человѣчество, Антокольскій относился крайне добросовѣстно и требовательно. Въ горельефѣ о «Нападеніи инквизиціи» онъ четыре раза мѣнялъ композицію работы. Создавая «Петра», онъ писалъ: «Я потерпѣлъ неудачу. Представьте себѣ: голова уже давнымъ

давно была готова, но захотѣлось мнѣ еще что-то прибавить, ударилъ и сдѣлалъ худо; хотѣлось поправить, но сдѣлалъ еще хуже, а потомъ и того хуже и хуже. Дошло до того, что два раза я сдѣлалъ совершенно новую голову, и наконецъ такъ заработался, что уже ничего не видѣлъ, что работаю. Принужденъ былъ бросить работу и поѣхать освѣжиться. Теперь опять все на мѣстѣ, но мѣсяцъ пропалъ, такъ ни за что. Всѣ хвалятъ его, всѣмъ онъ нравится, только не мнѣ». Та же добросовѣстность проявлена художникомъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ. Онъ писалъ изъ Парижа: «Когда я работалъ эскизъ «Пушкина», то съ формовкой имѣлъ столько хлопотъ и столько испортилъ себѣ крови, что думалъ— не выдержу. Кончилось тѣмъ, что пришлось выписывать форматора изъ Петербурга, а этотъ былъ не лучше. Вы скажете: почему же другіе благополучно обходятся? Да, другіе благополучно обходятся, и совершенно удовлетворяются такой убійственной отливкой, какъ у Шопена и Соколова. А меня, представьте себѣ, и въ Парижѣ не удовлетворяетъ бронзовая отливка, хотя, конечно, она въ сто тысячъ разъ лучше, чѣмъ у насъ».

Жалуясь на множество неудачъ, Антокольскій, конечно, знавалъ и счастливыя минуты въ своей жизни. О «праздникѣ» и на своей улицѣ онъ писалъ изъ Парижа, за полгода до своей смерти, слѣдующее: «Мой успѣхъ растетъ, зависть противниковъ тоже; они дѣлаютъ все, что возможно, чтобы тормозить мой успѣхъ, но не въ силахъ остановить его. Я въ третій разъ вынужденъ продлить выставку, несмотря на то, что время до и послѣ Новаго года крайне неудобно, что я живу очень далеко отъ центра, что меня здѣсь почти не знаютъ, что теперь здѣсь немало больныхъ; наконецъ, что я открылъ выставку безъ рекламъ, а главное—среди явныхъ враговъ и мнимыхъ друзей. Несмотря на все это, я имѣю здѣсь успѣхъ не меньшій, если не большій, чѣмъ когда-то съ «Иваномъ Грознымъ» въ Петербургѣ. Не забудьте при этомъ, что я—скульпторъ. Скульптура не въ модѣ, ею мало интересуются, на выставкахъ въ скульптурномъ отдѣленіи почти всегда пусто; критики говорятъ о ней бѣгло; словомъ, все было противъ меня, но со мною былъ Богъ и мои произведенія. Прошлой весной мои противники торжествовали—имъ удалось вытолкать меня за дверь, выпачкать въ лужѣ чернильной грязи и выставить меня у позорнаго столба. И стали смотрѣть на меня—кто съ презрѣніемъ, кто съ сожалѣніемъ; мои противники торжествовали, а мои друзья молчали. И вдругъ—дерзость какая! я рѣшаюсь показать публикѣ мое творчество, моихъ уродовъ, которые были забракованы жюри. И гдѣ, когда, какимъ образомъ? Всѣ были увѣрены, что потерплю фіаско. Вотъ маленькая иллюстрація: я послалъ въ нашъ русскій клубъ 20 пригласительныхъ билетовъ; и когда ихъ предложили членамъ, то тѣ спрашивали съ сарказмомъ: «даромъ?» Другіе от-

вѣтили: «даромъ».— «Много можно получить?»—«Сколько угодно». Официальный міръ и вся русская колонія отнеслись ко мнѣ не лучше. Помню, когда Айвазовскій сдѣлалъ здѣсь выставку, вся русская колонія, съ посломъ во главѣ, всѣ были въ первый день; на завтра же, въ томъ же полномъ составѣ, привели президента республики и, несмотря на всѣ эти рекламы и на русскихъ репортеровъ, все это кончилось пуфомъ. Ко мнѣ же вначалѣ русскіе почти не приходили (конечно, я говорю о знати). Эти послѣдніе приходили, какъ официальный міръ, художники тоже, но успѣхъ мой росъ. Главное, меня трогало то, что нѣкоторые приходили разъ, потомъ второй разъ, и очень многіе по нѣскольку разъ. Наконецъ, и президентъ республики удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, и я не могу сказать, чтобы я злоупотреблялъ его посѣщеніемъ, какъ рекламой, потому что я назначилъ закрыть выставку въ воскресенье, а онъ посѣтилъ выставку назавтра — въ понедѣльникъ. Странно, однако, то, что до сихъ поръ въ русскихъ газетахъ о моей выставкѣ ни слова, несмотря на то, что здѣсь всѣ газеты говорили и говорятъ еще о ней. Мало ли, много ли, но всегда хорошо. Постараюсь завтра или послѣзавтра послать вамъ вырѣзки изъ газетъ».

IV.

Извѣстность Антокольскаго не ограничивается однимъ ваяніемъ. Онъ проявилъ недюжинныя способности и въ своихъ публицистическихъ работахъ. Его первая статья объ искусствѣ написана имъ еще въ академіи по Прудону и заслужила похвалу даже Крамского. Стасовъ убѣжденъ, что у Антокольскаго было столько же таланта къ писательству, какъ и къ скульптурѣ. Онъ писалъ,— говоритъ Стасовъ,—правда, со множествомъ ошибокъ противъ русскаго языка и грамматики, точно такъ же, какъ говорилъ по-русски со множествомъ ошибокъ, но и рѣчь его, и писаніе были въ высшей степени талантливы, оригинальны, живописны и сильны. Письма и статьи Антокольскаго принадлежатъ къ числу значительнѣйшихъ представителей художественной критической литературы, не только русской, но и всей европейской. Немногія произведенія этого рода могутъ съ ними равняться по силѣ и глубинѣ критическаго взгляда, по мѣткости, художественности, мастерству и сжатости выраженія. Дѣйствительно, достаточно, напримѣръ, указать на его письма объ Іоаннѣ Грозномъ, Петрѣ Великомъ или Л. Н. Толстомъ, чтобы признать въ немъ писательское дарованіе. Антокольскій, между прочимъ, замѣчаетъ: «А знаете, что я думалъ, когда работалъ «Петра»? Что онъ не будетъ нравиться русской публикѣ. А почему? Потому, что онъ носитъ на себѣ отпечатокъ личности положительной, а не отрицаетльной. Замѣтьте, что мы (да вообще XIX столѣтіе) любимъ болѣе въ творчествѣ отрицательныя стороны: ни въ поэзіи, ни въ

живописи, ни въ музыкѣ нельзя встрѣтить положительнаго типа (я говорю о русскомъ искусствѣ). Я не обвиняю въ этомъ никого потому, что извѣстно, что искусство есть не болѣе, не менѣе, какъ выраженіе народа. Я очень удивляюсь и часто думалъ, отчего русскіе любятъ больше «Ивана Грознаго», чѣмъ «Петра», который совершенно противоположенъ Ивану? Мнѣ именно хотѣлось создать изъ этихъ двухъ фигуръ свѣтлую и темную стороны жизни въ русской исторіи. Но я пришелъ къ печальному выводу, и выводъ этотъ съ каждымъ днемъ во мнѣ укрѣпляется: не любятъ «Петра», какъ не любятъ всякаго идеала, потому что въ жизни его нѣтъ. Да если бы и стремились къ нему, если бы идеалъ и находился гдѣ нибудь даже въ зародышѣ, то искусство—такая чувствительная фотографія—замѣнило бы его, литература сдѣлала бы попытку создать его, а между тѣмъ въ нашей литературѣ являются все только отрицательные критическіе герои. Русская жизнь за послѣднее время сложилась нескладно; я много разъ говорилъ, что у насъ есть сознаніе безъ сознанія, мы спали долго и проснулись быстро, и потому хотимъ наверстать время, лихорадочно торопимся, и все падаетъ у насъ изъ рукъ. Становишься нетерпѣливымъ, раздражительнымъ и подозрительнымъ, обвиняешь другихъ въ своихъ поступкахъ, все критикуешь, анализируешь, и потому ни единой капли воды не можешь проглотить безъ того, чтобы въ ней не увидѣть чудовища. Да, дядя, Русь чего-то жаждетъ, и, чтобы утолить свою жажду, глотаетъ свои собственныя слезы. Вотъ отчего Русь любитъ «Ивана Грознаго», а я нѣтъ: я люблю только тѣхъ, кто былъ мученикомъ за свѣтлыя идеи, за любовь къ человѣчеству. Вотъ почему послѣ двухъ такихъ личностей, какъ «Иванъ Грозный» и «Петръ Великій», я сталъ воспѣвать не силу, не злобу, не разрушеніе, а страданіе человѣчества. Въ этомъ я—больное дитя своего времени».

По поводу философскихъ взглядовъ Л. Н. Толстого Антокольскій пишетъ: «Какой-то благодѣтель прислалъ мнѣ книжку въ родѣ катихизиса всемірнаго братства. Онъ состоитъ изъ 253 вопросовъ и отвѣтовъ. Неужто это догматы нашего высокоуважаемаго, всѣми излюбленнаго графа Толстого? Признаться, мнѣ больно за него: онъ искреневъ, въ этомъ никто ни на минуту не сомнѣвается, но что это за насилованіе природы? Вѣдь это въ своемъ родѣ декадентство, это катехизисъ, всемірный монастырь съ монашенками только; это какой-то идеальный матеріализмъ, равняющій огонь и воду, это жизнь безъ поэзіи, это бальзамированная мумія. Нѣтъ, нѣтъ, сто разъ нѣтъ... Я хочу жить полной жизнью, всѣми фибрами, только разумной жизнью, здоровой жизнью, жизнью правдивой, а не искусственной, я хочу хохота, веселья, хочу неба, солнца и цвѣтовъ, хочу, чтобы всѣ были здоровы, счастливы и правдивы, не хочу утрировать природу ни въ правую, ни въ лѣ-

вую сторону. Пусть всѣмъ будетъ хорошо, и мнѣ тоже будетъ хорошо. Вотъ мой девизъ. Ахъ, Боже мой, какъ я глупъ, мало ли чего я хочу, да никто меня-то не хочетъ».

Въ концѣ своей жизни Антокольскій написалъ первую часть романа «Изакъ», рукопись котораго находится на храненіи въ Императорской Публичной библіотекѣ. В. В. Стасовъ замѣчаетъ, что, какъ картины историческія и этнографическія, какъ изображенія нравовъ и обычаевъ, обрядовъ и семейной жизни евреевъ, привычекъ и настроеній, характеровъ и типовъ еврейскихъ, это сочиненіе представляетъ очень важный, интересный и цѣнный матеріалъ. Для иллюстраціи блестящаго таланта публициста, мы возьмемъ у Антокольскаго нѣсколько строкъ о томъ, какъ устои искусства: правда и красота, въ дѣйствительности попраны художниками... «Пусть женщина,—пишетъ онъ,—позволитъ себѣ показать въ обществѣ носокъ своего чулка — это назовутъ неприличнымъ, но если она идетъ купаться, въ присутствіи того же общества, въ декольтэ выше колѣнъ — это считается приличнымъ; въ искусствѣ же та же женщина, изображенная совсѣмъ нагой,—оказывается солнцемъ, жизнерадостностью, то-есть красотой. И въ качествѣ красоты она изображается во всѣхъ видахъ: то въ видѣ миѳологическихъ богинь, то въ видѣ аллегорій, а то просто въ видѣ «купальщицы» и т. п., скучающихъ или валяющихся голыми на травѣ. Я спросилъ бы: развѣ миѳологическія богини—наши божества; развѣ аллегорія—не фальшивый языкъ души? Когда мы не умѣемъ говорить просто, прямо и искренно, когда мы не въ состояніи назвать вещи ихъ именемъ, когда мы не можемъ выразить ни величіе событій, ни душу великихъ людей, — мы прибѣгаемъ къ помощи аллегоріи. Наконецъ, спрашивается: не будутъ ли всѣ эти прекрасныя женщины только приличнымъ предлогомъ для неприличныхъ картинъ? Теперь нѣтъ почти ни одного монумента великаго гражданина (а ихъ теперь такъ много), гдѣ бы не была изображена рядомъ съ нимъ голая женщина... Иногда ихъ даже три и больше возлѣ одного бюста... Бѣдная женщина! чего только изъ нея не дѣлаютъ?! И опять, какое и тутъ противорѣчіе между жизнью и искусствомъ! Въ политическомъ отношеніи женщина почти ничто, въ экономическомъ—не больше, гражданскихъ правъ она не имѣетъ, трудъ ея плохо оплачивается, большинство смотритъ на нее, какъ на самку; она должна только любить, рожать и кормить, за то она въ почтеніи, передъ нею встаютъ, ей даютъ вездѣ первое мѣсто, а въ искусствѣ она служитъ предметомъ поклоненія. Она—все или вся, какъ Богъ ее создалъ... Она изображаетъ свѣтъ, правду, вакханку, генія, духа, вдохновительницу—и даже республику. И эти раздѣтыя танцовщицы, которыхъ всѣ узнаютъ, эти голыя модели съ прекраснымъ тѣломъ и глупѣйшимъ выраженіемъ ухаживаютъ за великими гражданами: кто

обнимаетъ ихъ, кто надѣваетъ на нихъ вѣнки, кто, какъ влюбленный, пишетъ на камнѣ ихъ имена, кто указываетъ имъ куда-то, а кто шепчетъ имъ на ухо что-то... И это — высшее искусство и красота, утонченнѣйшій вкусъ, мысль и чувство, которые возвышаютъ и облагораживаютъ душу?.. Да это скорѣй какой-то магометанскій рай!»... Публицистическій талантъ Антокольскаго сквозитъ не только въ изложеніи отвлеченныхъ вопросовъ, которые онъ умѣлъ всегда наглядно драматизировать, какъ и подобаетъ пылкому публицисту, но эту особенность онъ сохраняетъ даже въ бѣглыхъ замѣткахъ о повседневной жизни. Посѣтивъ, напримѣръ, Берлинъ, онъ писалъ В. В. Стасову:

«Назавтра утромъ пошли мы въ большую синагогу. Могу сказать безъ малѣйшаго патріотическаго увлеченія, что эта синагога есть единственная святыня, которую я до сихъ поръ когда либо видѣлъ. Это не готическая, полумрачная, полутаинственная катедраль, гдѣ человѣкъ чувствуетъ аскетическое стремленіе. Это опять и не итальянскій храмъ, въ которомъ чувствуешь себя совершенно подавленнымъ и ничтожнымъ, благодаря громадности размѣра, съ тяжелыми сводами, опирающимися на толстыя колонны, это наконецъ и не церковь, гдѣ стѣны обставлены разнообразными гробами и скелетами и разными картинами, изображающими мученія святыхъ. Берлинская синагога — это храмъ свободы и простора для чувства. Въ ней не ощущаешь ни давленія, ни страха, а только настроеніе свѣтлое и праздничное. Все въ ней изящно и гармонично. Поневолѣ вспомнишь слова Давида, когда онъ восклицаетъ: «Не хочу умирать, я жить хочу для того, чтобы восхвалять чудеса Творца». Не даромъ же евреи поютъ эти пѣсни только во время праздника.

«Честь и слава германскимъ евреямъ, что изъ нѣдръ ихъ вышелъ такой архитекторъ, который могъ создать подобный храмъ.

«Послѣ синагоги мы осматривали Аквaріумъ, который я люблю и уважаю до невѣроятности. Честь и тутъ нѣмцамъ, — они доказываютъ, что гдѣ сознаніе, тамъ и все, что только можетъ двинуть цивилизацію впередъ. Но одного этого мало еще, чтобы установить человѣчество,—при сознаніи должны быть налицо доброе сердце и свѣтлая душа, а этого у пруссаковъ нѣтъ. Берлинъ—это продуктъ коммерціи и порока.

«Въ тотъ же день я осматривалъ художественный музей. Что мнѣ въ немъ нравится, это то, что онъ созданъ не для того, чтобы хранить разные отличные обломки разныхъ временъ. Музей созданъ для нагляднаго пониманія исторіи искусства. И онъ носитъ научный характеръ. Музей наполненъ слѣпками со всего, что только есть замѣчательнаго въ древнемъ искусствѣ. Все это разставлено по періодамъ, по школамъ и по вѣкамъ».

Нужно ли говорить, что такое простое воспріятіе путешественника и пересказъ имъ всего замѣчательнаго на новыхъ мѣстахъ

могли бы стать въ любомъ журналѣ и газетѣ блестящими и полезными корреспонденціями, освѣщенными дарованіемъ автора.

Но ни высокое пониманіе искусства, ни европейская слава не обезпечивали художника отъ матеріальной нужды. Недавно въ газетахъ было сообщено о томъ, что скульпторъ И. Я. Гинцбургъ занятъ въ настоящее время изготовленіемъ модели надгробнаго памятника Антокольскому, и что друзья послѣдняго для изысканія на постановку средствъ должны будутъ прибѣгнуть либо къ благотворительному вечеру, либо къ добровольной подпискѣ. Это сообщеніе можетъ вызвать недоумѣніе въ тѣхъ лицахъ, которыя предполагаютъ, что Антокольскій былъ столь же знаменитымъ скульпторомъ, сколько и богатымъ человѣкомъ. Однако, изъ книги В. В. Стасова объ Антокольскомъ мы узнаемъ, что художникъ часто страдалъ отсутствіемъ платныхъ заказовъ и работъ, и что его финансовое положеніе всегда было шаткимъ. Незадолго до смерти онъ писалъ Стасову: «Очень благодаренъ вамъ за замѣтку про мою продажу. Сегодня третій день. Завтра я узнаю окончательно результаты, но все равно. Благодарю васъ также за утѣшеніе, что съ Тургеневымъ случилось то же самое [1]). Я хорошо помню его продажу, особенно первую. На другой день утромъ, то-есть послѣ продажи, я зашелъ къ нему, онъ еще лежалъ на своей кушеткѣ, обтянутой зеленымъ репсомъ (ужасный вкусъ!). «Вотъ, батенька, Ватерлоо!» — сказалъ онъ мнѣ. Дѣйствительно, картины его продавались очень плохо. Не потерплю ли я то же самое? Хотя говорятъ, что на мою продажу пріѣхали люди нарочно изъ Лондона, Мюнхена, Кельна и проч. Я хлопоталъ о томъ, чтобы лучшія вещи были куплены пріѣзжими изъ Россіи (на аукціонѣ), но напрасно, отказались, точно я просилъ милости или одолженія».

Вообще закулисная жизнь М. М. Антокольскаго была исполнена страданій и нужды гораздо больше, чѣмъ это можно было думать при громкой славѣ его художественной дѣятельности.

А. Фаресовъ.

[1]) Тургеневъ принужденъ былъ подъ конецъ жизни продавать съ аукціона всѣ свои художественныя коллекціи.

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ.

(Путевые наброски) [1].

IV.

ИМЯ Алупки навѣки, всецѣло и неразрывно связано съ именемъ ея творца, князя Михаила Семеновича Воронцова.

Назначенный въ маѣ 1823 года новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, князь проявилъ такую неутомимую и плодотворную дѣятельность, что по праву можетъ быть названъ благодѣтелемъ ввѣреннаго ему края и въ особенности Крымскаго полуострова.

Здѣсь главное вниманіе просвѣщеннаго Михаила Семеновича привлекъ на себя необработанный, дикій, пустынный въ то время Южный берегъ. Князь оцѣнилъ рѣдкія климатическія условія этой узкой приморской полосы, предугадалъ значеніе, которое она можетъ имѣть въ будущемъ, и устремилъ на нее всѣ силы своей власти, знанія и административнаго таланта.

Устройствомъ прекраснаго шоссе онъ соединилъ эту отрѣзанную самою природою мѣстность съ остальнымъ міромъ и удобствомъ сообщенія привлекъ сюда поселенцевъ изъ Россіи. Онъ же содѣйствовалъ подъему и развитію крымскаго виноградарства, выписавъ лозы всѣхъ сортовъ съ береговъ Рейна, изъ Франціи, изъ Испаніи и пригласивъ для разведенія ихъ опытныхъ ино-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CII, стр. 654.

странныхъ винодѣловъ. Все это стоило громадныхъ затратъ, но князь не скупился на деньги. Несмотря на недовѣріе большинства, онъ съ рѣдкою энергіей проводилъ задуманныя предпріятія, и результаты ихъ теперь у всѣхъ на виду. Стремясь къ улучшенію породъ мѣстныхъ овецъ, онъ выписывалъ овецъ и барановъ изъ Испаніи и Саксоніи, устраивалъ шерстяныя мойки, приглашалъ сортировщиковъ шерсти. Стада мериносовъ развелись не только въ Крыму, но и во всей Новороссіи, гдѣ цѣна на землю съ тридцати копеекъ за десятину повысилась до десяти и болѣе рублей. Поощряя всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами усиленіе хлѣбопашества и разведеніе всевозможныхъ, полезныхъ для торговли и промышленности растеній, онъ учредилъ въ Одессѣ общество сельскаго хозяйства для обмѣна мыслей и распространенія полезныхъ свѣдѣній, устроилъ выставки скота и сельско-хозяйственныхъ орудій, основалъ опытную ферму, ботаническій садъ, питомники тутовыхъ и другихъ полезныхъ деревьевъ. Не довольствуясь сухопутными сообщеніями, онъ учредилъ коммерческое пароходство по Черному морю, и въ 1828 году пароходъ «Одесса» сталъ совершать правильные рейсы между Одессою и возникавшею въ то время Ялтою.

Осматривая Крымъ, Михаилъ Семеновичъ еще при первомъ своемъ посѣщеніи былъ очарованъ красотою и хаотическимъ величіемъ мѣстности, окружавшей сакли татарской деревеньки Алупки, и рѣшилъ устроить здѣсь свою крымскую резиденцію. Заваленныя скалами и глыбами камня, похожія на дно погасшаго кратера, земли, казавшіяся непригодными ни къ чему, были скуплены княземъ, и вскорѣ на нихъ закипѣло лихорадочное оживленіе. Мастера, садовники, ботаники, архитекторы, выписанные изъ Англіи, Франціи, Германіи и масса рабочихъ, оплачиваемые щедрою княжескою рукою, принялись энергично за работу. Въ короткое время мѣстность была расчищена и распланирована съ большимъ вкусомъ. Среди хаоса каменныхъ глыбъ и утесовъ проложены широкія дорожки, разведены роскошные парки, проведена съ горъ вода, заструившаяся каскадами по хребтамъ поверженныхъ каменныхъ исполиновъ, почва, благодаря обработкѣ, была улучшена настолько, что на ней и до нашихъ дней произрастаютъ самыя рѣдкія, самыя нѣжныя деревья и растенія.

Самъ князь вначалѣ помѣщался съ семьею въ сравнительно небольшомъ каменномъ зданіи съ башнею, носящемъ теперь названіе стараго дворца, но въ это время ближе къ морскому берегу возводилась, по проекту англичанина Блора, новая грандіозная постройка, вполнѣ достойная своего будущаго обитателя. Этотъ новый дворецъ, построенный въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, и донынѣ представляетъ собою едва ли не самое замѣчательное зданіе всего Южнаго берега.

Съ него мы и начали осмотръ.

Дворецъ со стороны моря окруженъ роскошнымъ цвѣтникомъ изъ розъ и другихъ цвѣтущихъ растеній. Въ цвѣтникѣ бьютъ фонтаны, и одинъ изъ нихъ является копіей съ Бахчисарайскаго фонтана Слезъ, но только здѣсь онъ устроенъ на видномъ мѣстѣ и производитъ совершенно иное впечатлѣніе.

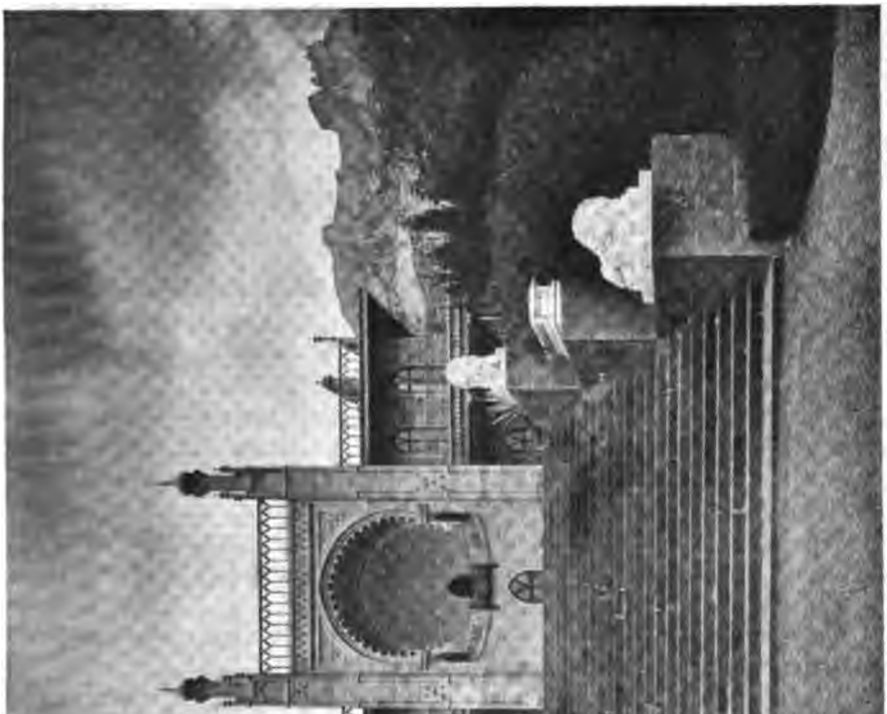
Отъ цвѣтника, по направленію къ морю, спускается широкая каменная лѣстница, украшенная четырьмя мраморными фигурами львовъ. Всѣхъ львовъ здѣсь шесть, но два изъ нихъ помѣщены предъ входомъ во дворецъ. Когда вы начинаете подниматься по лѣстницѣ, васъ встрѣчаетъ первая пара царственныхъ стражей замка; но львы еще мирно спятъ и какъ бы не замѣчаютъ вашего появленія. При дальнѣйшемъ подъемѣ слѣдующая пара уже просыпается и поднимается на переднія лапы. Наконецъ при входѣ въ самое жилище васъ, во всеоружіи силы и бодрости, встрѣчаютъ два послѣдніе льва, положивъ лапы на лежащіе передъ ними шары, которые, повидимому, служатъ имъ забавою. Эти послѣдніе львы очень похожи на своихъ петербургскихъ родичей, помѣщенныхъ передъ зданіемъ военнаго министерства.

Наибольшею популярностью среди публики пользуется лѣвый спящій левъ. Передъ нимъ постоянно можно встрѣтить нѣсколько человѣкъ зрителей-туристовъ, такъ какъ этотъ левъ играетъ въ Алупкѣ такую же роль, какую въ Римѣ папа. Его изображенія красуются въ окнахъ магазиновъ въ видѣ фотографій разнаго формата, стереоскопическихъ картинокъ, открытыхъ писемъ и прочее. Сложилось даже преданіе, будто бы американцы давали за него пятьдесятъ тысячъ рублей. Что касается меня, то я, пожалуй, уступилъ бы его американцамъ.

Главную красу дворца составляетъ его грандіозный и въ то же время замѣчательно изящный входъ изъ сада, въ видѣ мавританской ниши, скопированной, по слухамъ, съ Альгамбры.

Дворецъ облицованъ мѣстнымъ сѣрымъ зеленоватымъ гранитомъ и производитъ впечатлѣніе монолита, до того гладко и ровно пригнаны другъ къ другу отдѣльные камни.

Но что еще болѣе увеличиваетъ художественную цѣнность постройки и дѣлаетъ большую честь ея архитектору, это два совершенно различные характера, которые онъ сумѣлъ придать двумъ главнымъ фасадамъ. Насколько нѣжно и граціозно разыгранъ входъ со стороны благоухающаго цвѣтника и ласкающаго своею синевою моря, настолько же серьезна и строга сторона дворца, обращенная къ отвѣснымъ обрывамъ Яйлы. Входя съ этой стороны на внутренній дворъ замка, вы какъ бы вступаете въ ограду средневѣковой рыцарской твердыни, и только роскошная зелень окружающаго парка нѣсколько смягчаетъ это серьезное, почти суровое впечатлѣніе.



Алупка. Львиная терраса.

Мы подошли къ массивной дубовой двери съ готическою стрѣльчатою аркой. Близъ нея, какъ въ настоящемъ средневѣковомъ замкѣ, былъ врытъ въ землю камень кубической формы, служившій прекраснымъ обитательницамъ возвышеніемъ, съ котораго онѣ садились въ сѣдло.

Дверь отворилась, и насъ встрѣтилъ приземистый, широкоплечій татаринъ съ черною бородою и черными выразительными глазами.

— Угодно посмотрѣть дворецъ?—спросилъ онъ.

— Да, если можно.

— Пожалуйте.

Онъ посторонился, давая намъ дорогу. Мы очутились въ большой высокой комнатѣ темно краснаго цвѣта, съ двумя массивными каминами и нѣсколькими очень хорошими портретами по стѣнамъ.

— Это прихожая,—сообщилъ нашъ путеводитель.—Отсюда по этому коридорчику можно пройти прямо въ садъ, въ Альгамбру. На стѣнахъ портреты фельдмаршала Ласси и родни князя Михаила Семеновича: надъ каминомъ, противъ Ласси, графъ Браницкій, отецъ супруги князя, а на стѣнѣ противъ входа—ея братъ, молодой Браницкій, и жена его Софія, урожденная графиня Потоцкая.

Особенно хороша была послѣдняя, въ бѣломъ платьѣ, изображенная полуоборотомъ отъ зрителя.

Мы прошли въ коридорчикъ, ведущій къ выходу въ цвѣтникъ. Здѣсь на стѣнахъ, другъ противъ друга, висятъ два большихъ тканыхъ портрета персидскаго шаха, подаренные имъ Воронцову. Шахъ—стройный мужчина, съ большою черною ассирійскаго типа бородою, изображенъ въ красномъ костюмѣ и высокой барашковой шапкѣ на головѣ; на одномъ изъ портретовъ въ ткань укрѣпленъ циферблатъ карманныхъ часовъ, который шахъ держитъ въ рукѣ, на другомъ—въ рукахъ его жемчужныя четки, но уже тканыя. Оба портрета сильно обветшали.

Путеводитель нашъ Аби-Була служитъ при дворцѣ уже тридцать лѣтъ, послѣ своего отца, который служилъ Воронцовымъ въ продолженіе сорока шести лѣтъ,—и отлично знаетъ исторію каждаго уголка княжескаго помѣщенія.

Изъ прихожей онъ провелъ насъ въ «голубую гостиную», примыкающую къ Альгамбрѣ справа.

Изъ ея оконъ открывается прекрасный видъ на море. Стѣны ея по голубому фону отдѣланы бѣлыми лѣпными цвѣтами. Здѣсь находится поясной портретъ сидящаго въ креслѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, а между окнами—бронзовый бюстъ самого Михаила Семеновича съ правильными чертами лица и удивительно тонкимъ, изящнымъ носомъ. Бюстъ выполненъ, вѣроятно, еще въ молодые годы князя.

Алупка. Ниша Альгамбра во дворцѣ князя Воронцова.

Аби-Була открылъ дверь въ другую, меньшую половину гостиной, выходящую окнами на внутренній дворъ, и разсказалъ, что, когда у Воронцовыхъ устраивались спектакли, эта половина служила сценой,—большая гостиная обращалась въ зрительный залъ.

Въ малой гостиной висятъ копіи съ извѣстныхъ портретовъ Николая I въ молодости и Александра I, поясной. Здѣсь же я замѣтилъ очень хорошій столъ изъ какого-то желтаго дерева съ большою мозаичною доскою, на которой были изображены цвѣты, раскинутые по темному фону.

Я похвалилъ столъ.

— То ли тутъ было!—воскликнулъ Аби-Була.—Теперь у насъ во дворцѣ остались однѣ голыя стѣны. Вдова Семена Михайловича (сына Михаила Семеновича) увезла отсюда движимости на три милліона рублей. Два парохода было нагружено вещами, одна другой дороже. Все въ Италію отправлено.

— Развѣ она была итальянка?

— Нѣтъ, русская—урожденная княжна Трубецкая. Ей предлагали уплатить деньгами, но она не согласилась. Дошло дѣло до суда. Судились шесть лѣтъ, и все-таки ничего не могли сдѣлать.

Изъ голубой гостиной черезъ зимній садъ онъ провелъ насъ въ столовую, убранную по свѣтло-зеленому фону деревянною рѣзьбою въ готическомъ стилѣ. Посрединѣ стѣны, противоположной окнамъ, былъ устроенъ фонтанъ, а по сторонамъ его два большихъ камина. Балкончикъ, выступающій изъ стѣны надъ фонтаномъ, служилъ хорами для музыкантовъ, во время парадныхъ обѣдовъ. Надъ каминами и на боковыхъ стѣнахъ помѣщены большія потемнѣвшія пейзажныя картины итальянской работы.

— Вотъ видите,—указалъ я на нихъ Аби-Булѣ:—кое-что еще уцѣлѣло.

— И онѣ ужъ были сняты со стѣнъ,—замѣтилъ онъ:—да только удалось ихъ какъ-то отстоять.

На рѣзномъ готическомъ буфетѣ стоялъ въ кіотѣ за стекломъ небольшой образъ Николая-чудотворца.

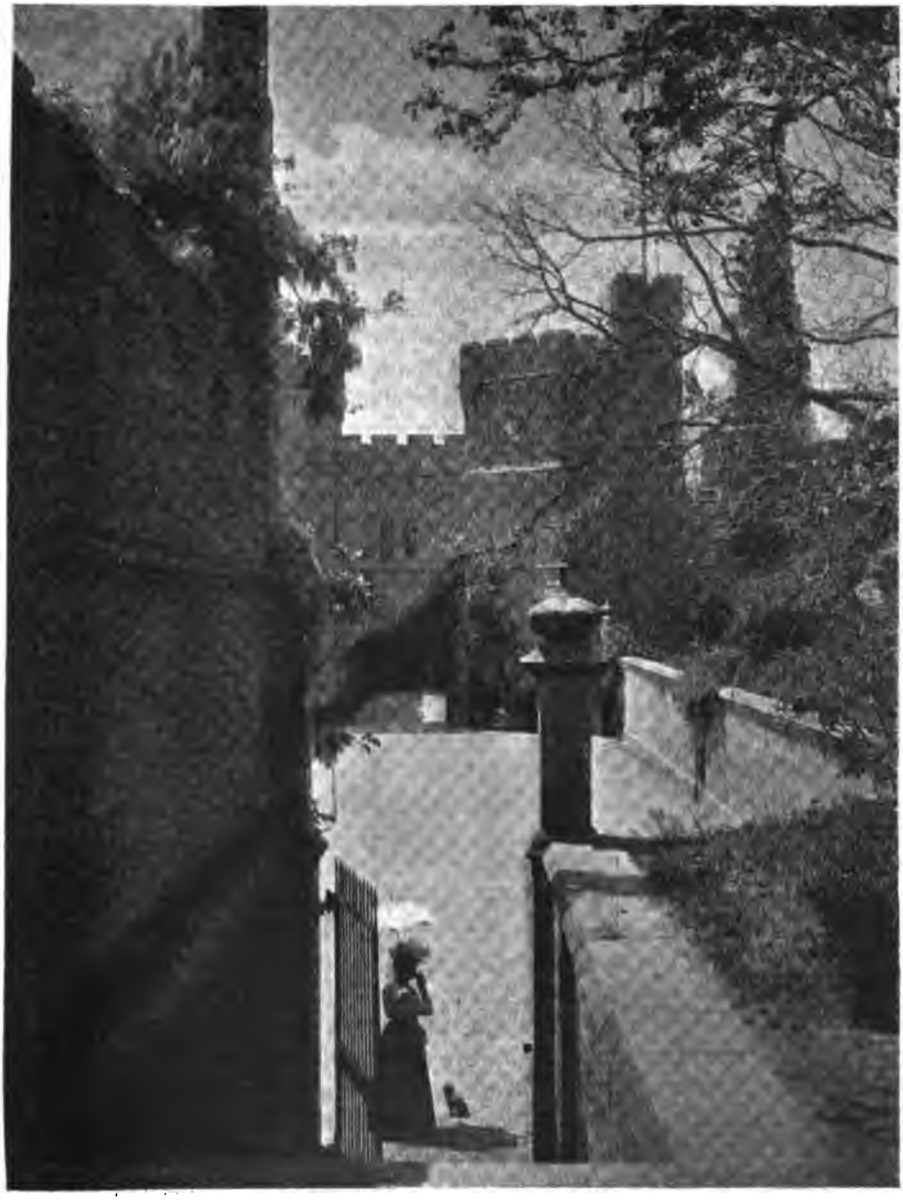
— Это осталось послѣ кончины великаго князя Николая Николаевича,—сказалъ Аби-Була.

— Развѣ онъ здѣсь скончался?

— Въ этой комнатѣ. Они жили здѣсь около семи мѣсяцевъ и занимали вотъ эту столовую и рядомъ съ ней бильярдную; тамъ была ихъ спальня. Послѣднія двѣ недѣли они ужъ никуда не выходили, и кровать была перенесена сюда въ столовую. Здѣсь и скончались.

— И вы все это хорошо помните?

— Еще бы,—вѣдь это было не далѣе, какъ въ 1891 году; у меня и память есть отъ великаго князя,—и онъ показалъ подаренные ему карманные часы съ портретомъ князя на циферблатѣ.



Алупка. Дворъ замка князя Воронцова.

Мы перешли въ бильярдную.

Она наполовину меньше столовой и украшена семейными портретами.

Здѣсь мы увидѣли, во-первыхъ, очень хорошій портретъ Михаила Семеновича, принадлежащій, повидимому, кисти англійскаго художника, затѣмъ—портреты: его дѣда—Романа Иларіоновича Воронцова, отца—Семена Романовича, бывшаго посланникомъ въ Лондонѣ, и матери, англичанки. Далѣе портреты его дяди, Александра Романовича, и тетокъ: Елизаветы Романовны и извѣстной Екатерины Романовны Дашковой. Противъ портрета Михаила Семеновича на противоположной стѣнѣ находится портретъ его супруги, Елизаветы Ксаверьевны, урожденной Браницкой, и сестры его, очень красивой женщины, бывшей замужемъ за лордомъ Пэмброкомъ, портретъ котораго также находится неподалеку. Здѣсь есть еще большой портретъ графини Браницкой, урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина. Она изображена съ тремя своими дѣтьми передъ бюстомъ дяди. Всѣхъ портретовъ въ этой комнатѣ—одиннадцать.

Объ Елизаветѣ Ксаверьевнѣ Воронцовой Аби-Була разсказалъ, что она была здѣсь, въ послѣдній разъ, лѣтъ 25 назадъ, девяностолѣтнею старушкой. Ходить она уже не могла, и ее возили по парку; скончалась въ Одессѣ.

Дверь изъ бильярдной ведетъ въ длинный коридоръ, въ который выходятъ комнаты для пріѣзжавшихъ въ Алупку гостей; такихъ комнатъ насчитываютъ шестьдесятъ пять.

Параллельно этому гостиному флигелю, выходящему въ садъ, вдоль двора тянется другой, для прислуги, заключающій въ себѣ сто тридцать комнатъ.

Въ противоположной сторонѣ дворца, налѣво отъ прихожей, находится уборная княгини Воронцовой и ея кабинетъ, составляющій pendant къ голубой гостиной.

Изъ всѣхъ комнатъ дворца въ этомъ кабинетѣ наименѣе замѣтны слѣды произведеннаго опустошенія. Стѣны, на сажень отъ пола, обнесены деревянною лакированною стѣнкой, карнизъ которой украшенъ небольшими металлическими фигурами рыцарей. Выше идутъ японскіе соломенные обои, вышитые шелками и серебромъ. На стѣнѣ, противъ оконъ,—фотографическій портретъ послѣдняго Воронцова, князя Семена Михайловича, умершаго бездѣтнымъ; выраженіе красиваго лица задумчивое, почти унылое.

Аби-Була разсказывалъ, что, получивъ отъ отца Алупку, какъ майоратное владѣніе, онъ значительно увеличилъ ее, прикупая земли отъ татаръ. Въ 1882 году онъ, уже совсѣмъ больной, пріѣхалъ въ Алупку и ни за что не хотѣлъ разставаться съ нею, но его увезли въ Одессу, гдѣ онъ черезъ полтора мѣсяца и умеръ. Съ нимъ пресѣклась прямая линія Воронцовыхъ. Теперь Алупка принадлежитъ графу Шувалову (племяннику Воронцова).

Въ углу кабинета, между окнами, выходящими въ садъ, мы замѣтили изящный позолоченный шкафчикъ. Въ немъ хранится письмо императрицы Александры Ѳеодоровны, обдѣланное въ бронзовую рамку.

Императрица вмѣстѣ съ своимъ супругомъ посѣтила Алупку лѣтомъ 1837 года и оставалась здѣсь во время поѣздки императора на Кавказъ.

Письмо оставлено ею на память при отъѣздѣ. Оно написано мелкимъ почеркомъ на четвертушкѣ листа писчей бумаги. Вотъ его содержаніе, насколько я могъ прочесть, такъ какъ чернила уже сильно выцвѣли:

«C'est avec des regrets veritables que je quitte ce charmant Aloubka[1]), que je n'oublierai jamais, ainsi que ses habitants m'ayant comblé d'attention plus qu'aimables. Reverrai je jamais cette côte cherie? Voila une question qui se présente naturellement à l'esprit quand'on quitte pour longtemps des endroits, des contrées qui se sont gravés en charactères ineffaçable pour la mémoire. Pourquoi la mer Noir est si loin de la mer Baltique?—Alexandra.—30 Septembre 1837»[2]).

Къ будуару княгини, со стороны двора, примыкаетъ общая спальня, совершенно пустая, и рядомъ съ нею уборная съ помѣщавшеюся когда-то въ нишѣ, теперь отсутствующею ванною.

За уборною тянется длинный коридоръ, занятый во всю длину сплошнымъ шкафомъ изъ 32 отдѣленій, заключавшимъ въ себѣ гардеробъ княгини.

Дверь въ концѣ коридора ведетъ въ обширную библіотеку Михаила Семеновича, помѣщающуюся въ особой пристройкѣ, воздвигнутой въ видѣ угловой башни. Прежде доступъ въ нее былъ также свободенъ для посѣтителей, какъ и въ остальныя помѣщенія дворца. Но какъ-то вздумали произвести ревизію книгамъ и не досчитались ста сорока томовъ. Въ кражѣ обвинили публику, и осмотръ библіотеки воспретили. Разсказавшій эти подробности Аби-Була прибавилъ, что библіотека заключаетъ въ себѣ, по отзывамъ знатоковъ, много рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей, но видѣть ее можно теперь лишь съ особаго разрѣшенія.

По витой лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ, гдѣ помѣ-

---

[1]) На пограничномъ столбѣ съ Мисхоромъ, временъ Воронцова, также написано: Алубка.

[2]) «Съ истиннымъ сожалѣніемъ покидаю эту очаровательную Алубку, которой не забуду никогда, равно какъ ея обитателей, оказавшихъ мнѣ болѣе нежели любезное вниманіе. Увижу ли я когда нибудь этотъ дорогой берегъ? Вотъ вопросъ, который, естественно, представляется при разставаніи съ мѣстами и странами, врѣзавшимися неизгладимыми чертами въ памяти. Отчего Черное море такъ далеко отъ Балтійскаго? Александра. 30 сентября 1837 г.».

щались гостиная, спальни князя и княгини, дѣтская и т. д. Но тамъ теперь буквально однѣ голыя стѣны.

По словамъ Аби-Булы, Воронцовы жили здѣсь только осенью, такъ какъ лѣтомъ въ комнатахъ было очень жарко отъ крыши; зиму они обыкновенно проводили въ старомъ дворцѣ. По его же словамъ, на мѣстѣ нынѣшняго дворца стояла прежде татарская мечеть, которую Михаилъ Семеновичъ перенесъ на свой счетъ на гору, въ центръ селенія.

Я потому такъ подробно остановился на осмотрѣ дворца, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ нигдѣ еще не былъ описанъ въ деталяхъ, а между тѣмъ и самъ по себѣ, и какъ жилище одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей прошлаго столѣтія, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Выйдя опять на внутренній дворъ, мы полюбовались красивымъ водоемомъ, устроеннымъ въ стѣнѣ, противъ главнаго дворцоваго входа и помѣченнымъ 1839 годомъ.

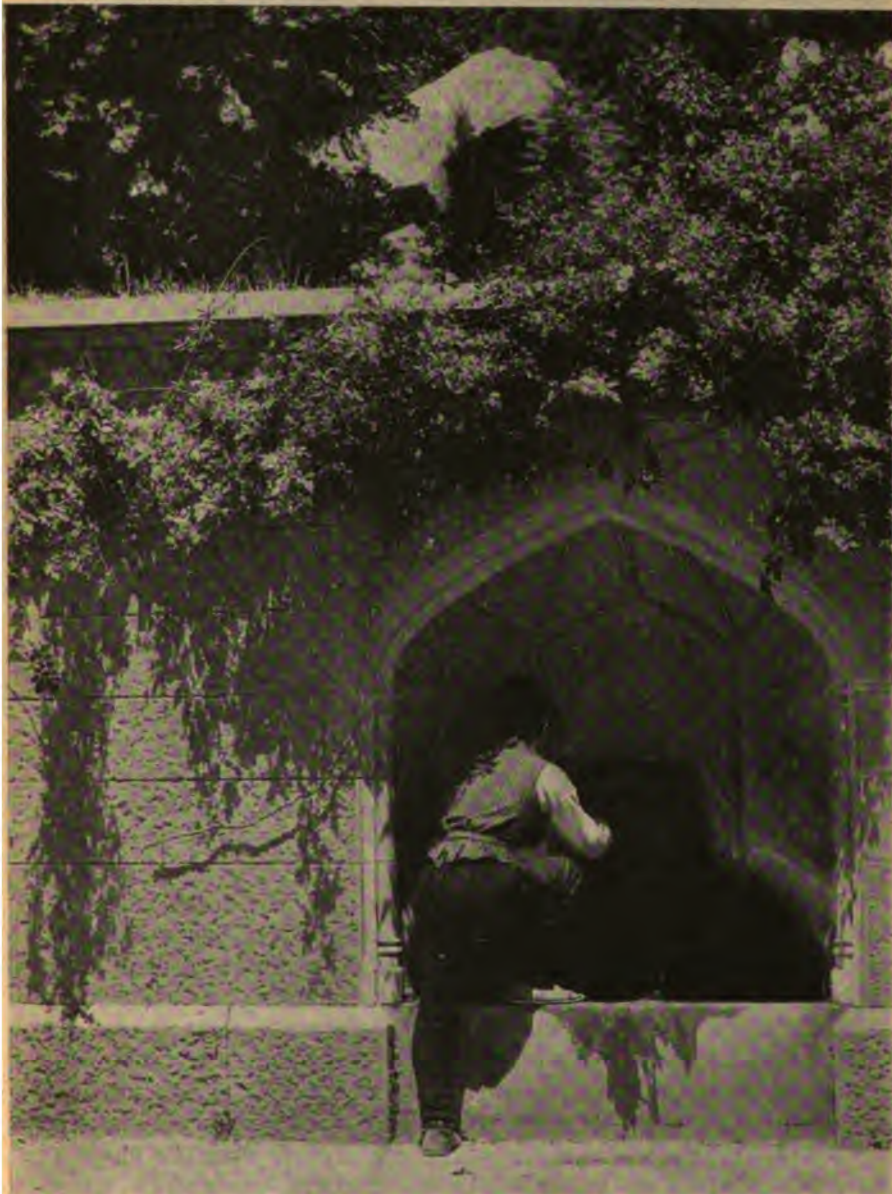
Другой водоемъ, воздвигнутый десятью годами раньше и носящій названіе «Трильби», находится за вторымъ дворомъ дворца, вокругъ котораго помѣщались княжескія конюшни, экипажные сараи и другія службы. Никто не могъ мнѣ объяснить происхожденіе названія этого второго водоема, но, судя по помѣщенному на немъ барельефу, изображающему борьбу собаки изъ породы сетеровъ съ какимъ-то звѣремъ, онъ, быть можетъ, увѣковѣчиваетъ какой нибудь подвигъ вѣрнаго пса.

При жаркомъ климатѣ и сухой, каменистой почвѣ Крыма вода составляетъ самую необходимую, насущную потребность, и каждый водоемъ является истиннымъ благодѣяніемъ для всей мѣстности. Собрать воду разсѣянныхъ горныхъ ручьевъ и провести ее въ фонтанъ или бассейнъ для общаго пользованія считается у татаръ прямо богоугоднымъ дѣломъ. Покойный Михаилъ Семеновичъ и въ этомъ отношеніи явился истиннымъ благодѣтелемъ Алупки.

V.

Огромный паркъ, со всѣхъ сторонъ окружающій дворецъ, по своей роскоши, разнообразію и красотѣ, не имѣетъ равныхъ себѣ на всемъ побережьѣ и не даромъ, какъ я уже говорилъ выше, заслужилъ названіе земного рая.

Проходящее черезъ самый внутренній дворъ дворца нижнее шоссе дѣлитъ паркъ на двѣ половины, или, точнѣе, на два самостоятельныхъ парка: Верхній—къ горамъ и Нижній—къ морю. Который изъ нихъ лучше, сказать почти невозможно, и невольно напрашивается на языкъ извѣстное дѣтское опредѣленіе, что они «оба лучше».



Алупка. Фонтанъ у дворца.

Въ Нижнемъ паркѣ особенно чаруетъ близость моря, къ которому по скатамъ сбѣгаютъ десятки дорожекъ, прихотливо извивающихся среди самой разнообразной, роскошной растительности, представляющей на каждомъ шагу все новыя и новыя группы и сочетанія. Виды на море, открывающіеся съ разныхъ точекъ въ просвѣты между зеленью, одинъ другого красивѣе. Оглядываясь назадъ, вы видите монолитную массу дворца, царящую въ высотѣ надъ паркомъ. Широкія аллеи тянутся параллельными террасами вдоль морского берега, незамѣтно переходя одна въ другую и постепенно приближая васъ къ морю.

Но вотъ вы и на берегу. Передъ вами открытое зданіе въ античномъ стилѣ съ бѣлою колоннадою. Противъ него—такъ называемый «рыбачій берегъ». Обширная внутренность этого зданія, представляющая родъ сквозного зала, совершенно пуста. Говорятъ, что при Воронцовѣ залъ этотъ игралъ роль лѣтней столовой для большихъ обѣдовъ; теперь рыбаки плетутъ и чинятъ въ немъ сѣти. Передъ зданіемъ устроена терраса, внизу которой о прибрежные камни тихо плещутся морскія волны, покачивая стоящія въ бухточкѣ рыбачьи лодки. Прислонясь къ громадной скалѣ, ютится тутъ же и рыбацкая хижинка, а неподалеку отъ нея въ огороженномъ камнями садкѣ плаваетъ пойманная рыба. У садка постоянно толпятся дѣти и взрослые, разглядывая камбалъ, медузъ и другихъ представителей черноморскаго рыбьяго племени. Словомъ, этотъ садокъ исправляетъ въ Алупкѣ должность мѣстнаго акваріума.

Правѣе «рыбачьяго берега» расположены купальни и подлѣ нихъ—пристань парового катера, раза три въ день совершающаго рейсы между Алупкою и Ялтою. Впрочемъ, рейсы эти регулярностью не отличаются, и чуть на морѣ поднимается легкій вѣтерокъ, пароходикъ благоразумно воздерживается отъ плаванія и остается дома, а собравшаяся на пристань публика расходится восвояси.

Въ противоположную сторону отъ рыбачьяго берега находится выступающая въ море «скала Айвазовскаго». На ней поставлены скамейки, и площадка ея обнесена рѣшеткою. Видъ съ этой скалы на море, и особенно на берегъ, очень живописенъ, но какое отношеніе имѣетъ она къ знаменитому маринисту, такъ и остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Я слышалъ даже, что отношенія никакого и нѣтъ, а что сосѣдняя съ нею береговая мѣстность принадлежала когда-то татарину Гайвазѣ, имя котораго передѣлали въ Айвазовскаго. Во всякомъ случаѣ точныхъ данныхъ по этому вопросу не имѣется. Скала служитъ любимымъ мѣстопребываніемъ публики и, какъ водится, покрыта массою надписей. Большинство этихъ надписей — простые автографы, но есть нѣкоторыя и автобіографическаго содержанія, напримѣръ: «Здѣсь узнала блаженство свободы Вѣра П.».

Алупка. Верхній паркъ.

Расположенная нѣсколько далѣе хаотическая груда камней, сорвавшаяся когда-то съ высотъ въ море и представляющая красивую группу, осѣненную бархатистою зеленью громадныхъ прибрежныхъ деревьевъ, названа почему-то «Фрейшюцомъ». Она, въ свою очередь, не менѣе поэтична, чѣмъ скала Айвазовскаго, но доступъ къ ней не такъ удобенъ, и вслѣдствіе этого камни ея еще сохраняютъ свою первобытную дѣвственную чистоту отъ надписей и замѣчаній. Особенно хорошо бывать здѣсь въ бурную погоду, когда волны, кипя бѣлою сверкающею пѣной, съ шумомъ разбиваются о камни и, на минуту присмирѣвъ у ихъ подножія, снова и снова, поднявъ высокую грудь, катятся въ бой противъ неподвижно стоящихъ великановъ.

За этими скалами на востокъ до самаго Мисхора тянется каменистый плажъ, носящій названіе «Татарскаго берега»,—обычное мѣсто купанья жителей и небогатыхъ посѣтителей Алупки.

По парку во всевозможныхъ направленіяхъ снуютъ съ корзинками въ рукахъ продавцы фруктовъ, винограда и татарскихъ вышивокъ и тканей.

— Вотъ шашла, мускатъ Александръ, купи, пожалуй,—слышится гортанный голосъ татарина, предлагающаго разные сорта поспѣвшаго винограда.

— Смотри вотъ персикъ, рукà диржать нильза,—обращается къ вамъ мальчикъ-татарченокъ, протягивая дѣйствительно сочащійся отъ зрѣлости персикъ.

— Барина, купи чадру,—пристаетъ къ дамѣ торговецъ:—настоящи татарски, смотри. Есть палатэнци шитіи, антычныи.

Онъ складываетъ вмѣстѣ три первыхъ пальца правой руки и цѣлуетъ ихъ въ доказательство красоты своихъ полотенецъ.

Вышивки на концахъ этихъ продолговатыхъ кусковъ полотна, называемыхъ здѣсь полотенцами, иногда дѣйствительно очень красивы, какъ по рисунку, такъ и по подбору цвѣтовъ. Они вышиваются шелками или простыми разноцвѣтными нитками съ примѣсью серебряныхъ и золотыхъ блестокъ и продаются по цѣнамъ отъ рубля и дороже. Татарскія чадры есть ручной работы и машинныя; послѣднихъ гораздо больше, хотя продавцы, надѣясь на неопытность покупателей, и увѣряютъ, что все это дорогая ручная работа.

Попадаются въ паркѣ и кавказцы въ бешметахъ съ газырями. На плечѣ каждаго изъ нихъ порядочный узелъ съ кавказскимъ сукномъ.

— Сымпатычны товаръ,—заявляютъ они, проходя мимо и указывая глазами на узелъ.

Здѣсь же бродятъ и итальянцы съ небольшими деревянными ящиками, заключающими въ себѣ разныя мозаичныя брошки, булавки, запонки, издѣлія изъ лавы и коралла. Нѣкоторые продаютъ

Алупка. Старый орѣхъ въ Верхнемъ паркѣ.

раковины, бумагу, фотографіи. Но больше встрѣчается все-таки продавцовъ винограда и мѣстныхъ фруктовъ, такъ какъ на нихъ имѣется наибольшій спросъ среди больной и здоровой публики.

Поднявшись отъ Татарскаго берега на шоссе, мы вскорѣ подходимъ къ желѣзнымъ воротамъ, ведущимъ въ Верхній паркъ (который помимо этихъ воротъ имѣетъ множество другихъ входовъ). Здѣсь главную красоту составляютъ фантастическія нагроможденія скалъ, образующія естественныя пещеры, гроты, ущелья и пропасти. Среди скалъ съ большимъ вкусомъ проложено множество дорожекъ, открывающихъ на каждомъ поворотѣ поразительныя своею красотою и неожиданностью картины. Вѣнецъ этого каменнаго царства составляетъ находящійся въ верхней части парка Хаосъ. Это цѣлая гора, низвергнувшаяся когда-то съ высотъ Ай-Петри и разбившаяся на тысячи обломковъ. Въ одномъ мѣстѣ эти раздробленныя горныя громады сплошною стѣною почти вертикально нагромождены другъ на друга и кажутся застывшими въ своемъ стремительномъ паденіи.

Высшая точка Хаоса является въ то же время и высшею точкою всего Верхняго парка.

Видъ съ нея великолѣпенъ.

Передъ вами во всю ширь развертывается необозримый просторъ водной стихіи, а у вашихъ ногъ разстилается другое море, море сплошной, роскошной зелени парка. Подобно морскимъ волнамъ, вздымаются изъ общей массы густыя вершины отдѣльныхъ деревьевъ; потомъ линія ихъ понижается, переходя въ мелкую зыбь, и затѣмъ снова взлетаетъ на прежнюю высоту, широко раскидывая во всѣ стороны зеленыя вѣтви. Передъ глазами колышатся цѣлые ряды этихъ зеленыхъ волнъ, мягко переливаясь на солнцѣ еле уловимыми оттѣнками и переходами. Воронцовскій замокъ, такъ гордо царившій надъ Нижнимъ паркомъ, теперь представляется миніатюрною игрушкою, стоящею гдѣ-то тамъ, далеко внизу, у самой воды. Въ лѣвой сторонѣ, глубоко выдаваясь въ море, тянется Мисхорская каменистая гряда; надъ нею, въ сизой дымкѣ, виднѣется далеко, далеко круглый выступъ Ай-Тодора, а кругомъ, какъ бы тая въ трепещущемъ воздухѣ, еле замѣтною полосою стелется необъятный горизонтъ моря. Небо какъ будто еще шире и вольнѣе раздвигаетъ предѣлы своего голубого купола, точно хочетъ дать еще болѣе простора окружающему васъ воздуху и свѣту, и радостно и привольно дышится груди на этой скалистой вершинѣ, предъ этою рѣдкостною по красотѣ и поэтичности картиною.

Спустившись съ Хаоса, мы вскорѣ встрѣчаемъ зеркальную гладь двухъ небольшихъ прудовъ, тѣсно охваченную густою зеленью окружающихъ ихъ вплотную деревьевъ. По берегу прудовъ вьются дорожки, и поставлены скамейки, постоянно занятыя

публикою, ютящеюся здѣсь отъ яркихъ, но знойныхъ лучей южнаго солнца. Надъ поверхностью главнаго пруда выступаетъ вершина большой каменной глыбы, украшенная фонтаномъ. Во времена Воронцова въ прудахъ водились форели и другая рыба; не знаю, быть можетъ, онѣ водятся и теперь, но мнѣ ихъ замѣчать не приходилось.

Дорожка, прихотливо проложенная, въ густой зеленой тѣни между поросшими плющемъ скалами и камнями, служащими продолженіемъ Хаоса, выводитъ на открытую площадку, посреди которой красуется одна изъ главныхъ достопримѣчательностей Верхняго парка—старый орѣхъ, поражающій своею величиною и древностью. Съ его вѣтвей, подобно громадной сѣрой змѣѣ, спускается такой же старикъ—стволъ дикаго винограда въ нѣсколько саженъ длиною, и лежитъ на землѣ, извиваясь въ разныя стороны. Оба старика навѣрно еще хорошо помнятъ покойнаго князя, такъ любезно принимавшаго гостей и такъ охотно показывавшаго всѣмъ желающимъ рѣдкости чуднаго парка.

Помнятъ они и изящную княгиню, проходившую въ свой любимый гротъ, гдѣ она, по преданію, имѣла обыкновеніе молиться; въ немъ и теперь еще на одномъ изъ камней стоитъ бѣлый деревянный крестъ. Гротъ этотъ, образуемый громадною нависшею скалою, окруженный со всѣхъ сторонъ дикими, безпорядочными массами камня, освѣщенный сквозь густой покровъ листвы фантастическимъ зеленоватымъ свѣтомъ, представляетъ собою нѣчто волшебное. Входя въ его таинственный зеленоватый полумракъ, вы точно вступаете въ какое-то сказочное царство и невольно останавливаетесь въ изумленіи. Кто хоть однажды побывалъ въ этомъ гротѣ, никогда не позабудетъ произведеннаго имъ впечатлѣнія.

Здѣсь же неподалеку находится низкая, глубоко ушедшая въ землю пещера съ небольшимъ прямоугольнымъ памятникомъ внутри. На мраморной, уже позеленѣвшей отъ времени, доскѣ вырѣзана надпись:

Ghemlek
Broussa XX Mai MVCCCXL
Aloupka XXVI Novembre MVCCCXLII.

Здѣсь похоронена собачка княгини, любимая ею настолько, что удостоилась чести быть положенной почти рядомъ съ гротомъ, и, дѣйствительно, могила этой собачки извѣстна почти всѣмъ посѣтителямъ парка.

Отъ грота путь пролегаетъ мимо высокой каменной скалы, вершина которой украшена фигурою аиста, и ведетъ внизъ къ замку.

Остальная и притомъ болѣе обширная часть Верхняго парка раскинута по гладкой, лишенной каменьевъ, холмистой поверх-

ности и поражаетъ какъ красотою открывающагося съ нея видъ на Ай-Петри, такъ и разнообразіемъ своей богатой растительности.

И дѣйствительно, чего, чего вы только не встрѣтите на огромномъ пространствѣ, занимаемомъ обоими парками! Аллеи изъ пышныхъ магнолій и чудныхъ лавровъ, группы великолѣпныхъ крымскихъ сосенъ и могучихъ платановъ, громадные каштаны и высокіе кусты остролиственнаго готическаго гелликуса, сплошныя стѣнки миртъ, гранаты, масличныя и фиговыя деревья, кизиль, инжиръ, красноствольный арбутусъ, яворы, клены, пробковое дерево и даже въ одномъ экземплярѣ нашу сѣверную бѣлую березку.

Но едва ли не самымъ привлекательнымъ деревомъ юга является стройный задумчивый кипарисъ. Столько благородства, столько непостижимой нѣги заключается въ его темномъ, бархатистомъ уборѣ и изящныхъ очертаніяхъ, что, кажется, невозможно налюбоваться на него до-сыта.

На содержаніе всей этой растительной роскоши, раскинутой, какъ я уже сказалъ, на громадномъ пространствѣ, расходуется по слухамъ болѣе тридцати тысячъ.

Княжескіе парки настолько обширны, что однѣхъ дорожекъ въ нихъ, по моему мнѣнію, наберется не одинъ десятокъ верстъ, и непривычный человѣкъ въ первое время буквально теряется среди этой массы расходящихся и перекрещивающихся аллей, среди дорожекъ, прихотливо вьющихся со скалы на скалу и неожиданно приводящихъ въ совершенно новыя невиданныя мѣста. Какъ часто случалось встрѣчать здѣсь новичковъ, которые чуть не со слезами просили показать имъ выходъ изъ парка, или направить къ той или другой мѣстности.

— Кружимъ, кружимъ,—жаловались они,—а все какія-то новыя, незнакомыя мѣста, никакъ не выбраться!

Хорошій, толковый планъ обоихъ парковъ принесъ бы въ этомъ случаѣ большую пользу и заслужилъ бы общую благодарность посѣтителей, но такого, къ сожалѣнію, пока не имѣется.

Подъемомъ изъ Верхняго парка въ татарскую часть Алупки служитъ узкій переулокъ, почти весь состоящій изъ одной сплошной лѣстницы, которая поднимается въ гору отъ самаго замка. Переулокъ этотъ, заканчивающійся вверху балконами и переходами татарскихъ домовъ, настолько своеобразенъ и живописенъ, что невольно останавливаетъ вниманіе каждаго, вызывая общія похвалы. Углубившись подъ сквозныя ворота какого-то дома, онъ неожиданно выводитъ къ бѣлому красивому зданію мечети, построенной для мѣстныхъ жителей старымъ княземъ. Мечеть и до нашихъ дней содержится въ полномъ порядкѣ.

На ея высокомъ минаретѣ, увѣнчанномъ позолоченною луною, нѣсколько разъ въ день появляется старичекъ муэдзинъ и, при-

Алупка. Кипарисы въ паркѣ.

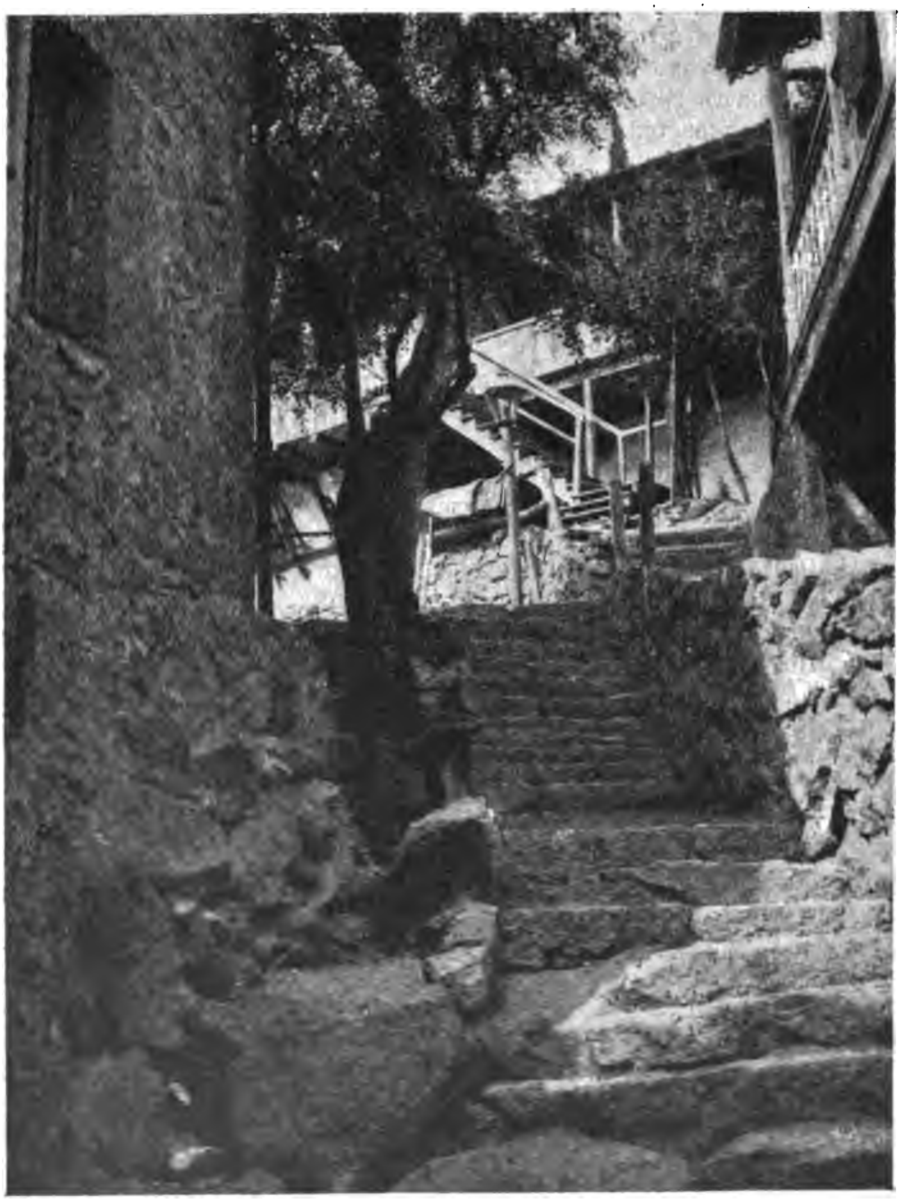
ставивъ ладони рукъ ко рту, высокимъ теноркомъ призываетъ правовѣрныхъ на молитву. Такихъ общественныхъ молитвъ или намазовъ въ теченіе сутокъ полагается пять: утренняя (на разсвѣтѣ), полдневная, вторичная (въ 3 часа дня), вечерняя (при закатѣ солнца) и на сонъ грядущій (черезъ 2 часа послѣ заката). Въ мечеть ходятъ только одни мужчины; женщины молятся дома. Намазы продолжаются не болѣе получаса каждый и состоятъ изъ молитвъ, читаемыхъ муллою и повторяемыхъ присутствующими. За отсутствіемъ муллы мѣсто его занимаетъ муэдзинъ; если же нѣтъ и муэдзина, его можетъ замѣнить каждый правовѣрный, знающій наизусть установленныя молитвы. Впрочемъ, здѣшніе татары строго соблюдаютъ пятикратное посѣщеніе мечети только во время поста въ мѣсяцѣ Рамазанѣ, въ остальное же время молиться ходятъ одни свободные, а прочіе остаются при своихъ занятіяхъ.

Передъ каждымъ намазомъ здѣшній старичекъ муэдзинъ поднимается на минаретъ, славитъ, по обычаю, Аллаха и его пророка, порицаетъ не признающихъ Корана и обращается къ правовѣрнымъ, приглашая ихъ итти «на поклоненіе», итти «на спасеніе».

Особенно хорошо слышна его заунывная восточная мелодія по вечерамъ, когда затихаетъ дневной шумъ, на улицахъ водворяется тишина, и высоко, высоко въ темномъ, ночномъ воздухѣ несется его плаксивый, старческій тенорокъ.

Неподалеку отъ мечети находится рынокъ и главные магазины Алупки. Въ виду огромнаго наплыва пріѣзжихъ изъ Россіи, магазины эти снабжены всѣми предметами, необходимыми для перваго обзаведенія на новомъ мѣстѣ. Здѣсь вы найдете и всевозможную посуду, и чайные и столовые приборы, и спиртовыя грѣлки, и лампы, и письменныя принадлежности, и гвозди, и крючки, и задвижки, и фонари, и чемоданы, и даже палки для хожденія по горамъ. Въ другихъ имѣются матеріи, въ третьихъ—обувь. Здѣсь же помѣщается и небольшая книжная лавочка Дѣвичинскаго съ библіотекою, исправляющая должность мѣстнаго интеллигентнаго центра. Въ ея тѣсномъ помѣщеніи постоянно толпится народъ: одни заходятъ купить газету, другіе—выбрать открытыхъ писемъ съ видами Крыма, третьи—перемѣнить книги изъ библіотеки, наконецъ, четвертые просто идутъ сюда посидѣть и потолковать, отъ нечего дѣлать, о томъ, о семъ, а иногда навести какую нибудь справку у словоохотливаго хозяина, охотно дающаго новичкамъ всевозможные совѣты и указанія.

Нѣсколько повыше Дѣвичинскаго, на углу, находится контора мальпостовъ, два раза въ день совершающихъ поѣздки въ Ялту и обратно. Цѣна билета въ одинъ конецъ—50 копеекъ. Въ сезонное время здѣсь каждый разъ собирается цѣлая толпа желающихъ ѣхать. Здѣсь есть и русскіе мастеровые, и туристы-фото-



Алупка. Азіатскій переулокъ.

графы со своими любительскими аппаратами, и дамы съ красными и синими путеводителями въ рукахъ, направляющіяся въ Оріанду или Ливадію, но больше всего замѣтно лицъ съ ридикюлями и кулечками въ рукахъ: это матеріалисты, которые ѣдутъ въ Ялту сдѣлать закупки по части съѣдобнаго.

Наконецъ грузный рыдванъ, четверкою, выѣзжаетъ изъ воротъ и останавливается у конторы.

Пассажиры, уже заранѣе запасшіеся билетами, берутъ мѣста чуть не съ боя. Остается только одно мѣсто на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Содержатели мальпоста, татары, веселые и довольные, предлагаютъ его какому-то запоздавшему господину. Тотъ храбро лѣзетъ вверхъ.

— Еще раньше другихъ пріѣдете,—шутятъ, подсаживая его, татары.

— Билеты есть?—обращается къ нимъ, подбѣгая, запыхавшаяся дама.

— Сколько угодно.

— Такъ дайте скорѣе одинъ билетъ.

— Хоть цѣлую книжку, билетовъ много. Вотъ только мѣстъ-то ни одного не осталось.

Раздается рожокъ ямщика, и мальпостъ трогается.

— Какъ же я-то? — недоумѣваетъ дама.—Вѣдь это безобразіе! Мальпосты ходятъ, а мѣстъ нѣтъ.

Но, видя все прибывающихъ пассажировъ, татары уже закладываютъ второй, добавочный экипажъ.

Впрочемъ, мальпостами пользуются болѣе такъ называемыя bources moyennes; люди же со средствами,—а такихъ здѣсь большинство,—предпочитаютъ сдѣлать шестнадцативерстное путешествіе въ Ялту, въ наемной коляскѣ; за это удовольствіе въ оба конца платится пять рублей.

Мальпостное сообщеніе существуетъ также между Севастополемъ и Ялтою. Тамъ мѣста дѣлятся на двѣ категоріи: лицомъ къ лошадямъ и спиною къ лошадямъ. Первыя цѣнятся дороже, вторыя—дешевле. Здѣсь этого различія не наблюдается.

Татарская часть Алупки, на которую не совсѣмъ дружелюбно смотрятъ и красные и синіе путеводители, на мой взглядъ, не заслуживаетъ такого пренебрежительнаго отношенія. Она, правда, бѣднѣе и не такъ хорошо устроена, какъ аристократическая русская часть, но зато она гораздо интереснѣе и своеобразнѣе.

На балконахъ и подъ навѣсами саклей степенно и плавно движутся статныя фигуры татарокъ, занятыхъ домашними и семейными работами. Подлѣ нихъ тутъ же копошатся красивыя дѣтишки. Мальчики на улицѣ гоняютъ кубарь, дѣвочки качаются на качеляхъ, пристроенныхъ гдѣ нибудь около дома. Другія, сидя подъ тѣнью развѣсистаго каштана, дѣтскими голосками тянутъ какую-то татарскую пѣсню.

Алупка зимой.

— Издрасти!—кричатъ они, завидя проходящаго мимо русскаго посѣтителя.

— Здравствуйте! Селямъ алейкумъ!

— Алейкумъ селямъ,—отвѣчаютъ они на привѣтствіе, и черные глазенки ихъ горятъ отъ удовольствія, что удалось перекинуться словомъ съ русскимъ.

По-русски маленькія дѣти, кромѣ своего «издрасти», ничего не знаютъ, но подростки уже объясняются, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, что же касается до взрослыхъ татаръ, то они, въ большинствѣ случаевъ, очень недурно владѣютъ русскимъ языкомъ; женщины же, удаленныя отъ сношеній съ посѣтителями, говорятъ только съ большимъ трудомъ, при помощи какого нибудь десятка извѣстныхъ имъ русскихъ словъ.

Какъ тѣ, такъ и другія отличаются на всемъ Южномъ берегу стройностью фигуры и удивительно правильными, красивыми очертаніями лица. По мнѣнію многихъ ученыхъ, въ жилахъ этихъ татаръ течетъ гораздо болѣе итальянской и греческой крови, чѣмъ монгольской.

Мужчины частію торгуютъ, частію служатъ проводниками по парку; нѣкоторые держатъ лошадей для верховыхъ экскурсій въ горы. Они большую часть дня проводятъ или въ лавкахъ или на улицѣ, заходя домой только пообѣдать; усердно посѣщаются ими и татарскія кофейни, которыхъ здѣсь нѣсколько. Кофейни эти играютъ въ ихъ жизни роль клубовъ, гдѣ сообщаются новости, обсуждаются мѣстныя происшествія и т. п. Между ними встрѣчаются большіе любители музыки. Нѣсколько человѣкъ имѣютъ ручные гармонифлюты и очень недурно разыгрываютъ на нихъ по вечерамъ разныя восточныя мелодіи. Пѣніе ихъ, которое мнѣ приходилось слышать, напротивъ, очень однообразно и скоро надоѣдаетъ.

Клубъ женщинъ — это фонтанъ-водоемъ, куда онѣ сходятся со своими мѣдными кувшинами. Здѣсь получаются порою очень живописныя группы. Наполнивъ кувшинъ водою, однѣ изъ нихъ располагаются побесѣдовать, усѣвшись на низкой каменной стѣнкѣ противъ фонтана, другія ведутъ бесѣду стоя, третьи моютъ тутъ же бѣлье, и разговоръ ихъ звучитъ не смолкая.

Однажды къ фонтану подошелъ туристъ-фотографъ и, восхищенный красотою группы, задумалъ снять ее. Къ дѣлу онъ приступилъ хитро. Дѣлая видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на татарокъ, онъ, наводя на нихъ фокусъ, все время упорно разглядывалъ дальнюю вершину Ай-Петри, которую будто бы намѣревался снять. Но провести женщинъ ему не удалось. Точно вспугнутыя птицы, разомъ поднялись онѣ съ мѣста, площадка въ одно мгновеніе опустѣла, и Ай-Петри такъ и остался не снятымъ. Причиною бѣгства красавицъ была отнюдь не излишняя скромность

или застѣнчивость. Каждая изъ нихъ съ удовольствіемъ снялась бы «на карточкѣ», но сниманіе портретовъ воспрещено ихъ закономъ. Мужчины въ этомъ отношеніи гораздо смѣлѣе.

Производя пріятное впечатлѣніе своею наружностью, татары не менѣе привлекательны и по внутреннимъ качествамъ. Ихъ честность и нравственная порядочность могли бы служить примѣромъ многимъ русскимъ, и, если въ Алупкѣ порою случаются кражи, то виновниками ихъ оказываются въ большинствѣ случаевъ наши же строящіе дачи мастеровые.

Центръ русской части Алупки составляетъ Воронцовская улица, на которой помѣщаются лучшія частныя дачи и пансіоны. Самымъ изящнымъ и комфортабельнымъ изъ послѣднихъ является пансіонъ «Ольгино», принадлежащій г-жѣ Смуровой.

— Я къ Смуровой, какъ къ себѣ домой, ѣду, — разсказывалъ одинъ москвичъ у Дѣвичинскаго. — Кормятъ на убой, комната чистая, балконъ прямо на море, садъ большущій, звонки электрическіе и церковь близко.

Не знаю, какъ звонятъ электрическіе звонки, умилившіе почтеннаго московскаго гостя, но церковь отъ «Ольгина» дѣйствительно не далеко. Впрочемъ, прежней церкви Воронцовскихъ временъ, построенной въ стилѣ древняго греческаго храма, теперь уже не существуетъ. Отъ нея остался лишь фундаментъ и груды камня. Въ силу какихъ-то почвенныхъ причинъ полъ въ церкви сталъ осѣдать и слегка крениться на бокъ. «А тутъ, какъ на грѣхъ,—разсказывали мнѣ жители,—какая-то знатная старушка ухитрилась еще упасть въ церкви-то. Ну, и признали постройку неблагонадежною и сломали».

Теперь, нѣсколько далѣе прежней, начинаютъ строить новую церковь. Фундаментъ уже заложенъ, и по Алупкѣ, собирая лепты на храмъ Божій, похаживаетъ мѣстный «дядя Власъ», крѣпкій, коренастый старичекъ, уже участвовавшій своимъ сборомъ при постройкѣ церкви въ Ялтѣ.

— Теперь хочу для Михаила Архангела потрудиться, — сообщаетъ онъ:—можетъ, на Страшномъ-то Судѣ онъ мое стараньице и припомнитъ, и льготу какую дастъ.

Пока богослуженіе совершается во временномъ деревянномъ храмѣ, почти всегда переполненномъ молящимися.

Наплывъ публики въ Алупку увеличивается годъ отъ года, и, въ свою очередь, съ каждымъ годомъ увеличивается ея распространеніе и благоустройство.

— Когда же у васъ бываетъ наибольшій съѣздъ публики? — спрашивалъ я мѣстныхъ обывателей.

— Да она у насъ за послѣднее время круглый годъ не переводится. Одни уѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, а многіе остаются теперь и на всю зиму. Первыми и самыми дорогими для насъ

гостями являются богатые московскіе купцы, у которыхъ теперь заводится обыкновеніе уѣзжать на Пасху изъ города и встрѣчать ее у насъ въ Крыму. Тогда здѣсь весна-то въ полномъ цвѣту. Народъ все милліонеръ, денегъ не жалѣютъ, и это время считается у насъ самымъ доходнымъ.

— И долго остаются?

— Нѣтъ, проведутъ праздники и уѣдутъ. Лѣтомъ публики бываетъ хоть и много, но это ужъ совсѣмъ не то. Попроще и поскупѣе: учителя гимназій, чиновники въ отпуску, народныя учительницы. Вообще народъ больше трудовой, которымъ лѣтомъ только и отдыхъ. Въ то время у насъ здѣсь жарко бываетъ, такъ богатый-то не всякій и ѣдетъ. А вотъ къ осени, спадетъ жара, поспѣетъ виноградъ, и опять публика богатая съѣзжается. Тутъ у насъ и на комнаты, и на квартиры, и на все прочее цѣна опять накидывается. Живемъ, ничего себѣ.

Заканчивая обзоръ Алупки, не могу не упомянуть о фотографѣ-художникѣ, такъ дивно воспроизводящемъ ея красоты. Это—господинъ Сокорновъ, уроженецъ Воронежской губерніи, акклиматизировавшійся въ Алупкѣ. Только два съ небольшимъ года занимается онъ фотографіею и получилъ уже двѣ награды на выставкахъ въ Петербургѣ и Парижѣ. Надо видѣть его работы въ оригиналахъ, чтобы составить о нихъ надлежащее представленіе. Это истинный артистъ, умѣющій тонко понимать глубокую поэзію природы и воспроизводящій ее съ удивительнымъ изяществомъ и совершенствомъ.

Разсматривая коллекцію его работъ, я между прочимъ встрѣтилъ видъ Алупки въ совершенно новомъ и странномъ для южнаго берега убранствѣ: и камни, и деревья, и мечеть, и крыши домовъ — все было покрыто пушистымъ слоемъ снѣга.

— Это наша зима, — замѣтилъ фотографъ.

— И сколько же времени она продолжалась?

— Да часа три, не больше. Я только успѣлъ снять.

VI.

Живя въ Алупкѣ и дѣлая маленькія экскурсіи въ сосѣднія съ нею мѣстности, мы вскорѣ хорошо ознакомились со всею ближайшею округою, но мѣста Южнаго берега, находившіяся далѣе къ востоку, все еще оставались для многихъ изъ насъ terra incognita. И вотъ въ одинъ прекрасный, въ буквальномъ смыслѣ, день мы рѣшили предпринять большую поѣздку на востокъ, до Гурзуфа включительно.

Коляска была нанята въ тотъ же вечеръ, а на слѣдующее утро мы уже поднимались шагомъ въ гору по направленію къ знакомому Ялтинскому шоссе.

Ночь въ Ай-Тодорѣ. Ласточкино гнѣздо.

Лошадьми правилъ старый, сморщенный грекъ, Николай, съ которымъ мы были знакомы уже давно.

Этотъ Николай, живущій въ Алупкѣ съ незапамятныхъ временъ,—типъ своего рода.

Вѣчно серьезный, съ полуоткрытымъ отъ старости ртомъ и сѣдыми опущенными усами, онъ держитъ себя важно и любитъ разсказывать, какъ онъ въ молодости ѣздилъ съ царской фамиліей, какъ его любилъ такой-то графъ или такой-то князь, какіе дѣлали ему подарки и т. п., словомъ, по его разсказамъ, онъ чуть не со всей аристократіей за панибрата. Но насколько можно ему вѣрить, я увидѣлъ изъ слѣдующаго случая:

— Николай,—спросилъ я его однажды, выѣзжая съ нимъ на прогулку по Нижнему шоссе:—сколько у тебя всѣхъ лошадей?

— Двѣнадцать. Да вѣдь не мои.

— Какъ не твои? Столько лѣтъ ѣздишь, а своихъ не нажилъ?

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ! Это—лошади братнины. У меня въ Севастополѣ братъ, и лошади его, а я у него служу на жалованьѣ. — И онъ печально повелъ плечомъ, склонивъ голову.

Мнѣ стало жаль бѣднаго старика, всю свою долгую жизнь мыкающагося въ услуженіи.

Но потомъ отъ другихъ я узналъ, что никакого брата въ Севастополѣ у него нѣтъ, что всѣ лошади его собственныя, и что самъ онъ держитъ ямщиковъ на жалованьѣ.

— Сегодня требовали меня къ графу Милютину, — сообщилъ Николай, поворачиваясь къ намъ съ козелъ:—да я отказался, потому что съ вами поѣхалъ.

— Значитъ, работу потерялъ?

— Что же дѣлать? Вамъ услужить надо.

Лошади наконецъ выбрались на шоссе и побѣжали рысью.

Кругомъ мелькали стройные ряды лозъ въ раскинувшихся по скатамъ виноградникахъ. Листья винограда уже окрашивались осенними желтыми и пурпуровыми тонами; плоды почти вездѣ были собраны.

Въ здѣшнихъ виноградникахъ разводится до двухъ десятковъ различныхъ сортовъ винограда, преимущественно винныхъ.

Собственно говоря, винодѣліе существуетъ въ Крыму съ очень давняго времени. Вино изъ окрестностей Судака было извѣстно, подъ именемъ Сурожскаго, еще при дворѣ московскихъ государей. Но со времени распространенія владычества магометанъ культура виноградной лозы стала все болѣе и болѣе клониться къ упадку, пока съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи для нея не наступили лучшія времена. Стараніями герцога Ришелье и М. С. Воронцова были заложены тѣ прочныя основанія, на которыхъ виноградное дѣло мало-по-малу развилось и окрѣпло настолько, что въ настоя-

Ореанда.

щее время уже нѣтъ причинъ опасаться за его дальнѣйшую судьбу. На ряду съ большими имѣніями крупныхъ владѣльцевъ, виноградарствомъ занимаются теперь и татары, сдавая свои урожаи въ обработку винодѣламъ, что же касается до винограда лѣчебнаго, въ большомъ количествѣ истребляемаго пріѣзжами на мѣстѣ, то продажа его на фунты (по 15 копеекъ и дороже) представляетъ еще бо́льшую выгоду. Лучшими лѣчебными сортами считаются французскій Шасля, по-здѣшнему Шашла, и испанскій Педро. Лѣченіе начинаютъ обыкновенно съ одного фунта въ день и доходятъ постепенно до трехъ и болѣе фунтовъ.

Мы вскорѣ миновали лежащія рядомъ татарскія деревни Мисхоръ и Кореизъ.

Въ послѣдней есть православная церковь, построенная въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія княгинею А. С. Голицыною, почитательницею и другомъ извѣстной баронессы Крюденеръ, которая и провела у нея въ Кореизѣ послѣдній годъ своей жизни.

За Кореизомъ внизу показалась Гасира, имѣніе графини Паниной, когда-то принадлежавшее министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князю Александру Николаевичу Голицыну, извѣстному мистику и піэтисту, который, удаляясь отъ дѣлъ въ 1843 году, поселился въ Гаспрѣ и скончался здѣсь, спустя годъ. Тѣло его похоронено въ Георгіевскомъ монастырѣ.

Внизу у моря бѣлѣло строго выдержанное въ восточномъ стилѣ зданіе Дюльберскаго дворца, принадлежащаго великому князю Петру Николаевичу, а за нимъ круто обрывался въ море мысъ Ай-Тодоръ, увѣнчанный маякомъ. Плоская вершина и скаты Ай-Тодорскаго мыса, входящаго въ составъ владѣній великаго князя Александра Михаиловича, густо поросли можжевельникомъ. Произведенныя здѣсь раскопки обнаружили очень интересные остатки римской крѣпости, воздвигнутой, по мнѣнію изслѣдователей, еще въ первомъ вѣкѣ нашей эры.

На вершинѣ крутой обрывистой скалы подлѣ Ай-Тодора, подъ самымъ моремъ ютится небольшая дача г-жи Тобиной, извѣстная на всемъ побережьѣ подъ именемъ «Ласточкино гнѣздо». Сверху она не представляетъ особаго интереса, но видъ ея съ моря замѣчательно красивъ. Розовая окраска зданія нѣсколько вредитъ общему впечатлѣнію, и г. Сокорнову пришла удачная мысль обработать мотивъ «Ласточкина гнѣзда» въ видѣ ночного силуэта, въ которомъ зданіе сливается въ одну массу со скалою. Впечатлѣніе получилось полное, и теперь его снимокъ составляетъ самый популярный въ Крыму видъ «гнѣзда» съ моря.

Недалеко отъ Ай-Тодора находится и прославленная Ореанда, съ давнихъ поръ уже составляющая собственность особъ императорской фамиліи.

Когда-то она принадлежала начальнику архипелажскихъ грековъ, генералу Ревеліоти, послѣ него графу Кушелеву-Безбородко

Гурзуфъ. Платанъ Пушкина.

и отъ этого послѣдняго пріобрѣтена императоромъ Александромъ I [1]). Въ бытность свою въ Крыму, лѣтомъ 1837 года, императоръ Николай Павловичъ подарилъ Ореанду своей августѣйшей супругѣ, по смерти которой она перешла въ собственность великаго князя Константина Николаевича, а въ настоящее время составляетъ владѣніе Его Величества.

Спускъ шоссе къ Ореандѣ очень красивъ. Кругомъ снова выростаютъ громадные дикіе утесы, и дорога извивается зигзагами. Впереди видна зеленая вершина ореандской Крестовой горы, окруженная со всѣхъ сторонъ пышною растительностью, а вдали на горизонтѣ выростаютъ мягкія очертанія Аю-Дага, лежащаго уже по ту сторону Ялты, которая пока скрывается въ котловинѣ.

Надъ окружавшими шоссе грозными скалами царила отвѣсная громада Ай-Николы съ высоко поставленнымъ на ней крестомъ.

— Вотъ тутъ поворотъ на Эрикликъ, — указалъ намъ Николай.—Покойная государыня Марія Александровна тамъ часто живала.

— А что это за крестъ на Ай-Николѣ?

— А тамъ генерала Оболенскаго убили.

— Кто убилъ?

— Татары.

— Какимъ образомъ?

— Это еще давно было; въ шестьдесятъ пятомъ году, когда Эрикликъ строили. Онъ пошелъ на Ай-Николу одинъ; хотѣлъ что-то посмотрѣть. А татары окружили его и убили. Думали, у него деньги. Вотъ и пещера, гдѣ они скрывались, когда его поджидали.

Онъ указалъ на темную щель, зіявшую въ нижней части скалы.

— Да развѣ татары такіе грабители?

— А какъ же! Эта дорога проложена года три тому назадъ, а прежде она была ниже, и тамъ постоянно грабили.

Объ этихъ грабежахъ южныхъ татаръ я слышалъ только отъ одного Николая.

Грозныя вершины скалъ, высоко вздымающіяся къ небу, по слухамъ, не совсѣмъ безопасны для проѣзжающихъ. Мнѣ разсказывали, что въ этомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ назадъ произошелъ обвалъ, надолго засыпавшій дорогу.

Коляска остановилась у воротъ Ореанды, и мы отправились на осмотръ парка.

Оставивъ въ правой сторонѣ Крестовую гору, мы углубились въ тѣнь аллеи, которая вскорѣ привела насъ къ изящной полукруглой колоннадѣ, стоящей надъ обрывомъ и доминирующей надъ лежащимъ внизу прекраснымъ паркомъ Ореанды. Какъ бы въ воспоминаніе о прежнемъ владѣльцѣ, на одной изъ громадныхъ

---

[1]) По другимъ источникамъ—Николаемъ I.

скалъ, выступающихъ въ море, и до сего времени сохранилась высокая мачта, стройно вырѣзающаяся на гладкомъ лазурномъ фонѣ морской дали. Внизу, окруженныя густою зеленью уныло бѣлѣютъ стѣны дворца, сгорѣвшаго въ 1882 году. Видъ этихъ стѣнъ, лишенныхъ кровли, съ пустыми отверстіями на мѣстѣ дверей и оконъ, производитъ грустное впечатлѣніе.

Мы спустились къ дворцу. Сохранившіеся остатки его еще болѣе заставляютъ сожалѣть о гибели такого благороднаго по пропорціямъ, изящнаго зданія. Развалины мѣстами поросли вьющеюся зеленью и заключаютъ нѣсколько крайне живописныхъ уголковъ, пригодныхъ для красокъ и кисти, но въ смыслѣ архитектуры—это безвременно погибшій мертвецъ, видъ котораго вызываетъ невольный вздохъ о прошломъ.

Отъ дворца мы прошли къ небольшому пруду, на которомъ плаваетъ осиротѣлый лебедь; его считаютъ помѣшавшимся отъ горя. Разсказываютъ, что у него когда-то убили подругу, и съ тѣхъ поръ онъ будто бы не подпускаетъ къ себѣ другихъ лебедей, предпочитая оставаться одинъ.

Взглянувъ на устроенные поблизости бассейны-модели Чернаго и Каспійскаго морей, посмотрѣвъ издали на домикъ, въ которомъ послѣ пожара дворца проживалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, мы поднялись къ своему экипажу и тронулись далѣе.

Ближайшею сосѣдкою Ореанды является императорское имѣніе Ливадія, мѣсто кончины покойнаго государя Александра III. Проѣздъ ливадійскимъ паркомъ разрѣшается для публики только два раза въ недѣлю, когда дозволенъ и осмотръ самаго дворца.

Николай миновалъ запертыя красивыя ворота съ золочеными орлами и поѣхалъ по шоссе вдоль разстилавшагося внизу парка.

— А я все-таки хочу паркомъ проѣхать,—заявилъ онъ:—тутъ ближе.

— Смотри, вѣдь сегодня не пускаютъ.

— Ничего. Меня здѣсь всѣ знаютъ. У меня разрѣшеніе есть.

И онъ, свернувъ въ какой-то свободный проѣздъ къ жилымъ зданіямъ, началъ спускаться въ паркъ.

Паркъ содержится прекрасно и изобилуетъ роскошною растительностью.

При выѣздѣ сторожа отперли намъ ворота, не требуя письменнаго разрѣшенія, такъ какъ, вѣроятно, предполагали, что разрѣшеніе уже предъявлено нами при въѣздѣ. Но на обратномъ пути, когда Николай снова лихо подкатилъ къ воротамъ, разрѣшеніе у него спросили. Оно, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось у него «дома», и воротъ ему не отворили.

— Эхъ,—ворчалъ онъ, поворачивая лошадей на шоссе:—отчего вы не сказали, что ѣдете къ графу Милютину? Насъ бы и пропустили.

— Вѣдь это ты знакомъ съ графомъ.

— Знакомъ-то я, а сказали бы вы,— и онъ недовольно повернулся на козлахъ.

Ялта уже настолько извѣстна по описаніямъ и составляетъ такое общее мѣсто для всѣхъ крымскихъ путешественниковъ, что распространяться о ней не стану. Скажу только, что на меня она произвела впечатлѣніе города, съ обычнымъ городскимъ шумомъ, движеніемъ, пылью и толкотнею, замѣтною особенно на набережной, состоящей изъ сплошного ряда гостиницъ и магазиновъ. На мостовой грохотали всевозможные экипажи, скакали кавалькады всадниковъ обоего пола въ сопровожденіи проводниковъ-татаръ, по тротуарамъ двигались разряженныя дамы и кавалеры, сновали разносчики, газетчики и продавцы различныхъ товаровъ. Надъ всею набережною стояли облака пыли, и самый воздухъ былъ пропитанъ какимъ-то особымъ городскимъ запахомъ.

Но вскорѣ все это осталось позади насъ. Мы уже снова поднимались въ горы. Издали Ялта, расположенная по склону подковообразной котловины, производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, но даже и издали видъ ея особой поэтичности въ себѣ не заключаетъ.

Экипажъ поднимался все выше и выше. Ялта скрылась. Насъ со всѣхъ сторонъ обступила пышная зелень Верхней Массандры, и мы съ удовольствіемъ наслаждались ея чистымъ сосновымъ воздухомъ.

Верхняя Массандра славится своимъ замѣчательнымъ виннымъ подваломъ удѣльнаго вѣдомства, устройство котораго обошлось будто бы въ милліонъ двѣсти тысячъ рублей. Но мы, къ сожалѣнію, не имѣли времени для его осмотра, такъ какъ спѣшили въ Гурзуфъ, чтобы засвѣтло вернуться домой.

Паркъ Нижней Массандры, разстилающійся внизу у моря, считается однимъ изъ лучшихъ въ Крыму и по разнообразію культивируемой въ немъ растительности является соперникомъ Алупки, но входъ въ него, какъ кажется, разрѣшается только по билетамъ.

За Массандрою мы миновали дачную мѣстность Магарачъ, подѣленную между многими владѣльцами и изобилующую виноградниками.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Магарачемъ находится императорскій ботаническій садъ, устроенный въ 1812 году Палласомъ и ботаникомъ Стевеномъ. Онъ долженъ былъ служить разсадникомъ полезныхъ и декоративныхъ растеній южнаго климата для распространенія ихъ въ Крыму. По мѣстности Ай-Никита, въ которой онъ расположенъ, садъ получилъ названіе Никитскаго. Несмотря на то, что въ саду имѣются замѣчательныя ботаническія коллекціи самыхъ разнообразныхъ видовъ, онъ въ смыслѣ разсадника почему-то популярностью не пользуется. При садѣ

существуетъ училище садоводства и винодѣлія съ пятилѣтнимъ курсомъ и, кромѣ того, для винодѣлія еще особые высшіе курсы, къ сожалѣнію, не имѣющіе почти никакой связи съ училищемъ.

Вскорѣ мы проѣхали почтовую станцію Ай-Даниль, отъ которой открылся прелестный видъ на лежащій внизу Гурзуфъ и высокую, выступающую въ море стѣну Аю-Дага. Кстати по поводу такъ часто встрѣчающейся на Южномъ берегу приставка Ай передъ собственными именами: Петри, Тодоръ, Никола, Никита, Даниль и т. д., замѣчу, что она есть ни что иное, какъ сокращенное греческое ·агіосъ—святый, и даетъ основаніе предполагать, что во всѣхъ выше названныхъ мѣстностяхъ существовали въ древности греческія церкви св. Петра, св. Өеодора, Никиты, Даніила. Остатки многихъ изъ этихъ церквей дѣйствительно при разысканіяхъ обнаружены.

Мы свернули съ большого шоссе и по прекрасной, шоссированной же дорогѣ стали спускаться къ Гурзуфу, лежавшему далеко внизу у самаго моря.

Исторія Гурзуфа восходитъ къ VI вѣку, когда здѣсь уже существовала византійская крѣпость, воздвигнутая повелѣніемъ императора Юстиніана. Преемниками грековъ были генуэзцы, а затѣмъ турки, разрушившіе крѣпость.

Однимъ изъ первыхъ русскихъ путешественниковъ былъ извѣстный тверичъ, Аөанасій Никитинъ, побывавшій въ шестидесятыхъ годахъ XV вѣка въ далекой Индіи и занесенный на обратномъ пути по Черному морю въ «Балыкаю» (Балаклаву), а затѣмъ въ «Тжорзофу» (Гурзуфъ), гдѣ корабельщики оставались 5 дней.

Въ древности Гурзуфъ былъ пристанью, которая посредствомъ горной тропинки сообщалась съ самою столицею Крыма—Бахчисараемъ. Съ этою тропинкою у татаръ связано преданіе о замѣчательной красавицѣ, черкешенкѣ Маюме.

Она родилась въ горахъ Кавказа и была настолько же обворожительна, насколько недоступна ухаживаніямъ молодыхъ горцевъ, которые прозвали ее «Каменнымъ Сердцемъ». Но сердце Маюме отнюдь не было каменнымъ. Втайнѣ отъ всѣхъ оно билось горячею любовію къ нѣкоему Селиму, принадлежавшему къ семьѣ, враждебной ея отцу, Али-Гафизу. Юноша часто видался съ Маюме; но свиданія ихъ происходили темною ночью и держались въ такой тайнѣ, что никто даже и не подозрѣвалъ ихъ. Черезъ годъ терпѣніе Селима истощилось. Онъ зналъ, что сватовство не приведетъ ни къ чему, и предложилъ Маюме бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома. Но дѣвушкѣ такъ жаль было обмануть старика отца, что она рѣшительно отказалась отъ побѣга, обѣщавъ Селиму приложить всѣ усилія, чтобы расположить въ его пользу стараго Али-Гафиза и привести дѣло къ благопріятному для всѣхъ

окончанію. Но едва лишь она заикнулась отцу о Селимѣ, какъ старикъ затрясся отъ гнѣва, грозилъ проклясть ее и велѣлъ навсегда забыть юношу. Маюме покорно умолкла, но день ото дня становилась все грустнѣе и, наконецъ, будучи не въ силахъ бороться съ своими чувствами, занемогла и слегла въ постель. Отецъ, молча слѣдившій за страданіями дочери, наконецъ не выдержалъ, разрыдался и обѣщалъ выдать ее за Селима. Маюме тотчасъ же почувствовала облегченіе, поправилась и радостно принялась ожидать жениха. Наступилъ, наконецъ, и день его пріѣзда. Гонецъ извѣстилъ, что Селимъ пріѣдетъ вечеромъ. Солнце уже скрылось за горами, а его все не было. Маюме въ нетерпѣніи сама пошла къ нему навстрѣчу. Несмотря на наступившую темноту ночи, дѣвушка шла все дальше и дальше по дорогѣ, каждую минуту ожидая услышать топотъ его коня. Но не успѣла она углубиться въ горы, какъ ее окружили неизвѣстные всадники, бросили на сѣдло и помчались съ нею къ морскому берегу. Хищники знали, какую высокую плату получатъ они отъ крымскаго хана за такую красавицу. Черкешенки всегда высоко цѣнились въ крымскихъ гаремахъ. Кинувъ свою добычу въ лодку, разбойники отвалили отъ берега и черезъ нѣсколько дней были уже у пристани въ Гурзуфѣ. Отсюда дорога въ Бахчисарай была извѣстна, и они немедля стали подниматься съ своей жертвою въ горы.

Между тѣмъ запоздавшій Селимъ явился ночью въ аулъ Али-Гафиза и нашелъ старика одного; Маюме не было. Всѣ поиски оказались напрасными. Селимъ узналъ только, что недавно какая-то дѣвушка была схвачена въ горахъ, и что на-дняхъ отплыло въ Крымъ какое-то судно. Юноша рѣшилъ отправиться наудачу за этимъ судномъ, но на морѣ никого не встрѣтилъ и въ тревогѣ, терзаемый сомнѣніями, высадился въ Гурзуфѣ. Хотя здѣсь онъ не могъ получить никакихъ точныхъ свѣдѣній, но рѣшилъ продолжать путь до Бахчисарая. Онъ сталъ подниматься на Яйлу и вдругъ, подъ однимъ деревомъ, гдѣ еще были замѣтны слѣды недавняго привала, увидѣлъ прикрѣпленный къ вѣткѣ знакомый поясъ, который онъ подарилъ Маюме. Дѣвушка надѣялась на своего возлюбленнаго и оставила на дорогѣ слѣдъ, чтобы разсѣять его сомнѣнія. Селимъ быстро направился далѣе и вскорѣ достигъ Бахчисарая. Здѣсь ему разсказали, что ханъ въ глубокомъ горѣ, такъ какъ недавно привезенная къ нему красавица-черкешенка находится при смерти. Не теряя времени, Селимъ явился во дворецъ и, сказавшись искуснымъ врачемъ, былъ допущенъ къ умиравшей. Маюме вскрикнула, схватила его руками, но измученный организмъ не вынесъ потрясенія, и она скончалась въ объятіяхъ юноши. Селиму отрубили голову.

Нынѣшній Гурзуфъ, можно сказать, всецѣло созданъ Губонинымъ, обратившимъ его въ роскошнѣйшій курортъ, слава котораго

въ свое время гремѣла по всему Крыму. Пока живъ былъ сáмъ Губонинъ, съ замѣчательною любовью относившійся къ своему дѣтищу (онъ здѣсь и похороненъ), дѣла шли хорошо, и всѣ семь гостиницъ, раскинутыхъ въ видѣ отдѣльныхъ домовъ въ паркѣ, были полны пріѣзжими, несмотря на высокія цѣны. Но съ его смертью, когда Гурзуфъ перешелъ въ руки акціонернаго общества, дѣла измѣнились и пошатнулись настолько, что имѣніе было назначено въ продажу съ торговъ и долгое время не могло даже найти покупателя.

Во время нашего посѣщенія предпріятіе обрѣталось далеко не въ авантажѣ. Всѣ, съ кѣмъ намъ приходилось разговаривать, хвалили покойнаго Губонина, его умѣнье вести дѣло на широкую, барскую ногу и относились съ неодобреніемъ къ обществу, которое, стремясь къ одной наживѣ, скупилось на ремонтъ, на содержаніе и запустило все дѣло.

Поднять Гурзуфъ и вернуть ему прежніе славные дни — дѣло весьма нелегкое, тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ нимъ, ближе къ Аю-Дагу, возникаетъ новый и, повидимому, также роскошный курортъ Суукъ-Су.

Раскинутый на пятнадцати десятинахъ гурзуфскій паркъ въ главной своей части скорѣе походитъ на тѣнистый садъ, наполненный цвѣтниками, кіосками, фонтанами и проч. Все это очень и очень красиво,—а при Губонинѣ навѣрно было и еще красивѣе,—но, къ сожалѣнію, носитъ характеръ чего-то конфетнаго и даже нѣсколько приторнаго. Нѣтъ ширины, нѣтъ размаха, нѣтъ той величавой простоты, какъ, напримѣръ, въ Алупкѣ. Есть богатство, даже роскошь, но нѣтъ той грандіозности впечатлѣнія, которая присуща большинству красоты Крыма. Видно, что здѣсь все создано руками человѣка, а творческая сила самой природы какъ бы отсутствуетъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ болѣе удаляешься на востокъ отъ Ялты, тѣмъ мѣстность становится прозаичнѣе. Я не говорю о Гурзуфѣ. Здѣсь одинъ Аю-Дагъ уже самъ по себѣ представляетъ такую красоту, память о которой никогда не изгладится, но съ другой стороны этотъ же Аю-Дагъ является какъ бы стѣною, которыя отгораживаетъ ту дѣйствительно восхитительную часть Южнаго берега, начинающуюся мысомъ Ласпи и Байдарскими воротами, отъ другой, лежащей далѣе къ востоку, хотя и красивой въ своемъ родѣ, но уже далеко не представляющей такого интереса, какъ первая. Тамъ горы все далѣе и далѣе уходятъ въ глубь материка, береговая полоса становится шире, ровнѣе и обыденнѣе. Что бы ни говорили о красотѣ Алушты, она никакъ не можетъ сравниться съ красотою мѣстностей около Алупки и Ялты, картина же величавой громады Чатыръ-Дага уже не можетъ быть отнесена къ числу приморскихъ видовъ Южнаго берега.

Самую интересную часть гурзуфскаго парка представляетъ невысокій холмъ, на которомъ сохранилось зданіе стариннаго барскаго дома. На этомъ мѣстѣ въ 1820 году проживала въ Гурзуфѣ семья генерала Раевскаго, у которой гостилъ еще молодой тогда Пушкинъ. Онъ пробылъ здѣсь три недѣли, «объѣдаясь», по собственному выраженію, виноградомъ, ухаживая съ любовію за кипарисомъ, росшимъ въ двухъ шагахъ отъ дома (кипарисъ этотъ показываютъ и теперь), и по цѣлымъ часамъ прислушиваясь къ шуму моря. «Свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства,—пишетъ онъ въ сентябрѣ изъ Кишинева,—которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море! Другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго».

Противъ самаго дома ростетъ роскошный платанъ, подъ которымъ, по преданію, подолгу сиживалъ молодой поэтъ. Большинство путешественниковъ считаетъ долгомъ сорвать съ платана листокъ на память, но это нисколько не отражается на пышности его листвы.

По поводу Пушкинскаго кипариса въ «Русскихъ женщинахъ» Некрасова отъ имени княгини Волконской, урожденной Раевской, приводится туземная легенда:

«Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ—и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Потомъ соловей—повѣствуетъ народъ—
Леталъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умеръ поэтъ—прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Полный горя
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря»...

На обратномъ пути изъ Гурзуфа небо, точно на прощанье, поразило насъ удивительною по красотѣ картиною солнечнаго заката.

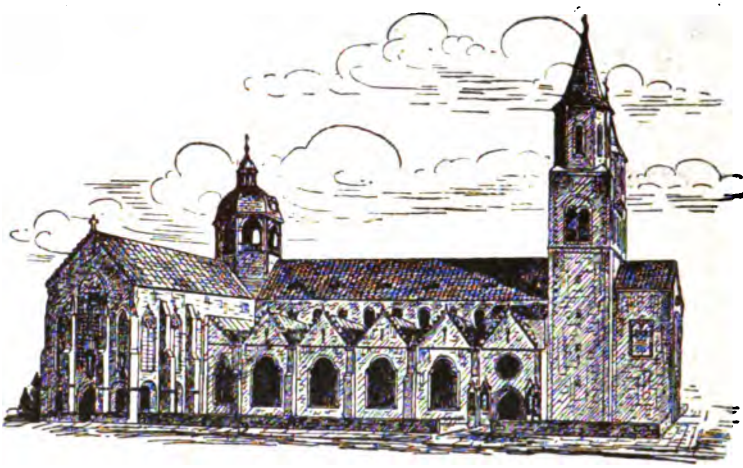
Прошло еще нѣсколько дней, и мы уже снова мчались на свой холодный сѣверъ, унося въ душѣ самыя свѣтлыя, пріятныя воспоминанія о тепломъ, чарующемъ югѣ, и въ головѣ невольно проносились слова сожалѣнія покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, что Балтійское море такъ далеко отъ Чернаго.

И. Тюменевъ.

ГИЛЬДЕСГЕЙМЪ.

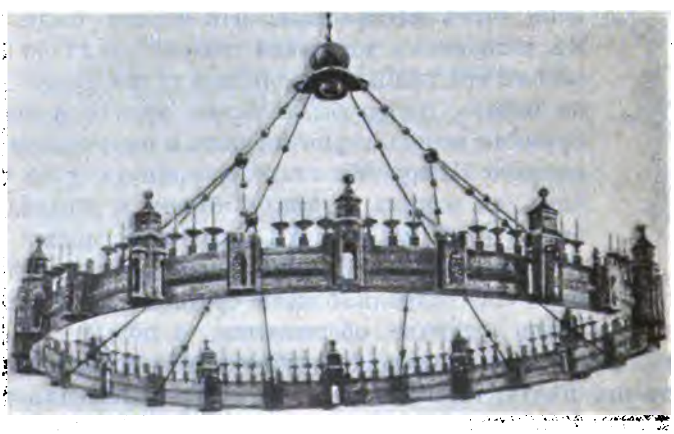
Въ ЯНВАРѢ 1904 г. мнѣ пришлось быть въ одномъ изъ древнихъ германскихъ городовъ, Гильдесгеймѣ. Ѣхалъ я отъ Лейпцига всего около 4 часовъ. Остановился въ небольшой, но прекрасной гостиницѣ «Англетеръ». День былъ воскресный: всѣ церкви были отперты. Въ магазинахъ торговали только съ 12 до 3 час., и затѣмъ всѣ улицы наполнились гуляющими. Несмотря на январь, погода была теплая, мягкая, и зеленѣющія лужайки передъ церквами такъ и напоминали русскую раннюю Пасху. На этихъ лужайкахъ дѣти безъ шапокъ, въ однѣхъ курткахъ, бѣгали и играли. Словомъ было, какъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ на праздникахъ. Древній городъ Гильдесгеймъ и теперь еще сохранилъ свою средневѣковую физіономію. Старыя постройки ревниво оберегаются, а новыя воздвигаются приблизительно такъ, что не нарушаютъ общей гармоніи. Гильдесгеймъ это нѣчто сказочное, и кто только побывалъ въ этомъ миломъ, точно игрушечномъ, городкѣ, тотъ, навѣрное, сохранитъ о немъ чудное неизгладимое воспоминаніе. Узкія кривыя улицы полны своеобразными, старинными зданіями. Фасады многихъ домовъ, несмотря на разрушительную силу времени, сохранили свои рѣзныя деревянныя украшенія, что̀ заставляетъ нѣкоторыхъ путешественниковъ называть Гильдесгеймъ: «музеемъ нѣмецкаго рѣзного искусства». Древнѣйшимъ же памятникомъ средневѣковаго зодчества является католическій соборъ; постройка его относится къ половинѣ XI вѣка. Съ основаніемъ собора связано преданіе

«о розовомъ кустѣ». Людовикъ благочестивый заблудился на охотѣ въ Саксонскомъ лѣсу. Когда наступила ночь, онъ повѣсилъ свой іерусалимскій крестъ съ мощами на дикій розовый кустъ и легъ



Соборъ въ Гильдесгеймѣ.

спать. Во снѣ ему явилась Дѣва Марія и, наклонясь къ нему, сказала, что Она будетъ ему всегда покровительствовать, если онъ



Люстра въ соборѣ.

дастъ обѣтъ—на томъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ увидитъ на востокѣ снѣгъ, построить церковь, которая будетъ оплотомъ отъ язычниковъ. Самое названіе города и произошло отъ Хильдерщнее, что

значитъ скорый снѣгъ. Однако въ хроникѣ Бюнтинга 1586 г. говорится, что Людовикъ далъ названіе городу по имени своей матери Хильдегарды. Въ настоящее время Гильдесгеймъ—главный городъ округа того же названія и мѣстопребываніе епископа. Въ немъ около 40.000 жителей, изъ нихъ треть католиковъ и 600 евреевъ.

Внутренность собора.

Городъ расположенъ на рѣкѣ Иннерстѣ, въ довольно красивой мѣстности. Знаменитая находка серебряныхъ римскихъ вещей временъ Августа указываетъ на его 2.000-лѣтнее существованіе. Епископской резиденціей городъ сталъ съ 822 г., при Людовикѣ Благочестивомъ, перенесшемъ сюда каѳедру изъ Эльца. При введеніи реформаціи въ 1542 г. докторомъ Бугенхогеномъ часть древ-

нихъ церквей переименованы въ кирки и лишены своихъ художественныхъ украшеній.

Францъ Эгонъ былъ послѣдній князь-епископъ (1789—1802 гг.). При немъ Гильдесгеймъ присоединенъ къ Пруссіи, въ 1806 г.—къ Вестфаліи, въ 1813 г.—къ Ганноверу и, наконецъ, въ 1866 г.—снова къ Пруссіи. Теперь здѣсь расквартированъ прусскій гарнизонъ.

Гильдесгеймъ называютъ «сѣвернымъ Нюренбергомъ», и уже въ XIII в. папа Евгеній III его именуетъ «знаменитымъ и благороднымъ».

Древній католическій соборъ, въ видѣ трехкорабельной базилики, существуетъ со времени епископа Гецило (1061 г.). Онъ—смѣшанной архитектуры. Подъ высокими хорами находится красивый рѣзной алтарь, реставрированный неособенно давно на средства коммерціи совѣтника Писторіуса. Стѣны собора въ началѣ XVIII в. украшены превосходной итальянской мозаикой, въ стилѣ ренессансъ. Бронзовыя райскія врата отлиты епископомъ Бернвардомъ. Это художественное произведеніе нѣмецкаго искусства начала XI в. заключаетъ въ себѣ 16 рельефныхъ картинъ изъ Библіи. Около хоръ возвышается серебряная «колонна Христа», отлитая епископомъ въ 1022 году.

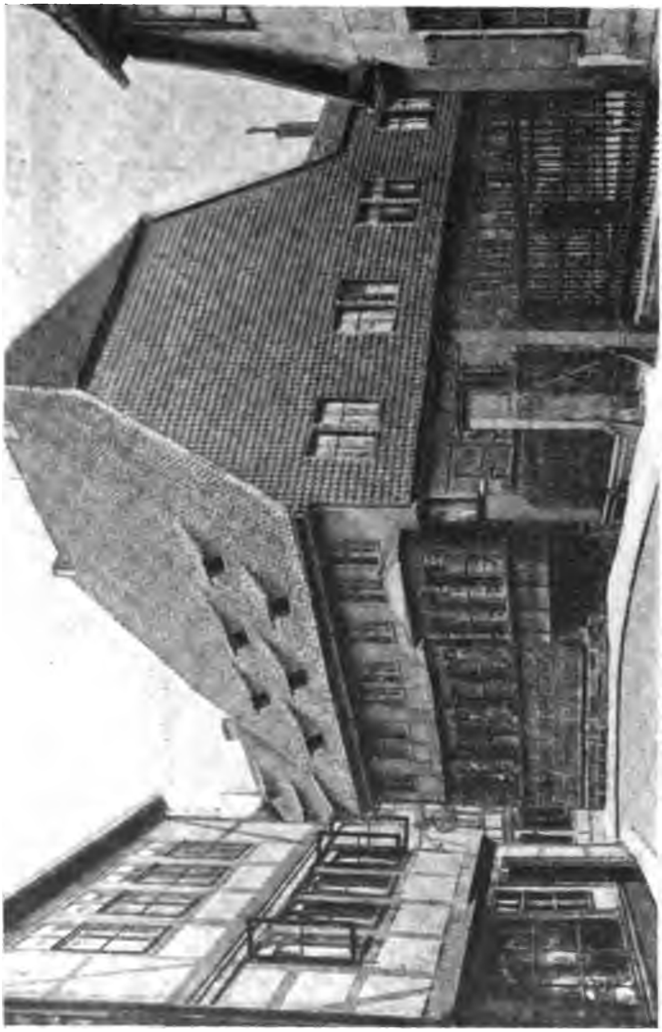
Образцомъ для нея служила Троянская колонна въ Римѣ; на ней изображены 28 картинъ изъ земной жизни Спасителя.

Замѣчательна въ соборѣ большая люстра временъ Гецилоса (1045 г.). Это—чудный образецъ металлическаго искусства XI в.; окружность ея около $20^1/_2$ метровъ, и съ своими крылами, башенками, вратами она является символомъ небеснаго Іерусалима. Пришедшая въ ветхость эта люстра была не такъ давно реставрирована, и, надо отдать справедливость, очень удачно. Обращаетъ на себя вниманіе и большая купель XIII в. съ вычеканенными, рельефными орнаментами, символически изображающими св. крещеніе. Но самымъ лучшимъ образцомъ стиля ренессансъ XVI вѣка является Lettner (летнеръ), стѣна между главнымъ кораблемъ базилики и хорами.

Изъ пилястровъ, перекладинъ, арабесокъ проглядываютъ многочисленныя картины изъ библейской жизни, и все такой тонкой, легкой работы, что скорѣе кажутся вырѣзанными изъ дерева, чѣмъ высѣченными изъ камня. По срединѣ помѣщенъ деревянный рѣзной крестъ и двѣ рѣзныя же фигуры Богоматери и Іоанна Богослова.

Передъ главнымъ алтаремъ возвышается такъ называемая Ирменская колонна (идолъ древнихъ саксовъ), увѣнчанная серебряной статуей Мадонны во весь ростъ. Когда поднимемся на хоры, то прежде всего бросаются въ глаза двѣ серебряныя гробницы очень тонкой романской работы, богато украшенныя золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Въ нихъ покоятся останки св. Епи-

фанія, епископа Павіи († 497 г.), и Годехарда, епископа Гильдесгейма (1038 г.). Замѣчательные рѣзные стулья, роскошные гобелены и другіе древніе предметы, умѣло расположенные, невольно обращаютъ вниманіе посѣтителя. Но самыя главныя сокровища собора хранятся въ особой комнатѣ надъ ризницей. Здѣсь въ стеклянныхъ шка-



Королевскій домъ.

фахъ и въ витринахъ размѣщены чудныя произведенія средневѣковаго искусства: всевозможные золотые сосуды, кубки, кресты, медали, епископскіе посохи и одежды, издѣлія изъ кости, переносные алтари, реликвіи, эмалевыя пластинки, пергаменты, рукописи съ чудными миніатюрами, манускрипты и пр. Въ отдѣльной

витринѣ находятся глава и правая рука Бернварда, оправленныя въ золото и серебро.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія путешественника и внутренній соборный дворъ, окруженный двухъэтажной галлереей въ роман-

Домъ собранія мясниковъ.

скомъ стилѣ, частью покрытой фресками. Въ ея стѣнахъ мы встрѣчаемъ немало надгробій и памятниковъ. Среди двора возвышается Аннинская капелла, хорошаго готическаго стиля, окруженная рядомъ гробницъ бывшихъ епископовъ. Недалеко отъ нея растетъ и знаменитый тысячелѣтній розовый кустъ, на который Людовикъ повѣсилъ свой іерусалимскій крестъ.

Хотя ботаники и считаютъ этотъ кустъ не старше 200 лѣтъ, но за его болѣе продолжительный, легендарный возрастъ говоритъ подземный каналъ, устроенный въ XII в. для защиты его корней. Соборъ славится еще своимъ знаменитымъ звономъ древнихъ колоколовъ.

Древній германскій домъ.

Среди вѣковыхъ построекъ и мавзолеевъ на главномъ соборномъ дворѣ воздвигнутъ въ 1893 г. памятникъ епископу Бернварду, впрочемъ, мало гармонирующій съ древней архитектурой.

На западъ отъ соборныхъ стѣнъ, въ зданіи бывшаго епископскаго дворца, помѣщается ландгерихтъ, на сѣверъ—нынѣшній дворецъ епископовъ. На югѣ примыкаетъ къ собору довольно старое

зданіе съ рыцарскимъ заломъ, гдѣ помѣщается музей (очень хороши гобелены) и соборная библіотека, насчитывающая 12.000 томовъ книгъ, а также немало рукописей, манускриптовъ и т. д.

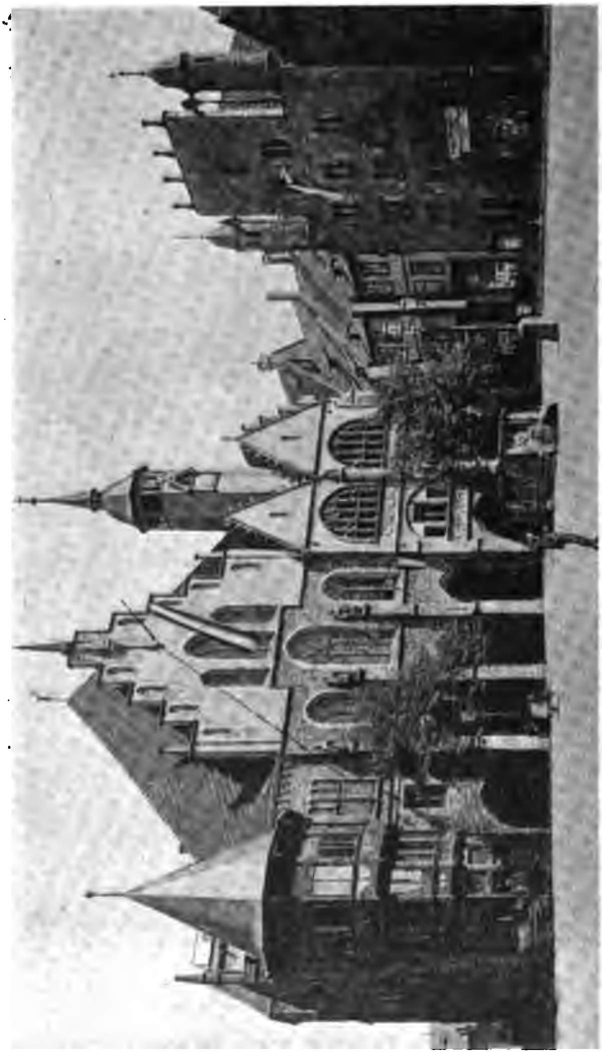
Кромѣ этого музея, имѣется въ Гильдесгеймѣ еще городской, называемый по имени основателя музеемъ Рёмера. Древняя часть зданія до 1858 года была церковью св. Мартина, построенной францисканцами въ 1240 году. Преданіе увѣряетъ, что эта церковь была построена учениками Франциска Ассизскаго, основателя нищенскаго ордена. Новѣйшая пристройка къ этой церкви относится къ 1887 году. Здѣсь немало гипсовыхъ слѣпковъ съ ассирійскихъ, египетскихъ, греческихъ, римскихъ, а также оригиналовъ готическаго стиля, итальянскаго и нѣмецкаго ренессансъ. Произведеніями мѣстнаго искусства являются рѣзные деревянные и каменные орнаменты и фигуры, украшавшіе когда-то дома богатыхъ жителей Гильдесгейма. Въ этомъ музеѣ интересно собраніе камей и геммъ. Среди картинъ и рисунковъ, принадлежащихъ кисти нѣмецкихъ, нидерландскихъ, итальянскихъ художниковъ, мы видимъ нѣсколько хорошихъ оригиналовъ такихъ мастеровъ, какъ Кранахъ, Гольбейнъ, Вуверманъ, Рубенсъ, Каульбахъ. Цѣлая коллекція древнихъ мелкихъ вещей изъ кости, дерева, перламутра. Къ сожалѣнію, всѣ римскія серебряныя вещи временъ Августа, найденныя при раскопкахъ городскихъ урочищъ и перестройкѣ зданій, были увезены въ Берлинъ, и вмѣсто нихъ остались лишь копіи изъ гипса.

Въ этомъ же музеѣ немало такъ же этнографическихъ и естественно-историческихъ коллекцій, но онѣ совершенно замѣнены превосходными произведеніями стариннаго нѣмецкаго искусства, которыя и привлекаютъ особенно путешественниковъ-иностранцевъ.

Обратимъ теперь наше вниманіе на тѣ чудныя средневѣковыя зданія, которыя главнымъ образомъ и привлекаютъ въ Гильдесгеймъ художниковъ и любителей старины и заставляютъ называть его «городомъ-музеемъ». Трудно сказать, которому изъ этихъ домовъ отдать предпочтеніе. Вотъ, напримѣръ, передъ нами такъ называемый «Королевскій домъ». Его постройка относится къ XVI вѣку. На стѣнахъ, между окнами, размѣщены миѳологическія фигуры, а фундаментъ, обшитый деревянными досками съ рѣзными медальонами римскихъ императоровъ, нѣмецкихъ королей, гербами, надписями, орнаментами, является чуднымъ памятникомъ стиля ренессансъ.

Деревянный «домъ цеха мясниковъ» считается однимъ изъ лучшихъ произведеній нѣмецкихъ мастеровъ XV—XVI вѣковъ. Само зданіе готической архитектуры, тонкая же изящная рѣзьба, украшающая всѣ балки, фризы, консоли, карнизы надъ дверями и окнами исполнена въ стилѣ ренессансъ. Недавно реставрированная оригинальная живопись покрываетъ ставни оконъ. Цехъ мясни-

ковъ въ Гильдесгеймѣ былъ самый большой и хорошо организованный. Корпорація мясниковъ особенно процвѣтала въ XIV вѣкѣ. Преданіе сохранило воспоминаніе о праздникахъ и большихъ пирушкахъ корпорантовъ въ этомъ домѣ. Здѣсь же засѣдалъ и то-



Ратуша XIV столѣтія и домъ Тампліеровъ.

варищескій судъ и производилась полицейская расправа. Одна изъ болѣе значительныхъ комнатъ служила мѣстомъ собраній. Въ подвалѣ подъ домомъ хранились и общественныя суммы. Гильдесгеймскіе мясники вели довольно успѣшно борьбу съ аристократіей и широко пользовались своими правами, не допуская кон-

куренціи въ своемъ промыслѣ. Это былъ самый богатый цехъ, долгое время пользовавшійся правомъ «заповѣдной мили» (Bannmeilenrecht). Того же стиля и «старый германскій домъ», обращающій вниманіе своеобразнымъ сочетаніемъ трехъ фронтоновъ

Богадѣльня Роланда.

на одномъ углу и богато украшенный символическими фигурами съ надписями.

Очень красивъ фасадъ городской ратуши. Построенная первоначально въ XVI в., она въ недавнее время подверглась фундаментальной передѣлкѣ, но характеръ прежняго зданія вполнѣ удержанъ. Внутренность ратуши не представляетъ ничего особеннаго, за исключеніемъ главнаго зала, богато декорированнаго

альфресками, изображающими важныя событія изъ исторіи Гильдесгейма. Недалеко отъ ратуши возвышается массивный «домъ Тампліеровъ» съ красивыми боковыми башнями и эркеромъ и вполнѣ сохранившійся съ XV вѣка. Такъ же хорошо уцѣлѣла «бога-

Внутренность церкви св. Михаила.

дѣльня Роланда». Это зданіе съ превосходной рѣзьбой построено въ 1611 году. На разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы отъ богадѣльни находится лютеранская церковь св. Андрея, готическаго стиля, воздвигнутая въ 1195 году. При церкви Андреевскій музей съ богатыми коллекціями скульптурныхъ и рѣзныхъ работъ. Площадь передъ церковью съ нѣсколькими старинными зда-

ніями и съ возвышающейся посреди готической церковной башней невольно переносятъ насъ въ средніе вѣка.

Почти на окраинѣ города, изъ-за деревьевъ довольно некрасиваго бульвара виднѣется древняя церковь св. Годехарда, воздвигнутая въ 1113 г. въ романскомъ стилѣ.

Сзади церкви, въ зданіи бывшаго монастыря, помѣщаются теперь судебныя учрежденія Гильдесгеймскаго округа. Самой же главной святыней города, привлекавшей когда-то толпы пилигриммовъ, считается церковь св. Михаила: здѣсь хранится «древо Креста Господня», бывшее у Людовика Благочестиваго. Церковь построена въ 1001—1022 годахъ. Первоначально шестибашенная базилика, она подвергалась въ теченіе вѣковъ многимъ передѣлкамъ и теперь по наружному виду мало отличается отъ церкви св. Андрея.

Особенно замѣчателенъ плоскій потолокъ въ средней части базилики: покрывающая его романская живопись является чуднымъ образцомъ средневѣковой полихроміи. Остатки галлереи и боковыя части храма съ хорами говорятъ намъ о лучшемъ расцвѣтѣ переходной эпохи отъ романскаго стиля къ готикѣ. Подъ сводами этого храма, въ криптѣ находится и гробница епископа Бернварда, основателя базилики. Останки же его покоятся въ церкви св. Магдалины (XIII в.), въ серебряной ракѣ, сооруженной въ 1750 году. Тутъ же сохраняется и его историческій крестъ, украшенный 230 драгоцѣнными камнями, въ золотой, филигранной оправѣ. Изъ церквей, упраздненныхъ послѣ реформаціи, слѣдуетъ упомянуть о церкви св. Паулины, гдѣ въ настоящее время помѣщается клубъ и ресторанъ. Этотъ храмъ былъ воздвигнутъ въ 1260 г. и близокъ по архитектурѣ къ Андреевскому. Внутри церкви сохранились лишь стѣны, колонны и абсидъ алтаря, видны въ галлереяхъ гробовые камни съ полустертыми надписями, и мавзолеи благочестивыхъ и иныхъ католическихъ епископовъ.

Въ этомъ бывшемъ храмѣ бываютъ и театральныя зрѣлища, да и самый ресторанъ есть нѣчто въ родѣ кафе-шантана. Въ самомъ абсидѣ алтаря очень удобно размѣщенъ бильярдъ. Этотъ ресторанъ особенно посѣщается солдатами мѣстнаго гарнизона. Намъ передавали впрочемъ, что это зданіе въ недалекомъ будущемъ снова обратится въ городскую кирку, о чемъ хлопочетъ мѣстное духовенство, и будетъ по возможности реставрировано въ прежнемъ видѣ, но, конечно, уже не будетъ производить такого впечатлѣнія, какъ католическій храмъ. Но нѣтъ возможности перечислить всѣхъ интересныхъ старинныхъ зданій: ими полонъ Гильдесгеймъ! И горожане понимаютъ, какое сокровище имъ оставили предки, съ любовью относятся къ нему и по возможности стараются, чтобы новыя зданія не вносили слишкомъ большого диссонанса. Это мы можемъ видѣть, напримѣръ, изъ Высокой улицы.

Здѣсь новые дома пристроились къ старымъ, а такихъ улицъ въ Гильдесгеймѣ немало.

Чтобы покончить съ обозрѣніемъ Гильдесгейма, надо упомянуть и старый нѣмецкій трактиръ, находящійся въ не менѣе старомъ домѣ. Внутренность хотя нѣсколько и передѣлана, но все-таки напоминаетъ доброе прежнее время нѣмецкаго бюргерства. Сидя за незатѣйливыми столиками у маленькихъ оконъ, противъ древнихъ построекъ, такъ и переносишься въ XIV вѣкъ, и, по словамъ нѣмецкаго поэта:

Картины дней давно забытыхъ
Выходятъ изъ своихъ могилъ...

А. А. Титовъ.

Нейштадтскій трактиръ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Императоръ Александръ I и проекты конституціи [1]).

ПРОФЕССОРЪ Т. Шиманъ, имѣвшій нѣкоторое время въ своемъ завѣдываніи архивы Рижскаго городского управленія, по оставленіи каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ, уже десять лѣтъ какъ посвятилъ себя спеціальному изученію царствованія императора Николая Павловича.

Вслѣдъ за любопытнымъ сборникомъ архивныхъ матеріаловъ, касающихся кончины императора Павла Петровича и возмущенія 14-го декабря 1823 г., Шиманъ выступилъ съ первымъ томомъ «Исторіи Россіи въ царствованіе императора Николая Перваго».

Хотя эпоха царствованій Александра I и Николая I описывалось неоднократно, а въ послѣднее время весьма обстоятельно съ привлеченіемъ архивныхъ матеріаловъ, но доселѣ многія подробности далеко не получили надлежащаго и полнаго освѣщенія.

Мало того, самые отзывы объ обоихъ царственныхъ братьяхъ весьма противорѣчивы, точно такъ же, какъ и оцѣнка значенія, оказаннаго ихъ дѣяніями на судьбы Россіи и Европы. Оба царствованія въ силу уже хронологической преемственности имѣютъ тѣсную связь, которая еще болѣе усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай I, принявъ послѣ Александра I бразды правленія, во многихъ отношеніяхъ принужденъ былъ подчиняться

---

[1]) Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. B. I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Berlin, G. Reimers Verl. 1904.

прежнему чуждому ему теченію. Поэтому для уразумѣнія истиннаго смысла царствованія императора Николая необходимо точное ознакомленіе съ предшествующимъ царствованіемъ и его задачами.

Первоначально профессоръ Шиманъ предполагалъ посвятить этому предмету только вступительную главу, но богатство и важность собраннаго матеріала расширили рамки этой главы до внушительнаго тома свыше чѣмъ въ 600 страницъ. Такъ какъ автора интересовали преимущественно такія стороны царствованія Александра I, которыя существенно повліяли на направленіе внутренней и внѣшней политики его преемника, то Шиманъ въ разсматриваемомъ томѣ трактуетъ съ большими подробностями польскій вопросъ, русско-прусскія отношенія, порожденныя бракомъ великаго князя Николая Павловича съ прусскою принцессою Шарлоттою, генезисъ восточнаго кризиса до 1825 г., разсматриваетъ внутреннее состояніе Россіи въ связи съ планами преобразованій, намѣчавшимися императоромъ Александромъ, и такъ далѣе. Независимо отъ общихъ характеристикъ и соображеній, высказываемыхъ профессоромъ Шиманомъ на основаніи точнаго ознакомленія съ спеціальною русскою литературою, трудъ нѣмецкаго автора представляетъ особенную цѣнность вслѣдствіе использованія обширнаго матеріала, изученнаго въ берлинскихъ, дрезденскихъ, вѣнскихъ и парижскихъ архивахъ. Такимъ образомъ, трудъ Шимана пополняетъ капитальныя изслѣдованія Н. К. Шильдера, и нѣмецкій авторъ порою расходится во взглядахъ съ русскимъ своимъ собратомъ; онъ подчеркиваетъ, что подробное изученіе трудовъ генерала Шильдера заставило его заново провѣрить и по нѣкоторымъ пунктамъ даже видоизмѣнить результатъ собственнаго самостоятельнаго изученія данной эпохи.

Исчерпать въ небольшой статьѣ содержаніе матеріала, собраннаго профессоромъ Шиманомъ въ его изслѣдованіи, является дѣломъ тѣмъ болѣе труднымъ, что одни уже приложенія къ этому тому, заключающія въ числѣ прочаго извлеченія изъ переписки князя Ливена и Татищева съ Нессельроде, великой княгини Александры Θеодоровны съ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и императоромъ Александромъ, содержатъ въ себѣ много интереснаго и малоизвѣстнаго.

Недостатокъ мѣста, однако же, заставляетъ насъ ограничиться только общею характеристикою личности Александра; затѣмъ мы разсмотримъ его отношенія къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя по примѣру Польши должны были распространиться на всю имперію.

Наиболѣе удивительнымъ послѣдствіемъ общественнаго и политическаго переворота, произведеннаго Петромъ Великимъ, было то, что при ближайшихъ его преемникахъ порвалась умственная связь между правителями и народомъ.

Въ теченіе цѣлаго почти столѣтія Россійская держава переходила изъ рукъ въ руки путемъ узурпаціи власти—старая Московская Русь была отодвинута на задній планъ и съ пассивностью славянской натуры послушно подчинялась суровой энергіи, съ которою надъ нею экспериментировали искатели приключеній, большею частью, нѣмецкаго происхожденія, руководившіе правителями и правительницами, быстро чередовавшимися. По игрѣ слѣпой случайности, нѣмецкой принцессѣ, совершенно чуждой Россіи, пришлось вернуть творенію Петрову обаятельную мощь и создать себѣ великое имя въ исторіи; но хотя Екатерина Вторая съ большою чуткостью проявляла внѣшнее почтеніе къ національнымъ чувствамъ и предубѣжденіямъ своихъ подданныхъ, однако на самомъ дѣлѣ и по своему мышленію и по образованію она была сильно офранцужена. И сама императрица, и почти все взрощенное ею поколѣніе русскихъ царедворцевъ и государственныхъ людей пріобрѣли космополитическую окраску, въ дѣлахъ религіи проявляли полнѣйшее равнодушіе, а въ политическомъ отношеніи руководились самыми беззастѣнчивыми соображеніями государственнаго эгоизма, не признавая никакихъ этическихъ колебаній. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что такому же офранцуженію подпалъ и весь кругъ высшихъ русскихъ правительственныхъ чиновниковъ и военнаго начальства подъ вліяніемъ двора. Между сливками общества, воспитанными въ чужестранныхъ нравахъ и тяготѣвшими къ чужеземной культурѣ, и народомъ русскимъ, сознаніе общности могло сказываться лишь, поскольку это обусловливалось отношеніями господъ къ крѣпостнымъ, да и само правительство составляло себѣ представленіе о народѣ по свѣдѣніямъ, почерпаемымъ только чрезъ чиновничій міръ.

Если аристократическій космополитизмъ не создалъ между народомъ и высшимъ классомъ средостѣнія, то объясняется это вліяніемъ церкви и домашняго воспитанія. Православная церковь, несравненно болѣе терпимая, чѣмъ римско-католическая, мало вмѣшивается во внутреннюю жизнь паствы, требуя отъ нея лишь выполненія извѣстныхъ обрядовыхъ формъ; вотъ эта-то внѣшняя общность церковной жизни и оказалась тѣмъ связующимъ народъ и высшіе классы звеномъ, которое въ теченіе долгаго времени восполнило несовершенство національнаго самосознанія.

Съ другой стороны, несмотря на многочисленность иностранныхъ гувернеровъ, столь популярныхъ въ русскихъ дворянскихъ семьяхъ той эпохи, на домашнемъ воспитаніи сказывалось весьма благотворно—въ смыслѣ поддержанія народнаго духа—вліяніе мужской и женской крѣпостной дворни.

Такимъ образомъ подъ вылощенныя формы французской культурности постоянно прокладывала себѣ путь струя стародавнихъ московскихъ нравовъ, а эти послѣдніе, проникая всѣ впечатлѣнія

дѣтства, прочно и почти инстинктивно утверждались въ самосознаніи русскихъ баръ.

Воспитательная обстановка, въ которой протекли дѣтскіе и юношескіе годы великаго князя Александра, конечно, сдѣлать изъ него русскаго человѣка не могла. Лагарпъ, какъ убѣдительно доказываютъ конспекты его лекцій, воспитывалъ своего царственнаго питомца въ духѣ Руссо и преклоненія предъ оторваннымъ отъ дѣйствительности идеальнымъ человѣчествомъ въ естественномъ состояніи; въ то же время педагогъ-швейцарецъ, вѣрный республиканскимъ завѣтамъ, внушалъ попутно будущему наслѣднику престола, указывая какъ знатные царедворцы заискивали и предъ нимъ, Лагарпомъ, предполагая въ немъ большую вліятельность: «Видишь ты этихъ подлецовъ? Не вѣрь имъ, но старайся казаться къ нимъ благосклоннымъ, осыпай ихъ впослѣдствіи крестами, звѣздами, но въ то же время и презрѣніемъ; друга же себѣ постарайся найти внѣ этой сферы, и тогда ты будешь счастливъ».

Призывы къ скрытности и притворству тѣмъ легче усваивались юнымъ Александромъ, что ему приходилось постоянно лавировать между бабкою и отцомъ, убѣжденія которыхъ діаметрально расходились. Хотя Екатерина и шла такъ далеко въ своихъ привязанностяхъ къ внуку, что мечтала возвести его на престолъ, устранивъ отъ власти Павла, она не смѣла ни овладѣть воображеніемъ Александра, ни дать его фантазіи дѣятельной и разнообразной пищи. По утвержденію князя Адама Чарторижскаго, за эту задачу взялся Павелъ и при помощи Аракчеева развилъ въ Александрѣ пристрастіе къ военщинѣ и ко всѣмъ крайностямъ вахтпарадной муштровки. Кромѣ поверхностнаго всезнайства, привитаго великому князю его наставниками, заботъ о серьезномъ умственномъ его развитіи не прилагалось вовсе. Да и сама императрица Екатерина нисколько не заботилась о томъ, чтобы подготовить своего любимца-внука къ предстоящей ему царственной доли, путемъ ознакомленія его съ разными отраслями государственнаго управленія.

Въ результатѣ, по свидѣтельству Чарторижскаго, и получилось то, что Александръ Павловичъ, котораго женили чуть ли не на порогѣ отрочества, отвлекаемый свѣтскими, военно-служебными и дворскими обязанностями, за все время, что былъ великимъ княземъ, не успѣлъ прочесть до конца ни единой серьезной, сколько нибудь назидательной книги.

Поверхностность и притворство могли у Александра только еще сильнѣе развернуться въ царствованіе Павла Петровича. Несомнѣнно воодушевленный наилучшими намѣреніями и не только проникнутый убѣжденіемъ въ своемъ могуществѣ, но и ясно сознававшій въ противоположность своей родительницѣ, что политика должна служить цѣлямъ блага, справедливости и безкорыстному

водворенію порядка въ Европѣ, императоръ Павелъ по необузданности и вспыльчивости характера легко утрачивалъ всякую власть надъ своими чувствами, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; сужденія его и порывы воли опредѣлялись случайными импульсами, чуждыми планомѣрности и разумнаго обоснованія. Вскорѣ подозрительность императора дошла до того, что онъ началъ относиться съ нескрываемой враждебностью и къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великому князю Александру Павловичу и напалъ на сумасбродную мысль усыновить своего тринадцатилѣтняго племянника, принца Евгенія Вюртембергскаго, дабы, женивъ на любимой своей дочери Екатеринѣ, назначить наслѣдникомъ престола. Это утвержденіе историка Бернгарди — которымъ собраны весьма цѣнные архивные матеріалы по новѣйшей исторіи Россіи — опирается на подробное изученіе бумагъ принца Вюртембергскаго; принцъ, оправдываясь въ своей неповинности въ узурпаціонныхъ замыслахъ, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Ja wenn der Kaiser Paul verrückte Pläne hatte, so ist das doch nicht meine Schuld. Ich war damals ein Knabe von 13 Jahren, über den man verfügte ohne ihn zu fragen».

Оставляя въ сторонѣ событія 11—23 марта 1801 г., приведшія къ перемѣнѣ царствованія, Шиманъ отмѣчаетъ, что въ открывшуюся затѣмъ эру спѣшныхъ государственныхъ мѣропріятій, которыми Александръ I думалъ уврачевать раны, нанесенныя Россіи произволомъ и горячностью Павла, молодой императоръ, несмотря на свое показное свободомысліе, былъ очень далекъ отъ мысли коренныхъ преобразованій.

Когда, по вызову Александра, сенатъ сдѣлалъ робкую попытку дать такое опредѣленіе кругу своихъ правъ и обязанностей, которое бы возымѣло своимъ послѣдствіемъ ограниченіе державныхъ правъ въ конституціонномъ духѣ, Александръ съ большою твердостью ввелъ сенатъ въ прежнія рамки.

Затѣявъ править Россіею при содѣйствіи негласнаго «Комитета благоденствія», Александръ, по почину Кочубея, Строганова, Чарторижскаго и Новосильцева, предполагалъ ко дню своего коронованія даровать подданнымъ нѣчто въ родѣ англійскаго Habeas corpus act'a.

Существенныя статьи этого проекта заключались въ слѣдующемъ:

1) До произнесенія судебнаго приговора подсудимый не можетъ быть ограничиваемъ въ своихъ правахъ.

2) Призываемый на судъ въ правѣ избрать себѣ защитника, и какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ допускается право отвода судей по законнымъ поводамъ.

3) Кто въ теченіе трехъ дней послѣ заарестованія не подвергнется допросу, въ правѣ требовать отъ ближайшихъ властей немедленнаго освобожденія изъ-подъ ареста.

4) По обвиненіямъ въ оскорбленіи величества наказуемы лишь дѣянія, но отнюдь не разговоры и не письменные документы.

5) Однажды получившій оправданіе по суду отнюдь не можетъ быть вторично привлекаемъ къ суду по тому же дѣлу.

6) Жалобы частныхъ лицъ противъ правительства должны быть разсматриваемы по правиламъ существующаго судопроизводства совершенно такъ же, какъ и всякія иныя жалобы.

7) Никакія подати и налоги не подлежатъ введенію иначе, какъ путемъ именныхъ указовъ, объявляемыхъ сенатомъ во всеобщее свѣдѣніе.

Этотъ проектъ, скомпанованный скорѣе по польскому, чѣмъ по англійскому образцу, грѣшитъ въ смыслѣ основного закона уже тѣмъ, что игнорируетъ вопросъ о свободѣ личности. Законопроектъ этотъ, какъ и многія другія мѣропріятія Александра, оказался только призракомъ и осуществленія не получилъ.

Замѣна коллегій министерствами и учрежденіе государственнаго совѣта оказались единственными проявленіями теоретическаго либерализма, который у государя совмѣщался съ глубоко вкоренившеюся, упорною любовью къ неограниченной власти. Остальныя задуманныя М. М. Сперанскимъ государственныя преобразованія, удостоившіяся высочайшаго одобренія въ октябрѣ 1809 г., точно такъ же остались мертвою буквою.

Основная мысль преобразованій Сперанскаго была имъ наглядно намѣчена въ видѣ нижеслѣдующей схемы:

Неограниченная власть императора.

Государственный совѣтъ.

Управленіе.	Законодательство.	Юстиція.
Министерства въ соединеніи съ правительствующимъ сенатомъ.	Государственный сеймъ.	Сенатъ, вѣдающій судебныя дѣла.
Губернскія управленія.	Губернскія земскія собранія.	Губернскія судебныя установленія.
Уѣздныя управленія.	Уѣздныя земскія собранія.	Уѣздныя судебныя установленія.
Волостныя управленія.	Волостныя собранія.	Волостные суды.

Преобразованія свои Сперанскій строилъ на французской конституціи 1799 года. Ея-то начала Сперанскій и пытался пригнать по возможности къ русскимъ обстоятельствамъ. Исходя изъ волости, какъ земской единицы, Сперанскій восходитъ къ организаціи уѣзда, а затѣмъ къ губернскому представительству и нако-

нецъ къ государственному сейму, или «государственной думѣ», которая, совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ и государемъ, отправляетъ законодательныя функціи, тогда какъ соотвѣтствующія административныя инстанціи, беря свое начало въ волостномъ управленіи и судѣ, находятъ увѣнчаніе въ государственномъ совѣтѣ и царѣ.

Хотя государю и принадлежитъ законодательный починъ, законъ вступаетъ въ силу лишь послѣ того, какъ законопроектъ, получивъ надлежащую обработку и утвержденіе въ государственномъ совѣтѣ, удостоится высочайшей санкціи. Правительство вольно издавать административныя распоряженія, но отвѣтствуетъ за то, чтобы ими не нарушались законы. Поэтому во избѣжаніе законопротивности Сперанскій рекомендуетъ и правительственныя распоряженія, предварительно ихъ введенія, подвергать разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ.

Такимъ образомъ, къ категоріи законовъ Сперанскій относитъ даруемый государемъ конституціонный актъ и принадлежащіе сюда органическіе законы, т.-е. узаконенія гражданскія, уголовныя, торговыя, крестьянскія, а равно и всѣ относящіеся до этой части разъяснительные и дополнительные законы: судебные уставы, учрежденія правительственныхъ мѣстъ и органовъ, и, наконецъ, законы, касающіеся установленія и собиранія налоговъ и обложенія народа податями и повинностями, имѣющими постоянный или временный характеръ—безразлично. Всѣ остальныя распоряженія, касающіяся порядка управленія, предоставляются усмотрѣнію правительства, но подъ его отвѣтственностью.

Въ связи съ этимъ устанавливаются опредѣленія относительно правъ подданныхъ, которые подраздѣляются: а) на дворянство, б) купцовъ, мѣщанъ и иныхъ свободныхъ людей и в) состоящихъ въ крѣпостной зависимости крестьянъ. За всѣми гражданами усвояются одинаковыя для всѣхъ и неотъемлемыя права (переложеніе на русскій ладъ droits de l'homme).

Формулируются права эти въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ:

1) Никто не можетъ быть подвергнутъ какому либо наказанію помимо судебнаго приговора.

2) Никто не долженъ отправлять личныхъ услугъ по произволу другого, но самый законъ опредѣляетъ въ зависимости отъ сословнаго положенія личности родъ и объемъ службы или личныхъ повинностей, какія данная личность обязана отправлять [1]).

---

[1]) Въ примѣчаніи Сперанскій поясняетъ: такъ какъ, согласно пункту 1-му, крѣпостнымъ предоставлены права обращенія къ суду, то это освобождаетъ ихъ отъ подсудности помѣщикамъ и уравниваетъ предъ закономъ съ остальными гражданами. Согласно же второму пункту, крестьяне освобождаются отъ произвольной сдачи въ рекруты. «На этомъ покоится личная свобода». Этимъ путемъ фактически крѣпостная зависимость постепенно подвергалась бы упраздненію.

3) Всякій имѣетъ право пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество, распоряжаясь имъ на общемъ законномъ основаніи (владѣніе недвижимыми населенными имѣніями ограничивается, однако же, принадлежностью къ извѣстнымъ сословіямъ).

4) Никто не обязанъ оказывать матеріальныхъ услугъ по произволу другого.

Несомнѣнно, при послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь этихъ четырехъ положеній и крѣпостной зависимости и сословному неравенству былъ бы вскорѣ положенъ конецъ. Но, устанавливая начала гражданскаго равноправія для всѣхъ русскихъ подданныхъ, Сперанскій былъ далекъ отъ распространенія этого же принципа на политическія права. Эти права ставятся въ зависимость отъ владѣнія опредѣленными недвижимостью или движимымъ капиталомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаютъ нѣкоторый образовательный цензъ, ближайшимъ образомъ, однако же, не обозначенный.

Такимъ образомъ, пользованіе въ полномъ объемѣ правами политическими и гражданскими усвоялось только за дворянствомъ родовымъ и служилымъ (изъ чиновничества), а изъ средняго класса только отдѣльнымъ лицамъ предоставляются политическія права, въ зависимости отъ имущественнаго положенія; рабочій же людъ и крестьянство при всѣхъ обстоятельствахъ остаются обойденными политическими правами.

Такимъ образомъ, строй устанавливается аристократично-плутократическій, ибо политическими правами надѣляются дворянство, чиновничество и богатое купечество.

Подъ политическими правами Сперанскій разумѣлъ активное соучастіе въ дѣятельности государственныхъ установленій, вѣдающихъ законодательствомъ, управленіемъ и судебною частью.

Такъ какъ дѣятельность высшихъ государственныхъ установленій (государственнаго совѣта, государственной думы, сената и министерствъ) имѣла обнять всю имперію, то для достиженія большаго единообразія Сперанскій признавалъ необходимымъ въ дополненіе къ существовавшей уже организаціи мѣстнаго управленія раздѣлить Россію политически заново. Вся государственная территорія распадается на области и губерніи—первыя, окраинныя, (Сибирь, Кавказъ со включеніемъ Астрахани, земля войска Донского и Новороссія) удерживаютъ нѣкоторыя особенности въ соотвѣтствіи съ мѣстными обычаями, но въ то же время подчиняются общимъ единообразнымъ государственнымъ законамъ. Губерніи образуются изъ районовъ съ численнымъ составомъ населенія отъ 100 до 300 тысячъ душъ и распадаются каждая на 2—5 уѣздовъ, а эти послѣдніе разбиваются на волости, отдѣльными центрами для которыхъ служатъ мѣстечки или села, имѣющія церковь.

Къ этому новому политическому раздѣленію имперіи пріурочивается и система народнаго представительства.

Фундаментомъ, на который опирается все прочее, является нижняя основная ячейка—волость. Въ волости образуется каждое трехлѣтіе собраніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ и старшинъ казенныхъ имѣній (волостная дума); оно избираетъ членовъ мѣстнаго управленія, провѣряетъ и утверждаетъ мѣстныя приходо-расходныя смѣты, выбираетъ депутатовъ въ окружную думу и представляетъ послѣдней о мѣстныхъ нуждахъ.

Окружная дума составляется изъ избираемыхъ на три года представителей отъ волости. Дума избираетъ членовъ въ окружной совѣтъ и судъ, а равно депутатовъ въ губернскую думу, которая, въ свою очередь, такимъ же порядкомъ избираетъ представителей въ государственную думу.

Государственная дума безъ всякаго созыва собирается каждую осень, и сессія ея продолжается, пока не будутъ разсмотрѣны всѣ вносимые на ея разсмотрѣніе законопроекты.

Дума можетъ быть закрыта или распущена только на основаніи мотивированнаго рѣшенія правительства, одобреннаго государственнымъ совѣтомъ.

Участіе въ засѣданіяхъ государственной думы для ея членовъ обязательно, а избираемый ею изъ своего состава предсѣдатель утверждается высочайшею властью и именуется «канцлеромъ государственной думы».

Занятія въ государственной думѣ распредѣляются между шестью комиссіями (государственныхъ законовъ, гражданскихъ законовъ, уставовъ и правительственныхъ распоряженій, финансовъ, по разсмотрѣнію министерскихъ смѣтъ и отчетовъ, по разработкѣ соображеній о государственныхъ нуждахъ и недостаткахъ).

Каждая комиссія избираетъ изъ своего состава предсѣдателя и завѣдующаго дѣлопроизводствомъ, а министры, каждый по своей компетенціи, или одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта вноситъ въ соотвѣтствующую комиссію подлежащія разрѣшенію предположенія. Починъ можетъ исходить отъ комиссій лишь по вопросамъ, касающимся государственныхъ нуждъ и недостатковъ, или привлеченія къ отвѣтственности министровъ или, наконецъ, представленіи объ обнаруженныхъ нарушеніяхъ основныхъ законовъ.

О компетенціи общаго собранія государственной думы записка Сперанскаго умалчиваетъ и она производитъ такое впечатлѣніе, будто функціи общаго собранія сводятся здѣсь къ избранію канцлера, завѣдующаго дѣлопроизводствомъ и членовъ въ спеціальныя комиссіи думы.

Далѣе предполагалось изъ состава правительствующаго сената выдѣлить тайный кабинетъ, который и привлекался бы для обсужденія съ государемъ чрезвычайныхъ и тайныхъ дѣлъ.

Въ отношеніи организаціи судебной части достаточно отмѣтить, что всѣ судьи предполагались выборными, а за сенатомъ усваивалось значеніе высшей инстанціи.

Этотъ конституціонный проектъ удостоился высочайшаго одобренія въ октябрѣ 1809 года. Несомнѣнно, по сравненію съ прошлымъ, онъ обѣщалъ русскому народу чрезвычайно широкія реформы: участіе въ законодательствѣ, разсмотрѣніи бюджета; онъ давалъ самоуправленіе во всѣхъ областяхъ управленія, гарантію равенства передъ судомъ, защиту противъ административнаго произвола, отвѣтственность министровъ—все это въ общемъ итогѣ представляло нѣчто бо̀льшее, чѣмъ принципіальное подведеніе Россіи подъ понятіе правового государства.

Мысль Сперанскаго перемѣстить центръ тяжести занятій государственной думы въ спеціальныя комиссіи вполнѣ оправдывается. Позволительно усомниться, замѣчаетъ профессоръ Шиманъ, чтобы въ началѣ XIX вѣка россійскій «рейхстагъ» могъ проявить достаточную политическую зрѣлость, которая предполагаетъ гласное и всестороннее обсужденіе государственныхъ вопросовъ и интересовъ. Наоборотъ, занятія въ спеціальныхъ комиссіяхъ могли сдѣлаться прекрасною школою для политическаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ представлялось основаніе надѣяться, что вопіющіе недостатки, сопряженные съ системою крѣпостной зависимости, вслѣдствіе всесторонних преобразованій государственнаго управленія, были бы устранены совершенно непримѣтно, а этимъ, разумѣется, Россія совершила бы громадный и плодотворнѣйшій шагъ впередъ.

Нельзя, однако же, не признать, что конституціонный проектъ Сперанскаго былъ очень далекъ отъ совершенства и зрѣлости: наиболѣе крупнымъ его недостаткомъ было то, что онъ предъявлялъ русскому обществу такія задачи, съ которыми оно едва ли бы сумѣло справиться. Можно, конечно, допустить, что русское общество постепенно сжилось бы съ новыми распорядками. Устраненіе цѣлаго ряда коренныхъ недостатковъ, обусловленныхъ всею прежнею системою государственнаго и городского управленія, дало бы существенныя выгоды, которыя и пересилили бы недочеты малой подготовленности русскаго міра къ жизни и трудамъ, намѣчавшимся въ конституціонныхъ формахъ преобразованій Сперанскаго. Необходимо было только заранѣе примириться съ неизбѣжностью нѣсколькихъ лѣтъ броженія и, пожалуй, даже подавленія отдѣльныхъ революціонныхъ вспышекъ; преодолѣвъ эти смуты и неурядицы, Россія вышла бы изъ нихъ обновленною на новый путь. Но все это грандіозное предпріятіе могло осуществиться лишь подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ государь взялъ въ свои руки послѣдовательное выполненіе дѣла коренной общественной реформы и всецѣло подчинилъ бы этому дѣлу все прочее, отмежевавъ лишь ничтожную роль сложнымъ задачамъ внѣшней политики, которыя о себѣ столь властно заявляли въ ту критическую эпоху, когда пришлось дѣйствовать Александру. Петръ Великій такъ именно и поступилъ, когда въ разгаръ борьбы со шведами,

не стѣсняясь ею, затѣялъ провести сложную систему намѣченныхъ имъ государственныхъ преобразованій, создавшихъ изъ Московіи Россійскую имперію. Но Александръ отнюдь не унаслѣдовалъ положительной мощи Петра, и по самой своей природѣ проявлялъ скорѣе пассивныя, чѣмъ активныя склонности; ему чужда была любовь къ творчеству, а гдѣ Александръ и становился на почву реформъ, его душа искала главнымъ образомъ эстетическихъ наслажденій, вытекающихъ изъ благороднѣйшихъ намѣреній и возвышеннѣйшихъ чувствованій. Потребность претворить всѣ эти теоретическіе запросы въ дѣянія и воплотить ихъ въ реальныя формы политической жизни Александру была присуща въ ничтожной степени, а въ довершеніе всего отъ этихъ тяжелыхъ задачъ, требовавшихъ отъ государя неимовѣрныхъ напряженій, онъ постоянно отвлекался событіями міровой политики.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ предположеній Сперанскаго практическое осуществленіе получило лишь учрежденіе государственнаго совѣта. Повидимому,—говоритъ профессоръ Шиманъ,—первую мысль о необходимости пожертвовать Сперанскимъ въ Александрѣ заронила записка Карамзина о древней и новой Россіи, врученная государю въ мартѣ 1811 года чрезъ великую княгиню Екатерину Павловну.

Хотя Карамзинъ и не называетъ прямо Сперанскаго, но подчеркиваетъ въ своей запискѣ тотъ фактъ, будто бы въ затѣянныхъ преобразованіяхъ слѣдуетъ искать истинную причину всеобщаго неудовольствія, ибо намѣченныя реформы ослабляютъ и расшатываютъ самодержавную власть и свободный личный починъ неограниченнаго монарха. На взглядъ консерваторовъ начала XIX вѣка, истинное благо Россіи зиждется на абсолютизмѣ, и только на немъ. Пусть дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ являются охранителями законовъ, но надъ ними долженъ вздыматься государь, какъ единственный законодатель и единый источникъ всяческой власти. Это начало и составляетъ краеугольную основу русской государственности, которая можетъ быть укрѣплена или ослаблена тѣми принципами, какіе государь захочетъ проводить въ жизнь.

Такія разсужденія, конечно, въ корнѣ опорачивали всѣ какъ осуществленныя, такъ и намѣчавшіяся Сперанскимъ съ одобренія государя преобразованія.

Противники Сперанскаго на разные лады старались утвердить государя въ мысли, что при наличныхъ политическихъ обстоятельствахъ его любимецъ дѣлается прямо таки вреднымъ и опаснымъ. Отсюда до принятія рѣшенія удалить Сперанскаго оставался одинъ шагъ, разъ угроза неминуемой войны съ Наполеономъ стала обрисовываться все явственнѣе.

Несомнѣнно, вступая въ борьбу съ Наполеономъ, государь, ради самой ея успѣшности, долженъ былъ сосредоточить въ сво-

ихъ рукахъ всѣ способы и средства непреклоннаго абсолютизма. Въ эту критическую эпоху преобразовательные планы оказывались и несвоевременными и неосуществимыми, а такъ какъ русское общество именно въ Сперанскомъ провидѣло носителя превратныхъ французскихъ передовыхъ идей, то его-то и слѣдовало устранить. Поэтому постепенно была придумана басня объ измѣнѣ Сперанскаго и о его преступныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, хотя самъ государь никогда ни на минуту ей не вѣрилъ.

Вся эта интрига, подробно и документально изложенная у Шильдера, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что зачинщиками ея являлись дѣятели, находившіеся въ непосредственной и тѣсной близости къ государю (Аракчеевъ, князь Голицынъ, князь Волконскій, великая княгиня Екатерина, Ростопчинъ, Карамзинъ, Балашевъ и принявшій на себя починъ въ проискахъ баронъ Армфельдтъ).

17-е (29-е) марта 1812 года, день паденія Сперанскаго, отмѣчаетъ поворотную точку въ жизни Александра: французскій «курсъ» въ его правленіи со всѣми его упованіями, иллюзіями, разочарованіями и колебаніями завершился, повидимому, окончательно.

Сосредоточивъ всецѣло въ своихъ рукахъ направленіе совокупностью политическихъ мѣропріятій Россіи,—что въ ту эпоху было равносильно господству надъ политикою европейскаго континента,—государь съ удивительнымъ искусствомъ завязываетъ сношенія со всѣми недругами Наполеона, отъ Бернадота и испанскихъ кортесовъ до Штейна включительно, и не даетъ порваться ни одной изъ этихъ нитей, которыя должны были привести Наполеона къ роковой развязкѣ; съ неослабнымъ самообладаніемъ оберегаетъ тайну истинныхъ своихъ намѣреній и дѣйствій и безъ всякой докучливой притязательности добивается личнаго преобладанія надъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и императоромъ Францомъ.

Грубая дѣйствительность тяжелыхъ испытаній, сопровождавшихъ борьбу за освобожденіе, отравила, однако же, Александру всю радость «преодолѣнія супостата». Александръ отлично видѣлъ и понималъ ошибки и промахи своихъ союзниковъ и военачальниковъ и также трезво оцѣнивалъ Бородинскій бой и пожаръ Москвы, какъ всѣ дальнѣйшія событія, обусловленныя трусливостью Фридриха-Вильгельма, вѣроломствомъ Франца, двоедушіемъ Меттерниха и проч. Вездѣ и всегда люди въ глазахъ Александра рисовались жалкимъ ничтожествомъ и малодушными трусами. Чего хотѣлъ и чего добивался Александръ и съ какой возвышенной точки зрѣнія оцѣнивалъ онъ общеевропейскіе политическіе вопросы, теперь извѣстно вполнѣ достовѣрно изъ общей инструкціи дипломатическимъ миссіямъ, утвержденной государемъ 13-го мая 1815 года въ Вѣнѣ.

En suivant les événements politiques et militaires,—читаемъ мы здѣсь,—on acquiert la conviction intime des vérités suivantes:

1) Que la Grande Alliance a du sès succès à l'ascendant de l'opinion publique sur les conseils de la plupart des cabinets.

2) Que cette force entrainante de l'opinion était le fruit de l'esprit du siècle developpé par la révolution et porté à un haut degré d'exaltation par le déspotisme français.

3) Que cet esprit du siècle propagé chez toutes les nations et joint au malheur des temps produisit la tendance des peuples au régime guerrier et celle non moins prononcée à une existence constitutionnelle.

По мнѣнію профессора Шимана, всего примѣчательнѣе въ этой инструкціи основа, на которой она строится.

Среди европейскихъ государей Александръ былъ единственный, для кого либеральныя начала революціи 1789 года, воспринятыя отъ Лагарпа, не утратили значенія завѣтныхъ идеаловъ. Тамъ, гдѣ Александръ въ практическихъ проявленіяхъ своей политики и отклонялся отъ этихъ идеаловъ, каждый разъ легко прослѣживаются и особенныя внѣшнія побужденія, оправдывающія или извиняющія такія уклоненія.

Такъ какъ никакія человѣческія силы не могутъ втиснуть современнаго направленія умовъ въ прежнее русло, то истинною задачею Вѣнскаго конгресса, по мнѣнію Александра, было произвести надлежащую переоцѣнку нравственному состоянію народовъ и съ этой точки зрѣнія упорядочить составъ территорій, государственно правовыя условія и взаимоотношенія между государствами, союзъ коихъ долженъ отнынѣ образовать единую европейскую семью.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, Александръ былъ чрезвычайно недоволенъ хартіею, дарованною Людовикомъ XVIII Франціи, ибо находилъ, что на королѣ лежала обязанность предоставить самому французскому народу выработать конституцію. Точно также Александръ почиталъ за крупную политическую ошибку, что Вѣнскій конгрессъ не обусловилъ повсемѣстно введенія системы народнаго представительства; только этимъ путемъ и была бы осуществена истинная цѣль конгресса, долженствовавшая установить для Европы всеобщее и полное равновѣсіе. Александръ не скрывалъ отъ себя и того, что самый союзъ, состоявшійся между Англіею, Франціею, Австріею и Баваріею 3-го января 1815 года, являлся прямою угрозою и противовѣсомъ личнымъ его конституціоннымъ стремленіямъ. Онъ такимъ образомъ становился предъ альтернативою: либо навязывать свои принципы европейскимъ государствамъ силою оружія, либо видоизмѣнить ихъ. Такъ какъ первое было бы нелѣпостью, то Александръ и пошелъ на уступки въ реакціонномъ духѣ.

Такимъ образомъ состоялись соглашенія относительно Польши, Саксоніи, Сардиніи и пр., хотя во время переговоровъ Александръ

и пытался пускать въ ходъ всевозможные способы, «дабы оберечь права и интересы народовъ, которые понесенными безчисленными жертвами пріобрѣли новыя права на успокоеніе и благоденствіе».

Точно также мысль о распространеніи болѣе или менѣе либеральныхъ государственныхъ установленій на Россію въ частности не покидалась императоромъ Александромъ даже и послѣ паденія Сперанскаго.

Дарованная Польшѣ конституція имѣла въ глазахъ государя значеніе только подготовительнаго шага, и въ тронной рѣчи, которою Александръ открылъ сеймъ 1818 года, было прямо высказано, что конституція для цѣлокупной Россіи составляетъ завѣтную цѣль истинныхъ стремленій императора.

На этомъ намѣреніи государь стоялъ твердо и поручилъ Новосильцеву выработать новый проектъ государственнаго устройства для Россіи.

Уже въ октябрѣ 1819 года Новосильцевымъ были составлены предварительныя соображенія насчетъ конституціи; безусловно одобренныя императоромъ, они получили дальнѣйшую обработку, но проектъ Новосильцева такъ и остался лежать въ кабинетѣ государя въ ожиданіи благовременнаго высочайшаго утвержденія.

Предварительный проектъ Новосильцева перепечатанъ профессоромъ Шиманомъ въ «Historische Zeitschrift», томъ 36, Neue Folge, а окончательная Новосильцевская «Charte constitutionnelle de l'Empire de Russie» издана тѣмъ же Шиманомъ въ Берлинѣ въ 1903 г., согласно точному списку съ подлинника, хранящагося въ петербургскихъ архивахъ [1]).

Многое въ Новосильцевской конституціи 1819 г. напоминаетъ преобразовательный проектъ Сперанскаго 1809 года.

Проектъ Сперанскаго послужилъ какъ бы основою для новаго построенія, въ которомъ былъ принятъ въ соображеніе опытъ, почерпнутый Новосильцевымъ и государемъ въ конституціи Польши и въ тѣхъ требованіяхъ эпохи, которыя знаменовались реакціею. Поэтому народное представительство, пріуроченное Сперанскимъ къ имущественному цензу, въ проектѣ Новосильцева облекается въ формы чисто совѣщательнаго органа, функціонирующаго въ тѣхъ предѣлахъ, какіе установлятся по произволенію самодержавнаго государя.

Другая существенная разница между проектами 1809 и 1819 годовъ заключается въ томъ, что вмѣсто предлагавшейся Сперанскимъ системы однопалатнаго представительства Новосильцевъ проектировалъ систему двухпалатную. Расширенный сенатъ долженъ былъ служить верхнею палатою, а нижняя палата, опираясь

---

[1]) Подробная статья о Новосильцевской конституціи напечатана въ «Новомъ Времени» за 1905 г., въ №№ 10.606, 10.608 и 10.618.

на собранія по намѣстничествамъ, должна была образоваться частью изъ выборныхъ представителей, частью же изъ назначаемыхъ по усмотрѣнію правительства. Обѣ палаты въ общей своей совокупности составляли государственный сеймъ, которому соотвѣтствовали бы въ намѣстничествахъ намѣстническія собранія и въ губерніяхъ—губернскія, тоже состоящія изъ двухъ палатъ.

Въ видѣ общаго правила для выборовъ во всѣ нижнія палаты требуется достиженіе кандидатомъ 30-лѣтняго возраста, обладаніе полными правами гражданства и уплата извѣстныхъ налоговъ, точный размѣръ которыхъ устанавливается по каждому намѣстничеству особо.

Государственный сеймъ входитъ въ обсужденіе законопроектовъ, вносимыхъ государственнымъ совѣтомъ по высочайшему повелѣнію и касающихся увеличенія или пониженія налоговъ, ихъ распредѣленія, разсмотрѣнія государственнаго бюджета и иныхъ предметовъ, какіе государю угодно будетъ поручать разсмотрѣнію на сеймѣ. Сеймъ далѣе обсуждаетъ составляемый въ общемъ собраніи государственнаго совѣта общій отчетъ о наличномъ положеніи государства и провѣряетъ таковой въ спеціальныхъ своихъ комиссіяхъ (по законодательству, по управленію и по финансовой части).

Далѣе сеймъ заслушиваетъ тѣ представленія, съ которыми депутаты вхóдятъ отъ имени своихъ довѣрителей, и препровождаетъ извлеченія изъ этихъ представленій, въ видѣ точно формулированныхъ на письмѣ (en cahiers) пожеланій, въ государственный совѣтъ для поднесенія ихъ на высочайшее разрѣшеніе.

Составленные въ государственномъ совѣтѣ законопроекты могутъ быть обсуждаемы и въ спеціальныхъ комиссіяхъ сейма, но для дальнѣйшей переработки, согласно соображеніямъ, высказаннымъ въ комиссіяхъ, опять возвращаются обратно въ государственный совѣтъ. За государемъ усвояется право созывать сеймъ, продолжать его сессіи, закрывать и распускать его.

Обычная продолжительность сессіи опредѣляется въ 30 дней. Отъ усмотрѣнія же государя зависитъ, въ какую изъ палатъ долженъ быть внесенъ извѣстный законопроектъ, обсужденіе котораго вполнѣ свободно и гласно.

Голосованіе производится устно, простымъ большинствомъ голосовъ, при чемъ результатъ его заносится въ видѣ только выраженія мнѣнія или пожеланія.

Если законопроектъ принимается одною палатою, то другая палата не въ правѣ уже вносить никакихъ измѣненій въ проектъ, но должна просто его принять или отвергнуть.

По принятіи законопроекта обѣими палатами, онъ представляется государю, который воленъ его утвердить или отклонить.

Не исключаются изъ выборовъ ни чиновники, ни военные, но какъ тѣ, такъ и другіе должны на это получить разрѣшеніе отъ начальства.

Оставляя въ сторонѣ ближайшія подробности «конституціонной хартіи», достаточно оговорить, что новый конституціонный аппаратъ имѣлъ цѣлью установить болѣе дѣйствительный контроль за бюрократіею и обусловить для государя возможность дѣйствительнаго ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ страны и ея нуждами.

«Конституціонная хартія» Новосильцева совершенно устраняла возможность законодательнаго почина снизу; за народнымъ представительствомъ усвоялся строго совѣщательный характеръ, а правительству давался полный просторъ не только непосредственно влiять на выборы, но еще путемъ тщательнаго отбора отстранять неблагонадежные элементы отъ участія въ парламентской дѣятельности.

Менѣе показной характеръ, но тѣмъ болѣе дѣйствительное значеніе представляли статьи «конституціонной хартіи», которыя касаются обособленія юстиціи отъ администраціи и вообще устройства судебной части.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ положенія общаго характера, которыми государь гарантируетъ всѣмъ подданнымъ равенство предъ закономъ и неприкосновенность личной свободы и частной собственности отъ какихъ либо посягательствъ и насилій.

Статьи эти 82—98 составлены по англійскому образцу, вліяніе котораго отразилось и на польской конституціи.

Означенныя статьи приводятся здѣсь въ переводѣ:

82.

Никто не можетъ быть обвиненъ, заарестованъ и подвергнутъ заключенію иначе, какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и при соблюденіи формальностей, закономъ же предписанныхъ.

83.

Всякій арестъ, основанный на произволѣ, является преступленіемъ, наказуемымъ по уголовнымъ законамъ.

84.

Лицо, подвергающееся аресту, немедленно поставляется письменно въ извѣстность о причинахъ его заарестованія.

85.

Всякій заарестованный долженъ быть представленъ судьѣ въ трехдневный срокъ или, если формальности судопроизводства того потребуютъ, долженъ быть препровожденъ, самое позднее, въ шестидневный срокъ, въ компетентный судъ для опроса или судоговоренія съ соблюденіемъ установленныхъ формъ судопроизводства. Должностныя лица, которыя окажутся виновными въ несоблюденіи

настоящаго предписанія во всей его точности, подлежатъ взысканіямъ. Если обвиняемый при первомъ же разслѣдованіи оправдается, онъ подлежитъ немедленному освобожденію.

86.

Во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, лицо, внесшее залогъ, можетъ быть отпущено на свободу.

87.

Никто не можетъ понести наказаніе иначе, какъ по установленіямъ закона, опубликованнаго до совершенія закононарушенія и законнымъ образомъ примѣненнаго компетентнымъ судомъ.

88.

Помилованіе въ путяхъ милосердія допускается въ отношеніи лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, ссылкѣ или каторжнымъ работамъ на срокъ свыше 15 лѣтъ.

89.

Свобода печати симъ гарантируется, а особый законъ установитъ способы для подавленія злоупотребленій печатнымъ словомъ.

90.

Всякій русскій подданный воленъ переселяться въ чужіе края, перемѣщая туда и свою личность и свое достояніе, при точномъ соблюденіи правилъ, на этотъ счетъ существующихъ.

91.

Русскому народу навѣки даруется народное представительство. Представительство это будетъ заключаться въ сеймѣ (diète), состоящемъ изъ государя и изъ двухъ палатъ. Первая высшая палата образуется изъ сената, а вторая—палата пословъ (депутатовъ)—изъ провинціальныхъ пословъ и представителей отъ общинъ.

92.

Гражданскія, общественныя и военныя должности могутъ быть отправляемы лишь лицами, состоящими въ русскомъ подданствѣ.

93.

Всякій иностранецъ, заручившись легитимаціею, наравнѣ съ прочими гражданами пользуется покровительствомъ законовъ и тѣми выгодами, какія послѣдними обезпечиваются. Наравнѣ съ русскими подданными иностранцы могутъ пребывать въ предѣлахъ страны, покидать ее и возвращаться туда обратно, сообразу-

ясь съ установленными на этотъ счетъ правилами. Иностранцы вольны также пріобрѣтать въ Россіи недвижимыя имущества.

94.

Всякій иностранецъ, націонализированный въ Россіи и усвоившій себѣ знаніе русскаго языка, можетъ быть допущенъ къ отправленію общественныхъ обязанностей, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Россіи, при безукоризненномъ поведеніи.

95.

Государь, однако же, можетъ, по собственному почину, либо по представленію государственнаго совѣта, допускать къ отправленію общественныхъ обязанностей иностранцевъ, пріобрѣтшихъ извѣстность своими дарованіями.

96.

Общественные чиновники, служащіе по административной части, могутъ быть отставляемы отъ должностей только тою властью, которая ихъ къ нимъ и опредѣляетъ. Власти обязаны сообразоваться съ правилами, на сей счетъ устанавливаемыми.

Всякій общественный чиновникъ безъ исключенія отвѣтственъ за свои служебныя дѣйствія.

97.

Всякая собственность, каковы бы ни были ея природа и наименованіе, находящаяся на поверхности земли или въ ея нѣдрахъ, и кому бы таковая ни принадлежала, объявляется священною и ненарушимою. Никто и ни подъ какимъ предлогомъ не въ правѣ покушаться на чужую собственность. Совершившій же покушеніе на чужую собственность признается нарушителемъ общественнаго спокойствія и, какъ таковой, подлежитъ карѣ.

98.

За всѣмъ тѣмъ правительство въ правѣ потребовать отъ частнаго лица, чтобы оно поступилось въ интересахъ общественной пользы своею собственностью, за которую предварительно и уплачивается справедливое вознагражденіе.

Особый законъ опредѣлитъ случаи и правила примѣненія этого начала.

Проведеніе въ жизнь этихъ общихъ положеній, самихъ по себѣ взятыхъ, несомнѣнно, повліяло бы на измѣненіе коренныхъ основъ общественной и частной жизни Россіи гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ осуществленіе остальныхъ преобразованій Сперанскаго и Новосильцева. Оно въ силу неизбѣжности постепенно упразднило бы крѣпостное состояніе, такъ какъ помѣщики утратили бы право рас-

поряжаться свободою, собственностью и жизнью своихъ «крѣпостныхъ душъ».

Для истинной оцѣнки Александра весьма знаменательно, что онъ не внесъ въ практику своей правительственной системы даже той части пресловутыхъ «общихъ положеній», которыя, нисколько не ограничивая его самодержавной власти, могли быть проведены въ порядкѣ чисто административномъ. Мы здѣсь имѣемъ прежде всего въ виду произволъ въ области правосудія и управленія и полную безнаказанность богатыхъ землевладѣльцевъ, высокопоставленныхъ чиновниковъ и офицеровъ въ отношеніи всѣхъ чинившихся ими беззаконій и злоупотребленій.

Тутъ, какъ и въ иныхъ областяхъ дѣятельности, у Александра сказался столь свойственный ему недостатокъ настойчивости въ проведеніи своей воли даже тамъ, гдѣ онъ сознательно понималъ недочеты существующихъ распорядковъ. Единственное извиненіе, которое можно привести въ пользу Александра, это то, что онъ относился столько же съ недовѣріемъ, какъ и съ презрѣніемъ къ тѣмъ орудіямъ, которыми онъ вынужденъ былъ пользоваться.

Очертивъ на основаніи показаній мемуаристовъ и авторитетныхъ русскихъ сочиненій глубокое противорѣчіе между идеально задумывавшимися предначертаніями государя и тѣми наличными обстоятельствами и дѣятелями, съ коими Александру постоянно приходилось считаться, профессоръ Шиманъ останавливается на его тѣсной связи съ Аракчеевымъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ императора къ ближайшимъ сотрудникамъ неизмѣнно повторяется одно и то же явленіе.

Обаятельный и вкрадчивый, Александръ придавалъ сношеніямъ съ отличаемыми имъ любимцами характеръ чрезвычайной довѣренности и близости. Самъ крайне подозрительный, онъ требовалъ беззавѣтнаго довѣрія отъ близкихъ ему, быстро охладѣвалъ въ симпатіяхъ и начиналъ тяготиться вліяніемъ и возможными честолюбивыми замыслами своихъ приближенныхъ. Когда наступалъ этотъ психологическій моментъ, государю достаточно было только проявить неблаговоленіе къ прежнему любимцу, и на него обрушивались соперники и враги со своими происками и интригами, которыя и приводили дѣло къ развязкѣ, помимо непосредственнаго участія самого государя, и такимъ образомъ отъ дѣятельности отстранялись всѣ тѣ, чьи услуги становились неугодными государю. Такой характеръ имѣло паденіе и Сперанскаго и князя Голицына. Давнишнія отношенія Александра къ Лагарпу, сильно пошатнувшіяся еще въ 1818 году, свелись совсѣмъ на нѣтъ, когда Лагарпъ вслѣдъ за Веронскимъ конгрессомъ позволилъ себѣ не одобрить предъ Александромъ его политики по греческому вопросу. Близость къ Парроту порвалась въ 1814 году и по подобнымъ же при-

чинамъ. Такую же развязку получила тѣсная связь Александра съ барономъ фонъ-Штейномъ [1]).

Единственный человѣкъ, который прочно застраховалъ себя отъ царской немилости, былъ Аракчеевъ. Послѣ войнъ за освобожденіе онъ получилъ особенную силу въ комитетѣ министровъ.

Министровъ съ докладами государь къ себѣ не допускалъ, а единственнымъ докладчикомъ при немъ состоялъ Аракчеевъ, и министры были низведены на положеніе его подначальныхъ чиновниковъ. Властолюбіе Аракчеева распространялось не только на сущность важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, но и на всѣ подробности управленія; поэтому онъ старался проводить свою волю и въ крупныхъ дѣлахъ, и въ мелочахъ, а такъ какъ Александръ Павловичъ, въ противоположность отцу, тяготился всякимъ кропотливымъ трудомъ, то постепенно всѣ государственныя дѣла, за исключеніемъ внѣшней политики, были уже отнесены къ сферѣ компетенціи комитета министровъ до сенатскихъ рѣшеній включительно, и Аракчеевъ постепенно превратился чуть не въ полномочнаго регента. Миновать Аракчеева не представлялось никакой возможности. Его упорное прилежаніе и любовь къ порядку позволяли ему преодолѣвать дѣйствительно гигантскій трудъ, а такъ какъ Аракчеевъ былъ очень мстителенъ, ревновалъ государя ко всѣмъ, кто былъ взысканъ его милостями, и умѣло оттиралъ нежелательныхъ людей отъ непосредственныхъ сношеній съ государемъ, то вскорѣ «змій»—какъ называли Аракчеева недруги—сдѣлался хотя и всѣми ненавидимымъ, но грознымъ вершителемъ судебъ Россіи.

Правда, Аркачеевъ имѣлъ за собою и серьезные плюсы: работоспособность его была необычайна, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ и незауряднымъ искусствомъ извлекать изъ подчиненныхъ все, что могло послужить на пользу преслѣдуемыхъ имъ цѣлей; по первому же взгляду онъ умѣлъ оцѣнивать людей по достоинству и ставилъ ихъ на надлежащее мѣсто; въ своихъ рѣшеніяхъ онъ былъ скоръ, умѣлъ настойчиво проводить ихъ; то, что обѣщалъ, выполнялъ неукоснительно, и при томъ оказывался совершенно недоступенъ ни взяточничеству, ни постороннимъ вліяніямъ и давленію. Независимо отъ этихъ положительныхъ чертъ характера, Аракчеевъ оказался для Александра незамѣнимымъ и по другимъ еще причинамъ — онъ въ рукахъ государя всегда оставался слѣпымъ орудіемъ; всегда на все готовый и на все способный, неутомимый, не гонявшійся за популярностью и равнодушный къ ненависти окружающихъ, онъ умѣлъ, какъ никто другой, предугадывать намѣренія государя и мысль его воплощать въ практическія формы. Приспособляясь къ измѣнчивымъ настроеніямъ сво-

---

[1]) См. нашу статью «Баронъ фонъ-Штейнъ при императорской главной квартирѣ»—«Историческій Вѣстникъ» за сентябрь, октябрь и ноябрь 1905 г.

его повелителя и подчиняясь имъ безпрекословно, Аракчеевъ никогда не дерзалъ выступать предъ Александромъ со своими собственными воззрѣніями, отлично постигнувъ, что главная причина немилости, въ свое время постигшей Сперанскаго, Лагарпа, Штейна и Паррота, въ томъ именно и заключалась, что они стремились поучать Александра, тогда какъ тотъ жаждалъ удивленія и похвалъ своимъ дѣяніямъ и у сотрудниковъ искалъ найти лишь подтвержденіе и одобреніе для принимаемыхъ имъ рѣшеній. Поэтому для самолюбія Александра Аракчеевъ оказывался необходимымъ, являясь незамѣнимымъ исполнителемъ всѣхъ его порывовъ и велѣній, — этимъ только и можетъ быть объяснено, какъ тонкій и чувствительный умъ государя могъ уживаться съ грубою и внутренне черствою натурою Аракчеева.

По мнѣнію Шимана, исключительное возвышеніе Аракчеева объясняется и тѣмъ еще, что государь прочилъ его на разрѣшеніе несравненно болѣе сложной задачи, чѣмъ созданіе военныхъ поселеній, которымъ онъ особенно подкупилъ Александра.

Въ матеріалахъ, собранныхъ историкомъ Т. фонъ-Бернгарди, сохранилась любопытная записка прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ за послѣднюю эпоху царствованія Александра Павловича, генерала Шёлера, гдѣ, между прочимъ, сообщается, что импереторъ считался съ тѣмъ, что его царство, составленное изъ крайне разнородныхъ элементовъ, при огромной протяженности, можетъ быть доступно потрясеніямъ и отпаденію иныхъ изъ окраинъ. Вмѣсто какихъ либо пріемовъ руссификаціи, желаніе предупредить серьезныя потрясенія въ имперіи на случай попытокъ къ отторженію ея окраинъ и побуждало государя придерживаться своеобразныхъ принциповъ управленія. Хотя единичныя проявленія ихъ и сказывались въ конкретныхъ фактахъ, но истинная и коренная сущность наблюдаемыхъ явленій оставалась непонятною для массы и разгадывалась лишь ближайшимъ антуражемъ государя (а въ томъ числѣ и кн. Волконскимъ и Дибичемъ), чрезъ которыхъ генералъ Шёлеръ и получилъ истинную освѣдомленность въ этомъ дѣлѣ. Государь невозмутимо поощрялъ внутреннее развитіе и объединеніе отдѣльныхъ окраинъ имперіи. Такъ, къ Финляндіи была присоединена Выборгская губернія и Карелія и установленъ своеобразный государственный строй. За Прибалтійскими губерніями были подтверждены исконныя привилегіи, а освобожденіемъ въ этомъ краѣ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости проведена рѣзкая демаркаціонная линія, отдѣлившая его отъ коренной Россіи. Въ Польшѣ введены были конституція и самостоятельное управленіе а для Литвы допущено образованіе національнаго войска, такъ какъ литовскій корпусъ спеціально комплектовался мѣстными уроженцами. Наконецъ, особенная организація намѣчалась и для Новороссіи съ Таврическимъ полуостровомъ. Что же касается коренной

Россіи, то государь стремился ее обособить, сдѣлавъ ее настолько сильною, чтобъ она могла держать въ надлежащей уздѣ и всѣ окраины. Система военныхъ поселеній, которая заводилась именно въ коренной части имперіи и имѣла свой прототипъ въ австрійскихъ «граничарахъ», должна была послужить краеугольной основою для всей государственной организаціи, такъ какъ коренная Россія въ этихъ поселеніяхъ нашла бы подходящіе способы и средства для осуществленія своего владычества надъ окраинами.

Это показаніе генерала Шёлера заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что никакія заявленія и дѣянія Александра ему не только не противорѣчатъ, но скорѣе, наоборотъ, иные загадочные поступки только и находятъ себѣ разумное объясненіе, если допустить, что указываемый генераломъ Шёлеромъ планъ дѣйствительно исподволь проводился государемъ въ жизнь. Только такимъ замысломъ и можно, напримѣръ, обосновать тѣ попустительства и поощренія, какія государь проявлялъ въ отношеніи стремленій къ ополяченію Литвы, Волыни и Подоліи—вѣдь даже и въ тѣ годы, когда открывшіеся заговоры обнаружили стремленія Польши къ полному отдѣленію, правительство не принимало никакихъ мѣръ къ огражденію сосѣднихъ провинцій отъ ополяченія.

Равнымъ образомъ этотъ планъ рисуетъ въ новомъ свѣтѣ и конституціонныя стремленія государя.

Намѣстничества Новосильцевскаго проекта обнимали всю имперію, со включеніемъ Финляндіи, Польши и Прибалтійскаго края. Эти три окраины въ силу допущенныхъ уже для нихъ вольностей оказывались самостоятельными единицами и нашли бы только въ государственномъ сеймѣ способъ къ объединенію съ конституціонною жизнью русскихъ намѣстничествъ. Путемъ какихъ именно комбинацій полагалъ Александръ возможнымъ согласить обще-имперскую конституціонную хартію Новосильцева съ интересами болѣе широкаго народнаго представительства въ Финляндіи или Польшѣ,—осталось тайною, которую Александръ унесъ съ собою въ могилу. Во всякомъ случаѣ достовѣрно одно: императоръ Александръ и въ 1825 году такъ же упорно тяготѣлъ къ планамъ государственныхъ преобразованій, какъ прежде, но только все откладывалъ свое рѣшеніе относительно окончательнаго ихъ формулированія. 28-го августа 1825 г., незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Александръ имѣлъ продолжительныя объясненія съ Карамзинымъ, которому позволялось откровенно высказываться по щекотливымъ вопросамъ.

«Sire, vos années sont comptées, — внушалъ Карамзинъ государю,—vous n'avez plus rien à remettre et vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de votre régne soit digne de son beau commencement».

По соображеніямъ, приводимымъ Н. К. Шильдеромъ (томъ IV, стр. 352 и примѣч. 395 и 396) и великимъ княземъ Николаемъ

Михайловичемъ («Строгановъ», т. II, Протоколы засѣданій неофиціальнаго комитета), Карамзинъ могъ здѣсь намекать только на преобразованія государственнаго строя. На это государь одобрительно кивнулъ исторіографу головой и, улыбаясь, подтвердилъ на словахъ, что онъ все доведетъ до конца и даруетъ странѣ новые основные законы.

Но судьба разсудила иначе: Гамлетъ въ порфирѣ сошелъ со сцены, не осуществивъ многаго изъ своихъ замысловъ и не оставивъ ни политическаго, ни личнаго завѣщанія. Преемнику же Александра пришлось считаться съ массою неразрѣшенныхъ ихъ инипіаторомъ вопросовъ: по винѣ покойнаго императора оказалась полная неопредѣленность въ порядкѣ престолонаслѣдія; противъ обширнаго, давно назрѣвавшаго, военнаго заговора не предпринималось никакихъ мѣръ, и, хотя о существованіи его Александръ былъ освѣдомленъ уже четыре года, онъ ограничился тутъ престранною и непонятною ролью хладнокровнаго наблюдателя. Польскій вопросъ искусственно былъ созданъ императоромъ, но всего сдѣланнаго для окончательнаго умиротворенія поляковъ оказалось недостаточно, а плодившіеся одинъ за другимъ политическіе заговоры указывали на массу горючаго матеріала, которая тлѣла на западной окраинѣ. Недоразумѣнія съ Турціею настолько были обострены, что новому правительству предстояла дилемма: либо политическаго униженія, либо объявленія войны. Государственныя преобразованія свелись къ бумажнымъ проектамъ, а продажность правосудія, произволъ и вопіющія злоупотребленія въ области управленія и всѣ ужасы крѣпостного состоянія продолжали царить во всей полнотѣ, вопреки всѣмъ благимъ начинаніямъ Лагарповъ, Сперанскихъ и Новосильцевыхъ.

Такимъ образомъ, итогъ жизненной дѣятельности Александра, которому расточались прозвища ангела, грека-византійца и Гамлета въ порфирѣ, оказался далеко не изъ удачныхъ, и наслѣдіе, завѣщанное имъ Николаю, легло на послѣдняго тяжелымъ бременемъ.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Священника Попова. Съ четырьмя рисунками. Спб. 1905.

КНИГА эта представляетъ собою обстоятельно составленный историческій очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ нашихъ замѣчательныхъ церковныхъ дѣятелей XVIII столѣтія, Арсенія Мацѣевича. Знаменитый ростовскій митрополитъ, сдѣлавшійся жертвой своей фанатической защиты духовныхъ имуществъ отъ посягательства свѣтскихъ властей, долгое время былъ предметомъ нападковъ и недоброжелательства со стороны нашихъ историковъ. Болѣе объективно отнесся къ нему С. М. Соловьевъ, который, находя его дѣятельность слишкомъ партійной и сословно эгоистической, отдавалъ, однако, должное твердости его характера и осуждалъ императрицу Екатерину II за ея жестокость къ нему. Совсѣмъ на другую точку зрѣнія сталъ покойный В. А. Бильбасовъ, который пишетъ: «Легко убѣдиться, что среди лицъ, толпившихся у трона Екатерины, были холопы, способные поддакивать каждому слову, но не было людей, знающихъ дѣло, не было дѣятелей, обладающихъ государственнымъ умомъ. Екатерина увидѣла изъ дѣла Мацѣевича, что съ духовенствомъ можно и не церемониться... Къ чести русскаго духовенства, былъ достойный пастырь (Арсеній Мацѣевичъ). Онъ былъ фанатикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ доношеніи своемъ Арсеній съ прямотою, дѣлающею ему честь, и съ достоинствомъ архипастыря высказываетъ свой взглядъ на секуляризацію». (Исторія Екатерины II, т. II, стр. 255, 217, 231).

На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и авторъ разбираемаго изслѣдованія. «Дѣло Арсенія отмѣчено удивительною для XVIII вѣка широтою его взглядовъ и благородствомъ пріемовъ, которые вполнѣ освобождаютъ его отъ об-

виненія въ фанатизмѣ. Онъ не ограничивался узкою сферою церковности, а ратовалъ за обязательное значеніе тѣхъ гражданскихъ законовъ, которые имѣли органическую связь съ церковною народною жизнію... Рѣдкое сочетаніе ничѣмъ непобѣдимой непреклонности убѣжденій среди тяжелыхъ многолѣтнихъ страданій за нихъ и защита церковнаго богатства при личной нестяжательности выдѣляютъ Арсенія Мацѣевича изъ всѣхъ современныхъ ему іерарховъ и равняютъ его съ беззавѣтными поборниками правды» (стр. 264). Несмотря на это, авторъ излагаетъ добросовѣстно факты и помѣщаетъ въ своей книгѣ немало матеріала, далеко не соотвѣтствующаго нѣсколько апологетическому характеру его сочиненія. Что Арсеній былъ недюжинной личностью—это несомнѣнно; достаточно указать на его отношеніе къ Бирону. Онъ имѣлъ мужество отказаться принести присягу Бирону, когда тотъ сталъ регентомъ Россіи, и, наоборотъ, относился къ нему весьма сочувственно, когда временщикъ палъ. «Неудачи Бирона,—пишетъ авторъ,—трогали Арсенія». «Удивительная вещь,—говоритъ онъ по поводу неудачъ Бирона,—въ Митавѣ счастье Бироновъ, какъ сырая головня горитъ». Впослѣдствіи Биронъ при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ Арсенію за это свою благодарность» (стр. 15, 23). «Однако, рядомъ съ этимъ Арсеній всегда обнаруживалъ жестокость и другія черты характера, особенно отталкивающія въ іерархѣ: полемическіе пріемы его отличались крайней грубостью; будучи инквизиторомъ, онъ запыталъ до смерти игумена Трифона; страстью Мацѣевича были лошади, которыхъ у него было до 600, и вотъ какія инструкціи давалъ онъ завѣдующему его конскими заводами: «По полученіи сего ѣхать тебѣ въ митрополичую нашу вотчину, въ село Никольское, и отвести туда съ бережностью вороного жеребца къ заводу и поставить въ отдѣлъ; и какъ онаго, такъ и прочихъ жеребцовъ, содержать на добромъ корму и въ чистотѣ, и у каждаго отдѣла, или назвать—чулана, у двери были бы желѣзныя цѣпи, а сверхъ того деревянныя засовки или надежнаго запору, чтобъ жеребецъ изъ чулану не вырвался и себя бъ не повредилъ, и того смотрѣть накрѣпко. А кобылъ пригонныхъ кормить колосомъ, а къ тому поддавать посаднаго овса, чтобъ до весны ихъ справить. Марта мѣсяца съ пятаго на десять числа начатокъ сдѣлать—жеребцовъ къ кобыламъ пропускать отъ рукъ, а потомъ жеребцовъ повыдержать завременно, не давая имъ овса... А кобылъ караваномъ въ полѣ пасти на добрыхъ кормахъ и водопояхъ, и жеребцовъ по іюнь мѣсяцъ, а потомъ жеребца привязать въ чуланъ, а кобылъ пустить въ табунъ. А которые конюхи будутъ пасти кобылъ и смотрѣть за ними накрѣпко, дабы жеребца къ постороннимъ кобыламъ, конечно, не припускали; а если окажется въ томъ ихъ плутовство, то сѣчь ихъ плетьми безъ милости, а съ вѣдомостями къ вамъ писать о томъ. А будущему жеребцу ходить въ [illegible] [illegible], чтобъ у крестьянъ вашихъ отъ кобылъ завелись [illegible] лошади для ихъ удовольствія; а крестьянамъ [illegible] [illegible] [illegible] къ нимъ [illegible]. А караванъ кобылъ пасти съ [illegible] [illegible] [illegible], конечно, не [illegible], а [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], чтобъ жеребецъ съ жеребцами не сходились и между собою не грызлись, за что ты, [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible] и съ [illegible]

немилосердно плетьми разсѣчены будете, со взятіемъ тяжкаго штрафа, и въ ономъ ты съ нимъ будь согласенъ безъ опущенія» (стр. 58—59). Послѣ этого, конечно, нельзя согласиться со слѣдующимъ утвержденіемъ автора: «Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ оказалось, что митрополитъ ростовскій, защищая церковное имущество, самъ не имѣлъ почти ничего (?) и хлопоталъ не изъ-за своихъ интересовъ: у него описали только незначительное имущество. Велика у него была только библіотека: она состояла изъ русскихъ, польскихъ, чешскихъ, латинскихъ и другихъ книгъ. Онъ самъ лично былъ полнымъ нестяжателемъ (?), что въ особенности поразительно, если сравнить его въ этомъ отношеніи съ другими іерархами его вѣка, жившими и одѣвавшимися невѣроятно богато, какъ, напримѣръ, съ Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ или Іоанникіемъ воронежскимъ, дававшимъ свои деньги взаймы, не иначе, какъ съ залогомъ или съ обезпеченнымъ обязательствомъ, и оставившимъ послѣ себя громадную по своему времени сумму»... (стр. 151). Конечно, жестокость и другія неподобающія для святителя черты въ характерѣ Арсенія объясняются нравами высшаго духовенства того времени, хотя и то не безусловно: такія лица, какъ Стефанъ Яворскій, св. Митрофаній Воронежскій, Димитрій Ростовскій, Тихонъ Задонскій, были совершенно чужды имъ. Въ книгѣ о. Попова собранъ богатый матеріалъ, характеризующій жестокость и любостяжательность тогдашнихъ нашихъ владыкъ.

Не можемъ также согласиться мы съ тѣмъ, что авторъ говоритъ по поводу открытія мощей св. Димитрія Ростовскаго объ искренней набожности императрицы Екатерины II. Ученица Вольтера менѣе всего отличалась теплымъ религіознымъ чувствомъ,—это знаетъ всякій, кто читалъ ея бумаги.

«Адамъ Васильевичъ,—пишетъ она, напримѣръ, разъ послѣ исповѣди своему управляющему кабинетомъ Олсуфьеву:—выдай батюшкѣ 600 рублевъ; онъ простилъ мнѣ всѣ мои грѣхи».

Несмотря на эти промахи, по богатству новаго матеріала и по добросовѣстному отношенію къ нему, книга о. Попова является настоящимъ вкладомъ въ нашу историческую литературу и не можетъ быть обойдена молчаніемъ ни однимъ изъ нашихъ историковъ церкви. Написана она живо и читается съ большимъ интересомъ. При всемъ, однако, талантѣ о. Попова, ему не удается вполнѣ реабилитировать ростовскаго владыку.

В. Строевъ.

Музей Подольскаго церковнаго историко-археологическаго общества. I. Опись старопечатныхъ книгъ. Составилъ протоіерей Е. Сѣцинскій. Каменецъ-Подольскъ. 1905.

Описаніе старопечатныхъ книгъ Подольскаго музея представляетъ очень цѣнный вкладъ въ славяно-русскую библіографію и по достоинству займетъ въ наукѣ мѣсто рядомъ съ трудами Каратаева, Ундольскаго, Головацкаго, Родосскаго. Съ серьезнымъ знаніемъ дѣла, внимательностью и любовью авторъ описалъ около 200 (194) названій, большинство которыхъ предста-

влено въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Книги въ описи расположены въ хронологическомъ порядкѣ изданія. Послѣ названія книги и указанія мѣста и времени изданія ея обозначается форматъ изданія и количество листовъ, страницъ и столбцовъ книги со ссылкой на болѣе извѣстные библіографическіе труды. Очень оригинальную и важную особенность описи составляетъ внесеніе въ нее рукописныхъ надписей и замѣтокъ, имѣющихся на книгахъ. «Хотя эти надписи,—говоритъ авторъ,—большею частью относятся къ самымъ книгамъ, указывая, кѣмъ, когда, куда или для кого пріобрѣтена и подарена та или другая книга, но онѣ имѣютъ нерѣдко значеніе и для мѣстной исторіи церквей и монастырей, пополняя скудныя свѣдѣнія о нихъ, сообщая свѣдѣнія о священнослужителяхъ, благотворителяхъ и т. п. Нѣкоторыя же надписи на старопечатныхъ книгахъ могутъ имѣть и болѣе широкое историческое значеніе, сообщая о разныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Подоліи, изображая предъ нами отношенія нашихъ предковъ къ храму, его священнослужителямъ, къ церковно-богослужебнымъ книгамъ и т. п.». Дѣйствительно, рукописныя надписи на книгахъ представляютъ большой интересъ. Помимо указаній, относящихся къ самымъ книгамъ (гдѣ и какимъ образомъ и съ какими цѣлями онѣ пріобрѣтались, куда, кѣмъ и когда были пожертвованы и т. д.), здѣсь встрѣчаемъ свѣдѣнія о происходившихъ въ краѣ гражданскихъ и военныхъ событіяхъ, о важнѣйшихъ метеорологическихъ явленіяхъ и разныхъ бытовыхъ сторонахъ народной жизни, фактахъ и происшествіяхъ счастливыхъ и несчастныхъ, которые имѣли какое либо значеніе въ народной жизни и заслуживали увѣковѣченія. Вотъ какъ, напримѣръ, описывается солнечное затменіе, бывшее 14-го іюля 1748 года: «Въ сей день, по Божественному смотрѣнію, грѣхъ ради нашихъ солнце въ тьму прелагашеся... начатъ предъ полуднемъ аки часъ единъ или полчаса и бысть часовъ три. Съ полудне аки полчаса бысть аки луна несовершенна; во четыре (часа) дни и паки начатъ рости». 23-го февраля 1764 года «кометы стоялы въ ночи, пять кометъ на западѣ, але пошло два на сѣверъ, два на югъ, пятый остався на западѣ». Очень картинно описывается сѣверное сіяніе, бывшее въ 1719 году: «Дня 12 декемврія, року 1719, въ субботу на той часъ дню будущему... тилко зойшла зорныця, стали зори столпами высоти здаваючися, тилко не до полъ неба досягающіи, коліору мѣнячого, червоного бардзо и билого, которіи стали отъ востоку и такъ ширилися полночною страною ажъ до западу, мѣнючися бардзо дивне, потемъ знову... до востоку... и зникли». Много здѣсь встрѣчаемъ свѣдѣній объ атмосферическихъ явленіяхъ, имѣвшихъ неблагопріятныя экономическія послѣдствія для края. Въ 1728 году «зима великая упала отъ Димитрія и лежала до послѣ Благовѣщенія. Тои жъ зимы ожеледа (гололедица) на лѣси великая була впала, ажъ лѣси поломала». Въ 1736 году «была болѣзнь на людяхъ; болѣли на голову и кашель... и многіе умирали». Въ 1737 году «вѣтеръ страшливый бувъ, доми зривавъ и дерево вывертавъ. А потомъ тридневная хороба заразъ зачалася, на которую людей мѣсцами віеле поумирало». Въ 1738 году «земля тряслася въ Петровъ постъ первой недѣли, въ среду, на св. Ермія, 31 числа мѣсяца мая». Въ 1748 году «зима была бардзо тяжела на товаръ. Въ томъ же року горы сунулися и мѣсцами западалися». Немало также есть записей о

современныхъ политическихъ событіяхъ; здѣсь встрѣчаемъ такія топографическія частности или такую оцѣнку событій съ точки зрѣнія мѣстнаго населенія, что нельзя сомнѣваться въ положительномъ значеніи этихъ указаній для исторической науки.

Не лишена интереса и очень характерна для нашихъ россійскихъ нравовъ исторія старопечатнаго отдѣленія Подольскаго музея. Въ Подольской епархіи, хотя она возсоединена съ православіемъ еще въ концѣ XVIII вѣка, богослуженіе во многихъ церквахъ до 60-хъ годовъ XIX вѣка совершалось по уніатскимъ богослужебнымъ книгамъ. Подольскіе архіереи, замѣчая это во время ревизій, доносили объ этомъ святѣйшему синоду, который распорядился изъять изъ употребленія уніатскія изданія богослужебныхъ книгъ и замѣнить ихъ изданіями православной печати. Мѣстные причты, одни по недосмотру, другіе по недоразумѣнію, стали собирать, а затѣмъ представлять благочиннымъ въ тюкахъ всѣ старыя богослужебныя книги не только уніатскаго изданія, но и православныя, оставляя при церкви лишь тѣ, какія были въ постоянномъ употребленіи, такъ что обойтись безъ нихъ было уже невозможно. Благочинные, получивъ тюки такихъ книгъ, препровождали ихъ въ консисторію, гдѣ ихъ безъ пересмотра складывали на чердакъ и въ подземелье, такъ какъ свободнаго помѣщенія для нихъ не оказалось. Въ такомъ положеніи оставались эти книги до 70-хъ годовъ, когда онѣ предоставлены были въ распоряженіе Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета, одинъ изъ членовъ котораго, учитель мѣстной гимназіи, Т. И. Бѣленькій, взялся описать книги. Предоставивъ для этой работы двѣ комнаты во время масленицы и первой недѣли Великаго поста, консисторія затѣмъ потребовала немедленно очистить это помѣщеніе, необходимое для канцелярскихъ занятій. Комитету пришлось экстренно перевезти большую часть этихъ книгъ въ подвальный этажъ мѣстной семинаріи и запереть на ключъ. Помѣщеніе это находилось въ сосѣдствѣ съ комнатой, занятой служителями семинаріи, которые, подобравъ ключъ, стали продавать эти книги старьевщикамъ и подтапливать ими печки. Когда члены комитета спохватились, то уже оказались безвозвратно погибшими многія цѣнныя изданія и даже уникаты. Многія изъ нихъ только и извѣстны по описанію Т. Бѣленькаго. Отсюда—описаніе старопечатныхъ книгъ Подольскаго музея имѣетъ еще особенную цѣнность, обусловленную столь частыми у насъ случайностями научнаго вандализма, такъ какъ, благодаря этому описанію, теперь отъ старопечатныхъ книгъ уже останется слѣдъ при самыхъ печальныхъ случайностяхъ... **А. Лотоцкій.**

Музыкально-этнографическіе очерки А. Маслова. Калики перехожіе на Руси и ихъ напѣвы. Историческая справка и мелодико-техническій анализъ. Спб. 1905.

Изученіе русскаго народнаго стиха, продукта народнаго творчества, тѣсно связано съ исторіей церковной музыки въ Россіи съ самаго ея возникновенія, одновременно съ принятіемъ христіанства. У древнихъ славянъ музыка и пѣніе были тѣсно связаны съ обрядами древней религіи, жрецы которой были въ то

же время пѣвцами и выразителями религіозныхъ вѣрованій народа. При возникновеніи христіанства (еще въ IV вѣкѣ) религіозныя пѣсни язычества неминуемо должны были претерпѣть нѣкоторую метаморфозу, слившись съ христіанскимъ пѣніемъ, занесеннымъ извнѣ. Въ музыкальномъ отношеніи религіозное языческое пѣніе осталось, тоже измѣнивъ только внѣшнюю форму. Однако христіанское византійское (насколько оно подлинно византійское—это вопросъ открытый) пѣніе къ намъ въ Россію было занесено очень рано. До Ярослава уставщиками церковнаго пѣнія были люди отъ славянъ болгарскихъ, а въ 1053 году прибыли въ Россію «три пѣвцы греческіе съ нотами своими, и оттолѣ началось въ Руской землѣ изрядное осьмогласіе»... и демественное пѣніе—мелодіи, составленныя придворными и патріаршими регентами, пишетъ митрополитъ Филаретъ въ «Исторіи Русской церкви». Слово демественникъ объясняютъ различно: демественникъ, или деместикъ, по-гречески значитъ учитель, или демественникъ производятъ отъ греческаго же слова δῆμος — народъ, а отсюда демественное есть народное, домашнее пѣніе въ отличіе уставнаго церковнаго. Недалеко то время, когда духовный стихъ былъ употребителенъ и распѣвался наравнѣ съ чтеніемъ священнаго писанія въ народной средѣ. Вообще же носителями и повсемѣстными распространителями духовнаго стиха являлись и теперь являются калики перехожіе, именемъ которыхъ называютъ людей, по обѣту или вслѣдствіе недуга принужденныхъ снискивать себѣ пропитаніе именемъ Божіимъ, переходя съ одного мѣста на другое. Любовь къ бродячей жизни, съ одной стороны, жажда подвижничества и религіозное чувство поклониться святымъ мѣстамъ, съ другой, тянули русскихъ людей въ Святую Землю, Византію и на Аѳонъ. Контингентъ этихъ людей былъ очень разнообразенъ: тутъ были бѣглые холопы и люди свободные всѣхъ званій, включая и духовенство. Изъ нихъ одни, возвратясь изъ святыхъ мѣстъ, принимались за свои прежнія занятія, другіе продолжали паломничать и скитаться, принимаемые вездѣ съ почетомъ, разсказывали о видѣнномъ и слышанномъ, передавая также въ пѣснопѣніяхъ, почерпавшихъ свое содержаніе изъ легендъ и разсказовъ, циркулировавшихъ между паломниками. Дуализмъ въ объясненіи представленія о мірозданіи традиціонно былъ усвоенъ каликами, въ ихъ изложеніи легко былъ понятенъ народу, не отрѣшившемуся отъ язычества. Отъ каликъ паломниковъ нищая братія переняла ихъ пѣсенный репертуаръ, преобразившись изъ ублюдковъ экономическаго организма страны въ ея нравственныхъ руководителей. Особенно они размножились въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Тому благопріятствовали многія обстоятельства, главнымъ образомъ гоненіе на скомороховъ и другихъ умѣльцевъ, бывшихъ представителями свѣтской музыки на Руси. При Алексѣѣ Михайловичѣ гоненіе достигло небывалыхъ размѣровъ; потѣшный дворъ благочестиваго царя былъ уничтоженъ и замѣненъ нищими, называвшимися «верховными нищими», а у царицы «верховными богомольцами». Въ досужее время они развлекали государя разсказами о быломъ, пѣніемъ Лазаря и другихъ духовныхъ стиховъ. Богатые бояре во всемъ подражали царю: наряду со многочисленной дворней призрѣвали нищихъ и странниковъ. Типъ древняго калики-странника по убѣжденію исчезъ. Въ нищемъ, да и то не во всякомъ, нашего времени осталась внѣшняя сторона каличе-

ства—пѣніе душеспасительныхъ стиховъ, ведущихъ свое начало съ древнихъ временъ. Калики бандуристы и лирники различаются только по репертуару: свѣтскому, преобладающему у бандуриста, и духовному—у лирника. Теперь калики изъ своей профессіи дѣлаютъ предметъ заработка. Скитаются они поодиночкѣ съ поводыремъ, а иногда большими группами, при чемъ одинъ или нѣсколько играютъ на лирѣ, разбиваясь на группы въ 3—4 человѣка съ однимъ поводыремъ и общей чашкой для собиранія подачки, они выбираютъ себѣ изъ болѣе опытныхъ «старшинъ» (ср. былину о сорока каликахъ съ выборнымъ атаманомъ). Въ Югозападномъ же краѣ существуетъ особая организація—братство слѣпыхъ съ старостой и другими должностными лицами, выбираемыми на большой районъ. Кобзари же или бандуристы поютъ подъ аккомпанементъ бандуры. Кобзари встрѣчаются теперь рѣже и рѣже, только въ Малороссіи. Древній духовный стихъ, плодъ религіозной фантазіи паломниковъ, издавна распространился въ народѣ черезъ посредство каликъ перехожихъ или непосредственно черезъ центры религіознаго просвѣщенія: монастыри и скиты, которые играли въ свое время большую роль. Во время возникновенія большого раскола многіе монастыри и скиты стояли за старую вѣру, тутъ-то и могли особенно сохраняться памятники религіозной старины. Духовные стихи особенно теперь сохранились на сѣверѣ Россіи и повсюду у раскольниковъ. Содержаніе своего репертуара калики еще въ давнія времена получили изъ отреченныхъ книгъ и апокрифическихъ сказаній, проникшихъ къ нимъ въ XI—XV вѣкахъ, во-первыхъ, путемъ устной передачи отъ грековъ и болгаръ, посѣщавшихъ Русь, и такой же передачи отъ русскихъ странниковъ и богомольцевъ, ходившихъ къ святымъ мѣстамъ, во-вторыхъ, черезъ книжную литературу въ видѣ апокрифическихъ книгъ, весьма распространившихся въ Византіи, Болгаріи, Румыніи и Сербіи въ раннюю эпоху христіанства, благодаря еретическимъ ученіямъ, занесеннымъ въ Россію вмѣстѣ съ христіанствомъ. Поэтическія сказанія первыхъ христіанъ легли въ основаніе отреченной литературы и, переданныя народамъ всей Европы, обогатили ихъ поэзію и музыкальное творчество. У каликъ перехожихъ, кромѣ только что разсмотрѣннаго репертуара стиховъ частію народнаго характера, сложившихся только подъ вліяніемъ книжной словесности, мы встрѣчаемъ другой видъ духовнаго стиха, существующаго въ литературѣ подъ названіемъ псалмовъ и кантъ исключительно книжнаго происхожденія. Они возникли сначала на юго-западѣ Россіи около XVII вѣка и потомъ готовыми перешли въ народное употребленіе, усвоивъ нѣкоторыя черты народности. Къ позднѣйшимъ по времени духовнымъ стихамъ нужно отнести и образцы духовной поэзіи сектантовъ, много способствовавшихъ ея сохраненію и расширенію. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о видѣ духовныхъ стиховъ, которые не заимствованы изъ какихъ либо легендъ, апокрифовъ, а составляютъ собственное произведеніе нищенствующей братіи. Это—стихи заздравные, поминальные и т. п. Въ нихъ видна исключительно профессіональность слагателей: «Кто насъ поитъ, кто насъ кормитъ, обуваетъ, одѣваетъ» и т. д. Духовный репертуаръ ихъ теперь зиждется на любимыхъ стихахъ объ Алексѣѣ, Егоріи, Голубиной книгѣ, Страшномъ судѣ, Лазарѣ, Михаилѣ Архангелѣ и Іосифѣ Прекрасномъ. Изъ нихъ старѣйшіе по образованію—

о Егоріи и Голубиной книгѣ, отложившись въ эпическую форму, съ музыкальной стороны (по формѣ и складу) стоятъ ближе всего къ былинамъ.

Сообразно съ подраздѣленіемъ каликъ на древнихъ и новыхъ продуктъ ихъ творчества приходится дѣлить также на стихи древніе и новые, какъ въ отношеніи содержанія литературнаго, такъ и музыкальнаго. Такова сущность предисловія г. Маслова, которое предшествуетъ перенесеннымъ на ноты духовнымъ стихамъ. **А. Х—въ.**

П. А. Несторовскій. Бессарабскіе русины. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1905.

Написать цѣлую книгу о бессарабскихъ «русинахъ» (удерживаемъ это неудачное этническое названіе) на основаніи только нѣсколькихъ книгъ, не привлекая собственныхъ наблюденій и не подвергая критикѣ устарѣлыхъ и мало освѣдомленныхъ источниковъ,—затѣя, по меньшей мѣрѣ, мало удачная. Очевидно, авторъ компиляціи не имѣетъ представленія о сравнительномъ методѣ изученія и не обращается за аналогіями къ быту и духовной культурѣ родныхъ братьевъ хотинскихъ «русиновъ»—малорусскаго населенія Буковины и Галиціи. Поэтому бессарабскіе «русины» ему представляются «самостоятельной этнографической единицей съ довольно явственно обозначенной индивидуальностью». Въ чемъ выражается эта индивидуальность,—по книгѣ г. Несторовскаго совершенно не видно, и это вполнѣ естественно: только при указанномъ сравненіи и можно было бы опредѣлить черты, присущія однимъ бессарабскимъ «русинамъ». Безъ сравненія же теряетъ научную цѣнность и указаніе на румынскія заимствованія или польскія, потому что малоруссы Буковины и Галиціи подчинились этимъ же вліяніямъ въ такой же или въ значительно большей степени.

Историческая часть очерка слаба уже потому, что основана не на первоисточникахъ, не на румынскихъ изслѣдованіяхъ, къ которымъ естественнѣе всего было обратиться при изученіи прошлаго Бессарабіи, а главнымъ образомъ на «Бессарабіи» П. Батюшкова, изданной съ самыми опредѣленными цѣлями наивной руссификаціи и научной фальсификаціи историческихъ фактовъ. Поэтому авторъ говоритъ, напримѣръ, что «окрестности Хотина съ древнѣйшихъ (?) временъ были заселены русинами» (стр. 24), или что «бессарабскіе русины, можно думать, живутъ искони (съ дилювіальной эпохи?) на занятой ими территоріи» и т. д. (стр. 33),—очевидно, совершенно не зная ни исторіи древней малорусской колонизаціи, ни всѣхъ ея теорій. Далѣе, «малоруссизмы» молдавскихъ грамотъ не имѣютъ абсолютно никакого отношенія къ бессарабскимъ русинамъ (стр. 34); это—самый обычный канцелярскій языкъ старой Молдавіи до конца XVII вѣка. П. Несторовскій напрасно называетъ авторомъ «Бессарабіи»—Батюшкова (стр. 41), который на самомъ дѣлѣ былъ только издателемъ, иниціаторомъ дѣла, а историческій очеркъ написанъ профессоромъ Кіевской духовной академіи, Н. И. Петровымъ. Этнографическая часть «Бессарабскихъ русинъ» не представляетъ цѣнности, какъ компиляція, сдѣланная по устарѣвшимъ источникамъ, по «Очеркамъ Днѣстра» туриста Аѳанасьева-Чуж-

бинскаго или же по малограмотнымъ «статистическимъ описаніямъ» приходовъ разныхъ батюшекъ въ «Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Записи, сдѣланныя на мѣстѣ съ сохраненіемъ всѣхъ діалектическихъ особенностей, были бы гораздо полезнѣе, чѣмъ пересказъ стараго, случайнаго и по печатнымъ источникамъ. Поэтому книга г. Несторовскаго не имѣетъ даже «мѣстнаго» интереса. Самый же неудачный отдѣлъ книги г. Несторовскаго, это—обзоръ языка (стр. 149—158). Очевидно, авторъ не имѣлъ подъ руками даже «Русской діалектологіи» А. Соболевскаго, не говоря уже о спеціальныхъ статьяхъ по малорусскому языку. Не знаетъ авторъ и древне-славянскаго языка. Кажущіяся ему польскими или румынскими заимствованія очень часто оказываются ни тѣми, ни другими, а самыми обычными славянски архаизмами. Болѣе или менѣе интересный отдѣлъ—послѣдній, «Школы», составленный по отчетамъ Хотинскаго земства, но всего за два года.

А. И. Яцимирскій.

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905.

Книжка Л. Ф. Пантелѣева составилась изъ статей, которыя онъ помѣщалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Нашей Жизни» и въ сборникѣ «На славномъ посту». По его собственному сознанію, ему «никогда не приходила мысль писать какіе нибудь мемуары; но его случайныя экскурсіи въ область прошлаго вызвали со стороны друзей и даже постороннихъ лицъ неоднократныя настоянія, чтобы онъ продолжалъ ихъ». Этимъ г. Пантелѣевъ объясняетъ ту программу «очерковъ», изъ коихъ составилась книжка, и нѣкоторую якобы не то неполноту, не то слабую связь между разными моментами изложенныхъ событій. Авторъ, однако, слишкомъ скроменъ, и его «мемуары» именно тѣмъ и хороши, что они рисуютъ намъ живую среду съ живыми лицами, ихъ разговорами и рѣчами, «уже замолкшими давно». Поэтому онъ можетъ быть спокоенъ—онъ свое дѣло выполнилъ хорошо, и наша литература обогатилась очень интересными воспоминаніями очевидца и дѣйствующаго лица событій, которыя вводятъ читателя въ кругъ событій прошлаго, составляющихъ новѣйшую исторію русской общественной борьбы за политическое освобожденіе Россіи. Конечно, со временемъ книжку г. Пантелѣева придется переиздать и главнымъ образомъ въ цѣляхъ раскрытія тѣхъ иниціаловъ и тѣхъ замаскированныхъ персонажей, которыя пока фигурируютъ у него въ таинственномъ incognito. Правда, тутъ можетъ произойти любопытный и курьезный инцидентъ: г. Пантелѣевъ далъ о нихъ нѣкоторыя пикантныя свѣдѣнія, рисующія ихъ въ несовсѣмъ красивомъ и подчасъ даже комическомъ освѣщеніи. Ну, пока они скрыты таинственными масками («господинъ въ пенснэ», напримѣръ) или литерами, это, конечно, не можетъ послужить къ умаленію ихъ современнаго общественнаго значенія, и они могутъ спокойно спать, не опасаясь своего паденія съ небесъ и ущерба своему матеріальному благосостоянію на казенный счетъ; но каково же будетъ удивленіе потомковъ, когда, на основаніи опубликованнаго г. Пантелѣевымъ матеріала и въ связи съ раскрытіемъ «псевдонимовъ», они узнаютъ истину, и эти

таинственные незнакомцы явятся на свѣтъ Божій въ дезабилье. Выйдетъ скандалъ, и можно опасаться, что ихъ «бравыя» репутаціи сильно пострадаютъ, поэтому нѣкоторымъ выведеннымъ авторомъ маскамъ слѣдовало бы принять надлежащія мѣры для своей реабилитаціи въ будущемъ. Въ литературныхъ кружкахъ уже на эту тему слышалось немало разговоровъ, а коррективовъ къ воспоминаніямъ г. Пантелѣева что-то не появлялось... Ужъ не расписались ли они въ полученіи по заслугамъ? Любопытно и назидательно.

Г. Пантелѣевъ уже издалъ, кажется, съ годъ тому назадъ интересную книжку: «Изъ раннихъ воспоминаній», гдѣ читатели найдутъ матеріалъ, съ одной стороны, вполнѣ достаточный для біографіи самого почтеннаго автора, въ его раннемъ дѣтствѣ, а съ другой—для характеристики далекой сѣверной провинціальной среды, изъ нѣдръ которой онъ вышелъ. Такимъ образомъ книжка «Изъ воспоминаній прошлаго» является какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшей работы. Въ своемъ новомъ изданіи книжки почтенный писатель сразу вводитъ насъ въ интересную студенческую среду 1858 года и постепенно шагъ за шагомъ развертываетъ передъ читателями живыя страницы того любопытнаго времени «наканунѣ воли», когда русское общество полной грудью вздохнуло послѣ гнета николаевской эпохи, зашевелилось, забурлило и явило всѣ явные признаки перехода къ рубежу свободы и болѣе вольготнаго общественнаго быта. Написанныя живо и съ интересомъ страницы университетской жизни даютъ для исторіи нашего общественнаго развитія богатый матеріалъ, гдѣ передъ читателями проходитъ пестрая вереница тогдашнихъ студентовъ, профессоровъ, литераторовъ, общественныхъ дѣятелей и сановниковъ, гдѣ мы окунаемся въ самую глубь извѣстной студенческой исторіи 1861 года въ томъ смыслѣ, что отъ самого студента-участника слышимъ откровенное повѣствованіе, какъ все совершалось, какъ все организовалось, и кто были главными въ ней дѣйствующими лицами. Здѣсь же мы знакомимся со столь слабо еще разработанными и освѣщенными страницами изъ жизни тогдашнихъ нелегальныхъ обществъ, узнаемъ, какъ они формировались, каковыя преслѣдовали цѣли и какія идеи ихъ вдохновляли и ими руководили. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что г. Пантелѣевъ разсказываетъ о судьбѣ организаціи «Земли и воли», не той «Земли и воли», съ которою очень многіе знакомы на основаніи лондонскаго очерка Е. Серебрякова, и которая дѣйствовала въ концѣ семидесятыхъ годовъ, а той, которая была основана въ 1861 г., и въ которой г. Пантелѣевъ принималъ непосредственное активное участіе. Объ этой любопытной организаціи авторъ первый въ нашей литературѣ даетъ правдивыя и обстоятельныя свѣдѣнія, которыя представляютъ большую цѣнность для общей исторіи нашихъ тайныхъ обществъ, съ дѣятельностью и исторіею которыхъ современемъ мы надѣемся ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника». Въ этихъ цѣляхъ придется воспользоваться данными, представленными г. Пантелѣевымъ, почему, во избѣжаніе будущаго повторенія, пока и ограничимся лишь отмѣткой новаго обнародованнаго матеріала безъ пересказа его.

Авторъ доводитъ свое повѣствованіе, и то съ нѣкоторыми пропусками, до 1864 г., когда онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Вильну, объявя

современемъ продолжить свои интересныя и живыя воспоминанія, которыя и остается ожидать, въ надеждѣ, что онъ не задержитъ своей работы и поторопится съ нею, въ интересахъ исторіи общественнаго развитія въ Россіи: для правдивой лѣтописи этого развитія нынѣ пробилъ желанный часъ.

В. Глинскій.

E. Baumann. Im Gotteslāndchen. Aufzeichnungen eines wanderfrohen Studenten aus dem Jahre 1893. (Съ картою пути). Ревель. 1904.

Разбираемая книжка не претендуетъ на славу ученаго географическаго сочиненія, это—только путевой дневникъ жизнерадостнаго, любознательнаго юноши, рижскаго студента, исколесившаго въ лѣтнія вакаціи вдоль и поперекъ сосѣднюю Курляндію, или, какъ стоитъ въ заголовкѣ, «Божію страну». Въ предисловіи авторъ объясняетъ это прозвище, сохранившееся, по его словамъ, за Курляндіей и до настоящаго времени.

Когда въ 1577 г., какъ разсказываетъ хроника Соломона Геннинга, Іоаннъ Грозный съ большимъ войскомъ шелъ на Ливонію и дошелъ уже до Кокенгузена, откуда было недалеко и до Курляндіи, герцогъ курляндскій испугался, что русскіе опустошатъ и его герцогство. Но царь успокоилъ герцога, написавъ ему, что на этотъ разъ онъ пощадитъ его Божью страну (Gotteslāndchen).

Часть путевыхъ очерковъ г. Баумана была напечатана въ мѣстныхъ газетахъ (Baltijas Wehstnessis 1893 г. и въ приложеніи къ Düna-Zeitung «Für Haus und Familie» 1901 г.), но теперь она издана въ значительно дополненномъ и увеличенномъ многими главами видѣ.

Авторъ началъ свое путешествіе въ компаніи съ товарищами-студентами. То въ экипажѣ, то по желѣзной дорогѣ, то, наконецъ, пѣшкомъ совершалъ онъ это путешествіе, восторгаясь живописностью мѣстъ, пѣніемъ птицъ, закатомъ солнца или какой нибудь интересной встрѣчей. Хотя главное вниманіе автора, какъ говоритъ онъ самъ, было обращено на красоты природы и на мѣстныя преданія, но попутно онъ говоритъ и о нравахъ и обычаяхъ населенія и объ историческихъ памятникахъ и объ особенностяхъ нарѣчій и о многомъ другомъ, что только замѣчалъ его наблюдательный и пытливый умъ. Въ результатѣ получилась интересная и небезполезная для путешествующихъ по Курляндіи лицъ книга.

Для ознакомленія съ образомъ мыслей и съ изложеніемъ автора приведемъ на выдержку 3 отрывка изъ его книжки (переводъ нашъ):

«Кандавское пиво пришлось по вкусу товарищамъ, и чтобы по студенческому обычаю соединить пріятное съ пріятнымъ, была приглашена музыка. Скоро явилось 5 человѣкъ съ струнными и духовыми инструментами, и въ теченіе 2 часовъ они сыграли нѣсколько пьесъ. Звуки музыки подняли на ноги всю Кандаву.

«Прежде всего явилась веселая, босоногая уличная дѣтвора, а затѣмъ собрались другіе жители Кандавы, какъ мужчины, такъ и женщины, и среди нихъ много дѣвушекъ изъ еврейскихъ купеческихъ семей.

«Къ намъ присоединились почтмейстеръ и пивоваренный заводчикъ, съ которыми студіозусы вступили въ бесѣду. Наконецъ появился еще какой-то индивидуумъ, на обязанности котораго лежало, повидимому, наблюдать за тишиною и спокойствіемъ въ окрестностяхъ. Закутавшись въ широкій старый плащъ и надвинувъ шляпу на лицо, при чемъ свѣсившіеся длинные усы придавали ему особенное выраженіе, приблизился къ намъ этотъ человѣкъ и скорчилъ подозрительную физіономію, увидѣвъ оркестръ чеховъ и публику, привлеченную музыкой. Д. нашелся. Онъ взялъ бутылку пива, подошелъ къ нему и предложилъ выпить на здоровье. Тотъ былъ этимъ очень польщенъ, вѣжливо поблагодарилъ, взялъ бутылку и, не отрываясь, выпилъ ее однимъ залпомъ. «Вотъ это славно, господа». Еще одинъ бравый поклонъ, и начатый экспромптомъ концертъ продолжается безъ задержекъ» (стр. 8—9).

«Въ Пильтенѣ поздно вечеромъ я очутился въ прескверномъ положеніи. Тотъ господинъ, у котораго я хотѣлъ остановиться, лежалъ больнымъ въ постели и не могъ пріютить меня на ночь. Я уже хотѣлъ сейчасъ же отправиться въ Виндаву, но узналъ отъ одного еврея, что пароходъ идетъ въ Ригу только 5-го августа. Безъ паспорта, безъ знакомыхъ и безъ денегъ мнѣ нечего было дѣлать въ Виндавѣ. Тогда я рѣшилъ пока переночевать въ Пильтенѣ. Но гдѣ? Остановиться, Богъ знаетъ, въ какой гостиницѣ я не рѣшался, а въ мызной корчмѣ были потушены всѣ огни. Я поспѣшно вышелъ изъ мѣстечка и пошелъ обратно по той дорогѣ, по которой пришелъ. Было бы, однако, неблагоразумно итти дальше въ холодную ночь человѣку, порядкомъ уставшему отъ цѣлаго дня ходьбы и пережившему столько волненій. Я направился въ поле, лежавшее вблизи Пильтена, со множествомъ скирдъ ржи. Въ одной изъ нихъ я продѣлалъ отверстіе, положилъ туда свой небольшой дорожный чемоданъ, завернулся въ купленный въ Альшвангенѣ шерстяной платокъ и заползъ въ сухую рожь, гдѣ въ сидячемъ положеніи ненадолго сомкнулъ усталые глаза» (стр. 114—115). «Я встрѣтилъ женщину, съ которой мнѣ было по пути въ Крауенъ. Мы пошли вмѣстѣ и разговорились. Она довѣрчиво разсказала мнѣ о своихъ заботахъ, о своемъ сынѣ, умершемъ на чужбинѣ въ солдатахъ, при чемъ видно было, какъ сильно она страдала. Если говорить съ простыми людьми по-человѣчески, какъ человѣку съ человѣкомъ, то научишься понимать, что они чувствуютъ и что думаютъ, и тебѣ удастся проникнуть въ самую душу народа» (стр. 117). Разскажемъ еще преданіе, слышанное авторомъ въ имѣніи Альшвангенѣ Газенпотскаго уѣзда про мѣстную «Судную» гору.

Много лѣтъ назадъ, когда въ Курляндіи еще господствовало крѣпостное право, крестьяне возстали противъ притѣснявшаго ихъ помѣщика. Были схвачены два брата, обвинены въ подстрекательствѣ народа и присуждены къ смертной казни, несмотря на свою невинность. Такъ какъ братья очень любили другъ друга, и ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ видѣть смерти другого, они попросили, чтобы ихъ казнили въ одно время. Собравшійся кругомъ лобнаго мѣста народъ громко плакалъ. Когда палачъ спросилъ, нѣтъ ли у кого веревки, чтобы связать волосы братьевъ вмѣстѣ, никто сперва ничего не отвѣтилъ, но наконецъ одинъ изъ толпы передалъ палачу ремень, чтобы сократить мученія несчастныхъ. Палачъ связалъ этимъ ремнемъ волосы обоихъ братьевъ вмѣстѣ и отсѣкъ

ими головы однимъ ударомъ меча. Но небо хотѣло показать міру, что была пролита кровь невинныхъ, и тотчасъ же на мѣстѣ казни выросли изъ сухой почвы двѣ березки, на которыхъ скоро показались наросты, напоминавшіе собою лица казненныхъ братьевъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ на корѣ березъ появились кровавыя пятна.

Подобными преданіями съ элементомъ чудеснаго Курляндія очень богата. Каждый городъ, замокъ, мѣстечко, гора, озеро и т. д. имѣютъ свой циклъ преданій, свято хранимый жителями и передаваемый изъ рода въ родъ. Все это представляетъ обширное поле для изслѣдователей старины и для любителей загадочнаго.

А. Э. Мальмгренъ.

Владиславъ Максимовъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Спб. 1905.

Настоящая книжка, какъ кажется, прошедшая въ нашей литературѣ съ недостаточнымъ къ ней вниманіемъ, заслуживаетъ самаго серіознаго къ ней отношенія, какъ отвѣчающая на жгучіе запросы современной русской голодной и обездоленной жизни. Авторъ говоритъ въ ней объ общественныхъ работахъ, долженствующихъ дать нуждающемуся населенію правильно организованный трудовой заработокъ и обезпеченный до извѣстной степени кусокъ хлѣба. Мы всецѣло поглощены нынѣ политикой и высприннми вопросами и, какъ и полагается романтическому славянству, только и толкуемъ, какъ бы сразу перескочить черезъ всѣ наши болѣзни и прорухи жизни, дабы дать немедленно же народу полное счастье и полную чашу политическаго и соціальнаго бытія. О «насущномъ хлѣбѣ» какъ будто и забыто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и забыто какъ будто, что тамъ, «въ глубинѣ Россіи», снова народъ начинаетъ пухнуть отъ голода, слышится плачъ грудныхъ дѣтей отъ недостатка материнскаго молока, и доносятся зловѣщіе удары колокола, возвѣщающіе о голодныхъ смертяхъ, повальныхъ голодныхъ эпидеміяхъ и общемъ голодномъ горѣ Русской земли... Г. Максимовъ напоминаетъ намъ обо всемъ этомъ и призываетъ къ будничной повседневной работѣ ради блага тысячъ и милліоновъ людей. Авторъ указываетъ, въ чемъ наиболѣе раціонально и продуктивно должна выражаться эта забота, и, опираясь на историческій отечественный опытъ, въ соотвѣтствіи съ реальной дѣйствительностью, суммируетъ то главное, что должно быть выдвинуто на первое мѣсто въ борьбѣ съ нуждою и безработицею. Одно изъ главныхъ достоинствъ его работы заключается именно въ томъ, что онъ не отрывается отъ историческаго опыта, руководствуется имъ и извлекаетъ отсюда все существенное и практическое. Онъ даетъ очень обстоятельное историческое обслѣдованіе, основанное на архивныхъ матеріалахъ, отъ общественныхъ работъ, произведенныхъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, обозрѣваетъ ихъ въ Николаевскую эпоху, въ царствованіе Александра II и Александра III, въ началѣ девятидесятыхъ годовъ и заключаетъ свое обозрѣніе послѣднимъ семилѣтіемъ, за 1898—1904 годы. Здѣсь данъ читателямъ обширный сводъ того, какъ заботы о нуждахъ населенія складывались въ умѣ законодателя, какъ реализировалась эта забота въ центральномъ правительственномъ учрежденіи, какъ отра-

жались проектированныя мѣропріятія на мѣстахъ, и что получало отсюда населеніе. Авторъ разсматриваетъ вопросъ дѣловито, строго научно, стремясь изъ каждой мелочи сдѣлать обоснованный выводъ и не увлекаясь ни въ сторону оптимизма, ни въ сторону пессимизма. Отсюда замѣчательно-практическое настроеніе его ума, не лишающее его, однако, качествъ теоретика-мыслителя. Онъ одновременно обрисовывается и практикомъ съ задатками хорошаго организатора на поприщѣ нашей общественности, и ученымъ работникомъ, сумѣвшимъ впервые въ нашей литературѣ создать спеціальный предметъ для научнаго изслѣдованія, обосновавъ его на совершенно невѣдомыхъ дотолѣ источникахъ, почерпнутыхъ изъ законодательныхъ актовъ, архивныхъ матеріаловъ и обширной литературы, имѣющей такъ или иначе отношеніе къ требуемому предмету.

Рамки краткой рецензіи не позволяютъ изложить взглядовъ и выводовъ даровитаго автора въ той полнотѣ, которой они заслуживаютъ, почему позволено будетъ рекомендовать широкому кругу читателей «Историческаго Вѣстника», особенно изъ числа тѣхъ, кто живетъ въ провинціи, соприкасается съ народною нуждою и «горемъ мужицкимъ», ознакомиться ближе съ работою г. Максимова, продумать ее и вдохновиться ею въ интересахъ помощи ближнимъ, страждущимъ и молящимъ о хлѣбѣ—«кормильцамъ Русской земли». Гл.

К. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимости. Сборникъ статей. Спб. 1905.

Вопросъ о свободѣ совѣсти и вопросъ о вѣротерпимости, являющіеся одними изъ самыхъ жгучихъ и сложныхъ вопросовъ права и жизни, послужили въ послѣднее время темою какъ для публицистическихъ статей въ періодической печати, такъ и для обширныхъ ученыхъ изслѣдованій. Немало вниманія удѣляетъ этимъ вопросамъ и почтенный авторъ, соединивъ въ одно цѣлое статьи, напечатанныя имъ въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы» (въ видѣ внутреннихъ обозрѣній и общественныхъ хроникъ съ 1880 по 1904 годъ). К. К. Арсеньевъ познакомился съ вопросами о религіозной свободѣ давно, еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, во время службы въ департаментѣ министерства юстиціи: чрезъ его руки прошло немало уголовныхъ дѣлъ, вызванныхъ нарушеніями постановленій о расколѣ; въ то же время на К. К. Арсеньева возложено было участіе въ подготовительныхъ работахъ по вопросу о способахъ доказательства раскольниками правъ по происхожденію и имуществу. Въ качествѣ адвоката, онъ выступалъ защитникомъ по дѣлу объ открытіи въ Петербургѣ (крестьяниномъ Дмитріевымъ) раскольнической моленной, а также по дѣлу о покушеніи раскольниковъ (крестьянъ Никифорова и Данилова) похитить изъ Александро-Невской лавры отобранныя у нихъ иконы и книги. Лицомъ къ лицу съ расколомъ онъ сталъ въ 1880—1881 годахъ, когда участвовалъ, въ качествѣ старшаго чиновника при сенаторѣ И. И. Шамшинѣ, ревизовавшемъ губерніи Саратовскую и Самарскую, въ собираніи свѣдѣній о положеніи раскольниковъ, выясненіе котораго было включено въ число задачъ тогдашнихъ сенаторскихъ ревизій.

Такимъ образомъ г. Арсеньевъ особенно близко знакомъ съ положеніемъ въ нашемъ отечествѣ раскола; поэтому неудивительно, что большая часть его книги посвящена этому вопросу. На стр. 61—202 помѣщены статьи: «Расколъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и законъ 3-го мая 1883 года»; «Расколъ послѣ закона 3-го мая 1883 года» и «Сектантство послѣ закона 3-го мая 1883 года»; авторъ удѣляетъ нѣсколько страницъ (202—249) также вопросамъ о положеніи въ Россіи католичества, лютеранства, язычества и магометанства. Разсужденія автора главнымъ образомъ состоятъ въ критикѣ отчетовъ оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго синода о взаимныхъ отношеніяхъ между православными и неправославными и о положеніи иновѣрія въ Россіи. Нѣкоторыя теоретическія замѣчанія по вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости мы находимъ въ началѣ книги (стр. 1—47). «Различные взгляды на вѣротерпимость и свободу совѣсти» и въ заключеніи (стр. 280—292).

К. К. Арсеньевъ является ревностнымъ поклонникомъ свободы совѣсти въ смыслѣ выбора каждымъ ad libitum того или другого вѣроисповѣданія и очень сожалѣетъ, что мнѣніе двухъ членовъ редакціонной комиссіи по составленію новаго уголовнаго уложенія (Н. С. Таганцева и И. Я. Фейницкаго), находившихъ, что стремленіе къ обращенію въ свою вѣру (попросту пропаганда) является естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства, и сомнѣвавшихся, поэтому, въ наказуемости такого стремленія, не было принято [1]). Предоставленіе каждому опредѣлять свою принадлежность къ тому или другому религіозному обществу и уравненіе исповѣданій, образовавшихся путемъ отдѣленія отъ православной церкви, съ издавна признанными православными и иновѣрными исповѣданіями—вотъ, по мнѣнію автора, два условія, безъ осуществленія которыхъ немыслима у насъ, въ Россіи, вѣротерпимость. Только тогда сдѣлается доступнымъ для каждаго «свободное отправленіе его вѣры», не той вѣры, къ которой онъ «приписанъ», а той, которую онъ носитъ въ своемъ сердцѣ, только тогда станетъ возможнымъ дѣйствительно свободное отправленіе богослуженія, составляющее неугасимую потребность вѣрующихъ (стр. 284).

Что всякое принужденіе въ дѣлѣ вѣры не допустимо, что оружіе борьбы съ заблужденіями должно быть духовнымъ, а не матеріальнымъ,—это истина не новая, давно уже высказанная выдающимися отцами и учителями церкви. Еще Тертулліанъ писалъ (къ Саапулѣ, глава 1, 2:) «Не свойственно одной религіи дѣлать насиліе другой. Религія должна быть принимаема по свободному убѣжденію, а не насильственно; жертвы Богу должны быть приносимы отъ свободнаго сердца». «Богъ,—писалъ святой Ириней ліонскій († 202 г.),—сотворилъ человѣка свободнымъ, имѣющимъ свою власть добровольно исполнять волю Божію, а не по принужденію отъ Бога, ибо у Бога нѣтъ насилія. Вѣра принадлежитъ человѣку, такъ какъ онъ имѣетъ свою собственную волю». Св. Іоаннъ Златоустъ доказываетъ безполезность принужденія и опытомъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, высочайшій указъ 17-го апрѣля настоящаго года о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости понимается воинствующимъ католицизмомъ и протестантизмомъ въ смыслѣ права пропаганды, т.-е. совращенія даже православныхъ въ инославіе. М. К.

исторіи христіанства, «ибо хотя христіане были терзаемы всякимъ образомъ, вѣра ихъ возростала еще болѣе». Оружіе борьбы съ заблужденіями должно быть духовнымъ, а не матеріальнымъ. Единственный мечъ, которымъ церковь можетъ пользоваться, есть слово, ея оружіе—любовь, соединенная съ кротостью и терпѣніемъ, любовь, желающая всѣмъ «спастися и въ разумъ истины пріити» (I Тим. 2, 4).

Поэтому всякое христіанское государство обязано уважать основанную на сущности вѣры свободу совѣсти и религіи своихъ подданныхъ. Однако принципъ справедливости требуетъ, чтобы каждый получалъ свое, насколько это соединимо съ представляемой государствомъ истиной. Христіанская терпимость не есть равнодушіе къ своей истинѣ и къ своимъ религіознымъ заблужденіямъ. Въ области личнаго религіознаго заблужденія государство должно гарантировать полную свободу совѣсти и не можетъ дѣйствовать въ этой области ни мечемъ, ни тюрьмою, ни лишеніемъ гражданскихъ правъ. Но отъ свободы личнаго исповѣданія должно отличать свободу религіознаго соединенія, публичнаго культа, образованія религіозныхъ обществъ; безграничная и безусловная свобода подобныхъ соединеній уже переходитъ границы требованія христіанской вѣротерпимости; такихъ публичныхъ религіозныхъ обществъ государство не можетъ оставить безъ своего надзора и регламентаціи.

Книга г. Арсеньева вышла наканунѣ знаменитаго высочайшаго указа 17-го апрѣля настоящаго года, которымъ всѣмъ русскимъ подданнымъ дарована свобода совѣсти и полная вѣротерпимость—эти духовныя блага человѣка, ревностнымъ поборникомъ которыхъ является почтенный авторъ.

Проф. М. Красноженъ.

Щеголевъ, П. Е. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка. Спб. 1905.

Указанный очеркъ имѣетъ цѣлью возстановить память о замѣчательномъ человѣкѣ своего времени—о майорѣ Владимірѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ, который такъ основательно забытъ, что о немъ даже спеціалисты упоминаютъ вскользь, тогда какъ онъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу лицъ, которыя имѣли бы право на память потомства.

Раевскій, по замѣчанію г. Щеголева, является типичнѣйшимъ представителемъ конца Александровской эпохи. Родился онъ 28-го марта 1795 года въ богатой помѣщичьей семьѣ, образованіе получилъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ; 17-ти лѣтъ вступилъ на военную службу, принималъ дѣятельное участіе въ Отечественной войнѣ, былъ съ войсками за границей, а по возвращеніи въ Россію, одушевляемый высокой мыслью работать для блага народа, онъ вступаетъ въ члены «Союза благоденствія», а потомъ «Южнаго тайнаго общества». Въ это время Раевскій былъ въ Кишиневѣ адъютантомъ дивизіоннаго командира Орлова, человѣка гуманнаго, заботившагося о распространеніи грамотности и просвѣщенія среди солдатъ, для которыхъ имъ была открыта при штабѣ ланкастерская школа, а преподавателемъ былъ назначенъ Раевскій. Здѣсь Раевскій устно велъ пропаганду въ духѣ исповѣдуемыхъ имъ

убѣжденій; за свою ласковость и внимательность онъ пользовался въ средѣ солдатъ любовью и уваженіемъ. Но эта дѣятельность Раевскаго продолжалась недолго. Волненія въ южной арміи обратили на себя вниманіе высшаго начальства, которое настоятельно потребовало открытія заговора. А потому 6-го февраля 1822 года Раевскій былъ арестованъ по подозрѣнію въ преступной дѣятельности: черезъ него надѣялись раскрыть всю тайную организацію. Но этого сдѣлать не удалось. Три судебныя комиссіи разбирали дѣло о Раевскомъ, то обвиняя, то оправдывая его; между прочимъ, дѣло его разбиралось и комиссіей для изысканія о тайныхъ обществахъ 1825 года, которая признала Раевскаго непричастнымъ къ тайнымъ обществамъ. Почти 6 лѣтъ онъ пробылъ въ заключеніи. Наконецъ, въ 1827 году былъ приговоренъ, по лишеніи правъ и чиновъ, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Въ Сибири Раевскій женился на буряткѣ и съ энергіей взялся за практическую дѣятельность, чтобы тѣмъ добыть средства къ существованію. Умеръ онъ въ 1872 году. До конца своей жизни Раевскій сохранилъ возвышенное идеалистическое настроеніе духа и вѣру въ конечное торжество правды и справедливости. Раевскій былъ поэтомъ, хотя его стихи въ свое время не печатались. Въ Кишиневѣ онъ познакомился съ А. С. Пушкинымъ, даже подружился съ нимъ. Между ними часто происходили долгіе споры и разговоры о поэзіи, объ общественныхъ идеалахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Раевскій оказалъ вліяніе на развитіе міросозерцанія Пушкина. Г. Щеголевъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, гдѣ могло сказаться это вліяніе.

Таково вкратцѣ содержаніе книги. П. Е. Щеголевъ использовалъ въ ней многочисленный литературный матеріалъ, благодаря чему Раевскій охарактеризованъ съ возможной полнотой и рельефностью, при чемъ образъ Раевскаго нарисованъ здѣсь не изолированно, а на фонѣ общественнаго движенія того времени. **М. К.**

Къ реформѣ государственнаго строя Россіи. Выпускъ 1. Системы избирательнаго права Западной Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Статьи изъ «Handbuch des öffentlichen Rechts» проф. Г. Марквардсена. Переводъ подъ редакціей и со вступительной статьей проф. М. Соболева. Спб. 1905.

Въ настоящее время, когда мы находимся наканунѣ выборовъ представителей отъ страны въ государственную думу на основаніи манифеста 17-го октября, всякое научное разъясненіе значенія выборовъ, способовъ выборовъ и системъ, какъ таковыя получили право историческаго гражданства въ болѣе старыхъ и болѣе культурныхъ странахъ, должно быть привѣтствуемо въ интересахъ будущаго блага нашей родины. Такимъ именно научнымъ разъясненіемъ и является вышеназванная книга проф. М. Соболева, гдѣ ученый юристъ собралъ наиболѣе обстоятельныя и вразумительныя статьи, принадлежащія перьямъ выдающихся европейскихъ и американскихъ ученыхъ и относящіяся до выборныхъ системъ почти всѣхъ конституціонныхъ государствъ новаго и стараго свѣта. Статьи эти не есть простое систематическое изложеніе правовыхъ нормъ въ той или иной странѣ, но раскрываютъ передъ

читателями исторію развитія данной формы правленія, показываютъ, какими способами она осуществляется, каковы ея достоинства и недостатки, и отмѣчаютъ стремленія прогрессивныхъ элементовъ къ усовершенствованію самыхъ способовъ осуществленія, въ интересахъ широко-демократической массы. Такимъ образомъ, г. Соболевъ представилъ въ распоряженіе читателей обширный, цѣнный и общедоступный матеріалъ, который даетъ имъ возможность быстро оріентироваться въ сложныхъ и животрепещущихъ вопросахъ, составляющихъ именно теперь для насъ самую настоящую, заправскую «злобу дня».

Профессоръ, однако, не ограничился только ролью простого собирателя матеріала, а снабдилъ его объяснительнымъ введеніемъ, въ цѣляхъ партійнаго воздѣйствія на свою аудиторію въ опредѣленномъ направленіи. Онъ—сторонникъ осуществленія у насъ «всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права», въ интересахъ, по его мнѣнію, «демократіи», при чемъ по ходу изложенія ихъ даетъ въ каждомъ надлежащемъ мѣстѣ разъясненіе, почему считаетъ каждый «хвостъ» избирательной системы,—какъ нынѣ принято именовать ея основанія,—единственнымъ для организаціи правильныхъ и справедливыхъ выборовъ въ нашу будущую думу. Его разъясненія чисто теоретическія, не обоснованныя ни фактами, ни историческими и бытовыми условіями русской жизни. Онъ беретъ изъ наиболѣе прогрессивныхъ европейскихъ системъ опредѣленныя положенія, подкрѣпляетъ ихъ доводами и соображеніями доктринерскаго свойства и отсюда уже прямо переходитъ къ практическому резюме въ цѣляхъ опредѣленной рекомендаціи для слѣдованія ей при организаціи предстоящихъ выборовъ въ нашу государственную думу. Поэтому рядомъ съ рекомендаціей читателямъ книги проф. М. Соболева, какъ руководства для пріобрѣтенія полезныхъ и практическихъ знаній, находящихся въ тѣсной связи съ живою современностью, нельзя не поставить и предостереженія отъ увлеченія его теоретическими выводами примѣнительно къ русской дѣйствительности, какъ выводами, необоснованными и во многихъ отношеніяхъ находящимися въ противорѣчіи съ нашей исторической и бытовой жизнью. В. Г.

Путникъ (Н. Лендеръ). Константинополь, Аѳонъ, Македонія и уголки Россіи. Очерки и картины. Съ рисунками художника А. В. Ганзена. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905.

Связанные въ книгѣ, повидимому, чисто внѣшнимъ образомъ Ближній Востокъ и уголки Россіи, по глубокому убѣжденію автора, имѣютъ болѣе тѣсную, такъ сказать, органическую связь. Уже недалеко то будущее, когда задачи Россіи на Ближнемъ Востокѣ, заслоненныя на время другими вопросами, должны будутъ приковать все наше вниманіе, вызвать напряженіе всѣхъ нашихъ творческихъ силъ. Давая въ своихъ очеркахъ мѣсто и тому, что онъ называетъ «ошибками нашего политическаго прошлаго», авторъ, хотя и не можетъ удержаться отъ досаднаго чувства по поводу этихъ ошибокъ, находитъ все же, что онѣ не умалили нашихъ задачъ будущаго въ родственныхъ намъ странахъ Ближняго Востока, и это будущее заключается въ нашей тѣсной связи съ

жизнью и чаяніями славянства, которое, несмотря на всѣ обрушившіяся на него напасти, продолжаетъ инстинктивно тянуться къ намъ и отъ насъ ждетъ рѣшенія своей судьбы. Хотя авторъ и старательно отмѣчаетъ все, что сдѣлано нами для упроченія нашего вліянія и положенія на Ближнемъ Востокѣ, но приходится сознаться, что по сравненію съ тою напряженною дѣятельностью въ этомъ направленіи, которую проявляютъ европейцы, мы сдѣлали еще только нѣсколько первыхъ робкихъ и недостаточно увѣренныхъ шаговъ. Въ то время, какъ у иностранцевъ, живущихъ и работающихъ въ Константинополѣ, есть, напримѣръ, прочные объединительные центры, и дѣловые, и общественные, разрозненныя горсточки русскихъ и славянъ разбросаны по разнымъ концамъ громаднаго Царьграда, изолированы другъ отъ друга и не имѣютъ никакого общаго связующаго центра, никакого руководящаго начала въ своей національной жизни. А между тѣмъ въ Константинополѣ не менѣе 400.000 православныхъ, изъ которыхъ значительная часть славянъ: черногорцевъ, болгаръ, сербовъ, оставленныхъ на произволъ судьбы, живущихъ на Босфорѣ, выражаясь словами автора, «какъ настоящіе паріи человѣчества». Особаго вниманія заслуживаютъ страницы книги г. Лендера, посвященныя македонскимъ дѣламъ,—въ частности, попыткамъ европейскихъ реформаторовъ умиротворить страну, служащую ареной борьбы между разными націями. «Турки, болгары, сербы, греки, куцовалахи представляли такую картину совершенно несовмѣстимыхъ домогательствъ,—говоритъ авторъ,—что всего сильнѣе чувствовалась въ странѣ острая междуплеменная рознь, а не притѣсненія турокъ». Въ предѣлахъ одного и того же санджака, одной и той же казы, все сбито до такой степени въ одну кучу, что рядомъ съ мирнымъ населеніемъ живутъ заговорщики, рядомъ съ разоренными—разорители. Надо много труда и вниманія, чтобы изучить положеніе каждаго даннаго района со всей его сложной физіономіей, со всѣми его невыясненными нуждами,—и такой трудъ выпалъ на долю европейскихъ реформаторовъ и, въ частности, на долю русскихъ офицеровъ. Описывая столицу Македоніи, авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на немногочисленныхъ остаткахъ древней Солуни, не забывая въ то же время въ рядѣ картинъ обрисовать и современную жизнь въ Салоникахъ. Изъ русскихъ уголковъ авторъ останавливается на Одессѣ, отмѣчая въ блестящей столицѣ юга процессъ медленнаго умиранія, на Батумѣ и Кутаисѣ, на Нижегородской ярмаркѣ, на Волгѣ и Уралѣ и въ особенности на Саровской пустыни, которой посвященъ въ книгѣ обширный и заслуживающій вниманія очеркъ.

Н. Юрьинъ.

Данте Алигіери. Божественная Комедія. Перевелъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника Дмитрій Минъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904.

Цѣннымъ вкладомъ въ нашъ книжный рынокъ является настоящее роскошное, но и доступное по цѣнѣ, изданіе «Божественной Комедіи» въ переводѣ Д. Мина, по подлинной рукописи покойнаго талантливаго переводчика. Великое твореніе Данте Алигіери выпущено тремя объемистыми томами, согласно составнымъ частямъ комедіи—«Адъ», «Чистилище», «Рай», со всѣми тѣми

обширными примѣчаніями, которыя были сдѣланы Миномъ и которыя приложены въ концѣ каждаго тома. Эти примѣчанія, составлявшія предметъ кропотливой и многолѣтней работы переводчика, представляютъ собою громадное научное богатство, несмотря на то, что многое здѣсь уже нѣсколько устарѣло и отступило передъ новѣйшими изысканіями на ту же тему. Большей части изданій и переводовъ Данте обыкновенно предшествуютъ біографія поэта и исторія его эпохи. Въ виду того, что самъ Минъ не успѣлъ сдѣлать этой работы, то издатель, стремясь «сохранить единство въ этомъ изданіи и дать мѣсто голосу самого переводчика», ограничился воспроизведеніемъ лишь краткихъ свѣдѣній о Данте, заимствованныхъ изъ новѣйшихъ изысканій о творцѣ «Божественной Комедіи»; но зато въ видѣ живыхъ дополненій къ этой біографіи сюда приложены изображенія Данте—портретъ его, рисованный знаменитымъ Джіотто ди-Бондоне (1276—1338), бюстъ Данте (вѣроятно, работы XVI вѣка), находящійся въ Неаполитанскомъ національномъ музеѣ («Адъ», стр. 184), и его маски. Одна изъ нихъ, заканчивающая текстъ «Чистилища», принадлежала сначала барону дель-Неро, отъ него перешла къ маркизѣ Торриджіани, а теперь хранится въ музеѣ Уффици во Флоренціи. Другая, поставленная въ заключеніе «Рая», есть собственность англійскаго художника и почитателя Данте — Сеймура Киркупа, которому она досталась отъ Лоренцо Бартолини. Начальной страницей къ первой части «Божественной Комедіи», «Аду», послужилъ орнаментъ рукописи «Комедіи», относящейся, по всей вѣроятности, къ XVI вѣку; передъ «Чистилищемъ» помѣщена страница съ орнаментомъ рукописи изъ Медицейской библіотеки, во Флоренціи, а передъ «Раемъ»—начальная страница, передающая орнаментъ рукописи Парижской библіотеки.

Къ переводу «пѣсенъ», какъ уже сказано, приложены краткія біографическія свѣдѣнія о Данте, коимъ предшествуетъ историческій обзоръ всей біографической литературы о великомъ поэтѣ, начиная отъ древнихъ временъ и кончая концомъ прошлаго столѣтія, при чемъ здѣсь отмѣчены не только главнѣйшія работы, появившіяся на Западѣ, но и въ нашемъ отечествѣ, а также даны указанія на главнѣйшіе существующіе у насъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, какъ во всей ея полности, такъ и въ отрывкахъ, переводы «Божественной Комедіи». Приложенная къ изданію біографія Данте написана очень сжато, пожалуй, даже нѣсколько протокольно-сухо, рисуетъ намъ поэта въ обстановкѣ своего времени, на историческомъ фонѣ тогдашней темной и бурной дѣйствительности.

Настоящее изданіе, являясь цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки и литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить хорошимъ подаркомъ для нашего юношества, столь далеко отошедшаго нынѣ отъ знакомства съ твореніями міровыхъ геніевъ и съ памятниками великой европейской литературы. Публицистическая литература съ ея крикливыми голосами на злобы дня даетъ слишкомъ ужъ одностороннее развитіе современному молодому поколѣнію, и отвлеченіе его въ сторону образцовъ классической литературы безспорно можетъ служить хорошимъ средствомъ и нѣкотораго успокоенія взволнованнаго чувства, и нѣкоторой провѣрки своихъ часто незрѣлыхъ сужденій по основнымъ вопросамъ человѣческой жизни.

Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Вырожденіе европейскихъ вѣнценосцевъ. Въ іюлѣ нынѣшняго года въ Парижской академіи былъ сдѣланъ интересный докладъ подъ любопытнымъ заглавіемъ: «L'hérédité des stigmates de dégénérescence et les familles souveraines» [1]). Докладчикъ, докторъ Галиппъ, антропологъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ зубной врачъ, многіе годы серіозно изучалъ предметъ своего доклада, и его вниманіе особенно сосредоточивалось на родѣ Габсбурговъ. Теперь этотъ интересный докладъ появился въ видѣ большого тома съ многочисленными иллюстраціями и предисловіемъ члена академіи Анри Бушо. Докторъ Галиппъ вывелъ изъ своихъ наблюденій по сохранившимся медалямъ и портретамъ коронованныхъ особъ за нѣсколько столѣтій, что дѣйствительно среди нихъ существуютъ признаки вырожденія, именно: выдающаяся впередъ нижняя челюсть, ея удлиненіе и утолщенная нижняя губа. Всѣ антропологи единогласно принимаютъ это за признакъ вырожденія, истощенія расы: по закону природы, все слишкомъ утончающееся въ концѣ концовъ стремится къ упадку, къ своему вреду, къ самоуничтоженію. Такъ, тепличные цвѣты, слишкомъ великолѣпные и усовершенствованные, дѣлаются впослѣдствіи уродливыми. Всѣ аристократы, какъ расовые, такъ денежные и умственные, благодаря чрезмѣрному злоупотребленію естественнымъ подборомъ, въ концѣ концовъ приходятъ къ упадку, неврозамъ, умственному разстройству и безумію, потому что безнаказанно нельзя

---

[1]) «L'Hérédité des stigmates de dégénérescence et les familles souveraines». Par d-r Galippe. Paris. 1905.

переступить извѣстный уровень. Это относится къ королевскимъ семьямъ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ къ другимъ. По статистикѣ извѣстно, что здоровая, честная провинціальная семья, переселясь въ Лондонъ, Парижъ или Петербургъ, вообще въ столицу, послѣ трехъ или четырехъ поколѣній теряетъ физическую силу и умственное равновѣсіе. Изучая черты лица королей по изображеніямъ и медалямъ, хранящимся во французскихъ библіотекахъ и въ коллекціяхъ, докторъ Галиппъ отыскалъ эти признаки вырожденія въ королевскихъ родахъ Испаніи, Португаліи, Савойи, Сардиніи, Тосканы, обѣихъ Сицилій, Эсте и Модены, во всѣхъ королевскихъ семьяхъ Франціи, какъ у Валуа, Орлеановъ, Ангулемовъ, Бурбоновъ, Орлеановъ-Бурбоновъ, герцоговъ Гизъ, герцоговъ Лотарингскихъ, Орлеановъ-Браганскихъ; Англія уже не можетъ гордиться сохраненіемъ цѣлости своей расы такъ же, какъ Бельгія, Саксонія и Вюртембергъ. Но въ особенности вырожденіе замѣтно въ Габсбургскомъ родѣ, и каждый разъ, какъ одна изъ королевскихъ дочерей Габсбургскаго дома выходила замужъ, она обязательно приносила съ собою въ приданое эти признаки и передавала потомству; этого не избѣжали ни Людовикъ XVII, ни Наполеонъ II. Докторъ Галиппъ настаиваетъ, что Наундорфъ не имѣлъ ни капли королевской крови, потому что ни на его портретахъ, ни на изображеніяхъ его потомковъ не видно ни одной черты вырожденія Габсбургскаго рода. Конечно, придавать рѣшающаго значенія портретамъ нельзя вслѣдствіе того, что многіе художники и граверы въ то же время были усердными царедворцами, и нѣкоторые изъ нихъ, не подозрѣвая, уменьшали эти черты вырожденія, съ цѣлью сдѣлать коронованныхъ лицъ красивѣе; другіе, напротивъ, изъ лести еще болѣе выдвигали на видъ эти черты, въ виду того, что толстая нижняя губа служила для обладателя гордостью, такъ какъ была признакомъ принадлежности къ старинному и знатному роду. По этому случаю даже существуетъ анекдотъ, будто Элеонора австрійская, сестра Карла V и жена Франциска I, проѣзжая черезъ Дижонъ, приказала вскрыть могилы герцоговъ и, увидя останки Маріи Бургундской, воскликнула: «А я думала, что мы всѣ наслѣдовали ротъ отъ австрійскаго дома, но, какъ я вижу, мы его наслѣдовали отъ Маріи Бургундской и отъ другихъ нашихъ Бургундскихъ предковъ. Если я увижу моего брата императора, я ему это скажу». Изъ этого Бушо вывелъ заключеніе, что отвислая нижняя губа, какъ и орденъ золотого руна,—созданіе французское, на половину подѣленное между Испаніей и Австріей. Единственнымъ средствомъ поддержать королевскую расу былъ бы бракъ королей съ здоровыми деревенскими дѣвушками, но объ успѣхѣ этого средства заранѣе нельзя ничего сказать.

— Матеріальное происхожденіе масоновъ. Нѣкоторыя политическія событія во Франціи привлекли общественное вниманіе къ масонамъ, и въ «Nouvelle Revue» [1]) появилась статья Армана Шарпантье, выясняющая возникновеніе этого ордена. Извѣстно, что масонство зародилось на почвѣ матеріальной, а не символической, только въ теченіе вѣковъ оно мало-по-малу

---

[1]) Les origines matérielles de la franc-maçonnerie, par Armand Charpentier. «Nouvelle Revue». 15 Sept. 1905.

преобразовалось въ символическое, и въ 1717 г. появилась въ Лондонѣ первая ложа, отъ которой произошли всѣ современныя. Такимъ образомъ 1717 г. можно считать годомъ созданія масонства, хотя ошибочно думать, что оно создалось въ человѣческомъ воображеніи цѣликомъ въ эту эпоху. Правда, тогда въ нѣкоторой части общества проснулись гуманныя чувства, и философскій идеалъ овладѣлъ умами, поэтому такіе избранные рѣшились соединиться вмѣстѣ и сообща работать надъ усовершенствованіемъ и объединеніемъ человѣчества. Они мечтали начертать себѣ планъ будущаго «города», какимъ его рисовалъ ихъ идеалъ,—города любви и справедливости. Имъ приходилось дѣйствовать украдкой, чтобы не мѣшали ихъ работѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы узнавать другъ друга въ какой бы то ни было странѣ, они изобрѣли спеціальный ритуалъ, состоявшій изъ таинственныхъ словъ и тайныхъ знаковъ. Масоны хотѣли строить городъ, поэтому они были архитекторами, хотя особаго рода, строящіе изъ невидимаго матеріала, принадлежавшаго къ нравственной области вселенной. Но еще до нихъ уже были другіе архитекторы и каменщики, построившіе крѣпкія и долговѣчныя зданія. И «камни, изъ которыхъ они сдѣланы, само искусство, вложенное въ эти постройки, цѣлые вѣка воспѣвали вѣчность». Эти произведенія—средневѣковые соборы. Такимъ образомъ между первыми масонами XVIII вѣка и строителями храмовъ прошедшихъ временъ установилась, хотя слабая, но довольно достовѣрная связь. Здѣсь точка соприкосновенія между масонствомъ матеріальнымъ и масонствомъ символическимъ. Повидимому, въ XIII вѣкѣ появилось первое основаніе чего-то въ родѣ взаимной солидарности между тысячами рабочихъ, строившихъ тогда, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, первые соборы, которые вызываютъ и будутъ въ будущемъ вызывать въ артистахъ восторгъ. Въ эту эпоху ложи каменотесовъ уже заключаютъ между собою союзы, которые обезпечиваютъ имъ нѣкоторую независимость относительно монастырей. Въ этихъ союзахъ смутно вырисовывалось нѣчто въ родѣ будущихъ синдикатовъ, скрытые признаки профессіональныхъ ассоціацій секретнаго характера, какъ и требовалось въ ту эпоху тайнъ, когда жизнь подвергалась стольким опасностямъ. Эта идея союзовъ зародилась въ Германіи и перешла во Францію, Испанію, Италію и Англію вмѣстѣ съ строителями и рабочими, приглашаемыми за границу, благодаря ихъ искусству. Такъ, нѣмцы Цамадіе и Отто поѣхали первый въ Пизу, а второй въ Вестминстеръ, уроженцы Кельна, Жанъ и Симонъ— въ Бургосъ, а большинство ихъ соотечественниковъ были приглашены для постройки Іоркскаго собора. Всѣ эти рабочіе, какъ архитекторы, такъ и каменотесы, отправившіеся изъ Германіи въ тотъ моментъ, когда ложи каменотесовъ связали себя тайнымъ союзомъ, завезли съ собою въ чужіе края духъ, сгруппировавшій ихъ ложи. Поэтому, гдѣ бы ни были масоны, они всегда оставались связанными между собою не только одной національностью, но еще масонскими узами братства. Чуждые народностямъ тѣхъ странъ, гдѣ имъ приходилось работать, масоны естественно сходились въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ своихъ мастерскихъ для бесѣды. Часто случалось, что нѣсколько поколѣній архитекторовъ и каменотесовъ оставались все на той же землѣ, въ той же мѣстности. Всѣ они были связаны между собою клятвою и строгими правилами, касавшимися не только ихъ работъ, но и частной жизни.

Каждое утро они собирались въ укромное мѣсто, которое они называли ложей; тамъ они получали отъ своего главы разныя предписанія и условный пароль, и тамъ же ежемѣсячно разсматривались общія профессіональныя дѣла. Таинственность, окружавшая эти собранія, была необходима по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, рабочіе, являясь изъ дальнихъ, иногда изъ заграничныхъ странъ, чувствовали потребность тѣснѣе сплотиться для защиты противъ иностранцевъ, у которыхъ они жили, и съ инстинктивнымъ отвращеніемъ усваивали ихъ нравы, обычаи, одежду и языкъ; затѣмъ, обладая тайной искусства своего ремесла, этимъ архитекторамъ и каменотесамъ тѣмъ болѣе было прямой выгодой хранить его въ секретѣ, благодаря чему всѣ добивались ихъ работъ. Во избѣжаніе вторженія въ ихъ кругъ постороннихъ, они придумали условныя слова, рукопожатія и знаки. Новоявившійся масонъ, отвѣчающій на эти пароли, уже не былъ для нихъ незнакомцемъ, а товарищемъ, сработникомъ или мастеромъ, и въ обоихъ случаяхъ, «братомъ», въ его присутствіи можно было смѣло говорить все и довѣряться ему безбоязненно: всѣ они были между собою maçon franc, т.-е. свободные каменщики. Въ силу обстоятельствъ между всѣми ложами установилась связь. Верховнымъ начальникомъ былъ президентъ ложи Страсбургскаго собора, а главными ложами считались Бернская, Кельнская, Вѣнская и т. д. Въ 1459 году нѣмецкія ложи—самыя многочисленныя и важныя—соединились въ Ратисбоннѣ въ количествѣ девятнадцати подъ общимъ именемъ Главной ложи. Это названіе осталось и теперь за собраніемъ множества ложъ въ символическомъ масонствѣ. Поэтому видно, что современные масоны сохранили слова первоначальныхъ масоновъ. Какъ ни странно, но строящіе храмы возбуждали тревогу въ тѣхъ, кто ихъ заказывалъ, и хотя примитивное масонство было вполнѣ профессіональное, но оно все таки безпокоило духовенство. Первой причиной этой тревоги была чисто матеріальная сторона дѣла, послужившая началомъ борьбы между работодателемъ и работникомъ. Духовенство находило чрезмѣрными денежныя требованія рабочихъ масоновъ, которые знали, что они необходимы, и смѣло предъявляли свои требованія. Но этимъ причинамъ матеріальнаго порядка предшествовали причины нравственнаго, болѣе возвышеннаго характера. Эти масоны дѣйствительно не ограничивались только постройками зданій; они ихъ также украшали, и всего любопытнѣе они украшали ихъ по своему усмотрѣнію, объявляя духовенству символы этихъ украшеній. Такимъ образомъ они внесли въ свою работу ту же таинственность, съ какою они окружали свои профессіональныя группы. Кромѣ того, они старались выдѣлить изъ своихъ матеріальныхъ созданій—нравственныя, находившіяся въ полномъ соотношеніи съ первыми. Многіе изъ ихъ начальниковъ удерживали за собою монополію вслѣдствіе знанія математическихъ наукъ, особенно геометріи, благодаря которой ихъ искусство доходило до совершенства. Это были въ своемъ родѣ интеллектуальные люди, а главное независимые, любящіе справедливость, сѣющіе повсюду правду и вводившіе свободу. Не разъ случалось имъ давать въ своихъ ложахъ или мастерскихъ убѣжище еретикамъ, которыхъ святые отцы хотѣли предать пыткамъ или сжечь на кострахъ. Они также вступали въ союзъ съ алхимиками и со всѣми личностями, стремившимися достичь лучшаго будущаго. Благо-

даря этому, они прослыли человѣколюбцами, и невѣжественный, безсознательный народъ чувствовалъ въ нихъ силу, которая можетъ взять ихъ подъ свое покровительство противъ давящей ихъ власти. Этимъ объясняется непріязнь, существовавшая между духовенствомъ и масонами. Во Франціи эта ненависть была сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и церковь дважды пробовала строго покарать масоновъ. Это случилось одинъ разъ въ 1189 году, когда Руанскимъ соборомъ профессіональная ассоціація масоновъ формально была приговорена къ наказанію, а другой разъ въ 1326 году Авиньонскимъ соборомъ. Оба упомянутые случая служатъ еще однимъ доказательствомъ существованія профессіональнаго масонства. Сила этихъ масоновъ немного потеряла значеніе въ Германіи съ появленіемъ протестантства, потому что уменьшились постройки новыхъ храмовъ. Въ Англіи противъ профессіональнаго масонства боролся Кромвель, но ему не удалось его уничтожить, и только въ 1607—1618 годахъ оно мало-по-малу преобразовалось, благодаря пріѣзду итальянскихъ мастеровъ, и масонскія ложи замѣнились чѣмъ-то въ родѣ академій, которыя захватили въ свои руки артисты. Изъ этого видно, что масонство, прежде чѣмъ сдѣлаться философской или филантропической ассоціацией, было настоящей профессіональной ассоціацией; его теперешній символизмъ соотвѣтствуетъ прежнему реализму. Въ то время также существовали «мастера», «товарищи» и «ученики», какъ и теперь, и весь теперешній словарь не что иное, какъ символическій пережитокъ обычаевъ и привычекъ, связывавшихъ между собою средневѣковыхъ каменщиковъ. Несмотря на это разумное объясненіе, о возникновеніи масонства распространялись самыя разнообразныя легенды. Въ одной изъ нихъ, поддерживаемой англичанами XVIII вѣка, говорится, что масонство существовало еще во времена Адама, и Моисей съ Іисусомъ Навиномъ были масонами. Другая легенда относитъ начало масонства ко временамъ построенія храма Соломона, когда религіозная секта ессянъ, существовавшая въ Іудеѣ въ эпоху зарожденія христіанства, уже практиковала масонство. Но легенда болѣе серіозная производитъ масоновъ отъ рыцарскаго ордена храмовниковъ, и Шарпантье допускаетъ, что они образовали между собою секту, въ одно и то же время могущественную и тайную, въ которой, какъ у всѣхъ тайныхъ ассоціацій, существовали свои условныя слова и знаки. При этомъ она была такъ могущественна, что для ея уничтоженія необходимъ былъ авторитетъ Климента V и Филиппа Красиваго. Впрочемъ, приведя эти легенды, авторъ придаетъ большую вѣроятность своему мнѣнію, что масонство зародилось на почвѣ матеріальной.

— Графиня Бальби. Г. Гюстэнъ помѣстилъ въ «Nouvelle Revue» пространную статью, посвященную графинѣ Бальби, когда-то игравшей видную роль при дворѣ графа Прованскаго, брата Людовика XVI и будущаго короля. До сихъ поръ ея біографія страдала неточностями вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ ней историковъ, какъ къ личности, хотя интересной, любившей интриги, но игравшей лишь роль фаворитки графа Прованскаго, хотя и ея вліяніе не выходило за предѣлы этого круга. Г. Гюстэнъ не полѣнился собрать массу документовъ и между прочимъ различныхъ писемъ, касающихся ея, но, къ сожалѣнію, ея переписка съ графомъ Прованскимъ исчезла; по слухамъ ее скупилъ за

60.000 франковъ у горничной фаворитки наперсникъ графа Прованскаго—герцогъ Деказъ. Конечно, длинныя страницы родословной графини мало интересны для русскаго читателя, а потому о нихъ подробно не стоитъ говорить, скажемъ только, что она была дочерью маркиза Комонъ, тѣлохранителя Людовика XV, а впослѣдствіи камергера графа Прованскаго и затѣмъ Людовика XVI [1]). Графиня Анна родилась 19-го августа 1738 г. въ замкѣ Ла-Форсъ и воспитаніе получила въ Парижѣ, куда, два года спустя послѣ смерти отца, умершаго въ Версали въ 1773 г., ея мать возвратилась и сдѣлалась воспитательницей дѣтей брата короля, графа Артуа. Этотъ отвѣтственный постъ отнималъ у нея все время, поэтому она не могла серіозно заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей, и старшая дочь Анна, будущая графиня Бальби, росла въ независимости и быстро сформировалась. Граціозная молодая дѣвушка въ сущности не была красавицей, скорѣе хорошенькой, а главное соблазнительной, изящной, остроумной и привлекала къ себѣ своею веселостью и очаровательнымъ умомъ, сразу выдѣляясь среди другихъ молодыхъ дѣвушекъ. Вскорѣ изъ нея подготовилась будущая звѣзда, заблестѣвшая на придворномъ горизонтѣ той развратной эпохи. Въ это время графиня Прованская, сестра жены графа Артуа и такая же ничтожная и угрюмая, какъ и она, очень скучала. Она была на два года старше своего мужа и возмущалась его апатичной натурой. По словамъ современниковъ, онъ былъ «толстъ, какъ боченокъ, лѣнивъ и жиренъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго обжорства и не выражалъ ни малѣйшей живой страсти». Его отношенія съ женою были такія же, какъ сначала отношенія Людовика съ Маріей-Антуанетой, и только послѣ восьмилѣтняго брака онъ исполнилъ долгъ супруга, но это была лишь пустая вспышка, и вскорѣ онъ снова впалъ въ апатію. Покинутая мужемъ, графиня Прованская посвятила себя иной любви, и ея вниманіе было привлечено молодой, граціозной, веселой будущей графиней Бальби: она увеклась ею, какъ это было нерѣдкостью въ эпоху Маріи-Антуанеты и г-жи Полиньякъ. Въ свою очередь и графъ Прованскій не остался безчувственнымъ, апатичнымъ зрителемъ: граціозная, остроумная, молодая женщина, не похожая на его угрюмую, ничѣмъ не выдающуюся жену, возбудила въ немъ такую страсть, что даже прошелъ слухъ о беременности его жены. Но это была неправда; дѣйствительно и онъ воспламенился съ этихъ поръ настолько, что въ его разговорахъ къ удивленію придворныхъ стала проглядывать эротическая подкладка. Графиня Прованская во что бы то ни стало хотѣла сдѣлать ее своей фрейлиной, но весь ея придворный штатъ, состоявшій изъ одной оберъ-гофмейстерины, одной гофмейстерины и десяти фрейлинъ, былъ полонъ. Обязанность первой состояла въ томъ, что она надѣвала принцессѣ юбки и подавала платье, а вторая поливала ей воду, когда она мыла руки, и надѣвала ей рубашку; остальныя же исполняли обязанности компаньонокъ. Графиня Прованская обратилась къ мужу, потомъ къ королевѣ и королю, прося ихъ причислить молодую дѣвушку къ ея штату. Король съ ожиданіи вакансіи назначилъ ей годовую пенсію въ 5.000 ливровъ.

---

[1]) «Madame Balbi», par Hustin. «Nouvelle Revue», Juillet—Août—Semtembre—Octobre. 1905.

Между тѣмъ ея привлекательная наружность обратила вниманіе молодого офицера, графа Бальби, богатаго человѣка, на шесть лѣтъ старше ея, и свадьба состоялась 6-го мая, а чрезъ шесть дней княгиня Монако представила ее королю и королевѣ въ Версали. Вскорѣ графиня Бальби была наименована сверхштатной придворной дамой, съ содержаніемъ въ 4.000 ливровъ, а затѣмъ и камерфрау.

Это назначеніе вызвало настоящую революцію среди придворнаго штата графини Прованской: репутація графини Бальби уже успѣла пострадать, и она прослыла за femme galante, а потому многія изъ придворныхъ дамъ не соглашались оставаться на службѣ вмѣстѣ съ нею. Кромѣ того, ея статсъ-дама, герцогиня Леспарръ, надѣялась передать свою обязанность какой нибудь своей родственницѣ, какъ это тогда было принято, поэтому предложеніе, сдѣланное ей графиней Прованской, взять въ ея пріемницы графиню Бальби, вызвало со стороны оберъ-гофмейстерины «глупыя шутки» относительно любезности принцессы къ новой звѣздѣ и заставило ее выйти въ отставку. Графиня Бальби очаровала разомъ и мужа и жену, относительно которой, по словамъ современниковъ, она исполняла ту же роль, какую г-жа Полиньякъ относительно Маріи-Антуанеты. Когда послѣдняя сдѣлала замѣчаніе принцессѣ за то, что она назначила своей придворной дамой особу двусмысленнаго поведенія, то графиня Прованская отвѣтила: «Я не знаю, какіе могутъ распространяться слухи о графинѣ Бальби, но я удивляюсь, что вы меня упрекаете».

Этимъ отвѣтомъ она намекала, что при особѣ королевы находится точно такая же личность. По другимъ разсказамъ, назначеніе графини Бальби на почетный постъ гофмейстерины послѣдовало по просьбѣ ея матери, желавшей этимъ затушить скандалъ, вызванный легкомысленнымъ поведеніемъ дочери. Однажды графъ Бальби засталъ графиню въ спальнѣ съ однимъ придворнымъ, по словамъ нѣкоторыхъ, съ графомъ Жокуромъ, и такъ вознегодовалъ, что хотѣлъ убить жену, ея любовника и своего восемнадцати-мѣсячнаго сына. Во избѣжаніе огласки такого скандала несчастнаго мужа выдали за сумасшедшаго и противъ его желанія пустили ему кровь изъ ноги три раза въ день, доведя его до того, что онъ бѣжалъ изъ дома и повелъ скитальческій образъ жизни, понемногу теряя разсудокъ. Когда мать графини Бальби упросила принцессу назначить дочь своей гофмейстериной, король и королева отнеслись къ этому очень холодно, а графиня Артуа отстранила ея мать отъ обязанности воспитательницы ея дѣтей. Впрочемъ это не смущало молодой женщины, и она смѣло пошла противъ общественнаго мнѣнія. Послѣ отъѣзда мужа она отказалась отъ предложенія дяди поселиться въ его домѣ, такъ же, какъ и отъ предложенія княгини Монако, а перебралась въ павильонъ, смежный съ помѣщеніемъ графини Прованской. Здѣсь она была нѣкоторое время въ затруднительномъ положеніи, не имѣя ни мебели, ни денегъ на покупку ея, ни на содержаніе необходимагѣ штата прислуги. Наконецъ она заняла 20.000 ливровъ на мебель. Тѣмъ временемъ графиня Прованская такъ горячо просила мужа о ней, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сумма, врученная ей, выросла до 166.660 ливровъ, вмѣсто 8.000, полагавшихся придворной дамѣ. Впрочемъ принцъ извлекъ изъ этого выгоду: когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ была сдѣ-

лана опека надъ ея мужемъ, и ей вручили надлежащую сумму для уплаты долговъ и на содержаніе, какъ ея, такъ и сына, то принцъ заставилъ уплатить себѣ потраченные 166.660 ливровъ, изъ которыхъ сдѣлалъ удачную комбинацію. Несмотря на то, что графиня исполняла роль фаворитки обоихъ супруговъ, какъ утверждали злые языки, но однажды принцесса приревновала къ ней мужа, восхищавшагося ея волосами. Желая провѣрить свои подозрѣнія, она внезапно возвратилась въ Люксембургъ ночью, разсчитывая увидѣть ихъ вмѣстѣ, но ошиблась. Принцъ выразилъ ей неудовольствіе за несправедливое подозрѣніе, хотя она имѣла поводъ къ этому, видя, какъ ея мужъ цѣлые дни и вечера просиживаетъ у графини Бальби. Молодая женщина питала страсть къ азартнымъ играмъ, какъ большинство свѣтскихъ женщинъ той эпохи, и принцъ прозвалъ эту слабость «вакханаліей графини Бальби». Онъ ее ободрялъ, когда она проигрывала, и потому эта страсть все увеличивалась; самъ принцъ по вечерамъ также садился съ нею за игорный столъ. Всѣ ея прихоти онъ немедленно исполнялъ, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она попросила его выстроить для нея въ саду павильонъ, но въ немъ она жила недолго: графъ отдѣлалъ для нея нижній этажъ въ павильонѣ Люксембургскаго дворца, слѣва отъ главнаго входа. Украшеніе и обстановка этого помѣщенія стоили принцу 200.000 ливровъ, но едва графиня Бальби вступила въ свое новое помѣщеніе, какъ въ эту же ночь случился пожаръ въ богато убранномъ залѣ, гдѣ она ужинала съ принцемъ. По словамъ одной современницы, герцогини Абрантэсъ, этотъ пожаръ не былъ случайностью, а его устроила сама графиня Бальби, недовольная убранствомъ залы. Немедленно обстановка была возобновлена уже по вкусу фаворитки и стоила принцу 50.000 фр. Впрочемъ найденные въ архивахъ документы противорѣчатъ этой суммѣ и ограничиваютъ расходъ до 7.000 франковъ. Въ Версали фаворитка жила рядомъ съ комнатами графа Артуа, съ которымъ она обращалась очень непринужденно; графъ Прованскій занималъ нижній этажъ центральнаго зданія, а принцесса помѣстилась въ отдѣльномъ домѣ. Въ царствованіе Людовика XVI было принято, чтобы придворные, имѣвшіе право на помѣщеніе во дворцѣ, не жили тамъ и, начиная съ королевы и принцессъ до придворныхъ дамъ, каждый имѣлъ въ самомъ Версали городской домъ и дачу: это считалось хорошимъ тономъ, и никто изъ придворныхъ не пользовался дворцовой квартирой. Графиня Бальби не хотѣла отстать отъ этого обычая и пожелала имѣть, какъ и графиня Прованская, свою дачу. Принцъ выстроилъ для нея изящный павильонъ, богато убранный и съ роскошнымъ садомъ въ англійскомъ стилѣ. Въ Брюнуа, гдѣ принцъ любилъ принимать писателей, домъ содержался на широкой ногѣ, и графиня Бальби имѣла тамъ свои комнаты и исполняла роль хозяйки. Приближавшаяся революція положила конецъ царству фаворитки. Братья короля уѣхали за границу, и графиня Бальби въ іюлѣ 1789 г. удалилась въ Бельгію. Затѣмъ она переѣзжала изъ города въ городъ и даже была въ Гаагѣ, судя по адресу на одномъ письмѣ принца. Оттуда графиня поѣхала въ Англію, гдѣ воспитывала своего сына и, встрѣтившись тамъ съ Калонномъ, вступила съ нимъ въ интимную связь и объявила, что проведетъ зиму въ Ричмондѣ. Однако она измѣнила свое рѣшеніе и, несмотря на формальное запрещеніе принца, вне-

запно уѣхала въ Парижъ. Причиной такого поспѣшнаго возвращенія выставляютъ ея желаніе упрекнуть принца за унизительный шагъ, который онъ сдѣлалъ, появясь въ городской ратушѣ предъ членами коммуны съ цѣлью оправдаться и принести какъ бы публичное покаяніе предъ нимъ. Послѣ ссоры съ нею, принцъ сталъ настоятельно требовать, чтобы она возвратилась въ Лондонъ въ качествѣ развѣдчика, въ сопровожденіи Эстергази, отправлявшагося туда подъ предлогомъ свиданія съ семьею, но въ сущности съ цѣлью подготовленія бѣгства королевской семьи. Съ этого момента ея бесѣды съ принцемъ сосредоточивались только на единственномъ вопросѣ — на бѣгствѣ за границу. Особенно ихъ это озабочивало послѣ его ареста въ февралѣ 1791 г., произведеннаго въ тотъ моментъ, когда онъ выходилъ отъ своей фаворитки. Обсудивъ, что иного выхода нѣтъ, они рѣшили отправиться въ день Пасхи всѣ вмѣстѣ: графъ Прованскій, его жена, фаворитка и еще четвертая личность, роль которой взялъ на себя Альваръ. Но обдумавъ они нашли, что вмѣстѣ ѣхать неудобно, а лучше было бы раздѣлиться и принцу отправиться прямо изъ помѣщенія фаворитки. Однако это тоже оказалось неудачнымъ вслѣдствіе усиленнаго надзора за принцемъ со стороны Лафайета. Тогда графиня принялась подыскивать дачу въ окрестностяхъ Парижа, но и это ей не удалось. Всѣ свѣтскіе знакомые, къ которымъ она обращалась, отказали ей одолжить свои дачи, и бѣгство становилось все затруднительнѣе. Предполагая, что минута роковая приближается, она заняла домъ Фонтетта, выходившій въ Люксембургскій садъ, откуда они могли выйти незамѣченными. Въ концѣ мая она получила извѣстіе, которое вызвало ее на нѣсколько дней въ Брюссель. На вопросъ принца: «не надо ли чего королевѣ въ Бельгіи?» она спросила, долго ли графиня останется тамъ, и, узнавъ, что только десять, двѣнадцать дней, отвѣтила: «Тѣмъ лучше, но только не дольше». Такимъ образомъ бѣгство отложили до 21-го. Графиню объ этомъ увѣдомили по пріѣздѣ въ Монсъ, принцъ встрѣтился съ нею въ гостиницѣ «Императорской короны», гдѣ она ожидала его. Принцесса остановилась отдѣльно въ другой гостиницѣ. Графиня, по разсказамъ принца, принялась приготовлять имъ ужинъ; у нея нашлась холодная курица и бутылка Бордо. «Она была такъ добра,—разсказываетъ принцъ,— что устроила мнѣ постель, а Аврэ легъ на кровати ея горничной». Затѣмъ графиня сопровождала принца въ Брюссель, Люттихъ и Аахенъ, а 7-го іюля она поѣхала съ нимъ въ Кобленцъ, гдѣ для нея началась новая жизнь. Они поселились въ Шанбурнлускомъ замкѣ, принадлежавшемъ Саксонскому курфюрсту, брату матери Людовика XVI и дядѣ принцевъ. Курфюрстъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе свой дворецъ, и графъ Прованскій занялъ лѣвый флигель, графъ Артуа жилъ въ первомъ этажѣ праваго флигеля, а графиня Прованская съ фавориткой въ нижнемъ этажѣ этого флигеля. Принцу надо было проходить чрезъ устроенный павильонъ, гдѣ помѣщались парадныя залы, когда онъ направлялся къ женѣ или фавориткѣ. Они попытались устроить тамъ подобіе Версаля съ его этикетомъ и пышностью, но вмѣсто того у нихъ воцарилось соперничество, бурно проявлявшееся между тремя фаворитками и поставившее графиню Прованскую въ самое унизительное положеніе. Послѣдняя съ горечью жаловалась секретарю Маріи-Антуанеты, Ожару, что съ нею

тамъ обращались очень дурно, и она просила у мужа одного—уѣхать въ Туринъ, гдѣ осталась ея сестра, брошенная своимъ мужемъ, графомъ Артуа, который привезъ съ собою свою фаворитку, г-жу Полястронъ. Но графъ Прованскій изъ боязни разлучиться съ графиней Бальби не отпускалъ жены, и такимъ образомъ принцессѣ приходилось выносить тысячи непріятностей со стороны фаворитки. Третьей фавориткой была княгиня Монако, любовница принца Кондэ, и между этими тремя женщинами возникали бурныя сцены. Изъ трехъ фаворитокъ верхъ одержала графиня Бальби, а потому она всѣмъ руководила. Г-жа Полястронъ думала о своемъ любовникѣ болѣе, чѣмъ о власти, и если бы не ея приближенные, то она охотно подчинилась бы своей соперницѣ. Княгиня Монако, хотя и обладала темпераментомъ и энергіей, но тратила ихъ болѣе на поддержку Кондэ, чѣмъ на домашніе дрязги. Тѣмъ не менѣе она питала къ графинѣ Бальби не меньшее отвращеніе, чѣмъ г-жа Полястронъ, и въ Кобленцѣ не было другой личности, о которой говорилось бы столько дурного, и говорить о ней, какъ можно хуже, считалось хорошимъ тономъ. Впрочемъ, графиня Бальби не обращала на это вниманія, увѣренная въ привязанности графа Прованскаго, и гордо, высокомѣрно пренебрегала общественнымъ мнѣніемъ. Она съ улыбкой смотрѣла, какъ весь недоброжелательно относившійся къ ней Кобленцъ собирался у нея по вечерамъ, привлеченный устраиваемыми ею, какъ и въ Люксембургѣ, ужинами и азартными играми. Принцъ не покидалъ ея салона, и по вечерамъ ея двери всегда были открыты для гостей. По окончаніи своихъ обязанностей у принцессы, она возвращалась къ себѣ и перемѣняла свой туалетъ на глазахъ гостей. Въ залъ подавался маленькій столъ, и, сѣвъ предъ нимъ, она поправляла свою прическу, затѣмъ перемѣняла всю одежду до рубашки. «Долженъ признаться, — говоритъ ея современникъ, графъ Контадъ,—что, несмотря на мое прекрасное зрѣніе, я никогда ничего не могъ увидѣть, какъ будто вокругъ нея находилось десять ширмъ. Впрочемъ, перемѣна декораціи дѣлалась быстро: она длилась едва десять минутъ». Графъ Прованскій оставался безучастнымъ зрителемъ и, сидя предъ каминомъ, спиною къ тому мѣсту, гдѣ переодѣвалась графиня, онъ не перемѣнялъ разговора. Послѣ его ухода начиналась крупная азартная игра. Но, страстно увлекаясь азартными играми, фаворитка, однако, не пренебрегала слѣдить, чтобы не посягнули на ея власть надъ принцемъ. Она не терпѣла постороннихъ совѣтовъ и энергично отстраняла вліяніе другихъ на принца. Ея борьба въ этомъ отношеніи съ Аварэ, спасшимъ жизнь принца, устроивъ его бѣгство, — очень любопытна. Изъ напечатанныхъ Додэ «Мемуаровъ» принца видно, что она оспаривала каждое проявленіе его расположенія къ Аварэ и обижалась, когда принцъ выражалъ ему хотя малѣйшую благодарность, даже если къ ней примѣшивалось ея имя. Потомъ она стала недоброжелательно относиться къ молодой женщинѣ, понравившейся Аварэ. Хладнокровное терпѣніе, съ какимъ послѣдній переносилъ ея нападки, еще болѣе выводило изъ себя фаворитку, и она приходила въ такой гнѣвъ, что принцъ и всѣ присутствовавшіе считали болѣе благоразумнымъ удаляться. На другой день послѣ одной ссоры Аварэ пытался ее успокоить, но едва онъ сказалъ, что принцъ находитъ его правымъ, какъ полетѣли стулья, столы и чашки. Напрасно присутствовавшіе

при этой сценѣ старались успокоить фаворитку, она бѣгала, какъ безумная, и восклицала: «Лошадей! лошадей! я уѣду! я не перенесу подобнаго оскорбленія!». Однако она не уѣхала, но, съ помощью Жокура, своего прежняго любовника и близкаго пріятеля принца, она повела глухую борьбу и воспрепятствовала принцу сдѣлать надпись: «девизъ дружбы», на рукояткѣ шпаги, которую онъ подарилъ ему. Такую же борьбу она вела съ графомъ Кардо, но послѣдній, родомъ корсиканецъ, не стѣснялся говорить ей прямо въ глаза рѣзкую правду. Только двумъ личностямъ удалось забрать въ руки графиню Бальби: посланнику русской императрицы Екатерины II въ Коблевцѣ, графу Румянцеву, и впослѣдствіи Аршамбо-Перигору. Русскій человѣкъ смекнулъ, что, только покоривъ сердце фоворитки, можно управлять принцемъ, и, сдѣлавъ дипломатическую осаду ея сердца, онъ сталъ руководить всѣми важнѣйшими дѣлами чрезъ графиню Бальби. Послѣ него на сценѣ появился Аршамбо-Перигоръ, но ему не пришлось производить осады, а, напротивъ, онъ самъ подвергнулся ей со стороны фаворитки, воспылавшей къ нему пылкой страстью. Она добивалась его любви со свойственной ей настойчивостью и, видя его равнодушіе, еще сильнѣе увлекалась. Результатомъ этой любви было появленіе на свѣтъ двухъ близнецовъ. Это событіе дало полное удовлетвореніе непріятелямъ графини; слухи о немъ распространились по всѣмъ столицамъ Европы и не миновали ушей принца. Фаворитка прислала ему въ Гаагу письмо, извѣщая, что ѣдетъ къ нему въ Верону, и принцъ сообщилъ это извѣстіе Аварэ, а тотъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ повредить ей, сообщилъ принцу обо всѣхъ случаяхъ. Ударъ былъ нанесенъ мѣтко, и графъ Прованскій былъ пораженъ, но, поразмысливъ, онъ рѣшилъ, что надо «уничтожить привычку и очарованіе жизни». Онъ написалъ ей письмо «благородное, деликатное, сдержанное» и послалъ его съ своимъ первымъ камергеромъ, графомъ Отфоромъ, ея бывшимъ любовникомъ. Оно сразило фаворитку и, хотя она поняла, что потеряла надъ нимъ власть, но все-таки попыталась вернуть любовь принца. Съ этой цѣлью, надписавъ на его письмѣ: «Навѣрно, это письмо не отъ васъ», она послала его обратно съ своимъ бывшимъ любовникомъ, герцогомъ Аркуромъ. Но принцъ не принялъ его и, возвративъ посланному, предупредилъ, что не будетъ читать ея писемъ. Это не смутило графини Бальби, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти короля она снова написала ему письмо, перечисливъ всю англійскую аристократію, посѣщавшую ее во главѣ съ братомъ короля, герцогомъ Глостерскимъ. Принцъ посмѣялся надъ ея тщеславной выходкой, но все-таки ничего не отвѣтилъ. Съ женою принцъ имѣлъ объясненіе: она жаловалась на небрежное отношеніе къ ней графини, которая ей не писала. Что дѣлала графиня Бальби въ Англіи, лишенная ежегодной пенсіи принца и покинутая Аршамбо-Перигоромъ,—неизвѣстно. Только когда революціонное движеніе улеглось, и съ утвержденіемъ директоріи явилось успокоеніе, графиня Бальби стала хлопотать объ амнистіи и снятіи запрещенія съ ея имущества. Ея хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и въ 1802 году она поселилась въ домѣ Морепа. На бѣду страсть къ интригамъ не уменьшилась въ изгнаніи, и она попрежнему стала вмѣшиваться въ политику, громко высказывая свои мнѣнія о дѣлахъ и людяхъ. Это не понравилось полиціи, и послѣ одного зав

трака, на которомъ она нападала на императора, ей было приказано покинуть Парижъ и отправиться въ имѣнье брата, гдѣ она должна была жить подъ надзоромъ полиціи. Это было для нея жестокимъ ударомъ, и она обратилась къ Фушэ съ письмомъ, разсчитывая смягчить гнѣвъ Наполеона. Ей не удалось добиться цѣли, и она долго переѣзжала съ мѣста на мѣсто, все время находясь подъ надзоромъ полиціи, обвинявшей ее въ излишней болтливости, а также въ обнаруженіи тайнъ митавскаго короля и его двора. Во время реставраціи она попробовала добиться пріема у своего любовника, уже сдѣлавшагося королемъ Людовикомъ XVIII, но онъ отказался ее принять и довольствовался лишь тѣмъ, что спрашивалъ о ней каждый разъ, когда при дворѣ появлялась ея племянница, маркиза Лорда. Онъ назначилъ своей фавориткѣ ежегодную пенсію въ 12.000 франковъ, которую продолжали выплачивать до самой ея смерти Карлъ X и Луи-Филиппъ. По возвращеніи въ Парижъ, она устроила у себя политическій салонъ, который охотно посѣщало парижское общество. Сама графиня Бальби появлялась во всѣхъ салонахъ, гдѣ устраивались азартныя игры, какъ, напримѣръ, у графини Люнно и у одного швейцарца, графа Кастелля. Когда наступилъ старческій возрастъ, графиня покинула Парижъ и поселилась навсегда въ Версалѣ вмѣстѣ съ своей племянницей, маркизой Лорда. Впрочемъ, въ 1842 году она поѣхала въ Парижъ посовѣтоваться съ докторомъ, уже больная, и на этотъ разъ ея поѣздка была послѣдняя. 3-го апрѣля 1842 года она умерла.

— Испанская историческая литература за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ. Въ истекшемъ году самымъ замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ въ Испаніи былъ трехсотлѣтній юбилей «Донъ-Кихота». По этому случаю вышло безконечное количество книгъ и брошюръ, но замѣчательно, что журналы не выпустили спеціальныхъ юбилейныхъ нумеровъ, а довольствовались лишь незначительными статьями. Только «Revista de Archivos» посвятила цѣлый нумеръ подробной библіографіи Сервантеса и различнымъ документамъ, бросающимъ интересный свѣтъ на его жизнь; надъ этими полезными въ научномъ отношеніи трудами ревностно поработали Котарела и Пелайо. Самыя выдающіяся юбилейныя рѣчи были произнесены извѣстными литераторами—Менадесомъ Пелайо и Хуаномъ Валерой въ Мадридскомъ университетѣ и академіи, и теперь напечатаны отдѣльными брошюрами. Первая изъ нихъ представляетъ лучшую и самую блестящую характеристику Сервантеса. Авторъ мастерски и въ художественной формѣ излагаетъ значеніе великаго писателя и его несравненнаго произведенія. Что же касается до сочиненія Валеры, вскорѣ послѣ того умершаго, то, несмотря на всѣ его достоинства, оно—лишь сокращеніе его прежней большой и замѣчательной книги о «Донъ-Кихотѣ». Кромѣ библіографическаго изслѣдованія Котарелы въ «Revista de Archivos», имъ напечатанъ еще обширный трудъ по тому же предмету, подъ названіемъ: «Efemerides servandinas». Но дѣйствительно монументальную работу предпринялъ сеноръ Сейдоръ, извѣстный своими оригинальными филологическими взглядами, и издалъ ея первый томъ подъ заглавіемъ: «Gramatica del Quijote». До сихъ поръ еще никогда не было напечатано другого подобнаго лингвистическаго труда. Рядомъ съ этими спе-

ціально научными трудами заслуживаетъ особаго вниманія высоко-художественная біографія Сервантеса, вышедшая изъ-подъ пера Наварро-Ледесма, подъ заглавіемъ: «Ingenioso hidalgo Miguel de Cervantes Saavedra». Авторъ съ удивительнымъ литературнымъ умѣніемъ, въ родѣ Тэна, группируетъ историческую и общественную эпоху вокругъ событій Сервантесовой жизни. Въ географическомъ отношеніи юбилейная литература даетъ двѣ интересныя книги описаній родной страны Донъ-Кихота въ эпоху Сервантеса и въ теперешнее время. Эти произведенія принадлежатъ Мартинеццу Руизу и Блацкезу и изобилуютъ художественными и научными подробностями. Обо всѣхъ юбилейныхъ книгахъ невозможно упомянуть, скажемъ только, что изъ нихъ выдаются комментаріи на «Донъ-Кихота» ректора Саламанкскаго университета, Уна Муно, но болѣе въ психологическомъ, чѣмъ въ историческомъ смыслѣ, а также философскій взглядъ на «Донъ-Кихота» доктора правъ Карреры, впервые разсматривающаго «Донъ-Кихота» съ юридической точки зрѣнія. Еще надо упомянуть о цѣлой серіи библіографическихъ трудовъ и о нѣсколькихъ великолѣпныхъ изданіяхъ Сервантеса. Всѣ означенныя свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ помѣщенной въ «Atheneum»'ѣ статьи объ испанской литературѣ за истекшій годъ Р. Альтамира. Кромѣ того, онъ сообщаетъ въ краткихъ словахъ, какія вышли въ Испаніи новости по археологіи и исторіи за истекшій годъ. Въ первомъ отношеніи появилось четыре замѣчательныхъ монографіи о знаменитыхъ церквахъ Испаніи. Что же касается до исторіи, то наиболѣе выдаются два почтенныхъ труда объ Амярозіо Спинолѣ—Родригеза Вилла, и о средневѣковомъ состояніи рабства въ провинціяхъ Европы. Наконецъ, Альтамира упоминаетъ объ историческомъ изслѣдованіи Пулидо относительно испанскихъ евреевъ на востокѣ, объ «Анналахъ испанской литературы» Булья и объ «Исторіи Каталонской промышленности»—Вентало.

— **Монцская монахиня.** Недавно въ Миланѣ изданы въ двухъ томахъ всѣ выпущенные отрывки изъ знаменитаго романа Манцонни: «Dei promessi sposi», съ примѣчаніями Джіованни Сфорцы [1]). Неизданныхъ отрывковъ набралось столько, что они наполнили семьсотъ страницъ. Они очень любопытны, но наибольшій интересъ представляетъ эпизодъ такъ называемой Синьоры, или Монцкой монахини. Онъ сочиненъ не Манцонни, а взятъ имъ изъ «Historiae Patriae» Рипамонти и миланскихъ архивовъ. Эта легенда вполнѣ историческая и только отчасти художественно прикрашена итальянскимъ романистомъ. Въ дѣйствительности обстоятельства заключались въ слѣдующемъ. Въ концѣ 1575 г. въ Миланѣ родилась дѣвочка, названная Манцонни Джертруда и впослѣдствіи извѣстная подъ именемъ синьоры ди Монца. Она происходила изъ богатаго, благороднаго и могущественнаго семейства; съ самаго рожденія дѣвочки ея отецъ предназначилъ ее въ монахини, потому что не хотѣлъ ради приданаго дочери уменьшить своего большого состоянія, которое должно было достаться единственному сыну. Ребенкомъ ее готовили къ мо-

---

[1]) Brani Inediti del Promessi Sposi di Alessandro Manzoni. Per cura di Giovanni Sforza. Milano. 1905.

настырской жизни и не давали другихъ куколъ, какъ въ монашеской одеждѣ. Ее отдали въ Бенедиктинскій монастырь въ Монцѣ; но, окончивъ школу, она не могла поступить въ монахини, такъ какъ, по правилу, каждая дѣвушка, выходящая изъ монастырской школы, должна годъ прожить въ свѣтскомъ обществѣ, прежде чѣмъ постричься въ монахини. Джертруда была въ это время красивой, повелительной молодой дѣвушкой, питавшей страсть ко всѣмъ удовольствіямъ, а потому, по возвращеніи домой, она не выказала ни малѣйшей склонности исполнить волю родителей. Они всячески старались отстранить молодую дѣвушку отъ свѣтской жизни и не позволяли никого видѣть. Только одна личность, именно пажъ, обращалась съ нею почтительно, учтиво и не грубо. Вскорѣ она стала отвѣчать тѣмъ же на его любезности, но ихъ отношенія были обнаружены, и ее снова отдали въ прежній монастырь, гдѣ ее окружили, какъ только постригли въ монахини, всякими удобствами и роскошью. Она занимала двѣ отдѣльныя комнаты, и въ прислужницы ей предоставили двухъ монахинь; ее всѣ называли La Signora. Вблизи того монастырскаго флигеля, гдѣ она помѣщалась, жилъ одинъ извѣстный «bravo», т.-е. котораго Манцонни называетъ Эджидіо; ему пришло въ голову, что было бы недурно прибавить къ числу своихъ побѣдъ надъ женщинами и молодую монахиню. Сначала она не подавала ему надежды, а потомъ тайно допустила его въ свои комнаты, стала съ нимъ разговаривать и подкупила своихъ двухъ монахинь, но сохранить тайны долго было невозможно: одна изъ монахинь выдала ее, за что была убита по наущенію обоихъ виновныхъ. Тутъ являются соотношенія Джертруды и Эджидіо съ главными героями романа Манцонни. Лючіа, героиня его, избѣгнула преслѣдованій дона Родрига и не только поселилась въ этомъ самомъ монастырѣ, но поступила подъ покровительство Джертруды, а Эджидіо былъ подкупленъ дономъ Родриго похитить Лючію. Онъ совершилъ это безъ всякаго труда, такъ какъ имѣлъ большое вліяніе на Джертруду. Здѣсь разсказъ быстро клонится къ концу. Джертруда подверглась сильному нервному разстройству, благодаря постоянной опасности быть накрытой съ Эджидіо, страху, что узнаютъ объ убійствѣ монахини, и раскаянію въ измѣнѣ Лючіи. Ея поведеніе становилось все эксцентричнѣе, рѣчь безсвязнѣе, и въ концѣ концовъ она сошла съ ума. Архіепископъ миланскій, кардиналъ Барамео, отправилъ ее въ больницу Бенедиктинскаго монастыря въ Миланѣ, гдѣ послѣ продолжительнаго сумасшествія она выздоровѣла, исповѣдывалась въ своихъ грѣхахъ и провела остальную жизнь въ монастырѣ. Эта исторія съ нѣкоторыми прибавленіями была вставлена Александромъ Манцонни въ его романъ, и когда онъ прочиталъ свое оконченное произведеніе друзьямъ, то двое изъ нихъ, литераторъ Форріель и епископъ Павіи, монсиньоръ Този, посовѣтовали ему выбросить этотъ эпизодъ. Первый руководствовался чисто эстетическими причинами, такъ какъ этотъ эпизодъ былъ слишкомъ растянутъ и не имѣлъ отношенія къ главному сюжету, а послѣдній придерживался клерикальнаго предразсудка. На Манцонни болѣе подѣйствовали первыя соображенія, и онъ сократилъ эту часть своего романа до такой степени, что означенный эпизодъ вышелъ неполный и не вполнѣ понятный. Дѣтство и молодость Джерт-

руды, всего менѣе имѣвшія отношенія къ содержанію романа, остались почти цѣликомъ. Ея же монастырская жизнь, самая интересная и близко касающаяся похищенія Лючіи, наполовину сокращена, а конецъ ея печальнаго существованія вовсе пропущенъ, такъ что читатель не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ кончилась судьба Джертруды. «Promessi sposi» имѣлъ громадный успѣхъ не только въ Италіи, но и во всемъ свѣтѣ, и естественно, что неоконченный эпизодъ возбудилъ общее любопытство. Безконечныя прибавленія на основаніи исторіи Рипамонти и историческихъ архивовъ были напечатаны въ Италіи, а также немало явилось фантастическихъ разсказовъ объ окончаніи жизни Джертруды. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи всего замѣчательнѣе былъ двухтомный романъ «La Monaca di Monza», Джіованни Розини, который безжалостно исковеркалъ какъ исторію, такъ и романъ Манцонни. Во всякомъ случаѣ, напечатаніе такого церковнаго скандала вызвало негодованіе особенно въ итальянскихъ клерикалахъ, и даже въ настоящее время обширный трудъ Джіованни Сфорцы, обнародовавшаго въ подлинномъ видѣ эпизодъ Монцской монахини, возбуждаетъ неудовольствіе всей набожной Италіи.

— Юбилей Нельсона. 21-го октября настоящаго года минуло сто лѣтъ знаменитой морской битвѣ при Трафальгарѣ и роковой смерти адмирала Нельсона. Это—одинъ изъ самыхъ славныхъ дней въ англійской исторіи, и потому, конечно, вся Англія праздновала его столѣтіе самымъ блестящимъ и торжественнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и англійская литература прославила достойнымъ образомъ великаго юбиляра. Всѣ журналы переполнены хвалебными статьями, и нѣтъ тѣхъ диѳирамбовъ, которые не расточались бы въ честь перваго англійскаго морского героя. Всѣхъ замѣчательнѣе статья профессора Лотона въ «Quarterly Review» и извѣстнаго автора морскихъ статей, капитана Мэана въ «National Review». Первый подробно и основательно разсматриваетъ послѣдствія Трафальгарской побѣды и доказываетъ, что она сдѣлала неизбѣжнымъ Ватерлоо и паденіе Наполеона. «Не имѣя возможности,—говоритъ онъ,—напасть прямо на Англію, Наполеонъ былъ обязанъ бороться со всей Европой, и это обязательство стало неминуемымъ послѣ Трафальгара. Такимъ образомъ Трафальгаръ освободилъ Англію отъ надвигавшейся гибели и всю Европу отъ тяготившей ее тираніи». Капитанъ Мэанъ воздаетъ должное Нельсону съ какимъ-то религіознымъ паѳосомъ. Онъ характеризуетъ личность юбиляра, его преданность своему долгу, несокрушимую стойкость и довѣріе не только къ себѣ, но и къ другимъ, заслуживающимъ этого. Въ числѣ книгъ, появившихся по случаю этого столѣтія, заслуживаютъ вниманія: «Нельсонъ и двадцатое столѣтіе» [1]), Арнольда Вайта и Галлама Мургауза, которые посвящаютъ свое сочиненіе примѣненію морскихъ принциповъ Нельсона къ условіямъ современнаго флота; «Трафальгарскій годъ» [2]), Генри Ньюболя, чрезвычайное картинное описаніе знаменитой кампаніи, окончившейся слав-

---

[1]) Nelson and the Twentieth Century. By Arnold White and Hallam Moorhouse. London. 1905.

[2]) Year of Trafalgar. By Mr. Newboll's. London. 1905.

нымъ боемъ, и «Морская жизнь въ Нельсоново время» [1]), Джона Машфильда, популярное изложеніе главнѣйшихъ обстоятельствъ морской жизни въ эпоху Нельсона, составленное по замѣчательнымъ литературнымъ произведеніямъ того времени. Конечно, среди юбилейной литературы занимаетъ не послѣднее мѣсто характеристика извѣстной лэди Гамильтонъ, бывшей фавориткой Нельсона, и хотя преданная любовь къ ней далеко не дѣлала чести славному герою, но Вальтеръ Зичель, авторъ вышедшей по случаю юбилея книги, подъ заглавіемъ: «Леди Эмма Гамильтонъ» [2]), старается всѣми силами ее обѣлить. Это ему никакъ, однако, не удается. Въ его блестяще написанной книгѣ всетаки рельефно обрисовывается развратный, позорный типъ интриганки и авантюристки. Вообще жизнь Нельсона хорошо извѣстна, и стоитъ упомянуть только о послѣднихъ годахъ геройскаго существованія этого невзрачнаго, маленькаго, кривоглазаго, однорукаго человѣка, по происхожденію сына пастора. Нельсонъ впервые встрѣтился съ лэди Гамильтонъ, когда ему было тридцать три года. Эта встрѣча произошла въ Неаполѣ, гдѣ ея мужъ былъ англійскимъ посланникомъ. Поразительно красивая, она, несмотря на молодость, носила замѣтные слѣды разврата, такъ какъ въ юности она прославилась различными постыдными похожденіями и происходила отъ неизвѣстнаго отца и деревенской служанки. Первымъ ея любовникомъ былъ, какъ извѣстно, живописецъ Ромнэй, а потомъ слѣдовало безконечное множество лицъ, въ томъ числѣ лордъ Грэнвилль и его дядя, лордъ Гамильтонъ, который впослѣдствіи женился на Эммѣ. Нельсонъ влюбился въ нее до безумія и до самой смерти былъ ей вѣренъ, забывая ради нея свой долгъ и обязанность. Одинъ изъ его друзей писалъ ему изъ Лондона: «Говорятъ, что ты Ринальдо въ рукахъ Армиды, и необходимъ другой Убольдо, чтобы вырвать тебя изъ рукъ этой обольстительницы». Что же касается лэди Гамильтонъ, то невозможно сказать, любила ли она своего героя, или только прикидывалась въ него влюбленной. Послѣ Абукирской побѣды Нельсонъ совершенно предался своей любви и, благодаря лэди Гамильтонъ, заслужилъ полное обвиненіе начальства въ бездѣйствіи, слабости и недостаткѣ дисциплины. Французскія войска вступили въ Неаполь, и Нельсонъ увезъ на своемъ кораблѣ «Victory» короля Фердинанда, королеву Марію-Каролину и лэди Гамильтонъ въ Палермо. Французская эскадра сновала по Средиземному морю, а Нельсонъ ничего не предпринималъ противъ нея. «Мои мысли меня губятъ и убиваютъ,—писалъ онъ.—Я никого не посылаю противъ враговъ. Напишите мнѣ, что отрубили хотя нѣсколько республиканскихъ головъ, это меня немного успокоитъ». Когда Неаполь наконецъ былъ отнятъ у французовъ двадцатью тысячами калабрійцами кардинала Руффо, то онъ воспользовался случаемъ, чтобы обагрить городъ кровью. Нарушивъ свои клятвы изъ угожденія лэди Гамильтонъ, наперсницы Маріи-Каролины, онъ дозволилъ толпѣ перерѣзать безчисленное множество республиканцевъ. Мало того, ради лэди Гамильтонъ онъ принесъ въ жертву свою службу, подавъ въ отставку. Его возвращеніе въ Англію было ознаменовано

---

[1]) Life in Nelson's time. By John Masefield's. London. 1905.
[2]) Emma Lady Gamilton. By Sichel. London. 1905.

торжественными пріемами во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, но въ Лондонѣ онъ не былъ принятъ съ такимъ восторгомъ, какъ онъ этого ожидалъ, и парламентъ не вотировалъ ему поздравленія съ побѣдой, потому что всѣ были внѣ себя отъ негодованій на его недостойную связь съ лэди Гамильтонъ и на неблагородный разводъ съ его достойной уваженія женою, миссъ Низбетъ. Нельсонъ, однако, былъ такъ страстно влюбленъ въ свою Эмму, что не обратилъ ни на что вниманія и поселился съ нею въ маленькомъ Суррейскомъ коттэджѣ. Здѣсь онъ прожилъ до 1801 г., когда его снова пригласили командовать англійскимъ флотомъ. Новая побѣда при Копенгагенѣ увеличила его славу, но унизила его въ политическомъ отношеніи, такъ какъ онъ безъ всякаго объявленія войны напалъ на датскій флотъ и уничтожилъ его. Вообще Нельсонъ не отличался нравственно-общественными достоинствами, но, какъ частный человѣкъ, былъ благороднымъ, гуманнымъ и добрымъ. Главнѣйшимъ его подвигомъ была Трафальгарская битва, побѣдоносно закончившая его геройскую жизнь. 21-го октября 1805 г. лордъ Нельсонъ засталъ въ Трафальгарской бухтѣ союзный испано-французскій флотъ, и первымъ его дѣйствіемъ было прибить къ главной мачтѣ своего адмиральскаго корабля «Victory» сигналъ: «Англія разсчитываетъ, что сегодня всѣ исполнятъ свой долгъ». Затѣмъ онъ не могъ не вспомнить лэди Гамильтонъ и приказалъ матросамъ вынести изъ своей каюты ея большой портретъ и спрятать на всякій случай въ трюмъ. «Смотрите, будьте осторожнѣе съ моимъ ангеломъ-хранителемъ!»—сказалъ онъ. Послѣ этого Нельсонъ написалъ письмо въ парламентъ и поручилъ ему позаботиться о своей любовницѣ. Такимъ образомъ его послѣдняя частная мысль была посвящена лэди Гамильтонъ, а затѣмъ онъ уже предался всецѣло своему долгу. Битва оказалась геройской, но въ минуту славной побѣды онъ былъ смертельно раненъ, хотя все-таки успѣлъ услышать отъ своего адъютанта Гарди, что непріятель разбитъ на голову и лишился пятнадцати судовъ. «А сегодня утромъ я держалъ пари, что потоплю двадцать!»—промолвилъ Нельсонъ съ улыбкой. Это были его послѣднія слова предъ смертью.

— Кое-что о Тэнѣ. Въ послѣдніе мѣсяцы общее вниманіе не только во Франціи, но и во всей Европѣбыло обращено на знаменитаго философа, историка, писателя и ученаго мыслителя—Ипполита Тэна. Это было вызвано, съ одной стороны, появленіемъ третьяго тома его «Переписки», съ другой—смертью его жены, а съ третьей—открытіемъ въ память его статуи въ городѣ Вузьерѣ. Новый трудъ [1]) Тэна, прозваннаго «секретаремъ человѣчества», относится къ той эпохѣ его жизни (1870—1875 г.), которая служила переломомъ его политическаго настроенія. Хотя Тэнъ всегда былъ аристократическимъ и умѣреннымъ либераломъ, но со времени коммуны онъ въ томъ и другомъ отношеніяхъ дошелъ до такой крайности, что сталъ упорнымъ ретроградомъ, ненавистникомъ революціи и противникомъ всякаго прогресса. Поэтому тѣ самые писатели, которые превозносили его «Исторію англійской литературы», художественныя критическія и философскія изслѣдованія, естественно, отверну-

---

[1]) «La correspondance de Taine», troisième volume (1870—1875). Paris. 1905.

лись отъ его мракобѣсія, хотя истинно свободные мыслители всегда упрекали Тэна за излишнее педантичное стремленіе его логическаго ума къ детерминизму Спинозы, т.-е. къ безусловной закономѣрности явленій, не оставляющей мѣста свободѣ человѣческой воли. Подробно исторически объясняетъ Тэнъ въ «Перепискѣ» постепенное развитіе своего ретрограднаго направленія, подъ вліяніемъ событій коммуны. Уже на третій день, 18-го марта, онъ писалъ женѣ: «Я чувствую, что въ моей груди омертвѣло сердце; я чувствую, что живу среди сумасшедшихъ, и что прусскій жандармъ съ своей дубиной придетъ ихъ образумить. Я даже потерялъ всякое чувство негодованія». Далѣе онъ замѣчаетъ, что «мятежники перенимаютъ пріемы комитета общественной безопасности и пытаются повторить терроръ». Онъ доходитъ до того, что «ждетъ второго прусскаго вторженія и увѣряетъ, что знаетъ многихъ, которые предпочитаютъ Мольтке Асси и другимъ коммунарамъ. «Европа,—говоритъ онъ,—смѣялась надъ нами, какъ надъ болѣзненно взбалмошными, и когда насъ сожалѣть за наши великія бѣдствія, но теперь она имѣетъ право насъ презирать, что она вдоволь и дѣлаетъ. Парижъ сталъ настолько же безуменъ, насколько онъ казался героическимъ. Жестоко думать дурно о своей родинѣ: она, вѣдь, нашъ отецъ, наша мать; но прежде я считалъ ее неспособной, а теперь долженъ ее считать нелѣпой, презрѣнной, низкой, неисправимой и достойной тюрьмы или сумасшедшаго дома». Тэнъ называетъ такихъ благородныхъ людей, какъ Бержерэ, Ранка, Толэна, Малона, Валлэсса и Паскаля Груссэ, «узкими фанатиками, головорѣзами, неудачниками, негодяями, клубными крикунами» и т. д. «Ужаснѣе всего,—говоритъ Тэнъ,—что такіе люди, какъ Элизэ Рэклю, пишущій въ «Revue des deux mondes», находятся въ числѣ мятежниковъ». «Но оставимъ всѣ эти ужасы и всю эту грязь и пойдемъ на лекцію!» Дѣйствительно, эта послѣдняя черта дѣлаетъ честь знаменитому ученому: до послѣдней возможности онъ читалъ лекціи въ Сорбоннѣ, а когда это стало уже невозможнымъ, то онъ поѣхалъ въ Англію и прочелъ тамъ лекцію въ Оксфордскомъ университетѣ. Несмотря на то, что онъ былъ въ восторгѣ отъ всего видѣннаго въ Англіи, но сочувствіе нѣкоторыхъ англичанъ къ парижской коммунѣ выводило его изъ терпѣнія. «Стюартъ Милль оправдываетъ нашихъ красныхъ,—пишетъ онъ,—а его племянница защищаетъ коммуну въ «Fortnightly Review». Самый благородный изъ здѣшнихъ коммунистовъ, Гаррисонъ, опредѣляетъ ихъ доктрину слѣдующими словами: «устроить общество такимъ образомъ, чтобы капиталы были посвящены болѣе благороднымъ цѣлямъ». Для меня очевидно, что подобная фраза вооружила сто тысячъ парижскихъ коммунаровъ, но точно также я убѣжденъ, что Парижъ перестанетъ быть столицей; мы повергнемся въ бездну, которая отдѣлитъ насъ отъ прежде знакомой намъ парижской жизни». Естественно, что, возымѣвъ практически ненависть ко всему радикальному и революціонному, аристократъ-либералъ Тэнъ перешелъ и въ теоріи къ самымъ отсталымъ, ретроградныхъ идеямъ. Результатомъ этого настроенія явилось его пресловутое сочиненіе «Происхожденіе современной Франціи», которому онъ посвятилъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни, не успѣвъ окончить его до своей смерти. Въ научно-историческомъ смыслѣ это замѣчательный трудъ, какъ изображеніе стараго по-

рядка, описаніе французской революціи и картины Наполеоновской Франціи, но все это очерчено съ узко-пристрастной точки зрѣнія ненавистника прогрессивныхъ идей. Въ только что вышедшемъ томѣ его «Переписки» мы узнаемъ постепенное развитіе его идей, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны послѣднія пятьдесятъ три страницы, подъ заглавіемъ: «Прибавленіе», въ которомъ Тэнъ излагаетъ свой планъ «Происхожденія современной Франціи». Это цѣлый политическій трактатъ съ его точки зрѣнія, и поклонники «секретаря человѣчества», какъ, напримѣръ, академики Брюнетьеръ и Фагэ, видятъ въ немъ лучшее и самое глубокомысленное изъ его произведеній. Они называютъ его «классической библіей всякаго либеральнаго аристократа». Но вмѣстѣ съ тѣмъ понимая, что всѣ свободные мыслители глубоко возбуждены противъ антилиберальныхъ идей нѣкогда великаго автора «Исторіи англійской литературы», они пытаются оправдать его тѣмъ, что онъ вовсе не походитъ на француза, а на истиннаго англо-саксонца, по ошибкѣ родившагося и воспитавшагося во Франціи. По ихъ словамъ, въ немъ нѣтъ ничего французскаго, исключая удивительной ясности изложенія и великолѣпнаго неподражаемаго стиля, ставящаго его въ первый рядъ французскихъ писателей. «Съ головы до ногъ, — говоритъ его горячій поклонникъ Берто, — онъ — англичанинъ по своему существу, воображенію, инстинктамъ и тенденціямъ. Но если онъ англичанинъ по одной сторонѣ своего ума, то онъ нѣмецъ по другой, именно, по идеямъ, ихъ происхожденію и методѣ». Самъ Тэнъ, въ подтвержденіе того, что онъ не французъ, приходитъ въ глубокое отчаяніе отъ будущности, ожидающей Францію, и говоритъ: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ мы будемъ ниже Италіи и даже Испаніи». Здѣсь окончимъ характеристику «Переписки» Тэна, и какъ бы то ни было, но, къ общему сожалѣнію, какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ великаго писателя, врядъ ли суждено выйти ея послѣднему тому. Издательница этого труда, г-жа Тэнъ, внезапно умерла среди горячей полемики, возбужденной этой «Перепиской». Дѣвица Денюель вышла замужъ за Тэна въ 1868 году и, въ продолженіе своей двадцатилѣтней брачной жизни, она была вѣрной, преданной подругой его трудовой жизни. Послѣ же его смерти г-жа Тэнъ двѣнадцать лѣтъ была ревностнымъ хранителемъ его драгоцѣнной памяти, издавая посмертныя сочиненія, а главное «Переписку» «секретаря человѣчества». Умная, знающая, просвѣщенная и высокотрудолюбивая женщина, г-жа Тэнъ добровольно стушевывалась при существованіи своего мужа и служила ему самой преданной помощницей. Извѣстный академикъ и романистъ, Поль Буржэ, посвящаетъ ей теплую, сочувственную статью[1]) въ «Figaro». «Я до сихъ поръ вижу предъ собою, — пишетъ онъ, — эту замѣчательную женщину въ ея гостиной на бульварѣ Сенъ-Жермэнъ, въ обществѣ такихъ людей, какъ Рэнанъ, Гастонъ Пари, Дюма, Шербюлье и проч. Она слушала вмѣстѣ съ нами, молодыми людьми, ученую бесѣду объ эстетикѣ, философіи, экзегетикѣ и исторіи. Она вмѣшивалась въ этотъ глубоко поучительный разговоръ только иногда, произнося два слова, но всегда кстати и толково. Она обнаруживала при этомъ высокую культуру и доказывала, что

---

[1]) «Madame Taine», par Paul Bourget. «Figaro», 21 Août 1905.

ея независимый умъ недалеко отставалъ отъ высокой интеллигентности ея собесѣдниковъ. Такимъ образомъ она создавала для своего мужа тотъ умственный центръ, о которомъ онъ всегда мечталъ. Благодаря ей, въ окружавшемъ его обществѣ всегда царилъ благодатный и высоко-приличный тонъ умственнаго превосходства, хотя и съ буржуазнымъ оттѣнкомъ. Потерявъ своего мужа, г-жа Тэнъ поселилась въ его любимомъ помѣстьѣ на берегу озера Аннеси и посвятила всю свою остальную жизнь изданію его посмертныхъ сочиненій. Она умерла недавно, не только не окончивъ своего труда, но и не дождавшись открытія памятника мужу въ его родномъ городѣ Вузье. Впрочемъ, это торжество оказалось столь неудачнымъ, что оно только произвело бы печальное впечатлѣніе на женщину, столь пламенно любившую своего мужа. Съ самаго начала друзья и соотечественники Тэна возымѣли мысль воздвигнуть въ честь его статую, но подписка на ея сооруженіе не имѣла успѣха, потому что многіе либералы изъ литераторовъ и ученыхъ отказались отъ нея, во главѣ съ извѣстнымъ историкомъ революціи Оляромъ. Такимъ образомъ пришлось ограничиться постановкой бюста работы художника Мартинжона. Чрезъ два мѣсяца послѣ смерти г-жи Тэнъ, 24-го сентября, городъ Вузье приступилъ къ открытію оконченнаго памятника, но и тутъ случилась неудача: ни одинъ изъ академиковъ, извѣстныхъ литераторовъ и выдающихся ученыхъ не почтилъ своимъ присутствіемъ и рѣчью этого торжества. Все ограничилось присутствіемъ товарища министра народнаго просвѣщенія, второстепенныхъ литераторовъ и мѣстныхъ знаменитостей. Обычный обѣдъ и незначительныя рѣчи—вотъ все, чѣмъ почтили память великаго писателя. Мало того, даже поклонники не удостоили почтить его на другой день диѳирамбами въ парижскихъ газетахъ; противники же Тэна справедливо, но слишкомъ жестоко оцѣнили его. Такъ анонимный авторъ въ газетѣ «Radical» пришелъ къ заключенію, что «Тэнъ былъ великимъ наблюдателемъ, но наблюдателемъ сверху и издалека. Онъ издали видѣлъ свѣтъ дѣйствовавшимъ, суетившимся и принимавшимъ участіе въ бурѣ и затишьѣ и высказывалъ о немъ строгія и жестокія заключенія. Онъ видѣлъ ложно и судилъ ложно». Тотъ же авторъ прибавляетъ далѣе: «Тэнъ всю свою жизнь былъ «джентльмэномъ», и это помѣшало ему быть просто человѣкомъ. Точно также рѣзко отзывается историкъ Оляръ въ «Dépêche de Toulouse». Онъ говорилъ, что «Тэнъ не любилъ народа, уважалъ только богатую буржуазію, въ исторіи представлялъ лишь фигуру сектанта, и весь его трудъ былъ только фантасмагоріей и памфлетомъ, прикрытымъ знаніемъ». Въ концѣ концовъ Оляръ говоритъ: «Если Тэнъ не изуродовалъ бы «Исторіи революціи» въ пользу консерваторовъ, то никто не подумалъ бы воздвигнуть ему памятника». Такимъ образомъ оказывается, что для великаго писателя и историка не достаточно ученыхъ достоинствъ, просвѣщеннаго знанія и литературнаго таланта.

— Предъ какими государями пѣла Зембрихъ. Подъ этимъ заглавіемъ знаменитая пѣвица Марчелла Зембрихъ, урожденная Коханская, а по мужу Штенгель, помѣстила въ Рождественскомъ нумерѣ «Pall-Mall Magazine»'я любопытную статейку изъ своихъ воспоминаній. Въ свое время она пѣла въ Петербургѣ и пользовалась громаднымъ успѣхомъ, какъ замѣчательное коло-

ратурное сопрано. Теперь ей сорокъ семь лѣтъ, и она не только была необыкновенной пѣвицей, но отличной скрипачкой и піанисткой, ученицей своего мужа. Въ оперныхъ и концертныхъ воспоминаніяхъ она описываетъ, какъ она пѣла, кромѣ Италіи, почти во всѣхъ европейскихъ столицахъ и въ главнѣйшихъ городахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. При этомъ ей случалось давать концерты и исполнять оперы почти предъ всѣми европейскими государями. Впервые она пѣла цѣлый сезонъ въ Дрезденѣ, и тогда же въ первый разъ ее пригласили ко двору. Въ то время ей было девятнадцать лѣтъ, и на этомъ придворномъ концертѣ она не только впервые увидѣла саксонскаго короля, но и въ первый разъ надѣла шелковое платье съ открытымъ воротомъ. Долгое время она не рѣшалась надѣть такого наряда, но ей объявили, что по правиламъ этикета нельзя было иначе появиться при дворѣ. «Тогда я рѣшилась,—разсказываетъ г-жа Зембрихъ,—сшить себѣ черное шелковое платье, такъ какъ оно держалось дольше. Надъ нимъ трудилась моя мать и простая портниха, а послѣднія стежки сдѣлала я сама. Признаюсь, впослѣдствіи никакое платье отъ Ворта не приводило меня въ такой восторгъ, но на другихъ оно произвело иное впечатлѣніе, и Франческа Эльменрейхъ, извѣстная нѣмецкая актриса, громко разсмѣялась, увидавъ его впервые на мнѣ. Я едва не расплакалась, и она въ утѣшеніе сказала мнѣ: «Милое дитя, тебѣ не слѣдовало дѣлать платья съ такимъ высокимъ воротомъ; но во всякомъ случаѣ оно очень хорошенькое, и никто не предположитъ, что ты сама его сшила». На придворномъ концертѣ Зембрихъ пѣла сочиненія Моцарта и между прочимъ «Die Entführung aus dem Serail». Король Альбрехтъ отличался демократическими манерами и, благодаря ее, дружески пожалъ ей руку; впрочемъ впослѣдствіи онъ доказалъ ей, что имѣлъ монархическія идеи. Это случилось, десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ она уже посѣтила большую часть европейскихъ странъ и была одинъ разъ въ Соединенныхъ Штатахъ; ее снова пригласили въ Дрезденъ, но, благодаря театральнымъ интригамъ, у нея отняли всѣ ея коронныя роли и дали другимъ. Ей пришлось отказаться отъ ангажемента, но власти не хотѣли ее отпустить безъ скандала. Послѣ окончанія послѣдняго ея представленія публика сдѣлала ей шумную демонстрацію, за что́ полиція разогнала толпу. Этотъ общественный безпорядокъ очень не понравился королю, тѣмъ болѣе, что уже ранѣе предъ нимъ ходатайствовали за нее, и онъ отказалъ въ просьбѣ оставить ее на сценѣ. Чрезъ нѣсколько времени она еще разъ пѣла предъ саксонскимъ королемъ во дворцѣ Франца-Іосифа на парадномъ утреннемъ концертѣ. Послѣ концерта оба государя милостиво разговаривали съ пѣвцами, но король саксонскій какъ будто не замѣчалъ присутствія Зембрихъ, а это значило, что онъ не могъ простить ей дрезденскаго скандала. Напротивъ, австрійскій императоръ былъ съ нею чрезвычайно любезенъ и сказалъ, подавая ей руку: «Я очень радъ, что вы вспомнили старую итальянскую музыку; мнѣ доставило большое удовольствіе слышать «Casta diva». Теперь все слышишь Вагнера, и, право, очень пріятно иногда услышать Беллини».—«Изъ Вѣны я проѣхала въ Петербургъ,—разсказываетъ Зембрихъ,—и видѣла императора Александра II за недѣлю до его смерти. Меня пригласили участвовать въ придворномъ концертѣ съ пѣвцомъ Котоньи, съ

которымъ я пѣла въ итальянской оперѣ. Мой мужъ хотѣлъ поѣхать со мною ко двору, но я полагала, что не только ему это будетъ невозможно, но даже мою горничную не впустятъ во дворецъ, такъ какъ въ тѣ времена принимались большія предосторожности. Никогда предъ тѣмъ я не бывала въ Россіи и, признаюсь, опасалась своихъ соотечественниковъ. Я—преданная полька и горячо люблю свою родину, а потому боялась, чтобы мои соотечественники не сдѣлали мнѣ непріятной демонстраціи въ театрѣ. Моему мужу сказали, что онъ и моя горничная могутъ послѣдовать за мною во дворецъ. Когда мы достигли нашей цѣли, то меня проводили по длинному коридору въ небольшую комнату, находившуюся рядомъ съ концертной залой. Когда я была представлена императору, отличавшемуся серьезностью и добротой, то онъ спросилъ меня, отчего я не пѣла произведеній Шопэна, которыя я такъ великолѣпно исполняла, по словамъ всѣхъ поляковъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ подошелъ къ рояли и просилъ меня спѣть одну изъ мазурокъ Шопэна. Я была поражена его словами и думала, что было бы измѣной пѣть по-польски предъ царемъ, а я не умѣла пѣть Шопэна иначе, какъ по-польски.—«Я не пѣла Шопэна, ваше величество,—отвѣчала я,—потому что я не умѣю пѣть его иначе, какъ по-польски». — «На этомъ языкѣ я и желаю его слышать, — отвѣтилъ Александръ II, — безъ сомнѣнія, Шопэна слѣдуетъ пѣть только на его родномъ языкѣ». Дѣлать нечего, я сама себѣ аккомпанировала и спѣла двѣ или три мазурки Шопэна. Государь былъ въ такомъ восторгѣ, что на слѣдующій вечеръ, играя въ оперѣ «Севильскаго цырюльника», я вставила въ урокъ пѣнія одну изъ мазурокъ Шопена. Театръ былъ переполненъ поляками, и они подняли страшные крики: польскій языкъ не былъ слышенъ на русской сценѣ со времени польскаго возстанія». Ровно черезъ недѣлю послѣ этого концерта императоръ былъ убитъ, и въ этотъ самый вечеръ Зембрихъ пѣла въ Московскомъ большомъ театрѣ. Днемъ что-то толковали о несчастіи, случившемся съ государемъ въ Петербургѣ, но ничего опредѣленнаго не знали о катастрофѣ. Театръ былъ переполненъ, преимущественно студентами. Генералъ-губернаторъ, князь Долгорукій, сидѣлъ въ своей ложѣ и не успѣлъ заиграть оркестръ, какъ онъ получилъ извѣстіе о дѣйствительномъ убійствѣ императора. Онъ тотчасъ же удалился, и никто не зналъ о случившемся. Послѣ представленія студенты, какъ и всегда, готовились отпрячь лошадей изъ экипажа г-жи Зембрихъ, но полиція на этотъ разъ имъ не позволила, и мало-по-малу распространилось роковое извѣстіе. Въ 1888 году престарѣлый императоръ Вильгельмъ пригласилъ г-жу Зембрихъ въ Берлинъ для участія въ «Дочери Полка», поставленной на сценѣ королевскаго театра по случаю весеннихъ маневровъ. Всего замѣчательнѣе, по словамъ Зембрихъ, были придворные спектакли въ Лисабонѣ и Мадридѣ, но въ послѣдніе годы слава ихъ сильно стушевалась. «Я никогда не видала,—пишетъ Зембрихъ,—такого оригинальнаго способа выражать свой восторгъ, какъ въ Португаліи. Король и королева сидѣли въ своей ложѣ и въ то время, когда артисты кланялись ихъ величествамъ, на пѣвцовъ и пѣвицъ неизвѣстно откуда падали сверху камеліи въ такомъ количествѣ, что вскорѣ трудно было ходить по сценѣ. Послѣ этого два раза выпускали на сцену двѣнадцать бѣлыхъ голубей, и такъ какъ я тогда была

одна на сценѣ, то они окружили меня и помѣстились на моей головѣ и плечахъ. Это было очень красиво, но неудобно, такъ какъ во время моего пѣнія птицы постоянно меня царапали, даже до крови. Публика была въ восторгѣ, но я не полагаю, чтобы мое пѣніе было дѣйствительно очаровательно. По окончаніи представленія меня пригласили въ королевскую ложу, и во всю длину коридора, который велъ къ королевской ложѣ, стояли офицеры съ своими плащами въ рукахъ и бросали ихъ мнѣ подъ ноги. Это бросаніе плащей, какъ и голуби, было красиво, но неудобно, такъ какъ ходить по плащамъ было очень затруднительно». Въ Испаніи г-жа Зембрихъ была послѣдній разъ въ 1896 году; тогда она разговаривала съ молодымъ королемъ и его матерью, при чемъ они много смѣялись надъ происшествіемъ, случившимся въ предыдущее ея посѣщенее Мадрида при покойномъ королѣ. По случаю рожденія инфанты Эвлаліи было торжественное представленіе «Травіаты» на сценѣ «Teatro Reale», но королевская семья заставила публику ждать болѣе получаса начала представленія, и недавніе республиканцы подняли такой шумъ и гвалтъ, что капельмейстеръ Маньчинелли долженъ былъ начать оперу, не дожидаясь высочайшихъ посѣтителей. Первый актъ дошелъ до пѣсни Віолеты, когда въ ложу съ шумомъ вошла королевская семья, и оркестръ, прервавъ оперу, заигралъ испанскій національный гимнъ. Г-жа Зембрихъ такъ и осталась съ кубкомъ въ рукахъ и открытымъ ртомъ, но публика пришла въ такое неистовство и подняла такой шумъ, что, по словамъ пѣвицы, она никогда не слыхала ничего подобнаго въ театрѣ. Король страшно поблѣднѣлъ, а королева почти упала въ обморокъ. Капельмейстеръ видѣлъ, что ему не совладать съ публикой и не кончить гимна, а потому онъ прервалъ его и началъ снова арію Віолеты. Безпорядокъ тотчасъ прекратился; королева была увезена мужемъ во дворецъ, но затѣмъ король вернулся въ театръ. Когда окончилось представленіе, то г-жа Зембрихъ поклонилась королю, рукоплескавшему ей стоя, въ ложѣ. Тогда публика принялась рукоплескать королю, и онъ сталъ кланяться еще недавно оскорбившей его публикѣ.

— **Статуи въ честь жертвъ католическаго фанатизма.** Недавно во Франціи поставлены двѣ статуи, выражающія протестъ противъ клерикализма и глубокое уваженіе казненному за свободомысліе въ XVIII вѣкѣ молодому, восемнадцатилѣтнему Лефевру де-Ла-Барру, а также знаменитому философу того же времени Пьеру Бэйлю, умершему въ изгнаніи почти два столѣтія тому назадъ, въ 1706 году. Первый памятникъ воздвигнутъ въ Парижѣ и послужилъ 3-го сентября причиной къ большой манифестаціи соціалистовъ и радикаловъ. Исторически этотъ несчастный юноша извѣстенъ, только благодаря своей казни. Въ 1765 г. въ городѣ Аббэвиллѣ на деревянномъ распятіи, воздвигнутомъ на одной изъ городскихъ улицъ, усмотрѣна была неизвѣстно кѣмъ сдѣланная зазубрина, и этого было достаточно, чтобы возбудить все клерикальное населеніе. Жестокому преслѣдованію за это преступленіе подверглись нѣсколько юношей, обвиняемыхъ въ безнравственности и въ томъ числѣ Жанъ-Франсуа Лефевръ де-Ла-Барръ, отличавшійся напротивъ скромностью и кроткимъ, тихимъ нравомъ. Но, по несчастію для него, молодой человѣкъ любилъ читать, и у него нашли сочиненія Гельвеція и Вольтера. Этого

было достаточно въ глазахъ клерикаловъ, чтобы погубить его. По приговору аббэвилльскаго суда онъ былъ казненъ самымъ ужаснымъ образомъ, какъ безбожникъ, на кострѣ. Объ этой преступной жестокости католическихъ фанатиковъ только теперь вспомнили свободомыслящіе парижане XX вѣка, и, поставивъ ему памятникъ, достойно почтили несчастнаго мученика. На другой день въ городѣ Памье (департаментъ Арьежъ) воздвигли статую знаменитому ученому и философу, Пьеру Бэйлю, который, если не былъ казненъ католической церковью, то во всякомъ случаѣ былъ преслѣдуемъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка клерикалами и французскимъ правительствомъ за свободомысліе. Мысль почтить этого великаго мыслителя и творца знаменитаго «Историческаго и философскаго словаря» пришла въ голову извѣстному журналисту Камилю Пельтану и еще болѣе извѣстному ученому Бертело. По случаю открытія памятника Бэйлю, первый написалъ сочувственное предисловіе чяня игѣ «Пьеръ Бэйль», которую написалъ Альберъ Казъ, а Бертло doиз-о несъ краснорѣчивую рѣчь при торжествѣ. Въ немногихъ, но блестящихъ словахъ Бертело охарактеризовалъ Пьера Бэйля, какъ одного изъ великихъ критиковъ и философовъ XVIII вѣка, вдохновителей Вольтера и умственныхъ прародителей современной свободной мысли. «По своему рожденію онъ находился,—говоритъ Бертело, — между религіозной реформой и раціональной революціей. Онъ началъ съ протестантизма, а кончилъ чистой философіей». Пьеръ Бэйль родился въ Карля 18-го ноября 1647 г. и былъ сыномъ протестантскаго пастора, который нашелъ нужнымъ отдать его въ тогдашнюю знаменитую іезуитскую школу въ Тулузѣ. Молодой человѣкъ отличался необыкновенными способностями и поддался іезуитамъ, которые обошли его своею хитростью. Въ девятнадцать лѣтъ онъ принялъ католичество, но чрезъ семнадцать мѣсяцевъ Бэйль очнулся отъ недолговременнаго мракобѣсія и не только сдѣлался протестантомъ, а совершеннымъ свободомыслителемъ. Но въ тѣ времена нельзя было перемѣнять вѣры по своему убѣжденію, и Бэйль по закону не могъ покинуть католичество, однажды его принявъ, поэтому онъ былъ принужденъ бѣжать въ Женеву. Въ 1675 году онъ поступилъ профессоромъ философіи въ Седанскую академію, но чрезъ нѣсколько лѣтъ эта академія была закрыта за ея либеральныя мысли. Бэйль искалъ убѣжище въ Голландіи и получилъ каѳедру въ Роттердамѣ, гдѣ, однако, также его преслѣдовали іезуиты, и въ концѣ концовъ лишили его не только каѳедры, но права публичнаго преподаванія. Однако ничто не лишило бодрости великаго философа, и онъ написалъ свой грандіозный трудъ: «Историческій и философскій словарь», вышедшій въ 1699 году. Онъ не только имѣлъ громадный успѣхъ, но обезсмертилъ имя Бэйля, бывшаго предвозвѣстникомъ Вольтера и Рэнана. Всѣ свободные мыслители до послѣдняго времени черпали въ этомъ словарѣ безчисленные матеріалы. Онъ самъ до конца своей жизни совершенствовалъ его и умеръ пятидесяти лѣтъ, держа перо въ рукахъ, почти двѣсти лѣтъ тому назадъ.

— Смерть Хередіи и Генри Ирвинга. Въ первыхъ числахъ октября умеръ въ Парижѣ наканунѣ шестидесятидвухлѣтней годовщины дня своего рожденія Хозе-Маріа Хередіа, или, какъ его называли французы, Эредіа, одинъ изъ послѣднихъ крупныхъ поэтовъ Франціи. Онъ родился на островѣ Кубѣ отъ отца-испанца и матери-француженки, а воспитывался съ дѣтства во

Франціи, въ городѣ Санли, въ старинной коллегіи св. Винцента, но потомъ вернулся въ свой родной городъ Гавану. Тамъ онъ поступилъ въ университетъ и впослѣдствіи всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о лекціяхъ, прослушанныхъ въ Гаваннѣ въ теченіе года. Но, несмотря на свое испанское происхожденіе и чисто тропическій типъ, онъ сдѣлался, благодаря своему воспитанію, совершеннымъ французомъ, а потому родители, видя его необыкновенныя способности, позволили ему возвратиться, по его желанію, въ Парижъ, гдѣ онъ поступилъ въ Шартрскую школу. Тамъ вскорѣ онъ присоединился къ кружку поэтовъ и писателей, считавшихъ своимъ литературнымъ крестнымъ отцомъ поэта Леконта-де-Лиля, по происхожденію креола съ острова Бурбона. Этотъ кружокъ носилъ названіе Парнасса и съ восторгомъ привѣтствовалъ первые стихи Хередіи, которому было тогда двадцать лѣтъ. Они были помѣщены въ «Revue de Paris» и сразу привлекли къ юношѣ общее вниманіе. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ онъ продолжалъ писать образцовые сонеты, но такъ медленно, что каждый сонетъ онъ отдѣлывалъ нѣсколько мѣсяцевъ. По словамъ извѣстнаго критика Брандеса, стихи Хередіи походили на статуи Торвальдсена, такъ отчетливо, терпѣливо, изящно отчеканивалъ онъ каждое слово, и, быть можетъ, о немъ одномъ можно сказать, что «этотъ поэтъ никогда не сказалъ лишняго слова». Въ концѣ концовъ онъ издалъ единственный сборникъ своихъ стихотвореній въ одномъ только томѣ, подъ названіемъ: «Les trophées». Въ немъ заключалось сто восемнадцать сонетовъ, одна поэма о Сидѣ и отрывокъ эпоса, подъ заглавіемъ: «Les conquerants de l'or». Жюль Леметръ прекрасно охарактеризовалъ его «Трофеи»: «Эти сонеты, какъ всѣ сонеты, состоятъ изъ четырнадцати строфъ, но въ нихъ находится содержанія на шестьдесятъ строфъ, которыя изобилуютъ учеными, сложными, утонченными соображеніями». На этой книгѣ онъ основалъ свою славу и только написалъ еще мастерской переводъ испанской автобіографіи воинственной монахини, донны Катарины Араузо, подъ заглавіемъ: «Монахиня-офицеръ». Хередіа находилъ поклонниковъ не только во Франціи, но въ Германіи и Италіи, при этомъ онъ оставался всегда «писателемъ писателей и поэтомъ поэтовъ», а не пользовался общей популярностью, какъ Беранже или Ришпэнъ. Въ 1895 году Хередіа былъ выбранъ во французскую академію и фактически доказалъ, что можно заслужить безсмертіе одной книгой. Впрочемъ, въ послѣдніе годы онъ напечаталъ критическое изданіе несчастнаго революціоннаго поэта Андрэ Шенье, котораго онъ очень любилъ и уважалъ. Четыре года тому назадъ Хередіа былъ назначенъ главнымъ библіотекаремъ Арсенальной библіотеки. Онъ любилъ окружать себя замѣчательными литераторами, именно: Маллармэ, Гюи де-Мопассаномъ, Марселемъ Прево и Полемъ Эрвьё. «Теперь,—говоритъ Брандесъ,—остаются внѣ Скандинавіи только два великихъ лирическихъ поэта изъ старшаго поколѣнія въ Европѣ—итальянецъ Кардуччи и англичанинъ Свинборнъ».

14-го октября величайшій современный актеръ Англіи, сэръ Генри Ирвингъ, игралъ въ городѣ Брадфордѣ трагедію Тэннисона: «Томасъ Бекэтъ», и послѣдними словами его роли предъ казнью были: «Въ твои руки, Господи, отдаю свою душу!» Спустя часъ, вернувшись домой, онъ скоропостижно умеръ на 66 году жизни, за нѣсколько мѣсяцевъ до пятидесятилѣтія своей сценической

дѣятельности. Онъ родился 6-го февраля 1838 году въ Кентонѣ, близъ Гластонбюри, и сначала назывался Генри Бродрикъ, но потомъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Ирвинга. Родители готовили его въ купцы, но онъ чувствовалъ непреодолимое стремленіе къ театру. Впервые онъ выступилъ на сцену 29-го сентября 1856 года въ Сундерландѣ, подъ псевдонимомъ Генри Ирвинга. Онъ оказался порядочнымъ актеромъ, но ни въ какомъ отношеніи не выдающимся. Десять лѣтъ онъ игралъ на всѣхъ провинціальныхъ сценахъ Англіи, не выходя изъ второстепенныхъ актеровъ. Первый большой успѣхъ онъ имѣлъ на сценѣ театра «Lyceum»'а въ переводной пьесѣ Эркмана-Шатріана «Польскій еврей». Еще прошло двадцать лѣтъ, и онъ уже съ тріумфомъ играетъ въ «Карлѣ I», въ «Ришелье», въ «Людовикѣ XI» и въ «Гамлетѣ», который шелъ двѣсти разъ кряду. Тутъ окончательно утвердилась его слава перваго актера, если не во всемъ свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Англіи. Въ 1878 году онъ взялъ въ аренду театръ «Lyceum» и, присоединивъ къ себѣ знаменитую актрису Елену Терри, а также замѣчательную труппу, открылъ цѣлую серію шекспировскихъ и историческихъ представленій. Ирвингъ былъ не только великимъ актеромъ, первосвященникомъ шекспировскаго культа, неподражаемымъ изобразителемъ историческихъ типовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительнымъ директоромъ театра и режиссеромъ. Кромѣ несравненнаго «Гамлета», онъ изображалъ съ удивительнымъ искусствомъ и главное съ выдающейся, выпуклой реальностью «Отелло», «Макбета», «Ричарда III», «Венеціанскаго купца», «Короля Лира» и другихъ шекспировскихъ героевъ. Кромѣ того, онъ особенно любилъ историческія роли и былъ постепенно настоящимъ, рельефнымъ, исторически вѣрнымъ королемъ Артуромъ, Томасомъ Бекетомъ, Петромъ Великимъ, Робеспьеромъ, Наполеономъ, Дантэ и т. д. Пишущему эти строки удалось его видѣть въ «Гамлетѣ», «Людовикѣ XI» и въ бульверовскомъ героѣ «Юджэнѣ Арамѣ», и ему никогда не приходилось видѣть потомъ такого торжества драматическаго искусства. Талантъ Ирвинга былъ необыкновенный, хотя относящійся къ тому роду сценическихъ дарованій, которыя можно назвать мозговыми, а не душевными. Онъ игралъ не «нутромъ», какъ Мочаловъ и Самойловъ, но умомъ, какъ Шумскій и Самойловъ. Съ послѣднимъ онъ всего болѣе имѣлъ сходство. Англичане упрекали его во многихъ недостаткахъ, особенно въ неясной дикціи, доходившей иногда до крайности, и въ чрезмѣрной жестикуляціи, но все это забывалось восхищенными зрителями при его культурной, художественной, натуральной, живой игрѣ. Быть можетъ, еще выше его игры было умѣнье сценически обставлять пьесы. Въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ равныхъ, и, напримѣръ, кто видѣлъ разъ его въ «Юджэнѣ Арамѣ» посреди наполнявшаго всю сцену поля колыхавшейся ржи, тотъ никогда не забудетъ этой сцены, поразительной по своей естественности. Вліяніе Ирвинга на англійскій театръ было громадно. Онъ первый изъ актеровъ былъ произведенъ нынѣшнимъ королемъ въ «сэры», и лично Ирвингу обязана англійская сцена той высотой, на которой она теперь находится. Въ Америкѣ, гдѣ онъ часто бывалъ со всей своей труппой, онъ оставилъ неизгладимые слѣды. Вообще его потеря незамѣнима для страны, въ которой онъ былъ одной изъ самыхъ интересныхъ общественныхъ личностей.

НЕКРОЛОГИ.

ВОЙДЕ, К. М. Скончался въ Варшавѣ одинъ изъ нашихъ видныхъ военныхъ дѣятелей, генералъ отъ инфантеріи Карлъ Маврикіевичъ Войде, членъ военно-ученаго комитета, представитель военно-исторической комиссіи главнаго штаба и военный писатель. Онъ родился въ 1838 году и образованіе получилъ въ варшавскомъ институтѣ, по окончаніи котораго въ 1851 году поступилъ въ военную службу. Произведенный, спустя два года, въ офицеры, онъ продолжалъ свое спеціальное образованіе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и выпущенъ изъ нея по 1-му разряду, въ 1858 году. Съ 1863 по 1867 годъ К. М. Войде былъ начальникомъ штаба 2-й гренадерской дивизіи и участвовалъ въ кампаніи 1863—1864 гг. Затѣмъ около семи лѣтъ онъ командовалъ 8-мъ гренадерскимъ московскимъ полкомъ, а съ 1873 по 1878 г. занималъ должность помощника начальника штаба Варшавскаго военнаго округа. Произведенный въ 1878 году въ генераалъ-майоры, К. М. былъ тогда же назначенъ начальникомъ штаба Оренбургскаго военнаго округа и оставался въ этой должности до 1881 года, когда былъ назначенъ состоять при командующемъ войсками Варшавскаго военнаго округа. Въ 1889 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году высочайшимъ приказомъ назначенъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, послѣ чего черезъ два мѣсяца былъ назначенъ начальникомъ 10-й пѣхотной дивизіи. Пробывъ въ этой должности достаточное число лѣтъ, онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта и на остальныя должности, которыя и занималъ до самой смерти. Изъ трудовъ К. М. Войде, изданныхъ отдѣльно, извѣстны его: «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 года и дѣйствительныя ихъ причины. Опытъ критическаго описанія франко-германской войны до Седанской битвы включительно», «Мирные маневры и ихъ значеніе», «Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ» и др. Кромѣ того, онъ напечаталъ цѣлый рядъ статей въ «Военномъ Сборникѣ» и «Русскомъ Инвалидѣ». (Некрологъ его: «Слово», 1905 г., № 293).

† **Гольдштейнъ, М. Ю.** 18-го октября скончался въ Архангельскѣ политическій ссыльный, бывшій приватъ-доцентъ Петербургскаго университета, магистръ химіи, Михаилъ Юльевичъ Гольдштейнъ. Покойный былъ однимъ изъ выдающихся ученыхъ дѣятелей, и небезызвѣстенъ и въ литературѣ. Вообще, русское общество потеряло въ лицѣ его человѣка талантливаго, труженика разносторонняго. Онъ писалъ статьи ученыя, публицистическія, критическія, повѣсти, разсказы, былъ преподавателемъ, читалъ публичныя лекціи, принималъ живое участіе въ дѣлахъ с.-петербургскаго педагогическаго общества. Происходя изъ даровитой еврейской семьи, члены которой болѣе или менѣе извѣстны въ литературѣ, М. Ю. Гольдштейнъ родился въ 1853 г. въ Одессѣ, гдѣ и получилъ среднее образованіе. Въ 1871 году онъ поступилъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію и, будучи на послѣднемъ курсѣ, обратилъ на себя вниманіе своими научными работами по органической химіи. Въ 1875 году вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по академіи, А. П. Діанинымъ, уѣхалъ за границу. Тамъ, въ Іенѣ, онъ выдержалъ экзаменъ и получилъ степень доктора философіи. По возвращеніи въ Россію, онъ состоялъ ассистентомъ при каѳедрѣ химіи въ медицинской академіи и занялся педагогической дѣятельностью. На правахъ приватъ-доцента онъ читалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и былъ преподавателемъ на женскихъ педагогическихъ курсахъ, въ Смольномъ институтѣ, въ частныхъ женскихъ гимназіяхъ кн. Оболенской, Стоюниной, въ мужской гимназіи Гуревича и въ разныхъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Въ 1890 году, за диссертацію «Матеріалы къ вопросу о высотахъ подъема соляныхъ растворовъ въ капилярныхъ трубкахъ» М. Ю. Гольдштейнъ получилъ степень магистра химіи. Въ 1900 году онъ былъ привлеченъ къ суду по дѣлу о безпорядкахъ при постановкѣ на сцену пьесы г. Ефрона-Литвина «Контрабандисты», а въ слѣдующемъ году былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Новгородъ за участіе въ петиціи, поданной литераторами, по поводу избіенія студентовъ-манифестантовъ у Казанскаго собора. Вскорѣ затѣмъ, по распоряженію «приснопамятнаго» Плеве, онъ былъ арестованъ и, послѣ предварительнаго заключенія, сосланъ на жительство въ Архангельскъ. Замѣчательно, что, несмотря на слѣдствіе, не установившее виновности Гольдштейна, не стѣснявшійся ничѣмъ Плеве выслалъ его, какъ опаснаго преступника, оторвавъ его отъ ученой дѣятельности и отнявъ у него средства къ существованію.

Въ Архангельскѣ, живя тамъ съ своей большой семьей, онъ добывалъ средства къ жизни, довольно скудныя, съ помощью устроенной имъ небольшой химической лабораторіи. При столкновеніи политическихъ ссыльныхъ съ чернью, онъ былъ жестоко избитъ рабочими, и отъ тяжкихъ увѣчій скончался въ тотъ же день. Литературная дѣятельность М. Ю. Гольдштейна началась со средины семидесятыхъ годовъ. Онъ довольно продолжительное время былъ сотрудникомъ «Новостей», гдѣ подъ псевдонимомъ Cardanus и подъ иниціалами своими помѣщалъ научныя обозрѣнія и статьи по общественнымъ вопросамъ. Кромѣ того, въ той же газетѣ, а также во «Всемірной Иллюстраціи», «Живописномъ Обозрѣніи» и другихъ изданіяхъ напечатанъ рядъ его талантливыхъ разсказовъ и очерковъ подъ псевдонимомъ Мюге. Онъ

состоялъ также сотрудникомъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона и «Большой Энциклопедіи» товарищества «Просвѣщеніе». Въ послѣднемъ изданіи онъ нѣкоторое время состоялъ однимъ изъ редакторовъ научнаго отдѣла. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10641; «Слово», 1905 г., № 289; «Одесскія Новости», 1905 г., № 6770, и «Новости», 1905 г., № 205).

† **Гуржибековъ, В.** Во время послѣдняго набѣга генерала Мищенка былъ убитъ наповалъ четырьмя пулями даровитый поэтъ-осетинъ, Власій Гужибековъ. Ему было всего 32 года. Онъ состоялъ, собственно, при казначействѣ, но пылкость и отвага не давала ему покоя, и онъ тайкомъ отъ товарищей и отъ командира перваго сунже-владикавказскаго полка Баратова уходилъ въ бой. По ходатайству осетинъ, тѣло Гуржибекова было перевезено въ Россію и предано землѣ въ его родной станицѣ Новоосетинской Терской области. Онъ сочинилъ много стиховъ лирическаго и эпическаго содержанія и, помимо того, перевелъ на осетинскій языкъ почти всѣ произведенія Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова и другихъ знаменитыхъ русскихъ поэтовъ. (Некрологъ его: «Варшавскій Дневникъ», 1905 г., № 295).

† **Добрынинъ, П. И.** 24-го октября въ Москвѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ въ Россіи акушеровъ, директоръ и главный акушеръ Императорскаго Московскаго родовспомогательнаго заведенія, почетный лейбъ-акушеръ П. И. Добрынинъ. Покойный пользовался вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ прекрасный теоретикъ, авторъ многихъ трудовъ по его спеціальности, въ медицинскомъ мірѣ и, какъ практикъ, среди публики, гдѣ у него было множество кліентовъ. Петръ Ивановичъ Добрынинъ родился въ 1844 году и спеціальное образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи, курсъ который окончилъ блестяще съ наградой золотой медалью. Въ 1869 году онъ защитилъ свою диссертацію на степень доктора медицины и тогда же былъ командированъ академіей за границу для усовершенствованія. Тамъ онъ цѣлыхъ два года работалъ подъ руководствомъ лучшихъ гинекологовъ и хирурговъ германскихъ и французскихъ и затѣмъ, вернувшись въ Россію, служилъ сперва въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ по вѣдомству Императрицы Маріи. До конца восьмидесятыхъ годовъ онъ служилъ ординаторомъ с.-петербургскаго повивальнаго института, а въ 1889 году былъ назначенъ главнымъ акушеромъ Московскаго родовспомогательнаго заведенія. Цѣлый рядъ его статей и сообщеній помѣщенъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», «Врачѣ» и другихъ изданіяхъ; статьи посвящены, главнымъ образомъ, вопросамъ оперативной практики. Большой популярностью пользуется его «Полный курсъ къ изученію повивальнаго искусства», получившій самое широкое распространеніе какъ въ Россіи, такъ и за границей, гдѣ онъ переведенъ на многіе иностранные языки. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1905 г., № 282; «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 284; «Русскій Листокъ», 1905 г., № 288; «Новости Дня», 1905 г., № 8033, и «Слово», 1905 г., № 296).

† **Драгомировъ, М. И.** Въ ночь на 15-е октября въ Конотопѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ русской арміи, оказавшій весьма важныя услуги престолу и отечеству, членъ государственнаго совѣта, почетный пре-

зидентъ и почетный членъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и Михайловской артиллерійской академіи, почетный казакъ Александровской станицы Терскаго казачьяго войска и почетный старикъ Гіагинской станицы кубанскаго казачьяго войска, числившійся по генеральному штабу и по кубанскому казачьему войску, а также въ спискахъ 53-го пѣхотнаго волынскаго полка и въ казачьемъ войсковомъ сословіи войска Донского по станицѣ Елисаветовской, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ. Дворянинъ Черниговской губерніи, онъ родился 8-го ноября 1830 года; первоначальное образованіе получилъ въ дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское артиллерійское училище), по окончаніи курса въ которомъ выпущенъ въ 1849 году прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ. Въ 1854 году покойный поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская генеральнаго штаба) и въ 1856 году блистательно, съ золотою медалью, окончилъ курсъ и былъ причисленъ къ генеральному штабу. Въ 1858 году былъ командированъ на годъ за границу для собранія свѣдѣній по тактикѣ, при чемъ во время итальянской войны 1859 года состоялъ при штабѣ сардинской арміи. По возвращеніи Михаилъ Ивановичъ былъ назначенъ (въ 1860 году) адъюнкъ-профессоромъ тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему поручено было чтеніе курса тактики и военной исторіи въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Произведенный въ 1864 году въ полковники, съ назначеніемъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, онъ въ томъ же году былъ приглашенъ читать курсъ тактики и военной исторіи ихъ императорскимъ высочествамъ: наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу и великому князю Владиміру Александровичу. Въ 1868 году Михаилъ Ивановичъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, черезъ годъ назначенъ начальникомъ штаба Кіевскаго военнаго округа, въ 1872 году—въ свиту его величества, а въ 1873 году—командующимъ 14-ю пѣхотной дивизіей, съ оставленіемъ въ свитѣ. Въ послѣднюю русско-турецкую войну 1877—1878 гг. онъ находился въ составѣ войскъ 8-го армейскаго корпуса, въ должности командующаго 14-й пѣхотной дивизіей. За отличное исполненіе форсированной переправы черезъ Дунай 15-го іюня 1877 года подъ городомъ Систовомъ покойный награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени, и ему была объявлена искренняя благодарность государя императора въ высочайшемъ приказѣ. Затѣмъ Михаилъ Ивановичъ принялъ дѣятельное участіе въ знаменитой Шипкинской оборонѣ, 12-го августа 1877 года былъ раненъ пулей въ правое колѣно навылетъ, и ему пришлось покинуть поле сраженія и уѣхать въ Россію. За отличіе при оборонѣ Шипкинскаго перевала 12-го августа покойный произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ утвержденіемъ въ должности начальника 14-й пѣхотной дивизіи. Въ октябрѣ 1877 года онъ былъ назначенъ состоять при его императорскомъ высочествѣ главнокомандующемъ дѣйствующей арміей, съ отчисленіемъ отъ должности начальника дивизіи и съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ, а въ 1878 году—начальникомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и въ то же время генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Въ 1882 году покойный былъ избранъ почетнымъ

членомъ Императорскаго Московскаго университета. Въ 1889 году послѣдовало его назначеніе командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, а затѣмъ—почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба. Произведенный за отличіе по службѣ въ генералы отъ инфантеріи, Михаилъ Ивановичъ въ 1892 году избранъ и утвержденъ въ званіи почетнаго члена университета св. Владимира, въ 1893 году назначенъ почетнымъ членомъ Михайловской артиллерійской академіи и въ 1894 году—почетнымъ членомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ бытность свою командующимъ войсками покойный не разъ удостоивался высочайшихъ рескриптовъ за свою службу. 1-го января 1898 года генералъ-адъютантъ Драгомировъ былъ назначенъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1899 году исполнилось 50-лѣтіе его службы въ офицерскихъ чинахъ. По этому случаю онъ былъ назначенъ почетнымъ вице-президентомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ, пожалованъ табакеркой съ портретомъ его императорскаго величества и знакомъ отличія безпорочной службы за выслугу въ офицерскихъ чинахъ 50 лѣтъ. 6-го декабря 1901 года покойный всемилостивѣйше былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ 1903 году покойный Михаилъ Ивановичъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въ должностяхъ начальника академіи и командующаго войсками покойный всецѣло посвятилъ себя воспитанію, обученію и подготовкѣ арміи. Результаты его трудовъ блестяще проявились въ большихъ курскихъ маневрахъ. Спокойныя и обдуманныя распоряженія начальниковъ, ихъ находчивость, гуманное отношеніе къ подчиненнымъ, безупречное исполненіе распоряженій нижними чинами и ихъ боевой видъ выдѣляли войска Драгомирова. Управляя обширнымъ Юго-Западнымъ краемъ, Михаилъ Ивановичъ и на этомъ поприщѣ проявилъ себя мудрымъ правителемъ, всегда оставаясь истинно-русскимъ. Умеръ генералъ-мыслитель, пользовавшійся обширной популярностью. Его дѣятельность всегда носила на себѣ яркій отпечатокъ большого государственнаго ума, крупнаго таланта и глубокаго пониманія общечеловѣческихъ нуждъ. Его учено-литературные труды давно уже пріобрѣли широкое распространеніе и извѣстность; его остроуміе взгляды и мнѣнія авторитетны не только у насъ, но и за границей. Внутренняя жизнь солдатъ была отлично извѣстна ему, и онъ умѣлъ яснымъ, лаконичнымъ и авторитетнымъ словомъ внушить солдату бодрость, отвагу и неустрашимость. Приказы Драгомирова извѣстны всей арміи и въ публикѣ.

Въ послѣдніе полтора года покойный—талантливый стратегъ и военачальникъ—пережилъ тяжелое время неудачной войны съ японцами. Несомнѣнно, неудачи эти печально сказались на его здоровьѣ. Онъ лично, несмотря на свои 75 лѣтъ и болѣзнь, стремился стать во главѣ арміи, но его желаніе не увѣнчалось успѣхомъ. Помимо разнообразныхъ военныхъ и государственныхъ заслугъ, покойный пользовался обширною извѣстностью, какъ военный писатель. Среди многихъ его статей и крупныхъ литературныхъ трудовъ, вышедшихъ въ свѣтъ изъ-подъ пера покойнаго, слѣдуетъ отмѣтить: «Учебникъ тактики», «Армейскія замѣтки», «Жанна Д'Аркъ (военно-историческій об-

зоръ)», «Наполеонъ и Веллингтонъ», «Основныя положенія ученія Клаузевица о войнѣ (стратегическій обзоръ)», «Характеръ и объемъ тактическихъ изслѣдованій», «Объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ тактикѣ», «Боевые порядки роты и батальона», «Муштровка или воспитаніе», «Подготовка 3-хъ родовъ оружія къ взаимной выручкѣ», «Воспитаніе и образованіе войскъ», «О системѣ обученія стрѣльбѣ», «Солдатская памятка», «Вооруженіе и тактика», «Опытъ руководства для подготовки частей къ бою»; затѣмъ военно-историческій трудъ «Австро-Прусская война 1866 года» и много другихъ, изъ которыхъ часть печаталась въ «Русскомъ Инвалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ». Въ послѣднее время Михаилъ Ивановичъ посвящалъ свои досуги «Развѣдчику», гдѣ до послѣднихъ дней печатались его статьи подъ заглавіемъ «Наши дѣлишки». (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 232; «Новое Время», 1905 г., № 10638).

† **Еропкина, В. В.** Скончавшаяся 14-го октября послѣ тяжкой болѣзни дочь генералъ-майора, Вѣра Васильевна Еропкина, занимала должность предсѣдательницы благотворительнаго общества поощренія женскаго труда и при немъ безплатной мастерской для бѣдныхъ дѣвочекъ. Это общество она преобразовала изъ тверского, которое сдѣлалось его филіальнымъ отдѣломъ. Затѣмъ ею же были основаны филіальныя отдѣленія съ безплатными мастерскими въ Харьковѣ, Оргѣевѣ и Сумахъ. Ею же основано въ городѣ Твери попечительство при Смоленскомъ кладбищѣ. Кладбище она упорядочила, разбивъ на участки и переписавъ собственноручно всѣ могилы за 100 лѣтъ, ограничила цѣны за могилы. Кромѣ того, покойною собраны и напечатаны записки ея отца В. М. Еропкина, героя Севастопольской обороны («Русскій Архивъ» за августъ 1905 года), и описанъ родъ Еропкиныхъ. Вѣра Васильевна до конца жизни заботилась не только о безплатныхъ мастерскихъ, но и о всѣхъ сирыхъ и убогихъ, приходившихъ къ ней съ просьбами. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1905 г., № 10639).

† **Немировъ, Г. А.** 12-го октября скончался знатокъ петербургской старины, бывшій секретарь с.-петербургскаго биржевого комитета, Григорій Александровичъ Немировъ. Дебютировалъ онъ въ 1861 г. стихотвореніемъ «Свобода», написаннымъ по поводу освобожденія крестьянъ и напечатаннымъ въ журналѣ «Мірское Слово». Затѣмъ стихотворенія его преимущественно стали появляться въ журналахъ: «Искра», «Оса», «Будильникъ», «Стрекоза», «Свѣтъ и Тѣни», «Шутъ», «Развлеченіе» и др., подъ псевдонимами: «Ѳома Невѣрный», «Григорій Новорожденный», «Сентиментальный юмористъ», «Шаловливый поэтъ» и мн. проч., а впослѣдствіи частью изданы особою книжкою. Въ 1873—1876 гг. Г. А. Сотрудничалъ въ газетѣ «Биржа», гдѣ, кромѣ ряда мелкихъ статей, помѣстилъ «Биржевыя артели въ С.-Петербургѣ, очеркъ ихъ организаціи и современнаго состоянія». Послѣ ряда статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ покойный въ 1888—1896 гг. издалъ отдѣльно 13 выпусковъ составленнаго по весьма широкой программѣ «Опыта исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга». Выпуски этого изданія подъ заглавіемъ «Петербургъ до его основанія» излагаютъ исторію Петербургскаго края до 1703 г., преимущественно по писцовымъ кни-

гамъ, шведскимъ ландкартамъ и географическимъ названіямъ. Въ 1889 г. въ особой брошюрѣ «Разсыпанная храмина» Г. А. указывалъ на необходимость скорѣйшаго учрежденія въ Россіи торговыхъ или промысловыхъ палатъ. Въ 1900—1903 гг. имъ помѣщено въ «Новомъ Времени» нѣсколько статей по исторіи С.-Петербургскаго края, рядъ статей, выяснявшихъ день заложенія С.-Петербурга, «Дневникъ основанія Петербурга и историческій очеркъ Петербургскаго острова и Охты, какъ колыбели Петербурга», и др. Кромѣ того, покойный въ послѣднее время напечаталъ рядъ своихъ статей въ «Промышленномъ Мірѣ», «Торгово-Промышленной Газетѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ по разнымъ торгово-промышленнымъ вопросамъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10636).

† **Сѣченовъ, И. М.** 2-го ноября въ Москвѣ скончался знаменитый русскій физіологъ, заслуженный профессоръ, Иванъ Михавловичъ Сѣченовъ. Покойный родился 1-го августа 1829 г. въ Симбирской губерніи и первоначальное образованіе получилъ въ главномъ инженерномъ училищѣ. Въ 1847 г. онъ былъ произведенъ въ офицеры, служилъ саперомъ въ Кіевѣ. Въ 1850 г. онъ вышелъ въ отставку и вскорѣ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, на правахъ вольнослушающаго, гдѣ, между прочимъ, его товарищемъ былъ С. П. Боткинъ, и гдѣ курсъ онъ кончилъ въ 1856 году. Получивъ степень лѣкаря, И. М. отправился за границу для спеціальнаго изученія физіологіи. Здѣсь, въ этой области онъ работалъ слишкомъ три года у такихъ свѣтилъ, какъ Дюбуа-Реймонъ, Гоппе-Зейлеръ, Гельмгольцъ, Людвигъ и другіе, въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Вѣнѣ. Его выходящій изъ ряду талантъ и работы обратили на себя вниманіе спеціалистовъ. Вернувшись въ Россію, И. М. защитилъ диссертацію: «Матеріалы для будущей физіологіи алкогольнаго опьяненія», и, удостоенный степени доктора медицины, получилъ въ 1860 г. предложеніе занять каѳедру физіологіи въ медико-хирургической академіи, въ качествѣ адъюнктъ-профессора. Къ этому времени относится начало извѣстности профессора Сѣченова, котораго труды въ области изысканій о рефлексахъ головного мозга, вводившія новыя представленія о механизмѣ духовной дѣятельности, сдѣлали его имя чрезвычайно распространеннымъ даже въ высшемъ обществѣ. Молодежь превозносила это имя, реакціонеры съ правительственными кружками во главѣ пугались этого имени, считая Сѣченова «либераломъ», «матеріалистомъ», «отрицателемъ», вреднымъ дѣятелемъ. Для многихъ это имя представляло настоящій «жупелъ». Утвержденный ординарнымъ профессоромъ, И. М. недолго оставался въ академіи, и въ 1870 году перешелъ въ Новороссійскій университетъ, занявъ каѳедру физіологіи на физико-математическомъ факультетѣ. Въ Одессѣ пробылъ до 1876 года, когда занялъ ту же каѳедру въ университетѣ С.-Петербургскомъ и оставался здѣсь около тридцати лѣтъ. Затѣмъ, переселившись въ Москву въ 1889 году, И. М. занялъ каѳедру физіологіи въ университетѣ на правахъ приватъ-доцента, а затѣмъ съ 1891 году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ и, наконецъ, получилъ званіе заслуженнаго профессора. По выслугѣ установленныхъ лѣтъ, онъ покинулъ каѳедру въ 1896 году, но неофиціально продолжалъ работать въ университетѣ и руководить спеціальными занятіями студентовъ. Въ послѣдніе

годы, несмотря на свой преклонный возрастъ, профессоръ Сѣченовъ сохранилъ полную ясность ума и прежнюю работоспособность и особенно интересовался пречистенскими воскресными школами и вечерними классами для рабочихъ. Такимъ образомъ, до самой кончины онъ трудился и въ области науки и на общественномъ поприщѣ.

Труды профессора Сѣченова чрезвычайно разнообразны и замѣчательны тѣмъ, что они вносили или новый методъ изслѣдованія или обогащали науку новыми открытіями. Особенно цѣнятся работы его по изслѣдованію нервной системы. Такъ какъ въ тѣ времена такъ называемые задерживающіе нервы обратили на себя особенное вниманіе физіологовъ, а потому и вполнѣ понятенъ тотъ живой интересъ, съ которымъ встрѣчены были изслѣдованія Сѣченова надъ центрами, задерживающими рефлексы. Прошелъ не одинъ десятокъ лѣтъ послѣ появленія «Рефлексовъ головного мозга», а между тѣмъ не было почти ни одной книги по физіологіи, въ которой не говорилось бы о сдѣланномъ Сѣченовымъ открытіи, и оно не цѣнилось бы по достоинству. Кромѣ длиннаго ряда чисто спеціальныхъ работъ, Сѣченовымъ составлено или переведено съ примѣчаніями и добавленіями нѣсколько учебниковъ, издавались его лекціи, читанныя имъ на высшихъ женскихъ курсахъ, и публичныя и помѣщены популярно-научные очерки въ «Вѣстникѣ Европы» и другихъ изданіяхъ, каковы, напримѣръ: «Физіологическіе очерки», «Физіологія растительныхъ процессовъ», «Психологическіе этюды», «Элементы мысли» и прочее. По поводу психологическихъ задачъ у него возникла довольно оживленная полемика съ К. Д. Кавелинымъ. Это было во время профессорства Сѣченова на югѣ, въ Одессѣ. Къ тому же времени относятся всѣ совмѣстные труды съ И. И. Мечниковымъ по вопросу о вліяніи блуждающаго нерва на сердце. Какъ профессоръ, И. М. Сѣченовъ обладалъ всѣми талантами: краснорѣчіемъ, ясностью изложенія, глубокимъ, свѣтлымъ взглядомъ въ духѣ реальнаго направленія и богатой эрудиціей. Молодежь любила его, потому что онъ былъ, помимо всего, ея лучшимъ другомъ и помощникомъ трудящихся студентовъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10650; «Слово», 1905 г., № 295; «Московскій Листокъ», 1905 г., № 299; «Русскій Листокъ», 1905 г., № 297; «Новости Дня», 1905 г., № 8042; «Одесскія Новости», 1906 г., № 6778; «Волгарь», 1905 г., № 301; «Тифлисскій Листокъ», 1905 г., № 225, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 241).

† **Таренецкій, А. И.** 3-го ноября скончался послѣ продолжительной болѣзни начальникъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, академикъ Александръ Ивановичъ Таренецкій. Покойный пользовался извѣстностью, какъ одинъ изъ выдающихся русскихъ анатомовъ, значительно содѣйствовавшій также антропологическому изученію Россіи. А. И. родился въ 1845 году въ Дрезденѣ, гдѣ отецъ его служилъ при православной посольской церкви. Все свое дѣтство и отрочество онъ провелъ въ Германіи, гдѣ получилъ образованіе въ веймарской классической гимназіи, а затѣмъ слушалъ одинъ годъ лекціи въ Іенскомъ университетѣ. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1869 году, и поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1874 году. Будучи по происхожденію чисто русскимъ, происходя даже изъ

духовнаго званія, А. И., однако, первое время лучше говорилъ по-нѣмецки чѣмъ по-русски, и его русская рѣчь сохраняла нѣкоторый нѣмецкій оттѣнокъ. Еще будучи студентомъ, онъ сталъ спеціально заниматься анатоміей и сдѣлался ассистентомъ знаменитаго анатома В. Л. Грубера. По окончаніи курса онъ былъ назначенъ прозекторомъ по каѳедрѣ анатоміи. Въ 1874 году А. И. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины, а затѣмъ сталъ читать курсы описательной и хирургической анатоміи въ качествѣ адъюнктъ-профессора. Въ 1887 году онъ получилъ званіе ординарнаго профессора, а въ 1901 г. назначенъ начальникомъ академіи. Ученыя работы А. И. написаны большей частью по-нѣмецки и изданы въ «Мемуарахъ» Императорской академіи наукъ. Онѣ относятся къ области описательной и патологической анатоміи, а также антропологіи (сравнительной краніологіи). Въ 1884 г. появился его трудъ о краніологіи великорусскаго населенія средней и сѣверной Россіи, позже вышли его работы по краніологіи айновъ и другихъ инородцевъ крайняго сѣверо-востока Сибири. Имъ изданы инструкціи для антропологическаго изученія живыхъ особей, и онъ привлекалъ врачей, служившихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, къ антропологическому изученію окружавшихъ ихъ народностей. Въ результатѣ явился цѣлый рядъ диссертацій на степень доктора медицины, посвященныхъ изученію бурятъ, таранчей, осетинъ, армянъ, кумыковъ, кабардинцевъ, евреевъ, казанскихъ татаръ и др. Покойный основалъ при военно-медицинской академіи антропологическое общество, которое, состоя подъ его предсѣдательствомъ, собрало рядъ научныхъ коллекцій и издало нѣсколько выпусковъ своихъ трудовъ. Заслуги А. И. были почтены избраніемъ его въ почетные члены нѣсколькими русскими и иностранными учеными обществами, въ томъ числѣ императорскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1905 г., № 292, и «Новое Время», 1905 г., № 10650).

† **Чертковъ, М. И.** 19-го октября въ Парижѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ русской арміи и выдающійся государственный дѣятель, членъ государственнаго совѣта, бывшій варшавскій генералъ-губернаторъ, числившійся по гвардейской кавалеріи и по войску донскому, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, Михаилъ Ивановичъ Чертковъ. Происходя изъ потомственныхъ дворянъ, онъ родился 2-го августа 1829 года; образованіе получилъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, откуда въ 1848 году выпущенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Въ самомъ началѣ своей долговременной военной службы М. И. принялъ участіе въ венгерскомъ походѣ; въ 1855 году назначенъ флигель адъютантомъ къ его императорскому величеству и находился при оборонѣ крѣпости Свеаборга, бомбардированной англо-французскимъ флотомъ, при чемъ за боевое отличіе награжденъ орденомъ святой Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ. Въ 1856—1860 годахъ онъ заявилъ себя многочисленными боевыми подвигами на Кавказѣ, въ борьбѣ съ горцами, при чемъ съ 1858 года командовалъ куринскимъ полкомъ (нынѣ пѣхотный куринскій генералъ-фельдмаршала князя Воронцова). За отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ М. И. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени за бой 8-го февраля 1859 года близъ аула Веденъ и произведенъ

въ генералъ-маиоры съ назначеніемъ въ свиту его величества. Въ 1861 году онъ былъ назначенъ воронежскимъ военнымъ губернаторомъ, черезъ три года волынскимъ военнымъ губернаторомъ, при чемъ въ послѣдней должности былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ его величеству, а въ 1868 году—наказнымъ атаманомъ войска донского, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, и пробылъ въ этой должности шесть лѣтъ. За время его управленія областью Войска Донского были произведены весьма важныя улучшенія въ областной и войсковой администраціи и въ войсковыхъ финансахъ; введены въ дѣйствіе: положеніе объ общественномъ станичномъ управленіи, судебные уставы въ полномъ ихъ объемѣ, положеніе объ обезпеченіи войсковыхъ офицеровъ земельными участками; разработаны и представлены въ высшія законодательныя учрежденія проекты: о примѣненіи въ области Войска Донского земскихъ учрежденій, о порядкѣ отбыванія войсковымъ населеніемъ воинской повинности, объ устройствѣ войскового станичнаго коннозаводства и другіе. Въ бытность въ бозѣ почивающаго императора Александра II, при объявленіи въ 1877 году войны Турціи и во время пребыванія государя въ дѣйствующей арміи покойный М. И. находился въ свитѣ его императорскаго величества. Въ сентябрѣ того же года онъ былъ назначенъ временнымъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, а на слѣдующій годъ утвержденъ въ должности; въ 1881 году, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемыхъ должностей съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта и съ оставленіемъ генералъ-адъютантомъ; въ 1883 году произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Въ 1898 году, въ день 50-лѣтія своей государственной службы, М. И. всемилостивѣйше былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, при высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ перечислены всѣ его выдающіяся заслуги престолу и отечеству. Въ 1901 году покойный былъ назначенъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа и пробылъ на этомъ высокомъ и отвѣтственномъ посту около четырехъ лѣтъ, а въ текущемъ году, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ отъ занимаемой должности съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и во всѣхъ прочихъ званіяхъ. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 241, и «Новое Время», 1905 г., № 10639).

правительствѣ король—ничто: онъ царствуетъ, но не управляетъ. На другой день Фіеско и Алибо захотятъ показать примѣръ, — и судьба герцога Энгіенскаго...

— О! — воскликнулъ Флао, — они не осмѣлятся. Теперь не то время и нравы не такъ жестоки.

— О чемъ свидѣтельствуетъ рѣзня въ улицѣ Трансонэнъ.

— Это была война, даже больше—законная защита: на тронъ сдѣлано нападеніе вооруженной рукою...

— Женщинъ и стариковъ.

Повидимому, Флао находился въ затруднительномъ положеніи.

— Ну, а если принца приговорятъ къ смерти?—спросилъ Персиньи.

— Король его помилуетъ.

— Пусть такъ, но тогда ему грозитъ вѣчная тюрьма?

— О, вѣчность во Франціи развѣ долго длится?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Она продлится до тѣхъ поръ,—проворчалъ Персиньи,—пока мы не поручимъ кому нибудь ее сократить.

Но, возвратясь къ своей мысли, онъ продолжалъ:

— Все это ничего не стоитъ въ сравненіи съ немедленнымъ бѣгствомъ принца, чѣмъ уничтожается явка въ судъ и прочія случайности, если онъ останется на свободѣ...

— Чтобы снова начать...

— Почему же нѣтъ?—смѣло сказалъ Персиньи.

— И вы хотите, чтобы я на это пошелъ,—я, другъ Орлеановъ?

— Развѣ вы не были болѣе стариннымъ другомъ Бонапартовъ?

Флао сдѣлалъ гнѣвный жестъ. Онъ не узнавалъ себя: похожденіе, въ которое онъ былъ замѣшанъ, его странно волновало. Обыкновенно спокойный, выдержанный, владѣвшій собою, онъ допустилъ себя вмѣшаться въ движеніе, клонившееся къ безпорядку; это было для него невыносимо, и онъ упрекалъ себя въ недостаткѣ вкуса.

Но онъ снова впалъ въ свое обычное равнодушіе и надѣлъ маску изящной холодности, не желая показаться испуганнымъ настояніями, по его мнѣнію, чрезмѣрными.

— Конечно, — произнесъ онъ, — мои воспоминанія и благодарность привязываютъ меня къ ихъ семейству, но все-таки я не могу вступить въ открытую борьбу съ королемъ, которому я присягалъ.

— Тогда, графъ, вы отказываете помочь брату вашего сына,— язвительно, хотя почтительно учтивымъ тономъ, оборвалъ его Персиньи.

Флао сдѣлалъ испуганное движеніе. Кровь прилила къ его лицу, въ глазахъ вспыхнуло пламя, а рука стиснула набалдашникъ

палки. Но ему удалось снова успокоиться, благодаря способности владѣть собою.

Онъ пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника, который смѣло выдержалъ его взглядъ и прочиталъ въ немъ такую рѣшимость, такое страстное упорство, что внутренно смутился.

Однако онъ отвѣтилъ спокойнымъ, какъ бы равнодушнымъ тономъ:

— Сударь, я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать?

— Хорошо, я вамъ объясню.

И онъ началъ говорить яснымъ, учтивымъ, но твердымъ голосомъ, точно выражаясь и не оставляя мѣста для сомнѣній.

— Въ главномъ штабѣ маршала Клозеля, направляющагося къ Константинѣ, находится въ данный моментъ молодой кавалерійскій офицеръ, который очень скучаетъ по парижскимъ гостинымъ. Воспитанный своей бабушкою, одной изъ лучшихъ женщинъ нашего времени, храбрый, остроумный и изящный, какъ его отецъ, товарищъ королевскаго принца по ученію, онъ самый блестящій, обворожительный изъ молодыхъ людей конституціоннаго двора,— точь въ точь какъ былъ его отецъ при императорскомъ дворѣ.

— Какой лестный портретъ сына и отца! Какъ же зовутъ этого феникса?

— Его зовутъ Огюстъ Морни. Не знаете ли вы его, генералъ?

— Да, я его знаю, — отвѣтилъ Флао, совершенно овладѣвъ собой.

— Этому совершенству приписываютъ знатное происхожденіе,— продолжалъ Персиньи,—что̀ прибавляетъ еще болѣе привлекательности къ его личности въ глазахъ буржуазнаго двора, старательно окружающаго себя популярными воспоминаніями.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, что небольшая доза благоуханія наполеонизма нисколько не повредитъ не прославившемуся ничѣмъ царствованію, и если къ присутствующимъ старымъ маршаламъ имперіи присоединить внука Жозефины...

— Сударь!

— То этой добавкой не слѣдуетъ пренебрегать...

— Такъ вы предполагаете?...

— Я ничего не предполагаю. Я утверждаю, что молодой графъ Морни—сынъ красавицы королевы Гортензіи, которую обожало столько изящныхъ и храбрыхъ людей. Какъ сынъ королевы Гортензіи, онъ, слѣдовательно, приходится братомъ принца, о которомъ мы говорили.

На это Флао отвѣчалъ съ замѣтнымъ, нѣсколько меланхоличнымъ достоинствомъ.

— Вы только что, сударь, громко и опредѣленно высказали противъ женщины такое обвиненіе, какое даже потихоньку ска-

зать я считаю серьезной несправедливостью. На чемъ вы основываетесь, утверждая то, что я со своей стороны считаю легендой?

Персиньи поднялъ голову и гордо, съ достоинствомъ и смѣлой откровенностью отвѣтилъ:

— Умоляю васъ, графъ, не терять изъ вида, кто я; я—другъ, безусловный другъ и неутомимый слуга герцогини Сенъ-Лё и всѣхъ ея близкихъ. Относительно моихъ намѣреній не можетъ быть сомнѣнія, и если я такъ, говорю, то потому, что обстоятельства слишкомъ серьезны, и я знаю, со своей стороны, кто меня слушаетъ. Здѣсь не можетъ быть клеветника, а есть только человѣкъ, слишкомъ привязанный къ Бонапартамъ, чтобы не знать всего, что ихъ касается. Я питаю культъ къ этой семьѣ и непреодолимую вѣру въ ихъ судьбу. Задолго до того, какъ я имѣлъ счастье сдѣлаться ихъ другомъ, и предвидя, что мнѣ придется, быть можетъ, отдать имъ жизнь, я узналъ все близко или далеко касающееся ихъ.

— И какіе же результаты этого изслѣдованія?

— Зачѣмъ такія слова и такой тонъ, генералъ: вы хотите меня оскорбить? Развѣ вы не признаете во мнѣ преданнаго и чистосердечнаго человѣка? Результатъ моихъ изслѣдованій тотъ, что я могу доказать, по крайней мѣрѣ, предъ вами настоящее происхожденіе графа Морни.

— Посмотримъ,—отвѣтилъ Флао.

Хотя въ тонѣ Флао слышалась насмѣшка, но въ его взглядѣ уже замѣтно было тревожное любопытство и сквозило зарождающееся чувство интереса, вызванное смѣлымъ собесѣдникомъ, неожиданно посланнымъ ему судьбою.

Персиньи продолжалъ:

— Графъ, помните ли вы осень 1811 года? Это былъ именно годъ рожденія римскаго короля. Въ то время заключили миръ, и всѣ были рады. Вездѣ царило веселье: устраивались охоты, празднества, пикники, кавалькады. Если не считать нѣкоторыхъ черныхъ точекъ въ Испаніи, то, казалось, имперія достигла своего апогея: ей нечего болѣе бояться, и наконецъ для нея наступило время благоденствія и удовольствій послѣ столькихъ сраженій и рѣзни. Тогда еще не предвидѣли экспедиціи въ Россію. Самъ Наполеонъ, повидимому, отказался отъ войны, когда сдѣлался незадолго до того отцомъ. Въ самый разгаръ всеобщаго веселья голландская королева, ссылаясь на серіозныя дѣла, призывающія ее въ Парижъ, внезапно покинула Сенъ-Лё, гдѣ ее окружала цѣлая толпа друзей. Однако она остановилась не въ своемъ домѣ въ улицѣ Серутти, а въ сопровожденіи своей надежной, преданной горничной отправилась, закутанная въ вуаль, въ одинъ съ виду очень скромный домъ подъ № 137 въ улицѣ Монмартръ. Нѣсколько дней спустя, мэръ Биржевого округа занесъ въ книгу свидѣтельство о ро-

жденіи одного ребенка. Вы позволите мнѣ напомнить это метрическое: я его знаю на память, какъ большинство важныхъ документовъ, касающихся Бонапартовъ.

И молодой заговорщикъ принялся читать наизусть слѣдующій документъ:

«22-го октября 1811 г., ровно въ 12 часовъ, къ намъ, нижеподписавшемуся мэру третьяго округа, исполняющему должность гражданскаго чиновника, явился Клодъ-Мартэнъ Гардьенъ, докторъ медицины и акушеръ, живущій въ Парижѣ, въ улицѣ Моимартръ, подъ № 137, и заявилъ намъ, что наканунѣ у него родился ребенокъ мужского пола, котораго онъ намъ представилъ и которому далъ имя Шарль-Огюстъ-Луи-Жозефъ. Ребенокъ родился отъ Луизы-Эмили-Корали Флери, жены Огюста-Жана-Гіацинта де-Морни, землевладѣльца въ Санъ-Доминго, живущаго въ Вильтанезѣ, въ департаментѣ Сены. Вышеозначенныя заявленія сдѣланы въ присутствіи товарища Алексиса Шарлемань Лами, башмачника, сорока двухъ лѣтъ, живущаго въ Парижѣ въ улицѣ Бюфо, № 25, и Жозефа Моша, портного изъ улицы Дёзэкю, № 3, тоже товарища».

Флао невозмутимо слушалъ Персиньи, машинально откидывая кончикомъ своей палки маленькіе камешки, слѣдя, какъ казалось, съ большимъ вниманіемъ за ихъ паденіемъ.

— Изъ четырехъ именъ ребенка,—продолжалъ Персиньи, нисколько не смущаясь его молчаніемъ,—первое—ваше, графъ, второе — принца Евгенія, третье — короля Людовика, а четвертое — старшаго брата императора. Это просто совпаденіе, скажете вы, не правда ли? Подождите: вотъ и вѣскія доказательства, проливающія болѣе яркій свѣтъ на дѣло. Что это за Огюстъ-Жанъ-Гіацинтъ де-Морни? Это—старый прусскій офицеръ, пансіонеръ королевы Гортензіи, который впослѣдствіи былъ убитъ подъ Парижемъ, въ союзныхъ рядахъ. Въ свидѣтельствѣ о его погребеніи, зарегистрованномъ въ Версалѣ 5-го апрѣля 1814 г., не говорится, что онъ былъ женатъ или вдовецъ. Что такое Луиза-Эмили-Корали Флери? Приближенная служанка королевы Гортензіи. Кто эти два свидѣтеля, о которыхъ докторъ Гардьенъ упоминалъ предъ мэромъ третьяго округа? «Патентованные свидѣтели», обязательные согласно гражданскимъ законамъ при совершеніи всѣхъ актовъ, никому неизвѣстные и безразлично относящіеся къ тѣмъ, кто ихъ пригласилъ присутствовать въ качествѣ свидѣтелей; это какіе нибудь сосѣди изъ дома съ противоположной стороны или мясники изъ угловой лавки. Въ нашемъ случаѣ дѣло яснѣе, и если они не знали землевладѣльца де-Морни и Луизу Флери, то были, по крайней мѣрѣ, знакомы съ ихъ друзьями. Одинъ изъ нихъ, Алексисъ Шарлемань Лами, былъ сапожникомъ генерала, графа Флао, другой, Жозефъ Мошъ—портнымъ доктора Гардьена. Что касается ребенка почти старика де-Морни, то вы полагаете, что этого не-

ожиданнаго, запоздавшаго отпрыска увезли къ нему въ Вильтанезъ, и онъ съ любовью воспиталъ его и сдѣлалъ изъ него радость и утѣшеніе своихъ старыхъ дней? Совсѣмъ нѣтъ: его взялъ графъ Флао, завернулъ въ свой форменный плащъ и увезъ съ собою къ своей матери, г-жѣ Суза; она воспитывала его въ томъ самомъ домѣ въ улицѣ Сенъ-Флорентэнъ, мимо котораго мы только что проѣзжали, генералъ, и гдѣ вы считали неосторожнымъ, чтобы насъ видѣли вмѣстѣ. Развѣ все это не служитъ достаточнымъ доказательствомъ и не даетъ мнѣ права сказать, что капитанъ главнаго штаба, Морни, и капитанъ швейцарской артиллеріи Луи-Наполеонъ Бонапартъ — братья? Генералъ, вы—отецъ одного изъ нихъ; неужели вы оставите другого въ опасности?

Флао слушалъ его, молча, не выказывая ничѣмъ, какое чувство волновало его, и какой будетъ его отвѣтъ.

Да онъ ничего и не отвѣчалъ, ничего не опровергалъ и не подтверждалъ, а самъ задалъ вопросы.

— Чего вы ожидаете отъ меня? Чѣмъ я могу помочь? Чего вамъ надо?

— Двѣ вещи, генералъ: денегъ и назначенія.

— Денегъ, это очень легко. Сколько?

— Двадцать тысячъ, быть можетъ, немного больше, немного меньше, но, я думаю, этого достаточно.

— Вы ихъ получите сегодня вечеромъ. А какое назначеніе?

— Прежде чѣмъ уѣхать изъ Страсбурга, я узналъ, будто префектъ нашелъ недостаточнымъ одного начальника тюрьмы, честнаго, но не очень смышленаго эльзасца, чтобы слѣдить за узниками 30-го октября. Онъ просилъ въ томъ самомъ докладѣ, который прибылъ сюда сегодня утромъ, чтобы въ виду настоящихъ обстоятельствъ ему прислали болѣе значительнаго чиновника для управленія Страсбургской тюрьмою. Я вамъ хочу предложить кандидата и попрошу назначить его.

— А! я понимаю... Хорошо, я назначу вашего кандидата, если есть еще время... Его имя?

Персиньи выразилъ нѣкоторое замѣшательство, затѣмъ произнесъ:

— Мальбекъ, прежній унтеръ-офицеръ 4-го гусарскаго полка въ Понтиви, въ настоящее время онъ—редакторъ «Journal des Muses».

Флао не могъ удержаться отъ улыбки.

— Такъ и въ тюрьмѣ у него есть, оказывается, одна изъ музъ, сестра Аполлона.

— Вы говорите о г-жѣ Гордонъ?

— Да.

— Она—не поэтъ.

— Она—муза музыки, сама Эвтерпа.

— Вы ее знаете?

— Я ее слышалъ въ Итальянской оперѣ. Но вернемся къ вашему господину. Вы говорите, его зовутъ Мальбекъ?

— Да, генералъ, Мальбекъ.

Флао записалъ его имя въ записной книжкѣ.

— Сегодня вечеромъ я увижу графа Молэ и думаю, что мнѣ удастся устроить это дѣло. Куда я долженъ прислать вамъ отвѣтъ и двадцать тысячъ франковъ?

Персиньи съ минуту размышлялъ и затѣмъ произнесъ:

Я буду въ полночь въ Café de Paris.

— Вы не боитесь, что васъ тамъ арестуютъ?

— Меня здѣсь не разыскиваютъ: они думаютъ, что я прячусь въ Страсбургѣ. Впрочемъ, я неузнаваемъ.

— И такъ смѣлъ,—замѣтилъ, улыбаясь, графъ.—Если бы у молодого Луи было побольше товарищей, какъ вы, то онъ непремѣнно имѣлъ бы успѣхъ.

— Мы на это разсчитываемъ.

— Тише, ваши дѣла меня не касаются.

Персиньи бросился къ Флао, взялъ его руку и крѣпко ее пожалъ.

— Вы—честный человѣкъ, я это угадалъ!

— Хорошо, хорошо, оставимъ это. Намъ нечего болѣе другъ другу сказать? Разойдемся. Насъ слишкомъ долго видятъ вмѣстѣ, что̀ можетъ нарушить мое спокойствіе,—сказалъ онъ вздыхая.

— Мы никого не встрѣтили,—замѣтилъ Персиньи.

— Какъ знать?

Къ Флао вернулось его прежнее прекрасное настроеніе и та очаровательная привлекательность, которая дѣлала его обворожительнымъ, несмотря на минувшія пятьдесятъ лѣтъ.

— Прощайте, мой молодой другъ, счастливой удачи. Ступайте въ ту сторону: тамъ вы найдете фіакръ, а я пойду здѣсь къ моему старому купэ, старому кучеру и старой лошади. Ахъ, молодость, она вѣритъ и составляетъ заговоры!

Онъ уже пошелъ далѣе, но остановился и спросилъ:

— А какъ же васъ найдетъ мой посланный?

— Онъ спроситъ г. Манюэля.

— All right!—отвѣтилъ Флао по-англійски, какъ это было принято при Людовикѣ-Филиппѣ.

Пройдя немного, Персиньи остановилъ проѣзжавшій фіакръ и отправился въ Пале-Рояль. Тамъ онъ вошелъ въ Estaminet hollandais, гдѣ встрѣтилъ своего товарища Мальбека, сторонника Бонапартовъ, который сначала его не узналъ. Персиньи сказалъ ему, что хочетъ съ нимъ поговорить, и они отправились въ редакцію «Journal des Muses», редакторомъ котораго былъ Мальбекъ. Тамъ Персиньи разсказалъ ему обо всемъ происшедшемъ въ Страсбургѣ

и просилъ его помощи для спасенія принца и всѣхъ арестованныхъ, для чего Мальбеку предстояло принять должность смотрителя тюрьмы. Мальбекъ согласился, и они уговорились быть вечеромъ вмѣстѣ въ Café de Paris, чтобы ожидать отвѣта Флао. Въ это время въ редакцію пришли издательницы журнала, три хорошенькія женщины, которыя взяли себѣ прозвищемъ имена трехъ музъ: Кліо, Каліопа и Эрато. Онѣ страстно любили похожденія и были также сторонницами Бонапарта. Знакомство быстро завязалось, и всѣ условились ужинать вмѣстѣ въ Café de Paris, въ кабинетѣ г. Манюэля. Въ назначенный часъ всѣ весело ужинали, когда пришелъ отвѣтъ отъ Флао, что мѣсто смотрителя тюрьмы уже передано нѣкоему Лебелю, и тотъ на другой день отправляется въ Страсбургъ. Сначала это извѣстіе встревожило Персиньи, и онъ поблѣднѣлъ, но потомъ, овладѣвъ собою, онъ придумалъ цѣлую интригу, чтобы захватить на дорогѣ его бумаги и вмѣсто него отправить на мѣсто назначенія Мальбека.

Но для этого требовалась помощь хорошенькихъ женщинъ, и Персиньи, вспомнивъ о трехъ музахъ, предложилъ имъ роль соблазнительницъ. Рѣшено было, что одна изъ нихъ займетъ мѣсто въ купэ дилижанса въ тотъ день, когда поѣдетъ Лебель, а остальныя двѣ будутъ ожидать ихъ пріѣзда на почтовой станціи, гдѣ бываетъ остановка. Очаровавъ Лебеля, первая пригласитъ его отужинать вмѣстѣ съ ея подругами, и Лебель такъ будетъ увлеченъ ими, что не замѣтитъ отъѣзда дилижанса. Тогда его спутница предложитъ ему догнать въ своемъ экипажѣ дилижансъ, и Лебель попадется въ ловушку: его повезутъ по другому направленію, а вмѣсто него въ Страсбургъ пріѣдетъ фальшивый Лебель, т.-е. Мальбекъ, вмѣстѣ съ его бумагами и двумя помощниками.

Три музы съ радостью приняли это предложеніе, а Персиньи рѣшилъ, переодѣвшись курьеромъ, возвратиться въ Страсбургъ съ порученіями жены префекта. Позже мы увидимъ, что планъ вполнѣ удался тремъ музамъ, и Лебель былъ задержанъ ими въ плѣну.

XXX.

Въ то время какъ префектъ принималъ поздравленія высшей бюрократіи и почетныхъ обывателей департамента, Патернэ ходилъ взадъ и впередъ по пріемной, рядомъ съ кабинетомъ Шоппэнъ д'Арнувиля. Его лицо, прежде насмѣшливое, сдѣлалось меланхоличнымъ со времени неудавшагося заговора.

Хотя посѣтители были уже извѣстные ему люди, но по профессіональной привычкѣ старый полицейскій разсматривалъ своимъ проницательнымъ взглядомъ каждую появлявшуюся личность.

Утомленный этимъ разглядываніемъ, онъ съ пренебрежительной гримасой повернулся на каблукахъ и направился къ окну, выходившему на парадный дворъ.

Опираясь на оконную задвижку и барабаня по стеклу своими жирными и бѣлыми, какъ у прелата, пальцами, онъ съ минуту простоялъ у окна, какъ вдругъ на мостовой раздался стукъ лошадиныхъ копытъ, и къ подъѣзду галопомъ подскакалъ всадникъ.

Патернэ подпрыгнулъ отъ удивленія при видѣ такой необычайной неожиданности и, не имѣя силы удержаться, воскликнулъ:

— Что это такое?

Онъ такъ и остался съ открытымъ ртомъ, вопреки обычнымъ сдержанности и спокойствію, съ какими обыкновенно онъ узнавалъ о самыхъ невѣроятныхъ событіяхъ въ жизни. На этотъ разъ случилось такое невѣроятное событіе, что все его маленькое, жирное тѣльце дрожало. Дѣйствительно, было чему изумляться, особенно человѣку не предупрежденному: въ наѣздникѣ, только что спрыгнувшемъ съ коня у подъѣзда, который велъ на половину жены префекта, онъ узналъ Персиньи.

«Персиньи!.. въ Страсбургѣ!..—подумалъ онъ,—въ Страсбургѣ, откуда ему какимъ-то чудомъ удалось улизнуть! Онъ сошелъ съ ума!» Затѣмъ, не видя болѣе Персиньи, онъ задалъ себѣ вопросъ: «Куда онъ дѣлся, чортъ возьми?»

И пока онъ раздумывалъ, въ залъ вошелъ слуга и окликнулъ его:

— Г. Патернэ!..

— А?

— Васъ спрашиваютъ у супруги г. префекта.

Патернэ кивнулъ въ знакъ согласія и пошелъ за слугою.

Въ прихожей жены префекта онъ увидѣлъ курьера.

— Вы?—спросилъ онъ вполголоса.

— Да,—отвѣтилъ также тихо Персиньи.—Это васъ удивляетъ?

— Еще бы!

— Я хотѣлъ строго исполнить данное мнѣ порученіе.

— Какое порученіе?

— Жены префекта.

Патернэ положительно былъ поставленъ втупикъ; онъ не могъ притти въ себя отъ такой смѣлости и безполезнаго презрѣнія къ опасности, хотя самъ вообще не привыкъ ничѣмъ смущаться.

— Но, вѣдь, это сумасбродство,—шепталъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Вы думаете?—спросилъ Персиньи, сверкая глазами.

Патернэ тотчасъ понялъ и спросилъ:

— Нѣчто другое?

— Еще бы!... но пойдемте. Мы не можемъ безопасно оставаться здѣсь.

Чрезъ десять минутъ оба сообщника вошли въ маленькую пивную въ улицѣ Нюё Блё. Выслушавъ изліянія совсѣмъ выздоровѣвшей мамаши Ваграмъ, Патернэ и Персиньи сѣли за столъ

въ одномъ изъ пустынныхъ въ этотъ часъ угловъ и принялись бесѣдовать.

Персиньи наскоро разсказалъ о своихъ попыткахъ въ Парижѣ, о планѣ бѣгства, уже давно созрѣвшемъ въ его мозгу, и о средствахъ, къ которымъ онъ прибѣгнулъ для приведенія его въ исполненіе. Онъ передалъ ему, какого драгоцѣннаго пособника послалъ ему случай для отраженія непредвидѣннаго удара, какъ назначеніе Лебеля вмѣсто Мальбека, что этотъ Лебель былъ въ данный моментъ секвестрованъ тремя музами въ маленькомъ замкѣ, въ департаментѣ Сены и Оазы, и что чрезъ нѣсколько часовъ дилижансъ привезетъ Мальбека съ бумагами Лебеля. Но, по его словамъ, надо спѣшить, а то Лебель, придя въ себя, кончитъ тѣмъ, что прерветъ свой сладострастный плѣнъ; имъ же необходимо, чтобы узники, особенно принцъ съ Элеонорой, были свободны до его появленія.

Патернэ съ восторгомъ смотрѣлъ на этого необыкновеннаго авантюриста; юношеская рѣшимость послѣдняго совершенно противорѣчила гримировкѣ стараго курьера съ красноватымъ лицомъ, сѣдыми усами, отяжелѣвшаго отъ тридцатилѣтней суровой службы. Патернэ былъ въ восторгѣ отъ его силы воли, упорства, холодной энергіи и разумной преданности дѣлу. Ему казалось невозможнымъ, чтобы такимъ людямъ не удалось въ одинъ прекрасный день взять приступомъ власть. «Увы, буду ли я здѣсь, чтобы насладиться ихъ тріумфомъ?»—думалъ онъ.

И старому полицейскому немного взгрустнулось; онъ былъ нѣсколько меланхоличенъ, когда возобновилъ бесѣду съ молодымъ заговорщикомъ. Долго они обсуждали подробности плана, который имъ предстояло исполнить, и когда все было обдумано и предусмотрѣно, то Персиньи поднялся съ своего мѣста и произнесъ:

— Вотъ уже наступилъ часъ прибытія дилижанса. Ваша роль начинается, г. Патернэ. Ступайте. Пока вы будете представлять «Лебеля» префекту и водворять его въ новой должности, я дамъ, при посредничествѣ нашей доброй мамаши Ваграмъ, инструкціи относительно нашихъ.

Они разстались, и, нѣсколько минутъ спустя, Патернэ сталъ ходить взадъ и впередъ предъ почтовой станціей, ожидая прибытія дилижанса.

Когда онъ прибылъ, Патернэ не могъ не узнать фальшиваго Лебеля въ единственной вышедшей изъ купэ личности. Вмѣстѣ съ нимъ изъ дилижанса вышли два усача въ новенькой формѣ тюремныхъ сторожей и, расправляя утомленныя отъ долгой ѣзды ноги, подошли къ новому начальнику.

— Это что такое?—спросилъ Патернэ, уже обмѣнявшійся вполголоса нѣсколькими словами съ Мальбекомъ.

— Наши два товарища; они пріѣхали, чтобы облегчить «операцію».

— А, хорошо, понимаю... Пусть они отправляются въ тюрьму, пока я поведу васъ къ префекту.

Представленіе префекту совершилось по всѣмъ правиламъ. Лебель подалъ ему бумагу, письмо министра, въ которомъ онъ уполномачивалъ его слѣдить за узниками, отвѣчая за ихъ цѣлость. Новый смотритель былъ утвержденъ въ своей должности и отправился въ тюрьму.

Положеніе Луи-Наполеона и другихъ узниковъ 30-го октября было слѣдующее. Принцъ занималъ маленькую комнату, но комфортабельнѣе, чѣмъ остальные. Онъ устроился удобнѣе другихъ, благодаря тому, что добился разрѣшенія имѣть при себѣ своего слугу, Шарля Телэна. Въ первые часы своего заключенія Луи-Наполеонъ упалъ духомъ. Онъ пришелъ въ отчаяніе отъ непоправимой неудачи и горевалъ, что увлекъ съ собою храбрыхъ и честныхъ товарищей, раздѣлявшихъ съ нимъ его пустую мечту; ихъ будущность съ этихъ поръ была разбита, если бы даже они спасли свою жизнь.

Вскорѣ, однако, онъ поборолъ себя и сталъ проводить дни за составленіемъ мемуаровъ, въ которыхъ надѣялся оправдать предъ потомствомъ происшествіе 30-го октября, какъ попытку принести пользу своей странѣ.

Главной же заботой было обезпечить судьбу людей, скомпрометировавшихъ себя для него и оставившихъ свои семьи, быть можетъ, безъ всякой поддержки.

Съ этой цѣлью онъ написалъ своей матери письмо, прося ее не оставлять ни сыновей Водрэя, ни родныхъ тѣхъ лицъ, которые погубили себя ради него.

Педпринявъ эти предосторожности, онъ успокоился и сталъ безъ страха смотрѣть на будущее, убаюкиваемый своимъ природнымъ фатализмомъ, заставлявшимъ его безропотно отдаваться судьбѣ.

Его историкъ, Ипполитъ Кастиль, говоритъ: «Мать шепнула ему на ухо слова колдуній изъ «Макбета»: «Ты будешь королемъ!» и съ тѣхъ поръ онъ не признавалъ другого положенія,—развѣ только смерть».

И даже здѣсь, въ этой тюрьмѣ, откуда онъ могъ выйти лишь для смертной казни, онъ все-таки не сомнѣвался. Луи-Наполеонъ былъ увѣренъ, что въ одинъ прекрасный день сдѣлается главою французскаго народа.

Водрэй послѣ нѣсколькихъ часовъ унынія, какъ неизбѣжнаго послѣдствія усиленнаго нервнаго напряженія, вдругъ встряхнулся. Въ немъ вспыхнули гнѣвъ и злоба противъ личностей, помѣшавшихъ успѣху дѣла, особенно противъ Талландье, который его оскорбилъ.

Затѣмъ, растянувшись на кушеткѣ, онъ рылся въ своей памяти, вспоминая о единственномъ часѣ любви, который ему до-

ставила страстно любимая имъ женщина, отдавшаяся ему лишь изъ преданности другому.

Онъ мечталъ объ одномъ: снова видѣть ее и добиться отъ нея еще одного часа того мимолетнаго высшаго наслажденія, которое она доставила ему, даже оставаясь холодной, безчувственной, почти мертвой.

Что касается до влюбленной и преданной принцу Элеоноры, то ей казалось, что во всю жизнь она не была такъ счастлива, какъ теперь.

Ея казематъ находился рядомъ съ комнатой принца, и этого было достаточно для ея счастья. Она вставала съ зарею и занималась туалетомъ съ помощью своей вѣрной горничной, прислуживавшей во всякое время дня, съ милостиваго разрѣшенія префекта. Послѣ тщательной заботы о своей наружности и уборки комнаты, превратившейся въ изящный надушенный уголокъ, она принималась за чтеніе книги, стараясь, чтобы чужія мысли поглотили ея собственныя. Но всѣ усилія оказывались напрасными: ея мысль безпрестанно проникала сквозь стѣну и уносилась къ другу, находившемуся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

Тогда она открывала партитуру и цѣлыми часами пѣла безъ всякаго акомпанемента, руководимая лишь желаніемъ понравиться своимъ товарищамъ по заключенію и развлечь ихъ, особенно одного изъ нихъ. Пѣніемъ этой сирены заслушивались не только узники, но и тюремщики, и очарованные забывали о долго тянувшемся времени.

Такъ прошло восемь дней, и въ послѣдній вечеръ заключенные узнали, что изъ Парижа пріѣхалъ новый смотритель тюрьмы. Послѣ его посѣщенія у нихъ явилась надежда, что какое нибудь событіе освободитъ ихъ изъ заключенія.

Дѣйствительно 9-го вечеромъ случилось событіе, но не такое, какъ они ожидали.

Вечеромъ, около половины седьмого часа, въ тюрьму явился Персиньи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, котораго впустили два сторожа, пріѣхавшіе изъ Парижа. На пустынной улицѣ, тянувшейся вдоль задней стѣны тюрьмы, ожидали три кареты. Персиньи приказалъ отворить казематъ принца—тамъ было пусто. Онъ бросился въ комнату Элеоноры—тамъ тоже было пусто. Въ другихъ казематахъ находились заключенные, но они отказались въ отсутствіи своего главы и Элеоноры слѣдовать за Персиньи. Пока онъ уговаривалъ ихъ бѣжать, появился одинъ изъ фальшивыхъ тюремщиковъ и громко кричалъ:

— Спасайтесь!—пріѣхалъ смотритель Лебель.—Намъ надо всѣмъ бѣжать!..

Ничего не оставалось болѣе, какъ сдаться, и Персиньи съ бѣшенствомъ въ сердцѣ бросился къ выходу, сопровождаемый своими помощниками.

За полчаса до этой неудавшейся попытки, префектъ Шоппэнъ д'Арнувиль шагалъ по своему кабинету, оканчивая диктовать Корнильону третій докладъ о мятежѣ 30-го октября, когда на дворѣ префектуры раздался стукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и колесъ экипажей.

Префектъ прервалъ свою диктовку и, подойдя къ окну, раздвинулъ занавѣсы.

— Три дорожныхъ кареты... съ громадными фонарями... съ гербами!...—воскликнулъ онъ.—Что это означаетъ?

Въ это время вошелъ испуганный сторожъ и доложилъ:

— Начальникъ Сенскихъ жандармовъ прибылъ изъ Парижа съ приказомъ министра.

— Проведите его сюда.

— Внизу ожидаютъ три кареты, полные жандармовъ,—произнесъ таинственнымъ голосомъ сторожъ, захлебываясь отъ восторга.

— Проведите его сюда, проведите,—повторилъ префектъ, волнуясь отъ любопытства.

Чрезъ нѣсколько секундъ появился начальникъ жандармовъ въ полной парадной формѣ; онъ по-военному привѣтствовалъ префекта и протянулъ ему запечатанный конвертъ.

— Отъ перваго министра,—сказалъ онъ.

По знаку своего начальника, Корнильонъ исчезъ.

Шоппэнъ д'Арнувиль лихорадочно вскрылъ конвертъ.

— Дѣйствительно ли вы—поручикъ Конья?—спросилъ онъ, прочитавъ бумагу.

— Да,—отвѣтилъ офицеръ.

— Я васъ слушаю.

Жандармъ отрывистымъ голосомъ, по-военному отрапортовалъ:

— Первый министръ приказываетъ вамъ именемъ короля немедленно освободить принца Луи-Наполеона изъ тюрьмы и сдать его мнѣ на руки, для препровожденія его въ Парижъ.

— Безъ сомнѣнія, для того, чтобы судить его въ палатѣ пэровъ?—спросилъ префектъ.—А его сообщниковъ?

— Сообщники появятся предъ судомъ Нижняго Рейна. Что касается принца, то, кажется,—г. префектъ, это лишь вамъ говорю,—онъ только доѣдетъ до Парижа, а затѣмъ отправится въ одинъ изъ морскихъ портовъ для отъѣзда въ Америку.

Префектъ подскочилъ. Онъ принадлежалъ къ роду знаменитыхъ адвокатовъ, которые иногда умѣли въ прежнихъ парламентахъ сопротивляться королевской власти; уважая законъ, онъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Увезти принца! Но вѣдь это серіозное дѣло! Похитить подсудимаго отъ правосудія, когда оно его поймало, когда уже начато слѣдствіе, и есть другіе обвиняемые!... Въ первомъ параграфѣ свода гражданскихъ законовъ говорится, что «всѣ французы равны предъ закономъ».

— Вы прикрыты авторитетомъ министра.

— Однако...

Префектъ былъ дѣйствительно возмущенъ при мысли, что его хотятъ сдѣлать сообщникомъ такого беззаконія.

Увидя это, Конья объявилъ рѣшительнымъ тономъ, не допускающимъ возраженія:

— У меня есть приказъ отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ принять у васъ принца изъ-подъ стражи. Въ то же время командующій 5-й военной дивизіей подпишетъ таковой отъ имени военнаго министра. Это дѣло высшей полиціи государства, которое не касается до вашей юриспруденціи. У меня есть такое же распоряженіе къ генералу Вуаролю. Прикажите проводить меня къ нему.

Настаивать было невозможно, и префектъ позвонилъ. Появился сторожъ.

— Здѣсь ли еще главный комиссаръ?—спросилъ префектъ.

— Да.

— Попросите его отъ моего имени препроводить поручика въ военную дивизію... Да пошлите ко мнѣ Патернэ.

Поручикъ Конья, отдавъ по-военному честь префекту, послѣдовалъ за сторожемъ.

Вошелъ Патернэ. Префектъ въ это время писалъ за своимъ письменнымъ столомъ форменную бумагу къ начальнику Новой тюрьмы.

— Вотъ приказъ о вызовѣ г-жи Гордонъ. Ступайте за нею и приведите ее сюда: я хочу снова сдѣлать ей допросъ.

Патернэ взялъ приказъ, поклонился префекту и вышелъ.

Выходя онъ слышалъ, какъ префектъ нервно позвалъ Корнильона.

— Ну, окончимъ докладъ.

Теперь префектъ измѣнилъ его и написалъ въ примирительномъ духѣ.

Окончивъ его, онъ весело потеръ руки и пошелъ въ сосѣднюю комнату принимать г-жу Гордонъ.

Призывая къ себѣ Элеонору, префектъ стремился къ одной цѣли: удалить ее изъ тюрьмы, пока будутъ увозить принца. Онъ опасался, что съ ея стороны послѣдуетъ какая нибудь отчаянная выходка, которая еще болѣе осложнитъ дѣло.

Когда онъ очутился предъ нею, то, будто съ цѣлью выяснить нѣкоторыя подробности мятежа, приступилъ къ допросу; но Элеонора была осторожна и видя, что онъ сбивается, задавала себѣ вопросъ, какая истинная цѣль этого новаго свиданія.

Префектъ по временамъ посматривалъ на часы. Вдругъ онъ всталъ и прервалъ разговоръ. Снова раздался стукъ экипажей, остановившихся предъ префектурой, гдѣ Конья оставилъ нѣсколькихъ жандармовъ, которыхъ по дорогѣ долженъ былъ захватить.

— Сударыня,—сказалъ префектъ, чтобы выиграть время,— на мнѣ лежитъ тяжелый долгъ препроводить васъ снова въ тюрьму. Но меня удивляетъ, какъ это вы, такая хитрая, дали себя арестовать...

— Я этого хотѣла, чтобы позаботиться о принцѣ.

— Тогда я очень опасаюсь, что ваша жертва безполезна.

Онъ взглянулъ на улицу, гдѣ снова раздался стукъ экипажей и топотъ лошадей эскорта.

— Что вы хотите сказать?—спросила она, и, подбѣжавъ къ окну, съ горестью воскликнула:

— Эти кареты!... эскортъ!... Принца увозятъ!... Ахъ, Боже мой! Венсенскій ровъ! Герцогъ Энгіенскій!...

— Успокойтесь, сударыня,—сказалъ улыбаясь префектъ:—политика гражданина-короля,—того бѣднаго короля, надъ которымъ вы когда-то такъ насмѣхались,—менѣе жестока, чѣмъ перваго консула. Вотъ вамъ первое отмщеніе короля: милосердіе...

— Принцъ...—задыхаясь произнесла молодая женщина.

— Просто посылается въ изгнаніе,—отвѣтилъ префектъ.

— Освобожденъ!... онъ будетъ освобожденъ!...

— Какъ и вы сами въ скоромъ времени... Когда главный виновный ускользаетъ отъ правосудія, никакой судъ, а нашъ эльзаскій тѣмъ менѣе, не посмѣетъ произвести приговора надъ сообщниками.

Элеонора въ одно и то же время была рада, что принцъ внѣ опасности, и въ отчаяніи отъ разлуки съ нимъ.

— Уѣхалъ!...—шептала она со слезами на глазахъ.—Я не видѣла его, и онъ не сказалъ мнѣ послѣдняго прости...

Но со свойственными ея натурѣ скачками въ настроеніи она съ тревогой спросила:

— Куда его везутъ?

— Вы задаете нѣсколько нескромный вопросъ, — съ улыбкой отвѣтилъ префектъ.—Это—государственная тайна.

И онъ лукаво прибавилъ, вспомнивъ объ ихъ поединкѣ на словахъ.

— Какой отвѣтъ далъ бы Талейранъ, если бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ?

—Когда первое движеніе доброе, то надо, чтобы и второе слѣдовало такое же,—отвѣтила Элеонора, улыбаясь сквозь слезы.

— Хорошо,—отвѣтилъ префектъ:—его отвезутъ въ Америку.

— Въ Америку?—повторила Элеонора, и унеслась мечтою, куда ее призывалъ новый ангажементъ.

Префектъ подошелъ къ двери и закричалъ:

— Корнильонъ! Патернэ!

Оба появились въ дверяхъ.

— Поручаю вамъ проводить эту даму въ Новую тюрьму,— сказалъ онъ старому полицейскому.

— А вы, г. Корнильонъ, снова будете заниматься въ бюро: я опасаюсь, что, оставаясь въ моемъ кабинетѣ, вы совершите какую нибудь новую нелѣпость... Что касается васъ, г. Патернэ, то я получилъ распоряженіе, чтобы вы возвратились въ Парижъ: министръ внутреннихъ дѣлъ желаетъ, чтобы вы находились при немъ для наблюденія за всѣми бонапартистскими происками; вы получите повышеніе.

Корнильонъ былъ совершенно уничтоженъ.

— Гм!.. проворчалъ ему на ухо Патернэ.

Префектъ проводилъ г-жу Гордонъ до прихожей. Тамъ онъ пожалъ ей дружески руку, но не могъ удержаться, чтобы лукаво не сказать:

— Такъ вы все еще вѣрите, что въ одинъ прекрасный день принцъ будетъ царствовать?..

— Chi losa...—отвѣтила бы мать Наполеона, Летиція, но красавица-пѣвица, теперь одинокая, молча отправилась въ тюрьму; ея сердце было спокойно, но въ то же время полно отчаянія.

ЭПИЛОГЪ.

Въ ночь съ пятницы на субботу (съ 10-го на 11-е ноября), Габріэль Делессеръ съ нетерпѣніемъ шагалъ по ковру кабинета въ стилѣ Людовика XV. Онъ возвратился изъ оперы въ двѣнадцать часовъ ночи и былъ во фракѣ.

Префектъ полиціи лихорадочно ожидалъ какого-то событія, извѣстнаго только ему одному. Каждыя четверть часа онъ съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на часовую стрѣлку, двигавшуюся, какъ ему казалось, слишкомъ медленно. Тяжелое тикъ-такъ маятника великолѣпныхъ стѣнныхъ часовъ оживляло ночную тишину.

Наконецъ, около двухъ часовъ ночи, раздался стукъ колесъ, и во дворъ галопомъ вкатилась карета, вызвавъ эхо въ старомъ дворцѣ св. Людовика.

Чрезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошли трое мужчинъ: одинъ изъ нихъ, довольно небольшого роста, былъ въ статской одеждѣ, двое другихъ, высокаго роста,—въ жандармскихъ мундирахъ.

Делессеръ поспѣшилъ ихъ встрѣтить и очень низко поклонился самому небольшому изъ нихъ.

— Принцъ, я васъ ожидалъ,—произнесъ онъ,—милости просимъ. Какія бы обстоятельства ни привели васъ сюда, прошу васъ не сомнѣваться въ моемъ усердіи, симпатіи и преданности.

Меланхолическая улыбка скользнула по губамъ молодого человѣка, котораго префектъ назвалъ принцемъ. Онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Я безконечно тронутъ вашимъ учтивымъ пріемомъ, г. префектъ; наконецъ я узнаю, для чего меня взяли изъ тюрьмы, разлучили съ товарищами по несчастію и что хотятъ со мною сдѣлать.

Мертвенно-блѣдный цвѣтъ лица, синеватые круги подъ глазами, лихорадочное состояніе принца—все обнаруживало болѣзнен-

ное утомленіе. Делессеръ придвинулъ кресло къ Луи-Наполеону. Затѣмъ, продолжая стоять, чтобы выразить ему почтительное вниманіе, онъ сталъ давать требуемыя разъясненія.

— Ваше высочество, король по своей добротѣ, а также изъ сочувствія къ семейству императора, рѣшилъ не возбуждать противъ васъ никакого преслѣдованія.

— А что будетъ съ моими друзьями?

— Ихъ привлекутъ къ суду.

Луи-Наполеонъ порывисто всталъ.

— Это невозможно!—произнесъ онъ:—король не захочетъ обезчестить меня своимъ снисхожденіемъ, о которомъ я не ходатайствовалъ у него, и милостью, мною отвергаемой.

— Рѣшеніе, касающееся васъ, принято королемъ по настоятельной просьбѣ герцогини Сенъ-Лё.

— Моей матери!.. Она здѣсь?.. въ Парижѣ?..

— Да.

— Такъ это она?...

— Она, лично.

— Могу ли я ее видѣть?

— Нѣтъ, ваше высочество,—отвѣтилъ мягко Делессеръ:—этому противорѣчитъ королевскій приказъ.

Луи-Наполеонъ упалъ въ кресло и, весь въ слезахъ, произнесъ прерывающимся голосомъ:

— Моя мать... моя мать... это вы причинили мнѣ послѣднее горе! Ахъ, сударь, быть можетъ, я виновенъ, желая возмутить мою страну, но, поистинѣ, возмездіе превышаетъ мою вину. Все противъ меня: мое предпріятіе не удалось, мои намѣренія останутся для всѣхъ неизвѣстными, моя судьба, вопреки моему желанію, разлучена съ судьбою людей, которыхъ я компрометировалъ, и въ глазахъ всего свѣта я буду сумасшедшимъ честолюбцемъ и подлецомъ.

Съ принцемъ произошелъ коротенькій припадокъ отчаянія, и Делессеръ не нарушалъ молчанія, чтобы дать ему время успокоиться.

Вскорѣ принцъ пришелъ въ себя и спросилъ:

— Могу ли я написать королю и моей матери?

— Конечно, ваше высочество; садитесь за мой письменный столъ и пишите, что вамъ угодно.

Усаживаясь писать, Луи-Наполеонъ еще разъ спросилъ:

— Что хотятъ со мною сдѣлать?

— Ваше высочество, прежде всего вы окажите честь откушать ужинъ, заказанный для васъ и который ожидаетъ васъ въ моей столовой; затѣмъ, можетъ быть, вы пожелаете, то часъ или два отдохните въ моей спальнѣ; когда же соберетесь съ силами, то опять сядете въ экипажъ съ этими господами; имъ отданъ

приказъ проводить васъ до Лорьяна. Тамъ вы пересядете на фрегатъ, который доставитъ васъ въ Америку, гдѣ вамъ возвратятъ полную свободу.

Принцъ глубоко вздохнулъ и произнесъ:

— Изгнаніе, еще изгнаніе, всегда изгнаніе, а я надѣялся опять найти свою родину!..

Онъ принялся писать, между тѣмъ какъ Делессеръ незамѣтно подозвалъ обоихъ жандармовъ въ глубину комнаты и заставилъ ихъ разсказать подробности о взятіи принца изъ тюрьмы и поѣздкѣ въ Парижъ.

Луи-Наполеонъ написалъ сначала королю:

«Государь.

«Не благодарю васъ за милость, которой я у васъ не просилъ, и противъ которой я протестую, какъ принцъ, именемъ моей чести и, какъ гражданинъ, именемъ священнаго принципа равенства предъ закономъ. Однако не позволительно съ моей стороны не признать, что по вашему желанію моей семьѣ было оказано уваженіе. Почитая историческія права, вы обращались съ Бонапартами, какъ съ императорской семьей, чего никогда не дѣлали ни реставрація, ни священный союзъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы отзывались на чувства французовъ.

«Жизнь для меня ничто, государь, но моя благодарность будетъ велика, если вы сохраните жизнь моихъ друзей. Это все старые воины, остатки нашей старой арміи, увлеченные мною и соблазненные прежними славными воспоминаніями.

«Я прошу у побѣдителя при Вальми спасти жизнь побѣжденныхъ при Ватерло.

«Луи-Наполеонъ».

«Полицейская префектура. 12-го ноября, 3 часа утра».

Затѣмъ принцъ написалъ слѣдующее письмо матери:

«Дорогая мама!

«По вашимъ поступкамъ я узналъ всю вашу нѣжную любовь ко мнѣ. Вы подумали объ опасности, какой я подвергаюсь, но вы не вспомнили о моей чести, обязующей меня раздѣлить участь моихъ товарищей по несчастію. Я испытываю большое горе, видя себя разлученнымъ съ людьми, увлеченными мною къ погибели; мое присутствіе могло бы благопріятно вліять на судей въ пользу подсудимыхъ. Я написалъ королю, прося его оказать имъ милосердіе; это—единственная милость, которая меня тронула бы.

«Я уѣзжаю въ Америку, но, дорогая мама, если вы не хотите увеличить моего горя, умоляю васъ не слѣдовать за мною. Мысль,—

заставить свою мать отправиться со мною въ изгнаніе, будетъ въ глазахъ свѣта неизгладимымъ горемъ. Я хочу самъ создать себѣ существованіе въ Америкѣ, какъ сдѣлалъ Ашиль Мюратъ. Мнѣ надо заняться чѣмъ нибудь новымъ, чтобы мнѣ тамъ понравилось.

«Прошу васъ, дорогая мама, позаботиться, чтобы страсбургскіе узники ни въ чемъ не нуждались. Позаботьтесь о двухъ сыновьяхъ полковника Водрэя: они въ Парижѣ съ своей матерью. Я легко примирился бы съ своей участью, если бы зналъ, что жизнь моихъ товарищей по несчастію спасена; имѣть же на совѣсти смерть храбрыхъ воиновъ будетъ для меня неизгладимымъ горемъ.

«Прощайте, дорогая мама! Благодарю васъ за всѣ данныя мнѣ доказательства нѣжной любви. Возвращайтесь въ Арененбергъ, но не пѣзжайте за мною въ Америку, иначе я буду очень несчастливъ. Прощайте; нѣжно васъ обнимаю и всегда буду любить васъ всѣмъ сердцемъ.

«Любящій и почитающій васъ сынъ

«Наполеонъ-Луи Б.»

Теперь принцъ совершенно овладѣлъ своими мыслями и нервами. Никакое событіе, никакая катастрофа не могли надолго захватить этотъ темпераментъ, хотя съ виду онъ былъ слабый и вялый. Его воображеніе и потребность дѣятельности доходили до крайности, совершенно, какъ у дяди. Еще не прошло часа, какъ онъ узналъ о своемъ изгнаніи, а въ его мозгу уже зародился планъ новой жизни. Онъ уже мечталъ сдѣлаться плантаторомъ, земледѣльцемъ и скотоводомъ, какъ его двоюродный братъ Ашиль Мюратъ.

— Я кончилъ,—сказалъ онъ Делессеру.

Префектъ подошелъ къ нему.

Какая-то мысль мелькнула въ умѣ принца.

— Разумѣется, мое... какъ бы сказать... мое освобожденіе мнѣ предложено безъ всякихъ условій, не правда ли?

— Безъ всякихъ условій, принцъ.

— Съ меня не потребуютъ никакихъ обязательствъ?

— Никакихъ, и даже...

Префектъ немного колебался.

— И даже?—спросилъ принцъ.

— И даже король приказалъ мнѣ спросить, въ состояніи ли ваше высочество удовлетворить свои первыя необходимости по пріѣздѣ въ Америку, въ противномъ случаѣ онъ приказалъ предоставить въ ваше распоряженіе...

— Безполезно, сударь,—оборвалъ его нѣсколько сухо принцъ:— поблагодарите короля, у меня есть все необходимое.

Съ минуту онъ раздумывалъ, потомъ порывисто распечаталъ адрессованное матери письмо и прибавилъ:

«Очень возможно, что послѣ моего отъѣзда распространятся обо мнѣ клеветы. Зная, какія изъ нихъ могутъ быть придуманы, я заранѣе отвѣчаю:

«Ложь, что у меня требовали клятвы не возвращаться болѣе въ Европу; ложь, что я взялъ деньги».

Затѣмъ, съ минуту подумавъ и съ нѣкоторой улыбкой вспомнивъ прошедшее, прибавилъ послѣднія слова:

«Ложь, что я былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ г-жею Гордонъ».

Онъ положилъ въ конверты оба письма, запечаталъ ихъ перстнемъ Жозефины, который онъ всегда носилъ на пальцѣ, и отдалъ Делессеру, который обязался вручить ихъ по назначенію.

Затѣмъ, принцъ пригласилъ обоихъ тѣлохранителей, уже сдѣлавшихся его друзьями, раздѣлить съ нимъ ужинъ, и всѣ отправились въ столовую.

Ужинъ скоро окончился и прошелъ въ молчаніи. Луи-Наполеонъ объявилъ, что онъ не хочетъ спать и торопится отправиться въ путь.

Въ ночь съ 14-го на 15-е онъ пріѣхалъ въ Лорьянъ. Тамъ его заключили въ цитадель и тотчасъ подняли подъемный мостъ, прервавъ всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. 19-го октября его перевезли въ цитадель Сенъ-Луи, а 21-го въ парижскихъ газетахъ было помѣщено извѣстіе изъ порта Луи:

«Сегодня въ часъ дня пароходъ «Тартаръ» съ капитаномъ Левёкомъ взялъ на буксиръ фрегатъ «Андромеда» и ввелъ его на Ларморскій рейдъ. Пароходъ морского префекта взялъ на свой бортъ принца Луи-Наполеона изъ цитадели и доставилъ его на фрегатъ.

«Фрегатъ «Андромеда» съ капитаномъ Вилльневомъ оставался въ морѣ пять мѣсяцевъ. Ему былъ данъ приказъ плыть, какъ можно долѣе, и хотя была остановка у острова Мадеры и Ріо-Жанейро, но принцу не было разрѣшено выходить на берегъ. Наконецъ, фрегатъ достигъ Нью-Іорка».

Нѣсколько дней спустя по прибытіи, Луи-Наполеонъ, прогуливаясь по улицамъ города вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, Пьеромъ Бонапартомъ, увидѣлъ въ окнѣ одного мѣнялы слѣдующую надпись:

«Здѣсь принимаются наполеондоры за soverens» (игра словъ: англійская монета, синонимъ государей).

— Смотри-ка, Пьеръ,—сказалъ принцъ,—вотъ это было бы мнѣ кстати.

6-го января 1837 года послѣ двухмѣсячнаго слѣдствія, результаты котораго большею частью скрывались, началось судебное разбирательство дѣла 30-го октября.

Отсутствіе Луи-Наполеона дѣлало этотъ процессъ призрачнымъ.

Предъ судомъ появились только: Элеонора Гордонъ, Водрэй, Паркэнъ, Арманъ Лэти, Рафаэль Грикуръ, Анри Керель и Фредерикъ Беркъ. Остальные всѣ скрылись изъ тюрьмы.

Персиньи еще разъ удалось ускользнуть отъ правительства Луи-Филиппа, послѣ неудавшейся попытки освободить своихъ друзей. Съ нимъ вмѣстѣ скрылся Мальбекъ и оба псевдо-тюремщика, пріѣхавшіе изъ Парижа.

Громадная толпа не переставала выражать свои симпатіи подсудимымъ и устраивать въ ихъ пользу манифестаціи. Эта симпатія, имѣвшая источникомъ общность политическихъ мнѣній народа и подсудимыхъ, все возрастала, благодаря ихъ смѣлому поведенію, яснымъ показаніямъ и достоинству, съ какимъ они отвѣчали на вопросы.

Особенно обратила на себя вниманіе г-жа Гордонъ своимъ изяществомъ, красотою и блѣдностью. Появленіе этой героини во вкусѣ Вальтеръ-Скотта вызвало энтузіазмъ. Судебное засѣданіе начиналось въ семь часовъ утра, а съ пяти часовъ, несмотря на стужу и темную ночь, уже виднѣлись со всѣхъ сторонъ направлявшіеся къ зданію суда маленькіе фонарики. Закутанные въ просторные плащи мужчины и женщины терпѣливо ожидали у подъѣзда цѣлыхъ два часа открытія дверей. Когда отворялись двери, то подымалась такая небывалая давка, что съ каждымъ днемъ приходилось увеличивать количество вооруженной силы. Всѣхъ подсудимыхъ встрѣчали восторженными возгласами.

Процессъ длился двѣнадцать дней, и прекрасныя рѣчи были произнесены: Фердинандомъ Барро, Паркэномъ, защищавшимъ брата, Мартэномъ (изъ Страсбурга), будущимъ народнымъ представителемъ, Тьеррэ, профессоромъ права, защищавшимъ г-жу Гордонъ.

Всѣ подсудимые были оправданы. Еще разъ принципъ равенства предъ закономъ одержалъ верхъ: главнаго обвиняемаго скрыли отъ правосудія, возможно ли было вынести обвинительный приговоръ его сообщникамъ? Впрочемъ, судя по тому, въ какомъ положеніи находилось общественное мнѣніе, даже въ присутствіи принца результаты оказались бы одинаковы.

. . . .

Элеонора стушевалась во мракѣ неизвѣстности. Нельзя предполагать, что она отправилась къ принцу въ Америку.

Съ 1837 года до самой ея смерти о ней ничего не слыхали; вѣроятно, она попала въ какую нибудь трущобу, и ни въ какой странѣ, ни въ какомъ театрѣ она не оставила своихъ слѣдовъ. Извѣстно только, что однажды вечеромъ ей нанесли ударъ кинжаломъ на одной изъ улицъ Лондона, но это обстоятельство такъ и осталось не проницаемой тайной.

Она умерла въ Парижѣ 13-го марта 1849 года, одинокая, почти нищая, а Луи-Наполеонъ въ это время былъ президентомъ республики.

Какимъ образомъ онъ допустилъ эту очаровательную, отдавшую ему свою жизнь женщину дойти до такого печальнаго, безпомощнаго состоянія,—остается загадкой.

Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день мы попытаемся выяснить эту тайну.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1905 г. [1]).

А.

А. В. *Рецензіи его:* 1) «Старина и Новизна. Книга VIII. Москва, 1904»,XCIX, февр., 717—718.—2) «Старина и Новизна». Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память имп. Александра III. Книга 9. Спб. 1905», С, май, 681 — 683. — 3) «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета (1804—1904), въ 2-хъ частяхъ. Подъ ред. проф. Н. П. Загоскина. Казань, 1904 г.», CI, іюль, 246.

А. В. С. *Рецензія его:* «А. Е. Александровъ. Указатель книгъ, журналовъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань, 1904», XCIX, февраль, 700—701.

А. Ев—ховъ. *Рецензіи его:* 1) «Литературный сборникъ къ столѣтію Императорскаго Казанскаго университета. Былое изъ университетской жизни. Казань, 1904 г.», XCIX, февр., 690—692.—2) «А. Амфитеатровъ. Литературный альбомъ», С, май, 669—672.

А. И—нъ. *Рецензія его:* «Введеніе въ педагогику. Исторія педагогическихъ теорій. Общая педагогика. Доктора Юліуса Бауманна, проф. философіи въ Геттингенскомъ унив. Со второго нѣмецкаго изданія переводъ Г. Зоргенфрей» (Спб., 1905 г.), CI, іюль, 268.

А. Х. *Рецензія его:* «Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа. № 1—2, апрѣль, 1904 г. Издаются при отчетномъ отдѣленіи штаба Кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ, 1904 г.», С, іюнь, 1031.

А. Х—о. *Рецензія его:* «Дм. Ѳ. Кобеко. Вторая поправка родословія Шереметевыхъ. Спб.. 1904 г.», XCIX, февр., 698—699.

А. Х—въ. *Рецензіи его:* 1) «Eine Sommerfahrt in den hohen Kaukasus. Zwei Vorträge gehalten in der Sektion des D. u Oe. Alpenvereins, von H. Wagner». (1904), XCIX, янв., 330.—2) «Новые матеріалы для жизнеописанія и дѣятельности С. Д. Бурнашева, собралъ и издалъ С. Н. Бурнашевъ, подъ ред. проф. Цагарели» (Спб., 1905 г.), CI, іюль, 245.—3) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа.

---

[1]) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ,— арабскія—страницу.

В.

Д.

Л.

О.

С.

Т.

У.

Ф.

УКАЗАТЕЛЬ
РИСУНКОВЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"
1905 г.

I. Портреты:

Анатолій, о. архимандритъ, настоятель русской церкви въ Аѳинахъ. CI, сентябрь, 925.

Кадмина, Евлалія Павловна, артистка. CII, декабрь, 901.

Карѣевъ, Николай Иван., профессоръ. XCIX, январь, 213.

Китарры, Модестъ Яковлевичъ. CI, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.

Костомаровъ, Николай Ивановичъ, историкъ. C, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.

Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, писатель. XCIX, февраль, 589 и 601.

Петръ Великій. Съ портрета, принадлежащаго великому князю Николаю Николаевичу. C, іюнь, 387.

Плещеевъ, Алексѣй Николаевичъ. CII, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.

Пущинъ, Иванъ Ивановичъ. CI, августъ. На отдѣльномъ листѣ.

Пыпинъ, Александръ Николаевичъ и *Соловьевъ,* Владиміръ Сергѣевичъ. XCIX, январь. На отдѣльномъ листѣ.

Радзивиллъ, Екатерина Ад., княгиня. C, май. На отдѣльномъ листѣ.

Семеновъ, Николай Петровичъ, сенаторъ, писатель. XCIX, январь, 201.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ и *Пыпинъ,* Александръ Николаевичъ. XCIX, январь. На отдѣльномъ листѣ.

Станюковичъ, Константинъ Мих., писатель. XCIX, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.

Терпигоревъ (Атава), С. Н. съ *Соколовымъ,* П. П. CII, октябрь, 85.

Толстой, Петръ Андреевичъ, графъ. C, іюнь, 849.

Трубецкой, Сергѣй Николаевичъ, князь. CII, ноябрь, 601.

Успенскій, Николай Васильевичъ. CII, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.

Шафировъ, Павелъ Петровичъ, баронъ. C, іюнь, 847.

Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ, CI, іюль. На отдѣльномъ листѣ.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ:

III. Разные рисунки:

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРѢ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

I. Богословіе.

Благовидовъ, Ѳ. В., проф. Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ. Казань. 1905. Ц. 50 к.

Лабутинъ, Іоаннъ, свящ. Вѣнокъ. Слова и рѣчи. Томъ I, часть 2-я. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Поповъ, М. С. Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Снегиревъ, А. А. Воспитательное значеніе церкви. Харьковъ. 1905. Ц. 30 к.

II. Философія, психологія, логика.

«Магнетизмъ личности». Выработка силы воли и самообладанія. Возможность неограниченнаго вліянія. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Недешева, В. Любовь и бракъ. Публичная лекція. Винница. 1905. Ц. 30 к.

Челпановъ Г., проф. Введеніе въ философію. Кіевъ. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

Вериго, Б. Ф. Основы физіологіи человѣка и высшихъ животныхъ. Томъ I. Физіологія растительныхъ процессовъ. Съ 853 черт. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 6 р.

Отоцкій, П. Грунтовыя воды, ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе. II. Грунтовыя воды и лѣса, преимущественно на равнинахъ среднихъ широтъ. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Поповъ, Вл. А. Природа въ комнатѣ. Краткое руководство къ устройству акваріума и терраріума, выборъ животныхъ и растеній и уходъ за ними. М. 1906. Ц. 10 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Бѣлянкинъ, И. Методъ двойственности на плоскости. Кіевъ. 1905. Ц. 40 к.

Покровскій, К. Д. Звѣздный атласъ для всеобщаго ознакомленія съ небомъ и систематическихъ наблюденій. 13 картъ, 2 табл. и 15 сѣтокъ. Спб. 1905. Ц. въ папкѣ 3 р. 50 к.

V. Словесность.

Амфитеатровъ, А. В. Курганы. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Аничковъ, Е. В. Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Часть II. Отъ пѣсни къ поэзіи. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Апрѣлевъ, М. Н. Желѣзнодорожное чтеніе. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Варнеке, Б. В. Наблюденія надъ древнеримской комедіей. Къ исторіи типовъ. Казань. 1905. Ц. 2 р.

— Политическая роль античнаго театра. Воронежъ. 1905. Ц. 40 к.

Гумилевъ, Н. Путь конквистадоровъ. Стихи. Спб. 1905. Ц. 80 к.

***Гюго, Викторъ.** Послѣдній день осужденнаго. Изд. 2-е. (Дешевая библіотека Суворина, № 223). Спб. 1905. Ц. 12 к.

Дорошевичъ, В. М. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Юмористическіе разсказы. М. 1906. Ц. 1 р.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Томъ III, изд. 6-е. Повѣсти и разсказы. Спб. 1905. Цѣна по подпискѣ на 14 том.—25 р.

Золя, Эмиль. Правда. Романъ въ 4 част. М. 1904. Ц. 1 р.

Зудерманъ, Германъ. Каменотесы. Представленіе въ 4 д. Переводъ Л. Гольдштейна и Е. Егорова. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Коринфскій, Аполлонъ. Въ лучахъ мечты. Новыя стихотворенія. Спб. 1906. Ц. 2 р.

— Пѣсни Баумбаха. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Мирбо, Октавъ. Жанъ Руль. Драма въ 5 д. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 8 к.

***Мольеръ.** Донъ-Жуанъ. Комедія въ 5 актахъ, въ перев. В. С. Лихачева. Изд. 2-е. (Дешевая библіот. Суворина, № 224). Спб. 1905. Ц. 15 к.

На славномъ посту (1860—1900). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Изд. 2-е. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Охотскій, Сергѣй. Гимназистка. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Потебня, А. А. Изъ записокъ по теоріи словесности. Харьковъ. 1905. Ц. 5 р.

Салонъ. Художественный сборникъ избранныхъ произведеній для литературныхъ вечеровъ, иллюстрированный галлереей портретовъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Симони, П. К. Хронологическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій Леон. Ник. Майкова (1839—1900). Спб. 1905. Ц. 60 к.

Сиповскій, В. В. Пушкинъ и Рылѣевъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Слушайте, послушайте, государевы люди, про богатыря-пахаря Микулу Селяниновича и Илью Муромца. М. 1905. Ц. 60 к.

Толстой, Л. Л., гр. Драматическія сочиненія. Томъ I. Ночи безумныя.—Солдатка.—Дѣло прошлое.—Безъ корня.—Два года.—Одинъ.—Медовый мѣсяцъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

***Фонвизинъ, Д. И.** Двѣ комедіи. I. «Бригадиръ», комедія въ 5 д. II. «Недоросль», комедія въ 5 д. Изд. 12-е. (Дешевая библіотека Суворина, № 2). Спб. 1905. Ц. 15 к.

Чеховъ, Мих. П. Сироты. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 20 к.

***Шиллеръ.** Избранныя стихотворенія. Рисунки перомъ Ф. Штаффена. Спб. 1905. Ц. 75 к. въ пер.

Юмористическіе брилліанты. Сборникъ избранныхъ юмористическихъ миніатюръ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

VI. Исторія.

Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Т. II. Перев. съ нѣм. М. Гершензона. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. за 2 т. 3 р.

Бородкинъ, М. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Великіе люди всѣхъ временъ и народовъ. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Веревкинъ, Н. Странички изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Н. Мнимыя каменныя бабы. Съ 11 рис. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Двадцатипятилѣтіе историко-филологическаго общества при Импер. Харьковскомъ университетѣ (1877—1902). Харьковъ. 1905. Ц. 75 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв. М. 1905. Ц. 20 к.

Дьяконова, Елизавета. Дневникъ. 1886—1895. Литературные этюды—статьи. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Карѣевъ, Н. Историческое міровоззрѣніе Т. Н. Грановскаго. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Каутскій, К. Воспоминанія (автобіографія). Одесса. 1905. Ц. 5 к.

Лафаргъ, П. Мои воспоминанія о Карлѣ Марксѣ. Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. 10 к.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 3-й. 1905 г. М. 1905. Ц. 1 р.

Марксъ, Карлъ. Гражданская война во Франціи. (1870—1871). Изд. 2-е. Одесса. 1905. Ц. 15 к.

Майковъ, П. М. Финляндія, ея прошедшее и настоящее. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Морозовъ, Ю. И. Замѣтки и матеріалы по археологіи. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Популярная исторія Россіи. Часть I. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Снальковскій, К. Воспоминанія молодости. (По морю житейскому). 1843—1869. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ, Ѳ. А. Иллюстрированная русская исторія. Первоначальный курсъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Трусевичъ, Як. Сводъ съ азбукъ и образ-

цовъ кириллицы. Изъ снимковъ рукописей X—XVIII вѣковъ русско—и юго-славянскихъ. Вып. II. XV—XVIII в. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Холмогоровъ, А., свящ. Въ осадѣ. Воспоминанія портъ-артурца. Спб. 1905. Ц. 35 к.

Штиглицъ, А. Италія и Тройственный союзъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

VII. Географія.

Коропчевскій, Д. А. Времена года. Географическія картинки. Со мног. рис. въ текстѣ. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 45 к.

Народы Россіи. 24 художественно исполненныя стѣнныя таблицы въ краскахъ. Съ кратк. объяснит. очеркомъ. Подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1905. Ц. 6 р.

Орловъ, М. А. Въ пустынѣ (Сахара). Очерки природы и жизни въ великой пустынѣ. Съ 24 рис. Изд. 2-е, испр. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Старицкій, А. К., инж. Навигаціонная карта рѣки Шилки отъ Срѣтенска до Покровки, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ 1904 году партіями управленія водныхъ путей Амурскаго бассейна. Спб. 1905. Ц. 9 р. 55 к.

— Пояснительная записка къ навигаціонной картѣ рѣки Шилки. Спб. 1905. Ц. 70 к.

Чернышевъ, В. И. Нѣсколько свѣдѣній о бытѣ и говорѣ „шуваликовъ" Верейскаго уѣзда. Спб. 1905. Ц. 30 к.

VIII. Сельское хозяйство.

Базарянииновъ, А. Бесѣды по овцеводству. Ревель. 1905. Ц. 20 к.

Мещерскій, И. Народная школа и сельское хозяйство. Сборникъ статей 1887—1904 гг. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

— Азбука сельскаго хозяйства. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Сборникъ статей по вопросамъ женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, подъ редакц. В. И. Срезневскаго. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Уварова, М. Л. Спутникъ молодой хозяйки. Практическое руководство къ раціональному веденію домашняго хозяйства. Съ 75 рис. въ текстѣ. Полная поваренная книга. Спб. 1905. Ц. 75 к.

IX. Технологія.

Бобровскій, С. П. Статика сооруженій. Начальное руководство по балочнымъ фермамъ, подпорнымъ стѣнкамъ и сводамъ. Дополнительныя статьи къ курсу статики Николаевскаго Инженернаго училища. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Браусъ, Эд., инж. Руководство къ расчету топокъ, паровыхъ котловъ-подогрѣвателей, перегрѣвателей, водонагрѣвателей, калориферовъ, резервуаровъ и т. п. Перев. съ нѣм. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Померанцевъ, Б. Н. Металлургія мѣди. Электролитическое раффинированіе мѣди и извлеченіе мѣди изъ рудъ при помощи электролиза. Руководство для горныхъ инженеровъ, студентовъ и техниковъ по горной части. Спб. 1905. Ц. 2 р. 80 к.

Постниковъ, А. П. Элементарный курсъ электротехники. Изд. 2-е, испр. Съ 100 черт. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Рубинъ, П. Г. Топливо и его сожиганіе въ Рейнско-Вестфальской промышленности на основаніи обзора промышленной выставки въ Дюссельдорфѣ въ 1902 году. Екатеринославъ. 1905. Ц. 2 р.

Щаповъ, С. Н. Масштабы для быстраго и точнаго расчета всевозможныхъ балокъ (желѣзныхъ, деревянныхъ, волнистаго желѣза и др.) при различныхъ пролетахъ, нагрузкахъ, способахъ закрѣпленія концовъ и прочныхъ сопротивленіяхъ, и справочная книжка съ необходимыми свѣдѣніями для расчета балокъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

X. Правовѣдѣніе.

Бебель, А. Будущее общество. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 10 к.

— Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. Изд. 3-е. Одесса. 1905. Ц. 8 к.

Боркгаймъ, С. Чартистское движеніе въ Англіи. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 20 к.

Боргтъ (Ванъ-деръ), Р., проф. Торговля и торговая политика. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Бородаевскій, С. В. Кредитъ. Спб. 1904. Ц. 2 р.

— Коопераціи. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Бородкинъ, М. Финляндскій вопросъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Браке, В. Долой соціалъ-демократовъ! Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. 6 к.

Браунъ-Гижицкая, Лили. Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ соціальномъ строѣ. Изд. 3-е. Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. 10 к.

Верховскій, К. К. Служба прокурорскаго надзора. Прокуроръ и товарищъ прокурора окружнаго суда. Часть I. Опытъ практики. Тифлисъ. 1906. Ц. 2 р.

Вороновъ, А. Г. Объ основаніяхъ избирательныхъ правъ въ городскихъ поселеніяхъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Всеобщіе выборы жеребьевыми выборщиками народныхъ представителей изъ кандидатовъ, избираемыхъ компетентными съѣздами въ отдѣлы Государственной Думы, и Высочайшій манифестъ 17-го октября 1905 г. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Всѣ узаконенія 6-го августа 1905 года объ учрежденіи Государственной Думы. Харьковъ. 1905. Ц. 15 к.

Голубевъ, Вас. Роль земства въ общественномъ движеніи. Ростовъ на-Дону. 1905. Ц. 12 к.

Гэдъ, Ж. Коллективизмъ. Перев. съ франц. М. 1905. Ц. 3 к.

Дерюжинскій, В. Ѳ., проф. Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Избирательное право. (По Георгу Майеру, Дж. С. Миллю, Эсмену, Еллинеку, Коркунову и др. Сост. І. Я.). Спб. 1905. Ц. 10 к.

Изъ исторіи соціалъ-демократіи въ Германіи. Сост. по книгѣ Рэсселя «Германская соціалъ-демократія». М. 1905. Ц. 10 к.

Іерингъ, Р. Юридическая техника. Перев. съ нѣм. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Калужскій, А. Дружескій совѣтъ евреямъ. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Каутскій, К. Общественныя реформы. М. 1905. Ц. 20 к.

Ковалевскій, Максимъ. Дѣйствительная природа Государственной Думы. Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.

Кольбъ. Среди рабочихъ. Очерки жизни американскаго пролетаріата. Перев. съ нѣм. Спб. 1906 Ц. 75 к.

Конституціонное государство. Сборникъ статей З. Авалова, В. В. Водовозова, В. М. Гессена, М. В. Горенберга, А. К. Дживелегова, Н. И. Карѣева, С. Котляревскаго, Н. Е. Кудрина, Н. И. Лазаревскаго, М. Н. Покровскаго, М. А. Рейснера и Л. В. Шалланда. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Крюковскій, В. Записки по законовѣдѣнію. Примѣнительно къ программѣ VII класса гимназіи. Вильна. 1905. Ц. 50 к.

Лангэ, Ж. Соціализмъ въ Японіи. Перев. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 10 к.

Лассаль, Фердинандъ. Гласный отвѣтъ центральному комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго конгреса въ Лейпцигѣ. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 5 к.

— О программѣ работниковъ. Рѣчь объ особенной зависимости между настоящимъ періодомъ исторіи и идеей рабочаго сословія. Одесса. 1905. Ц. 8 к.

— Наука и рабочіе. (Защитительная рѣчь). Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 15 к.

— Сочиненія. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Лафаргъ, П. Историческій идеализмъ и матеріализмъ. Спб. 1905. Ц. 4 к.

Либкнехтъ, В. Рѣчь, произнесенная по случаю годовщины основанія народнаго союза въ Криммитшау 22 октября 1871 года. М. 1905. Ц. 10 к.

Лютостанскій, И. Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей. Всемірная энциклопедія, въ 2-хъ томахъ. Изд. 3-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. кажд. 2 р.

Максименко, Н. Н., проф. Мнимые архаизмы уголовнаго права „русской правды". Спб. 1905. Ц. 40 к.

Марксъ, К., и Энгельсъ, Ф. Капитализмъ и коммунизмъ. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 3 к.

— О коммунизмѣ. Одесса. 1905. Ц. 20 к.

Менгеръ, А. Анархизмъ, индивидуалистическое и коммунистическое государство. Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. 20 к.

Могилевъ, М. С. Почетный миръ. Петрозаводскъ. 1905. Ц. 5 к.

— Задачи войны. Петрозаводскъ. 1905. Ц. 10 к.

— Начало столѣтія. Петрозаводскъ. 1905. Ц. 10 коп.

— Призваніе Россіи. № 1. Великіе народы. Петрозаводскъ. 1905. Ц. 10 к.

Озеровъ, И. Х., проф. Основы финансовой науки. Вып. I. Ученіе объ обыкновенныхъ доходахъ. М. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

— Финансовое право. Вып. II. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Правильное производство выборовъ. (Ф. Ц.). Спб. 1905, Ц. 15 к.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Рефераты и работы. 1902 — 1904 гг. Изданіе студенческаго „Кружка политической экономіи при С.-Петербургскомъ университетѣ". Спб. 1905. Ц. 75 к.

Савеловъ, Л. М. „Донское дворянство". Историко-родословное общество въ Москвѣ. М. 1905. Ц. 50 к.

Солодовниковъ, А. Д. Законовѣдѣніе. Часть I. Изд. 5-е, испр. и доп. М. 1906. Ц. 75 к.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. Формы рабочаго движенія. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Трусевичъ, Х. И. Къ реформамъ въ Россіи. I. Новая схема высшихъ государственныхъ учрежденій. II. Новая форма законодательнаго учрежденія. М. 1905. Ц. 75 к.

Энгельсъ, Фридрихъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Съ прил. очерка проф. В. Зомбарта „Фридрихъ Энгельсъ (1820 — 1895 гг.). Къ исторіи развитія соціализма". Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 70 к.

XI. Медицина.

Глазъ человѣка въ складныхъ картинахъ. Краткое, легко понятное описаніе отдѣльныхъ частей глаза и его отправленій, д-ра Секуріо. М 1905. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 к.

Гуринъ, Ев., д-ръ. Современное лѣченіе чесотки въ нѣсколько часовъ. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

— Происхожденіе и коренное лѣченіе геморроя лѣкарственнымъ, діэтическимъ и физическимъ способомъ, безъ операціи. Изд. 6-е. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

— Коренное лѣченіе угревой сыпи (обыкновенной, бѣлой, черной и „красной), на

основанія новой теоріи ея происхожденія. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

Жукъ, В. Н. Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Изд. 8-е, перераб. и доп. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Ухо человѣка въ складныхъ картинахъ. Краткое, легко понятное описаніе отдѣльныхъ частей уха и его отправленій, д-ра Ф. Вернера. М. 1905. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

XII. Искусство.

Борцы за свободу и знаніе. Вып. III. Портреты: А. Линкольна, А. Бебеля, А. Гарибальди, Г. Спенсера. М. 1905. Ц. по подп. на все изд. (31 портретъ) 10 р. 85 к.

Картины Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ. Съ объяснительн. текстомъ А. И. Сомова. Вып. VI. Спб. 1905. Ц. по подп. 75 р.

Московская Румянцевская галлерея. Вып 13. М. 1905. Ц. по подп. за кажд. вып. 2 р.

Портреты русскихъ писателей, въ геліогравюрахъ, по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Вып. 10. М. 1905. Ц. по подп. за кажд. вып. 2 р.

Русскій музей императора Александра III. Вып. IV. М. 1905. Ц. по подп. за кажд. вып. 2 р.

XIII. Военное и морское дѣло.

Лохвицкій, Н., капит. Бой при Вафангоу 1-го и 2-го іюня 1904 г. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Макаровъ, С. Броненосцы или безбронныя суда? Спб. 1905. Ц. 90 к.

Фоссъ, М. Морская война. (Способы веденія морскихъ войнъ. Описаніе боевыхъ кораблей. Главнѣйшія морскія сраженія). Съ чертежами. Спб. 1906. Ц. 2 р.

XIV. Коммерческія науки.

Пауфлеръ, С. Е. Руководство къ изученію двойной бухгалтеріи. М. 1906. Ц. 1 р.

XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Гербартъ, Іог. Главнѣйшія педагогическія сочиненія въ систематическомъ извлеченіи. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 2 р. 25 к.

Давыденко, В. Основныя начала религіозно-нравственнаго воспитанія съ изложеніемъ способовъ обученія Закону Божію. Изд. 2-е, изм. Харьковъ. 1905. Ц. 75 к.

Засѣданіе педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 2-го апрѣля 1905 г. по вопросу о реформѣ средней школы. Одесса. 1905. Ц. 70 к.

Истоминъ, Д. И. Между дѣтьми. Сборникъ разсказовъ, стихотвореній, басенъ и проч. для дѣтей младшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Калугина-Гено, Е. Разсказы изъ Ветхаго Завѣта, составленные по Библіи для чтенія дома и въ классѣ. Спб. 1906. Ц. въ пер. 90 к.

Кименталь, Викторъ. Какъ слѣдуетъ учиться? Спб. 1905. Ц. 30 к.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. XI. Педагогическое отдѣленіе. Одесса. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Образованіе взрослыхъ. Доклады, читанные въ засѣданіяхъ постоянной комиссіи по техническому образованію при московскомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго техническаго общества. М. 1905. Ц. 50 к.

Рудольфъ, Н. Ѳ. Значеніе начальной школы въ распространеніи доступнаго промышленнаго образованіи. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Руководство къ спряженію неправильныхъ глаголовъ французскаго языка. Кіевъ. 1906. Ц. 35 к.

Савельевъ, Алексѣй. Бесѣды о любви къ Богу и смиреніи. О любви къ Царю и отечеству. О любви къ родителямъ и къ ближнему. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Сениговъ, Іосифъ. Царь—работникъ и учитель. Изд. 3-е. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Сѣтнова, А. П. (Катенкампъ). На Смоленской дорогѣ. Разсказъ изъ войны 1812 года. Изд. 6-е. Съ 11 рис. Спб. 1905. Ц. 25 к.

XVI. Справочный отдѣлъ.

Календарь В. В. Петровскаго на 1906 г. (стѣнной). Изд. В. А. Березовскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Каталогъ книгъ для наградъ и подарковъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» безплатно.

Новыя правила и программы испытаніи на званіе строительнаго техника министерства внутр. дѣлъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Савенковъ, И. Т. Къ вопросу объ эволюціи шахматной игры. Сравнительно-этнографическій очеркъ. (Оттискъ изъ LXIV кн. «Этнографич. Обозрѣнія»). М. 1905. Ц. 1 р.

Спутникъ по Россіи, изд. Н. Киммеля. Зимнее движеніе 1905—1906 гг. Ц. 60 к.

Sperandeo, P. G. Dizionario italiano e russo, arte italiano — russo. Lipsia. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

---

* Изданія А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**" (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**".

Программа „**Историческаго Вѣстника**": русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**" прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13